

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

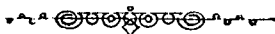
ТОМЪ LXXVIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXVIII

1899

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1899

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ
ОКТЯБРЬ, 1899

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТАВРЬ, 1899 г.

	СТРАВ.
I. Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть четвертая. I—VII. Графа Е. А. Саласа. (Продолженіе)	5
II. Записки графини В. Н. Головиной (1766—1820). XXVI—XXVII. (Продолженіе)	35
III. Деревенскіе дѣлцы. IV. Разорители. В. А. Тимашева-Беринга	58
IV. Воспоминанія стараго моряка. С. А. Гунаропуло	82
V. Эпизоды изъ эпохи мятежа 1863 года. (Изъ записокъ и воспоминаній). И. Н. Захарьина (Якунина)	113
VI. «Игрушечная армія». (Изъ быта южно-русскихъ кантонистовъ). I—II. Д. В. Федорова	148
VII. Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 годахъ. Н. К. Шильдера	173
VIII. Старообрядческій публицистъ. А. С. Шерстобитова	194
IX. По дебрямъ Дагестана. I—IV. А. П. Андреева	207
Иллюстраціи: 1) Укрѣпленіе Хунзахъ.—2) Ауль Иголи.—3) Внутренность кушакской богатаго горца.	
X. Памяти Т. I. Вержбицкаго. А. А. Таикова	231
XI. Визна. (Посвящается профессору д-ру Маріану Соколовскому). Г. А. Воробьева	236
Иллюстрація: Древній костель въ Бизнѣ.	
XII. Городъ Кельцы и его окрестности. (Путевые очерки по Привислянью). Н. Павлова	243
Иллюстраціи: 1) Городъ Кельцы.—2) Православный соборъ въ г. Кельцахъ.—3) Бывшій замокъ епископовъ, нынѣ зданіе губернскаго правленія въ г. Кельцахъ.—4) Портретный залъ въ помѣщеніи губернскаго правленія въ г. Кельцахъ.—5) Мостъ черезъ р. Трупенецъ въ Словикъ.	
XIII. Жертва террора. Е. М. Ш.	257
Иллюстрація: Княгиня Александра Любомирская.	
XIV. Переписка русскихъ аристократокъ съ иностранными знаменитостями. В. Т.	268
XV. Очерки американской дѣйствительности. Е. Правдаина	289
XVI. Критика и библиографія	325

1) Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ. Съ подробнымъ указателемъ русской литературы, относящейся къ этому предмету, съ 1841 года по 1900. А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва, 1900. Z.—2) М. П. Чельновъ. Церковь королевства Сербскаго со времени приобрѣтенія ею автокефальности (1879—1896). (Историко-каноническій очеркъ). Спб. 1899. и. X.—3) Н. Ив. Теодоровичъ. Вольны въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ. Томъ IV. Старокопсанги-

См. слѣд. стр.

новскій уѣздъ. Почаевъ. 1899. Вл. Бодяновскаго. — 4) Магда Нейманъ. Армія. Краткій очеркъ ихъ исторіи и современнаго положенія. Спб. 1899. Е. Еленина. — 5) А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895). Историческій очеркъ. Выпускъ II. Варшава, 1899. К. Х.—6) Иностранные университеты. Вып. II-й. Университеты Германіи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1899. А. М—на. — 7) Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ. Т. XV, вып. 3. Казань, 1899. В. Р—ва. — 8) Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1899. К. Лоссаго.—9) Збірникъ фільологічної секції наукового товариства імени Шевченка. Т. II. Розвідки Михайла Драгоманова. Т. I, У Львові, 1899. А. Л—ню.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 343

1) Историческіе труды въ Бельгіи отъ іюля 1898 г. до іюля 1899 г.— 2) Битва при Лепанто и участіе въ ней венеціанцевъ.—3)Трехсотлѣтній юбилей Ванъ-Дейка.—4) Новая біографія Свинозы.—5) Французенка на итальянскомъ престолѣ.—6) Свадьба Маріи Лещинской и Людовика XV.—7) Изъ записокъ Шуазеля.—8) Истинная жизнь Людовика XV.—9) Воспоминанія французскаго морскаго офицера объ американской войнѣ.—10) Испанская докторша философіи въ XVIII вѣкѣ.—11) Происхожденіе французскихъ социалстовъ.—12) Столѣтіе годовщины смерти Пія VI и рожденія Пуччини.—13) Графиня Ламоть-Валла въ Крыму.—14) Морать въ Испаніи.—15) Англійская книга о войнѣ 1812 года.—16) Загадочная личность.—17) Отголоски юбилея Гете.—18) Къ воспоминаніямъ о Луи-Бланѣ.—19) Иностранные журналы о Тургеневѣ.—20) Кто написалъ Сикстинскую Мадонну.—21) Англичане о Россіи въ Азіи.—22) Литература Гаагской конференціи.

XVIII. Смѣсь 389

1) Столѣтній юбилей В. И. Важенова.—2) Торжественное засѣданіе географическаго общества.—3) Киевскій лаврскій кладъ.—4) В. А. Легонинъ; К. П. Ковальковскій; А. А. Нильскій; Г. И. Архангельскій; В. А. Панаевъ; С. В. Шервудъ.

XIX. Замѣтки и поправки 397

1) Къ характеристикѣ архіепископа Варлаама. А. Шерстобитова.—2) Пушкинъ на исландскомъ языкѣ. Н. Бахтина.

XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Варвары Николаевны Головиной.—2) Графъ Мирабо. (Graf Mirabeau. Von Theodor Mundt). Историческій романъ въ четырехъ частяхъ. Т. Мундта. (Переводъ съ нѣмецкаго З. У.). Часть IV, гл. IV—VIII. (Продолженіе).

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВЫЯ КНИГИ:

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

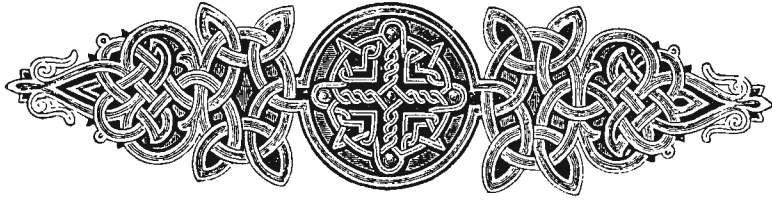
1) **Очерки русскаго прогресса.** Статьи историческія, по общественнымъ вопросамъ и критико-біографическія съ 36 портретами и иллюстраціями. Изданіе «Товарищества художественной печати». Спб. 1900 г. Цѣна 5 рублей.

2) **Царскія дѣти и ихъ наставники.** Историческіе очерки съ 31 портретомъ и 9 иллюстраціями. Изданіе бібліотеки «Дѣтскаго Читенія». Москва. 1899 г. Цѣна 1 р. 25 к.

ГРАФИНЯ ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА ГОЛОВИНА (1767—1821 г.)
Съ портрета, принадлежащого кн. Александру Михайловичу Голицыну.

дозв. дивз. 25 септември 1899 г. спб.

ВЛАДИМІРСКІЕ МОНОМАХИ ¹⁾.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергѣю Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

ГЛАВНАГО управителя, помощника опекуниши Высоцкихъ заводовъ, «господина» Онисима Абрамовича, кончился докладъ управителей и канцеляристовъ и начался пріемъ.

Быль четвергъ, единственный день въ недѣлѣ, въ который всякому, хотя бы первому встрѣчному, дозволялось прійти по своему дѣлу, или съ просьбой, и лично доложить все главному вершителю судебъ Высоцкы, власти котораго предѣла не было.

Пріемная и прихожая, а затѣмъ и коридоръ, были полны народомъ разнаго рода или вѣрнѣе трехъ сортовъ. Самыя важныя лица ждали въ пріемной, сидя на диванѣ и на креслахъ. Люди помельче ожидали своей очереди въ прихожей, кто сидя на ларяхъ вдоль стѣнъ, а кто стоя... Въ коридорѣ было мужичье и даже нѣсколько бабъ. Одна изъ нихъ, очень старая, сидѣла на полу и тихо говорила съ маленькой дѣвочкой лѣтъ десяти, которая была ея поводыремъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVII, стр. 729.

Старуха лѣтъ семидесяти была слѣпа и была, по увѣренью всѣхъ, колдунья.

Господинъ Гончій, официальный, правительствомъ признанный, управитель заводовъ, не только полномостный въ Высоктѣ, но имѣющій значеніе и во всей губерніи, занималъ апартаментъ на верху и принималъ всѣхъ въ той же самой комнатѣ, гдѣ прежде былъ кабинетъ Басманъ-Басанова, основателя заводовъ.

Въ этотъ день и еще наканунѣ у всѣхъ во всей Высоктѣ были «ушки на макушкѣ». Всѣ обыватели, нахлѣбники, дворян, заводскіе рабочіе и крестьяне, старались дѣлать свое дѣло порядливо, чтобы нельзя было придраться. Это случалось раза два въ мѣсяцъ. Случалось это потому, что проходилъ слухъ, что «онъ» нынѣ въ стихѣ.

На Гончаго напалъ стихъ, Богъ вѣсть почему. Онъ становился вдругъ особенно строгъ и взыскателенъ. Малѣйшая провинность вызывала строжайшее наказаніе. Причина была неизвѣстна...

Только самъ Гончій зналъ причину этого «стиха», но никогда никому ни словомъ не обмолвился, а въ особенности не хотѣлъ объяснить это Сусаннѣ Юрьевнѣ. Раздраженіе, являвшееся въ немъ порою и длившееся дня два, происходило отъ острой боли въ обрубленной рукѣ. И нестерпимо болѣли именно пальцы несуществующей кисти руки. Гончій считалъ это явленіе чуть не колдовствомъ.

И безъ того всѣ равно боялись его гнѣва. А когда находилъ стихъ, то робѣли и смѣлые, такъ какъ разгнѣвавшійся Онисимъ Абрамовичъ Гончій, хотя и не опекунъ, а управитель всѣхъ заводовъ, могъ сослать и въ Сибирь.

Всѣ знали и помнили, что онъ, властвующій надъ всѣми, былъ когда-то простой писарь, котораго звали «Анька». Но это было давно...

Много съ той поры воды утекло!

Многіе еще помнили Онисима Абрамовича, когда онъ былъ «Анькой», и говорили и рассказывали это... Но молодежь едва вѣрила, какъ бы не могла себѣ и представить, какимъ образомъ всемогущій Онисимъ Абрамычъ могъ зваться просто «Анькой», въ молодости.

За то самъ Гончій зналъ и помнилъ, чѣмъ онъ былъ, вспоминалъ съ гордостью, и ему казалось, что когда онъ былъ «Анькой», то уже чувствовалъ, чѣмъ онъ можетъ быть и чѣмъ будетъ. Любовь къ нему самой барышни, красавицы, ему когда-то отвѣтила, что онъ не обманывается на свой счетъ... Не даромъ она его выбрала и приблизила... Но когда Сусанна Юрьевна его оттолкнула и увлеклась молодымъ гусаромъ Басановымъ, онъ снова упалъ духомъ. Онъ усомнился въ себѣ. Все хорошее, что случилось въ жизни, случилось будто зря. И опять сталъ онъ тотъ же писарь Анька. Но, не примирившись съ судьбой, отомстилъ, томился затѣмъ долго въ изгнаніи, изнывалъ духомъ, хворалъ тѣломъ и былъ несчастнѣе самыхъ не-

счастливых... И что же? Она вернулась къ нему, снова полюбила, завѣряя, что его одного любить можно, ибо онъ одинъ—человѣкъ. Всѣ остальные—куклы.

И онъ опять возвысился.

Разумѣется, съ того дня, что Сусанна Юрьевна снова приблизила Гончаго и любила его одного безъ измѣны, безъ прихотей, онъ сталъ боготворить ее, жилъ мыслию о ней и зналъ, давно рѣшилъ, что если судьба заставитъ его пережить эту женщину, смыслъ его жизни уничтожится, и онъ немедленно уйдетъ за ней на тотъ свѣтъ. Смѣлости хватить. Даже и не нужна будетъ эта смѣлость... Оно само собой совершится.

Въ это утро стихъ спадалъ, ибо боли въ рукѣ слабѣли.

Кончивъ приемъ, Гончій велѣлъ позвать старуху, считавшуюся колдуньей, и заставилъ ее себѣ погадать. Онъ былъ крайне суевѣренъ и вѣрилъ въ гаданье, а теперь въ его жизни наступалъ переломъ...

Когда старуха чрезъ часъ времени вышла отъ «господина» Онисима Абрамовича, то онъ сѣлъ къ окну и задумался... Много худаго наболтала ему старая вѣдунья. Даже только одно худое. Прежде всего сказала, что скоро-скоро умретъ старый человѣкъ ему близкій... Очевидно, что этотъ старикъ—его отецъ Абрамъ Мартыновичъ, которому теперь уже подъ девяносто лѣтъ.

Колдунью гадалку повели между тѣмъ къ барышнѣ внизъ. Но когда Сусаннѣ Юрьевнѣ доложили о гадалкѣ, она взволновалась, подумала нѣсколько мгновений и приказала накормить слѣпую старуху, дать ей ситцу на платье и отправить. Сама потребовавъ старуху, Сусанна Юрьевна вдругъ побоялась гадать... Она сидѣла за пальцами, продолжая, какъ и двадцать пять лѣтъ тому назадъ, проводить день за единственной работой, которую знала и въ которой давно стала мастерицей. Арфа была давно совершенно заброшена. Только изрѣдка играла она и не иначе, какъ по неотступной просьбѣ Гончаго... Онъ любилъ собственно не музыку, а любилъ слышать тѣ пѣсни, которыя сразу восстанавливали въ его воображеніи давно минувшія времена... Тѣ дни счастья, дни грозъ и бурь... дни блаженства и дни страшнаго отчаянія. Да, много было прожито имъ... И все это пережитое возставало вновь, будто оживало и становилось дѣйствительностью, настоящимъ, а не прошедшимъ.

Когда гадалку накормили и одарили, въ комнату къ барышнѣ вошла, едва двигая ногами, сгорбленная старуха. Она осторожно и усиленно опиралась на толстую клюку, такъ какъ слабыя ноги со всѣмъ отказывались служить.

— Ну, старую вралиху отправила,—сказала она, шамкая беззубымъ ртомъ, и затѣмъ тяжело опустилась въ кресло.

Это была Анна Фавстовна, сильно измѣнившаяся и постарѣвшая.

— Пора вамъ одѣваться къ столу,—сказала она.

— Я этакъ пойду... — отвѣтила Сусанна Юрьевна.

— Какъ этакъ! А этотъ московскій гость за столомъ будетъ.

— Правда, забыла... Ну, да Богъ съ нимъ...

— Не хорошо... Гость. Когда же этакое бывало! Надѣньте хоть голубое платье.

— Сойдетъ и такъ, Анна Фавстовна. Не тѣ времена. Вы забываете, что я тоже, какъ и вы, старѣю. Пора перестать щеголять.

Угрюмова покачала головой и выговорила укоризненно:

— Какъ этакое глупое сказывать! Вы та же красавица писаная. Краше всѣхъ. Какъ были, такъ и остались.

Сусанна разсмѣялась.

— На ваши глаза. А вотъ даже Онисимъ Абрамычъ и тотъ говорить, что я постарѣла.

— Стыдно ему такое сказывать. Видѣлъ онъ кого здѣсь краше васъ?—сердито воскликнула Угрюмова.

— Вѣстимо. И многихъ... Вы этого не видите изъ любви ко мнѣ и забываете, что мнѣ скоро полъ-вѣка. Развѣ въ пятьдесятъ лѣтъ бываютъ красавицы?

— Бываютъ... Но вамъ и нѣтъ еще пятидесяти... Тотъ разъ вотъ, говорил мнѣ Денисъ Иванычъ, что на его глаза вамъ тридцать лѣтъ дать можно.

— Мнѣ? Тридцать! А морщины? А лице сизое? А волосы сѣдые? — смѣялась Сусанна Юрьевна.

— Несердите меня. Опять закашляюсь!—стукнула Угрюмова клюкой своей по полу... Выдумщица. Право, вы мнѣ на зло перечите. Знаете вѣдь и видите сами... Зеркала-то есть въ домѣ...

— Есть. И я къ нимъ теперь подходить, какъ прежде, не охотница. Причешусь, да за цѣлый день на себя ни разу не взгляну.

— Почему же это?

— Обидно. Что бывало прежде они мнѣ сказывали и что теперь сказываютъ.

— Что же они теперь могутъ сказывать?

— Говорятъ: старая ты, старая старушенція. Куда твои глаза дѣвались? Куда улыбка дѣвалась? А зубы... Двухъ ужъ нѣтъ внизу, да одного на верху. Даже брови и тѣ повылѣзли.

— Не смѣйте вы мнѣ этого говорить!... Слышите!—вскрикнула Угрюмова.—Если вы когда...

Но старуха отъ своего крика задохнулась и начала кашлять...

Сусанна Юрьевна махнула рукой, однако лице ея нѣсколько оживилось. Она будто любила слышать о томъ, что она еще не такъ стара, что ей нельзя дать пятидесяти лѣтъ, къ которымъ она приближалась.

И это было отчасти справедливо.

Разумѣется, въ обыкновенномъ, ежедневномъ костюмѣ Сусаннѣ казалось лишь сорокъ лѣтъ. Но когда въ праздники или въ дни

пріема важныхъ гостей, пріѣзжавшихъ въ Высоксу по дѣламъ, она выходила разрядившись, то, конечно, прежняя красота снова сказывалась. И если гости болѣе не говорили про нее, что она красавица, то всегда говорили:

— Какъ, должно быть, она хороша была въ свое время. И теперь видно.

На глаза Угрюмовой, барышня ея была все та же. Старуха не видѣла никакой перемѣны, а иногда искренно думала, что Сусанна Юрьевна если и перемѣнилась, то развѣ еще къ лучшему.

Впрочемъ и на глаза Гончаго было то же. Онъ замѣчалъ только, что взглядъ любимой женщины сталъ другой. Но онъ рѣшилъ, что Сусанна Юрьевна смотритъ будто печальнѣе и скучнѣе. Оттого и нѣтъ въ глазахъ прежняго огня и блеска. А сѣдина въ волосахъ даже красить ее. Извѣстная полнота, прибавившаяся въ лицѣ и въ тѣлѣ, тоже скорѣе къ лучшему... Вообще въ Высокѣ Гончій дѣйствительно не видалъ никого, кто бы могъ, по его искреннему убѣжденію, сравниться красотой съ кумиромъ всей его жизни. Сусанна знала это и теперь болѣе, чѣмъ когда либо, цѣнила неизмѣнно глубокое безпредѣльное чувство своего «Ани». Вдобавокъ покуда она постарѣла, онъ оставался будто все тотъ же тридцати-лѣтній молодецъ и казался лишь мужественнѣе, а не старше.

II.

Съ того рокового года, когда второй Владимірскій Мономахъ сдѣлался убійцей, прошло около пятнадцати лѣтъ. Волокита надъ Дмитріемъ Андреевичемъ тянулась года четыре слишкомъ, при чемъ его заставили жить безвыѣздно въ губернскомъ городѣ. Если бы подсудимый былъ не Басманъ-Басановъ, то, конечно, дѣло прекратилось бы въ скорѣ: онъ былъ бы или осужденъ и сосланъ или оправданъ. Но такъ какъ подсудимый былъ страшно богатъ, то надо было судить его искуснымъ образомъ, съ умѣньемъ.

И Басанова судили необычайно умѣло, съ мастерствомъ. Онъ два раза въ году бывалъ на волосокъ отъ осужденія, послѣ чего вдругъ дѣло поворачивалось, и ему обѣщали на слѣдующій же мѣсяцъ полное оправданіе. Каждый разъ, что осужденіе надвигалось на него, какъ грозная туча, разные стряпчіе по дѣламъ являлись предлагать ему свои услуги, чтобы повернуть дѣло въ его пользу, при чемъ, назначалась сумма и немедленно выплачивалась. Оправданіе откладывалось, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова надвигалась та же бѣда.

Въ теченіе времени отъ четырехъ до пяти лѣтъ Басманъ-Басановымъ было уплачено въ разныя руки, невѣдомо кому, всегда черезъ подставныхъ лицъ, болѣе трехсотъ тысячъ. Деньги эти, конечно, высылались изъ доходовъ Высоксы, но, наконецъ, пришлось немного и занять.

Однажды, уже на пятый годъ, Онисимъ Абрамычъ на требованіе вновь пятидесяти тысячъ отвѣтилъ прямо, что денегъ этихъ нѣтъ, и выдать онъ ихъ не можетъ. И случился кавусъ, любопытный, единственный въ своемъ родѣ. Помѣщикъ, желавшій уплатить за себя изъ жениныхъ средствъ крупную сумму, не могъ этого сдѣлать, такъ какъ былъ подъ судомъ и подъ опекой, а жена его настоящая владѣлица, Дарья Аникитишна, была на половину тоже лишена своихъ правъ, будучи подъ подозрѣніемъ, дѣти же ихъ, какъ малолѣтніе, конечно, голоса никакого не имѣли. И бывший крѣпостной человекъ Басманъ-Басанова, распоряжавшійся за спиной опекунши всѣмъ состояніемъ, отказывая бывшему барину въ его собственныхъ деньгахъ, дѣйствовалъ законно.

Едва только кому-то, — невидимкѣ, — стало извѣстно, что больше по дѣлу Басманъ-Басанова ничего высосать нельзя, какъ его дѣло приняло худой оборотъ. Жившій все-таки весело, проводя день въ картахъ и попойкахъ, уже сильно опустившійся и хворавшій, Басановъ однажды получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что скоро его дѣлу конецъ. Его вскорѣ оставить подъ подозрѣніемъ, подвергнуть церковному покаянію и заставить жить попрежнему въ городѣ, а не въ Высокѣ.

Дмитрій Андреевичъ этимъ извѣстіемъ былъ почти обрадованъ. Оставленіе подъ подозрѣніемъ было собственно не наказаніе, а церковное покаяніе было нелѣпнѣйшая формальность, обязывавшая только говѣть раза три въ году и сносить частыя посѣщенія какого либо священника, имъ же самимъ избраннаго. Что касается до жизни во Владимірѣ, то Басановъ настолько привыкъ къ ней и отвыкъ отъ Высоксы, что если бы его и не обязали жить въ городѣ, то онъ бы самъ остался.

Черезъ недѣлю, послѣ усиленныхъ пиршествованій по поводу этого извѣстія въ кругу многочисленныхъ друзей, Басановъ однажды утромъ получилъ изъ Петербурга по почтѣ большой пакетъ. Въ его спальню рано утромъ явился его неизмѣнный другъ Михалисъ, растолкалъ его и, подавъ пакетъ, выговорилъ:

— Вотъ оно... Слава Богу—конецъ!... Выберемъ батюшку покладистаго въ духовные отцы и закутимъ еще пуще на радостяхъ.

Басановъ разорвалъ конвертъ, вынулъ большую бумагу и началъ читать, но едва прочелъ онъ нѣсколько строкъ, какъ побагровѣлъ... Черезъ минуту онъ уже лежалъ въ постели, со страннымъ черноватымъ лицомъ. Бумага и конвертъ валялись на полу, а Михалисъ бѣгалъ по дому, крича, чтобы послали скорѣе за докторами.

Басановъ узналъ изъ полученнаго посланія, что онъ лишентъ правъ состоянія съ ссылкой въ Сибирь на поселеніе. Съ нимъ тотчасъ же сдѣлался ударъ. Конечно, это подготовила предыдущая жизнь. Даже меньшее нравственное потрясеніе произвело бы то же.

Черезъ двѣ недѣли Басановъ былъ уже на томъ свѣтѣ, а еще черезъ недѣлю въ Высокѣ все было на ногахъ—на богатыхъ торжественныхъ похоронахъ молодого барина. И всѣ обитатели невольно толковали о томъ, что менѣе чѣмъ за десять лѣтъ времени они хоронятъ уже третяго барина Басманъ-Басанова. Въ утѣшеніе оставалось только, что живы и здравствуютъ два Басманъ-Басанова, тринадцать и одиннадцать лѣтъ мальчуганы.

И вскорѣ послѣ похоронъ Высокса узнала, что бывшій крѣпостной человѣкъ, а затѣмъ простой писарь, который былъ и бѣглымъ, былъ и ошельмованнымъ, былъ и самъ почти убійца, теперь будто чудомъ какимъ преобразился въ нѣчто почти непостижимое. Этотъ прежній «Анька» теперь сталъ все тотъ же Аникита Ильичъ, полный хозяинъ надъ всѣми Высокскими заводами, чинилъ судъ и расправу надъ всѣмъ и надъ всѣми, и судьба нѣсколькихъ тысячъ душъ была въ его рукахъ.

Всѣ ожидали самыхъ неожиданныхъ послѣдствій отъ новаго подновластнаго хозяина, однако ничего особеннаго не произошло. Онисимъ Абрамычъ не только не тронулъ никого изъ приживальщиковъ, но даже дозволилъ вернуться обратно на даровые хлѣба въ Высоксу двумъ старымъ дѣвицамъ Тутолминнымъ, когда-то изгнаннымъ за то, что имъ привидѣлся покойникъ, старый баринъ.

Въ управленіи заводами наступила снова та же строгость, что была при Аникитѣ Ильичѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и та же справедливость. Сначала многіе пробовали или попадать въ милость или противодѣйствовать относительно Гончаго черезъ Сусанну Юрьевну, но вскорѣ всѣ убѣдились, что она сама въ полномъ подчиненіи у Онисима Абрамыча. Видно, время ея прихотей навсегда миновало, и теперь она уже не промѣняетъ этого давнишняго любимца, къ которому вторично послѣ измѣны вернулась, ни на кого другого.

Со дня смерти Басманъ-Басанова и немедленнаго удаленія въ монастырь Дарьи Аникитишны жизнь въ Высокѣ пошла своимъ прежнимъ чередомъ во всемъ, что касалось заводскихъ дѣлъ. Въ самомъ же домѣ, по крайней мѣрѣ въ верхнихъ этажахъ, жизнь пошла такъ, какъ шла при Аникитѣ Ильичѣ, а не при Дмитріи Андреевичѣ. Была только та разница, что пожилые сильно постарѣли, маленькіе повзросли, а юные возмужали. Опекунша и юные господа жили по-старому. Пированій не было никакихъ, охота исчезла, и охотный дворъ давнымъ-давно стоялъ пустой, даже гнилъ. Гусарскій конвой тоже не существовалъ, а гостей изъ другихъ губерній и изъ столицъ почти не бывало. Господа жили не только тихо, а совсѣмъ по-монастырски.

Такая жизнь завелась по волѣ Гончаго. Но какъ же случилось все это непостижимое?

Какимъ образомъ бывшій простой «вольнотпущенный» могъ сдѣлаться почти опекуномъ надъ громаднымъ состояніемъ и надъ

внуками своего же бывшего барина? И просто, и не просто! Общій голосъ былъ, что это было дѣло искусное, но не чистое.

Когда баринъ Дмитрій Андреевичъ жилъ еще въ губернскомъ городѣ, Гончій временно завѣдывалъ всѣмъ по порученію временной опекунши Сусанны Касаткиной, какъ бы частнымъ образомъ. Когда Басановъ умеръ, пришло извѣстіе, что изъ Петербурга пріѣдетъ завѣдывать и управлять заводами какой-то важный генералъ по назначенію отъ правительства.

Касаткина тотчасъ выѣхала въ Петербургъ и отсутствовала болѣе полугода. Вернулась она въ качествѣ законной, окончательно утвержденной опекунши, съ правомъ выбрать себѣ помощника и главнаго управителя.

Разумѣется, помимо Сусанны Юрьевны, всякій въ Высокѣ мысленно и какъ бы поневолѣ называлъ Гончаго, который уже около пяти лѣтъ заправлялъ всѣмъ. Конечно, вскорѣ же всѣмъ стало ясно, что барышня совсѣмъ ни во что не входитъ, а только подписываетъ главныя бумаги, идущія въ губернію и въ столицы. Но диковинно было это преображеніе простого холопа и писаря въ какого-то почти опекуна... Ошельмованный у столба и убѣжавшій безъ руки—вдругъ главный распорядитель судебъ Высокихъ заводовъ.

И многіе продолжали думать и надѣяться, что правленіе Гончаго не долговѣчно. Во-первыхъ, сама прихотливая барышня можетъ опять завести себѣ новаго любимца и снова отдалить отъ себя Гончаго, а онъ это не стерпитъ. Во-вторыхъ, онъ самъ можетъ сплеховать въ управленіи, а въ обѣихъ столицахъ не мало найдется охотниковъ придратъ, чтобы занять его мѣсто.

Однако, прошло три года со смерти Басанова, опекунства Касаткиной и управленія Гончаго, и все шло по-старому мирно и толково. Барышня, казалось, была болѣе, чѣмъ когда либо, привязана къ своему давнишнему другу.

А на четвертый годъ вдругъ произошло нѣчто неожиданное, почти невѣроятное и, переполошивъ всю Высоксу, прогремѣло на все намѣстничество.

Опекунское управленіе получило извѣщеніе изъ Петербурга, что по поводу поставки послѣдняго казеннаго заказа, не только исправнаго, но изряднаго и примѣрнаго, «министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ благодарить управленіе въ лицѣ дворянки Касаткиной и ея помощника купца Гончаго». Но это было не главное. Страшный шумъ надѣлало иное... Въ официальной бумагѣ сообщалось, что въ виду поставки важнаго заказа ранѣе срока и дешевле условленной цѣны, государь императоръ по донесеніи о семъ его величеству «изволилъ выразить свое удовольствіе». И вся Высокса, даже все намѣстничество взглянули на управителя, какъ на настоящаго опекуна. Всѣ даже стали звать его опекуномъ. И Гончій

сталъ главнымъ и почти единственнымъ важнымъ лицомъ на заводахъ, Сусанна Юрьевна, сильно измѣнившаяся нравственно, только числилась опекуницей. Настоящіе господа и будущіе владѣльцы, Олимпій и Аркадій Дмитріевичи, окруженные кучей нянюшекъ, надзирательницъ, а впоследствии учителей, были равно будто незамѣтны. На нихъ какъ-то никто не обращалъ вниманія.

Только однажды о молодыхъ господахъ заговорили больше вслѣдствіе одного распоряженія барышни Сусанны Юрьевны. Двухъ братьевъ, изъ которыхъ одному было пятнадцать лѣтъ, а другому—тринадцать, раздѣлили и помѣстили въ двухъ разныхъ концахъ дома, и каждый имѣлъ свой особый штатъ.

Распорядилась такъ якобы сама Сусанна Юрьевна потому, что братья, чуть не съ рожденія дравшіеся между собой и не ладившіе постоянно ни въ чемъ, теперь уже отроки, ладили еще меньше. Впрочемъ, всѣмъ было извѣстно, что виною во всемъ старшій—Олимпій Дмитріевичъ. И уже давно ходившее прозвище для обоихъ братьевъ теперь стало еще болѣе извѣстнымъ.

Кто-то мѣтко окрестилъ ихъ, а молва о прозвищѣ пробѣжала даже за предѣлами намѣстничества: юныхъ Басманъ-Басановыхъ, наслѣдниковъ огромнаго состоянія, звали «Каинъ и Авель». И прозвище это дѣйствительно подходило. Очевидно, въ дѣлѣ воспитанія двухъ братьевъ была крупная ошибка или коварный умыселъ. Сусанна Юрьевна, руководившая воспитаніемъ двухъ мальчиковъ, была не виновата. Если бы ея воля, то она, конечно, укротила бы постепенно старшаго, но ей постоянно мѣшала Онисимъ Абрамычъ. Онъ не допускалъ никакихъ строгихъ мѣръ и никакихъ взысканій. Казалось, онъ умышленно хотѣлъ, чтобы выросъ взбалмошный, вспыльчивый и жестокий Олимпій, а чтобы младшій, постоянно преслѣдуемый и обижаемый братомъ, сталъ при полной беззащитности еще трусливѣе и слабовольнѣе.

По мнѣнію всѣхъ, Олимпій Дмитріевичъ былъ любимцемъ главнаго управителя, и ему все этимъ строгимъ человѣкомъ спускалось. Иногда казалось, что онъ даже потворствуетъ дурному, нежели запрещаетъ. Наоборотъ, къ младшему, Аркадію Дмитріевичу, который и безъ того былъ типе воды, ниже травы, Онисимъ Абрамычъ относился строго и въ случаѣ малой провинности допускалъ строгое наказаніе.

Если не вся Высокса, не крестьяне, то во всякомъ случаѣ вся дворня и, конечно, всѣ нахлѣбники всегда дивились, были озадачены родомъ воспитанія, которое давалось будущимъ владѣльцамъ. Всѣ положительно относились сдержаннѣе къ старшему и сердечнѣе къ младшему, а это выходило какъ бы прямымъ противодѣйствіемъ главному вершителю судебъ Высоксы.

Теперь, когда Олимпій Дмитріевичъ былъ уже совершеннолѣтнимъ, и ожидалось совершеннолѣтіе Аркадія Дмитріевича, чтобы оба

вышли изъ-подъ опеки и сдѣлались сами хозяевами своего состоянія, Онисимъ Абрамычъ будто схватился за умъ. Впрочемъ, ходила молва, что Гончій потому переимѣнился къ старшему молодому барину, что тотъ не сдержалъ своего обѣщанія.

Когда-то, будучи юношами, оба брата постоянно обѣщали Онисиму Абрамычу, что когда они сдѣлаются совершеннолѣтними и вступятъ въ свои права, то не будутъ заниматься дѣлами, трудными и мудреными, а будутъ себѣ жить въ свое удовольствіе, но заводскія тяжести всѣ останутся попрежнему на плечахъ Гончаго уже въ качествѣ ихъ вполне довѣреннаго лица.

Это было совершенно естественно и правдоподобно. Гончій за пятнадцать лѣтъ управленія, несмотря на крупныя суммы, уплаченныя когда-то волокитѣ, повидимому, привелъ заводы въ блестящее положеніе. Лучше управлять никто бы не могъ. Двое же молодыхъ господъ и по молодости и по незнакомству съ дѣлами и, наконецъ, вслѣдствіе постоянной вражды между собой, конечно, не могли бы управиться съ трудной и сложной машиной.

И вдругъ за нѣсколько мѣсяцевъ до совершеннолѣтія Арнадія прошелъ слухъ, что будто бы въ тотъ день, когда младшему минетъ двадцать одинъ годъ, братья попросятъ Онисима Абрамыча сдать всѣ дѣла и вступятъ въ управленіе сами.

Гончій былъ смущенъ, услыхавъ это изъ устъ самой Сусанны.

III.

Въ самую жару майскаго полдня, по главной широкой аллеѣ огромнаго сада, съ которой виденъ былъ весь домъ-дворецъ, шелъ тихо и задумавшись молодой человѣкъ... Лицо его умное, энергическое, было сурово не по лѣтамъ, такъ какъ ему шелъ лишь двадцать третій годъ.

Высокій лобъ, схваченный въ вискахъ, острый носъ, тонкія сжатая губы, быстрый ястребиный и хищный взглядъ маленькихъ сѣрыхъ глазъ, даже недобрая усмѣшка, даже шепотъ въ минуту гнѣва—все въ немъ поразительно напоминало всякому старожилу Высоксы стараго барина, основателя заводовъ.

Да это былъ второй Аникита Ильичъ. Покуда молодъ, онъ точный портретъ старика Басанова, а когда состарится самъ, то будетъ двойникомъ его.

Это былъ баринъ Олимпій Дмитріевичъ Басманъ-Басановъ, котораго отецъ и мать еще ребенкомъ величали въ шутку «махонькій Аникита Ильичъ». Помимо лица, взгляда, усмѣшки и крутого нрава, Олимпій былъ положительно во всемъ подражаніе или повтореніе дѣда.

Молодой человѣкъ двигался тихо, размышляя и задумавшись

все объ одномъ и томъ же, что поглощало теперь всѣ его мысли за послѣднее время.

И прежде, давно, эти мысли приходили на умъ, но лишь изрѣдка, а теперь осаждаютъ.

— Дѣлиться или не дѣлиться? Если не дѣлиться, то надо мириться и жить въ дружбѣ. А это мудрено. И зачѣмъ судьба не захотѣла такъ устроить, чтобы онъ былъ одинъ и полный обладатель Высокскихъ заводовъ? Вѣдь онъ вотъ не бывалъ ни разу боленъ, а «тогъ» два три-раза сильно хворалъ. Два-то раза совсѣмъ при смерти былъ... Одинъ разъ, сказываютъ, какъ въ огнѣ горѣлъ весь и безъ сознанія четверо сутокъ лежалъ. На волосокъ, сказываютъ, былъ отъ смерти. И не померъ... А какъ бы это теперь хорошо было! Одинъ бы онъ властвовалъ въ Высокѣ... И уже теперь бы властвовалъ. Уже скоро два года, какъ онъ совершеннолѣтній... Ужъ если нужно было судьбѣ послать двухъ дѣтей его матери, такъ послала бы дѣвочку. Сестрѣ выдали бы при замужествѣ четырнадцатую часть и спровадили бы съ Высокы за мужемъ вслѣдъ. Хоть въ Питеръ, а то и къ чорту на рога. Да, обидно... А теперь или дѣлиться или мириться. А въ мирѣ жить съ этой мякиной, съ этой плаксою и ротовѣемъ—нельзя.

Кто-то идущій на встрѣчу вывелъ Олимпія изъ задумчивости. Онъ поднялъ склоненную голову и увидѣлъ предъ собой такого же молодого человѣка, своего ровесника, и пошелъ тише, какъ бы желая не просто встрѣтиться, а заставить того подойти къ себѣ.

Встрѣчный прибавилъ шагу и, подойдя къ барину, поклонился, почтительно снимая шапку.

— Что скажешь, Змглодъ?—спросилъ этотъ.

— Къ вамъ, Олимпій Дмитричъ.

— Отъ брата?

— Точно такъ-съ...

— Что еще?

— Аркадій Дмитричъ очень просятъ васъ разобрать кучера Клима и вашего «фолетора». Опять очень шибко подрались. У Клима все лицо въ кровь разбито.

— Что же? Такъ и быть должно. Чего тутъ разбирать! Зачѣмъ въ «братцевы» пошелъ? Вотъ его теперь всѣ «бариновы» бить учнутъ. И отлично. Я изъ вашихъ никого не переманивалъ. А вы переманиваете.

— Ей-Богу, Олимпій Дмитричъ, мы Клима не переманивали... У насъ, сами знаете, послѣ смерти Егора—кучера не было совсѣмъ, а у васъ онъ вторымъ состоялъ. Да и опять таки на то воля Онисима Абрамыча была. Онъ указалъ.

— Ну, ладно. Разберу. Прикажу Ваську фореятора засадить въ рунтовомъ домѣ на три дня.

— Маловато это, Олимпій Дмитричъ,—улыбаясь сказалъ молодой Змглодь.

— Буде... Буде... Ну, а у васъ что? Что сестра? Устала отъ вчерашняго небось?

— Ничего-съ. Отоспалась.

— А нога?

— Ничего-съ. Такъ ли ей случилось падать.

— Это братца она благодари. Таковъ ужъ у насъ искусникъ. Всегда когонибудь толкнетъ, зацѣпитъ, либо съ ногъ спшибетъ. Съ нимъ хоть ни въ какія игры не играй.

— Со всѣми такое бываетъ... Не бѣда.

— Ну, а отцу какъ? Получше?

— Получше... Такъ какъ же, Олимпій Дмитричъ?

— Что?

— А на счетъ фолетора? Маловато... три дня...

— Ну, ладно, на недѣлю велю засадить. Такъ ужъ и быть. Мнѣ и самому надоѣли эти драки. Пора бы всему этому конецъ. Вотъ что я тебѣ скажу, Иванъ Денисычъ. Конецъ...

— Мы бы душой рады. Мы никогда не зачинаемъ. Наши—народъ все тихій.

— Толкуй! Съ малолѣтства я это слышу. Вы тихони. Вы всѣ исподтишка да изъ-за угла все норовите. А мои—прямой народъ, безъ хитрости и все на чистоту.

И Олимпій, отпустивъ Змглода, тотчасъ направился въ самый глухой край сада.

Здѣсь среди чащи дожидался конюхъ, держа въ поводу осѣдланную лошадь.

Олимпій, не сказавъ ему ни слова, привычнымъ и бойкимъ движеніемъ взмахнулъ въ сѣдло, взялъ изъ его рукъ нагайку и, хлестнувъ лошадь, скачкомъ исчезъ въ чащѣ.

Бесѣдовавшій съ бариномъ былъ сынъ прежняго оберъ-рунта. Вернувшись въ домъ, молодой Змглодь прошелъ въ лѣвое крыло. Здѣсь въ угольной комнатѣ у открытаго окна сидѣлъ совсѣмъ юноша лицомъ, однако уже почти совершеннолѣтній Аркадій Басановъ. Всякій, знавшій Дарью Аникитишну, догадался бы, что это ея сынъ, настолько велико было его сходство съ матерью. Даже добродушная простоватость взгляда и улыбки была та же. Большіе свѣтлые глаза имѣли ту же способность «разбѣгаться» при малѣйшемъ смущеніи и волненіи, выражая полную потерянность и всякое отсутствіе воли.

За то по одному лицу этому, помимо ласковаго пѣвучаго голоса и женственной мягкости во всѣхъ движеніяхъ, чувствовалось, что этотъ молодой человѣкъ «золотое сердце», и что незлобивость его доходитъ до крайности, доброта безпредѣльна.

Высокса не ошиблась въ своемъ прозвищѣ братьевъ. Если Олимпій не былъ вполне Клинъ, то Аркадій былъ вполне АVELL.

Молодой человекъ сидѣлъ давно не двигаясь, нагнувшись надъ столомъ, и рисовалъ по дощечкѣ изъ слоновой кости акварелью... Это была красивая женская головка съ золотистыми кудрями, густо вьющимися, и съ черными выразительными глазами, въ которыхъ было много энергіи.

Какъ могъ безвольный и простодушный Аркадій выразить въ глазахъ маленькой головки такую рѣшимость, такую волю—было загадкой дарованія.

Онъ рисовалъ портретъ, а не фантазировалъ... Вдобавокъ это былъ уже восьмой портретъ все той же личности. Надъ каждымъ изъ нихъ онъ сидѣлъ по два или по три мѣсяца и подаривъ кому либо, принимался снова за ту же работу, обѣщая, что добьется своего...

— Будетъ она у меня, какъ живая! — думалъ и говорилъ онъ. Разумѣется, лучший портретъ онъ предполагалъ оставить себѣ... Теперешній, счетомъ восьмой, послѣ двухъ-годовой работы, казалось, долженствовалъ быть именно такимъ, какимъ художникъ воображалъ его и добивался произвести въ дѣйствительности. Помимо рисованія въ Аркадіи проявлялась одаренность природы на всякіе лады. Онъ хорошо пѣлъ, недурно игралъ на арфѣ, хотя собственно не учился, а только видѣлъ съ дѣтства, какъ играла его тетушка. Онъ чрезвычайно красиво танцевалъ...

Лишь одна черта характера молодого человека какъ бы не шла къ его натурѣ. Кроткій и тихій, онъ дивилъ всѣхъ своими вспышками гнѣва, которыя являлись, какъ припадки, будто независимо отъ его воли.

За то послѣ нѣсколькихъ минутъ страшнаго, чуть не безумнаго пыла онъ начиналъ плакать и рыдать...

Войдя къ Аркадію, Змглюдь сѣлъ около него. Онъ былъ любимецъ, но не простой льстящій и услужливый наперсникъ, а истинный другъ, замѣняющій родного брата. Отношенія между ними были равныя, дружески искреннія.

— Просилъ сейчасъ Олимпія Дмитріевича, — сказалъ онъ. — Согласье далъ.

— О чемъ? — разсѣянно спросилъ Аркадій, осторожно ведя кисточкой и вырисовывая золотистый завитокъ на головкѣ.

— Наказать за Клима... Вы бы сто лѣтъ не собрались. А этакъ нашихъ забудутъ совсѣмъ. Удивительно, что есть еще охотники быть «братцевыми». Не выгодно.

Змглюдь нагнулся къ столу, поглядѣлъ на портретъ и покачалъ головой.

— А вѣдь и впрямь этотъ будетъ самый лучший. Живая—сестренка. Чуть не говорить.

— Да... Этотъ и первый—два разныхъ лица,—отозвался Аркадій и добродушно улыбнулся.

— Удивляюсь, какъ вамъ не надоѣсть все ее одну рисовать. Даже и въ Высокѣ всѣ удивляются. Да это было бы ничего. А врутъ, выдумываютъ всякое—вотъ что обидно.

— Пускай выдумываютъ... Умные знаютъ, что все это пусто-брешество, и что Саня вышла дѣвушка не такая. Да и я не такой! Я даже уразумѣть не могу, что это за бѣшенство такое у брата. Ну, хоть бы одну любовь имѣлъ. Ну, хоть двѣ, одну за другой... А что же это такое? Извѣстныхъ можно насчитать за шесть лѣтъ чуть не двѣ дюжины. А сколько было неизвѣстныхъ... Этакъ и дѣвушка Аникита Ильичъ не поступалъ. А куда, говорятъ, былъ падокъ на бабѣ... А Олимпій совсѣмъ и въ правду, какъ его зовутъ, бабоѣдъ. И какъ это можно любить одну за другой!..

— Это не любовь, Аркадій Дмитриевичъ. Это блажь, баловство. Это у него отъ дѣдушки по наслѣдству.

— Только еще пуще.

— Да. Не въ примѣръ пуще. И сказываютъ вѣрно всѣ, что какъ окончится опека, Олимпій Дмитричъ броситъ высокскихъ... Займется губернскими, а то и столичными красавицами. И нарвется когда. На рожонъ налетитъ и наколется.

— Нѣтъ. Не думаю...

— Вѣрно. На мужа на какого ревниваго. А то и на брата какого... Да вотъ я къ примѣру. Учи онъ что съ нашей Саней. Нешто я спущу. Въ каторгу уйду, а все-таки расправлюсь по-своему.

— Понятно. Но за Саню и не ты одинъ заступникъ. Другіе тоже есть.

— Батюшка самъ? Извѣстно, и онъ.

— И еще найдутся...—усмѣхнулся Аркадій.

— Вы-то?.. Это не ваше дѣло. Вы чужой человѣкъ!

Аркадій не отвѣтилъ и подавилъ въ себѣ вздохъ.

Между тѣмъ въ то же самое время Олимпій продирался верхомъ среди гущины кустовъ глухого края сада, хотя могъ ѣхать и по дорожкѣ. Но онъ таился...

Проѣхавъ чащу, онъ двинулся къ забору, гдѣ въ одномъ мѣстѣ тотъ былъ на половину разобранъ. Оставались только четыре нижнія доски, верхнія же лежали на травѣ... Пустивъ лошадь въ галопъ еще шаговъ за десять, онъ ударилъ ее нагайкой и ловко, легко перемахнулъ черезъ заборъ... Здѣсь были огороды дворовыхъ людей и мѣсто глухое и безлюдное... Взявъ напрямки черезъ гряды, передавивъ много всякихъ овощей, Олимпій выѣхалъ на опушку начинающагося лѣса и, очутясь на узкой лѣсной колеѣ, едва замѣтной среди травы, пришпорилъ лошадь. Это была даже не дорога, ибо не веда никуда, здѣсь только возили дрова раза два въ недѣлю.

Проѣхавъ съ версту, молодой человѣкъ свернулъ вправо и по-

ѣхалъ цѣлиной и чащей лѣса... Однако кое-гдѣ направо и налѣво свѣже срубленныя вѣтви сосенъ и елей доказывали, что въ этой чащѣ недавно слегка прочистили лѣсъ, чтобы дать возможность верховому свободно проѣхать.

Минуть черезъ пять ѣзды шагомъ Олимпій выѣхалъ на лужайку, на которой стоялъ покосившійся маленькій домикъ въ родѣ сторожки лѣсной.

Молодой человѣкъ сталъ озираться кругомъ себя на лужайку и даже обернулся подозрительно назадъ, на чащу, которую проѣхалъ.

Одно изъ двухъ маленькихъ оконцевъ домика растворилось, и въ немъ появилась хорошенькая головка черная, какъ смоль, кудрявая, повязанная краснымъ платкомъ.

— Давно ли?—крикнулъ Олимпій весело.

— Да уже давненько! — отозвался веселый и звучный голосъ. И лицомъ и звукомъ голоса, говорящая вполне смахивала на цыганку.

Олимпій привязалъ лошадь къ дереву и чрезъ дверку вошелъ въ домикъ.

Но внутри была не грязная конура лѣснаго сторожа или мужика. Это была очень маленькая, но очень красиво убранная комната со стѣнами, обтянутыми краснымъ кумачемъ, и съ хорошей барской мебелью.

Очевидно, что домикъ-лачуга или сторожка снаружи, но отдѣланная богато внутри, была затѣей молодого барина.

— Никто не видалъ? — спросилъ Олимпій, обнимая и цѣлуя красивую дѣвушку, почти дѣвочку ростомъ и внѣшностью.

— Какъ можно... Избави Богъ.

— То-то, смотри, Тонька. Я боюсь...

— Я пуще васъ боюсь... Онъ не дастъ и пояснить все, какъ убьетъ... Хитрѣе приходитъ сюда и нельзя...

— Ну... Убить не убьетъ,—разсмѣялся Олимпій.—А мнѣ съ нимъ ссориться не охота.

IV.

Если перемѣнились люди и порядки, то большой домъ, вѣрнѣе, дворецъ, стоялъ все тотъ же огромный и угрюмый.

Расположеніе комнатъ и апартаментовъ въ домѣ было нѣсколько иное. Послѣ смерти Дмитрія Андреевича главный управитель занялъ комнаты Аникиты Ильича не по собственной волѣ, а Сусанна непремѣнно желала этого. Ей казалось, что Гончіій, живя въ комнатахъ основателя заводовъ, получить иное значеніе въ глазахъ всей Высоксы. И она не ошиблась. Старожилы, увидя прежняго Аньку въ апартаментахъ стараго грознаго барина, поневолѣ огнеслись къ нему съ пущимъ уваженіемъ.

Сама же Сусанна Юрьевна, перейдя въ свои старыя комнаты, откуда изгнали ее молодые Басановы послѣ своей свадьбы, передѣлала все на старыи ладъ, устроила точь въ точь такъ, какъ было прежде. И теперь были нѣкоторыя мѣста въ этихъ комнатахъ, которыя Сусанна Юрьевна любила и часто на нихъ показывала Гончому. Чаще всего она показывала ему на двери балкона или на небольшой диванъ въ гостиной и говорила улыбаясь:

— А это помнишь?..

Гончій отвѣчалъ только улыбкой и взглядомъ, полнымъ любви. Она показывала на тѣ мѣста, гдѣ онъ ударилъ ее ножомъ и чуть не зарѣзалъ, и на тотъ диванъ, гдѣ ее положили, считая зарѣзанной на смерть. Иногда же Гончій, точно также улыбаясь, поднималъ руку и говорилъ:

— А это помните? Мы квивы!

— Нѣтъ, — нѣсколько грустно отвѣчала Сусанна, — не квивы! Я въ долгу. У меня только рубецъ на шеѣ, а ты на всю жизнь безрукимъ остался.

Весь низъ дома былъ попрежнему занятъ нахлѣбниками, вторымъ и третьимъ поколѣніями тѣхъ, что помѣстили здѣсь основатель заводовъ. Разница была лишь та, что самая большая квартира, бывшая Ильевыхъ, теперь была занята другомъ старшаго барина, жившаго здѣсь съ одной сестрой.

Въ правомъ флигелѣ или крылѣ дома, гдѣ когда-то жилъ и умеръ Алексѣй Басановъ, затѣмъ очень недолго помѣщались новобрачные Басановы, а послѣ нихъ двое-трое главныхъ любимцевъ Дмитрія Андреевича, въ томъ числѣ Михалисъ и князь Давыдъ Никаевы, — теперь давно жилъ старшій Басановъ со своимъ отдѣльнымъ штатомъ прислуги. Съ нимъ же вмѣстѣ жили, имѣя отдѣльныя горницы, его два любимца: князь Абашвили, очень похожій на свою мать нѣмку и потому не имѣвшій вовсе внѣшности кавказца, и Андрей Шлыковъ, внукъ Мосейча, но, конечно, уже не крѣпостной человѣкъ, какимъ былъ его дѣдъ лакей, а имѣющій чинъ сенатскаго секретаря.

Въ лѣвомъ флигелѣ, гдѣ когда-то дѣвочкой и дѣвушкой жила Дарья Аникитишна, жилъ младшій Басановъ, тоже со своимъ штатомъ и тоже съ двумя любимцами. Двое молодыхъ людей, почти сверстники Аркадія, были живыми портретами своихъ отцовъ. Первый, Иванъ Змглодъ, былъ поразительно похожъ на прежняго оберъ-рунта Дениса Ивановича. Второй, Василиій Ильевъ, будучи похожъ на отца, былъ при этомъ вылитый дѣдъ Василиій Васильевичъ. Молодые люди были вдобавокъ двоюродные братья между собой, такъ какъ мать молодого Змглода, Алла, приходилась родной теткой Ильеву.

У каждаго изъ названныхъ любимцевъ двухъ молодыхъ господъ Басановыхъ были въ Высокѣ свои любимцы и пріятели, а у этихъ

были опять свои приспѣшники, и всѣ они по своему общественному положенію, спускаясь по извѣстной градаціи, составляли двѣ сплоченныя привязанностью группы, враждебныя между собой.

Два брата, жившіе отдѣльно, жестоко дравшіеся въ дѣтствѣ, враждовавшіе въ юности, теперь попрежнему заслуживали вполнѣ прозвище «Каинъ и Авель». Разумѣется, два любимца Олимпія враждовали съ двумя любимцами Аркадія и все, что стояло за ними, конечно, болѣе или менѣе враждовало тоже.

Такимъ образомъ, казалось, что всю Высоксу, всѣ заводы, расчеркнула пополамъ невидимая ливія или граница. Всѣ заводы, рабочіе и крестьяне деревень—все это, казалось, расколосось на двѣ части, которыя склеить вновь было невозможно. Не только на какомъ либо дальнемъ заводѣ, но даже въ какой нибудь деревушкѣ крестьянская семья принадлежала душой и тѣломъ или барину Олимпію Дмитріевичу, или барину Аркадію Дмитріевичу.

Въ Высоксѣ отъ барскаго дома до послѣдней лачуги—всѣ говорили про себя, называли себя Богъ вѣсть когда и кѣмъ придуманнымъ именемъ.

— Мы «бариновы»!—говорили одни.

— Вы «братцевы»!—говорили другіе.

И въ этомъ случайномъ прозвищѣ былъ какой-то особенный смыслъ, тотъ же, что въ прозвищѣ «Каинъ и Авель». Въ этомъ прозвищѣ какъ бы главную роль, захвативъ львиную долю значенія, играли партизаны старшаго Басанова. Они назывались «бариновы», какъ если бы баринъ былъ у нихъ одинъ на свѣтѣ. Другіе, прозванные «братцевыми», изображали изъ себя какъ бы нѣчто совсѣмъ второстепенное. Младшій Басановъ, Аркадій, какъ будто не былъ самъ по себѣ Басановъ, а былъ лишь братомъ Басанова.

Какъ создались эти два прозвища, было никому извѣстно, но когда-то въ основу ихъ легла молва, — правда или клевета, — никому, конечно, было неизвѣстно, — что Аркадій Дмитріевичъ собственно по закону долженъ былъ бы называться Аркадіемъ Давыдовичемъ. Нѣкоторые вѣрили въ эту клевету на Дарью Аникитишну. Другіе доказывали фактами, что Аркадій родился въ то время на глазахъ у всѣхъ, когда о князѣ Давыдѣ Никаевѣ не было ни слуху, ни духу, и въ Высоксѣ онъ еще не появлялся.

Вражда двухъ братьевъ, ихъ любимцевъ и всѣхъ остальныхъ, принадлежавшихъ къ числу «бариновыхъ» и къ числу «братцевыхъ», была уже давнишняя, чувствовалась и сказывалась постоянно. Что бы ни произошло въ Высоксѣ, въ домѣ или на заводахъ, постоянно во всякой ссорѣ появлялось два лагеря, но во всемъ всегда бралъ верхъ лагерь «бариновыхъ».

Умные люди, приглядываясь къ этому положенію, обвиняли главную опекушну. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ видя, какъ повяглись эти два лагеря, потому все ярче обрисовывались и при-

вели наконецъ къ постоянному враждованію, Сусанна Юрьевна ничего не предпринимала. Конечно, это было по желанію Гончаго, для котораго Олимпій Дмитріевичъ и его присные, что бы ни творили, всегда оказывались мало виноватыми, а то и правыми. Умные люди, считая Гончаго хитрымъ, искали въ этомъ умыселъ, тайную заднюю мысль, но ничего объяснить себѣ не могли. Только нѣкоторые смутно угадывали, что ему на руку вражда между двумя молодыми людьми. Они были правы. Гончій понималъ, что при дружбѣ и согласіи двухъ братьевъ онъ скорѣе сдѣлается лишнимъ, когда они будутъ совершеннолѣтними. Поэтому понятно, что за много лѣтъ онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы уменьшить и утишить эту вражду братьевъ, и зачастую наоборотъ случалось, что онъ какъ будто разжигалъ ее. За послѣдніе годы онъ сталъ прямо, не скрываясь, держать сторону старшаго Басанова, убѣжденный, что, если старшій братъ захочетъ, чтобы управленіе оставалось въ рукахъ его, Гончаго, то младшій согласится на это безпрекословно.

Но едва только Олимпію минулъ 21 годъ, какъ онъ сталъ намекать всѣмъ, что ждетъ только совершеннолѣтія своего брата, чтобы обоимъ вступить въ управленіе. Но дальновидный Гончій давнымъ давно приготовилъ громоотводъ. Нужно было, чтобы у Высоксы появился крупный долгъ. Волокита надъ Дмитріемъ Андреевичемъ уже положила основаніе этому. Въмѣсто того, чтобы скорѣе погасить этотъ долгъ, Гончій постарался увеличить его. Приводя изъ любви къ дѣлу всѣ заводы въ блестящее состояніе, трудно было устроить, чтобы у нихъ былъ большой долгъ, тѣмъ не менѣе Гончему это удалось, благодаря его кипучей дѣятельности.

Онъ строилъ новые заводы, дѣлалъ всякія сооруженія, въ особенности плотины, стоившія, конечно, большихъ денегъ. Производство все расширялось, доходы увеличивались. Но долгъ не уменьшался, а только росъ, нарастая процентами. Теперь Высокса должна была уже около милліона, и эта сумма сосредоточилась въ рукахъ двухъ лицъ, помню, конечно, самой казны, которой Высокса также была должна.

V.

Было одно нововведеніе въ образъ жизни господъ. Всѣ нахлѣбники допускались къ господскому столу ежедневно. Поэтому обѣды и ужины были людны и шумны. Главное мѣсто занимала, конечно, барышня опекушка и тетушка, налѣво отъ нея неизмѣнно сидѣлъ «господинъ» Гончій, а направо оба племянника, уступавшіе однако свои мѣста случайнымъ гостямъ изъ губерніи или изъ столицъ.

Сусанна, по внушенію Гончаго, строго требовала, чтобы всѣ въ извѣстный часъ были въ сборѣ. Поэтому за полчаса залъ уже наполнялся.

Поэтому ускакавший Олимпій Басановъ снова былъ въ саду еще за часъ до обѣда и, отдавъ лошадь ждавшему конюху, прибавилъ сурово, почти промывчаль одно слово: заборъ!

— Не извольте тревожиться,—отвѣтилъ конюхъ.

— Ладно. Но помни... Хоть на два-три часа когда забудешь, то прямо въ солдаты попадешь.

— Не можетъ того быть, Олимпій Дмитріевичъ. Какъ же забыть!

Баринъ направился къ дому, а конюхъ повелъ лошадь въ противоположную сторону.

— Чудень тоже!—ворчалъ малый.—Думаетъ—скрытно все. Всѣ знаютъ. Куда собственно ты летаешь этакъ, понятно узнать нельзя. Покудова. А что я сюда лошадь вожу, да заборъ разбираю да собираю, всѣ знаютъ. Чудень! Весь огородъ буфетчика Алексѣя Миколаича истопталъ конскими ногами, а думаетъ—никому то не вѣдомо. Кабы не знали, что баринъ топчетъ, то жаловались бы. А они помалкиваютъ... А онъ боится, что я заборъ разобранный брошу... Чудень!

Между тѣмъ Олимпій быстро прошелъ садъ и скоро былъ у себя въ комнатахъ.

На встрѣчу ему вышелъ молодой человѣкъ съ южнымъ типомъ лица, чернобровый, съ горбатымъ носомъ, клювомъ и большимъ ртомъ съ толстыми губами. Молодецъ былъ очень некрасивъ собой, и въ добавокъ лице его было не доброе, взглядъ косой. Когда онъ улыбался, стараясь быть любезнымъ или ласковымъ, то выраженіе лица становилось еще непріятнѣе. Въ молодомъ человѣкѣ вообще чувствовалось что-то отталкивающее.

Это былъ Платонъ Михалисъ, племянникъ давно умершаго грека, картежника, и скорѣе другъ, чѣмъ простой любимецъ Олимпія Дмитріевича.

— Слетали?—встрѣтилъ онъ Басанова, улыбаясь двусмысленно.

— Слеталъ, Платоша,—какъ-то странно, будто ехидно усмѣхнулся и Олимпій.

— И невѣдомо къ кому? Такъ и останется?

— Невѣдомо. Такъ и останется.

— Прежде мнѣ всегда сказывались во всемъ,—угрюмо замѣтилъ Михалисъ,—а теперь дожилъ я до укрывательства.

— Теперь, Платошка, такъ и будетъ завсегда впредь. Такъ я порѣшилъ. Да и лучше.

— Почему же лучше? Я не болтунъ. Знаете давно.

Олимпій снова усмѣхнулся какъ-то двусмысленно и, помолчавъ, прибавилъ:

— Для тебя лучше.

— Для меня? — удивился Михалисъ и пристально глядѣлъ на барина.

— Да... Видишь ли... Такъ къ примѣру...—тянулъ Олимпій, будто

не зная, что сказать.—Видишь ли. Если что вдругъ огласится,—я не буду на тебя думать.

— Вона какъ? Хитро!—разсмѣялся Михалисъ, чуя, что баринъ лжетъ.

— Да. Прежде, зная, что ты одинъ здѣсь все про меня вѣдаешь, я могъ иной разъ тебя въ подозрѣніи имѣть.

— Да вѣдь никогда не бывало такого!

— Не бывало, да могло быть. Ну, да брось. Шабашъ!

Михалисъ лукаво ухмыльнулся.

Первый другъ и наперсникъ Олимпія Дмитриевича могъ похвастаться самымъ умнымъ человѣкомъ въ Высокѣ и поэтому занималъ совершенно особое и исключительное положеніе. Этому содѣйствовало тоже полученное отъ дяди небольшое состояніе, составленное тѣмъ картежной игрой въ той же Высокѣ.

Племянникъ пролаза грека съ ранняго дѣтства росъ со старшимъ Басановымъ, былъ участникомъ его дѣтскихъ игръ и юношескихъ затѣй. Отношенія ихъ были таковы, какъ если бы они были родными братьями.

Платонъ Михалисъ ничѣмъ особенно худымъ себя никогда не заявилъ, тѣмъ не менѣе его недолюбливали. Его некрасивое суровое лицо, рѣзкій голосъ, косой взглядъ—все отталкивало отъ него. Никогда большого зла никому онъ не сдѣлалъ, но въ мелочахъ не разъ доказывалъ, что онъ — человѣкъ коварный и вполне безсердечный. И его почему-то всѣ немножко опасались, какъ бы чувствуя, что въ случаѣ чего отъ Михалиса можно ожидать всякой бѣды.

Разумѣется, вслѣдствіе долгой привычки онъ былъ привязанъ къ Олимпію и любилъ его на свой ладъ. Но на настоящую искреннюю дружбу онъ былъ по натурѣ просто неспособенъ. Если бы ему было выгодно совершить что либо дурное по отношенію къ этому другу дѣтства и отчасти покровителю, то онъ, конечно, и Олимпія не пожалѣлъ бы. Главная черта его характера, сначала бессознательная и только за послѣдніе годы уясненная себѣ самому, было недовольство своимъ положеніемъ, а отсюда—зависть и жадность.

Платонъ Михалисъ, единственный изъ всѣхъ нахлѣбниковъ имѣвшій свои собственные доходы съ капитала, жившій на всемъ готовомъ совершенно спокойно, игравшій роль какого-то третьяго молодого барина среди всѣхъ приживальщиковъ, все-таки не считалъ себя счастливымъ, а иногда считалъ себя совершенно несчастнымъ и обойденнымъ судьбой. Причиной этому было неудовлетворенное честолюбіе.

Въ жизни его было, однако, одно утѣшеніе, было нѣчто примирявшее съ жизнью и заглушавшее завистливую истому.

Этотъ безсердечный, коварный и, пожалуй, злой человѣкъ дивилъ всѣхъ одной чертой характера или однимъ обстоятельствомъ. У Михалиса была на его попеченіи двоюродная сестра, дочь дяди кар-

тежника, которой шелъ теперь только шестнадцатый годъ. Онъ не только любилъ ее горячо, но обожалъ. Его отношенія къ этой сестрѣ были удивительны для всѣхъ, были непонятны, были просто загадкой.

Со дня смерти дяди Михалиса, Платонъ, которому было тогда самому не болѣе 14-ти лѣтъ, сталъ заботиться о дѣвочкѣ пяти лѣтъ, замѣняя ей не только отца или нѣжнаго родного брата, а даже няньку и горничную. Онъ одѣвалъ ее поутру, раздѣвалъ и, уложивъ спать, сидѣлъ у ея кровати, покуда она не заснетъ, водилъ гулять, зимой возилъ ее въ салазкахъ до усталы. Онъ былъ счастливъ ея улыбки доволства и былъ пасмуренъ, когда она легко хворала.

Платонида, или, какъ дѣвочку прозвали въ Высокѣ, «Тонька», была всегда хорошенькая дѣвочка, теперь же стала совсѣмъ красивой и притомъ оригинально красивой, благодаря южному происхожденію. Не даромъ ея отецъ и дѣдъ съ бабкой были чистѣйшими греками. Одно, что мѣшало молоденькой дѣвушкѣ быть вполнѣ красавицей, былъ малый ростъ. Теперь на 16-мъ году она была уже совершенно развитая тѣломъ дѣвушка, но лицу и формамъ могла бы пройти и за двадцатилѣтнюю, но ростомъ казалась еще дѣвочкой.

Впрочемъ эта миниатюрность ея, въ глазахъ многихъ, придавала ей особую прелесть.

— Малъ золотникъ, да дорогъ!—говорили многіе, любясь всрой малюткой.

Сначала Платонъ отчаивался, что сестренка не растетъ, грозитъ остаться уродомъ-карлицей. Но когда Тонькѣ минуло 14 и 15 лѣтъ, она, рано развившись, какъ женщина, тотчасъ стала многимъ сильно нравиться. И своимъ маленькимъ, но изящнымъ тѣломъ, крошечными ручками и ножками, и главное, конечно, своимъ типичнымъ южнымъ лицомъ: ягучими черными глазами, правильнымъ маленькимъ носикомъ, пунцовыми губками нѣжно очерченнаго рта. При всемъ этомъ у нея была длинная и густая черная коса, почти бремя для ея маленькаго туловища. Многіе часто ради забавы заставляли ее распускать волосы, хватавшіе до полу, и миниатюрная Тонька могла вся завернуться въ нихъ, какъ въ одежду.

Разумѣется, красивая дѣвушка, благодаря положенію двоюроднаго брата въ домѣ, пользовалась тоже исключительнымъ положеніемъ.

Обожаніе брата, котораго всѣ безсознательно опасались, привело къ тому, что всѣ старались заслужить пріязнь его ухаживаніемъ за его кумиромъ. И дѣйствительно это было вѣрнѣйшее средство его задобрить. Если бы не этотъ кумиръ, существованіе Михалиса стало бы пыткой. Его мечтанія загрызли бы его. А мерещилось ему всякое, что другому и на умъ бы никогда не пришло. Ему мерещилось, что онъ могъ бы быть на мѣстѣ одного изъ Басановыхъ, могъ бы быть вообще страшнымъ богачемъ. А еще проще... Могъ бы быть давно на службѣ и быть чиновникомъ намѣстничества, а затѣмъ когда нибудь и намѣстникомъ.

Всѣхъ, кого онъ въ жизни встрѣчалъ, Михались мѣрилъ съ собою и немедленно убѣждался, что всякій, будучи ниже его разумомъ и способностями, былъ много выше его по положенію, совершенно незаслуженному. И это недовольство своей судьбой настолько преслѣдовало его, что положило отпечатокъ на его лицо, на всѣ его привычки. Онъ былъ большею частію сумраченъ, несловоохотливъ и почти нелюдимъ.

За послѣднее время Михались нетерпѣливо ждалъ, когда оба Басановы станутъ совершеннолѣтними и вступятъ въ управленіе своимъ имѣніемъ. Благодаря давнипней дружбѣ съ Олимпіемъ, онъ готовился быть главнымъ его помощникомъ въ управленіи, а затѣмъ, конечно, и самостоятельнымъ управителемъ. Онъ такъ же, какъ и многіе, зналъ, что братья недолго вынесутъ на плечахъ бремя управленія и пожелаютъ жить беззаботно.

Мечтанія Михалиса объ его будущемъ управленіи тоже шли далеко. Онъ ясно видѣлъ въ будущемъ, какъ сумѣетъ, дѣльно управляя заводами, откладывать тайкомъ кое-что въ свой карманъ, а при огромныхъ доходахъ съ заводовъ это «кой-что» могло стать крупнымъ состояніемъ. Жажда разбогатѣть обуславливалась отчасти и любовью къ сестренкѣ, желаніемъ, чтобы ея будущность была не просто счастлива, но вмѣстѣ съ тѣмъ и блестящая.

Михались давно рѣшилъ, что онъ красавицу сестру выдастъ отлично замужъ. За послѣднее время эта мечта какъ бы осуществлялась. Въ Высокѣ появился славный малый, подходящій женихъ для сестры, хотя безъ состоянія, но дворянинъ и князь.

Михались быстро сошелся съ этимъ княземъ Абашвили, помогъ ему стать любимцемъ Олимпіа и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ мечтать выдать за него сестру. Абашвили не только не имѣлъ ничего противъ этого, но наоборотъ съ самаго появленія своего въ Высокѣ, относясь къ Тонькѣ очень внимательно и ласково, теперь былъ уже глубоко привязанъ къ ней. Но планамъ князя и самого Михалиса явилось непреодолимое препятствіе. Противъ брака была сама Тонька. Она любила князя, но замужъ за него идти отказывалась теперь наотрѣзъ. И въ этомъ отказѣ для Платона Михалиса чудилось что-то подозрительное, странное.

— Почему же прежде она соглашалась?... А теперь и руками и ногами противъ этого, — думалъ онъ.

Дѣйствительно, когда Абашвили только что пріѣхалъ и остался на житье въ Высокѣ, понравившись Олимпію, Тонька такъ привѣтливо отнеслась къ ухаживанію молодого человѣка, что онъ былъ увѣренъ во взаимной склонности. И вдругъ съ половины зимы она перемѣнилась къ князю, а съ весны стала даже враждебно относиться къ нему.

VI.

Черезъ два дня послѣ гаданья Гончій былъ пораженъ. Слѣпая колдунья предсказала вѣрно. Онъ получилъ извѣстіе о смерти старика и близкаго человѣка... близкаго иначе, чѣмъ родной отецъ.

Когда пріемъ по заводскимъ дѣламъ кончился, главный и любимый камердинеръ Онисима Абрамыча, Теофанъ, тотчасъ отправился внизъ доложить объ этомъ Сусаннѣ Юрьевнѣ и просить пожаловать. Теофанъ этотъ считался въ Высоксѣ очень важнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ былъ довѣреннымъ лицомъ Гончаго и, пользуясь его большимъ расположеніемъ къ себѣ, часто бралъ на себя всякаго рода ходатайства. Будучи добрымъ и честнымъ человѣкомъ, онъ, разумѣется, пользовался теперь всеобщою любовью.

Этотъ видный человѣкъ уже лѣтъ за тридцать, по имени Теофанъ, былъ не кто иной, какъ прежній мальчуганъ Оунька, служившій мальчишкой на побѣгушкахъ у Аникиты Ильича. Главная должность его, въ тѣ времена, заключалась въ томъ, чтобы летѣть стремглавъ чуть не кубаремъ по лѣстницѣ сверху внизъ и предупредить весь домъ, чтобы всѣ были насторожѣ, сакраментальными словами:

— Баринъ идетъ!...

Попалъ прежній Оунька въ число видныхъ людей лишь по одной причинѣ, но по какой—самъ того не зналъ. Зналъ про это одинъ Гончій.

Когда прежній Анька, примирившись съ Сусанной Юрьевной, былъ въ первый разъ у нея наверху, а затѣмъ, спускаясь внизъ, былъ арестованъ оберъ-рунтомъ, княземъ Давыдомъ, онъ попросилъ кого либо изъ дежурной дюжины доложить объ этомъ самоуправствѣ барышнѣ. Но никто не двинулся. Мальчуганъ Оунька, невѣдомо почему, изъ хитрости или просто изъ жалости, слеталъ наверхъ, доложилъ барышнѣ, что Аньку арестовали и ведутъ въ полицію. И Сусанна Юрьевна немедленно отправилась къ Басанову для объясненій.

Онисимъ Абрамычъ узналъ объ этомъ дѣяніи мальчика гораздо позднѣе и случайно, но въ тотъ же день юноша Оунька былъ уже у него въ услуженіи.

Теофанъ прошелъ прямо въ комнаты барышни и доложилъ лично Сусаннѣ Юрьевнѣ, а она немедленно собралась наверхъ. У нея стало привычкой видѣть Гончаго всякій день послѣ того, что онъ занимался дѣлами, чтобы вмѣстѣ обсуждать всѣ текущіе вопросы.

Конечно, Гончему слѣдовало бы ежедневно самому спускаться внизъ въ аппартаменты барышни опекунши, но она настояла на томъ, чтобы ей самой подниматься наверхъ. Это входило въ разъ принятый ею образъ дѣйствій по отношенію къ управителю.

Она неуклонно, систематично, въ своихъ отношеніяхъ къ нему всячески старалась ставить его вровень съ собой, а иногда даже и выше себя. И это немало подѣйствовало на то, что всѣ стали относиться къ главному управителю заводовъ съ особаго рода уваженіемъ.

— Какъ дозволить Онисимъ Абрамычъ!—было постоянною фразой на устахъ барышни.

Часто даже въ тѣхъ дѣлахъ, которыя не касались заводовъ, касались лишь ея личности, она ставила рѣшеніе вопроса въ зависимости отъ согласія Гончаго.

Поднявшись наверхъ и войдя въ рабочую комнату Онисима Абрамыча, нѣжно и молча поздоровавшись съ нимъ, она сѣла и вопросительно глядѣла на него. Этотъ взглядъ часто замѣнялъ вопросъ: «ну, что новаго?» И каждый день Гончій при этихъ свиданіяхъ объявлялъ ей все, что было исключительнаго и любопытнаго въ дѣлахъ.

На этотъ разъ Гончій, не говоря ни слова, перешарилъ на столѣ нѣсколько бумагъ, нашелъ одну и передалъ ее Сусаннѣ Юрьевнѣ. Она прочла, а потомъ, поднявъ съ бумаги на него глаза, вымолвила:

— Это хуже...

— Почему же хуже? — сказалъ онъ.

— Хуже! Было бы лучше, если бы онъ былъ живъ. Все бы это такъ распуталось, яко бы имъ самимъ. Какъ знать, что теперь будетъ?

— А что же будетъ?

— Будетъ, что всякій скажетъ: дѣло не чисто! Какъ же это? Самъ же управитель, почти опекунъ, да является невѣдомо какъ, вдругъ, главнымъ заимодавцемъ?

— Золотая моя, вѣдь всѣ бумаги, документы до послѣдняго клочка бумажки — все ясно, все чисто. А что богатый человѣкъ, главный заимодавецъ заводовъ, былъ бездѣтенъ, померъ и сдѣлалъ меня наслѣдникомъ всего своего состоянія,—тутъ ничего противозаконнаго нѣтъ. А поэтому и нельзя сказать, что дѣло нечисто.

— Ну, а я тебѣ скажу, что непремѣнно будутъ говорить!—вымолвила Сусанна Юрьевна нѣсколько рѣзче. — Скажутъ, что этотъ купецъ Бабаевъ...

— Знаю, знаю! — прервалъ Гончій. — Что онъ былъ нищій, некогда ничего не наживалъ, а я же ему, изъ доходовъ заводскихъ ворую, состояніе составилъ съ тѣмъ, чтобы оно только числилось его имуществомъ и по моему требованію или послѣ его смерти ко мнѣ перешло.

— Ну-да! — сказала Сусанна Юрьевна.

Наступило молчаніе, послѣ котораго Гончій заговорилъ мѣрно:

— Вотъ, моя золотая, сто разъ я сказывалъ вамъ, что, во-первыхъ, эти деньги большущія мною, собственно говоря, не наворо-

ваны, а второе—это только одна угроза. Оставляют меня эти молодцы на моемъ мѣстѣ, ни копейки взысканія съ нихъ не будетъ. Разумѣется, если они и васъ не обидятъ... Прогонятъ они меня, а затѣмъ, конечно, вслѣдъ за мной и васъ, то пускай платятъ, а уплативши страшныя деньги всѣмъ кому слѣдуетъ, пускай они съ Высоксой провалятся. Будь живъ Анникита Ильичъ, да имѣй ихъ года, то, конечно, онъ въ какія нибудь десять лѣтъ Высоксу бы опять поднялъ и очистилъ. И опять дѣло бы пошло, какъ шло при немъ и при мнѣ. А эти молодцы, выплативъ такой кушъ, сядутъ на мели, а черезъ пятокъ лѣтъ будутъ если не нищими, то далеко и не богатыми дворянами. Либо то, либо другое: либо мнѣ здѣсь оставаться, либо уходить.

— Надумать надо что нибудь,—отозвалась Касаткина.

— Говорилъ я вамъ и говорю: никакого способа у меня другого нѣтъ. Безъ отплаты имъ не могу я уйти. Привыкъ черезчуръ я за пятнадцать лѣтъ имѣть въ рукахъ важныя и любопытныя дѣла и привыкъ къ тому, что меня—Онисима Гончаго—знаютъ власти въ обѣихъ столицахъ. Да это не главное... Главное, что всякій день съ утра и весь день почти до вечера у меня дѣло есть. Наконецъ, теперешніе заводы, прежніе увеличенные да два новыхъ, которые я самъ выстроилъ, — вся Высокса теперешняя — вѣдь это мое дѣтище, почти такое же, какимъ было оно для Аникиты Ильича. И вдругъ меня два молодца, которые еще недавно были поросятами, сопливыми мальчуганами, по совершеннолѣтїи погонять взапеи, думая, что яко бы могутъ сами управиться. Смѣхъ, право! Не имъ подъ силу такое дѣло! Добро бы были они дружны, завели бы, пожалуй, сообща по взаимному согласію какого новаго управителя, человѣка не глупаго и знающаго. А вѣдь они, какъ бывало изъ-за куска сладкаго пирога дрались, такъ и теперь повздорятъ въ первый же мѣсяцъ управленія. А раздѣлить Высоксу пополамъ—это, знаете ли, что? Мнѣ говорилъ одинъ умный человѣкъ изъ Питера, что это будетъ въ нѣкоторомъ родѣ изъ Священнаго Писанія судъ Соломоновъ, судъ умный: какъ царь Соломонъ рассудилъ дитяню пополамъ разрубить и двумъ матерямъ отдать. Но только въ ту пору самозванная мать согласилась, а настоящая—отказалась. А какъ же будетъ братьями дѣло рассужено? Раздѣлиться двумъ братьямъ Басановымъ значитъ разсѣчь Высоксу пополамъ. А она—не простое имѣніе, гдѣ пахутъ, да сѣютъ, да хлѣбъ въ житницы собираютъ. Высокса, раздѣленная на двѣ части между двумя злобствующими другъ на друга братьями, тотъ же младенецъ, разрубленный пополамъ. Что же будутъ дѣлать заводы одного Басанова, когда главные рудники, главныя дожны будутъ принадлежать другому Басанову? А сдѣлать изъ Высоксы двѣ Высоксы, отдѣльныя, благоустроенныя, на это понадобится лѣтъ десять. И, конечно, не нашимъ молодцамъ это сдѣлать.

Гончій замолчалъ. Сусанна ничего не отвѣтила и угрюмо смотрѣла въ окно. Все то, что она слышала, она уже слышала не разъ, хорошо знала, давно поняла и давно согласна была съ Гончимъ во всемъ. Новаго было только то, что одинъ изъ главныхъ кредиторовъ, нижегородскій купецъ Бабаевъ, умеръ и по завѣщанію, будучи бездѣтенъ, оставилъ все, что имѣлъ, Гончему, а въ томъ числѣ и то, что Высокскіе заводы были ему должны.

Извѣстіе о его смерти смутило Сусанну. Вдобавокъ она знала, чужая, что и самъ Гончій смущенъ, но не хочетъ признаться. Бабаевъ умеръ какъ нельзя болѣе не кстати и запутывалъ дѣло и положеніе Гончаго.

И продумавъ о непріятной новости весь день, Сусанна собралась тайно отъ любимца повидать, чтобы посоветоваться, самаго умнаго человѣка въ Высокѣ. Но вызвать его было нельзя. Это былъ больной, хворавшій ногами Змглодъ, давнишній и вѣрный другъ, съ которымъ у нея была вдобавокъ особая связь... Общая страшная тайна! Сусанна побывала у стараго и преданнаго друга, но переговорить ни о чемъ не удалось, такъ какъ оба племянника вдругъ собрались тоже въ гости къ старику.

VII.

Денисъ Ивановичъ Змглодъ жилъ попрежнему въ томъ же домѣ, который когда-то себѣ выстроилъ. Но если тогда поселилась тутъ пара счастливецъ, какихъ, быть можетъ, не было во всей Высокѣ, а затѣмъ сталъ раздаваться здѣсь голосокъ одного ребенка, то теперь домъ, несмотря на большую пристройку, былъ полонъ.

Въ немъ вмѣстѣ съ прислугой было до дюжины человѣкъ. Помимо Дениса Иваныча и Аллы Васильевны, было пять человѣкъ дѣтей и свояченица Ильева. Старшій сынъ Змглода, Иванъ, былъ лишь на нѣсколько мѣсяцевъ моложе Олимпія. Старшая дочь, восемнадцати лѣтъ, была крестницей барышни Сусанны Юрьевны и была названа въ ея честь тоже Сусанной. Затѣмъ слѣдовали три дочери, изъ коихъ только одной минуло недавно четырнадцать лѣтъ, а двѣ другія были еще малолѣтнія.

Главной личностью въ семьѣ Змглода была Сусанна. Впрочемъ, насколько любили ее въ семьѣ, настолько же всѣ любили и во всей Высокѣ. И всѣ единогласно утверждали, что Сусанна Денисовна— удивительная дѣвица.

Дѣйствительно, молодая дѣвушка была далеко незаурядной личностью. Внѣшностью она была въ мать, какою Алла была въ молодости. Стало быть, она была красавица собой, бѣлая, какъ снѣгъ, съ золотыми вьющимися кудрями, но при этомъ съ оригинальными черными глазами отца. Изящная красавица дѣвушка удивляла

и поражала всѣхъ, даже прѣзжихъ гостей изъ губерніи и изъ столицъ.

Внѣшностью, лицомъ, тѣломъ и повадкой уродившаяся въ мать, Сусанна, или, какъ звали ее въ семьѣ, Саня, разумомъ, энергіей и вообще нравомъ уродилась въ отца. Характеромъ это былъ второй Змглодь. Дѣвушка была рѣшительна, предприимчива и мягкосердечна. Но если Змглодь когда-то вслѣдствіе обстоятельствъ своей жизни прослылъ за грознаго и злого, то дочь его вся Высокса считала отважной не по-дѣвичьи, а по-отцовски, но за то доброй по-матерински.

Алла Васильевна, конечно, измѣнилась лицомъ до неузнаваемости. Ей, казалось, было за пятьдесятъ лѣтъ, а въ дѣйствительности она едва переступила сорокъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, простодушная или прямо глупенькая въ молодости, она теперь совершенно опустилась и удивляла всѣхъ своимъ малоуміемъ, невозможностью заняться даже и хозяйствомъ, не только маленькими дѣтьми.

Всѣмъ завѣдывала Сусанна, причисляя мысленно свою мать къ младшимъ сестрамъ и заботясь объ ней, какъ о ребенкѣ... Впрочемъ, братъ всячески помогалъ ей.

Иванъ Змглодь былъ противоположностью сестрѣ по внѣшности: онъ былъ живой отецъ не столько чертами лица, сколько смуглымъ цвѣтомъ кожи, а разумомъ и сердцемъ былъ совсѣмъ въ мать, Аллу Васильевну, т.-е. добрый и недалекій малый. И именно этотъ характеръ и привелъ къ тому, что онъ сталъ другомъ съ дѣтства Аркадія Басанова.

Въ нихъ обоихъ было такъ много общаго, какъ если бы они были родные братья. По всей вѣроятности, игра природы или, вѣрнѣе, таинственные законы природы сказались въ двухъ молодыхъ людяхъ. Аркадій Басановъ былъ по матери и дѣду потомкомъ одного Басанова, про котораго самъ Аникита Ильичъ говаривалъ часто, что былъ у него дядя одинъ не только добрѣйшій человекъ, но чуть не святой своей жизнью, но за то малоумія диковиннаго. Кажется, глупѣе его и на свѣтѣ и не бывало.

— Святѣйшій дуракъ былъ! — говаривалъ Аникита Ильичъ.

Иванъ Змглодь, уродившійся свойствами характера въ свою мать, былъ, стало быть, внукомъ Василя Васильевича Ильева и правнукъ того же самаго «святого» Басанова. Если оба молодыхъ человека были по закону чужими людьми другъ другу, то по крови они могли назваться родственниками въ шестомъ колѣнѣ. Родство дальнее, а при взглядѣ на нихъ можно было подумать, что это два родныхъ брата, если не лицомъ, то характеромъ.

Семья Змглода жила дружно, мирно и тихо между собой. Денисъ Ивановичъ обожалъ жену попрежнему и, конечно, обожалъ дѣтей. Алла Васильевна считалась, повидимому, главной личностью въ семьѣ, но въ дѣйствительности, если Денисъ Ивановичъ исполнялъ

всѣ ея желанія до малѣйшей мелочи, то сама Алла Васильевна была въ полномъ подчиненіи у своей дочери Сани, считавшей мать младшей сестренкой.

Сусанну Денисовну особенно любили всѣ, и если сначала Высокса прозвала ее «Змглодкой», то теперь никто никогда не отзывался о ней иначе, какъ называя ее по имени и отчеству или по новому прозвищу «Змглодушка».

За послѣднее время положеніе и извѣстность Сусанны Змгодъ еще болѣе увеличились. За послѣдніе два года за нее три раза сватались три личности, и всѣмъ троицъ одинаково отказала она, не смотря даже на усовѣщеванія отца.

Одинъ изъ отринутыхъ жениховъ служилъ во Владимірѣ въ казенной палатѣ чиновникомъ, но былъ, правда, пожилой. Другой, сдѣлавъ предложеніе Сусаннѣ Денисовнѣ, даже заставилъ надъ собой смѣяться. Онъ былъ главнымъ дѣлопроизводителемъ въ коллегіи высокской и, конечно, могъ быть парой для дочери прежняго оберъ-рунта, если бы личное положеніе ея не было исключительное.

Вслѣдъ за этимъ сватовствомъ появилось третье, которое окончательно изумило всѣхъ. Приѣзжій изъ Петербурга молодой артиллерійскій офицеръ, старинный дворянинъ по отцу, человекъ съ состояніемъ, рязанскій помѣщикъ, встрѣтивъ Сусанну Змгодъ на вечеринкѣ у Сусанны Юрьевны, былъ пораженъ ея красотой.

Разспросивъ, кто она, и узнавъ, что дѣвушка—крестница Касаткиной, молодой человекъ, хотя дѣло о закахъ казенномъ было кончено, задержался въ Высоксѣ. Онъ былъ не первый. Со многими прежде, давно, случалось подобное изъ-за Сусанны Юрьевны.

Проживъ двѣ недѣли, офицеръ посватался.

Денисъ Ивановичъ былъ въ восторгѣ. Могъ ли онъ мечтать, онъ—полутурка, невѣдомо кто, не то осетинъ, не то абхазецъ, что дочь его будетъ когда нибудь русской помѣщицей и дворянкой. И Денисъ Ивановичъ былъ немало смущенъ, даже пораженъ на другой же день, когда его любимица отказала наотрѣзъ выходить замужъ за молодого человека. Никакія увѣщанія не помогли. Сусанна Денисовна объявила отцу, что лучше пойдетъ въ монастырь, нежели пойдетъ замужъ.

Отказъ этотъ, конечно, надѣлалъ много шуму во всей Высоксѣ, а шумъ этотъ, толки и пересуды, разныя догадки и умозаключенія привели къ тому, что у Высоксы какъ будто раскрылись глаза. Долгое ослѣпленіе прошло, всѣ будто сразу прозрѣли, увидѣли и ахнули. Прозрѣніе это началось, быть можетъ, съ самого отца, Дениса Ивановича, но онъ только покачалъ головой въ отвѣтъ на собственныя свои догадки, а съ дочерью о своихъ подозрѣніяхъ не захотѣлъ даже и переговорить.

Причина, по которой Высокса ахнула, была та же догадка. «Змглодушка», всѣми любимая, всему намѣстничеству извѣстная

своимъ ангельскимъ сердцемъ, своимъ удивительнымъ умомъ, а въ особенности своей красотой, могла, конечно, мечтать «объ этомъ диковинномъ».

Всѣ будто теперь только поняли то, что видѣли уже давно... А видѣли всѣ, что два молодыхъ барина, подрастая, часто выдаясь съ дѣтьми Дениса Ивановича, будучи съ ними если не однихъ лѣтъ, то одного поколѣнія, оба относились къ крестницѣ ихъ тетюшки и своей дальней побочной родственницѣ какъ-то особенно.

Теперь, когда оба барина были уже молодые люди—женихи, а Змглодушка, дѣвушкой нѣвѣстой, отношенія были какъ будто холоднѣе, а собственно эти отношенія стали менѣе дѣтскими, осторожными. Дѣйствительно, въ отношеніяхъ обоихъ братьевъ къ Сусаннѣ Денисовнѣ явилось что-то крайне сомнительное. Чужой человекъ и дальновидный, явившись въ Высоку, конечно, сейчасъ замѣтилъ бы, что оба брата просто влюблены въ молодую дѣвушку.

Умная Сусанна относилась къ обоимъ тоже равнодушно, но къ кому предпочтительнѣе лежало ея сердце—было неизвѣстно. Даже въ семьѣ полагали, что Саня обоихъ молодыхъ господъ одинаково жалуешь.

Отказъ на предложеніе руки и сердца молодого офицера заставилъ, однако, многихъ вдругъ воскликнуть, если не въ слухъ, то мысленно.

Неужели же дочь прежняго оберъ-рунта настолько о себѣ возмечтала? Какая она ни на есть умница и красавица, все же считать господъ Басановыхъ себѣ равней—даже дерзость. Она должна помнить, что ея отецъ, если не былъ крѣпостнымъ холопомъ ихъ дѣда, то былъ вольнонаемнымъ холопомъ. И если бы, благодаря своему уму и энергіи, не попалъ въ должность оберъ-рунта, то былъ бы, по всей вѣроятности, простымъ лакеемъ, пожалуй, хоть бы даже потомъ и дворецкимъ. Только его «мастерство» на всѣ руки сдѣлало его на время грозой всей Высоку, сдѣлало его страшнымъ орудіемъ въ рукахъ стараго барина.

Впрочемъ, подозрѣніе, что Сусанна Денисовна хитро старается нравиться обоимъ братьямъ и какъ будто разсчитываетъ на нихъ, какъ на жениховъ, держалось недолго. Было извѣстно, что хотя она нравится Олимпію Дмитріевичу, но онъ постоянно повторяетъ, что ранѣе сорока лѣтъ не женится, а, можетъ, и совсѣмъ никогда не женится.

— На кой прахъ идти подъ вѣнецъ!—постоянно говорилъ онъ.— И кой шутъ это выдумаль!

Что касается Аркадія Дмитріевича, то мысль, что онъ вздумаетъ на комъ либо жениться, казалась совершенно нелѣпою. Всѣмъ представлялось, что Аркадій Дмитріевичъ долженъ еще лѣтъ десять пропрыгать, какъ мальчуганъ, забавляясь всякими пустяками.

И въ этомъ всё ошиблись. Никто и не подозрѣвалъ, какъ давно, сильно и глубоко былъ Аркадій привязанъ къ красивой крестницѣ своей тетки. Впрочемъ, это, можетъ быть, случилось потому, что самъ молодой человекъ будто не зналъ, какъ именно относится онъ къ Эмглодушкѣ. Онъ сжился съ своимъ чувствомъ и никогда не размышлялъ о немъ. Когда оно возникло, онъ былъ самъ слишкомъ юнъ, полуотрокъ и ни о чемъ не разсуждалъ. А теперь это бессознательное чувство какъ-то слилось съ его существованіемъ. Думать о томъ, любить ли онъ Сусанну Денисовну, какъ любить, какимъ образомъ и до какой степени,—было бы то же, если бы онъ вдругъ началъ думать, почему онъ бѣлокурый, а не брюнетъ, и съ какихъ поръ волосы посвѣтлѣли и какимъ образомъ, почему?..

Казалось, что только какой либо внѣшній толчекъ, какое нибудь особенное и внезапное обстоятельство можетъ заставить его отнести себя сознательно къ его отношеніямъ съ дѣвушкой и спросить себя: что она ему?

Конечно, теперь, когда Аркадію было уже за двадцать лѣтъ, онъ зналъ, что есть на свѣтѣ существо, которое имѣетъ настолько значенія въ его жизни, что заставляетъ на все въ мірѣ смотрѣть своими глазами, или какъ бы чрезъ нее. Теперь часто и все чаще приходило ему въ голову, что Сусанна должна бы была стать его подругой жизни.

Если до сихъ поръ Аркадій ни разу не обратилъ вниманія ни на одну дѣвушку въ Высокѣ, если онъ даже иногда защищался отъ иной назойливой красавицы, которой нравился, то это было ради Сусанны.

Его чувство къ ней не позволяло ему къмъ либо увлечься, хотя бы ради простой прихоти, временно и шутя...

И всё считали барина Аркадія Дмитріевича тюфякомъ, мякиной и плаксой... А это была мягкая, но страстная натура, способная на истинное глубокое чувство, на отвагу при самооборонѣ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Графъ Е. А. Салиасъ.

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ ¹⁾.

XXVI.

Убийство герцога Энгіенскаго.—Преслѣдованіе роялистовъ въ Парижѣ.—Судъ надъ ними.—Братья Полиньякъ.—Жоржъ Кадудаль.—Дѣйствія Бонапарта.—Провозглашеніе его императоромъ.—Отъѣздъ гр. В. Н. Головиной изъ Парижа.—Путешествіе по Германіи.—Кассель, Веймаръ.

ОНАПАРТЪ готовилъ новое убійство. Онъ предложилъ совѣту захватить герцога Энгіенскаго, представляя его, какъ заговорщика. Но совѣтъ отклонилъ его предложеніе. Бонапартъ настаивалъ и, выйдя изъ совѣта, тотчасъ отправилъ презрѣннаго Коленкура въ Роттенгеймъ въ великое герцогство Баденское, на правомъ берегу Рейна, гдѣ находился герцогъ Энгіенскій; по приглашенію перваго консула, приказано было привезти его немедленно въ Парижъ. Несмотря на это насиліе, герцогъ не подозрѣвалъ, что его везутъ на смерть. Его продержали въ Парижѣ всего нѣсколько часовъ, а затѣмъ отправили въ Венсенскій замокъ, принадлежавшій ранѣе его отцу. Быстрота этого путешествія изнурила его; онъ бросился на кровать въ приготовленной для него комнатѣ и заснулъ безмятежнымъ сномъ невинности. Въ полночь его разбудили. «Что вамъ угодно?»—спросилъ онъ. «Вы должны идти на допросъ»,—отвѣтили ему. «Зачѣмъ?»—спросилъ онъ, но не получилъ на этотъ вопросъ отвѣта и спокойно послѣдовалъ за своими проводниками. Когда онъ явился передъ своими судьями или, вѣрнѣе, передъ своими палачами, его спросили только о его имени и при-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVII, стр. 766.

говорили къ смертной казни; онъ попросилъ священника, ему отказали. «Достаточно искренней молитвы, чтобы получить прощеніе отъ Бога», — сказалъ онъ, бросился на колѣни и сталъ горячо молиться; затѣмъ всталъ со словами: «Теперь кончайте скорѣе». Его повели ко рву замка; ночь была темная, ему привязали къ груди фонарь, чтобы не потерять его изъ виду и хотѣли завязать ему глаза. «Бурбонъ сумѣетъ умереть», — сказалъ онъ. «Становитесь на колѣни», — сказали ему. «Я становлюсь на колѣни только передъ Богомъ». Раздались девять выстрѣловъ, герцогъ упалъ въ ровъ, его засыпали землей.

Я узнала о его приѣздѣ въ Парижъ въ тотъ же вечеръ. Зная, что первый консулъ арестуетъ всѣхъ вѣрныхъ слугъ короля, которыхъ вѣроломный М. привлекалъ въ Парижъ, мы испытывали исполнѣ основательныя опасенія. Пишегрю былъ арестованъ однимъ изъ первыхъ; онъ жилъ въ Парижѣ уже три мѣсяца, его арестовали. (Онъ былъ задушенъ въ тюрьмѣ, и его смерть старались объяснить самоубійствомъ). На другой день послѣ приѣзда въ Парижъ герцога Энгиенскаго и его убійства, ко мнѣ пришла г-жа де-Тарантъ, блѣдная, едва держась на ногахъ. Она сказала мнѣ съ выраженіемъ отчаянія: «Герцогъ Энгиенскій умерщвленъ сегодня ночью; Дюра только что сообщилъ мнѣ это». Я была поражена и глубоко потрясена этой новостью. Этотъ звѣрскій поступокъ взволновалъ общество и народъ. Даже извергъ Тюріо сказалъ, что это была потребность выпить стаканъ человѣческой крови ¹⁾. Стѣны на улицахъ покрылись афишами, полиція ихъ срывала, но на другой день онѣ снова появлялись. Имена Коленкура, Савари, произносились съ ужасомъ: одинъ привезъ жертву въ Парижъ, другой предсѣдательствовалъ при казни. Полиція искала всюду братьевъ Польньякъ и добродѣтельнаго Жоржа (Кадудала); всѣ добрые люди трепетали за нихъ и желали спасти ихъ. Именно въ это время распространилось извѣстіе, что Бонапартъ провозгласилъ себя императоромъ. Былъ сдѣланъ общій призывъ къ націи для того, чтобы былъ утвержденъ новый актъ честолюбія; но подписи не могли наполнить даже и одной страницы. Между тѣмъ изъ города никого не выпускали безъ билета. Г-жа де-Шаро, которой понадобился билетъ, чтобы отправиться въ свой замокъ, принуждена была сама пойти въ префектуру за билетомъ; тамъ она видѣла, какъ народъ приводили съ улицы насильно для подписыванія; среди другихъ тамъ находился старый угольщикъ, который спросилъ: «*Vous voulez, que je chine; si je ne chine pas, pourrais-je porter mon charbon?*» Ему отвѣтили утвердительно. «*Alors je ne chinerais pas*». Г-жа де-Шаро употребила надъ собой всѣ усилія, чтобы не засмѣяться.

¹⁾ Фуше сказалъ: «это хуже преступленія: это ошибка». Слова ужасныя, но характерныя.
Прим. гр. В. Н. Головиной.

Г-жа Идалія Полиньякъ, жена старшаго брата, которая не подозрѣвала, что ея мужъ находится въ Парижѣ, предложила мнѣ прійти ко мнѣ заняться музыкой, съ условіемъ, чтобы двери были заперты, и чтобы съ нами никого не было, кромѣ Ривьера, который будетъ аккомпанировать намъ, и г-жи де-Тарантъ, которая бы насъ слушала. Г. Ривьеръ пришелъ въ назначенный часъ, но было уже 9, 10 часовъ, а г-жа Идалія еще не приходила; теряясь въ догадкахъ, мы прождали ее весь вечеръ. На другой день я съ удивленіемъ и съ горемъ узнала, что г-жа Идалія Полиньякъ и г-жа Водрейль-Караманъ арестованы. Я побѣжала къ г-жѣ де-Суршъ, но нашла ея квартиру запертой; мои опасенія послѣ этого еще болѣе увеличились. Я отправилась за справками о новыхъ двухъ жертвахъ и, возвратясь домой, нашла записку отъ г-жи де-Суршъ, въ которой она писала, что не приняла меня изъ предосторожности, и что я была въ числѣ заподозрѣнныхъ, что на допросѣ, которому подверглась ея сестра, мое имя было произнесено; ей сказали, что ея связь со мной была ей извѣстна, что, вѣроятно, она ждетъ отъ Россіи пенсіи. Г-жа де-Водрейль отвѣтила, что она дѣйствительно была дружна со мной, что я для нея сдѣлала все, на что способна великодушная дружба, что я всегда была готова помочь страждущимъ, что она всю свою жизнь будетъ чувствовать ко мнѣ привязанность и благодарность, но что она никогда не думала просить у Россіи пенсіи. «Мы скоро узнаемъ, что это за иностранная подруга»,—сказали ей,—«мы отправимся къ ней, чтобы посмотрѣть, какъ насъ примутъ». Благодаря этой угрозѣ, г-жа де-Суршъ не приняла меня изъ боязни повредить, но это еще усилило мое желаніе пойти къ ней. Я тотчасъ же и поѣхала къ ней, чуть не выломала у нея дверь; мое появленіе удивило и тронуло ее. «Не бойтесь ничего»,—сказала я ей,—«я увѣрена, что я замѣшана въ дѣло г-жи Водрейль, и спокойно жду этихъ господъ; пусть они явятся ко мнѣ, и я велю выбросить ихъ всѣхъ за окно». И дѣйствительно, пришли на другой день, но видъ нашей обстановки показался имъ слишкомъ внушительнымъ для того, чтобы оскорбить меня, и они удалились.

Г-жа де-Полиньякъ находилась въ плачевномъ состояніи и сильно беспокоилась за своего мужа и за своего деверя. Г-жа Бранка, ея двоюродная сестра, просила, чтобъ ее заключили вмѣстѣ съ ней, но послѣ усиленныхъ настояній и доводовъ, поддержанныхъ врачомъ, утверждавшимъ объ опасномъ положеніи г-жи де-Полиньякъ, она просила перенести ее къ себѣ и получила разрѣшеніе, но лишь на условіи, что она будетъ считаться арестованной, и что никто не будетъ видѣть ее. Г-жа де-Бранка написала мнѣ всѣ эти подробности чрезъ горничную своей двоюродной сестры, на вѣрность и равносудительность которой она вполне полагалась. Я рѣшила повидаться съ ними на другой же день. Я прошла черезъ свой садъ и садъ г-жи де-Верракъ и черезъ нижній этажъ ея дома вышла на

улицу Верренъ. Въ первый разъ въ жизни я очутилась одна вечеромъ на улицѣ. Я шла вдоль стѣны, чтобы не быть раздавленной. Проходя мимо воротъ дома г-жи де-Ж. Г., я увидѣла женщину, сидящую подъ воротами съ корзиной завядшихъ цвѣтговъ; она просила меня купить у нея. «Они завяли, моя милая», — сказала я ей. Она нагнулась ко мнѣ и сказала мнѣ на ухо съ грустью и безпокойствомъ: «Сударыня, я бѣдная нищая, переодѣтая цвѣточницей; съ тѣхъ поръ, какъ онъ — императоръ, арестуютъ всѣхъ бѣдныхъ на улицѣ и отправляютъ ихъ въ Сальпетриеръ, гдѣ обращаются съ ними, какъ съ собаками. Онъ хочетъ доказать, что нѣтъ бѣдныхъ, тогда какъ они вездѣ». Я дала ей 6 франковъ и поспѣшила уйти отъ нея. Придя на улицу Банъ, которую я должна была пройти для того, чтобы выйти на улицу Ла-Планшъ, я была остановлена грязнымъ ручьемъ, протекавшимъ среди улицы. Была страшная грязь, и я боялась сдѣлать опасный прыжокъ и стояла въ недоумѣніи у этого ручья, ошеломленная шумомъ экипажей и повозокъ и криками различныхъ продавцовъ, которые проходили мимо меня, какъ вдругъ ко мнѣ подошли два весьма приличныхъ на видъ незнакомца и предложили мнѣ самымъ почтительнымъ образомъ вывести меня изъ затрудненія. Я воспользовалась ихъ любезностью. Поблагодаривъ ихъ, я отправилась на улицу Ла-Планшъ, гдѣ находился отель г-жи де Ла-Бранка. Я довольно долго стучала молоткомъ, осматривалась по сторонамъ, чтобы увидѣть, не наблюдаютъ ли за мной; я боялась повредить г-жѣ Идали, но мнѣ хотѣлось дать ей положительное доказательство моей къ ней дружбы; сознание добраго дѣла придаетъ смѣлость и непреклонность волѣ. Наконецъ привратникъ отворилъ мнѣ дверь, я проскользнула въ большой дворъ и подбѣжала къ двери флигеля, гдѣ находилась бѣдная Идалия. Я нашла ее въ страшно возбужденномъ состояніи. Она тронула меня до глубины души. Она приняла меня съ распростертыми объятіями; мы много говорили о несчастіяхъ и горестяхъ, которыя угрожали ея кузинѣ. Я оставила ее въ сумеркахъ; когда я вновь подошла къ ручью, въ виду быстро наступающей ночи, я собралась съ духомъ, сдѣлала удивительный скачекъ и возвратилась домой съ сердцемъ, полнымъ страданія и тревоги. Жоржъ Кадудаль былъ арестованъ въ то время, когда проѣзжалъ по улицѣ въ кабріолетѣ. Онъ жилъ въ Парижѣ уже 6 мѣсяцевъ. Братъя Полиньякъ, маркизъ де-Ривьеръ, Кортэ, Викторъ, пажъ Людовика XVI, и много другихъ вѣрныхъ слугъ Людовика XVI были заключены въ Тамплъ, гдѣ производилось ихъ дѣло.

Моро былъ заподозрѣнъ и присоединенъ къ нимъ. Негодованіе общества достигло высшей степени. Чудовище же трепеталъ самъ и не спалъ двухъ ночей къ ряду на одномъ мѣстѣ; большую часть дня онъ проводилъ на бельведерѣ замка въ Сенъ-Клу съ подозрительной трубой, направленной на Парижскую дорогу, постоянно боясь пріѣзда курьера съ извѣстіемъ о возмущеніи. Г-жа де Ла-Рошфуко,

которую я встрѣчала у Августины Турсель, говорила ей, что ей часто случалось находиться втроемъ съ первымъ консуломъ и его женой, что Бонапартъ былъ очень молчаливъ и забавлялся прорѣзываніемъ мебели перочиннымъ ножомъ, который всегда держалъ при себѣ, и что его настроеніе можно было узнать по движенію руки. Какое счастливое состояніе души! Въ сердцѣ—адъ, а за его широкимъ лбомъ—демонъ гордыни! Г-жа Дюгазонъ, давнишняя знаменитая артистка комической оперы, уходила со сцены. Ей назначили послѣдній бенефисъ; артистки Comédie française выбрали для спектакля пьесу «Сарторій»: въ одной сценѣ въ этой пьесѣ Помпей сжигаетъ, не читая, списокъ заговорщиковъ. Они хотѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы дать извергу урокъ. Бонапартъ явился въ театръ; когда дошли до упомянутой сцены, онъ поблѣднѣлъ, ротъ его покривился. Я сказала тремъ сестрамъ Турсель, которыя были со мной: «онъ задохнется отъ бѣшенства». Но онъ всталъ, рѣзкимъ движеніемъ отодвинулъ стулъ и удалился изъ театра. Его отъѣздъ произвелъ шумъ въ партерѣ. Бонапартъ возвратился домой въ ярости.

Онъ занялся возвышеніемъ своихъ родственниковъ и раздавалъ имъ различные титулы. Его сестры и невѣстки стали вдругъ принцессами крови. Крикуны выкрикивали объ этомъ на улицахъ; торговки, услыжавъ объ этомъ, стали давать себѣ титулы, въ родѣ, на примѣръ, *princesse d'asperge* (принцесса спаржи), *princesse d'épinard* (принцесса шпината) и т. д. Ихъ отвели въ полицію; онѣ отвѣчали тѣмъ, кто арестовалъ: «Что бы вы ни дѣлали, мы все-таки останемся принцессами». Когда принцессы крови появились въ первый разъ въ театрѣ, въ публикѣ раздались голоса въ партерѣ, напоминавшіе объ Энгіенской крови. Появились стихи о концѣ существованія республики:

*L'indivisible citoyenne
Qui ne devait jamais périr,
N'a pu supporter sans mourir,
L'opération césarienne.*

*Grands parents de la république,
Grands raisonnements en politique,
Dont je partage la douleur,
Venez assister en famille
Au grand convoi de votre fille
Morte en couche d'un Empereur.*

Я была чрезвычайно рада, когда узнала, что русскій дворъ носить трауръ по герцогу Энгіенскомъ; въ Парижѣ это произвело сильное впечатлѣніе въ кругу благонамѣренныхъ людей. Г-нъ Морковъ приготовлялся къ отъѣзду, и я съ огорченіемъ видѣла тоже необходимость покинуть страну, гдѣ я снова нашла счастье и благоденствіе.

Г-жа де-Шатильонъ, мать г-жи де-Тарантъ, просила меня навѣстить когданибудь утромъ. Когда я пришла къ ней, она послѣ нѣкотораго колебанія сказала мнѣ: «Я хочу просить васъ, чтобы вы взяли съ собой въ Россію мою дочь». Эти слова произвели на меня невыразимое дѣйствіе: у меня не хватало духу предаться радости при видѣ скорбной нѣжности матери. Я стояла молча, отвѣтивъ только наклоненіемъ головы въ знакъ согласія, но замѣтивъ, что она внимательно смотритъ на меня, какъ бы ожидая отвѣта, я сказала ей: «Я поѣду не раньше, какъ черезъ 6 недѣль», и поспѣшила переменить разговоръ.

Я находилась въ большомъ затрудненіи, не зная, какимъ образомъ достать паспортъ для г-жи де-Тарантъ, такъ какъ она не хотѣла вычеркивать своего имени изъ числа списка эмигрантовъ, и я боялась, что обратятъ на нее вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ Парижѣ начинали высылать женщинъ. Всѣ, къ кому я ни обращалась, не могли мнѣ дать совѣта. Въ это время, когда я находилась въ такомъ затрудненіи, мнѣ однажды докладываютъ о приходѣ лакея г-на Шуазель-Гуфье; лакей передалъ мнѣ письмо и громадный министерскій портфель, запертый на ключъ. Г-нъ Шуазель въ своемъ письмѣ просилъ, умолялъ, заклиналъ меня простить его за смѣлость, которая, писалъ онъ, была слѣдствіемъ его глубокаго уваженія и довѣрія, которое я ему внушала. Благодаря своимъ сношеніямъ съ Моро, онъ подвергался опасности быть арестованнымъ, и поэтому просилъ меня взять на храненіе его бумаги, которыя показывали бы его образъ мыслей; его письмо заканчивалось цѣлымъ потокомъ восхищеній по поводу характера моего поведенія въ Парижѣ. Я сдѣлала видъ, будто вѣрю всему этому, но между тѣмъ я ясно видѣла, что онъ побуждаетъ меня дать отчетъ о чистотѣ его убѣжденій въ Россію. Трудно не подозрѣвать этого: его дружба съ Талейраномъ и все, чѣмъ онъ пользовался, благодаря его милости, все говорило противъ него; большая часть его имѣній были ему возвращены, а также всѣ древности, собранныя имъ во время его путешествій; его дворъ былъ наполненъ капителями и разбитыми колоннами замѣчательной красоты. Все это доказываетъ, что милости эти были приняты имъ отъ Бонапарта. Герцогиня де-Жевръ просила меня позволить ей привезти ко мнѣ г-жу Шуазель-Гуфье, почтенную и интересную женщину, которая стояла по своимъ душевнымъ качествамъ гораздо выше своего мужа. Я приняла ее съ радостью и съ живымъ интересомъ и два дня спустя возвратила ей визитъ. Г-нъ Шуазель во время моего визита смотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ; онъ не видалъ меня съ тѣхъ поръ, какъ послалъ мнѣ свой портфель; очевидно, онъ боялся, чтобы я не проговорила объ этомъ при его женѣ: ему было неловко признаться ей въ своей двуличности. Я ни однимъ словомъ не обмолвилась объ этомъ, хотя мнѣ очень хотѣлось пошутить надъ нимъ. Я говорила о моемъ отъѣздѣ и о моемъ затрудненіи получить паспортъ для г-жи де-Тарантъ. Мы условились съ нимъ о часѣ,

когда онъ пришлетъ мнѣ лицо, завѣдующее этимъ дѣломъ. Я просила г-жу де-Тальмонъ, невѣстку г-жи де-Тарантъ, прійти помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ я не имѣла никакого понятія о правилахъ и формальностяхъ въ этомъ государствѣ. Она сидѣла у меня, когда доложили о приходѣ этого таинственнаго человѣка. Одна его фигура возбуждала нѣкоторое удивленіе. Представьте себѣ человѣка уже немолодого, длиннаго, сухаго, съ худымъ безобразнымъ лицомъ оливковаго цвѣта, съ черными, какъ уголь, пронизывающими глазами, длиннымъ острымъ носомъ, блѣдыми тонкими губами; вся его фигура походила на скелетъ. На немъ былъ свѣтло-сѣрый костюмъ съ полосатымъ жилетомъ, свѣтло-сѣрые панталоны и такіе же чулки, на ботинкахъ маленькія пряжки. Волосы его были зачесаны по старой модѣ съ буклей за ушами и косою попрусски. Никогда я не видѣла болѣе мрачной фигуры. Я нѣсколько минутъ стояла молча; этотъ странный человѣкъ не внушалъ мнѣ никакого довѣрія; наконецъ я спросила его, можетъ ли онъ достать паспортъ для одной особы, записанной въ число эмигрантовъ, паспортъ по всѣмъ правиламъ, чтобы имѣть возможность выѣхать на воды въ Германію. Онъ отвѣтилъ гробовымъ голосомъ: «Отчего же нѣтъ». «Но что же нужно сдѣлать для этого?»—«Я приду сказать вамъ объ этомъ завтра вечеромъ. Тогда же вы мнѣ сообщите имя этой особы, хотя я его уже знаю».—«Кто же это?»—«Г-жа де-Тарантъ». Я дала ему луидоръ за его драгоцѣнный визитъ. Онъ сдѣлалъ поклонъ съ такой напускной улыбкой, что я не могла удержаться отъ гримасы, глядя на него. На другой день онъ принесъ необходимыя бумаги и сказалъ, что г-жа де-Тарантъ должна отправиться съ нимъ къ нѣкоторымъ рабочимъ его квартала, чтобы взять ихъ въ качествѣ свидѣтелей, которыхъ она могла выбрать сама. Пришлось подчиниться этой формальности, и я дала ему 2 луидора за его второй визитъ. Черезъ два дня онъ принесъ паспортъ, прося г-жу де-Тарантъ послѣдовать за нимъ въ префектуру. Хотя все дѣло было исполнено по закону, мы не могли отдѣлаться отъ нѣкотораго страха. Г-жа де-Беарнъ предложила мнѣ пойти съ ней подождать г-жу де-Тарантъ на набережной у префектуры, и мы прождали около часу въ неизвѣстномъ страхѣ; наконецъ къ нашей радости она явилась съ паспортомъ, даннымъ ей по всѣмъ правиламъ, снабженнымъ всѣми подписями начальствующихъ лицъ, между прочимъ и Талейрана.

Братья Полиньякъ были арестованы. Идалія получила нѣкоторыя льготы и разрѣшеніе посѣщать своего мужа въ тюрьмѣ, куда ее сопровождала ея кузина, г-жа де-Бранка. Дворъ Тампля былъ всегда полонъ народомъ, выказывавшимъ поразительное участіе къ несчастнымъ жертвамъ, которыя вскорѣ были переведены въ Conciergerie; у воротъ этой тюрьмы собиралось еще больше народа. Идалія и г-жа де-Бранка рассказывали мнѣ, что всякій разъ, когда онѣ приходили, народъ бросался къ нимъ навстрѣчу, спрашивая, нѣтъ ли какойнибудь надежды, и выказывая самое живое участіе.

Не задолго до казни всѣ арестованные собрались въ одной комнатѣ; днемъ стража находилась съ ними, стоя у дверей. Однажды вечеромъ, когда г-жа де-Полиньякъ, ея кузина и г-жа де-Моро пришли въ тюрьму, Жюль де-Полиньякъ, младшій изъ братьевъ, ходилъ по комнатѣ и вдругъ проговорилъ, показывая на сторожей: «Эти господа очень скверно обращались съ нами въ Тамплѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ они начинаютъ узнавать насъ, они стали мягче, и я готовъ биться объ закладъ, что пробудь мы здѣсь еще мѣсяца два или три, я бы командовалъ ими». При этихъ словахъ сторожа сняли шапки. Жюлю было въ то время 22 года; трудно было найти фигуру болѣе изящную, какая была у него.

Начался процессъ; засѣданія продолжались отъ 7 часовъ утра до 4 или 4^{1/2} часовъ по полудни. Отвѣты, даваемые обвиненными, были восхитительны; они выказывали преданность своему законному государю съ тѣмъ благороднымъ безстрашіемъ, которое заставляетъ трепетать преступленіе и обезоруживаетъ гонителей, такъ что судьи теряли головы. Залъ былъ полонъ солдатами, призванными для поддержанія порядка. Зрители были тронуты до глубины души отважностью и преданностью жертвъ и возмущались коварствомъ и вѣроломствомъ судей, которые, несмотря на все свое искусство, потерпѣли неудачу. Сочувствіе стражи къ подсудимымъ было такъ сильно, что въ короткое время ихъ смѣняли 3 или 4 раза. Жоржъ Кадудаль въ особенности возбуждалъ такое восхищеніе, что невозможно было скрыть его. Мой мужъ, который присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ, часто возвращался домой весь въ слезахъ. Онъ рассказывалъ мнѣ, что однажды, когда допрашивали Жоржа, его спокойный видъ и простыя, но возвышенныя рѣчи дѣйствовали на него такъ, что съ своего возвышенія, на которомъ онъ находился, онъ не могъ оторвать отъ него глазъ. Растроганное лицо моего мужа произвело на него такое впечатлѣніе, что онъ сдѣлалъ ему легкій поклонъ. Мой мужъ гордился этимъ отличіемъ и не могъ говорить равнодушно объ этомъ. Всѣ присутствующіе содрогнулись, когда въ послѣднемъ засѣданіи судьи вынесли смертный приговоръ Жоржу, Кортэ, Сенъ-Виктору, Пико, слугѣ Жоржа, маркизу де-Ривьеръ, Арману де-Полиньякъ и 20 другимъ лицамъ. Нельзя не сочувствовать мученіямъ, которымъ подвергли Пико; ему прикладывали раскаленное желѣзо къ пяткамъ, раздробили большіе пальцы на рукахъ, все для того, чтобы заставить его выдать своего господина; но онъ не выдалъ его: золото, которое ему давали, было отвергнуто имъ съ презрѣніемъ. Онъ раздѣлялъ заточеніе вмѣстѣ съ Жоржемъ; подвергся тому же приговору и на судѣ, въ присутствіи публики, рассказывалъ объ истязаніяхъ, которымъ его подвергали. Жоржъ де-Полиньякъ былъ приговоренъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію; когда онъ услышалъ приговоръ, произнесенный надъ его братомъ, онъ хотѣлъ умереть за него или, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ нимъ. Арманъ противодействовалъ этому

братскому самоотверженію; между ними завязалась такая трогательная борьба, что вся аудиторія заливалась слезами. Они стояли, обнявъ другъ друга; Жоржъ былъ готовъ умереть; но непоколебимые судьи не измѣнили своего приговора.

Бѣдная Идалія была уничтожена. Мой мужъ возвратился съ этого засѣданія въ полномъ отчаяніи. Онъ вошелъ въ гостиную съ выраженіемъ такого страданія, что мы всѣ были поражены; сквозь рыданія онъ разсказалъ намъ о зрѣлицѣ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. У меня была въ это время г-жа Сентъ-Адельгондъ, женщина съ открытымъ характеромъ; она бросилась на шею моему мужу, восклицая: «какой вы достойный человекъ!»

Г-жа де-Полиньякъ увидѣла необходимость обратиться за помощью къ г-жѣ Бонапартъ. Она упрашивала ее дать ей возможность просить за своего мужа у перваго консула. Ее повезли рано утромъ въ Сентъ-Клу. Войдя къ г-жѣ Бонапартъ, она упала въ обморокъ; послѣдняя дала ей всѣ доказательства добраго сердца. Она повела ее въ салонъ, черезъ который долженъ былъ пройти ея мужъ; она даже совѣтовала ей броситься на колѣни и называть его титулами, которые онъ себѣ присвоилъ.

Идалія согласилась на все, лишь бы спасти два дорогихъ ея сердцу существа. Когда первый консулъ появился, она бросилась передъ нимъ на колѣни и сказала съ выраженіемъ самой глубокой скорби: «Государь, я прошу правосудія для моего мужа». Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. «Какъ вы можете просить за него», — отвѣчалъ онъ, — «вѣдь онъ изъ числа тѣхъ, которые были посланы убить меня». При этихъ словахъ она быстро встала. «Вы не знаете нашихъ принцевъ», — воскликнула она: — «они не могутъ руководить преступленіемъ». Такой смѣлый отвѣтъ смутилъ Бонапарта. «А кто поручится мнѣ за вашего мужа?» — отвѣтилъ онъ. «Семь лѣтъ супружества и семь лѣтъ счастья». — «Возвращаю вамъ вашего мужа, сударыня.» Приговоръ былъ отмѣненъ, оба брата Полиньякъ были присуждены къ 4-хъ-лѣтнему тюремному заключенію въ крѣпости Гамъ. 9 лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, а вмѣсто обѣщанной свободы, они находятся въ еще болѣе ужасной тюрьмѣ, чѣмъ первая ¹⁾ Маркизъ де-Ривьеръ былъ спасенъ отъ смерти, благодаря мольбамъ своей сестры; онъ провелъ 4 года вмѣстѣ съ Полиньяками, затѣмъ его перевели въ менѣе строгую тюрьму въ Страсбургъ; въ настоящее время онъ отпущенъ на честное слово жить въ этомъ же городѣ, и пользуется большою свободой. Г-жа де-Полиньякъ оживилась надеждой; она поспѣшила къ мужу и къ зятю и отправила свою горничную ко мнѣ съ извѣстіемъ, что они спасены. Мы въ это время выходили изъ-за стола: всѣ, кто былъ у насъ, были внѣ себя

¹⁾ Прим. графини Головиной: они были освобождены только въ 1814 г. послѣ паденія Бонапарта и реставраціи Бурбоновъ.

отъ радости при этомъ извѣстіи. Я побѣжала къ Идалии, чтобы поздравить ее: ея маленькая комната была полна народомъ. Я бросилась къ ней на шею, г-жа де-Бранка нѣжно поцѣловала меня и затѣмъ бросила меня въ объятія своей старой свекрови, которой я никогда не видѣла, и въ объятія своего мужа, а затѣмъ всѣ они бросились цѣловать этого почтеннаго человѣка; толкали меня къ какому-то господину въ очкахъ. «Это адвокатъ, который такъ хорошо защищалъ наше дѣло», говорили мнѣ. Я была такъ ошеломлена всѣми этими изліянiями, что у меня закружилась голова, и въ концѣ концовъ я стала смѣяться, какъ ребенокъ.

Я съ огорченіемъ видѣла, что день моего отъѣзда приближался: я не могла разстаться равнодушно съ людьми, съ которыми я была связана нѣжной дружбой.

Оставшимся временемъ я пользовалась, чтобъ совершать прогулки по окрестностямъ Парижа, которыя, благодаря своему разнообразію, всегда открывали для меня что нибудь новое. Я отправилась въ Près de Gervait (поле Жерве) съ г-жей де-Тарантъ, г-жей де-Беарнъ и княгиней де-Тальмонъ. Это поле занимаетъ небольшое пространство земли, все покрытое сплошь кустами сирени, что пріятно дѣйствуетъ и на обоняніе. Нѣжный запахъ сирени напоминаетъ свѣжесть молодости. Мы отправились затѣмъ въ лѣсъ Раменвиллье, принадлежавшій г-жѣ де-Монтесонъ; мы сѣли противъ группы крестьянъ. Какая-то упрямая старуха бранила молодую дѣвушку, грустный и смущенный видъ которой забавлялъ мальчугана-шалуна, стоявшаго подлѣ нихъ; ребенокъ, стоя на колѣняхъ на столѣ, ѣлъ изъ корзины какіе-то плоды. Все это представляло деревенскую картинку, которую я нарисовала въ моей памятной книжкѣ. Нѣсколько штриховъ, взятыхъ съ натуры, имѣютъ больше цѣны и производятъ больше впечатлѣнія, чѣмъ даже очень тщательно обработанный рисунокъ. Совершенно вѣрно говорятъ, что нѣтъ ничего прекраснѣе правды: одна правда способна привлекать сердца. Святая Тереза говоритъ, что воображеніе есть *la folle de la maison*; это такъ, если ему дать свободу бродить безъ удержу, но когда имъ руководитъ правда, оно становится полезнымъ товарищемъ, который безъ усталости всегда насъ переноситъ въ прошедшее и будущее: оно помогаетъ мысли, украшаетъ ее, придаетъ красоту выраженію картины. Богъ далъ намъ всѣ средства, чтобы дѣйствовать морально и физически; отъ насъ зависитъ приводить въ порядокъ это сокровище и заводить машину нашихъ дѣйствій, размѣщая цѣлесообразно и точно ея части.

Участіе, которое я приняла въ г-жѣ Идалии, тронуло ее до глубины души, и она всячески старалась дать мнѣ доказательство своихъ нѣжныхъ чувствъ ко мнѣ. День моего отъѣзда приближался, мои добрые друзья покидали меня какъ можно меньше. Г-нъ Морковъ уѣхалъ. До моего отъѣзда оставалось только 2 или 3 недѣли.

Когда я однажды гуляла съ Полиной де-Беарнъ, она сказала мнѣ: «Мой другъ, съ тѣхъ поръ, какъ я знаю, что вы уѣзжаете, мое сердце страдаетъ, чѣмъ я могу вамъ это выразить, и отъ вѣчной разлуки съ вами и отъ внутренняго волненія, котораго я не въ силахъ побѣдить; мнѣ кажется, что вы пріѣхали къ намъ, чтобы вернуть намъ хотя приблизительное счастье, и что послѣ вашего отъѣзда несчастіе будетъ снова тяготѣть надъ нами». Увы, ея предчувствіе оказалось болѣе чѣмъ вѣрнымъ: она перенесла тяжелыя несчастія; описаніе ихъ подробностей было бы слишкомъ длинно: достаточно сказать, что они таковы, что ихъ хватить ей на всю жизнь. Милость, добродѣтель и несчастіе—вотъ ея девизъ.

Жертвы были поведены на эшафотъ на Гревскую площадь. Жоржъ, Кортэ, Сень-Викторъ, Пико вошли на эшафотъ съ крикомъ: «Да здравствуетъ король!» Приверженцы Бонапарта окружали эшафотъ, чтобы не дать народу возможность услышать и дѣйствовать.

Моро, боясь смерти, написалъ Бонапарту письмо, какъ будто съ извиненіемъ; эта слабость будетъ вѣчнымъ пятномъ въ его исторіи. Они пришли къ соглашенію, и результатомъ этого соглашения была ссылка Моро въ Америку. Для безопасности Бонапарта было необходимо, чтобы въ Парижѣ не было ни одного человѣка, который могъ замѣнить его. Братья Полиньякъ были сосланы, а также, какъ я упоминала выше, маркизь де-Ривьеръ.

Я покинула Парижъ 26-го іюня, на другой день послѣ казни, въ 4 часа по полудни. Мои друзья пришли проститься со мною; мое сердце было переполнено страданіемъ и разставаніемъ со всѣми тѣми, которые меня любили, и болью, которую испытывала г-жа де-Тарантъ, разставаясь съ матерью. Здоровье моей матери начинало ослабѣвать: на другой день послѣ нашего выѣзда изъ Парижа у нея сдѣлался нервный припадокъ. Мое безпокойство достигло крайнихъ предѣловъ. Страшно было видѣть ее въ этомъ состояніи въ простой гостиницѣ и безъ всякой возможности помочь ей. Наконецъ Богъ смилостивился надо мной, ей стало лучше, и мы перенесли ее въ карету. Движеніе и воздухъ совершенно привели ее въ себя. Пріѣхавъ въ Мецъ, мы остались тамъ ночевать, чтобы дать ей отдохнуть.

На другой день мы съ г-жей де-Тарантъ и дѣтьми пошли осматривать городъ. Мы вошли въ красивую церковь; я сѣла на ступеньки колонны, чтобы нарисовать перспективу; едва я начала работать, какъ какая-то женщина, одѣтая въ лохмотья, подошла къ одному изъ алтарей, который находился въ нижней части церкви; она горячо молилась, проливая потокъ слезъ. Мы смотрѣли на нее съ нѣжнымъ участіемъ и съ уваженіемъ къ ея страданіямъ. Когда она кончила, мои дѣти подбѣжали къ ней, чтобы дать ей милостыню; она вскрикнула и упала на колѣни и начала усердно молиться, принося благодареніе Богу. Довѣріе, вѣра этой женщины,

ея благодарность за Божіе милосердіе, которое прислать ей на помощь, доказываетъ намъ истину, которую мы всегда должны помнить: вѣрьте, просите, и дастся вамъ.

Проѣзжая Эльзась, я снова увидѣла чудную цѣпь Савернскихъ горъ. Въ Гейдельбергѣ я отправилась осматривать готической замкъ. Г-жа де-Тарантъ, мой мужъ и я поднялись по извилистой тропинкѣ, которая вела къ нему. Я съ большимъ интересомъ осматривала широкой дворъ, окруженный арками, и стѣны котораго были покрыты гербовыми щитами; эти украшенія—остатокъ рыцарства.

Въ Рашгадтѣ мы отправились на кладбище, гдѣ покоятся убитые¹⁾ французскіе комиссары. Недалеко оттуда проходитъ дорога, ведущая въ Карльсруэ. Я немного прошлась по этой дорогѣ; моя мысль, казалось, была неразрывно связана съ чувствами, наполнявшими мое сердце. Въ жизни бываютъ моменты, когда человѣкъ не хотѣлъ бы имѣть ни воспоминаній, ни привязанностей, ему хотѣлось бы стать нѣмымъ, какъ могила, чтобы обратиться загѣмъ въ ничто.

Во Франкфуртѣ мы пробыли 2 дня. Я встрѣтила г-жу Тутолмину, которой я очень обрадовалась. Я ходила осматривать городъ, хотя отчасти уже была знакома съ нимъ. Меня поразила печальная музыка, которую исполняли студенты передъ однимъ домомъ, имъ аккомпанировалъ похоронный звонъ колоколовъ приходской церкви. Я съ любопытствомъ спросила, что это значитъ, и узнала, что это былъ странный нѣмецкій обычай сопровождать такимъ образомъ агонію умирающаго.

Въ главномъ соборѣ въ Марбургѣ находится мавзолей, сооруженный въ память принцессы венгерской Елисаветы, бывшей замужемъ за ландграфомъ Людовикомъ Тюрингскимъ. Церковь наполнена барельефами, напоминающими различныя событія изъ жизни этой принцессы. Мавзолей въ видѣ саркофага замѣчателенъ тонкой работой и богатствомъ драгоценныхъ камней, которые составляютъ его украшеніе; въ особенности замѣчателенъ по своей величинѣ желтый брильянтъ, очень дорогой; ночью онъ свѣтится, какъ свѣча. Тѣло этой принцессы погребено въ этой церкви, но никто не знаетъ, въ какомъ именно мѣстѣ. Эта тайна хранится²⁾ по волѣ ея супруга, который довѣ-

¹⁾ Въ 1798 году, послѣ разрыва Кронштатдскаго конгресса, Роберто, Жакъ Добри и др. Это преступленіе было совершено убійцами, одѣтыми въ мундиры австрійскихъ гусаръ, но никто не сомнѣвался въ томъ, что это были комиссары французской директоріи. Примѣч. графини В. Н. Головиной.

²⁾ Св. Елисавета пережила нѣсколькими годами своего супруга, умершаго въ Палестинѣ въ 1227 г. или 1228 г. Она умерла 17-го января 1231 года и была канонизована папой Григоріемъ IX; тѣло ея перевезено въ 1235 г. въ Перуджи. Неизвѣстно мѣсто ея погребенія, потому что ея останки были перемѣщены нѣсколько разъ и по различнымъ причинамъ. Думаютъ, что монументъ относится къ позднѣйшему времени, чѣмъ время ея канонизаціи.

Примѣч. графини Головиной.

рилъ ее монахамъ, унесшимъ ее съ собой въ могилу. Этотъ памятникъ былъ воздвигнутъ въ 1235 г.

Въ Касселѣ я осматривала музей; тамъ находятся довольно рѣдкія камеи, плохія статуи и нѣсколько превосходныхъ картинъ фламандской школы. Тутъ находятся картины Рембранта, Богемса и въ особенности одна картина Павла Потера ¹⁾, обратившая мое вниманіе. Затѣмъ, въ особой залѣ, мы увидѣли восковыя фигуры курфюрстовъ, въ натуральную величину, въ парадныхъ одѣяніяхъ, помѣщенныхъ кругомъ. Затѣмъ намъ показали часовню самой тонкой архитектурной работы; она была построена ландграфомъ Карломъ.

Въ Готѣ покойный герцогъ похороненъ, по его волѣ, въ его саду безъ гроба, въ рубашкѣ. Его могила внутри выстлана газономъ и окружена плетнемъ, чтобы земля не коснулась его. Гробъ же его стоитъ въ церкви, находящейся недалеко отъ его могилы. Странныя свойства его души, своеобразная фантазія, тщеславіе, пренебрегающее истиной, которой онъ не признавалъ, даетъ представленіе о фиглярѣ, который своими фокусами не попадаетъ въ цѣль. Предметъ, который онъ хотѣлъ скрыть, открылся передъ глазами публики. Мнѣ досадно за герцога, который все же умеръ и съѣденъ червями. Вѣчность существуетъ и для него; его небрежный костюмъ не помѣшаетъ ему войти въ жизнь вѣчную.

Я купила апельсиновъ въ колыбели его рожденія.

Веймарскій садъ чудесенъ. Герцогиня Марія (великая княгиня Марія Павловна) отсутствовала, когда я проѣзжала этотъ городъ ²⁾.

Кафедральный соборъ въ Наумбургѣ, который изъ католическаго передѣланъ въ лютеранскій, одна изъ лучшихъ церквей, какія только существуютъ. Эта перемѣна доказываетъ, что она древнѣе другихъ церквей.

Я съ удовольствіемъ возобновила прогулки въ Лейпцигѣ. Я съ трогательнымъ интересомъ увидѣла террасу съ цвѣтами, о которой я говорила раньше.

¹⁾ Тотъ самый, котораго картина находится въ галлерей Эрмитажа, съ того времени, какъ императоръ Александръ купилъ коллекцію Мальмезонъ.

Примѣч. графини Головиной.

²⁾ Она еще не была въ то время тамъ, потому что приблизительно въ это самое время, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1804 г., происходило ея бракосочетаніе въ Петербургѣ.

Примѣч. графини Головиной.

XXVII.

Дрезденъ.— Саксонская Швейцарія.— Смерть княгини П. И. Голицыной.— Путешествіе въ Богемію.— Возвращеніе въ Россію.— Митава.— Герцогиня Ангулемская.— Королевская фамилія.— Пріѣздъ въ Петербургъ.— Представленіе ко двору.— Политическія событія того времени.

Въ Мейссенѣ я поднялась на башню, съ которой открывался видъ на Дрезденъ. Я пріѣхала въ этотъ городъ съ сердцемъ, стѣсненнымъ отъ воспоминаній о графинѣ Шенбургѣ. Мнѣ предстояло увидѣться впервые послѣ ея смерти съ ея матерью, княгиней Путятиной; столько волненій и слишкомъ основательныхъ безпокойства относительно здоровья моей матери дѣлали меня больной. Къ несчастію, я попала въ руки врача, пичкавшего меня лѣкарствами. Я старалась, какъ только могла, скрыть свое безпокойство о матери. Я осматривала всѣ мѣста, которыя мнѣ описывала столько разъ графиня Шенбургъ въ своихъ письмахъ; я видѣла многое также вмѣстѣ съ княгиней Путятиной, участіе которой ко мнѣ, казалось, смѣшивалось съ ея печалью о дочери. Однажды она меня просила прійти одной къ ней послѣ обѣда. Я послѣдовала ея приглашенію. Она повела меня въ свою спальню, гдѣ находился портретъ графини Шенбургъ во весь ростъ довольно похожій. Видъ этого портрета меня очень взволновалъ. Княгиня попросила меня немного подождать, сказавъ, что она мнѣ сейчасъ принесетъ кое-что. Я осталась передъ портретомъ, смотря на него съ грустнымъ и сладкимъ чувствомъ. Вдругъ вошла княгиня и покрыла мнѣ лицо платьемъ, которое носила ея дочь въ день нашей разлуки. Воротникъ платья сохранялъ еще запахъ ея волосъ, надушенныхъ туберозой. Этотъ запахъ, форма ея тѣла, замѣтная на этомъ платьѣ, произвели на меня страшное впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что я вижу графиню Шенбургъ, слышу ея раздирающія душу рыданія, когда она прощалась со мною навѣки. Я почувствовала, что падаю въ судорогахъ: я осталась безмолвной, я сдѣлалась нечувствительной ко всему, что меня окружало и что происходило во мнѣ.

Пробужденіе было ужасно, я сознавала только мысль о могилѣ, скрывшей вѣчную дружбу. Я слишкомъ страдала и была слишкомъ огорчена, чтобы думать о представленіи ко двору курфюрста.

Я пошла посмотреть эту столь хваленую галерею, гдѣ я нашла нѣсколько *chef d'oeuvre*овъ, попорченныхъ по недостатку присмотра. Успеніе Пресвятой Дѣвы Рафаеля выше всякихъ похвалъ. Ночь Корреджіо мнѣ не понравилась: на меня неприятно подѣйствовала спутанность ногъ и рукъ ангеловъ. Преувеличенныя похвалы всегда бываютъ въ ущербъ достоинству. Эта преувеличенность возбуждаетъ и заставляетъ восхищаться до того момента, когда про-

изведеніе представляется нашимъ взорамъ. Тогда, благодаря прирожденному намъ чувству сравненія и критики, очарованіе идеала разрушается. Ложныя репутаціи и ложныя впечатлѣнія исчезаютъ, какъ двигающіяся облака, въ которыхъ думаешь видѣть всякаго рода фигуры.

Врачъ мнѣ предписалъ побольше моціона, мужъ предложилъ мнѣ путешествіе по Саксонской Швейцаріи. Я отправилась съ нимъ, съ принцессой Тарантъ и нѣсколькими другими особами. Мы начали съ Liebe Wal — прелестнаго мѣста, гдѣ мы пили сливки на мельницѣ, прекрасной по своему наиболѣе веселому и разнообразному расположенію. Когда мы покинули это мѣсто, нашимъ глазамъ представилась самая дикая и самая суровая природа. Громадныя скалы, долины, заключенныя между высокими, покрытыми лѣсомъ, горами, большія вѣтви, скрещающіяся между собой, опасныя каменистыя тропинки, проложенныя необходимостью, источники, падающіе съ шумомъ до глубины долины, создавали суровый пейзажъ, который я съ удовольствіемъ обозрѣвала. Погода была очаровательна и спокойна. Мы ходили впродолженіе семи часовъ, предшествуемые проводникомъ. Мы вскарабкались на колѣняхъ на двѣ крутыя горы (Малый и Большой Виттенбергъ). Мы цѣплялись за вѣтви и корни, чтобы не упасть. Я была истощена, моя одышка почти всецѣло лишила меня силъ, принцесса Тарантъ меня дотащила до вершины одной изъ горъ, гдѣ находилось нѣчто въ родѣ бесѣдки. Мы остановились въ ней для отдыха и для того, чтобы полюбоваться видомъ мѣстъ, расположенныхъ по теченію рѣки Эльбы. Потомъ мы спустились съ горы черезъ густой дикій лѣсъ по тропинкѣ, покрытой камнями и терновникомъ. Тогда насъ настигла ночь. Природа безмолвствовала; между вершинами старыхъ деревьевъ замѣчались серебряныя лучи луны, давашіе слабый свѣтъ. Стукъ топора дровосѣка разносился эхомъ. Я испытывала чрезвычайное наслажденіе, которое доставляютъ только красоты природы. Это единственное дѣйствительное наслажденіе, которое никогда не исчерпывается, оно доступно всякому возрасту во всякое время. Опираясь на руку madame de-Тарантъ, я предавалась всѣмъ получаемымъ впечатлѣніямъ, пока мы не дошли до конца лѣса. Мы замѣтили у нашихъ ногъ крыши одной деревни, расположенной на берегахъ Эльбы. Этотъ новый пейзажъ былъ освѣщенъ тѣмъ болѣе поразительнымъ свѣтомъ, что онъ выходилъ изъ темнаго лѣса. Мы, казалось, висѣли на воздухѣ, хотя уже прошли три четверти спуска. Въ самомъ низу находилось судно, довшее насъ до Пирны, гдѣ мы провели ночь передъ возвращеніемъ въ Дрезденъ. Пирнская долина живописна. Остатки разрушеннаго замка представляютъ собой наблюдательный пунктъ. Они возвышаются надъ частью горъ, а съ другой стороны надъ долинами, усѣянными деревнями.

Наши поѣздки заглушали иногда безпокойство, гнѣздившееся въ глубинѣ моего сердца. Блѣдность лица моей матери меня леденила, и если иногда я находила нѣкоторую надежду привезти ее на родину, это меня мало утѣшало, и я страдала потомъ еще болѣе. Постоянныя тревоги истощили всецѣло мое здоровье, я попережнему выходила, но мысль о моей матери меня преслѣдовала всюду. Я съ удовольствіемъ встрѣтилась снова съ принцессой Луизой Прусской, которая нѣсколько разъ навѣстила меня и обѣдала у меня съ братомъ, принцемъ Людовикомъ, погибшимъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ войнѣ противъ французовъ. Онъ былъ почти всегда жертвой обстоятельствъ и если сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, то только потому, что не былъ на своемъ мѣстѣ. Этотъ принцъ имѣлъ великую душу; не стѣсняемый во всѣхъ своихъ движеніяхъ, онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ заблуждаться, и воображеніе его увлекло. Горячность и потребность отличиться привели его къ смерти.

Я приближаюсь къ печальному времени, къ страшной минутѣ, когда я потеряла мать.

Я была больна болѣе обыкновеннаго. Довольно сильная лихорадка держала меня въ комнатахъ. Моя мать проводила весь день со мной. Она была замѣчательно блѣдна и порой впадала въ глубокой бредъ. Я не могла отвести съ нея глазъ и страшно о ней безпокоилась. Она оставила меня, чтобы пойти обѣдать, и вернулась вечеромъ. Въ половинѣ 11-го встала, чтобы попрощаться со мной, обняла меня съ обычной нѣжностью, благословила меня и удалилась. Въ 11 часовъ я къ ней отправила свою горничную, которая обыкновенно присутствовала при ея раздѣваніи, и услуги которой ей нравились. Я ее ожидала съ нетерпѣніемъ, желая знать, расположена ли моя мать отдыхать; мои дѣти спали, madame де-Тарантъ пошла молиться въ сосѣднюю комнату, я уже лежала. Вдругъ прибѣжала моя горничная съ очень смущеннымъ видомъ и сказала взволнованнымъ голосомъ: «Ваша мать проситъ васъ скорѣе прійти къ ней». Я задрожала отъ этого призыва, я говорила себѣ, что моя мать, умирая, зоветъ меня. Я вскочила съ постели, надѣла ватное пальто и побѣжала къ ней. Какое зрѣлище представилось моимъ глазамъ! Моя бѣдная мать со всѣми ужасными признаками паралича сидѣла поперекъ своей кровати. Ея ноги были обнажены, голова непокрыта, глаза обезображены. Хотя она умирала, она протянула свои руки, я ихъ схватила моими; ея голова упала мнѣ на грудь, и она меня благословила самымъ трогательнымъ, нѣжнымъ и торжественнымъ образомъ. Господь позволилъ, чтобы она сдѣлала это, несмотря на апоплексическій ударъ. Я не берусь выразить, что происходило во мнѣ. Я чувствовала, какъ слабѣю; меня вырвали изъ рукъ моей матери: мы чуть не упали, обнимая другъ друга. Мой мужъ увелъ меня въ мою комнату, я упала на колѣни передъ распятіемъ и долго молилась вслухъ. Г-жа де-Тарантъ

говорила мнѣ потомъ, какъ она была тронута моими словами, такъ естественно выходившими изъ души. Мой мужъ былъ такъ этимъ растроганъ, что всталъ на колѣни рядомъ со мной. Смерть, сколько чувства ты намъ показываешь и съ сколькими истинами ты насъ знакомишь! Ты—конецъ и начало, ты разрушаешь, чтобы вернуть жизнь. Каждая капля моей крови была охвачена ея ледянымъ покровомъ. Мать моя дышала еще около получаса послѣ того, какъ я ее оставила. Она потеряла даръ слова немного раньше, но еще имѣла силу взять руку моего мужа, чтобы поднести ее къ своимъ умирающимъ губамъ. Онъ принялъ ея послѣднее дыханіе. Это право принадлежало ему, какъ самому вѣрному другу, какъ самому нѣжному сыну, какъ опорѣ ея старости.

Моя мать часто высказывала желаніе быть погребенной въ одномъ изъ своихъ имѣній Калужской губерніи, гдѣ она родилась. Это же желаніе было выражено въ бумагѣ, адресованной ею моему мужу и найденной послѣ ея смерти. Мой мужъ спросилъ у императора разрѣшеніе исполнить послѣднюю волю умершей. Его величество милостиво разрѣшилъ, приказавъ, чтобы во всѣхъ церквахъ, мимо которыхъ пройдетъ тѣло, читались установленныя молитвы. Приготовленія къ погребенію отнимали много времени, въ теченіе котораго гробъ помѣстили въ назначенной для этого комнатѣ возлѣ католической часовни и кладбища, назначеннаго для иностранцевъ. Позаботились о томъ, чтобы я не знала, когда дорогіе останки будутъ увезены отъ меня. Мужъ мой въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, былъ моимъ ангеломъ-хранителемъ. Онъ принялъ на себя всѣ расходы, которые должны были лежать на моемъ братѣ, который наслѣдовалъ состояніе моей матери и находился довольно близко отъ насъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, но мужъ мой испытывалъ дѣйствительное удовольствіе заботиться о моей матери послѣ ея смерти такъ же, какъ это было при жизни. Г-жа де-Тарантъ не оставляла меня ни днемъ, ни ночью, ея нѣжное попеченіе ко мнѣ было торжествомъ дружбы. Печаль лишила меня сна, каждый день въ 11 часовъ вечера я испытывала трепетъ и страданіе, которое можетъ понять только сыновнее чувство; это состояніе продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Г-жа де-Тарантъ усаживалась возлѣ моей постели и покидала меня только около 4-хъ часовъ утра, когда истощенная природа, казалось, засыпала. Она вставала очень рано, чтобы помолиться возлѣ моей матери. Столь искреннія и столь нѣжныя попеченія смягчали мое сердечное огорченіе. Въ это самое время произошло обстоятельство, котораго я никогда не забуду. Однажды утромъ я сидѣла на диванѣ, погруженная въ печальныя размышленія. Мой мужъ вошелъ и сѣлъ противъ меня; нѣкоторое время мы хранили молчаніе, его глаза наполнились слезами; онъ бросился ко мнѣ, рыдая и говоря, что мы оба осиротѣли и должны утѣшать другъ друга. Зима протекла для меня печально:

Справедливая и законная печаль никогда не исчезает, религія смягчаетъ ея жгучесть, не уничтожая ея; нужно умереть, чтобы потерять ее. Господь приказываетъ времени только укрѣплять насъ для того, чтобы ее переносить всегда.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (1805 г.) г-жа де-Тарантъ отправилась въ Вѣну на нѣсколько недѣль; мы условились поѣхать ей на встрѣчу до Праги. Я спустилась пѣшкомъ и въ креслѣ, несомомъ двумя крестьянами, съ прекрасной горы, называемой Гейрсбергъ. Эти носильщики живутъ на вершинѣ горы, они привыкли къ этому путешествію, требующему много силы. Отъ времени до времени они отдыхали. Я пользовалась этими промежутками, чтобы набрать ползучихъ растеній, которыя росли на скалахъ подъ тѣнью прекраснѣйшихъ деревьевъ. Я размышляла о силѣ времени, съ помощью которой нѣжные цвѣты пускали свои корни въ самые твердые утесы. Я видѣла также борозды, проведенныя дождемъ на этихъ утесахъ; я дѣлала массу обличеній между міромъ физическимъ и міромъ моральнымъ. Формы, краски привлекали мои взоры, возбуждая меня приготовить палитру, но какая кисть можетъ изобразить природу! Самое счастливое изображеніе ея красота только поражающій сонъ, очарованіе котораго исчезаетъ, какъ только откроешь глаза. Я провела два дня въ Теплицѣ. Вечеромъ я пошла гулять съ моими дѣтьми. Подходя къ одной дачѣ, я слышала прекрасную музыку, звуки которой раздавались по долинѣ. Я остановилась послушать: играли новый для меня вальсъ, возбудившій воспоминанія въ моемъ сердцѣ. Таково дѣйствіе музыки; всегда она находится въ связи съ чувствительностью, которая подобно хорошо натянутой и вѣрной струнѣ отвѣчаетъ легчайшему прикосновенію. Все въ природѣ звучитъ; нужно только умѣть коснуться, ударить, чтобы въ этомъ убѣдиться; но ничто не сравнится съ органомъ голоса. Онъ вводитъ слово въ сердце, и если въ отсутствіи какойнибудь голосъ напоминаетъ голосъ, который любишь, все исчезаетъ передъ глазами. Переносишься на крыльяхъ мысли къ предмету, заставившему все исчезнуть и оставившему тебя съ твоимъ сердцемъ и со счастьемъ чувствовать.

На другой день нашего прибытія въ Прагу г-жа де-Тарантъ присоединилась къ намъ. Прага—живописный городъ, носящій печать готики. Я люблю старинные города: они, кажется, сами собою внушаютъ къ себѣ уваженіе. Время нашего пребыванія въ Прагѣ—самое интересное время года для этого города. Праздновали день св. Іоанна Непомука, покровителя города, родившагося здѣсь и окончившаго здѣсь же мученически свои дни. Этотъ праздникъ продолжается недѣлю. Многочисленная толпа стекается съ окрестностей, торжественное богослуженіе совершается въ соборѣ, гдѣ находится массивная серебряная гробница, заключающая мощи святого. Мы выслушали обѣдню, съ трибуны читали проповѣдь на народномъ

языкъ, очень похожемъ на русскій языкъ. Я испытывала невыразимое удовольствіе, понимая всю проповѣдь. Мы обошли весь городъ; на прекрасномъ мосту черезъ Молдаву находится открытая часовня, посвященная св. Іоанну Непомуку, передъ которой много народу безпрестанно преклоняло колѣни. Прохожіе снимали шляпу съ почтениемъ; вообще чехи набожны и добры.

Мы оставались два дня въ Прагѣ, во время которыхъ мы видѣли нѣсколько монастырей. Это было въ первый разъ, что я входила въ католическій монастырь. Тѣ, которые я видѣла въ Парижѣ, были разрушены, это было только жалкое подобіе монастырей. Г-жа де-Тарантъ показала мнѣ одинъ, принадлежащій монахинямъ кармелиткамъ. Онѣ помѣщались въ зданіи стариннаго мужского монастыря этого же ордена. Большое число священниковъ было тамъ убито во время дней 2 и 3-го сентября 1792 г. Коридоры окрашены кровью. Послѣ времени террора госпожа де-Жонкуръ, старая пансіонерка одного кармелитскаго монастыря, купила зданіе и сдѣлала воззваніе къ сестрамъ, которыя съ радостью поспѣшили къ ней; но онѣ не были утверждены правительствомъ и не имѣли права носить монашеское одѣяніе. Онѣ выбрали формой платье цвѣта кармелитокъ съ чепцами и косынками бѣлой ткани. Я была въ Вепрѣ въ этой общинѣ и такъ какъ я была очень больна, то онѣ были внимательны, прося уважаемаго старца—настоятеля монахинь, помолиться за меня.

Я возвращаюсь къ Прагѣ. Секретарь архіепископа этого города вызвался быть нашимъ проводникомъ. Проходя по улицамъ вмѣстѣ съ нимъ, мы встрѣтили его знакомаго—старога кармелитскаго монаха, который, бывъ лютераниномъ и саксонскимъ офицеромъ, сталъ католическимъ монахомъ. Онъ былъ настоятелемъ кармелитскаго монастыря. Нашъ проводникъ просилъ его насъ провести въ церковь этого монастыря и показать намъ черезъ рѣшетчатое окно одну изъ кармелитскихъ сестеръ, умершую 130 лѣтъ назадъ. Онъ согласился на это. Когда мы были въ церкви, онъ подошелъ къ окну, которое такъ высоко, что можно на него опереться, и сказалъ нѣсколько словъ шопотомъ. Тотчасъ же зеленая занавѣсъ отдернулась съ другой стороны, и мы увидѣли въ малѣнькой четырехугольной комнатѣ умершую, сидящую въ креслѣ. Ея лицо не носило никакихъ слѣдовъ разложенія, кромѣ нѣсколькихъ пятенъ. Ея глаза были неплотно закрыты, носъ и ротъ прекрасно сохранились, руки были худы, но не походили на руки мертвеца. Сестры-кармелитки смѣяли другъ друга, чтобы хранить ее. Та, которая отдернула занавѣсъ, держала ее еще. Я ее видѣла въ профиль; она была покрыта чернымъ вуалемъ, спускавшимся до колѣнъ. Она взяла руки мертвой и подняла ихъ безъ усилія, онѣ сохранили свою гибкость. Затѣмъ монахиня вернулась на свое мѣсто, а я сказала моеи дочери, стоявшей возлѣ меня. «Та, которая держитъ занавѣсъ,

такъ же мертвая, какъ и сидящая». Едва я произнесла эти слова, какъ услышала шорохъ платья за стѣной. Сестра, обреченная на молчаніе, исчезла, какъ тѣнь. Этотъ орденъ—одинъ изъ самыхъ суровыхъ: сестры говорятъ только разъ въ день и не должны слышать чужого голоса. Оставивъ Прагу, мы отправились съѣсть на корабль на Эльбѣ, чтобы вернуться въ Дрезденъ. Это одно изъ самыхъ прекрасныхъ путешествій, которое я когда либо сдѣлала. У насъ было три барки: одна для каретъ, вторая для кухни, третья для насъ съ хорошенкими каютами. Берега Эльбы восхитительны; они представляютъ изъ себя чудесныя картины, за которыми легко быстро слѣдить. У меня была комната пополамъ съ г-жей де-Тарантъ. Мы вмѣстѣ наслаждались красотами прелестной природы и этимъ новымъ существованіемъ. Въ часъ обѣда барка съ кухней подходила къ нашей. Я испытывала тяжелыя чувства, видя снова Дрезденъ, оставившій на мнѣ такое страшное воспоминаніе, и тѣмъ не менѣе, изъ-за этого же самаго я испытывала нѣкоторое сожалѣніе мѣсяцъ спустя, когда надо было совсѣмъ покинуть этотъ городъ. Я возвращалась на родину безъ всякаго удовольствія, такъ какъ со мной не было моей матери. Мое сердце было проникнуто печалью. Отправившись до Митавы по той же самой дорогѣ, которую мы уже разъ проѣзжали, мы остановились въ этомъ городѣ. Мы остановились въ довольно плохой гостиницѣ, но лучшей не было. Мы тамъ встрѣтили хирурга герцогини Ангюлемской, который ожидалъ г-жу де-Тарантъ, чтобы передать ей отъ ея королевскаго высочества, что она должна тотчасъ же явиться къ ней. Онъ прибавилъ, что герцогиня отправилась гулять въ коляскѣ, что она скоро вернется, и мы ее увидимъ, какъ она проѣдетъ. Г-жа де-Тарантъ сѣла со мной на крыльцѣ, ожидая ее. Мы видѣли, какъ она искала глазами во всѣхъ окнахъ и какъ откинула назадъ свой черный вуаль, увидя насъ. (Она носила трауръ по графинѣ д'Артуа). Поклонъ, посланный ею г-жѣ де-Тарантъ, былъ какой-то особенный. Лицо казалось смягченнымъ, насколько только могло быть. Колѣни г-жи де-Тарантъ, казалось, сгибались, она опиралась на мою руку, чтобы войти въ комнату; она бросилась на свою кровать, казалось, заглушая рыданія. Вскорѣ герцогиня послала за ней, и вотъ что рассказала она мнѣ вернувшись. Какъ только она прибыла въ замокъ, ее провели въ кабинетъ герцогини. Дверь открылась, она увидѣла герцогиню, стоящую посреди кабинета и протягивающую ей обѣ руки. Г-жа де-Тарантъ упала на колѣни, прежде чѣмъ герцогиня могла ей помѣшать въ этомъ, обѣ рыдали, не имѣя силы говорить, но какія слова могутъ выразить то, что чувствуешь въ подобныя минуты. Душа собираетъ всѣ воспоминанія и соединяетъ прошедшее съ настоящимъ. Между ними произошло объясненіе, очень расстрогавшее г-жу де-Тарантъ. Оно касалось письма, написаннаго г-жей

де-Тарантъ въ бытность ея королевскаго высочества въ Вѣнѣ, и холоднаго отвѣта на это письмо. Герцогиня сказала ей, что она была принуждена отвѣтить въ такомъ тонѣ, что она тогда не могла быть госпожей своихъ дѣйствій и что если г-жа де-Тарантъ страдала, получивъ это письмо, она страдала столько же. Король, королева и герцогиня Ангулемская приняли г-жу де-Тарантъ съ самой горячей сердечностью. Ихъ величества желали, чтобы я явилась къ нимъ обѣдать на другой день съ моимъ мужемъ. Вечеромъ у насъ были съ визитомъ лица, приближенные къ королю и принцессамъ, герцогъ д'Аварэ, почтенный старецъ, братъ г-жи де-Турсель, аббатъ Эд-жевортъ, одного имени котораго достаточно, чтобы внушить глубокое уваженіе. Никогда ничье лицо не выражало столько доброты души, какъ его. Онъ былъ высокаго роста, благородной осанки, апостольская любовь къ людямъ и достоинство были запечатлѣны на всей его особѣ. Я смотрѣла на него и слушала его съ умиленіемъ. Когда всѣ ушли, я осталась одна съ г-жей де-Тарантъ, чтобы побесѣдовать съ ней о всемъ томъ, что она только что испытала. Никогда не чувствуется лучше цѣна дружбы, какъ въ минуты, когда сердце, полное живыхъ впечатлѣній, встрѣчаетъ другое, раздѣляющее ихъ исполнѣ. Умиляешься, отдыхая.

На другой день я представлялась королю въ присутствіи всей семьи. Его величество поспѣшно подошелъ ко мнѣ и милостиво высказалъ, какъ онъ былъ тронутъ моимъ дружественнымъ отношеніемъ къ г-жѣ де-Тарантъ. Затѣмъ король представилъ меня королевѣ и герцогинѣ Ангулемской, которыя приняли меня очень хорошо. Бесѣдовали до обѣда; король первый пошелъ къ столу, сопровождаемый всей семьей. Онъ сѣлъ между королевой и герцогиней, которая съ большимъ достоинствомъ и учтивостью усадила меня возлѣ себя. Мы говорили о Франціи и о личностяхъ, ее интересовавшихъ. Послѣ обѣда король завладѣлъ мною; мы много шутили; онъ замѣчательно любезенъ и по истинѣ покорелевски остроуменъ. На королевѣ былъ странный и неблагородный костюмъ, лицо у нея непріятное, но она обольщаетъ своимъ умомъ. На другой день я отправилась высказать свои пожеланія герцогинѣ по случаю дня рожденія монсиньора. Я привела съ собой моихъ дѣтей. Герцогъ Ангулемскій принялъ насъ, прося подождать герцогиню, занятую своимъ туалетомъ. Онъ любезно бесѣдовалъ съ нами. Г-жа де-Тарантъ сказала ему съ волненіемъ: «Какъ я вамъ благодарна, монсиньоръ, за то, что вы осчастливили герцогиню». — «Скажите мнѣ лучше, принцесса, — отвѣтилъ онъ, — что я сдѣлалъ, чтобы заслужить такое сокровище». Затѣмъ явилась ея высочество. Она была очень весела и любезна. Два дня спустя, я отправилась со своимъ семействомъ въ Петербургъ. Г-жа де-Тарантъ оставалась еще мѣсяцъ въ Митавѣ.

По прибытіи въ Петербургъ я съ грустью вернулась въ свой домъ, ставшій такимъ пустымъ для меня со смертію моей матери. Моя квартира была испорчена: она была нанята на время нашего отсутствія для принца Людвига Виртембергскаго. Моя спальня носила слѣды малой заботливости принца о порядкѣ. Императоръ пріѣхалъ посмотрѣть на всѣ поврежденія за нѣсколько дней до нашего отъѣзда; онъ былъ ими пораженъ и хотѣлъ взять расходы по исправленію на свой счетъ. Онъ былъ крайне удивленъ, когда мой управляющій не хотѣлъ взять болѣе двухъ тысячъ рублей. Обои въ гостиныхъ были испещрены мыльными пятнами: казалось, принцу нравилось мыться во всѣхъ комнатахъ.

Настало время представиться мнѣ ко двору. Онъ находился тогда въ Таврическомъ дворцѣ. Я была растрогана и осаждена массой чувствъ и воспоминаній. Я взяла себя въ руки, какъ только могла. Графиня Протасова отправилась со мной въ гостиную императрицы Елисаветы. Черезъ четверть часа явилась императрица. Я была еще въ траурѣ по моей матери, мой костюмъ гармонировалъ съ моимъ настроеніемъ. Императрица подошла ко мнѣ съ смущеніемъ. Обнявъ меня, она сказала: «Вы были очень счастливы во Франціи?»—«Да, ваше величество, я нашла тамъ утѣшеніе для моего опечаленнаго сердца».—«Я очень сочувственно отнеслась къ несчастію, постигшему васъ въ Дрезденѣ». Я поклонилась, не отвѣчая. Нашъ разговоръ этимъ закончился. Графъ Толстой, прислонившись къ дверямъ, слушалъ насъ, онъ, можетъ быть, готовился къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ. Я не видѣла императора, ибо дамы ему никогда не представляются. Я сдѣлала нѣсколько визитовъ друзьямъ и людямъ, ко мнѣ относящимся равнодушно. Я была очень хорошо принята первыми, вторые видѣли во мнѣ только особу, на которую косо смотрятъ при дворѣ, но поведеніе которой во Франціи вызываетъ уваженіе. Я нашла много измѣненій въ обществѣ и администраціи.

Департаментъ генераль-прокурора, существовавшій съ давнихъ временъ, былъ раздѣленъ на нѣсколько министерствъ. Это подражаніе управленію Бонапарта огорчало старыхъ слугъ, потому что оно необходимо вело къ новымъ злоупотребленіямъ и грабежу. Въ царствованіе Екатерины II генераль-прокуроръ имѣлъ помощниками четырехъ секретарей. Въ настоящее время каждый министръ имѣетъ ихъ ббльшее количество, и весь этотъ народъ, получающій скромное жалованіе, спекулируетъ на своихъ должностяхъ. Возвращаясь въ Петербургъ, мы встрѣтили русскія войска, шедшія противъ Бонапарта. Гордый и воинственный видъ и прекрасная выправка солдатъ внушали довѣріе и надежду. Но минута отличиться, какъ это было въ послѣдствіи, еще не наступила. Извѣстны событія этого года и слѣдующаго: битва при Аустерлицѣ, при Прейсшъ-Эйлау и Фридландѣ, Тильзитскій миръ послѣ свиданія на р. Нѣ-

манѣ. Я объ этомъ поговорю дальше, а теперь нужно вернуться къ нашей жизни. Г-жа де-Тарантъ явилась къ намъ черезъ мѣсяцъ, мое счастье было невыразимо, и все мое семейство раздѣляло его со мной. Мы вернулись къ нашей спокойной и однообразной жизни; дни проходили тихо; суетность этого міра не въ состояніи была насъ ни трогать, ни смущать.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДЕРЕВЕНСКІЕ ДѢЛЦЫ ¹⁾.

IV.

Разорители.

I.

ИКТЯБРЬ. Вечерь. Въ Красной Сѣчѣ бродить табунъ стреноженныхъ лошадей. Въ наступившей темнотѣ лошадей не видно; слышится только ихъ фырканье да звукъ отрываемой зубами травы. Дождь накрапываетъ монотонно, назойливо, то стуча сверху по листьѣ невысокой заросли, то хлеща по деревьямъ въ бокъ отъ сильнаго, порывистаго вѣтра. То здѣсь, то тамъ, изъ вечерней мглы, какъ призраки, выплываютъ старыя деревья-сѣменники, со своими длинными, словно руки, вытянувшимися вѣтвями. Подъ однимъ изъ такихъ деревьевъ ребяташки-табунники разложили огонь и цѣлой гурьбой, мальчики — нахлобучивъ картузы, дѣвки — едва оставивъ изъ-подъ шерстяныхъ платковъ небольшое мѣсто для носа и глазъ, завернувшись въ зипуны, лежатъ вокругъ костра, грѣются и изрѣдка перебрасываются отрывочными словами. Вѣтеръ гудитъ въ намокшихъ иглахъ старой сосны. Верхушка ея какъ-то дѣливо-безпомощно покачивается изъ стороны въ сторону и зловѣще скрипитъ. Ребя-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1898 г., т. LXXIV, стр. 976.

тишки по временамъ украдкой подымають голову, испуганно поглядывая на верхушку скрипучей сосны, освѣщенной костромъ, молча переглядываются и плотнѣе жмутся другъ къ другу.

Вѣтеръ усиливается; по крайней мѣрѣ, порывы его становятся все чаще и шумнѣе. Дождь громче стучитъ по листьямъ сверху и подсѣкаетъ деревья сбоку. Сосна, какъ будто, размахистѣе качается и жалобнѣе скрипитъ.

Одна изъ дѣвокъ, та, которая прислонилась къ самой соснѣ и не сводитъ глазъ съ пылающаго костра, несмѣло пробуетъ затянуть хорovou. Но молодой, свѣжій голосъ ея звучитъ какъ-то дико, никто не подтягиваетъ ей, и она на первыхъ же словахъ пѣсни смолкаетъ. И опять заунывный вой вѣтра, стукъ дождя, и скрипъ качающейся сосны.

Вдругъ, около дороги, что-то шарахнулось. Слышно было испуганное фырканье стреноженныхъ лошадей и шлепанье ихъ копытъ по намокшей травѣ и грязной дорогѣ.

— Звѣрь, должно?..—испуганнымъ шепотомъ воскликнулъ молодой малый, лѣтъ шестнадцати, казавшійся, впрочемъ, гораздо моложе своихъ лѣтъ.

Онъ быстро вскочилъ на ноги и сдѣлалъ шагъ по направленію къ кустамъ, но сейчасъ же остановился.

— Кто жъ ё знаетъ...—отвѣтилъ одинъ изъ мальчиковъ, который былъ моложе его.

— А може и ёнъ ¹⁾?..— снова спросилъ первый.

— Кто жъ ё знаетъ...—отозвался другой, замирая отъ страха и пряча голову въ высокій воротъ зипуна.

— Мить!.. а Митька!..—окликнула дѣвка малаго, который былъ постарше.

— Чаво?..—отозвался малый.

— Подъ къ лошадемъ-ты... глянь-ка-сь, чаво оны прынули ²⁾...

— Ишь ты-ы, ловкая-я... — протянулъ Митька, пряча лице до самыхъ глазъ въ рукавъ и снова усаживаясь на прежнее мѣсто у костра.—Подъ сама... я боюся!..

— А ипшо жанихъ!.. Нявѣсту сватать хѳчуть... Э-э-хъ, горе, пра!.. — сказала она, подымаясь съ мѣста и бросивъ на Митьку взглядъ глубокаго презрѣнія.

Она подобрала у костра валяющуюся длинную палку и храбро исчезла за кустами. Малый поглядѣлъ ей вслѣдъ и, когда она скрылась, снова завернулся въ зипунъ и легъ у огня.

¹⁾ Онъ. Подъ этимъ мѣстоименіемъ въ деревняхъ разумѣють домового, лѣшаго, водяного и прочую нечисть.

²⁾ Прыгнули, шарахнулись.

Незадолго передъ тѣмъ, по узкой тропинкѣ Красной Сѣчи шли два мужика. Одинъ—Тимоеей, про котораго ходила слава, что онъ знаетъ, «гдѣ что плохо лежитъ и гдѣ что плохо бѣжитъ» — шелъ впереди и, повидимому, указывалъ дорогу. Онъ былъ небольшого роста, узкій въ плечахъ и со впалой грудью. Лице его было худое, блѣдное, съ жиденькой, раздвоенной бородкой и большими пристально глядѣвшими свѣтло-сѣрыми, немножко косыми глазами. Этими глазами онъ могъ смотрѣть на кого угодно и, божась и крестясь, говорить самую отчаянную ложь. Эту способность за нимъ знали всѣ, какъ и то, что Тимоеей, не имѣя лишней земли противъ другихъ, не зная никакого ремесла и вообще не пользуясь никакими особенными источниками благосостоянія, жилъ съ гораздо большимъ достаткомъ, чѣмъ его односельчане. Сынъ Тимоеея, Ларька, тоже часто отлучался вмѣстѣ съ отцомъ, не только днемъ, но и ночью, неизвѣстно куда. Хотя всѣ объ этомъ знали въ деревнѣ, но никто не смѣлъ даже говорить о странностяхъ, замѣчавшихся въ жизни, и необъяснимомъ достаткѣ Тимоеея и его семьи. Говорятъ, что однажды кто-то изъ смѣльчаковъ взялся «попытать» Тимоеея по поводу этихъ странностей, но послѣдній такъ посмотрѣлъ на любопытствовавшего своими косенькими глазами и такое сказалъ ему на ухо, что тотъ никогда болѣе съ тѣхъ поръ не отваживался приступать къ Тимоеею съ разспросами. Однѣ только неразумныя бабы, да и тѣ шепотомъ, чтобы никто не слыхалъ,—иногда пересуживали загадку. Да и понятно: кому же хотѣлось, чтобы Тимоеей или Ларька подожгли деревню, или надѣлали какогонибудь иного лиха? И подумать-то страшно было!.. А что и тотъ, и другой, были способны на что угодно,—это знали рѣшительно всѣ.

Позади Тимоеея шелъ другой, высокаго роста, широкоплечій, съ окладистой бородой мужикъ въ коротайкѣ, высокихъ сапогахъ и зимней шапкѣ, мѣхъ которой, намоченный дождемъ, длинными прядями свисалъ на его лице, обдавая его струйками воды. Большой мужикъ безпрестанно утирался рукавомъ и сдвигалъ шапку назадъ, но это не помогало: струйки тотчасъ же снова продолжали свое дѣло, и онъ наконецъ съ сердцемъ сорвалъ шапку съ головы и встряхнулъ ее сильной рукой, выругавшись про себя. Оба шли молча, стараясь не шумѣть. Осторожные шаги ихъ по растворившейся дорогѣ были едва слышны. Они шли такъ довольно долго, скользя ногами и изрѣдка зацѣпляя вѣтку, неразсмотрѣнную въ темнотѣ.

Наконецъ они вышли на поляну; въ глубинѣ виднѣлись силуэты лошадей, освѣщенные костромъ, возлѣ котораго дремали ребятишки.

— Нашъ табунъ!..—сказалъ шепотомъ Тимоеей остановившись.

Большой мужикъ остановился тоже.

— Надо сыскать!.. Не напасть бы на другого коня, добре темно!.. — также шепотомъ проговорилъ онъ.

— Небось, не сумлявайси!.. — увѣренно отвѣчалъ Тимооей. — Ехимкинъ жерябенокъ противъ усѣхъ нашихъ лошадей складомъ выпалъ, барскій жерябенокъ, сичасъ найдемъ!.. Повремені тутотка, а я пойду пошукать ¹⁾!..

У костра вдругъ послышался молодой, женскій голосъ, запѣвавшій пѣсню.

Оба мужика обернулись.

— Ишь ты... и погода не донимаетъ!.. — проговорилъ большой мужикъ. — Чтой-то ваша баба въ такую погоду затѣяла пѣсни играть?..

— Наша!.. Дѣло молодое!.. — пояснилъ Тимооей, удаляясь къ кустамъ.

Онъ сталъ не спѣша пробираться по краю поляны возлѣ самыхъ кустовъ, избѣгая попадать въ поле свѣта, доходившаго отъ костра. Дойдя до того мѣста, гдѣ были лошади, онъ сейчасъ оглядѣлъ своими зоркими, хотя и косыми глазами рослаго, статнаго Мышатаго, принадлежавшаго его односельчанину Ефиму Чуднову. Лошадь мирно щипала траву возлѣ другихъ.

— Готово!.. — шепнулъ онъ, возвратясь къ тому мѣсту, гдѣ ждалъ его большой мужикъ.

— Ну, что-жъ, ладно, идемъ стало быть!.. — сказалъ тотъ, сдѣлавъ шагъ впередъ.

— Погодъ чуточку!.. — остановилъ его Тимооей. — ...Куды-жъ ты, кумъ?..

Большой мужикъ поглядѣлъ на него сквозь тьму, и Тимооею показалось, что глаза его блеснули, какъ у хищнаго звѣря.

— Могарычъ съ твоей милости получить надо!.. — сказалъ онъ твердо, почти сурово.

— Могарычъ?.. — переспросилъ большой мужикъ, не трогаясь съ мѣста и какъ будто даже не понявъ, чего отъ него хотятъ.

— А какъ-жа, за труды-то!.. Пять цалковыхъ, какъ говорили!..

Если бы не было такъ темно, то Тимооей увидалъ бы на лицѣ большого мужика насмѣшливую улыбку, кривившую его губы.

— Отваливай, кумъ!.. — сказалъ онъ. — ...Пять цалковыхъ только днемъ, а ночью «кинарки» ²⁾ будя!..

— Воля есть твоя — пять... а не то и мерина не видать табѣ, прѣ!..

— Ладно!.. Говорю — отваливай!.. Таперича я и самъ найду чардоваго ³⁾.

— Найти-то, може, и найдешь, да увестъ-то я не дамъ, во-что!.. — рѣшительно заявилъ Тимооей.

¹⁾ Поискать; малороссійское слово, занесенное изъ заработковъ.

²⁾ Рублевка, по уподобленію ея съ желтой канарейкой.

³⁾ На конокрадскомъ языкѣ — краденый.

— Не дашь?.. — переспросилъ насмѣшливо большой мужикъ. — ...А вѣ?..—онъ показаль Тимоѳею свой мощный кулакъ.

— А вѣ?.. — зашипѣль не сробѣвшій Тимоѳей, подскочивъ къ нему и блеснувъ лезвеемъ очутившагося у него въ рукѣ ножа.— Сичасъ закричу, наши-то вотъ оны!.. Ребята прибѣгутъ—пымаемъ... въ острогѣ вволю насидишьси!..

Большой мужикъ не то крякнулъ, не то заскрипѣль зубами.

— Ишь дѣшлый, чтобъ табѣ удавиться!..—тихо выругался онъ, прикинувъ въ умѣ безвыходность своего положенія и принимаясь шарить въ карманѣ портокъ.

— На, чортъ, подавись!.. — сказалъ онъ наконецъ, доставъ бумажку и подавая ее Тимоѳею.

Послѣдній спокойно взялъ ее, тщательно осмотрѣль при помощи отдаленнаго отсвѣта костра и положилъ къ себѣ въ карманъ.

— Ну, таперича—у расчетѣ, кажись? Веди!..—сказаль большой мужикъ.

— У расчетѣ, какъ есть!..—согласился Тимоѳей—...Пойдемъ!..—

Подойдя къ тому мѣсту, гдѣ кормились лошади, они остановились.

— Не накинуть ли петлю?..—спросилъ большой мужикъ, собираясь снять ременную обротку съ подпояски.

Но Тимоѳей даже не отвѣтилъ.

Какъ кошка, подкрался онъ къ мерину Чуднова и ловкимъ движеніемъ поймалъ его за ухо. Испуганный неожиданностью Мышатый шарахнулся въ сторону. За нимъ шарахнулись и другія, ближнія лошади. Но Тимоѳей не выпустилъ уха и другою рукой ухватился за ноздри. Мышатый всталъ, какъ вкопанный.

Черезъ нѣкоторое время большой мужикъ, торопливо выбравшись изъ лѣса верхомъ на Ефимовомъ Мышатомъ, не обращая вниманія на брызги жидкой грязи, которыми обдавало его, скакаль по дорогѣ въ свою далекую деревню, а Тимоѳей шелъ домой, довольный удачей и оцупывая въ карманѣ заработанныя деньги.

Въ Красной Сѣчѣ все замолкло. Лошади перестали ѣсть и, собравшись подъ чацу, спокойно дремали, заложивъ другъ другу на спину свои мокрыя морды. Костеръ едва тлѣль; ребята, сбившись въ кучу, крѣпко спали. Дождь все такъ же, какъ давеча, шумѣль, барабана по мертвой листовѣ, вѣтеръ завываль свою унылую пѣснь, да сосна, мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону, вторила ему своимъ скрипомъ.

II.

На другой день, къ полудню, вволю наплакавшись о пропажѣ Мышатаго и, по крайней мѣрѣ, до сотни разъ рассказавъ со всѣми подробностями односельцамъ, въ томъ числѣ и Тимоѳею, о случившемся несчастіи, Ольга, жена Ефима, снарядила своего мужа въ

погоню. Такъ какъ Ефимъ, мужикъ «съ хилимонинкой»¹⁾ — такъ звали его рѣшительно всѣ въ деревнѣ и округѣ—конечно, не могъ сдѣлать одинъ ничего путнаго, то Ольга очень обрадовалась, когда Ѳеодоръ Красновъ, сосѣдъ Чудновыхъ по избѣ, предложилъ ѣхать съ Ефимомъ и помогать ему въ розыскахъ. Старый Подласый — другой конь Чудновыхъ, запряженный въ телѣгу, давно мирно дремалъ, ожидая у крыльца. Въ телѣгѣ была густо наслана солома, прикрытая веретемъ. Ольга поднесла мужикамъ передъ обѣдомъ по чашкѣ водки, послѣ чего они, перекрестившись и заложивъ за пазуху по большой краюхѣ хлѣба, тронулись въ путь.

Розыскали и обознали мужики Мышатаго въ сосѣднемъ уѣздѣ, верста за тридцать отъ дома, у старосты деревни Грязный Долъ, издавна слывшей за центръ конокрадства. Прозвище очень мѣтко подходило къ наружному виду деревни, которая стояла въ болотистой низинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженная лѣсомъ.

Староста Артемъ, большой мужикъ, съ окладистой бородой, злыми глазами, смотрѣвшими исподлобья, и крайне непривѣтливомъ видомъ, грубо принялъ Ефима и Ѳеодора, даже полѣзъ было на нихъ съ кулаками, но Ѳеодоръ не оробѣлъ и подъ вліяніемъ выпитаго дорогой шкалика самъ обругалъ Артема, заявивъ, что онъ сейчасъ пойдетъ къ уряднику, который жилъ тутъ же въ Грязномъ Долѣ, съ объявкой о находкѣ пропадавшей лошади.

— А по миѣ, хошь къ чорту!..—заявилъ Артемъ, стараясь скрыть досаду подъ дѣланной улыбкой, которая уродливо искажала его разбойничье лицо... Хошь къ чорту, а не токмо-что къ уряднику...—повторилъ Артемъ, когда Ѳеодоръ выходилъ отъ него изъ хаты,—потому я у своемъ опчествѣ самъ хозяинъ, не плошъ урядника, во что!..

Урядникъ жилъ въ другой слободѣ. Оставивъ Ефима съ Мышатимъ около Артемовой избы, чтобы послѣдній не свелъ куда нибудь или не подмѣнилъ Мышатаго, Ѳеодоръ побѣжалъ къ уряднику.

Послѣдній, лѣтъ сорока, изъ мѣщанъ, служившій когда-то въ полицейской канцеляріи, имѣлъ непривѣтливый видъ и, вѣроятно, по привычкѣ, подозрительно оглядывалъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло.

— Почему-жъ ты думаешь, что лошадь твоя? — спросилъ онъ, свысока и подозрительно оглядывая Ѳеодора, когда тотъ рассказалъ ему все по порядку.

— Да позволъя, господинъ хорошій... чаво-жъ думать-ты?..—увѣренно отвѣчалъ Ѳеодоръ.—...Этотъ самый Мышатай у насъ на глазахъ родился... на дворѣ у нашего земскова²⁾, отъ яво, значитъ,

¹⁾ Неспособный, съ придурью, дурковатый (мѣстное выраженіе).

²⁾ Земскаго начальника.

кобылы... и примѣты усѣ, въ акуратѣ: и звѣзда, значить, на лбу, и чулокъ на задней ногѣ... и, значить, грива на обѣ стороны, и фостъ ¹⁾... усе, въ акуратѣ... Помилуйте, какъ не знать... усе рамно ²⁾, какъ брата роднаго, мерина знаемъ!..

Урядникъ слегка улынулся при этомъ сравненіи и потомъ вдругъ поглядѣлъ на Ѳедора съ боку и спросилъ:

— Ну, а сколько-жъ лѣтъ лошади, когда ты ее, какъ брата роднаго, знаешь?..

Ѳедоръ задумался.

— Барскую роцу тады ³⁾ сводили, кажись, какъ Мышпатай на дворъ къ Ехиму поступилъ... Годовъ, пожалуй, семь—будя!..—сказалъ онъ нерѣшительно.

— То-то семь... поглядѣть надо!..—отвѣчалъ урядникъ, накидывая шинель и взявъ шапку,—... Говоришь, лошадь знаешь, какъ родного брата, а на годахъ заминаешься!..—ворчалъ онъ, выходя съ Красновымъ на улицу.

— Дыть, нешто мы ученые?..—замѣтилъ Ѳедоръ, принимая скромный видъ: — по нашенскому мужичьему положенію, и самъ сабѣ лѣтъ не знаешь... а не токмо-что!.. Животу хошь по зубу угадаешь, а у человѣка—и того нѣтъ... прѣ, велико слово!..

Урядникъ снова попробовалъ улыбнуться и скривилъ лице.

— Стало, животомъ-то лучше быть?..—пошутилъ онъ.

Они уже подходили къ избѣ старосты.

— Ну, показывай лошадь-то...—сказалъ онъ, поздоровавшись съ Артемомъ за руку.

Лошадь вывели. Урядникъ едва посмотрѣлъ на нее и пошелъ въ хату писать протоколъ.

— Сколько лѣтъ твоему мерину?—спросилъ урядникъ Артема, когда тотъ, вмѣстѣ съ понятными, вошелъ въ избу.

— Девять лѣтъ...—угрюмо, но безъ запинки отвѣчалъ большой мужикъ.

— А по-твоему?.. — обратился урядникъ къ Ефиму, сиротливо жавшемуся въ уголъ.

Ефимъ растерялся. Онъ стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу и не зная, что отвѣчать.

— Ну!..—окликнулъ его урядникъ.

— Дыть, кто-жъ ѣ знае!..—глупо осклабясь, отвѣчалъ Ефимъ.

— Девять лѣтъ, какъ есть... евто правильно, милости вашей доложить... потому, какъ евто меринъ нашъ домашній выкормокъ... мы съ Артемомъ у сосѣдствѣ проживаемъ—намъ, значить, вочинно ⁴⁾ прекрасно извѣстно, что девять годовъ мерину!..—неожиданно зая-

¹⁾ Хвостъ.

²⁾ Равно.

³⁾ Тогда.

⁴⁾ Очень.

вилъ дотолѣ молчавшій худой, красно-рыжій мужикъ изъ понятыхъ, лице котораго сплошь было покрыто веснушками.

Урядникъ подвѣлъ голову, посмотрѣлъ на рыжаго исподлбья и молча продолжалъ писать.

Въ избѣ опять настало молчаніе. Слышно было, какъ перо урядника скрипѣло по бумагѣ. Большая, толстая съ растопыренными крыльями муха жужжала и билась, какъ одурѣлая, о грязное стекло окна. По лавкѣ, у стола прыгала, то выгибая, то горбача спину, пестрый котенокъ, игравшій съ клубкомъ толстыхъ суровыхъ нитокъ, который онъ стащилъ съ окна. Изрѣдка тишина прерывалась кашлемъ или вздохомъ кого нибудь изъ мужиковъ.

— Ну, слушайте!..—наконецъ сказалъ урядникъ, обращаясь къ нимъ.

Мужики встрепенулись.

Въ протоколѣ, послѣ обычныхъ формулъ, между прочимъ и какъ-то вскользь, упоминалось, что лошадь караковой масти и что ей девять лѣтъ. О примѣтахъ—звѣздочкѣ на лбу, гривѣ, хвостѣ и чулкѣ на одной изъ заднихъ ногъ, не упоминалось вовсе. Затѣмъ говорилось о томъ, что эта лошадь была обознана у старосты деревни Грязный Долъ двумя крестьянами чужаго уѣзда той же губерніи, назвавшими себя Ефимомъ Чудновымъ и Ѳеодоромъ Красновымъ.

Мужики, обыкновенно невнимательно слушающіе протоколы, не обратили вниманія на пропуски и недомолвки.

— Тэ-э-къ-съ...—протянулъ Ѳеодоръ:—... евто точно... обознали!.. Потому, какъ-жа намъ Мыпатаго не знать?.. Ехимъ-то мнѣ, стало быть, сусѣдъ по двору!..

— Ну, чтò врешь?..—вступился рыжій мужикъ изъ понятыхъ,—глянька-съ на Вышняго Создателя...—онъ указалъ рукой на темный образъ въ углу. — ...Зачѣмъ врать, братецъ ты мой?... Истинный Господь,—врешь!.. Потому и намъ евтотъ самый мерянь довольно хорошо извѣстанъ, и-да... какъ ѣтъ на глазахъ, стало быть, у насъ выросъ у Артемовомъ дворѣ!.. Значить—явò выкормокъ... А ты откель прибылъ—мы табѣ ни у чемъ не знаемъ!.. Такъ-то!..

— Не оглушай, иждѣлай милось!..—загорячился Ѳеодоръ, возмущенный наглостью рыжаго мужика. — Не оглушай... мы ишшо сами хорошо табѣ не понимаемъ, кто ты таковъ!.. Мерянь—нашъ, и толковать неча... потому я сичасъ могу доказать... и докажу... присягу приму, вò что!.. А не токмо бряхать я буду!..

— У табѣ языкъ-то, видать, толкачемъ срѣблянъ!..—отвѣтилъ рыжій понятой, метнувъ на Краснова сердитыми глазами и отворачиваясь отъ него.

— Могри, не подавись своимъ-то, пустобрѣхъ!..—бросилъ ему въ отвѣтъ Ѳеодоръ, не желавшій оставаться въ долгу.

— Ну, цыцъ-вы!.. Не ругаться!..—крикнулъ урядникъ на мужиковъ и, когда послѣдніе стихли, принялся читать свое постановленіе, въ которомъ значилось—наложить, впредь до разрѣшенія дѣла судомъ, арестъ на обознаннаго мерина и сдать послѣдняго на храненіе старостѣ деревни Грязный Долъ, то-есть, тому же Артему, а производство по этому дѣлу представить становому приставу по принадлежности.

— Эгта, сталь-быть... какъ-жа?... обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ вообще, воскликнулъ Ефимъ, воображавшій до тѣхъ поръ, что ему сейчасъ же возвратятъ Мышатаго. — Какъ-жа?... Моя лошадь... ѣнъ у меня увелъ, да ишпо ѣздить на ей будетъ?... А я, то-исъ, безъ послѣдствіевъ должѣнъ оставаться?... Нѣтъ, эгта мы не согласны, ефимъ судомъ мы, значитъ, недовольны, н-нда!...

— Молчи ты, чавò раскудахтался?...—шепталъ ему Федоръ, толкая его подъ локоть.

— А недоволенъ—ступай, жалуйся становому!...—равнодушно, какъ будто онъ былъ увѣренъ, что изъ этой жалобы ничего выйти не можетъ, сказалъ урядникъ, укладывая письменныя принадлежности въ сумку.

— Усякъ на своей лошади поѣдетъ!.. — злорадно хихикнувъ, сказалъ Артемъ, провожая глазами мужиковъ, выходящихъ изъ избы.

Когда всѣ вышли, и дверь затворилась, онъ шепнулъ уряднику:

— Побудь чуточку, Иванъ Михалычъ... сичасъ, вотъ только мужиковъ провожу—выпьемъ съ тобой по шкалику, по другому!.. Добрѣ ты писать-то гораздъ, прѣ!... — Онъ снова сдѣлалъ гримасу, замѣнявшую у него улыбку.

— Не въ первой намъ протоколы писать!..—самодовольно улыбнувшись, проворчалъ Иванъ Михалычъ, усаживаясь за столъ въ красномъ¹⁾ углу.—... Сбождемъ, что-жъ, ступай, провожай!.. Да мерина-то Мышатаго покрѣпче запри... воръ у вора дубинку бы не укралъ!..

— Нябось, трудовой—сбережемъ!..—замѣтилъ Артемъ, надѣвая шапку и выходя въ дверь на улицу, гдѣ рыжій мужикъ и Федоръ, ругаясь и крича, спорили между собой, доказывая лѣта лошади, для чего безпрестанно вытаскивали языкъ у Мышатаго и тыкали пальцами по зубамъ бѣднаго животнаго.

Изъ Грязнаго Дола уже почти ночью, разыскивая и разспрашивая въ каждой деревнѣ дорогу, наконецъ добились мужики до квартиры становаго. Но этотъ послѣдній даже не вышелъ къ нимъ. У него въ этотъ день были именины, и онъ попросту велѣлъ про-

¹⁾ Уголь, гдѣ помѣщаются образа.

гнать мужиковъ, сказавъ, чтобы они съ жалобой обратились въ городъ къ исправнику или земскому начальнику.

Становой жилъ въ барской усадьбѣ, деревни близко не было, переночевать было негдѣ, и потому они рѣшили ѣхать помаленьку прямо въ городъ.

Сквозь непроглядную осеннюю тьму, по исковерканной дождями отвратительной и совершенно незнакомой дорогѣ, едва попадая на полусгнившіе, покачнувшіеся мосты, рискуя на каждомъ шагу попортить ноги старому Подласому или сломать телѣгу, они, наконецъ, добрались до города къ утру, когда уже звонили къ ранней обѣднѣ, и усталые, голодные, подѣхали прямо къ большому каменному дому, гдѣ помѣщалось полицейское управленіе. Тамъ имъ сказали, что исправникъ еще не приходилъ, и что имъ придется часа два подождать.

Они привязали лошадь къ коновязи, освободили пенеchnый черезѣделень и супонь, подложили Подласому соломы изъ телѣги, пожевали захваченнаго изъ дома хлѣбца и нѣсколько прибрѣденные вошли въ управленіе и сѣли въ грязной и темной прихожей на лавку ожидать исправника.

— Ты гляди, кумъ, не зявай!.. — говорилъ Ефиму Красновъ. — Кады, значить, исправникъ придетъ — падѣ у ноги, какъ отцу родному, и проси: такъ, молъ, и такъ... чтобъ отпустилъ Мышпатаго!... А не то, истинный Господь, изведутъ тваво мерина, только усяво, пра... — Ефимъ покивалъ головой въ знакъ того, что понялъ хорошо совѣтъ Краснова.

Мужики, тѣснившіеся вмѣстѣ съ какой-то бабой и сосланнымъ черкесомъ, на единственной лавкѣ, успѣли уже какъ слѣдуетъ вздремнуть, когда входная дверь распахнулась, и въ прихожую вошелъ высокій, съ длинной бородой и синими очками, уже пожилой человекъ, съ очень неприятнымъ, грубымъ лицомъ. Сторожа и сопровождавшій его городской засуетились около него, снимая форменное пальто и отряхивая мокрую отъ дождя фуражку съ кокардой и гербомъ. Мужики, баба и черкесъ вскочили съ лавки.

— Исправникъ!.. — шепнулъ Красновъ, выпихивая Ефима впередъ. Ефимъ сейчасъ же бухнулся въ ноги и началъ рассказывать свое дѣло.

Но исправникъ, видимо привыкшій къ такого рода сценамъ, даже не обратилъ вниманія на него и, вытирая мокрые отъ дождя усы и лицо носовымъ платкомъ, сейчасъ же прошелъ въ присутствіе, не кивнувъ даже въ отвѣтъ на поклоны находившихся въ комнатѣ.

— Ну, чаво-жъ ты стоишь, горе?... — сказала Красновъ оторопѣвшему и продолжавшему стоять на колѣнахъ Ефиму.

— Домой поѣдемъ, чтоль-ча!.. Таперь чтожъ тутотка дѣлать?... — спросилъ онъ, подымаясь на ноги.

— Ай у табѣ дома дяловъ много?...—спросилъ насмѣшливо Ѳедоръ...—Поспѣешь, нябось!.. Погодь чутьчю, —можетъ, и тутъ намъ какая милость выйдеть!..

Онъ повернулся къ скамѣ, на которой только-что сидѣлъ съ Ефимомъ, но скамья уже была занята другими пришедшими, и имъ пришлось стоять.

Прошло около часа, когда изъ канцеляріи вышелъ секретарь, еще молодой, но уже геморроидальнаго вида человекъ, и сталъ опрашивать просителей.

Когда очередь дошла до Ефима, тотъ было опять приготовился стать на колѣна, но Ѳедоръ остановилъ его.

— Чьи мужики-то?...—спросилъ исправникъ, продолжая не читая подписывать одну за другой бумаги, цѣлой кипой лежавшія на столѣ.

Секретарь сказалъ.

— Чужаго уѣзда?... И лошадь обознали у насъ?..

— Такъ точно-съ... въ Грязномъ Долѣ!..

— Чортъ бы ихъ взялъ, пехтерей проклятыхъ!.. —воскликнулъ исправникъ, съ досады хлопнувъ рукой по столу.—Въ чужихъ уѣздахъ воруютъ, да къ намъ водятъ!.. Только годовой отчетъ портятъ, мошенники!.. — А у кого обознали?...—спросилъ онъ черезъ минуту немного спокойнѣе.

— У самого старосты Грязнаго Дола!..—отвѣтилъ секретарь насмѣшливо.

— Такъ и есть, такъ и есть...—снова загорячился исправникъ, бросивъ перо на чернильницу и откидываясь на высокую спинку своего высокаго кресла,—опять этотъ разбойникъ Артемка!.. Который это разъ?..

— Да вѣдь вамъ небезызвѣстно, Николай Прокофьевичъ,—Грязный Долъ весь до послѣдняго двора — конокрады!..—началь было секретарь.

Но исправникъ не далъ ему докончить.

— Знаю, знаю безъ васъ!..—сказалъ онъ.—Что же прикажете дѣлать?..

И потомъ, значительно понизивъ голосъ, онъ прибавилъ:

— Что жъ, по-вашему, приняться раскапывать?... Все равно ничего не раскопашешь!.. Никто, конечно, не поможетъ... напротивъ-съ!.. Дѣла не сдѣлаешь—только начальство обезпокоишь, да еще самъ-то, оборони Богъ, въ «безпокойные» попадешь... Что жъ мнѣ съ семействомъ по-міру что ли прикажете идти?..

Секретарь съ сочувственнымъ видомъ пожалъ плечами и вздохнулъ.

— Такъ какъ же прикажете съ мужиками-то?...—спросилъ онъ, когда кончился докладъ.

— Гоните вонъ... гоните!.. Скажите, что я не могу этого сдѣ-

латъ!..—закричалъ исправникъ, затыкая уши, какъ будто онъ боялся, что секретарь сейчасъ опять скажетъ ему что нибудь непріятное.

— Такъ и сказать?..—переспросилъ секретарь.

— Такъ и скажите, что это не отъ меня зависитъ!.. Пусть просятъ земскаго начальника!.. Ну ихъ къ чорту, только непріятности однѣ съ этими лошадьми изъ чужихъ уѣздовъ!

Секретарь собралъ подписанныя бумаги и двинулся къ дверямъ. Тутъ онъ на минуту остановился, какъ будто хотѣлъ что-то сказать. Но увидавъ, что исправникъ снова погрузился въ очистку исходящихъ нумеровъ, онъ рѣшительно отворилъ дверь и вышелъ въ канцелярію.

3.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ефимъ подалъ земскому начальнику заявление о похищенной у него лошади, обознанной имъ въ чужомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Грязный Долъ, прошло болѣе мѣсяца. Назначить дѣло пришлось на дальній срокъ, такъ какъ способъ доставленія повѣстокъ въ деревнѣ, тѣмъ болѣе въ чужой уѣздѣ, требовалъ немало времени. Кромѣ того, сдѣлано было распоряженіе о приводѣ лошади къ разбирательству. Къ этому прибавилось еще одно затрудненіе: мѣстное земство не имѣло своего ветеринара, и земскому начальнику пришлось для экспертизы вызвать къ осмотру двухъ военныхъ ветеринарныхъ фельдшеровъ, которые, какъ вышедшіе въ запасъ, проживали дома.

Наконецъ—насталъ день судный.

Съ утра на дворѣ земскаго начальника толпился народъ. Тутъ же, на дворѣ, находился значительно осунувшійся, съ провалившимися пахами и огромнымъ, вздутымъ отъ плохого корма животомъ—Мышатаый, который стоялъ, уныло опустивши голову, возлѣ коновязи. Около него расхаживали вызванные изъ всѣхъ сосѣднихъ деревень мужики-свидѣтели, указанные Ефимомъ. Послѣ показаній Ефима и Артема, заявившихъ то же, что и уряднику въ Грязномъ Долѣ, приступили къ осмотру лошади. Тутъ находился старый коноваль, лѣтъ сорокъ ходившій въ эту мѣстность каждую весну и осень и года четыре назадъ легчившій Мышатаго. Оба ветеринара, долго и подробно осмотрѣвши зубы, объявили лошади восемь лѣтъ. Артемъ, угрюмо слѣдившій за всѣми подробностями осмотра, почти торжествовалъ. Но коноваль, который дотолѣ держался въ сторонѣ, пробился черезъ кругъ мужиковъ, тѣсно обступившихъ лошадь, вынырнулъ къ земскому начальнику и, попросивъ разрѣшеніе осмотрѣть лошадь, указалъ на то, что многіе волосы изъ гривы и хвоста выщипаны и подскоблены; потомъ онъ принялся осматривать зубы. Долго смотрѣлъ онъ, и, наконецъ, раскрывъ ей ротъ, выта-

щилъ изъ набора за поясомъ маленькій напильникъ и сталь стирать «коль», наполовину покрытый «смолой»¹⁾.

— Это неправильная смола, ваше выскородье!..— обратился онъ къ земскому начальнику.

— То-есть какъ такъ — неправильная?..— удивленно спросилъ послѣдній, не понимая, что коновальъ хочетъ сказать.

— А такъ, что не природная... потому природную смолу стереть никакъ невозможно... а тутъ—извольте сами поглядѣть!..

Онъ потянулъ морду лошади къ земскому начальнику.

За земскимъ начальникомъ посмотрѣлъ и одинъ изъ ветеринаровъ и покачалъ головой, такъ какъ этотъ простой опытъ раньше не приходилъ ему въ голову.

— Что жъ это по-твоему хвальшь, чтоль-ча... поддѣланъ зубъ, скажешь?..— грозно спросилъ Артемъ, подходя въ упоръ къ коновалу со сдвинувшимися на разбойничьемъ лицѣ густыми бровями.

Коновальъ, не желавшій ввязываться въ исторію, выпустилъ языкъ Мышатаго и отошелъ.

— Дыть, кто жъ ъ знаетъ!..— сказалъ онъ, слабо улыбнувшись,— а только мы, значить, видимъ, что смола неправильная!..

— А кто жъ ее дѣлалъ смолу-то?.. Я штоль саму коню зубы дѣлать буду, ась?.. Сказывай, коль ты усѣ знаешь!..—говорилъ Артемъ, напирая на коновала.

— Чаво ты прилипъ къ яму?..—сказалъ, неожиданно выступая, Красновъ и уставился прямо въ глаза Артема...— Нешто мы табѣ знаемъ, откель ты припелъ?.. Може ты самый и есть!.. Откуда у табѣ нашъ конь узался?.. Нутка, сказывай!..

Артемъ въ свою очередь затихъ.

— Съ тобой, дуракомъ, толковать — гряха наберешься, только усявѣ!..—проворчалъ онъ, поворачиваясь къ Федору спиной и отходя отъ него, какъ бы не желая связываться съ нимъ.

— Про тѣ, другъ, люди знаютъ, каковъ я есть—дуракъ ли, нѣтъ ли!.. По крайности, не конокрадь, слава ти, Господи... И на томъ спасибо, пра!..

Кое-кто изъ ближнихъ мужиковъ размѣялся, но земскій начальникъ, предвидя ссору, успѣшилъ объявить осмотръ лошади оконченнымъ и вернулся заносить о результатахъ его въ протоколъ, а на дворѣ оставилъ сотскаго и двухъ старостъ—наблюдать за порядкомъ.

Во время допроса всѣ свидѣтели единогласно подтвердили, что приведенная лошадь есть тотъ самый Мышатаый, принадлежавшій Ефиму Чуднову, который мѣсяца два назадъ былъ уведенъ изъ ночнаго, что Мышатаый еще сосуномъ, семь лѣтъ тому назадъ, ку-

¹⁾ Коломъ у лошади-самца называется нижній клыкъ. «Смоляной зубъ» по-является у коней послѣ восьмилѣтняго возраста.

пленъ Ефимомъ у земскаго начальника на заводѣ и съ тѣхъ поръ не сходилъ у нихъ съ глазъ, въ чемъ они готовы поклониться.

Одинъ Тимооей, тоже вызванный въ качествѣ свидѣтеля по просьбѣ Ефима, далъ какія-то странныя показанія.

— Ну, что же ты скажешь?.. — спросилъ земскій начальникъ, когда очередь дошла до него, и Тимооей, подойдя къ столу, сталъ передъ нимъ, сложивъ руки на животъ и вперивъ косенькіе глаза свои въ какую-то неопредѣленную точку поверхъ его головы.

— Евто насчетъ чаво, ваше высокородье?..—спросилъ онъ самымъ невиннымъ тономъ.

— Да насчетъ лошади!.. Чуднова эта лошадь, по названью Мышатый, или нѣтъ?.. Какъ думаешь?..

— Евта, что приведена?.. Тутотка, на дворѣ стоитъ?..

— Да.

— Люди говорятъ—яво, ваше выскородье, а мы—нешто знаемъ?..

— Какъ же тебѣ не знать?.. Ты съ Ефимомъ изъ одной деревни, работаете всегда вмѣстѣ — и дома, и въ полѣ... Семь лѣтъ лошадь у Чудновыхъ во дворѣ!.. Какъ же не знать?..

— Это, ваше выскородье, точно такъ!.. Работаемъ мы, значитъ, завсегда вмѣстѣ, потому, значитъ, міромъ!.. У насъ потому завсегда міромъ работаютъ, пахать ли, сѣять... или ишшо что!..

— Постой, ты про это не толкуй!..—остановилъ его земскій начальникъ, замѣтивъ, что Тимооей нарочно отлыниваетъ отъ отвѣта на предложенный ему вопросъ. — Я тебя спрашиваю: узнаешь ли ты приведенную лошадь?.. Ефимовъ ли это Мышатый, или нѣтъ?

— Кто ё... ваше выскоблагородье!..—протянулъ Тимооей своимъ сладенькимъ монотоннымъ голосомъ, слегка переминаясь съ ноги на ногу и не сводя глазъ съ невѣдомой точки, на которую онъ уставился. — ...Добрѣ конь облохматѣлъ!.. Вишь вонъ какой шерстью обросъ!.. Опять — пуза-ты какая у яво широченная... У Ехимова мерина допрежь, кажись, еваго не было!..

— Ну, такъ чтожъ?.. Животъ могъ и отъ плохого корма вздуться,— продолжалъ земскій начальникъ допрашивать Тимооюю:—...а все-же узнать лошадь можно, видѣвши и зная ее подъ рядъ семь лѣтъ.

Тимооей вмѣсто отвѣта сосредоточенно вздохнулъ.

— Кормъ-то у мужиковъ, почестъ, увездѣ одинаковъ... — проговорилъ Артемъ какъ бы въ поясненіе отвѣта Тимооюю.—...Звѣстно лошадемъ—солома!.. Нешто мы помѣшники—лошадей овсомъ кормить?..

— Ты можешь предлагать свидѣтелю вопросы, относящіеся къ дѣлу, а разговоры о постороннихъ предметахъ—оставь!..—рѣзко замѣтилъ Артему земскій начальникъ. И потомъ, обращаясь снова къ Тимооюю, онъ спросилъ:

— Что же ты можешь прибавить къ своему показанію?..

— Что жъ я могу сказать, ваше высокблагородье?.. Потому намъ объ эвтихъ даловъ ничаво неизвѣстно!.. -- снова протянулъ Тимошей.

Начальникъ посмотрѣлъ на мужика испытующимъ взглядомъ. Зная его славушку, онъ сейчасъ же догадался, что это дѣло не миновало его рукъ.

Окончивъ слушаніе дѣла, земскій начальникъ началъ писать приговоръ, постановивъ признать лошадь несомнѣнно принадлежащею Ефиму Чуднову и упомянувъ о показаніи коновала и его опытѣ подпиливанія «смоляного зуба», по которому обнаружилась поддѣлка послѣдняго. Въ мотивировкѣ приговора также значилось, что обозванная лошадь лично ему, земскому начальнику, извѣстна, какъ родившаяся на его заводѣ и съ самаго рожденія принадлежавшая Ефиму, почему и постановилъ отобрать лошадь у Артема и передать ее на храненіе старостѣ той деревни, откуда былъ потерпѣвшій Ефимъ Чудновъ, впредь до вступленія рѣшенія въ законную силу.

Объявивъ рѣшеніе, земскій начальникъ снялъ знакъ и всталъ изъ-за стола.

— Эпта какъ жа такъ?..—воскликнулъ Артемъ, напуская брови и посмотрѣвъ на земскаго начальника недобримъ взглядомъ потемнѣвшихъ глазъ.—...Какъ жа такъ?.. Лошадь — моя, а вы таперича чужему мужику мавѣ живота отдали?.. Евто какой жа судъ?.. Евто— не судъ, а ишшо што поплѣша!..

— Грубить?.. Грубить еще смѣешь земскому начальнику?—воскликнулъ послѣдній, подходя къ Артему:—ступай вонъ, слышишь?.. А не доволенъ—можешь жаловаться!..

— Нѣтъ, господинъ барянь!.. Ты таперя—не земскѣй... цѣпъ-то, вишь, на столѣ осталась, плявать я на табѣ хотѣлъ по ту сторону зубовъ, рас.....

Артемъ пустилъ цѣлую струю непередаваемыхъ ругательствъ.

— Ей, сотскій!..—крикнулъ начальникъ, пріотворивъ дверь канцеляріи.—Убери-ка этого молодца отсюда!..

Сотскій подошелъ къ Артему и съ нерѣшительностью взялъ его за рукавъ.

— Не тронь!.. — свирѣпо зарычалъ Артемъ, метнувъ на него злыми глазами.

— Говорятъ вамъ, не доволянъ я эвтимъ судомъ!..—повторилъ Артемъ, обращаясь къ земскому начальнику, съ такимъ грубымъ выраженіемъ, съ какимъ умѣетъ говорить только нашъ русскій мужикъ, когда онъ думаетъ, что эта грубость останется безнаказанною.

— Если ты недоволенъ, можешь обжаловать мое рѣшеніе въ двухнедѣльный срокъ... Тебѣ объявлено...

— Скопію давайтя!..—продолжалъ ломаться мужикъ, выставивъ одну ногу впередъ и закладывая объ руки въ карманы.

— Можешь получить копию черезъ три дня...—отвѣтилъ начальникъ, собирая всё присутствіе духа, чтобы не вспылить.

Артемъ захохоталъ ему прямо въ лицо дѣланнымъ смѣхомъ.

Потомъ, сразу переходя на прежній суровый и нахальный тонъ, онъ прибавилъ:

— Эвто что-жь?.. Я сичасъ, по вашему, долженъ три десятка верстъ пѣшей домой переть?.. Лошадь-то вы у меня отняли... Завтра только до двора добьюсь, а опосля, не вздохнувши, опять сюды за скопией?.. Нѣтъ, господишь, балуешь!.. Намъ по дорогамъ «слоновъ продавать»—недосужно!.. Эвто вы не мадель надумали!..

Онъ принялъ еще болѣе вызывающій видъ и тономъ приказанія присовокупилъ:

— Давайте скопю сичасъ, слышья!.. Безъ того не пойду отсель!..

Начальникъ чувствуя, что наконецъ пора окончить эту безобразную сцену, подъ страхомъ скомпрометировать себя, какъ должностное лицо, передъ остальными крестьянами, мигнулъ сотскому. Артемъ было заартачился, но къ сотскому на помощь подскочили мужики, находившіеся здѣсь, и сейчасъ же вывели ругавшагося Артема изъ канцеляріи.

5.

Артемъ взялъ копию черезъ три дня и въ установленный срокъ подалъ апелляцію. Онъ просилъ рѣшеніе земскаго начальника отмѣнить, предварительно переосмотрѣвъ лошадь въ уѣздѣ губернскаго города ветеринарнымъ врачомъ, и въ доказательство принадлежности ему лошади допросить указанныхъ имъ свидѣтелей. Слѣдоваль цѣлый рядъ именъ и прозвищъ. Артемовыхъ свидѣтелей, впрочемъ, оказалось только двумя человекѣми больше, чѣмъ было допрошено у земскаго начальника со стороны Ефима. Апелляціонная инстанція постановила уважить это ходатайство, для чего сдѣлала соответствующее распоряженіе, прося на то и другое дѣйствіе вызвать Ефима Чуднова съ лошадью. Дни были такъ рассчитаны, что Ефимъ имѣлъ время явиться и къ допросу свидѣтелей, и къ переосмотру лошади.

Въ назначенный день Ефимъ, снова въ сопровожденіи Ѳедора Краснова, прибылъ въ Грязный Долъ къ квартирѣ того самаго урядника Ивана Михайловича, который, по мнѣнію Артема, былъ «добре гораздъ писать». Часъ или полтора спустя, побрякивая колокольчикомъ и бубенчиками, къ крыльцу подѣхалъ земскій начальникъ изъ упраздненныхъ мировыхъ судей, укутанный съ головой въ овчинную шубу, повязанную по воротнику пестрымъ шарфомъ. Онъ долго барахтался въ саняхъ съ высокой ковровой спинкой, вытаскивая ноги изъ-подъ теплой полости. Освободившись наконецъ, онъ не безъ усилія поднялся на крыльце и протиснулся въ узкія двери избы. За нимъ слѣдовалъ письмоводитель съ портфелемъ. Пока

земскій начальникъ снималъ шарфъ, шубу и галоши, на улицѣ слышался гулъ перемѣшивавшихся между собой голосовъ, крики, ругань и безсвязное, очевидно, пьяное пѣніе. Это шла толпа Артемовыхъ свидѣтелей.

Когда земскій начальникъ, оказавшійся маленькимъ, толстенькимъ, съ длинной и широкой бородой во все лице, совершенно лысымъ человѣчкомъ, съ лѣнивыми глазами, обличавшими его равнодушіе ко всякому дѣлу,—надѣлъ знакъ, сѣлъ за дубовый столъ въ углу подъ образами и взялся за бумаги, свидѣтели, широко распахнувъ двери, стали всей толпой втискиваться въ избу. Но урядникъ и письмоводитель сейчасъ же осадили ихъ и захлопнули за ними дверь. Начальникъ сталъ вызывать ихъ по одиночкѣ, но мужики, наскучивъ ожидать на дворѣ, снова стали порываться въ избу, сначала по-двое, по-трое, и потомъ, видя, что никто не противится ихъ своеволію, ворвались въ избу всей гурьбой.

Иаба тотчасъ же наполнилась запахомъ вина и лука. Всѣ были выпивши. Нѣкоторые едва держались на ногахъ. Одинъ мужикъ былъ настолько пьянъ, что пошатнувшись упалъ на столъ, гдѣ писалъ начальникъ, и чуть не опрокинулъ его походную чернильницу. Но начальникъ, повидимому, не замѣчалъ этого и продолжалъ допросъ. Онъ, вѣроятно, трусилъ пьяной толпы. По крайней мѣрѣ, въ его оживившихся теперь глазахъ ясно отражалось настойчивое желаніе какъ можно скорѣе покончить и уѣхать.

Само собою разумѣется, что всѣ чуть ли не одними и тѣми же словами показали такъ, какъ было нужно Артему.

Когда земскій начальникъ, очистивши нумерокъ, снова облекся въ путевые доспѣхи и съ облегченнымъ сердцемъ уѣхалъ, мужики, выпивъ еще по стакану вина, который поднесъ имъ на этотъ разъ уже изъ собственныхъ рукъ благодарный Артемъ, стали расходиться по своимъ деревнямъ.

— Эхъ, братецъ ты мой!.. Великій грѣхъ на душу узали мы съ тобой сичасъ, истинный Господь!..—говорилъ плаксивымъ голосомъ одинъ мужикъ изъ сосѣдней деревни, идя съ другимъ, своимъ односельцемъ, по дорогѣ домой.

— Эвто ты, кумъ, то-ись, къ чаму?.. спросилъ тотъ.

— А къ тому, кумъ, что, значить, показали мы, къ примѣру... облыжно!.. Н-нда!.. Нешто мы съ тобой мерина-ты знаешь?.. Нябось, и въ жисть не видали, а тутъ, почестъ, присягу приняли!.. Артемку-то мы отлично понимаемъ: конокрадъ енъ дошлый, звѣстно, что говорить... нябось, усякъ знаетъ про яво!.. Что ни восень—новую лошадь вестеть!.. Н-нда!.. Такъ-то, нябось, и эваго мерина уперъ гдѣ ни на есть, пра!..

Онъ помолчалъ и потомъ, впадая въ искреннее сердечное сокрушеніе, прибавилъ, сморщивъ лице и будучи не въ силахъ удержать слезъ:

— О Господи, Господи!.. Гряшишь этта, гряшишь, къ примѣру... и конца краю гряхамъ нѣту-ти!..

Онъ отеръ слезы мѣхомъ полушубка и шумно высморкался.

— Эвто ты точно, кумъ!..—отвѣчалъ другой мужикъ,—што говорить?.. Гряха не проспичь!.. Дыть, ничаво не подѣлаешь!.. Перва-наперво вина, значить, Артемъ поднесь, разъ,—онъ загнулъ палець.—Какъ тутъ не вызволить?.. Второе дѣло... тае... нешто супротивъ Артема возможно?.. Ни въ жисть... разорить, окаянный, пра... посведеть усѣхъ животовъ изъ деревни!.. И, значить, управы на яво не найдешь... потому, кумъ, кто жъ за насъ съ тобой, значить, заступтси?.. Кому нужно?.. Нонеча мошенникамъ только и жить!.. Пра, велико слово!..

И вдругъ, махнувъ рукой и видимо желая забыть о тяжелыхъ темахъ, возбужденныхъ товарищемъ, мужикъ на все поле затянулъ охрипшимъ носовымъ фальцетомъ:

Бы-ы-ла вре-е-мя,
Время—весело-о-о-о-я...¹⁾.

Осмотръ Мышатаго производилъ не «скотской дохтуръ», какъ ветеринарныхъ врачей зовутъ крестьяне, и какъ требовалось апелляціонной инстанціей, а такой же ветеринаръ-фельдшеръ, какихъ два производили экспертизу при разборѣ дѣла у земскаго начальника. Разница была только въ томъ, что этотъ фельдшеръ состоялъ на земской службѣ. Такимъ образомъ вторичный осмотръ терялъ всякое значеніе повѣрки, а тѣмъ болѣе авторитетности.

Федоръ и даже Ефимъ сейчасъ же обратили вниманіе на красный, покрытый у ноздрей синими жилками носъ и стеклянные безъ всякаго опредѣленнаго выраженія глаза фельдшера.

Послѣдній, казалось, и теперь былъ выпивши. Онъ, нимало не стѣсняясь, переглядывался съ Артемомъ, пересмѣивался съ нимъ чему-то и нѣсколько разъ, наклоняясь къ его уху, что-то шепталъ.

Артемъ держалъ себя, какъ человѣкъ, увѣренный въ успѣхѣ, и насмѣшливо поглядывалъ то на Ефима, то на Федора Краснова.

Протоколъ осмотра былъ въ пользу Артема.

— Нешто эвототъ-то драчъ²⁾ умнѣй-ча тѣхъ, что смотрѣли Мышатаго у нашего земскѣва?.. —спрашивалъ Ефимъ, когда онъ съ Федоромъ некрупной рысцой трусили по дорогѣ къ дому.—...На кой прахъ эвототъ разъ ишло было Мышатаго травожить?.. Нешто одурѣли оны тамотка штоль-ча?..

— Эхъ, братецъ ты мой, одурѣли?..—замѣтилъ Федоръ глубоко-мысленно.—...Нешто на службѣ-то мало дураковъ?.. Вумная-то голова завсегда сабѣ хлѣбушка промыслить, а дураку игдѣ-жъ узять, какъ не на службѣ?..

¹⁾ Въ пѣснѣ, по ритмическимъ причинамъ, слово «веселое» произносится— «вселоѣ», а крестьянство произноситъ: «была время веселѣя».

²⁾ Специалистъ по обдиранию шкуръ съ дохлаыхъ животныхъ.

Мѣсяца полтора спустя, когда въ апелляціонную инстанцію были доставлены протоколы допроса Артемовыхъ свидѣтелей и нересомотра лошади, дѣло Чуднова было назначено къ слушанію.

На этотъ разъ въ составѣ участвовалъ одинъ только земскій начальникъ, молодой человѣкъ изъ «орденскихъ» дворянъ, недавно окончившій курсъ въ какой-то агрономической школѣ высшаго разряда, очень ученый, какъ и всѣ агрономы, которые развелись на Руси съ тѣхъ поръ, какъ земледѣліе стало падать, и въ то же время по-молчалински искательный молодой человѣкъ, никогда не имѣвшій своего мнѣнія, предпочитая придерживаться мнѣнія большинства. Предсѣдательствующій и городской судья, выходецъ изъ податнаго сословія, ненавидѣвшій поѣтому дворянъ, принадлежали къ присяжной кустіціи и потому пренебрежительно относились къ «доморощеннымъ юристамъ», какъ они называли земскихъ начальниковъ, которымъ они всегда искали случай дѣлать каверзы, мало заботясь о томъ, что отъ этого страдало только дѣло, что было самое важное, а купецъ почетный судья, очень гордившійся лестнымъ для него званіемъ, никому не перечилъ, чтобы быть избраннымъ и на слѣдующее трехлѣтіе.

Послѣ доклада дѣла и «рѣчи» мѣстнаго «аблаката» Красавцева, очень витѣватой, но мѣщански-вычурной и въ сущности безтолковой, такъ какъ Красавцевъ почему-то все время старался доказывать невинность Артема въ похищеніи лошади Чуднова, о чемъ не было и намека, — предсѣдательствующій обратился къ Ефиму, мирно дремавшему на передней скамейкѣ.

— Чудновъ...—сказалъ онъ, зѣвнувъ въ руку.

Ефимъ всталъ со скамейки, сейчасъ же потупилъ глаза и началъ молча переминаться съ ноги на ногу.

— Ну, что же вы молчите?.. — снова спросилъ предсѣдательствующій.

— Дыть, что-жъ я скажу?.. — тихо отвѣтилъ Ефимъ, пожавъ плечами.

— Такъ не можете?.. — снова спросилъ членъ.

— Дозвольте, господинъ... ваша выскобродья...—вдругъ воскликнулъ Красновъ, вскочивъ со своего мѣста и быстро подходя къ судейскому столу:—...дозвольте сказать... Какъ мы таперича судимшись съ Артемомъ, усяго наслышались до-сытя, покель ня надоть... хошь бы эвотъ самый Красавчикъ бряхалъ тутотка, альни уши заболѣли, пра, — онъ мотнулъ головой въ сторону Красавцева,—...а намъ ничаво, значить, не жалательно... толки, явитя Божескую милось, отпуститя насъ съ мериномъ ко двору... Ей-Богу, пра—мочи нашей нѣгутя, отошшали мы увовся отъ эвтой канители. Чаво тутъ толковать?.. Даже усѣ знаютъ, что мерянь—нашъ...

— Господинъ предсѣдательствующій... — воскликнулъ обидѣвшійся Красавцевъ—...я прошу занести въ протоколъ... этотъ человѣкъ меня оскорбилъ публично, сказавъ, что я брешу...

— Нябось, не слиняешь...—возразилъ Красновъ, махнувъ рукой. Въ публикѣ громко засмѣялись.

Предсѣдательствующій завзвонилъ и, когда шумъ умолкъ, спросилъ Ѳедора, кто онъ такой.

— Этта мы-то?.. Сусѣдъ Ехимкинъ, изъ одной деревни, значить... — отозвался Ѳедоръ.

— Вы не можете говорить за Чуднова, потому что вы не повѣренный,—сказалъ ему предсѣдательствующій.

— Чаво-жь что не довѣренный?..—удивился Ѳедоръ.—Съ Покрова почестъ по усѣмъ мястамъ съ Ехимомъ шлялись ня жрамши, альни пузо къ бородѣ подвяло, да не моги я сказать!.. Яви Божеску милось, ваша выскобродья, стань за отца, за мать—ослобони ты насъ съ меряномъ...

Онъ потянулъ Ефима за рукавъ и вмѣстѣ съ нимъ сталъ на колѣна.

— Садитесь, садитесь, говорятъ вамъ... — крикнулъ на него предсѣдательствующій.

И затѣмъ, когда они встали, онъ обратился къ прокурору, прося его заключенія по существу. Послѣдній, еще очень юный, повидимому, очень недавно оставившій школьную скамью, сейчасъ же сконфузился и началъ что-то говорить про себя, изъ чего судьи должны были понять, что онъ склоняется къ отмѣнѣ рѣшенія земскаго начальника и полагалъ лошадь возвратить Артему.

Во время перерыва, земскій начальникъ, рѣшавшій дѣло Чуднова и Артема, вошелъ въ совѣщательную комнату и подошелъ къ предсѣдательствующему.

— Побойтесь Бога... — сказалъ онъ взволнованно,—...что же вы сдѣлали съ Чудновымъ?.. Вѣдь вы разорили мужика... Да что?.. Вы весь дворъ, все хозяйство его разорили своимъ рѣшеніемъ!.. Съ другой стороны вы, такъ сказать, поощрили завѣдомаго конокрада: кто не знаетъ въ округѣ, что такое Грязный Долъ, и чѣмъ промышляетъ тамошнее крестьянство?.. Вѣдь вы дали конокрадамъ очковъ пятьдесятъ впередъ... посмотрите, какое теперь конокрадство пойдетъ въ нашей мѣстности!..

— Н-да...—замѣтилъ судья-купецъ.—...это вы точно-съ... Какъ рыбу изъ садка тащить зачнутъ!..

— Позвольте, господа...—возразилъ членъ—...позвольте... Судь не долженъ входить въ эти разсужденія... Ему нѣтъ дѣла, кто кого разорилъ, и разорился ли ктонибудь или нѣтъ!.. Задача суда только слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый владелъ тѣмъ, что ему принадлежитъ, и не покушался на имущество другаго!.. Поэтому ему слѣдуетъ входить въ разсмотрѣніе дѣла исключительно по существу и имѣющимся въ немъ даннымъ...

— А что же вамъ мало данныхъ?..—перебилъ его земскій начальникъ. — При разбирательствѣ у меня, спрошено тридцать три свидѣтеля, два военныхъ фельдшера и коноваль, который выяснилъ, что зубъ у лошади поддѣланъ, выщипаны грива и хвостъ... Чего же вамъ еще нужно?.. Какого вамъ еще существа дѣла и данныхъ?..

— Этихъ указаній въ дѣлѣ нѣтъ!..—приторно-вѣжливо сказалъ членъ.

— Какъ нѣтъ?.. Есть, я вамъ говорю!.. — съ сердцемъ сказалъ начальникъ... Посмотрите въ дѣлѣ повнимательнѣе!.. И потомъ боѣ спокойнымъ тономъ онъ продолжалъ:

— Да помимо этого... я лично... я заявляю въ протоколѣ судебного разбирательства, что обознанная у грязно-дольскаго мужика лошадь—та самая, которая куплена у меня на заводѣ, что я ее знаю съ жеребьячьяго возраста... Мое-то удостовѣреніе имѣеть какойнибудь вѣсъ и значеніе, или нѣтъ?.. Если законъ предоставляетъ судѣ право внутренняго убѣжденія, то несомнѣнно вѣрять въ совѣсть судьи, предоставляя этой совѣсти рѣшить дѣло такъ или иначе не по однимъ внѣшнимъ даннымъ, а по такимъ, которыя для другихъ часто неуловимы... Но дѣло совершенно не въ такомъ положеніи, напротивъ... въ немъ такая масса фактовъ, что очевидность принадлежности лошади Чуднову не могла не быть убѣдительною здѣсь, во второй инстанціи...

— Да, внутреннее убѣжденіе по имѣющимся въ дѣлѣ доказательствамъ,—подчеркнулъ членъ язвительно,—но не надо забывать, что въ апелляціонной инстанціи обстоятельства, коими руководились вы,—измѣнились; во-первыхъ, въ другомъ уѣздѣ тридцать пять человѣкъ свидѣтелей показали, что обознанная лошадь лично имъ извѣстна, какъ всю жизнь принадлежавшая Артему, что коню не семь, а девять лѣтъ, и это подкрѣпляется бумагой земскаго начальника, къ которой приложенъ протоколъ осмотра ветеринарнаго врача...

— Не врача, а фельдшера... — перебилъ земскій начальникъ,—такого же фельдшера, какихъ у меня опрашивалось два...

— Прекрасно, но я полагаю, что разъ измѣнились обстоятельства дѣла, которыя послужили основаніемъ вашему убѣжденію, должны и мы получить другое убѣжденіе, другой взглядъ на это дѣло?.. Это именно и выразилось во мнѣніи большинства, которымъ мы и обязаны руководствоваться...

— Большинство?..—повторилъ съ оттѣнкомъ презрѣнія земскій начальникъ,—ужь лучше не говорили бы вы про ваше здѣшнее большинство!..

— Да, но во всякомъ случаѣ, какъ бы тамъ ни было, а большинство рѣшило такъ, и если вы безповоротно убѣждены, что наше рѣшеніе неправильно, то вы или ошибаетесь сами, или же конь этого крестьянина есть двойникъ того коня, котораго вы знали!.

Онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Во всякомъ случаѣ, — добавилъ онъ уже на ходу и дѣлая что-то въ родѣ полупоклона, — наше слово не послѣднее... Мужикъ можетъ еще жаловаться въ кассационномъ порядкѣ...

Взбѣшенный тономъ и узкостью иноземца, рѣшающаго судьбу русскаго человѣка, смысла которой онъ очевидно не понимаетъ, или, вѣрнѣе, не хочетъ понять, начальникъ собирался возражать, но одумавшись сдержался.

— Не стойтъ... — подумалъ онъ, — все равно ничего изъ этого не выйдетъ... Партийность и буквоѣдство заѣдаютъ правду...

Онъ махнулъ рукой и поспѣшно вышелъ изъ совѣщательной.

5.

Въ кассационной инстанціи, несмотря на предстательство земскаго начальника, апелляціонное рѣшеніе утвердили, оставивъ жалобу Ефима безъ послѣдствій. Никому не было охоты рыться въ дѣлѣ, доискиваться существа. Могли бы, конечно, взглянуть на доводы земскаго начальника въ порядкѣ надзора, отбросивъ мертвыя формы классическаго судопроизводства, но этого не пожелали. На дѣло посмотрѣли съ чисто юридической точки зрѣнія и такъ какъ со стороны формъ и обрядностей судопроизводства все обстояло благополучно, то и утвердили, какъ правильное, рѣшеніе апелляціонной инстанціи.

Въ Ефимовой деревнѣ диву дались. Мужики, да и бабы, пересуживали Ефимову бѣду и никакъ не могли понять тонкаго юридическаго смысла, по которому отняли у хозяина его лошадь, его достояніе и передали другому.

— О-о-о... да неузли-жъ такъ и сгинуть Мышатый?.. — спрашивала жена Краснова, сладенькая, вѣчно улыбающаяся бабенка, почему-то прозванная въ деревнѣ Чефирочкой, у старухи Марѳы, жены старосты, встрѣтившись съ нею вечеромъ у водопоя, когда поили скотину.

— Сгинуть, дѣвушка, сгинуть!.. Стало, яму такъ-то на роду написано, пра...новому хозяину служить!.. — отвѣчала Марѳа, подпирая лицо одною рукой и вытирая углы рта другой: — Давча, этта я — только пополудновали — зашла, стало быть, къ Чудновымъ... — продолжала она... дай, молъ, погляжу, что у нихъ, какъ?.. Ехимъ этта — у лѣсъ ушедши, по дрова, а Вольга воколо печки хлопочеть, чугуны тамъ, кой-что прибираеть. Я такъ-то ей, этта: что, молъ, кума, какъ Господь тебѣ милуетъ, говорю?.. А она, любушка, этта, какъ глянетъ на меня, да какъ увзвуетъ!.. Ей-Богу — пра!.. Разорители, говорить, апослѣдняго ¹⁾ куска рѣшили!.. «На нѣтъ» увовся сопли

¹⁾ Послѣдняго лишили.

мы!.. На чемъ, говорить, пахать—скородить таперича будемъ... хлѣбъ, сѣно убирать?.. Кольки время Мышатаго дожидали?.. Поили, кормили, растили... А таперича чуточку и порадоваться, лиходѣи, на явѣ не дали!.. У петлю намъ, говорить, съ Ехимкой у пору—вѣ какая, говорить, наша житье!.. Эхъ, говорю, болѣзная, чаво гряшишь, прѣ?.. Усе ишло старикъ Подласый-то живъ—службу справить, на нѣтъ не сойдешь... А она, Вольга-то: ты погляди-ка, поди, на явѣ, говорить, на Подласаго-ты... Сичасъ, дамно ли святки прошли, а у яво брюха-то почестъ по землѣ волокется съ безкормья... маслакѣ колѣмъ торчатъ!.. Да и зубы-то добрѣ плохи стали, говорить, кормъ добрѣ плохо сталъ жавать!.. Нешто на ѣмъ, говорить, на такомъ-то много наработаешь?.. Эхъ-ма, говорить, Машатенька-а-й ты нашъ, игдѣ ты таперича?... Головушка ты наша болѣзная, долюшка наша сиротливая-я!.. Некому за насъ-сиротъ попечаловаться!.. Да какъ заголосить, какъ заголосить, этга, Вольга-ты!.. Усе рамно, какъ по покойнику, прѣ!.. Ей-Богу!..

— И то, кума...—сказала Чефирочка, по привычкѣ и некстати засмѣявшись всеми своими морщинками:—...и допрежь-то не богато жили, а теперича безъ Мышатаго Чудновымъ — крышка!.. Куда-жъ Подласый?.. Ямъ, нябѣсь, годовъ двадцать таперъ есть?..

Какъ разъ въ эту минуту старикъ староста, мужъ Марѣи, шелъ по дорогѣ, возвращаясь изъ волости, и, увидавъ жену и Чефирочку, остановился около нихъ.

— Чаво тутъ языками-то перезванивается?..—спросилъ онъ шутя.

— Да вотъ объ Чудновыхъ, этга, съ Мархвой толкуямъ!.. — отозвалась Чефирочка.

— Чтѣ Чудновы!.. — сказалъ старикъ: — плохое ихъ дѣло, шабашъ!..

— А что?..—спросили объ бабы почти разомъ.

— Вотъ сичасъ у волостной сказывали: Артемка-то, супостать, подалъ на Ехима прошенію у волостную... ¹⁾ Сто рублевъ, вишь, убытковъ домогается!.. Писарь сказываль... Ей-Богу!..

— О-о-о?.. протянули объ бабы.

— Головушка!..—воскликнула Марѣа, всплеснувъ руками.

— Ишь яво, пралика!..—замѣтила Чефирочка:—разохотился на чужое добро...

— Эхъ, дѣвушка...—воскликнулъ старикъ съ чувствомъ.—Какъ не разохотиться, когда, вишь—судъ... ишло какой судъ-ты, не нашъ «лапотный», а господскій, усе рамно—на смѣхъ присудилъ лошадь вѣру?.. А почяму?.. Да нешто эвти-ты судьи — настояштенскіе господа?... Только слава одна, прѣ!.. Таперича такихъ-то «господъ» — кольки твоей, значить, душѣ угодно. Вонъ нашъ земской—эвтотъ двистительно, прямѣйча сказать—барянь!.. Хоша и строгъ, ну, а въ

¹⁾ Мѣстное произношеніе, слѣдуетъ: «прошеніе въ волостное».

оби́ду никого не дасть, э́то точно!.. Почяму-что ё́нъ вва́правдашнѣй баря́нъ, тутошнѣй, коря́ннѣй!.. Туточка увесѣ явѣ родѣ: и отецѣ, значить, и дѣ́дъ, и пра́дѣдъ, царство небесное, съ нами вѣ́къ свѣ́ковали!.. А э́нти...—староста махнулъ головой по направленію города,—нешто э́то господа?.. Оны и́шшо хорошо-то тремѣ свинья́мъ замѣсить по́йла не сумѣ́ють, пра́... а не токмо что распознать хозяина отъ вора!..

Староста досадливо сплюнулъ въ сторону. Черезъ минуту онъ продолжалъ нѣсколько спокойнѣе, но съ невыразимымъ оттѣнкомъ насмѣшки:

— Да имѣ нужно?.. Хоша-бъ мы усѣ провалились скрозъ землю, и тоды бы усѣ ничаво... потому оны землю не пахутъ, хлѣ́бъ не сѣ́ють!.. Чавѣ имѣ до насѣ?.. Казну сабѣ, знай получають, ну, и сыти ¹⁾).

Этою же зимой, великимъ постомъ, околѣлъ Подласый, частью отъ старости, частью отъ плохого и недостаточнаго корма. Весной пахать землю стало нѣ на чемъ, и Ефимъ, сдавъ полевой надѣлъ обществу, ушелъ въ заработки. Ольга стала ходить по работамъ поденщицей. Домъ Чудновыхъ опустѣлъ; кое-гдѣ уже и крыша похилилась, разбились стекла въ рамахъ, обвисли двери на пережавѣвшихъ петляхъ.

Впрочемъ не одинъ Ефимъ «сошелъ на нѣтъ». На многихъ еще разорители наложили свою Каинову руку.

Изъ уѣзда, хотя и осторожно, «чтобы не обезпокоить», но всеже доносили, что случаи конокрадства усиливаются. И это была правда въ особенности по отношенію къ той мѣстности, гдѣ былъ украденъ Ефимовъ Мышатый... Но изъ губерніи продолжали отписывать, что все обстоитъ благополучно, и между прочимъ, что конокрадство ослабѣваетъ, благодаря неусыпно принимаемымъ энергическимъ мѣрамъ... Какъ посмотрѣлъ праведный судъ на дѣло о взысканіи Артемомъ съ Ефима Чуднова «убытковъ»—неизвѣстно, но Ефиму теперь, когда онъ и семья его разорены, это совершенно все равно: взять съ него, конечно, уже нечего...

Говорятъ, что не въ одной только этой мѣстности до сихъ поръ благоденствуютъ разорители...

В. А. Тимашевъ-Берингъ.

¹⁾ Сыты—мѣстное произношеніе.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО МОРЯКА.

ВОСПОМИНАНІЯМИ своими, носящими характеръ личныхъ впечатлѣній, я хочу познакомить съ прежней жизнью моряковъ на парусныхъ судахъ, а также коснусь пролога къ великой исторической драмѣ. Во время Севастопольской кампаніи я былъ юнкеромъ. Мы, юнкера, въ числѣ 50 человекъ, добровольно выразили желаніе принять участіе въ защитѣ Севастополя, и остались бы раздѣлять наравнѣ съ другими тяжелыя испытанія одиннадцати-мѣсячной осады; но смертельно раненому 5-го октября на Малаховомъ курганѣ адмиралу Корнилову не измѣнилъ ни его умъ, ни его широколюбивая натура: испытывая страшныя физическія муки, чуть ли не въ предсмертной агоніи, онъ остановилъ свой потухающій взоръ на присутствующихъ около него юнкерахъ и, обращаясь къ капитанъ-лейтенанту Бурхановскому, съ трудомъ, между прочимъ, произнесъ: «отправить немедленно юнкеровъ въ Николаевъ».

I.

Въ существовавшей въ 50-хъ годахъ Николаевской черноморской юнкерской школѣ, по прекращеніи научныхъ занятій, обыкновенно юнкеровъ на лѣтнее время назначали на суда для практическаго плаванія, что ожидалось ими съ большимъ нетерпѣніемъ.

Въ 1854 году, война уже была объявлена, весь флотъ нашъ заперся въ Севастопольской бухтѣ, и мы теряли всякую надежду совершить обычную, облюбованную нами, лѣтнюю прогулку по Черному морю.

Май мѣсяцъ приближался къ концу. Классныя занятія прекратились; но насъ продолжали обучать фронту и ружейнымъ приѣмамъ. Нашъ бывшій деректоръ, контръ-адмиралъ Юхаринъ, по этой части былъ весьма требователенъ. Въ то время приемы фронтовой службы были чрезвычайно тягостны, и кому приходилось пройти эту школу, тотъ не будетъ этого отрицать; ни къ чему не ведущее медленное вытягиваніе ноги въ три приѣма, заряданіе ружья въ 12-ть темповъ, въ послѣдующее время при одномъ воспоминаніи возбуждавшее смѣхъ, въ то время вызывали у многихъ изъ насъ слезы.

28-го мая, стоялъ жаркій день; мы были очень утомлены маршировкой и ружейными приѣмами; приближался обѣденный часъ. Вдругъ раздалась команда дежурнаго офицера «смирно», «во фронтъ». Одна минута, и мы выстроились въ двѣ шеренги. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ остановился экипажъ, пріѣхалъ вице-адмиралъ Корниловъ ¹⁾, средняго роста, стройный, немного худощавый, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ; ласково улыбаясь, онъ подошелъ къ фронту со словами «здорово, юнкера». Мы искренно привѣтствовали обожаемаго нами адмирала. «Я вамъ привезъ пріятную для васъ новость: черезъ недѣлю вы будете отправлены сухимъ путемъ въ Севастополь и размѣщены на суда, а до того времени вы свободны». Какая радость! трудно передать, какъ мы были пріятно взволнованы такой внезапной перемѣной образа жизни; одна мысль неотступно преслѣдовала насъ: поскорѣе отправиться въ Севастополь.

Черезъ недѣлю мы всѣ были въ сборѣ; въ оградѣ зданія юнкерской школы стояло семь крытыхъ татарскихъ фургоновъ. За нѣсколько часовъ до нашего отправленія, дворъ началъ наполняться родными и знакомыми юнкеровъ; пріѣхалъ проститься съ нами Корниловъ. «До свиданія, юнкера»,—сказалъ онъ,—«если представится къ тому случай, докажите, что вы съ честью носите свой мундиръ». Предчувствовалъ ли онъ, что юнкера эти чрезъ пять мѣсяцевъ отнесутъ его смертельно раненаго съ Малахова кургана на перевязочный пунктъ, и, умирая, онъ прикажетъ отправить ихъ немедленно въ Николаевъ?

Когда было все готово, караванъ нашъ двинулся по направленію къ Херсону. Въ тотъ же день, въ три часа, мы уже плыли на баржахъ, нагруженныхъ фургонами, по направленію къ Алешкамъ (уѣздный городъ Таврической губерніи на противоположной сторонѣ рѣки Днѣпра). Около недѣли продолжался нашъ путь.

Помню, солнце было на закатѣ, когда мы прибыли на сѣверную

¹⁾ Начальникъ штаба Черноморскаго флота.

сторону Севастополя. Наступалъ вечеръ; на другой сторонѣ бухты, амфитеатромъ, въ своемъ еще полномъ величіи возвышался городъ.

Въ его обширнѣйшихъ бухтахъ въ мірѣ стоялъ весь Черноморскій флотъ. Солнце закатилось, съ адмиральскаго флагманскаго корабля грянулъ выстрѣлъ, эхомъ отдаваясь въ ущельяхъ горъ. Завертѣлись на судахъ брамъ-реи и съ спускомъ кормовыхъ флаговъ полетѣли внизъ. Поились звуки гимна. Трудно было оторвать глаза отъ этой чудной, оживленной картины. Красиво стояли правильной линіей столупечные гиганты, съ cadaго изъ нихъ неслись стройные звуки оркестровъ и пѣнія матросскаго хора. По зеркальной поверхности рейда быстро скользили разнообразной конструкціи гребныя суда, большею частью направляясь къ Графской пристани. А тамъ, на берегу, по всѣмъ направленіямъ, какъ бы соперничая съ морской силой, грозно высматривали изъ амбразуръ береговыхъ батарей тысячи орудій, ожидая въ защиту своего родного города выпустить давно залежавшіеся въ ихъ дулахъ снаряды.

Я и нѣкоторые изъ моихъ товарищей были назначены на флагманскій 120-ти-пушечный корабль «Трехъ Святителей», стоявшій подъ флагомъ вице-адмирала Новосильскаго; командовалъ кораблемъ капитанъ перваго ранга Кутровъ. На этомъ левиафанѣ помѣщалось около тысячи человекъ команды, при сорока офицерахъ; несмотря на такую массу живущихъ на немъ людей, порядокъ и чистота были образцовые; на палубѣ во время авральныхъ ¹⁾ работъ, когда вся команда была на верху, слышны были только командныя слова старшаго офицера да свистки унтеръ-офицеровъ. Вся работа исполнялась молча и вмѣстѣ съ тѣмъ съ изумительной быстротой: раскрѣпить, отдать, вытянуть болѣе 20-ти парусовъ, все это исполнялось въ 5—6 минутъ времени; выстрѣлъ изъ орудій производился въ 18 секундъ. Всѣ такія авральныя работы начинались и оканчивались по сигналу съ корабля «Императрица Марія», стоявшаго подъ флагомъ вице-адмирала Нахимова. Бѣда, если одно изъ судовъ замедлитъ отвѣтомъ, или неточно пойметъ сигналъ, а еще болѣе доставалось тому, у кого движеніе производилось медленно или неаккуратно; въ такомъ случаѣ на кораблѣ «Марія» подымались вымпела этого судна, и раздавался выстрѣлъ, что означало строгій выговоръ.

Адмиралъ Нахимовъ большую часть дня проводилъ на верхней палубѣ корабля, ни на минуту не оставляя подзорной трубы, слѣдя за всѣмъ, что происходитъ на рейдѣ; почти не случалось, чтобы какая нибудь ошибка или неисправность ускользнула отъ его зоркаго взгляда. Какъ-то на «Императрицѣ Маріи» былъ поднятъ сигналъ «прислать съ эскадры писарей»; съ корабля «Три Святителя» былъ посланъ подъ моей командой катеръ. Проходя по пути

¹⁾ Авраль: созваніе всего корабельнаго экипажа на палубу.

мимо стоявшихъ на якорѣ судовъ, я невольно залюбовался ихъ красивымъ контуромъ и упустилъ изъ виду свою прямую обязанность: слѣдить за своими гребцами. Приставъ къ флагманскому кораблю, я получилъ приказаніе вахтеннаго офицера подняться на верхъ и явиться къ адмиралу. Взойдя на палубу и снявъ фуражку, я подошелъ къ юту корабля, по которому медленно взадъ и впередъ шагаль съ заложенными назадъ руками, съ фуражкой, надвинутой на затылокъ, высокаго роста, въ вице-адмиральскихъ эполетахъ, немного сутуловатый господинъ.

— Съ какого судна?—спросилъ онъ.

— Съ корабля «Три Святителя», ваше превосходительство.

— А шлюпка-съ, на которой вы пришли, тоже съ корабля-съ?— не безъ ироніи спросилъ адмиралъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— На военной шлюпкѣ-съ и такъ грести, — уже не безъ нѣкотораго раздраженія, принимая болѣе строгій видъ, продолжалъ Нахимовъ и приказалъ мнѣ сѣсть на катеръ и обогнуть нѣсколько разъ корабль.

Нечего и говорить, что гребцы приложили все свое старанье и умѣнье, чтобы загладить свою вину; около десяти разъ я обошелъ кругомъ корабля, приподымая голову, чтобы уловить — не обнаружить ли своимъ движеніемъ уже прославившій на весь міръ свое имя синопскій герой, что моя не совсѣмъ пріятная для меня прогулка окончена. Наконецъ онъ машетъ рукой, и мой катеръ быстро пошелъ къ своему кораблю, на которомъ я еще долженъ былъ искупить свою вину, отсидѣвъ по приказанію вахтеннаго начальника полтора часа на гротъ-саленгѣ¹⁾).

Павель Степановичъ Нахимовъ не любилъ, чтобы офицеры, тѣмъ болѣе холостые, съѣзжали съ своихъ кораблей въ будніе дни по своей надобности на берегъ,—до спуска кормовыхъ флаговъ, т. е. до заката солнца. Самъ онъ рѣдко бывалъ на берегу, и если это случалось, то при встрѣчѣ, въ особенности молодыхъ офицеровъ, онъ нерѣдко спрашивалъ: «вы, вѣроятно-съ, здѣсь по служебной обязанности?»—и если спрашиваемый давалъ отрицательный отвѣтъ, то Нахимовъ узнавалъ фамилію офицера, и этого было достаточно, чтобы отбить всякое желаніе повторить подобную отлучку съ судна. При встрѣчѣ же другой разъ того же офицера на берегу, съѣхавшаго до заката солнца для своего удовольствія, онъ приказывалъ ставить его не въ очередь на вахту или въ караулъ.

Адмиралъ обладалъ прекрасной памятью: разъ онъ останавливалъ свое вниманіе хотя нѣсколько минутъ на какомъ нибудь лицѣ, то онъ долго его не забывалъ; на себѣ мнѣ пришлось это испы-

¹⁾ Саленгъ: брусья, крестообразно подожженные на верху стеньги. Стеньга: тонкое дерево, на верху мачты, служащее ей продолженіемъ.

татъ. Послѣ перваго моего знакомства съ адмираломъ, окончившагося такими для меня неприятными послѣдствіями, лейтенантъ Нарбутъ какъ-то предложилъ мнѣ управлять рулемъ гички, которая должна была перевезти его знакомую, жену адмирала Панфилова, съ Графской пристани въ Новую Голландію, ея лѣтнее пребываніе. По пути, отвѣчая на предлагаемые мнѣ вопросы Панфиловой, я не обратилъ вниманія на приближавшійся къ намъ вельботъ подъ адмиральскимъ флагомъ; замѣтивъ его уже очень близко и увидѣвъ сидящаго въ немъ адмирала Нахимова, я до того растерялся, что вмѣсто того, чтобы положить руль вправо на бортъ, положилъ его налѣво; хотя гичка и не столкнулась съ вельботомъ, но неизбѣжно должна была пройти мимо него вплотную. Я слышалъ, какъ адмиралъ scomандовалъ своему вельботу «весла по борту», что приказалъ и я сдѣлать своимъ гребцамъ. Приподнявшись и снявъ фуражку, я съ невольнымъ страхомъ не отрывалъ глазъ отъ лица Нахимова, который на этотъ разъ, кланяясь Панфиловой и добродушно улыбаясь, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— А, старый знакомый! Ну, на этотъ разъ васъ спасаетъ сопутствующій вамъ добрый геній.

Разскажу еще одинъ случай, рельефно обрисовывающій Нахимова, какъ человѣка возвышенной души и высоко сердечнаго.

У насъ на кораблѣ служилъ лейтенантъ Савельевъ. Это былъ талантливый, добрѣйшій человѣкъ и веселый собесѣдникъ; рассказы его были запечатлѣны живымъ, заразительнымъ юморомъ; но онъ былъ алкоголикъ; сослуживцы его, такъ какъ всѣ его очень любили, всѣми мѣрами старались излѣчить его отъ этой болѣзни; но предпринимаемые средства оказывались неэффективны. На кораблѣ еще была возможность помѣшать ему предаваться пагубной страсти, но когда онъ съѣзжалъ на берегъ, то я почти не помню, чтобы онъ безъ посторонней помощи могъ возвратиться на судно. Какъ-то въ одинъ изъ воскресныхъ дней, утромъ, онъ съѣхалъ на берегъ, предварительно внушительно напутствуемый добродушнѣйшимъ командиромъ корабля, капитаномъ перваго ранга Кутровымъ; не прошло и двухъ часовъ, какъ сигнальщикъ заявилъ стоявшему на вахтѣ лейтенанту Шмакову, что на Графской пристани машетъ по направленію къ кораблю какой-то офицеръ; хотя мы въ это время стояли у Павловскаго мыска, недалеко отъ Графской пристани, но трудно было различить лицо махавшаго, за которымъ былъ посланъ со мною катеръ. Савельевъ стоялъ на верхней площадкѣ пристани, всѣмъ туловищемъ упираясь въ колонну; голова его съ еле державшейся на ней фуражкой слегка покачивалась; глаза неопредѣленно блуждали. Въ это время показался Нахимовъ, направляясь къ вельботу; онъ обернулся и, замѣтивъ Савельева, остановился отъ него въ двухъ-трехъ шагахъ. Савельевъ, съ глупо слащавой улыбкой, стараясь удержать на немъ свой взглядъ, съ боль-

шимъ трудомъ приложившись правой рукой къ козырьку фуражки, а лѣвую вытянувъ и сгибая, какъ бы выражая этимъ желаніе обнять адмирала, пролепеталъ: до...ро...гой Па...вель Сте...па...новичъ¹⁾. Глядя на это, Нахимовъ только замахалъ головой и узнавъ, что за Савельевымъ присланъ катеръ, велѣлъ своимъ же гребцамъ осторожно усадить его въ шлюпку. Когда на корабль узнали о только что происшедшемъ случаѣ, то ожидали, что Савельеву грозитъ серьезное наказаніе. На другой день дѣйствительно Нахимовъ потребовалъ его и погрозилъ, что если онъ будетъ вести себя такъ непристойно, то онъ переведетъ его въ ластовый экипажъ. Савельевъ чуть ли не со слезами рассказывалъ, какими участливыми и ласковыми словами высказывалъ ему Нахимовъ свои замѣчанія, и послѣ этого старался сдерживать себя и никогда уже не произносилъ своей излюбленной поговорки передъ тѣмъ, какъ готовился осушить довольно внушительныхъ размѣровъ рюмку: «водка врагъ мой, но Іисусъ Христосъ сказалъ: люби и врага своего». Нахимовъ при всякомъ удобномъ случаѣ справлялся о поведеніи Савельева и, какъ потомъ высказывалъ, нисколько не былъ возмущенъ обращенными къ нему въ пьяномъ видѣ его словами, фамильярность которыхъ оправдывалъ чистосердечностью Савельева²⁾.

Моряки не сознавали, что приближается для нихъ время тяжелыхъ испытаній: жизнь кипѣла; какъ только закатывалось солнце, со всѣхъ судовъ неслись къ берегу наполненные молодежью гребныя суда. Въ хорошій вечеръ, бѣлая, сіявшая сквозной колонадой, Графская пристань обыкновенно была переполнена публикой; въ особенности много стекалось сюда, когда игралъ военный хоръ, не помню какого полка, подъ управленіемъ капельмейстера Якиша, который своей игрой на корнетъ-а-пистонѣ приводилъ въ восторгъ публику. Пикники, кавалькады, катанье на шлюпкахъ непрерывно слѣдовали одно за другимъ; главнымъ распорядителемъ и инициаторомъ всѣхъ этихъ затѣй былъ, служившій у насъ на кораблѣ, симпатичный молодой лейтенантъ, синопскій герой, Федоръ Федоровичъ Нарбутъ: не дурень собой, очень не глупый малый, веселый собесѣдникъ, онъ былъ, можно сказать, душею севастопольскаго общества.

Пользуясь иногда вѣтромъ, который не дѣлалъ затруднительнымъ выходъ и входъ въ бухту, эскадра выходила въ море, и въ виду берега производились парусныя и артиллерійскія ученья. Эти дневныя экскурсіи послѣ продолжительнаго насильственнаго покоя ожидались моряками съ большимъ нетерпѣніемъ. Вотъ поднимаются на флагманскомъ кораблѣ вымпела судовъ, а затѣмъ сигналъ: «сняться съ якоря». Вахтенный офицеръ командуетъ «свистать

¹⁾ Нахимовъ любилъ, когда его называли по имени и отчеству.

²⁾ Савельевъ былъ убитъ при осадѣ Севастополя.

всѣхъ на верхъ съ якоря сниматься». Сейчасъ же раздаются свистки и повтореніе команды унтеръ-офицерами, и какъ будто эхомъ разносится этотъ призывъ внизу, по всѣмъ палубамъ. Слышатся учащенные глухіе, точно барабанные звуки, отъ бѣгущихъ по трапамъ людей; еще не всѣ они успѣли выскочить, какъ раздается команда старшаго офицера¹⁾: «марсовые по марсамъ и салингамъ», и живая масса покрываетъ ванты сплошной стѣной, быстро двигаясь на верхъ и разсыпаясь по реямъ. Повсюду необыкновенное движеніе, работа кипитъ. Не прошло 5—6 минутъ, какъ корабль, поднявъ якорь, поставивъ паруса и обрасопивъ рей²⁾, уже двигается впередъ. Вотъ прошли фарватеръ, миновали берегъ, прибавляютъ парусность, и корабль, какъ бы почувствовавъ свою силу, увидя открывшуюся ширь, быстрѣе мчится въ даль. Сигнальщики слѣдятъ за флагманскимъ кораблемъ, то и дѣло выкрикиваютъ нумера сигналовъ, когда флаги еще въ клубкахъ не развѣваются; не успѣютъ ихъ спустить, какъ на всѣхъ судахъ сигналы приводятся въ исполненіе. Вся команда почти на верху. Каждый матросъ знаетъ свое мѣсто и свою снасть; всѣ работы исполняются быстро и съ удивительной отчетливостью. Въ продолженіе всего дня, исключая времени, назначеннаго для обѣда и отдыха команды, жизнь на кораблѣ бьетъ ключемъ. Корабль въ бухтѣ на якорѣ и корабль въ морѣ подъ парусами,—какая метаморфоза, какой контрастъ въ его внутренней и внѣшней жизни.

Парусныя ученья большею частью производились утромъ, а артиллерійскія въ послѣобѣденное время. Я помню, было 6 часовъ, на бакѣ пробило четыре склянки. Барабанъ бьетъ отбой. Какъ только придвинули и укрѣпили къ борту орудія, просвистали купаться; это одинъ изъ пріятнѣйшихъ моментовъ судовой лѣтней жизни команды. Судно становится въ дрейфъ³⁾, спускаются шлюпки, опускаются выстрѣла⁴⁾, бросаютъ съ бортовъ концы снастей. Команда, быстро раздѣваясь, спускается по выстрѣламъ въ воду; нѣкоторые прыгаютъ съ бортовъ, а болѣе смѣлые бросаются съ ноковъ нижнихъ рей. И весь этотъ людъ, продѣлывая по временамъ довольно таки незаурядныя акробатическія кунштюки, смѣясь и весело вскрикивая, выражая этимъ свой восторгъ, плещется въ водѣ.

По окончаніи купанья и снявшись съ дрейфа, свищутъ къ водкѣ матросики, выпивъ однимъ глоткомъ свою чарочку, кучками, въ круговую, садятся на палубѣ корабля и дружно черпаютъ своими

¹⁾ Во время аврала командованіе принимаетъ на себя старшій офицеръ.

²⁾ Направленіе рей такимъ образомъ, чтобы дать возможность привязаннымъ къ нимъ парусамъ утилизировать вѣтеръ.

³⁾ Такое расположеніе парусовъ, при которомъ корабль остается на одномъ мѣстѣ.

⁴⁾ Шесты на петляхъ, въ носовой наружной части судна.

деревянными ложками подмасленную капичку. Офицерство, кромѣ вахтеннаго, спускается внизъ въ каютъ-компанію, длинный столъ которой обставленъ чайниками¹⁾. Въ описываемое мною время, присутствіе самовара на военныхъ судахъ не допускалось, такъ какъ вообще съ огнемъ не шутили; появленіе огня во всякомъ видѣ, исключая камбуза²⁾, въ рѣдкихъ случаяхъ фонаря да фитиля, который укладывался въ специально сдѣланную для этого мѣдную кружку, строго воспрещалось. Вотъ завязалась оживленная бесѣда, появилась цитра и гитара, раздалась пѣсня, и какъ будто вторя ей изъ за открытыхъ бортовъ, въ которые высматриваютъ орудія, доносилось легкое журчанье разсѣкаемыхъ кораблемъ волнь. «Ваше высокоблагородіе, сигналъ: возвратиться къ якорной стоянкѣ»,—скоро и громко произноситъ, обращаясь къ старшему офицеру, торопливо вбѣжавшій дежурный сигнальщикъ. Мгновенно чайничанье прекращается; хотя пока еще и необязательно, но всѣ выходятъ на верхъ. Корабль точно гигантская птица, распустивъ свои громадныя крылья, скользитъ по морской поверхности. Приближаемся къ фарватеру, снова сигналъ: «вступить адмиралу въ кильватеръ»³⁾, и суда, продѣлывая поворотами и реями передвиженія, одно за другимъ, вступаютъ по очереди въ одну линію сзади флагманскаго корабля; но, пройдя фарватеръ, каждое изъ нихъ направляется къ своему мѣсту; дойдя до него, отдаетъ якорь и въ нѣсколько минутъ крѣпитъ паруса и выправляетъ рангоутъ.

Вечерѣтъ, солнце близко къ закату, приготовляются къ спуску брамъ-реи, флага и гюйса. Какъ только верхній дискъ солнца скрывается за горизонтъ, съ борта корабля «Императрица Марія» блеснулъ огонекъ, раздается пушечный выстрѣлъ и тотчасъ же, по командѣ «ворочай», «флагъ и гюйсъ спустить», брамъ-реи быстро летятъ внизъ, флагъ и гюйсъ исчезаютъ; музыка играетъ гимнъ, а затѣмъ продолжаетъ играть пьесы. Команда, получивъ дозволеніе изъ вахты, устраиваетъ хороводъ. Въ антрактахъ музыкальнаго хора раздается удалая пѣсня; толпа плотно обступаетъ пѣсенниковъ; по временамъ, изъ нея выскакиваютъ и прорываются въ середину хоровода плясуны, съ увлеченіемъ лихо отбивая трепака, продѣлывая ногами разные выкрутасы; команда весела, оживлена, и долго бы продолжалось это веселье; но вотъ свистокъ призываетъ на молитву, она выстраивается фронтомъ по обѣимъ сторонамъ борта, и по командѣ «фуражки долой» раздаются стройные звуки церковнаго пѣнія; раздаются они со всѣхъ судовъ и разносятся по всему рейду. По окончаніи молитвы, произносятся съ вахты, на

¹⁾ Въ прежнее время обѣдъ и ужинъ на всѣхъ военныхъ судахъ былъ общій, но чай каждый имѣлъ свой.

²⁾ Судовая кухня.

³⁾ Слѣдъ, остающійся позади идущаго судна.

этотъ разъ, самыя пріятныя для слуха команды слова: «койки братъ», и толпа, развертываясь лентой по всему борту корабля, захвативъ въ сѣткахъ ¹⁾ уложенныя койки, спѣшить на ночлегъ.

Перспектива встрѣтиться съ сильнѣйшимъ непріателемъ не служила помѣхой для нашихъ отважныхъ моряковъ крейсировать по Черному морю и, при случаѣ, топить турецкія суда, снабжавшія кавказскихъ горцевъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и снарядами. Будучи молодымъ капитанъ-лейтенантомъ, покойный адмиралъ, Андрей Александровичъ Поповъ, командуя пароходомъ, часто отправлялся въ подобныя рекогносцировки. Когда онъ являлся на суда, чтобы предложить желающимъ отправиться съ нимъ, то команда охотно спѣшила на его призывъ; какъ были довольны, и какая радость свѣтилась въ глазахъ попавшихъ въ волонтеры! Я помню, на корабль «Три Святителя» прибылъ Поповъ; команду поставили во фронтъ на правую сторону; желающимъ отправиться на рекогносцировку приказано было переходить на лѣвую; оказалось, что на правой сторонѣ осталось не болѣе ста человѣкъ, между которыми были большею частью инновѣрцы; конечно, не всѣмъ пришлось отправиться на пароходъ.

По уходѣ парохода, между командой слышался ропотъ, выражалось и жестами и словами недовольство постигнутой неудачей.

Проходитъ нѣкоторое время, иногда сутки и болѣе; по временамъ, на кораблѣ посылаются на салингъ сигнальщикъ, чтобы осмотрѣть горизонтъ; сигнальщикъ, подвѣсивъ трубу, охотно подымается въ верхъ по вантамъ; кто изъ нихъ первый замѣтитъ показавшійся пароходъ, тому въ нѣкоторомъ родѣ почетъ: ему лишняя чарочка и похвала. «Дымокъ видать!» раздастся съ салинга голосъ. На кораблѣ зашевелились, усилилось движеніе; офицеры и матросики сосредоточенно вглядываются по направленію, указываемому сверху трубой сигнальщика; нѣкоторые изъ мичмановъ подымаются на гротъ-марсъ; всѣ нетерпѣливо желаютъ убѣдиться въ неосновательности порой вкрадывающагося сомнѣнія; а дымокъ, все яснѣе и яснѣе, темной змѣйкой извивается на горизонтѣ и, наконецъ, вырисовывается рангоутъ и труба приближающагося парохода. «Это Тамань!» «Это Андрей Александровичъ Поповъ!» слышатся возгласы на палубѣ корабля. Пароходъ подымаетъ свои вымпела, и всякія сомнѣнія исчезаютъ. Для невооруженнаго глаза, насколько позволяетъ разстояніе, видно, что палубы судовъ постепенно, все болѣе и болѣе наполняются людьми. На эскадрѣ происходитъ какое-то нервное движеніе, точно оно вызвано сигналомъ съ флагманскаго корабля, но никакихъ сигналовъ не видно; эта толпа людей добровольно унижаетъ собой борты судовъ для того, чтобы выразить стоящему на площадкѣ парохода капитану свой безмолвный вос-

¹⁾ Выемка, сдѣланная на верхнемъ борту судна, куда владываются койки.

торгъ, обнаружить, возбужденные въ нихъ героемъ, патриотическія чувства и высокіе идеалы долга; и толпа при проходѣ парохода снимаетъ шапки, и если бы получила дозволеніе, то выразила бы свои чувства взрывомъ ура, взрывомъ энтузіазма. А на шканцахъ и на ютѣ офицерство машетъ платками и потрясаетъ фуражками, не открывая глазъ отъ стоящей съ обнаженной головой фигуры Андрея Александровича Попова.

II.

Трудно, казалось, даже невозможно, допустить мысль, чтобы Севастопольская бухта могла быть уязвима, чтобы непріятельскія суда могли проникнуть въ нее, не будучи превращены въ щепки подъ залпами орудій береговыхъ батарей, защищавшихъ Севастопольскій фарватеръ. Моряки были увѣрены, что со стороны моря нашимъ судамъ не грозитъ ни малѣйшей опасности, хотя суда эти, въ виду усовершенствованія ихъ паровыми двигателями во флотахъ непріятельскихъ намъ державъ, и не представляли уже собой внушительной силы, но все же были дороги нашимъ морякамъ, какъ что-то родное, съ которыми они успѣли подѣлить свою боевую славу¹⁾. Вотъ почему они съ большею самоувѣренностью и вызывающимъ взглядомъ сосредоточенно глядѣли на морской горизонтъ, ожидая появленія непріятельской эскадры, съ затаеннымъ желаніемъ, въ случаѣ если она приблизится къ батареямъ, нанести ей чувствительный ударъ. Но недолго продолжалось пріятное заблужденіе; эти иллюзіи скоро разсѣялись. Начальство рѣшилось испытать дѣйствіе береговымъ батарей, и для этой цѣли оно пожертвовало однимъ старымъ купеческимъ бригомъ. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, на немъ поставили паруса, закрѣпили руль и пустили его плыть подъ выстрѣлами батарей поперекъ фарватера, и, «о ужась!» какъ всѣ были поражены, когда судно, проплывъ извѣстное разстояніе только съ незначительными поврежденіями, сѣло на мель на противоположной сторонѣ, а въ фортахъ, отъ учащенныхъ выстрѣловъ, наоборотъ появились значительныя трещины: тогда уже было рѣшено заградить фарватеръ.

28-го августа, изъ Балаклавы дали знать, что на горизонтѣ виденъ непріятельскій флотъ; на другой день непріятельская эскадра появилась въ виду Севастополя, двигаясь къ Евпаторіи. Перваго же сентября, утромъ, дали знать по семафорному телеграфу, что флотъ становится на якорь и высаживаетъ десантъ.

8-го сентября, несмотря на ясное безоблачное небо, послышался съ сѣвера какой-то неопредѣленный гулъ, похожій на учащенные

¹⁾ Синопское сраженіе.

громовые удары. Это было первое и такое неудачное Альминское сраженіе.

Корабль «Три Святителя» стоялъ въ это время въ 30-ти или 40 саженьяхъ отъ берега сѣверной стороны. Всѣ офицеры и почти вся команда были на верху; на всей эскадрѣ и по всему рейду царила какая-то непривычная для слуха тишина. День былъ не праздничный, приближались часы обычныхъ работъ, движеній на судахъ; ждуть сигнала, но флаги на кораблѣ «Императрица Марія» не поднимаются.. Несмотря на сентябрь, въ воздухѣ душно; порой чувствуется въ немъ легкое дрожаніе отъ все чаще и чаще разносящагося гула отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Наступаетъ обѣденный часъ, раздаются призывные свистки къ водкѣ; команда какъ-то неохотно подходитъ къ чаркамъ и еле прикасается къ чашкамъ со щами. Не всѣ офицеры, только нѣкоторые и то неохотно, спускаются внизъ, чтобы поскорѣе утолить свой голодъ и снова выйти на верхъ.

Какъ въ калейдоскопѣ, въ моей памяти движутся передо мной эти милыя дорогія лица: вотъ адмиралъ Новосильскій, съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, короткой, скорой, нервной поступью, съ опущенной долу головой, ходитъ по югу корабля, изрѣдка перебрасываясь словами съ стоящимъ на ютѣ же командиромъ корабля, капитаномъ перваго ранга Кутровымъ, или съ своимъ адъютантомъ, капитанъ-лейтенантомъ Бурхановскимъ. На лѣвой сторонѣ шканцевъ тихо ведетъ бесѣду остальная группа офицеровъ; здѣсь лейтенанты: Кандауровъ, Стронскій, Тучябскій, Шмаковъ, Нарбутъ, Савельевъ и многіе другіе; это все синопскіе герои; всѣ находятся въ какомъ-то тревожномъ состояніи, которое съ каждымъ часомъ все болѣе усугубляется; они, видимо, не безъ нѣкотораго волненія, поглядываютъ на горизонтъ, откуда доносится пушечная пальба.

На бакѣ корабля бьетъ шесть склянокъ, это 7 часовъ,—на сѣверной сторонѣ появились верховые; они быстро мчатся къ берегу. Это первые гонцы съ поля кровавой битвы. Въ городѣ и по всей эскадрѣ электрическимъ токомъ пронеслась роковая вѣсть о неудавшемся сраженіи; повсюду закипѣло непривычное для глазъ движеніе. Къ Графской пристани бѣгутъ люди, оспаривая другъ у друга ялики; всѣ спѣшатъ на сѣверную сторону, къ которой со всѣхъ судовъ посылаются гребныя суда. Въ 8 часовъ показались татарскія арбы съ ранеными, ихъ встрѣчаетъ толпа, среди которой много интеллигенціи. У всѣхъ одно желаніе облегчить по возможности положеніе страждущихъ; стоятъ цѣлые ряды корзинъ съ хлѣбомъ, виномъ, молокомъ и проч. Здѣсь морскіе врачи съ судовъ съ всевозможными хирургическими инструментами и медикаментами, доставивъ раненымъ, по возможности, облегченіе, осторожно усаживаютъ или кладутъ на гребныя суда и отправляютъ на южную сторону въ Морской госпиталь. Шлюпки съ уменьшеннымъ комплектомъ гребцовъ,

чтобы предоставить мѣста раненымъ, медленно двигаются; онѣ проходятъ мимо кормы «Трехъ Святителей», раздаются оханья и стоны. Арбы все прибываютъ, перевозка раненыхъ продолжается до позднѣйшей ночи; наконецъ, все вокругъ стихло, замерло; только оклики часовыхъ да бьюція на судахъ склянки иногда нарушали ночную тишину.

Настаетъ разсвѣтъ; къ сѣверу на морскомъ горизонтѣ показалась видимая для невооруженнаго глаза цѣлая вереница мачтъ; не прошло и часа, какъ суда непріятельской эскадры, ясно обозначившіяся, маневрировали въ 6-ти—7-ми миляхъ отъ Севастополя. Чтобы воспрепятствовать имъ войти въ бухту, князь Меншиковъ (главнокомандующій) приказалъ затопить на фарватерѣ корабли. Но вотъ у адмирала Корнилова является геройская мысль—выйти флоту немедленно изъ бухты и вступить съ соединенной эскадрой въ бой; при неудачѣ же сдѣлаться съ непріятельскими кораблями на abordажъ, а въ крайнемъ случаѣ взорваться на воздухъ. Но этотъ рискованный планъ дѣйствія не могъ быть, какъ извѣстно, приведенъ въ исполненіе по инициативѣ одного адмирала; для обсужденія его, въ тотъ же день утромъ, Корниловъ въ квартирѣ своей собралъ совѣтъ изъ флагмановъ и командировъ судовъ.

Не берусь передавать, какія минуты переживались на судахъ въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія совѣта. Многие были убѣждены, что выходъ паруснаго флота изъ бухты чрезвычайно рискованъ и сопряженъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, въ виду сильнаго многочисленнаго парового флота непріятеля, съ нанесеніемъ ему незначительнаго ущерба, совершеннымъ истребленіемъ нашихъ судовъ. Въ случаѣ же наступившаго безвѣтрія, мы бы находились въ самомъ жалкомъ положеніи: связанные по рукамъ и по ногамъ передъ свободными дѣйствіями непріятеля, который, имѣя паровыя суда, зайдя къ намъ съ кормы и съ носу, безъ всякаго уже ущерба для себя, могъ пустить насъ ко дну.

Адмиралъ Новосильскій и командиръ корабля капитанъ перваго ранга Кутровъ отправились на вельботѣ на берегъ, чтобы принять участіе въ совѣщаніи. На кораблѣ у насъ общее вниманіе обращено на Графксую пристань, у которой стоитъ вельботъ адмирала; сигнальщикъ не отрываетъ отъ глазъ трубы. Вдругъ раздается зычный голосъ: «отваливаетъ». Адмиралъ съ командиромъ возвращаются на корабль. Всѣ офицеры, по старшинству, становятся во фронтъ; они видимо стараются казаться спокойными, бодрыми, но лихорадочный блескъ глазъ выдаетъ ихъ душевное настроеніе. Вызванъ караулъ съ музыкой; при звукѣ встрѣчнаго марша, адмиралъ спускается съ площадки трапа на палубу; принявъ рапортъ старшаго офицера, онъ машетъ рукой, музыка умолкаетъ; выраженіе его лица грустно; не менѣе грустно и выраженіе лица командира, слезинки пробиваются изъ учащенно-мигающихъ рѣсницъ.

— Господа, — обращаясь къ офицерамъ, сказалъ адмиралъ: — я вамъ, къ великому моему прискорбію, привезъ печальную вѣсть: мы должны будемъ разстаться съ своимъ кораблемъ, онъ попалъ въ списокъ судовъ, назначенныхъ къ затопленію на фарватерѣ.

Послѣ этихъ словъ наступило гробовое молчаніе. Когда адмиралъ спустился внизъ, офицеры окружили командира; здѣсь уже не было начальника и подчиненныхъ; общее горе сблизило людей. Но въ эту тяжелую минуту каждый сознавалъ, что ему предстоитъ трудная, непривычная, но вмѣстѣ съ тѣмъ славная служба — защищать съ берега свой любимый портъ.

Сейчасъ же на корабляхъ, назначенныхъ къ затопленію на фарватерѣ, отвязывались паруса, спускались стеньги. Около трехъ часовъ корабли: «Три Святителя», «Уриль», «Селафайль», «Варна», «Силистрія», и фрегаты «Сизополь», «Флора», буксируемые гребными судами, тихо подбигались къ своему кладбищу. По всему рейду тянулась печальная процессія. Еще не прошло года, какъ нѣкоторые изъ этихъ развѣнчанныхъ героевъ прославили свои имена, въ нѣсколько часовъ уничтоживъ турецкій флотъ, а теперь, общипанные, съ голыми мачтами, уподоблялись преступникамъ, идущимъ на казнь, въ своемъ непригожемъ видѣ. Въ общемъ, эта картина производила впечатлѣніе похороннаго шествія, которое сопровождалось искренней печалью и слезами родственной семьи моряковъ, а также и посторонней публики, пришедшей въ послѣдній разъ взглянуть на своихъ любимцевъ.

Въ одиннадцатомъ часу вечера суда были поставлены на фарватерѣ въ одну линію, въ направленіи отъ Константиновской батареи на южной сторонѣ, къ Александровской — на сѣверной.

На другой день ждали только, по предварительному соглашенію, подъема національнаго флага на флагштокѣ городской библіотеки. Съ напряженнымъ вниманіемъ и съ болью въ сердцѣ ждали появленія этого рокового флага, и вотъ, около шести часовъ вечера, взвился онъ надъ библіотекой. Хотя всѣ сознавали необходимость приближающагося грустнаго факта, но невольно являлась какая-то нерѣшительность. Флагъ продолжалъ развѣваться. Начинается спѣшная работа по выгрузкѣ судовъ; всю ночь команда неутомимо работаетъ; все, что только возможно, отвозится на берегъ; но артиллерія остается, ее трудно уже спасти; она была оставлена, чтобы отразить непріятеля, въ случаѣ нападенія его, во время приготовленія къ затопленію судовъ.

Наступаетъ разсвѣтъ — условное время затопленія судовъ; кругомъ берегъ по всѣмъ направленіямъ и прибрежныя горы южной бухты усѣяны публикой. На корабляхъ рубятся мачты, слышались свистки, всю команду на кораблѣ вызываютъ на верхъ: она становится по обѣимъ сторонамъ борта; провѣряется команда, двухъ матросиковъ недостаетъ; наконецъ они выскакиваютъ, и у каждого

въ рукахъ по любимой кошкѣ. Послѣ провѣрки посылаются внизъ люди, чтобы съ обѣихъ сторонъ, въ одно время, въ подводной части, прорубить отверстіе. Офицеры и команда приготовляются оставить корабль; почти у всѣхъ на глазахъ слезы, нѣкоторые рыдаютъ; со-сѣдніе корабли постепенно одинъ за другимъ погружаются въ воду. Шлюпки, наполненныя оставившими свои суда командами, плывутъ къ берегу; но корабль «Три Святителя» еще борется съ жизнью; онъ легъ на лѣвый бокъ и не идетъ ко дну; ветеранъ, казалось, не желаетъ умирать такой позорной смертью; въ своей предсмертной агоніи, онъ какъ будто ждетъ болѣе почетнаго смертельнаго удара. Подходить пароходъ «Громоносецъ», пускаетъ въ него нѣсколько ядеръ; зашатался великанъ, медленно скрывается подъ водой и, точно послѣднимъ вздохомъ, взбурлилъ надъ собой морскую поверхность.

Послѣ Альминскаго сраженія непріятельская армія двинулась по направленію къ Севастополю. На другой день было видно, какъ войска переходили склоны горъ и, обогнувъ городъ, расположились отъ него въ нѣсколькихъ верстахъ со стороны Балаклавы. Севастополь не былъ защищенъ съ берега ни одной батареей и имѣлъ не болѣе 10.000 человекъ гарнизона, состоявшаго большею частью изъ командъ затопленныхъ судовъ, не привычныхъ къ береговой службѣ и плохо вооруженныхъ. Непріятель при самой геройской защитѣ съ нашей стороны могъ бы въ нѣсколько часовъ овладѣть городомъ. Но это не случилось; къ худшему или къ лучшему для насъ, я не берусь объ этомъ судить; но если бы непріятель овладѣлъ Севастополемъ на другой же день послѣ Альминскаго сраженія, то для насъ и потомства нашего была бы невѣдома севастопольская драма, которая вѣками будетъ служить свѣтлой страницей русской военной исторіи.

Юнкеровъ, по собственному ихъ желанію, оставили участвовать въ оборонѣ Севастополя. Я былъ назначенъ въ батальонъ, составленный изъ матросовъ, подъ командой капитанъ-лейтенанта князя Шаховскаго; батальонъ расположился лагеремъ возлѣ воздвигавшагося четвертаго бастіона. Съ 12 сентября начались работы по укрѣпленію южной стороны Севастополя, а 14-го числа отслуженъ былъ молебенъ съ водосвятиемъ въ присутствіи войскъ и многочисленной публики. Трудно забыть это торжественное, полное святости, зрѣлище. Молебенъ только что окончился; у аналоя передъ иконами въ парадномъ облаченіи съ крестами въ рукахъ стояли священники, впереди развѣваются хоругви, только что затихли торжественные звуки молитвы, клубы ладана еще носятся въ воздухѣ. Адмиралъ Корниловъ, принявшій начальство надъ городомъ и его укрѣпленіями, обращается съ рѣчью къ войскамъ; выраженіе лица его мужественно и дышитъ отвагой, глаза необыкновенно горятъ, онъ громко и внятно произноситъ:

— «Ребята, стойте грудью за Севастополь, объ отступленіи и не думать, это вамъ приказъ отъ нашего батюшки царя. Тотъ измѣнникъ, кто протрубить отступление. Прикажу я отступить, такъ я измѣнникъ, и меня коли».

По всей южной сторонѣ закипѣла необыкновенная дѣятельность; работа производилась днемъ и ночью; казалось, въ ней приняло участіе все оставшееся въ городѣ обоего пола населеніе; между взрослыми были и дѣти; одна батарея была построена исключительно женщинами.

По мѣрѣ того, какъ у насъ воздвигались батареи, редуты, бастіоны, передъ нашими глазами у непріятеля съ каждымъ днемъ все выше и выше поднимали земляныя стѣны.

Отъ воздвигавшагося 4-го бастіона, который находился между Доковымъ и Лабораторнымъ оврагами, на Бамборской высотѣ, на срединѣ разстоянія отъ сооружаемаго напротивъ насъ непріятельскаго укрѣпленія въ оврагѣ, стоялъ полуразвалившійся домикъ; кому онъ принадлежалъ, я не помню; только на третій или четвертый день послѣ того, какъ непріятель перешелъ на южную сторону, изъ этого домика часто раздавались ружейные выстрѣлы, и штуцерныя пули немало причиняли намъ вреда и задерживали работу; не проходило дня, чтобы у насъ не было убитого или раненаго.

При нашемъ тогда плохомъ вооруженіи, недалёкойности нашихъ ружей, мы питали большую симпатію къ пластунамъ ¹⁾, которые по нѣсколько человекъ были назначены состоять при нашихъ батальонахъ; это были прекрасные стрѣлки и имѣли штуцера. Особеннымъ расположеніемъ нашимъ пользовался пластунъ Степанъ; мы то и дѣло указывали ему на открывавшіеся передъ нами силуэты непріятеля, и онъ увѣренно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, приставивъ прикладъ къ плечу, выпускалъ свои штуцерныя пули; мы видѣли, что выстрѣлы Степана производили большое смятеніе въ проклятомъ домикѣ, какъ его назвала команда; самъ онъ былъ доволенъ собой и только съ грустью посматривалъ на сумку, которая замѣтно пустѣла. Въ одну изъ ночей Степанъ объявилъ намъ, что желаетъ произвести развѣдочную рекогносцировку; отправившись къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, онъ къ разсвѣту возвратился обратно съ испаряннымъ до крови лицомъ и руками, совершивъ все путешествіе ползкомъ. Въ доказательство дѣйствительности своего подвига, онъ держалъ въ рукахъ французскій ранецъ и кепи. Узнавъ объ этомъ фактѣ, Корниловъ наградилъ Степана десятью рублями.

Чтобы окончательно уничтожить проклятый домикъ, рѣшились выйти цѣлымъ батальономъ; но, пройдя нѣсколько десятковъ сажень, были встрѣчены такимъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, что немед-

¹⁾ Кавказскіе стрѣлки.

ленно должны были возвратиться обратно, потерявъ шесть человѣкъ. Черезъ нѣсколько дней, снова явилось желаніе сдѣлать вылазку, но только ночью; ждали только, чтобы эта ночь была потемнѣе. Наконецъ наступила эта роковая ночь. Отрядъ на этотъ разъ былъ сформированъ изъ охотниковъ: матросовъ, саперъ и пѣхоты, подъ командой лейтенанта Гусакова, который, набирая охотниковъ изъ нашего батальона, не воспрепятствовалъ мнѣ и моему товарищу, юнкеру Сизову, отправиться на вылазку.

Было около 11 часовъ вечера. Стояла темная ночь; отрядъ вышелъ изъ 5-го бастиона. Молча подвигались мы впередъ. Хотя бывшіе съ нами пластуны и давали знать, что по нашему направленію не замѣтили непріятеля, но, не доходя приблизительно около 200 сажень до домика, мы были встрѣчены непріятельскими залпами. Идти впередъ при такомъ встрѣчномъ огнѣ было бесполезно, мы должны были отступить. Когда мы подходили къ нашимъ бастионамъ, по насъ съ нашего же редута Шварца, открыли такой сильный огонь, что мы, чтобы не подвергнуться совершенному истребленію, укрылись въ небольшомъ оврагѣ; ядра и пули продолжали свистать надъ нашими головами; между нами было уже нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными; въ числѣ ихъ тяжело былъ раненъ въ ногу лейтенантъ Гусаковъ. Положеніе наше было трагическое; нашлись два brave матросика, которые рѣшились отправиться на редутъ, чтобы разъяснить происшедшее недоразумѣніе. Полчаса мы находились въ томительномъ ожиданіи; наконецъ, пальба прекратилась, и мы, захвативъ убитыхъ и раненыхъ, возвратились на бастионъ. Нечего и говорить, какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ этотъ прискорбный случай; оказалось, что о выходѣ нашемъ на редутъ «не было извѣстно, и насъ приняли за непріятеля». Раненыхъ перенесли въ находящійся недалеко отъ 4-го бастиона запасный госпиталь. Я былъ въ числѣ сопровождавшихъ носилки Гусакова; это былъ человѣкъ атлетическаго тѣлосложенія; когда его несли, онъ ни однимъ стономъ не обнаружилъ своихъ страданій. Осмотрѣвъ ногу, доктора объявили, что немедленно нужно ее ампутировать; Гусаковъ на это согласился, но рѣшительно отказался хлороформироваться; просилъ только, чтобы во время операціи ему позволили курить. Въ это время пріѣхалъ Корниловъ съ контръ-адмираломъ Истоминымъ. Корниловъ былъ страшно взволнованъ; онъ только что возвратился съ редута Шварца—виновника катастрофы; когда доктора объявили ему, что больному нужно сдѣлать операцію, благополучный исходъ которой требуетъ совершеннаго спокойствія оперируемаго, то адмиралъ упрасивалъ Гусакова не сопротивляться желанію докторовъ, но увѣщанія его не подѣйствовали, и Гусаковъ остался при прежнемъ своемъ рѣшеніи.

— Ну, благослови васъ Господь,—сказалъ Корниловъ и, отойдя въ сторону, сѣлъ съ Истоминымъ на скамью.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

Пока продолжалась операція, лицо Гусакова по временамъ слегка искривлялось; все время держа въ зубахъ папиросу, онъ иногда только закрывалъ глаза. Когда уже больному сдѣлали перевязку, Корниловъ подошелъ къ нему и, перекрестивъ его, сказалъ:

— Дай Богъ вамъ скорѣе поправиться, о будущемъ не беспокойтесь—это уже мое дѣло.

— Объ этомъ я не беспокоюсь,— простоналъ Гусаковъ,—но сожалѣю, что вслѣдствіе такого грустнаго недоразумѣнія такъ рано сдѣлался бесполезнымъ членомъ морской семьи ¹⁾.

Не легка была морякамъ береговая служба; образъ жизни ихъ совершенно измѣнился. Въ шахматномъ порядкѣ стоящія палатки, пирамидальныя кучки съ выдвинутыми штыками ружей, мелькавшіе барабаны, постоянные звуки рожковъ, мѣрное шаганье часовыхъ— все это было ново, какъ-то странно, непривычно для нашихъ глазъ. Вотъ сигналъ! Матросики выбѣгаютъ изъ палатокъ, разбираютъ ружья и продѣлываютъ разныя эволюціи, то и дѣло раздаются командныя слова: бѣглымъ шагомъ... скорымъ шагомъ... плечо впередъ.

Ночи были довольно тревожныя, никто не раздѣвался, всѣ были, какъ говорится, на чеку; каждую минуту ожидали нападенія. Вотъ извѣстіе отъ передовыхъ секретовъ о движеніи непріятеля; бьютъ тревогу; двѣ минуты, и батальонъ выстроился, готовъ къ бою; движемся скорымъ шагомъ впередъ; миновавъ укрѣпленіе, останавливаемся; напряженно всматриваемся въ окружающую насъ темень, и такъ бывало остаемся до разсвѣта. Тревога была нерѣдко фальшивая и часто повторяющаяся.

Въ числѣ прочихъ неудобствъ нашей бивуачной жизни была также процедура со столомъ; командѣ отпускалаь та же порція, что и на суднѣ; борщъ и кашичка исправно варились въ котлахъ; а наша трапева зависѣла отъ Татьяны, жены денщика лейтенанта Озерова. Она нерѣдко заставляла насъ голодать. Вотъ 12 часовъ, столъ накрытъ, ѣсть хочется, а Татьяны нѣтъ; проходитъ часъ, другой, а ея все нѣтъ; нечего дѣлать, разогрѣваются матросскія щи и запиваются чайкомъ. А бывали дни, когда Татьяна приходила во время, приносила вкусныя пирожки и довольно искусно приготовленный пловъ и при этомъ приводила столько уважительныхъ причинъ въ свое оправданіе и такъ убѣдительно просила не подвергать ее остракизму, что большинство соглашалось, и она оставалась.

Хотя и было отдано Корниловымъ приказаніе, чтобы женщины и дѣти оставили городъ, неимѣвшимъ на это средствъ выдавалось даже пособіе, однако жъ многія изъ нихъ не оставляли Севасто-

¹⁾ По выздоровленіи Гусаковъ былъ назначенъ градоначальникомъ въ Евпаторію.

поля до самой его бомбардировки; въ числѣ такихъ была и старушка Вергопуло, вдова вице-адмирала; у нея былъ свой домъ. Это была высокочтимая женщина; многіе пользовались ея безграничнымъ радушіемъ. Бывало урвешься на какойнибудь часокъ и прибѣжишь къ ней, часто какъ разъ обѣду. Въ столовой только что сѣли за столъ. Входишь. Екатерина Ивановна сидитъ въ своемъ креслѣ: она небольшого роста, худенькая, фигурка ея не лишена изящества. Увидѣвъ меня, она кротно улыбается и приглашаетъ къ столу, за которымъ многіе уже сидятъ: тутъ и молодежь и съ солидными чинами люди, все моряки. Поваръ Екатерины Ивановны готовилъ превосходно; знакомымъ ея это было хорошо извѣстно, а время настало тяжелое, поѣсть хорошо негдѣ; оперировала еще гостиница Вецеля, но это все не то, и при всякомъ удобномъ случаѣ спѣшили къ добрѣйшей Екатеринѣ Ивановнѣ, которой, можетъ быть, иногда и надоѣдали эти частыя посѣщенія, но, повидимому, она всегда была довольна и никогда не отпускала своихъ гостей безъ того, чтобы они не испробовали ея вкусныхъ блюдъ.

Приближается октябрь. Все, что только было возможно и насколько позволяли средства, было сдѣлано, чтобы отразить непріятеля; работы были прекращены; казалось, что и противникъ нашъ покончилъ съ своими сооружениями. Настало время томительнаго ожиданія. Ясно было, что скрываютъ за собою, растянувшіяся передъ нами на большомъ разстояніи, сплошныя высокія земляныя стѣны, изъ-за которыхъ по временамъ показывался дымокъ, и въ то же мгновеніе надъ нашими головами просвиститъ ядро или покажется земляной столбъ отъ разорвавшейся мортирной бомбы; удивительно красивъ ея полетъ ночью; точно изъ-за горизонта, по синевѣ небесной, все выше и выше приподымается раскаленный шаръ. Вотъ онъ опускается и, падая, разряжается огненнымъ снопомъ.

Наступилъ канунъ 5-го октября. Въ продолженіе всего дня со стороны непріятеля не сдѣлано было ни одного выстрѣла; по всей линіи не было замѣтно никакого движенія. Не передъ грозой ли, поговаривали у насъ, наступила такая необыкновенная тишина? И это непривычное спокойствіе портило расположеніе духа, нагнало тоску. Весь день прошелъ въ какомъ-то тревожномъ ожиданіи. Подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ провелъ я эту ночь. Чуть стало разсвѣтать, я вышелъ изъ палатки и, отойдя нѣсколько шаговъ, остановился на одной изъ возвышенныхъ площадокъ, ориентируя мѣстность. Вотъ передо мною непріятельскія укрѣпленія: молчаливо стояли эти длинныя ряды земляныхъ стѣнъ посреди обнаженной мѣстности, чѣмъ-то зловѣщимъ дышала эта суровая подозрительно-спокойная картина; а къ востоку и южнѣ какой живописный видъ: возвышалась цѣлая цѣль волнистыхъ горъ, гребни коихъ уже зажигались янтарнымъ свѣтомъ. Небо было ясно. А тамъ и сямъ вырисовывались величественныя контуры осиротѣвшихъ кораблей,

какъ будто укрывавшихся подъ защитою грозно высматривавшихъ береговыхъ батарей. А самъ городъ, съ его бухточками, окаймлявшими его блестящими полосами, съ его разбросанными по гористой мѣстности свѣтлыми домами, какъ красивъ онъ, какъ сроднились съ нимъ и какъ любятъ его моряки, и это они доказали, но многіе изъ нихъ уже не увидѣли его послѣ наступившаго рокового дня.

III.

Около 7 часовъ утра, 5 октября, съ непріятельскаго укрѣпленія противъ 5-го бастиона, сдѣланъ былъ первый пушечный выстрѣлъ, вѣроятно, служившій сигналомъ къ началу бомбардировки, такъ какъ въ ту же минуту со всѣхъ непріятельскихъ батарей, обнаружившихъ свои амбразуры, и выстроившихся въ одну линію цѣлой вереницы непріятельскихъ кораблей, раздались пушечные залпы; по всей нашей линіи также открыли огонь. Черезъ нѣсколько минутъ наступившая отъ порохового дыма густая мгла застлала землю; трудно было въ нѣсколькихъ саженьяхъ различить предметы. Замѣтивъ куда-то спѣшившаго князя Шаховскаго, я подбѣжалъ къ нему и спросилъ:

— Не прикажете ли идти на бастионъ?

— Ступайте прежде въ госпиталь и прикажите принести по возможности больше носилокъ, а потомъ отправляйтесь къ орудію № 3,—отвѣчалъ онъ.

Исполнивъ приказаніе и возвращаясь обратно, я увидѣлъ нѣсколько верховыхъ: это былъ адмиралъ Корниловъ; около четверти часа онъ объѣзжалъ 4-й бастионъ и отсюда помчался къ Малахову кургану.

На бастионѣ, въ этомъ наступившемъ мракѣ, на самомъ близкомъ разстояніи, едва замѣтны были суетившіеся люди; слышно было учащенное ихъ дыханіе, вдвиганіе и откаты орудій, непрерывная пальба и раздававшіеся стоны; то и дѣло мелькали носилки съ убитыми и ранеными. Возлѣ орудія, при которомъ я находился, оторвало ядромъ руку комендора; нужно было на время пріостановить пальбу. Въ это время сквозь густую пелену порохового дыма въ нѣсколькихъ шагахъ я увидѣлъ приближавшагося ко мнѣ высокаго худощаваго офицера: это былъ капитанъ-лейтенантъ Бурхановскій. Узнавъ отъ меня, что юнкеровъ на бастионѣ пять человекъ, онъ велѣлъ собрать ихъ и отправиться на Графскую пристань.

— Корниловъ тяжело раненъ, — сказалъ онъ, — велѣлъ васъ всѣхъ сейчасъ же отправить въ Николаевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы вышли изъ бастиона. По дорогѣ къ Графской пристани, намъ часто приходилось наталкиваться на довольно печальныя сцены, которыя неволью заставляли насъ

останавливаться. Повсюду—вопли женщинъ и ихъ дѣтей, выбравшихся изъ своихъ, точно объятыхъ пламенемъ, жилищъ и захватывавшихъ, что только возможно. Неимѣвшія подъ рукой никакихъ средствъ, онѣ, чтобы спасти свой скарбъ, въ отчаянномъ движеніи испуга, съ протянутыми съ мольбой руками, обращались за помощью къ каждому проходящему и чуть ли не на колѣняхъ просили принять участіе въ ихъ безвыходномъ положеніи. У одного дома мы встрѣтили семью изъ трехъ дамъ, метавшихся какъ безумныя. Въ началѣ бомбардировки, захвативъ свои вещи, прислуга ихъ оставила безъ всякой помощи. Кое-какъ подобравъ свои волосы, мать и дочери, поспѣшно выносили на улицу, что только могли. Замѣтивъ насъ, онѣ со слезами на глазахъ просили помочь имъ, и мы, нагруженные корзинами и чемоданами и всякою мелочью, двинулись впередъ. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ Графской пристани, возлѣ Андреевскаго собора, разорвалась бомба, осколками отъ которой убита ѣхавшая съ дѣтьми въ телѣгѣ женщина; раздались крики и рыданія; но бѣгущая по улицѣ публика какъ-то безучастно относилась къ горю другихъ; каждый спѣшилъ, если не спасти свое имущество, то сохранить свою жизнь.

Возлѣ Графской пристани мы встрѣтили своихъ товарищей, которые были на Малаховомъ курганѣ и участвовали при переноскѣ раненаго Корнилова ¹⁾ на перевязочный пунктъ; они слышали приказаніе умирающаго адмирала отправить всѣхъ юнкеровъ въ Николаевъ.

Графская пристань, сверху до низу, была наполнена сплошною массою людей, преимущественно женщинами и дѣтьми: цѣлыя груды домашняго скарба покрывали площадки и ступени пристани. Вся эта толпа, видимо удрученная глубочайшимъ горемъ, изыскивала какія нибудь средства перебраться на сѣверную сторону. Частныхъ шлюпокъ было немного; военныя же гребныя суда были заняты преимущественно перевозкою на сѣверную сторону убитыхъ и раненыхъ. Мы всѣ уже собрались на пристани, и каждый изъ насъ принималъ живое участіе въ положеніи этихъ несчастныхъ.

Отъ Графской пристани до сѣверной стороны было приблизительно около полуторы версты разстоянія; совершить этотъ пе­реѣздъ было не совсѣмъ безопасно; съ непріятельскаго флота непрерывно раздавались залпы; ядра и бомбы безпрестанно падали по рейду; но все это не страшило собравшихся на Графской пристани жителей, которые и здѣсь не считали себя въ безопасности.

Чтобы перевезти насъ на сѣверную сторону, было назначено четыре двадцати-четырёхъ-весельныхъ корабельныхъ барказа. Когда мы собирались садиться, то со всѣхъ сторонъ были окружены просящими взять ихъ съ собой; чтобы по возможности предоставить

¹⁾ Корниловъ ядромъ оторвало ногу въ то время, когда онъ садился на лошадь.

имъ больше мѣста, большую часть гребцовъ мы оставили на Графской пристани, а сами взялись за весла.

Въ этомъ хаосѣ, который царилъ на пристани, мы не обратили вниманія на стоящій впереди барказъ, нагруженный нашими вещами, который былъ перегруженъ помѣстившейся на немъ публикой. Несмотря на наши настоятельныя просьбы, хотя нѣкоторымъ выйти изъ него, намъ рѣшительно заявили, что ни въ какомъ случаѣ его никто не оставитъ. Только благодаря совершенно тихой погодѣ, мы рѣшили отвалить. Черезъ часъ мы прибыли на сѣверную сторону; публика немного успокоилась; она находилась въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, хотя и здѣсь встрѣчались катящіяся непріятельскія ядра. На берегу, возлѣ пристани, стояло нѣсколько телѣгъ и татарскихъ арбъ, которыя, несмотря на дороговизну, брались съ бою. Берегъ на большомъ пространствѣ имѣлъ видъ базара, гдѣ толпа суетилась въ какомъ-то безпорядочномъ состояніи.

Солнце уже опустилось за горизонтъ, наступили сумерки, мы двинулись впередъ; проходя мимо довольно большого деревяннаго сарая, находившагося въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, мы услышали раздававшіеся изнутри его глухіе стоны. Сарай этотъ служилъ складомъ мертвыхъ тѣлъ, привозимыхъ съ южной стороны. По приказанію бывшаго съ нами офицера, лейтенанта Христофорова, сарай этотъ былъ отпертъ; внутри его лежала груда труповъ; приближаясь къ мѣсту раздававшихся стоновъ, мы снова услышали ихъ; отодвинувъ въ сторону нѣсколько тѣлъ, увидели окровавленнаго матросика, который, почувствовавъ свободу, медленно приподнялся, упираясь руками въ лежащія подъ нимъ трупы. Мы его отнесли въ другой близъ находившійся сарай, гдѣ помѣщались раненые. Оказалось, что онъ былъ раненъ осколкомъ бомбы и лишился чувствъ; его приняли за убитаго.

Намъ досталась одна татарская арба, на которую мы и сложили свои вещи, а сами отправились къ Бахчисараю пѣшкомъ. По дорогѣ тянулся цѣлый караванъ; ночь была лунная, и, несмотря на октябрь, въ воздухѣ было тепло; рядомъ съ нами ѣхала интеллигентная публика, съ которой мы бесѣдовали и служили ей, вслѣдствіе враждебно къ намъ относившихся въ это время нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ жителей татаръ, какъ бы эскортомъ въ довольно глухой мѣстности.

Около 2-хъ часовъ по полуночи мы прибыли къ мѣсту расположенія нашихъ войскъ, приблизительно въ десяти верстахъ отъ Севастополя по направленію къ Бахчисараю; для ночлега намъ были отведены палатки.

Утромъ мы отправились осматривать лагерь; пройдя нѣкоторое разстояніе, увидѣли нѣсколько сидѣвшихъ, поджавъ ноги, и окруженныхъ конвоемъ татаръ, а въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ были приготовлены висѣлицы. Татары эти были уличены въ шпион-

ствѣ, а другіе служили проводниками у непріятели, за что почти всѣ были приговорены къ смертной казни.

Вблизи барака главнокомандующаго мы встрѣтили лейтенанта Стеценко ¹⁾, отъ котораго получили приказаніе сейчасъ же возвратиться къ своимъ палаткамъ, такъ какъ насъ желаетъ видѣть князь Меншиковъ.

Черезъ нѣскольго минутъ, выстроившись во фронтъ, мы увидѣли приближавшуюся къ намъ бодрой походкой, высокую, стройную фигуру князя, съ сѣдыми усами, съ густыми сѣдыми бровями, изъ-подъ которыхъ свѣтились столь характерные его умные синіе глаза. Поздоровавшись, онъ спросилъ, нѣтъ ли между нами раненыхъ; раненъ былъ юнкеръ Григорашъ, который для излѣченія остался на сѣверной сторонѣ Севастополя. Похваливъ насъ за изъявленное нами желаніе остаться въ Севастополѣ, онъ передалъ лейтенанту Стеценкѣ четыре георгіевскихъ креста, который тутъ же собственноручно приколотъ къ груди стоявшимъ первыми по классамъ юнкерамъ: Бернацкому, Дикову и Оленичу-Гененко, а одинъ крестъ былъ оставленъ для юнкера Гумберта, находившагося въ морскомъ батальонѣ, бывшемъ при князѣ, во время Альминскаго сраженія.

Получилъ еще крестъ юнкеръ младшаго класса, Фомичевъ, который, не помню, при какихъ обстоятельствахъ, остался на нѣсколько мѣсяцевъ въ Севастополѣ, въ теченіе которыхъ и принималъ участіе въ оборонѣ. Это былъ любимецъ начальства, а также и юнкеровъ всѣхъ классовъ, весьма не глупый, высокаго роста, съ удивительно пріятными чертами лица. Офицерскій экзаменъ гардемарины ²⁾ класса, въ которомъ находился Фомичевъ, должны были уже держать при морскомъ кадетскомъ корпусѣ, и Фомичевъ, какъ представительный юноша, хорошо зарекомендованный начальствомъ, съ георгіевскимъ крестомъ на груди, по прибытіи въ корпусъ, сейчасъ же былъ назначенъ знаменщикомъ: это было въ 1857 году. Будучи уже мичманомъ, онъ какъ-то подкутилъ и совершилъ важное нарушеніе дисциплины, за что и былъ разжалованъ и лишенъ креста.

До Бахчисарая мы дошли пѣшкомъ и отсюда продолжали свой путь въ фургонахъ. Черезъ пять или шесть дней мы прибыли въ Николаевъ. Получивъ недѣльный отпускъ, я отправился къ родителямъ въ деревню, находившуюся въ 50-ти верстахъ отъ Николаева. Помню, была уже полночь, когда я подѣхалъ къ нашему

¹⁾ Состоялъ при князѣ Меншиковѣ; по немъ въ Крымскую кампанію, 2-го сентября 1854 г., непріятель сдѣлалъ свой первый выстрѣлъ, когда онъ, во время высадки непріятели на Крымскій берегъ, былъ посланъ произвести рекогносцировку. Нынѣ полный адмиралъ.

²⁾ По прибытіи государя въ Николаевъ въ 1855 г., юнкерская школа была переименована въ гардемаринскую роту.

дому. Отъ непривычнаго шума экипажа въ окнахъ замелькали огоньки. Послѣ радостной встрѣчной бесѣды съ родными, я уже собирался ложиться спать, какъ у дверей комнаты увидѣлъ не сводящую съ меня глазъ и призывающую меня рукой фигуру; это была старушка, бывшая моя няня, хохлушка.

— Паньчу!—сказала она.—Будьте ласковы, ходыте въ кухню, тамъ собрались хлопцы, жинки и дивчата; слухали оны, шо вы съ хрѣнцузами дралися, и ждуть васъ—не дождутся.

Я вошелъ въ кухню, на столѣ горѣлъ каганецъ, слабо освѣщавшій небольшую комнату, наполненную восторженно встрѣтившей меня челядью; она безмолвно съ благоговѣніемъ слушала мой рассказъ, а когда я касался въ немъ стычекъ съ непріятелемъ и говорилъ объ убитыхъ и раненыхъ, то эта окружавшая меня группа, между которой у нѣкоторыхъ пробивалась слеза, освѣняла себя крестнымъ знаменіемъ, точно я творилъ молитву; и долго эти простодушные люди слушали бы мое повѣствованіе, но пришла мать и увела меня на ночлегъ.

IV.

Наступилъ 1855 годъ. Время шло; проходили недѣли, мѣсяцы; неутѣшительные слухи доносились до насъ изъ Севастополя. Наконецъ, получено было печальное извѣстіе, что 27 августа, послѣ кровопролитнаго боя, мы должны были оставить Севастополь. Главныя силы непріятеля были направлены на Малаховъ курганъ; нѣсколько сотъ нашихъ храбрецовъ не могли долго сопротивляться натиску многочисленнаго непріятеля и почти всѣ погибли на бастионѣ.

Послѣ сдачи Малахова кургана, который господствовалъ надъ Севастополемъ, не было никакого расчета оставаться въ городѣ; рѣшились его оставить, но передъ отступленіемъ все предать огню и разрушенію. Очевидцы рассказывали ужасную обстановку нашего отступленія на сѣверную сторону Севастополя, которая сопровождалась трагическими послѣдствіями: рѣшились оставить непріятелю однѣ развалины; спѣшили поджечь еще уцѣлѣвшіе дома, взорвать батареи. Наступилъ вечеръ, городъ пылалъ; это былъ исполинскій пожаръ. Огненная стихія беспощадно охватывала все, что только ей попадалось на пути. Горѣвшіе дома представляли собой цѣлое море огня; зарево пожара освѣщало путь двигавшимся войскамъ, уносившимъ съ собой тяжело раненыхъ; вся эта движущаяся сплошная масса направлялась къ временно построенному на сѣверную сторону мосту. На другой день были потоплены остатки черноморскаго флота (11 кораблей, три фрегата, два корвета, пять бриговъ и десять пароходовъ).

Въ началѣ сентября сдѣлалось извѣстнымъ, что государь императоръ, желая видѣть крымскую армію, остановится въ Николаевѣ; нечего и говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали этого приѣзда; здѣсь находились всѣ уцѣлѣвшіе отъ севастопольскаго побоища моряки. Николаевъ никогда еще не служилъ такимъ центромъ морского, большею частію осиротѣвшаго, элемента. Ожидавшееся событіе служило какъ бы облегченіемъ въ переживаемомъ горѣ; сколько затаенныхъ желаній, сколько надеждъ на лучшее будущее, невольно созрѣвало въ душѣ каждаго моряка; это были какъ бы больные, жаждущіе исцѣленія люди, и цѣлителя этого ожидали съ нескрываемымъ восторгомъ.

Наступило 13 сентября, день приѣзда государя съ его августѣйшими братьями; въ городѣ уже съ утра царило необыкновенное оживленіе; постепенно прибывали экипажи со свитой; государя ждали вечеромъ. Наступили сумерки, городъ иллюминировался. На Николаевскомъ бульварѣ, наполненномъ массой гуляющей публики, играла музыка; отсюда съ возвышеннаго берега, со всѣхъ аллей, былъ виденъ освѣщенный фонарями и плошками черезъ рѣку Ингульчикъ мостъ, а за нимъ на другой сторонѣ рѣки, по прилегающему къ нему пути, на большомъ разстояніи въ даль горѣли смоленныя бочки. Вдали замелькали движущіеся огоньки: это показался царственный кортежъ, сопровождаемый факельными верховыми¹⁾. Еще государь не проѣхалъ мостъ, какъ отъ криковъ толпы, мощнаго ура, въ воздухѣ раздавался непрерывный гулъ. Народъ бѣжалъ за поѣздомъ государя, который остановился у Адмиралтейскаго собора, пока совершалось молебствіе о благополучномъ прибытіи высочайшихъ особъ; между тѣмъ, толпа все прибывала и совершенно запрудила собой площадь, на которой сверкали огненные линіи транспарантовъ, пускались ракеты, сжигались бенгальскіе огни. По выходѣ государя изъ церкви, снова раздался потрясающій взрывъ ура. Публика тѣснила медленно двигавшійся по Адмиралтейской улицѣ, гдѣ находился дворецъ, экипажъ государя, въѣхавшій съ большимъ трудомъ въ ворота дворцовой ограды.

На другой день приѣзда государя, въ 9 часовъ утра, директоръ нашъ, контръ-адмиралъ Юхаринъ, объявилъ намъ, что великій князь генераль-адмиралъ Константинъ Николаевичъ, въ 10^{1/2} часовъ, посѣтитъ школу. Черноморская юнкерская школа состояла изъ трехъ классовъ; я въ это время былъ въ старшемъ классѣ; въ этотъ день время отъ 10 до 11 у насъ было назначено для астрономическихъ занятій; преподавалъ астрономію лейтенантъ В. И. Зарудный, который также состоялъ при нашей школѣ дежурнымъ офицеромъ. Спустя четверть часа, послѣ начала лекціи, въ круглое окно двери

¹⁾ Болгарами изъ деревни Терновки, находящейся около десяти верстъ отъ Николаева.

класса, выходящей въ коридоръ, мы замѣтили быстро мелькнувшую фигуру въ этотъ день дежурившаго офицера лейтенанта Христофорова. Велѣдъ затѣмъ отворилась дверь, и въ классъ вошелъ генераль-адмиралъ. Какое умное, симпатичное, удивительно располагающее лицо; какая изящная фигура въ генераль-адъютантскомъ мундирѣ, съ моноклемъ въ глазу. Дежурнымъ по классу былъ георгиевскій кавалеръ, юнкеръ Гумбертъ, который, совершенно растерявшись, что-то невнятно прорапортовалъ великому князю. Поздоровавшись съ нами, генераль-адмиралъ, обернувшись къ Гумберту и указывая пальцемъ на висящій на груди у него крестъ, предложилъ ему нѣсколько вопросовъ: «защищалъ Севастополь?», «стрѣлялъ, рубилъ, кололъ, ну, воодушевлялъ?». На все это у Гумберта ¹⁾ былъ одинъ стереотипный отвѣтъ: «никакъ нѣтъ, ваше императорское высочество». Прослушавъ вызваннаго для рѣшенія одной астрономической задачи юнкера Дикова, тоже георгиевскаго кавалера, которую онъ изложилъ ясно, съ глубокимъ пониманіемъ заданной ему темы, и получивъ отъ него удовлетворительные отвѣты на предлагаемые вопросы, великій князь, поблагодаривъ Дикова и преподавателя лейтенанта Заруднаго, вышелъ изъ класса.

Зданіе зимняго морского собранія съ пристроенными къ нему флигелями, въ которыхъ помѣщались наши классы и квартира ротнаго командира, расположено было въ концѣ Адмиралтейской улицы, къ сторонѣ рѣки Буга и своимъ корпусомъ пересѣкало улицу. Въ свободное отъ занятій время мы прогуливались въ тѣнистомъ садикѣ, огражденномъ желѣзною рѣшеткой. Передъ нами, насколько позволялъ глазъ, открывалась вся улица. Дворецъ, въ которомъ имѣли свое мѣстопробываніе высочайшія особы, находился отъ собранія въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень, такъ что намъ ясно были видны все происходившія возлѣ него движенія. Вотъ показался выѣхавшій изъ дворца ограда экипажъ, онъ приближается къ намъ; по кучеру и лошадямъ узнаемъ экипажъ генераль-адмирала. Мы быстро вспрыгиваемъ на постаментъ рѣшетки и унижаемъ ее собой. «Здорово, юнкера!»—раздается пріятно-звучный голосъ. Мы дружно отвѣчаемъ на привѣтъ великаго князя, который, безпрестанно кивая головой и улыбаясь, не спускаетъ съ насъ глазъ. По его взгляду мы видимъ, что онъ доволенъ, и ему пріятна эта встрѣча.

По приѣздѣ государя въ Николаевъ, назначена была комиссія, подъ предсѣдательствомъ генераль-адмирала; комиссія эта разсматривала претензіи, подаваемыя моряками, а также и другого вѣдомства лицами, о понесенныхъ ими матеріальныхъ убыткахъ послѣ

¹⁾ Гумбертъ получилъ крестъ за Альминское сраженіе. Въ Севастополь во время бомбардированія не присутствовалъ, почему при вопросѣ великаго князя «защищалъ Севастополь?» Гумбертъ естественно растерялся.

севастопольскаго погрома. Хотя въ точности трудно было опредѣлить убытки пострадавшихъ, такъ какъ миръ окончательно не былъ заключенъ, Севастополь былъ еще занятъ непріателемъ, и до его эвакуаціи невозможно было провѣрить правдивость просимаго вознагражденія, но, по возможности, претензіи удовлетворялись.

Помню торопливой походкой приближавшуюся къ намъ даму, вѣкную Бирюкову, оставшуюся вдовой съ малолѣтними дѣтьми послѣ убитаго при осадѣ Севастополя мужа, офицера морской артиллеріи. Глаза ея необыкновенно блестятъ, она подбѣжала къ стоящему возлѣ ограды знакомому юнкеру Лазареву и, видимо воодушевленная чувствомъ величайшаго благоговѣнія, передъ только что совершившимся актомъ, въ слезахъ умиленія, ярко обнаруживавшихъ тѣ чувства, какія волновали ея сердце, рассказала ему о своей радости: полученіи ею изъ рукъ великаго князя пособія; такихъ испытывающихъ пріятныя минуты послѣ переживаемаго горя было не мало.

Наконецъ, наступилъ ожидаемый нами торжественный, чудный, солнечный день. Государь императоръ, осматривая адмиралтейство, изъявилъ также желаніе посѣтить нашу школу. Мы только что окончили утреннія занятія. Ожидая ежеминутно государя, начальникъ нашей школы, капитанъ-лейтенантъ Греве, приказалъ намъ подняться въ свою спальню и стать у своихъ кроватей. Спальня наша находилась въ верхнемъ этажѣ морского собранія: это была громадная комната, во всю длину собранія.

Мы находились въ какомъ-то трепетномъ состояніи; но это не былъ трепеть страха. Мы были взволнованы пронизывающимъ насъ радостнымъ чувствомъ передъ готовящимся предстать передъ нами зрѣлищемъ. Вотъ распахнулись двери. Показалась высокая, стройная, величественная фигура государя; трудно оторвать глаза отъ этого очаровательнаго лица; кроткій взглядъ большихъ голубыхъ глазъ останавливается на каждомъ изъ насъ; съ тонкихъ устъ его не сходитъ пріятная улыбка. Было что-то обворожительное въ этой могучести его внушительной внѣшности. За нимъ слѣдуютъ великіе князья: Константинъ, Николай, Михаилъ Николаевичи и герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, а затѣмъ многочисленная свита. Великіе князья еще юноши; двое изъ нихъ севастопольскіе герои, съ георгіевскими крестами на груди; имена ихъ съ благоговѣніемъ произносятся по всей Россіи. Сознаніе, что жизнь ихъ подвергалась опасности наравнѣ съ другими, облегчаетъ горе тѣхъ, кто потерялъ въ севастопольской драмѣ дорогихъ сердцу людей. Ихъ красивыя выразительныя лица, ихъ гордая, непринужденная осанка, дышащая спокойной силой и увѣренностью, естественная грація всѣхъ движеній, рѣзко выдѣляетъ отъ сопровождающихъ ихъ лицъ. Эта движущаяся живая блестящая лента удивительно эффектна; эполеты, ленты, звѣзды, расшитыя золотомъ мундиры: все это, при прибли-

вающихся въ стекла спальни солнечных лучахъ, переливалось всѣми цвѣтами радуги. Государь останавливается возлѣ каждаго георгиевскаго кавалера, спрашиваетъ фамилію, даритъ привѣтливый словомъ; вотъ онъ остановился въ послѣдній разъ.

— Юнкера, — сказалъ онъ, обращаясь къ намъ, — поздравляю васъ, вы переименовывааетесь въ гардемарины и будете воспитываться на казенный счетъ.

Дружное продолжительное ура было отвѣтомъ на изъявленную намъ милость государя, который, кивнувъ головой, направился къ выходу, оставивъ насъ словно подѣ обаяніемъ радостнаго еще не разсѣявшагося сновидѣнія.

Знакомясь нынѣ по нашимъ газетамъ съ довольно частыми проявленіями франко-русскихъ симпатій, я расскажу одинъ изъ эпизодовъ далекаго прошлаго, довольно ярко свидѣтельствующій, что и тогда уже замѣчались добрыя отношенія къ намъ французовъ при условіяхъ, далеко не имѣвшихъ подѣ собой такой благоприятной почвы, какъ въ настоящее время.

Въ 1856 году, мичманомъ я былъ назначенъ вахтеннымъ начальникомъ на парусный транспортъ «*Θεοδοσία*», подѣ командой капитанъ-лейтенанта Исакова. Транспортъ долженъ былъ изъ Николаева отправиться въ Сухумъ; по пути мы должны были зайти въ Севастополь. Это было въ послѣднихъ числахъ мая; вѣтеръ былъ большею частью попутный, такъ что на третій день, въ полдень, мы уже подходили къ Севастополю, но у самаго фарватера заштилъло. Убравъ паруса и буксируя транспортъ гребными судами, мы вошли на рейдъ.

Когда-то открывавшійся съ рейда величественный видъ города представлялъ теперь печальную картину: грустно было смотрѣть на берегъ, повсюду усѣянный почернѣвшими руинами. Хотя миръ уже былъ заключенъ, но Севастополь еще былъ занятъ французами. Не успѣли мы бросить якорь, какъ къ транспорту подошла шлюпка. Французскій офицеръ, капитанъ Леженъ, начальникъ стоявшаго въ Севастополѣ караула, пріѣхалъ привѣтствовать насъ съ приходомъ. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ, его располагающая личность производила на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Мы пригласили его позавтракать съ нами. Капитанъ транспорта, любитель хорошихъ винъ, предложилъ намъ нѣсколько бутылокъ вина, такъ что мы имѣли возможность довольно внушительно убрать свой столъ, и наша каютъ-компанія приняла праздничный видъ. Сколько я помню, гость нашъ, послѣ нашего веселаго завтрака, остался у насъ отдохнуть, и мы на своей шлюпкѣ отвезли его затѣмъ на берегъ. Прощаясь, онъ взялъ съ насъ слово поѣхать съ нимъ на другой день въ Камышевую бухту, гдѣ расположена была ихъ главная квартира.

Капитанъ Леженъ, вѣроятно, имѣлъ сильное желаніе отпла-

тить намъ за нашъ радушный пріемъ, ибо на другой день, уже къ 8-ми часамъ утра, онъ явился къ намъ на транспортъ. Спустили десяти-весельный катеръ. Я и еще два офицера, мичманъ Машкинъ и поручикъ флотскихъ штурмановъ Ласкій, отправились въ путь. Былъ тихій и безоблачный, необыкновенно ясный день, гладкое голубое и прозрачное море залито было яркими лучами утренняго солнца. Гребцы наши дружно взмахивали веслами. Не прошло и полу-часа, какъ мы оставили за собой Артиллерійскую бухту. Къ востоку отъ нея морской берегъ постепенно понижается до Херсонскаго мыса, образуя обширную Камышевую бухту. Черезъ два часа мы причалили къ пристани. Вѣроятно, вслѣдствіе предупрежденія капитана Лежена, мы были встрѣчены цѣлой группой французскихъ офицеровъ. Насъ повели осматривать лагерь, который представлялъ собой цѣлый городокъ: съ правильными улицами, съ довольно красивыми деревянными постройками: театромъ, казармами, костеломъ, фабриками разныхъ водъ и т. д. Проходя мимо довольно большаго барака и услыжавъ продолжительный звонокъ, служившій для команды обѣденнымъ сигналомъ, мы изъявили желаніе присутствовать при этой трапезѣ. Въ баракѣ, въ одномъ изъ помѣщеній, во всю длину, съ придвинутыми къ нимъ скамейками, стояли накрытые клеенкой два стола, на которыхъ стояли по четыре большихъ чашки. У каждой чашки сидѣлъ унтеръ-офицеръ или кто нибудь изъ старшихъ и, разливая супъ въ жестяныя тарелки, раздавалъ нижнимъ чинамъ; возлѣ každаго солдата лежалъ французскій хлѣбъ и стояла кружка съ краснымъ виномъ, котораго полагалось по полъ-литра на человѣка. Послѣ супа принесли вареный рисъ ¹⁾, который, какъ я замѣтилъ, французы очень любятъ: они поѣдали его съ необычайнымъ аппетитомъ. Солдаты не стѣснялись нашимъ присутствіемъ: свободно вели бесѣду, смѣялись, шутили и, какъ видно, вполне сознавая, что время это принадлежитъ имъ, предавались, не выходя изъ границъ приличія, самому заразительному веселью.

Послѣ осмотра лагеря, насъ пригласили на завтракъ въ одну изъ офицерскихъ столовыхъ. Французскіе офицеры были различныхъ родовъ оружія; по ихъ добродушнымъ и веселымъ лицамъ видно было, какъ дѣйствительно пріятно имъ наше присутствіе. Каждый изъ нихъ слѣдилъ за нашими бокалами, наполняя ихъ, и соперничалъ въ этомъ отношеніи другъ съ другомъ. Меня особенно заинтересовалъ одинъ изъ офицеровъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, брюнетъ, съ выразительнымъ лицомъ. Черные глаза его были постоянно въ движеніи, на его тонкихъ губахъ, об-

¹⁾ На нашихъ судахъ въ шестидесятыхъ годахъ хотѣли замѣнить для команды горохъ рисомъ; испробовавъ его, наши матросики общимъ голосомъ предали его остракизму.

рамленныхъ маленькими закрученными вверхъ усиками, сверкала пріятная улыбка; на груди у него висѣлъ крестикъ Почетнаго Легиона. Его звали monsieur Бартелонъ; своей остроумной и веселой бесѣдой онъ придавалъ большое оживленіе нашей трапезѣ. Вставъ изъ-за стола, я рѣшился подойти къ нему, чтобы спросить, когда и за что получилъ онъ крестъ:

— При взятіи Малахова кургана, — сказалъ онъ: — ваши солдаты жестоко атаковали насъ; когда мы уже вошли на Малаховъ курганъ, одинъ изъ нихъ бросился впередъ и хотѣлъ заколотъ нашего полковника. Онъ исполнилъ бы свое намѣреніе, если бы я во время не замѣтилъ и не нанесъ ему удара. Я исполнилъ свой долгъ, — добавилъ Бартелонъ, — но никогда не забуду вашего доблестнаго героя. При взглядѣ на этотъ крестъ, въ памяти моей воскресаетъ образъ этого неустрашимаго воина.

Весь день мы были предметомъ самаго лестнаго къ намъ вниманія. Вечеромъ насъ повели въ театръ и предоставили намъ бесплатно лучшія мѣста. Шла оперетка. Публики была масса; всѣ мѣста были заняты. Въ ложахъ мы замѣтили нѣсколько дамъ. Одна изъ нихъ, мадамъ Вюрмли, жена полковаго командира, въ антрактѣ прислала намъ съ однимъ офицеромъ по великолѣпной розѣ, которыя мы сейчасъ же вложили въ петлицы, и пошли ее поблагодарить. Она насъ представила сидѣвшимъ съ ней двумъ молодымъ пресимпатичнымъ дѣвцамъ. Это были ея дочери. Насъ просили остаться. Мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ младшей, Sophie. Она была очаровательна: свѣтлая блондинка, съ пепельнаго цвѣта волосами, ниспадающими двумя длинными косами на ея округленныя юныя плечи. Въ изящныхъ, точно выточенныхъ, рукахъ она держала прелестный букетъ розъ.

— Мы очень довольны, — сказала она, — что намъ представился случай провести хотя короткое время въ обществѣ русскихъ офицеровъ! Вы были нашими врагами, но это прошло, во всякомъ случаѣ, вы намъ симпатичны, не то, что англичане, которыхъ мы недолюбливаемъ.

Madame Вюрмли пріѣхала изъ Тулона навѣстить своего мужа и очень сожалѣла, что онъ не могъ съ нами познакомиться; на нѣсколько дней полковникъ былъ откомандированъ по дѣламъ службы въ Балаклаву.

По окончаніи спектакля, у madame Вюрмли собралось довольно большое общество, изъ театра явилось нѣсколько музыкантовъ, и устроились танцы. Царицей вечера была Sophie. По окончаніи танцевъ, намъ предложили роскошный ужинъ. При оживленной бесѣдѣ и веселомъ настроеніи, которое такъ свойственно французскимъ женщинамъ, мы желали, чтобы ужинъ этотъ продолжался какъ можно долѣе. Трудно забыть этотъ вечеръ, проведенный между такими милыми людьми, гдѣ радушіе и любезность не знали границъ,

и мы видѣли ясно, что все это выражается отъ полноты души. Madame Вюрмли съ дочерьми выразила искреннее сожалѣніе, что мы уходимъ на другой день изъ Севастополя, и что это лишало ихъ возможности пріѣхать къ намъ на транспортъ. Прощаясь съ дамами, я замѣтилъ, что mademoiselle Sophie держитъ что-то въ рукахъ и видимо желаетъ со мной говорить.

— Monsieur,—сказала она, подавая мнѣ маленькій, съ перламутровой обложкой альбомчикъ:—je vous prie de m'inscrire quelque chose comme souvenir.

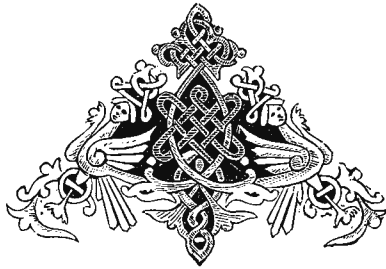
Я совершенно растерялся; что могъ я написать такъ мало мнѣ знакомой милой дѣвицѣ? Наконецъ, я припомнилъ одну играющую немаловажную роль въ жизни человѣчества аксіому. Я взялъ у нея на половину уже исписанный автографами альбомъ и, подойдя къ письменному столу, написалъ слѣдующее: «l'amour en lui meme est une récompense et un chatiment: le ciel et l'enfer». Sophie слѣдила за моею рукою, и когда я подаль ей альбомъ, то на губахъ ея мелькнула чудная улыбка, и она кокетливо протянула мнѣ свою руку.

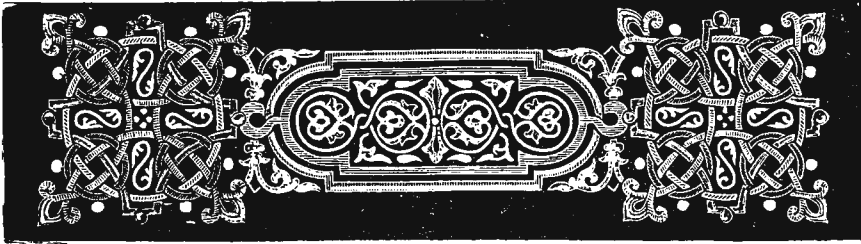
Хотя была свѣтлая ночь, и мы могли отправиться въ Севастополь, но насъ ни за что не хотѣли отпустить и упросили остаться до слѣдующаго утра, предоставивъ намъ для ночлега прекрасное помѣщеніе. Матросы наши также не были забыты; кромѣ часоваго, который оставался на шлюпкѣ, остальныхъ помѣстили въ одной изъ казармъ.

На другой день, утромъ, въ сопровожденіи уже знакомыхъ намъ офицеровъ, послѣ выпитаго брудершафта, дружно бесѣдуя, отправились мы къ пристани. Подойдя къ катеру, мы и французы были удивлены, что на немъ не оказалось ни одного матроса. Возлѣ катера сидѣлъ французскій матросикъ, который всталъ и отдалъ намъ честь. «Гдѣ же наши гребцы?»—спросилъ я. «Ваши матросы сейчасъ придутъ. Если господинъ лейтенантъ желаетъ, то я ихъ позову». Мы ждали съ полчаса и, не дождавшись посланнаго, отправились по его слѣдамъ. Пройдя не болѣе 200 шаговъ, мы услышали какой-то своеобразный говоръ и пѣніе, доносившееся изъ одного виннаго погреба. Спустившись внизъ, мы увидѣли слѣдующую картину: наши гребцы на посланных на полу рогожахъ, во всевозможныхъ позахъ, одни поджавъ ноги, другіе лежа, нѣкоторые обнявшись, съ стаканами въ рукахъ, распѣвали съ французскими матросами и солдатами. У нашихъ матросовъ надѣты были французскія фуражки, а у французовъ русскія. По глазамъ матросовъ было видно, что они уже порядкомъ подкутили, но, увидя насъ, всѣ встали и, снявъ фуражки, видимо растерявшись, держали въ рукахъ свои стаканы. Тогда я обратился къ рулевому унтеръ-офицеру и началъ его распекать. «Это они»,—отвѣтилъ мнѣ рулевой, тыкая на французовъ пальцемъ. Тогда одинъ изъ послѣднихъ, вѣроятно, старшій, подойдя ко мнѣ и наклонивъ голову, сказалъ: «это наши друзья, и мы по-

корнѣйше просимъ васъ не наказывать ихъ». При этой просьбѣ, весьма почтительно высказанной, мы всѣ невольно улыбнулись. Я велѣлъ гребцамъ идти къ катеру. Французскіе офицеры также убѣдительно просили насъ не наказывать гребцовъ. Мы, конечно, исполнили ихъ желаніе. Попрощавшись съ ними, какъ со старыми друзьями, и поблагодаривъ за гостепрѣимство, мы отвалили отъ пристани. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, поставили паруса. Катеръ легко разсѣкалъ морскую поверхность, быстро двигаясь впередъ. Постепенно удаляясь отъ пристани, мы долго еще видѣли махавшихъ фуражками и платками нашихъ радушныхъ хозяевъ.

С. А. Гунаропуло.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ЭПОХИ МЯТЕЖА 1863 ГОДА ¹⁾.

(Изъ записокъ и воспоминаній).

ООВЩАЕМЫЕ мною рассказы изъ времени послѣдняго польскаго мятежа—не выдуманные: излагаемыя въ нихъ, хотя и въ повѣствовательной формѣ, событія происходили въ дѣйствительности, въ 1863 г., въ Ковенской и Минской губерніяхъ.

Мнѣ не довелось быть прямымъ свидѣтелемъ мятежа: я прибылъ въ край въ маѣ 1864 года, т. е. годъ спустя, и вскорѣ занялъ должность мирового посредника въ Могилевской губерніи. Но я засталъ еще послѣдній актъ этой ужасной трагедіи, слышалъ живые, свѣжіе рассказы о происходившихъ событіяхъ, а многое довелось увидѣть своими глазами. Такъ, напримѣръ, при сценѣ разстрѣлянія въ мѣстечкѣ Логойскѣ, Борисовскаго уѣзда Минской губерніи, въ іюль 1864 года, мнѣ довелось присутствовать лично,—и я до сихъ поръ, несмотря на то, что съ того времени прошло уже 35 лѣтъ, не могу безъ ужаса и глубокаго содроганія и отвращенія вспомнить объ этой сценѣ...

Нѣкоторыя мѣста дѣйствій и лица не называются въ моихъ рассказахъ, вслѣдствіе нѣкотораго неудобства называть ихъ по имени.

¹⁾ Одинъ изъ рассказовъ былъ напечатанъ, много лѣтъ тому назадъ, въ «Вилепскомъ Вѣстникѣ».

I.

Любовь и долгъ.

На одномъ изъ глухихъ фольварковъ Р—скаго уѣзда, Ковенской губерніи, въ апрѣлѣ 1863 года, въ небольшой, но уютной гостиной панскаго дома сидѣло двое молодыхъ людей: панна Розалія С—ская, дочь обладателя этого фольварка, небогатаго польскаго помѣщика, и подпоручикъ Н—скаго вѣхотнаго полка Марлинъ, совсѣмъ еще юный на видъ офицерикъ, всего два года назадъ выпущенный изъ кадетскаго корпуса. Между молодыми людьми происходило, повидимому, очень рѣшительное и серьезное объясненіе: оба были страшно блѣдны и взволнованы, у обоихъ ярко блистали молодые глаза... Разговоръ ихъ приходилъ уже къ концу.

— Одно изъ двухъ,—произнесла наконецъ панна Розалія сдержаннымъ, но очень рѣшительнымъ шопотомъ:—или панъ поручикъ будетъ нашъ, и я буду принадлежать ему, или...

— Или что?—испуганно переспросилъ молодой человѣкъ.

— Или... мы должны будемъ разстаться навсегда.

— И вы, панна Розалія?...

— Я буду принадлежать пану... Казимиру, который меня, я знаю, безумно любить.

— Клянусь честью, этому никогда не бывать! — и Марлинъ крѣпко стукнулъ кулакомъ по столу.

Молодые люди давно уже любили другъ друга; по крайней мѣрѣ, цѣлый годъ красивый подпоручикъ Марлинъ вздыхалъ и ухаживалъ за миловидною и бойкою паненкой, жалъ ей и цѣловалъ потихоньку ручки, а она, въ свою очередь, отвѣчала ему взаимными пожатіями нѣжными взглядами и томными вздохами. Ея отецъ и мать—панъ Станиславъ и пани Станиславова С—скіе—смотрѣли на это ухаживанье не совсѣмъ-то благосклонно: во-первыхъ, такое уже тогда, въ началѣ 1863 года, было время, что русскихъ офицеровъ или совсѣмъ перестали принимать въ польскихъ домахъ, или же принимали ихъ скрѣпя сердце и крайне неохотно, а, во-вторыхъ, родители панны Розаліи были убѣждены въ томъ, что если только ихъ цурка (дочка) выйдетъ—бронь Боже!—за пана поручника, то онъ первымъ долгомъ завезетъ ее въ Москву и обратитъ въ свою схизматичну вѣру. Они болѣе ласково смотрѣли, въ этомъ случаѣ, на своего сосѣда по имѣнію, довольно богатаго пана Казимира З—скаго, ухаживавшаго за Розаліей уже давно и съ очевиднымъ, конечно, намѣреніемъ вступить съ нею въ законный бракъ. Но бѣда была въ томъ, что этотъ панъ Казимиръ былъ очень некрасивъ собою, совсѣмъ необразованъ и вдобавокъ довольно грубъ и недовонокъ въ

обращеніи; даже мазурку—этотъ національный изящный польскій танецъ—онъ танцовалъ плохо и неохотно. Любимою и чуть ли не единственною его страстью была охота съ гончими и борзыми: тутъ у него являлась и удалъ, и ловкость, и увлеченіе. Панинъ Розаліи онъ положительно не нравился, и она всячески избѣгала его грубова-тыхъ любезностей и признаній въ любви. Она въ душѣ своей дѣ-лала иногда сравненіе между рыжимъ и неуклюжимъ шляхтичемъ и благовоспитаннымъ, изящнымъ и красивымъ Марлинымъ,—и сердце ея невольно склонялось въ пользу «москаля», но она искренно жалѣла лишь о томъ, что Марлинъ—«схизматикъ», и что по смерти его душа непременно попадетъ въ «пекло», т. е. въ адъ... Объ этомъ говорилъ не разъ въ костелѣ ксендзъ—т. е. о душахъ москалей вообще,—говорила и мама; слѣдовательно, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія... Въ послѣднее время панъ Казимиръ оставилъ ее въ покоѣ,—съ тѣхъ поръ, какъ она, однажды, послѣ неловкихъ наме-ковъ его на свою любовь, прямо сказала ему съ смѣлостью и раз-вязностью истой польки:

— Я бы пошла за пана лишь тогда, если бы у него въ домѣ не осталось ни одной собаки, а то я никогда не буду знать, кого панъ больше любитъ—свою жену или своихъ гончихъ?..

Панъ Казимиръ покраснѣлъ, какъ ракъ, но, тѣмъ не менѣе, твердо объяснилъ, что онъ готовъ отдать паннѣ свою душу, но что эту жертву принести не можетъ—съ собаками не разстанется.

Панна Розалія получила тогда за эту выходку строгій выговоръ отъ своихъ родителей; но за то громко и долго смѣялась она, по-томъ, съ Марлинымъ, рассказывая ему о деклараціи 3—скаго и о своемъ отвѣтѣ.

Ея отношенія къ Марлину заходили все далѣе и далѣе: онъ не разъ уже втихомолку цѣловалъ ея розовыя губки и щеки, и она не особенно сильно сопротивлялась этимъ поцѣлуямъ...

Политическія событія, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ: въ костелахъ пѣлись гимны, по городамъ собирались деньги «на офяру», по фольваркамъ заготавливались сухари и лились пули, въ сосѣднихъ лѣсахъ Виленской губерніи появились уже первыя банды... Изъ Грод-ненской и Минской губерній приходили тоже тревожныя извѣ-стія, и силы повстанцевъ, по рассказамъ, измѣрялись уже не сотнями и тысячами, а десятками тысячъ... Франція главнымъ образомъ стала подливать масла въ огонь: сочувственныя полякамъ, публично произ-несенныя, фразы императрицы Евгеніи и зажигательныя рѣчи принца Наполеона совѣмъ вскружили имъ голову: по ихъ увѣреніямъ, къ нимъ на подмогу должна была выступить изъ Франціи цѣлая ар-мія... Словомъ, легкомыслію и легковѣрію поляковъ не было ни мѣры, ни предѣловъ,—и въ этомъ сказывалась ихъ характерная и національная черта. Въ дѣйствительности же, пока одно лишь царство Польское (Привислинскій край), да и то далеко не все, было

охвачено полымемъ возстанія, а въ такъ называемомъ Сѣверо-Западномъ краѣ кое-гдѣ лишь десятки и сотни горячихъ и безумныхъ молодыхъ головъ, соединившись въ партіи, уходили въ лѣса и уводили за собою, иногда насильно, шляхту изъ околицъ (поселковъ) и бывшую свою дворню. Главари мятежа, скрываясь за границей, искусно руководили начавшимся броженіемъ, ксендзы разжигали политическія страсти въ женщинахъ, а эти командовали мужьями, братьями и сыновьями и настойчиво отправляли ихъ въ лѣса—на вѣрную смерть и погибель.

Въ этотъ именно моментъ возстанія и происходилъ приведенный нами въ началѣ разговоръ между молодымъ русскимъ офицеромъ и польскою панною. Она, съ свойственною женщинамъ тонкостью, хорошо знала, чѣмъ сильнѣе всего можно было подѣйствовать на пылкое, юношеское сердце своего поклонника, и потому умышленно упомянула имя пана Казимира.

— Клянусь честью, этого не будетъ, панна Розалія!—еще разъ горячо повторилъ Марлинъ и, обнявъ правою рукою талію дѣвушки, притянулъ ее къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ.

Она не уклонилась отъ поцѣлуя; но затѣмъ, медленно отвѣдя его руку, встала и отошла отъ него, сѣла на диванъ, пригласивъ его сѣсть *vis-à-vis*, въ кресло.

— Теперь, не время для поцѣлуевъ,—тихо и какъ-то непривычно строго проговорила она:—ты знаешь ли, что черезъ три дня меня уже не будетъ здѣсь въ фольваркѣ?

— Гдѣ же ты будешь?—испуганно спросилъ Марлинъ.

— Я буду тамъ, гдѣ соберутся всѣ мои братья—всѣ дѣти одной нашей общей матери—отчизны... нашей Польши.

— То-есть, въ лѣсу?

— Да, въ лѣсу, ты отгадалъ.

Марлинъ опустилъ голову на руку и задумался...

— Къ вамъ тотчасъ же придутъ войска и разобьютъ васъ,—тихо проговорилъ онъ.

— Это еще неизвѣстно, кто кого разобьетъ,—бойко отвѣтила она.—А если это несчастье и случится, то мы уйдемъ за границу и будемъ ждать болѣе лучшаго времени... А пока станемъ съ мужемъ трудиться тамъ вмѣстѣ: панъ Казимиръ посвятитъ мнѣ всю свою жизнь...

— Не будетъ этого, не будетъ, говорю тебѣ!.. Панъ Казимиръ тебя не стоитъ и никогда не будетъ твоимъ мужемъ. Ты знаешь, Розалія, какъ сильно я тебя люблю... больше жизни моею...

Онъ быстро всталъ съ кресла и сѣлъ съ ней рядомъ. Она на этотъ разъ не отодвинулась отъ него и тихо, почти шепотомъ, отвѣтила:

— Я тебя люблю также много: я готова пожертвовать для тебя всѣмъ. Ты это хорошо знаешь. Докажи и ты свою любовь — рѣшайся!..

— На все, только не на это! Идти съ тобою въ лѣсъ... бить, потѣмъ, своихъ!.. Вѣдь это подлость будетъ,—и ты первая перестанешь тогда уважать меня.

— Кто-жъ заставитъ тебя бить своихъ?! Ты только будешь со мною вмѣстѣ, мой коханный... И ничто въ мѣръ насъ не разлучитъ тогда. А послѣ ты перемѣнишь фамилію, и мы обвѣнчаемся...

Она нѣжно склонилась головою ему на плечо и сама обняла его рукой. Ея горячее дыханіе жгло ему щеку, словно огнемъ; другою рукой она тихо перебирала его волосы на головѣ... У него, отъ ея прикосновенія и близкаго счастья, совершенно потемнѣло въ глазахъ и затмился рассудокъ... Ея предложеніе и на самомъ дѣлѣ становилось уже для него такъ возможнымъ и, главное, извиняемымъ. А она вдругъ заговорила нѣжнымъ, но въ то же время и рѣшительнымъ тономъ:

— Если ты сегодня же, сейчасъ же, не отвѣтишь мнѣ рѣшительно, то мы съ тобою не должны видѣться... Отецъ мнѣ прямо сказалъ, чтобы я попросила тебя не бывать у насъ. Ксендзъ пригрозилъ отлучить насъ всѣхъ отъ костела, если ты будешь прїѣзжать сюда; тебя бояться... ты можешь замѣтить чтонибудь, узнать и передать пану-полковнику... Я, можетъ быть, съ ума сойду, когда тебя перестану видѣть, когда ты отвернешься отъ меня!.. Но что же мнѣ дѣлать, Евусъ-Марія! что мнѣ дѣлать!!

Она быстро и горячо обняла его обѣими руками, положила голову къ нему на грудь и нервно и истерически зарыдала...

— Клянусь тебѣ,—говорила она сквозь слезы:—я люблю тебя, какъ Бога! Клянусь тебѣ въ этомъ на святомъ крестѣ!..

И она, немного откинувшись отъ него, быстро достала изъ-за корсажа своего платья золотой крестъ съ распятіемъ и поцѣловала его.

— Если любишь, поцѣлуй и ты этотъ крестъ,—шептала она...

Юноша смотрѣлъ на нее безумными, восторженными глазами,—и вдругъ наклонился и поцѣловалъ этотъ крестъ, и ея руку, и ее самое...

— Я на все рѣшился!.. Я на все согласенъ!.. Я твой, твой навѣки!..—прошептала наконецъ онъ, оторвавшись отъ поцѣлуевъ и глядя на нее глазами, въ которыхъ блистали и любовь, и счастье, и полная, безповоротная рѣшимость на все... А она, словно ласточка, щебетала ему:

— Сейчасъ вернутся изъ костела отецъ и мама; мы имъ расскажемъ все... Они будутъ, я знаю, такъ рады и довольны, что ты «напѣ»... А черезъ три дня—помни!—ты прїѣзжай верхомъ ровно въ одиннадцать часовъ ночи къ той святой капличкѣ (часовнѣ), которая, ты знаешь, стоитъ въ сосновомъ лѣсу, по дорогѣ къ Шадову... Я буду тамъ одна, верхомъ же, ждать тебя... Никто и ничто не помѣшаетъ нашему счастью... А оттуда мы прямо пройдемъ съ

тобою лѣсною дорогою на Стульпинскую греблю (гать)... Я вѣдь всё тропинки знаю въ этихъ лѣсахъ—я здѣсь родилась и выросла... А тамъ ужъ насъ будутъ ждать. Ахъ, да! я и забыла тебѣ сказать: ты приготовь себѣ чамарку, а этотъ мундиръ сбросишь...

Марлинъ смотрѣлъ на нее, слушалъ и ничего почти не понималъ отъ счастья; онъ помнилъ лишь одно: черезъ три дня, въ 11 часовъ ночи, онъ долженъ быть у знакомой каплички... Это онъ исполнить, хотя бы для этого нужно было умереть... Вѣдь онъ сейчасъ цѣловалъ крестъ, клялся... Правда, онъ еще такъ недавно, менѣе двухъ лѣтъ назадъ, цѣловалъ тоже крестъ—совсѣмъ иной, и произносилъ тоже клятву—совсѣмъ иную—тамъ, въ Петербургѣ, въ дорогой для его воспоминаній кадетской церкви... Но вѣдь тогда онъ былъ почти мальчикъ, едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста... А теперь!—теперь онъ женихъ, почти мужъ первой красавицы въ уѣздѣ, панны Розаліи С—ской...

— Да, ужъ рѣшено это!—подумалъ онъ:—такъ, видно, суждено мнѣ...

Въ это время на дворъ фольварка вѣхала и подкатила прямо къ крыльцу дома красивая нѣйтычанка, въ которой сидѣли отецъ и мать панны С—ской. Дѣвушка быстро встала съ дивана и, какъ вихрь, понеслась черезъ всё комнаты въ переднюю, громко хлопая въ ладоши и также громко выкрикивая фразу, состоящую всего изъ трехъ словъ:

— Панъ Марлинъ нашъ! панъ Марлинъ нашъ!!

Юноша глядѣлъ ей вслѣдъ счастливыми, влюбленными глазами и тихо вторилъ за нею:

— Да, я теперь твой, моя дорогая!..

Тихими, осторожными шагами, словно ощупью, подвигался среди ночной тишины небольшой русскій отрядъ по Шадовской дорогѣ. Это была та самая проселочная дорога, ведущая къ святой капличкѣ, у которой, двѣ недѣли назадъ, панна Розалія назначила ночное свиданіе подпоручику Марлину.

Отрядъ былъ невеликъ: въ немъ было всего двѣ роты N—скаго пѣхотнаго полка, въ которомъ служилъ Марлинъ, и при нихъ сотня донскихъ казаковъ. Отрядомъ этимъ командовалъ майоръ Нордквистъ, баталіонный командиръ N—скаго полка, финнъ по національности, большой службистъ и человекъ строгій и исполнительный. Инструкція, данная ему предъ выступленіемъ отряда, заключалась въ очень немногомъ: ему было приказано разбить банду, которая, по полученнымъ секретнымъ свѣдѣніямъ, только что сформировалась. Затѣмъ, онъ имѣлъ второй приказъ, но уже «совершенно секретный»: взять въ этой бандѣ дезертировавшаго, три недѣли назадъ, изъ ихъ же полка, подпоручика Марлина,—взять его живого или мертваго.

Въ подобныхъ случаяхъ, т.-е., когда знали навѣрное, что въ такой-то бандѣ состоитъ перебѣжавшій нашъ же офицеръ,—практиковалась иногда въ русскихъ отрядахъ слѣдующая мѣра: по взаимному и, такъ сказать, безмолвному соглашенію между офицерами отряда, рѣшалось не брать несчастнаго въ плѣнъ живымъ... А чтобы достигнуть этого, показывалась унтеръ-офицерамъ отряда фотографическая карточка дезертира, находившаяся у когонибудь изъ его бывшихъ товарищей по полку. Это дѣлалось по слѣдующимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, мученія преступнаго офицера сокращались, такимъ образомъ, на нѣсколько недѣль, которыя требовались бы для военнаго суда и для утвержденія конфирмаціи смертной казни; а вѣдь извѣстно, что не казнь страшна, а приготовленія къ ней... А, во-вторыхъ, заграничныя, руссофобскія газеты лишались, такимъ образомъ, удобнаго случая заявить лишній разъ о «сочувствіи» русскихъ офицеровъ дѣлу возстанія и о новой смертной казни. Вотъ, поэтому-то и судьба Марлина была рѣшена при самомъ выступленіи отряда.

Объ его исчезновеніи узнали, конечно, въ полку очень скоро; но куда именно онъ исчезъ, этого въ началѣ не знали никто. Узнали только, что онъ уѣхалъ куда-то вечеромъ, верхомъ, взявъ съ собой охотничье ружье и свою лягавую собаку... Рѣшили, что онъ, рассчитывая, вѣроятно, поохотиться въ какойнибудь отдаленной мѣстности, отправился туда и затѣмъ, по дорогѣ гдѣнибудь, въ лѣсу, наскочилъ на повстанцевъ, которые его и ухлопали.

Дано было знать, конечно, полиціи, отправлены были во все стороны казачьи разъѣзды для розысковъ, но все было напрасно: подпоручикъ Марлинъ какъ въ воду канулъ. Совершенно случайное происшествіе обнаружило, однако, что онъ живъ, и даже его мѣсто-пробываніе.

Такъ какъ въ уѣздномъ городѣ, гдѣ находился штабъ полка, сдѣлалось извѣстнымъ, что въ сосѣднихъ лѣсахъ начинаютъ уже бродить повстанцы, уѣздный военный начальникъ — онъ же и командиръ N—скаго полка — отправилъ по разнымъ направленіямъ нѣсколько мелкихъ казачьихъ разъѣздовъ для наблюденій. Одинъ изъ такихъ разъѣздовъ, проѣзжая Стульпинскимъ лѣсомъ, замѣтилъ издали, что какой-то ѣхавшій съ возомъ еврей, завидѣвъ казаковъ, быстро свернулъ въ бокъ, въ лѣсъ, въ самую чащу. Еврея этого тотчасъ же, конечно, нагнали и вывели его возъ обратно на дорогу.

На возу у него не было, впрочемъ, ничего подозрительнаго—бочка съ дегтемъ, и больше ничего. Еврей объяснилъ, что зовутъ его Ицкой Либерманомъ, что онъ «честный и бѣдный еврейчикъ», возить по деревнямъ деготь на продажу и этимъ существуетъ и кормится.

— Зачѣмъ же ты, собачій сынъ, утекалъ отъ насъ въ лѣсъ?—спросилъ казачій урядникъ.

— А я дюже злякался (испугался), оттого и утекать.

— Чего же ты злякался, если ты честный еврей?—продолжали допрашивать его.

— А якъ же мнѣ не злякаться! Я бачу, ѣдутъ москали, съ такими страшными—ховой Боже!—пиками... ну, и съ саблями, и съ фузеями... Ну, я и злякался.

— Однако, братцы, общите-ка этого жида, на всякій случай,—приказаль урядникъ.

Еврей сильно встревожился и заволновался:

— Ну, и зачѣмъ меня обыскивать?.. Я не злодѣй якой. Я буду кричать «гвалтъ»...

— Кричи себѣ, сколько хочешь, мы тебѣ не мѣшаемъ,—замѣтили ему казаки.

И вотъ двое изъ нихъ, соскочивъ съ коней, принялись тормошить и обыскивать «пана Ицку». Еврей топорщился, упирался, но его все-таки свалили на землю и обыскали. Ничего подозрительнаго не нашли. Отыскали лишь еврейское «богомолье» да засаленный бумажникъ, въ которомъ было, однако, около трехсотъ рублей кредитными билетами. Урядникъ возвратилъ еврею все въ цѣлости,—и отрядъ хотѣлъ было уже ѣхать дальше, напутствуемый ворчаньемъ и бранью Ицки, уже расхрабрившагося, какъ вдругъ казаки вспомнили, что не разували его и не осматривали его обувь.

— Однако, сядь на траву да разуйся; мы посмотримъ, нѣтъ ли чего въ твоихъ сапогахъ,—какой нибудь бумаги отъ поляковъ?—предложили казаки.

Еврей мгновенно поблѣднѣлъ, какъ смерть, и сразу сдѣлался меньше ростомъ, униженно согнувшись и сторбившись... Онъ торопливо вынулъ изъ бумажника нѣсколько мелкихъ ассигнацій и сунулъ ихъ уряднику въ руку. Тотъ взялъ, поблагодарилъ Ицку, даже шапку приподнялъ съ головы въ знакъ благодарности.

— А все-таки разуйся, панъ Ицко!—приказаль онъ.

Еврей отказался разуться наотрѣвъ, и казаки должны были и на этотъ разъ употребить насиліе. Ицку вновь посадили на землю и, какъ онъ ни брыкался ногами, его разули-таки: сняли одинъ сапогъ, потомъ другой... Стали казаки трясти эти сапоги—изъ одного выпала пара офицерскихъ золотыхъ погоновъ съ номеромъ той дивизіи, въ которой служилъ Марлингъ, а изъ другого сапога — нѣсколько писемъ...

— Ага, жидюга, это ты, значить, убилъ подпоручика!.. Вотъ и погоны,—проговорилъ урядникъ, взявъ въ руки погоны и разглядывая ихъ.

Еврей былъ блѣднѣе полотна и лишь дико озирался по сторонамъ, какъ бы выбирая мѣсто, куда можно бы было скрыться.

— Вяжите его!—приказаль урядникъ,—это дѣло его рукъ: не-премѣнно онъ убилъ.

— Я его не убиваль... Зачѣмъ я буду его убивать, коли онъ живъ?—тихо проговорилъ Ицко.

— Заговаривай мнѣ зубы-то! Такъ я и повѣрилъ тебѣ! — отвѣчалъ урядникъ и распорядился свалить бочку съ телѣги на землю, а на возъ положить связаннаго по рукамъ и ногамъ Ицку.

Но когда казаки стали сваливать бочку на землю, она показала имъ что-то легка... Оттолкнули втулку — съ одного конца потекъ дѣйствительно деготь; ударили пикой въ противоположное дно—оказалась пустота. Одинъ изъ казаковъ запустилъ въ сдѣланное пикой отверстіе руку и вытащилъ двухфунтовую жестянку съ прусскимъ порохомъ...

— Эге, жидъ! добрый у тебя деготь!—засмѣялись казаки, оглядывая со всѣхъ сторонъ вынутую жестянку.

— Это не моя бочка... Это не моя лошадь, — шепталъ совершенно убитый, помертвѣвшій отъ страха, еврей...

Его доставили, вмѣстѣ съ поличнымъ, въ уѣздный городъ, и тамъ «панъ Ицко» вынужденъ былъ во всемъ признаться и рассказать всю подноготную. Оказалось, что онъ ѣхалъ прямо изъ банды, въ которой былъ Марлинь; что тамъ вмѣстѣ съ нимъ въ костюмѣ «хлопца» находится и панна Розалія С—ская. Золотые офицерскіе погоны, погубившіе Ицку, онъ, по еврейской страсти покупать все, что попадаетъ подъ руку, добылъ въ бандѣ же за два злата (30 коп.) отъ какого-то хлѣпа, который споролъ эти погоны съ брошеннаго Марлинымъ мундира. А въ числѣ найденныхъ писемъ оказалось одно отъ панны Розаліи къ ея родителямъ, на фольваркѣ: она подробно описывала свое поэтическое житье въ лѣсу, вмѣстѣ съ «наржечѣнымъ» (женихомъ), т.е. съ Марлинымъ, называя его «довудцей» — начальникомъ банды.

Такимъ-то, вотъ, случайнымъ образомъ и было открыто мѣсто-пробываніе безъ вѣсти пропавшаго подпоручика Марлина и той польской банды, въ которую онъ попалъ. Для поимки его и для уничтоженія банды и была, нарочно, послана командиромъ полка и та рота, въ которой Марлинь былъ субалтернъ-офицеромъ.

— Онъ осрамилъ эту роту, и пусть она же и возьметъ его, живого или мертвого, это все равно, — сказала полковникъ майору Нордквисту, отправляя отрядъ.

Отрядъ этотъ выступилъ изъ города тотчасъ послѣ сумерекъ (чтобы никто не видѣлъ его отправления) и долженъ былъ идти форсированнымъ маршемъ всю ночь съ такимъ расчетомъ, чтобы подойти къ бандѣ предъ разсвѣтомъ; затѣмъ, предположено было дать людямъ маленькій отдыхъ, и на разсвѣтѣ, когда можно будетъ уже хорошо оглядѣться въ лѣсу, напасть на банду врасплохъ и уничтожить ее. Въ проводники отряду данъ былъ «панъ Ицко», знакомый, по его словамъ, со всѣми тропинками въ лѣсу. Ицкѣ было объявлено, что если онъ проведетъ нашъ отрядъ незамѣтнымъ

образомъ, лѣсными тропами, прямо къ бандѣ, то наказаніе за его вину будетъ значительно смягчено; а если онъ вздумаетъ «утечь», его тотчасъ же приколятъ.

Лица солдатъ и офицеровъ были сосредоточенныя и серьезныя, въ виду предстоящаго «дѣла»; бѣдный Ицко, шедшій во главѣ отряда со связанными назади руками, тряся, какъ въ лихорадкѣ... Такъ шли лѣсомъ всю ночь. Холодно было и сыро въ лѣсу, несмотря на то, что на дворѣ уже былъ май; да и жутко было: лѣсъ старинный, вѣковой, то и дѣло попадались корабельныя деревья, въ нѣсколько обхватовъ толщины. Много видали на своемъ вѣку эти сосны и ели!... и вотъ теперь имъ вновь пришлось увидать новое человѣческое безуміе—возстаніе.

Наконецъ, надъ головами людей, кое-гдѣ между соснами, стало немножко бѣлѣть небо... Востока не было видно въ лѣсной чащѣ; но было ясно, что до разсвѣта уже недалеко...

- Скоро ли дойдемъ?—спросилъ Ицку майоръ, подойдя къ нему.
- Заразъ, панъ полковникъ, заразъ (скоро),—отвѣчалъ Ицко.
- Близко уже?
- Заразъ, заразъ...

Прошли еще минутъ пятнадцать. Ключки неба надъ головами совсѣмъ уже побѣлѣли... Но вотъ Ицко остановился, осмотрѣлся внимательно кругомъ и сталъ оглядывать деревья, бормоча что-то поеврейски себѣ подъ носъ и какъ будто соображая и припоминая... Потомъ онъ поводелъ носомъ вокругъ, словно обнюхивая эту мѣстность...

— Здѣсь!—тихо проговорилъ онъ:— вотъ тутъ заразъ будетъ криница (ключъ), откуда они берутъ воду, а за ней, морговъ (десятинъ) за пять, будетъ поляна... На этой самой полянѣ стоятъ повозки и брички, и нѣйтычанки, и будованные шалаши; а въ этихъ самыхъ повозкахъ и въ бричкахъ, и въ нѣйтычанкахъ, и въ будованныхъ шалашахъ спятъ паны... и хлопы при нихъ есть...

— А можно зайти имъ въ тылъ?—спросилъ майоръ:—тутъ нѣтъ съ боковъ болота?

— Чему не можно—можно: болота нѣтъ.

Въ это время въ лѣсу, не болѣе какъ въ полуверстномъ, повидимому, разстояніи отъ отряда, заржала лошадь; ей тотчасъ же отозвалась другая, и затѣмъ все вновь стихло и умолкло.

Майоръ подозвалъ одного изъ офицеровъ и отдалъ ему слѣдующее приказаніе: взять съ собой шесть барабанщиковъ, одного унтеръ-офицера и двадцать человѣкъ рядовыхъ и зайти стороною, въ тылъ расположенія банды; затѣмъ, какъ только это обходное движеніе будетъ выполнено, то разставить барабанщиковъ въ линію, длиною, примѣрно, въ 200 шаговъ, и бить «атаку», при пальбѣ и крикахъ «ура»; потомъ, медленно, шагъ за шагомъ, подаваться впередъ, скучиваясь на случай нападенія. Въ проводники этому маленькому отряду былъ данъ тотъ же злосчастный Ицко.

Какъ только этотъ отрядъ отдѣлился и ушелъ, майоръ вызвалъ нѣсколько человѣкъ «охотниковъ» и отправилъ ихъ впередъ, для осмотра мѣста расположенія банды, приказавъ имъ тотчасъ же возвращаться назадъ, какъ только они сдѣлаютъ свое дѣло. Отряду тѣмъ временемъ позволено было стоять «вольно» и «поправиться», а кто сильно усталъ, тотъ могъ присѣсть и отдохнуть немного. Ни говорить громко, ни курить, конечно, не было позволено.

Минуть черезъ двадцать воротился «секретъ», сообщивъ все, что имъ было замѣчено, и прибавивъ, что весь польскій отрядъ, не исключая и караульныхъ, спитъ мертвымъ сномъ. Майоръ тотчасъ же собралъ всѣхъ офицеровъ отряда, которыхъ было, съ двумя казачьими, восемь человѣкъ, и тихо передалъ имъ о расположеніи банды и описаніе мѣстности.

— Ну, что, люди не очень устали? — спросилъ онъ у ротныхъ командировъ.

— Отдохнули уже,—отвѣчали тѣ.

— Такъ поднимайте ихъ и стройте потихоньку. Совсѣмъ уже разсвѣло вѣдь.

Едва успѣлъ отрядъ, послѣ этого необходимаго отдыха, выстроиться кое-какъ въ свободныхъ пространствахъ между деревьями, какъ вдругъ по лѣсу загрочотали барабаны, послышалась ружейная пальба и громкое «ура»... Это—обходный отрядъ началъ свое дѣло.

Отрядъ майора Нордквиста, взявъ тотчасъ же ружья «на-перевѣсъ», двинулся впередъ бѣглымъ шагомъ, но молча, тихо, точно всѣ бѣжали по землѣ разутыми ногами...

Въ то же время, тамъ, впереди, на полянѣ, происходило нѣчто хаотическое и ужасное: повстанцы, раздѣтые, вскакивали со сна, какъ безумные, метались безтолково по лагерю, отыскивая своихъ лошадей и оружіе, наталкивались другъ на друга, посылая взаимныя проклятія... Этотъ людской крикъ и шумъ сливался съ ржаніемъ коней и воемъ охотничьихъ собакъ, которыхъ въ лагерѣ у повстанцевъ было множество... Наконецъ, вся эта масса людей, еще не опомнившихся хорошенько отъ сна и охваченная паническимъ страхомъ, шарахнулась, какъ испуганное стадо, въ лѣсъ, въ сторону, противоположную отъ приближающагося къ ней треска барабановъ, пальбы и криковъ «ура»... Но едва только повстанцы выскочили на поляну, какъ передъ ними, словно изъ земли, выросъ стройный и грозный отрядъ майора Нордквиста, далъ залпъ и съ оглушительнымъ «ура» кинулся на нихъ въ штыки, смялъ и охватилъ кругомъ.

Черезъ какіе нибудь полчаса все было уже кончено... Часть повстанцевъ была убита и переранена, большая часть взята въ плѣнъ и перевязана, и только пятая, можетъ быть, часть всей банды успѣла скрыться — кто верхомъ на неосѣдланной лошади, а кто, просто забившись въ овраги, въ лѣсную чащу и трущобы...

Подпоручикъ Марлингъ, котораго видѣли въ самомъ началѣ боя впереди отряда, былъ найденъ въ числѣ убитыхъ: пуля, попавъ ему въ грудь, съ боку, пробила сердце и легкія навывлетъ. Смерть его, повидимому, послѣдовала мгновенно. Въ боковомъ карманѣ на дѣтой на немъ чамарки была найдена фотографическая карточка красавицы-панно Розаліи С—кой. Ея самой не оказалось ни между убитыми, ни между забранными «въ плѣнъ»: должно быть, спаслась-таки какъ нибудь...

II.

Старообрядецъ Червонецъ.

Мирно и тихо шла жизнь въ заѣзжемъ домѣ старообрядца, по фамиліи Червонца, въ мѣстечкѣ Роговѣ, Вилкомирскаго уѣзда, Ковенской губерніи ¹⁾. Заѣзжій домъ этотъ—или корчма, какъ его называли, рѣзко выдѣлялся изъ таковыхъ же, принадлежащихъ и содержимыхъ евреями: у Червонца, на чистой половинѣ, «для пановъ», было дѣйствительно, чисто и опрятно: большая комната была выбѣлена, въ углу висѣли образа, на стѣнахъ были прибиты различныя дешевыя гравюры и картины, въ комнатѣ стояли стулья и плетеные диванчики, бѣлые липовые столы были покрыты скатертями и клеенками. Водка у Червонца была крѣпкая, хорошая, не разбавленная водою. Паны, чиновники и офицеры, проѣзжая чрезъ мѣстечко и останавливаясь въ немъ для кормежки лошадей или для ночлега, гораздо охотнѣе заворачивали къ Червонцу, чѣмъ въ другую корчму, находившуюся *vis-à-vis* и принадлежавшую еврею Беркѣ Запаснику, гдѣ была и грязь, и еврейская вонь, а главное, гдѣ водка была разбавлена водою, а чтобы это было не особенно замѣтно, еврей клалъ въ нее для настоя стручковый перецъ и даже табачные листы, такъ что, когда, бывало, проѣзжій крестьянинъ литвинъ выпивалъ стаканъ такой водки, то у него захватывало дыханіе въ горлѣ, темнѣло въ глазахъ и дурѣла голова... Только евреи и ихъ балагулы ²⁾ заѣзжали непременно къ Беркѣ; но отъ нихъ не велика была корысть, такъ какъ пассажиры балагулы были, по большей части, народъ очень не богатый—евреи, писаря, мелкая шляхта, прислуга и пр.; все же мало-мальски пановитое обходило Берку и направлялось въ заѣзжій домъ Червонца.

Такъ шло дѣло нѣсколько лѣтъ. И вотъ наступилъ роковой

¹⁾ Фамилія Червонецъ и названіе мѣстечка—подлинныя.

И. З.

²⁾ Балагула—это громадная, длинная, крытая телѣга, запряженная тройкою или парю лошадей, съ хозяиномъ евреемъ на козлахъ. Экипажи эти путешествуютъ отъ одного города до другого, взадъ и впередъ, въ районахъ, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, и перевозятъ преимущественно бѣдныхъ людей, не могущій ѣздить въ почтовыхъ экипажахъ.

И. З.

1863 годъ, когда, по мѣткому и вѣрному выраженію бѣлорусскихъ крестьянъ, ихъ «паны сдурѣли»... Начались волненія и огнеустныя проповѣди сначала въ костелахъ, а затѣмъ отъ словъ поляки перешли къ дѣлу, и въ лѣсахъ стали появляться банды, мелкія и крупныя.

Русскія власти, захваченныя мятежомъ врасплохъ, сначала бездѣйствовали или же дѣйствовали очень безтолково, и это самое лишь подбодряло поляковъ, поощряя ихъ къ безнаказаннымъ ухищреніямъ въ лѣсахъ... Потомъ, когда первое впечатлѣніе неожиданности прошло, а власти немного опомнились, и къ нимъ на помощь стали прибывать изъ внутреннихъ губерній войска, тогда и польскимъ бандамъ въ лѣсу пришлось плохо: ихъ стали, одна за другою, разбивать и преслѣдовать.

Неподалеку отъ м. Рогова, въ старинныхъ лѣсахъ, которые шли въ тѣ времена вплоть до прусской границы, была въ маѣ 1863 года разбита одна изъ польскихъ бандъ. Русскій отрядъ, схватившійся съ этою бандою, не имѣлъ при себѣ ни регулярной кавалеріи, ни казаковъ, а потому дальнѣйшее преслѣдованіе разбитыхъ повстанцевъ оказалось невозможнымъ, и они, разсыпавшись и попрятавшись по лѣсу, на половину спаслись и, затѣмъ, соединившись съ остатками другой также разбитой банды, сформировались вновь, и стали вновь бродить въ лѣсахъ, расположенныхъ по близости м. Рогова.

Вотъ тогда-то и вздумалъ Берко избавиться отъ своего конкурента.

Однажды, въ темную и дождливую ночь, къ Беркѣ въ корчму, со стороны огородовъ и лѣса, пришло нѣсколько человекъ продрогшихъ и голодныхъ повстанцевъ, которыхъ привелъ одинъ молодой панъ, проживавшій неподалеку, у котораго Берко ранѣе былъ факторомъ (комиссіонеромъ) по продажѣ ржи и льна. Они пришли съ тѣмъ, чтобы получить въ корчмѣ сколько можно хлѣба, водки и провизіи для себя и для тѣхъ повстанцевъ, которые теперь, послѣ разбитія банды и потери запасовъ, совсѣмъ голодали въ лѣсу. Берко тихо впустилъ ночныхъ гостей въ стадло, находящуюся на заднемъ дворѣ корчмы, просилъ обождать, а самъ побѣжалъ къ женѣ— совѣтоваться, что выгоднѣе: объявить ли потихоньку проживавшему въ мѣстечкѣ становому приставу, что у него въ стадолѣ сидятъ пять человекъ повстанцевъ, или же не объявлять и извлечь изъ этого посѣщенія какія нибудь другія выгоды?..

Такъ какъ русскія власти могли въ концѣ концовъ или совсѣмъ ничего не заплатить Беркѣ за его доносъ, или же заплатить обычные по 3 рубля за человека, выдаваемые за поимку каждаго бѣлаго солдата и арестанта, то рѣшено было не выдавать повстанцевъ, а лишь побольше взять съ нихъ за водку, хлѣбъ, мясо, булочки и прочую снѣдь, оказавшуюся на-лицо въ кладовой корчмы.

Въ то же время Берко рѣшилъ воспользоваться обстоятельствами и оборудовать еще одно дѣло...

Тихо, незамѣтно и неслышно прокрались въ стадоу Берко и его жена съ мѣшками, наполненными разною провизіей, и затѣмъ, когда повстанцы укладывали все это и собирались уже въ обратный путь, въ лѣсѣ, еврей началъ издали выражать свое сожалѣніе, что панская банда потерпѣла такую неудачу...

— И никогда бы москали не нашли пановъ, коли-бъ не этотъ подлый быдло—проводникъ ихъ...

— Какой проводникъ?—живо спросилъ одинъ изъ пановъ.

— А развѣ панъ не знаетъ — какой?! Все мѣстечко знаетъ, а панъ не знаетъ...

— Да говорятъ же тебѣ, что не знаемъ! Мы только были удивлены, какъ тихо и незамѣтно подкрались москали — нѣхъ ихъ дьябли возьмутъ!—но не знаемъ, кто провелъ ихъ...

— А кто жъ ихъ провелъ, какъ не «кацапы»¹⁾ нашъ Червонецъ... Онъ добре зарѣбилъ, пане: панъ полковникъ заплатилъ ему сто карбованцевъ.

— Эге! такъ вотъ оно что!.. такъ вотъ кто провелъ по лѣсу москалей!..—воскликали, скрежеща зубами, повстанцы:—за сто карбованцевъ, пся крѣвъ! Добре же! постараемся, чтобы и отъ насъ онъ зарѣбилъ...

Они безусловно повѣрили оговору еврея, такъ какъ оговоръ этотъ былъ очень и очень вѣроятенъ. Во-первыхъ, «кацапы» были съ самаго начала возстанія очень ревностными помощниками и союзниками русскихъ людей и войскъ. Крестьяне — особенно, напри- мѣръ, въ царствѣ Польскомъ—первое время, какъ бы еще колебались, къ кому пристать, выжидая, чья возьметъ. Старообрядцы же, первые, не ожидая иногда даже и войскъ (какъ, напри- мѣръ, въ Динабургскомъ уѣздѣ, въ дѣлѣ съ бандой графа Плятера), напали на повстанцевъ; а затѣмъ, когда собрались, наконецъ, въ краѣ въ достаточномъ числѣ войска, эти же самые старообрядцы явились усердными проводниками для нашихъ войскъ по лѣсамъ Литвы и Бѣлоруссіи, такъ что сообщеніе Берки было очень правдоподобно. Во-вторыхъ, паны повѣрили еврею очень скоро и охотно еще и потому, что дѣйствительно подозрѣвали кого либо изъ мѣстныхъ жителей въ указаніи русскому отряду лѣсныхъ дорогъ и тропъ, среди которыхъ могъ ориентироваться только лишь человѣкъ, хорошо и давно знакомый съ мѣстными лѣсами.

¹⁾ «Кацапами» называютъ въ Гродненской и Ковенской губерніи русскихъ старообрядцевъ и крестьянъ-чорнорабочихъ, являющихся изъ внутреннихъ, великорусскихъ губерній.

Въ дѣйствительности же старообрядецъ Червонецъ былъ не при чемъ: русскій отрядъ провелъ по лѣсу одинъ солдатикъ, недавно поступившій въ службу изъ этой же мѣстности.

Спустя нѣкоторое время, посѣтители корчмы Берки тихо подъ покровомъ ночи и дождя вышли изъ стадолы, дошли до лѣсу и скрылись въ его чащѣ.

Спустя всего нѣсколько дней, ночью же, нѣсколько конныхъ повстанцевъ тихо, крадучись, подъѣхали къ корчмѣ старообрядца Червонца и осторожно постучались въ окно. Оно тотчасъ же отворилось, высунулась голова работника, и одинъ изъ подъѣхавшихъ людей попросилъ его разбудить и вызвать на улицу самого хозяина по очень важному дѣлу. Червонецъ спалъ на дворѣ, на сѣновалѣ. Работникъ разбудилъ его и послалъ на улицу, а самъ преспокойно вошелъ въ корчму и завалился опять спать. Червонецъ, ничего не подозревавшій, какъ былъ раздѣтъ — босой, въ однихъ лишь порткахъ и рубахѣ,—такъ и вышелъ на улицу.

— Кто тамъ и что нужно?—спросилъ онъ, выйдя за ворота.

— Мы казаки,—отвѣчали ему:—покажи, пожалуйста, дорогу на Вилкомиръ.

Такъ какъ всадники стояли уже въ это время отъ воротъ корчмы шагахъ въ пятидесяти, то Червонецъ, не понявъ, должно быть, сразу, какую дорогу имъ нужно, подошелъ къ нимъ вблизи и готовился разспросить ихъ какъ слѣдуетъ... Но едва только онъ отошелъ отъ своего дома, какъ нѣсколько человекъ, пѣшихъ уже, мгновенно бросились на него, закутали ему голову шубой, свалили на землю, связали по рукамъ и ногамъ, быстро подняли съ земли, положили поперекъ сѣдла, привязали и повезли съ собою въ лѣсъ... Все это заняло собою не болѣе двухъ-трехъ минутъ. Несчастный едва лишь успѣлъ въ началѣ крикнуть... но этотъ крикъ услышалъ одинъ лишь его работникъ, еще не успѣвшій уснуть; онъ вышелъ на улицу, сталъ громко звать хозяина и, догадавшись, что дѣло не ладно, поднялъ всполохъ...

Рано утромъ становой послѣшилъ дать знать, по начальству, объ исчезновеніи, «неизвѣстно куда», владѣльца заѣзжаго дома въ м. Роговъ, старообрядца Червонца, и его стали разыскивать...

Совсѣмъ уже на разсвѣтѣ, черезъ два или три часа мучительной дороги по лѣсу, со связанными руками и ногами, на спиѣ лошади, въ согнутомъ положеніи, несчастный человекъ былъ доставленъ въ лѣсной оврагъ, расположенный въ самой глубинѣ лѣса, гдѣ въ это время уже подымалась со сна банда польскихъ повстанцевъ. Плѣнника сняли съ лошади и поставили на ноги, развязавъ ихъ; руки же его были попрежнему скручены назадъ и крѣпко связаны веревкою.

Червонца обступили со всѣхъ сторонъ, подвергли его всевозможнымъ оскорбленіямъ и оплеванію, и на его же глазахъ стали готовить на деревѣ петлю...

— Куда же ты дѣвалъ тѣ сто карбованцевъ, которые получилъ за кровь нашу?—спросилъ его доудца отряда.

Несчастный ничего, конечно, не понималъ...

— Какіе сто рублей?! Богъ съ вами!..—тихо отвѣчалъ онъ.

— Не мѣшай пана Бога въ свое проклятое дѣло!—прикрикнули на Червонца:—мы все знаемъ: и за сколько ты нанялся у москалей, и какъ ты ихъ провелъ по этому лѣсу къ нашему отряду, и какъ помогалъ имъ...

Червонецъ тутъ только понялъ, въ чемъ его подозрѣваютъ и обвиняютъ, и затрясся всѣмъ тѣломъ...

— Спросите, у кого хотите, я не виноватъ!—молилъ онъ.—Когда на васъ напали, я былъ на кирмашѣ въ Яновѣ... Вотъ вамъ Христосъ—свидѣтель!

Но ударъ по головѣ чѣмъ-то тяжелымъ заставилъ его замолчать... по лицу несчастнаго заструилась кровь...

— Ты вель отрядъ ночью, то, значитъ, хорошо видишь,—заговорилъ ироническимъ тономъ начальникъ:—а чтобы ты видѣлъ еще лучше, мы тебѣ вставимъ окуляры (очки)... А такъ какъ ты скоро ходишь, поспѣлъ даже за казаками отряда, то чтобы не стопталь обуви, мы тебѣ подобьемъ подошвы... Пусть всѣ узнаютъ, что и мы тебѣ тоже заплатили, сколько могли...

Довудца сдѣлалъ знакъ, и нѣсколько человекъ бросились на несчастнаго: его повалили на землю, и одинъ изъ повстанцевъ выкололъ ему вилкою глаза. Затѣмъ другіе, схвативъ его босыя ноги, принялись вбивать ему въ подошвы гвозди съ большими круглыми шляпками...

Когда эта звѣрская казнь была закончена, Червонца связали, положили вновь поперекъ сѣдла и вывезли изъ лѣса на большую дорогу, гдѣ, снявъ съ лошади, и оставили на произволъ судьбы... Несчастный былъ найденъ въ тотъ же день проѣзжими крестьянами, еле живой, обсыпанный и искусанный комарами и лѣсными мухами. Онъ былъ доставленъ въ мѣстечко Рогово, гдѣ, спустя нѣсколько дней, и скончался собственно отъ потери крови, вытекшей изъ глазъ и ногъ.

Мѣсяцъ спустя, когда эта банда была вновь и окончательно уже разбита, то плѣнные на допросахъ показали, что на старообрядца Червонца, какъ на проводника русскаго отряда, имъ указалъ содержатель корчмы, еврей Берко Запасникъ.

III.

Разстрѣляніе:

Лѣтомъ 1863 года, когда мятежь былъ въ самомъ разгарѣ, застрѣленъ былъ становой приставъ Минской губерніи Борисовскаго уѣзда, по фамиліи Ляцкій. Этого пристава сильно недолюбливали поляки, и главнымъ образомъ вотъ почему. До возстанія Ляцкій былъ католикомъ, и ему, какъ только начались смуты, предстоялъ или переводъ во внутреннія губерніи Россіи, или же совершенное увольненіе отъ службы. И вотъ Ляцкій явился къ борисовскому уѣздному военному начальнику, полковнику Домбровскому¹⁾, и просилъ оставить его на прежнемъ мѣстѣ и должности, заявивъ при этомъ, что принимаетъ православіе.

— Католицизмъ меня не поитъ и не кормитъ, г. полковникъ; а Богъ одинъ, какъ у насъ, католиковъ, такъ и у православныхъ. Я буду служить такъ же вѣрно и честно, какъ служилъ и до этого. Переводиться же внутрь Россіи я не желаю, потому что я не знакомъ ни съ русскимъ бытомъ, ни съ характеромъ тамошняго народа. А здѣсь я родился и служу, и здѣсь же позвольте мнѣ и продолжать служить.

И Ляцкій дѣйствительно принялъ православіе и былъ оставленъ на своемъ мѣстѣ попрежнему; а его слова, обращенныя къ полковнику Домбровскому, стали скоро извѣстны всему уѣзду и возбудили въ полякахъ глубокое негодованіе. Ненависть къ Ляцкому среди мѣстнаго католическаго населенія усилилась еще и потому, что онъ, подобно многимъ ренегатамъ, сталъ отличаться особенною суровостью къ полякамъ: не разъ дѣлалъ по собственной инициативѣ внезапные обыски на панскихъ фольваркахъ, при чемъ достаточно было иногда самомалѣйшаго повода, въ родѣ, напри- мѣръ, находенія старой сабли или никуда негоднаго пистолета²⁾, чтобы послѣдовалъ арестъ и отправленіе въ Борисовскій острогъ.

Здѣсь я сдѣлаю маленькій перерывъ въ своемъ разсказѣ, чтобы сообщить, что въ это тяжелое время случалось иногда, что паны от- правлялись въ тюрьму по поводу скорѣе комическому, чѣмъ серіоз-

¹⁾ О полковникѣ Р. Э. Домбровскомъ мнѣ довелось уже однажды говорить въ моихъ «Воспоминаніяхъ о службѣ въ Вѣлоруссіи» («Историческій Вѣстникъ» мартъ, 1884 года). И. З.

²⁾ Все оружіе въ краѣ было у католиковъ отобрано, и на право имѣть ружье нужны были особая благонадежность и особое разрѣшеніе губернатора. Благодаря этому распоряженію, особенно благоприятному для волковъ, эти звѣри такъ расплодился въ то время, что бѣгали совершенно открыто, среди бѣлаго дня, по лѣсамъ и полямъ, на виду у людей безъ всякой уже опаски. И. З.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

ному. Въ подтвержденіе моихъ словъ, я приведу здѣсь слѣдующій фактъ, происшедшій въ Могилевской губерніи. Крестьяне пана П-ка, съ которымъ они за что-то враждовали, донесли становому, что ихъ панъ печеть сухари для повстанцевъ. Становой съ своими сотскими налетѣлъ на фольварокъ ночью, перепугалъ семью П-ка, сдѣлалъ въ кладовыхъ, амбарахъ и въ домѣ самый тщательный обыскъ, и, найдя дѣйствительно ящикъ съ нѣсколькими фунтами пшеничныхъ, посыпанныхъ корицею сухарей, подаваемыхъ обыкновенно въ каждомъ небогатомъ польскомъ домѣ къ чаю, арестовалъ П-ка и въ ту же ночь, не давъ ему опомниться, отправилъ при бумагахъ въ Могилевъ, а тамъ упрятали его въ острогъ...

Полгода спустя, дошла наконецъ очередь и до пана П-ка. Слѣдственная военно судная комиссія вызвала къ допросу донесшихъ на него крестьянъ, поименованныхъ въ бумагахъ станового, и стала ихъ допрашивать.

— Пекъ и заготовлялъ вашъ панъ сухари?

— А якъ же? пекъ,— отвѣчали бѣлоруссы.

— Сухари эти были, конечно, изъ ржаной муки; такіе, какъ заготовляютъ для солдатъ?

— Бронь Боже! николи ѣтъ черныхъ сухарей ѣсть не станеть. Пекъ ихъ изъ бѣлой, пшеничной муки... Смачные сухари!

— Ну, и отправлялъ ихъ въ лѣсъ, въ банду, для повстанцевъ?— спрашиваетъ, подсказывая, военный слѣдователь.

— Эге! чи такій это панъ, кабъ далъ кому отвѣдать! Ни въ жизнь не дастъ!.. Ётъ дюже скупый панъ.

— Такъ для кого же онъ заготовлялъ эти сухари? — спросилъ наконецъ недоумѣвающій слѣдователь.

— Самъ ѣу (ѣлъ)!—отвѣтили крестьяне...

Эффектъ этого отвѣта былъ чрезвычайный: хохоталъ и слѣдователь, и предсѣдатель слѣдственной и военно судной комиссії, и мужички... Не смѣялся одинъ только злосчастный панъ П—къ, отсидѣвшій ни за что, ни про что, полгода въ острогѣ. Передъ нимъ, конечно, извинились и тотчасъ же освободили.

— *A la guerre, comme à la guerre*, — оправдывались потомъ чиновники. Случай этотъ могъ бы быть смѣшнымъ анекдотомъ, если бы не былъ фактомъ.

Теперь продолжаю прерванный рассказъ.

Злоба на Ляцкаго накоплялась все болѣе и болѣе, чему способствовала главнымъ образомъ масса совсѣмъ ненужныхъ жестокостей, обнаруженныхъ имъ относительно поляковъ. И наконецъ его убили...

Убитъ онъ былъ среди бѣла дня. Онъ выѣхалъ изъ мѣстечка Логойска въ м. Гайну, въ открытой нѣйтычанкѣ, на тройкѣ лошадей, съ колокольчикомъ, и отъѣхалъ отъ Логойска не болѣе двухъ—трехъ верстъ, какъ вдругъ въ лѣсу, изъ-за кустовъ, съ обѣихъ

сторонъ дороги грянули два выстрѣла, ранившіе одну изъ лошадей и самого Ляцкаго въ плечо и въ бокъ.

Онъ, раненый уже, громко крикнулъ кучеру: «пошелъ!»— а въ это время раздались еще два выстрѣла, и Ляцкій упалъ въ нѣитычанкѣ навзничъ, съ него свалилась фуражка, а кучерь ударилъ по лошадамъ и помчался... Было ясно, что стрѣляло двое, у которыхъ были двустволки въ рукахъ. Когда кучерь доскакалъ до ближайшей корчмы и остановился, то Ляцкій былъ уже мертвъ; въ него попало нѣсколько картечей, которыми были заряжены ружья убійцъ.

Началось, конечно, слѣдствіе, розыски... но виновные какъ въ воду канули. Власти, впрочемъ, подозрѣвали, кто стрѣлялъ: были сильныя улики противъ двухъ молодыхъ людей, родныхъ братьевъ жены Ляцкаго, которые не разъ высказывались въ польскомъ обществѣ въ томъ смыслѣ, что имъ де просто совѣстно за своего швабра за то, что онъ сталъ схизматикомъ, и за его поступки противъ поляковъ... Главнымъ же образомъ молодыхъ людей заподозрѣли потому, во-первыхъ, что ихъ видѣлъ пастухъ въ день убійства въ томъ самомъ лѣсу, хотя они и были безъ ружей; а, во-вторыхъ, они исчезли съ своего фольварка въ тотъ же день, неизвѣстно куда...

Подозрѣнія русскихъ властей оправдались очень скоро. Въ Игуменскомъ уѣздѣ была разбита значительная польская банда, находившаяся подъ начальствомъ бывшего нашего офицера генеральнаго штаба, поляка же (псевдонимъ Козель). Въ этой бандѣ въ числѣ смертельно раненыхъ былъ взятъ и одинъ изъ молодыхъ людей, подозрѣвавшихся въ убійствѣ Ляцкаго. Перевезенный въ уѣздную больницу, онъ передъ смертію признался въ этомъ убійствѣ—и ксендзу, напутствовавшему его, и больничному начальству, и убѣдительно просилъ передать его раскаяніе сестрѣ, вдовѣ Ляцкаго, и испросить ея прощеніе... Онъ оказался старшимъ братомъ, Младшаго же, бывшего, по показанію плѣнныхъ, въ той же бандѣ и заподозрѣннаго тоже въ убійствѣ Ляцкаго, не удалось захватить: онъ послѣ происшедшей стычки успѣлъ скрыться, и самые тщательные розыски не привели ни къ чему. Наконецъ, военныя и слѣдственныя власти прибѣгли къ крайней мѣрѣ, употреблявшейся въ подобныхъ случаяхъ: была объявлена награда въ 300 рублей тому, кто укажетъ мѣстонахожденіе скрывшагося преступника. Но и эта мѣра, въ теченіе болѣе восьми мѣсяцевъ, не привела ни къ чему.

Лѣтомъ 1864 года, когда военно судныя комиссіи, судившія по полевымъ военнымъ законамъ, были уже на половину закрыты, къ полковнику Домбровскому, въ городъ Борисовъ, явился пахторъ¹⁾

¹⁾ Пахторъ—это арендаторъ молочныхъ скоповъ въ имѣніи. Такими арендаторами, во всемъ Западномъ краѣ, состоятъ преимущественно евреи. И. З.

еврей, проживавшій на одномъ изъ мелкихъ фольварковъ, по соудству съ Логойскомъ, и объявилъ ему, съ глазу на глазъ, въ его кабинетъ, что ему, пахтору, извѣстно мѣстопребываніе второго убійцы становаго Ляцкаго, что онъ, повидимому, скрывается въ имѣніи графа Тышкевича, вблизи м. Логойска же, въ звѣринцѣ графа; что мѣстопребываніе преступника извѣстно лишь его родному дядѣ, смотрителю этого звѣринца, шляхтичу, приютившему бѣглеца втайнѣ отъ самого графа и безъ его вѣдома и согласія, а что онъ, доносчикъ, узналъ объ этомъ лишь потому, что смотритель—хорошій и давній его знакомый—попросилъ его достать для кого-то полный крестьянскій костюмъ, далъ ему деньги на эту покупку и пообѣщаль подарить еще 25 рублей, если онъ поможетъ какъ нибудь «нѣкому человеку» укрыться на одной изъ «берлинъ» (рѣзныя суда), отходящихъ изъ Борисова обратно—по Березинѣ, каналу, по Двинѣ—въ Ригу и за границу... По его, еврея, соображеніямъ, этотъ «человѣкъ» и есть не кто иной, какъ тотъ панычъ, котораго разыскивають по дѣлу убійства Ляцкаго.

Получивъ такое важное донесеніе, полковникъ Домбровскій, задержавъ еврея, послалъ тотчасъ же секретное предписаніе участковому военному начальнику, майору Свирскому, находившемуся въ томъ же Логойскѣ: ему приказывалось немедленно одѣшить солдатами звѣринецъ графа Тышкевича, произвести въ немъ тщательный обыскъ и арестовать одного важнаго политическаго преступника убійцу, тамъ скрывающагося (слѣдовали примѣты разыскиваемаго).

Майоръ Свирскій, тотчасъ же по полученіи такого экстреннаго и «совершенно секретнаго» приказа, потребовалъ людей изъ 2-ой роты Малоарославскаго пѣхотнаго полка, расположенной въ Логойскѣ, и окружилъ звѣринецъ графа Тышкевича со всѣхъ сторонъ... Бросились, конечно, прежде всего къ пустымъ клѣткамъ,—и въ одной изъ нихъ, въ ворохѣ соломы, нашли несчастнаго молодого человѣка, очень ослабѣвшаго, вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія движенія.

О поимкѣ преступника дано было знать въ Минскѣ, губернатору, генералъ-майору Шелгунову: тотъ снесся съ Вильной, гдѣ еще держался М. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи графъ), и молодого человѣка велѣно было судить по законамъ военнаго времени—въ виду серьезности его вины, а также потому, что весь тотъ край находился еще «на военномъ положеніи».

Недолго тянулся судъ,—и несчастный юноша (ему не было и 20-ти лѣтъ) былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, которое губернаторъ Шелгуновъ приказалъ привести въ исполненіе въ мѣстечкѣ Логойскѣ, то-есть тамъ, откуда въ двухъ верстахъ, въ лѣсу, было совершено и самое убійство Ляцкаго.

Изъ Борисовскаго тюремнаго замка преступникъ былъ отправленъ ночью, въ почтовой телѣжкѣ, окруженный конвоемъ казаковъ.

Къ разсвѣту этотъ печальный кортежъ прибылъ въ м. Логойскъ и остановился на заранѣе приготовленной квартирѣ. Въ тотъ же день прибылъ въ Логойскъ и уѣздный военный начальникъ, полковникъ Домбровский, пожелавшій исполнить приговоръ суда въ своемъ присутствіи. Весь этотъ день—наканунѣ казни—казаки, по распоряженію Домбровскаго, объѣзжали всѣ близъ лежащія «застѣнки», «околицы» (поселки) и хутора, приказывая, чтобы утромъ, къ семи часамъ, всѣ собирались въ Логойскъ, для присутствованія при исполненіи приговора суда надъ убійцею становаго Ляцкаго.

Преступникъ былъ помѣщенъ въ небольшомъ еврейскомъ домикѣ-особнякѣ, находящемся на краю мѣстечка. Всѣ обитатели дома были изъ него на это время удалены, а самый домъ охранялся густою цѣпью пѣшей стражи изъ солдатъ Малоярославскаго полка и донскими казаками. Власти, очевидно, боялись возможности нечаяннаго нападенія со стороны поляковъ, съ цѣлью отбить преступника, хотя въ это время—въ іюлѣ 1864 года—не существовало уже въ лѣсахъ ни одной банды.

Осужденный зналъ, конечно, и видѣлъ, что его ожидаетъ, такъ какъ смертный приговоръ былъ ему объявленъ еще въ Борисовѣ, въ засѣданіи суда, а равно и то, что приговоръ былъ подтвержденъ и утвержденъ, а его просьба о помилованіи отклонена.

Наканунѣ казни, вечеромъ, къ осужденному былъ допущенъ ксендзъ, который его и исповѣдывалъ... Затѣмъ къ нему вошелъ караульный офицеръ и спросилъ, не желаетъ ли онъ сдѣлать какихъ либо распоряженій и, вообще, не имѣетъ ли какой просьбы... Тогда юноша выразилъ, со слезами на глазахъ, единственное желаніе, чтобы его мать, проживавшая вблизи мѣстечка Гайны, не присутствовала завтра, при его казни, и чтобы ей, если можно, совсѣмъ не сообщали о его злой судьбѣ... Ему это было обѣщано,— и по мѣстечку бросились разузнавать, не пріѣхала ли эта несчастная?.. Дѣло было поздно вечеромъ, и не нашли удобнымъ беспокоить ложившихся уже спать жителей, а потому ограничились лишь одними заѣзжими домами и корчмами, гдѣ, къ счастью, матери осужденнаго не оказалось.

Двое часовыхъ съ ружьями были помѣщены на ночь, наканунѣ казни, въ одну комнату съ осужденнымъ, что его видимо стѣсняло, такъ что онъ долго не могъ уснуть и все ворочался на своей постели... Ночникъ слабо освѣщалъ эту комнату, гдѣ проводилъ свою послѣднюю ночь этотъ несчастный юноша, полный силъ, едва начавшій жизнь.

Онъ не дотронулся ни до вина, ни до вкусныхъ кушаній, которыя были ему, по разрѣшенію властей, доставлены. Онъ выкурилъ лишь, одну за другою, нѣсколько сигаръ и, замѣтивъ часовымъ,

что давно не курилъ, и что у него сильно, поэтому, закружилась голова, легъ въ постель. Лишь подъ утро онъ уснулъ мертвымъ, предсмертнымъ сномъ...

Въ семь часовъ утра, полковой аудиторъ, въ сопровожденіи распорядителей казни, вошелъ въ комнату осужденнаго и сталъ будить его... Юноша моментально вскочилъ на ноги и улыбнулся со сна, не сознавая, очевидно, окружающей его обстановки и наступившихъ минутъ... Но — это было одинъ моментъ, — и тотчасъ же его красивое, почти дѣтское, лицо покрылось смертельною блѣдностью...

— Уже?!..— могъ только проговорить несчастный.. и сталъ торопливо одѣваться.

— А мама?..—вдругъ спросилъ онъ:—ея нѣтъ въ Логойскѣ?..

Ему сказали, что матери нѣтъ. Онъ, видимо, успокоился, и блѣдность стала исчезать съ его лица... Онъ попросилъ воды умыться и причесалъ себѣ голову. Потомъ прошепталъ молитву, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ...

Минуть черезъ двадцать, онъ вышелъ уже на улицу, гдѣ стояло военное и гражданское начальство, войска, казаки и нѣсколько тысячъ народу... Онъ, видимо, былъ подавленъ и утраченъ этимъ ужаснымъ вниманіемъ многихъ тысячъ людей, ожидавшихъ его смерти, и съ радостью остановилъ свой испуганный взоръ на знакомомъ ксендзѣ, который уже стоялъ съ крестомъ въ рукахъ, поджидая его... Онъ перекрестился и приложился ко кресту... Ксендзъ пошелъ впереди его, и шествіе началось...

Было прекрасное лѣтнее утро—съ яркимъ солнцемъ, съ благоуханіемъ сосѣднихъ смоляныхъ и листовныхъ лѣсовъ, окружающихъ Логойскъ... Съ одной стороны мѣстечка, на холмахъ, расположилось въ ожиданіи еще нѣсколько тысячъ народа, и стало ясно, что шествіе направится именно туда, къ этимъ холмамъ, гдѣ ждутъ эти тысячи любопытныхъ, и гдѣ, слѣдовательно, наступитъ для этого тщедушнаго, юнаго существа смерть...

Шествіе продолжалось минутъ 20—25... Подошли къ холмамъ, и вдругъ всѣ, какъ бы невольно, взглянули впередъ и явственно увидѣли у подножія одного изъ холмовъ невысокій, свѣже-оструганный, бѣлый столбъ, врытый въ землю...

И онъ взглянулъ тоже, и вдругъ его шагъ замедлился: онъ сталъ какъ будто спотыкаться... Но это продолжалось лишь нѣсколько секундъ, и я замѣтилъ, что онъ вновь пошелъ тѣми же обыкновенными—ровными, неширокими—своими шагами.

Но вотъ подошли и къ бѣлому столбу, позади котораго была вырыта свѣжая могила; выкопанная изъ ямы земля, пополамъ съ желтой и сѣровой глиной, выглядывала замѣтнымъ бугромъ изъ-за этого столба...

По командѣ «стой!» все вдругъ остановилось и замерло. По-

слышалась ещё команда: «На пле-чо!».. «Слушай: на кра-уль!».. Обнажились головы, и аудиторъ сталъ читать приговоръ. Голосъ его негромкій, дрожить... Кончилъ... Опять командныя слова,—и солдаты берутъ ружья «къ ногѣ».

Полковой адъютантъ сдѣлалъ знакъ ксендзу, и тотъ, съ крестомъ въ рукахъ, подошелъ къ осужденному, стоявшему все время у столба, и что-то тихо сталъ говорить ему... Боже! какъ ужасно тянулись минуты! И какая была могильная, страшная тишина вокругъ: все какъ будто замерло и затаило дыханіе...

Вотъ осужденный поцѣловалъ крестъ и быстро опустился на колѣни; тогда ксендзъ перекрестилъ его наклоненную голову широкимъ большимъ крестомъ, затѣмъ нагнулся, взявъ въ руку горсть земли, свѣжіе комья которой лежали повсюду вокругъ столба, посыпалъ ею голову несчастнаго юноши и быстро отошелъ отъ него въ сторону и ушелъ въ толпу. Слезы совсѣмъ душили его, и онъ силлся только ихъ скрыть...

Осужденный тотчасъ же приподнялся съ колѣнъ, а въ это же время къ нему живо подошли два солдатика; одинъ изъ нихъ накинулъ на него саванъ—длинную бѣлую рубаху съ холщевымъ же башлыкомъ и съ длинными, аршина по три, рукавами... На одно мгновеніе мелькнуло изъ-подъ холста это почти дѣтское, испуганное лицо, съ прекрасными голубыми глазами и съ свѣтлорусыми кудрями на головѣ и исчезло подъ накинутымъ на голову башлыкомъ... Барабаны забили учащенную дробь...

Какъ только холщевый мѣшокъ накрылъ лицо осужденнаго, солдатики живо взяли его подъ руки, прислонили къ столбу спиною и, затѣмъ, взявъ длинные рукава съ продѣтыми въ нихъ руками, обернули ихъ нѣсколько разъ вокругъ столба, крѣпко завязали и отошли прочь.

А въ то время, когда несчастнаго привязывали къ столбу, изъ рядовъ войска вышли впередъ 12-ть человекъ стрѣлковъ съ заряженными ружьями и выстроились на разстояніи 12-ти шаговъ отъ столба. При нихъ былъ унтеръ-офицеръ.

Всѣ эти стрѣлки подняли разомъ свои ружья и навели ихъ на бѣлый столбъ и на того, кто былъ привязанъ къ этому столбу...

Вдругъ, среди глухой барабанной дроби, раздался оттуда, изъ холщеваго савана, громкій и ясный вскрикъ и послышались отчетливыя слова:

— Не жалѣйте меня, братцы!..

Вслѣдъ затѣмъ послышалось еще какое-то не то слово, не то вскрикъ, но этотъ звукъ изъ груди осужденнаго еще не успѣлъ вылетѣть и окончиться, какъ унтеръ-офицеръ махнулъ платкомъ, и раздался залпъ 12-ти ружей...

Голова осужденнаго, послѣ залпа, моментально откинулась взадъ, ударила въ затылокъ о столбъ, такъ же быстро опустилась на грудь

и безжизненно повисла... Въ то же время тѣло несчастнаго заколотилось и забилося... Еще двѣ-три секунды, и его ноги ослабли, подогнулись, и весь корпусъ держался лишь на рукахъ холста, на которомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ особенности на груди, алѣли свѣжія пятна крови...

Быстро приблизился военный медикъ, послушалъ у сердца покойнаго, дощупался до кисти руки и пульса и что-то сказалъ стоявшимъ вблизи офицерамъ. Тѣ отдали какое-то приказаніе, и къ казненному живо подошли тѣ же два солдатика, ловко и скоро разрѣзали холстъ рукавовъ, и онъ грузно кувыркнулся въ открытую яму—могилу... Тогчасъ же замелькали въ воздухъ желѣзныя лопаты солдатъ, и, спустя нѣсколько минутъ, яма была засыпана, утоптана и уровнена...

А къ столбу, тихо рыдая, подошло нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ въ глубокомъ траурѣ (жалобѣ), достали изъ кармановъ бѣлые платки и тщательно вытерли ими оставшуюся на столбѣ кровь растрѣяннаго на память о немъ.

Спустя нѣсколько дней, въ Борисовѣ стало извѣстно, что мать несчастнаго, которая, конечно, узнала-таки о смерти сына, потеряла разсудокъ.

IV.

Безцѣльное убійство.

Въ августѣ 1864 года, я сидѣлъ въ «заѣздномъ домѣ» города Борисова, содержимомъ паномъ Юзефомъ, въ небольшомъ и довольно грязномъ номерѣ, и толковалъ съ посѣтившими меня гостями—докторомъ Безобразовымъ, землемѣромъ Рахманинымъ и поручикомъ Марковымъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ, и мы наливали каждый для себя и пили чай.

Вдругъ тихо скрипнула дверь номера, и въ полуоткрытую щель показалась голова моего челоуѣка Савелія: онъ дѣлалъ мнѣ какіе-то таинственные знаки, желая, очевидно, вызвать меня отъ гостей.

— Въ чемъ дѣло? входи сюда!—крикнулъ я ему.

Онъ вошелъ какъ-то нерѣшительно, и я замѣтилъ въ его рукахъ теплое пальто изъ сѣраго офицерскаго сукна, съ бѣлыми, посеребряными пуговицами.

— Что это за пальто, и зачѣмъ ты принесъ мнѣ его?—спросилъ я.

— А вотъ... вотъ, посмотрите-ка... — отвѣчалъ Савелій дрожащимъ отъ волненія голосомъ и сталъ разворачивать пальто.

Мои гости встали отъ чайнаго стола и тоже подошли къ намъ, вглядываясь въ принесенное пальто и не понимая, въ чемъ дѣло.

Но вотъ пальто было развернуто, и мы всѣ въ ужасѣ отступили прочь... Это было болѣе чѣмъ ужасное зрѣлище!..

Вся спина пальто была изрублена топорами и еще какими-то желѣзными орудіями, отъ которыхъ остались меньшія дыры (оказалось—косами). Кое-гдѣ изъ дыръ торчала вата съ запекшеюся на ней кровью... Та же кровь, вся уже почернѣвшая отъ времени и ссохшаяся, была видна и на сѣромъ сукнѣ пальто, вокругъ сдѣланныхъ топорами дыръ. Воротникъ былъ въ одномъ мѣстѣ съ круглою дырою отъ косы, плечо пальто имѣло продолговатую большую дыру отъ топора же, такъ что докторскій, оберъ-офицерскій, погонь былъ разрубленъ пополамъ...

Савелій объяснилъ намъ слѣдующее. Внизу, въ общей столовой гостиницы, сидѣла и ждала владѣлица этого пальто, несчастная и очень бѣдная старушка, полька И—ичъ, мать баталіоннаго врача И—ича, совсѣмъ еще молодого человѣка, два года назадъ окончившаго курсъ въ медико-хирургической академіи, поступившаго въ полкъ и годъ назадъ убитаго повстанцами. Бѣдная старуха, истратившая на воспитаніе и обученіе сына всѣ свои скудныя средства, получила по его смерти единовременное пособіе и оставшуюся незначительную движимость, среди которой пальто медика было самою цѣнною вещью. Въ постоянной пенсіи старушкѣ отказали, въ виду очень короткой службы ея сына. И вотъ теперь годъ спустя, когда это пособіе было прожито, старушка рѣшалась иногда, чтобы не умереть съ голода, обращаться къ пріѣзжимъ лицамъ, останавливавшимся въ гостиницѣ. Она была, какъ оказалось, еще и не одна: съ нею жила ея дочь, дѣвушка лѣтъ тридцати, бывшая швеею, скудный заработокъ которой тоже оборвался—вслѣдствіе смерти же брата: когда она съ матерью явилась, по вызову въ Борисовское полицейское управленіе, еще не зная собственно, зачѣмъ ихъ вызываютъ, и секретарь, объявивъ имъ о смерти медика, предложилъ принять оставшіяся послѣ него вещи и расписаться въ ихъ полученіи, то старуха, взглянувъ на пальто, упала тутъ же безъ чувствъ, а дѣвушка, нѣжно любившая своего единственнаго брата, такъ испугалась, что съ нею приключилась навсегда болѣзнь, называемая пляскою св. Витта, и она вслѣдствіе сильнаго трясенія рукъ не могла уже потомъ брать шитье; машины же швейныя были въ тѣ времена большою рѣдкостью.

Мы позвали несчастную старушку къ себѣ въ номеръ, предложили ей чая и затѣмъ помогли, насколько были въ силахъ. Бѣдная женщина была очень словоохотлива, и хотя часто прерывала свой рассказъ горькими слезами, тѣмъ не менѣе мы узнали отъ нея нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшія это безцѣльное и безжалостное убійство ея сына.

Это произошло въ той же Минской губерніи, въ сосѣднемъ Игуменскомъ уѣздѣ, въ іюлѣ 1863 года.

Небольшой русскій отрядъ посланъ былъ на розыски извѣстной банды Козла, скрывавшейся въ вѣковыхъ, старинныхъ лѣсахъ, су-

ществовавшихъ еще въ тѣ времена въ Минской губерніи. Идя сплошными лѣсами и застигнутый ночью, отрядъ расположился вокругъ еврейской корчмы, одиноко стоявшей тутъ же въ лѣсу. Солдатики и казаки расположились бивуаками, а офицеры—въ самой корчмѣ. При этомъ отрядъ слѣдовалъ и молодой медикъ И—ичъ, въ соупствіи фельдшера и летучей аптечки.

Переночевавъ, отрядъ рано на зорькѣ выступилъ въ дальнѣйшій походъ. И—ичъ спалъ въ это время крѣпкимъ и беззаботнымъ сномъ молодости... Фельдшеръ попробовалъ было будить его, но неудачно: молодой человѣкъ проснулся лишь на нѣсколько секундъ и приказалъ ему отправляться съ отрядомъ:

— А я вотъ немножко еще посплю, напьюсь чайку и догоню отрядъ,—сказалъ онъ.

Фельдшеръ такъ и сдѣлалъ: ушелъ вмѣстѣ съ отрядомъ, а пара обывательскихъ лошадей въ крестьянской телѣгѣ осталась вмѣстѣ съ подводчикомъ дожидаться пробужденія И—ича. Начальникъ отряда или не замѣтилъ, можетъ быть, отсутствія молодого врача, или подумалъ то же, что и докторъ: на парѣ лошадей, дескать, легко нагнать пѣшія отрядъ...

Молодой врачъ проснулся, напился не торопясь чайку и затѣмъ усѣлся въ неуклюжую бѣлорусскую телѣгу и поѣхалъ нагонять отрядъ. Но едва только онъ отъѣхалъ отъ корчмы съ версту, какъ изъ лѣсу выскочило нѣсколько человѣкъ «косиньеровъ» (то-есть повстанцевъ изъ бѣдной польской шляхты, вооруженной косами и топорами), остановили лошадей и, принявъ доктора за москаля-офицера, накинулись на него и въ нѣсколько секундъ изрубилы топорами и искололи косами, нанеся болѣе сорока ранъ... Подводчикъ, закричавшій было «ратуйте!»—получилъ ударъ обухомъ по головѣ и свалился подъ лошадей. Изъ докторскихъ вещей повстанцы не тронули ничего: они взяли только его полувоенную, форменную шапку, лежавшую сбоку телѣги, завернутую въ замшевый чахолъ.

Между тѣмъ въ отрядѣ, видя, что медика нѣтъ-какъ нѣтъ, стали уже беспокоиться о его судьбѣ, и начальникъ послалъ въ корчму двухъ казаковъ узнать, что его задержало... Казаки наткнулись, конечно, на телѣгу, въ которой лежалъ безжизненный и уже остывшій трупъ несчастнаго, а подъ телѣгою нашли обезпамятѣвшаго отъ страха и полученнаго по головѣ удара подводчика—бѣлорусса-крестьянина.

Казаки помчались обратно къ отряду, который тотчасъ же былъ остановленъ и возвращенъ обратно къ мѣсту катастрофы, раздѣленъ на части и посланъ по лѣсу разыскивать убійцъ. Тутъ же убитаго врача перевезли въ корчму, обмыли, одѣли въ чистое бѣлье и мундиръ и отправили подъ охраною особаго конвоя въ уѣздный городъ для погребенія.

V.

«Глухая пани».

Прошло со времени мятежа много лѣтъ, стихли страсти, угасла взаимная вражда и ненависть. Истинные, главные виновники всего этого возстанія остались въ тѣни и внѣ отвѣта. Лишь главнѣйшаго изъ нихъ — императора французовъ, постигъ справедливый гнѣвъ Небезиды: остатокъ дней своихъ онъ прожилъ въ изгнаніи, многими забытый и всѣми презираемый.

И въ Россіи царствовалъ уже другой государь, «не помнящій стараго», благодушный и тишайшій царь-миротворецъ Александръ III. Всѣ виновники и преступники возстанія 1863 года были прощены и помилованы. Край жилъ иною уже жизнію—мирнаго процвѣтанія и благоденствія.

Лѣтомъ 1885 года, я жилъ и служилъ въ Ковно, управляя мѣстнымъ отдѣленіемъ крестьянскаго поземельнаго банка. Въ августѣ, въ отдѣленіе поступила «сдѣлка» изъ N—скаго уѣзда: нѣсколько старообрядцевъ, числившихся государственными крестьянами и проживавшихъ въ какой-то околицѣ сосѣдняго уѣзда, составивъ изъ себя небольшое «товарищество», приторговали у одного изъ некрупныхъ землевладѣльцевъ три уволоки земли (около 600 десятинъ), внесли ему задатокъ и просили «сѣхъ на мѣсто — осмотрѣть ихъ по купку». Я взялъ у нихъ маршрутъ поѣздки и общался въ скорости быть.

Недѣли двѣ спустя, я добрался по желѣзнымъ дорогамъ до той станціи, откуда предстояло ѣхать на лошадахъ, нанялъ ямщика и отправился розыскивать покупателей и приторгованную ими землю. Ѣхать надо было верстъ 30. Кругомъ была жмудь, и крестьяне очень мало понимали порусски; однако, при помощи польскаго языка, мнѣ кое-какъ удалось попасть по разнымъ проселкамъ и лѣснымъ дорогамъ на тѣ «уволоки», которые покупались. На приторгованной землѣ мужики устроили уже нѣсколько землянокъ, въ которыхъ пока и пріютились, рассчитывая современнымъ, когда земля будетъ за ними закрѣплена, устроить избы.

Окончивъ осмотръ земли и сильно измучившись отъ продолжительной и плохой дороги, отъ ходьбы и голода, я узналъ, однако, что будущіе кліенты никакого гостепрѣимства оказать мнѣ не могутъ: у нихъ не оказалось ничего—ни молока, ни яицъ, ни даже самовара... Они, какъ объяснили, перебрались сюда лишь на время, для уборки покосовъ и для озимаго посѣва ржи, ѣздить за провизіей каждую субботу «къ себѣ въ околицу» и по понедѣльникамъ возвращаются обратно. Черствый хлѣбъ, квасъ, плохія селедки и картошка—вотъ все, что у нихъ было.

Положеніе мое являлось неприятнымъ еще потому, что я рассчитывалъ къ ночи вернуться на желѣзнодорожный вокзалъ, никакъ не предвидя той отвратительной дороги, по которой пришлось ѣхать, а между тѣмъ наступалъ уже вечеръ, и надо было подумать и о ночлегѣ. Я сталъ спрашивать, далеко ли до ближайшаго волостнаго правленія,—оказалось, что оно въ 12-ти верстахъ, и дорогу до него мой возница совсѣмъ не знаетъ.

— Нѣтъ ли поблизости какойнибудь околицы или фольварка?—спросилъ я.

Оказалось, что околица есть и не далеко; но жмудяки—народъ угрюмый, злой и негостепріимный: ни за что не пустятъ къ себѣ; фольварокъ же находился всего въ двухъ верстахъ, и съ его владѣльцами старообрядцы-покупщики были уже хорошо знакомы. Они стали уговаривать меня ѣхать, именно, на этотъ фольварокъ, такъ какъ владѣльца его рассчитываетъ тоже продать часть своей земли крестьянамъ, при помощи же банка, и просила своихъ будущихъ сосѣдей дать ей знать, когда я приѣду.

— Да кто тамъ живетъ-то?—подлюбопытствовалъ я.

— Глухая пани съ дочкой,—былъ отвѣтъ.

— А мужчинъ въ домѣ развѣ нѣтъ?

— Есть: ейный свекоръ, старый уже панъ; но только фольварокъ принадлежитъ ей, глухой пани. А у нея тоже торгуютъ часть земли жмудяки, сосѣди, и тоже чрезъ вашу банку.

Я рѣшилъ ѣхать къ «глухой пани», и минутъ черезъ двадцать, по отвратительной лѣсной дорогѣ, мы добрались до фольварка. Я послалъ сказать, кто я такой, и просилъ позволенія заѣхать. Спустя нѣсколько минутъ, вышелъ изъ дому и подошелъ къ моей почтовой телѣжкѣ очень почтенный, старый панъ и попросилъ меня «до поклою».

Я вошелъ въ домъ и изъ передней прошелъ въ гостиную... Ко мнѣ навстрѣчу вышла совершенно сѣдая дама; она держала въ зубахъ какой-то, никогда невиданный мною ранѣе, аппаратъ, состоящій изъ тонкой и довольно большой — въ столовое блюдо средней величины — доски, на которой видѣлись небольшія дырочки... Я сталъ ей представляться... Она быстро вынула изо рта этотъ аппаратъ (называвшійся, кажется, микрофономъ), сказала свою фамилію и попросила меня говорить какъ можно громче...

Въ это время въ комнату вошла молодая дѣвушка, очень похожая на старую даму, оказавшаяся ея дочерью:

— Мама почти ничего не слышитъ, — предупредила она меня:— говорите громче.

Мы усѣлись у стола. Подали чай. Явился старый панъ, и мы стали говорить о дѣлахъ: я рассказывалъ имъ о порядкѣ, принятомъ при продажѣ земли съ содѣйствіемъ крестьянскаго банка, а они расхваливали продаваемую ими землю... Такъ прошло съ часъ, и

я, зная, что лошади мои уже отдохнули, пожелать откланяться. Но польское гостеприимство не дозволяло моимъ любезнымъ хозяевамъ отпустить меня голоднаго, да еще чуть не ночью, и свекоръ хозяйки—онъ же и управляющій имѣніемъ—пригласилъ меня отужинать и переночевать. Я охотно согласился, приказалъ ямщику отпрячь и выкормить нанятыхъ мною лошадей, и мы вновь сидѣли въ уютной гостиной и вели бесѣду: хозяйева говорили попольски, я отвѣчалъ имъ порусски, и мы отлично понимали другъ друга... Между прочимъ, я спросилъ стараго пана, давно ли приключилась болѣзнь хозяйки дома, ея глухота.

Въ отвѣтъ мнѣ пришлось услышать тяжелую трагическую исторію, изъ эпохи все того же рокового 1863 года, рассказанную мнѣ самою пани.

..... «Мнѣ было всего 19 лѣтъ, — начала свой рассказъ глухая пани,—когда я вышла за своего мужа. Это было осенью 1863 года. Мы съ мужемъ знали другъ друга съ дѣтства, и онъ былъ старше меня лишь на три года. Имѣніе его отца находилось отъ этого, вотъ, фольварка, принадлежавшаго моей матери, вдовѣ, всего въ 4-хъ верстахъ. Моя мать была подругою, по виленскому пансіону, съ его матерью, и видѣлись онѣ почти каждый день. Отецъ его—вотъ этотъ мой свекоръ—былъ занятъ хозяйствомъ и, кстати, присматривалъ и за нашимъ маіонткомъ. Такъ шло время моего дѣтства и отрочества. Мы—я и мой будущій мужъ—были единственными дѣтьми у своихъ родителей, и наши матери втайнѣ желали, чтобы мы полюбили другъ друга... Но желать это—было лишнее, такъ какъ между нами и безъ того уже установились нѣжныя, добрыя чувства. Приѣзжая домой на каникулы, Стась—такъ звали моего мужа—былъ со мною неразлученъ. Онъ былъ въ Варшавскомъ университетѣ, медикомъ, и мы ждали лишь окончанія имъ курса, чтобы объявить о нашей любви родителямъ. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что родители и сами все видѣли и знали, и только радовались нашему сближенію.

«Въ 1861 и 1862 годахъ начались въ польскомъ обществѣ Варшавы броженія, а затѣмъ стало наступать и «замѣшанье», постепенно проникая и къ намъ, на Жмудь и въ Литву, и далѣе—въ Бѣлоруссію, Подолію и Волинь... По фольваркамъ стали разѣзжать особые сборщики и требовать деньги на предстоящую «войну» («на офіру»), записывать и вербовать молодежь для будущихъ отрядовъ... Стасю оставался до окончанія курса съ небольшимъ годъ—онъ былъ уже на четвертомъ курсѣ,—какъ вдругъ ему дали въ Варшавѣ сюда, на Жмудь, какое-то порученіе, и онъ, весною 1862 года, бросилъ университетъ и приѣхалъ къ отцу... Родители его были сильно огорчены и всячески уговаривали его отказаться отъ даннаго ему ржондомъ порученія, ѣхать обратно въ Варшаву и поступить опять въ университетъ. Но Стась объявилъ, что не

рѣшится на эту «подлость», какъ выражался онъ, что, наконецъ, его, какъ не исполнившаго распоряженіе ржонда, немедленно убьютъ, какъ измѣнника...

«Тогда его родители обратились ко мнѣ... Но чтò могла сдѣлать я, 19-тилѣтняя дѣвочка, въ такомъ дѣлѣ, котораго я вдобавокъ совсѣмъ не понимала?!.. Когда я стала просить Стася ѣхать въ Варшаву и поступить опять въ университетъ, то онъ только пожалъ плечами, поцѣловалъ мою руку и спросилъ:

— «Значить, ты хочешь, чтобы я сталъ негодяемъ?.. Или я тебѣ такъ уже прогивенъ, что ты хочешь какъ можно скорѣе сбуть меня съ своихъ глазъ?..»

«Въ отвѣтъ я залилась слезами, бросилась ему на шею и долго и крѣпко цѣловала его...

«Я, конечно, сообщила его родителямъ и мамѣ о неуспѣшности возложеннаго на меня порученія... Тогда они рѣшились на послѣднее, самое вѣрное, по ихъ мнѣнію, средство, чтобъ вырвать его изъ рукъ ржонда и отвлечь отъ революціонной пропаганды среди жмудяковъ, за которую онъ уже принялся: рѣшили женить его какъ можно скорѣе, разчитывая, что тогда, ради любви ко мнѣ, онъ пожалѣетъ губить себя.

«Лѣтомъ того же 1862 года насъ обвинчали, и я была безконечно счастлива и благодарила Бога за это ниспосланное мнѣ счастье. Рѣшено было, чтобы мы жили въ домѣ моихъ родителей—вотъ, въ этомъ самомъ домѣ, и всѣ замѣтили, что Стась какъ будто и въ самомъ дѣлѣ забылъ про свой ржондъ: мы часто ѣздили къ его и моимъ родственникамъ въ Вильно, танцовали, веселились, принимали гостей и пр. Но это продолжалось недолго: черезъ два—три мѣсяца онъ вновь отдался тому «порученію», которое варшавскій революціонный комитетъ возложилъ на его юную, несчастную голову: онъ часто, запершись вотъ въ этомъ кабинетѣ (она показала рукою на маленькую комнату съ письменнымъ столомъ, примыкавшую къ гостиной), раскладывалъ какіе-то планы и бумаги, доставалъ чистые листы съ изображеніемъ на нихъ, въ видѣ виньетки, топора и кинжала, и писалъ на этихъ листахъ различныя распоряженія. Иногда, поздними вечерами, а то и по ночамъ, къ намъ на фольварокъ являлись неизвѣстныя, очень подозрительныя личности, съ мрачными и несимпатичными физиономіями, запирались съ мужемъ въ этомъ же кабинетѣ и долго о чемъ-то совѣщались, разговаривая шепотомъ, едва слышнымъ для нихъ самихъ... Я въ это время крѣпко уже спала въ нашей спальнѣ и часто даже не слышала, когда возвращался мой молодой мужъ.

«Наконецъ, въ началѣ 1863 года, Стась началъ какъ-то таинственно исчезать изъ фольварка—иногда, случалось, на нѣсколько дней. Его не удерживало при мнѣ даже и то, что я вскорѣ ожидала быть матерью... Наконецъ, наступило и самое страшное: мы узнали,

что вокругъ насъ, въ лѣсахъ, формируются отряды польскихъ повстанцевъ... Тайственные ночныя посѣщенія стали все чаще и чаще... И вотъ, однажды, ночью, когда я крѣпко и сладко спала, мужъ разбудилъ меня. Я взглянула на него и обмерла отъ страха: онъ былъ одѣтъ подорожному и вооруженъ: съ боку висѣла сабля, на поясѣ былъ револьверъ и канжаль. Онъ крѣпко обнялъ меня, долго цѣловалъ, просилъ успокоиться и, наконецъ, обнявъ въ послѣдній разъ, сказалъ:

— «Прощай! Я иду туда, куда призываетъ меня мой долгъ и честь и любовь къ ойчизнѣ... Богъ дастъ, скоро увидимся. Черезъ старика Шмуля я буду писать тебѣ... (Шмуль — это былъ очень добрый и честный старый еврей, арендаторъ нашей корчмы).

«Онъ еще разъ поцѣловалъ меня и быстро вышелъ изъ спальни. Я была неутѣшна: встала съ постели, плакала, молилась, отворяла окно, выходящее въ садъ, и громко звала мужа по имени, умоляя вернуться ко мнѣ и предполагая, что онъ меня слышитъ... Наконецъ, пошла я на половину мамы и разбудила ее. Но чтò могла сдѣлать она?!.. Мы обѣ лишь проплакали до утра... А затѣмъ велѣли заложить экипажъ и поѣхали къ его родителямъ; тѣ были поражены, какъ громомъ.

-- «Все пропало!... — говорилъ съ слезами на глазахъ его отецъ—вотъ тотъ самый старый панъ, который встрѣчалъ васъ:— и самъ онъ пропалъ, и мы пропали!!..

«Напрасно моя матушка дѣлала ему знаки, показывая на меня, чтобы онъ не выражалъ при мнѣ такое горькое отчаянiе за участь моего мужа, и я тутъ, вдругъ, поняла опасность, догадалась, что Стась можетъ «пропастъ», погибнуть... Я разрыдалась, со мной сдѣлался обморокъ, и я только на другой день могла возвратиться къ себѣ домой.

«Такъ прошло двѣ недѣли. За это время, вѣрный и преданный намъ старикъ Шмуль принесъ мнѣ три коротенькiя записки отъ мужа: въ нихъ говорилось, что онъ живъ, здоровъ, любитъ меня попрежнему и ежеминутно вспоминаетъ обо мнѣ... Отвѣта онъ не требовалъ; да и Шмуль, кажется, не былъ уполномоченъ принимать отъ меня отвѣты: онъ далъ мнѣ однажды это понять, когда я хотѣла было написать Стасю нѣсколько строкъ:

— «Зачѣмъ пани будетъ беспокоиться писать?!.. сказалъ онъ:— я все передамъ словами... Скажу, что видѣлъ пани, что пани бърво жалѣе и плаче, и все другое... А зачѣмъ писать?! еще—ховай Боже!—меня злапакуютъ и найдутъ той листъ!... Я и съ письмами пана страху набираюсь немало...

«Вскорѣ я узнала, что Стась находится въ отрядѣ не въ качествѣ простаго повстанца, а довудцей—начальникомъ. А его отецъ, какъ узналъ объ этомъ, то испугался еще болѣе, и все твердилъ одно:

— «Теперь мы ужъ совсѣмъ пропали! всѣ пропали!...

«Затѣмъ, старикъ Казимиръ, давній нашъ слуга, бывшій крѣпостной моего отца, служившій у насъ на фольваркѣ ночнымъ сторожемъ, передалъ мамѣ по секрету, что гминный войтъ обѣщалъ ему десять рублей, если онъ дастъ знать въ гмину (волость), когда молодой панъ, т.-е. мой мужъ, пріѣдетъ ночью на фольварокъ. Днемъ уже, какъ это всѣ понимали, Стась не могъ явиться.

«Наступило, наконецъ, для меня время сдѣлаться матерью... Когда я почувствовала первыя боли и еще не укладывалась въ постель, у меня явилась мысль, что я непремѣнно умру... Меня охватило безумное желаніе увидѣть моего дорогого мужа, хотя на одну минуту, хотя на нѣсколько секундъ!... Въ это самое время я услышала въ передней голосъ Шмуля: онъ спрашивалъ о моемъ здоровьи... Я позвала его къ себѣ, схватила изъ его рукъ записку Стася—это была послѣдняя его записка ко мнѣ!—и только успѣла проговорить:

— «Дай знать мужу, что я мучусь... Пусть пріѣдетъ. Я навѣрно умру... Ради Бога, добрый Шмуль! прошу тебя...

«Но въ это время вошла мама, взяла меня за руку, увела въ спальню и уложила въ постель. Спустя нѣсколько часовъ, у меня родилась дочка, которую вы видѣли. Ее назвали въ честь мужа—Стасей же.

«Ночь прошла благополучно, и мысль о смерти стала покидать меня. Но желаніе увидѣть отца моей дочери, показать ему ее, обнять его оставалось у меня прежнее, безумное... Я то-и-дѣло спрашивала маму и свою свекровь, находившуюся тоже при мнѣ: можетъ ли пріѣхать Стась?... скоро ли пріѣдетъ Стась? — на что всякій разъ его мать отвѣчала:

— «Ты совсѣмъ не понимаешь того, чего хочешь! Стась можетъ совсѣмъ пропасть, если рѣшится пріѣхать сюда: хлѣпы (крестьяне) могутъ дать знать становому, и его схватятъ...

— «Да вѣдь онъ долженъ возвратиться когданибудь къ намъ?—допрашивала я: — неужели же онъ все въ лѣсу будетъ жить?...

«На это мнѣ отвѣчали и успокаивали меня, что современемъ, можетъ быть, ему и возможно будетъ вернуться, если, напримѣръ, вмѣшаются въ повстанье другія державы, или же если Ковенская губернія отойдетъ къ Пруссіи; но что теперь — бронь Боже, если Стась пріѣдетъ!... Его уже ищутъ...

«Такъ прошелъ весь день, и наступила вторая ночь. У меня явилось молоко, и я покормила грудью въ первый разъ свою дорогую цурку... Едва только мама взяла ее изъ моихъ рукъ, какъ въ передней, за стѣной моей спальни, послышался тихій шумъ и шепотъ... Я громко вскрикнула отъ радости, такъ какъ тотчасъ же почувствовала, что это пріѣхалъ Стась...

«Онъ осторожно вошелъ въ спальню, крѣпко-крѣпко поцѣловалъ

и меня, и обѣ мои руки, взглянулъ на дочку и осторожно ее поцѣловаль... Въ это время, я увидѣла, глаза его были полны слезъ, хотя онъ всячески удерживался и не хотѣлъ показать этого... Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ, что Шмуль еще минувшею ночью далъ ему знать о моей болѣзни, и что онъ хотѣлъ было тотчасъ же легѣть ко мнѣ, но что наступившій разсвѣтъ помѣшалъ этому; что онъ весь день съ утра мучился ожиданіемъ, и, какъ только смерклось, сѣлъ на коня и поскакалъ ко мнѣ...

«Мы стали тихо бесѣдовать... Его мама находилась тутъ же; она часто подходила къ нему, брала его голову обѣими руками, долго и пристально вглядывалась въ его лицо и затѣмъ, крѣпко поцѣловавъ, отходила прочь... Потомъ хлопотала съ чаемъ и закусками: ей казалось, что онъ голоденъ... Какъ только чай и ужинъ были окончены (онъ кушалъ въ моей же спальнѣ, не желая отлучаться отъ меня ни на минуту), моя мама потребовала, чтобы мнѣ дали покой, и чтобы Стась тоже шелъ уснуть въ свой кабинетъ.

— «Нѣтъ, мама, мнѣ некогда спать, — отвѣчалъ онъ: — я вотъ прощаюсь съ нею (т. е. со мною), посижу немножко съ вами, да и поѣду, пока не разсвѣло.

«И онъ сталъ прощаться со мною...

— «Если мнѣ доведется эмигрировать за границу, — шепталъ онъ мнѣ: — я тебя тотчасъ же извѣщу, и ты тогда пріѣзжай ко мнѣ, съ нашей маленькой Стаськой...

«Онъ уже собирался уходить изъ спальни, какъ вдругъ въ передней послышались спѣшныя и громкія шаги, и къ намъ въ комнату вбѣжалъ, блѣдный какъ полотно, старый Шмуль и, обращаясь къ мужу, проговорилъ, задыхаясь отъ волненія:

— «Утекайте, пане! моска́ли!...

— «Гдѣ? гдѣ?!—стали спрашивать его.

— «Ужъ близко!... Хлопы видѣли, какъ проѣхалъ панъ, и дали знать въ гмину...

«Я лежала ни жива, ни мертва на своей постели и не въ силахъ была выговорить ни одного слова: у меня все помутилось въ глазахъ, и я лишь понимала одно — что у меня хотять отнять моего дорогого Стася и разлучить насъ...

«Мой мужъ никуда не побѣжалъ. Я видѣла, что онъ лишь поблѣднѣлъ слегка и взялся рукою за висѣвшій на поясѣ револьверъ, и что его мама схватила за руку...

«Тогда онъ бросился ко мнѣ:

— «Ничего не бойся! будь спокойна! Господь съ тобой! — торопливо проговорилъ онъ, и тотчасъ же вышелъ изъ комнаты.

«Почти вслѣдъ затѣмъ я услышала сильный конскій топотъ на нашемъ дворѣ, словно отъ сотни лошадиныхъ копытъ... Затѣмъ, въ передней произошелъ шумъ и стукъ отъ нѣсколькихъ вошедшихъ человѣкъ, и я услышала громкій голосъ мужа, назвавшего

себя по имени... Еще нѣсколько секундъ — и въ мою спальню вошелъ, не снимая фуражки, жандармскій офицеръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, равнодушно взглянулъ въ мою сторону, извинился и принялся выдвигать ящики комода и шифоньерки, отыскивая письма и бумаги... Я лишилась чувствъ, и что было дальше, уже ничего не помню...

«Опомнилась я нѣсколько недѣль спустя и узнала отъ мамы, что была на краю смерти, что молоко бросилось мнѣ въ голову, и что мнѣ, по опредѣленію лѣчившихъ меня врачей, предстояла или смерть, или потеря разсудка. Но неожиданно для всѣхъ было иначе: Богу угодно было спасти меня для моей дорогой дочки, и я лишь совершенно потеряла слухъ и бываю подвержена страшнымъ головнымъ болямъ.

«Я узнала также, что мужа моего судили военнымъ судомъ и приговорили, какъ начальника «банды», къ смертной казни, которая была потомъ замѣнена безсрочною каторжною работою въ рудникахъ въ виду того, что онъ былъ взятъ въ домѣ, а не въ лѣсу и не съ оружіемъ въ рукахъ, и что онъ лично не совершилъ ни убійства, ни другихъ тяжкихъ преступленій. Я узнала также, что насъ предали хлѣбы, разчитывая, что въ ихъ пользу поступитъ даромъ наша земля. Бѣдный старый Шмуль за свои сношенія съ мужемъ и за посѣщеніе въ лѣсу его отряда былъ тоже арестованъ и сосланъ, но дорогою въ Сибирь умеръ. Отецъ моего мужа былъ тоже арестованъ, но потомъ его, по неимѣнію удикъ, выпустили изъ тюрьмы, ограничившись лишь конфискаціей его фольварка, въ который въ скорости и переѣхалъ жить какой-то жандармскій полковникъ, получившій это имѣніе «на льготныхъ правахъ». Нашъ маіонтокъ тоже едва-едва удалось спасти отъ секвестра; но пришлось все-таки уплатить наложенную на насъ контрибуцію, очень крупную, такъ что надо было распродать даже лошадей и скоть.

«Такъ какъ я считала себя главною виновницею ареста мужа, то рѣшила ѣхать къ нему въ Сибирь на каторгу и раздѣлить съ нимъ его судьбу и облегчить, хотя своимъ присутствіемъ вблизи, его горькую участь. Меня пробовали отговаривать, но не успѣли въ этомъ, такъ какъ я въ душѣ дала клятву, что поѣду къ нему. Мама заложила въ банкѣ этотъ самый фольваркъ, и стала собираться въ путь. Я никакъ не хотѣла разстаться съ своею дочкой, да и знала къ тому же, какая радость будетъ для Стаса увидѣть ее, а потому пришлось брать въ путь и кормилицу ея. И вотъ, какъ только я окончательно выздоровѣла и окрѣпла, то и пустилась въ путь-дорогу... Я даже не знала, куда именно ѣду, такъ какъ, не получая отъ мужа ни одной строки, не знала, гдѣ онъ находится, и мнѣ сказали, что объ этомъ я могу узнать лишь въ Тобольскѣ, гдѣ имѣется пересыльный приказъ и точные списки и свѣдѣнія о распредѣленіи ссыльно-каторжныхъ по рудникамъ.

«Тогда еще не было на востокъ Россіи желѣзныхъ дорогъ, и я ѣхала до Тобольска цѣлый мѣсяць: до Нижняго — по желѣзной дорогѣ, потомъ пароходомъ по Волгѣ и Камѣ до Перми, а потомъ уже купила тарантасъ и ѣхала на лошадахъ. Одному Богу извѣстно, сколько я перенесла мукъ, огорченій и лишеній за время этого долгаго пути!...

«По пріѣздѣ въ Тобольскъ, я долго не могла добиться никакого толку, — и пришлось вездѣ платить деньги, чтобы узнать то, что было нужно. Наконецъ я узнала... И это былъ самый жестокой ударъ для меня — то, что я узнала!... Мнѣ сообщили и потомъ подтвердили официальными справками и документами, что мой несчастный мужъ не долго пожилъ въ тяжелой и непривычной для него обстановкѣ: работая въ глубинѣ земли, въ страшной сырости и сквознякахъ, онъ сильно простудился, заболѣлъ и скончался въ острожномъ лазаретѣ города Читы.

«Это былъ второй ударъ, ниспосланный мнѣ судьбою, за тѣ немногіе мѣсяцы счастья, которыми я воспользовалась въ жизни... Въ Тобольскѣ я была вновь на краю могилы: такъ потрясло меня внезапное извѣстіе о смерти мужа. Однако, любовь къ маленькому неповинному существу, меня сопровождавшему, возвратила меня къ жизни, и я потомъ рѣшила отдать всю себя заботамъ и попеченіямъ о своей дочкѣ...

«Переживъ зиму въ Тобольскѣ, я съ наступленіемъ весны 1864 года пустилась въ обратный путь...

«Вотъ, сколько горя, «панъ директоръ» (такъ называла меня рассказчица), перенесла я на своемъ вѣку! — и не удивляйтесь поэтому, что я вся сѣдая, какъ семидесятилѣтняя старуха, и что я такая «калѣка», съ которою, по ея глухотѣ, трудно даже и говорить...

«Мать Стася, а также и моя мама, убитыя горемъ, недолго тоже пожили на свѣтѣ, и мнѣ пришлось разстаться и съ ними — похоронить ихъ.

«И какъ подумаешь, право: зачѣмъ нужны были всѣ эти страданія? — и для кого?... и для чего?!»...

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ нужны были всѣ эти страданія и жестокости, порожденные мятежемъ?!...

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

„ИГРУШЕЧНАЯ АРМІЯ“.

(Изъ быта южнорусскихъ кантонистовъ).

ЕДАВНО мнѣ пришлось познакомиться съ почтеннымъ старикомъ, отставнымъ капитаномъ Бахмутовымъ, который, дослужившись до офицерскихъ чиновъ изъ кантонистовъ, отлично зналъ бытъ этихъ воиновъ-малютокъ, лишившихся родительскихъ заботъ чуть ли не въ младенческомъ возрастѣ и «кровавыми» слезами оплакивавшихъ утро своего сиротливаго дѣтства. Бахмутовъ весьма много рассказывалъ мнѣ о своемъ пребываніи и воспитаніи среди кантонистовъ. Рассказы стараго капитана, ярко характеризующіе послѣдніе годы существованія этой курьезной арміи, показали мнѣ до такой степени интересными, что я записалъ ихъ и передаю теперь читателямъ почти подлинными словами Бахмутова.

I.

Посѣщеніе императоромъ Николаемъ I Вознесенска.—Простота убранства дворца.—Приготовленіе царской ванны.—Доброта государя.—Наша семья.—Жалкое существованіе.—Крохи отъ солдатской трапезы.—Пожертвованіе одеждой.—Зачисленіе меня въ кантонисты.—Прощаніе съ отцомъ.—Пріѣздъ въ село Бабанку.—Новая жизнь.—Случай съ графомъ Никитинымъ.—Римляне и безхвостые поросята.

Мой отецъ также былъ кантонистомъ, рассказывалъ Бахмутовъ, а за нѣсколько лѣтъ до венгерской кампаніи его произвели въ унтеръ-офицеры и назначили въ Бугскій уланскій полкъ, стоявшій

въ то время въ г. Вознесенскѣ, Херсонской губерніи. Городъ этотъ служилъ тогда однимъ изъ крупныхъ центровъ военныхъ поселеній и кантонистскихъ баталіоновъ. Здѣсь-то моему отцу приходилось часто видѣть не только разныхъ высокопоставленныхъ лицъ военнаго міра, но однажды довелось разговаривать даже съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который посѣтилъ въ 1848 г. Вознесенскъ и въ теченіе трехъ дней производилъ смотръ мѣстнымъ войскамъ. Будучи назначенъ къ его императорскому величеству, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими унтеръ-офицерами, въ качествѣ ординарца, мой отецъ имѣлъ счастье убѣдиться собственными глазами въ томъ, насколько былъ простъ походный образъ жизни Николая Павловича, и какъ мягокъ былъ этотъ государь въ обращеніи со своими подданными, разъ дѣло не касалось военной дисциплины и всякаго рода формальностей. Я весьма живо помню рассказъ моего отца о томъ, какъ ему съ прочими товарищами пришлось приготовить ванну для императора въ первый день по пріѣздѣ его величества въ городъ. «Въ небольшой, но довольно свѣтлой и высокой комнатѣ царскаго дворца,—разсказывалъ мой отецъ,—стоялъ простенькій деревянный диванчикъ, а подлѣ него небольшой круглый столикъ, покрытый бѣлой скатертью, и два или три стула. На стѣнахъ не было почти никакихъ украшеній и картинъ, только въ одномъ углу висѣлъ маленькій образъ Спасителя, передъ которымъ теплилась лампада. Въ эту комнату мы внесли желѣзную ванну, поставили ее подлѣ дивана и начали носить холодную, а затѣмъ теплую воду. Сидѣвшій тутъ же на стулѣ довольно плотный и высокій офицеръ изъ царской свиты, какъ намъ показалось, поминутно опускалъ въ ванну руку, и когда вода достигла желаемой температуры, обратился къ намъ и говоритъ:

— «Ну, братцы, теперь довольно уже лить въ ванну горячую воду, а лучше постарайтесь-ка принести на этотъ диванъ немножко «шелковой» травки, не то здѣсь будетъ жестковато спать его императорскому величеству.

— «А что это за «шелковая» травка, ваше в-діе?—спрашиваетъ мой отецъ.

— «Да развѣ ты не знаешь?—обращается къ нему въ свою очередь съ вопросомъ офицеръ и при этомъ какъ-то странно улыбается.

— «Никакъ нѣтъ, ваше в-діе!—отвѣтилъ ему отецъ.

«А надобно сказать, что у офицера эполеты были почему-то сняты, вслѣдствіе чего наши унтеры, готовившіе ванну, рѣшительно не могли опредѣлить чина лица, которое съ ними разговаривало.

— «Ну, такъ я вамъ объясню, что такое шелковая травка,—продолжалъ офицеръ:—это, видите ли, то сѣно, которое косятъ осенью и которое носить въ вашихъ мѣстахъ названіе «отавы». Поняли?

— «Поняли, ваше в-діе!—отвѣтили мы дружнымъ голосомъ.

— «Ну, такъ вотъ мнѣ такой подстилочки сюда и надобно принести...

«Разумѣется, мы тотчасъ же раздобыли «отавы», набили ею, по указанію того же офицера, тюфякъ и положили его на диванъ. Когда все это было сдѣлано, офицеръ всталъ со стула и говоритъ намъ:

— «Теперь, братцы, отправляйтесь въ сосѣднюю комнату, а я буду купаться уже самъ; если же что мнѣ понадобится, то я позову васъ.

«Услышавъ эти слова, мы такъ и оцѣпенѣли отъ ужаса: оказалось, что офицеръ, котораго мы величали «высокоблагородіемъ», былъ не кто иной, какъ самъ императоръ Николай Павловичъ... Видя наше смущеніе, государь ласково потрепалъ каждого унтеръ-офицера по плечу и мягкимъ голосомъ предложилъ имъ вторично оставить комнату. Когда мы чрезъ часъ убрали ванну, то императоръ легъ спать въ той же комнатѣ на тюфякъ, набитомъ «шелковой» травкой. Прошло еще часа два, и Николай Павловичъ уже принималъ депутаціи отъ мѣстныхъ купцовъ, мѣщанъ, военныхъ поселянъ, крестьянъ и даже евреевъ, прибывшихъ сюда изъ какого-то сосѣдняго мѣстечка. Съ представителями каждого сословія государь изволилъ бесѣдовать минутъ по пяти, при чемъ выказалъ весьма основательное знакомство съ условіями жизни южнаго края и съ положеніемъ его обитателей»...

У отца было семь душъ дѣтей малъ-мала меньше. Я считался третьимъ послѣ двухъ старшихъ сестеръ и былъ всегдашнимъ любимцемъ отца. При такомъ составѣ семьи, нельзя сказать, чтобы намъ сладко жилось, въ особенности послѣ смерти матери, которая умерла въ ту пору, когда мнѣ было не болѣе пяти лѣтъ. Въ это время намъ пришлось переживать весьма трудные дни. Какъ мы не погибли отъ недосмотра въ первый же годъ,—одному Богу извѣстно. Забота о сиротахъ лежала всецѣло на нашей старой бабушкѣ, такъ какъ отецъ, проводя почти все свое время на ученьяхъ, парадахъ и смотрахъ, рѣшительно не имѣлъ ни малѣйшей возможности слѣдить за нами, а тѣмъ болѣе—заниматься нашимъ воспитаніемъ. Вторично жениться онъ не хотѣлъ, да врядъ ли бы какая порядочная дѣвушка и согласилась выйти замужъ за бѣднаго вдовца-солдата, обремененнаго къ тому же цѣлою оравой маленькихъ дѣтей. Вотъ такъ-то мы и росли себѣ на свободѣ, словно птицы небесныя или звѣри лѣсные. Чѣмъ ужъ и какъ умудрялись мы подерживать свое жалкое существованіе,—подобный вопросъ для посторонняго человѣка представлялъ положительно неразрѣшимую задачу. При той необыкновенной дороговизнѣ, какая царитъ теперь повсюду на предметы первой необходимости, намъ обязательно пришлось бы погибнуть отъ голода, между тѣмъ въ то отдаленное время на какія либо 20—30 коп. (ассигнаціями), добытыя бабушкою

гдѣ нибудь на поденной работѣ, мы могли смѣло существовать цѣлую недѣлю. Если же долго не случалось никакого заработка, то наша старшая сестра Аннушка (ей было тогда не болѣе девяти лѣтъ) возьметъ бывало всѣхъ насъ за руки и при первыхъ звукахъ барабана или трубы, призывающихъ солдатъ къ обѣду или ужину, отправляется на полковую кухню, торопяся поспѣть туда какъ можно пораньше, иначе легко можно было не застать свободнаго мѣста. Къ этому времени подлѣ завѣтной кухни собиралось обыкновенно нѣсколько десятковъ сиротъ, подобныхъ намъ. Всѣ они въ благоговѣйномъ молчаніи стояли подѣ старой стѣной какого-то полуразрушеннаго, казеннаго зданія и жадными глазами слѣдили за обѣдающими солдатами. Опоздавшія по какимъ нибудь причинамъ дѣти занимали заднія мѣста и уже должны были довольствоваться тѣмъ, что оставалось отъ находившихся впереди «алчущихъ и жаждущихъ». Къ подобному явленію хорошо привыкли и присмотрѣлись не только солдаты, но даже и само начальство, которое сквозь пальцы взирало на питающихся казенными крохами несчастныхъ дѣтей; иные же офицеры даже явно покровительствовали этому голодному и полунагому потомству славныхъ нѣкогда христоролюбивыхъ воиновъ, павшихъ по большей части на бранныхъ поляхъ, защищая вѣру и отечество... Помню, съ какимъ бывало нетерпѣніемъ ожидали мы всегда окончанія солдатской трапезы. Даже (удивительное, право, дѣло) двухъ и трехлѣтніе карапузики стояли себѣ въ числѣ прочихъ товарищей смиренхонько и, засунувъ пальцы въ ротъ, съ величайшимъ вниманіемъ ждали того момента, когда, послѣ благодарственной молитвы, бравый, сѣдоусый кашеваръ Бондарчукъ, прозванный почему-то Лыской, крикнетъ, обращаясь къ намъ:

— А ну-ка, непобѣдимая армія, подходи!

При этомъ возгласѣ толпа ребятишекъ, забывъ всякій порядокъ, бросалась съ крикомъ и гамомъ къ землянымъ столамъ и съ невѣроятною жадностью принималась за остатки солдатскаго обѣда или ужина... Нечего и говорить, что безъ активнаго вмѣшательства въ дѣло кормленія того же Лыски здѣсь могло бы происходить нѣчто невообразимое, и далеко бы не всѣ алчущіе получали должное удовлетвореніе. Бондарчукъ живо прекращалъ общій шумъ, восстанавливалъ пошатнувшуюся дисциплину и, водворивъ такимъ образомъ прерванный на мигъ порядокъ, не отходилъ уже отъ «непобѣдимой» арміи до тѣхъ поръ, пока бывало не насытится наименьшій «отъ малыхъ сихъ». Послѣ этого кашеваръ разрѣшалъ нѣкорымъ изъ дѣтей брать въ какую нибудь посудину пицци еще для оставшихся дома, по случаю болѣзни, братьевъ и сестеръ. Само собою разумѣется, что иногда этого продовольствія хватало и для прочихъ членовъ семейства, въ которомъ находился заболѣвшій субъектъ, а потому неудивительно, что факты подобныхъ заболѣваній случались

у насъ довольно таки частенько. Такимъ образомъ наше кормленіе совершалось неизмѣнно изо дня въ день, какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Гораздо труднѣе доставалась намъ экипировка; но и въ этомъ отношеніи намъ много помогали тѣ же сердобольные солдатики, жертвовавшіе наиболѣе захудалымъ сиротамъ всѣ своя старыя вещи, которыя рѣдко подвергались кое-какой передѣлкѣ, а въ большинствѣ случаевъ донашивались дѣтьми въ своемъ первоначальномъ видѣ; поэтому можно было частенько видѣть на улицахъ В—на цѣлый отрядъ будущихъ кантонистовъ въ длиннѣйшихъ скотукахъ и огромныхъ фуражкахъ, представляющихъ массу вентиляцій. У одного, на примѣръ, пятилѣтняго бутуза вы могли видѣть на ногахъ огромные солдатскіе сапоги, съ голенищами чуть не до пояса, а у другого обувь состояла изъ совершенно истрепанныхъ галошъ; на третьемъ же были безъ подошвъ башмаки, изъ которыхъ выглядывали наружу почти всѣ ножные пальцы, прося, по выраженію кантонистовъ, каши. Впрочемъ, такое разнообразное и живописное одѣяніе можно было созерцать на нашемъ братѣ только зимою; въ остальное же время года, а главнымъ образомъ — лѣтомъ, члены «необѣдимой арміи» довольствовались самыми существенными принадлежностями обыденнаго туалета, заключавшимися по большей части лишь въ одной рубашenkѣ и той же рваной фуражкѣ. Однако, и этого несложнаго костюма оказывалось въ лѣтнюю пору предостаточно для будущихъ героевъ, такъ какъ они проводили цѣлые дни въ небольшой и вонючей рѣчонкѣ, протекавшей неподалеку отъ города; оставляли дѣти воду только на время обѣда, ужина и ночью. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ оставались и навсегда на днѣ рѣки, которая уносила затѣмъ утопленниковъ въ море; но до этого мало кому было дѣла, тѣмъ болѣе, что на мѣсто каждаго утонувшаго скоро появлялись десятки новыхъ, такихъ же сорванцовъ. Зато какое всегда веселье царило среди вашей братьи, когда она въ полномъ своемъ составѣ соберется бывало на берегу рѣчки: крикъ, визгъ и самый отчаянный хохотъ стономъ стояли въ такіе дни надъ рѣкой... И, несмотря на то, что наша тогдашняя жизнь проходила въ голодѣ и всевозможныхъ лишеніяхъ, я все-таки и понынѣ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ счастливомъ времени своего дѣтства.

Скоро, однако, наступилъ конецъ моему развеселому житію-бытію. Какъ только пошелъ мнѣ восьмой годъ, я былъ зачисленъ въ кантонисты. Извѣстіе объ этомъ застигло меня врасплохъ, хотя объ ожидавшей меня участи, а также о жизни кантонистовъ, я слышалъ и раньше отъ бабушки. Бѣдная старушка, повѣствуя о такихъ вещахъ, подзоветъ бывало меня къ себѣ, обниметъ и крѣпко, крѣпко цѣлуетъ, обильно орошая своими старческими слезами мою дѣтскую голову. Въ роковой для меня день она бродила ни жива, ни мертва, пересматривая чуть ли не въ сотый разъ каждый предметъ изъ

моего убогаго гардероба. Мое прощаніе съ отцомъ, бабушкой, сестрами и меньшими братьями не поддается никакому описанію. Я ревѣлъ благимъ матомъ, словно меня вели на закланіе. Отецъ употреблялъ и ласки и угрозы, чтобы хоть немного успокоить меня, но все было тщетно: я кричалъ, отбивался руками и ногами, пытался освободиться изъ желѣзныхъ лапъ двухъ дюжихъ солдатъ, тащившихъ меня изъ избы, и даже, помнится, больно-пребольно укусилъ за палецъ одного служиваго, который хотѣлъ зажать мнѣ рукою ротъ. Только очутившись на какой-то казенной повозкѣ и выѣхавъ на главную улицу В—ка, я немного присмирѣлъ, но все-таки не переставалъ всхлипывать потихоньку при мысли, что мнѣ не придется больше встрѣчать по вечерамъ возвращающагося со службы отца и слушать, сидя у него на колѣняхъ, страшныя сказки, которыя онъ такъ мастерски умѣлъ рассказывать. Сердце мое тоже разрывалось на части при воспоминаніи о товарищахъ, о посѣщеніи нами полковой кухни, о купаньѣ въ рѣкѣ и т. д. Не буду распространяться о первыхъ мѣсяцахъ моей жизни въ казармѣ,—скажу только, что я продолжалъ тосковать попрежнему, хотя находился еще въ родномъ городѣ и почти ежедневно могъ имѣть извѣстія о своихъ близкихъ и даже видѣться съ кѣмъ либо изъ нихъ. Мѣсяца черезъ три я узналъ, что меня вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами назначили въ кантонистскій дивизионъ, стоявшій въ с. Бабанкѣ, Кіевской губ. Передъ отъѣздомъ туда мнѣ пришлось еще раза два видѣться съ отцомъ. Вечеромъ же, наканунѣ послѣдняго дня, онъ благословилъ меня небольшимъ образкомъ, который и понынѣ находится у меня на шеѣ; при этомъ отецъ долго обнималъ меня и плакалъ, увѣщевалъ не забывать родительскаго крова и служить вѣрой и правдой батюшкѣ-царю. Не имѣя еще сколько нибудь опредѣленныхъ понятій объ этой пресловутой «вѣрѣ и правдѣ», я могъ прекрасно сознавать лишь то, что меня завтра повезутъ далеко, далеко,—чуть ли не на край свѣта, къ какимъ-то невѣдомымъ людямъ, откуда уже мнѣ никогда не вернуться домой. Представляя себѣ все это, я снова готовъ былъ не на шутку разревѣться, но отецъ во время успѣлъ мнѣ напомнить, что здѣсь казарма, и что за нарушеніе тишины въ этомъ зданіи могутъ и отодрать на славу. Услышавъ такое предостереженіе, я употребилъ послѣднія усилія, чтобы «не впасть во искушеніе», и только потихоньку рыдалъ, глотая слезы. Тутъ отецъ еще разъ обнялъ меня, затѣмъ сунулъ мнѣ въ руку серебряный рублевикъ и, смахнувъ украдкой скатившуюся у себя по щекѣ слезу, поспѣшилъ выйти изъ казармы. Я упалъ на койку и, уткнувшись носомъ въ подушку, рыдалъ болѣе часа, благо никто не мѣшалъ мнѣ въ этомъ, такъ какъ всѣ прочіе кантонисты давнымъ давно ушли ужинать. Село Бабанка, гдѣ мнѣ пришлось провести первые годы кантонистской жизни, принадлежало къ числу военныхъ поселеній, обитатели ко-

торыхъ, кромѣ исполненія извѣстныхъ работъ на пользу казны, обязаны были содержать у себя на квартирахъ и кормить кантонистовъ. По прибытіи въ названное село я былъ зачисленъ вмѣстѣ со своими товарищами въ одинъ и тотъ же эскадронъ, помѣщавшійся частью въ огромныхъ казармахъ, а частью по избамъ поселянъ. Кантонисты самаго младшаго возраста проводили большую часть времени въ казармахъ, находясь подъ непосредственнымъ наблюденіемъ особаго рода дядекъ, избираемыхъ изъ числа тѣхъ же кантонистовъ. На обязанности этихъ 12—15-ти-лѣтнихъ дядекъ лежала забота не только о физическомъ и нравственномъ воспитаніи новичковъ, но и о благообразіи ихъ внѣшности; для достиженія этой послѣдней цѣли наши пѣстуны должны были обмывать, обшивать и даже ежедневно одѣвать своихъ 8—9-ти-лѣтнихъ питомцевъ. Конечно, въ большинствѣ случаевъ всѣ эти обязанности значились только на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ кантонисты жили и воспитывались, какъ хотѣли, развиваясь на свободѣ, подъ вліяніемъ окружающей ихъ среды, подобно животнымъ и растеніямъ. Можно сказать, что ихъ фактическими воспитателями являлись прежде всего военные поселяне, морившіе постоянно нашего брата голодомъ, а подчасъ угощавшіе кантонистовъ изрядными пинками и подзатыльниками. Жаловаться было некому; да если бы кто изъ насъ и вздумалъ искать защиты у ближайшаго начальства, то остался бы въ прямомъ проигрышѣ, такъ какъ наши командиры, живя всегда въ дружбѣ съ поселенческимъ начальствомъ, никогда не придавали особаго значенія подобнаго рода жалобамъ; зато каждый хозяинъ, на котораго кантонистъ осмѣливался доносить своему командиру, не забывалъ воздать сторицею такому жалобщику. Въ случаѣ же проѣзда какойнибудь высопоставленной особы изъ Петербурга, наше мѣстное начальство всегда умѣло показать товаръ лицомъ, тщательно скрывая всѣ дефекты кантонистскаго и поселенческаго жителя-бытья. Лучшею иллюстраціею въ этомъ отношеніи можетъ служить слѣдующій случай. Однажды разнесся слухъ, что на югъ пріѣдетъ инспекторъ всѣхъ военныхъ поселеній и кантонистовъ, графъ Никитинъ, занявшій эту должность послѣ смерти Аракчеева. Ну, разумѣется, повсюду стали усердно готовиться къ встрѣчѣ грознаго ревизора: для кантонистовъ еще за недѣлю до пріѣзда графа начали готовить улучшенную пищу; всѣмъ дѣтямъ выдали на время новую одежду; поселянамъ было приказано, чтобы квартирующие у нихъ кантонисты также пользовались хорошей пицей и имѣли бы чистое постельное бѣлье. Случай, о которомъ я хочу рассказать, произошелъ въ одномъ молдавскомъ селеніи А. Въ самый день прибытія туда графа Никитина всѣ поселяне, облаченные въ новехонькіе, форменные мундиры, а бабы въ чистыя платья, стояли за околицей съ ранняго утра. Лишь только на ближайшей возвышенности показался графскій экипажъ, какъ на ко-

локольні сельской церкви начался торжественный перезвонъ, и вообще встрѣча поселянами Никитина ничѣмъ не отличалась отъ встрѣчи какого нибудь знаменитаго архіерея. Остановившись передъ домомъ волостнаго начальника, графъ Никитинъ выпелъ изъ экипажа и принялъ рапортъ отъ окружнаго командира. Задавъ при этомъ нѣсколько вопросовъ объ общемъ состояніи военныхъ поселянъ и кантонистовъ, графъ отправился въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ и мѣстнаго начальства по селу. Войдя въ первую избу и найдя въ ней образцовый порядокъ и чистоту, онъ остался весьма доволенъ; замѣтивъ же на столѣ поселянина ярко вычищенный самоваръ и даже жаренаго поросенка, Никитинъ замѣтилъ:

— О, да они у васъ живутъ здѣсь, какъ я вижу, настоящими богачами; что же касается положенія квартирующихъ у поселянъ кантонистовъ, то мнѣ кажется, что оно также ничего не оставляетъ желать лучшаго при подобныхъ условіяхъ.

— Совершенно вѣрно, ваше сіятельство! — подтвердилъ шедшій рядомъ съ графомъ окружной.

— Весьма отраднo, весьма отраднo видѣть подобный фактъ, — продолжалъ Никитинъ, выходя изъ избы.

А надобно вамъ знать, что почти въ каждомъ военномъ поселеніи дома строились по разъ опредѣленному плану, въ извѣстномъ порядкѣ и на довольно значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго во избѣжаніе большихъ опустошеній при пожарѣ. Пока графъ шелъ къ слѣдующей хатѣ, догадливое начальство успѣло распорядиться о перенесеніи туда задними дворами и огородами того самаго поросенка и самовара, которые уже фигурировали въ только что посѣщенной инспекторомъ избѣ. Та же исторія была продѣлываема въ каждомъ жилищѣ, удостоенномъ графскаго визита. Сначала Никитинъ не обратилъ на это обстоятельство особеннаго вниманія; но надо же было такъ случиться, что у демонстрируемаго поросенка не оказалось хвоста. Весьма естественно, что въ концѣ концовъ подобный изъяснъ долженъ былъ остановить на себѣ вниманіе графа, который уже въ 5-й или 6-й избѣ спрашиваетъ вдругъ окружнаго:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, почему это у всѣхъ здѣшнихъ поселянъ оказываются на столахъ безхвостые поросята?

— А это, ваше сіятельство, у нихъ обычай такой! — отвѣчаетъ окружной.

— Гмъ, довольно странный обычай, — промолвилъ, какъ бы про себя, графъ. — А интересно бы знать, откуда онъ ведетъ свое начало?

Окружной замаялся, но его выручилъ очутившійся тутъ же волостной начальникъ, который, приложивъ руку къ фуражкѣ, произнесъ съ должнымъ почтеніемъ и робостью:

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, что подобный обычай перенесенъ сюда прямо изъ древняго Рима.

— Это какимъ образомъ?—спросилъ крайне удивленный Никитинъ и даже остановился среди улицы.

— По всей вѣроятности, вашему сіятельству не безъизвѣстно,— продолжалъ тѣмъ же тономъ волостной,— что мѣстные жители, будучи молдаванами, происходятъ отъ тѣхъ римлянъ, которые, задолго до Рождества Христова и въ началѣ христіанской эры, были ссылаемы тысячами на берега Дуная, Чернаго моря и въ здѣшнія степи въ качествѣ политическихъ и другихъ преступниковъ.

— Вотъ такъ штука,—воскликнулъ улыбаясь графъ:— выходитъ, слѣдовательно, что здѣшніе поселяне—потомки «благородныхъ» римлянъ! Послѣ этого я ничуть не удивляюсь, что у нихъ повсюду царить такой порядокъ и чистота: въ этомъ видно еще отраженіе тѣхъ эстетическихъ наклонностей, которыми вообще отличался нѣкогда римскій народъ. Однако, я все-таки не понимаю, при чемъ же здѣсь безхвостые поросята?

— А это очень просто, ваше сіятельство, — продолжалъ волостной:—въ извѣстные праздники римляне, за неимѣніемъ необходимыхъ для жертвоприношенія животныхъ, могли употреблять для этой цѣли даже свиней, которые, какъ и у евреевъ, не причислялись къ совершенно чистымъ существамъ; въ случаѣ такой крайности, жрецы обязательно должны были отрѣзывать у каждой подобной жертвы хвостъ въ знакъ нѣкоего очищенія; обычай этотъ, какъ и многое другое, переходя изъ рода въ родъ, сохранился среди мѣстныхъ жителей и понынѣ.

— Благодарю васъ, — сказала графъ волостному начальнику, когда тотъ окончилъ свое объясненіе:—теперь ужъ мнѣ все понятно, главное же то, что я сегодня имѣлъ удовольствіе посѣщать жилища римскихъ потомковъ. Непремѣнно надо будетъ рассказать объ этомъ въ Петербургѣ.

Съ этими словами Никитинъ направился къ экипажу, усѣлся въ него и, поблагодаривъ еще разъ мѣстныхъ начальниковъ за хорошее состояніе селенія и стоявшихъ въ немъ кантонистовъ, покатылъ далѣе; вслѣдъ ему снова понесся колокольный звонъ и радостные крики народа. Долго еще послѣ этого вспоминали а—цы о томъ, какую небылицу рассказывалъ Никитину волостной начальникъ о приношеніи римлянами въ жертву безхвостыхъ поросятъ.

II.

Квартирное житье-бытье кантонистовъ.—Вражда между поселянами и кантонистами.—Бѣдственное положеніе кантонистовъ, ихъ продѣлки и вынужденное воровство.—Распределеніе времени кантонистовъ.—Ихъ безнравственность.—Необычайное исчезновеніе масла.—Баталіонная школа.—Еврей преподаватель.—Система обученія.—Наказанія.—Сказочникъ Трясогузкинъ.—Кантонисты изъ евреевъ.—Страданіе и стоицизмъ еврея Берка Финкельштейна.—Посѣщенія высокопоставленныхъ лицъ.—Пріѣзды князя Паскевича.—Его отношенія къ кантонистамъ.—Исторія съ полковникомъ З—скимъ.—Инспекторскіе смотры Паскевича.

Не касаясь подробнаго описанія нашей казарменной жизни, которая была уже весьма картинно изображена г. Кретчмеромъ («Историческій Вѣстникъ» 1888 г.), я поговорю подробно о нашемъ квартирномъ житьѣ-бытьѣ. При этомъ я прежде всего долженъ вамъ сказать, что для каждаго поселянина не было, кажется, худшаго наказанія, какъ появленіе въ его избѣ одного или двухъ кантонистовъ въ качествѣ постояльцевъ. И дѣйствительно, надо говорить правду, такихъ прохвостовъ и жуликовъ, какіе сплошь и рядомъ встрѣчались между нашею братією, трудно было сыскать даже среди заправскихъ мазуриковъ. Въ этомъ отношеніи изъ насъ вырабатывались феноменальные артисты. Стянуть ли у хозяина чтонибудь изъ съѣстныхъ припасовъ, надуть ли простоватаго мужика какимъ либо инымъ способомъ,—на все это мы, кантонисты, были мастера первой руки. Да иной, знаете, такъ ловко ухитрялся продѣлать свою работу, что и самъ дьяволъ не могъ бы въ послѣдствіи отыскать концовъ этой исторіи. Если же какаянибудь пакость продѣлывалась сообща, то тутъ ужъ виноватаго нельзя было и «днемъ съ огнемъ» отыскать. Замѣчательно дружный народъ мы всѣ были. Правда, при мало-мальски человѣческомъ обращеніи хозяевъ со своими квартирантами, проказы послѣднихъ замѣтно уменьшались, и подъ конецъ съ обѣихъ сторонъ устанавливалось даже нѣчто въ родѣ семейныхъ отношеній; къ сожалѣнію, однако, подобные случаи встрѣчались весьма рѣдко, такъ какъ между поселянами и кантонистами шла непрерывная война; въ особенности народъ крѣпко не долюблялъ великовозрастныхъ кантонистовъ, отъ которыхъ много терпѣло не только имущество поселянъ, но и деревенская молодежь. Великовозрастные не ограничивались похищеніемъ куръ, гусей, яицъ, сала и прочей живности, но иногда они не брезговали и добрымъ бараномъ, боровомъ, теленкомъ и даже чѣмънибудь посолиднѣе. Въ этомъ отношеніи такіе кантонисты являлись для мѣстнаго населенія гораздо хуже хищныхъ звѣрей, тѣмъ болѣе, что и само начальство смотрѣло какъ-то сквозь пальцы на подобныя продѣлки кантонистовъ. Впрочемъ, откровенно говоря, и наказывать-то строго нельзя было

нашего брата за такое поведеніе. Вѣдь главною причиною этого воровства служило въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что кантонисты принуждены были жить по большей части впроголодь. Хотя поселяне обязаны были кормить насъ всегда свѣжей и здоровой пищей, но вслѣдствіе многихъ условій, а главное по причинѣ какой-то исконной ненависти къ кантонистамъ со стороны народа такое продовольствіе ограничивалось лишь однимъ черствымъ хлѣбомъ и водой; иногда же и этого не было. При такомъ кормленіи поневолѣ обратишься въ хищнаго волка. По части мелкаго воровства ловкость кантонистовъ достигала невѣроятнаго совершенства, и въ этомъ отношеніи они смѣло могли поспорить съ посредственнымъ фокусникомъ. Въ доказательство истинности моихъ словъ привожу слѣдующій примѣръ. Отправляясь въ праздничные дни, съ разрѣшенія начальства, въ г. Умань на базарь, предусмотрительный кантонистъ пряталъ въ правомъ рукавѣ своего мундира гуттаперчевую нитку или же спирально изогнутую стальную проволоку, которая, проходя подъ бѣльемъ маленькаго воина, оканчивалась въ голенищѣ сапога и была привязана къ ногѣ. Къ другому же концу этой проволоки прикрѣплялся особаго рода желѣзный крючокъ съ обыкновенной ниткой. Подходя къ любой лавкѣ, кантонистъ вытягивалъ при помощи этой нитки проволоку съ крючкомъ изъ рукава и, сжавъ ее въ кулакѣ, требовалъ себѣ какихъ нибудь мелкихъ предметовъ, въ родѣ пряниковъ, конфетъ, карандашей, перочинныхъ ножей и т. д. Лавочникъ, предложивъ своему покупателю на выборъ нѣсколько требуемыхъ предметовъ, займется другимъ дѣломъ въ ожиданіи, пока кантонистъ одобритъ какую нибудь изъ разсматриваемыхъ вещей. Тѣмъ временемъ хитрый воришка не столько, разумѣется, вглядывается въ лежащій предъ нимъ товаръ, сколько слѣдитъ за самимъ продавцомъ и, улучивъ минуту, захватываетъ крючкомъ одинъ или два предмета, смотря по ихъ величинѣ, а затѣмъ при помощи той же нитки и пружинки быстро препровождаетъ схваченныя вещи въ голенище. Если иногда бывало лавочникъ и замѣтитъ, что какъ будто бы чего не хватаетъ изъ лежавшихъ на стойкѣ предметовъ, то даже не обратитъ на это особеннаго вниманія, приписывая подобное недоразумѣніе собственной разсѣянности; иной же продавецъ, зная склонность кантонистовъ къ воровству, не полѣнится въ такомъ случаѣ и обыскать своего покупателя; но такъ какъ подобный осмотръ отличался поверхностнымъ характеромъ, то само собою разумѣется, что воришка всегда выходилъ сухимъ изъ воды и, пославъ по адресу безцеремоннаго торговца нѣсколько вѣскихъ ругательствъ, вылеталъ съ торжествующимъ видомъ изъ лавки. Дѣйствуя такимъ образомъ, кантонистъ къ вечеру оказывался нагруженнымъ всевозможнымъ товаромъ и, возвратившись домой, открывалъ на слѣдующій день бойкую торговлю наворованнымъ добромъ. Разумѣется, далеко не всѣ кантонисты отличались такими блестя-

щами воровскими способностями, такъ какъ извѣстно, вѣдь, что «овому—талантъ, а овому—два»; тѣмъ не менѣе и остальные изъ нашего брата, не умѣвшіе красть по лавкамъ и магазинамъ, находили возможность проявлять свою смѣтливость и находчивость на другомъ поприщѣ. Во время храмоваго праздника въ Бабанку собирался народъ со всей окружности, верстъ за 25—30 и, по обычаю доброй старины, пьянствовалъ и гулялъ здѣсь по нѣскольکو дней. Вотъ тутъ-то для кантонистовъ-воришекъ представлялось самое широкое и благодарное поле, на которомъ они успѣвали всегда собирать обильную жатву. Лишь только бывало наступить вечеръ перваго дня праздника, какъ ужъ наши молодцы принимаются дружно работать подлѣ мертвецки-пьяныхъ мужиковъ, валяющихся по улицамъ села десятками. При этомъ дерзость кантонистовъ доходила до того, что они не только производили тщательный осмотръ обывательскихъ кармановъ, но даже овладѣвали платьемъ пьянаго мужика. Неоднократно случалось и такъ, что кантонистъ, встрѣтивъ еле держащагося на ногахъ поселянина, притворялся его родственникомъ и, подъ предлогомъ указанія дороги, заводилъ мужика куда нибудь въ уединенное мѣсто и укладывалъ его тамъ спать, снявъ предвзятительно съ дремлющаго «дяденьки» одежду, которая тотчасъ же переходила въ руки сосѣдняго кабатчика за самую ничтожную плату. Поутру обобранный кантонистами мужичекъ долго бродитъ по кабакамъ и лавкамъ, пока отыщетъ свой разрозненный гардеробъ, за выручку котораго приходится вносить уже гораздо большую сумму, чѣмъ полученныя наканунѣ кантонистомъ деньги... Трудно даже повѣрить теперь, до чего доходили въ этомъ отношеніи смѣлость и нахальство кантонистовъ, а между тѣмъ это было совершенно вѣрно. Ужъ если они умудрялись похищать деньги изъ прибитыхъ подлѣ церквей и придорожныхъ часовенъ кружекъ, то чего вамъ больше надо?... Кромѣ недостатка въ пищѣ, служившаго главной причиной воровскихъ наклонностей кантонистовъ, эти несчастныя дѣти терпѣли еще великую нужду и въ отношеніи своего платья, которое всегда находилось въ самомъ невообразимомъ видѣ. Извѣстно вѣдь, какъ дѣти вообще, а живущія безъ присмотра—въ особенности, рвутъ на себѣ платье; между тѣмъ, каждый кантонистъ получалъ изъ цейхауза мундиръ и панталоны на два года, а сапоги и бѣлье на одинъ годъ (бѣлье—въ двойномъ комплектѣ). Можете представить себѣ теперь, во что превращались всѣ эти вещи на плечахъ бойкихъ мальчугановъ къ концу установленнаго срока. Да на многихъ изъ насъ къ этому времени не только рубаха, но даже мундиръ и панталоны не имѣли на себѣ, какъ говорится, живаго мѣста. Горе было съ нами въ этомъ отношеніи начальству, горе и хозяевамъ. Весьма естественно, что кантонистамъ и тутъ приходилось самимъ заботиться о добываніи матеріаловъ, необходимыхъ для реставраціи изорванной одежды. Хорошо еще, если бы-

вало иная сердобольная хозяйка, смиловавшись надъ какимъ нибудь въ конецъ износившимся 8—9-ти-лѣтнимъ «постояльцемъ», дать ему кусокъ холста или сукна на заплаты. Конечно, она потребуетъ за это отъ кантониста работы, заставивъ его въ свободное отъ служебныхъ занятій время копать или полоть на огородѣ гряды, носить воду, топить печь, нянчить ребенка и т. п. А много ли, спросите, было у насъ свободнаго времени! Всего-то часа два—три въ день, да и то передъ самымъ закатомъ солнца. Обыкновенно мы съ ранняго утра отправлялись на строевое ученье, затѣмъ въ девять часовъ шли въ баталіонную школу изучать книжную премудрость, что продолжалось до обѣда, за которымъ снова слѣдовало ученье на плацу и плаваніе на пруду. Это послѣднее занятіе особенно насъ донимало, такъ какъ совершалось ежедневно, начиная съ первыхъ дней весны и оканчивая поздней осенью, при чемъ начальство не обращало вниманія ни на какую погоду. По всей вѣроятности, насъ хотѣли превратить этимъ путемъ въ настоящихъ спартацевъ. А сколько бывало перенесешь мученій, пока научишься хоть сколько нибудь сносно выполнять на водѣ требуемые уставомъ фокусы! Иной цѣлое лѣто проплаваетъ у дядьки на канатѣ, словно цѣпная собаченка, а все-таки безъ посторонней помощи не продержится на водѣ и пяти минутъ. Случалось, что нѣкоторые кантонисты еще до окончанія полнаго курса плаванія отправлялись, по выраженію поселянъ, «ловить на днѣ пруда раковъ», иначе говоря—тонули. Пока бывало въ общей суматохѣ замѣтить исчезновеніе такого малыша и пока его затѣмъ отыщутъ подъ водой, несчастный пловецъ успѣетъ совсѣмъ окоченѣть. Разумѣется, въ рапортѣ по поводу каждаго такого случая непременно значится: «утонулъ по собственной неосторожности»... Гораздо большею свободою мы могли пользоваться по ночамъ, однако подобное право составляло удѣлъ великовозрастныхъ кантонистовъ, да и то лишь тѣхъ изъ нихъ, которые стояли по квартирамъ. Въ это-то время они и совершали свои набѣги на сады, огороды и бахчи, проникали въ поселянскіе погреба, кладовыя и т. д. Утоливъ же чѣмъ нибудь свой голодъ, кантонисты отправлялись послѣ этого туда, гдѣ веселилась на «вечерницахъ» и «досвѣткахъ» деревенская молодежь; вмѣшиваясь здѣсь въ игры парней и «дивчать», они продѣлывали такія штуки, при видѣ которыхъ всѣ присутствующія на посидѣлкахъ лица немедленно обращались въ бѣгство. Неоднократно подобное вмѣшательство кантонистовъ въ дѣла мѣстной молодежи оканчивалось феноменальной дракой, послѣ которой не одинъ изъ нашихъ рыцарей оставался безъ мундира или безъ панталонъ, не считая уже выбитыхъ зубовъ, подбитыхъ глазъ и расквашенныхъ носовъ. Очутившись на другой день въ карцерѣ за порчу казенныхъ вещей, виновный получалъ такимъ образомъ полную возможность обсуждать на досугѣ всю гнусность своего поведения. Даже зимою, во время самыхъ

трескучихъ морозовъ и сильныхъ метелей, наши удалцы не оставляли въ покоѣ мирно почивавшихъ поселянъ; напротивъ, въ такія ночи каверзы кантонистовъ свидѣтельствовали о наивысшей степени безнравственности, разнузданности и дурно направляемой изобрѣтательности будущихъ воиновъ. Бывало въ такое время зачастую можно было видѣть по утрамъ привязанныхъ къ трубѣ чьейнибудь избы собаку или поросенка, а не то и цѣлыя ворота. Помню, какъ разъ на крышѣ дома одного изъ самыхъ уважаемыхъ поселянъ очутился новехонькій возъ. Утромъ хозяинъ, собиравшійся ѣхать въ сосѣдній городъ на базаръ, подумалъ сначала, что у него украли возъ, и поднялъ тревогу на весь околотокъ. Каково же было удивленіе мужика, когда онъ, поднявъ случайно глаза вверхъ, увидѣлъ свой возъ на крышѣ, гдѣ онъ держался при помощи толстой веревки, прикрѣпленной къ трубѣ... Какъ ужъ наши безобразники ухитрились втащить на крышу подобную махину, трудно себѣ даже представить. О такихъ же продѣлкахъ, каковы, напримѣръ, наливаніе въ печи воды черезъ трубы, запираніе дверей и воротъ на замокъ, рисованіе дегтемъ на стѣнахъ домовъ всевозможной чертовщины, о такихъ подвигахъ, повторяю, нечего и распространяться.

Благодаря такому безобразному поведенію нашихъ будущихъ героевъ, отношенія между ними и хозяевами обострились до того, что иному кантонисту положительно невозможно уже было появиться на квартиру, и онъ кочевалъ по товарищамъ, или же ютился гдѣнибудь на чердакѣ, въ цейхгаузѣ, или на эскадронной кухнѣ. Къ несчастію, подобный образъ жизни кантониста скоро становился извѣстенъ начальству, и юный любитель приключеній, получивъ изрядную дозу розгачей, снова водворялся на частной квартирѣ, но уже, разумѣется, не у прежняго хозяина. Частенько случалось также, что послѣ какого-нибудь выдающагося воровства поселяне производили съ разрѣшенія начальства тщательный обыскъ по казармамъ, кухнямъ, конюшнямъ и проч., съ цѣлью найти украденное кантонистами добро. Но почти всегда подобные обыски оканчивались ничѣмъ; въ виду же того, что они разрѣшались не иначе, какъ послѣ взноса обворованнымъ лицомъ довольно значительнаго залога въ баталіонную кассу, рѣдко кто изъ поселянъ принимался за такое дѣло. Въ этомъ отношеніи мнѣ хорошо памятенъ слѣдующій случай. Однажды нѣсколько человекъ кантонистовъ забралась въ погребъ какого-то десятника и стянули цѣлую кадку масла, уложивъ его въ мѣшки. На бѣду случилось такъ, что хозяинъ, возвращаясь откуда-то изъ гостей, замѣтилъ ворихекъ и поднялъ неистовый крикъ. Тотчасъ же сбѣжалось около десятка мужиковъ, и всѣ они пустились въ погоню за кантонистами, которые улепетывали что было мочи по направленію къ эскадронной конюшнѣ, гдѣ стояли бракованныя кавалерійскія лошади, предназначенныя для

обученія насъ верховой ѣздѣ. Не успѣли бѣглецы вскочить въ конюшню, какъ подлѣ нея были уже и ихъ преслѣдователи. Нѣсколько человѣкъ заняли выходы, и самъ десятникъ отправился къ эскадронному командиру за полученіемъ установленнаго разрѣшенія для производства осмотра конюшни. Несмотря, однако, на самые тщательные поиски, въ конюшнѣ не оказалось ни подозрительныхъ кантонистовъ, ни масла... Такъ поселяне и отправились восвояси, не солоно хлебавши, рѣшивъ, между прочимъ, что въ данномъ случаѣ кантонистамъ помогла сама нечистая сила. Самъ ротный былъ удивленъ на этотъ разъ до невѣроятности и на другой же день велѣлъ фельдфебелю разъяснить ловкую продѣлку кантонистовъ. Что же оказалось? Подъ ногами лошадей находилась длинная канава, прикрытая сверху досками, на которыхъ лежалъ тонкій слой соломенной подстилки. Стоило только кантонисту приподнять доску и вскочить въ эту яму, чтобы его и слѣдъ простылъ, такъ какъ никому бы и въ голову не приходило искать вора въ землѣ подъ ногами лошадей. Весьма понятно, что находящіяся въ конюшнѣ дежурные всегда могли во время замаскировать существовавшую подъ лошадьми яму.

Въ баталіонную школу кантонисты поступали съ восьмилѣтняго возраста и находились въ ней почти до двадцатаго года, послѣ чего распредѣлялись уже по разнымъ полкамъ дѣйствующей арміи. Такое продолжительное пребываніе кантонистовъ въ стѣнахъ училища объясняется, разумѣется, тою системою обученія, какая вообще царила въ то время во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Б—ская баталіонная школа, въ которую я скоро былъ зачисленъ вмѣстѣ со своими товарищами, состояла по обыкновенію изъ восьми отдѣленій, помѣщавшихъ въ себѣ около 750 человѣкъ. На всю эту массу учащихся полагался только одинъ преподаватель, обязанность котораго исполнять въ мое время унтеръ-офицеръ Зельманъ, происходившій изъ евреевъ, но принявшій, конечно, православіе. Горе было намъ великое съ нимъ, но натерпѣлся же въ свою очередь муки и онъ съ нами! Нечего, разумѣется, вамъ и говорить, что основнымъ правиломъ нашей школьной педагогіи было самое широкое примѣненіе на практикѣ лозъ, тумаконъ, щелчковъ и всякаго рода заушеній; впрочемъ, что ни говорите, а я долженъ вамъ откровенно сказать, что только при помощи этихъ «учебныхъ средствъ» и можно было хоть немного поддержать дисциплину среди такого многолюднаго класса, состоящаго притомъ изъ самыхъ отчаянныхъ шалуновъ. Употребляя такимъ образомъ значительную часть класснаго времени на водвореніе порядка и наказаніе виновныхъ, учитель принужденъ былъ удѣлять учебнымъ занятіямъ весьма ограниченное число часовъ. Насколько мы успѣвали въ грамотѣ и прочихъ наукахъ, можете судить потому, что иной ученикъ просидитъ, бывало, въ школѣ лѣтъ 5—6 и выходить изъ нея, не научившись подписы-

вать, какъ слѣдуетъ, свою фамилію и не зная перваго изъ четырехъ элементарныхъ ариѳметическихъ дѣйствій. Удивляться, однако, этому было нечего, такъ какъ, повторяю, одному человѣку рѣшительно не представлялось ни малѣйшей возможности слѣдить съ должнымъ вниманіемъ и добросовѣстностію за успѣхами 750 учениковъ, а въ особенности, если принять въ соображеніе частую перемѣну самихъ преподавателей и низкій уровень ихъ образовательнаго ценза. Миѣ передавали, что Зельманъ былъ первый изъ учителей, задержавшійся на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; изъ предшественниковъ же его ни одинъ не могъ высадить въ школѣ долѣе одного года.

Весь процессъ обученія въ баталіонномъ училищѣ заключался въ задаваніи и спрашиваніи уроковъ, а о какихъ либо объясненіяхъ, за исключеніемъ занятій ариѳметикой, намъ не приходилось и слышать. Между тѣмъ, программа школы была весьма обширна и разнообразна: кромѣ спеціально-военныхъ наукъ, мы проходили еще Законъ Божій (преподавалъ его священникъ), русскій языкъ, исторію, географію, ариѳметику и нѣкоторые другіе предметы въ размѣрѣ курса уѣздныхъ училищъ, понынѣшнему городскихъ. Весьма естественно, что при такой сложной программѣ съ одной стороны и абсолютномъ отсутствіи сколько нибудь осмысленнаго преподаванія съ другой огромное большинство кантонистовъ упражнялось исключительно въ умѣннн надувать учителей и въ способности терпѣливо переносить по возможности большее количество розогъ. Экзекуція не прекращалась, бывало, въ продолженіе всего времени, опредѣленнаго для учебныхъ занятій въ классѣ. Замѣчу кстати, что операція сѣченія производилась тремя дюжими солдатами здѣсь же за дверью классной комнаты, въ полутемномъ коридорѣ. И удивительное право явленіе: ученики до такой степени прислушались, присмотрѣлись и привыкли къ непрерывной поркѣ и неистовымъ крикамъ наказываемыхъ товарищей, что перестали даже обращать вниманіе на эту ужасную процедуру.

Насколько помнится, больше и чаще всего были наказываемы ученики за незнаніе десяти заповѣдей и таблички умноженія. Такихъ субъектовъ священникъ и учитель отправляли прежде всего къ дверямъ, гдѣ на стѣнѣ висѣли двѣ большія черныя доски: на одной изъ нихъ была написана крупными цифрами пресловутая табличка, а на другой — помѣщались заповѣди. Очутившись подлѣ дверей, виновный въ незнаніи урока долженъ былъ заучивать его вторично, стоя передъ доской на колѣняхъ съ поднятыми вверхъ руками. Къ концу урока у порога оказывалась, обыкновенно, добрая половина трехъ младшихъ отдѣленій къ воздѣтymi «горѣ» дланями. Это число было бы еще больше, но дѣло въ томъ, что ученики слѣдовали отсюда поочереды въ коридоръ, гдѣ ихъ ожидала «березовая каша», и куда ихъ тянули одного за другимъ бывшіе

тамъ экзекуторы; эти «палачи» отлично знали, что каждый кантонистъ, очутившійся передъ черною доской на колѣняхъ, непременно долженъ былъ вкусить извѣстную порцію лозъ... Не думаете ли вы, что наши молодые грѣшники, угнетаемые совѣстью и сознаниемъ неизбѣжнаго путешествія въ роковой коридоръ, занимаются передъ доской заучиваніемъ заповѣдей и таблички умноженія? Ничуть не бывало: они совершенно философски относились къ факту и съ самыми веселыми лицами слушали какогонибудь товарища, рассказывавшаго вполголоса интересную сказку. Въ мое время такимъ «баяномъ» былъ кантонистъ второго отдѣленія Петръ Трясогузкинъ. Онъ съ такимъ мастерствомъ умѣлъ повѣствовать объ Ильѣ Муромцѣ, Ерусланѣ Лазаревичѣ или Соловьѣ-разбойникѣ, что его заслушивались даже ученики старшихъ отдѣленій, также нерѣдко попадавшіе въ колѣнопреклоненную компанію. Ничего не значило, что вновь прибывающіе къ двери герои не слышали начала фантастической исторіи: оно было уже имъ хорошо знакомо съ предыдущихъ дней; Трясогузкинъ же умѣлъ съ такими интересными варіаціями передавать свои сказки, что эта колѣнопреклоненная толпа готова была съ величайшимъ удовольствіемъ слушать въ десятый и даже въ сотый разъ одно и то же повѣствованіе не только съ начала, но даже съ середины. А какая масса всевозможныхъ сказокъ хранилась въ головѣ Трясогузкина, уму непостижимо! И вотъ, благодаря этой вмѣстительной и поэтической головѣ, злополучная табличка умноженія и десять заповѣдей Божіихъ оставались незаученными попрежнему; любители же сказокъ шли и на слѣдующій день къ двери и оттуда въ коридоръ за полученіемъ установленной порціи розогъ... Обычный порядокъ нашихъ учебныхъ занятій прерывался для кантониста лишь тогда, когда онъ, по случаю какойнибудь болѣзни, поступалъ въ лазаретъ, находившійся въ Умани. Иногда же въ этотъ госпиталь мы спасались, даже будучи совершенно здоровыми, съ единственною цѣлью передохнуть немного послѣ тягостнаго ученья и тумановъ, получаемыхъ въ изрядномъ количествѣ отъ хояина-воспитателя.

Не могу не помянуть здѣсь добрымъ словомъ младшаго врача у—скаго военнаго лазарета, К-на. Несмотря на свое еврейское происхожденіе, этотъ добрый человекъ не только съ рѣдкой внимательностью относился къ лѣченію больныхъ, но, кромѣ того, весьма заботливо слѣдилъ за чистотою бѣлья и доброкачественностью пищи; иной же разъ онъ нарочно задерживалъ въ госпиталь на нѣсколько лишнихъ дней даже такихъ паціентовъ, которые уже были назначены старшимъ врачомъ къ выпискѣ и отправкѣ въ баталіонъ.

Невзирая, однако, на такое множество терній и отсутствіе въ школѣ всякой педагогіи, между кантонистами попадались нерѣдко весьма способные и энергичные субъекты, которые преодолевали въ концѣ концовъ всѣ восемь отдѣленій и поступали унтеръ-офице-

рами въ ряды дѣйствующей арміи. Понятно, что такихъ счастливицевъ былъ сравнительно весьма небольшой процентъ; но за то они въ послѣдствіи быстро подвигались впередъ по служебной лѣстницѣ, выходя зачастую не только въ офицеры, но даже и въ генералы (въ отставку). Для полученія офицерскаго чина лучшіе ученики баталіонной школы, по окончаніи въ ней курса, были отправляемы въ такъ называемыя аракчеевскія училища; тамъ обученіе шло немного лучше, чѣмъ у насъ. Изъ этихъ заведеній кантонисты выходили уже съ правомъ на полученіе перваго чина. Развалины одного изъ такихъ училищъ сохранились и понынѣ въ с. А., У—скаго уѣзда.

Хотя я и принадлежалъ къ числу болѣе способныхъ учениковъ, однако обстоятельства помѣшали мнѣ окончить курсъ б-ской баталіонной школы, и я долженъ былъ продолжать свое образованіе уже послѣ упраздненія военныхъ поселеній и кантонистовъ, но объ этомъ поговорю ниже; теперь же надо вамъ сообщить кое-что по поводу кантонистовъ изъ евреевъ.

Обыкновенно это были потомки евреевъ, также принадлежавшихъ нѣкогда къ числу кантонистовъ; такіе мальчики весьма скоро соглашались принимать христіанство, но часто въ кантонисты попадали дѣти и настоящихъ евреевъ. Вотъ съ обращеніемъ-то этихъ послѣднихъ въ православіе и было начальству всегда много хлопотъ. Жизнь такихъ дѣтей въ баталіонѣ была дѣйствительно хуже всякой каторги, ибо, начиная послѣднимъ кантонистомъ и оканчивая главнымъ начальствомъ, всѣ и вся относились къ этимъ бѣдныхъ еврейчикамъ въ высшей степени недоброжелательно. Несмотря, однако, на такое тягостное положеніе, они въ умственномъ и нравственномъ отношеніи стояли всегда выше православныхъ кантонистовъ. Благодаря этому обстоятельству, евреямъ скоро удавалось пробираться на такія мѣста, гдѣ на ихъ долю приходилось меньше физическаго труда и всякаго рода притѣсненій. Оканчивая успѣшно курсъ въ баталіонныхъ школахъ, такіе кантонисты поступали потомъ въ офицерскія училища, на что они, какъ лица, принявшія православіе, имѣли полное право. А сколько было труда и хлопотъ иной разъ при обращеніи ихъ въ христіанство,—просто страсть. Въ особенности масса заботъ была въ томъ случаѣ, если новообращаемый достигъ уже 10—12 лѣтъ. Надобно вамъ знать, что еврейчики такого возраста зачислялись въ кантонисты весьма часто. Объясняется это тѣмъ, что родители въ то время старались всѣми мѣрами укрывать своихъ дѣтей отъ военной службы, прибѣгая нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ къ самымъ изумительнымъ фокусамъ и даже членовредительству. Полагаю, вамъ небезызвѣстенъ фактъ, что даже дѣдъ одного изъ нашихъ выдающихся современныхъ писателей лишился такимъ образомъ двухъ пальцевъ на лѣвой рукѣ; но такъ какъ его отецъ при этомъ ошибся, принявъ второпяхъ

одну руку за другую, то искалѣченный мальчикъ все-таки попалъ въ кантонисты и впоследствии, по ходатайству одного крупнаго землевладѣльца, у котораго онъ управлялъ церковнымъ хоромъ, былъ рукоположенъ во священника... Такъ вотъ по винѣ самихъ родителей между евреями кантонистами встрѣчалось немало такихъ дѣтей, которыхъ приходилось обращать въ православіе, какъ я уже сказалъ вамъ, даже въ 10—12-ти-лѣтнемъ возрастѣ. Я очень хорошо помню одну такую исторію съ кантонистомъ Беркомъ Финкельштейномъ. Не знаю, по какимъ причинамъ, но этому еврейчику пришлось поступить къ намъ въ баталіонъ не 12-ти, а уже 15-ти лѣтъ. Рассказывали, между прочимъ, что будто бы родители Финкельштейна отослали своего сына къ дальнимъ родственникамъ въ Галицію, а начальству сказали, что онъ умеръ; когда же мальчику исполнилось четырнадцать лѣтъ, то его переправили обратно въ Россію, но уже подъ именемъ австрійскаго подданнаго. Не прошло послѣ этого и года, какъ нашлись доброжелатели, которые, пронюхавъ истину во всей этой исторіи, немедленно донесли кому слѣдуетъ на Финкельштейна, и несчастный Берко былъ зачисленъ въ кантонисты; родители же его были подвергнуты тюремному заключенію за укрывательство сына отъ военной службы. По словамъ же Финкельштейна, оказалось, что о его существованіи забыло само начальство; когда же впоследствии ошибка была обнаружена, то всю вину ввалили на ни въ чемъ неповинныхъ родителей Берка. Трудно вообще было рѣшить, кто въ данномъ случаѣ былъ дѣйствительно виноватъ, кто правъ; достовѣрно лишь то, что молодой Финкельштейнъ ко времени поступленія на военную службу оказался уже вполне закоренѣлымъ евреемъ, отличавшимся феноменальною преданностью вѣрѣ отцовъ своихъ; фанатизмъ его въ этомъ отношеніи напоминалъ стойкость и героизмъ первыхъ христіанскихъ мучениковъ. Очувшившись въ кантонистскомъ баталіонѣ, Берко съ первыхъ же дней заявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не согласится ѣсть пищу, приготовленную на общей кухнѣ; о принятіи же православія и слушать не хотѣлъ, а однажды даже въ присутствіи ротнаго командира поклялся, что никогда не отступить отъ вѣры отцовъ своихъ. «О голубчикъ, да ты и на самомъ дѣлѣ оказываешься съ мухами въ носу,—замѣтилъ смѣясь ротный:—или ты думаешь, что мы обратимъ особенное вниманіе на твое упрямство, испугавшись твоихъ жидовскихъ клятвъ? Не бойсь, батенька, у насъ какъ всыпать тебѣ сотнягу-другую горячихъ, то ты не только что въ христіанство, но даже въ самую что ни на есть басурманскую вѣру охотно перейдешь».—«Пусть я съ голоду умру, пусть даже убьютъ меня, но я все-таки не соглашусь перемѣнить религію!»—отвѣчалъ твердымъ голосомъ юноша, смѣло смотря въ лицо командира; при этомъ въ черныхъ глазахъ пятнадцатилѣтняго фанатика блеснулъ какой-то недобрый огонекъ. Никому изъ насъ и въ голову не приходило, чтобы

Берко при той строгой дисциплинѣ, какая всегда царила среди кантонистовъ, могъ сдержать свои клятвы. Однако сколько его ни сбѣли, сколько ни подвергали разнымъ пыткамъ и лишениямъ, онъ съ необыкновеннымъ стойчивомъ выдерживалъ всѣ муки, оставаясь при одномъ и томъ же убѣжденіи. Изобрѣтательность начальства въ отношеніи Берки доходила въ данномъ случаѣ до невѣроятной степени. Вы не повѣрите, если я вамъ скажу, что по распоряженію ротнаго командира фельдфебель ставилъ этого несчастнаго еврейчика босыми ногами на раскаленную сковороду, вѣшалъ его за пятки внизъ головой, заставляя его ходить въ полуобнаженномъ видѣ по льду рѣки во время жесточайшихъ морозовъ,—однимъ словомъ, продѣлывалъ надъ нимъ чуть ли не всѣ средневѣковыя пытки, какія практиковались во время оной инквизиторами. Несмотря, однако, на такія мученія, Берко попрежнему оставался вѣренъ религіи своихъ предковъ. Я до сихъ поръ убѣжденъ, что подобный способъ обращенія евреевъ въ православіе совершался, по всей вѣроятности, помимо вѣдома высшаго начальства, хотя все-таки трудно допустить, чтобы объ этомъ ничего не зналъ баталіонный командиръ. Впрочемъ, даже онъ самъ велѣлъ однажды повѣсить на шею Финкельштейну два большихъ мѣшка, наполненныхъ пескомъ и вѣсившихъ около трехъ пудовъ каждый; кромѣ того, командиръ велѣлъ Беркѣ держать надъ своею головой за штыкъ въ теченіе трехъ часовъ тяжелое ружье въ совершенно вертикальномъ положеніи; при этомъ было объявлено, что если только еврей осмѣлится опустить руку внизъ или станетъ на колѣни,—тотчасъ же дадутъ ему сто розогъ. Простоявъ въ такомъ положеніи нашъ Финкельштейнъ не долѣе часа; затѣмъ силы моментально оставили его; онъ задрожалъ, лицо покрылось смертельною блѣдностью, и несчастный юноша рухнулъ на землю, какъ подкошенный. Присутствовавшіе при этомъ солдаты схватили Берку съ цѣлью подвергнуть его заслуженному наказанію, но сколько они ни бились надъ упавшимъ въ обморокъ кантонистомъ, чтобы привести его въ чувство, тотъ не подавалъ уже почти ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Доложили о происшедшемъ баталіонному, а тѣмъ временемъ принялись пробовать надъ безчувственнымъ еврейчикомъ самыя энергическія и разнообразныя средства: кололи его лицо иглами, насыпали въ носъ нюхательнаго табаку, подносили къ зубамъ и глазамъ зажженныя спички и т. п., однако, ничего не помогало... Черезъ часъ сюда же явился самъ баталіонный и, увидя эту сцену, немедленно послалъ за фельдшеромъ, который скоро привелъ Финкельштейна въ чувство. Приказавъ снять въ него мѣшки, баталіонный командиръ обратился къ ротному со слѣдующими словами: «Придется дѣйствительно оставить въ покоѣ этого закоренѣлаго фанатика, такъ какъ по всему видно, что онъ и на самомъ дѣлѣ скорѣе разстанется съ жизнью, чѣмъ со своимъ излюбленнымъ жилов-

ствомъ». Такимъ образомъ Финкельштейнъ остался при своей религіи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ совершенно оправился и сталъ усердно исполнять служебныя обязанности, а къ концу того же года считался уже первымъ кантонистомъ не только по части всевозможнаго ученія, но и по поведенію. «Вотъ вамъ и жидъ», говорило начальство, указывая на него прочимъ кантонистамъ изъ христіанъ... Много лѣтъ спустя послѣ упраздненія военныхъ поселеній и кантонистовъ, я случайно встрѣтился съ Беркомъ въ г. Умани. Въ это время онъ былъ уже отцомъ многочисленнаго семейства и собственникомъ довольно значительнаго бакалейнаго магазина.

— А что,—спрашиваю я его:—помнишь, Берко, какъ ты бывало ходилъ босыми ногами по горячей сковородѣ и носилъ за плечами трехпудовые мѣшки съ пескомъ?

— Какъ не помню,—отвѣчалъ онъ мнѣ съ улыбкой:—очень хорошо помню, да такихъ вещей и забывать нельзя: о нихъ надо рассказывать внукамъ и правнукамъ...

Насколько наше низшее начальство трепетало при проѣздѣ кого либо изъ высокопоставленныхъ ревизоровъ, настолько визиты этихъ господъ были пріятны намъ, кантонистамъ. Обыкновенно дней за десять до ревизіи насъ обмывали, стригли, снабжали новымъ, чистымъ бѣльемъ, готовили лучшую пищу и вообще заботились о нашемъ содержаніи весьма внимательно. Во время моего пребыванія въ Бабанкѣ къ намъ часто пріѣзжалъ въ качествѣ инспектора знаменитый князь Паскевичъ, проживавшій тогда въ г. Кременчугѣ, Полтавской губерніи, и возлагавшій, какъ говорили, большія надежды на кантонистскіе баталіоны. Всѣ его пріѣзды оставляли въ нашихъ головахъ и сердцахъ самыя отрадныя воспоминанія. Бывало, какъ только князь подѣдетъ къ нашему дивизиону, расположенному на обширной площади предъ казармами, то, не выходя еще изъ экипажа, крикнетъ намъ ласковымъ голосомъ:— «Здорово, дѣти мои!» Дружный и радостный откликъ тысячи дѣтскихъ голосовъ раздавался въ отвѣтъ на это привѣтствіе. Послѣ этого Паскевичъ принималъ рапортъ о состояніи всего дивизиона, разспрашивалъ о числѣ и здоровьѣ больныхъ кантонистовъ и т. д. Окончивъ обычныя, офиціальныя формальности, князь приказывалъ намъ пройти мимо него церемоніальнымъ маршемъ, а затѣмъ, произведя осмотръ нашего имущества, требовалъ къ себѣ по нѣсколько человекъ кантонистовъ отъ каждой роты, чтобы узнать, нѣтъ ли у насъ какой нибудь жалобы на начальниковъ. Когда эта депутація окружить бывало князя, онъ и спрашиваетъ:

— Ну, что жъ, дѣти мои, всѣ ли вы довольны? не обижаютъ ли васъ понапрасно начальство?.. Говорите мнѣ откровенно, не боясь никого и ничего; я съ величайшимъ удовольствіемъ разберу всякую вашу жалобу и накажу виновныхъ.

Понятно, что на всѣ такіе вопросы мы отвѣчали, по большей части, отрицательно или отдѣльвались молчаніемъ, зная хорошо, что всякая жалоба съ нашей стороны на ближайшаго начальника будетъ впослѣдствіи жестоко наказана. Да вотъ вамъ, кстати, и примѣръ, бывшій на моихъ глазахъ и показывающій, что даже за одну попытку жаловаться на своего начальника виновные въ этомъ кантонисты были подвергнуты жестокой карѣ и продолжительному преслѣдованію. Дѣло произошло такимъ образомъ. Одинъ изъ нашихъ баталіонныхъ командировъ, полковникъ З—скій, отличался поистинѣ дьявольскимъ нравомъ, мучилъ подвластныхъ ему кантонистовъ съ хладнокровіемъ и неутомимостью заправскаго палача. Нѣсколько разъ кантонисты собирались жаловаться на него инспектору, но все какъ-то затѣя ихъ не удавалась. Мѣшала ли въ этомъ дѣлѣ имъ боязнь еще большихъ пытокъ въ случаѣ неудачи, дѣйствовала ли на кантонистовъ смягчающимъ образомъ доброта самого князя П—ча, къ которому они неоднократно думали обратиться съ жалобой,—трудно сказать; однако, злоба противъ З. со стороны всего баталіона продолжала расти не по днямъ, а по часамъ. И такъ какъ всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, то и долготерпѣніе кантонистовъ должно же было когда нибудь истощиться. Такъ оно и случилось. Разъ, недѣли за двѣ до пріѣзда къ намъ князя П—ча, у одного изъ кантонистовъ этого самаго баталіона пропалъ совершенно новехонькій мундиръ. Подобныя исторіи, въ особенности наканунѣ инспекторскаго смотра, происходили у насъ довольно часто, и рѣдко-рѣдко когда удавалось открыть виновника такого похищенія. Несмотря на отличное поведеніе, аккуратность по службѣ и выдающіеся успѣхи въ наукахъ, Слюсаренко (фамилія потерпѣвшаго кантониста) былъ подвергнутъ, по приказанію баталіоннаго командира, самому строгому наказанію за пропажу казенной вещи: ему влѣпили болѣе ста розогъ. Экзекуція была исполнена, по обыкновенію, съ такимъ усердіемъ, что бѣднаго юношу тотчасъ же по окончаніи ея отправили въ баталіонный лазаретъ. Событіе это окончательно возмутило кантонистовъ, и весь баталіонъ, какъ одинъ человекъ, рѣшилъ заявить претензію на своего изверга-командира при первомъ же удобномъ случаѣ. Хотя задуманное кантонистами дѣло хранилось въ строжайшей тайнѣ, однако о немъ скоро пронюхалъ кто-то изъ ротныхъ командировъ и поспѣшилъ сообщить баталіонному. Тотъ, разумѣется, не замедлил произвести самое тщательное слѣдствіе по поводу дерзкой затѣи кантонистовъ; но послѣдніе съ такою откровенностью и единодушіемъ отрицали существованіе среди нихъ какого бы то ни было заговора, что начальству пришлось махнуть рукой на всю эту исторію, признавъ распространившіеся слухи чистѣйшею ложью. А «заговорщики» тѣмъ временемъ продолжали тайно совѣщаться о томъ, когда и какъ было бы удобнѣе заявить инспектору жалобу. Случай къ этому скоро

представился: въ началѣ мая разнесся слухъ, что черезъ недѣлю кантонистовъ будетъ смотрѣть упомянутый выше князь П—чь. Въ день прїѣзда любимаго нами инспектора весь нашъ дивизионъ уже съ девяти часовъ утра стоялъ въ полной парадной формѣ на площади вблизи казармъ. Между рядами кантонистовъ то и дѣло шныряли ротные командиры, оправляя и ровняя малышей или приводя въ лучшій порядокъ разложенныя вдоль фронта наши вещи. Дивизионнаго генерала и баталіонныхъ командировъ на плацу еще не было. Ровно въ одиннадцатъ часовъ прискакалъ верховой, стоявшій верстъ за десять отъ Б-ни, по уманьской дорогѣ, и сообщилъ, что княжескій экипажъ находится уже недалеко отъ села. При этомъ извѣстїи съ колокольной раздался обычный въ такихъ случаяхъ перезвонъ; народъ густою толпой повалилъ за околицу, сопровождаемый поселенческимъ начальствомъ. Ротные въ послѣдній разъ подтянули своихъ кантонистовъ и заняли опредѣленныя мѣста. Черезъ нѣсколько минутъ на плацъ прїѣхали баталіонные командиры. Приблизившись къ своему баталіону, З—скій громко произнесъ: «Здорово, ребята!» Отвѣтомъ на его привѣтствїе было гробовое молчанїе. Командиръ положительно остолбенѣлъ отъ удивленїя; однако минуты черезъ двѣ повторилъ свой привѣтъ, но уже какимъ-то слабымъ полусдавленнымъ голосомъ. Со стороны кантонистовъ продолжалось то же молчанїе. Полковникъ въ третїй разъ крикнулъ: «Здорово, ребята!» Баталіонъ хранилъ прежнее безмолвїе, будучи проникнутъ одною мыслью, однимъ желанїемъ отомстить во что бы то ни стало злему начальнику за всѣ тѣ жестокости, которыя уже давнымъ-давно переполняли чашу долготерпѣнїя обездоленныхъ кантонистовъ. Когда командирское привѣтствїе осталось безъ отвѣта и въ третїй разъ, тогда полковникъ пришелъ въ страшное бѣшенство и съ пѣной у рта закричалъ: — «Что это — бунтъ, или вы всѣ оглохли, мерзавцы?! а!». Та же гробовая тишина была отвѣтомъ командиру... — «Правое плечо впередъ! Шагомъ-маршъ!» — раздалась вдругъ команда окончательно растерявшагося полковника. Баталіонъ — ни съ мѣста, стоитъ себѣ, не шелохнувшись, словно какая нибудь окаменѣлая масса... Между тѣмъ экипажъ князя П—ча вѣзжалъ уже въ селенїе, а усилившїйся перезвонъ церковныхъ колоколовъ сливался по временамъ съ громкими криками народа, восторженно встрѣчавшаго княжескій поѣздъ за околицею. З—скій, видя, что его дѣло проиграно въ конецъ, моментально соскочилъ съ лошади, приблизился на разстоянїе нѣсколькихъ шаговъ къ баталіону и, снявъ фуражку, произнесъ дрожащимъ отъ волненїя голосомъ:

— Простите, дѣти,—больше этого не будетъ! Я дѣйствительно виноватъ, даже очень много виноватъ предъ вами, но ради моего семейства, ради моихъ собственныхъ дѣтей, простите меня!..

По рядамъ кантонистовъ пронесся смутный говоръ, словно от-

даленный ропотъ морскихъ волнъ, ударяющихся о прибрежныя скалы... Командиръ стоялъ въ прежнемъ положеніи предъ баталіономъ, и кантонисты видѣли, какъ по загорѣлымъ щекамъ суроваго полковника скатились двѣ серебристыя слезы... Еще одно-два такихъ мгновенія, и весь баталіонъ, какъ одинъ человекъ, гаркнулъ:

— Прощаемъ, ваше в—діе!

— Спасибо, дѣти мои, спасибо! Я не забуду этого дня до конца своей жизни!—промолвилъ сквозь слезы командиръ, усаживаясь на лошадь...

Черезъ четверть часа послѣ этого случая предъ баталіономъ стоялъ уже экипажъ Паскевича, окруженный свитой. Начался смотръ, сопровождаемый уже описанными мною выше приемами. Когда по окончаніи смотра князь, собравъ вокругъ себя «депутатовъ», спросилъ ихъ по обыкновенію: а что, дѣти, не имѣете ли вы какихъ либо жалобъ на своихъ начальниковъ?—то кантонисты бунтовавшаго баталіона первые воскликнули:—«Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!...». Такимъ образомъ неумолимо-жестокій командиръ и на этотъ разъ выскочилъ изъ бѣды, отдѣлавшись лишь незначительнымъ испугомъ. Что же вы думаете,—облегчили кантонисты этимъ великодушнымъ поступкомъ свое тяжелое положеніе? Какъ бы не такъ! Не прошло и мѣсяца, какъ стоявшій предъ баталіономъ безъ шапки полковникъ превратился въ прежняго звѣря, при чемъ до конца дней своихъ продолжалъ съ неутомимостью, достойной лучшей участи, отыскивать зачинщиковъ бывшаго бунта. Однако, всѣ его труды въ этомъ отношеніи были совершенно тщетны: кантонисты, несмотря на разность своихъ возрастовъ и происхожденія, представляли собою какъ бы одно тѣло и одну душу, а потому всякая тайна оставалась погребенной въ сердцахъ этихъ дѣтей, какъ въ могилѣ. На счастье баталіона, полковникъ З. скоро умеръ отъ водянки, главною причиною которой было злоупотребленіе спиртными напитками. На его мѣсто былъ назначенъ другой командиръ, представившій уже совершенную противоположность умершему извергу.

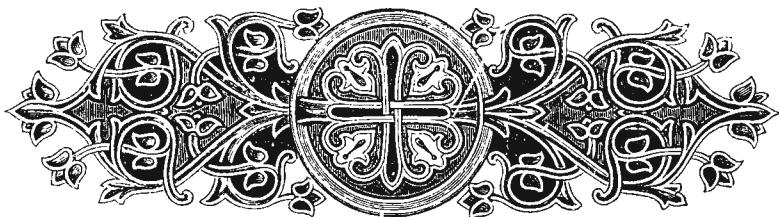
Обыкновенно послѣ фронтоваго ученія князь Паскевичъ осматривалъ казармы и разное имущество кантонистовъ, а затѣмъ отправлялся къ нашему дивизіонному генералу обѣдать и отдыхать. Часовъ около 5—6 по полудни князь приказывалъ вести всѣхъ кантонистовъ къ пруду, гдѣ должно было происходить испытаніе въ плаваньи и другихъ «водяныхъ» упражненіяхъ. Все это продѣлывалось нами на глазахъ присутствовавшего тутъ же князя, который вызывалъ въ концѣ концовъ впередъ перворазрядныхъ пловцовъ и на ихъ глазахъ бросалъ въ воду нѣсколько серебряныхъ рублевиковъ; эти монеты предназначались затѣмъ въ награду тому изъ кантонистовъ, кто сумѣлъ достать ихъ со дна пруда. Замѣчу здѣсь, кстати, что подобнаго рода фокусъ надо было продѣлать, находясь въ полной аммуниціи. И, вы не повѣрите, не прой-

детъ болѣе 5—10 минутъ, какъ всѣ монеты очутятся уже въ рукахъ ловкихъ водолазовъ. Особенно отличавшіеся въ этомъ дѣлѣ пловцы получали еще изъ рукъ Паскевича по цѣлому полумпериалу. Отъ пруда мы возвращались домой уже вольнымъ шагомъ, распѣвая свои залихватскія пѣсни. Вотъ такимъ-то манеромъ оканчивались всѣ наши инспекторскіе смотры къ обоюдному удовольствію начальства и кантонистовъ.

Д. Федоровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I ВЪ 1848 и 1849 ГОДАХЪ¹⁾.

I.

ЕСЕЛО встрѣтили въ Петербургѣ масленицу 1848 года; начался рядъ ежедневныхъ баловъ, привлечшихъ къ себѣ вниманіе всего столичнаго общества. Всѣ эти увеселенія должны были завершиться 22-го февраля въ воскресенье — *folle journée* у наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Въ Петербургѣ никто не предвидѣлъ въ то время приближенія той страшной политической грозы, которая готова была разразиться надъ Европою; о подобномъ бѣдствіи также мало думали, какъ и о возможности вторичнаго появленія холеры въ нашей столицѣ,—несчастія, также выпавшаго на долю злосчастнаго 1848 года. Всѣ эти печальныя событія надолго повергли умы въ самое тревожное состояніе.

21-го февраля, въ субботу, государь получилъ изъ Варшавы телеграфическую депешу, сообщавшую, что парижскія волненія побудили короля Людовика-Филиппа отказаться отъ престола въ пользу своего внука графа Парижскаго, съ назначеніемъ регентства, въ лицѣ матери послѣдняго, вдовствующей герцогини Орлеанской.

Это извѣстіе быстро разнеслось по городу, но никто не предугадывалъ, что за отреченіемъ короля немедленно послѣдуетъ полное крушеніе Іюльской монархіи и провозглашеніе республики. Ве-

¹⁾ Изъ приготовляемаго къ печати сочиненія: «Императоръ Николай I. Его жизнь и царствованіе», въ четырехъ томахъ, которое въ непродолжительномъ времени будетъ издано А. С. Суворинымъ.

ликій князь Михаилъ Павловичъ говорилъ всѣмъ: «Vous verrez que dans deux mois ils auront une révolution complète»,— его высочество ошибся лишь двумя мѣсяцами въ своей оцѣнкѣ парижскихъ событій.

22-го февраля, состоялся назначенный балъ у наслѣдника цесаревича. Танцующіе званы были къ двумъ часамъ передъ обѣдомъ, а въ девять часовъ вечера должны были присоединиться къ нимъ и прочіе приглашенные.

Гриммъ въ своей біографіи императрицы Александры Ѳеодоровны представилъ намъ слѣдующую картину этого достопамятнаго дня.

«Залы были наполнены какъ блескомъ огней, такъ и блескомъ туалетовъ; взглядъ на беззаботную танцующую массу людей могъ породить увѣренность, что находишься въ вѣчномъ царствѣ мира и счастья. Но вдругъ открываются двери шумной залы; взоры всѣхъ устремляются туда, и черезъ дверь выходитъ на середину залы императоръ, съ сумрачнымъ видомъ, съ бумагой въ рукѣ, подаетъ знакъ, музыка обрывается на полутактѣ, и танцующее общество по его мановенію замираетъ въ безмолвной неподвижности. Послѣ нѣсколькихъ секундъ боязливаго ожиданія услышали, какъ государь громовымъ голосомъ возвѣстилъ на всю залу: «Sellez vos chevaux, messieurs: la république est proclamée en France!» Затѣмъ онъ покинулъ залу, и балъ прекратился».

Такъ пишетъ Гриммъ.

Въ дѣйствительности же обстановка, при которой парижскія вѣсти нарушили общее веселіе собраннаго во дворцѣ общества, была нѣсколько иная.

Въ 5 часовъ, въ залу, гдѣ происходили танцы, быстро вошелъ императоръ Николай Павловичъ съ какими-то бумагами въ рукѣ и сказалъ нѣсколько отрывистыхъ словъ о переворотѣ во Франціи и о бѣгствѣ короля изъ Парижа — слова, оставшіяся непонятными для большинства присутствовавшего здѣсь общества. Затѣмъ государь направился въ кабинетъ наслѣдника цесаревича; за нимъ послѣдовала сперва царская фамилія, а за нею, понемногу, устремились туда же и прочіе приглашенные. Здѣсь государь громко прочелъ депешу, полученную отъ посланника нашего въ Берлинѣ, барона Мейендорфа, а вслѣдъ затѣмъ поручилъ принцу Александру Гессенскому (брату цесаревны) прочесть также громко чрезвычайное прибавленіе къ Берлинской газетѣ, приложенное къ этой депешѣ. Въ депешѣ было сказано, что изъ Парижа нѣтъ ни газетъ, ни писемъ, но что пріѣхавшій оттуда въ Брюссель путешественникъ сообщилъ вѣсти, которыя, находящійся въ этомъ городѣ, прусскій повѣренный въ дѣлахъ передалъ своему двору, а Мейендорфъ спѣшилъ представить государю съ особою эстафетою: во Франціи была провозглашена республика.

Вечеромъ, того же 22-го февраля, къ цесаревичу должны были собраться остальные приглашенные. Государь вышелъ позднѣе обыкновеннаго и, увидя стоявшихъ вмѣстѣ князя Александра Сергѣевича Меншикова, нашего посланника въ Вѣнѣ графа Медема и статсъ-секретаря барона Модеста Андреевича Корфа, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «*Qu'en dites vous? Voilà donc la comédie jouée et finie et le coquin à bas. Voilà bientôt dix huit ans qu'on me taxe d'imbecile, quand je dis que son crime trouvera sa punition encore ici-bas, et pourtant mes prévisions viennent de s'accomplir: и подѣломъ ему, прекрасно, неподобно! il sort par la même porte par laquelle il est entré.*» Государь продолжалъ еще говорить нѣсколько времени въ этомъ же духѣ и повторялъ то же самое въ разныхъ концахъ залы, привѣтствуя особенно милостиво командировъ гвардейскихъ полковъ, но прибавляя, что «даетъ слово, что за этихъ бездѣльниковъ французовъ не будетъ пролито ни одной капли русской крови».

Въ дальнѣйшихъ затѣмъ разговорахъ государь высказывалъ мнѣніе, что было бы любопытно знать, что скажетъ обо всемъ случившемся Англія, и какъ желательно было бы, чтобы французы, въ минутномъ неистовствѣ своемъ, тотчасъ устремились на Рейнъ, «тогда, прибавилъ онъ, нѣмцы воспротивятся имъ изъ національной гордости, а не то, если французы завяжутъ дѣло у себя и дадутъ нѣмцамъ опомниться, то коммунисты и радикалы между послѣдними легко могутъ, пожалуй, затѣять что нибудь подобное и у себя».

Наслѣдникъ цесаревичъ съ своей стороны замѣтилъ, что если вообще нечего много жалѣть Людовика-Филиппа, то важенъ тутъ «*le principe*», и отвратителенъ тотъ вандализмъ, съ которымъ французы посягнули на истребленіе королевскихъ дворцовъ, галерей и проч.

Очевидецъ отмѣтилъ съ своихъ замѣткахъ и такое мнѣніе: одинъ изъ присутствовавшихъ восхвалялъ допетровскую Русь, когда мы были отдѣлены отъ Европы, и благодаря одушевлявшимъ въ то время русское населеніе чувствамъ, событія, подобныя случившимся теперь во Франціи, прошли бы для насъ совсѣмъ незамѣтнымъ образомъ.

Императоръ Николай оставался на балѣ очень недолго и вскорѣ удалился во внутренніе покои, сопровождаемый графомъ Нессельроде. Среди разнородныхъ чувствъ и мыслей, овладѣвшихъ собравшимся обществомъ, самый балъ уже имѣлъ видъ какой-то аномаліи. Хотя танцы и продолжались, но, повидимому, даже молодежь участвовала въ нихъ какъ бы нехотя, а изъ нетанцовавшихъ образовались во всѣхъ углахъ залы кружки, среди которыхъ толковали о случившемся до пресыщенія. Наконецъ, наступило время разѣзда. Високосный годъ взялъ таки свое, говорили многіе. Другіе,

не понимавшіе духа времени и не слѣдившіе за проявленіемъ различныхъ зловѣщихъ движеній, ознаменовавшихъ въ послѣднее время жизнь европейскихъ народовъ, «витали какъ слѣпые или какъ бы въ другомъ мірѣ», пишеть очевидецъ. Не можетъ быть, восклицали эти господа, статочно ли дѣло: все казалось такъ спокойно, мы были такъ увѣрены, что живемъ среди самой прозаической эпохи и вдругъ, неожиданнымъ образомъ попадаемъ въ полный разгаръ революціи 1789 года!

На другой день, въ чистый понедѣльникъ, было обычное засѣданіе государственнаго совѣта, но и оно, подобно вчерашнему балу у цесаревича, утратило свой обычный характеръ. Никто не слушалъ предложенныхъ дѣлъ, и шопотъ съ сосѣдями объ извѣстіяхъ изъ Парижа угрожалъ обратиться почти въ громкій разговоръ. Обычное затишье въ столичной жизни, нераазлучное съ наступленіемъ великаго поста, на этотъ разъ вполне отсутствовало. Общественное вниманіе до такой степени сосредоточилось на парижскихъ происшествіяхъ, всѣ такъ были заняты высшими интересами, такъ жаждали развязки начавшейся грозной драмы, что почти не оставалось мѣста ни другимъ разговорамъ, ни другимъ помысламъ. Весь городъ былъ, такъ сказать, на ногахъ; всѣ скакали изъ дома въ домъ за новыми вѣстями, осаждали газетную экспедицію, и тѣмъ болѣе недоумѣвали и тревожились, когда оказывалось, что самыя газеты, ожидаемыя съ такимъ нетерпѣніемъ, приносили одни противорѣчія, недомолвки или извѣстія мало достовѣрныя.

23-го февраля, государь пригласилъ къ себѣ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Мерсье (Mercier de Lostende), котораго очень жаловаль; принимая его, уже какъ частнаго человѣка, Николай Павловичъ, не стѣсняясь, высказалъ ему со всею откровенностію истинныя мысли свои о Людовикѣ-Филиппѣ, заключавшіяся въ томъ, что іюльская монархія рушилась, какъ и возникла, путемъ революціи.

Въ тотъ же день, когда Мерсье имѣлъ аудіенцію у императора, всѣ находившіеся въ Петербургѣ французы были собраны къ шефу жандармовъ, графу А. Ф. Орлову. Онъ передалъ имъ, именемъ государя, что они будутъ продолжать пользоваться прежнимъ покровительствомъ нашего правительства, разумѣется, при соблюденіи съ ихъ стороны совершенной тишины и спокойствія, но что, впрочемъ каждому изъ нихъ, кто самъ пожелаетъ, предоставляется право выѣхать изъ Россіи.

Февральская революція, взволновавшая собою не только всѣ высшіе слои русскаго общества, вызвала также толки среди народа и солдатъ, которые по-своему старались объяснять смыслъ совершившихся за границею событій. Приведемъ здѣсь для примѣра одно забавное истолкованіе слова республика и смысла парижскаго переворота, придуманное нашими солдатами въ эту смутную пору.

Государь нашъ, говорили они, далъ французскому королю де-

негъ въ займы. Наступилъ срокъ уплаты, король не платитъ. Не-чего дѣлать, государь пишетъ, пишетъ, а все толку нѣтъ; вотъ на-последокъ онъ и велѣлъ написать французскому народу, что де-скать вашъ король занялъ у меня деньги, и срокъ прошелъ, а уплаты все нѣтъ; заставьте же его. И народъ разсудилъ, что го-сударь требуетъ дѣло, и приступилъ къ своему королю: заплати да заплати, а король взялъ да и убѣждалъ съ деньгами. Вотъ народъ и разсердился, что король его такой невѣрный въ своемъ дѣлѣ; по-толковали промежь себя и положили распубликовать его по всей землѣ, сдѣлали распублику.

Явилась также остроумная карриатура. Представлены три бу-тылки, одна съ шампанскимъ, пробка вылетѣла и въ искристомъ фонтанѣ вышибаетъ изъ бутылки корону, тронъ, конституцію, ко-роля, принцевъ, министровъ и пр. Это—Франція. Другая съ чернымъ густымъ пивомъ; изъ мутной влаги выжимаются короля, гротгер-поги, герцоги и т. п. Это—Германія. Наконецъ третья бутылка—съ русскимъ пѣнникомъ; пробка обтянута крѣпкой бичевкой и на ней казенная печать съ орломъ. Не нужно прибавлять, что это—Россія.

II.

Начавшееся въ февралѣ революціонное движеніе въ Европѣ не ограничилось одною Франціей. Опасенія, высказанныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ, не замедлили оправдаться: нѣмцы дѣйстви-тельно затѣяли нѣчто подобное и у себя. Вскорѣ последовали одна за другою вѣсти о смутахъ въ Германіи и наконецъ даже въ Вѣнѣ, въ тогдашнемъ центрѣ европейскаго консерватизма, восторжество-вавшая революція обратила въ бѣгство князя Меттерниха.

Переворотъ, совершившійся съ такою легкостью въ Парижѣ, не замедлилъ отразиться на настроеніи императора Николая Павловича, придавъ ему на первыхъ порахъ воинственный оттѣнокъ.

Владиміръ Ивановичъ Панаевъ сохранилъ въ своихъ запискахъ любопытный рассказъ князя Петра Михайловича Волконскаго о пер-вомъ докладѣ его у государя, 23-го февраля, на другой день послѣ описаннаго нами бала у наслѣдника цесаревича.

«Министръ возвратился отъ доклада съ раскраснѣвшимися ще-ками,—пишетъ Панаевъ.—Это было всегда для меня знакомъ, что они имѣли съ государемъ какое нибудь преніе.

— «Вы, кажется, взволнованы, ваша свѣтлость?»

— «Да.

— «Отъ чего?»

— «Поспорилъ съ государемъ.

— «О чемъ?»

— «Хочетъ воевать.

«Хотя сейчас догадался, въ чемъ дѣло, но, желая болѣе ввести князя въ разговоръ, спросилъ: «съ кѣмъ?»

— «Съ французами.

— «За что?»

— «За то, что прогнали Филиппа.

— «Да вѣдь онъ не жалуется Филиппа.

— «Ну, вотъ, подите. Говорить, что черезъ два мѣсяца поставить на Рейнъ 300.000 войска. На это я замѣтилъ ему, что у него не найдется столько войскъ, чтобы отдѣлать на Рейнъ 300.000, а есть ли деньги, безъ которыхъ нельзя воевать?— «Деньги?—возразилъ государь, — да какъ же вы съ Александромъ Павловичемъ вели три года такую большую войну? Нашлись же деньги».— «Но развѣ вы не знаете, что мы вели ее на чужія деньги? Англія осыпала насъ субсидіями, а попробуйте-ка попросить теперь — не дадутъ гроша».— «Ну,—продолжалъ князь,—кажется, я прохладилъ его жаръ, думаю, что отступится отъ своего намѣренія».

Князь Волконскій былъ правъ, сдѣлавъ это заключеніе. Такъ и случилось. Благоразуміе и государственная предусмотрительность одержали верхъ въ умѣ государя надъ этими порывами личного мужества, направленными къ безкорыстному поддержанію законнаго порядка въ Европѣ. Онъ остановился на томъ, чтобы отнюдь не предпринимать ничего ни противъ Франціи, ни противъ другихъ государствъ, пока они будутъ ограничиваться одними внутренними своими дѣлами, но быть всегда готовымъ на случай, если бы дѣйствія ихъ нарушили вѣдшій миръ. Руководствуясь этими соображеніями, императоръ Николай Павловичъ предназначилъ выдвинуть съ весны сильную армію къ нашимъ западнымъ границамъ. Въ этомъ смыслѣ посланы были инструкціи нашимъ дипломатическимъ представителямъ за границую.

Не всѣ однако приближенные къ императору Николаю Павловичу лица рѣшились бы, подобно князю Волконскому, высказать государю въ минуты его воинственнаго одушевленія столько правды и въ столь рѣзкой формѣ; едва ли старый ветеранъ Александровскаго царствованія нашелъ бы много подражателей. Для подтвержденія этой истины достаточно указать на образъ дѣйствій князя Варшавскаго, находившагося во время этихъ происшествій въ Петербургѣ. На взглядахъ, высказываемыхъ фельдмаршаломъ, ясно отражалось то же воинственное увлеченіе, черезъ которое прошелъ и государь. «Къ веснѣ,—говорилъ знаменитый «отецъ командиръ»,—мы можемъ выставить 370.000 войска и съ нимъ пойдѣмъ и раздавимъ всю Европу».

— Очень хорошо, да гдѣ жъ возьмете вы на эту армію деньги?—возразилъ ему графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ.

— Деньги! всякій дастъ, что у него есть, и я самъ пошлю продать послѣдній мой серебряный сервизъ.

— Ну, не велики еще будутъ эти деньги; да другой вопросъ: кому же командовать вашей арміей?—спросилъ графъ Киселевъ.

— Кому? А на что-жь Паскевичъ? — отвѣтилъ разгнѣванный фельдмаршалъ.—Кто поправилъ Ермолова грѣхи, кто Дибичевы; кто во всей новѣйшей исторіи счастливо и съ полнымъ успѣхомъ совершилъ пять штурмовъ? Все тотъ же Паскевичъ. Авось Богъ дастъ ему теперь не ударить лицомъ въ грязь!

Но по прошествіи нѣсколькихъ дней Паскевичъ совершенно перемѣнилъ тонъ; онъ уже началъ говорить о бесполезности внѣшнихъ съ нашей стороны дѣйствій и о большей необходимости охранять внутреннее спокойствіе. Однимъ словомъ, при своемъ отъѣздѣ, 29-го февраля, въ Варшаву, фельдмаршалъ уже былъ настроенъ совсѣмъ на другой ладъ и являлся сторонникомъ мира.

III.

Въ эти смутныя времена положеніе императора Николая Павловича было, конечно, однимъ изъ самыхъ тягостныхъ. Съ его привязанностью къ монархическому началу, имѣя близкихъ ему или его семьѣ лицъ почти во всѣхъ дворахъ Германіи, а въ одномъ изъ нихъ и родную дочь, онъ принужденъ былъ оставаться въ бездѣйствіи, смотрѣть, какъ рушились вокругъ него престолы, и попирались среди революціоннаго вихря, охватившаго всю Европу, священныя преданія прежнихъ политическихъ вѣрованій. Каждая телеграфическая депеша сообщала, каждый курьеръ привозилъ извѣстія о новыхъ требованіяхъ народовъ и о новыхъ уступкахъ, сдѣланныхъ правительствами, потерявшими окончательно голову. Революція повсемѣстно торжествовала, а потому можно было быть увѣреннымъ, что молчаніе Россіи не будетъ продолжительнымъ.

9-го марта, во время прогулки по Большой Морской, государь встрѣтилъ статсъ-секретаря барона Корфа. «Ну, что», сказалъ ему императоръ, «хороши вѣнскія штуки! Я собираюсь позвать тебя къ себѣ и поручить новую работу. Надо будетъ написать манифестъ, въ которомъ показать, какъ всѣ эти гадости начались, развились, охватили всю Европу и, наконецъ, отпрянули отъ Россіи. *Le tout ne doit pas être long, mais énoncé avec dignité et énergie*, чтобъ было порѣзче. Подожду еще нѣсколько, посмотримъ, какія будутъ дальше извѣстія, а тамъ позову тебя и надѣюсь, что ты не откажешься отъ этого труда».

Дѣйствительно, государь призвалъ къ себѣ барона Корфа черезъ нѣсколько дней, 13-го марта, въ субботу, къ 12-ти часамъ, по полученіи извѣстія о революціи въ Берлинѣ. Баронъ Корфъ явился въ назначенное время и взялъ съ собою составленный имъ послѣ разговора съ государемъ проектъ манифеста. Передъ кабинетомъ импе-

ратора Корфъ встрѣтилъ выходящаго оттуда графа Нессельроде.— «L'empereur veut vous charger d'écrire un manifeste approprié aux circonstances», сказалъ графъ. Въ отвѣтъ на эти слова Корфъ разсказалъ канцлеру о встрѣчѣ съ государемъ и о заготовленномъ проектѣ. Нессельроде сообщилъ тогда, что государь уже написалъ свой проектъ манифеста, котораго онъ, канцлеръ, еще не читалъ; но прибавилъ, что просилъ государя приказать сообщить ему окончательную редакцію, для соображенія ея въ видахъ дипломатическихъ. Тогда Корфъ предложилъ графу Нессельроде выслушать привезенный проектъ манифеста, канцлеръ не только вполне его одобрилъ, но и просилъ доложить государю, что, съ своей стороны, не видитъ надобности перемѣнить въ немъ ни одного слова.

Спустя нѣсколько минутъ, когда Нессельроде уже уѣхалъ, изъ кабинета государя вышелъ графъ А. Ф. Орловъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи, утирая рукою слезы: «Ахъ, Боже мой», сказалъ онъ, обратясь къ барону Корфу, «что за человекъ этотъ государь! Какъ онъ чувствуетъ, какъ пишетъ! Сейчасъ прочелъ онъ мнѣ свои идеи по манифесту, который хочетъ поручить вамъ написать; я отвѣчалъ, что это не идеи, а уже совсѣмъ готовый манифестъ, и что лучше, конечно, никто не напишетъ.—Et effectivement, vous pourriez y mettre un peu plus de style, plus d'élégance, mais jamais personne ne pourra parler avec autant d'énergie, de sentiment et de coeur. C'est jsute ce qu'il faut à notre nation. Impossible de faire mieux».

Едва Орловъ успѣлъ это сказать, какъ его собесѣдника позвали къ государю.

Императоръ Николай Павловичъ стоялъ въ кабинетѣ у письменнаго стола.—«Qu'est ce que vous avez là?»—спросилъ государь.

«У меня былъ въ рукахъ мой проектъ», пишетъ баронъ Корфъ въ своихъ запискахъ.

— «Sire, comme vous avez daigné m'énoncer vos idées au sujet du manifeste, j'ai cru de mon devoir d'en tracer un canevas».

— «Ну, хорошо, nous verrons cela après, а теперь я прочту тебѣ свои идеи, которыя ты потомъ потрудишься привести въ порядокъ».

«И государь началъ читать мнѣ свой проектъ, прерывая нѣсколько разъ чтеніе для словесныхъ объясненій. Многозначительность предмета, торжественность минуты, выражавшіяся въ проектѣ высокія чувства, образъ чтенія, наконецъ, можетъ быть, и то впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго, отъ словъ Орлова, я вошелъ въ кабинетъ, привели и меня въ невольный восторгъ. Когда государь кончилъ, я бросился къ его рукѣ; но онъ не допустилъ и обнять меня.—«Какое счастье, какое благословеніе неба», вскричалъ я, «что въ эти страшныя минуты Россія имѣетъ васъ, государь, васъ съ вашею энергіею, съ вашею душею, съ вашею любовію къ намъ».

«Содержаніе отвѣта состояло въ томъ, что мыслимъ и чувствуемъ

мы всё одинаково, а, бывъ поставленъ во главѣ, онъ, конечно, не можетъ оставить и никогда не оставитъ тѣла. Но моего проекта государь уже не спросилъ и болѣе о немъ не вспоминалъ».

— «Теперь,—сказалъ онъ,—поѣзжай домой и уложи все это хорошенько на бумагу.

— «И потомъ прикажете прислать къ вашему величеству?»

— «Нѣтъ, принеси опять самъ. Я буду дома въ три часа, или, пожалуй, и вечеромъ.

«Въ передней камердинеръ объявилъ мнѣ волю наследника цесаревича, чтобы отъ государя я зашелъ къ его высочеству. Цесаревичъ уже зналъ, зачѣмъ я былъ у государя, но, кажется, еще не видалъ проекта; по крайней мѣрѣ, взявъ его отъ меня, тутъ же прочелъ про себя и, прослезившись, сказалъ: «Я очень радъ, что выборъ государевъ въ этомъ дѣлѣ палъ на васъ; вотъ вамъ еще одно драгоценное воспоминаніе на цѣлую жизнь».

«Дома, въ тиши кабинета и съ перомъ въ рукѣ, нѣкоторыя изъ выраженій проекта, казавшіяся мнѣ, при живомъ чтеніи государя и при собственной моей восторженности, превосходно-умѣстными, предстали въ другомъ свѣтѣ. Иное имѣло видъ вызова къ войнѣ; другое какъ бы указывало на угрозы намъ извнѣ, которыхъ ни отъ кого не было; третье, наконецъ, проявляло надежды на побѣду, когда не имѣлось еще въ виду никакой брани. Но такъ какъ собственный мой проектъ, веденный отъ другой основной идеи, остался непрочитаннымъ, то мнѣ и надо уже было, въ качествѣ просто редактора, ограничиться однимъ изложеніемъ даннаго эскиза, съ сохраненіемъ, по возможности, даже самыхъ его словъ. Въ три часа я былъ опять во дворцѣ.

«Поутру государь принялъ меня въ официальномъ своемъ кабинетѣ, наверху, а въ это время—въ домашнемъ, внизу.

— «Какъ ты уже готовъ?—спросилъ онъ, увидѣвъ меня.

— «Мой трудъ, государь, былъ не великъ: мнѣ оставалось почти только переписать написанное вами.

— «Ну, нѣтъ, я, признаюсь, не великій мастеръ на редакторство; ооуоо».

«И я въ слѣдъ затѣмъ прочелъ привезенную бумагу, а кончивъ взглянулъ на государя. У него текли слезы. Видно было, что онъ всею душою слѣдилъ за этимъ выраженіемъ завѣтныхъ его мыслей и чувствъ.

— «Очень хорошо,—сказалъ онъ,—передѣлывать тутъ, кажется, нечего.

— «Дозвольте, государь, повергнуть на ваше усмотрѣніе одну только мысль.

— «Что такое? Говори.

— «Не позволите ли включить въ манифестъ хотя два слова о

дворянствѣ: оно всегда окружало престолъ своею преданностію, и особенный призывъ отъ васъ польститъ лучшему его чувству.

— «Я самъ объ этомъ думалъ, и сперва, въ черновомъ моемъ проектѣ, именно сказано было: всѣ государственныя сословія; но послѣ мнѣ показалось, что слово сословіе не совсѣмъ умѣстно при теперешнемъ духѣ и обстоятельствахъ. Гдѣ же полагалъ бы ты сказать о дворянствѣ?»

«Я указалъ мѣсто. Онъ перечелъ раза два или три громко это мѣсто и, пробѣжавъ потомъ снова про себя весь проектъ, сказалъ:

— «Нѣтъ, право, и такъ очень хорошо; если упоминать отдѣльно о дворянствѣ, то прочія состоянія могутъ огорчиться, а вѣдь это еще не послѣдній манифестъ; вѣроятно, что за нимъ скоро будетъ и второй, уже настоящее воззваніе, и тогда останется время обратиться къ дворянству, а теперь пусть будетъ такъ, какъ есть. Я попрошу только тебя съѣздить къ Нессельроду и показать ему нашъ проектъ; онъ очень взыскателенъ на выраженія и въ теперешнихъ обстоятельствахъ совершенно въ томъ правъ. Если онъ сдѣлаетъ какія нибудь замѣчанія, то пріѣзжай опять ко мнѣ сказать объ нихъ, если жъ нѣтъ, такъ отдавай съ Богомъ въ переписку, или... знаешь что, переписи лучше самъ своею рукою, а теперь покуда, прощай, и большое спасибо».

Изъ дворца баронъ Корфъ, согласно приказанію государя, отправился къ канцлеру. Графъ Нессельроде, прочитавъ проектъ, остановился именно на тѣхъ же замѣчаніяхъ, о которыхъ упоминаетъ редакторъ манифеста въ своемъ разсказѣ; но какъ они относились къ основнымъ идеямъ, отъ которыхъ, по предположенію графа Нессельроде, государь ни въ какомъ случаѣ не отступилъ бы, то канцлеръ отказался отъ всякихъ возраженій и предпочелъ оставить все, какъ было написано.

Манифестъ, переписанный рукою барона Корфа, былъ подписанъ въ тотъ же день, въ субботу, 13-го числа; но государь выставилъ на немъ 14-е марта. Въ ночь успѣли его напечатать, а въ воскресенье манифестъ былъ прочитанъ всенародно во всѣхъ петербургскихъ церквахъ, а вслѣдъ за нимъ, по распоряженію государя, пропѣтъ вездѣ тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя».

Въ воскресенье, рано утромъ, у наслѣдника цесаревича всегда собирались полковые командиры и адъютанты всей гвардейской пѣхоты, которою онъ въ то время начальствовалъ. Цесаревичъ самъ прочелъ имъ манифестъ. По мѣрѣ чтенія все болѣе и болѣе, видимо для всѣхъ, возрастало его волненіе, такъ что послѣднія строки были произнесены совершенно дрожавшимъ и прерывавшимся голосомъ. Окончивъ чтеніе манифеста, онъ первый возгласилъ «ура». Тутъ раздался общій нескончаемый крикъ; всѣ бросились цѣловать ему руки, и, по свидѣтельству современника, «сцена достигла высшей степени умиленія». Между тѣмъ находившіяся тутъ же малень-

кїа дѣти цесаревича, испуганныя страшнымъ крикомъ, съ своей стороны также начали плакать, такъ что пришлось ихъ унести.

Грозный манифестъ императора Николая Павловича 1848 года возвѣщаль слѣдующее:

«Послѣ благословенїи долготѣннаго мира, западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

«Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро общились сопредѣльной Германіи, и, разливаясь повсемѣстно съ наглостію, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, наконецъ, и союзныхъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и нашей, Богомъ намъ вѣренной Россіи.

«Но да не будетъ такъ!

«По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призывъ на помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ съ святою нашею Русью защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

«Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрнопопавшій нашъ, отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, царя и отечество, и нынѣ предугажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святого на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ:

«Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь: яко съ нами Богъ»!

Появленіе манифеста 14-го марта навело В. И. Панаева на слѣдующія размышленія:

«Этотъ грозный манифестъ, въ которомъ порядочно досталось всѣмъ революціонерамъ, произвелъ на тогдашнихъ демагоговъ, а ихъ полна была Европа, самое непріятное и враждебное для насъ впечатлѣніе, которое и не замедлили они выразить въ своихъ журналахъ и выказать на дѣлѣ, стараясь возмутить Польшу. Думаю, что государь поступилъ бы осмотрительнѣе, если бы вмѣсто барона Корфа потребовалъ къ себѣ старика князя Волконскаго. Можетъ быть, тогда манифестъ этотъ остался бы не изданнымъ, и мы имѣли бы менѣе враговъ за границую. Но Николай Павловичъ зналъ, что встрѣтитъ въ князѣ противорѣчіе, и потому, къ сожалѣнію, не позвалъ его».

Благодаря полному отсутствію въ Россіи въ 1848 году политической прессы, нельзя встрѣтить въ изданіяхъ того времени какой либо оцѣнки правительственнаго акта 14-го марта; единственное исключеніе составлялъ «Journal de S-t Péterbourg», издававшійся

при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Графъ Нессельроде призналъ необходимымъ помѣстить въ своемъ органѣ объясненіе истиннаго смысла и значенія обнаруженнаго манифеста.

Приведемъ здѣсь содержаніе статьи, напечатанной тогда въ «Journal de St.-Petersbourg»:

«Мы надняхъ сообщили высочайшій манифестъ, изданный по случаю смутъ, волнующихъ нынѣ Западную Европу. Всякій вѣрно-подданный царя, конечно, понялъ аначеніе сего манифеста. Это возгласъ вѣры, возгласъ отечества, намъ сродный языкъ, которымъ русскіе цари во дни испытанія обыкновенно взываютъ къ своему народу. Но за границею дѣйствія нашего правительства часто перетолковываются совершенно въ превратномъ смыслѣ, а потому мы считаемъ не излишнимъ войти въ нѣкоторыя объясненія, дабы предупредить тѣ ложныя заключенія, которыя иностранцы вздумали бы выводить изъ означеннаго манифеста.

«Весьма заблуждались бы тѣ, которые полагали бы, что въ этомъ манифестѣ заключается что либо, могущее возбудить опасенія касательно нарушенія мира. Ничего подобнаго нѣтъ въ помыслахъ нашего правительства. Но при непріязненныхъ чувствахъ, явно возбуждаемыхъ противъ насъ за границею, ничего не могло быть естественнѣе воззванія царя къ русскимъ сердцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не только во Франціи, гдѣ даже власти принимаютъ участіе въ замыслахъ польскихъ выходцевъ, но въ Венгріи, въ Пруссіи и въ Германіи, вездѣ раздавались враждебные противъ Россіи клики. Эти клики повторяемы были въ публичныхъ совѣщаніяхъ разныхъ сословій, въ представительныхъ собраніяхъ и даже въ полу-официальныхъ газетахъ. Правительствамъ, которыя были низвергнуты или преобразованы были мятежемъ, ставили въ вину, что они находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нашимъ дворомъ. Лишь только узнали о событіяхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ провозглашеніе республики во Франціи, намъ тотчасъ стали приписывать воинственные замыслы. Громогласно отвергали союзъ съ Россіей тогда, когда не могли даже знать, намѣрены ли мы проливать кровь свою изъ-за чуждыхъ намъ распрей. Россію старались представлять какимъ-то страшилищемъ. Тогда какъ мы никому не думали грозить, стали угрожать намъ самимъ, какъ бы желая тѣмъ предупредить всякое со стороны нашей вмѣшательство.

«Мы только можемъ удивляться подобнымъ изъясненіямъ; ибо мы не помнимъ, чтобъ въ нашъ вѣкъ Россія когда либо нарушала права Германіи, или въ чемъ либо посягнула на ея независимость.

«Достопамятныя событія 1812 года свидѣтельствуютъ о томъ, съ чьей стороны предпринято было непріязненное нападеніе; исторія указываетъ, въ пользу ли или во вредъ германскимъ народамъ послужило участіе, тогда принятое нами въ ихъ дѣлахъ.

«Пусть же успокоятся умы, напрасно встревоженные. Ни въ

Германіи, ни во Франціи Россія не намѣрена вмѣшиваться въ правительственныя преобразованія, которыя уже совершились, или же могли бы еще послѣдовать. Россія не помышляетъ о нападеніи: она желаетъ мира, нужнаго ей, чтобы спокойно заниматься постепеннымъ развитіемъ внутренняго своего благосостоянія.

«Пусть народы Запада ищутъ въ революціяхъ того мнимаго благополучія, за которымъ они гоняются. Пусть каждый изъ этихъ народовъ по своему произволу избираетъ тотъ образъ правленія, который признаетъ наиболѣе себѣ свойственнымъ. Россія, спокойно взирая на таковыя попытки, не приметъ въ нихъ участія, не будетъ противиться онымъ; она не позавидуетъ участи сихъ народовъ даже и въ томъ случаѣ, если бы и дѣйствительно изъ нѣдръ безначалія и беспорядковъ возникла наконецъ для нихъ лучшая будущность.

«Что касается до Россіи, то она спокойно ожидаетъ дальнѣйшаго развитія общественнаго своего быта какъ отъ времени, такъ и отъ мудрой заботливости своихъ царей.

«Всякое общественное устройство, всевозможныя, даже самыя усовершенствованныя, формы правленія имѣютъ свои недостатки. Зная это, Россія почитаетъ первымъ для себя благомъ незыблемость существующаго въ оной законнаго порядка; такъ какъ безъ этого не можетъ существовать ни политическаго могущества внѣ государства, ни кредита, ни торговли, ни промышленности, ни народнаго богатства внутри онаго, то Россія не попуститъ, чтобы поколебали благонадежныя и прочныя ея установленія, столь для нея драгоценныя. Она не потерпитъ, чтобы чужеземные возмутители раздували въ предѣлахъ ея пламя мятежа; чтобы подъ предлогомъ возстановленія исчезнувшихъ народностей покусились отторгнуть какую либо изъ частей, составляющихъ въ совокупности своей цѣлость и единство имперіи.

«Если же наконецъ изъ хаоса всѣхъ политическихъ переворотовъ, всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ о взаимныхъ правахъ, всѣхъ противоположныхъ стремленій суждено возникнуть войнѣ, то Россія въ свое время разсмотритъ, соответственно или нѣтъ ея выгодамъ вмѣшиваться, и до какой имени степени, въ распри между тѣмъ и тѣмъ государствомъ, тѣмъ и тѣмъ народомъ.

«Но она не упуститъ изъ виду того распредѣленія границъ между государствами, тѣхъ взаимныхъ правъ владѣнія, кои освящены ея ручательствомъ, и рѣшительно не потерпитъ, чтобы въ случаѣ измѣненія политическаго равновѣсія и иного какого либо распредѣленія областей, подобное измѣненіе обратилось бы въ ущербъ имперіи.

«Дотолѣ она будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ. Не принимая никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, она будетъ бдительнымъ окомъ слѣдить за ходомъ событій. Однимъ словомъ: Россія не станетъ нападать ни на кого, если только на насъ самихъ на-

падать не будутъ; она строго воздержится отъ всякаго посягательства на независимость и неприкосновенность сосѣдственныхъ областей, если и сосѣдственныя области съ своей стороны не посягнутъ на собственную ея неприкосновенность и независимость».

Въ заключеніе остается сказать, что, несмотря на всѣ коментаріи графа Нессельроде, въ Западной Европѣ продолжали смотрѣть на манифестъ 1848 года, какъ на вызовъ со стороны Россіи. Въ самой же имперіи манифестъ далеко не способствовалъ къ успокоенію умовъ. Одни видѣли въ немъ воззваніе къ войнѣ, другіе полагали, что предстоитъ готовиться уже и внутри Россіи къ сумтамъ и беспорядкамъ; многіе же признавали изданіе манифеста преждевременнымъ. Между тѣмъ, вникая ближе въ свойства характера императора Николая Павловича, слѣдуетъ признать, что избранная имъ форма проявленія своей державной воли была вполне естественною и не могла быть иною. Одушевлявшее государя чувство возстановить мощною рукою нарушенный въ Европѣ законный порядокъ настолько соотвѣтствовало самымъ завѣтнымъ его мыслямъ, что никакія убѣжденія, никакіе доводы, внушаемые благоразумною осторожностію, не могли бы отклонить его отъ принятаго рѣшенія; поле для дѣйствія въ желаемомъ государемъ смыслѣ пока еще не открывалось, а потому тѣмъ болѣе неудержимо влекло его высказаться, по крайней мѣрѣ, во всеуслышаніе, о политическомъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, и, конечно, сдѣлать это со свойственнымъ ему рыцарскимъ прямодушіемъ.

19-го марта 1848 года, въ годовщину занятія нашею арміею Парижа въ 1814 году, началось выступленіе первыхъ частей войскъ къ нашей западной границѣ, на случай возможной войны.

IV.

Хотя въ Россіи господствовало въ 1848 году полнѣйшее спокойствіе и—по выраженію одного писателя,—«все казалось поконченнымъ, запакованнымъ и за пятью печатами сданнымъ на почту для выдачи адресату, котораго заранее предположено не разыскивать», но, тѣмъ не менѣе, политическое броженіе на западѣ Европы все-таки отразилось на нашихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Явилась возможность провести въ жизнь нѣкоторую реакцію. Задача была не изъ легкихъ, при тогдашнихъ условіяхъ жизни въ Россіи, но усердіе нѣкоторыхъ сторонниковъ реакціоннаго направленія добилось осуществленія своихъ предположеній.

Уже во время описаннаго выше бала въ Зимнемъ дворцѣ, 22-го февраля, князь А. С. Меншиковъ нашель возможнымъ сказать цесаревичу, что у насъ явно идетъ «подкопная работа либерализма», которая отвывается и въ преподаваніи наукъ и въ направленіи жур-

наловъ. «Да, очень дурны журналы»,— отвѣчалъ ему цесаревичъ,— «и ежели что въ нихъ такое встрѣтится, то покажите мнѣ»¹⁾).

Подобная же мысль пришла въ голову и статсъ-секретарю, барону М. А. Корффу. Но онъ не ограничился разговоромъ, а прибѣгъ и къ перу. По его мнѣнію, нельзя было не обратить вниманія на нашу журналистику, въ особенности же на два журнала «Отечественныя Записки» и «Современникъ». Оба журнала, пользуясь, какъ пишетъ баронъ Корфъ, «малоразуміемъ тогдашней цензуры, позволяли себѣ печатать Богъ знаетъ что и, по проповѣдываемымъ ими подъ разными иносказательствами, но очень прозрачными для посвященныхъ формами, коммунистическимъ идеямъ, могли сдѣлаться не безопасными для общественнаго спокойствія. Безпрерывно размышляя о томъ, чѣмъ можно было бы его оградить и упрочить въ виду судорожныхъ движеній Запада, я набросалъ нѣсколько мыслей о дѣйствіяхъ нашихъ періодическихъ изданій и цензуры; но долго колебался дать имъ ходъ изъ опасенія явиться въ глазахъ другихъ, а еще болѣе въ своихъ собственныхъ, какимъ-то доносчикомъ. Разсудивъ, однако, что жертвовать на общее благо ничтожною своею личностію есть священный долгъ каждаго изъ насъ, въ такое опасное время болѣе чѣмъ когда либо, что я буду тутъ дѣйствовать, не какъ частный человѣкъ, а въ качествѣ члена правительства и что, говоря лишь о фактахъ, а не о лицахъ, удалю отъ себя, въ собственной совѣсти, всякое нареканіе въ презрѣнномъ донось, я рѣшился отвезти мою записку къ наслѣднику цесаревичу. Не заставъ его высочество, я зашелъ съ нею къ великому князю Константину Николаевичу, который остался чрезвычайно доволенъ моею запискою и совѣтовалъ непремѣнно отослать къ наслѣднику, не теряя времени».

Баронъ Корфъ исполнилъ данный ему совѣтъ и отослалъ записку цесаревичу 23-го февраля вечеромъ, на другой день по полученіи извѣстія о провозглашеніи во Франціи республики.

23-го февраля, баронъ Корфъ былъ приглашенъ обѣдать къ наслѣднику, который объявилъ своему гостю, что государь учредилъ подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова особый комитетъ, состоящій изъ графа Александра Григорьевича Строганова (бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ), Дмитрія Петровича Бутурлина и барона Корфа. «Ваша записка пришла какъ нельзя болѣе кстати»,—прибавилъ цесаревичъ.—«Вчера вечеромъ у государя былъ разговоръ именно объ этомъ, а воротаясь къ себѣ и найдя вашу бумагу, я сегодня же отнесъ ее къ батюшкѣ, и онъ, прочитавъ, оставилъ у себя, для объясненія съ Орловымъ, котораго ждалъ въ эту минуту».

27-го февраля, члены вновь созданнаго комитета получили отъ

¹⁾ Изъ дневника князя А. С. Меншикова 1848 года.

шефа жандармовъ, графа Орлова, слѣдующее официальное извѣстіе:

«По дошедшимъ до государя императора изъ разныхъ источниковъ свѣдѣніямъ о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ, его императорское величество, по докладѣ моемъ по сему предмету, собственноручно написать изволилъ:

«Необходимо составить особый комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура, и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы? Комитету донести мнѣ съ доказательствами, гдѣ найдеть какія упущенія цензуры и ея начальства, т. е. министерства народнаго просвѣщенія, и которые журналы и въ чемъ вышли изъ своей программы. Комитету состоять подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова, изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, статсъ-секретаря Корфа, генераль-адъютанта графа Строганова 2 и статсъ-секретаря Дегаля ¹⁾. Увѣдомить о семъ кого слѣдуетъ и занятія комитета начать немедленно».

Князь Меншиковъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

«Получилъ отъ графа Орлова сообщеніе высочайшаго повелѣнія, чтобы мнѣ быть предсѣдателемъ комитета о проступкахъ цензуры въ пропускѣ недозволенныхъ статей въ журналахъ, т. е. родъ слѣдствія надъ министромъ просвѣщенія графомъ Уваровымъ; порученіе весьма непріятное».

4-го марта, состоялось у князя Меншикова первое засѣданіе комитета, а 7-го марта государь призвалъ его «для отмѣны послѣдовавшаго сего же дня приказанія призвать редакторовъ журналовъ въ Третье Отдѣленіе для внушенія имъ не либеральничать въ газетахъ. Порученіе это, — пишетъ князь Меншиковъ, — возложено на мой цензурный комитетъ. Причиною тому графъ Орловъ, который не хотѣлъ принять на свою часть этого порученія и съ такимъ сердцемъ, что государь ему уступилъ. По этому случаю я имѣлъ съ Орловымъ размолвку. При семъ государь приказалъ мнѣ объявить Уварову, чтобы съ завтрашняго дня всѣ статьи журнальныя были подписаны редакторами. По этому случаю я былъ у Уварова, который убѣдился, что я не инквизиторъ».

11-го марта, на засѣданіе цензурнаго комитета, собраннаго въ залѣ адмиралтействъ-совѣта, призваны были редакторы журналовъ, издаваемыхъ въ Петербургѣ, и имъ объявлено, что «за напечатаніе либеральныхъ и коммунистическихъ статей они подвергнутся личному взысканію, независимо отъ отвѣтственности цензуры».

Учрежденный тогда комитетъ просуществовалъ слишкомъ мѣсяць; онъ привелъ къ тому, что у государя родилась мысль учредить подъ непосредственнымъ своимъ руководствомъ всегдашній безгласный надзоръ за дѣйствіями нашей цензуры. Съ сею цѣлью,

¹⁾ Въ слѣдъ затѣмъ къ составу комитета присоединенъ былъ еще начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генераль Дубельтъ.

вмѣсто прежняго временнаго комитета, учрежденъ былъ 2-го (14-го) апрѣля 1848 года постоянный, изъ члена государственнаго совѣта Д. Н. Бутурлина и статсъ-секретарей барона Корфа и Дѣгая, съ обязанностію представлять свои замѣчанія и предположенія непосредственно государю. Сначала надзоръ этого комитета предполагалось ограничить одними лишь періодическими изданіями; но потомъ онъ распространенъ былъ на всѣ вообще произведенія нашего книгопечатанія. Призвавъ къ себѣ трехъ членовъ вновь образованнаго комитета, императоръ Николай объявилъ, что поручаетъ имъ это дѣло по особому, какъ онъ выразился, безграничному своему довѣрію. «Я, то-есть, какъ самому мнѣ некогда читать всѣ произведенія нашей литературы»,—сказалъ государь, то вы станете дѣлать это за меня и доносить мнѣ о вашихъ замѣчаніяхъ, а потомъ мое уже дѣло будетъ справляться съ виновными».

Комитетъ этотъ, какъ его называетъ баронъ Корфъ, родъ нароста въ нашей администраціи, существовалъ до 1856 года, подъ названіемъ Комитета 2-го апрѣля; личный составъ комитета только видоизмѣнялся, и въ заключеніе косвенный творецъ его, баронъ Корфъ, сдѣлался предсѣдателемъ комитета до упраздненія имъ же вызваннаго къ жизни нароста въ нашей администраціи. Такимъ образомъ образовалась у насъ двойная цензура въ 1848 году, предварительная, въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ, просматривавшая до печати, и взыскательная или карательная, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже напечатанное и привлекавшая, съ утвержденія и именемъ государя, къ отвѣтственности, какъ цензоровъ, такъ и авторовъ, за все, что признавала предосудительнымъ или противнымъ видамъ правительства ¹⁾. Спрашивается, какимъ образомъ могла существовать, при такихъ условіяхъ, какая бы то ни было, даже самая скромная печать? Кончилось тѣмъ, какъ ниже будетъ рассказано, что даже государь получилъ, по невѣдѣнію комитета, такъ сказать, выговоръ отъ этого учрежденія.

¹⁾ Разсуждая впоследствии уже въ царствованіе императора Александра II-го объ этомъ комитетѣ въ своихъ запискахъ, баронъ Корфъ нашелъ возможнымъ разомъ похвалить учрежденіе комитета и вмѣстѣ съ тѣмъ его упраздненіе. Этотъ бюрократическій фокусъ заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь дословно:

«Если въ эпоху своего учрежденія, когда министерствомъ народнаго просвѣщенія управлялъ еще графъ Уваровъ, дѣль и надобность особаго тайнаго надзора оправдывались тѣмъ, что министръ утратилъ прежнее довѣріе государя и если, въ началѣ своего существованія, комитетъ нашъ, по глубокому моему убѣжденію (?), принесъ большую и существенную пользу, то дальнѣйшее продолженіе этого виѣшняго посторонняго надзора, при преемникахъ Уварова, когда все постепенно вошло въ законные предѣлы, сдѣлалось уже совершенною аномаліею и только парализовало дѣйствіе и власть самаго министерства, вредя косвенно всякому полезному развитію и успѣхамъ отечественной письменности. Эти обстоятельства были удостоены высочайшаго вниманія (въ 1856 году) и въ слѣдствіе того комитетъ 2-го апрѣля, по всеподданнѣйшему докладу моему, закрытъ».

Князь Меншиковъ рассказываетъ, что по учрежденіи комитета 2-го апрѣля Д. П. Бутурлинъ былъ въ большихъ попыхахъ и признавался ему, что онъ находится въ затруднительномъ положеніи, ибо не можетъ себѣ дать отчета, въ чемъ состоятъ должны обязанности комитета, котораго онъ былъ предсѣдателемъ. Встрѣтивъ барона Корфа въ государственномъ совѣтѣ, князь Меншиковъ нашелъ его блѣднымъ, желчнымъ и разстроеннымъ негласнымъ доносителемъ; ударъ направленъ былъ противъ графа Уварова, и Корфъ надѣялся быть министромъ народнаго просвѣщенія и вмѣсто того назначенъ былъ «въ цензурно-фискальный комитетъ, то-есть уже не скрытнымъ, а явнымъ доносчикомъ».

Положеніе дѣлъ того времени и духъ его выясняются позднѣйшимъ разговоромъ императора Николая съ барономъ Корфомъ, случившимся на платформѣ Царскосельской желѣзной дороги.

Государь заговорилъ о цензурномъ комитетѣ и замѣтилъ, что послѣднее замѣчаніе о какомъ-то анекдотѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» неважно, но прибавилъ: «однако хорошо, что и это отъ васъ не ускользнуло».

— Государь, — отвѣчала Корфъ, — мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность доводить до вашего свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ замѣчаніяхъ, даже и мелочныхъ, предпочитая представить даже что нибудь мелочное, чѣмъ пропустить важное.

— Такъ, такъ и надо, — замѣтилъ Николай Павловичъ, — прошу и впредь также продолжать; ну, а что теперь Краевскій съ своими «Отечественными Записками», послѣ сдѣланной ему головомойки?

— Я въ эту минуту именно читаю майскую книжку и нахожу въ ней совершенную перемѣну; совсѣмъ другое направленіе, и нѣтъ уже слѣда прежняго таинственнаго арга. Повѣщенный надъ журналистами Дамокловъ мечъ видимо приноситъ добрые плоды.

— Надѣюсь, — заключилъ государь, — и признаюсь, не могу только надивиться, какъ прежде допустили вкратъся противному.

Продолжая затѣмъ рѣчь о томъ же предметѣ, государь сказалъ еще барону Корфу:

— Больше всего мнѣ досадны глупые возгласы противъ Петра Великаго; досадно, когда и говорятъ, а тѣмъ больше нестерпимо, когда печатаютъ. Петръ Великій сдѣлалъ что могъ и даже болѣе чѣмъ могъ, и въ правѣ ли мы теперь при такомъ отдаленіи отъ той эпохи и въ нашемъ незнаніи тогдашнихъ обстоятельствъ критиковать его дѣйствія, унижать, его славу, унижая черезъ то славу самой Россіи!

Графиня Блудова, вспоминая въ своихъ запискахъ о дѣятельности Бутурлина въ 1848 году, признаетъ Дмитрія Петровича, котораго когда-то въ шутку называли «Boutourline-Jomini», остроумнымъ и увлекательнымъ собесѣдникомъ, но замѣчаетъ, что батюшка ея и предсѣдатель негласнаго комитета совершенно разошлись въ

миѣнни на счетъ цензуры. Она пишетъ, что Бутурлинъ, по врожденной рѣзкости и деспотизму характера, доходилъ до такихъ крайнихъ мѣръ въ этомъ отношеніи, что иногда приходилось спросить себя: не плохая ли это шутка? «Напримѣръ, онъ хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ акаѣиста Покрову Божіей Матери, находя, что они революціонны. Батюшка сказалъ ему, что онъ такимъ образомъ осуждаетъ своего собственнаго ангела, святого Дмитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѣистъ и никогда не считался революціонеромъ; преосвященный же Иннокентій только поновилъ въ этомъ акаѣистѣ, такъ сказать, слогъ устарѣвшій.

— «Кто бы ни сочинилъ, тутъ есть ¹⁾ опасныя выраженія»,—отвѣчалъ Бутурлинъ.

— «Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ правителей»,—сказалъ мой отецъ.

— «Такъ что жъ?»—возразилъ Дмитрій Петровичъ, переходя въ шуточный тонъ,—еслибъ Евангеліе не была такая извѣстная книга, конечно, надобно бѣ было цензурѣ исправить ее».

Траги-комическій эпизодъ произошелъ съ комитетомъ въ 1851 году. Бутурлинъ уже умеръ, и въ комитетѣ предсѣдательствовали баронъ Корфъ. Знаменитая танцовщица Фанни Эльслеръ давала представленія въ Москвѣ и привела зрителей въ неописуемый восторгъ, который превзошелъ даже предѣлы приличія. Кончилось тѣмъ, что москвичи изъ - подъ ея экипажа выпрягли лошадей и возили ее на себѣ, при чемъ должностныя лица садились на козлы, на запятки и т. п. Въ Петербургѣ стало извѣстно, что всѣ эти неумѣстныя выходки возбудили большое неудовольствіе государя, но что впрочемъ выраженію ихъ не препятствовали официально.

Вдругъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (21-го марта 1851 года, № 64) появились стихи, порицавшіе и осмѣивавшіе эту восторженность, но въ такомъ тонѣ и съ такой точки зрѣнія, которые представились барону Корфу почти столько же неумѣстными, какъ и восторженность москвичей.

Приведемъ здѣсь содержаніе стиховъ въ статьѣ, озаглавленной: «Отрывокъ изъ московской жизни на сырной недѣлѣ 1851 года.

«Несмѣтное множество экипажей и пѣшихъ съ букетами, вѣнками и разными драгоценными коврами неистово стремятся къ театральной площади.

¹⁾ Графиня Блудова приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ акаѣиста, которыя Бутурлинъ признавалъ опасными:

«Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣроравныхъ
«Совѣты неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби» и пр. и пр.

«ПРОХОЖІЙ ГОВОРИТЬ:

«Куда народъ нашъ православный
Стремится съ радостью такой?
Не торжество ль побѣды славной
Россіи матушки святой?
Куда несутъ дары златыя
Алмазы, яхонты, цвѣты
И жемчугъ, и парчи драгіе
Весь причетъ міра суеты?
Зачѣмъ народъ нашъ православный
На сырной вдругъ затѣялъ пирь?
Аль прибылъ къ намъ царь державный,
Нашъ европейскій богатырь?
Скажи мнѣ, старичекъ почтенный,
Скажи, пожалуй, наконецъ,
Ужъ не въ Москвѣ ли нашъ безцѣнный,
Нашъ нонаглядный царь-отецъ?»

«СТАРИКЪ.

«Эхъ, батюшка, вѣдь молвить стыдно
(Старикъ невольно отяѣчалъ),
Бѣгутъ зачѣмъ, ей-ей, обидно,
Народъ дурить ужъ очень сталъ.
Какой тутъ царь! А лишь приманкой
Въ кіатерь сатана завлекъ,
Прельстить насъ хочетъ басурманкой,
Что ноги мечетъ въ потолокъ.»

«ПРОХОЖІЙ.

«Такъ вотъ причина восхищенья
Въ столицѣ—матушкѣ Руси!
Спаси насъ Богъ отъ посрамленья,
И паче отъ грѣховъ спаси.
Знать, нѣтъ грѣхамъ твоимъ и счету,
О грѣховодница Москва!
Что ты бѣсовскому причету
Готовишь нынѣ торжества.»

Въ Петербургѣ заговорили, что эти стихи напечатаны были по высочайшему повелѣнію; но какъ высшему цензурному комитету ничего не было о томъ сказано, то предсѣдатель призналъ противнымъ долгу службы удержаться отъ представленія государю замѣчаній о неприличіи напечатанныхъ стиховъ.

Руководствуясь указанными соображеніями, въ комитетѣ состоялся слѣдующій журналъ:

«Комитетъ по разсмотрѣніи напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» стиховъ, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ московской жизни», нашель, что, содержа въ себѣ, можетъ стать, и справедливое, но весьма однако же рѣзкое порицаніе всего московскаго населенія по

случаю преувеличеннаго чествованія Фанни Эльслеръ, они едва ли могутъ быть признаны приличными въ томъ отношеніи, что сравниваютъ и какъ бы ставятъ въ параллель преходящія похвалы нѣсколькихъ восторженныхъ лицъ съ тѣми общими, священными чувствами вѣрноподданнической любви и преданности, за которыя вся Москва удостоивалась всегда изъявленій монаршаго благоволенія.

«Считая, что включеніе въ напечатанные для публики стихи подобнаго сравненія не можетъ не быть огорчительно для самой большей части московскихъ жителей, не участвовавшихъ въ этихъ смѣшныхъ изліяніяхъ восторга, и потому неумѣстно, комитетъ долгомъ признаетъ такое заключеніе свое повергнуть на высочайшее воззрѣніе».

Излишнее усердіе не всегда бываетъ полезнымъ; эта истина получила новое подтвержденіе и въ разсматриваемомъ случаѣ. Слухи о томъ, что стихи были напечатаны по высочайшему повелѣнію, оказались справедливыми. Къ ужасу членовъ комитета и его чрезъ мѣру усерднаго предсѣдателя, представленный журналъ возвращенъ былъ государемъ съ слѣдующею собственноручною надписью: «Напечатано съ моего дозволенія, какъ полезный урокъ за дурачество части московскихъ тунеядцевъ».

Винovníкомъ происшедшаго недоразумѣнія оказался графъ Орловъ; онъ позабылъ своевременно предупредить комитетъ о томъ, что въ «Сѣверной Пчелѣ» появятся стихи, высочайше одобренные. Государь, попрекнувъ въ этомъ упущеніи графа Орлова, прибавилъ: «За то комитетъ порядкомъ погонялъ меня».

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ ПУБЛИЦИСТЪ.

НИГА и вообще всякое печатное и письменное произведеніе въ старообрядцествѣ занимаетъ очень почтенное мѣсто. Даже въ такихъ глухихъ и удаленныхъ отъ центровъ старообрядчества углахъ, какъ сибирская деревня, нерѣдко можно встрѣтить у старообрядцевъ своего рода маленькія домашнія библіотечки, составленныя изъ книгъ и брошюръ по волнующимъ старообрядческій міръ религіозно-обрядовымъ вопросамъ. Я не говорю въ данномъ случаѣ о книгахъ богослужебныхъ и о разнаго рода старопечатныхъ и старописьменныхъ сборникахъ и цвѣтникахъ: высокая цѣнность, придаваемая послѣднимъ старообрядцами, извѣстна всякому, хотя немного знакомому съ жизнью старообрядчества. Не менѣе цѣнятся старообрядцами книги, брошюры и всякаго рода письменныя изданія и болѣе поздняго, современнаго происхожденія. Цѣнность всѣхъ этихъ изданій создается въ глазахъ старообрядцевъ ихъ крайней немногочисленностью въ обращеніи, происходящую отъ того способа, какимъ они фабриковались до послѣдняго времени. Еще не такъ далеко отошло то время, когда всякаго рода письменныя произведенія могли распространяться среди старообрядцевъ только путемъ простаго «списыванія». Представивъ себѣ это «списываніе» въ формѣ медленной, утомительной переписки церковнославянскимъ шрифтомъ объемистыхъ книгъ, часто въ нѣсколько сотенъ листовъ (страницъ), мы поймемъ, сколько времени, труда и усидчивости затрачивалъ переписчикъ на эту утомительно-однообразную, тяжелую работу, какую крѣпкую любовь питалъ онъ къ книгѣ, чтобы выполнить этотъ непроезжимый трудъ. И

чѣмъ больше проникаешься сознаниємъ утомительности и ненужности этого труда, тѣмъ трогательнѣе вырисовывается предъ глазами типъ этого «книжнаго писателя», жадно рвущагося въ продолженіе цѣлыхъ сотенъ лѣтъ къ познанію «правой вѣры» и «просвѣщенію» ею себя и другихъ, очень часто при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Да, дорогою цѣною обходилось старообрядцамъ это ихъ «просвѣщеніе», и потому они такъ дорожатъ орудіемъ и проводниками его—всякаго рода письменными и печатными произведеніями.

За послѣднее время способъ фабрикаціи книгъ посредствомъ «списыванія» началъ постепенно уступать мѣсто другому, требующему сравнительно много менѣе труда и усидчивости за механическою стороною воспроизведенія оригинала. Въ данномъ случаѣ культура успѣла оказать свое вліяніе и на старообрядчество, несмотря на всю враждебность его къ ней. Мѣсто прежнихъ традиціонныхъ, неразлучныхъ между собою атрибутовъ старообрядческаго книжнаго «писателя»—гусиного пера, киновари и чернильнаго орѣха—заняли теперь гектографическая масса и химическія чернила. Старообрядцы скоро оцѣнили выгоду гектографа, и въ послѣднее время почти всѣ произведенія ихъ авторовъ печатаются при помощи этого множительнаго аппарата, особенно въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ центровъ старообрядчества. Этотъ способъ воспроизведенія на гектографѣ у нихъ извѣстенъ подъ именемъ «копировочной печати», такъ какъ усвоенный прежними «писателями» церковно-славянскій шрифтъ сохраненъ ими и здѣсь.

Со времени ознакомленія старообрядцевъ съ гектографическимъ способомъ печатанія, сочиненія старообрядческихъ авторовъ приобрѣли несравненно большее распространеніе въ массѣ старообрядчества, и вообще за послѣднее время литературная дѣятельность передовыхъ людей въ старообрядчествѣ замѣтно оживилась. Особенно много литературныхъ дѣятелей выдвинуло изъ своей среды наиболѣе многочисленное развѣтвленіе старообрядчества, такъ называемое австрійское согласіе или согласіе послѣдователей бѣлокриницкой іерархіи. Я не говорю въ данномъ случаѣ о заграничныхъ дѣятеляхъ этого согласія, труды которыхъ на литературномъ поприщѣ одно время простирались даже до изданія своихъ собственныхъ газетъ («Старообрядецъ» и «Слово Правды»). Это литературное движеніе чрезъ русскіе центры старообрядчества коснулось и далекой Сибири. По примѣру заграницы, Москвы, Дона, и Сибирь выдвинула своихъ старообрядческихъ писателей изъ рядовъ послѣдователей бѣлокриницкой іерархіи, и здѣсь стали появляться оттиснутыя на гектографѣ брошюры, тетради и цѣлыя книги, написанныя мѣстными авторами.

Собраніе такихъ мѣстныхъ произведеній одного автора представляетъ изъ себя между прочимъ и предлагаемая мною вниманію

читателя гектографированная книга подъ заглавіемъ — «Сочиненія Г. А. Страхова». Издана эта книги на писчей бумагѣ (in quarto) церковно-славянскомъ прифтомъ и содержитъ въ себѣ 216 листовъ или 423 страницы. Содержаніе ея распадается на 32 отдѣльныхъ статьи или «главы», какъ онѣ называются въ книгѣ. Почти все эти статьи еще ранѣе появились въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ и теперь стараніями и иждивеніемъ какого-то ревнителя старообрядчества собраны воедино и выпущены въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Сочиненія г. Страхова касаются не только однихъ церковно-обрядовыхъ вопросовъ полемическаго и богословскаго характера, но затрогиваютъ и такія темы, которыя носятъ чисто общественный характеръ. Таковы, напримѣръ, статьи его — «Астрономія и ея душевредныя послѣдствія», «Русское цивилизованное общество и высшія учебныя заведенія», «Тайна беззаконія», «Кони антихристовы», «Замѣчаніе на Сибирскій Вѣстникъ» и проч. Общественно-публицистическій характеръ этихъ статей придаетъ книгѣ г. Страхова особенный, исключительный интересъ. Старообрядчество съ его умственными интересами и всею вообще интеллектуальной жизнью представляетъ изъ себя какой-то обособленный, замкнутый въ себѣ циклъ явленій общерусской народной жизни. Вотъ уже болѣе двухъ вѣковъ многомилліонная масса русскихъ людей живетъ своими обычаями, своимъ бытовымъ и даже правовымъ укладомъ, своими понятіями и возрѣніями на окружающій міръ, своею особой церковно-религіозною жизнью и, наконецъ, подъ эгидою особыхъ, специально для нея изданныхъ законовъ, и, какъ ни странно это, мы до послѣдняго времени не можемъ съ полной увѣренностью сказать, чѣмъ и какъ живутъ эти милліоны близкихъ намъ людей. Вспомнимъ, напримѣръ, дѣло тираспольскихъ фанатиковъ, заживо похоронившихъ себя въ приднѣпровскихъ плавняхъ: какъ разнорѣчивы и неувѣрены были голоса свѣдущихъ людей и печати, старавшіеся опредѣлить сущность вѣроученія этихъ сектантовъ. Самымъ вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ ознакомиться съ умственными запросами старообрядцевъ и взглядомъ ихъ на окружающій міръ, разумѣется, могутъ служить письменныя и печатныя произведенія самихъ старообрядцевъ. Но произведенія старообрядческихъ авторовъ очень и очень рѣдко выходятъ изъ сферы чисто церковно-обрядовыхъ вопросовъ и темъ, и потому всякое слово, всякій намекъ въ этихъ произведеніяхъ на то, чѣмъ живетъ старообрядецъ внѣ религиозныхъ интересовъ и какъ онъ смотритъ на жизнь окружающихъ его людей и общества, должны представлять въ глазахъ интересующагося народной жизнью въ ея цѣломъ особенную цѣнность. Тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія цѣлыя статьи, вводяція насъ въ интересующую область явленій народной жизни.

Прежде чѣмъ приступить къ ознакомленію съ сочиненіями г. Страхова не лишне будетъ, въ видахъ лучшаго уясненія обще-

ственныхъ взглядовъ автора, заручиться относительно его нѣкоторыми біографическими свѣдѣніями. Эти свѣдѣнія онъ даетъ намъ въ своей первой статьѣ «Какъ найти религіозную истину». Изъ нея мы узнаемъ, что нашъ авторъ родился въ Сибири, въ семьѣ, державшейся господствующей греко-русской церкви, но уже на 14 году своей жизни перешелъ въ старообрядчество по безпоповщинскому нѣтовскому толку, откуда вскорѣ перешелъ въ толкъ перекрещенцевъ-странниковъ по согласію безстатейниковъ. Подъ влияніемъ чего совершился этотъ переходъ въ старообрядчество и затѣмъ изъ одного толка въ другой, — подъ влияніемъ ли личныхъ убѣжденій или подъ давленіемъ родительской власти, — авторъ этого не сообщаетъ. У странниковъ г. Страховъ былъ всего только три года и, очевидно, не удовлетворившись рѣзкими крайностями вѣроченія этого толка, присоединился къ послѣдователямъ бѣлокроничской епархіи. Вѣроятно, уже въ это время авторъ выдѣлялся особою ревностью и начитанностью въ старообрядествѣ, потому что тотчасъ послѣ вступленія въ число послѣдователей бѣлокроничской іерархіи онъ былъ признанъ достойнымъ сана священства и посвященъ въ него. Но пытливый, беспокойный умъ г. Страхова и здѣсь не нашелъ себѣ тихой пристани. Десятилѣтній періодъ, проведенный имъ въ австрійскомъ согласіи, не далъ ему разрѣшенія мучившаго его вопроса, гдѣ и у кого обрѣтается «правая» вѣра. Мы видимъ, что по истеченіи этихъ 10 лѣтъ, г. Страховъ снова обратился къ господствующей церкви. И нельзя сказать, чтобы этотъ переходъ совершился для него безъ особенныхъ нравственныхъ мученій и тревоженій. Вотъ какъ описываетъ его самъ авторъ. «Спустя это время (т. е. 10 лѣтъ), мнѣ по необходимости житейскихъ обстоятельствъ довелось быть въ российскихъ предѣлахъ, и на обратномъ пути я былъ въ Нижнемъ, въ д. Д. М. С., гдѣ и привелось ночевать. Свечера до перваго часу ночи я провелъ въ бесѣдѣ съ о. А. Ш., а по окончаніи бесѣды я обратился съ сердечною, слезною мольбою предъ образомъ Божіей Матери, прося ее извѣстить мнѣ, будетъ ли полезенъ мой путь и жизнь въ Томской губерніи. И что же: благопослушная Владычица не презрѣла моей грѣшной мольбы, явила мнѣ будущую жизнь слѣдующимъ образомъ. Въ тонкомъ снѣ мнѣ представилось море, въ которомъ всплескивались волны, какъ бы отъ небольшого вѣтра; и вдругъ явился человекъ, похожій на мертвеца, лицо котораго меня сильно удивило, ибо въ немъ не оказывалось признака жизни, и, пройдя мимо меня довольно быстро, бросился въ море и поплылъ, гребясь руками по волнамъ. Тутъ я вдругъ проснулся и почувствовалъ сильное біеніе сердца, которое какъ бы хотѣло выскочить. Долго размышлялъ я, что бы это значило! И, наконецъ, положилъ на то, что это видѣніе означаетъ, навѣрно, мою грѣховную жизнь въ будущемъ. Достигнувъ Томска, я остановился жить на старомъ мѣстѣ,

и что же? Видѣніе сбылось. Вскорѣ я ослабъ низкою грѣховною жизнью, а затѣмъ увлекся въ греко-русскую церковь, убѣдившись логикою миссіонерскихъ полемическихъ книгъ, и вступилъ въ качествѣ помощника къ миссіонеру въ Томскѣ».

Но пребываніе г. Страхова въ общеніи съ господствующей церковью не принесло мира его «мятежному» духу, несмотря на то, что въ качествѣ миссіонера онъ получилъ возможность познакомиться со всѣми противораскольническими полемическими сочиненіями и доводами противъ старообрядчества. Вышло наоборотъ. Ближайшее знакомство съ миссіонерскими сочиненіями не столько убѣдило его въ истинности православія, сколько распатало въ немъ вѣру въ него и, въ концѣ концовъ, сдѣлало то, что, по истеченіи 9 мѣсяцевъ службы, онъ «съ большою скорбью въ душѣ» оставилъ занимаемую имъ должность миссіонера и, вмѣстѣ съ нею, общеніе съ господствующей церковью. «Я возвратился,—продолжаетъ онъ,—обратно въ свое старое мѣсто, занявшись попрежнему своимъ ремесломъ по деревянной части. Но скорбь въ моей душѣ увеличивалась. Ибо умъ мой волновался, какъ пустая ладья въ морѣ, и я не зналъ себѣ твердаго религіознаго пристанища. Вся моя начитанность, пріобрѣтенная мною въ теченіе 18-ти лѣтъ, ничего мнѣ не помогала. Заклучивъ себя почти безвыходно въ убогую келью, въ которой я занимался ремесломъ, я обратился съ мольбою къ Богу, прося Его вразумить меня и направить на истину религіознаго убѣжденія и тогда же положилъ намѣреніе исправлять нравственно разстроенную свою жизнь. И что же? Нехотящій смерти грѣшному, Господь Богъ вразумилъ меня прійти къ единственному твердому религіозному убѣжденію»—и вотъ какимъ образомъ.

Разставшись съ господствующей церковью и проведя два года въ въ размышленіи о томъ, гдѣ «правая вѣра на землѣ», г. Страховъ въ концѣ концовъ началъ склоняться къ тому заключенію, что эта правая вѣра болѣе всего присуща австрійскому согласію. Но здѣсь его приводилъ въ смущеніе одинъ кардинальный вопросъ,—вопросъ «о времени небытія епископовъ въ старообрядствующей церкви въ продолженіе 180 лѣтъ»¹⁾. Но вотъ является къ г. Страхову одинъ его знакомый старообрядецъ и разрѣшаетъ всѣ его сомнѣнія по этому вопросу доводомъ отъ св. писанія, совершенно неожиданнымъ для перваго. Старообрядецъ указалъ ему на то обстоятельство, что упомянутый фактъ небытія епископовъ въ продолженіе 180 лѣтъ былъ предусмотрѣнъ въ цѣпи причинностей и общемъ ходѣ жизни церкви, какъ объ этомъ явственно говоритъ пророкъ Ездра въ

¹⁾ Т. е. отъ Большого московскаго собора въ 1666—1667 гг., на которомъ былъ осужденъ расколъ и положены клятвы на старые обряды, до 1846 г., когда въ старообрядчество перешелъ боснійскій митрополитъ Амвросій и, поселившись въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ въ Австріи, положилъ начало бѣлокриницкой іерархіи.

III книгѣ своихъ сочиненій. «И жили источниковъ стануть и не истекутъ въ часѣхъ трехъ», т. е., пишетъ отъ себя уже г. Страховъ, за лютость гоненія Никоновскихъ послѣдователей древлерусское епископство должно было пріостановиться на извѣстный теперь періодъ времени, на 180 лѣтъ, какъ бы на три часа, ибо если сіи три часа расчислить на минуты, то изъ нихъ выйдетъ 180 минутъ, а потомъ, слѣдовательно, оно паки должно течь своимъ порядкомъ. Это все и произошло въ церкви старообрядствующей со времени вступленія въ старообрядчество греческаго митрополита Амвросія» (л. 5 и слѣд.).

Такое своеобразное и отдающее талмудической кабалистикой толкованіе словъ Ездры, совершенное знакомымъ старообрядцемъ, произвело самое неожиданное воздѣйствіе на скептическій умъ г. Страхова. Найдя въ этомъ текстѣ и толкованіи на него вполне достаточное оправданіе небытія епископовъ въ старообрядствѣ, онъ окончательно и безповоротно отдался бѣлокриницкому согласію. Душа его, изстрадавшаяся «въ поискахъ за истиной», давно жаждала тихой пристани, и только этой жаждой успокоенія и можно объяснить то, какъ могъ поддаться такому слишкомъ дѣтски-наивному доводу этотъ пытливый умъ, о скептицизмъ котораго разбивалось много — гораздо болѣе внушительныхъ—аргументовъ.

Найдя въ австрійскомъ согласіи точку опоры для своихъ религіозныхъ убѣжденій и полное успокоеніе отъ тревожныхъ «поисковъ за истиной», г. Страховъ всецѣло отдалъ себя литературной дѣятельности. Взглядъ его на эту дѣятельность — взглядъ человѣка, глубоко сознающаго всю важность взятаго на себя дѣла общественнаго служенія. Вотъ что пишетъ онъ по этому поводу: «Вдавшись въ поиски религіозной истины съ самой ранней зари своей жизни, я много прочиталъ религіозныхъ книгъ разнаго содержанія, много излилъ Богу слезъ и воздыханій, и всѣ сіи мои труды привели меня къ убѣженію въ истинѣ старообрядствующей церкви. Но было бы непрослительно грѣшно мнѣ, любезный читатель, положить подъ спудъ молчанія или закопать въ землю нерадѣнія, какъ и въ чемъ убѣдился я въ истинѣ церкви старообрядствующей, а потому я и сочелъ нужнымъ изложить здѣсь объ этомъ» (л. 91). И такой взглядъ на свою литературную дѣятельность г. Страховъ проводитъ во многихъ своихъ статьяхъ и по разнымъ поводамъ. Видно, что онъ глубоко убѣжденъ въ высотѣ принятыхъ имъ на себя обязанностей и смотритъ на нихъ далеко, не какъ на простое ремесло.

Я не буду касаться тѣхъ статей г. Страхова, которыя, неся чисто полемическій характеръ, посвящены всецѣло церковнообрядковымъ вопросамъ, такъ какъ эти статьи представляютъ изъ себя слишкомъ узкій интересъ. Моя задача познакомить читателя съ взглядами старообрядцевъ на жизнь и умственные успѣхи современнаго культурнаго общества постольку, поскольку эти взгляды наши себѣ

выраженіе въ сочиненіяхъ нашего автора—старообрядца. Въ этомъ именно смыслѣ нѣкоторыя статьи г. Страхова представляютъ изъ себя исключительный интересъ, и съ ними я намѣренъ познакомить читателя возможно подробнѣе и обстоятельнѣе.

Жизнь современнаго культурнаго общества во всѣхъ ея проявленіяхъ вызываетъ въ нашемъ авторѣ одно горькое сожалѣніе и подѣ часъ строгое порицаніе и осужденіе съ точки зрѣнія яраго ревнителя старины. Всѣ болѣе или менѣе характерныя черты и особенности современной общественной и частной жизни, основанной на позднѣйшихъ культурныхъ и научныхъ приобрѣтеніяхъ и постепенномъ освобожденіи отъ пережитковъ некультурной старины, представляются ему несомнѣнными признаками близкаго пришествія антихриста или, какъ онъ образно выражается, «ржаніемъ коней антихристовыхъ», отъ котораго потряслась вся земля. Симпатіи автора всецѣло на сторонѣ допетровскихъ временъ, допетровскаго режима, когда русскіе люди, не вкусивъ еще отъ древа познанія добра и зла, выросшаго на латинскомъ западѣ, строго блюли старину, основанную на византійскихъ завѣтахъ и преданіяхъ, не знали никакихъ западныхъ наукъ и ихъ «душевредныхъ послѣдствій», не соблазнялись никакими «душепагубными заведеніями», въ родѣ «театровъ, цирковъ и разнаго рода маскарадовъ», а жили въ полномъ благочестіи, во всемъ неуклонно слѣдуя домостроевскимъ предписаніямъ. Автора поражаетъ строй современнаго «передоваго общества», основанный на «новой культурѣ», и индифферентное, пренебрежительное отношеніе къ сохранившимся еще завѣтамъ старины со стороны «передовыхъ» русскихъ людей, и онъ въ отчаяніи готовъ уподобить жизнь нашего культурнаго общества «желѣзнодорожному поѣзду, пущенному пьянымъ машинистомъ во всѣ пары».

Сужденія автора о современномъ состояніи «передоваго русскаго общества» разбросаны по многимъ статьямъ, такъ какъ къ этой темѣ онъ обращается при каждомъ удобномъ случаѣ, и по существу своему представляютъ одно огульное порицаніе всего нестарообрядческаго. Только одни «благочестивые старообрядцы—поповцы», по словамъ его, сохранили у себя чистоту и неиспорченность допетровскихъ временъ и «какъ свѣтила въ темномъ мѣстѣ сіяютъ свѣтомъ древлерусскаго благочестія» (л. 99). Особенную важность въ этомъ отношеніи представляетъ изъ себя статья, носящая заглавіе: «Русское цивилизованное общество». Хотя статья эта составляетъ почти сплошную буквальную передачу рѣчи харьковскаго архіепископа Амвросія, читанной имъ въ собраніи с.-петербургскаго Братства Пресвятой Богородицы 5 февраля 1891 года, тѣмъ не менѣе она въ достаточной степени точно и опредѣленно характеризуетъ взгляды темныхъ, некультурныхъ ревнителей старины на процессъ поступательнаго движенія, совершающійся въ нашей общественной жизни. Процессъ этотъ авторъ прослѣживаетъ съ самаго

начала его—при Петрѣ Великомъ—и до послѣдняго времени. Я ограничусь по возможности краткой передачей этой исторической концепціи нашего автора, приводя въ подлинникѣ наиболѣе характерныя мѣста изъ его статей, вошедшихъ въ «собраніе сочиненій».

По глубокому убѣжденію г. Страхова, всѣ усматриваемыя имъ построенія, все зло, которое прочно укоренилось въ русскомъ обществѣ, ведутъ свое начало отъ зараженнаго разнаго рода «ересями» европейскаго запада. Реформы и нововведенія, хлынувшія при Петрѣ I на Русь широкой волной, заполонили собою все русское, распатали и повергли дѣдовскіе устои, истребили въ благочестивыхъ до того русскихъ людяхъ всякое уваженіе къ преданіямъ и завѣтамъ старины. «Всѣмъ извѣстно, пишетъ авторъ, въ упомянутой выше статьѣ, что со времени Петра I первыми учителями нашего русскаго передового общества въ дѣлѣ просвѣщенія, какъ и во всѣхъ другихъ родахъ общественной дѣятельности, главнымъ образомъ были протестанты разныхъ національностей». Они-то, эти протестанты, «ревнуя оказать русскимъ услуги въ просвѣщеніи», и произвели тотъ переворотъ въ укладѣ русской жизни, который привелъ въ концѣ концовъ къ современному безотрадному состоянію нашего «цивилизованнаго общества». Въ статьѣ «Замѣчаніе на Сибирскій Вѣстникъ», полемизируя съ этой газетой по поводу одной замѣтки ея, въ которой между прочимъ было сказано, что «старообрядцы до послѣдняго времени сохранили всѣ невыгодныя стороны некультурнаго прошлаго», г. Страховъ, пользуясь сочиненіями А. П. Щапова, такъ характеризуетъ «восхваляемую до небесъ учеными русскими людьми новую культуру», занесенную къ намъ «протестантами». По словамъ историка Щапова, въ царствованіе Петра I на русскую почву послѣдовало пересаживаніе иноземнаго элемента: науки и образованія. Но этотъ западный элементъ для русскаго строго религіознаго народа сдѣлался душеубійственною заразою не только во время его первоначальнаго появленія, но и на всю почти жизнь русскихъ людей. Щаповъ это приключеніе описываетъ такъ: «новый преобразовательный духъ запада, съ неудержимою силою внѣдряясь въ жизнь русскаго народа, доходилъ тогда до печальной крайности, до злоупотребленія, искоренялъ иногда такое старое, что, дѣйствительно, тѣсно было связано съ духомъ древняго православія и вводилъ новое, иноземное, въ самомъ дѣлѣ противное древнерусскому благочестію» (Ист. р. р. стар.). Видимо, что приведенныя слова Щапова г. Страховъ расположенъ считать сказанными въ свою пользу и готовъ поставить автора ихъ на одну доску съ современными врагами прогрессивнаго движенія въ русскомъ обществѣ. «Русскій народъ,—продолжаетъ далѣе нашъ авторъ, иллюстрируя цитату изъ Щапова,—воспитываемый въ строгомъ религіозномъ духѣ, свято соблюдалъ посты, но пагубная западная саранча, привыкшая жрать круглый годъ мясо, увлекла за

собой и нашего русскаго царя Петра I, ибо и онъ въ 1716 году потребовалъ разрѣшенія какъ себѣ, такъ и всему русскому войску на мясояденіе на весь круглый годъ отъ константинопольскаго патріарха Іереміи II, на что и получилъ разрѣшеніе, какъ доказано уже о томъ проф. Каптеревымъ» («Цив. р. общ.»).

Сѣмена, брошенныя «протестантами» въ русское общество, нашли себѣ здѣсь очень воспріимчивую почву. Если ужасно было, съ точки зрѣнія старообрядца, состояніе русскаго общества при Петрѣ I и въ первую пору послѣ него, то теперь оно стало окончательно невыносимо. Если вѣрить г. Страхову, то мы переживаемъ послѣднія времена предъ пришествіемъ антихриста, когда, какъ извѣстно, будутъ на землѣ «трусъ и моръ», всякаго рода пагубы, полное нечестіе и забеніе всѣхъ добродѣтелей. Именно такое безотрадное состояніе міра видитъ нашъ авторъ и въ настоящую пору,—состояніе, предвѣщающее скорый конецъ свѣта. «Присмотрись,—говоритъ онъ въ статьѣ своей «Кони Антихристовы»,—присмотрись, о любезный читатель, на современное положеніе дѣлъ внутренней человѣческой жизни, какъ много появилось теперь антихристовыхъ коней—отступниковъ отъ древлеправославнаго ученія христовой церкви. Во-истину потряслась земля отъ ржанія ихъ! Возрите на многолюдный западъ, и вы увидите, сколько здѣсь разныхъ пропагандистовъ рационализма. Посмотрите и на наше родное русское отечество, и вы увидите, сколько здѣсь появилось подобныхъ пропагандистовъ, особенно въ рядахъ передовыхъ образованныхъ людей: въ нихъ мы видимъ и нигилиста, и социалиста, а также и рационалиста-штундиста и пашковца, такъ что русское бывшее благочестивое государство со временъ новыхъ реформъ патріарха Никона и царя Петра I сдѣлалось уже падшимъ Вавилономъ». «А что сказать о театрахъ, циркахъ и разнаго рода маскарадахъ, наполнившихъ всѣ города россійской державы, въ которыхъ происходитъ своего рода жертвоприношеніе (идоламъ) въ великіе праздничные дни и наканунѣ сихъ дней. Всѣ сіи душепагубныя заведенія разрѣшены высшею властью по дѣйствию духа обольщенія» (л. 58). «Приходъ антихристовъ уже на прагѣ, а мы такъ сковали себя житейскими попеченіями, что не имѣемъ объ этомъ ни малѣйшаго попеченія. Кипимъ, какъ въ котлѣ, въ житейскихъ суетахъ по писанному божественному изреченію: А яже видѣлъ еси два подкрылія, восходящая на главу, сіи суть, ихже соблюде Вышній въ конецъ свой, т.-е. царство скудное и скорбей полно (Ездры 12, 29—30). Не правда ли, читатель, если ты вникнешь въ это, что все сіе частію исполнилось. Страшный голодъ, лютая холера не мало причинили скорбей Русскому государству, а теперь постройка великой сибирской желѣзной дороги осуетила народъ до крайности, но не знаю, придется ли долго по ней ѣздить русскимъ до Китая,—это откроетъ скорое будущее» (л. 102 и слѣд.), т.-е. при антихристѣ

и послѣдующемъ затѣмъ концѣ міра едва ли понадобится сибирскій рельсовый путь всѣмъ этимъ «осуевившимся» въ торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ русскимъ людямъ, — вотъ что хочетъ сказать авторъ.

Обращаясь далѣе къ успѣхамъ современной науки и, въ частности, къ разсадникамъ научнаго знанія — нашимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, г. Страховъ и здѣсь, разумѣется, видитъ ту же «мервость нечестія», то же полное неуваженіе къ авторитетнымъ завѣтамъ старины. Горькія чувства вызываютъ въ немъ всѣ пріобрѣтенія въ области науки за послѣднее время, какъ наносящія тяжкіе удары и тѣмъ послѣднимъ остаткамъ благочестивой старины, которые еще сохранились въ «передовомъ» и непередовомъ русскомъ обществѣ. «Охъ, горе! — восклицаетъ онъ съ глубокою грустью, — охъ, горе! на мѣстѣ науки и образованія у насъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ теперь засѣдаютъ: Шеллинги, Гегели, Штраусы, Фейербахи и Ренаны, породившіе разныхъ Трубецкихъ, Толстыхъ и Тихоміровыхъ, а также и разнаго рода учителей западнаго сектантства на подобіе полковника Пашкова, расплодившаго всюду свою пропаганду». Для иллюстраціи того, что «засѣло» теперь въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вмѣсто науки и образованія, г. Страховъ приводитъ слѣдующій фактъ, взятый имъ изъ указанной выше рѣчи архіепископа Амвросія. «Профессоръ Кіевскаго университета Тихоміровъ прсчелъ 13 сентября 1891 г. студентамъ медицинскаго факультета руководящую лекцію о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Выставивъ для научнаго сравненія скелеты человѣка и гориллы, съ особенной подробностью остановился онъ на анатомическомъ доказательствѣ того, что на тѣлѣ человѣка былъ нѣкогда членъ, долженствовавшій составлять для него особое украшеніе, — какой бы вы думали? — хвостъ! Теперь остается, — добавляетъ нашъ авторъ, — ввести это въ разные учебники для преподаванія этого ученія юношеству, какъ ввели всюду во всѣ учебники о вращеніи земли, а не солнца» (л. 111).

Послѣднее замѣчаніе автора относительно «ученія о вращеніи земли, а не солнца» далеко не составляетъ простой вылазки его въ сторону «современнаго русскаго цивилизованнаго» общества и высшихъ учебныхъ заведеній. Это «ученіе» составляетъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ «современнаго общества», по мнѣнію автора, и потому онъ счелъ нужнымъ посвятить ему цѣлую статью подъ особымъ заглавіемъ — «Астрономія и ея душевредныя послѣдствія въ современномъ мірѣ». Вообще надо сказать, что вопросъ о вращеніи земли вокругъ солнца старообрядцами принимается очень близко къ сердцу, такъ какъ въ своихъ старопечатныхъ книгахъ и сочиненіяхъ древнихъ, по преимуществу, византійскихъ авторовъ, они находятъ на этотъ счетъ противоположныя указанія, не оставляющія въ нихъ никакого сомнѣнія въ неправотѣ современнаго

«ученія» по данному вопросу. Общее убѣжденіе старообрядцевъ таково, что земля стоитъ, «неподвижно основанная отъ созданія своего», а солнце ходитъ вокругъ нея. Геоценрическая точка зрѣнія на мірозданіе, проводимая древними философами и учеными, сохранена нашими старообрядцами въ полной неприкосновенности.

Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу нашъ авторъ. «Астрономическая наука,—начинаетъ онъ свою упомянутую выше статью объ астрономіи,—есть наука слишкомъ древняя, и ее изучали многіе святыя угодники Божіи и великіе святители, но ни одинъ изъ нихъ не вводилъ во всеобщее свѣдѣніе о вращеніи земли, подобно какъ бы вертится колесо на оси, какъ это теперь введено у насъ на Руси во всѣ литературныя изданія и учебники, гдѣ утверждается, что земля вертится стремглавъ, солнце же на небесномъ горизонтѣ стоитъ неподвижно».

Приведа затѣмъ цитату изъ Златоуста, назвавшаго «таковыхъ мыслителей» сумасшедшими, г. Страховъ продолжаетъ свою статью ссылкой на авторитетъ. «Св. І. Дамаскинъ въ своей книгѣ «Небеса о земли» говоритъ слѣдующее: земля же едина отъ четырехъ стихій есть. Суха же и студена, тяжка и непоступна... Ея же никто же отъ человекъ не можетъ сказать установленія, ни укрѣпленія. Ови убо на водахъ, рѣша, утверждена есть и водружена... А друзіи, на воздухѣ, рѣша. Другій же рече: укрѣпивый землю ни на чемъ же. Паки Давидъ богословесный, яко отъ лица Творца, азъ, рече, утвердихъ столпы ея. Содержащую ея силу столпы нарицаетъ и прочее (книга древлеписьменная)». Въ другой своей статьѣ «Возраженіе на Томскія Епархіальныя Вѣдомости» авторъ по поводу этого вопроса говоритъ слѣдующее: «Слышно, что гдѣ-то за границей на выставкѣ будетъ устроено шаръ на подобіе земли, который будетъ вертѣться съ посаженными на него людьми, и они не замѣтятъ сего движенія; и будетъ устроено искусственное небо, солнце, луна и звѣзды для удостовѣренія того, что не солнце ходитъ по небу, а вертится земля. Но не вѣрь, братъ мой, этимъ лжепророкамъ,.. что вертится земля, и мы съ нею вращаемся стремглавъ. О заблужденіе изъ заблужденій!» Но «душевредныя» послѣдствія астрономіи заключаются не въ одномъ только «ученіи» о вращеніи земли вокругъ солнца. Авторъ нашъ усматриваетъ ихъ между прочимъ еще въ распространенномъ повсюду пристрастіи къ Брюсовымъ и небрюсовымъ календарямъ въ ущербъ пресловутымъ стариннымъ святцамъ. «Грустно и горько видѣть, скорбитъ онъ, какъ теперь нашъ русскій простой народъ, не исключая и старообрядцевъ, увлекся вѣрою въ астрономическія предсказанія, помѣщенныя почти въ каждомъ календарѣ о перемѣнахъ погоды, о событіяхъ времени, почти совсѣмъ обоготворили, бѣдныя, Брюса и ему подобныхъ!»

Итакъ, по глубокому, искреннему убѣжденію г. Страхова, состояніе современнаго русскаго цивилизованнаго общества во всѣхъ отно-

шеніяхъ безотрадно и способно вызвать только одно чувство горькаго сожалѣнія и глубокой скорби по поводу наблюдаемой всюду измѣны благочестивымъ преданіямъ старины. Никакія средства и мѣры не помогутъ исцѣлиться обществу отъ этого страшнаго развѣдающаго его недуга, охватившаго его со всѣхъ сторонъ, кромѣ поворота назадъ, къ тому «благочестивому» укладу общественной и частной жизни, который оно утратило со времянь Петра. Это самое радикальное и дѣйствительное средство. Для того, чтобы «прекратить все это безвѣріе,—пишетъ нашъ авторъ,— и направить народъ на первобытный его путь, необходимо нужно русскому правительству, какъ справедливо замѣтилъ архіепископъ Амвросій, возвратиться ему на ту дорогу, которою за два столѣтія назадъ шелъ нашъ русскій народъ» (л. 49).

Вотъ *ria desideria* нашего автора и вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ старообрядцевъ. Похѣрить всю «новую культуру», покончить со всѣми культурными успѣхами, отвергнуть всѣ приобрѣтенія въ области науки и прикладныхъ знаній, порвать всякія связи съ еретическимъ западомъ, и возвратиться къ сѣдой старинѣ допетровской Руси,— вотъ въ чемъ состоитъ *profession de foi* нашего автора, выразителя мнѣній громаднаго большинства старообрядческаго общества. Всѣ сочиненія автора проникнуты этимъ духомъ отрицанія настоящаго и желаніемъ возврата къ прошлому. Въ одномъ только этомъ прошломъ онъ видитъ нормальный строй общественной и частной жизни.

Въ этомъ же возвратѣ къ старинѣ съ ея требованіями неуклоннаго соблюденія церковныхъ уставовъ и другихъ обрядовыхъ предписаній нашъ авторъ видитъ средство разобрать то «средостѣніе», которое установилось между «простымъ народомъ и цивилизованнымъ обществомъ». Вотъ оригинальное сужденіе автора по этому поводу. «Эта зараза, то-есть упоминаемая уже мною «привычка жрать круглый годъ мясо»,— эта зараза охватила весь районъ передоваго русскаго общества, какъ доказываютъ факты,—напримѣръ, если по своей служебной обязанности явился въ какое либо селеніе или деревню начальникъ или земскій засѣдатель, то крестьянинъ приготовь ему курочку или рябчика и сливочки къ чаю, хотя бы это случилось и въ постный день»... Но «развѣ православная церковь установила посты для однихъ только простыхъ людей, развѣ Христось для образованныхъ или благородныхъ людей далъ другое Евангеліе? А если всего этого нѣтъ, да и, конечно, нѣтъ, то отчего такой разладъ жизни нашихъ передовыхъ людей съ жизнію простаго общества людей?»

Я выбралъ все наиболѣе интересное въ статьяхъ г. Страхова, касающихся, по его выраженію, «новой культуры» нашего передоваго общества, и думаю, что теперь читатель можетъ составить себѣ нѣкоторое представленіе объ этомъ старообрядческомъ публицистѣ

и отчасти о его общественномъ profession de foi. А что это заправскій, присяжный публицистъ, хорошо знающій цѣну и значеніе печатнаго слова, видно между прочимъ изъ его сѣтованій на то, что старообрядцы лишены вести политику съ миссіонерами тѣмъ же орудіемъ, какимъ ведутъ и они, т. е. путемъ печати. Указавъ въ статьѣ своей «Звѣзды, павшія съ неба», на то, что за послѣднее время въ числѣ другихъ мѣръ, направленныхъ противъ старообрядчества, «пущена въ ходъ и печать», г. Страховъ съ грустью восклицаетъ: «что же остается при этомъ дѣлать благочестивымъ старообрядцамъ? Вѣдь остановить это движеніе печати возраженіями таковымъ же способомъ имъ воспрещено!..» (л. 49). Это сознаніе неравности въ силахъ полемизирующихъ сторонъ проглядываетъ довольно ярко въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ нашего автора, и здѣсь также онъ высказываетъ желаніе имѣть въ своихъ рукахъ орудіе, одинаковое съ имѣющимся у противной стороны, т. е. желаніе вести полемику путемъ печати.

Остальныя статьи, вошедшія въ «собраніе сочиненій», представляютъ изъ себя преимущественно полемическіе трактаты, направленные на миссіонеровъ господствующей церкви и старообрядцевъ-безпоповцевъ, и только, пожалуй, еще одна изъ нихъ заслуживаетъ быть отмѣченной. Это — статья о «душевредномъ суевѣрїи въ наговорахъ». Здѣсь авторъ возстаетъ противъ широко распространеннаго въ простомъ народѣ обычая приглашать къ больнымъ деревенскихъ знахарей для лѣченія при помощи наговоровъ. Строго осуждая этотъ обычай, онъ убѣждаетъ понять слѣдующихъ ему, что наговоры, кромѣ грѣха, никакой пользы принести не могутъ, и рекомендуетъ при всякой надобности прибѣгать къ врачебной помощи. Искусство врачеванія, замѣчаетъ онъ, не противно Богу, и помощь врача несравненно продуктивнѣе знахарскихъ наговоровъ; наговоры же, какъ дѣло бѣсовское, прогнѣвливаютъ Бога и осуждаютъ душу пользующихся ими на вѣчное мученіе.

Ал. Шерстобитовъ.

ПО ДЕБРЯМЪ ДАГЕСТАНА.

I.

Первыя впечатлѣнія.

Выѣздъ изъ Хунзаха.—Ст. Матласы и магометанская ураза.—Перемѣна погоды.—
Природа сѣверо-восточнаго Дагестана.—Горскія поля и ихъ «приготовленіе».

ОБРАВШИСЬ до столицы Аваріи—Хунзаха, на почтовыхъ, я рѣшилъ воспользоваться прекраснымъ случаемъ и вернуться въ Темиръ-Ханъ-Шуру другою дорогою—черезъ аулы Апильту и Гимры.

Правда, этотъ новый путь надлежало сдѣлать верхомъ по горнымъ, зачастую ужаснымъ, тропинкамъ.

Но, во-первыхъ, новые знакомцы мои—офицеръ А*, одинъ изъ служащихъ въ управленіи Аварскаго округа, и его кунакъ-аварецъ Мамедъ-Исмаиль-оглы, развитой и образованный чело-вѣкъ,—головой ручались за мою безопасность; а, во-вторыхъ, меня и самого сильно подмывало посмотрѣть собственными глазами глухіе дагестанскіе дебри, въ которыхъ разыгралось нѣсколько громкихъ моментовъ 80-ти-лѣтней эпопеи завоеванія Кавказскихъ горъ.

Сказано—сдѣлано, и въ одно далеко не прекрасное, пасмурное и снѣжное утро мы выѣхали втроемъ изъ воротъ Хунзахскаго укрѣпленія. Насъ сопровождало четверо нукеровъ¹⁾, и подо мной шла некрасивая, но сильная и цѣпкая, какъ кошка, горская лошадь.

¹⁾ Всадниковъ, служащихъ при управленіи округа.

— Мы сперва поѣдемъ по дорогѣ въ Ботлихъ, центральный пунктъ Андійскаго округа,—сказалъ А*,—а потомъ у ст. Матласы свернемъ на горныя тропинки. Къ тому времени погода, можетъ, и измѣнится.

— Дай Богъ, — отозвался я, стараясь подавить волненіе, невольно возникшее при одной мысли о путешествіи по узенькимъ дорожкамъ, лѣпящимся уступами скалъ надъ бездонными пропастями. А тутъ еще это сѣрое, грустное небо, эти хлопья снѣга, падающіе одни за другими, эти зигзаги почтовой дороги, носящей громкое названіе — Голь-Падишахъ ¹⁾, и, наконецъ, эти сѣрыя, безжизненные скалы, сдвинувшіяся съ обѣихъ сторонъ и напоминающія о грядущихъ ужасахъ...

Обстановка не располагала къ разговорамъ, и мы, закутавшись въ бурки и башлыки, молча подвигались впередъ, пока не добрались до Матласовъ. Тутъ мы съ А* рѣшили немного передохнуть и закутить.

Въ горахъ погода мѣняется чрезвычайно быстро, и когда, черезъ полъ-часа мы выѣхали изъ Матласовъ, небо было почти совсѣмъ ясно, и снѣгъ прекратился. Солнце ярко свѣтило, играя въ каждой снѣжинкѣ и сильно пригрѣвая обращенные къ нему скаты. Со всѣхъ сторонъ бѣжали, журча и пѣнясь, ручейки... Вся природа нѣжилась и ликовала, а вмѣстѣ съ нею развеселились и мы.

Дорога шла между сѣрыхъ, почти голыхъ скалъ и только кое-гдѣ ее разнообразили зеленѣющія поля да сѣрые столь же безжизненные аулы.

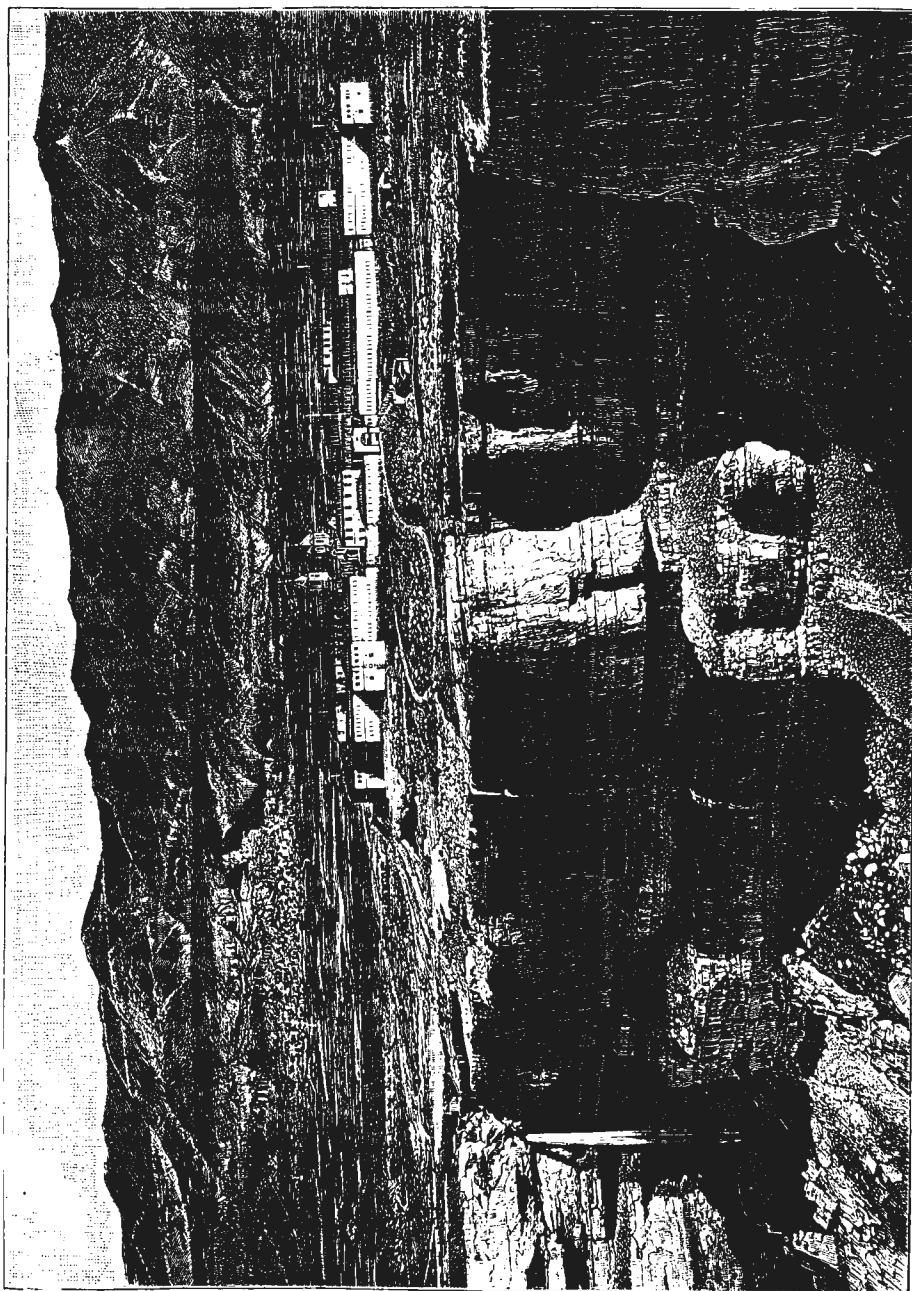
— Что за дичь и глушь въ вашей «Странѣ горъ» ²⁾,—сказалъ я, обращаясь къ А*: — все скалы да пропасти. Глазу не на чемъ остановиться—такъ все уныло, угрюмо и дико кругомъ.

— Ну, не вездѣ,—отозвался А*,—побывайте въ юго-восточныхъ округахъ, и вы увидите тамъ совсѣмъ инныя картины. Да и въ нашей унылой Аваріи много прекрасныхъ уголковъ, гдѣ разрастаются самыя нѣжныя культуры, и гдѣ вы найдете чудные персики, прекрасный виноградъ, отличныя груши и яблоки... Впереди намъ предстоитъ не одинъ такой оазисъ.

— Не знаю, какъ въ юго-восточныхъ округахъ, — продолжалъ я:—тамъ я еще не былъ, но въ сѣверо-восточныхъ, черезъ которые я только что проѣхалъ отъ Шуры къ Хунзаху, только и видны, что эти скалы да пропасти... Аулы и тѣ не оживляютъ мѣстности, а наоборотъ, своими сѣрыми каменными саклями, какъ бы дополняютъ общую угрюмую и мрачную картину. Просто удивляешься, какъ находить себѣ обитателей эта дикая природа, среди которой рѣдко встрѣтишь жалкую травку и неприхотливую сосну.

¹⁾ Царскій путь.

²⁾ Дагестанъ значитъ страна горъ.

Укрѣпленіе Хунзахъ.

— Да,—сказалъ А*,—намъ, жителямъ зеленыхъ равнинъ, эти сѣ-
рыя картины кажутся мрачными и непріютными. Но поговорите съ
горцемъ, выросшимъ въ этой обстановкѣ, и вы услышите отъ него
самые восторженные отзывы о горахъ, среди которыхъ онъ родился
и выросъ. Выселенный на равнину, онъ тоскуетъ о своихъ отвѣс-
ныхъ скалахъ и бездонныхъ пропастяхъ и вновь оживаетъ, вер-
нувшись въ дорогія мѣста. Да и право, несмотря на всю непри-
глядность такихъ окрестностей, въ нихъ много поэзіи и живо-
писности.

— Готовъ согласиться съ вами относительно поэзіи, особенно
въ такое чудное утро,—отвѣтилъ я, оглядываясь кругомъ и съ на-
слажденіемъ вдыхая свѣжій и цѣлительный, какъ бальзамъ, воздухъ:—
поэзія, правда, и тутъ есть, но вотъ насчетъ презрѣнной прозы
выходить ужъ очень плохо...

— Какой это прозы?

— Да относительно плодовъ земныхъ. Что можетъ расти на
этихъ отвѣсныхъ скалахъ, и чѣмъ приходится питаться здѣшнему
обитателю?

— Да, наша почва не можетъ, конечно, похвалиться плодородіемъ
и возвращаетъ въ большей части Аваріи, благодаря ея высотѣ,
чуть не одинъ лишь ячмень.

— И то съ какимъ громаднымъ трудомъ достается горцу и этотъ
насущенный хлѣбъ,—сказалъ я:—мнѣ удалось уже насмотрѣться на
поля вашихъ горцевъ, и я убѣжденъ, что нашъ крестьянинъ, из-
балованный широкимъ раздольемъ своихъ равнинъ, съ недоумѣніемъ
остановился бы передъ этими полями и навѣрное рѣшилъ бы, что
тутъ немыслима человѣческая жизнь, немыслимо самое жалкое су-
ществованіе.

— А что бы онъ сказалъ,—поддержалъ меня А*.—если бы ему со-
общили, что большая часть и этихъ-то полей обязана не только
своей культурой, но и самымъ существованіемъ своимъ человѣче-
скому труду? Вѣдь созданная самой природой нива слишкомъ мала,
что бы ею можно было удовлетворяться, еѣ необходимо расширить,
необходимо увеличить площадь посѣва... И вотъ горецъ въ букваль-
номъ смыслѣ слова принимается за созданье новыхъ полей, на по-
добіе тѣхъ, мимо которыхъ мы ѣдемъ теперь...

И, дѣйствительно, недалеко отъ нашей тропинки, по скату не
слишкомъ крутой скалы, лѣпились одно надъ другимъ горскія поля,
образуя что-то въ родѣ циклопической лѣстницы. Каждая гигантская
ступенька ея охватывалась съ трехъ сторонъ каменными стѣнками,
сводившимися на-вѣтъ при приближеніи къ четвертой сторонѣ—скалѣ.
И въ эти громадные ящики, формой своей напоминающіе трехгран-
ную призму, горцы наносили откуда-то въ мѣшкахъ на собствен-
ной спинѣ землю и образовали такимъ путемъ рядъ искусственныхъ
полей.

— Да,—невольно воскликнулъ я:—просто отказываешься сосчитать, какихъ трудовъ стоитъ каждая такая нива, и сколько нужно лѣтъ и поколѣній, чтобы создать одно поле въ 40—50 квадратныхъ сажень!

— Для дагестанскаго малоземелья,—прервалъ меня А*—характеренъ одинъ анекдотъ, который, быть можетъ, и вамъ приходилось слышать.

— Какой именно?

— Рассказываютъ, что какъ-то горецъ вышелъ засѣять три свои поля, скинулъ бурку и приступилъ къ работѣ. Засѣялъ одно поле, засѣялъ другое; третье же, къ своему удивленію, никакъ найти не могъ. «Видно, шайтанъ взялъ», рѣшилъ горецъ и, собираясь домой, поднялъ свою бурку. Потерянное поле оказалось подъ нею!

— Но мы съ вами отмѣтили пока лишь половину работы горца,—продолжалъ А* послѣ короткой паузы:—мало вѣдь еще создать почву, нужно еще и оросить её. А для этого необходимо провести воду изъ рѣки, зачастую изъ-за нѣсколькихъ верстъ и устроить искусственный акведукъ изъ выдолбленныхъ въ камнѣ канавокъ или изъ черепичныхъ и деревянныхъ трубъ, утвержденныхъ кое-гдѣ на высокихъ деревянныхъ стойкахъ. Но вотъ все готово: поле создано, вода проведена, пшеница или ячмень посѣяны, и горецъ не нарадуется на плоды своихъ трудовъ... И вдругъ разразилась гроза, хлынулъ дождь, побѣжали съ горъ грозные, ничѣмъ не удержимые потоки, все уничтожая на своемъ пути и въ одинъ мигъ унося внизъ и годами натасканную землю, и каменные стѣны, охватывавшія вчера еще зеленѣвшее поле..

— Да, тяжелыя условія жизни, и тѣмъ болѣе можно подивиться привязанности лезгинъ къ ихъ угрюмымъ скаламъ,—замѣтилъ я.

II.

Хаджи-Муратъ.

Аулъ Цельмесь.—Значеніе Хаджи-Мурата послѣ убійства Гамазъ-бека и униженіе его.—Арестованіе и бѣгство.—Переходъ на сторону Шамиля.—Возвращеніе къ Россіи и смерть.—Два отчаянныхъ подвига.

Подъ этотъ разговоръ мы отгѣхали нѣсколько верстъ отъ Матласовъ. Въ глубинѣ ущелья показался небольшой аулъ, и я спросилъ его названіе.

— Это Цельмесь,—отвѣтилъ Мамедъ-Исмаиль-оглы:—сюда спасся нашъ любимый герой, Хаджи-Муратъ, когда его, зимой 1840 года, русскій караулъ велъ плѣнникомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Онъ бѣжалъ отъ этого караула и изъ пріютившаго его Цельмеса завязалъ переписку съ Шамилемъ, предлагая ему свои услуги.

— Простите, Мамедъ, что я васъ перебую,—сказалъ я,—вы рассказывали уже въ Хунзахъ о той роли, которую игралъ Хаджи-Муратъ въ освобожденіи 1834 году Хунзаха и Аваріи отъ занявшихъ ихъ муридовъ¹⁾ со вторымъ имамомъ Гамзатъ-бекомъ во главѣ. Но далѣе вы не рассказывали, а мнѣ было бы очень любопытно послушать.

— Съ удовольствіемъ,—отозвался Мамедъ.—Вы уже знаете,—продолжалъ онъ,—что послѣ убійства Гамзатъ-бека фактическимъ властителемъ Аваріи сталъ глава возставшихъ аварцевъ Хаджи-Муратъ, тогда еще совсѣмъ молодой 20-лѣтній юноша. Но онъ самъ сознавалъ, что его молодость не вяжется съ управленіемъ такой обширной страной, и онъ послалъ къ сосѣднимъ властителямъ Ахметъ-хану Мехтулинскому, шамхалу Тарковскому, и Арсланъ-хану Казикумухскому съ предложеніемъ взять на себя управление Аваріей. Но въ то же время онъ послалъ и къ русскимъ властямъ, чтобы извѣстить ихъ о новыхъ событіяхъ.

Ханы одинъ за другимъ отказались явиться въ Хунзахъ, въ которомъ только что разыгралась кровавая трагедія убійства Гамзата и его муридовъ. А русскій главнокомандующій баронъ Розенъ не придавъ сначала надлежащаго значенія присланному ему извѣщенію и, только прослышавъ о двухъ неудачныхъ попыткахъ новаго имама Шамиля завладѣть Хунзахомъ и получивъ отъ Хаджи-Мурата второе письмо съ увѣдомленіемъ, что если Аварія не получитъ русской помощи, то быстро подпадетъ подъ власть муридовъ,—только послѣ этого баронъ Розенъ послалъ къ Хунзаху отрядъ ген. Ланского съ порученіемъ прогнать муридовъ со всего пространства между Шурой и Хунзахомъ. Ланской безъ труда завладѣлъ Гимрами, но когда къ этому аулу подошелъ Шамиль,—генераль долженъ былъ поспѣшно отступить. Высланный на помощь Ланскому храбрый генераль Клюки-фонъ-Клугенау разорилъ рядъ горскихъ ауловъ, вошелъ побѣдителемъ въ Хунзахъ, гдѣ и поставилъ правителемъ ауловъ и Аваріи сына казикумухскаго хана, Ахмета-Магометъ-Мирау. Какъ при этомъ правителѣ, такъ и при его преемникѣ Ахметъ-ханѣ Мехтулинскомъ, въ Аваріи держался полный порядокъ, и она была предана Россіи. Всѣ попытки Шамиля подчинить себѣ этотъ центръ Дагестана оканчивались неудачей. Но главнымъ виновникомъ всего этого были не ханы, ставленники Россіи, а любимецъ Аваріи, ея первый джигитъ Хаджи-Муратъ.

Такое положеніе вещей продолжалось до 1840 года, когда Хаджи-Мурату было нанесено кровное оскорбленіе, заставившее его перейти на сторону Шамиля. Нужно замѣтить, что правители Аваріи относились очень неблагоклонно къ Хаджи-Мурату, видя гро-

¹⁾ По мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ, это болѣе правильная транскрипція слова, чѣмъ мюридимъ.

мадную его популярность въ Аваріи. Въ виду этого они неблагопріятно аттестовали его передъ русскимъ правительствомъ, а въ 1840 году даже прямо обвинили въ измѣнѣ Россіи и въ сношеніяхъ съ Шамилемъ. Тогда русскія власти распорядились доставить его скованнымъ въ Шуру подъ конвоемъ 40 солдатъ.

Можете сами судить, каково было гордому аварцу, вѣрой и правдой служившему русскому царю и ненавидѣвшему всѣми силами души Шамиля и муридовъ, переносить подобное униженіе?! Случай помогъ ему спастись изъ плѣна. Конвойный начальникъ жалелся надъ нимъ и приказалъ снять кандалы, а вмѣсто нихъ велѣлъ связать руки веревкой и держать концы ея двумъ солдатамъ— одному спереди, а другому сзади. Дорога была очень трудна и зачастую проходила по узкимъ гребнямъ надъ бездонными пропастями. Этотъ воспользовался Хаджи-Муратъ и въ одномъ мѣстѣ, гдѣ конвой растянулся, сдѣлалъ отчаянный прыжекъ въ сторону, полетѣвъ въ пропасть вмѣстѣ съ обоими конвойными. Эти послѣдніе при паденіи выпустили изъ рукъ веревку и разбились въ дребезги на глазахъ товарищей, а плѣнникъ исчезъ въ глубинѣ пропасти. Искать его, казалось, было бесполезно: трудно было сомнѣваться, что онъ разбился о скалы такъ же, какъ и солдаты. Конвой двинулся дальше въ Т.-Х.-Шуру, гдѣ и донесъ о случившемся. Но Хаджи-Муратъ не погибъ, хотя при паденіи въ бездну сильно разбился и повредилъ себѣ обѣ ноги, отчего потомъ оставался хромымъ всю жизнь. Онъ съ трудомъ доползъ до ближайшихъ кутановъ (овечьихъ загоновъ), а черезъ нѣкоторое время достигъ аула Цельмесь, откуда началъ письменные переговоры съ Шамилемъ, предлагая ему свою службу.

«Ты узналъ мою храбрость, — писалъ Хаджи-Муратъ, — когда я защищалъ противъ тебя Хунзахъ. Желасшь ли еще разъ испытать ее теперь, когда я хочу биться рядомъ съ тобой?»

А Шамиль незадолго передъ тѣмъ потерпѣлъ ужасное пораженіе подъ Ахульго и едва нашелъ себѣ убѣжище въ Чечнѣ. Конечно, онъ съ величайшей радостью принялъ предложеніе Хаджи-Мурата, славившагося храбростью и имѣвшаго громадное значеніе въ Аваріи и Дагестанѣ. Съ его переходомъ на сторону муридизма, дѣла этого послѣдняго сразу мѣняли свой характеръ, а власть Шамиля получала новый блескъ и распространеніе.

Имамъ тотчасъ же прислалъ Хаджи-Мурату письменный отвѣтъ, въ которомъ раскрывалъ ему свои объятія и предсказывалъ, что скоро русскій двуглавый орелъ сожжетъ свои крылья на сіяющемъ полумѣсяцѣ, красующемся на знамени правовѣрныхъ...

И, дѣйствительно, на первыхъ порахъ Шамиль выказывалъ Хаджи-Мурату величайшее довѣріе и сдѣлалъ его своимъ первымъ набобомъ. А вслѣдъ за Хаджи-Муратомъ постепенно перешла на сторону муридизма и вся Аварія.

— Да, — вмѣшался тутъ А*, — Россія сдѣлала большую ошибку, не сохранивъ за собой Хаджи-Мурата и вмѣстѣ съ нимъ Аварію. Одинъ этотъ непростительный шагъ отнялъ у насъ все вліяніе надъ Дагестаномъ и отсрочилъ окончательное подчиненіе его на много лѣтъ. Хаджи-Муратъ былъ очаяннымъ храбрцомъ и если Шамиля нужно назвать головой муридизма, то Хаджи-Муратъ будетъ его душою. А душа въ такихъ вещахъ зачастую важнѣе головы...

— Но вѣдь и Шамиль не могъ сохранить за собой этого джигита? — сказалъ я.

— Да, Шамиль обидѣлъ его, — отвѣтилъ Мамедъ: — а въ горахъ обиды никогда не прощаются.

— Въ чемъ же заключалась эта обида?

— Разно говорить на этотъ счетъ, — отвѣтилъ Мамедъ: — больше приходится слышать, что все дѣло разыгралось отъ того, что Хаджи-Муратъ, учинивъ какъ-то отчаянное ночное нападеніе на аулъ Большой Дженгутей, выкралъ оттуда и взялъ себѣ въ наложницы ханшу Нохъ-Бике, вдову своего врага Ахметъ-хана Мехтулинскаго. А эта ханша приходилась тещей приверженцу Шамиля, Даніэль-беку Элисуискому. Этотъ послѣдній пожаловался Шамилю, а Шамиль приказалъ Хаджи-Мурату отдать ханшу ея зятю. Были и другіе еще поводы къ неудовольствію въ родѣ того, что въ концѣ 1851 Шамиль обвинилъ Хаджи-Мурата въ неудачномъ исходѣ одной кампаніи...

— А я болѣе склоненъ думать, — прервалъ его А*: — что всѣ эти обиды были однимъ лишь вымышленнымъ предлогомъ, благовидной ширмой, а на самомъ дѣлѣ Шамиль далъ Хаджи-Мурату дипломатическую миссію поразвѣдать о всѣхъ дѣлахъ и планахъ въ Тифлисѣ, а затѣмъ вернуться въ горы, что онъ и хотѣлъ сдѣлать въ Нухѣ...

Лицо Мамеда омрачилось: видно, ему были крайне непріятны подобныя предположенія насчетъ легендарнаго героя Аваріи. Въ виду этого я поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Какъ же его приняли въ Тифлисѣ? — спросилъ я.

— Князь Воронцовъ, тогдашній начальникъ Кавказа, принялъ его очень любезно и далъ хорошее содержаніе. Но, видно, онъ также не довѣрялъ Хаджи-Мурату и приставилъ къ нему конвой, который никогда не спускалъ съ него глазъ. Хаджи-Муратъ очень тяготился этимъ и въ апрѣлѣ 1852 года отпросился у князя въ Нуху. Его отпустили, но велѣли кн. Тарханову, начальнику Нухи, строго слѣдить за нимъ. Но когда Хаджи-Муратъ попалъ въ Нуху и увидалъ вблизи родныя горы, — душа его не вытерпѣла, и онъ бѣжалъ, воспользовавшись оплошностью конвойныхъ и убивъ двоихъ изъ нихъ. Но третій далъ знать о происшедшемъ кн. Тарханову, и тотъ поднялъ всѣхъ, кого могъ, для поимки бѣжавшаго. На другой же день напали на слѣды Хаджи-Мурата и окружили его въ лѣсу. Наибъ защищался, какъ лютый звѣрь, убилъ четверыхъ преслѣ-

дователей и ранилъ шестерыхъ. Но, наконецъ, сабля его переломилась и, весь израненный, онъ самъ вышелъ изъ кустовъ. Ему отрубили голову, а въ тѣлѣ нашли 7 огнестрѣльныхъ ранъ, заткнутыхъ пыжами для удержанія крови. Голову набальзамировали и послали сначала въ Тифлисъ, а потомъ будто бы въ Петербургъ...

— Да, какъ бы то ни было,—сказалъ А*—это былъ большой молодецъ, и Россія много потеряла, не удержавъ его за собой...

— А не можете ли, Мамедъ, рассказать о какомънибудь подвигѣ его?—спросилъ я.

— О, у этого джигита было много подвиговъ отчаянной храбрости. На что не пошелъ бы никто другой, за то смѣло брался Хаджи-Муратъ. А храбрость, какъ у васъ говорится, города беретъ...

— И онъ бралъ города?

— А вотъ хотя бы ночное нападеніе на Большой Дженгутей—громадный аулъ, расположенный на плоскости, верстахъ въ 20 отъ Шуры. Вы вѣдь проѣзжали теперь черезъ него, ѣдучи по почтовой дорогѣ въ Хунзахъ. Этотъ аулъ,—продолжалъ Мамедъ, когда я отвѣтилъ утвердительно на его вопросъ:—этотъ аулъ во время войны былъ резиденціей Мехтулинскаго хана и жилъ шумной и веселой жизнью. Кромя 4-хъ-тысячнаго населенія, въ немъ постоянно стояло до тысячи солдатъ изъ конныхъ и пѣшихъ частей. Все селеніе было обнесено высокою и плотной оградой съ нѣсколькими воротами, охранявшимися военными караулами, а дворецъ хана стоялъ среди аула на высокомъ холмѣ и былъ охваченъ высокою же каменною стѣною.

И вотъ изъ этого-то дворца Хаджи-Муратъ рѣшилъ выкрасть красавицу Нохъ-Бике, вдову своего злѣйшаго врага, Ахметъ-хана Мехтулинскаго. Набѣгъ этотъ совершенъ былъ ночью съ какими-нибудь двумя сотнями отважныхъ храбрецовъ и увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Подобравшись незамѣтно къ оградѣ аула, партія овладѣла одними изъ воротъ, отправивъ на тотъ свѣтъ часовыхъ, а затѣмъ ринулась къ ханскому дворцу. Наиболѣе ловкіе перебрались черезъ стѣны, и черезъ нѣсколько минутъ Хаджи-Муратъ скакалъ во главѣ своихъ храбрецовъ, увозя красавицу ханшу, а за нимъ ближайшій его сотрудникъ Гейдаръ-бекъ везъ другую жену Ахметъ-хана, красавицу Фатиму. Остальные джигиты удовольствовались кое-какимъ добромъ, ограбленнымъ во дворцѣ... И все это было сдѣлано такъ внезапно, быстро и находчиво, что ни обитатели аула, ни русскія войска не успѣли собраться для отпора. И только отдѣльные выстрѣлы провожали храбрецовъ...

Въ другой разъ Хаджи-Муратъ забрался такимъ же образомъ въ Шуру, съ цѣлю выкрасть оттуда самаго главнаго начальника края князя Орбеліани. А въ ту пору въ Шурѣ было сосредоточено до 25 тысячъ войска. Предпріятіе, на которое рѣшится не каждый храбрецъ... Но Хаджи-Муратъ, для большаго эффекта, рѣшилъ сдѣ-

латъ это въ тотъ вечеръ, когда князь Орбеліани давалъ въ своемъ домѣ балъ для шуринской публики... Съ небольшимъ числомъ отчаянныхъ удалцевъ, переодѣтыхъ въ казачьи костюмы, Хаджи-Муратъ проникъ въ городъ и направился по его улицамъ, отыскивая большой, освѣщенный домъ... Вотъ какъ разъ подходящій домъ масса оконъ и всѣ освѣщены... По знаку Хаджи-Мурата, горцы бросаются внутрь его, но, къ крайнему удивленію своему, вмѣсто офицеровъ въ мундирахъ и дамъ въ бальныхъ платьяхъ, встрѣчаютъ какія-то странныя фигуры, одѣтыя въ сѣрые халаты... Оказалось, что горцы ошиблись домою и вмѣсто дворца командующаго попали въ военный госпиталь... Можно себѣ представить взаимное удивленіе больныхъ и ихъ непрошенныхъ гостей!.. Но пока муриды бросались изъ палаты въ палату и хватались за оловянные кружки и тарелки, больные вооружились, чѣмъ попало, и напали на горцевъ. Тѣмъ временемъ тревога распространилась по всему городу, ударили въ набать... Часть удалцевъ легла подъ ударами гарнизона, другая же, а съ нею и Хаджи-Муратъ,—успѣла ускользнуть въ горы...

III.

Горскіе нравы и суды.

Бездны и аулъ. — Двѣ жизни за двѣ копейки. — Горныя дороги. — Словесные суды. — Очистительная присяга. — Необходимость перехода къ общимъ судамъ.

Путь нашъ тѣмъ временемъ принялъ довольно головокружительный характеръ.

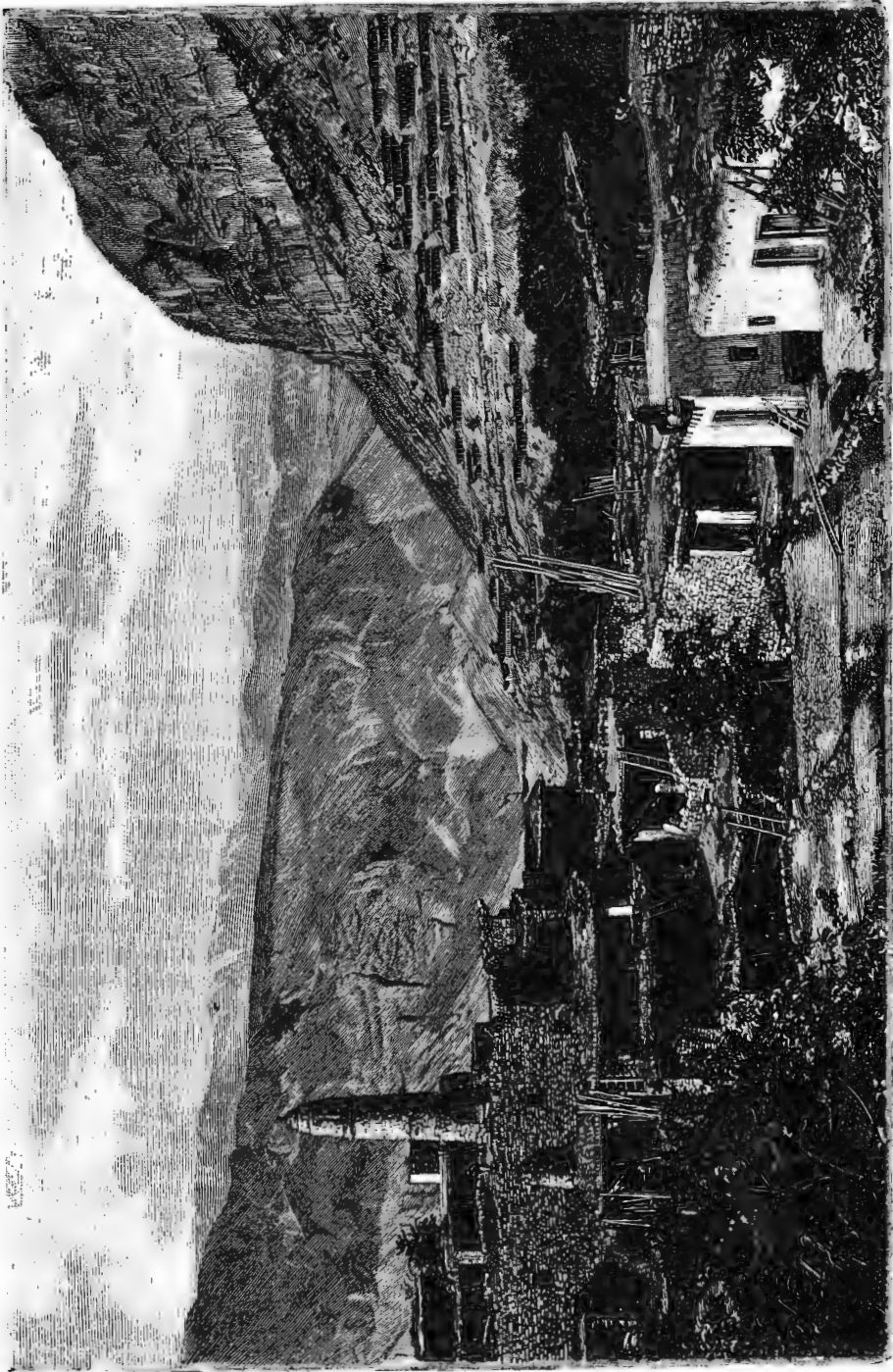
Узкая тропинка то виляла по скату горъ, то лѣпилась по острымъ гребнямъ, надъ глубокими пропастями...

Я уже чувствовалъ временами легкое головокруженіе, и только исполнѣ безразличное отношеніе къ этимъ ужасамъ моихъ спутниковъ и нежеланіе показаться трусомъ придавали мнѣ энергію... Я старался не глядѣть въ эти засасывающія и манящія бездны и отвлекался разговоромъ съ А* и Мамедомъ.

Понятно, поэтому, что я испыталъ немалое удовольствіе, когда тропинка отошла отъ пропасти и вступила въ каменный аулъ, жалкія и грубо сложенные сакли котораго тѣсно лѣпились одна къ другой.

Все населеніе аула высыпало на грязныя и кривыя улицы или на плоскія крыши саклей съ цѣлю подышать чистымъ воздухомъ, погрѣться на весеннемъ солнышкѣ, да подѣлиться мѣстными новостями.

Нашъ поѣздъ привлекъ, конечно, общее вниманіе. Все мужское населеніе провожало насъ любопытнымъ взоромъ, перебрасываясь отдѣльными фразами съ нукерами, а изъ-за полуоткрытыхъ дверей и оконныхъ, ничѣмъ не закрытыхъ, отверстій выглядывали женскія

Ауль Иголи.

физиономіи, но, замѣтивъ на себѣ наши взгляды, тотчасъ же прятался въ глубинѣ сакли.

Посрединѣ аула красовалась огромная яма-прудъ, почти полный водою, и изъ середины его торчали кверху шесть — измѣритель глубины.

Я собирался уже распросить своихъ спутниковъ о названіи и населеніи этого аула, какъ вдругъ наше спокойное шествіе было прервано самымъ неожиданнымъ образомъ.

Изъ сосѣдняго переулка слышались какіе-то крики... Видно было, что шумѣло нѣсколько человѣкъ; но два голоса, перебивавшіе одинъ другой, покрывали всѣ остальные. Но вотъ крики перешли въ глухое рычаніе, а за нимъ послышалось что-то въ родѣ стоана...

— Что это такое?—спросилъ А*.

— Двое лезгинъ подрались и поранили другъ друга, — спокойнымъ тономъ отвѣтилъ одинъ изъ нукеровъ.

Мы тотчасъ же повернули къ мѣсту происшествія.

На небольшой площадкѣ, между саклями, лежали два раненыхъ лезгина. Кругомъ стояла большая толпа, почтительно разступившаяся при нашемъ приближеніи. Луки крови и тяжелые стоны, вырывавшіеся временами изъ груди раненыхъ, доказывали, что дѣло имѣло очень серьезный характеръ. Въ этотъ же моментъ появился мѣстный знахаръ и приступилъ къ освидѣтельствованію раненыхъ.

Я не могъ вынести этого кроваваго зрѣлища и проѣхалъ въ сосѣднюю улицу, гдѣ и сталъ поджидать своихъ спутниковъ.

Народъ стекался со всѣхъ концовъ къ мѣсту происшествія.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ присоединился А*.

— Ну, что, какъ раненые?—спросилъ я.

— Плохо. Оба не выживутъ и до вечера. Раны слишкомъ глубоки.

— Изъ-за чего же произошла ссора?

— Изъ-за самыхъ пустяковъ. Одинъ изъ нихъ нанялся къ другому работникомъ на недѣлю, по 10 копеекъ въ день. Проработавъ, однако, два дня, онъ потребовалъ расчета, такъ какъ хозяинъ за свои 10 копеекъ всѣ соки изъ него высасывалъ и заставлялъ работать по 14 часовъ въ сутки. Но наниматель уперся, заявивъ, что наемъ состоялся на недѣлю, и расчета онъ не дастъ. Тогда между ними вспыхнула ссора. Долго они ругались, наконецъ, хозяинъ предложилъ заплатить 18 копеекъ вмѣсто 20-ти, такъ какъ во второй день работникъ пробылъ только до 6 часовъ вечера, а не до 8-ми. Этотъ послѣдній отказался отъ 18 копеекъ и выругалъ хозяина скверными словами. Тотъ пырнулъ его кинжаломъ, но получилъ въ отвѣтъ такой же ударъ... Ну, вотъ теперь оба и лежатъ замертво, исходя кровью.

— Но вѣдь это ужасно!—воскликнулъ я:—вѣдь ссора свелась въ концѣ концовъ къ двумъ копейкамъ! И изъ-за двухъ копеекъ погубило двѣ жизни!

— Дѣйствительно, на каждую душу приходится по копейкѣ,— отвѣтилъ А*.

— И часты у васъ подобные случаи?

— Да, убійства и пораненія не рѣдки у насъ и до сихъ поръ. Прощать обиды и оскорбленія не въ правилахъ горцевъ, а такъ какъ оружіе всегда при нихъ, то за средствами мести ходить не далеко.

— Но есть же какой нибудь прогрессъ въ этомъ отношеніи? Неужели горцы таковы и теперь, каковы они были при Шамилѣ?

— Конечно, прогрессъ есть, но онъ очень невеликъ. Да и надѣяться на народное перевоспитаніе очень трудно, такъ какъ на это нужны вѣка. Прежде всего, нужно отобрать оружіе. Но на это не рѣшаются...

Въ этотъ моментъ показались Мамедъ и нукеры.

— Ну, что?—спросилъ А*.

— Старшина приказалъ положить раненыхъ въ саклю и велѣлъ знахарю ухаживать за ними. Но тотъ говоритъ, что надежды никакой нѣтъ.

— Ну, если уже знахарь говоритъ, что надежды нѣтъ,—значитъ, ея, дѣйствительно нѣтъ. Никто не умѣетъ такъ лѣчить раны, какъ наши знахари. Однако, Мамедъ, передайте, пожалуйста, старшинѣ, чтобы онъ донесъ о случившемся начальнику округа.

— Я уже сказалъ,—отвѣтилъ Мамедъ.

— Ну, тогда мы тутъ бесполезны и можемъ продолжать нашъ путь,—рѣшилъ А* и повернулъ свою лошадь къ выѣзду изъ аула.

Находясь подъ прежнимъ впечатлѣніемъ, я хотѣлъ продолжить нашъ разговоръ, но характеръ дороги совершенно воспрепятствовалъ этому.

Хотя за ауломъ тропинка и стала шире, но, Боже мой, какъ она стала ужасна!

Лѣпясь надъ крутыми обрывами, ничѣмъ, конечно, не огороженными, она то опускалась, то поднималась на самыя головоломныя крутизны по искусственнымъ каменнымъ лѣстницамъ съ изрытыми и исковерканными ступенями. Иныя изъ этихъ лѣстницъ были длинной въ нѣсколько сажень.

Видно, сами горцы считали эти подъемы и спуски опасными для насъ, такъ какъ нѣсколько обитателей аула взяли было нашихъ лошадей подъ уздцы, чтобы проводить ихъ. Но А* отказался отъ ихъ услугъ, а его примѣру послѣдовалъ и я, хотя сердце сжималось и захватывало дыханіе. Но наши прекрасныя горскія лошади скоро успокоили меня.

Нужно было удивляться, съ какимъ умомъ и съ какой осторожностью подвигались онѣ впередъ. Медленно, шагъ за шагомъ передвигали онѣ свои ноги и прежде, чѣмъ стать на слѣдующую ступеньку, осторожно пробовали, прочно ли держится камень, и въ случаѣ сомнѣнія избирали новое мѣсто. При такихъ условіяхъ оста-

галось только положиться на умныхъ четвероногихъ и вручить имъ свою судьбу. Такъ я и сдѣлалъ.

Около двухъ часовъ двигались мы по такимъ головоломнымъ тропинкамъ, въ общемъ весьма узкимъ и позволявшимъ ѣхать лишь гуськомъ, одинъ за другимъ.

Но вотъ характеръ мѣстности измѣнился къ лучшему. Не стало головокружительныхъ пропастей, тропинка расширилась, и я поѣхалъ рядомъ съ А*.

Впечатлѣніе двойнаго убійства еще не изгладилось во мнѣ, и я вновь заговорилъ о немъ, а затѣмъ перевелъ рѣчь на мѣстные суды и мѣстные законы.

— Скажите,—спросилъ я между прочимъ:—какъ караютъ ваши мѣстные законы—у васъ вѣдь дѣйствуютъ не обще-россійскіе законы, а свои мѣстные—за убійство и пораненіе?

— Наши мѣстные законы разбиваются на двѣ группы—адатъ и шаріатъ. Адатъ—это право обычное, живущее лишь въ преданіяхъ и нигдѣ не записанное; шаріатъ же—это писанные мусульманскіе законы. Оба эти права смотрятъ на одно и то же явленіе различно и за одно и то же преступленіе назначаютъ различныя наказанія. Да къ тому же чуть не каждый аулъ и каждая мѣстность имѣютъ свои обычаи, не сходные съ обычаями даже близлежащихъ мѣстностей и селеній.

— А судебная организація у васъ, конечно, также отличная отъ нашей?

— Конечно, совсѣмъ иная. Въ каждомъ округѣ Дагестанской области — а ихъ всего девять — существуетъ окружной словесный судъ, собирающійся подъ предсѣдательствомъ начальника округа или его помощника и состоящій изъ нѣсколькихъ членовъ, выбираемыхъ населеніемъ изъ почетныхъ лицъ, извѣстныхъ знаніемъ мѣстныхъ обычаевъ. Эти члены носятъ названіе диванныхъ, отъ слова диванъ — судъ. Кромѣ нихъ, въ составъ суда входитъ еще казій, выбранный изъ мѣстныхъ муллъ и хорошо знающій положенія шаріата, изложенныя въ коранѣ и другихъ священныхъ книгахъ, т. е. прежде всего въ въ «суннахъ»¹⁾, а затѣмъ—въ фетва, или рѣшеніяхъ знаменитыхъ юристовъ.

— Какія же дѣла рѣшаются по адату и какія по шаріату?

— Въ разные времена этотъ вопросъ рѣшался различно и притомъ такимъ образомъ, что при усиленіи адата шаріатъ примѣнялся рѣже и наоборотъ. Во времена Шамиля шаріатъ приобрѣлъ полное преобладаніе. И это весьма понятно, такъ какъ Шамиль называлъ себя имамомъ-намѣстникомъ Аллаха на землѣ и, слѣдовательно, долженъ былъ судить по духовнымъ законамъ. Къ тому же, положенія шаріата одинаковы для всѣхъ мусульманъ, безъ различія

¹⁾ Въ суннахъ заключаются преданія о жизни Магомета.

странъ и время, тогда какъ адаты различны у насъ чуть не для каждаго аула и, слѣдовательно, не сосредоточиваютъ, а раздѣляютъ власть надъ страной. Но когда прошли времена муридизма, горцы стали сами возвращаться къ гораздо болѣе близкимъ имъ адатамъ, отъ чего не удерживала ихъ и русская власть. Въ виду этого въ настоящее время шаріатъ примѣняется сравнительно рѣдко, почти исключительно въ дѣлахъ имущественнаго характера, да семейственныхъ, наслѣдственныхъ и брачныхъ. Преступленія же всегда караются по мѣстнымъ адатамъ. Шаріатныя дѣла рѣшаетъ одинъ казій, который непременно долженъ знать арабскую письменность, такъ какъ онъ пишетъ свои постановленія на этомъ языкѣ; дѣла же адатныя рѣшаются диванными членами.

— Какая же роль предсѣдателя?

— Въ сущности, самая глупая. Онъ играетъ роль секретаря, знакомитъ судей съ жалобой, поданной по дѣлу, а затѣмъ записываетъ ходъ засѣданія, существо показаній свидѣтелей и рѣшеніе суда, въ постановленіи котораго самъ участія не принимаетъ. Но, конечно, много тутъ зависитъ отъ личности предсѣдателя и его вліянія на членовъ...

— Какъ же возбуждаются у васъ дѣла, и какъ идутъ они на судѣ?

— Возбужденіе каждаго дѣла, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго, зависитъ у насъ отъ частныхъ лицъ, которыя должны представлять въ судъ исхѣданныя для рѣшенія возбуждаемаго вопроса.

— Ну, а если у него такихъ доказательствъ нѣтъ, а между тѣмъ его брата убили, а саклю сожгли?

— Тогда судъ ничего сдѣлать и не можетъ: онъ не занимается ни розыскомъ обвиняемаго, ни собираніемъ доказательствъ его вины, что дѣлается у насъ слѣдственною и прокурорскою властью. Эта задача лежитъ исключительно на потерпѣвшемъ... Впрочемъ, онъ можетъ ограничиться заявленіемъ подозрѣнія на извѣстное лицо, не представляя никакихъ доказательствъ въ его виновности, и это лицо должно очиститься отъ обвиненія путемъ присяги извѣстнаго числа тусевоу (свидѣтелей), которые удостовѣрили бы неспособность его къ подобнаго рода дѣянію. А зачастую число тусевоу достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ, и тогда заподозрѣнный ставится въ очень затруднительное положеніе. У насъ въ округѣ, — продолжалъ А*, — какъ-то разъ одинъ горецъ заявилъ подозрѣніе противъ другого, обвиняя его въ кражѣ. Тотъ выставилъ потребное число свидѣтелей, и всѣ они подтвердили его невиновность. Но противная сторона припомнила, что у заподозрѣннаго имѣется родной братъ, который, по адату, долженъ былъ попасть въ число тусевоу, но въ судѣ представленъ не былъ. Напрасно заподозрѣнный убѣждалъ судей, что этотъ братъ давнымъ давно выѣхалъ изъ Дагестана и проживаетъ въ Калугѣ, почему не можетъ знать не только

настоящаго дѣла, но даже и его самого, обвиняемаго въ совершеніи кражи. По адату, въ число тусевоу должны войти прежде всего ближайшіе родственники, и заподозрѣнный былъ обвиненъ въ кражѣ...

— Ну, а если бы онъ оправдался, — дѣло было бы кончено?

— Ничуть не бывало. Потерпѣвшій можетъ указать на другого, третьяго, десятаго, и судъ долженъ провѣрять всѣ эти обвинения и требовать каждый разъ очищенія присягой.

— Но вѣдь это ужасно, — сказали я: — это такія отсталыя и нелѣпыя положенія!

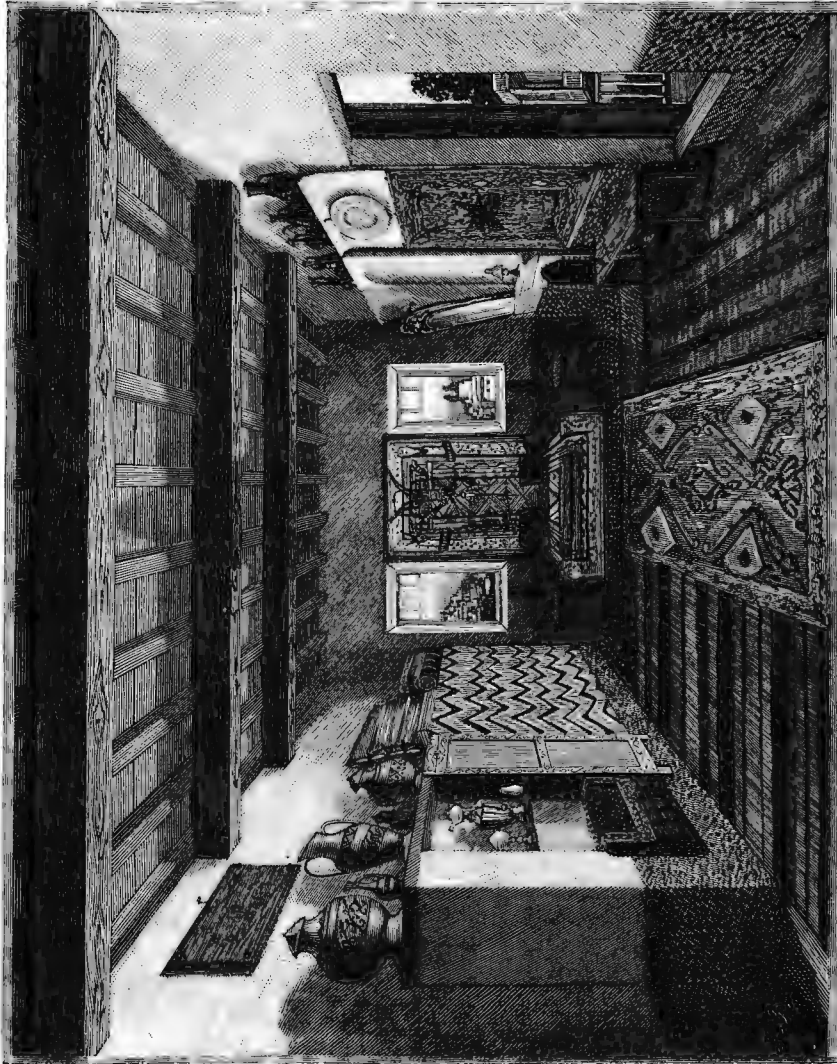
— Знаете, — горячо заговорилъ А*, — посидѣли бы вы хоть недѣлю въ нашемъ судѣ, и вы увидали бы сами всю несостоятельность, мало того, всю вредность его. Я давно уже убѣдился въ этомъ и доказываю всѣмъ, кому могу, необходимость перехода къ общимъ судамъ и законамъ. Сами горцы, особенно побывавшіе въ Россіи (а такихъ много), плачутся на свои суды, рѣшающіе дѣла по нелѣпымъ старозавѣтнымъ формамъ, примѣнимымъ лишь въ первобытномъ обществѣ, лишенномъ всякаго порядка и властей. Но мы всѣми зависящими отъ насъ мѣрами навязываемъ имъ этотъ судъ и принуждаемъ ихъ изучать свои старыя адаты, которые безъ того отошли бы въ область преданія и стали бы развѣ предметомъ историческаго изслѣдованія. Мы заставляемъ жить по нимъ и новыя поколѣнія, чѣмъ не только не способствуемъ прогрессу, но даже даемъ исторіи обратное движеніе! Горцы сами начинаютъ стремиться къ свѣту и правдѣ, а мы толкаемъ ихъ обратно къ тьмѣ и невѣжеству.

— Но отчего же тогда не перейдутъ къ общимъ судамъ?

— Отчего не перейдутъ! — воскликнулъ А*, — конечно, по невѣдѣнію и халатности, которыя всегда такъ сродны русскому чело-вѣку. Однако, мы все-таки надѣемся, что не за горами ужъ то время, когда намъ дадутъ общіе суды и приобщатъ горцевъ къ общему прогрессу. Теперь уже не одни мы, практики, высказываемся противъ обычнаго горскаго суда. Такой извѣстный знатокъ горскихъ адатовъ, какъ профессоръ Максимъ Ковалевскій, доказываетъ въ своихъ сочиненіяхъ всю несостоятельность горскаго суда и говоритъ, что терпимость въ этомъ отношеніи подрываетъ въ корнѣ нашу просвѣтительную миссію въ горахъ. Чтобы показать вамъ всю несостоятельность нашихъ судовъ, я приведу одинъ примѣръ, имѣвшій мѣсто вскорѣ по моемъ прибытіи въ округъ и поразившій меня до глубины души.

Не далеко отъ Хунзаха, въ глухомъ мѣстѣ, нашли тѣло одного горца, звѣрски изрубленное въ куски. Кто совершилъ преступленіе, — дознаться не могли, но всѣ данныя указывали на одного горца, давно враждовавшаго съ убитымъ. Нашлись люди видѣвшіе этого горца за нѣсколько часовъ до убійства рядомъ съ жертвою, а одинъ

даже слышалъ, какъ онъ приглашалъ убитаго въ то мѣсто, гдѣ потомъ нашли его трупъ. Сверхъ того, нѣсколько человекъ положительно утверждали, что вскорѣ послѣ того момента, когда должно было произойти убійство, они видѣли на подозрѣваемомъ кровь; кинжалъ

Внутренность кунцакой богатаго горца.

его тоже былъ окровавленъ, а въ ногѣ засѣла пуля, которую онъ вынулъ въ своей саклѣ на виду у многихъ родственниковъ. Когда же осмотрѣли убитаго, то при немъ нашли пистолеть со слѣдами только что произведеннаго выстрѣла, и пуля, вынутая горцемъ изъ раны, какъ разъ приходилась къ калибру пистолета. Казалось бы,

чего яснѣе? Не только я, но всѣ наши служащіе и даже сами диванные члены были убѣждены въ виновности заподозрѣннаго. Но такъ какъ никто не былъ очевидцемъ преступленія, то всѣ эти косвенныя улики сводились къ нулю, и дѣло, по адату, должно было рѣшаться очистительной присягой. Заподозрѣнный, человѣкъ богатый, выставилъ требуемое число тусевоу, очевидно, подкупленныхъ, и всѣ они приняли присягу въ подтвержденіе неспособности обвиняемаго совершить приписанное ему преступленіе.

— Это поразительно,—сказалъ я,—остается только надѣяться, что эти порядки уже недолговѣчны.

— Да, и мы надѣемся на это. Вѣдь нѣкоторыя дѣянія горцевъ между собою уже и теперь отнесены къ вѣдѣнію общихъ судовъ, напримѣръ, умышенное убійство. Но тутъ нужно не рубить отдѣльныя вѣтви, а вырвать дерево со всѣми его корнями.

Подъ этотъ разговоръ, то прерывавшійся, то вновь начинавшійся, въ зависимости отъ мѣстности, мы выѣхали на берегъ ущелья, въ глубинѣ котораго прыгаль и цѣнился небольшой ручей—притокъ Андійскаго койсу. А въ полверстѣ оттуда, въ другомъ болѣе широкомъ ущельѣ, шумѣла и эта могучая горная рѣка, главная данница Сулака, впадающаго въ Каспійское море.

Спускъ нашъ въ ущелье ручья и подъемъ на противоположный берегъ совершились вполне благополучно.

Это ущелье довольно глубоко и обращено на южную сторону. Не удивительно поэтому, что хотя было только начало марта,—всѣ фруктовыя деревья, усѣявшія оба берега ручья, стояли уже въ цвѣту. Цвѣла курага своими снѣжно-бѣлыми цвѣточками, цвѣлъ миндаль, пышно налились и вотъ-вотъ готовы были развернуться почки орѣха... И всѣ эти цвѣты и почки посылали въ теплый воздухъ свой нѣжный, удивительно пріятный аромат...

Я не дышалъ, а просто глоталъ этотъ ароматный воздухъ и невольно вспоминалъ далекія центральныя губерніи, гдѣ въ эту пору года ревѣли вьюги и морозы сковывали всякую жизнь...

— Это селеніе Инхо,—сказалъ Мамедъ:—и мы ѣдемъ его садами. Теперь мы вѣзжаемъ въ предѣлы Кайсубулинскаго наибства, въ которомъ главными центрами считаются Гимры и Унцукуль. Это наибство всегда отличалось большой преданностью муридизму и его имамамъ, изъ которыхъ первый Кази-Мулла и третій Шамиль родились и выросли въ Гимрахъ, а Кази-Мулла тамъ же и палъ геройской смертью въ 1832 году...

Выбравшись на другой берегъ ущелья, мы расположились отдохнуть и закусить, а затѣмъ вновь сѣли на лошадей и, двигаясь дальше вдоль берега Андійскаго Койсу, къ вечеру добрались до перваго ночлега—аула Иголи, лежащаго на берегу койсу ¹⁾ и сплошь заросшаго чудными садами.

¹⁾ Койсу значить рѣка.

IV.

Ауль Иголи.

Горское гостепрѣимство.—Домъ старшины и кунацкал.—На крышѣ.—Старшина.—
Ужинъ.—Горскія кушанья.—Хинкаль и чоба.

— Куда прикажете ѣхать?—спросилъ Мамедъ.

— Конечно, къ старшинѣ,—отвѣтилъ А*.

Мы пересѣкли большую, голую площадь—большая рѣдкость, въ горахъ! — и при лаѣ собакъ и крикѣ мальчишекъ въѣхали въ ауль.

Насъ, очевидно, не ждали, потому что никто не встрѣтилъ ни у въѣзда въ селеніе, ни даже въ домѣ старшины, къ которому мы не безъ труда добрались по узкимъ и кривымъ переулкамъ, загроможденнымъ камнями и кое-гдѣ накрытымъ сверху деревянными навѣсами, не разъ чувствительными ударами напоминавшими намъ о своемъ существованіи.

Домъ старшины ничѣмъ не выдѣлялся изъ общей среды. Стоялъ онъ между кривыхъ закоулковъ и имѣлъ при себѣ небольшой дворъ. Самое зданіе, довольно невзрачнаго вида, было изогнуто подъ прямымъ угломъ, при чемъ одна сторона его оказалась двухъ-этажной, а другая—въ одинъ ярусъ. Во второмъ этажѣ находилась одна лишь кунацкая ¹⁾,—эта обязательная принадлежность каждой болѣе состоятельной сакли.

Гостепрѣимство весьма развито въ горахъ и въ наше время. Вы смѣло можете подѣхать къ любой саклѣ, не сомнѣваясь, что хозяинъ встрѣтитъ васъ съ'распростертыми объятіями и удалится со всей семьей въ самую отдаленную комнату, предоставивъ весь домъ въ ваше распоряженіе. Вы можете дѣлать, что вамъ угодно, можете ни о чемъ не заботиться и быть увѣрены, что лошадь вапа накормлена, а вамъ самимъ готовятся лучшія блюда. Когда же будете кушать, самъ хозяинъ будетъ прислуживать вамъ, внимая каждому слову, какъ повелѣнію своего владыки. Онъ не спроситъ васъ, кто вы такой, какой вы вѣры и національности: для него вы—дорогой гость, для котораго онъ готовъ все отдать. Пока вы будете оставаться подъ его крышей, вы безопасны отъ враговъ, а, покидая гостепрѣимный кровъ, можете даже не поблагодарить хозяина.

Явленіе это довольно понятно: оно вытекаетъ изъ самыхъ условій горской неустроенной жизни, а, во-вторыхъ, оно строго-настрого наказано мусульманамъ ихъ священною книгою кораномъ...

¹⁾ Комната для гостей; отъ слова кунакъ—другъ.
«Истор. вѣстн.», октябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

Нечего и говорить, что намъ былъ обезпеченъ самый лучшій пріемъ.

Когда мы слѣзли съ лошадей, къ намъ вышли молодцы—сыновья хозяина, и, объявивъ, что отецъ сейчасъ выйдетъ, просили съ низкими поклонами пожаловать наверхъ въ кунацкую.

Мы поднялись по крутой и скверной лѣстницѣ и черезъ коридоръ и переднюю вошли въ кунацкую.

Это была большая комната съ деревяннымъ поломъ, устланномъ войлокомъ, и съ выштукатуренными стѣнами, изъ которыхъ задняя поперечная имѣла нѣсколько углубленій, гдѣ хранились на полкахъ одѣяла и другія принадлежности ночлега, а повыше ихъ, къ самому потолку, стояла разная фаянсовая посуда—любимое украшеніе у горцевъ. Единственное и небольшое оконце освѣщало комнату, одинъ изъ угловъ которой былъ занятъ огромной деревянной кроватью съ постелью сомнительной чистоты.

Вечеръ былъ очень теплый, и мы, снявъ съ себя верхнюю одежду, вышли на плоскую земляную крышу.

Вѣсть о нашемъ пріѣздѣ облетѣла ужъ, конечно, весь аулъ и чуть не всѣ обитатели его сошлись къ дому старшины и, гордо драпируясь въ свои сагуры—бараньи шубы съ огромными пелеринами, расположились кто на улицѣ, кто на кровляхъ домовъ, а кто и въ самомъ дворѣ. Женщинъ почти не было видно, да и тѣ, которыя появлялись на крышахъ, спѣшили накрыться покрываломъ, разъ замѣчали на себѣ нашъ взлядъ. Зато малолѣтнее населеніе выходило изъ себя, желая вдоволь насладиться рѣдкимъ любопытнымъ зрѣлищемъ. Съ настойчивостью, достойной лучшей дѣли, они упрямо лѣзли впередъ, расталкивая взрослую публику и нимало не смущаясь подзатыльниками, щедро сыпавшимися на нихъ со всѣхъ сторонъ.

Особенно заинтересовалъ меня одинъ мальчуганъ лѣтъ 4—5 въ ветхомъ оборванномъ костюмѣ и съ раскрытой грудью. Онъ упрямо стремился въ первый рядъ и если его оттѣсняли назадъ,—онъ вновь дѣлалъ неимоверныя усилія, скользилъ между ногъ взрослыхъ и ползъ по карнизу сакли, пока вновь не пробирался впередъ на свое абонированное мѣсто. Такая настойчивость увѣнчалась въ концѣ концовъ полнымъ успѣхомъ: никто уже не обращалъ на него вниманія, и онъ предался безмолвному и сосредоточенному созерцанію.

Въ этотъ моментъ на нашей крышѣ появился хозяинъ—сѣдобородый прапорщикъ милиціи, въ полной парадной формѣ. Черная черкеска украшалась серебряными эполетами съ великолѣпной золотой звѣздочкой посрединѣ; на груди красовались два ряда серебряныхъ газырей ¹⁾, а надъ ними блестѣла большая золотая ме-

¹⁾ Нѣчто въ родѣ патроновъ—гильзы.

даль «за усердіе». Приложивъ руку къ папахѣ, онъ привѣтствовалъ насъ на своемъ языкѣ и благодарилъ за честь, которую мы сдѣлали ему, остановившись въ его домѣ.

— Все скверно у меня,—передавалъ Мамедъ его слова:—все грязно и бѣдно. Но одно присутствіе дорогихъ гостей украсить мою саклю, и она будетъ блестѣть и сверкать, какъ дворецъ вельможи. Добро пожаловать, дорогіе гости. Вы здѣсь хозяева, а я—вашъ слуга. Требуйте, чего желаете.

— Спасибо, старикъ,—отвѣтилъ А*,—мы очень цѣнимъ твое радушіе и отъ всего сердца благодаримъ тебя. Зачѣмъ только ты надѣлъ всѣ эти цацки?

Старикъ только улынулся, какъ бы давая понять, что на этотъ вопросъ и отвѣчать нечего.

— Ну, тебѣ тяжело, старикъ:—продолжалъ А*—иди, раздѣнься, а потомъ приходи къ намъ чай пить.

Хозяинъ низко поклонился и ушелъ съ крыши.

Эта сцена, эти сверкающіе эполеты старшины довели извѣстнаго уже читателю мальчугана до полного изгупленія. Онъ до того стремился впередъ, что чуть не свалился съ крыши, и только благодѣтельная десница какого-то правовѣрнаго спасла его отъ опаснаго паденія. Но когда старшина ушелъ и взрослая публика стала расходиться, мальчуганъ, очутившись на просторѣ и замѣтивъ мое вниманіе, сталъ кривляться, а затѣмъ спрятался за спиной матери. Я бросилъ ему мелкую монету, но онъ перепугался и убѣжалъ съ крыши, и деньгами завладѣла какая-то шустрая дѣвченка.

Тѣмъ временемъ стало темнѣть. На крышѣ мечети появился мулла и гнусавымъ голосомъ сталъ приглашать правовѣрныхъ къ вечерней молитвѣ. Улица быстро опустѣла, и мы ушли въ кунацкую, гдѣ уже запылала желѣзная печка, а на столѣ появился самоваръ.

Мы вытащили свои закуски и пригласили Мамеда принять участіе въ чаепитіи. Онъ, по обыкновенію, сталъ отказываться.

— Ну, Мамедъ, садитесь,—сказалъ А*,—вѣдь теперь вечеръ, урза кончилась, и вы можете безъ стѣсненія заняться насыщеніемъ своего желудка. А ты, Мустафа,—обратился онъ къ прислуживавшему намъ сыну хозяина:—сходи за отцомъ и скажи, что мы его ждемъ.

Мустафа исчезъ изъ комнаты, оставивъ, по горскому обыкновенію, входную дверь открытой.

Нужно замѣтить, что горцы не привыкли къ теплымъ помѣщеніямъ и хотя зажигаютъ въ сакляхъ огни, но дѣлаютъ это больше для варки пищи и для свѣта; тепло же имъ даетъ баранья шуба, которую они ни на минуту не спускаютъ съ плечъ и которая служитъ ночью постелью и одѣяломъ. Закрывать при такихъ условіяхъ дверь значило бы мѣшать выходу дыма и свободному притоку чистаго воздуха.

Хозяинъ не замедилъ появиться и снова привѣтствовалъ насъ.

Принять же участіе въ трапезѣ согласился только послѣ настойчивыхъ нашихъ упрасиваній.

— И то онъ рѣшился сѣсть,—замѣтилъ мнѣ А*,—лишь въ виду своей старости. Иначе ни за что не сдался бы на наши просьбы.

Сѣвши же, онъ самъ заговорилъ и политично сталъ разспрашивать о новостяхъ. Затѣмъ разговоръ перешелъ на его аулъ. Онъ хвалилъ его, хвалилъ богатые сады, охватившіе селеніе, и великолѣпные иголинскіе персики, единственные во всемъ Дагестанѣ. Затѣмъ сталъ жаловаться на суровую зиму, которая побила весь виноградъ и не позволила сдѣлать хорошей чобы ¹⁾.

— А что же вы, трудолюбивые иголинцы, — сказалъ ему А*,—оставляете впустѣ громадную площадь, лежащую передъ вашимъ селеніемъ? Какъ вамъ не стыдно? Вѣдь у васъ тысячи летятъ изъ кармана! Сколько садовъ вы могли бы разбить на ней!

— Правда, правда,—отвѣтилъ старшина:—да что подѣлаешь? Безъ пороку не проведешь оросительныхъ канавъ, а безъ орошенія деревья не стануть расти.

— Такъ составляйте скорѣй общественный приговоръ да собирайте нужные деньги. Ни округъ, ни губернаторъ не стануть препятствовать въ этомъ. Было бы только ваше доброе желаніе.

— Мы уже толковали объ этомъ,—отвѣтилъ старшина:—и деньги у насъ будутъ. Хотѣли только переговорить съ начальствомъ. Теперь мы знаемъ ваше мнѣніе и пошлемъ къ вамъ приговоръ.

— Скорѣй, скорѣй дѣлайте это,—сказалъ А*,—не теряйте дорогого времени и тысячи рублей. Вѣдь ваше селеніе—одинъ изъ лучшихъ уголковъ во всемъ Дагестанѣ, и вы можете производить лучшіе фрукты.

— Какая громадная разница,—обратился якъ А*:—сегодня утромъ мы ѣхали среди хунзахской равнины, гдѣ родится одинъ ячмень, а теперь находимся въ какой-то Италіи, гдѣ растутъ лучшіе и нѣжнѣйшіе фрукты. Велико ли вообще садоводство въ вашемъ округѣ?

— Нашъ округъ, пожалуй, одинъ изъ лучшихъ въ этомъ отношеніи во всемъ Дагестанѣ. Въ ущельяхъ Аварскаго и Андійскаго койсу разбросано немало селеній, отличающихся жаркимъ климатомъ и защищенныхъ горами отъ вліянія холодныхъ вѣтровъ. Мохохъ, Гимры, Иголи, Унцукуль, Апильта—во всѣхъ этихъ аулахъ могло бы развиваться крупное садоводство. Но что подѣлаешь, когда насъ заѣдаютъ наше невѣжество и бездорожье. Никто не заботится у насъ объ улучшеніи породъ деревьевъ и виноградной лозы, а ведутъ это хозяйство, какъ велось оно при отцахъ и дѣдахъ. Да и какъ повезешь нѣжные персики и прелестный виноградъ по этимъ ужаснымъ дорогамъ!

¹⁾ Чоба, или дхаба—прекрасный напитокъ, очень любимый въ Дагестанѣ и приготовляемый изъ винограда.

— И вывоза никакого не существуетъ?

— Нѣтъ, существуетъ, но въ очень незначительныхъ размѣрахъ. Кое-какъ везутъ въ кошелкахъ на эшакахъ въ Хунзахъ, въ Т.-Х.-Шуру, въ Петровскъ.

— А винодѣліе у васъ не развито?

— Очень мало. Только въ Хунзахѣ да Шурѣ. Да и сами туземцы этимъ не занимаются, такъ какъ это запрещено кораномъ. Они готовятъ одну лишь чобу, о которой вы уже слышали.

И долго мы еще толковали на разныя хозяйственныя темы.

Тѣмъ временемъ самоваръ уже опустѣлъ, а въ ущелье спустилась тихая, непроглядная ночь. Сынъ хозяина, молодой Мустафа, жарко истопилъ печь, унесъ самоваръ и объявилъ черезъ отца, что ужинъ готовъ,—не прикажутъ ли подавать? Мы отвѣтили утвердительно и поспѣшили удержать старину, такъ какъ онъ собрался было уходить.

Оставивъ на столѣ ту же грязную и засаленную скатерть, Мустафа выдвинулъ изъ-подъ кровати большой сундукъ и досталъ оттуда нѣсколько глубокихъ и мелкихъ тарелокъ, 4 поломанныхъ ножа и столько же вилокъ и ложекъ. Все это было очень старо отъ времени и употребленія. Съ перваго же взгляда замѣтна была принципиальная ссора хозяевъ съ чистотой. Но мы не смутились этимъ и только вытерли свою посуду поданными тряпочками-салфетками также, конечно, не первой бѣлизны.

— Пожалуйте, дорогіе гости,—сказалъ хозяинъ, когда на столѣ въ какомъ-то подобіи супника задымилась до сихъ поръ невиданная мною похлебка.

— Что это такое?—спросилъ я.

— Это шарпа,—отвѣтилъ Мамедъ:—одинъ изъ нашихъ суповъ.

Я попробовалъ и съ большимъ удовольствіемъ съѣлъ цѣлую тарелку. Оказался превосходный супъ изъ баранины и риса, приправленный кислотой изъ хурмы—мѣстной кавказской ягоды.

На смѣну шарпѣ появилось новое блюдо — какія-то дымящіяся лепешки подозрительнаго цвѣта.

— Это хинкалъ,—сказалъ Мамедъ, замѣтивъ мое изумленіе:—любимое кушанье горцевъ.

— Изъ чего же оно готовится?

— Изъ кукурузной или иной какойнибудь муки, послѣ чего эти лепешки опускаются въ кипящую воду, гдѣ онѣ и варятся. Въ торжественныхъ случаяхъ къ водѣ прибавляютъ еще кусокъ баранины. Попробуйте же.

Я взялъ одну галушку. Оказалось тяжелое и трудно переваримое тѣсто, почти безъ всякаго вкуса. Я не могъ одолѣть и одной лепешки, тѣмъ болѣе, что онѣ были сильно приправлены чеснокомъ—этимъ неизмѣннымъ спутникомъ чуть не каждаго горскаго кушанья. Но мои спутники усердно принялись за истребленіе хинкала, при

посредствѣ тоненькихъ палочекъ; хозяинъ же нашъ обходился съ помощью собственныхъ пальцевъ.

— Ну, если вы не хотите кушать хинкаль, то кушайте баранину, — сказалъ Мамедъ, указывая на тарелку, только что принесенную Мустафой.

Баранина, варенная вмѣстѣ съ хинкаломъ и также отдававшая чеснокомъ, пришлась мнѣ по вкусу, и я съѣлъ кусокъ ея, но категорически отказался отъ бараняго курдюка, поданнаго цѣльнымъ огромнымъ кускомъ. Для хозяина же и Мамеда курдюкъ оказался наивысшимъ лакомствомъ, отъ котораго они отстали лишь, когда ѣсть дальше оказалось не въ моготу.

— Ну, теперь можно выпить чобинскаго, — сказалъ А* и налилъ мнѣ въ стаканъ какой-то жидкости мутно-коричневаго цвѣта.

— Это и есть та чоба, о которой мы говорили? — спросилъ я.

— Она самая, — отвѣтилъ Мамедъ.

Я попробовалъ и пришелъ въ восторгъ. Это былъ превкусный, сладковатый напитокъ, похожій на нашъ шипучій квасъ, но только съ меньшимъ количествомъ газа.

— Пейте, пейте, — сказалъ А*: — чоба не опьяняетъ, по крайней мѣрѣ, по мѣрѣ мусульманъ.

— Какъ ее готовятъ? — спросилъ я.

— Особымъ образомъ кипятятъ виноградный сокъ, — отвѣтилъ А*: — огонь, видите ли, все очищаетъ и дѣлаетъ пригоднымъ даже и для правовѣрныхъ, — добавилъ онъ, поглядывая съ улыбкой на Мамеда, который весьма прилежно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы его стаканъ наполнялся по мѣрѣ «повышенія дна».

— Иногда еще въ чобу кладутъ кишмишъ, — сказалъ Мамедъ, дѣлая видъ, что все предшествующее не имѣетъ къ нему ни малѣйшаго отношенія: — тогда еще вкуснѣе выходитъ. Но часто образуется такъ много газа, что рветъ бутылки.

Лакомясь прошлогоднимъ виноградомъ и запивая чобой, мы просидѣли часовъ до десяти. Но усталость начала сильно сказываться, и А* заявилъ, что пора дать хозяину отдохнуть, да и самимъ приготовиться къ завтрашнему путешествію.

Старшина ушелъ съ низкими поклонами, а Мустафа принесъ огромную перину и положилъ ее въ углу на полъ. Изголовье образовала столь же огромная подушка, а сверху очутилось толстое ватное одѣяло. Другую постель устроили на кровати... Все это такъ же, какъ и столь, оставляло многого желать съ точки зрѣнія чистоты.

А. П. Андреевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ Т. І. ВЕРЖБИЦКАГО.

В КУРСКОЙ губерніи, въ послѣднюю четверть истекающаго столѣтія, замѣчается поразительное и въ то же время печальное явленіе—полнѣйшій упадокъ интереса къ историческому изученію родного края. Называемъ это явленіе поразительнымъ, въ виду того, что какъ во многихъ мѣстахъ Россіи, такъ и въ сосѣднихъ съ Курской губерніяхъ, именно въ послѣднія десятилѣтія, въ особенности, оживился интересъ къ мѣстно-историческимъ и археологическимъ изслѣдованіямъ, въ губернскихъ городахъ возникли и функционируютъ исторіографическія учрежденія того или другого типа, образовались кружки любителей старины, издаются тѣ или иные сборники, гдѣ печатаются результаты работъ мѣстныхъ археологовъ и историковъ и т. п. Въ Курскѣ же, въ прежнее время, также были мѣстные изслѣдователи исторіи и этнографіи края, были ревностные любители старины, изучавшіе и издававшіе ея памятники, выходили тогда и «Труды статистическаго комитета» и «Памятныя книжки» съ историческимъ отдѣломъ и другія изданія историческаго характера. Теперь нѣтъ ничего подобнаго. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ только на то, что на кievскій археологическій сѣздъ, бывшій въ августѣ настоящаго года, изъ Курска не явилось ни одного представителя, тогда какъ изъ всѣхъ, окружающихъ Курскую, губерній они были. Интересъ къ прошлому, хотя бы самый незначительный, совершенно изсякъ въ нашемъ краѣ.

И вотъ въ такое-то трудное для мѣстной исторіографіи время умеръ одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, который горячо любилъ исторію и археологію и, насколько могъ, работалъ въ этой области тамъ, гдѣ ему приходилось служить. Это—Титъ Іоильевичъ Вержбицкій,

умершій въ Курскѣ 19-го мая 1899 года. Въ Курскѣ онъ пріѣхалъ 10 лѣтъ тому назадъ, служилъ здѣсь вначалѣ полицеймейстеромъ, а потомъ совѣтникомъ губернскаго правленія. Былъ онъ также секретаремъ статистическаго комитета и редакторомъ «Губернскихъ Вѣдомостей». Онъ также носилъ нѣкоторыя почетныя званія, былъ членомъ нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, на примѣръ, церковно-археологическаго при Кіевской духовной академіи, юридическаго и др. Т. І. Вержбицкій представлялъ собою оригинальную личность. Сынъ священника Подольской губерніи, онъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, не могъ окончить полнаго курса ученія, 19-ти лѣтъ уже началъ тянуть служебную лямку, служилъ въ разныхъ учрежденіяхъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, исполнялъ обязанности судебного пристава, потомъ нѣсколько лѣтъ занимался частной адвокатурой, затѣмъ опять поступилъ на службу по полицейской части, гдѣ и дослужился до должности полицеймейстера. Но важно то обстоятельство, что Т. І. никогда не угасалъ въ себѣ стремленія къ знанію, къ самообразованію, и много поработалъ надъ собою въ этомъ направленіи. Въ качествѣ вольнослушателя онъ слушалъ лекціи въ Кіевскомъ университетѣ, затѣмъ всю жизнь свою учился, съ жадностью прочитывая книги научнаго содержанія по философіи, исторіи и литературѣ. Бесѣдуя съ нимъ о научныхъ вопросахъ, трудно было подуматъ, что вы имѣете дѣло съ человекомъ, который не окончилъ средняго учебнаго заведенія; Т. І. сумѣлъ приобрѣсти обширныя и основательныя знанія по нѣкоторымъ предметамъ, но особенно любилъ онъ исторію и археологію.

Когда онъ пріѣхалъ въ Курскѣ, то дѣло мѣстной исторіографіи находилось въ томъ же положеніи, въ какомъ находится и теперь. Въ одной изъ первыхъ же бесѣдъ со мной, Т. І. былъ удивленъ такимъ фактомъ и долго съ жаромъ толковалъ на эту тему.

— Надо,—говорилъ онъ съ свойственнымъ его натурѣ одушевленіемъ,—возбудить въ курскомъ обществѣ интересъ къ старинѣ, надо писать, надо убѣждать, надо собирать старинные предметы... А здѣсь ихъ, вѣроятно, много.

И Т. І. Вержбицкій сталъ, гдѣ только могъ, отыскивать и приобрѣтать въ Курскѣ старинныя рукописи и вещи. На это онъ потратилъ немало труда и издержекъ, и дѣйствительно успѣлъ приобрѣсти весьма интересные и важныя въ археологическомъ отношеніи предметы. Такъ какъ въ Курскѣ хранить ихъ было негдѣ, то Т. І. отсылалъ ихъ въ музей кіевскаго церковно-археологическаго общества, куда направлялъ предметы старины и изъ другихъ мѣстъ. Мнѣ пришлось познакомиться съ описаніемъ кіевскаго музея, гдѣ находится и каталогъ предметовъ старины. Громадное количество старинныхъ книгъ и вещей доставлено именно Т. І. Вержбицкимъ. Здѣсь онъ является однимъ изъ главнѣйшихъ вкладчиковъ и сотрудниковъ. Изъ Бердичева, Житомира, Кіева, Курска и другихъ

мѣсть въ музеѣ есть вклады Тита Іоильевича и въ числѣ ихъ немало весьма цѣнныхъ. Приобрѣтая предметы старины, покойный Т. І. любилъ показывать ихъ представителямъ образованнаго общества, объяснялъ ихъ значеніе и вообще, такъ сказать, нагляднымъ образомъ старался возбудить любовь къ археологіи. Писалъ онъ о своихъ находкахъ и въ мѣстныхъ газетахъ.

Всѣмъ намъ, еще на школьной скамьѣ, становятся извѣстны имя и литературная дѣятельность родоначальника русской романтической поэмы И. Ѳ. Богдановича. Авторъ «Душеньки» послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Курскѣ, гдѣ умеръ и былъ погребенъ на такъ называемомъ Херсонскомъ кладбищѣ. Бывшій въ тридцатыхъ годахъ курскимъ губернаторомъ П. Н. Демидовъ надъ могилой поэта поставилъ высокій красивый памятникъ, увѣнчанный статуей Психеи изъ бѣлаго мрамора. Какъ это водится, съ теченіемъ времени памятникъ Богдановичу былъ забытъ и доведенъ до полуразрушеннаго состоянія. Демидовъ велѣлъ его сдѣлать изъ самыхъ дорогихъ матеріаловъ, и неудивительно, что при отсутствіи надзора любители чужой собственности стали обламывать монументъ и успѣли уже отбить голову отъ статуи Психеи...

Т. І. Вержбицкій узналъ отъ курскихъ старожиловъ о заброшенномъ памятникѣ. Онъ не безъ труда нашелъ его на кладбищѣ, пригласилъ фотографа, который сдѣлалъ фотографическій снимокъ съ монумента; написалъ статью о памятникѣ Богдановичу и вмѣстѣ съ снимкомъ послалъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника». Статья была напечатана, а снимокъ приложенъ къ журналу. Въ Курскѣ номеръ «Историческаго Вѣстника» съ статьей Тита Іоильевича произвелъ сильное впечатлѣніе.

— Поразительно,—говорили нѣкоторые,—сколько лѣтъ мы тутъ жили, ничего не знали о Богдановичѣ и его памятникѣ, а Т. І. недавно пріѣхалъ и уже нашелъ памятникъ, и уже хлопочетъ о его возобновленіи.

Да, онъ, не теряя времени, хлопоталъ объ этомъ. Дѣло пошло на ладъ, и теперь памятникъ Богдановичу, надлежащимъ образомъ реставрированный, стоитъ въ саду противъ курскихъ присутственныхъ мѣсть. Прекрасное четверостишіе, взятое изъ «Душеньки», начертано на немъ, по мысли Вержбицкаго.

Законъ времяя творить прекрасный видъ худымъ,
Наружный блескъ въ очахъ проходитъ такъ, какъ дымъ:
Но красоту души ничто не нарушаетъ,
Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ.

Думая написать въ «Историческомъ Вѣстникѣ» нѣсколько словъ о Титѣ Іоильевичѣ, я затруднялся тѣмъ соображеніемъ, что Т. І. былъ хотя и крупный, но главнымъ образомъ провинціальный дѣятель. Но мою нерѣшительность побѣдилъ именно памятникъ Богдановичу. Онъ находится какъ разъ возлѣ дорожки, которая ве-

детъ къ архивамъ курскихъ присутственныхъ мѣстъ. Ёдешь заниматься въ архивѣ, возвращаешься обратно—предъ глазами стоитъ перенесенный въ центръ города монументъ классическому русскому поэту, по инициативѣ и стараніями Тита Іоильевича, и рѣшаешь такъ: какъ ни разсуждать — возобновленіе памятника Н. Ѳ. Богдановичу явная заслуга Вержбицкаго по отношенію къ русской литературѣ; пусть же память о немъ, хотя и выраженная слабымъ словомъ, сдѣлается достояніемъ всего образованнаго русскаго общества, изучавшаго въ исторіи литературы произведенія Богдановича.

У подошвы одного изъ высокихъ холмовъ, на которыхъ расположенъ Курскъ, есть родникъ, который, по старинному преданію, носить названіе Θεодосіевскаго, отъ имени преподобнаго Θεодосія, жившаго, какъ извѣстно, нѣкоторое время въ Курскѣ. Родникъ этотъ даетъ прекрасную воду, но до послѣдняго времени находился въ запустѣніи. Т. І. возбудилъ вопросъ о сооруженіи надъ родникомъ часовни, хлопоталъ объ этомъ вездѣ, гдѣ могъ, собиралъ пожертвованія, и результатомъ всего этого явилось устройство надъ Θεодосіевскимъ родникомъ изящной часовни, съ соответствующими надписями, предложенными Вержбицкимъ.

Въ мѣстной печати Т. І. весьма часто давалъ статьи, въ которыхъ такъ или иначе возбуждалъ вниманіе къ мѣстному прошлому и его дѣятелямъ. Онъ возбудилъ и энергично поддержалъ мысль о томъ, что необходимо торжественно почтить въ Курскѣ столѣтнюю годовщину со дня рожденія извѣстнаго курскаго астронома-самоучки и метеоролога Семенова, въ свое время пріобрѣтшаго извѣстность своими научными занятіями не только среди русскихъ, но и среди иностранныхъ ученыхъ. Инициатива Тита Іоильевича имѣла успѣхъ: въ честь Семенова было устроено торжество затѣмъ особая коммиссія для увѣковѣченія памяти Семенова, дѣятельнымъ членомъ которой былъ Вержбицкій, выработала проектъ увѣковѣченія этой памяти, результатомъ чего въ Курскѣ возникли два симпатичнѣйшихъ учрежденія: Семеновская метеорологическая обсерваторія и Семеновская публичная бібліотека.

Т. І. возбудилъ вопросъ и объ увѣковѣченіи памяти извѣстнаго уроженца города Рыльска—звѣзденитаго Шелехова, основателя Россійско-Американской компаніи, и о постановкѣ ему памятника въ Рыльскѣ, возбуждалъ онъ не разъ, по разнымъ случаямъ, вопросъ о сохраненіи и реставраціи мѣстныхъ памятниковъ старины. Нужно сказать, что Т. І. не ограничивался, въ подобныхъ случаяхъ, одними словами или статьями. Нѣтъ, онъ дѣятельно хлопоталъ, ѣздилъ, привлекалъ жертвователей и сотрудниковъ, и, если то было нужно, самъ не избѣгалъ черновой работы, наблюдалъ, дѣлалъ заказы, присматривалъ за мастерами и т. п. Такихъ убѣжденныхъ любителей старины приходится встрѣчать не часто у насъ въ провинціальной глуши.

Литературную дѣятельность Вержбицкій началъ весьма рано. Уже въ 1864 году, девятнадцати-лѣтнимъ юношей, онъ дебютировалъ въ «Кіевлянинѣ». Затѣмъ помѣщалъ въ разное время статьи въ газетахъ: «Голосъ», «Русскія Вѣдомости», «Русскій Курьеръ», «Новороссійскій Телеграфъ» и др. Состоя на службѣ въ Курскѣ, Т. І. былъ сотрудникомъ «Тюремнаго Вѣстника», «Кіевской Старины», «Странника», «Кіевского Слова» и «Этнографическаго Обзорѣнія». Послѣдняя статья Вержбицкаго была именно помѣщена въ томъ № журнала «Этнографическое Обзорѣніе», который былъ присланъ въ Курскъ въ день похоронъ автора. Т. І. составилъ «Историческое описаніе города Житомира» и издалъ, въ качествѣ секретаря курскаго статистическаго комитета, нѣсколько выпусковъ «Памятной книжки» Курской губерніи, гдѣ помѣщены и его статьи историческаго и этнографическаго содержанія.

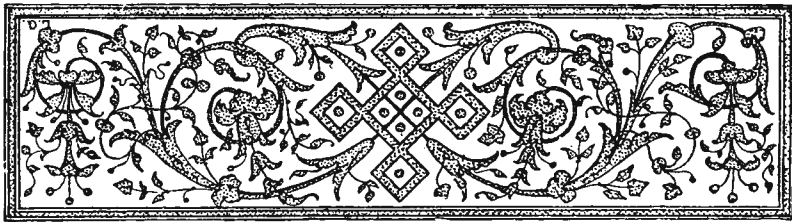
Въ послѣдніе годы жизни Вержбицкій большую часть своего досуга отъ служебныхъ занятій посвящалъ редактированію «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», которыя, по отзывамъ печати, нашли себѣ въ лицѣ Тита Іоильевича умѣлаго и искуснаго редактора, оживившаго «Вѣдомости» и привлекшаго къ участію въ работѣ мѣстныхъ литературныхъ силы.

Въ краткой замѣткѣ мы вовсе не думаемъ дать очеркъ жизни и дѣятельности Вержбицкаго и даже не претендуемъ на полное обзорѣніе его историко-литературныхъ трудовъ. Но намъ казалось необходимымъ помянуть добрымъ словомъ одного изъ тѣхъ нашихъ провинціальныхъ труженниковъ, о которыхъ г. Рудаковъ ¹⁾ справедливо сказалъ, что «работа ихъ вызываетъ въ читателей глубокое уваженіе»...

А. Танковъ.

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1899 г., № 6.

В И З Н А.

(Посвящается профессору, д-ру Маріану Соколовскому).

Отъ Ломжи до Визны.—Пѣтница.—Калиново.—Дроздово.—Профессоръ В. Лютовскій.—Гора королевы Боны.—Видъ Визны.—Ея прошлое.—Капелляны Иловскій и Болеста.—Колдунья Варвара Кролька.—Приходскій костѣль.—Его исторія и описаніе.—Алтари.—Картины.—Ложа королевы Боны.—Надгробія.—Библіотека.

ВЪ АПРѢЛѢ 1898 года, вскорѣ послѣ моего перехода на службу въ Ломжу, глубокой знатокъ польскихъ древностей, членъ краковской академіи наукъ и профессоръ Ягеллонскаго университета, Маріанъ Соколовскій, зная мое пристрастіе къ изученію мѣстныхъ историко-археологическихъ памятниковъ, писалъ мнѣ, обращая мое «особенное вниманіе на Ломжу и Визну».

Улучивъ удобное время, я воспользовался указаніями знаменитаго ученаго и совершилъ экскурсію въ Визну.

Визна — въ настоящее время посадъ Ломжинскаго уѣзда, въ двадцати съ небольшимъ верстахъ отъ Ломжи.

Проѣхать туда можно двумя дорогами: одна, наиболѣе короткая, но довольно скучная, лежитъ черезъ деревню Божеево, а другая — болѣе длинная — проходитъ по самому краю берега Нарева. За то передъ вами цѣлый рядъ деревень, и вы любуетесь панорамой противоположнаго гористаго наревскаго берега.

Вотъ Пѣтница. Она расположилась vis-à-vis Ломжи, и видъ отсюда на городъ великолѣпный. Вотъ Калиново — излюбленное дачное мѣсто ломжинской интеллигенціи, но интеллигенціи русской. «Дачеманія» занесена въ край русскими...

Дальше—Дроздово, извѣстное своимъ пивовареннымъ заводомъ. Дроздовское пиво, благодаря своимъ достоинствамъ, имѣетъ значительный сбытъ не въ одномъ только царствѣ Польскомъ, но и въ имперіи и за границей. Особенною популярностью пользуется такъ называемое «марцовое (мартовское) пиво»,—черное, густое, сладковатое на вкусъ, но крѣпкое, напоминающее до извѣстной степени портеръ.

Дроздово и заводъ принадлежатъ бр. Лютославскимъ. Гг. Лютославскіе представляютъ собою достойный подражанія примѣръ труженниковъ, преданныхъ своему дѣлу. Всѣ они получили солидное—спеціальное—образование и все-таки до сихъ поръ не раздѣлились между собою. Одинъ изъ нихъ—Викентій—занималъ профессорскія кафедры въ Эдинбургѣ, Казани, Лейпцигѣ и Мадридѣ, извѣстенъ своимъ англійскимъ сочиненіемъ о Платонѣ¹⁾ и своею схваткою въ Лейпцигѣ (1898 г.) съ нѣмецкими профессорами лагеря гакатистовъ. Г. Викентій Лютославскій, можно сказать, объѣхалъ полъ-міра. Будучи въ Испаніи, онъ женился на извѣстной испанской поэтессѣ, г-жѣ ди-Касанова (Kasanova). Въ прошломъ году онъ съ семействомъ поселился въ Дроздовѣ, откуда по временамъ посылаетъ въ петербургскій «Крај» статьи философскаго содержанія²⁾.

Минуя затѣмъ послѣдовательно деревни Неводово, Раково I-е и II-е, Кржево, отличающіяся красивымъ мѣстоположеніемъ, и Бронново—послѣдняя довольно большая, а мужики народъ все зажиточный—очутимся передъ самой Визной. Когда станете подъѣзжать къ ней ближе, то первое, что прежде всего бросается въ глаза—направо, при въѣздѣ въ мѣстечко, между дорогою и Наревомъ, высокій продолговатый холмъ. Народъ зоветъ его «горою королевы Боны». И дѣйствительно на этомъ холмѣ въ XVI—XVII столѣтіяхъ стоялъ замокъ, въ которомъ проживали двѣ польскія королевы Бона и дочь ея Анна Ягеллонка³⁾. Мѣстные жители рассказываютъ, что еще тридцать лѣтъ назадъ на горѣ были остатки замковой башни, которые они же растащили: изъ кирпичей понадѣлали себѣ печи. Въ настоящее время никакихъ слѣдовъ замка не осталось, мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, распахано и занято огородами.

¹⁾ «The origin and growth of Plato's Logic», London. 1897.

²⁾ Таковы: «Falszywa filozofja», № 30, «O prawdziwą filozofję», № 47, «Polski indywidualizm i typ obywatela», № 50. Последнее крупное соч. г. Лютославскаго вышло въ минувшемъ году, въ Гельсингфорсѣ, подъ заглавіемъ: «Ueber die Grundvoraussetzungen und Consequenzen der individualistischen Weltanschauung» и представлено авторомъ въ мѣстный университетъ на снисканіе степени доктора философіи.

³⁾ Здѣсь же цѣлыя сутки (10—11 сент. 1573 г.) простояло тѣло короля Сигизмунда II Августа, перевозимое изъ Книшина, гдѣ онъ умеръ, черезъ Тыкоцинъ, въ Краковъ.

Сама Визна, до 1868 г. бывшая городомъ, производитъ впечатлѣніе большой зажиточной деревни: по обѣ стороны очень длинной улицы рядъ чисто деревенскихъ домовъ, съ праваго боку обширная квадратная площадь съ низенькими домиками: тутъ аптека, лавочки, въ извѣстные дни бываютъ базары. Нѣкогда на этой площади, посерединѣ, стоялъ городской магистратъ, и отправлялось гражданское правосудіе. Здѣсь, въ 1582 г., по указу Стефана Баторія, отрубили голову визненскому каштеляну Иловскому, обвиненному въ произволѣ и убійствахъ. Тутъ же въ первой четверти XVII в. сожгли, по приговору мѣстнаго бургомистра, колдунью Варвару Крольку, о которой говорили въ народѣ, будто она очаровала самого короля Сигизмунда-Августа и извела его женъ Елизавету Ракушанку и Варвару Радзивиллъ; обвиняли бѣдную Варвару еще и въ томъ, что она «наслала» на Ломжу моровое повѣтріе 1624 года¹⁾... Въ XII столѣтіи Визною—какъ замкомъ—управляли каштеляны. Одинъ изъ нихъ—нѣкто Болеста—составилъ себѣ громкую, но печальную, извѣстность. Онъ велъ тяжбу съ плочкимъ епископомъ Рохомъ Вернеромъ—оспаривалъ права послѣдняго на владѣніе деревнею Карско. Проигравъ окончательно дѣло, Болеста послалъ къ Вернеру, проживавшему тогда въ дер. Бискупице²⁾, убійцъ. Послѣдніе ночью прокрались въ жилище епископа и умертвили его (1170 г.). Преступленіе раскрылъ мальчикъ, спрятавшійся въ комнатѣ. Болеста получилъ возмездіе: его сожгли живьемъ на базарной площади въ Гнѣванѣ³⁾.

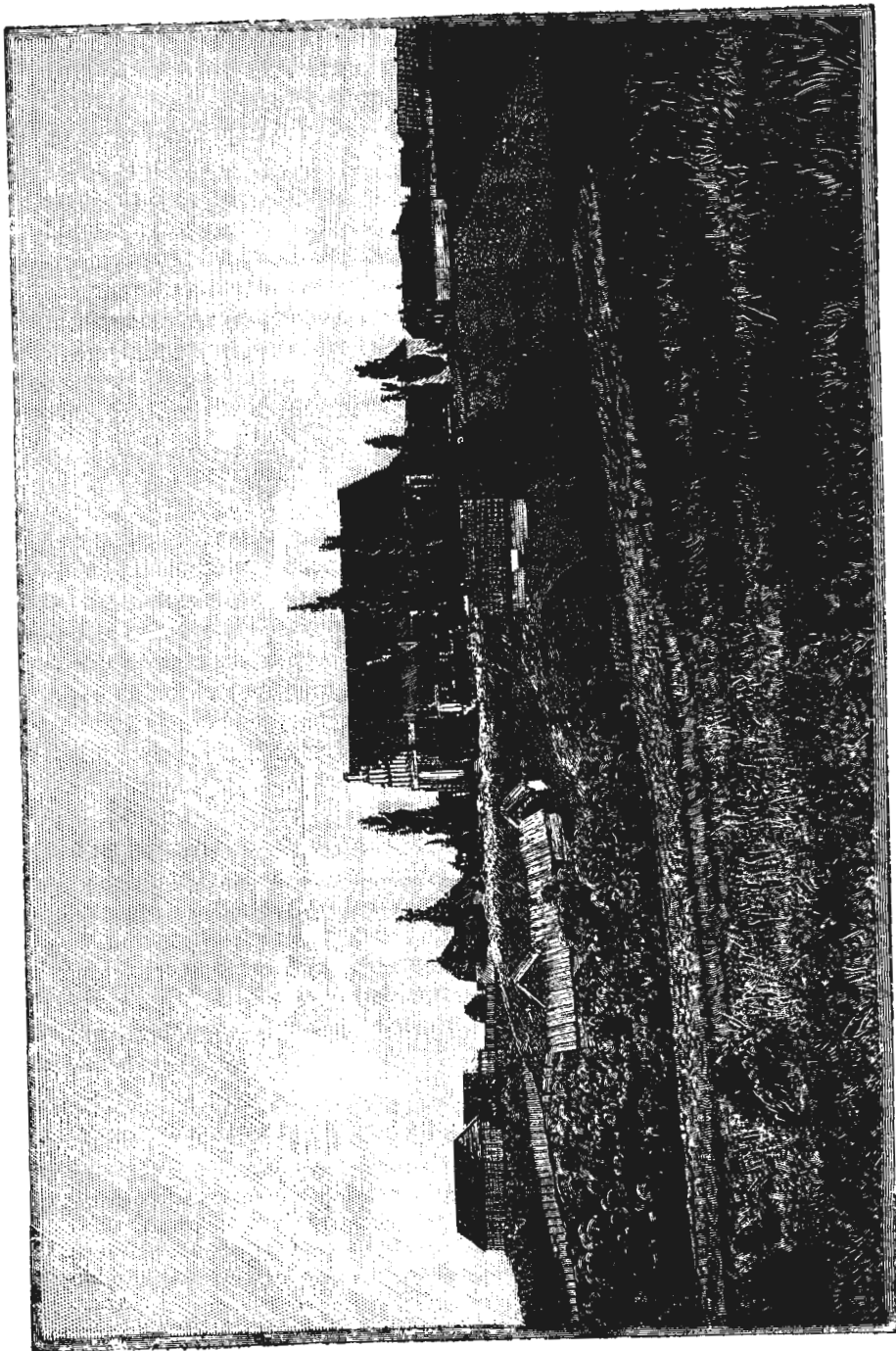
Въ XIII ст. Визна переходитъ въ собственность удѣльныхъ мазовецкихъ князей. Терпитъ нападенія пруссовъ и литовцевъ. Въ 1294 г. Визну сжигаютъ тевтонскіе рыцари. Черезъ два года кн. Болеславъ ее отстраиваетъ, и съ этого времени Визна дѣлается княжескою столицею. Около 1340 г. акты упоминаютъ о мѣстномъ владѣтельномъ князѣ Земовитѣ II-мъ. Казимиръ Великій въ 1352 г. заключаетъ съ кн. Земовитомъ договоръ, касающійся земель плочкой, визскою и закрочимскою⁴⁾. Но самостоятельность Визны была непродолжительна: сначала Визненское княжество было присоединено къ Плочкому, а потомъ вошло въ составъ коронныхъ польскихъ земель (1468). Въ XVI ст. княжество Визна, или земля Визская, дѣлилось на два уѣзда (powiaty)—Визскій и Вонсожскій, и заключало въ своемъ районѣ 280 селеній. Во второй половинѣ XVII

¹⁾ Въ продолженіе 2-хъ мѣсяцевъ отъ этого повѣтрія умерло около 5.000 чел.

²⁾ Близъ гор. Дробина (нынѣ Плоцк. губ. и уѣзда).

³⁾ Monum. hist. Polon., IV, 748—750.—Изъ послѣдующихъ каштеляновъ акты сохранили имена: Sasinus'a (1221 г.), Гергарда (1250), Якова (1254), Comes'a Nicolaus'a (1282) и Imislaus'a (1297).

⁴⁾ Земовитъ, кн. мазовецкій, въ актѣ 1335 г. заявляетъ, что онъ получилъ отъ своего дяди, короля Казимира, замки Закрочимъ и Визну на три года, съ обязательствомъ ихъ отстроить.

Древній костелъ въ Бизнѣ.

и въ началѣ XVIII ст. Визна много терпитъ отъ шведовъ и отъ мороваго повѣтрія. По люстраціи 1616 г. въ ней находилось 302 дома. Во второй половинѣ XVIII ст. это былъ маленькій городъ — *petite ville*—какъ называетъ Визну «Энциклопедія» Дидеро¹⁾. Въ 1800 г. въ Визнѣ было 197 домовъ и тысяча съ небольшимъ жителей. Прусское правительство, въ виду хорошаго положенія Визны, предполагало сдѣлать ее главнымъ городомъ департамента. Былъ уже готовъ регуляціонный планъ. Но недостатокъ подходящихъ зданій для помѣщенія правительственныхъ учрежденій помѣшалъ осуществленію этого намѣренія²⁾. Въ концѣ 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія въ Визнѣ насчитывалось до 2¹/₂ тысячъ душъ населенія. Въ настоящее время она имѣетъ 3.000 д. жителей, въ томъ числѣ 900 евреевъ.

Мѣстный приходскій костель—совершенный образецъ польской церковной архитектуры XVI вѣка.

Построенъ въ 1500 году Анною, княгинею мазовецкою, матерью послѣднихъ мазовецкихъ князей Станислава и Яна³⁾. Освященъ между 1502—1509 годами Викентіемъ Пржегерембскимъ, епископомъ плоцкимъ, во имя св. Іоанна Крестителя. Послѣ опустошенія, произведеннаго шведами, возобновленъ въ 1658 году на средства мѣстнаго настоятеля Альберта-Казимира Шлегольскаго⁴⁾.

Визненскій костель во многомъ напоминаетъ ломжинскую фэру (приходскій костель), но меньше ея размѣрами и не имѣетъ съ боку звонницы. Выстроенъ изъ краснаго, неоштукатуреннаго, кирпича, Восточная алтарная часть прекрасно сохранилась въ первоначальномъ видѣ, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о противоположной западной сторонѣ, играющей до извѣстной степени роль фасада зданія. Здѣсь остались только двѣ древнія, сильно пострадавшія, каменные статуи св. Варвары и св. Яна изъ Помука. Съ сѣверной стороны примыкаетъ къ зданію сакристія (ризница). Посрединѣ крыши, надъ среднею частью храма, возвышается небольшая башенка съ готическимъ шпилемъ. Входныхъ дверей существуетъ двое: однѣ съ западной стороны, другія со стороны южной. Внутри зданіе раздѣляется вдоль восемью арками, по четыре съ каждой стороны,

¹⁾ Encyclop., t. XVII, MDCCLXV, 628.

²⁾ Słown. geograf., XIII, 686.

³⁾ Мѣстные акты упоминаютъ о визненскомъ духовенствѣ съ самаго начала XIV столѣтія. Въ 1300 году при замкѣ существовала часовня, въ которой совершалось богослуженіе. Въ исходѣ XIV столѣтія иждивеніемъ мазовецкихъ князей былъ поставленъ напротивъ замка, «не доходя моста», деревянный костель, во имя святаго евангелиста Марка. Его сожгли литовцы. Затѣмъ уже княгинею Анною, при ближайшемъ участіи Яна-Воислава Войславскаго, каноника плоцкаго и варшавскаго, настоятеля ломжинскаго и визненскаго, нотарія князей мазовецкихъ выстроенъ на другомъ мѣстѣ—нынѣ существующій храмъ.

⁴⁾ Послѣ того ремонтъ производился не однократно; въ послѣдній разъ былъ въ 1883—1884 годахъ.

на три части (нава): среднюю и двѣ боковыя. Арки сходятся вверху и образуютъ готическіе своды. Передняя— алтарная часть храма, или presbyterium, примыкаетъ къ навѣ и немного ниже ея. Presbyterium также покоится на трехъ аркадахъ, образующихъ вверху своды. Послѣдніе въ визненскомъ костелѣ не одинаковы. Въ боковыхъ навахъ— клѣтчатые, въ средней же навѣ передъ presbyterium'омъ и въ presbyterium'ѣ— волнистые. Зданіе освѣщается девятью, высокими и достаточно широкими, окнами, изъ которыхъ семь на правой сторонѣ (въ томъ числѣ три въ presbyterium'ѣ) и два на лѣвой, по одному на каждомъ концѣ галлерей.

Алтарей семь.

Главный, во имя Іоанна Предтечи, въ стилѣ Возрожденія—рѣзной, красивой архитектуры и недурной работы. Надпрестольный образъ, Крещенія Господня, довольно старый и порядочной кисти. По сторонамъ его изображены на золотомъ фонѣ свв. Станиславъ и Войцѣхъ. Въ верхней части алтаря— образъ Преображенія Господня, по бокамъ котораго находятся живописныя изображенія святыхъ апостоловъ Петра и Павла.

Боковой алтарь, св. Анны, на видъ довольно простой и нѣсколько тяжелый, замѣчателенъ своими деталями. Въ немъ, вмѣсто главнаго образа, помѣщается рѣзное изображеніе помянутой святой. Подъ нимъ интересная картина, продолговатой формы, представляющая поклоненіе, воздаваемое св. Аннѣ. Тутъ и папа, и цесарь Фердинандъ II, и король Сигизмундъ III, и люди разныхъ званій и состояній— всѣ на колѣняхъ. Ниже— другая картина, изображающая поклоненіе вилеемскому Богомладенцу трехъ царей. Обѣ картины одинаковой давности (XVII в.), недурной кисти и любопытны, главнымъ образомъ, въ отношеніи изображенныхъ на нихъ костюмовъ. Украшеніе этого алтаря дополняютъ статуи св. Владислава, короля венгерскаго— съ одной стороны, и св. Ядвиги— съ другой.

Въ параллельномъ съ предыдущимъ алтарѣ обращаетъ на себя вниманіе, опять-таки въ смыслѣ костюмовъ, картина умерщвленія святого епископа краковскаго Станислава.

Помянутые три алтаря, сходные между собою въ общихъ чертахъ, относятся къ началу XVII столѣтія, какъ это можно заключить по изображенію короля Сигизмунда III, находящемуся на одномъ изъ помянутыхъ выше алтарей.

Остальные четыре алтаря—позднѣйшаго происхожденія и довольно не изящной работы.

Въ алтарной части средней навы, по обѣ стороны, по стѣнамъ, другъ противъ друга, находятся мѣста для духовенства (stalla). Надъ входомъ въ сакрестію, немного правѣе, на стѣнѣ— ложа, изъ которой, по преданію, слушала богослуженія королева Бона. Сходство ея съ мѣстами для духовенства показываетъ, что послѣднія лѣтъ на сто моложе алтарей. Затѣмъ, въ костелѣ есть лавка, съ вырѣ-

занною на ней датою 1653, каеэдра XVII столѣтїа съ балдахиномъ въ формѣ короны и довольно плохими изображенїями евангелистовъ по бокамъ и деревянная купель XVI вѣка, довольно пострадавшая отъ времени ¹⁾).

Надгробныхъ памятниковъ — два: одинъ Альберта Раковского, каштеляна визненскаго, его жены Софїи, урожденной Паціановой, и дѣтей Пивла и Христины, умершихъ въ с. Плоцкѣ ²⁾ въ 1608 г., и другой — каноника Франц. Дмоховскаго, умершаго 14-го марта 1881 года, на 83 году отъ роду.

Находящаяся при костелѣ библіотека состоитъ изъ латинскихъ и польскихъ книгъ, по бѣльшей части, богословскаго содержанїа. Какихъ либо выдающихся сочиненїй въ ней нѣтъ. Все, что только было цѣннаго, расхитили и уничтожили шведы въ 1710 году. Сохранился одинъ лишь привиллей, писанный на пергаментѣ, короля Михаила Кобыты, отъ 17-го октября 1673 года, коимъ предоставлялось визненскимъ мѣщанамъ право учреждать цехи столяровъ, портныхъ и т. п. ³⁾.

Г. Воробьевъ.

¹⁾ До 1862 года въ костелѣ сохранялся штандартъ, отнятый у шведовъ Стефаномъ Чарнецкимъ въ 1657 году. Въ 1862 году его украли.

²⁾ То-есть въ Маломъ Плоцкѣ, — деревня въ Кольненскомъ уѣздѣ, въ 16 верстахъ отъ Ломжи.

³⁾ Богатый и цѣнный матеріалъ для исторїи Визской земли, конечно, долженъ заключаться въ такъ называемыхъ «древнихъ актахъ земли Визской» и «городскихъ», но они въ первой четверти настоящаго столѣтїа вывезены изъ Визны, и въ настоящее время при гминномъ управленїи никакихъ древнихъ актовъ не имѣется.

ГОРОДЪ КЕЛЬЦЫ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

(Путевые очерки по Привислянью).

ТО изъ всего Привислянскаго края былъ только въ Варшавѣ, тому трудно составить себѣ какое либо понятіе объ остальныхъ губернскихъ городахъ бывшаго царства Польскаго. Варшава, благодаря своему исключительному центральному положенію въ административно-военномъ и торгово-промышленномъ отношеніи, занимаетъ, какъ извѣстно, первое мѣсто среди другихъ городовъ царства, а изящные, архитектурные дома ея, безукоризненная чистота длинныхъ, прямыхъ улицъ, богатство и роскошь магазиновъ и проч. и проч. признаки культуры даютъ ей право считаться даже однимъ изъ лучшихъ европейскихъ городовъ. Поляки не даромъ гордятся ею и считаютъ красавицей Привислян्या!

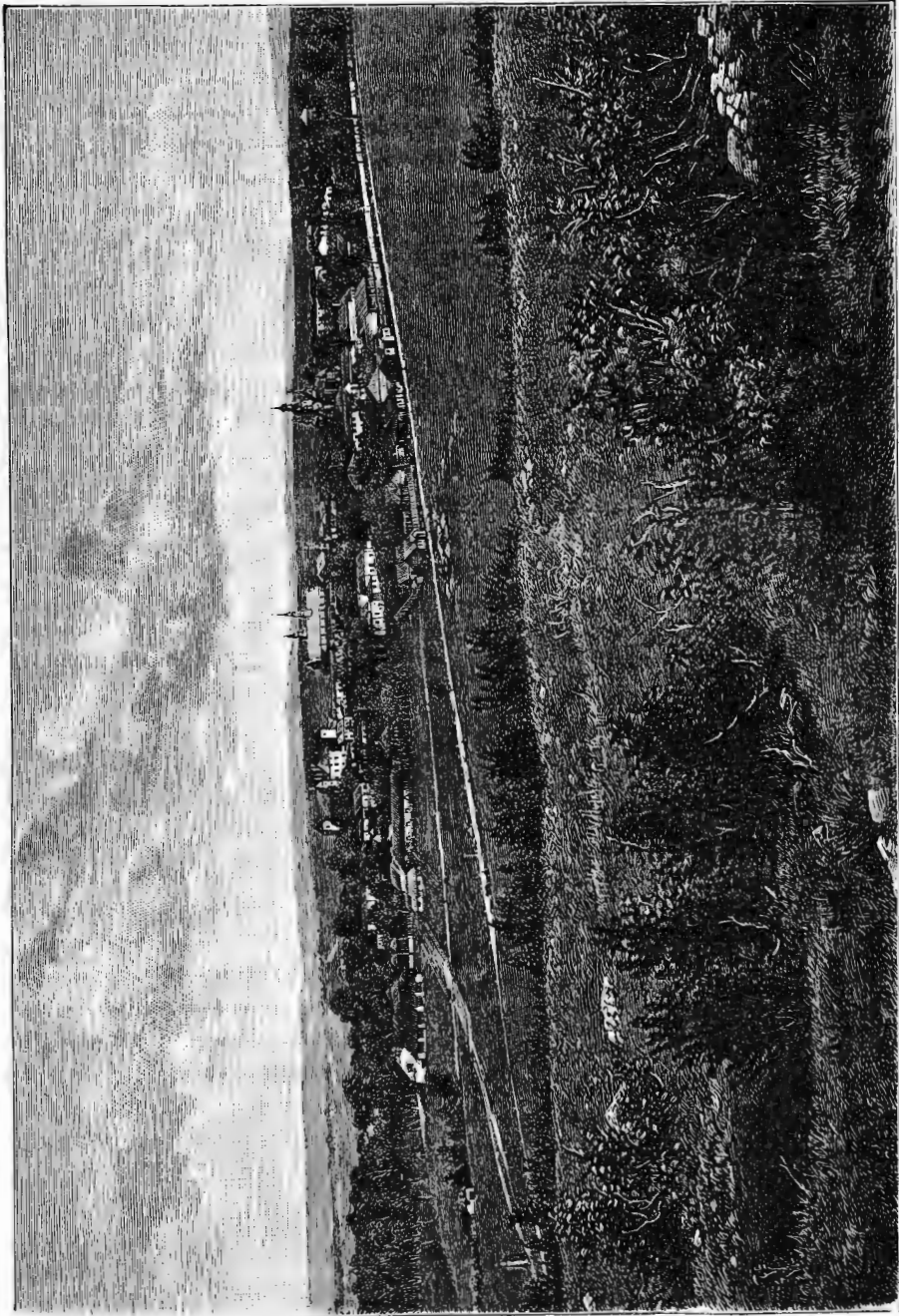
Совсѣмъ не то представляютъ собой остальные губерніскіе города края.

Будучи не богаты численностью населенія, не имѣя почти никакого значенія въ торговлѣ и промышленности (за исключеніемъ, конечно, нѣкоторыхъ крупныхъ торговыхъ пунктовъ, какъ напримѣръ, города Лодзи Петроковской губ.), они могутъ гордиться развѣ только своей древностью да остатками старины, въ видѣ развалинъ замковъ и сохранившихся до сего времени костельныхъ громадъ. Почти всѣ они похожи одинъ на другой, если не по внѣшности, то по внутреннему своему устройству и жизни горожанъ. Въ каждомъ изъ

нихъ лучшія зданія заняты присутственными мѣстами, гимназіями и другими казенными учрежденіями; въ каждомъ имѣется городской садъ — излюбленное мѣсто гулянья обывателей, замѣтно отсутствіе воды и большое присутствіе сыновъ израиля, а самая жизнь течетъ скучно и монотонно. Зато во всѣхъ губернскихъ городахъ улицы, хотя и плохо, но все же мощены, свиньи и прочія полезныя домашнія животныя по тротуарамъ не бродятъ, такъ что по чистотѣ любой небольшой губернской городокъ царства дастъ двадцать очковъ впередъ своему собрату въ центрѣ Россіи.

Къ однимъ изъ такихъ городковъ, убогихъ по внѣшности, но богатыхъ воспоминаніями старины, относится и городъ Кельцы, или, правильнѣе, Кельце, въ которомъ обстоятельства заставили меня прожить нѣкоторое время, что и дало мнѣ возможность подробно ознакомиться съ самымъ городомъ и отчасти съ его окрестностями. О происхожденіи самаго названія города существуетъ нѣсколько преданій; изъ нихъ, наиболѣе близкое къ истинѣ, гласитъ, что на мѣстѣ теперешняго города былъ когда-то дремучій лѣсъ, въ которомъ были найдены огромные клыки какого-то допотопнаго животнаго (вѣроятно, мамонта), и мѣсто находки стало съ той поры носить названіе «Kielce», что значитъ клыки. Впослѣдствіи епископъ краковскій Геденъ основалъ на этомъ мѣстѣ городъ, получившій то же названіе. Съ теченіемъ времени твердое l въ словѣ Kielce, подъ вліяніемъ произношенія, смягчилось въ мягкое l, и получилось настоящее названіе города—Kielce—Кельце, или, какъ говорятъ и пишутъ русскіе жители края, Кѣльцы. Какъ бы тамъ ни было, но основаніе Кельцъ относится къ 1170-мъ годамъ; такимъ образомъ городокъ этотъ насчитываетъ болѣе 700 лѣтъ своего существованія. Расположенный среди отроговъ Карпатскихъ горъ, окруженный сосновыми лѣсами, городъ Кельцы отличается своей здоровой и красивой мѣстностью. Хотя въ исторіи Польши самый городъ и не игралъ особой роли, но, тѣмъ не менѣе, окрестныя поля его не разъ орошались кровью, войны же съ Конрадомъ Мазовецкимъ за опеку надъ малолѣтнимъ Владиславомъ и нашествіе татаръ въ 1240 году разгромили городъ настолько, что онъ пришелъ въ окончательный упадокъ, отъ котораго сталъ поправляться только лишь со времени присоединенія къ Россіи.

Въ настоящее время населеніе Кельцъ составляетъ не болѣе 21 тысячи душъ обоого пола, считая въ томъ числѣ и непостоянныхъ жителей, число которыхъ колеблется отъ 8 до 9 тысячъ. Изъ общаго числа жителей на долю евреевъ приходится тысячъ 5—6, что составитъ $\frac{1}{4}$ часть всего населенія города. Изъ общественныхъ и казенныхъ зданій въ городѣ имѣются: православный соборъ, два римско-католическихъ костела, лютеранская кирка, мужская и женская гимназія, католическая семинарія, губернское правленіе, казенная палата, казначейство, окружной судъ... ну, и, кажется, все!

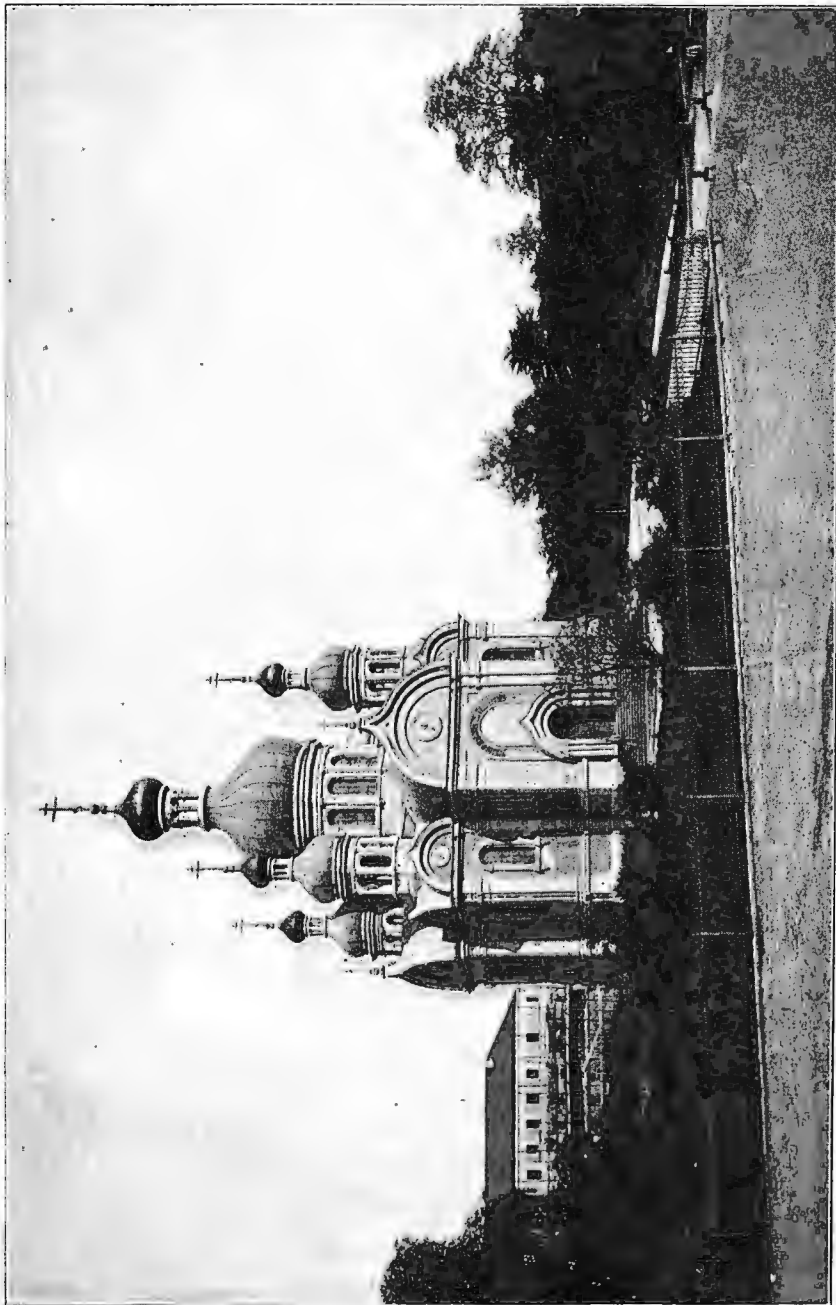
Городъ Кельцы.

Православный соборъ во имя Вознесенія Господня, переименованный изъ прежней приходской церкви въ 1885 году, наружной красотой не поражаетъ, но за то отличается внутри замѣчательной чистотой и благолѣпиемъ. Онъ построенъ въ формѣ креста и увѣнчанъ пятью куполами, окрашенными зеленой масляной краской; главныя входныя двери его, въ видѣ арки, какъ бы поддерживаются шестью колоннами по три съ каждой стороны; колонны эти сдѣланы изъ мѣстнаго «хенцинскаго» мрамора.

Окна въ алтарь снабжены свѣтло-желтыми стеклами, и когда лучи солнца скользнуть по нимъ, то весь алтарь озаряется золотистымъ сіяніемъ, а престолъ, окруженный клубами кадильнаго дыма, кажется находящимся среди облаковъ. Мнѣ, между прочимъ, пришлось слышать по этому поводу отъ нѣкоторыхъ прихожанъ замѣчаніе, что такое искусственное концентрированіе лучей свѣта пригодно де для костела, а никакъ не для православнаго храма,—замѣчаніе едва ли справедливое! Можетъ ли церковнымъ благолѣпиемъ оскорбляться молитвенное чувство? Конечно, нѣтъ, а вѣдь никто, я думаю, не станетъ отрицать того, что алтарь, залитый лучами солнца, не только представляетъ собой необычайно прекрасное зрѣлище для глазъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то особенно дѣйствуетъ на душу, располагая къ молитвѣ. Помнится, какъ-то, въ дѣтствѣ, привелось мнѣ быть въ одномъ изъ женскихъ монастырей въ центрѣ Россіи (не помню теперь, въ какомъ именно), гдѣ на запрестольномъ образѣ — Спасителя на Крестѣ — была изображена луна, которую можно было сзади искусственно освѣщать (на подобіе того, какъ это дѣлается въ театрахъ), и когда, во время всеобщей, въ полумракѣ алтаря, луна на иконѣ, неожиданно для молящихся, вдругъ оживала, освѣщая кроткій ликъ Божественнаго Страдалца, то иллюзія получалась полная, и на меня, тогда еще ребенка, зрѣлище это произвело прямо-таки потрясающее впечатлѣніе.

Каедральный римско-католическій костель св. Маріи стоитъ въ самомъ центрѣ города на высококомъ гранитномъ фундаментѣ и хотя насчитываетъ за собой не одинъ десятокъ лѣтъ, но все же другой костель, — во имя св. Войцеха, устроенный, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ святой этотъ отдыхалъ подъ липой, — гораздо древнѣе каедральнаго. Около каедральнаго костела на площади св. Маріи находится, такъ называемый, замокъ, которымъ кельчане дѣйствительно могутъ гордиться. Уже нѣсколько странная архитектура его указываетъ на почтенные года основанія, и въ самомъ дѣлѣ старецъ этотъ несетъ на стѣнахъ своихъ слишкомъ 200 лѣтъ. Построенный въ 1638 году епископомъ краковскимъ Задзикокомъ, замокъ служилъ любимой резиденціей почти всѣхъ краковскихъ епископовъ, и чего только не пришлось испытать его стѣнамъ!

Видѣли онѣ, какъ шведскій король Карлъ XII, во время войны съ польскимъ королемъ Августомъ II, въ 1702 году, торжественно

Православный соборъ въ г. Кельцахъ.

принималъ австрійскаго посла Цизендорфа, посредника между воюющими сторонами; слышали звонъ оружія въ 1772 году во время захвата замка барскими конфедератами; не разъ гостеприимно допускали подъ свой кровъ епископовъ, пока, наконецъ, не поступили въ 1789 году въ казну, хотя епископы все-таки продолжали жить въ замкѣ.

Съ 1818 года въ замкѣ перебивали: предсѣдатели воеводской комиссіи, гражданскій трибуналъ, военный лазаретъ, разныя судебныя учрежденія, а съ 1866 года—со времени отдѣленія Келецкой губерніи отъ Сандомирской—нижній этажъ замка былъ назначенъ для губернаторской квартиры, а верхній для губернскаго правленія, гдѣ такое находится и понынѣ.

Замокъ представляетъ собой большое двухъэтажное зданіе съ высокою покатою крышей. По бокамъ его тянутся флигеля, изъ которыхъ правый примыкаетъ какъ разъ къ кафедральному костелу; по угламъ же замка высятся четыре башни.

Парадный подъѣздъ губернаторской квартиры—въ нижнемъ этажѣ—украшенъ тремя массивными арками изъ мѣстнаго мрамора темно-сѣраго цвѣта съ красивыми жилками по немъ; надъ каждой аркой находятся, вполне сохранившіеся до настоящаго времени, гербы трехъ епископовъ: Задзика, Гемблука и Залушкаго.

Слѣва отъ главнаго входа, надъ боковыми дверями (постройка недавняго времени) высится на желѣзной крышѣ каменный шпигъ въ родѣ иглы, надъ правыми же задѣланными дверями отъ такого шпига остался одинъ каменный пьедесталъ. Говорятъ, что по сторонамъ обѣихъ этихъ каменныхъ иглъ были когда-то статуи, изображающія плѣнныхъ шведовъ, но по чьему-то приказанію фигуры шведовъ были сброшены отсюда и уничтожены; насколько справедливъ этотъ слухъ, судить, конечно, трудно, хотя при внимательномъ осмотрѣ можно замѣтить будто бы какіе-то слѣды около пьедестала сломаннаго шпига.

Самое замѣчательное въ замкѣ—это такъ называемый портретный залъ, громадный, съ венеціанскими окнами, весь потолокъ котораго украшенъ чрезвычайно мелкими арабесками, а стѣны—72-мя портретами краковскихъ и келецкихъ епископовъ. Подъ каждымъ портретомъ находится гербъ изображеннаго епископа и обозначено время управленія папствомъ, у нѣкоторыхъ же на портретахъ помѣщены также и важнѣйшія ихъ дѣянія: на примѣръ, у епископа Шишковскаго—основанный имъ Карчевскій монастырь, а возлѣ епископа Залушкаго—кустъ картофеля, получившаго при немъ большое распространеніе въ Польшѣ, а въ настоящее время ставшаго насущною потребностью каждаго польскаго крестьянина. Портретная галлерей начинается съ епископа краковскаго Прокопа (966—986 гг.) и оканчивается келецкимъ епископомъ Карломъ Скурковскимъ (1830—1851 гг.), далѣе слѣдуетъ нѣсколько пустыхъ мѣстъ.

Бывшій замокъ епископовъ, нынѣ зданіе губернскаго правленія въ г. Кельцахъ.

По правую сторону зала идутъ королевскія комнаты, называвшіяся такъ вслѣдствіе пребыванія въ нихъ Карла XII. Потолки ихъ расписаны старинными картинами, изъ которыхъ сохранились: сеймъ по заключеніи Штумдорфскаго мира (1635 г.) со шведами и принятіе по этому случаю польскимъ королемъ Владиславомъ IV поздравленій отъ нѣмецкаго императора въ лицѣ его посла князя Грейфенстау; Вяземскій миръ (1634 годъ) и пожаръ Москвы и битва при ней въ 1611 году; впрочемъ, послѣдняя картина сохранилась настолько плохо, что за исключеніемъ Кремля разобрать на ней что либо почти невозможно. Налѣво отъ портретной залы слѣдуютъ комнаты «епископскія», въ одной изъ нихъ потолокъ украшенъ превосходно сохранившейся картиной, изображающей судъ надъ аріанами; по угламъ этой картины имѣются еще четыре малыхъ — съ символическимъ изображеніемъ временъ года.

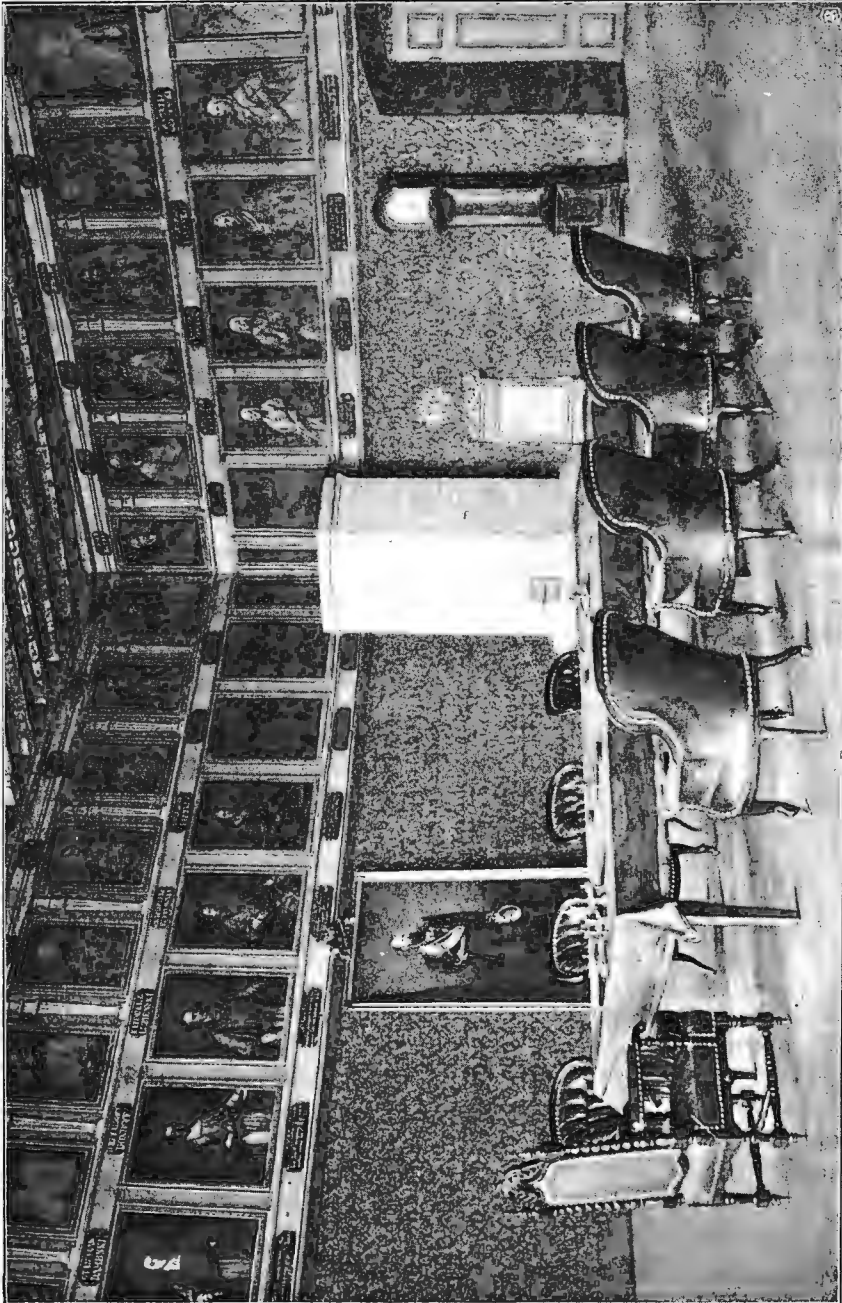
Всѣ описанныя картины принадлежатъ кисти придворнаго художника королей Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казимира — итальянца Долабеллы.

Въ одной изъ бывшихъ епископскихъ комнатъ находилась когда-то обширная библіотека епископа Андрея Залушкаго (1746 — 1758 гг.), цѣликомъ вошедшая впослѣдствіи въ составъ Императорской публичной библіотеки, небольшая же башенная комната съ отдѣланными мраморомъ стѣнами имѣла назначеніе ванной.

Обширный нижній этажъ замка — помѣщеніе губернатора — въ настоящее время не сохранилъ почти никакого подобія прежняго своего устройства, такъ какъ едва ли не каждый губернаторъ перестраивалъ и перестраивалъ его по своему вкусу. Да, и по правдѣ сказать, хотя помѣщеніе это и роскошно по величинѣ залы и обилію комнатъ, но самое расположеніе послѣднихъ далеко не удобное. Изъ сколько нибудь древнихъ вещей въ немъ сохранились только нѣсколько деревянныхъ скамей-дивановъ, обитыхъ сафьяной кожей съ тисненными золотомъ украшениями, почернѣвшими отъ времени. Залъ губернаторской квартиры выходитъ въ небольшой садъ, спускающійся террасами къ рѣчкѣ Сельницѣ. Эта рѣченка содержится весьма грязно, несмотря на то, что глубина ея, какъ говорится, курицъ по колѣна, ширина же не больше 4—5 шаговъ.

Вотъ и все — что есть достопримѣчательнаго въ городѣ Кельцахъ! Впрочемъ, надо добавить еще, что въ городѣ имѣется садъ — любимое мѣсто прогулокъ кельчанъ, отличающійся длинной, тѣнистой аллеей вѣсковыхъ каштановъ.

Изъ ближайшихъ окрестностей города замѣчательна Каргевская аллея, ведущая къ монастырю того же названія, — или, попросту, Каргевка. Недостатокъ времени не позволилъ мнѣ, къ сожалѣнію, подробно осмотрѣть монастырь и ознакомиться съ исторіей его, зато я вдоволь полюбовался прекраснымъ видомъ на городъ съ горы, покрытой сосновымъ лѣсомъ, на которой и высится самый мона-

Портретный залъ въ помѣщеніи губернскаго правленія въ г. Кельцахъ.

стырь, основанный епископомъ Шпшковскимъ. Это былъ когда-то богатый бенедиктинскій монастырь, но теперь онъ совершенно запущенъ и, кажется, въ немъ уже не осталось ни одного монаха.

Стѣны монастыря во время польскаго возстанія едва не подверглись разгрому, но, какъ говорятъ, ссора начальниковъ отряда повстанцевъ спасла монастырь отъ разрушенія.

«Если вы хотите посмотрѣть красивый уголокъ въ губерніи, то поѣзжайте на Словикъ — нашу дачную мѣстность», посовѣтоваль мнѣ хозяинъ гостиницы въ Кельцахъ, въ которой я временно проживалъ.

Послѣдовавъ доброму совѣту, нанялъ я извозчика—дружкѣ—помѣстному, и отправился осматривать знаменитый Словикъ, получившій свое названіе отъ соловьевъ, которые когда-то водились тамъ во множествѣ, но давно уже всѣ перевелись.

Вплоть до Словика длинной, бѣлой лентой тянется великолѣпное шоссе, такое шоссе, лучше котораго, право, трудно себѣ представить. Устроено оно, какъ говорятъ, изъ мѣстнаго «хенцинскаго» мрамора, и этому вполне можно повѣрить: до того шоссе это ровное и гладкое,—ѣдешь по немъ, словно по лучшей торцовой мостовой.

Въ видѣ анекдота рассказываютъ про одного чудака англичанина, который, прослышавъ когда-то о существованіи «хенцинскаго мраморнаго» шоссе, приѣхалъ лично полюбоваться такой диковинкой и, конечно, былъ неприятно пораженъ, увидя вмѣсто мраморныхъ плитъ обыкновенную хорошо мощенную дорогу, но все же я думаю, проѣхавшись по ней, вынесъ убѣжденіе, что шоссе хенцинское дѣйствительно выше всякой похвалы.

Самый Словикъ оказался чрезвычайно живописнымъ: высокія горы сплошь покрыты вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ, а съ вершины ихъ, насколько можетъ окинуть глазъ, пестрѣютъ безконечныя поля, съ темнѣющими на горизонтѣ сосновыми лѣсами и разбросанными кой-гдѣ деревнями. Почти у подножья горъ течетъ не большая, но довольно быстрая рѣченка съ перекинутымъ черезъ нее мостомъ. Рѣченка эта имѣетъ нѣсколько странное названіе «Трупенець» отъ слова трупь. Въ 1702 году, здѣсь, говорятъ, было большое сраженіе поляковъ со шведами, и вся вода окрасилась кровью и наполнилась трупами убитыхъ.

Собственно дачъ въ Словикѣ, въ смыслѣ отдѣльныхъ деревянныхъ домиковъ, приспособленныхъ для лѣтняго житья, я насчиталъ всего три-четыре, приѣзжающіе же на лѣто любители природы помѣщаются просто въ крестьянскихъ избахъ. О ресторанахъ и какихъ либо увеселительныхъ садахъ здѣсь и помину нѣтъ, отчего Словикъ только выигрываетъ, особенно въ сравненіи съ пресловутыми дачными мѣстностями Россіи.

Въ семи верстахъ дальше отъ Словика лежитъ безуѣздный городъ Хенцины. Вообразите себѣ квадратную площадь, мощенную

Мостъ черезъ р. Труденецъ въ Словись.

булыжникомъ, съ огромными выбоинами, чуть ли не ямами, площадь окружена старыми двухъэтажными домами, полуразвалившимися и весьма грязными, въ нижнемъ этажѣ каждаго дома ютятся двѣ, иногда три и четыре лавченки, въ коихъ «гандлюють» юркіе еврейчики,—это и есть городъ Хенцины, центръ еврейской жизни. Всѣхъ жителей въ немъ не болѣе семи тысячъ, ну, а евреевъ навѣрно тысячъ шесть. Самый городъ замѣчателенъ по богатству окрестныхъ горъ прекрасными мраморными залежами и, отчасти, залежами свинцовой руды. Къ сожалѣнію, залежи эти почти не разрабатываются. Кромѣ этого, въ Хенцинахъ есть еще одна достопримѣчательность—это три высокія башни-развалины, стоящія на вершинѣ скалистой горы, почти надъ самымъ городомъ. Развалины эти—остатки грандіознаго замка.

Объ основаніи города и замка достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ, но въ исторіи Польши, какъ тотъ, такъ и другой неоднократно упоминаются. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что въ 1613 году городъ подвергся нападенію шведовъ, а въ 1657 году венгерцовъ, совершенно разграбившихъ бывший тамъ францисканскій монастырь, нынѣ женскій—ордена клариссокъ.

Замокъ же служилъ темницей брату Ягелло—Андрею Ольгердовичу, а также вождю тевтонскихъ рыцарей Михаилу Кухмейстеру; въ 30-хъ годахъ въ немъ собирались сеймы королемъ Владиславомъ I, а въ 1425 году спасался отъ моровой явы сынъ Ягелло—Владиславъ III и проч. Въ настоящее время башни замка—забытыя развалины, а между тѣмъ онѣ не безынтересны въ археологическомъ отношеніи, такъ какъ въ нихъ имѣется подземный ходъ, но онъ почти совсѣмъ засыпанъ камнями, такъ что пробраться туда нѣтъ возможности.

Къ сѣверо-востоку отъ Кельцъ на гребняхъ отроговъ Карпатскихъ горъ, сплошь покрытыхъ сосновыми лѣсами, находится мѣстность, называемая попольски «Свентокжижемъ» — Св. Крестомъ, а также Лысой горой.

Горы Св. Креста состоятъ собственно изъ трехъ грядъ: восточной (длиною около 14 верстъ) съ вершинами «Витольдъ» и «Елена», средней—съ вершинами «Лысая гора» и «Лысица» и, наконецъ,—западной. На самой верхушкѣ Лысой горы, за высокою каменной оградой, стоитъ одна изъ древнихъ католическихъ святынь—костель Св. Креста, выстроенный, согласно преданію, польскою королевой Домбровской, супругой короля Мечислава I, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стояли языческія капища. Впрочемъ, по другому преданію, о которомъ упоминаетъ и польскій историкъ Длугошъ, основаніе монастыря Св. Креста должно быть отнесено къ королю Болеславу Храброму. Однажды, говоритъ преданіе, король Болеславъ Храбрый охотился вмѣстѣ съ другомъ своимъ венгерскимъ королемъ Эмерикомъ Святымъ въ окрестностяхъ Лысой горы; взобравшись въ

погонѣ за оленемъ на вершину горы, оба короля остановились отдохнуть около развалинъ какого-то замка. Св. Эмерикъ, пораженный дикою прелестью раскинувшейся передъ ними мѣстности, предложилъ своему царственному другу построить на вершинѣ горы монастырь. По устройствѣ монастыря, св. Эмерикъ пожертвовалъ туда крестъ съ частицами св. животворящаго древа Господня, и вотъ отъ этого креста обитель, а съ нею и горы, стали называться «Свентокжизскими»—Святокрестовыми.

Преданіе это подтверждается отчасти нѣкоторыми историческими картинами, сохранившимися на стѣнахъ костела: кромѣ того, извѣстно, что мѣстные монахи бенедиктинскаго монастыря ежегодно въ день смерти Болеслава Храбраго служили панихиды, дни же Воздвиженія креста Господня и память св. Эмерика праздновались ими особенно торжественными «отпустами»—молебствіями.

Благодаря щедрой матеріальной поддержкѣ краковскихъ епископовъ и многихъ польскихъ королей, монастырь сильно богатѣлъ, возбуждая зависть сосѣдей. Нѣсколько разъ онъ подвергался нападению татаръ, которые сильно его опустошали и звѣрски убивали монаховъ. Отъ этихъ погромовъ обитель все-таки кое-какъ оправлялась, но когда въ 1370 году литовцы, напавшіе на нее, захватили не только драгоценности, но и самую святыню — крестъ съ частицами животворящаго древа, то монастырь окончательно обѣднѣлъ. Годъ спустя, впрочемъ, св. крестъ былъ обратно возвращенъ монастырю однимъ изъ участниковъ грабежа, который поселился вблизи обители и основалъ впоследствии село Дембно (нынѣ Радомской губерніи). Теперь самый монастырь давно упраздненъ, а помѣщенія его обращены въ исправительное арестантское отдѣленіе.

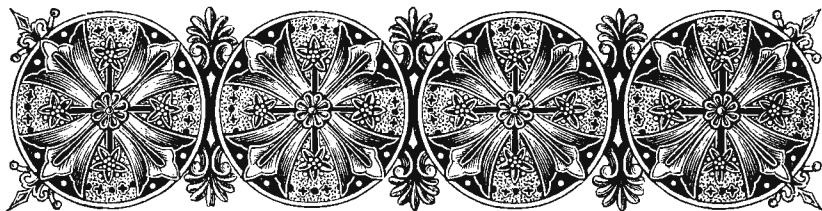
Зданіе тюрьмы, стоящее надъ ужасной кручей, мрачное съ наружнаго вида, образцово устроено внутри. Въ немъ имѣется домовая церковь и католическая часовня, прядильная и ткацкая фабрики, токарня, кузнечно-слесарная, сапожная и веревочная мастерскія; во дворѣ устроены флигеля для чиновъ тюремной администраціи, лазаретъ барачной системы, баня, прачешная и цистерна для стока воды. Вокругъ тюрьмы разбиты садики, огороды, и прорыты прудики съ прекрасной холодной водой. Невесело, должно быть, живетъ здѣсь тѣмъ немногимъ чиновникамъ, которые волею судебъ обречены служить въ этомъ мѣстѣ; видъ, въ хорошую погоду, на безпредѣльную массу полей и окрестныхъ горъ, увѣнчанныхъ вѣчно-зелеными сосновыми лѣсами, давно ужъ пріѣлся глазамъ, а въ дождливую осень, когда вся макушка Лысой горы покроется густымъ туманомъ,—миѣ кажется, скука особенно даетъ себя чувствовать, а, впрочемъ, человѣкъ ко всему привыкаетъ... Выѣхалъ я изъ Свентокжиза довольно поздно; туманъ, вѣчный спутникъ здѣшнихъ ночей, окутывалъ уже бѣлымъ покровомъ верхушки сосенъ, и въ воздухѣ становилось холодно и сыро. Когда же я добрался до

Кельць, то луна довольно высоко стояла въ звѣдномъ небѣ. Мой возница-почтарь, въѣзжая въ городъ, побѣдоносно затрубилъ какой-то маршъ въ висѣвшую у него за плечомъ трубу ¹⁾; серебристые звуки тревожно пронеслись въ воздухѣ, отдались эхомъ въ пустынныхъ улицахъ спящаго городка и вызвали ожесточенный лай чуткихъ сторожевыхъ псовъ.

Н. Павловъ.

¹⁾ Въ Западномъ краѣ всѣ почтовые ящики имѣютъ съ собой трубу, въ родѣ кавалерійской, и, въѣзжая въ городъ, обыкновенно трубятъ, вѣроятно, давая этимъ знать о приходѣ почты.

ЖЕРТВА ТЕРРОРА.

Княгиня Любомирская ¹⁾.

В ПОЛОВИНѢ октября 1792 г. пріѣхала въ Парижъ польская аристократка, княгиня Любомирская, урожденная Ходкевичъ. Она прибыла изъ Лозанны и привезла съ собой четырехлѣтнюю дочь и небольшой штатъ прислуги. Княгиня считалась одною изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ красавицъ своего времени; это была маленькая блондинка съ большими голубыми глазами, правильнымъ носомъ и небольшимъ ртомъ. На миньютюрѣ, находящейся въ музеѣ князей Чарторижскихъ, въ Краковѣ, можно видѣть, что у нея былъ чудный цвѣтъ лица, свѣтлые локоны, рассыпавшіеся по плечамъ, томный и мечтательный взглядъ. Вся ея изящная фигура была полна такой граціи, юности и свѣжести, которыя вполнѣ объясняютъ данное ей прозвище «весенней княгини». Зачѣмъ она пріѣхала въ Парижъ? Просто для развлечения. Несмотря на всѣ послѣднія событія французской революціи и сентябрьскія звѣрства, она все-же выбрала добровольно Парижъ, съ цѣлю провести въ немъ нѣкоторое время, для чего и наняла отдѣльный отель въ Шайо (Chaillot).

Теперь, когда прошло болѣе вѣка со времени террора, намъ трудно себѣ представить, что въ это время Парижъ сохранялъ свою обычную фizioномію. Правда, онъ сильно опустѣлъ, но все-же публики

¹⁾ La Revue hebdomadaire, 1899, № 19 и 20. Une victime de la terreur. Par Casimir Stryienski.

оставалось достаточно, чтобы опера, комедія и многіе другіе театры не пустовали. Достаточно сказать, что 21-го января 1793 года въ комедіи давали «Блуднаго сына» Вольтера! И рискуя головой, зрители все-же проводили свои вечера въ этихъ общественныхъ мѣстахъ. «Вообще,—говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Ансело,— великія событія республики мало привлекали толпу. Исключеніе составляетъ 10-е августа 1792 г. Я стоялъ на тротуарѣ Pont-au-Change, когда по мостовой проѣзжала телѣга, въ которой везли на эшафотъ сестру Людовика XVI, принцессу Елизавету. Народа почти не было, а между тѣмъ это было событіе... Народныя празднества привлекали все населеніе своимъ блескомъ, и я не знаю ни одного событія революціи, которое собрало бы столько народа на улицахъ, какъ, напримѣръ, процессія «Voeufgras» во время карнавала. Толпы не было даже 10 термидора, когда отецъ повелъ меня смотрѣть на казнь Робеспьера».

Княгиня Любомирская любила и понимала искусство, живопись, музыку. Въ ея отелѣ въ Шайо собиралось многочисленное общество. Одинъ не большой, но очень характерный документъ даетъ понятіе о томъ, на какую широкую ногу былъ поставленъ весь строй ея дома. Это—табличка долговъ княгини, составленная ею самой. Отсюда мы узнаемъ, что хотя она не имѣла наличныхъ денегъ (у какого-то Monsieur de V. она занимаетъ 4.500 ливровъ), однако это не мѣшало ей пользоваться самымъ широкимъ кредитомъ (портнихѣ—700 ливр.; аптекарю—556; обойщику—4.000 и т. д.). Несмотря на терроръ, жизнь шла обычнымъ порядкомъ. Если удивительно, что иностранка не боится оставаться въ Парижѣ, то еще болѣе странно, что французенки, прямо намѣченныя быть первыми жертвами Робеспьера, пріѣзжаютъ, уѣзжаютъ и вновь возвращаются во Францію, воображая, что находятся въ полной безопасности. М-ше Дюбарри не боялась скомпрометтировать себя, распространяя по всему Парижу безконечный списокъ украденныхъ у нея драгоценностей. Бывшая фаворитка продолжала прежній пышный образъ жизни, благодаря доходамъ съ помѣстій и назначеннымъ ей пенсіямъ. Ее окружалъ настоящій дворъ и, что гораздо больше, у нея были друзья, къ числу которыхъ, увы, принадлежала и княгиня Любомирская. Когда начались доносы въ яacobинскомъ клубѣ, и Дюбарри была уже на волосокъ отъ трибунала, который долженъ былъ примѣнить къ ней законъ о «подозрительныхъ», княгиня написала ей слѣдующую записку:

«Шайо, 6-го іюля 1793 г.

«Я только что узнала, сударыня, о вашемъ возвращеніи въ Люсьенъ и о несправедливомъ преслѣдованіи, которому васъ подвергаютъ; первое заставило бы меня летѣть на крыльяхъ дружбы; второе же даетъ мнѣ право просить у васъ, какъ милости, позволенія

быть вамъ полезной. Если мое рвеніе далеко опережается моимъ желаніемъ, я все же надѣюсь, сударыня, что вы позволите мнѣ раздѣлить ваше одиночество и доказать вамъ, что тѣ, кого вы осчастливили вашимъ вниманіемъ, нелегко утрачиваютъ воспоминаніе о немъ.

«Съ нетерпѣніемъ, равнымъ тому сочувствію, которое вы внушаете, жду вашего отвѣта, чтобы тотчасъ направиться къ вамъ.

«Алекс. княгиня Любомирская».

Надо забыть темныя воспоминанія и не думать о любовницѣ Людовика XV, читая эти строки, продиктованныя прекраснымъ и благороднымъ чувствомъ; это женщина пишетъ другой женщинѣ, это—другъ, имѣющій одну только цѣль помочь другу. Въ качествѣ иностранки, княгиня считала себя, быть можетъ, болѣе всякой другой, способной помочь м-ше Дюбарри; она очевидно не знала ничего одвухъ доносахъ, уже находившихся въ рукахъ «публичнаго обвинителя» (accusateur public). Она жила, какъ во снѣ, не давая себѣ отчета въ положеніи дѣлъ, дѣйствительность ей была не понятна. Она ничего не опасается, она подписываетъ свое письмо... 6-го іюля 1793 года. Она и вторично писала м-ше Дюбарри; изъ дальнѣйшаго выяснится, какъ важно познакомиться съ содержаніемъ этихъ обоихъ писемъ:

«11-го августа 1793 г.

«Вы должны считать меня очень виноватой передъ вами, сударыня, я такъ долго не писала и не была у васъ; но я не сомнѣваюсь, что вы простите меня, когда узнаете, что я была нездорова и глубоко огорчена невозможностью видѣть васъ... Я не сообщу вамъ ничего интереснаго о послѣднихъ событіяхъ... Вчерашній праздникъ (10 августа 1793 г.) удивительно напоминалъ о величіи народа.

«Королева еще въ Консьержери; невѣрно, что ее собирались снова перевести въ Тампль. Тѣмъ не менѣе я спокойна за ея участь. Наши властелины утомились своей славой и, я думаю, захотятъ отдохнуть на лаврахъ. До свиданія; позвольте мнѣ поцѣловать васъ отъ всего сердца, со всѣмъ обожаніемъ и горячностью, достойной тѣхъ чувствъ, которыя вы внушаете. Тысячу привѣтствій Мими. Моя крошка цѣлуетъ ваши прекрасныя руки».

Это письмо безъ подписи,—княгиня научилась осторожности... немного поздно. Среди массы «дѣлъ» революціоннаго трибунала трогательное и трагичное впечатлѣніе производятъ эти двѣ элегантныя записочки, написанныя тонкимъ и изящнымъ почеркомъ, при чемъ нѣкоторыя фразы сердито и твердо подчеркнуты карандашомъ Фуке-Тэнвиля или его аколитовъ. Эти записки были приложены вмѣстѣ съ про-

токоломъ допроса Дюбарри къ двумъ прежнимъ доносамъ и составили «дѣло» княгини Любомирской. Письмо отъ 11-го августа было приписано герцогинѣ Бранкасѣ, уѣзжавшей въ Лондонъ, но Дюбарри сама выдала княгиню. Она была настолько недальновидна, что рассчитывала спасти себя этими разоблаченіями; настолько легкомысленна, что надѣялась подкупить своихъ судей и возбудить ихъ жалость. Ни на минуту не проявила она мужества, до конца осталась трусливой и жалкой. Ея восклицанія: «Еще минутку, господинъ палачъ», «Спасите! Спасите!», когда «мечъ закона» упалъ на ея бѣлоснѣжную шею, все подтверждаетъ, что она была грустнымъ исключеніемъ въ то время, когда такое множество женщинъ выказали столько силы и мужества въ свои послѣднія минуты. Въ промежуткѣ между вторымъ и третьимъ допросомъ Дюбарри, 19 января, княгиня Любомирская была арестована и заключена въ тюрьму Petite-Fogse. Оригинально, что росписка въ приѣмѣ княгини выдана тоже женщиной. Княгиня была, вѣроятно, предупреждена о грозившей ей опасности, и незадолго до ареста рѣшила дать о себѣ знать своему мужу. Она призвала къ себѣ свою горничную, польку, безгранично ей преданную, и спросила ее: «Любишь ли ты меня настолько, чтобы исполнить все, о чемъ я попрошу?» Дѣвушка бросилась къ ея ногамъ, отвѣчая, что готова жизнь отдать за нее. Тогда княгиня взяла крестъ и заставила поклясться, что она свято выполнитъ всѣ приказанія. И пока дѣвушка стояла передъ ней на колѣняхъ, она заплела и убрала ей волосы. «Не трогай своей прически, сказала она, пока не придешь къ князю,—и тогда скажи ему, чтобы онъ расплелъ твои волосы». Затѣмъ она дала ей немного денегъ, какія у нея были, и прибавила: «Вотъ все, что я могу тебѣ дать, постарайся, чтобы тебѣ хватило». Со слезами благоговѣла она дѣвушку и отослала. Съ большими лишеніями преданная служанка добралась до родины черезъ два мѣсяца. Когда князь Любомирскій расплелъ ея волосы, оттуда выпало письмо. «Бѣдное дитя!» воскликнулъ онъ, прочтя его. А княгиня въ это время уже была заключена въ тюрьму, заперта въ одной комнатѣ съ преступницами и погибшими женщинами. Она прошла черезъ всѣ отвратительныя формальности, которымъ подвергались всѣ новыя заключенныя, а особенно молодыя и красивыя. Стоя предъ однимъ изъ негодяевъ, женщина должна была выносить, пока онъ ее раздѣвалъ, чтобы убѣдиться, что на ней не спрятано никакихъ бумагъ и драгоценностей! Она узнала дортуаръ «съ четырьмя черными стѣнами, на которыхъ скука и горе вырѣзали суровые афоризмы, а пошлость—отвратительные рисунки». Вся мебель состояла изъ восьми наръ, одного ведра на всѣхъ и одного стула. Окно было съ рѣшеткой. Днемъ княгиня должна была заниматься уборкой камеры, присутствовать на разныхъ выключкахъ, подчиняться свирѣпымъ тюремщикамъ, улыбаться ихъ жестокимъ пошлостямъ, широко пла-

тять за малѣйшую услугу; должна была жить съ проститутками, встрѣчаясь въ то же время со свѣтскими дамами всѣхъ возрастовъ, съ каждымъ днемъ увеличивавшими число этихъ несчастныхъ. Никакихъ сношеній—съ внѣшнимъ міромъ. Вечеромъ всѣ расходились по своимъ мѣстамъ: два тюремныхъ пса пробѣгали по коридорамъ, торопя замѣшкавшихся. Тюремщики съ желѣзными палками въ

Княгиня Александра Любомирская.

рукахъ, проходя, ударяли по рѣшеткамъ оконъ, чтобы провѣрить ихъ прочность. «Этотъ звонъ, повторявшійся у всѣхъ оконъ, продолжался обыкновенно съ девяти до десяти часовъ. Легко представить, какъ дѣйствовалъ на нервы этотъ кавардакъ, къ которому присоединялись и собаки».

Княгиня оставалась въ Petite Force до перваго пловіоза (20 января), когда заболѣла и была перевезена въ больницу (Maison de

Santé et de Sûreté), оттуда въ S-te Pélagie, въ Port Libre и, наконецъ, въ Concièrgerie.

Маленькая пятилѣтняя дочь ея была заключена одновременно, но отдѣльно отъ матери. Нѣтъ ничего грустнѣе и мрачнѣе такого паспорта ребенка:

«Департаментъ полиціи. Парижскій округъ (commune).

«Привратникъ дома Montrpin (улица Notre-dame des Champs) приметъ нижепоименованнаго заключеннаго ¹⁾: гражданку Лабомирскую, около пяти лѣтъ, пересланную изъ тюрьмы англичанокъ (des Anglaises), улица St. Victor, и задержать до новаго распоряженія.

«Составлено въ департаментѣ полиціи, зданіе мэріи, 20 жерминаля II года Республики».

«Полицейскіе администраторы: Bergot, Beauvieux».

Въ Парижѣ въ это время находились еще нѣсколько поляковъ, между прочимъ Барсъ, снабженный официальнымъ порученіемъ къ Французской республикѣ; Казимиръ Ларошъ, находившійся въ сношеніяхъ съ властями, и Ипполитъ Блещинскій. Всѣ приняли участіе въ судьбѣ княгини и сдѣлали все, чтобы ей помочь. По ихъ настояніямъ министръ иностранныхъ дѣлъ трижды обращается въ Комитетъ Общественной Безопасности, напоминая ему о знатномъ происхожденіи княгини, о столкновеніи съ Россіей, о полной бездоказательности обвиненій. Отвѣта никакого; и не мудрено: душа комитета—Робеспьеръ, ухаживанія котораго были отвергнуты княгиней. Министры же въ это время были вполне безсильны. Противъ обвиняемой существуютъ два доноса и двѣ записки къ м-ше Дюбарри; этихъ ничтожныхъ документовъ достаточно, чтобы сдѣлать всѣ просьбы тщетными. Къ тому прибавилось еще письмо изъ Ниццы, найденное въ бумагахъ арестованнаго президента парламента Rosambo и адресованное къ его женѣ. Авторъ письма (не подписаннаго), между прочимъ, пишетъ: «Княгиня Любомирская, проводя нѣсколько времени на дачѣ, каждый день обѣдала на воздухѣ, а ваша пріятельница м-ше de Roquefeuil постоянно обѣдаетъ съ открытыми окнами, любуясь цвѣтущими апельсинными деревьями...». Эти слова яростно подчеркнуты краснымъ карандашомъ, очевидно, самимъ Фукье-Тэнвилемъ, который съ истинно дьявольской изворотливостью воспользовался этими банальными строками. Но что всего ужаснѣе, такъ это то, что названная въ письмѣ княгиня Любомирская вовсе не несчастная юная княгиня, а какая-то ея родственница.

30 жерминаля (19 апрѣля), княгиня явилась передъ революціоннымъ трибуналомъ обвиняемою въ «анти-революціонной перепискѣ съ Дюбарри». О письмѣ изъ Ниццы не говорится ни слова; Фукье

¹⁾ Это — печатная формула, остальное вписано.

впервые упомянуть о немъ въ обвинительномъ актѣ, такъ что княгиня не могла выяснитъ ошибки; обвиняемые отвѣчали лишь на нѣсколько официальныхъ вопросовъ; имъ никогда не предлагали оправдываться.

1 февраля, погибли на эшафотѣ президентъ Розамбо и двадцать его товарищей—членовъ парламента. Это была удачная пожива, и съ нею связанъ анекдотъ, полный страшнаго комизма. Одинъ изъ присяжныхъ, нѣкто Треншаръ, рѣзчикъ, написалъ своей женѣ, сообразивъ, что засѣданіе будетъ интересно. Выписываемъ въ оригиналѣ этотъ своеобразный документъ:

«Si tu nest pas toute seule et que le compaignon soit à travailier tu peus ma chaire amie venir voir juger 24 mesieurs tous si deven président ou conselies au parlement de Paris et de Toulouse. Je t'ainvite à prendre quelque choge aven de venir parcheque nous naurous pas fini de 3 hurres.

«Je tembrase ma chaire amie et èpouge.

«Ton mari Trinchard».

И этотъ самый Треншаръ на слѣдующій день, когда предстали на судъ друзья и единомышленники Розамбо, а также многія аристократки, въ томъ числѣ и княгиня Любомирская, отвѣтилъ на всѣ вопросы: «Обвиняемые были въ заговорѣ противъ республики!» Княгинѣ были предложены два обычныхъ вопроса: «злоумышляла ли она противъ свободы и господства народа, поддерживая личныя и письменныя сношенія съ внѣшними и внутренними врагами республики, или инымъ путемъ?» и «выбрала ли она защитника?» На первый и второй вопросы княгиня отвѣчала отрицательно. Этимъ и кончился допросъ, и княгиня, вѣроятно, обрадовалась, что все произошло такъ просто, и рѣшила, что будетъ помилована; она подписала протоколъ твердымъ, почти мужскимъ почеркомъ. А между тѣмъ всѣ допрошенные въ этотъ день, въ томъ числѣ и она, были приговорены. Въ этомъ засѣданіи княгиня впервые узнала, въ какихъ преступленіяхъ ее обвиняютъ, ибо публичный обвинитель долженъ былъ сказать что нибудь опредѣленнѣе, но онъ разбиралъ всѣ обвиненія заразы; одинъ общій обвинительный актъ полагался на всю партію. Это избавляло отъ долгихъ объясненій и называлось «амальгамическимъ осужденіемъ». Да въ сущности не все ли равно? Приговоры были рѣшены заранѣе, и случалось, что телѣги, отвозившія приговоренныхъ, стояли съ утра у воротъ Conciergerie, даже прежде, чѣмъ обвиняемые отводились въ трибуналъ. Когда на это, однажды, указали Фуке, онъ отвѣтилъ: «Неужели ты думаешь, что я не знаю заранѣе числа приговоренныхъ?». Основываясь на письмѣ изъ Ниццы, Фуке заявилъ, что «княгиня Любомирская, называющая себя польской княгиней, есть, очевидно, не что иное, какъ антиреволюціонный агентъ. Какъ выяснилось, она въ 1789 г.

жила въ Ниццѣ съ французскими эмигрантами, гражданкой Левисъ, гражданкой Рокфейль и др.». Съ такою же беззащитною наглостью доказываетъ Фуке, на основаніи двухъ злополучныхъ записокъ, дружбу княгини съ Дюбарри, ироническое отношеніе къ величію народа, участіевъ заговорахъ для спасенія Маріи-Антуанетты. Официальный защитникъ Шово-Лагардъ сказалъ очень незначительную и блѣдную рѣчь, которой онъ, впрочемъ, почти не измѣнялъ во всѣхъ своихъ защитахъ, указывая главнымъ образомъ на искренность и правдивость обвиняемой. Не имѣя возможности устно оправдываться, княгиня написала Фуке письмо:

«Гражданинъ! 3-го флореаля, Консіержери.

«Перечитывая свой обвинительный актъ, я была изумлена, узнавъ, что меня смѣшали съ особой, не имѣющей со мною ничего общаго, кромѣ имени. Поэтому я прошу, гражданинъ, отсрочки на нѣсколько дней, чтобы доказать свою невинность и убѣдить просвѣщенныхъ судей въ томъ, что я не недостойна ихъ участія.

«Привѣтъ и братство. Алекс. Любомирская».

Сколько такихъ записокъ in extremis получалъ Фуке и какая отвратительная улыбка должна была играть на его губахъ, пока онъ читалъ эти отчаянныя воззванія!

Эта послѣдняя просьба не была исполнена. Но княгиня не вошла на этотъ разъ на эшафотъ, вмѣстѣ съ своими товарищами по несчастью. Въ «Монитерѣ» отъ 11-го флореаля мы читаемъ, что приговоренные 3-го флореаля были въ тотъ же день казнены, и что «Ходкевичъ объявила себя беременной». Передъ тѣмъ, какъ ее перевезли въ больницу, княгиня написала нѣсколько писемъ. Между прочимъ, одно къ своему лакею (выказавшему ей трогательную преданность), съ приложеніемъ слѣдующей записки:

«Я поручаю моей семьѣ, моему мужу, князю Александру Любомирскому, взять изъ моего приданаго сумму въ 6.000 французскихъ ливровъ, которую я желаю передать своему слугѣ Прево, его женѣ и дѣтямъ, въ благодарность за постоянную и безкорыстную привязанность, которую онъ мнѣ выказывалъ во время моихъ несчастій.

«Розалія, графиня Ходкевичъ, княгиня Любомирская».

Она пишетъ еще Струзу, своему банкиру въ Лозаннѣ, писавшему ей за мѣсяць передъ тѣмъ: «Надѣюсь, княгиня, что вы арестованы скорѣе за деньги, чѣмъ по политическимъ причинамъ, ибо я знаю васъ за вѣрную республиканскую гражданку».

Она умоляетъ его о спасеніи и проситъ передать полякамъ ея воззваніе, гдѣ говорить:

«Сограждане!

«Я не имѣю никакого права на ваше участие; я взываю къ вамъ только потому, что я сама полька, только въ силу того уваженія, которое вы питаете къ памяти великаго Карла Ходкевича.

«Послѣ шести мѣсяцевъ страданій я приговорена къ смерти... Ваши несчастія, преслѣдованія, которыя вы выносили отъ деспотизма, привлекли къ вамъ вниманіе французскаго народа, и онъ не откажетъ вамъ въ выраженіи своего уваженія, даруя мнѣ жизнь... Но на сколько бы дней вы ни продлили мою жизнь, мой послѣдній вздохъ будетъ для моей родины»...

Наконецъ, послѣднее письмо княгини доказываетъ истинность предлога, избавившаго ее отъ эшафота. Впрочемъ, Фуке не легко выпускалъ свои жертвы и всегда призывалъ врачей; а иногда, не смотря ни на что, посылалъ на казнь.

Письмо княгини адресовано къ уже упомянутому Ипполиту Блещинскому:

«2 флореалья. Консіержери.

«Настало время доказать мнѣ, что вы дѣйствительно достойны моего уваженія... Я покрыла себя позоромъ, чтобы спасти вашего несчастнаго ребенка... Ваши соотечественники уважаютъ васъ; у васъ много друзей... Но малѣйшее замедленіе приведетъ меня на эшафотъ. Нужно много горячности, усердія и энергіи. Вамъ нельзя терять времени, если вы хотите меня спасти, избавить отъ позорной казни, если, наконецъ, вы любите несчастнаго ребенка, который еще до рожденія осужденъ на нищету, заброшенность, на всѣ невзгоды жизни.

«Прощайте, Ипполитъ, прощайте, другъ моего сердца. Я не могу уже льстить себя надеждой еще хоть разъ васъ увидѣть!..

«Прощайте, прощайте.

«Розалія».

Княгиню перевели въ больницу революціоннаго трибунала, зависѣвшую отъ публичнаго обвинителя; она охранялась тюремщикомъ-привратникомъ и шестью служителями. Общій строй былъ гораздо мягче, чѣмъ въ тюрьмѣ. При больницѣ былъ садъ, гдѣ нѣкоторые больные могли прогуливаться. Наконецъ, одинъ изъ санитаровъ, Баярдъ, оказался гуманнымъ и сострадательнымъ человѣкомъ. Это, впрочемъ, и было причиной его отставки. Даже врачи должны были быть «хорошими патриотами», ибо Фуке не терять изъ виду больницы, и когда партіи жертвъ были недостаточно велики, онъ требовалъ подкрѣпленія изъ больницы. Въ преріалѣ казни достигли 509; въ мессидорѣ 793, а съ 1-го по 9-е термидора—342. Каждое утро являлся чиновникъ за новыми жертвами; тѣ, которые представляли докторское свидѣтельство въ невозможности передвигаться, выносились на носилкахъ.

Между тѣмъ, воззваніе княгини къ полякамъ прибыло въ Польшу; отвѣтомъ на него были двѣ официальныхъ депеши: одна отъ Костюшки, другая отъ Закржевскаго (президента временнаго совѣта). Обѣ остались безъ результата. Все это время жизнь княгини въ больницѣ была относительно спокойна. Баярдъ и главный врачъ парижскихъ тюремъ, Марковскій, отнесли къ ней съ большимъ участіемъ. Вѣроятно, черезъ Марковскаго же переслала княгиня еще одно письмо Блещинскому, гдѣ въ третьемъ лицѣ объясняетъ свою отсрочку: «Ея дочь еще въ больницѣ, куда ее помѣстили за нѣсколько дней до суда; сама она въ больницѣ (бывшемъ епископствѣ), лишенная очень многихъ вещей, необходимыхъ въ ея положеніи... Всѣ сношенія ей запрещены, она видитъ только людей, ухаживающихъ за больными; тѣмъ не менѣе ея не лишаютъ помощи, предложенной косвеннымъ путемъ. Прощайте».

Какъ безнадежно и трагично это письмо! А бѣдная пятилѣтняя крошка, брошенная въ Парижѣ безъ всякихъ средствъ на рукахъ чужихъ людей! Какое ужасное положеніе!

Эта дочь княгини, вышедшая впослѣдствіи замужъ за графа Ржевускаго, помнила о своемъ пребываніи въ Парижѣ: она запомнила и минуту разлуки: ее подняли къ рѣшеткѣ тюрьмы, и она увидѣла, какъ ея мать, поднявъ глаза къ небу, возсылала къ Богу безмолвную молитву. «Въ первый разъ,—говорила графиня,—я поняла тогда, что есть надъ нами невидимое существо, покровитель сиротъ».

Съ уходомъ Баярда многое измѣнилось въ больницѣ; не прошло и трехъ дней, какъ не только больныхъ, но даже женщинъ, «которыхъ защищаетъ самъ законъ», влекуть въ трибуналъ и казнятъ. Княгиня Любомирская, какъ и прочіе заключенные, видитъ эти звѣрства и не можетъ сдержатъ своего негодованія: «Польская княгиня,—пишетъ одинъ современникъ,—молодая и красивая, несомнѣнно признанная беременной, выражаетъ свое справедливое негодованіе... Эти звѣри доносятъ на нее публичному обвинителю, и въ 24 часа она осуждена, приговорена и казнена. 12 месидора врачи больницы заявляютъ, что свидѣтельствовали «названную Любомирскую, что ихъ осмотръ не далъ имъ «никакихъ признаковъ или симптомовъ...», и въ тотъ же день княгиня казнена. Документъ этотъ, написанный однимъ изъ врачей, Энгюшаромъ, весьма подозрителенъ и имѣетъ видъ, что подписанъ прежде, чѣмъ было вписано имя осужденной. Мѣсто, оставленное для имени, слишкомъ недостаточно для слова «Любомирская», и почеркъ въ этомъ словѣ другой».

Княгиня была дружна съ княгиней Амеліей Гогенцоллернъ, которая сама была арестована, но, благодаря внимательству прусскаго правительства, освобождена.

Въ день своей смерти княгиня написала слѣдующую записку:

«Гражданкѣ Амеліи.

«Прощай, Амелія, скоро меня уже не будетъ, вспоминай о своемъ другѣ и люби меня въ лицѣ моего ребенка.

«Розалія».

Къ этой запискѣ были приложены: прядь золотистыхъ волосъ, искусственныя розы, бѣлая лента, образокъ святой Терезы и кусочекъ кружева; на конвертѣ стоитъ: «Волосы и записка княгини Любомирской въ день ея смерти, 1794».

Это все, чѣмъ располагала бѣдная узница. Ее, какъ кажется, арестовали на какомъ-то вечерѣ и въ бальномъ платьѣ отвели въ тюрьму. Эти реликвіи дѣлаютъ правдоподобнымъ рассказъ, что княгиня вошла на эшафотъ въ этомъ самомъ бѣломъ платьѣ. Княгиню похоронили въ Picpus, подъ стѣнами сада, принадлежавшаго канонникамъ St. Augustin, въ томъ же мѣстѣ, гдѣ покоятся тѣла 1315 жертвъ, гильотированныхъ менѣе, чѣмъ въ семь недѣль. Это кладбище было куплено княгиней Гогенцоллернъ, имѣвшей мужество присутствовать при послѣднихъ минутахъ своего брата и проводить колесницу съ его останками.

Инвентарь, составленный въ 1795 г. въ больницѣ трибунала, даетъ намъ списокъ вещей, оставленныхъ княгиней: «Любомирская, полька: капоть, бѣлая юбка, рубашка, двѣ батистовыхъ косынки, утреннее платье, шаль, разорванная на куски».

Какой контрастъ между этимъ спискомъ и длиннымъ перечнемъ вещей, вывезенныхъ княгиней при отъѣздѣ изъ Польши въ 1792 г.! Ея дочь, оставшаяся все время въ другомъ Maison de Santé, «выдана 2 фруктидора (19 августа) гражданкѣ Лезанской, полькѣ». Она отвезла ребенка къ отцу и лишь наканунѣ своего отъѣзда изъ Парижа узнала о смерти своей госпожи.

Всѣ рассказанные факты основаны на историческихъ документахъ ¹⁾, въ нихъ нѣтъ ни строки вымысла.

Е. М. Ш.

¹⁾ Archives nationales; de la prefecture de police; des affaires étrangères.

ПЕРЕПИСКА РУССКИХЪ АРИСТОКРАТОВЪ СЪ ИНОСТРАННЫМИ ЗНАМЕНИТОСТЯМИ ¹⁾.

ЛАГОДАРЯ новѣйшимъ историческимъ и литературнымъ изысканіямъ, во Франціи обнаруженъ малоизвѣстный и очень любопытный фактъ въ сношеніяхъ русскихъ съ иностранцами въ первой половинѣ XIX столѣтія. Оказывается, что русскія аристократки имѣли особую страсть къ перепискѣ романческаго характера съ иностранными знаменитостями. По случаю недавняго юбилея Бальзака напечатаны письма его къ «иностранкѣ» и этуодъ виконта Спельберга-де-Ловенжуля объ отношеніяхъ Бальзака къ этой иностранкѣ, которая была графиней Ганской, урожденной графиней Ржевуской, вышедшей впоследствии замужъ за творца «Человѣческой Комедіи». Другая подобная же переписка найдена случайно въ парижскомъ полицейскомъ архивѣ и составляетъ копию съ перехваченныхъ полиціей въ эпоху «Реставраціи» писемъ князя Меттерниха и какой-то незнакомки изъ Лондона. Нашель эти интерес-

¹⁾ Un roman du prince de Metternich, par Ernest Daudet. «Revue hebdomadaire» 29 juillet—4 août 1899.

Lettres à l'étrangère, par le H. de Balzac. Paris. 1899.

Un roman d'amour, par vicomte de Spoelberch de Lovanjouil. Paris. 1899.

Le amiche di Balsac, di T. de Roberto. Nuova Antologia. Giugno 15—luglio 1. 1899.

Les amours de Balsac, par Emile Flauget. Revue Bleue, 12 août 1899.

ные документы историкъ и романистъ, Эрнестъ Додэ, братъ знаменитаго автора «Набоба». Онъ напечаталъ ихъ въ двухъ номерахъ «Revue hebdomadaire» со своими комментаріями, въ которыхъ прямо называетъ по имени одного изъ корреспондентовъ, именно князя Меттерниха, но изъ чувства деликатности не приписываетъ роли незнакомки извѣстной княгинѣ Ливенъ, хотя приводитъ всѣ доказательства въ пользу такого мнѣнія, открыто высказаннаго агентами парижской полиціи, министромъ Деказомъ и Людовикомъ XVIII. Но Додэ предпочитаетъ называть корреспондентку австрійскаго канцлера «незнакомкой» и говорить, что ею могла быть другая русская аристократка, княгиня Багратионъ, предоставляя читателямъ рѣшить этотъ спорный вопросъ. Какъ бы то ни было, переписывалась ли съ Меттернихомъ княгиня Ливенъ, или княгиня Багратионъ, все-таки незнакомкой была русская аристократка, а въ этомъ для русскихъ заключается главный интересъ вновь открытой романической переписки.

Передавая въ краткомъ очеркѣ исторію этихъ двухъ романовъ въ письмахъ, рисующихъ характерныя бытовыя картинки, мы сохранимъ ихъ таинственное заглавіе, хотя представимъ всѣ доказательства для снятія маски съ незнакомки, такъ какъ иностранка сама сняла ее, сдѣлавшись женою Бальзака.

I.

Незнакомка и князь Меттернихъ.

Тайная полиція играла большую роль въ политическомъ мірѣ Франціи во времена Реставраціи; созданная при имперіи знаменитымъ Фушэ, она сохранила свое могущественное вліяніе до либеральной іюльской монархіи. Но только въ послѣднее время стараніями французскихъ историковъ, среди которыхъ видное мѣсто принадлежитъ Эрнесту Додэ, вполне изслѣдованъ архивъ такъ называемаго «Чернаго кабинета», гдѣ вскрывалась частная почтовая корреспонденція, и кромѣ того, сосредоточивались отчеты тайныхъ агентовъ, которымъ поручено было слѣдить за подозрительными для правительства лицами. Эта архивная работа повела ко многимъ любопытнымъ историческимъ находкамъ и ясно обнаружила всю позорную роль тайной полиціи того времени, о которой столь равнодушный легитимистъ, какъ Шатобріанъ, говорилъ: «Съ какой стороны ни посмотрѣть на это дѣло, но тайная полиція странное учрежденіе въ государствѣ имѣющему парламентское устройство». Дѣйствительно, самъ Шатобріанъ подвергся непріятному столкновенію съ агентами этой полиціи, которые проникли въ его домъ путемъ подкупа слугъ, и теперь въ архивѣ оказалась дѣлая

масса копій съ похищенныхъ у него документовъ и писемъ. Большею частью впрочемъ въ этомъ полицейскомъ архивѣ хранятся подлинники захваченныхъ бумагъ, такъ какъ онѣ возвращались только въ крайнемъ случаѣ, какъ, напримѣръ, бумаги дипломатовъ.

Самые блестящіе подвиги парижской тайной полиціи именно производились въ домахъ иностранныхъ дипломатовъ. Шпіоны проникали ночью въ кабинеты пословъ и, открывъ съ помощью подобранныхъ ключей письменные столы, доставали оттуда секретныя депеши и переписывали ихъ. Эрнестъ Додэ нашель въ архивѣ болѣе трехсотъ депешъ прусскаго посланника Гольца, голландскаго посланника барона Фогеля и другихъ дипломатовъ, а также безчисленное количество писемъ королевы испанской къ ея отцу, принца Уэльскаго, Меттерниха, Гарденберга, Нессельроде и т. д. Кромѣ того, въ этомъ архивѣ оказались и донесенія шпіоновъ, которые проливаютъ яркій свѣтъ на правительственные порядки, составлявшіе позоръ для цивилизованной страны, по справедливому замѣчанію Додэ. Напримѣръ, полицейскій шпіонъ, приставленный къ прусскому посольству, писалъ отъ 1-го іюля 1816 года своему начальству: «Снова нельзя было достать депеши графа Гольца. Онъ неожиданно перемѣнилъ замки въ своемъ письменномъ столѣ. Одинъ изъ служащихъ въ посольствѣ, черезъ котораго мы имѣемъ доступъ въ кабинетъ посла, спросилъ у секретаря посольства фонъ-Вустрова, зачѣмъ принята такая странная предосторожность, и получилъ въ отвѣтъ, что Гольца увѣдомили изъ Берлина о необходимости быть очень осторожнымъ насчетъ секретныхъ бумагъ». Другой разъ тотъ же агентъ сообщаетъ, что онъ по обыкновенію открылъ письменный столъ Гольца, но не нашель новой депеши и только списалъ старую, которая прежде не была вполне списана.

При такомъ порядкѣ вещей не удивительно, что Додэ удалось найти въ архивѣ парижской тайной полиціи копіи писемъ князя Меттерниха и незнакомки изъ Лондона, подлинники которыхъ были перехвачены полицейскими агентами у подкупленныхъ курьеровъ, возившихъ документы австрійскаго посольства между Вѣной и Лондономъ черезъ Парижъ. Эта секретная переписка рисуетъ австрійскаго канцлера, суроваго руководителя безжалостной реакціи въ Западной Европѣ съ 1815 по 1848 г., въ совершенно новой, невѣдомой до сихъ поръ роли влюбленнаго. Хотя его письма, относящіяся къ 1819 году, не подписаны ни фамиліей, ни даже именемъ, но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что они писаны Меттернихомъ: во-первыхъ, Парижскихъ полиція прямо свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своихъ помѣтахъ на копіяхъ, и на одномъ изъ нихъ сдѣлана отмѣтка, что «это письмо князя Меттерниха и слѣдуетъ сравнить его съ депешей князя къ австрійскому послу въ Лондонѣ, барону Винценту», а, во-вторыхъ, одно изъ этихъ писемъ, отъ 18 октября изъ Вѣны, въ которомъ находятся воспоминанія о Лейпцигской битвѣ, вклю-

чено въ мемуары Меттерниха, хотя, конечно, издатели этихъ мемуаровъ замѣнили вездѣ выраженіе ты словомъ вы и не обозначили, кому адресовано письмо. Кромѣ того, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Додэ, въ этихъ письмахъ Меттернихъ, хотя и влюбленный, остается вполне Меттерникомъ съ его отличительнымъ стилемъ, презрительной надменностью и ни съ чѣмъ несравнимой гордостью, уже не говоря о томъ, что въ этихъ письмахъ есть такія подробности, которыя только онъ могъ знать и высказать.

Доказавъ безспорность того факта, что влюбленный корреспондентъ, въ найденной перепискѣ, былъ австрійскій канцлеръ, Додэ задается вопросомъ: кто же была незнакомка, писавшая ему изъ Лондона письма, дышавшія пламенной любовью? Прежде, чѣмъ высказать свое мнѣніе, онъ приводитъ всѣ имѣющіяся свѣдѣнія и свидѣтельства современниковъ объ этой таинственной личности. Парижская тайная полиція прямо говоритъ, что корреспонденткой князя Меттерниха была графиня Ливенъ, потомъ княгиня, жена русскаго посла въ Лондонѣ, съ 1812 по 1833 годъ, и на одномъ изъ этихъ писемъ находится полицейская помѣтка: «Это письмо, почеркъ котораго вполне признавъ за почеркъ графини Ливенъ, писано къ князю Меттерниху. Оно объясняетъ письмо послѣдняго, которое было адресовано къ той же дамѣ въ прошломъ мѣсяцѣ; оно прибыло сегодня утромъ изъ Лондона съ курьеромъ англійскаго посла сэра Чарльса Стюарта. Было четыре конверта. Первый адресованъ на имя барона Биндера (перваго секретаря австрійскаго посольства, который велъ переписку съ Меттерникомъ помимо посла); второй на его же имя съ надписью Неймана (перваго секретаря австрійскаго посольства въ Лондонѣ, считавшагося побочнымъ сыномъ Меттерниха): «излишне рекомендовать вамъ этотъ пакетъ»; третій на имя Флѣре (состоявшаго при австрійскомъ посольствѣ и довѣреннаго лица Меттерниха), а четвертый безъ всякаго адреса».

Копія съ перехваченныхъ писемъ незнакомки, повидимому, читались министромъ Деказомъ и Людовикомъ XVIII, потому что послѣдній писалъ первому отъ 30 октября 1820 года: «Вы, вѣроятно, помните, что читали письма г-жи Л. къ «*son cher amant, M.*». Въ послѣднемъ ея письмѣ, которое я только-что читалъ, она жалуется на неприятели дачной жизни и между прочимъ на моего посланника, его жену и сестру, которые очень надоѣдаютъ во время ихъ посѣщенія, такъ какъ, по ея словамъ, ихъ надо забавлять съ утра до вечера, и они ни на минуту не остаются въ своихъ комнатахъ». Съ своей стороны Деказъ, бывшій въ 1820 году посломъ въ Лондонѣ, замѣчаетъ въ письмѣ къ королю отъ 24 ноября: «Князь Эстергази (австрійскій посланникъ въ Лондонѣ) говорилъ мнѣ о перепискѣ графини Ливенъ съ княземъ М**, что ему очень неприяно; онъ еще прибавилъ, что англійскій король не терпитъ эту графиню, а министерство находитъ, что она слишкомъ интригуетъ, вмѣшиваясь въ дѣла, какъ правительства, такъ и оппозиціи».

Къ этимъ доказательствамъ, что незнакомкой была княгиня Ливенъ, Эрнестъ Додэ прибавляетъ: «Дѣйствительно, эта очаровательная женщина находилась въ Англіи въ 1819 году, и въ дипломатическихъ сферахъ открыто говорили объ ея дружескихъ отношеніяхъ къ Меттерниху, которые начались съ Вѣнскаго конгресса. Еще не лишне привести обстоятельство, имѣющее немалое значеніе для историка: въ 1870 году, въ аристократическихъ салонахъ Парижа ходила по рукамъ копія переписки между княземъ Меттернихомъ и княгиней Ливенъ, умершей пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Лица, читавшія эту переписку, сохранили о ней очень трогательное воспоминаніе, и я вполне ихъ понимаю, такъ какъ мнѣ удалось прочесть письма княгини Ливенъ къ Гизо, хотя иного характера, но дышавшія привязанностью и преданностью».

Такимъ образомъ, все указываетъ, по словамъ Додэ, на княгиню Ливенъ, какъ на незнакомку Меттерниха, но для большей осторожности онъ задаетъ себѣ вопросъ, не была ли этой незнакомкой другая русская аристократка, извѣстная своими дружескими отношеніями къ Меттерниху, и о которой упоминается въ архивѣ парижской тайной полиціи. Дѣло идетъ о княгинѣ Багратіонъ, которая играла значительную роль въ политическихъ и литературныхъ сферахъ Парижа. О ней упоминаетъ Бальзакъ въ своей перепискѣ съ иностранкой, говоря: «Въ Парижѣ считаютъ прототипомъ моей Фодоры въ романѣ «*La reine de chagrin*» дочь холодной Россіи, княгиню Багратіонъ, но это не правда, и она семьдесятъ-вторая женщина, которая напрасно признаетъ себя въ моей героинѣ». Тайная полиція находила нужнымъ подкупить слугъ княгини Багратіонъ, и вотъ какъ одинъ изъ ея агентовъ резюмируетъ первыя свѣдѣнія, собранныя о ней въ донесеніи 27 мая 1819 года: «Сегодня утромъ прибылъ изъ Брюсселя курьеръ къ генералу Поццо-ди-Борго, русскому послу. Княгиня Багратіонъ ожидала съ этимъ курьеромъ письма, но, повидимому, ничего не получила. Эта дама очень извѣстна въ высшемъ обществѣ, благодаря своимъ политическимъ связямъ и кокетству. Въ понедѣльникъ, вечеромъ, довольно поздно ушли отъ нея два поляка, и одинъ изъ нихъ, графъ Станиславъ Потоцкій, вернулся обратно. Подобныя продѣлки случаются часто, и героями ихъ бываютъ то одинъ, то другой, такъ какъ княгиня очень перемѣнчива. У нея бываютъ личности всякаго рода и придворные: Шатобрианъ, герцогъ Муши, герцогъ Фицъ-Джемсъ и другіе, и либералы Мануэль и Бенжаменъ Констанъ, но наиболѣе довѣряетъ она генералу Матье Дюма, у котораго нанимаетъ меблированный домъ за 18.000 франковъ въ годъ. Въ числѣ ея пріятельницъ можно указать на герцогиню Рагузскую, на принцессу Невшатель, на королеву шведскую и т. д. Княгиня Багратіонъ очень много занимается политикой и хвалится тѣмъ, что знаетъ болѣе политическихъ тайнъ, чѣмъ всѣ посланники. Она съ удовольствіемъ вспоминаетъ

о своемъ пребываніи въ Вѣнѣ въ 1812 и 1813 годахъ и увѣряеть, что своимъ вліяніемъ на князя Меттерниха понудила Австрію присоединиться къ коалиціи противъ Наполеона. Со времени Аахенскаго конгресса произошло нѣкоторое охлажденіе между княгиней Багратионъ и генераломъ Поццо-ди-Борго, но все-таки они выдаются, однако княгиня чаще ѣздитъ къ послу, чѣмъ посоль къ ней. Уже шесть недѣль она не получала писемъ отъ Меттерниха, который обѣщаль, въ послѣднемъ письмѣ изъ Рима, пріѣхать въ Парижъ въ маѣ, но не сдержалъ своего слова».

Къ этимъ полицейскимъ свѣдѣніямъ Додэ прибавляетъ, что въ то время никто не сомнѣвался въ близкихъ отношеніяхъ княгини Багратионъ къ Меттерниху, и злые языки даже распускали легенду, что онъ былъ отцемъ ея дочери, какъ тѣ же злые языки называли близнецовъ, родившихся у княгини Ливенъ послѣ вѣнскаго конгресса,—дѣтьми конгресса. Поэтому, по словамъ французскаго историка, можно легко допустить, что княгиня Багратионъ была незнакомкой, но тутъ же онъ опровергаетъ эту гипотезу безспорнымъ доказательствомъ, что она была въ 1819 году въ Парижѣ, а не въ Лондонѣ, откуда писала письма незнакомка.

Покончивъ съ гипотезой о княгинѣ Багратионъ, Додэ снова возвращается къ княгинѣ Ливенъ, и вотъ къ какому заключенію онъ приходитъ въ концѣ концовъ: «Чтобы заслужить любовь и довѣріе Меттерниха, безспорно надо было имѣть много ума, много сердца, рѣдкую впечатлительность и пламенную преданность, а всѣ знавшіе княгиню Ливенъ признають, что она отличалась именно этими качествами. Но, несмотря на это, несмотря на свидѣтельство полиціи и на всю вѣроятность такого предположенія, я считаю, что прямого доказательства тождества княгини Ливенъ съ незнакомкой не имѣется, а потому я боюсь что либо утверждать и предпочитаю оставить открытымъ возбужденный мною вопросъ. Пусть читатель самъ разрѣшитъ, его, если сочтетъ это возможнымъ». Въ примѣчаніи къ своей статьѣ Додэ говоритъ, что онъ уже давно пишетъ біографію княгини Ливенъ, а потому не приводитъ въ настоящее время большихъ подробностей о ней. Быть можетъ, въ этихъ словахъ заключается разгадка его чрезмѣрной осторожности и деликатности въ разрѣшеніи вопроса о томъ, кто была незнакомка князя Меттерниха. Быть можетъ, онъ приберегъ имѣющіяся у него безспорныя доказательства, что княгиня Ливенъ была этой незнакомкой для приготовляемой имъ біографіи знаменитой русской политической женщины, и, чтобы придать большій интересъ этому сочиненію, онъ только разрѣшитъ на его страницахъ любопытный вопросъ.

Читателямъ «Историческаго Вѣстника» знакома личность княгини Дарьи Христофоровны Ливенъ по обстоятельному очерку ея жизни, помѣщенному въ мартовской книжкѣ этого журнала за про-

шедшій годъ¹⁾, и потому излишне распространяться о ней. Приводя же наиболѣе характерные отрывки изъ переписки незнакомки съ княземъ Меттернихомъ, мы дадимъ возможность, по примѣру Додэ, самимъ читателямъ рѣшить, была ли княгиня Ливенъ этой незнакомкой.

Всѣхъ писемъ князя Меттерниха найдено и напечатано Эрнестомъ Додэ двадцать два письма, обнимающія собою время отъ 13 іюня до 29 декабря 1819 года. Писаны они изъ разныхъ городовъ, гдѣ онъ находился, т. е. изъ Бриксена, Мюнхена, Ратисбона, Карлсбада и Вѣны. Въ первыхъ двухъ онъ упоминаетъ о своемъ путешествіи по Италіи и прямо снимаетъ маску съ незнакомки; такъ онъ говоритъ: «Я всегда читаю газеты въ каждомъ городѣ, гдѣ останавливаюсь, и сегодня читалъ въ Больцано четыре новости: комета приближается къ Большой Медвѣдицѣ; принцъ регентъ англійскій, а также графъ и графиня Ливенъ, присутствовали на балу, данномъ въ персидскомъ посольствѣ; я прибылъ во Флоренцію, а новый любитель доброй нѣмецкой школы хотѣлъ убить губернатора Нассау. Трудно сказать, что общаго между этими четырьмя фактами, но я ощутилъ большое удовольствіе, что мой пріѣздъ во Флоренцію описанъ на одной страницѣ съ подробностями бала твоего друга персіянина». Какъ эти, такъ и всѣ послѣдующія письма отличаются самыми нѣжными выраженіями любви и преданности «къ моему доброму другу», какъ онъ называетъ свою корреспондентку. То онъ говоритъ, что она «дороже для него всего на свѣтѣ», то заявляетъ: «я часто бываю правъ, но болѣе всего, когда думаю о тебѣ»; то увѣряетъ, что имъ нечего много писать другъ другу, такъ какъ «тремя словами: любовь, постоянство и надежда, исчерпывается весь ихъ капиталъ чувствъ и надеждъ», то наконецъ пламенно выражается: «я люблю тебя въ Карлсбадѣ такъ же, какъ и у подножія Везувія, въ развалинахъ Пестума и въ Елисейскихъ поляхъ». Одно письмо онъ оканчиваетъ словами: «люби меня, какъ я хочу, чтобы меня любили, мой другъ на всю жизнь»; въ другомъ онъ увѣряетъ: «я умѣю быть однимъ среди сотни лицъ, но именно потому, что я не одинъ; стоитъ мнѣ только заглянуть въ мое сердце, и я нахожу тамъ тебя»; въ третьемъ онъ говоритъ, что поручилъ общему пріятелю передать поклонъ «доброму другу» и ея мужу, при чемъ прибавляетъ: «мужу я кланяюсь потому, что онъ согласенъ со мною относительно моихъ принциповъ, а тебѣ—потому, что ты для меня все; дорогая моя. Когда мы увидимся съ тобою? [Невозможно, чтобы мы никогда не увидѣлись».

Послѣднія письма Меттерниха полны самыхъ трогательныхъ заботъ о здоровьи его корреспондентки, такъ какъ она должна была

¹⁾ Княгиня Дарья Христофоровна Ливенъ, Н. А. Вълверской. «Историческій Вѣстникъ», мартъ 1898 г.

родить. «Не сердись на меня», говорит онъ между прочимъ, «если я кажусь тебѣ теперь дуракомъ; это не удивительно, я ни о чемъ не могу думать, кромѣ какъ о твоихъ родахъ». А когда она благополучно родила, то онъ выражаетъ неподдѣльную радость, замѣчаетъ, что «есть еще существо на свѣтѣ, которое онъ любитъ», и совѣтуетъ «сдѣлать изъ ея сына не дѣвочку, а мальчика, такъ какъ мальчика надо воспитывать на солнцѣ, а дѣвочку въ сумеркахъ». Но успокоившись Меттернихъ все-таки жаждетъ получать частыя извѣстія о здоровьи матери и ребенка, а когда онъ не получалъ ихъ около мѣсяца, то патетически восклицаетъ: «Разлука и разстояніе—грустные элементы жизни во всякое время года, но зима еще болѣе увеличиваетъ ихъ. Мало того, что насъ отдѣляютъ море и двадцать рѣкъ, еще нужно равноденствію поднимать бури на морѣ, а тающему снѣгу заставлятъ рѣки разливаться. На стрѣжномъ Дунаѣ уносить одинъ мостъ за другимъ, и курьеры опаздываютъ. Когда же наконецъ не будетъ между нами ни мостовъ, ни моря, ни курьеровъ? Когда же ты, другъ мой, скажешь мнѣ то, что я такъ люблю слышать, а я повторю тебѣ то, что ты уже знаешь. Милліоны людей могутъ наслаждаться этимъ счастьемъ каждый часъ, а мы съ тобой во всю жизнь только знали его въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, увы, слишкомъ краткихъ». Въ отвѣтъ на переданныя его корреспонденткой слова Неймана, что онъ удивляется постоянству Меттерниха въ его перепискѣ съ нею, влюбленный канцлеръ замѣчаетъ «бѣдный Нейманъ, онъ меня не знаетъ, а если бы зналъ, то ему было бы извѣстно, что я все или ничего, все, когда люблю, и ничего, когда не люблю».

Хотя письма Меттерниха переполнены любовью, но, конечно, въ нихъ говорится и о другихъ предметахъ; рядомъ съ любовью въ нихъ проглядываютъ умъ и политика. Первый, на примѣръ, бьетъ ключемъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ «беременность — дорого заплаченная минута наслажденія, а роды напротивъ—искупленная счастьемъ минута страданья», или «люди, не измѣняющіе своихъ принциповъ, въ концѣ концовъ заставляють всѣхъ повиноваться своей волѣ, и не ставя предѣловъ своей волѣ, они заставляють другихъ волей или неволей ей покоряться». Что касается политики, то онъ прямо высказываетъ свою реакціонную систему. На примѣръ, онъ пишетъ изъ Мюнхена: «Міръ очень боленъ, а я не шарлатанъ по ремеслу и не лъщу своимъ больнымъ; я не говорю имъ, что могу сдѣлать все, что хочу для общей пользы, но я всегда хочу дѣлать добро, и какъ можно больше добра. Я полагаю, что ты скоро услышишь много криковъ противъ меня, но кричать будетъ чернь, а ея крики я считаю похвалою. Теперь въ Германіи убиваютъ во имя нравственности и любви къ родинѣ, а потому очень можетъ быть, что меня убьютъ. Но ты будешь меня оплакивать вмѣстѣ съ честными людьми, которые еще не сошли съ ума». Въ другомъ письмѣ изъ

Вѣны онъ называетъ своихъ враговъ, которыхъ, по его словамъ, тысячи и тысячи, «полученными, полными безумцами, любителями чужой собственности и убійцами во имя Бога и свободы». Изъ своихъ товарищей дипломатовъ онъ отзывается только о Н., подъ которымъ, конечно, подразумѣвается Нессельроде, и, по его словамъ, «Н. пишетъ лучше него, и вообще это одинъ изъ людей, который наилучше пишетъ о дѣлахъ», но, прибавляетъ Меттернихъ, «я думаю лучше его, и не грамматика, а смыслъ составляетъ стиль человѣка». Хотя, говоря о мужѣ своей корреспондентки, Меттернихъ не называетъ его по имени, но, упоминая въ одномъ письмѣ о Ли—енъ, онъ выражаетъ то же самое, какъ объ ея мужѣ, т. е. удовольствіе по случаю того, что онъ раздѣляетъ его, Меттерниха, принцессы, а потому нельзя не согласиться, что агентъ французской тайной полиціи имѣлъ полное основаніе отмѣтить на этомъ письмѣ: «Безъ сомнѣнія, Ли—енъ означаетъ графа Ливена».

Самое краснорѣчивое и блестящее изъ всѣхъ писемъ Меттерниха написано въ день годовщины Лейпцигской битвы. Въ немъ онъ вспоминаетъ объ этой ужасной рѣзнѣ и объ оглушительной канонадѣ, ознаменовавшей паденіе Наполеона, такъ какъ въ этотъ день, по его словамъ, «рука Божія сразила чрезъ посредство двадцати народовъ одного человѣка, поставившаго себя выше всѣхъ людей». Бмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ о Наполеонѣ: «Я убѣжденъ, что немногіе знаютъ Наполеона такъ хорошо, какъ я. Я провелъ подлѣ него самые замѣчательные годы его жизни. Обстоятельства поставили меня лицомъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ, и я глубоко изучилъ его. Послѣ моей смерти найдутъ очень интересные мемуары объ этомъ человѣкѣ и его времени. Эти мемуары освѣтятъ многое, уничтожатъ много сомнѣній и исправятъ много ошибокъ. Я пишу ихъ уже четыре года и скоро кончу, но напечатаны они будутъ только черезъ тридцать, или сорокъ лѣтъ, когда умрутъ всѣ современники». Додѣ справедливо замѣчаетъ, что мемуары Меттерниха далеко не удовлетворили этимъ обѣщаніямъ ихъ автора. Но зато Меттернихъ вполнѣ правильно замѣчаетъ въ означенномъ письмѣ, что послѣ 1815 года время измельчало, и исторія слѣдовавшихъ за паденіемъ Наполеона, лѣтъ представляетъ «волнующееся по окончаніи бури, море, на которомъ нельзя потерпѣть крушенія, но можно погибнуть, такъ какъ не знаешь, откуда дуетъ вѣтеръ».

Переходя къ письмамъ незнакомки, мы прежде всего поражены тѣмъ, что хотя Меттернихъ упоминаетъ о семидесяти восьми ея письмахъ, но ихъ сохранилось только четыре. Всѣ они писаны день за днемъ отъ 3-го до 6-го сентября 1819 года и наполнены главнымъ образомъ жалобами на разлуку со своимъ милымъ Клементомъ, какъ она называетъ своего корреспондента, и какъ дѣйствительно назывался Меттернихъ. «Скажи мнѣ, что станетъ съ нами?—говорить она во второмъ изъ этихъ писемъ:—неужели ты можешь

примириться съ мыслью о такой долгой разлукѣ? Если мы покорились судьбѣ въ настоящемъ году, то неужели ты думаешь возможнымъ сдѣлать то же и въ будущемъ году?» О своей любви она выражается очень горячо, но характерно: «О мой Клементь,—писала она,—какъ сладко тебя любить! Но и ты, дорогой другъ, общай мнѣ любить меня, пока я тебя буду любить; отъ этого зависить моя и твоя жизнь. Люби меня, мой милый Клементь, люби меня всѣмъ сердцемъ, люби меня и днемъ, и ночью, и всегда». Кромѣ любви, въ этихъ письмахъ говорится очень мало посторонняго, но въ одномъ изъ нихъ встрѣчаются нѣсколько фразъ, которыя могутъ пролить свѣтъ на дѣйствительную личность незнакомки. «Мой мужъ и Капо (Каподистрія, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ) близко познакомились между собою въ три недѣли, проведенныя здѣсь послѣднимъ. Капо отличается здравымъ смысломъ, потому что онъ оцѣнилъ добрыя качества моего мужа. Однажды мы говорили о Г. (вѣроятно, русскомъ послѣ въ Вѣнѣ), и Капо замѣтилъ: «Такого-то человѣка мы оставляемъ лицомъ къ лицу съ М.» (вѣроятно, Меттернихъ). Я на это отвѣтила: «Такъ какъ вы не найдете человѣка равнаго съ нимъ ума, то пошлите къ нему честнаго человѣка, и вамъ будетъ гораздо спокойнѣе». Онъ промолчалъ, но мой мужъ ему сказалъ въ общихъ выраженіяхъ, что онъ считаетъ достаточнымъ свое семилѣтнее пребываніе въ Англіи и съ удовольствіемъ принялъ бы другой постъ. Посмотримъ, что Капо сдѣлаетъ со всѣми этими намереніями, но, признаюсь, я болѣе надѣюсь на Нес... (конечно, Нессельроде, второго министра иностранныхъ дѣлъ того времени), который, я полагаю, имѣетъ больше вліянія на дипломатическія назначенія». Послѣднія слова послѣдняго письма незнакомки были: «Прощай, прощай, добрый другъ».

Если дѣйствительно незнакомкой была княгиня Ливенъ, а читатель самъ видитъ изъ содержанія переписки, какъ трудно сомнѣваться въ этомъ, то послѣднія слова предсказывали развязку ея романа съ Меттернихомъ. Какъ бы то ни было, но, по свидѣтельству Эрнеста Додэ, княгиня Ливенъ, поселившись въ Парижѣ въ 1835 г., говорила объ австрійскомъ канцлерѣ, какъ о свѣтскомъ знакомомъ, съ которымъ она находилась на церемонной ногѣ. Въ томъ же духѣ отзывается о ней Меттернихъ въ своихъ мемуарахъ. Онъ вскользь упоминаетъ, что зналъ ее на вѣнскомъ конгрессѣ въ 1814 году и потомъ встрѣчался съ ней на Аахенскомъ конгрессѣ въ 1818 году. Въ дневникѣ княгини Меттернихъ, приложенномъ къ мемуарамъ ея мужа, говорится, что они оба часто посѣщали княгиню Ливенъ въ 1849 году въ Брайтонѣ, куда она послѣдовала за своимъ другомъ Гизо послѣ февральской революціи... Тогда ей было 65 лѣтъ, а Меттерниху 76, но, несмотря на старость, она, «какъ всегда пламенная и страстная», по выраженію Додэ, жила только для Гизо, который закрылъ ей глаза въ Парижѣ, въ 1857 году.

II.

Иностранка и Бальзакъ.

— Писатель не долженъ возиться съ женщинами,— сказалъ однажды Бальзакъ Теофилю Готье:—это слишкомъ большая потеря времени.

— Но женщины для чего нибудь созданы,—отвѣчалъ его собесѣдникъ:—какія же отношенія къ нимъ вы позволяете писателямъ?

— Онѣ должны довольствоваться перепиской. Это формируетъ стиль.

Конечно, Бальзакъ не довольствовался исключительно письмами въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ, но письма играли громадную роль во всѣхъ романахъ его жизни. Хотя, по справедливому замѣчанію Де-Роберто, посвятившаго основательное изслѣдованіе отношеніямъ Бальзака къ женщинамъ, всѣ жизненные романы великаго романиста неизвѣстны, но тѣ изъ нихъ, которые не составляютъ тайны, обнаружены перепиской между ихъ героемъ и героинями. Бальзакъ такъ привыкъ передавать бумагѣ свою любовь, что, когда она переходитъ изъ области писемъ въ дѣйствительную жизнь, то онъ чувствуетъ необходимость изложить свое счастье въ письмѣ къ какой нибудь женщинѣ, хотя бы къ своей сестрѣ, Лаурѣ, женѣ инженера Сюрвиля, которую онъ очень любилъ и называлъ «сокровищемъ дружбы, ангеломъ хранителемъ, богиней чаръ, элексиромъ добродѣтели, красоты и граціи». Въ одномъ изъ такихъ писемъ къ сестрѣ отъ 12 октября 1833 года онъ сразу поднимаетъ завѣсу со своихъ главныхъ жизненныхъ романовъ, и потому приведемъ изъ него отрывокъ, который проливаетъ ясный свѣтъ на отношенія къ женщинамъ того, который прямо говорилъ, что онѣ составляютъ «его единственную земную религію».

«Я нашель тамъ (въ Невшателѣ) все, что можетъ польстить самолюбію животнаго, называемаго человѣкомъ, и самую самолюбивую особь котораго составляетъ поэтъ. Но зачѣмъ я говорю о самолюбіи? Тутъ нѣтъ ничего подобнаго. Я просто счастливъ, очень счастливъ мысленно, такъ какъ дальше еще не пошло. Увы, проклятый мужъ не покидалъ насъ ни на одну минуту въ продолженіе пяти дней... Но главное, что намъ двадцать семь лѣтъ, что мы прекрасны до восхищенія, что у насъ самые удивительные, черные волосы, нѣжная, атласная кожа брюнетокъ, маленькая достойная любви, ручка и наивное сердце, настолько неосторожное, что она бросилась ко мнѣ на шею передъ всѣми. Я уже не говорю объ ея колоссальномъ богатствѣ. Что мнѣ до этого, когда передъ мною chef d'oeuvre красоты, которое я могу сравнить только съ княгиней Бельждюджозо, хотя «она» несравненно лучше ея. Я былъ

опьяненъ любовью, но мнѣ некому рассказать объ этомъ. Конечно, я не могу рассказать этого *ей*, большой барынѣ, страшной маркизѣ, которая, подозрѣвая мое путешествіе, отложила въ сторону гордость и приказала мнѣ слѣдовать на нею къ герцогу Ф. Нельзя этого передать и *ей*, бѣдной, простой, прелестной, буржуазной красоткѣ, благодаря которой я, отецъ, и которая ниспала мнѣ съ неба, тайно пощщаетъ меня, не требуетъ ни заботъ, ни писемъ, а говорить, о наивное существо: «люби меня годъ, а я буду любить тебя всю жизнь». Немыслимо выдать эту тайну и *ей*, самой дорогой для меня женщинѣ, которая ревнуетъ меня болѣе, чѣмъ мать ревнуетъ молоко, которымъ она кормитъ своего ребенка. Она не терпитъ иностранки потому, что иностранка овладѣла мной. Наконецъ невозможно высказать этого и *ей*, которая требуетъ своей ежедневной порціи любви, и несмотря на то, что она сладострастнѣе тысячи кошекъ, не отличается ни женственностью, ни граціей. Значить, я долженъ повѣдать о моей радости тебѣ, моя добрая сестра, старинная подруга моихъ горестей и слезъ, съ полной увѣренностью, что моя тайна умретъ въ глубинѣ твоей памяти».

Въ этой откровенной исповѣди Бальзакъ прямо вводитъ насъ въ галерею избранницъ, которыхъ онъ любилъ болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ, съ которыми переписывался для отдѣлки своего стиля, и которыхъ выводилъ героинями своихъ романовъ, поражающихъ тонкимъ анализомъ женской природы. Но кто были эти живыя героини Бальзака? На подобный вопросъ можно отвѣтить подробно въ отношеніи иностранки, которою, какъ всеѣмъ извѣстно, была графиня Ганская, впоследствии жена Бальзака, а что касается другихъ, то существуютъ лишь скудныя свѣдѣнія, сообщаемыя биографами великаго романиста, преимущественно Спельбергъ-де-Ловенжулемъ и Де-Роберто.

Страшной маркизой была гордая, холодная аристократка, маркиза Кастри, которая начала свой романъ съ Бальзакомъ анонимными письмами, а затѣмъ продолжала его въ свѣтскихъ салонахъ и замкахъ, куда слѣдоваль за нею влюбленный Бальзакъ. Но вскорѣ оказалось, что маркиза, носившая трауръ по умершему предмету своей любви, водила за носъ романиста и держала его при себѣ, лишь какъ умнаго челоуѣка и извѣстнаго писателя. Самъ Бальзакъ сознавался въ этомъ въ своихъ письмахъ къ Зюльмѣ Карро, подругѣ его сестры, съ которой онъ поддерживалъ только дружескія отношенія и повидимому никогда не имѣлъ никакого романа. Но въ письмахъ къ иностранкѣ онъ увѣряетъ, что «сумѣлъ поставить г-жу К. на ногу свѣтскаго приличія», и этимъ какъ бы даетъ понять, что онъ самъ отказался отъ этого, по его словамъ, «сухаго сердца». Конечно, онъ прибѣгъ къ такой хитрости, чтобы успокоить ревность иностранки, но въ сущности кокетство и свѣтское коварство маркизы глубоко его оскорбило, что доказывается безжалост-

нымъ ея портретомъ, который онъ нарисовалъ подъ именемъ герцогини Ланжэ въ романѣ подъ этимъ заглавіемъ.

О «буржуазной красоткѣ» ничего неизвѣстно, и Спельбергъ, знающій все, что только можно знать о Бальзакѣ, предполагаетъ тождество между этимъ «прелестнымъ, простымъ созданиемъ» и тою невѣдомою Маріей, которой посвященъ самый популярный романъ Бальзака, «Евгенія Грандэ». Хотя Спельбергъ не приводитъ никакихъ доказательствъ своихъ догадокъ, но онъ еще полагаетъ, что этотъ жизненный романъ Бальзака продолжался даже менѣе того года, котораго просило въ замѣнъ своей вѣчной любви, «наивное существо», бывшее, по всей вѣроятности, героиней Евгеніи Грандэ, этого глубоко-прочувствованнаго произведенія знатока женскаго сердца.

Героиней его другого знаменитаго романа «Лилія долины» и вмѣстѣ съ тѣмъ «самой дорогой для него женщиной», о которой онъ упоминаетъ въ письмѣ къ сестрѣ,—была г-жа Берни. Самъ Бальзакъ въ своихъ письмахъ къ иностранкѣ называетъ ее г-жей Б. и, несмотря на ревность иностранки, говоритъ о ней самымъ восторженнымъ образомъ. Это дѣйствительно была его первая и величайшая любовь, о которой онъ никогда не забывалъ, несмотря на всѣ свои послѣдующіе романы. Недаромъ, посвящая ей «Луи Ламбера», онъ написалъ: «Et nunc et semper». Дѣйствительно, насколько извѣстно, это была замѣчательно, скромная, добрая, любящая, благородная женщина. «Это мой богъ на землѣ», писалъ Бальзакъ иностранкѣ, «и всѣ мои дѣйствія я всегда обсуждаю, говоря себѣ: «а что бы она объ этомъ подумала? Она служитъ мнѣ живой совѣстью, и мысль о ней удерживаетъ меня отъ всего дурнаго». Десять лѣтъ онъ дѣлилъ счастье и горе съ этимъ прототипомъ г-жи Морзофъ, самаго симпатичнаго изъ созданныхъ имъ женскихъ типовъ, но она была старше его на двадцать лѣтъ, и они добровольно разстались въ 1832 году, но до самой ея смерти, четыре года спустя, они оставались въ самыхъ трогательныхъ, дружескихъ отношеніяхъ. Объ ея смерти Бальзакъ писалъ къ иностранкѣ лаконически, но съ глубокимъ чувствомъ: «Г-жа Б. умерла. Я больше вамъ ничего не скажу. Мое горе не на одинъ день, а на всю жизнь. Это роковое извѣстіе чуть меня не убило». Объ этой «dilecta» избранная, какъ обыкновенно называлъ ее Бальзакъ, извѣстно очень мало: она была несчастна въ жизни, имѣла жестокаго мужа, потеряла двухъ взрослыхъ дѣтей, одна изъ ея дочерей сошла съ ума, а одинъ сынъ причинилъ ей много горя—вотъ и все. Спельбергъ имѣетъ въ своемъ Бальзаковскомъ музеѣ въ Брюсселѣ, гдѣ собрано все, что касается до знаменитаго романиста, переписку Бальзака съ г-жей Берни и обѣщаетъ скорѣе напечатать ее. По его словамъ, письма этой женщины обнаруживаютъ въ ней дѣйствительно необыкновенно возвышенную натуру.

Что касается до «сладострастной кошки», о которой такъ цинично выражается Бальзакъ въ письмѣ къ сестрѣ, то нельзя рѣшительно сказать, кого онъ подразумѣваетъ подъ своей неелестной характеристикой. Но еще извѣстенъ жизненный романъ Бальзака съ Луизой, и по обыкновенію между ними происходила обширная переписка, но также нельзя сказать, кто была эта Луиза. Былъ у Бальзака и комическій эпизодъ со второклассной романисткой, Каролиной Марбути, писавшей подъ псевдонимомъ Клары Брюнъ. Онъ путешествовалъ виѣстѣ съ нею по Италіи и описалъ ея приключенія въ мужскомъ костюмѣ, въ своемъ разсказѣ «La grenadière». Каролина за это ему отомстила и вывела его въ своемъ романѣ «Фальшивое положеніе», гдѣ онъ играетъ очень неблагоприятную роль. Наконецъ Спельбергъ упоминаетъ объ одной невѣдомой драмѣ въ жизни Бальзака: въ 1846 году у него родилась дочь недоносокъ, и это событіе было причиной трагическаго эпизода, благодаря которому усилилась его сердечная болѣзнь. Извѣстно, что онъ умеръ отъ этой болѣзни въ 1850 году.

Теперь перейдемъ къ самому характерному и наиболѣе продолжительному жизненному роману Бальзака, именно къ исторіи его отношеній съ иностранкой. Они начались 23 февраля 1832 года, а кончились его смертью въ 1850 году. Въ продолженіе семнадцати лѣтъ онъ оставался по собственному его выраженію «вѣрнымъ мужикомъ своей русской графини». Переписка, составляющая, какъ всегда, отличительную черту этого романа, достигаетъ громаднхъ размѣровъ, и только письма одного Бальзака составляютъ, по свидѣтельству Спельберга, 3000 страницъ, которыя онъ старательно просмотрѣлъ, списалъ и перенумеровалъ. Въ настоящее время вышелъ еще только первый томъ этихъ писемъ; въ немъ 575 страницъ большого формата и убористой печати. Если Спельбергъ имѣлъ въ виду такія страницы, то значить еще будетъ четыре тома. Напечатанныя письма обнимаютъ эпоху отъ января 1833 до января 1842 г., т. е. десять лѣтъ, протекшія отъ перваго письма Бальзака до смерти мужа его корреспондентки. Изъ ея писемъ извѣстны только два, напечатанныя въ книгѣ Спельберга.

Эта любопытная переписка, возбуждающая не только литературный, но и психологическій интересъ, началась за годъ до перваго письма Бальзака. 28 февраля 1832 года, Бальзакъ, только что тогда достигшій извѣстности, послѣ долгой борьбы съ равнодушіемъ публики, нашелъ у своего издателя Гослена адресованное ему письмо, съ одесской почтовой маркой. Оно было подписано «Иностранка» и произвело сильное впечатлѣніе на тридцати-трехъ-лѣтняго писателя, хотя онъ уже привыкъ въ послѣднее время получать письма отъ различныхъ дамъ, по поводу своихъ романовъ, въ которыхъ онъ преимущественно изучалъ женское сердце. Это письмо пропало и, по всей вѣроятности, было сожжено Бальзакомъ въ 1847 году, когда

онъ былъ вынужденъ драматическимъ событіемъ, которое до сихъ поръ не выяснено, сжечь всѣ письма, полученныя имъ отъ иностранки. Но такъ какъ онъ показывалъ это письмо своимъ друзьямъ и между прочимъ Зюльмъ Карро, то, по словамъ Спельберга, можно составить себѣ понятіе о томъ, что въ немъ заключалось. Повидимому, таинственная корреспондентка разсыпалась въ похвалахъ сборнику разказовъ Бальзака подъ заглавіемъ «Сцены частной жизни» и упрекала его за то, что въ романѣ «*Peau de chagrin*» онъ измѣнилъ утонченнымъ чувствамъ и деликатному анализу женскихъ характеровъ, что доставило успѣхъ его предыдущему сочиненію; поэтому она умоляла его не колебать пьедестала, на который онъ поставилъ женщину въ «Сценахъ частной жизни», а напротивъ вернуться къ возвышеннымъ источникамъ своего прежняго вдохновенія, отказавшись отъ изображенія ироническихъ, или скептическихъ картинъ, имѣющихъ цѣлью униженіе женщины или отрицаніе той благородной, чистой роли, которая принадлежитъ женщинѣ, если она понимаетъ свое назначеніе на землѣ.

Сколько получалъ подобныхъ писемъ Бальзакъ до конца года, и что въ нихъ заключалось,—неизвѣстно; но сохранился подлинникъ письма иностранки отъ 7-го ноября, и въ немъ высказаны далеко не въ блестящей формѣ очень туманныя сантиментальности, такъ что непонятно, какъ могли произвести подобныя письма сильное вліяніе на Бальзака. «При чтеніи вашихъ сочиненій, мое сердце трепетало, говоритъ она: вы возводите женщину на должную высоту. Любовь у женщины—небесная добродѣтель и божественное наитіе. Вы это поняли, и я восторгаюсь вашей сердечной проникательностью». Далѣе иностранка увѣряетъ, что она любитъ не только своего корреспондента, но и подругу его жизни, такъ какъ онъ долженъ когонибудь любить и быть счастливымъ. «Для васъ я иностранка, продолжаетъ она, и останусь ею навсегда; вы никогда меня не узнаете. Я умѣла и умѣю любить, но никто не могъ понять того пламени, которое пожираетъ все мое существо. Вы меня поймете и узнаете, что я могла любить только одинъ разъ и не понятая должна прозябать и умирать. Я отдала свое сердце и теперь одна... Ваши сочиненія возбудили во мнѣ самый глубокой энтузіазмъ. Вы лучезарный метеоръ, который долженъ придать моей жизни новый смыслъ, новое движеніе. Но берегитесь подводныхъ камней. Я чувствую, что они васъ окружаютъ. У меня нѣтъ ни таланта, ни генія, но я чувствую правду и желала бы быть ангеломъ свѣта, который предохранилъ бы васъ отъ заблужденій... Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ все мое существо: я восхищаюсь вашимъ талантомъ, преклоняюсь передъ вашей душой и хотѣла бы быть вашей сестрой. У меня одна добродѣтель—способность любить, и я люблю вѣчно». Нанизавъ такими сантиментальностями нѣсколько страницъ, иностранка кончаетъ свое письмо увѣреніемъ, что она убѣждена въ счастья того

человѣка, который пойметъ одушевляющую ее электрическую искру, и просьбой, чтобы Бальзакъ напечаталъ въ газетѣ «Quotidienne» отвѣтъ въ двухъ словахъ съ надписью: «И.—отъ Б.».

Бальзакъ исполнилъ это желаніе своей таинственной корреспондентки, и между ними началась газетная переписка, въ которой, какъ онъ послѣ жаловался, не было возможности выразить своихъ чувствъ. Наконецъ, 8 января 1833 года, иностранка пишетъ коротенькое письмо и, упоминая о сокровищахъ своего сердца, которыя она желала бы открыть Бальзаку, сообщаетъ, что вскорѣ поселится на время въ сосѣдней съ Франціей странѣ и укажетъ путь къ безопасной перепискѣ съ нимъ. Въ чемъ заключался этотъ путь, остается неизвѣстнымъ, но съ конца января начинается правильная переписка Бальзака съ иностранкой, которая уже сняла съ себя маску и заявила открыто, что она графиня Ганская и живетъ въ Невшателѣ.

Спельбергъ сообщаетъ въ своей книгѣ біографическія подробности о графинѣ Ганской и ея семьѣ. Графиня Эвелина, или Эва Ржевусская родилась въ помѣстьѣ своихъ родителей въ Кіевской губерніи 25 декабря 1803 г., по словамъ однихъ, и 1805 г., по словамъ другихъ. Она воспитывалась дома среди большого семейства, состоявшаго изъ трехъ сестеръ и трехъ братьевъ. Сестеръ ея звали Каролиной, Полиной и Александриной; первая изъ нихъ была сначала замужемъ за Сабанскимъ, а потомъ за французскимъ писателемъ Жюлемъ Лакруа; вторая за барономъ Ризничемъ, а третья за Станиславомъ Монюшко. Изъ ея братьевъ одинъ, Адамъ, былъ русскимъ генераль-адъютантомъ, а другой Генрихъ — популярнымъ польскимъ писателемъ. Разстроенные финансы вынудили родителей Эвы искать ей богатаго мужа, и они нашли такого въ графѣ Вячеславѣ Ганскомъ, который былъ старше своей невѣсты болѣе чѣмъ на двадцать пять лѣтъ. Свадьба была сыграна, по словамъ однихъ, въ 1818, а другихъ, въ 1822 г. Мрачный, задумчивый, мало общительный, Ганскій заперъ молодую жену въ своемъ помѣстьѣ Верчовнѣ, Волынской губерніи, гдѣ она, повидимому, вела очень скучную, унылую жизнь, тѣмъ болѣе что изъ родившихся у нея пяти дѣтей осталась въ живыхъ только одна дочь Анна. На ней сосредоточила всю свою любовь графиня Эва, а единственнымъ развлеченіемъ для этой красивой, умной и культурно развитой, женщины при ея монотонномъ существованіи было чтеніе книгъ. Съ жаднымъ любопытствомъ она проглотила все, что писалъ Бальзакъ, но его романъ «*Reau de chagrin*» такъ разочаровалъ ее, что она не выдержала и написала ему свое первое письмо.

Это письмо, а равно слѣдующія два, не были писаны ея рукой, и Спельбергъ основательно полагаетъ, что ея секретаремъ была Генриетта Борель, гувернантка ея дѣтей. Конечно, могла писать эти письма и жившая въ домѣ Ганскихъ родственница хозяйки, Дениза Вилежинская, но предположеніе Спельберга болѣе вѣроятно, такъ

какъ графиня Ганская находилась въ самыхъ дружескихъ отноше-
 нияхъ съ Генриеттой Борель, послѣ того какъ послѣдняя окружила чисто
 материнскими заботами умершихъ ея дѣтей и ухаживала, какъ сестра
 милосердія, за Анной во время серьезной болѣзни. Съ тѣхъ поръ
 Эва не разставалась съ Генриеттой, которая, по словамъ О. Баше-
 лена, автора статьи «Бальзакъ въ Невшателѣ» въ сборникѣ «Musée
 Neuchatelois» за 1883—1884 годъ, была очень умной, образованной
 швейцаркой. Поэтому, когда наконецъ Ганскій согласился повезти
 жену за границу, то она выбрала ихъ мѣстопробываніемъ родину
 Генриетты, Невшатель, гдѣ они и провели съ дочерью Анной нѣ-
 сколько мѣсяцевъ, поддерживая дружескія сношенія съ семьей Ген-
 риетты и посѣщая всѣ вмѣстѣ живописныя окрестности этого города.
 Тамъ иностранкѣ было суждено и впервые увидѣть Бальзака. Но
 это свиданье состоялось только въ концѣ сентября, а до тѣхъ поръ
 велась постоянная переписка, и ко времени этихъ семи мѣсяцевъ
 относятся одиннадцать писемъ автора «Человѣческой комедіи».

Эти письма отличаются съ самаго начала удивительной откро-
 венностью. Въ первомъ изъ нихъ Бальзакъ, дружески протянувъ
 руку своей корреспонденткѣ, благодаритъ за ея письма и сознается,
 что посвятилъ ей четвертый томъ «Сценъ частной жизни», но лич-
 ность, которая, по его словамъ, «была для него какъ мать и капризы,
 даже ревность, которой онъ долженъ былъ уважать», потребовала
 уничтожить это посвященье, и онъ повиновался. Конечно, личность,
 о которой тутъ говорится, была г-жа Берни. Всѣ слѣдующія письма
 перемѣняютъ постепенно свой характеръ, и почтительный, дружескій
 ихъ тонъ переходитъ въ выраженія пламенной любви. «Мнѣ дороже
 одно ваше письмо всей славы лорда Байрона», говоритъ онъ въ од-
 номъ изъ нихъ: «мое призваніе на сушѣ и на морѣ любить, даже
 безнадежно, но подѣ условіемъ, однако, чтобъ и меня немного лю-
 били». «Мое прошедшее полно страданій,—вздыхаетъ онъ въ дру-
 гомъ письмѣ,—но вы можете спасти мое будущее». Когда же онъ
 получаетъ письмо, назначающее ему свиданье въ Невшателѣ, то его
 восторгамъ нѣтъ границы. Онъ уже прямо называетъ «иностранку»
 своей дорогой и чистой любовью и увѣряетъ, что она не знаетъ,
 «какъ преданно онъ любитъ ее и съ какимъ блаженствомъ мечта-
 етъ о ней». «Простите меня, говоритъ онъ, мое сокровище, но я
 люблю васъ, какъ любятъ ребенка со всѣми радостями, предраз-
 судками и иллюзіями первой любви. Дорогой ангелъ, сколько разъ
 я гсворилъ себѣ: «О, какъ бы я былъ, счастливъ, еслибъ меня полю-
 била двадцати-семи-лѣтняя женщина. Я могъ бы любить ее всю
 жизнь, не боясь разлуки, становящейся обязательной въ виду воз-
 раста». А вы, мой кумиръ, вы можете быть вѣчнымъ стремленіемъ
 моей мечты».

Наконецъ они свидѣлись. По словамъ Спельберга, это свиданье
 произошло при самой романической обстановкѣ. Бальзакъ явился

въ Невшатель, зная только, что въ извѣстный день и часъ иностранка будетъ въ городскомъ паркѣ, но ему надо было признать ее въ числѣ гулявшихъ дамъ. Графиня Ганская пришла заранѣе и сидѣла на скамейкѣ съ однимъ изъ романовъ Бальзака въ рукахъ. Она издали узнала его по портретамъ, продававшимся повсюду, и пришла въ такое волненіе, что уронила книгу. Онъ бросился къ ней съ крикомъ: «Эва», а она отвѣчала «Онорэ!» Самъ Бальзакъ въ приведенномъ уже письмѣ къ сестрѣ говоритъ, что графиня «кинулась къ нему на шею при всѣхъ», но согласно другой легендѣ она очень разочаровалась, увидавъ маленькую, толстую фигуру романиста, и только своей увлекательной рѣчью онъ загладилъ первое неблагоприятное впечатлѣніе. Какъ бы то ни было, пять дней Бальзакъ провелъ въ Невшатель, обворожилъ графа Ганскаго, а у жены «сорвалъ, какъ онъ самъ выражается въ письмѣ къ сестрѣ, первый подѣлуй любви». «Такъ какъ нашему мужу, прибавляетъ онъ, шестой десятокъ, то я поклялся ждать, а она обѣщала приберечь мнѣ свою руку и свое сердце».

Первое письмо Бальзака по возвращеніи въ Парижъ дышитъ искреннымъ счастьемъ. «Моя дорогая любовь», говоритъ онъ, «я не могу высказать тебѣ, какъ я люблю тебя, потому что нельзя объять словомъ необъятнаго. Моя милая жена по любви, для меня прелестно началась новая жизнь. Я увидѣлъ тебя, я говорилъ съ тобою. Наши тѣла соединились такъ же, какъ души, и я нашелъ въ тебѣ тѣ всѣ прелести, о которыхъ мечталъ». Но все-таки онъ обѣщаетъ себѣ еще большее блаженство въ Женевѣ, гдѣ они сговорились встрѣтиться въ ноябрѣ. Однако это второе свиданіе Бальзака пришлось отложить въ виду спѣшной работы, и оно состоялось только въ концѣ декабря, а до тѣхъ поръ влюбленные должны были довольствоваться письмами, которыя дѣлаются съ его стороны на жгучія увѣренія въ любви, не преходящей, а «единственной, вѣчной», и на приличные официальные посланія, которыя можно было показать мужу.

Желаемое свиданье продолжалась шесть недѣль и не только исполнило увѣнчало страсть Бальзака, но и утвердило въ немъ надежды на будущее счастье. «Ты дѣйствительно та женщина, которую я всегда мечталъ назвать женою», писалъ онъ по возвращеніи въ Парижъ: «я со счастьемъ вспоминаю проведенные съ тобой сорокъ пять дней, и всѣ эти воспоминанія только доказываютъ, что я правъ, любя тебя». Въ дальнѣйшихъ письмахъ, онъ не знаетъ уже, какъ выразить эту любовь: онъ то говоритъ: «Моя Эва, ты для меня все, увы, отчего я не могу дать тебѣ, кромѣ настоящаго и будущаго, еще прошедшее», то восклицаетъ: «Я люблю тебя, я обожаю тебя и буду вѣчно любить и обожать тебя. Я желалъ бы, чтобъ ты могла быть во мнѣ хоть на минуту и убѣдиться, какъ я люблю тебя». Конечно, рядомъ набрасываются остроумныя официальные

письма, въ которыхъ Бальзакъ называетъ себя «мужикомъ» своей русской графини и «лошадью» ея дочери Анны!

Третье свиданье произошло въ Вѣнѣ и было вдвое короче; именно начавшись 16 мая 1835 г., оно окончилось 4 июля. Передъ отъѣздомъ Бальзакъ писалъ: «Моя дорогая Эва, я никогда не былъ такъ счастливъ и никогда такъ не страдалъ. Ты знаешь, что у насъ все одно: и сердце, и душа, и чувства, и тѣло, и слава, и мысли. Мы принадлежимъ другъ другу и въ жизни и въ смерти. Не бросай меня, это было бы убійствомъ. Меня ничто не оторветъ отъ тебя: ты моя жизнь, мое счастье, моя надежда; я живу только тобою. Моя работа, мой приѣздъ сюда доказываетъ, какъ я люблю тебя. Я собственно сдѣлалъ глупость, но изъ безумной любви: чтобъ насладиться теперь минутнымъ свиданіемъ съ тобой, я отсрочилъ на мѣсяць тѣ дни, когда, ты говоришь, мы будемъ свободны, болѣе свободны, чѣмъ теперь, потому что о томъ времени, когда мы будемъ совершенно свободны, я не смѣю и думать. Но я такъ люблю тебя, и все насъ такъ крѣпко соединяетъ, что должны же мы дожить до этой свободы. Вопросъ только въ томъ, когда мы до нея доживемъ?»

Дѣйствительно, они дожили до желанной свободы, но не скоро. Имъ предстояло еще пятнадцать лѣтъ переписки, и въ послѣднихъ восьми годахъ ожиданія была виновата сама иностранка. До смерти графа Ганскаго, въ концѣ 1841 года, они болѣе не видѣлись, но продолжали переписываться, хотя все рѣже и рѣже, такъ что къ послѣднему году относятся только пять писемъ Бальзака и 30 официальныхъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ жалуется, что не получалъ отъ своей «милрой графини» никакой вѣсточки уже десять мѣсяцевъ. Вообще, графиня Ганская, повидимому, писала гораздо рѣже, чѣмъ Бальзакъ, такъ какъ въ своемъ сто пятьдесятъ первомъ письмѣ, отъ марта 1841 года, онъ упоминаетъ о полученіи ея письма подъ № 57. Вообще, письма Бальзака послѣ вѣнскаго свиданія перемѣняютъ тонъ; всѣ они писаны на вы, и трудно въ нихъ отличить официальные отъ неофициальныхъ. О прежнихъ изліяніяхъ любви нѣтъ и слѣдовъ, но они все-таки дышатъ дружбой и преданностью. Болѣе всего въ этихъ письмахъ онъ говоритъ о себѣ, о своихъ неустанныхъ литературныхъ работахъ и безконечныхъ долгахъ, такъ что вторая половина перваго тома «Писемъ къ иностранкѣ» служитъ драгоценнымъ матеріаломъ для біографіи и характеристики Бальзака, но бросаетъ мало свѣта на романъ «вѣрнаго мужика» и его русской графини. Вѣрнымъ онъ, дѣйствительно, остался по внѣшности, потому что мы знаемъ, изъ его письма къ сестрѣ, какъ своеобразно онъ понималъ вѣрность, и не успѣлъ онъ получить извѣстіе о смерти графа Ганскаго, какъ тотчасъ предъявилъ свои права на сердце и руку его вдовы. Написанное имъ по этому поводу письмо, послѣднее въ напечатанной перепискѣ, очень

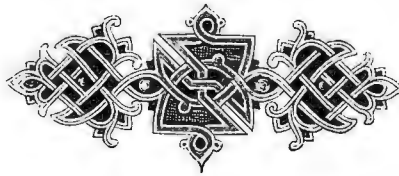
характерно: въ немъ говорится, что графиня имѣла сомнѣнія въ вѣрности своего мужика, хотя онъ нисколько не измѣнился и питаетъ къ ней прежнія чувства, а кончается письмо слѣдующими словами: «Прощайте, моя дорогая, моя чудная жизнь, которую я такъ люблю и которой теперь я могу сказать: «*Semper medesimo*» (всегда тотъ же).

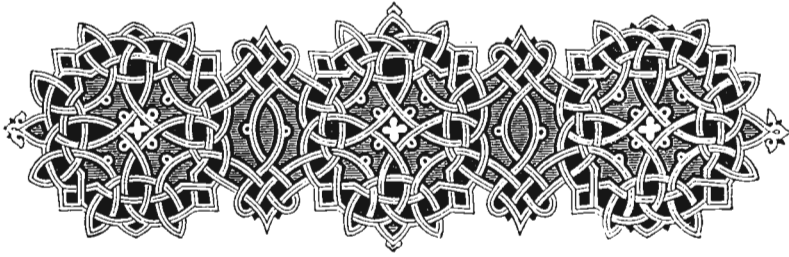
Бѣдному Бальзаку пришлось оставаться «тѣмъ же» еще восемь лѣтъ, такъ какъ графиня Ганская все откладывала подѣ различными предлогами ихъ свадьбѣ. То она говорила, что ей надо привести въ порядокъ свои дѣла по Волынскому помѣстью, то она ссылалась на хлопоты по браку дочери, которая вышла замужъ за графа Мнишекъ, то увѣряла, что она больна ревматизмомъ, и ей необходимо прежде серьезно полѣчиться, чѣмъ думать о свадьбѣ. Письма Бальзака, относящіяся къ этому тяжелому для него времени, еще не изданы, а потому мы должны довольствоваться свѣдѣніями, которыя представляетъ Спельбергъ о развязкѣ романа Бальзака съ иностранкой. По словамъ этого ревностнаго поклонника и комментатора великаго романиста извѣстно только, что въ 1845 году Бальзакъ привезъ тайно въ Парижъ графиню Ганскую съ ея дочерью и выдалъ ихъ за свою сестру и племянницу, такъ какъ у нихъ не было разрѣшенія на поѣздку во Францію отъ русскаго правительства. Затѣмъ Спельбергъ рассказываетъ, что въ началѣ 1850 года Бальзакъ вышелъ изъ терпѣнія, поѣхалъ въ Россію и заставилъ все колебавшуюся графиню Еву выйти за него замужъ. Свадьба была сыграна въ Бердичевѣ, и въ маѣ мѣсяцѣ онъ вернулся съ женою въ Парижъ, гдѣ уже давно подготовилъ себѣ великолѣпную квартиру. По желанію Бальзака, его старая мать украсила эту квартиру въ тотъ вечеръ, когда должны были пріѣхать молодые, цвѣтами и зажгла во всѣхъ комнатахъ люстры, лампы и т. д., а сама удалилась домой, такъ какъ было уговорено, что молодые посѣтятъ ее первые на слѣдующее утро. Очень поздно подѣехали они въ дорожномъ экипажѣ къ своей квартирѣ и съ удовольствіемъ увидѣли, что всѣ окна были блестяще освѣщены, а въ нихъ виднѣлись роскошныя цвѣты, но какъ они ни звонили, никто имъ не отворилъ двери. Наконецъ послали за слесаремъ, и когда онъ взломалъ замокъ, то къ ужасу молодыхъ оказалось, что старый слуга, эльзасецъ, Мюнхъ, внезапно сошелъ съ ума, послѣ того, какъ уѣхала изъ дома старуха Бальзакъ.

Эта роковая встрѣча молодыхъ была дурнымъ предзнаменованіемъ, и дѣйствительно Бальзакъ, ждавшій семнадцать лѣтъ брачнаго счастья, пользовался имъ лишь четыре мѣсяца, и то въ это короткое время онъ успѣлъ разочароваться въ своей женѣ. Она окружила себя многочисленными поклонниками и завела переписку съ другимъ французскимъ романистомъ. Викторъ Гюго въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ подѣ заглавіемъ «*Choses vues*», опи-

сываетъ очень драматично послѣднія минуты творца «Человѣческой комедіи». Узнавъ о томъ, что Бальзакъ серьезно боленъ, Гюго отправился къ нему. Служанка отворила поэту дверь и сказала: «баринъ умираетъ, а барыня сидитъ въ своей комнатѣ». Викторъ Гюго вошелъ и увидѣлъ печальную картину. Бальзакъ лежалъ на кровати въ предсмертной агоніи, а подлѣ него находились его старуха мать, сестра милосердія и лакей.

В. Т.

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ДѢЙТЕЛЬНОСТИ.

Женщина въ странѣ свободы.

ЗОБРАЖЕНІЕ положенія и роли женщины въ странѣ весьма обширной, представляющей чрезвычайное разнообразіе и отличающейся рѣзкими, непримиримыми противорѣчіями, представляется задачей весьма сложной и трудной и выходитъ во всякомъ случаѣ за предѣлы не только небольшого очерка, какимъ по необходимости долженъ быть предлагаемый скромный трудъ нашъ, но даже и большой журнальной статьи. Не задаваясь поэтому задачей, при подобныхъ условіяхъ совершенно не выполнимой, мы изложимъ предметъ нашъ лишь въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, которыя были бы, однако, достаточны для составленія должнаго о немъ понятія.

I.

Если вы зададите себѣ трудъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ просмотрѣть воскресные нумера большихъ американскихъ газетъ, отличающіеся необычайною полнотой и по обилію матеріала равняющіеся европейскому двухнедѣльному или даже иному ежемѣсячному журналу, съ прибавленіемъ множества иллюстрацій и каррикатуръ, то среди безчисленныхъ ихъ объявленій въ отдѣлѣ публикацій «личнаго свойства» (personal) вы поневолѣ заинтересуетесь множествомъ

объявленій пикантныхъ и съ ногъ сшибательныхъ. Вотъ «привлекательная, красивая, живая дѣвица 18 лѣтъ, блондинка, обладающая прекрасными формами и собственнымъ домомъ, жаждетъ познакомиться съ состоятельнымъ, элегантнымъ господиномъ въ видахъ брачныхъ»; вотъ «очаровательная молодая брюнетка, одинокая, чувствительная, умѣющая занять, съ величественной фигурой, желаетъ познакомиться съ дѣловымъ человекомъ ради заключенія брачныхъ узъ»; вотъ «хорошенькая вдова, 34 лѣтъ, съ хорошими связями и нѣкоторыми средствами, желаетъ найти себѣ подходящаго друга жизни»; вотъ «дѣвица 26 лѣтъ, съ состояніемъ въ 12 тысячъ долларовъ, желала бы вступить въ бракъ съ дѣйствительно порядочнымъ человекомъ и помочь ему устроить идеальное семейное жилище»; вотъ «сирота, 29 лѣтъ, привлекательная, блестящая, состоятельная, сгараетъ желаніемъ имѣть свою собственную квартиру и подходящаго супруга»; вотъ «пріятная, здоровая вдова-южанка желаетъ повидаться съ благовоспитаннымъ человекомъ въ видахъ брачныхъ»; вотъ «утонченная, веселая, молодая женщина, недавно прибывшая въ этотъ городъ, желаетъ свидѣться съ состоятельнымъ пожилымъ человекомъ ради заключенія брачныхъ узъ»; вотъ «искренняя, привязчивая молодая женщина съ изящнымъ вкусомъ, владеющая прекраснымъ домомъ, дорожила бы знакомствомъ съ несомнѣнно порядочнымъ, заслуживающимъ довѣрія человекомъ немолодыхъ лѣтъ въ видахъ брачныхъ»; вотъ «состоятельная, молодая вдова, миленькая, благородная, симпатичная, одинокая, желаетъ имѣть здороваго супруга и покровителя» и т. п. Хотя имѣются въ тѣхъ же отдѣлахъ безчисленныхъ публикацій и мужскія объявленія того же сорта, но они вообще не настолько многочисленны, какъ женскія, и во всякомъ случаѣ ни по своей пикантности, ни по завлекательности, нерѣдко доходящей до прямой съ ногъ сшибательности, не могутъ равняться съ этими послѣдними.

Очевидно до несомнѣнности, наглядно до неоспоримости, ясно до осязательности, что благородныя дщери страны свободы всѣми неисчерпаемыми силами своихъ возвышенныхъ душъ стремятся ко вступленію въ бракъ, къ обрѣтенію себѣ супруга: либо «состоятельнаго», либо «здороваго» (manly), либо по крайности хотя бы «порядочнаго». Всѣ подобныя объявленія представительницъ прекраснаго пола на другомъ полушаріи земли, изъ которыхъ мы привели лишь немногіе, первые попавшіеся образчики, сопровождаются всегда завлекательнымъ, нерѣдко весьма поэтическимъ, именемъ и адресомъ: имя это, конечно, — вымышленное, такъ сказать, матримониальный псевдонимъ, а адресомъ является обыкновенно опредѣленный номеръ въ конторѣ газеты, печатающей объявленіе. Но нѣкоторыя американки, въ особенности вдовы, отличаются по части супружественнаго искательства такимъ нетерпѣніемъ и такой отчаянностью, что попросту обращаются съ просительными по сему пред-

мету письмами, за полной подписью и съ точнымъ адресомъ, къ директорамъ театральныхъ труппъ. Подобное обращеніе вовсе не представляется безосновательнымъ и страннымъ, какъ это можетъ сразу показаться европейскому читателю, ибо выступленіе на сценѣ представляется для американской женщины наилучшимъ и наивѣрнѣйшимъ средствомъ обрѣсти себѣ супруга и въ особенности состоятельнаго супруга.

Вотъ одинъ изъ наипозднѣйшихъ образчиковъ подобныхъ обращеній. Нѣкій С. А. Brandenburgh, владѣлецъ одного изъ крупныхъ театровъ города Филадельфіи, среди предложеній купить шестиногую свинью, «подлинную» саблю генерала Джорджа Вашингтона (чуть ли не шестидесятую по счету), веревку, на которой повѣсился извѣстный убійца, и т. п. получилъ недавно между прочимъ письмо нижеслѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь!

«Не обидьтесь, пожалуйста, моимъ письмомъ, такъ какъ я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія васъ оскорбить. Я обращаюсь къ вамъ съ совершенной искренностью, какъ вы сами можете убѣдиться изъ нижеслѣдующаго. Я—вдова, имѣю отъ роду 26 лѣтъ и владѣю двухъэтажнымъ домомъ, въ которомъ проживаю, а равно помѣщающейся въ ономъ табачной лавкой. Я имѣю 1.700 долларовъ въ банкѣ и тягочусь одинокой жизнью. Я увѣрена, что вы могли бы помочь мнѣ найти себѣ хорошаго мужа. Я желала бы разыграть себя въ лотерею либо поступить на сцену. Не оставьте меня безъ отвѣта. Могу явиться къ вамъ лично, если вамъ угодно.

«Уважающая васъ N. N. N.

«Phoenixville, Pa.»

Приведенное письмо отчаянной вдовы появилось въ одной изъ самыхъ распространенныхъ газетъ города Филадельфіи, предшествуемое небольшимъ вступленіемъ и сопровождаемое нижеслѣдующей замѣткой: «Двадцатипятилѣтняя вдова, обладающая двухъэтажнымъ домомъ, табачной лавкой и 1.700 долларовъ въ банкѣ, представляется брачнымъ призомъ, который не всякій день можно получить. Такъ какъ директоръ Brandenburgh женатъ, а равно и оба его помощника, Thomas Hopkins и Norman Jefferies, не могутъ воспользоваться симъ соблазнительнымъ случаемъ, не ставши двоеженцами, то настоящее письмо публикуется ко благу требовательныхъ холостяковъ. Имя его писавшей, конечно, не оглашается. Розыгрышъ въ лотерею жены и порядочнаго состоянница будетъ нѣкоторой новинкой. Пока что, однако директоръ Brandenburgh великодушно принимаетъ на себя обязательство препровождать изобрѣтательной фе-

никсвилльской вдовѣ всѣ объявленныя цѣны либо предложенія, какія могутъ быть ей присланы на его имя».

Если такимъ образомъ даже для предприимчиваго и изобрѣтательнаго народа страны свободы розыгрышъ въ лотерею руки, сердца и состоянія молоденькой женщины представляется еще нѣкоторою новинкой, то отсюда обнаруживается, что обыкновенно американки, жаждущія брачныхъ узъ, не прибѣгаютъ къ мѣрамъ столь крайнимъ, къ какимъ прибѣгла рѣшительная и изобрѣтательная молодая вдовушка изряднаго американскаго городка, а идутъ путями болѣе скромными, обыденными и негласными. Помимо газетныхъ публикацій «личнаго свойства», существуютъ брачныя агентства и брачныя клубы. Однако первыя представляются нерѣдко предприятиями совершенно мошенническаго свойства, занимающимися лишь выманываніемъ денегъ подъ предлогомъ предоставленія «богатой наслѣдницы» и т. п. Въ особенности прославился въ этомъ отношеніи нѣкій Исаакъ Бейнъ. Три раза былъ уже осужденъ онъ за содержаніе мошенническихъ брачныхъ агентствъ въ разныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, но все же не унимался и, отбывъ свое послѣднее наказаніе въ тюрьмѣ города San-Quentin, къ которому приговоренъ былъ въ 1894 году, снова появился въ городѣ San-Francisco и открылъ здѣсь «Тихоокеанское прибрежное справочное агентство». Агентство помѣщало множество объявленій въ газетахъ Нью-Йорка, Филадельфіи, Чикаго, Бостона, Балтиморы, Санъ-Франциско и многихъ иныхъ болѣе или менѣе крупныхъ городовъ республики, сущность которыхъ сводилась къ тому, что «хорошенькая наслѣдница» (т. е. богачка), находясь въ «затруднительномъ положеніи» (прозрачный намекъ на интересное положеніе), предлагаетъ заплатить значительную сумму наличными деньгами за законнаго супруга, либо «хорошенькая нечистокровная индійская дѣвушка, обладающая золотымъ рудникомъ», желаетъ обрѣсти себѣ подходящаго супруга. Тысячи искателей легкой наживы откликнулись на эти соблазнительныя публикаціи со всѣхъ сторонъ и угловъ обширной территоріи Соединенныхъ Штатовъ, аттестуя себя наилучшимъ образомъ и неизмѣнно поясняя, что они не «гонятся за деньгами», а просто желали бы помочь молоденькой богачкѣ выйти изъ того затруднительнаго положенія, въ какое она попала. Всѣмъ къ нему обращавшимся Isaac Bain неизмѣнно отвѣчалъ совершенно стереотипными письмами, воспроизводимыми на машинѣ Ремингтона, въ которыхъ выражалось сожалѣніе, что искательница супруга уже обрѣла себѣ такового, но пояснялось вмѣстѣ съ тѣмъ, что агентство располагаетъ спискомъ, заключающимъ въ себѣ семьдесятъ двухъ женщинъ, жаждущихъ супружества, каждая изъ которыхъ располагаетъ состояніемъ отъ 25.000 до 40.000 долларовъ; списокъ этотъ будетъ доставленъ пишущему немедленно по полученіи 5 долларовъ агентскаго вознагражденія. Въ каждый подобный отвѣтъ

вкладывался печатный циркуляръ агентства, который вѣщалъ, что хотя вполне похвально добиваться состоянія усерднымъ трудомъ, но легче и умнѣе пріобрѣсти таковое посредствомъ женитьбы на богатой женщинѣ. Тутъ же приводился цѣлый рядъ подобныхъ браковъ бѣдныхъ мужчинъ съ богатыми женщинами, въ родѣ ниже слѣдующихъ:

«Г-жа Hopkins, вдова города Санъ-Франциско, обладающая 70 милліонами, вышла замужъ за г-на Edward Searles, бѣднаго челоуѣка».

«Г-жа Gandin, изъ города Woodcliff, штата New Jersey, вдова, обладающая 17 милліонами, вышла замужъ за г-на Bernard Maliza, лудильщика».

«Г-жа Colista Maria Phelps, обладающая полутора милліонами, вышла замужъ за д-ра Ashton Buchanan изъ Филадельфій» и т. п.

Соблазненные подобными образцами, многочисленные кліенты сего «справочнаго агентства» не скупились на пятидолларовыя бумажки, чтобы только получить желанный «списокъ», пока наконецъ почтовое начальство, обладающее въ Соединенныхъ Штатахъ обширной и своеобразной компетенціей, не обратило вниманія на чрезмѣрную переписку агентства и не подвергло эту послѣднюю нѣкоторому изслѣдованію. Обнаруживъ такимъ образомъ сущность операций «справочнаго агентства», оно, т. е. мѣстное почтовое начальство пригласило къ себѣ изобрѣтательнаго Isaak Vain'a и напомнило ему, что въ 1894 году онъ осужденъ былъ не только за содержаніе мошенническаго брачнаго агентства, но также и оштрафованъ за посылку нечистоплотныхъ произведеній посредствомъ почты. Isaak Vain, котораго отважность даже превосходитъ его изобрѣтательность, рѣшительно заявилъ сему начальству, что «хорошенькая богачка» и «нечистокровная индійская красавица, обладающая золотымъ пріискомъ», существуютъ въ дѣйствительности и просили его найти имъ мужей, чего, однако, онъ до сего времени сдѣлать не смогъ. Онъ настаивалъ затѣмъ, что онъ ведетъ честное предпріятіе, а его адвокатъ доказывалъ, что таковое ведется во всемъ согласно съ законами. Однако почтовое начальство этими доводами не удовлетворилось и объявило Бейну, что въ случаѣ онъ не исполнитъ его требованія о прекращеніи операций его агентства, то таковое будетъ объявлено мошенническимъ, вся его корреспонденція будетъ задержана и письма будутъ возвращены ихъ писавшимъ. Увидя, что тутъ ничего не подѣлаешь, Isaak Vain закрылъ свое «агентство» и отправился куда-то въ другое мѣсто, чтобы начать подобное же предпріятіе, которое пока еще не обнаружено. Хотя подобная дѣятельность подобныхъ агентствъ и основывается главнѣйшимъ образомъ на стремленіи мужчинъ къ легкой наживѣ путемъ брака, но самое стремленіе такое поддерживается и питается непреодолимымъ стремленіемъ американской женщины во что бы то ни стало раздобыть себѣ мужа и купить себѣ такового, если только она въ

стояніи. Затѣмъ существуетъ все-таки въ странѣ свободы немало и дѣйствительныхъ, не фиктивныхъ и не мошенническихъ брачныхъ агентствъ, клиентура которыхъ слагается главнѣйшимъ и едва ли не исключительнымъ образомъ изъ женщинъ.

Что касается такъ называемыхъ брачныхъ клубовъ, т.-е. клубовъ, создаваемыхъ единственно съ цѣлью устроенія брачныхъ сопряженій, то инициатива созданія таковыхъ принадлежитъ всегда женщинамъ. Обыкновенно это — предприимчивая американская дама среднихъ лѣтъ, т.-е. между 30 и 40, обладающая большими связями, обширнымъ кругомъ знакомствъ и искусствомъ собирать вокругъ себя общество, а, главное, занять его, найти каждому его во время общественныхъ собраній назначеніе. Само собою разумѣется, что цѣль устроенія такого клуба обыкновенно не объявляется и таковою выставляется попросту «развлеченіе», но устроительница и ея помощницы прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы представить другъ другу и соединить въ танцахъ, пѣніи подъ акомпаниментъ и т. д. такихъ лицъ, возможность сочетанія которыхъ узами гименея представляется наиболѣе вѣроятною. Иногда впрочемъ устроительницы подобныхъ клубовъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ скорѣе должны быть признаны предпринимательницами, не скрываютъ ихъ дѣйствительнаго назначенія и прибѣгаютъ къ болѣе или менѣе замаскированнымъ объявленіямъ въ отдѣлѣ публикацій «личнаго свойства». Но и въ такихъ случаяхъ дѣятельность клуба ведется потихоньку и безъ огласки, насколько только это возможно при широкомъ развитіи гласности въ странѣ свободы и вездѣсущи американскихъ репортеровъ. Нерѣдко этотъ американскій газетный репортеръ, алчущій всепроникновенія и томимый жаждой вездѣсущія, предстаеъ предъ распорядительницей клуба, либо предпріятія — какъ вамъ угодно — съ видомъ совершенной невинности и заявляетъ о своемъ рѣшительномъ намѣреніи подъ ея сѣнью обрѣсти себѣ подругу жизни. Уплативъ членскій взносъ, либо въ извѣстныхъ случаяхъ вступной билетъ, онъ водворяется въ нѣдра благонамѣреннаго клуба, танцуетъ, поетъ даже (конечно, какъ умѣетъ), а на слѣдующій день появляется въ соотвѣтственной газетѣ подробнѣйшій отчетъ о всемъ вчера происходившемъ самаго предательскаго свойства. Такъ какъ однако страна свободы полна всевозможныхъ танцевальныхъ залъ и танцевальныхъ учреждений и предпріятіи всякаго рода, въ которыхъ даже безъ всякихъ представленій завязывается знакомство, зарождаются нѣжныя чувства и все это въ концѣ концовъ можетъ привести и приводитъ нерѣдко къ супружеству, тона дѣятельности такъ называемыхъ брачныхъ клубовъ мы останавливаться не станемъ, тѣмъ болѣе, что они не такъ и многочисленны. Отмѣтимъ здѣсь лишь одно интересное явленіе этой категоріи, а именно: практическое примѣненіе науки, извѣстной подъ именемъ френологіи, къ цѣлямъ брачнымъ. Недавно нѣкій профессоръ I. A. Vaught основалъ въ

Чикаго, второмъ городѣ республики Соединенныхъ Штатовъ, такъ называемый «клубъ познанія человѣческой природы». Цѣлью этого учрежденія объявлено «изученіе человѣческой природы и снабженіе его членовъ такимъ уразумѣніемъ себя и другихъ, которое давало бы имъ возможность съ разумѣніемъ и успѣхомъ выполнять ихъ общественныя, супружескія и общежительныя обязанности». Однако «главнымъ и первостепеннымъ предметомъ его изученія является бракъ и брачное сожителство». Посредствомъ френологіи въ связи съ изученіемъ физиогноміи и темперамента члены клуба обстоятельно знакомятся съ естественными основаначалами счастливаго супружества. Наука эта учитъ, что люди любятъ или не любятъ другъ друга вслѣдствіе врожденныхъ качествъ своихъ, которыя могутъ быть изучаемы и обнаруживаемы, такъ что каждый членъ клуба при избраніи себѣ компаньона въ предпріятіи, либо друга жизни, подготовленъ уже избрать такое лицо, которое онъ либо она желаетъ. Принципы супружества, признаваемые «клубомъ познанія человѣческой природы», зиждутся на признаніи пяти душевныхъ тождествъ, либо совпаденій, и пяти различій. Лица, желающія вступить въ бракъ, должны быть приблизительно тождественны, равны, одинаковы въ интеллектуальномъ, моральномъ, социальномъ, эстетическомъ и качественномъ (таланты, способности) отношеніяхъ, и должны отличаться другъ отъ друга въ отношеніи темперамента, характера, тѣлосложенія, самолюбія и національности. Согласно съ этими принципами бракъ можетъ быть заключенъ съ увѣренностью въ здоровьѣ и счастьѣ. Независимо отъ сего «клубъ познанія человѣческой природы» освѣдомляетъ своихъ членовъ на счетъ основныхъ причинъ всѣхъ вообще влеченій и антагонизмовъ, существующихъ не только между двумя полами, но также и между членами одного и того же пола и такимъ образомъ дѣлаетъ всѣ виды человѣческаго общенія осмысленными, разумными и пріятными. Хотя профессоръ Фогтъ, президентъ и официальный френологистъ клуба, и является, повидному, однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, крайне сомнительныхъ «профессоровъ» магіи, хиромантіи, гипнотизма, сомнамбулизма, палмистики и т. п., которые подвергаются строгому и несносному контролю въ Старомъ Свѣтѣ и сходятъ еще пока за настоящихъ профессоровъ сихъ небезопасныхъ наукъ и искусствъ лишь въ странѣ свободы, тѣмъ не менѣе однако созданный имъ «клубъ познанія человѣческой природы», являющійся попросту брачнымъ клубомъ, устроенъ толково, прилично и цѣлесообразно. Мы лично сильно подозреваемъ, что въ семъ устроеніи онъ руководствовался англійскими образцами и опытами примѣненія френологіи къ дѣламъ супружественнымъ. Любопытенъ первый публичный «супружественный пикникъ» клуба, данный въ одномъ изъ парковъ города Чикаго прошлой осенью. Газетными публикаціями и особыми оповѣщеніями, расклеенными по городу, всякая особа, жаждущая супружества,

приглашалась явиться въ этотъ день въ помещеніе клуба. Собравшаяся толпа мужчинъ и женщинъ юныхъ и среднихъ лѣтъ подъ предводительствомъ президента и прочихъ должностныхъ лицъ клуба отправилась въ городъ и усѣлась въ специально заказанный и игриво разукрашенный поѣздъ механической желѣзной дороги, который и доставилъ ихъ въ прекрасный джаксоновскій паркъ. Когда всѣ размѣстились здѣсь въ изящномъ павильонѣ, и «профессору» Vaught'у удалось наконецъ водворить всеобщее молчаніе, онъ громогласно заявилъ: «пусть тотъ, кто испытываетъ тяжесть и безотрадность одиночества, подойдетъ ко мнѣ!» Нѣкій dr. E. Jakobs первый поднялся со своего мѣста и подошелъ къ «профессору».

«Человѣкъ этотъ, — продолжалъ супружественный экспертъ, изслѣдуя голову подошедшаго, — слабъ и нервозенъ; онъ отличается возбудимостью и подвижностью характера; спутникомъ его жизни должна быть женщина вотъ такого общаго, внѣшняго вида» — и онъ вывелъ изъ толпы прехорошенькую простушку, головка которой утопала въ золотистыхъ кудряхъ.

Совѣтъ супружественнаго пророка пришелся по душѣ обоимъ, и они согласились обручиться. Такимъ же образомъ было обручено въ этотъ самый пикникъ еще семь паръ, одна изъ которыхъ тутъ же и назначила бракосочетаніе чрезъ двѣ недѣли. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ обрученныя лица вовсе не состояли членами «клуба познанія человѣческой правды», явились на публичный пикникъ этого послѣдняго лишь по оповѣщеніямъ и газетнымъ публикаціямъ, исключительно почти изъ любопытства и никогда ранѣе не видали другъ друга. При подобныхъ условіяхъ дѣятельность клуба слѣдуетъ признать довольно успѣшною. Изъ отчетовъ его обнаруживается, что въ нѣдрахъ его зарождаются ежегодно десятки супружественныхъ комбинацій, приходящихъ къ счастливому концу.

Хотя брачныя объявленія, брачныя агентства и брачныя клубы, которые правильнѣе было бы именовать брачными бюро, либо брачными конторами, существуютъ къ услугамъ обоихъ половъ страны свободы и отвѣчаютъ повидимому укореившемуся стремленію всего ея населенія, достигшаго брачнаго возраста, сочетаться узами супружества, тѣмъ не менѣе однако всѣ эти учрежденія, или если угодно предпріятія матримоніальнаго назначенія, созданы собственно неудержимымъ и непреодолимымъ потокомъ брачныхъ вожелѣній и домогательствъ прекраснаго пола. Законъ слѣзнуть на помощь этимъ домогательствамъ и во всеоруженіи принужденія оказываетъ имъ самую энергическую поддержку, нерѣдко переходящую въ прямой терроръ по отношенію къ полу непрекрасному. Прежде всего, нарушеніе обѣщанія вступить въ бракъ признается извѣстнаго рода причиненіемъ личнаго вреда (personal injury) и влечетъ за собой уплату нанесенныхъ убытковъ, обыкновенно выражающихся въ весьма внушительныхъ цифрахъ. Такъ какъ обвиненіе женщины

мужиною въ нарушеніи обѣщанія выйти за него замужъ представляется большою рѣдкостью, то нарушение обѣщанія вступить въ бракъ несомнѣнно является въ сущности и дѣйствительности нарушеніемъ обѣщанія жениться. Американскіе суды полны подобныхъ процессовъ, и многіе изъ нихъ носятъ попросту водевильный характеръ, хотя попадаютъ между ними и наводящіе на грустные размышленія.

Предъ судомъ присяжныхъ въ одной изъ многочисленныхъ судебныхъ залъ Нью-Йорка предстоятъ: молодая женщина, 23 лѣтъ, миловидная, говорящая съ сильнѣйшимъ нѣмецкимъ акцентомъ, изысканно одѣтая, и старикъ 63 лѣтъ, приличный на видъ. Какъ бы вы думали, мой благосклонный читатель, кто здѣсь кого обвиняетъ въ нарушеніи обѣщанія вступить въ бракъ: двадцатитрехлѣтняя ли дѣвушка шестидесятитрехлѣтняго старика или, наоборотъ, старикъ—дѣвушку. Конечно, руководствуясь теоріей житейскихъ вѣроятностей, вы предположите послѣднее. Но вы жестоко ошибаетесь: молодая Katherine Procoru обвиняетъ старика Jacob Wagenman'a въ нарушеніи даннаго имъ ей обѣщанія на ней жениться. На судѣ оказывается, что старикъ Wagenman, по ремеслу портной, былъ знакомъ съ жалобщицей Katie Procoru всего лишь три дня, встрѣтись съ ней въ домѣ нѣкихъ Baker'овъ, что эти послѣдніе сразу объявили ее его женой, отправились съ ними гулять и заставили совершенно пьянаго старика отправиться купить обручальное кольцо и принести его въ скверъ, гдѣ они, т. е. Бекеры, вмѣстѣ съ ней его поджидали, а затѣмъ на слѣдующій день также совершенно пьянаго отправили къ пастору о. Nideeker, но этотъ послѣдній объявилъ ему, что для вступленія въ бракъ онъ долженъ прежде всего получить установленное разрѣшеніе гражданскихъ властей (license). Подвыпившій старикъ болѣе не являлся, а явились Бекеры вмѣстѣ съ Katie Procoru и, около часу напрасно прождавъ старика, ушли. Старикъ объяснилъ суду, что онъ всего происходившаго припомнить не въ состояніи, ибо былъ совершенно пьянъ, что домикъ, которымъ онъ владѣетъ, обремененъ закладными, превосходящими его стоимость, и что при наилучшихъ условіяхъ онъ въ состояніи заработать лишь 8 долларовъ въ недѣлю, почему не въ состояніи содержать жену. На вопросъ судьи, зачѣмъ же онъ напрасно водилъ за носъ дѣвушку, старикъ съ совершенной простотой отвѣтилъ, что она еще такъ молода, а онъ настолько уже старъ, что ему стало жаль сдѣлать ее своей женой, и онъ рѣшилъ отказать отъ подобнаго дѣла, затѣяннаго другими. Въ сущности сколько житейскаго трагизма заключается въ этихъ немногихъ и простыхъ словахъ: «стало жаль сдѣлать ее своей женой!» А вотъ картинка уже въ совершенно иномъ видѣ. Предъ судьей того же Нью-Йорка на предварительномъ разбирательствѣ (въ родѣ нашего предварительнаго слѣдствія) предстоитъ сорокопудовая матрона лѣтъ такъ около 45 и потрясаетъ кулакомъ по направленію къ съезжившемуся въ уголкѣ мальчику лѣтъ около 17. По странной случайно-

сти мальчикъ оказывается русскимъ дворяниномъ Александромъ Кушцемъ, а матрона, конечно, гражданкой республики Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Сія увѣсистая субъектесса, по наименованію Mary Taylor, питаетъ нѣжныя чувства къ тщедушному мальчику и грозно изобличаетъ послѣдняго въ нарушеніи обѣщанія на ней жениться. При допросѣ свидѣтелей оказывается, что какъ-то на одномъ изъ лѣтнихъ пикниковъ, въ которомъ участвовали какъ означенный Кушць, такъ и поименованная вдова Taylor, товарищи сего полуюноши, значительно уже подвыпивъ, стали надъ нимъ подшучивать и склонять его къ браку на вдовѣ, нѣжныя чувства которой по отношенію къ нему были для всѣхъ очевидны. Будучи точно также подвыпившимъ и, какъ говорится, въ ударѣ, полуюноша отшучивался довольно удачно и между прочимъ среди разныхъ шутокъ, остротъ и двусмысленностей объявилъ свое согласіе и предложеніе жениться на увѣистой вдовѣ. Какъ ни невѣжественны американскіе судьи, какъ ни полны они самага дикаго ханжества, какъ ни лишены они самага элементарнаго житейскаго разумѣнія и какъ ни отличаются они совершеннымъ произволомъ, нерѣдко граничащимъ съ полнѣйшей разнузданностью,—обвиненіе, введенное сорокопудовой бабой преклонныхъ лѣтъ противъ еле подростшаго мальчика было настолько нелѣпо, что судья попросту прекратилъ дѣло, не пропуская его вовсе на разрѣшеніе суда присяжныхъ. А вотъ также весьма интересная картинка, хотя и въ нѣсколько иномъ родѣ. Въ высшемъ судѣ города Нью-Йорка (Supreme Court) объявляется къ слушанію дѣло по обвиненію нѣкоего Nathan Frankenthaler нѣкоей Mrs Clara Frankel въ нарушеніи обѣщанія на ней жениться и о взысканіи за такое нарушение убытковъ въ размѣрѣ 10 тысячъ долларовъ. Разъ дѣло попало въ высшій судъ, это значить, что оно прошло уже низшія судебныя инстанціи, и сторона, его проигравшая, обладаетъ значительными средствами, безъ коихъ исканіе правосудія въ странѣ свободы совершенно невозможно. Такой проигравшей стороной былъ очевидно обвиняемый въ нарушеніи обѣщанія жениться Nathan Frankenthaler, ибо на судѣ оказалось, что жалобщица—обвинительница Clara Frankel, бездѣтная вдова 53 лѣтъ, никакого равно имущества не имѣетъ. Самъ Frankenthaler—старикъ 77 лѣтъ и на судѣ присутствуютъ его внуки и внучки. До послѣдняго времени онъ содержалъ заведеніе для отдѣлки женскаго платья и, благодаря этому, познакомился съ г-жею Френкель, которая была его постоянной заказчицей, но ко времени предъявленнаго къ нему этой послѣдней обвиненія онъ заведеніе свое уже закрылъ и жилъ въ одномъ изъ своихъ домовъ, окруженный сыновьями и дочерьми, внуками и внучками. «Г-нъ Frankenthaler, — заявила суду обвинительница,—явно за мной ухаживалъ. Онъ говорилъ мнѣ, что онъ—вдовецъ и высматриваетъ себѣ жену. Онъ выглядывалъ совершенно одинокимъ, и я пригласила его бывать у меня. Онъ былъ, повиди-

тому, чрезвычайно доволенъ своими посѣщеніями и въ концѣ концовъ предложилъ мнѣ вступить съ нимъ въ супружество. Онъ обѣщаль записать на мое имя домъ и 50 тысячъ долларовъ наличными деньгами и подарить мнѣ кольцо съ брильянтомъ стоимостью въ 800 долларовъ. Я, конечно, вѣрила ему. Я почти каждый день посылала обѣды, и онъ говорилъ мнѣ, что онъ никогда еще не ѣдалъ такихъ вкусныхъ блюдъ. Но тутъ... втерлась другая женщина. Я имѣла квартирантку, г-жу Врегер: она старше меня и кое-какъ перебивается съ хлѣба на квасъ. Я съ ней посылала обѣды г-ну Frankenthaler, и она наврала ему, что она ихъ варить, а не я сама, предлагая ему жениться на ней, а не на мнѣ. Съ тѣхъ поръ онъ перемѣнился и совершенно забылъ обо мнѣ. Я писала ему, но онъ не отвѣчалъ. Вскорѣ г-жа Врегер покинула меня, и такимъ образомъ я осталась и безъ мужа и безъ квартирантки». Судъ присудилъ семидесятилетняго жениха, окруженнаго цѣлой арміей внуковъ и внучекъ, къ уплатѣ 1.000 долларовъ, за обнаружившееся нарушение обѣщанія жениться на пятидесятилетней невѣстѣ.

Но все это сравнительно лишь сущіе пустяки, и принужденіе къ браку путемъ обвиненія въ нарушеніи даннаго обѣщанія жениться, вмѣстѣ съ сопровождающимъ такое взысканіемъ крупной денежной суммы, все-таки представляется еще сравнительно актомъ совершенной невинности. Американская женщина обладаетъ средствами гораздо болѣе серьезными и опасными къ тому, чтобы заставить непокорнаго мужчину на себѣ жениться. Для того, чтобы постигнуть сущность этихъ средствъ и способы ихъ дѣйствія, необходимо нѣсколько коснуться состоянія американскаго правосудія вообще, ибо безъ должнаго уразумѣнія такового способы эти окажутся совершенно непостижимыми и даже могутъ показаться совершенно невѣроятными.

При совершенно состязательномъ характерѣ англосаксонскаго уголовного процесса, публичное обвиненіе въ лицѣ такъ называемаго городского либо окружнаго стряпчаго (city attorney, district attorney) развито чрезвычайно слабо, и хотя засимъ всякій можетъ обвинять предъ судомъ всякаго во всякомъ преступленіи, въ дѣйствительности обвинителемъ является лицо, такъ или иначе потерпѣвшее отъ содѣяннаго, либо подозрѣваемаго, преступленія. Такой частный обвинитель со своимъ адвокатомъ либо адвокатами (таковыхъ можетъ быть у каждой стороны неограниченное число) представляется истиннымъ обвинительнымъ органомъ, дѣйствительной обвинительной властью страны свободы. Преслѣдованіе преступленій представляется здѣсь дѣломъ совершенно частнымъ, почти такимъ же, какъ, напримѣръ, веденіе торговли, открытіе промышленныхъ предпріятій разнаго рода и т. п. Уже одно такое предоставленіе обвинительной власти произволу и усмотрѣнію частныхъ лицъ является совершенно достаточнымъ, чтобы сдѣлать изъ уголовного

правосудія орудіе личнаго мщенія, вымогательства, наживы и стяжанія разнаго рода вообще. Далѣе, американскій мировой судья или скваэръ (squire), являющійся первой судебной инстанціей по всякому дѣлу, не получая жалованья и пользуясь взаимѣнъ того опредѣленной платой за всякое судебно-слѣдственное и судебное дѣйствіе, всячески старается раздуть всякое обвиненіе и при этомъ по возможности сорвать что либо съ обвиняемаго, воспользоваться отъ него большей или меньшей взяткой, а все это ставитъ обвинителя въ особо благоприятное и въ отношеніи обвиняемаго привилегированное положеніе. Далѣе, по законамъ всѣхъ почти штатовъ, входящихъ въ составъ республики, лишь обвинитель и его свидѣтели получаютъ путевыя суточные деньги изъ суммъ городского, либо уѣзднаго, казначейства (city treasury, county treasury), обвиняемый же и его свидѣтели, т. е. свидѣтели защиты, правомъ на полученіе таковыхъ не пользуются и поэтому поставлены въ необходимость либо расхотовать собственныя средства, либо получать судебныя издержки отъ обвиняемаго частнымъ образомъ. Подобный порядокъ, съ точки зрѣнія истиннаго правосудія представляющійся совершенно несообразнымъ, снова ставитъ обвиняемаго въ неблагоприятное и нерѣдко крайне затруднительное положеніе. Наконецъ, частный обвинитель, въ странѣ свободы являющійся обвинителемъ публичнымъ, не только допускается къ присягѣ, но и присяга, имъ принятая, т. е. нѣсколько словъ, пробормотанныхъ подъ диктовку скваэра (мироваго судьи) либо секретаря суда, съ приподнятіемъ двухъ пальцевъ правой руки, признается доказательствомъ и имѣетъ силу доказательства. На подобномъ доказательствѣ можетъ основываться весь процессъ, все обвиненіе, при совершенномъ отсутствіи какихъ бы то ни было иныхъ доказательствъ. Въ довершеніе всего этого, единственной мѣрой пресѣченія обвиняемому способовъ уклоненія отъ суда является здѣсь поручительство, до представленія коего обвиняемый содержится подъ стражей: какъ по обвиненію самому пустячному, такъ и по обвиненію самому серіозному и тяжкому обвиняемый равнымъ образомъ долженъ представить поручительство лица, владѣющаго недвижимою собственностью, и таковое различается нѣсколько лишь размѣрами поручительной суммы сообразно съ тяжестью предъявляемаго обвиненія. Хотя обвиняемый нерѣдко и не арестуется сразу, и ему лишь прочитывается полицейскимъ чиновникомъ (police officer) постановленіе мирового судьи объ его арестѣ (warrant) съ обязательствомъ явиться въ камеру къ извѣстному часу, а равно и по выслушаніи объясненій обвиняемаго, мировой судья (justice of the peace, squire, magistrate) нерѣдко не подвергаетъ его немедленному аресту, предоставляя ему нѣсколько часовъ на присканіе себѣ поручителя, либо отправляя его вмѣстѣ съ полицейскимъ чиновникомъ для этой же цѣли, тѣмъ не менѣе, однако, лишеніе обвиняемаго подобной льготы и даже на-

значеніе ему безусловнаго ареста зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія судьи и назойливости и пройдошества обвинителя, а первое, т. е. лишеніе льготы, также еще сверхъ того и отъ усмотрѣнія полицейскаго чиновника. Въ довершеніе подобныхъ разбойническихъ, судебныхъ порядковъ, неуплата налоговъ всякаго рода неуплата пени, назначенной судомъ въ качествѣ наказанія, неуплата судебныхъ издержекъ, неуплата опредѣленныхъ судомъ убытковъ, проистекающихъ изъ преступленія, простой неосторожности либо совершенной случайности, неуплата наконецъ простаго долга при извѣстныхъ условіяхъ — все это, всякая этакая неспособность къ уплатѣ, одинаково влечетъ за собой тюремное по суду заключеніе безъ всякаго различія между уголовной пеней, причиненными уголовнымъ дѣяніемъ убытками, убытками, причиненными болѣе или менѣе непростительной неосторожностью, судебными издержками, проистекающими изъ уголовного процесса, съ одной стороны, и такими же издержками, проистекающими изъ процесса гражданскаго, убытками, причиненными неисполненіемъ гражданскихъ договоровъ и обязательствъ, платежнымъ неисполненіемъ самихъ обязательствъ, разными убытками, причиненными простою случайностью, налогами всякаго рода и наконецъ отчасти и заурядными долгами совершенно гражданскаго свойства. Хотя неспособность къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и долговъ нѣкоторыхъ категорій и можетъ быть доказываема, а по такомъ доказательствѣ достигнуто освобожденіе изъ-подъ ареста и даже предупрежденіе таковаго, но доказательство такое безусловно должно быть подкрѣплено поручительствомъ лица, владѣющаго недвижимою собственностью: поручительство такое въ немѣннѣи арестованнымъ никакихъ средствъ къ уплатѣ должно быть не менѣе суммы, подлежащей платежу, и дѣйствуетъ въ теченіе года и даже болѣе, пока судъ не убѣдится окончательно въ такой неспособности, или сложить платежи. Независимо отъ сего, непредставленіе поручительства вообще влечетъ за собой содержаніе подъ стражей какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и гражданскимъ. Выходитъ такимъ образомъ, что въ этой диковинной странѣ диковинной свободы обвинитель, т. е. всякое частное лицо, которому вздумается въ чемъ либо обвинять другого, не теряетъ ровно ничего и не рискуетъ ровно ничѣмъ, между тѣмъ какъ обвиняемый, какъ бы ни былъ онъ невиненъ въ вводимомъ на него преступленіи, во всякомъ случаѣ долженъ потерять болѣе или менѣе значительную денежную сумму и всегда несетъ на себѣ болѣе или менѣе значительный рискъ бездоказательнаго, безосновательнаго и произвольнаго осужденія. Независимо отъ сего, при совершенной даже невинности онъ вынужденъ сидѣть въ кутузкѣ, либо острогѣ, до суда, если ему не удастся въ теченіе весьма короткаго времени найти себѣ поручителя, а равно пребывать въ тюрьмѣ даже въ случаѣ совершеннаго оправданія, если только присяжнымъ засѣдателямъ вздумается возло-

жить на него судебныя издержки, либо раздѣлить таковыя пополамъ между сторонами, что не обусловливается тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ вопроса о винѣ или невинности подсудимаго и зависитъ вполнѣ отъ ихъ усмотрѣнія, а между тѣмъ ему не удастся найти себѣ поручителя въ неспособности къ уплатѣ оныхъ. Слѣдуетъ наконецъ имѣть въ виду, что всякое положительно обвиненіе можетъ быть покончено у мирового судьи примиреніемъ обвиняемаго съ обвинителемъ, и что въ такомъ примиреніи заинтересованъ не только обвинитель, обыкновенно возбужденіемъ обвиненія преслѣдующій какіе либо частныя свои интересы и личныя выгоды, но также и самъ судья (*squire, magistrate*), ибо если даже ему и не удастся сорвать взятку съ обвиняемаго, то во всякомъ случаѣ съ сего послѣдняго, «уладившаго» дѣло съ обвинителемъ, онъ за свои судебно-слѣдственные и подготовительныя къ суду дѣйствія получаетъ значительно высшую плату, нежели изъ суммъ городского или уѣзднаго казначейства въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ въ судъ и поступаетъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Хотя на разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ никакое обвиненіе не поступаетъ отъ мирового судьи непосредственно, а идетъ сначала въ такъ называемый большой судъ присяжныхъ (*grand jury*), состоящій изъ 23 человекъ и представляющійся обвинительной камерой, но этотъ большой судъ присяжныхъ выслушиваетъ исключительно лишь обвинителя и его свидѣтелей и поему пропускаетъ обыкновенно обвиненія безосновательныя, дутыя и шарлатанскія. Слѣдуетъ отмѣтить, что при всемъ этомъ продолжительность заключенія въ тюрьмѣ за неуплату разнаго рода присужденныхъ судомъ къ платежу суммъ, начиная съ государственныхъ налоговъ и кончая мелкими частными долгами, не обусловливается размѣрами неуплаченныхъ суммъ и не представляется имъ пропорціональной, какъ это имѣетъ мѣсто въ европейскихъ законодательствахъ въ отношеніи разныхъ карательныхъ пеней и штрафовъ, а опредѣляется огульно мѣсяцами и даже годами, сообразно съ родомъ невнесеннаго платежа. Это попросту правожъ вѣковъ, давно прошедшихъ, на землѣ своеобразной свободы дожившій до конца нашего вѣка и долженствующій несомнѣнно перешагнуть въ вѣкъ двадцатый. Изъ изложенныхъ замѣчаній, по возможности краткихъ, нельзя не видѣть, что американское правосудіе представляется темной, азартной и цинической игрой, въ которой открывающій такую, т. е. обвинитель, ничего не теряя и ничѣмъ не рискуя, имѣетъ большіе шансы выигрыша. Въ игру эту, азартную, темную и грязную, энергически и ловко втирается американская женщина и съ коварствомъ и вѣроломствомъ, поистинѣ изумительными, направляетъ ее къ тому, чтобы раздобыть себѣ супруга, заставить намѣченнаго мужчину на себѣ жениться.

Прежде всего, при значительной свободѣ общенія и взаимныхъ

отношеній между полами въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ рожденіе младенца дѣвушкою, даже въ очень раннемъ возрастѣ, либо вдовою, представляется здѣсь явленіемъ болѣе, чѣмъ обыкновеннымъ. Западно-европейскія законодательства (континентальныя) предоставляютъ въ такомъ случаѣ матери искать признанія отцовства и исполненія отцомъ своихъ въ отношеніи дитяти обязанностей въ гражданскомъ порядкѣ. Наше русское законодательство возлагаетъ на отца тѣ же обязанности въ уголовномъ порядкѣ, подвергая обоихъ виновныхъ въ любодѣянніи, т. е. какъ мужчину, такъ и женщину, церковному покаянію. Законодательство англосаксонское и въ частности англоамериканское, отличаясь вообще множествомъ странностей, несообразностей и нелѣпостей, дѣлаетъ женщину, виновную въ любодѣянніи наравнѣ съ мужчиной, обвинительницей сего послѣдняго. По ея жалобѣ, могущей быть предъявленной мѣстному мировому судѣ тогда еще, когда ребенокъ едва лишь зачатъ и ему далеко еще до рожденія, предполагаемый отецъ долженъ представить поручительство до судебного разбирательства, до представленія коего содержится подъ арестомъ, и затѣмъ обязанъ либо жениться на обвинительницѣ, либо уплатить ей извѣстную денежную сумму «за ребенка» (for the baby). Неуплата такой назначенной судомъ присяжныхъ суммы влечетъ за собой арестъ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года. Платежъ оной вообще не можетъ быть сложенъ за доказанною неспособностью къ уплатѣ и носить такимъ образомъ для отца дитяти характеръ карательный, между тѣмъ какъ мать его, въ сущности точно также виновная въ любодѣянніи, никакому наказанію не подвергается. Противъ такого требованія съ отца уплаты опредѣленной денежной суммы «за ребенка» и даже отчасти противъ подобныхъ способовъ исторгнутія отъ него таковой въ сущности при существующемъ въ республикѣ порядкѣ взысканія всякихъ платежей вообще ничего нельзя было бы сказать, ибо какъ бы ни были несообразны эти способы и какой бы несоотвѣтственный характеръ платежу этому ни придавался, онъ является все-таки справедливой, обязательной и неизбѣжной помощью матери вѣбрачнаго дитяти со стороны отца его въ его содержаніи и воспитаніи. Но дѣло въ томъ, что американскіе суды совершенно не заботятся о должномъ доказательствѣ отцовства и тѣмъ открываютъ для матерей вѣбрачныхъ дѣтей широкое поле для злоупотребленій. Разъ дѣвушка-мать присягнетъ предъ судомъ присяжныхъ, что дитя ея рождено ею отъ такого-то, и будетъ установлено, что этотъ послѣдній, играющій на судѣ роль обвиняемаго, около того времени состоялъ съ ней въ близкихъ отношеніяхъ или хотя бы просто въ тѣсномъ общеніи, онъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ доказательствъ признается присяжными отцомъ дитяти, и ими назначается съ него въ пользу матери «за ребенка» опредѣленная денежная сумма. Между тѣмъ нерѣдко американская дѣвушка-мать

обвиняетъ въ прижитіи съ нею ребенка совсѣмъ не того, кто является дѣйствительнымъ отцомъ его. Если этотъ послѣдній не представляетъ для нея интереса ни со стороны нѣжныхъ чувствъ, ею къ нему питаемыхъ, ни со стороны его средствъ, ни наконецъ хотя бы со стороны его будущности, то она просто намѣчаетъ и избираетъ въ отцы своему дитяти (обыкновенно еще находящемуся въ ея утробѣ) кого либо изъ своихъ друзей (friends), находящихся либо около того времени находившихся съ ней въ тѣсномъ общеніи, хотя бы намѣченное лицо даже никогда и не состояло съ ней въ близкихъ отношеніяхъ. Если дѣвушка-мать влюблена въ какого либо мужчину, успѣла своевременно ввести его въ тѣсное съ собой общеніе (американки отличаются изумительнымъ на сей счетъ искусствомъ) и имѣются достаточныя основанія разсчитывать, что онъ не захочетъ, либо не сможетъ, отдѣлаться деньгами и во избѣжаніе всяческихъ пертурбацій или тюремнаго за неплатежъ заключенія женится, то она обрушивается на него всей силой обвиненія въ отцовствѣ зачатого ею дитяти; если же, наоборотъ, разсчитывать на подобное принужденіе къ браку невозможно, или она ни къ кому особой любви не питаетъ, то она изъ среды друзей своихъ или вообще лицъ, около того времени находившихся въ тѣсномъ съ ней общеніи, избираетъ въ отцы своему имѣющему родиться дитяти того, кто побогаче и при этомъ поподатливѣе, и выступаетъ противъ него съ публичнымъ обвиненіемъ въ отцовствѣ.

Хотя обвиненіе такое еъ качествѣ средства принужденія намѣченнаго мужчины къ браку серьезнѣе и дѣйствительнѣе, нежели обвиненіе въ нарушеніи обѣщанія жениться, тѣмъ не менѣе однако и оно представляется сравнительно еще не столь серьезнымъ и для намѣченной жертвы не настолько опаснымъ. Есть иное еще для достиженія той же цѣли средство, самое серьезное, наиболѣе радикальное и весьма опасное, носящее вполнѣ террористическій характеръ. Американская дѣвушка или вдовушка, принявъ внѣшній видъ, соответствующій роли угнетенной невинности, является въ камеру мирового судьи (squire, magistrate) и принимаетъ присягу, что такой-то ее изнасиловалъ или покушался изнасиловать. Какъ извѣстно, по законамъ природы, изнасилованіе женщины, не страдающей порокомъ сердца, истощеніемъ силъ, полнымъ разстройствомъ нервной системы, истерическими припадками и т. п., т. е. вообще въ физическомъ отношеніи болѣе или менѣе нормальной, однимъ мужчиною, т. е. самъ на самъ, физически невозможно. Нѣмецкое законодательство настолько категорично въ этомъ отношеніи, что судебныя власти не могутъ дать хода жалобѣ на изнасилованіе, если жалобщица не представитъ медицинскаго свидѣтельства, подписаннаго по крайней мѣрѣ двумя врачами, что она страдаетъ однимъ изъ недуговъ вышеупомянутой категоріи, болѣе или менѣе исключаютъ способность и возможность къ сопротивленію. Хотя

инья законодательства не настолько требовательны на сей счет, они къ разсматриваемому предмету относятся съ благоразумной осторожностью. Доступно пониманію всякаго, что преступленіе такого рода, какъ изнасилованіе и даже покушеніе на оное, неизбѣжно оставляетъ по себѣ тѣ или иные слѣды физическаго насилія и всегда непремѣнно сопряжено съ крикомъ, шумомъ, суматохой взаимной борьбы, нарушеніемъ общественнаго спокойствія вообще, если только не происходитъ въ пустынѣ. Такимъ образомъ естественно понимаютъ сущность этого преступления и необходимыя его принадлежности законодательства всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и странъ. Законодательство англосаксонское и въ особенности англо-американское составляетъ единственное въ этомъ отношеніи исключеніе. Со всѣмъ фанатизмомъ англосаксонскаго ханжества, со всей разнузданностью англосаксонскаго праваго тупоумія, со всѣмъ апломбомъ специфическаго англо-саксонско-американскаго невѣжества американская правовая практика, имѣющая въ странѣ диковинной свободы гораздо больше значенія, нежели самый законъ въ его сущности и внутреннемъ смыслѣ, основываясь, конечно, на его хаотичности, неопредѣленности и совершенной на сей счетъ примитивности, игнорируетъ всѣ вышеприведенные абсолютно необходимые признаки преступления изнасилованія и заходитъ даже на сей счетъ такъ далеко, что при обвиненіяхъ сего рода не требуетъ отъ обвинительницы никакихъ доказательствъ. Довольно этой послѣдней явиться въ мелочную лавочку американскаго правосудія, т.-е. въ камеру американскаго мирового судьи, и, приподнявъ два пальца, безсвязно пробормотать приблизительно слѣдующее: «я обѣщаюсь сказать сущую правду, только правду и ничего болѣе, какъ правду», чтобы заявляемое ею обвиненіе въ «тяжкомъ преступленіи» признавалось подкрѣпленнымъ достаточнымъ доказательствомъ и дѣло поступило на разсмотрѣніе обвинительной камеры въ лицѣ такъ называемаго большого суда присяжныхъ, а затѣмъ, такъ какъ этотъ послѣдній (grand jury) выслушиваетъ только лишь обвинительницу, то и далѣе, т.-е. на судебное разрѣшеніе суда присяжныхъ. По части сорванія съ обвиняемаго приличной взятки дѣла этого рода американскіе скваэры признаютъ «наилучшими» и дѣйствуютъ въ нихъ въ отношеніи обвиняемаго, даже при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было доказательствъ, съ истинно башибузукскимъ остервенѣніемъ. Главнымъ и почти единственнымъ способомъ оправданія является для обвиняемаго доказать, что обвинительница — женщина сквернаго сорта (bad character) и пользуется скверной репутацией, какъ въ отношеніи нравственности, т.-е., что она въ большей или меньшей степени представляется проституткой, такъ и въ отношеніи правдивости (veracity). Такъ какъ американское законодательство, или, выражаясь точнѣе, законодательства отдѣльныхъ штатовъ, входящихъ въ составъ союзной республики, вовсе не

признають проституціи или, правильнѣе говоря, совершенно игнорируютъ существованіе таковой, то, не говоря уже о множествѣ иныхъ проистекающихъ изъ такого игнорированія послѣдствій самаго прискорбнаго свойства, между прочимъ представляется необходимость доказывать въ судебномъ порядкѣ то обстоятельство, что данная женщина есть проститутка. Въ публичномъ засѣданіи суда присяжныхъ, на которомъ присутствуетъ обыкновенно множество молоденькихъ дѣвушекъ, подростковъ и дѣтей, выплываетъ наружу и выговаривается до дна вся грязь непотребства и тратятся время, усилія и общественныя средства на доказательство обстоятельствъ, для установленія которыхъ было бы совершенно достаточно записей въ полицейскія книги, да отмѣтокъ полицейскаго врача. Но и такое установленіе подобныхъ обстоятельствъ представляется дѣломъ не настолько простымъ и легкимъ, какъ это можетъ со стороны казаться. Сознаніе въ любодѣяніи, имѣннн съ женщиной какихъ либо вѣббрачныхъ отношеній, влечетъ за собой довольно тяжкое наказаніе (штрафъ до 100 долларовъ или тюремное заключеніе до одного года), и потому всякій американскій холостякъ естественно опасается явиться на судѣ свидѣтелемъ того обстоятельства, что данная женщина—проститутка. Выходитъ такимъ образомъ, что даже въ томъ случаѣ, когда обвинительницей въ изнасилованіи или покушеніи на таковое является завѣдомая проститутка, то и въ такомъ даже случаѣ обвиняемый поставленъ въ необходимость приложить значительныя старанія, употребить значительныя усилія и истратить значительныя средства, чтобы оправдаться. Говоря здѣсь о значительныхъ на предметъ оправданія средствахъ, мы разумѣемъ подъ таковыми плату адвокатамъ и свидѣтелямъ защиты за явку въ судъ и не принимаемъ въ расчетъ взятки скваэру, въ каковомъ случаѣ дѣло обыкновенно ограничивается предварительнымъ слѣдствіемъ и не поступаетъ на судебное разсмотрѣніе, но за то обвиняемый долженъ заплатить свидѣтелямъ обвиненія за явку въ камеру мирового судьи (скваэра), ибо, во-первыхъ, обвинительница обыкновенно не обладаетъ никакими средствами и, во-вторыхъ, прекращеніе слѣдствія по подобному обвиненію, хотя бы оно и лишено было всякихъ основаній, и избавленіе отъ него, представляется для злополучнаго обвиняемаго дѣломъ настолько важнымъ, что онъ долженъ заплатить, хотя бы онъ былъ совершенно невиненъ. Если затѣмъ обвинительница въ изнасилованіи не представляется проституткой завѣдомой, а лишь тайной, или же если порядочная женщина, обуреваемая чувствомъ мести, снѣдаемая страстью стяжанія (сорваніе болѣе или менѣе значительнаго денежнаго куша) или скорѣе всего терзаемая стихійнымъ желаніемъ заставить извѣстнаго мужчину на себѣ жениться, рѣшится явиться въ камеру скваэра и, приподнявъ два пальца, пробормотать стереотипную присягу, заявляя, что такой-то ее изнасиловалъ или покушался изнасило-

вать, то злополучный обвиняемый, какъ бы онъ ни былъ невиненъ, имѣетъ мало шансовъ на оправданіе и такимъ образомъ поставленъ въ необходимость «уладить» (settle) дѣло еще до поступленія его на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, то-есть, или жениться на обвинительницѣ, или по крайней мѣрѣ уплатить ей болѣе или менѣе значительную денежную сумму, если онъ располагаетъ средствами. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что въ странѣ свободы угнетенныя ея невинности представляють нерѣдко обвиненія въ изнасилованіи, или покушеніи на таковое, которыя учинены будто бы нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ тому назадъ. Здѣсь самъ собою рождается вопросъ: какимъ образомъ въ странѣ, именующей себя «страною свободы», странѣ, заявляющей себя «величайшей демократіей на земномъ шарѣ», странѣ, претендующей на наивысшее доселѣ извѣстное осуществленіе извѣстныхъ демократическихъ принциповъ—свободы, равенства и братства, понынѣ, на рубежѣ XX вѣка, можетъ существовать подобное неравенство половъ передъ правосудіемъ, подобное угнетеніе человѣческой личности подъ предлогомъ его вершенія, попраніе личныхъ правъ столь чудовищное? На вопросъ этотъ намъ придется отвѣтить въ иномъ мѣстѣ, ибо пока мы занимаемся лишь разсмотрѣніемъ способовъ принужденія къ браку и вовсе не должны выходить за предѣлы рассматриваемаго предмета. Такъ какъ выше мы привели нѣсколько фактическихъ образчиковъ такого принужденія путемъ обвиненія въ нарушеніи обѣщанія жениться, то здѣсь мы должны дать также нѣсколько образчиковъ подобнаго принужденія путемъ какъ обвиненія въ прижитіи ребенка, такъ и обвиненія въ изнасилованіи.

Нѣкая Daisy Watkins, нынѣ состоящая гардеробщицей театральной компаніи «Въ веселомъ Нью-Йоркѣ», существующей и подвижающейся въ городѣ того же имени, ранѣе состояла въ томъ же званіи при «Camille d'Arville's Opera Company». Въ 1895 году однимъ изъ главныхъ пѣвцовъ означенной оперной компаніи, въ сезонъ 1895—1896 года пѣвшей въ городѣ Cleveland, штата Ohio, былъ нѣкій Charles Arling Parr, выступавшій на сценѣ просто подъ именемъ Charles Arling. Пѣвецъ приглянулся молоденькой гардеробщицѣ; затѣмъ онъ во всякомъ случаѣ получалъ приличное жалованье да сверхъ всего этого состоялъ, какъ многіе утверждали, въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ домою извѣстныхъ богатей Phelps Arling, въ городѣ Манчестерѣ, въ Англии, и являлся наследникомъ извѣстной части изъ громаднаго состоянія. Всѣ это было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы молоденькая Daisy завела «любовь» съ опернымъ «первымъ любовникомъ» и проводила съ нимъ всѣ почти свои свободные часы. Она—весьма недурна собой, жива, остроумна, и потому оперный пѣвецъ перваго ранга ею не побрезгалъ, но тѣмъ не менѣе по части брачной оказался неподатливымъ и не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности на ней жениться,

Тогда молоденькая Daisy, достаточно просвѣтившаяся на всемъ томъ, что она видѣла на театральныхъ подмосткахъ, замыслила нѣкій весьма хитроумный планъ. Она притворилась тяжело больной, сбита съ толку приглашеннаго врача и сумѣла такъ ловко разыграть симптомы приближающейся смерти, что къ одру ея тяжелой болѣзни былъ приглашенъ священникъ. Этому послѣднему она принесла полное сознание въ своей грѣховной любви къ Charles Arling, повѣдала всѣ проистекающія изъ таковой страданія, ввѣрила тайну зачатія младенца, описала всѣ порожденныя этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ тревоги, опасенія и мученія и такъ сумѣла разжалобить духовнаго отца, что онъ рѣшительно высказался вслѣдъ затѣмъ предъ врачомъ и нѣкимъ Dennis Rone, помощникомъ молоденькой гардеробщицы, о необходимости настоять на томъ, чтобы Charles Arling женился на бѣдной страдалицѣ. Врачъ и Dennis Rone тотчасъ отправились въ камеру мѣстнаго мирового судьи, предъ-явили къ оперному первому любовнику обвиненіе въ прижити ребенка съ Daisy Watkins, получили постановленіе объ арестѣ Арлинга, и чрезъ пятнадцать минутъ онъ былъ уже въ мѣстѣ заключенія, т.-е. ему была предумышленно преграждена возможность раздобыть себѣ поручителя. Тогда о. Farrell, приглашенный къ смертному одру молоденькой гардеробщицы и на ея предсмертной исповѣди узнавшій тайну ея жизни и источникъ ея скорбей, пригласивъ съ собой священника кафедральнаго собора, отца Vache, отправились вмѣстѣ въ кутузку, въ которой содержался Charles Arling, и стали его убѣждать жениться на бѣдненькой Daisy Watkins. Имѣя полное основаніе сомнѣваться въ материнствѣ этой послѣдней, озадаченный первый любовникъ оперной компаніи объявилъ духовнымъ отцамъ о своемъ желаніи съ ней объясниться и подъ конвоемъ полицейскаго офицера отправился вмѣстѣ съ ними къ ней на квартиру. Едва вошли они въ комнату больной и Charles Arling подошелъ къ ея постели, какъ ея помощникъ по гардеробной части Dennis Rone, откуда ни возьмись, схватываетъ его за руку, заставляетъ больную съ большими усиліями встать съ постели и вкладываетъ схваченную его руку въ ея руку, между тѣмъ какъ отецъ Farrel приступаетъ къ обряду бракосочетанія. Оперный первый любовникъ, пораженный подобной неожиданностью, отказывается отвѣчать удовлетворительно на входящія въ обрядъ вопросы. Священники раздражены, священники въ гнѣвѣ; выступаетъ впередъ полицейскій офицеръ и объявляетъ непокорному, что если онъ не станетъ должнымъ образомъ отвѣчать на вопросы чинящаго бракосочетаніе священника, то будетъ снова немедленно препровожденъ въ арестное помѣщеніе. «Хорошо, пойдемте!» — отвѣчаетъ оперный первый любовникъ, которому такъ неожиданно и при обстоятельствахъ столь исключительныхъ пришлось разыгрывать роль подневольнаго жениха. Тутъ помощникъ дипломатичной не-

вѣсты по гардеробной части выхватываетъ изъ кармана заряженный револьверъ и приставляетъ къ виску непокорнаго; священникъ снова повторяетъ тѣ же вопросы; рука невольно брачащагося дрожитъ въ маленькой ручкѣ его будущей дражайшей половины; глаза его невольно поворачиваются въ своихъ орбитахъ по направленію къ расположенному вблизи нихъ огнестрѣльному оружію; заплетающимся языкомъ онъ даетъ требуемые отъ него удовлетворительные отвѣты. Черезъ нѣсколько минутъ обрядъ бракосочетанія заканчивается, священники, полисманъ и помощникъ гардеробщицы, принеся новобрачнымъ соотвѣтственныя поздравленія, удаляются, и дѣвица Daisy Watkins, ставъ г-жей Arling, внезапно выздоравливаетъ. Невольный супругъ, донельзя потрясенный и глубоко возмущенный всѣмъ происшедшимъ, рѣшается бросить какъ свою новобрачную, съ которой не обмѣнялся онъ ни единымъ словомъ, такъ и давно занимаемое мѣсто въ оперной компаніи и уѣзжаетъ въ Нью-Йоркъ, гдѣ поступаетъ въ иную оперную компанію. Свѣжеиспеченная Mrs Charles Arling (у англосаксовъ жена носить не только фамилію, но и имя мужа) продолжаетъ нѣкоторое время попрежнему состоять гардеробщицей въ оперной компаніи въ Cleveland, но затѣмъ также уѣзжаетъ въ Нью-Йоркъ. Въ октябрѣ 1896 года, десять мѣсяцевъ спустя послѣ сего террористическаго бракосочетанія, она привлекаетъ у одного изъ нью-йоркскихъ мировыхъ судей своего подневольнаго супруга къ отвѣтственности за непредоставленіе содержанія ихъ четырехмѣсячному ребенку, и затѣмъ судъ присяжныхъ опредѣляетъ ей съ него на сей предметъ по 5 долларовъ въ недѣлю. Будучи однако вполне убѣжденъ, что навязанная ему жена никогда не рожала никакого дитяти, злополучный оперный первый любовникъ, горькимъ опытомъ убѣдившійся, какъ невыгодно играть роль перваго любовника въ дѣйствительной жизни въ странѣ, подобной «странѣ свободы», благоразумно обратился къ хорошему адвокату. Произведенное этимъ послѣднимъ разслѣдованіемъ обнаружилось, что въ маѣ того же (1896) года, т. е. за четыре мѣсяца до принесенія г-жей Arling жалобы въ судъ на на своего мужа, у нью-йоркской акушерки Bucholz была на дому подъ присмотромъ и разрѣшилась отъ бремени бѣдная роженица, по имени Марса. Новорожденная дѣвочка получила имя Камиллы и была куплена г-жею Arling, она же Daisy Watkins, за 25 долларовъ. Продажа эта была извѣстна не только самой акушеркѣ, но также мужу ея и дочери Nellie Bucholz, которая самолично и отнесла купленное дитя изъ дома своей матери въ квартиру покупщицы. Замѣчательно, что въ самый день покупки (9 мая 1896 г.) Camille d'Arville, антрепренерша и режиссерша оперной компаніи, распѣвавшей въ этотъ сезонъ въ г. Cleveland, штата Ohio, въ которомъ ранѣе служили Charles Arling и его таинственная супруга, получила отъ этой послѣдней телеграмму изъ Нью-Йорка, извѣщавшую ее, что у

Daisy Watkins (она же Mrs Charles Arling) родилась «прелестная голубоокая малютка». Обнаружилось далѣе, что г-жа Charles Arling была черезчуръ нетерпѣлива и неосторожна и разболтала многимъ сосѣдямъ и знакомымъ, какъ она, молъ, одурачила своего законнаго супруга. Получивъ такимъ образомъ достаточныя доказательства, что Camille Arling вовсе не дочь его жены, сценическій первый любовникъ, попрежнему состоящій нынѣ въ Camille d'Arville's Opera Company, въ настоящее время играющій въ Нью-Йоркѣ, чрезъ своего повѣреннаго возбудилъ дѣло у подлежащаго судьи. Daisy Watkins, она же насильственная г-жа Charles Arling, нынѣ состоящая гардеробщицей въ опереточной компаніи подъ именемъ «Въ веселомъ Нью-Йоркѣ», въ нынѣшній сезонъ играющей также въ Нью-Йоркѣ, арестована и по предварительномъ слѣдствіи отдана на поручительство въ 1.000 долларовъ. Дѣло ея вскорѣ поступитъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, и процессъ этотъ общаеетъ быть весьма интереснымъ. Обвиняется она въ клятвопреступничествѣ (perjury): согласно общимъ приемамъ американской юридической техники подъ это преступленіе подведены всѣ ея многообразныя и разновременныя дѣянія.

Марія Копко была простой галицкорусской дѣвкой, когда она около трехъ лѣтъ тому назадъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ русскихъ эмигрантовъ изъ Галиціи, явилась въ Америку. Какъ и множество иныхъ галицкорусскихъ выходцевъ, попала она въ прибрежный штатъ New Jersey, а именно на табачную фабрику въ небольшомъ городѣ Perth Amboy. Здѣсь вскорѣ нашелся для нея и подходящій любовникъ въ лицѣ молодаго угорскаго русина Петра Гозали. Марія Копко, прибывъ въ страну свободы всего лишь шестнадцати лѣтъ отъ роду, оказалась молоденькой да изъ раннихъ и обнаружила чрезвычайныя способности къ уразумѣнію и усвоенію духа американскихъ учрежденій, характера американскаго правосудія и сущности американскихъ порядковъ вообще. Эта прехорошенькая блондинка, съ своимъ представительнымъ и красивымъ Петромъ Гозалей являвшая очень недурную пару, проживъ нѣкоторое время въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, просвѣтилась и цивилизовалась; на американскій манеръ, конечно. Она узнала, что здѣсь, въ этой заморской странѣ, она не есть уже какая нибудь тамъ простая дѣвка, а госпожа (lady), и притомъ не только лишь госпожа (respectable lady); она наслушалась розсказней, что въ качествѣ уважаемой госпожи она пользуется не только бѣльшими сравнительно съ мужчиной правами, но и совершенно исключительными преимуществами: такъ, напимѣръ, никакая земная сила не можетъ подорвать силу принятой ею на судѣ присяги, «сломай ея присягу» (break her oath). Почувствовавъ въ себѣ такимъ образомъ здѣсь, по другую сторону океана, присутствіе элементовъ нѣкоторымъ образомъ, такъ сказать, божественныхъ, Марія Копко, еще такъ недавно

бывшая простой галицкорусской дѣвкой, стала уже совершенно иначе обращаться со своимъ любовникомъ, приняла въ отношеніи его тонъ вполне командирскій и наконецъ безапелляціонно объявила ему, что онъ долженъ безотлагательно съ ней обвѣнчаться. Петръ Гозаля съ своей стороны также немало наслушался о томъ, что въ этой, молъ, Америкѣ, баба всему голова, что здѣсь съ бабой ничего не подѣлаешь, что здѣсь, молъ, надо двѣнадцать свидѣтелей—мужчинъ, чтобы «сломать бабскую присягу», если она за что либо на мужчину жалуется и т. п., и посему естественно убоился противорѣчить своей возлюбленной и безпрекословно согласился на всѣ ея требованія. Но вато, когда наступила минута идти подъ вѣнецъ, Петръ Гозаля, тотъ самый Гозаля, которому не разъ уже смерть глядѣла въ глаза въ подземной каменно-углеломнѣ, который безстрашно работаль огромнымъ желѣзнымъ ломомъ и динамитомъ, рискуя каждую минуту быть засыпаннымъ обрушившимися подземными скалами, этотъ безстрашный Гозаля убоился и въ трепетѣ безоглядно бѣжалъ изъ Perth Amboy. Свыше получаса прождавъ прибытія своего жениха въ русской (униатской) церкви въ подвѣчномъ платѣ, Марія Кошко была извѣщена, что ея нареченный исчезъ безслѣдно, и ни съ чѣмъ вернулась домой. Она не упала въ обморокъ, она даже не заплакала, ибо она достаточно уже просвѣтилась въ странѣ свободы и была убѣждена, что ничто не можетъ «сломать ея присяги». Она стала развѣдывать, куда именно удраль мятежникъ, и, наконецъ, узнала, что онъ находится въ соседнемъ штатѣ Pennsylvania, являющемся, скажемъ мимоходомъ, средоточіемъ славянской эмиграціи въ Новомъ Свѣтѣ. Недолго думая, она собралась и отправилась за нимъ слѣдомъ, но онъ удраль при самомъ еще ея приближеніи. Она снова вывѣдала, гдѣ онъ находится, и снова пустилась за нимъ въ погню, но онъ оказался крайне бдительнымъ и осторожнымъ и снова улизнулъ. Такимъ образомъ цѣлый годъ гонялась молоденькая русскоамериканская дѣвушка, просвѣщенная и вдохновленная судебной практикой и порядками якобы великой республики, за своимъ терроризованнымъ любовникомъ. Наконецъ, этотъ послѣдній, будучи убѣжденъ, что его преслѣдовательница никогда не возвратится въ мѣсто первоначальнаго ихъ жительства и ихъ первой встрѣчи, переселился въ Perth Amboy. Но неутомимая дѣвица не преминула разнюхать, гдѣ именно пребываетъ предметъ неукротимыхъ ея желаній, и съ величайшими предосторожностями, въ глухую полночь, прибыла въ этотъ скромный городокъ штата New Jersey, гдѣ ей довелось на зарѣ юныхъ дней у ступеней церковнаго алтаря испытать подобный афронтъ. Пользуясь правами и порядками «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», Марія Кошко уже по полуночи явилась къ мировому судѣ, присягнула, что Петръ Гозаля годъ тому навадь учинилъ надъ ней «тяжкое преступленіе», получила постановленіе судьи объ

его арестъ и вмѣстѣ съ полисмэномъ Walters отправилась въ русско-польскіе кварталы городка разыскивать квартиру своего бѣглаго суженаго. Цѣлый домъ, въ которомъ обитала нѣкая русская семья съ численнымъ отрядомъ «нахлѣбниковъ» (столующихся квартирантовъ), къ числу которыхъ принадлежалъ и Гозаля, былъ поднятъ на ноги, и сей злонесчастный возлюбленный былъ привлеченъ съ постели въ пріемную (parlor): эдѣсь въ присутствіи всѣхъ обитателей дома, съ заспанными и испуганными лицами толпившихся у дверей изъ столовой въ пріемную, Марія Копко, осѣненная грозной фигурой полисмэна, выглядывавшаго изъ-за ея плечей, и потрясая судейскимъ постановленіемъ, поставила бѣглецу отъ алтаря роковую дилемму — или вѣнецъ, или тюрьма! Гозаля, захваченный врасплохъ, растерявшійся, еще недостаточно обамериканившійся для того, чтобы догадаться раздобыть себѣ поручителя и подобному судебному террору противопоставить помощь порядочнаго адвоката, имѣлъ однако настолько мужества, чтобы сопротивляться столь возмутительному насилію и рѣшительно объявилъ, что онъ предпочитаетъ тюрьму. Но когда онъ, валяясь на грязныхъ нарахъ совершенно примитивнаго мѣста заключенія, какими отличаются небольшіе городки «страны свободы», представилъ себѣ перспективу лишенія мѣста въ каменноугледомнѣ за неявкой на работу и всѣ бѣдствія безработицы, независимо отъ исхода угрожающаго ему процесса, онъ упалъ духомъ и рѣшился предпочесть брачное ложе этимъ грязнымъ нарамъ и обрядъ церковнаго бракосочетанія насиліямъ и издѣвательствамъ американскаго правосудія. Поэтому, когда на слѣдующее утро у двери его камеры показался синій мундиръ американскаго блюстителя порядка и этотъ послѣдній, подосланный его просвѣтившейся прежней любовницей, заглядывая черезъ желѣзную рѣшетку окна въ дверяхъ его камеры, его окликнулъ и съ циническимъ смѣхомъ спросилъ, не передумалъ ли онъ, и не лучше ли было бы ему обвѣнчаться, онъ, скрѣпя сердце, отвѣчалъ утвердительно. Черезъ полчаса находчивая и предприимчивая Марія Копко стояла уже въ той самой русской церкви, у того самаго алтаря, въ томъ самомъ подвѣчномъ платьѣ, что и годъ тому назадъ; кромѣ священника и дьячка въ церкви находилось лишь нѣсколько случайныхъ посѣтителей, не имѣвшихъ въ этотъ день работы; Гозаля введенъ былъ въ храмъ массивнымъ американскимъ полисмэномъ, который сталъ немного сзади брачащихся и невольно явился такимъ образомъ ихъ посаженнымъ отцемъ. Когда обрядъ бракосочетанія закончился, посаженный отецъ первый двинулся вонъ изъ церкви и удалился восвояси, между тѣмъ какъ священникъ, отецъ Іоаннъ Каминскій, сказалъ невольному новобрачному порусски: «ну, гляди, Петро, не утекай снова!» Энергичная новобрачная слегка улыбулась, а свѣтскаго фабрикованный супругъ, убитый и удрученный, слѣшилъ выйти изъ церкви, чтобы за ея дверями вздохнуть воздухомъ страны «свободы».

Около двухъ лѣтъ тому назадъ разыгрался въ Нью-Йоркѣ громкій процессъ по обвиненію нѣкою Barbara Aub нѣкоего Walter Langerman въ изнасилованіи. Langerman состоитъ клеркомъ (нѣчто въ родѣ секретаря) одной крупной адвокатской фирмы въ Нью-Йоркѣ же: онъ отличается соблазнительной внѣшностью, вращается въ порядочномъ обществѣ и ведетъ жизнь совершенно свободную, но ведетъ ее открыто и откровенно, чѣмъ сильнѣйшимъ образомъ вооружаетъ противъ себя пресловутое англосаксонское ханжество, которое не можетъ, какъ извѣстно, извинить самую невинную вольность, разъ таковая допускается открыто, и охотно прощаетъ самый грязный развратъ, лишь бы только онъ разыгрывался подъ добродѣтельной внѣшностью, прикрытъ былъ соотвѣтственною маской. Barbara Aub принадлежала къ той довольно многочисленной категоріи американскихъ дѣвушекъ, которыя стремятся во что бы то ни стало играть извѣстную роль въ такъ называемомъ обществѣ (society), не имѣя никакихъ положительно для этого данныхъ. Такія особы обыкновенно поступаютъ въ церковный хоръ своего прихода, являются непремѣнными продавщицами на разныхъ церковноблаготворительныхъ базарахъ, фигурируютъ на всевозможныхъ благотворительныхъ увеселеніяхъ. Но за этой казовой, показной, фигурантской свой дѣятельностью онѣ либо не занимаются ровно ничѣмъ, если только принадлежать къ зажиточнымъ семьямъ, или состоятъ агентами (по нашему комиссіонерами) разныхъ торговыхъ предпріятій и фирмъ. Barbara Aub состояла городской агентшей какой-то крупной книжной торговли. Какъ-то вечеркомъ явилась она въ квартиру Walter'a Langerman'a, занимающаго нѣсколько комнатъ въ меблированномъ домѣ, и, пробывъ около полтора часа, удалилась. Черезъ два мѣсяца къ сему вечернему покупателю книгъ предъявлено было обвиненіе въ изнасилованіи. Прежде всего невольно бросается въ глаза то обстоятельство, что для всякаго агента по продажѣ книгъ гораздо естественнѣе и удобнѣе къ секретарю адвокатской фирмы прійти съ такою цѣлью въ дѣловые дневные (по нашему присутственные) часы въ контору фирмы, нежели съ той же цѣлью, да притомъ еще въ ночное время, являться къ нему на квартиру. Затѣмъ на судѣ изъ показанія квартирной хозяйки обвиняемаго обнаружилось, что Barbara Aub еще ранѣе нанесеннаго Langerman'у визита явилась къ ней, разспрашивала ее о томъ, женатъ ли онъ или холостъ, какой онъ ведетъ образъ жизни, много ли имѣетъ онъ, какъ говорятъ, друзей среди прекраснаго пола и т. п. Никакихъ положительно доказательствъ, кромѣ этой пресловутой американской «присяги», обвинительницей и ея адвокатомъ представлено не было, ибо таковыхъ совершенно не имѣлось. Для всякаго безпристрастнаго и неумопраченнаго лица представлялось очевиднымъ, что дѣло затѣяно съ цѣлью заставить жениться. Тѣмъ не менѣе однако предсѣдательствующій судья, recorder Hoff, имѣвшій «зубъ» противъ

обвиняемаго, велъ процессъ настолько пристрастно, что при томъ огромномъ вліянїи, какое имѣетъ американскій судья на присяжныхъ засѣдателей, таковой получилъ совершенно неожиданный оборотъ: Langerman былъ осужденъ. Согласно американскимъ процессуальнымъ порядкамъ предсѣдательствующій судья по воспослѣдованіи рѣшенія присяжныхъ засѣдателей постановляетъ судебный приговоръ чрезъ нѣсколько дней. По осужденіи Langerman'a, въ этотъ именно промежутокъ, обвинительницѣ его Barbara Aub довелось въ воскресный день пѣть для заключенныхъ въ знаменитой нью-йоркской тюрьмѣ Sing Sing вмѣстѣ съ нѣкою Mary Kellard, прославившейся какъ своей благотворительной дѣятельностью, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и своими приключеніями. Въ тюрьмѣ Mary Kellard напомнила Barbara Aub о судьбѣ Langerman'a и со свойственной нѣкорымъ субъектамъ и въ особенности женщинамъ психологической чуткостью подмѣтила въ этой послѣдней крайнее смущеніе и угрызеніе совѣсти. Пользуясь моментомъ, она употребила все свое краснорѣчіе и всю свою недюжинную способность вліять на другихъ, чтобы заставить Barbara Aub сознаться ей въ лживости возведеннаго ею на Langerman'a обвиненія. Затѣмъ ей посредствомъ горячихъ усовѣщиваній и продолжительныхъ увѣщаній удалось склонить обвинительницу отправиться вмѣстѣ съ ней къ предсѣдательствующему судѣ Hoff и заявить сему послѣднему о ложности обвиненія, ею возведеннаго на Walter Langerman'a. Онѣ явились къ вышеозначенному судѣ вечеромъ, и Barbara Aub твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ принесла столь многозначительное сознаніе. По учиненіи требуемыхъ закономъ формальностей, осужденный былъ тотчасъ освобожденъ изъ-подъ стражи, а вслѣдъ затѣмъ лжеобвинительница была арестована по обвиненію въ клятвопреступничествѣ (perjury). Какъ и всѣ почти дѣла по обвиненію въ семъ тяжкомъ преступленіи въ странѣ свободы, дѣло это закончилось оправданіемъ обвиняемой. Хотя принесенное Barbara Aub сознаніе во взведеніи ложнаго противъ Walter Langerman обвиненія и произвело въ свое время немалую сенсацію, а равно оставило по себѣ извѣстное впечатлѣніе, тѣмъ не менѣе, однако, подобныя же обвиненія въ видахъ принужденія къ браку, вымогательства денегъ или наконецъ ради мщенія, обвиненія, абсолютно бездоказательныя и завѣдомо ложныя, по прежнему сплошь и рядомъ возникаютъ въ этой чудовищной странѣ свободы на изнанку и, что всего чудовищнѣе, попрежнему допускаются на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Главнымъ ихъ мотивомъ является все-таки принужденіе къ браку или, правильнѣе говоря, вымогательство женитьбы.

Если такимъ образомъ американская женщина всѣми силами и средствами стремится къ браку; если для этой цѣли она ловко пользуется чудовищнымъ состояніемъ правосудія въ странѣ; если для ея достиженія она не останавливается даже предъ клятвопреступ-

ничествомъ, представляющимъ все-таки по американскимъ законамъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ преступленій, хотя рѣдко наказуемымъ, то спрашивается: чего же ищетъ она въ супружествѣ, и что она въ немъ находитъ?

Если хотя бы слегка присмотрѣться къ американскому супружеству и способамъ его заключенія, то невольно обращаетъ вниманіе великое множество браковъ поспѣшныхъ, скоропалительныхъ, совершаемыхъ по преимуществу «уходомъ». Гражданскія законодательства всѣхъ почти штатовъ Союза требуютъ для заключенія церковнаго брака разрѣшенія гражданскихъ властей города или уѣзда въ лицѣ мѣстныхъ скваэровъ или мировыхъ судей (squire, justice of the peace). Лица, желающія вступить въ бракъ, должны явиться въ камеру судьи и представить по два свидѣтеля изъ гражданъ республики, которые принимаютъ присягу въ томъ, что каждое изъ нихъ не состоитъ нынѣ въ супружествѣ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, вдовцы, вдовы и разведенные, совершенно уравниваются съ холостяками и дѣвушками, никогда не состоявшими въ супружествѣ, съ другой же — бракъ можетъ быть заключаемъ безконечное число разъ. Въ случаѣ желанія брачащихся обвѣнчаться въ церкви, имъ выдается на руки разрѣшительное свидѣтельство (certificate), въ случаѣ же ихъ желанія заключить бракъ въ гражданскомъ порядкѣ, обрядъ бракосочетанія совершаетъ самъ скваэръ или же въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ опредѣленный членъ городского муниципалитета (alderman). Единственное въ этомъ отношеніи исключеніе составляетъ штатъ Maryland, въ которомъ допускается лишь бракъ церковный. Для вступленія въ бракъ лицъ, не достигшихъ опредѣленнаго возраста (16 лѣтъ, 18 лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ штатахъ даже 21 годъ), требуется согласіе родителей, либо опекуновъ. Само собою разумѣется, что въ случаѣ желанія брачащихся заключить бракъ гражданскій, обрядъ бракосочетанія, совершаемый скваэромъ, либо альдерманомъ, слѣдуетъ непосредственно за приводомъ къ присягѣ брачныхъ свидѣтелей и самихъ брачащихся и этотъ послѣдній такимъ образомъ сливается съ первымъ. Между прочимъ, въ штатѣ Нью-Йоркъ и нѣкоторыхъ другихъ для вступленія въ бракъ несовершеннолѣтнихъ не требуется согласія родителей. Однако на всѣ эти требованія закона многіе, какъ должностныя лица, такъ и священники, смотрятъ какъ на нѣчто, не имѣющее большого значенія, и нѣкоторые изъ духовныхъ отцовъ дѣлаютъ своей специальностью совершеніе браковъ въ обходъ законнаго порядка. Необходимо пояснить, что разъ мировой судья, либо альдерманъ, въ удостовѣреніе возраста брачащихся и неимѣнія препятствій къ браку ограничивается ихъ личной присягой, не требуя двухъ брачныхъ свидѣтелей, а равно если священникъ въ удостовѣреніе тѣхъ же обстоятельствъ ограничивается лишь ихъ личнымъ заявленіемъ, то вся отвѣтственность за сокрытіе истиннаго возраста или

существующихъ законныхъ препятствій къ данному бракосочетанію ложится на самихъ брачащихся, и они подлежатъ за сіе отвѣтственности, какъ за лжесвидѣтельство или клятвопреступничество (perjury). Въ такихъ случаяхъ какъ должностныя лица, такъ и лица духовныя добровольно и отечески позволяютъ себя обмануть.

Существовали и доселѣ существуютъ въ странѣ свободы опредѣленныя мѣстности, прославившіяся именно такими легкостью и безпрепятственностью бракосочетаній. Съ восточной стороны американскаго материка такими мѣстами убѣжища бѣжавшихъ любовныхъ парочекъ до послѣдняго времени были города Jersey City, Hoboken и Camden, штата New Jersey. Будучи расположены лишь чрезъ рѣку Гудзонъ отъ Нью-Йорка, города Jersey City и Hoboken служили пріютомъ для любовныхъ парочекъ, бѣжавшихъ изъ метрополиі Нового Свѣта, т. е. Нью-Йорка, а городъ Camden, какъ лежащій у самой границы между штатами New Jersey и Pennsylvania и очень близко къ столицѣ этого послѣдняго, городу Филадельфіи, являлся такимъ же пріютомъ для всякой любовной четы, улизнувшей отъ ярости родителей сего добродѣтельнаго града. Не требуетъ поясненій, что значительныя льготы и облегченія, предоставляемыя брачнымъ законодательствомъ штата New Jersey лицамъ, желающимъ сочетаться узами супружества, сравнительно съ иными штатами, сдѣлали изъ штата этого мѣсто злачное для гонимыхъ и невинно угнетаемыхъ любовныхъ сочетаній двухъ ближайшихъ крупныхъ городовъ двухъ сосѣднихъ штатовъ. Сотни бѣглыхъ любовниковъ тянулись непрерывно по направленію къ вышеупомянутымъ тремъ городамъ изъ перваго и третьяго городовъ ресублики, и общее число браковъ лицъ, не принадлежащихъ къ числу обывателей штата, въ штатѣ New Jersey равнялось 5.000. Особенно велико было количество этихъ спѣшныхъ браковъ въ сравнительно небольшомъ городѣ Camden, куда каждое воскресенье прибывали десятки парочекъ изъ Филадельфіи и иныхъ мѣстностей Пенсильваніи. Въ эти 52 воскресенья священники города получали гораздо больше за совершеніе бракосочетаній, нежели за всю остальную свою пастырскую дѣятельность въ теченіе круглаго года, а слѣдуетъ имѣть въ виду, что священники въ Соединенныхъ Штатахъ получаютъ отъ своихъ приходовъ солидное жалованье независимо отъ платы за требы. При подобной прибыльности этихъ спѣшныхъ бракосочетаній не могло, конечно, не существовать между духовными отцами болѣе или менѣе значительной конкуренціи. Многіе изъ нихъ имѣли своихъ специальныхъ комиссіонеровъ, которые являлись на желѣзнодорожныя станціи къ прибытію опредѣленныхъ поѣздовъ, опытнымъ глазомъ сразу опознавали любовныхъ бѣглецовъ и прямо вели ихъ къ своимъ священникамъ. Обыкновенно такими комиссіонерами были лихачи, которые получали за комиссію изрядную плату, а именно половину суммы, полученной священникомъ за совершеніе

бракосочетанія. Но граждане штата New Jersey были крайне недовольны и даже «скандализованы» всѣмъ этимъ и наконецъ недавно издали строгіе законы (такъ называемый Lloyd law) противъ необычайныхъ наѣзжихъ браковъ, которые въ извѣстной степени положили предѣлъ прежнему порядку вещей и, замѣтимъ мимоходомъ, окончательно убили матеріальное благоденствіе многихъ камденскихъ священниковъ и лихачей. Но всё-таки есть еще въ странѣ свободы достаточно этихъ Меккъ для бѣжавшихъ любовниковъ. Едва ли не наиболѣе интересной изъ нихъ представляется наистарѣйшій отель въ городѣ Bristol, штата Tennessee, девять лѣтъ тому назадъ основанный пасторомъ А. Н. Burroughs подъ наименованіемъ Nickels House. Его существованіе вызвано строгостью брачнаго законодательства сосѣдняго штата Virginia, требующаго для вступленія въ бракъ несовершеннолѣтнихъ письменнаго согласія родителей или попечителей. Дабы помочь бѣдѣ, въ какой находятся многія любовныя парочки штата Virginia, пасторъ А. Н. Burroughs рѣшилъ завести у себя въ Bristol алтарь для бѣглыхъ любовниковъ, и дѣла его идутъ отлично. Помимо солидныхъ доходовъ и отличнаго положенія дѣлъ его отеля, стоящаго внѣ конкуренціи съ прочими отелями города, добродушному пастору выпадаетъ нерѣдко лестная роль приведенія къ благополучному концу самыхъ романическихъ злоключеній. Многія парочки, съ раскраснѣвшимися лицами и пылающими взорами прибывающія въ Bristol и прямо устремляющіяся въ отель Nickels House, принадлежатъ къ самымъ аристократическимъ семьямъ штатовъ Virginia и West Virginia, между тѣмъ какъ иныя, наоборотъ, очень бѣдны. Часто прилетаютъ къ благодѣтельному пастору такіе бѣдняки, которые не въ состояніи даже получить необходимые официальные документы (отъ гражданскихъ властей). Въ подобныхъ случаяхъ находятся всегда добрые, либо просто любопытные, люди, которые выручаютъ растерявшуюся парочку изъ грозящей ей бѣды, уплачивая за неѣ потребныя суммы. Нерѣдко и даже часто случается, что невѣста имѣетъ всего лишь 15 лѣтъ отъ роду, между тѣмъ какъ женихомъ является почтенный вдовецъ въ возрастѣ отъ 40 до 60 лѣтъ. Но бываетъ иногда и наоборотъ, что совершенный юнецъ, плутовскимъ образомъ опутанный какой либо сѣдовласой, но пылкой вдовой, изъ-подъ носа родительскаго ея увозится въ Bristol и подводится къ вольнолюбивому алтарю пастора Burroughs. Обыкновенно любовныя парочки, жаждущія сочетанія узами брачными достигаютъ супружественной Мекки послѣ одолѣнія множества серьезныхъ препятствій: бѣгство отъ родителей было такъ трудно; разъяренный отецъ съ нѣсколькими пріятелями гнался за бѣжавшею дочерью десятки миль по горамъ и доламъ, то утопая въ снѣгу, то по колѣни бродя въ водѣ, и лишь посредствомъ нечеловѣческихъ усилій удалось любовникамъ опередить ихъ на болѣе или менѣе значительное разстояніе. Рѣдко хотъ

одна недѣля пройдетъ безъ того, чтобы не подъѣхала къ гостепріимнымъ дверямъ отеля Nickels House парочка совершенно юныхъ возлюбленныхъ, которые день и ночь мчались верхомъ на лошади чрезъ горы, нерѣдко при температурѣ значительно ниже нуля. Но не только города Tersey City и Camden, эти упавшія уже нынѣ супружественныя Мекки американскаго востока, наикультурнѣйшей части американскаго материка; не только городъ Bristol съ его знаменитымъ пасторомъ Burroughs, эта супружественная Мекка американскаго юга, еще многія другія подобныя же Мекки страны свободы заслуживали бы вниманія, если бы только позволяли намъ размѣры нашего очерка. Ежедневно приходится читать въ газетахъ, какъ тамъ парочкѣ любовниковъ на парномъ велосипедѣ (tandem) удалось ускользнуть отъ преслѣдованія разъяреннаго родителя и его друзей, во весь карьеръ гнавшихся за ними на отборныхъ лошадяхъ, и обвиняться на цѣлыхъ 15 минутъ ранѣ прибытія погони въ мѣсто бракосочетанія; какъ въ другомъ мѣстѣ священникъ совершалъ обрядъ бракосочетанія бѣглецовъ подъ бѣшеные переливы звонка его квартиры, положительно отрываемаго посланцомъ родителей невѣсты или жениха, какъ въ третьемъ мѣстѣ съ семнадцатилѣтнимъ юнцомъ сочеталась бракомъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, ложно присягнувъ предъ сквазромъ, что ей шестнадцать лѣтъ. Нѣкоторыя изъ этихъ зеленыхъ бракосочетаній поражаютъ своей грубой простотой. Къ дверямъ знаменитаго въ своемъ родѣ отеля Nickels House въ городѣ Bristol, штата Tennessee, о которомъ уже говорено выше, подъѣзжаетъ парочка американскихъ горцевъ, возсѣдая на спинѣ измученнаго мула; невѣста на кулѣ кофе далеко сзади жениха. Юнецъ облаченъ въ испачканный костюмъ изъ кентукской бумази, полинялую отъ солнца широкополую шляпу и грубой работы ботинки, а молоденькая невѣста, возсѣдающая на кулѣ кофе, одѣта въ поблекшее, голубое, ситцевое платье съ бѣлыми крапинками, и на правой рукѣ ея красуется гуттаперчевое обручальное кольцо. Дернувъ за узду и остановивъ мула, молодой горецъ крикнулъ: «Эй!» Пасторъ Burroughs показался въ дверяхъ.

— Здѣсь, что ли, можно обвиняться?

— Да, здѣсь мы связываемъ людей брачными узами—къ добру или ко злу.

— А сколько будетъ стоить вѣнчанье?

— Это сообразно съ кошелькомъ cadaго; два доллара и пятьдесятъ сентовъ не будетъ слишкомъ много?

— Э, да я могу это сдѣлать дешевле въ North Carolina!—воскликнулъ юнецъ и не дожидаясь, пока пасторъ сбавитъ цѣну, онъ прищипорилъ мула и помчался по направленію къ помянутому штату.

Черезъ пять дней парочка возвратилась въ Bristol. Великодушный основатель свободолюбиваго брачнаго алтаря на самой границѣ штатовъ Tennessee и Virginia, въ предѣлахъ перваго веду-

щій цѣлое предпріятіе, за которое ему пришлось бы отвѣчать въ послѣднемъ, соединилъ бѣдныхъ горцевъ узами супружества.

А вотъ другая подобная же буколика, позаимствованная изъ общественной жизни того же штата Tennessee, въ которомъ подвизается престарѣлый пасторъ Birtoughs. Молоденькая дѣвушка, почти дѣвченка, вблизи своей хижины, черпаетъ ключевую воду изъ источника, между тѣмъ какъ мимо проѣзжаетъ верхомъ нѣкій юнецъ.

— Здорово, Сэлъ (Саррушка)!

— Здорово, Томъ (Омущка)!

— Ступай сюда, скачи на мою лошадь и отправимся вмѣстѣ въ Egwin (сосѣдній городокъ).

— Зачѣмъ?

— А тамъ обвѣнчаемся.

— Да вѣдь вы еще не ухаживали за мной!

— Я знаю, что я не ухаживалъ, но я былъ заваленъ работой; тѣмъ не менѣе я рѣшительно намѣренъ на васъ жениться.

— Но у меня нѣтъ платья.

— Да мы отправимся на ту сторону Egwin, въ убѣжище сестры Магдалины, и я куплю вамъ платье.

— Вѣрно ли, Томъ?

— Вѣрно, Сэлъ.

— Какое же платье?

— Самое лучшее, какое только найдется въ лавкѣ г-на Lowe.

Дѣвушка не возражала болѣе. Она поставила на землю ведро и вскочила на лошадь, крича своей матери: «мама, я отправляюсь съ Томомъ въ Egwin обвѣнчаться; мы скоро возвратимся!» Мать, сидѣвшая у окна, выбѣжала изъ избы, повидимому, съ цѣлью позвать ее назадъ, но лошадь мчалась галопомъ по проселочной дорогѣ, и они были уже далеко. Она взглянула мелькомъ на стоявшихъ неподалеку молодыхъ людей, взяла ведро, наполненное водой, и, не произнеся ни слова, унесла его въ избу.

А вотъ нѣсколько совершенно свѣженькихъ, весеннихъ «уходовъ» въ иномъ родѣ. Пятнадцатый уже годъ славится по всей Америкѣ колоссальная труппа вѣскога Pawnee Bill, извѣстная подъ наименованіемъ «Wild West» (Дикій Западъ). Pawnee Bill—это артистическій въ своемъ родѣ псевдонимъ, истинное же имя основателя знаменитой труппы или, правильнѣе говоря, знаменитаго предпріятія, состоящаго изъ многихъ разнородныхъ труппъ—Gordon W. Lillie. Индійскіе наѣзтники, кавказскіе горцы, тирольскіе стрѣлки, русскіе казаки; наѣзтники и наѣзницы «Дикаго Запада», т. е. западной части сѣверо-американскаго материка, мексиканскіе бойцы съ разъяренными быками (соотвѣтствующіе испанскимъ торреадорамъ), лихія техасскія наѣзницы, мѣтко стрѣляющія на всемъ скаку, битвы между индійцами и бѣлыми и т. п.—таковъ разнообразный персоналъ и репертуаръ этой колоссальной труппы. Въ полномъ своемъ

составъ она показывается лишь въ крупнѣйшихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, обыкновенно же разныя ея части одновременно даютъ представленія въ различныхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ городахъ республики. Собственно это—громадный циркъ, организованный на основѣ известной претензіи изображать жизнь и нравы «Дикаго Запада», причемъ всѣ эти кавказскіе горцы, тирольскіе стрѣлки и русскіе казаки сходятъ также за представителей сего «Запада». Подобный циркъ соответствуетъ какъ нельзя болѣе грубымъ вкусамъ и невыскаательнымъ требованіямъ американцевъ и находится въ блестящемъ финансовомъ положеніи, между тѣмъ какъ труппа «мейнингенцевъ», безъ сомнѣнія, не могла бы продержаться въ странѣ свободы. Но помимо успѣха матеріальнаго «представители» западной окраины сѣверо-американскаго материка получаютъ еще и лавры иного сорта. Нерѣдко изъ того или иного городка, ошастливленнаго лицеизрѣніемъ чудодѣйствій прославленной труппы или ея части, исчезаетъ дѣвица, въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ, очарованная и прельщенная тѣмъ, либо инымъ, изъ наѣздниковъ, подъ предлогомъ, а нерѣдко и съ дѣйствительнымъ намѣреніемъ, гдѣ нибудь тамъ вступить съ нимъ въ супружество. Очарование такое мы съ большей или меньшей натяжкой рѣшаемъ подвести подъ категорію очарованій «артистическихъ». Последнимъ изъ подобныхъ исчезновеній представляется «уходъ» нѣкоей Laura Egolf, дѣвочки 15 лѣтъ, проживавшей въ г. Williamsburg, вблизи Нью-Йорка, съ однимъ изъ «пастуховъ» прославленнаго «Дикаго Запада».

Нѣкоторое время тому назадъ семейство нѣкихъ Hoyt Freeman, одно изъ наиболѣе почтенныхъ и уважаемыхъ семействъ большого города Syracuse, штата New York, замѣтило значительную фамиллярность, допускаемую ихъ кучеромъ Edward Doyle по отношенію къ младшей изъ дочерей miss Julia Freeman и этой послѣдней благосклонно принимаемую. Она была отправлена изъ дома на нѣкоторое время погостить у хорошихъ знакомыхъ, но по ея возвращеніи та же фамиллярность между изысканной барышней и кучеромъ продолжалась. Этотъ послѣдній былъ рассчитанъ, а барышню перестали выпускать на улицу иначе, какъ въ сопровожденіи старшей сестры. На второй день Пасхи, miss Julia Freeman находилась въ нѣкоторомъ волненіи и подъ вечеръ почти не отходила отъ фронтowychъ оконъ гостиной, глядя на улицу. Вдругъ, по другую сторону улицы, показался рассчитанный кучеръ Edward Doyle и, проходя мимо ихъ дома, сдѣлалъ ей знакъ рукой. Она стремительно бросилась чрезъ переднюю къ выходной двери и, оттолкнувъ старшую сестру, которая пыталась было удержать ее, выбѣжала на улицу. Здѣсь она схватила подъ руку бывшаго кучера своей семьи, и оба исчезли. Отецъ бѣглянки и нѣкоторые изъ его друзей оглядывали всѣ желѣзнодорожные поѣзда, въ этотъ день отходившіе изъ Syracuse, но въ нихъ бѣглецовъ не оказалось. Обнаружилось на слѣдующій день, что Doyle

имѣлъ въ запасѣ лошадь и экипажъ въ сосѣдней улицѣ: бѣглецы вскочили въ него и укатили въ близъ лежащую деревню, гдѣ мѣстный мировой судья и обвѣнчалъ ихъ, а вслѣдъ затѣмъ уѣхали въ городъ Selma, штата Alabama, гдѣ новобрачный получилъ мѣсто объѣздчика лошадей у одного извѣстнаго коннозаводчика.

Было бы, однако, крайне ошибочно заключить, что слѣшными, скоропалительными, нѣкоторымъ образомъ лихорадочными являются въ странѣ свободы лишь браки «уходомъ». Помимо сихъ бѣглыхъ, такъ сказать, брачныхъ сопряженій, заключается здѣсь немало такихъ же скоропалительныхъ браковъ и при обыкновенныхъ, нормальныхъ житейскихъ условіяхъ. Приведемъ здѣсь хотя немногіе, наиболѣе типичные ихъ образчики, выхваченные изъ американской жизни текущихъ дней.

Нѣкая Dora Blank является единицей изъ слишкомъ двухсоттысячной русскоеврейской эмиграціи метрополиі Новаго Свѣта, т. е. нынѣ слишкомъ трехмилліоннаго града New York. Пять лѣтъ работала она въ мастерской верхняго платья въ самомъ центрѣ ньюіоркскаго гетто, питая сладкую надежду когда либо выйти замужъ, для чего и сберегла изъ ничтожныхъ заработковъ портняжной мастеріицы 100 долларовъ. Но шли мѣсяцы за мѣсяцами, уходили лучшіе молодые годы хорошенькой, но скромной еврейскоамериканской работницы, а желанный женихъ не подвертывался. Дора обратилась къ свахѣ. Въ тотъ же вечеръ явился къ ней съ визитомъ нѣкій Абрамъ Левковичъ (тоже изъ сферы русской эмиграціи), работающій на фабрикѣ мороженаго, принесъ съ собой коробку такового для угощенія дѣвушки. Онъ настолько понравился этой послѣдней, что на слѣдующій же день состоялось обрученіе, и бракосочетаніе было назначено на 24-е мая. Въ этотъ вечеръ Абрамъ Левковичъ снова явился къ Дорѣ Бланкъ, уже своей невѣстѣ, и снова принесъ коробку мороженаго. Нѣсколько дней спустя, онъ объяснилъ ей, что нынѣ, съ приближеніемъ лѣтняго сезона, онъ открываетъ нѣкое увеселительное предпріятіе на Coney Island (въ родѣ нашихъ петербургскихъ «острововъ»), для чего нужны немалыя деньги, и попросилъ дать ему на сей предметъ ея 100 долларовъ. Она охотно вручила ему сбереженія отъ пятилѣтняго тяжелаго труда. На слѣдующій день онъ вопреки обѣщанію не явился и не принесъ коробки мороженаго, но Дора не придавала этому особаго значенія, полагая, что онъ очень занятъ устройствомъ увеселительнаго предпріятія. Въ ближайшую субботу она случайно узнала, что ея очаровательный женихъ давно уже женатъ и имѣетъ троихъ дѣтей. Она не упала въ обморокъ, ибо дѣвушка, несущая на себѣ тяжкій трудъ, приучается къ превратностямъ судьбы и терпѣнію, а обратилась къ подлежащему мировому судѣ. Вѣроломный отецъ семейства, такъ успѣшно разыгравшій роль кандидата въ супружество, былъ арестованъ по обвиненію въ выманиваніи денегъ подѣ вымышленными

предлогами и, представъ предъ судьей, выслушалъ требованіе Доры Бланкъ возвратить ей ея сто долларовъ. Онъ отрицалъ полученіе таковыхъ, и дѣло должно поступить на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Отъ начала знакомства до обрученія прошелъ одинъ день, а отъ обрученія до неосторожнаго врученія денегъ шесть дней. Ну, и развѣ чающая супружества не поступала весьма скоропалительно и крайне неосторожно? Крайне любопытно, что находившійся въ камерѣ судьи во время предварительнаго слушанія дѣла по обвиненію Левковича Дорой Бланкъ нѣкій Исаакъ Коганъ (тоже изъ нѣдръ ньюіоркскаго гетто), арестованный по обвиненію въ продажѣ подтяжекъ на улицѣ въ воскресный день (всякая торговля въ воскресенье строго преслѣдуется въ Соединенныхъ Штатахъ), предложилъ обвинительницѣ на ней жениться всего лишь за 50 долларовъ. Она отвергла его.

William Griep, мальчикъ или, если хотите, молодой человекъ восемнадцати лѣтъ, и Florence Webber, четырнадцати лѣтъ, обыватели города Syracuse, штата New York, недавно познакомились по просту во время вечерней прогулки. Они полюбили другъ друга и порѣшили вступить въ супружество. Они отправились къ мировому судѣ и по принятіи невѣстой ложной присяги въ томъ, что ей шестнадцать лѣтъ, были соединены узами брачными. Затѣмъ они отправились къ пастору конгрегациональной церкви, отцу F. L. Luce, и тотъ великодушно согласился выполнить для нихъ церемонію церковнаго бракосочетанія за 50 сентовъ, весь капиталъ, какимъ новобрачный располагалъ. Послѣ этого они разошлись по домамъ и, по-прежнему проживая при родителяхъ, сходились лишь секретно. Но вотъ какъ-то малолѣтняя Florence долго не видѣлась со своимъ супругомъ. Потерявъ терпѣніе, она явилась въ домъ его родителей и на недоумѣніе матери его, зачѣмъ онъ ей такъ понадобился, выпалила, что онъ, молъ, ея супругъ. Ея дѣтскій видъ, ея короткое платьѣ заставляли мать семейства усомниться въ справедливости ея заявленій, но наведенныя родителями справки подтвердили, что этотъ странный ребенокъ дѣйствительно ихъ невѣстка. Griep-отецъ возбудилъ въ судѣ дѣло объ уничтоженіи сего брака за несовершеннолѣтіемъ его сына, но малолѣтняя супруга рѣшительно воспротивилась такому уничтоженію и заявила требованіе жить со своимъ мужемъ, между тѣмъ какъ отецъ ея, назначенный пока судомъ ея попечителемъ, ее поддерживаетъ въ ея требованіяхъ.

Нѣкій молодой человекъ, по имени Shirley Richardson Tuck, сынъ вице-президента крупной страховой компаніи «New-York», главное управленіе которой находится въ городѣ того же наименованія, какъ-то случайно познакомился съ молоденькой и хорошенькой дѣвушкой съ артистическими наклонностями, по имени Suzette Virginia Maynard. Какъ сынъ человека очень богатаго, Shirley Richardson Tuck привыкъ къ веселымъ пирушкамъ и ужинамъ съ шампанскимъ. Вслѣдъ за знакомствомъ съ miss Maynard онъ пригласилъ ее съ

нимъ отужинать въ зимнемъ саду одного знакомаго, на что она охотно согласилась. Самый ужинъ этотъ былъ облеченъ такой таинственностью, что никому, даже самому хозяину квартиры, находившемуся въ это время въ отлучкѣ, его подробности совершенно неизвѣстны. Извѣстно лишь, что послѣ шампанскаго молодая парочка пришла въ веселое настроеніе и рѣшила обвѣнчаться. Тотчасъ приглашенъ былъ священникъ ближайшей протестантской церкви, и чрезъ пятнадцать минутъ Richardson Tuck и Suzette Maupard стали законными супругами. Однако, молодой человекъ, побаиваясь отца, на разсвѣтъ вернулся домой, что сдѣлала также и новобрачная, возвратясь подъ кровъ родительскій. На слѣдующее утро она отправилась лишь въ чужую квартиру, въ которой происходила веселая пирушка, закончившаяся бракосочетаніемъ, дабы оттуда забрать свои платья, и, ни слова не говоря хозяину таковой, унесла ихъ домой. Кромѣ нѣсколькихъ часовъ, послѣ пирушки, проведенныхъ вмѣстѣ въ чужой квартирѣ, супруги вовсе не жили другъ съ другомъ. Быть можетъ, супружеское счастье, казавшееся имъ столь несомнѣннымъ и возвышеннымъ чрезъ великолѣпные граненые бокалы, исчезло вмѣстѣ съ пѣной шампанскаго, а, быть можетъ, родители юнца не пожелали признать сего брачнаго сопряженія и по американскому обыкновенію отдѣлались отъ непрощенной невѣстки деньгами.

Г-жа Julia A. Sherman, вдова 91 года, и г. В. F. Hunt, также вдовецъ 87 лѣтъ, въ одинъ прекрасный день порѣшили, что одинокая жизнь—страшная глупость, и рѣшили сочетаться узами супружества. Будучи оба обывателями города Watertown, сравнительно небольшого города штата New York, они порѣшили отпраздновать свадьбу въ домѣ невѣсты самымъ блестящимъ образомъ. Дѣло происходило осенью. Помѣстительныя веранды и просторныя комнаты вдовьяго дома были украшены пальмами, ползучими растеніями и прекрасными цвѣтами. Въ углу пріемной устроена арка изъ бѣлыхъ розъ, и подъ ней совершенъ полный обрядъ бракосочетанія по чину пресвитеріанской церкви. Все шло отлично до тѣхъ поръ, пока жениху пришлось надѣть обручальное кольцо на палецъ невѣсты: рука его настолько дрожала, что онъ достигъ этого лишь послѣ немалыхъ усилій. Невѣста облачена была въ шелковое платье лаванднаго цвѣта съ отдѣлкой изъ черныхъ брюссельскихъ кружевъ, бѣлыя перчатки и бѣлыя же ботинки, а женихъ въ изысканную черную пару. По окончаніи церемоніи, священникъ о. J. Porter горячо поздравилъ новобрачныхъ, послѣ чего начались поздравленія присутствовавшихъ при бракосочетаніи многочисленныхъ друзей обоихъ брачащихся, принадлежащихъ къ наивысшему обществу ближайшихъ городовъ и сосѣднихъ штатовъ. Въ числѣ ихъ былъ, между прочимъ, и бывший губернаторъ штата, г. Flower, съ женой. Новобрачная, перевалившая уже за девять десятковъ, держа въ трясущихся рукахъ огромный букетъ изъ бѣлыхъ розъ, цѣловалась со всеми поздравлявшими. Она была такъ же жива и весела

и въ такомъ же пастроеніи, какъ и молодые люди изъ гостей, заявляя, что она не получала такъ много поцѣлueвъ за всю свою жизнь, а новобрачный такъ же рѣзвъ, какъ юнецъ 20 лѣтъ, съ своей стороны заявляя, что это уже его третье бракосочетаніе, но онъ никогда не былъ такъ счастливъ, какъ нынѣ. Остается порадоваться и намъ съ вами, мой благосклонный читатель, что есть еще на свѣтѣ страна, въ которой девяностолѣтніе старики, словно еле оперившіеся юнцы, радуются своему бракосочетанію.

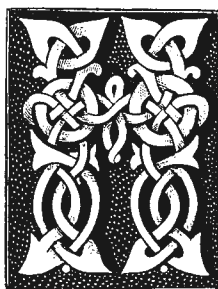
Однако, всѣ вышеприведенные нами типы какъ добровольныхъ, такъ и принудительныхъ бракосочетаній не могутъ, конечно, ни по своей оригинальности, ни по присущему нѣкоторымъ изъ нихъ трагизму, сравняться съ однимъ бракосочетаніемъ, недавно имѣвшимъ мѣсто въ г. Бостонѣ, колыбели нынѣшней американской культуры и цивилизаци. Во всѣхъ городскихъ газетахъ появились огромныя объявленія о томъ, что въ такой-то день въ зоологическомъ саду произойдетъ бракосочетаніе въ клѣткѣ льва. Валомъ валили столь падкіе на все сенсационное янки въ назначенный вечеръ въ мѣстный зоологическій садъ, и народу набилось болѣе 5.000. Въ самомъ центрѣ сада на нѣкоторомъ возвышеніи красовалась огромная клѣтка, изъ которой выглядывала отборнѣйшая львиная пара— «Цезарь» и «Клеопатра». Подлежащими бракосочетанію оказались нѣкая miss Charlotte Wiberg, шведская дѣвушка, жительница Бостона же, 20 лѣтъ, и венгерскій музыкантъ, Arthur Andrassy, 27 лѣтъ, явившійся изъ Нью-Йорка. Когда начались подготовленія къ совершенію обряда, львы обнаружили совершенную робость и стали прятаться въ задніе углы клѣтки, такъ что сторожа должны были выгонять ихъ оттуда палками, дабы ихъ морды были обращены ко входу въ клѣтку. Когда заигралъ огромный органъ, вслѣдъ за тѣмъ запѣлъ великолѣпный хоръ мальчиковъ и показалась брачная процессія, лютые звѣри были, очевидно, очарованы и смирнехонько лежали въ задней части клѣтки. Облаченные въ подвѣчные уборы наилучшаго свойства (конечно, на счетъ содержателей звѣринца), женихъ и невѣста, слегка поблѣднѣвъ, мужественно вошли въ клѣтку въ сопровожденіи укротителя, вооруженнаго острымъ желѣзнымъ шестомъ. Священникъ о. George Reader совершалъ обрядъ, прибывъ для того, согласно уговору, изъ штата Ohio, но на всякій случай содержатели звѣринца имѣли въ запасѣ и здѣсь же наготовѣ цѣлыхъ трехъ священниковъ. Бракосочетаніе закончилось въ четыре минуты, но оно могло бы закончиться еще скорѣе, если бы женихъ въ возбужденіи не надѣвалъ обручальнаго кольца на всѣ пальцы невѣсты, пока не попалъ на настоящій. Новобрачные цѣлыхъ три часа принимали поздравленія, и бѣдные львы лишь около полуночи получили возможность уснуть. **Е. Правдинъ.**

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія раздѣленія церкви въ IX, X и XI вѣкахъ. Съ подробнымъ указателемъ русской литературы, относящейся къ этому предмету, съ 1841 года по 1900. А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1900.

АСТОЯЩАЯ книга представляетъ пятый томъ полнаго собранія церковно-историческихъ сочиненій извѣстнаго московскаго профессора А. П. Лебедева, изданіе коихъ предпринято почтеннымъ ученымъ по поводу 25-ти-лѣтія его учено-литературной дѣятельности. Книга посвящена весьма любопытному вопросу о раздѣленіи христіанской церкви на восточную и западную въ IX-XI вѣкахъ. Она состоитъ изъ трехъ большихъ отдѣловъ и приложенія.

Отдѣлъ первый книги профессора Лебедева разсматриваетъ взаимныя отношенія между церковью греческою и римскимъ папой въ IX вѣкѣ, иначе — касается исторіи знаменитаго константинопольскаго патріарха Фотія, ко времени котораго относится возникновеніе разногласій между церквами. Здѣсь, въ главѣ предварительной (стр. 1—34) выясняется происхожденіе и дѣлается характеристика партій Игнатіанской и Фотіанской, существовавшихъ въ нѣдрахъ византійскихъ въ IX вѣкѣ. Эти партіи получили свое названіе отъ имени двухъ константинопольскихъ патріарховъ Игнатія и Фотія, изъ коихъ каждый по два раза, одинъ за другимъ, вступалъ на византійскую патріаршую кафедру, каждый какъ въ церкви, такъ и въ свѣтскомъ обществѣ имѣлъ большій или мень-

пій кругъ приверженцевъ, между которыми и происходила упорная и продолжительная борьба. Борьба эта возникла не изъ случайныхъ причинъ и не изъ пустыхъ недоразумѣній, напротивъ, — имѣла глубокія основанія, скрывавшіяся въ спорахъ и разногласіяхъ, какіе имѣли мѣсто въ византійской церкви, нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше, именно въ правленіе патріарховъ Тарасія (784—806 г.), Никифора (806—815 г.) и Меѳодія (842—846 г.). Означенные патріархи, при рѣшеніи нѣкоторыхъ церковно-общественныхъ вопросовъ, держались принципа такъ называемой «экономіи» (οἰκονομία): этимъ терминомъ въ византійской практикѣ называется особый видъ политики, когда допускали послабленіе или временное прекращеніе дѣйствій нѣкоторыхъ точнѣйшихъ законовъ; это дѣлалось непременно по распоряженію императора, ради какихъ либо высшихъ интересовъ. Посему дѣятельность этихъ патріарховъ отличалась терпимостью и снисходительностью къ грѣховной волѣ челоуѣка. Но такое отношеніе къ законамъ вызвало сильное противодѣйствіе со стороны строгихъ ревнителей православной вѣры, преимущественно монаховъ, которые настойчиво проводили принципъ обязательнаго для всѣхъ точнаго соблюденія догматовъ и правилъ. Партія патріарха Игнатія по своимъ стремленіямъ, идеаламъ и самой дѣятельности примыкаетъ именно къ тѣмъ церковнымъ партіямъ, которыя заявили себя противодѣйствіемъ патріархамъ Игнатію, Никифору и Меѳодію, а партія патріарха Фотія представляетъ собою какъ бы продолженіе дѣятельности и стремленій, какими были одушевлены Тарасій, Никифоръ и Меѳодій въ борьбѣ съ лицами, протестовавшими противъ нихъ.

Далѣе, въ восьми главахъ перваго отдѣла книги профессора Лебедева излагаются событія изъ исторіи патріарха Фотія. Въ частности въ главѣ первой (стр. 35—51) описываются сношенія Византіи и Рима съ начала патріаршества Фотія до собора 861 года. Фотій занялъ константинопольскую патріаршую кафедру въ 857 году. Это былъ челоуѣкъ весьма ученый, съ необыкновеннымъ даромъ привлекать къ себѣ людей, съ рѣдкою энергіей и силою воли. Римскимъ папою тогда былъ извѣстный Николай I, много сдѣлавшій для возвышенія папской власти. Стремясь укрѣпить папскій авторитетъ и на Востокѣ, Николай I вмѣшался во внутреннія дѣла церкви константинопольской, воспользовавшись борьбою сторонниковъ патріарховъ Игнатія и Фотія, призналъ Фотія незаконно занявшимъ престоль, а Игнатія неправильно лишеннымъ патріаршаго достоинства, и требовалъ дѣло каждаго изъ нихъ на свой судъ. Въ этомъ смыслѣ папа Николай написалъ посланіе византійскому императору Михаилу III и Фотію, а вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ въ Константинополь и двухъ своихъ представителей для изслѣдованія патріаршаго дѣла. Въ 861 году, при участіи папскихъ пословъ, въ Константинополь состоялся соборъ, именуемый Перво-вторымъ или Двукратнымъ, на которомъ патріархъ Игнатій былъ осужденъ, а избраніе его преемника Фотія было признано правильнымъ. Объ этомъ соборѣ ведется обстоятельная рѣчь во второй главѣ разсматриваемой книги (стр. 51—64). Въ третьей главѣ (стр. 65—103) описывается борьба папы Николая I съ патріархомъ Фотіемъ. Послѣ собора 861 года Фотій послалъ папѣ письмо, гдѣ отстаивалъ свободу и самостоятельность константинопольской церкви и внушалъ папѣ, что его власть на Востокъ не простирается. Въ

отвѣтъ на это Николай въ обширномъ посланіи 862 года изложилъ ученіе о главенствѣ римской церкви и отвергъ патриаршее достоинство Фотія. Изъ Византіи онъ снова получилъ возраженіе, послѣ котораго лишилъ Фотія епископскаго достоинства и даже званія простаго клирика, а впослѣдствіи требовалъ, чтобы Фотій и Игнатій прибыли въ Римъ на папскій судъ. На Востокъ пренебрежительно отнеслись къ этому требованію папы, а въ годъ смерти этого послѣдняго (867) въ Константинополь состоялся церковный соборъ, на которомъ папа Николай былъ осужденъ.

Въ 867 году византійскій императоръ Михаилъ III былъ убитъ, и престолъ занялъ Василій Македонянинъ. Изъ-за личныхъ интересовъ онъ низвергъ Фотія и возвелъ на патриаршую кафедру Игнатія, начальные годы (867—869) второго патриаршества коего и описываются въ четвертой главѣ книги проф. Лебедева (стр. 104—126). Здѣсь въ частности говорится, что въ означенное время императоръ Василій и патриархъ Игнатій вошли въ сношенія съ римскимъ папою Адрианомъ II, выгодныя для папства и прискорбныя въ отношеніи правъ и достоинствъ церкви Константинопольской. Результатомъ этого былъ римскій соборъ 869 года, на которомъ были сожжены акты константинопольскаго собора 867 года и о Фотіи были составлены опредѣленія въ духѣ требованій папы Николая I, о чемъ папа Адрианъ и довелъ до свѣдѣнія духовной и свѣтской власти Византіи. Но этимъ дѣло не ограничилось. По желанію императора Василія и патриарха Игнатія, въ 869—870 г. въ Константинополь состоялся соборъ, признаваемый на Западѣ VIII вселенскимъ соборомъ, на которомъ патриархъ Фотій былъ осужденъ. Профессоръ Лебедевъ въ пятой главѣ своей книги (стр. 127—200) подробно разсматриваетъ дѣянія этого собора и описываетъ ходъ всѣхъ десяти его засѣданій. Однако соборъ этотъ оказался не на высотѣ своего назначенія. Патриархъ Фотій тотчасъ по окончаніи собора объявилъ его «варварскою засадою», комедіей, гдѣ «давались представленія, какъ на сценѣ», сборищемъ «неистовыхъ коривантовъ и вакхантовъ», собраніемъ, которое само себя «покрыло стыдомъ». И дѣйствительно, по словамъ извѣстнаго католическаго историка Гергенрёттера, автора трехтомной книги о Фотіи, константинопольскій соборъ 869—870 г. скоро былъ «забытъ, остались безъ употребленія и его правила, ни одинъ греческій канонистъ не комментируетъ этихъ правилъ, ни одинъ юридическій сборникъ не приводитъ ихъ текста, они какъ будто бы сквозь землю провалились, и только немногія греческія рукописи сохранили сокращенный текстъ актовъ этого собора».

Но мнимо-добрыя отношенія, установившіяся между Византіей и Римомъ послѣ собора 869—870 г., продолжались недолго: въ 871 году папа Адрианъ потребовалъ отъ константинопольскаго патриарха уступки въ пользу папской юрисдикціи Болгарской епархіи, а преемникъ Адриана—Иоаннъ VIII, вновь подтвердилъ это требованіе. Константинополь отвѣчалъ молчаніемъ на эти папскія требованія. Скоро обстоятельства рѣзко измѣнились не въ пользу папскихъ стремленій. Въ 877 году патриархъ Игнатій умеръ, а преемникомъ его вновь избранъ знаменитый Фотій, такъ какъ императоръ Василій увидѣлъ, что только возвращеніемъ Фотія на патриаршій престолъ можно было прекратить внутреннюю борьбу на Востокѣ и дать надлежащій отпоръ папскимъ стремленіямъ.

Папа Іоаннъ VIII, въ виду тяжкихъ обстоятельствъ, въ коихъ находилась тогда папская область, вынужденъ былъ признать Фотія патриархомъ. Объ этомъ восстановленіи Фотія на патриаршемъ престолѣ говорится въ шестой главѣ книги профессора Лебедева (стр. 201—233).

Въ седьмой главѣ (стр. 234—298) подробно описывается константинопольскій соборъ 879—880 года, именуемый Софійскимъ и признаваемый иногда на Востокѣ VIII вселенскимъ. Засѣданія этого собора, по словамъ Генгенрёттера, открылись прославленіемъ Фотія, этимъ же прославленіемъ и закрылись. Это имѣло весьма важное значеніе: соборъ положилъ конецъ смутамъ и раздорамъ, возникшимъ въ византійской церкви съ 869 года, возвратилъ къ дѣятельности лучшихъ представителей византійской іерархіи — Фотія и его приверженцевъ, и этимъ далъ имъ нравственное удовлетвореніе за прежнія ихъ страданія во имя правды, указавъ на главныхъ виновниковъ смутъ на Востокѣ — римскихъ папъ, которые ради своекорыстныхъ расчетовъ вмѣшивались въ чужія дѣла, и, наконецъ, осудили при участіи папскихъ легатовъ направленные противъ Фотія и его приверженцевъ распоряженія прежнихъ папъ, выставивъ на видъ и вообще незаконность папскаго вмѣшательства въ дѣла восточной церкви. Въ восьмой и послѣдней главѣ перваго отдѣла (стр. 298—301) сообщается о новой и послѣдней борьбѣ папы Іоанна VIII противъ Фотія изъ-за болгарскаго вопроса. Борьба не имѣла для папы желаннаго успѣха. Въ 886 году патриархъ Фотій вторично оставилъ патриаршую кафедру и скончался на кофѣ въ 891 году.

Во второмъ отдѣлѣ книги профессора Лебедева (стр. 302—320) описываются взаимныя отношенія византійской и римской церковей при константинопольскомъ патриархѣ Николаѣ Мистикѣ (906—925 гг.). Отношенія эти завязались по поводу четвертаго брака императора Льва VI Мудраго, который (бракъ) признается въ восточной церкви незаконнымъ; однако римскій папа Сергій III разрѣшилъ императору этотъ бракъ. Отсюда возникли разногласія между патриархомъ Николаемъ и римскимъ папою, завязалась и борьба у перваго съ императоромъ. Николай даже былъ лишенъ кафедры. Однако послѣ оного опять получилъ ее и достигъ того, что при участіи папъ поступокъ императора былъ осужденъ, а папамъ вновь было дано понять, что они незаконно вмѣшиваются въ чужія дѣла.

Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ (стр. 321—343) описывается окончательное раздѣленіе церковей, состоявшееся въ 1053—1054 году. Поводомъ къ раздѣленію послужило посланіе Льва, архіепископа Ахридскаго, касательно нѣкоторыхъ заблужденій римской церкви, написанное по внушенію константинопольскаго патриарха Михаила Керуларія и отправленное епископу Іоанну Трапійскому (въ Апулію). Это письмо весьма оскорбило гордаго первосвященника римскаго Льва IX, который въ письмѣ къ патриарху выразилъ противъ Керуларія свое неудовольствіе, раскрылъ ученіе о главенствѣ римской церкви и унижительно отзывался о церкви константинопольской. Въ 1054 году въ Константинополь прибыло папское посольство для переговоровъ съ императоромъ Константиномъ Мономахомъ относительно защиты греческихъ владѣній въ Италіи отъ нападенія норманновъ и для примиренія папы съ патриархомъ. Во

главъ посольства былъ кардиналъ Гумбертъ, человекъ въ высшей степени страстный, охотникъ до распрей и истый поборникъ преимущества римской каедръ (Куртцъ). Онъ такъ высококомѣрно и оскорбительно велъ себя, что когда увидѣлъ нежеланіе патріарха соответствовать видамъ и намѣреніямъ папы, то рѣшился положить (16 іюля 1054 г.) на алтарѣ Софійскаго храма въ Константинополѣ отлучительную на церковь константинопольскую грамоту. Въ отвѣтъ на это церковь константинопольская 20 іюля того же года произнесла анаѣму на легатовъ римскихъ и лицъ, соприкосновенныхъ къ нимъ. Такъ церковь западная отпала отъ союза съ восточной.

Въ общемъ заключеніи своей книги (стр. 343—344) проф. Лебедевъ пишетъ, что начало раздоровъ между церквами положено римскими папами, которые стремились властвовать на востокъ такъ же, какъ и на западъ, но встрѣтили сильное противодѣйствіе къ этому незаконномъ своемъ стремленіи. Римская церковь, давшая дѣйствительный поводъ къ окончательному раздѣленію церквей, должна и нести предъ судомъ исторіи отвѣтственность за печальныя послѣдствія этого раздѣленія.

Въ приложеніи (стр. 345—415) помѣщенъ обстоятельный критико-библиографическій обзоръ русской литературы, относящейся къ исторіи раздѣленія церквей въ IX—XI вѣкахъ.

Новый томъ въ собраніи церковно-историческихъ сочиненій почтеннаго профессора А. П. Лебедева является весьма полезнымъ. Многоученный авторъ, подробно обозрѣвъ здѣсь исторію раздѣленія церквей, обстоятельно выяснилъ роль гравныхъ дѣятелей эпохи и документально освѣтилъ многія, доселѣ неясныя стороны этого глубокоинтереснаго, но и весьма прискорбнаго событія. Особенно симпатично все то, что проф. Лебедевъ, на основаніи весьма тщательнаго анализа источниковъ, пишетъ о знаменитомъ патріархѣ Фотіи, а критико-библиографическій обзоръ литературы предмета, помѣщенный въ приложеніи, отличается и новизною и основательностью. Книга, по обыкновенію, написана прекраснымъ популярнымъ языкомъ. Словомъ, новое изданіе московскаго ученаго представляетъ собою цѣнное пріобрѣтеніе для русской церковно-исторической литературы.

Z.

М. П. Чельцовъ. Церковь королевства Сербскаго со времени пріобрѣтенія ею автокефальности (1879—1896). (Историко-каноническій очеркъ). Спб. 1899.

Извѣстно, что константинопольская патріархія крайне неблагоклонно относилась къ попыткамъ помѣстныхъ церквей получить право автокефальности, наносившей патріаршеской казнѣ болѣе или менѣе ощутительный денежный ущербъ вслѣдствіе прекращенія взноса установленной мзды отъ подчиненной церкви. Лишь послѣ настойчивыхъ и даже угрожающихъ требованій патріархія соглашалась поступиться частью своихъ правъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ дѣло заканчивалась церковнымъ раздоромъ, сохраняющимъ свою остроту втеченіе очень долгаго времени и запутывающимся въ своего рода гордіевъ узель (такова, напримѣръ, греко-болгарская церковная распра).

Церкви королевства Сербскаго въ этомъ отношеніи посчастливилось: право независимости получено ею сравнительно легко. Едва ли нужно доказывать, какъ благотворно отразилось на всѣхъ областяхъ церковной жизни освобожденіе ея отъ зависимости (хотя бы въ каноническомъ отношеніи и номинальной только) и подвластности константинопольской патриархіи, не имѣвшей особенной нужды принимать близко къ сердцу духовные интересы чужого народа. Такимъ образомъ 1879 годъ составляетъ въ сербской церковной жизни слишкомъ рѣзкую грань: послѣ предшествовавшаго застоя наступаетъ оживленіе, церковныя отношенія получаютъ большую стройность, жизнь церкви регулируется вновь издаваемыми законами, духовенство бодро принимается за работу и заявляетъ себя разностороннею и живою дѣятельностью и проч. Все это даетъ въ распоряженіе канониста много нетронутаго и потому весьма благодарнаго матеріала, обработкой котораго и занялся г. Чельцовъ.

Изслѣдованіе г. Чельцова дѣлится на двѣ части: въ первой представлено обзорнѣе сербской церковной жизни со времени полученія автокефальности до изданія новаго церковнаго закона 1890 г.; вторая содержитъ описаніе внутренняго церковнаго устройства Сербіи въ томъ видѣ, въ какомъ оно сложилось на основаніи этого послѣдняго закона. Въ той и другой части каждой отдѣльной сторонѣ церковной жизни посвящены особыя главы.

При ознакомленіи съ трудомъ г. Чельцова вниманіе читателя—какъ это вполнѣ понятно—останавливается главнымъ образомъ на тѣхъ сторонахъ сербскаго церковнаго устройства и церковной жизни, которыя представляютъ болѣе или менѣе значительную разницу съ параллельными сторонами русской церковной жизни. Въ этомъ отношеніи прежде всего небезъинтересно отмѣтить, что сербскія епархіальныя консисторіи (по крайней мѣрѣ до 1890 г.) пользовались почти полной независимостью отъ епархіальнаго ерхіерея; впрочемъ, съ изданіемъ закона 1890 г., переименовавшаго консисторіи въ «епархіальные духовные суды», эта черта сглаживается, такъ какъ нѣкоторая часть дѣлъ, завѣдующихъ прежде консисторіями, перешла теперь въ полное распоряженіе архіерея. За то судопроизводство по дѣламъ брачнымъ въ Сербіи отличается крайнею продолжительностью и формализмомъ (какъ у насъ). По словамъ г. Чельцова, «объясненіе этому заключается съ одной стороны въ желаніи лучше, всестороннѣе изслѣдовать брачное дѣло и правильнѣе произнести приговоръ, а съ другой—въ томъ, чтобы одной этой продолжительностію предотвратить у многихъ самое желаніе развестись,—такъ сказать, застращать самую мысль о брачномъ разводѣ продолжительностію и формальностію его процесса» (с. 184). Интересно отмѣтить, что, кромѣ обычныхъ причинъ, по которымъ могутъ быть возбуждаемы дѣла о разводѣ, по сербскимъ законамъ поводомъ къ этому можетъ служить: открытое покушеніе однимъ изъ супруговъ на жизнь другого и отступленіе одного изъ супруговъ отъ христіанства.

Интереснѣйшимъ явленіемъ въ жизни сербскаго духовенства представляется существованіе общесербскаго «священническаго общества», открытаго 20 августа 1889 г. въ Нишѣ. Задачи этого общества—весьма обширны: онѣ обнимаютъ собою всѣ стороны пастырскаго положенія и служенія, касаясь, наприимѣръ, взаимопомощи и самоусовершенствованія духовенства въ соотвѣт-

свѣи съ современными потребностями вѣры и церкви, изысканія средствъ къ развитію и поддержанію духовной литературы, изысканія испытанія методовъ для успѣшной пастырской дѣятельности въ соотвѣтствіи съ потребностями паствы и мн. др. (с. 241—242).

Общество имѣетъ филиалы по округамъ («мѣстные скупы») и издаетъ свой органъ «Вѣстникъ Српске Цркве». Весьма также симпатичнымъ явленіемъ слѣдуетъ признать отлично организованный «фондъ для вспоможенія вдовамъ и сиротамъ священниковъ и діаконовъ», довольно серьезно обезпечивающій сиротскія семьи духовнаго званія (чего у насъ, какъ извѣстно, нѣтъ). Что касается средствъ содержанія духовенства, то хотя и въ Сербіи правительственнаго жалованья нѣтъ и единственнымъ источникомъ служить плата за требоисправленія, все же это дѣло имѣетъ болѣе упорядоченный видъ, чѣмъ у насъ. Въ Сербіи существуетъ установленная закономъ такса платы за требы, чѣмъ устраняется всякое недоразумѣніе на этой почвѣ между духовнымъ міромъ и прихожаниномъ. Положимъ, самое слово «такса» звучитъ какъ-то обидно и рѣзко, гдѣ, по слову церковной пѣсни, «ничтоже земное тварь въ себѣ да помышляетъ», но развѣ не во сто разъ обиднѣе и постыднѣе тотъ «торгъ», которымъ у насъ нерѣдко сопровождаются священнодѣйствія. Весьма также важно, что плату эту (по крайней мѣрѣ, значительную часть ея) собираютъ для духовенства въ Сербіи деревенскія власти вмѣстѣ съ другими государственными налогами и передаютъ ее окружнымъ начальникамъ, которые въ свою очередь сдаютъ деньги окружнымъ протоіереямъ. Такимъ образомъ вознагражденіе духовенству имѣетъ видъ особаго налога и распредѣляется равномерно. Слѣдуетъ затѣмъ отмѣтить, что закономъ 1890 г. установлено въ средѣ сербскаго духовенства выборное начало, подвергшееся, впрочемъ, нѣкоторымъ ограниченіямъ въ 1894 г.; немаловажною представляется и та особенность сербскаго церковнаго устройства, что тамъ власть судебная и административная строго разграничены. Въ общемъ церковное сербское устройство не только не страдаетъ примитивностью и какою либо неупорядоченностью, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ можетъ похвалиться преимуществомъ даже по сравненію съ нашимъ церковнымъ устройствомъ. Даже пастырская подготовка поставлена въ Сербіи—если не выше, то лучше, чѣмъ у насъ: въ кругъ предметовъ «богословія» (равняющейся нашей семинаріи) введенъ между прочимъ такой необходимѣйшій, но почему-то отсутствующій у насъ во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, предметъ, какъ «основные законы страны и объ отношеніи между церковью и государствомъ, законъ о церковныхъ властяхъ и законоположенія, касающіяся правъ и обязанностей духовенства» (это—сверхъ каноническаго права).

Мы остановились лишь на болѣе выдающихся особенностяхъ сербской церковной жизни по сравненію съ русскою; для свѣдѣнія интересующихся этимъ дѣломъ лицъ можемъ прибавить, что они найдутъ въ книгѣ много любопытныхъ и поучительныхъ свѣдѣній касательно данной области. Трудъ г. Чельцова въ общемъ интересный и серьезный. Подборъ матеріала не во всѣхъ случаяхъ представляется намъ умѣлымъ и подходящимъ. Такъ, въ первой главѣ, посвященной характеристикѣ отношеній между церковью и государ-

ствомъ, авторъ привелъ все какіе-то слишкомъ ужъ мелочные и ничтожные факты. Крайне неприятно также поразило насъ и то, что авторъ негодного ему сербскаго митрополита Теодосія Мравича честить выдуманной врагами его кличкой «Мраши». Балканская печать вообще прославилась своею несдержанностью и отсутствиемъ хотя бы примитивной порядочности, тамъ можно встрѣтить и почище словечки. Но зачѣмъ потребовалось г. Чельцову загрязнять свою книгу, претендующую на научность и серьезность, подобной выходкой самаго дурнаго тона,—мы не понимаемъ. Лучше бы оставить подобные приемы злобствующимъ братушкамъ, не культивируя ихъ на почвѣ русской науки.

Въ приложеніяхъ помѣщены два интересные документа, касающіеся бракоразводнаго дѣла Милана—именно, письмо его къ митрополиту Теодосію и рѣшеніе послѣдняго о расторгненіи брака. Е. Х.

Н. Ив. Теодоровичъ. Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ. Томъ IV. Староконстантиновскій уѣздъ. Почаевъ. 1899.

Вышедшій надняхъ четвертый томъ труда г. Теодоровича значительно отличается отъ предшествующихъ трехъ, о которыхъ своевременно мы давали отзывъ въ нашемъ журналѣ. Отличіемъ своимъ, впрочемъ, онъ обязанъ не столько автору, подписавшемуся подъ книгой, сколько тѣмъ скромнымъ, работающимъ въ глуши священникамъ-лѣтописцамъ, которые по предложенію ихъ епархіальнаго начальства составили лѣтописи своихъ приходовъ. Многіе изъ нихъ отнеслись къ дѣлу серьезно и потому включили въ свою лѣтопись, помимо официальныхъ свѣдѣній о церкви и приходѣ, много интереснаго соціально-юридическаго и этнографическаго матеріала. Многіе изъ нихъ опубликовали старинные хранящіеся въ церковныхъ архивахъ документа, описали нѣкоторыя заслуживающія вниманія по своей древности книги. Г. Теодоровичъ воспользовался этимъ матеріаломъ, кое-гдѣ переписавъ, кое-гдѣ не дописавъ, и получилось у него довольно объемистое историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Староконстантиновскаго уѣзда. Результатомъ своихъ трудовъ «списатель» — исторіографъ остался настолько доволенъ, что даже позволилъ себѣ «расширить» заглавіе своего труда, назвавъ его «Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ» и т. д. Правда, вынужденный довольно откровенными намеками, высказанными нѣкоторыми рецензентами по поводу его третьяго тома, г. Теодоровичъ теперь въ примѣчаніяхъ вездѣ ссылается на приходскія лѣтописи, а въ самомъ концѣ книжки даже спряталъ небольшое объяснительное «послѣсловіе», заключающее въ себѣ нѣкоторыя, впрочемъ, совершенно неубѣдительныя возраженія рецензентамъ. Изъ этихъ возраженій можно вывести лишь одно заключеніе, а именно: г. Теодоровичъ хотя и утверждаетъ, что онъ не имѣлъ въ своемъ трудѣ помощниковъ, хотя и ставилъ свое имя на обложкѣ, какъ это имѣютъ обыкновеніе дѣлать настоящіе авторы, но на самомъ дѣлѣ, въ глубинѣ души, онъ считаетъ себя только редакторомъ. Это, впрочемъ, еще не бѣда. Былъ бы г. Теодоровичъ

хотя бы хорошимъ редакторомъ, а то вѣдь и этого нѣтъ. Если вы будете имѣть терпѣніе пробѣжать этотъ довольно объемистый томъ, то встрѣтите здѣсь массу повтореній, массу такого матеріала, который долженъ былъ бы быть исключенъ совершенно изъ книги, массу курьезныхъ нелѣпостей. Для образца укажемъ хотя бы на всю 384-ю страницу. Читая ее, вы положительно недоумѣваете, насмѣшка ли это надъ читателемъ, или же здѣсь какое нибудь недоразумѣніе. «Въ описываемой мѣстности, читаемъ у г. Теодоровича, достойны воспоминанія названія селъ: Берегели, быть можетъ, это были сторожевые посты, оберегавшіе Замчики. Въ той же околицѣ есть село Мытницы, быть можетъ, это былъ таможенный пунктъ, гдѣ взималось «мыто». Вдали есть с. Баглаи, быть можетъ, правильнѣе будетъ назвать «Бѣглые» — поселеніе, которое могло образоваться изъ «бѣглыхъ заграничныхъ жителей», а, можетъ быть, это, — соображаетъ г. Теодоровичъ, — «Балалаи», т. е. музыканты какого нибудь князька, игравшіе на балалайкахъ (!!). Приписанное къ Баглаямъ с. Емцы, кажется, испорченное въ устахъ народа слово «Нѣмцы». Тутъ же с. Ладыги, гдѣ, должно быть, «бѣглые», «нѣмцы» и туземцы — всѣ поладились между собою и стали жить согласно — «ладно». Приписное къ с. Самчикамъ с. Губинъ — въ устахъ народа «Згуба», — должно быть, засада, устроенная въ оврагахъ этой мѣстности «згубила» защитниковъ «Замчиковъ». Вблизи есть д. Громовка — быть можетъ, здѣсь когда нибудь жители потерпѣли сильный погромъ отъ непріятелей, при чемъ только жители с. Иршикъ нѣсколько поершились во время погрома, а затѣмъ, видя неустойку (?), помчались на утекъ въ низменную, болотистую мѣстность, очевидно (ну, конечно), тогда поросшую густымъ тростникомъ, гдѣ основали с. Лажеву, гдѣ остатки уцѣлѣвшаго отъ погрома населенія, отъ страха и изнеможенія «лазмя» или «лежа» (а, быть можетъ, стоя бѣгали?!). Быть можетъ, этотъ погромъ устроили ляхи, такъ какъ вблизи есть с. Ляшево. А, быть можетъ, прибавляетъ г. Теодоровичъ, названіе Иршики или Гиршики — отъ слова «гирши», горше, могло произойти отъ того, что жителямъ этой мѣстности горше досталось отъ непріятеля, чѣмъ остальнымъ окрестнымъ»... Ей-Богу, такъ и написано на стр. 384 и 385 книжки, которую г. Теодоровичъ переписывалъ, редактировалъ и корректировалъ. Правда, несмотря на все это, книжка получилась полезная и даже интересная во многихъ отношеніяхъ, но только въ этомъ г. Теодоровичъ повиненъ столько же, сколько и наборщики, печатавшіе его книгу.

Вл. Боцяновскій.

Магда Нейманъ. Армяне. Краткій очеркъ ихъ исторіи и современнаго положенія. Спб. 1899.

Эта книга представляетъ собою бойко и вмѣстѣ съ тѣмъ безсвязно написанный памфлетъ, мало содержательный по фактамъ и еще менѣе убѣдительный съ точки зрѣнія положенной въ основу ея тенденціи. Первоначально статьи г-жи Нейманъ печатались въ журналѣ «Neue Revue», но при переводѣ онѣ были значительно расширены, что не измѣнило ихъ легкаго, фелъетоннаго пошиба. Въ первой части авторъ задался цѣлью представить сжатый очеркъ культурнаго развитія армянъ, этого, по выраженію автора, «дѣятельнаго и про-

грессивнаго элемента въ восточныхъ государствахъ», оказавшаго «Россіи, Турціи, Персіи и другимъ государствамъ» крупныя культурно-экономическія заслуги. Турецкіе и персидскіе армяне, если вѣрить автору, были положительно благодѣтелями русскихъ во время военныхъ дѣйствій; они, вѣроятно, безкорыстно, «восторженно принимали русскія войска, снабжали ихъ съѣстными средствами, доставляли вѣрныхъ проводниковъ (г-жа Нейманъ тутъ же, съ умиленной добросовѣстностью, ихъ и перечисляетъ), отводили зимнія помѣщенія, ухаживали за больными, съ почестями хоронили умершихъ» и т. п. Русскіе же армяне давали Россіи множество добровольцевъ, офицеровъ, всякаго рода оружія, храбрыхъ генераловъ и искусныхъ военачальниковъ», — за примѣрами дѣло не стоитъ, и авторъ называетъ пять-шесть именъ русскихъ дѣятелей изъ армянъ (среди нихъ мы не встрѣтили, между прочимъ, гр. И. Д. Делянова). Къ сожалѣнію, для характеристики ихъ подвиговъ г-жа Нейманъ пользуется преимущественно выдержками изъ газетъ, что производитъ нѣсколько курьезное впечатлѣніе. Приводя затѣмъ многочисленные примѣры культурности армянъ въ ихъ исторіи и современномъ положеніи, г-жа Нейманъ болѣе чѣмъ скептически настроена къ русско-армянской интеллигенціи; она смотритъ на послѣднюю, какъ на большое зло, какъ для Россіи, такъ и для кореннаго населенія Арменіи. Такимъ образомъ, получается неразрѣшимое противорѣчіе: съ одной стороны, армяне сами по себѣ очень культурны, а съ другой стороны — имъ не слѣдуетъ давать образованія, потому что — цитируетъ г-жа Нейманъ князя В. П. Мещерскаго — въ отношеніяхъ интеллигенціи къ народу «творится процессъ ужасный и роковой: процессъ народнаго образованія, гдѣ одинъ или два учатся, а девять или восемь развращаются».

Значительная часть книги посвящена полемикѣ съ покойнымъ проф. К. П. Паткановымъ и редакторомъ газеты «Мшакъ» Григоріемъ Арцруни. Этотъ способъ полемики самый удобный, весьма безопасный и притомъ всегда обезпечивающій побѣду. Паткановъ, видите ли, давно уже, въ 1881 году выпустилъ брошюру подъ заглавіемъ «Ваяскія надписи и значеніе ихъ для исторіи Передней Азіи», въ которой, на основаніи научныхъ данныхъ, доказывалъ, что «Арменія, какъ государство, не играла особенно важной роли въ исторіи человечества, и ея имя было только географическимъ терминомъ страны, въ которой рѣшали свои споры сильныя сосѣди», — слѣдуетъ длинный перечень народовъ. Г-жа Нейманъ, или вѣрнѣе — нѣкій г. Никогосовъ, рукописнымъ трудомъ котораго широко пользуется писательница, или еще вѣрнѣе — оба вмѣстѣ, негодуя, возражаютъ противъ подобнаго приниженія исторической роли армянскаго государства и утверждаютъ за нимъ наиболѣе важную роль во всѣхъ историческихъ событіяхъ, совершившихся въ Арменіи. Разрушивъ г. Патканова и возстановивъ политическое значеніе Арменіи, союзники, г-жа Нейманъ и г. Никогосовъ, переходятъ къ сведенію счетовъ съ Григоріемъ Арцруни, который отвѣтитъ имъ, вѣроятно, не раньше, какъ при встрѣчѣ съ ними въ Елисейскихъ поляхъ. Арцруни, пользовавшійся въ свое время извѣстностью въ качествѣ редактора передовой армянской газеты, является въ освѣщеніи нашихъ авторовъ невѣжественнымъ и наглымъ лицемеромъ, умѣвшимъ и съ властями ладить, и либеральнымъ слыть, и свой интересъ оберегать. Редакти-

ровавшаяся имъ, по выраженію автора, «прогрессивно-радикально-гуманитарно-моралистическая» газета Мшакъ заслуживаетъ, по мнѣнію г-жи Нейманъ, за свое разрушительное вліяніе на общественную нравственность названія «мышьякъ».

Мы не беремъ на себя обязанности защищать почтенныхъ покойниковъ, но не можемъ не отмѣтить, что подобныя приемы проведенія въ общественное сознаніе своихъ идей едва ли совмѣстимы съ понятіемъ о достоинствѣ уважающей себя публицистики, и подобныя книги, могущія ввести въ заблужденіе читателя своимъ обширнымъ заглавіемъ, могутъ создать ихъ составителямъ далеко не почетную извѣстность.

Е. Еленинъ.

А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895). Историческій очеркъ. Выпускъ II. Варшава. 1899.

Второй выпускъ историческаго очерка г. Сидорова о русскихъ и русской жизни въ Варшавѣ обвиняетъ время съ 1830 по 1860 годъ. Событій возстанія и исторіи его усмиренія авторъ не касается вовсе, считая это не входящимъ въ предѣлы своей задачи, и ограничивается краткой характеристикой гр. Дибича, первоначально руководившаго подавленіемъ возстанія, а также въ немногихъ словахъ рассказываетъ о послѣднихъ дняхъ жизни великаго князя Константина Павловича и княгини Ловичъ (гл. XI). Въ слѣдующей главѣ описываются дѣйствія князя Паскевича, взятіе Варшавы, мимоходомъ упоминаются патріотическія стихотворенія Пушкина и Жуковскаго и другихъ, менѣе извѣстныхъ, поэтовъ, написанныя по поводу замиренія края, и т. д. Глава XIII посвящена изложенію мѣропріятій, принятыхъ княземъ Паскевичемъ въ царствѣ Польскомъ въ цѣляхъ тѣснѣйшаго объединенія его съ имперіей. Въ основу управленія краемъ была положена уставная грамота, замѣнившая дарованную императоромъ Александромъ I конституцію, но съ теченіемъ времени постепенно сглаживалась и та частица административной обособленности, которая признавалась «уставной грамотой» за царствомъ Польскимъ: такъ въ 1841 г. былъ упраздненъ государственный совѣтъ царства Польскаго, затѣмъ пути сообщенія были подчинены обще-имперскому министерству путей сообщенія, въ 1851 г. послѣдовало упраздненіе таможенной границы между царствомъ и имперіей и т. д. Что касается личности князя Варшавскаго, то для характеристики его г. Сидоровъ ограничился выписками изъ «Записокъ» Менькова и «Записокъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ» Н. В. Берга — и только; выписки эти касаются совершенно частныхъ случаевъ и при томъ не настолько типичныхъ, чтобы въ нихъ со всею яркостью вырисовывалась фигура грознаго фельдмаршала, а между тѣмъ занимаютъ большую половину главы (XIV), отведенной характеристикѣ Паскевича. Въ XV главѣ рассказана исторія построенія въ Варшавѣ православнаго собора, а также біографія трехъ первыхъ варшавскихъ архіепископовъ — Антонія, Никандра и Арсенія. Въ главѣ XVI дефилируетъ цѣлый рядъ сотрудниковъ князя Паскевича — генералъ Денъ, де-Виттъ, Е. А. Головинъ, Шишовъ, А. Я. Стороженко и пр.; всѣмъ авторъ удѣлил по нѣсколько безцвѣтныхъ строкъ, дающихъ — и то не

всегда—лишь слабый намекъ, что были это за люди. Наиболѣе относящюся къ дѣлу является XVII глава, гдѣ собрано нѣсколько интересныхъ данныхъ о жившихъ въ Варшавѣ русскихъ людяхъ, пріобрѣвшихъ впоследствии извѣстность на томъ или другомъ поприщѣ. Таковы: П. П. Дубровскій, учитель и цензоръ въ Варшавѣ, впоследствии экстраординарный академикъ академіи наукъ, авторъ лучшаго польско-русскаго словаря; П. А. Мухановъ, служившій офицеромъ въ 1831 г., съ 1844 г.—попечитель варшавскаго учебнаго округа; Н. И. Павлицевъ, прожившій въ Варшавѣ съ 1831 по 1870 г., авторъ нѣсколькихъ изслѣдованій по исторіи Польши, и др. Домъ послѣдняго былъ центромъ русскаго образованнаго общества въ Варшавѣ. Кромѣ того, у Павлицевыхъ долго гостили С. А. Соболевскій, Н. И. Глинка, Жуковскій, С. Л. Пушкинъ и др. Коротенькая XVIII глава повѣствуетъ о посѣщеніяхъ Варшавы императоромъ Николаемъ I въ 1835, 1840, 1842, 1845, 1849, 1850 и 1853 гг. Въ слѣдующей главѣ рассказывается о польской вспышкѣ въ 1846 г., объ участіи Паскевича въ венгерской кампаніи, о послѣдовавшей въ Варшавѣ кончинѣ великаго князя Михаила Павловича, о празднованіи 50-лѣтняго юбилея службы Паскевича въ офицерскихъ чинахъ, объ участіи его въ турецкой кампаніи, о кончинѣ Паскевича и о Туркулѣ—словомъ о предметахъ весьма разнообразныхъ и, какъ видитъ читатель, не всегда имѣющихъ непосредственное отношеніе къ указанной въ заглавіи книжки темѣ. Наконецъ послѣдняя (XX) глава посвящена изложенію событій отъ смерти Паскевича до открытаго проявленія мятежа 1863 г.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе второго выпуска этого труда. Если бы не заглавіе, то читатель едва ли догадался бы, что задачу автора составляетъ написать очеркъ русской жизни въ Варшавѣ. Собранныя кое-какъ свѣдѣнія, при отсутствіи опредѣленнаго плана и системы, производятъ впечатлѣніе неряшливо состряпанной окрошки; очень рѣзко бросается въ глаза случайность нѣкоторыхъ фактовъ, приведенныхъ г. Сидоровымъ, что называется, ни къ селу, ни къ городу. Для примѣра укажемъ стр. 117, гдѣ послѣ описанія кончины князя Паскевича говорится вдругъ о Туркулѣ, который и служилъ-то въ Петербургѣ, лишь временами пріѣзжая въ Варшаву. Какое отношеніе къ жизни русскихъ въ Варшавѣ имѣли пріѣзды Туркула,—довольно затруднительно опредѣлить. Между тѣмъ г. Сидоровъ ни словомъ не обмолвился о томъ, какъ складывалась домашняя жизнь русскаго чиновничества средней руки и офицеровъ, какія отношенія установились у русскихъ солдатъ съ простымъ народомъ въ Варшавѣ, какія настроенія и теченія преобладали въ среднемъ русскомъ обществѣ и т. д. При неособенно значительномъ внѣшнемъ объемѣ своего очерка г. Сидоровъ, повидимому, долженъ былъ бы особенно дорожить мѣстомъ, опуская все лишнее, ненужное, съ строгимъ расчетомъ выбирая то, что могло бы прямо относиться къ характеристикѣ жизни русской колоніи въ Варшавѣ; но никакой экономіи въ этомъ отношеніи не наблюдается. И получается въ общемъ такое впечатлѣніе, что очеркъ собранъ откуда попало и шитъ на скорую руку. А жаль: тема—интересна, матеріала—непечатный край, и отнесись авторъ съ большею вдумчивостью къ своей работѣ,—могъ бы получить весьма любопытный историческій этюдъ. К. Х.

Иностранные университеты. Вып. II-й. Университеты Германіи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1899.

Новый выпускъ серіи изданій г. Богдановича объ иностранныхъ университетахъ построенъ совершенно по тому же плану, какъ и сочиненіе объ англійскихъ университетахъ, отзывъ о которомъ былъ данъ въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ. Въ первой главѣ выясняется типъ нѣмецкой высшей школы, которая вѣрно опредѣляется (только не г. Богдановичемъ, о чемъ сказано будетъ ниже), «какъ лабораторія научнаго изслѣдованія и учрежденіе для полученія высшаго научнаго образованія». Затѣмъ идутъ весьма краткія (какихъ нибудь 10 страничекъ) историческія свѣдѣнія о нѣмецкихъ университетахъ, послѣ чего подробно говорится о современномъ университетскомъ строѣ и порядкѣ, свободѣ преподаванія, о жизни студентовъ, отношеніи ихъ къ университету, корпораціяхъ и ассоціаціяхъ. Остальная большая часть книги (около двухъ третей) занята біографическими свѣдѣніями объ юношескихъ годахъ четырехъ выдающихся умственныхъ силъ Германіи: Лейбница, который является типомъ студента для XVII столѣтія, Гете и Гегеля, студенческіе годы которыхъ падаютъ на вторую половину и конецъ XVIII вѣка, и, наконецъ, Гейне, учившагося въ университетѣ уже въ началѣ XIX стол. Таково въ самыхъ краткихъ чертахъ содержаніе книжки г. Богдановича. Останавливаясь на обзорѣ ея подробнѣе я считаю излишнимъ въ силу слѣдующей причины. Въ концѣ предисловія, которое въ главной части своей представляетъ перепечатку предисловія перваго выпуска, съ повтореніемъ фразы о томъ, что въ нашей литературѣ нѣтъ еще общихъ обзоровъ иностранныхъ университетовъ за исключеніемъ немногихъ журнальныхъ статей, г. Богдановичъ указываетъ списокъ русскихъ и иностранныхъ пособій, которыми онъ широко пользовался при составленіи своей книги. Пожелавъ непосредственно убѣдиться, что значить у г. Богдановича широкое пользованіе, я сличилъ его книжку съ двумя изъ этихъ пособій, именно съ имѣющимся на русскомъ языкѣ предисловіемъ проф. Фр. Паульсена къ его классической книгѣ «Die deutschen Universitäten», написанной имъ для выставки въ Чикаго, и съ извѣстной монографіей проф. Вл. И. Герье: «Лейбницъ и его вѣкъ», и къ удивленію своему убѣдился, что подъ понятіемъ широкое пользованіе г. Богдановичъ разумѣетъ не что иное, какъ простую перепечатку своихъ пособій, такъ, напримѣръ, первая глава: «Университетъ въ Германіи», есть текстуальное воспроизведеніе первой же главы русскаго перевода книги проф. Паульсена (Фр. Паульсенъ: «Нѣмецкіе университеты». Переводъ Н. Е. Вернадской. М. 1898, стр. 3—10); стр. 29—32 представляютъ буквальную перепечатку стр. 52—54 проф. Паульсена; стр. 54—59 г. Богдановича дословно заимствованы у г. Паульсена, стр. 101—103; стр. 63—64=Паульс., стр. 96—97; стр. 65—71=Паульс., стр. 104—108 (съ пропуск.); стр. 79—86=Паульс., стр. 109—114; стр. 87—¹/₂93=Паульс., стр. 97—100; стр. ¹/₂93—95=Паульс., стр. 108—109; стр. 105—112=Паульс., стр. 121—126 (съ пропуск.). Перепечатана книга Паульсена до того

буквально, что воспроизведены даже типографскія ошибки ея, напримѣръ, на стр. 91 г. Богдановича читаемъ: «возбужденъ былъ вопросъ объ увеличеніи учебнаго года путемъ сокращенія вакансій»; то же стоитъ и въ переводѣ книги Паульсена, хотя, очевидно, вмѣсто вакансій слѣдуетъ читать вакацій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ проф. Паульсенъ говоритъ въ первомъ лицѣ ед. ч., и г. Богдановичъ чистосердечно употребляетъ я; на другихъ страницахъ это я замѣняется пресловутымъ мы, что невольно напоминаетъ извѣстныя разсужденія Шопенгауэра о писателяхъ и писательствѣ. Что касается книги проф. Герье, то путемъ подобнаго широкаго пользованія изъ нея перепечатано въ изданіи г. Богдановича 19 стр. (Герье, стр. 17—36 = Богданов., стр. 131—170). Къ свѣдѣнію читателя сообщаю, что для біографіи Гете г. Богдановичъ пользовался трудами Льюиса и г. Холодковского, а для біографіи Гегеля книгой г. Е. Соловьева. Наконецъ, отмѣчу, что изъ этого выпуска явствуетъ, какъ мало знаетъ г. Богдановичъ нашу оригинальную и переводную литературу объ иностранныхъ университетахъ: такъ онъ не называетъ трехъ весьма важныхъ пособій: Л. Н. Модзалевскій—«Бытъ студентовъ въ Германіи», Спб., 1865; Т. Циллеръ—«Нѣмецкій студентъ конца вѣка». Перев. съ нѣм. подъ редакціей проф. Карѣева. Спб. 1898; К. Д. Кавелинъ—«Свобода преподаванія и ученія въ Германіи» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1863, №№ 3—4; воспроизведено въ полномъ собраніи сочиненій К. Д. Кавелина, т. III, Спб., 1899).

А. М—нъ.

Извѣстія общества археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ. Т. XV, вып. 3. Казань. 1899.

Лежащій передъ нами третій выпускъ XV тома названныхъ «Извѣстій» открывается статьею священника С. Матвѣева о «погребальныхъ и поминальныхъ обрядахъ крещеныхъ татаръ» уѣздовъ Белебеевского и Мензелинскаго Уфимской губерніи, къ которымъ присоединены «примѣты и сны, предвѣщающіе смерть». Вслѣдъ за нею помѣщены «Историческія пѣсни казанскихъ татаръ», сообщенныя Н. Катановымъ. Сочиненіемъ этихъ пѣсенъ, носящихъ названіе «бейтовъ», говоритъ г. Катановъ, «занимаются обыкновенно молодые люди, учащіеся и учившіеся въ медресахъ, мусульманскихъ среднихъ школахъ, а иногда и старцы, знакомые съ мусульманскою ученостью». «Бейты» разыгрываются обыкновенно на флейтахъ и скрипкахъ, состоятъ изъ нѣсколькихъ куплетовъ и отличаются большою содержательностью сравнительно съ народными пѣснями—«джырыу». Напечатаны г. Катановымъ слѣдующіе «бейты»: «пѣсня о взятіи Казани русскими», состоящая изъ 29 куплетовъ и повѣствующая о славныхъ временахъ при ханѣ Едигерѣ, объ «обидахъ и притѣсненіяхъ», наступившихъ при его преемникѣ Шигалеѣ, о битвахъ русскихъ подъ Казанью, о построеніи русскими Свияжска, о безуспѣшной попыткѣ богатыря Чуры убить Юанна Грознаго и наконецъ о самомъ взятіи Казани; «пѣсня о французахъ и Александрѣ I» (изъ 8 куплетовъ); «пѣсня о французахъ и Николаѣ I» (также изъ 8 куплетовъ); послѣднія почти тождественны по содержанію. Всѣ эти три пѣсни напечатаны въ подлинникѣ въ двухъ транскрипціяхъ: арабско-татарской

и русской академической и въ русскомъ переводѣ. «Въ дополненіе» къ нимъ г. Катановъ помѣстилъ еще двѣ пѣсни, сочиненіе которыхъ казанскими татарами приписывается двумъ казанскимъ ханамъ XVI в.: Мухаммедъ-Амину и Шигалею; въ первой, состоящей изъ 3 куплетовъ, говорится о Тамерланѣ, а во второй (изъ 2 куплетовъ)— о «везирахъ» Шигалея.

Далѣе, въ числѣ «матеріаловъ» находимъ любопытныя свѣдѣнія о «баксахъ»—лѣкаряхъ и колдунахъ (остатокъ шаманства), съ многочисленными ихъ «призывами» и «заклинаніями», собранныя г. А. Диваевымъ, и двѣ статейки г. В. Борисова. Въ первой изъ нихъ онъ говоритъ о городѣ Лаишевѣ въ XVI и XVII вв., пользуясь писцовою книгою его 1569 г. и переписною 1646 г. Изъ писцовой книги, содержащей данныя о Лаишевской крѣпости, видно, что Лаишевъ во второй половинѣ XVI в. «былъ не болѣе, какъ деревянный острогъ, имѣвшій въ окружности всего 284 сажени» и окруженный р. Камою, глубокимъ оврагомъ и рвомъ; гарнизонъ его состоялъ всего изъ трехъ десятковъ человекъ. По свѣдѣніямъ же переписной книги, обитатели Лаишева дѣлились на нѣсколько категорій, изъ которыхъ наибольшую составляли посадскіе люди и бобыли (въ числѣ 573 человекъ), обладавшіе въ совокупности 197 дворами. Далѣе шли рыбные ловцы (65 дворовъ), служилые казаки, служилые иноземцы и пашенные стрѣльцы. Всего въ Лаишевѣ въ 1646 г. было 1736 человекъ.

Вторая статейка г. Борисова касается «тяжбы г. Царевококшайска съ окольниковымъ кн. В. Г. Ромодановскимъ изъ-за выгонной земли», свидѣтельствующей между прочимъ о томъ, какъ нетвердо было на первыхъ же порахъ осуществленіе нормъ Уложенія 1649 г. при столкновеніяхъ тяжелыхъ людей съ сильными боярами.

Въ концѣ рассматриваемаго выпуска помѣщена рецензія г. С. К. на «Историко-географическій словарь Саратовской губерніи» А. Н. Минха (вып. I), заключающая нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній и поправокъ. В. Р-въ.

Верштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1899.

Въ исторіи Англіи XVII вѣкъ представляетъ собою одинъ изъ самыхъ интересныхъ періодовъ: лежавшіе подъ спудомъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ, но въ тайнѣ развивавшіеся и крѣпшіе политическіе и общественные идеалы горожанъ и мелкопомѣстныхъ собственниковъ впервые тогда вырвались наружу изъ-подъ сковывавшаго ихъ гнета королевской власти, феодальной аристократіи и господствующей церкви и заставили обратить на себя общее вниманіе. Правда, имъ не удалось сразу завоевать господствующее положеніе; для этого потребовалась еще долгая и упорная борьба впродолженіе болѣе полутора столѣтій. Но во всякомъ случаѣ побѣда джентри и горожанъ надъ аристократіей и королевскою властью послѣ 1648 года была только дѣломъ времени: годъ этотъ можно считать краеугольнымъ камнемъ новѣйшей исторіи Англіи.

Поэтому, конечно, всякій новый трудъ на русскомъ языкѣ, посвященный изслѣдованію XVII вѣка англійской исторіи, должно привѣтствовать, а тѣмъ

болѣе отличающійся такими достоинствами, какъ книга, служащая предметомъ настоящаго отзыва. Бернштейнъ обращаетъ сравнительно очень мало вниманія на чисто политическую исторію Англіи XVII вѣка, да эта исторія вовсе и не входила въ его задачу; политическихъ исторій англійской революціи много, даже и на русскомъ языкѣ; для примѣра стоитъ только напомнить введенія къ «Исторію Англійской революціи» Гизо и къ «Исторіи Англіи» Маколея. Цѣль Бернштейна заключалась въ томъ, чтобы изобразить въ своей книгѣ полную и научно-обоснованную картину тѣхъ общественныхъ идеаловъ, которые были истинной основой всего движенія народа: врядъ ли кто станетъ оспаривать тотъ фактъ, что политическая и религіозная стороны значительно слабѣе проявились въ революціи 1648 года, нежели сторона чисто-соціальная. Такъ какъ, однако, почти въ каждомъ отдѣльномъ событіи упомянутой революціи болѣе или менѣе проявлялись наравнѣ съ соціальной и обѣ другія ея стороны, изложеніе этихъ событій въ ихъ послѣдовательномъ теченіи завело бы автора слишкомъ далеко и наполнило бы его трудъ массой совершенно не нужныхъ подробностей. Поэтому Бернштейнъ, только мимоходомъ и вскользь касаясь проявленій общественныхъ идеаловъ изслѣдуемаго имъ времени, насколько они выражались въ движеніяхъ народныхъ массъ, главное вниманіе свое обращаетъ на изложеніе и оцѣнку теоретическихъ доктринъ, которыя проводили въ сочиненіяхъ своихъ наиболѣе выдающіеся въ умственномъ отношеніи представители общества. Подобный методъ нельзя не назвать въ высшей степени удачнымъ, такъ какъ доктрины эти вовсе не были произведеніемъ фантазіи авторовъ, а передавали въ большей или меньшей степени общее міровоззрѣніе всего англійскаго народа.

Наиболѣе яркимъ представителемъ новыхъ общественныхъ идеаловъ въ XVII вѣкѣ и яркимъ борцомъ за проведеніе этихъ идеаловъ въ жизнь былъ, какъ извѣстно, Джонъ Лильборнъ,—и Бернштейнъ съ особенной любовью и вниманіемъ останавливается на описаніи жизни и трудовъ этой выдающейся и глубоко оригинальной личности. Лильборнъ родился въ пуританской семьѣ—и первые протесты противъ существующаго порядка, въ коихъ онъ принялъ участіе, были связаны съ враждой къ государственной церкви. Дѣло въ томъ, что король Карлъ I, которому въ 1626 году парламентъ отказалъ въ правѣ пожизненнаго свободнаго взиманія пошлинъ, сталъ взимать таковыя незаконно собственной властью и прибѣгнулъ къ помощи англиканской церкви, со всѣхъ кафедръ которой было объявлено, что покрытие незаконнаго займа составляетъ обязанность каждаго христіанина. Этимъ, конечно, церковь сама отдаляла отъ себя своихъ членовъ,—и число таковыхъ все больше уменьшалось, между тѣмъ какъ число пуританъ увеличивалось,—и слово «пуританинъ» въ то время не составляло уже понятія чисто вѣроисповѣднаго, а служило синонимомъ защитника правъ народа и законности противъ произвола. Лильборнъ еще юношей примкнулъ горячо къ этой партіи, родной ему по вѣрѣ, и 20-ти лѣтъ отъ роду, обвиненный въ распространеніи запрещенныхъ памфлетовъ, вынужденъ былъ бѣжать въ Голландію, по возвращеніи откуда онъ арестованъ и преданъ суду. Результатомъ процесса было суровое тѣлесное наказаніе и тюремное заключеніе, отъ котораго его освободилъ только перево-

ротъ 1640 года. Переворотомъ этимъ политическая дѣятельность Лилъборна не только не была закончена, а—напротивъ—она только что начиналась: онъ былъ защитникомъ правъ народа противъ всякой тиранніи—королевской ли, парламентской,—безразлично. Пуритане, въ руки коихъ вмѣстѣ съ усиленіемъ парламента на счетъ короля перешла власть, были нетерпимы ко всякой другой религіи и преслѣдовали всѣхъ сектантовъ, которыхъ какъ среди народа, такъ и среди арміи было множество; этимъ они оттолкнули отъ себя Лилъборна и заставили его перейти къ индепендентамъ. Но такъ какъ и эта партія, благодаря вождю ея Кромвелю, скоро потеряла свой чисто народный характеръ, изъ ея среды выдѣлилась такъ называемая партія «левеллеровъ»—уравнителей, требовавшая полного уравненія въ правахъ всѣхъ гражданъ Англіи, душой этой партіи былъ Лилъборнъ. Въ религіозномъ отношеніи левеллеры были почти рационалисты; но религіозная сторона въ ихъ ученіи въ противоположность пресвитерианамъ и индепендентамъ почти не играла никакой роли; ученіе ихъ болѣе всего носило характеръ социальнo-экономическій. Характеръ этотъ очень ярко выраженъ въ такъ называемомъ «народномъ договорѣ левеллеровъ», однимъ изъ творцовъ котораго былъ и Лилъборнъ. Главнѣйшіе принципы, положенные въ основаніе этого «договора», прямого предшественника знаменитаго «Общественнаго договора» Руссо, излагаются Бернштейномъ въ нижеслѣдующихъ словахъ:

«По «договору» высшею властью въ странѣ должно быть представительное собраніе изъ четырехсотъ депутатовъ; каждый гражданинъ, которому исполнился 21 годъ и который не живетъ заработной платой или милостыней, пользуется избирательскимъ правомъ и самъ можетъ быть избранъ въ представители. Парламенты избираются на одинъ годъ, и лица, участвующія въ одномъ парламентѣ, не могутъ быть избраны во второй, а лишь въ слѣдующій. Далѣе, не могутъ быть избраны государственные чиновники, получающіе жалованье, и адвокаты, пока они засѣдаютъ въ парламентѣ, не имѣютъ права практики. Парламентъ не можетъ издавать никакихъ принудительныхъ законовъ относительно религіи; религія не можетъ служить препятствіемъ къ занятію какой бы то ни было должности. Каждая община сама избираетъ своего священника, но никого нельзя принуждать давать деньги на его содержаніе; далѣе, никто не обязанъ служить въ арміи или флотѣ, если это противно его совѣсти. Всѣ пошлыны, сборы и десятины должны быть отмѣнены къ опредѣленному сроку и замѣнены прямыми налогами съ каждаго фунта стерлинговъ реального и личнаго имущества. Всѣ привилегіи и исключительныя права должны быть уничтожены; мѣсто арміи должно занять народное ополченіе, которое можетъ созывать только парламентъ для военныхъ дѣлей. Каждое графство должно само избирать своихъ чиновниковъ; законы должны составляться на англійскомъ языкѣ, и жалобы или процессы можетъ рѣшать только жюри, состоящее изъ двѣнадцати присяжныхъ гражданъ графства. Должны быть ассигнованы средства для содержанія бѣдныхъ, стариковъ и неспособныхъ къ труду» (стр. 133—136).

Какъ видно изъ приведеннаго отрывка, идеалы левеллеровъ были характера самаго безукоризненнаго, но для своего времени они были безусловно револю-

ціонны. Чѣмъ дальше, однако, тѣмъ характеръ ихъ принималъ окраску все коммунистическую. Бернштейнъ излагаетъ въ своей книгѣ послѣдовательно содержаніе сочиненій знаменитѣйшихъ представителей партіи левеллеровъ: Ричарда Овертона, Уолвина, д-ра Брука, врача П. Чемберлена, Гартлиба—автора знаменитой утопіи «Макарія», представляющей теорію государства, управляющаго всею экономической жизнью своихъ гражданъ, наконецъ, Джерарда Уинстанлея, явившагося въ своемъ сочиненіи «Законъ свободы, изложенный въ видѣ программы, или возстановленіе истинной системы правленія» представителемъ теоріи самаго чистаго коммунизма.

Изложеніемъ основъ государственной и общественной философіи XVIII вѣка, а также ученія квакеровъ, близкихъ по своимъ общественнымъ идеаламъ къ левеллерамъ настолько, что къ квакерской сектѣ прижкнулъ въ концѣ своей жизни и Лильборнъ, заканчиваетъ Бернштейнъ свой превосходный трудъ. Труду этому, кстати сказать, очень порядочно переведенному на русскій языкъ, нельзя не пожелать отъ души самаго широкаго распространенія въ средѣ русской читающей публики.

К. Лосскій.

Збірник фільологічної секції наукового товариства імени Шевченка. Т. II. Розвідки Михайла Драгоманова. Т. I. У Львові. 1899.

Львовское ученое общество имени Шевченка постановило издать собраніе работъ покойнаго профессора сначала Кіевскаго университета, а въ концѣ жизни Софійской великой школы, М. Драгоманова — по украинской народной словесности и литературѣ. Передъ нами первый томъ этого изданія, редактируетъ которое другъ покойнаго М. Павликъ. Въ первый томъ вошли статьи Драгоманова, напечатанныя ранѣе въ Россіи. Изъ болѣе круинныхъ статей назовемъ: «Украина въ ея литературѣ» (по поводу книги Прыжова: «Малороссія въ исторіи ея литературы съ XI по XVIII вѣкъ»), «Памяти М. А. Максимовича», «Отзвукъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ», «Къ вопросу о слѣдахъ великорусскаго богатырскаго эпоса на Украинѣ», «Ученая экспедиція въ западно-русскій край», «Матеріалы и замѣтки по украинской народной словесности», «Древнѣйшія русскія драматическія сцены», «Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности». По плану изданія въ него не войдутъ сборники народной словесности, какъ изданные Драгомановымъ совмѣстно съ другими лицами, такъ и имъ однимъ. Къ цѣлому изданію обѣщанъ указатель именъ и предметовъ.

Пожалѣть можно объ одномъ, что статьи Драгоманова, вошедшія въ первый томъ, появляются въ немъ не въ томъ видѣ, какъ онѣ были написаны, то-есть, на русскомъ языкѣ, а въ переводѣ на украинскій языкъ. Этимъ пользованіе интересной книгой для русскихъ читателей дѣлается довольно затруднительнымъ.

А. Л—нко.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Историческіе труды въ Бельгіи отъ іюля 1898 г. до іюля 1899 г. — Битва при Лепанто и участіе въ ней венеціанцевъ. — Трехсотлѣтній юбилей Ванъ-Дейка. — Новая біографія Спинозы. — Французенка на итальянскомъ престолѣ. — Свадьба Маріи Лещинской и Людовика XV. — Изъ записокъ Шуазеля. — Интимная жизнь Людовика XV. — Воспоминаніе французскаго морскаго офицера объ американской войнѣ. — Испанская докторша философіи въ XVIII вѣкѣ. — Происхожденіе французскихъ социалистовъ. — Столѣтіе годовщины смерти Пія VI и рожденія Пучини. — Графиня Ламоть-Валуа въ Крыму. — Мюратъ въ Испаніи. — Англійская книга о войнѣ 1812 года. — Загадочная личность. — Отголоски юбилея Гёте. — Къ воспоминаніямъ о Луи-Бланѣ. — Иностранные журналы о Тургеневѣ. — Кто написалъ Сикстинскую Мадонну. — Англичане о Россіи въ Азіи. — Литература Гаагской конференціи.

СТОРИЧЕСКІЕ труды въ Бельгіи отъ іюля 1898 г. до іюля 1899 г. Въ бельгійской литературѣ играетъ въ послѣдніе годы первенствующую роль исторія, и въ этомъ легко убѣждаетъ обзоръ историческихъ трудовъ бельгійскихъ писателей за истекшіе двѣнадцать мѣсяцевъ въ «Atheneum»¹⁾, а также очеркъ историческаго движенія въ Бельгіи Леона Леклера, профессора Брюссельскаго университета, въ газетѣ «Messager de Bruxelles»²⁾. Недавно праздновали во всѣхъ бельгійскихъ университетахъ двадцатипятилѣтній юбилей открытія въ Литтихъ тамошнимъ профессоромъ исторіи, Куртомъ, перваго практическаго курса исторіи. Съ этого факта и ведетъ свое начало историческое движеніе въ Бельгіи. До тѣхъ поръ въ бельгійскихъ университетахъ едва существовало изученіе исторіи, такъ какъ оно ограничивалось догматическимъ изложеніемъ

¹⁾ Continental Literature: July 1889 to July 1899: Belgium, by Paul Frederick. «Atheneum» 1 July 1899.

²⁾ Le mouvement historique en Belgique, par Leon Leclere. «Messager de Bruxelles» 18 juin 1899.

профессорами на кафедрах главныхъ событій всемірной исторіи. Студентовъ не учили различнымъ методамъ исторической науки, имъ не показывали воочию, какъ она вырабатывается, а потому она оставалась для нихъ мертвой буквой. Только въ 1874 году Куртъ первый открылъ въ Литтихѣ по примѣру Германіи и Франціи историческую лабораторію, въ которой профессора и студенты работаютъ вмѣстѣ, практически изучая исторію. Его примѣру послѣдовали университеты: Брюссельскій, Гентскій и Лувенскій, а законъ 1890 года сдѣлалъ обязательными введенные Куртомъ курсы исторической критики и вспомогательныхъ наукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ учредилъ степенъ доктора историческихъ наукъ. Наконецъ была создана Королевская Историческая Комиссія, которая посвятила себя печатанію историческихъ источниковъ. Она издаетъ не только старинныя хроники, но и всѣ относящіеся до бельгійской исторіи дипломатическіе документы, которые она отыскиваетъ въ странѣ и за границей, а также печатаетъ подлинныя акты ремесленныхъ корпорацій и городскихъ общинъ, наконецъ обнародываетъ статистическія свѣдѣнія, воскрешающія ежедневную жизнь предковъ, и составляетъ методическій каталогъ всѣхъ официальныхъ правительственныхъ актовъ различныхъ государей, царствовавшихъ въ Нидерландскихъ провинціяхъ, входящихъ въ составъ современной Бельгіи. При такихъ условіяхъ историческое движеніе въ этой маленькой странѣ, которую часто упрекаютъ въ чрезмѣрной утилитарности, приняло широкое распространеніе на строго научной, далекой отъ всякихъ партійныхъ увлеченій, основѣ. Оно создало цѣлый рядъ изслѣдователей бельгійской исторіи, и ихъ труды преимущественно посвящены изданію съ комментаріями старинныхъ документовъ, но рядомъ съ этими сборниками появляются и оригинальныя монографіи по различнымъ эпизодамъ національной исторіи страны. Конечно большинство этихъ книгъ писаны на французскомъ языкѣ, но нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ фламандской литературѣ, которая одна въ Бельгіи занимаетъ достойное мѣсто рядомъ съ французской. Что же касается до новѣйшихъ попытокъ создать въ бельгійскихъ мѣстностяхъ, граничащихъ съ рейнскими провинціями Пруссіи и великимъ герцогствомъ Люксембургскимъ, нѣмецкую литературу, то они еще даютъ мало плодовъ, хотя во главѣ этого движенія стоитъ первый историкъ Бельгіи профессоръ Куртъ, издающій органъ бельгійскихъ нѣмцевъ «Deutsch Belgien». Къ наиболее замѣчательнымъ историческимъ сочиненіямъ, появившимся за истекшій годъ на французскомъ языкѣ, Фредерикъ относитъ второй томъ «Регламенты Карла V» — Ламера (*Ordonnances de Charles XV, par J. Lameere*); третій томъ «Переписка Рубенса» — Роозеса (*Correspondance de Rubens, par Max Rooses*); интересная монографія: «Родъ Ла-Маркъ» — барона Шестре-де-Ганеффа (*La maison de La-Marck, par le baron Y. de Schestret de Haneffe*); обстоятельная біографія Давіаля Борхграва, перваго государственнаго секретаря Нидерландскихъ провинцій, составленная однимъ изъ его потомковъ (*La vie de Daniel de Borhgrave, par B. de Borhgrave*), и этюдъ соціальной исторіи «Организація труда во фламандскихъ портахъ» — барона Пелиши (*L'organisation du travail dans les ports flamands, par le baron G. de Pelichy*). Къ этому списку, составленному Фредерикомъ, слѣдуетъ еще прибавить первый томъ ученаго труда профессора Брюссельскаго университета, Ван-

деркиндере: «Исторія территориальнаго образованія бельгійскихъ владѣній въ средніе вѣка» (*Histoire de la formation territoriale des principautés belges au moyen âge*, par M. L. Vanderkindere), и «Путешествіе Іосифа II въ Нидерланды» — профессора литтгхскаго университета Гюбера (*Le voyage de l'empereur Iosephe II dans les Pays-Bas*, par M. Hubert). Хотя послѣднее сочиненіе еще не вышло въ свѣтъ, но оно печатается королевской бельгійской академіей, и одинъ изъ академикомъ Дискаль въ недавнемъ засѣданіи академіи прочелъ о немъ подробный докладъ, изъ котораго помѣщены значительные отрывки въ бруссельскихъ газетахъ¹⁾. Гюберъ уже извѣстенъ своими основательными историческими трудами: «Положеніе протестантовъ въ Бельгіи со времени Карла V» и «Пытки въ Нидерландахъ въ XVIII столѣтіи». Въ новомъ своемъ сочиненіи, онъ на основаніи частныхъ писемъ о путешествіи Іосифа II въ Нидерландахъ и по относящимся къ тому времени дипломатическимъ документамъ рисуетъ политическую и социальную сторону этого путешествія, которое до сихъ поръ было только извѣстно съ его картинной стороны. Славящійся своей реформаторской дѣятельностью, Іосифъ II во время посѣщенія Нидерландскихъ городовъ лично входилъ во все, изучалъ всѣ потребности страны, выслушивалъ всѣ желанія городскихъ общинъ и, возвратясь въ Вѣну, произвелъ значительныя реформы въ судебной части, въ системѣ налоговъ и въ особенности относительно вѣротерпимости. Въ послѣднемъ отношеніи онъ издалъ законъ, которымъ не только признавались смѣшанные браки между католиками и протестантами, но предписывалось католическому духовенству совершать эти браки, пока у протестантовъ не было признаннаго закономъ духовенства. Реформаторская сторона путешествія Іосифа II въ 1781 году выставлена очень рельефно Гюберомъ, который приходитъ къ тому заключенію, что этотъ государь серьезнѣе и основательнѣе всѣхъ правителей Бельгіи съ XVI столѣтія исполнялъ тяжелыя обязанности, лежавшія на немъ относительно народа. Кромѣ книгъ, и журналы въ Бельгіи усердно занимаются историческими вопросами, такъ въ нынѣшнемъ году наиболѣе вниманія обращаетъ на себя полемика по поводу историческихъ методовъ и спорнаго до сихъ вопроса о томъ: честно ли фламандцы выиграли такъ называемое сраженіе Золотыхъ Шпоръ. Эта битва происходила при Куртрэ въ 1302 году между фламандцами и французами подъ предводительствомъ короля Филиппа Красиваго, а называется она битвой «Золотыхъ Шпоръ» потому, что побѣдители фламандцы сорвали золотыя шпоры съ многочисленныхъ убитыхъ французскихъ рыцарей и повѣсили ихъ въ видѣ трофеевъ въ церкви города Куртрэ. Въ послѣдніе года историки возбудили споръ о томъ, какъ одержана была эта побѣда, и въ особенности этотъ споръ усилился въ настоящемъ году. Съ одной стороны Функъ Брентано и поддерживающіе его французскіе историки доказываютъ, что фламандцы тайно вырыли на полѣ битвы ямы, покрыли ихъ вѣтвями и хитро заманили французовъ въ эти западни. Напротивъ, бельгійскіе ученые съ Пиреномъ, профессоромъ Гентскаго университета во главѣ, утверждаютъ, что на полѣ

¹⁾ Voyage de Iosephe II dans les Pays Bas, par L. — Le Messager de Bruxelles. 28 août 1899.

битвы были естественные рвы, о чемъ прекрасно знали французы, и если дѣйствительно они попадали въ эти рвы, то лишь по своей неосторожности. Въ подтвержденіе этой теоріи Пиренъ написалъ блестящую статью въ Дневникѣ Королевской Исторической Комиссіи ¹⁾, а Богеръ-Ваше въ литературномъ приобщеніи къ «Independence Belge» ²⁾ дѣлаетъ сводъ всей этой полемикѣ съ цѣлью доказать, что фламандцы одержали побѣду вполне честно и благородно. Что касается до спора объ историческихъ методахъ, то онъ заключается въ томъ, долженъ ли историкъ изучать только индивидуальныя, сознательныя факторы исторіи, или сосредоточивать все свое вниманіе на факторахъ коллективныхъ и бессознательныхъ, преимущественно экономическихъ. Всего интереснѣе въ этой послѣдней полемикѣ статья профессора Леклера въ «Журналѣ Брюссельскаго университета» ³⁾. Отдавая преимущество первой исторической системѣ и доказывая, что канву исторіи составляютъ дѣйствія индивидуумовъ, онъ однако призываетъ невозможность историкѣ обойтись безъ изученія экономическихъ, соціальныхъ, религіозныхъ, литературныхъ, научныхъ и художественныхъ факторовъ. Подобнаго смѣшаннаго историческаго метода придерживается и профессоръ Пиренъ въ своей «Исторіи Бельгіи», которая составляетъ самый важный и наиболѣе почтенный историческій трудъ въ Бельгіи за послѣдніе годы. Появился еще только первый его томъ въ нѣмецкомъ переводѣ, который входитъ въ составъ серіи исторій всѣхъ европейскихъ народовъ, которую издаетъ нѣмецкій профессоръ Лампрехтъ ⁴⁾, а французскій подлинникъ случайно запоздалъ и еще печатается. Хотя существуютъ извѣстныя исторіи Бельгіи Намеша, Мока и Жюста, но сочиненіе Пирена отодвигаетъ ихъ на второй планъ оригинальностью замысла, новизной взглядовъ и богатствомъ содержанія. Первый томъ обнимаетъ исторію Бельгіи отъ ея древнѣйшихъ временъ до XII вѣка и раздѣленъ на три части, изъ которыхъ первая посвящена собственно историческимъ событіямъ этой эпохи, вторая — феодальному обществу съ его политическимъ и экономическимъ устройствомъ, а третья — происхожденію и развитію городскихъ общинъ. Хотя почтенный авторъ и придаетъ большое значеніе экономическимъ фактамъ, но не доходитъ въ этомъ отношеніи до крайности Лампрехта въ его «Исторіи германскаго народа», а рядомъ съ картиной экономической жизни старинной Бельгіи онъ изображаетъ и ея жизнь интеллектуальную, т. е. религіозную, литературную, научную и художественную. Нѣкоторые критики упрекаютъ Пирена за то, что онъ слишкомъ много отводитъ мѣста въ своей исторіи Фландріи и низшимъ классамъ, т. е. буржуазіи и народу, но онъ не могъ иначе поступить, такъ какъ отличительною чертой Бельгіи въ средніе вѣка именно была дѣятельность буржуазіи и народа. Если мы теперь перейдемъ къ бельгійской исторической литературѣ на фламандскомъ языкѣ, то, по словамъ

¹⁾ Note sur un passage de Van-Velthem, relatif à la bataille de Courtrai, par H. Pirenne. Bulletin de la Commission royale d'histoire. Juillet. 1899.

²⁾ La bataille des éperons d'or, par A. Boghaert-Vachè. Independence Belge. 30 juillet, 1899.

³⁾ Methodes historiques, par Leclère. «Revue de l'université de Bruxelles». Mai. 1899.

⁴⁾ Pirenne, Henri. Geschichte Belgiens. Band I: Bis zum Anfang des 14 Jahrhunderts. Deutsche Uebersetzung von Fritz Arnheim. Gotha. 1899.

Фредерика въ его обзорѣ, напечатанномъ въ «*Athenaeum*», заслуживаютъ главнымъ образомъ вниманія слѣдующіе труды: Влитинка — «Исторія Остенде»; Палермертса и Риса — «Исторія возстанія фламандскихъ поселенъ», и Вермейлена — «Биографія Яна Вандеръ-Нута», брабантскаго поэта и распространителя идей эпохи «возрожденія» при Филиппѣ II и Вильгельмѣ Оранскомъ.

— Битва при Лепанто и участіе въ ней венеціанцевъ. Какъ извѣстно, въ 1571 году соединенныя эскадры Испаніи и итальянскихъ государствъ разбили турецкую флотилію. До сихъ поръ вся слава этой побѣды приписывалась главному командиру европейскаго флота, Донъ-Жуану австрійскому, но теперь итальянскіе историки стараются на основаніи архивныхъ изслѣдованій доказать, что венеціанцамъ подъ начальствомъ Себастьяно Венеро принадлежитъ значительную долю этихъ лавровъ. Гаэтано Кого дѣлаетъ обстоятельный сводъ новѣйшихъ историческихъ трудовъ, трагующихъ объ этомъ вопросѣ въ статьѣ, помѣщенной въ первой августовской книжкѣ «*Nuova Antologia*»¹⁾, а профессоръ Мольменти посвящаетъ этому предмету, самостоятельный трудъ подъ заглавіемъ «Себастьяно Венеро и битва при Лепанто»²⁾. Послѣдній авторъ уже напечаталъ въ прошедшемъ году въ журналѣ «*Rivista maritima*», найденный имъ разсказъ одного генуэзскаго купца объ этомъ знаменитомъ сраженіи, а въ настоящей книгѣ сообщаетъ о немъ много любопытныхъ и новыхъ подробностей. Онъ рисуетъ Венеро прекраснымъ типомъ венеціанскаго аристократа, который уже сталъ очень рѣдкимъ во второй половинѣ XVI столѣтія. По его словамъ, это былъ энергичный, храбрый, безкорыстный человекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вспыльчивый и нетерпѣливый чужаго вмѣшательства въ свои дѣла, а потому естественно онъ не уживался со своими союзниками. Все это Мольменти выставляетъ очень рельефно, но, быть можетъ, какъ венеціанецъ, онъ неосновательно упрекаетъ въ измѣнѣ Джіанандреа Доріа. Этотъ послѣдній далъ генуэзскія суда на помощь испанскому королю Филиппу, но естественно берегъ ихъ и не довѣрялъ венеціанцамъ, какъ вѣчнымъ врагамъ генуэзцевъ, а потому дѣйствовалъ отдѣльно и не согласился отправиться вмѣстѣ съ ними на выручку острова Кипра, осажденнаго турками. Во всякомъ случаѣ, по выраженію Гаэтано Кого, побѣда при Лепанто, какъ она теперь выясняется безспорными документами, «приноситъ большую честь итальянскимъ морякамъ и въ особенности венеціанцамъ, которые доказали своими геройскими подвигами не только храбрость и мужество, но и нравственную силу».

— Трехсотлѣтній юбилей Ванъ-Дейка. Въ августѣ мѣсяцѣ праздновали трехвѣковой юбилей знаменитаго живописца Антона Ванъ-Дейка, и бельгійскій городъ Антверпенъ устроилъ по этому случаю выставку лучшихъ произведеній юбиляра, которыя были присланы со всего свѣта, между прочимъ изъ Петербурга. Конечно, западная литература откликнулась на этотъ юбилей, и въ числѣ появившихся статей о Ванъ-Дейкѣ можно указать на очерки

¹⁾ Venezia e la Battaglia di Lepanto, di Gaetano Cogo. Nuova Antologia, 1 agosto 1899.

²⁾ Sebastiano Veniero e la Battaglia di Lepanto, di P. Molmenti. Firenze. 1899.

его жизни и художественной дѣятельности: Виктора Сварта въ «Nouvelle Revue»¹⁾ и Густава Лажи въ лигературномъ прибавленіи къ «Messager de Bruxelles»²⁾ Антонъ Ванъ-Дейкъ родился въ Антверпенѣ въ 1599 году и былъ сыномъ купца. По всей вѣроятности, онъ наследовалъ свой художественный талантъ отъ матери, которая отличалась искусствомъ въ вышиваніи фигуръ золотомъ и шелками. Тринадцати лѣтъ онъ поступилъ въ мастерскую Рубенса, основателя фландрской школы живописи, и сдѣлался его лучшимъ ученикомъ. Къ его ученическимъ годамъ относится характерная легенда: однажды ученикъ Рубенса, Диембеке наткнулся на невысохшее полотно учителя и стеръ руки и щеку одной изъ фигуръ, изображенныхъ на полотнѣ. Его товарищъ Ванъ-Гоекъ воскликнулъ: «Намъ остается еще три часа: пусть лучший изъ насъ восстановитъ руку и щеку на картинѣ. Я подаю голосъ за Ванъ-Дейка». Всѣ подтвердили этотъ выборъ, и Ванъ-Дейкъ тотчасъ принялся за работу. На слѣдующій день Рубенсъ не сказалъ ни слова о томъ, что замѣтилъ недостатокъ въ картинѣ, а напротивъ произнесъ: «Какъ хорошо я сдѣлалъ вчера эту руку и щеку». Первымъ произведеніемъ молодого художника былъ Христосъ, несущій крестъ; затѣмъ онъ написалъ цѣлый рядъ картинъ духовнаго содержанія и портретовъ. Усовершенствовался онъ въ своемъ искусствѣ и развилъ самостоятельную манеру живописи путешествіемъ по Италіи, гдѣ велъ веселую жизнь со своими соотечественниками, изучавшими живопись въ Генуѣ, Римѣ, Мантуѣ и Палермо. Къ этому времени относятся его замѣчательные портреты папы Урбана VIII и генуэзскаго дожа Амброзіо Доріа. Возвратясь на родину, онъ долго бѣдствовалъ, такъ какъ Рубенсъ съ своею удивительною плодовитостью давилъ художественный рынокъ, и Ванъ-Дейкъ, несмотря на свою извѣстность, съ трудомъ находилъ работу. Напримѣръ, рассказываютъ, что однажды, идя по улицѣ съ своимъ пріятелемъ, онъ остановился и указалъ ему на проходившаго мимо толстяка: «Посмотрите на этого пивовара, — сказалъ онъ: — я предложилъ ему написать его портретъ за два пистоля, и онъ отказалъ мнѣ, писавшему портреты съ князей и кардиналовъ, на томъ основаніи, что я запросилъ слишкомъ дорого». Однако, когда Рубенсъ покинулъ Антверпенъ, предпринявъ дѣльный рядъ дипломатическихъ путешествій, то его ученикъ быстро вошелъ въ моду и сталъ писать картины и портреты съ непостижимой плодовитостью. По возвращеніи учителя, Ванъ-Дейкъ уже не боялся его соперничества, и Марія Медичи, посѣтивъ мастерскую своего любимаго живописца Рубенса, не забыла навѣстить и Ванъ-Дейка, который написалъ ея извѣстный портретъ. Въ 1627 году онъ былъ приглашенъ ко двору англійскаго короля Карла I и поселился въ Англіи, гдѣ его носили на рукахъ самъ король, придворные и аристократы. Онъ вскорѣ сдѣлался не только придворнымъ живописцемъ, но любимцемъ и другомъ короля, который пожаловалъ ему дворянское достоинство, назначилъ пенсію въ

¹⁾ Antoine Van-Dyck, par Victor de Swarte — Nouvelle Revue. 11 septembre 1899.

²⁾ Antoine Van-Dyck, par Gustave Lagye. Suplement du Messager de Bruxelles. 1—7 août 1899.

двѣ тысячи фунтовъ, подарилъ ему домъ, осыпалъ его роскошными подарками и часто бросалъ дѣла и удовольствія, чтобы побесѣдовать съ нимъ въ его мастерской. Пребываніе въ Англіи составляетъ самую блестящую эпоху въ художественной дѣятельности Ванъ-Дейка. Талантъ его достигъ до своего апогея въ знаменитыхъ портретахъ Карла I, его дѣтей и Карла V, а также его плодовитость приняла самые необыкновенные размѣры. Впрочемъ, онъ завелъ цѣлую мастерскую, и его ученики исполняли всю черную работу, а онъ писалъ лишь по часу въ день каждую картину или портретъ. Въ это время Ванъ-Дейкъ велъ широкую жизнь, давалъ роскошные банкеты, бросалъ деньги безъ счета и, славясь своей красотой, ухаживалъ за женщинами. Онъ хотѣлъ жениться на вдовѣ лорда Стангопа, но она ему отказала. Чтобы его утѣшить, король сосваталъ ему дочь доктора Рутвена, который находился въ родственныхъ связяхъ съ лучшими аристократическими родами Англіи: вмѣстѣ съ тѣмъ она была одной изъ первыхъ красавицъ своего времени и воспитывалась у королевы. При первыхъ признакахъ революціи, именно въ 1640 году, Ванъ-Дейкъ отправился съ женою въ Антверпенъ. Тамъ онъ былъ принятъ очень радушно, но оставался недолго и попыталъ счастья въ Парижѣ. Однако, его предложеніе украсить своими произведениями одну изъ галерей Лувра не было принято кардиналомъ Мазарини, и онъ вернулся въ Лондонъ въ самый разгаръ борьбы парламента съ королемъ. Среди печальныхъ развалинъ своего прежняго величія, онъ умеръ въ 1641 году еще сравнительно молодымъ, такъ какъ ему было всего 42 года. Король приказалъ похоронить своего любимаго художника въ соборѣ св. Павла, но памятникъ надъ его могилой былъ уничтоженъ пожаромъ, происшедшимъ внутри собора, и въ настоящее время неизвѣстно мѣсто нахождения его могилы.

— Новая біографія Спинозы. По картинному выраженію критика англійскаго журнала «Academy», странно, даже не понятно, какъ въ XVII вѣкѣ, отъ котораго до сихъ поръ пахнетъ кровью и застѣнкомъ, жилъ самый спокойный и здравый философъ, когда либо видѣнный на свѣтѣ. Этимъ философомъ былъ знаменитый Борухъ Спиноза, послѣдователь Декарта и творецъ философской системы, логическаго пантеизма, признающаго разумъ первопричиною всѣхъ явленій. «Мы не знаемъ положительно, чтò добро и чтò зло, а намъ извѣстно только, чтò ведетъ къ познанію и чтò мѣшаетъ ему», — вотъ основа его ученія, которымъ онъ тихо, спокойно подпилить устои, поддерживавшіе храмъ тогдашнихъ узкихъ идей и предрасудковъ. Какъ его философія спокойна и невозмутима, такъ и жилъ онъ въ продолженіе своего недолгаго 45-ти лѣтняго существованія тихо и невозмутимо, несмотря на преслѣдованія, переносимыя имъ отъ всѣхъ вѣроисповѣданій, начиная отъ еврейства, къ которому онъ принадлежалъ. Самая смерть не нарушила его душевнаго спокойствія, и за нѣсколько часовъ до нея онъ равнодушно разговаривалъ съ хозяиномъ и хозяйкой своего бѣднаго жилища, гдѣ онъ, несмотря на свою болѣзнь, чахотку, шлифовалъ оптическія стекла, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба. Много писано о Спинозѣ, который былъ отлученъ отъ еврейской общины и всю жизнь провелъ въ бѣдности, заботясь только о своихъ философскихъ трудахъ, но оказывается, что оставалось неизвѣстнымъ немало чертъ изъ его жизни. Те-

перь этотъ пробѣлъ пополненъ новой біографіей Спинозы, составленной Фрейденталемъ на основаніи вновь открытыхъ, неизданныхъ матеріаловъ ¹⁾. Первые напечатанные ученымъ авторомъ документы уничтожаютъ, наиримѣръ, легенду о бѣдности семьи философа, но большею частью они относятся къ преслѣдованіямъ, которымъ онъ подвергался въ Голландіи отъ различныхъ духовныхъ исповѣданій, изъ числа которыхъ, повидимому, лютеранское выказывало всего болѣе ухищреній и человѣконенавистничества. Но чѣмъ болѣе переносилъ горестей и страданій Спиноза, тѣмъ болѣе закалялась его невозмутимая философская душа, и тѣмъ становится симпатичнѣе его великій образъ.

— Француженка на итальянскомъ престолѣ. Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ въ двухъ послѣднихъ номерахъ «Revue des Revues» легко читающійся и картинный очеркъ жизни дочери Гастона Орлеанскаго, брата Людовика XIII, которая вышла замужъ за великаго герцога Тосканскаго, Козьму III Медичи ²⁾. Авторъ этой біографіи, Поль д'Естрэ, основалъ свой рассказъ на новыхъ архивныхъ данныхъ, и въ особенности на неизвѣстной до сихъ поръ рукописи, въ которой изложена исторія посольства марсельскаго епископа Форбена Жансона въ Флоренцію для примиренія по приказанію Людовика XIV его двоюродной сестры съ ея мужемъ. Маргарита-Луиза, принцесса Орлеанская, была одна изъ самыхъ блестящихъ красавицъ своего времени: она была большого роста, хорошо сложена и отличалась живостью ума и воображенія, а также страстью къ удовольствіямъ. Сначала она, говорятъ, мечтала выйти замужъ за Людовика XIV, а затѣмъ влюбилась въ принца Карла Лотарингскаго. Но этому роману не суждено было окончиться свадьбой, и Мазарини изъ политическихъ видовъ возымѣлъ мысль объ ея бракѣ съ молодымъ наслѣдникомъ Тосканскаго престола, а Людовикъ XIV осуществилъ ее. Несмотря на всѣ свои протесты, молодая дѣвушка должна была повиноваться королю, и 19 апрѣля 1661 года она была обвѣнчана заглазно съ принцемъ Козьмой. Къ ужасу французской красавицы, привыкшей къ великолѣпію и удовольствіямъ Версальскаго двора, ея мужъ оказался некрасивымъ, даже уродливымъ юношей, мрачнымъ, недвѣрчивымъ, ревнивымъ до безумія, фанатичнымъ и слѣпо подчиненнымъ своей матери. Естественно, что она возненавидѣла своего мужа, и эта ненависть только увеличилась послѣ того, какъ она родила трехъ дѣтей, которыхъ она не могла видѣть, такъ какъ они ей напоминали мужа. На Флоренцію она смотрѣла, какъ на тюрьму, а на мужа, какъ на тюремщика, и нѣсколько разъ старалась бѣжать изъ дворца, переодѣвшись, то въ одинъ костюмъ, то въ другой, но всѣ эти попытки не удались, и она вынуждена была оставаться въ неволѣ, хотя и продолжала переписываться со своимъ возлюбленнымъ Карломъ Лотарингскимъ. Вступленіе на престолъ Козьмы, спустя девять лѣтъ послѣ свадьбы, еще болѣе усилило вражду къ нему жены, такъ какъ онъ былъ правителемъ лишь номп-

¹⁾ Die Lebensgeschichte Spinoza's von Freudenthal. Leipzig. 1899.

²⁾ Une fille de France sur un trône italien, par Paul d'Estrée. Revue des Revues. 15 août—1 septembre.

нально, а всю власть захватили въ свои руки его мать и дядя, кардиналъ Леопольдъ Медичи. Наконецъ, въ 1672 году молодой принцессѣ удалось обмануть приставленную къ ней стражу и бѣжать изъ дворца въ свою виллу Поджіо, у воротъ Флоренціи. Тамъ она не принимала мужа, не возвращалась къ нему и жила одна, наполняя всю Европу толками о своемъ скандальномъ поведеніи. Тогда Людовикъ XIV послалъ марсельскаго епископа для примиренія супруговъ, и въ числѣ двухъ секретарей этого прелата находился Серръ-де-Ла-Маринъ, авторъ найденнаго Полемъ д'Естрэ описанія означеннаго посольства. Отличаясь умомъ и юморомъ, этотъ молодой дипломатъ очень рельефно а мѣстами живо нарисовалъ картину, какъ великогерцогской семьи, такъ и тогдашняго флорентинскаго общества. Но если онъ представляетъ вѣрный портретъ Маргариты, то совершенно ложно придаетъ ея мужу красоту, умъ и величайшую заботливость о благѣ своихъ подданныхъ. По его словамъ, «Маргарита была прелестной двадцатисемилѣтней женщиной съ очень красивой фигурой, и единственный ея недостатокъ составлялъ слишкомъ большой ротъ. Она говорила на языкахъ французскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ и испанскомъ, была хорошей музыкантшей и отличалась большимъ умомъ, хотя этого не было замѣтно въ ея дѣйствіяхъ. Она отлично танцевала и ѣздила верхомъ, какъ наѣздница. Она была очень ловка и скрытна, но могла быть вѣрнымъ другомъ. Она ненавидѣла Италію и находилась въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ съ мужемъ, о чемъ говорила всѣмъ и каждому съ тою цѣлью, чтобы когда ей удастся совершить давно подготовленное бѣгство изъ Тосканы, то никто не удивился бы подобному поступку съ ея стороны. «Два мѣсяца пробыло французское посольство во Флоренціи, но всѣ усилія епископа примирить мужа съ женою не увѣнчались успѣхомъ. Какъ онъ ни хвалилъ передъ Маргаритой великаго герцога, онъ не могъ добиться отъ Маргариты другого отвѣта, какъ: «Если вы находите, что мой мужъ такой прекрасный человѣкъ, то берите его себѣ, я уступаю вамъ его съ удовольствіемъ». Но, не желая навлекать на себя гнѣва могущественнаго французскаго короля, Маргарита прибѣгла къ хитрости и представившись, что доводы епископа подѣйствовали на нее, просила дать ей время подумать и снова посѣтить ее черезъ полгода. Она сама созналась въ этой хитрости Серру-де-ла-Маринъ, съ которымъ она обращалась очень дружелюбно и довѣрчиво. Прощаясь съ нимъ при отъѣздѣ посольства въ Парижъ, она сказала, тяжело вздыхая: «По крайней мѣрѣ, не забывайте присылать мнѣ извѣстія о нашемъ миломъ Парижѣ». Однако и она сама вскорѣ вернулась на родину. Ея мужъ и Людовикъ XIV были вынуждены подчиниться ея твердой волѣ изъ боязни, чтобы она не совершила какого нибудь безумнаго скандала. Поэтому ей разрѣшено было вернуться во Францію, но подъ условіемъ жить въ Монмартрской обители въ особо выстроенномъ для нея павильонѣ, не посѣщать Парижа и Версаля безъ особаго разрѣшенія и довольствоваться маленькой пенсіей, платимой ей мужемъ. Если Маргарита согласилась на эти тяжелыя условія, то лишь потому, что она надѣялась во Франціи добиться развода и выйти замужъ за Карла Лотарингскаго, съ которымъ не переставала переписываться. Неизвѣстно, чѣмъ кончились ея хлопоты о разводѣ, но достовѣрно, что она не вышла замужъ за любимаго человѣка, а въ своей обители завела

маленькій дворъ и вела очень веселую жизнь, что очень не нравилось ея мужу, который постоянно держалъ шпионовъ при ней. Это только еще болѣе подстрекало Маргариту къ различнымъ эксцентричностямъ, и она, однажды, выведенная изъ терпѣнья, написала ему: «Я рѣшилась отдаться дьяволу, чтобы получить возможность постоянно васъ мучить, но меня пугаетъ мысль, что, очутившись въ концѣ концовъ въ аду, я васъ тамъ встрѣчу». Спустя нѣсколько лѣтъ, она перешла въ другую обитель Пикъ-Пусъ, а потомъ въ Сень-Мандэ. Послѣ смерти Людовика XIV регентъ добился отъ Козьмы совершенной свободы для Маргариты, которой тогда было семьдесятъ лѣтъ, и она прожила свои послѣдніе дни въ Парижѣ частнымъ лицомъ. Однако она все-таки не могла забыть тревоженій своей жизни, и прощаясь съ дочерью регента, которая отправлялась въ Модену, чтобы выйти замужъ за тамошняго герцога, она сказала ей: «Послушайте меня, дитя мое, поступите, какъ я, родите двухъ, трехъ дѣтей и надѣлайте такой скандалъ, чтобы васъ вернули во Францію. Лучше этого нельзя ничего придумать». Какъ извѣстно, герцогиня Моденская послѣдовала этому странному совѣту. Сама же Маргарита Тосканская умерла восьмидесяти лѣтъ, и ея духовное завѣщаніе обнаружило въ послѣдній разъ ея ненависть къ мужу.

— Свадьба Маріи Лещинской и Людовика XV. Генри Готье-Виллару удалось найти переписку Станислава Лещинскаго съ графомъ дю-Буръ, губернаторомъ Страсбурга, и съ подполковникомъ Вошу, который служилъ агентомъ Станислава въ Парижѣ. Первая половина этой переписки хранится въ арсенальной библіотекѣ въ Парижѣ, а вторая составляетъ собственность Виллара, который на основаніи этихъ неизданныхъ документовъ бросаетъ новый свѣтъ на бракъ Маріи Лещинской съ Людовикомъ XV въ статьѣ, появившейся въ «Revue Hebdomadaire»¹⁾. Семнадцати-лѣтняя, скромная, тихая Марія Лещинская вела однообразную, набожную жизнь въ Виссебургѣ, гдѣ по милости регента жилъ ея отецъ, бывшій польскій король, когда послѣдній вошелъ въ переговоры съ маркизой де-При о бракъ своей дочери съ герцогомъ Бурбонскимъ. Эта маркиза де-При была фавориткою герцога, и такъ какъ его мать рѣшила во что бы то ни стало женить молодого человѣка, то она стала подыскивать ему съ своей стороны такую жену, которую могла бы вести на помочахъ. Ея выборъ остановился на Маріи Лещинской, которая по своей молодости, мягкому характеру и бѣдности, такъ какъ у Станислава Лещинскаго не было никакого состоянія, могла удовлетворить всѣмъ ея требованіямъ. Она вошла въ сношенія съ полковникомъ Вошу и черезъ него вступила въ переговоры со Станиславомъ. Послѣдній пришелъ въ восторгъ отъ необыкновеннаго счастья, выпадавшаго на долю Маріи, и завелъ съ маркизой самую любезную переписку называя ее своимъ добрымъ другомъ. Конечно, такое поведеніе Станислава можно объяснить только тѣмъ, что онъ или не зналъ, кто такая маркиза де-При, или такъ жаждалъ пристроить свою дочь, что не разбиралъ средствъ къ достиженію этой цѣли. Во время переговоровъ умеръ

¹⁾ Le mariage de la princesse Leczinska, par H. Gauthier-Villars, «La Revue Hebdomadaire», 16 septembre 1899.

регентъ, и его мѣсто во главѣ французскаго правительства занялъ герцогъ Бурбонскій, но это нисколько не уничтожило плана маркизы, а напротивъ она послала своего живописца въ Виссембургъ для снятія портрета съ Маріи Лещинской. Этотъ портретъ такъ понравился маркизъ и герцогу, что они рѣшили женить короля Людовика XV на скромной, смиренной молодой дѣвушкѣ, которую легко было водить за носъ. Подобнымъ ловкимъ маневромъ они добивались двухъ цѣлей: отерочивали свадьбу герцога и приобрѣтали королеву, вполне имъ подвластную. Воспитатель короля, Флери, охотно согласился на этотъ планъ, такъ какъ Марія Лещинская, повидимому, не могла обнаружить ни достаточныхъ чаръ, ни достаточной силы воли, чтобы забрать въ руки короля и удалить Флери. Такимъ образомъ дѣло было порѣшено, и герцогъ Бурбонскій въ тотъ же день написалъ графу дю-Буру, чтобы онъ сообщилъ объ этомъ рѣшеніи Станиславу Лещинскому, и потребовалъ отвѣтъ, храня все въ самой глубокой тайнѣ. Получивъ письмо отъ дю-Бура съ офицеромъ, которому тотъ вполне довѣрялъ, Станиславъ бросился стремглавъ къ своей дочери и воскликнулъ съ радостью: «Дитя мое, преклонимъ колѣна и возблагодаримъ Бога». Не понимая, что случилось, Марія спросила, не вернули ли отцу польскій престолъ, но онъ отвѣчалъ: «Небо посылаетъ намъ гораздо большее благополучіе: ты — французская королева». Конечно, онъ немедленно отвѣчалъ герцогу Бурбонскому, что готовъ исполнить приказаніе его величества и считаетъ себя счастливѣйшимъ на свѣтѣ отцемъ, хотя также былъ бы очень счастливъ, если бы состоялся ранѣе предложенный бракъ между его дочерью и герцогомъ. По ироніи судьбы, въ ту самую минуту, какъ изгнанному королю ниспадало такое неожиданное счастье, ему до зарѣза были необходимы 13.000 ливровъ для выкупа послѣднихъ семейныхъ брилліантовъ, которые онъ заложилъ одному франкфуртскому еврею, поэтому онъ обратился съ просьбою къ дю-Буру ссудить ему эти деньги, и добрый старикъ немедленно исполнилъ его желаніе, тѣмъ болѣе, что было уже извѣстно о блестящей перемѣнѣ, долженствовавшей вскорѣ произойти въ судьбѣ Лещинскаго. Конечно, не было теперь предѣловъ надеждамъ бывшаго короля, и онъ уже мечталъ о своемъ возстановленіи на польскомъ престолѣ, но герцогъ Бурбонскій поручилъ Вошю объявить Станиславу, что онъ долженъ отказаться отъ всякихъ притязаній на Польшу, и только въ этомъ случаѣ герцогъ обѣщалъ принять мѣры къ возвращенію ему польскихъ его помѣстій. Станиславу пришлось на все согласиться, и ему суждено было еще пережить нѣсколько неприятныхъ минутъ до счастливаго окончанія дѣла. При французскомъ дворѣ никто не былъ доволенъ выборомъ невѣсты короля, и начались всякаго рода подкопы подъ нее, такъ стали увѣрять, что она страдала надучей болѣзнью, что у нея на рукѣ была рана, и что она питала еретическія религіозныя идеи. Герцогъ Бурбонскій переполошился и послалъ доктора освидѣтельствовать невѣсту, а Вошю поручилъ навести справки у ея духовника насчетъ ея набожности. Отвѣты получились самые удовлетворительные, и тогда герцогу осталось только потребовать башмакъ, перчатку и мѣрку платья невѣсты для приготовленія ей достойнаго королевскаго приданаго. Но и тутъ относительно башмака явилось препятствіе, такъ какъ, по словамъ Вошю, у Маріи Лещинской не оказалось

приличнаго башмака, и пришлось его замѣнить туфлей. Такимъ образомъ замѣчаетъ въ концѣ своей статьи Готье-Вилларъ, «заключенъ былъ бракъ Людовика XV герцогомъ Бурбонскимъ и его фавориткой въ виду ихъ личной пользы, тогда какъ объ интересахъ Франціи никто не думалъ».

— Изъ записокъ Шуазеля. Въ первой сентябрьской книжкѣ «Revue de Paris»¹⁾ заключается продолженіе выдержекъ изъ недавно найденныхъ записокъ извѣстнаго министра Людовика XV. На этотъ разъ мы находимъ въ нихъ рассказъ Шуазеля о томъ, какое имѣло послѣдствіе покушеніе фанатика Дамьена, который 5-го января 1757 года, въ шесть часовъ вечера, воспользовавшись темнотою, на лѣстницѣ Версальскаго дворца, куда онъ проникъ вмѣшавшись въ толпу придворныхъ, бросился съ ножомъ въ рукъ на короля и нанесъ ему небольшую царапину. Шуазель въ моментъ покушенія находился въ Римѣ. Онъ рассказываетъ, что извѣстіе это сильно его поразило, и хотя мадамъ де-Помпадуръ и успокаивала его относительно совершенной неопасности раны, но все же онъ былъ сильно опечаленъ и много плакалъ; плакали вмѣстѣ съ нимъ всѣ члены посольства. Воспользовавшись скорѣй послѣ этого отпускомъ, Шуазель выѣхалъ изъ Рима и въ февралѣ мѣсяцѣ былъ уже въ Парижѣ. Здѣсь онъ, еще до официальной аудіенціи, увидѣлъ короля у г-жи де-Помпадуръ. Людовикъ спрашивалъ его о пребываніи въ Италіи и спросилъ, между прочимъ, видѣлъ ли онъ короля сардинскаго. Шуазель отвѣтилъ утвердительно и сказалъ, что король сардинскій очень жалѣетъ о несчастномъ случаѣ, бывшемъ съ его племянникомъ. Людовикъ повторилъ за Шуазелемъ слово «случай», и спросилъ, что оно должно обозначать: то, что произошло въ Версалѣ, можно назвать убійствомъ, но никакъ не простымъ «несчастливымъ случаемъ». Дальнѣйшія свѣдѣнія, собранныя Шуазелемъ, доказали, что на короля покушеніе, дѣйствительно, произвело ужасающее впечатлѣніе, и что не скоро послѣ него онъ оправился. Несмотря на то, что фанатикъ причинилъ ему лишь небольшую царапину, Людовикъ XV, почувствовавъ себя раненымъ, страшно испугался. Онъ началъ готовиться къ смерти, просилъ прощенія у всей семьи, призывалъ ежеминутно духовника и умолялъ объ отпущеніи грѣховъ. Между тѣмъ, рана была такого характера, что человѣкъ съ нѣкоторымъ самообладаніемъ ни за что не отложилъ бы изъ-за нея предполагавшагося въ этотъ вечеръ ужина въ Трианонѣ. Король пролежалъ послѣ покушенія цѣлыхъ девять дней въ постели, за опущенными завѣсками, не видя свѣта и почти никого не принимаая. Придворные интриганы постарались воспользоваться для своихъ цѣлей тѣмъ состояніемъ изнеможенія, въ которомъ находился король. Главнѣйшіе изъ интригъ направлялись противъ г-жи де-Помпадуръ, въ то время главной метрессы короля. Королевская семья, особенно жена дофина, думала воспользоваться религіозными мотивами для того, чтобы удалить ненавистную ей фаворитку. Хотѣли заставить короля причаститься какъ бы передъ кончиною, надѣясь, что тогда онъ удалитъ фаворитку. Эти интриги имѣли нѣкоторый успѣхъ. Король хотя и не согласился окончательно приготовиться къ смерти, не исповѣдывался и не причащался, но зато велѣлъ призвать къ себѣ хранителя пе-

¹⁾ L'attentat de Damiens, par Choiseul.—Revue de Paris, 1 septembre 1899.

чатей Машо и далъ ему секретное порученіе переговорить съ г-жею де-Помпадуръ и уговорить ее, чтобы она оставила дворъ. Машо исполнилъ это порученіе очень неудачно. Въсто того, чтобы передать фавориткѣ все содержаніе своего разговора съ королемъ, онъ, какъ бы отъ своего имени, посовѣтовалъ ей уѣхать изъ Версаля. Г-жа де-Помпадуръ нѣсколько разъ переспрашивала его, говорить ли онъ это по приказанію короля; Машо отвѣчалъ, что король еще не далъ окончательнаго указанія, но что ѣхать все-таки надо. Тогда фаворитка рѣшительно ему заявила, что поѣдетъ только по полученіи непосредственнаго приказанія короля. Машо, который былъ обязанъ ей всѣмъ, не сталъ болѣе настаивать; такъ какъ, однако, онъ вѣрилъ въ неминуемую ссылку фаворитки и боялся, что посѣщенія его у нея испортятъ его отношенія съ дофиномъ, то онъ болѣе ни разу у г-жи де-Помпадуръ не появлялся. Не получая никакихъ извѣстій отъ короля, фаворитка рѣшилась обратиться къ нему съ письмомъ: камердинеръ короля де-Шансене взялся передать написанную ею записку Людовику. Записка эта осталась безъ отвѣта. Безпокойство г-жи де-Помпадуръ по этому поводу росло, а враги ея уже торжествовали побѣду. Къ этимъ врагамъ принадлежалъ въ данную пору и военный министръ д'Аржансонъ, доказавшій свою неприязнь фавориткѣ въ слѣдующемъ дѣлѣ. При версальскомъ дворѣ существовало тайное установленіе, чтобы письма цѣлаго ряда придворныхъ лицъ на почтѣ списывались, и въ копіяхъ, одновременно съ утреннею газетою, представлялись на прочтеніе королю. Этотъ послѣдній, послѣ просмотра, обыкновенно передавалъ ихъ фавориткѣ. Доставленіемъ писемъ завѣдывалъ почтмейстеръ Жаннелъ, и обыкновенно главный начальникъ почтъ д'Аржансонъ даже не зналъ о томъ, какія письма доставлялись королю. Теперь, вскорѣ послѣ покушенія Дамьена, въ Парижѣ появились уличныя прокламаціи, въ которыхъ содержались насмѣшки надъ трусостью короля. Помпадуръ, превосходно зная обычай копирования писемъ, и опасаясь, какъ бы въ числѣ переданныхъ на прочтеніе королю не оказалось выдержекъ изъ прокламацій, приказала Жаннелю такихъ писемъ королю на прочтеніе не давать, чтобы не разстраивать его. Узнавъ объ этомъ распоряженіи, д'Аржансонъ немедленно заявилъ Жаннелю, чтобы тотъ не смѣлъ ему слѣдовать, а докладывалъ королю все рѣшительно. Отъ фаворитки не скрылось это противодѣйствіе ея мѣрамъ, и она попробовала въ личной бесѣдѣ заставить д'Аржансона перемѣнить свое мнѣніе. Министръ оказался непреклоннымъ. Тогда фаворитка сказала, отпуская его: «Я, можетъ быть, никогда уже не увижу короля, но если я его увижу, то будьте увѣрены, что немедленно же одинъ изъ насъ — вы или я, будетъ изгнанъ отсюда». Всѣ интриги и контръ-интриги закончились довольно неожиданно. На девятый день послѣ «убійства» король Людовикъ XV оставилъ свой одръ болѣзни и, первымъ же долгомъ, къ чрезвычайному удивленію всего придворнаго міра, зашелъ къ мадамъ де-Помпадуръ. Фаворитка выказала необыкновенную радость при видѣ его и не обмолвилась ни однимъ словомъ по поводу огорченій, доставленныхъ ей долговременнымъ отсутствіемъ короля. Людовикъ, ожидавшій упрековъ и сценъ ревности, былъ весьма пріятно пораженъ этимъ пріемомъ, и Помпадуръ немедленно же почувствовала, что власть ея по отношенію къ королю нисколько не уменьшилась. Она воспользовалась слу-

чаемъ, чтобы пожаловаться на Машо и д'Аржансона; чтобы придать своимъ жалобамъ больше вѣса, она показала дѣйствительное или подложное письмо военнаго министра къ г-жѣ де-Эстрадъ, въ которомъ король былъ названъ «слабоумнымъ». Людовикъ тутъ же рѣшилъ уволить обоихъ министровъ: одного потому, что считалъ необходимымъ сдѣлать выборъ между отставкою его или отставкою метрессы, а другого потому, что боялся неприятныхъ объясненій по поводу порученія, которое онъ же далъ Машо. Д'Аржансона рѣшено было послать въ Ормъ, а Машо—въ его помѣстье Арнувилль близъ Гонеза. Врученіе отставки произошло при довольно характерной обстановкѣ. Д'Аржансонъ узналъ черезъ шпионовъ, которыми онъ окружилъ Машо, объ угрожающей этому послѣднему отставкѣ; о своей собственной онъ, однако, ничего еще не зналъ. Поэтому онъ въ кругу своихъ друзей цѣлый вечеръ разсуждалъ о томъ, кто будетъ замѣстителемъ главнаго контролера, и выражалъ убѣжденіе, что выборъ короля, вѣроятно, падеть на него, д'Аржансона. Каковы же были его удивленіе и ужасъ, когда вмѣсто ожидавшейся королевской милости ему на слѣдующее утро врученъ былъ приказъ объ отставкѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ, по словамъ Шуазеля, сумѣлъ съ большимъ достоинствомъ вынести неожиданный ударъ судьбы. Всѣ эти перемѣны произошли за короткое время, прошедшее отъ дня покушенія до пріѣзда Шуазеля изъ Рима. Въ февралѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ оказался Руїе, «извѣстный всѣмъ своею глупостью», какъ пишетъ Шуазель. Вѣдомство двора было подчинено де-Сенъ-Флорентану, позже произведенному въ герцоги де-ла-Врильеръ; ему же подчинены были Парижъ и всѣ провинціи. Военнымъ министромъ сталъ де-Поми, а генеральнымъ контролеромъ де-Мора. Всѣ рѣшительно эти назначенія были дѣломъ рукъ Помпадуръ. Недовольный этими назначеніями, Шуазель спросилъ фаворитку, неужели она не могла предложить лучшихъ кандидатовъ. Помпадуръ отвѣчала на это, что короля очень легко заставить прогнать министра, но трудно принудить его назначить новаго: пришлось поэтому взять тѣхъ, кто уже засѣдалъ въ совѣтѣ министровъ. Особенно поразило Шуазеля, что Руїе, хотя и былъ официальнымъ главою иностраннаго вѣдомства, тѣмъ не менѣе, ровно ничего не зналъ о важнѣйшихъ переговорахъ съ иностранными державами, которые велись при непосредственномъ участіи г-жи Помпадуръ. Совершенно въ тайнѣ отъ министра держали, напримѣръ, чрезвычайно важныя работы по заключенію тайнаго договора съ вѣнскимъ дворомъ. Шуазеля посвятили въ эту тайну въ виду того, что хотѣли его назначить посломъ при вѣнскомъ дворѣ. Договоръ, который долженъ былъ стоить Франціи милліона солдатъ и лучшихъ ея колоній, былъ выработанъ аббатомъ Берни въ сотрудничествѣ съ австрійскимъ посломъ, графомъ Штаренбергомъ. Министру сообщили объ этомъ договорѣ только тогда, когда проектъ уже былъ готовъ къ подписанію. Находясь въ Креси у Помпадуръ, Шуазель впервые ознакомился съ этимъ проектомъ и пришелъ въ ужасъ отъ тѣхъ страшныхъ жертвъ, которыхъ исполненіе его потребуетъ отъ Франціи: притомъ единственнымъ результатомъ этихъ жертвъ могло явиться лишь усиленіе могущества австрійскаго дома. Однако, такъ какъ дѣло уже было рѣшено, то спорить болѣе не приходилось. На этомъ эпизодѣ и кончаются выдержки изъ записокъ Шу-

азеля въ «Revue de Paris». Интересно одно замѣчаніе друга Помпадуръ. Слабохарактерный и трусливый Людовикъ XV обладалъ большою смѣлостью въ даваніи отставокъ министрамъ. За все время своего правленія онъ отставилъ болѣе шестидесяти министровъ, въ то время какъ энергичный и властолюбивый Людовикъ XIV, за пятьдесятъ три года со времени смерти Мазарини, далъ отставку только троицъ: Фука, Помпону и Шамильяру.

— Интимная жизнь Людовика XV. К. Флери даетъ въ послѣдней своей книгѣ интересную картину двора Людовика XV и рядъ характеристикъ многочисленныхъ временщицъ этого короля¹⁾. Здѣсь на первомъ планѣ мы видимъ «гордую Вашти», маркизу Куаленъ, вставшую въ немилость вслѣдствіе искусно проведенныхъ интригъ какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда она уже торжествовала свою побѣду надъ маркизою Помпадуръ, усиленно хлопотавшей въ это время объ австрійскомъ союзѣ. Послѣ ряда галантныхъ авантуръ, бывшая фаворитка со многими представителями высшаго свѣта оказалась запутанной въ исторіи банкротства принца Геменэ. Когда наступила революція, она избѣгла опасностей ея, скрываясь въ Вандеѣ подъ видомъ прислуги. Однако она скоро вернулась въ Парижъ, гдѣ была очень близка съ Шатобрианами, считалась оракуломъ хорошаго тона и на девятомъ десяткѣ лѣтъ бесѣдовала съ Карломъ X о дворѣ Людовика XV. И въ это время, какъ и въ молодости своей, она имѣла соперницею г-жу д'Эспарбесъ, раньше бывшую возлюбленной Лозёна и «многолюбимаго» Людовика, женщину, такъ умѣло ведшую свою политику, что даже въ наиболѣе опасные дни революціи она едва находила нужнымъ прекращать приемы въ своихъ салонахъ. Исключеніемъ въ средѣ обыкновенно жадныхъ до денегъ «petites maitresses» является одна изъ послѣднихъ фаворитокъ, голландка г-жа Патеръ, вышедшая замужъ за маркиза де-Шансене, губернатора тюльерійскаго дворца. Эмигрировавъ въ началѣ смуты, она предложила въ распоряженіе графа Артуа отъ двадцати до пятидесяти тысячъ франковъ; она ссылалась при этомъ на то, что «обязана всѣмъ своимъ имуществомъ его дѣду». Контрастомъ къ этимъ высокопоставленнымъ особамъ является «la belle Morphise» или m-lle Мюрфи, особа весьма низкаго происхожденія. За то, что она назвала г-жу Помпадуръ «старой кокеткой», ее немедленно уволили и выдали, съ хорошимъ, впрочемъ, приданымъ, замужъ за г. де Бофранше. Переживъ какъ его, такъ и второго своего супруга, она оказалась во время террора заключенною въ Сэнъ-Пелажи. Освободившись отсюда, она, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, вышла замужъ за молодого члена конвента, черезъ пять лѣтъ развелась съ нимъ и умерла въ 1815 году. Генераль Бофранше, отличавшійся ультрареспубликанизмомъ и служившій въ Вандеѣ, былъ, по мнѣнію нашего автора, сыномъ отъ перваго мужа Морфизы, а не отъ «Vienaimé» (Людовика XV), какъ полагали. Мадмуазель де-Романъ является типичною представительницей низшей буржуазіи въ ряду petites maitresses. Хотя ея сынъ, аббатъ де-Бурбонъ, былъ единственнымъ изъ «батардовъ», признаннымъ Людовикомъ XV, мадемуазель де-Романъ была недовольна этимъ и хотѣла, чтобъ ея дитя было, какъ слѣдуетъ, узаконено. Ея приставанія

¹⁾ Louis XV intime et les petites maitresses. Par Comte Fleury.

въ этомъ смыслѣ и ея стремленія стать на мѣсто г-жи Помпадуръ въ качествѣ *maitresse en titre* надѣли королю настолько, что пятилѣтняя связь ея съ королемъ закончилась внезапной немилостью, которая, какъ всегда, была смягчена всякими подарками и льготами, доставившими ей ежегодный доходъ въ четыре тысячи ливровъ, по меньшей мѣрѣ. Выданная замужъ за маркиза де-Каванака, она вновь появляется на сцену въ царствованіе Людовика XVI въ качествѣ законодательницы модъ, собственницы театра, управлявшагося ея зятемъ, и покровительницы начинавшаго свою карьеру аббата де-Буажелэна. Связь ея съ этимъ аббатомъ была настолько явная, что не осталась тайною и для ея мужа, который однако не могъ съ ней ничего подѣлать. Сынъ маркизы, аббатъ де-Бурбонъ, добился того, что при помощи *lettre de cachet* его вотчинами изгнали изъ Парижа, судъ объявилъ супруговъ разведенными, и маркиза продолжала свою шумную жизнь вдвоемъ съ аббатомъ Буажелэномъ. Во время позднѣйшихъ смуть бывшая фаворитка укрывалась въ Испаніи, но потомъ вернулась и умерла въ Версали во времена имперіи. Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, *petites maitresses* представляютъ примѣры удивительнаго долготѣія. Что касается аббата де-Бурбонъ, то, прождавъ напрасно во Франціи обѣщанныхъ ему кардинальства и епископства Байё, онъ отправился въ Италію, ища поддержки у Луизы, дочери Людовика XV, кармелитки. Здѣсь онъ умеръ въ 1787 году отъ оспы къ большому облегченію *Madame Луизы*, которая обѣщанное ему мѣсто имѣла въ виду передать другому «батарду» своего отца — Бенуа-ле-Дюку. Когда въ 1789 году Фавръ, осужденный за заговоръ противъ революціи, всходилъ на эшафотъ, принявъ на себя вину графа Прованскаго, то утѣшавшимъ несчатную жертву духовникомъ былъ аббатъ Ле-Дюкъ, увѣщавшій Фавра хранить молчаніе до конца, такъ какъ оно должно спасти весь королевскій домъ. Въ январѣ 1793 года аббатъ еще разъ выступаетъ на сцену въ интересахъ королевскаго дома: онъ просилъ конвентъ передать ему для погребенія тѣло Людовика Капета. Эта просьба была отвергнута. Помимо интересныхъ данныхъ о фавориткахъ и ихъ дѣтяхъ, въ книгѣ Контъ-Флѣри мы находимъ еще много интереснаго о дворѣ Людовика XV, о его характерѣ, объ обстоятельствахъ его смерти. Про послѣднія мгновенія короля разсказывается очень подробно — на протяженіи шестидесяти страницъ. Извѣстно, что король умеръ, заразившись оспою отъ присланной къ нему молодой дѣвушки. Смерть отъ заразы, сдѣлавшая невозможнымъ торжественное погребеніе, сберегла Франціи два милліона франковъ.

— Воспоминанія французскаго морскаго офицера объ американской войнѣ. Въ семейномъ архивѣ барона де-Батца отыскалась связка пожелтѣвшихъ, запыленныхъ писемъ его дяди, мичмана французскаго флота Генри де-Монтегю во время американской войны за независимость. Они рисуютъ живую историческую и бытовую картинку, а потому редакція «*Revue Hebdomadaire*» хорошо поступила, что напечатала отрывки изъ нихъ съ комментаріями де-Батца въ формѣ интереснаго, даже мѣстами драматическаго разсказа¹). Генри де-Монтегю, сынъ совѣтника въ Тулузскомъ парламентѣ, родился

¹) Un officier de marine pendant la guerre d'Amérique, 1778 — 1785, par le baron de Batz. «*Revue Hebdomadaire*». 2 — 8 septembre 1899.

въ 1763 году и поступилъ четырнадцати лѣтъ гардемариномъ въ королевскій флотъ. Прибыль онъ въ Брестъ для сдачи экзаменовъ въ самый разгаръ приготовленій къ войнѣ съ Англіей и тотчасъ писалъ отцу: «Здѣсь много говорятъ о войнѣ и дѣлаются приготовленія, чтобъ хорошо встрѣтить господъ англичанъ. Мы здѣсь на концѣ свѣта, потому что за Брестомъ нѣтъ ничего, кромѣ моря, и вся часть города, выходящая на берегъ, усеяна пушками и мортирами для встрѣчи враговъ ядрами, бомбами и. д.». Въ другомъ письмѣ юный мичманъ описывалъ торжественную церемонію приѣма королевскаго портрета, который прибылъ моремъ изъ Ландерно и принять со всевозможными почестями. «Его встрѣтили, словно это былъ самъ король, — рассказываетъ онъ, — четырьмя тысячами выстрѣлами съ берега, съ судна, на которомъ онъ прибылъ, его снялъ караулъ, подъ командой одного изъ капитановъ стоящихъ здѣсь судовъ, а потомъ его вынесли на берегъ и повезли въ парадномъ экипажѣ среди выстроившихся шпалерами пяти полковъ въ домъ коменданта порта, гдѣ онъ будетъ стоять». Наконецъ, Генри удовлетворительно сдалъ экзамень, хотя экзаменаторомъ былъ страшный академикъ Безу, специалистъ по механикѣ и товарищъ знаменитыхъ Ла-Пласа, Линея, Лавуазье, Кондорсе и т. д. Впервые увидалъ море юный мичманъ на фрегатѣ «Зефиръ», и хотя дошелъ только до Сенъ-Мало, но много страдалъ отъ морской болѣзни; затѣмъ онъ окончательнo поступилъ на линейный корабль «Герцогъ Бургундскій», капитаномъ котораго былъ виконтъ Рошшуръ, и тутъ началась его дѣйствительная морская служба. Приготовленія къ войнѣ продолжались, и въ Брестѣ уже было собрано 40 линейныхъ кораблей и 30 фрегатовъ, когда геройскій подвигъ лейтенанта де-ла-Клаштри на фрегатѣ «Belle Poule» взволновалъ всю Францію, а потомъ Европу, и послужилъ поводомъ къ объявленію войны. Вотъ какъ Монтегю описываетъ эту первую стычку съ англичанами, хотя онъ лично въ ней не участвовалъ: «Нѣсколько дней тому назадъ вышло въ море пять, или шесть фрегатовъ, а вчера въ 7 часовъ вечера послышалась отдаленная пушечная пальба, которая продолжалась до полуночи. Сегодня утромъ узнали, что французскій фрегатъ «Belle Poule» сражался съ англійскимъ фрегатомъ. Бой длился четыре или пять часовъ, и англличанинъ уже поднялъ сигналъ, что сдается, но французскій командиръ далъ еще пятьдесятъ четыре выстрѣла и уже приготовлялся къ абордажу, какъ подошли два новыхъ англійскихъ судна, и нашему фрегату пришлось отступить». Спустя нѣсколько дней, Монтегю возвращается снова къ этому геройскому подвигу и замѣчаетъ: «Въ Парижѣ введена новая уморительная мода по случаю геройскаго боя «Belle Poule» (красавица курица), и дамы въ честь его носятъ на головныхъ уборахъ чучелы большихъ курицъ съ растопыренными крыльями». Въ этомъ же письмѣ онъ характерно прибавляетъ: «Я слышалъ, что аббатъ (его младшій братъ) снялъ свою рясу, и меня это очень обрадовало. Но потомъ мнѣ сказали, что это неправда. Дѣйствительно, самое лучшее, что онъ могъ бы сдѣлать, — это приѣхать сюда черезъ два или три года. Право, лучше быть морякомъ, чѣмъ патеромъ». Въ первой морской битвѣ между французами и англичанами при островѣ Уэсанъ молодой мичманъ также не участвовалъ, потому что его корабль «Герцогъ Бургундскій» по случаю тумана сбился съ пути и

долженъ былъ вернуться въ Брестъ. Вскорѣ послѣ этого онъ перешелъ на линейный корабль, которымъ командовалъ другъ его отца Монтэль, но все-таки ему долго не пришлось лично увидѣть морской бой, хотя онъ участвовалъ въ продолжительныхъ крейсировкахъ французскаго флота въ 1779 году по Ламаншу и у береговъ Испаніи. Въ его письмахъ, относящихся къ этому времени, встрѣчаются интересныя подробности о постоянныхъ ссорахъ и интригахъ, мѣшавшихъ успѣшнымъ дѣйствіямъ французскаго флота. Главнымъ образомъ онъ сосредоточивались на ненависти всѣхъ моряковъ къ главному командиру флота, графу д'Естену, который былъ армейскимъ генераломъ и никогда не служилъ во флотѣ. Напротивъ адмиралъ Грасъ, котораго обошли ради д'Естена, пользовался общей любовью моряковъ. «Говорятъ много дурнаго о д'Естени,—писалъ между прочимъ Монтегю,—но я думаю, что общая ненависть моряковъ противъ него—главная причина всѣхъ этихъ нападокъ». Какъ бы то ни было и несмотря на взятіе имъ острова Гренады, французская эскадра въ американскихъ водахъ была, наконецъ, отнята у него въ концѣ 1779 года и передана покровителю юнаго мичмана, Монтэлю, который взялъ его къ себѣ на адмиральскій корабль «Пальма». У Антильскихъ острововъ Монтегю впервые познакомился съ непріятельскимъ огнемъ, и Монтэль писалъ его отцу, что онъ по храбрости былъ маленькимъ Цезаремъ». Его корабль «Пальма» выдержалъ успѣшно самыя отчаянныя нападенія англійскаго адмирала Роднэя, о которомъ авторъ статьи въ «Revue hebdomadaire» рассказываетъ характерный анекдотъ, служащій къ чести французовъ. Передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій Роднэй находился во Франціи и сидѣлъ за долги въ тюрьмѣ. Однажды, разговаривая съ французскими офицерами, онъ воскликнулъ: «Если бы я былъ на свободѣ и стоялъ во главѣ англійскаго флота, то быстро бы уничтожилъ французскія и испанскія эскадры». Тогда маршалъ Виронъ отвѣчалъ: «Ваши долги всѣ заплочены, вы на свободѣ; постарайтесь исполнить свое обѣщаніе. Французы не желаютъ пользоваться случайностью, которая вамъ мѣшаетъ дѣйствовать противъ нихъ. Они привыкли только храбростью отнимать возможность у враговъ воевать съ ними». Дорого пришлось заплатить французамъ за эту рыцарскую выходку маршала Вирона, такъ какъ Роднэй, принявъ команду надъ англійскимъ флотомъ, нанесъ много вреда имъ и ихъ союзникамъ испанцамъ. Во время зимней стоянки 1780—1781 годовъ эскадры Монтэля въ Гаваннѣ, Монтегю много веселился, постоянно живя на берегу, а въ октябрѣ 1781 года онъ принялъ участіе въ крупномъ историческомъ событіи, покончившемъ войну за независимость Америки. «3-го августа,—рассказываетъ онъ:—мы вышли изъ Санъ-Доминго въ числѣ 28 линейныхъ судовъ и 3 фрегатовъ, подъ главнымъ начальствомъ адмирала графа де-Граса, и 30-го числа бросили якорь въ Чизапикской бухтѣ. На слѣдующій день мы высадили 3.000 солдатъ подъ начальствомъ Сенъ-Симона, присланныхъ для подкрѣпленія Лафайета, который командуетъ американскимъ корпусомъ въ 4.000 человекъ. 5 сентября показались на горизонтѣ двадцать непріятельскихъ судовъ, а у насъ тогда было двадцать четыре корабля, такъ какъ остальные блокировали устья рѣкъ, Джемсъ и Юркъ. Мы вступили въ бой съ непріятелемъ, но, благодаря противному вѣтру, часть флота, какъ

нашего, такъ и непріятельскаго, не участвовала въ битвѣ. Бой продолжался три часа, а потомъ мы оставались три дня лицомъ къ лицу съ англичанами. Когда они удалились, то мы послали въ Балтимору всѣ фрегаты и мелкія суда, чтобы перевезти къ Юрку Вашингтона и Рошамбо съ ихъ войсками. По ихъ прибытіи, началась осада Юрка, гдѣ лордъ Корнваллисъ былъ запертъ съ семью тысячами солдатъ. Послѣ десяти-дневныхъ работъ въ американскихъ траншеяхъ, онъ сдался 18 октября со всѣмъ гарнизономъ». Въ концѣ этого письма встрѣчается необычный у Монтегю протестъ противъ дѣйствій начальства: такъ онъ замѣчаетъ, что офицерамъ давно уже не выдаютъ жалованья, и прибавляетъ: «вотъ что получаешь за честную службу королю». Затѣмъ Монтегю участвовалъ во взятіи Пензакольма маленькой эскадрой Монтея, а по отбытіи послѣдняго во Францію въ февралѣ 1782 года онъ перешелъ на линейный корабль «Пламенный», подъ начальствомъ капитана Гугильона. Во время несчастной для Франціи битвы при Санъ-Доминго этотъ корабль былъ взятъ въ плѣнъ англичанами, о чемъ Монтегю очень лаконично писалъ отцу: «Мнѣ дозволяютъ, милый отецъ, написать вамъ, что я здоровъ, несмотря на взятіе «Пламеннаго»; я теперь нахожусь на англійскомъ кораблѣ, и со мною обходятся очень хорошо». Доставленный въ Лондонъ, онъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, былъ освобожденъ отъ плѣна подъ честнымъ словомъ и возвратился во Францію 22-го іюля. Въ слѣдующемъ году онъ, былъ отправленъ въ Индію, гдѣ оставался до лѣта 1785 года. 23 августа этого года онъ находился на рейдѣ острова Св. Маврікія и случайно упалъ въ море, спускаясь съ своего корабля на лодку. Несмотря на всѣ старанія, матросы не могли найти его тѣла, и такимъ драматическимъ образомъ окончилась его жизнь на 22-мъ году.

— Испанская докторша философіи въ XVIII вѣкѣ. Въ «Figaro» напечатана интересная статья извѣстной французской писательницы Жанны Дьелафуа о невѣдомой испанкѣ, которая получила въ Алькальскомъ университетѣ въ 1785 году ученую степень доктора философіи и каеэдру риторики ¹⁾. Женщины въ Испаніи могутъ гордиться тѣмъ, что въ научныхъ лѣтописяхъ этой страны блеститъ нѣсколько женскихъ именъ. Въ XVI вѣкѣ Педро Торесъ въ своей хроникѣ упоминаетъ объ одной женщинѣ, которая читала каноническое право въ Алькальскомъ университетѣ, а на дому преподавала латинскій языкъ, риторикѣ и пѣтику. Въ XVII столѣтіи Изабелла Католическая училась латыни у Беатриксъ Галиндо, которая обучала этому предмету въ Саламанкѣ, и королева въ своихъ письмахъ называетъ ее: «дамой съ большими познаніями въ наукѣ и искусствѣ». Около этого же времени Барселонскій университетъ удостоилъ докторской степени знаменитую женщину-законовѣда—Жуану Морель, а Саламанкскій—св. Терезію. Переходя отъ этихъ предшественницъ къ докторшѣ философіи Алькальскаго университета, доннѣ Маріи Онате, г-жа Дьелафуа сообщаетъ о ней біографическія свѣдѣнія. Она родилась въ Мадридѣ 31 декабря 1768 г. и была дочерью маркиза Монталегръ, графа Онате, и донны Маріи, графини Паредесъ. Съ дѣтства она отличалась замѣчательнымъ умомъ, и отецъ поэтому поручилъ ея воспитаніе почтенному ученому Антоніо Альмарцо, подъ

¹⁾ La doctoresse d'Alcala, par Jane Dieulafoy.—«Figaro», 3 septembre 1899.

руководством котораго она сдѣлала такіе быстрые успѣхи, что въ 17 лѣтъ знала языки греческій, латинскій, итальянскій и французскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ могла, по выраженію наставника, «спорить о философіи съ Аристотелемъ и о математикѣ съ Евклидомъ». Узнавъ объ удивительной учености донны Маріи, король Карлъ III заявилъ, что степень доктора должна увѣнчать такой необыкновенный талантъ. Исполняя королевское желаніе, Алькальскій университетъ назначилъ экзаменъ доннѣ Маріи, въ твердой увѣренности, что семнадцатилѣтнюю дѣвушку собьютъ три ученые монаха, назначенные съ этою цѣлью экзаменаторами. Этотъ экзаменъ произошелъ 5 іюня 1785 года, и донна Марія блестящимъ образомъ выдержала его, несмотря на всѣ старанія экзаменаторовъ спутать ее многочисленными вопросами по четыремъ языкамъ, риторикѣ, мифологіи, философіи, географіи, геометріи, физикѣ и естественнымъ наукамъ. На другой день новый докторъ-женщина получила въ торжественномъ собраніи университета свой дипломъ. Только студенты пришли въ негодованіе и, ворвавшись въ залъ, гдѣ былъ приготовленъ великолѣпный банкетъ въ честь донны Маріи, растащили всѣ приготовленные конфеты и сладости. Эта неурядица вызвала всеобщее осужденіе, и сами студенты, сознавъ свою вину, послали къ молодой дѣвушкѣ депутацію съ извиненіями, а вечеромъ устроили великолѣпную серенаду. Въ знакъ примиренія Марія подарила университету свой поясной портретъ, на которомъ она изображена въ черномъ платьѣ и голубой мантіи; подлѣ нея на столѣ виднѣются нѣсколько философскихъ книгъ и свитокъ съ надписью: «Non est sapientia possessio pretiosior». Подъ портретомъ находится еще надпись: «Достойная донна Марія, Изидра, Квитина де-Гузманъ-и-ла-Серда-Онаге, графиня Паредесъ, получила степень доктора философіи и литературы на 17 году своей жизни, въ Алькальскомъ университетѣ, 6 іюня 1785 года». Чтобы быть послѣдовательнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не возбудить новой выходки студентовъ, университетское начальство предоставило Маріи кафедру риторики, но поручило читать лекціи отъ ея имени Николаю Гередеро. Кромѣ того, ее назначили членомъ совѣта философскаго факультета и въ честь ея выбили медаль, но подъ всѣми этими почестями въ сущности преждевременно похоронили ея университетскую дѣятельность. О дальнѣйшей жизни Маріи Онаге извѣстно только, что она была замужемъ, имѣла дѣтей и умерла 34-хъ лѣтъ.

— Происхожденіе французскихъ социалистовъ. Ученый изслѣдователь французской революціи, Олларъ, доказываетъ въ своей статьѣ подъ заглавіемъ «Историческое происхожденіе французскаго социализма» въ «Revue de Paris», что французскій социализмъ родился теоретически и практически во время революціи 1789 г. ¹⁾ Хотя Пьеръ Леру, говоритъ, что онъ сочинилъ слово социализмъ и напечаталъ его впервые въ 1832 году въ своей рѣчи къ политическимъ дѣятелямъ о современномъ положеніи человѣческаго ума; но если не слово, то самая идея существовала, по словамъ Оллара, гораздо ранѣе, и дѣятели революціи онъ считаетъ первыми социалистами во Франціи, потому что принципъ равенства, освященный первой статьёй деклараціи правъ

¹⁾ Les origines historiques du socialisme français, par A. Aullard. «Revue de Paris», 15 août 1899.

человѣка, составляетъ логическій зародышъ социализма. Въ первое время никто, повидимому, не сознавалъ этого, и аграрная реформа считалась искренними республиканцами какимъ-то пугаломъ. Даже Маратъ говорилъ, въ 1790 году о возможности раздѣла земли между всѣми, только какъ объ угрозѣ, долженствовавшей побудить буржуазію къ распространенію избирательныхъ правъ на всѣхъ гражданъ. Но въ слѣдующемъ году въ газетѣ «Революціи Парижа» уже прямо упоминается о правахъ народа на землю; при этомъ анонимный авторъ не подстрекаетъ пролетаріевъ къ возстанію и къ насильственному овладѣнію землею, а говоритъ, что для общаго владѣнія землею необходимо распространеніе просвѣщенія, такъ какъ лишь «свѣточъ образованія можетъ указать прямой путь, опредѣляющій средину между правами и обязанностями народа». Известный Лагарпъ возражалъ на эту статью въ «Mercure de France» съ буржуазной точки зрѣнія, и анонимный авторъ отвѣчалъ ему уже гораздо рѣзче, доказывая, что «французскій народъ, благодаря революціи, вступилъ въ свои права, и ему остается сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы вступить во владѣніе всѣмъ, что ему принадлежитъ». Около этого же времени два аббата: Курнанъ и Фоше, еще яснѣе распространяли социалистскія идеи: первый въ книгѣ подъ заглавіемъ «Собственность передъ судомъ разума, справедливости и правды», а послѣдній въ своей газетѣ «La bouche de Fer». Курнанъ предлагалъ раздѣлить Францію такъ, чтобы треть земли приносила доходъ государству для покрытія расходовъ на управленіе, а остальные двѣ трети были подѣлены между французами по четыре съ половиной десятины на каждого, безъ права отчужденія. Что касается до Фоше, то въ своей газетѣ и въ социальномъ клубѣ, который былъ открытъ имъ въ Пале-Рояль, онъ проповѣдывалъ тѣ самые пранципы, которые теперь известны подъ названіемъ христіанскаго социализма. Но главы демократической партіи протестовали противъ аграрной реформы, и Робеспьеръ называлъ неравенство собственности зломъ неисправимымъ и неизбѣжнымъ. Съ торжествомъ буржуазіи, которая возстановила 17 іюля 1791 года Людовика XVI на престолѣ послѣ его бѣгства въ Вареннъ и провела въ учредительномъ собраніи избирательный цензъ, умолкаютъ голоса первыхъ социалистовъ, а когда они снова начинаютъ раздаваться при установленіи конвента, то для успокоенія буржуазіи, которую напугали не только возобновившіеся въ газетахъ толки объ аграрной реформѣ, но и деклараціи въ духѣ отрицанія собственности нѣкоторыхъ правительственныхъ комиссаровъ, посланныхъ въ департаменты для набора волонтеровъ, конвентъ, по предложенію Дантона, объявилъ, что собственность находится подъ защитой націи. Однако это противодѣйствіе конвента социальнымъ идеямъ, хотя временно задержало ихъ распространеніе, но не уничтожило, и даже жирондистъ Рабо-Сентъ-Этьенъ открыто развивалъ эти идеи въ газетахъ, а народный агитаторъ Варлей напечаталъ брошюру въ томъ же смыслѣ. Но Геберъ и Маратъ, мысли которыхъ раздѣлялись французскими рабочими, довольствовались тѣмъ, что подбивали народъ противъ богатыхъ, не развивая аграрныхъ системъ. Наконецъ парижане рѣшились примѣнить на практикѣ эту пропаганду и разнесли 25 февраля 1793 года булочныя и бакалейныя лавки; тогда конвентъ издалъ драконовскій законъ, подвергавшій смерт-

ной казни всякаго, кто предлагалъ введеніе аграрнаго закона или какое бы то ни было нарушеніе поземельной, комерческой и промышленной собственности. Однако значеніе этого закона совершенно ступсвалось принятой вскорѣ тѣмъ же конвентомъ деклараціей о правѣ собственности по предложенію Робеспьера и въ замѣнъ проекта подобной деклараціи, составленнаго жирондистами въ смыслѣ безграничнаго признанія права собственности. Возражая противъ предложенія жирондистовъ, Робеспьеръ началъ съ того, что заявилъ: «матеріальное равенство—химера, и аграрный законъ—призракъ, которымъ пугаютъ дураковъ». Но потомъ, основываясь на необходимости ограничить собственность такъ же, какъ свободу индивидуума, правами всѣхъ остальныхъ гражданъ, онъ предложилъ конвенту принятіе четырехъ статей: «1) собственность составляетъ право каждаго гражданина пользоваться и располагать тѣмъ имуществомъ, которое ему гарантировано закономъ. 2) Право собственности ограничено, какъ всѣ другія права, обязанностью уважать права другихъ. 3) Это право не можетъ вредить безопасности, свободѣ, существованію и собственности другихъ гражданъ. 4) Всякое дѣйствіе или владѣніе, нарушающее этотъ принципъ, не законно и безнравственно». По словамъ Оллара, эти четыре статьи составляютъ основу радикально-соціальной реформы, и долго французскіе социалисты, отъ Бабефа до Луи Блана, видѣли въ нихъ зачатокъ французскаго социализма. Впрочемъ, если Робеспьеръ развилъ такимъ образомъ социалистскую программу, то онъ сдѣлалъ это вовсе не потому, что былъ социалистомъ, а лишь изъ политической тактики. Ему необходимо было унижить жирондистовъ и доказать, что составленная для нихъ знаменитымъ Кондорсе конституція не достаточно демократична. Вотъ почему онъ дошелъ до социализма, но какъ только онъ отдѣлался отъ жирондистовъ и сталъ всемогущъ, то въ новой конституціи провелъ почти буквально опредѣленіе собственности жирондистовъ, а объ его прежнихъ социалистическихъ статьяхъ уже вѣтъ и помину. Напротивъ во время террора принимаются мѣры противъ всякой аграрной пропаганды и открыто признается святость собственности. «Но въ то же время, говоритъ Олларъ, своими дѣйствіями и законодательными мѣрами, которыя вызывались обстоятельствами, конвентъ поддерживаетъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, производитъ насильственными займами и прогрессивными налогами вѣчто въ родѣ матеріальнаго уравниенія гражданъ и наконецъ вводитъ, не ради принципа, а съ цѣлью національной защиты, если не вездѣ, то въ нѣкоторыхъ общинахъ, коллективистскую систему». Въ доказательство этого тезиса Олларъ приводитъ тѣ законодательныя мѣры конвента, проводящіяся то во временной, то въ постоянной, формѣ или принципъ прогрессивнаго налога, по которому тотъ, кто имѣетъ больше, и платитъ больше на государственныя нужды. Рядомъ съ такими очевидно социалистскими мѣропріятіями Олларъ ставитъ распоряженія комитета общественной безопасности о томъ, чтобы бѣдные патриоты въ провинціяхъ пользовались излишкомъ богатыхъ враговъ революціи. Такъ, напримѣръ, комиссары, посланные конвентомъ въ Лионъ, Фуше и Колло-Дербуа, прямо заявляли, что всѣ бѣдные граждане будутъ получать помѣщеніе и кормъ насчетъ богатыхъ, и что «булочники обязаны прекратить печенье двухъ сортовъ хлѣба для богатыхъ и бѣдныхъ, а

обязаны печь одинъ хорошій хлѣбъ, хлѣбъ равенства». Кроме того, для веденія войны съ чужеземнымъ непріателемъ, вторгнувшимся въ страну, конвентъ дѣлаетъ насильственный заемъ у богатыхъ въ миллиардъ, а для успокоенія Паризжа покупаетъ хлѣбъ и продаетъ его бѣднымъ часто дешевле стоимости. Наконецъ рабочіе получаютъ по сорока су въ день отъ правительства, подъ предлогомъ вознагражденія за ихъ присутствіе въ политическихъ собраніяхъ. Въ провинціи еще полнѣе примѣнялись муниципалитетами и общинами коллективистскія теоріи. Напримѣръ, въ Брестѣ и Тулонѣ все и всѣ были привлечены на пользу государства, а потому, какъ граждане, такъ и ихъ имущества, служили одинаково на общественныя потребности. Въ сельскихъ общинахъ замѣчались тѣ же явленія, и, напримѣръ, въ департаментѣ Шаранты комиссаръ конвента, Роммъ, предписывалъ сельскимъ мэрамъ принимать мѣры, чтобы всѣ члены общинъ «коллективно пользовались всѣми благами жизни», а въ общинѣ Шалиньякъ отпускали по вѣсу жителямъ одинаковое количество продовольствія: на работающаго 1 фунтъ, а на не работающаго полъ-фунта; что же касается до остальной провизіи, то она отбиралась у собственниковъ и сохранялась общинными властями на черный день. «Такимъ образомъ, говорить въ концѣ своей статьи Оларъ, французскій социализмъ народился во время революціи и составляетъ логическое слѣдствіе не только деклараціи правъ человѣка, но и практическаго, хотя временнаго и безсознательнаго, осуществленія конвентомъ коллективистской общины».

— Столѣтіе годовщины смерти Пія VI и рожденія Пучини. Католическая церковь и клерикалы справляли 29 августа текущаго года во французскомъ городѣ Валенсѣ блестящіе поминки по Пію VI, который умеръ тамъ изгнанникомъ ровно сто лѣтъ тому назадъ. По этому случаю клерикальный журналъ «Correspondant» напечаталъ статью Виктора Пьера: «Столѣтіе Пія VI въ Валенсѣ»¹⁾, Figaro посвятилъ тому же предмету два свои столбца²⁾, а Гекторъ Рейно издалъ въ Греноблѣ брошюру съ иллюстраціями того времени и отрывками изъ «Мемуаровъ генерала Мерка», приставленнаго директоріей къ папѣ-узнику³⁾. По странной ироніи судьбы изъ двухъ папъ, бывшихъ въ плѣну во Франціи, только второй Піи VII, узникъ Наполеона въ Фонтенебло, пользуется славой и служитъ предметомъ обширной литературы, а первый, Піи VI, заточенный въ Валенсѣ директоріей, почти неизвѣстенъ, и о немъ писано очень мало. При восшествіи на папскій престолъ въ 1775 году подъ именемъ Пія VI, кардиналъ Браски былъ привѣтствованъ съ восторгомъ всѣми католиками, которые тѣшили себя надеждой, что для папства наступилъ золотой вѣкъ. Преемнику Піевъ, изъ которыхъ первый и послѣдній до него были святые, предсказывали, что онъ также будетъ причтенъ къ лику святыхъ, но другое пророчество Дона Малахія, который предсказалъ всѣмъ будущимъ панамъ ихъ судьбу, скорѣе осуществилось, и дѣйствительно Піи VI былъ Peregrinus apostolicus,

¹⁾ Le Centenaire de Pie VI à Valence, par Victor Pierre. Correspondant. 10 août 1899.

²⁾ Le Centenaire de Pie VI, par Jane Misme. Figaro. 28 août 1899.

³⁾ Le Centenaire de Pie VI, par Hector Reynaud. Grenoble. 1899.

т.-е. странникъ-апостоль, какъ при жизни, такъ и по своей смерти. Еще до плѣна во Франціи онъ ѣздилъ въ Вѣну, гдѣ напрасно искалъ помощи противъ французской революціи, а 20 февраля 1798 г. въ день двадцатитрехъ-лѣтней годовщины его папства, онъ былъ арестованъ генераломъ Бертье, который провозгласилъ въ Римѣ республику. Тутъ начались безконечныя странствія осьмидесятилѣтняго, больного узника. Сперва его отвезли въ Сиену, гдѣ онъ прожилъ три мѣсяца, а затѣмъ его отправили черезъ Флоренцію, Болонію, Парму и Туринъ во Францію, гдѣ онъ провелъ нѣсколько времени въ Безансонѣ и Греноблѣ, а наконецъ поселенъ въ крѣпости города Валенса; тамъ онъ и умеръ послѣ полутора-годовыхъ странствій. О заточеніи папы въ Валенсѣ много говоритъ въ своихъ мемуарахъ генераль Меркъ, но ему нельзя всегда вѣрить, такъ какъ онъ напечаталъ ихъ въ 1814 году въ Лондонѣ, и на каждой ихъ страницѣ видно его желаніе поддѣлаться къ клерикаламъ и роялистамъ, которые тогда царили во Франціи. Эти мемуары теперь составляютъ большую библиографическую рѣдкость, и напечатанные въ брошюрѣ Рейно отрывки изъ нихъ заимствованы изъ рукописнаго подлинника, найденнаго въ Валенскомъ архивѣ. Генералу Мерку, бывшему тогда военнымъ начальникомъ департамента Дромы, было поручено директоріей встрѣтить папу въ Валенсѣ и остаться тамъ его почетнымъ тюремщикомъ. Въ сохранившемся его частномъ письмѣ, онъ называлъ своего узника «этой личностью», но въ своихъ мемуарахъ онъ не иначе величаетъ его, какъ «возлюбленнымъ государемъ», или «высокочитимымъ папой» и хвастается своей преданностью къ нему, доходившей будто бы до того, что онъ предлагалъ устроить его бѣгство, именно «лично донести его на рукахъ до Роны, гдѣ его ждало бы англійское судно». Онъ далѣе рассказываетъ, что «его святѣйшество, устремивъ на него глаза, которые блестѣли большимъ огнемъ, чѣмъ зрачки юношей, отвѣчалъ: «Кормчій не покидаетъ своего корабля во время бури, и усердный пастыръ всегда остается среди своего стада». Конечно, генераль забылъ, что въ то время корабль католической церкви и стадо вѣрныхъ католиковъ могло находиться вездѣ, но не въ революціонной Франціи. Это доказывается уже однимъ фактомъ, что тѣло Пія VI оставалось пять мѣсяцевъ не похороненнымъ, и только Наполеонъ, сдѣлавшись первымъ консуломъ, разрѣшилъ его похоронить съ военными почестями, но безъ духовенства. Такія гражданскія похороны папы на кладбищѣ провинціального города Франціи представляли, конечно, странную картину. Однако послѣ заключенія конкордата Наполеонъ приказалъ вырыть гробъ Пія VI и отослать его въ Римъ. Этимъ посмертнымъ путешествіемъ не окончились странствія «апостола-странника»; новый папа Пій VII, которому также суждено было побывать во французскомъ плѣну, вернулъ въ Валенсѣ, по просьбѣ тамошняго епископа, сопровождавшаго гробъ папы до Рима, сердце и внутренности Пія VI въ урнѣ. Наполеонъ послалъ за урной военный корабль, и это было уже послѣднее странствіе бѣднаго папы. Урна помѣщена въ нарочно воздвигнутомъ для этого мавзолеѣ въ соборѣ Валенса, гдѣ она находится и въ настоящее время.

Совершенно инымъ человѣкомъ, чѣмъ слабохарактерный, фанатичный Пій VI, былъ Николо Пуччини, столѣтній юбилей котораго только что праздно-

вала его родина, Пистоя¹⁾. Родившись въ 1799 году, онъ съ юности посвятилъ свой умъ, таланты и состояніе на добрыя дѣла, а также принималъ личное участіе въ народныхъ движеніяхъ, имѣвшихъ цѣлью—освобожденіе Греціи и Италіи. Онъ имѣлъ болѣе или менѣе дѣятельное отношеніе ко всѣмъ прогрессивнымъ теченіямъ истекающаго вѣка и былъ другомъ всѣхъ выдающихся людей своего времени: поэтовъ, историковъ и философовъ, съ цѣлью самообразованія и нахожденія лучшаго пути, чтобъ дѣлать добро обездоленнымъ, униженнымъ, оскорбленнымъ. Этотъ почтенный альтруистъ былъ вмѣстѣ филантропомъ и меценатомъ; съ одной стороны онъ занимался практическимъ разрѣшеніемъ социальныхъ вопросовъ и всячески содѣйствовалъ распространенію народнаго образованія, а съ другой—покровительствовалъ писателямъ, самъ занимался литературой и посвящалъ часть своего богатства на прославленіе гениевъ: такъ онъ на свой счетъ поставилъ статую Микель-Анджело и воздвигнулъ въ своемъ саду, въ Пистоѣ пантеонъ знаменитыхъ итальянцевъ со статуями: Данте, Христофора Колумба, Аріосто, Муратори, Рафаэля, Альфіери, Пьетро Джіаноне, Галилея, Вольты, Наполеона, Петрарки, Леонардо Да-Винчи и Витторіо да-Фельтре.

— Графиня Ламоттъ-Валуа въ Крымѣ. Вопросу о загадочной судьбѣ графини де-Ламоттъ-Валуа посвящена особая статья въ одномъ изъ сентябрьскихъ номеровъ «Revue Bleue»²⁾. Какъ извѣстно, наиболѣе распространенный рассказъ о смерти графини де-Ламоттъ говоритъ, что она умерла въ 1791 г. въ Лондонѣ. Этотъ годъ смерти принятъ и въ русскомъ «Энциклопедическомъ Словарѣ» (томъ XVII, стр. 303). Въ мемуарахъ графа де-Ламоттъ-Валуа, изданныхъ Лакуромъ, говорится, что графиня расшиблась при паденіи изъ экипажа и умерла тридцати-четырехъ лѣтъ отъ роду. Другой якобы свидѣтель аббатъ Жоржель рассказываетъ, что м-мъ де-Ламоттъ погибла трагическою смертью послѣ какой-то оргіи. Давно, однако, уже былъ въ ходу иной вариантъ рассказа о смерти графини. Въ «Courrier français», отъ 30 мая 1844 года, рассказывается: «Утверждаютъ, что знаменитая г-жа де-Ламоттъ, игравшая столь плачевную роль въ исторіи съ ожерельемъ королевы и приговоренная къ клейменію плечь, наказанію плетью на улицахъ Парижа и заключенію на всю жизнь въ Сальпетриеръ—откуда ей, однако, удалось бѣжать—умерла надняхъ въ сѣнъ-жерменскомъ предмѣстьѣ, восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Въ теченіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ графиня Ламоттъ сумѣла сохранить таинственный покровъ надъ своей судьбою, которая выяснилась лишь послѣ ея смерти». Авторъ статьи въ «Revue Bleue», находясь въ Крымѣ, неоднократно слышалъ отъ мѣстныхъ старожиловъ, что графиня де-Ламоттъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія находилась въ Крымѣ. Въ то же время ему пришлось ознакомиться съ нѣсколькими статьями на русскомъ языкѣ, въ которыхъ проливался новый свѣтъ на судьбу несчастной графини: статьи эти были—воспоминанія баронессы Маріи Бодѣ въ журналѣ «Огонекъ» за 1882 г., анонимныя записки въ «Русскомъ

¹⁾ Nicolò Pucini, di A. Linaker. Rassegna Nazionale. 16 agosto 1899.

²⁾ La comtesse de Lamotte-Valois. Sa mort en Crimée, par Louis de Soudac. Revue Bleue, 16 septembre 1899.

Вѣстникъ» за 1889 годъ и замѣтка въ «Новомъ Времени». Пожелавъ установить, что въ этихъ новыхъ свѣдѣнiяхъ истиннаго, авторъ произвелъ розыски въ Крыму, справлялся во всѣхъ доступныхъ ему точныхъ источникахъ, и въ настоящее время передаетъ результатъ своихъ изысканiй. Въ Судакѣ онъ познакомился съ французскимъ семействомъ, состоявшимъ изъ брата и двухъ сестеръ. Старшей изъ сестеръ было семьдесятъ пять лѣтъ, и она очень многое рассказывала изъ прошлаго въ крымскомъ обществѣ. «Я помню, — говорила она между прочимъ, — что однажды у насъ была, кажется, въ 1825 году, нѣкая дама де-Ламоттъ-Валуа, потомокъ нашихъ королей: черты ея лица мнѣ припоминаются плохо...». Въ Старомъ Крыму, въ саду армянина-горшечника, престарѣлый отецъ нынѣшняго владѣльца сада рассказалъ автору слѣдующее: «здѣсь жила нѣкая дама Гапе, которая чуть ли не была королевою французскою и украсила въ своей странѣ какое-то ожерелье. Я былъ тогда маленькимъ мальчикомъ; она часто призвала меня къ себѣ и забавляла меня громаднымъ алмазомъ, который висѣлъ у нея на золотой цѣпочкѣ... Когда она умерла здѣсь и ее раздѣли, чтобы обмыть трупъ по обычаю этой страны, то оказалось, что у нея на плечахъ какія-то двѣ неудобочитаемыя буквы». Въ 1894 году въ Гурзуфѣ автору говорилъ какой-то татаринъ: «Въ Артекѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, находится домъ, гдѣ жила госпожа Гапе, женщина, украсившая красивое ожерелье въ своей странѣ. Когда она умерла, то у нея на спинѣ увидѣли двѣ большiя буквы». Таковы были устные свѣдѣнiя, собранныя авторомъ статьи совершенно случайно. Воспользовавшись ими и немногими указанiями въ печатныхъ документахъ, онъ предполагаетъ слѣдующимъ образомъ представить біографію г-жи Ламоттъ. Въ 1791 года она лишь уѣхала изъ Лондона и потянулась за общимъ потокомъ эмиграціи въ Россію. Предварительно она перемѣнила фамилію — вѣроятно, при помощи новаго брака. Въ Петербургѣ инкогнито ея вскорѣ открылось, но императоръ Александръ I милостиво разрѣшилъ ей остаться и даже обѣщаль не открывать ея секрета. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ она переселилась въ Крымъ, гдѣ была извѣстна подъ именемъ м-дамъ Гапе, гувернантки у князей Голицыныхъ. Послѣдніе годы жизни она прожила въ Старомъ Крыму, гдѣ уже ничто ея не тревожило. Тамъ она и умерла, вѣроятно, въ 1826 году. Вторичный бракъ ея въ 1791 году могъ состояться тѣмъ легче, что графа де-Ламоттъ долгое время считали погибшимъ во время сентябрскихъ избиенiй.

— Мюрать въ Испаніи. «Это дуракъ и герой», — говорилъ Наполеонъ о Мюратѣ Редереру, а генералу Гурго онъ объяснялъ: «я любилъ Мюрата за его храбрость и потому прощаль ему много глупостей; у него была пустая голова, полная химеръ, и онъ воображалъ себя великимъ человѣкомъ. Но во всемъ виновать я. Надо было его оставить маршаломъ, а не дѣлать великимъ герцогомъ Бергскимъ и королемъ Неаполитанскимъ; благодаря этому, у него и закружилась голова». Эта блестящая и справедливая, хотя очень рѣзкая, характеристика вполне объясняетъ странную историческую фигуру образцоваго кавалерійскаго генерала и фантастичнаго рыцаря, который родился въ бѣдной сельской харчевнѣ, воспитывался въ духовной семинаріи, обошелъ всю Европу во главѣ своей удалой кавалеріи, былъ зятемъ императора, а самъ королемъ

неаполитанским и, наконецъ, разстрѣляя на Калабрскомъ берегу, какъ предводитель разбойничьей шайки. Наполеонъ былъ вполне правъ, называя Мюрата дуракомъ и приписывая себѣ вину его неудачъ, но въ особенности то и другое, т.-е. неспособность Мюрата къ политической дѣятельности и виновность Наполеона въ проявленіи этой неспособности, обнаруживается во время пребыванія Мюрата во главѣ французской арміи въ Испаніи въ 1808 году. Свою неумѣлостью, грубостью и жестокостью онъ сразу погубилъ дѣло Наполеона въ Испаніи и, возбудивъ народную войну въ этой странѣ, подготовилъ гибель своего благодѣтеля; но зная, что Мюратъ былъ героемъ и дуракомъ, а въ Испаніи онъ неизбежно долженъ былъ обнаружить только свое второе качество, такъ какъ для проявленія перваго не было тамъ случая, Наполеонъ самъ наложилъ на себя руку. Все это вполне рельефно выясняется перепиской Мюрата, напечатанной ученымъ итальянскимъ изслѣдователемъ наполеоновской эпохи, Альбертомъ Лумброзо¹⁾, и статьей Жоффруа Гранмезона, основанной на этой перепискѣ, подлинникъ которой хранится въ парижскомъ національномъ архивѣ²⁾. Лумброзо уже написалъ о наполеоновской эпохѣ до сорока книгъ и брошюръ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ драгоценная «Библиографія наполеоновской литературы» (*Bibliografia ragionata per servire alla storia dell'epoca napoleonica*). Еще только вышелъ первый выпускъ этого почтеннаго труда, и въ настоящее время авторъ занялся обширною исторіей жизни и царствованія Юхима Мюрата, а изданная имъ переписка Мюрата составляетъ одинъ изъ матеріаловъ этой біографіи. Точно также еще напечатанъ только первый томъ этой переписки, и онъ обнимаетъ эпоху отъ 1791 года по 1808. Первая половина его относится до молодости Мюрата и его военныхъ подвиговъ во всѣхъ походахъ Наполеона до того времени; она не отличается большимъ интересомъ и не представляетъ замѣчательныхъ новизнокъ, кромѣ подтвержденія безспорнымъ документомъ, что въ первые годы своей службы въ революціонныхъ арміяхъ Мюратъ былъ якобинцемъ и въ виду своихъ крайнихъ радикальныхъ мнѣній даже перемѣнилъ себѣ фамилію изъ Мюрата въ Марата. Но вторая половина переписки, касающаяся четырехъ мѣсяцевъ 1808 года, проведенныхъ имъ въ Испаніи, бросаетъ новый свѣтъ на важныя политическія событія, въ которыхъ пришлось невольню играть первую роль этому блестящему кавалерійскому генералу, но жалкому политическому дѣятелю. Съ своей стороны Гранмезонъ воспользовался этой же перепиской, когда она еще хранилась въ архивной пыли, и нѣкоторыми другими неизвѣстными до сихъ поръ документами, для своего живаго, картиннаго разсказа. 8-го марта 1808 года Мюратъ принялъ начальство надъ стотысячною французскою арміей, которая уже находилась въ Испаніи подъ предлогомъ подать помощь французской экспедиціи въ Португалію подъ начальствомъ маршала Жюно, но, въ сущности, она имѣла цѣлью овладѣть престоломъ короля Карла IV

¹⁾ *Correspondance de Joachim Murat, chasseur à cheval, general, mareschal d'empire, grand-duc de Clèves et de Berg (1791—1808), publié par Albert Lumbroso et précédée d'une préface de M. Henry Houssaye. 1 vol. Turin, 1899.*

²⁾ *Murat en Espagne d'après des documents nouveaux, par Geoffroy de Grandmaison. Correspondant. 25 juin—10 juillet. 1899.*

тѣми способами, которые окажутся наиболѣе выгодными послѣ постепеннаго и по возможности мирнаго занятія французскими войсками всей страны. Въ то время положеніе Испаніи было самое печальное: король, слабохарактерный, слабоумный старикъ, и королева, развратная интриганка, предоставляли всю власть любимцу перваго и фавориту послѣдней, Годю, князю Мира, который думалъ только о своихъ личныхъ интересахъ, а не о благѣ отечества. Благодаря такому положенію дѣлъ, Испанія внутри была жертвою бюрократизма, а извнѣ играла самую жалкую роль. Неудивительно, что при подобномъ положеніи сосѣдней страны Наполеонъ смѣло повторилъ слова Людовика XIV: «нѣтъ болѣе Пиринеевъ», и рѣшился присоединить Испанію къ Франціи въ той или другой формѣ. Зная объ этомъ намѣреніи своего державнаго зятя, Мюратъ уже воображалъ себя королемъ Испаніи, хотя Наполеонъ, отправляя его въ походъ, не сказалъ ему ни слова о своихъ дальнѣйшихъ планахъ, а просто приказалъ занять Испанію военнымъ образомъ. Дѣйствительно, французы, подъ видомъ союзниковъ Испаніи, такъ какъ Наполеонъ заключилъ съ Карломъ IV тайный договоръ о раздѣлѣ Португаліи между ними, постепенно и подъ шумокъ заняли главнѣйшія испанскія крѣпости: Пампелуну, Барселону, Санъ-Себастьянъ и т. д. Самъ Мюратъ быстро направился въ Мадридъ, но все-таки опоздалъ и въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы узналъ, что тамъ произошла революція: ненавистный Годой скрылся изъ боязни смерти, Карлъ IV отрекся отъ престола, и наслѣдный принцъ Фердинандъ объявленъ королемъ Испаніи. Мюратъ пришелъ въ ужасъ, такъ какъ онъ не зналъ, что ему дѣлать, и на всѣ его письменныя просьбы, чтобы Наполеонъ открылъ ему свой планъ на счетъ Испаніи, послѣдній отвѣчалъ лаконически: «Если я вамъ ничего не говорю, значитъ вамъ нечего и знать». Такимъ образомъ, этотъ храбрый генераль и далеко не политикъ очутился безъ всякихъ инструкцій лицомъ къ лицу съ политическимъ кризисомъ. Онъ поступилъ такъ, какъ умѣлъ, т. е. по-солдатски. Онъ вступилъ въ Мадридъ во главѣ своей арміи съ великолѣпнымъ блескомъ и уговорилъ перенуганнаго Карла IV написать новое отреченіе въ пользу императора Наполеона, подъ условіемъ предоставленія ему, королевѣ и Годю, безопаснаго и пріятнаго убѣжища во Франціи. Но Фердинандъ, уже вступившій на престоль, не хотѣлъ отъ него отказаться и въ свою очередь вступилъ съ торжествомъ въ Мадридъ среди восторженныхъ восклицаній народа, который возлагалъ на него свои послѣднія надежды въ виду отреченія Карла IV и появленія французовъ. Онъ хотѣлъ переманить на свою сторону Мюрата, но тотъ отказался его видѣть, пока не получитъ новыхъ инструкцій отъ императора, и царствованіе Фердинанда началось при самыхъ странныхъ условіяхъ. Онъ, повидимому, былъ королемъ, и европейскіе дипломаты, впрочемъ, въ числѣ только двухъ, папскаго легата и русскаго посланника Строганова, являлись, какъ обыкновенно, ко двору, гдѣ, по словамъ Строганова въ депешѣ, приводимой Гранмэзономъ, «его величество разговаривалъ съ ними очень мило-стиво». Но распоряжался въ Мадридѣ и во всей странѣ по-диктаторски Мюратъ, что возбуждало все болѣе и болѣе неудовольствіе въ испанскомъ народѣ. Наконецъ, въ Мадридъ прибылъ на помощь Мюрату хитрый, ловкій Савари, будущій герцогъ Ровиго. вмѣстѣ они убѣдили, какъ Фердинанда, такъ и быв-

шаго короля, отправиться въ Байону, гдѣ находился Наполеонъ; туда же они отправили и Годоя, а сами остались въ испанской столицѣ ждать событій. Хотя Мюратъ теперь зналъ изъ писемъ и словъ Савари, что испанскій престолъ предназначался одному изъ братьевъ императора, но, все-таки, онъ тѣшилъ себя надеждой, что этотъ престолъ не улзнетъ изъ его рукъ, и даже прямо писалъ Наполеону, что мадридское населеніе было очень взволновано и могло каждый день провозгласить его, Мюрата, королемъ. Относительно народнаго волненія въ столицѣ онъ былъ правъ; но когда произошли безпорядки 2-го мая, то они имѣли цѣлью не провозглашеніе его королемъ, а избиеніе французовъ. Конечно, французы одержали верхъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ была сила, и народное возстаніе было залито кровью. Сначала Мюратъ дѣйствовалъ нерѣшительно и колебался, не желая возбудить къ себѣ ненависти народа, королемъ котораго онъ все еще думалъ сдѣлаться, но потомъ солдатскіе инстинкты заговорили въ немъ, и онъ сталъ не только безжалостно стрѣлять въ мирныхъ мадридцевъ, но хладнокровно разстрѣливать патріотовъ, послѣ усмиренія уличныхъ безпорядковъ. Болѣе трехсотъ жертвъ неумѣлости и жестокости Мюрата послужили сигналомъ къ общему возстанію всей Испаніи, которое въ концѣ концовъ повело къ гибели Наполеона. Между тѣмъ въ Байонѣ происходила постыдная трагикомедія. Наполеонъ хитро обошелъ всѣхъ Бурбоновъ и сдѣлалъ испанскимъ королемъ своего брата Иосифа, бывшаго тогда Неаполитанскимъ королемъ, а этотъ вакантный престолъ передалъ Мюрату въ видѣ утѣшенія за улыбнувшуюся ему испанскую корону. Однако, дѣла въ Испаніи шли очень плохо, въ Мадридѣ свирѣпствовали интриги, а въ Каррагенѣ, въ Мурціи, Валенціи, Астуріи, повсюду народъ возставалъ и избивалъ французовъ. Всѣ эти печальныя событія такъ подѣйствовали на Мюрата, что онъ впалъ въ меланхолію и едва не сошелъ съ ума. Наконецъ Наполеонъ дозволилъ ему выѣхать изъ Мадрида, и Мюратъ возвратился въ Байону 7 іюля изнуреннымъ, больнымъ, но все-таки королемъ, хотя не испанскимъ, а неаполитанскимъ.

— Англійская книга о войнѣ 1812 года. Гирфордъ В. Джорджъ издалъ книгу подъ заглавіемъ «Napoleon's Invasion of Russia» ¹⁾. Книга эта интересна не столько по какимъ либо новымъ даннымъ въ ней, сколько какъ попытка дать объясненіе той страшной неудачѣ, которую потерпѣла великая армія. Вторженіе ея въ Россію Джорджъ называетъ величайшимъ военнымъ предпріятіемъ, о которомъ сообщаетъ достовѣрная исторія. Разсказавъ объ отношеніяхъ Наполеона къ императору Александру, предшествовавшихъ войнѣ, Г. Джорджъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ положеніе, занятое въ 1812 году Россіею, Австріею и Пруссіею: «Поведеніе этихъ трехъ державъ, — говоритъ онъ, — всецѣло объясняется географическими соображеніями. Изъ-за нихъ Россія избрала исключительно оборонительный образъ дѣйствій. Ими же опредѣлялась и роль Австріи и Пруссіи. Австрія имѣла свои собственные интересы на Дунаѣ, которымъ угрожали завоеванія, дѣлавшіяся Россіею на счетъ Турціи. Самымъ важнымъ обстоятельствомъ, однако, было то, что и Пруссія и Австрія находи-

¹⁾ Napoleons Invasion of Russia, by Hereford B. Cr. Athenacum, september 9, 1899.

лись между наполеоновскою имперіею и Россіею: они не могли поэтому соединиться съ Россіею, если не хотѣли выдержать на себѣ всю тяжесть войны». Наполеонъ еще въ началѣ 1811 года предвидѣлъ возможность войны и готовился къ ней осторожно и постепенно. Въ февралѣ 1812 года онъ началъ сбрасывать съ себя маску, а въ мартѣ былъ заключенъ договоръ между Австріею и Франціею, опредѣлявшій, что первая изъ этихъ державъ обязана была доставить вспомогательную армію. Пруссія, представлявшая, по словамъ Г. Джорджа, и патетическое и жалкое зрѣлище, также должна была доставить войска, равно какъ и Рейнскій союзъ и другія германскія державы. Относительно численности, до которой Наполеонъ довелъ свою армію, Г. Джорджъ считаетъ наиболѣе правдоподобными цифры Шанбрэ, по которому въ великой арміи состояло 533.479 человекъ пѣхоты, 96.579 человекъ кавалеріи, 179.902 лошадей и 1.242 полевыхъ орудія. Сюда нужно еще причислить артиллеристовъ, инженеровъ, обозные отряды и штабъ. Даже при улучшенныхъ путяхъ сообщенія въ наше время, при большемъ удобствѣ въ доставленіи корма и фуража, при цѣнной помощи желѣзныхъ дорогъ, и то представлялось бы чрезвычайно труднымъ передвигать и содержать такую громадную массу. Въ 1812 же году это было задачею почти сверхчеловѣческою. Дѣйствительно, на недостатокъ продовольствія потерпѣло неудачу все предпріятіе. Наполеонъ былъ чудеснымъ администраторомъ и предусматривалъ всѣ возможности. Какимъ же образомъ пропозелъ этотъ «крахъ» всей экспедиціи во время отступленія? Г. Джорджъ дѣлаетъ по этому поводу такого рода замѣчаніе: «Были приняты предварительно всѣ предосторожности, но было невозможно доставлять войскамъ продовольствіе иначе, какъ при условіи такого медленнаго передвиженія, что ничего не удалось бы совершить. Можетъ показаться парадоксомъ, но, тѣмъ не менѣе, вторженіе въ Россію могло удаться лишь въ томъ случаѣ, если бы оно не состоялось, то есть, если бы угрожающее поведеніе арміи съ подавляющей численностью вынудило бы Россію на уступки». Дѣло въ томъ, что планы Наполеона были до того обширны, что являлись уже невыполнимыми по отношенію къ роду войны и природѣ страны; Наполеонъ, однако, ни за что не хотѣлъ допустить, чтобы что-нибудь было невозможно. Положеніе арміи могло бы быть лучше, если бы не два или три обстоятельства. Комиссаріатскіе офицеры прошли неправильную школу, главной аксіомою которой было, что войска должны существовать на мѣстные ресурсы; въ Россіи, однако, мѣстныхъ ресурсовъ почти не оказалось, а то, что можно было достать, собиралось и распределялось безъ всякой системы. Войска стали бродить врозь для мародерства; вслѣдствіе этого дисциплина упала, и правильное распределеніе продовольствія стало трудно, если не невозможно. По разнымъ причинамъ армія деморализовалась, начиная отъ высшихъ чиновъ до низшихъ. Дороги были заняты, и отряды войскъ отягощены громаднымъ числомъ повозокъ, наполненныхъ добычею, награбленною въ Москвѣ. Начальники армейскихъ корпусовъ, за исключеніемъ Даву, и обозные офицеры, или относились небрежно къ своимъ обязанностямъ, или изъ боязни отвѣтственности не рѣшались во время воспользоваться имѣвшимся провіантомъ. Самъ Наполеонъ подалъ плохой примѣръ, пожелавъ увезти съ собою возможно болѣе добычи. «Нѣтъ ничего стран-

наго, — говоритъ Г. Джорджъ, — что армія слѣдовала примѣру Наполеона. Несмотря на формальные запреты, повозки для провіанта были наполовину наполнены драгоценностями, которыя потомъ почти всѣ пришлось бросить; солдаты засовывали серебряныя чашки и куски шелковой матеріи въ свои ранцы вмѣсто хлѣба, чѣмъ одновременно и отягощали себя и готовили себѣ голодную смерть. Никто, начиная съ самого императора, не сознавалъ всей серьезности положенія и не представлялъ себѣ, что предстоитъ борьба за жизнь. Армія была обречена на уничтоженіе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатковъ въ собственной организаціи. Если бы русскіе и не тревожили ее, она погибла бы отъ холода и голода; если бы, по чуду, зима запоздала на мѣсяць, то и тогда лишь очень немногіе въ состояніи были бы протівостать голоду и казакамъ». Несчастія похода часто приписывались холоду. Въ настоящее время, однако, всѣ историки согласны, что, какъ ни велики были страданія вторгнувшихся, холода въ 1812 году наступили позже обыкновеннаго. Если бы Наполеонъ, послѣ взятія Смоленска, прекратилъ кампанію на годъ, какъ совѣтовали нѣкоторые изъ его генераловъ, то зима едва ли бы много ему повредила. Если бы онъ не потерялъ понапрасну многихъ недѣль въ Москвѣ въ тщетномъ ожиданіи, что императоръ Александръ пожелаетъ мира, то ему удалось бы перейти черезъ Нѣманъ раньше, чѣмъ холода дали бы себя почувствовать. Обращаясь къ силамъ русскимъ, Г. Джорджъ опредѣляетъ ихъ въ 213.000 человекъ, которые въ началѣ нашествія были подѣлены на три арміи. Кромѣ того, имѣлись гарнизонныя войска, резервы, которые двинуты были въ дѣло позже, 20.000 финляндцевъ и 60.000 человекъ изъ Бессарабіи. По поводу русскаго плана войны, Г. Джорджъ предполагаетъ, что онъ вылился самъ собою подъ давленіемъ обстоятельствъ; иной способъ, чѣмъ тотъ, котораго держался русскій главнокомандующій, въ данное время былъ невозможенъ, и сознательно подражать кампаніи Веллингтона въ Испаніи или событіямъ великой сѣверной войны не было никакихъ резоновъ. Что касается пожара Москвы, то англійскій историкъ не вѣритъ легендѣ о «самоубійственномъ», по его выраженію, поджогѣ. По его мнѣнію, причиной катастрофы могла быть беззаботность или глупая шутка какого либо пьянаго солдата. Ограничиваемся этими указаніями на содержаніе книги Г. Джорджа. Существенно новаго во всѣхъ разсужденіяхъ англійскаго историка мы не встрѣчаемъ, но, тѣмъ не менѣе, его книга, написанная со здравымъ смысломъ и со знаніемъ дѣла, должна быть причислена къ лучшимъ англійскимъ изданіямъ, касающимся Россіи.

— Загадочная личность. Подъ заглавіемъ «Mlle Savalette de Lange» Жоржъ Муссуаръ ¹⁾ даетъ въ «Revue de Paris» очеркъ извѣстій о загадочной личности барышни-аристократки, получавшей, за заслуги отца, помощь отъ нѣсколькихъ правительствъ, пользовавшейся дружбою и поддержкою многихъ видныхъ представителей высшаго общества, и въ концѣ концовъ, когда она умерла семидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, оказавшейся — мужчиною. Это удивительное умѣніе скрыть свой истинный полъ со стороны этой странной мадемуазель Савалеттъ-де-Ланжъ является причиною того, что и въ настоящее

¹⁾ Georges Moussoir, «Mlle Savalette» — «Revue de Paris», 15 septembre 1899.

время биографію ея нельзя излагать иначе, какъ биографію женщины: всѣ доку-менты, вся переписка ея, всѣ упоминанія о ней говорятъ о ней въ женскомъ родѣ. Каково ея истинное происхожденіе, неизвѣстно. Высказывалось предположеніе, что подложная m-lle Савалеттъ не кто иной, какъ бывший лакей графа Савалетта, убившій сироту—дочь графа, и начавшій потомъ выдавать себя за нее. Однако противъ этого имѣются возраженія: то лицо, которое съ 1812 по 1858 г. было извѣстно за г-жу Савалеттъ, съ слишкомъ большимъ искусствомъ играло роль женщины въ аристократическомъ обществѣ, чтобы можно было предполагать въ немъ невоспитаннаго и необразованнаго лакея. Болѣе вѣроятно другое объясненіе судьбы «барышни» Савалеттъ, по которому «она уже съ дѣтства была приучена къ женскому костюму, по всей вѣроятности, чтобы из-авить ее отъ военной службы». Документы разясняютъ очень немногое. Отъ 1812 года сохранился паспортъ мадмуазель де-Савалеттъ Генріетты-Дженни, въ которомъ примѣты ея указаны слѣдующимъ образомъ: «Отъ роду 26 лѣтъ, ростомъ 1 метръ 68 сантиметровъ, темные волосы, средній лобъ, черныя брови, глаза такіе же, носъ и ротъ средніе, подбородокъ круглый, лицо овальное, цвѣтъ кожи обыкновенный». Съ этимъ паспортомъ молодой человекъ, носившій имя Генріетты Дженни де-Савалеттъ, былъ компаньонкою и гувернанткою у мадамъ де-Соммилль. Изъ другихъ документовъ того же времени мы видимъ, что «г-жѣ» Савалеттъ императорское правительство выдавало за что-то маленькую пенсію. Послѣ реставраціи m-lle Савалеттъ неоднократно обращалась съ петиціями къ Людовику XVIII и Карлу X: просительница ссылалась на то, что дѣдъ и отецъ ея въ разныя времена ссудили графу Артуа сумму въ шесть милліоновъ чегыреста пятьдесятъ тысячъ сто шестьдесятъ шесть франковъ и тринадцать сантимовъ. Эти петиціи привели къ назначенію ей небольшой пенсіи подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она доставила свидѣтельство о рожденіи. Благодаря заступничеству маркиза де-Вернона, «дѣвица де Савалеттъ» была освобождена отъ этой формальности и могла ограничиться представленіемъ составленнаго въ мэріи 10-го парижскаго округа акта о ея происхожденіи: въ этомъ актѣ удостовѣрялось, что Дженни де-Савалеттъ, дѣйствительно, побочная дочь Шарля-Пьера-Поля Савалеттъ-де-Ланжа, бывшаго хранителя королевской казны. Благодаря пенсіи и нѣкоторымъ единовременнымъ пособіямъ отъ различныхъ высокопоставленныхъ лицъ, предполагаемая дѣвица могла нѣсколько лѣтъ спокойно прожить въ женскомъ монастырѣ Аббэ-о-Буа. Въ 1820 году она оставила этотъ монастырь и готовилась «выйти замужъ» за нѣкоего господина де-Лезеверна. Маркиза де-Вернонъ принимала дѣятельное участіе въ предполагавшейся свадьбѣ и, благодаря ей, «дѣвицѣ де-Савалеттъ» удалось добыть требовавшійся для брака документъ для удостовѣренія личности: удостовѣреніе семи свидѣтелей передъ мировымъ судьейо должно было замѣнить актъ о рожденіи. Свадьба, къ счастью «дѣвицы», разстроилась, при чемъ первый шагъ къ разрыву сдѣланъ былъ женихомъ. Іюльская революція ухудшила положеніе де-Савалеттъ, но, благодаря «ея» аристократическимъ связямъ, она могла все еще существовать довольно безбѣдно и даже ссужать другихъ деньгами. На денежной основѣ завязался другой ея романъ, опять какъ будто чуть не приведшій къ браку: на этотъ разъ съ офицеромъ де-Ласипьеромъ, который

неоднократно, на условіи небольшихъ процентовъ, бралъ въ ссуду у нынѣ сорокалѣтней «дѣвицы» деньги и цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ подъ рядъ, до самой своей смерти, собирался на ней жениться. Послѣ этого «романа» у m-Ne де-Савалеттъ новыхъ подобнаго рода связей уже не было; зато съ этого времени у «старой барышни» появилось много подругъ среди дамъ высшаго свѣта, для которыхъ она являлась другомъ дома, знавшимъ о всѣхъ секретахъ, всѣхъ радостяхъ и горестяхъ своихъ довѣрительницъ. Особенно много сохранилось писемъ одной такой подруги, графини де-Подиньякъ, къ m-Ne де-Савалеттъ. И все-таки, несмотря на столь тѣсную дружбу, ни одна изъ пріятельницъ не знала тайны жизни «дѣвицы Генриетты-Дженни». Лишь въ маѣ 1858 года, когда m-Ne де-Савалеттъ умерла, посмертное омовеніе тѣла открыло истинный полъ «скончавшейся». Въ актѣ о смерти мы читаемъ о «неизвѣстномъ, носившемъ имя Генриетты-Дженни Савалеттъ-Деланжъ, холостякѣ безъ опредѣленныхъ занятій». У этого «неизвѣстнаго», когда порылись въ его вещахъ, оказался капиталъ болѣе чѣмъ въ полтораста тысячъ; за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ все оставшееся перешло въ казну. Когда стали продавать при этомъ, съ публичнаго торга, вещи, находившіяся въ комнатѣ умершаго, то среди нихъ нашлось великолѣпное одѣяло съ королевскими гербами: по наведеннымъ справкамъ, одѣяло оказалось нѣкогда принадлежавшимъ королю Людовику XIV. Какъ оно попало къ m-Ne Савалеттъ, осталось навсегда столь же неизвѣстнымъ, какъ и истинная судьба и происхожденіе этой странной личности.

— Отголоски юбилея Гете. Какъ и слѣдовало ожидать, полуторастолѣтній юбилей Гете оказался очень блестящимъ тѣмъ болѣе, что столѣтняя годовщина его рожденія вовсе не праздновалась въ виду политическихъ событій 1849 года. Хотя вся Германія, за исключеніемъ официальныхъ и клерикальныхъ сферъ, принимала участіе въ этомъ интеллектуальномъ торжествѣ, но оно, конечно, наиболѣе отозвалось въ литературѣ и журналистикѣ. Остроумный берлинскій юмористъ Бергъ заранѣе предсказывалъ, что этотъ юбилей породитъ безконечную литературу, въ составъ которой войдутъ книги и статьи съ громкими названіями «Гете и женщины», «Гете и евреи», «Гете и Гогенцоллерны», «Гете и спортъ» и т. д. Дѣйствительно его предсказанія исполнились, и о чемъ только за послѣдній мѣсяцъ не писали нѣмцы по поводу Гете, о чемъ только не разглагольствовали они въ рѣчахъ на торжественныхъ собраніяхъ и банкетахъ въ честь юбиляра? Вышли книги объ отцѣ Гете, объ его студенческихъ годахъ въ Лейпцигѣ, объ его пребываніи во Франкфуртѣ въ 1797 году; напечатаны его новыя письма къ женѣ въ 1813 году, появились статьи «Гете и женщины», «Гете и социализмъ», «Гете и музыка»; произнесены рѣчи профессоромъ Шмидтомъ объ отношеніяхъ Гете къ Франкфурту, и профессоромъ Валентиномъ о Гете относительно природы и искусства; берлинская газета «Литературное эхо» помѣстила на своихъ столбцахъ мнѣніе сорока пяти современныхъ литераторовъ и, наконецъ, нашелся курьезный нѣмецкій филистеръ, который въ отдѣльной брошюрѣ серьезно доказываетъ, что Гете былъ не Гете, а Шиллеръ, т. е., что Шиллеръ написалъ за оказанныя ему услуги высокопоставленнымъ сановникомъ Гете лучшія произведенія послѣдняго, именно «Фауста», «Эгмонта», «Ифигенію въ Тавридѣ» и «Торквато Тассо». Во всей

этой обширной юбилейной литературѣ, заслуживаютъ вниманія только три указанныя книги, проливающія новый свѣтъ на біографію Гете, его письма къ женѣ, представляющія автора Фауста въ его домашней жизни, и мнѣніе о немъ философа Гартмана, который одинъ среди сорока пяти авторовъ, расточавшихъ дивирамбы въ честь Гете на столбцахъ берлинской газеты, отозвался со своимъ обычнымъ пессимизмомъ о творцѣ «Фауста». Этотъ ученый философъ, или скорѣе метафизикъ, увѣряетъ, что философія Гете была отголоскомъ германской философіи XVIII вѣка, а слѣдовательно при печатаніи «Фауста» она представлялась отсталымъ явленіемъ въ сравненіи съ тогдашними новыми вѣяніями человѣческой мысли. Эстетика Гете въ глазахъ Гартмана менѣе индивидуальна и далеко не столь глубока, какъ эстетика Лессинга и Шиллера. «Германъ и Доротея», по его словамъ, пустая болтовня, драмы Гете уже давно не давались бы ни на одномъ театрѣ, если бы онѣ были написаны не имъ, а вторая часть «Фауста» не что иное, какъ мистификація. Въ заключеніе Гартманъ заявляетъ, что, несмотря на всѣ юбилей, слава Гете быстро уменьшается, и вскорѣ о немъ будутъ говорить только, какъ о превосходномъ стилистѣ и лирическомъ поэтѣ. Если мы перейдемъ къ книгамъ, появившимся въ Германіи по случаю юбилея Гете и служащимъ болѣе или менѣе значительнымъ вкладомъ въ Гетевскую литературу, то остановимся прежде всего на сочиненіи Фелиціи Эвартъ «Отецъ Гете»¹⁾. Нѣмецкая писательница, извѣстная своей пламенной защитой женскихъ правъ, энергично заступаетъ на этотъ разъ за отца Гете. Она увѣряетъ, что всѣ біографы сына недостойно клеветали на отца, но, повидимому, забываютъ, что самъ Гете издѣвался надъ его смѣшными сторонами и маніями. Да и рисуемый его герой очень походить на его изображенія прежними критиками, а ея доводы дѣтски наивны; напримѣръ, она доказываетъ, что старикъ не тиранитъ жену, такъ какъ иначе она не стала бы ухаживать за нимъ, когда онъ былъ боленъ. Но все-таки книга г-жи Эвартъ представляетъ много любопытнаго для правильной характеристики Гете. Хотя его отецъ былъ большой оригиналъ, но отъ него сынъ почерпнулъ свою любовь къ искусству, наблюдательность, методичность и склонность къ порядку, а главное свой безграничный эгоизмъ, или такъ называемое олимпійство. Въ этомъ отношеніи г-жа Эвартъ совершенно права, говоря: «чѣмъ болѣе изучаешь натуру сына, тѣмъ болѣе находишь въ ней повтореніе натуры отца, конечно, въ болѣе широкой и развитой формѣ». Ю. Фогель собралъ въ своей интересной, иллюстрированной книгѣ «Студенческіе годы Гете въ Лейпцигѣ»²⁾ все, что можно было найти новаго о пребываніи Гете въ Лейпцигскомъ университетѣ. Передъ нами живо выступаютъ профессора, лекціи которыхъ онъ слушалъ; студенты, съ которыми онъ велъ дружбу, и художники, которыхъ онъ зналъ, такъ что мы ясно видимъ ту среду, въ которой развивался будущій творецъ «Фауста». Изъ рисуемой Фогелемъ картины студенческихъ лѣтъ Гете выясняется тотъ фактъ, что главными учителями Гете были художники и любители искусства. Прежде всего въ немъ проявилась страсть къ живописи, а

¹⁾ Goethe's Vater, von Felicie Ewart, Hambourg. 1899.

²⁾ Goethe's Leipziger Studentjahre, von j. Vogel. Leipzig. 1899.

потомъ къ скульптурѣ, и эти два искусства играютъ главную роль въ его культурномъ развитіи. Въ Лейпцигѣ онъ постоянно посѣщалъ частныя художественныя коллекціи, которыхъ тогда было много въ этомъ городѣ, учился гравировкѣ, копировалъ древнія статуи и находился въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ со скульпторомъ и живописцемъ, Озеромъ. Этотъ художникъ, о которомъ Фогель сообщаетъ много новыхъ свѣдѣній, имѣлъ громадное вліяніе на молодого Гете. Посредственный живописецъ и скульпторъ, Озеръ имѣлъ глубокія познанія въ искусствахъ и говорилъ о нихъ очень оригинально и съ большимъ жаромъ. Онъ вдохновлялъ Винкельмана и, поклоняясь исключительно классическому искусству, научилъ Гете любить гармонію формы и поэтически воплощать символы и аллегоріи. Въ маленькой книжкѣ Гейгера «Гете во Франкфуртѣ въ 1797 году»¹⁾ восстановлена по перепискѣ Гете, его дневнику и воспоминаніямъ современниковъ жизнь поэта часть за часомъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ имъ въ своемъ родномъ городѣ ровно 102 года тому назадъ. Ничто не даетъ такого вѣрнаго понятія объ удивительномъ разнообразіи и необыкновенномъ богатствѣ ума Гете, какъ этотъ подробный отчетъ обо всемъ, что онъ дѣлалъ въ продолженіе двадцати двухъ дней. Въ одно и то же время онъ занимается сотнею различныхъ предметовъ отъ политики до театральныхъ декорацій, отъ метафизики до садоводства. Онъ пишетъ болѣе десяти писемъ въ день Шиллеру, живописцу Мейеру, великому герцогу Саксенъ-Веймарскому и подругѣ своей жизни, на которой онъ впоследствии женился, Христинѣ Вульпиусъ. Въ каждомъ изъ этихъ писемъ онъ является новымъ человѣкомъ, вполне преданнымъ тому предмету, о которомъ онъ говоритъ. Кромѣ того, въ теченіе дня Гете успѣвалъ осматрѣть церковь, присутствовать при физиологическихъ опытахъ, хлопотать по дѣлу о наслѣдствѣ, пригласить архитектора для Веймарскаго театра, написать стихотвореніе и журнальную статью, посмотреть водевилъ въ театрѣ и разсказать жителямъ Франкфурта о занятіи этого города французскими войсками. Напечатанныя Гетевскимъ обществомъ двадцать три письма великаго поэта къ женѣ во время его пребыванія въ Теплицѣ, гдѣ онъ пользовался минеральными водами весной и лѣтомъ 1813 года, знакомятъ насъ съ совершенно новымъ Гете, не имѣющимъ ничего ходульнаго и олимпійскаго, а именно съ Гете въ качествѣ добродушнаго, буржуазнаго мужа и отца. Просто, естественно, нимало не рисуясь, онъ говоритъ въ этихъ письмахъ о своихъ литературныхъ работахъ, о жениныхъ покупкахъ и т. д. Въ одномъ изъ нихъ онъ даетъ практическіе совѣты женѣ не печалиться о слетняхъ веймарскихъ дамъ. «Не порти себѣ жизнь изъ-за такихъ пустяковъ», — пишетъ онъ между прочимъ, — «какое тебѣ дѣло, что о тебѣ дурно говорили въ Веймарѣ г-жѣ Сталь. Такъ всегда бываетъ въ свѣтѣ. Каждая свѣтская дама завидуетъ другъ другу и если не можетъ уничтожить счастья своей сосѣдки, то старается его уменьшить. Пользуйся достигнутымъ тобою положеніемъ и старайся его сохранить. Мы будемъ счастливы нашей любовью и будемъ жить по-своему, не обращая вниманія на другихъ».

¹⁾ Goethe in Frankfurt in 1797, von j. Geiger, Frankfurt.

— Къ воспоминаніямъ о Луи Бланѣ. Карлъ Блиндъ вспоминаетъ въ небольшой статьѣ, помѣщенной въ приложеніи къ «*Berliner Tageblatt*»¹⁾, объ одномъ изъ главныхъ дѣятелей великихъ переворотовъ 1848—1849 годовъ. Поводомъ къ написанію замѣтки послужило Карлу Блинду появившееся въ берлинскихъ газетахъ извѣстіе, что одинъ русскій журналъ помѣстилъ воспоминанія о Карлѣ Марксѣ, въ которыхъ говорилось о первой встрѣчѣ знаменитаго критика политической экономіи съ Луи Бланомъ, при чемъ этотъ послѣдній представлялся въ очень карикатурныхъ чертахъ, какъ крайне тщеславный, актерствующій и надутый карликъ-фатъ. Карлъ Блиндъ указываетъ на то, что первая встрѣча обоихъ вождей социализма произошла вовсе не такъ поздно, какъ предполагаютъ, и не въ предмѣстьѣ Лондона. Марксъ, съ тѣхъ поръ, какъ семья его въ 1849 году переселилась въ Лондонъ, жилъ сначала на Лестеръ-скверѣ, потомъ на Динъ-стритъ и, наконецъ, на Сого-скверѣ; всѣ эти улицы приходятся въ центрѣ Лондона. Лишь въ позднѣйшее время переселился онъ въ предмѣстье и жилъ вовсе не такъ бѣдно, чтобы, какъ это передавалось, въ его передней валялся лишь осколокъ зеркала. Еще въ сентябрѣ 1849 года Карлъ Блиндъ, вмѣстѣ съ Марксомъ, посѣтили Луи Блана, въ его тогдашней квартирѣ въ Лондонѣ, на улицѣ Пиккадилли. Впрочемъ, лично Марксъ видѣлся съ Луи Бланомъ еще раньше въ Парижѣ. К. Блиндъ зналъ Луи Блана съ 1849 года по самую смерть его въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Несмотря на принадлежность къ различнымъ и притомъ враждебнымъ націямъ, оба относились другъ къ другу очень дружелюбно даже и послѣ войны 1870—1871 годовъ. Луи Бланъ былъ дѣйствительно малъ ростомъ. Однако смѣшного въ его наружности не было ничего. Въ обществѣ онъ старался всегда поддерживать свое достоинство, но никогда не былъ фатомъ. Одежда его, которую онъ носилъ обыкновенно, была проста и далеко не изысканна. Съ друзьями онъ бывалъ простъ и сердеченъ, безъ всякаго актерства. Какъ политикъ, онъ не всегда дѣйствовалъ правильно—напримѣръ, когда онъ посѣтилъ Людовика Бонапарта въ крѣпости Гамъ и затѣмъ въ своей «Исторіи десяти лѣтъ» высказалъ такой взглядъ на него, который могъ быть лишь во вредъ дѣлу республики. Подобную же ошибку совершилъ онъ, когда въ учредительномъ собраніи 1848 года подаль голось за допущеніе во Францію претендента, въ то время какъ Ледрю-Ролленъ и Ламаргинъ были рѣшительно противъ этой мысли. Уходя изъ крѣпости Гамъ, узникъ подарилъ Луи Блану на память брошюру «Отмѣна пауперизма» съ собственноручнымъ посвященіемъ. Въ Лондонѣ Карлъ Блиндъ видѣлъ эту книгу у Луи Блана, который говорилъ съ горечью: «Вотъ теперь онъ сидитъ на тронѣ, а я въ изгнаніи!» Собесѣдникъ отвѣчалъ Луи Блану, что тотъ самъ сдѣлалъ громадную ошибку, когда онъ, «основываясь на республиканскомъ великодушіи», подаль голось за допущеніе претендента во Францію. Несправедливо приписываютъ иногда Луи Блану другую ошибку временъ второй республики: устройство національныхъ мастерскихъ. На самомъ дѣлѣ, французскій политикъ всегда страшно возмущался, когда говорили объ этомъ предпріятіи. Мастерскія были открыты не чрезъ него, а

¹⁾ Karl Blind, «Zur Erinnerung an Louis Blanc», «Zeitgeist», 18 Sept. 1893.

противъ него, для нагляднаго доказательства неправильности его теоріи. Ясныя, документальныя доказательства въ этомъ смыслѣ заключаются въ его книгѣ «Историческія воспоминанія 1848 года». О томъ же свидѣтельствовали и Ламартинъ, Мари и многіе другіе. Карлъ Блиндъ далѣе вспоминаетъ о томъ, какъ Луи Бланъ у него въ домѣ писалъ свои письма въ «Temps», по поводу безчеловѣчнаго обращенія съ политическими ссыльными въ Кайеннѣ. Во время шлезвигъ-голландскаго дѣла и войнъ 1863 и 1864 гг. Луи Бланъ въ парижскихъ газетахъ защищалъ нѣмецкую точку зрѣнія. Самъ онъ былъ женатъ на нѣмкѣ, нѣмой урожденной Гро (Groh). Противъ войны 1870 года онъ сильно поднималъ голосъ, но когда жребій войны палъ, онъ счелъ долгомъ своимъ стать на ту же точку зрѣнія, на которой стояла вся его нація: въ Версали онъ стоялъ за продолженіе войны. Матеріальное положеніе его въ изгнаніи было не блестящее, но ему помогало то обстоятельство, что онъ превосходно говорилъ поанглійски и поэтому могъ устраивать передъ англійскими слушателями чтенія о «таинственныхъ личностяхъ въ исторіи Франціи». Карлъ Блиндъ, какъ членъ англійскаго литературнаго общества, доставилъ Луи Блану возможность выступить передъ тою же публикою, передъ которою Тэкерей читалъ своихъ «Четырехъ Георговъ». Поездка по Англійи и серія чтеній въ разныхъ городахъ окончательно дали окрѣпить финансамъ Луи Блана. Установленіе во Франціи третьей республики, какъ извѣстно, дало возможность Луи Блану вернуться на родину и снова заняться политической дѣятельностью.

— Иностранные журналы о Тургеневѣ. Въ послѣдней книжкѣ англійскаго четвертнаго обозрѣнія «Quarterly» и въ августовскомъ номерѣ «Atlantic Monthly» помѣщены интересныя отзывы о Тургеневѣ. Первый изъ этихъ отзывовъ принадлежитъ извѣстной романисткѣ г-жѣ Олифантъ, которую Тургеневъ посѣтилъ во время своего пребыванія въ Англійи въ 1879 году, когда оксфордскій университетъ удостоилъ его докторскаго диплома. Авторъ статьи о г-жѣ Олифантъ въ Quarterly приводитъ ея слова о русскомъ романистѣ: «Это былъ большой великанъ, очень меланхолическій и мягко выражавшійся; ничто не могло нарушить его спокойствіе и заставить поторопиться; онъ говорилъ немного, хотя являлся къ вамъ нарочно съ цѣлью побесѣдовать, и былъ созерцательной, очень созерцательной натурой, а главное, мягкимъ, крупнымъ человѣкомъ». Въ «Автобіографіи революціонера», печатающейся въ «Atlantic» говорится: «Я впервые познакомился съ Тургеневымъ въ Парижѣ; съ чувствомъ, близкимъ къ религіозному культу, переступилъ я порогъ его кабинета. Если онъ оказалъ Россіи своими «Записками охотника» громадную услугу, подвергнувъ общему презрѣнію крѣпостничество (я тогда не зналъ, что онъ принималъ выдающееся участіе въ «Колоколѣ» Герцена), то онъ принесъ не меньшую услугу и своими позднѣйшими романами. Онъ показалъ, какова въ дѣйствительности русская женщина, какими она обладаетъ сокровищами ума и сердца, и какой она можетъ сдѣлаться вдохновительницей мужчинъ. Наконецъ онъ научилъ, какъ люди, имѣющіе дѣйствительное право на первенство, смотрять на женщинъ, и какъ они любятъ. Вѣднность Тургенева хорошо извѣстна. Высокаго роста и могучаго сложенія, онъ былъ, конечно, очень красивъ; голова была покрыта густыми, мягкими сѣдыми волосами, глаза

свѣтились умомъ, не лишеннымъ юмора, а его манеры дышали простотой и отсутствіемъ искусственности, которыя составляютъ отличительную черту лучшихъ русскихъ писателей. Его великолѣпная голова скрывала необыкновенное количество мозговой силы, и послѣ его смерти Поль Беръ и Поль Реклю, взвѣсивъ его мозгъ нашли, что онъ вѣсилъ болѣе, чѣмъ самый тяжелый мозгъ, извѣстный до того времени, мозгъ Кювье. Вѣсъ мозга Тургенева превышалъ 2.000 граммъ; это такъ удивило ученыхъ, что они усомнились въ правильности своихъ вѣсовъ, достали другіе вѣсы и повторили взвѣшивание, но оно дало тотъ же результатъ. Онъ говорилъ удивительно и такъ же, какъ писалъ, образами. Желая развить какую нибудь идею, онъ не прибѣгалъ къ аргументамъ, хотя былъ замѣчательнымъ бойцомъ въ философскихъ спорахъ, а рисовать въ подкрѣпленіе этой идеи такую художественную сцену, что она казалась заимствованной изъ его романа». Трудно себѣ представить что нибудь трогательнѣе разсказа о послѣднемъ посѣщеніи Тургенева авторомъ воспоминаній, напечатанныхъ въ «Atlantic»: великій романистъ умиралъ, перенося ужасныя страданія отъ рака въ спинномъ хребтѣ, но все-таки его еще болѣе мучила невозможность осуществить намѣреніе, написать императору Александру III свой завѣтъ.

— Кто написалъ Сикстинскую Мадонну? Этотъ странный вопросъ задаетъ себѣ нѣмецкій ученый, Людвигъ Йелинекъ въ недавно изданной имъ брошюрѣ, подъ названіемъ «Мадонна Сикстинская»¹⁾, и отвѣчаетъ очень серьезно: не Рафаэль, а какой-то неизвѣстный итальянскій живописецъ школы Караччи въ концѣ XVII вѣка. Рѣшительно Дрезденской галлерей, считавшейся едва не первой въ Европѣ, съ нѣкоторыхъ поръ не везетъ. Она славилась сотней первоклассныхъ произведеній Корреджіо, Мурильо, Веронеза, Дюрера, Краваха, Рюцдаля и т. д., а главное, тремя художественными жемчужинами: «Богородицей» Гольбейна, «Магдалиной» Корреджіо и «Сикстинской Мадонной» Рафаэля, которую всѣ художественные критики признавали единогласно первой картиной въ свѣтѣ. Эти драгоцѣнныя сокровища стояли въ отдѣльныхъ комнатахъ, куда ежедневно стекались со всѣхъ концовъ міра восторженные поклонники. Прежде всего злая судьба выпала на долю Гольбейна, и десять лѣтъ тому назадъ ученые эксперты доказали, что его знаменитая картина была плохой копіей, а оригиналъ находится въ Дармштадтскомъ дворцѣ, гдѣ его принимали за копію въ продолженіе 200 лѣтъ. Дѣлать было нечего, Богородицу Гольбейна вынесли изъ посвященнаго ей храма. Затѣмъ наступила очередь Корреджіо. Оказалось, что хваленая «Магдалина» была произведеніемъ не знаменитаго художника, а Адриана Ванъ-деръ-Верфа, который только унижалъ искусство своей мазней. При этомъ впервые художественные критики признали, что «Магдалина» была недостойна Корреджіо по грубости кисти, неправильности рисунка и жалкому выраженію чувства покаянія въ лицѣ святой. Опустился и второй храмъ искусства. Теперь настала скорбная часть и Сикстинской Мадоннѣ. Людвигъ Йелинекъ, неизвѣстно почему называемый газетой «Times» русскимъ ученымъ, предпринялъ обширный трудъ подъ заглавіемъ

¹⁾ Madonna Sistina, von Ludvig Ielinek. Dresden. 1899.

«Ошибки и предразсудки въ наукѣ, искусствѣ и исторіи въ концѣ XIX столѣтія», а въ видѣ пробнаго шара выпустилъ брошюру, въ которой на первый разъ развѣнчиваетъ славнѣйшую изъ мадоннъ Рафаэля, которая служила до сихъ поръ для современнаго искусства, по словамъ одного изъ критиковъ, тѣмъ же, чѣмъ Шекспиръ служить для современной литературы. Новѣйшій иконокластъ не споритъ противъ того, что Рафаэль дѣйствительно написалъ Сикстинскую Мадонну для монастыря Санъ-Систо въ Піаченцѣ, и что монахи этой обители продали ее въ 1754 году саксонскому курфюрсту Августу III за 20.000 дукатовъ, но онъ только настаиваетъ на одномъ, что теперешняя Сикстинская Мадонна не подлинникъ Рафаэля, а плохая позднѣйшая копія. Какимъ образомъ произошла подмѣна, онъ не знаетъ, и по его мнѣнію, одинаково итальянскіе монахи могли обмануть Августа, и впоследствии кто нибудь могъ похитить подлинникъ, замѣнивъ его плохой копіей. Доказательствъ того, что теперешняя Сикстинская Мадонна не писана Рафаэлемъ, онъ приводитъ много: прежде всего, по словамъ Вазари, картина, писанная Рафаэлемъ для Піаченцскихъ монаховъ, была на деревѣ, а Дрезденская Мадонна — на полотнѣ, а потому она написана дурно; въ ней не видно техники Рафаэля; у нея масляный фонъ, что не извѣстно было въ эпоху Рафаэля; ея колоритъ напоминаетъ школу Корреджіо; въ ней нѣтъ удивительнаго золотистаго тона, составляющаго главную черту всѣхъ подлинныхъ картинъ Рафаэля; наконецъ, въ ней много ошибокъ, даже послѣ поправокъ искусными реставраторами. Къ этимъ доводамъ Телинкъ прибавляетъ, что существуютъ двѣ копіи Сикстинской Мадонны въ Піаченцѣ и въ Руанѣ, которыя лучше и древнѣе Дрезденской. Конечно, брошюра нѣмецкаго филистера возбудила цѣлую бурю въ художественномъ мірѣ Европы, и ему съ негодованіемъ возражаютъ всѣ поклонники Рафаэля, что Вазари могъ ошибиться и сказать, что картина писана на полотнѣ, или впоследствии она могла быть переведена съ дерева на полотно, какъ «Св. Семейство» въ Луврѣ. По мнѣнію всѣхъ компетентныхъ лицъ, дрезденская картина дѣйствительно шедевръ Рафаэля, а если въ ней что либо и возбуждаетъ критику, то это объясняется простымъ фактомъ: что ее чистили, поправляли и реставрировали много разъ, при чемъ даже прибѣгали къ дѣйствию химическихъ средствъ, а потому отъ первоначальной картины осталось очень мало, кромѣ общаго контура и божественной концепціи великаго художника.

— Литература Гаагской конференціи. «Мы пишемъ страницу исторіи и постараемся написать ее хорошо», — говорилъ одинъ изъ выдающихся дѣятелей парламента мира, засѣдавшаго въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ Гаагѣ. Дѣйствительно Гаагская конференція составляетъ замѣчательную страницу въ исторіи истекающаго вѣка, и нельзя не признать ее хорошей, каковы бы ни были ея слѣдствія. По мѣткому выраженію одного западнаго публициста, «въ Гаагѣ дано войнѣ свидѣтельство о смерти, правда, помѣченное заднимъ числомъ, но безспорное въ подлинности». Хотя не достигнуто обезоруженія и не установлено обязательнаго третейскаго суда для разрѣшенія международныхъ распрій, но торжественно заявлено желаніе перваго и выработана программа, если не обязательнаго, то все-таки существующаго международнаго трибунала, къ которому враждующія стороны будутъ нравственно вынуждены обратиться прежде объявленія войны, о чемъ всѣ другія державы получаютъ право на по-

мнить имъ въ критическую минуту, указавъ, что въ Гаагѣ находится международное бюро для третейскихъ судей. Къ этимъ двумъ главнымъ результатамъ необходимо прибавить заключенныя на ней конвенціи о законахъ и обычаяхъ войны, а также о примѣненіи женевской конвенціи къ морской войнѣ. «Этого недостаточно», говорилъ послѣ закрытія конференціи одинъ изъ ея наиболѣе энергичныхъ дѣятелей, баронъ Вильдъ, представитель Швеции и Норвегіи, но не надо забывать, что, по словамъ Стѣда, ему сказали въ Петербургѣ до открытія конференціи: «Мы не достигнемъ всего, чего мы желаемъ, но мы посеѣмъ зерно въ землю, а соберемъ жатву въ будущемъ». Эту мысль повторилъ предсѣдатель конференціи Стааль въ своей заключительной рѣчи, говоря: «Доброе сѣмя посеяно, будемъ надѣяться, что жатва скоро наступитъ». Но, по словамъ того же Стѣда, другой представитель Россіи въ Гаагѣ, Базили, очень довольный работой конференціи, считаетъ недостаточнымъ надѣяться, а говорить, что «необходимо довѣрять тому, что сдѣлала конференція, а главное, довѣрять будущему». Чтобы надѣяться, а тѣмъ болѣе довѣрять, надо знать, а Гаагская конференція до сихъ поръ окружена официальной тайной, и хотя существуютъ печатные протоколы всѣхъ засѣданій, какъ общихъ, такъ и коммисіонныхъ, но они строго конфиденціальны и не подлежатъ общему достоянію. Поэтому приходится въ настоящее время для знакомства съ этой «страницей исторіи» прибѣгать къ газетнымъ извѣстіямъ и журнальнымъ статьямъ. Первые очень отрывочны, скудны, противорѣчивы и разбросаны въ различныхъ органахъ печати; при этомъ, имъ трудно вѣрять, такъ какъ въ виду обязательной тайны, которой прикрыла свои дѣйствія конференція особенно сначала, корреспондентамъ приходилось прибѣгать къ различнымъ уловкамъ, возбуждающимъ естественное сомнѣніе въ достовѣрности ихъ рассказовъ. Въ какомъ неблагопріятномъ положеніи находились газеты относительно добычи свѣдѣній о томъ, что дѣлалось на конференціи, подтверждаетъ характерный анекдотъ о томъ, какъ первый представитель Германіи, Мюнстеръ, произведенный Вильгельмомъ въ князя за то, что онъ всячески мѣшалъ дѣлу конференціи, прогналъ барона фонъ-Берестина, спеціальнаго корреспондента главной голландской газеты «Algemeen Handelsblad», громко говоря лакею, такъ, чтобы корреспондентъ ясно слышалъ: «Скажите этому мальчишкѣ, чтобы онъ убирался». Хотя въ послѣднее время дѣятели конференціи, въ виду угрозы бельгійскихъ представителей уѣхать изъ Гааги, если конференція не смягчитъ своихъ отношеній къ прессѣ, начали официально сообщать кое-что корреспондентамъ, и вообще послѣднимъ стало легче проникать сквозь тайну засѣданій, но все-таки необходимо очень критически относиться къ газетнымъ извѣстіямъ, даже касающимся заключительнаго періода конференціи. Что касается журнальныхъ статей, то онѣ представляютъ болѣе надежный, обширный и любопытный матеріалъ, хотя также пользоваться ими надо осторожно. Напримѣръ, нельзя слѣпо довѣрять подноготной сторонѣ конференціи, какъ ее рисуетъ пресловутая г-жа Аданъ въ своей политической хроникѣ первой августовской книжки «Revue Nouvelle» ¹⁾. По ея словамъ, вся мирная агитация передъ конференціей

¹⁾ Lettres sur la politique exterieure, par Juliette Adan, «Nouvelle Revue», 1 août 1899.

была ведена подъ шумокъ императоромъ Вильгельмомъ черезъ Блюха, тестя Кошельскаго, польскаго члена верхней палаты прусскаго парламента, жена котораго играла видную роль при дворѣ юнаго императора въ первые годы его царствованія, и цѣлью этой интриги было вовлечь Россію въ дѣло, которое неизбежно должно было потерпѣть фіаско на конференціи. Если подобный коварный планъ не удался, то, по мнѣнію г-жи Адавъ, въ этомъ были виноваты не Вильгельмъ и его представители въ Гаагѣ, которые лѣзли изъ кожи, чтобъ провалить конференцію, а англичане, измѣнившіе своему обѣщанію поддержать Вильгельма, разыгравшіе роль благородныхъ сторонниковъ мира. Хотя двѣ статьи, напечатанныя въ «Revue Blanche» по поводу гаагской конференціи, совершенно иного рода и очень интересны, но онѣ также не могутъ служить источникомъ для знакомства съ ней. Въ одной изъ нихъ знаменитый романистъ и публицистъ графъ Л. Н. Толстой отрицаетъ политическіе результаты конференціи на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, единственный путь къ обезпеченію мира есть отказъ всѣхъ по одиночкѣ отъ исполненія военной повинности¹⁾. Вторая статья заключается въ недавно найденныхъ докторомъ Максомъ Кетлау нѣсколькихъ невѣдомыхъ до сихъ поръ страницахъ Бакунина въ пользу всеобщаго мира и противъ милитаризма, который, по его словамъ, нельзя поддерживать иначе, какъ ненавядя народу²⁾. Напротивъ, мысли, высказанныя въ августовскомъ номерѣ «Deutsche Revue» баронессой Зуттнеръ³⁾ и Максомъ Нордау⁴⁾ о результатѣ конференціи, служатъ характернымъ къ ней комментариемъ. Извѣстная распространительница идей всеобщаго мира находитъ, что конференція вывела официальный политическій міръ на новую дорогу и перевернула новую страницу въ исторіи. «Я вполне убѣждена, — прибавляетъ она, — что путь, который пройденъ сторонниками мира отъ перваго изъ восьми конгрессовъ мира въ 1889 году до гаагской конференціи, былъ гораздо труднѣе и длиннѣе того пути, который насъ доведетъ отъ этой конференціи до уничтоженія войны по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Починъ русскаго царя изумилъ всѣхъ друзей мира, какъ неожиданно упавшая бомба, но теперь, если въ ближайшемъ будущемъ весь свѣтъ приметъ законъ, обезпечивающій всеобщій миръ, то это будетъ встрѣчено, какъ нѣчто давно ожидаемое». Остроумный нѣмецкій психологъ отзывается юмористически о кровожадныхъ сторонникахъ войны, которые останутся при печальномъ интересѣ, если цѣль, намѣченная гаагской конференціей, будетъ достигнута. «Конечно, — замѣчаетъ онъ, — конференція не можетъ превратить тигровъ въ агнцевъ, но она можетъ улучшить положеніе человѣческихъ добрей и тѣмъ уменьшить число тигровъ и ослабить ихъ лютость. Съ ограниченіемъ свободы уничтожать людей во время войны, обязательно уменьшится удовольствіе любителей крови, и чѣмъ война будетъ представлять менѣе удовлетворенія ихъ кровожаднымъ

¹⁾ La conference de la paix, par L. Tolstoi. Revue Blanche, 13 juillet 1899.

²⁾ Le militarisme professionnel, par Bakounine. Revue Blanche. 1 juillet 1899.

³⁾ Weltfrieden, von Bertha v. Suttner. Deutsche Revue. August. 1899.

⁴⁾ Zeitfragen. Randbemerkungen zur Friedenskonferenz, von Max Nordau, «Deutsche Revue». August.

инстинктамъ, тѣмъ менѣе они будутъ стремиться къ ней. Если у солдатъ отнять право все уничтожать на полѣ брани и заставить ихъ уважать законъ, признающій въ непріятелѣ человѣческую личность, то война потеряетъ всякую прелесть въ глазахъ меньшинства, которое еще преклоняется передъ нею: къ этой именно цѣли и стремилась конференція». Гекторъ Депассъ въ краткомъ, но блестящемъ этюдѣ въ «Revue Bleue»¹⁾ указываетъ на парадоксальную сторону дѣятельности Гаагской конференціи, которая, собравшись съ цѣлью организовать миръ, въ сущности организовала только войну, придавъ ей болѣе гуманный видъ и выработавъ средства къ ея предупрежденію въ послѣднюю минуту путемъ международнаго третейскаго суда. Она, по словамъ французскаго публициста, сыграла роль доктора, который сказалъ бы: «Я не могу помѣшать этому недугу распространиться, но когда онъ обострится до послѣдней степени, и горячка усилится до того, что больному будетъ грозить смерть, то я приду къ нему на помощь». Несмотря на это, Депассъ считаетъ дѣло, совершенное конференціей, очень важнымъ. «Главная ея заслуга, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что она была, существовала, дѣйствовала. Этотъ единственный въ своемъ родѣ фактъ знаменуетъ новую эру въ международныхъ отношеніяхъ. Если онъ совершился разъ, то можетъ повторяться постепенно въ опредѣленные сроки, а съ учрежденіемъ такого парламента мира, такого сейма человечества, война дѣйствительно была бы уничтожена, и вдохновитель этого смѣлаго шага цивилизации заслужилъ бы титула «человѣчнаго царя». Статья Артюра Дежардена въ «Revue des Deux Mondes» подъ заглавіемъ «Гаагская конференція и международный третейскій судъ»²⁾ приводитъ насъ на почву собственно исторіи конференціи. Членъ французской академіи по отдѣленію нравственныхъ наукъ и одинъ изъ вице-предсѣдателей «Французскаго общества для установленія третейскаго суда для націй», Дежарденъ, посвящая свой трудъ исключительно дѣятельности третьей комиссіи Гаагской конференціи; онъ подробно рассказываетъ ея работы, со всѣми перипетіями, и основательно разсматриваетъ ея результаты. Считая, что конференція сдѣлала все, что могла, Дежарденъ приходитъ къ заключенію, что «она написала предисловіе къ обезоруженію, а написать самую книгу предоставила будущему». Еще подробнѣе, и уже дѣятельность не одной комиссіи, а всей конференціи съ ея тремя комиссіями, рисуетъ отчетъ о Гаагскомъ парламентѣ мира въ журналѣ французскаго общества для установленія третейскаго суда для націй», состоящаго подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго друга мира, академика Фредерика Пали. Этотъ специальный органъ мирнаго движенія посвящаетъ большую часть своихъ номеровъ за іюнь, іюль, августъ и сентябрь изложенію работъ и актовъ конференціи³⁾. До сихъ поръ это самый полный и достовѣрный отчетъ о дѣятельности международныхъ дипломатовъ въ Гаагѣ. Кромѣ этого, журналъ, посвященный исключительно миру, помѣстилъ въ этихъ номерахъ

¹⁾ La Conference de paix, par H. Depasse. «Revue Bleue». 5 août. 1899.

²⁾ La Conference de la Haye et l'arbitrage international, par Arthur Dejadins. Revue des Deux Mondes. 1 septembre, 1899.

³⁾ La Conference internationale de la Haye. Arbitrage entre les nations. Juin, juillet, août, septembre. 1899.

цѣлый рядъ любопытныхъ статей Пасси, Рише, Тюра и другихъ о мирныхъ конгрессахъ и конференціяхъ, о европейскомъ соглашеніи, о причинахъ войнъ и т. д. Но настоящимъ историкомъ парламента мира является Стэдъ. Этотъ неутомимый англійскій журналистъ былъ душой Гаагской конференціи до ея созванія, ввремя дѣятельности послѣ ея закрытія. Читатели «Историческаго Вѣстника» знакомы съ спеціальнымъ номеромъ его журнала «Review of Reviews» подъ заглавіемъ «Соединенные штаты Европы наканунѣ парламента мира», который онъ издалъ въ мартѣ мѣсяцѣ, затѣмъ, посѣтивъ Петербургъ, онъ отправился въ Гаагу и жилъ тамъ во все время двухмѣсячной дѣятельности конференціи, обнаруживая наиболѣе авторитетныя и достовѣрныя свѣдѣнія объ ея работахъ. Онъ писалъ ежедневную хронику о конференціи на французскомъ языкѣ въ гаагской газетѣ «Dagblad» издающейся на голландскомъ языкѣ, посылалъ корреспонденціи въ «Daily News», изъ которыхъ наиболѣе интересны послѣднія подъ заглавіемъ «Что сдѣлала конференція», наполняя номера своей «Review of Reviews» за июнь, июль и августъ подробными отчетами о томъ, что дѣлалось на конференціи, и наконецъ, издалъ отдѣльную иллюстрированную брошюру «Парламентъ мира и его члены», съ живыми характеристиками главныхъ представителей всѣхъ державъ на конференціи¹⁾. Все это составляетъ богатый матеріалъ для исторіи Гаагской конференціи, въ которой, по словамъ Стэда, главныя роли играли представители Россіи, Стааль, Вазли и Мартенсъ, англійскій делегатъ сэръ Джуліанъ Паунтсфордъ, произведенный въ лорды за его дѣятельность въ Гаагѣ, и французъ Буржуа. Однако, Стэдъ не удовольствовался тѣмъ, что по мѣрѣ своихъ силъ служилъ парламенту мира, и въ настоящее время онъ не сложилъ оружія. На вопросъ, заданный имъ англійскому морскому делегату, адмиралу Фашеру, что оставалось дѣлать, онъ получилъ въ отвѣтъ: «Подливайте масла въ машину, когда только можете». Этимъ отвѣтомъ Стэдъ, повидимому, и руководствуется. Прямо изъ Гааги онъ отправился въ Христианію, гдѣ собирался междупарламентскій конгрессъ мира, и тамъ, давъ отчетъ о результатахъ Гаагской конференціи, возбудилъ вопросъ о распространеніи въ народныхъ массахъ всей Европы идей, принятыхъ конференціей. Его предложеніе одобрено, и онъ на странницахъ своей «Review of Reviews» онъ развиваетъ планъ чтенія во всѣхъ европейскіихъ странахъ популярныя лекціи о Гаагской конференціи съ иллюстраціями посредствомъ волшебнаго фонаря. Въ Бельгіи уже приняты мѣры къ устройству такихъ лекціи во всѣхъ городахъ и сельскихъ общинахъ страны, а Голландія и Норвегія готовы послѣдовать этому примѣру. Стэдъ находитъ необходимымъ подобное движеніе, такъ какъ, по его мнѣнію, надо ковать желѣзо, пока оно горячо, и не позволять правительствамъ охладѣть къ совершенному имъ дѣлу

¹⁾ What the conference has done, by W. T. S. — Daily News.—25, 26, 29 July, 1899.

Members of the parliament of Peace.—Review of Reviews, June, 1899.

At the Hague: a month's doings and sayings.—Review of Reviews, July.

The close of the Peace conference. —What must follow — Review of Reviews, August.

After the peace conference.—A plea of international picnic.—Review of Reviews, September.

The parliament of peace and its members, by W. T. S., Stead. London. 1899.

«Истор. вѣстн.», октябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

въ Гаагѣ. «Прошелъ уже мѣсяцъ,—говоритъ онъ въ своемъ сентябрьскомъ политическомъ обзорѣниі, — послѣ подписанія акта конференціи, а еще не подписана ни одна вытекающая изъ него конвенція, и ни одно новое государство не присоединилось къ подписывавшимъ актъ державамъ, тогда какъ срокъ на это назначенъ 31 декабря». Поэтому народное и газетное движеніе необходимо, по его словамъ, для успѣха начатаго въ Гаагѣ дѣла, а въ будущемъ году соберется въ Парижѣ конгрессъ всеобщаго братства. Этотъ конгрессъ будетъ новымъ парламентомъ мира, но уже парламентомъ не правительствъ, а народовъ, которому, однако, увѣряетъ Стэдъ, одинаково сочувствуютъ президентъ французской республики и высшія сферы Петербурга.

— Англичане о Россіи въ Азіи. Въ послѣднихъ нумерахъ «Athenaeum» помѣщены критическія статьи по поводу трехъ книгъ, посвященныхъ успѣхамъ Россіи въ Азіи¹⁾. Первая изъ этихъ книгъ, авторъ которой скрылъ свою фамилію подъ псевдонимомъ Vladimir, трактуетъ о Россіи на Великомъ океанѣ и сибирской желѣзной дорогѣ. Авторъ рассказываетъ, что прежде чѣмъ взялся за свою тему, онъ серьезно изучалъ русскій языкъ, а затѣмъ провелъ четыре мѣсяца въ путешествіи отъ Владивостока черезъ Сибирь въ Западную Европу. Независимо отъ личныхъ наблюденій, онъ ссылается на рядъ печатныхъ книгъ, въ томъ числѣ на девять русскихъ. Въ его книгѣ мы находимъ живой и занимательный рассказъ о завоеваніи Сибири, о борьбѣ за обладаніе Амуромъ и о новѣйшихъ событіяхъ на берегахъ Великаго океана. О средствахъ сообщенія въ Сибири онъ даетъ хорошій очеркъ, при чемъ выражаетъ ожиданіе многихъ благъ отъ Сибирской желѣзной дороги; по его мнѣнію, она особенно цѣнна будетъ для почты и для пассажировъ, громоздкіе же товары, попрежнему, перевозиться будутъ по морю и послѣ окончанія постройки дороги. Методамъ русской политики на востокъ авторъ очень сочувствуетъ и доказываетъ, что политика Россіи, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, всегда была чрезвычайно мирна. О Китаѣ онъ говоритъ: «Если опытъ прошлаго является вѣрнѣйшимъ основаніемъ для заключеній о будущемъ, то Китаю нечего бояться своего сѣвернаго сосѣда; оба государства уже три столѣтія соприкасаются другъ съ другомъ, и несмотря на пограничныя столкновенія, войны между ними никогда не было. Трудно найти гдѣ либо такіе миръ и согласіе». Не многими страницами дальше онъ говоритъ по тому же поводу: «Россія никогда не имѣла завоевательныхъ замысловъ по адресу Китая; такіе замыслы противорѣчили бы стариннымъ традиціямъ ея политики, которая всегда стремилась занять только рѣдко населенныя мѣстности для лишка своего населенія». Что Россія современемъ обратитъ свою колонизацію на Маньчжурію, Монголію, Восточный Туркестанъ и даже Тибетъ, авторъ считаетъ возможнымъ, но утверждаетъ, что по отношенію къ собственно-Китаю Россія всегда будетъ стоять за сохраненіе его самостоятельности. Столкновеніе величайшей континентальной державы

¹⁾ Russia on the Pacific and the Siberian Railway. By Vladimir. — Russia in Asia: a Record and a Study, 1558—1899. By Alexis Krausse.—The Heart of Asia, a History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. By F. N. Scrine and E. D. Ross.—The Athenaeum № 3.750, 3.751, sept. 9, sept. 16, 1899.

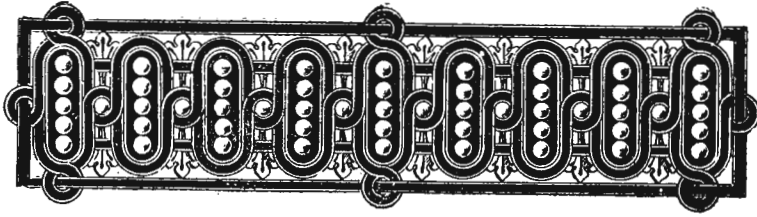
съ величайшей морской державою авторъ считаетъ невѣроятнымъ и нежела- тельнымъ: такая война была бы несчастіемъ для культуры, и въ то же время не привела бы ни къ какимъ прочнымъ результатамъ.

Существенно иного направленія другая книга о русской политикѣ въ Азіи написанная Алексисомъ Крауссе. Эготъ авторъ ставитъ себѣ задачу болѣе широ- кую: рассмотреть отношеніе Россіи не только къ Китаю, но и къ Индіи, Турке- стану, Афганистану и Персіи. Крауссе далеко не такъ благодушно, какъ «Vladimir», относится къ русскимъ успѣхамъ на востокъ. Уже однѣ желѣзныя дороги Россіи въ Азіи внушаютъ ему подозрѣніе. «Желѣзныя дороги, построенныя съ такой лихорадочной поспѣшностью въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, — говоритъ онъ, — вовсе не для того построены, чтобы развить ресурсы странъ, черезъ которыя онѣ проходятъ: онѣ всѣ, безъ исключенія, стратегическія линіи, предназначенныя къ облегченію транспорта войскъ и усиленію крѣпости пограничныхъ постовъ». На это утвержденіе критикъ журнала «Athenaeum» резонно отвѣчаетъ, что вѣдь и стратегическія дороги всегда слѣдуютъ великимъ торговымъ путямъ. Послѣдовательности русской политики на востокъ Крауссе завидуетъ и ста- вить ее въ примѣръ Англіи, гдѣ, изъ-за парламентскихъ министерствъ, про- исходитъ постоянная смѣна слабости и настойчивости. Несмотря на всю свою неприязнь къ Россіи, авторъ не можетъ закрыть глаза на блага, которымъ Средняя Азія обязана русскимъ. «Въ кредитъ Россіи, говоритъ онъ, прихо- дится записать то, что она въ своихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ насадила полудивилизацію вмѣсто варварства, уничтожила набѣги туркменовъ и кирги- зовъ и сумѣла ввести принципы безопасности жизни и собственности въ мѣст- ности, гдѣ эти принципы раньше были совершенно неизвѣстны». Много мѣста Крауссе удѣляетъ обсужденію вѣроятности или невѣроятности вторженія ру- скихъ въ Индію. По его мнѣнію, Англія достаточно обезпечила свои границы въ Индіи отъ возможности подобнаго нашествія, но зато Афганистанъ легко могъ бы быть занятъ русскими. «Имѣется, говоритъ онъ, только одно средство воспрепятствовать русской оккупации Афганистана: это — занять эту страну нашими собственными войсками». Насчетъ расширенія предѣловъ Россіи на ближнемъ востокѣ Крауссе гораздо менѣе озабоченъ. «Занятіе русскими Кон- стантинополя, по его словамъ, нисколько бы не задѣло британскихъ интере- совъ, и, въ то же время, принесло бы большую пользу туркамъ и постепенно привело бы къ погашенію фанатизма въ предѣлахъ ближняго востока».

Третья изъ книгъ, заглавіе которой выписано нами въ примѣчаніи, написана двумя авторами: филологомъ Э. Россомъ и служившимъ раньше въ Индіи Ф. Скрайн- номъ. Одинъ изъ нихъ рассказываетъ исторію среднеазиатскихъ ханствъ съ древнѣйшихъ временъ, не сообщая, однако, ничего существенно новаго въ своемъ краткомъ обзорѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что Э. Россъ сильно довѣряетъ «Исторіи Бухары» Вамбери и даже пытается ее защитить отъ строгой, но справедливой рецензіи В. В. Григорьева; вслѣдствіе этого у него встрѣчаются ошибки, напримѣръ, при опредѣленіи происхожденія Тимура. Вторая часть книги принадлежитъ перу Ф. Скрайна, который начинаетъ свой обзоръ съ краткой исторіи Россіи. «Не будь Россіи, замѣчаетъ авторъ, вся Европа была бы залопонена монгольскимъ нашествіемъ. Однако міръ былъ спасенъ отъ этого

нашествія Россією, которая перенесла знамя европейской цивилизаціи далеко на востокъ!» Судя по этой цитатѣ, можно бы предположить, что Ф. Скрайнъ относится къ Россіи съ симпатією, но въ дальнѣйшемъ изложеніи, гдѣ ему приходится говорить о событіяхъ послѣдняго времени, мы видимъ, что настроеніе его далеко не руссофильское. Вотъ, напримѣръ, что онъ говоритъ о «торговой политикѣ Россіи»: «Эта политика стремится не къ чему иному, какъ къ поддержанію китайской стѣны вокругъ Россійской имперіи, къ исключенію другихъ народовъ и Англій въ особенности... Тяжкій покровительственный тарифъ, нежеланіе допустить консульскихъ агентовъ для охраны англійской торговли и ревнивое стѣсненіе всѣхъ движеній европейцевъ напоминаютъ что-то весьма устарѣлое для начала двадцатаго вѣка». Особенно подробно Скрайнъ останавливается на послѣднихъ пріобрѣтеніяхъ Россіи, двухъ «клиньяхъ, вбитыхъ съ двухъ концовъ въ Афганистанъ»: Мервскомъ оазисѣ и Памирѣ. Сраженіе при рѣкѣ Кушкѣ Ф. Скрайнъ представляетъ очень въ пользу командовавшаго въ этомъ случаѣ генерала Комарова. Критикъ журнала «Athenaeum» поэтому недоволенъ этимъ мѣстомъ въ книгѣ и противопоставляетъ ему слова капитана Іэта, будто русскіе рѣшительно превосходили числомъ афганцевъ, участвовавшихъ въ сраженіи. Ф. Скрайнъ, въ противоположность многимъ своимъ соотечественникамъ, питаетъ въ общемъ, все-таки, вѣру, что русскимъ и англичанамъ удастся прожить въ мирѣ другъ съ другомъ въ Азій, въ виду того, что Россія уже достигла своихъ естественныхъ предѣловъ на югѣ—горныхъ хребтовъ, отдѣляющихъ ее отъ Персіи, Афганистана и Индіи.

СМѢСЬ.

ТОЛѢТНІЙ юбилей В. И. Баженова. 2-го августа исполнилось 100 лѣтъ со дня кончины извѣстнаго русскаго архитектора Василя Ивановича Баженова. Онъ родился въ Москвѣ 1 марта 1737 года и былъ сыномъ дьячка придворной церкви въ Кремлѣ. Сначала онъ воспитывался въ Славяно-Греко-Латинской академіи, гдѣ скоро обнаружилъ особенную наклонность къ архитектурѣ: въ свободное отъ занятій время имъ срисовывались зданія, церкви и надгробные памятники въ монастыряхъ. Затѣмъ съ 1751 года В. И. Баженовъ началъ посѣщать архитектурную школу, съ 1755 г. причисленную къ Московскому университету, а съ 1758 года поступилъ въ только что открытую Академію Художествъ. Какъ даровитаго питомца, его съ 1760 года отправили для дальнѣйшаго образованія по архитектурѣ за границу—въ Парижъ и Римъ. Вернувшись оттуда, В. И. Баженовъ, признанный профессоромъ зодчества, былъ опредѣленъ адъюнктомъ Академіи Художествъ, а со дня воцаренія императора Павла I состоялъ вице-президентомъ той же Академіи до дня своей смерти — 2 августа 1799 года. Къ числу замѣчательныхъ построекъ покойнаго Баженова слѣдуетъ отнести не мало сооружений въ Петербургѣ, дворецъ въ Гатчинѣ, въ Москвѣ — Петровскій дворецъ, арсеналь и зданіе сената (нынѣ — судебныхъ Установленій), домъ Пашкова (теперь — Румянцевскій музей) и недостроенный дворецъ въ селѣ Царицынѣ. Московское архитектурное общество чествовало его и, по предложенію своего предѣдателя К. М. Быковскаго, для увѣковѣченія памяти покойнаго, постановило: 1) въ залѣ засѣданій Архитектурнаго общества повѣсить портретъ Баженова; 2) послать по случаю исполнившагося 100-лѣтія

со дня его кончины телеграму Академіи художествъ, въ которой покойный былъ первымъ пенсіонеромъ и вице-президентомъ; 3) образовать особую комиссію изъ членовъ Архитектурнаго общества для собиранія матеріаловъ о жизни Баженова, копей съ его проектовъ и издать альбомъ. Кроме того, рѣшено увѣковѣчить соотвѣтствующими надписями всѣ постройки и сооруженія, воздвигнутыя покойнымъ, а близъ одного изъ выдающихся его зданій поставить, по образцу заграничныхъ городовъ, памятникъ въ видѣ бюста или статуи (имѣется въ виду Румянцевскій музей), о чемъ войти съ надлежащимъ ходатайствомъ.

Торжественное засѣданіе географическаго общества. 26 августа, Императорское Русское Географическое общество въ торжественномъ собраніи чествовало членовъ международного метеорологическаго комитета въ лицѣ предсѣдателя комитета, директора парижской центральной метеорологической обсерваторіи проф. Маскара, и директоровъ обсерваторій и институтовъ: проф. Гильдебранда-Гильдебрандсена—въ Швеціи, проф. Бетцольда—въ Берлинѣ, Гепитеца—въ Бухарестѣ, Биллевиллера—въ Швейцаріи, и г-жи Свелленъ—въ Утрехтѣ. Въ числѣ русскихъ метеорологовъ въ собраніи находились: директоръ Николаевской главной физической обсерваторіи М. А. Рыкачовъ, академикъ кв. Б. Б. Голицынъ, предсѣдатель воздухоплавательнаго отдѣла Императорскаго Русскаго Техническаго общества полк. М. М. Поморцевъ, начальникъ военнаго воздухоплавательнаго парка А. М. Кованько и много представителей науки и членовъ ученыхъ обществъ. Помощникъ предсѣдателя географическаго общества ген. А. А. Тилло привѣтствовалъ иностранныхъ гостей на французскомъ языкѣ рѣчью, въ которой подчеркнул, что географическое общество имѣетъ удовольствіе привѣтствовать въ своихъ стѣнахъ первый международный метеорологическій конгрессъ. Обществу это тѣмъ болѣе лестно, что и само оно въ своихъ трудахъ отводитъ почтенное мѣсто изученію метеорологіи и земнаго магнетизма и, помимо постоянныхъ наблюденій, неоднократно организовало экспедиціи въ разныя части свѣта и преимущественно въ Центральную Азію. Труды и изысканія русскихъ путешественниковъ и ученыхъ—Пржевальскаго, Пѣвцова, Грумъ-Гржимайло, Воейкова, Веселовскаго, Вильде, Макарова, бар. Толя и другихъ, въ лѣтописи русской метеорологіи занесено не мало данныхъ по метеорологіи и земному магнетизму. Во второй части своего доклада А. А. Тилло сообщилъ о метеорологическихъ наблюденіяхъ на станціи, устроенной географическимъ обществомъ въ Притяньшаньской центрально-азиатской впадинѣ, въ городѣ Люкчунѣ. Эта впадина, уровень которой лежитъ ниже поверхности океана, находится въ самомъ центрѣ азиатскаго материка, между южными предгорьями Тянь-Шаня съ высочайшою горою Богдоула и небольшимъ хребтомъ Чоль-Тагомъ. Открытіе этой впадины было сдѣлано въ 1890 г. братьями Грумъ-Гржимайло и произвело сенсацію во всемъ ученномъ мірѣ. Наше географическое общество поручило первой же экспедиціи, которая была послѣ этого открытія снаряжена въ глубь Центральной Азии, устроить въ Люкчунѣ правильную метеорологическую станцію. Начальникъ экспедиціи В. И. Роборовскій это успѣшно исполнилъ, и на станціи были производимы наблюденія два года. Громадная научная важность люкчунскихъ наблюденій зависитъ отъ того, что большая часть поверхности Центральной Азии лежитъ

весьма высоко надъ уровнемъ моря, почему приведенныя къ этому уровню температуры и барометрическія давленія очень сильно отличаются отъ дѣйствительныхъ. Между тѣмъ Люкчунская впадина лежитъ почти на уровнѣ моря, и слѣдовательно произведенныя въ ней наблюденія не требуютъ никакихъ приведеній; кромѣ того, этотъ пунктъ отличается наибольшою континентальностью на всемъ земномъ шарѣ, что также представляетъ величайшій интересъ. Результаты произведенныхъ въ Люкчунѣ наблюденій вкратцѣ сводятся къ слѣдующему: въ зимніе мѣсяцы Люкчунъ представляетъ изъ себя центръ антициклоновъ; поэтому карты среднихъ изобаръ декабря, января и февраля подлежатъ исправленію. Суточные колебанія барометра очень велики, и амплитуда ихъ достигаетъ тѣхъ размѣровъ, какіе только наблюдаются въ тропическихъ странахъ; при этомъ наблюденныя для Люкчуна амплитуды взяты только изъ трехъ терминныхъ наблюденій, изъ которыхъ наибольшія уклоненія получались между утренними высокими и вечерними низкими показаніями, но вѣроятно при ежечасныхъ опредѣленіяхъ нашелся бы минимумъ въ одномъ изъ послѣполуденныхъ часовъ, и тогда амплитуда была бы еще болѣе. Годовой ходъ барометрическаго давленія, т. е. разность между средними мѣсячными давленіями въ іюлѣ и въ январѣ, равняется почти 30 миллиметрамъ, — величина, вѣроятно, крайняя, для всего земного шара. Температура лѣтнихъ мѣсяцовъ очень велика; въ среднемъ для іюля (+48°) она является наибольшей на всемъ азиатскомъ материкѣ и можетъ быть приравнена только къ Сахарѣ. На солнцѣ максимальный термометръ показывалъ +64°. По сухости воздуха и по бѣдности осадковъ Люкчунская впадина также представляетъ крайность. Пасмурныхъ дней въ Люкчунѣ наблюдалось въ продолженіе года всего 20. Дождь въ теченіе 1894 года выпадалъ только 22 раза; снѣгъ падалъ 4 раза; роса и иней замѣчены только въ октябрѣ и ноябрѣ. Новыя научныя открытія, явившіяся слѣдствіемъ люкчунскихъ наблюденій, живо заинтересовали иностранныхъ метеорологовъ, привѣтствовавшихъ А. А. Тилло по окончаніи его доклада рукоплесканіями. На рѣчь А. А. Тилло отвѣчали привѣтственными рѣчами отъ имени Франціи проф. Маскаръ, подѣлившійся главнѣйшими результатами за сѣданій международнаго комитета въ Петербургѣ и тѣми постановленіями, которыя сдѣланы относительно земного магнетизма, аномалій климата и вообще метеорологіи. За нимъ говорилъ директоръ берлинской физической обсерваторіи профессоръ Ветцольдъ, который, упомянувъ объ Александрѣ Гумбольдтѣ, какъ объ одномъ изъ основателей метеорологической науки, напомнилъ, что великій ученый, находясь въ Россіи, здѣсь, въ этомъ историческомъ залѣ географическаго общества, поднялъ впервые вопросъ объ устройствѣ метеорологической сѣти посредствомъ станцій. Сама идея Гумбольда не могла бы получить практическаго осуществленія, если бы русское географическое общество не отнеслось къ ней съ полнымъ сочувствіемъ, такъ какъ для устройства метеорологической сѣти именно и были необходимы громадныя пространства Россіи. Такимъ образомъ, по словамъ проф. Ветцольда, Императорское Русское Географическое Общество является родиной международной метеорологической сѣти, не будь которой, не было бы и современной научной метеорологіи. Поблагодаривъ за гостепримство, ораторъ высказался за желательность сліянія

во имя успѣховъ науки всѣхъ странъ и націй. Обѣ рѣчи были покрыты аплодисментами. Директоръ главной физической обсерваторіи М. А. Рыкачовъ сообщилъ результаты записей самопишущихъ приборовъ, полученные во время полета шара-зонда въ присутствіи членовъ комитета и во время запуска пріязного змѣя—также съ инструментами. Въ заключеніе ген. А. А. Тилло объявилъ засѣданіе закрытымъ, и дальнѣйшая часть вечера была посвящена частной ученой бесѣдѣ.

Кіевскій лаврскій кладъ. Командированный въ Кіевъ императорскимъ Эрмитажемъ хранитель послѣдняго по нумизматическому отдѣлу А. К. Марковъ для подробнаго ознакомленія съ извѣстнымъ лаврскимъ монетнымъ кладомъ, послѣ болѣе чѣмъ двухмѣсячныхъ занятій, закончилъ детальное изученіе 18-типудовой коллекціи. Результатомъ этого изученія было заявленіе, поданное, по словамъ «Кіевлянина», г. Марковымъ духовному собору лавры отъ имени императорскаго Эрмитажа. Въ этомъ заявленіи говорится о томъ, что Эрмитажъ желаетъ пріобрѣсти въ собственность весь кладъ. Что же касается цѣнности послѣдняго, то А. К. Марковъ опредѣлилъ стоимость его въ 65.000 рублей, вмѣсто 38.000 рублей стоимости по вѣсу металла. Нѣкоторые отдѣльные экземпляры клада оцѣнены имъ въ нѣсколько сотенъ и даже тысячъ рублей. Такъ, напри- мѣръ, медальонъ князя Константина Острожскаго оцѣненъ въ 4.000 рублей. Въ такую же сумму оцѣнена и монета Константина и Констанція. Золотая русская монета 1702 года, съ изображеніемъ Петра Великаго, оцѣнена въ 1.000 рублей и т. д. Монеты Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, правительницы Софіи и нѣкоторыя другія оцѣнены по нѣскольку сотенъ рублей каждая. Въ виду того, что по нѣкоторымъ даннымъ, имѣющимся въ распоряженіи духовнаго собора лавры, можно считать несомнѣннымъ, что, въ случаѣ, если кладъ будетъ проданъ съ торговъ, то за него можно будетъ выручить сумму, значительно бѣдшую, сравнительно съ тою, какую предложилъ императорскій Эрмитажъ, такъ какъ на конкурсѣ изъявили желаніе принять участіе нѣкоторыя изъ крупнѣйшихъ англійскихъ и нѣмецкихъ учреждений и фирмъ, духовный соборъ лавры, разсмотрѣвъ заявленіе А. К. Маркова и обсудивъ всѣ обстоятельства этого дѣла, постановилъ передать вопросъ о продажѣ монетнаго клада на усмотрѣніе святѣйшаго синода. Въ настоящее время святѣйшій синодъ высказался, по слухамъ, за предоставленіе клада Эрмитажу за сумму, установленную А. К. Марковымъ.

† **В. А. Легонинъ.** 3-го августа въ Рязѣ скоропостижно скончался заслуженный ординарный профессоръ Московскаго университета Викторъ Алексѣевичъ Легонинъ. Покойный занималъ кафедру судебной медицины на юридическомъ факультетѣ въ продолженіе слишкомъ 30 лѣтъ и въ теченіе многихъ лѣтъ былъ деканомъ факультета. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ лѣкаремъ, онъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ Крымъ, гдѣ принялъ дѣятельное участіе въ подачѣ помощи раненымъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ покойный является въ Москвѣ однимъ изъ дѣятельныхъ врачей- акушеровъ и служитъ врачомъ по дамскому попечительству о бѣдныхъ. Въ 1859 году онъ защитилъ диссертацию подъ заглавіемъ «О преждевременныхъ искусственныхъ родахъ», представленную имъ для полученія степени доктора

медицины. Въ 60-хъ годахъ В. А. занялся спеціально изученіемъ сифилидологіи. Одновременно онъ дѣятельно изучалъ судебную медицину и еще въ 1858 году вмѣстѣ съ г. Шапкинымъ перевелъ съ нѣмецкаго «Руководство къ судебной медицинѣ» Бекера. Занимая каведру судебной медицины въ Московскомъ университетѣ, покойный напечаталъ рядъ статей по своему предмету въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ», «Московской Медицинской Газетѣ», «Юридическомъ Вѣстникѣ» и въ другихъ изданіяхъ. Изъ отдѣльно изданныхъ имъ трудовъ назовемъ: «О растройствахъ выраженія состояній (афазія) въ судебно-медицинскомъ отношеніи». Изъ другихъ его сочиненій можно указать на «Мышьякъ въ обояхъ и краскахъ», «Физиологія и патологія спинно-головного мозга», «Замѣчательные судебно-медицинскіе случаи о новорожденныхъ», «Свинцовая упаковка нюхательнаго табаку» и др. Покойный принималъ дѣятельное участіе во многихъ ученыхъ обществахъ. Онъ былъ, между прочимъ, почетнымъ членомъ недавно закрытаго московскаго юридическаго общества. («Нов. Вр.» № 8419; «Моск. Вѣд.» № 213 слл.; «Русск. Вѣд.» № 213 слл.).

† К. П. Ковальковскій. 17-го августа, въ 8 часовъ утра, скончался въ своемъ имѣніи, въ Костромской губерніи, профессоръ гігіены Варшавскаго университета Константинъ Петровичъ Ковальковскій. Покойному было только 45 лѣтъ. Въ 1875 году, окончивъ курсъ въ черниговской классической гимназіи съ серебряною медалью, К. П. поступилъ въ медико-хирургическую академію (нынѣ военно-медицинскую), курсъ которой и кончилъ въ 1880 г. Будучи еще студентомъ, онъ опубликовалъ нѣсколько работъ по гігіенѣ, за которыя былъ удостоенъ конференціей академіи золотой медали. Въ 1882 г. К. П. былъ назначенъ на должность ассистента при каведрѣ гігіены въ медико-хирургической академіи. Въ лабораторіи этой К. П. написалъ, а затѣмъ и успѣшно защитилъ диссертацию на доктора медицины подъ заглавіемъ: «Способы количественнаго опредѣленія низшихъ организмовъ въ воздухѣ». Въ 1886 году К. П. былъ избранъ академіей приватъ-доцентомъ гігіены, а въ 1887 году былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Варшавскій университетъ. Въ 1889 году К. П. былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора по той же каведрѣ гігіены, которую и занималъ до кончины. Какъ гігіенистъ, покойный К. П. былъ широко извѣстенъ среди врачебной публики. Большинство изданныхъ имъ работъ (болѣе 20) относятся къ области научной гігіены. Изъ нихъ болѣе популярны: «Дезинфекція и ея примѣненіе» (вышедшее недавно 2-мъ изданіемъ) и «Основы гігіены». («Нов. Вр.» № 8439).

† А. А. Нильскій. 31 іюля, въ Старой Руссѣ, скончался одинъ изъ талантливыхъ артистовъ драматической сцены, артистъ императорскихъ театровъ, Александръ Алексѣевичъ Нильскій, бывший въ продолженіе многихъ лѣтъ премьеромъ александринской драматической труппы. Имя покойнаго пользовалось большою популярностью среди любителей драматическаго искусства. Онъ былъ актеромъ стараго закала: ему пришлось играть вмѣстѣ съ И. И. Сосницкимъ, Мартыновымъ, Самойловымъ, Бурдинымъ и другими выдающимися артистами русской сцены. Ему было у кого учиться, и онъ всегда съ замѣчательнымъ усердіемъ изучалъ роли. Отличаясь умомъ, онъ не былъ сторонникомъ рутиннаго исполненія и старался въ каждую взятую на себя

роль внести свое знаніе и умѣніе. Покойный родился въ 1841-мъ году и учился въ первой московской гимназіи. Чувствуя влеченіе къ артистической дѣятельности, онъ, заручившись въ Москвѣ обѣщаніемъ бывшаго тогда директоромъ императорскихъ театровъ А. М. Геденова, отправился въ Петербургъ и 15-ти лѣтъ былъ принятъ въ театральное училище, директоромъ котораго былъ П. С. Федоровъ. По окончаніи курса въ училищѣ покойный началъ свою артистическую карьеру съ императорскаго театра, поступивъ въ александринскую труппу 16-го марта 1858 года. Съ этого года онъ исполнилъ рядъ разнообразныхъ, преимущественно первыхъ, ролей въ драмахъ и трагедіяхъ. Въ 1866 году, отчасти благодаря его хлопотамъ, была поставлена въ его бенефисъ въ первый разъ трагедія графа А. К. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго», и Нильскій явился первымъ и хорошимъ исполнителемъ роли Годунова. Впослѣдствіи покойный выступалъ въ роли Грознаго. Затѣмъ, его же стараніями появились на сценѣ Александринскаго театра запрещенныя до того пьесы Шиллера «Разбойники» (Нильскій игралъ роль Карла Моора) и «Коварство и любовь». Почти въ каждой новой пьесѣ съ 1858 по 1882 годъ Нильскій былъ занятъ и являлся исполнителемъ главныхъ ролей. Онъ выступалъ въ роляхъ трагика, комика, перваго любовника и резонера, и каждую роль игралъ съ присущимъ ему дарованіемъ и добросовѣстностью, вкладывая въ игру все свое умѣніе. Нельзя сказать, чтобы критика относилась восторженно къ его исполненію, но во всякомъ случаѣ никто не отказывалъ ему въ умѣннн, а когда онъ перешелъ на амплуа резонеровъ, то отзывы объ его игрѣ были безусловно въ его пользу. Одно время А. А. занималъ въ казенной труппѣ амплуа единственнаго и незамѣнимаго исполнителя классическихъ ролей. Съ 1-го іюня 1883 года по 1-е августа 1892 года Нильскій не состоялъ въ составѣ труппы Александринскаго театра. Въ это время онъ рѣдко выступалъ на театральныхъ подмосткахъ, но иногда, по приглашенію антрепренеровъ, уѣзжалъ играть въ провинцію или выступалъ на петербургскихъ частныхъ сценахъ. Въ это время онъ посѣтилъ Харьковъ, Одессу, игралъ у Корша въ Москвѣ, у Казанцева въ театрѣ Неметти и у Зазулина въ Панаевскомъ. Въ 1889 году А. А. взялъ театральную антрепризу русскаго Александровскаго театра въ Гельсингфорсѣ и руководилъ театромъ въ Финляндіи въ продолженіе двухъ лѣтъ. Въ 1892 году покойный вновь поступилъ на петербургскую казенную сцену, но уже выступалъ не въ главныхъ роляхъ. Онъ игралъ роль Іеронима въ «Венецейскомъ истуканѣ», Геслера въ «Вильгельмѣ Телѣ», Лемма въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», Пехтерьева въ «Завтракъ у предводителя», Таддео Феррари въ «Кремонскомъ скрипачѣ», Шарова въ «Медомомъ мѣсяцѣ», полицеймейстера въ «Мертвыхъ душахъ», Ловягина въ «Обществѣ поощренія скуки» и въ другихъ пьесахъ. Въ 1897 году Нильскій окончательно покинулъ Александринскій театръ. Нынѣшнимъ лѣтомъ онъ снялъ антрепризу въ Старой Руссѣ. Покойный совершилъ рядъ поѣздокъ по Россіи. Онъ гастролировалъ почти во всѣхъ выдающихся русскихъ городахъ. Какъ современникъ выдающихся артистовъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, онъ напечаталъ въ 1893 и 1894 гг. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» свои воспоминанія, изданныя впослѣдствіи отдѣльною книгою. («Нов. Вр.» № 8414).

† Г. И. Архангельскій. 3-го августа, въ С.-Петербургѣ, скончался непрѣмный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета, извѣстный дѣятель столичной санитарной комиссіи, т. е. докторъ медицины Григорій Ивановичъ Архангельскій. Покойный родился въ Тамбовѣ въ 1837 году. По окончаніи курса наукъ въ Медико-Хирургической академіи, онъ служилъ сперва въ Ставропольскомъ, затѣмъ въ Керчь-Еникальскомъ и Нарвскомъ госпиталяхъ, былъ военнымъ врачомъ л.-гв. Кирасирскаго, Измайловскаго и Гатчинскаго полковъ и въ 1871 году поступилъ младшимъ медицинскимъ чиновникомъ въ медицинскій департаментъ. Въ это время ему было поручено редактированіе названныхъ уже нами періодическихъ изданій. Въ 1874 году онъ блестяще защитилъ диссертацию подъ заглавіемъ «Холерная эпидемія въ Европейской Россіи въ пятидесятилѣтній періодъ (1823—1872 гг.)». Въ 1876 году Г. И. былъ назначенъ старшимъ врачомъ Кронштадтской крѣпости, но вскорѣ при объявленіи войны былъ командированъ чиновникомъ для порученій при этапномъ отдѣлѣ военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи. Съ 1881 по 1884 г. онъ служилъ столоначальникомъ главнаго военно-медицинскаго управленія, затѣмъ былъ старшимъ ординаторомъ Николаевскаго военнаго госпиталя. Послѣднія пятнадцать лѣтъ онъ посвятилъ свою дѣятельность городскимъ санитарнымъ вопросамъ и дѣламъ. Преимущественно онъ занимался вопросами питанія и эпидемиологіи. Состоя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ консултантомъ по врачебнымъ вопросамъ при С.-Петербургской думѣ и совѣщательнымъ членомъ думской санитарной комиссіи, Г. И. сдѣлалъ многое существенно важное для оздоровленія Петербурга. Онъ явился инициаторомъ и организаторомъ института думскихъ врачей и постоянной районной врачебной помощи бѣднымъ больнымъ, принималъ дѣятельное участіе въ организаціи городскихъ родильныхъ пріютовъ и въ борьбѣ съ посѣщавшими столицу эпидеміями. Покойный хорошо изучилъ санитарное состояніе Петербурга. Еще въ 1874—1875 годахъ онъ посвятилъ рядъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ «Здоровье», Петербургу и его средствамъ къ охраненію и возстановленію здоровья жителей. Почти всякій вопросъ, возбуждавшійся въ думѣ въ послѣднія 25 лѣтъ по медицинско-санитарной части, имѣлъ въ лицѣ Г. И. или инициатора, или дѣятельнаго и знающаго участника его разрѣшенія. Изучивъ смертность Петербурга за столѣтіе съ 1764 г. по 1865 годъ, покойный на основаніи статистическихъ данныхъ пришелъ къ выводу о значительномъ численномъ превосходствѣ умирающихъ надъ рождающимися (въ сто лѣтъ умерло на 143,928 человекъ болѣе, чѣмъ родилось) и объяснялъ это не плохимъ петербургскимъ климатомъ, а скученностью и преобладаніемъ пришлыхъ элементовъ, вынужденныхъ жить среди невыносимыхъ санитарно-гигиеническихъ условій. Тифозная, холерная и другія эпидеміи, бывшія въ разное время въ столицѣ, обращали на себя особенное вниманіе покойнаго. Онъ изучалъ условія возникновенія эпидемій и настаивалъ на принятіи возможно шире предупредительныхъ мѣръ къ появленію и развитію эпидемій среди столичныхъ обывателей. Несомнѣнно, успѣшность борьбы Петербурга съ эпидеміями многимъ обязана покойному. Г. И. Архангельскій былъ извѣстенъ не только, какъ общественный дѣятель-практикъ, но и какъ врачъ-писатель. Его произведенія занимаютъ видное положеніе въ ме-

дицинской литературѣ: онъ заявилъ себя талантливымъ авторомъ многихъ цѣнныхъ работъ и изслѣдованій. Произведенія покойнаго охотно печатались не только въ медицинскихъ журналахъ, но и въ общей прессѣ. Изъ его статей и изслѣдованій назовемъ: «Жизнь въ Петербургѣ по статистическимъ даннымъ»; «Приложеніе законовъ физиологии къ народному образованію»; «Конина, ея настоящее и будущее значеніе, какъ питательнаго матеріала въ экономическомъ бытѣ русскаго народа»; «Живая ржаная мука»; «Холера, сыпной и возвратный тифъ»; «Богата ли Россія врачами?», «Большая холерная эпидемія 1852—1855 г., ея происхожденіе и значеніе»; «Вліяніе неурожая въ браки, рождаемость и смертность въ Европейской Россіи»; «Ревакцинація и оспенная эпидемія въ Петербургѣ»; «Петербургъ и его средства къ охраненію и возстановленію здоровья жителей»; «Биологическіе законы и продовольствіе войскъ пищей»; «Количество пищи, необходимое для существованія организма и произведенія работы»; «Физическій трудъ и основы его требованія»; «Война и врачи»; «Насколько опасно появленіе чумы въ Петербургѣ» (1879 г.); «Общественныя воды въ Петербургѣ»; «О передачѣ въ видѣніе города петербургскихъ больницъ и богадѣлень» (1881 г.); «Объ организація постоянной врачебной помощи нуждающемуся населенію Петербурга» (1883 г.); «О предварительной организаціи дѣла по систематическому изслѣдованію невской воды и изъ водопроводовъ» (1884 г.); «О мѣрахъ на случай появленія холерной эпидеміи въ Петербургѣ» (1884 г.) и др. Въ 70-хъ годахъ онъ редактировалъ «Архивъ судебной медицины», «Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ», «Эпидемиологическій листокъ» и «Медико-топографическій сборникъ», издаваемые медицинскимъ департаментомъ. («Нов. Вр. № 8418).

† В. А. Панаевъ. 8-го августа, въ деревнѣ Знаменкѣ, близъ Петергофа, скончался инженеръ путей сообщенія д. ст. с. Валеріанъ Александровичъ Панаевъ, строитель Панаевского театра въ Петербургѣ. Покойный родился 29-го августа 1824 года въ Казанской губерніи и воспитывался въ институтѣ путей сообщенія. Окончивъ курсъ поручикомъ, онъ участвовалъ сперва при изысканіяхъ, потомъ при постройкѣ и эксплуатаціи Николаевской желѣзной дороги. Въ 50-хъ годахъ производилъ изысканія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи для желѣзныхъ дорогъ и былъ командированъ за границу для изученія эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и подвижнаго состава въ разныхъ странахъ. Въ 1860 году В. А. былъ назначенъ строителемъ Грушевской желѣзной дороги, затѣмъ явился оптовымъ подрядчикомъ и отвѣтственнымъ инженеромъ при постройкѣ Курско-Кіевской дороги. Выйдя въ 1870 году въ отставку, покойный занялся литературой и разнаго рода постройками. Въ 80-хъ годахъ онъ выстроилъ Панаевскій театръ. Покойному принадлежалъ рядъ трудовъ по вопросамъ желѣзно-дорожнымъ и политико-экономическимъ, какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкѣ, какънапримѣръ, «Восточный вопросъ» (Спб., 1877 г.), «Финансовыя и экономическіе вопросы» (Спб., 1878 г.). «Бумажныя деньги—товаръ» («Русское Обзорніе» 1895 г., 3—5). Онъ же напечаталъ свои любопытныя «Воспоминанія» въ «Русской Старинѣ» (1893 г., кн. 8—12). («Нов. Вр.» № 8123; «Моск. Вѣд.» № 218).

† С. В. Шервудъ. 17-го августа, въ Москвѣ, скончался архитекторъ Сергій Владиміровичъ Шервудъ. Окончивъ курсъ въ Московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества, покойный получилъ большую серебряную медаль и званіе класснаго художника. Будучи еще въ школѣ, онъ, какъ передаютъ московскія газеты, много работалъ съ покойнымъ отцомъ, академикомъ Шервудомъ. Самостоятельныя работы его всегда отличались выдержанностью стиля. Имъ особенно много построено и реставрировано церквей. Какъ на лучшія работы его въ этой области, можно указать на построенные по его проекту храмы: въ женскомъ монастырѣ въ Шамординѣ, близъ Оптиной пустыни, въ садѣ Дорнѣ и друг., и на реставрированную имъ церковь св. Николая Чудотворца, что на Мясницкой въ Москвѣ. Другую область его дѣятельности составляли постройки специально практическаго характера. Такъ, имъ построено много фабричныхъ корпусовъ. Наконецъ, онъ велъ и городскія постройки. («Нов. Вр.» № 8436).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ характеристикѣ архіепископа Варлаама.

Въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатаны интересныя воспоминанія М. И. Сацердотова о Варлаамѣ, архіепископѣ пензенскомъ и саранскомъ. При чтеніи этой статьи мнѣ невольно припомнился разговоръ объ одномъ небезынтересномъ эпизодѣ изъ жизни этого суроваго архіерея, слышанный мною отъ родственника его, теперь уже покойнаго, священника с. Лебяжьяго, Курганскаго уѣзда, Тобольской епархіи, о. Алексѣя Русанова, и отъ другихъ мѣстныхъ священниковъ.

Какъ извѣстно, Варлаамъ Успенскій послѣ управленія Пензенской епархіей получилъ кафедру архіепископа тобольскаго и сибирскаго, на которой и пробылъ съ 1862 года по 1871 годъ, когда онъ удалился на покой въ Бѣлогородскій монастырь Курской епархіи. Извѣстно также, что Варлаамъ былъ большой любитель астрономіи и очень усердно занимался ею, живя въ Тобольскѣ. Говорятъ, не знаю, насколько справедливо, что онъ оставилъ въ Тобольскѣ почти цѣлую астрономическую библіотеку и кабинетъ, много работъ, наблюденій и замѣтокъ астрономическаго характера. Живя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Тобольскѣ, я не имѣлъ возможности лично познакомиться съ этимъ наслѣдствомъ архіерея-астронома, съ его научными изысканіями, но отъ современниковъ его слышалъ, что онъ былъ ярый и убѣжденный сторонникъ тѣхъ астрономическихъ воззрѣній противниковъ знаменитаго Галилея, согласно которымъ земля стоитъ неподвижно, а солнце вращается вокругъ нея. Передавали мнѣ также, что Варлаамъ гдѣ-то печаталъ свои «ученые» труды по этому вопросу, снабдивъ ихъ приличными аргументами изъ области своихъ астроно-

мическихъ наблюдений, но гдѣ именно, указать этого никто не могъ, хотя было бы очень интересно познакомиться съ такими оригинальными въ наше время астрономическими положеніями. Какъ видимый для всѣхъ вѣщественный памятникъ архіерея-астронома, въ тобольскомъ архіерейскомъ дворѣ и теперь еще высится та башня, съ которой Варлаамъ занимался своими «научными» наблюденіями.

Къ области этихъ-то научно-астрономическихъ занятій архіепископа Варлаама и относится слышанный мною рассказъ, циркулирующій среди тѣхъ священниковъ и вообще лицъ духовнаго званія Тобольской епархіи, которымъ памятенъ «варлаамовскія времена». Не думаю, чтобы событіе, о которомъ повѣствуетъ этотъ рассказъ, въ дѣйствительности имѣло мѣсто съ такою буквальною точностью, съ какою оно передается, — вѣрнѣе всего, что оно нѣсколько приукрашено поэтическими «выдумками» повѣствователей, но остовъ его во всякомъ случаѣ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Я передаю этотъ рассказъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ слышалъ его самъ отъ покойнаго о. Русанова.

Сильно пристрастившійся къ астрономическимъ занятіямъ архіепископъ Варлаамъ не жалѣлъ средствъ на пріобрѣтеніе необходимыхъ инструментовъ и приборовъ. Между прочимъ, однажды, онъ получилъ откуда-то, изъ Петербурга или изъ Москвы, какую-то особенно дорогую астрономическую трубу съ большей силой приближенія (вѣроятно, рефракторъ). Испробовавъ ее тотчасъ же по полученіи на своей импровизированной обсерваторіи, Варлаамъ, повидимому, остался ею очень доволенъ. Желая съ одной стороны похвалиться своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ и посвятить, такъ сказать, въ тайны астрономіи нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ — съ другой, Варлаамъ пригласилъ къ себѣ въ обсерваторію троихъ іеромонаховъ, состоявшихъ въ штатѣ архіерейскаго дома. Имена этихъ іеромонаховъ потомствомъ не сохранены, но для удобства послѣдующаго изложенія назовемъ ихъ хотя Ананіемъ, Азаріемъ и Мисаиломъ. Суровъ былъ Варлаамъ, боялись его подчиненные и входили къ нему не иначе, какъ съ трепетомъ. Нельзя сказать, чтобы и эти три іеромонаха чувствовали себя особенно свободно и развязно по приходѣ въ архіерейскую обсерваторію, несмотря даже на мирный тонъ и то благодушное настроеніе, въ какомъ встрѣтилъ ихъ владыка.

Познакомивъ пришедшихъ съ своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ и объяснивъ имъ цѣль ихъ приглашенія, Варлаамъ каждого изъ нихъ, поочередно, сталъ подзывать къ трубѣ. Первымъ подошелъ о. Ананій. Онъ долго смотрѣлъ, прищуривъ одинъ глазъ и не отрываясь отъ трубы, какъ бы не желая скоро лишиться себя удовольствія отъ созерцанія того зрѣлища, которое открывалъ ему телескопъ. Варлаамъ, наконецъ, не выдержалъ и обратился къ нему съ вопросомъ:

— Ну, что видишь, о. Ананій?!

— Дивное видѣніе, высокопреосвященнѣйшій владыко, — въ восхищеніи отвѣчалъ о. Ананій. — Воистину глаголетъ псалмопѣвецъ: «Дивны дѣла Твоя, Господи, — вся премудростію сотворилъ еси!» Сподобилъ Господь узрѣть величіе и славу твореній Его. Отъ роду такого дивнаго зрѣлища не приводилось видѣть очамъ моимъ. Чу-удно хорошо!

Варлаамъ остался очень доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на о. Ананія, и его отзывомъ.

— Ну-ка, ты теперь, о. Азарій, посмотри: ты какъ одѣнишь мою трубку?

Подходить къ трубѣ о. Азарій и также долго и внимательно смотреть въ нее, какъ и о. Ананій. Онъ также преисполненъ удовольствія отъ созерцанія открывшихся предъ нимъ красотъ природы.

— Ну, что?! — слышится, наконецъ, голосъ нетерпѣливаго владыки.

— Добро зѣло, ваше высокопреосвященство! Такъ хорошо и дивно, что по истинѣ «не лѣтъ есть человѣку глаголати». Вотъ она когда, премудрость-то Божія, открылась мнѣ, грѣшному! Справедливо сказалъ пророкъ, что «нощъ возвѣщаетъ разумъ... и творенія руку его возвѣщаетъ твердь». Справедливо, воистину справедливо!

Хвалебные отзывы о. о. іеромонаховъ хотя и въ нѣсколько повышенномъ тонѣ окончательно утвердили Варлаама въ благодушномъ настроеніи, и онъ, довольный и сіяющій, чтò съ нимъ бывало очень рѣдко, приглашаетъ къ трубѣ третьяго посѣтителя, о. Мисаила.

О. Мисаилъ, заинтересованный восхваленіями своихъ предшественниковъ видѣннаго ими зрѣлица, подходитъ къ трубѣ съ нескрываемымъ предвкушеніемъ удовольствія. По примѣру своихъ собратій онъ долго смотритъ въ трубу, то однимъ, то другимъ глазомъ, закрывая въ то же время свободной рукою, и, тѣмъ не менѣе, повидимому, никакъ не можетъ «узрѣть» того, что удалось видѣть о. о. Ананію и Азарію. Наконецъ, поборовъ боязнь и робость предъ строгимъ владыкой, онъ рѣшился заявить ему объ этомъ.

— Ничего, высокопреосвященнѣйшій владыка, не могу увидѣть...

Владыка, думая, что о. Мисаилъ не умѣетъ смотрѣть въ трубу, и желая научить его этому примѣромъ, подошелъ къ телескопу самъ, посмотрѣлъ въ него и... также ничего не увидѣлъ, — не увидѣлъ потому, что, когда почти инстинктивно онъ поднялъ глаза на другой конецъ трубы, то оказалось, что этотъ конецъ трубы... наглухо закрытъ колпакомъ.

Благодушное и довольное настроеніе Варлаама мигомъ смѣнилось раздраженіемъ и негодованіемъ на несчастныхъ о. о. Ананія и Азарія.

— Пошли вонъ, старые дураки! — могъ только выговорить Варлаамъ въ сильномъ раздраженіи.

На этомъ и кончились опыты Варлаама по части просвѣщенія своихъ подчиненныхъ астрономическими познаніями.

А. Шерстобитовъ.

II.

Пушкинъ на исландскомъ языкѣ.

Въ статьѣ г. Драганова о переводахъ Пушкина на другіе языки, напечатанной въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», отсутствовалъ, между прочимъ, исландскій языкъ. Въ перепискѣ съ эсперантистомъ-исландцемъ Тор-

стейномъ Торстейнссономъ я спросилъ его, не извѣстны ли ему какіе либо переводы изъ Пушкина на исландскій языкъ. Языкъ этотъ, близкій къ древнеисландскому, весьма далекъ отъ прочихъ скандинавскихъ языковъ, и датчанинъ, который можетъ еще понять кое-что въ рѣчи шведа, не учась ей, ничего не пойметъ въ рѣчи исландца. Оказалось, что г. Торстейнссонъ могъ мнѣ назвать два разсказа Пушкина, переведенныхъ на исландскій языкъ. Къ сожалѣнію, какъ видно будетъ ниже, по заглавію одного изъ этихъ разсказовъ трудно судить, какой именно разсказъ Пушкина переведенъ подъ такимъ заглавіемъ, и даже можно предположить, что этотъ разсказъ совсѣмъ не принадлежитъ Пушкину и лишь приписанъ ему авторомъ или переводчикомъ; до такой степени странно это заглавіе. Эти разсказы слѣдующіе:

1) «Draugaveizlau», т. е. «Праздникъ колдуна» (по-эсперантски—La sorĉistfestoj)—въ ежеродникѣ «Idhunn» за 1885 г.

2) «Adhalsmannsdóttir í dularbün», т. е. «Барышня-крестьянка» (по-эсперантски—Filino de aristokrato en masko)—въ беллетристическомъ сборникѣ газеты «Thjóðólfur» за 1888 г.

Быть можетъ, кто нибудь изъ знающихъ по исландски сумѣетъ перевести точнѣе заглавіе перваго разсказа (если эсперантскій переводъ не точенъ) или, розыскавши этотъ разсказъ, по содержанію его рѣшить, какой именно разсказъ Пушкина переведенъ подъ этимъ заглавіемъ; я же думаю, что это—или разсказъ «Гробовщикъ», или, какъ упомянулъ выше, разсказъ, лишь приписанный Пушкину, но ему въ дѣйствительности не принадлежащій.

Н. Вахтянъ.

этимъ отцомъ. Но, взглянувъ на его лицо и думая найти на немъ суровое, безжалостное выраженіе, погубившее большую часть его жизни, онъ встрѣтилъ въ глазахъ отца искру любви, какой никогда еще къ себѣ не видѣлъ у него. Ваявъ руку старца, онъ съ нѣжностью нѣсколько разъ прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— У тебя болѣзненный видъ, отецъ мой!—началь опять Мирабо.— Я слышалъ, что ты боленъ, и очень спѣшилъ, чтобы еще сегодня видѣть тебя, потому что въ Парижѣ готовятся большія волненія, которыя могутъ каждую минуту помѣшать выѣхать изъ города. Но мнѣ не сообщили, въ чемъ именно состоятъ твои страданія?

При этихъ словахъ Мирабо встрѣтился съ прекрасными глазами маркизы д'Аррагонъ, дѣлавшей ему за кресломъ дѣда знаки, чтобы онъ не выдавалъ ея письма, тайно къ нему написаннаго.

— Ты застаешь меня вообще не въ важномъ состояніи, сынъ мой!—сказалъ маркизъ, съ невольнымъ вздохомъ вновь опускаясь въ кресло и указывая Мирабо на стулъ напротивъ себя.— У кого бушуетъ подагра въ ногахъ, а кашель въ груди, тому, право, хуже, чѣмъ посѣщенной революціей Франціи. Если вы, славные господа третьяго сословія, роетесь теперь во всѣхъ ея членахъ, то въ этомъ, какъ я думаю, ручательство за ея будущее здоровье и величіе. Со мной же кончено. Не хорошо, что Бонифасъ, всегда точно освѣдомленный о домашнемъ, ничего не сообщилъ тебѣ. Вѣдь со времени соединенія, по желанію короля, членовъ трехъ сословій, вы выдаются ежедневно, братья противники?

— Мы видимся и разговариваемъ,—отвѣтилъ Мирабо уклончиво. Тутъ наступила минута молчанія, которую Елена сумѣла, однако, тотчасъ заполнить. Она спросила, что это за костюмъ у него, котораго она еще не видѣла на немъ.

— Это костюмъ третьяго сословія, представителемъ котораго я состою въ національномъ собраніи,—возразилъ Мирабо.—Такое черное платье съ черной пелериной не нравится, видно, моей прелестной племянницѣ? Вначалѣ, изъ равнодушія вообще ко всякимъ костюмамъ, я не сдѣлалъ и этого себѣ; но съ тѣхъ поръ, что третье сословіе стало войскомъ, взявшимъ на себя борьбу за всю націю, я тоже предпочелъ одѣться въ платье, по которому узнаютъ солдатъ этого столѣтія.

— Ты правильно поступилъ, сынъ мой,—сказалъ маркизъ одобрительно, бросивъ долгій, пытливый взоръ на Мирабо.—Хотя, быть можетъ, ты не повѣришь мнѣ, но я долженъ тебѣ сказать, что я сдѣлался настоящимъ другомъ третьяго сословія. Вообще, мнѣ кажется, Габріель, что въ нашихъ взглядахъ мы уже не такъ далеки другъ отъ друга, какъ ты, быть можетъ, полагаешь.

— Ваше одобреніе будетъ всегда истиннымъ торжествомъ нашего дѣла!—воскликнулъ Мирабо съ живостью. — «Другъ человѣка»¹⁾,

¹⁾ «L'Ami de l'homme».

«истор. вѣстн.», октябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

какъ называется ваша превосходная филантропическая книга, этотъ другъ позволялъ надѣяться, что онъ станетъ однажды другомъ третьяго сословія. Въ такомъ случаѣ, и я счастливъ, потому что другъ человѣка и другъ третьяго сословія долженъ былъ сдѣлаться и другомъ своего сына!

— Другомъ сына?—повторилъ маркизъ тихимъ, мягкимъ голосомъ, какого никто еще не слышалъ у него. Руки его стали дрожать, и весь онъ судорожно зашевелился. Елена встала, чтобы скрыть выступившія слезы.

— Дорогой другъ мой,—вновь началъ маркизъ,—величайшимъ удовлетвореніемъ должно быть для насъ обоихъ, что въ такое, какъ настоящее время, мы можемъ подать другъ другу руки! Вотъ тебѣ моя рука, хотя бы она была въ силахъ лишь на прощальное пожатіе. Но всякое искреннее прощаніе есть подкрѣпленіе будущаго. Ты глядишь въ будущность бодро и довѣрчиво, не такъ ли сынъ мой?

— О,—возразилъ Мирабо, удерживая руку отца,—будущее пока еще непроницаемая и бурная ночь, распростертая надъ Франціей. Наихудшее можетъ и должно свершиться. И лишь когда оно свершится, тогда, я вѣрю, будетъ лучше. Повидимому, король и королева не хотятъ и не могутъ поступать иначе. Они пренебрегаютъ всякими признаками готовящейся имъ участи, и не одинъ добрый совѣтъ не проникаетъ сквозь ихъ ослѣпленіе.

— Въ Парижѣ дѣла плохи?—спросилъ маркизъ.

— Дворъ ищетъ своего спасенія въ войскѣ, окружающемъ съ нѣкоторыхъ поръ Парижъ и Версаль,—отвѣчалъ Мирабо.—Но эти солдаты, если не поспѣшатъ ихъ отозвать, насыдутъ, какъ каркающіе вороны, на трупъ монархіи. Въ печальномъ заблужденіи, что бѣдствіе истекаетъ изъ національнаго собранія, послѣднее теперь также окружено военными отрядами, для прегражденія доступа къ нему народа. Отряды эти еще усилены нѣсколькими полками, состоящими изъ чужихъ національностей, а именно изъ нѣмцевъ и поляковъ. Этотъ выборъ ясно показываетъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ готовится народу. Число войскъ между Парижемъ и Версалемъ, увеличиваясь ежедневно, доходитъ уже до пятидесяти пяти тысячъ; взадъ и впередъ двигаются огромные артиллерійскіе обозы; назначены мѣста для цѣлыхъ батарей; всѣ дороги, вдоль и поперекъ, всѣ мосты устѣяны солдатами, всѣ аллеи превращены въ военные посты. Такой-то роковой свитой деспота окружаетъ себя король въ эту минуту, принимая національное собраніе за непріятельскій лагерь, тогда какъ свобода совѣщаній собранія была бы сильнѣйшею и могущественнѣйшею защитою противъ всѣхъ враговъ короля. Въ такомъ опасномъ положеніи мы рѣшили подать королю адресъ, составленіе котораго было поручено національнымъ собраніемъ мнѣ. Твердо и умѣренно, почтительно, но энергично умо-

ляли мы въ немъ короля отозвать войско и, въ виду отсутствія какой либо опасности для государства и короля, прекратить эти потрясающія общее довѣрїе приготовленія къ войнѣ. Я былъ въ составѣ депутаціи, представлявшей адресъ королю. Но король отказалъ въ отозваніи войскъ и даже, подъ влияніемъ совѣтовъ своихъ бездарныхъ министровъ, рѣшился предложить національному собранію удалиться, для идиллическаго пребыванія, въ одинъ изъ маленькихъ городовъ Франціи, на примѣръ, Суассонъ или Нойонъ. При этомъ, самое забавное то, что король подвергъ изгнанію своего министра Неккера, который, дѣйствительно, отнесся честнымъ образомъ къ намѣренію двора силою разогнать національное собраніе. Говорятъ, его такъ поторопили выѣздомъ въ Швейцарію, что онъ едва успѣлъ собрать свои вещи.

— Ну, въ Неккерѣ вы ничего не потеряли, — возразилъ маркизъ, слушавшій съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но, повидимому, оживленный разговоръ сильно утомилъ его. Блѣдный и изнуренный, онъ опустился въ креслѣ, а сильнѣйшій приступъ кашля, казалось, разрывалъ ему грудь. Встревоженный Мирабо требовалъ послать за докторомъ, но маркизъ отклонилъ это, принявъ лишь лѣкарство изъ рукъ заботливой Елены.

Когда больной немного оправился, Мирабо приблизился, чтобы проститься съ нимъ, и нѣсколько разъ печально и благоговѣнно поцѣловалъ чело старца.

— Я еще сегодня долженъ поспѣть въ Парижъ и Версаль, — тихо сказалъ Мирабо. — Грозное положеніе вещей не позволяетъ мнѣ остаться дольше. Мы скоро увидимся опять, отецъ мой!

Маркизъ медленно покачалъ головой и отпустилъ сына, молча, но съ свѣтлымъ, полнымъ выраженія взглядомъ. Мирабо поспѣшно освободился, не будучи въ силахъ долѣе выносить этого взгляда. Елена проводила его до сосѣдней комнаты и, обливаясь слезами, шопотомъ сообщала ему свою тревогу. Мирабо нѣжно поцѣловалъ ея глаза, взявъ обѣщаніе, что она завтра же извѣститъ его о больномъ.

IV.

Первые республиканцы.

Вскочивъ на коня, Мирабо быстро проѣхалъ пространство отъ Аржантейля до Парижа, къ воротамъ котораго подѣхалъ въ первомъ часу по полудни.

Здѣсь, очутившись вдругъ среди большаго скопленія солдатъ, расположенныхъ лагеремъ у воротъ столицы, пришлось ему подвигаться впередъ медленно, съ перерывами.

Среди возбужденныхъ и шумныхъ отрядовъ войска, Мирабо замѣтилъ массу народа, оживленно и дружески братавшагося съ солдатами, при всевозможныхъ увѣреніяхъ въ дружбѣ и при чоканіи наполненными стаканами.

Солдатами было дано обѣщаніе не стрѣлять въ народъ, а онъ громкими восторженными восклицаніями, раздававшимися со всѣхъ сторонъ, свидѣтельствовали о достигнутомъ имъ успѣхѣ.

Мирабо вѣхалъ на улицы города и къ своему возрастающему удивленію видѣлъ, что возбужденіе парижскаго населенія приняло уже опредѣленный, страшный характеръ. На многихъ улицахъ и площадяхъ строились уже баррикады; вооруженныя толпы, съ шумомъ и крикомъ, сновали взадъ и впередъ, а гнѣвные восклицанія противъ двора, съ выдѣлявшимися лишь въ честь Неккера и герцога Орлеанскаго виватами, разносились далеко въ воздухѣ.

Чѣмъ далѣе углублялся Мирабо въ городъ, тѣмъ болѣе казалось ему, что все населеніе Парижа высыпало на улицы и площади. Театры, какъ бы въ знакъ общественнаго траура, были закрыты. Съ сѣверной стороны города шелъ слухъ, что тамъ народъ поджегъ и обратилъ въ пепель заставы. Мимо Мирабо пронеслась яростная толпа оборванныхъ, изголодавшихся людей, страшный видъ нищеты которыхъ, вмѣстѣ съ ихъ грознымъ ревомъ, говорилъ о готовившихся новыхъ предпріятіяхъ.

Прежде всего Мирабо хотѣлъ добраться до Пале-Рояля, гдѣ надѣялся открыть очагъ возстанія и руководителей его, а также думать найти тамъ Шамфора, въ его квартирѣ, узнать отъ него разныя подробности и освѣдомиться на счетъ участи Генриетты и Коко.

Спускаясь по улицѣ Ришелье, онъ встрѣтилъ нѣсколько отрядовъ драгунскаго полка *Royal-allemand*, подъ предводительствомъ командира принца Ламбеска, и долженъ былъ остановиться на углу боковой улицы, чтобы пропустить солдатъ передъ собой.

Изъ скопившейся по обѣимъ сторонамъ улицы массы народа раздавались самыя оскорбительныя восклицанія противъ драгунъ и противъ принца Ламбеска. Но полкъ, состоявшій почти весь изъ нѣмцевъ, изъ коихъ немногіе понимали по-французски, не понималъ бранныхъ восклицаній народа, какъ прежде не понималъ и дружественныхъ. Но когда, затѣмъ, посыпался на нихъ градъ камней, драгуны обнажили сабли и, по приказанію своего командира, съ беспощадною яростью бросились на всѣ стороны. Толпа гналась ими по улицѣ; одинъ старикъ упалъ подъ ихъ ударами; женщины и дѣти, попадая подъ копыта лошадей бѣшеныхъ преслѣдователей, испускали душу раздирающіе крики. Вдали ревъ и свистъ раздробившихся скопищъ призывалъ къ мщенію. Это было первое примѣненіе военной силы противъ народа. По всѣмъ частямъ Парижа пронеслось теперь воззваніе о томъ, чтобы народъ запасался оружіемъ и образовалъ изъ себя гражданскую гвардію.

Мирабо удалось освободиться отъ своей лошади въ одномъ знакомомъ домѣ, и онъ пошелъ пѣшкомъ въ Пале-Рояль, всѣ входы котораго были запружены самыми возбужденными, грозно волнующимися толпами народа. Пробравшись къ жилищу Шамфора, подъ аркадами, онъ не засталъ въ немъ никого и вновь предоставилъ себя волнующейся кругомъ толпѣ, которая увлекла его съ собою до перваго двора Пале-Рояля, куда, повидимому, все шло теперь.

Иногда казалось ему, что онъ видитъ мелькающими передъ собой знакомыя лица. Среди невообразимаго смятенія, видѣлись ему Клавьеръ, Дюмонъ, Дюроверэ и, наконецъ, Шамфоръ, но промелькнули они съ такой молниеносной быстротой, такими озабоченными и съ такимъ особеннымъ выраженіемъ лицъ, что или они не узнали его, или, думалось ему, что пронеслись призраки въ образѣ его друзей. Но вотъ ему дѣйствительно удалось поймать за фалды сюртука Шамфора, только что громко обращавшагося съ рѣчью къ группѣ народа.

— Много сегодня дѣла, другъ Мирабо, — сказала Шамфоръ голосомъ, звучавшимъ такъ спокойно и добродушно, а между тѣмъ только что старавшійся своею рѣчью усилить бурю.

— Скажи мнѣ, въ чемъ дѣло? — съ живостью спросилъ Мирабо. — Неужели все это изъ-за внезапной высылки королемъ Неккера? Неужели его имя подняло такъ народъ на ноги?

— Сегодня революція идетъ за именемъ Неккера, а потому будемъ усердно это имя кричать народу въ уши! — отвѣчалъ Шамфоръ. — Даже имя герцога Орлеанскаго сегодня звучитъ прекрасно, и я выкрикиваю его не менѣе усердно. Всѣ наши друзья согласились звонить сегодня въ этотъ колоколъ, потому что онъ отдается въ Версали, какъ первый ударъ въ набатъ.

— Кто же эти наши друзья? — спросилъ Мирабо, взявъ подъ руку Шамфора и направляясь съ нимъ въ самую середину возбужденной толпы.

— Сегодня оставь твою гордость, Мирабо, — возразилъ Шамфоръ. — Сегодня нашимъ другомъ всякій, кто идетъ однимъ съ нами путемъ. Цѣль будетъ свѣтомъ, при которомъ мы разглядимъ одинъ другого.

— А это тоже одинъ изъ нашихъ друзей, этотъ человѣчекъ тамъ, что выходитъ изъ *café de Foy* и влечетъ за собой рой ликующихъ поклонниковъ? — спросилъ Мирабо, указывая на молодого человѣка, шедшаго во главѣ народной толпы, съ которой онъ оживленно жестикулировалъ.

— Это Камиль Демуленъ, начинающій адвокатъ, съ большимъ талантомъ обращающійся съ народомъ, — отвѣчалъ Шамфоръ. — Онъ добрый малый, только немного горячая голова. Говорятъ, будто онъ агентъ герцога Орлеанскаго. Смотри, онъ хочетъ говорить! Ему подносятъ столъ, а онъ влѣзаетъ на эту ораторскую трибуну съ нѣкоторымъ достоинствомъ, которое мнѣ очень нравится.

Камиль Демуленъ былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати семи, съ лицомъ смуглымъ, почти какъ у негра. Въ его личности было нѣчто простое, лишенное благородства; однако, она не производила отталкивающаго впечатлѣнія, благодаря огненной живости во всѣхъ его членахъ и движеніяхъ.

Остановивъ на минуту свой мрачный, грозный взоръ на умолкнувшей теперь толпѣ, онъ сказалъ довольно громкимъ, рѣзкимъ голосомъ:—Граждане! я сейчасъ изъ Версаля и могу васъ увѣрить, что нельзя болѣе терять ни минуты! Неккеръ прогнанъ; его отставка есть набатный колоколъ, возвѣщающій новую Варееоломеевскую ночь для всѣхъ патріотовъ! Сегодня вечеромъ уже всѣ швейцарскіе и нѣмецкіе баталіоны двинутся съ Марсова поля, чтобы изрубить насъ! Остался одинъ еще источникъ спасенія,—это поспѣшить къ оружію!

Слова эти упали, какъ горящая искра въ толпу, поднявшуюся съ сильными возгласами одобренія, вслѣдъ за которыми наступилъ зловѣщій шопотъ. Камиль Демуленъ, продолжая стоять на столѣ, зоркимъ пристальнымъ взглядомъ наблюдалъ за движеніями толпы. Затѣмъ, устремивъ безпокойно глаза въ одинъ пунктъ, закричалъ ужаснымъ голосомъ: «Сигналъ поданъ; смотрите, вотъ стоятъ шпіоны и полицейскіе работники, не спускающіе съ меня глазъ; но я не отдамся живымъ въ ихъ руки!»

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана два пистолета и показалъ ихъ народу. Спрыгнувъ со стола и вставъ во главѣ ожидавшей его части толпы, воскликнулъ: «Слѣдуйте моему примѣру, граждане! Идите защищать жизнь вашу, вашихъ женъ и дѣтей!»

Вся толпа ринулась за нимъ и съ страшными криками, призывая къ мщенію и оружію, раздѣлилась на части и разлилась въ разныя стороны по улицамъ Парижа.

При выходѣ изъ Пале-Рояля, Мирабо и Шамфоръ, увлеченные потокомъ толпы, столкнулись съ Камилемъ Демуленомъ, а онъ, какъ только Мирабо его замѣтилъ, приблизился къ нему, привѣтствуя его съ величайшимъ почтеніемъ:—Народъ черезъ меня свидѣтельствуетъ графу Мирабо свое высокопочитаніе!—воскликнулъ Демуленъ, размахивая въ воздухъ своими пистолетами, чтобы указать на Мирабо.—Да здравствуетъ Мирабо, герой національнаго собранія и другъ народа!

Мирабо благодарилъ, улыбаясь, и, сказавъ нѣсколько любезныхъ словъ Камиллю Демулену, тихонько шепнулъ ему при этомъ: «Это хорошо, что вы даете ходъ народу, но остерегайте его отъ кровавыхъ дѣйствій!»

— Кровь будетъ нужна, быть можетъ, уже этой ночью, или весьма скоро!—возразилъ съ таинственной миной Демуленъ.—Если же народу не удастся стрѣлять, то онъ будетъ своихъ враговъ вѣшать! У короля есть пушки, а у народа фонарные столбы. Я

много думаль о наилучшей системѣ народнаго вооруженія и напелъ, что фанари самая лучшая народная артиллерія. Да здравствуетуеъ политика фанарей! Осмѣлюсь ли навѣстити васъ надняхъ въ Версали, гражданинъ Мирабо?

Мирабо кивнулъ ему головой, но не успѣлъ ничего отвѣтить, потому что Камиль Демуленъ былъ уже увлеченъ впередъ бурнымъ натискомъ толпы.

— Не правда ли, такіе люди весьма полезны?—сказаль Шамфоръ, съ особеннымъ вниманіемъ наблюдая за Мирабо.

— Да, какъ птицы, предвѣщающія бурю, они хороши; они указываютъ на надвигающееся бѣдствіе,—задумчиво отвѣтилъ Мирабо.— Но и въ самую бурю нужны опытные и честные кормчіе, и ихъ-то намъ надо отыскать.

— А ты думаешь, что буря скоро уже разразится надъ нами?—спросилъ Шамфоръ съ особеннымъ выраженіемъ воспламененнаго лица.

— Грозовыя тучи висятъ уже почти надъ нашими головами,—тихо отвѣтилъ Мирабо.

Въ эту минуту раздался тутъ же, по близости, и разнесся вдаль страшный громовой трескъ, грозно потрясая воздухъ. Это былъ выстрѣлъ изъ пушки, разрядившейся съ ужасающею силою. Весь народъ, пораженный какъ бы суевѣрнымъ страхомъ, испустилъ протяжній, громкій крикъ.

Спустя только нѣсколько минутъ поняли, что случилось. При облачномъ и пасмурномъ въ теченіе этого дня надъ Парижемъ небѣ, вдругъ надъ головами плотной массы народа засіяло іюльское яркое, палящее солнце и бросило лучи свои на вдѣланное съ южной стороны Пале-Рояля и сильно нагрѣвшееся зеркало. Пушечный запаль поймалъ этотъ лучъ, и отсюда послѣдовалъ поразительной силы внезапный выстрѣлъ ¹⁾.

— Само солнце подаетъ сегодня сигналъ для революціи!—сказаль Шамфоръ, тщательно изслѣдовавъ вмѣстѣ съ Мирабо необыкновенное явленіе.

— Но, другъ мой, что сказаль намъ Камиль Демуленъ?—возразилъ Мирабо.—Не есть ли пушка оружіе королей?

— Да, но солнце—оружіе народа,—восторженно отвѣтилъ Шамфоръ.—Солнечный же лучъ разрядилъ эту пушку, что уже не подлежитъ сомнѣнію.

Оба друга, взявшись подъ руку, направились далѣе къ Тюльери, куда устремилось, повидимому, все главное движеніе.

На первомъ дворѣ стояла запряженная карета у самаго подъѣзда дворца, занимаемаго герцогомъ Орлеанскимъ. Большая толпа на-

¹⁾ Louis Blanc, Histoire de la révolution française, II, 296.

рода, восторженно настроенная, окружая подъездъ и экипажъ, ожидала появления герцога.

Въ ту минуту, какъ Мирабо и Шамфоръ хотѣли пройти мимо, герцогъ вышелъ, видимо слѣша и со всѣми признаками ужаса на блѣдномъ лицѣ. Громкими возгласами встрѣтилъ его народъ и тѣснился къ нему, какъ бы ища у него защиты и ему вѣряя свое спасеніе въ эту рѣшительную минуту.

Герцогъ боязливо озирался на этихъ людей, съ просящими лицами окружавшихъ его и старавшихся дотронуться до его руки или платья. Онъ хотѣлъ имъ сказать что-то, но, казалось, не находилъ подходящихъ словъ; при болѣе же внимательномъ наблюденіи видно было, что онъ весь дрожитъ. Наконецъ, сѣвъ уже въ карету, онъ выглянулъ еще разъ и сказалъ хриплымъ голосомъ, безъ всякаго выраженія: «Друзья мои, другого средства нѣтъ, какъ взяться за оружіе!» И въ ту же минуту съ быстротою, похожею на бѣгство, исчезъ въ каретѣ и уѣхалъ.

— Народъ молилъ его о помощи, но принцу, для того, чтобы встать во главѣ революціи, недостаетъ бездѣлицы—мужества!—сказалъ Шамфоръ, обращаясь къ Мирабо.—Я сейчасъ узналъ по секрету отъ его камердинера, что онъ ѣдетъ въ Версаль, между тѣмъ адѣсь, въ Парижѣ, онъ могъ бы сегодня заставить провозгласить себя королемъ, если бы захотѣлъ. Но страхъ прогнать его отсюда, и, въ сущности, онъ не выносить революціи.

— Онъ ничего не стѣящій трусъ, съ которымъ никто не можетъ и не долженъ связываться!—воскликнулъ Мирабо съ негодованіемъ.—И съ такимъ-то жалкимъ существомъ подовѣваютъ, что я состою въ соглашеніи! Если бы можно было этимъ путемъ небо низвести на землю, то и тогда я не впрягся бы въ одну сбрую съ герцогомъ Орлеанскимъ!

Толпа въ Пале-Роялѣ стала рѣдѣть, и Мирабо съ Шамфоромъ легко достигли выхода. На улицѣ Saint-Honoré навстрѣчу имъ подвигалась выстроившаяся въ удивительномъ порядкѣ, какъ бы въ процессіи, толпа, во главѣ которой выступали одинъ савояръ и молодой человѣкъ въ одеждѣ вельможи. Савояръ несъ бюстъ герцога Орлеанскаго, поднимая его отъ времени до времени вверхъ, чтобы показать безчисленной народной толпѣ, при чемъ торжественно махалъ въ воздухъ своей черной шапочкой. Рядомъ съ нимъ, знатный молодой человѣкъ, въ шелковомъ полосатомъ сюртукѣ, имѣя на себѣ двое часовъ и другія украшенія, несъ бюстъ Неккера. Оба бюста были обвязаны длиннымъ крепомъ, въ знакъ того, что эти два народные идола были въ немилости у правительства. Множество знаменъ, какъ символъ торжества и траура, проносились въ этомъ шествіи, состоявшемъ не только изъ низшихъ классовъ народа, но также изъ массы лицъ высшаго сословія.

— Что общаго у этихъ людей съ Орлеаномъ? Что имъ Нек-

керь?—обратился Мирабо къ Шамфору, слѣдуя съ нимъ вмѣстѣ за шествіемъ.—Вѣчная потребность народа—создавать себѣ боговъ, хотя бы ввѣтыхъ изъ лавки гипсовыхъ издѣлій! Эти бюсты—изъ мастерской Куртиуса, на бульварѣ du Temple, гдѣ я недавно видѣлъ ихъ. Трогательно, право, и поучительно видѣть, съ какимъ усердіемъ народъ создаетъ себѣ идоловъ, лишь бы не быть одному въ нуждѣ!

Шествіе направилось къ бульварамъ, а оттуда, проходя по самымъ населеннымъ улицамъ и площадямъ, подкрѣплялось все новыми массаами. Встрѣченный по пути отрядъ французской гвардіи былъ склоненъ къ принятію участія въ общемъ народномъ дѣлѣ и присоединенію къ торжественному шествію, что подняло его въ глазахъ населенія до значительнаго событія. По прибытіи на Вандомскую площадь, увидѣли занимавшій ее отрядъ кавалеріи. Внезапно раздался выстрѣлъ, и нарядный молодой человекъ, несшій бюстъ Неккера, съ громкимъ стономъ упалъ на землю и тутъ же испустилъ духъ. Его отнесли въ ближайшій домъ, а кто-то другой поднять бюстъ Неккера, чтобы нести его далѣе. Кавалерія, отозванная, повидимому, въ эту самую минуту, быстро очистила площадь, но внезапно вновь появилась изъ боковой улицы позади шествія, направляяся на площадь Людовика XV, и стала напирать на него. Произошло замѣшательство, порядокъ шествія былъ нарушенъ, и, вновь раздавшимся выстрѣломъ, савояръ, несшій бюстъ герцога Орлеанскаго, былъ раненъ въ лѣвую ногу.

Въ ту же минуту,—неизвѣстно, какъ это случилось,—онъ получилъ ударъ саблею въ грудь и упалъ замертво. Одинъ изъ товарищей поднялъ его, взвалилъ себѣ на плечи и вырвалъ изъ смятенія. Истекающее кровью тѣло понесли въ Пале-Рояль, чтобы выставить его тамъ парижскому населенію.

Такъ закончилось триумфальное шествіе въ честь Неккера и Орлеана. Народное движеніе раздѣлилось теперь по разнымъ частямъ города, принявъ другой, еще болѣе опасный характеръ. Французская гвардія, занимавшая казармы въ Rue Verte, стала волноваться, требуя выступленія противъ иностранныхъ полковъ, столь враждебно свирѣпствовавшихъ противъ народа. Нѣкто Гоншонъ, человекъ изъ самыхъ низкихъ народныхъ слоевъ, съ нѣкоторыхъ поръ дѣйствовавшій въ предмѣстіяхъ сильно возбуждающимъ образомъ, появился въ этихъ казармахъ и крайне смѣлою, гордою рѣчью, никогда еще неслыханною отъ человека изъ народа, увлекъ солдатъ, чтобы выступить противъ враговъ народа и сразиться съ чужеземными полками.

Мирабо и Шамфоръ подошли къ казармѣ въ Rue Verte какъ разъ въ ту минуту, когда солдаты въ полномъ вооруженіи, съ грозными жестами и восклицаніями выходили изъ нея для того, чтобы слѣдовать на уличный бой за этимъ необыкновеннымъ Гон-

пономъ, величественно, въ своей синей блузѣ, выступавшимъ во главѣ.

— Вотъ онъ, этотъ Гоншонъ!—сказалъ Шамфоръ.—Хорошенько смотри на него, Мирабо, ибо это одна изъ тѣхъ зловѣщихъ и удивительныхъ фигуръ, которыхъ до сихъ поръ не было видно въ Парижѣ и которыя вдругъ, какъ бы въ одну ночь, выросли изъ земли. Онъ отвратителенъ, какъ дьяволъ, его красная пестрая кожа дѣлаетъ его похожимъ на жителя какой-то другой планеты. Но ничто не можетъ сравниться съ этой гордостью и величіемъ; о себѣ онъ не иначе говоритъ, какъ въ третьемъ лицѣ.

— Тотъ ли это Гоншонъ, котораго называютъ «Мирабо изъ предмета?»—спросилъ Мирабо, улыбаясь и съ удивленіемъ глядя на человѣка въ блузѣ.

— Да, мой другъ, — отвѣчалъ Шамфоръ.— Рядомъ съ Мирабо національнаго собранія поставили Мирабо изъ предмета. Эти оба Мирабо должны будутъ дополнить другъ друга и работать заодно! Ты сталъ теперь героемъ національнаго собранія, но вы, знатные господа изъ Salle des Menus въ Версали, не должны думать, что парижская улица не пожелаетъ тоже имѣть своего Мирабо. А потому не презирай этого Гоншона. Ты видишь, онъ, на своемъ посту, работаетъ прекрасно!

— Быть можетъ, даже Мирабо улицы работаетъ лучше, чѣмъ Мирабо Salle des Menus,—сказалъ Мирабо задумчиво.—Ты знаешь, я ненавижу уличное политическое движеніе, никогда не желая имѣть того, что находятъ на улицѣ, будь то госпожа Венера, или госпожа Свобода. Но наше Версальское національное собраніе — жалкое общество, какъ я и сначала говорилъ тебѣ. Оно кажется мнѣ пригоднымъ лишь на то, что въ немъ революція разовьетъ свои легкія крикомъ, что, какъ извѣстно, такъ полезно для развитія дѣтей.

— Удивляюсь,—сказалъ Шамфоръ,—что именно сегодня ты не въ собраніи, на большомъ засѣданіи котораго должно быть сдѣлано заявленіе королю, что новое министерство не внушаетъ довѣрія странѣ и ея представителямъ, и что единственное возможное спасеніе заключается въ немедленномъ призваніи вновь Неккера.

— Сегодня утромъ, до отъѣзда изъ Версаля, я присутствовалъ на предварительномъ совѣщаніи этого засѣданія,—отвѣтилъ Мирабо,—но тревожное извѣстіе вызвало меня въ Аржантейль къ моему отцу. Я хотѣлъ и долженъ былъ видѣть его еще разъ, такъ какъ меня увѣдомляли, что положеніе его крайне опасно. Мы примирились, и всѣ мои тяжелыя воспоминанія о нашихъ отношеніяхъ превратились у меня въ самую чудную любовь къ отцу.

Направивъ свои шаги къ площади Людовика XV, Мирабо и Шамфоръ увидѣли, что съ приближеніемъ французской гвардіи, стоявша здѣсь, подъ начальствомъ Безенваля, войска поспѣшно отступали. По всѣмъ улицамъ внезапно разнесся слухъ, что вооружен-

ной силѣ предписано избѣгать всякаго кроваваго столкновенія и удалиться изъ центра города. Вскорѣ, кромѣ французскихъ гвардейцевъ, открыто дѣйствовавшихъ заодно съ народомъ, не было на улицахъ ни одного солдата.

Тѣмъ временемъ, со всѣхъ городскихъ башенъ ударили въ набатъ. Повсюду народныя скопища принимали все болѣе опредѣленный и грозный характеръ. Всѣ оружейные магазины были разграблены, и шумныя, вызывающія, вполнѣ вооруженныя толпы народа двигались по Парижу. Число требующихъ оружія все увеличивалось. Громадная толпа катилась къ Hôtel de Ville и ворвалась тамъ въ большую залу, гдѣ нѣсколько избирателей города Парижа собрались на совѣщаніе съ агентами общинъ о водвореніи спокойствія въ Парижѣ. Ворвавшейся толпѣ, съ крикомъ требующей оружія, обѣщаютъ выдать имѣющіяся въ городскомъ домѣ ружья и сабли, но толпа, не дожидаясь, находитъ сама складъ оружія, выламываетъ двери, и каждый вооружается, чѣмъ попало. Въ ту же минуту вдругъ появилась необыкновенная фигура, занявшая, по доброй волѣ, оставленный солдатами постъ часоваго у ратуши.

Это былъ исполинскаго роста человѣкъ, почти совершенно нагой, котораго никто не зналъ и о которомъ никто не могъ сказать, откуда онъ явился. На немъ была только рубашка, ноги были голы и босы. Но черезъ плечо было перекинута ружье, держа которое, онъ торжественно и съ достоинствомъ ходилъ взадъ и впередъ на часахъ передъ ратушей¹⁾.

Мирабо и Шамфоръ, послѣдовавшіе и сюда за общимъ движеніемъ, съ величайшимъ удивленіемъ смотрѣли на это явленіе.

— Вотъ опять одинъ изъ этихъ людей, которые въ эти дни вылупились изъ яйца революціи, а до сихъ поръ какъ будто никогда не жили!—сказалъ Шамфоръ, устремляя почти благоговѣйный взоръ на незнакомца. — Смотри, Мирабо, съ какимъ ужасающимъ спокойствіемъ и величіемъ этотъ голый человѣкъ держитъ ружье на плечѣ. Право, это человѣкъ природы Руссо, народившійся изъ лона философовъ и сегодня взявшій ружье, чтобы стоять на часахъ революціи. Ты не разсердишься, если я передъ этимъ великаномъ будущаго встану на колѣни, чтобы поклониться ему?

— Это было бы не впервые, что творецъ преклонилъ бы колѣни передъ своимъ твореніемъ,—возразилъ Мирабо.—Однако, вѣрь мнѣ, Шамфоръ, съ этими людьми вы ничего не сдѣлаете. Народное бѣдствіе, наряженное вооруженнымъ привидѣніемъ, становясь часовымъ на порогѣ будущаго, есть лишь вѣстникъ несчастія. Я многому научился въ эти послѣдніе дни, въ томъ числѣ и тому, что никакого спасенія нельзя ждать отъ республики. Никакой республики людей природы поэтому не будетъ, а будетъ лишь республика

¹⁾ Procès verbal de l'assemblée nationale, I, 189.

голышей. И этотъ обнаженный герой, передъ которымъ ты хотѣлъ встать на колѣни, не что иное, какъ нищій. Я долженъ сказать тебѣ, Шамфоръ, твои статьи, которыя ты теперь пишешь въ «*Mercure*», не нравятся мнѣ. Въ нихъ ты съ дьявольскою утонченностью строишь воздушный замокъ республики и вотъ видишь уже передъ собою одного изъ жителей этого замка. На немъ нѣтъ штановъ, а только рубашка и ружье, быть можетъ, даже не заряженное.

— И такъ, дѣйствительно, дороги наши расходятся, Мирабо,—сказалъ на это Шамфоръ съ отгѣнкомъ грусти.—Сегодня, 12 іюля, въ Парижѣ всего, быть можетъ, десять республиканцевъ. Отсюда ты видишь, съ какимъ слабымъ капиталомъ начинается дѣло республики ¹⁾. Но изъ него выйдетъ однажды большое дѣло, которое наполнить и соединить весь міръ. Не брани же мнѣ моего обнаженнаго парня! А затѣмъ, прощай, Мирабо! Изученіе нагого тѣла разлучаетъ насъ. А ты? Ты употребишь твою исполинскую божественную силу на портняжную работу, чтобы подъ расплзающійся горностаѣй подшить новую подкладку.

Съ этими словами, Шамфоръ исчезъ. Казалось, что послѣдняя проходившая мимо народная толпа всосала въ себя друга Мирабо безслѣдно. Мирабо долго глядѣлъ ему во слѣдъ, какъ бы остолбѣнѣвъ и погружаясь въ свои печальныя думы.

Начинало смеркаться. Усиливавшіяся уличныя волненія дѣлались все болѣе зловѣщими и ужасными. У прохожихъ собирались деньги для покупки пороха. Многіе, съ факелами въ рукахъ, бѣгали кругомъ, опрашивая каждаго встрѣчнаго, принадлежитъ ли онъ тоже къ третьему сословію? Другіе, при свѣтѣ же факеловъ, прочитывали легучіе листки или афиши на стѣнахъ, въ которыхъ, въ рѣзкой формѣ, иногда съ примѣсью забавныхъ остротъ, были изложены жалобы народа. Нѣкоторыя вооруженныя группы, также съ факелами въ рукахъ, наталкивались на Мирабо; въ ихъ грозныхъ рѣчахъ слышалось намѣреніе поджечь главнѣйшія зданія въ городѣ.

Мирабо продолжалъ свой путь въ извѣстномъ направленіи, рѣшивъ остаться на ночь въ Парижѣ и возвратиться въ Версаль,—что было нелегко, въ виду окружающихъ Парижъ войскъ,—лишь на слѣдующее утро. Онъ поспѣшилъ добраться до маленькаго помѣщенія на Монмартрской улицѣ, нанятаго для Генриетты и Коко, гдѣ онъ обыкновенно останавливался.

Страшное волненіе охватило весь Парижъ. Колокола ратуши и церкви Богоматери били въ набатъ безъ перерыва. Первая, только что организовавшаяся, гражданская гвардія разъѣзжала по улицамъ отдѣльными отрядами. Кое-гдѣ засвѣтились въ окнахъ огни, чтобы

¹⁾ Fragment de l'histoire secrète de la révolution, par Camille Desmoulins, p. 11.

разсѣять страшный, зловѣщій мракъ въ городѣ. Къ вооруженнымъ гражданамъ присоединялась то здѣсь, то тамъ французская гвардія съ цѣлью совмѣстной охраны города. По временамъ, слышались отдѣльные ружейные выстрѣлы, а за ними глухіе крики о помощи. Парижъ походилъ на опаснаго больного, то терзающагося на своемъ ложѣ подъ властью дикихъ видѣній, то испускающаго вопли о своемъ мучительномъ состояніи ¹⁾).

Къ полуночи добрался Мирабо до дома, котораго искалъ. Генриетта, не почивавшая еще, съ радостнымъ изумленіемъ, зарумянившимъ ея блѣдныя щеки, вышла къ нему на встрѣчу. Очарованнымъ взоромъ смотрѣла она на своего друга, котораго съ нѣкоторыхъ поръ видала рѣдко, лишь урывками, и страстно и благоговѣйно цѣловала ему руки. Прибѣжалъ и Коко, теперь уже семилѣтній мальчикъ, и, съ сердечными ласками, былъ поднятъ къ верху графомъ Мирабо. Тотчасъ же смѣло и горячо сталъ онъ жаловаться, что Генриетта не позволяла ему выходить изъ дому и принимать участіе въ постройкѣ баррикады на углу улицы.

— И ты, мой другъ, тоже хочешь строить баррикады противъ короля?—спросилъ Мирабо, шутя взявъ за ухо маленькаго Коко.— Скажи, на милость, что тебѣ сдѣлалъ король? Развѣ въ его царствованіе ты не могъ къ семи годамъ достаточно вырасти? Но ты будешь еще выше и крѣпче, если будешь любить своего короля. Понимаешь меня, Коко?

Генриетта, улыбаясь, просила прощенія за своего маленькаго любимца. Тутъ только замѣтилъ Мирабо, что госпожа Нѣра, глаза которой горѣли лихорадочнымъ, изнурительнымъ жаромъ, была нездорова серіознѣе, чѣмъ увѣряли ея послѣднія письма. Странанья грудью явно усилились, и это прелестное существо, сіявшее когда-то здоровьемъ и свѣжестью, теперь видимо таяло. Мирабо едва осмѣливался крѣпче прижать къ себѣ ея нѣжное, почти прозрачное тѣло; душу его стѣснила глубокая печаль.

Онъ убѣдилъ ее теперь удалиться съ Коко на отдыхъ, увѣряя, что въ Парижѣ, въ эту ночь, ничего болѣе опасаться не слѣдуетъ.

Они ушли, а Мирабо сѣлъ къ письменному столу, чтобы всѣ событія сегодняшняго дня, очевидцемъ которыхъ онъ былъ въ Парижѣ, описать въ статьѣ, предназначенной для издаваемой имъ газеты. Онъ испытывалъ особое удовольствіе, высказываясь объ этихъ событіяхъ съ безпощадною откровенностью. Тутъ же обращался онъ къ народу съ предостереженіемъ, чтобы неотъемлемо принадлежащія ему права онъ не приносилъ въ жертву слѣпому желанію разрушенія и минутному дѣйствию мщенія. Лишь подъ утро уснулъ онъ немного.

¹⁾ Buchez, 376.

V.

Гробъ.

Черезъ нѣсколько часовъ Мирабо вновь поднялся и сталъ торопливо собираться обратно въ Версаль. Прежде, однако, хотѣлось ему убѣдиться въ положеніи вещей въ Парижѣ, чтобы имѣть возможность сдѣлать въ національномъ собраніи необходимыя предложенія къ устраненію опасности.

Едва Мирабо, тихо попрощавшись съ погруженными еще въ глубокій сонъ Генріеттой и Коко, хотѣлъ удалиться, какъ на порогѣ дверей встрѣтилъ прибывшаго къ нему съ величайшею поспѣшностью гонца. Мирабо взялъ изъ его рукъ письмо, которое посланный долженъ былъ вести въ Версаль, если бы не засталъ его въ парижской квартирѣ. Съ тяжелымъ, тревожнымъ чувствомъ Мирабо сталъ медленно распечатывать пакетъ, на адресъ котораго узналъ нѣжный почеркъ своей племянницы, маркизы д'Аррагонъ. Бросивъ бѣглый взглядъ на короткія строки, Мирабо, пораженный, выпустилъ бумагу изъ рукъ и удалился въ сосѣднюю комнату, чтобы тамъ одному предаться своей великой печали, овладѣвшей имъ съ невыразимою горечью.

Предчувствіе не обмануло Мирабо. Вчера, нѣсколько часовъ спустя послѣ его отъѣзда, отецъ его внезапно скончался. Елена сообщала ему объ этомъ въ трогательныхъ выраженіяхъ. Когда Мирабо оставилъ виллу, маркизъ, казалось, вновь окрѣпъ и пріободрился. Елена должна была прочесть ему одну статью изъ новой газеты Мирабо, при чемъ онъ занялъ свое любимое мѣсто у окна. Онъ такъ внимательно слушалъ, что замѣтилъ сдѣланный ею при чтеніи пропускъ и попросилъ вторично прочесть прерванную фразу. Едва лишь она, со множествомъ извиненій, хотѣла исполнить это, какъ замѣтила, что у дѣда глаза плотно закрыты. Поспѣшно подошла она къ нему, но глаза его не раскрывались болѣе, и дыханіе прекратилось. Спокойная улыбка и легкій румянецъ на лицѣ не могли разувѣрить въ наступившей кончинѣ¹⁾.

Къ этому горестному извѣщенію Елена прибавляла, что по непремѣнному желанію, ранѣе выраженному маркизомъ, тѣло его должно быть немедленно перевезено, для погребенія въ фамильномъ склепѣ, въ замокъ Мирабо. Графу Мирабо поручалось пріобрѣсти въ Парижѣ металлическій гробъ, выслать его тотчасъ въ Аржантейль, самому же ожидать прибытія тѣла въ столицу, принявъ необходимыя мѣры для его безостановочнаго дальнѣйшаго слѣдованія.

¹⁾ Montigny, VI, 129.

Выйдя на улицу, чтобы заняться исполненіемъ печальнаго порученія, Мирабо замѣтилъ, что волненіе народныхъ массъ, на минуту приостановленное въ теченіе ночи, разыгралось опять съ полною силою. Улицы кишѣли вооруженными людьми. Нѣкоторыя группы ихъ, имѣя во главѣ солдатъ гвардейскаго полка, маршировали съ барабаннымъ боемъ и трубами, приглашая встрѣчавшіяся толпы присоединяться къ нимъ, чтобы идти къ дому лазаристовъ, въ улицѣ Сень-Дени, и завладѣть находившимися тамъ большими мучными складами. Другая яростная толпа ходила отъ дома къ дому, устрашая жителей и угрожая тѣмъ, которые не захотятъ присоединиться къ движению, предать у нихъ все убійству, грабежу и пожару. По всѣмъ улицамъ встрѣчалъ также Мирабо людей, направлявшихся къ ратушѣ, чтобы записываться на выставленныхъ тамъ листахъ въ гражданскую гвардію. Дорогой онъ узналъ, что еще раннимъ утромъ парижскіе избиратели собрались въ ратушѣ и учредили собраніе депутатовъ, подъ названіемъ «Постояннаго Комитета», который уже стремился захватить власть въ свои руки и издалъ постановленіе о постепенномъ образованіи парижской милиціи, числомъ въ 48.000 гражданъ.

Королевскія войска находились въ полномъ бездѣйствіи на Марсовомъ полѣ, въ Сэврѣ и въ Сень-Клу. Среди толпы неоднократно слышалось мнѣніе, что новые министры, между которыми господамъ де-Брейтелю и де-Ла-Галефьеру приписывались самыя враждебныя противъ народа намѣренія, хотя бы дать свободный ходъ возстанію, а затѣмъ прибѣгнуть къ строжайшимъ мѣрамъ, которыя явятся, такимъ образомъ, вполнѣ оправданными.

Магазинъ, котораго искалъ Мирабо, оказался закрытымъ. Открытыми въ этотъ день были весьма немногіе. Съ большимъ трудомъ удалось ему отыскать владѣльца и внутреннимъ входомъ проникнуть въ магазинъ.

Молча и задумчиво разсматривалъ Мирабо выставленные готовые гробы и, выбравъ наибольшій изъ нихъ, сказалъ владѣльцу магазина:—Думаю, что будетъ всего лучше, если я выхлопочу въ ратушѣ пикетъ гражданской стражи для безопаснаго сопровожденія по улицамъ Парижа этого гроба для моего покойнаго отца.

— Вамъ нужно, въ такомъ случаѣ, обратиться къ господину де-ла-Саль, назначенному комендантомъ гражданской стражи, — отвѣтилъ купецъ.—Вамъ, безъ сомнѣнія, охотно окажутъ эту услугу, такъ какъ, по виду, вы знатный господинъ. Истинные друзья народа не довѣряютъ новому Комитету въ Hôtel de Ville, а всего мнѣе президенту его, г. де-Флессель.

Мирабо поспѣшно направился въ Hôtel de Ville. По дорогѣ попалъ въ новый народный потокъ, стремившійся, какъ онъ узналъ, къ тюрьмѣ «la Force», чтобы освободить находившихся тамъ заключенныхъ, по большей части, жертвъ несчастья и бѣдности. Съ дру-

гой стороны, ликующая толпа возвращалась изъ монастыря лазаристовъ. За ней слѣдовали пятьдесятъ два воза, нагруженные найденной тамъ мукой и сопровождаемые до торговыхъ рядовъ (halles) людьми почтеннаго вида, но какъ бы удрученными тяжестью нищеты и бѣдствій. Рассказывали, что народная ярость страшно разразилась надъ столь богато снабженнымъ продовольственными сокровищами монастыремъ, при чемъ, однако, предложенныя осаждающимъ деньги были съ презрѣніемъ отвергнуты.

Въ то же время, въ городъ прибывала масса крестьянъ, которые, пользуясь сожженными заставами, ввезли громадное количество съѣстныхъ припасовъ, и скоро въ бушующей толпѣ распространилось пріятное, опьяняющее чувство избытка въ нихъ. Внезапно безпредѣльный восторгъ наполнилъ всѣ сердца. Люди, никогда не видавшіе и не знавшіе другъ друга, бросались въ объятія, пламенно выражая одни другимъ чувства братской любви. Въ иныхъ мѣстахъ слышались еще крики и требованія оружія. Громадная, все возрастающая толпа народа стремилась къ дому инвалидовъ; передѣлая черезъ рвы и стѣны, ворвалась въ него и, съ невѣроятною силою овладѣвъ пушками, ружьями и саблями, съ триумфомъ потащила ихъ въ Пале-Рояль. Затѣмъ пушки были распределены по разнымъ частямъ города, а именно у вѣздовъ во всѣ предмѣстія, у Тюльерійскаго дворца, а также на набережныхъ и мостахъ черезъ Сену.

Мирабо вошелъ въ ратушу; здѣсь его тотчасъ узнали, и громко и радостно привѣтствовали. Его повели въ залу, гдѣ засѣдали члены Постояннаго Комитета, которые, думая, что Мирабо прибылъ изъ Версаля, быть можетъ, съ порученіемъ отъ Національнаго собранія, съ живѣйшимъ любопытствомъ окружили его. Первые шаги комитета клонились къ тому, чтобы вступить въ сношеніе съ версальскимъ національнымъ собраніемъ и дѣйствовать заодно.

Мирабо заявилъ, что онъ пришелъ, какъ частный человѣкъ, съ просьбой дать ему охрану гражданской стражи для тѣла его отца. Флессель, стоявшій во главѣ комитета, съ величайшею предупредительностью изъявилъ готовность лично распорядиться объ этомъ.

Выйдя вновь на улицу, Мирабо увидалъ странное шествіе людей, слѣдовавшихъ рядами, держась за руки и обливавшихся слезами радости, при выраженіи сопровождавшей ихъ толпѣ благодарности и благословеній. Это были только что освобожденные народомъ узники изъ «la Force», по большей части, ввергнутые туда бѣдствіями нищеты, съ изможденными лицами, между которыми было много молодыхъ людей уже съ посѣдѣвшими волосами. Слезы градомъ катились у нихъ изъ глазъ и были краснорѣчивѣе всѣхъ изъявленій благодарности.

Другую толпу встрѣтилъ Мирабо на Грѣвской площади, куда

притащили экипажъ принца де-Ламбескъ, чтобы сжечь его, предварительво вынувъ всѣ находившіеся въ экипажѣ предметы и отправивъ ихъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ въ Hôtel de Ville. Въ другомъ мѣстѣ толпа рабочихъ тащила въ садъ Монмартрскаго аббатства одного изъ своихъ товарищей, укравшаго курицу, для того, чтобы тамъ на деревѣ повѣсить несчастнаго.

Въ толпѣ начали украшать себя лентами и значками для обозначенія своего образа мыслей. У встрѣчавшихся женщинъ отбирали ленты для украшенія ружей. Вскорѣ появились различные цвѣта, которымъ, повидимому, давалось предпочтеніе. Сперва былъ зеленый цвѣтъ, съ восторгомъ пристегиваемый къ шляпамъ и оружію, какъ эмблема надежды на обновленіе всей жизни. Но этотъ цвѣтъ не встрѣтилъ общаго одобренія; раздались голоса, что зеленое есть цвѣтъ графа Артуа. Послѣ этого вдругъ появилась кокарда изъ бѣлаго, синяго и краснаго цвѣтовъ и была принята всѣми желавшими самымъ рѣшительнымъ образомъ довести движеніе до его крайнихъ предѣловъ и обратить его въ имѣющую все измѣнить революцію.

— Бѣлое, синее и красное!— сказала Мирабо, повсюду встрѣчая теперь эти кокарды.—Изъ этихъ цвѣтовъ состоитъ ливрея герцога Орлеанскаго¹⁾. И такъ, когда народъ своими собственными силами добивается свободы, то онъ только облачается въ новую ливрею? И еще въ ливрею самаго ничтожнаго, жалкаго труса! Однако, его агенты правильно начали дѣло. Кокарда революціи состоитъ изъ цвѣтовъ княжеской ливреи! А мы, люди національнаго собранія, должны, съ нашими идеями, прихрамывая, слѣдовать за нею? Нѣтъ, самую счастливую и наилучшую революцію можетъ сдѣлать только король! Но, конечно, королевская власть должна быть учрежденіемъ, стоящимъ во главѣ идей. И для этого Людовикъ XVI, отъ природы, вполне подходящий король. Онъ хорошо знаетъ, что должно свершиться, и ему нужно было только поискать въ своемъ сердцѣ, чтобы найти истинное счастье народа. Кто же удерживаетъ его руку? Не ты ли, прекрасная королева Марія-Антуанетта? Нѣтъ, тебя напрасно обвиняютъ, что ты врагъ націи. Въ твоихъ радостно сіяющихъ глазахъ живетъ доброта и кротость, достаточныя для спасенія цѣлаго народа. Есть ли во Франціи хоть одинъ страдающій, который мечталъ бы о болѣе прекрасномъ небѣ, чѣмъ бѣлая грудь королевы? Такъ размышляя, дошелъ Мирабо до гробовщика и сдѣлалъ послѣднія распоряженія.

Выйдя изъ магазина съ намѣреніемъ отыскать нѣкоторыхъ изъ своихъ парижскихъ друзей, онъ встрѣтилъ множество людей, видимо желавшихъ бѣжать изъ Парижа. Въ нагруженныхъ дорогами предметами экипажахъ сидѣли женщины и дѣти съ испуганными ли-

¹⁾ Ferrières, II, 121.

цами, считавшія единственнымъ своимъ спасеніемъ, при возникшихъ волненіяхъ,—немедленное бѣгство изъ столицы. Мирабо узнавалъ между ними многія знатныя семьи, находившіяся въ близкихъ отношеніяхъ ко двору и извѣстныя своею приверженностью королевскому дому.

Однако, вскорѣ пришло повелѣніе изъ Hôtel de Ville, чтобы никто изъ подозрѣваемыхъ въ желаніи бѣжать не смѣлъ оставлять города. Всѣхъ уже тронувшихся въ путь народъ заставилъ вернуться по домамъ, гдѣ они должны были охраняться, какъ заложники.

VI.

Взятіе Бастиліи.

Прахъ маркиза Мирабо прибылъ въ Парижъ, въ посланномъ въ Аржантейль гробу, лишь на слѣдующій день, 14-го іюля, при почти-тельномъ и торжественномъ сопровожденіи двѣнадцатю лицами новой гражданской стражи.

Гробъ былъ на время поставленъ въ сѣняхъ дома, гдѣ Мирабо останавливался въ Парижѣ, и отсюда уже долженъ былъ слѣдовать по назначенію. Мирабо ожидалъ еще прибытія своего брата, виконта де-Мирабо, обѣщавшаго пріѣхать изъ Версаля для сопровожденія вмѣстѣ съ братомъ тѣла отца.

Парижъ имѣлъ въ этотъ день еще болѣе зловѣщую фізіономію. Уже съ ранняго утра замѣчалось тайное, на нѣчто необыкновенное направленное броженіе массъ, повидимому, лучше организованныхъ, чѣмъ наканунѣ.

Мирабо, сѣвъ на одну изъ досокъ, на которыхъ былъ установленъ гробъ, облокотился о него въ глубокомъ раздумьи, въ то время, какъ охрана гвардейской стражи, которая должна была дальше сопровождать тѣло, нетерпѣливо прохаживалась передъ дверьми, позвякивая ружьями. Это нетерпѣніе вслѣдствіе замедленія выноса тѣла находилось въ связи съ всеобщимъ возбужденіемъ по поводу предстоявшихъ сегодня событій. Въ городѣ ожидали нападенія войскъ, а потому въ ратушѣ комитетъ всю ночь изыскивалъ средства къ сильному и побѣдоносному противодѣйствию. Планъ комитета былъ, чтобы народъ овладѣлъ Бастиліей и пріобрѣлъ, такимъ образомъ, сильный, господствующій надъ всеми частями Парижа оборонительный пунктъ противъ наступающихъ войскъ маршала де-Брольи.

Наконецъ, появился виконтъ де-Мирабо. Быстро войдя въ домъ, онъ, пораженный ужасомъ, остановился въ сѣняхъ передъ бросившимся ему тотчасъ же въ глаза закрытымъ гробомъ. Мирабо продолжалъ сидѣть, указывая лишь молча на гробъ. Такъ провели

братья нѣсколько минутъ въ глубокомъ горестномъ молчаніи, не обращаясь другъ къ другу ни словомъ, ни взглядомъ.

Въ эту минуту съ улицы раздался громкій трубный сигналъ, призывавшій гражданскую милицію на сборные пункты въ городѣ. Въ то же самое время молчавшій съ утра набатный колоколъ ратуши вновь началъ свою грозную, вселяющую величайшую тревогу пѣсню.

При этихъ звукахъ, Мирабо вскочилъ съ своего мѣста и, быстро подойдя къ двери сѣней, увидаль, что послѣдній остававшійся еще на часахъ стражникъ стремглавъ пустился по улицѣ.

— Всѣ они покинули свою почетную обязанность у праха нашего отца, — печально произнесъ Мирабо, обращаясь къ брату и протягивая ему только теперь руку для привѣтствія. Они предоставляютъ намъ самимъ хоронить нашихъ мертвецовъ; сами же стремятся въ бой въ рядахъ своихъ братьевъ. Теперь мы совсѣмъ одиноки у тѣла, ибо эта улица удалена отъ всякаго движенія.

Виконтъ всталъ, слегка лишь пожимая протянутую братомъ руку. — Скверный будетъ сегодня день въ Парижѣ, а, быть можетъ, и очень хорошій! — сказалъ онъ. — Проѣзжая по улицамъ, все казалось мнѣ готовымъ для рѣшительнаго уличнаго боя. Громадныя неистовыя толпы народа наполняли бастильскую площадь, при чемъ рассказывалось, что Дэлоне, славный комендантъ Бастиліи, отклонилъ предъявленное ему требованіе передать крѣпость въ руки города. Комитетъ въ Hôtel de Ville послалъ теперь нѣсколько отрядовъ этой жалкой гражданской милиціи и три части нашей измѣннической гвардіи на приступъ Бастиліи со стороны Сентъ-Антуанскихъ воротъ.

— Оставимъ на сегодня политику, братъ мой! — воскликнулъ Мирабо, печально взирая на стоявшій гробъ. — Меня въ эту минуту занимаютъ лишь мысли о томъ, какъ бы намъ безопасно и съ достоинствомъ вырвать нашего дорогого почившаго изъ этой кутерьмы и вывезти на большую дорогу. Колесница тутъ, и медлить дольше намъ не слѣдуетъ, потому что скоро ни по одной изъ улицъ Парижа нельзя будетъ безопасно двинуться. Въ силахъ ли ты, Бонифасъ, помочь поднять гробъ на колесницу? Не считая кучера, мы здѣсь покинуты всѣмъ міромъ и должны будемъ все дѣлать сами.

Виконтъ поглядѣлъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, но и не безъ сарказма, на свое тучное тѣло, покачивающееся на короткихъ ногахъ, и сказалъ, указывая на свой полковничій мундиръ тулузскаго полка и на ордена, навѣшенные на груди: — Я неоднократно бывалъ въ сраженіяхъ, любезный братъ, въ то время, какъ ты выѣзжалъ на своемъ осчастливливающимъ народъ гусиномъ перѣ, но, признаюсь, для того, чтобы нести гробъ, не чувствую въ себѣ ни мужества, ни призванія. А потому я предлагаю оставить маршала, нашего отца, спокойно лежать до тѣхъ поръ, пока порядокъ

будеть востановленъ въ Парижѣ. А теперь запрежь эти сѣни; я отправлюсь въ мѣстонахожденіе войскъ, на Марсово поле, и испрошу у маршала Брольи людей для охраны тѣла при перевезеніи. Тѣмъ временемъ, господинъ графъ, братъ мой, знатный другъ народа, отправится, быть можетъ, въ ратушу навѣстить тамъ своихъ друзей?

— Нѣтъ, ни того, ни другого не будетъ!—воскликнулъ Мирабо съ негодованіемъ.— Непремѣнною волею отца было, чтобы его смертные останки немедленно по кончинѣ были перевезены въ замокъ Мирабо. Мы обязаны исполнить его волю, ибо, какъ знать, не будетъ ли уже сегодня вечеромъ весь Парижъ въ огнѣ?

— Неужели таковы злые умыслы у вашихъ друзей народа?—спросилъ виконтъ съ язвительной насмѣшкой.

Мирабо ничего не отвѣтилъ, но, знакомъ подозвавъ возницу, направился къ гробу и своей невѣроятной силой, почти одинъ, съ незначительной лишь помощью чужого человѣка, поднялъ гробъ и отнесъ на колесницу. Виконтъ съ притворнымъ равнодушіемъ былъ зрителемъ этой сцены. Затѣмъ, злобно улыбаясь, сказалъ:— Маркизь, нашъ отецъ, при жизни гордился всегда тѣмъ, что князья и короли оказывали ему почтеніе, и что по поводу своего «Ami des hommes» онъ велъ переписку съ Станиславомъ-Августомъ, польскимъ королемъ, и съ королемъ Швеціи, Густавомъ III. Теперь же онъ можетъ гордиться гораздо болѣе тѣмъ, что герой третьяго сословія несетъ его тѣло на своихъ плечахъ. И къ тому же этотъ герой былъ его блуднымъ сыномъ.

— Да,—возразилъ Мирабо, помогая прикрѣплять гробъ на колесницѣ и заботливо покрывая его траурнымъ покровомъ,— герой третьяго сословія—блудный сынъ, вновь обрѣтшій своего отца. Бывшій же его любимецъ, откормленный питомецъ, аристократъ, праздно потираетъ руки, выскивая, по обыкновенію, свое bon mot. А теперь садитесь въ вашу карету, господинъ виконтъ. Я послѣдую за колесницею пѣшкомъ.

— Не подождать ли намъ еще?—спросилъ виконтъ, на котораго внезапно напалъ сильнѣйшій страхъ.— Тамъ вдали, кажется, дерутся, я слышу звукъ оружія; намъ угрожаетъ попасть въ этотъ ужасный, преступный омутъ.

Въ эту минуту вооруженная толпа стремительно бѣжала по улицѣ. Мирабо задержалъ нѣсколько лицъ и узналъ, что народъ приступилъ къ осадѣ Бастиліи, имѣя въ помощь три части французской гвардіи съ пушками. Первый крѣпостной мостъ уже въ рукахъ народа. Думаютъ, что Дэлонэ вмѣстѣ съ гарнизономъ взорветъ себя на воздухъ, и это наполняетъ ужасомъ всю примыкающую къ Бастиліи часть города.

— Мы можемъ быть совершенно спокойны,—сказалъ Мирабо брату.—Отцу нашему ничто уже не причинитъ здѣсь вреда. Что же

касается насъ, то участія въ сраженіи мы не примемъ, а сами взаимно находимся въ наилучшемъ положеніи. Если народъ побѣдитъ, то возлѣ меня тебѣ бояться нечего, потому что я могу защитить тебя. Если же одержитъ верхъ дворъ, то виконтъ Мирабо замолвить въ мою пользу, и я сойду за человѣка, который, въ концѣ концовъ, можетъ еще исправиться.

— Сильно ошибаешься,—злбно возразилъ виконтъ,—ты слишкомъ много сдѣлалъ, чтобы я могъ тебя спасти отъ висѣлицы, если дворъ окажется побѣдителемъ. Если же народъ возьметъ верхъ, то я, съ своей стороны, слишкомъ извѣстенъ, чтобы ты могъ охранить меня отъ фонаря ¹⁾.

— Да, это, на самомъ дѣлѣ, роковая минута,—замѣтилъ Мирабо въ раздумьи.—Великая львиная охота 1789 года начинается собственно сегодня!

— Поведеніе версальскаго собранія усилило еще зло,—сказалъ виконтъ Мирабо.—Ты, быть можетъ, не знаешь, что вчера національное собраніе подало новое заявленіе королю, въ которомъ за всѣ бѣдствія и пролитіе крови оно дѣлаетъ лично отвѣтственными совѣтниковъ короля и объявляетъ, что отнынѣ засѣданія собранія будутъ постоянными. вмѣстѣ съ тѣмъ, оно избрало своимъ вице-президентомъ маркиза Лафайетта, такъ какъ слабыя руки вьенскаго архіепископа не могли справиться съ трудною обязанностию предсѣдателя.

— Весьма важныя извѣстія въ такую минуту, когда цитадель старой тирании въ улицѣ Сентъ-Антуанъ падаетъ! — воскликнулъ Мирабо.— И нашъ отецъ сидѣлъ когда-то въ Бастиліи за то, что въ одномъ изъ своихъ сочиненій предосудительно говорилъ о насиліи. Теперь же, точно почетный залпъ надъ его гробомъ, раздается громъ паденія Бастиліи! И тутъ же этотъ глубокій, торжественный набатный колоколъ! Право, болѣе прекрасныхъ похоронъ для своего отца брата Мирабо не могли устроить! А теперь, въ путь, потому что сегодня и мертвымъ нельзя терять времени!

Повелительнымъ жестомъ руки онъ принудилъ виконта сѣсть въ карету, отказываясь занять предлагаемое мѣсто рядомъ, и пошелъ за медленно двинувшимся гробомъ.

Чтобы добраться до воротъ, нельзя было миновать нѣкоторыхъ главныхъ улицъ, и скоро кортежъ очутился среди безконечнаго народнаго волненія, гдѣ крики радости и ужаса перемѣшивались съ одинаковою силою.

Мирабо узналъ, что Бастилія пала. Слабо защищаемая инвалидами и швейцарцами, твердыня должна была уступить страшно яростному народному приступу. Послѣ убійственнаго града пуль, осаждающіе ворвались по мостамъ и дворамъ Бастиліи и устроили гарни-

¹⁾ Condorcet, Mémoires, II. 156.

зону страшную кровавую баню. Комендантъ Дэлонэ, не имѣвшій мужества умереть отъ собственной руки, былъ съ ужасающею жестокостью вытащенъ и отвезенъ въ Hôtel de Ville, гдѣ ему, брошенному на ступени лѣстницы, была отрублена голова. Эту окровавленную голову надѣли на пику, и толпа, неся передъ собой этотъ страшный трофей, шествовала по улицамъ Парижа.

Такая же участь постигла майора Бастиліи, Дезольмъ-Салибрэ, хотя онъ былъ настолько же любимъ заключенными, насколько Дэлонэ ненавидимъ. Его окровавленная, изуродованная голова была вторымъ трофеемъ, несомымъ народомъ на остріѣ пики, при оглушительныхъ радостныхъ пѣсняхъ, въ Палэ-Рояль. Два другіе офицера бастильскаго гарнизона были увлечены на Грэвскую площадь, но уже по пути жестокииъ образомъ умерщвлены жаждавшей ихъ крови толпой.

Большое скопленіе яростныхъ массъ произошло теперь на той улицѣ, по которой долженъ былъ слѣдовать траурный кортежъ Мирабо. Шелъ шумный споръ о новыхъ жертвахъ, двадцати двухъ инвалидовъ бастильскаго гарнизона и одиннадцати швейцарскихъ солдатахъ изъ полка Салисъ, которые должны были, чрезъ повѣшеніе на фонаряхъ, искупить свое преступленіе стрѣлянія въ согражданъ. Но тугъ вступились за своихъ бывшихъ товарищей по оружію французскіе гвардейцы, требуя помилованія.

Медленно приближавшаяся черная колесница, на которой виднѣлся гробъ, произвела въ эту минуту удивительное впечатлѣніе на неистовавшую толпу. Наступила тишина, умолкли вдругъ самыя крикливыя, и толпа почти благоговѣнно разступилась, чтобы пропустить печальное шествіе. Многіе съ суевѣрнымъ трепетомъ взирали на торжественно двигавшійся передъ ними гробъ, и лица, только что дышавшія яростью, покрылись блѣдностью отъ внутренняго волненія.

Слѣдовавшій за траурной колесницей Мирабо былъ признанъ нѣкоторыми, и вскорѣ всѣ стали привѣтствовать его тихими, почтительными словами, соответствовавшими положенію, понятому чуткою толпою. Многимъ пожималъ онъ руки, отвѣчая на вопросы, и скоро распространилось вокругъ, что графъ Мирабо хоронитъ своего отца. Толпа, какъ бы по молчаливому согласію, быстро выстроилась рядами, въ порядкѣ почетнаго кортежа, для сопровожденія тѣла по нѣсколькимъ улицамъ.

Въ то время, какъ вдали ужасъ смятенія этого дня раздавался подобно грому бушующаго моря, въ этомъ мѣстѣ Парижа, гдѣ Мирабо везъ черныиъ гробъ среди необычайно взволнованной, спокойно слѣдовавшей за нимъ толпы народа, наступилъ, казалось, тихій, полный миръ.

Тутъ Мирабо замѣтилъ, что карета, въ которой до этого мѣста еще слѣдовалъ его братъ, внезапно повернула обратно или неза-

мѣтнымъ образомъ свернула въ одну изъ боковыхъ улицъ. Вѣроятно, эту встрѣчу съ народомъ, увлекавшимъ его, какъ ему казалось, все глубже въ водоворотъ массъ, виконтъ Мирабо не могъ дольше выдержать и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы покинуть гробъ отца.

Мирабо шествовалъ спокойно далѣе, обращая вниманіе лишь на движущуюся передъ нимъ колесницу и все тѣснѣе окружавшихъ ее людей. Вдругъ показалось, что въ другихъ частяхъ города произошли новыя, вызвавшія величайшее возбужденіе событія. Оглушительные крики потрясали воздухъ. Ревущія, ликующія толпы народа, съ проклятіями и угрозами, катились вдали съ невѣроятнымъ шумомъ.

Все теперь устремилось туда. Съ быстротою молніи, свита, окружавшая Мирабо, разсѣялась, и онъ опять очутился одинъ у гроба отца. Отъ времени до времени отдѣльныя кучки снова приближались къ нему и сообщали, что неудержимая, все усиливающаяся ярость толпы потребовала и получила новую жертву.

Въ карманѣ у коменданта Бастиліи, голову котораго еще носили по Парижу, нашли письмо, написанное ему Флесселемъ, предсѣдателемъ постояннаго комитета. Флессель, на котораго голосъ народа указывалъ давно, какъ на измѣнника, писалъ къ Дэлону: «Я забавляю парижанъ кокардами и обѣщаніями; продержитесь хорошенько лишь до вечера, а тамъ получите подкрѣпленіе».

Такимъ образомъ подтвердились смутные слухи, что старшина парижскаго купечества Флессель находился въ тайномъ соглашеніи съ дворомъ. Его знали вообще за легкомысленнаго, любившаго пожить челоуѣка, который старался проникнуть въ высшіе круги общества и презиралъ народъ. Теперь свою двусмысленную роль пришлось ему искупить смертью. Вытащенный изъ залы ратуши, брошенный на лѣстницу и буквально истоптанный толпой, онъ подъ тысячью ударами испустилъ духъ. И его отрубленная голова совершала печальный обходъ на концѣ пики по улицамъ Парижа, пока не увеличила собою однимъ номеромъ палеройальскую выставку первыхъ жертвъ революціи.

Съ этой минуты движеніе массъ приняло новый видъ. Заключивъ изъ письма Флесселя, что къ вечеру войсками будетъ сдѣлано нападеніе на городъ, начали отчаянное приготовленіе къ защитѣ. На всѣхъ улицахъ закипѣла работа; всюду раздавался стукъ топоровъ и молотковъ, при чемъ съ одинаковымъ рвеніемъ участвовали всѣ: мужчины, женщины, дѣти, даже священники и монахи. Мгновенно, какъ бы по волшебству, были воздвигнуты исполинскія барикады. Мостовыя разрушены, а камни вносились женщинами на крыши домовъ, чтобы служить оружіемъ противъ имѣющихъ наступить на городъ солдатъ. Туда же и для той же цѣли сносили драгоценную мебель, статуи, бронзовыя украшенія, даже книги. Передъ заставами

были вырыты глубокіе рвы, чтобы задержать вступленіе кавалеріи. Вверху башенъ были разставлены часовые, которые должны были подать сигналъ тревоги, едва вдали будутъ замѣчены первыя войска.

Мирабо съ удивленіемъ наблюдалъ за этими колоссальными приготовлениями народа къ битвѣ. До его ушей доходили условленные пароли для разныхъ частей города, бывшіе всегда символомъ свободы. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, паролемъ служилъ «Вашингтонъ», основатель американской свободы. Проходя мимо слесарныхъ мастерскихъ, онъ видѣлъ, съ какимъ невѣроятнымъ рвеніемъ выковывались пики, въ другомъ мѣстѣ пули, желѣзные шести. Въ иныхъ мѣстахъ, на площадяхъ и улицахъ, группы людей произносили торжественную клятву, что они своею кровью и жизнью завоюютъ свободу.

Мирабо вывелъ прахъ своего отца изъ города до Тронной заставы. Тутъ, на большой дорогѣ, все было такъ тихо и спокойно, что столичныя приготовления и хлопоты показались ему преувеличенными и даже, быть можетъ, излишними. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, парижское движеніе съ такою силою побороло его, что онъ сталъ раздумывать, въ правѣ ли онъ въ такую минуту, когда неизбежная катастрофа уже тутъ, или можетъ наступить въ каждое мгновеніе, покинуть городъ? Довѣріе, внушаемое ему человѣкомъ, правившимъ колесницей, служило ему ручательствомъ, что тѣло отца, и безъ его сопровожденія, будетъ доставлено по мѣсту назначенія.

— Прощай, отецъ мой!—проговорилъ онъ, наконецъ, останавливаясь.—Обязанность къ отечеству освобождаетъ теперь отъ обязанности къ отцу. Событія дня зовутъ меня въ роковое смятеніе. Пусть же мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ!

Онъ простеръ еще разъ на прощанье руку къ гробу и, съ бурной поспѣшностью повернувъ обратно, скоро очутился вновь среди неудержимо прибывающаго людскаго потока парижскихъ улицъ. Весь Парижъ казался одной мастерской. По всѣмъ улицамъ и домамъ шла работа, и всѣ эти безконечныя приготовления къ бою совершались съ такимъ спокойствіемъ и достоинствомъ, что среди нихъ Мирабо почувствовалъ себя ненужнымъ. Онъ рѣшилъ остаться въ Парижѣ до наступленія ночи, а затѣмъ на хорошей лошади поспѣшить въ Версаль, чтобы доложить Національному собранію о положеніи вещей, которыхъ былъ очевидцемъ.

На площади ратуши встрѣтилъ онъ Камиля Демулена, блѣднаго, въ одеждѣ, забрызганной кровью, и отъ усталости едва влачившаго свое тяжелое ружье. Узнавъ Мирабо, онъ улыбнулся и поклонился ему довѣрчиво, почти по товарищески.

— Славно вы хозяйничали сегодня, Демулень, — сказалъ Мирабо, — но не сдержали даннаго мнѣ слова, что, возбуждая движеніе въ Парижѣ, не будете устраивать кровавыхъ оргій!

Демулень улыбнулся, отдѣлался какимъ-то словцомъ и смѣшался съ толпой.

Мирабо направился дальше, но тутъ же увидалъ себя среди своихъ друзей: Клавьера, Дюмона и Дюроверэ, сердечно его привѣтствовали.

— Я давно уже удивляюсь, не встрѣчая до сихъ поръ трехъ женецвъ въ кровавомъ народномъ парижскомъ потокѣ, — сказалъ Мирабо, пожимая имъ руки. — Вы появляетесь здѣсь передо мною, точно три парки, держащія нить судьбы Франціи въ своихъ рукахъ.

— Мы сейчасъ изъ Версаля, — отвѣчалъ Клавьеръ съ оживленіемъ. — Тамъ гораздо веселѣе, чѣмъ здѣсь. Дворъ тамъ устраиваетъ пиршества въ то время, когда здѣсь въ Парижѣ народъ собираетъ всю кровь своего сердца, чтобы брызнуть ею въ лицо тираніи.

— Что же это за пиршества? — спросилъ пораженный Мирабо.

— На террасѣ версальской оранжереи идетъ теперь такое веселье, какъ никогда, — отвѣчалъ Клавьеръ. — Тамъ нашъ другъ Мирабо можетъ видѣть, что такое королевство. Тамъ оба полка, *Royal-allemand* и *Royal-étranger*, предназначенные рубить народъ, готовятся къ этимъ дѣяніямъ, играя великолѣпнѣйшую музыку для танцевъ, а нѣмецкіе солдаты, эти полускоты, вальсируютъ, какъ воплощенные черти. Вино, конечно, льется рѣкой, потому что для гражданской войны годится лишь пьяный солдатъ. Каннибальское ликованіе солдатчины потрясаетъ весь Версаль, а съ террасы самая прелестная, нѣжныя ручки рукоплещутъ отъ восторга. Тамъ стоитъ королева, графъ Артуа, тамъ стоятъ принцы и принцессы благороднаго королевскаго дома, тамъ Полиньяки и вся знатная дворня, и всѣ они — счастливые зрители пира въ честь будущей побѣды надъ народомъ, такъ какъ дворъ твердо рѣшился дѣйствовать сегоднешней ночью. Если не встрѣтятся препятствія, то страшный бой противъ столицы разразится ровно въ полночь.

— А король тоже показывался при этомъ? — спросилъ Мирабо.

— Король сидитъ въ своемъ кабинетѣ и мудрствуетъ надъ своимъ несчастьемъ, — возразилъ Клавьеръ. — Настолько онъ благороденъ, чтобы разстройство Франціи считать своимъ собственнымъ несчастьемъ. Ваше доброе національное собраніе посылаетъ къ нему депутацію за депутаціей, но онъ всегда отвѣчаетъ уклончиво. Такъ, на требованіе отозвать войска, онъ говоритъ, что войскамъ на Марсовомъ полѣ приказано держаться вдали отъ Парижа. Национальное собраніе держится твердо и съ достоинствомъ, но участь его зависитъ, конечно, отъ участи столицы. Съ первымъ нападеніемъ на Парижъ будетъ наложена рука и на національное собраніе.

— Кромѣ того, графъ Мирабо, существуетъ списокъ опальныхъ, — началъ Дюмонъ, — и ваше имя въ немъ не забыто. Но дворъ позаботился помѣстить васъ въ хорошее общество. Одновременно съ вами, какъ только начнется сраженіе, должны быть арестованы

Сієсъ, Шапелье, Лафайеттъ, Ламетъ и многіе другіе ¹⁾. Уже нѣсколько дней, какъ эти господа проводятъ ночь не дома, а въ залѣ засѣданій, гдѣ чувствуютъ себя гораздо безопаснѣе. Залъ засѣданій день и ночь окруженъ громадною толпою народа, въ мрачномъ, суровомъ безмолвіи ожидающей лишь слова, чтобы, невзирая на стоящихъ передъ дворцомъ гусаровъ и лейбъ-гвардію, начать избіеніе, которое едва ли пощадитъ самого короля и весь королевскій домъ. Видите, Мирабо, съ чѣмъ вамъ приходится считаться при вашихъ нѣжныхъ побужденіяхъ поддержанія монархическаго принципа.

— О, — возразилъ Мирабо съ пылающимъ взоромъ, — я буду всегда монархистомъ лишь именемъ народа и ничѣмъ больше! Если настанутъ такіа ночи, какою должна быть сегодняшняя іюльская ночь, то виновною будетъ монархія, народъ же будетъ правъ. Изъ этой вооруженной борьбы образуется новый порядокъ вещей, и кто знаетъ, какииъ именемъ будетъ онъ окрещенъ!

Дойдя до улицы, на которой Мирабо оставилъ свою лошадь, онъ покинулъ друзей и помчался на большую версальскую дорогу. Не встрѣтивъ никакого препятствія со стороны войскъ, расположенныхъ между Парижемъ и Версалемъ, онъ, съ разсвѣтомъ, былъ уже въ Версали и немедленно отправился въ залъ засѣданій. И по пути, и въ Версали все было спокойно. Какъ видно, тревога въ Парижѣ была преждевременна. На эту ночь ничего не предпринималось.

Въ національномъ собраніи вчерашнее засѣданіе было прервано лишь для нѣсколькихъ часовъ отдыха. Многіе депутаты провели ночь въ залѣ засѣданій. Никто не спалъ; всѣ съ величайшей тревогой ожидали утра.

Въ ту минуту, когда Мирабо входилъ, депутаты разсаживались по своимъ мѣстамъ, и Лафайеттъ, въ качествѣ вице-президента, открывалъ засѣданіе. Нѣкоторые депутаты прочитывали составленные ими проекты адресовъ королю. Мирабо слушалъ съ тяжелымъ чувствомъ, потому что послѣ того, что такъ далеко зашло, все это его уже не удовлетворяло.

VIII.

Людовикъ XVI' и Марія-Антуанетта.

Вечеромъ 14 іюля, въ версальскомъ замкѣ, послѣ цѣлаго дня тревоги и одно другое смѣнявшихъ рѣшеній, все рано успокоилось.

Всѣхъ долѣе оставалась бодрствующею королева, очей которой сонъ бѣжалъ съ нѣкоторыхъ поръ. Не разъ съ своими страшными

¹⁾ Dumont, Souvenirs sur Mirabeau, p. 118.

мучительными мыслями, проводила она цѣлыя ночи въ креслѣ, безъ сна.

Отпустивъ въ одиннадцать часовъ свою любимую подругу, герцогиню Полиньякъ, королева, погруженная въ задумчивость, сидѣла среди комнаты, предоставляя себя въ руки своей камерффрау, госпожи Кампанъ, которая должна была заняться ея ночнымъ туалетомъ. На туалетномъ столѣ королевы горѣли четыре восковыя свѣчи, распространявшія ровный, яркій свѣтъ въ типи кабинета. Королева начала съ госпожей Кампанъ разговоръ о событіяхъ сегодняшняго дня.

О томъ, что произошло въ Парижѣ, въ версальскомъ дворцѣ знали весьма мало. Хотя извѣстіе о взятіи Бастиліи скоро дошло до Версаля, однако, оно оставалось, повидимому, въ кругахъ національнаго собранія. Немногія же освѣдомленныя при дворѣ лица не отваживались сообщить королю и королевѣ о происшедшемъ. Тѣмъ не менѣе королевская чета испытывала сильнѣйшую тревогу, что возбужденіе народа въ Парижѣ дойдетъ до крайности.

Только что королева высказала тихимъ, дрожащимъ голосомъ свои опасенія, какъ внезапно потухла прекрасно горѣвшая одна изъ четырехъ восковыхъ свѣчей на столѣ. Королева съ нѣкоторымъ страхомъ замѣтила это. Когда же госпожа Кампанъ поспѣшила зажечь потухшую свѣчу, то въ то же мгновеніе потухла вторая, а за ней сейчасъ же и третья свѣча.

Тутъ королева съ испугомъ схватила руку камерффрау, говоря:— Несчастье дѣлаетъ суевѣрнымъ, милая Кампанъ. Если бы теперь и четвертая свѣча потухла, то у меня не оставалось бы никакого сомнѣнія, что это—знакъ, предвѣщающій бѣдствіе.

Едва лишь Марія-Антуанетта произнесла эти слова, какъ потухла и четвертая свѣча, погружая комнату въ полный мракъ ¹⁾.

Въ эту самую минуту отворилась дверь и раздался голосъ короля, просившаго позволенія войти къ своей супругѣ. Когда удивленной окружающей его темнотой король былъ уже посреди комнаты, тогда только удалось госпожѣ Кампанъ вновь зажечь свѣчи. Королева, блѣдная и съ выраженіемъ испуга въ глазахъ, полныхъ слезъ, пошла на встрѣчу королю.

Людовикъ XVI простодушно усмѣхнулся, узнавъ о случайной причинѣ волненія Маріи-Антуанетты, и пригласилъ ее сѣсть подлѣ себя на диванѣ.

— Это противно обыкновенію вашего величества бодрствовать такъ долго,—сказала королева своимъ пріятнымъ, прежде веселымъ и увѣреннымъ, а теперь съ оттѣнкомъ робости и печали голосомъ.— Не случилось ли чего дурного, что вы такъ сокращаете необходимые часы своего отдыха?

¹⁾ Mémoires de m-me Campan, II, 38.

— Нѣтъ, — возразилъ монархъ, при чемъ его благородныя, кроткія черты лица засвѣтились радостью. — Въ вечеръ столь безпокойнаго и мучительнаго дня я чувствую себя лучше, чѣмъ когда либо. Большой соблазнъ былъ у насъ учинить зло, но я устоялъ противъ своихъ собственныхъ напештываній и противъ совѣтовъ министровъ. Отъ меня требовали, чтобъ я пустилъ въ дѣйствіе войска противъ возмущившейся столицы, и ждали моего послѣдняго слова. Но одна мысль побѣдила во мнѣ все остальное. Мысль эта, моя дорогая королева, есть та, что ни единая капля французской крови не должна пролиться отъ моей руки. Огньнѣ это будетъ высшимъ закономъ всѣхъ моихъ дѣйствій, и онъ поведетъ меня вѣрнымъ путемъ. Здѣсь играетъ роль любовь къ Франціи, которая для меня важнѣе всѣхъ интересовъ трона. Неужели французы устоятъ противъ такой любви?... Быть можетъ, мы еще будемъ счастливы, Мари?

Король съ нѣжностью взялъ ея руку и поднесъ къ своимъ губамъ. При послѣднихъ его словахъ Марія-Антуанетта въ испугѣ задрожала и, глубоко вздохнувъ, сказала, тихо качая головой: — Нѣтъ, нѣтъ, супругъ мой! И такимъ путемъ счастливы мы не будемъ! Любовь къ французамъ — несчастная любовь. При этомъ отдаешь имъ все: довѣріе, радость и молодость. Любовь къ Франціи состарила меня уже, и она же будетъ намъ стоить жизни. Не будемъ ли мы счастливѣе, попробовавъ дѣйствовать ненавистью? Воздадимъ ненависть за ненависть, недоувѣріе за недоувѣріе, насиліе за насиліе!

— Знаю, что вы такъ мыслите, — возразилъ Людовикъ XVI съ грустью. — Вы одинаковаго мнѣнія съ моими министрами. Но на этотъ разъ я вынужденъ слѣдовать собственнымъ взглядамъ, хотя бы они и не согласовались съ вашими. Въ этомъ сознаниі, что я хорошо исполнилъ свой долгъ, мнѣ хотѣлось, какъ благословеніе на сегодняшнюю ночь, получить прощальный взглядъ прекрасныхъ глазъ моей королевы. Вотъ зачѣмъ пришелъ я къ тебѣ, Мари.

Королева подала ему руку, которую онъ долго держалъ, нѣсколько разъ прижимая ее къ сердцу.

— У васъ великое, доброе сердце, мой супругъ! — сказала королева мягкимъ голосомъ. — Но если въ теперешнемъ замѣшательствѣ вы дадите руководить себя вашимъ добрымъ сердцемъ, то, мы, конечно, погибли. Ваше величество хотите управлять по англійски, что, конечно, вполне отвѣчаетъ вашему великодушію, но я думаю, что англійская конституція не годится для французовъ. Не слѣдуетъ, по-моему, заключать союзъ съ своими естественными врагами. Враги трона надѣли теперь маску третьяго сословія и подъ нею наступаютъ уже лично на насъ. Идетъ великая, открытая борьба, и мы должны сопротивляться судьбѣ, если не хотимъ, чтобъ она сорвала насъ съ нашего мѣста!

— Третье сословіе не врагъ трона, — отвѣтилъ Людовикъ XVI, помолчавъ. — Я знаю этихъ людей. Трудъ — вотъ ихъ настоящая сила и благословеніе.

И съ этими словами, замѣтивъ, что уже болѣе полуночи, король всталъ и нѣжно прибавилъ:

— Если и завтра ты будешь столь же прекрасна, какъ сегодня, моя королева, то никакая буря не коснется меня.

Они разстались. Король отправился въ свои апартаменты, а королева, въ сопровожденіи камерфрау, направилась въ свою опочивальню.

На своемъ ложѣ король немедленно погрузился въ глубокой сонъ. Едва прошло, однако, нѣсколько часовъ отдыха, какъ онъ услыхалъ шорохъ у кровати и увидалъ своего камердинера, взволнованнаго и разстроеннаго, явившагося доложить ему о прибытіи герцога де-Ліанкуръ, *grand maître de la garde-robe* его величества, испрашивающаго разрѣшенія войти къ королю по важному и неотложному дѣлу.

Въ первую минуту король испугался и призадумался; но, вслѣдъ за симъ, быстро поднялся съ постели, велѣлъ камердинеру одѣть себя и вышелъ въ сосѣдную комнату, чтобы тамъ принять герцога Ліанкура. Видъ блѣднаго, съ разстроеннымъ лицомъ герцога, преданность котораго особѣ Людовика XVI была извѣстна, поразили короля.

— Что случилось, другъ мой? — спросилъ король, едва переводя духъ.

— Государь, — сказалъ герцогъ де-Ліанкуръ, — я осмѣлился воспользоваться даруемымъ мнѣ вами довѣріемъ и, нарушивъ вашъ отдыхъ, принесъ вполне подтвердившееся, ужасное извѣстіе, не представлять которое долѣе на ваше рѣшеніе было бы преступленіемъ.

— Вы говорите о событіяхъ въ столицѣ? — спросилъ король, слегка дрогнувъ.

— Мнѣ сказали, что ваше величество еще не увѣдомлены, — продолжалъ герцогъ. — Главнокомандующій арміею не осмѣлился вчера доложить вашему величеству, что возмущившійся народъ, съ оружіемъ въ рукахъ, осадилъ и взялъ Бастилію, о чемъ здѣсь въ Версали было извѣстно еще вчера вечеромъ. Сейчасъ курьеръ изъ Парижа подтвердилъ мнѣ это извѣстіе. Не только Бастилія пала, но послѣдовали чудовищныя убійства и преступленія. Окровавленные головы Дэлоне и Флесселя носились на пикахъ по городу неистовавшей толпой. Часть гарнизона Бастиліи изрублена. Нѣсколько почтенныхъ инвалидовъ, охранявшихъ крѣпость, повѣшены на фонарныхъ столбахъ. Вся французская гвардія отпала отъ своего господина и короля и перешла на сторону народа. И въ другіе полки проникаетъ измѣна. Готовый къ бою на улицахъ Парижа народъ доходитъ численностью до двухсотъ тысячъ человѣкъ. Боятся, что еще сегодня ночью поднимется поголовное возстаніе всего Парижа.

Король стоялъ неподвижно и задумчиво слушалъ. Лицо его было блѣдно, но безъ малѣйшаго движенія, какъ и вся его осанка.

— Такъ это возстаніе! — сказалъ, наконецъ, Людовикъ XVI, какъ бы внезапно очнувшись.

— Нѣтъ, государь, — возразилъ герцогъ, — это революція ¹⁾!

— Королева была права, — тихо сказалъ про себя монархъ. — Я пропустилъ время дѣйствовать. Теперь потребовались бы уже потоки крови, чтобы остановить бѣдствіе. Но мое рѣшеніе принято. Кровь французовъ не должна быть пролита.

— Государь, — воскликнулъ Лянкуръ восторженно, — спасеніе Франціи и королевскаго дома въ этихъ словахъ вашего величества! Смѣю и долженъ быть чистосердечнымъ въ такую минуту. Наибольшая опасность будетъ тогда, если ваше величество послѣдуете совѣтамъ своихъ вѣроломныхъ министровъ. Какъ я благословляю эту минуту, дающую мнѣ возможность стоять лицомъ къ лицу съ монархомъ, обращаясь непосредственно къ его рѣшенію и его сердцу. Государь, возстаніе въ столицѣ пойдетъ гигантскими шагами. Умоляю васъ, появитесь сегодня же въ національномъ собраніи и произнесите тамъ слово мира. Ваше появленіе сдѣлаетъ чудо, оно обезоружитъ партіи и обратитъ наше собраніе въ вѣрнѣйшаго союзника престола.

Король посмотрѣлъ на него долгимъ, пристальнымъ взглядомъ. Благородный, юношескій пылъ, обуявшій почтеннаго герцога, растрогалъ короля. Взявъ его руку, онъ сердечно пожалъ ее въ своихъ рукахъ. Затѣмъ спокойно произнесъ: — Вы сами, герцогъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ этого національнаго собранія. Можете ли вы поручиться, что мое личное появленіе будетъ принято такъ, какъ въ интересахъ трона и блага Франціи я обязанъ желать?

Въ эту минуту ворвался въ комнату первый лучъ восходящаго солнца, побѣдивъ блѣдный свѣтъ горѣвшей еще свѣчи.

— Собраніе ежедневно и ежечасно желаетъ услышать примирительное слово изъ устъ вашего величества, — воскликнулъ Лянкуръ. — Одно лишь ваше присутствіе могло бы разрѣшить все болѣе и болѣе усиливающіяся тамъ сомнѣнія и безпокойство. Сегодняшнее утреннее засѣданіе можетъ какъ разъ принять самый плачевный оборотъ, если ваше величество не сдѣлаете этого спасительнаго шага.

Въ эту минуту дверь въ комнату раскрылась и вошелъ Monsieur и графъ Артуа. Оба брата короля были сильно ввволнованы. По выраженію ихъ лицъ было видно, что извѣстія герцога Лянкура дошли до свѣдѣнія версальскаго дворца.

Лянкуръ немедленно подошелъ къ графу Артуа и рѣшительнымъ тономъ сказалъ: — Принцъ, вашу голову требуетъ народъ! Я моими собственными глазами читалъ этотъ ужасный списокъ опальныхъ лицъ.

Принцъ страшно испугался, услыхавъ эти слова, и, растерянный, остановился среди комнаты.

¹⁾ Weber, Mémoires, I, 385.

— Хорошо, если такъ думаетъ народъ,— сказалъ онъ, стараясь оправиться. — Я, какъ и народъ, стою за открытую войну. Онъ хочетъ моей головы, а я требую ихъ головъ. Отчего мы не стрѣляемъ? Твердая политика, никакихъ уступокъ такъ называемымъ идеямъ свободы и исправно дѣйствующія пушки—вотъ единственно, что можетъ насъ спасти!

— Рѣшеніе его величества иное! — сказалъ герцогъ де-Ліанкуръ, низко склоняясь передъ королемъ, спокойно, съ величайшимъ достоинствомъ стоявшимъ, скрестивъ руки.

— Прошу моихъ братьевъ, графа Прованскаго и графа Артуа, сопровождать меня сегодня утромъ въ собраніе генеральныхъ штатовъ!—твердо произнесъ король.—Я хочу явиться туда, чтобы объявить собранію о моемъ рѣшеніи отозвать войска, затѣмъ объявлю мою волю, чтобы собраніе мирно продолжало свои совѣщанія, такъ какъ моею главною цѣлью есть желаніе узнавать черезъ депутатовъ о волѣ народа.

Въ эту минуту въ аванзалѣ послышались шаги и голоса, дверь отворилась, и вошла, видимо взволнованная, Марія-Антуанетта, въ сопровожденіи нѣсколькихъ самыхъ приближенныхъ лицъ.

— Ваше величество знаете, что произошло?—спросила она короля, вся блѣдная, съ слезами на глазахъ, схватывая его руки.

— Все опять пойдетъ хорошо,—сказалъ король спокойно и съ достоинствомъ.—Намъ поможетъ то, что до сихъ поръ мы еще ни въ чемъ не можемъ себя упрекнуть. Я рѣшилъ явиться сегодня самъ въ національное собраніе, чтобы засвидѣтельствовать о моемъ личномъ къ нему довѣрїи и объявить объ отозваніи войскъ изъ Парижа и Версаля.

Королева, пораженная, взглянула на своего супруга, затѣмъ, выпустивъ его руку, стояла, поникнувъ своей прекрасной головой, въ глубокой печали.

— Такимъ шагомъ ваше величество признаете революцію совершившимся фактомъ,—сказала она, медленно поднимая на него глаза.— Я удивляюсь, государь, что вы еще разъ вступите въ собраніе, къ членамъ котораго принадлежитъ столько отвратительныхъ, враждебныхъ намъ людей, и которое давно слѣдовало бы распустить, какъ это было рѣшено еще въ прошломъ мѣсяцѣ!

— Неужели въ собраніи дѣйствительно такъ много отвратительныхъ людей?—спросилъ король, добродушно улыбаясь.—Но я вижу здѣсь передъ собой двухъ милѣйшихъ членовъ этого собранія, которые, право же, даютъ мнѣ мужество вступить въ него. Одинъ изъ нихъ мой старый вѣрный другъ, герцогъ де-Ліанкуръ, а другой въ свитѣ вашей, королева, славный графъ де-ла-Маркъ, котораго сердечно привѣтствую!

Съ этими словами король дружески подошелъ къ вошедшему въ свитѣ королевы блестящему кавалеру, высокаго роста, съ привѣтли-

выми придворными манерами. Это былъ графъ де-ла-Маркъ, принцъ Аренбергъ, человѣкъ лѣтъ шестидесяти трехъ, занимавшій видный привилегированный постъ при французскомъ дворѣ. Онъ принадлежалъ къ одной знатной брюссельской фамилии, оказавшей большія услуги австрійскому двору, и, рано покончивъ съ своей военной карьерой, прибылъ съ особыми рекомендаціями отъ императрицы Маріи-Терези къ французскому двору въ ту минуту, когда Марія-Антуанетта прибыла во Францію, какъ супруга дофина.

— Неправда ли, графъ де-ла-Маркъ, я могу рассчитывать на нѣкоторую благосклонность у вашихъ товарищей по національному собранію?—любезно спросилъ король.

— Государь, — отвѣтилъ графъ съ изысканною утонченностью придворнаго, — въ этомъ смѣшанномъ собраніи не знаю ни одного, который бы остался нечувствительнымъ къ личному слову монарха и расточаемымъ имъ милостямъ. Дворянство, къ которому принадлежу самъ, утвердится этимъ въ своей вѣрности; духовенство возблагодаритъ Бога за проявленіе авторитета короля, дарующаго миръ, а третье сословіе съ удивленіемъ должно будетъ признать, что всякое спасеніе исходитъ только изъ рукъ монарха.

— Но именно третьимъ сословіемъ руководятъ злыя головы, какъ графъ Мирабо?—произнесла королева съ послѣдностью.

— Графъ Мирабо вовсе не такъ золъ, — возразилъ де-ла-Маркъ, улыбаясь. — Я надѣюсь даже, что онъ будетъ однажды величайшей защитой королевской власти во Франціи.

— При каждомъ словѣ о графѣ Мирабо я испытываю всегда необъяснимый страхъ и отвращеніе, — сказала королева съ какимъ-то особымъ возбужденіемъ. — Отчего ваше величество не соизволили на удаленіе его отсюда, назначивъ его посломъ въ Константинополь или другое отдаленное мѣсто, что онъ охотно бы принялъ?

— Я не могу вести переговоры или борьбу съ моими противниками въ отдѣльности, — сказалъ спокойно король. — Это походило бы на поединокъ... Однако, пора, кажется, идти въ собраніе. Ихъ королевскія высочества, графъ Прованскій и графъ Артуа, пойдутъ со мной. Поручаю герцогу де-Ланкуру отправиться впередъ въ Salle des Menus и, вслѣдъ за открытіемъ засѣданія, объявить, что мы сейчасъ прибудемъ лично своей особой.

Сказавъ это, король отпустилъ присутствующихъ. Королева нѣжно простилась съ нимъ. Никогда еще не видѣла она своего супруга такимъ рѣшительнымъ и увѣреннымъ, и это какъ будто даже ободрило ее новой надеждой. Но, въ ту же минуту, опять всѣ сомнѣнія и заботы стѣснили ей грудь, и она печально, съ поникшей головой, удалилась въ свои покои.

Тѣмъ временемъ, въ открытомъ, раннимъ утромъ, засѣданіи національнаго собранія начались бурныя пренія о новыхъ мѣрахъ обращенія къ королю. По прочтеніи нѣсколькихъ проектовъ адреса

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ Магазиновъ, Новаго Времени'

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

Нижешоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ СЕНТЯБРЬ 1899 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 9-й.

I. Вѣгословіе.

Бриллиантовъ, И. Патрiархъ Никонъ въ заточеніи на Вѣлоозерѣ. Историческій очеркъ. Съ 3 портретами и 17 рисунками. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

— Ферапонтовъ-Вѣлоозерскій вышѣ упраздненный монастырь, мѣсто заточенія патрiарха Никона. Къ 500-лѣтію со времени его основанія 1398—1898. Съ 32 рисунками. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Лабутинъ, Іоаннъ, свѣщ. Характеръ христіанской благотворительности. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Лебедевъ, А. П., проф. Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ. Съ подробнымъ указателемъ русской литературы, относящейся къ этому предмету—съ 1841 г. по 1900 г. М. 1900 г. Ц. 2 р. 25 к.

— Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія. (Изъ давнихъ временъ христіанской церкви). М. 1900 г. Ц. 2 р.

Пѣвницкій, Василій, проф. Изъ исторіи гомилетики. Гомилетика въ новое время, послѣ реформации Лютера. Кіевъ. 1899 г. Ц. 2 р.

Сменцовскій, Мих. Братья Лихуды. Опытъ изслѣдованія изъ исторіи церковнаго просвѣщенія и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вѣковъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Церковно-историческіе матеріалы. (Дополнительныя приложенія къ изслѣдованію — «Братья Лихуды»). Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

II. Философія, психологія, логика.

Гервагенъ, Л. Л. Разумно ли врать? Спб. 1899 г. 5 к.

Нарышевъ, И. А. Основы истинной науки. Книга I. Богъ неопровержимъ наукой. Изданіе 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Основы истинной науки. Книга II. Составъ чедовѣческаго существа; жизнь и смерть. Изданіе 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Основы истинной науки. Книга III. Сущность жизни. Изданіе 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рузь, Робсонъ. Искусство долго жить. Научно-популярная библиотечка. М. 1895 г. Ц. 30 к.

Фонъ - Гумень. Растенія въ колдовствѣ. Научно-популярная библиотечка. М. 1899 г. Ц. 30 к.

«Истор. вѣстн.», октябрь, 1899 г.,

т. LXXVIII.

1/2

III. Вѣтаника, зоологія, минералогія и геологія.

Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ, со вступительною статью профес. Вильяма Маршалла. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Бернось, П., и Ингеницій, И. Лагушка. Съ 52 рис. въ текстъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. (Практическая зоотомія. Вып. I). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Бэръ, поль. Вожій міръ въ бесѣдахъ и картинкахъ. Основныя понятія изъ зоологіи, ботаники и геологіи. Передѣлано съ французскаго. Со множествомъ рисунковъ. М. 1899 г. Ц. 40 к.

Варлихъ, В. К. Русскія лекарственныя растенія. Вып. III. Атласъ и ботаническое описаніе, съ указ. на врачебное примѣн.,

дѣйствіе, собраніе и культуру этихъ растений. Спб. 1899 г. Подписная цѣна 5 выпуск. 9 р.

Генсли-Розенталь. Основы физиологіи. Съ 118 рисунк. М. 1899 г. Ц. 2 р.

Гетчинсонъ. Вымершія чудовища и животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. Вып. 6-й и 7-й (последній). Млекопитающія. М. 1899 г. Ц. 45 к.

Гольдрингъ, Н. А. Спутникъ минералого. Пособіе при опредѣленіи минераловъ. Харьковъ. 1899 г. Ц. 20 к.

Маевскій, П. Весенняя Флора средней Россіи. Таблицы для опредѣленія растений, цвѣтущихъ въ мартъ и апрѣль. Изд. 3-е. М. 1899 г. Ц. 30 к.

IV. Физика, химія, математика, астрономія и метеорологія.

Бѣлявскій, С. И. Сборникъ задачъ по алгебрѣ, геометріи, тригонометріи и физикѣ. предлагавшихся на конкурсныхъ испытаніяхъ въ институтахъ: технологическомъ, горномъ, инженерномъ путей сообщеній, гражданскихъ инженерномъ, лѣсномъ и электротехническомъ. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. Спб. Ц. 1 р.

Классень, А. Количественный анализъ по-

средствомъ электролиза. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Мейеръ (фонъ), Э., д-ръ. Исторія химіи отъ древнѣйшихъ временъ до настоящихъ дней. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1900. Ц. 4 р.

Ф—тъ, Гр. Завоеваніе воздуха. (Очерки изъ исторіи воздухоплаванія). Съ 44 рисунками и 5 портретами. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

V. Словесность.

Александровъ, Генрихъ. Правда ли? Дефекты новаго романа гр. Толстого «Воскресеніе». М. 1899 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ, А. В. Сборникъ стихотвореній, поэмъ и рассказовъ, съ портр. автора. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Беллами, Эдвардъ. Черезъ сто лѣтъ (Будущія вѣкъ. Looking Backward). Соціологическій романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1900 г. Ц. 1 р.

Вернеръ, Э. Сила воли. (Книгиня Баратовская). (Vineta). Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Веселовскій, А. Н. Пушкинъ національный поэтъ. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Гаринъ, Н. Деревенскія панорамы. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Гейне, Генрихъ. Собраніе сочиненій подъ редакціей П. Вейнберга. Томъ шестой. Съ біографіей и портретомъ автора. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Гола, Антони. На скользкомъ пути. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Григоровичъ, Д. В. Горькая доля. Очеркъ. М. 1899 г. Ц. 15 к.

Гринева, И. Огоньки. Рассказы. Стихотворенія. Пьесы. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Данъ, Феликсъ. Аттила. Романъ изъ эпохи переселенія народовъ (453 г. по Р. Хр.). Перев. съ нѣм. Крылова. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Дидро, дени. Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. — Племянникъ Рамо. — Біографическій очеркъ. Вып. XVIII. Спб. 1900 г. Ц. 40 к.

Ежъ. На развѣтѣхъ. Переводъ съ польскаго. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Игнатъева, Н. И. Басни и притчи разныхъ временъ и разныхъ странъ. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Квитна, Г. О. Малороссійскія повѣсти, рассказанныя Грыцькомъ Основьяненкомъ. Т. I и II. Харьковъ. 1899 г. Ц. 2 р.

Короленко, Владиміръ. Очерки и рассказы: 1) Въ дурномъ обществѣ. 2) Сонъ Макара. 3) Лѣсъ шумитъ. 4) Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ. 5) Въ подслѣдственномъ отдѣленіи. 6) Старый звонарь. 7) Очерки сибирскаго туриста. 8) Соколинецъ. Изд. 8-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Криницій, Марнъ. Цвѣты релейника. Рассказы для взрослыхъ. М. 1899 г. Ц. 90 к.

Крыловъ, Викторъ. Драматическія сочиненія. Т. III. Шалость. — Поэзія любви. — Въ духъ времени. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Левицкій, Иванъ. Повѣсти и оповиданія. Томъ I. Мыкола Джери. Запорожци. Бурлачка. Ваба Параска та баба Налажка и друг. Съ портретомъ автора. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лященко, А. Къ исторіи русскаго романа. Публицистическій элементъ въ романахъ Ѳ. А. Эмина. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.

Мельшинъ, Л. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. (Въ преддверіи. Дорога. Шелаевскій рудникъ). Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Миллеръ, Всеволодъ, проф. Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ. Съ приложеніемъ неизданныхъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ А. С. Пушкинымъ. М. 1899 г. Ц. 30 к.

Мироносицкій, П. Дневникъ учителя церковно-приходской школы. Спб. 1899 г. Ц. 40 коп.

Мопассанъ (Гюи-де). Потѣхи войны. Сборникъ. Спб. 1899 г. Ц. 6 к.

— Пышка. Разсказъ изъ временъ франко-прусской войны. Спб. 1899 г. Ц. 10 к.

— Одиночество и другіе разсказы. Перев. съ франц. Л. П. Никифорова. М. 1899 г. Ц. 35 коп.

Недолинъ, А. О. Искры. Очерки и разсказы. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Ницше, Фр. Такъ говорилъ Заратустра. Символическая поэма. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Орловъ, Г. Какъ должно жить въ семьѣ. Сборн. статей и разсказовъ духовно-нравственнаго содерж. для семейнаго чтенія. М. 1899 г. Ц. 40 к.

Пазухинъ, А. Московскіе коршуну. Романъ. Изд. 3-е. М. 1900 г. Ц. 1 р.

— Вторая молодость. Романъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Погосскій, А. Ф. Полное собраніе сочиненій въ четырехъ томахъ. Томъ I. Спб. 1899 г. Цѣна по подпискѣ 6 руб.

Поможемъ, чѣмъ можемъ. Литературный сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Казань. 1899 г. Ц. 40 к.

Поталенно, И. Н. Черезъ любовь. Романъ. М. Ц. 1 р.

Пружанскій, Н. Необыкновенная исторія обыкновенныхъ событій и другіе разсказы. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 30 к.

Пушкинъ, А. С. Сочиненія. Полное собраніе въ одномъ томѣ. Изд. 5-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Томъ IV. Времена императрицы Екатерины II. Девятнадцатый вѣкъ. Пушкинъ и Гоголь. Утвержденіе національнаго значенія литературы. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

Саловъ, И. Мамзель. Повѣсть. М. 1899 г. Ц. 80 к.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Томъ II. Юрьевъ. 1899 г. Ц. 2 р.

Сенкевичъ, Генрикъ. Крестоносцы. Историческій романъ. Переводъ съ польскаго. Части 7-я и 8-я. Спб. 1899 г. Ц. 35 к.

Серафимовъ, М. С. Стихотворенія. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Сиповскій, В. В. Онѣггинъ. Татьяна и Ленскій. (Къ литературной исторіи Пушкинскихъ «типовъ»). Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Соловьевъ, Н. И. Среди приходскаго духовенства. Разсказы. Визники. 1899 г. Ц. 60 коп.

Терпигоревъ, С. И. (С. Атава). Собраніе сочиненій подъ редакціей С. И. Шубинскаго, Томъ пятый. Повѣсти и разсказы. Спб. 1899 г. Подп. цѣна за 6 томовъ 8 руб.

Трушъ, И. Очеркъ литературной дѣятельности И. И. Козлова (1779—1840). М. 1899 г. Ц. 50 к.

Фаресовъ, А. И. А. С. Пушкинъ и чувствованіе его памяти. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Шекспиръ, В. Отелло. Венеціанскій Мавръ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ П. И. Вейнберга. Изд. 4-е (Дешевая Библиотека А. С. Суворина, № 47). Спб. 1899 г. Ц. 25 к., въ напѣкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

Шимановскій, В. Ю. (В. Милчичъ). Вѣрусы и другіе разсказы. Спб. 1900. Ц. 75 к.

Шпильгагенъ, Фридрихъ. Одинъ въ полѣ не воинъ. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эфенди, В. Д. Рвчи и тосты на всякіе случаи жизни. Въ двухъ частяхъ. Спб., 1900 г. Ц. каждой части 1 р. 25 к.

VI. Исторія.

Барсуновъ, А. Родъ Шереметевыхъ. Книга седьмая. Спб. 1899 г. Ц. 4 р.

Грибовскій, А. М. Воспоминанія и дневники. Съ портр. и снимк. почерка автора. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Деберль, Альфредъ, Исторія южной Америки отъ завоеванія до нашего времени. Съ картой Ю. Америки Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Записки старой смолянки (В. П. Б—вой) 1858—1878 г. Часть II. Съ 20 иллюстраціями. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Ивановъ, К. А. Исторія древняго міра. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Изъ мемуаровъ Бисмарка. Мысли и воспоминанія. Въ переводѣ и съ пояснен. М. В. Станиславскаго. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Краснонень, М., проф. Знаменитый русскій канонистъ А. С. Павловъ. Посвящается его памяти. (Съ портретомъ). Изд. 2-е. Юрьевъ. 1899 г. Ц. 40 к.

Кулановскій, Юліанъ. Карта Европейской Сарматіи по Итоломою. Привѣстіе XI археологическому съѣзду. Кіевъ. 1899 г. Ц. 75 коп.

Латышевъ, В. В. Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ и для начинающихъ филологовъ. Часть 2-я: богослужбныя и сценическія древности. Изд. 2-е, испр. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ляпуновъ, Б. М. Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1-й новгородской лѣтописи. Вып. I. Введеніе. Часть I (главы I—IV). Очерки изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Павлицевъ, Левъ, Кончина А. С. Пушкина. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв., изданные Кіевскою Комиссіей для

разбора древних актов. Вып. I. Киевъ, 1899 г. Ц. 5 р.

Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Стасовъ, Владиміръ. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминанія и очерки. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Торнау, Н. М., баронъ. Учебный историческій атласъ. 77 картъ по всеобщей исторіи. 2-е испр. и дополн. изд. Часть III. Новая исторія. Спб. 1899 г. Ц. 55 к.

Филипповъ, Тертій. Три замѣчательные старообрядца. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Холоднякъ, М. И. О нѣкоторыхъ типахъ римскихъ метрическихъ надгробій. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Эггеръ, Эмиль. Исторія книги отъ ея появленія до нашихъ временъ. Перев. съ франц. Спб. 1900 г. Ц. 80 к.

Шмурло, Е. Очеркъ жизни и научной дѣятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1827—1897. Юрьевъ 1899 г. Ц. 2 р.

VII. Географія.

Коробка, М. И. Весенняя игра—пѣсня вогротарь и пѣсни о князѣ Романѣ. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Соколовъ, А. Краткая всеобщая географія. Курсъ повторительный. Часть I. Общія свѣдѣнія по географич. морфологій и физиче-

ской географіи. Сравненіе Европы съ другими частями свѣта. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Чаплевскій, М. Б. Тайга и золото, съ 12-ю рисунками, святыми съ натуры, и картою восточной части Сибири. Спб., 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

VIII. Сельское хозяйство.

Архиповъ, С. Практическое наставленіе къ смольному и дегтарному производствамъ для крестьянскаго хозяйства. М. 1899 г. Ц. 8 коп.

Бешъ, В. К. Рыбные промыслы Западной Европы. III. Траулевый промыселъ въ Сѣверномъ или Нѣмецкомъ морѣ. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Бородинъ, Н. Рыбоводство и рыбный промыселъ въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Часть II. Рыбный промыселъ. Вып. I. Торговля свѣжей рыбой. Спб. 1899 г. Ц. 65 коп.

Гоше (по). Руководство къ плодоводству для практиковъ. (Плодоводство промышленное и любительское). Изд. 2-е. Съ 800 полтипажами. Вып. 4-й. Спб. 1899 г. Ц. по подп. на 10 вып. 7 р.

Езерская, Л. О. Общеизвестный курсъ молочнаго дѣла. Съ 48-ю рисунк. Харьковъ. 1899 г. Ц. 1 р.

Нарамзинъ, Д. Вредныя насѣкомыя для сада, огорода и оранжерей и способы ихъ истребленія. Со многими рис. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Ничуновъ, Н. Н. О культурѣ фруктовыхъ дичковъ и подвоевъ. Съ 24 рис. Харьковъ. 1899 г. Ц. 40 к.

Музнецовъ, И. Д. Терскіе рѣчные и притерскіе морскіе рыбные промыслы. Съ 2 картами и 18 табл. чертежей и рисунк. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Незнаевъ, Е. Акклиматизація плодовыхъ деревьевъ. Старые и новые способы. Уфа. 1899 г. Ц. 40 к.

Нейштубе, С. Т. Городское молочное хозяйство. Спб. 1899 г. Ц. 35 к.

Руссъ, Карлъ, д-ръ. Канарейка, ея естественная исторія, разведеніе и уходъ за нею. Перев. съ нѣмецкаго. Съ 26 рисунками въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Спасскій, В. Н. Посѣвъ деревьевъ и кустарниковъ. М. 1899 г. Ц. 25 к.

Флейшманъ, проф. Молоко и молочное дѣло. Перев. съ посл. нѣмецкаго, изданія. М. 1900 г. Ц. 3 р. 50 к.

Череповъ, А. Р. I. Что долженъ знать хозяинъ о молочной коровѣ—выборъ молочной коровы. Съ рисунками. II. Кормленіе по нормамъ. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

IX. Технологія.

Альбрехтъ, д-ръ. Жилые дома для рабочаго люда. Собраніе плановъ жилищъ для рабочихъ и другихъ лицъ и практическіе совѣты для ихъ выполненія. Съ 4 чертежами въ текстѣ и 12 двойными планами въ приложеніи. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 75 к.

Бреннене, Л. Устройство основаній и фундаментовъ. Перев. съ нѣмецк. А. И. Никольскій, съ 887 рис. въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. по подпискѣ въ 4 выпуска 5 руб.

Иссель, Г. Внутренняя отдѣлка зданій. Устройство дверей и оконъ, обшивка и укра-

шеніе стѣнъ, раздѣлка потолковъ, устройство деревянныхъ, каменныхъ и желѣзныхъ лѣстницъ. Съ 533 чертеж. и 7 таблиц. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

Орловъ, Е. И. Катехизисъ химическихъ производствъ. I. Сѣрникоислосое производство. Справочная книга для сѣрниковъ, заводскихъ химиковъ и студентовъ-практикантовъ. М. 1898 г. Ц. 30 к.

Павловскій, А. А. Участокъ тяги русскихъ желѣзныхъ дорогъ, его современное состояніе и задачи. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Польгаузенъ, А. Паровыя машины, ихъ

дѣйствіе, расчетъ, конструкція, сборка и установка. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 169 чертежами въ текстѣ и 50 отдѣльными таблицами. Вып. I. Спб. 1899 г. Подп. цѣна на все изданіе въ 20 выпускахъ 12 р.

Постниковъ, А. П. Основанія электротехники (въ элементарномъ изложеніи). Часть II. Источники электрическаго тока. Изд. 2-е. М. 1900 г. Ц. 2 р. 25 к.

Тимоновъ, В. Е., проф. Водоснабженіе и водостоки. Выпускъ I. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фольмертъ, Х., инженеръ. Динамо-машина. Разборная модель, пособіе для самообученія и преподаванія въ ремесленныхъ школахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Худяковъ, П. К., проф. Построеніе насосовъ. Курсъ, читанный въ Импер. Технич. училищѣ и дополненіи къ курсу. М. 1899 г. Ц. 3 р. 60 к.

Х. Правовѣдѣніе.

Астровъ, П. Дѣти подмостковъ. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Бартъ, Пауль. Философія исторіи, какъ социологія. Перев. съ нѣмецк. Часть I. Введеніе и критическій обзоръ. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 75 к.

Бюхертъ, К. Хозяйство первобытныхъ народовъ. Перев. съ нѣмецкаго И. Розенбергъ. Ковна. 1898 г. Ц. 30 к.

Вальденбергъ, В. Краткій учебникъ торговаго права и судопроизводства. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Веббъ, Сидней и Беатриса. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юнионизма (Industrial-democracy). Томъ первый. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Велетскій, С. Н. Земская статистика. Часть первая. Исторія и методологія. Часть вторая. Программы изслѣдованій. М. 1899 г. Ц. по подпискѣ 6 р.

Гольмстонъ, А. Х., проф. Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Двойное убійство на Нисловѣ, въ Москвѣ. Съ 2-мя портр. М. 1899 г. Ц. 40 к.

Дѣло Дрейфуса. Пересмотръ процесса въ Кассационномъ судѣ. Полныя рѣчи прокурора Мано и защитника Морнара. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Жановскій, Э. I., и Погожевъ, В. П. Положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Зомбартъ, проф. Германія наканунѣ экономическаго переворота. Очерки промышленнаго развитія Германіи. Перев. съ нѣм. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Крайнскій, В. Е. Экономическія и техническія основы для организациі среднихъ и мелкихъ хозяйствъ. Какъ пособіе при составленіи описаній хозяйствъ и организационныхъ плановъ. Кіевъ. 1899 г. Ц. за 2 части 2 р.

Лэфевръ, П. I. Повторительный курсъ исторіи философіи права. По курсамъ профессоровъ Н. М. Коркунова, С. А. Бернадскаго, Зибрева, Гейера и др. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Мечниковъ, И. Иммуитетъ. Перев. съ нѣм. Н. Алексѣева. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Моравъ, Д. Д. Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Вып. I. Изданіе шестое. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. II — Руководство политической экономіи, 5-е изд. пятое. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Невзоровъ, А. С. Русскія биржи. Вып. III. Сводная инструкция о порядкѣ опредѣленія и увольненія и о правахъ и обязанностяхъ биржевыхъ маклеровъ, гофъ-маклеровъ, нотариусовъ, корабельн. маклер. аукционистовъ, диспашеровъ и экспертовъ, а также нѣкоторыя данныя о браваніи и артел. Юрьевъ. 1899 г. Ц. 2 р.

Процессъ братьевъ С. и П. Снитскихъ по дѣлу объ убійствѣ секретаря конисторіи Комарова. 1) Разбирательство въ Полтавѣ. 2) Дѣло въ Харьковѣ. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Разумовъ, Н. И. Забайкалье. Сводъ матеріаловъ Высочайше учрежденной комиссіи для изслѣдованія мѣстнаго землевладѣнія и земледользованія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Розенцвейгъ, Г. О. Изъ залы суда. Судебные очерки и картинки. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. Томъ IV. Защитительныя рѣчи присяжы. повѣр.: кн. Урусова, Андреевскаго, Карабчевскаго, Герарда, Холевы, Шмакова, Турчанинова, Миронова, Лохвицкаго, Плевако, Влюмера, Пржевальскаго, Александрова. М. Ц. 2 р. 25 к. Томъ V. Рѣчь предсѣдателя суда Кони. Обвинительныя рѣчи: прокуроровъ Завадскаго, кн. Урусова, Громницкаго и Вобрицева-Пушкина. Защитительныя рѣчи присяжы. повѣр.: кн. Урусова, Жуковскаго, Раппопорта, Андреевскаго, Карабчевскаго, Пассовера, Герарда, Лохвицкаго, Спасовича, Ворониковскаго. М. Ц. 2 р.

Русскій социализмъ и общинное землевладѣніе (П. Д.) М. 1899 г. Ц. 1 р.

«Русское Экономическое Обзорѣніе». Ежемѣсячный журналъ. № 8. Августъ. Спб. Ц. каждаго № 1 р.

Соболевъ, М. Н. Коммерческая географія Россіи. Очеркъ хозяйственной статистики и географіи Россіи, сравнительно съ иностранными государствами. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Старновъ, А. П. Причины наводненій въ Петербургѣ и средства борьбы съ ними. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Тардъ, Габриэль. Соціальные законы. Личное творчество среди законовъ и природы и общества. (Les lois sociales). Перев. съ французскаго. Спб. 1900 г. Ц. 40 к.

Тьери, Огюстенъ. Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія. Научно-обра-

зовательная библиотека. Перев. съ франц. М. 1899 г. Ц. 60 к.

Убийство С. Д. Старосельскаго. Съ полными рѣчами гг. Вашинова, Гурскаго, Карабчевскаго, Куперника и Плевако. М. 1889 г. Ц. 50 к.

Шилловскій, П. Судебные очерки. Выпускъ I. Англійское тюремное дѣло. Лондонскій Ми-

ровой Судья. 3 статьи о русскомъ судопроизводствѣ. Англійскій присяжный судья. Англійскій сенатъ. О судьяхъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Энгельманъ, И. Е., проф. Учебникъ Русскаго Гражданскаго Судопроизводства. Переводъ съ нѣмецкаго. Юрьевъ. 1899 г. Ц. 3 р.

XI. Медицина.

Бокъ, К., проф. Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холя. Руководство для учащихся. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1900 г. Ц. 40 к.

Волкова М. М. Гигіена, красота и реформа женской одежды. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Hess, J., и Mehier, L. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. (Краткое и общедоступное руководство). Перев. съ нѣмецк. Спб. 1899 г. Ц. 25 коп.

Грамматинати, И. Н. Внутриматочныя вприскиванія. 2-е исправл. и дополн. изд. съ 17-ю рис. въ текстѣ. Спб. 1899. Ц. 1 р. 20 к.

Гребнеръ, Ф. Ривьера. Забѣтки о климатѣ, медицинскомъ значеніи и санитарныхъ условіяхъ страны. Съ предисловіемъ. проф. В. В. Подвысоцкаго. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Günther, C., prof. Руководство бактериологіи и въ особенности микроскопической техники. Для врачей и студентовъ. Изд. 2-е. Переводъ съ нѣмецкаго. Саратовъ, 1899 г. Ц. 5 р. 25 к.

Золотаревъ, Л. А. Родителямъ для сыновей. М. 1899 г. Ц. 25 к.

Kisch, E. Heinrich, prof. Вальнеотерапія. Перев. съ нѣм. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Мгасекъ, Franz, prof. Атласъ кожныхъ болѣзней съ краткимъ очеркомъ патологіи и терапіи ихъ. Съ 63 таблицами и 29 рисунк. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1899. Ц. въ перепл. 4 р.

О ронденіи дѣтей желаемаго пола. Составлено по Шенку Н. В. В. Спб. 1900 г. Ц. 25 коп.

Панцеръ, Г., докторъ мед. Женщина. Разборная модель тѣла женщины (26 отдѣльныхъ частей въ краскахъ). Съ пояснитель-

нымъ текстомъ и 8 рисунками. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Преображенскій, С. С. Горловая чахотка, ея сущность, лѣченіе и излѣчивость. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Ренловъ, Г., д-ръ. Разборная модель человѣческаго глаза и носа (11 разъемныхъ частей, исполненныхъ красками). Съ пояснительнымъ текстомъ, и 7 рисунками. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 60 к.

Sahli, H. d-r. Учебникъ клиническихъ методовъ изслѣдованія для студентовъ и практическихъ врачей. Съ 265 рисунками въ текстѣ и 4 таблицами. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. 2-е. Выпускъ II. Спб. 1900. Ц. 3 р. 50 к.

Строгановъ, В. В., проф. Къ лѣченію эклампсіи. Спб. 1899 г. Ц. 35 к.

Терапевтическій Вѣстникъ журнала «Современная медицина и гигиена». Двухнедѣльное изданіе. I полутомъ. Съ 7 рис. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

Филатовъ, Ниль. Краткій учебникъ дѣтскихъ болѣзней для студентовъ послѣднихъ семестровъ. Изданіе пятое. М. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.

Человѣческое тѣло. Наглядное изображеніе его строенія и его внутреннихъ органовъ въ натуральную величину. Съ предисловіемъ. Спб. 1899 г. Ц. 15 р.

Эйгорнъ, С. Я., докторъ. Практическое руководство къ массотерапіи. Съ 22 рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 коп.

Эрленмейеръ, А., и Солье, П., докт. Морфинизмъ и его лѣченіе. Съ 22 рисун. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

XII. Военное и морское дѣло.

Уставъ пѣшаго строя для полевыхъ батальоновъ, разработанный согласно циркуляра

Главн. Арт. Упр. отъ 3-го ноября 1897 г. за № 93. Изд. 2-е, исправл. Спб. 1899. Ц. 25 к.

XIII. Искусство.

Альбомъ пушнинской выставки, устроенной обществомъ любителей російской словесности въ залахъ историческаго музея въ Москвѣ. Изданіе К. А. Финера. М. 1899 г. Ц. 7 руб.

Бонеряновъ, И. Искусство и культура. Этюдъ для художниковъ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Генералиссимусъ русскихъ войскъ князь Италійскій графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. (Портретъ). Цѣна 80 коп.

Міръ искусства — журналъ, №№ 16 и 17. Ц. 1 р. 20 к.

Новицкій, А. П. Исторія русскаго искусства. Выпускъ IV. М. 1899 г. Ц. по подл. на все изданіе 10 руб.

Тюринъ, Вл. Живая фотографія. Спб. 1898. Ц. 10 коп.

Ученіе объ акцидентномъ наборѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Тетрадь I, II и III. Харьковъ. 1899 г. Цѣна каждой тетради 60 к.

XIV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги.

Абаза, М. К. Героическіе рассказы. Народы Востока и Запада. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вагнеръ, Герм. Въ полѣ и на лугу. Рассказы о разныхъ животныхъ, растеніяхъ и камняхъ. Перев. съ нѣмецк. Величиной. М. 1899 г. Ц. 60 к.

Гейерстамъ, Густавъ. Погибшая жизнь. Переводъ со шведскаго. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Гречушнинъ, С. И. Матеріалы для изложеній и сочиненій ученикамъ начальныхъ и двухклассныхъ училищъ. М. 1899 г. Ц. 50 к.

Дергиманъ Г. С. Кто написалъ тотъ и силъ ума лишился. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

Зандъ, Нормъ. Бабушкины сказки. Переводъ съ французскаго. Спб. 1899 г. Ц. въ папкѣ 1 руб.

Зимницкій, В. Г. Способы и приемы обученія правописанію. М. 1899 г. Ц. 50 к.

Короленко, Вл. Свѣтъ Макара. Святочный рассказъ. Спб. 1899 г. Ц. 8 к.

— Лѣсъ шумитъ. Полѣссая легенда. Спб. 1899 г. Ц. 6 к.

Лавровъ, В. И. Краткій самоучитель армянскаго языка. Тифлисъ. 1899 г. Ц. 70 к.

Ладыженскій, В., и Орелинъ, П. Бесѣды по вопросамъ воспитанія и обученія въ народныхъ школахъ. М. 1899 г. Ц. 75 к.

Левассеръ, Э. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Съ приложеніемъ, статей: 1) Народное образованіе въ

Швейцаріи; 2) Народное образованіе въ Финляндіи; 3) Народное образованіе въ Россіи. Томъ II. Спб. 1899 г. Цѣна за все изданіе 5 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Озорникъ, рассказъ. Спб. 1899 г. Ц. 8 к.

Мачтетъ, Г. Не выдержалъ. Повѣсть. Спб. 1899 г. Ц. 4 к.

Мериме Просперъ. Матео Фальконе. Рассказъ. Перев. съ франц. Спб. 1899 года. Ц. 5 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Поводъ Вожьей. Рассказы и очерки. М. 1900 г. Ц. 75 к.

Нурокъ, П. М. Практическая грамматика англійскаго языка съ хрестоматією и словаремъ. Изд. 9-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Остерманъ и Вегенеръ. Педагогика. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Поталенно, И. Н. Ахметка Саратовскій. Очеркъ. Спб. 1899 г. Ц. 4 к.

— Остроумно. Рассказъ. Спб. Ц. 5 к.

Сирамъ, А. Мужъ и жена (Сіуръ Габріель). Рассказъ. Перев. съ норвежскаго. Спб. 1899 г. Ц. 12 к.

Франно, И. Къ свѣту. Рассказъ. Спб. 1899 г. Ц. 5 к.

— Цыгане. Рассказъ. Переводъ съ малорусскаго. Спб. 1899 г. Ц. 3 к.

Чижовъ, Е. Отъ лучины до электричества. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

XV. справочный отдѣлъ.

Беденеръ-Жоанъ. Путеводитель по Ривьеру, отъ Марсели до Генуи. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Домашній иллюстрированный календарь на 1900 г. Ц. 15 к.

Календарь для учителей. 1899—1900 г. Спб. 1899 г., въ перепл. 75 коп.

Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства Мин. Нар. Пр. и для публичныхъ народ. чтеній. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Крестный календарь на 1900 г. М. 1899 г. Ц. 15 к.

Памятная книжка для учащихся 1899—1900 г. Съ приложеніемъ: Ельсинъ, А. Главныя правила русскаго правописанія. Спб. 1899 г. Ц. въ пер. 75 к.

Памятная книжка Московской губерніи на 1899 г. Составлена подъ редакцію А. В. Аврорина. М. 1899 г. Ц. 50 к.

Петровъ, В. И. Каталогъ русскіхъ монетъ золотыхъ, платиновыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, чекаенныхъ съ 1655 по 1898 г. съ обозначеніемъ существующихъ на нихъ

въ настоящее время цѣвъ и съ рисунками особенно рѣдкихъ монетъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Ротшильдъ, М. Коммерческая энциклопедія. Выпуски VII XV. Настоящая справочная книга по всѣмъ отраслямъ коммерческихъ знаній. Спб. 1899 г. Ц. по подпискѣ первыхъ 2-хъ томовъ 10 р.

Рупертъ-Леглеръ, С. Руководство къ изученію коммерческой корреспонденціи на французскомъ языкѣ. Изд. 2-е, дополненное. Москва. 1900 г. Ц. 2 р.

Сеславинъ, Д. И. Самоучитель польскаго языка для взрослыхъ, по методу Туссэна и Лангенштейдта. Выпускъ 1-й. Отдѣлы 1—54. Ц. по подп. 3 р.

— Самоучитель англійскаго языка для взрослыхъ по методу Туссэна и Лангенштейдта. Вып. 11-й. Отдѣлы 285—303. Цѣна по подпискѣ 3 руб.

— Самоучитель французскаго языка для взрослыхъ по методу Туссэна и Лангенштейдта. Вып. 20-й. Отдѣлы 518—535. Ц. по подпискѣ 3 руб.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Биографическій очеркъ Е. П. Карновича, проредактированный Н. Шильдеромъ и съ его предисловіемъ. Съ 13 портретами и иллюстраціями и 2 автографами. Ц. 3 р.

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ:

КАКЪ И ИЗЪ ЧЕГО «ЭТО» ДѢЛАЕТСЯ?

Пособіе для изученія техническихъ производствъ.

Составилъ **Е. Ф. Рейнбогъ.**

Издание 8-е, переработанное, съ алфавитнымъ указателемъ и 123 рисунками въ текстѣ. 7-е издание *одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* для библиотекъ, промышленныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ, для ученическихъ библиотекъ, начальныхъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ, и какъ пособіе при преподаваніи основанію товаровѣдѣнія и технологіи въ профессиональныхъ школахъ. *Рекомендовано Учебнымъ Комитетомъ* при собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по *учрежденіямъ Императрицы Маріи* для ученическихъ библиотекъ, среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи. *Одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Святейшемъ Синодѣ* для библиотекъ семинарій и училищъ. *Книга предназначается:* 1) для *удовлетворенія* любознательности дѣтей въ школахъ и семьяхъ; 2) какъ пособіе при преподаваніи основаній товаровѣдѣнія и технологіи въ техническихъ и профессиональныхъ училищахъ, и 3) какъ учебникъ технологіи для низшихъ промышленныхъ и техническихъ училищъ. Съ предисловіемъ и дополненіями **М. Ю. Гольдштейнъ.** 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

УЧЕБНИКЪ ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

для среднихъ техническихъ школъ.

Составилъ **Е. Рейнбогъ.**

2-е изд., вновь переработанное и значительно дополненное. Съ 184 полнотипажамъ. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.

СБОРНИКЪ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЙ

матеріаловъ и разныхъ предметовъ, употребляемыхъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Составилъ **П. П. Андреевъ.**

Издание 2-е, исправленное и дополненное. Ц. 2 руб.

РУССКІЙ ТЕХНИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

съ переводомъ на французскій, нѣмецкій и англійскій языки.

Составилъ **П. П. Андреевъ.**

1899 г. Ц. 3 р. 50 к.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1900 году
(ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1900 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и предшествовавшія двадцать лѣтъ (1880—1899).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЦЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ
НОЯБРЬ, 1899

СОДЕРЖАНІЕ.

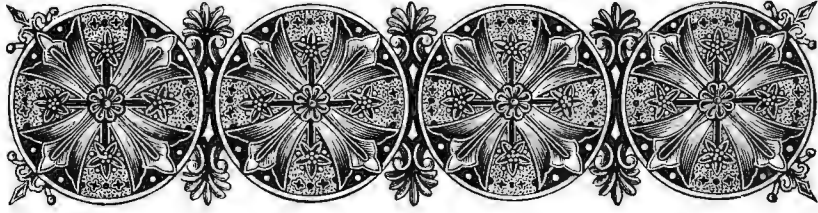
НОЯВРЬ, 1899 г.

	СТРАН.
I. Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть четвертая. VIII—XVI. Графа Е. А. Салиаса. (Продолженіе) . . .	403
II. Записки графини В. Н. Головиной (1766—1820). XXVIII—XXIX. (Продолженіе)	438
III. Народные типы. Скоморошина нашихъ дней. (Изъ записокъ этнографа). (Посвящается В. Ф. Миллеру). Е. А. Ляцкого . . .	458
IV. Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго. I—III.	478
V. Недавняя старина. Р. Л. Маркова	522
Иллюстрація: Старинный голубецъ у села Красная Поляна, Щигровскаго уѣзда.	
VI. «Игрушечная армія». (Изъ быта южно-русскихъ кантонистовъ). III—IV. (Окончаніе). Д. В. Федорова	545
VII. Лейбъ-казаки подъ Витебскомъ 15-го іюля 1812 года. В. М. Шаховскаго	580
VIII. Послѣдняя дуэль Пушкина. I—IV. Б. В. Никольскаго	596
IX. Придворное войско въ Россіи. Е. С. Шумигорскаго	644
X. По дебрямъ Дагестана. V—IX. (Продолженіе). А. П. Андреева	653
Иллюстраціи: 1) Ауль Ашильта.—2) Ашильтинскій мостъ.—3) Лезгявъ-аварецъ.—4) Аварка.—4) Семья аварцевъ (изъ Хунзаха).—5) Гора Ахульго.—6) Ахульгинское ущелье.—7) Ахульгинскій мостъ.	
XI. Николай Алексѣевичъ Лавровскій. Некрологъ. В. Е. Рудакова	689
Иллюстрація: Николай Алексѣевичъ Лавровскій.	
XII. Наканунѣ гимназической реформы. Б. Б. Глинскаго	695
XIII. Иностранцы о Россіи. I—II. В. Т.	717
XIV. Очерки американской дѣйствительности. Женщина въ странѣ свободы. (Продолженіе). Е. Правдина	742
XV. Критика и библиографія.	767

1) Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія. (Изъ давнихъ временъ христіанской церкви). А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва, 1900. 2.—2) Среди приходскаго духовенства. Разказы Н. И. Соловьева. Вязники, 1899. К. X.—3) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николай Барсукова. Книга тринадцатая. Спб. 1899. Б. Г.—4) Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Книга VII. Спб. 1899. К. Г—ва.—5) Три замѣчательные старообрядца. Тертія Филиппова. Спб. 1899. X—ча.—6) Оборона Севастополя. Подвиги защитниковъ. Краткій историческій очеркъ съ иллюстраціями. Составилъ полковникъ Заючковскій. Спб. 1899. С. Ш.—7) Н. Виноградскій. Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 года. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Смоленскъ. 1899. В. Р—ва.—8) П. П. Суворовъ. Записки о прошломъ. Ч. I. М. 1899. Гл.—9) Поль Гиро. Историческія чтенія (lectures historiques). Частная и общественная жизнь римлянъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей С. П. Моравскаго. Съ 107 рисунками въ текстѣ. Спб. Изданіе Л. Ф. Пангелъева. 1899. А. М—на.—10) Т. Фауль. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Переводъ съ англійскаго А. М. Вѣлова. Спб. 1899. А. Л—ино.—11) Изданіе газеты «Ураль» (издатель В. Г. Чекавъ). Путеводитель по Уралу. Изданіе первое. Екатеринбургъ. 1899. п. Б—снаго.

ГРАФИНЯ ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА ГОЛОВИНА
Съ портрета, принадлежащого ея правнуку, графу Льву Мнишеку

ВЛАДИМІРСКІЕ МОНОМАХИ¹⁾.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергѣю Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

VIII.

РОТЕКАВШІЙ годъ имѣлъ особое и огромное значеніе для заводовъ, разумѣется, главнымъ образомъ для его обитателей.

Въ тотъ самый день, когда Гончіи заявили Сусаннѣ Юрьевнѣ о смерти Бабаева и о томъ, что онъ неожиданно и поневолѣ сталъ главнымъ заимодавцемъ заводовъ на крупную сумму, во всемъ домѣ толковали и нахлѣбники и дворня исключительно объ одномъ и томъ же. Только Гончіи не знали этого до вечера, да Сусанна Юрьевна. Ввечеру Теофанъ доложилъ объ этомъ говорѣ Онисиму Абрамычу, а горничная доложила барышнямъ, когда она ложилась уже спать.

Говоръ шель о томъ, что этотъ день—27-е число, и ровно черезъ мѣсяцъ произойдетъ въ Высокѣ уже давно ожидаемое событіе.

Минетъ Аркадію Дмитріевичу 21 годъ, и въ этотъ день опека по закону прекратится. Онисимъ Абрамычъ долженъ будетъ сдать

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., т. LXXVIII, стр. 5.

всѣ дѣла, а господа Басановы вступаютъ во владѣніе заводами. Но что будетъ затѣмъ,—представлялось смутно мыслямъ всѣхъ обитателей Высоксы. Но, однако, всѣмъ представлялось или чудилось нѣчто, очень похожее на бурю.

— Будетъ,—какъ выражался уже давно старикъ Змглодь,—будетъ сущій трусъ и потопъ!

Въ сумерки, въ правомъ флигелѣ, въ угловой горницѣ, сидѣлъ у друга въ гостяхъ Михались. Здѣсь жилъ князь Абашвили, по имени Давыдъ, въ честь своего дяди, долго всѣми проклинаемаго въ домѣ князя Давыда Никаева. Князь недавно явился въ Высоксѣ.

— Знаешь ли ты,—говорилъ Михались,—какой нынче день? Ровно черезъ мѣсяцъ Аркашкѣ минетъ 21 годъ, и, стало быть, Аньку уберутъ и начнутъ всѣмъ править братья. И какъ это все пойдетъ и наладится, вотъ ужъ который годъ мы все соображаемъ и ничего придумать не можемъ. Покорится Аркашка со своими всѣми «братцевыми», то будемъ жить мирно и тихо, будетъ всѣмъ владствовать нашъ Олимпій Дмитріевичъ. Не покорится Аркашка, тогда война пойдетъ. Ужъ первое, что потребуетъ Олимпій Дмитріевичъ, будетъ неприятно его братцу...

И Михались разсмѣялся громко и нѣсколько ехидно.

— А знаешь ли что?—прибавилъ онъ вопросительно.—Я сейчасъ узналъ отъ Олимпія Дмитріевича.

— Что такое?

— А первое, что онъ потребуетъ, чтобы братецъ Аркадій Дмитріевичъ очистилъ свои комнаты, уходилъ жить, куда хочетъ, чтобы строилъ себѣ новыя палаты, хотя и лучше этихъ, да чтобы другія были. А здѣсь мы расположимся. Мнѣ вотъ этотъ весь правый флигель обѣщанъ. Олимпій Дмитріевичъ займетъ весь домъ и спальню свою устроитъ изъ двухъ комнатъ, что у средняго балкона. И для того стѣну сломаетъ.

— А Сусанна Юрьевна?—замѣтилъ князь.

Михались громко разсмѣялся, какъ если бы его собесѣдникъ сказалъ самую большую нелѣпость.

— Глупый ты человѣкъ! Да неужто же ты полагаешь, что Сусанна Юрьевна останется еще здѣсь? Довольно пожила, слава тебѣ Господи! Когда еще ее чортъ принесъ! Ей пятьдесятъ лѣтъ, а она поступила здѣсь въ любовницы къ старому хрычу—дядѣ, когда ей всего, говорятъ, было годовъ около двадцати. И чего только она не натворила тутъ! Все, что за это время было худого въ Высоксѣ, все дѣло ея рукъ! Ты—новый человѣкъ, а спроси-ка вотъ, что тебѣ скажутъ... И молодого Алексѣя Аникитича она уходила, извела и похоронила. И стараго своего обожателя Аникиту уходила, приказавъ его придушить кому-то ночью. И Дмитрія Андреевича женила на наслѣдницѣ всѣхъ заводовъ, когда она,

бѣдная, обожала твоего дядю, князя Давыда. А потомъ она же Гончаго подсунула, чтобы тотъ накрылъ твоего дядю и привелъ бы Дмитрія Андреевича убійство сгоряча учинить. А затѣмъ онъ въ главные заправилы попалъ опять таки по ухищренью Сусанны Юрьевны. Она изъ-за этого въ Петербургъ ѣздила. Такъ вотъ, начудивъ такъ-то, пора ей теперь ужъ уходить отсюда. Какъ только объявится совершеннолѣтіе Аркадія Дмитриевича, такъ сейчасъ же ее, голубушку, попросятъ отсюда вонъ. Ну, конечно, за ней слѣдомъ выѣдетъ и «Безрукій» лѣшій.

— Но что же будетъ?—спросилъ Абашвили.—Вѣдь всѣ у васъ сказываютъ, что заводамъ не устоять. По пословицѣ «два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживаются». Всѣ сказываютъ, что ума не приложишь къ этому дѣлу.

— Подумаемъ!—выговорилъ Михалисъ такъ важно, какъ будто бы онъ самъ вступалъ въ права наслѣдства.—Есть одно средство вѣрное!—прибавилъ онъ.—Пускай братецъ и всѣ «братцевы» покорятся. Жилъ же онъ со своими подъ опекой «Безрукаго». Ну, а впередъ пускай довольствуется жить подъ опекой старшаго брата. Я даже скажу, что Олимпій Дмитриевичъ, управляя Высоксой, прижимать не станетъ брата. Напротивъ того, будетъ съ нимъ въ ладу, будетъ ему позволять все, что тотъ пожелаетъ, и денегъ будетъ давать много. Только не суйся онъ въ управленіе. И вотъ обида! Самъ-то онъ, Аркашка, пошелъ бы на это, да его сподручники не хотятъ. Ну, вотъ и придется дѣлить Высоксу...

— Да вѣдь дѣлить же нельзя?—замѣтилъ князь.

— Нельзя! Все можно! Трудно, а все-таки можно! Раздѣлять заводы пополамъ, припишутъ къ каждой половинѣ крестьянъ и земли, а тамъ начнутъ строить новыя домны. Пускай этимъ занимается Аркадій Дмитриевичъ, а нынѣшнія домны, понятное дѣло, достанутся Олимпію Дмитриевичу, какъ старшему. Онъ же—поблизости отсюда, отъ главныхъ барскихъ палатъ.

Собесѣдники замолчали, и наконецъ князь Абашвили выговорилъ какъ-то загадочно, будто нехотя:

— Ну, положимъ, Высокса—Высоксой. Какъ нибудь подѣлятся! Вѣдь нельзя же ей быть все однимъ кускомъ. Женятся оба Басановы, и будутъ у нихъ дѣти—сыновья помрутъ всѣ, явятся наслѣдники, пожалуй, десять человекъ Басановыхъ, двоюродныхъ. Вѣдь не могутъ же они вѣки вѣчныя всѣ вмѣстѣ управлять однимъ кускомъ, однимъ имѣніемъ? Стало быть, Высоксу, какъ ни толкуй, рано ли, поздно ли, все-таки дѣлить надо. А ты вотъ что мнѣ поясни... Сказывали мнѣ здѣсь, что будто есть еще загвоздка. Есть кое-что обоимъ братцамъ дорогое, что подѣлить уже совсѣмъ нельзя. Нѣчто такое. Правда ль это?

Михалисъ удивленно поглядѣлъ въ лицо князя и наконецъ выговорилъ:

— Что же такое?

— А есть, сказывали мнѣ, нѣкто такой, кого подѣлить совѣмъ нельзя...

— Охъ, понялъ, понялъ!—воскликнулъ Михалисъ.—Да ты же сказываешь «нѣчто такое», а выходитъ это человѣкъ... Дѣвица!.. Ну, это, братецъ ты мой, легче. Высоксу не выкрадешь, а это можно выкрасть. Съ этимъ дѣломъ можно въ одинъ часъ времени порѣшить.

— Какимъ же способомъ?—спросилъ князь.

— Да просто! Кто посильнѣе, тотъ и завладѣетъ.

— Такъ-то такъ, но я полагаю, что изъ этого можетъ возгорѣться пушная вражда, чѣмъ изъ-за самыхъ заводовъ. Тутъ ужъ прямо братья на ножи пойдутъ.

— Можетъ быть! Только ножъ у Олимпія Дмитріевича подлиннѣе, чѣмъ у братца. Да потомъ еще невѣдомо, кого она сама выберетъ. Выберетъ Олимпія Дмитріевича, такъ тотъ молчи!

— Вотъ въ томъ-то и сила,—отозвался князь,—что, по всей видимости, красавица-то любить и уже давно Аркадія Дмитріевича, а Олимпія-то Дмитріевича только боится. А онъ сильнѣе во всемъ своего братца. Стало быть, что же изъ этого должно выйти? Одолѣетъ старшій Басановъ, а она всѣмъ сердцемъ къ младшему. Что же выйдетъ?

— Да опять то же!—разсмѣялся Михалисъ.—И тутъ выйдетъ столпотвореніе! Что дѣлать! Видно, ужъ такое заколдованное мѣсто—Высокса, что въ ней должны происходить всякія такія дѣла, что даже въ Москвѣ и въ Питерѣ откликаются. Чего у насъ тутъ въ домѣ не бывало! Тутъ и душили, тутъ и рѣзали, тутъ и застрѣливали, тутъ и покойники ходили.

— Ну, ходилъ-то дядя!—разсмѣялся князь.

— Ну, положимъ, ходилъ, и накрыли его. А почему знать? Можетъ, прежде чѣмъ онъ выдумалъ скоморошествовать да наряжаться, можетъ, и самъ Аникита Ильичъ и впрямь ходилъ?.. Говорятъ, что всѣ не своей смертью скончавшіеся ходятъ.

— И вдругъ, Платонъ, изъ-за этой Змглюдки здѣсь опять смертоубійство произойдетъ!—воскликнулъ князь весело.

— Кто же кого? Старшій умница, а младшій—плакса.

— Мнѣ такъ со стороны сдается, что онъ и самъ не знаетъ, а такъ шибко любить ее, что на все пойдетъ.

— Въ этомъ дѣлѣ не грѣхъ Олимпію Дмитріевичу и уступить бы братцу. У него самого сотня перебивала, и еще будетъ сотня скоро.. А у Аркашки никого нѣтъ и не было.

И Михалисъ разсмѣялся презрительно.

IX.

Онисимъ Абрамычъ, принимая просителей и докладчиковъ, былъ настолько разстроены и сумраченъ, что почти никого не слушалъ, очевидно, думая о другомъ. Отпустивъ разныхъ канцеляристовъ, подписавъ кое-какія бумаги, отложивъ двѣ или три въ сторону для подписи самой опекунши, онъ вдругъ прекратилъ пріемъ, объявивъ его назавтра.

Позвавъ Теофана, онъ рѣзко выговорилъ:

— Ступай къ Олимпію Дмитріевичу и скажи, что я желаю его видѣть. Пускай онъ самъ ко мнѣ пожалуетъ, или я къ нему приду. Понялъ?

— Понялъ-съ!—отозвался Теофанъ.

— Да, что ты понялъ? Пойми толкомъ. Никогда я у него не бывалъ, всегда вызывалъ къ себѣ. А теперь видишь что! Стало быть, съ этого начини, Онисимъ Абрамычъ желаетъ, молъ, съ вами повидаться, побесѣдовать и будетъ у васъ. Если же желаете, то пожалуйте наверхъ. Доложи ему такъ, чтобы онъ раскусилъ. Онъ—умный, сейчасъ почуветъ, что ему почуять слѣдъ.

Теофанъ отправился въ правое крыло дома. Въ комнатахъ Олимпія Дмитріевича стоялъ гулъ голосовъ. У него было до десяти человѣкъ гостей, изъ коихъ только двое изъ губернскаго города, остальные же свои приспѣшники и прихлебатели.

Лакей доложилъ о Теофанѣ Платону Михалису, Михалисъ передалъ Олимпію. Теофанъ слышалъ, какъ въ гостиной раздался гулкой хохотъ. Чей-то голосъ воскликнулъ:

— Началъ хвостъ поджимать!...

Теофану, любившему своего барина—Онисима Абрамыча, стало досадно и обидно.

«Ладно!—подумалъ онъ про себя.—И волки хвосты поджимаютъ, а все-жъ таки они—волки».

Олимпій приказалъ отвѣчать, что самъ тотчасъ же будетъ у Онисима Абрамыча.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ онъ уже поднимался наверхъ. Онъ нашелъ Гончаго задумчивымъ и ходящимъ по своему кабинету изъ угла въ уголъ медленной походкой человѣка волнующагося.

Главный управляющій и молодой человѣкъ поздоровались и сѣли молча.

— Побесѣдуемъ толкомъ!—вымолвилъ Гончій.—Дѣло не спѣшное, но важное, надо его непременно такъ ли, сякъ, ли порѣшить!

— Знаю, знаю!—отозвался вдругъ Олимпій.—И не хочу вѣрить, что вы не можете. А если нельзя, то я и обойдусь...

Гончій на минуту удивился и присмотрѣлся къ его лицу.

— Нѣтъ, Олимпій Дмитріевичъ, вы ошибаетесь! Вы насчетъ чего-то другого...

— Знаю, — повторилъ Басановъ. — Вы будете говорить, что не можете мнѣ дать три-четыре тысячи на обновленіе и передѣлку охотнаго дома. Не вѣрю я, чтобы у васъ такихъ деньжонокъ не было. А просто не хотите вы. Считаете, что это моя прихоть. Мнѣ бы хотѣлось опять завести охоту, какая была при батюшкѣ, а охотный домъ чуть не сгнилъ. Я уже справлялся, посылалъ разузнавать! Чтобы вновь отдѣлать охотный домъ, купить собакъ въ столицѣ или у кого изъ сосѣдей, и на все другое, разное, нельзя меньше трехъ тысячъ. Впрочемъ, повторяю, обойдусь своими...

Гончій улынулся и вымолвилъ:

— Ну, а я совсѣмъ не объ этомъ хочу съ вами потолковать! Мое дѣло поважнѣе охотнаго дома. Что же касается этой вашей затѣи, такъ вотъ...

Гончій всталъ и приотворилъ дверь, крикнулъ Теофана и приказалъ:

— Сходи отъ меня въ коллегію. Снеси вотъ... Чтобы сейчасъ же... Получи и принеси!

И Гончій передалъ Теофану бумажку, на которой черкнулъ нѣсколько словъ. Затѣмъ онъ сѣлъ снова и заговорилъ:

— Вотъ что, Олимпій Дмитріевичъ, черезъ мѣсяць братецъ вашъ будетъ совершеннолѣтній! Опека снимется!.. Дѣломъ этимъ, стало быть, пора заняться сейчасъ же. Сдача такого управленія, какъ Высокскіе заводы, — мудреное дѣло. И вмѣсто того, чтобы начинать его со дня рожденія Аркадія Дмитріевича, я бы желалъ начать его тотчасъ. Поэтому мнѣ нужно, чтобы вы мнѣ прямо объяснили, что вы предполагаете дѣлать. Какія ваши намѣренія?

— Я еще покуда, Онисимъ Абрамычъ, — отозвался Олимпій, — ничего особеннаго не придумалъ! Да я же одинъ и не могу. Надо въ согласіи съ братцемъ.

Гончій улынулся.

— Въ согласіи съ братцемъ? — повторилъ онъ. — Эта задача еще мудренѣе, чѣмъ сдача дѣлъ заводскихъ! У васъ, къ несчастію, сего, т.-е. согласія, никогда не бывало.

— Это точно! — улынулся Олимпій и вдругъ, нахмурившись, прибавилъ: — Я въ этомъ не виноватъ! Онъ — слабодушный, у него семь пятницъ на одной недѣлѣ. Я съ нимъ тысячи разъ мирился, тысячи разъ уговаривалъ жить въ дружбѣ. И что же изъ этого вышло? Послушаетъ онъ меня — согласится, потомъ послушаетъ другого — иначе разсуждаетъ, а тамъ третій, четвертый прибѣгутъ... И что послѣдній кто ему скажетъ, то и онъ повторяетъ. Съ такою мельницей какое же согласіе можетъ быть? Какой вѣтеръ подулъ, по тому вѣтру эту мельницу и повернуло.

— Вотъ по той причинѣ, — отвѣтилъ Гончіи, — что я считаю васъ умнымъ, дѣльнымъ человѣкомъ, у котораго одна пятница, а не семь, я съ вами и хочу потолковать! Что вы рѣшите, то и будетъ. А что пожелаетъ Аркадій Дмитриевичъ, будетъ уже дѣломъ второстепеннымъ. Однимъ словомъ, я считаю, что все зависитъ отъ васъ. Итакъ, прямо скажите мнѣ: при совершеннолѣтіи Аркадія Дмитриевича оставите ли вы меня управляющимъ вашими заводскими дѣлами такъ же, какъ и теперь? Понятное дѣло, что теперь я надъ вами главный вмѣстѣ съ Сусанной Юрьевой, а тогда уже вы, два брата, будете главными лицами, я же буду исполнять ваши приказанія. Но я хочу теперь же знать, оставите ли вы меня?

Олимпій вдругъ видимо смутился. Онъ собрался что-то сказать, запнулся, потомъ опять двинулъ языкомъ, но вымолвилъ что-то совершенно непонятное. И, наконецъ, онъ выговорилъ рѣзко, будто разсердясь на самого себя.

— Я ничего сказать не могу! Все въ согласіи съ братцемъ должно...

— Позвольте, оставимъ согласіе брата въ сторонѣ! Я у него его согласія въ свой чередъ могу попросить. Вы мнѣ скажите про себя и скажите прямо, честно. Оставьте вы меня управителемъ или нѣтъ? Если нѣтъ — я сейчасъ же попрошу, чтобы прислали кого нужно изъ столицы для наблюденія надъ сдачей заводскаго управленія. Этого намъ больше чѣмъ на три мѣсяца хватить. Ну-съ, стало, отвѣчайте прямо: сдавать мнѣ, готовиться къ отставкѣ и уходу отъ дѣлъ или нѣтъ? Я знаю, что вы — человѣкъ правдивый, прямой, и юлить не станете.

Олимпій совершенно насупился, глядѣлъ въ сторону своими ястребиными глазами и въ сотый разъ удивилъ Гончаго своимъ поразительнымъ сходствомъ съ дѣдомъ Аникитой Ильичемъ.

— Прямо скажу, Онисимъ Абрамычъ, — заговорилъ Олимпій сурово. — Мнѣ бы хотѣлось управлять самому, конечно, вмѣстѣ съ братцемъ. Управитель главный, конечно, намъ нуженъ. Но разсудите, что вамъ быть подъ нашей командой не пристало. Согласія не будетъ. Вы пятнадцать лѣтъ были полнымъ хозяиномъ. Какъ же вдругъ вы будете наши приказанія исполнять? Каждое изъ нихъ будетъ вамъ казаться неподходящимъ, неправильнымъ, а намъ будетъ казаться самымъ настоящимъ. Что же тутъ выйдетъ? Къ при-мѣру скажу. Вы вотъ соорудили плотину около Проволочнаго завода, стоила она страшныхъ денегъ. А я бы этого никогда не сдѣлалъ! Да и всѣ говорятъ въ Высокѣ, что стоила она безумныхъ тратъ, а ни на что не нужна.

Гончіи вдругъ измѣнился въ лицѣ. Это былъ главный упрекъ, который дѣлала ему вся Высокса. Но Гончіи самъ зналъ отлично, что сооруженіе этой плотины было необходимо не для заводовъ, а для искуснаго и мнимаго увеличенія долговъ, лежащихъ на заводахъ.

Онъ собрался отвѣчать, но въ эту минуту вошелъ Теофанъ и передалъ ему что-то въ бумагѣ, перевязанной тесемочкой. Гончій развернулъ. Это были четыре пачки сѣрыхъ билетовъ—четыре тысячи рублей.

— Вотъ-съ! Для охотнаго дома!— произнесъ онъ, передавая деньги молодому человѣку.

Лицо Олимпія прояснилось.

— Кстати, позвольте прибавить... Если бы я былъ управителемъ вашимъ, то дѣла пошли бы такъ же, какъ шли до сихъ поръ. Порядливо и успѣшно. Едва вы станете совсѣмъ независимыми, какъ въ качествѣ молодыхъ людей оба захотите какъ можно меньше имѣть заботъ и какъ можно больше денегъ. При моемъ управленіи денегъ вы будете получать вволю. Больше, чѣмъ вы думаете. Если вы останетесь съ какимъ нибудь наемнымъ управителемъ, ничего не понимающимъ, вы скоро запутаете всѣ дѣла и придетъ время, когда и четырехъ тысячъ на какую нибудь затѣю у васъ не будетъ. Не проще ли было бы жить вамъ въ свое удовольствіе, а всѣ заботы поручить человѣку, который уже пятнадцать лѣтъ къ нимъ привыкъ?

И Гончій вопросительно поглядѣлъ на Олимпія, ожидая отвѣта.

Прошло мгновеніе и показалось ему вѣчностью.

— Не могу я, Онисимъ Абрамычъ, скажу по совѣсти, — наконецъ тихо отвѣтилъ Олимпій. — Оставаясь нашимъ управителемъ, вы непременно захотите управлять по-своему, а не по-нашему. И если брату будетъ это все равно, то мнѣ оно покажется... какъ бы связать? Кажеться, обиднымъ. Мнѣ сдается, что всякій дворовый человѣкъ, всякій заводскій и всякій деревенскій мужикъ будетъ на меня, своего барина, смотрѣть, какъ на какого приживальщика, а не какъ на барина. Всякій будетъ знать во всей Высоксѣ, что если нужно что, дѣло какое, просьба ли какая, — все зависитъ отъ Онисима Абрамыча, а не отъ господъ Олимпія или Аркадія Дмитриевичей! Такъ жить, воля ваша, нельзя! Опять скажу, если бы вы остались, какъ желаете, нашимъ управителемъ, то съ братцемъ, можетъ быть, вы ладить бы стали, а я съ вами никогда не полажу. Мало ли что захочу я сдѣлать, а вы будете противиться. Повѣрьте, черезъ мѣсяцъ мы поссоримся, и вы сами уйдете, и мы будемъ еще пуцими врагами. Такъ не проще ли вамъ сдать дѣла и жить въ Высоксѣ, хотя бы даже вотъ и въ домѣ, и быть нашимъ совѣтникомъ. Въ иномъ дѣлѣ мы съ братцемъ будемъ обращаться къ вамъ, а вы будете намъ совѣтовать. Каждый разъ, что мы съ нимъ въ чемъ не согласимся, вы, третій человѣкъ, разсудите.

Наступило молчаніе, такъ какъ Гончій не отвѣтилъ ни слова, угрюмо задумался и слегка опустилъ голову.

— Это ваше послѣднее слово? — выговорилъ онъ наконецъ глухо.

— Да... Что же?.. Я не могу!.. Я прямо правду говорю. Скажите братцу, и онъ, хоть и мельница, а все-таки, полагаю я, скажетъ вамъ то же. Онъ тоже хочетъ самъ управлять.

— Не можете вы двое, дравшіеся съ малолѣтства, — рѣзко говорилъ Гончій, — не можете вмѣстѣ пироги печь, кашу варить, не только заводами управлять! Одно спасеніе было бы раздѣлиться, но это...

— Ну, что-жъ, раздѣлимся!

— Раздѣлитесь?.. Да есть ли хоть одинъ человѣкъ разумный, который бы вамъ сказалъ, что раздѣлиться можно? Это разрушеніе и погибель Высокскихъ заводовъ.

Гончій началъ горячо доказывать, что раздѣлъ невозможенъ. Олимпій зналъ это давно и молчалъ.

Гончій, вдругъ замѣтивъ въ лицѣ молодого Басанова нетерпѣливо презрительное выраженіе, сразу смолкъ, а затѣмъ выговорилъ гордо и холодно:

— Да. Я вижу, что вамъ хоть колъ на головѣ теши... Толку не будетъ...

— Толкъ будетъ, Онисимъ Абрамовичъ, — рѣзко и недружелюбно отрѣзалъ Олимпій, вставая. — Будетъ толкъ! Только не тотъ, который вамъ желателенъ. Всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ. Вы захотѣли тесать колъ на моей головѣ, а она оказалась твердой... Тѣмъ лучше для меня.

Гончій изумленно поглядѣлъ въ лицо молодого человѣка... Олимпій пошелъ изъ комнаты, улыбаясь самодовольно и презрительно вмѣстѣ... Гончій проводилъ молодого человѣка до двери и, оставшись одинъ, выговорилъ глухо:

— Ну, погоди же... Аникитово отродіе!.. Я тебѣ себя покажу... Поросенокъ!.. И какъ же я этого духу не видалъ, не замѣтилъ, проморгалъ?..

Олимпій между тѣмъ, быстро спустившись внизъ, вернулся къ себѣ и, найдя своихъ гостей, тотчасъ разсказалъ свое объясненіе съ главнымъ управителемъ.

Михались первый началъ смѣяться и подшучивать, а затѣмъ и всѣ стали вторить ему.

X.

Гончій былъ не только изумленъ, но пораженъ. Прежде, тому назадъ еще года четыре, въ немъ была увѣренность, что братья, враждующіе между собой и не имѣющіе возможности раздѣлить состояніе, сами будутъ просить его управлять всѣмъ попрежнему. За послѣднее время сдавалось, что онъ ошибся въ расчетѣ. Онъ могъ себѣ сказать, что промахнулся по пословицѣ: «на всякаго мудреца довольно простоты».

Сдѣлавшись важнымъ лицомъ въ Высоксѣ послѣ смерти Басанова, онъ былъ занятъ дѣлами и почти совершенно не вмѣшивался въ воспитаніе молодыхъ людей. Это было дѣломъ Касаткиной. Въ дѣйствительности никто мальчиковъ не воспитывалъ. Разные учителя мѣнялись, обучая ихъ кое-чему, а воспитаніе въ сущности совершалось той средой, въ которой они выросли. Нахлѣбники и дворовые воспитывали ихъ.

Покуда Басановы были мальчиками, Гонцій даже не обращалъ на нихъ никакого вниманія и мало видалъ. Когда они стали юношами, то онъ болѣе интересовался ими, чаще видѣлъ и во всемъ систематически старался объ одномъ: чтобы они еще болѣе возненавидѣли другъ друга и полюбили его. Лучшее средство къ этому было, конечно, одно: поблжка во всемъ обоимъ, а въ распрѣ ихъ поблжка старшему, какъ сильнѣйшему. Такимъ образомъ юноши Басановы были вполне свободны и дѣлали, что хотѣли, вѣрнѣе, дѣлали то, что хотѣли ихъ друзья наперсники и окружающіе этихъ друзей ихъ собственные любимцы.

Оказывалось теперь, что поблжка ни къ чему не привела. Братья продолжали враждовать, слушались во всемъ своихъ «лебезителей», какъ прозвалъ Гонцій ихъ любимцевъ, а его самого и оба брата и ихъ оба лагеря — равно не любили. Онъ промахнулся. И даже вдвойнѣ. Онъ зналъ Олимпія, какъ человѣка умнаго, съ твердой волей, ясно видѣлъ, что молодой человѣкъ уродился прямо въ своего дѣда, но все-таки онъ не ожидалъ найти въ немъ ту смѣлость и даже рѣзкость, съ которой тотъ теперь заговорилъ.

— Просто слѣпота какая - то на меня нашла!—говорилъ себѣ Гонцій.—Взялся бы во время, то все бы на свой ладъ наладилъ. А теперь поздно...

Сусанна Юрьевна, узнавъ подробно о результатѣ разговора съ Олимпіемъ, тоже какъ будто слегка удивилась. Она почему-то всегда надѣялась, что по достиженіи совершеннолѣтія оба брата согласятся оставить Гончаго главнымъ руководителемъ всѣхъ дѣлъ. Она думала, что молодые люди захотятъ веселиться, и что занятіе дѣлами покажется обоимъ равно страшной обузой.

— Не вѣрится мнѣ какъ-то!—сказала она, выслушавъ объясненіе Гончаго.—Это онъ вдругъ на себя напустилъ. Посмотри, не пройдетъ года, надоѣстъ ему вся эта обуза, и онъ захочетъ освободиться, захочетъ имѣть управителя.

— Да,—отозвался Гонцій,—знаю это навѣрное. Сдастъ всѣ дѣла и ни во что входитъ не станетъ. Но только сдастъ не мнѣ, а тому же пролазу и хитрецу Платошкѣ Михалису. Больше скажу. Михалисъ его и подбиваетъ, чтобы получить самостоятельное управленіе въ руки.

Сусанна вызвалась переговорить сама съ обоими «племянниками», какъ она ихъ называла, хотя была только родственницей.

— Ничего не будетъ!—рѣшилъ Гончій.—Аркадій мямя, колпакъ, попросту сказать, дуракъ. А этотъ хоть и уменъ, но творить то, что Михались пожелаетъ.

Переговоры Сусанны Юрьевны съ обоими молодыми людьми не привели, однако, ни къ чему. Олимпій ее тоже удивилъ. Онъ будто отчасти скрывался до сихъ поръ, и мягкость, съ которой онъ обращался постоянно съ ней и по отношенію къ Гончему, оказывалась теперь какъ бы напускная. Теперь онъ будто снялъ маску, онъ говорилъ рѣшительно и болѣе чѣмъ когда либо поглядывалъ взглядомъ своего дѣда исподлобья упорно.

Онъ заявилъ «тетушкѣ», что, несмотря ни на что, желаетъ самъ управлять своимъ имуществомъ, а Гончій не можетъ послѣ полной независимости сдѣлаться вдругъ подначальнымъ.

— Только ссориться будемъ!—сказалъ онъ.—И въ концѣ концовъ очень скоро самъ Онисимъ Абрамычъ не захочетъ оставаться.

Разговоръ Сусанны Юрьевны съ Аркадіемъ, конечно, тоже не привелъ ни къ чему. Молодой человѣкъ отвѣчалъ, что онъ на все согласенъ, радъ бы, чтобы Гончій оставался и управлялъ всѣмъ, но что его согласіе безъ брата ничего не значить.

На слѣдующій день довольно рано Гончій, послѣ доклада нѣсколькихъ человѣкъ, спустился внизъ, прошелъ въ правое крыло дома и, вдругъ появившись въ комнатахъ Олимпія Дмитриевича, попросилъ Михалиса и двухъ молодыхъ людей оставить его наединѣ съ барининомъ. Онъ заявилъ Олимпію, что пришелъ послѣдній разъ спросить у него рѣшительнаго отвѣта.

Олимпій слегка гнѣвно, но холодно и спокойно отвѣтилъ, что перемѣны въ мысляхъ его нѣтъ никакой. Онъ объяснилъ:

— Разсудите сами, Онисимъ Абрамычъ, главное обстоятельство, про которое я вамъ уже сказывалъ. Нельзя вамъ, послѣ долгой привычки быть полнымъ хозяиномъ, вдругъ попасть подъ мою команду. А мнѣ быть попрежнему подъ вашей не будетъ значить, что я управляю. Чѣмъ больше я думаю объ этомъ, тѣмъ больше вижу, что желаемое вами совершенно невозможно.

Черезъ нѣсколько минутъ Гончій уже вышелъ изъ комнатъ и, пройдя весь домъ, отправился въ лѣвый флигель. Аркадій Дмитриевичъ, узнавъ о появленіи главнаго управителя, смутился такъ, какъ если бы его поймали въ какойнибудь шалости.

Начавъ съ нимъ говорить, Гончій тотчасъ же увидѣлъ ясно то, что и предполагалъ. Никакіе переговоры съ молодымъ человѣкомъ ни къ чему повести не могли. Аркадій соглашался положительно на все, но прибавлялъ:

— А вотъ какъ братецъ! Я безъ братца не могу!

Гончій сумрачный вернулся къ себѣ и тотчасъ же приказалъ управляющему канцеляріи писать бумагу въ дворянскую опеку.

Въ это же самое время Олимпій, извѣщенный о томъ, что Гончій

переговаривался съ его братомъ, тотчасъ же послалъ сказать Аркадію, что желаетъ съ нимъ видѣться, перетолковать и просить его къ себѣ. Когда Аркадій явился къ брату, то былъ нѣсколько удивленъ. Олимпій встрѣтилъ его словами:

— Обнимемся и поцѣлуемся!

Разумѣется, Аркадій крѣпко обнялъ брата и, расцѣловавшись, совершенно былъ растроганъ.

— Слушай, братъ! — заговорилъ Олимпій, сѣвъ и усадивъ его около себя.— Пришли времена такія, что намъ надо зажить на иной ладъ. Пословица сказываетъ: «кто старое вспоманетъ, тому глазъ вонъ». Мы съ тобой завсегда враждовали, маленькими дрались, а когда были большими, то ссорились на иной ладъ, еще почитай хуже. И это потому, что наши разные блюдолизы да прихлебатели насъ только другъ на друга наускивали. Меня—мои, тебя—твои! Теперь всему этому должна быть перемѣна. Хочешь ли ты сего?

— Повятно, братецъ! Я всегда желалъ съ тобой въ дружбѣ жить.

— Ну, и слава Богу! Я въ чемъ былъ виноватъ, прошу у тебя прощенія и впередъ постараюсь всячески себя сдерживать. Только одного прошу у тебя. Не слушай ты, что будутъ тебѣ напѣвать твои всѣ, которыхъ здѣсь прозвали «братцевыми». А я тебѣ обещаю, что мои «бариновы» тоже замолчатъ. Я-то съ моими всегда справлюсь! Прежде всего скажи мнѣ, хочешь ли ты вмѣстѣ со мной всѣмъ управлять, или хочешь, чтобы оставался Гончій.

— Это, братецъ, какъ вамъ угодно!

— Я хочу, чтобы онъ уходилъ, а ты какъ хочешь?

— Ну, что же? Пускай уходитъ.

— Твердо ты это порѣшилъ?

— Коли ты желаешь, чтобы онъ уходилъ, то и я желаю. Что вы, то и я...

— Хорошо! Теперь скажи, какъ ты полагаешь, что намъ дѣлать: раздѣлиться, или вмѣстѣ управлять всѣми заводами?

— Опять таки, братецъ, какъ ты желаешь.

Олимпій толково объяснилъ брату то, что тотъ, впрочемъ, давнымъ давно зналъ—о невозможности раздѣлить заводы на двѣ части безъ огромныхъ затратъ, совершенно непроезводительныхъ.

— Зачѣмъ дѣлиться?—сказалъ Аркадій.—Будемъ вмѣстѣ жить и вмѣстѣ всѣмъ править.

Олимпій снова обнялъ брата, и оба снова расцѣловались. Старшій крѣпко, а младшій горячо. Аркадій былъ тронутъ. Сердечный и чувствительный на ласку, онъ однако ни отъ кого за всю свою жизнь ея не видалъ, если исключить друга Ивана Змглода и его сестру. Его всегда тяготила вражда съ братомъ, искусственная, устроенная наперсниками, такъ какъ самъ онъ противъ брата ничего имѣть не могъ. Дѣтьми они дрались, и Аркадію приходилось плохо, а злобы на брата драчуна и тогда не являлось. Теперь онъ

строго судилъ брата только за его—какъ говорила Высокса—«бабоѣдство». Но это до него прямо не касалось.

Предложеніе брата, неожиданное и отрадное, жить въ мирѣ, впервые, что они были на свѣтѣ,—растрогало Аркадія, а Олимпій умный и безсердечный увидѣлъ, что «плаксу» водить за носъ надо ласковымъ обращеніемъ.

«И хоршее дѣло!—подумалъ онъ.—Ласка ничего не стоитъ, а на него, дурака, дѣйствуетъ. Не знаю, почему я раньше не догадался. Впрочемъ раньше плевать мнѣ было на него. А вотъ теперь важно, что нашелся фортель, какъ мнѣ имъ орудовать».

— Я всегда, братъ, жалѣлъ, что мы все вздоримъ,—говорилъ онъ.—Ну, маленькими сопляками дрались мы—это завсегда промежъ всѣхъ братьевъ было и будетъ на свѣтѣ. А вотъ теперь, когда мы уже съ тобой не махонькіе, — то это самое враждованіе только на руку разнымъ прохвостамъ. На руку было бы и Гончому. Я знаю, что онъ имѣлъ въ умѣ оставаться на вѣкъ заправилой, зная, что мы вмѣстѣ не управимъ, повздоримъ. Ну, вотъ наша теперешняя дружба,—прибавилъ Олимпій,—подарочекъ, которымъ подавится «Безрукій».

И онъ снова обнялъ и расцѣловалъ брата.

Аркадій вышелъ и былъ совершенно счастливъ....

XI.

— Ну, стало быть, сегодня петлю накидывать!—шутилъ Гончій, злобно усмѣхаясь. Онъ только что проснулся и еще лежалъ въ постели, потягиваясь.

— Да, голубчики... На заднія лапы сядете и хвосты подожмете!—разсмѣялся онъ снова, уже выходя въ кабинетъ.

Около полудня Гончій послалъ Теофана къ Олимпію просить его къ себѣ. Басановъ сначала удивился и хотѣлъ отвѣтить отказомъ, чтобы Гончій понялъ, насколько времена перемѣнились... Подумавъ, онъ отвѣтилъ:

— Сейчасъ буду!

Гончій принялъ молодого человѣка вѣжливо, холодно и сталъ говорить, что ему очень любопытно узнать, какъ братья намѣрены дѣйствовать, вступивъ въ управленіе.

— Если бы возможенъ былъ раздѣлъ, то и толковать нечего. Разрѣзать всю вотчину пополамъ...

— Понятное дѣло—пополамъ,—отозвался Олимпій.

— Да. Поровну. Но это не возможно. Высокса не простая вотчина съ посѣвами да съ запашками. А если бы такъ, то дѣло самое простое. Только одному изъ двухъ братьевъ новую усадьбу себѣ выстроить. А тутъ что же дѣлать, когда раздѣлиться нельзя?

— Нѣтъ, многіе говорятъ, что можно раздѣлиться, — отвѣтилъ Олимпій.

— Кто же это говорить?

— Да вотъ хоть бы Платонъ.

— Михались!—ехидно произнесъ Гончій.—Пожубопытствовалъ бы я узнать, какъ онъ раздѣлитъ.

— Онъ говоритъ, что можно отдѣлить дальніе заводы. Если мы двое не уживемся вмѣстѣ, то одинъ изъ насъ двухъ выстроить себѣ новый барскій домъ. На это и мѣсто есть подходящее—у Мохнатой горы, гдѣ рощу можно сейчасъ въ большой садъ обратить.

— А домны?

— Домны новыя, особенныя, надо выстроить.

— Ну, что же и хорошее дѣло,—усмѣхнулся Гончій:—если Михались такой знающій распорядитель! Онъ же можетъ быть у васъ и управителемъ. Теперь скажите мнѣ второе, Олимпій Дмитріевичъ. Какъ вы думаете поступить насчетъ уплаты долговъ? Въ случаѣ сдачи мной управленія и снятія опеки, я знаю, что двое главнѣйшихъ Высокскихъ кредиторовъ пожелаютъ имѣть свои деньги тотчасъ же. Какимъ путемъ думаете вы устроить эту уплату?

Басановъ зорко, пытливо присматривался къ лицу Гончаго, и лицо его стало сурово.

— Какіе долги?—выговорилъ онъ наконецъ нетвердымъ голосомъ.

— Долги по заводамъ.

— Сколько?

— Около девятисотъ тысячъ. Милліонъ...

Олимпій разинулъ ротъ, хотѣлъ что-то сказать, но голосъ дрогнулъ, лицо стало мѣняться и слегка поблѣднѣло.

— Милліонъ?! Выдумки!..—выговорилъ онъ наконецъ.

И въ этихъ двухъ словахъ прозвучало что-то особенное, снова удивившее Гончаго... Это былъ голосъ Аникиты Ильича. Казалось, что старикъ въ эту минуту пришелъ съ того свѣта, сталъ за стуломъ своего внука и за него произнесъ эти слова.

— Я не считалъ нужнымъ объявлять вамъ объ этомъ прежде,—отвѣтилъ Гончій холодно.—Правленіе до васъ не касалось, а Су-саннѣ Юрьевнѣ хорошо извѣстно, какіе это долги, и откуда они накопились. И, конечно, на все это есть письменные документы. Все это, Олимпій Дмитріевичъ, въ полномъ порядкѣ. А удивленіе ваше, конечно, понятно.

— Откуда долгъ?—повторилъ Олимпій.—Откуда такому громадному взятъся?

— Началось это еще при Дмитріи Андреевичѣ...

— Я знаю, что, когда судили отца, волокита насъ грабила. Но помнится мнѣ, да и другіе сказываютъ, что разные крючки всякимъ вымогательствомъ, всякими обѣщаніями, что оправдаютъ отца, выманили около двухсотъ тысячъ...

— Около трехсотъ, Олимпій Дмитріевичъ!

— Говорили, меньше двухсотъ... Ну, положимте, вамъ лучше знать. Скажемъ—триста тысячь. А вы теперь говорите—девятьсотъ... ровно втрое! Я, право, думаю, что вы ради шутки выдумываете.

— Шутка плохая, Олимпій Дмитріевичъ! Когда начнется сдача управленія, то вы будете, конечно, присутствовать совершеннолѣтній, да я попрошу, чтобъ допустили къ этому и Аркадія Дмитріевича... Вамъ же лучше. Вмѣстѣ поучитесь! И вотъ тогда увидите, откуда долги, какъ они увеличились, почему и зачѣмъ.

— Стало быть, шестьсотъ тысячь вы сдѣлали?—говорилъ Олимпій, злобно улыбаясь.

— Точно такъ-съ. Около пятисотъ тысячь сдѣлано за мое управленіе. Сначала эти деньги были въ равныхъ рукахъ взяты, но за послѣднее время долгъ сосредоточился въ рукахъ двухъ кредиторовъ, не считая казну.

— Кто же другой? Одинъ, какъ я знаю, больше по догадкѣ и по слухамъ, купецъ, вашъ частый гость, Яхонтовъ. А другой?

— Яхонтовъ и Бабаевъ!—отвѣтилъ Гончій.

— Бабаевъ? Онъ умеръ недавно?

— Точно такъ-съ!

— И кто же замѣститель?.. Сынъ его, наслѣдникъ?

— Онъ былъ бездѣтенъ, Олимпій Дмитріевичъ!

— Вотъ потому я и спрашиваю! Былъ слухъ въ Высокѣ... Вотъ мнѣ и хочется, чтобы вы сами сказали,—сухо произнесъ Басановъ.

— А вотъ какой слухъ былъ, Олимпій Дмитріевичъ, тотъ слухъ и вѣрный. Оказался наслѣдникомъ Бабаева на триста двадцать тысячь—чужой ему человѣкъ.

Наступило молчаніе, послѣ котораго раздался рѣзкій, какой-то металлическій смѣхъ молодого человѣка, и онъ вымолвилъ насмѣшливо:

— Ну, съ кредиторомъ, господиномъ Гончимъ, конечно, согласія намъ, Басановымъ, ожидать нельзя...

— Если вы его выкинете вонъ, то, конечно, ему не будетъ никакой причины быть податливымъ. А оставите вы его управлять дѣлами, то онъ обязуется за пять, шесть лѣтъ уплатить Яхонтову около трехсотъ тысячь. А тѣ, что должны заводы ему самому, мы считать не станемъ.

— Какъ «считать не станемъ»?

— Эти триста слишкомъ тысячь по завѣщанію моему, которое я надняхъ сдѣлаю, будутъ предназначены Сусаннѣ Юрьевнѣ Касаткиной. А какъ у нея никакихъ прямыхъ наслѣдниковъ нѣтъ, то по закону ея наслѣдники—братья Васманъ-Васановы. А ее я попрошу тоже сдѣлать завѣщаніе. Если я умру прежде нея, она будетъ безопаснымъ кредиторомъ Высоксы. Если она умретъ прежде меня, то въ день ея смерти я эти деньги просто подарю вамъ и

Аркадію Дмитріевичу, а самъ пойду въ монастырь. Въ этомъ бо- жусь вамъ передъ сею святой иконой!

И Гончій, проговоривъ съ глубокимъ чувствомъ эти слова, пе- рекрестился.

И опять наступило гробовое молчаніе... Олимпій, сильно взвол- нованный, тяжело дышалъ и даже согѣлъ. Гончій ждалъ, что онъ скажетъ, и былъ тоже тревоженъ, но всячески старался скрыть это.

— Надо подумать!—глухо выговорилъ наконецъ Олимпій.—Я полагаю, что ради успѣха дѣла, ради всякой ясности въ дѣлахъ тот- часъ по сдачѣ вами опеки, нужно намъ съ Аркадіемъ вамъ не- медленно уплатить этотъ долгъ...

Гончій рѣзко двинулся въ своемъ креслѣ.

— А-а!—воскликнулъ онъ.—Вотъ какъ!..

— Это наилучшее...

— Но гдѣ же... Какъ... Вы полагаете, что у васъ сейчасъ же будетъ шестьсотъ тысячъ, чтобы ихъ уплатить? Вѣдь и Яхонтовъ потребуеъ свои.

— Думаю—будутъ.

— Гдѣ же вы ихъ найдете?

— Въ столицахъ! Мало ли богатыхъ людей?

Гончій разсмѣялся.

— Олимпій Дмитріевичъ, не даромъ вы воспитывались здѣсь въ въ этомъ домѣ, а въ этихъ столицахъ, если и были, такъ на по- бывку — поглядѣть разные храмы Божіе или московскій Кремль. Шестисотъ тысячъ никто вамъ не дастъ. Высокскіе заводы стои- мостью равны долгамъ. Черезъ сто лѣтъ они два милліона будутъ стоить, а куда врядъ ли они милліонъ стоятъ. Кто же вамъ дастъ деньги? Если вы въ первый же годъ управленія начнете путать дѣла, то давшій свои деньги ихъ совсѣмъ потеряютъ.

— Можно—найдемъ, нельзя—не найдемъ! Все-таки займодавцу господину Гончему тотчасъ заплатимъ. А съ Яхонтовымъ, можетъ быть, войдемъ и въ соглашеніе, — твердо произнесъ Олимпій. — Да потомъ, кромѣ того, можетъ быть, можно будетъ съ господиномъ Гончимъ и судиться начать.

— Вотъ какъ!..—съ полнымъ изумленіемъ въ голосѣ вымолвилъ Гончій.

— Да какъ же нѣтъ? Посудите! Опекунъ, управлявшій пятнад- цать лѣтъ заводами, такъ ли, сякъ ли, надѣлалъ долговъ. И вдругъ онъ самъ же оказался и кредиторомъ! Ему же эти заводы и должны.

— По завѣщанію,—прибавилъ Гончій,—чужого человѣка.

— Подставного!—выговорилъ Олимпій.

Гончій перемѣнился въ лицѣ, и обрубленная рука его, на кото- рую онъ опирался, сильно дрогнула. Ее метнуло...

— Ну, что же, — глухо и притворяясь спокойнымъ, вымолвилъ онъ.—Больше толковать не о чемъ! Сегодня же я переговорю съ

Аркадіемъ Дмитріевичемъ, и полагая, что онъ скажетъ то же, что и вы, я завтра отпишу въ Петербургъ, прося назначить сюда кого либо присутствовать при сдачѣ опеки. И позволъте вамъ сказать, что во всѣхъ дѣлахъ полный порядокъ, полная ясность. А то дѣло, какимъ образомъ самъ опекунъ сталъ главнымъ кредиторомъ, это дѣло яснѣе и чище воды ключевой, и суда никакого не боится.

— Тѣмъ лучше для васъ! Проиграемъ наше дѣло въ судѣ и уплатимъ вамъ ваши триста тысячъ. А судиться все-таки слѣдъ.

Олимпій быстро поднялся съ кресла, но былъ настолько взволнованъ, что не только руки, но даже и ноги его будто слегка дрожали. И вдругъ онъ выговорилъ будто себѣ самому:

— Да, спасибо, что мнѣ только двадцать три года! Будь я въ годахъ покойнаго батюшки, то со мной, пожалуй бы, тоже теперь параличъ приключился! Хорошую вѣсточку узналъ! Вмѣсто ста восьмидесяти—девятьсотъ! Можете похвастаться вашимъ управленіемъ! А пуце всего удивительно, что никто никогда въ Высоксѣ объ этомъ не зналъ и слыхомъ не слыхалъ!..

ХІІ.

Весь день до вечера Гончій ждалъ увидѣть переполохъ въ домѣ и смущенныя лица обитателей, предполагая, что Олимпій тотчасъ повѣдаетъ всѣмъ ту ужасную вѣсть, которая его самого заставила поблѣднѣть.

Но день прошелъ заурадно. Олимпій ни словомъ не обмолвился ни съ кѣмъ и только ввечеру сказалъ все Михалису и, разумѣется, поразилъ и его...

На утро Олимпій позвалъ къ себѣ брата и объявилъ ему двѣ новости: на заводахъ оказывается огромный долгъ, а вечеромъ предполагается поѣздка на лодкахъ чрезъ озеро, на островъ, чай пить, конечно, со всѣми молодыми дѣвицами, какія есть въ Высоксѣ на лицо.

— Сусанну Денисовну вы уже звали?—спросилъ Аркадій, пропустивъ первое извѣстіе мимо ушей.

— Нѣтъ еще,—отвѣтилъ Олимпій.—Ты позови... Ну, а на счетъ долга что скажешь?—странно произнесъ онъ, глядя пристально въ лицо брата.

— Да что же сказать? Право, не знаю,—простодушно отозвался Аркадій.

— Ну, молодецъ!—разсмѣялся презрительно Олимпій.

Чрезъ часа два въ гостиную дома Змглода явился гость. У окна на большомъ креслѣ сидѣлъ самъ Денисъ Ивановичъ съ ногами, укутанными одѣяломъ, около него на стулѣ сидѣла его любимица Сая, а напротивъ нихъ—Аркадій Дмитріевичъ, довольный и радост-

ный. Онъ прѣхаль съ тѣмъ, чтобы звать ввечеру молодую дѣвушку въ числѣ прочихъ ѣхать на лодкахъ на островъ.

Сусанна Денисовна пришла, конечно, въ восторгъ отъ приглашенія.

— Затѣи затѣяли, — вдругъ строго вымолвилъ Денисъ Ивановичъ. — Веселиться вамъ, молодежи, подобаетъ, а вы мнѣ вотъ что скажите, Аркадій Дмитриевичъ. Времена-то наступаютъ въ Высокскѣ лихія! Ходитъ слухъ промежъ всѣхъ такой, что диковина! Знаете ли вы объ этомъ? Сказалъ ли вамъ Олимпій Дмитриевичъ?..

— Говорилъ! — усмѣхнулся Аркадій добродушно. — Вчера. Вы про бесѣду его съ Онисимомъ Абрамычемъ? Какъ же, знаю! Ну, что же?

— Если все это правда, Аркадій Дмитриевичъ, то вѣдь тогда страшное дѣло... Тогда кто же хозяинъ-то, владѣлецъ Высоксы? Двое! Купецъ Яхонтовъ, да купецъ Гончій. А вѣдь у васъ-то съ Олимпіемъ Дмитриевичемъ ничего почти, стало быть, нѣтъ?

— Какъ же такъ? — удивился Аркадій. — Братецъ этого не говорилъ мнѣ.

Змглодь сталъ объяснять подробно все, что вытекало изъ заявленія Гончаго. Аркадій выслушалъ и пріунылъ.

— Не знаю я и не понимаю ничего! Я думаю, что братецъ сумѣетъ все это уладить. И сами мы съ нимъ теперь большіе друзья-пріятели. Помирились совсѣмъ. Онъ умный. Онъ будетъ управлять, я ему ни въ чемъ перечить не стану. И все пойдетъ слава Богу. Наладится. И онъ всѣ долги уплатитъ.

— Да ихъ, Аркадій Дмитриевичъ, нельзя уплатить! Если Высоксу продать, такъ еле хватить. Или же очистится грошъ. А вы и онъ будете не многимъ богаче вотъ меня грѣшнаго.

— Понемножку — не заразъ! — отозвался Аркадій.

— Понемножку нельзя! Казнѣ еще можно, а Гончій и Яхонтовъ, по его же наущенію понятно, сейчасъ захотятъ всѣ сполна. Я къ тому говорю, Аркадій Дмитриевичъ, что хочу вамъ посовѣтовать...

И, обернувшись къ дочери, Змглодь сказалъ:

— Выйди, Саня. О дѣлахъ при дѣвицахъ не говорятъ.

— Ну, при Сусаннѣ Денисовнѣ можно бы... — замѣтилъ Аркадій.

Дѣвушка тотчасъ поднялась и вышла, тревожно поглядѣвъ на отца и на Басанова.

— Вы знаете, — началъ Змглодь, — я не большой пріятель Онисима Абрамыча. Было время, что мы съ нимъ были на ножахъ, было время, что я его разыскивалъ съ моими рунтами! Онъ былъ для меня, главнаго рунта, простой заводскій холопъ. Теперь я обыватель Высокскій, а онъ главное лицо здѣсь. Но я на него злобы ни за что не имѣю... И вотъ я скажу вамъ, по совѣсти, что если вы теперь отнимите у него управленіе, то вамъ прямая погибель. И не будь заводы должны такія страшныя деньги, я бы сказалъ: оставьте его. Онъ поведетъ дѣло мастеромъ. Яхонтову онъ уплатитъ все живо, потому что собственно не хотѣлъ ему уплачивать,

чтобы напугать васъ этимъ долгомъ. А свои,—хоть я и не знаю, а такъ мнѣ сдается,—онъ не потребуеъ никогда. Ему до страсти желательно управлять. Это такой человѣкъ, котораго если оставить теперь не у дѣлъ, пускай онъ живетъ, вотъ какъ я, на креслицѣ у окошечка, поглядывая на улицу, то онъ истомится, высохнетъ, отъ тоски руки на себя наложитъ. Онисимъ Абрамычъ не простой человѣкъ, какъ вотъ всѣ! Я его не люблю за одно дѣло, о коемъ говорить не хочу, но сужу я его по справедливости, по совѣсти. Я настолько считаю его дѣльнымъ, умнымъ, полезнымъ, что полагаю, онъ одинъ можетъ управиться съ Высокскими заводами не въ примѣръ кому либо другому. А вы съ братцемъ какъ вступите во владѣніе и управленіе, простите мое сужденіе,—такъ у васъ черезъ два-три года все будетъ кверху ногами, все развалится и всему будетъ конецъ! Безпремѣнно. А въ виду этакого случая и черезъ два мѣсяца у васъ все ухнетъ. Вы и продать не сумѣте.

— Стало быть, по-вашему, Денисъ Ивановичъ, — кротко отвѣтилъ Аркадій,—непремѣнно слѣдуетъ, чтобы Онисимъ Абрамычъ оставался главнымъ управителемъ въ томъ видѣ, какъ онъ теперь,—всевластнымъ?

— Безпремѣнно, Аркадій Дмитріевичъ!

Аркадій потупился, задумался, однако продолжалъ слегка улыбаться простодушню.

— Ну, что же, Денисъ Ивановичъ, я согласенъ!—сказалъ онъ вдругъ.

— Да вы-то, мой дорогой, всегда на все согласны. А вотъ пріѣдете домой, придетъ къ вамъ,—понятно, не сынъ Иванъ,—а другой кто, скажетъ вамъ, что Гончаго надо сейчасъ гнать въ шею. А вы скажете: погонимъ, что жъ?

— Нѣтъ, Денисъ Ивановичъ! Я такъ положилъ и уже давно... Во всякомъ дѣлѣ обращаться и слушаться только васъ и Ивана, а больше никого.

— А братца своего?

— Въ управленіи, конечно, я предполагалъ часто ему уступать, а все-таки прежде съ вами посовѣтовавшись. Я такъ даже думалъ, что какъ стану совершеннолѣтнимъ, и начнемъ мы съ братцемъ управлять, то у него главнымъ совѣтникомъ былъ бы, понятно, Михалисъ, а у меня вашъ Иванъ, собственно вы сами.

Змглюдь покачалъ головой.

— Слышалъ я это отъ васъ много разъ, но вы съ братцемъ всю-то жизнь вздорили изъ-за всякихъ пустяковъ. А Михалисъ съ моимъ Иваномъ тоже на ножахъ изъ-за васъ ли, сами ли по себѣ. Какое же это будетъ управленіе? Я полагаю, вы на третій же день еще пуще перессоритесь и другъ на друга полѣзете. Нѣтъ, воля ваша, теперь, когда Гонцій заговорилъ о сдачѣ опекунскаго управленія, теперь вотъ я вамъ мой главный сердечный совѣтъ даю:

уломайте братца не вступать въ незнакомое ему дѣло и оставить Гончаго. Какъ будетъ мнѣ только немножко полегче, отойдутъ ноги, я кое-какъ доберусь до Олимпія Дмитриевича и буду ему земной поклонъ класть—не губить Высоксу.

— Дѣло рѣшеное! Гончій оставайся!—воскликнулъ Аркадій.—Я буду вамъ помогать братца усовершенствовать.

— Слушайте дальше, самое важное, — шепотомъ заговорилъ Змглодь.—Если намъ это не удастся, то тогда, Аркадій Дмитриевичъ, одно спасеніе есть. На худой конецъ! Тотчасъ вамъ съ братцемъ раздѣлиться, перерѣзать заводы пополамъ. Это будетъ дѣло очень мудреное, но возможное. И вамъ тотчасъ назначать главнымъ управителемъ своей части того же Гончаго. У васъ будетъ заимодавецъ—Гончій, а у Олимпія Дмитриевича—Яхонтовъ. Если одинъ своего заемщика задавить, то ужъ Гончій, понятно, васъ не тронетъ. Ему же великое утѣшеніе, если не управлять всѣми заводами, то управлять половиной ихъ и стараться всячески, чтобы половина эта процвѣла и свою сосѣдку придавила.

Аркадій, сидѣвшій спокойно, простодушно улыбаясь, вдругъ встрепенулся.

— А вѣдь это вы удивительно надумали! — выговорилъ онъ.— Вотъ такъ надумали! Вотъ это диво! Если мы съ братомъ чуть повздоримъ, то сейчасъ же я требую раздѣлиться. А какъ раздѣлимся, я сейчасъ же все передаю въ руки Онисима Абрамыча, а помощникомъ къ нему Ивана.

— Прежде всего, Аркадій Дмитриевичъ, уломайте братца оставить Гончаго. А ужъ если онъ на это не пойдетъ, тогда думайте о раздѣлѣ...

— Да, да, конечно... А не захочетъ, я Онисима Абрамовича беру себѣ управлять моею частью.

И, простившись съ Змгломомъ, Аркадій вышелъ на улицу, но затѣмъ прошелъ къ маленькой садикъ, гдѣ завидѣлъ Сусанну Денисовну.

— Ну, что же? Послушаетесь батюшки?—спросила она, подпустивъ его и ласково глядя ему въ лицо...

— А вы знаете?—удивился Аркадій.

— Понятно, все знаю. Больше вашего знаю... Знаю даже, что сейчасъ общались батюшкѣ слушаться, а ничего изъ этого не будетъ.

Сусанна Денисовна вздохнула украдкой, вдругъ стала сумрачнѣе и заговорила о поѣздкѣ на озеро.

Поболтавъ съ дѣвушкой о всякихъ пустякахъ, Аркадій выговорилъ, будто грозился:

— Вотъ сейчасъ прямо къ братцу и все ему выложу.

— Ну, что же, давай Богъ!—отозвалась она.

Аркадій сдержалъ слово и чрезъ часъ уже сидѣлъ въ комнатахъ брата и объяснялъ, что надо оставить Гончаго управляющимъ.

— Ладно. Какой еще вѣтеръ подуть? — спросилъ Олимпій. — Говори.

— Какой такой вѣтеръ? Я не понимаю.

— Что же, скажи, такъ ты и будешь мѣнять свои мысли каждый день! — сурово вымолвилъ Олимпій.

И онъ хотѣлъ было дать волю гнѣву и начать кричать на брата, но вдругъ, будто вспомнивъ что-то, заговорилъ нѣжно:

— Жалѣю я теперь, что не были мы съ тобой завсегда сызмальства настоящими братьями и друзьями. Вотъ теперь ты бы слушался меня одного изъ любви... А ты теперь вертишься. Кто тебѣ сказалъ что, ты сейчасъ и повторяешь... А своихъ у тебя нѣтъ ни мыслей, ни словъ. Да жаль, что мы не настоящіе братья...

Аркадій, взглянувъ на печальное лице брата, вдругъ растрогался и порывисто обнялъ его...

— Братецъ, какъ вы желаете. Я такъ это сказалъ. Какъ вы желаете. Меня напугали, что долгъ великъ, и что мы будемъ разорены.

— Все пустое... Ну, слушай... Мнѣ донесли сегодня, что тетушка говоритъ, будто у нея да и у Гончаго большая надежда на твое несогласіе со мной и желаніе оставить Гончаго или же дѣлиться. Скажи, любишь ты меня?

— Вѣстимо... Теперь... Вы другой стали...

— Ну, если любишь, пойдѣ къ тетушкѣ сейчасъ же, и скажи ей, что пришелъ объяснить, что ни за что Гончаго управителемъ не желаешь. А дѣлиться тоже никогда намѣренія не имѣлъ.

Аркадій радостный отправился къ Касаткиной и твердо повторилъ ей слова брата.

XIII.

Сразу вся Высокса приняла другой видъ. Разнеслась вѣсть, что уже пошла бумага въ дворянскую опеку, и приѣдетъ депутатъ отъ дворянства, такъ какъ Онисимъ Абрамычъ хочетъ, чтобы немедленно была произведена ревизія всѣхъ дѣлъ и всего его управленія, ибо онъ желаетъ до совершеннолѣтія барина Аркадія Дмитріевича освободиться отъ опеки. Это извѣстіе будто подняло всѣхъ на ноги, оживило и ободрило.

Давно ходилъ слухъ, что баринъ Олимпій Дмитріевичъ не захочетъ быть подъ командой кого либо, но желаніе младшаго барина оставить Гончаго могло бы сразу стать помѣхой. Многіе думали, что у Олимпія Дмитріевича не хватитъ храбрости тотчасъ же начать дѣйствовать смѣло, а въ виду противодѣйствія Аркадія Дмитріевича ему даже будетъ мудрено дѣйствовать.

И вдругъ теперь оказывалось, что все обстоитъ благополучно, и всѣ радовались. Главный управитель, почти опекунъ, за пятнад-

цать лѣтъ ни однимъ своимъ дѣйствиємъ не возбудилъ къ себѣ ненависти. Онъ былъ строгъ, строже, пожалуй, самого Аникиты Ильича, но положительно во всемъ всегда справедливъ. И тѣмъ не менѣе оказывалось, какъ будто бы его вся Высокса ненавидѣла.

Теперь самъ Гончій почувалъ вокругъ себя общую вражду. Онъ видѣлъ только радостныя лица и понималъ, что всѣ эти люди радуются его уходу, его уничиженію. И онъ внутренно изумлялся и озлоблялся.

«Что я имъ сдѣлалъ?»—думалось ему.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ въ Высоксу явился депутатъ отъ дворянства, явилось еще какихъ-то два важныхъ гостя-чиновника, и началась формальная ревизія и сдача всѣхъ дѣлъ. Трое прибывшихъ, Гончій и два молодыхъ барина засѣдали вмѣстѣ всякій день съ утра и до обѣда.

А Высокса ликовала еще больше... Все повсюду настолько ожинилось, что кто-то замѣтилъ:

— Подумаешь — масляная недѣля!

Дѣйствительно, у всего и у всѣхъ былъ какой-то праздничный видъ. Гончій, конечно, былъ страшно сумраченъ, угрюмъ и раздраженъ. Проходя по дому или посѣщая заводы, онъ никому не глядѣлъ въ лицо и, несмотря на всѣ старанія казаться равнодушно спокойнымъ, имѣлъ какой-то виноватый видъ.

Старшій Басановъ ликовалъ, какъ и Высокса, но вмѣстѣ съ тѣмъ удивлялъ всѣхъ отъ мала до велика. Всегда гнѣвный, недобрый, задорный, молодой баринъ вдругъ сталъ неузнаваемъ... Онъ былъ добръ и ласковъ со всѣми, относился особенно дружелюбно къ брату, въ разговорахъ съ приживальщиками постоянно намекалъ на то, что при его съ братцемъ управленіи положеніе ихъ будетъ лучше. И каждый нахлѣбникъ изъ разговора съ молодымъ бариномъ долженъ былъ заключить, что какъ только оба Басановы вступятъ въ свои права, то въ Высоксѣ будетъ для нихъ море разлитанное.

А между тѣмъ причина была простая. Главному управителю не могли простить того, что онъ, «Анька», бывшій высокскій же крѣпостной холопъ, вышедшій въ люди, благодаря прихоти Сусанны Юрьевны. Высокса будто бы за цѣлые года не могла забыть, что этотъ Анька былъ въ убійцахъ, былъ въ бѣгахъ, былъ опельмованъ... И если бы самъ не обрубилъ себѣ руку, то, пожалуй, изморенный голодомъ, околѣлъ бы у столба. Или былъ бы сданъ въ городъ, въ острогъ, ушелъ бы въ Сибирь. А вмѣсто этого онъ послѣ всѣхъ этихъ приключеній попалъ на мѣсто самого Аникиты Ильича.

И Высокса не могла простить этого и относилась къ прежнему Анькѣ съ презрѣніемъ, хотя ни единое его дѣйствіе этого презрѣнія не заслуживало.

Аркадій Дмитріевичъ, напротивъ, сталъ будто угрюмѣе, но причина этого была простая. Онъ уставалъ сидѣть по нѣскольку часовъ и слушать то, что говорили засѣдающіе съ нимъ. Въ головѣ его стоялъ какой-то дурманъ. Онъ сознавался Ивану Змглоду, что если его заставятъ управлять дѣлами заводовъ, то онъ лучше откажется отъ всего состоянія и просто сбѣжитъ съ Высоксы.

— Голова трещить!—говорилъ онъ всякій день своему другу и наперснику.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Аркадій, иногда оставаясь одинъ, радостно улыбался одной своей затаенной мысли. Радовался онъ тому, что его давнишнее, отъ всѣхъ скрываемое тщательно, желаніе можетъ быть вскорѣ исполнено. Никто не будетъ имѣть права перечить ему и запретить поступить такъ, какъ уже года три имъ рѣшено. Самый важный шагъ въ его жизни будетъ отъ него зависѣть, а онъ рѣшилъ его сдѣлать тотчасъ по совершеннолѣтіи.

Однако, общій праздничный видъ всѣхъ обывателей Высоксы вскорѣ переиначился. Всѣмъ стало извѣстно и всѣхъ удивило нѣкоторое обстоятельство, о которомъ никто никогда не думалъ. На Высокскихъ заводахъ огромный долгъ! Заимодавцевъ только два, изъ коихъ одинъ—самъ Гончій.

Когда всѣ убѣдились, что это не простой слухъ, а истина, то, разумѣется, оно отозвалось повсюду, какъ настоящій громовой ударъ. Олимпій Дмитріевичъ вызвалъ изъ губернскаго города двухъ стряпчихъ и, не скрываясь, назначилъ у себя въ правомъ крылѣ дома два засѣданія, такихъ же, какъ и засѣданія съ депутатомъ и съ бывшимъ главнымъ управителемъ.

На этихъ засѣданіяхъ Басановъ желалъ выяснить вопросъ, можно ли судиться съ бывшимъ управителемъ. Можно ли выяснить и доказать судомъ, что бывший крѣпостной человекъ не имѣлъ прежде ни гроша, если не считать маленькій капиталецъ, который онъ имѣлъ въ качествѣ купца. Какимъ же образомъ въ его рукахъ очутились вдругъ такіа громадныя деньги?

Депутатъ отъ дворянства, знавшій уже теперь почти все касающееся заводовъ, объяснилъ, что судиться съ Гончимъ ни къ чему не поведетъ. Это—простой случай. Былъ богачъ купецъ, скупившій векселя и дававшій самъ взаѣмы опекунскому правленію. Затѣмъ этотъ купецъ умирая сдѣлалъ своимъ наследникомъ своего любимца. Любимецъ этотъ былъ заводскимъ главнымъ управителемъ. Дѣло совершенно ясное и правильное. Во всемъ соблюдена полная законность.

Когда Олимпій попросилъ депутата высказать свое мнѣніе по совѣсти: подозрительное ли это дѣло или нѣтъ, то депутатъ заявилъ усмѣхаясь:

— Дѣло совершенно законное!..

— Но темное?!—воскликнулъ Олимпій.

— Совершенно темное, Олимпій Дмитріевичъ, и, если хотите, то совершенно ясное. Главный управитель никакихъ денегъ ни у кого не занималъ, а только разнымъ лицамъ выдавалъ векселя, а векселя эти шли въ руки Бабаева съ надписями. Долгъ этотъ вымышленный. А затраты, на которыя пошли деньги, взятыя яко бы взаймы, всё самымъ яснымъ образомъ показаны. Затраты были сдѣланы изъ доходовъ заводскихъ, но доходы эти нигдѣ не показаны или показаны на половину. Однимъ словомъ, во всемъ полная темнота, но законная полная ясность. Всё документы на лицо до самой послѣдней расписочки въ сто рублей. Да, искусный человекъ Онисимъ Абрамычъ Гонцій.

Конечно, когда Высокса узнала, что бывшій Анька—кредиторъ Высоксы, умышленно и предательски разорилъ обоихъ внуковъ своего бывшего барина,—всѣ страшно возмущились.

— Зарѣзать бы его, подлеца! Удавить! Утопить! — слышалось повсюду и въ домѣ и на заводахъ.

— Собаки убить не могу, а этого бы собственноручно застрѣлили!—выражался одинъ изъ приживальщиковъ.

Въ результатѣ приглашенія изъ города стряпчихъ было только то, что одинъ изъ нихъ взялся ѣхать въ Москву совѣтоваться съ знающими законниками и умными людьми. И если можно, то начать дѣло, подать жалобу отъ имени гг. Басманъ-Басановыхъ на главнаго ихъ управителя, оказавшагося ихъ заимодавцемъ по вымышленнымъ векселямъ. Другой стряпчій былъ отряженъ къ купцу Яхонтову, чтобы всячески уладить съ нимъ дѣло и убѣдить не требовать уплаты долга ранѣе двухъ-трехъ лѣтъ.

Черезъ нѣсколько дней на новомъ засѣданіи наверху Гонцій спросилъ, ехидно улыбаясь, у Олимпія:

— Я слышалъ, вы уже отрядили ябедника въ столицу. Хотите начать со мной судиться и обвинять меня въ воровствѣ?

— Нѣтъ, воровства тутъ никакого нѣтъ!—рѣзко отвѣтилъ Олимпій такимъ тономъ, что удивилъ всѣхъ присутствующихъ.—Вы ничего не крали. Вотъ теперь при полученіи съ насъ этихъ денегъ, конечно, выйдетъ такъ, что иначе, какъ грабежомъ, назвать нельзя. Если я узнаю, что судиться съ вами невозможно, и что по закону вы правы, а мы съ братомъ ограблены, то мы поѣдемъ въ Петербургъ и подадимъ просьбу самому монарху.

Гонцій разсмѣялся и послѣ паузы произнесъ сурово:

— Государь императоръ,—отозвался онъ холодно,—прикажетъ все дѣло знающимъ людямъ разслѣдовать. А при разслѣдованіи окажется то же, что узнали вотъ теперь господа ревизующіе. Деньги, мною занятыя, я всё употребилъ на ту же Высоксу.

XIV.

Несмотря на огромное пространство Басановскихъ земель въ нѣсколько тысячъ десятинъ, все-таки въ одномъ мѣстѣ, не болѣе какъ верстахъ въ пяти, врѣзывалось клиномъ въ земли Басановыхъ маленькое имѣніе одного помѣщика, отставного майора.

И вдругъ Высокса узнала, что это имѣніе куплено на имя барышни Сусанны Юрьевны. Старый домъ начали ломать, а на его мѣстѣ приступаютъ къ постройкѣ новаго барскаго дома, небольшого, но со всякими затѣями. И сюда, сдавъ всѣ дѣла по опеку, поѣдетъ жить барышня, а съ ней вмѣстѣ, конечно, и ея любимецъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ еще прошелъ иной слухъ. Кто либо догадался и высказалъ свою мысль или просто сочинилъ. Высокса говорила, что въ случаѣ невозможности уплатить Гончому триста тысячъ половина заводовъ должна быть продана, и что все проданное сдѣлается собственностью Сусанны Юрьевны, такъ какъ Гончій въ качествѣ купца не имѣетъ права быть помѣщикомъ.

И теперь Гончій въ свободное время, большею частію послѣ обѣда, почти ежедневно ѣздилъ въ имѣніе Сусанны Юрьевны, самъ наблюдалъ за ломкой дома и новыми постройками, все прибавлялъ рабочихъ и страшно спѣшилъ.

Поводъ спѣшить былъ особый, о которомъ даже и Касаткина не подозрѣвала.

Самолюбивый Гончій спѣшилъ выѣхать изъ дома Высоксы. Онъ замѣчалъ, что всѣ и нахлѣбники и дворня встрѣчаютъ его насмѣшливымъ взглядомъ, будто глумятся надъ нимъ, а за спиной и вовсе смѣются и «шипы показываютъ, да носы дѣлаютъ».

Разумѣется, это все мерещилось ему...

Но Гончій, всегда щепетильный на счетъ почитанія и уваженія его личности, теперь сталъ особенно чувствителемъ. Теперь было «всякое лыко въ строку».

Однажды передъ полуднемъ, занимаясь у себя, онъ вдругъ услышалъ сильный стукъ подъ своими комнатами. Спросивъ, что такое творится, онъ узналъ, что каменщики, по приказанію Олимпія Дмитриевича, пробиваютъ толстую стѣну въ одной изъ парадныхъ гостиныхъ. Онъ приказалъ доложить молодому барину, что этотъ стукъ не даетъ ему покоя, даже все въ комнатахъ его ходуномъ ходитъ, и что нельзя ли отложить эту работу.

Посланный принесъ отвѣтъ отъ барина, что отложить работу нельзя.

Гончій вспылдилъ и, бросивъ занятія дѣлами, тотчасъ выѣхалъ изъ дома.

На утро многіе ахнули. Стало извѣстно, что главный управляю-

щій нанялъ себѣ квартиру въ домѣ, принадлежащемъ одному изъ помощниковъ коллежскаго правителя. Домъ этотъ былъ маленькій, но недавно выстроенный, красивый снаружи и чистый внутри.

Извѣстіе, что главный управитель хочетъ выѣхать изъ барскаго дома прежде окончанія сдачи управленія, конечно, всѣхъ удивило. Многіе не вѣрили. Прежде всѣ думали, что и, сдавъ опеку, Гончій за свои заслуги останется нѣкоторое время въ своихъ комнатахъ барскаго дома.

Вскорѣ извѣстіе не только подтвердилось, но всѣ увидѣли, какъ разныя вещи, въ томъ числѣ и мебель, перевозили изъ барскаго дома въ маленькій домикъ. А черезъ три дня комнаты Аникиты Ильича были пусты, и бывший главный управитель жилъ въ маленькомъ домикѣ, какъ бы простой канцеляристъ.

Разумѣется, было извѣстно, что Онисимъ Абрамычъ пробудетъ тутъ очень не долго, покуда не будетъ окончень постройкой большой барскій домъ въ купленномъ имѣніи.

Усунна Юрьевна, конечно, тоже обидѣлась на племянника, «выгнавшаго» Гончаго. Разумѣется, она ради отместки тотчасъ сама тоже бы переѣхала изъ барскаго дома въ маленькій домикъ вслѣдъ за своимъ другомъ, но у нея не хватило смѣлости. Ей казалось это полнымъ соблазномъ. Переѣхать въ свое имѣніе и взять Гончаго съ собой въ качествѣ своего управляющаго было иное...

XV.

Олимпій, разсорившись съ Гончимъ окончательно, вскорѣ началъ раскаиваться.

Безвыходное положеніе обоихъ братьевъ выяснялось все болѣе. Исхода не было. Все зависѣло отъ Гончаго. Даже въ столицѣ одинъ онъ могъ дѣло наладить и отсрочить уплату казеннаго долга, не говоря уже объ его собственномъ искѣ...

Умный Михалисъ много думалъ и рѣшилъ, что Басановы должны просто «умолить» Гончаго. Въ этомъ одномъ—спасеніе.

И однажды Олимпій въ сопровожденіи Михалиса вышелъ изъ дома и пѣшкомъ отправился въ домикъ... Онисимъ Абрамычъ, увидя изъ окна приближеніе молодого человѣка съ своимъ наперсникомъ, разсмѣялся раздражительно и гнѣвно:

— И не разъ придешь! Пороги обобьешь, и ничего не добьешься!— проворчалъ онъ.

Черезъ минуту онъ уже принялъ молодого Басанова вмѣстѣ съ Михалисомъ и, усадивъ ихъ, любезно спросилъ у Олимпія:

— Не прикажете ли чѣмъ васъ попотчевать? Хоть я здѣсь, какъ на перепутьи, сижу, покуда яко бы лошадей кормятъ, а все-таки у меня кое-что въ запасѣ найдется!

Олимпій поблагодарилъ, а затѣмъ тотчасъ же перешелъ къ дѣлу.

— Я къ вамъ, Онисимъ Абрамычъ, по нашему дѣлу. Я не хочу вѣрять, чтобы дѣло это было совсѣмъ порѣшенное, все надѣюсь, что вы скажете мнѣ иное слово.

— Не знаю, Олимпій Дмитриевичъ,—сухо отвѣтилъ Гончій,— почему вамъ такъ кажется! Я перемѣнить намѣреніе мое не могу. Если вы думаете, что я упряплюсь и хочу мстить вамъ, то разувѣрьтесь! Ничего такого нѣтъ! Выслушайте меня.

И Гончій холодно-медленно объяснилъ Олимпію, что, проживъ около пятнадцати лѣтъ съ постоянной заботой о Высокѣ, съ массой дѣлъ, онъ привыкъ къ работѣ, привыкъ къ занятіямъ. Теперь отъ бездѣйствія, отъ пустоты въ жизни, у него голова кругомъ пошла, какъ у иного идетъ кругомъ отъ излишней работы.

— Если мнѣ такъ продолжать жить,—сказалъ Гончій,—такъ я ума рѣшусь! Хоть лбомъ о стѣну бей со скуки! И вотъ одно мое спасеніе получить мои деньги, купить имѣніе или какіе либо заводы, фабрику, и начать работать вдвое больше, чѣмъ я работалъ здѣсь, чтобы лѣтъ черезъ десять увеличить свое состояніе вдвое. За чѣмъ? Для кого? Понятно, не ради себя или ради дѣтей, коихъ у меня нѣтъ, а только ради того, чтобы у меня было дѣло, безъ коего я жить не могу, безъ коего я съ ума спячу! Оставили бы вы меня править Высокскими заводами, я бы былъ совершенно счастливъ. Но понятное дѣло, что слушаться васъ, дѣла не знающаго, и исполнять такія ваши приказанія, которыя, по-моему, только въ ущербъ заводамъ, я бы не могъ. И вы были правы, говоря, что подъ командой вашей я оставаться не могу. Оставить же меня на прежнемъ основаніи вы не можете, потому что хотите быть первымъ лицомъ и настоящимъ баринкомъ.

Гончій замолчалъ, и Олимпій заговорилъ настолько мягко, насколько умѣлъ:

— Вѣдь мы не просимъ, Онисимъ Абрамычъ, чтобы вы намъ этотъ долгъ простили. Мы съ братомъ только просимъ объ одномъ: дать намъ передохнуть, не требовать уплаты сейчасъ же! Еще кабы вы одни, а то вѣдь въ то же время и столица на насъ, намѣстничество тоже грозитъ. За вами ждали недоимки сколько лѣтъ, а теперь требуютъ. Точно будто у казны уговоръ какой съ кѣмъ давить насъ.

— Оно очень просто, Олимпій Дмитриевичъ. Когда казна знала, что управленіе находится въ моихъ рукахъ, что все идетъ порядливо, то казна не боялась. Теперь же зная, что заводы попадаютъ въ руки двухъ молодыхъ братьевъ, казна то же думаетъ, что и всѣ въ Высокѣ. Тотчасъ же, молъ, начнется всякая безурядица, дымъ коромысломъ, и вскорѣ дѣла будутъ въ такомъ положеніи, что всему конецъ, и никто своихъ денегъ не получитъ. И вотъ, понятно, какъ всякій хочетъ теперь имѣть свои деньги, такъ и казна.

— И вы точно такъ же думаете,—спросилъ Олимпій:—что мы двое не управимся? И оттого только якобы вы и требуете тотчасъ свой капиталъ.

— Нѣтъ, по совѣсти говоря, дѣло не въ этомъ... Я бы еще и обождалъ... Но повторяю вамъ, что мнѣ нужны деньги для того, чтобы въ рукахъ имѣть сейчасъ же какое либо дѣло. Не будетъ у меня фабрики какой, ну, буду орудовать въ Нижнемъ. Пущусь во всякіе торговые обороты, завалю себя по горло работой и буду орудовать пибко. Такъ вотъ, какъ въ картежной игрѣ разные азартные игроки. Либо спустилъ все, либо выигралъ кучу! Такъ и я буду дѣйствовать! Беречь мнѣ эти деньги не для чего.

— Стало быть, вы совсѣмъ порѣшили насъ погубить?—сказалъ Олимпій рѣзко.

— Погубить? Нѣтъ! А если придется плохо заводамъ, такъ вѣдь и безъ того имъ придется плохо позднѣе. Теперь ли вы будете на половину разорены, или черезъ годъ, или чрезъ шесть лѣтъ,—не все ли вамъ равно?

— Такъ предоставьте нашу судьбу намъ самимъ!—вымолвилъ горячо Олимпій.—Пускай наша судьба рѣшится по волѣ Божіей плохо. Отъ другихъ причинъ и отъ другихъ людей! А вѣдь такъ выходитъ, наша судьба въ вашихъ рукахъ.

— Да!—улыбнулся Гончій и, повернувшись на креслѣ, онъ протянулъ руку въ уголокъ комнаты, ткнулъ пальцемъ и, разсмѣявшись, выговорилъ:—да-съ, судьба Олимпія и Аркадія Дмитриевичей Басановыхъ тутъ вотъ!

Олимпій, а за нимъ и молчавшій Михалисъ повернули головы. Въ углу стоялъ небольшой сундукъ красный, обитый красивыми жестяными скобами. Это былъ подарокъ Сусанны Юрьевны. Сундукъ, по прозвищу «голландскій», былъ купленъ ею когда-то въ Петербургѣ.

Такъ какъ Олимпій, поглядѣвъ на сундукъ, снова взглянулъ на Гончаго, какъ бы вопросительно и не понимая его словъ, то Гончій произнесъ, странно ухмыляясь:

— Да-съ, оно такъ! Коль скоро вы сказываете, что судьба ваша и вашего братца въ моихъ рукахъ, то я и отвѣчаю, что оно дѣйствительно такъ. И если не въ моихъ рукахъ, то вотъ въ этомъ сундучкѣ. И вотъ какъ вы свой праздникъ отпразднуете, такъ я возьму ключъ, который вотъ у меня здѣсь всегда...

Гончій полѣзъ за воротъ рубашки и вытащилъ черный шнурокъ, на которомъ было три образка, маленькое женское колечко и небольшой ключъ.

— Какъ видите, всегда на себѣ! И вотъ послѣ вашего празднованія я отворю сундучекъ, положу кое-что въ карманъ и съ этимъ поѣду во Владиміръ, а, можетъ, и въ Москву, хотя дѣло это простое. Съ такими документами хлопотъ не бываетъ. Не пройдетъ мѣсяцевъ двухъ-трехъ, какъ вамъ будетъ ужъ приказъ мнѣ платить. Смазы-

вать дѣла въ судахъ я умѣю. Обучился, когда еще вашъ батюшка былъ подь судомъ. Да и старые друзья-пріятели, ябедники и крючки судейскіе, есть у меня въ Москвѣ.

— Стало быть, дѣло рѣшенное? — спросилъ Олимпій сурово. — Вы насъ пожалѣть не хотите?

— Не могу, Олимпій Дмитріевичъ! Я вамъ объяснялъ—почему.

— Ну, Богъ съ вами! — сказалъ Олимпій, поднимаясь.

— Да будетъ воля Божія! — вдругъ громко проговорилъ все время молчавшій Михалисъ и злобно посмотрѣлъ на Гончаго.

— Да, истинно такъ! — отозвался Гончій тоже ехидно.

— Ничего тутъ не подѣлаешь! — обернулся Михалисъ къ Олимпію. — Все на свѣтѣ такъ: кому какая судьба, такъ тому и быть должно!

Выйдя изъ домика, и Басановъ и Михалисъ шли долго молча, но вдругъ наперсникъ расхохотался, а Олимпій, пасмурный и озабоченный, удивленно глянулъ на него.

— Чего ты? Опалѣлъ что ли?

— Нѣтъ... Опалѣлъ... Да не я...

— Чему радуешься? Пошли мириться, умолять, да усовѣщевать, а вмѣсто того хуже поругались... Есть чему смѣяться!

— Не могу... Ужъ больно смѣшно мнѣ, до чего онъ простъ... Дуракъ! Прямо пѣтый дуракъ! — и Михалисъ снова разсмѣялся.

— Чѣмъ же это дуракъ? Злыдень, а не дуракъ.

— Злыдень, само по себѣ... А глупъ онъ пуще младенца. Развѣ можно было этакое колѣно отмочить?... Прямо насъ обоихъ взять да носомъ ткнуть... Вотъ, молъ, гдѣ все... Гдѣ ваше все счастье и несчастье. Вотъ, молъ, этотъ сундучекъ. На-те, глядите... Тутъ, молъ, все и лежитъ. А ключъ вотъ онъ. Съ крестами да ладонками завсегда у меня за пазухой. Ахъ, дубина! Да нешто ключъ — документъ? Сундукъ, дубина, за пазухой носи. А нельзя, такъ помалкивай...

Олимпій ничего изъ словъ друга не понялъ и удивленно глядѣлъ. На его вопросы Михалисъ ничего не объяснилъ и, смѣясь, махнулъ рукой.

— Говори, чортъ окаанный! — вспылить Олимпій.

— И буду говорить. Все скажу, только не сейчасъ. Дайте мнѣ съ самимъ собой побесѣдовать еще денекъ...

— Понялъ! — вдругъ воскликнулъ Олимпій. — Ты полагаешь, можно его обворовать.

— Какъ же это? — притворился Михалисъ удивленнымъ.

— Ты говоришь — ключъ завсегда при немъ, а бумаги въ сундукѣ. Стало быть, въ его отсутствіе приходи кто, ломай сундукъ и воруй. Такъ ты, Платонъ, дуракъ. У него не деньги лежатъ. Съ его бумагами никто ничего не подѣлаешь... Въ сундукѣ что? За-вѣщаніе Бабаева, векселя, или закладная, или иное что въ этомъ

родѣ... Своруй, и онъ тебя въ судъ потянетъ. И выиграетъ дѣло. А воръ улетитъ, куда Макарь телятъ не гонялъ. Дуракъ ты...

Михалисъ ничего не отвѣтилъ и будто согласился мысленно.

Однако, въ тотъ же вечеръ, пересидѣвъ всѣхъ гостей и оставшись одинъ съ Олимпіемъ, онъ заявилъ ему, что берется устроить все дѣло по отношенію къ Гончому. Но въ продолженіе еще двухъ дней на всѣ вопросы Олимпія онъ ничего не объяснилъ.

Наконецъ, на третій день, снова оставшись наединѣ съ другомъ-баринномъ, Михалисъ заявилъ, что хочетъ поговорить о важнѣйшемъ дѣлѣ.

— Я думалъ, думалъ, Олимпій Дмитриевичъ,—сказалъ онъ,—и додумался! Думалъ, какъ вамъ быть съ этимъ Анькой, и придумалъ. И вотъ хочу вамъ пояснить. Съ кѣмъ другимъ я бы никогда, конечно, говорить такъ не сталъ, но съ вами, полагаю, можно. Хотите ли вы избавиться отъ этого долга Анькѣ Безрукому? Тогда поручите это мнѣ.

— Что же ты сдѣлаешь?—удивился Олимпій.

— Надо отъ него избавиться...

— Но какимъ образомъ,—удивился Олимпій:—если денегъ не будетъ?

— Похѣрить его...

— Какъ похѣрить долгъ, когда нечѣмъ, говорятъ тебѣ...

— Аньку похѣрить, а не долгъ... Да. И за это возьмусь. Конечно, не самъ. Я буду только руководствовать. Прищу такихъ молодцовъ, которые его похѣрятъ. Но, однако, вы должны тоже помочь въ этомъ.

— Я? Что ты!—ахнулъ Олимпій.

— Не пугайтесь! Вы только должны будете дать денегъ. Я выщу, понятно, не здѣсь въ Высокѣ, а гдѣ либо въ чужихъ людяхъ, такихъ молодцовъ, которые намъ Гончаго ухлопаютъ, какъ муху. Если молодцы попадутся и меня выдадутъ, то я-то ужъ васъ не выдамъ и пойду въ отвѣтъ одинъ. Если же дѣло удастся, то я за это по справедливости попрошу у васъ за все награду.

Олимпій, видимо смущенный предложеніемъ друга, долго молчалъ, но, наконецъ, произнесъ:

— Что же мы отъ этого выиграемъ, вѣдь документы останутся?

— Такъ что же? У него никакихъ дѣтей и наслѣдниковъ нѣтъ. Кто тогда будетъ взыскивать? Некому! А если онъ дѣйствительно по завѣщанію оставляетъ все Сусаннѣ Юрьевнѣ, то она сдѣлается кредиторомъ и, конечно, съ васъ ничего требовать не будетъ. Да, кромѣ того, я вамъ отвѣчаю головой и если вы разсудите, то и сами поймете... Если чтó приключится худое съ Гончимъ, то Сусанна Юрьевна тоже будетъ полуживая. Вѣдь она только и дышитъ, что имъ. Узнай она завтра, что онъ на томъ свѣтѣ, то соберется топиться или постригаться. Гдѣ же ей будетъ тогда требовать съ васъ большія деньги, да и зачѣмъ, на что?

И послѣ недолгаго молчанія Михались спросилъ:

— Даете вы мнѣ ваше разрѣшеніе?

— На что?—спросилъ Олимпій мрачно.

— На что?—повторилъ Михались. — Я же вамъ докладывалъ! Разрѣшите похѣрить Аньку и большущій долгъ.

Олимпій не отвѣтилъ и вздохнулъ.

— Дай подумать!—сказалъ онъ.

— Чего же тутъ думать!

— Не знаю, какъ-то не хочется такихъ словъ говорить. Давать свое разрѣшеніе на смертоубійство — жутко. Дай подумать!

Черезъ дня два послѣ этой бесѣды друзья Михались выѣхали въ Муромъ, пробылъ тамъ сутки и совсѣмъ исчезъ, отправившись невѣдомо куда. И только черезъ недѣлю вернулся онъ обратно въ Высоксу и былъ, видимо, доволенъ своей поѣздкой.

— Дѣло на мази!—заявилъ онъ другу-барину и такъ рѣшительно, что этотъ отчасти смутился.

— Я, право, Платонъ, не знаю... Опасаюсь... Злоба злобой, а все же этакое на душу брать... какъ-то страшно,—заявилъ Олимпій.

— Ну, ладно... Теперь поздно... Остановимъ молодцовъ, они, потерявъ обѣщанное, меня выдадутъ, донесутъ на подговоръ ихъ...

Но веселое настроеніе Михалиса тотчасъ же пропало. Послѣ своего недолгаго отсутствія онъ нашелъ такую перемѣну въ сестрѣ, что не звалъ, что и подумать. Тонька была темнѣе ночи, похудѣла и была печальна.

— Больна ты, что ль?—допрашивалъ братъ.

— Нѣтъ,—робко отвѣчала дѣвушка.

— Что же съ тобой?

— Ничего. Можетъ быть, простудилась или такъ...

— Случилось что безъ меня? Обидѣлъ кто?

— Охъ, нѣтъ. Чему же случиться? Такъ, говорю...

Михались, не добившись ничего, обратился съ тѣмъ же къ другу Абашвили. Князь ничего не могъ объяснить, но соглашался, что съ Тонькою что-то творится, что онъ два раза видѣлъ ее въ слезахъ.

Однако, дня черезъ два Тонька стала веселѣе, и Михались успокоился, приписавъ все хворости. Онъ не зналъ и не могъ, конечно, догадаться, что юная сестренка притворяется веселою...

XVI.

Между тѣмъ, хотя двадцать первое число было еще за горами, а во всей Высокѣ уже началась такая суета, веселая и радостная, какъ если бы былъ канунъ празднованія. Было рѣшено давно, что день этотъ будетъ отпразднованъ особенно пышно.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

Болѣе всѣхъ настаивалъ на этомъ Олимпій. День этотъ во всякомъ случаѣ былъ особенный и долженствовалъ принести переворотъ въ судьбѣ заводовъ и всѣхъ обитателей. Всѣ законныя формальности были уже начаты, и все готовилось, такъ что въ день совершеннолѣтія младшаго владѣльца заводовъ братья могли уже вступить въ управленіе и подписывать бумаги.

Предполагалось устроить парадный обѣдъ въ домѣ, угощеніе заводскихъ рабочихъ, а вечеромъ иллюминацію и фейерверкъ.

Братья, совершенно подружившіеся за послѣднее время, всякій день со своими ближайшими наперсниками засѣдали и совѣщались, какъ устроить празднество. Они вызвали нѣсколько стариковъ-старожиловъ, чтобы узнать, какъ правдновали прежде при ихъ дѣдѣ Аникитѣ Ильичѣ. Самые важные и дѣльные совѣты и указанія были получены отъ Змглода. Совершенно расхворавшійся старикъ, едва волоча ноги, все-таки явился въ барскій домъ, гдѣ не бывалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, и дѣлалъ указанія на мѣстѣ.

Разумѣется, была личность, которая могла бы лучше всѣхъ помочь въ этомъ дѣлѣ, но къ ней было мудрено обратиться. Это была Сусанна Юрьевна, которая когда-то сама устраивала разные праздники, такъ какъ это поручалось ей старикомъ Басановымъ. Но среди всеобщаго ликованія Сусанна Юрьевна сидѣла безвыходно у себя и даже обѣдала отдѣльно, не принимая никого, кромѣ Гончаго, который аккуратно всякій день приходилъ къ ней въ сумерки и сидѣлъ до вечера. Утро и день онъ проводилъ въ имѣніи на постройкѣ, куда вскорѣ они должны были переѣхать.

Общее ликованіе и въ особенности радостное настроеніе братьевъ Басановыхъ и ихъ наперсниковъ отравлялось лишь однимъ помысломъ: какъ распутаться съ огромнымъ долгомъ? Купецъ Яхонтовъ продолжалъ отвѣчать уклончиво: не грозился тотчасъ же требовать своихъ денегъ, но и не соглашался дать обѣщаніе ждать попрежнему, какъ изъ года въ годъ ждалъ при опекунскомъ управленіи. Гончій прямо заявилъ, что даетъ сроку одинъ мѣсяць.

Если бы грозился одинъ Гончій, то, быть можетъ, дѣло могло бы какъ нибудь устроиться, но случилось нѣчто, что въ Высокѣ объяснить не могли. Изъ Петербурга уже пришла грозная бумага. Была давно накопившаяся казенная недоимка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крупная неустойка по поводу какого-то подряда, который запоздалъ. Казна долго молчала снисходительно, а теперь все это требовалось немедленно, и грозили еще строже, чѣмъ Гончій.

Оба Басановы и ихъ наперсники засѣдали, разсуждали, призывали изъ Мурома свѣдущихъ людей и пришли къ одному, что распутаться нѣтъ никакой возможности, а достать огромную необходимую сумму было не у кого. Олимпій начиналъ уже жалѣть, зачѣмъ не оставилъ Гончаго на его мѣстѣ. Онъ болѣе всѣхъ былъ озабоченъ, такъ какъ чувствовалъ, что вся тяжесть и отвѣтственность

управленія лежитъ на немъ. Но онъ смущался только по утрамъ, а днемъ, будто забывалъ про надвигающуюся грозу, занятый приготовленіемъ къ празднеству.

Приглашенія въ Муромъ, въ губернской городъ, къ разнымъ со-сѣдямъ и даже къ нѣкоторымъ знакомымъ въ Москву были уже давно разосланы. За послѣдніе дни въ саду, предъ домомъ, на улицѣ и на базарной площади разставлены были смоляныя бочки и готовились разные потѣшныя огни. На площадкѣ предъ домомъ и коллегіей строились столы съ лавками для угощенія заводскихъ крестьянъ.

Въ домѣ тоже шла суета и возня. Старшій Басановъ переселился въ верхнія комнаты, конечно, съ согласія брата. Рѣшилъ это перемѣщеніе какъ бы гласъ народа. Оно казалось необходимымъ. Съ тѣхъ поръ, что Высокса существовала, всякій привыкъ, чтобы руководитель судебъ ея жилъ въ верхнихъ комнатахъ.

Одновременно младшій Басановъ переселился въ центральныя комнаты съ балкономъ, гдѣ за послѣдніе годы проживала Касаткина. Сама же она въ первый разъ переходила въ правое крыло дома, но, конечно, на время, такъ какъ собиралась уѣзжать въ собственное имѣніе.

Сусанна Юрьевна была крайне грустна. На нее напала какая-то безпричинная тоска. Она не жалѣла, что приходится уѣзжать съ Высоксы, гдѣ прошла половина ея жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ, жалѣя Гончаго, она надѣялась, что онъ въ новомъ имѣніи найдетъ себѣ занятіе и утѣшится постепенно...

А напавшая тоска не умалаялась, несмотря ни на какія размышленія...

И тоска оказалась предчувствіемъ.

Однажды, среди Высоксы поднялась такая сумятица, какъ если бы случилось землетрясеніе. Все поднялось на ноги не днемъ, а около полуночи, и все бросилось на улицу къ базарной площади.

— Пожаръ! Пожаръ! Горить!—раздавались крики.

Дѣйствительно, въ Высоксѣ было свѣтло, какъ днемъ. Огромное и высокое пламя среди полного затишья ночи высоко поднималось столпомъ, разростаясь въ громадныя черныя клубы дыма, тихо и плавно уходящія въ поднебесье.

Когда толпы рабочихъ и дворянъ изъ дома сбѣжали на самое мѣсто пожара, то крики усилились, сумятица удвоилась. Всѣ восклицали почти одно и то же:

— Гончій! Онисимъ Абрамычъ!

— Да самъ-то?.. Самъ! Гдѣ? У барышни или... тутъ?..

Пылалъ, очевидно уже давно загорѣвшись среди ночи, маленькій домикъ, нанятый бывшимъ управителемъ, но находился ли въ немъ самъ хозяинъ, никто не зналъ.

Бросившіеся въ барскій домъ доложить и справиться прибѣжали обратно съ крикомъ:

— Тамъ! Тамъ! Въ огнѣ!

Черезъ нѣсколько минутъ явились на пожаръ и оба молодые барина и за ними куча приживальщиковъ, всѣ съ просонья, перепуганные и полуодѣтые...

— Тушить!—вскрикнулъ Аркадій съ ужасомъ.

— Попалъ пальцемъ въ небо!—отозвался Олимпій.

— Гдѣ же тушить?—прибавилъ кто-то.—Да и нечего. Уже однѣ головни сейчасъ будутъ...

— Спасибо, вѣтру нѣтъ. А то бы прощай вся слобода.

— А и чтой-то, братцы, какъ смолой отгудова несетъ. Чисто бочки потѣшныя палыхаютъ.

Въ то же мгновенье раздались отчаянные вопли... Женская фигура вся въ бѣломъ, пробившись сквозь толпу, побѣжала къ самому пожару, стала, взмахнувъ руками надъ головой, и снова бросилась еще ближе къ огню, чуть не къ языкамъ вѣяющаго пламени...

— Держи... Держите... Барышня! Тетушка!—вскрикнули заразъ и оба Басановы и толпа.

Четверо человѣкъ кинулись къ Сусаннѣ Юрьевнѣ, схватили ее и силой повлекли назадъ... Отчаянные и дикіе вопли огласили всю улицу... Но затѣмъ, уводимая силой отъ огня, она вдругъ осунулась и повисла на рукахъ людей, какъ мертвая.

Олимпій распорядился тотчасъ... Барышню безъ чувствъ положили на траву и побѣжали на конюшню скорѣе запрягать чтонибудь, чтобы отвезти ее въ домъ.

— Какой страхъ! Какое несчастье! Кто могъ думать?—лепеталъ Аркадій, не спуская глазъ съ сверкающаго огромнаго костра. И бѣдный Теофанъ съ нимъ...

— Вѣстимо несчастье,—отозвался Олимпій и прибавилъ тише:—но не намъ съ тобой, братецъ. Наше дѣло сторона.

— А ужъ какъ смолой несетъ... Такъ и отшибаетъ!—ахнулъ кто-то около Олимпія.

— Полно врать, дуракъ!—грозно крикнулъ онъ.

Толпа все увеличивалась, и скоро вся Высокса была въ сборѣ на базарной площади. Но пожаръ уже кончился, и была лишь раскаленная гряда, ослѣплявшая глаза. Появилось наконецъ нѣсколько бочекъ съ водой, и народъ началъ пробовать заливать изъ ведеръ красную гряду, но подойти близко было невозможно отъ пышащаго жара. Платье начинало тлѣть... Лице и руки будто щипало и рвало...

— Обожди! Ништó! Тихо. Далѣе не пойдетъ,—сказалъ появившійся въ числѣ послѣднихъ Михалисъ.

И, обратясь къ барину Олимпію Дмитріевичу и ко всей толпѣ, онъ прибавилъ:

— Удивительно! Съ чего бы это? Вотъ уже и ума приложить нельзя, какъ это онъ не выскочилъ, когда зачалось. А что если Онисимъ-то Абрамычъ въ отсутствіи?

— Полно ужъ ты!—тихо, но рѣзко отозвался Олимпій и хотѣлъ что-то сказать, но въ тотъ же мигъ снова раздались крики и рыданія. Сусанна Юрьевна пришла въ себя и, поднявшись, сидѣла на травѣ.

— Сожгли! Сожгли!—вскрикнула она вдругъ...

— Успокойтесь, тетушка... Милая, дорогая... заговорилъ Аркадій, опускаясь на колѣни около нея.

Сусанна Юрьевна рыдала, схвативъ себя руками за голову и качая головой изъ стороны въ сторону.

— И могилы не будетъ... И могилы нельзя...

— Найдемъ его все-таки, тетушка,—утѣшалъ ее Аркадій со слезами въ голосѣ.

Но у окружающаго ихъ народа тоже заняло на сердцѣ. Слишкомъ ужасно было горе барышни...

И до самой зари просидѣла Сусанна Юрьевна у пожарища. Вернувшись въ экипажъ домой, она, войдя въ свои комнаты, будто снова лишилась чувствъ и пролежала, закрывъ глаза и безъ движенія, до самаго полудня, но не дышала просто, а тихо стонала.

Вечеру только удалось народу разрыть головни и уголья и найти два совершенно обуглившихся скелета, а не туловища.

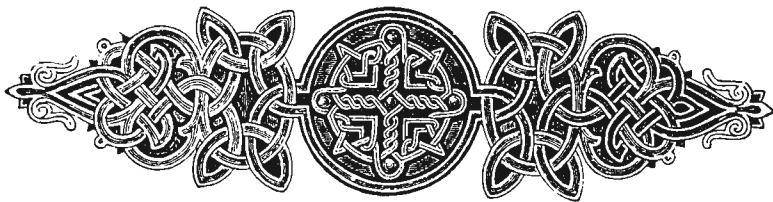
И на другой день были странныя похороны двухъ маленькихъ почти пустыхъ гробовъ съ костями...

Сусанна Юрьевна не явилась... Она лежала въ горячкѣ и въ бреду.

Графъ Е. А. Салиасъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ ¹⁾.

XXVIII.

Поѣздка въ Нижній Новгородъ.—Имѣніе гр. Головина.—Макарѣвская ярмарка.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Рожденіе великой княжны Елисаветы Александровны.—Кончина ея и скорбь императрицы Елисаветы.—Свиданіе императора Александра съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ.—Императрица Елисавета.—Старшая дочь гр. Головиной и назначеніе ея фрейлиной.—Приѣздъ въ Петербургъ гр. Ростопчина.—Волѣзь графини Толстой.—Примиреніе императрицы Елисаветы.—«Записки» гр. Головиной.

В МАѢ мѣсяцѣ (1806 г.) мы всѣ отправились въ помѣстье моего мужа въ Нижегородской губерніи. Мы остановились на двѣ недѣли въ Москвѣ, и я съ истиннымъ удовольствіемъ повидалась съ моей невѣсткой, княгиней Голицыной ²⁾. Къ тому же Москва была мѣстомъ моего рожденія, и я должна была ею интересоваться. Оставивъ Москву, мы отправились провести нѣсколько дней въ имѣніе графа Ростопчина; тамъ онъ жилъ въ замкѣ, которому предстояло стать знаменитымъ впоследствии ³⁾. Я горѣла нетерпѣніемъ пріѣхать скорѣе въ мое имѣніе Калужской губерніи, гдѣ я провела мое дѣт-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVIII, стр. 35.

²⁾ Мы не могли опредѣлить, о какой невѣсткѣ своей говоритъ здѣсь гр. Варвара Николаевна Головина, такъ какъ вторая и послѣдняя жена брата ея, кн. Оедора Николаевича, княгиня Варвара Ивановна Голицына, урожденная Шипова, умерла въ 1804 г.

³⁾ Знаменитое Вороново, которое Ростопчинъ сжегъ, чтобы оно не досталось французамъ, послѣ занятія ими Москвы.

ство, и гдѣ покоились останки моей обожаемой матери ¹⁾). Подходя къ моему старому саду, я замѣтила сквозь деревья церковь и рядомъ съ ней памятникъ изъ бѣлаго камня. Онъ стоялъ напротивъ алтаря и былъ окруженъ вишневыми кустами. Я побѣжала къ нему съ дѣтьми, мы бросились на колѣни, и то, что я испытала, не можетъ быть выражено. Я чувствовала Бога въ своей душѣ, мое сердце отдавалось вполне моей матери; я часто вспоминаю эту минуту. Дочерняя любовь заключаетъ въ себѣ массу воспоминаній. Мы проѣхали затѣмъ Владимірскую губернію — край прекрасный и очень плодородный. Отсюда до Нижняго Новгорода дорога прекрасна. Я осматривала этотъ городъ вмѣстѣ съ м-ше де-Тарантъ, жаждавшей со всѣмъ познакомиться, и я думала о причудливости судьбы, заставлявшей путешествовать по Волжскимъ берегамъ придворную даму французскаго двора. Наконецъ, мы прибыли въ имѣніе моего мужа ²⁾). Мы пошли сперва по дорогѣ среди возвышавшейся ржи; все дышало изобиліемъ, и золотые отблески качавшихся колосьевъ представляли вполне веселое зрѣлище. Крестьяне высказывали трогательную радость при нашемъ приближеніи: они были богаты и счастливы. М-ше де-Тарантъ наслаждалась за хозяина счастьемъ крѣпостныхъ. Мы вели въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ очень спокойную и тихую жизнь; м-ше де-Тарантъ прошла полный курсъ сельскаго хозяйства, обходя съ моимъ мужемъ его владѣнія, и отдавала объ этомъ отчетъ въ письмахъ къ своей матери. Мы отправились затѣмъ на знаменитую Макарьевскую ярмарку, которая бывала ежегодно въ 7 верстахъ отъ одного изъ нашихъ имѣній. Мы ночевали въ одной деревнѣ, расположенной на горѣ у береговъ Волги, въ мѣстности, покрытой лѣсомъ и очень живописной. Мы жили въ красивомъ домѣ одного изъ нашихъ крестьянъ, и по вечерамъ я видѣла, какъ по рѣкѣ проходила масса барокъ, между которыми нѣкоторыя, необыкновенной длины, принадлежали сибирякамъ. Барки эти бросали якорь у нашихъ оконъ, и я была свидѣтельницей совершенно новаго для меня зрѣлища. Эти барки были наполнены христіанами и магометанами; бѣлый занавѣсъ раздѣлялъ ихъ. На одномъ концѣ барки было знамя креста, на другомъ — полумѣсяца. Началась вечерняя молитва. Христіане молились молча, дѣлая знаменіе креста; магометане громко кричали «Алла!» и кривлялись. На другой день мы сѣли на принадлежавшее намъ судно; 12 нашихъ крестьянъ были гребцами, они носили красныя рубашки, что придавало имъ праздничный видъ. Ярмарка была расположена на правомъ берегу Волги, на песчаной равнинѣ. Можно было подумать, что находишься въ морскомъ

¹⁾ Въ «Некрополѣ рода кн. Голицыныхъ» (Спб., 1892) не указано этого имѣнія. Другихъ свѣдѣній о мѣстѣ погребенія княгини П. И. Голицыной также не встрѣчается.

²⁾ Великолѣнное имѣніе Воротынецъ, Нижегородской губерніи, разыгранное наследниками Головиныхъ въ лотерею.

портъ; вся рѣка была покрыта расцвѣченными флагами постройками. Съ тѣхъ поръ произошли перемѣны на ярмаркѣ, но тогда всѣ лавки находились подъ обширными палатками, раздѣленными на нѣсколько частей, и были украшены зеленью. Одна изъ этихъ палатокъ, которая была больше другихъ, представляла изъ себя комнату, убранную зеркалами. Это были лавки торговцевъ модными товарами, забракованными въ большихъ городахъ. Провинціальныя дамы проводили здѣсь цѣлыя дни, примѣряя платья и шляпы на виду у всѣхъ. Большое число купцовъ изъ различныхъ областей, въ національныхъ костюмахъ, толпились тамъ и сямъ. Ихъ правильныя лица напоминали древнихъ грековъ; они могли служить прекрасными моделями для художника. Въ особенности было очень много азіатовъ, и ихъ богатые товары, разложенные въ изобиліи: пали, драгоценныя камни, жемчугъ,—придавали видъ великолѣпія этому странному сборищу. Расположенныя параллельно палатки покрыты цвѣтнымъ полотномъ, такъ что такимъ образомъ проходишь по длинному коридору. На другой день послѣ нашего прибытія въ Макаревъ къ намъ присоединилась госпожа Свѣчина ¹⁾. Она добра и умна, и мы на нее смотримъ, какъ на друга. Она прибыла со своимъ мужемъ и сестрой и поселились въ томъ же домѣ, что и мы; мы пробыли вмѣстѣ на ярмаркѣ 10 дней. Затѣмъ мы вернулись въ свое имѣніе, гдѣ госпожа Свѣчина провела три очень пріятныхъ недѣли. Она совершила потомъ небольшую поѣздку въ Казань вмѣстѣ съ м-ше де-Тарантъ, которая была совершенно очарована этимъ путешествіемъ. Онѣ переѣхали черезъ дубовый лѣсъ длиною въ 40 верстъ. Возвращаясь въ Петербургъ, мы еще разъ остановились въ Москвѣ. Наше путешествіе окончилось въ октябрѣ мѣсяцѣ. Мой домъ былъ ремонтированъ, но, несмотря на всю быстроту, съ которой производился этотъ ремонтъ, онъ могъ быть готовъ только послѣ нашего пріѣзда. Пока мы помѣстились въ первомъ этажѣ, и я жила въ одной комнатѣ съ м-ше де-Тарантъ.

Мы подходимъ къ очень интересному времени. Императрица Елисавета была въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности. Я просила у Бога счастливаго разрѣшенія для нея, не позволяя себѣ больше никакихъ желаній, но общество ожидало съ нетерпѣніемъ и желало наслѣдника. 2-го ноября мы крѣпко спали, когда вдругъ разбудили насъ пушечные выстрѣлы ²⁾. Мы испустили радостный крикъ, а м-ше де-Тарантъ прибѣжала заключить насъ въ свои объятія и смѣшать свои слезы съ моими. Несмотря на наше волненіе, мы считали пушечные выстрѣлы и думали, что императрица родила сына. Это

¹⁾ Софія Петровна, урожденная Соймонова, писательница, совращенная въ католичество усиліями де-Тарантъ и іезуитовъ.

²⁾ Великая княжна Елисавета Александровна родилась 3-го ноября 1806 года, умерла 30-го апрѣля 1808 г.

было заблужденіемъ, но я была не менѣе счастлива: она имѣла ребенка... Въ первый разъ я пожалѣла, что мой мужъ больше не при дворѣ и не можетъ пойти туда узнать о ея здоровьи. Мы провели остатокъ ночи (м-те де-Тарантъ и я), разговаривая объ этомъ счастливомъ событіи.

Дочь императрицы стала предметомъ ея страсти и постоянныхъ ея заботъ. Ея уединенная жизнь стала для нея счастьемъ: какъ только она вставала, она отправлялась къ своему ребенку и не оставляла его почти весь день; если ей приходилось провести вечеръ внѣ дома, она по возвращеніи всегда шла поцѣловать ее. Но это счастье продолжалось только 18 мѣсяцевъ. У маленькой великой княжны очень трудно прорѣзались зубы. Франкъ, врачъ его величества, не сумѣлъ ее лѣчить, ей дали укрѣпляющія средства, которыя увеличили воспаленіе. Въ апрѣлѣ 1808 года, съ великою княжною сдѣлались конвульсіи, всѣ врачи были созваны, но никакое лѣкарство не могло ее спасти. Несчастливая мать не отходила отъ постели своего ребенка, дрожа при малѣйшемъ движеніи; каждая спокойная минута ей придавала нѣкоторую надежду. Вся императорская фамилія собралась въ этой комнатѣ. Стоя на колѣняхъ возлѣ кровати, императрица, увидѣвши свою дочь болѣе спокойной, взяла ее на руки; глубокое молчаніе царило въ комнатѣ. Императрица приблизила свое лицо къ лицу ребенка и почувствовала холодъ смерти. Она просила императора оставить ее одну у тѣла ея дочери, и императоръ, зная ея мужество, не колебался согласиться на желаніе опечаленной матери. Мнѣ говорили, что, оставшись надолго въ уединеніи, она пошла потомъ къ принцессѣ Амаліи. Послѣдняя раздѣляла всѣ заботы и всю печаль императрицы, но пережитыя волненія подѣйствовали на ея здоровье, и врачи потребовали немедленно кровопусканія. Она согласилась на все, чтобы не покидать своей сестры. Утромъ этого печальнаго дня (30 апрѣля) получило извѣстіе о смерти младшей сестры императрицы, принцессы Брауншвейгской. Императоръ благоразумно рѣшилъ, что слѣдуетъ лучше сейчасъ извѣстить объ этомъ его супругу, потому что это новое несчастье, какъ бы оно ни было чувствительно, будетъ мало чувствительно для матери, раздираемой печалью. Принцесса Амалія рассказывала мнѣ, что въ первую минуту она хотѣла проводить ночи возлѣ императрицы, но замѣтивъ, что изъ стѣснаго передъ ней ея величество удерживала рыданія, она сочла нужнымъ удалиться; ужасно сдерживать изліяніе печали, когда отчаяніе и ропотъ не сопровождаютъ его. Императрица оставляла при себѣ тѣло своего ребенка въ теченіе 4-хъ дней. Затѣмъ оно было перенесено въ Невскую лавру и положено на катафалкъ. По обычаю, всѣ получили разрѣшеніе войти въ церковь и поцѣловать руку маленькой великой княжны. Командоръ Мезоннефъ, бывшій въ то время церемоніймейстеромъ, говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ ежедневно проходили

на поклоненіе тѣлу отъ 9 до 10 тысячъ человѣкъ, что всѣ были опечалены, и многіе повергались на землю въ слезахъ, увѣряя, что это былъ ангельскій ребенокъ. Погребальная процессія двигалась мимо моихъ оконъ. Гробъ везли въ каретѣ, въ которой сидѣла статсъ-дама графиня Литта и оберъ-гофмейстеръ Торсуковъ. Народъ плакалъ и выказывалъ всѣ знаки горести. Я не могу передать, что происходило со мной, и насколько это несчастіе разрывало мнѣ душу. М-те де-Гарантъ была въ это время въ Митавѣ, и мнѣ недоставало ея утѣшеній.

Битва при Аустерлицѣ привела для Россіи лишь къ прекращенію военныхъ дѣйствій, Австрія заключила сама постыдный Пресбургскій миръ, въ январѣ 1806 года. Россія поддерживала свои требованія вооруженною силою, Пруссія присоединилась къ ней, а въ октябрѣ несчастная битва при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, уничтоживъ Прусскую монархію, отбросила остатки ея арміи на русскую границу. Императоръ благородно поддерживалъ своего союзника, но успѣхъ не соотвѣтствовалъ его намѣреніямъ: битва при Фридрихсвандѣ (въ іюнѣ мѣсяцѣ 1807 г.) подвергала Россію нашествію Наполеона въ такую минуту, когда она не была готова выдержать войну въ странѣ. Императоръ считалъ своею обязанностью избѣгнуть опасности, согласился на свиданіе съ Бонапартомъ на Нѣманѣ и подписалъ Тильзитскій миръ. Время этого мира замѣчательно и со стороны политической — для историковъ, которые возьмутся развить ее, и со стороны новыхъ отношеній и положеній, къ которымъ привело это событіе при дворѣ и въ Петербургѣ.

Бонапартъ съ каждымъ днемъ расширялъ свою власть незаконными средствами и, казалось, упразднялъ ею власть законныхъ государей. Бонапартъ потребовалъ, чтобы всѣ государи съѣхались въ Эрфуртъ. Бывшій въ то время въ Россіи всемогущимъ канцлеромъ графъ Румянцевъ держался той системы, что союзъ съ Бонапартомъ необходимъ для поддержанія трона и мира. Онъ вліялъ на императора, который, благодаря цѣлому ряду быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ неожиданныхъ событій, сдѣлался неувѣреннымъ и впалъ въ уныніе. Было рѣшено, что его величество также отправится въ Эрфуртъ. Эта поѣздка вызвала всеобщее огорченіе. Обѣ императрицы дѣлали все возможное, чтобы императоръ перемѣнилъ свое рѣшеніе. Но даже Нарышкина, пользовавшаяся тогда громаднымъ вліяніемъ, немогла ничего достигнуть. Государь отправился въ Эрфуртъ. Эта минута смутила всѣ умы, но императоръ сумѣлъ среди такой скорби и столькихъ затрудненій найти новый путь, которому онъ долженъ былъ слѣдовать, и будущее показало, какъ Небо вознаградило его настойчивость, давъ ему славу, о которой потомство будетъ говорить съ удивленіемъ. Я предоставляю историку рассказать подробности столькихъ интересныхъ событій.

Во время отсутствія императора императрица Елисавета зани-

мала апартаменты Эрмитажа¹⁾, а такъ какъ императрица-мать отправилась на жительство въ Гатчину, то она осталась одна въ этомъ обширномъ дворцѣ. Новое мѣсто жительства ей нравилось: она находилась среди лучшихъ произведеній искусствъ и прекрасной библіотеки. Хотя она была очень хорошо знакома со всѣмъ тѣмъ, что касалось исторіи Россіи, тѣмъ не менѣе она снова принялась за изученіе ея по коллекціи медалей и монетъ. Она часто гуляла въ маленькомъ саду, находившемся въ центрѣ Эрмитажа; по недосмотру въ немъ оставили двѣ маленькихъ гробницы²⁾, которыя, казалось, находились тамъ, чтобы напоминать ей о ея дѣтяхъ.

Въ день св. Елисаветы, бывшій днемъ тезоименитства въ одно и то же время и императрицы и ея дочери, которую она только что потеряла, она отправилась по своему обыкновенію въ Невскій монастырь. Графиня Толстая хотѣла узнать, какъ она себя чувствуетъ послѣ такой быстрой поѣздки. Она замѣтила, что императрица ходила медленными шагами въ саду одна, погруженная въ тягостныя размышленія. Проходя передъ одной изъ гробницъ, ея величество замѣтила пучекъ анютиныхъ глазокъ, растущій сбоку. Она сорвала его, положила на памятникъ и продолжала молча ходить. Это дѣйствіе было выразительнѣе всякихъ словъ.

Въ теченіе этого времени не случилось ничего для меня лично замѣчательнаго. Моя однообразная и спокойная жизнь могла быть встревожена только тѣмъ участіемъ, которое я принимала въ горестяхъ ближнихъ и въ особенности въ несчастіяхъ той, которой такъ предано было мое сердце.

Я должна упомянуть здѣсь о моемъ знакомствѣ съ графиней Мервельтъ, женой австрійскаго посла. М-ме де-Тарантъ познакомила насъ, а когда она отправилась въ Митаву, графиня Мервельтъ заботилась обо мнѣ, какъ сестра. Эта прекрасная и милая особа крайне привязалась къ императрицѣ Елисаветѣ и искренно оплакивала вмѣстѣ со мной смерть ея ребенка.

Моя старшая дочь, которой было около 19 лѣтъ, стала выѣзжать въ свѣтъ въ это время. Она была принята съ той благосклонностью, которую можетъ ожидать кроткая и разумная молодая дѣвица. Ея нѣжная и сердечная привязанность ко мнѣ предохраняла ее отъ свойственныхъ молодости увлеченій. Внѣшность ея не представляетъ ничего привлекательнаго: она не отличалась ни красотой, ни граціей, и не могла внушить никакого опаснаго чувства. Строгія начала нравственности предохраняли ее отъ всего того, что могло ей повредить. Я была вполне въ ней увѣрена и не принуждена была повторять

¹⁾ Совершенно заново омеблировали апартаменты императора и императрицы. Такъ какъ погода помѣшала дальнѣйшему пребыванію на дачѣ, то императрица Елисавета въ отсутствіе императора жила въ Эрмитажѣ. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

²⁾ Какъ памятники древности.

ей истины, въ которыхъ почти всегда нуждается молодежь. Моя невѣстка, княгиня Голицына, о которой я уже говорила, имѣетъ много дѣтей и небольшое состояніе. Она желала, чтобы ея старшая дочь получила шифръ, надѣясь, что она получитъ приданое въ 12.000 руб., соединенное съ этимъ отличіемъ. Графиня Толстая, по моей просьбѣ, просила императрицу исходатайствовать у императора о милости для моей племянницы. Черезъ нѣкоторое время графиня Толстая сказала мнѣ подъ секретомъ, что императоръ отказалъ въ милости, которую у него просили для матери, пять сыновей которой служили въ арміи, и что его величество основывалъ свой отказъ на томъ, что и другія матери, имѣющія такія же права, могутъ просить объ этомъ, и что онъ думаетъ дать этотъ шифръ моей дочери, чтобы доказать моему мужу, что онъ попрежнему къ нему милостивъ. Я была очень признательна вниманію императора къ намъ, но не желала для моей дочери шифра, ставшаго столь обыденной вещью. Я тѣмъ лучше сохранила секретъ графини Толстой, что сейчасъ же о немъ совершенно позабыла. Мой мужъ отправился въ свои имѣнія; эта поѣздка продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, онъ ее совершалъ почти ежегодно. Въ день новаго 1810 года я отправилась по обыкновенію поздравить Перекусихину—камерффрау императрицы Екатерины, особу замѣчательную по своему уму и привязанности, которую она сохранила къ государынѣ, другомъ которой была въ теченіе 30 лѣтъ. Ея племянникъ Торсуковъ, о которомъ я уже говорила, вернулся изъ дворца во время моего визита. Онъ сказалъ мнѣ, входя: «Я былъ у васъ, чтобы поздравить съ милостью, пожалованной императоромъ. Шифръ...». «Моя племянница получила шифръ», сказала я съ радостнымъ крикомъ. «Какая племянница?—возразилъ Торсуковъ,—рѣчь идетъ о вашей дочери». Я думала только о моей невѣсткѣ и забыла всѣхъ тѣхъ, которые меня въ эту минуту окружали. «Боже мой,—вскричала я,—какая досада!» Присутствовавшій при этомъ Балашовъ, министръ и военный губернаторъ, бывшій въ то время въ большой милости, посмотрѣлъ на меня съ удивленнымъ видомъ¹⁾. Торсуковъ, испуганный моею откровенностью, пытался заставить меня оцѣнить милость императора. Я это почувствовала и стала говорить о моей благодарности, затѣмъ я очень скоро отправилась повидаться съ m-me де-Тарантъ, ожидавшей меня у m-me де-Тамара. Я чуть не плакала, объявляя имъ объ этомъ событіи; о немъ уже знали у меня дома, и мои слуги были внѣ себя отъ радости. Швейцаръ назвалъ мнѣ массу людей, которые уже успѣли заѣхать ко мнѣ, чтобы по обыкновенію принести поздравленія. Съ тѣхъ поръ, какъ мой мужъ оставилъ дворецъ, это былъ первый знакъ памяти о немъ императора, и эта память въ

¹⁾ Балашовъ, Александръ Дмитріевичъ (р. 1770 г., † 1837 г.), въ это время министръ юстиціи и одинъ изъ довѣренныхъ лицъ при императорѣ.

связи съ прошлымъ стала для нѣкоторыхъ источникомъ безпокойства. Я нашла свою дочь столь же огорченной и по той же причинѣ, что и я; но все же въ концѣ концовъ нужно было и самимъ проявить свое участіе въ этомъ великомъ событіи, и я отправилась поблагодарить императрицу. Черезъ три дня, гуляя въ каретѣ по набережной съ m-me де-Тарантъ и дѣтьми, мы встрѣтили императора, гулявшаго пѣшкомъ; карета остановилась, и императоръ изволилъ подойти къ намъ. Я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы выразить ему свою благодарность за его милости... «Я хотѣлъ показать графу Головину, — сказалъ императоръ, — что моя старая дружба къ нему осталась прежней. Я хотѣлъ также, чтобы ваша дочь одна получила шифръ въ этотъ день, чтобы показать вамъ, что я не хочу васъ смѣшивать съ другими».

Графъ Ростопчинъ прибылъ изъ Москвы и поселился въ нашемъ домѣ. Возвращеніе моего мужа послѣдовало вскорѣ послѣ этого. Милость, оказанная нашей дочери, доставила ему большое удовольствіе, въ особенности, когда онъ узналъ, какимъ образомъ императоръ высказался по этому поводу. Графъ Ростопчинъ, впервые увидѣвшій Петербургъ теперь со смерти императора Павла, хотѣлъ очень объясниться съ княземъ Чарторыжскимъ по поводу всего того, что произошло между ними, такъ какъ пытались увѣрить князя, что именно графъ Ростопчинъ старался объ его увольненіи. Я уже говорила объ этомъ обстоятельстве¹⁾. Графъ попросилъ моего мужа пригласить на обѣдъ князя Чарторыжскаго и его друга Новосильцова.

Посѣщеніе княземъ моего дома не могло быть для меня безразличнымъ. Видъ его напомнилъ мнѣ массу необыкновенныхъ событий, его смущеніе, которое онъ не могъ побѣдить, проглядывало на его озабоченной физиономіи. Графъ Ростопчинъ показалъ ему записочку императора Павла, ясно доказывающую, что императрица-мать и графъ Толстой одни работали надъ тѣмъ, чтобы повредить князю Чарторыжскому. Я знала ее, такъ какъ интересовалась оправданіемъ графа Ростопчина, который доказалъ князю, какъ онъ заблуждался на его счетъ. Но я была далека отъ того, чтобы воображать, что эта записка могла бы мнѣ оказать большую услугу.

Немного времени спустя, императоръ отправился въ Тверь по-видать съ своей сестрой, принцессой Ольденбургской²⁾. Графъ Толстой сопровождалъ его величество. Въ это время графиня Толстая захворала желчною лихорадкой. Я не посѣщала ее со времени нашего разрыва съ ея мужемъ и видалась съ ней только у себя, но

¹⁾ При описаніи событий въ царствованіе императора Павла.

²⁾ Великая княгиня Екатерина Павловна (р. 1788 г., † 1819 г.), только что вышедшая замужъ за принца Георга Ольденбургскаго, занявшаго вслѣдъ затѣмъ должность Тверскаго генералъ-губернатора. Послѣ его смерти Екатерина Павловна была во второмъ бракѣ въ 1815 г. за королемъ Виртембергскимъ Вильгельмомъ.

тогда она мнѣ написала письмо, заклиная прійти къ ней, такъ какъ она страдаетъ и нуждается во мнѣ. Я не колебалась ни одной минуты, и такъ какъ дружба загладила всѣ другія воспоминанія, то я отправилась къ ней. М-те де-Тарантъ была восхищена этимъ примиреніемъ и ходила со мной къ ней, мои дѣти также. Съ этихъ поръ я къ ней ходила каждый день. Однажды утромъ, сидя возлѣ ея кровати, я увидѣла, что явилась императрица Елисавета, приближавшаяся къ ней съ видомъ большого участія: затѣмъ она попросила меня сѣсть. Мы бесѣдовали нѣкоторое время о болѣзни графини и о врачѣ; затѣмъ вошла старшая дочь графини Толстой, Катя, и сказала ея величеству, что моя младшая дочь, находившаяся въ сосѣдней комнатѣ, умирала отъ желанія ее видѣть. Императрица съ очень благоклоннымъ видомъ встала и шутливо сказала, что пойдетъ поухаживать за ней. Лиза была совершенно смущена, когда императрица подошла къ ней съ привѣтливостью и сказала: «Я васъ знаю очень давно, Лиза, еще тогда, когда вы были груднымъ ребенкомъ. Вы родились 22 ноября, я этого совсѣмъ не забыла». Послѣ этихъ словъ императрица быстро удалилась, чтобы уѣхать. Она снова пріѣхала черезъ нѣсколько дней. Я оставляла комнату графини Толстой, чтобы уйти домой въ тотъ моментъ, когда объявили объ ея пріѣздѣ. Я ее встрѣтила въ гостиной; ея величество, подойдя ко мнѣ, сказала, что, увидя въ передней мужскую шляпу и сюртукъ, она подумала, что они принадлежатъ мнѣ и служатъ мнѣ для прихода въ переодѣтомъ видѣ. «Я нигдѣ въ этомъ не нуждаюсь, ваше величество,—отвѣчала я,—тѣмъ болѣе въ этомъ домѣ».—«Развѣ вы спѣшите уйти?»—«Я должна вернуться домой, ваше величество, такъ какъ теперь часъ моего обѣда».

Почувствовавъ себя гораздо лучше, графиня Толстая вскорѣ встала съ постели. Ея мужъ вернулся и дѣлалъ видъ, что восхищенъ, видя меня въ своемъ домѣ. Я сдѣлала видъ, что вѣрю этому, и продолжала посѣщать ихъ домъ, такъ какъ я ходила къ его женѣ, а не къ нему. Я снова увидѣла императрицу черезъ нѣкоторое время у графини Толстой, которая совершенно выздоровѣла. Ея величество пріѣхала къ ней съ герцогиней Виртембергскою¹⁾. Мои дѣти и м-те де-Тарантъ удалились въ уборную, а я осталась возлѣ императрицы, которая казалась любезной со мной. Бесѣда была оживленная и продолжалась до 3-хъ часовъ, когда я встала, чтобы уйти, и пошла искать м-те де-Тарантъ въ ея убѣжищѣ. Она забыла свою шляпу въ комнатѣ, гдѣ была императрица, и мы отправили за ней Катю. Императрица, замѣтивъ это, схватила шляпу и сама принесла ее къ м-те де-Тарантъ, показывая, что она находитъ удовольствіе снова видѣть меня. Я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ, кажущихся не-

¹⁾ Супруга герцога Александра Виртембергскаго, бывшаго на русской службѣ, принцесса Антуанетта.

значительными, потому что онѣ подготавливали великую развязку, не замедлившую совершиться.

Когда графиня Толстая совершенно поправилась, мои встрѣчи съ императрицей прекратились, и нѣсколько мѣсяцевъ не происходило ничего замѣчательнаго. Однажды утромъ, графиня Толстая написала мнѣ, приглашая меня прійти къ ней къ 6 часамъ. Она приняла меня въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, хорошо освѣщенномъ, хорошо надушенномъ, имѣвшемъ праздничный видъ. Затѣмъ я услышала стукъ подъѣзжающей кареты; графиня сказала мнѣ: «Это императрица», и не знаю, почему я почувствовала себя смущенной. Императрица явилась также немного растроганная, она съ живостью подошла ко мнѣ, заговорила со мной о здоровьи моего мужа и затѣмъ усадила насъ. Ея взгляды, полные благосклонности ко мнѣ, воскрешали тысячу воспоминаній, бесѣда была пріятна, но черезъ полчаса я встала и ушла. Графиня передала мнѣ, что послѣ моего ухода императрица оставалась погруженная въ мечты и сказала ей: «Боже мой! Что значить первое чувство!»

На Рождествѣ графиня Толстая давала завтракъ дѣтямъ іезуитскаго пансіона, въ которомъ находились ея два сына, императрица захотѣла на немъ присутствовать такъ же, какъ и герцогиня Виртембергская. Въ 6 часовъ мы отправились къ графинѣ Толстой, ея величество также пріѣхала съ герцогиней Виртембергской. Поговоривъ съ хозяйкой дома, съ m-me де-Тарантъ и графиней Витгенштейнъ, императрица усѣлась и просила меня приблизиться. Я сѣла на нѣкоторомъ разстояніи, но властнымъ тономъ она повторила: «Ближе, рядомъ со мной». Я повиновалась; тогда она мнѣ сказала съ волненіемъ: «Какъ я счастлива, видя васъ рядомъ съ собой». Я была какъ помѣшанная отъ этой перемены въ обращеніи со мной императрицы и не понимала, что могло къ ней привести; въ остальную часть вечера новые поводы увеличивали мое пріятное удивленіе, но черезъ нѣкоторое время я узнала, что императрица имѣла въ рукахъ ту записочку императора Павла, о которой я говорила выше. Графъ Ростовчинъ отправился въ Москву, но князь Чарторыйскій рассказалъ объ этомъ графинѣ Строгановой, та императрицѣ, а ея величество высказала желаніе прочесть эту записку; написали объ этомъ графу, который, колеблясь, отдалъ ее. Возмущенная содержаніемъ императрица бросила записку въ огонь: она узнала наконецъ, кто былъ истиннымъ виновникомъ ея страданій, и какъ несправедливо она меня считала виноватой. Съ этой минуты она пыталась меня приблизить къ себѣ, и было вполнѣ естественнымъ, что я была удивлена этимъ поведеніемъ, такъ какъ не знала его основаній. Могла ли я догадываться о такихъ обвиненіяхъ, я, которая думала, что такъ хорошо доказала ненарушимую вѣрность и привязанность?

У моей дочери заболѣли глаза, у ней явилась опухоль на рѣсницахъ, приходилось подвергнуть ее довольно тяжелой операци.

Императрица хотѣла выразить ей свое участіе и послала ей розу черезъ графиню Толстую. Когда моя дочь поправилась, мы отправились къ графинѣ Толстой, императрица также пріѣхала къ ней. Она благосклонно бесѣдовала о томъ, что должна была выстрадать моя дочь; затѣмъ я ей поднесла въ подарокъ перстень съ луннымъ камнемъ, который, говорятъ, приноситъ счастье. Она надѣла его на палецъ и, минутою спустя, сказала графинѣ Толстой: «Вы кое-что перемѣнили въ вашихъ комнатахъ; оставайтесь здѣсь на диванѣ, я пойду ихъ посмотреть». Она посмотрѣла на меня, чтобы мнѣ показать, что я должна ее сопровождать. Наконецъ я осталась наединѣ съ ней въ маленькомъ будуарѣ графини Толстой. Какъ давно это не случилось со мной! Мы говорили отрывисто и были очень растроганы. Императрица сообщила мнѣ свои опасенія за здоровье графини Толстой. Я прибавила, что для меня тѣмъ страшнѣе было видѣть ее въ такомъ состояніи, что я только отъ нея могла имѣть свѣдѣнія о ея величествѣ. Императрица смутилась и сказала: «Я никогда не смогу выразить вамъ, до какой стѣпени я тронута тѣмъ постояннымъ участіемъ, которое вы сохранили ко мнѣ. Ваша вѣрность меня проникаетъ чувствомъ благодарности». Она продолжала говорить съ благосклонностью и чувствительностью, а я бесчисленное число разъ цѣловала ея руки, омывая ихъ моими слезами.

Послѣ этого объясненія я часто видѣлась съ ней у ея сестры принцессы Амаліи и у графини Толстой. Она приказывала мнѣ приходить съ m-me де-Тарантъ къ принцессѣ то утромъ, то вечеромъ. Мы бесѣдовали нѣкоторое время всѣ вмѣстѣ; затѣмъ она уводила меня въ другую комнату, чтобы дать больше свободы своему довѣрью. Это было все, что она могла сдѣлать для меня: я не имѣла права на частныя посѣщенія ея величества и наслаждалась тѣмъ, что давала мнѣ ея благосклонность. Мнѣ невозможно будетъ передать всѣ мои бесѣды, но новыя мысли, прелесть выраженій и кроткій умъ императрицы дѣлали ихъ очень пріятными. Лѣтомъ я ее видѣла раза два въ недѣлю на дачѣ у графини Толстой, куда она милостиво являлась проводить съ нами вечера. По возвращеніи въ городъ, мы снова ходили къ принцессѣ Амаліи. Однажды вечеромъ императрица сказала мнѣ: «Непремѣнно хочу, чтобы вы согласились на то, о чемъ я васъ сейчасъ попрошу: пишите мемуары. Никто не способенъ на это больше васъ, и я общаю вамъ помогать и доставлять вамъ матеріалы». Я сослалась на нѣкоторыя затрудненія, но они были устранены, и пришлось согласиться. Я предпринимала работу, къ которой не чувствовала себя способной, но все-таки на другой день я принялась за перо. Черезъ нѣсколько дней я показала ихъ начало императрицѣ, она казалась удовлетворенной и приказала мнѣ продолжать.

XXIX.

1812 годъ.—Отъѣздъ императора Александра въ армию.—Путешествіе императрицы Елисаветы.—Взятіе Парижа.—Чувства г-жи де-Тарантъ.—Болѣзнь ея и смерть.—Скорбь Головиной.—Погребеніе тѣла де-Тарантъ.

Въ слѣдующемъ (1812) году, мой мужъ снова поступилъ на службу: онъ былъ назначенъ оберъ-шенкомъ. Императоръ назначилъ его съ такой благосклонностью, о которой могъ только мечтать себѣ мой мужъ, и выразился о немъ самымъ лестнымъ образомъ, говоря о немъ императрицѣ, которая повторила мнѣ его слова съ участіемъ, очень растрогавшимъ меня. Черезъ нѣсколько дней я встрѣтила императора на прогулкѣ: онъ дружественно заговорилъ со мной о моемъ мужѣ, объ удовольствіи, доставляемомъ ему этимъ назначеніемъ; онъ напиралъ особенно на воспоминанія о прежнемъ времени. Но эта перемена не принесла мнѣ ничего, и я ничего не находила для моего болѣе тѣснаго общенія съ императрицей. М-те де-Тарантъ была этимъ очень огорчена, но я была нѣкоторымъ образомъ даже счастлива тѣмъ, что могла доказать императрицѣ, насколько моя привязанность къ ней была лишена эгоизма и самолюбія.

Императоръ уѣхалъ въ армию. Французы быстро приближались, и ихъ первые успѣхи причиняли очень основательное опасеніе. При этомъ столь важномъ случаѣ императрица высказала замѣчательное мужество и смѣлость, и ея благородный примѣръ воодушевилъ всѣхъ упавшихъ духомъ. Начали, подобно ей, ждать славы, которая послѣдовала за этой минутой смятенія. Я не стану входить теперь во всѣ подробности этой недавней и столь извѣстной войны, а буду продолжать говорить о томъ, что касалось насъ ближе. Первое путешествіе императора не было продолжительнымъ, но въ декабрѣ мѣсяцѣ этого же года онъ снова уѣхалъ, чтобы принять славное участіе въ успѣхахъ своихъ войскъ. Императрица проводила лѣто слѣдующаго года (1813) въ Царскомъ Селѣ, наши свиданія были до сихъ поръ тѣми же самыми, но ея резиденція была слишкомъ далеко, чтобы мнѣ было возможно ее посѣщать. Она дѣлала мнѣ честь, написавъ мнѣ нѣсколько разъ ¹⁾. Мой мужъ получилъ частное порученіе отъ императора въ Москвѣ для раздачи вспоможенія, въ которомъ такъ нуждался этотъ городъ. Откланиваясь императрицѣ, онъ имѣлъ съ ней разговоръ, въ которомъ, благодаря своему рвенію, зашелъ, быть можетъ, слишкомъ далеко. Онъ позволилъ себѣ сказать больше того, что могъ, и они разстались до-

¹⁾ Часть этихъ писемъ будетъ помѣщена ниже.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

вольно холодно. Онъ мнѣ написалъ письмо, полное сожалѣнія по этому поводу. Императрица также хотѣла со мной объ этомъ поговорить, но, благодаря своей милостивой снисходительности, она скоро забыла то, что должно было ее оскорбить.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, императрица получила письмо отъ императора, которымъ онъ приглашалъ ее пріѣхать къ нему и повидаться съ ея матерью, маркиграфиней Баденской.

Наканунѣ своего отъѣзда императрица очень хотѣла попрощаться съ нами у графини Толстой. Я имѣла съ ней разговоръ въ теченіе часа и осмѣлилась говорить съ обычною откровенностью. Мы ее проводили до ея кареты, а на другой день отправились въ Казанскій соборъ, куда она пріѣхала отслужить передъ отъѣздомъ напутственный молебень. Стеченіе народа было необычайно; живой интересъ, который она внушала, выражался на всѣхъ лицахъ. Народъ толпился вокругъ нея, и когда она сѣла въ карету, нѣкоторые по обычаю поднесли ей хлѣбъ-соль. Отъѣздъ этотъ былъ 19 декабря, морозъ былъ очень сильный. Отсутствие императора и императрицы придавали городу печальную физиономію; въ то время, какъ мы страдали отъ нашего одиночества, и нѣкоторые беспокойные характеры осмѣливались роптать, императоръ, поддерживаемый Богомъ, подготовлялъ спасеніе Европы. Одинъ среди союзниковъ онъ имѣлъ только чистыя намѣренія и сохранилъ до конца, выполняя ихъ съ достойною его твердостью¹⁾.

Мой мужъ получилъ сильный припадокъ желтухи и долженъ былъ начать продолжительное и тяжелое лѣченіе. Мы проводили все свое время въ его комнатѣ, и счастливыя извѣстія, получаемыя безпрестанно, вносили разнообразіе въ грустную монотонность этого существованія. Вѣрное сердце m-me де-Тарантъ билось надеждой: извѣстно было, что Людовикъ XVIII покинулъ Англію и прибылъ во Францію, что благородный и побѣдоносный императоръ Александръ приближался къ стѣнамъ Парижа, и что узурпаторъ бѣжалъ въ Фонтенебло со своими приверженцами.

Я приближаюсь къ описанію поразительной для меня минуты, которая повліяетъ на всю мою жизнь. Дѣло Бурбоновъ было для меня всегда дорогимъ, столько же въ виду моихъ принциповъ, какъ и въ виду дружбы, связывавшей меня съ m-me де-Тарантъ. Наши души, проникавшія одна въ другую, могли испытывать только одинаковое чувство. Столь желанная минута его приближалась, крикъ «vive le roi» скоро долженъ былъ быть слышенъ: этотъ крикъ такъ глубоко начертанъ былъ въ сердцѣ моего несравненнаго друга; извѣстно было, что императоръ Александръ находится только на разстояніи одного перехода отъ Парижа. Мечь, чувство, къ несчастью, слишкомъ общее людямъ, наполняла всѣ сердца. Развалины Москвы привели

¹⁾ Все это объяснить письмо императора, помѣченное «14—26 іюля».

въ движеніе всѣ страсти; находили вполне естественнымъ съечь Парижъ, овладѣть его сокровищами и приготовить къ возвращенію короля только кучу пепла. Тѣ, кто думали такъ, забывали о милосердіи Божиѣмъ и о великодушіи Александра. Я часто страдала слыша всѣ разсужденія, происходившія по этому поводу; я страдала вдвойнѣ, когда нѣкоторые неделикатныя лица приводили ихъ въ присутствіи м-ше де-Тарантъ, которая, смущенная надеждой и боязнью, едва дышала. Однажды утромъ, она предложила младшей дочери побѣдку въ наше имѣніе въ 8 верстахъ отъ города. Это мѣсто—отчасти ея созданіе, она тамъ наслаждалась съ нами. Она выращивала растенія на окнѣ въ мартѣ мѣсяцѣ и пересаживала ихъ затѣмъ на свой островъ, который я ей удѣлила въ полное владѣніе.

Во время ея отсутствія пришли объявить моему мужу, что побѣдоносныя русскія войска находятся у Монмартра, что Парижъ сдался, и что въ него вошли, какъ друзья; Людовикъ XVIII былъ провозглашенъ королемъ. Эта новость произвела невыразимую радость въ гостиную моего мужа. У насъ было много гостей, и каждый послѣ перваго радостнаго изумленія думалъ только о томъ счастьи, которое предстоитъ испытать м-ше де-Тарантъ. Я не могу выразить того, что происходило со мной, я помѣстилась у окна, чтобы видѣть, когда пріѣдетъ м-ше де-Тарантъ. Мое сердце билось такъ сильно, что я задыхалась; мой мужъ послалъ старшую дочь въ комнату нашего друга, чтобы ожидать ее и осторожно приготовить къ принятію этой счастливой новости. Въ ту минуту, когда ея карета останавливалась у дверей, она увидѣла на крыльцѣ нашего управляющаго, окруженнаго многочисленной толпой слугъ, которые ожидали ее съ нетерпѣніемъ, чтобы принести ей свои поздравленія. Лиза говорила мнѣ потомъ, что м-ше де-Тарантъ, замѣтивъ это выраженіе радости, вскрикнула, взялась за голову, страшно поблѣднѣла и сказала сдавленнымъ голосомъ: «Какое нибудь радостное извѣстіе!». Она замолчала, не имѣя возможности больше говорить. Моя дочь привела ее въ гостиную моего мужа; я бросилась къ ней на шею, мой мужъ также, всѣ бывшіе въ комнатѣ окружили ее съ волненіемъ. Она дрожала и была безъ силъ; мы ее усадили, ей было очень трудно прійти въ себя. Съ этого дня она постоянно была блѣдной, ея благородное лицо носило выраженіе меланхолической радости. Я не могла ее оставить ни на минуту: страшныя предчувствія наполняли мое сердце. Я была въ страшной нерѣзительности. Мы любили другъ друга больше, чѣмъ когда либо, и больше, чѣмъ когда либо, мы чувствовали потребность жить одна для другой. Вѣрное сердце м-ше де-Тарантъ, перенесшее съ благородствомъ и мужествомъ страшныя несчастья, не могло вынести радости. Всѣ ея физическія силы были подорваны этимъ слишкомъ новымъ для нея душевнымъ движеніемъ. Черезъ

короткое время мы получили извѣстія отъ нашихъ французскихъ друзей. Король и королева желали, чтобы м-ше де-Тарантъ приѣхала къ нимъ. М-ше де-Тарантъ, болѣе привязанная къ своему долгу, чѣмъ къ жизни, предположила уѣхать осенью, желая видѣть до своего отъѣзда нашего императора, чтобы поблагодарить его за гостепрѣимство, оказанное ей въ его государствѣ. Однажды утромъ, въ моей уборной, гдѣ мы обыкновенно завтракали, она сказала мнѣ послѣ того, какъ была погружена въ глубокую задумчивость: «Счастье не создано для меня. Богъ только что исполнилъ желаніе моего сердца: король на тронѣ своихъ предковъ. Я должна уѣхать, должна покинуть извѣстное для неизвѣстнаго. Покинуть васъ и этотъ гостепрѣимный домъ, въ которомъ вы дали мнѣ возможность наслаждаться столь спокойнымъ и чистымъ существованіемъ,—является для меня смертью. На моей родинѣ у меня будетъ тысяча поводовъ къ мученію. Не всѣ такъ безкорыстны, какъ я въ чувствахъ къ моимъ государямъ. Мнѣ предстоитъ противостоять ужаснымъ заблужденіямъ, чтобы исполнить очень тяжелыя обязанности». Я смотрѣла на нее молча: каждое ея слово, какъ мечъ, вонзалось въ мое сердце, мои глаза, полные слезъ, боялись встрѣтить ея взглядъ.

Въ это время она получила очень благосклонное письмо отъ императрицы Елисаветы по поводу перемѣнъ, происшедшихъ во Франціи. Я тоже получила письмо послѣ ея прибытія въ Брунзаль.

Мы, мои дѣти и я, заранѣе горевали о нашей разукѣ съ м-ше де-Тарантъ, эта мысль отравляла мою и ея жизнь, и мы старались укрѣплять другъ друга. Императрица мать, которая все время принимала искреннее участіе въ дѣлѣ короля, написала м-ше де-Тарантъ полную участія записку, приглашая ее прійти къ ней утромъ. Она отправилась на другой день. Императрица приняла ее съ уваженіемъ и пригласила ее прійти обѣдать. Появленіе м-ше де-Тарантъ при дворѣ произвело особенную сенсацію. Она не была тамъ со времени нашего союза съ узурпаторомъ, предпочитая отказать отъ всѣхъ милостей и даже потерять ту пенсію, которую ей назначили наши государи, чѣмъ отступить на мгновеніе отъ своихъ принциповъ. Она удалилась, не говоря ни слова, но ея молчаніе было понятно. Видя ее снова при дворѣ, всѣ, казалось, стали надѣяться, что она сдѣлается страшнымъ орудіемъ, которое уничтожитъ мнѣнія, вызванныя къ жизни суровой необходимостью. Она была принята въ свѣтѣ съ почетомъ и предупредительностью, которыхъ требовали ея достоинства; она вернулась домой растроганная и благодарная. Черезъ нѣсколько дней она снова была при дворѣ; въ третій разъ мы туда отправились вмѣстѣ. Я наслаждалась до глубины моей души тѣми почестями, которыя ей оказывали, но ея блѣдность не переставала меня смущать. За обѣдомъ она не спускала съ меня глазъ и отсыдала мнѣ то, что

ей казалось лучшимъ. Вдругъ у нея заболѣли глаза, такъ что ей пришлось нѣкоторое время не выходить. 7-го мая, въ день Вознесе- нія, она была въ церкви, но тамъ почувствовала себя такъ плохо, что, вернувшись домой, легла. Я была поражена ея плохимъ видомъ, но она меня разувѣрила, говоря, что это ничего, и что нездоровье пройдетъ. Она по обыкновенію поднялась къ намъ къ обѣду, сѣла за столъ, но не могла ничего ѣсть. Я сдѣлала видъ, что не замѣ- чаю этого, потому что я видѣла, что она не хочетъ, чтобы я это знала; она брала нѣкоторыя кушанья, отдавая тотчасъ осторожно свою тарелку. Послѣ ужина она пришла въ мою уборную съ моей старшей дочерью, я заплела ей по обыкновенію волосы. Потомъ я ушла лечь въ постель; она пришла обнять меня передъ тѣмъ, какъ лечь спать; у нея былъ очень больной видъ. Потомъ она сказала моей старшей дочери, что она въ этотъ день испытала страшную боль во время обѣдни, прибавивъ, что мѣсто и день казались ей преду- вѣдомленіемъ. Она продолжала въ теченіе нѣкотораго времени ходитъ къ моему мужу. 17-го, въ день Пятидесятницы, она почувствовала себя хуже, но, вмѣсто того, чтобы лечь, она хотѣла отправиться на обѣдъ при дворѣ, куда была приглашена, чтобы потомъ имѣть воз- можность повести Лизу на гулянье въ садъ. Она кашляла отъ вре- мени до времени и чувствовала себя слабой, но съ такой силой боро- лась съ болѣзью, что, несмотря на наше безпокойство, ей удава- лось минутами насъ разувѣрить въ ней. Ея блѣдность и слабость видимо увеличивались, мое сердце сжималось, я боялась смотрѣть въ бу- дущее, я терпѣла жестокия мученія. Какъ только она входила къ моему мужу, она глубоко усаживалась въ большое кресло, не имѣя возможности двигаться. 27 мая, въ то время, какъ она сидѣла среди насъ, холодный потъ выступилъ у нея на лбу; она подперла свою голову руками, не имѣя возможности почти ее прямо держать. Кромѣ насъ, въ комнатѣ находились м-ше де-Тамара, которая ей была очень предана, и м-ше де-Билигъ, прекрасная особа, находившаяся при герцогинѣ Виртембергской. Я умоляла м-ше де-Тарантъ пойти лечь въ постель. Она согласилась на это, не имѣя возможности по- ступить иначе. Послали за докторомъ, который на другой же день призналъ положеніе опаснымъ. Мы ея не оставляли ни на минуту. Хотя всѣ были почти увѣрены, что у нея боль мѣстная, но такъ какъ она много страдала отъ боли въ боку, то рѣшились употребить мушку. Когда обнаружили другіе симптомы болѣзни, помѣстили еще одну между плечъ. Я съ трепетомъ перемѣняла повязки, я страдала отъ всѣхъ ея болей, но никогда ни я, ни она не позволили чьей бы то ни было рукѣ прикоснуться къ ней, кромѣ моей. Я ее мыла и нати- рала ей бокъ мазью, смѣшанной съ ртутью. Ея неясные прикованные ко мнѣ взгляды проникали до глубины моей души; осложненія бо- лѣзни, которая не имѣла до сихъ поръ примѣра, развивались съ каждымъ днемъ. Ея страданія превосходили все, что только можно

вообразить, а ея удивительное терпѣніе, казалось, удвоилось, а когда я ей говорила: «Боже мой, какъ вы должны страдать», — она отвѣчала: «Когда пользуешься такими попеченіями, какъ я, тогда не имѣешь права жаловаться». Рукопись моей дочери, написанная послѣ смерти м-ше де-Тарантъ и которую я рассчитываю приложить къ моимъ запискамъ ¹⁾, заключаетъ въ себѣ подробности этой христіанской и удивительной кончины. Я буду говорить здѣсь только о томъ, что я испытала при этомъ страшномъ несчастіи, которое доказало мнѣ, что въ насъ есть неизвѣстная сила, которую наши ежедневныя слабости мѣшаютъ познать. Постоянная боязнь потерять тѣхъ, кого мы любимъ, не позволяетъ намъ быть увѣреннымъ въ наше оружіе. Желаетъ убѣдиться, что способенъ на лучшіе поступки; но сказать себѣ: ты переживешь то, что любишь, не входить въ расчеты ни сердца, ни ума, пока Богъ, поражая смертью то, что мы любимъ, показываетъ намъ энергію нашей души, наполняя ее собою. М-ше де-Тарантъ не переставала мысленно молиться, а когда она призвала своего духовника, чтобы помочь ей молиться, всѣ бывшіе въ комнатѣ упали на колѣни и соединились съ ней сердцемъ. Несмотря на ея страданія, видно было, что она была глубоко тронута этимъ единеніемъ. Чувство къ друзьямъ было живо въ ней до самой послѣдней минуты, а ея душа была предана всецѣло Богу. Когда она была перенесена наверхъ, я потребовала, чтобы въ полночь насъ оставила наша старшая дочь, а я осталась съ м-ше де-Тарантъ, пока горничная не разбудила меня. Къ 2-мъ или тремъ часамъ утра, сидя на табуреткѣ въ ногахъ кровати, я была окружена безмолвіемъ, нарушаемымъ медленнымъ и тяжелымъ дыханіемъ моей подруги. Ночная лампа, поставленная за ширмами, освѣщала это святилище религіи и страданія. Я смотрѣла на м-ше де-Тарантъ, не имѣя возможности отвести отъ нея глазъ; я была увѣрена, что на другой день она уже не будетъ существовать, но ни мои слезы, ни мои едва сдерживаемыя рыданія не осмѣлились разразиться. Ея святая рѣшимость, ея несравненное благочестіе унижали меня въ моихъ собственныхъ глазахъ: я была несчастна и не осмѣливалась ни на минуту просить облегченія своему горю. Ея душа привлекала мою къ цѣли, къ которой она приближалась.

Мой мужъ, еще очень страдавшій отъ своей желтухи, находился въ гостиной, гдѣ ежедневно собирались наши общіе друзья, чтобы поплакать и принять участіе вмѣстѣ съ нами. Я покидала на минуту моего несравненнаго друга, чтобы ободрить моего мужа, печаль котораго раздирала мнѣ душу. Герцогиня Виртембергская при этомъ страшномъ событіи была ангеломъ утѣшенія для меня: она

¹⁾ Рукопись эта, подобно «Запискамъ» Головиной, осталась у отцовъ іезуитовъ; выдержки изъ нея приведены у Talloux: «Vie de madame de Swetchin», p. 67.

являлась почти каждый день и находилась у насъ за часъ до смерти м-ше де-Тарантъ. Я никогда не забуду ни ея слезъ, ни того, что она мнѣ сказала. Она прѣзжала утромъ, и я ее принимала въ моей мастерской, отдѣленной комнатою отъ комнаты больной. При каждомъ конвульсивномъ крикѣ м-ше де-Тарантъ я бросалась къ ней. Въ послѣднее утро ея жизни, когда герцогиня была еще у насъ, я услышала, что м-ше де-Тарантъ испустила страшный крикъ. Я прѣзжала къ ней, она схватила мою руку, и я почувствовала, что ея рука была покрыта потомъ смерти. Она сжимала ее съ конвульсивной оставшейся еще у ней энергіей, ея агонія отняла у меня мои послѣднія силы, я боролась сама съ собой, какъ жертва, потерпѣвшая крушеніе среди волнъ. Я пыталась отдернуть свою руку, которую она держала, едва сдерживала рыданія, но предпочитала умереть, чѣмъ обезпокоить ее. Богъ повелѣвалъ мнѣ самоотреченіе, мнѣ казалось, что его во мнѣ больше не существуетъ. Эта смерть, это зрѣлище истины выбивали меня изъ силъ. М-ше де-Тарантъ молилась за меня; ей я обязана тѣмъ, что имѣла силу все перенести и пережить ее.

Наконецъ, настало страшное 22 іюня. Въ часъ обѣда я согласилась оторваться отъ нея, чтобы успокоить моего мужа, который требовалъ этого постоянно, но передъ тѣмъ, чтобы оставить комнату, я еще разъ подошла къ ней. Она была въ полной агоніи, я пощупала ея пульсъ—онъ больше не бился. Она взяла мою руку съ необычайною живостью: «Скажите мнѣ, что вы себя хорошо чувствуете, скажите, что вы не страдаете». «Я хорошо себя чувствую,—сказала я,—дай Богъ, чтобы вы себя чувствовали такъ, какъ я». «Силы меня еще не покидаютъ, — отвѣтила она,—но это не долго продлится». Докторъ Крейтонъ увѣрилъ, я не знаю почему, моего мужа, что она еще будетъ жить, и что ей нужно дать куриный бульонъ. Когда чувствуешь себя несчастнымъ, то хватаешься за малѣйшую надежду. Мой мужъ не входилъ въ комнату больной, онъ не видѣлъ ея агоніи. Я сѣла за столъ съ отчаяніемъ. Горничная позвала мою дочь. Я хотѣла идти за ней, но мой мужъ просилъ меня остаться, повторяя то, что сказалъ Крейтонъ. Я мучилась, но рѣшимость заставила меня покориться. Въ концѣ концовъ, не имѣя возможности противиться тяжелымъ предчувствіямъ, я убѣждала—ея уже больше не было. Отецъ Розавэнъ¹⁾ закрылъ двери ея комнаты, прося меня туда не входить. Меня провели въ комнату моихъ дѣтей. Рыданія душили меня. Мнѣ принесли три распятія. Одно всегда находилось передъ ней, второе служило ей во время причастія, а третье далъ ей герцогъ Ангулемскій. Она положила ихъ рядомъ съ собой наканунѣ смерти, а моя дочь приложила ихъ къ ея гу-

¹⁾ Извѣстный іезуитъ того времени, глава іезуитской пропаганды въ Россіи въ Александровскую эпоху.

бамъ въ ту минуту, когда она испускала духъ. Видъ этихъ трехъ распятій остановилъ мои слезы. Мои взоры пожирали ихъ, все окружающее стало невидимымъ. Богъ поглотилъ всецѣло мою душу, дружественная мнѣ душа молилась за меня. Я почти осмѣливаюсь сказать, что испытывала святую радость.

Каждый изъ насъ, казалось, потерялъ свою силу; мы ее нашли въ чувствѣ печали, общемъ намъ всѣмъ. Постоянное занятіе заботами о любимомъ существѣ, попытки облегчить его страданія, доставляютъ дѣятельность, которая поддерживааетъ; но когда предметъ столькихъ заботъ исчезаетъ изъ нашихъ глазъ, мы остаемся уничтоженными. Все облагораживается дружбой. Мы ей оказывали самыя низкія услуги, она нуждалась въ насъ каждую минуту. Я вспоминаю, что дней за пять до ея смерти я одна сидѣла возлѣ ея постели. Вошелъ Крейтонъ. Онъ пріѣхалъ изъ Павловска и сказалъ m-me де-Тарантъ, послѣ того, какъ пощупалъ ея пульсъ, что императрица-мать поручила ему высказать ея участіе, и что она просила послать ей сказать, не хочетъ ли она какихъ либо фруктовъ. «Поблагодарите ея императорское величество,—отвѣчала она,—я ни въ чемъ не нуждаюсь». Потомъ, какъ будто съ силой поднимая свои ослабѣвшія руки, она прибавила: «Но, кромѣ того, скажите императрицѣ, что она никогда не имѣла такихъ друзей, какъ я». Каждое ея слово останется навсегда запечатлѣннымъ въ моей душѣ.

Герцогиня де-Шатильонъ, мать ея, умершая два года до нея, высказала желаніе, чтобы эта ея любимая дочь была когда нибудь погребена рядомъ съ ней въ часовнѣ ея Виддевилъскаго замка въ 8 лье отъ Парижа. Могила герцогини де-Лавальеръ, бабки m-me де-Тарантъ, была помѣщена тамъ же по ея приказанію. Моимъ первымъ желаніемъ послѣ этого печальнаго событія было перевезти тѣло моей уважаемой подруги въ этотъ склепъ. Я исполняла материнское желаніе, присоединяя ея священные останки къ останкамъ ея семейства. Надо было произвести вскрытіе тѣла и набальзамировать его; въ рукописи моей дочери можно найти перечень главныхъ болѣзней, которыми она давно страдала и которыя подготовили ея смерть. Когда эта страшная операція была окончена, поставили возлѣ гроба алтарь, чтобы отслужить обѣдню. Я не присутствовала на первыхъ двухъ, видя, что боялись ихъ дѣйствія на меня; но наконецъ увидѣли, что моя твердость заслуживала этого вознагражденія. Я встала у изголовья гроба. То, что происходило въ моей душѣ, было тогда сильнѣе меня. Вечеромъ я вернулась въ эту комнату съ моими дѣтьми, Катей и m-me де-Билигъ. Я устремила мои глаза на ту, которая болѣе не существовала, удивленная тѣмъ, что еще существую и ее пережила. Черезъ недѣлю тѣло было перенесено въ церковный склепъ; это было въ полночь, весь домъ слѣдовалъ за гробомъ. Послѣ того, какъ отецъ Розавэнъ прочелъ установленныя молитвы, наши слуги подняли гробъ. Я шла пѣш-

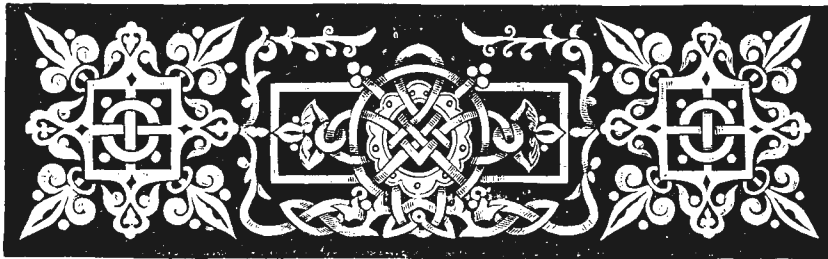
комъ съ мужемъ, дѣтьми и нашими друзьями. Всѣ плакали, переходъ мнѣ показался очень короткимъ. Я бы отдала свою жизнь за то, чтобы проводить ее до ея послѣдняго убѣжища. Черезъ день торжественно была совершена въ церкви церемонія погребенія, а черезъ недѣлю тѣло было перевезено въ Кронштадтъ, чтобы быть помѣщеннымъ на судно. Я провела дѣто на Каменномъ островѣ, не имѣя мужества жить на той дачѣ, гдѣ мы были такъ счастливы вмѣстѣ.

Я хочу прибавить еще нѣсколько словъ. На слѣдующій день послѣ того, какъ я имѣла страшное несчастіе потерять м-ше де-Тарантъ, утромъ въ ту минуту, когда я собиралась встать съ дивана, на которомъ провела ночь, я присѣла, желая собраться съ мыслями. Я говорила себѣ: «Боже мой, я молилась за нее во время ея жизни, во время ея страданій. Какъ я стану теперь молиться?». Моя младшая дочь просматривала въ это время молитвенникъ м-ше де-Тарантъ. Вдругъ она сказала мнѣ, какъ будто отвѣчая на мои мысли: «Мама, здѣсь есть чудная молитва для васъ на этотъ случай». Я была поражена этимъ страннымъ совпаденіемъ и утвердилась въ своемъ глубокомъ убѣжденіи, что душа моего друга была съ нами.

Графиня Варвара Головина.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАРОДНЫЕ ТИПЫ.

Скоморошина нашихъ дней.

(Изъ записокъ этнографа).

(Посвящается В. О. Миллеру).

I.

ДНАЖДЫ, въ чудесный лѣтній вечеръ 1896 года, я прогуливался въ п—мъ городскомъ саду. Гуляющихъ было мало, только велосипедисты безпрестанно обгоняли меня то слѣва, то справа, и рѣзкими звонками нарушали тихую задумчивость парка. Я направлялся уже къ выходу и шелъ по крайней аллеѣ, съ которой открывался живописный видъ на противоположный берегъ рѣки и привольно раскинувшійся городокъ, съ обширными садами, кривыми улицами и бѣлой новенькой церковью, купола которой еще горѣли искрившимся блескомъ вечернихъ лучей. У самыхъ воротъ, на крутомъ поворотѣ аллеи, я присѣлъ на скамью, чтобы полюбоваться закатомъ солнца, которое быстро срадывало свои лучи и огромнымъ краснымъ шаромъ опускалось далеко за лѣсомъ, темной полоской тянувшимся на горизонтѣ. Тамъ еще было свѣтло, но ближе, надъ городомъ, уже носились сумерки, и отъ рѣки вѣяло сыростью тумана.

Вдругъ, невдалекѣ отъ меня, въ паркѣ раздался громкіе голоса. Сквозь смѣхъ и прерывистое пыхтѣнье водокачки у рѣки, я разли-

чилъ хриплый и, какъ мнѣ показалось, полупьяный голосъ, который не то спорилъ, не то бранился, и поминутно вызывалъ громкія, подчасъ грубыя восклицанія и дружныя раскаты смѣха. Черезъ нѣсколько минутъ перебранка сдѣлалась явственнѣй. Я прислушался. Компанія весельчаковъ, изъ которыхъ одни сильно напирала на букву ò, издѣвалась надъ обладателемъ хриплаго голоса, заставляя его выпить какую-то смѣсь.

— Пей же, говорятъ тебѣ, чортъ, дьяволъ! Пей...

— Положь деньги, выпью... Да ты чего льешь-то, антихристъ, собачій сынъ ты этакій... Этого въ уговорѣ, братъ, не было... хрипѣло въ отвѣтъ. Кладешь, что-ль, деньги?..

— Да ты выпей только, а ужъ деньги... вотъ онѣ — вишь? Ты пей только: не пропадать же Божьему дару...

— Да ну тебя! Что лѣзешь къ самому рылу!.. Положь деньги, говорю... безъ того пить не стану...

— Чортъ!

— Анаемы, чтобъ васъ перервало! Заминаете дорогу только... А еще туды-жъ, на купецкую штуку пустились... Пей, моль, заплатимъ... да вы деньги-то видали ли когда? На водку, чай, хозяйскій струментъ заложили...

— Ну, ты не мели, бродяга непрописанная... знай, съ кѣмъ разговаривашь-то... Хошь пить, такъ пей, а нѣтъ, такъ ступай подъ заборъ, откуда пришелъ... Неча обчеству съ тобой хороветься... Лей на землю, братцы, очищай стаканъ...

— Стой, стой... Ну, чортъ съ вами, давай сюда. Эхъ-ма! Мутить съ одного вида, братцы...

— Чего мутить-то? Водка, какъ водка! Одно слово—мадера итальянцъ!.. Не хошь, такой-сякой, этакій, сами выпьемъ...

Не сама машина ходить,
Машинистъ се заводить...

съ отчаянной тревогой завопилъ хриплый голосъ... Пью, братцы, гляди... Пропадай моя телѣга, всѣ четыре колеса!..

— Ухъ, ухъ, ухъ, ухъ!—подхватила толпа.—Ловко, однимъ махомъ, ай да Ефимъ!

Дальше за сплошнымъ крикомъ и бѣшенымъ хохотомъ ничего нельзя было разобрать. Потомъ, когда шумъ нѣсколько поутихъ, я слышалъ, какъ кто-то, не переставая сыпать отборную брань, кашлялъ и плевался, а выдѣлявшійся скрипучій голосъ звучалъ какъ будто нѣсколько глуше. Наконецъ, онъ утихъ, и только мелкій старческій кашель продолжалъ доноситься до меня втеченіе нѣсколькихъ минутъ. Толпа то стихала, то снова принималась гоготать, и въ отвѣтъ ей хриплый незнакомецъ бросилъ свое послѣднее крылатое слово:

— Идолице поганое!.. право...

Вѣдь это изъ быliny, подумалъ я, и интересъ этнографа про-
снулся во мнѣ въ одну минуту. А что, если онъ изъ «былевыхъ»
губерній и помнитъ пѣсни? Я всталъ и направился къ тому мѣсту,
откуда доносились крики, но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ,
какъ навстрѣчу мнѣ вышелъ изъ-за кустовъ босой, съ сумой че-
резъ плечо, старикъ-нищій, совсѣмъ сѣдой, хотя крѣпкій на видъ.
Я догадался, что это былъ онъ. Лицо у него было опухшее и крас-
ное, какое бываетъ у злостныхъ пьяницъ.

Я внимательно посмотрѣлъ на него. Положительно ничего скорб-
наго и умоляющаго не было ни въ фигурѣ, ни въ движеніяхъ.
Напротивъ, онъ съ какой-то рассчитанной увѣренностью напра-
вился прямо ко мнѣ, сдѣлалъ шагъ въ сторону и вытянулся во
фронтъ, по-военному, приложивъ руку къ козырьку затасканной
студенческой фуражки.

— Николаевскому солдату... орденовъ кавалеру... на щи, на фа-
теру!—икая и отплевываясь на каждомъ словѣ, произнесъ онъ от-
четливо своимъ знакомымъ мнѣ уже хриплымъ и слегка дрожа-
щимъ теноромъ. — Не откажи... баринъ... былъ я самъ бояринъ...
ковшикомъ сало... пивалъ... къ чаю ромку подбавлялъ!

Очевидно, это обращеніе было у него обычнымъ приемомъ, на
который онъ надѣялся больше, чѣмъ на протянутую руку и жалкій
видъ. Я остановился. Онъ продолжалъ въ упоръ смотрѣть на меня
своими умными и вмѣстѣ съ тѣмъ наглыми глазами, во взглядѣ
которыхъ выражался несокрушимый скептицизмъ, даже презрѣніе
ко всему въ мірѣ, тоже несокрушимое и дерзкое до цинизма.

— Ты откуда научился говорить такъ складно?—спросилъ я.

— Тѣмъ живу, тѣмъ дышу, баринъ милостивый... А теперь мнѣ
не до склада, потому выпить надо. Съ пріятелями я тутъ, вишь ты,
кутнулъ, да не изъ того стакана хлебнулъ... Тьфу! А чтобъ тебя!..
Ну, и не попритчилось...

— Чѣмъ же это угостили они тебя?

— А чтобъ имъ такъ, да не этакъ, толока собачья... Извѣстное
ихъ угощеніе... За гривенничекъ шкаликъ водки поднесли, да та-
бачку туда насыпали, да перцемъ, вишь ты, съ солью подправили...
У, жгеть... Зналъ бы, не пилъ бы, пропадай ты и съ деньгами...
Ну, и лаялся-жъ я, не вѣдалъ, что ваша господская милость по-
близости...

— А «идолище поганое» ты откуда знаешь?

— А это пріятельевъ-то я честилъ, на тотъ свѣтъ имъ дорогу
мостилъ, чтобъ туда послѣшали, отъ меня не отстали... Водка у
нихъ тутъ, ну, и закуска трахтирная, а сами оны—плотники—отъ
Крюкова, отъ купца...

— Откуда же ты слово это самое—идолище поганое—взялъ?—
настаивалъ я.

— Эхъ, баринъ, нешто знаешь, что откуда берется? Иное дѣвка

напоеть, иное вѣтеръ принесетъ... А только... не осерчайте, ваше благородіе, попросту сказать, дай, баринъ, на похмелье... Смерть моя... у, нудить проклятая... залить надо...

— А ты былинъ не знаешь?—спросилъ я, подавая ему монету.

Онъ не понялъ этого слова.

— Старинокъ,—поправился я.

— Старинки? Какъ не слышать. Старинки мы знаемъ. У насъ-то подь Повѣнцомъ поди ихъ отъ малаго до стараго сказывали. Какъ, бывало, рыбное отойдетъ, да за чинку сѣтей да неводовъ примемся, такъ сейчасъ за старинки... Ихъ работа любить, дружнѣй берется... А тебѣ пошто старинки -то?—полунедовѣрчиво протянулъ онъ.

— Да, видишь ли, люблю я ваши старинки, нравятся мнѣ онѣ... Вотъ я и хотѣлъ бы послушать и записать ихъ отъ тебя...

— Ну, что-жъ, пиши, пиши, коли вдрываются.. Я что-жъ, я ничего... Да ты про что хошь, чтобъ, значить, сказать тебѣ, изъ пѣсельника, что-ль?

— Нѣтъ, изъ пѣсенника мнѣ не надо, а ты мнѣ скажи тѣ, что ты у себя на родинѣ, подь Повѣнцомъ, пѣвалъ. Ты ихъ помнишь?

— Старинки-то! Господи!.. Да какъ же не помнить, коли я, почитай, на селѣ первый пѣвунъ и до эфтихъ самыхъ старинокъ... кхи-кхи... о, чтобъ имъ пусто было!.. очунь охочій былъ... Чуть-что—Ефима Воронова такъ и влечуть... Кхи-кхи... Тьфу ты! опять...

Я несказанно обрадовался случаю сдѣлать нѣсколько новыхъ записей, но удержать его въ ту же минуту не было никакой возможности, да и было бы жестоко. Бѣднягѣ было не до старинокъ: послѣдствія пріятельскаго пкалака, подправленнаго табакомъ и перцемъ, такъ и просились наружу... Онъ насилу могъ отвѣтить мнѣ на приглашеніе прійти побесѣдовать о старинкахъ завтра, въ полдень, и моментально скрылся въ кустахъ обрыва, у самой рѣки...

II.

На другой день, въ назначенное время, мой новый знакомецъ ожидалъ меня на томъ же мѣстѣ. Онъ принарядился для этого случая: на ногахъ были сапоги, хотя и просившіе капли и отъ разныхъ, повидимому, паръ, но все же сапоги; изъ-подъ крестьянской сермяжной свитки, заплатанной кусками синяго сукна на локтяхъ, выглядывалъ чистый воротъ рубахи; не было и профессиональной сумы. Онъ раскланялся со мною съ достоинствомъ, даже важно, какъ человѣкъ, совнающій, что теперь не онъ, а въ немъ нуждаются. И разговоръ свой онъ пробовалъ настроить на торжественный тонъ, вовсе ему не свойственный, и потому онъ быстро оставилъ его и снова заговорилъ шуточками-прибауточками, какъ

вчера. Съ первыхъ же словъ мнѣ сдѣлалось ясно, что и сегодня онъ «въ градусѣ»: сивушнымъ духомъ отъ него несло, какъ отъ старой спиртовой бочки, да и самъ онъ сознался, что, «бывши вчера выпимши, на другой день трудно отстать», и что отъ вчерашняго «мутить и посеячасъ».

Мы отправились съ нимъ въ противоположную часть парка, болѣе запущенную и уединенную, примыкавшую къ безконечнымъ огородамъ, на которыхъ тамъ и сямъ виднѣлись согнутыя фигуры полюющихъ бабъ, или пололокъ, какъ ихъ кое-гдѣ называютъ.

— Ишь полютъ!—мигнулъ онъ на нихъ, закрывая глаза рукою отъ солнца, и тутъ же прибавилъ съ досадою:—А чтобы васъ распоролъ!..

Неожиданность такого заключенія удивила меня.

— За что ты это взѣлся на нихъ?—спросилъ я, смѣясь.

— На кого, на бабъ-то?—тоже не безъ удивленія протянулъ онъ.

— Ну, да, на бабъ...

— Да вѣдь бабы... ну, извѣстно, что...

— Только потому ты и выбранился, что онѣ бабы? да?

Онъ усмѣхнулся какой-то загадочной улыбкой.

— Это такъ, не отъ сердца... знакомая тутъ есть у меня, Пелагея Ивановна... вонъ та, что съ праваго краю... добрая баба и здор-рова биться—страсти! Ино придешь къ ней—тары-бары, раста-бары, понаѣхали татары—ну, честь-честью накормить и въ запасъ провіантецъ сунеть, а ино, что ей не по здраву, будь хоть ты, хоть я къ примѣру, такъ пнетъ, что уноси только кости! Ишь полеть, ишь полеть-то, словно бы рыба трепыхается!.. Въ деревнѣ дрыхла бы теперь, колода-колодой, а тутъ полеть въ жаричу!..

Благопожеланія, въ родѣ «чтобъ у ты нутро наверхъ выпекло» или «чтобъ тебѣ кисло до вѣку было», и такія своего рода виньетки, какъ «рѣпа дубовая», «малина-калина-шишъ Ванюша-дурачекъ», такъ и сыпались у него съ языка, сами собой, какъ необходимый элементъ рѣчи, дѣйствительно, безъ всякаго участія сердца. Они составляли его стиль, и безъ нихъ рѣчь представлялась ему прѣсною, какъ картофель безъ соли.

Мы усѣлись въ тѣни огромной березы, я на скамейкѣ, онъ на травѣ, поодаль. Я вынулъ записную книжку и приготовился записывать.

— Вы что-жь это, такъ рисовать и будете?—спросилъ онъ, съ любопытствомъ поглядывая на книжку.

— Какъ рисовать? Я рисовать не собираюсь, я хочу записать отъ тебя старинки, о которыхъ мы вчера съ тобой говорили.

— Старинки старинками, — захрипѣлъ онъ недовольнымъ тономъ,—а я думалъ, вы рисовать.

Очевидно, онъ разочаровался, сдѣлался менѣе словоохотливъ и началъ оглядываться по сторонамъ, не безъ намѣренія, я думаю, улизнуть.

— Вишь ты,—сказаль онъ мнѣ, наконецъ, откровенно.—Меня раза три рисовали, давно уже, и все хорошіе господа... одинъ пять рублей даль,—пра слово! Сказываютъ, за меня въ Питерѣ больше тыщи взялъ, ну, да лѣшій съ лѣшихой ему въ зубы!.. Взялъ, такъ и взялъ... Такъ ты бы, тово, ты бы рисоваль меня, а я бы тебѣ старинки-то сказываль, а ты бы мнѣ положеніе положилъ, что слѣдуетъ, за стараніе мое, да за позу, какъ тѣ господа говорили. И какъ ты мнѣ сѣсть повелишь, такъ я и сяду. Я и пѣсни пѣть еще могу, да только въ трахтирѣ, братецъ ты мой; люблю, чтобъ передо мной стояла наливочка двойная, наливочка тройная, скрозь горло пропускная... Что станешь дѣлать? старъ человекък... хе-хе-хе...

Я объяснилъ ему, что рисовать я не умѣю, а что пригласилъ его для старинокъ, и что за каждую пропѣтую имъ старинку будетъ ему определенное «положеніе». Послѣднее успокоило Ефима; когда же онъ получилъ «для вѣрности» задаточекъ, прежняя словоохотливость вернулась къ нему, и онъ замѣтно повеселѣлъ.

— А что тогда было, годковъ тридцать, аль болѣе назадъ!—съ оживленіемъ началъ онъ рассказывать.—Я въ самомъ Питерѣ жилъ. Мужикъ-то, не то, что теперь,—въ цѣнѣ былъ... Придешь бывало въ заведеніе,—фу ты, ну ты, поддержи штаны!.. машина играетъ, приказчикъ съ почтеніемъ, чтобъ ему допнуть на томъ свѣтѣ!—господа, вѣришь ли, не гнушаются, а еще—пей, говорятъ, коли ты точно-что рассейскій хрестьянинъ». Вотъ она сила-то въ чемъ!.. «Пей, говоритъ, коли ты рассейскій мужикъ!» И пьешь себѣ, и силу эту самую въ себѣ чувствуешь, одно слово—какъ сыръ въ маслѣ катаешься,—проклажаешься—нда!..

Я завелъ разговоръ о былинахъ и въ свою очередь разочаровался на первыхъ же порахъ. Вороновъ зналъ имена Ильи Муромца, Добрыни, Василия Буслаевича, но путаль сюжеты и не могъ передать ни одной быliny. Тверже прочихъ онъ помнилъ, по его словамъ, пѣсню «какъ Ермакъ Сибирь воеваль». Я рѣшилъ, однако, записать отъ него все, что онъ зналъ, и предложилъ ему начать съ этой пѣсни.

Онъ вдругъ сдѣлался серьезнѣе, устремилъ свои безцвѣтные глаза въ зеленѣвшее предъ нимъ поле и задумался. Я взглянулъ на него въ эту минуту. Сморщенные, приподнятыя вѣки и нахмуренныя густыя брови, изжелта-пепельнаго цвѣта, выражали на его лицѣ напряженное теченіе мысли; толстыя, бородавчатыя губы собрались въ комокъ; только одинъ носъ, вѣроятно, когда-то тонкій и красивый, а теперь ноздреватый и красный, не принималъ участія въ общей работѣ и безпечно заигрывалъ съ солнцемъ, которое изрѣдка пробивалось къ нему сквозь густую чащу вѣтвей. Я готовъ былъ считать его лицо вдохновеннымъ; молчаніе казалось мнѣ торжественнымъ, и я угадывалъ въ немъ таинственный процессъ поэтическаго творчества, неисповѣдимый, полубезсознательно свер-

шающійся въ нѣдрахъ души... Вотъ-вотъ польются вдохновенныя строфы, непосредственно-наивныя, звучныя, какъ музыка дубравы... Карандашъ былъ наготовѣ, я ждалъ...

Вдругъ глаза его сузились, губы растянулись въ прежнюю плутоватую усмѣшку; онъ обмахнулся, повернулъ ко мнѣ голову и произнесъ:

— Обѣдъ бабамъ понесли... жрать будутъ...

Я упалъ съ облаковъ; Гомера предо мной какъ не бывало.

— погоди, погоди, баринъ... не пиво пьемъ, не къ кумѣ идемъ... дай раскататься, размяться... Онъ разстегнулъ свитку и поправился на мѣстѣ. Ну, пиши... Экъ, ихъ въ одну кучу сбило—грому на нихъ вѣтъ, проклятыя!—метнулъ онъ снова взоромъ на бабъ.—Ишь, лопаютъ... не инѣ холодникъ съ квасомъ... Ну, теперь пиши. Ермакъ, пиши, Тимошеевичъ, какъ онъ, значить, эту самую каторжную Сибирь воевалъ... Написалъ?

— Написалъ.

— А то, можетъ, хошь, я тебѣ другую скажу, а эту на закуску?

Закуска у него полагалась, очевидно, послѣ всего, и главнымъ образомъ, послѣ выпивки; но здѣсь она едва ли не играла роль чего-то въ родѣ десерта. Я не согласился.

— Нѣтъ, братъ, началъ эту, такъ и сказывай эту,—говори до конца, а на закуску скажешь другую.

— Эту, такъ эту, пиши эту... мнѣ все равно, что эту, что другую, лишь бы, значить, тебѣ угодить. Ну, теперь валяй...

Онъ откашлялся въ сторону, откашлялся, сплюнулъ и началъ мѣрнымъ речитативомъ, немного на распѣвъ, съ пригнуской...

Какъ Ермакъ-то Сибирь воевалъ,
 Ёнъ въ Сибири, ета значить, Азовъ-крѣпость бралъ,
 Басурманскаго царя ёнъ въ полонъ побралъ,
 Потоплялъ цесаревичовъ неvirныхъ,
 Красныхъ дѣвушекъ-сударушекъ къ себѣ побралъ,
 А молодушекъ своимъ, значить, солдатамъ отдавалъ.

— Смекаешь, дѣло-то въ чемъ? Ай да Ермакъ!—хитро замѣтилъ онъ.—Постой, это еще не все!

Какъ возговорить надежа православный царь,
 Православный царь, ёнъ стольно—киѣвской...

— Тогда въ Кіевѣ престоль-то былъ! Въ Кіевѣ, что на Святыхъ горахъ на Печерскіихъ, а потомъ на Москвѣ, тамъ и дворцы стоятъ, а въ Питенбургѣ—это уже царь Пѣтра опредѣлилъ, чтобы, понимаешь ты, нѣмца виднѣй было...

Какъ возговорить надежа православный царь,
 Православный царь, ёнъ стольно—киѣвской:
 Гей вы, добрыи, удалы это славны молодци!
 Растворяйте-ко подвалы бѣлокаменны,

Кабаки, это значить, ахти! царскіи,
Наливайте ему чару зелена вина,
Зелена вина да въ полтора ведра,
Въ полтора ведра да меду хмельнаго...

— И пошло у нихъ угощеніе тутъ на весь крещеный міръ—
дымъ столбомъ, коромысло ведромъ!.. Вотъ вамъ и старинка, баринъ... Гдѣ начало, тамъ конецъ, пошла дѣвка подъ вѣнецъ...

Я понялъ, что имѣю дѣло съ извѣстнаго рода импровизаціей.. Хитрый старикъ собиралъ въ своей памяти остатки прежняго и тутъ же сочинялъ отъ себя, надѣясь, вѣроятно, на мой господскій дилеттантизмъ «въ мужицкой самодѣльщинѣ», какъ выразился одинъ сказитель. Что-жъ? и это было интересно. Я сдѣлалъ видъ, что принимаю его старинку за настоящую монету, и удивился только ея краткости...

— Ничего не подѣлаешь! такъ поется... Не длинна, такъ маленька, не толста, такъ тоненька... А коли хочешь, дагѣ скажу, коли ты такой неговорчивый... Я про что тебѣ сказывалъ? Да,— какъ Ермакъ Сибирь воевалъ... ну, ладно... Гляди-ко,—кивнулъ онъ снова на бабъ,—ишь галдятъ-то, ишь галдятъ, шилохвостыя!.. Ужъ это извѣстное дѣло,—гдѣ три бабы, тамъ и ярмарка, што въ городѣ, што въ деревнѣ—все одно... Ишь глотки-то, глотки деруть, видно, сродственниковъ поминають... ахъ, чтобъ васъ подмочило да и переперчило...

Очевидно, ему страстно хотѣлось присосѣдиться къ бабамъ и холодничка съ квасомъ отвѣдать, если бы на то была воля Пелагеи Ивановны, и сродственниковъ сообща помянуть. Но благоразуміе удерживало его на мѣстѣ, и онъ только завистливо косился время отъ времени на соблазнительную группу объѣдавшихъ пололокъ.

— Да ты, братъ, ихъ покамѣсть оставь въ покоѣ, а мнѣ пѣсню доскажи...

— Сейчасъ, сейчасъ, баринъ... А чтобъ васъ...—сплюнулъ онъ въ сторону бабъ, стараясь освободиться отъ навожденія.—Я вамъ это про Ермака старинку сказалъ... такъ, аль нѣтъ?

— Ну, да, только не кончилъ... Ты сказалъ:

Наливайте ему чару зелена вина,
Зелена вина да въ полтора ведра...

А дальше какъ?

— Дальше?.. А дальше извѣстно что,—прищурился онъ:

Ахъ, вы, Сашки, канашки мои,
Размѣняйте мнѣ бумажки мои,
А бумажки все новенькія,
Двадцатипятирублевенькія...

Послѣдніе два стиха онъ пропѣлъ, или, вѣрнѣе, прохрипѣлъ, подергивая плечами и качая головой. На лицѣ появилось выраже-

ніе пьянаго веселья, ротъ еще болѣе искривился, обнаруживая при движеніи нѣсколько черныхъ зубовъ.

Ахъ вы, Стѣшки мои, вы простѣганья,
Степанидки мои, накрахмаленныя...

— Нѣтъ, постой, постой, это ты изъ другой... оперы,—хотѣлъ я сказать.—Ты мнѣ старинку скажи, а не изъ пѣсенника... не эту, такъ другую, какую припомнишь. Не знаешь ли про Илью Муромца?—сталъ наводить я его.

Онъ остановился.

— Это что сиднемъ-то сидѣлъ, да угодники отпоили? Еще здоровый казакъ потомъ былъ, чуть осерчаетъ, палицей по головѣ—тутъ тебѣ и крышка!

— Вотъ-вотъ-вотъ, про этого самаго...

— Бѣды, озорной, сказываютъ, былъ... Вотъ ровно бы, какъ я, какъ былъ помоложе... То-ись, вѣришь ли, баринъ, такой былъ, н-ну! Чуть что, ахъ ты, такой-сякой, шипъ Ванюша дурачокъ, по второму слову у меня не говори!.. Разъ въ Питерѣ на пристава замахнулся—ей-ей! вотъ тебѣ крестъ!.. На Сѣнной дѣло было, на масляную... Приставъ-то, толстый такой—можетъ, видѣлъ тамъ?—ткнулъ меня для порядку, и не больно ткнулъ-то, а мнѣ, дураку, обидно показалось... въ себѣ я забылся, въ головѣ помѣшалось—и былъ я съ мухой,—при этомъ Ефимъ щелкнулъ себя раза два по шеѣ,—осерчалъ я, свѣту не взвидѣлъ... убую, кричу, только меня и видали!—да, спасибо, пріятели тутъ были со мной, Фомка Лысыи да Авдѣй Пристяжка, отгасили... А приставъ—ничего! отошелъ и смѣется: «Вылей ему, говорить, ушатъ воды на голову, ребята»... Ничего... На другой день только въ часть потребовали. Иду я самъ не свой, ноги подкашиваются, руки трясутся. Ну, думаю, иди, дурачокъ, въ землемѣры, помѣрай-ка для батюшки для царя Владимірку... Вѣришь ли, подъ турку иттить такъ не боялся, какъ въ тотъ день. Еще Иванъ Ивановичъ, квартальный нашъ, повстрѣчался: «что, говорить, чортова кукла, никакъ тебѣ холодно?»—Не холодно, ваше благородіе, говорю ему, а точно-что зябло... Зябло, говорю, ваше благородіе... Вотъ пожди, обогрѣютъ тебя, молъ, маненько...

— Ну, и чѣмъ же кончилось?

— Да чѣмъ кончилось... обнаковенно чѣмъ... Приставъ-то былъ добрый, царство ему небесное, чтобъ ему пусто было... Э, баринъ, много озорства на моемъ вѣку... такой озорной былъ...

— Вижу, что ты былъ озорной; ну, а Расскажи теперь про Илью Муромца, какой онъ озорной былъ...

— Про Илью Муромца-то?

Онъ помолчалъ съ минуту, при чемъ лицо его снова приняло полувопросительное-полусерьезное выраженіе, показавшееся мнѣ тогда вдохновеннымъ.

— Запаятоваль,—тихо сказалъ онъ наконецъ.

— Ну, про Добрыню, Алешу Поповича, Микулу Селяниновича? неужто не помнишь?

— Хоть убей, не припомню. Память-то на нихъ, словно камень въ воду, ушла... А вотъ развѣ—погоди!—про Буслая сказать тебѣ, авось упомяну. Приказчикъ одинъ былъ, большая у него голова, пребольшая, вотъ мы и прозвали его Буслаемъ. Ну, пиши.

Жиль Буслай девяносто лѣтъ,
Жиль Буслай купецъ ѣнъ новгородскій,
Можя-бъ прожилъ ѣнъ и до ста лѣтъ,
Кабы, значить, ѣнъ не переставился...

— Вотъ и мнѣ девяносто, а то и болѣе, а дай волю, и еще столько же проживу, ей-Богу! Что мнѣ? Тепло, это значить, раковъ ловлю, студено зимой—въ трахтирѣ сижу, выпить захочется—господинъ добрый поднесетъ... правда, баринъ? А ужъ я тебѣ за службу...

У ёво Буслая была матушка,
Молода... тьфу! матера Мамела Тимоосевна.
Быль охочъ онъ эта водку пить—
Все поповки, смировки московскія,
Очунь вкусныя наливочки заморскія...

Здѣсь мой Вороновъ снова остановился, подвинулся въ тѣнь и посмотрѣлъ на бабъ, которыя, натянувъ платки на лицо, лежали теперь пестрыми пятнами на межѣ, подъ палящими лучами солнца.

— Отобѣдали,—безнадежно произнесъ онъ, махнувъ рукой; потомъ, замѣтивъ мой нетерпѣливый взглядъ, продолжалъ:

Кабы, значить, ѣнъ не переставился...
У ёво Буслая была матушка...

— Да ты уже пѣлъ это... Ну, видно, ты этой старинки дальше не знаешь. А не помнишь ли про Буслаева сына чего нибудь? Авось, это полегче будетъ вспомнить?

— Это Василь Буславича-то? Быль, былъ, какъ же! Эхъ, запаятоваль, пропишь память-то!

Быль у яво сынъ Василь Буслаевичъ,
Быль охочъ онъ эта водку пить—
Все поповки, смировки московскія,
Очунь вкусныя наливочки заморскія...

Послѣдніе стихи Ефимъ произносилъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ, повышая нѣсколько голосъ и особенно ударяя на слова «очунь вкусныя наливочки заморскія». Очевидно, онъ глубоко проникался реальнымъ значеніемъ этихъ словъ, и шедшій отъ него запахъ спиртнаго перегара какъ нельзя лучше выражалъ направленіе его мыслей. Но дальше вкусныхъ наливочекъ дѣло не шло, и послѣ напряженнаго усилія вспомнить, что было затѣмъ, мой ска-

витель напрямикъ объявилъ, что старинки онъ, видно, совсѣмъ призабылъ:—Давно было дѣло-то! Какъ, значить, послѣ солдатчины въ Питеръ ушелъ...

— А во время солдатчины пѣвалъ?

— Пѣвалъ: земляки были. Соберемся, бывало, кучкой на дворѣ, али въ казармѣ у окна, ну, и поемъ. А только я больше насчетъ пѣсельниковъ, толстой такой пѣсельникъ у насъ въ ротѣ былъ. Я-то самъ, вишь ты, неграмотный, въ школу не ходилъ, дьячку кашки не носилъ, а былъ у насъ одинъ солдатикъ, изъ второй роты, Романчуковъ прозывался, такъ ёнъ читаетъ, а я слушаю да на голосъ кладу. Ну, и все, что тамъ было, я, можетъ, менѣ чѣмъ въ годъ произошелъ... Только ты этого не пиши,—вдругъ повернулся онъ ко мнѣ, замѣтивъ, что, торопяся записать его рассказъ, я сломалъ карандашъ:—нестоющаго вниманія дѣло. А хошь пѣсню писать—пиши:

Сколько разъ я зарекался
По той вулочкѣ ходить...

— Эту пѣсню купцы часто требовали. Хороша тоже романць-пѣсня: «Гляжу я безмолвно на черную палъ»... Только и ее теперъ позабылъ.

— Какія же ты помнишь?

— Это, баринъ, совсѣмъ въ другомъ родѣ. Не про васъ, господъ, онѣ писаны, а про насъ, стариковъ, да про тѣхъ дураковъ, что по кабакамъ шляются, варнацкимъ дворянствомъ похваляются, а сами подъ лавкой валяются... Ха ха-ха... Я, значить, Николаевскій солдатъ, и чортъ мнѣ не братъ, самъ себѣ господинъ, мужикъ и дворянинъ. Есть деньги—выпилъ, заплатилъ, глазомъ селедки закусилъ. Вотъ каковъ нашъ братъ солдатъ!.. Это такія пѣсни,—продолжалъ онъ, ослабившись,—что при васъ, господахъ, стыдно сказать. Ну, коли говорить, такъ говорить, не корову дѣлить, не къ попу на исповѣдь иттить. Пиши, ваше благородіе...

Но «писать» эти пѣсни оказалось крайне неудобно. Онѣ принадлежали къ тому разряду нашей литературы, который зовется непечатнымъ, и если и появляется иногда въ научно-этнографическихъ сборникахъ, то лишь въ особыхъ экземплярахъ, для «спеціалистовъ-любителей», а для обыкновенныхъ смертныхъ—скромно исчезаетъ подъ точками. На этотъ разъ бессмысленные куплеты, такъ и лившіеся изъ устъ Воронова, были неинтересны даже для «любительской» науки.

Я упрекнулъ его въ томъ, что онъ хорошія пѣсни старинки забылъ, а никуда негодныя помнить. Онъ недовольно повелъ плечами.

— Спросу, баринъ, не было, оттого это... сказалъ онъ, снова уставившись въ поле.

- Какого спросу? отъ кого?
 — Да вишь ты, вамъ вотъ подавай старинки, а ихъ въ Питерѣ почитай не спрашивали...
 — Гдѣ въ Питерѣ? Кто не спрашиваль?
 — А въ трактирахъ питерскихъ.
 Я недоумѣваль.

— Эхъ, милый ты человѣкъ, размалиновая твоя душа, да рази куды задаромъ пустять?.. то-ись, коли съ мошной—пустять, а я говорю, коли у человѣка душа, къ примѣру скажемъ, золотая, а мошна пустая,—ни въ жисть! То-ись ни-ни... Ты думаешь, трактиръ—иди кто хошь, у кого картузь на затылкѣ... нѣтъ шалишь, тамъ носомъ чуютъ, гдѣ собаки ночуютъ... ужъ это вѣрь ты мнѣ! Приказчикъ, аль кто тамъ за стойкой, только поглядить на тебя, а ужъ шельма, рѣпа дубовая, знаетъ, коѣй ты земли, коѣй орды: иному шкаликъ въ долгъ, а иного въ зубы толкъ... не ходи, значить, коли у тебя въ казнѣ, какъ у голоднаго волка въ брюхѣ!.. Извѣстно, свой антиресь соблюдаютъ, на ихъ и обиждаться нельзя... Ну, а меня пускали,—продолжалъ онъ, оживляясь.—Вездѣ—«мое почтеніе, почетъ и уваженіе», по батюшкѣ Семенычемъ звали, а Ефимъ-то Семенычъ еще и куражился, не во всякой трактиръ шель... вотъ каковъ я человѣкъ былъ! Нужный, значить! Безъ меня компанія не въ компанію, что закуска безъ водки—одинъ чортъ! И вотъ гляди ты, какъ я только куды пришелъ, въ «Торговый» ли, али въ «Силистрію», что на каналѣ, у самаго рынка,—тамъ еще приказчикъ Сисой Никитичъ былъ,—сейчасъ мнѣ положеніе: пей, ѣшь, что хошь, еще и деньгами ублажаютъ... вотъ затеши меня чортъ, коли лгу! право... Иди молъ только, Ефимъ Семенычъ,—компанія въ отдѣльную тебя требуетъ, скучно безъ тебя... Ладно, говорю, подождутъ, не рожать снаряжаются, не замки ломать собираются... Налей, говорю, Сисой Никитичъ, душу смазать надо допрежь того, какъ къ продажѣ-то ити... А придешь туда, въ отдѣльную-то... ахъ баринъ, чего только не было тамъ, какихъ дѣловъ тамъ я не видалъ!... Купецъ, скажемъ, попадется, тутъ его наши тараканы и облапять... Ваше степенство, да ваше степенство, а степенство-то и встать не вмочь, только лупы таращить... Придешь это къ нимъ, сказываю я тебѣ, ну, извѣстно... свѣтъ коромысло, море разливанное... Ахъ, говорю, такіе-сякіе, куролѣсые, нешто не знаете, что Ефимъ Семеновъ простой водки не пьетъ, безъ щей не обѣдаетъ? Подавай ему запечатанную!.. И поидеть у насъ, братецъ ты мой, и поидеть у насъ такая пропускація, только держись! Капитанъ тамъ былъ одинъ, отставной, такъ, загулящій, такъ тотъ все норовить купцу морду подставить, чтобы сыскать съ него, значить, тутъ же за безчестіе... Хитрая штука была.. А я имъ и пѣсни пою, и медвѣдемъ, нето пьяной бабой пляшу, а имъ смѣхъ, а имъ-то смѣхъ, повѣришь ли, инда до колликъ доходитъ... Ну, да и голосъ

у меня былъ, нешто такая скрипка, какъ нонѣ!.. Запоешь, бывало, такъ даромъ что пьяные, а попритихнутъ, разъ даже машину въ залѣ остановили, народъ и у дверей, и у окна стоймя стоитъ, отходить не хочетъ... Споешь имъ пѣсню, — «еще! еще!» — кричатъ, «пой, Ефимъ Семенычъ!» Ну, и поешь, сколько влѣзетъ. А больше всего — веселья я былъ, мастеръ первый сортъ, умѣлъ ко всякой вещи слово найти, — большой балагурникъ былъ... иную штуку такъ другой разъ словомъ прошибешь, что ей бы, кажется, прямо помереть надо... За то и любили...

Я во всё глаза смотрѣлъ на Ефима и невольно поражался богатствомъ духовныхъ силъ этого болѣе, чѣмъ девяностолѣтняго человѣка. То, что онъ рассказывалъ мнѣ, было интересно не съ одной узко-этнографической точки зрѣнія. Передо мной сидѣлъ профессиональный забавникъ, скоморошина нашихъ дней, отвѣчавшій запросамъ извѣстной части общества, сознательно относившійся къ своему признанію, какъ бы своеобразно ни понималъ онъ его. Я уже не удивлялся тому, что новый, кабацкій репертуаръ затемнилъ и вытѣснилъ его старыя пѣсни. Такъ оно и должно быть: невозможно «сочинить» былину пѣвцу, утратившему органическую связь съ вѣковой традиціей предковъ. Теперь онъ интересовалъ меня, какъ народный «типъ», поразительно живучій и крѣпкій, воплотившій въ себѣ крѣпость и жизнѣдѣтельность своего народа.

Вотъ онъ наклонилъ нѣсколько въ сторону голову и искоса, съ лѣнивой усмѣшкой поглядываетъ на меня. Онъ не то выжидаетъ замѣчанія съ моей стороны, не то уносится воспоминаніями къ тому, по его мнѣнію, хорошему прошлому, когда онъ былъ нужнымъ человѣкомъ, привольно жилъ, пользовался своего рода почетомъ и славой... А я невольно представлялъ его молодымъ парнемъ, сильнымъ и неустрашимымъ, когда разыграется буря на родномъ озерѣ и застанетъ его въ утломъ челнѣ, далеко отъ берега, веселымъ и беззаботнымъ въ домашней работѣ или за бесѣдой, въ чинномъ кругу честной рабочей крестьянской семьи. У него и дѣло спорится, горитъ, какъ говорятъ въ рабочемъ быту, и острое слово, плодъ острой, кипучей мысли, бѣжитъ съ языка, а отъ звонкой пѣсни, несущейся съ озера, захватываетъ духъ не у одной краснощекой Настасьи или Авдотьи. Жизненная волна отнесла его далеко отъ родныхъ береговъ; чуждая обстановка привила ему другіе вкусы и взгляды...

— И не надоѣла тебѣ такая жизнь? — спросилъ я, возвращаясь къ предмету его разсказа.

Ефимъ потупился и помолчалъ съ минуту. Обычное, нѣсколько наглое выраженіе его лица смягчилось, словно тяжелая душа прошла по немъ.

— Правду сказать, иной разъ точно, обидно было, баринъ... Особливо, какъ прѣзжалъ Емельяновъ, что дровами торговалъ; чудной

такой былъ: что пьянъ, что тверезъ—его не разберешь, а на шутки куды ловкачъ-то былъ, чтобы его громомъ треснуло!.. Положить это тебя, бывало, на столъ, какъ покойника, отпѣвать пьяные начнутъ, а онъ, Емельяшка этотъ самый, учнетъ дымъ въ носъ тебѣ пуцать, онъ пуцаетъ дымъ-то... отъ цыгарки своей... а ты, значитъ, нишкни—не смѣй чхнуть, то-ись!.. А чхнулъ—оны тебя въ рыло: какой-такой покойникъ ты есть, коли чхаешь, вали сначала!.. Очень тяжело бывало... А то и безъ того побьютъ, какъ не угодишь которому дьяволу... Да это что!.. безъ этого нельзя... вѣдь на эфту самую потѣху самъ своей волей пелъ... А вотъ бѣда моя пришла, какъ съ голоса-то я спалъ... трудно стало, перестали спрашивать... тутъ бы спѣть, аль рассказать, къ примѣру, надоть, какъ Вахрамей у себя на макушкѣ блины пекъ, али солдатъ чорта въ карты обыгрывать, а тутъ шишъ Ванюша дурачекъ—изъ глотки, чтобъ ее перервало, окромѣ хрипоты ничего нейдетъ... Вотъ словно бы пѣтухъ недорѣзанный, право; такъ пѣтухомъ и прозывали меня... а потомъ гонять начали... Вотъ я и перебрался сюды, въ эту самую провинцію... думаю, и тутъ люди живутъ, хлѣбъ жуютъ, пироги гостямъ подаютъ... Къ тому-жъ у меня землякъ тутъ былъ, все звалъ... Я пришелъ къ нему, аль приѣхалъ, сказать, на палочкѣ-попихалочкѣ, въ каретѣ съ мѣшкомъ... а онъ, задави его козель, возьми да помри!.. вотъ я на его мѣсто, и ничего живу... Лѣтомъ-то лафа: дачники понаѣдутъ, куфарокъ понавезутъ... Я имъ тово-этово, воды, дровецъ принесу, тары-бары, про Питеръ, про другое-десятое, а самъ, извѣстно, на съѣстное поглядываю, чѣмъ бы, значитъ, ненасытную глотку заткнуть... Оны народъ трепанный, понимаютъ, ну, и живешь... Въ ину пору раковъ наловишь, продашь. А какъ съѣзжать стануть, начнешь дачи обходить, тутъ тебѣ и пожива: когда тепленькимъ на зиму запасешься, когда господа что нибудь призабудутъ, хе-хе-хе... ужъ это по совѣсти скажу тебѣ, баринъ, наша воронья добыча... А коли что, скажемъ, ни кумѣ, ни куму ни продать, то-ись, ни въ закладъ для цѣлости заштопорить, то назадъ весной приволокешь, честнымъ объявишься...

И добродушная улыбка расплзается по его лицу, морщитъ щеки, поднимается къ глазамъ, и они щурятся и смѣются и дѣлаютъ общее выраженіе неподражаемо-лукавымъ. Я пожалѣлъ о своемъ неумѣньи рисовать: въ этотъ моментъ онъ представлялъ собой превосходную «натуру» и такъ и просился на картину. А кругомъ было знойно и ярко до рѣзи въ глазахъ; пчелы жужжали, звенѣли золотыя мухи; на краю поля безконечной лентой и, казалось, медленно-медленно тянулся товарный поѣздъ. Истома овладѣвала мной; рука съ карандашомъ опускалась въ безсиліи; хотѣлось только сидѣть и слушать. Воображеніе снова уносило меня въ Олонецкую деревню, на берегъ озера, съ сѣренькими избами, съ разостланными по берегу сѣтями, вытащенной на песокъ лодкой и парусомъ на

горизонтѣ. Ефимова изба рисовалась мнѣ посрединѣ деревни, изба крѣпкая, домовитая, съ пристройками и амбарами, съ новой телѣгой въ углу двора подѣ навѣсомъ, съ лавочкой у воротѣ... Дома остались только ребята малые да Ефимъ, уже не молодой, полный жизни и силъ, а настоящій Ефимъ, дѣдушка, тотъ самый, который въ лѣнливой позѣ полусидитъ, полулежитъ на травѣ, одной рукой пощипывая траву, а другую засунувъ за пазуху разстегнутой свитки. Сыновья и невѣстки разбрелись по работѣ, кто куда, а на дѣда ребятъ оставили. Дѣдъ и радъ: онъ то сказку имъ скажетъ, то игру затѣетъ; кто постарше, тому работу укажетъ по дому, тутъ же и посмѣшитъ и разуму научитъ... А въ избѣ работница, дѣвушка-черनावушка, сиротка пріемная, столь чистымъ убрусомъ накрываетъ, ложки раскладываетъ, хлѣбъ рѣжетъ...

— Баринъ, а баринъ, аль заснулъ?—окликаетъ меня Ефимъ.

Я поворачиваю къ нему голову и вижу, что онъ поднялся съ земли и переминается съ ноги на ногу. Мнѣ не хочется разставаться съ нимъ, и я начинаю спрашивать его о военной службѣ, какъ и гдѣ онъ служилъ. Но словоохотливость его какъ-то сразу изсякла; видно, хмель и жара начинали одолевать его. Потягиваясь и протирая глаза, онъ нехотя объясняетъ, что, когда онъ служилъ, служба была строгая, «со сквозь-строемъ» служба, не понынѣшнему, и что «ружье теперь не ружье, а такъ, къ примѣру сказать, словно бы тросточка»...

— А, кромѣ военной службы, ты нигдѣ не служилъ?—пытаюсь я навести его на воспоминанія.

— Пробовалъ, баринъ, и кучеромъ, и дворникомъ, да нѣтъ, больше двухъ недѣль не держали... надо быть, по слабости къ вину, да еще за языкъ,—грубиянъ я былъ, сказать надо... А теперь, что ты мнѣ за глупость мою пожелаешь, съ тѣмъ я и уйду. Ты меня отпусти теперь-то, потому распалило меня, опять же и отоцалъ человекъ... Ишь, сколько я тебѣ старинокъ напѣлъ-то,—беззаастѣнчиво заявилъ онъ, когда я сталъ собирать бумагу и досталъ кошелекъ.—Погоди! припомню, еще напою. Теперь-то ихъ у меня, правду сказать, словно вѣтромъ съ горы снесло... А какъ оны, значить, на память, проклятыя, придуть, тутъ я тебѣ сейчасъ... Да и раковъ я тебѣ принесу, свѣжихъ, хорошихъ раковъ, право-слово... Ты гдѣ стоишь-то, баринъ?

Я сообщилъ ему номеръ дачи и вручилъ «положеніе», при чемъ онъ не преминулъ выпросить еще на водку, «чтобы за твое здоровье глотку промочить, чтобъ ей такъ-сякъ бездонной!.. потому сухо, вотъ словно пескомъ высыпало, ей-ей!»...

Мы простились, и я пошелъ вдоль по аллеѣ. Отойдя шаговъ двадцать, я оглянулся на Ефима. Онъ медленной, лѣнливой поступью пробирался между грядъ, и хриплый голосъ его смѣшивался съ звонкимъ хохотомъ работавшихъ бабъ.

III.

Нѣсколько дней спустя, Ефимъ Вороновъ явился ко мнѣ уже на домъ. Дѣло было къ вечеру; я только что усѣлся пить чай, какъ въ комнату вошла кухарка Анисья и объявила, что меня спрашиваетъ какой-то бродяга, говорить, что онъ не своей волей, а, дескать, баринъ приказалъ прійти. «Я ужъ и вонъ его гнала, потому какъ вся жуликова повадка—глазищами такъ и ворочаетъ, а подъ однимъ глазомъ скула сведена за хорошия, должно, дѣла, да нѣтъ, нейдетъ, еще и лается: не твое, говоритъ, кухаркино, дѣло промежду меня съ бариномъ вступаться, у насъ, говоритъ, съ бариномъ антиресъ большой, мы, говоритъ, съ твоимъ бариномъ душа въ душу, по-столичному... Ладно, говорю ему, расписывай, душа окаянная, а я вотъ дворника позову. Позвала къ нему дворника, а сама къ вамъ пошла: пускать, аль нѣтъ, его, али сами къ нему выйдете?.. Не стащилъ бы чего, отъ него того и гляди, и дворникъ то же говоритъ»...

Я обѣщаль не оставлять его одного и попросилъ провести его къ себѣ. Анисья ушла не особенно досвольная этимъ распоряженіемъ. Не скажу, чтобы любопытство мое особенно было возбуждено, однако интересно было узнать, съ чѣмъ онъ явился сегодня, какую новую импровизацію подскажетъ ему изобрѣтательность его гибкаго не по лѣтамъ ума.

Въ открытое окно донеслась до меня перебранка изъ кухни. Я тотчасъ же узналъ «скрипку» Ефима—его хриплый голосъ, которымъ онъ ядовито спрашивалъ, какъ это ее, Анисью, махонькою волки не съѣли... Анисья не оставалась въ долгу, въ чемъ ей помогать и дворникъ, предлагавшій, тоже не безъ ироніи, «освѣтить» ему и лѣвую сторону его «распрекраснаго личика».

Вся соль дворническаго предложенія сразу обнаружилась предо мною, какъ только Ефимъ показался на порогѣ моей комнаты. Я такъ и ахнулъ при взглядѣ на его физиономію: праваго глаза совсѣмъ не было видно изъ-подъ синебагроваго подтека, съ опухолью и запекшейся кровью.

— Здравія желаю, съ похмелья помираю... семь да восемь сѣно косимъ, бабы складутъ, а я тутъ какъ тутъ... Вотъ и я, Ефимъ Вороновъ, коли память въ лѣсъ не ушла... чай да сахаръ, баринъ...

Все это проговорилъ онъ скороговоркою, какъ и въ первый разъ, вытянувшись и приложивъ руку ко лбу.

— Здравствуй, Ефимъ... что это съ тобой? тебя прибили?

— Бить не били, а такъ, наткнулся маненько... По лѣсу, вишь ты, ходилъ, векшу ловилъ, да темно стало, она въ дупло ушла, а я офонарился...

— Что же ты прикладывалъ что нибудь? По крайней мѣрѣ, хоть теперь завязалъ бы тряпочкой, вѣдь смотрѣть на тебя нельзя!

— Нѣтъ, баринъ, такъ способнѣй, особливо нашему брату... Куда намъ съ завязками ходить: съ завязками бабы ходють, вотъ хоша бы Пелагея, къ примѣру, или куфарка твоя... у, люта баба... Не хотѣла пущать меня къ тебѣ, да и только... Ты, говорить, и такой и сякой, и воръ-то, и голъ, какъ соколъ, брешеть знай, что собака на привязи... А ты, говорю я ей, посоли ты тетка подоверная, видѣла, какъ я кралъ? а что я голъ, говорю, такъ мнѣ же легче, покедова нехолодно. Правду ли я говорю, аль нѣтъ, баринъ? Меня, говорю, баринъ знаетъ, а я у него ничего не укралъ...

Благородное негодование продолжалось недолго. Вдругъ онъ какъ-то безпокойно взглянулъ на меня и, понизивъ голосъ, неожиданно произнесъ:

— Баринъ, а нѣтъ ли у тебя... стаканчика водки?

— Водки у меня нѣтъ, братъ, а вотъ если хочешь чаю, налькс.

— Ну, что-жъ, налей, пожалуй, чаю, коли водки нѣтъ... Буду по крайности рассказывать, что съ бариномъ чай распивалъ... въ накладку, скажу, по-господски... и съ хлѣбомъ, — предупредительно замѣтилъ онъ, окидывая глазами столъ, на которомъ хлѣба-то и не было.

Я крикнулъ въ окно Анисьѣ, чтобы она принесла хлѣба, и разлилъ чай. Ефимъ свободно подсѣлъ къ столу, положилъ щипцами сахару въ стаканъ, подвинулъ ближе къ себѣ клеенчатый кружокъ, чтобы, наливъ чаю на блюдце, не ставить стакана на скатерть, вообще обнаружилъ своего рода «манеры», доказывавшія, что трактирное воспитаніе не прошло для него даромъ.

Вошла Анисья съ хлѣбомъ и, увидавъ его сидящимъ за столомъ, сердито повела плечами. Ефимъ посмотрѣлъ на нее вызывающе-нагло, съ торжествующей усмѣшкой. Она поставила тарелку съ хлѣбомъ на противоположномъ углу стола, нарочно, какъ можно дальше отъ Ефима, и окинула его молніеноснымъ, уничтожающимъ взглядомъ. Не будь меня здѣсь, она, я думаю, бросилась бы на него, не отдавая себѣ отчета, но съ непремѣннымъ намѣреніемъ «офонарить» его и съ другой стороны.

— Такъ кто же это тебя такъ подшибъ?— снова спросилъ я, когда Анисья вышла.

— Да коли сказать, правду развязать, оно точно-что... вышла заминка... Очунь ужъ озорные Крюковскіе мужики—бѣды!.. Такіе... чтобъ имъ головню въ ротъ, шило въ бокъ, семь ножей въ хвостъ!.. Одного, Васюху Мокраго, такъ того такъ сколошматили, что теперь въ больницѣ лежитъ. Каторжные, право, каторжные... Есть у нихъ тамъ одинъ, Микола, что допрежь того въ сторожахъ на станціи служилъ,—такая анаема, голенище чортово... одно слово—висѣль-никъ, у него и шея тонкая, ровно бы кишка пожарная...

— Такъ ты не ходилъ бы къ нимъ...

— Къ нимъ-то? Да нешто ихъ обойдешь?.. Куды ни пойдешь, все на ихъ наткнешься, потому—имъ вездѣ дорога... и то сказать: въ ину пору словно вѣтромъ прибьетъ и самого тебя къ нимъ, окаяннымъ, ну, и зайдешь... казармы ихъ тутъ недалеко... не то въ трахтирѣ сустрѣнешь... И радъ бы обойти, да не обойдешь никакъ. А это правда твоя—лучше съ волкомъ, медвѣдемъ въ лѣсу, чѣмъ съ лихимъ человѣкомъ повстрѣчаться... А только никакъ не возможно... А я тебѣ старинку вспомнилъ,—оживился онъ...—какую хошь скажу, про Илью ли, про другое ли... Потому, думаю, какъ къ барину безъ старинки идти... думалъ, думалъ и надумалъ... Дай, молъ, пойду къ барину, старинку ему скажу, а онъ мнѣ изъ старенькаго что пожалуетъ... какъ я, значить, бѣдный человѣкъ, а тоже царю и отечеству служилъ, щи, кашу варилъ, съ генераломъ по одной улицѣ ходилъ...

— Что же ты вспомнилъ, говори!—сказать я недоѣрчиво.

— Ты пиши, настоящая старинка, говорю тебѣ... послѣ спасибо скажешь... какъ слѣдуетъ быть... пиши...

Онъ сказалъ эти слова такимъ убѣдительнымъ тономъ, что я взялъ бумагу и приготовился писать.

До свѣту было ранешенько,

началъ онъ медленно и вдумчиво,—

Повскакалъ удалъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Илья Муровецъ,
Илья Муровецъ, ета значить, добрый молодецъ...

Тутъ онъ передохнулъ и откашлялся, выигрывая время, чтобы сообразить или, лучше сказать, «сочинить» дальше, а маленькіе зоркіе глаза его такъ и бѣгали по комнатѣ. Онъ былъ въ драгой нищенской свиткѣ и съ пустой сумкой черезъ плечо, какъ въ тотъ день, когда я познакомился съ нимъ. Я терпѣливо и съ любопытствомъ ждалъ продолженія старинки.

Съ нимъ сумы сво не случилось,
Въ тую пору, въ тое времечко,
Ево сумочки златокованной,
Перевязочки штемпелеванной...

— Дальше будешь писать, аль не ндравится?—снова остановился онъ.—Другую скажу...

— Нѣтъ, ты эту раньше окончи, а потомъ другую.

— Ну, эту, такъ эту, по мнѣ что хошь... Про Илью началъ я тебѣ...

По свѣту ранешенько,
Повскакалъ какъ Илья Муровецъ...
Сынъ Ивановичъ...

— Въ коли вспомнилъ... Ну, ладно, пиши теперь:

Илья Муровець сынъ Ивановичъ,
 На рѣзвы ноги ѣнъ молодѣшенекъ,
 И скричалъ ѣнъ своимъ слугамъ вѣрнымъ:
 Эй вы, слуги вѣрные,
 Слуги вѣрные, проворные,
 Мнѣ, царю своему, покорные!
 Вы скажите мой вѣрной женѣ,
 Что кольцо, значить, души дѣвицы
 Я въ море уронилъ,
 И съ тѣмъ кольцомъ все счастье
 Земное погубилъ...

Заключение было такъ неожиданно, что я не могъ не размѣяться.

— Послушай, а вѣдь конецъ-то ужъ совсѣмъ изъ другой пѣсни, — могъ я сказать ему только, когда онъ остановился, не зная, какъ отнестись къ моему смѣху.

— Извѣстно, изъ другой, а не изъ третьей, — отвѣчалъ онъ съ досадой... Тебя не поймешь, баринъ... кому я ни пѣлъ, всѣ довольны были, а ты — то не такъ, это не такъ... Лишь бы пѣсня, а тамъ все равно изъ какой. Какъ избу ставятъ, не спрашиваютъ у бревна, какъ по батюшкѣ звать. Такъ-то... Ну, скажу тебѣ еще пѣсню, и дѣлу шабашъ. Пиши. Романецъ-пѣсня, пиши... написалъ?

— Написалъ... отвѣчалъ я ему уже безъ возраженій, рѣшивъ, такъ сказать, взять его такимъ, какъ онъ есть. Голосъ его сдѣлался настойчивѣе и рѣзче; видимо, въ немъ заговорило на одну минуту самолюбіе профессиональнаго пѣвца.

Сколько разъ, пиши, я зарекался
 По той вулочкѣ ходить,
 Въ одну дѣвицу тамъ я влюбился
 И никакъ не могу я ее призабыть,
 Не могу я ее при-за-быть...

— Написалъ? — остановился онъ снова.

— Написалъ, написалъ... что же дальше?

— Дальше?.. Дальше чтой-то не припомню, а, можетъ, и припомнилъ бы, такъ въ горлѣ пересохло. Не откажи, ваше благородіе...

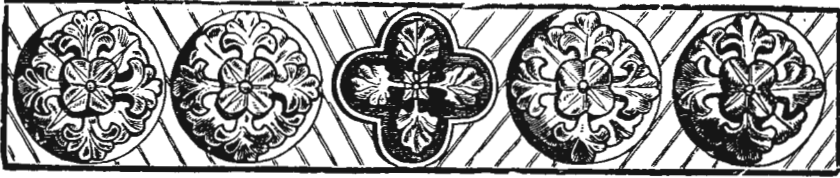
Онъ уже смѣялся своимъ прежнимъ отрывистымъ смѣхомъ, и единственный глазъ щурился неприлично-лукаво, что придавало его исковерканной фізіономіи болѣзненно-комической видъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда Ефимъ ушелъ отъ меня. Я задумался о немъ и представлялъ себѣ всю жизнь этого богатыря-горемыки, полную всевозможныхъ мытарствъ и лишеній. Солдатчина оторвала его отъ родной почвы, нужда въ буквальномъ смыслѣ заставила его пѣть пѣсни, а онъ до глубокой старости сохранялъ въ себѣ жизнерадостность и природный юморъ. Вдругъ дверь

быстро распахнулась, и вбѣжавшая Анисья торжественно объявила, что «бродяга, котораго вы, моль, баринъ, чаемъ пойли», унесъ со двора полотенце. Лицо ея пылало негодованіемъ; она послала въ догонку за нимъ, босолапотникомъ, громы небесныя, а меня просила послать дворника, — «авось догонитъ, такъ ужъ заодно и шею намялъ бы»... Благородный гнѣвъ Анисьи не зналъ предѣловъ, когда она увидала, что слова ея не произвели на меня ожидаемаго дѣйствія, а наоборотъ разсмѣшили меня. «Этакъ прощать, такъ скоро самимъ носить нечего будетъ», ворчала она, уходя. Я вспоминалъ наивное признаніе Ефима насчетъ вороньей добычи и смѣялся отъ души. Кража полотенца была для меня послѣднимъ штрихомъ въ живописномъ портретѣ стараго скомороха.

Е. Ляцкій.

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

ВЪПЕЧАТАНА въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1893—1894 гг. свои «Воспоминанія», изданныя недавно отдѣльною книгой, подъ заглавіемъ «Закулисная хроника», я стѣснялся ихъ сдѣлать слишкомъ объемистыми, не зная, какъ они будутъ встрѣчены публикой, и потому не включилъ въ нихъ многого, что сохранилось въ моей памяти и въ черновыхъ наброскахъ. Имѣя нѣкоторыя данныя считать, что мои воспоминанія заслужили одобреніе читателей, я рѣшаюсь теперь дополнить ихъ рассказами о лицахъ, о которыхъ не говорилось во все, и добавить новыя черты къ тѣмъ, о которыхъ уже упоминалось въ моихъ запискахъ.

I.

П. А. Каратыгинъ, его стихи и экспромпты.—Новые трагики.—Экзаменъ въ винномъ погребѣ на роль Гамлета.—Встрѣча въ театральной школѣ съ директоромъ.—Эпиграмма на бенефисъ П. И. Григорьева I.—Посланіе критикамъ молодого поколѣнія.—Двѣ эпиграммы на поэта Н. А. Некрасова.—Къ портрету Комисарова-Костромского.—Письмо въ стихахъ къ Нестору Кукольнику.—Критикамъ знаменитой актрисы Ристори.—Посвященіе П. Якушкину.—Взглядъ на паденіе театра.—Пожеланіе театру, написанное до освобожденія крестьянъ.—Пожеланіе автору-архитектору.

Позволяю себѣ начать съ излюбленнаго, чтимаго мною товарища, о которомъ я уже говорилъ болѣе, чѣмъ о другихъ, именно старика, ветерана Александринской сцены, Петра Андреевича Каратыгина,

¹⁾ Воспоминанія эти были доставлены въ редакцію покойнымъ А. А. Нильскимъ еще въ началѣ года, но обиліе матеріаловъ лишило насъ возможности напечатать ихъ ранѣе.

неистощимаго остряка, каламбуриста и, несмотря на злой языкъ, пріятнѣйшаго компаніона и собесѣдника. Я вспомнилъ еще многое изъ его удачныхъ эпиграммъ и остроумныхъ посланій, и такъ какъ, находящееся у меня подъ рукой, писалось имъ къ разнымъ лицамъ и въ разное время, то и я буду планировать ихъ здѣсь, не стѣняясь, ни хронологіей, ни совершенно противоположными другъ другу событіями и лицами, къ которымъ они относятся.

Извѣстно, что Петръ Андреевичъ чрезвычайно любилъ своего брата, знаменитаго трагика, Василя Андреевича, и былъ страстный почитатель его таланта. Когда послѣдній неожиданно скончался, то роли его стали дѣлать между собою актеры: А. М. Максимовъ, Славинъ, Степановъ, а также пріѣзжавшіе изъ провинціи — дебютанты, въ родѣ М. Максимова, Брянцева (Леоновъ), Дячковскаго, Яковлева и др. Лучшимъ замѣстителемъ его брата, по мнѣнію Петра Андреевича, былъ покойный Л. Л. Леонидовъ, переведенный послѣ смерти петербургскаго трагика съ московской сцены на петербургскую.

Всѣмъ новымъ трагикамъ, имѣвшимъ претензію на роли В. А. Каратыгина, Петръ Андреевичъ посвятилъ, написанную для нихъ, басенку такого рода:

Случалось ли вамъ видѣть барскій домъ,
 Въ которомъ нѣкогда хозяинъ жилъ на славу?
 Искусство, вкусъ и умъ тутъ виденъ былъ во всемъ,
 И уваженіе всѣхъ онъ пріобрѣлъ по праву.
 Въ томъ домѣ чудные бывали вечера,
 И что ни вечеръ, то и наслажденію праздникъ...
 Но вотъ прошла его блестящая пора,
 И зодото смѣнида мишура,
 И вмѣсто барина живетъ купецъ-лабазникъ!
 Снаружи—тотъ же домъ; а то внутри—
 Хоть не смотри!
 Вчера случилось мнѣ въ театрѣ видѣть
 Кое-что... да не могу я никого обидѣть,
 Воронѣ мудрено въ гнѣздѣ орлиномъ быть...
 Но я молчу, чтобы «гусей не раздражить»!

Вскорѣ послѣ смерти знаменитаго трагика, актеръ Алексѣй Михайловичъ Максимовъ, пользуясь любовью публики, рѣшился отличиться и сюрпризомъ для всѣхъ, послѣ всевозможныхъ водевильныхъ ролей, въ родѣ «Живчика» или «Мотылькова» въ водевиляхъ Д. Ленскаго «Барская спесь» и «Анютинныя глазки», въ которыхъ онъ не имѣлъ соперниковъ по исполненію фарса, взялся за изученіе роли Гамлета, которую и сыгралъ въ совершенно новомъ до того времени никѣмъ невиданномъ образѣ, въ контрастѣ покойному В. А. Каратыгину. Какъ онъ игралъ своего Гамлета при первыхъ своихъ дебютахъ въ этой роли, не знаю, я видѣлъ его въ этой роли не одинъ разъ, уже гораздо позже и судить не берусь; помню только, что было немало людей, какъ изъ публики, такъ и изъ

тогдашней прессы, которые до того превозносили его исполненіе, что даже видимые всѣми недостатки, какъ, напримѣръ, до карриатуры тщедушную наружность и физическое безсиліе его ставили ему въ особенную заслугу. Конечно, у всякаго свой вкусъ; но дѣло не въ томъ, а интересно то, что одновременно съ его первыми дебютами въ Гамлетѣ проживалъ въ Петербургѣ Карлъ Ивановичъ Лаутонъ, большой его пріятель и собутыльникъ, извѣстный всему Петербургу, какъ владѣлецъ виннаго погреба на Невскомъ проспектѣ подъ фирмою «Гордонъ», отличный, добрый, хорошо образованный человѣкъ и страстный театралъ. Максимовъ, будучи его пріателемъ и охотникомъ выпить, нерѣдко даже черезъ край, часто посѣщаль его виноторговлю.

Незадолго до первыхъ репетицій «Гамлета» А. М., будучи въ театрѣ, похвасталъ передъ П. А. Каратыгинымъ, что онъ все послѣднее время до того усердно занимался ролью Гамлета, что наконецъ дняхъ даже выдержалъ и экзаменъ на ея исполненіе.

— Вотъ какъ?! Гдѣ же это и у кого ты выдержалъ экзаменъ?!— изумясь, спросилъ его Каратыгинъ.

— У Карла Ивановича Лаутона; онъ меня прослѣдилъ по англійскому подлиннику, слушалъ всю роль отъ начала до конца; и вообрази, я ему читалъ въ погребкѣ, передъ цѣлой сатареей бутылокъ!!. Передъ началомъ экзамена онъ мнѣ сказалъ: «слушай, Максимовъ, если хорошо прочтешь Гамлета, мы разопьемъ все, что ты здѣсь видишь; если же нѣтъ... не дамъ тебѣ ни одной капли вина!!. такъ и знай!» Ну-съ... я прочелъ, и мы распили все... до капли. Вѣришь ли, не помню ужъ, какъ меня и домой доставили!!.

На это Петръ Андреевичъ, смѣясь, сказалъ ему:

— «Ну, мой добрый другъ, англичанинъ тебя напоилъ, а я воспую!»—и на другой же день прочиталъ Максиму нижеслѣдующіе стихи, отъ которыхъ тотъ былъ въ восторгѣ и съ наслажденіемъ читалъ ихъ самъ всѣмъ и каждому. Вотъ они:

Съ покойнымъ трагикомъ, чтобы вступить въ борьбу,
Максимовъ нашъ зашелъ далеко,
И у Гордона въ погребу
Гамлета изучалъ глубоко!
Хоть этотъ способъ, можетъ быть,
Инымъ покажется и страненъ;
Но надо то сообразить,
Что погребщикъ былъ англичанинъ!
Держа въ рукахъ оригиналь
Гордонъ переводилъ Шекспира слово въ слово,
Максимовъ передъ нимъ роль Гамлета игралъ
По переводу Полевова...
И долгій разговоръ они о томъ вели,
Какъ въ переводахъ намъ Шекспиръ не удастся,
Но много ли они вина перевели,
Во мракѣ погреба сокрытымъ остается!

Въ сентябрѣ 1862 года, директоромъ императорскихъ театровъ былъ назначенъ графъ Александръ Михайловичъ Борхъ, аристократъ, весьма добрый, благородный человекъ, но совершенно чуждый всему, что нужно для управленія театрами; онъ сталъ наблюдать только за внѣшностью, формалистикой, этикетомъ, не будучи вовсе знакомъ ни съ литературой, ни со сценическимъ дѣломъ. Главной реформой въ театрахъ при немъ надо считать его приказъ, чтобы музыканты въ оркестрахъ не иначе показывались, какъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ; отъ музыкантовъ онъ перенесъ эту реформу и на актеровъ, выразивъ официально желаніе, чтобы и актеры, бывая въ зрительныхъ залахъ, одѣвались также во фраки. По поводу послѣдняго обстоятельства однажды, великимъ постомъ у графа Борха въ театральномъ училищѣ вышло столкновение со старикомъ П. А. Каратыгинымъ, который имѣлъ неосторожность явиться на школьный спектакль не въ желаемой директоромъ фракной парѣ, а запросто въ сюртукѣ. Это столкновение не имѣло никакихъ дурныхъ послѣдствій для Каратыгина, но напротивъ породило весьма любопытное стихотвореніе Петра Андреевича, оставшееся намъ въ наслѣдство изъ его дневника. Вотъ оно:

На школьной лѣстницѣ директора я встрѣтилъ.
Мы оба шли въ театръ; онъ оглядѣлъ меня,
На вѣжливый поклонъ мой не отвѣтилъ,
А съ важной строгостью замѣтилъ:
Зачѣмъ де не во фракѣ я?
Невольнo мнѣ пришлось смѣшаться:
— «Я ворочусь домой, надѣну фракъ тотчасъ...
— Зачѣмъ же?—онъ сказалъ:—на этотъ только разъ
Я позволяю вамъ здѣсь въ сюртукѣ остаться.—
Графъ вѣкъ свой при дворѣ, вельможа, формалистъ,
Въ его глазахъ важна парадная ливрея...
И какъ же, напримѣръ, придворный же артистъ
Свободнѣй хочетъ быть придворнаго лакея?!
Тутъ я откланялся ему,
И въ этотъ разъ онъ мнѣ поклономъ не отвѣтилъ!!!!...
Его сіятельство меня «по платью» встрѣтилъ,
Я провожалъ его глазами... «по уму».

Петръ Андреевичъ былъ необыкновенно строгъ въ выборѣ пьесъ для бенефисовъ и всегда зло смѣялся надъ каждымъ актеромъ, желающимъ заманчивою афишей доставить себѣ хорошій сборъ, не дорожа достоинствомъ избираемаго литературнаго произведенія. Чуть не послѣ каждаго бенефиса непремѣнно появлялось его четырехстишіе или на автора, или на бенефицианта, въ родѣ слѣдующаго. Однажды, актеръ П. И. Григорьевъ 1-й поставилъ въ свой бенефисъ «Донъ Карлоса» Шиллера и вмѣстѣ съ этой трагедіей состряпанныя имъ самимъ «Сцены изъ походовъ Чичикова» изъ сочиненія Гоголя. Вотъ что написалъ Каратыгинъ по этому поводу:

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

6

Вотъ, право, странный бенефисъ:
 Въ немъ Гоголь съ Шиллеромъ, какъ крайности, сошлись...
 Чтобы не назвали Григорьева отсталымъ,
 Онъ намъ поднесъ форшмакъ съ малороссійскимъ саломъ.

За послѣднее время, на моихъ глазахъ, какъ нельзя болѣе оправдалось пророчество П. А. Каратыгина, высказанное очень давно въ письмѣ къ одному изъ его пріятелей, гдѣ онъ пишетъ: «погоди, придетъ время, молодое поколѣніе начнетъ топтать въ грязь и Грибоѣдова, и Пушкина, и Лермонтова, и другихъ лучшихъ писателей и поэтовъ».

Это пророчество оправдалъ передъ моимъ послѣднимъ бенефисомъ одинъ изъ новѣйшихъ актеровъ молодого поколѣнія, очутившійся съ провинціальныхъ и клубныхъ сценъ сразу чуть не премьеромъ нынѣшняго образцоваго театра. Пользуясь особеннымъ покровительствомъ нынѣшнихъ правителей искусства, онъ отказался отъ данной ему, хотя небольшой, но весьма видной роли, въ трагедіи графа А. К. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго», сыгранной 23 октября въ мой прощальный спектакль, и, кичась этимъ передо мною, какъ бенефициантомъ, и товарищами, въ моемъ присутствіи за кулисами началъ во всеуслышаніе критически отзываться о талантѣ графа Алексѣя Толстого, называя его историческую хронику пьесой скучной, малоинтересной, неценичной, чуть ли даже не бездарной, давая понять, что всѣ роли въ трагедіи графа Толстого, за исключеніемъ развѣ двухъ главныхъ Іоанна и Годунова, ниже таланта этого молодого артиста. Вотъ для подобныхъ критиковъ нахожу небезполезнымъ привести также одно изъ стихотвореній покойнаго П. А. Каратыгина, написанное имъ специально для подобныхъ господъ:

«Когда учитель, классъ окончивши, уйдетъ,
 Тогда иной шалунъ на кафедрѣ взберется,
 И корчить изъ себя профессора начнетъ,
 И надъ наукою бессмысленно смѣется!
 Какъ юныхъ критиковъ иныхъ начнешь читать
 Разборы дерзкіе и пошлыя статейки,—
 Вотъ такъ бы, кажется, и посадилъ опять
 Ихъ на учебныя скамейки!

П. А. Каратыгинъ не былъ особеннымъ поклонникомъ музы Н. А. Некрасова. Отдавая послѣднему должное, онъ говорилъ, что муза Некрасова не поетъ, а ноетъ, а его гражданская скорбь наводитъ скуку. Изданныя стихотворенія Некрасова съ либеральнымъ отгѣнкомъ, возбудили большой интересъ въ публикѣ и, какъ рассказывали, въ двѣ недѣли разошлось въ публикѣ до тысячи экземпляровъ; второе же изданіе, какъ разнесся слухъ, было запрещено, а потому остальные экземпляры, вмѣсто полутора рубля, продавались чуть ли не вчетверо дороже. Это возмутило Петра Ардревича, и онъ написалъ:

«Что новаго сказалъ ты новый нашъ поэтъ?
 На новый ладъ все старыя погудки,
 Нападки на людей, на общество, на свѣтъ,
 Болѣзненная желчь, извительныя шутки.
 И парадоксами направленная ложь,
 На дружбу и любовь, поклёпы, небыллицы.
 Какъ «скорбные листы» твои прочтешь,
 То такъ и кажется, что вышелъ изъ больницы!

Говоря о Некрасовѣ, нельзя пропустить одну еще болѣе ѣдкую на него эпиграмму покойнаго Каратыгина; онъ написалъ ее за панегирикъ, произнесенный Некрасовымъ на парадномъ обѣдѣ, данномъ въ Петербургѣ умиротворителю Западнаго края, извѣстному графу М. Н. Муравьеву (Виленскому) въ Англійскомъ клубѣ. По окончаніи этого обѣда, Некрасовъ подошелъ къ сидящему въ креслѣ графу Муравьеву и публично прочелъ ему свое стихотвореніе, гдѣ не поскучился расточить всевозможныя похвалы его дѣятельности съ пожеланіями графу, не щадя никого, истребить «зло до корня». Муравьевъ очень холодно отнесся къ этимъ похваламъ и даже не привсталъ съ мѣста, только молча поклонился поэту въ знакъ благодарности. Узнавъ объ этомъ, Петръ Андреевичъ пожалъ плечами и тотчасъ же написалъ:

«Изъ самыхъ красныхъ, нашъ Некрасовъ либераль,
 Суровый демократъ, неподкупной сатирикъ,
 Ужели не краснѣлъ, когда читалъ
 Ты Муравьеву свой прекрасный панегирикъ?
 Кого стихами ты своими обманулъ,
 Куда-жь дѣвалась Маратова свирѣпость?
 Знать, вѣтеръ на тебя съ той стороны подулъ,
 Гдѣ Петропавловская вѣрѣпость!

Къ портрету извѣстнаго Комисарова-Костромскаго, сдѣлавшагося популярнымъ лицомъ послѣ спасенія императора Александра II, Каратыгинъ написалъ слѣдующій экспромптъ (надо замѣтить, что Комисаровъ, преслѣдуемый, хотѣлъ прославиться, занимался шитьемъ шапокъ для продажи въ царскомъ дворѣ):

Счастливецъ! вознесенъ ты восоко изъ праха!..
 Мечталось ли тебѣ, когда ты шапки шилъ,
 Чтобы спасти главу Господь тебѣ судилъ,
 Увѣнчанную шапкой Мономаха!

Плюшаръ, издатель извѣстнаго въ свое время иллюстрированнаго юмористическаго журнала «Весельчакъ», обратился однажды къ П. А. Каратыгину съ просьбой принять участіе и сотрудничать въ его изданіи. Каратыгинъ отказался. Тогда Плюшаръ сталъ просить Нестора Кукольника помочь ему и уговорить Петра Андреевича согласиться на его просьбу. Кукольникъ написалъ Каратыгину по этому поводу дружеское, милое письмо, на которое П. А. отвѣтилъ ему слѣдующими стихами:

Благодарю тебя за лестное посланіе.
 Но льстивой рѣчью ты не обольщай меня!
 Я, право, устарѣлъ для новаго изданія
 И чувствую—во мнѣ нѣтъ прежняго огня!
 Была пора и весело шутилось...
 (Шутить нельзя же цѣлый вѣкъ)
 Тогда все тѣшило, живѣе сердце билось,
 Но скучный весельчакъ—отсталый человѣкъ!
 Такіе шутники бываютъ слишкомъ жалки;
 Боюсь, чтобъ и я на нихъ не походилъ...
 А мудрено же быть веселымъ изъ-подъ палки:
 Не хватить ни ума, ни времени, ни силъ!
 Такой обманъ Плюшару былъ бы горекъ,
 И самъ ты, какъ Гамлетъ, сказалъ бы мнѣ потомъ:
 «Гдѣ шуточки твои, мой бѣдный Ёорикъ?»
 И посмѣялся бы надъ пошлымъ острякомъ!
 И что теперь писать? Надъ чѣмъ тутъ забавляться?
 Мы ополчились на брань со Щедринымъ,
 Мы, какъ Исавандеры, хотимъ надъ всѣмъ смѣяться
 И чуть не «родственно» отечество бранимъ!
 Ужели въ этомъ нашъ прогрессъ и просвѣщеніе;
 Не этимъ ли хотимъ вступить съ Европой въ связь?
 И такъ на Западѣ все русское въ презрѣніи,
 А мы еще сильнѣй родное топчемъ въ грязь!
 Клеветаемъ на себя все гнусное и злое,
 Кричимъ, что ни души, ни совѣсти въ насъ нѣтъ...
 И птица не грязнить гнѣздо свое родное;
 А мы... мы пачкаемъ себя на цѣлый свѣтъ!
 Какой тутъ «Весельчакъ»? Тутъ легкой шутки мало;
 Веселой остроты, знать, время, братъ, прошло...
 Такую соль подай, чтобъ горло ободрало
 И въ носъ бы кинулось, и за сердце зажгло!
 Куда тутъ мнѣ! Какой я литераторъ!
 Я человѣкъ простой... безъ толку не кричу,
 Не желчный либераль, не красный агитаторъ,
 Шучу—какъ весело, а скучно—замолчу.

П. А. Каратыгинъ былъ въ восторгѣ отъ таланта и игры знаменитой итальянской актрисы, Ристори, которая раза два при мнѣ пріѣзжала въ Петербургъ со своей труппой и великимъ постомъ давала представленія на сценѣ Маріинскаго театра. Публика наша, не умѣя цѣнить игру этой великой артистки, очень лѣнливо посѣщала ея спектакли, и очень часто театръ бывалъ на половину пустъ. Находились даже критики въ прессѣ, которые не стѣсняясь бранили ее даже печатно. Каратыгина страшно возмущало такое отношеніе къ таланту великой артистки, и онъ написалъ такое четырехстишіе:

Европы приговоръ—не подеупная ложь;
 Хоть это бы расчелъ иной у насъ затѣйникъ!
 На даровщинку тамъ ужъ славы не возьмешь,—
 Не то, чтобъ удивлять свой только муравейникъ!..

Заклятый врагъ всего черезчуръ реальнаго и откровеннаго, какъ на сценѣ, такъ и въ литературѣ, П. А. Каратыгинъ, не стѣсняясь, клеймилъ своими эпиграммами всевозможныхъ литераторовъ-нигилистовъ, авторовъ такъ называемыхъ народныхъ, т. е. чисто мужицкихъ драмъ и представлений. Въ то время, только что нарождавшіеся новые писатели и литераторы, обрадовавшись свободѣ печати, стремились выводить на сцену всякое распутство, кабаки, пьяныхъ бабъ и проч. въ этомъ пикантномъ родѣ. Кто, напримѣръ, не помнитъ извѣстнаго въ то время собирателя русскихъ народныхъ легендъ и преданій знаменитаго Павла Ивановича Якушкина? Это былъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ народниковъ и чудаковъ. Онъ, вырядившись въ мужицкое платье и лапти, обошелъ пѣшкомъ множество губерній и свое шествіе сопровождалъ нерѣдко такими курьезными эпизодами и приключеніями, что теперь трудно даже многому и повѣрить. Якушкинъ не могъ похвастать представительной наружностью, кромѣ того, всегда пьяный, невоздержный на языкъ, буйный, съ очками на носу, всклокоченной косматою головою и такой же бородой, онъ немало претерпѣлъ горя черезъ свою оригинальную гримировку. Напримѣръ, осенью 1859 года былъ оповѣщенъ въ газетахъ весьма неприятный съ нимъ эпизодъ, случившійся во Псковѣ. Тогдашній псковскій полицеймейстеръ, строгій военный служака, полковникъ Гемпель, увидя у себя во Псковѣ собирателя легендъ въ нетрезвомъ видѣ, рваномъ мужицкомъ платьѣ, да еще безъ паспорта, распорядился безъ церемоній посадить его на съѣзжую. Возмущенный Якушкинъ имѣлъ сначала намѣреніе убѣжать, но дѣло какъ-то обошлось благополучно, и его освободили; послѣ чего онъ немедленно смѣстилъ въ газетахъ протестъ на возмутительный съ нимъ поступокъ псковскаго полицеймейстера. Этотъ протестъ поднялъ дѣлую бурю въ печати, и въ Москвѣ и въ Петербургѣ нашлось немало защитниковъ обиженнаго Якушкина; кромѣ П. А. Каратыгина, который оставался вѣренъ себѣ и, прочитавъ въ первый разъ изданныя въ Москвѣ «Русскія народныя легенды», съ участіемъ въ нихъ Якушкина, нашелъ ихъ до того безнравственными во всѣхъ отношеніяхъ, что, по подлинному его выраженію, плюнулъ на это произведеніе кабачной литературы слѣдующими виршами:

Давно ужъ публика московская ждала
 Плодовъ Якушкина ученыхъ путешествій!
 Судьба во Псковъ его случайно завела,
 Гдѣ было столько съ нимъ плачевныхъ происшествій!
 Тамъ русскій нашъ Гомеръ въ полицію попалъ,
 Униженъ былъ и чинъ и родъ его дворянскій:
 Губернскій секретарь три ночи ночевалъ
 Въ одной съ бродягами, ворами арестантской!
 Не всѣ же Байроны: Якушкинъ былъ собой
 Невзраченъ, некрасивъ и циникъ по натурѣ,
 И вольномыслящій поэтъ передовой
 Вольноотпущеннымъ былъ признанъ по фигурѣ.

И гдѣ-жъ полиціи поэта понимать?
 Всѣ полицейскіе не смыслятъ въ ней ни чорта...
 И вздумали его за то арестовать,
 Что былъ онъ въ зипунѣ, и пьянъ, и безъ паспорта!
 Поэтъ по кабакамъ искалъ родныхъ легендъ,
 Такъ чтожъ мудренаго, что онъ хватилъ сивухи;
 Не понять былъ его народный элементъ,
 А онъ дѣйствительно поэтъ въ народномъ духѣ!
 Вотъ, наконецъ, въ Москвѣ являются на свѣтъ
 Легенды русскія—собранье пошлыхъ бредней,
 Въ нихъ отличается Якушкинъ, какъ поэтъ,
 Доказывая въ нихъ... что шутъ онъ не послѣдній...
 Такъ ты для этого терпѣлъ и стыдъ и срамъ,
 И отъ полиціи пріялъ вѣнокъ изъ терній,
 И въ грязномъ зипунѣ ходилъ по кабакамъ,
 И обошелъ пѣшкомъ ты нѣсколько губерній?!

Еще въ концѣ 50-хъ годовъ П. А. Каратыгинъ, критически и строго относясь къ репертуару, видѣлъ паденіе искусства на русской сценѣ и, не стѣняясь, тогда еще сказали при приготовленіяхъ къ празднованію столѣтняго юбилея русскаго театра:

Столѣтній юбилей нашъ театральнй
 Готовитъ праздникъ намъ печальный...
 Про русскій нашъ театръ сказали бы я одно:
 Онъ, вѣку не доживъ, состарился давно.

Что-жъ бы онъ сказалъ, если бы могъ дожить до нынѣшнихъ временъ Александринскаго театра, гдѣ бы онъ могъ больше найти матеріала для своей острой сатиры и эпиграммы? Ему и во снѣ не могли пригрѣзиться подобныя авторы, режиссеры, администраторы, не исключая и актеровъ, которые явились въ позднѣйшее время на улучшеніе и процвѣтаніе нынѣшняго образцоваго театра. Онъ бы убѣдился, что отъ театра, бывшаго при немъ, остаются только одни преданія, анекдоты или рассказы; что авторитеты, память о великихъ талантахъ, ихъ заповѣди, указанія, традиціи—все, чѣмъ держался и гордился прежній театръ, все разбито въ дребезги новыми философами молодого поколѣнія; что на сценѣ теперь только одинъ любительскій произволь, да ни къ чему не ведущія траты казенныхъ денегъ на эффекты при постановкѣ пріятельскихъ піесъ.

Меня, можетъ быть, многіе осудятъ за то, что я говорю, назовутъ состарившимся, отсталымъ, но я этимъ нисколько не огорчусь, а лучше приведу, примѣнивъ къ себѣ, одно изъ стихотвореній П. А. Каратыгина, названное имъ какъ-разъ:

ОТСТАЛЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да, сознаюся я, пожалуй,
 Что слишкомъ устарѣлъ мой вкусъ:
 Я точно человекъ отсталый
 И въ слабости своей винюсь!

Цѣль нынѣшней литературы
 Я не умѣю понимать,
 И лица грязныя, съ натуры,
 Меня не могутъ восхищать!
 Весь этотъ юморъ сальный, жирный—
 Кому—тутъ смѣхъ, а мнѣ—тоска...
 Противенъ мнѣ трибунъ трактирный
 Или буянъ изъ кабака!
 Пускай они натурой дышатъ
 И вѣрны съ подлиннымъ вполне...
 Но чѣмъ вѣрнѣе ихъ опишутъ,
 Тѣмъ отвратительнѣе мнѣ!..
 Въ твореньяхъ нынѣшнихъ издѣлій
 Я вижу мнѣнья, вкусъ и слогъ,
 Достойный Плотничьихъ артелей,
 Бродягъ Проселочныхъ дорогъ.
 Теперь легко попасть въ извѣстность:
 Поэтовъ бездна развелась,
 Когда изящная словесность
 Въ трактирный міръ перенеслась.
 Поэзія ушла въ подвалы!..
 Поручкою мнѣ служатъ въ томъ
 Всѣ эти плотные журналы
 Съ нечистоюплотнымъ языкомъ!
 И какъ согласишься безпристрастно,
 Чѣмъ восхищаются въ нашъ вѣкъ,
 Такъ и печалишься напрасно,
 Что я—отсталый человѣкъ!

Въ заключеніе воспоминаній о П. А. Каратыгинѣ я приведу еще два изъ его стихотвореній по адресу авторовъ, первое—авторовъ народниковъ, которые въ былые годы заплоняли Александринскую сцену своими произведеніями изъ крестьянскаго быта и, хотя не бывали награждаемы отъ дирекціи такими блестящими и дорогими постановками, какъ нынѣшній режиссеръ-народникъ и литераторъ Е. П. Карповъ, при представленіи его «Мірской вдовы», тѣмъ не менѣе не безынтересно напомнить, чего П. А. Каратыгинъ искренно желалъ театру, еще до уничтоженія крѣпостнаго права на Руси:

Лукъ, рѣдка и чеснокъ—вотъ вещи недурныя,
 Но могутъ надоѣсть; всему своя пора!
 Друзья—писатели, умы передовые,
 Увидете-ль, наконецъ, вы съ задняго двора?
 Вы типы грязныя ввели въ такую моду,
 Что, право, хоть кому они надоѣдятъ...
 Авось, какъ мужикамъ дадутъ у насъ свободу,
 Тогда и нашъ театръ отъ нихъ освободятъ!

Второе стихотвореніе, написанное имъ ради шутки, посвящено одному изъ сыновей знаменитаго В. В. Самойлова; онъ, будучи молодымъ въ то время архитекторомъ, написалъ большую пятиактную піесу и, благодаря своему отцу, добился постановки этой піесы на

сценѣ Александринскаго театра, при чемъ В. В. Самойловъ игралъ въ ней главную роль и заранѣе рекламировалъ произведеніе сына-архитектора. Послѣ перваго представленія этой комедіи П. А. Каратыгинъ написалъ:

Готовились вы піесу сочинить,
 Чтобъ ей вся публика дивилась,
 Но и друзья не станутъ васъ хвалить,
 Піеса ваша провалилась.
 Таланта много нужно и ума
 Для возбужденія интереса,
 Не стройте же по крайности дома
 Такъ, какъ построена піеса.

II.

Ю. Н. Линская.—Н. В. Самойлова I.—П. И. Орлова.—А. И. Шубертъ.—Ф. А. Свѣткова З.—Молитва неутѣшныхъ влюбленныхъ.—Борисова.—Е. В. Владимірова.—Е. О. Оедорова.—Е. П. Струйская I.—А. К. Брошель.—Режиссеръ А. А. Яблочкинъ.—Характеристика А. А. Яблочкина.—Письмо А. Н. Островскаго по поводу постановки его хроники «Димитрій Самозванецъ».—Насажденіе Яблочкинымъ оперетки на русскую сцену.—Пѣвцы поневолѣ.—Жена и дочь Яблочкина.—Побѣгъ режиссера въ Тифлисъ.—Его отставка.—Письмо И. И. Монахова.

Говоря въ моихъ воспоминаніяхъ о знаменитыхъ русскихъ артистахъ, я обошелъ молчаніемъ одну изъ величайшихъ актрисъ, обладавшую талантомъ первой величины, которую по справедливости многіе величали Мартыновымъ въ юбкѣ... это Юлію Николаевну Линскую.

Ученица знаменитаго нѣкогда князя А. А. Шаховскаго, Ю. Н. Линская ярче другихъ остается въ моей памяти, такъ какъ мнѣ довелось почти 20 лѣтъ рядомъ играть съ ней вмѣстѣ въ однѣхъ и тѣхъ же пьесахъ. Хотя, играя почти ежедневно, я не могъ часто восхищаться ея талантомъ, сидя въ зрительной залѣ, но за то, участвуя съ ней вмѣстѣ въ такихъ пьесахъ, какъ «Доходное мѣсто», «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», «Воспитанница», «На всякаго мудреца довольно простоты», и во множествѣ другихъ, какъ Островскаго, такъ и иныхъ авторовъ, я стоя или сидя съ нею рядомъ у рампы, на сценѣ, поражался ея рѣдкимъ, удивительнымъ дарованіемъ. Ничего подобнаго Линской послѣ ея смерти я не встрѣчалъ до сей минуты ни на одной сценѣ.

Ю. Н. Линская была женщина весьма невзрачная, небольшого роста, съ самымъ обыкновеннымъ лицомъ и съ молодости носила парикъ. Нервно грызла всегда свои ногти и имѣла привычку, даже потребность, чистить зубы нюхательнымъ табакомъ. Одѣвалась постоянно, по крайней мѣрѣ, когда я ее зналъ, очень бѣдно и плохо.

За то органу ея чуднаго голоса, экспрессіи и мимики ея лица на сценѣ могли позавидовать лучшія изъ артистокъ. У нея были роли, которыя съ ея смертью не находили даже подходящихъ къ ней исполнительницъ. Такова, на примѣръ, была роль экономки Марѣи Петровны въ комедіи А. Потѣхина «Въ мутной водѣ». Ю. Н. Линскую нельзя было хвалить за ея исполненіе этой роли, надо было только удивляться, до чего природа можетъ наградить женщину сценическимъ талантомъ; почти то же надо сказать объ исполненіи Линской роли Кабанихи въ знаменитой «Грозѣ» Островскаго.

Несмотря на огромный талантъ, Ю. Н. Линская по своей безхарактерности, легковѣрью, простотѣ и всевозможнымъ несчастнымъ обстоятельствамъ домашней жизни заслуживаетъ, какъ никто, искренняго сожалѣнія и участія. Ея жизнь была полна разнообразными измѣненіями ея положенія, и конецъ былъ самый грустный и печальный. Она была нѣкоторое время и богата и извѣстна, а потомъ и бѣдна, и оскорбляема, и заброшена всѣми, кому прежде благодѣтельствовала.

Изъ ея прошлой артистической жизни, когда я узналъ ее въ концѣ 50-хъ годовъ, мнѣ извѣстно только, что она нѣкогда училась драматическому искусству въ императорскомъ театральномъ училищѣ и была оттуда исключена за неспособность. Какъ ей удалось потомъ дебютировать въ «Парашѣ Сибирячкѣ» Полевого и поступить на Александринскую сцену, я не знаю; вѣрно только то, что она вышла потомъ замужъ за богача купца И. С. Громова и оставила на дѣлхъ три года службу при дирекціи, поселившись въ купеческой раскольничьей семьѣ своего мужа.

Недолго длилось ея замужество съ Громовымъ; онъ умеръ еще молодымъ человѣкомъ, оставивъ ей по завѣщанію отличное состояніе, которое, благодаря друзьямъ и пріятелямъ слабохарактерной Юліи Николаевны, было у нея расхищено и отобрано.

Насмотрѣвшись во время своего замужества съ Громовымъ на всѣ прелести и тонкости купеческой жизни, Линская вновь поступила на сцену и съ бѣльшимъ еще умѣніемъ и, разумѣется, успѣхомъ начала передавать типы купческаго быта въ комедіяхъ Островскаго и другихъ подобныхъ ему писателей.

Я упомянулъ о слабомъ и довѣрчивомъ характерѣ Юліи Николаевны и сказалъ, что по дошедшимъ до меня слухамъ ее обобрали, какъ липку, ея же друзья и пріятели; это, какъ оказывается, и не трудно было совершить, если повѣрить тому, что однажды случилось съ Линской въ уборной Александринскаго театра. Является она однажды въ театръ въ великолѣпныхъ брилліантовыхъ серьгахъ и бесѣдуетъ съ окружающими ее товарками. Одна изъ актрисъ, замѣтивъ чудныя сережки Линской, начинаетъ до небесъ восхищаться ими и со вздохомъ говорить:

— Господи! что бы было со мной, кабы у меня когда нибудь были такія серьги?

— А что жъ бы было?—недоумѣвая, спрашиваетъ простодушная Линская.

— Что?.. Да я бы, кажется, не пережила, умерла бы отъ такого счастья!

— Неужели?! — воскликнула, догадавшись, въ чемъ дѣло, Юлія Николаевна.—Душечка! Ангелъ мой! Ради Бога не умирайте!! Лучше доставьте мнѣ счастье и позвольте мнѣ подарить ихъ вамъ. Умоляю васъ... возьмите!!.—и, быстро вынувъ серьги изъ ушей, бросилась чуть не на шею къ актрисѣ.

Какъ та ни отвѣчивалась отъ дорогого подарка, Линская со слезами на глазахъ заставила ее взять свои серьги, въ знакъ огромнаго для нея одолженія. Немудрено, что съ такимъ характеромъ она умерла почти нищей.

Главной и интимной пріятельницей у Юліи Николаевны состояла театральная старожиха Александринскаго театра, прослужившая при женскихъ уборныхъ болѣе 30 лѣтъ; ее звали Александрой. Это была олицетворенная фурія съ виду, имѣвшая огромное вліяніе на Линскую. Говорили, что Линская должна ей по-горло, а потому и не выходила изъ повиновенія милой Сашеньки, какъ она обыкновенно называла свою кредиторшу. Ю. Н. Линская была большая чудиха и, будучи нервной и болѣзненной женщиной (она часто ѣла лимоны, какъ другіе ѣдятъ персики или сливы), ужасно боялась ѣздить по улицамъ, не только на извозчикахъ, но даже въ казенныхъ каретахъ. Большею частью она всегда, не только послѣ репетицій, но даже поздно вочеромъ, послѣ спектаклей, возвращалась домой пѣшкомъ, несмотря ни на какую погоду.

Мнѣ помнится, однажды, въ августѣ 1866 года, мы были приглашены въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, въ лагерь Краснаго Села, играть спектакль въ день полкового праздника. Погода съ утра была убійственная, шелъ непрерывный дождь, вѣтеръ и холодъ были ужасные. Спектакль окончился довольно поздно, и надо было возвращаться къ вокзалу желѣзной дороги, чтобы ѣхать домой; лагерь отстоялъ весьма далеко отъ станціи. Линскую нельзя было уговорить сѣсть въ экипажъ, чтобы доѣхать до вокзала; она предпочла нанять себѣ солдата, который, взявъ ее подъ руку, проводилъ пѣшкомъ черезъ затопленное дождемъ военное поле, чуть не по колѣно въ водѣ. Надо было удивляться, какъ она осталась жива, вернувшись домой, вся промокшая до костей.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, всѣ служащіе за кулисами Александринскаго театра были изумлены извѣстіемъ, что Ю. Н. Линская выходитъ замужъ за нѣкогого Абрамова, молодого человѣка, большого роста, съ длиннымъ носомъ, бывшаго недавно юнкеромъ или офицеромъ, котораго не разъ уже видали за кулисами, и онъ бы-

валь ею рекомендованъ многимъ, не какъ женихъ, а какъ ея племянникъ. Незадолго до того, чтобы сочетаться бракомъ, Ю. Н. Линская начала въ дирекціи хлопотать о дебютѣ и приѣмѣ на службу своего будущаго мужа. Ей это удалось; онъ выступилъ на сцену въ ея бенефисъ въ пьесѣ «Мастеровой», подъ фамиліей Аграмова и всѣми неправдами былъ зачисленъ въ труппу Александринскаго театра. Выйдя, наконецъ, замужъ, Линская всѣми силами, просьбами и чуть не слезами добилась, что г. Аграмову стали поручать весьма видныя роли. Самоувѣренности же, храбрости и самомиѣнія у него хватило бы на цѣлую труппу подобныхъ ему артистовъ.

Ю. Н. до того была увлечена дарованіемъ своего молодого мужа, что, будучи комической актрисой, ставила однажды въ свой бенефисъ «Гамлета» въ переводѣ Полевого, чтобы доставить Аграмову случай отличиться въ заглавной роли, а сама, какъ бенефициантка, вмѣстѣ съ нами играла, послѣ трагедіи, чуть не во 2-мъ часу ночи комедію «Кохинкинка». Вотъ до чего доводило ея увлеченіе!!!

Но... недолго продолжалось супружеское счастье Юліи Николаевны; молодой супругъ, достигнувъ черезъ нее всего, чего могъ, сталъ къ ней до того равнодушенъ, что началъ видимо для всѣхъ обращаться съ ней грубо, неделикатно, даже жестоко, ставя эту талантливѣйшую женщину въ самое жалкое и глупое положеніе. Наконецъ покинулъ ее для другой женщины и уѣхалъ играть въ Тифлисъ, разставшись съ нею навсегда.

Несмотря на большое содержаніе, получаемое Ю. Н. Линской отъ дирекціи, вслѣдствіе огромныхъ ея долговъ и безжалостныхъ кредиторовъ, матеріальное положеніе ея было во истину ужасно; у нея отнимали послѣдній грошъ, и она, несмотря на свой колоссальный талантъ, любовь къ ней публики, умерла одинокой въ самой жалкой бѣдственной обстановкѣ. Она скончалась въ 1871 году и похоронена на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря, гдѣ на могилѣ ея поставленъ прекрасный памятникъ на средства родственника ея перваго мужа, покойнаго богача Ильи Ѳедуловича Громова. Аграмовъ же, долгое время находясь на провинціальныхъ сценахъ, приобрѣлъ себѣ извѣстность, какъ выдающійся режиссеръ и театральнй администраторъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ также отправился къ праотцамъ.

Въ 1856 г. я засталъ на Александринской сценѣ извѣстнѣйшихъ въ свое время актрисъ, Надежду Васильевну Самойлову I (Макшеева), Прасковью Ивановну Орлову и сестру ея Александру Ивановну Шубертъ; послѣдняя въ то время очень недолго прослужила при мнѣ; она и тогда уже очень состарилась для ролей наивныхъ дѣвушекъ, которыхъ играла безподобно, и вышла со службы. Спустя же много лѣтъ, при вступленіи въ правители русской сцены А. А. Потѣхина, она вновь на старости лѣтъ поступила на службу, но недолго пробыла на ней, такъ какъ по своей глупотѣ и тщедуш-

ной наружности не могла съ должнымъ успѣхомъ играть роли старыхъ барынь и купчихъ, на которыя имѣла претензіи.

Н. В. Самойлова до своего ухода съ императорской сцены не имѣла храбрости и силы воли перемѣнить амплу молодыхъ женщинъ и дѣвицъ и оставалась на этихъ роляхъ до своего прощальнаго бенефиса. Она прощалась съ публикой, умѣвшей оцѣнить ея прекрасный талантъ, въ драмѣ Родиславскаго «Разставанье» и опереткѣ «Дочь 2-го полка», гдѣ она превосходно играла роль Маріи. Спектакль былъ триумфальный.

Надежда Васильевна Самойлова была одна изъ превосходнѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ актрисъ своего времени. Глядя на ея изящную, художественную игру, можно было забыть объ ея лѣтахъ и далеко некрасивой наружности. Талантъ ея выказывался въ каждомъ словѣ, произнесенномъ ею на сценѣ, въ каждомъ романсѣ или куплетѣ, которые она умѣла пѣть, какъ не многія.

П. И. Орлова, бывшая долгое время украшеніемъ Московскаго театра, была также первостепенною артисткой и, несмотря на нѣкоторую холодность, въ которой ее обвиняли, всегда умно и изящно исполняла свои роли. Она до сихъ поръ здравствуетъ, проживая въ городѣ Осташковѣ, Тверской губерніи, гдѣ по выходѣ со сцены вышла замужъ за извѣстнаго тамъ фабриканта Савина. Въ свое время П. И. была красивая и видная женщина на сценѣ.

Пора перейти къ молодымъ артисткамъ, бывшимъ болѣе или менѣе извѣстное время на сценѣ въ качествѣ премьершъ и игравшимъ героини въ драмѣ и комедіи.

При моемъ поступленіи въ 1856 г. въ драматическій классъ императорскаго театральнаго училища, гдѣ учителемъ состоялъ В. П. Василько-Петровъ, я засталъ этотъ классъ въ самомъ блестящемъ видѣ; изъ находящихся въ то время тамъ учениковъ и ученицъ можно было составить превосходную молодую труппу, которая бы сдѣлала честь любому нынѣшнему театру. Не говоря про красоту бывшихъ въ этомъ классѣ воспитанницъ, вольноприходящихъ ученицъ, многія изъ нихъ обладали неподдѣльнымъ дарованіемъ, которое онѣ съ честью оправдали, поступивъ потомъ на большую сцену.

Главной яркой звѣздой этого класса была несомнѣнно воспитанница Фанни Александровна Снѣткова 3-я (у нея были еще двѣ сестры, служившія при театрѣ), Борисова (Нагель), экстерная ученица, имѣвшая послѣ своего дебюта большой успѣхъ на Александринской сценѣ, играя роли бойкихъ и кокетливыхъ особъ въ комедіяхъ и въ водевиляхъ съ пѣніемъ; моя покойная жена, воспитанница Подобѣдова II, и также въ то время воспитанница В. В. Стрѣльская, игравшая замѣчательно хорошо роли субретокъ и понынѣ одна изъ лучшихъ комическихъ актрисъ на Александринской сценѣ. Кромѣ здѣсь названныхъ будущихъ артистокъ, въ классѣ

находилась экстерной ученицей Елена Павловна Струйска, бывшая впоследствии долгіе годы первой актрисой Александринской сцены до 1874 г., въ который появилась изъ провинціи М. Г. Савина.

Когда я вступилъ въ классъ Василько-Петрова, онъ вкупѣ съ начальникомъ репертуара и управляющимъ училищемъ, П. С. Оедоровымъ, были крайне озабочены приготовленіемъ дебюта на большой сценѣ для Фанни Александровны Снѣтковой, которую пора уже было выпустить изъ училища. Кстати надо замѣтить, что настоящее имя, данное при крещеніи этой симпатичнѣйшей артисткѣ, было не Фанни, а Оедосья; но по ея изящной наружности и красотѣ, при первомъ же ея появленіи въ школу, всѣ ея сверстницы и подруги переименовали ее изъ Оедосьи въ Фанни, находя, что данное ей имя не подходитъ къ такой красавицѣ, и имя Фанни осталось за ней навсегда.

Въ тѣ времена, не такъ легко, какъ теперь, разрѣшались дебюты начинающимъ артистамъ. Прежде чѣмъ воспитанникъ или воспитанница удостоятся дебюта на большой сценѣ, переберутъ дюжины всевозможныхъ для нихъ ролей, которыя заставятъ прежде стиграть ихъ, еще для пробы, на школьной сценѣ, и только послѣ долгихъ мытарствъ и совѣщаній положить окончательное рѣшеніе. Я это испыталъ на себѣ при моемъ первомъ дебютѣ 5-го октября 1860 года.

Все сказанное происходило и съ предполагавшимся дебютомъ Ф. А. Снѣтковой. На школьной сценѣ для нея репетировалось множество пьесъ, въ особенности я помню одну драму—«Дочь адвоката», но все приготовляемое не нравилось управляющему училищемъ. Наконецъ, нашли старинную драму «Владиміръ Загребскій» и въ ней выпустили талантливую дебютантку. Не довѣряя профессорскимъ способностямъ своего учителя Василько-Петрова, Ф. А. Снѣткова нашла возможность передъ своимъ дебютомъ инкогнито отъ учителя взять нѣсколько уроковъ у знаменитой Вѣры Васильевны Самойловой (Мичуриной), игравшей нѣкогда эту самую роль съ покойнымъ трагикомъ В. А. Каратыгинымъ. Съ Ф. А. Снѣтковой при ея дебютѣ за Каратыгина игралъ актеръ П. С. Степановъ и игралъ очень плохо; но, несмотря на ходульность самой пьесы и игру Степанова, Ф. А. Снѣткова имѣла рѣдкій блестящій успѣхъ; она сразу завоевала себѣ симпатіи публики, всѣхъ авторовъ и окружающихъ ее актеровъ.

Съ этого дебюта на нее градомъ посыпались всѣ главные роли, какъ въ трагедіяхъ и драмахъ, такъ и въ комедіи и даже въ одноактныхъ веселыхъ пьескахъ. Она сдѣлалась царицей Александринской сцены; безъ ея участія немислимъ былъ ни одинъ бенефисъ, а ихъ можно было насчитать въ то время больше двадцати въ каждомъ сезонѣ. Она первая играла Катерину въ «Грозѣ» Островскаго и играла превосходно, рядомъ съ такими артистами, какъ геніальный А. Е. Мартыновъ и талантливѣйшая Ю. Н. Линская.

Трудно въ настоящее время сдѣлать подробный отчетъ сыгранныхъ Ф. А. Сяѣтковой роляхъ, но надо сказать по чести, что всѣ роли, игранныя этой артисткой, были переданы ею, если не всегда вполне художественно, то всегда прекрасно, съ полнымъ вниманіемъ къ своей задачѣ. Не кичась никогда своимъ исключительнымъ блестящимъ положеніемъ въ театрѣ, она строго относилась къ своему дѣлу и до самаго ухода со сцены постоянно училась у авторитетныхъ артистовъ своего времени. Не дурно было бы нынѣшнимъ знаменитостямъ хотя немного позаимствоваться въ этомъ у прежнихъ артистовъ. Кромѣ своихъ сценическихъ успѣховъ, Ф. А. Сяѣткова, благодаря своей привлекательности и красотѣ, была кумиромъ для своихъ многочисленныхъ поклонниковъ. Въ нее поголовно влюблялись и старики и молодые; по ней страдали не только люди изъ публики, но большинство авторовъ, администраторовъ и актеровъ. Не говоря про молодыхъ лсдей, старики, съ ума сходя отъ нея, предлагали ей свои руки и сердца.

Одинъ изъ серьезнѣйшихъ людей, ярый ея поклонникъ, нашъ актеръ и въ то же время драматическій писатель, И. Е. Чернышевъ, проклиная свою неудавшуюся любовь къ Ф. А., глумился надъ собой и своими соперниками до того, что однажды переложилъ извѣстное стихотвореніе Пушкина «Молитва гусаровъ» на другую «Молитву неутѣшныхъ любовниковъ» въ такой редакціи:

Молимся мы грѣшныя,
 Любовники неутѣшныя,
 Мать Пресвятая Богородица,
 И Феодосія, Божія угодница,
 Услышите наше искренне слово!
 Да избавится г-жа Сяѣткова:
 Малышева—отважности,
 Самойлова—важности,
 Нильскаго—измѣнчивости,
 Чернышева—застѣнчивости;
 Потѣхина—краснорѣчія,
 Перфильева—чистосердечія;
 Философова—долготерпѣнія,
 Кавелина—слезотеченія,
 Бранденбурга—чистоты
 И Бурдина—красоты.

Къ сожалѣнію всѣхъ любящихъ театръ, Ф. А. Сяѣткова недолго оставалась на службѣ императорскаго театра; она вышла замужъ за Сергѣя Степановича Перфильева и, покинувъ петербургскую сцену, навсегда переселилась на жительство въ Москву. Съ уходомъ ея со службы ампула первой актрисы оставалось довольно долго свободнымъ; хотя и замѣняли ее актрисы въ родѣ Е. В. Владиміровой (Рудь), Е. Ѳ. Ѳедоровой, бывшей прежде лучшей наѣздницей императорскаго цирка, но онѣ мало оставили воспоминаній о своей арти-

стической дѣятельности. Е. В. Владимірова была дочерью главной надзирательницы императорскаго училища г-жи Рулье; при молодости, весьма красивой, изящной наружности, прекрасномъ воспитаніи и вполне аристократическихъ манерахъ и умѣннѣ держать себя на сценѣ, она никогда не могла достигнуть въ половину равнаго съ Ф. А. Снѣтковой себѣ успѣха въ публикѣ. Почему?— сказать трудно; но всматриваясь въ игру Е. В. Владиміровой, въ ея красивую внѣшность, изящные костюмы, невольно приходили на умъ стихи А. С. Пушкина, сказанные имъ какой-то красавицѣ, къ которой какъ нельзя болѣе подходила Е. В. Владимірова:

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати,
Со счастьемъ у васъ разладъ,
И прекрасны вы не кстати,
И умны вы не впадаютъ!!!

Е. В. Владимірова такъ же, какъ и Ф. А. Снѣткова, вышла замужъ за г. Полибина, а потомъ незамѣтно сшла со сцены и давно забыта всѣми.

Е. В. Ѳедорова была женщина съ очень красивымъ лицомъ, но необыкновенно высокаго роста, такъ что это ей очень мѣшало на сценѣ; передъ ней всѣ актеры казались чуть ли не карликами; кромѣ того, страдая постоянно грудной болью, она съ трудомъ могла играть сильныя драматическія роли; часто ея не было слышно изъ переднихъ рядовъ кресель. Она кончила чахоткой, отъ которой умерла, состоя на службѣ дирекціи.

Чтобы замѣнить Ф. А. Снѣткову, долгое время не появлялось ни одной мало-мальски способной, приличной, молодой актрисы, ни изъ школы, ни изъ провинціи. Репертуаръ же требовалъ актрису на драматическія роли. Что было дѣлать? Пришлось довольствоваться тѣмъ, что было подъ рукой. Вздумали испытать и дали какую-то роль очень симпатичной, красивой, но далеко незамѣтной актрисѣ, игравшей до того самыя незначительныя роли въ небольшихъ пьесахъ, Еленѣ Павловнѣ Струйской I-й (у нея служили еще въ театрѣ двѣ сестры). Она, сыгравъ недурно данную ей роль, начала понемногу играть болѣе отвѣтственныя роли и обнаружила въ своей игрѣ много чувства и теплоты. Къ ея счастью, очень кстати явилась вскорѣ драма покойнаго В. Дьяченко «Свѣтскія ширмы», въ которой благодарнѣйшую и блестящую роль героини отдала также Е. П. Струйской, она ее сыграла очень хорошо и имѣла въ ней огромнѣйшій успѣхъ, послѣ котораго и заняла всѣ главныя роли первой актрисы.

Играла она ихъ старательно, какъ могла и насколько хватало ея средствъ, а главное слезъ, на которыя она была очень щедра. Публика къ ней привыкла, и она стала любимой актрисой александринской публики. Въ обыденной жизни Е. П. Струйская была прелестьѣйшей безукоризненно-доброй дѣвушкой, прекраснымъ и до-

брымъ товарищемъ всѣхъ артистовъ. Ей извинялись многіе промахи и недостатки на сценѣ, которыхъ у нея, какъ и у всѣхъ, было немало. Напримѣръ, она часто дѣлала на сценѣ такія оговорки, которыя невольно вызывали улыбки, а иногда и смѣхъ; покойный же В. В. Самойловъ не разъ говорилъ, что она наступаятъ себѣ на языкъ.

Въ какой-то роли она однажды въ самомъ патетическомъ мѣстѣ, громко, сама того не замѣчая, со слезами въ голосѣ, произнесла вмѣсто словъ:

«Бѣдная графиня, какое ея страшное положеніе!»

«Бѣдная графиня, какое ея страшное положуніе!»

Въ драмѣ «Сумасшествіе отъ любви», играя безчисленное множество разъ роль влюбленной королевы, она въ одномъ изъ актовъ, выходя быстро и энергично на сцену со словами: «Дорогу королевѣ!!!» всякій разъ произносила эти слова такъ: «Дорогу королеви!!!» и сама никогда не могла этого уловить и исправить.

Играя на сценѣ всегда нервно и порывисто, Е. П. Струйская часто забывала обо всемъ окружавшемъ ее, чѣмъ иногда ставила актера, игравшаго съ нею обожаемаго мужа или любовника, въ не совсѣмъ ловкое положеніе. Не забуду, напримѣръ, какъ иногда, ведя со мной сцену въ драмѣ «Гражданскій бракъ» при нѣжномъ и любовномъ объясненіи, сидя на диванѣ и выражая свою любовь къ гражданскому мужу, Е. П. Струйская до того увлекалась словами роли, что незамѣтно для себя брала меня за ухо и, крѣпко его сжимая, произносила самыя нѣжныя слова. Не ожидая такой нѣжности, шепчешь ей бывало: «Елена Павловна!!! Ухо... ухо... оставьте!.. Ради Бога... бросьте!!!», но она и ухомъ не ведеть, продолжая съ чувствомъ свой монологъ.

Въ патетическихъ мѣстахъ драмы Е. П. всегда давала волю своимъ порывистымъ движеніямъ и, бросаясь въ объятія и обнимая дѣйствующее съ нею лицо, нерѣдко срывала съ него парикъ, бороду или шапку. Играя съ нею жениха въ «Русской свадьбѣ» Сухонина, въ самой послѣдней сценѣ, когда женихъ узнаетъ, что его невѣста, лицо которой ему показали и на которой его насильно женили, та самая особа, въ которую онъ влюбленъ, и выражаетъ свой восторгъ, Е. П. Струйская до того порывисто бросилась мнѣ на шею, что чуть не сорвала съ меня парикъ, и я передъ самымъ опущеніемъ занавѣса, вмѣсто словъ: «Ненаглядная моя... радость... жизнь!!!» чуть не во все горло, не помня ничего, закричалъ только одно слово: «парикъ!!!».

В. В. Сомойловъ, которому часто приходилось играть со Струйской, до того опасался ея порывистыхъ движеній, что въ сильныхъ сценахъ, какъ, напримѣръ въ пьесѣ «Ледяной Домъ», гдѣ онъ игралъ Волынскаго, боясь, чтобы она не сорвала съ него парика или шляпы, въ любовныхъ сильныхъ сценахъ, хваталъ ее за обѣ руки и не выпускалъ ихъ изъ своихъ, пока она не кончала своего горя-

чаго монолога. Несмотря на все это, Е. П. Струйская пользовалась успѣхомъ и была весьма долго никѣмъ не замѣнима на Александринской сценѣ. Въ промежутокъ этого времени промелькнулъ на театральномъ горизонтѣ метеоръ или звѣздочка, чудный, рѣдкій, молодой талантъ и дарованіе, въ лицѣ бывшей воспитанницы театральнаго училища Александры Карловны Брошель. Она была не особенно красивой внѣшности, небольшого роста, съ большими, надо отдать, справедливость чудными близорукими глазами и только; но въ этой дѣвушкѣ таилась истинная искра божія драматическаго таланта. Послѣ удачнаго дебюта, публика сразу оцѣнила выдающійся талантъ А. К. Брошель, и она на первыхъ же своихъ шагахъ на сценѣ сдѣлалась любимой актрисой. Ея исполненіе ролей: Марьи Андреевны въ «Бѣдной невѣстѣ» и Аннушки въ пьесѣ «На бойкомъ мѣстѣ» Островскаго выше всякихъ похвалъ; она имѣла въ нихъ колоссальный, вполне заслуженный успѣхъ.

Очень жаль, что А. К. Брошель такъ скоро кончила свою блестящую карьеру и, удалясь со сцены, вслѣдствіе неудачныхъ семейныхъ обстоятельствъ, очень рано покинула свѣтъ Божій и скончалась, оставивъ самыя лучшія о себѣ воспоминанія.

Е. П. Струйская начала страдать спазматическими болями горла и, выйдя замужъ, также кинула службу, уступивъ свое мѣсто появившейся въ 1874 г. изъ провинціи М. Г. Савиной, которая, скоро уже 25 лѣтъ, единолично царитъ на сценѣ Александринскаго театра.

Послѣ смерти бывшаго долгое время режиссеромъ Е. И. Воронова и долгихъ обсужденій у начальства, кого сдѣлать режиссеромъ, по желанію П. С. Ѳедорова былъ назначенъ въ главные режиссеры актеръ Александръ Александровичъ Яблочкинъ, который еще до поступленія Воронова на эту должность режиссерствовалъ на сценѣ Александринскаго театра много лѣтъ тому назадъ. Такъ какъ это было до моего поступленія въ театръ, то я и не могу подробно разсказать, по какимъ причинамъ Яблочкинъ лишился тогда этого мѣста. Знаю только по слухамъ, что его отставка сопровождалась какимъ-то изряднымъ въ то время скандаломъ за кулисами. Кто говорилъ, что всему причиной были женщины, до которыхъ режиссеръ былъ надокъ, а кто—какое-то личное оскорбленіе, нанесенное ему на сценѣ опернымъ пѣвцомъ Артемовскимъ. Такъ или иначе, онъ, лишась режиссерской должности, уѣхалъ изъ Петербурга и, долго странствуя по провинціи, опять поступилъ въ актеры Александринскаго театра и вновь возведенъ въ санъ главнаго режиссера.

А. А. Яблочкинъ былъ человѣкъ юркій, подвижный, очень способный для театральнаго дѣла, но съ невозможнымъ характеромъ, чисто бабьяго нрава, любилъ сплетни, пересуды и имѣлъ страсть участвовать во всѣхъ дѣлахъ, до него ничѣмъ не касавшихся. Ни съ кѣмъ нельзя было такъ легко подружиться, какъ съ нимъ.

За кулисами никто такъ не помогаль всякимъ смутамъ, неудовольствіямъ и ссорамъ между служащими, какъ А. А. Яблочкинъ и его невоздержный языкъ. При исправленіи имъ должности за режиссера была бездна всякихъ неудовольствій и непріятностей между артистами и имъ. Стоило кому бы то ни было прійти къ нему и сказать, что такой-то или такая-то, съ которыми онъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, бранили его или сказали вотъ то-то, чтобы онъ, не разобравъ, въ чемъ дѣло, и не провѣривъ его, моментально начиналь противъ того всякія козни.

Я на себѣ испыталъ его милый характеръ, какъ однажды по какимъ-то непонятнымъ для меня причинамъ онъ пожелалъ поссорить меня съ А. Н. Островскимъ, который, зная меня съ дѣтства, до своей кончины баловаль меня и дружбой и расположеніемъ. Расскажу случай, справедливость котораго можетъ подтвердить подлинное ко мнѣ письмо А. Н. Островскаго, помѣщаемое здѣсь.

Одинъ разъ, во время своего очень короткаго пребыванія въ Петербургѣ, не успѣвъ повидаться со мной лично, А. Н. Островскій, встрѣтясь съ Яблочкинымъ, поручилъ ему спросить у меня, не пожелаю ли я взять на свой предстоящій бенефисъ его хронику «Димитрій Самозванецъ», изъ которой роль Димитрія онъ давно предлагаль мнѣ играть.

Яблочкинъ, задумавъ нѣчто противъ меня, передалъ мнѣ это порученіе автора на ходу, между прочимъ, на репетиціи, не придавъ ничего серьезнаго этому вопросу. Я тутъ же спрашиваю у него, какъ у главнаго режиссера:

— Скажите, а дадутъ ли намъ постановку для пьесы?

— Никакой,—возразилъ лаконически онъ мнѣ.—У дирекціи нѣтъ теперь на это никакихъ денегъ.

— Въ такомъ случаѣ, что же я могу отвѣтить Александру Николаевичу? Это дѣло значить не возможно,—сказаль я ему.

Въ какой формѣ и выраженіяхъ успѣль Яблочкинъ передать этотъ разговоръ Островскому, мнѣ неизвѣстно, но только, спустя недолгое время, до меня дошли слухи, что Александръ Николаевичъ очень мною недоволенъ и гдѣ-то въ обществѣ высказываль свое неудовольствіе на меня за мой несовсѣмъ вѣжливый отвѣтъ на его предложеніе. Кромѣ того, совершенно сюрпризомъ, мнѣ стало положительно извѣстно, что пьесу будутъ ставить для бенефиса Е. Н. Жулевой и роль Димитрія предполагають отдать Монахову. Я немедленно написалъ въ Москву къ Островскому и просилъ его объяснить мнѣ эту путаницу и разъяснить его незаслуженный на меня гнѣвъ. На это я вскорѣ получилъ отъ Островскаго нижеслѣдующее письмо:

«31-е декабря 1871 года
«Москва.

«Милостивый государь,

«Александръ Александровичъ.

«Письмо, которое я получилъ отъ васъ, меня очень удивило. Дѣло о постановкѣ «Самозванца» происходило на моихъ глазахъ и не совсѣмъ такъ, какъ вы его излагаете.

«По приѣздѣ въ Петербургъ, я былъ у Павла Степановича, отъ котораго узналъ, что постановка «Самозванца» разрѣшена директоромъ; ватѣмъ я поспѣшилъ видѣться съ режиссеромъ. На вопросъ мой, когда можно будетъ поставить мою пьесу, г. Яблочкинъ отвѣчалъ, что времени для постановки нѣтъ, что пьесу поставить иначе, какъ въ бенефисъ, некогда. Узнавъ, что вашъ бенефисъ назначенъ 4-го февраля, и что выборъ еще вами не сдѣланъ, я сказалъ г. Яблочкину (передаю вамъ слово въ слово): я постараюсь увидать какъ можно скорѣе Нильскаго и переговорить съ нимъ. Я очень радъ, что могу предложить ему пьесу и роль «Самозванца». На это г. Яблочкинъ передалъ мнѣ (передаю слово въ слово), что этого не нужно, что онъ увидитъ васъ въ тотъ же вечеръ, и что лучше онъ самъ переговоритъ съ вами и о послѣдствіяхъ разговора сейчасъ же меня увѣдомитъ. Отвѣта я ждалъ довольно долго, а между тѣмъ я всѣмъ своимъ знакомымъ говорилъ, что пьеса пойдетъ у васъ въ бенефисъ, и что «Самозванца» будете играть вы. Я былъ въ этомъ почти увѣренъ, тѣмъ болѣе, что и Павелъ Степановичъ, когда я съ нимъ совѣтовался, кому отдать роль «Самозванца», прежде всего указалъ мнѣ на васъ.

«Наконецъ, прождавъ напрасно нѣсколько дней увѣдомленія отъ г. Яблочкина, я отправился къ нему на репетицію. Тамъ я услышалъ отъ него, что вы уже имѣете пьесу для бенефиса, и отъ моей отказываетесь, но что за вашимъ бенефисомъ слѣдуетъ бенефисъ г-жи Жулевой, которая, вѣроятно, согласится взять мою пьесу. Вслѣдствіе этого я и обратился къ г-жѣ Жулевой. О прежнихъ ея правахъ на мою пьесу, современныхъ графу Борху, я узнаю первый разъ изъ вашего письма.

«Роли «Самозванца» я не назначалъ; я написалъ васъ и Монахова, предоставляя назначеніе репертуарному начальству. Вотъ причины, почему я такъ поступилъ: 1-е, предлагая вамъ пьесу для бенефиса, я предлагалъ вамъ и роль «Самозванца»; г. Яблочкинъ, передавая мнѣ вашъ отказъ, такой сухой, не сказалъ мнѣ, что вы желаете, по крайней мѣрѣ, удержать за собой роль. И въ вашемъ отказѣ и въ самой формѣ его я видѣлъ какую-то совершенно необъяснимую для меня неприязненность съ вашей стороны и потому вправѣ былъ предполагать, что вы откажетесь и отъ роли. Я ни-

когда не навязывалъ своихъ пьесъ, ихъ артисты брали охотно; вашъ отказъ, согласитесь сами, мнѣ былъ несовсѣмъ пріятенъ; чтобы не подвергать себя новой непріятности, я долженъ былъ искать кого нибудь, кто бы могъ замѣнить васъ, въ случаѣ вашего отказа отъ роли. 2-е, г. Монахова, какъ артиста, я не знаю, я не видѣлъ его ни разу на сценѣ, только вслѣдствіе разговора съ Павломъ Степановичемъ, который для роли «Самозванца» указалъ мнѣ, во-первыхъ, на васъ, а потомъ на Монахова, я поставилъ и его въ распределеніе.

«Послѣднія строки вашего письма для меня совершенно непонятны. Вы пишете, что вы думали, будто ваше участіе въ моей пьесѣ мнѣ будетъ несовсѣмъ пріятно. По какому поводу вы могли такъ думать, когда я вамъ предлагалъ главную роль? Если я не сдѣлалъ этого самъ лично, то единственно потому, что былъ удержанъ г. Яблочкинѣмъ, который хотѣлъ предварительно переговорить съ вами. Вы пишете, что уступили мою пьесу г-жѣ Жулевой. Какимъ образомъ вы теперь уступаете пьесу, отъ которой вы еще прежде, когда я былъ въ Петербургѣ, рѣшительно отказались? Иначе, какъ же я могъ бы предлагать пьесу г-жѣ Жулевой? Притомъ же это послѣднее предложеніе сдѣлано мною по совѣту г. Яблочкина, который мнѣ передалъ о вашемъ отказѣ и который безъ всякаго сомнѣнія, подтвердитъ вамъ справедливость всѣхъ моихъ словъ. Если для васъ этого свидѣтельства мало, то я могу представить и другія, самыя убѣдительныя.

«Я понимаю, что артистъ, любящій свое дѣло, встрѣчаетъ иногда и огорченія и досады; но позвольте въ этомъ случаѣ посовѣтовать вамъ найти дѣйствительныхъ виновниковъ вашего огорченія и на нихъ обратить свое негодованіе. Я же съ своей стороны сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать авторъ для уважаемаго имъ артиста, т. е. съ радостью предлагалъ вамъ и пьесу для бенефиса и главную роль въ ней.

«Я никогда не имѣлъ ничего противъ васъ и теперь не имѣю. Вы пишете, что въ послѣднее время не играете въ моихъ пьесахъ; увѣряю васъ, что это произошло совершенно случайно, а главное то, что вамъ и жалѣть объ этомъ не стоитъ ни въ отношеніи артистическаго самолюбія, ни даже просто въ матеріальномъ отношеніи. Въ послѣднее время каждая моя пьеса на петербургской сценѣ падаетъ, и авторъ получаетъ за нихъ не болѣе 300 рублей въ годъ; что же за радость артистамъ играть въ нихъ!

«Мнѣ очень жаль, уважаемый Александръ Александровичъ, что я, хотя безъ всякой вины съ моей стороны, подалъ вамъ поводъ заключить о моемъ нерасположеніи къ вамъ. Какъ доказательство противнаго, я теперь же предлагаю вамъ роль въ моемъ новомъ произведеніи такъ же охотно, какъ дѣлалъ это и всегда. Я никакъ не ожидалъ, что ко всѣмъ непріятностямъ, которыя я въ послѣднее

время постоянно испытываю отъ петербургской сцены, присоединятся еще и упреки артистовъ, совершенно мною не заслуженные.

«Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ къ вамъ уважаніи
«А. Островскій».

Вотъ къ какимъ результатамъ повела страсть Яблочкина соорить и мутить людей; при раздачѣ ролей, роль «Самозванца» была въ двухъ экземплярахъ, и получили ее я и покойный Монаховъ съ приглашеніемъ явиться обоимъ намъ на считку въ Александринскій театръ. Когда я узналъ объ этомъ и явился въ театръ, то спросилъ режиссера: который же изъ насъ долженъ первымъ играть въ бенефисъ г-жи Жулевой? Мнѣ на это отвѣтили, что директоръ желаетъ чтобы мы съ Монаховымъ для этого кинули жребій. Я жребія вынимать не хотѣлъ и, отправясь немедленно къ директору С. А. Геденову, объяснилъ ему всю исторію, созданную Яблочкинскимъ, и просилъ окончательно освободить меня отъ исполненія этой роли, поручивъ ее безраздѣльно Монахову.

Директоръ внялъ моей просьбѣ, пьеса пошла безъ моего участія, и, несмотря на то, что Монаховъ придумалъ играть Самозванца, говоря всю роль съ польскимъ акцентомъ, пьеса успѣха не имѣла и скоро была снята съ репертуара. Какая была цѣль у Яблочкина совершить такой кавардакъ, до сихъ поръ остается для меня тайной. Желая получить какое либо разъясненіе, я припомнилъ Яблочкину весь нашъ разговоръ о предложеніи мнѣ пьесы Островскимъ и потомъ показалъ ему письмо послѣдняго, но я ничего не только положительнаго, но даже связнаго получить отъ него не могъ; онъ покраснѣлъ, вскопчилъ и, обругавъ Островскаго, немедленно убѣжалъ отъ меня, какъ ужаленный.

Вотъ какого характера былъ главный режиссеръ Яблочкинъ!

Большой поклонникъ фарса и всякихъ дешевыхъ театральныхъ эффектовъ, Яблочкинъ прославилъ себя тѣмъ, что первый изъ русскихъ артистовъ насадилъ на русскую сцену пресловутую французскую и нѣмецкую оперетку, которая, какъ при немъ, такъ и послѣ него, долгіе годы царила не только въ провинціи, но и на императорской сценѣ, заѣдая репертуаръ лучшихъ авторовъ и окончательно развращая и публику и артистовъ.

Въ погонѣ за хорошими сборами, онъ въ свои бенефисы періодически ставилъ на сцену то «Десять невѣстъ и ни одного жениха» Зуппе, то того же Зуппе «Прекрасную Галатею», то Оффенбаховскаго «Орфея въ аду», гдѣ самъ жужжалъ и леталъ на сценѣ мухой, распѣвая Юпитера, и наконецъ дошелъ до постановки знаменитой «Прекрасной Елены», для чего уговорилъ балетную танцовщицу Вѣру Лядову перейти изъ балета въ драматическую труппу, дабы прославиться въ этой пикантной роли.

Когда означенныя оперетки пришлись по вкусу невзыскательной тогдашней петербургской публикѣ, онъ заполонилъ сцену всевозможной канканной опереточной чепухой.

Онъ недурно зналъ музыку и всякіе водевильные куншттюки, а потому ему легче, чѣмъ кому другому, было орудовать постановкой этой музыкальной галиматїи. Единственно оперетка дѣлала сборы на сценѣ Александринскаго театра; серьезныхъ пьесъ лучшихъ авторовъ никто не желалъ и смотрѣть. Весь Петербургъ только и пѣлъ мотивы Офенбаховской музыки, со словами изъ «Прекрасной Елены»: «чтобы ей угодить», «веселѣй надо жить», да еще «всѣ мы жаждемъ любви, это наша святыня».

Большинство актеровъ, получая поспектакльную плату и видя, что, кромѣ оперетки, имъ играть не придется ничего, волей неволей, не зная ни одной музыкальной ноты, безъ всякаго голоса, бросились играть въ опереткѣ и распѣвали, кто во что гораздъ, разныхъ опереточныхъ героевъ.

Многіе имѣли даже большой успѣхъ, какъ, напримѣръ, тогда еще очень юный Н. О. Сазоновъ. Не учась никогда серьезно музыкѣ, имѣя только прїятный голосъ, онъ по слуху пѣлъ, съ большимъ успѣхомъ, цѣлый репертуаръ всевозможныхъ Анжъ Питу, Парисовъ, Пекилло и всей этой пѣвчей братїи. Что дѣлать?! Запоешь, когда нужно было получать деньги, чтобы существовать; а иначе на сценѣ въ то время получать ихъ было трудно. Трагики и серьезные комики находились тогда въ грустномъ и драматическомъ положенїи.

Вмѣстѣ съ режиссерствомъ Яблочкина замѣтно появились въ лучшихъ роляхъ двѣ актрисы, которымъ онъ искренно протезировалъ: одна изъ нихъ была его жена, Яблочкина 1-я, весьма красивая и молодая въ то время женщина, и другая его дочь отъ перваго брака, Яблочкина 2-я, актриса дѣйствительно съ недюжиннымъ дарованїемъ, совершенный контрастъ своей матихѣ, не отличавшейся большимъ талантомъ. Ради нихъ Яблочкинъ нерѣдко кривилъ совѣстью, въ ущербъ прочимъ актрисамъ. Лучшія и нимало не подходящія къ ней роли онъ отдавалъ своей супругѣ, которая только и отличалась тѣмъ, что имѣла довольно привлекательную внѣшность. Дочь же, хотя была и на самомъ дѣлѣ очень способной и даже талантливой актрисой, благодаря отцу, часто играла роли, вовсе не подходящія къ ея дарованїю и физическимъ средствамъ; ей онъ давались только потому, что были червчуръ выигрышныя въ глазахъ невзыскательной публики. Она въ скоромъ времени завладѣла всѣмъ репертуаромъ лучшихъ ролей и нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно играла превосходно, напримѣръ, «По духовному завѣщанїю» въ пьесѣ Крылова и мн. др.

Яблочкинъ былъ человекъ съ ужасно непостояннымъ характеромъ, любилъ ссорить актеровъ и самъ исподтишка наблюдать и любоваться на эти ссоры и раздоры, которые послѣ известнаго срока самъ же прекращалъ, вмѣшиваясь чуть не со слезами соблаговнванїя и мира поссорившихся.

Его симпатіи всегда клонились къ Тифлису и тамошнему театру, гдѣ онъ долгое время служилъ и антрепренерствовалъ. Даже сдѣлавшись уже режиссеромъ Александринскаго театра, онъ держалъ лѣтнюю антрепризу въ Тифлисѣ, и мнѣ съ покойнымъ актеромъ Виноградовымъ пришлось по приглашенію Яблочкина поѣхать играть туда лѣтомъ, гдѣ мы гастролировали болѣе мѣсяца.

Получая прекрасное содержаніе, какъ режиссеръ, съ добавкой того, что получали отъ дирекціи его жена и дочь, онъ во все время своего режиссерства не оставлялъ мысли разбогатѣть, получа обѣщанную ему хорошую солидную субсидію отъ казны, при возобновеніи новой антрепризы въ томъ же Тифлисѣ. Утѣшенный благопріятными извѣстіями о достиженіи своей мечты, онъ вздумалъ въ серединѣ зимняго сезона, будучи режиссеромъ на императорской сценѣ, проситься въ отпускъ въ Тифлисъ; разумѣется ему, въ этомъ отказали. Тогда, сгорая отъ нетерпѣнія уѣхать, послѣ недолгихъ размышленій и краткихъ совѣщаній съ адвокатами на счетъ нарушенія своего контракта съ дирекціей, онъ, оставивъ жену и дочь на сценѣ, не сказавъ никому ни слова, уѣхалъ изъ Петербурга въ излюбленный Тифлисъ.

За этотъ поступокъ онъ, по распоряженію министра двора, былъ уволенъ съ предупрежденіемъ никогда не быть вновь принятымъ на службу императорской дирекціи. Нимало не огорчаясь этимъ, онъ потянулъ за собой жену и дочь и такимъ образомъ испортилъ имъ театральную карьеру. Жена его была впослѣдствіи на императорской сценѣ въ Москвѣ, а дочь такъ и затерялась, играя на провинціальной сценѣ.

Много послѣ своей отставки перенесъ горя и неудачъ бѣдный А. А. Яблочкинъ и весьма недавно скончался въ одной изъ больницъ Петербурга, достигнувъ очень зрѣлаго возраста.

Въ 1877 году, я недолго завѣдывалъ устройствомъ спектаклей въ купеческомъ клубѣ, бывшемъ въ домѣ Ольхина, на Невскомъ, около Казанскаго моста. Въ этихъ спектакляхъ участвовали всѣ первые артисты Александринскаго театра съ М. Г. Савиной во главѣ. Въ одинъ изъ этихъ спектаклей долженъ былъ играть И. И. Монаховъ въ комедіи съ пѣніемъ «Съ молотка», гдѣ онъ, играя старичка, мастерски пѣлъ извѣстные куплеты, оканчивающіеся словами «Ma parole d'honneur! Ma parole d'honneur!» Сколько мнѣ помнится, тамъ былъ куплетъ такого содержанія:

По стѣнамъ моей квартиры
Очень чинно въ рядъ
Львицы сѣверной Пальмиры
Въ рамочкахъ висятъ.
Надъ ковромъ моей кровати
Буска, Паска, даже Патти,
Ma parole d'honneur!
Ma parole d'honneur!

Монаховъ, распѣвая эти куплеты, производилъ фуроръ. Вдругъ, вечеромъ, наканунѣ спектакля въ клубѣ, я получаю извѣстіе, что онъ боленъ, что у него болитъ страшно горло, и онъ врядъ ли будетъ въ возможности играть. Я, не довѣряя его болѣзни, написалъ ему убѣдительное письмо съ просьбой во что бы то ни стало играть и получилъ довольно курьезный отвѣтъ, который и помѣщаю:

«Мой милый, дорогой, искренно любимый другъ

«Александръ Александровичъ.

«По многимъ причинамъ, объяснять которыя я нахожу излишнимъ, для васъ я готовъ, что называется, лѣзть изъ кожи.

«Мириады полосканій, компрессовъ и другихъ мерзостей, я полагаю, приведутъ мое горло въ должное состояніе, такъ что завтра на репетицію я явлюсь. Если бы всѣ эти мѣры оказались безуспѣшными, то сегодня же вечеромъ, часовъ въ 9, я васъ увѣдомлю о результатахъ, приславъ къ вамъ въ Маринскій театръ своего Бориса. Вы не повѣрите, какъ мнѣ досадно, больно и неловко передъ вами; но, дорогой Александръ Александровичъ, я надѣюсь, что, Богъ дастъ, все устроится, и завтра играть я буду:

Облегченье почувя,
Тотчасъ дамъ вамъ знать!
Горло нынче полощу я,
Чтобъ у васъ сыграть!
Васъ люблю я сердцемъ, право!
Тутъ не фразъ наборъ,
И пишу я не лукаво—
Ma parole d'honneur,
Ma parole d'honneur!

«Цѣлую васъ крѣпко, мой дорогой!

«Вашъ всѣмъ сердцемъ

«И. Монаховъ».

25 октября
1877.

III.

Прежній театрално-литературный комитетъ. — Отзывъ о немъ П. А. Каратыгина. — Покровительство П. С. Ѳедорова драматургу Дячченко. — А. Н. Майковъ. — А. П. Милюковъ. — И. А. Маннъ. — Предсѣдатель комитета П. И. Юркевичъ. — Страсть П. И. Юркевича къ балету. — Случай въ цркѣ Новосильцева. — Страсть П. И. Юркевича къ постановкѣ своихъ переводовъ на сцену. — Неприятный случай на сценѣ въ балетѣ отъ близорукости Юркевича. — Упраздненіе комитета. — Главный контролеръ кассы министерства двора баронъ К. К. Кистеръ. — Дика-Шти. — Случай съ барономъ Кистеромъ въ каскѣ Александринскаго театра. — Мнѣніе барона Кистера о благосостояніи театровъ. — Спектакль въ пользу дѣтскаго приюта. — П. А. Эй-ръ. — Съ сильнымъ не борись. — И. Ѳ. Горбуновъ. — Мое прощаніе съ нимъ передъ его кончиной. — Актеръ Н. Н. Зубовъ. — Его дебюты. — Приглашеніе Зубова для пьесы Лѣскова. — Визитъ Зубова къ купцу съ билетомъ на бенефисъ. — Разговоръ въ казенной каретѣ. — Утренніе визиты Зубова къ П. С. Ѳедорову. — Его страсть собирать бібліотеку. — Стихотвореніе на книжномъ шкапу. — Уходъ Зубова со службы. — Его кончина.

Служа въ императорскомъ театрѣ, я долгое время былъ членомъ театралнаго литературнаго комитета, куда меня въ 70-хъ годахъ единогласно выбрали безъ баллотировки и пригласили на мѣсто умершаго актера П. И. Зубова. Въ то время литературный комитетъ состоялъ изъ шести человѣкъ, изъ которыхъ одинъ членъ обязательно долженъ былъ быть изъ актеровъ. Вотъ въ качествѣ-то этого актера я неожиданно для себя и очутился въ числѣ членовъ комитета. При моемъ поступленіи въ немъ засѣдали: начальникъ репертуарной части П. С. Ѳедоровъ, покойный поэтъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, старѣйшій изъ литераторовъ и журналистовъ А. П. Милюковъ; И. А. Маннъ и П. И. Юркевичъ, занимавшій мѣсто предсѣдателя. Засѣданія бывали по субботамъ, въ домѣ дирекціи, въ квартирѣ директора, которая тогда, съ ухода Ал. Мих. Геденова до вступленія на службу директора г. Всеволожскаго, была свободна, такъ какъ ни одинъ изъ директоровъ, бывшихъ въ промежутокъ этого времени, ею не пользовался.

Несмотря на то, что комитетъ этотъ многіе осуждали, бранили, обвиняли въ пристрастіи, въ слишкомъ большой строгости и несправедливости къ нѣкоторымъ авторамъ, но безусловно утверждать это было бы большимъ грѣхомъ. Не спорю, что иногда случались и въ то время не совсѣмъ справедливыя запрещенія или же разрѣшенія пьесъ, но въ общемъ тогдашній комитетъ былъ несравненно доступнѣе, снисходительнѣе и менѣе взыскателенъ, чѣмъ послѣдующіе, смѣнившіе его.

Мнѣ помнится, на примѣръ, какъ покойный П. А. Каратыгинъ, состоя самъ членомъ этого комитета, со свойственнымъ ему сарказмомъ, отозвался однажды о немъ. Въ началѣ одного лѣта, П. А.,

рано переѣхавъ на дачу на Каменный островъ, долго не являлся на засѣданія комитета. Встрѣчаетъ его кто-то изъ лицъ, близкихъ къ комитету, и спрашиваетъ:

— Что значить, П. А., что вы такъ давно не посѣщаете комитетъ? Вы совсѣмъ его забыли!

— Некогда, мой добрый другъ, — отвѣтилъ Каратыгинъ. — Я теперь переѣхалъ на дачу и по приказанію доктора пью воды, и откровенно вамъ скажу, что предпочитаю пить воду, чѣмъ ее толочь въ вашемъ комитетѣ!

П. С. Федоровъ оказывалъ большое покровительство и доброжелательство покойному плодовитому драматургу В. Дьяченко, который заполнилъ одно время Александринскую сцену своими произведеніями, за что Федорова многіе осуждали и бранили. При постановкѣ какой-то очень плохой (изъ послѣднихъ) пьесы В. Дьяченко, кто-то за кулисами посвятилъ ему слѣдующія строки:

Комедія, что намъ приказано играть,
Есть новый фруктъ премудраго Дьяченки,
Которымъ авторъ всѣмъ желаетъ доказать,
Что можно и съ снимать въ театрѣ пѣнки.

Если говорить правду, то помимо Дьяченки оказывалось особое покровительство и другимъ счастливымъ авторамъ, какъ, напримеръ, Родиславскому и К. А. Тарновскому, бывшимъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ начальникомъ репертуара, но изъ этого не слѣдовало, чтобы запрещались пьесы, мало-мальски сносныя для сцены, по какимъ либо личнымъ счетамъ и симпатіямъ.

Наиболѣе строгимъ, придирчивымъ и взыскательнымъ судьей въ комитетѣ былъ И. А. Маннъ; всѣ авторы его боялись, какъ чумы, хотя его придирчивость и протесты не всегда вліяли на запрещеніе пьесы.

И. А. Манну ставили въ упрекъ, что онъ самъ сочинялъ пьесы; но его пьесы «Паутина», «Общее благо», «Говоруны» и мн. др. пользовались очень хорошимъ успѣхомъ и были написаны очень умно и даже талантливо. Самыми снисходительными и добрыми судьями были несомнѣнно А. Н. Майковъ и А. П. Милюковъ; они всегда являлись защитниками начинающихъ драматурговъ и поддерживали всякое порядочное, даже неопытной рукой написанное произведеніе.

Но всѣхъ замѣчательнѣе и курьезнѣе былъ нашъ предсѣдатель тайный совѣтникъ Петръ Ильичъ Юркевичъ. Онъ принадлежалъ къ самымъ оригинальнымъ и интереснымъ личностямъ, какихъ мнѣ случалось видѣть въ жизни.

Начну съ описанія наружности: это былъ тщедушный, невзрачный, съ маленькими раскосыми глазами человѣкъ, средняго роста и, несмотря на свои очень почтенные годы, былъ черный брюнетъ, кокетливо зачесывавшій всегда свои рѣдкіе и длинные волосы на

очень солидную лысину, носилъ на своемъ испитомъ лицѣ жидкія съ замѣтной просѣдью небольшія бакенбарды и былъ до такой степени близорукъ, что чуть не натыкался на встрѣчнаго и поперечнаго, и при всемъ томъ находилъ бесполезнымъ носить очки или пенсне, считая это вреднымъ для зрѣнія.

Глядя на его фигуру, костюмъ, всегда широкія и очень короткія панталоны, а въ особенности знаменитую шинель, чуть не съ собачьимъ воротникомъ, которая, по его же рассказамъ, была спита имъ лѣтъ двадцать тому назадъ, никто бы не могъ заподозрѣть въ немъ очень богатаго человѣка, которымъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, благодаря огромному наслѣдству, полученному послѣ отца, и собственной природной скупости и алчности къ деньгамъ.

Какимъ образомъ попалъ П. И. Юркевичъ на театральнѣй горизонтъ въ качествѣ предсѣдателя литературнаго комитета, мнѣ неизвѣстно, но, поступивъ на эту должность, онъ немедленно сдѣлался вполнѣ театральнымъ человѣкомъ и, получивъ въ свое распоряженіе даровое кресло во всѣхъ театрахъ, былъ всегда на глазахъ публики, въ особенности въ балетѣ и оперѣ, которые менѣе всего относились къ его дѣятельности по комитету.

Онъ былъ страстный балетоманъ и до безумія поклонялся всѣмъ танцовщицамъ, которыхъ не иначе величалъ, какъ богинями. Не прочь былъ приударить и за кордебалетными феями, для которыхъ, несмотря на свою феноменальную скупость, порядочно раскошелывался и изрядно заплатилъ денегъ за свои капризы и прихоти.

Въ молодости онъ былъ хорошо знакомъ съ самыми извѣстными и замѣчательными людьми въ литературѣ, какъ, напримѣръ, съ Лермонтовымъ и др., былъ очень начитанъ, обладалъ удивительной памятью и съ юныхъ лѣтъ до самой старости любилъ участвовать въ журналистикѣ и прессѣ, пописывая въ газетахъ немудренныя статейки и замѣтки, въ особенности о театрѣ, не отказываясь получать за нихъ копеечную плату.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, знавшій также и Юркевича, рассказывалъ про него очень забавную сцену, случившуюся при немъ въ кассѣ деревяннаго цирка Новосильцева, который нѣкогда помещался около Александринскаго театра, гдѣ теперь службы Аничковскаго дворца. Это случилось въ началѣ 60-хъ годовъ, когда циркъ держалъ самъ Новосильцевъ. Во время одного изъ представленій въ кассѣ у Новосильцева собралось нѣсколько человѣкъ его знакомыхъ, въ числѣ которыхъ находился и рассказавшій мнѣ этотъ анекдотъ; они вели бесѣду; вдругъ отворяется дверь, и показывается близорукій господинъ въ невозможной шинели и фуражкѣ съ кокардой и низко кланяется, не разбирая самъ кому. Новосильцевъ, увидя незнакомца, строго и довольно рѣзко спрашиваетъ:

— Кто вы? Что вамъ угодно?

— Я... я пишу замѣтки... въ такой-то газетѣ...—робко отвѣчаетъ вошедшій.

— Очень радъ... что же вамъ угодно?

— Я бы очень желалъ... мнѣ было бы очень пріятно... если возможно... получить контрамарку или билетъ на сегодняшнее представленіе... для отчета въ газетѣ...

— А!.. вотъ что!—сказалъ Новосильцевъ и, повернувшись, къ кассиру, приказалъ:—дайте какое нибудь мѣсто.

Тотъ вырвалъ изъ книги билетъ изъ недорогихъ мѣстъ и вручилъ просителю, который, благодаря и низко кланяясь, тотчасъ съ этимъ билетомъ скрылся за дверью. Мой знакомый, узнавъ въ просителѣ П. И. Юркевича, немедленно сказалъ Новосильцеву:

— Что вы сдѣлали? Какое мѣсто вы приказали выдать этому господину?

— А я почему знаю? Да... что-жъ за бѣда такая? — спросилъ Новосильцевъ.

— Да... вѣдь это... тайный совѣтникъ... богачъ, предсѣдатель театрално-литературнаго комитета, Юркевичъ!

— Неужели?! Батюшка!! — спохватился Новосильцевъ. — Какъ вамъ не стыдно не толкнуть меня или не шепнуть мнѣ объ этомъ? Я его принялъ за сапожника... Вернуть!.. Вернуть его сію минуту!.. Давайте сейчасъ билетъ въ 1-мъ ряду, пусть перемѣнитъ,—и моментально послалъ людей догнать Юркевича, за которымъ тѣ бросились крича:

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, потрудитесь вернуться... Кассиръ ошибся... не тотъ билетъ выданъ вашему превосходительству!.. Не благоугодно ли перемѣнить!..

Билетъ былъ перемѣненъ, и П. И. благополучно просмотрѣлъ представленіе, сидя на даровомъ мѣстѣ.

У Юркевича была непреодолимая страсть переводить (и, кстати сказать, очень плохо) всевозможныя французскія драмы и комедіи на русскій языкъ, несмотря на то, что это очень вредило его репутаціи, какъ предсѣдателя литературнаго комитета.

Да это бы еще не бѣда переводить, но всѣми правдами и неправдами хлопотать о постановкѣ ихъ на сцену. Ему это нерѣдко удавалось, напримѣръ, мелодраму, переведенную имъ, «Двѣ сиротки» мы много разъ играли на императорскомъ театрѣ, также какъ и драму «Побочный сынъ» и др. Онъ такъ пристрастился къ этому ремеслу, что почти каждый годъ выпускалъ по двѣ, по три пьесы своихъ переводовъ. По поводу этого кто-то даже посвятилъ ему слѣдующія четыре строчки:

Къ театру русскому будь милостивъ, Создатель!
Не допускай на сцену ставить дичь,
Которую переводить такъ любить предсѣдатель,
Любезный нашъ и добрый Петръ Ильичъ!!

Не приглашая по своей скупости никого къ себѣ въ домъ, Юркевичъ буквально всякій вечеръ послѣ спектакля бывалъ въ гостяхъ

у Оедорова. Часто путешествуя за границей, всѣмъ интересуясь, многое видя на своемъ вѣку, при большой начитанности, а главное необыкновенной памяти, онъ былъ всегда очень пріятнымъ собесѣдникомъ и рассказчикомъ. Чего бы ни коснулся разговоръ, онъ всегда находилъ и умѣлъ сказать что нибудь дѣльное и интересное.

Бывая на каждомъ балетномъ представленіи въ бывшемъ Большомъ театрѣ, Юркевичъ за кулисами порхалъ, какъ мотылекъ, имѣя всегда при себѣ, въ правомъ жилетномъ карманѣ, коробочку съ мятными лепешками, которыми любилъ угощать балетныхъ фей и богинь. Не прибѣгая ни къ очкамъ, ни къ пенсне, прибѣгая въ балетъ, онъ запасался всегда одноглазкой для лучшаго обозрѣнія прелестей обожаемыхъ имъ танцовщицъ.

Онъ начиналъ свои походы съ того, что, не видя почти ничего въ двухъ шагахъ по близорукости, въ антрактѣ пробирался на сцену и становился задомъ къ опущенному занавѣсу и, вынувъ свою одноглазку, съ любопытствомъ разсматривалъ въ нее окружающихъ богинь; разсмотрѣвъ и признавъ одну изъ нихъ, хорошо ему знакомую, моментально подлеталъ къ ней, низко раскланивался, съ сладчайшей улыбкой говорилъ какой нибудь комплиментъ и, вынувъ изъ жилета коробочку съ мятными лепешками, сначала понюхавъ ихъ самъ, подносилъ чуть не къ носу богини, угощая ее этими деликатессами.

Одинъ разъ съ нимъ на сценѣ случился очень непріятный пассажъ; заговорившись въ антрактѣ съ одной изъ фей и стоя съ нею посрединѣ сцены за полотняной узкой колонной, онъ до того увлекся своимъ разговоромъ, что не слыхалъ, какъ режиссеръ, проричавъ нѣсколько разъ «мѣсто... мѣсто!», распорядился поднять занавѣсъ, и началъ слѣдующій актъ. Не успѣвъ во время скрыться за кулисы, П. И. Юркевичъ остался за полотняной колонной и до конца акта долженъ былъ простоять, не шевелясь, на одномъ мѣстѣ, такъ какъ не было возможности уйти, не будучи замѣченнымъ публикой.

Юркевичъ, по близорукости своей, нерѣдко входя въ кабинетъ къ П. С. Оедорову, любезно протягивалъ руку стоявшему иногда въ дверяхъ капельдинеру, принимая послѣдняго за кого нибудь изъ знакомыхъ.

Что касается до предоставленнаго отъ дирекціи въ его распоряженіе дарового кресла во всѣхъ театрахъ для всего комитета, то съ членами комитета онъ обходился безъ всякой церемоніи и считалъ это кресло своею собственностью. Не такъ легко было достать и получить отъ него это мѣсто въ какомъ либо спектаклѣ; не говоря о немъ самомъ, который засѣдалъ во всѣхъ бенефисахъ и самыхъ интересныхъ представленіяхъ, но въ обыкновенные спектакли онъ сажалъ на это кресло или свою супругу, или своего доктора, или большинство своихъ знакомыхъ и пріятелей.

При рѣшеніяхъ съ разбираемыми пѣсами онъ всегда въ засѣданіяхъ былъ на сторонѣ большинства и свое предсѣдательство въ литературномъ комитетѣ ничѣмъ особеннымъ не проявлялъ.

Въ 1881 году, при реформѣ театровъ, когда появилось новое начальство и новые порядки, то упразднили и нашъ комитетъ, а съ нимъ и достоуважаемаго П. И. Юркевича.

Отъ предсѣдателя комитета и тайнаго совѣтника П. И. Юркевича надо перейти къ болѣе выдающемуся сановнику и чиновному лицу въ театральной администраціи, память о которомъ никогда не изгладится у тѣхъ, кто служилъ подъ его начальствомъ и былъ свидѣтелемъ его силы, власти и всемогущества на занимаемомъ имъ важномъ посту. Это былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, баронъ Карлъ Карловичъ Кистеръ, главный контролеръ министерства двора и управляющій императорскими театрами.

Баронъ Кистеръ всецѣло обязанъ своимъ быстрымъ повышеніемъ и карьерой, бывшему тогда министру императорскаго двора, графу Владиміру Федоровичу Адлербергу, который по какимъ-то особеннымъ причинамъ угадалъ въ баронѣ Кистерѣ, служившемъ тогда на неважной должности смотрителя Ботаническаго сада, выдающіяся экономическія способности и таланты для приведенія въ порядокъ всѣхъ денежныхъ дѣлъ и расходовъ въ министерствѣ.

Видя въ баронѣ Кистерѣ очень умнаго, практичнаго, а главное умѣвшаго угодить ему чиновника, онъ основалъ для него новую должность главнаго контролера министерства двора и посадилъ его на это мѣсто.

Новый контролеръ дѣйствительно оказался очень распорядительнымъ и знающимъ финансовую часть начальникомъ, и началъ большія преобразованія по части бухгалтеріи и повсемѣстныхъ расходовъ. Онъ устроилъ единство кассы; до него въ театральной конторѣ понятія не имѣли ни о какихъ талонахъ или ассигновкахъ, а вели хозяйство просто и по-домашнему. Чтобы избавить министерство двора отъ лишнихъ расходовъ на выдачу пенсій своимъ служащимъ, какъ это велось до него, онъ съ 1875 года всѣхъ выходящихъ на пенсію перевелъ въ главное казначейство на общее положеніе и оставилъ только тѣхъ, кто получалъ этотъ пенсіонъ раньше до этого года.

Забравъ въ свои руки и дирекцію театровъ, онъ вмѣшивался во всѣ распоряженія дирекціи и началъ сокращать до невозможнаго расходы, какъ на содержаніе и на награды служащимъ, такъ и на постановку и монтировку балетовъ, оперъ и драматическихъ представленій.

Ничто не дѣлалось въ дирекціи театровъ безъ разрѣшенія барона Кистера. Съ уходомъ же со службы директора Степана Александровича Геденова, съ которымъ баронъ часто враждовалъ, онъ

самостоятельно вступилъ въ управленіе всѣхъ, какъ петербургскихъ, такъ и московскихъ театровъ, и до 1881 года, пока не покинулъ службу, никто не былъ назначаеми директоромъ театровъ. Приближенныхъ къ себѣ по управленію лицъ онъ не любилъ утверждать въ ихъ должностяхъ, и большинство изъ нихъ носили званіе только исправляющихъ должность. Это дѣлалось, конечно, съ цѣлью, чтобы въ случаѣ надобности ихъ удобнѣе можно смѣстять. Несмотря на то, что онъ всегда хорошо и щедро награждалъ ихъ и чинами и орденами, онъ былъ до того къ нимъ строгъ и выскателень, что въ минуты раздраженія и гнѣва обращался въ своихъ распеканіяхъ съ самыми чиновными изъ нихъ, какъ съ простыми сторожами.

Артистическій міръ не имѣлъ до него никакого никогда доступа; всѣ дѣла велись всегда или черезъ начальника репертуара, или черезъ контору. Баронъ Кистеръ не любилъ принимать къ себѣ ни мужчинъ, ни женщинъ изъ артистовъ, и даже за кулисами рѣдко кого удостоивалъ своимъ разговоромъ и вниманіемъ. Это тѣмъ болѣе странно, что супруга его сама происходила изъ актерскаго званія и была нѣкогда актрисой нѣмецкаго театра.

Нельзя, впрочемъ, сказать безусловно, чтобы строгій начальникъ не любилъ вовсе актрисъ и актеровъ. У него тоже была слабость на сценѣ французскаго театра въ лицѣ тогдашней актрисы г-жи Дика-Пти. Эта женщина владѣла вполне его симпатіями и, какъ утверждали всѣ, властвовала въ то время на французской сценѣ.

Любимымъ театромъ барона Кистера былъ Михайловскій театръ; очень часто онъ инкогнито являлся туда на репетици и, имѣя въ карманѣ ключъ отъ директорской ложи, не говоря никому ни слова, садился въ нее, никѣмъ не замѣченный, и любовался на Дика-Пти. Трудно было все это скрыть отъ публики, и бѣдную Дика-Пти во все время управленія барона Кистера безжалостно бранили и позорили въ печати. Когда же не стало барона, а она еще оставалась на сценѣ, все разомъ измѣнилось, и, вмѣсто прежнихъ брани и упрековъ, ее стали хвалить, какъ хорошую актрису. Рассказывали, что, предвидя свой уходъ со службы и желая обезпечить будущее Дика-Пти, баронъ Кистеръ заключилъ съ ней контрактъ на два или на три года впередъ и поставилъ, въ случаѣ отказа ей дирекціей ангажемента по какимъ либо причинамъ, въ ея пользу 50.000 франковъ неустойки.

Баронъ Кистеръ такъ рѣдко показывался въ русскій театръ, что многіе изъ служащихъ въ немъ не знали его даже въ лицо. По этому поводу одинъ разъ произошелъ довольно печальный случай съ бывшимъ тогда при продажѣ билетовъ капельдинеромъ Юрьевымъ. Надо замѣтить, что баронъ былъ большой охотникъ ходить пѣшкомъ и часто гулялъ по улицамъ. Однажды осенью, идя передъ обѣдомъ мимо Александринскаго театра, онъ замѣтилъ снующихъ около подъѣзда барышниковъ, которые, предлагая проходя-

цимъ билеты, занимались своей запрещенной торговлей. Недолго думая, баронъ входитъ въ театръ и, подойдя къ окошку кассы, у которой стоялъ Юрьевъ, строгимъ голосомъ сказалъ ему:

— Что вы смотрите!! Что у васъ дѣлается около театра?! Барышники, какъ собаки, спуютъ и продаютъ билеты.

Юрьевъ, по природѣ довольно грубый человѣкъ, не разсмотрѣвъ, кто съ нимъ говоритъ, очень невѣжливо отвѣтилъ:

— Нѣкогда намъ возиться съ барышниками! У насъ свое дѣло. Вы напрасно, господинъ, лѣзете съ выговорами. Это и не ваше дѣло.

Услыша такой отвѣтъ, баронъ Кистеръ, взбѣсившись, прямо направился въ двери кассы и, взойдя къ Юрьеву, громовымъ голосомъ задалъ ему вопросъ:

— Ты меня... не знаешь?!!

Тотъ смекнувъ, что дѣло не ладно, смутясь отвѣчаетъ:

— Никакъ нѣтъ-съ... не знаю.

— А!! Ты не знаешь... свое начальство?!! Пошелъ... сію минуту... зови ко мнѣ зрителя! Скажи, что его требуетъ управляющій театрами!

— Смилуйтесь... ваше высокопревосходительство! простите! Виновать... никогда не имѣлъ счастья видѣть ваше высокопревосходительство!!—помертвѣвъ, едва произнесъ Юрьевъ.

— Нечего разсуждать! Пошелъ... позови зрителя!

— Простите!.. ваше в-пр—ство... не могу-съ! Какъ же я отойду и оставлю кассу?!

— Не бойся... я останусь за тебя... ничего не пропадетъ... успокойся!

Юрьевъ побѣжалъ за зрителемъ и на другой же день былъ уволенъ отъ службы.

Всѣ, кто лично зналъ барона Кистера, утверждали, что онъ былъ несомнѣнно очень умный и практическій человѣкъ; да впрочемъ онъ какъ нельзя лучше это доказалъ своей блестящей карьерой.

Говорили, что онъ не разъ высказывалъ свое мнѣніе относительно существованія нашихъ театровъ. Онъ утверждалъ, что для благосостоянія ихъ необходима или монополія казенныхъ театровъ, или же полная свобода частной антрепризы съ упраздненіемъ императорской дирекціи. Сколько мнѣ кажется, онъ имѣлъ основаніе такъ разсуждать; никогда ни одинъ частный театръ въ столицѣ не можетъ по своимъ средствамъ соперничать съ императорской дирекціей, но въ то же время такъ или иначе можетъ отнимать у казенныхъ театровъ извѣстный доходъ при нашемъ относительно ограниченномъ количествѣ публики, посѣщающей спектакли. Можетъ быть, въ настоящее время эти разсужденія барона Кистера и непримѣнимы на дѣлѣ, такъ какъ населеніе столицы увеличивается съ каждымъ годомъ, а количество театровъ за по-

слѣднее время, наоборотъ, уменьшилось, такъ какъ отъ Малаго театра дирекція императорскихъ театровъ отказалась, а Большой театръ подаренъ консерваторіи.

Упомянувъ сейчасъ о Маломъ театрѣ (гдѣ въ настоящее время литературно-артистическая антреприза), я вспомнилъ разсказъ объ очень тонкомъ и хитроумномъ поступкѣ барона Кистера, который не допускалъ открытія Малаго театра съ самаго окончанія его постройки до того времени, пока его не сдали въ аренду императорской дирекціи.

Не отвѣчаю за безусловную справедливость всего мною слышаннаго, но во всякомъ случаѣ этотъ разсказъ не лишенъ интереса, и я его передамъ въ томъ видѣ, какъ я его узналъ. Прежде чѣмъ начать строить на Фонтанкѣ въ Апраксиномъ дворѣ нынѣшній Малый театръ, предупреждали и совѣтовали его строителямъ запастись заранѣе разрѣшеніемъ играть въ этомъ театрѣ по окончаніи его постройки. Этими благоразумными совѣтами и предупрежденіями гг. строители пренебрегли и выстроили зданіе. Пророчество же сбылось; нашли невозможнымъ допустить частный театръ и его открыть не дозволили. Никакія просьбы и хлопоты лицъ, заинтересованныхъ театромъ, не помогали; театръ очень долгое время стоялъ пустой и заколоченный. Наконецъ кому-то пришло въ голову такъ или сякъ, во что бы то ни стало, хоть на одинъ вечеръ, но устроить тамъ спектакль. Придумали отдать его для устройства благотворительнаго спектакля въ пользу одного дѣтскаго приюта, находившагося подъ покровительствомъ одной изъ самыхъ высокихъ особъ. Для помощи этому приюту почти ежегодно давались благотворительные вечера и спектакли, въ которыхъ обыкновенно принимали участіе артисты императорскихъ театровъ. По обыкновенію подано было въ дирекцію прошеніе разрѣшить представленіе въ одной изъ залъ Петербурга, умолчавъ о Маломъ театрѣ. Баронъ Кистеръ далъ разрѣшеніе, подписавъ бумагу. Вдругъ, спустя немного времени, онъ видитъ афишу этого спектакля, объявленнаго въ новомъ апраксинскомъ театрѣ, при чемъ всѣ билеты уже были проданы; онъ тотчасъ же распорядился взять свое разрѣшеніе назадъ и положительно запретилъ этотъ спектакль. Огорченные неудачей, распорядители бросились съ жалобой на барона Кистера къ высокой покровительницѣ приюта, прося защитить отъ нападковъ управляющаго театрами. Тогда высокая покровительница вызываетъ къ себѣ барона Кистера и съ обидой задаетъ ему такой вопросъ:

— Баронъ! За что вы обижаете моихъ бѣдныхъ сиротъ?! Почему запрещаете благотворительный спектакль въ пользу моего приюта?!

— Боже меня сохрани подумать объ этомъ, — отвѣчалъ Кистеръ, — я не могъ только дозволить играть его въ новомъ театрѣ; на это есть важныя причины, но бѣдныя сироты ничего отъ этого потер-

пѣть не могутъ. Любой императорскій театръ къ услугамъ вашимъ, благоволите приказать перенести туда спектакль въ пользу пріюта; это будетъ несравненно выгоднѣе и для сбора и удобнѣе для дирекціи!

Трудно было что нибудь имѣть или возразить противъ такого отвѣта, и спектакль былъ перенесенъ въ Михайловскій театръ, а апраксинскій отворилъ свои двери только тогда, когда его сдали въ аренду дирекціи императорскихъ театровъ.

Баронъ Кистеръ, какъ я уже говорилъ, пользовался неограниченной властью и силой, будучи главнымъ контролеромъ министерства; какъ примѣръ, приведу одинъ случай, бывшій въ театрѣ на моихъ глазахъ.

Во время директорства Степана Александровича Гедеонова, поступилъ въ театръ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при директорѣ нѣкто Адольфъ Андреевичъ Э-ръ, по званію камеръ-юнкеръ, по наружности—еврей. Это былъ человекъ уже не молодой, но всегда молодящійся, съ самыми изысканными манерами, отлично говорившій на разныхъ языкахъ, находившійся долго въ обществѣ самой знатной аристократіи и промотавшій огромное состояніе, полученное отъ своей жены. Онъ былъ случайно женатъ на особѣ изъ самой знатной и богатой фамиліи. Промотавъ ея большое состояніе за границей, Э-ръ въ давно еще прошедшія времена, когда и не думали о франко-русскомъ союзѣ, леталъ на русскихъ тройкахъ по Парижу и сорилъ тамъ русскими деньгами. Онъ былъ средняго роста, брюнетъ съ просѣдью и довольно густыми бакенбардами. Поступивъ на службу въ театръ, онъ не иначе являлся за кулисы, какъ въ вицъ-мундирѣ, ловко расшаркивался, говорилъ до приторности сладкіе комплименты всѣмъ актрисамъ и танцовщицамъ, а съ самой знатной аристократіей изъ публики былъ за панибрата. Въ домѣ же тогдашняго министра, графа Александра Владиміровича Адлерберга, былъ коротко знакомымъ и близкимъ человекомъ.

По слухамъ, дѣла его были не въ блестящемъ положеніи, когда онъ явился въ дирекцію. Пользуясь расположеніемъ директора С. А. Гедеонова, онъ нерѣдко исправлялъ должность отсутствующаго управляющаго конторою А. Э. Юргенса и, не умѣя правильно написать двухъ словъ порусски, смѣло подписывалъ бумаги по управленію дирекціей.

Глядя на Э-ра, нѣкоторые пророчили ему много хорошаго въ будущей карьерѣ, на дѣлѣ же вышло совсѣмъ наоборотъ.

Директоръ С. А. Гедеоновъ, какъ всѣмъ было извѣстно, не особенно ладилъ съ барономъ Кистеромъ и не любилъ послѣдняго, а потому и Э-ръ, находясь въ дружбѣ съ Гедеоновымъ, не находилъ надобности скрывать свое недовольство на Кистера и очень часто отзывался о немъ саркастически и неуважительно. Онъ щеголялъ своимъ вольнодумствомъ, рассчитывая въ случаѣ чего всегда на защиту министра, въ домѣ котораго былъ старымъ знакомымъ.

На практикѣ произошло совсѣмъ другое. Какъ-то Гедеоновъ уѣхалъ въ отпускъ за границу и, вмѣстѣ съ другими разными порученіями, поручилъ Э-ру распорядиться отдачей директорской ложи въ театрахъ его, Гедеонова, знакомымъ, которые обратятся съ этой просьбой. Э-ръ, разумѣется, съ усердіемъ сталъ исполнять это пріятное порученіе. Вскорѣ же по отъѣздѣ Гедеонова изъ Петербурга, неожиданно для всѣхъ, управление театрами за отсутствіемъ директора было официально воложено на главнаго контролера кассы министерства, барона Кистера. И вотъ въ одинъ изъ спектаклей итальянской оперы въ Большомъ театрѣ пріѣхалъ баронъ Кистеръ уже въ качествѣ начальника театровъ и направился въ директорскую ложу, которую нашелъ занятой чьимъ-то княжескимъ семействомъ знакомыхъ Гедеонова. Не предупрежденный никѣмъ, Кистеръ спрашиваетъ, по чьему распоряженію ложа директора занята. Ему отвѣчаютъ, что этимъ дѣломъ завѣдуетъ г. Э-ръ. Остановясь на входной лѣстницѣ директорскаго подъезда, близъ ложи, баронъ приказываетъ позвать къ себѣ Э-ра. На несчастіе послѣдній оказался на лицѣ, пріѣхавъ въ оперу на бѣду послѣ хорошаго обѣда и солидной выпивки; онъ немедленно появился передъ Кистеромъ.

— Скажите, пожалуйста,—строго спросилъ его баронъ:—кто это сидитъ въ моей ложѣ?

Э-ръ вспомнивъ, что у барона Кистера была всегда абонированная ложа во 2-мъ ярусѣ, съ улыбкой отвѣчаетъ ему:

— Въ вашей ложѣ?!. Если не ошибаюсь... въ вашей ложѣ... сидитъ... кажется... ваша супруга...

— Я съ вами не шучу! Я васъ спрашиваю, кто сидитъ... вотъ здѣсь... въ этой ложѣ?!. — показывая на ложу директора, закричалъ Кистеръ.

— Ахъ! въ этой?!.—возразилъ Э-ръ.—Это другое дѣло!... Это ложа директора императорскихъ театровъ... а не ваша!... Сколько мнѣ извѣстно... ваша ложа во 2-мъ ярусѣ... На ложу директора вы не имѣете никакихъ правъ... она по порученію директора въ моемъ распоряженіи, и я одинъ могу ею распорядиться...

Что на это отвѣтилъ забѣшенный баронъ Кистеръ, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ свидѣтелей этого объясненія было немного, чуть ли не одинъ покойный П. С. Ѳедоровъ, отъ котораго подъ смертной казнью нельзя было вывѣдать этой тайны. Капельдинеры рассказывали, что слышно было много громкихъ и довольно дерзкихъ словъ, но что именно, слышать было трудно. Баронъ Кистеръ тотчасъ же уѣхалъ изъ театра, предоставивъ Э-ру въ недоумѣніи ждать, что изъ всего этого можетъ произойти

Э-ръ всѣмъ рассказывалъ о своемъ геройскомъ поступкѣ и храбрясь говорилъ, что написалъ обо всемъ министру графу Адлербергу въ Ливадію (гдѣ онъ находился въ то время съ дворомъ),

и надѣется, что, конечно, министръ приметъ его сторону въ этомъ дѣлѣ.

Кончилась же эта исторія, разумѣется, въ пользу барона Кистера; недѣли черезъ двѣ или три Э-ръ былъ уволенъ отъ службы въ дирекціи и лишенъ званія камеръ-юнкера.

Кто изъ русской публики не только въ Петербургѣ или въ Москвѣ, но по всей широкой Руси не зналъ или не слыхалъ объ Ив. Ѳед. Горбуновѣ? Онъ былъ самый популярный и талантливейшій авторъ и рассказчикъ сценъ изъ народнаго быта и, прослужа болѣе 40 лѣтъ актеромъ императорскаго петербургскаго театра, былъ изъ близкихъ и старинныхъ моихъ пріятелей. Я говорю—старинныхъ, потому что познакомился съ нимъ въ Москвѣ, еще долго до его поступленія на Александринскую сцену.

Мы встрѣтились съ Горбуновымъ въ 50-хъ годахъ на Рождествѣ, въ 1-й московской гимназіи, гдѣ я воспитывался и куда его привезъ А. Н. Островскій, у котораго онъ и проживалъ въ то время, на нашъ домашній въ гимназіи спектакль, въ которомъ я участвовалъ въ первый разъ въ жизни, играя драматическую женскую роль въ комедіи: «Не въ свои сани не садись». Въ то время я былъ почти мальчикомъ, а Горбуновъ очень молодымъ человѣкомъ, только что появившимся въ обществѣ со своими прекрасными первыми рассказами.

Спустя два-три года послѣ нашей первой встрѣчи, я увидѣлся съ нимъ въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ для опредѣленія себя въ театральное училище, а онъ уже служилъ въ императорскомъ театрѣ; онъ съ успѣхомъ тогда игралъ Ваньку въ пьесѣ Стаховича «Ночное», «Сцену на станціи» и рассказывалъ въ театрѣ свои прекрасныя сцены.

Его дѣятельность, какъ неподражаемаго и талантливаго рассказчика, слишкомъ извѣстна всѣмъ и каждому, чтобы долго распространяться о ней. Я началъ говорить о Горбуновѣ, чтобы воскресить нѣкоторыя черты его характера и талантливой природы и рассказать мое послѣднее съ нимъ прощаніе передъ его кончиной.

Какъ ни странно, но Ив. Ѳед. Горбуновъ, несмотря на свое огромное дарованіе, какъ рассказчика, несмотря на свою наблюдательность, умъ, начитанность и хорошее литературное образованіе, вращаясь всю свою жизнь въ обществѣ первѣйшихъ актеровъ, авторовъ и ученыхъ, никогда не могъ достигнуть способности быть хорошимъ актеромъ на сценѣ, какимъ онъ считалъ себя самъ.

Не разъ онъ брался за самыя благодарныя и, казалось, совершенно подходящія къ его способностямъ, какъ рассказчика, бытовыя роли, въ родѣ, напримѣръ, «Подхалюзина» въ «Свои люди сочтемся», Бородкина въ «Не въ свои сани не садись», пьесахъ

своего протектора и самаго интимнаго изъ друзей А. Н. Островскаго; но всё эти роли ему никогда и нигдѣ не удавались. Онъ не только не могъ играть ихъ удовлетворительно, но даже никогда не умѣлъ справиться на сценѣ ни съ движеніями или соотвѣтственными жестами, ни гримировкой изображаемаго лица. Зато Горбуновъ въ обществѣ былъ вездѣ желаннымъ и любимымъ гостемъ, начиная съ самыхъ высокопоставленныхъ домовъ до послѣдняго трактира или ресторана. Большинство его знакомыхъ величали его Ваней, а онъ чуть не со всѣми былъ на ты.

Онъ прослужилъ шута свои 40 лѣтъ на императорской сценѣ, при чемъ большую часть каждаго года, т. е. лѣто и великій постъ, уѣзжалъ давать свои вечера по всѣмъ городамъ Россіи, часто въ обществѣ со многими оперными пѣвцами. Много разъ путешествовалъ за границу и ежегодно встрѣчалъ пасху въ Москвѣ. Ролей отвѣтственныхъ ему никогда не поручали, да онъ и не былъ особеннымъ охотникомъ ихъ учить и бывалъ большею частью занятъ на сценѣ, рассказывая свои сцены изъ народнаго быта, на сочинительство которыхъ былъ также очень лѣнивъ.

Лучшіе свои рассказы онъ импровизировалъ, и надо замѣтить, какъ никто, въ интимномъ домашнемъ кружкѣ, и эти рассказы въ большинствѣ были не совсѣмъ цензурнаго свойства. Онъ возвелъ въ перлъ созданія, изображая стараго, всѣмъ недовольнаго генерала Дитятина, или возглашая тосты на разныя темы устами кушцовъ, духовныхъ лицъ и отставныхъ генераловъ. Нельзя было не покатываться со смѣху, когда онъ, представляя генерала Дитятина, говорящаго за обѣдомъ спичъ, возглашалъ его старческимъ голосомъ извѣстный девизъ: «Nonni soit qui mal у pense», и говорилъ за него: Nonni soit qui mal у pense» порусски значить: «Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ!!!» и потомъ, проговоривъ эту фразу, со слезами въ голосѣ и глазахъ, бія себя въ грудь, кричалъ энергично «Да!! не съѣстъ!! Она не съѣстъ!! Не съѣстъ!!».

Какъ человѣка, Ив. Фед. Горбунова нерѣдко осуждали за неискренность, за измѣнчивость дружбы и добрыхъ отношеній, но для большинства его знакомыхъ онъ до своей смерти оставался добрымъ пріятелемъ. Я принадлежу къ этому большинству и, сохранивъ самыя дружескія съ нимъ отношенія, расскажу въ заключеніе, какъ онъ прощался со мной дня за два до своей кончины.

Узнавъ, что онъ тяжело боленъ и близокъ къ смерти, я пріѣхалъ къ нему утромъ часовъ въ десять и засталъ его сидящимъ въ большомъ креслѣ, въ кабинетѣ. Онъ меня узналъ, но ничего не говорилъ, блуждая только мутными глазами и дѣлая нервныя движенія лицомъ. Пришла его жена, Амалія Ивановна, и мы въ его присутствіи повели нашу грустную бесѣду. Онъ все время молчалъ, изрѣдка вскрикивая отъ нетерпѣнія и томящей его тоски. Наконецъ, пришло время мнѣ проститься и уходить; встаю, прибли-

жаюсь къ больному, протягиваю ему руку; вдругъ вижу, онъ начинаетъ мнѣ улыбаться, ласково и сознательно смотритъ мнѣ въ глаза и совершенно неожиданно для меня выставляетъ обѣ руки ладонями вверхъ и тихо, едва слышно начинаетъ какъ бы пѣть:

«Спасибо... спасибо тебѣ.
«Ты помогъ моей бѣдѣ».

Я чуть не со слезами поцѣловалъ его и вышелъ. Черезъ дня два или три его не стало, и всѣ съ грустью провожали его на кладбище.

Говоря въ моей «Закулисной хроникѣ» о сослуживцахъ актерахъ, я пропустилъ одну весьма замѣчательную личность и весьма недурного артиста Н. Н. Зубова (Попова). Я называю его замѣчательной личностью, потому что такихъ тонко-хитроумныхъ, ловкихъ и практичныхъ людей не часто доводится видѣть не только за кулисами театра, но даже и на бѣломъ свѣтѣ.

Н. Н. Зубовъ появился на подмосткахъ Александринскаго театра далеко уже не молодымъ человѣкомъ; до своей службы при императорской дирекціи онъ успѣлъ послужить отечеству, какъ чиновникъ и предводитель дворянства въ одной изъ приволжскихъ губерній, долгіе годы, приобрѣсти весьма почтенный чинъ и быть украшеннымъ разными орденами. Гдѣ онъ началъ свою служебную карьеру и въ какихъ городахъ находился на службѣ, мнѣ неизвѣстно; но въ 1866 году онъ появился неожиданно на сценѣ Александринскаго театра и дебютировалъ «Городничимъ» въ «Ревизорѣ» Гоголя и Фамусовымъ въ «Горе отъ ума». Дебюты его были очень удачны, но добрые друзья, какихъ у него въ то время оказалось немало, оказали ему медвѣжьёю услугу и отчасти помѣшали быть принятымъ на службу. Послѣ его успѣшнаго дебюта въ «Ревизорѣ» стали его такъ неумѣренно восхвалять въ газетахъ, что дошли до того, что сказали, что онъ несравненно выше и талантливѣе въ этой роли И. И. Сосницкаго, который въ то время здравствовалъ и появлялся еще на сценѣ. Тогдашнее начальство очень подозрительно глядѣло на подобныхъ дебютантовъ и потому по этой ли, или по какой другой причинѣ, но его на службу не приняли, и долго бы ему не попасть въ Императорскій театръ, если бы не случай да извѣстный писатель Н. С. Лѣсковъ (тоже одинъ изъ его пріятелей) не помогли ему. Произошло это вотъ какимъ образомъ: при директорствѣ С. А. Гедеонова, Н. С. Лѣсковъ ставилъ на сцену свою пьесу «Расточитель», близко знакомую мнѣ, такъ какъ роль Молчанова (самого расточителя) игралъ я, и все, что произошло по поводу Зубова, было на моихъ глазахъ. Гедеоновъ былъ очень расположенъ къ Лѣскову и принималъ живѣйшее участіе въ постановкѣ его пьесы. При распредѣленіи ролей, роль Князева была назначена В. В. Самойлову, но онъ не пожелалъ ни за

что играть ее, такъ какъ она казалась ему и несимпатичной и не-благодарной, а такихъ ролей играть онъ не жаловалъ. Лѣсковъ былъ очень огорченъ его отказомъ, тѣмъ болѣе, что, какъ авторъ, придавая большое значеніе этой роли, не находилъ въ труппѣ ни одного актера, подходящаго для ея исполненія. Начались переговоры съ директоромъ, который очень сочувствовалъ Лѣскову.

— Какъ же быть?—спросилъ Геденовъ.—Кому же вы думаете поручить эту роль?

— Положительно скажу, ваше превосходительство, что на эту роль у васъ въ труппѣ актера не найдется; играть ее некому!! Есть, пожалуй, одинъ артистъ, который могъ бы ее сыграть, но онъ у васъ не служить, онъ играетъ теперь въ Кронштадтѣ!!

— Кто такой?!—спрашиваетъ Геденовъ.

— Зубовъ! онъ дебютировалъ однажды у васъ, но почему-то на службу не былъ принятъ.

— Такъ нельзя ли его пригласить играть въ «Расточитель?» Можно будетъ предложить ему перспективную плату Самойлова, тотъ получаетъ 50 рублей разовыхъ. Пьеса пойдетъ часто, и потому г. Зубовъ будетъ прилично вознагражденъ.

— Чего-жъ бы лучше!—отвѣчалъ радостно Лѣсковъ.—Если это возможно и вы окажете эту милость, я буду очень доволенъ.

Выписали изъ Кронштадта Зубова и, какъ надо было ожидать, получа его согласіе и готовность, вручили ему роль Князева, которую онъ и началъ съ нами играть. Пьеса имѣла солидный успѣхъ, часто игралась, и онъ благополучно получалъ Самойловскіе 50 рублей перспективной платы. Когда же сборы на пьесу ослабѣли, то Зубову предложено было сбавить за роль Князева до 10 рублей, на что онъ тоже былъ согласенъ и продолжалъ ее играть. Это неожиданное приглашеніе было поводомъ къ его поступленію на дѣйствительную службу въ дирекцію: его приняли на службу, и онъ долгое время былъ актеромъ на сценѣ императорскаго театра.

Ошибки не было въ его принятіи; Зубовъ, дѣйствительно, былъ очень полезный и даже хорошій актеръ на извѣстныхъ роли. Несмотря на свои солидные года, довольно тучную фигуру и лысую голову, онъ былъ красивъ собой и представителенъ на сценѣ. Въ нѣкоторыхъ же роляхъ, какъ, напримѣръ, въ роли камердинера, въ комедіи Пальма «Старый баринъ», просто незамѣнимъ.

Что же касается его нравственныхъ качествъ, какъ товарища и вообще человѣка, на это можно сказать или многое или ничего. Это былъ очень умный, хитрый, всегда любезный и черезчуръ ласковый со всѣми человѣкъ, съ самымъ злымъ и ядовитымъ языкомъ. Онъ любилъ выражаться крайне оригинально и комично, такъ что его выраженія достойны были бы, чтобы ихъ записывать. Въ людяхъ, въ которыхъ нуждался, онъ умѣлъ всегда отыскивать слабую сторонку, на которой былъ большимъ мастеромъ разыгрывать то,

что ему было выгодно и полезно. Какъ анекдотъ, про него рассказывали, что иногда передъ своими бенефисами онъ прибѣгалъ къ такого рода хитростямъ, чтобы вѣрнѣе сбывать билеты лицамъ купческаго званія.

Надѣваетъ онъ на себя фракъ, орденъ на шею и отправляется къ какому нибудь намѣченному имъ куцу богатому изъ русскихъ. Звонить.

— Какъ о васъ доложить?—спрашиваетъ его отворившая дверь прислуга.

— Доложите, любезная моя, что коллежскій совѣтникъ Поповъ!—говорить Zubovъ.

Прислуга, видя представительнаго посѣтителя, украшеннаго орденами, со страхомъ докладываетъ хозяину; тотъ съ почтеніемъ спѣшитъ принять его и спрашиваетъ: «чему обязанъ посѣщеніемъ?».

— Честь имѣю представиться—я артистъ Zubovъ!—рекомендуется онъ.—Я столько наслышанъ о васъ, о вашемъ просвѣщенномъ вниманіи къ театру и покровительству всѣмъ артистамъ, что счелъ пріятной обязанностью явиться къ вамъ и просить сдѣлать мнѣ великую честь и не отказать посѣтить мой бенефисъ; позвольте предложить билетъ и афишу! Не откажите! Пьеса идетъ превосходная.

Купецъ, видя передъ собой представительную фигуру съ орденомъ на шеѣ, отъ неожиданности теряется и волей, неволей съ благодарностью принимаетъ билетъ и отсчитываетъ деньги.

Выше я сказалъ, что Zubovъ имѣлъ способность очень оригинально выражаться; какъ примѣръ, приведу одинъ разговоръ его со мною, когда мы однажды зимой ѣхали съ нимъ съ репетиціи изъ Маринскаго театра, въ казенной огромной каретѣ, на полозьяхъ. Во время дороги онъ меня спрашиваетъ:

— Скажите, вѣдь при дирекціи, кажется, существуетъ цѣлый экипажный дворъ для этихъ возковъ, каретъ, кучеровъ и лошадей?

— Какъ же, на Вознесенскомъ проспектѣ, у дирекціи собственный домъ для этого,—отвѣтилъ я.

— И кто же тамъ начальствуетъ, орудуетъ всей этой исторіей?

— Такой-то...—отвѣчаю я.

— Да,—глубокомысленно сказалъ на это Zubovъ,—должно быть... не вредно!.. весьма выгодно управлять этимъ флотомъ!

Онъ не стѣсняясь пользовался своимъ правомъ, какъ служащій актеръ, получать въ театрахъ контрамарки на свободныя ложи и мѣста въ спектакляхъ. Нерѣдко доставалъ себѣ въ трехъ театрахъ въ одинъ и тотъ же вечеръ по контрамаркѣ на свободную ложу и служивалъ этимъ своимъ знакомымъ и людямъ, для него почему либо полезнымъ. Вообще, онъ во многихъ случаяхъ велъ себя крайне нецеремонно. Напримѣръ, при поступленіи на службу Zubovъ былъ до-

вольно обласканъ начальникомъ репертуара П. С. Федоровымъ, который вообще былъ очень любезенъ съ артистами. Пользуясь этой лаской, Н. Н. Зубовъ чуть не каждый день началъ посѣщать Федорова, приходя къ нему раннимъ утромъ для бесѣды. До появленія еще самого Федорова изъ его спальни, Зубовъ, пробравшись къ нему въ кабинетъ, начиналъ чтеніе лежащихъ у Федорова новыхъ газетъ и дожидался его прихода. Тотъ долгое время не зналъ, какъ прекратить эти непрошенные визиты, и раскаивался въ своей излишней любезности.

У Зубова была страсть собирать всякія книги и пьесы въ свою театральную библіотеку, которая у него была весьма обширная; онъ всячески прибрѣталъ ихъ и всегда обращался съ просьбами списать какойнибудь рѣдкій экземпляръ рукописи или книги, при чемъ очень часто забывалъ возвращать взятое для списыванія.

Однажды, за кулисами, кто-то изъ остроумныхъ людей, владѣвшій хорошей библіотекой и къ которому Зубовъ обратился съ просьбой одолжить ему какую-то книгу, отвѣтилъ, что онъ поклялся никому не давать своихъ книгъ и даже давно написать и повѣсилъ на своемъ книжномъ шкапу слѣдующее четверостишіе:

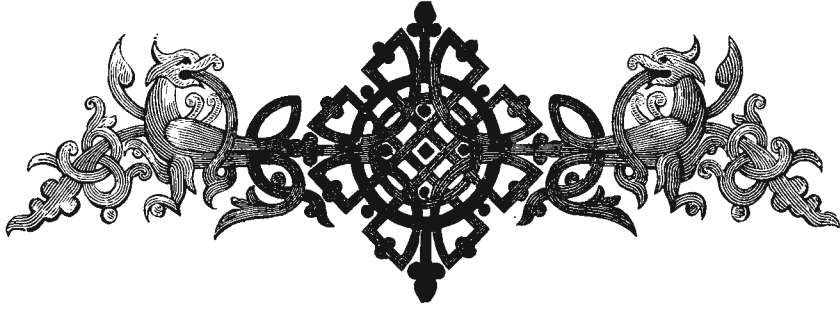
«Хозяинъ друженъ съ стариной,
«А въ старину умно живали,
«И книгой, лошадыю, женой
«Друзей своихъ ужъ не сужали».

П. В. Васильевъ неподражаемо умѣлъ копировать Зубова во всѣхъ его положеніяхъ въ жизни. Отъ этихъ представленій, которыя обыкновенно происходили въ уборной на репетиціяхъ или на спектакляхъ, всѣ присутствующіе умирали отъ хохота. Трудно теперь припомнить многое очень курьезное и назидательное изъ приключеній съ Н. Н. Зубовымъ, но нельзя было не вспомнить въ моихъ запискахъ этого очень недурнаго актера и выдающагося человѣка по своему уму и практичности. Зубовъ, несмотря на бывшія въ 1882 г. гоненія со сцены большинства артистовъ, служившихъ до реформы, умѣлъ еще долгое время удержаться на службѣ и при новыхъ порядкахъ. Онъ умеръ въ 1890 году, уже покинувъ императорскій театръ, и послѣдніе годы, сильно состарившись, игралъ въ Москвѣ, на сценѣ театра Абрамовой.

А. Нильскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕДАВНЯЯ СТАРИНА.

I.

Голубецъ на Красной Полянѣ.

Ри обзорѣ народныхъ преданій и разнаго рода вещественныхъ памятниковъ недавней старины, еще сохранившихся въ предѣлахъ Курской губерніи, вполне справедливо упомянуть и о таинственномъ «голубцѣ», что съ незапамятныхъ временъ одиноко стоитъ среди пустыннаго поля въ Щигровскомъ уѣздѣ, вблизи села Красная Поляна, что на правомъ берегу рѣки Тима.

Высится онъ среди пахатей, довольно далеко отъ проѣзжей дороги, но, несмотря на то, многіе изъ проходящихъ и проѣзжающихъ подходятъ къ нему, или издали снимаютъ шапки и крестятся. Слово «голубецъ», то-есть, двускатная крыша, на подобіе опущенныхъ крыльевъ голубя, отчасти опредѣляетъ характеръ этого памятника и какъ бы подчеркиваетъ, что эта крыша составляетъ его главнѣйшую часть.

И дѣйствительно, его старая, тесовая кровля пользуется въ глазахъ населенія особеннымъ и суевѣрнымъ уваженіемъ. Сильная буря какъ-то сорвала эту крышу, и окрестные крестьяне загово-

рили, что и засуха, а затѣмъ и неурожай хлѣба произошли именно отъ этого. Поэтому-то голубецъ былъ немедленно поправленъ, и затѣмъ утвердился обычай, существующій уже много десятковъ лѣтъ, обязательно поправлять его крышу съ наступленіемъ весны. По словамъ тѣхъ же крестьянъ, нельзя допускать, чтобы въ голубцѣ появилась хотя бы одна трещина, сквозь которую прониклъ бы лучъ солнца. Иначе случится засуха, и хлѣба погибнуть. Всего удивительнѣе то, что упомянутый памятникъ, не имѣющій на себѣ ни креста, ни образа, все-таки пользуется глубокорелигиознымъ уваженіемъ народа, явно смѣшаннымъ со страхомъ.

Не только одинокій путникъ снимаетъ передъ нимъ шапку и крестится, но въ извѣстные дни и, особенно во время бездождія, около него собираются цѣлыя толпы молящихся. А на Петровъ день ежегодно свершается крестный ходъ изъ ближайшей сельской церкви, съ участіемъ мѣстнаго духовенства съ хоругвями и образами. Мало того, что на самомъ памятникѣ нѣтъ никакихъ священныхъ изображеній христіанскаго характера, но въ населеніи никогда не существовало и никакихъ сказаній о какомъ либо святомъ, здѣсь погребенномъ. Наоборотъ, и отсутствіе креста на голубцѣ и стародавнія изустныя преданія указываютъ, что подъ этимъ таинственнымъ памятникомъ далекаго прошлаго, вмѣстѣ съ другими, покоится тѣло какого-то нехристіанскаго чужеземнаго витязя, убитаго богатыря-великана. Вѣроятно, и его подвиги и самый видъ его были слишкомъ необыкновенны, если смутное воспоминаніе о немъ и теперь живетъ въ памяти щигровскихъ насельниковъ.

По рассказамъ стариковъ, «въ допрежнюю старину» великанъ появлялся иногда ночью. Тогда будто его не разъ видѣли стоявшимъ у голубца въ кольчужной рубахѣ съ копьемъ и щитомъ.

Онъ былъ такъ дороденъ и высокъ, что обыкновенный человѣкъ приходился ему по поясъ. Но головы на немъ не было. За то, по словамъ легенды, богатырская голова ежегодно и теперь въ полночь, подъ Петровъ день, сама выкатывается изъ могилы и три раза катится вокругъ голубца, невнятно бормоча какія-то слова, никому невѣдомыя. Такъ какъ голова дѣлала кругъ, то крестьяне для этого оставляли вблизи голубца нѣсколько десятинъ непахати и придавали ей форму круга. Но теперь мѣсто это едва ли достигаетъ и пяти сажень въ поперечникѣ.

По рассказамъ досужихъ людей, богатырская голова «съ пивной котель». На ней желѣзная шапка съ наушниками, прихваченная цѣпью подъ подбородокъ. «Оттого-то, — добавляютъ рассказчики, — въ ночь подъ Петровъ день, вблизи голубца слышится тяжелый гудъ и особенное звяканье...».

А. С. Пушкинъ въ своемъ Русланѣ воспѣваетъ подобную же богатырскую голову. И, конечно, весьма возможно допустить, что и въ основу его баллады легло выше приведенное преданіе, дошедшее до него отъ его курскихъ знакомыхъ.

Приложивъ къ этой замѣткѣ точный рисунокъ голубца и дословно изложивъ народное преданіе, къ нему относящееся, мы позволимъ себѣ приступить и къ попыткѣ уясненія былаго назначенія упомянутаго памятника старины. А съ тѣмъ вмѣстѣ и сгруппировать рядъ наведеній, которыя въ значительной мѣрѣ сглаживаютъ баснословный характеръ народнаго сказанія о голубцѣ, придавая ему видъ исторической достовѣрности.

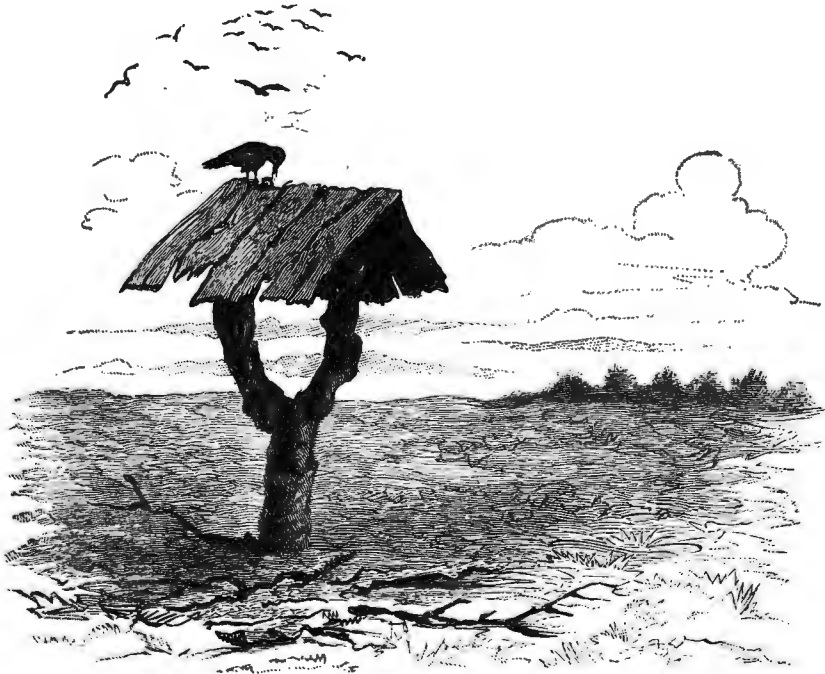
Въ предѣлахъ Курской губерніи еще сохранилось немало памятниковъ глубокой древности. Но къ нимъ не слѣдуетъ приобщать голубца на Красной Полянѣ, а справедливѣе всего его разсматривать на ряду съ памятниками «недавней старины», т. е. никакъ не ранѣе петровскаго времени. И этого рода гипотеза поддерживается соображеніями довольно вѣскими.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отъ сильной бури, подгнившій столбъ голубца упалъ. Поэтому тогдашній волостной старшина Труфановъ, крестьянинъ деревни Красной Поляны, «опасаясь народной смуты», а также и лично по своему уваженію къ этому памятнику, вмѣстѣ съ своими родными, наспѣхъ поѣхалъ въ ближайшій лѣсъ, гдѣ имъ удалось найти такой же раздвоенный дубъ «развилочки», какой былъ и старый.

«О томъ, что Голубецъ упалъ,—передавалъ мнѣ Труфановъ,—еще никто не зналъ по деревнямъ, и чтобы не булгачить народа, мы поѣхали одни, захвативъ съ собою лопаты, топоры и все, что нужно, и рано утромъ отомчали новый стоянъ. Помолая Богу, мы принялись рыть яму для столба и для этого стали выкапывать изъ земли отгнившій пень. Выкопавъ широкую яму, мы увидали, что прежній Голубецъ стоялъ на могилѣ, которая была длинна и широка и очень глубока, какъ хорошій погребъ. Человѣческія головы видѣлись въ ней ворохами, какъ кавуны на базарѣ. Вся яма была завалена человѣческими костями, руками, ногами и ребрами, ширинѣ которыхъ мы удивлялись. Костей было такъ много, что ни у кого на дворѣ нѣтъ столько дровъ. На многихъ черепахъ чернѣлись дыры отъ проломовъ костей, хотя у нѣкоторыхъ головъ толщина черепа были въ палець. Однѣ головы были скулатыя, другія поменьше и будто протянуты. У всѣхъ зубы были бѣлые, какъ коленкоръ, и блестящіе. Въ могилѣ повсюду видѣлись топоры, на манеръ нашихъ сѣчекъ, чѣмъ рубятъ капусту, длинныя, предлинныя, совсѣмъ прямые ножи, стрѣлы, которыми прежде «изъ рукъ стрѣляли», и желѣзные стволы отъ ружей. Мы не лазили въ могилу и только сверху собрали пуда съ два копейныхъ желѣзокъ, наконецниковъ отъ стрѣлъ, ружейныхъ курковъ съ хитрыми колесиками. Послѣ все это мы продали въ желѣзную лавку. Мы подняли самыя верхніе три черепа, завернули въ чистое полотенце и положили въ основаніе стояна отъ голубца. А затѣмъ отоптали столбъ и скорѣе уѣхали домой, захвативъ съ собою гнилыя развилочки»...

И вотъ эти-то краткія, но чрезвычайно важныя свѣдѣнія, какъ бы мимоходомъ брошенныя простымъ неграмотнымъ крестьяниномъ, и даютъ возможность археологу или просто любителю старины, наконецъ-то постигнуть былое значеніе этого таинственнаго и еще никѣмъ необъясненнаго памятника, завѣщаннаго намъ стариною.

Благодаря имъ, трудно сомнѣваться, что голубецъ на Красной Полянѣ есть памятникъ, поставленный на мѣстѣ злой сѣчи русской рати съ калмыцкою ордою. Извѣстно, что при Петрѣ, едва завоевавшемъ Азовъ, въ задонщинѣ еще бродило немало сильныхъ, многочисленныхъ и воинственныхъ ордъ калмыцкихъ, кои только по-

Старинный Голубецъ у села Красная Поляна, Щигровскаго уѣзда.

минально признавали власть сперва хана крымскаго, а позже русскаго монарха. И многіе изъ этихъ калмыцкихъ князьковъ еще при Петрѣ, и при томъ не разъ, ходили войною противъ русскихъ, разоряя казацкіе города и хутора по Дону и по рѣкамъ, въ него упавшимъ. А рѣка Тимъ, на берегу коей стоитъ Голубецъ, и принадлежитъ именно къ такого рода рѣкамъ. Умѣстно добавить, что окрестности рѣки Тима, Красной Сосны и рѣки Кшени, еще на памяти мѣстныхъ старожиловъ, изобиловали степями, отъ вѣка непаянными, и которыя въ сущности были остатками того Дикаго Поля, что доходило и до самыхъ береговъ синяго Дона. Нахожденіе нако-

нечниковъ, копій, стрѣлъ и сѣкиръ въ одномъ мѣстѣ со стволами ружей, напоминающихъ своими курками Петровскіе аркебузы, кортиковъ и палашей, прямо укрѣпляетъ мысль, что битва, нѣкогда гремѣвшая на полѣ, гдѣ теперь безмолвно чернѣется голубецъ, только и могла происходить между Петровскимъ войскомъ и между ближними кочевниками его времени, т. е. придонскими калмыками, которые до послѣднихъ дней вооружались копьями, сѣкирами и стрѣлами. При этомъ надо имѣть въ виду, что хранящіеся въ могилѣ прямые ножи, т. е. кортики, рейтарскіе палаша и ружья-фузеи стараго солдатскаго строя и при самомъ Петрѣ Великомъ были скоро замѣнены инымъ типомъ оружія, вскорѣ послѣ Полтавской побѣды, слѣдовательно, упомянутое выше оружіе не могло бы попасть въ эту могилу и послѣ Петра Перваго. Такимъ образомъ, самая форма оружія убѣждаетъ насъ, что таинственное побоище на берегу Тима не могло быть и не ранѣе, и не позднѣе Петра, а происходило именно въ его время.

При пахотѣ и вблизи самого голубца, т. е. съ поверхности земли, еще и теперь выплываютъ кости, оружіе и перстни восточной работы. Нѣкоторые перстни украшены желтымъ камнемъ, что называется «кошачій глазъ». Такой перстень тоже имѣется у крестьянина Труфанова.

Легенда о богатырской головѣ и о необыкновенномъ великанѣ, схороненномъ подъ голубцомъ, тоже не противорѣчитъ, а подкрѣпляетъ ту же мысль. Вѣдь на Востокѣ, какъ самомъ отдаленномъ, такъ и въ сосѣдственномъ намъ Иранѣ и Туранѣ, искони существовалъ обычай, чтобы битву начиналъ великанъ-богатырь, шедшій впереди рати и воодушевлявшій ее среди ужасовъ кровавой сѣчи, нерѣдко рѣшавшій судьбу цѣлыхъ народовъ и царствъ. Таковы были всѣ эти Рустемы, Зорабы, Голиабы, которымъ побѣдители отрубали головы. Таковы были въ предѣлахъ Россіи половецкіе и печенѣжскіе богатыри, подобные тому, котораго у Переяславля Кіевского убилъ Янъ-Усмовецъ. Таковъ былъ Редедя, великанъ и богатырь косожскій, зарѣзанный Мстиславомъ Удалымъ; таковъ былъ великанъ и богатырь Бурундай, шедшій во главѣ монгольской орды, впервые разорившей княжество Рязанское и всю область Суздальскую; таковъ же былъ и великанъ монгольскій, начавшій Куликовскую битву и первый сложившій свою голову отъ копья Ослябы.

Даже и въ настоящее время и татары заенисейскіе и ближніе къ намъ киргизы, идя ратью для разоренія враждебнаго имъ рода и для баранты, всегда имѣютъ во главѣ самаго сильнаго и храбраго изъ своихъ единоплеменниковъ.

И, конечно, совершенно естественно, что и впереди той невѣдомой намъ калмыцкой орды, разорявшей придонскія мѣста (т. е. и ту часть Курской стороны, гдѣ стоитъ описанный нами голубецъ) и что была избита русскою силою, — тоже выѣзжалъ доблестнѣйшій

витазь той рати и великанъ-богатырь, голова коего тоже легла вмѣстѣ съ другими. Мало того, многія соображенія располагають насъ утверждать, что насельники этой части Курской стороны, конечно, очами своихъ предковъ, даже и видѣли этого великана и его отрубленную голову, и, быть можетъ, катали ее вокругъ памятника, какъ диковинную и главнѣйшую трофею своей побѣды. Вѣдь трудно допустить, чтобы легенда, живущая уже третье столѣтіе среди мѣстнаго населенія изустно и все въ одной и той же формѣ передаваемая отъ одного поколѣнія къ другому, не имѣла бы реальнаго основанія. Сама живость и точность описанія тогдашняго вооруженія только поддерживаетъ предлагаемое наведеніе.

Въ то же время трудно допустить мысль, чтобы тогдашнее населеніе ближайшихъ деревень, видя передъ собою битву русской рати съ полчищами враговъ, пришедшихъ разорять ихъ жилья и нивы, не приняло бы самаго живаго участія въ этой битвѣ, отъ исхода которой болѣе всего зависѣла ихъ судьба. Къ тому же однодворцы, даже и по закону, обязаны были выходить на войну, какъ сословіе служивое, несшее подобно казакамъ за свои земли воинскія повинности. Только въ видахъ этого однодворцы и разсѣлялись по окраинамъ Россіи; въ центрѣ государства нѣтъ однодворцевъ, а живутъ они и понынѣ только на тѣхъ мѣстахъ, кои нѣкогда были окраинами царства.

Къ этому умѣстно добавить, что даже самая невѣроятная и, такъ сказать, совершенно баснословная часть преданія о говорящей головѣ, будто бы самопроизвольно катавшейся, и о богатырѣ, будто бы стоявшемъ когда-то безъ головы у голубца, тоже въ сущности не теряетъ реальнаго характера. Наши древніе письменные памятники свидѣтельствуютъ, что и въ самой Москвѣ случались подобнаго рода невѣроятныя явленія. Таково, напримѣръ, преданіе о богатырѣ, купчинѣ Харитонѣ Бѣлеуленевѣ ¹⁾. Вѣдь въ извѣстной мѣрѣ и про

¹⁾ Живописная Россія, томъ II, очеркъ IV, стр. 144, статья И. Е. Забѣлина... «Царь Іоаннъ Грозный повелѣлъ на пожарѣ (т.-е. на той части Красной площади отъ Лобнаго мѣста до Иверскихъ воротъ) уготовить 300 плахъ, а въ нихъ 300 топоровъ и 300 палачей, стоявшихъ у плахъ... Съ утра, въ три часа дня, царь выѣхалъ на площадь въ черномъ платьѣ, съ сотниками и стрѣльцами, и повелѣлъ палачамъ забирать по человѣку изъ бояръ, изъ окольничихъ, изъ стольниковъ, изъ гостей, изъ гостиной сотни... Взяли восьмого, именемъ Харитона Бѣлеуленева, и не могли на плаху склонити, былъ великъ ростомъ и очень силенъ. Вскричалъ онъ къ царю съ грубостью: «почто царь великій неповинную нашу кровь проливаешь?». Многіе псаріи начали помогать палачамъ и едва могли его преклонить на плаху. Отсѣкли ему голову, но отрубленная голова испрыгнула изъ рукъ на землю, и тамъ сѣмо и овамо вспрыдовавъ, глагола несвѣдомое, трупъ же его вскочилъ на ноги свои и началъ трястися на всѣ стороны, обливая кровью вокругъ стоящихъ... Многіе палачи сбивали съ ногъ тѣло и никакъ не могли его уронить. А падающая съ него кровь, гдѣ упала, и еще болѣе играла красно вельми, какъ живая... Трупъ Бѣлеуленева трясся весь день и во второй часъ ночи упалъ самъ на землю...».

него можно сказать, что голова его самопроизвольно прыгала и каталась по землѣ; что его отрубленная богатырская голова горела; что тѣло его на удивленіе всѣхъ стояло безъ головы.

Надо думать, что въ минушія богатырскія времена, когда... «отъ силушки было тягостно»... когда «силушка по жилушкамъ показивала», подобные примѣры, а можетъ быть, и еще болѣе разительные случаи человѣческой живучести, являлись несравненно чаще, чѣмъ то можемъ предположить мы, люди вѣка физическаго безсилія, умственнаго переутомленія и малокровія.

Такимъ же образомъ вполне возможно допустить, что и теперь невѣдомый намъ необычайный богатырь, схороненный подъ голубцомъ на Красной Полянѣ и, быть можетъ, взятый въ плѣнъ при разгромѣ калмыцкой рати, былъ обезглавленъ вблизи упомянутаго памятника, послѣ чего, подобно нашему Бѣлеуленеву, и онъ поднялся и долго стоялъ обезглавленный. А громадная голова его въ обычной для калмыка того времени воинской желѣзной шапкѣ съ наушниками каталась вокругъ и говорила невѣдомыя рѣчи. Все это и могло лечь въ основу баснословнаго преданія о говорящей и катающейся головѣ у голубца на Красной Полянѣ.

А такъ какъ, судя по различнымъ черепамъ, могила убитыхъ была общая, какъ для русскихъ христіанъ, такъ и для калмыкъ нехристей, или, въ крайнемъ случаѣ, для христіанъ и для одного богатыря калмыцкаго, коего не въ примѣръ прочимъ сами русскіе могли почитать погребеніемъ, какъ доблестнаго витязя, то этимъ могло бы объясниться отсутствіе креста, замѣннаго простымъ голубцомъ. При этомъ уясняется и вся законность христіанскаго моленія на костяхъ убитыхъ воиновъ русскихъ, при чемъ даже самый обычай непремѣнно молиться на Петровъ день, быть можетъ, указываетъ, что и битва эта происходила именно въ эту пору года. Въ подтвержденіе того, что поле у села Красной Поляны нѣкогда служило мѣстомъ битвы, можно усмотрѣть и въ названіяхъ ближайшихъ урочищъ, такъ, напримѣръ, два поля, лежація другъ противъ друга и только раздѣленныя небольшимъ логомъ, называются «Станы», а другое поле, на которомъ стоитъ и самый голубецъ, именуется «Побойще».

II.

Послѣдняя казнь.

1.

Еще совсѣмъ въ недавнюю старину публичная казнь душегубовъ совершалась на мѣстахъ ихъ преступленій. А къ самому дню казни сотскіе, десятскіе и головы сбивали туда же народъ съ ближайшихъ

деревень для того, чтобы, глядя на жестокое наказаніе, и другимъ было не повадно. Потому-то нерѣдко случалось, что даже въ самомъ крошечномъ поселкѣ сооружался громадный черный эшафотъ съ высокимъ позорнымъ столбомъ, наводившій ужасъ на всю окрестность. Затѣмъ туда появлялись приказные, солдаты со сверкавшими штыками, и палачь-«катъ» со всеѣмъ своимъ страшнымъ инструментомъ. Собственно въ Щигровскомъ уѣздѣ послѣдняя казнь этого рода происходила 1841 года, въ іюнѣ мѣсяцѣ, при селѣ Патепникѣ. Она неразрывно связана со слѣдующими душу потрясающими событіями, о которыхъ мы и передадимъ здѣсь со словъ очевидцевъ: Дмитрія Евсеѣва Михайлова, Ивана Бышкіна, Никифора Григорьева Кривулина и многихъ другихъ мѣстныхъ старожиловъ.

Среди села Крутого, крайнія хаты котораго доходятъ почти до города Щигровъ, жилъ крестьянинъ Кириллъ Аванасьевъ Безгинъ со второю женою Лукерьей и двумя сыновьями подростками: Левомъ и Михайлою. Кириллъ былъ уже «подъ годами», то-есть ему было за пятьдесятъ лѣтъ. Жена же его, вѣнчавшаяся съ нимъ чуть не 14-ти лѣтъ, смотрѣла еще совсѣмъ бойкою и красивою молодкою. Только при своемъ старомъ и некрасивомъ мужѣ она казалась печальною и молчаливою, но зато съ кумовьями и сватовьями она очень любила поболтать и весело посмѣяться. Односельцы и другіе знавшіе Кириллу уважали его за его умныя рѣчи, за степенство его миролюбиваго нрава и за его искусство въ разнаго рода ремеслахъ. Казалось, не было вещи, которую не сумѣлъ бы сдѣлать старикъ Безгинъ. «На что ни глянешь, то и сдѣлает!»—не безъ удивленія говаривали про него по округѣ. Онъ и печку тебѣ сложить лучше каждаго печника, и раму свяжетъ въ окошко по-столярному, и сапоги сошьетъ, что цѣлый годъ носи безъ починки. Сыновей своихъ старикъ тоже обучалъ всему этому, но, несмотря на все его старанія, ребята его «взялись» только за сапожное мастерство. Вообще же говоря, дѣти его были пустые шелопаи. Они только и думали о разнаго рода гулюшкахъ.

— Похоже, по матери пошли!—говаривали про нихъ на селѣ.— Тоже и ихъ не выкинешь изъ развѣеваго десятка.

Однако Кирилла любилъ своихъ сыновей, а въ женѣ, какъ говорится, души не чаялъ. Желая всячески зашибить деньгу, чтобы вмѣсто своего разваливашагося двора выстроить новый, а вмѣсто крохотной хатки, «топившейся по-черному», вывести изъ полѣсья свѣтлую «связь», и видя, что мѣстные заработки ничтожны, Кирилла, главнымъ образомъ по настояніямъ жены, рѣшился идти на заработки на югъ Россіи. Счастье повезло старику, онъ попалъ на хорошія мѣста, и то и дѣло присылалъ деньги домой дорогой ему женѣ. А та еще чаще стала извѣщать его то о падежѣ коровы, то объ украденной у нихъ лошади, о неурожаяхъ хлѣба, и такъ далѣе, еще и еще требуя отъ мужа денегъ «на поправку». Но съ тѣмъ

вмѣстѣ, его хозяйка и утѣшала старика, что деньги, имѣ присланныя, пошли на дѣло, что она занесла новый тесовый дворъ, срубила двойную хату изъ краснаго лѣса съ мостомъ ¹⁾, купила хорошую лошадь, овецъ и пр.

Этого рода вѣсти поддерживали и радовали Безгина. И онъ, больной и ослабѣвшій отъ чрезмѣрной работы, дожидался только весны, чтобы съ порядочными деньгами возвратиться домой, гдѣ, по письмамъ его жены, хозяйство его было уже хорошо устроено.

И дѣйствительно съ наступленіемъ тепла и просухи старикъ, изморенный и согнувшійся на посохъ подъ своей котомкой, уже добрался до своего родного села. Надежда скорого свиданья съ женою и дѣтьми придавала ему бодрости. Вотъ-вотъ, думалось ему, еще издали покажется его дворъ и уютная теплая изба, гдѣ наконецъ-то можно будетъ ему отдохнуть отъ его долготѣней непосильной работы.

Утѣшая себя такимъ образомъ, твердый и всегда воздержный старикъ зашелъ въ шинокъ, красовавшійся у дороги, и купилъ штофъ водки, селедокъ и низку калачей.

— Слава тебѣ, Господи, насилушку-то я добился до дома, теперь надо погулять на радостяхъ со всѣми семейскими,—говорилъ старикъ шинкарю, и еще бодрѣе зашагалъ онъ дальше, все отыскивая глазами свою новую хату. Однако ея все еще не было видно. Вдругъ Кирилла остановился и въ отчаяніи всплеснулъ дрожащими руками. Передъ нимъ стоялъ его дворъ... Но теперь онъ казался еще хуже, болѣе разореннымъ, чѣмъ онъ былъ прежде! Духъ перехватило у старика, и самъ не свой онъ быстро вошелъ въ свою хату... И съ той минуты по селу Крутому уже никто не видалъ стараго Кириллу... Когда вечеромъ собрались къ его двору родные и старые пріятели, Лукерья сердито объявила имъ, что мужа ея дома нѣтъ, что онъ разсерчалъ на нихъ, всѣхъ избилъ палкою и пошелъ въ Харьковскую губернію.

2.

На другой день, уже съ утра, въ избу Кириллы стали навѣдываться его кумовья, сватовья, родные и знакомые. И получивъ одинъ и тотъ же отвѣтъ отъ Лукерьи, явно растревоженной и озлобившейся, они съ недоумѣніемъ выходили на улицу, гдѣ наконецъ цѣлою толпою собрались противъ двора Безгина. Лукерья и ея ребята съ замираніемъ сердца и съ ненавистью слѣдили за ними, кто изъ-за дверной щели, кто изъ-за угла окошка.

Конечно, никто не вѣрилъ, чтобы старикъ, только что прошедшій пѣшкомъ нѣсколько сотъ верстъ и едва добравшійся до дома, снова

¹⁾ То-есть досчатымъ поломъ.

вернулся назадъ, не отдохнувъ, не устроивъ ничего по хозяйству, и притомъ въ такую темную ночь. Словомъ, рѣшительно никто изъ односельчанъ не вѣрилъ Лукерѣ объ уходѣ ея мужа, и въ то же время никто не могъ объяснить себѣ, куда могъ онъ дѣваться.

— На мужа обижается,—переговаривались промежду себя мужики и бабы:—зачѣмъ онъ побилъ ее и своихъ сыновей.

— Ну, да какъ же жъ ихъ не бить?—переспрашивали другіе.—Старикъ уже изъ своей кожи вылѣзъ, всѣ свои косточки натрудилъ, всѣ свои жилы порвалъ на работѣ, все о хозяйствѣ убивался. Имъ же норовилъ все посправить, а они люли-да-гули заводили! День и ночь, праздникъ и будни, бражничала она да всякіе узоры разводила со своими друзьями. Къ тому же она, негодница, и своихъ сыновей приучила.

— Ну, ужъ и сыночки ея,—замѣтилъ одинъ изъ родственниковъ Безгина:—такихъ породила мама, что не примаешь ихъ и яма! А гордость себѣ имѣютъ тоже не послѣднюю, только вотъ на работу легки. Люди хлѣбушко косятъ, а они на балалайкахъ играютъ, въ холодочкѣ себѣ посиживаютъ, вино испиваютъ, да еще назовутъ къ себѣ кума, да свата, да просто Кондрата; а нѣтъ сами по гостямъ треплются съ матерью. Прощай, дескать, квашня, я гулять пошла!...

— Да имъ, спасибо, и работать нечего!—хотели другіе.—Скотинку всю они поразмытарили, земельку всю пороздали внаймы, то есть какъ есть всю позагнали въ чужія руки лѣтъ на девять и денежки провели-прогуляли. А теперь иной разъ дня по два не ѣвши сидятъ.

— Ну, ужъ извѣстное дѣло,—слышались въ толпѣ насмѣшливыя замѣчанія.—Какая пашня, такая и брашня. Ужъ именная правда говорится, что пустой мѣшокъ не скоро надуешь, то и дурака не скоро научишь. А черезъ это самое и выходитъ, что нашъ Кириллушка свою корову за рога держалъ, а люди молоко доили.

Въ это время къ говорившимъ подошелъ родной братъ Кириллы, Финогенъ, уже совсѣмъ дряхлый старикъ. А за нимъ бѣжала небольшая дворняжка. Собаченка эта, кличкою «Рябка», жила сперва на дворѣ Кириллы, а когда тотъ ушелъ на заработки, то отъ безкормицы и отъ побоевъ молодыхъ хозяевъ она сбѣжала къ его брату, гдѣ ей хотя изрѣдка бросали корочку хлѣба. Добѣжавъ до стоявшихъ мужиковъ, собаченка эта усѣлась у ногъ Финогена. Нѣкоторое время она сидѣла совершенно спокойно, но затѣмъ ее внезапно охватила какая-то тревога. Взвизгнувъ и завилывъ хвостомъ, она радостно заметалась по дорогѣ, словно причуывая какой-то слѣдъ, и дробною рысью побѣжала во дворъ Безгина, своего прежняго до нея ласковаго хозяина. Но, постоявъ немного около сѣнecъ и обнюхавъ порогъ, Рябка неожиданно присѣла на хвостъ и, закинувъ голову вверхъ, завывла ужасающимъ голосомъ.

Лукерья съ сыновьями выскочила изъ хаты и съ лицомъ, искаженнымъ злобою, принялась бить ее чѣмъ попало, отгоняя ее отъ своего двора. Но Рябка и отбѣжавши продолжала выть на всѣ голоса. Народъ долго съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на всю эту «сцену» и наконецъ сталъ расходиться, покачивая головами.

— Украдено мудрено, но только и это будетъ найдено!—многочисленно замѣтилъ Финогенъ, тоже трогаясь восвояси.

3.

Однако дни шли за днями, и о Кириллѣ не было ни слуху, ни духу, словно онъ канулъ въ воду. Но въ то же время ночной сторожъ той улицы, гдѣ стоялъ дворъ Безгина, вездѣ говоритъ, что уже нѣсколько разъ подрядъ онъ видѣлъ, что Лукерья и ея ребята рано утромъ выходятъ изъ хаты, становятся рядочкомъ у дверей и начинаютъ креститься и земно кланяться, глядя на свой конопляникъ. А вскорѣ затѣмъ, мальчишки, поднимая бумажный змѣй, упавшій на Безгиновскій огородъ, оглядѣли, что изъ одной кучи навоза, туда вывезеннаго, торчитъ сапогъ. А вблизи того мѣста была Рябка, раскапывая навозъ передними лапами.

Слухъ этотъ дошелъ и до сотскаго. Однако, какъ человекъ опытный, онъ не рѣшился идти прямо къ двору Кириллы, дабы не навлечь лично на себя поджега или иной мести Безгиновскихъ ребятъ, давно разбаловавшихся и готовыхъ на всякое преступленіе.

Вмѣстѣ со старостою и другими стариками онъ, распустивъ слухъ, что у ихъ бакшевника будто бы пропали хомуты, пошелъ съ обыскомъ въ самый дальній дворъ той улицы, гдѣ жила Лукерья. По обычаю, «повальный обыскъ», которому подвергается вся улица или вся деревня, никѣмъ не почитается за позоръ или обиду. Обыскъ обошелъ всю улицу и наконецъ достигъ Безгиновскаго двора, гдѣ, для отвода глазъ, нарочно лазили и на потолокъ и на гумно подъ солому, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Лукерьей и ея сыновьями, пошли и на конопляникъ, покопаться тамъ подъ навозными кучами, что были вывезены еще зимою.

И уже съ этой минуты Лукерья, окруженная понятыми и сельскимъ начальствомъ, какъ-то сразу получила видъ уличенной преступницы. Бѣлая какъ мѣлъ, она едва передвигала ноги. Нечего и говорить, что бѣдный Кирилла, уже на половину откопанный Рябкою, былъ вскорѣ же найденъ и принесенъ въ его же хату, гдѣ его и положили подъ образа. Лысая голова старика была разможжена, и весь онъ былъ залитъ кровью. Тихо всхлипывая, Лукерья опустилась передъ нимъ на колѣна и крестясь принялась просить прощенія у убитаго мужа.

— Свѣтикъ мой Кирилла Аѳанасьячъ, прости ты меня грѣшную, погубила я твою душу запонапрасну... Затѣмъ она поднялась и на допросы головы, какъ все это было, рассказала слѣдующее.

— Мужъ мой,—начала Лукерья, и лицо ея сразу одеревенѣло,—вошелъ къ намъ въ хату совсѣмъ невзначай, и съ перепугу мы не знали, что намъ дѣлать, такъ какъ мы не ждали и боялись его прихода, зная, что мы виноваты передъ нимъ. Притворовъ дверь, онъ положилъ на столъ все, что было съ нимъ, и потомъ долго стоялъ среди хаты, качая головою и всплескивая руками. А тамъ, какъ мнѣ показалось, онъ и заплакалъ. Онъ съ нами ни поздоровался, ни поклонился, ни промолвилъ ни одного словечка, все стоялъ молча, опутивъ голову. Глядь, съ потолка и упалъ кусокъ гнилой доски и прямо передъ его ногами. Стало быть, хатенка-то наша вся сгнила, и потолокъ сопрѣлъ, а онъ какъ хлопнулъ дверь, доска-то похоже и отдрогнула. Тутъ заразъ онъ и подскочилъ ко мнѣ со своею палкою и давай меня бить да приговаривать: такъ вотъ какіе хоромы вы выстроили! Такой-то вы дворъ завели на мои денежки... а ужъ самъ меня бьетъ, колотить... А потомъ взялся и за ребятъ. Побивши насъ, подошелъ онъ къ вину, что самъ же онъ принесъ, да прямо съ горлышка и взялся пить. И такъ онъ выпилъ почитай что съ половину, закачалъ головою и полѣзъ на печку. Мы сидимъ ни живы, ни мертвы. Вотъ какъ захрапѣлъ онъ, я и промолвила своимъ ребятамъ: «ребята, говорю я имъ, а вѣдь намъ безпримѣнно надо прибрать старика, не то онъ всѣхъ насъ со свѣту скотить, такого дѣла онъ намъ ни въ жисть не проститъ!» А ребята-то взялись упираться, особливо младшій Мишутка. Онъ даже заплакалъ и отвѣчаетъ: лучше пускай онъ насъ бьетъ—мы виноваты, а мы-то за что его будемъ бить? Чѣмъ таки онъ виновенъ передъ нами? И такъ долго они упирались, пока оба они не захмелѣли отъ водки. Въ то время старикъ заохалъ и свѣсилъ свою голову съ печки. Мы такъ и вздрогнули. А тамъ я оглядѣла, что это онъ съ просонья перевѣсилъ голову, и говорю Левону: «Левка, бей его скорѣй, а то онъ проснется». Левка подскочилъ къ лавкѣ, ухватилъ дубовую наковальню, кованную желѣзомъ, на которой они въ сапоги гвозди забивали, да прямо вдарилъ его по лысинѣ. Кровь такъ и хлынула, даже что-то хрустнуло тамъ... должно, кость. Въ тѣ жеи самъ старикъ свалился на полъ. А потомъ разомъ приподнялся и ухватилъ ихъ обоихъ за волоса. И такой онъ еще оказался здоровый, что вскорѣ онъ сталъ съ ними было поправляться. Одного подъ колѣно подбилъ, а Левона тоже уже къ землѣ пригнулъ. А самъ кричитъ: «разбой—убиваютъ! помогите!» Только похоже было, что онъ не знаетъ, кто съ нимъ дерется, потому что кровь совсѣмъ залила ему лицо и глаза. А я такъ-то вотъ у двери стою, крючокъ накидываю, чтобы кто не взошелъ... Узривъ онъ меня какъ-то и

кричить: «Лукерья, подмогни! бей ихъ по головѣ!»... Я заразъ подбѣгла къ нимъ. Захватила его сзади за глотку оборкою ¹⁾ и перекинула назадъ. Тутъ мы его и покончили. Все больше Левка билъ его наковальной куда зря. Солнышко уже ашло, и въ хатѣ стало темно, а огня мы нарочно не вдували, чтобы крови не было видно. Старика же мы прикрыли соломой. И только что мы управились, глядь, и его кумъ Данилка въ хату вошелъ, Кириллу спрашиваетъ. Мы его вскорости выпроводили. А ночью мы отнесли убитаго на свой огородъ и закидали навозомъ. Именно въ нынѣшнюю ночь мы и собирались закопать его на конопляникѣ, разметать все навозныя кучи и запахать съ бороною, и тогда мы бы сами не скоро могли найти это мѣсто. Однако, все это дѣло распалъ Рябка, его собаченка, что онъ щенкомъ выкормилъ. Она-то и не давала намъ ходу. Все бывало брешеть на насъ, да кусается и сосѣдей будгачить... Ну, конечно, намъ на собаку обижаться нечего,—съ тяжелымъ вздохомъ добавила Лукерья,—потому что все это Господь строить... Все это наше дѣло, нашъ и отвѣтъ!»..

4.

Голова немедленно арестовалъ преступниковъ и приставилъ къ нимъ караулъ изъ шести мужиковъ и затѣмъ донесъ все по начальству. Какъ водится, тотчасъ же началось слѣдствіе, а виновныхъ отвели въ Цигровскую тюрьму, гдѣ и продержали ихъ цѣлые два года. При этомъ народная молва добавляетъ, что за все время они не умывались и не мѣняли бѣлья, почему этихъ заключенныхъ совсѣмъ съѣла вошь. Но вотъ наконецъ и тогдашнее слѣдствіе окончилось, и судъ приговорилъ Лукерью къ плетямъ, а сыновей ея къ нещадному битью кнутомъ, къ постановкѣ знаковъ на лбу и къ ссылкѣ въ Сибирь.

Мѣстомъ публичной казни избрали не самую деревню Крутое, гдѣ совершенно убійство, а выгонъ, что находился между церковью села Потемкина и между самимъ упомянутымъ селомъ. Тамъ-то, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь приходится уголь сада мѣщанина Турбина, и поставили высокій черный эшафотъ съ позорнымъ столбомъ. А ко дню казни, еще задолго до прибытія властей и преступниковъ, туда со всѣхъ ближайшихъ деревень согнало множество народа. Дородный, рыжій, разодѣтый по-праздничному и уже хмельный палачъ съ краснымъ, конопатымъ лицомъ, тоже явился со своими помощниками, «заплечными мастерами». Бабы и дѣвки, съ которыми онъ все заигрывалъ, въ ужасѣ сторонились отъ него, хоронясь за мужиковъ. А онъ, порядочно выпивши, еще болѣе лѣзъ къ нимъ

¹⁾ Небольшая веревка — обрывокъ.

и хохоталъ хриплымъ басомъ, похваляясь своимъ богатствомъ, любой изъ нихъ предлагалъ выйти за него замужь.

— Законъ сполнять человѣку не покоръ! — кричалъ онъ. — Я хоть и палачъ, по-вашему, по-дурацкому «катъ», а все-жь таки я не хуже васъ. А денегъ-то у меня и дѣвать некуда. Потому умный человѣкъ всегда нашего брата заискиваетъ передъ казнью. Вѣдь, кажется, всякъ долженъ понять, что въ этакомъ случаѣ всѣ дѣла за нами стоять. Коли я захочу, я съ одного раза твою душу выбью, и ты даже крику не дашь! А захочу—живъ будешь, со всей мочи буду стегать, и кровь будетъ и все какъ должно, а между прочимъ, тебѣ совсѣмъ не будетъ больно и самое большое наказаніе ты перенесешь за мое почтеніе и опять выздоровѣешь. Это, други мои,—объяснялъ мужикамъ пьяный палачъ,—все отъ кнута зависитъ и отъ искусства.

И говоря это, палачъ показалъ свое страшное орудіе.

— Къ примѣру сказать, я этимъ кнутомъ могу владѣть, какъ угодно... Захочу—такъ его пуцую, что съ одного удара доска лопнетъ, а то и муха изъ-подъ него вылетитъ. Вѣдь то же самое, этому мы отъ старыхъ мастеровъ заучаемся. Они проведутъ мѣломъ черту по полу, да и заставятъ насъ, чтобы всѣ три хвоста заразъ попадали по той-то черточкѣ. А потомъ того заучаютъ насъ распускать кнутъ. Проведутъ три черточки, на манеръ гусиной лапки, и ты долженъ бить такъ, чтобы каждый конецъ по своей чертѣ шель, а не то, братуха, и тебя проберутъ лихо. А вѣдь кнутъ нашъ не сказать, что ужъ очень-то плохъ. Тожъ и за нимъ уходы не малые, чтобы его нарядить, какъ должно. Надо всѣ три конца прокатать промежь двухъ кирпичей, да промаслить ихъ дегтемъ, да привалывать дорожной пылью; надо его концы завить да въ молоко размочить, а потомъ и засушить на солнцѣ. Вотъ онъ и будетъ кнутъ настоящій, и концы его будутъ тѣло пробирать, какъ надобно, потому что они усохнутъ и станутъ, словно когти звѣриныя. Такъ-то, сударики вы мои,—говорилъ палачъ спяну и не замѣчая, съ какимъ страхомъ сторонились и смотрѣли на него его слушатели.

— Да и ващѣ Левонъ Кириллычъ,—добавилъ катъ,—то же самое напросилъ меня, чтобы я его не мучилъ понапрасну, и за это денежки мнѣ далъ—все просить, чтобы я его съ одного разу до смерти убилъ, потому, говорить, не хочу идти въ Сибирь... Что-жь, я и въ этомъ могу его уважить,—хвалился палачъ,—а Мишка все плачетъ въ тюрьмѣ и тоже денежки мнѣ подаль, чтобы я его пожалѣлъ и опять на Русь пустилъ.

Б.

Наконецъ, вдали послышался грохотъ барабана, по дорогѣ за-виднѣлся народъ, окружавшій повозки съ преступниками, и заблестѣли на солнцѣ штыки конвоя.

Лукерья и оба ея сына до того исхудали, пожелтѣли, что ихъ было трудно узнать. Трясущихся отъ страха и скованныхъ кандалами, ихъ рядкомъ поставили у позорнаго столба, гдѣ они пребыли довольно долго. Въ это время палачъ устанавливалъ на эшафотѣ «кобылу», высокую скамью, обитую кожей съ ремнями, которыми увязывали руки и ноги преступника. А помощники палача недалеко отъ эшафота стлали солому, а по ней рогожу, на которой они готовились пороть плетями Лукерью.

Наконецъ, чиновникъ въ мундирѣ, распорядившись казнью, торжественно взопелъ на эшафотъ, конвой вскинулъ ружья на караулъ, и онъ сталъ читать какую-то бумагу, содержанія которой никто не слышалъ. Послѣ того экзекуторъ махнулъ бѣлымъ платкомъ и сталъ осторожно сходить по высокой лѣсенкѣ.

Въ ту же минуту палачъ съ помощниками подошелъ къ Левону. Въ одну минуту сорвали они съ него одежду, разорвали на спинѣ его рубашку отъ ворота до низу и уложили на кобылу вверхъ обнаженной спиною. Руки и ноги его затащили въ мочки изъ сыромятныхъ ремней, нарочно для того прилаженныхъ. Барабаны забили частую дробь, народъ замеръ на своемъ мѣстѣ. Рыжій палачъ, встряхнувъ волосами, засучилъ свои жилистыя руки и, взявъ кнутъ лѣвою рукою, высоко поднялъ его вверхъ. Затѣмъ, зайдя съ зада осужденнаго, на котораго съ неописуемымъ ужасомъ смотрѣла его мать и его родной братъ, ожидавшіе и себѣ той же участи, — онъ остановился, плотно сжавъ свои ноги. И стоя такимъ образомъ, онъ съ нарочитою медленностью принялся просовывать между своихъ ногъ, все тою же лѣвою рукою сзади напередъ, толстое кнута-вище кнута, и когда оно почти все вышло на передъ, то палачъ послѣшно схватилъ его правою рукою и, взмахнувъ имъ вверхъ, потрясъ его въ воздухъ, какъ бы устрашая народъ. Затѣмъ онъ сталъ пятиться задомъ къ краю эшафота, не сводя глазъ со спины преступника. И разбѣжавшись отъ самыхъ перилъ, зычно крикнуть: «держись!». Въ ту же минуту хвосты кнута живыми змѣями разметались высоко вверхъ, злобно свистнули въ воздухъ и, падая на поясицу казнимаго, какъ бы сами собою соединились вмѣстѣ, составивъ такимъ образомъ изъ себя толстую кожаную палку. Даже со стороны было замѣтно, что этотъ мастерской ударъ былъ особенно жестокъ и тяжекъ.

Отъ него Левонъ и не крикнулъ, только помертвѣвшее лицо его безсильно упало на лѣвое ухо. Палачъ выполнилъ свое обѣщаніе и «уважилъ» Левона, однимъ ударомъ переломилъ его позвоночникъ. Второй ударъ кнута былъ не легче, но уже совсѣмъ другой. Пьяный катъ, видимо похваляясь своею силою и искусствомъ, также и могуществомъ своей власти надъ жизнью и смертью людей, всячески лицевалясь передъ тѣми мужицами и дѣвками, съ которыми утромъ онъ свелъ знакомство. Второй ударъ по Левкѣ, уже почти

мертвомъ, онъ пустилъ такъ, что средній конецъ кнута припелся по спинѣ, а боковые глубоко прорубили паха несчастнаго, истерзанное тѣло котораго еще вздрагивало.

Лукерья и Мишка едва держались на ногахъ, глядя на мученія Левона, на мѣсто котораго и имъ предстояло лечь черезъ минуту.

Барабаны продолжали рокотать, толпа словно окаменѣла, а по полю въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись люди, сбѣгавшіеся къ мѣсту казни. Чиновникъ, считавшій удары кнута, снова взмахнулъ платкомъ, и, вмѣсто мертваго Левона, на кобылу уложили Михаила Безгина. Палачъ и тутъ выполнилъ свое обѣщаніе, онъ пожалѣлъ юношу и даровалъ ему жизнь. Со стороны казалось, что, исполняя букву закона бить кнутомъ нещадно «этого преступника», палачъ казнить особенно жестоко. Теперь онъ еще выше взмахивалъ кнутомъ, еще свирѣлѣе выкрикивалъ роковое «держиcя», но на самомъ дѣлѣ выходило совсѣмъ не то. Конечно, несчастный страдалъ отъ боли, и вся спина его сочилась кровью, но только кровь эта была не изъ глубины тѣла, изъ котораго обыкновенно острые когти кнута вырываютъ цѣлые клочья мяса, а лишь изъ кожи. Лукерья тоже была бита плетью и окровавленная и безсильная лежала на рогожѣ.

И собственно казнь окончилась. Чиновникъ уже совсѣмъ собрался уѣзжать, какъ неожиданно къ нему обратился Михайло, униженно выпрашивая дозволеніе подойти къ матери и проститься съ нею, такъ какъ онъ чувствуетъ близость смерти отъ тяжкаго наказанія. И по поданному разрѣшенію Мишку подвели къ Лукерьѣ, которой тоже помогли подняться съ земли. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на эту сцену.

— Ну, моя родитель-матушка,—заговорилъ Мишка прерывающимся голосомъ,—теперь давай попросаемся на вѣкъ и поцѣлуемся...

Лукерья сдѣлала шагъ впередъ и обняла сына; тотъ тоже положилъ свои руки на ея плечи. Но вдругъ Лукерья испустила нечеловѣческій вопль и стала бессильно отбиваться отъ сына, который, судорожно прижимая къ себѣ ея голову, совсѣмъ уже съ корнемъ выкусилъ носъ своей матери. Горячая кровь залила ихъ обоихъ. Отъ ужаса весь народъ невольно колыхнулся и, невзирая на конвой, надвинулся къ дѣйствующимъ лицамъ. Рослый фельдфебель, съ ружьемъ на перевѣсь, раньше другихъ подбѣжалъ къ Мишкѣ, ударилъ его по затылку и не безъ труда отнял у него носъ несчастной, невыразимо обезображенной женщины. Но молодой преступникъ, казалось, и не почувствовалъ этого удара. Его охватила неописуемая ярость, близкая къ умоизступленію. Глаза его, упорно и безжалостно устремленные на мать, свѣтились и какъ будто кружились въ своихъ орбитахъ.

— Черезъ тебя-то, родимая ты моя матушка,—проговорилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ,—пропалъ нашъ отецъ и весь нашъ родъ-

племя. Черезъ тебя и я грѣшный на вѣкъ загубилъ свою головушку. Пусть же это будетъ тебѣ обо мнѣ поминаньеце!..

Немало лѣтъ минуло послѣ всѣхъ этихъ событій, но воспоминаніе о послѣдней казни въ Щигровскомъ уѣздѣ еще далеко не изгладилось среди мѣстнаго населенія.

III.

Запеченныя души.

1.

Недалеко отъ города Щигровъ, на цѣлыя семь верстъ, раскинулось село Вязовое. Окрестности его пустынные, чрезмѣрно логоватыя—безотрадно печальны. А остатки дубоваго лѣса, повсюду темнѣющіеся, еще болѣе усиливаютъ тяжелый суровый характеръ всей этой непріятной мѣстности.

Обыкновенно лѣсъ и вода все скрашиваютъ и своимъ присутствіемъ вызываютъ въ человѣкѣ его лучшія чувства, успокаивая его душу. Но тутъ и тусклый грязный ручей, словно заблудившійся въ безконечныхъ логахъ Вязоваго, и его дубовая поросль, переполняютъ душу проѣзжающаго незъяснимою печалью и тревогой. Ужъ слишкомъ хмуро смотрятъ эти лога и не сулятъ путнику ничего хорошаго. А въ старину, и притомъ въ очень недавнюю, въ этихъ мѣстахъ и совсѣмъ было плохо...

Косогористыя, исполосованныя глинистыми водомоинами дороги, то поднимавшіяся, то круто спускавшіяся съ горъ, были тогда, особенно весною и осенью, совсѣмъ непроѣзжими; нелѣпый и теперь обмелѣвшій ручей, не разъ перебивающій дороги, тогда моста не имѣлъ и былъ еще топче, а дуброва, засѣвшая по логамъ и оврагамъ и по окрестнымъ полямъ, была много гуще и глуше. И крики «разбой, помогите!» нерѣдко слышались среди этого лѣса не только ночью, но даже и днемъ. Но эти призывы о помощи и мольбы о пощадѣ были совершенно напрасны, такъ какъ и большинство тогдашняго населенія села Вязоваго само сильно «пошаливало».

Еще и по сіе время по Щигровскому уѣзду говорятъ: «эхъ, ты, село Вязовое, кто въ тебя заѣдетъ, тотъ завоя!». Замѣтимъ, что и теперь цѣлую часть этого селенія народъ по-старинному называетъ «Поныры». И это прозвище какъ-то невольно заставляетъ вспомнить то время, когда въ этой мѣстности жила «по норамъ», то-есть не

въ рубленныхъ хатахъ, а въ темныхъ, сырыхъ землянкахъ, цѣлая деревня несчастныхъ крестьянъ, дворянки Алымовой, которыхъ еще ея первый мужъ Сычевъ приучилъ къ настоящему разбою, равно какъ и всю свою дворню. Впрочемъ, слѣдуетъ добавить, что и въ бытность свою за вторымъ мужемъ Алымовымъ и даже послѣ его смерти и сама Александра Езотьевна Алымова не разъ посылала своихъ людей «кормиться дугою», не только на ближніе, но и на дальніе разбои, такъ сказать, въ отъѣзжія поля.

2.

Въ то время, старая усадьба Алымовой, состоявшая изъ немногихъ, невзрачныхъ строеній, срубленныхъ изъ дуба и крытыхъ соломкою, стояла вблизи довольно обширнаго деревяннаго и тоже соломкою крытаго дома о двухъ трубахъ, съ непомерно высокою крышею и съ двумя крылечками. Слово прятась отъ добрыхъ людей, эта унылая, жуткость наводившая усадьбица, забила въ самый уголь той лѣсной поляны, что совсѣмъ въ сторонѣ отъ всякихъ дорогъ пологимъ скатомъ уходила куда-то внизъ, съ обѣихъ сторонъ стиснутая глубокими непроходимыми логами, густой дубянкъ которыхъ едва оставлялъ мѣсто для въѣзда въ усадьбу. Именно тамъ-то и проживала Александра Езотьевна Алымова, та страшная «людоѣдка-Кострычиха», какъ прозывалъ ее народъ. По количеству своихъ преступленій, быть можетъ, она превосходила и самую пресловутую Салтычиху.

Крестьянка по отцу, богатому однодворцу; духовная по материдьячихѣ; дворянка по двумъ мужьямъ, изъ которыхъ первый отписалъ ей и все свое имѣніе въ селѣ Вязовомъ, — Алымова, казалось, усвоила себѣ только одни худыя качества всѣхъ этихъ сословій, не позаимствовавъ у нихъ ничего хорошаго. Скупость, недовѣріе и жестокосердіе къ людямъ были основными чертами характера этой чудовищной старухи, владѣвшей многими десятками крестьянскихъ душъ и многочисленною дворнею, которыхъ она довела до послѣдней степени человѣческаго униженія. Добрые люди вчужѣ оплакивали ихъ ужасную долю, а народъ, благоденствовавшій за хорошими и добрыми помѣщиками, давно прозвалъ Алымовскихъ крестьянъ «запеченныя души». А чтобы имѣть понятіе о недавнемъ житьѣ-бытьѣ этихъ несчастныхъ запеченныхъ душъ, мы приведемъ дословный разговоръ старухи Авдотьи Ивановой, дворовой женщины этой Щигровской Салтычихи.

3.

— «Вотъ ужъ 38 лѣтъ, — начала Авдотья, — какъ открылась воля, а она, эта самая Александра Езотьевна, только недавнушко пере-

стала сниться... ей-же-ей правда. Все чудится мнѣ, что она опять бѣжить, да за мною гонится со своею плеткою.

«...До того дошло, что на первыхъ порахъ я и сна лишилась и хлѣбушко перестала жевать. Да спасибо, нищенка одна научила меня уму-разуму.

«Возьми, говоритъ, корочку хлѣбную, сядь на порогъ до солнышка, когда всѣ еще спятъ, да и помяни ее натошакъ. А послѣ перекрестися и съѣшь ту-то корочку». Ну, благодарить Бога, такъ оно и вышло. Какъ вымолвила я: «царство небесное барынѣ нашей Александрѣ Езотьевнѣ!»—мнѣ и полегчало и на душѣ посвѣтлѣло. А барыня она была именно что... и не выговоришь, какая она была! прямо надо сказать—людоѣдка. Конечно, и я, и сестра моя, и братенекъ, по-настоящему были свободны, да она, лиходѣйка, поплѣнила насъ. А все черезъ деньги. Дѣло-то было вогъ какого рода. Родная бабушка моя, Матрена, была солдатка. Мужа ея убили на войнѣ, а дѣти ея, по закону, были свободныя. Бабушку кто-то и научи подать прошеніе прокурору. Съ тѣхъ-то самыхъ поръ и началось тиранство. Бабку мою заковали въ чѣпи, посадили въ острогъ. Послѣ опять выпустили, а тамъ снова хватали ее, да такъ и замучили ее до самой смерти. Конечно, и барынѣ нашей это дѣло стало немало. Тоже и съ нею поярокъ снимали хорошій всякій разъ, какъ она въ Курскъ поѣдетъ. Одинъ разъ она всю тройку лошадей оставила совсѣмъ съ кучеромъ и хомутами наборными, а то дѣвку свою любимую Марѳушку подарила какому-то секретарю, да и деньгами сорила куда—зря. А ужъ какъ вернется оттуда, о Боже мой, какъ люгуетъ и ужъ водку пьетъ безъ милости. Прямо, стаканомъ ее погоняетъ. Вогъ пьетъ, пьетъ, да и заскрыпигъ зубами, кулаки вверхъ подыметъ. «Гей, бабы, дѣвки, всѣ ко мнѣ собирайтесь, величайте меня!» Тутъ всѣ бабы работы побросаютъ, черезъ огороды бѣгутъ-несутся. И бабъ этихъ она отдѣльнымъ кружкомъ поставитъ, а насъ, дѣвокъ, по другую сторону. А сама пригнется къ полу и барабанитъ кулаками по доскамъ. Одна дѣвка передъ нею стоитъ, поднось держитъ съ водкою. Прежде всего зацѣвемъ мы:

«Чарочка моя,
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ
Поставленная.
Кому чару пити,
Тому здраву быти!
Пить чару честной вдовушкѣ,
Славной барынѣ,
Александрѣ свѣтъ-Изотьевнѣ!»

«Тутъ она подскочитъ кверху, а мы въ разъ и крикнемъ «ура!» И коли какая опоздаетъ на секундучку, она и возьмется ее по головѣ бить, а послѣ и всѣхъ бить возьмется, покамѣстъ на земь не

свалится. Другой разъ она такъ-то пьеть и пореть, даже упыхается... А особливо надо мною она уродничала. Сама меня бьетъ, сама приговариваетъ: «Да когда же ты издохнешь? Когда ты землю мою ослобонишь?» Да она даже и своего второго мужа обижала. Бывало онъ, батюшко, заступится за кого изъ народа, она и давай его ругать, да башмакомъ бить по лицу. Ну, тотъ человѣкъ былъ смиренный, запряжетъ лошадь, да и уѣдетъ въ Тимской уѣздъ въ свою деревню. И такъ живетъ мѣсяца три-четыре, пока дѣти соскучатся и станутъ мать просить: «пошлите, дескать, за папенькою». Ну, та и пошлетъ за нимъ лошадей. А первый-то мужъ ея былъ здѣшній старый баринъ, Сычевъ, что Поньры завель. И жилъ онъ на этомъ же мѣстѣ и самъ былъ разбойникъ, и людей своихъ къ тому же приучалъ. Ну, перваго мужа даже и она, Александра Езотьевна, боялася. Рга боялась передъ нимъ раскрыть. Потому тотъ, сказываютъ, и не разговаривалъ съ нею, а прямо палкою крестилъ ее черезъ голову, а то и по ухамъ, крестъ на крестъ. Одна она ее живую хотѣлъ закопать въ яму, головою внизъ. Тотъ, сказываютъ, и-ихъ былъ мотъ... И онъ тоже погубилъ немало народу, что изъ прохожихъ, что изъ проѣзжихъ... У него будто бы и погреба были въ лѣсу съ награбленнымъ добромъ. А когда его шайку забрали да посадили въ Щигровскую земляную тюрьму, что была еще въ старомъ городѣ, то онъ и оттуда ихъ повикупилъ какъ-то. Отъ него-то и пословица положена хорошая: «кто заѣдетъ въ Вязовое, тотъ и завоя!» Да ужъ что ни что дѣлала она надъ нами... Зимною раздѣтыхъ и разутыхъ водила. Такъ даже мы и за водою ходили за версту, выше колѣна по снѣгу топаемъ. Вернемся, такъ зубъ на зубъ не попадаетъ, колотимся-трясемся, а она глядитъ на насъ, да помираетъ со смѣху. Кормить она тоже насъ не кормила, какъ у добрыхъ господъ было заведено. Ни завтрака, ни обѣда, ни ужина—ничего положеннаго у насъ не было. А просто одинъ хлѣбушко да вода. Ну, когда къ праздничку кулешка сварятъ. На деревнѣ, все-таки, нѣкоторые еще мало-мало жили себѣ, а ужъ у ней на глазахъ, именно что бѣда!.. И ужъ хоть бы хлѣбъ былъ настоящій, а то съ просяною мукою, да и того въ волю не давали. Кричитъ, ругается, по карманамъ осматриваетъ, и ежели у кого найдетъ крошечку — прямо бить возьмется, а хлѣбъ собакамъ кинетъ. Бывало дня не проходило безъ тиранства. Ночью, случалось, возьметъ, соберетъ насъ въ спальнѣ двѣнадцать дѣвокъ, велитъ донца съ пряжею положить не на скамейки, а на стулья, а сама спитъ. Ну, конечно, зимняя ночь длинная, сидишь—сидишь, да и задремлешь. Ты качнулась, и донце изъ-подъ тебя на земь упало. Она прямо вскочитъ съ постели, ухватитъ свою плеть, да и давай отжаривать всѣхъ подъ рядъ. «Ахъ, вы, кричитъ, дармоѣдки этакія... Работать, не работаете, да еще свою барыню выпугали своимъ стукомъ». А иной разъ, она

сажала насъ на эти стулья, да ниткою суровою привязывала къ спинкѣ и припечатывала сургучемъ.

«Такія-то идѣточки ея вышли. Никто не расцвѣлъ изъ ея рода-племени. Тогда у ней были живы два барчука, да двѣ барышни. И вотъ этотъ самый Василій Никифоровичъ былъ тогда. Соскучится имъ въ ладыжки играть на деревнѣ, да гнѣзда разорять, али въ снѣжки играть зимою, придуть къ своей маменькѣ, да и выпросятъ себѣ насъ, дѣвокъ, играть. Мы плачемъ-реведемъ, не хотимъ съ ними ѣхать. А они бѣгутъ, да нажалются барынѣ. «Маменька, дѣвки не хотятъ ѣхать съ нами». Насъ опять возьмутся бить. «Это еще, кричить, что? Госпожу не слушаться—я васъ—шкуры до пятокъ спущу! Маршъ кататься съ барчуками». Ну, посадятъ насъ въ розвальни ¹⁾ раздѣтыхъ, разутыхъ, и повезутъ со двора. Отвезутъ отъ дому версты за четыре, да и поскидаютъ въ снѣгъ торчмя головою. А сами заливаются, помираютъ со смѣха, гляючи, какъ мы копаемся по сугробамъ, да плачемъ отъ холода. Да такимъ манеромъ прибѣжимъ мы до дому—чуть живы. Ноги босыя порастрескаются, раздуются, на нихъ ступнуть больно, а барчуки еще кнутами возьмутся подгонять. Одинъ разъ я чуть живая дошла такъ-то, раздулась къ утру, чуть духъ перевожу; такъ барыня и тому не повѣрила. Ухватила меня сама за косы, приволокла подъ лѣстницу, да и давай плетью пороть. Я, кричить, вылѣчу ее такъ-то скорѣе. У меня она скоро обмогнется... А лѣчить—она никого не лѣчила. А кто умретъ, особливо изъ бабъ, безпремѣнно хоронила на другой день, а то, говорить, я боюсь, она опять глаза откроетъ. Людей она ставила ниже собакъ. Одного поваренка Сеньку прямо даже на кобеля промѣняла. Онъ было и не шелъ. Такъ его изъ-за кухни приволокли волокомъ за виски, да и смѣняли на собаку. Даже и телерь, какъ иду я мимо ихняго дому, такъ и умываюся слезою. И все какъ есть припоминаю. Какъ меня голодомъ мучили, какъ насъ, молодыхъ дѣвокъ, голыхъ запирали зимою въ верхнія нетопленныя комнаты, какъ били насъ, тиранили. И ночь придетъ, и то заснуть нельзя было, потому что она сама ночью не спала. День-то проспать, а ночью по дому ходить со свѣчою да съ плеткою. Только бывало и отлегнуть отъ сердца, когда она куды въ гости уѣдетъ или въ городъ по дѣламъ. Тогда всѣ мы прежде всего бралися за плеть. Всю ее ножиками оскребали, чтобы она легче была, чтобы не такъ тѣло просѣкала. Спасибо еще, что насъ научили натирать ее пшеничнымъ отрубемъ для мягкости. И точно тогда она была много, много легче. Мнѣ не было и 15 годочковъ, когда меня повѣнчали. Потому попъ ея руку тянулъ и былъ ея крестникъ. Онъ-то и приписалъ мнѣ года. Въ одинъ день у насъ пять сва-

¹⁾ Простыя мужицкія сани.

дебъ окрутили. Привела барыня пять парней, сама изъ трубки курить, да смѣется, глядя на насъ, и говоритъ: «ну, чего же вы стоите? Выбирайте, какая кому любя, да и въ церкву скорѣе. Мнѣ съ вами не время окошеливаться». Меня и взялъ портной Артамонъ. А сестру мою взялъ бапмачникъ Петра. Всѣхъ насъ поразобрали да и погнали въ церкву, черезъ бугоръ, какъ скотину. Ни пѣсенъ не было, ни поѣзда, пѣшкомъ погнали. Какія тамъ пѣсни, когда не ѣвши были да нагія! Подъ вѣнецъ барыня давала мнѣ свое платье-ишко, а какъ вернулась, она своими же руками стащила его съ меня въ передней. Меня, положимъ, научили добрые люди, скажи, дескать, попу: «не желаю вѣнчаться». Ну, я подумала, подумала — промолчала. Куды, думаю, я дѣнуся отъ нея, людоедки? Тогда кругомъ было крѣпко и страшно. Не то что теперь. И отъ насъ тоже нѣкоторые пробовали бѣгать и опять ворочались назадъ! А барыня еще съ крыльца кричала намъ въ слѣдъ: «Смотрите, дѣвки, не судрите! Кто заартачится—живую съѣмъ... Туды загоноу, гдѣ и совы мяса не дерутъ!»...

«Только ни мнѣ, ни сестрѣ моей не пришлось долго съ мужьями пожить. Черезъ мѣсяцъ обоихъ нашихъ мужей барыня въ солдаты отдала. Заковали ихъ въ кандалы и свезли въ городъ. Такъ они и пропали... Черезъ годъ, кажется, слухъ пришелъ, что оба они замерзли какъ-то. Ну, сударикъ мой, мужьевъ нашихъ повезли, а мы потащились за ними. Пришли въ палату, стали просить пачпорта, по чемъ намъ на свѣтѣ можно жить. Глядь, и барыня наша тамъ, съ чиновниками перешептывается. А одинъ-то изъ нихъ, Поповъ, былъ ей еще и сродни. Вотъ Поповъ-то этотъ и передалъ ей наши пачпорта. А мы стоимъ день—нѣтъ ничего, стоимъ другой. Наконецъ подовинулись къ этой комнатѣ и стали говорить, что такъ и такъ, намъ пачпортовъ не выдаютъ... Тутъ этотъ чиновникъ и взялся ругаться съ нашею Кострычихою. «Что это вы, спрашиваетъ, дѣлаете, али меня подъ уголовщину хотите подвести?» Сталь ее страмить, сталь ее словами убивать—она и достала наши бу маги. Подскочила къ намъ, да и швырнула намъ въ лицо.

«Тогда, батюшка вы мой,—замѣтила старуха, тяжело переводя духъ,—добрые люди прозвали насъ запеченными душами. И это была собственная правда истинная. Вѣрите, нѣтъ ли, сударь вы мой, что случалось, такъ намъ воды даже не позволяли испить, когда захочешь. Къ примѣру сказать, выгонеть насъ рожь вязать во-онъ куда, въ суходолье, на дальнюю черезполосицу, да и не пускаютъ къ рѣчкѣ—водицы почерпнуть. Вся душа у тебя запятнается и запечется отъ жары.

«Отъ самой воли я и на усадьбѣ не была,—добавила Авдотья.— Пришла туда только на ея гробъ глянуть. Да и то не простилась съ нею, съ покойницею, прости Господи мои пригрѣшенія. А одна

наша же бабочка такъ даже за носъ схватила ее въ гробѣ. Дай-кось, говоритъ, я надъ тобою поуродничаю теперь... Ну, какъ ни что, подняли ее, похоронили за оградю у церкви. Только мало кто сказалъ ей «царствія небснаго». А нѣкоторые старики даже божилися, что слыхали, какъ въ могилѣ что-то загремѣло, и какъ гробъ ея провалился скрозь донное... въ таръ-тарары... Да и подѣломъ ей, людоедкѣ. Много, много скатила она съ бѣлаго свѣта живого народа и безвинно напрасно позакопала его въ сырую землю!»...

Р. Марковъ.

„ИГРУШЕЧНАЯ АРМІЯ“¹⁾.

(Изъ быта южнорусскихъ кантонистовъ).

III.

Мое зачисленіе въ пѣвческій хоръ.—Пребываніе въ Умани.—Генераль Трескинъ.—Случай съ нимъ во время царскаго смотра.—Заботы Трескина о кантонистахъ.—Оригинальныя щи.—Дѣятельность Трескина.—Его праздники.—Генеральскій попугай и его необычайныя похороны.—Начальное обученіе въ школахъ военныхъ поселеній.—Находчивость писаря.—Исторія учителя Синицкаго.

АКЪ обладатель прекраснаго голоса, я на второй же годъ своей службы въ баталіонѣ былъ зачисленъ въ пѣвческій хоръ, который существовалъ въ б—ской церкви, пополнялся почти исключительно кантонистами и всецѣло зависѣлъ отъ нашего и поселенческаго начальства. Положеніе пѣвчаго всегда представлялось завидною участію въ глазахъ каждаго кантониста, такъ какъ, помимо нѣкоторыхъ льготъ въ служебномъ отношеніи, оно давало еще дѣтямъ возможность получать кое-какіе доходы; несмотря на это, занятіе пѣніемъ ложилось иногда тяжелымъ бременемъ на кантонистовъ, принимавшихъ участіе въ церковномъ хорѣ; если же юные пѣвцы и освобождались на нѣсколько дней въ году отъ исполненія обя-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVIII, стр. 148.

занностей военной службы, то случалось это лишь наканунѣ праздниковъ Рождества и Свѣтлаго Воскресенія; впрочемъ, намъ отъ того было не легче, такъ какъ въ это время мы должны были изо дня въ день посѣщать спѣвки, оставаясь на каждой изъ нихъ безвыходно по 4—5 часовъ. Скажу вамъ, между прочимъ, что въ прежнее время по всѣмъ почти военнымъ поселеніямъ церковное пѣніе было поставлено несравненно лучше, чѣмъ оно стоитъ теперь въ большинствѣ земскихъ и министерскихъ школъ, имѣющихъ при себѣ хорошо организованные хоры. Зависѣло это прежде всего отъ того, что само начальство строго слѣдило за развитіемъ и правильной постановкой церковнаго пѣнія, зная, что даже императоръ Николай Павловичъ былъ большой любитель и знатокъ этого искусства; затѣмъ процвѣтанію такихъ хоровъ много способствовало то обстоятельство, что каждый регентъ всегда имѣлъ подъ руками массу превосходныхъ дѣтскихъ голосовъ,—выбирай любые изъ нихъ; что же касается басовъ и теноровъ, то они набирались по большей части изъ числа грамотныхъ поселянъ. Между регентами, руководившими такими хорами, нерѣдко встрѣчались лица, глубоко понимавшія свое дѣло и преданныя ему до фанатизма; нѣкоторыя изъ нихъ знали основательно не только теорію хорового пѣнія, но даже и главныя правила гармоніи, благодаря чему оставили послѣ себя немало духовно-музыкальныхъ сочиненій, употребляемыхъ и понынѣ въ церковномъ обиходѣ. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ, между прочимъ, и нашъ довольно извѣстный духовный композиторъ В—овъ, управлявшій нѣкоторое время кантонистскимъ пѣвческимъ хоромъ въ Е—дѣ Херсонской губерніи. Достаточно сказать, что даже въ такой захолустной мѣстности, какою являлась тогда наша Бабанка, кантонисты могли прекрасно исполнять многіе концерты Бортнянскаго, Львова и др. Я помню, какъ однажды во время пріѣзда графа Никитина мы съ такимъ мастерствомъ и чувствомъ пропѣли концертъ: Господи, силою Твоею возвеселится Царь!—что петербургскій начальникъ диву дался и тутъ же вручилъ каждому пѣвцу по рублю въ видѣ награды, а нашему регенту подарилъ превосходные серебряные часы...

Итакъ, благодаря своему голосу, я уже изъ 4-го отдѣленія школы былъ зачисленъ вначалѣ въ уманьскій хоръ, а еще года черезъ два меня отправили на такое же мѣсто въ городъ Кременчугъ (Полтавской губерніи), гдѣ въ то время проживалъ на покоѣ и упомянутый мною выше князь Паскевичъ. Въ Умани мнѣ пришлось пользоваться гораздо большей свободой и несравненно лучшей жизнью, такъ какъ здѣшніе пѣвчіе уже совершенно освободились отъ фронтнаго ученія и ограничивались только посѣщеніемъ школы и спѣвокъ. Во время моего пребыванія въ Умани я имѣлъ возможность видѣть собственными глазами большую часть тѣхъ чудачествъ и странностей, какими отличался тогдашній начальникъ уманьскихъ

военныхъ поселеній, генераль Трескинъ. О нѣкоторыхъ изъ его подвиговъ я расскажу сейчасъ, но прежде позвольте мнѣ сообщить нѣсколько характеристическихъ чертъ, касающихся этой довольно своеобразной личности. До назначенія въ Умань, Трескинъ командовалъ военными поселеніями В—скаго округа. Такъ какъ въ окрестностяхъ В—ка до 1852 г. часто происходили большіе маневры въ присутствіи столичнаго начальства и даже высочайшихъ особъ, то мѣстному окружному приходилось въ такихъ случаяхъ почти всегда принимать участіе въ распредѣленіи войскъ не только по квартирамъ, но даже и въ полѣ во время маневровъ. Обладая феноменально громкимъ голосомъ, Трескинъ неоднократно, по порученію лица, производившаго смотръ, руководилъ даже общимъ движеніемъ войскъ. И дѣйствительно, слова команды произносились имъ съ такою силой и отчетливостью, что ихъ можно было слышать хорошо на разстояніи цѣлой версты. Въ 1852 году, во время послѣдняго кампанаента, бывшаго здѣсь въ присутствіи государя Николая Павловича, съ Трескинымъ произошла довольно курьезная исторія, чуть было не окончившаяся увольненіемъ генерала со службы. Дѣло было такъ. Въ самомъ разгарѣ маневра императоръ пожелалъ сообщить что-то Трескину и съ этою цѣлью послалъ за нимъ одного изъ своихъ адъютантовъ. вмѣсто того, чтобы подъѣхать къ государю, согласно воинскаго устава, съ опущенною внизъ шпагой, генераль мчался во весь карьеръ, держа оружіе выше головы. За такой поступокъ окружнаго ожидалъ строгій выговоръ или что нибудь и похуже. На счастье Трескина, его закусившая удила лошадь вдругъ споткнулась и за нѣсколько шаговъ отъ императора грохнулась на землю вмѣстѣ съ своимъ сѣдокомъ, слѣдствіемъ чего былъ жестокій ушибъ и даже переломъ ноги генерала. Случай этотъ не только спасъ Трескина отъ царскаго гнѣва, но даже вызвалъ теплое участіе императора Николая Павловича къ пострадавшему окружному и способствовалъ переводу этого послѣдняго на болѣе спокойное мѣсто въ г. Умань.

Трескинъ принадлежалъ къ числу самыхъ типичныхъ служакъ добраго стараго времени. Отличаясь феноменальною пунктуальностію и формализмомъ въ дѣлѣ исполненія служебныхъ обязанностей, Трескинъ требовалъ того же и отъ своихъ подчиненныхъ, строго преслѣдуя и наказывая ихъ за малѣйшее упущеніе; но, обращаясь сурово съ офицерами и поселенческимъ начальствомъ, онъ въ то же время держалъ себя чрезвычайно просто съ солдатами, поселянами, кантонистами и вообще со всѣми маленькими людьми. Въ особенности онъ внимательно слѣдилъ за продовольствіемъ подвѣдомственныхъ ему войскъ и кантонистовъ. Къ сожалѣнію, Трескинъ, какъ большинство честныхъ и прямыхъ людей, легко поддавался въ этомъ отношеніи частымъ надувательствамъ со стороны хитрыхъ подчиненныхъ и весьма скоро измѣнялъ гнѣвъ на милость.

какъ однажды при мнѣ донесли ему, что въ какомъ-то кантонистскомъ баталіонѣ отпускается крайне отвратительная пища и притомъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Трескинъ былъ до того возмущенъ этимъ извѣстіемъ, что, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, въ тотъ же день поскакалъ къ мѣсту квартированія названнаго баталіона. Не заѣзжая въ казармы, онъ велѣлъ везти себя прямо къ кухнямъ. Можете представить весь ужасъ баталіоннаго начальства, когда оно узнало о внезапномъ пріѣздѣ Трескина и о посѣщеніи имъ кухонь. Между тѣмъ генераль стоялъ уже подлѣ котловъ и собственноручно свидѣтельствовалъ находящуюся въ нихъ пищу. Оказалось, что дѣйствительность была хуже, чѣмъ сообщали доносчики: кантонистскія щи не только были въ полномъ смыслѣ «пустыми», т. е. не имѣли въ себѣ ни мяса, ни сала, но еще отдавали какимъ-то въ высшей степени дурнымъ запахомъ. По объясненію повара (кашевара), это послѣднее обстоятельство зависѣло отъ совершенно гнилой капусты, которую баталіонный командиръ велѣлъ во что бы то ни стало «сравить» кантонистами.

Выслушавъ эти слова, Трескинъ окончательно позеленѣлъ отъ злости и крикнулъ:

— Позвать сюда сію же минуту командира!

Не прошло и двухъ минутъ, какъ баталіонный стоялъ уже передъ гроннымъ начальникомъ въ полной парадной формѣ и дрожалъ, какъ осиновый листъ.

— Господинъ полковникъ,—обратился къ нему Трескинъ:—мнѣ весьма прискорбно видѣть, что вы недостойны того чина, который носите, и того мѣста, которое, по волѣ его императорскаго величества, занимаете! Полюбуйтесь, чѣмъ вы кормите этихъ несчастныхъ дѣтей, оторванныхъ отъ своихъ родителей и видящихъ въ васъ единственнаго отца, защитника и покровителя...

— Виноватъ, ваше превосходительство, не досмотрѣлъ...

— Молчите, г. полковникъ, это вопіющее дѣло не имѣетъ никакихъ оправданій, слышите!!

Несчастный командиръ окончательно лишился языка; а генераль горячился все больше и больше; наконецъ, онъ въ пылу гнѣва сорвалъ съ головы полковника каску и, бросивъ ее въ котелъ со щами, принялся мѣшать ихъ снятою съ командира же шпагою; при этомъ Трескинъ не переставалъ приговаривать:

— Теперь я надѣюсь, что мои дѣтки будутъ ѣсть лучшія щи, такъ какъ каска г. полковника должна быть очень жирна.

Утомившись мѣшать щи, генераль обратился къ кашевару и говорить:

— Налей въ бакъ г. полковнику два черпака этой бурды, и пусть его высокоблагородіе съѣстъ ее на здоровье тутъ же на моихъ глазахъ!

Юркій солдатикъ моментально исполнилъ приказаніе генерала,

а полковникъ, захлебываясь и корча преуморительныя гримасы, принялся уплетать предложенныя ему щи... Тѣмъ временемъ Трескинъ немного успокоился и, направляясь къ выходу, сказалъ:

— За такія вещи, г. полковникъ, васъ слѣдовало бы разжаловать въ солдаты, но я, не желая компрометировать себя, предлагаю вамъ завтра же подать прошеніе объ отставкѣ...

Однако, въ концѣ концовъ дѣло разрѣшилось тѣмъ, что полковникъ остался на томъ же мѣстѣ, а кантонисты мѣсяца черезъ два послѣ этой исторіи снова питались такою же пищею.

Вспыльчивъ былъ Трескинъ до невѣроятности и въ минуты гнѣва могъ натворить немало неисправимыхъ глупостей; въ такихъ случаяхъ его своеволие и самодурство наводили ужасъ не только на военныхъ и штатскихъ обывателей города, но даже и на сосѣднихъ помѣщиковъ, которые старались держать себя какъ можно подальше и поосторожнѣе въ отношеніи грознаго «сатрапа». Въ особенности много терпѣли отъ Трескина уманскіе евреи, съ которыми генераль поступалъ подчасъ чрезвычайно круто, желая приучить іерусалимскихъ дворянъ къ опрятности и чистотѣ. Желая привести въ болѣе приличный видъ городскія улицы и улучшить санитарное состояніе Умани, Трескинъ собственною властью сносилъ нерѣдко десятки еврейскихъ лачугъ и велѣлъ строить болѣе приличные дома въ опредѣленномъ порядкѣ и по указанному плану. На энергичнаго генерала подавалось безчисленное множество жалобъ и доносовъ, но всѣ они оставались безъ послѣдствій. Вообще надо сказать правду, Умань много обязана Трескину своего нынѣшнею чистотою и болѣе или менѣе приличнымъ видомъ. Правда, городъ этотъ, благодаря массѣ населяющихъ его евреевъ, не можетъ и теперь похвалиться особенно привѣтливой внѣшностью; но каковъ онъ былъ сорокъ лѣтъ тому назадъ,—объ этомъ вы не можете составить себѣ даже приблизительнаго понятія.

Не имѣя дѣтей и ведя почти холостую жизнь, такъ какъ жена его, будучи фрейлиной государыни, жила почти безвыѣздно въ Петербургѣ, Трескинъ нерѣдко затѣвалъ для своей потѣхи грандіозныя забавы и пиршества, мѣстомъ которыхъ служилъ частію его собственный дворецъ, а частію богатѣйшій уманьскій садъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ «Царицына» сада.

Бывало, зимою, не задолго до праздника Рождества, Трескинъ потребуетъ изъ ближайшихъ деревень нѣсколько сотъ поселянъ и прикажетъ имъ устроить предъ дворцомъ гигантскую ледяную гору. Не пройдетъ послѣ этого и двухъ-трехъ дней, какъ уже посреди улицы, шагахъ въ десяти отъ параднаго подъѣзда дворца, возвышается огромный курганъ, состоящій изъ снѣга и льда и поднимающійся футовъ на 30—40 въ вышину. Отъ вершины этой горы до ея подошвы было по крайней мѣрѣ саженей 25. На первый же день Рождества являлось ко дворцу генерала нѣсколько десятковъ кан-

тонистовъ въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ; каждый изъ нихъ тащилъ за собою не большія, но изящно сдѣланныя саночки, предназначенныя для катанья многочисленныхъ гостей Трескина съ ледяной горы. Какъ только отойдетъ бывало обѣдня, вся знать города обязательно является съ визитомъ къ начальнику мѣстныхъ поселеній, у котораго къ этому времени готовился роскошный завтракъ. По окончаніи угощенія, большая часть гостей шла къ ледяной горѣ и, въ ожиданіи обѣда, забавлялась катаньемъ на доставленныхъ кантонистами саночкахъ. Обыкновенно эта процедура совершалась слѣдующимъ образомъ: въ каждыя сани усаживалась особа женскаго пола, а два кантониста, запряженные одинъ въ корень, а другой — напристяжку, подымали экипажъ на вершину горы, откуда импровизированныя лошади, по особу устроеннымъ колеямъ, спускали сани во весь духъ подъ гору. За первыми слѣдовали другія, потомъ третьи и т. д. Въ продолженіе этой забавы на балконѣ дворца игралъ оркестръ военной музыки и пѣлъ хоръ кантонистовъ. Иногда послѣ такого катанья съ горы и по окончаніи обѣда Трескинъ приказывалъ запрячь свою карету, усаживалъ въ нее вмѣстѣ съ собою наиболѣе почетныхъ гостей, а остальнымъ предлагались тѣ же маленькія саночки, которыя только что спускались съ горы; но на этотъ разъ онѣ прикрѣплялись уже къ генеральской каретѣ гуськомъ. Въ такомъ видѣ этотъ своеобразный поѣздъ направлялся по улицамъ Умани къ Царицыну саду, гдѣ гостей ожидалъ богатый ужинъ, сопровождавшійся массою всевозможныхъ удовольствій, начиная ловлею золотыхъ рыбокъ въ разнообразныхъ водоемахъ и оканчивая блестящимъ фейерверкомъ. Само собою разумѣется, что подобному кортежу рѣдко удавалось достигнуть сада безъ какихъ нибудь трагикомическихъ приключеній. Часто случалось, напримѣръ, что генералъ велитъ, шутки ради, погнать своихъ лошадей порядочной рысью, вслѣдствіе чего многія сани опрокидывались, и не одна особа прекраснаго пола, вывалившись изъ нихъ на снѣгъ, принуждена была послѣ этого волей-неволей достигать Царицына сада по образу пѣшаго хожденія... Самъ Трескинъ никогда не принималъ участія въ катаньяхъ съ ледяной горы, а только молча любовался этой картиной, созерцая ее изъ оконъ дворца. Я какъ теперь вижу его хитрое и не совсѣмъ еще старое лицо, съ какою-то лукавою улыбкою смотрѣвшее своими пронизательными глазами на спускавшихся съ горы гостей. На правомъ плечѣ генерала почти всегда сидѣлъ въ такихъ случаяхъ большой сѣрый попугай, составлявшій для насъ, кантонистовъ, предметъ постоянного любопытства. Слыша произносимыя имъ почти человѣческимъ голосомъ фразы: «Боже, царя храни», «ваше превосходительство» и «кантонисты-шалуны», — мы приходили въ какой-то священный ужасъ, который еще усугубился, когда намъ сказали, что генеральскій попугай летаетъ ночью по городу, а затѣмъ рассказываетъ обо всемъ видѣнномъ Трескину...

Ктсати сообщу вамъ здѣсь кое-что о смерти этой диковинной птицы. Однажды, недѣли за двѣ до праздника св. Пятидесятницы, приходитъ къ намъ на спѣвку адъютантъ Трескина и говоритъ, чтобы регентъ немедленно явился во дворець по очень важному дѣлу.

— А что тамъ случилось?—спрашиваетъ регентъ.

— Право, навѣрное не знаю, — отвѣчаетъ адъютантъ, — но полагаю, что дѣло касается смерти нашего попугая.

Услышавъ эту печальную новость, мы всё такъ и ахнули: намъ было очень жаль бѣднаго «попку», который, какъ я уже сказалъ выше, доставлялъ часто намъ, пѣвчимъ, большое удовольствіе своимъ разговоромъ и гимнастическими упражненіями. Спѣвка была немедленно прекращена, и регентъ поспѣшилъ къ генералу. Что тамъ было у нихъ,—намъ не пришлось узнать; но на другой день мы уже съ ранняго утра репетировали панихиду, не осмѣливаясь спросить чѣмъ-то недовольнаго регента: кого мы собираемся хоронить? Но вотъ, наконецъ, во время одного антракта, кто-то изъ взрослыхъ пѣвчихъ и спрашиваетъ регента:

— Для кого же это мы, Павелъ Ивановичъ, готовимъ погребенье?

— А для генеральскаго попугая!—буркнулъ съ какимъ-то озлобленіемъ регентъ и при этомъ съ особенною силою ударилъ камертономъ о край стола,

— Не можетъ быть!—воскликнули съ вытаращенными отъ удивленія глазами спрашивавшіе.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ уже съ большимъ хладнокровіемъ Павелъ Ивановичъ.

— Но помилуйте, гдѣ же это видано, чтобы животное — птицу, да хоронить, какъ христіанина!—послышались кругомъ голоса.

— Ну, объ этомъ не намъ съ вами разсуждать, — промолвилъ регентъ: — на то есть высшее начальство, ему и книги въ руки. Генералъ лучше насъ знаетъ, что ему можно дѣлать и чего нельзя; что же касается меня, то я всецѣло раздѣляю мнѣніе его превосходительства относительно того, что птица также—твореніе божье: попугай же умѣетъ еще и говорить почеловѣчески; слѣдовательно, мало чѣмъ отличается отъ какого нибудь необразованнаго хама, а, быть можетъ, даже и въ десять разъ праведнѣе его... впрочемъ, не нашего ума это дѣло, оставимъ-ка мы его въ покоѣ и снова примемся за «Вѣчную память» и «Нагробное рыданіе»...

На эти слова никто изъ присутствующихъ ничего не возразилъ.

Къ вечеру того же дня мы съ торжествомъ похоронили раба божія «Аргуса», какъ назывался умершій попугай. Понятно, что «чинъ погребенія» былъ совершенъ нами безъ участія духовенства, но пѣніе и чтеніе молитвъ надъ «покойникомъ» было исполнено нами во время похоронъ съ пунктуальной точностью, за что весь хоръ получилъ щедрое вознагражденіе отъ генерала. Могила попугая находилась въ самомъ укромномъ уголкѣ дворцоваго сада подъ

тѣню одной старой березы. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ былъ поставленъ прекрасный мраморный памятникъ съ соответствующею надписью. Не знаю, существуетъ ли онъ еще тамъ до сихъ поръ.

Трескинъ лично присутствовалъ на погребеніи и глубоко скорбѣлъ по поводу смерти своей любимой птицы, которую онъ называлъ своимъ единственнымъ и нелицепріятнымъ другомъ... Не одинъ изъ насъ, пѣвчихъ, также всплакнулъ изрядно при видѣ опускаемой въ могилу диковинной птицы...

Какъ представитель суроваго военного режима Николаевской эпохи, Трескинъ ставилъ выше всего дисциплину и чиновочитаніе, будучи въ этомъ отношеніи взыскателемъ до невѣроятности. По поводу этого могу сообщить вамъ, между прочимъ, одинъ довольно курьезный случай, бывший съ учителемъ К—скаго училища, Уманьскаго уѣзда; но прежде всего долженъ сказать вамъ, что начальное обученіе грамотѣ и другимъ наукамъ въ нѣкоторыхъ школахъ военныхъ поселеній было обставлено гораздо лучше и велось на болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ это мы видимъ теперь во многихъ земскихъ училищахъ. Подобное явленіе зависѣло прежде всего отъ того обстоятельства, что поселенческія школы находились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ строгаго начальства, а затѣмъ (и это, конечно, самое главное) отъ назначенія въ училище такихъ преподавателей, образовательный цензъ которыхъ былъ не ниже семинарскаго курса или соответствовалъ по крайней мѣрѣ 5—6 классамъ гимназіи. Не удивительно, что обученіе въ этихъ школахъ, продолжаясь около 6—8 лѣтъ, приносило весьма значительные результаты въ смыслѣ обогащенія учениковъ свѣдѣніями въ области грамоты, математики и другихъ предметовъ. Впослѣдствіи воспитанники такихъ школъ нерѣдко занимали не только мѣста лучшихъ писарей и столоначальниковъ въ управленіи окружнаго или пятиокружнаго начальника; но изъ нихъ выходили даже чиновники, служившіе въ канцеляріяхъ мѣстныхъ губернаторовъ, а также во многихъ другихъ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ. Правда, всѣ эти молодые люди вовсе не получали того всесторонняго развитія, а въ особенности нравственнаго воспитанія, какое можетъ дать ученикамъ современная народная школа; зато изъ нихъ сплошь и рядомъ вырабатывались феноменально-ловкіе дѣльцы, подьячіе, судейскіе крючки и вообще пройдохи всевозможныхъ отгѣнковъ. Они были мастера на всѣ руки, въ особенности, если дѣло касалось какого нибудь неблагоприятнаго поступка въ любомъ, запутанномъ судебномъ процессѣ. Никто въ такомъ случаѣ не могъ лучше ихъ спрятать концы въ воду или сдѣлать бѣлое чернымъ, разъ этого требовали обстоятельства. Что же касается подлоговъ, поддѣлокъ, подчистокъ и выкрадыванія нужныхъ документовъ изъ хранящихся въ канцелярскихъ шкафахъ «дѣлъ», то въ этомъ отношеніи названные «артисты» отличались изумительною изобрѣтательностью.

Не даромъ же существуетъ анекдотъ, гласящій, что одинъ изъ подобныхъ молодцовъ сумѣлъ спасти отъ уголовной отвѣтственности какого-то важнаго интенданта, обвиняемаго въ крупной растратѣ казеннаго имущества. Занимая мѣсто старшаго писаря въ томъ учрежденіи, гдѣ хранились компрометирующіе генерала документы, ловкій аферистъ умудрился за извѣстную сумму обработать дѣло такъ, что виновный интендантъ вышелъ, какъ говорится, совершенно сухъ изъ воды. Весь же секретъ состоялъ здѣсь въ томъ, что писарь, уловивъ удобную минуту, отперъ подобраннымъ ключемъ шкафъ, досталъ оттуда требуемая бумага, опустилъ ихъ въ котелокъ съ горячимъ саломъ и положилъ опять на прежнее мѣсто. Когда же на слѣдующій день архиваріусъ открылъ шкафъ, то къ своему крайнему изумленію увидѣлъ, что «дѣло» по обвиненію интенданта N. въ растратѣ казеннаго добра оказалось до такой степени съѣдено мышами, что уцѣлѣли только однѣ верхушки, къ которымъ не прикоснулось сало... Такъ вотъ вамъ какіе молодцы выходили изъ прежнихъ военно-поселенческихъ школъ. А то помню я еще одинъ такой случай. У начальника Е—ской волости, штабсъ-капитана Крючкова, служилъ секретаремъ тоже воспитанникъ поселенческой школы. Плутъ онъ былъ самой высокой пробы. Даже самъ волостной не разъ говаривалъ ему: «Эй, Алексѣевъ, бери взятки, но и Бога помни! Плутуй, но не забывай про всякій случай оставлять въ стѣнѣ дыру, дабы при бѣдѣ могъ не только себя, но и меня спрятать...». Алексѣевъ, разумѣется, слушалъ и наматывалъ себѣ на усъ слова начальника; когда же вдругъ пришлось въ концѣ концовъ раздѣлываться за всѣ старые грѣхи, то для писаря дѣйствительно нашлась «дыра», но для волостного начальника она оказалась слишкомъ тѣсна, вслѣдствіе чего онъ былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и разжалованъ въ солдаты... Впрочемъ, надо вамъ сказать, что типъ этихъ школъ быстро исчезъ, какъ только были упразднены военныя поселенія. Однако, я слишкомъ уклонился въ сторону и совсѣмъ позабылъ о томъ, что обѣщалъ рассказать о случаѣ съ к—скимъ учителемъ. У священника с. К.—и былъ сычъ, обучавшійся въ Кіевской духовной семинаріи. Не знаю, по какимъ причинамъ, но этотъ молодой человѣкъ, дойдя уже до философскаго класса, подвергся вдругъ остракизму, вслѣдствіе чего принужденъ былъ возвратиться къ роднымъ пенатамъ. Долго думалъ о. Симеонъ надъ вопросомъ: что дѣлать съ своимъ заблудшимъ чадомъ? и въ концѣ концовъ рѣшилъ обратиться за помощью къ генералу Трескину, прося его дать исключенному изъ семинаріи студенту мѣсто учителя въ к—ской школѣ, — благо, тамъ оказалась на ту пору свободная вакансія. Генераль, зная о. Симеона съ наилучшей стороны, охотно обѣщалъ удовлетворить его просьбу, если только молодой человѣкъ будетъ вести себя и ввѣренныхъ ему учениковъ согласно духу времени и требованіямъ начальства.

— Главное,—присовокупилъ Трескинъ:—надо, чтобы учитель развивалъ въ дѣтяхъ начала истиннаго патриотизма и должнаго почтенія къ начальствующимъ лицамъ!..

Черезъ мѣсяць съ небольшимъ, молодой бурсакъ Николай Синицкій былъ официально назначенъ учителемъ въ к—скую школу. Нельзя сказать, чтобы онъ охотно принялъ на себя званіе сельскаго педагога, такъ какъ, отличаясь недюжинными способностями, молодой человекъ всегда мечталъ о болѣе видной и выгодной карьерѣ; однако приходилось волей-неволею мириться съ скромною участью начальнаго учителя. На бѣду оказалось, что ввѣренная нашему ех-богослову школа состояла исключительно изъ однихъ молдаванчатъ, которые при поступленіи въ нее не знали порусски ни слова. Еще со старшими учениками онъ могъ кое-какъ объясняться; что же касается новичковъ, то съ ними Синицкому приходилось хоть волкомъ выть. Бился, бился онъ надъ ними что-то мѣсяца три и еле-еле успѣлъ научить ихъ читать съ грѣхомъ пополамъ склады. Да и мудрено было достигнуть чего либо лучшаго, коли между учителемъ и учениками неоднократно разыгрывались подобнаго рода сцены. Спросить бывало нашъ педагогъ какогонибудь мальчугана: «Ты знаешь «Отче нашъ?»» А тотъ ему отвѣчаетъ, сохраняя интонацію и выраженіе лица учителя: «А ты знаешь «Отче нашъ?»» Преподаватель обращается къ другому: «Говори «Отче нашъ!»». Этому также спѣшить отвѣтить подлинными словами учителя... Однимъ словомъ, выходилъ съ этими учениками и смѣхъ, и плачь... Не разъ, придя домой изъ училища, Синицкій рвалъ волосы у себя на головѣ съ досады, жалуясь на тупоуміе и лѣность учениковъ; онъ даже нѣсколько разъ порывался бросить К—евку и поступить охотникомъ въ солдаты; однако, о. Симеонъ всегда находилъ средство успокоить расхолодившаго сына, и тотъ снова принимался съ прежнимъ усердіемъ за свой каторжный трудъ. Къ веснѣ слѣдующаго года к—ская школа была поставлена такъ, что даже самые плохіе ученики понимали русскую рѣчь, довольно бойко читали и даже кое-какъ писали; успѣхи же старшаго отдѣленія не оставляли ничего лучшаго желать, хотя въ началѣ учебнаго года и эти ученики мало чѣмъ отличались отъ новичковъ. Такимъ образомъ, нашему педагогу можно было вздохнуть немного свободнѣе, и онъ былъ вправѣ требовать благодарности за свои труды. Въ концѣ мая Трескинъ, объѣзжая свои округа, посѣтилъ К—евку и зашелъ, между прочимъ, въ мѣстное училище. При входѣ его къ классу ученики молча поднялись со своихъ мѣстъ, скромно отвѣтили на привѣтствіе генералу и затѣмъ, по знаку учителя, снова опустились на скамьи. При этомъ на лицѣ Трескина промелькнула едва уловимая тѣнь неудовольствія, однако онъ ничего не сказалъ учителю и принялся экзаменовать учениковъ, обращая, главнымъ образомъ, вниманіе на дѣтей младшаго отдѣленія, при чемъ задавалъ имъ такіе

вопросы, на которые еле-еле могли бы отвѣчать ученики средних классовъ гимназіи. Не получая, конечно, ни на одинъ изъ своихъ вопросовъ сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта, генераль сталъ громко выражать свое неодобреніе по поводу неразвитости учениковъ, а, выходя изъ школы, сказалъ учителю:

— Жаль, очень жаль, молодой человѣкъ, что ваши питомцы отличаются такими слабыми успѣхами! Признаюсь, я ожидалъ отъ васъ большаго...

— Помилуйте, ваше превосходительство,— началъ было Синицкій,— я едва достигъ того, чтобы дѣти хотя немного поняли русскій языкъ...

— Да, да, это такъ,— прервалъ учителя Трескинъ,— но все-таки вы далеко не оправдали возлагаемыхъ мною на васъ надеждъ, а главное, не постарались развить въ дѣтяхъ должныхъ понятій о чиновочитаніи...

Съ этими словами генераль сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ, оставивъ бѣднаго педагога въ глубочайшемъ отчаяніи и крайнемъ недоумѣніи...

— Ну, что, какъ сошли твои экзамены!—спросилъ о. Симеонъ сына, когда тотъ возвратился домой изъ училища.

— А такъ,—отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ Николай,—что нога моя не будетъ больше въ этой проклятой школѣ!

— Почему же это? Или ты белены объѣлся?

— Да, право, было бы гораздо лучше, если бы я и на самомъ дѣлѣ проглотилъ какую нибудь отраву вмѣсто того, чтобы попасть въ к—ское училище преподавателемъ.

— Въ чемъ же дѣло? Расскажи, пожалуйста, толкомъ мнѣ, что у васъ тамъ съ генераломъ вышло?—спросилъ не на шутку уже встревоженный священникъ.

— А то случилось, что я, вмѣсто благодарности, получилъ отъ Трескина самый строгій выговоръ...

— Не можетъ быть?

— Совершенно вѣрно.

— Гм... странно... а скажи-ка ты мнѣ, такъ ли вы встрѣтили генерала, какъ онъ это любитъ?—спросилъ о. Симеонъ.

— Встрѣтили, разумѣется, такъ, какъ обыкновенно ученики должны встрѣчать всякаго начальника,—отвѣтилъ удивленный въ свою очередь Николай.

— Та, та, та!—произнесъ разсмѣявшись священникъ.—Ну, теперь я отлично понимаю, въ чемъ тутъ дѣло.

— Въ чемъ же?

— Да въ томъ, что ты не научилъ своихъ учениковъ встрѣчать Трескина по-военному.

— То-есть, какъ это?

— А такъ, чтобы при входѣ генерала въ школу ученики не

только встали со своихъ мѣстъ, но чтобы еще дружно и громко привѣтствовали его словами: «здравія желаемъ вашему превосходительству!». И чтобы во время самаго экзамена почаще употребляли этотъ же титулъ...

— Только-то!—замѣтилъ упавшимъ голосомъ учитель.

— Положительно только это,—отвѣчалъ, не переставая смѣяться, о. Симеонъ.

— Но вѣдь не въ этомъ же заключается главная суть школьнаго обученія...

— Конечно, не въ этомъ, но тебѣ-то что? Мнѣ кажется, что для тебя несравненно важнѣе сохранить расположеніе ка себѣ начальства, чѣмъ превратить всѣхъ этихъ олуховъ въ профессоровъ: все равно, вѣдь, благодарности отъ нихъ за то не получишь.

— Странныя вы, однако, вещи проповѣдуете, папа,—замѣтилъ сынъ:—по вашему мнѣнію, выходитъ слѣдовательно, что главная цѣль моихъ трудовъ заключается въ умѣніи учениковъ обращаться съ такимъ мастодонтомъ, каковъ Трескинъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, ты меня не такъ понялъ,—послѣшно прервалъ Николая о. Симеонъ:—я рѣшительно ничего не имѣю противъ того, чтобы ты добросовѣстно относился къ своимъ прямымъ обязанностямъ, но совѣтовалъ бы обращать въ то же время должное вниманіе и на требованія начальства... Помнишь: «воздадите кесарево кесарю, а Божіе Богу»...

— Ну, ладно,—произнесъ послѣ нѣкотораго молчанія учитель:—попробую потрудиться еще одинъ годъ, и ужъ если меня и тогда благодарятъ понынѣшнему, въ такомъ случаѣ — слуга покорный,—больше меня не увидите въ вашей прекрасной К.—вкѣ!...

Когда на слѣдующій годъ Трескинъ снова посѣтилъ к-скую школу, то былъ весьма пріятно пораженъ тѣмъ, что нашелъ въ ней. Прежде всего, при входѣ въ классъ генерала, ученики дружно встрѣтили его извѣстнымъ привѣтствіемъ, а затѣмъ на каждый обращенный къ нимъ вопросъ отвѣчали смѣло и громко съ постояннымъ прибавленіемъ словъ: «точно такъ» или «никакъ нѣтъ, ваше превосходительство». Выйдя же по окончаніи экзамена на школьный дворъ, дѣти продѣлали подъ руководствомъ учителя цѣлый рядъ гимнастическихъ упражненій въ чисто военномъ вкусѣ, что въ особенности понравилось начальнику. Вообще генераль остался вполне доволенъ школой, несмотря даже на то, что ученики весьма мало подвинулись впередъ въ отношеніи почти всѣхъ общеобразовательныхъ предметовъ. Увѣзая, Трескинъ много благодарилъ учителя, а узнавъ, что онъ желаетъ быть діакономъ, обѣщался походатайствовать за него у мѣстнаго архіерея. Когда у воротъ школьнаго двора генерала встрѣтила толпа поселянъ съ жалобою на учителя, который будто бы жестоко обращался съ дѣтьми, обучая ихъ военной гимнастикѣ, то Трескинъ сдѣлалъ мужикамъ строгій выговоръ, присовокупивъ въ заключеніе:

— Да съ вами, ослами, безъ розги и кнута ничего и не сдѣлать! Убирайтесь вонъ съ моихъ глазъ!..

Впослѣдствіи Николай Сеницкій не только былъ сдѣланъ діакономъ, но года черезъ три получилъ и санъ священника, занявъ послѣ смерти своего отца мѣсто въ той же К—евкѣ.

IV.

Мое переселеніе въ Кременчугъ.—Любовь князя Паскевича къ церковному пѣнію.—Быть пѣвчихъ.—Исторія баса Дрябина.—Отъѣздъ Паскевича изъ Кременчуга.—Прощаніе съ нимъ.—Мое возвращеніе въ Бабанку.—Смотръ кантонистовъ императоромъ Александромъ II.—Кража часовъ у государя.—Мой переводъ въ Вознесенскъ.—Вѣдственное положеніе кантонистовъ.—Ихъ продѣлки.—Тогдашніе города.—Освобожденіе военныхъ поселенъ.—Разказы о бунтѣ въ Сокомской переправѣ.—Неблагоразумію поселенъ.—Уничтоженіе кантонистовъ и военныхъ поселеній.

Въ началѣ 1854 года, въ самый разгаръ севастопольской кампаніи, я былъ переведенъ изъ Умани въ Кременчугъ для зачисленія въ тамошній пѣвческій хоръ. Мнѣ пришлось отправляться туда пѣшкомъ съ цѣлою партією другихъ такихъ же пѣвцовъ-кантонистовъ, набранныхъ изъ разныхъ баталіоновъ. Вотъ здѣсь-то мнѣ пришлось насмотрѣться на то, съ какими ужасными затрудненіями и громадными убытками передвигались русскіе транспорты съ провіантомъ, одеждой и оружіемъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Дѣло было раннею весной, и по дорогамъ грязь была невылазная. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ транспортскія лошади буквально тонули въ болотѣ. По пути, намъ то и дѣло встрѣчались застрявшіе въ грязи возы, плавающие трупы лошадей; а вблизи какой-то рѣченки, на днѣ глубокой долины (балки), мы увидѣли нѣсколько десятковъ громаднхъ крѣпостныхъ орудій, оставленныхъ на произволъ судьбы въ той же ужасной грязи...

Въ Кременчугѣ проживалъ въ то время вернувшійся изъ-подъ Силистріи, вслѣдствіе полученія тамъ раны, знаменитый князь Паскевичъ, имѣвшій между прочимъ, какъ я уже сказалъ выше, наблюденіе надъ всѣми южнорусскими военными поселеніями и кантонистами. Не соглашаясь въ принципѣ съ извѣстнымъ аракеевскимъ правиломъ: «девять запови, а десятого все-таки выучи», Паскевичъ всѣми мѣрами старался облегчить участь бѣдныхъ дѣтей-воиновъ. Съ этою цѣлью онъ не только строго преслѣдовалъ всякое насиліе надъ кантонистами со стороны начальства, но даже, подъ страхомъ ссылки въ Сибирь, воспрещалъ военнымъ поселенямъ держать у себя на квартирахъ такъ называемыхъ «резервистовъ». Это имя носили тѣ кантонисты, которые не значились по спискамъ баталіоновъ, а составляли какъ бы не гласный запасъ, дающій начальству возможность пополнять убыль дѣтей, умираю-

щихъ вслѣдствіе жестокаго обращенія съ ними. «Резервисты» до поступленія въ баталіоны находились на полномъ иждивеніи у крестьянъ, исполняя у нихъ всевозможныя работы. Существованіе подобнаго «запаса» было освящено многолѣтнимъ обычаемъ, вслѣдствіе чего въ баталіоны всегда присылалось гораздо больше новобранцевъ, чѣмъ ихъ требовались туда по штату.

Паскевичъ былъ большой знатокъ и любитель церковнаго пѣнія, а организованный подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ хоръ могъ бы съ честью пѣть въ любомъ изъ столичныхъ храмовъ и даже, какъ отзывались о немъ специалисты, мало въ чемъ уступать императорской капеллѣ. Руководилъ при мнѣ этимъ хоромъ нѣкто г. М—нъ, извѣстный вслѣдствіи авторъ нѣкоторыхъ духовно-музыкальныхъ произведеній. Въ Кременчугѣ для меня наступила необыкновенно веселая и полная всевозможныхъ развлеченій жизнь. Здѣсь пѣвчіе пользовались уже гораздо большими льготами и были совершенно освобождены отъ всякихъ муштровокъ и фронтובהго ученья. На нашей обязанности лежало только посѣщеніе школы, спѣвокъ и церковной службы. Помѣщались мы недалеко отъ дворца Паскевича, въ одномъ изъ отдѣленій екатерининской башни, стоявшей на берегу Днѣпра и названной такъ потому, что въ 1787 г. въ ней останавливалась Екатерина Великая, совершая свое извѣстное путешествіе въ Крымъ въ сопровожденіи австрійскаго императора Іосифа и князя Потемкина. Не знаю, существуетъ ли это зданіе въ Кременчугѣ и нынѣ; но въ мое время оно отличалось еще необычайной прочностью.

Почти каждый праздникъ мы являлись въ полномъ составѣ къ князю Паскевичу во дворецъ, гдѣ насъ ожидалъ прекрасный обѣдъ, сопровождавшійся обильнымъ угощеніемъ конфетами, пряниками, орѣхами и др. сладостями. Въ благодарность за это мы исполняли князю разные духовные концерты, а затѣмъ великорусскія и малорусскія пѣсни; послѣднія въ особенности доставляли большое удовольствіе Паскевичу. Такіе же праздники, какъ Рождество Христово и Свѣтлое Воскресеніе, являлись для насъ источникомъ не только самыхъ разнообразныхъ удовольствій, но и порядочныхъ доходовъ. Въ эти дни мы ходили по всѣмъ знатымъ и богатымъ лицамъ города съ поздравленіемъ. Тутъ ужъ для нашей братіи было настоящее разливанное море: ѣшь, пей, сколько душѣ угодно. За день бывало не только старики, басы и тенора, но даже дѣти, альты и дисканты, до того наугощаются, что къ вечеру оказываются безусловно никуда негодными. Еле-еле только къ утру слѣдующаго дня хоръ приходилъ немного въ себя, отпѣвалъ съ грѣхомъ пополамъ обѣдню и затѣмъ снова отправлялся съ поздравленіями. За мѣчу здѣсь, кстати, что встрѣчали насъ вездѣ съ такимъ радушіемъ, о какомъ нынѣшніе пѣвчіе и понятія не могутъ имѣть. Наши визиты съ «концертомъ» составляли какъ бы неотъемлемую принад-

лежность праздника въ каждомъ домѣ, а въ особенности—въ купеческихъ семьяхъ... Эхъ-ма, гдѣ уже теперь все это! Куда дѣвалось прежде гостепріимство и откровенное радушіе горожанъ въ отношеніи пѣвческихъ хоровъ, являвшихся по большимъ праздникамъ съ поздравленіями?... Не разъ приходится видѣть мнѣ и теперь по городамъ подобныхъ «концертантовъ», но, скажу вамъ правду, нѣтъ уже въ ихъ занятіи ни прежней поэзіи, ни удовольствія, ни доходности. А среди богатыхъ горожанъ немало найдется и такихъ субъектовъ, которые, сказавшись больными или отсутствующими, не прочь и двери запереть передъ самымъ носомъ поздравителей.

Благодаря слабому надзору за нами въ Кременчугѣ, мы отличались тамъ крайнею распущенностью и нерѣдко своими ужасными шалостями навлекали на себя справедливый гнѣвъ князя Паскевича. А ужъ какъ бѣдоваль съ нами регентъ, добрѣйшій М.,—объ этомъ и говорить нечего. Я рѣшительно недоумѣваю, какъ ему удавалось, не прибѣгая къ строгимъ мѣрамъ, держать въ рукахъ ораву необузданныхъ кантонистовъ, и какъ онъ умудрялся разучивать съ нами еще тѣ духовныя пьесы, которыя мы всегда съ такимъ мастерствомъ исполняли въ храмѣ?... Иной разъ мы устраивали несчастному регенту такія пакости въ самую критическую минуту, что, право, и по сей день совѣстно вспоминать. Помню, какъ однажды вечеромъ, въ страстную субботу, тотчасъ же послѣ спѣвки, М. долго и почти со слезами на глазахъ упрашивалъ насъ не расходиться изъ той комнаты, гдѣ происходила репетиція, а ложиться спать до того момента, когда въ соборѣ ударятъ къ заутренѣ. Регентъ обѣщалъ даже доставить намъ туда чая и разныхъ сладостей, лишь бы мы не валандались ночью по городскимъ улицамъ и сохранили бы въ чистотѣ свои голоса. «Басы и тенора могутъ себѣ идти въ церковь на чтеніе «Дѣяній апостольскихъ», но на васъ, шалуны, я не надѣюсь, такъ какъ вы все равно и минуты не пробудете въ храмѣ Божьемъ, а все время проведете на холодномъ воздухѣ и чрезъ то въ конецъ охрипнете. Что я тогда буду дѣлать съ вами во время заутрени, а?»... Мы, конечно, свято обѣщали исполнить просьбу регента и стали немедленно готовиться ко сну. Не подумайте, однако, что мы исполнили свое обѣщаніе. Не успѣлъ М. уйти въ свою комнату, которая отдѣлялась отъ «спѣвочной» однимъ коридоромъ, какъ два человѣка изъ насъ отправились, по командѣ альта Пѣтушкова, къ церковному старостѣ съ цѣлю выпросить у него нѣсколько десятковъ восковыхъ огарковъ; свѣчи эти нужны были, по словамъ кантонистовъ, регенту для ночныхъ занятій пѣніемъ; затѣмъ одинъ изъ дискантовъ принялъ на себя обязанность священника, другой — діакона, а прочіе составили, разумѣется, хоръ. Распредѣливъ такимъ образомъ «роли», мы стали совершать вечерню, утреню и литургію. Сначала исполненіе нами церковныхъ молитвъ шло вполголоса, но затѣмъ, становясь все

громче и громче, оно достигло, наконецъ, до слуха регента. Крайне удивленный и взволнованный М. немедленно поспѣшилъ къ намъ; однако, стоявшая у дверей «стража» успѣла во время предупредить импровизированный «причтъ» о приближеніи регента: свѣчи были моментально погашены, и мы улеглись на разбросанныхъ по полу снопахъ соломы.

Постоялъ, постоялъ на порогѣ М., прислушиваясь къ дружному храпу кантонистовъ, и чрезъ нѣсколько минутъ снова возвратился въ свою комнату, рѣшивъ, что ему просто-напросто почудилось какое-то гѣніе. Не прошло и пяти минутъ послѣ его ухода, какъ мы опять, хотя уже съ гораздо большими предосторожностями, принялись за прежнее занятіе и продолжали его съ такимъ усердіемъ, что къ полуночи многіе изъ насъ изрядно таки хрипѣли... А бѣдняга М. преспокойно себѣ дремалъ, сидя въ любимомъ креслѣ; ему и не снилось, какое горе ожидаетъ его... Когда уже всѣ безъ исключенія пѣвчіе стали издавать сильные звуки, напоминающіе отчасти гусиный «шипъ», тогда тотъ же изобрѣтательный Пѣтушковъ отправился въ сосѣдную лавочку, купилъ тамъ на нѣсколько копеекъ соленой рыбы и сталъ угощать ею всю нашу компанію, увѣряя, что это самое радикальное средство противъ хрипоты. Нечего и говорить, что послѣ такого лѣкарства мы окончательно потеряли голоса и могли объясняться между собою не иначе, какъ только при помощи знаковъ. Лишь только улеглись мы спать, какъ въ соборѣ начался благовѣстъ къ заутренѣ, и къ намъ явился М. Представьте же себѣ теперь весь ужасъ бѣднаго регента, когда онъ слышалъ издаваемые нами звуки. М. чуть не упалъ въ обморокъ. Что это съ вами?—крикнулъ онъ самымъ отчаяннымъ голосомъ. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ было гробовое молчаніе. Между тѣмъ утренняя приближалась; надо было во что бы то ни стало устранить хрипоту пѣвчихъ. Не долго думая, М. послалъ одного изъ насъ въ ближайшую аптеку за какимъ-то снадобьемъ, а затѣмъ, смѣшавъ его съ разведеннымъ въ горячей водѣ медомъ и чернымъ перцемъ, принялся усердно угощать этимъ лѣкарствомъ своихъ кантонистовъ. Отъ выпитой бурды у насъ горѣло во рту и горлѣ; однако, нечего было дѣлать, приходилось глотать это снадобье. Съ грѣхомъ пополамъ мы могли уже чрезъ полчаса издавать кое-какіе звуки и поспѣшили отправиться въ церковь, гдѣ наше гѣніе было, конечно, ниже всякой критики.

Говоря о кременчугскомъ хорѣ того времени, я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе и расскажу вамъ про одного изъ нашихъ басовъ, нѣкоего Дрябина, обладавшаго чрезвычайно низкимъ голосомъ; впрочемъ и въ отношеніи нотъ средняго регистра онъ могъ за поясъ заткнуть любого протодіакона. Дрябинъ извѣстенъ былъ у насъ больше подъ именемъ дяди «Отчаливая». Происхожденіе такого страннаго прозвища было, какъ мнѣ передавали,

слѣдующее. По словамъ знавшихъ Дрябина лицъ, онъ былъ сынъ какого-то крестьянина, бѣжавшаго въ началѣ тридцатыхъ годовъ изъ Подольской губерніи въ Бессарабію, спасаясь отъ преслѣдованій со стороны своего изверга помѣщика. Дѣтство свое Дрябинъ провелъ въ окрестностяхъ г. Аккермана въ качествѣ подпаска при табунщикѣ одного богатаго молдавскаго землевладѣльца. Съ 16 лѣтъ онъ поступилъ къ тому же барину перевозчикомъ на паромъ, ходившій чрезъ р. Днѣстръ. Еще будучи двадцатилѣтнимъ парнемъ, Дрябинъ поражалъ проѣзжающихъ на паромѣ лицъ своимъ необыкновеннымъ громкимъ голосомъ; а настоятель одного сосѣдняго монастыря нѣсколько разъ предлагалъ молодому человѣку поступить въ монахи, обѣщая заняться его образованіемъ, зачислить въ монастырскій хоръ и вообще сдѣлать изъ него впослѣдствіи порядочнаго человѣка; однако Дрябинъ постоянно уклонялся отъ такого предложенія, а тянулъ себѣ да тянулъ помаленьку паромную лямку; голосъ же его продолжалъ развиваться не по днямъ, а по часамъ. Спустя нѣкоторое время, случилось на этомъ самомъ паромѣ переправляться архіерею сосѣдней епархіи, преосвященному Г. Когда экипажъ владыки вѣхалъ на паромъ и когда все было готово къ отплытію на другую сторону, то Дрябинъ, обратившись къ своимъ товарищамъ-перевозчикамъ, крикнулъ громкимъ голосомъ: «Отчаливай!». Да такъ, знаете, крикнулъ, что по рѣкѣ волна пошла, а лошади архіерейскія чуть-чуть не прыгнули въ воду. Преосвященный былъ до того пораженъ этимъ голосомъ, что выглянулъ изъ окна кареты и спрашиваетъ:

— А кто это реветъ здѣсь такимъ страшнымъ басомъ?

— Да это жъ я, ваше преосвященство, — отвѣчаетъ простодушно Дрябинъ.

— Ну, братецъ, — продолжалъ владыка, — у тебя не голосъ, а чистое золото! Хочешь, поступай ко мнѣ на службу келейникомъ, и я сдѣлаю тебя со временемъ своимъ протодіакономъ...

Въ отвѣтъ на это Дрябинъ только ухмылялся и съ самодовольствомъ поглядывалъ на товарищевъ. Архіерей же велѣлъ своему секретарю записать имя и фамилію голосистаго перевозчика, чтобы потомъ взять его къ себѣ въ городъ. Не прошло послѣ этого случая и мѣсяца, какъ Дрябинъ дѣйствительно очутился въ архіерейскомъ домѣ, а недѣли черезъ три былъ уже зачисленъ въ соборный хоръ. Въ то же время, по порученію преосвященнаго, одинъ изъ учителей мѣстнаго духовнаго училища принялся обучать нашего героя грамотѣ, а вмѣстѣ съ этимъ и церковному уставу. Нельзя сказать, чтобы выхваченный прямо изъ деревенской глуши молодой человѣкъ отличался особенными способностями, тѣмъ не менѣе года черезъ полтора онъ умѣлъ уже изрядно читать и писать, а на клиросѣ голосъ его, по выраженію молящихся, гудѣлъ, словно труба архангельская. Если бы образованіе Дрябина продолжалось въ та-

комъ родѣ еще года два-три, то изъ него, пожалуй, и вышелъ бы какойнибудь толкъ; но надо же было случиться такъ, что однажды совершенно неожиданно заболѣлъ протодіаконъ и рѣшительно не-кѣмъ было его замѣнить на ту пору. Когда доложили объ этомъ архіерею, тотъ и говоритъ своему ключарю:

— А не попробовать ли намъ уже Дрябина? Пора бы, кажется, ему присмотрѣться и прислушаться къ протодіаконскому дѣлу.

— Что-жь,— отвѣчаетъ ключарь:— почему не попробовать,— авось, и въ самомъ дѣлѣ малый лицомъ въ грязь не ударить; если же въ чемъ и спутаешь, можно будетъ и направить.

— Ну, въ такомъ случаѣ приготовьте его къ рукоположенію, которое можно будетъ совершить въ слѣдующее воскресенье,— сказалъ владыка.

Дѣйствительно, черезъ недѣлю Дрябинъ былъ уже рукоположенъ въ діакона и въ тотъ же день, стоя на обычномъ протодіаконскомъ мѣстѣ, готовился начать архіерейское служеніе. Не извѣстно, оробѣлъ ли бѣдняга, или просто-напросто не зналъ, что говорить въ подобномъ случаѣ, но только стоялъ онъ предъ царскими воротами нѣмъ, аки рыба, бросая безпомощные взгляды по направленію клироса.

— Начинайте же, о. діаконъ,— шепчетъ ему, злорадно улыбаясь, регентъ.

— Да я не знаю, какъ начинать-то,— отвѣчаетъ дрожащимъ голосомъ Дрябинъ.

— Да начинайте хоть такъ, какъ вы обыкновенно начинали на паромѣ...

Услышавъ это, Дрябинъ, не долго думая, возьми да брякни на весь храмъ: «Отчаливай!»... Скандалъ вышелъ безпримѣрный. Народъ пришелъ въ крайнее недоумѣніе: что, молъ, за оказія случилась съ новымъ протодіакономъ? А пѣвчіе на клиросѣ положительно корчатся отъ смѣха. Само собою разумѣется, что послѣ этой исторіи новоиспеченнаго діакона тотчасъ же убрали съ амвона. Владыка же такъ разсердился, что въ тотъ же день велѣлъ отослать Дрябина въ монастырь на покаяніе; тамъ нашъ неудачникъ скоро запилъ съ горя, вслѣдствіе чего былъ сначала лишенъ діаконскаго сана, а затѣмъ исключенъ изъ архіерейскаго хора. Послѣ этого Дрябинъ окончательно опустился и, переходя изъ одного частнаго хора въ другой, попалъ такимъ образомъ и къ намъ въ Кременчугъ. Если бы не его роковая страсть къ спиртнымъ напиткамъ, онъ могъ бы съ честью занимать мѣсто перваго баса въ любой капеллѣ. Даже въ то время, къ которому относится мой разказъ, Дрябинъ обладалъ еще феноменальнымъ голосомъ, отсутствіе котораго въ хорѣ всегда было весьма замѣтно. Несмотря на многіе нравственные недостатки Дрябина, Паскевичъ очень любилъ его за доброту, съ которою этотъ басъ относился къ намъ, кантонистамъ, а также за его чудный голосъ. Скажу здѣсь, кстати, что излюбленнымъ кон-

цертомъ князя былъ переложенный на музыку псаломъ: «Щедроты Твоя, Господи», въ особенности же то мѣсто въ немъ, гдѣ басомъ приходится брать верхнее «Д» (Ей, многомилостиве!). Насколько выразительно и отчетливо исполнялъ Дрябинъ здѣсь fortissimo, настолько артистически онъ пѣлъ pianissimo въ средней пропорціи концерта («Посли дождь Твой...»), слова же: «запрети болѣзни, смертно уязвляющей насъ...», вызывали слезы на глазахъ всѣхъ присутствующихъ, благодаря искусному исполненію Дрябина. Послѣ этого концерта князь Паскевичъ всегда бывало щедрѣе обыкновеннаго одѣлялъ нашу братію гостинцами...

Не знаю, гдѣ кончилъ дни свои Дрябинъ, бывшій уже и при мнѣ почти шестидесяти-лѣтнимъ старикомъ; что касается меня и прочихъ кантонистовъ, участвовавшихъ въ кременчугскомъ хорѣ, то всѣ мы сохранили о Дрябинѣ самыя теплыя воспоминанія, такъ какъ онъ, отличаясь рѣдкою добротою и кротостью, относился къ намъ, дѣтямъ, съ чисто-отеческою любовью, дѣлясь послѣднею копейкою...

Въ концѣ 1855 или началѣ 1856 года, нашъ кременчугскій хоръ распался, такъ какъ князя Паскевича совершенно неожиданно вызвали въ Петербургъ. По поводу его внезапнаго отъѣзда циркулировало въ городѣ и среди насъ много самыхъ разнообразныхъ слуховъ. Ну, да мало ли что ни говорилось тогда объ этомъ; я же помню хорошо лишь то, что въ одно прекрасное утро намъ велѣно было собраться въ одной изъ комнатъ дворца для прощанья съ княземъ. Когда уже всѣ мы съ регентомъ во главѣ очутились въ назначенномъ мѣстѣ, къ намъ тотчасъ же вышелъ одѣтый совсѣмъ подорожному Паскевичъ и, обращаясь главнымъ образомъ къ кантонистамъ, произнесъ:

— Ну, дѣти мои, прощайте! Больше намъ не придется увидѣться съ вами: по волѣ государя императора я навсегда оставляю этотъ городъ.

Слушая эти слова, мы положительно остоленѣли, не зная, что и отвѣчать князю, а онъ продолжалъ:

— Въ благодарность за то удовольствіе, которое вы доставляли мнѣ своимъ пѣніемъ, я отдалъ приказъ о немедленномъ производствѣ всѣхъ васъ въ унтеръ-офицеры.

— Благодаримъ покорно, ваше сіятельство! — отвѣтили мы въ одинъ голосъ.

— А теперь,—заключалъ свою рѣчь князь:—пропойте мнѣ русскій гимнъ, дабы я еще одинъ разъ могъ насладиться вашимъ прекраснымъ пѣніемъ.

Не успѣли мы кончить «Боже, Царя храни», какъ дверь въ комнату отворилась, и на порогъ ея показался какой-то украшенный множествомъ орденовъ генералъ.

— Ваше сіятельство, торопитесь: экипажъ давно уже ждетъ! — сказалъ онъ князю.

— Сію минуту, сію минуту!— отвѣтилъ Паскевичъ и вслѣдъ за этими словами перекрестилъ насъ, пожелалъ намъ всего лучшаго въ жизни и, произнеся еще разъ: «прощайте», направился къ двери, сопровождаемый громкими кликами: — «Прощайте, прощайте, ваше сіятельство!»... Многіе изъ кантонистовъ плакали навзрыдъ...

Изъ Кременчуга я снова возвратился въ Бабанку, такъ какъ въ это время, вслѣдствіе простуды, мнѣ пришлось лишиться голоса, благодаря чему обратное зачисленіе меня въ уманскій хоръ не состоялось. Снова потянулась для меня прежняя суровая кантонистская жизнь, сопровождаемая тѣми же строевыми ученіями, скитаніемъ по квартирамъ, голодомъ, холодомъ и т. п. Вскорѣ по окончаніи Севастопольской войны разнесся слухъ о томъ, что будто бы насъ будетъ смотрѣть самъ новый императоръ Александръ Николаевичъ. Такъ оно дѣйствительно и случилось. Въ 1856 г. государь, совершая свое путешествіе на югъ Россіи, обратилъ, какъ извѣстно, особенное вниманіе на состояніе кантонистскихъ баталіоновъ; хотя упраздненіе ихъ и было уже рѣшено въ принципѣ, однако среди приближенныхъ къ императору лицъ находилось еще не мало людей, крѣпко державшихся того мнѣнія, что это игрушечное, но дорого стоящее войско, при нѣкоторой реформѣ, можетъ все-таки принести русской арміи огромную пользу. Во время этого путешествія молодой государь посѣтилъ, между прочимъ, и с. Б—ку. Не могу не рассказать вамъ здѣсь объ одномъ курьезномъ происшествіи, которое случилось у насъ тогда съ императоромъ, и очевидцемъ котораго я былъ самъ. На царскій смотръ были, разумѣется, представлены всѣ кантонисты, расположенные въ окрестностяхъ Умани. Когда его величество Александръ Николаевичъ приближался къ намъ въ сопровожденіи многочисленной свиты, то мы всѣ представляли довольно интересное и оригинальное зрѣлище, будучи расположены въ видѣ каре; при этомъ въ срединѣ стояли самыя маленькія дѣти, а на правомъ и лѣвомъ флангахъ—самыя высокіе кантонисты. Противъ центра стоялъ и нашъ знаменосецъ, двѣнадцатилѣтній мальчуганъ, произведенный уже за особыя отличія въ унтеръ-офицеры. Проходя вдоль рядовъ, императоръ невольно любовался вѣншимъ видомъ кантонистовъ и вообще ихъ молодцеватостью. Приблизившись къ знаменосцу, онъ остановился и, какъ намъ передали впослѣдствіи, обратился къ Трескину со слѣдующими словами:

— Неужели эти славные ребяташки отличаются такою распущенностью и воровскими наклонностями, какъ мнѣ объ этомъ неоднократно сообщали?

— Ваше императорское величество,— отвѣчалъ Трескинъ:— что касается распущенности, то это не совсѣмъ вѣрно, ибо военная

дисциплина доведена среди кантонистовъ до высшей степени совершенства; въ отношеніи же воровства я, къ своему крайнему сожалѣнію, долженъ признаться, что все сказанное вашему величеству по этому поводу—сущяя правда, и ловкость стоящихъ здѣсь дѣтей по части воровства превосходить всякое вѣроятіе...

— Неужели?—воскликнулъ императоръ.

— Увѣряю васъ, ваше величество.

— Но какимъ же образомъ вы можете убѣдить меня въ этомъ?

— Если вашему величеству будетъ угодно, то я могу доказать справедливость моихъ словъ сейчасъ же на дѣлѣ.

— Чѣмъ же?

— А тѣмъ, что прикажу кантонистамъ украсть часы вашего величества,—отвѣтилъ твердымъ голосомъ Трескинъ.

— И они сумѣютъ это сдѣлать?—спросилъ крайне изумленный императоръ.

— Съ пунктуальною точностью, ваше величество.

— Въ такомъ случаѣ прикажите, пусть дѣйствуютъ.

Немедленно Трескинъ подзвалъ къ себѣ дивизионнаго и сообщилъ ему желаніе государя; дивизионный передалъ это баталіоннымъ командирамъ; а тѣ уже сдѣлали соответствующее распоряженіе. Послѣ разнообразныхъ воинскихъ упражненій смотръ былъ законченъ по обыкновенію примѣрной атакой, во время которой императоръ совершенно неожиданно очутился между кантонистами, буквально тѣснимыми его со всѣхъ сторонъ. Хотя государь почти ежеминутно посматривалъ на свои карманные часы, однако во время общей свалки маленькихъ воиновъ онъ такъ увлекся этимъ игрушечнымъ сраженіемъ, что на нѣкоторое время забылъ и про часы. Въ этотъ-то моментъ кто-то изъ кантонистовъ и умудрился утащить царскій хронометръ вмѣстѣ съ цѣпочкой... Когда батальоны были приведены въ прежній порядокъ и воцарилась тишина, императоръ подзвалъ къ себѣ Трескина и, сообщивъ ему о пропажѣ часовъ, изъявилъ желаніе видѣть виновника такого смѣлаго воровства. Генераль тотчасъ же приблизился къ фронту и произнесъ своимъ громкимъ голосомъ:

— Дѣти, у его императорскаго величества, во время бывшей атаки, кто-то укралъ часы; у кого изъ васъ они находятся, тотъ пусть выйдетъ изъ строя за полученіемъ награды!

Лишь только умолкли слова Трескина, какъ со стороны праваго фланга отдѣлилась фигура пятнадцати—или шестнадцатилѣтняго кантониста. Это былъ извѣстный на весь нашъ дивизионъ воришка, нѣкто Ходулевичъ; онъ происходилъ изъ могилевскихъ евреевъ и отличался необыкновенно-блестящими воровскими способностями. Подойдя образцовымъ шагомъ къ свитѣ императора, Ходулевичъ остановился, какъ вкопанный, и протянулъ руку съ часами государю.

— Молодецъ,—произнесъ улыбаясь императоръ и тутъ же по-

дарилъ ловкому кантонисту 25 руб.—Во всякомъ случаѣ надѣюсь,— продолжалъ государь,— что это воровство будетъ у тебя послѣднимъ, такъ какъ мнѣ нужны честные воины, а не мазурики...

— Радъ стараться, ваше императорское величество!—бойко отчеканилъ Ходулевичъ и, повернувъ налѣво кругомъ, направился къ своему мѣсту...

Скоро изъ Бабанки меня перевели на службу въ кантонистскій дивизионъ, стоявшій въ г. Вознесенскѣ, гдѣ прежде жили мои родители; къ этому времени отца назначили въ какую-то школу, находившуюся въ Одессѣ, а наша семья переселилась на время въ мѣстечко В—ское, отстоявшее верстъ на шестьдесятъ отъ В—ка. Очутившись въ знакомомъ городкѣ, я почувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ въ В—кѣ. Къ тому же въ это время носилась уже молва объ упраздненіи военныхъ поселеній, а съ ними и кантонистскихъ баталіоновъ. Для военныхъ поселенцевъ эта вѣсть была въ высшей степени радостна, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые набѣдовались во время послѣдней кампаніи; что же касается насъ, свыкшихся уже до извѣстной степени со своимъ житьемъ-бытьемъ, то подобныя слухи далеко не всѣми нами были приняты съ должнымъ восторгомъ; нѣкоторые же изъ кантонистовъ, не имѣвшихъ ни роду ни племени (а такихъ было не мало), даже серьезно призадумались надъ вопросомъ: куда имъ придется дѣваться по выходѣ изъ военной службы? Относительно кантонистовъ старшаго возраста поговаривали, что они поступятъ въ ряды дѣйствующей арміи и будутъ служить тамъ наравнѣ съ прочими солдатами; вся же остальная дѣтвора получить полную свободу. Какъ бы тамъ ни было, но послѣдніе два года всѣмъ вообще кантонистамъ такъ жутко приходилось, что они тоже съ нетерпѣніемъ ждали конца своей каторжной жизни. Дѣло было въ томъ, что наше начальство, въ силу какихъ-то непонятныхъ соображеній, распорядилось увеличить сроки, на которые выдавалась намъ изъ цейхауза одежда; такъ, на примѣръ, мундиръ и рейтузы мы обязаны были носить вмѣсто прежнихъ двухъ лѣтъ уже цѣлыхъ три года, а рубахи и прочее бѣлье—два года вмѣсто одного. Конечно, для инспекторскихъ и иныхъ смотровъ намъ выдавались совершенно новехонькія и чистыя вещи; но онѣ немедленно возвращались обратно въ цейхаузъ по минованіи въ нихъ надобности. Вы не можете даже представить себѣ, до какого ужаснаго состоянія доходили къ концу узаконеннаго срока употребляемые ежедневно кантонистами мундиръ и рейтузы, въ особенности на дѣтяхъ младшаго возраста, живая натура которыхъ не позволяла сидѣть и ходить такъ, какъ это дѣлали взрослые люди. Вѣрите ли, что уже на второмъ году наша верхняя одежда мѣняла не только цвѣтъ, но даже и свою первоначальную форму; причиною этого послѣдняго обстоятельства служила страшная масса заплата, накладываемыхъ время отъ времени на разрушающееся

платье самими кантонистами или их сердобольными хозяйками. О бѣльѣ нечего, разумѣется, и говорить, такъ какъ одинъ взглядъ на него могъ привести въ содроганіе всякаго человѣка, имѣющаго хотя самое смутное понятіе о чистотѣ и опрятности. По счастью, въ это время насъ не такъ уже мучили всевозможными муштровками, вслѣдствіе чего многіе изъ кантонистовъ, желая хоть что нибудь заработать для реставраціи своихъ убогихъ «гардеробовъ», охотно шли въ свободное отъ учебныхъ занятій время на работу къ военнымъ поселенцамъ. Весьма понятно, что нашъ трудъ въ этомъ случаѣ оплачивался чрезвычайно скудно; однако, каждый болѣе или менѣе усердный кантонистъ имѣлъ все-таки возможность выработать въ теченіе лѣта не только на исправленіе своей одежды, но даже и на такую роскошь, какъ, напримѣръ, табакъ, сахаръ, водка, баранки и проч. Къ сожалѣнію, большинство нашей братьи предпочитало проводить долгіе лѣтніе дни въ пріятномъ ничего недѣланіи, а по ночамъ совершали набѣги на сады, огороды и бахчи мѣстныхъ жителей. По поводу этихъ «экскурсій» я сообщу вамъ слѣдующую исторію.

Разъ какъ-то, въ первой половинѣ августа, нашему баталіону пришлось стоять лагеремъ на берегу р. Буга, на противоположной сторонѣ котораго были расположены обширныя бахчи какихъ-то богатыхъ, великорусскихъ десятинщиковъ. Надобно вамъ знать, что для всѣхъ вообще кантонистовъ арбузы, дыни и т. п. овощи представляли одинъ изъ величайшихъ соблазновъ; поэтому у насъ на совѣтѣ было рѣшено отправить въ первую же ночь десять смѣльчаковъ на бахчи для производства тщательной рекогносцировки, такъ какъ хозяева-десятинщики, видя близкое сосѣдство кантонистовъ, весьма бдительно оберегали свое имущество. Ночь была темная-претемная, но совершенно тихая. Приходилось нашимъ лазутчикамъ дѣйствовать въ высшей степени осторожно и осмотрительно. Какъ только проиграли вечернюю зорю, смѣльчаки, захвативъ съ собою но изрядному мѣшку для добычи, подошли къ берегу, раздѣлись и пустились вплавъ черезъ рѣку, держа въ зубахъ мѣшки. Достигнувъ противной стороны, они сначала минутъ двадцать внимательно прислушивались ко всякому подозрительному звуку, а затѣмъ двинулись ползкомъ къ ближайшей бахчѣ. На первыхъ порахъ дѣло пошло весьма хорошо: кантонисты, работая съ классической осторожностью, скоро готовы были возвращаться обратно; но, къ несчастью, встрѣтивъ площадку, усѣянную рѣдкими экземплярами арбузовъ и дынь, они стали дѣйствовать гораздо смѣлѣе и совершенно незамѣтно для себя очутились сажень на сто отъ берега. Между тѣмъ, слѣдившіе уже давно за ними хозяева вооружились добрыми плетями, усѣлись на лошадей и пустились въ погоню за нашими удалцами. Представьте себѣ весь ужасъ кантонистовъ, когда они увидѣли вдругъ позади себя страшныхъ пре-

слѣдователей. Въ одно мгновеніе были оставлены мѣшки съ арбузами, и непрошенные гости бросились со всѣхъ ногъ вглубь степи. О томъ, что принятое направленіе удаляетъ ихъ отъ рѣки,—нечего было и думать, такъ какъ другаго выхода изъ затруднительнаго положенія не представлялось пока. Единственная надежда на спасеніе заключалась въ томъ, чтобы найти гдѣ нибудь предметъ, за которымъ бы можно было спрятаться. На бѣду предъ кантонистами разстиралось ровное и чистое поле, покрытое лишь жнивьемъ, оставшимся послѣ уборки хлѣба; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ степь представляла обширныя пространства, покрытыя особаго рода колючками, называемыми здѣсь «арбузиками», которые въ безчисленномъ множествѣ впивались въ босыя ноги бѣглецовъ, причиняя имъ ужасную боль. Однако, никому изъ нашихъ героевъ и въ голову не приходило остановиться, чтобы вынуть изъ ногъ колючки; если же кто изъ кантонистовъ дѣлалъ остановку хоть на секунду или, споткнувшись о что нибудь, падалъ на землю, то его тотчасъ же настигала длинная плеть преслѣдователя. Въ избѣжаніе ея ударовъ бѣглецамъ приходилось выдѣлывать самые замысловатые зигзаги, увертываясь иной разъ изъ-подъ носа лошади. Такого рода гонка продолжалась болѣе часа. Не знаю, чѣмъ бы она кончилась, если бы на счастье бѣглецовъ не встрѣтился на пути обширный участокъ земли, покрытый роскошнымъ просомъ, высота котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигала мѣстами болѣе аршина. Добѣжавъ къ этой нивѣ, кантонисты исчезли въ ней, словно въ морѣ. Отыскать ихъ въ густомъ просѣ да еще въ ночную пору, не было ни малѣйшей возможности; а потому преслѣдователямъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ возвратиться во свояси. Тѣмъ временемъ наши молодцы, передохнувъ немного въ просѣ, снова пустились въ дорогу, такъ какъ имъ приходилось совершить еще не малый крюкъ, чтобы къ разсвѣту достигнуть рѣки и вернуться домой, не попавъ въ руки бахчевладѣльцамъ. Можете себѣ представить, какой бы ужасъ овладѣлъ даже самымъ смѣлымъ человѣкомъ, если бы онъ встрѣтился ночью въ степи съ этою толпою нагихъ людей...

Только съ восходомъ солнца переправились кантонисты обратно черезъ Бугъ и вернулись въ лагерь, условившись хранить въ глубокой тайнѣ отъ начальства свой неудачный набѣгъ на бахчу, сопровождавшійся такими печальными послѣдствіями; въ то же время они поклялись во что бы то ни стало отомстить бахчевладѣльцамъ за перенесенныя страданія. Дѣйствительно, не прошло и недѣли, какъ на ту же бахчу явилось около полусотни отборныхъ кантонистовъ, которые связали находившихся тамъ хозяевъ и, отхлеставъ ихъ хорошенько плетью, унесли съ собою почти всѣ арбузы и дыни... На слѣдующій же день потерпѣвшіе не замедлили явиться съ жалобою къ начальнику баталіона; но такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не могъ съ точностію указать виновниковъ ночного приклю-

ченія, то дѣло было оставлено безъ послѣдствій. Само собою разумѣется, что арбузы и дыни были раздѣлены между кантонистами всего баталіона и такъ спрятаны, что никакой сыщикъ не нашелъ бы ихъ.

Насколько скверно жилось въ это послѣднее время намъ, кантонистамъ, настолько облегчено было положеніе военныхъ поселенцевъ. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но въ районѣ В—ка уже съ 1856 г. были совершенно прекращены экзекуціи, и начальство смотрѣло сквозь пальцы на небрежное исполненіе поселянами своихъ обязанностей. Благодаря такимъ облегченіямъ, будущіе государственные крестьяне стали обращать большее вниманіе на занятія собственнымъ хозяйствомъ и, пользуясь казенной землей, а также разными льготами, богатѣли весьма быстро. Единственною работою ихъ на пользу казны было въ это время кормленіе и отопленіе своего ближайшаго начальства и дома в—скихъ инвалидовъ; на обязанности здѣшнихъ военныхъ поселенцевъ лежало еще содержаніе въ порядкѣ и чистотѣ улицъ города В—ка, а также ведущихъ къ нему дорогъ. Въ отношеніи снабженія в—скаго начальства продовольствіемъ и топливомъ поселянамъ приходилось подчасъ довольно таки трудновато. Вѣдь въ В—кѣ, кромѣ такихъ лицъ, каковы были четырехокружной, окружной, волостной и другіе начальники, существовало болѣе сотни разныхъ чиновниковъ и писарей, которые тоже кормились, обогрѣвались, да чуть ли и не одѣвались на счетъ тѣхъ же военныхъ поселенцевъ. Вообще надо замѣтить вамъ, что весь названный городокъ состоялъ въ то время почти исключительно изъ лицъ военнаго сословія: въ немъ и его ближайшихъ окрестностяхъ, помимо кантонистскихъ баталіоновъ и поселенческихъ управленій, находилось постоянно около пятнадцати тысячъ войскъ разнаго рода оружія. Чистота въ городѣ поддерживалась всегда образцовая, что, по всей вѣроятности, зависѣло отъ частыхъ наѣздовъ такихъ лицъ, каковы были графы: Никитинъ, Остенъ-Сакенъ и др.; кромѣ того, самъ императоръ Николай Павловичъ любилъ останавливаться въ этомъ городкѣ, проѣзжая мимо него въ Крымъ или куда нибудь на югъ Россіи. Соблюденіе въ В—кѣ чистоты доходило иногда до того, что если сюда явится бывало по своимъ дѣламъ или по казенной надобности какой нибудь мужикъ, то онъ обязанъ былъ убрать послѣ себя не только навозъ, но даже каждый стебель сѣна или соломы, оставшіяся на улицѣ по окончаніи кормленія лошадей. Для евреевъ В—кѣ былъ тогда совершенно недопустенъ. Если же кому либо изъ нихъ случалось попадать въ городъ изъ сосѣдняго мѣстечка въ качествѣ портного, шапочника или сапожника, то онъ, идя по улицѣ, гнулся, какъ говорится, въ три погибели и не надѣвалъ шапки на голову; при встрѣчѣ же съ офицерами и даже солдатами онъ отвѣшивалъ самые почтительные поклоны. Попадаясь же на глаза кому нибудь изъ блюстителей об-

щественнаго порядка, еврей подвергался подробному допросу и получалъ строжайшій приказъ поскорѣе оканчивать свои дѣла и убраться вонъ изъ города... Съ паденіемъ военныхъ поселеній и упраздненіемъ ихъ штаба В—къ быстро наполнился евреями. Съ водвореніемъ здѣсь потомковъ израиля исчезла отсюда чистота, а затѣмъ и все то, что составляло одну изъ симпатичныхъ сторонъ военныхъ поселеній, а именно: успѣшное лѣсонасажденіе, обширныя тутовья плантаціи и связанное съ ними шелководство, прочность воздвигаемыхъ зданій и проч.. Въ ту эпоху не только весь В—къ тонулъ въ садахъ, но даже по сторонамъ идущей отъ него большой почтовой дороги, на протяженіи 20—30 веретъ, тянулись богатая лѣсныя плантаціи, отъ которыхъ нынѣ нѣтъ уже и слѣда. И только въ сосѣднемъ лѣсничествѣ поддерживается до сихъ поръ кое-какая растительность, но и та, несмотря на изрядныя затраты со стороны правительства, еле-еле влачитъ теперь свое жалкое существованіе. Виноваты ли въ этомъ люди или суровый климатъ конца текущаго столѣтія, одинъ Богъ вѣдаетъ... Наряду съ прекраснымъ лѣсоразведеніемъ здѣсь существовало тогда въ обширныхъ размѣрахъ и шелководство, о возобновленіи котораго въ настоящее время, какъ я слышалъ, такъ много хлопочугъ. Удивительное дѣло, почему все это рухнуло тотчасъ же послѣ упраздненія кантонистовъ и военныхъ поселеній? Почему тѣ же государственные крестьяне, сдѣлавшись вполне свободными людьми, стали относиться съ полнымъ отвращеніемъ не только ко всякаго рода древеснымъ насажденіямъ, но и къ шелководству; кромѣ того, они еще съ невообразимымъ хищничествомъ принялись за уничтоженіе лѣсныхъ плантацій, служившихъ нѣкогда лучшимъ украшеніемъ здѣшнихъ степей. Бывало жаль видѣть, какъ иной мужикъ, желая имѣть чеку, сваливалъ для этой цѣли 4-хъ или 5-ти лѣтнее дерево. Говорятъ, что причиною охлажденія и даже ненависти крестьянъ къ древесной растительности въ Новороссійскомъ краѣ послужила будто бы та строгость, съ какою обыкновенно начальство принуждало военныхъ поселянъ заниматься этимъ дѣломъ. Не раздѣляя всецѣло подобнаго мнѣнія, скажу вамъ откровенно, что въ данномъ случаѣ гораздо большую роль играла пресловутая лѣнь здѣшняго мужика.

Благоденствіе военныхъ поселянъ наканунѣ ихъ освобожденія много зависѣло еще отъ того обстоятельства, что почти все казенное имущество, какъ-то: строеніе, инвентарь и остальной хлѣбъ, достались мѣстнымъ жителямъ почти задаромъ съ аукціоннаго торга; въ особенности выгодную аферу сдѣлали мужички тамъ, гдѣ имъ не мѣшали городскіе купцы и еврей-барышники; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ значительная часть казеннаго добра была роздана поселянамъ въ кредитъ съ условіемъ уплаты образовавшагося долга чрезъ нѣсколько лѣтъ. О цѣнахъ, по какимъ иногда сбывалось это имущество, можете судить по слѣдующему факту, свидѣтелемъ ко-

того я былъ самъ. Въ большомъ селеніи В—ской волости, С—номъ, стоялъ еще совершенно новый манежъ, имѣвшій въ длину 40, а въ ширину 7 сажень. При постройкѣ этого громаднаго зданія работали сотни народа въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, представляя необходимый для этой цѣли камень за десятки верстъ, а дерево изъ казенныхъ лѣсовъ Кіевской губерніи. Принимая во вниманіе ширину зданія, вы можете себѣ представить теперь, каковы должны были быть употребленныя на него балки. Между тѣмъ, весь этотъ манежъ былъ проданъ поселянамъ за 50 рублей! Вообще надобно замѣтить здѣсь, что правительство понесло въ данномъ случаѣ не одинъ миллионъ убытку, хотя эти потери способствовали до нѣкоторой степени упроченію будущаго благосостоянія государственныхъ крестьянъ. Правда, подобная ликвидація казеннаго имущества представляла весьма обширное и благодарное поприще для любителей ловли рыбы въ мутной водѣ; однако, между начальствующими лицами того времени встрѣчалось-таки немало вполнѣ безкорыстныхъ и вполнѣ преданныхъ своему дѣлу людей. Къ числу такихъ начальниковъ принадлежалъ, между прочимъ, извѣстный мнѣ полковникъ Р—скій, на долю котораго выпала нелегкая обязанность разъяснять выходящимъ на волю поселянамъ ихъ права и будущее устройство. Какъ это обыкновенно часто случается, нашъ простой народъ почти всегда съ какимъ-то недоумѣніемъ относится ко всякаго рода реформамъ, льготамъ и вообще нововведеніямъ, толкуя ихъ нерѣдко въ совершенно противоположную сторону, въ этомъ, какъ нельзя лучше, пришлось убѣдиться и г. Р—скому, который изъ силы выбивался, чтобы склонить поселянъ В—ской волости на отводъ имъ возможно большихъ земельныхъ надѣловъ изъ сосѣднихъ казенныхъ участковъ. Однако, всѣ труды и краснорѣчіе полковника разбивались въ прахъ о баснословное упрямство и невѣжество народа, находившаго для себя вполнѣ достаточными пяти и восьмидесятиные надѣлы. «Не надо намъ лишней земли,—возражали поселяне:—будетъ съ насъ и пяти десятинъ на душу; дай Богъ и съ этой землей справиться, не то въ какую нибудь петлю влѣзешь, а потомъ внуки и правнуки кости твои проклянутъ въ могилѣ... Знаемъ мы эти «милости», бокомъ онѣ выходятъ въ концѣ концовъ нашему брату-мужику, какъ это и случалось уже не разъ съ нашими прадедами!»—заканчивали обыкновенно сѣдовласые патріархи, покуривая гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ схода свои традиціонныя «люльки»... Въ этихъ словахъ былъ намекъ на одинъ не безынтересный историческій фактъ, имѣвшій нѣкогда мѣсто въ тѣхъ самыхъ селеніяхъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь. Но сколько въ немъ правды, трудно сказать, такъ какъ онъ съ теченіемъ времени успѣлъ превратиться въ своего рода легенду; во всякомъ случаѣ это немаловажное событіе имѣло, какъ видно, громадное вліяніе на развитіе среди здѣшнихъ поселянъ недоумѣнія къ самымъ лучшимъ мѣропріятіямъ правительства.

Квартируя въ качествѣ кантониста въ д. В. В-ской волости, я неоднократно слышалъ рассказы о бывшемъ въ тридцатыхъ годахъ бунтѣ среди обитателей этой деревни и прилегающихъ къ ней селеній. Причины бунта были слѣдующія. Деревня В., носившая въ прежнее время названіе «Сокольской переправы», была основана въ 1767 году на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, переправлялся чрезъ рѣку Бугъ шведскій король Карлъ XII, удиравшій вмѣстѣ съ Мазепою изъ-подъ Полтавы; въ томъ же году, кромѣ этой деревушки, возникъ еще цѣлый рядъ подобныхъ поселковъ, расположившихся на лѣвой сторонѣ Буга вплоть до впаденія въ него рѣки Ингулы. Исторія возникновенія этихъ пограничныхъ поселеній¹⁾ была такова. Во время первой турецкой войны, бывшей у насъ въ царствованіе императрицы Екатерины II, одинъ непріятельскій полкъ, состоявшій исключительно изъ придунайскихъ христіанъ, передался въ полномъ своемъ составѣ на сторону Бѣлаго царя. Въ благодарность за это главнокомандующій русскою арміею, графъ Румянцевъ-Задубайскій, разрѣшилъ солдатамъ названнаго полка поселиться, по окончаніи кампаніи, въ прибужскихъ степяхъ на любомъ мѣстѣ; при этомъ новымъ поселенцамъ было обѣщано немало всевозможныхъ льготъ, что, по всей вѣроятности, было сдѣлано съ разрѣшенія монаршей власти. Дѣйствительно, турецкіе выходцы на первыхъ порахъ были свободны отъ всякихъ государственныхъ повинностей, исполняя лишь обязанности казачьей пограничной стражи. Съ окончаніемъ же второй турецкой войны, въ особенности послѣ завоєванія Хаджибея, роль побужскихъ кордоновъ потеряла всякій смыслъ, и жители лежащихъ здѣсь деревень должны были заняться исключительно мирнымъ трудомъ. Въ скоромъ времени стали циркулировать слухи, что и «льготные» обыватели прибужскаго района будутъ обращены въ военныхъ поселянъ. Сначала народъ не придавалъ ни малѣйшаго значенія этой молвѣ, твердо вѣря въ неизблемость своихъ правъ; однако, наканунѣ турецкой войны 1828 г. велѣно было всѣмъ обитателямъ названныхъ поселковъ исполнять обязанности военныхъ поселянъ наравнѣ съ прочими русскоподанными жителями здѣшняго края. Вотъ тутъ-то и началось настоящее столпотвореніе вавилонское. Лишь только власти приступили къ практическому осуществленію новаго приказа, какъ сначала въ деревнѣ В., а затѣмъ и въ другихъ поселкахъ вспыхнулъ бунтъ. Несмотря на рядъ самыхъ энергичныхъ и строгихъ мѣръ, народъ категорически заявилъ, что, основываясь на дарованныхъ ему около шестидесяти лѣтъ тому назадъ льготахъ, вовсе не желаетъ превращаться въ военныхъ поселянъ. Дѣло въ концѣ концовъ дошло до того, что бунтовщиковъ приходилось вѣшать и разстрѣливать десятками, менѣе же виновныхъ подвергали жесто-

¹⁾ Въ то время рѣка Бугъ служила границей между Россіей и Турціей.

кой экзекуці и ссылали въ Сибирь на поселеніе или въ каторжныя работы. Говорятъ, что протекавшая мимо Б. небольшая рѣчка была въ одно время буквально запружена трупами казенныхъ; долго они потомъ всплывали на поверхность воды и отправлялись въ Бугъ, а оттуда далѣе — въ Черное море... Подъ давленіемъ такихъ ужасныхъ репрессалій наши турецкіе выходцы должны были наконецъ смириться и волей-неволей подчиниться законнымъ требованіямъ начальства. На первыхъ же дняхъ новые поселяне принуждены были нести поистинѣ каторжный трудъ, такъ какъ, помимо обычныхъ работъ, они занимались еще усиленно строевымъ ученіемъ и вообще находились подъ неусыпнымъ и строжайшимъ надзоромъ. Все это, конечно, дѣлалось властями съ тою цѣлью, чтобы поселяне не затѣяли на досугѣ новаго бунта. Какъ бы тамъ, однако, ни было, но эти вольные нѣкогда люди до конца дней своихъ оставались при томъ убѣжденіи, что уничтоженіе дарованныхъ имъ Румянцевымъ льготъ совершилось безъ вѣдома государя. Увѣренность въ этомъ была такъ велика, что перешла даже къ отдаленнымъ потомкамъ, послуживъ затѣмъ причиною недовѣрія, съ какимъ впоследствии поселяне относились къ словамъ такого лица, какимъ былъ, напримѣръ, полковникъ Р—скій. Помню, какъ однажды онъ явился на какой-то сельскій сходъ и чуть ли не со слезами на глазахъ упрашивалъ поселянъ взять хоть въ аренду, по 30 коп. за десятину, примыкавшій къ ихъ землѣ казенный участокъ.

— Нѣтъ, ваше в—діе, освободите насъ отъ этой милости, — продолжали твердить мужички: — мы будемъ довольны и тѣмъ, что получили.

— Ну, — произнесъ сердито Р—скій, удаляясь со схода: — будете вы, люди добрые, вспоминать когда нибудь мои слова, да не во время!...

Дѣйствительно, не прошло послѣ этого и 20 — 25 лѣтъ, какъ крестьяне уже глубоко раскаивались въ своей опрометчивости. То село, на сходѣ котораго Р—скій такъ сильно ратовалъ за увеличеніе надѣловъ или аренду казенныхъ участковъ, состояло тогда изъ 550 душъ человекъ; въ настоящее же время въ немъ насчитывается болѣе 2.000 душъ жителей. Можете ли себѣ представить, какова теперь тамъ царитъ тѣснота; если съ 30 коп. арендная плата за землю возросла до 7—8 рублей за десятину. А какое бы раздолье было здѣсь въ настоящее время, если бы мужички согласились на предложеніе Р—скаго. Лучшимъ доказательствомъ подобнаго положенія можетъ служить одно обширное селеніе Ананьевскаго уѣзда, Х—ской губерніи, С—во. Жители этого села не побоялись взять тогда въ аренду по баснословно низкой цѣнѣ находившійся подлѣ нихъ огромный участокъ казенной земли, а впоследствии приобрѣли его даже въ собственность. Благодаря этому обстоятельству, С—во населено теперь богатѣйшими мужиками и до сихъ поръ не терпитъ нужды въ землѣ.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу самыхъ послѣднихъ дней нашего кантонистскаго житья-бытья. Если въ отношеніи военныхъ поселянъ было сдѣлано много кое-чего полезнаго со стороны правительства, то объ отпускаемыхъ на свободу кантонистахъ почти совсѣмъ позабыли; по всей вѣроятности, начальство полагало, что, выходя на волю, любой изъ этихъ «маленькихъ воиновъ» тотчасъ же попадетъ въ объятія членовъ любящей его семьи, которая не замедлитъ снабдить кантониста всѣми необходимыми средствами для дальнѣйшаго существованія. Къ сожалѣнію, на самомъ дѣлѣ это было далеко не такъ.

Какъ извѣстно, на волю отпускали кантонистовъ почти всѣхъ возрастовъ. Тѣ изъ нихъ, которые по своимъ лѣтамъ годны были въ скоромъ времени къ поступленію на военную службу, тотчасъ же сдѣлали выгодную карьеру, зачислившись охотниками въ солдаты за кого нибудь изъ богатыхъ лицъ. Весьма понятно, что въ подобныхъ случаяхъ кантонисты брали съ разныхъ купчиковъ и евреевъ презрѣдныя куши. Къ числу такихъ «охотниковъ» принадлежалъ и я. Около этого времени умеръ мой отецъ, а оставшіеся послѣ него сироты очутились въ самомъ безвыходномъ положеніи. Вотъ тутъ-то мнѣ и пришлось явиться къ нимъ на помощь. Не зная, какъ и за что приняться по выходѣ изъ кантонистовъ, я съ величайшей радостію согласился поступить на военную службу вмѣсто сына одного в—скаго купца, который уплатилъ мнѣ за это 500 рублей. На полученныя такимъ образомъ деньги я купилъ для своей старшей сестры въ нашемъ родномъ городѣ небольшой домикъ съ порядочнымъ садикомъ и пару лошадей. Устроивъ при ней остальныхъ сестеръ и братьевъ, я со спокойнымъ сердцемъ отправился снова на царскую службу. Тамъ мнѣ сразу повезло: не прошло и года, какъ меня зачислили въ окружную школу, гдѣ я окончилъ курсъ въ числѣ первыхъ учениковъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, я, по совѣту своего командира, сталъ готовиться къ офицерскому экзамену, который впослѣдствіи и выдержанъ мною довольно удачно...

Въ гораздо худшемъ положеніи очутились кантонисты младшаго возраста, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые не имѣли родныхъ. Такимъ дѣтямъ приходилось идти хоть по міру, очутившись за дверью баталіонной казармы. Но такъ какъ свѣтъ не безъ добрыхъ людей, то и на счастье этихъ сиротъ оказались въ нашемъ краѣ благодѣтели изъ крупныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ, явившихся къ намъ изъ-заграницы и основавшихъ свои заведенія въ Одессѣ, Николаевѣ, а также въ другихъ приморскихъ городахъ Новороссіи. Эти лица принимали къ себѣ десятками малолѣтнихъ кантонистовъ въ качествѣ учениковъ, изъ которыхъ впослѣдствіи вышли дѣльные мастера. Само собою разумѣется, что на первыхъ порахъ эти ученики не получали отъ своихъ хозяевъ никакой платы за трудъ, а довольствовались только даровымъ помѣщеніемъ, пищей и одеждой;

но, спустя года 3—4, юноша получалъ уже небольшое жалованье; а къ 18—20 годамъ прибрѣталъ званіе подмастерья, и фабрикантъ назначалъ ему вполне приличное содержаніе. Отъ многихъ очевидцевъ мнѣ приходилось слышать, что попавшіе на такія фабрики и заводы кантонисты не могли пожаловаться на судьбу и до конца жизни хранили добрыя воспоминанія о своихъ бывшихъ хозяевахъ. Особенно много сиротъ пріютили на своихъ фабрикахъ иностранцы Ф. и Б., наслѣдники которыхъ и понынѣ продолжаютъ съ успѣхомъ фабрично-заводское дѣло въ Одессѣ. Къ сожалѣнію, далеко не съ такимъ участіемъ и теплотою отнеслись къ своимъ питомцамъ-кантонистамъ русскіе купцы и разнаго рода промышленники. Насколько мнѣ извѣстно, изъ попавшихъ къ нимъ въ руки дѣтей не вышло ни одного порядочнаго человѣка. Будучи и безъ того нравственно испорчены въ баталіонахъ, кантонисты, попавъ затѣмъ на службу къ всевозможнымъ кулакамъ, скоро привыкли къ разгульной, развратной жизни и мало-помалу превращались въ отчаянныхъ пьяницъ-жуликовъ; значительный контингентъ этихъ молодцовъ попадалъ въ концѣ концовъ въ ряды такъ называемыхъ золоторотцевъ и острожныхъ обитателей...

Таковъ былъ финалъ почти сорокалѣтняго существованія у насъ военныхъ поселеній и кантонистовъ, которые представляли собою на фонѣ русской жизни первой половины текущаго столѣтія одно изъ безотраднѣйшихъ явленій, по сравненію съ которымъ крѣпостное право могло быть названо даже благомъ...

Д. В. Федоровъ.

ЛЕЙБЪ-КАЗАКИ ПОДЪ ВИТЕБСКОМЪ 15-ГО ІЮЛЯ 1812 ГОДА ¹⁾.

Казаки сдѣлали много для славы
Россіи; они были истинными освобо-
дителями своего отечества.

Генераль Моранъ.

Дайте мнѣ однихъ казаковъ — и я
пройду съ ними всю Европу.

Наполеонъ.

I.

АПОЛЕОНЪ, распорядившійся въ 1809 году почти всей Европой, задумалъ подчинить своей власти и наше отечество. Въ маѣ 1812 года, онъ собралъ на лѣвомъ берегу Вислы шестисоттысячную армію, а въ ночь съ 11-го на 12-ое іюня войска его начали переправляться черезъ Нѣманъ около города Ковны. Черезъ мѣсяцъ авангардъ его былъ у Бѣшенковичей верстахъ въ семидесяти отъ Витебска. Въ это время 1-я армія наша, Барклая-де-Толли, занимала позицію на лѣвой сторонѣ Двины, вдоль праваго берега рѣки Лучесы, а 2-я, Багратиона, находилась около Могилева.

Положеніе главнокомандующаго 1-ой арміи было очень трудное: имѣя всего не болѣе 80.000 войскъ противъ 200.000, онъ дслженъ

¹⁾ Задача моя въ формѣ общедоступнаго разсказа познакомитъ юныхъ донцовъ, не изучавшихъ военныя науки, съ боевой дѣятельностью ихъ отважныхъ предковъ во время великой исторической борьбы съ Бонапартомъ.

Смѣю надѣяться, что трудъ мой принесетъ нѣкоторую пользу юнымъ сынамъ «тихаго Дона»: укрѣпитъ въ нихъ славныя традиціи и заставитъ въ тяжкую годину держать боевое знамя своего войска такъ же высоко, какъ держали его славные отважные предки, составившіе себѣ боевыми подвигами громкую извѣстность во всей Европѣ и стяжавшіе неуувядаемые лавры русскому оружію.

быль ожидать Багратіона, который предполагался въ пути на Витебскъ. Отступить—значило бросить 2-ю армію въ безвыходное положеніе. Барклай рѣшилъ отбиваться до прибытія Багратіона только одними передовыми войсками. Наши авангарды вели упорные бои (у Островны и Какувячины) 13-го и 14-го іюля. Къ ночи съ 14-го на 15-е, дравшіяся войска отошли за Лучесу, а на смѣну имъ былъ высланъ новый авангардъ (14 батарей, 32 эскадрона, 2 казачьихъ полка и 40 орудій) подъ начальствомъ графа Палена¹⁾, который около двухъ часовъ ночи занялъ верстахъ въ восьми отъ Витебска позицію, прикрытую съ фронта незначительной рѣчкой, впадающей въ Двину, а съ праваго фланга—Двиною. Лѣвый флангъ позиціи былъ совершенно открытъ. Такъ какъ протяженіе ея было не соразмѣрно съ силою отряда, то графъ Паленъ расположилъ пѣхоту въ двѣ линіи. Кавалерія была поставлена на небольшой равнинѣ у впаденія рѣчки въ Двину въ четыре линіи. На правомъ флангѣ стояли лейбъ-казаки рядомъ съ сумскими гусарами.

Какъ только донцы слѣзли съ лошадей, командиръ ихъ, бравый черноволосый генераль-адъютантъ, графъ Орловъ-Денисовъ, приказалъ своимъ вѣстовымъ разостлать впереди лѣваго фланга лейбъ-эскадрона громадный коверъ, развязать вьюки и тащить изъ нихъ все, что окажется изъ съѣдобнаго и напитковъ.

— Прошу ко мнѣ на чарку водки, друзья-товарищи!—закричалъ онъ зычнымъ голосомъ, когда коверъ былъ уставленъ различными яствами и питьемъ. На этотъ призывъ въ одну минуту собрались почти всѣ офицеры около своего отца командира. Сюда же вскорѣ подошли и сумскіе гусары съ своимъ добродушнымъ генераломъ фонъ-дери-Паленомъ.

— Пожалуйста, друзья мои, располагайтесь и подкрѣпляйте ваши силы,—сказалъ графъ собравшимся.—Прошу безъ церемоній... Хрепцатицкій²⁾, милый мой!—обратился онъ къ своему личному адъютанту, молодому, полному, длинноусому блондину, типичному польскому пану:—прошу тебя быть виночерпіемъ... Угощай гостей и товарищей... Вонъ, около тебя стоитъ баклага съ живительной расейской влагой... А, вонъ, и наше родное—цымлянское... А ты, Вася Жмуринъ,—обратился онъ къ миловидному, кудрявому, бѣлокурому штабсъ-ротмистру:—распорядись-ка, чтобы согнали сюда лучшихъ пѣсельниковъ...

Хрепцатицкій, добродушно улыбаясь, взялся за баклагу. И пошла быстро ходить изъ рукъ въ руки большая серебряная чарка. Между офицерами завязалась оживленная бесѣда.

¹⁾ Въ отрядъ гр. Палена входилъ Сумскій гусарскій полкъ, которымъ командовалъ генераль-майоръ фонъ-Паленъ.

²⁾ Впослѣдствіи генераль-лейтенантъ и походный атаманъ кавказскихъ казачьихъ войскъ.

Мигомъ сбѣжалось до пятидесяти казаковъ, которые расположились полукругомъ около группы офицеровъ. По лицамъ ихъ видно было, что затѣя графа была имъ по душѣ. Старый бородатый казакъ, украшенный двумя крестами, съ баклагой въ рукѣ началъ обходить казаковъ и разливать водку въ большую командирскую серебряную чарку. Нѣсколько минутъ только и слышно было усердное откашливанье, сморканье и побряхтываніе казаковъ, прочищавшихъ для пѣнія свои глотки. По временамъ раздавались вовгласы наибѣ смѣлыхъ старо-служивыхъ станичниковъ: Во здравье его сіятельства нашего отпа-командира! За ваше здравіе, ваше сіятельство! Дай Богъ много лѣтъ здравствовать вашему сіятельству!

— Кушайте, кушайте, голубчики мои, на доброе здоровье!—отвѣчалъ Орловъ-Денисовъ, съ любовью смотрѣвшій на своихъ молодцовъ.

Казакъ глоталъ залпомъ водку, крикали, сплевывали, вытирали рукавами губы, запихивали въ свои рты куски хлѣба, колбасы и огурцовъ и усердно пережевывали все это, чавкая обѣими челюстями. Когда чарка обошла всѣхъ пѣсельниковъ, старикъ, разливавшій водку, выпилъ самъ, передалъ баклагу юному казачку, носившему за нимъ корзинку съ закуской, вышелъ впередъ, откашлялся, оправился, крикнулъ и, подпершись лѣвой рукой, затанулъ тонкимъ голоскомъ:

«Какъ по морю...»

— Постой-постой, Иванъ Тарасевичъ! — перебилъ графъ.— Не ту... Затяни-ка мою любимую...

— Слушаю, ваше сіятельство!—отвѣчалъ старикъ.

Какъ на Волгѣ на рѣкѣ,
Было на Камышенкѣ,

— затанулъ онъ,—

Тамъ живутъ казаки,

— подхватилъ хоръ,—

Казаки люди вольные и т. д.

— А! что за прелесть! — воскликнули Паленъ и многіе гусары, когда прервалась послѣдняя заунывная протяжная нота пѣсни.

— Ну-ка, теперь веселенькую!.. плясовую!—распорядился Орловъ-Денисовъ.—Панну!..

Старикъ опять оправился, опять крикнулъ и затанулъ:

Ой! панна, панѣнка,
Дѣвченочка моя..

II.

Пирушка донцовъ и гусарь затынулась до разсвѣта. Вспоминая прошлое и гадая о будущемъ, никому и въ голову не приходило, что не болѣе какъ чрезъ часъ всѣмъ участникамъ кутежа придется стоять подъ сильнымъ огнемъ, и что нѣкоторымъ суждено геройски пасть въ предстоящемъ славномъ бою и прибавить къ полковымъ преданіямъ свѣжіе лавры.

Становилось все свѣтлѣй и свѣтлѣй. Все яснѣе обозначались лица казаковъ-пѣсельниковъ и гусарь, столпившихся около нихъ.

Синеватыя тучи, озаренныя розовымъ свѣтомъ на востокѣ, быстро неслись по вѣтру.

Старикъ Иванъ Тарасевичъ затынулъ малороссійскую:

«А по-пидь горою, по-пидь зеленою...»

Солнце показалось на чистой полоскѣ неба и вновь скрылось въ темной узкой тучѣ, висѣвшей надъ горизонтомъ. Чрезъ минуту оно еще ярче освѣтило востокъ, разорвавъ верхній край тучи, и все вокругъ заблестѣло...

— А вѣдь кто-то скачетъ сюда!—вдругъ вскрикнулъ симпатичный, черноглазый, стройный корнетъ Орловъ¹⁾.

Всѣ офицеры моментально поднялись съ ковра и съ напряженнымъ вниманіемъ начали всматриваться въ быстро приближавшагося всадника.

Лихой штабъ-ротмистръ Мазуренко²⁾, типичный хохоль съ длинными, висящими внизъ, усами, подскакавъ къ пѣсельникамъ, взмахнулъ ногой, подалъ корпусъ назадъ, и конь его остановился, какъ вкопанный.

Пѣсельники, по мановенію Ивана Тарасевича, оборвали сразу.

— Что случилось? Откуда ты, Мазуренко? Говорите скорѣе!—послышались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— А, вотъ що я вамъ скажу, хлопцы: годи вамъ балакать да спивать.... Вставайте, да идите бытыся съ Палевонтиемъ... Вотъ що! Винъ бисовъ сынъ такъ и прѣ съ великою силою по великому шляху на Вытебскъ... Такъ и прѣ...

— Да, брешешь ты, братъ,—сказалъ Орловъ-Денисовъ.—Вижу по рожѣ, что брешешь...

Но въ это время въ непріятельской сторонѣ грянула пушка, за ней другая, третья, четвертая...

¹⁾ Впослѣдствіи генераль-адъютантъ, командиръ л.-гв. казачьяго полка, а послѣднее время былъ походнымъ атаманомъ донскихъ полковъ на Кавказѣ и на западной границѣ.

²⁾ Лейбъ-казачій полкъ состоялъ изъ 3-хъ эскадроновъ донцевъ и одной сотни черноморцевъ.

— Пѣсельники, къ конямъ!—строгимъ тономъ скомандоваль Орловъ-Денисовъ, подымаясь съ ковра.—Прошу господь офицеровъ стать на свои мѣста! Смирно! Къ конямъ!—крикнулъ онъ, повернувшись къ полку.

Все пришло въ движеніе.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ эскадроны выравнялись, казаки, гусары и офицеры стояли на своихъ мѣстахъ, держа лошадей въ поводу. Около графа громаднаго роста бородатый казакъ, похожій на цыгана, постоянный ординарецъ его и тѣлохранитель, держалъ подъ устцы, нетерпѣливо бьющаго копытами землю, темносѣраго коня, на которомъ Орловъ-Денисовъ обыкновенно выѣзжалъ, когда ожидалось дѣло.

Конь не стоялъ на мѣстѣ, фыркалъ, настораживалъ уши и умными, чудными глазами посматривалъ въ непріятельскую сторону, откуда продолжали раздаваться орудійные выстрѣлы.

— Хорошо ли ты накормилъ Барса, Денисовъ?—спросилъ графъ своего тѣлохранителя, подходя къ коню.

— Хорошо, ваше сіятельство... И овса, и сѣна давалъ волю. И водой ключевой напоилъ...

Канонада между тѣмъ разгоралась все болѣе и болѣе.

— Ну, Господи благослови!—сказалъ графъ, снимая киверъ и набожно крестясь.

Весь полкъ, не сводившій глазъ съ своего обожаемаго начальника, послѣдовалъ его примѣру.

— Садись!—скомандоваль Орловъ-Денисовъ и, быстро вскочивъ на сѣдло, поскакалъ къ полку.

— Сегодня будетъ, вѣроятно, большой бой съ самимъ Наполеономъ!—крикнулъ онъ, осадивъ Барса около праваго фланга 2-го эскадрона.—Забудьте, братцы, все, что вамъ дорого и мило, и думайте только о славѣ и чести матушки Россіи и родного Дона... Порадѣйте, товарищи!..

— Постараемся, ваше сіятельство!—радостно и дружно рывкнули казаки.

Графъ повернулъ коня и понесся, въ сопровожденіи Хрещатицкаго и своего тѣлохранителя, по направленію выстрѣловъ къ центру позиціи.

III.

Больше получаса продолжалась непрерывная стрѣльба по нашей кавалеріи. Изрѣдка, удачно попадавшія, гранаты вырывали изъ строя то въ одномъ, то въ другомъ полку сразу по нѣсколько людей и лошадей. Казаки смотрѣли хмуро и были молчаливы. Все рѣже слышался между ними говоръ.

Генералъ Паленъ и старшій полковникъ лейбъ-казачьяго полка, полный, воинственнаго вида брюнетъ, Иванъ Ефремовичъ Ефремовъ ¹⁾ разбѣзжали впереди полковъ своихъ, стараясь ободрить людей.

— Семи смертей не бывать, а одной не миновать, ребяташки,— говорилъ Ефремовъ. — Не кланяйся! Смотри молодцами!.. Подбодрись!.. Смотри веселѣй!..

— Кого-то нелегкая несетъ опять сюда!—воскликнулъ черный, бородатый корнетъ, сильно напоминавшій чертами лица Пугачева.— Чуть ли не Хрещатицкій!..

— Вѣрно, вѣрно, братъ Емельянъ,— сказали Венедиктъ Коньковъ.— Это, дѣйствительно, онъ... Что-то онъ намъ сообщить? А, хоть бы скорѣй впередъ!.. Руки смерть какъ чешутся!..

— Графъ требуетъ лейбъ-казаковъ и 1-й дивизионъ сумцевъ!— закричалъ Хрещатицкій что было силы, еще не доскакавъ до полка.

— Куда приказано идти?—спросилъ Ефремовъ.

— За мной, Иванъ Ефремовичъ... къ центру позиціи,—отвѣтилъ Хрещатицкій и, повернувъ своего масштака, понесся обратно.

— Ураа! Ураа! Ураа!—радостно закричали офицеры.—Урааа!—подхватилъ весь полкъ. Рѣзкіе голоса Венедикта и Емельяна Коньковыхъ выдѣлялись въ этомъ крикѣ.

— Наконецъ-то!—послышались радостныя восклицанія среди казаковъ и гусаръ.—Слава Богу... Давно пора идти впередъ!..

— Смирно! Сабли вонъ!—раздалась команда Палена.—Справа по взводно, рысью! Донцы впередъ, маршъ!

Съ мѣста крупной рысью пошли лейбъ-казаки, а за ними двинулись, бряча саблями, и сумцы. Рысь вскорѣ перешла у донцовъ въ наметь, а у гусаръ—въ галопъ. Минуты чрезъ двѣ эскадронъ Ефремова, а за нимъ и остальные части, обогнавъ какой-то батальонъ, спустились подъ гору и, пройдя березовую рощу, поднялись вновь на возвышенность, съ которой сквозь пороховой дымъ виднѣлись впереди неприятельскія батареи. Ниже шла оживленная перестрѣлка пѣхотныхъ цѣпей. Справа за небольшою возвышенностью, поросшею кустарникомъ, стояли въ колоннѣ наши два батальона, за ними Черноморской эскадронъ, а на самой возвышенности, нѣсколько лѣвѣе пѣхоты, видны были между кустарниками орудія нашей гвардейской конной артиллеріи полковника Козена. Около право-фланговаго орудія находился начальникъ аррьергарда графъ Паленъ съ ординарцами и графъ Орловъ-Денисовъ съ Хрещатицкимъ и Денисовымъ.

— Лѣвое плечо впередъ, маршъ!—послышалась команда Ефремова.

Донцы, а за ними гусары, зайдя лѣвымъ плечемъ, быстро

¹⁾ Бывшій вахмистръ лейбъ-эскадрона. Въ 1812 году онъ прославился лихими партизанскими дѣйствіями.

собрались въ тѣсную колонну за черноморцами. Командиръ Сумскаго полка фонъ-деръ-Паленъ и Ефремовъ поскакали къ начальнику аръергарда.

Въ это время непріятельскій кавалерійскій полкъ (№ 16-й Конноегерскій) и двѣ стрѣлковыя роты линейнаго полка, двигавшіеся впередъ, очутились впереди своихъ батарей, стоявшихъ на холмѣ, на которомъ находился Наполеонъ, окруженный большой блестящей свитой. Указавъ Орлову-Денисову, Палену и Ефремову на эти части, начальникъ аръергарда сказалъ:

— Непростительно было бы не воспользоваться оплошностью французовъ.. Видите? Полковника Ефремова прошу немедленно атаковать съ первымъ дивизиономъ въ лобъ... А вы, графъ Василій Васильевичъ, хватите одновременно въ лѣвый флангъ съ третьимъ эскадрономъ и черноморцами... Сумцы же васъ поддержать...

Сдѣлавъ эти распоряженія, начальникъ аръергарда поскакалъ съ своими ординарцами къ правому флангу нашей дѣпи, гдѣ имъ замѣчено было нѣкоторое замѣшательство.

Вслѣдъ за его отъѣздомъ, дивизионъ Ефремова, быстро вытянувшись во взводную колонну, пошелъ на рысяхъ параллельно нашей позиціи, укрываясь гребнемъ возвышенности, поросшей мелкимъ кустарникомъ. Пройдя въ этомъ направленіи около двухсотъ сажень, Ефремовъ въ одинъ моментъ построилъ фронтъ и двинулся подъ-гору прямо на встрѣчу непріятельскимъ конноегерямъ.

Въ это время графъ Орловъ-Денисовъ и Паленъ успѣли уже спуститься съ возвышенности въ прямомъ направленіи и, сдѣлавъ заѣздъ повзводно натѣво, пошли въ уступномъ порядкѣ во флангъ противника.

Французскіе конноегеря и стрѣлки, совершенно неожиданно очутившіеся, благодаря этому быстрому маневру донцовъ и гусаръ, въ крайне-затруднительномъ положеніи, пришли въ замѣшательство.

Моментомъ этимъ не замедлилъ воспользоваться опытный и отважный предводитель гвардейскихъ донцовъ. Крикнувъ громовымъ голосомъ: «Съ гикомъ, маршъ-маршъ!» и вдавивъ шпоры въ бока своего рынаго коня, онъ съ поднятой къ атакѣ саблей, стремглавъ помчался впереди казаковъ. Раздался страшный, душу потрясающій гикъ и крикъ, застонала земля подъ копытами ретивыхъ коней: донцы, неся съ собою смерть со всѣми ея ужасами, словно грозныя тучи, ринулись съ двухъ сторонъ на непріятеля.

Нѣсколько сзади и правѣе донцовъ и черноморцевъ скакалъ Паленъ съ своими гусарами. За графомъ Орловымъ-Денисовымъ въ разстояніи двухъ-трехъ шаговъ неся его тѣлохранитель, Денисовъ, за нимъ Павелъ Степановичъ Хрепцатицкій и старый бородатый казакъ Чирковъ.

Впереди лѣваго фланга 1-го дивизиона на чудномъ ворономъ жеребцѣ бѣшено мчался Венедиктъ Коньковъ. Онъ восторженно, съ

какимъ-то благоговѣніемъ, смотрѣлъ вдаль на виднѣвшуюся непріятельскую батарею и не замѣчалъ даже, что конноегеря и стрѣлки, оправившись послѣ минутнаго замѣшательства, приготовились осыпать казаковъ градомъ пуль.

Онъ не могъ оторвать взгляда отъ маленькаго полнаго человѣчка въ сѣромъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ, развѣзжавшаго на бѣломъ конѣ около батареи.—Это онъ!—шепталь Коньковъ.—Онъ!.. онъ... Это, несомнѣнно, онъ... Надо... прямо туда... Надо раздавить этого паразита... этого отвратительнаго гада... Боже, помоги мнѣ... спасти родину... Ребятаежь!—крикнулъ онъ, отвернувшись къ далеко отставшимъ отъ него казакамъ.—За мной!.. На батарею!.. Урааа!..

Въ этотъ моментъ раздался ружейный залпъ, за нимъ другой, уже менѣе дружный, перешедшій въ беспорядочную, нервную, порывистую стрѣльбу... Въ ряды атакующихъ ворвалась смерть... Храбрый предводитель донцевъ, врубившись въ ряды конноегерей, грохнулся вмѣстѣ съ конемъ и былъ моментально окруженъ непріятелями... Тутъ завязалась неравная борьба... Нѣсколько сабельныхъ клинковъ блеснуло надъ головой графа... Гибель его казалась неизбежной... Хрептагицкій, Денисовъ и Чирковъ едва успѣвали отбивать направляемые противъ него удары... Увидѣвъ своего отца-командира лежащимъ среди враговъ, казаки надали и страшнымъ быстрымъ ударомъ смяли ихъ...

Опрокинувъ егерей, они устремились на стрѣлковъ, отбѣжавшихъ къ оврагу и собравшихся въ кучки... Венедиктъ Коньковъ, зарубивъ на полномъ карьерѣ двухъ, подвернувшихся ему на лѣвомъ флангѣ, егерей, помчался далѣе на батарею...

— Гдѣ жъ онъ окаянный?—шепталь онъ.—Я что-то не вижу его... А! вонъ гдѣ!.. Улепетываетъ, бестія! Нѣтъ... врешь!.. Не уйдешь теперь отъ меня, проклятый корсиканецъ!.. поздно!..

За Венедиктомъ неслоь до пятидесяти казаковъ съ штабсъ-ротмистромъ Жмуринымъ и корнетами Каменовымъ 3-мъ, Иваномъ Алексѣвичемъ Орловымъ и Емельяномъ Коньковымъ. Блеснули на батарею огоньки, окутались грозныя жерла орудій клубомъ бѣлаго дыма и съ страшнымъ визгомъ и шипѣніемъ пронеслись надъ головами нашихъ героевъ и среди рядовъ гранаты и картечь... Жеребецъ Венедикта, раненый въ ногу выше колѣна, проскакавъ еще около ста шаговъ, свалился вблизи орудій. Несмотря на невыносимую боль въ правой рукѣ, Венедиктъ, ловко соскочивъ съ падашаго коня, бросился впередъ и успѣлъ ворваться на батарею почти одновременно съ штабсъ-ротмистромъ Жмуринымъ и старикомъ Иваномъ Тарасѣвичемъ Тарасовымъ.

— Коли ихъ проклятыхъ, ребятаежь!—закричалъ Коньковъ хриплымъ надорваннымъ голосомъ.—Коли! Перекалывай всѣхъ. Не щади!.. Емельянгъ!—обратился онъ къ догнавшему его брату:—голубчикъ... братъ... Скорѣй! Впередъ!.. впередъ!.. Онъ тутъ!.. Наполеонъ тутъ...

Обезсилѣвшій отъ сильной потери крови, бѣдный Венедиктъ упалъ около орудія и, ударившись головой о колесо, потерялъ сознание.

— Oh! mon Dieu!—кричали пришедшіе въ ужасъ французскіе артиллеристы.—Oh! pardon! Oh! diable... cosaque!..

— Пардону запросили!.. Нѣтъ, братъ, мусью... шалишь!.. Поздно... Бога призываешь?.. Врешь!.. Не надуешь!.. слышались голоса казаковъ.—Бога-то у васъ, нехристей окаянныхъ, нѣтъ!.. Врешь!.. Ишь ты... еще лаешься!.. Дьяволомъ называешь!.. Такъ на-жъ тебѣ!.. на!.. на!.. кричали разсвирѣпѣвшіе донцы, и длинныя пики ихъ безпощадно пронизывали непріятельскихъ артиллеристовъ.

Въ одну минуту, на глазахъ Наполеона, всѣ артиллеристы были уничтожены, а большинство пушекъ сброшено въ оврагъ, гдѣ онѣ и были оставлены за невозможностью увести ихъ, въ виду быстро подошедшей пѣхоты Брусъе, стоявшей въ полковыхъ карре за батареями.

Атака эта произвела такую тревогу вокругъ Наполеона, что онъ остановилъ на нѣкоторое время свои дѣйствія и приказалъ придвинуть кавалерію Нансути и пѣхоту Дельзона.

Видя явную невозможность долѣе удерживаться противъ превосходныхъ силъ непріятеля, графъ Паленъ, отбивъ нѣсколько атакъ, около четырехъ часовъ по полудни, двинулся въ замѣчательномъ порядкѣ къ берегамъ Лучесы, отбиваясь на всякой мало-мальски удобной мѣстности. Наша армія въ это время была уже въ движеніи къ Витебску и далѣе къ Порѣчью и къ Ліознѣ¹⁾.

Подъ вечеръ графъ Паленъ перешелъ на правый берегъ Лучесы. Туда же послѣдовали за нимъ нѣсколько ротъ французскихъ егерей. Наполеонъ, имѣя такимъ образомъ во власти своей переправу чрезъ Лучесу, приказалъ авангарду остановиться и началъ располагать корпуса въ боевой порядокъ для сраженія на другой день. Паленъ, расположивъ свои войска на позиціи по Лучесѣ, приказалъ на мѣстѣ бывшего лагеря арміи развести огромные костры, чтобы ввести въ заблужденіе непріятеля.

IV.

Въ ночь съ 15-го на 16-е іюля, около 11-ти часовъ, звѣздное небо стало заволакиваться съ запада темными тучами... Повѣяло вѣтеркомъ. Лейбъ-казаки и сумскіе гусары стояли въ тылу позиціи по Лучесѣ, въ резервѣ, около лазаретныхъ палатокъ, среди большой поляны, усѣянной пнями и мелкимъ кустарникомъ.

¹⁾ Отъ Багратіона прибылъ князь Меншиковъ съ извѣстіемъ о неудачномъ боѣ у Салтановки и о движеніи 2-й арміи на Смоленскъ. Послѣ нѣкотораго колебанія Барклай рѣшилъ отступить немедленно къ Смоленску.

Графъ Орловъ-Денисовъ съ командиромъ Сумскаго полка, полковникомъ Ефремовымъ и флигель-адъютантомъ ротмистромъ лейбъ-казачьяго полка царевичемъ Константиномъ Имеретинскимъ, сидѣлъ въ большой французской палаткѣ, тускло освѣщенной салынымъ огаркомъ. На разостланной буркѣ стоялъ мѣдный чайникъ, металлическія кружки, бутылка рому и поднось съ ветчиной и хлѣбомъ. Графъ раскуривалъ трубку и слушалъ Ефремова, рассказывавшаго ему подробности о взятіи непріятельской батареи.

— И, ты говоришь, видѣли его?—перебилъ графъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство... Иванъ Орловъ и Жмуринъ сказываютъ, что онъ былъ отъ нихъ никакъ не далѣе, какъ въ двухстахъ шагахъ... Еслибъ пущено было на батареи еще эскадрона два, казаки бы того... смiali бы передовую пѣхоту Брусые и того... захватили бы Бонапарта...

— Ай, эй, эй! какая досада! — воскликнулъ графъ, наморщивъ лобъ и теребя свои густые вьющіеся волосы.—Какая обида! Вотъ бы ловкая штука-то была тогда! А? Ай-эй-эй, эй-эй-эй-эй!

— Да,—сказалъ Палень:—ужасно обидно, что не послали сразу весь мой полкъ.

Въ это время вдали, въ сторонѣ непріятельской, что-то застучало глухо и неясно. Всѣ въ недоумѣніи взглянули другъ на друга. Палень, сидѣвшій у входа въ палатку, высунулся изъ нея и посмотрѣлъ на небо.

— Опять, кажется, будетъ гроза,—произнесъ онъ.—Ну, и лѣто же въ этомъ году!.. Замѣчательно! Чуть не ежедневно грозы и бури!..

Ударъ повторился ближе и явственнѣе.

— Выяснилъ ты,—обратился Орловъ-Денисовъ къ Ефремову:—какъ велики наши потери?

— Убито, ваше сіятельство, двадцать двѣ лошади, да три пристрѣлено уже тутъ... Остался на излѣченіи только жеребецъ Венедикта... Ранены: штабсъ-ротмистръ Мазуренко, корнетъ Каменовъ 3-й и Венедиктъ...

— Объ офицерахъ знаю... Вѣднй Венедиктъ!.. Жаль его ужасно! Ужасно жаль!.. Что доктора говорятъ?..

— Ничего еще не извѣстно, ваше сіятельство... Скоро будутъ, кажись, осматривать нашихъ раненыхъ... Можетъ, еще и того... обойдутся безъ того... не отрѣжутъ руку... Я просилъ...

— Какъ? Что ты говоришь? До сей поры нашимъ не оказана помощь? Это съ шести-то часовъ! Да, что же ты-то молчишь, Иванъ Ефремовичъ? Вѣдь, я же тебя просилъ позаботиться...

— Ничего не могъ того... подѣлать, ваше сіятельство... Нашъ докторъ того... безъ памяти лежитъ съ утра. Должно, не горячка ли у него... Другіе же—полковые всѣ заняты... Вездѣ, вѣдь, раненыхъ того... очень много... А въ походномъ госпиталѣ всего только шесть докторовъ... «Ждите», говорятъ, «очереди».

— Но узналъ ты, по крайней мѣрѣ, когда же ихъ осмотрять?

— Старшій врачъ сказалъ, что еще того... около часу придется подождать...

— Это чортъ знаетъ, что за порядки!—воскликнулъ съ сердцемъ графъ.—Это безобразіе!.. Это...

Вдали опять раздался глухой стукъ и гуль... По полотнищамъ палатки застучали крупныя дождевыя капли... Вдругъ что-то точно треснуло и обломилось вблизи... Графъ, а за нимъ и гости его, набожно перекрестились. Сграшный ударъ повторился совсѣмъ близко. Дождь полилъ ливнемъ...

— А сколько раненыхъ казаковъ?—спросилъ Орловъ-Денисовъ.

— Еще, ваше сіятельство, не того... еще точно не извѣстно... Раненъ тяжело Ажогинъ...

— Это мнѣ нравится!—сказалъ сердито графъ, теребя свой високъ:—число раненыхъ до сихъ поръ не выяснено... Да, что же это такое, другъ мой, Иванъ Ефремовичъ? Что же это ты-то?..

— Совершенно даже понапрасну изволите того... гнѣваться на меня, ваше сіятельство!—отвѣтилъ рѣзко обиженнымъ тономъ Ефремовъ.—Вамъ, кажется, небезызвѣстно, что наши станичники того... скрываютъ свои раны, потому что того... смерть, какъ боятся лазарета... А вы на меня того...

— Ты правъ, другъ мой... правъ... Прости меня... Не сердись, дорогой... Не суди меня сегодня строго: я такъ огорченъ... такъ убитъ потерей Чиркова и Денисова... На моихъ глазахъ эти герои пали съ прорубленными головами... Оба бросились вмѣстѣ съ Хрещатицкимъ и защитили меня въ тотъ моментъ, когда я лежалъ подъ издыхавшимъ Барсомъ, и когда нѣсколько сабельныхъ клинковъ сверкнуло надъ моей головой... А! Ужасно!—воскликнулъ графъ и закрылъ лицо ладонями.—Какая страшная картина!.. Страшная смерть ихъ...

Между тѣмъ гуль, шумъ и трескъ все время не умолкали... Вдругъ вѣтеръ рванулъ палатку съ страшной силой, и крупный градъ забарабанилъ по полотнищамъ ея.

— Святъ-святъ-святъ, Господь Саваоѣ, исполни небо и земля славы Твоя, — послышался старческій голосъ вблизи палатки.

Ефремовъ вдрогнулъ, насупилъ брови и насторожилъ ухо.

— Странно!—сказалъ онъ про себя.—Точно его голосъ... Нѣтъ... это, видно, мнѣ померещилось...

— Что ты говоришь, Иванъ Ефремовичъ?—спросилъ графъ.

— Ничего, ваше сіятельство... Это я такъ... того... про себя...

— А сколько погибшихъ?—обратился опять Орловъ-Денисовъ къ Ефремову послѣ минутнаго молчанія.

— У черноморцевъ убито трое, а у насъ десять казаковъ, и унтеръ-офицеръ Кулешовъ... Да еще четыре казака пропали... Лазаревъ видѣлъ, какъ ихъ того... окружили французы... Должно быть, того... въ плѣнъ попались...

— Въ плѣнъ? какой позоръ! Чьи это?

— Мавринъ, Александровъ, Болдыревъ... и... и... старикъ... Иванъ... Тарасевичъ...

— Какъ?—вскрикнулъ графъ.—Что ты говоришь? Тарасовъ? Тарасовъ въ плѣну? Да, нѣтъ...

— Такъ точно, ваше сіятельство... Лазаревъ видѣлъ, какъ ихъ того...

— Ай-яй-яй-яй-яй! Иванъ Тарасевичъ въ плѣну! Боже мой! Боже мой! Бѣдный старикъ! О какая потеря!

— Не извольте такъ того... убиваться, ваше сіятельство,—сказалъ Ефремовъ:—Тарасовъ не таковский старикъ, чтобы того... Извернется безпремѣнно...

— Какъ не убиваться, другъ мой? Что ты говоришь? Точно ты не знаешь, насколько дорогъ мнѣ этотъ человѣкъ!.. Вѣдь, я люблю его словно самаго близкаго родного! Я привыкъ къ нему съ дѣтства... Еще въ походѣ съ отцомъ, когда мнѣ не было еще и двѣнадцати лѣтъ, онъ берегъ меня, какъ добрая нянька... Сколько разъ онъ спасалъ меня отъ неминуемой гибели... Вспомни Гутштадтъ! Вѣдь, если бы не онъ, меня искрошили бы въ куски!.. На твоихъ же глазахъ это было... А Фридландъ? А Гейльсбергъ! Вспомни!.. Ахъ! какое горе... какое горе!.. Что дѣлать? Что дѣлать?—сказалъ графъ голосомъ, полнымъ отчаянья, и на глазахъ его показались слезы.—Иванъ Ефремовичъ! Голубчикъ! Да помоги же! Научи, родной, что дѣлать, чтобы вырвать старика и товарищей его изъ рукъ французовъ!.. Я ничего не пожалѣю...

Въ этотъ моментъ ослѣпительная молнія, блеснувъ зигзагомъ, на одно мгновеніе освѣтила палатку и стоявшую близъ входа въ нее, дрожавшую, старческую фигуру человѣка, съ непокрытой, всклокоченной, мокрой головой, одѣтую только въ бѣлую мокрую рубашку, которая, плотно облегалъ все тѣло, обрисовывала старческіе худые члены. Раздавшійся сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ, надъ самой палаткой, ужасный трескъ и грохотъ заглушилъ голосъ графа, вскрикнувшаго въ ужасѣ и вскочившаго на ноги. Да и было отчего прійти въ ужасъ: страшный старикъ, еле державшійся на ногахъ, блѣдный, изуродованный синяками и кровоподтѣками, съ помутившимися, полными слезъ, глазами и вытянутой впередъ правой рукой, показался всѣмъ, находившимся въ палаткѣ, прищельцемъ съ того свѣта.

— Что это?—закричалъ снова графъ, не двигаясь съ мѣста.—Кто тамъ?

Старикъ, слабо освѣщаемый свѣтомъ, падавшимъ на него изъ палатки, тихо покачиваясь, словно привидѣніе, приближался ко входу въ нее.

— Кто ты такой, я тебя спрашиваю!—крикнулъ графъ.

— Это я, батюшка, ваше сіятельство... отецъ нашъ родной,

послышался знакомый голосъ общаго полковаго любимца, старика Тарасова.—Это я...

— Иванъ Тарасевичъ! — радостно вскрикнулъ графъ и бросился къ нему.—Голубчикъ ты мой!—Онъ обнялъ старика и расцѣловалъ его.

Бѣдняга, рыдая, припалъ къ плечу графа.

— А мы, вотъ, только что говорили о тебѣ и горевали, не зная, какъ выручить тебя и твоихъ славныхъ товарищей... А вотъ ты и самъ...

— Знаю, батюшка, ваше сіятельство... Знаю, отецъ нашъ родной,—говорилъ сквозь слезы добрый старикъ, цѣлуя графа въ плечо.—Знаю... Я тутъ давно ужъ молчу около палатки... Все никакъ не могъ осмѣлиться предстать предъ вашимъ сіятельствомъ въ такомъ одѣяніи... Мы издали еще, какъ подходили къ биваку полка, услышали вашъ голосъ... Я оставилъ товарищей у лазаретныхъ палатокъ, а самъ и пошелъ сюда на вашъ голосъ... И только что подошелъ къ палаткѣ, какъ и услыхалъ, что вы обо мнѣ горюете... Меня ажъ слезы прошибли... Спасибо вамъ, батюшка, ваше сіятельство, за вашу любовь и ласку къ намъ...

Орловъ-Денисовъ еще разъ обнялъ старика, расцѣловалъ его и ввелъ въ палатку.

— Иванъ Ефремовичъ! — сказалъ онъ ласково:—позаботься, голубчикъ, чтобы одѣть Ивана Тарасевича и товарищей его во чтонибудь... Я думаю... найдется у насъ запасное?..

— Найдется, найдется, ваше сіятельство! — успокоилъ графа Ефремовъ, протискиваясь къ выходу.

— Да справься, скоро ли готова будетъ могила!—крикнулъ ему вслѣдъ графъ.

— Слушаю, ваше сіятельство!—отвѣтилъ Ефремовъ.—Должно быть, скоро: копаютъ уже два часа...

— Но въ какомъ ты видѣ, дорогой мой старикъ! — обратился Орловъ-Денисовъ къ Тарасову.—Въ одной рубашкѣ... Лицо все разбито... Какъ ты вырвался отъ французовъ? А сперва... вотъ... выпей-ка стаканчикъ рому... да закуси... А потомъ чайку... Садись... садись... вотъ тутъ... на бурку... Да закройся моимъ плащомъ... Сейчасъ тебѣ принесутъ платье... Одѣнешься, согрѣешься и будешь опять у меня молодцомъ...

Бѣдный старикъ, конфузясь, съ трудомъ опустился, при помощи графа и царевича на бурку, закутался въ генераль-адъютантскій плащъ и, осѣнивъ себя большимъ крестомъ, выпилъ, поданную ему Паленомъ, большую чарку рому. Крякнувъ и закусивъ кускомъ ветчины, онъ началъ свой рассказъ:

— Ворвались мы, батюшка, ваше сіятельство, на эту самую горластую батарею, да и принялись крошить ихъ окаянныхъ... Глянулъ я какъ-то ненарокомъ въ таю сторону, да такъ и обомлѣлъ:

силища ихъ идетъ на насъ страшная... Видимо-невидимо... И пѣхота, и кавалерія, и антирлерія видна сзади... Что тутъ дѣлать?.. Отберуть, думаю, назадъ, у насъ пушки!.. Безпримѣнно отберуть!.. Сваливай, кричу, ребяташки, пушки въ оврагъ, чтобъ никому не достались... Оттеля не вытасуютъ ¹⁾...

Въ палатку стремительно вошелъ Иванъ Алексѣевичъ Орловъ.

— Что ты, Ваня?—спросилъ его тревожно графъ.—Что съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ... Что случилось? Да говори же!..

Орловъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ и не могъ выговорить ни слова. На его красивомъ смугломъ лицѣ было выраженіе испуга и глубокой печали.

— Да что ты?—продолжалъ графъ, подымаясь съ бурки.

— Ба... ва... ва... ваше... сіятельство...

— Ну-ну... Что же?

— Венедикту, кажется, хотятъ... сейчасъ... дѣлать... ампутацію...

— Что? Ампутацію?

— Такъ точно... Чуть ли не приступили уже. Слышите? Слышите—крикъ? это онъ... бѣдный...

Изъ добрыхъ глазъ Орлова, любившаго искренно своего друга Венедикта Конькова, градомъ полились слезы.

— Боже мой! — воскликнулъ графъ.—Боже мой! Да что же это? Вотъ денѣкъ выдался сегодня... Неужели же нельзя было обойтись? Да... да... это, кажется, его голосъ... Идемъ туда, друзья, скорѣй!..

Всѣ бросились вонъ изъ палатки.

V.

Хотя дождь и пересталъ, но ночь была очень темная, и только костры, разложенные, согласно повелѣнію Баркляя-де-Толли, на всемъ пространствѣ, гдѣ раньше стояла 1-я армія, тускло освѣщали лагерь и три большія лазаретныя палатки. Дымъ, распространявшійся отъ костровъ, ѣлъ глаза. Кругомъ раздавался храпъ, топотъ копытъ, пофыркиваніе лошадей, шипѣніе и трескъ сырого дерева въ огнѣ. Изрѣдка слышался говоръ солдатъ, слабыя стоны раненыхъ и бряцанье оружія. Около ближайшихъ къ лазаретнымъ палаткамъ костровъ виднѣлись воинственные фигуры лейбъ-казаковъ и черноморцевъ, вярившихъ въ небольшихъ котелкахъ себѣ пищу.

¹⁾ Наполеонъ, видѣвшій храбрость взятыхъ въ плѣнъ казаковъ, приказалъ ихъ развязать, напоить и накормить. Когда стало смеркаться, Тарасовъ выпросилъ позволеніе погулять. Ихъ повели подъ конвоемъ къ Двинѣ. Казаки по уговору бросились съ обрывистаго берега въ воду и, часто ныряя, быстро поплыли къ правому берегу. Ни одинъ выстрѣлъ конвойныхъ не достигъ цѣли, и наши молодцы благополучно переправились; а затѣмъ, пройдя берегомъ до устья Луцесы, вновь пустились вплавъ и явились ночью къ Орлову-Денисову.

Вблизи палатки графа тлѣло на угольяхъ огромное толстое сучковатое бревно. Около него съ завѣтренной стороны сидѣлъ маленькій черноглазый, съ длинными, опущенными внизъ, усами корнетъ лейбъ-казачьяго полка ¹⁾, раскуривавшій уголькомъ трубочку. Около него стоялъ, только что вернувшійся изъ разъѣзда, насквозь промокшій, штабсъ-ротмистръ Жмуринъ. Услышавъ крикъ и стоны, они бросились къ лазаретнымъ палаткамъ.

— Сюда нельзя входить, ваше благородіе!—доложилъ офицерамъ громаднаго роста лазаретный служитель, заслонивъ своей массивной фигурой входъ въ палатку.—Господа дохтура никого не приказали пуцать: тамъ пираці дѣлають...

— А я тебѣ говорю: пропусти!—закричалъ корнетъ.

— Никакъ не могу, ваше благородіе, потому...

— Пусти!.. Тамъ товарища рѣжутъ проклятые эскулапы... Я узналъ его голосъ... Пусти!..

— Не могу...

— Послѣдній разъ говорю тебѣ: пусти!.. А не-то... Я тебя, ракаля!..

— Остановись, Балабинъ!—раздался грозный голосъ Орлова-Денисова.—За что же ты хочешь его обидѣть? Онъ исполняетъ свою обязанность... Доложи, братецъ,—обратился графъ къ служителю:—старшему врачу, что командиръ лейбъ-казачьяго полка просить разрѣшенія войти въ палатку... здѣсь лежатъ мои раненные офицеры и казаки...

Стоны страдальца нѣсколько утихли. Несчастный слабо вскрикивалъ и рыдалъ.

— Та годи вамъ ширять у рани!—послышался хриплый голосъ штабсъ-ротмистра Мазуренки.—Що вы тамъ, бисовы діты, шукаете? Я-жъ вамъ козавъ, що вона выскочила! Вотъ дурни! Бѣрять нитку, та зашываты швытче рану!..

Сторожъ на одинъ мигъ распахнулъ полы палатки, и глазамъ столпившихся около входа въ нее представилась страшная картина. Прямо противъ входа стояло три стола. На крайнемъ съ правой стороны лежалъ Каменовъ 3-й, на другомъ крайнемъ сидѣлъ Мазуренко, а на среднемъ полулежалъ, поддерживаемый двумя служителями, совершенно обезсилѣвшій, несчастный Венедиктъ Коньковъ. Онъ слабо вскрикивалъ и безутѣшно рыдалъ. Слезы градомъ лились изъ его прекрасныхъ добрыхъ глазъ. Вся палатка была переполнена ранеными, ожидавшими своей очереди. Они лежали въ различныхъ положеніяхъ на соломѣ, посланной вдовъ полотницъ по

¹⁾ Филиппъ Степановичъ Балабинъ—сынъ бывшаго командира Атаманскаго полка. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Надеждой Дуровой, которая, бѣжавъ изъ родительскаго дома, пересѣдѣла казакомъ, жила у Балабиныхъ въ Раздорской станицѣ и оттуда дошла съ Атаманскимъ полкомъ до Гродно.

длинѣ палатки. Жалобные стоны страдальцевъ слышны было со всѣхъ сторонъ. Близъ стола, на которомъ лежалъ Каменовъ, старенькій симпатичный священникъ читалъ отходную молитву надъ худенькимъ рыжимъ артиллерійскимъ поручикомъ, корчившимся на соломѣ въ предсмертныхъ судорогахъ.

Толстый краснощекій докторъ, маленькій и коренастый, въ бѣломъ, забрызганномъ кровью, фартукѣ и съ окровавленными руками, вышелъ изъ палатки.

— Вамъ угодно войти сюда?—обратился онъ къ графу.

— Мнѣ угодно прежде всего знать,—отвѣтилъ рѣзко и сердито Орловъ-Денисовъ:—въ какомъ положеніи мой офицеръ Коньковъ.

— Я только что отнялъ ему руку...

— Да какъ же вы смѣли, милостивый государь?

— Какъ смѣлъ? Да, я долженъ былъ это сдѣлать, такъ какъ началась уже гангрена...

— Гангрена? Да кто же виноватъ-то въ этомъ, позвольте васъ, сударь, спросить?

— Во всякомъ случаѣ—не я!..

— Именно—вы-съ! Вы запустили!.. вы обязаны были осмотрѣть страдальца, какъ только его къ вамъ привезли, что было около шести часовъ... А вы оставили всѣхъ моихъ молодцовъ безъ всякой помощи до полуночи... Я доложу...

— Да, пожалуйста, ваше сіятельство... Очередь...

— Я вамъ покажу очередь! Я съ вами раздѣляюсь, сударь!—перебилъ графъ и, распахнувъ полы палатки, вошелъ въ нее съ сопровождавшими его офицерами.

Коньковъ, вѣроятно, узнавъ голосъ своего начальника, затихъ и едва слышно подстонавалъ. Каменовъ лежалъ безмолвно и только слегка вздрагивалъ. Полный докторъ, на курносомъ сизомъ носу котораго сидѣли большія очки въ золотой оправѣ, нагнувшись пристально разсматривалъ его оголенную ногу.

Коренастый, съ мохнатой грудью, мускулистый Мазуренко сидѣлъ лицомъ ко входу и, мрачно исподлбья взглядывая на маленькаго бѣлобрысаго безусаго доктора, осматривавшаго внимательно рану около правой ключицы, что-то сердито бормоталъ похотлацки.

Орловъ-Денисовъ подошелъ прямо къ Конькову и, нагнувшись, молча, поцѣловалъ его въ лобъ.

Страдалецъ, видимо, тронутый лаской и заботой своего добраго начальника, опять заплакалъ.

— Успокойся, голубчикъ мой Венедиктъ,—сказалъ графъ, вновь цѣлуя Конькова въ губы и поглаживая рукой его курчавую голову.—Не плачь, родной мой... Будь молодцомъ...

Бѣдный Венедиктъ сразу затихъ и, пристально взглянувъ прямо въ глаза графу, сказалъ:

— Вы меня не поняли... Я не отъ боли... Нѣтъ... Я самъ со-

гласился на ампутацію... Но не въ этомъ дѣло... Нѣтъ... Не страданія вызываютъ у меня эти слезы... Нѣтъ... Совсѣмъ не то... Не то,—сказалъ онъ, всхлипывая...

— Такъ что же, голубчикъ мой?—спросилъ съ участіемъ графъ, нагибаясь къ нему.—Что же?

— Что?.. Горькое... мучительное сознаніе, что я теперь уже никуда не похужу... Вотъ что! Что не могу уже стать опять въ ряды славнаго роднаго полка... Не могу исполнить мою завѣтную мечту: встрѣтиться лицомъ къ лицу съ зазнавшимся проклятымъ корсиканцемъ... раздавить... уничтожить этого паразита... этого отвратительнаго гада, положившаго въ безвременную могилу моего старичка-отца и много тысячъ моихъ братьевъ... осиротившаго столько семействъ... разорившаго мою милую дорогую родину-матушку Россію... Вотъ что!..

Высказавъ это, Коньковъ опять зарыдалъ, зарыдалъ такъ, какъ плачетъ человѣкъ, потерявшій безвозвратно все, что было ему дороже всего на свѣтѣ.

Графъ и подошедшіе товарищи ничѣмъ не могли его успокоить.

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству,—сказалъ официальнымъ тономъ, подойдя къ графу, обиженный имъ старшій врачъ:—поручику теперь необходимо безусловное спокойствіе... Я не могу быть отвѣтственнымъ за послѣдствія, если...

— Хорошо-съ,—сухо отвѣтилъ Орловъ-Денисовъ.—Мы сейчасъ удалимся... А скажите, докторъ,—продолжалъ онъ:—какъ вы находите штабсъ-ротмистра Мазуренко и корнета Каменова?

— Оба они въ полной безопасности и черезъ пять-шесть недѣль могутъ вернуться въ полкъ...

Графъ, пожавъ руку Конькову, послалъ рукой привѣтъ Мазуренкѣ и Каменову, около которыхъ продолжали возиться доктора, и направился къ выходу.

VI.

Было около двухъ часовъ ночи, когда Орловъ-Денисовъ въ мундирѣ, при всѣхъ орденахъ, вышелъ изъ своей палатки вмѣстѣ съ прибывшимъ отъ Багратіона княземъ Меньшиковымъ и изящнымъ блондиномъ, полковымъ адъютантомъ ротмистромъ Чеботаревымъ. Пройдя мимо лазаретныхъ палатокъ, графъ, слѣдуя за Чеботаревымъ, повернулъ вправо, и предъ нимъ открылась необычайно-величественная картина. Около большого шалаша, огороженнаго на скорую руку изъ свѣжихъ вѣтвей березняка и ели, стояла полукругомъ, съ горящими восковыми свѣчами въ рукахъ, громадная толпа лейбъ-казаковъ, сумцевъ, пѣхотинцевъ и гвардейскихъ артиллеристовъ. На свѣтломъ фонѣ, впереди этого сборища, рѣзко выдѣлялась сгорбленная дряхлая фигура маленькаго старичка-свя-

щенника въ ветхой, сильно помятой, траурной ризѣ... Нѣсколько позади и правѣе его въ поношенномъ, затрепанномъ и забрызганномъ грязью темно-сѣромъ подрясникѣ стоялъ черномазый громаднаго роста и грознаго вида длинноволосый дьячекъ съ большой, обвитой золотыми полосками, зажженной свѣчей, разливавшей трепетное сіяніе въ безвѣздную темную ночь. Въ правой рукѣ онъ держалъ дымившееся кадило. Противъ входа въ шалашъ, около котораго толпились офицеры, стоялъ сводный полузэскадронъ, состоявшій изъ рослыхъ бородатыхъ лейбъ-казаковъ и черноморцевъ. Правѣе его былъ небольшой хоръ трубачей, а впереди — полковникъ Ефремовъ. На всѣхъ лицахъ покоилось глубокое благоговѣніе. Мрачная ночь придавала какой-то таинственный тонъ этой величественной картинѣ.

Когда графъ былъ шагахъ въ пятидесяти отъ шалаша, послышалась громкая и отчетливая, чисто вахмистерская команда браваго Ефремова: Слу-шай! На кра-уль! И вслѣдъ за симъ, при торжественно-печальныхъ звукахъ погребальнаго марша, изъ шалаша были вынесены сумскими лейбъ-казачьими офицерами на складныхъ носилкахъ всѣ казаки, павшіе на полѣ брани и чести, и установлены рядомъ. У многихъ присутствовавшихъ показались на глазахъ слезы. Казаки и солдаты, осѣняя себя размахисто крестнымъ знаменіемъ, зашептали: «Господи, упокой!»

Покойники лейбъ-казаки были одѣты въ красные парадные мундиры, а черноморцы—въ темныя черкески. Лица у всѣхъ были открыты. На высокомъ лбу старика Чиркова зіяла глубокая рана. Цыгановатое смуглое лицо Денисова было страшно изуродовано сабельными ударами.

Когда трубачи кончили маршъ, Ефремовъ подаль команду: «На пле-чо!» и затѣмъ началась панихида. Тихія, но ясныя возглашенія благообразнаго старичка священника, служившаго съ кроткою торжественностью, довольно стройное пѣніе хора казаковъ-пѣвчихъ, шепотъ и глубокіе вздохи молящихся,—все это было величественно и внушительно.

Съ мольбою смотрѣли казаки и солдаты на темное небо, умильною вѣрою свѣтились глаза ихъ; и по лицу многихъ изъ нихъ скатывались слезы. Когда же священникъ, ставъ съ усиленіемъ на колѣни, рыдающимъ, дребезжащимъ голосомъ произнесъ возглашеніе: «Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ твоихъ, на брани убиенныхъ, и сохрани имъ вѣ-ѣ-чную па-мять», то среди нижнихъ чиновъ, а также и среди офицеровъ, раздались глухія рыданія. Даже по воинственному и всегда равнодушно-холодному лицу Ивана Ефремовича потекли слезы.

Вѣчная память—вѣчная память — вѣ-ѣ-чная память!—пропѣли пѣвчіе.

Офицеры, вахмистры и унтеръ-офицеры окружили бранные останки тринадцати героевъ, покрыли ихъ шинелями и, взявшись за носилки по четыре человѣка, двинулись подъ звуки погребальнаго марша за священникомъ и пѣвчими къ виднѣвшемуся вблизи, освѣщенному громаднымъ костромъ, небольшому холмику свѣжей земли, около котораго стояли бородатые казаки съ лопатами въ рукахъ.—Длинною вереницею потянулась печальная процессія, по бокамъ которой шли провожавшіе нижніе чины съ непокрытыми головами и горѣвшими свѣчками въ рукахъ. За послѣдними носилками, на которыхъ лежалъ прахъ храбраго Денисова, безъ кивера, съ мрачнымъ лицомъ, шелъ графъ съ квяземъ Меньшиковымъ и Чеботаревымъ. Онъ и его спутники, слабо освѣщаемые тусклымъ и неровнымъ пламенемъ костровъ, казались какими-то привидѣніями. Около могилы покойники были опять поставлены рядомъ, сняты съ носилокъ, передолены на шинели и тщательно завернуты въ нихъ.

По окончаніи литіи, наряженные для погребенія, казаки начали по очереди подносить покойниковъ къ могилѣ и осторожно опустить въ нее. Когда сверхъ всѣхъ былъ положенъ Денисовъ, и графъ, послѣ священника, бросилъ горсть земли, среди глубокой общей тишины вокругъ могилы и во всемъ лагерѣ, вдругъ раздался гдѣ-то далеко, въ сторонѣ непріятели, выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ послышались какіе-то крики и сухой дружный трескъ.

Всѣ, стоявшіе около могилы, заволновались. Пѣхотинцы, артиллеристы и гусары поспѣшили къ своимъ мѣстамъ.

— Не волнуйся, ребята, — сказалъ Орловъ-Денисовъ совершенно хладнокровно.— Не суетись... Суета — мать всѣхъ беспорядковъ... Успѣемъ все сдѣлать... Какъ однако любезны господа французы!—обратился онъ къ офицерамъ.— Они за насъ отдають почесть нашимъ героямъ: открыли огонь залпами именно въ тотъ моментъ, когда это должны были сдѣлать мы, но не имѣли возможности... Вали-вали, братцы!—продолжалъ онъ, замѣтивъ, что казаки, начавшіе засыпать могилу, остановились въ недоумѣніи.

Между тѣмъ, вдали, около Лучесы, трескотня продолжалась. По всему лагерю поднялась страшная суета: зазвучали рѣзкіе, торопливые звуки тревоги, и по всѣмъ направленіямъ поскакали офицеры.

Когда могила была засыпана и водруженъ на ней плохенькій крестъ, связанный изъ двухъ жердей, Орловъ-Денисовъ обратился къ казакамъ, указавъ на могилу: «Скажемъ, други, послѣднее прости и помолимся за боевыхъ товарищей и братьевъ нашихъ, за этихъ героевъ, стяжавшихъ славу и гордость доблестному полку и славному войску нашему». Затѣмъ онъ, крестясь, опустился на колѣни и, сдѣлавъ земной поклонъ, ясно кроткимъ голосомъ произнесъ: «Боже Великій! Упокой души усопшихъ рабъ твоихъ — моихъ братьевъ!»

За нимъ все преклонили колѣна и зашептали: Господи, упокой...

— Ну, теперь, по своимъ мѣстамъ, маршъ!—скомандовалъ графъ и направился быстрыми шагами къ своей полаткѣ, около которой стоялъ уже новый ординарецъ—красивый стройный казакъ Яновъ, назначенный вмѣсто убитаго Денисова. Онъ держалъ въ поводу осѣдланнаго командирскаго вороного жеребца.

Черезъ полъ-часа на мѣстѣ, гдѣ стояла бивуакомъ вторая линія арьергарда, остались только догоравшіе костры; да подъ однимъ изъ кустовъ спалъ сильно подкутившій курносый рябой пѣхотинецъ. Приведенный утромъ къ Наполеону, онъ ничего не могъ сказать, куда пошла наша армія. Весь отрядъ графа Палена двигался къ Витебску.

Противъ непріятеля оставались одни только лейбъ-казаки. Разсыпавшись длинною цѣпью, они въ полутьмѣ перестрѣливались съ наступающими кавалерійскими частями и медленно отходили вслѣдъ за отрядомъ. На зарѣ они подошли къ Витебску, уничтожили на Двинѣ мостъ и двинулись по Сурожской дорогѣ. Авангардъ Мюрата пустился за ними въ погоню.

20-го іюля, главныя силы 1-ой арміи соединились при Смоленскѣ, а 22-го сюда же пришла и 2-ая армія князя Багратіона.

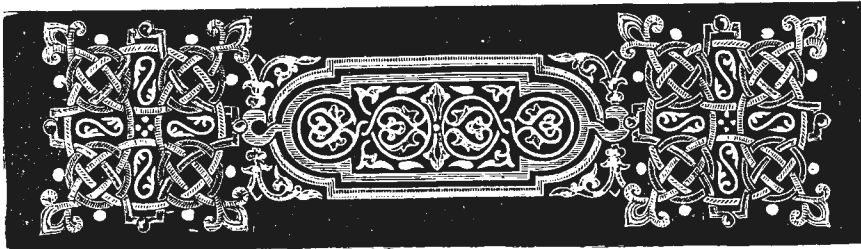
Наполеонъ, уже не надѣясь разобщить наши арміи, рѣшился прекратить преслѣдованіе и дать отдыхъ своимъ войскамъ, истомленнымъ недостаткомъ въ провіантѣ и фуражѣ.

Описанный день 15-го іюля 1812 года не достаточно оцѣненъ многими военными писателями; а между тѣмъ, онъ былъ однимъ изъ роковыхъ для Наполеона, искавшаго сраженія съ самаго начала кампаніи. Тутъ онъ имѣлъ въ послѣдній разъ случай и полную возможность разбить 1-ую армію, а затѣмъ уничтожить и Багратіона. Послѣдствія нашего столкновенія на Лучесѣ могли быть ужасны и неисчислимы для нашего отечества.

Честь и слава Барклаю-де-Толли и его начальнику штаба генералу Ермолову, рѣшившимся немедленно отступить вскорѣ по пріѣздѣ Меньшикова съ извѣстіемъ о движеніи Багратіона къ Смоленску, а не дожидаться ночи. Хвала и графу Палену, и всемъ частямъ, упорно боровшимся подъ его начальствомъ въ этотъ знаменательный день съ привосходившимъ ихъ въ пять разъ непріателемъ. Слава и доблестнымъ лейбъ-казакамъ, показавшимъ себя въ этомъ дѣлѣ съ самой лучшей стороны.

В. Шаховской.

ПОСЛѢДНЯЯ ДУЭЛЬ ПУШКИНА.

Изъ чьей руки свинець смертельный
Повту сердце растерзаль?
Будь правъ или виновенъ онъ
Предъ нашей правдою землею,
Навѣкъ онъ вышею рукою
Въ царевубійцы заклеямень.

Тютчевъ.

I.

БИЛЕЙНЫЯ пушкинскія празднества ознаменовались удивительнымъ количественнымъ обогащеніемъ пушкинской литературы. Приостановившись за лѣтніе мѣсяцы, она вновь начинаетъ расти и оживляться. Качественная сторона дѣла, правда, не такъ внушительна, какъ количественная; но и тутъ справедливая критика имѣетъ право со вниманіемъ и похвалою остановиться на нѣсколькихъ значительныхъ явленіяхъ. Изъ нихъ въ особенности должно быть отмѣчено изданіе подлиннаго военно-судебнаго дѣла о дуэли Пушкина, разысканнаго и публикуемаго гофмейстеромъ П. М. фонъ-Кауфманомъ ¹⁾. Благодаря его любезности, мы имѣли случай ознакомиться съ книгой еще въ корректурѣ и, не посягая на исчерпывающее

¹⁾ Въ печатномъ видѣ дѣло составляетъ цѣлую книгу объемомъ около 10 листовъ и воспроизводитъ подлинникъ «съ дословною точностью и сохраненіемъ подлиннаго правописанія».

изслѣдованіе ея содержанія, намѣрены извлечь изъ нея наиболѣе важныя данныя къ выясненію обстоятельствъ самой дуэли. Существенно новаго, не бывшаго въ печати, дѣло содержитъ не особенно много; но то новое, что въ немъ находится (укажу на новое письмо Пушкина, показанія Давзаса и князя Вяземскаго), проливаетъ обильный свѣтъ на событія и съ драгоцѣнною достовѣрностію разрѣшаетъ давнишнія сомнѣнія биографовъ. Съ изданіемъ подлиннаго дѣла исторія послѣдней дуэли Пушкина должна быть вновь написана. Не вдаваясь во всѣ подробности, мы и намѣрены въ дальнѣйшемъ изложить, на основаніи «дѣла» и другихъ матеріаловъ, ходъ печальныхъ событій и дать разборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ особенности. Помимо «дѣла» мы въ настоящей работѣ пользуемся, напечатаннымъ всего въ десяти экземплярахъ, весьма любопытнымъ, хотя и не во всемъ достовѣрнымъ, документомъ, — отрывкомъ изъ устныхъ воспоминаній генераль-майора князя Александра Васильевича Трубецкаго, состоявшаго въ концѣ восьмидесятихъ годовъ на службѣ при артиллерійскомъ складѣ въ Одессѣ. «Князь Трубецкой», какъ говоритъ издатель этихъ воспоминаній, «не былъ «пріятельски» знакомъ съ Пушкинымъ, но хорошо зналъ его по частымъ встрѣчамъ въ петербургскомъ высшемъ обществѣ и еще болѣе по своимъ близкимъ отношеніямъ къ Дантесу. Въ 1836 году, лѣтомъ, когда Кавалергардскій полкъ стоялъ въ крестьянскихъ избахъ Новой Деревни, князь Трубецкой жилъ въ одной хатѣ съ Дантесомъ, который сообщалъ ему о своихъ любовныхъ похожденияхъ, вѣрнѣй — о своихъ побѣдахъ надъ женскими сердцами. Это обстоятельство и дало возможность князю Трубецкому узнать объ истинныхъ, быть можетъ, причинахъ роковой дуэли 27-го января 1837 года». Самъ издатель приводитъ вполне основательныя причины не довѣрять въ цѣломъ разсказу «почтеннаго семидесяти-четырёхлѣтняго старца», такъ какъ по существу, прибавимъ отъ себя, этотъ разсказъ представляется лишь очевидной и гнуснѣйшею клеветою на Пушкина, да и встрѣчаетъ во многомъ несомнѣнныя, документальныя опроверженія; но все же частности въ немъ, невзирая на сплетническій тонъ цѣлаго, не только вполне правдоподобны, но и очень цѣнны, особенно, что касается Дантеса. «Такъ какъ лишь въ печатномъ видѣ разсказъ можетъ получить разъясненія или опроверженіе», говоритъ издатель, «то и явилась необходимость выпустить его въ свѣтъ. Нежеланіе же распространять его въ массѣ побудило печатать его лишь въ 10 экземплярахъ». Приносимъ нашу живѣйшую благодарность редактору «Историческаго Вѣстника», давшему возможность имѣть подъ руками одинъ изъ этихъ оттисковъ при составленіи настоящей статьи. Оговоримся здѣсь же, что, дѣлая выписки изъ этихъ воспоминаній, мы опускали мѣстами по нѣсколько словъ, отмѣчая пропуски многоточіями, а нѣкоторыя выраженія замѣнили смягченными синонимами, напечатанными у насъ разрядкой. Въ остальномъ мы опираемся на общеизвѣстные печатные

источники (хотя-кое что появляется и здѣсь на русскомъ языкѣ едва ли не въ первый разъ), дѣлая на нихъ, по мѣрѣ надобности, точныя бібліографическія ссылки. Не подвергая традиціонную исторію погубившихъ Пушкина обстоятельствъ и условій новой критикѣ и пересмотру, въ которыхъ она такъ нуждается, мы ограничиваемся единственно вопросомъ о дуэли и лицахъ, непосредственно къ ней прикосновенныхъ, т. е. по преимуществу психологической стороной дѣла.

II.

Тщательный пересмотръ матеріала необходимо заставляетъ признать, что убійца Пушкина и его пріемный отецъ были совсѣмъ не такъ глубоко и совсѣмъ не въ томъ смыслѣ виновны въ смерти поэта, какъ думаетъ главный виновникъ, тогдашній голландскій посланникъ въ Петербургѣ, камергеръ, баронъ Гекеренъ де-Беве-ваардъ (I. T. V. A. Heeckeren de Beverwaard)¹⁾, который поль-зовался нѣсколько исключительнымъ для представителя его мини-а-турнаго отечества положеніемъ въ виду родственной связи цар-ствующаго дома въ двухъ государствахъ: королева нидерландская Анна Павловна была родною сестрой императора Николая I. Велѣд-ствіе этого обстоятельства онъ игралъ нѣкоторую роль въ боль-шомъ свѣтѣ, гдѣ радушно былъ принятъ, невзирая на то, что по своимъ личнымъ свойствамъ не могъ привлекать къ себѣ ничьихъ симпатій и, какъ говоритъ анонимный авторъ статьи «Пушкинъ и Дантесъ» въ извѣстной книгѣ «Aus der Petersburger Gesellschaft», «хотя вообще ни для кого не было сомнѣній насчетъ испытывае-мага имъ недостатка въ уваженіи»²⁾. Біографическихъ свѣдѣній о немъ намъ не удалось найти ни въ одной иностранной справочной книгѣ, чтò, между прочимъ, свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ его жизни и дѣятельности чего либо выдающагося, а тѣмъ самымъ и о какихъ либо его способностяхъ и дарованіяхъ. Извѣстно только, что послѣ службы голландскимъ посланникомъ въ Россіи, прервав-шейся послѣ смерти Пушкина, онъ былъ съ 1-го іюня 1842 года чрезвычайнымъ голландскимъ посланникомъ и полномочнымъ ми-нистромъ при австро-венгерскомъ дворѣ³⁾, гдѣ впрочемъ, по сло-вамъ А. О. Россета, былъ принятъ сухо (будто бы за исторію съ дуэлью), а русскій посолъ Медемъ не хотѣлъ быть на дипломатиче-

¹⁾ «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 90, прим. 2.

²⁾ Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge. 3-te Auflage. Lpz. 1881. S. 183. Слова «ein Mann, dessen Achtungsbedürftigkeit sonst zweifellos festgestanden hatte» г. Павлицевъ, «Кончина А. С. Пушкина», Спб. 1889, стр. 21, переводитъ: «ува-женіе къ нему было прочно» (!).

³⁾ «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 90, прим. 2.

скомъ обѣдѣ у Меттерниха, куда былъ приглашенъ Гекеренъ ¹⁾ Не знаю, на чемъ основано очень похожее на ошибку сообщеніе, будто онъ былъ «министромъ» при королѣ Людовикѣ-Филиппѣ, попавшее въ нашу печать ²⁾, если только этого извѣстія не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что за время 1837—1842 гг. или послѣ 1842 г. и не позже 1849 г. онъ былъ голландскимъ полномочнымъ министромъ при французскомъ королевскомъ дворѣ. При отсутствіи дарованій и при весьма непривлекательномъ характерѣ онъ могъ, очевидно, выдвинуться на родинѣ только вслѣдствіе мѣстной знатности происхожденія; къ тому же онъ обладалъ большимъ состояніемъ ³⁾. Въ письмѣ г-жи Дурново, рожденной княжны Волконской, къ А. О. Смирновой (трудно судить, насколько это письмо достоверно) говорится, что король нидерландскій былъ неизвѣстно, почему «очень расположенъ къ старику Гекерену, — можетъ быть, оттого, что послѣдній былъ хорошимъ голландцемъ, когда король Людвигъ царствовалъ вмѣсто Оранской линіи» ⁴⁾. Дуэль Дантеса съ Пушкинымъ во всякомъ случаѣ оказалась роковымъ для Гекерена событіемъ. Судя по всему, императоръ Николай Павловичъ раздѣлялъ убѣжденіе Пушкина и Смирновыхъ ⁵⁾, что истиннымъ виновникомъ въ составленіи и разсылкѣ анонимнаго пасквиля былъ Гекеренъ: по крайней мѣрѣ, послѣдній вынужденъ былъ оставить свое мѣсто въ Россіи. По словамъ Смирновой, государь послалъ курьера въ Лагэ (? не въ Гаагу ли — La Haue?) и потребовалъ, чтобы Гекерена отозвали, написавъ даже королевѣ ⁶⁾. Государь отказалъ ему въ обычной прощальной аудіенціи ⁷⁾, хотя и пожаловалъ табакерку. По словамъ Смирнова, семь восьмыхъ общества прервали съ нимъ тотчасъ знакомство; «передъ отъѣздомъ онъ публиковалъ о продажѣ всей своей движимости, и его домъ превратился въ магазинъ, среди котораго онъ сидѣлъ, продавая самъ вещи и записывая продажу: многіе воспользовались симъ случаемъ, чтобы сдѣлать ему оскорбленія; напримѣръ, онъ сидѣлъ на стулѣ, на которомъ выставлена была цѣна, — одинъ офицеръ, подойдя къ нему, заплатилъ ему за стулъ и взялъ его изъ-подъ него. Выгнанный изъ Россіи, гдѣ свыкся, лишенный мѣста, важнаго для него по жалованью, презираемый даже въ своемъ отечествѣ (?), онъ нашелся принужденнымъ

1) «Разказы А. О. Россета» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 248.

2) В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», Спб. 1899, 4 изд., стр. 137.

3) Амосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина», Спб., 1863, стр. 7.

4) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 90.

5) В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», Спб., 1899, 4 изд., стр. 137.

6) «Одно не подлежитъ сомнѣнію это — то, что Гекеренъ былъ ихъ (паскилей) сочинитель» — «Памятныя замѣтки Н. М. Смирнова» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 235; ср. Записки А. О. Смирновой, часть III. Спб. 1897. Стр. 22 и 25.

7) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 5.

скитаться по свѣту¹⁾. Онъ былъ живъ еще въ 1880 году²⁾ и умеръ 93 лѣтъ отъ роду³⁾. Его характеръ и нравственныя свойства были до крайности непріятны. По словамъ Смирновой, Гекеренъ «отличался цинизмомъ посѣдѣлыхъ развратниковъ прежнихъ временъ. Онъ постоянно злословилъ и сплетничалъ. Товарищи по дипломатическому корпусу не любили его»⁴⁾. «Я всегда избѣгала встрѣчи этого стараго барона, злословящаго, распространяющаго сплетни и скандалы»⁵⁾. «Это — старый негодяй, человѣкъ безъ принциповъ, безъ чести, типъ стараго повѣсы XVIII вѣка, который наслаждается всякимъ скандаломъ, насмѣхается надъ всѣмъ и вмѣшивается во всѣ интриги»⁶⁾. Менѣе рѣзокъ, но по существу тождественъ съ этими отзывами приговоръ Н. М. Смирнова: «Онъ былъ человѣкъ злой, эгоистъ, которому всѣ средства казались позволительными для достиженія своей цѣли, извѣстный всему Петербургу злымъ языкомъ, перессорившій уже многихъ, презираемый тѣми, которые его проникли»⁷⁾. «Старый генералъ», говоритъ князь П. П. Вяземскій, «былъ человѣкъ хитрый, расчетливый еще болѣе, чѣмъ развратный»⁸⁾. Это былъ «человѣкъ, замѣчательно безнравственный», по словамъ Дантеса⁹⁾, «Несторъ развратной молодости»¹⁰⁾. Съ этими отзывами вполне сходятся и мнѣнія всѣхъ другихъ современниковъ, лично знавшихъ Гекерена, поскольку эти отзывы уцѣлѣли въ болѣе или менѣе сомнительной передачѣ третьихъ лицъ¹¹⁾. Наконецъ, характерно отвращеніе къ Гекерену всей семьи Дантеса, о чемъ открыто заявилъ недавно сынъ послѣдняго: «Мы его терпѣть не могли, сказалъ онъ. А онъ меня до того ненавидѣлъ, что даже лишилъ наслѣдства»¹²⁾. Наконецъ, самое поведеніе Гекерена вполне соответствуетъ общей къ нему антипатіи. Выводъ изъ всего сказаннаго тотъ; что онъ былъ дѣйствительно развратный, циничный, наглый и злой интриганъ, который даже лицемѣриемъ не прикры-

1) «Памятныя замѣтки Н. М. Смирнова» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 237. Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897, стр. 5 и 93; кн. Вяземскій въ письмѣ къ Булгакову, «Русскій Архивъ» 1879 г., II, 255.

2) «Памятныя замѣтки Н. М. Смирнова» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 237.

3) «Новое Время» 12 іюня 1899 г., № 8364, парижская корреспонденція И. Яковлева.

4) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 6.

5) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 11.

6) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 24.

7) «Памятныя замѣтки Н. М. Смирнова» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 234.

8) А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива, «Русскій Архивъ» 1884 г., II, 436.

9) Амосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. Стр. 8.

10) Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge. 2-te Auflage. Lpz. 1881. S. 183.

11) Л. Павлицевъ. Кончина А. С. Пушкина. Спб. 1899. Стр. 22 — 29. Тутъ переданы отзывы Л. С. Пушкина, Ф. Ф. Вигеля и С. А. Соболевскаго.

12) «Новое Время», 12 іюня 1899, № 8364, парижская корреспонденція И. Яковлева.

валъ своей полной безпринципности, ограниченной только его несомнѣнною трусливостью. Это — типичный выродокъ, гнилой послѣдній отпрыскъ вымирающаго знатнаго рода, «низенькій старикъ, всегда улыбающійся, отпускающій шуточки, во все мѣшающійся¹⁾».

Любопытною противоположностью является ему его пріемный сынъ, баронъ Жоржъ Дантесъ (d'Anthès)²⁾. Въ немъ замѣтны, правда, всѣ гнусныя черты, такъ рѣзко обрисовывающія образъ усыновителя, но онѣ округлены и смягчены въ немъ какою-то жизнерадостностью, наивностью зла, привычкою нравиться и вообще выравнивающими крайности характера легкими успѣхами. По его собственнымъ рассказамъ, его предки принадлежали къ знатной ирландской фамиліи³⁾. Во всякомъ случаѣ Дантесы издавна переселились во Францію, такъ какъ, по свидѣтельству сына Дантеса, дѣдъ и отецъ убійцы Пушкина были французскими депутатами (?)⁴⁾. Ихъ семья—по свѣдѣніямъ изъ того же источника—была въ родствѣ съ графами Гацфельдами въ Германіи и съ Мусиными-Пушкиными въ Россіи. Это показаніе, какъ увидимъ ниже, крайне подозрительно. Гораздо ближе къ истинѣ слова анонимаго автора нѣмецкаго очерка «Пушкинъ и Дантесъ»: «къмъ собственно былъ этотъ господинъ, и что побудило его искать счастья именно въ Петербургѣ, было вначалѣ тайною, такъ какъ онъ не былъ въ связи ни съ одной изъ извѣстныхъ старыхъ дворянскихъ фамилій и было совершенно неизвѣстенъ завсегдатаямъ нашего общества, которые вообще вѣдь были очень хорошо освѣдомлены въ Парижѣ»⁵⁾. Самъ Дантесъ передъ военнымъ судомъ, какъ видно изъ подлиннаго дѣла, показалъ, что онъ «уроженецъ изъ Кольморъ-Альзасъ» и имѣетъ «за родителями» недвижимое имущество въ «Альзасѣ». Это показаніе какъ будто свидѣтельствуешь, что его родители были живы еще въ 1837 году. Кн. Трубецкой, въ свою очередь, говорить что Дантесъ былъ «племянникомъ голландскаго посланника Гекерена, родная сестра котораго была замужемъ за французскимъ *chevalier* Дантесомъ». Наконецъ, Пушкинъ, очевидно, ничего не знавшій объ этомъ, раздѣлялъ общее, повидимому, мнѣніе, которое, притомъ, судя по намекамъ, не прочь былъ поддерживать и самъ Гекеренъ, какъ на то косвенно указываетъ и цитирован-

¹⁾ «Изъ рассказовъ А. О. Россета» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 246.

²⁾ Французская орографія именъ Гекерена и Дантеса установлена въ «Русской Старинѣ» 1880 г., т. XXVIII, стр. 89 и 90 прим., а русская транскрипція—В. В. Никольскимъ, «Идеалы Пушкина», 4 изд., Спб., 1899, стр. 127.

³⁾ Амосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. Стр. 5. Ср. «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 89.

⁴⁾ «Новое Время», 12 іюня 1899 г., № 8364, парижская корреспонденція Яковлева.

⁵⁾ Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge, 3-te Auflage. Lpz. 1881. S. 180.

ное выше письмо г-жи Дурново ¹⁾, что Дантесъ былъ незаконнымъ сыномъ Гекерена Въ устахъ современниковъ онъ превратился даже въ «сына голландскаго короля» ²⁾. Самъ Дантесъ говорилъ, что его отецъ былъ пожалованъ въ бароны при Наполеонѣ ³⁾. Родившись въ 1811 г. (въ 1836 г. въ декабрѣ ему было 25 лѣтъ), молодой Дантесъ былъ отданъ въ аристократическое военно-учебное заведеніе Сентъ-Сиръ. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что онъ ни самъ не питалъ, ни изъ дому не вынесъ бонапартистскихъ убѣжденій, такъ какъ (очевидно, по окончаніи училища) былъ пажемъ герцогини Беррійской, т.-е. проникъ ко двору Карла X (Людовикъ XVII умеръ въ 1824 году, т.-е. когда Дантесу было не больше 13 лѣтъ). Этого обстоятельства, между прочимъ, вполне достаточно, чтобы мы могли рѣшительно отрицать у Дантеса какія бы то ни было политическія убѣжденія. Какъ легитимистомъ, такъ и бонапартистомъ онъ могъ быть только въ салтыковскомъ смыслѣ послѣдняго слова («подъ бонапартистами я подразумѣваю тѣхъ, кто смѣшиваетъ выраженія отечество и ваше превосходительство, будучи, впрочемъ, склоненъ отдавать предпочтеніе послѣднему»). Между прочимъ, это же соображеніе объясняетъ намъ отчасти и его дальнѣйшую біографію. Будучи очень красивъ собой, онъ, быть можетъ, этой привлекательной внѣшности былъ обязанъ тѣмъ, что попалъ ко двору и вошелъ во вкусъ придворной жизни, для которой не имѣлъ ни средствъ, ни прочныхъ связей на родинѣ. Послѣднимъ и объясняется, вѣроятно, что при перемѣнѣ правленія во Франціи онъ не пошелъ впередъ, а, быть можетъ, былъ и вовсе затертъ при новомъ дворѣ: по крайней мѣрѣ, иначе ему не зачѣмъ было бы искать счастья на чужбинѣ. Правда, въ Россію онъ пріѣхалъ въ 1833 году, т.-е. черезъ три года по воцареніи Людовика-Филиппа; однако, по словамъ его сына, онъ предварительно побывалъ въ Германіи, «гдѣ хотѣлъ поступить на нѣмецкую службу и гдѣ имѣлъ вліятельныхъ родныхъ въ лицѣ семьи Гацфельда. Но такъ какъ въ Германіи ему не хотѣли дать прямо офицерскаго чина, а предложили начать съ унтеръ-офицерскаго званія, то онъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ имѣлъ русскихъ родныхъ, именно—Мусиныхъ-Пушкиныхъ, и гдѣ надѣялся при ихъ помощи поступить на русскую службу. Мусины-Пушкины, однако,

¹⁾ Записки А. О. Смирновой, часть II, Спб. 1897. Стр. 90. По словамъ г-жи Дурново, Нессельроде съ достовѣрностью утверждалъ, что Дантесъ дѣйствительно сынъ Гекерена; откуда бы онъ могъ почерпнуть свою увѣренность, если не со словъ или не изъ намековъ Гекерена или Дантеса? Догадка эта имѣетъ сильную опору въ ѣдкой насмѣшкѣ Пушкина «votre bâtard ou soit-disant tel» (VII, 416).

²⁾ VII, 416. Мы цитируемъ Пушкина вездѣ по изданію Литературнаго Фонда, отиѣчая римскою цифрою томъ, а страницу—арабскою.

³⁾ «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 89. Отсюда вовсе не слѣдуетъ, однако, будто онъ только тогда и получилъ дворянское достоинство, какъ думаетъ анонимный авторъ «Aus der Petersburger Gesellschaft». Neue Folge. 3-te Auflage, Lpz. 1881, S. 180.

отнесли къ Дантесу очень холодно, какъ къ бѣдному родственнику, и ничего для него сдѣлать не хотѣли» ¹⁾. Быть можетъ, его «легитимизмъ» и объясняется внезапнымъ перерывомъ счастливо начатой карьеры и злобою на новое правительство, не сумѣвшее оцѣнить его достоинствъ. Во всякомъ случаѣ, съ тою хвастливостью, которою, по согласнымъ отзывамъ всѣхъ современниковъ, отличался, онъ сталъ выдавать себя въ Россіи за шуана, т. е. дѣлать видъ, будто легитимизмъ является его семейною традиціей ²⁾. Ужъ не выдавалъ ли онъ и своего отца за наполеоновскаго барона лишь послѣ того, какъ выгодно поступилъ на службу къ Наполеону III? Прибавлю кстати, что болѣе чѣмъ невѣроятно, будто онъ, какъ сообщилъ его сынъ, «принужденъ былъ оставить родину по политическимъ причинамъ» ³⁾. Всѣ данныя говорятъ, что политика тутъ была не причемъ.

Итакъ, не позже 1833 года въ Россію пріѣхалъ двадцати-двухлѣтній Дантесъ вмѣстѣ съ нѣкимъ маркизомъ де-Пина, также выдававшимъ себя за шуана, также опредѣлившимся въ Россіи на военную службу, по словамъ князя П. П. Вяземскаго, въ армейскій гренадерскій пѣхотный короля прусскаго полкъ, стоявшій въ Нарвѣ ⁴⁾, и также впослѣдствіи уволеннымъ или даже высланнымъ изъ Россіи: мнимый шуанъ оказался шулеромъ ⁵⁾, а по словамъ князя П. П. Вяземскаго попался въ кражѣ серебряныхъ ложекъ. Мы съ полною достовѣрностью можемъ утверждать, что Дантесъ пріѣхалъ въ 1833 году, а не въ 1834, какъ принято думать. На службу онъ былъ, правда, принятъ, по свидѣтельству формулярнаго списка, 8 февраля 1834 года; но уже 26 января объ этомъ говорили, какъ о предстоящемъ происшествіи: по крайней мѣрѣ, Пушкинъ подъ этимъ числомъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Баронъ д'Антесъ и маркизъ де-Пина, два шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщеть» (V, 202). Между тѣмъ, и по приведенному выше разсказу сына Дантеса, и по всѣмъ другимъ источникамъ, извѣстно, что ему далеко не сразу удалось заполучить милость императора Николая I, и что онъ довольно долго искалъ благопріятнаго случая у разныхъ покровителей. По разсказу Дан-

¹⁾ «Новое Время», 12 іюня 1899 г., № 8364, парижская корреспонденція И. Яковлева.

²⁾ Не могъ же онъ выдавать себя лично за шуана (шуанами называли участниковъ возстаній въ пользу королевской власти въ эпоху революціи и при Наполеонѣ), когда послѣднее возстаніе шуановъ относится къ 1815 году, а ему въ 1833 г. не только на видъ, но и на самомъ дѣлѣ, было всего 22 года.

³⁾ «Новое Время», 12 іюня 1899 г., № 8364, парижская корреспонденція И. Яковлева.

⁴⁾ А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива. «Русскій Архивъ» 1884 г., II, 437.

⁵⁾ Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897, стр. 12. Вмѣсто Пина онъ названъ здѣсь Тена, но это, очевидно, опечатка.

заса, Дантесъ прїѣхаль, будто бы, въ Россію со «множествомъ» рекомендательныхъ писемъ ¹⁾. Это свѣдѣніе, повидимому, нуждается въ оговоркахъ. По словамъ сына Дантеса, выходитъ скорѣе, что за рекомендаціями-то Дантесъ и прїѣхаль въ Россію, надѣясь на покровительство Мусиныхъ-Пушкиныхъ. Притомъ, если бы Дантесъ обладалъ такими обильными рекомендаціями, то-есть, очевидно, имѣлъ какія нибудь связи на родинѣ, едва ли ему стоило покидать отечество въ погонѣ за удачей. Наконецъ, имѣй онъ, подлинно, много рекомендацій къ вліятельнымъ лицамъ, ему едва ли понадобилось бы покровительство французской колоніи въ Петербургѣ и одного изъ ея членовъ — баталиста-художника Ладюрнера, мастерская котораго помѣщалась въ Эрмитажѣ и нерѣдко удостоивалась посѣщеній императора Николая ²⁾. Между тѣмъ это покровительство не можетъ, повидимому, подлежать сомнѣнію. Въ частности, указываютъ на жену тогдашняго австрійскаго посланника, графиню Фикельмонъ, какъ на покровительницу Дантеса въ его первыхъ искательствахъ: опять указаніе, нуждающееся въ подтвержденіяхъ. То, что Дантесъ часто посѣщаль домъ Фикельмоновъ позднѣе, ничего не доказываетъ; да и эти частыя посѣщенія столько же могутъ свидѣтельствовать о покровительствѣ Фикельмоновъ Дантесу, сколько и о заискиваніяхъ Дантеса у Фикельмоновъ. «Андрей Карамзинъ... сказалъ мнѣ», читаемъ мы въ запискахъ Смирновой, «что Дантесъ питаль спасительный ужасъ ко мнѣ и къ графинѣ Фикельмонъ, такъ какъ она обошлась съ нимъ крайне пренебрежительно, когда онъ осмѣлился повторить въ ея присутствіи весьма рискованный анекдотъ... Поэтому онъ терпѣть не могъ меня и Долли Фикельмонъ» ³⁾. Гораздо вѣроятнѣе показаніе нѣмецкаго автора статьи «Пушкинъ и Дантесъ», что онъ имѣлъ рекомендацію къ графинѣ Рибопьеръ (а не Фикельмонъ) ⁴⁾. Далѣе, если бы показанія князя Трубецкаго о родствѣ Дантеса съ Гекереномъ заслуживали довѣрія, то это родство могло бы быть полезно первому изъ нихъ: однако и тутъ мы знаемъ, что сближеніе Дантеса съ Гекереномъ произошло уже послѣ поступленія перваго въ полкъ ⁵⁾. По всѣмъ этимъ соображеніямъ остается допустить, что Дантесъ подлинно не имѣлъ вначалѣ никакихъ покровителей, кромѣ нѣсколькихъ членовъ французской колоніи. Двери великосвѣтскихъ домовъ открылись передъ нимъ только послѣ принятія его императоромъ Николаемъ въ кавалергарды. Весь вопросъ, стало быть, состоитъ въ томъ, чѣмъ можно объяснить благоволеніе императора, и какъ могъ вообще Дантесъ сдѣлаться государю извѣстнымъ.

¹⁾ Амосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 5.

²⁾ «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 89.

³⁾ Записки А. О. Смирновой. II часть. Спб. 1897. Стр. 6.

⁴⁾ Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge. 3-te Auflage. Lpz. 1881. S. 180.

⁵⁾ «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 90.

По разсказу Данзаса, дѣло происходило такъ. Покровитель Дантеса, «Ладюрнеръ задумаль будто бы случайно» представить государю своего соотечественника. Съ этою цѣлью на одномъ изъ холстовъ самимъ Ладюрнеромъ или Дантесомъ набросано было нѣсколько эскизовъ съ изображеніемъ грушеобразной головы короля Людовика-Филиппа, къ которому, какъ извѣстно, покойный государь питаль непріязненные чувства. Сдѣлавъ это, Дантесъ началъ посѣщать мастерскую художника изо дня въ день и преимущественно въ тѣ часы, въ которые туда могъ быть государь. Расчетъ оказался вѣренъ. Въ одинъ прекрасный день, слышавъ его шаги, Ладюрнеръ спряталь за ширмы дежурившаго въ мастерской Дантеса и встрѣтилъ августѣйшаго своего посѣтителя. Увидѣвъ изображение Людовика-Филиппа, государь спросилъ Ладюрнера. «Est-ce que c'est vous, par hasard, qui vous amusez à faire ces choses là?» (это ужъ не вы ли, чего добраго, забавляетесь этими штуками?) — «Non, Sire», отвѣчалъ Ладюрнеръ, «c'est un de mes compatriotes, légitimiste comme moi, m-r d'Anthès». (Нѣтъ, ваше величество, это одинъ изъ моихъ соотечественниковъ, легитимистъ, какъ и я, г. Дантесъ). — «Ah, d'Anthès! Mais je le connais: l'Impératrice m'en a déjà parlé» (Ахъ, Дантесъ! Да я его знаю: императрица уже говорила мнѣ о немъ), — сказалъ государь и вывелъ его изъ-за ширмъ. Императоръ милостиво говорилъ съ нимъ, и смѣльчакъ-французъ тутъ же просилъ государя о дозволеніи ему вступить въ русскую военную службу, на что получилъ высочайшее соизволеніе. Государынѣ угодно было принять его прямо офицеромъ въ Кавалергардскій ея величества полкъ. Во вниманіе къ бѣдности Дантеса государь назначилъ ему отъ себя негласное ежегодное пособіе. Такимъ образомъ карьера Дантеса была упрочена¹⁾. Съ тѣмъ же разсказомъ, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, встрѣчаемся мы и въ нѣмецкой статьѣ о Пушкинѣ и Дантесѣ. Покровителями его нѣмецкій авторъ вмѣсто графини Фикельмонъ и Ладюрнера называетъ графиню Рибопьеръ и Монферрана. «Какъ руководитель постройки собора, Монферранъ построилъ себѣ на принадлежащемъ къ нему участкѣ помѣщеніе, въ которомъ ежедневно проводилъ по нѣскольку часовъ. Императоръ, который живо интересовался постройкой и часто лично ее осматриваль, имѣлъ обыкновеніе при такихъ осмотрахъ навѣщать Монферрана въ его рабочей комнатѣ и бесѣдовать съ нимъ. Знаменитый архитекторъ сумѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ къ пользѣ своего молодого соотечественника и устроилъ такъ, что императоръ неожиданно встрѣтилъ во время одного изъ своихъ посѣщеній Дантеса и еще одного эмигранта.

¹⁾ Амосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. Стр. 6—7; ср. «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 89—90.

Государь обратилъ вниманіе на обоихъ изящныхъ молодыхъ иностранцевъ и спросилъ о ихъ имени и происхожденіи. Едва онъ узналъ, что они французскіе офицеры, оставившіе службу изъ ненависти къ революціи, какъ предложилъ имъ вступить въ которыйнибудь изъ его гвардейскихъ полковъ. Когда Дантесъ сослался на свою бѣдность, императоръ объявилъ, что окажетъ ему помощь: черезъ нѣсколько дней юный авантюристъ былъ уже корнетомъ въ Кавалергардскомъ полку, первомъ изъ нашихъ аристократическихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, и пенсіонеромъ царской шкатулки, откуда ему выдавалось ежемѣсячно 1.000 р. асс.»¹⁾ Нельзя сказать, чтобы и этотъ рассказъ не нуждался въ нѣкоторыхъ оговоркахъ и поясненіяхъ, но въ общемъ, кажется, въ цѣломъ можно довѣриться нашимъ источникамъ: при содѣйствіи художника-француза и каррикатуръ на короля Людовика-Филиппа Дантесъ былъ представленъ императору Николаю I. Однако ни это покровительство, ни каррикатуры, ни, наконецъ, красивая внѣшность и вообще свѣтская привлекательность Дантеса никакъ не могутъ объяснить того особаго благоволенія, которое ему удалось приобрести. Остается думать, что онъ сумѣлъ разжалобить императора баснями о понесенныхъ имъ будто бы при Людовикѣ-Филиппѣ гоменіяхъ за свою приверженность королю Карлу X, баснями, которыя онъ распускалъ въ Россіи²⁾ и поддерживалъ, какъ видно, и въ своей семьѣ, гдѣ, какъ уже сказано, до сихъ поръ повторяютъ, будто онъ покинулъ отечество «по политическимъ причинамъ»³⁾. Извѣстно, какъ императоръ Николай сочувствовалъ королю Карлу X и вообще французскому легитимизму. Карриатура, конечно, могла бы послужить прекраснымъ поводомъ къ рассказу о томъ, какъ онъ «пострадалъ» и «всего лишился». Назначеніе же въ кавалергарды могло быть обусловлено тѣмъ, что, какъ воспитанникъ Сент-Сирской школы, онъ могъ быть въ Россіи приравненъ къ пажамъ, а какъ бывший пажъ герцогини Беррійской (дѣйствительный или мнѣйскій) — быть зачисленъ въ первый полкъ императрицы. Эти соображенія получаютъ какъ бы подтвержденіе и въ рассказѣ князя Трубецкого, который будетъ приведенъ нѣсколько ниже. Здѣсь же остается добавить, что Дантесъ принятъ былъ на русскую службу офицеромъ все же съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей: именно, «по высочайшему повелѣнію 27 января 1834 года онъ былъ допущенъ къ офицерскому экзамену въ императорской военной академіи по программѣ школы гвардейскихъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ, при чемъ былъ освобожденъ отъ испы-

¹⁾ Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge. 3-te Auflage. Lpz. 1881. SS. 180—181.

²⁾ Л. Павлищевъ. Кончина А. С. Пушкина, Спб., 1899, стр. 32.

³⁾ «Новое Время», 12 іюня 1899, № 8364, парижская корреспонденція И. Яковлева.

танія въ русской словесности, военномъ уставѣ и военномъ судопроизводствѣ. Экзаменъ, не особенно блестящій, былъ, однако, признанъ удовлетворительнымъ, и Дантесъ, высочайшимъ приказомъ отъ 13-го января ¹⁾, опредѣленъ въ Кавалергардскій полкъ (приказъ по полку отъ 8-го февраля) корнетомъ. Подъ графою «россійской грамотѣ читать и писать и другія какія науки знаетъ ли» въ формулярномъ спискѣ показано: «по-россійски, по-французски, по-нѣмецки, географіи и математикѣ». Рассказываютъ, что на экзаменѣ изъ географіи онъ не могъ сказать, на какой рѣкѣ стоитъ Мадридъ, и при этомъ воскликнулъ: «Et cependant j'y ai abreuvé mon cheval!» (И однакожь я въ ней поилъ свою лошадь!) ²⁾. По его показаніямъ на судѣ, присяга была имъ учинена только на вѣрность службы (а не на подданство Россіи); согласно формулярному списку онъ «прибылъ на службу 14-го февраля 1834 года». Объ этомъ прибытіи слѣдующимъ образомъ рассказываетъ князь Трубецкой. «Въ 1834 году императоръ Николай собралъ однажды офицеровъ Кавалергардскаго полка и, подведя къ нимъ за руку юношу, сказалъ: «Вотъ вамъ товарищъ. Примите его въ свою семью, любите, какъ пажа» (кавалергарды пополнялись по большей части камеръ-пажами), и прибавилъ по-французски: «Этотъ юноша считаетъ за большую честь для себя служить въ Кавалергардскомъ полку; онъ постарается заслужить вашу любовь и, я увѣренъ, оправдаетъ вашу дружбу». Это и былъ Дантесъ, племянникъ голландскаго посланника Гекерена, родная сестра котораго была замужемъ за французскимъ chevalier Дантесомъ. Онъ былъ статень, красивъ; на видъ ему было въ то время лѣтъ 20, много 22 года. Какъ иностранецъ, онъ былъ пообразованнѣе насъ, пажей, и какъ французъ—остроуменъ, живъ, веселъ. Онъ былъ отличный товарищъ и образцовый офицеръ. И за нимъ водились шалости, но совершенно невинныя и свойственныя молодежи, кромѣ одной, о которой, впрочемъ, мы узнали гораздо позднѣе. Не знаю, какъ сказать: онъ ли жилъ съ Гекереномъ, или Гекеренъ жилъ съ нимъ? Онъ былъ очень красивъ и постоянный успѣхъ въ дамскомъ обществѣ избаловалъ его: онъ относился къ дамамъ вообще, какъ иностранецъ, смѣлѣе, развязнѣе, чѣмъ мы, русскіе, а какъ избалованный ими—требовательнѣй, если хотите, нахальнѣе, наглѣе, чѣмъ даже было принято въ нашемъ обществѣ».

Такъ началась служба Дантеса. Князь Трубецкой находитъ его «образцовымъ офицеромъ»; Данзасъ говоритъ, что онъ «пользовался очень хорошою репутаціей и заслуживалъ ее вполне, если не ставить ему въ упрекъ фатовство и слабость хвастать своими успѣ-

¹⁾ Не опечатка ли это вмѣсто «31-го»? Если экзаменъ былъ 27 января, а приказъ по полку 8 февраля, то, очевидно, высочайшій приказъ не могъ состояться раньше перваго (т. е. 13-го января) и позже втораго (т. е. 13-го февраля).

²⁾ В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», 4-е изд., Спб. 1899, стр. 128.

хами у женщинъ»¹⁾). Формулярный списокъ, впервые полностью публикуемый въ «дѣлѣ», даетъ немного матеріаловъ. Изъ него видно только, что изъ корнетовъ онъ 28 января 1836 года былъ произведенъ въ поручики, въ походахъ не бывалъ, а за смотры, ученя и маневры удостоился въ числѣ прочихъ получить высочайшія благоволенія. Всѣ эти данныя, конечно, ничего не говорятъ. Въ запискахъ Смирновой изъ устъ Соболевскаго передается рассказъ Перовскаго, который, дожидаясь приѣма у государя послѣ дуэли, будто бы слышалъ, какъ на слова Бенкендорфа, что Дантесъ былъ хорошимъ офицеромъ, императоръ вспльщиво закричалъ: «Хорошій офицеръ! Танцоръ! Онъ часто былъ подъ арестомъ»...²⁾ Но и это нахожденіе подъ арестомъ ничего не доказывало бы, если бы было правдой; а между тѣмъ изъ дѣла ясно видно, что Дантесъ вовсе подъ арестомъ не бывалъ, и что, стало быть, рассказъ Перовскаго или Смирновой только выдумка или сплетня. Во всякомъ случаѣ Дантесъ имѣлъ репутацію превосходнаго стрѣлка³⁾ и любилъ выставлять себя рубакой и служакой⁴⁾; на самомъ же дѣлѣ, конечно, все его существованіе было посвящено салонной великосвѣтской жизни. И салонные успѣхи Дантеса не подлежатъ никакому сомнѣнію. Тутъ всѣ показанія вполне согласны между собою. Слова князя Трубецкаго мы уже привели; вотъ нѣсколько отзывовъ изъ записокъ Смирновой. «Дантесъ пріѣхалъ въ Россію искать счастья, подобно столькимъ другимъ иностранцамъ. Всѣ его достоинства ограничивались красивою наружностію, хотя въ кавалергардскомъ мундирѣ онъ представлялъ изъ себя красавца-мужчину довольно зауряднаго типа, и умѣньемъ хорошо танцовать, говорить рискованныя остроты, двусмысленныя и плоскія каламбуры, которыми изобилуютъ нѣкоторыя французскія пьесы, плѣнять дамъ штуками (шутками?) въ стилѣ Vaudeville и Palais Royal, а товарищѣй — казарменными анекдотами. Дантесъ былъ дурно воспитанъ, весьма предприимчивъ и дерзокъ, когда его не держали на извѣстномъ разстояніи»⁵⁾. «Я всегда... чувствовала антипатію къ Дантесу, находя его крайне пошлымъ»⁶⁾. «Пушкинъ палъ отъ руки мнимо-цивилизованнаго выходца съ запада, авантюриста, пріѣхавшаго искать счастья въ Россіи, потому что не нашелъ для себя карьеры на родинѣ»⁷⁾. «Онъ дѣйствовалъ, какъ проходи-

1) Амосовъ, Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. Стр. 8.

2) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 25.

3) Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge. 3-te Auflage. Lpz. 1881. S. 187. Этотъ отзывъ приписываетъ А. Н. Вульфъ г. Павлицевъ, Кончина А. С. Пушкина. Спб. 1899. Стр. 69.

4) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 13.

5) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 6.

6) Тамъ же, стр. 11.

7) Тамъ же, стр. 12.

мецъ,—съ нахальствомъ хлыща, съ тщеславіемъ мелкой природы съ дурнымъ воспитаніемъ; это меньше, чѣмъ ничего»¹⁾. Въ тѣхъ же запискахъ встрѣчаются и отзывы третьихъ лицъ, часто отрывочные, не всегда типичные, но и въ нихъ кое-что заслуживаетъ вниманія. «Мнѣ давно уже хотѣлось проучить Дантеса»,— писалъ Смирнову Соболевскій:— «онъ держался слишкомъ нахально. Государь выдавалъ ему пенсію изъ собственной шкатулки, а онъ, повидимому, воображалъ, что оказываетъ великую честь Россіи, нося русскій мундиръ. Этотъ военный плясунъ, этотъ офицеръ наводненныхъ паркетовъ (половъ?) въ мужскомъ обществѣ выдѣлялся казарменнымъ тономъ, изображалъ изъ себя рубаку, а съ женщинами былъ дерзокъ. Такого тона не потерпѣли бы въ русскомъ офицерѣ; но прекрасныя дамы находили его плѣнительнымъ, потому что онъ острилъ пофранцузски и говорилъ рискованныя каламбуры. Я не понимаю, что могло нравиться въ немъ»²⁾. По его же словамъ, Бенкендорфъ «посланъ былъ обожательницами Дантеса» къ государю для заступничества за убійцу. «Если бы его послали на Кавказъ, всѣ эти дамы совершили бы путешествіе въ Пятигорскъ, и эти воды сдѣлались бы столь же *fashionables*, какъ Бадень-Бадень»³⁾. Въ тѣхъ же запискахъ то упоминается, что Дантесъ былъ «любимцемъ дамъ», которымъ де послѣ дуэли «придется обойтись безъ его каламбуровъ и водевильныхъ отрогъ»⁴⁾, то приводятся слова княгини Мещерской (дочери Карамзина) о «неприличныхъ выходкахъ этого дурно воспитаннаго господина», или ея же характеристика Дантеса— «этого *coureur d'alcoves*, этого столь мало интереснаго соблазнителя»⁵⁾, то съ ея же словъ передается, какъ послѣ смерти Пушкина «въ нѣкоторыхъ изящныхъ салонахъ.... хвалили рыцарство Дантеса, этого искателя приключеній, явившагося дѣлать карьеру въ Россію и воспользовавшагося великодушною добротою государя»⁶⁾, то попадаютъ мнѣнія свѣтскихъ дѣвицъ, что Дантесъ, не въ примѣръ Пушкину, былъ вполне достоинъ такой красивой и поэтичной женщины, какъ жена поэта, ибо былъ красивъ, изященъ, вполне рыцарь⁷⁾, то отзывъ г-жи Дурново: «вообще, Дантесъ былъ такъ невоспитанъ! Но онъ болталъ пофранцузски, а, кажется, этого достаточно, чтобы въ нѣкоторыхъ салонахъ прослыть элегантнымъ и

1) Тамъ же, стр. 25.

2) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 13.

3) Тамъ же, стр. 25.

4) Тамъ же, стр. 13.

5) Тамъ же, стр. 88.

6) Тамъ же, стр. 88. Гораздо типичнѣе ея же отзывъ въ сообщенномъ М. К.

Гроту письмѣ: «un vil séducteur et un aventurier à deux noms et à trois patries»— «гнусный соблазнитель и проходимецъ о двухъ именахъ и о трехъ отечествахъ». Я. К. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», 2 изд., Спб. 1899, стр. 260.

7) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1899, стр. 89.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

свѣтскимъ»¹⁾), то сужденіе П. И. Полетики: «его тщеславіе фата—ибо это безусловно фать—было польщено, когда его считали любимымъ. Это—привычка дурно воспитанныхъ волокить»²⁾), то, наконецъ, выдержка изъ письма графини Нессельроде: «я никогда не принимала Дантеса. Меня находили односторонней, но у меня не было причинъ его принимать, чему я очень рада». Къ этимъ отзывамъ можно присоединить и то, что г. Павлицевъ передаетъ отъ лица своей матери и Л. С. Пушкина, хотя отзывы этихъ лицъ, никогда не знавшихъ лично Дантеса, не могутъ, разумѣется, имѣть значенія. Изъ всѣхъ приведенныхъ мнѣній, замѣтимъ, притомъ, высказанныхъ уже послѣ дуэли, то-есть тогда, когда трудно было сохранять безпристрастіе въ оцѣнкѣ, достаточно ясно обрисовывается роль Дантеса въ обществѣ. Красивый, изящный, въ высшей степени свѣтскій (трудно повѣрить, чтобы сень-сирецъ былъ «невоспитаннымъ» или «дурно воспитаннымъ» офицеромъ; оба эти выраженія употребляются обыкновенно тогда, особенно женщинами, когда къ кому нибудь питаютъ антипатію, не умѣя, однако, ея мотивировать; такъ, вѣроятно, было и тутъ: смѣлость и шуточки общаго баловня Дантеса не нравились—и на сцену выступалъ упрекъ въ «невоспитанности»), веселый, находчивый и остроумный (сохранившіяся шутки Дантеса вовсе не грубы и не плоски, а одна—о трехбунчужномъ пашѣ—такъ и несомнѣнно смѣшна и остроумна), «бабій пересмѣшникъ», онъ вездѣ былъ принятъ, вездѣ нравился, вездѣ одерживалъ легкія и прочныя побѣды надъ сердцама, пожиная всевозможные салонныя лавры. Его тщеславіе, хвастливость, дерзость и пронирыливость сглаживались внѣшнею привлекательностью, а подъ покровомъ кавалергардскаго мундира и поддержки государя не носили на себѣ отгѣнка назойливости. Это былъ шумный и блестящій трутень, вносящій всюду большое оживленіе своимъ самодовольнымъ жужжаніемъ. Ни ума, ни образованія, ни благородства, ни даже порядочности для этого не требовалось,—а внутренняго достоинства и уваженія къ чужому достоинству съ него столь же мало спрашивали, какъ и знанія, на какой рѣкѣ стоитъ Мадридъ. Отлично резюмируется его роль въ цитировавшемся уже біографическомъ очеркѣ «Русской Старины»: «Дантесъ, по отзывамъ лицъ, близко его знавшихъ, былъ красивый собою блондинъ, пользовался хорошо репутаціею, былъ скорѣй остроумень, нежели умень, а образованія поверхностнаго. Отличительной чертой его характера была истинно французская (вѣрнѣе сказать—гасконская) хвастливость успѣхами у прекраснаго пола. Хвастливымъ рассказамъ его тѣмъ легче было вѣрить, что Дантесъ одаренъ былъ завиднымъ свойствомъ какъ-то особенно располагать въ свою пользу съ перваго

¹⁾ Тамъ же, стр. 90.

²⁾ Тамъ же, стр. 91—92.

взгляда. Однимъ словомъ, для великосвѣтскихъ гостиныхъ и будуаровъ этотъ господинъ былъ истинною находкою»¹⁾).

Чтобы перейти къ знакомству и столкновению съ Пушкинымъ Гекерена и Дантеса, остается обрисовать взаимныя отношенія двухъ послѣднихъ. Мы уже привели поясненіе князя Трубецкого и отмѣтили противорѣчіе между его сообщеніемъ о родствѣ между Гекереномъ и Дантесомъ и извѣстнымъ фактомъ, что ихъ знакомство состоялось послѣ опредѣленія Дантеса въ полкъ. Равнымъ образомъ противъ этого родства говоритъ и то, что самъ Гекеренъ склоненъ былъ выдавать Дантеса за своего незаконнаго сына, — уловка, въ которой, будь они родственниками, не было бы ни надобности, ни смысла. Пенсія Дантесу отъ государя всего болѣе свидѣтельствуетъ, что онъ ни въ комъ другомъ вначалѣ не имѣлъ опоры. Словомъ, ни родства, ни предварительнаго (до вступленія Дантеса въ свѣтъ) знакомства между усыновителемъ и усыновленнымъ мы допустить не имѣемъ основаній. А принявъ во вниманіе характеръ и свойства Гекерена, трудно допустить, чтобы въ усыновленіи Дантеса онъ могъ руководиться только личнымъ расположеніемъ или даже естественнымъ родствомъ; услугъ же особыхъ Дантесъ ему никакихъ не оказывалъ и не могъ оказать; приведенный же Н. М. Смирновымъ мотивъ, будто Гекеренъ сдѣлалъ это «изъ ненависти къ своему семейству»²⁾, слишкомъ неправдоподобенъ, чтобы можно было ему повѣрить хоть на минуту. Приходится, такимъ образомъ, въ пресловутомъ усыновленіи видѣть лишь уплату по предварительной сдѣлкѣ, повидимому, очень умѣло Дантесомъ заключенной. Окончательно оформлена она была черезъ два года по пріѣздѣ Дантеса въ Россію, такъ какъ принять фамилію барона Гекерена ему было разрѣшено 4-го (16-го) іюня 1836 года³⁾. Но и, кромѣ того, Гекеренъ содѣйствовалъ карьерѣ своего пріемнаго сына, такъ какъ сохранились указанія, что король Нидерландовъ рекомендовалъ послѣдняго императору Николаю изъ расположенія къ Гекерену⁴⁾. По словамъ г-жи Дурново, изъ письма которой заимствовано это свѣдѣніе, какъ будто выходитъ, что король рекомендовалъ Дантеса еще до его поступленія въ полкъ («можно поблагодарить короля за этотъ подарокъ русской гвардіи»); но изъ сказаннаго выше достаточно ясно, что эта рекомендація должна относиться къ болѣе позднему времени. Во всякомъ случаѣ надо отдать должное умѣнью обоихъ, усыновителя и усыновленнаго, прятать концы въ воду: даже близкіе товарищи по полку въ родѣ князя Трубецкого не догадывались объ истинной подкладкѣ дѣла, не говоря уже о другихъ. Самъ Пушкинъ, какъ видно изъ

¹⁾ «Русская Старина», 1880 г., т. XXVIII, стр. 89.

²⁾ «Памятныя записки Н. М. Смирнова» въ «Русскомъ Архивѣ», 1882 г., I, 234.

³⁾ В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», 4-е изд., Спб., 1899 г., стр. 128.

⁴⁾ Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897 г., стр. 90.

словъ «votre bâtard ou soit-disant tel» (VII, 416), если на что и намекалъ, то только по своимъ собственнымъ подозрѣнiямъ, не ссылаясь на слухи или чужой голосъ.

III.

Знакомство Пушкиныхъ съ Гекереномъ не было, повидимому, недавнимъ; бывая при дворѣ и въ свѣтѣ, они неизбежно должны были познакомиться и встрѣчаться; съ Дантесомъ же они, какъ кажется, познакомились съ осенняго сезона 1834 года; относительно Пушкиной, по крайней мѣрѣ, это можно утверждать съ большою вѣроятностью. Какъ сказано выше, Дантесъ принять былъ въ полкъ между 8-мъ и 14-мъ февраля; между тѣмъ изъ письма Пушкина къ Нащокину (VII, 339) видно, что послѣ необычайно изобильной балами зимы (на масляницѣ танцовали по два раза въ день) Н. Н. Пушкина въ послѣднее воскресенье передъ масляницею—т. е. 4 марта, ибо пасха въ 1834 году приходилась на 22-е апрѣля—на придворномъ балу почувствовала себя дурно и, едва доѣхавъ домой, выкинула, а оправившись уѣхала въ деревню къ роднымъ, откуда вернулась не раньше послѣднихъ дней сентября (VII, 371). Стало быть, весною знакомство ея съ Дантесомъ могло состояться только между 14 февраля и 4 марта,—если, къ тому же, принять, что Дантесъ сразу же сталъ бывать во всѣхъ главныхъ домахъ большого свѣта. Однако у насъ есть и документальное свидѣтельство въ пользу того, что знакомство состоялось не раньше осени. Именно, въ первомъ изъ черновыхъ набросковъ рокового письма къ Гекерену, Пушкинъ ссылается на то, что «двухлѣтнее постоянство» могло бы подѣйствовать на женское сердце ¹⁾. Такъ какъ набросокъ писанъ осенью 1836 года, то о «двухлѣтнемъ постоянствѣ» могла быть рѣчь, очевидно, только считая его съ осени 1834 года.

Въ воспоминанiяхъ Данзаса сказано, что Гекеренъ и Дантесъ «часто» посѣщали и домъ Пушкина ²⁾. Кромѣ того, они встрѣчались и въ другихъ домахъ,— у Карамзинныхъ, Фикельмоновъ, князя Вяземскаго, графа Строганова, Загряжской, графини Разумовской, князя Одоевскаго и другихъ. Съ Гекереномъ это было простое свѣтское знакомство, хотя и на почвѣ обоюдной антипатiи. Очень вѣроятно, что самъ Пушкинъ вооружилъ противъ себя Гекерена, не умѣя или даже не желая скрывать своего нерасположенiя. По разсказамъ Вигеля въ передачѣ г. Павлицева, онъ называлъ голландскаго посланника двуликимъ Янусомъ, говорилъ, что не выносить

¹⁾ «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 516 и 518.

²⁾ Амосовъ, «Послѣднiе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 5 и 8.

его тона, а у графини Фикельмонъ, услышавъ однажды сказанныя Гекереномъ слова: «вотъ и вашъ знаменитый поэтъ идетъ», не взявъ протянутой ему Гекереномъ руки и прибавилъ: «съ чѣмъ васъ, господинъ посланникъ, и поздравляю» ¹⁾. Въ свою очередь и Данзасъ отмѣчаетъ, что «сухое и почти презрительное обращеніе въ послѣднее время Пушкина съ Гекереномъ, котораго онъ не любилъ и не уважалъ, не могло не озлобить противъ него такого человѣка, каковъ былъ Гекерень» ²⁾. Но конечно, чувства Пушкина выражались чисто пассивно, въ пренебреженіи, свѣтской холодности, да развѣ иногда въ рѣзкостяхъ или насмѣшкахъ; напротивъ того, Гекерень старался всячески досадить Пушкину, уколоть его, насплетничать и оклеветать. Во всякомъ случаѣ у насъ имѣются всѣ данныя предполагать, что Гекерень пересталъ бывать у Пушкиныхъ въ послѣднее время передъ дуэлью. Быть можетъ, рассказъ Вигеля и сохранилъ намъ воспоминаніе о разрывѣ, вызванномъ какою нибудь излишнею рѣзкостью Пушкина. Иначе относился онъ вначалѣ къ Дантесу, хотя и тутъ не могло быть рѣчи о какой нибудь близости. Данзасъ рассказываетъ, что въ первый разъ встрѣтилъ Дантеса и познакомился съ нимъ за общимъ столомъ въ ресторанѣ Дюме, гдѣ Пушкинъ и будущій его убійца сидѣли рядомъ ³⁾. По его же словамъ, Пушкинъ любилъ вести съ Дантесомъ шуточные разговоры и смѣялся его остроумнымъ выходкамъ, хотя онѣ иной разъ были запечатлѣны особой колкостью въ отношеніи къ Пушкину. Такъ, однажды, когда Пушкинъ съ женой и обѣими свояченицами явился на одинъ балъ, то Дантесъ воскликнулъ, какъ бы намекая на длинные шлейфы дамъ: *voilà le racha à trois queues!* (Вотъ трехбунчужный паша!) ⁴⁾. Графъ Соллогубъ рассказываетъ другой анекдотъ, случившійся уже во время болѣе натянутыхъ отношеній. Именно, на балу у князя Вяземскаго, Пушкинъ какъ-то сказалъ, что Дантесъ носить перстень съ изображеніемъ обезьяны. Дантесъ выдавалъ себя, какъ уже сказано выше, за легитимиста и носилъ тогда на рукѣ портретъ Генриха V. — «Посмотрите на эти черты»,—воскликнулъ тотчасъ Дантесъ:—«похожи ли онѣ на г. Пушкина?» Размѣнъ невѣжливостей остался безъ послѣдствій ⁵⁾. Что касается до жены Пушкина, то, судя по приведеннымъ выше словамъ о «двухлѣтнемъ постоянствѣ», Дантесъ съ перваго же знакомства оказался въ числѣ поклонниковъ этой красавицы. Повидимому, однако же, его ухаживанія не имѣли особенно назойливаго

¹⁾ Л. Павлицевъ. Кончина А. С. Пушкина. Спб. 1899. Стр. 53 сл.

²⁾ Амосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 13.

³⁾ Амосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 5.

⁴⁾ «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 97.

⁵⁾ Воспоминанія графа Соллогуба. Спб. 1887 г. Стр. 176.

и смѣлаго характера до 1836 года. «Въ то время», рассказываетъ князь Трубецкой въ своихъ устныхъ воспоминаніяхъ, «Новая Девня была моднымъ мѣстомъ. Мы стояли въ избахъ. Эскадронныя ученія производили на той землѣ, гдѣ теперь дачи и садики 1 и 2 линіи Новой Деревни. Все высшее общество располагалось на дачахъ по близости, преимущественно на Черной рѣчкѣ. Тамъ жилъ и Пушкинъ. Дантесъ часто посѣщалъ Пушкиныхъ Онъ ухаживалъ за Наташей, какъ и за всѣми красавицами (а она была красавица), но вовсе не особенно «пріударялъ», какъ мы тогда выражались, за нею. Частыя записочки, приносимыя Лизой (горничной Пушкиной), ничего не значили: въ наше время это было въ обычаѣ. Пушкинъ хорошо зналъ, что Дантесъ не пріударяетъ за его женой, онъ вовсе не ревновалъ, но, какъ онъ самъ выражался, ему Дантесъ былъ противенъ своею манерою, нѣсколько нахальною, своимъ языкомъ, менѣе воздержаннымъ, чѣмъ слѣдовало съ дамами, какъ полагалъ Пушкинъ. Надо признаться, при всемъ уваженіи къ высокому таланту Пушкина, это былъ характеръ невыносимый. Онъ все какъ будто боялся, что его мало уважаютъ, недостаточно почета оказываютъ. Мы, конечно, боготворили его музу, а онъ считалъ, что мало предъ нимъ преклоняемся. Манера Дантеса просто оскорбляла его, и онъ не разъ высказывалъ желаніе отдѣлаться отъ его посѣщеній. Nathalie не противорѣчила ему въ этомъ, быть можетъ, даже соглашалась съ мужемъ, но, какъ набитая дура, не умѣла прекратить свои невинныя свиданія съ Дантесомъ. Быть можетъ, ей льстило, что блестящій кавалергардъ всегда у ея ногъ. Когда она начинала говорить Дантесу о неудовольствіи мужа, Дантесъ, какъ повѣса, хотѣлъ слышать въ этомъ какъ бы поощреніе своему ухаживанію. Если бы Nathalie не была такъ непроходимо глупа, если бы Дантесъ не былъ такъ избалованъ, все кончилось бы ничѣмъ, такъ какъ, въ то время, по крайней мѣрѣ, ничего собственно и не было,—рукопожатія, обниманія, поцѣлуи, но не больше; а это въ наше время были вещи обыденныя. Часто говорятъ о ревности Пушкина. Мнѣ кажется, тутъ есть недоразумѣніе. Пушкинъ вовсе не ревновалъ Дантеса къ своей женѣ и не имѣлъ къ тому повода. Необходимо отдѣлить двѣ фазы въ его отношеніяхъ къ Дантесу: первая, лѣтняя, окончившаяся женитьбою Дантеса на Catherine; вторая, осенняя,—приведшая къ дуэли». Нельзя не признать, что въ послѣднихъ словахъ много правды. Говорить о ревности Пушкина въ отношеніи къ Дантесу совершенно неумѣстно. «Онъ никогда не ревновалъ», говорилъ Соболевскій по пересказу Смирновой, «такъ какъ онъ глубоко понималъ свою жену; но онъ былъ оскорбленъ тою наглостію, съ которою за ней ухаживали. Это оскорбляло даже вкусъ его»¹⁾. Вѣдь самъ же онъ

¹⁾ Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 23.

въ наброскахъ письма къ Гекерену (поскольку можно возстановить ихъ изъ отрывочныхъ клочковъ, которые уцѣлѣли) даетъ понять, что поведеніе Дантеса не могло быть ему безразлично, но сдерживалось границами приличій, а внутренно онъ былъ притомъ достаточно увѣренъ, что его жена заслуживаетъ его полного довѣрія и уваженія. Если бы Пушкинъ ревновалъ, то не далъ бы безнаказанно тянуться этой канители два года; да и на самомъ дѣлѣ онъ прибѣгъ къ энергичнымъ мѣрамъ, какъ только неприличіе ухаживанія стало внушать ему нѣкоторыя опасенія. Притомъ Н. Н. Пушкина обыкновенно передавала мужу съ полной откровенностью свои разговоры не только со знакомыми, но и съ почитателями, идя при этомъ такъ далеко ¹⁾, что не скрыла отъ мужа и словъ Гекерена, что Пушкинъ ей не пара, что ей слѣдуетъ съ нимъ развестись. Теперь пошло въ ходъ обыкновеніе ставить ей въ упрекъ эту откровенность: nepocтижимое недоразумѣніе! Если Пушкинъ и не ревновалъ жену къ Дантесу, если онъ и былъ вполне въ ней увѣренъ, то онъ, во всякомъ случаѣ, былъ чрезвычайно ревнивъ по природѣ; а эта страсть только искренностью и смягчается. Напротивъ, можно смѣло сказать, что прямодушіе жены, хотя и не основанное на умѣ или душевной тонкости, несомнѣнно должно было служить къ успокоенію поэта.

Въ итогѣ мы, стало быть, должны допустить, что къ лѣту 1836 года Пушкинъ былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Гекереномъ, хотя и принималъ у себя попрежнему Дантеса, бывшаго, правда, явнымъ поклонникомъ его жены, но еще «державшагося въ границахъ приличій». Весну поэтъ провелъ въ Москвѣ и вернулся къ себѣ на дачу 23-го мая, черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія дочери Натальи (VII, 405). Надо думать поэтому, что въ его отсутствіе жена не могла выѣзжать и принимать у себя свѣтскихъ знакомыхъ, да то же должно было быть и нѣсколько времени послѣ родовъ. Въ ухаживаніи Дантеса долженъ былъ, слѣдовательно, наступить перерывъ; между тѣмъ, какъ разъ въ это время состоялось его усыновленіе Гекереномъ (4 іюня), т.-е. началась особая близость между ними, которая, конечно, отождествила и ихъ интересы, т.-е. симпатіи и антипатіи. И вотъ мы видимъ, что именно съ этихъ поръ ухаживанія Дантеса разомъ приобрѣтаютъ новый характеръ. Лѣтомъ 1836 года, по разсказу Данзаса, «послѣ одного или двухъ баловъ на Минеральныхъ Водахъ, гдѣ были Пушкина и Дантесъ, по городу разнеслись слухи объ ухаживаніи его за Наталіей Николаевною. Когда толки дошли до Пушкина, онъ пересталъ принимать Дантеса, и ихъ взаимныя отношенія стали холодны и натянуты». «Не принимая Дантеса у себя въ домѣ, Пушкинъ и жена его

¹⁾ По крайней мѣрѣ, это утверждаетъ г. Павлицевъ, хотя и не указывая, откуда имъ почерпнуто это свѣдѣніе. Л. Павлицевъ. Кошчина А. С. Пушкина. Спб. 1899. Стр. 25 и 55—56.

встрѣчались, однако же, съ нимъ и съ барономъ Гекереномъ въ домахъ общихъ знакомыхъ изъ круга столичной знати. Избѣгая разговоръ съ Дантесомъ, жена поэта говорила съ Гекереномъ, выбиравшимъ, какъ впоследствии оказалось, предметомъ разговоръ съ нею Дантеса, при чемъ онъ намекалъ ей на его чувства къ ней, на его страданія вслѣдствіе отказа отъ дому и т. п.»¹⁾ Въ то же время, по рассказамъ, «Дантесъ на балахъ разыгрывалъ изъ себя въ углахъ трепещущаго, сентиментальнаго влюбленнаго, и какъ тѣнь слѣдовалъ за Пушкиною, что сильно возмущало постороннихъ... Это было смѣшно, гадко и крайне неприлично»²⁾. Сказаннаго, намъ кажется, достаточно, чтобы видѣть въ поведеніи Дантеса просвѣчивающую подкладку злого умысла. Онъ видимо мѣняетъ лѣтомъ 1836 года свой образъ дѣйствій, заботясь не столько о побѣдѣ, сколько о томъ, чтобы аффишировать свои исканія и поставить Пушкину въ ложное положеніе. Сразу видно, что онъ старается досадить Пушкину, насолить ему, сдѣлать его смѣшнымъ въ самомъ чувствительномъ для него мѣстѣ. Тутъ явная месть, которой Дантесъ является лишь орудіемъ. Конечно, нѣтъ никакого повода толковать, будто онъ или его руководитель желали «погубить» Пушкина, какъ теперь любятъ выражаться; цѣль была проще: уязвить и выжить Пушкина изъ общества, въ которомъ онъ вращался,—вынудить его очистить поле столкновенія. Нѣтъ никакихъ основаній говорить, будто достойные союзники желали довести Пушкина до дуэли или вообще какой нибудь крайности. Напротивъ, дуэли они оба трусили, а крайности, т. е. скандала,—еще больше. Ихъ желаніе состояло именно въ томъ, чтобы, не доводя ничего до крайности, насолить врагу, отравить ему существованіе. Здѣсь нельзя не узнать руководительства Гекерена, ибо Дантесу было не за что мстить Пушкину. Если бы онъ желалъ успѣха своимъ ухаживаніямъ, то онъ именно долженъ былъ не дразнить, а всячески смягчать ревность Пушкина. А эта ревность была всѣмъ извѣстна, да и контрастъ его по наружности съ красавицею женою только способствовалъ ея усиленію. Все это Пушкинъ прекрасно видѣлъ и понималъ. Зоркимъ взглядомъ свѣтскаго человѣка онъ сразу доискался режиссера всей комедіи. Не имѣя причины ревновать жену къ Дантесу и замѣтивъ перемѣну въ поведеніи послѣдняго, начавшемъ переступать «границы приличія», перемѣну, совпавшую съ «усыновленіемъ» и, надо думать, обостреніемъ отношеній поэта съ Гекереномъ, онъ понялъ, что махинація направлена не противъ его семейнаго счастья, но противъ его личнаго достоинства. Такъ какъ, притомъ, онъ позналъ, что Дантесу не за что ему вредить, то оставалось признать виновникомъ всего — Гекерена. Надо при

¹⁾ «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 329.

²⁾ Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 90.

этомъ замѣтить, что жена поэта была не меньше Дантеса игрушкою въ рукахъ Гекерена. Съ опытностью стараго интриганъ и сплетника удостовѣряться въ полной искренности Пушкиной съ мужемъ и столь же полной ея наивности, неспособности угадать, что говорится ей для нея самой и что для того только, чтобы она передала это мужу, принявъ за чистую монету, онъ, видимо, самъ сталъ дѣйствовать соотвѣтствующимъ образомъ и, по правильной догадкѣ Пушкина, руководить въ томъ же направленіи Дантесомъ. «Вы», писалъ поэтъ Гекерену, «представитель коронованной главы, отечески были сводникомъ вашего незаконнаго сына или яко бы такового. Все его поведеніе (довольно, впрочемъ, неловкое) было, вѣроятно, направляемо вами. Это, вѣроятно, вы ему диктовали тѣ жалкія рѣчи, которыя онъ выкладывалъ, и тѣ пошлости, которыя онъ сунулся писать. Подобно старой развратницѣ, вы караулили мою жену по всѣмъ угламъ, чтобы говорить ей о вашемъ сынѣ; и когда, больной любовнаго болѣзнью, онъ сидѣлъ дома за лѣкарствами, вы говорили, что онъ умираетъ отъ любви къ ней, вы ей бормотали: «верните мнѣ моего сына» (VII, 416). Благодаря архивнымъ изысканіямъ моего отца, можно съ большою точностью установить хронологію послѣдняго обстоятельства. «Осенью и зимою 1836 года Дантесъ былъ боленъ дважды: въ первый разъ 19—27 октября, во второй отъ 15 декабря по 3 января 1837 года. Стало быть, предложеніе Е. Н. Гончаровой онъ долженъ былъ сдѣлать до второй болѣзни, а слова Пушкина въ письмѣ къ Гекерену-отцу о болѣзни Дантеса должны относиться къ первой болѣзни»¹⁾. Иными словами, продѣлки Гекерена происходили уже въ серединѣ октября 1836 года. Тогда же должны были быть описаны Пушкиной Дантесомъ и тѣ «пошлости», о которыхъ говоритъ Пушкинъ. Самъ Дантесъ, какъ видно изъ дѣла, показалъ на судѣ: «Посылая довольно часто къ г-жѣ Пушкиной книги и театральные билеты при короткихъ запискахъ, полагаю, что въ числѣ оныхъ находились нѣкоторыя, коихъ выраженія могли возбудить его (Пушкина) щекотливость, какъ мужа, что и дало поводъ ему упомянуть о нихъ въ своемъ письмѣ къ барону де-Гекерену 26 числа генваря, какъ дурачества, мною писанныя». «Къ тому же присовокупляю, что вышеупомянутыя записки и билеты были мною посылаемы къ г-жѣ Пушкиной прежде, нежели я былъ женихомъ». Эта подробность о запискахъ заслуживаетъ особаго вниманія. Ихъ выраженіе «могли возбудить щекотливость Пушкина, какъ мужа» разоблачаетъ передъ нами важную пружину интриги. Тонъ, которымъ Пушкинъ говоритъ о *niaiserie* Дантеса, не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что его «щекотливость, какъ мужа», нимало не была возбуждена записками, могшими ее возбудить, по мнѣнію писавшаго. Одно это уже доказываетъ,

¹⁾ В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», 4 изд., Спб., 1899, стр. 129 прим.

что пресловутыя «дурачества» были хвастливыми намеками, имѣвшими цѣлью возбудить ревность Пушкина, если попадутъ ему въ руки. Но маневръ не удался: Пушкинъ сразу понялъ, что Дантесъ намекаетъ на то, чего никогда не было, по чужой подсказкѣ, именно въ надеждѣ, что намеки до него дойдутъ, а онъ повѣритъ въ ихъ основательность. Въ этихъ уловкахъ онъ узналъ руководство Гекерена и узналъ, безспорно, вполне справедливо. Если бы этими записками была задѣта его «щекотливость», то, конечно, онъ не сталъ бы раздумывать, а проучилъ бы Дантеса немедленно; на самомъ же дѣлѣ онъ къ нимъ относился совершенно равнодушно.

Здѣсь по ходу событий мы считаемъ умѣстнымъ привести продолженіе разсказа князя Трубецкаго съ того мѣста, гдѣ его прервали, заранее предупреждая, что, не представляя собою много новаго, онъ цѣлымъ рядомъ противорѣчій общеизвѣстнымъ и твердо установленнымъ фактамъ самъ обличаетъ свою лживость. Въ немъ пресловутая сплетня о «черномъ поцѣлуѣ» соединена искусно съ женитьбою Дантеса. Но главный интересъ этого разсказа тотъ, что изъ него ясно, кто былъ авторомъ анекдота о «черномъ поцѣлуѣ»: надо выбирать между княземъ Трубецкимъ и самимъ Дантесомъ. Но едва ли придется долго затрудняться выборомъ: и подробности разсказа, и водевильный французскій характеръ анекдота—все указываетъ на Дантеса. Лживость же анекдота, помимо вѣшной неправдоподобности всѣхъ подробностей, очевидна и по противорѣчію его съ письмами, документами, да и собственнымъ мнѣніемъ князя Трубецкаго, что о ревности Пушкина говорятъ лишь по недоразумѣнію. Итакъ, даемъ слово князю Трубецкому.

«Пушкинъ не выносилъ Дантеса и искалъ случая отдѣлаться отъ него, закрыть ему двери своего дома. Легче всего это было для Nathalie, но та по свойственной ей дурости не знала, какъ взяться за дѣло. Нерѣдко, возвращаясь изъ города къ обѣду, Пушкинъ заставалъ у себя на дачѣ Дантеса. Такъ было и въ концѣ лѣта 36-го года. Дантесъ засидѣлся у Наташи. Приѣзжаетъ Пушкинъ, входитъ въ гостиную, видитъ Дантеса рядомъ съ женой и, не говоря ни слова, ни даже обычнаго «bonjour», выходитъ изъ комнаты. Черезъ минуту онъ является вновь, цѣлуетъ жену, говоритъ ей, что пора обѣдать, что онъ проголодался, здоровается съ Дантесомъ и выходитъ изъ комнаты. «Ну, пора, Дантесъ, уходите, мнѣ надо идти въ столовую», сказала Наташа. Они поцѣловались, и Дантесъ вышелъ. Въ передней онъ столкнулся съ Пушкинымъ, который пристально посмотрѣлъ на него, язвительно улыбнулся и, не сказавъ ни слова, кивнулъ головой и вышелъ въ ту же дверь, изъ которой только что вышелъ Дантесъ. Когда Дантесъ пришелъ къ себѣ въ избу, онъ выразилъ мнѣ свое опасеніе, что Пушкинъ затѣваетъ что-то не доброе: «онъ былъ сегодня какъ-то особенно страненъ». И Дантесъ разсказалъ, какъ онъ засидѣлся у Nathalie,

какъ та гнала его нѣсколько разъ, опасаясь, что мужъ опять застанетъ ихъ, но онъ все медлилъ, и мужъ дѣйствительно засталъ ихъ вдвоемъ. — «Только-то?» — «Только; но, право, у Пушкина былъ какой-то непріязненный взглядъ, и въ передней онъ даже не простился со мною». Все это Дантесъ разсказалъ, переодѣваясь, такъ какъ торопился на обѣдъ къ своему дядѣ¹⁾. Едва ушелъ Дантесъ, какъ денщикъ докладываетъ, что пушкинская Лиза принесла ему письмо и узнавъ, что барина нѣтъ дома, наказывала переслать ему письмо, гдѣ бы онъ ни былъ. На конвертѣ было написано *très pressée* (*pressée?*). Съ тѣмъ же денщикомъ было отправлено тотчасъ же письмо къ Дантесу. Спустя часъ, быть можетъ, съ небольшимъ, входитъ Дантесъ. Я его не узналъ: на немъ лица не было. — «Что случилось?» — «Мои предсказанія сбылись; прочти». Я вынулъ изъ конверта съ надписью *très pressée* (*pressée?*) небольшую записочку, въ которой *Nathalie* извѣщаетъ Дантеса, что она передавала мужу, какъ Дантесъ просилъ руки ея сестры Кати, что мужъ съ своей стороны также согласенъ на этотъ бракъ. Записочка была составлена по-французски, но отличалась отъ прежнихъ не только *vous* вмѣсто *tu*, но и вообще слогомъ вовсе не женскимъ и не дамскимъ (дамскихъ?) *billets-doux*. — «Что все это значить?» — «Ничего не понимаю; ничьей руки я не просилъ». Стали мы обсуждать, совѣтоваться, и порѣшили, что Дантесу слѣдуетъ, прежде всего, не давать *démenti* словамъ Наташи до разъясненія казуса. — «Во всякомъ случаѣ *Cathérine* мнѣ нравится, и если я и не просилъ ея руки, но буду радъ сдѣлаться ея мужемъ». На другой день все разъяснилось. Наканунѣ, возвратясь изъ города и увидавъ жену съ Дантесомъ, Пушкинъ не поздоровался съ ними и прошелъ прямо въ кабинетъ: тамъ онъ намазалъ сажею свои толстыя губы и, выйдя вторично въ гостиную, поцѣловалъ жену, поздоровался съ Дантесомъ и ушелъ, говоря, что пора обѣдать. Вслѣдъ затѣмъ и Дантесъ простился съ *Nathalie*, при чемъ они поцѣловались и, конечно, сажа съ губъ *Nathalie* перешла на губы Дантеса. Когда Дантесъ столкнулся въ передней съ Пушкинымъ, который, очевидно, поджидалъ его выхода, онъ замѣтилъ пристальный взглядъ и язвительную улыбку: это Пушкинъ высмотрѣлъ слѣды сажи на губахъ Дантеса. Взабѣшенный Пушкинъ бросился къ женѣ и сдѣлалъ ей сцену, приводя сажу въ доказательство. *Nathalie* не знала, что отвѣчать, и, застигнутая врасплохъ, солгала: она сказала мужу, что Дантесъ просилъ у нея руки Кати, что она дала свое согласіе, въ знакъ чего и поцѣловала Дантеса, но что поставила свое согласіе въ зависимость отъ рѣшенія Пушкина. Тотчасъ же, подъ диктовку Пушкина, была написана Наташею та записочка къ Дантесу, которая такъ удивила и Дантеса, и меня. Вскорѣ состоялся бракъ

¹⁾ Т. е., по терминологіи кн. Трубецкого, къ Гекерену.

Дантеса съ Екатериною Николаевною Гончаровой. Этимъ оканчивается первая фаза. Бракъ все прикрытъ и все примирилъ. Теперь Дантесъ являлся къ Пушкинымъ, какъ родной, онъ сталъ своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ, и Пушкинъ не выражался о немъ иначе, какъ въ самыхъ дружественныхъ терминахъ. Дантесъ пересталъ уже быть для него невыносимымъ человѣкомъ. Откуда же дуэль? Чѣмъ вызвана ссора? Гдѣ безчестіе, смываемое только кровью?— Это уже вторая фаза.

Вотъ разсказъ князя Трубецкого. Что онъ самъ по себѣ представляется безспорнымъ вымысломъ, это каждому очевидно. Притомъ и вымыселъ-то это крайне грубый,—тема аляповатаго водевиля. Не говорю, затѣмъ, объ очевидномъ извращеніи несомнѣнныхъ фактовъ: по разсказу выходитъ, будто свадьба Дантеса состоялась осенью, а предложеніе было сдѣлано еще лѣтомъ, тогда какъ оно произошло въ началѣ ноября, а свадьба—въ январѣ; по разсказу, Дантесъ послѣ свадьбы примирился съ Пушкинымъ, заслужилъ его полное расположеніе и сталъ своимъ человѣкомъ въ его домѣ, а на самомъ дѣлѣ не было ничего подобнаго, да и дуэль состоялась всего черезъ 17 дней послѣ свадьбы. Наконецъ, крайнюю подозрительность возбуждаютъ увѣренія князя Трубецкого о томъ, что, будто бы, «рукопожатія, обниманіе, поцѣлуи» съ замужними женщинами были «тогда», «въ его время»—«вещами обыденными», а въ частности и между Пушкиной и Дантесомъ, при чемъ въ перепискѣ они будто бы были даже между собою «на ты». Послѣднее во всякомъ случаѣ ложь и клевета, но и первое немногимъ не лучше. Конечно, отдѣльные случаи, отдѣльныя семьи, гдѣ такія невинныя развлеченія были «вещами обыденными», могли встрѣчаться во всякое время; но чтобы вообще нравами тридцатыхъ годовъ эти «обыденныя вещи» допускались и освящались,—это уже очевидный вздоръ. Словомъ, ни самая фабула, ни многія частности разсказа не заслуживаютъ вовсе довѣрія; и тѣмъ не менѣе можно его признать очень цѣннымъ матеріаломъ: самые промахи противъ исторической общезвѣстной истины показываютъ, что князь Трубецкой разсказывалъ, не справляясь по книжкамъ и памятникамъ, но просто на память, такъ, какъ въ ней сохранился ходъ происшествій. А это все же свидѣтельство въ пользу нѣкоторой искренности разсказчика. Можно думать, что онъ вполне вѣрилъ тому, что разсказывалъ, — а это позволяетъ предполагать нѣкоторую фактическую подкладку его повѣствованія въ дѣйствительности. Посмотримъ же, въ чемъ она состоитъ, если откинуть мнимую интимность Дантеса съ Пушкиной и «черный поцѣлуй». Состоитъ она въ томъ, что еще лѣтомъ 1836 года Дантесъ заставилъ своего лагернаго товарища повѣрить, будто онъ состоитъ въ интимныхъ, хотя де и невинныхъ, отношеніяхъ и перепискѣ съ Пушкиной, и что для спасенія ея репутаціи онъ попалъ въ необходимость жениться на ея сестрѣ. Вѣдь князь

Трубецкой все передает со словъ самого Дантеса; онъ признаетъ,— независимо отъ мнимаго перехода съ «ты» на «вы»,— что слогъ записки, принесенной къ нему Дантесомъ отъ Гекерена, отличался отъ слога обыкновенныхъ дамскихъ записочекъ, — а между тѣмъ ничѣмъ не даетъ понять, что принесенная Дантесомъ записочка была та самая, которую тотъ получилъ черезъ денщика. А при этихъ условіяхъ сама собою напрашивается мысль о комедіи, затѣянной Дантесомъ, чтобы обморочить товарища и похвастаться передъ нимъ, а потомъ имѣть въ немъ и свидѣтеля для дальнѣйшаго хвастовства передъ другими. Характерно далѣе, что собственно комедія началась по его возвращеніи отъ Гекерена: не тамъ ли онъ и вдохновился, воспользовавшись полученіемъ какой нибудь пустѣйшей, но по дамскому обычаю «весьма нужной» записочки отъ Пушкиной? Подмѣнить ее наскоро сочиненною фальсификаціею было не трудно; а впутать въ исторію Е. Н. Гончарову было тѣмъ легче, что она была все время безъ памяти влюблена въ Дантеса. Разъ онъ впоследствии не затруднился ее впутать для того, чтобы уклониться отъ дуэли, то почему намъ не повѣрить, что онъ влеталъ въ свое хвастливое вранье и пусканье пыли въ глаза всѣхъ дамъ и дѣвицъ, съ которыми былъ знакомъ? Хвастаясь небывалыми побѣдами, чего ему было стѣсняться на счетъ дѣйствительно одержанныхъ? Съ этой точки зрѣнія можно считать правдою самое зерно разсказа князя Трубецкого, невзирая на искаженіе имъ многихъ подробностей, привиранье въ мелочахъ и на то, что самый «черный поцѣлуй» былъ выдумкою. Допустить, что князь Трубецкой былъ обмороченъ и обманутъ, гораздо естественнѣе, чѣмъ думать, что всю исторію онъ самъ выдумалъ, пренебрегая честью и совѣстью. А въ такомъ случаѣ авторомъ анекдота надо признать Дантеса не безъ вѣроятнаго участія Гекерена. Любопытно, между прочимъ, что нынче весною во Франціи былъ перепечатанъ съ разными прикрасами анекдотъ о «черномъ поцѣлуѣ», и что пошли слухи, будто самъ Дантесъ признавалъ этотъ анекдотъ дѣйствительнымъ фактомъ. Сынъ Дантеса, «съ негодованіемъ» отрицающій, «будто ревность Пушкина имѣла какія нибудь серьезно-реальныя основанія по отношенію къ Дантесу-Гекерену» (негодованіе, замѣтимъ отъ себя, тѣмъ болѣе излишнее, что если Пушкинъ и ревновалъ жену, то ужъ никакъ не къ Дантесу), потребовалъ удовлетворенія отъ авторовъ статей, гдѣ находилась перепечатка, но тѣ сложили съ себя отвѣтственность на третьихъ лицъ и дѣло кончилось ничѣмъ ¹⁾. Замѣтимъ по этому поводу, что, судя по разсказу, нами воспроизведенному, анекдотъ о «черномъ поцѣлуѣ» могъ первоначально пойти только отъ князя Трубецкого, хотя и нѣтъ основаній счи-

¹⁾ Обо всемъ этомъ см. «Новое Время», № 8364, 12 іюня 1899, парижская корреспонденція И. Яковлева.

тать его авторомъ этой клеветы. Опубликованіе же его воспоминаній потому настоятельно необходимо, что даетъ матеріалъ къ надежному опроверженію анекдота, донинѣ упрямо повторявшагося въ нашемъ обществѣ и, какъ все «неизданное», встрѣчавшаго довѣрчивыхъ слушателей.

Таково было взаимное отношеніе трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ,—трехъ, ибо Н. Н. Пушкина была только манекеномъ, только буферомъ при столкновеніи: Гекеренъ, раздраженный Пушкинымъ, напустилъ на его жену Дантеса съ цѣлью скомпрометировать ее въ глазахъ свѣта; тотъ придалъ своему ухаживанію сообразный съ такою цѣлью характеръ; быть можетъ, они заблаговременно намѣтили, какъ громоотводъ, Е. Н. Гончарову; Пушкинъ же сразу проникъ въ ихъ умыселъ и ждалъ только минуты, чтобы вмѣшаться. Но положеніе дѣлъ нѣсколько осложнилось участіемъ окружающихъ. Издавна распространилось и утвердилось общее мнѣніе, что Гекеренъ и Дантесъ были не столько центромъ, сколько главными партизанами обширной великосвѣтской интриги, направленной на то, чтобы «погубить» Пушкина. Однако, при безпристрастномъ ближайшемъ изученіи дѣла, приходится сказать, что это мнѣніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Правда, у Пушкина было много вліятельныхъ и сильныхъ враговъ. Его гордый, независимый характеръ, его смѣлое, желчное слово, язвительное остроуміе, все это «возбуждало щекотливость» окружавшихъ его недоброжелателей. Они радовались, конечно, всякой его неудачѣ. Ихъ назойливый рой мстительно язвилъ и жалилъ его съ докучнымъ жужжаніемъ вездѣ и всегда, гдѣ только могъ. Злорадство свѣта много помогало гнуснымъ продѣлкамъ Гекерена, хотя вовсе не понимало ихъ подкладки. И однако, вполне признавая, что недоброжелательство вливало много горечи въ душу Пушкина, все же нѣтъ никакихъ основаній видѣть вокругъ поэта какой-то заговоръ, интригу, которая бы обдуманно велась къ намѣченной цѣли, въ которой бы дѣйствующія лица знали, чего хотѣли. Въ дальнѣйшемъ будетъ дано много тому доказательствъ. Злорадство было, но интриги не было, кромѣ какъ со стороны Гекерена; да и тотъ не предвидѣлъ послѣдствій своихъ продѣлокъ; а если бы предвидѣлъ, то изъ одной трусливости остерегся бы доводить противника до крайности. Пушкина погубила не интрига, но рядъ случайностей, которыя могли быть, могли и не быть, и которыя только своею фатальною совокупностью привели къ трагической развязкѣ. Этой развязкѣ иные порадовались, но никто ея не ждалъ, никто не готовилъ. Противоположныя мнѣнія всѣ были высказаны уже послѣ событія,—а вѣдь извѣстно, какую цѣну слѣдуетъ придавать такимъ мнѣніямъ.

Любопытно, что постепенное углубленіе историковъ въ обстоятельства дуэли шагъ за шагомъ выясняетъ непричастность къ интригѣ и вообще обѣяетъ многихъ, кто прежде въ изустныхъ пре-

даніяхъ навлекать на себя особенныя нареканія, а съ другой стороны удостовѣряеть, что какъ противники, такъ и сторонники Пушкина искали центра тяжести событій совсѣмъ не тамъ, гдѣ онъ былъ. Именно, всѣ склонны были придавать капитальное, рѣшающее значеніе въ дѣлѣ дуэли пресловутымъ анонимнымъ письмамъ и полагали, будто, дознавшись, кто ихъ авторъ, обнаружатъ «истиннаго убійцу Пушкина». О письмахъ этихъ будетъ подробнѣе сказано ниже; здѣсь же напомнимъ, что участіе въ ихъ присылкѣ приписывалось и графу Уварову, и княгинѣ Бѣлосельской-Бѣловерской, и еще Богъ знаетъ кому. На самомъ же дѣлѣ все это либо басни, либо преувеличенія. Характеръ графа Уварова столь же трудно признать симпатичнымъ или привлекательнымъ, сколь трудно допустить въ немъ черты низости, клеветничества и подлостей изъ-за угла. Не говоримъ о многихъ другихъ. Но твердо увѣрены, что задача біографа Пушкина состоитъ не въ томъ, чтобы доискиваться слѣдовъ какого-то страннаго заговора на жизнь поэта и гадательно выяснять роль cadaго изъ враговъ Пушкина въ интригѣ, но въ томъ, чтобы точно выяснить причины и степень проявленія у представителей великосвѣтскаго общества недоброжелательства къ поэту. Тогда сразу же раскроются такія стороны дѣла, которыхъ и не подозрѣвали прежде изслѣдователи, доискиваясь злодѣевъ и изверговъ, смертельной вражды, адскихъ козней и т. п., вмѣсто того, чтобы видѣть самыхъ обыденныхъ людей, самыя мелочныя сплетни, клеюзы и глупое злорадство, приведшія къ трагической развязкѣ не въ силу своей гнусности, а въ силу пламеннаго и гордаго характера самого Пушкина, задыхавшагося и изнывавшего среди несоотвѣтствующей ему среды, и рокового сцѣпленія случайностей.

Не можемъ здѣсь не остановиться въ поясненіе нашей мысли на одномъ эпизодѣ этого свѣтскаго недоброжелательства, остававшемся доселѣ совершенно въ тѣни и получающемъ особенную яркость отъ сопоставленія разсказовъ Смирновой и князя Трубецкого. Мы имѣемъ въ виду роль, сыгранную, во время ухаживаній Дантеса за Пушкиной, одной изъ свѣтскихъ дамъ того времени—Ида-ліей Полетиюю. Не будемъ останавливаться на тѣхъ подробностяхъ ея біографіи, которыя не оглашены еще въ печати, тѣмъ болѣе, что для нашихъ цѣлей онѣ и безразличны. «Если бы у Дантеса была хоть тѣнь порядочности», пишетъ А. О. Смирнова, «онъ прекратилъ бы свои преслѣдованія; а самое скверное то, что онъ никогда не былъ влюбленъ въ Натали: онъ находилъ ее глупой и скучной; онъ былъ влюбленъ въ И(далию) и назначалъ ей свиданія у Натали, которая служила ширмою въ продолженіе двухъ лѣтъ. И. страшно боялась своего beau-père (больше, чѣмъ своего мужа) и своей семьи, такъ какъ для нея скандалъ былъ бы концомъ всего, потому что ея положеніе въ семьѣ было довольно затруднительное. Она очень хорошенькая,

привлекательная, умная, и ея дружбу съ Натали и эту внезапную нѣжность никто не понималъ, такъ какъ прежде она жестоко потѣшалась надъ ней, — и вотъ въ одинъ прекрасный день онѣ неразлучны! Натали, очень простодушная, прекрасно служила ширмой, и ея мелкое тщеславіе было польщено тѣмъ, что она была предметомъ чьей-то страсти. И. повторяла ей, что это лестно. Catherine Гончарова была болѣе прозорлива; она ненавидѣла И., потому что сама сходила съ ума по Дантесу. Александрина Гончарова была тоже очарована И.—и Гекеренъ, который зналъ все это, имѣлъ развратное удовольствіе играть низкую роль» ¹⁾. Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ встрѣчаются намъ и записанныя Смирновой слова Соболевскаго о томъ же: «*M-me Nathalie* до сихъ поръ пансіонерка. Она жила, какъ живутъ дѣти,—безъ размысленій, безъ заботъ. Для нея жизнь была рядомъ празднествъ, баловъ, туалетовъ и прогулокъ, и, какъ только ей дѣлали ласковое лицо, она воображала, что ее обожаютъ. Она повѣряла эти маленькія тайны г-жѣ Х. (Полетикѣ), а эта послѣдняя, сходившая съ ума по Дантесу, передавала ихъ ему, а потомъ разносила повсюду, что *Nathalie* обожала ея (т. е. своего) *beau frègre*. А *Nathalie* женщина неспособная обожать кого бы то ни было; у нея спокойная холодная натура, и если она кого нибудь любила, то это все-таки Пушкина, котораго она любила на свой ладъ, совершенно его не понимая» ²⁾. Въ тѣхъ же запискахъ къ Полетикѣ относятся еще два мѣста: «*Catherine* Мещерская сдѣлала бурную сцену ХХ (Полетикѣ); она сказала ей: «теперь вы довольны? Вы также клеветали на *Nathalie*, кокетничали съ Дантесомъ и сыграли дурную роль по отношенію къ ней. Она вамъ передавала неприличныя выходки этого дурно воспитаннаго господина, а вы разглашали ихъ, чтобы погубить ее. Это низко!» ХХ (Полетика) была ошеломлена, но подѣломъ ей: она въ самомъ дѣлѣ сыграла низкую роль» ³⁾. — «Ея (Пушкиной) милыя подруги разносили всѣ сплетни о ней и даже постоянно чернили ее, въ особенности ХХ (Полетика) и ХХХ, завидовавшія ея красотѣ. ХХ (Полетика) дѣлала это потому, что была влюблена въ Дантеса, ХХХ потому, что всѣ восхищались стройностью *Nathalie*, потому что у нея нѣтъ ни такого стана, ни такихъ плечъ. Обѣ онѣ красивы, но *Nathalie* на балу затмевала ихъ. И все это стоило жизни чловѣку!» ⁴⁾. Въ письмахъ самого Пушкина три раза упоминается Полетика, хотя изъ его словъ трудно вывести что либо опредѣленное. 30-го сентября 1832 года—т. е. еще до знакомства съ Дантесомъ—онъ пишетъ женѣ: «Вотъ видишь, что я правъ: нечего тебѣ было принимать Мусина-Пушкина. Просидѣла бы ты у Идалии и не сер-

¹⁾ Записки А. О. Смирновой. Часть I. Спб. 1897. Стр. 24.

²⁾ Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 22—23.

³⁾ Тамъ же, стр. 22.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 3.

дилась бы на меня» (VII, 307). Черезъ годъ онъ вторично говорить о ней въ письмѣ отъ 30-го октября 1833 года: «Полетикѣ скажи, что за ея поцѣлуемъ явлюсь лично, а что де на почтѣ не принимаютъ» (VII, 332). Затѣмъ, 6-го мая 1836 года, т. е. еще до перемены въ характерѣ ухаживаній Дантеса, онъ пишетъ ей же изъ Москвы: «Что Москва говорить о Петербургѣ, такъ это умора. Напримѣръ: есть у васъ нѣкто Савельевъ, кавалергардъ, прекрасный молодой человекъ; влюбленъ онъ въ Idalie Полетику и далъ за нее пощечину Гринвальду. Савельевъ надняхъ будетъ разстрѣлянъ. Вообрази, какъ жалка Idalie!» (VII, 400). Но зато воспоминанія князя Трубецкого дѣйствительно ярко освѣщаютъ образъ дѣйствій Полетики и крайне типично характеризуютъ тѣ грязные источники, изъ которыхъ питалось злословіе великосвѣтскаго недоброжелательства. Мы приводимъ ихъ съ того мѣста, гдѣ выше остановились, — съ разсказа о «второй фазѣ» отношеній Пушкина къ Дантесу. «Обстоятельства, вызвавшія вновь ссору», говоритъ князь Трубецкой, «и окончившіяся дуэлью, до сихъ поръ никѣмъ еще не разъяснены. Объ нихъ въ печати вообще не упоминается, быть можетъ, потому, что они набрасываютъ тѣнь на человека, имя котораго такъ дорого каждому изъ насъ, русскихъ,—быть можетъ, однако, и потому еще, что они были извѣстны очень немногимъ. Не такъ давно ¹⁾ въ Одессѣ умерла Полетика (Полетика), съ которой я часто вспоминалъ этотъ эпизодъ, и онъ совершенно свѣжъ въ моей памяти. Дѣло въ томъ, что Гончаровыхъ было три сестры: Наталья, вышедшая за Пушкина, чрезвычайно красивая, но и чрезвычайно глупая; Екатерина, на которой женился Дантесъ; и Александра, очень некрасивая, но весьма умная дѣвушка. Еще до брака Пушкина на Nathalie, Alexandrine знала наизусть всѣ стихотворенія своего будущаго beau-frère и была влюблена въ него заочно. Вскорѣ послѣ своего брака Пушкинъ сблизился... съ нею. Фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію. Alexandrine сознавалась въ этомъ г-жѣ Полетикѣ. Подумайте же: могъ ли Пушкинъ при этихъ [условіяхъ] ревновать свою жену къ Дантесу? Если Пушкину и не нравились посѣщенія Дантеса, то вовсе не потому, что Дантесъ балагурилъ съ его женой, а потому, что, посѣщая домъ Пушкиныхъ, Дантесъ встрѣчался съ Alexandrine. Влюбленный въ Alexandrine Пушкинъ опасался, чтобы блестящій кавалергардъ не увлекъ ее. Вотъ почему Пушкинъ вполне успокоился, узнавъ отъ жены, что Дантесъ бываетъ для Катерины и проситъ ея руки. Вотъ почему послѣ брака Дантеса съ Катериною Пушкинъ сталъ относиться къ Дантесу даже дружески. Повторяю, однако, близость Пушкина съ Александриною мало кому была извѣстна. Едва ли многимъ извѣстно и слѣдующее обстоятельство, довольно, повидимому, ничтож-

¹⁾ Разсказъ князя Трубецкого относится къ 1887 году.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

ное, но въ концѣ концовъ отнявшее у насъ Пушкина. Вскорѣ послѣ брака, въ октябрѣ или ноябрѣ, Дантесъ съ молодою женою задумали отправиться за границу къ роднымъ мужа. Въ то время сборы за границу были нѣсколько продолжительнѣе нынѣшнихъ и во время этихъ-то сборовъ, въ ноябрѣ или декабрѣ, оказалось, что съ ними собирается ѣхать и Alexandrine. Вотъ что окончательно взорвало Пушкина, и онъ рѣшился во что бы то ни стало воспрепятствовать ихъ отъѣзду. Онъ опять сталъ придираться къ Дантесу, началъ повсюду бранить его, намекая на его ухаживанья, но не за Александриной, о чемъ онъ долженъ былъ прималчивать, а за Nathalie. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ (былъ?) дѣйствительно невыносимъ. Какъ теперь помню: на святкахъ былъ балъ у португальскаго, если память не измѣняетъ, посланника, большого охотника. Онъ жилъ у нынѣшняго Николаевского моста. Во время танцевъ я зашелъ въ кабинетъ, всѣ стѣны котораго были увѣшаны рогами различныхъ животныхъ, убитыхъ ярымъ охотникомъ, и, желая отдохнуть, сталъ перелистывать какой-то кипсекъ. Вошелъ Пушкинъ. — «Вы зачѣмъ здѣсь? Кавалергарду, да еще не женатому, здѣсь не мѣсто: вы видите» — онъ указалъ на рога — «эта комната для женатыхъ, для мужей, для нашего брата». — «Полноте, Пушкинъ, вы и на балъ притащили свою желчь: вотъ ужъ ей здѣсь не мѣсто!». Вслѣдъ за этимъ онъ началъ бранить всѣхъ и вся, между прочимъ, Дантеса, и, такъ какъ Дантесъ былъ кавалергардомъ, то и кавалергардовъ. Не желая ввязываться въ исторію, я вышелъ изъ кабинета и, стоя въ дверяхъ танцевальной залы, увидѣлъ, что Дантесъ танцуетъ съ Nathalie. Пушкинъ все настойчивѣй искалъ случая поссориться съ Дантесомъ, чтобы помѣшать отъѣзду Александрины. Случай скоро представился. Въ то время нѣсколько шалуновъ изъ молодежи, между прочимъ Урусовъ, Опочининъ, Строгановъ, мой cousin, стали разсылать анонимныя письма по мужьямъ роконосцамъ. Въ числѣ многихъ получилъ такое письмо и Пушкинъ. Въ другое время онъ не обратилъ бы вниманія на подобную шутку и во всякомъ случаѣ отнесся бы къ ней, какъ къ шуткѣ, — быть можетъ, заклеилъ бы ее эпиграммой; но теперь онъ увидѣлъ въ этомъ хорошій предлогъ и воспользовался имъ по-своему. Письмо Пушкина къ Гекерену и подробности дуэли Пушкина съ племянникомъ Гекерена Дантесомъ всѣмъ извѣстны». На этомъ кончается весь рассказъ князя Трубецкаго.

Начнемъ съ необходимыхъ оговорокъ и прежде всего пожалѣемъ, что нелѣпая клевета Полетинки такъ долго сохранялась подъ спудомъ: для этого рода вымысловъ нѣтъ ничего смертельнѣе свѣта и огласки. Такъ муміи нерѣдко сохраняются тысячелѣтія въ своихъ гробахъ и подземельяхъ, безъ малѣйшаго ущерба, но рассыпаются прахомъ, едва ихъ вынести на свѣжій воздухъ. Мы не говоримъ ужъ о томъ, что клевета сама собою разоблачается для того, кто

помнить хронологию и, стало быть, не может допустить самой возможности пресловутых «двух фаз» в отношениях Пушкина и Дантеса. Столь же нелѣпъ и рассказ о предполагавшейся поѣздкѣ молодыхъ за границу осенью 1836 года (свадьба была, напоминаемъ, 10 января 1837 года) въ сопровожденіи младшей Гончаровой. Наконецъ, всякому ясна и путаница весьма существенная—касательно анонимныхъ писемъ и дуэли. По рассказу князя Трубецкого выходитъ, что письма были получены послѣ свадьбы Дантеса, и что Пушкинъ послалъ свое письмо Гекерену по полученіи этихъ писемъ. Одаѣхъ этихъ несообразностей, чисто внѣшнихъ, вполне достаточно для опроверженія; но и помимо того, кто могъ бы повѣрить бессмысленной лжи, повторенной черезъ 50 лѣтъ послѣ событій,—кто, кромѣ развѣ не читавшихъ ни одного письма Пушкина къ женѣ? Клевета—чисто бабья, и ее не стоитъ и опровергать подробнѣе, чѣмъ требуетъ невольное первое негодованіе. Но, не заслуживая довѣрія, какъ клевета, вымыселъ, сохраненный княземъ Трубецкимъ, въ высшей степени важенъ для характеристики свѣтскаго злословія о Пушкинѣ и его семьѣ. Оно питалось не только вымыслами враговъ Пушкина, но и соперницъ его жены и любовницъ Дантеса, не щадившихъ ни поэта, ни его родныхъ и близкихъ. Никакой вражды къ Пушкину онѣ не питали; просто не было до него дѣла и заботы въ разгарѣ своихъ безстыдныхъ шашней; но, преслѣдуя свои цѣли, онѣ, однако, бевосознательно осложняли отношенія, запутывали трагическій узелъ. Конечно, имъ никто не вѣрилъ, да и не могъ вѣрить; но толки разгорались, а возбудить ихъ и было цѣлью Гекерена. На почвѣ злословія и недоброжелательства вполне естественно было произойти какой нибудь неловкости, взрыву со стороны Пушкина,—и это случилось на самомъ дѣлѣ; говорить же объ «адскихъ козняхъ» и т. д. по меньшей мѣрѣ смѣшно.

IV.

Теперь обратимся къ обстоятельствамъ самой дуэли. Они начинаютъ съ полученія Пушкинымъ диплома на званіе кавалера ордена рононосцевъ, разосланнаго въ то же время по наиболѣе близкимъ его знакомымъ въ двойныхъ конвертахъ, изъ которыхъ внутренніе были адресованы на имя поэта. Мы только что привели рассказъ объ этомъ происшествіи князя Трубецкого, поразительный правильнымъ и трезвымъ пониманіемъ дѣла, котораго не замѣтно ни у кого изъ біографовъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что при другихъ обстоятельствахъ Пушкинъ не обратилъ бы даже вниманія на эти нелѣпыя письма; но въ ноябрѣ 1836 года, равнодушный къ ихъ сущности, онъ именно воспользовался ими только, какъ предлогомъ, чтобы распорядиться на счетъ надѣвшаго ему Дантеса. По крайней мѣрѣ, самъ онъ именно въ этомъ духѣ

изложилъ исторію въ письмахъ къ графу Бенкендорфу и Гекерену. «4-го ноября утромъ», писалъ онъ первому, «я получилъ три экземпляра анонимнаго письма, оскорбительнаго для моей чести и для чести моей жены. По виду бумаги, по слогу письма, по приёмамъ, съ которыми оно было составлено, я съ первой же минуты призналъ, что оно было отъ иностранца, отъ человѣка высшаго общества, отъ дипломата. Я принялся за розыски. Я узналъ, что семь или восемь лицъ получили въ тотъ же день по экземпляру того же самаго письма, запечатаннаго и адресованнаго по моему адресу, въ двойныхъ конвертахъ. Большая часть лицъ, которыя ихъ получили, подозрѣвая гнусность, не послали ихъ мнѣ. Вообще негодовали на оскорбленіе столь подлое и ни на чемъ не основанное; но, повторяя, что поведеніе моей жены безупречно, все же говорили, что предлогомъ къ этой гнусности было неотступное ухаживаніе за нею г. Дантеса. Я не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы имя моей жены связывалось, при этомъ случаѣ, съ чѣмъ бы то ни было именовъ. Я поручилъ передать это г. Дантесу. Баронъ Гекеренъ пріѣхалъ ко мнѣ и согласился на дуэль за г. Дантеса, прося у меня отсрочки на двѣ недѣли» ¹⁾ (VII, 415). Это письмо поясняется съ одной стороны письмомъ и черновыми набросками письма Пушкина къ Гекерену, а съ другой — показаніями Дантеса и Данзаса на судѣ и воспоминаніями графа Соллогуба. Если составить сводный текстъ письма изъ бѣловаго списка и набросковъ, то выйдетъ слѣдующее: «Поведеніе г. вашего сына было мнѣ вполне извѣстно съ давнихъ поръ и не могло мнѣ быть безразлично; но такъ какъ оно было сдержано границами приличій, и при томъ я зналъ, до какой степени моя жена заслуживаетъ моего довѣрія и моего уваженія, я ограничивался ролью наблюдателя, съ тѣмъ только, чтобы вмѣшаться, когда сочту это удобнымъ. Я хорошо зналъ, что красивая внѣшность, несчастная страсть, двухлѣтнее постоянство, всегда въ концѣ концовъ достигнуть того, что произведутъ впечатлѣніе на сердце молодой женщины, и что тогда мужъ, если только онъ не дуракъ, естественно станетъ довѣреннымъ своей жены и руководителемъ ея поведенія. Признаюсь вамъ, что я былъ не чуждъ нѣкотораго безпокойства. Случай, который во всякую другую минуту былъ бы мнѣ весьма неприятенъ, чрезвычайно счастливо вывелъ меня изъ затрудненія: я получилъ анонимныя письма. Я увидѣлъ, что минута наступила, и этимъ воспользовался. Остальное вы знаете: я заставилъ г. вашего сына играть такую шутовскую и жалкую роль, что моя жена, удивленная такою подлостью и плоскостью, не могла удержаться отъ смѣха, и что чувства, которыя

¹⁾ Un delai de 15 jours у насъ невѣрно переводятъ: 15 дней. По французскому счету къ сроку прикидывается день, отъ котораго счетъ ведется, и потому 15 jours—двѣ недѣли.

она, быть может, испытывала къ этой глубокой и возвышенной страсти, угасли въ презрѣннн (вариантъ: отвращенн) самомъ спокойномъ и какъ нельзя лучше заслуженномъ» ¹⁾. Дантесъ, какъ видно изъ дѣла, кратко показалъ на судѣ: «въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1836 года получилъ я словесный и безпричинный камергера Пушкина вызовъ на дуэль, который мною былъ принятъ». Въ свою очередь Данзасъ, излагая объясненн Пушкина у д'Арпіака (о нихъ будетъ рѣчь ниже), передавалъ ихъ такъ: «Получивъ письма отъ неизвѣстнаго, въ коихъ онъ виновникомъ почиталъ нидерландскаго посланника, и узнавъ о распространившихся въ свѣтѣ нелѣпныхъ слухахъ, касающихся чести жены его, онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ вызывалъ на дуэль г. поручика Гекерена, на котораго публика указывала». Слѣдовательно, въ самый день дуэли Пушкинъ говорилъ то же самое, что писалъ два мѣсяца раньше гр. Бенкендорфу. Все изложенное характеризуетъ намъ одну сторону дѣла; воспоминанн графа Соллогуба рисуютъ другую. Описавъ, какъ онъ отнесъ Пушкину полученный пакетъ и передалъ его, графъ Соллогубъ продолжаетъ: «Пушкинъ распечаталъ конвертъ и тотчасъ сказалъ мнѣ:—«Я ужъ знаю, чтѣ такое; я такое письмо получилъ сегодня же отъ Е. М. Хитровой: это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ, понимаете, что безъименнымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя—ангелъ, никакое подозрѣнн коснуться ея не можетъ. Послушайте, чтѣ я по сему предмету пишу г-жѣ Хитровой». Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполне сообразное съ его словами. Въ сочиненн присланнаго ему всѣмъ извѣстнаго диплома онъ подозрѣвалъ одну даму, которую мнѣ и назвалъ. Тутъ онъ говорилъ спокойно, съ большимъ достоинствомъ, и, казалось, хотѣлъ оставить все дѣло безъ вниманн. Только двѣ недѣли спустя, узналъ я, что въ этотъ же день онъ послалъ вызовъ кавалергардскому поручику Дантесу» ²⁾.

Разсмотримъ внимательно приведенныя данныя. Графъ Соллогубъ очевидно видѣлъ Пушкина прежде, нежели тотъ пришелъ къ какому нибудь рѣшенн и еще собирался оставить письма безъ всякихъ послѣдствнй. Дальнѣйшн дѣйствн Пушкина вовсе этого не опровергаютъ: онъ только изъ разговоровъ убѣдился, какъ самъ писалъ Бенкендорфу, что ухаживанн Дантеса считаются поводомъ къ разсылкѣ пасквиля; а такъ какъ графъ Соллогубъ

¹⁾ VII, 416 и «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 516—519.

²⁾ Воспоминанн графа В. А. Соллогуба. Спб. 1887. Стр. 178—179. Воспоминанн эти вообще очень хвастливы и порою подозрительны; но дуэль Пушкина описана въ нихъ по существу событнй поразительно точно, чтѣ подтверждается каждымъ вновь открытымъ документомъ. Наоборотъ, совершенный вздоръ о его роли записанъ Смирновой со словъ Андрея Карамзина. Записки А. О. Смирновой, II часть, Спб., 1897, стр. 9—10.

былъ у Пушкина утромъ, то и не могъ знать о рѣшеніи, которое еще не было принято. Конечно, его разсказъ не совсѣмъ согласуется со словами Пушкина, будто онъ съ первой же минуты угадалъ автора пасквиля, тогда какъ вначалѣ подозрѣвалъ совсѣмъ не Гекерена, а какую-то даму; но эти первыя подозрѣнія могли быть позабыты поэтомъ среди быстрого хода событій. Заподозрѣвать графа Соллогуба въ неправдѣ намъ нѣтъ въ данномъ случаѣ никакихъ основаній. Самый вызовъ Пушкинъ послалъ Дантесу черезъ брата Смирновой, офицера генеральнаго штаба Клементія Осиповича Россета¹⁾. Правда, что показаніе Дантеса плохо вяжется съ воспоминаніемъ А. О. Россета, будто осенью 1836 года Пушкинъ пришелъ къ К. О. Россету и, сказавъ, что вызвалъ на дуэль Дантеса, просилъ его быть секундантомъ. Тотъ отказывался, говоря, что дѣло секундантовъ вначалѣ — стараться о примиреніи противниковъ, а онъ этого не можетъ сдѣлать, потому что не терпитъ Дантеса и будетъ радъ, если Пушкинъ избавитъ отъ него петербургское общество; потомъ, онъ не достаточно хорошо пишетъ по французски, чтобы вести переписку, которая въ этомъ случаѣ должна быть ведена крайне осмотрительно; но быть секундантомъ на самомъ мѣстѣ поединка, когда уже все будетъ условлено, Россетъ былъ готовъ. Послѣ этого разговора Пушкинъ повелъ его прямо къ себѣ обѣдать. За столомъ подали Пушкину письмо. Прочитавъ его, онъ обратился къ старшей своей свояченицѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ: «Поздравляю, вы невѣста; Дантесъ проситъ вашей руки». Та бросила салфетку и побѣжала къ себѣ. Наталья Николаевна за нею. «Какое!» сказала Пушкинъ Россету²⁾. Воспоминанія эти, къ которымъ мы еще вернемся ниже, нѣсколько искажаютъ подробности; но во многомъ вполне вѣрны. Такъ, напр., весьма вѣроятно, что К. О. Россетъ отказался вести переговоры о дуэли, соглашаясь быть секундантомъ; но это вовсе не исключаетъ возможности допустить, что онъ согласился также передать и вызовъ Пушкина. Изъ сказаннаго можно заключить, что вызовъ дошелъ либо 4-го же ноября, либо на слѣдующій день, и, стало быть, не позже 5-го ноября былъ принятъ, какъ и говоритъ Пушкинъ. Любопытно только, что Дантесъ называетъ этотъ вызовъ Пушкина «безпричиннымъ». Изъ письма Пушкина ясно, что вызовъ былъ мотивированъ. Трудно рѣшить, говорилъ это Дантесъ для того, чтобы устранить Россета отъ суда и слѣдствія, а кстати и воспользоваться выгодами такого показанія въ свою пользу (см. ниже), или и дѣйствительно самъ Россетъ счелъ излишнимъ сообщать мотивировку вызова, который передавалъ. Возможно, впрочемъ, и

¹⁾ Амосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб., 1863. Стр. 10.

²⁾ «Разсказы А. О. Россета» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 247.

то, что Россету Пушкинъ поручилъ передать Дантесу именно то самое, что написалъ Бенкендорфу,—что не можетъ допустить, чтобы имя его жены связывалось въ свѣтскихъ толкахъ съ именемъ Дантеса; а уже черезъ Гекерена, прїѣхавшаго для объясненій, сдѣлалъ форменный вызовъ. Въ итогѣ мы можемъ вывести, что Пушкинъ дѣйствительно нашелъ въ письмахъ и вызванныхъ ими толкахъ только предлогъ для того, чтобы проучить Дантеса, и послалъ ему вызовъ. Послѣдствія превзошли его ожиданія: Дантесъ струсилъ поединка самымъ постыднымъ образомъ и прибѣгнувъ къ послѣднему средству, которое ему оставалось,—сдѣлалъ предложеніе Е. Н. Гончаровой. Согласно воспоминаніямъ Данзаса, «вызовъ Пушкина сдѣлался извѣстнымъ Жуковскому и князю Вяземскому, которые старались потушить исторію и разстроить дуэль. Гекеренъ между прочимъ объявилъ Жуковскому, что, если особенное вниманіе его сына къ г-жѣ Пушкиной и было принято нѣкоторыми за ухаживаніе, то все-таки тутъ не можетъ быть мѣста никакому подозрѣнію, никакого повода къ скандалу, потому что Дантесъ дѣлалъ это съ благородною цѣлью,—имѣя намѣреніе просить руки Е. Н. Гончаровой. Отправляясь съ этимъ извѣстіемъ къ Пушкину, Жуковскій совѣтовалъ Гекерену, чтобы сынъ его сдѣлалъ какъ можно скорѣе предложеніе свояченицѣ Пушкина, если онъ хочетъ прекратить всѣ враждебныя отношенія и неосновательные слухи. Вслѣдствіе ли совѣта Жуковскаго, или вслѣдствіе прежде предположеннаго имъ намѣренія, Дантесъ на другой же или въ тотъ же день сдѣлалъ предложеніе»¹⁾). Изъ этого разсказа, повидимому, можно понять съ полною вѣроятностью истинный ходъ дѣла. Вызовъ Пушкина явился для Дантеса полною неожиданностью. Не зная, какъ вывернуться, онъ обратился чрезъ посредство и въ лицѣ Гекерена къ друзьямъ Пушкина, видимо, желая уладить дѣло и приплетая Е. Н. Гончарову, страсть которой къ Дантесу была, вѣроятно, всѣмъ извѣстна. Интересно было бы выяснить, какъ именно сдѣлано было самое предложеніе. Вѣдь мало было переговорить съ Е. Н. Гончаровою: необходимо было еще получить согласіе ея родныхъ, которымъ Дантесъ былъ неизвѣстенъ. А все это требовало времени при тогдашнихъ путяхъ сообщенія. По ходячимъ разсказамъ, Дантесъ просилъ согласія у Пушкина и его жены; но это очевидная нелѣпость, которую давно пора сдать въ архивъ. Но еще любопытнѣе вотъ какая подробность: Е. Н. Гончарова жила у Пушкина въ домѣ, и, стало быть, ни для его жены, ни для него самого предложеніе, кому бы оно ни было сдѣлано, не могло быть тайною ни одной минуты: между тѣмъ онъ упорно пишетъ и повторяетъ, что только по чужимъ разговорамъ узналъ объ этомъ событіи. Загадочность этихъ обстоя-

¹⁾ Амосовъ. Последніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. Стр. 10—11.

тельство объясняется намъ, благодаря опять таки графу Соллогубу. «У Карамзиныхъ праздновался день рожденія старшаго сына», пишетъ онъ. «Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина. Во время общаго веселаго разговора онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ скороговоркою:— «Ступайте завтра къ д'Аршіаку. Условьтесь съ нимъ только на счетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь». Потомъ продолжалъ шутить и разговаривать, какъ бы нивъ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, не допускавшая возраженій. Вечеромъ я поѣхалъ на большой раутъ къ австрійскому посланнику графу Фикельмону. На раутѣ всѣ дамы были въ траурѣ по случаю смерти Карла X. Одна Е. Н. Гончарова (Н. Н. Пушкиной на раутѣ не было) отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ нею любезничалъ Дантесъ. Пушкинъ пріѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ, запретилъ Е. Н. говорить съ Дантесомъ (?) и, какъ узналъ я потомъ, самому Дантесу высказалъ нѣсколько болѣе чѣмъ грубыхъ словъ. Съ д'Аршіакомъ мы выразительно переглянулись и разошлись, не будучи знакомы. Дантеса я взялъ въ сторону и спросилъ его, что онъ за человѣкъ.—«Я человѣкъ честный», отвѣчалъ онъ, «и надѣюсь это скоро доказать». Затѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ, что онъ поневолѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ, но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ. На другой день я поѣхалъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться на счетъ матеріальной стороны самаго безпощаднаго поединка, и наконецъ съ замирающимъ сердцемъ отправился къ д'Аршіаку» ¹⁾. Д'Аршіакъ заявилъ графу Соллогубу, что имъ необходимо овнакомиться съ документами, касающимися дѣла, и показалъ экземпляръ ругательнаго диплома Пушкину, вызовъ Пушкина, записку Гекерена съ просьбой объ отсрочкѣ дуэли и собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявляетъ, что беретъ свой вызовъ назадъ на основаніи слуховъ, что Дантесъ женится на Е. Н. Гончаровой. Здѣсь, безспорно, память измѣнила графу Соллогубу. И вызовъ Пушкина, и просьба Гекерена, и первоначальный отказъ отъ поединка; были сдѣланы устно; письменно же Пушкинъ свой отказъ подтвердилъ именно при посредствѣ графа Соллогуба (о чемъ дальше); самъ Дантесъ, какъ видно изъ «дѣла», заявилъ на судѣ, что первоначальный отказъ Пушкина отъ вызова былъ сдѣланъ словесно чрезъ Гекерена. Стало быть, д'Аршіакъ могъ показать графу Соллогубу только свои собственные замѣтки объ обстоятельствахъ дѣла. «Я стоялъ пораженный, какъ будто свалился съ неба», продолжаетъ графъ Соллогубъ. «Объ этой свадьбѣ я ничего не слыхалъ, ничего не вѣдалъ и только тутъ

¹⁾ Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Спб. 1887, стр. 180—182.

понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья, причину двухнедѣльной отсрочки, причину ухаживанія Дантеса». — «Вотъ положеніе дѣла», сказалъ д'Аршіакъ: «вчера кончился двухнедѣльный срокъ, и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ Дантесъ готовъ къ его услугамъ. Вы понимаете, что Дантесъ желаетъ жениться, но не можетъ жениться иначе, какъ если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова безо всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. Дантесъ не можетъ допустить, чтобъ о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что Дантесъ женится, и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе». Мое положеніе было самое непріятное. Я только теперь узнавалъ сущность дѣла, мнѣ предлагали самый блистательный исходъ, то, чего я и требовать, ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я не имѣлъ порученія вести переговоры. Потоликовавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхать въ три часа у самого Дантеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ Дантесъ не участвовалъ, все предоставивъ секунданту. Никогда въ живнѣ свою я не ломалъ такъ головы. Наконецъ я написалъ по-французски къ Пушкину слѣдующую записку: «Согласно вашему желанію я условился на счетъ матеріальной стороны поединка. Онъ назначенъ 21 ноября, въ 8 часовъ утра, на Парголовоу дорогѣ, на 10 шаговъ барьера. Впрочемъ изъ разговоровъ узналъ я, что г. Дантесъ женится на вашей свояченицѣ, если вы только признаете, что онъ вель себя въ настоящемъ дѣлѣ, какъ честный человѣкъ. Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукою, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться» и пр. Точныхъ словъ я не помню, но содержаніе письма вѣрно. Очень мнѣ памятно число 21 ноября, потому что 20 было рожденіе моего отца, и я не хотѣлъ ознаменовать этотъ день кровавою сценою. Д'Аршіакъ прочиталъ внимательно записку, но не показалъ ея Дантесу, несмотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ: — «Я согласенъ. Пошлите». — «Наконецъ отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ въ общемъ смыслѣ слѣдующаго содержанія: «Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ по городскимъ слухамъ (*par le bruit public*) я узналъ, что г. Дантесъ женится на мой свояченицѣ. Впрочемъ, я готовъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ вель себя честнымъ человѣкомъ». — «Этого достаточно», сказалъ д'Аршіакъ, отвѣта Дантесу не показалъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда Дантесъ обратился ко мнѣ со словами: — «Сгупайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что онъ согласенъ кончить нашу ссору. Я надѣюсь, что мы будемъ видѣться, какъ братья». Поздравивъ съ своей стороны Дантеса, я предложилъ д'Аршіаку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мною. Д'Аршіакъ и на это согла-

сидя. Мы застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ.—«Съ моей стороны», продолжалъ я, «я позволилъ себѣ обѣщать, что вы будете обходиться со своимъ зятемъ, какъ со знакомымъ».—«Напрасно», воскликнулъ запальчиво Пушкинъ: «никогда этого не будетъ. Никогда между домою Пушкина и домою Дантеса ничего общаго быть не можетъ». Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ затѣмъ немного успокоился.—«Впрочемъ», добавилъ онъ, «я призналъ и готовъ признать, что г. Дантесъ дѣйствовалъ, какъ честный человѣкъ».—«Больше мнѣ и не нужно», подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Вечеромъ на балѣ С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкинъ Дантесу не кланялся. Онъ сердился на меня, что, несмотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ.—«У него, кажется, грудь болитъ, говорилъ онъ: того гляди, уѣдетъ за границу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ? Вотъ у васъ тросточка,—у меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее».—«А вы проиграйте мнѣ всѣ ваши сочиненія?»—«Хорошо».—Онъ былъ въ то время какъ-то желчно веселъ.—«Послушайте», сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько дней, «вы были болѣе секундантомъ Дантеса, чѣмъ моимъ; однако я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ». Онъ заперъ дверь и сказалъ:—«Я прочитаю вамъ мое письмо къ старику Гекерену. Съ сыномъ уже покончено,—вы мнѣ теперь старичка подавайте». Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшень, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно африканскаго происхожденія. Что могъ я возразить противъ такой сокрушительной страсти? Я промолчалъ невольно и, такъ какъ это было въ субботу (пріемный день князя Одоевскаго), то поѣхалъ къ князю Одоевскому. Тамъ я нашелъ Жуковскаго и рассказалъ ему про то, что слышалъ. Жуковский испугался и обѣщалъ остановить отсылку письма. Дѣйствительно, это ему удалось: черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ у Карамзиныхъ, что дѣло онъ уладилъ, и письмо послано не будетъ. Пушкинъ, точно, не отсылалъ письма, но сберегъ его у себя на всякій случай¹⁾. Вотъ этотъ рассказъ и кажется на первый взглядъ несогласуемымъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что предложеніе Дантеса должно было немедленно стать извѣстно Пушкину отъ свояченицы. Но кажущееся затрудненіе устраняется, если вспомнить слова Пушкина въ письмѣ къ Гекерену, что онъ заставилъ играть Дантеса шутовскую и жалкую роль, подлость и плоскость которой вызвала и смѣхъ,

¹⁾ Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Спб. 1887 г., стр. 182—186. Наши выписки сдѣланы съ незначительными пропусками лишнихъ подробностей.

и презрѣніе въ женѣ поэта. Очевидно, дѣйствія Пушкина были рассчитаны: его цѣлью было не только проучить Дантеса, но, на всякій случай (онъ, вѣдь, былъ «не чуждъ безпокойства»), и доканать его нравственно въ глазахъ своей жены. Конечно, когда страстный ухаживатель, расточавшій увѣренія и признанія, вдругъ сдѣлалъ предложеніе ея сестрѣ (результатъ, который не могъ быть предвидѣнъ и Пушкинымъ), то она не могла не удивиться такому повороту; еще болѣе, должно быть, удивился, а потомъ и посмѣялся (вспомните слова графа Соллогуба о его какой-то желчной веселости) Пушкинъ. Но этого было мало: понявъ, что Дантесъ струсиль, Пушкинъ, вѣроятно, рѣшилъ не давать ему потачки и, не отмѣняя вызова, выжидать дальнѣйшихъ низостей; а для этого ему надо было игнорировать предложеніе, дѣлать видъ, что онъ о немъ ничего не знаетъ, не вѣдаетъ. Такъ онъ и поступилъ. Есть основанія думать, что его тактика увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: это подтверждаетъ именно рассказъ графа Соллогуба. По этому рассказу, Пушкинъ послалъ Соллогуба условиться о самой кровавой дуэли уже послѣ того, какъ взялъ свой вызовъ обратно (хотя и не собственноручною запиской, а устно): очевидно, это было имъ сдѣлано въ такой оскорбительной формѣ, что Дантесъ вынужденъ былъ настаивать на дуэли; а Пушкину того только и хотѣлось, ибо онъ видѣлъ, что дѣло все равно кончится не дуэлью, но полнымъ посрамленіемъ струсившаго проходимца. Въ «дѣлѣ» о дуэли есть даже матеріалъ для догадокъ о томъ, какъ происходили событія. Рассказавъ о сдѣланномъ ему вызовѣ, Дантесъ показалъ: «Спустя же нѣкоторое время, камергеръ Пушкинъ безо всякаго со мной объясненія словесно просилъ нидерландскаго посланника барона де-Гекерена передать мнѣ, что вызовъ свой онъ уничтожаетъ, на что я не могъ согласиться потому, что, принявъ безпричинный вызовъ его на дуэль, полагалъ, что честь моя не позволяетъ мнѣ отказаться отъ даннаго ему мною слова. Тогда камергеръ Пушкинъ, по требованію моему, назначенному съ моей стороны секунданту, находящемуся при французскомъ посольствѣ графу д'Аршіаку, далъ письмо, въ коемъ объяснялъ, что онъ ошибся въ поведеніи моемъ, и что онъ—болѣе еще—находитъ оное благороднымъ и вовсе не оскорбительнымъ для его чести, что соглашался повторить и словесно. Съ того дня я не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній, кромѣ учтивостей». Неточность и прямая лживость этого сообщенія бросаются въ глаза. Дантесъ видимо былъ увѣренъ, что подлинное письмо Пушкина, его уличающее, не попадетъ въ руки судей. Но главная неточность въ томъ, что инициатива отказа отъ вызова приписывается здѣсь Пушкину. Если бы самъ Пушкинъ пожелалъ отказаться, то онъ сдѣлалъ бы это черезъ своего секунданта; между тѣмъ самъ Дантесъ говоритъ, что отказъ былъ сдѣланъ черезъ Гекерена; о томъ же косвенно свидѣтельствуетъ и Соллогубъ. А изъ этого мы имѣемъ полное право заключить, что самъ

Дантесъ черезъ посредство Гекерена сдѣлалъ первый шагъ къ отмѣнѣ дуэли, увѣдомивъ Пушкина о предстоящемъ свойствѣ между ними. Тотъ, вѣроятно, и отвѣтилъ ему, что беретъ свой вызовъ назадъ условно,—то-есть только послѣ свадьбы. Конечно, на это Дантесъ не могъ согласиться, и Пушкинъ, узнавъ о томъ, воспользовался для своей цѣли «вертопрахомъ» Соллогубомъ: вѣроятно, ему хотѣлось получить для предъявленія своей женѣ формальныя доказательства того, что предложеніе было сдѣлано изъ трусости передъ дуэлью, такъ какъ, не получивъ ихъ, не могъ же онъ сообщить женѣ о своемъ предстоящемъ поединкѣ, ибо это значило бы разстроить послѣдній. Его расчетъ оказался вѣренъ. Воспользовавшись перемѣною секунданта, д'Аршіакъ постарался черезъ Соллогуба все-таки замаять дѣло, а съ запискою Соллогуба въ рукахъ Пушкинъ болѣе въ дуэли уже не нуждался и потому охотно подарилъ душевное спокойствіе своему уничтоженному противнику, согласившись на просьбу секундантовъ, и написалъ приводимый Соллогубомъ на память отвѣтъ. Въ приведенномъ выше разказѣ А. О. Россета, по всей видимости, и описывается, съ маленькими неточностями, эпизодъ полученія Пушкинымъ извѣщенія отъ Соллогуба и д'Аршіака. Послѣ ихъ визита Пушкинъ, конечно, могъ поздравить свояченицу,—т. е. прекратить игнорированіе предстоящей свадьбы. По крайней мѣрѣ, и Россетъ (свидѣтель заочный, стало быть, неточный) и Соллогубъ сходятся, что дѣло о дуэли окончательно рѣшилось на дому у Пушкина во время обѣда. Вотъ, очевидно, смыслъ его словъ о «шутовской и жалкой роли», которую онъ «заставилъ сыграть» Дантеса. Нельзя не признать въ его образѣ дѣйствій удивительной свѣтской находчивости, соединившейся съ гениальнымъ пониманіемъ характеровъ людей, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло.

Предшествующія страницы даютъ новое освѣщеніе давно извѣстнымъ событіямъ въ значительной степени на основаніи воспоминаній графа Соллогуба, источника, какъ уже отмѣчено, не всегда и не во всемъ достовѣрнаго. Однако въ данномъ случаѣ, сдѣлавъ необходимыя поправки, мы смѣло можемъ на нихъ положиться, такъ какъ изданное П. М. фонъ-Кауфманомъ «дѣло» даетъ имъ блистательное документальное подтвержденіе. Мы имѣемъ въ виду находящееся въ немъ неизданное и неизвѣстное доселѣ письмо Пушкина. Вотъ это письмо:

«Je n'hésite pas à écrire ce que je puis déclarer verbalement. J'avais provoqué m-r G. Heckern en duel et il l'a accepté sans entrer en aucune explication. C'est moi qui prie Messieurs les témoins de cette affaire de vouloir bien regarder cette provocation comme non avenue, ayant appris par la voix publique que M-r Georges Heckern était décidé à déclarer ses projets de mariage avec M-lle Gontcharof, après le duel. Je n'ai nul motif d'attribuer sa résolution à des considerations indignes d'un homme de coeur.

«Je vous prie, Monsieur le Comte, de faire de cette lettre l'usage que vous jugerez à propos.

«Agréez l'assurance de ma parfaite considération.

«A. Pouchkin».

17 novembre 1836.

Переводъ.

«Я не затрудняюсь написать то, что могу заявить устно. Я вызвалъ г. Ж. Гекерена на дуэль, и онъ принялъ это, не вступая ни въ какія объясненія. Я же и прошу господъ свидѣтелей этого дѣла, чтобы они соблагОВОЛИЛИ СМОТРѢТЬ на этотъ вызовъ, какъ на не бывшій, узнавъ по общему голосу, что г. Жоржъ Гекеренъ рѣшился объявить свое намѣреніе вступить въ бракъ съ г-жею Гончаровою послѣ дуэли. Я не имѣю никакого повода приписывать его рѣшеніе соображеніямъ, недостойнымъ порядочнаго человѣка.

«Я прошу васъ, графъ, сдѣлать изъ этого письма употребленіе, какое сочтете нужнымъ.

«Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

«А. Пушкинъ».

17 ноября 1836 г.

Съ перваго взгляда очевидно, что это—то самое письмо, которое было послано Пушкинымъ графу Соллогубу на квартиру Дантеса. Полное сходство содержанія и выраженій не оставляетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Правда, въ «дѣлѣ» оно помѣчено адресованнымъ къ д'Аршіаку; но это несомнѣнно было сдѣлано для того, чтобы устранить отъ суда графа Соллогуба: Дантесъ только въ этихъ видахъ и могъ дать очевидно невѣрное показаніе на судѣ (находящееся въ «дѣлѣ» подъ пунктомъ шестымъ), будто объ обстоятельствахъ несостоявшейся его дуэли никто, кромѣ Гекерена и д'Аршіака, не зналъ, умалчивая о Россетѣ и Соллогубѣ. Обращеніе «графъ» (а не «виконтъ») въ письмѣ прямо указываетъ на Соллогуба, а не на д'Аршіака, а равнымъ образомъ и болѣе фамиліарная редакція (безъ вступительнаго обращенія, какъ въ письмѣ къ д'Аршіаку). Замѣчу, кстати, что не въ видахъ ли этого обращенія называлъ Дантесъ въ своихъ показаніяхъ (см. выше) виконта д'Аршіака «графомъ»—ошибка, безъ этого условія трудно объяснимая въ устахъ француза. Что касается даты письма 17 ноября, то она, дѣйствительно, не совсѣмъ согласна съ рассказомъ, ибо показываетъ, что письмо писано на 12-й или на 13-й день послѣ вызова, тогда какъ графъ Соллогубъ даетъ понять, что оно было получено на 15-й день, а именно—на слѣдующій день по истеченіи двухнедѣльной отсрочки. Но это такая ничтожная разница, что ско-

рѣе можно удивиться незначительности ошибки, чѣмъ самой ошибкѣ. Словомъ, рассказъ графа Соллогуба долженъ считаться вполне достовернымъ. Замѣтимъ, что его подтверждаютъ и всѣ другія данныя. Такъ, въ письмѣ къ гр. Бенкендорфу, рассказавъ объ отсрочкѣ, Пушкинъ продолжаетъ: «Оказывается, что въ предоставленный промежутокъ времени г. Дантесъ влюбился въ мою свояченицу г-жу Гончарову и попросилъ ея руки. Освѣдомясь о томъ по общественнымъ толкамъ, я поручилъ передать (поручилъ передать, а не передалъ: очевидный намекъ на посредничество Соллогуба) г. д'Аршіаку (секунданту г-на Дантеса), что на мой вызовъ должно смотрѣть, какъ на не бывшій» (VII, 415). Несомнѣнно, здѣсь рѣчь идетъ о второмъ, окончательномъ отказѣ отъ вызова, который единственно и могъ считаться, ибо первый (переданный не д'Аршіаку, а Дантесу черезъ Гекерена) не былъ принятъ, а потому и не упоминается вовсе.

Такъ кончился первый эпизодъ столкновения. Съ неподражаемымъ искусствомъ Пушкинъ сумѣлъ засадить своихъ противниковъ въ ту яму, которую они ему копали. Его самодовольство по этому поводу сказалось даже въ черновомъ наброскѣ письма къ Гекерену: «Если дипломатія есть не чтò иноз, какъ искусство знать, чтò дѣлается у другихъ, и издѣваться надъ ихъ замыслами, то по справедливости ко мнѣ вамъ приходится признать, что вы были побѣждены на всѣхъ пунктахъ»¹⁾. Но, къ сожалѣнію, намъ приходится повторить и другое мѣсто этого наброска: «Вы видите, что я распространяюсь; но погодите, это не все: вѣдь я же говорилъ вамъ, что дѣло усложняется. Вернемся къ анонимнымъ письмамъ. Вы, конечно, догадываетесь, что они васъ интересуютъ».

Къ сожалѣнію, въ вопросѣ объ анонимныхъ письмахъ все дѣло гораздо темнѣй, и немногія указанія и намеки, до насъ дошедшіе, совершенно недостаточны для его разъясненія. Основная сущность его, правда, намъ извѣстна: Пушкинъ пришелъ къ убѣжденію, что анонимный пасквиль былъ составленъ и разосланъ Гекереномъ, и на этомъ основаніи набросалъ первоначально свое письмо къ Гекерену, которое было позже послано въ существенно измѣненной редакціи. Нѣкоторые смутные слѣды того, какъ составилось у Пушкина это убѣжденіе, случайно уцѣлѣли въ клочкахъ чернового письма къ Гекерену, не отправленнаго письма къ Бенкендорфу и воспоминаніяхъ современниковъ. Но черновикъ даетъ лишь отрывки, и притомъ только начало; самое же главное въ письмѣ утрачено безвозвратно. «2-го ноября», писалъ Пушкинъ, «вы получили отъ г. вашего сына извѣстіе (nouvelle, судя по кончикамъ буквъ), которое доставило вамъ большое удовольствіе. Онъ вамъ сказалъ... вслѣдствіе одного разговора... что моя жена... анонимное письмо...

¹⁾ «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 519—520.

что у ней оттого голова шла кругомъ... нанести рѣшительный ударъ... Вами было сочинено анонимное письмо и... я получилъ три экземпляра... (не считая ?) тѣхъ, которые были розданы. Это письмо было состряпано такъ неосторожно, что по первому взгляду я попалъ на слѣдъ автора. Я болѣе не тревожился, я былъ увѣренъ, что найду моихъ шутниковъ ¹⁾. И на самомъ дѣлѣ, менѣе чѣмъ черезъ три дня розысковъ я положительно зналъ... ²⁾. Вотъ все, что удѣлѣло. Первые клочки были бы понятны, если бы можно было думать, что дипломъ на званіе историографа ордена рогоносцевъ былъ не первымъ анонимнымъ письмомъ, которое Пушкинъ получилъ. И вотъ записки Смирновой положительно удостовѣряютъ намъ такой фактъ, хотя и тутъ мы имѣемъ дѣло съ отрывкомъ, въ которомъ главное неясно. Тамъ говорится о какихъ-то «русскихъ письмахъ», предшествовавшихъ пасквилю. Но что это были за письма, такъ и остается неизвѣстнымъ. Притомъ и текстъ самой замѣтки до крайности безсвязенъ. «Наступило нѣкоторое спокойствіе послѣ свадьбы Екатерины Гончаровой и Дантеса», пишетъ Смирнова, «и это спокойствіе обмануло отчасти ожиданія литературной клики: Греча, Сенковского, Булгарина. К. Булгаковъ убѣжденъ, что русскія письма были написаны какими-то третьеразрядными писаками, которыхъ Соболевскій называетъ гостинодворскими музами. Пушкинъ получалъ подобныя и раньше и, когда Соболевскій уѣзжалъ, онъ показалъ ему одно изъ нихъ, въ которомъ онъ узналъ милые когти Фиглярина. Но французскія письма иного происхожденія: они, вѣроятно, изъ тѣхъ болотъ, въ которыхъ наслаждался хромоногий (кн. Долгоруковъ), и вдохновлены отчасти его ненавистью за прозвище, данное ему Пушкинымъ» ³⁾. Благодаря этому отрывку, мы можемъ угадать, о чемъ шла рѣчь въ черновомъ письмѣ Пушкина: онъ, очевидно, узналъ, что 1-го или 2-го ноября Дантесъ имѣлъ случай услышать о полученіи Пушкинымъ или его женой анонимныхъ писемъ и безпокойствѣ, которое по этому поводу испытывала послѣдняя. Сближая это извѣстіе съ тѣмъ, что французскій пасквиль былъ разосланъ 4-го, Пушкинъ могъ естественно заподозрѣть его происхожденіе отъ Гекерена и Дантеса. Дальнѣйшій ходъ его розысковъ отпечатлѣлся въ письмѣ къ графу Бенкендорфу: «По виду бумаги, по слогу письма, по приемамъ, съ которыми оно было составлено, я съ первой же минуты призналъ, что оно было отъ ин-

¹⁾ Чрезвычайно знаменательное множественное число, тѣмъ болѣе, что въ началѣ было написано «моего шутника». Если тутъ позволительны догадки, то мы имѣемъ всѣ данныя думать, что самъ Пушкинъ считалъ Гекерена не единственнымъ, хотя во всякомъ случаѣ главнымъ, участникомъ составленія и разсылки пасквиля.

²⁾ Это сводный текстъ изъ двухъ набросковъ, которые см. «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 517 и 519.

³⁾ Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 18.

странца, отъ человѣка высшаго общества, отъ дипломата» (VII, 415). Вотъ, стало быть, три признака: бумага, слогъ и редакція письма. Нѣкоторыя постороннія данныя поясняютъ намъ истинный смыслъ этихъ неопредѣленныхъ словъ. Именно, по разсказу Матюшкина, записанному Я. К. Гротомъ, «въ ноябрѣ 1834 г. Пушкинъ вмѣстѣ съ Матюшкинымъ былъ у Яковлева въ день его рожденія; еще тутъ былъ князь Эристовъ, воспитанникъ второго курса, и больше никого. Пушкинъ явился послѣднимъ и былъ въ большемъ волненіи. Послѣ обѣда они пили шампанское. Вдругъ Пушкинъ вынимаетъ изъ кармана полученное имъ анонимное письмо и говоритъ: «Посмотрите, какую мерзость я получилъ». Яковлевъ (директоръ типографіи II-го отдѣленія собственной Е. В. канцеляріи) тотчасъ обратилъ вниманіе на бумагу этого письма и рѣшилъ, что она иностранная и, по высокой пошлинѣ, наложенной на такую бумагу, должна принадлежать какому нибудь посольству. Пушкинъ понялъ всю важность этого указанія, сталъ дѣлать розыски и убѣдился, что это бумага голландскаго посольства»¹). Если откинуть подробности разсказа, слишкомъ мелочныя, чтобы быть достовѣрными, то нельзя отрицать его величайшаго правдоподобія: мысль о томъ, что бумага пасквиля—иностранная, весьма легко могла быть подсказана Пушкину Яковлевымъ, какъ специалистомъ по печатному дѣлу. Если же это была голландская или ватманская бумага, то подозрѣнія поэта должны были еще болѣе усилиться, въ особенности въ виду того, что было весьма вѣроятно ея происхожденіе изъ какаго нибудь посольства, такъ какъ въ этомъ случаѣ она была свободна отъ таможеннаго обложенія, а уплата чрезвычайно высокой пошлины сдѣлала бы цѣну бумаги непомерно высокой. Правда, впоследствии іезуитъ князь Гагаринъ признался, что пасквиль былъ писанъ на его бумагѣ²); но Пушкинъ, привыкшій къ враждебнымъ продѣлкамъ Гекерена, вездѣ склоненъ былъ узнавать его руку. Другими примѣтами для Пушкина послужили слогъ и редакція, на основаніи которыхъ онъ заключилъ, что пасквиль былъ отъ человѣка высшаго круга, дипломата. Эта догадка имѣетъ косвенныя поясненія въ воспоминаніяхъ графа Соллогуба, относящихся, какъ онъ говоритъ, къ началу декабря 1836 года. «Передъ отъѣздомъ я пошелъ проститься съ д'Аршіакомъ, который показалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разныя нелѣпыя званія. Онъ разсказалъ мнѣ, что вѣнское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкою подобныхъ мистификацій. Тутъ находился тоже печатный образецъ диплома, посланнаго Пушкину. Такимъ образомъ гнусный шутникъ, причинившій его смерть,

¹) Я. К. Гротъ. Пушкинъ его лицейскіе товарищи и наставники. 2 изд. Спб. 1899. Стр. 282.

²) Амосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. Стр. 9

не выдумалъ даже своей шутки, а получилъ образецъ отъ какого-то члена дипломатическаго корпуса и списалъ. Кто былъ виновнымъ, осталось тогда еще тайной непроницаемой» ¹⁾. Нѣсколько иначе передаетъ объ этомъ А. О. Смирнова: «Медемъ отправился въ Вѣну», пишетъ она, «и написалъ Николаю (Н. М. Смирнову), что, вѣроятно, знаменитый напечатанный циркуляръ былъ сдѣланъ въ Вѣнѣ. Фякельмонъ послалъ ему экземпляръ, и кажется, что печатала ихъ вѣнская типографія. Вѣрная Элиза (Е. М. Хитрово) волнуется, отыскивая автора этой гадости, и была поражена тѣмъ, что программа одного вѣнскаго концерта имѣетъ тотъ же типъ. Тамъ есть даже ошибки, которыхъ въ Парижѣ не сдѣлали бы, и, кромѣ, того это типъ, уже вышедшій изъ моды во Франціи. Элиза (Е. М. Хитрово) хочетъ, чтобы Медемъ разузналъ, кому въ Петербургъ типографъ отослалъ циркуляры, но это невозможно, такъ какъ это могло сдѣлать посольство, у котораго есть курьеры, и типографъ могъ не знать, для кого это было. Баронъ Гекеренъ принималъ курьеровъ и могъ быть отправителемъ безъ посредства почты. Русская полиція ничего не нашла, но почта получала пакеты; другіе были переданы швейцарамъ неизвѣстными личностями» ²⁾. Во всякомъ случаѣ очевидно, что Пушкинъ ничего не зналъ о происхожденіи изъ Вѣны присланнаго ему пасквиля и заподозрѣлъ въ его составленіи Гекерена. Однако этихъ подозрѣній было для него слишкомъ мало. Онъ желалъ достовѣрности и всячески ея добивался. Быть можетъ, приведенный выше разсказъ князя Трубецкаго о разговорѣ съ Пушкинымъ о рогахъ въ охотничьей комнатѣ на балу и сохранилъ намъ одинъ изъ эпизодовъ этого разыскиванія достаточныхъ уликъ и достовѣрности. За отсутствіемъ матеріаловъ, мы не знаемъ въ точности, какъ онъ ея добился; но, безъ сомнѣнія, въ концѣ концовъ онъ непоколебимо убѣдился, что Гекеренъ причастенъ къ сочиненію пасквиля, и убѣжденіе это окончательно образовалось въ немъ въ послѣднюю минуту передъ тѣмъ, какъ, или сразу же послѣ того, какъ онъ взялъ обратно свой вызовъ. Именно, черновые наброски письма къ Гекерену содержатъ совсѣмъ другое заключеніе, чѣмъ окончательная редакція. Если составить сводный текстъ изъ нихъ, то получится слѣдующее: «Теперь я пришелъ къ цѣли моего письма. Быть можетъ, вы желаете знать, чтò помѣшало мнѣ до сихъ поръ опозорить васъ въ глазахъ нашего двора и вашего. Я . . . съ сказать это вамъ. Я добръ, простодушенъ, . . . но мое сердце чувствительно . . . Дуэли мнѣ болѣе не достаточно . . . и, каковъ бы ни былъ ея исходъ . . . достаточно отомщеннымъ ни . . . г. вашего сына, ни . . . видъ доброй . . . (чтò меня затрудняетъ очень мало), ни . . . письмомъ, которое я имѣю честь вамъ писать и котораго копію я временно сохраняю на случай Я хочу, чтобы

¹⁾ Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Спб. 1887. Стр. 186—187.

²⁾ Записки А. С. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 22.

вы сами потрудились . . . основанія, которыхъ было бы достаточно, чтобы побудить меня не наплевать вамъ въ лицо . . . изгладить даже слѣдъ этого подлага дѣла, изъ котораго мнѣ легко будетъ составить превосходную главу въ моей исторіи рогносцевъ»¹⁾. Изъ этихъ отрывковъ можно догадаться, что первоначально письмо, хотя и будучи ультиматумомъ по формѣ, въ существѣ дѣла было только ловушкою, посредствомъ которой Пушкинъ думалъ добиться достовѣрности: по крайней мѣрѣ, въ немъ нигдѣ не формулировано прямыми словами то обвиненіе, которое высказано только намеками. Эта догадка подтверждается и тѣмъ, что Пушкинъ своего письма не послалъ, а между тѣмъ почти одновременно изготовилъ другое, также не отправленное, письмо графу Бенкендорфу, гдѣ уже безъ всякихъ околичностей заявляетъ, что пасквиль происходилъ отъ Гекерена, прибавляя, къ тому же, что удостовѣрился въ этомъ въ то время, какъ отказался отъ вызова, сдѣланнаго Дантесу,—а изъ набросковъ ясно, что они писаны еще до этого отказа (онъ въ нихъ говоритъ о дуэли и оговаривается «каковъ бы ни былъ ея исходъ»: это могло быть писано только до взятія имъ обратно сдѣланнаго вызова, т.-е. до 17-го ноября). Правда, въ высшей степени странно, что Пушкинъ отказывается предъявлять доказательства своего обвиненія. Не сомнѣвался ли онъ въ глубинѣ души въ ихъ объективной убѣдительности? Трудно допустить, чтобы это было такъ. Рыцарскій характеръ Пушкина несомнѣстимъ съ на вѣтами на врага, въ основательности которыхъ онъ могъ бы сомнѣваться. Притомъ убѣжденіе въ виновности Гекерена сохранилось въ немъ до послѣдней минуты, какъ видно изъ приведеннаго выше показанія Дантеса на судѣ. Существуетъ, правда, еще одно затрудненіе: почему же Пушкинъ и въ бѣловомъ, окончательномъ письмѣ своемъ, не высказывалъ въ лицо Гекерену того обвиненія, которое, какъ видно изъ письма къ Бенкендорфу, считалъ самымъ главнымъ, а между тѣмъ подробно перечислялъ тѣ продѣлки, о которыхъ умалчивалъ въ официальномъ заявленіи? Почему онъ только вскользь упомянулъ въ началѣ этого письма объ анонимныхъ письмахъ, точно и не думая обвинять Гекерена въ ихъ составленіи? Кажется, что и эта трудность можетъ быть предположительно разрѣшена съ большою достовѣрностью. Вѣроятно, улики противъ Гекерена составляли «камень за пазухою», который Пушкинъ приберегалъ на всякій случай, не показывая его до поры до времени. Тогда намъ становится вполне понятно многое въ его поведеніи. Напримѣръ, въ этомъ же самомъ письмѣ, не обвиняя Гекерена, онъ, однако, угрожаетъ ему новымъ скандаломъ, обѣщая опозорить его въ глазахъ русскаго и голландскаго двора; а мы знаемъ, что этого опозоренія онъ думалъ достигнуть именно разоблаченіемъ авторства Гекерена въ пасквилѣ. Каковы же были эти улики? Вотъ тайна, которая умерла съ Пушкинымъ. Поскольку

¹⁾ «Русская Старина», 1880 г., т. XXVIII, стр. 517 и 519.

намъ извѣстно дѣло, нельзя исключить мысль, что улики были только мнимыя, такъ какъ наши матеріалы раскрываютъ намъ прямую ошибочность многихъ догадокъ Пушкина. Бумага пасквиля принадлежала не иностранцу и не дипломату, а слогъ и редакція не могли служить уликою потому, что, какъ видимъ, пасквиль былъ простою копіею съ вѣнскаго образца. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ возможности, какъ признать виновность Гекерена доказанною, такъ и утверждать, что Пушкинъ ошибался, и что въ дѣлѣ съ пасквилемъ Гекеренъ не былъ замѣшанъ.

Остается еще сдѣлать лишь послѣднее замѣчаніе, касающееся одного изъ важнѣйшихъ документовъ первой несостоявшейся дуэли, — именно, письма къ гр. Бенкендорфу. По поводу этого письма князь Вяземскій на вопросъ г. Бартенева, почему Пушкинъ посвящалъ гр. Бенкендорфа въ свои семейныя дѣла, сообщилъ, что послѣ несостоявшейся дуэли императоръ Николай Павловичъ, встрѣтивъ Пушкина, сказалъ: «Я очень радъ, что дѣло съ Дантесомъ кончилось счастливо. Но я беру съ тебя слово, что, если когда нибудь ты будешь находиться въ подобномъ же положеніи, ты все скажешь мнѣ прежде, чѣмъ на чтѣ нибудь рѣшишься». Пушкинъ далъ слово. Такъ какъ сношенія съ императоромъ велись черезъ графа Бенкендорфа, то Пушкинъ и написалъ ему это письмо, но не послалъ его: письмо нашли у него въ карманѣ сюртука послѣ дуэли. Мы не будемъ сомнѣваться въ точности пересказа г. Бартенева, хотя рассказъ князя Вяземскаго и нуждается въ поправкахъ; но невозможно сомнѣваться и въ томъ, что къ данному письму онъ не имѣетъ никакого ровно отношенія, хотя кое-кто изъ клеветниковъ Пушкина и воспользовался ихъ сопоставленіемъ для подлѣйшихъ инсинуаций. Именно, подлинное письмо помѣчено 21-мъ ноября 1836 года, т.-е. писано болѣе, чѣмъ за два мѣсяца до дуэли; а, стало быть, Пушкинъ никакъ не могъ сообщать въ немъ о «своемъ новомъ столкновеніи», которое тогда еще и не произошло. Да и на самомъ дѣлѣ въ письмѣ говорится вовсе не о «новомъ столкновеніи», а о старомъ, о первой, несостоявшейся дуэли, и говорится съ очевидною цѣлью ошельмовать Гекерена и Дантеса въ глазахъ «правительства и общества» обвиненіемъ въ анонимномъ пасквилѣ. Слѣдовательно, если Пушкинъ въ немъ и «посвящалъ графа Бенкендорфа въ свои семейныя дѣла», то вовсе не какъ посредника между нимъ и государемъ, а просто какъ шефа жандармовъ, т.-е. главу высшей полицейской власти. Такимъ образомъ объясненіе князя Вяземскаго болѣе чѣмъ несостоятельно, и можно только подивиться, какъ это раньше никому не бросилось въ глаза. Во всякомъ случаѣ толкованіе письма, данное нами выше, не можетъ быть подорвано съ этой стороны.

Б. В. Никольскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРИДВОРНОЕ ВОЙСКО ВЪ РОССИИ.

АША военно-историческая литература постоянно обогащается особымъ родомъ спеціальныхъ монографій — исторією полковъ и другихъ войсковыхъ частей. Въ настоящее время полковья исторіи пишутся и печатаются еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, такъ какъ военныя реформы императора Павла I въ концѣ XVIII вѣка вызвали образованіе новыхъ полковыхъ частей, и поэтому многіе изъ полковъ русской арміи празднуютъ теперь свой 100-лѣтній юбилей. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ исторіи полковъ не имѣли и не могли имѣть, въ большинствѣ случаевъ, серьезнаго историческаго значенія: авторы этихъ «исторій», полковые офицеры, знакомы были хорошо лишь съ спеціальнымъ родомъ своего оружія и не имѣли ни научной исторической подготовки, ни широкаго взгляда на смыслъ затронутыхъ ими историческихъ явленій, ни даже необходимыхъ техническихъ пріемовъ для пользованія военно-историческимъ матеріаломъ, находившимся въ ихъ распоряженіи. Оттого авторы полковыхъ исторій излагали ихъ преимущественно съ семейной, такъ сказать, точки зрѣнія, исходя изъ той непреложной истины, что каждый полкъ есть въ своемъ родѣ семья, и въ ихъ трудахъ мелкія, частныя подробности семейнаго, полковаго обихода, интересныя лишь для лицъ, служившихъ въ полкахъ, отодвигали на задній планъ факты крупной научной цѣнности, и такимъ образомъ исчезала

связь жизни войсковых частей съ жизнью государства и народа. Даже для чисто-военной исторіи полковыя исторіи не могутъ при такомъ взглядѣ на дѣло принести надлежащей доли пользы: авторы ихъ, при описаніи, напримѣръ, походовъ и сраженій, въ которыхъ принималъ участіе родной полкъ, главнымъ образомъ имѣютъ въ виду отгнать «мужество и беззавѣтную храбрость» однополчанъ; изъ чтенія этихъ описаній выносишь иногда впечатлѣніе, что безъ этого мужества и храбрости родного полка погибла бы если не Россія, то, по меньшей мѣрѣ, вся кампанія, въ которой онъ участвовалъ: для авторовъ-панегиристовъ не существуетъ какъ будто ни доблестной русской арміи въ цѣломъ ея составѣ, ни тактики и стратегіи, мало вникающихъ въ относительную оцѣнку «храбрости» отдѣльных полковыхъ единицъ, за исключеніемъ особыхъ случаевъ въ рѣдкіе историческіе моменты, какъ это было, напримѣръ, съ регулярными полками при Петрѣ Великомъ.

Въ послѣднее время обычный шаблонъ полковыхъ историковъ уступаетъ, однако, мѣсто болѣе здравому пониманію ими своей задачи. Развитіе общей исторической литературы въ Россіи отозвалось на увеличивающемся съ каждымъ годомъ интересѣ общества къ историческимъ изслѣдованіямъ, вызывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ его стороны и болѣшіе запросы къ качеству историческихъ работъ. Поэтому общества офицеровъ, оставаясь при своихъ семейныхъ, полковыхъ традиціяхъ, начинаютъ прилагать усилія, чтобы полковыя исторіи удовлетворяли и научнымъ требованіямъ и давали матеріалъ, болѣе пригодный для широкихъ историческихъ изысканій, чѣмъ прежде; офицерскія общества не останавливаются для достиженія этой цѣли предъ крупными матеріальными пожертвованіями. Выдающимся образцомъ такого рода «полковой исторіи» является, насколько можно судить по только что вышедшему первому тому, «Исторія кавалергардовъ», приготовленная къ печати по случаю исполнившагося въ нынѣшнемъ году 100-лѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка, бывшимъ офицеромъ полка, г. Панчулидзевымъ ¹⁾.

Полную «Исторію кавалергардовъ» предположено издать въ четырехъ томахъ, съ иллюстраціями, по слѣдующей программѣ: I томъ — служба кавалергардовъ при священныяxъ коронаваніяхъ и кавалергарды съ 1726 года по 1762 годъ; II томъ — кавалергарды въ царствованіе императрицы Екатерины II и императора Павла I; III томъ — кавалергарды въ царствованіе императора Александра I и IV томъ — кавалергарды съ 1825 года по настоящее время; дополненіемъ къ исторіи послужить особый «Сборникъ біографій кавалергар-

¹⁾ Исторія кавалергардовъ. 1724—1799—1899. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка составилъ С. Панчулидзевъ, т. I. Спб. 1899. Печатана съ высочайшаго соизволенія.

довъ», также въ 4-хъ томахъ и также иллюстрированный. Вышедшій 1-й томъ «Исторіи» представляетъ собою объемистую книгу въ 402 стр. in 4°, съ массою иллюстрацій, воспроизведенныхъ съ гравюръ и рисунковъ въ значительномъ количествѣ еще неизвѣстныхъ доселѣ. Съ внѣшней стороны изданіе—роскошное: напечатано оно цѣликомъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и можетъ соперничать съ лучшими заграничными изданіями этого рода. Изъ предисловія къ 1-му тому мы узнаемъ, что для составленія «Исторіи кавалергардовъ» г. Панчулидзевъ пользовался преимущественно богатыми источниками, хранящимися какъ въ государственныхъ архивахъ (русскихъ и иностранныхъ), такъ и въ частныхъ; особенно цѣнные матеріалы извлечены были имъ съ высочайшаго соизволенія изъ Собственныхъ Его Величества библиотекъ. Для «Сборника біографій», сверхъ того, источникомъ служили семейные архивы однополчанъ автора, а также ихъ записки и воспоминанія. Не довольствуясь собраннымъ богатымъ матеріаломъ, г. Панчулидзевъ обращался за содѣйствіемъ въ детальной разработкѣ нѣкоторыхъ частныхъ къ лицамъ, специально знакомымъ съ той или другой отраслью историческихъ знаній. Особенно благодаренъ авторъ Павлу Яковлевичу Дашкову, предоставившему въ его распоряженіе свое неоцѣнимое собраніе гравюръ и рукописей и руководившему имъ своими совѣтами по художественной части изданія, и В. А. Бильбасову, помогавшему автору своими совѣтами и указаніями въ исторической части его труда.

Вышедшій томъ заключаетъ въ себѣ, въ видѣ вступленія, живой подробный рассказъ о священныхъ коронованіяхъ русскихъ государей и о парадной при этихъ обрядахъ службѣ кавалергардовъ и «исторію кавалергардовъ» съ 1724 года по 1762 годъ. Непрерывное существованіе кавалергардовъ, какъ войсковой части, началось лишь съ 11 января 1799 года, въ царствованіе императора Павла I, а до того времени они были «кавалергардіей», играя роль парадной стражи при русскихъ государяхъ: 31-го марта 1724 года Петръ Великій образовалъ особый отрядъ драбантовъ-кавалергардовъ изъ 60 армейскихъ офицеровъ для почетной стражи при коронованіи императрицы Екатерины I, а 1-го декабря 1725 года состоялся указъ императрицы Екатерины I о выборѣ «въ кавалергардію 60 человекъ изъ знатнаго шляхетства самыхъ лучшихъ людей изъ прапорщиковъ и изъ поручиковъ, кои въ тѣхъ рангахъ продолжительно и порядочно служили изъ молодыхъ и старшихъ капитановъ, кои пожелаютъ». Эти избранные гвардейцы получили новую блестящую форму и особое почетное положеніе: они составили какъ бы гвардію въ гвардіи; офицерами ихъ были представители высшей военной іерархіи.

Послѣ смерти Петра Великаго, гвардія, окружавшая тронъ, на долгое время сдѣлалась вершительницей судебъ государства, благодаря совершившейся централизациі государственной власти, отсутствію самодѣятельныхъ общественныхъ началъ и опредѣленнаго по-

рядка въ престолонаслѣдіи. Въ теченіе цѣлаго столѣтія совершенъ былъ гвардіей или при ея участіи рядъ государственныхъ переворотовъ, и вновь образованные кавалергарды также принимали въ нихъ долю участія и отвѣтственности. Безъ сомнѣнія, господство военной силы въ странѣ некультурной, но поставленной въ необходимость постоянно обороняться отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ,—было неизбежно, и г. Панчулидзевъ справедливо отмѣчаетъ это зло въ государственной жизни Россіи XVIII вѣка, предполагая подробно остановиться при разсказѣ о дѣятельности кавалергардовъ на военно-дворцовыхъ переворотахъ XVIII и начала XIX вѣка. Г. Панчулидзевъ находитъ, однако, что «всѣ эти государственные перевороты обошлись Россіи сравнительно дешево», и что гвардія, въ этомъ смыслѣ, «не разъ оказывала огромныя услуги Россіи», такъ какъ «ни заигрываніе съ ней, ни прямой подкупъ не могли заставить ее помочь иностранцамъ закрѣпить въ Россіи порядки, ей не свойственные... Причина тому—тѣсная и неразрывная связь, существовавшая между гвардіей и всей Русскою землей. Гвардія въ Россіи, по счастью для послѣдней, всегда сохраняла, по способу своего комплектованія, тѣсную связь съ массою населенія: не только солдаты, но и офицеры въ подавляющемъ большинствѣ были русскіе; владѣя населенными помѣстьями, будучи помѣщиками, офицерство въ Россіи никогда не представляло изъ себя обособленной отъ земли касты». «Во всѣхъ государственныхъ переворотахъ, до переворота 1762 года включительно, прибавляетъ г. Панчулидзевъ, мы должны признать сознательность стремленія къ цѣли всѣхъ его дѣятелей съ верху до низу (курсивъ подлинника), отличительная черта всѣхъ ихъ—отсутствіе скрытой отъ массы солдатъ цѣлей». Намъ кажется, однако, что «заслуги» гвардіи въ этомъ отношеніи нѣсколько преувеличены авторомъ «Исторіи кавалергардовъ», если только здѣсь можетъ идти рѣчь о «заслугахъ»: гвардейскіе офицеры и солдаты несомнѣнно были въ большинствѣ русскіе, но они были представителями интересовъ служилого дворянства въ борьбѣ его съ дворянствомъ родовитымъ, съ остатками стараго боярства. Въ этомъ только смыслъ и можно признать сознательность стремленія всѣхъ дѣятелей къ одной цѣли до переворота 1762 года включительно; этимъ исключительно и объясняется отсутствіе въ это время у офицеровъ скрытой отъ массы солдатъ цѣли, тогда какъ въ позднѣйшихъ переворотахъ, съ измѣненіемъ способа комплектованія гвардейскихъ полковъ, офицеры-дворяне не могли уже надѣяться на сочувствіе къ своимъ интересамъ солдатъ изъ крестьянъ.

Дальнѣйшій живой и любопытный разсказъ автора о затѣѣ верховниковъ ограничить самодержавіе при воцареніи императрицы Анны Іоанновны подтверждаетъ сословный характеръ вождельній шляхетства и представителей его—гвардейцевъ. «Затѣйка» верховниковъ огра-

ничить самодержавіе въ пользу нѣсколькихъ родовитыхъ фамилій, вызвала у нѣкоторыхъ представителей шляхетства желаніе представить контръ-проекты, а другіе затѣмъ подали императрицѣ челобитную съ просьбою обсудить «кондиціи» верховниковъ и шляхетскіе проекты выборными отъ генералитета и шляхетства, во всѣхъ контръ-проектахъ кавалергарды принимали большое участіе, а подъ челобитной изъ 87 челобитчиковъ оказался 31 кавалергардъ. Все это окончилось тѣмъ, что шляхетство и гвардейскіе офицеры просили императрицу принять самодержавіе по примѣру предковъ. Г. Панчулидзевъ объясняетъ эту перемену настроенія шляхетства постепенно укореившимся въ немъ сознаниемъ, что оно «хотя и зачнетъ, но не удержитъ». «А удержать и развить ему было надо крѣпостное право. Это право клиномъ врѣзалось между дворянствомъ и главной массой населенія Россіи—крестьянствомъ. Шляхетство сознавало, что какъ территоріальное распространеніе крѣпостнаго права, такъ и внутреннее развитіе этого учрежденія возможно только при содѣйствіи верховной власти. Предъ шляхетствомъ стоялъ выборъ: или крѣпостное право, или ограниченный образъ правленія». Въ это же время гвардія и «кавалергардскій корпусъ» представляли изъ себя однородную массу, тѣсно связанную по своему происхожденію и матеріальнымъ интересамъ съ провинціальной Россіей: огромное большинство ихъ принадлежало къ хоронимъ помѣстнымъ дворянскимъ родамъ.

Гвардія не могла быть довольна возвышеніемъ Бирона и иноземцевъ при Аннѣ; кавалергарды, какъ придворная стража, могли быть опасѣе другихъ. Нужно было очистить и измѣнить составъ гвардіи... Императрица учреждаетъ третій пѣхотный полкъ гвардіи подъ именемъ Измайловскаго, расформировываетъ кавалергардскій корпусъ и, «на мѣсто» его, образуетъ конно-гвардейскій полкъ; офицерами двухъ новыхъ полковъ назначены были иноземцы или лифляндскіе дворяне. Эти два гвардейскіе полка должны были служить противодѣйствіемъ остальнымъ двумъ старымъ, Преображенскому и Семеновскому, и удерживать народъ отъ попытокъ къ мятежу. Кавалергарды были большею частію опредѣлены въ армейскіе полки, съ повышеніемъ въ чинѣ, или переведены въ гражданскую службу.

Наступилъ мрачный періодъ «бирановщины»... Пользуясь покровительствомъ императрицы, нѣмецкая партія принимала крупныя мѣры для огражденія своей безопасности, но и раздраженіе противъ нея было велико, какъ въ гвардіи, такъ и въ средѣ служилаго дворянства. Назначеніе Бирона регентомъ государства въ малолѣтство Іоанна Антоновича, по кончинѣ императрицы Анны, переполнило чашу ихъ терпѣнія, и Миниху ничего не стоило, безъ пролитія крови и при участіи однихъ лишь карауловъ отъ Преображенскаго полка въ Зимнемъ и Лѣтнемъ дворцахъ, арестовать Бирона и провозгласить

правительницей мать императора-младенца, принцессу Анну Леопольдовну. Но Минихъ былъ тоже нѣмецъ, порядки остались тѣ же самыя. Сттого, когда нѣмцы не могли подѣлится между собою наслѣдство Бирона, и Минихъ долженъ былъ уступить власть Остерману, когда на горизонтѣ показался новый Биронъ, графъ Линаръ, фаворитъ принцессы Анны,—въ умахъ гвардейцевъ новый государственный переворотъ былъ рѣшенъ.

При разсказѣ о дѣйствіяхъ гвардіи въ смутное время, наступившее въ верховномъ управленіи Россіи по кончинѣ Петра Великаго, г. Панчулидзевъ сообщаетъ массу мелкихъ, но любопытныхъ фактовъ, заимствованныхъ изъ архивныхъ матеріаловъ; факты эти, въ общемъ, уясняютъ намъ характеръ и эпохи, когда придворное войско являлось посредникомъ между властью и народомъ. Собственно о народѣ гвардіи, какъ мы уже видѣли, заботилась, конечно, меньше всего; интересны, между прочимъ, указанія автора, что тѣ же нѣмцы, во главѣ съ Бирономъ, Минихомъ и Остерманомъ, въ противовѣсъ придворному войску, старались ввести въ составъ войскъ, находившихся въ столицѣ, армейскіе полки и ландмилицію, нисколько не расположенные поддерживать гвардейцевъ-дворянъ. Сословный, исключительный характеръ придворнаго войска, рѣшавшаго судьбу государства, намъ кажется, былъ также главною причиною того до сихъ поръ не вполне уясненнаго факта, что цесаревна Елисавета Петровна, пользовавшаяся народной любовью и особымъ престижемъ, какъ дочь Петра Великаго, такъ долго оставляема была въ сторонѣ при рѣшеніи вопроса, кому долженъ принадлежать русскій престолъ: съ ней нельзя было торговаться, отъ нея нельзя было ждать какихъ либо уступокъ въ пользу одного сословія и въ ущербъ другому. Отъ всякихъ позорныхъ уступокъ въ ущербъ русскому народу, во всемъ его цѣломъ, цесаревна гордо отказалась въ переговорахъ со шведами и Шетарди, даже въ то время, когда придворное войско замѣнило Бирона принцессой Анной Леопольдовной, и когда цесаревнѣ грозили или постыднымъ бракомъ, или монастыремъ.

Мы не можемъ поэтому согласиться съ г. Панчулидзевымъ, что ночь съ 24-го на 25-е ноября, возведшая Елисавету на престолъ, была дѣломъ по-преимуществу гвардіи; напротивъ, мы думаемъ, что этотъ новый переворотъ былъ единственнымъ «дѣйствомъ» придворнаго войска, отвѣчавшимъ народнымъ желаніямъ и не вполне совпадавшимъ съ желаніями самой гвардіи: самъ г. Панчулидзевъ документально удостовѣряетъ въ своемъ изслѣдованіи, что восшествіемъ своимъ на престолъ Елисавета обязана была самой себѣ, что въ средѣ гвардейцевъ, которыми она лично предводительствовала, съ крестомъ въ рукѣ, въ ночь переворота, не было ни одного офицера. Народное чувство было возмущено, а кандидатовъ на престолъ у гвардіи не было никого, кромѣ Елисаветы, да ея племянника, «чертушки» Голштинскаго. Гвардейскіе солдаты, среди которыхъ было

уже много не-дворянъ, ближе были къ народу и его интересамъ, чѣмъ родовитые шляхетные офицеры. Избавиться отъ нѣмцевъ можно было только при помощи Елисаветы, и она, какъ истая дочь Великаго Петра, вступила на престолъ не произволеніемъ придворнаго войска, не по личному честолюбію, а въ силу своихъ правъ, уступая народной волѣ. «Матушка, просительно говорили ей гвардейцы еще за полгода до переворота, мы всѣ готовы, и только ждемъ твоихъ приказаній; что, наконецъ, велишь намъ?» Елисавета въ изданномъ ею манифестѣ вѣрно выразила смыслъ произведеннаго ею переворота: «Всѣ наши, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чиновъ, вѣрныя подданные, а особливо лейбъ-гвардіи наши полки всеподданнѣйше и единогласно насъ просили, дабы мы, для пресѣченія всѣхъ тѣхъ происшедшихъ и впредь опасныхъ безпокойствъ и не порядковъ, яко по крови ближняя, отеческій нашъ престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили». Рота солдатъ, сопровождавшая Елисавету въ ея походѣ за «отеческимъ престоломъ», по указу 31-го декабря 1841 года, преобразована была за «вѣрную службу» въ новую «кавалергардію», почетную стражу при особѣ императрицы, и получила названіе лейбъ-кампаніи; капитаномъ ея была сама императрица. Лейбъ-кампанцы-недворяне пожалованы были дворянскимъ достоинствомъ. «Вѣрная служба» лейбъ-кампанцевъ вознаграждена была по справедливости, но придавать этой службѣ широкое значеніе самостоятельнаго подвига, какъ это дѣлаетъ ихъ историкъ, едва ли возможно: если вѣрить г. Панчулидзеву, то отпоръ нѣмцамъ, «отпоръ *«Drang nach Osten»*, данъ былъ Елисаветой Петровной и ея лейбъ-кампанцами!» Это увлеченіе автора «Исторіи кавалергардовъ» искупается, однако, безпристрастнымъ фактическимъ изложеніемъ всѣхъ подробностей «дѣйства» 1741 года. Мы отсылаемъ читателей къ книгѣ г. Панчулидзева, заключающей въ себѣ, помимо цѣльнаго свода данныхъ, уже извѣстныхъ въ печати, и новыя свѣдѣнія изъ рукописей, еще никѣмъ не использованныхъ; укажемъ, на примѣръ, на замѣчательный, судя по выдержкамъ, мемуаръ Штелина: *«Mémoire pour servir à l'histoire de l'avènement au trône de S. M. l'impératrice Elisabeth par témoin oculaire J. de Stelin»*.

Вторая часть 1-го тома «Исторіи кавалергардовъ» посвящена исключительно исторіи лейбъ-кампаніи въ царствованіе Елисаветы Петровны. Для общей исторіи она не имѣетъ того значенія, какъ первая, но представляетъ много любопытныхъ чертъ для историка культуры. Видно, прежде всего, что лейбъ-кампанцы, хорошо награжденные императрицей за вѣрную службу, изъ политическихъ дѣятелей, спасшихъ Россію отъ иноземнаго ига, превратились внезапно въ добрыхъ малыхъ, любившихъ пошумѣть, покутить и подраться; но дрались они въ духѣ своего времени часто «смертнымъ боемъ», даже въ трезвомъ состояніи. Какъ и слѣдовало ожидать, грубые необразованные солдаты возмнили о себѣ очень много, сдѣлавшись

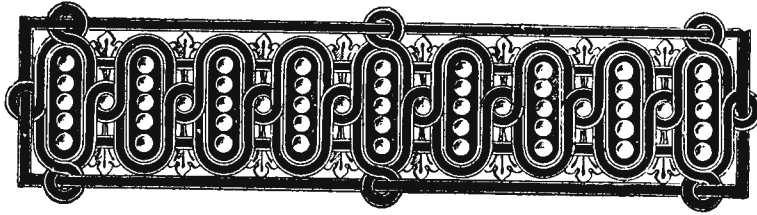
«гвардіей въ гвардіи»: думали, что императрица, благодарная къ ихъ заслугамъ, все проститъ имъ; любопытно, что этимъ мнѣніемъ проникались даже тѣ изъ лейбъ-кампанцевъ, которые не принимали участія въ «дѣйствѣ», а поступили въ лейбъ-кампанію позже для ея укомплектованія. Цѣлый рядъ архивныхъ данныхъ, извлеченный на свѣтъ г. Панчулидзевымъ, рисуесть намъ лейбъ-кампанца въ томъ именно «разгульномъ» и «самомнительномъ» видѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ уже отчасти въ нашей литературѣ; для историка культуры и романиста собранъ здѣсь неисчерпаемый источникъ разнообразнаго по мотивамъ и краскамъ матеріала. Мы не можемъ судить о военно-технической сторонѣ жизни лейбъ-кампаніи, описанію которой г. Панчулидзевымъ посвящено тоже немало сложной, кропотливой работы, но и эта ея сторона производитъ такое же подавляющее впечатлѣніе по своей беспорядочности и отсутствію дисциплины, какъ и сторона бытовая въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Много разъ лейбъ-кампанцамъ сходили съ рукъ ихъ проказы и шалости, отъ которыхъ одинаково страдали неповинные люди, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи, особенно мелкіе помѣщики и крестьяне, такъ что иногда даже многомилостивая къ нимъ Елисавета Петровна проявляла въ отдѣльныхъ случаяхъ мѣру строгости. При небольшой общей численности лейбъ-кампанцевъ, количество приводимыхъ г. Панчулидзевымъ казусныхъ дѣлъ о нихъ такъ велико, что можно сказать почти положительно, что рѣдкій лейбъ-кампанецъ не внесенъ своимъ историкомъ въ его своеобразный мартирологъ. Это были, очевидно, больные люди: «лейбъ кампанцы, — говоритъ г. Панчулидзевъ въ статьѣ о медицинѣ въ лейбъ-кампаніи, — нерѣдко допивались до «слова и дѣла», чтó едва ли не составляло высшую степень бѣлой горячки, и дѣйствительно нельзя не обратить вниманія на значительное число лейбъ-кампанцевъ, «обрѣтающихся въ меланхоліи».

Мы не имѣемъ желанія въ короткой замѣткѣ дѣлать подробную оцѣнку прекраснаго труда г. Панчулидзева, а хотимъ только обратить на него вниманіе лицъ, интересующихся русской исторіей, такъ какъ трудъ этотъ принадлежитъ къ тому роду специальной литературы, на который наши историки менѣе всего обращаютъ вниманіе. «Исторія кавалергардовъ» является пока единственной въ своемъ родѣ «полковой исторіей»: она захватила въ свои рамки великіе историческіе вопросы, имѣющіе общее значеніе, и стремится разработать ихъ по первоисточникамъ, изъ которыхъ многіе по своей, если можно такъ выразиться, дѣвственности сами по себѣ являются богатымъ вкладомъ въ русскую историческую науку; авторъ «Исторіи» обнаружилъ выдающееся умѣнье отыскивать историческіе матеріалы и пользоваться ими, какъ ни неблагодарна была, казалось, сама по себѣ его тема; заслуживаетъ особой благодарности проявляемое г. Панчулидзевымъ безпристрастіе истиннаго историка, которое при изображеніи судебъ родного полка обыкновенно подвер-

гается серьезному испытанію. Искренно желаемъ г. Панчулидзеу безпрепятственно продолжать его трудъ по усвоенной имъ программѣ: тогда «Исторія кавалергардовъ» съ каждымъ новымъ томомъ будетъ пріобрѣтать новый, еще большій интересъ. Съ особымъ нетерпѣньемъ мы будемъ теперь ждать выхода второго тома «Исторіи», посвященнаго временамъ Екатерины Второй и императора Павла...

Евгеній Шумигорскій.

ПО ДЕБРЯМЪ ДАГЕСТАНА ¹⁾.

Согритлохъ.

Утро въ горахъ.—Пробужденіе аула и выѣздъ. — Согритлохскій мостъ и ужасы горской природы.—Переправа русскихъ черезъ койсу въ 1859 году.

ПРОСПАЛЪ всю ночь, какъ убитый, не обращая вниманія на массу легкой кавалеріи, ведшей на меня самую дѣятельную атаку.

Вѣроятно, мы совсѣмъ бы заспались, если-бъ въ началѣ седьмого часа какой-то шумъ и хлопанье крыльевъ не разбудили меня. Едва я открылъ глаза, какъ черезъ каминную трубу, выходящую отвѣсной линіей на крышу, влетѣлъ въ комнату пѣтухъ, и, ошеломленный паденіемъ, заоралъ во все горло «ку-ка-реку!»

Одѣвшись и умывшись, я вышелъ на крышу. Утро стояло великолѣпное. На чистомъ и пока довольно блѣдномъ небѣ не было ни одного облака. Солнце еще не показывалось, но золотые лучи его озаряли уже вершунки высокихъ горъ, амфитеатромъ охватившихъ селеніе.

Сначала вспыхнули и порозовѣли отдаленныя снѣговыя вершины, потомъ засвѣтлѣли сосновые лѣса и поросшіе ими могучіе скалистые хребты... Свѣтъ шелъ все ниже и ниже и, наконецъ, изъ-за восточныхъ вершинъ брызнулъ сногъ ослѣпительныхъ лучей, залившихъ аулъ и его окрестности...

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVIII, стр. 207.

Между тѣмъ проснулся и аулъ и началъ свою монотонную, но своеобразную жизнь.

На крышѣ мечети появился мулла съ сагурой на плечахъ и гнусавымъ голосомъ сталъ приглашать правовѣрныхъ къ молитвѣ. Изъ многочисленныхъ трубъ повалилъ густой дымъ, портившій чистый воздухъ,—живительный, какъ бальзамъ. Женщины двинулись за водой съ жестяными кувшинами за спиной. Пѣтухи перекликались по всему селенію, эшакъ катался по землѣ отъ удовольствія, гдѣ-то запищаль ребенокъ... Около нашей сакли опять появились любопытные, и впереди ихъ стоялъ тотъ же мальчуганъ, еще болѣе грязный и оборванный, чѣмъ вчера...

Выпивъ чаю и немного закусивъ, мы простились съ хозяиномъ, который усердно приглашалъ насъ пріѣхать лѣтомъ, когда есть персики и виноградъ, и когда можно, какъ добавилъ онъ по-русски: садъ ходить и козу стрѣлять...

Какъ пріятно было двигаться по берегу шумящаго Койсу въ это восхитительное утро съ его мягкимъ ласкающимъ лицо воздухомъ! Мнѣ не хотѣлось разговаривать, и я, отдавъ поводъ, скорымъ шагомъ,—обычный аллюръ въ горахъ,—уѣхалъ впередъ отъ товарищей.

Передо мной была та же пробудившаяся отъ зимняго сна природа, тѣ же распутившіяся кураговыя деревья, тотъ же давшій цвѣтъ миндаль... Виноградъ заплетался цѣлой паутиной и подползалъ къ живой оградѣ садовъ, а затѣмъ лѣзъ на персиковыя и орѣховыя деревья. А надъ этими садами, жавшимися къ самой дорогѣ, высились крутыя скалы, то угрюмыя и сѣрыя, то поросшія сосновыми лѣсами и покрытыя зеленѣющей травой... А по другую, сѣверную сторону койсу все было дико, угрюмо и лишено жизни: ни садовъ, ни лѣсовъ; даже травы и той не было видно. Гдѣ нѣтъ животворящихъ лучей солнца, тамъ не можетъ быть и жизни!..

Долго ѣхалъ я такимъ образомъ, наслаждаясь чуднымъ утромъ. Но вотъ меня догналъ Мамедъ и сообщилъ, что скоро будетъ мѣсто, называемое Согритлохъ, замѣчательное удивительнымъ переходомъ русскихъ войскъ чрезъ Андійское койсу въ 1859 гооу, послѣ взятія столицы Шамиля Ведено и передъ осадой и сдачей Гуниба.

Черезъ полъ-часа ущелье начало сильно суживаться; растительность постепенно пропадала, и картина принимала все болѣе сѣрый тонъ. Дорога стала подниматься вверхъ, лѣпясь по карнизамъ горъ, а койсу, спертый скалистыми берегами, ревѣлъ и метался, какъ бѣшенный звѣрь.

Но вотъ еще полъ-вереты, и ложе рѣки обратилось въ глухое и темное ущелье. Высокія отвѣсныя скалы близко-близко придвинулись одна къ другой и, казалось, вотъ-вотъ должны сойтись и преградить путь бушующему потоку.

— Какая ужасная, подавляющая картина!—сказалъ я.

— Да,—отвѣтилъ Мамедъ:—это собственно и есть тотъ Согритлохъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Но мѣсто перехода русскихъ войскъ лежитъ немного дальше.

Наша тропинка еще поднялась вверхъ. Койсу пропаль сзади, а передъ нами оказалась довольно большая и ровная площадка, охваченная отступившими въ сторону горами.

— Сойдите теперь съ лошади,—сказалъ Мамедъ.

Я спѣшился и вслѣдъ за Мамедомъ пошелъ въ сторону, къ небольшому мостику, перекинутому черезъ ущелье койсу и представлявшему единственную связь между обоими его берегами.

Но, уже приближаясь къ ущелью, я невольно замедлил шагъ, а когда ступилъ на узкій и дрожащій мостикъ и, взявшись за какой-то остатокъ периль, глянулъ внизъ,—у меня захватило дыханіе, и я инстинктивно отшатнулся назадъ.

Это была бездонная, зіяющая пасть, грозная и притягивающая, гдѣ въ непроглядной глубинѣ рылся бѣшенный койсу, посылая кверху одни лишь отголоски безсильнаго гнѣва и жалобъ...

Мамедъ сдѣлалъ такую же попытку, какъ и я, но'его опытъ былъ столь же неудаченъ.

— Какъ,—воскликнулъ я:—вы горецъ и боитесь пропастей?

— Такія пропасти не часты и въ Дагестанѣ,—отвѣтилъ онъ:—я здѣсь уже не въ первый разъ, но никогда не рѣшался перейти черезъ этотъ ужасный мостъ. Мнѣ представляется, нашъ Эль-Сыратъ,—мостъ, ведущій въ рай надъ пламенемъ дженегема (ада),—долженъ быть именно таковъ, какъ этотъ.

— Но, посмотрите, Мамедъ: по той сторонѣ идетъ горецъ съ эшакомъ и прямо сюда. Посмотримъ, какъ онъ перейдетъ черезъ мостъ.

Но что казалось невозможнымъ для насъ, не представило никакого затрудненія для того лезгина. Подойдя къ мосту, онъ подхлестнулъ своего эшакъ хворостяной, чтобы тотъ держался середины, а самъ двинулся сзади, спокойно мурлыкая пѣсню, какъ будто подъ нимъ была гладкая и широкая дорога.

Даже Мамедъ преклонился передъ этимъ хладнокровіемъ, и мы слѣдили за лезгиномъ, пока онъ не исчезъ за поворотомъ дороги въ Иголи, по который мы только что проѣхали.

— Ну, теперь, Мамедъ, покажите, гдѣ переходили русскіе черезъ Андійское койсу.

Не сядясь на лошадей, мы прошли въ прежнемъ направленіи сажень 150. Здѣсь Андійское койсу выходило изъ своей щели, а берега его значительно понижались и расходились. Въ одномъ же мѣстѣ нашъ берегъ совсѣмъ принималъ къ рѣкѣ довольно отлогимъ скатомъ. Противоположный берегъ былъ значительно круче и въ нѣсколькихъ мѣстахъ носилъ на себѣ остатки каменныхъ стѣнокъ.

Въ этомъ мѣстѣ мы остановились, и спутники мои повѣдали мнѣ слѣдующій эпизодъ изъ исторіи Кавказской войны.

Покореніе Дагестана, ведшееся безъ всякой системы до назначенія на Кавказъ князя М. С. Воронцова, получило извѣстное опредѣленное направленіе послѣ окончившейся неудачей экспедиціи князя въ Дарго, въ 1845 году. Это была какъ бы дань прошлому, и съ этого же года русскія войска принялись за рубку широкихъ просѣкъ черезъ чеченскіе лѣса. Это рѣшеніе было настолько важно и вѣрно, что самъ Шамиль говорилъ потомъ, что съ этого момента русскіе вышли на настоящую дорогу.

Но на долю Воронцова выпала лишь подготовка окончательнаго подчиненія Дагестана. Честь же нанесенія послѣдняго удара выпала на долю князя Барятинскаго.

Съ самаго назначенія своего намѣстникомъ Кавказа, князь Барятинскій сталъ готовить этотъ послѣдній ударъ. Весь 1857 годъ ушелъ на приготовленія, а съ весны 1858 года началось непрерывное строго рассчитанное движеніе русскихъ войскъ съ трехъ сторонъ ¹⁾ въ глубину Дагестана,—движеніе, закончившееся плѣненіемъ Шамиля на Гунибѣ 25 августа 1859 года.

1 апрѣля 1859 года, передъ генераломъ Евдокимовымъ (чеченскій отрядъ) пала столица Шамиля—Ведено, и это рѣшило участь всей Чечни, которая тотчасъ же положила оружіе и массами была выселена на плоскость.

Но Шамиль располагалъ еще большими силами, и ему пока оставался вѣренъ весь Дагестанъ.

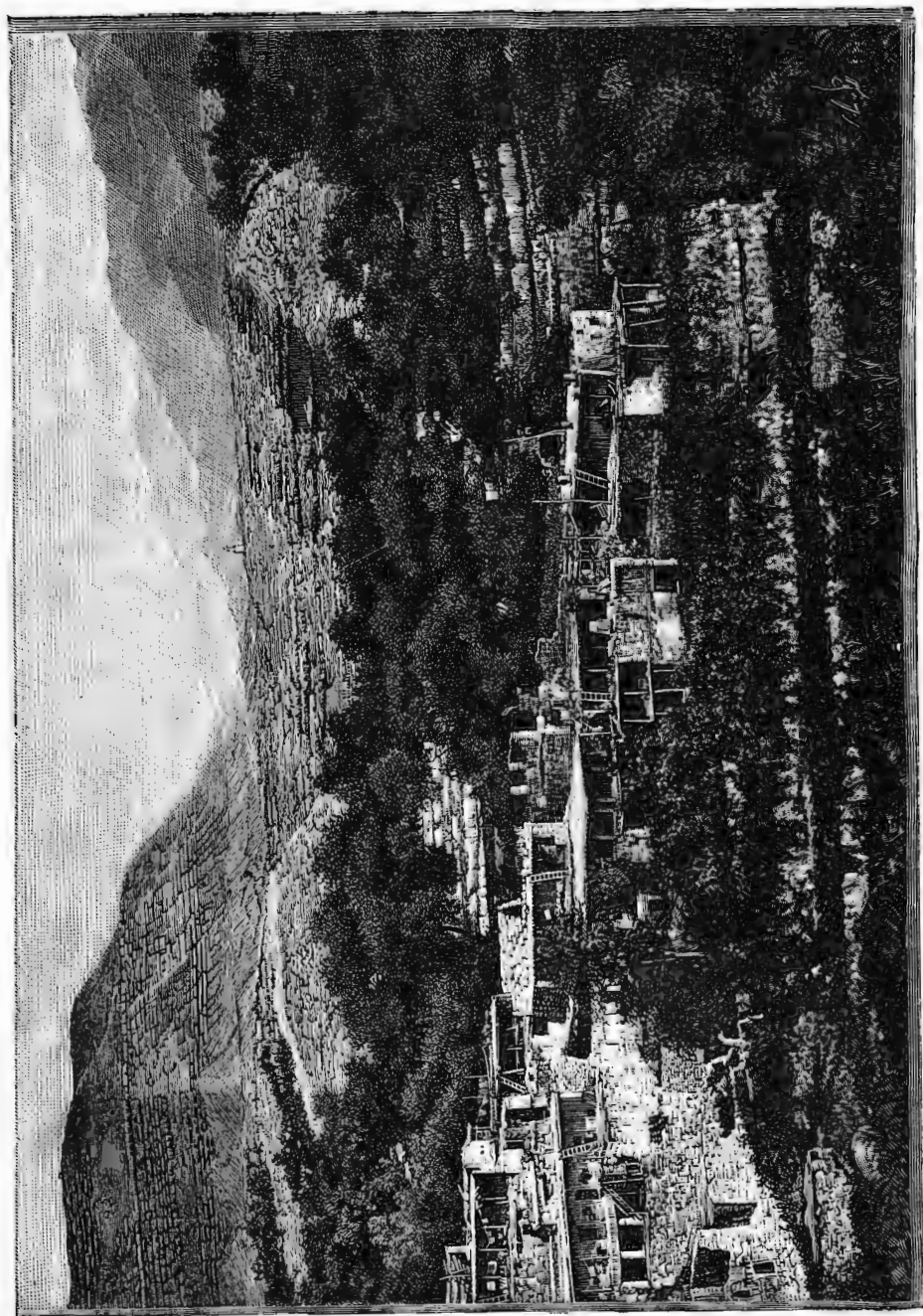
По взятіи Ведено, войска наши продолжали двигаться въ глубину горъ, все болѣе сжимая свое желѣзное кольцо. Чеченскій отрядъ—и при немъ самъ Барятинскій—двинулись въ Андю, а дагестанскому, состоявшему подъ начальствомъ генерала Врангеля, было поручено, во что бы то ни стало, перейти Андійское койсу и такимъ образомъ лишить Шамиля его важнѣйшей оборонительной линіи при отступленіи въ нѣдра горъ.

Но и Шамиль прекрасно понималъ все значеніе ущелья Андійскаго койсу, какъ оборонительной линіи, и всѣми бывшими въ его распоряженіи средствами усилилъ его. Въ томъ числѣ онъ приказалъ разрушить Согритлохскій мостъ, около котораго мы только что были, и который служилъ единственнымъ мѣстомъ переправы черезъ рѣку, и наивозможно лучше укрѣпить занятый его полчищами правый берегъ койсу...

Между тѣмъ отрядъ Врангеля благополучно перевалилъ черезъ горные хребты, и авангардъ его, подъ начальствомъ храбраго генерала Ракуссы, къ вечеру 14 іюля подошелъ къ рѣкѣ.

— Такимъ образомъ,—говорилъ А*—враждебныя силы оказались раздѣленными ущельемъ могучаго потока. На томъ, андійскомъ, берегу стоялъ авангардъ нашего Дагестанскаго отряда, а на томъ,

¹⁾ Со стороны Чечни, Прикаспійскаго края и Кахетин.

Ауль Ашильта.

гдѣ находимся теперь мы, расположились среди заваловъ горскія полчища.

— При ближайшемъ изученіи мѣстности и расположенія непріателя, генераль Равусса пришелъ къ заключенію, что устройство переправы тамъ, гдѣ находился ранѣе и находится теперь Согритлохскій мостъ, невозможно вдвойнѣ: во-первыхъ, потому, что горцы взорвали порохомъ спуски къ рѣкѣ, а, во-вторыхъ, потому, что Шамиль устроилъ чрезвычайно сильныя завалы противъ того пункта. Въ виду этого генераль, послѣ недолгихъ розысковъ, остановился на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы находимся теперь съ вами.

— Какъ вы сами видите,—говорилъ А*,—здѣсь оба берега довольно отлоги, а если ширина рѣки и достигаетъ 10—12 сажень, то во всякомъ случаѣ тутъ горцы не устроили никакой обороны, полагаясь всецѣло на ширину и быстроту койсу. Только 20 человекъ отчаянныхъ муридовъ засѣли въ пещерѣ, которой не видно отсюда, и, скрываясь за камнями, били на выборъ нашихъ смѣльчаковъ, рисковавшихъ спускаться къ рѣкѣ. Но выстроенныя въ ночь съ 15 на 16 іюля каменные стѣнки, остатки которыхъ и теперь вы можете видѣть на томъ берегу, прикрыли въ достаточной мѣрѣ, какъ нашихъ солдатъ, такъ и три орудія, поставленныя какъ разъ противъ пещеры.

Все это оказалось какъ разъ во время, такъ какъ уже утромъ 16-го числа Шамиль послалъ сюда большую банду горцевъ съ приказаніемъ занять берегъ и воспрепятствовать переправѣ. Однако, было уже поздно, и банда, встрѣченная орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ, исчезла такъ же быстро, какъ и появилась.

Только тѣ 20 муридовъ, которые засѣли въ пещерѣ, остались на своемъ посту и мѣткимъ огнемъ наносили намъ значительный ущербъ. Необходимо было, во что бы то ни стало, заставить ихъ замолчать.

Сначала прибѣгли къ мирнымъ переговорамъ, и всадники нашего конно-иррегулярнаго полка, набраннаго изъ тѣхъ же горцевъ, вѣрныхъ намъ, стали кричать муридамъ, предлагая имъ 200 рублей, если они сдадутся и помогутъ въ устройствѣ переправы. Тѣ сначала колебались, но потомъ, сознавая безвыходность своего положенія и соблазненные обѣщанной наградой, одинъ за другимъ выползли изъ пещеры и усѣлись на берегу.

Тогда приступили къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ и прежде всего начали перебрасывать къ муридамъ бечевку, къ которой хотѣли прикрѣпить канатъ, а этотъ послѣдній привязать къ росшему здѣсь большому дереву...—можетъ быть, оно и теперь существуетъ, среди этихъ деревьевъ,—добавилъ А*—этого уже не умѣю вамъ сказать. Но только какъ ни бросали оттуда веревку, какъ ни растопыривали руки муриды,—никакого прока изъ этого не выходило.

Тогда генераль Ракусса, заподозрѣвъ хитрость со стороны муридовъ, рѣшилъ прибѣгнуть къ такому средству, на успѣхъ котораго можно было разсчитывать, только зная безграничную храбрость и самоотверженіе русскаго солдата.

Короче говоря, онъ велѣлъ вызвать охотниковъ переплыть могучее койсу.

— Переплыть черезъ эту рѣку!—продолжалъ А*:—но вы только взгляните въ этотъ бушующій потокъ, прислушайтесь, какъ шумитъ онъ, и какъ грохочутъ, прыгая по дну, громадные камни! Примите также въ расчетъ его болѣе чѣмъ 10-саженную ширину и подумайте тогда, какой опасности долженъ былъ подвергнуться каждый дерзкій пловецъ, и какъ мало было ему шансовъ перебраться на другой берегъ живымъ и не изувѣченнымъ!

Но генераль Ракусса звалъ, къ кому онъ обращался. Передъ нимъ стояли люди, для которыхъ опасность была родною стихіей, которые сами искали рискованныхъ приключеній и не признавали ничего невозможнаго. Не даромъ же и сами горцы, пораженные этой переправой, убѣждали потомъ нашихъ солдатъ и офицеровъ, что они, несомнѣнно, знаютъ съ чертями, такъ какъ иначе имъ никогда не удалось бы перебраться по канатамъ на этотъ берегъ!

На вызовъ ген. Ракуссы тотчасъ же отозвался рядовой 8-ой роты 82 пѣхотнаго Дагестанскаго полка Сергѣй Кочетковъ. Выступивъ впередъ и посмотрѣвъ на койсу, онъ сказалъ:

— Трудно переплыть черезъ рѣку: очень ужъ быстра и широка она! Ну, да я бродяга, нѣтъ у меня ни роду, ни племени. Сослужу службу государю.

Огошедши шаговъ на сто вверхъ по рѣкѣ, Кочетковъ раздѣлся, перекрестился и бросился въ рѣку.

Нечего, конечно, говорить, съ какимъ замираніемъ сердца слѣдили за нимъ въ нашемъ отрядѣ и какъ дрожали за его жизнь!

Рѣка бѣшено подхватила смѣльчака и, то подбрасывая вверхъ, то швыряя внизъ на каменистое дно, быстро повлекла его по теченію. Кочетковъ стойко боролся съ свирѣпою стихіей и сильными взмахами рукъ и ногъ стремился къ этому берегу. Вотъ онъ уже здѣсь, вотъ хватается за прибрежную скалу... Но новая волна, сильнѣе и выше другихъ, подхватила удалца и, будто мстя ему за дерзость, швырнула его на отвѣсную скалу и затѣмъ отбросила вновь на середину потока!..

Нашъ отрядъ ахнулъ, какъ одинъ человѣкъ, и счелъ уже Кочеткова погибшимъ. Но молодецъ не потерялся. Сладивъ съ волной, онъ сильными взмахами направился опять къ этому берегу и, удачно схватившись за камень, однимъ прыжкомъ вылетѣлъ на прибрежный утесъ.

Единодушное «ура» привѣтствовало удальца, и всѣ любовались имъ, когда онъ, отважно шагая, прошелъ мимо муридовъ и сталь, прикрывая свою наготу камнями, около дерева ¹⁾).

Теперь нужно было перебросить къ нему канатъ. Для облегченія этой задачи стали перебрасывать сначала нитку, прикрѣпивъ на концѣ ея камень... Но какъ ни бились и съ ниткой, ничего изъ этого не выходило.

Тогда изъ рядовъ того же молодецкаго Дагестанскаго полка выступилъ новый охотникъ, юнкеръ 6-ой роты, Асланъ-бекъ-Агаевъ, и предложилъ переплыть черезъ рѣку, привязавъ къ себѣ бечевку. Его предложеніе было принято, и онъ смѣло кинулся въ рѣку. Но недостаточно еще окрѣпшему организму не подъ силу оказалась борьба съ могучей рѣкой. Два раза потокъ выбрасывалъ его обратно на берегъ, и два раза кидался онъ снова въ кипящія волны, пока наконецъ не созналъ самъ тщеты своихъ усилій и не отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ.

Тогда на смѣну Агаеву явился новый охотникъ, тоже дагестанецъ, юнкеръ Николай Шпейеръ. Несмотря на свой тщедушный видъ, онъ стойко одолѣвалъ волну за волной и, борясь съ теченіемъ, достигъ уже противоположнаго берега и ухватился за скалу, но вновь налетѣвшая волна оторвала его ослабѣвшія руки и, кидая какъ щепку, бѣшено понесла внизъ по теченію...

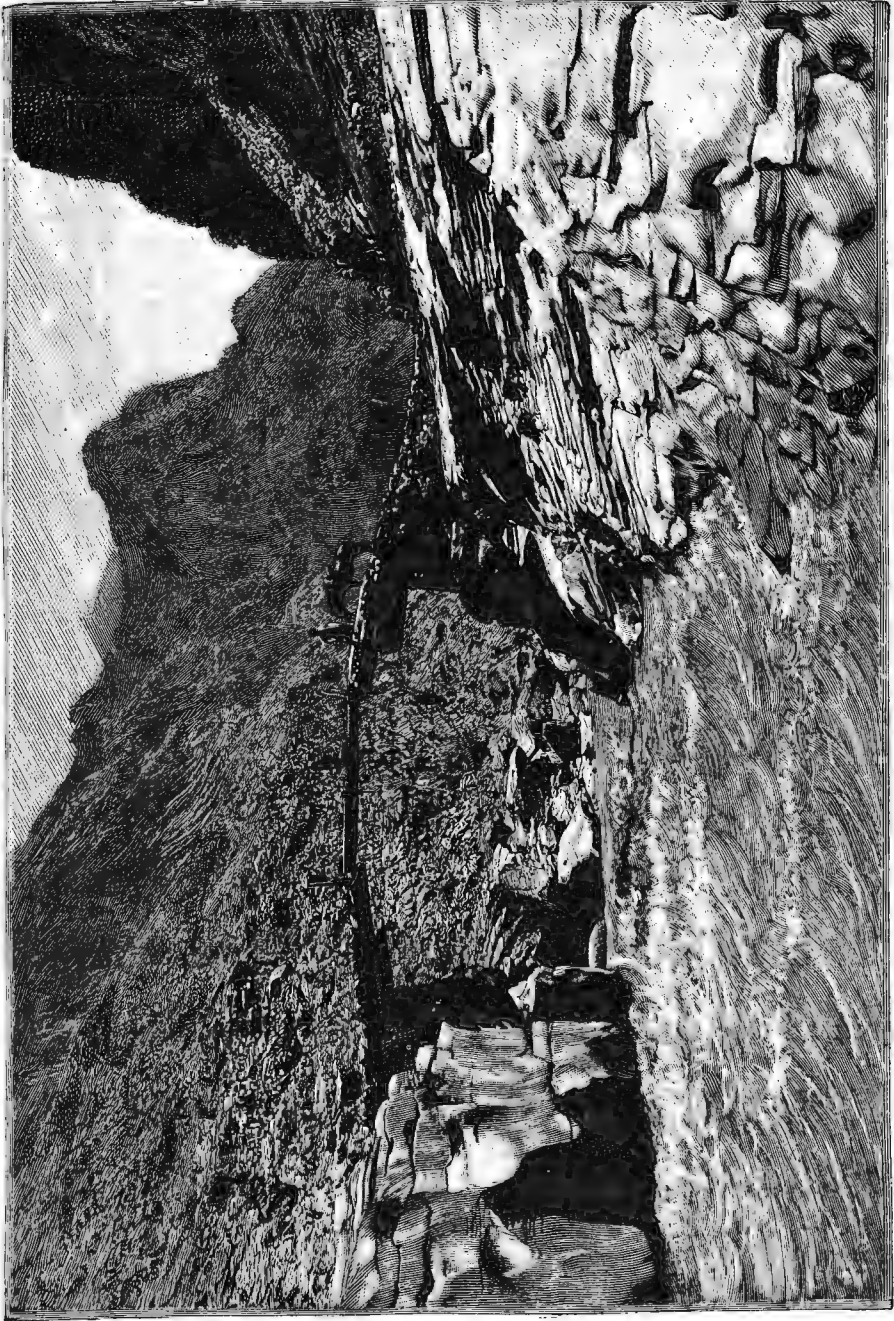
— Тяжелая, навѣрное, была эта минута для нашего отряда,—говорить А*,—и не одна рука, должно быть, сотворила крестное знаменіе за упокой души бѣднаго юнкера.

Но ждать было некогда, и опять камень съ ниткой сталь летать на эту сторону, какъ вдругъ недалеко отъ Кочеткова показался голый человѣкъ. То былъ Шпейеръ, спасшійся буквально какимъ-то чудомъ. Все тѣло его было испарано и покрыто кровью. Привѣтствуемый общимъ «ура!» нашихъ войскъ, онъ сталь рядомъ съ Кочетковымъ и также принялся за ловлю нитки, такъ какъ бывшая съ нимъ бечевка перервалась, когда его понесло внизъ по рѣкѣ. Къ великому счастью отряда, смѣльчакамъ удалось таки наконецъ поймать нитку, и они осторожно перетасили черезъ рѣку привязанную къ ней бечевку, а затѣмъ и канатъ, который торжественно привязали къ дереву.

— Итакъ «мостъ» былъ готовъ,—продолжалъ А*—теперь нашимъ солдатамъ оставалась уже пустая задача—превратиться всѣмъ въ Блонденовъ и перебраться по этому «мосту» на другой берегъ кипящаго потока!..

И за этимъ дѣло не стало: цѣлая толпа охотниковъ вызвалась перебраться по канату на эту сторону. Самый смѣлый изъ нихъ,

¹⁾ За этотъ подвигъ Кочеткову простили штрафъ, дали солдатскаго Георгія и произвели въ унтеръ-офицеры.

Ашилтинский мостъ.

фамилія котораго, къ сожалѣнію, не извѣстна, зацѣпился за канатъ снизу руками и ногами и полѣзъ впередъ. Сначала все шло хорошо, но на серединѣ пути уставшія ноги опустились внизъ, а за ними и руки не выдержали тяжести тѣла, обремененнаго аммуницией и ружьемъ... Храбрець упалъ въ рѣку, и она умчала его, какъ свой законный призъ!..

Опытъ, значить, вышелъ неудачнымъ. Нужно было придумать другой способъ. И вотъ какой-то смѣтливый солдатъ придумалъ особую люльку, состоящую изъ двухъ обручей, скользящихъ по канату, и изъ положенной на нижнюю часть ихъ доски. Люлька очень понравилась нашимъ молодцамъ, особенно когда къ ней привязали съ обѣихъ сторонъ по веревкѣ и такимъ образомъ стали быстро перетаскивать ее съ берега на берегъ. Двадцать восемь солдатъ и двухъ офицеровъ¹⁾ перевезла она на этотъ берегъ, и этихъ силъ оказалось уже достаточно для первыхъ дѣйствій противъ горцевъ.

А эти первыя дѣйствія пришлось направить противъ тѣхъ же 20 муридовъ, которые сдались было намъ и даже изъявили охоту закрѣпить канатъ на этомъ берегу. Когда еще весь отрядъ былъ поглощенъ перебрасываніемъ нитки къ Кочеткову и Шпейеру, всѣ эти 20 человекъ быстро одинъ за другимъ скрылись въ своей пещерѣ и открыли оттуда весьма удачный огонь по нашему отряду. Ихъ, правда, быстро заставили спрятаться и замолчать, пустивъ нѣсколько гранатъ въ середину пещеры. Но, тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ приниматься за устройство настоящаго моста, нужно было выкурить этихъ осъ изъ ихъ гнѣзда.

Эта задача и была возложена на переправившихся по канату 30 смѣльчаковъ.

Какъ львы, бросились они къ пещерѣ и скоро скрылись въ ней, поражая муридовъ выстрѣлами и холоднымъ оружіемъ. Недолго длился кровавый бой, и всѣ муриды погибли отъ руки нашихъ охотниковъ; только одного, мальчика лѣтъ 16-ти, оставили въ живыхъ, такъ какъ въ конно-иррегулярномъ полку у него оказался родственникъ, и тотъ упросилъ не убивать его. Имущество убитыхъ охотниковъ раздѣлили между собой, а трупы побросали въ рѣку.

Въ тотъ же день, 16-го іюля, на этотъ берегъ переправили еще около двухъ десятковъ нижнихъ чиновъ и съ ними одного офицера, но далѣе пользоваться мостомъ-канатомъ, уже значительно истершимся, не рѣшились.

На другой день утромъ Шамиль сталъ стрѣлять въ нашъ отрядъ изъ подвезеннаго ночью орудія. Впрочемъ, большая часть выстрѣловъ пропадала даромъ, и лишь нѣкоторые достигали цѣли.

¹⁾ 21-го стрѣлковаго баталіона прапорщикъ Туркестановъ и конно-иррегулярнаго полка хорунжій Кайтуки-Гюленевъ.

Между прочимъ одно ядро ударило въ скалу сзади отряда. Нѣкоторое время ждали взрыва, но такъ какъ его все не было, то одинъ изъ солдатиковъ сходилъ за ядромъ и принесть его къ товарищамъ, говоря:

— Вотъ вамъ, братцы, Шамиль Ивановичъ гостинецъ прислалъ!..

Подъ этими неудачными выстрѣлами вчерашній мостъ-канать былъ замѣненъ новымъ, также сплетеннымъ изъ веревокъ и хвоста. Закрѣпленный на лѣвомъ берегу у брусьевъ, придавленныхъ камнями, а на правомъ—у столь памятной пещеры, этотъ новый мостъ имѣлъ въ ширину около одного аршина и былъ даже снабженъ перилами изъ двухъ канатовъ. Переходить по нему можно было только поодиночкѣ, да и то живое сооруженіе гнулось и раскачивалось при каждомъ шагѣ, грозя сбросить смѣльчака въ кипящую рѣку.

Первымъ перешедшимъ черезъ этотъ мостъ, вслѣдъ за его устроителями-саперами, былъ инициаторъ моста, командиръ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Ѡ. Ѡ. Радецкій, пріобрѣтшій впоследствии громкую славу знаменитой обороной Шипки и 5-ти-мѣсячнымъ сидѣніемъ на ней и бывшій командующимъ войсками сначала харьковскаго, а потомъ кievскаго военныхъ округовъ. За нимъ переправились по одиночкѣ и не безъ комическихъ или трагическихъ инцидентовъ 8 ротъ Дагестанскаго полка, при чемъ переправа продолжалась даже ночью при фантастическомъ освѣщеніи моста и береговъ кострами и разноцвѣтными фонарями.

На утро же 18 іюля, эти 8 ротъ были двинуты противъ заваловъ Шамиля. Но завалы оказались пустыми: испуганный нашимъ чудеснымъ переходомъ черезъ Андійское койсу, Шамиль кинулъ свои траншеи и бѣжалъ поспѣшно въ послѣднее свое убѣжище—гору Гунибъ, гдѣ и былъ взятъ въ плѣнъ черезъ 39 дней¹⁾.

— Такова-то была эта чудесная и столь несправедливо забытая нами переправа черезъ Андійское койсу 16—17 іюля 1859 года,—закончилъ А* свой рассказъ:—государь и князь Бяратинскій щедро наградили ея участниковъ, но неблагодарное потомство, пожинающее плоды безчисленныхъ чудныхъ дѣяній кавказскаго солдата, предало забвенію и эту удивительную страницу изъ его исторіи. Поглядите кругомъ и поищите хоть какойнибудь отмѣтки этого поразительнаго подвига! Та же обстановка, что была и сорокъ лѣтъ назадъ, и никакого хотя бы самаго скромнаго памятника!.. Досадно и больно за такое равнодушіе!..

¹⁾ Прекрасный рассказъ очевидца объ этой переправѣ помѣщенъ въ «Кавказскомъ Сборникѣ», т. XVIII (1897 г.). См. также въ т. IV Сборника статью Волконскаго «Окончательное покореніе Восточнаго Кавказа».

VI.

Встрѣча съ «чертовскимъ царемъ».

Мусульманское лицемѣріе.— Чеченецъ-знахарь и его лошадь.— Медицина и про-
свѣщеніе въ горахъ.— Розказни «чортовскаго царя» и его джигитовка на краю
пропасти.

За Согритлохскимъ мостомъ мы вновь вѣхали въ область са-
довъ и тутъ, на живописной лужайкѣ, среди зелени и вблизи рѣки,
остановились отдохнуть и закусить.

На сцену появились опять баранья колбаса, водка, чоба, захва-
ченная изъ Иголи, и другая закуска. Но какъ мы съ А* ни при-
глашали на этотъ разъ Мамеда принять участіе въ завтракѣ,—онъ
наотрѣвъ отказался и, чтобы даже взглядомъ не измѣнить своей
правовѣрности, ушелъ на берегъ рѣки.

— Ишь,—засмѣялся я:—вчера коранъ разрѣшалъ путешественни-
камъ закусывать, а сегодня уже не разрѣшаетъ.

— О, вы не знаете мусульманъ,—сказалъ А*, подавая мнѣ ста-
канъ чобы:—это удивительные лицемѣры. Если вы читали Мулла-
Нура Марлинскаго, то должны помнить, что онъ говоритъ по этому
поводу.

— Читалъ, но, право, не помню..

— Онъ говоритъ, что мусульманинъ вмѣстѣ съ туфлями надѣ-
ваетъ непроницаемую личину и внѣ своего дома не покажетъ род-
ному брату ни дна души, ни дна кошелька. Послушаешь каждаго
изъ нихъ,—подумаешь, что это цѣлое поколѣніе праведниковъ, и
что всѣ мужья и жены ходятъ между строкъ корана и никогда
не подумаютъ уклониться въ сторону. Но какъ только мусульма-
нинъ входитъ въ свою семью,—онъ становится самимъ собою и
сбрасываетъ съ плечъ всякія церемоніи, такъ какъ для него жена
и дѣти ничего не стѣющія вещи. А жены ихъ бываютъ на рас-
пашку только въ отсутствіи мужей... Таковъ и нашъ Мамедъ.
Вчера его никто не видалъ, а сегодня могутъ увидать и нукеры,
и какойнибудь проѣзжіи.

— А проѣзжіи кстати легкокъ на поминѣ,—сказалъ я, замѣтивъ
невдалекѣ приближавшагося къ намъ всадника, туземца.

Поровнявшись съ Мамедомъ, всадникъ заговорилъ съ нимъ на
какомъ-то горскомъ языкѣ.

Это былъ типичный горецъ—сухощавый человекъ средняго
роста, съ тонкой и гибкой фигурой. Его коричневое лицо съ пря-
мой линіей лба и носа и небольшою черною бородкою дышало энер-
гійей и силой, а черные нѣсколько исподлобья глядѣвшіе глаза
сверкали хитростью и умомъ. Одѣтъ онъ былъ въ выцвѣтшую и
потертую черкеску, туго перехваченную въ талии кожанымъ ремеш-

комъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ съ серебряной насѣчкой. На головѣ была надѣта баранья папаха.

— Это чеченецъ, ѣдущій изъ Андійскаго округа въ Ашильгу,— сказалъ намъ Мамедъ, переговоривъ съ проѣзжимъ:—узнавъ, что мы ѣдемъ туда же, онъ проситъ позволенія присоединиться къ намъ.

— Зачѣмъ же онъ ѣдетъ въ Ашильгу?—спросилъ А*.

— Его позвали туда лѣчить какую-то женщину.

Лезгинъ-аварецъ.

— А, такъ это знахарь. Встрѣча, не лишняя интереса особенно для васъ,—сказалъ мнѣ А*.

И дѣйствительно это былъ прелюбопытный субъектъ.

Начать съ того, что онъ не могъ ѣхать, какъ всѣ и какъ ѣхали мы. Онъ непременно улеталъ впередъ бѣшенымъ карьеромъ, бросался направо и налево, поднимая съ земли камни, а потомъ съ дикимъ крикомъ возвращался къ намъ, чтобы вновь улетѣть

на какую нибудь гору, на которой не видно было и слѣда дороги. Нельзя было не залюбоваться этимъ молодечествомъ и этимъ презрѣніемъ всякихъ опасностей; нельзя было не удивляться и его лошади, некрасивой на видъ, но крѣпкой и мускулистой, будто вылитой изъ стали. Какъ ни леталъ на ней Али-Булатъ,—такъ звали чеченца, — какъ ни гонялъ её съ горы на гору, — она дышала одинаково ровно, какъ будто шла все время шагомъ, нога въ ногу съ нашими лошадьми.

— Удивительная лошадь!—воскликнулъ Мамедъ:—нужно будетъ торговать ее.

И онъ поскакалъ вслѣдъ за чеченцемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ и мы догнали ихъ, такъ какъ они остановились.

— Ну, что, Мамедъ?—спросилъ А*.

— Не отдаетъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Вы сколько же ему давали?

— Да дошелъ до 70 рублей.

— Скажите, что я дамъ сто,—пускай отдастъ.

Мамедъ передалъ, но Али-Булатъ покачалъ отрицательно головой и, нагнувшись, что-то сказалъ Мамеду на ухо.

— Знаете, что онъ говорить?—сказалъ намъ съ улыбкой Мамедъ:—онъ говорить, что не можетъ продать свою лошадь ни за какія деньги, потому что это не лошадь, а чортъ, и что онъ самъ не кто иной, какъ... чортовскій царь.

Мы не могли удержаться отъ смѣха, а Али-Булатъ, улыбнувшись, ударилъ нагайкой коня и кубаремъ слетѣлъ въ койсу, такъ что брызги полетѣли во всѣ стороны.

— Это, навѣрное, полусумасшедшій, а по-горскому колдунъ,—сказалъ А*, слѣдя за дѣйствіями чеченца.

А тотъ, напоивъ своего «чорта», стрѣлой полетѣлъ впередъ и скоро скрылся изъ вида.

— Вѣроятно, разсердился «чортовскій царь» и бросилъ насъ,—сказалъ я.

— Очень можетъ быть,—отвѣтилъ А*.

Но наше предположеніе оказалось преждевременнымъ. У въѣзда на большой подъемъ надъ Андійскимъ койсу чеченецъ подъѣхалъ къ намъ и все время слѣдовалъ впереди, какъ бы указывая дорогу.

— Ну-ка, Мамедъ, поговорите еще съ нимъ,—сказалъ—я:—можетъ, онъ еще расскажетъ что нибудь интересное. Спросите, кого и какъ онъ будетъ лѣчить въ Ашильтѣ?

Пока Мамедъ разговаривалъ съ «чортовскимъ царемъ», я спросилъ А*, много ли въ горахъ существуетъ такихъ колдуновъ, и насколько вѣрить имъ народъ.

— Къ сожалѣнію, долженъ признаться, что знахарей и колдуновъ, подобныхъ этому Али-Булату, въ нашемъ Дагестанѣ очень много, и всѣ они имѣютъ хорошій заработокъ. Къ нашимъ врачамъ горцы пока еще обращаются сравнительно рѣдко, да и едва ли, впрочемъ, и могутъ обращаться чаще, такъ какъ на каждый округъ приходится лишь по одному врачу и одному фельдшеру. А нашъ, напримѣръ, Аварскій округъ имѣетъ 1300 кв. верстъ и 35.000 населенія. Какъ видите, врачебная помощь поставлена очень плохо, а между тѣмъ заболѣваемость среди горцевъ громадная. Причиной тому отвратительныя антисанитарныя условія, среди которыхъ приходится жить горцамъ. Тутъ и скученность жилищъ въ аулахъ, и спертый, сырой воздухъ саклей, и крайняя нечистоплотность въ одеждѣ, и необходимость уходить на заработки, такъ какъ своихъ домашнихъ средствъ далеко не хватаетъ даже для неприхотливаго лезгина... И все это приводитъ къ тому, что горское населеніе нашего, напримѣръ, округа не только не увеличивается въ числѣ, а даже идетъ на убыль...

— Но за то, быть можетъ, душевное врачеваніе поставлено лучше, то-есть учебное дѣло?

— Нѣтъ, и учебное дѣло стоитъ такъ же плохо, какъ и врачебное. Въ нашемъ округѣ на 35.000 душъ приходится лишь одна русская школа—одноклассное нормальное училище съ пансіономъ въ Хунзахѣ. И такъ по всему Дагестану... Въ виду этого, во всѣхъ русскихъ школахъ нашей области обучается лишь 0.03% всего горскаго населенія, а если считать и жалкія мусульманскія медресе, обучающія лишь механическому чтенію корана,—то 0.8%! И это тѣмъ печальнѣе, что горцы, несомнѣнно, очень способный народъ, и результаты, навѣрное, получились бы прекрасныя, если бы обученіе было поставлено рационально.

Пока мы бесѣдовали съ А*, Мамедъ переговорилъ съ Али-Булатомъ и, вернувшись къ намъ, со смѣхомъ сообщилъ слѣдующее.

— Много чепухи наболталъ мнѣ этотъ колдунъ. Прежде всего онъ замѣтилъ, что напрасно мы смѣемся, и что всѣ его слова—одна голая правда. Затѣмъ онъ вновь подтвердилъ, что онъ—чортовскій царь, хотя очень жаловался на своихъ подданныхъ, которые, видимо, не очень-то его слушаются. Впрочемъ, въ Дагестанѣ теперь ихъ осталось немного, — всѣ «порядочные» черти переселились въ Константинополь, и здѣсь задержались одни лишь захудалые, которыхъ тамъ не приняли. Приготовляясь къ переселенію, они предлагали и своему царю послѣдовать за ними, обѣщая ему чинъ генерала и, не въ счетъ жалованья, полную генеральскую форму— всю изъ золота съ красными лампасами на брюкахъ. Но такъ какъ они предъявили своему царю непремѣнное условіе жениться на чертовкѣ,—то Али-Булатъ рѣшительно отказался, и черти поклялись мстить ему на каждомъ шагѣ. И, дѣйствительно, они причинили

немало неприятностей... Не разъ, напимѣръ, вся бѣсовская кавалерія окружала его въ горахъ, стараясь сбросить въ пропасть. Большею частью ему удавалось уйти отъ нихъ, но однажды они все-таки сбросили его въ бездну, и онъ сильно расшибся, а лошадь совсѣмъ искалѣчилась. Но тутъ же выискался одинъ благородный чортъ, который предложилъ царю свои услуги и обратился въ того коня, на которомъ теперь ѣдетъ Али-Булатъ...

— Онъ и теперь не женатъ?—спросилъ я, смѣясь.

— По его словамъ,—отвѣтилъ Мамедъ,—сватовство «порядочныхъ» чертей привело все-таки къ тому, что онъ самъ, соблазненный красотой чертовки—ея пышной грудью и золотой косой, рѣшилъ отыскать себѣ подругу жизни. А тутъ какъ разъ ему донесли, что одинъ изъ его подданныхъ выкралъ красавицу изъ села Эрпели и, увлекши ее въ горы, женился на ней. Али-Булатъ приказалъ своему коню немедленно доставить себя къ жилищу похитителя. Того не оказалось дома, и Али-Булатъ увезъ эрпелійку, а затѣмъ, расторгши прежній бракъ, женился на ней. Но за это черти еще болѣе озлобились на него и стали немилосердно преслѣдовать. Вотъ и теперь, до встрѣчи съ нами, за нимъ гналась вся бѣсовская кавалерія, и онъ очень обрадовался, когда увидѣлъ насъ.

— Да, не гонится ли она за нимъ и теперь? Посмотрите, что творится съ нимъ...

И, дѣйствительно, онъ выдѣлывалъ что-то удивительное.

Надавъ нагайкой своего «чорта», онъ, какъ духъ, влетѣлъ по узкой и каменистой тропинкѣ на обрывистую площадку, нависшую надъ самой пропастью, и тамъ завертѣлся и закружился, какъ волчекъ, оборачиваясь во всѣ стороны и то поднимая свою лошадь на дыбы, то заставляя ее падать на колѣни; самъ же онъ то повисалъ подъ брюхомъ коня, то бросался на землю, то вновь вскакивалъ на сѣдло, отмахиваясь нагайкой во всѣ стороны...

При одномъ видѣ этихъ упражненій на крошечной площадкѣ надъ страшнымъ обрывомъ у меня душа замирала...

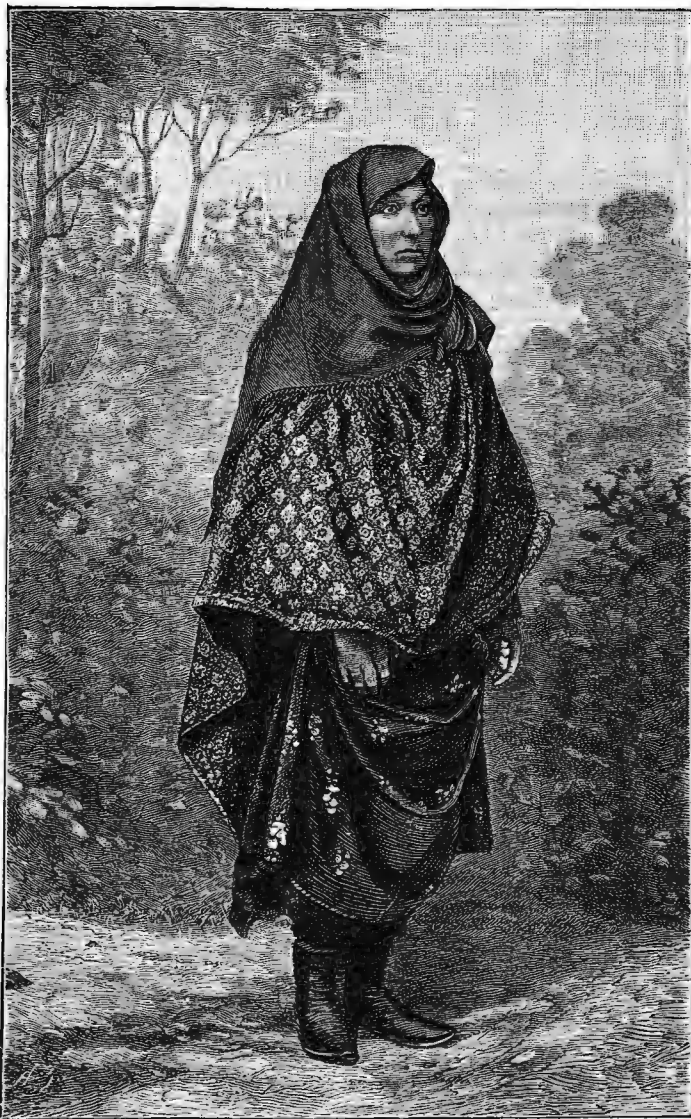
— Мамедъ,—невольно вскрикнулъ я:—да удержите же этого сумасшедшаго.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Мамедъ: — навѣрное, на него опять напала бѣсовская кавалерія, а какъ мы подѣдемъ,—она и броситъ его...

Мы пришпорили своихъ лошадей и черезъ нѣсколько минутъ поровнялись съ Али-Булатомъ, который тотчасъ же успокоился и, какъ ни въ чемъ не бывало, шагомъ двинулся дальше, крикнувъ что-то Мамеду.

— А вѣдь, дѣйствительно, на него черти напали,—засмѣялся Мамедъ.—Говорить, что едва отбилъ отъ нихъ, и если-бъ мы не подѣхали, то они, навѣрное, сбросили бы его въ пропасть. Не даромъ ихъ собралось 100 тысячъ и всѣ съ золотыми плетями!..

Между тѣмъ наша тропинка становилась все хуже и хуже. Мало того, что она суживалась до послѣдней степени и лѣзла въ самое небо надъ головокружительными пропастями, обрывами—мало этого:

Аварка.

огромные камни загромоздили ее на большомъ протяженіи, и ихъ приходилось, ежеминутно дрожа за свою жизнь, или объѣзжать стороною, у самаго края пропасти, или же лѣзть на самый камень, полагаясь на цѣпкость и осторожность лошадей.

Впечатлѣніе получалось далеко неуспокоительное. Временами у меня, что называется, душа уходила въ пятки, и если я не повернулъ обратно, то лишь потому, что и обратный путь былъ уже страшень, да и мои спутники общали мнѣ скорую перемѣну къ лучшему. Сверхъ того, Мамедъ все время старался отвлекать мои мысли въ сторону.

— Но, что за лошадь у этого колдуна!—вскрикнулъ онъ между прочимъ:—одинъ восторгъ! Кажется, ничего не пожалѣлъ бы, чтобы ее приобрѣсть.

Дѣйствительно, какое было сравненіе между нашими лошадьми и конемъ Али-Булата... Наши тяжело дышали, съ трудомъ ужъ карабкаясь по камнямъ, и мы должны были частенько приостанавливаться, чтобы дать имъ вздохнуть и подтянуть подпруги у сѣделъ. А «чортъ» Али-Булата какъ будто не замѣчалъ ни крутизны, ни камней, и только тонкія ноздри его широко раздувались да глаза сверкали, какъ два раскаленные угля; самое сѣдло—и то держалось, какъ припаянное къ хребту коня.

— Али-Булатъ,—спросилъ его Мамедъ, когда мы остановились отдохнуть:—отчего сѣдло у тебя не съѣзжаетъ, какъ у насъ?

— Оно заколдовано, — отвѣтилъ тотъ:—когда я ѣду въ гору, оно лѣзетъ на шею лошади, а когда спускаюсь, то на хвостъ. Я же вѣдь сказалъ тебѣ, что я чортовскій царь...

Но это была послѣдняя наша передышка.

Еще полъ-версты, и подъемъ кончился. Вдали показалась Ашильта, къ которой велъ уже сравнительно удобный и широкій спускъ.

VII.

Въ Ашилтъ.

Встрѣча. — Ученый наибъ. — Аристократическая горская сакля. — Горскій готиканъ. — Бесѣда съ наибомъ и его удивительныя познанія. — Горская пасха и великій постъ.

Въ Ашилтъ насъ ждали.

Объ этомъ свидѣтельствовала прежде всего группа всадниковъ, встрѣтившихъ насъ за версту отъ аула.

То былъ сельскій старшина, не старый и бравый еще на видъ лезгинъ съ небольшой бородкой и мѣднымъ знакомъ своего высокаго достоинства на груди: его сопровождало два сельскихъ нукера и нѣсколько обывателей—любителей встрѣчь и торжествъ.

Отвѣсивъ низкій поклонъ, старшина поѣхалъ впереди насъ, открывая торжественное шествіе. Ашильта оказалась большимъ и столь же грязнымъ ауломъ, какъ Иголи. Сакли лѣзли одна на дру-

гую и оставляли очень мало мѣсто для узенькихъ и кривыхъ переулковъ, по которымъ наша русская лошадь могла бы пройти развѣ съ превеликимъ трудомъ.

Почти все населеніе аула высыпало къ намъ навстрѣчу и двигалось вслѣдъ за нашимъ поѣздомъ. А въ одномъ изъ переулковъ встрѣтилъ койсубулинскій наибъ ¹⁾—маленькій, широкоплечій лезгинъ, лѣтъ 50, симпатичной внѣшности, съ острыми, умными глазами; одѣтъ онъ былъ въ обыкновенную сѣрую черкеску съ погонами прапорщика милиціи на плечахъ.

А* познакомилъ насъ, отрекомендовавъ Хаджи-Дадіева, какъ умнаго и ученаго человѣка, владѣющаго въ сел. Унцукулѣ большою библіотекой.

— Это очень рѣдкое явленіе въ горахъ,—сказалъ А*.—онъ не довольствуется однимъ чтеніемъ и толкованіемъ корана, а знаетъ астрономію и разныя математическія науки. Съ нимъ разговаривали люди, очень свѣдущіе въ этихъ наукахъ, и приходили къ убѣжденію, что онъ, дѣйствительно, очень знающій человѣкъ.

— Очень интересно будетъ познакомиться съ нимъ,—сказалъ я:—но говоритъ ли онъ по-русски?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Раньше онъ и не нуждался въ этомъ, такъ какъ жилъ частнымъ человѣкомъ. Но недавно его выбрали казіемъ, а затѣмъ и наибомъ. Теперь онъ учится русскому языку, но пока еще не владѣетъ имъ. И честнѣйшій вдобавокъ человѣкъ... Но вотъ и конецъ нашего сегодняшняго путешествія.

Мы остановились передъ большой саклей, очень похожей на ту, въ которой ночевали въ Иголи, съ тою лишь разницею, что въ верхнемъ этажѣ, кромѣ кунацкой, находились еще жилыя помѣщенія хозяевъ; въ нижнемъ же ярусѣ помѣщались амбары для зерна и кладовыя для припасовъ.

Мы слѣзли съ лошадей, поднялись по головоломной лѣстницѣ въ верхній этажъ и попали на ровную террасу, съ которой двѣ двери вели въ жилыя помѣщенія.

Черезъ одну изъ нихъ мы вошли въ небольшую переднюю съ глинянымъ поломъ и со стѣнами, сплошь увѣшанными разныхъ сортовъ и видовъ бѣлой металлической посудой—любимымъ украшеніемъ у горцевъ. Тутъ были огромные тазы—ванны для зимняго купанья хозяевъ, тазы немного поменьше для жареныхъ барановъ, котлы для варки пива, кувшины съ узенькими носками для умыванья и т. д., и т. д.

Изъ передней три двери вели въ жилыя комнаты. Насъ направили налѣво, въ кунацкую.

¹⁾ Дагестанскіе округа дѣлятся на наибства, во главѣ которыхъ стоятъ наибы. Койсубулинское наибство—Аварскаго округа.

Эта послѣдняя оказалась значительно просторнѣе и лучше убранной, чѣмъ иголинская. Въ одномъ углу стояла тахта, покрытая хорошимъ текинскимъ ковромъ, въ другомъ—обширная кровать подъ шелковымъ ватнымъ одѣяломъ. Два стола (одинъ подъ вязаной скатертью), столько же мелкихъ кресель, обитыхъ краснымъ ситцемъ, нѣсколько хромыхъ вѣнскихъ стульевъ, небольшая желѣзная печь, да два-три волнистыхъ дженгутейскихъ ковра на полу составляли прочую обстановку комнаты. Но, кромѣ этихъ поползновеній убрать кунацкую на европейскій ладъ, я не могъ не обратить вниманія на небольшую карточку Шамиля, изображеннаго древнимъ старикомъ съ сѣдой бородой.

— Что же, здѣсь очень недурно,—сказалъ я:—только немного сыровато, да стекло въ окнахъ не хватаетъ.

Пока А* говорилъ съ наибомъ о служебныхъ дѣлахъ, я пошелъ осмотрѣть другія комнаты.

Спальня хозяевъ,—кстати сказать, отсутствовавшихъ въ моментъ нашего прибытiя и прiѣхавшихъ лишь къ вечеру,—оказалась темной и сырой комнатой съ глинянымъ поломъ; чистота, однако, была въ ней безукоризненная. Вокругъ всей комнаты шли широкiя полки, на которыхъ лежало нѣсколько полныхъ постелей для прiѣзжихъ гостей съ толстыми одѣялами и большими подушками.

— Это приданое жены,—сказалъ Мамедъ, замѣтивъ мое любопытство:—оно обыкновенно въ этомъ и состоитъ. И если мужъ даетъ женѣ разводъ, то она уноситъ съ собою всѣ свои постели. И эти сагуры тоже предназначены для гостей.

Третья комната вмѣстѣ съ четвертой и ея продолженiемъ образовывали другой уголъ дома. Въ нихъ было свѣтлѣе, чѣмъ въ остальныхъ, но убранства не было никакого. Это были тоже жилые покои, но я скорѣй назвалъ бы ихъ кладовыми, такъ какъ тутъ находились запасы кукурузы, пшеницы, ячменя, меда, висѣли на гвоздяхъ, вбитыхъ въ балки потолка, закопченнаго до послѣдней степени, полосы вяленой баранины, бараньи курдюки, заготовленные впрокъ на зиму, и т. д.

Окончивъ осмотръ, я вышелъ на террасу, и мнѣ показалось, что я только что покинулъ сырой и холодный погребъ.

На террасѣ А* велъ какой-то разговоръ съ наибомъ. Тутъ же стояло нѣсколько почетныхъ лицъ—знакомый уже намъ староста, сельскiй казiй, или дибиръ, и трое сельскихъ судей; всѣ они снимали свои сагуры, и на грязныхъ ихъ одѣянiяхъ красовались мѣдные знаки ихъ достоинства. Во дворѣ же и далѣе на готиканѣ (площади) шумѣла большая толпа мужчинъ, стоя и сидя и живописно драпируясь въ свои бараньи шубы.

— Ашильта,—сказалъ мнѣ Мамедъ:—одно изъ самыхъ праздныхъ селенiй во всемъ нашемъ округѣ. Кругомъ аула, какъ вы

можете и сами видѣть, идутъ прекрасные виноградники и пахотныя земли; но хозяева мало занимаются ими, а отдаютъ въ аренду сосѣднимъ гимринцамъ. Сами же цѣлые дни толкутся на готиканѣ и занимаются сплетнями и пересудами.

— О чемъ же они болтаютъ!

— Обо всемъ, что происходитъ въ предѣлахъ области, а за частую—и во всемъ мірѣ. Въ Дагестанѣ немного телеграфныхъ

Семья аварцевъ (изъ Хунзаха).

проводокъ, но устный телеграфъ развитъ изумительно. Вотъ мы только что приѣхали въ Ашильту, а это, навѣрное, уже извѣстно въ окрестныхъ селеніяхъ. Да посмотрите, вонъ на готиканѣ стоитъ высокій лезгинъ безъ сагуры, съ небольшой бородкой. Это старшина изъ аула Чиркатъ. Успѣлъ уже пронюхать о поѣздкѣ начальства и прискакалъ впередъ. Да если бы перебрать весь этотъ народъ, то, навѣрное, нашлось бы немало обитателей сосѣднихъ

ауловъ. И не думайте, что лезгины интересуются только мѣстными дѣлами. Нѣтъ, для нихъ интересны и тифлисскія дѣла и даже событія европейской политики. Во время франко-прусской войны, напримѣръ, мнѣ самому приходилось слышать, какъ въ Хунзахѣ обсуждали тѣ или другіе эпизоды и между прочимъ рѣшали, удастся ли Гамбеттѣ прорваться на шарфъ черезъ линію нѣмецкихъ войскъ...

Черезъ нѣкоторое время А* закончилъ свой дѣловой разговоръ, и насъ пригласили въ кунацкую закусить. Но закуска эта оказалась цѣлымъ обѣдомъ.

Во время обѣда затопили печь. Но такъ какъ труба ея оказалась прогорѣвшей, и залѣпить ее глиной удавалось плохо, то кунацкая наполнилась дымомъ, и пришлось открыть дверь.

— Это чисто погорски,—сказалъ А*—затопить печь для тепла и въ то же время открыть дверь для выхода дыма.

Но кое-какъ дѣло обошлось, кунацкая нагрѣлась, а когда мы съ А* немного отдохнули послѣ дневного переѣзда, то пригласили къ себѣ Мамеда и наиба Хаджи-Даціева, чтобы побесѣдовать съ этимъ послѣднимъ.

Къ сожалѣнію, эта бесѣда крайне осложнилась необходимостью переводить слова наиба на русскій языкъ. Но, тѣмъ не менѣе, я вполне убѣдился, что при охотѣ можно даже въ горахъ Дагестана успѣшно заниматься наукою.

Прежде всего я попросилъ Мамеда передать Хаджи-Даціеву, что много слышанъ объ его учености и желалъ бы знать, гдѣ онъ приобрѣлъ свои познанія.

Наибъ поклонился въ отвѣтъ и затѣмъ долго что-то говорилъ Мамеду. Рассказываетъ,—передавалъ затѣмъ этотъ послѣдній:—что книги интересовали его еще съ дѣтства, когда еще въ горахъ властвовалъ Шамиль. Онъ никогда не принималъ участія ни въ играхъ, ни въ войнѣ съ ея набѣгами. Все время онъ проводилъ дома, читая тѣ арабскія книги, которыя можно было достать у тогдашнихъ ученыхъ, т.-е. исключительно религіознаго содержанія. Когда же война прекратилась и отецъ умеръ,—передъ нимъ открылся новый міръ. Онъ отправился въ Мекку, разыскивая вездѣ арабскія книги, и тутъ случайно узналъ, что ихъ можно выписывать изъ Лондона. Такъ онъ и сталъ поступать, вернувшись домой. Но всѣ эти книги оказались переводами на арабскій языкъ европейскихъ сочиненій, такъ какъ мусульманской науки теперь почти не существуетъ. Ознакомившись же со всѣми присланными изъ Лондона сокровищами, онъ рѣшилъ ѣхать въ Каиръ, гдѣ, по слухамъ, находилось самое высшее въ мусульманскомъ мірѣ училище и жили лучшіе ученые. Но это оказалось невѣрно: не оказалось ни одного человѣка, отъ котораго наибъ могъ бы чему нибудь поучиться...

Затѣмъ наибъ сообщилъ, что теперь его болѣе всего интересуетъ астрономія, которою онъ, однако, сталъ заниматься лишь съ 30 лѣтъ,

когда ему очень захотѣлось узнать, какъ ученые предсказываютъ солнечныя и лунныя затменія. Четыре мѣсяца безвыходно просидѣлъ онъ за книгами и добился того, что теперь самъ можетъ производить нужныя вычисленія.

— Его познаніямъ по астрономіи,—сказалъ тутъ А*.—удивлялись настоящіе ученые, которымъ приходилось съ нимъ встрѣчаться и разговаривать.

Я никогда особенно не занимался этой наукой и потому не рискнулъ провѣрить знанія Хаджи-Даціева. Да къ тому же Мамедъ напередъ заявилъ, что, по малому знакомству съ астрономіей, онъ не можетъ ручаться за правильность перевода. Въ виду этого, я ограничился однимъ вопросомъ: какую систему признаетъ наибъ правильною, коперниковскую или птоломеевскую? По словамъ Мамеда, наибъ далъ уклончивый отвѣтъ: и та де система и другая имѣютъ свои достоинства и недостатки. Затѣмъ онъ начертилъ солнечную систему по ученію Коперника и сталъ что-то объяснять. Но чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ печальнѣе становился Мамедъ и наконецъ заявилъ, что Хаджи-Даціевъ напрасно распространяется, такъ какъ его слова все равно останутся безъ перевода.

То же несовершенство переводчика воспрепятствовало намъ поглубже потолковать о геометріи, алгебрѣ и тригонометріи. Но географія оказалась доступнѣе.

Затѣмъ я спросилъ его, который теперь у нихъ годъ.

— 1312-й,—былъ отвѣтъ.

Тогда я попросилъ вычесть 1312 изъ 1895 (годъ нашего разговора.).

— Получилось 583,—сказалъ онъ, окончивъ вычитаніе.

— Отчего же не 622, т. е. не годъ гиджры?—задалъ я новый вопросъ ¹⁾.

Не знаю почему, но на этотъ вопросъ наибъ затруднился отвѣтить ²⁾, и я спросилъ его, отчего онъ употреблялъ при вычитаніи не арабскія цифры, а какіе-то иные знаки.

— Это обозначеніе,—отвѣтилъ наибъ:—болѣе просто и кратко, чѣмъ арабскія цифры. Оно называется обжатъ. Напримѣръ, часъ имѣетъ 60 минутъ, минута 60 секундъ, секунда 60 терцій, терція 60 квартъ. Значить, часъ заключаетъ въ себѣ 12.960.000 квартъ.

¹⁾ Гиджра—мусульманская эра, приуроченная ко времени бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину, т. е. къ ночи съ пятницы на субботу, съ 15 на 16 іюля 622 года.

²⁾ Хотя отвѣтъ очень простъ. Мусульмане считаютъ въ простомъ году 354 дня, а въ високосномъ 355, т. е. ихъ годы на 10—12 дней короче нашихъ. Для перехода отъ нашихъ лѣтъ къ мусульманскимъ можетъ служить слѣдующая приближительная формула: $M = \frac{J - 621.54}{0.37}$, гдѣ M—годъ мусульманскій, а J—христіанскій.

Арабское число состоитъ изъ 8 знаковъ, а на обозначеніи обжать то же самое число напишется такъ...

Онъ нарисовалъ фигуру въ видѣ сапога...

Бесѣда наша затянулась часовъ до 11-ти и не прерывалась за ужиномъ, который былъ повтореніемъ обѣда съ тою лишь разницею, что въ немъ приняли участіе наибъ и Мамедъ.

За ужиномъ я услышалъ трескъ барабана и поинтересовался узнать, что это значить.

— Это будунъ (помощникъ муллы) будить правовѣрныхъ, чтобы они встали и закусили,—отвѣтилъ А*,—съ восходомъ солнца опять въѣдъ начнется постъ.

— Но завтра будетъ ужъ послѣдній день уразы,—сказалъ Мамедъ:—завтра, вѣроятно, и нашъ хозяинъ пріѣдетъ.

— А кстати: я до сихъ поръ не знаю, у кого мы въ гостяхъ, и гдѣ теперь нашъ хозяинъ?

— Онъ—наибъ одного изъ участковъ Даргинскаго округа,—отвѣтилъ Мамедъ:—и пока еще находится въ мѣстѣ служенія, но завтра навѣрное пріѣдетъ, такъ какъ у насъ строго соблюдается правило, собираться къ дню праздника на родину и проводить его у себя дома.

— А что же это за праздникъ?

— Называется онъ Оруджъ-Байрамъ и походить на вашу пасху въ томъ смыслѣ, что мы постимся передъ нимъ 30 дней, цѣлый мѣсяцъ Рамазанъ, а затѣмъ въ первый день мѣсяца Шеваль, какъ только покажется на небѣ молодая луна, мы приступаемъ къ розговѣнію; на слѣдующій же день въ мечети совершается намазъ (молитва), передъ началомъ котораго каждый мусульманинъ вноситъ извѣстную суму въ мечеть. Розговины продолжаются три дня...

— И ознаменовываются сильнымъ объяденіемъ и чревоугодіемъ?—добавилъ съ улыбкою А*.

— Да,—отозвался Мамедъ:—мы любимъ этотъ праздникъ и готовляемъ къ нему массу всякой снѣди, какъ и вы къ пасхѣ. А въ теченіе Рамазана нельзя даже нюхать дымъ отъ трубки отъ разсвѣта и до заката солнца; въ послѣднюю же треть мѣсяца всѣ ночи подъ нечетныя числа должны проводиться безъ сна, въ молитвѣ, особенно ночь съ 27 на 28-е число. Эта ночь называется лейлятункядръ, или ночью предопредѣленія; въ теченіе ея, по нашему ученію, ангелъ предопредѣляетъ судьбу cadaго челоѣка...

На этомъ закончилась наша бесѣда. Наибъ и Мамедъ удалились, попрощавшись съ нами, и мы скоро погрузились въ глубокій сонъ.

Гора Ахульго.

VIII.

Женщина у лезгинъ.

Нашъ хозяинъ и его жена.— Женщина-рабочій скотъ.— Мусульманскіе браки.— Легкость разводовъ.— Мухалили и супружеская невѣрность.— Прогулка въ горахъ.— Лѣченіе Али-Булата.

Когда мы поднялись на другой день, было уже около 8 часовъ, и наибъ сидѣлъ на террасѣ съ другимъ офицеромъ милиціи. То былъ нашъ хозяинъ, пріѣхавшій въ Апильту поздно ночью, вмѣстѣ съ своею семьєю. Онъ говорилъ порусски и оказался очень милымъ человѣкомъ и хорошимъ знатокомъ горской старины, хотя и находилъ многія постановленія ея отсталыми, почему и устранялъ ихъ въ своей жизни.

Его жена, напримѣръ, пріѣхавшая съ нимъ верхомъ и привезшая маленькаго сына, не закрывала лица, и мы имѣли возможность познакомиться съ нею и даже немного поговорить о разныхъ пустякахъ. Она не конфузилась и не пряталась отъ насъ и въ разговорѣ вполне свободно высказывала свои мнѣнія. Но по случаю наставшаго праздника у ней была масса хлопотъ, и она могла посвятить намъ лишь нѣсколько минутъ.

Съ утра А* съ Мамедомъ и наибомъ ушли по дѣлу въ аулъ, а я остался съ хозяиномъ и разговорился съ нимъ о разныхъ сторонахъ горской жизни и между прочимъ о положеніи женщины у лезгинъ.

Я передалъ ему о поразившей меня встрѣчѣ по дорогѣ къ Хунзаху. Какой-то лезгинъ ѣхалъ порожнякомъ на верховой лошади, а впереди шла, согнувшись подъ тяжестью ноши, довольно старая женщина, которую ея спутникъ изрѣдка подгонялъ плетью...

— Да,—сказалъ хозяинъ:—наша женщина принижена и обезличена самимъ нашимъ ученіемъ¹⁾, а практика жизни поставила ее на степень самки и выючнаго животнаго. Особенно сурово относились къ ней во времена Шамиля, когда ей безусловно не разрѣшалось выходить безъ покрывала, и нарушеніе этого правила подвергало виновныхъ палочнымъ ударамъ. Теперь оно начинается уже

¹⁾ Въ коранѣ [ст. 38, гл. IV (Женщина)] сказано: «мужчина выше женщины по причинѣ качествъ, которыми Богъ поставилъ его надъ нею, и потому что мужчина свое имѣніе употребляетъ на награжденіе женщины. Добродѣтельныя женщины послушны и покорны. Онѣ заботливо охраняютъ въ отсутствіе мужей все, что Богъ велѣлъ сохранять въ цѣлости. Вы побраните ихъ, когда боитесь неповиновенія, удалите отъ ложа, бейте ихъ; но когда онѣ вамъ подчиняются, старайтесь не обижать ихъ».

выводиться, особенно въ тѣхъ аулахъ, которые лежатъ поближе къ русскимъ городамъ и селеніямъ; но все-таки и теперь при встрѣчѣ съ мужчиной женщина должна повернуться къ нему спиной и уткнуться носомъ въ стѣну или заборъ.

— Какъ-то разъ, — продолжалъ хозяинъ, — начальникъ нашего округа ѣздилъ по глухимъ ауламъ съ женою и маленькимъ сыномъ. Населеніе, конечно, вездѣ высыпало на встрѣчу и, въ случаяхъ остановокъ, выносило два стула для начальника и его сына; о женѣ же никто и не заботился. И только по приказанію начальника или когонибудь изъ приближенныхъ подавали и ей стулъ, хотя продѣлывали это съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— А скажите, какъ у васъ поставленъ бракъ, и какое положеніе женщины въ домѣ?

— Нашъ бракъ собственно одинъ изъ видовъ купли-продажи, какъ и на всемъ востокѣ. А такъ какъ безбрачіе у насъ считается предосудительнымъ, то холостыхъ въ полномъ смыслѣ этого слова у насъ не бываетъ: у cadaго взрослого должна быть жена или любовница. Даже умалишенные и малолѣтніе могутъ имѣть женъ. Покупается жена за извѣстную сумму, половину которой женихъ долженъ внести впередъ, и на нее дѣлается приданое, составляющее собственность жены. Послѣ брачнаго обряда, который очень простъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ молитвъ муллы, жена, побывавшая наканунѣ въ банѣ, переѣзжаетъ съ кликами, барабаннымъ боемъ и ружейной пальбой въ жилище мужа и становится его рабою.

— Ну, а если она не выкажетъ должнаго повиновенія?

— Тогда мужъ поступаетъ по корану и учитъ жену, дсходя до разныхъ суровыхъ мѣръ.

— А сколько можетъ быть у мусульманина женъ?

— Женъ одновременно не болѣе четырехъ, но наложницъ сколько угодно. Однако у насъ, въ Дагестанѣ, рѣдко доходятъ до этого числа и большею частью довольствуются одной женщиной; лишь кто имѣетъ средства, беретъ вторую и третью. Затѣмъ отношенія супруговъ довольно строго опредѣлены. Мужу воспрещено, на примѣръ, ласкать одну жену въ присутствіи другой, и каждая изъ нихъ можетъ требовать, чтобы мужъ былъ съ нею ласковъ хоть одинъ разъ въ мѣсяцъ. Молодую жену онъ долженъ ласкать въ теченіе 7 дней сряду.

— Я слыхалъ, что разводъ у васъ дается очень легко?

— Это правда, — отвѣтилъ хозяинъ: — у насъ жена сама можетъ купить разводъ у мужа, съ его, конечно, согласія. Но чаще бываетъ, что мужъ, чѣмъ либо недовольный, удаляетъ жену, возвративъ ей ея приданое. Затѣмъ они могутъ опять сойтись, однако не болѣе трехъ разъ сряду. Но если она выйдетъ потомъ замужъ за другога и разведется съ нимъ, то можетъ вновь вернуться къ первому мужу. Не такъ давно былъ здѣсь такой случай. Одинъ лезгинъ

три раза разводился съ очень хорошенькой женщиной и послѣ третьяго развода снова пожелалъ взять ее къ себѣ. Она была согласна на это, но шаріатъ не допускалъ. Тогда онъ подыскалъ одного бѣдняка и далъ ему сколько-то денегъ съ тѣмъ, чтобы онъ примѣрно женился на этой женщинѣ и сейчасъ же далъ бы ей разводъ. Тотъ согласился, но когда бракъ состоялся, онъ не пожелалъ отказаться отъ красавицы, на которой женился вполне законно. Напрасно первый мужъ умолялъ его, обѣщалъ еще денегъ, грозилъ местию, бѣднякъ стоялъ на своемъ. Только внушительная угроза наиба, которому первый мужъ рассказалъ всю исторію, заставила мухалию (такъ называются у насъ эти «утѣшители») отказаться отъ красавицы и дать ей разводъ.

— Ну, а невѣрности мужу бываютъ?

— Я думаю, еще чаще, чѣмъ у васъ. Да оно и понятно при томъ печальномъ положеніи, которое выпадаетъ на долю нашей женщины. Шаріатъ, впрочемъ, очень сурово караетъ измѣну жены и даетъ право мужу убить любовниковъ, застигнутыхъ на мѣстѣ преступления. Такой случай и былъ сравнительно недавно: мужъ, заставъ жену съ любовникомъ, которыхъ давно ужъ подозревалъ, снесъ обоимъ головы однимъ взмахомъ шашки.

Тутъ разговоръ нашъ былъ прерванъ приходомъ А* съ Хаджи-Даціевымъ.

А* объявилъ, что его миссія въ Ашильтѣ кончена, и мы можемъ ѣхать далѣе. Но хозяинъ такъ настойчиво просилъ насъ остаться, чтобы встрѣтить праздникъ, что мы не могли отказаться.

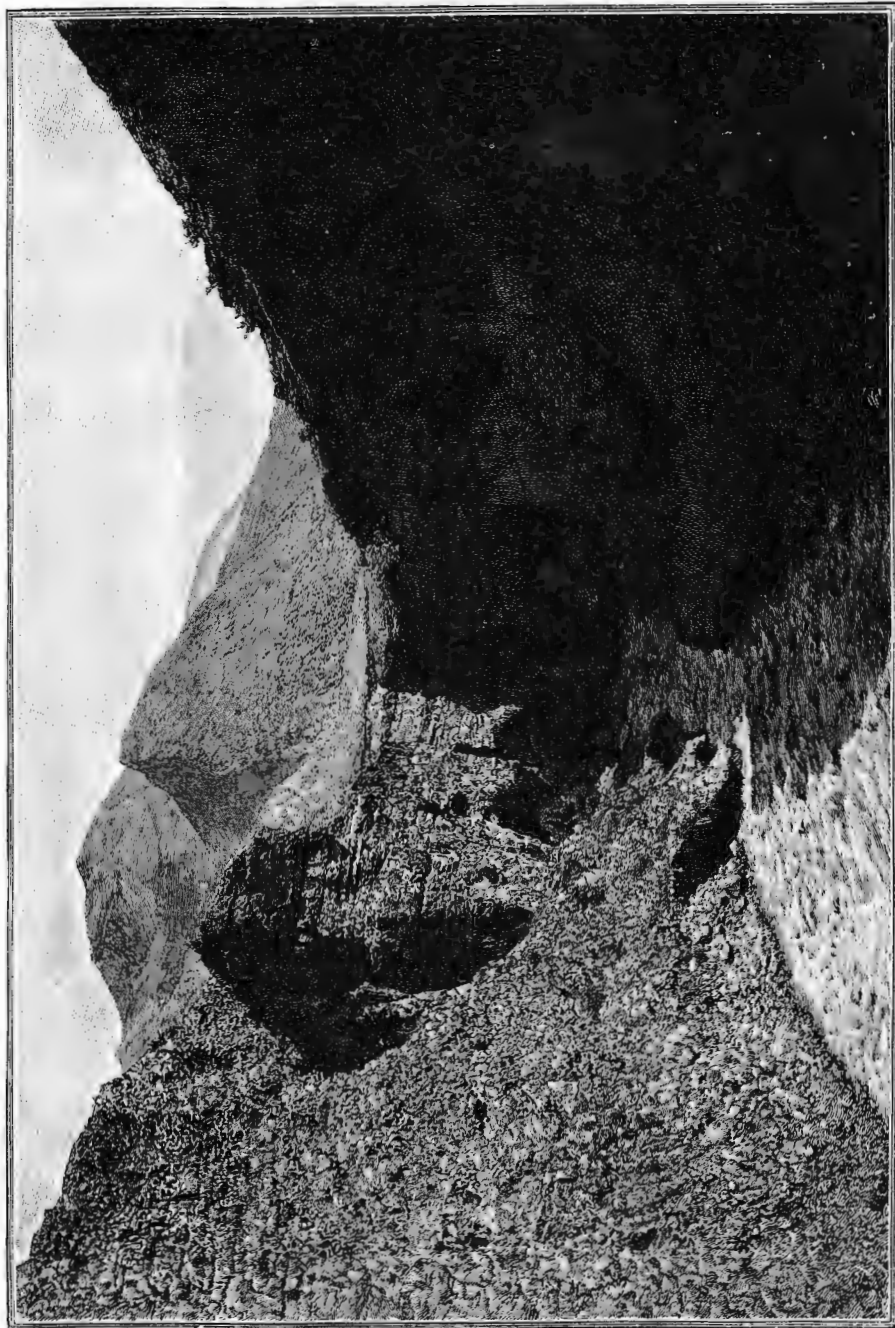
— Сейчасъ вамъ подадутъ закусить,—сказалъ онъ.

— Ну, а я пока что пойду пройтись по горамъ,—замѣтилъ А* и, обращаясь ко мнѣ, добавилъ:—не желаете ли присоединиться ко мнѣ?

Я съ удовольствіемъ согласился, такъ какъ день стоялъ чудный и теплый, какъ лѣтомъ.

Мы пересѣкли сначала аулъ, все населеніе котораго, не исключая и женщинъ, выползло на крыши саклей и лежало на солнцѣ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Нѣкоторые изъ правовѣрныхъ сняли свои грязныя рубахи, которыя, къ слову сказать, горцы занашиваютъ до послѣдней возможности, пока онѣ сами не разлѣзутся на плечахъ,—и охотились по нимъ за бѣлымъ звѣремъ, котораго называютъ на своемъ языкѣ «ползущей вещью»; другіе, смотря въ маленькое зеркало, выщипывали на щекахъ и бородѣ волосы или довѣряли эту интимную операцію своимъ товарищамъ; третьи, наконецъ, просто наслаждались блаженнымъ *far-niente*. Нашъ проходъ нарушалъ на минуту эти пріятныя занятія, но затѣмъ они вновь отдавались имъ, не обращая вниманія ни на что окружающее.

Пересѣкши аулъ, мы выбрались на небольшую площадку, а оттуда по тропинкѣ пошли въ гору, къ сосновому лѣсу.

Ахульгинское ущелье.

Какъ хороша была эта прогулка!

Что можетъ быть пріятнѣе чистаго горнаго воздуха, напоеннаго запахомъ сосны и фруктовыхъ, только что распустившихъ свои цвѣты деревьевъ! И этотъ сосновый лѣсъ, эти угрюмыя скалы выше его и торжественная тишина въ воздухѣ, нарушаемая лишь пѣніемъ птицъ да шумомъ горныхъ водопадовъ!.. И тѣмъ пріятнѣе было чувствовать себя въ такой обстановкѣ, что невольно приходили на память внутреннія губерніи, гдѣ въ это время топили печи и кутались отъ морозовъ въ теплыя одѣянія. А тутъ было настолько тепло, что А* даже выкупался въ ручьѣ, бившемъ заманчивымъ каскадомъ съ горы!

Черезъ часъ мы вернулись обратно въ Апильту и съ аппетитомъ принялись за обѣдъ. Хозяева же наши дожидались вечера. Но зато когда мулла возвѣстилъ съ крыши мечети о заходѣ солнца и о поднявшейся на небѣ молодой лунѣ,—всѣ правовѣрные съ такимъ азартомъ принялись за уничтоженіе заготовленныхъ припасовъ и сластей, что мы невольно соблазнились ихъ примѣромъ и отдали должную дань и кутьѣ, и халвѣ, и гозинакамъ¹⁾, и прочимъ заготовленіямъ любезной хозяйки.

Не остались, конечно, безъ угощенія и наши нукеры, а одинъ изъ нихъ до того «угостился», что у него заболѣлъ животъ. Благодаря этому, мы вспомнили о «чортовскомъ царѣ», и А* командировалъ за нимъ, чтобы тотъ полѣчилъ больного. Однако посланный вернулся съ неутѣшительнымъ извѣстіемъ: Али-Булатъ еще утромъ выѣхалъ изъ аула въ Андійскій округъ.

— А въ какомъ положеніи его больная?—спросилъ я.

— Умерла,—отвѣтилъ Мамедъ:—впрочемъ, ей никакой колдунъ ужъ не помогъ бы, потому что она отъ старости еле дышала.

— А вы не спрашивали, Мамедъ, какъ онъ лѣчитъ?

— Спрашивалъ,—отвѣтилъ съ улыбкою Мамедъ:—прежде всего онъ требуетъ живого барана и рѣжетъ его, что-то надъ нимъ нашептывая. Затѣмъ варитъ мясо и съ аппетитомъ кушаетъ его, кое-кого приглашая къ трапезѣ; кости же и кожу увязываетъ въ платокъ, который ему дарятъ хозяева, и увозитъ съ собой: это, видите ли, нужно для чертей!.. Въ заключеніе надъ больнымъ совершается новое нашептываніе, а затѣмъ онъ предоставляется самому себѣ.

— А любопытно, какъ этотъ колдунъ распознаетъ болѣзни?

— Да, это, пожалуй, еще интереснѣе лѣченія. По его мнѣнію, всѣ наши болѣзни происходятъ оттого, что мы неловко наступаемъ на какогонибудь чорта и отдавливаемъ ему какуюнибудь часть тѣла, ногу, руку, животъ и т. д. Эта часть тѣла и начинаетъ болѣть у виновника. Въ виду этого, для успѣха лѣченія необходимо узнать, что

¹⁾ Варятся изъ меду и орѣховъ.

именно пострадало у несчастнаго чорта. И вотъ, придя въ саклю больного, Али-Булатъ приказываетъ ломать стѣну въ извѣстномъ мѣстѣ и изъ обломковъ вытаскиваетъ съ торжествомъ маленькаго чортика изъ тряпочекъ, котораго, конечно, ловко подсовываетъ среди камней. У этого изображенія невпору подвернувшася чорта оказывается переломанной или поврежденной какая нибудь часть тѣла. По діагнозу эта именно часть тѣла оказывается страдающей и у больного.

— Ну, а лѣкарства онъ употребляетъ?

— Кажется, нѣтъ. Впрочемъ, дорогою онъ говорилъ, что въ Петербургѣ есть чортовскія аптеки, помѣщающіяся въ хрустальныхъ дворцахъ и управляемая красивыми чертовками съ длинными волотыми косами... Но туда очень далеко ѣздить, даже если подъ сѣдломъ идетъ обратившійся въ коня чортъ.

IX.

Ахульгохъ.

Скала Ахульгохъ.— Варварство ея хозяйина.— Главная экспедиція ген. Граббе 1839 г.— Блокада и ужасный штурмъ Ахульгоха.— Таинственное исчезновеніе Шамиля.

На другой день послѣ обѣда мы распростились съ любезными хозяевами и двинулись въ дальнѣйшій путь.

Дорога шла сначала по крутымъ и скалистымъ улицамъ Ашильты, а затѣмъ среди садовъ, раздѣленныхъ еще болѣе головоломными переулками. За Ашильтой же она, конечно, стала еще хуже... Но я уже нѣсколько привыкъ къ этимъ крутизнамъ и обрываю и теперь не обращаю на нихъ особеннаго вниманія.

Отѣхавъ версты три отъ аула, Мамедъ остановился у мусульманскаго надгробнаго памятника, стоявшаго близъ дороги и имѣвшаго видъ маленькой часовни, и обратилъ мое вниманіе на крутую и высокую скалу, стоящую по другую сторону обрывистой пропасти.

— Это знаменитый Ахульгохъ,—сказалъ онъ.

Такъ вотъ она, эта прославленная скала, имя которой записано кровью въ нашей военной исторіи!

Какъ величественно и какъ грозно выглядѣла она съ ея крутыми, почти отвѣсными скатами, по которымъ лишь кое-гдѣ виднѣлись небольшія террасы!

Никакой растительности не было на ней, и только печальная сосна, попавшая,—Богъ вѣсть, какими судьбами,—на вершину утеса, тянула къ небу свою острую верхушку.

— Вонъ видите,—указаль мнѣ Мамедъ:—на небольшой террасѣ стоитъ каменная сакля, а повыше ея, по гребню скалы, идетъ горизонтальная борозда? Эта гора принадлежала до послѣдняго времени Апильтѣ. Теперь же она продана одному артиллерійскому офицеру, уроженцу этого аула, рѣшившему разработать ее и посадить на ней виноградъ. Для этой цѣли онъ и проводитъ борозду, въ которую натаскаетъ землю.

— Нужно удивляться его рѣшимости,—замѣтилъ я.

— Это вѣрно,—отвѣтилъ Мамедъ:—но плохо то, что, по его приказанію, рабочіе, проводящіе борозды, выбрасываютъ въ рѣку массу костей, оставшихся тутъ послѣ павшихъ въ 1839 году храбрецовъ. Въ Апильтѣ мнѣ рассказывали, что недавно рабочіе наткнулись на хорошо сохранившійся трупъ русскаго офицера въ казачьей формѣ и отправили его тою же дорогою, т.-е. въ рѣку.

— Это, дѣйствительно, не хорошо. Эти кости слѣдовало бы собрать и похоронить, а на скалѣ поставить памятникъ, достойный разыгравшейся тутъ драмы и проявленной съ обѣихъ сторонъ храбрости.

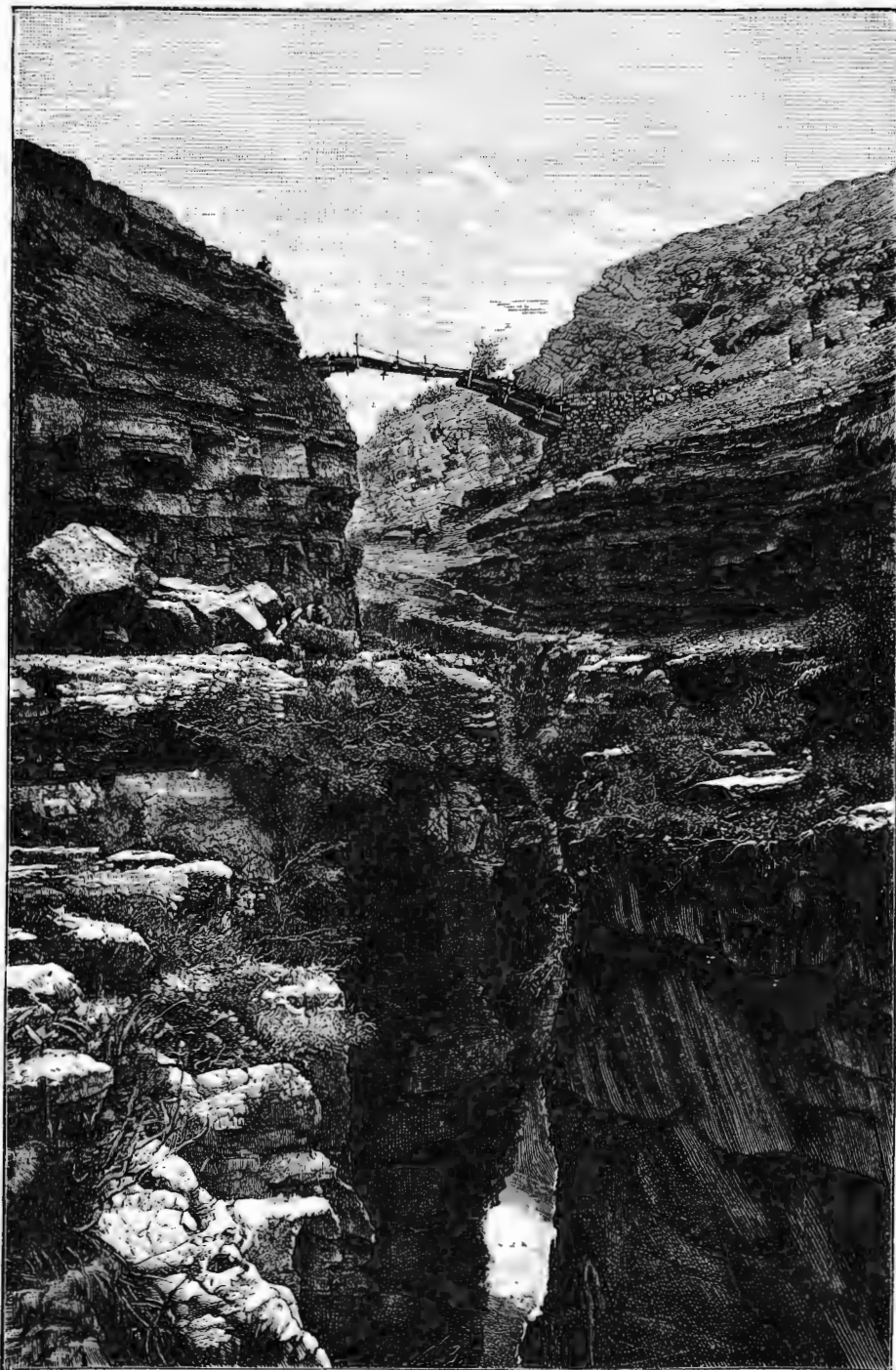
— Да,—замѣтилъ А*,—защита и взятіе Ахульго—одна изъ славнѣйшихъ страницъ кавказской войны, приносящая одинаковую честь, какъ нашему, такъ и горскому оружію. Вы знаете, конечно, эту знаменитую экспедицію?

Хотя я и читаль когда-то о ней, но подробностей не зналь и просилъ посвятить меня въ нихъ.

— Къ 1839 году,—началь А*,—когда мы сошли съ лошадей и легли на буркѣ, въ виду грозной скалы: къ 1839 году Шамиль достигъ большой власти въ горахъ, особенно вслѣдствіе нашихъ малоудачныхъ экспедицій 1837 года. Чтобы сокрушить его власть однимъ ударомъ, къ лѣту того же 1839 года предпринята была большая экспедиція въ горы, во главѣ которой поставленъ былъ генераль-адъютантъ Граббе, одинъ изъ выдающихся нашихъ полководцевъ.

— Шамиль, узнавъ объ этомъ, собралъ подъ своими знаменами большое войско, а нѣкоторымъ племенамъ приказаль дѣйствовать на тылъ и на фланги русскаго отряда. Но, не довольствуясь этимъ, онъ призваль на помощь инженерное искусство и воздвигъ среди этихъ горъ и твердынь искусственныя сооруженія, предъ которыми русскіе должны были простаивать цѣлыми мѣсяцами. Особенно сильно онъ укрѣпилъ Гимры, Аргуани,—ауль на южномъ склонѣ Салатавскаго хребта,—и эту Ахульгинскую скалу.

На Ахульго Шамиль особенно рассчитываль. Обратившись къ помощи искусныхъ польскихъ инженеровъ, которые явились на Кавказъ продолжать войну 1832 года, имамъ выстроилъ рядомъ съ старымъ Ахульго, разрушеннымъ ген. Фези въ 1837 году, новый замокъ и сильно укрѣпилъ какъ тотъ, такъ и другой. Образовалось

Ахульгинскій мостъ.

настоящее дьявольское гнѣздо, созданіе самой причудливой фантазіи, которое никакое перо не въ состояніи описать. Самый цвѣтъ муридизма собрался въ этомъ каменномъ гнѣздѣ, и здѣсь же были помѣщены заложники тѣхъ племенъ, которымъ Шамиль не особенно довѣрялъ... Но ничто не помогло грозному имаму.

Русскія войска вступили въ горы въ началѣ мая и только черезъ мѣсяць, послѣ многихъ стычекъ и кровопролитнаго столкновенія съ самимъ Шамилемъ у сел. Аргуана, подошли къ Ахульго. Но тутъ при одномъ ужь осмотрѣ Граббе убѣдился въ невозможности взять его приступомъ. Поэтому онъ рѣшилъ блокировать имама въ гнѣздѣ, а тѣмъ временемъ вытребовать себѣ новыя подкрѣпленія. Тотчасъ же приступили къ правильнымъ осаднымъ работамъ и продолжали ихъ непрерывно около мѣсяца, послѣ чего рѣшено было произвести штурмъ. Штурмъ этотъ состоялся 16 іюля, но кончился полною неудачей: первые два баталіона, двинувшіеся въ атаку по узкой тропинкѣ, положительно были превращены въ битки. Тогда Граббе рѣшилъ еще болѣе стѣснить блокаду и ждать для приступа другого болѣе благоприятнаго момента. Въ это же время ему удалось перекинуть мостъ черезъ койсу и окончательно замкнуть горцевъ въ ихъ каменномъ гнѣздѣ, а затѣмъ наши траншеи и батареи стали все ближе придвигаться къ главнымъ укрѣпленіямъ муридовъ. Видя всю безвыходность своего положенія, Шамиль вошелъ въ переговоры съ ген. Граббе и даже выдалъ ему аманатомъ (золожникомъ) своего сына Джемаль-Эддина ¹⁾. Но, несмотря на это, военныя дѣйствія продолжались съ обѣихъ сторонъ, и къ 17 августа наши траншеи придвинулись въ плотную къ главнымъ укрѣпленіямъ горцевъ. Съ этого момента начался страшный приступъ, который продолжался нѣсколько дней и окончился взятіемъ Ахульго. Последнія самыя отчаянныя дѣйствія припелись на 23 августа. Горцы, ослабленные численно, не упали духомъ и дрались ожесточенно, какъ тигры. Съ обѣихъ сторонъ было проявлено величайшее мужество и полнѣйшее презрѣніе къ смерти. Среди горцевъ было замѣтно немало женщинъ въ развѣвавшихся платьяхъ. Стоя на остроконечныхъ камняхъ и держа въ рукахъ пашки или ружья, онѣ разжигали мужество въ своихъ братьяхъ и мужьяхъ и съ бѣшенствомъ отталкивали тѣхъ, которые падали духомъ и отступали. Мнѣ помнится рассказъ одного изъ участниковъ этого сраженія, который говорилъ, что въ теченіе всей своей скитальческой жизни онъ ни разу не присутствовалъ при такомъ ужасномъ зрѣлищѣ, какъ штурмъ

¹⁾ Ему было тогда 7 лѣтъ. Онъ такъ и остался въ русскихъ рукахъ, получилъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ и вышелъ офицеромъ въ гвардейскій уланскій полкъ. Лишь въ 1855 году, съ большимъ горемъ, хотя и по собственному желанію, возвратился онъ къ отцу, когда тотъ потребовалъ выдачи его взаменъ захваченныхъ въ Цинондалахъ (въ Кахетин) въ 1854 году княгини и княженъ Чавчавадзе.

Ахульго. И если потомъ онъ вспоминалъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ боя,—дрожь ужаса пробѣгала по его тѣлу. Но тогда онъ превратился въ звѣря и, забывъ всякое человѣческое чувство, лѣзъ на укрѣпленіе, кушаясь въ крови и топча подъ ногами трупы раненыхъ и умиравшихъ. Одна картина особенно врѣзалась ему въ память.

Незадолго передъ концемъ битвы рассказчикъ двигался во главѣ остатковъ баталіона по крутому, почти отвѣсному скату. Неприятельская артиллерія замолчала въ эту минуту, и вѣтеръ равогналъ на мигъ густыя тучи дыма, которыя охватывали, какъ завѣса, все мѣсто боя. И вотъ тутъ онъ увидалъ у себя надъ головой на небольшой площадкѣ, выдавшейся надъ бездонной пропастью, группу женщинъ, рѣшившихся лучше погибнуть, чѣмъ сдаться въ руки враговъ. Полуобнаженные, съ длинными развѣвающимися волосами и дикимъ выраженіемъ лицъ, онѣ съ поднятымъ вверхъ оружіемъ напоминали ангеловъ мстителей. Четыре изъ нихъ катили большой камень, который черезъ минуту полетѣлъ внизъ, на русскія войска, выхватывая массу жертвъ. А одна, стоявшая раньше въ бездѣйствіи, глядя на эти сцены крови и убійства, схватила своего ребенка, который цѣплялся за ея платье, разбила ему голову о камень и, бросивъ его трупъ въ пропасть, сама кинулась вслѣдъ за нимъ... Ея примѣру послѣдовало еще нѣсколько женщинъ... Но, наконецъ, бой прекратился. Ахульго былъ взятъ, но Шамиля нигдѣ не могли найти—ни среди убитыхъ, ни въ пещерахъ и траншеяхъ горы. Долго не могли понять, какъ ему удалось скрыться, и только потомъ стало извѣстно, что онъ ночью, предвидя неминуемую гибель, собралъ полтора ста самыхъ вѣрныхъ муридовъ, взялъ двухъ своихъ женъ и двоихъ сыновей и по веревкамъ спустился на берегъ койсу. Съ нашей стороры не ждали такого отчаяннаго шага, почему въ томъ мѣстѣ стояли только рѣдкіе пикеты. Бѣглецы бросились на эти пикеты и перебили ихъ, хотя тѣ дорого продали свою жизнь, положивъ на мѣстѣ нѣсколько муридовъ, убивъ одну изъ женъ Шамиля и тяжело ранивъ сына... Взятіе Ахульго стоило намъ 150 штабъ и оберъ-офицеровъ и болѣе 2.000 солдатъ.

— Куда же бѣжалъ Шамиль? — спросилъ я, когда А* кончилъ свой рассказъ.

— Онъ бѣжалъ въ ближайшій аулъ Чиркатъ, а затѣмъ долго скитался въ горахъ, не зная, гдѣ преклонить свою голову. Но потомъ чеченцы, среди которыхъ стали распространяться слухи, будто русскіе намѣрены обратить ихъ въ крѣпостныхъ и обложить рекрутскою повинностью, пригласили его къ себѣ и предложили стать во главѣ ихъ. Такимъ образомъ, въ началѣ 40-го года имамъ вновь стоялъ противъ насъ съ оружіемъ въ рукахъ и на 19 лѣтъ затянулъ покореніе Кавказа...

— Странно,—сказалъ я:—что такую славную страницу изъ нашей военной исторіи ничѣмъ не увѣковѣчили. Какъ было не по-

ставить здѣсь хоть какой нибудь памятникъ, который напоминать бы объ удивительномъ геройствѣ русскихъ войскъ и отчаянной храбрости нашихъ противниковъ-горцевъ?

— Да,—отозвался Мамедъ:—мы, горцы, думаемъ то же самое, и этотъ памятникъ пользовался бы среди окрестнаго населенія большимъ почетомъ... Не угодно ли будетъ вамъ пройти на самую скалу?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отозвался А*,—и не думайте объ этомъ. Это, во-первыхъ, возьметъ много времени, а намъ нужно спѣшить, чтобы засвѣтло добраться въ Гимры; а, во-вторыхъ, къ самой скалѣ ведетъ мостикъ ничуть не лучший, если не худшій, чѣмъ Согритлохскій слѣдовательно, вы все равно не рискнете перейти на скалу. Да и наконецъ скала хорошо видна и отсюда...

Я сдался на эти доводы, и мы, взглянувъ въ послѣдній разъ на грозную гору, тронулись въ дальнѣйшій путь—къ сел. Гимры, мѣсту рожденія перваго и послѣдняго имамовъ муридизма, Кази Муллы и Шамиля, и мѣсту смерти перваго изъ нихъ.

Но объ этомъ—въ слѣдующій разъ.

А. П. Андреевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ ЛАВРОВСКІЙ.

Некрологъ.

СЕНТЯБРЯ 18-го, въ селѣ Кочеткѣ, Харьковской губерніи, скончался одинъ изъ выдающихся научныхъ и педагогическихъ дѣятелей, одинъ изъ самыхъ «почтенныхъ ветерановъ» нашего учебного вѣдомства. Мы разумѣемъ ординарнаго академика и попечителя Рижскаго учебнаго округа, Николая Алексѣевича Лавровскаго.

Покойный родился въ 1825 году ¹⁾, въ семьѣ сельского священника Тверской епархіи. По окончаніи курса наукъ въ Тверской духовной семинаріи, онъ былъ опредѣленъ въ Главный Педагогическій институтъ, который и окончилъ въ 1851 г. съ золотомъ медалью. Пробывъ затѣмъ годъ адъюнктомъ по кафедрѣ греческой и римской словесности и древностей въ томъ же институтѣ, Н. А. Лавровскій въ концѣ 1852 г. перешелъ адъюнктомъ въ Харьковскій университетъ и здѣсь оставался до 1875 года.

¹⁾ Во всѣхъ почти газетныхъ некрологахъ годъ рожденія Н. А. Лавровскаго былъ отмѣченъ 1828, а въ «Рижскомъ Вѣстникѣ» (№ 204, 20 сентября) даже 1833. Но это не вѣрно, равно не вѣренъ годъ и 1827, который находимъ въ біографической замѣткѣ г. Сребницкаго, помѣщенной въ книгѣ: «Лицей князя Безбородко въ Нѣжинѣ» (СПб., 1881 г., 2-е изд.). По наведеннымъ нами справкамъ въ архивѣ С.-Петербургскаго университета, въ дѣлахъ бывшаго Главнаго Педагогическаго института нашлись два аттестата, выданные 24 іюня 1851 г. Н. А. Лавровскому и его брату Петру Алексѣевичу, одновременно съ нимъ окончившему курсъ въ томъ же институтѣ. Изъ нихъ видно, что Николаю Алексѣевичу въ то время было 25 лѣтъ отъ роду, а Петру Алексѣевичу 24. Эти свѣдѣнія подтвердили намъ и родственники покойнаго академика, указавшіе дату его рожденія еще болѣе точно—21 ноября 1825 года.

Эти 22 года, совпавшіе съ лучшими годами его жизни, съ расцвѣтомъ его зрѣлаго возраста и таланта, были временемъ проявленія наиболѣе широкой и энергичной дѣятельности покойнаго не только въ области преподаванія, — сначала по каедрѣ педагогики, а затѣмъ русской словесности, — и административно-педагогическаго служенія университету въ должности секретаря и декана факультета, члена испытательныхъ комиссій и т. п., но и въ области научныхъ занятій, и въ то же время связали его имя съ Харьковскимъ университетомъ «прочными неразрывными узами».

Въ 1875 г. юридическій лицей князя Безбородко былъ преобразованъ въ историко-филологическій институтъ, и директоромъ-устроителемъ этого новаго учебнаго заведенія былъ назначенъ Н. А. Лавровскій. Онъ съ свойственными ему энергіей и умѣньемъ принялся за организацію института и достигъ того, что въ исторіи послѣдняго его директорство можетъ считаться лучшею и наиболѣе блестящею эпохою. Онъ привлекъ въ институтъ выдающіяся научныя силы—Грота, Будиловича, Брандта, Зенгера, Фогта и др., сумѣлъ возвысить число студентовъ до наибольшаго комплекта, создалъ печатный органъ института «Извѣстія», въ которомъ находили мѣсто труды институтскихъ профессоровъ и преподавателей, завелъ студенческіе литературные вечера, весьма понравившіеся и мѣстной публикѣ и несомнѣнно служившіе важнымъ связующимъ звеномъ въ отношеніяхъ студентовъ съ мѣстнымъ интеллигентнымъ обществомъ, и съ успѣхомъ руководилъ гимназіей при институтѣ, гдѣ его покровительствомъ пользовались всѣ учащіеся, хотя бы только отчасти проявившіе наибольшій интересъ къ одному изъ предметовъ гимназическаго курса. Насколько тогда дружно жили съ директоромъ учащіе и учащіеся института, показываетъ уже то, что съ переходомъ его въ Варшаву перешли туда и многіе изъ нѣжинскихъ преподавателей и студентовъ. Очевидно, и для самого Н. А. Лавровскаго время директорства въ Нѣжинскомъ институтѣ оставило немало пріятныхъ воспоминаній. До послѣднихъ дней, какъ передавалъ намъ одинъ изъ его учениковъ, всякій «нѣжинецъ» находилъ у него широкое покровительство.

Пробывъ около года въ отставкѣ, Н. А. Лавровскій въ 1883 г. получилъ новое назначеніе — ректора Варшавскаго университета, гдѣ читалъ также лекціи по исторіи древней русской словесности, останавливаясь преимущественно на апокрифической литературѣ и духовныхъ стихахъ. Природныя мягкость и добродушіе, постоянная ровность въ обращеніи и полное безпристрастіе болѣе всего помогали покойному въ сохраненіи спокойной и плодотворной по своей дѣятельности университетской жизни и стяжали ему и здѣсь всеобщую любовь.

Черезъ семь лѣтъ Н. А. Лавровскій былъ призванъ къ новой, болѣе широкой дѣятельности, требовавшей и большаго умѣнья—

ладить съ иноплеменнымъ элементомъ. Назначенный попечителемъ Дерптскаго, нынѣ Рижскаго, учебнаго округа, онъ явился достойнымъ преемникомъ М. Н. Капустина и съ успѣхомъ продолжалъ дѣло распространенія русскаго просвѣщенія въ Прибалтійскомъ краѣ,

Николай Алексѣевичъ Лавровскій.

по введенію, главнымъ образомъ, преподаванія русскаго языка, какъ въ среднихъ, такъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и по преобразованію рижскаго политехникума.

Научная дѣятельность покойнаго академика (онъ былъ избранъ Академіею Наукъ ординарнымъ академикомъ по отдѣленію русскаго

19*

языка и словесности въ 1890 г.) была посвящена, главнымъ образомъ, двумъ областямъ — исторіи русской словесности и исторіи образованія и просвѣщенія въ Россіи. Первыя¹⁾ его научныя изслѣдованія, двѣ диссертациі на ученныя степени магистра и доктора русской словесности: «Разсужденіе о византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками» (Спб., 1853 г.; первоначально была напечатана въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ», т. II) и «О древне-русскихъ училищахъ» (Спб., 1854 г.; первоначально *ibidem*, т. IV), — до сихъ поръ считаются руководящими. Последнее важно еще и потому, что въ немъ изслѣдователь однимъ изъ первыхъ у насъ обратился къ аналогіямъ изъ византійскаго быта и такимъ образомъ ввелъ въ науку новый приемъ, давшій впоследствии значительные результаты.

Цѣннымъ дополненіемъ этого труда были напечатанные въ 1861 г. «Памятники стариннаго русскаго воспитанія» (въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей російскихъ», № 3), гдѣ подробно описаны рукописные сборники, хранящіеся въ Императорской Публичной Библіотекѣ и касающіеся стариннаго русскаго воспитанія. Изъ области древне-русской литературы Н. А. Лавровскій остановилъ свое вниманіе на тѣхъ памятникахъ, которые особенно интересовали стариннаго русскаго грамотея, а именно на памятникахъ апокрифической литературы. Составленное имъ «Обозрѣніе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ» (Харьковъ, 1864 г.) и теперь пользуется значеніемъ полезнаго пособія при изученіи памятниковъ этого рода. Весьма важными изслѣдованіями считаются и его труды: «О Петровскихъ пѣсняхъ» (въ «Филологическихъ Запискахъ», 1872 г., № 2 и отд.; написано по поводу выхода въ свѣтъ «Пѣсенъ» Кирѣевскаго), «О русской народной поэзіи» (*ib.*, 1868 г., № 2), «Замѣтки о текстѣ русскихъ былинъ» (въ «Извѣстіяхъ» Нѣжинскаго историко-филологическаго института, т. I, 1877 г. и отд.) и «Критическія и библиографическія замѣтки о новомъ чешскомъ переводѣ «Слова о полку Игоревѣ»» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1870 г., № 10, стр. 176—302).

Изъ писателей и дѣятелей XVIII в. особенное вниманіе Н. А. Лавровскаго привлекали М. В. Ломоносовъ и императрица Екатерина Великая. Въ сборникѣ, вышедшемъ въ Харьковѣ въ 1865 г., ему принадлежатъ: «Нѣсколько словъ о Ломоносовѣ и значеніи его литературной дѣятельности» и «О трудахъ Ломоносова по грамматикѣ русскаго языка и по русской исторіи». Въ томъ же году онъ первый сдѣлалъ попытку воспользоваться новыми документами для біографіи великаго писателя русскаго просвѣщенія въ прошломъ

¹⁾ Первымъ печатнымъ трудомъ Лавровскаго была его статья: «Объ избраніи Михаила Феодоровича на царство», напечатанная въ «Опытахъ историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго института», въ 1852 г.

вѣкъ и выпустилъ, по отзыву О. О. Миллера (см. его ст. «Ломоносовъ и реформа Петра Великаго» въ «Вѣстникѣ Европы», 1866 г., № 3), «прекрасную» книгу: «Ломоносовъ по новымъ матеріаламъ», въ которой разсмотрѣлъ его жизнь и дѣятельность по возможности «со всѣхъ сторонъ съ величайшею добросовѣстностью и безпристрастіемъ».

Въ трудѣ «О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой» (Харьковъ, 1856 г.) Н. А. Лавровскій сперва указываетъ общее отношеніе произведеній императрицы къ состоянію русскаго образованія въ ея время, а затѣмъ отличаетъ, съ одной стороны, связь ея педагогическихъ идей съ идеями западно-европейскихъ мыслителей XVIII вѣка, а съ другой—ту долю самостоятельности, которая проявляется въ ея воззрѣніяхъ. Высказанныя здѣсь сужденія Николая Алексѣевича стали съ тѣхъ поръ общепринятыми въ наукѣ.

Не безынтересна также его статья: «Къ біографіи Фонъ-Визина» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1872 г., № 4), написанная по поводу выхода свѣтъ переведеннаго Фонъ-Визинымъ соч. Куайе: «Торгующее дворянство противоположное дворянству военному».

Далѣе, изъ писателей XIX в. Н. А. Лавровскій посвятилъ цѣльныя изслѣдованія Крылову, Гоголю и Карамзину: «О Крыловѣ и его литературной дѣятельности» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1868 г., № 2), «Къ біографіи Н. В. Гоголя» (въ «Извѣстіяхъ» Нѣжинскаго историко-филологическаго института, т. V, 1881 г.) и «Карамзинъ и его литературная дѣятельность» (Харьковъ, 1866 г.).

Нѣсколько большее число его трудовъ въ области отечественнаго просвѣщенія и педагогики. Среди нихъ важнѣйшее мѣсто занимаютъ статьи, посвященныя исторіи первыхъ лѣтъ Харьковскаго университета и дѣятельности его основателя В. Н. Каразина и основанныя на строгомъ изученіи архивныхъ матеріаловъ: «Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1869 г., № 10); «В. Н. Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета» (ib., 1872 г., № 1 и 2); «О сношеніяхъ Н. М. Карамзина съ Харьковскимъ университетомъ» (въ «Русскомъ Архивѣ», 1869 г., № 12) и «Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета» (въ «Чтеніяхъ» Московскаго общества исторіи и древностей руссійскихъ», 1873 г., № 2 и отд.). Онъ, между прочимъ, первый поднялъ вопросъ, какъ свидѣтельствуеъ проф. Д. Багалъйи, о постановкѣ памятника Каразину. Точно также на архивныхъ данныхъ основана и его обширная статья: «Гимназія выспихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ 1820—1832 г.» (въ «Извѣстіяхъ» Нѣжинскаго института, т. III, 1879 г.).

Изъ педагогическихъ статей, какъ на наиболѣе выдающіяся, можно указать на «Мнѣніе о преподаваніи новаго періода русской

литературы» (въ «Циркулярѣ» по Харьковскому учебному округу, 1863 г., №№ 11 и 12), «Къ вопросу объ устройствѣ гимназій» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1867 г., № 10), «О педагогическихъ бесѣдахъ въ уѣздныхъ училищахъ» (ib., ч. СХ), «Обозрѣніе учительскихъ съѣздовъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ» (ib., ч. СХVII и СХVIII), «О прусскихъ регулятивахъ 1, 2 и 3 октября 1854 г.» (ib., ч. ХСVII) и др.

Кромѣ названныхъ трудовъ, отъ Н. А. Лавровскаго осталось нѣсколько статей, посвященныхъ и русской исторіи: таковы: «Замѣчаніе о гирѣ Константина Багрянороднаго» (ib., 1873 г., № 3), «Опытъ русской исторіи Рейта. Specimen historiae Rossorum, pars prius». Харьковъ, 1811 г. (ib., 1874 г., № 1) и «Кирилль и Меодій и начало христіанства въ Россіи» (въ «Кирилло-Меодіевскомъ сборникѣ», изданномъ Варшавскимъ университетомъ въ 1885 г.).

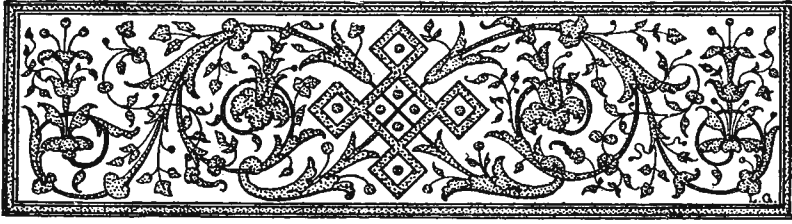
Этимъ, конечно, не исчерпывается учено-литературная дѣятельность покойнаго академика. Помимо привѣтственныхъ рѣчей и некрологовъ объ А. П. Рославскомъ-Петровскомъ, А. Д. Деларю, А. П. Зернинѣ и Эрбенѣ, мы находимъ рядъ его болѣе мелкихъ статей въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», которыя онъ цензуровалъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1856—1858 г.), «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Москвитянинѣ», «Лѣтописяхъ русской литературы и древности», изд. Н. С. Тихонравовымъ («Повѣсть о чудотворномъ образѣ Богородицы, находившемся въ Выдропускѣ»), «Варшавскомъ Дневникѣ» и др.

Какъ человѣка, Николая Алексѣевича всѣ почти знавшіе его въ одинъ голосъ характеризуютъ въ высшей степени добрымъ, привѣтливымъ, «непоколибимо» честнымъ, правдивымъ, «крайне скромнымъ и непритязательнымъ» и въ то же время твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ и принципахъ.

Н. А. Лавровскій былъ почетнымъ членомъ Харьковскаго университета, членомъ обществъ: Московскаго исторіи и древностей російскихъ, Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ, Историко-филологическаго при Харьковскомъ университетѣ и др., почетнымъ членомъ находящихся подъ высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Прибалтійскихъ православныхъ братствъ Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери и почетнымъ мировымъ судьей Рижско-Вольмарскаго судебно-мирового округа.

В. Е. Рудаковъ.

НАКАНУНЪ ГИМНАЗИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ.

I.

ОДЪ ТОМУ назадъ, на страницахъ «Историческаго Вѣстника» пишущій эти строки напечаталъ статью «Недуги средняго образованія», гдѣ по поводу нѣсколькихъ нововышедшихъ книгъ и журнальныхъ статей далъ посильный сводъ недостатковъ дѣйствующей системы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нынѣ приходится вновь возвратиться къ той же темѣ, такъ какъ, если въ прошломъ году книги и статьи давали поводъ публицисту затрогивать одинъ изъ самыхъ большихъ и насущныхъ вопросовъ русской жизни, то тѣмъ паче не только позволено, но и должно сдѣлать это теперь, когда вопросъ о неотложности реформы средней школы поставленъ безповоротно на очередь самимъ правительствомъ. Мы имѣемъ пока въ наличности знаменательный циркуляръ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ округовъ и, какъ прямое слѣдствіе его, цѣлый рядъ совѣщаній гг. педагоговъ именно по вопросу о реформѣ средней школы. Матеріаль такъимъ образомъ какъ будто невеликъ въ своемъ объемѣ, но онъ знаменателенъ по своему историческому значенію и своими будущими слѣдствіями: мы въ школьномъ дѣлѣ вступаемъ на рубежѣ вѣка въ новую историческую фазу существованія, которая, по всѣмъ имѣющимся нынѣ даннымъ, должна быть свѣтлѣе и радостнѣе только что пережитой.

Связывая такимъ образомъ настоящій очеркъ съ статьей «Недуги средняго образованія», я не стану повторять въ подробностяхъ

всего того, что сказано годъ тому назадъ, но нѣкоторое краткое резюме, думается мнѣ, все же будетъ небезполезно, такъ какъ яснѣе освѣтитъ то дальнѣйшее, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Минуя историческую часть дѣла и обращаясь къ знаменитой въ своемъ родѣ реформѣ гр. Д. А. Толстого, предназначавшейся якобы къ укрѣпленію распатанныхъ устоевъ нашего отечества, отмѣтимъ, что министерство графа, провозгласивъ принципъ гуманности для школы, положило этотъ принципъ исключительно въ изученіи классической филологіи и фонологіи. Этимъ способомъ была произведена удивительно ловкая фальсификація классической образованности, фальсификація, сваренная притомъ исключительно въ министерскихъ нѣдрахъ, далеко отъ общественнаго контроля и при полной общественной безгласности. Обдуманная въ тишинѣ петербургскихъ канцелярій и редакціоннаго кабинета на Страстномъ бульварѣ, скроенная по внѣшнему (и только по внѣшнему!) шаблону прусскихъ гимназическихъ программъ, новая система, къ вящему посрамленію Россіи, была отправлена на просмотръ и одобреніе нѣмецкихъ умниковъ за границу, откуда уже она вернулась домой мытая въ трехъ нѣмецкихъ водахъ и отжатая отъ всего русскаго, національнаго.

Самобытно-національное, если только его была крошка въ редактированныхъ на нѣмецкій ладъ программахъ, было старательно вытравлено, а все остальное исключительно приноровлено къ «гимнастикѣ ума», предназначавшейся для полнаго обезличенія нашей учащейся молодежи, съ провозглашеніемъ культа средняго чело-вѣка, хотя и умнаго какъ будто, но безвольнаго и безиниціативнаго. Древніе языки, положенные въ центръ системы, рѣшительно задавили собою всякое отечествовѣдѣніе: православное исповѣданіе, русская рѣчь и литература, русская исторія съ ея преданіями и живыми свидѣтельствами, описанія родной земли—все было отодвинуто на задній планъ и принесено въ жертву формальной классической фонологіи и филологіи. Но при этомъ, какъ сказано выше, этотъ классицизмъ былъ не настоящій, какимъ онъ нѣкогда возросталъ на своей западной родинѣ, а фальсифицированный: чтенію классиковъ, переводамъ съ древнихъ языковъ на родной отводилось микроскопически малое мѣсто, а превыше всего поставлено самое подробное изученіе, во всевозможныхъ вариантахъ и со всевозможными исключеніями, правилъ грамматическихъ. На древніе языки возложена была такимъ образомъ двойная задача: съ одной стороны, служить орудіемъ развитія умственныхъ силъ юношества, а съ другой—вытравить изъ этого юношества все самостоятельно-живое, приравненное почему-то къ опасному и разрушительному, пагубному для отечества. Поскольку изъ такой постановки вопроса вышли дѣйствительно-умные люди—судить, конечно, трудно, но что эти люди лишились всякой творческой идеи, истинной любви къ отечеству и

силы національнаго сопротивленія—это несомнѣнно. Отсюда же въ значительной степени почерпнула свое происхожденіе религіозная пассивность.

Школа, основанная на такихъ аномальныхъ началахъ, не могла быть воспріята обществомъ, какъ нѣчто, органически ей сродное, почему ее и пришлось чисто искусственно, механически вдвинуть въ русскую жизнь. Благодаря этому, такая школа обратилась въ огромную мастерскую со всѣми атрибутами мастерской, ремесленниками и мертвыми инструментами, работающими и выполняющими заказы по рецептамъ и методамъ, посылаемымъ изъ министерской канцеляріи Петербурга. Учитель обращенъ въ министерскаго чиновника, не смѣющаго имѣть своего сужденія, своихъ педагогическихъ методовъ и взглядовъ, но обязательно во всемъ долженствующаго слѣдовать указаніямъ лицъ, изготовляющихъ петербургскіе циркуляры, хотя бы эти лица были совершенно не причастны и некомпетентны въ педагогическомъ дѣлѣ. Формальное соотношеніе министерства, какъ административной руководящей и контролирующей инстанціи, и преподавательскаго состава, какъ живой дѣйствующей силы, стало однимъ изъ величайшихъ золъ жизни. Такимъ образомъ, вмѣсто живого педагогическаго дѣла министерство гр. Толстого создало обширный канцелярскій механизмъ, гдѣ все было приноровлено и прилажено въ томъ расчетѣ, чтобы имъ замѣнить живыхъ людей, живыя дѣйствія и жизненныя ощущенія.

Уничтоживъ въ школѣ «учителя», какъ живую творящую силу, система гр. Толстого призвала, вдобавокъ, себѣ на помощь въ качествѣ руководителя и почетнаго гостя иностраннаго пришельца, которому и довѣрила главное руководство умственнымъ развитіемъ юношества. За упраздненіемъ въ Россіи всякаго педагогическаго разсадника и съ возбужденіемъ нѣкотораго рода опалы на домашнихъ педагоговъ, какъ на лицъ, не заслуживающихъ довѣрія, патентомъ мудрости, благонамѣренности и опытности было признано австрійское свидѣтельство, широко открывшее двери вторженію въ наше отечество цѣлому потоку западныхъ славянъ, которые и стали излюбленными людьми министерства гр. Толстого. Эти господа, сами по себѣ, можетъ быть, и очень достойные, произвели настоящее опустошеніе въ русской школѣ, напавъ убивъ здѣсь національные элементы—любовь къ родному языку, литературѣ, исторіи, отечествовѣдѣнію. Министерство графа не приложило ни малѣйшаго труда къ созданію мощнаго педагогическаго слоя; въ живыхъ людяхъ оно не нуждалось, полагая, что дѣйствующая система хорошо сцементирована циркулярами и распоряженіями. Съ этого момента русская школа теряетъ живую душу—учителя, который насильственно обращается въ простое послушное «орудіе исполненія».

Рядомъ съ этими бѣдами, постигшими подростящее и учащееся юношество, на него сваливается новое горе: изъ школы

исчезаетъ хорошо и съ любовью составленный учебникъ, вмѣня котораго сюда въ удивительномъ обиліи вѣдряется спекулятивная макулатура, сплошь и рядомъ служащая рекомендательной вивитной карточкой на полученіе высшей должности въ педагогической администраціи. Та учебная или ученая инстанція, вѣдѣнію которой подлежатъ всѣ гимназическіе учебники, относится къ своему дѣлу съ умилительной снисходительностью. Одну категорію учебниковъ, исключительно въ силу того, что на нихъ почіетъ благодать казенной благонамѣренности, эта инстанція объявляетъ излюбленными и стоящими вѣ конкурса, хотя доброкачественность содержимаго здѣсь болѣе чѣмъ сомнительна; къ другой категоріи она относится совершенно безразлично и вездѣ ставитъ штампъ: одобряется и рекомендуется. Благодаря этому тароватому штампу, въ нѣкоторыхъ предметахъ преподаванія, какъ, на примѣръ, въ преподаваніи русскаго языка, произошла удивительная путаница изъ-за всевозможныхъ правилъ, другъ другу противорѣчащихъ, но одинаково «одобренныхъ» и «рекомендованныхъ». Явилась на свѣтъ Божій еще одна серія учебниковъ, чрезвычайно типичныхъ, составленныхъ спеціально въ надеждѣ на карьеру. Когда выяснилось, что только древніе языки суть предметы привилегированные, и полученіе повышенія въ педагогической іерархіи связано съ преподаваніемъ одного изъ древнихъ языковъ, то многіе набросились на фабрикацію учебниковъ по этимъ предметамъ, записавъ себя совершенно неожиданно въ цехъ знатоковъ латинской и греческой филологіи. Учебники эти состряпаны были по плохимъ прусскимъ и австрійскимъ шаблонамъ и менѣе всего имѣли въ виду пользу русскаго юношества и русскаго языка, но за то они достигали ближайшей практической цѣли, т. е. открывали дорогу къ инспекторству и директорству.

Заканчивая свой очеркъ «Недуги средняго образованія», общія положенія котораго приведены выше, я говорилъ: «Построенная по чужестранному образцу, съ двумя фальшивыми принципами въ основаніи, механически вдвинутая въ нашу общественную жизнь, безъ живыхъ людей, какъ исполнителей, съ никуда негодными орудіями просвѣщенія въ видѣ безобразныхъ учебниковъ, наша школа нуждается въ радикальномъ лѣченіи, гдѣ не должно быть мѣста ни палліативамъ, ни системѣ отсрочекъ». Это говорилось тогда, когда въ воздухѣ лишь чувствовалось нѣкоторое волненіе въ области русскаго педагогика, но когда рѣшительно было неизвѣстно, какой курсъ возьметъ въ больномъ вопросѣ нынѣшнее министерство народнаго просвѣщенія. Нынѣшніе дни не оставляютъ въ томъ сомнѣнія, и публицисту приходится бесѣдовать съ читателями, имѣя подъ ногами твердую почву въ вопросѣ. Знаменательный циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, Н. П. Боголѣпова, попечителямъ округовъ, произведшій при всей его сдержанности такое глубокое впечатлѣніе

въ русскомъ обществѣ, дать окрѣпить нашему голосу и рисуеги намъ даже въ недалекомъ будущемъ наступленіе лучшаго школьнаго дня.

II.

Но прежде чѣмъ привести здѣсь ниже этотъ циркуляръ и поведать читателямъ «Историческаго Вѣстника» тѣ нѣкоторыя его послѣдствія, которыя уже стали достояніемъ гласности, да позволено мнѣ будетъ въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ изложить здѣсь тѣ нѣкоторыя воспоминанія, которыя быстрымъ и невеселымъ роємъ толпятся сейчасъ въ головѣ, и которыя я старательно избѣгъ въ прошлой моей работѣ «Недуги средняго образованія».

Я былъ привезенъ изъ деревни въ сѣверную столицу съ спеціальною цѣлію помѣщенія въ одно изъ лучшихъ среднихъ учебныхъ заведеній начала семидесятыхъ годовъ, отвѣчавшихъ самоновѣйшимъ вѣяніямъ времени. Я былъ для своихъ лѣтъ чрезвычайно начитанъ, зналъ прекрасно два новыхъ языка—французскій и нѣмецкій, при чемъ послѣдній какъ-то особенно слился съ моею дѣтскою душою, сдѣлавъ для меня представителей германскаго генія—Гете и Шиллера—людьми близкими, своими. Я наизусть валялъ цѣлыя поэмы и баллады, такъ что десятилѣтняго дичка возили къ специалистамъ на показъ: смотрите, молъ, и въ деревенскую глушь проникаютъ лучи европейскаго просвѣщенія!

Какъ способнаго къ воспріятію филологической науки, меня именно опредѣлили въ самую, что ни на есть классическую гимназію, на которую съ гордостію взирали министерскіе апостолы классицизма: она должна была давать примѣръ подражанія своимъ перереформированнымъ сестрамъ и на самомъ дѣлѣ, въ практическомъ примѣненіи, явить нашему отечеству высокіе образцы настоящихъ классическихъ «сливокъ ума», какъ принято было тогда говорить. Дабы ускорить темпъ моего классическаго развитія, меня на полгода отдали въ выучку къ нѣмцу-гувернеру, который за приличное, конечно, вознагражденіе быстро и основательно взялся подготовить меня ко второму классу, въ который, по сдачѣ весеннихъ вступительныхъ экзаменовъ, я дѣйствительно и былъ принятъ, сдѣлавшись такимъ образомъ классикомъ перваго Толстовскаго призыва. Съ этого момента я пробылъ въ гимназическомъ мундирѣ цѣлыхъ восемь лѣтъ, побывавъ при этомъ въ цѣлыхъ трехъ столичныхъ гимназіяхъ позапрошлаго десятилѣтія и изучивъ, слѣдовательно, весь ея духъ, бытъ, характеръ и строй насквозь. И что же? Какъ нѣкогда Помяловскій ненавидѣлъ свою дореформенную бурсу, такъ и я шлю проклятія тѣмъ казеннымъ стѣнамъ, куда я почти тридцать лѣтъ тому навадъ входилъ съ такой свѣжей душой, съ такимъ широкимъ запасомъ знаній и такой любовью къ Богу и людямъ!

Когда я читалъ циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія, немногіе, быть можетъ, такъ злорадно ликовали, какъ ликовалъ я: здѣсь, помоему, призвано къ отвѣту то страшное дѣло, которое такъ глубоко ненавижу за восемь лѣтъ страданій, калѣченія умственнаго и душевнаго. Школа поглотила или, по крайней мѣрѣ, старалась поглотить все то, что было вынесено изъ золотыхъ дней дѣтства: я вошелъ въ нее, какъ уже сказано выше, съ отличнымъ знаніемъ новыхъ языковъ; когда я съ ней черезъ 8 лѣтъ прощался, я ихъ рѣшительно забылъ, забылъ до того, что уже не могъ легко читать своихъ любимыхъ классиковъ, хотя на 5 и умѣлъ еще кое-какъ переводить неудобопонимаемые отрывки изъ «облегченныхъ» хрестоматій. Воспитанный въ религіозной средѣ и энтузіастъ по своей дѣтской природѣ, я получалъ изъ рукъ директора-чеха аттестатъ зрѣлости почти атеистомъ. Поставленный, въ силу счастливыхъ обстоятельствъ дѣтской обстановки, очень рано лицомъ къ лицу съ образцами классической культуры, въ видѣ лучшихъ западно-европейскихъ гравюръ, гдѣ вся исторія древности развертывалась въ прихотливыхъ образахъ и положеніяхъ, я за все время гимназической дрессировки, рѣшительно ни отъ кого не слышалъ ни слова объ античной культурѣ. Краткія свѣдѣнія объ этомъ были преподаны развѣ только въ учебникѣ г. Иловайскаго по «Древней исторіи». Больше того: одинъ очень знаменитый педагогъ, составившій обширнѣйшую грамматику, по которой мы старательно изучали всевозможныя исключенія, буквально преслѣдовалъ меня даже за умѣніе хорошо переводить *à livre ouverte*. По его мнѣнію, это умѣніе было совершеннѣйшіе пустяки для того, кто владѣлъ французскимъ языкомъ. Эти мои переводы имъ совершенно не пѣнились, и онъ обрывалъ меня на второмъ или третьемъ стихѣ Овидія, которымъ я тогда увлекался, злобно, чуть не съ презрѣніемъ, заставляя обратиться къ фонетическому, этимологическому или къ синтаксическому разбору прочитаннаго, дѣлаясь тутъ до виртуозности придирчивъ. Онъ торжествовалъ: я оказывался въ этомъ разборѣ слабъ, обнаруживая забвеніе къ какимъ-то мудрымъ исключеніямъ, благодаря чему отправлялся отъ каедры къ себѣ на парту посрамленнымъ, съ единицей или двойкой въ графѣ отмѣтокъ! Чего нибудь болѣе возмутительнаго въ педагогическомъ отношеніи я и представить себѣ не могу: здѣсь грамматическому формализму приносилось въ жертву рѣшительно все—и любознательность ребенка, его самолюбіе, его склонности; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь во всемъ блескѣ и всей полнотѣ проявлялась классическая тенденція семидесятыхъ годовъ, по которой на все живое и внутренне-существенное накладывалась черствая узда, съ замѣной ихъ схоластикой во имя гимнастики памяти. Мой мучитель шелъ въ своей виртуозности еще далѣе. Онъ приносилъ въ классъ какую-то мудреную книгу (что бы я далъ теперь—взглянуть на нее хоть однимъ глазкомъ!) и, выбравъ, въ соотвѣтствіи съ про-

ходимыми правилами и исключеніями, ту или другую страницу, предлагалъ указать, какія и въ чемъ здѣсь заключены грамматическія ошибки!

Изъ всей серіи педагоговъ по древнимъ языкамъ я за свое время почти ни на одномъ не могу остановиться въ своей памяти съ любовью! Это была какая-то удивительная серія людей, въ которыхъ, повидимому, все живое было вытравлено министерскими инструкціями и которые взирали на ввѣренную ихъ попеченіямъ молодежь, какъ на какую-то мягкую безформенную массу, изъ которой имъ за опредѣленное вознагражденіе велѣно при помощи опредѣленныхъ твердыхъ орудій вылѣпить опредѣленные шаблоны-манекены. Были, конечно, и исключенія, но ихъ значеніе, нравственное, воспитательное, сводилось рѣшительно къ нулю.

Такъ, я помню одного латиниста-энтузіаста (онъ нынѣ уже мертвъ), который всѣми силами стремился вселить въ гимназистовъ старшихъ классовъ горячую любовь къ римской цивилизаціи и поклоненіе цѣлостности римскихъ учрежденій. Но его энтузіазмъ не могъ передаваться классу: всѣ непреложно видѣли, что передъ ними ненормальный человѣкъ, смѣшной въ своихъ восторгахъ и комичный въ средствахъ пропаганды. При помощи геометрическихъ фигуръ, концентрическихъ круговъ, параллельныхъ линій, перпендикуляровъ и треугольниковъ изображалъ онъ шалунамъ-гимназистамъ математическую правильность построенія стилистики Цезаря, Цицерона, Плавта и др., что, конечно, давало основаніе слушателямъ создавать изъ этого сочетанія филологіи съ математикой кучу анекдотическихъ курьезовъ или сводить уроки къ переливанію изъ пустого въ порожнее. Ловко и коварно поставленный вопросъ по поводу той или другой переводимой фразы о соотношеніи, наприимѣръ, данаго прошедшаго совершеннаго къ центру треугольника, вызывалъ со стороны энтузіаста-педагога восторженную іереміаду, съ подходящими къ случаю жестами и гримасами, а это въ свою очередь приводило классъ въ необыкновенно игривое настроеніе, смахивающее на балаганъ, гдѣ ученики были зрителями, а учитель комикомъ-актеромъ. И тѣмъ не менѣе, даже при такомъ ненормальномъ настроеніи классныхъ занятій, послѣднія все же давали хоть нѣкоторый результатъ, ибо въ классѣ въ данномъ случаѣ царилъ жизнь, дающая толчокъ развитію душевныхъ силъ.

Помню я еще, въ годъ моего выпуска, двухъ педагоговъ—одного поляка, другаго чеха, людей чрезвычайно симпатичныхъ, стоявшихъ къ классу въ близкихъ отношеніяхъ, умѣвшихъ по душѣ говорить съ своими слушателями, но въ данномъ случаѣ на глазахъ какъ будто разыгрывалась какая-то печальная драма: и учителя, и ученики откровенно сознавались другъ другу въ безсиліи при подобномъ строѣ учебнаго дѣла чтонибудь сдѣлать. Педагоги, напирая на переводы съ древнихъ языковъ на русскій, понимали, что, въ

сущности говоря, они нарушают волю министерства, и что судить ихъ учениковъ будутъ не по этимъ осмысленнымъ переводамъ, а по тѣмъ формальнымъ письменнымъ работамъ на выпускномъ экзаменѣ съ русскаго на латинскій или греческій, которыя имѣютъ поступить на контроль и судъ министерскихъ чиновниковъ. Ученики же, въ свою очередь, набивъ себѣ въ предшествовавшіе годы оскомину зубрежкой голыхъ правилъ и безчисленныхъ исключеній, тоже сознавали, что они идутъ къ порогу гимназіи безъ всякихъ осмысленныхъ знаній и даже безъ твердаго знанія того, на что потрачено столько силъ и годовъ.

Удивительное дѣло! гимназическая система, какъ она построена была графомъ Толстымъ и его единомышленниками, привела нашу школу къ полному банкротству, гдѣ даже не уцѣлѣла биржевая стоимость классическихъ цѣнностей. Все быстро пошло на пониженіе, увлекая за собою даже то, на укрѣпленіе чего положено было столько средствъ,—классическую филологію. Теперь ни въ комъ не вызываетъ сомнѣнія, что наши гимназисты выходятъ въ высшія заведенія съ полнымъ незнаніемъ древнихъ языковъ. Въ этомъ на первый взглядъ абсурдѣ кроется вмѣстѣ съ тѣмъ глубокой учительный примѣръ нынѣшнему времени, когда по всѣмъ пунктамъ происходитъ пересмотръ учебнаго строя.

Система графа Толстого, собственно, стала расплзаться черезъ нѣсколько лѣтъ, и при томъ очень краткихъ, послѣ ея введенія, и приходилось употреблять чрезвычайныя усилія, чтобъ съ неослабной энергіей тормозить ея окончательное крушеніе. Механически вдвинутая въ жизнь, она встрѣтила страшное сопротивленіе со стороны этой жизни, такъ какъ по извѣстному закону ничто живое не мирится съ мертвымъ. Печать, правда, не смѣла громко говорить противъ классицизма семидесятыхъ годовъ — въ этомъ отношеніи были приняты крутыя репрессивныя мѣры, но вѣдь общество въ лицѣ его живыхъ представителей никто не могъ заставить молчать. И вотъ гимназистамъ-классикамъ, даже помимо ихъ личнаго желанія, была пожалована общественная кличка—«бѣднячкихъ», «замученныхъ». Они сдѣлались въ своемъ родѣ маленькими героями, на головы которыхъ сыпались ласки, утѣшенія, слезы и вздохи. Маленькая армія школьниковъ быстро и отлично ориентировалась въ начавшейся борьбѣ между обществомъ и школой: въ лицѣ большинства своихъ представителей она перешла къ пассивному сопротивленію, т. е. попросту забастовала по всѣмъ наукамъ безъ исключенія. Этой пассивной забастовкѣ, совершившейся безъ всякаго уговора, а бессознательно—стихийно, въ значительной степени содѣйствовалъ и разладъ въ нѣдрахъ самой школы, которая раздѣлилась на два лагеря. Въ одномъ были привилегированные педагоги-классики, на долю которыхъ удѣлялись всяческія житейскія милости, въ другомъ—остальной педагогическій персоналъ, чье преподаваніе сво-

дилось на второстепенное. Получилось отсюда нѣчто чудовищно-анормальное: ученикъ въ своей лѣтнѣ могъ всегда ловко защититься отъ нападокъ готовымъ щитомъ!

Не желая приготовить, напримѣръ, урока по исторіи, географіи, русскому, Закону Божьему и др. предметамъ, онъ жалостливо ссылался на трудность заданнаго урока по древнимъ языкамъ, и представители первой категоріи предметовъ должны были, въ интересахъ системы, дѣлать уступки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и по древнимъ языкамъ мало что дѣлалъ, имѣя своимъ оправданіемъ или трудность этихъ предметовъ, или недостаточный досугъ ими заниматься, благодаря обилію заданнаго по другимъ предметамъ. И въ каждомъ данномъ случаѣ за нимъ оставалась формальная правда. Учителя между собою пререкались, спорили, выясняли истину, а учебное дѣло тѣмъ временемъ шло на ущербъ, и мозгъ ребенка не только не развивался въ классной обстановкѣ, а даже какъ будто тупѣлъ и засыхалъ.

III.

Формальная правда была всегда на сторонѣ ученика, такъ какъ дѣйствительно, при наличности самой скромной добросовѣстности, но при среднихъ способностяхъ, онъ не былъ въ состояніи осилить тѣ порціи ненужной книжной премудрости, которая ему въ такомъ изобиліи каждодневно преподносилась. Кромѣ того, умственная пища была слишкомъ однообразна, чтобы духовный организмъ могъ за ея счетъ бодро развиваться. Вѣдь что бы тамъ ни говорить о трудности гимназическихъ курсовъ по древнимъ языкамъ, ихъ главный недостатокъ—однообразіе, при которомъ мозгъ перестаетъ творить, а механически лишь отчеканиваетъ то, что туда уже давно заложено. Восемь лѣтъ гимназистъ обреченъ въ сущности пережевывать жвачку, которая въ концѣ концовъ ему такъ надоѣдаетъ, что онъ теряетъ всякія вкусовыя ощущенія. Въ первомъ классѣ грамматика, во второмъ—грамматика, въ третьемъ—грамматика, и такъ до безконечности. Становится противно, скучно, и онъ перестаетъ сознательно работать; происходитъ гипнозъ мозга—онъ засыпаетъ, и лѣтняя спячка разливается по всей гимназіи, придавая юношеству видъ вялый, апатичный и, главное, безвольный. Съ исчезновеніемъ воли исчезаетъ и творчество. Прилежные уходятъ въ терпѣливое механическое затверживаніе, лѣтніе окунаются въ безконечную лѣтнѣ, откуда ихъ почти невозможно вызвать къ здоровому труду. Но странное дѣло, поскольку я ни наблюдалъ, оказывалось, что прилежные и успѣвающіе по большей части бывали отмѣчены печатью бездарности и посредственности, а даровитые и самобытные щеголяли въ разрядѣ лѣтнѣ и малоуспѣшныхъ.

Мои наблюденія, какъ равно все то, что говорено выше, относятся къ семидесятымъ годамъ, но за этотъ періодъ времени, сколько

народа по тремъ гимназіямъ я ни припоминаю, я не знаю въ настоящее время изъ числа въ то время хорошо преуспѣвавшихъ почти никого, кто бы такъ или иначе дѣйствительно выдѣлился на жизненномъ поприщѣ, заявивъ себя человѣкомъ даровитымъ, энергичнымъ и дѣятельнымъ. А изъ числа тогдашнихъ лѣнивцевъ и «малоспособныхъ» я могу назвать нѣсколькихъ, кто къ нашимъ днямъ уже успѣлъ составить себѣ имя и репутацію незауряднаго дѣятеля. Что же спасло ихъ отъ отупѣнія и отъ общей нивелировки, производимой съ неукоснительной энергіей во имя торжества идеала «средняго человѣка»? Да не будетъ признано парадоксомъ, если я позволю себѣ сказать, что ихъ именно спасло ничего - недѣланіе или малодѣланіе именно въ той области, которая оффиціально пользовалась особеннымъ сочувствіемъ. Ихъ мозгъ не успѣлъ высохнуть, чувство притупиться, и они вступили на жизненный путь полные силъ и энергіи. Какое грустное, однако, подумаешь, примѣненіе къ жизни педагогической системы: чѣмъ меньше она затрагиваетъ человѣка, тѣмъ спасительнѣе для него, чѣмъ больше кто ею затянута, тѣмъ горше и хуже!

Была еще одна сторона дѣла, которая выводила юношество изъ засасывающей его тины, и опять таки эта сторона дѣла считалась въ общемъ кругѣ дѣйствовавшей системы отрицательною и не заслуживающею поощренія. Я разумѣю въ данномъ случаѣ русскую литературу, какъ оригинальную, такъ и переводную.

Согласно оффиціальнымъ программамъ, какъ извѣстно, этой литературѣ въ школѣ отведено было самое незначительное мѣсто, а чтеніе книгъ внѣ контроля было рѣшительно запрещено и даже преслѣдуемо. И вотъ таки опять наблюдается любопытное явленіе—рождается борьба между оффиціальною каедрой и умственнымъ развитіемъ учениковъ, помимо преподавательскаго вліянія. Наболѣе прилежные и преуспѣвающіе стояли въ этомъ отношеніи внѣ борьбъ и давали себя понемногу и незамѣтно отшлифовывать при помощи классическихъ орудій, лѣнивцы же и пассивные протестанты (конечно, далеко не всѣ) энергично отстаивали независимость своихъ умственныхъ способностей, находя себѣ самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ союзниковъ въ лицѣ многочисленныхъ книгъ, значившихся въ каталогахъ частныхъ библіотекъ. Эти книги, независимо совершенно отъ ихъ содержанія, усиленно преслѣдовались начальствомъ, но власть ихъ была неостражима, и оффиціальныя лѣнивцы крѣпко цѣплялись за своихъ друзей, ища у нихъ защиты отъ латино-греческой рутинѣ.

Никогда не забуду того воистину благодѣтельнаго бальзама, который разливался по моей душѣ отъ прикосновенія къ коричневымъ дешевымъ переплетамъ книжнаго богатства библіотеки Макалинскаго. Съ какимъ-то особымъ замираніемъ сердца несъ я изъ дому, куда ходилъ по воскресеньямъ, если только за какія нибудь дерзости не лишался отпуска, назадъ въ пансіонъ эти дивныя

книжки, гдѣ причудливо переплетались фантазія Густава Эмара, Купера, Понсонъ-дю-Терайля, Евгенія Сю и др. съ строгой, но вдохновенной рѣчью Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и другихъ представителей русской критики. Все прочитывалось съ одинаковою страстностью и увлеченіемъ 14—15 лѣтнимъ мальчуганомъ, и въ этомъ чтеніи, безпорядочномъ, обильномъ и быстромъ, обрѣталось то свѣжее и подкрѣпляющее, что позволяло не поддаваться общему отупѣнію. Тѣ ночныя долгіе часы, когда зимою, босикомъ, при свѣтѣ мерцавшей лампадки въ комнатѣ для чистки сапогъ, жадно проглатывались дорогія страницы истрепанныхъ книжекъ, въ ежеминутномъ страхѣ быть пойманнымъ нѣмцемъ-воспитателемъ или дежурнымъ дядькой,—эти часы—лучшія воспоминанія моей гимназической жизни! Остальныхъ свѣтлыхъ у меня нѣтъ—тамъ, въ томъ десятилѣтіи, о коемъ здѣсь идетъ рѣчь, для меня все темно, все покрыто густымъ траурнымъ флеромъ. Когда меня часто зовутъ представители разныхъ гимназій, чтобы въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ вспомнить добрымъ словомъ прошедшее, я отказываюсь идти: добромъ вспоминать его мнѣ нечего, а лить горькія слезы ненависти не стоитъ въ веселомъ кругу. Пусть потѣшаются другіе, въ чьихъ сердцахъ система графа Толстого не оставила большого слѣда, а мои раны ноютъ до сихъ поръ, я слишкомъ отчетливо все помню до мельчайшихъ подробностей...

Но это чтеніе, независимо отъ перечисленныхъ авторовъ, было вещью въ высшей степени запрещенною, дерзкою, за что полагалось той или иной степени взысканіе. И эти взысканія сыпались на наши бѣдныя головы, но тѣмъ не менѣе мы готовы были претерпѣть всяческія невзгоды, лишь бы не разлучаться съ вѣрными друзьями. Я долженъ покаяться, что былъ цѣлый годъ въ моей жизни, когда чтеніе особенно двинуло впередъ мое развитіе и обновило весь умственный строй, но этотъ годъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ позорнымъ для меня годомъ: я былъ обреченъ на сидѣніе въ «болотѣ», гдѣ кучкѣ «лѣтнихцевъ» и «отчаянныхъ» возбранено было класснымъ наставникомъ-латинистомъ всяческое проявленіе школьнаго достоинства. Мы не имѣли права ни спрашивать учителя самостоятельно, ни предлагать по доброй волѣ свои отвѣты—насъ игнорировали въ полномъ смыслѣ слова и, такъ сказать, исправляли нашу строптивость презрѣніемъ. «Болоту» авансомъ ставилась единица передъ урокомъ, и оно засыпало въ своемъ безмятежномъ ничегоневѣдѣніи. Вотъ этотъ-то возмутительный въ педагогическомъ отношеніи пріемъ и сослужилъ многимъ изъ насъ самую добрую службу. Мы были спокойны за свою безмятежность и употребляли урочное время именно на чтеніе, на самообразование и саморазвитіе. Когда впоследствии этотъ мой бывшій классный наставникъ, нынѣ сошедшій съ общественной арены, дѣлалъ свою быструю карьеру,

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

20

мнѣ всегда прежде всего вспоминались мои «болотные» дни, и чувство веселой ироніи невольно охватывало меня цѣликомъ...

Кромѣ чтенія, что происходило независимо отъ системы, хотя послѣдняя и могла бы воспользоваться этимъ могучимъ орудіемъ развитія юношества, до извѣстной степени приносили пользу намъ уроки русскаго языка, при всеї приниженности этой научной отрасли въ знаменитые пореформенные годы. Тѣмъ не менѣе находились среди учителей словесности свѣтлыя личности, которыя, несмотря на всю трудность своего положенія, все же умѣли и при помощи живого слова, и при помощи письменныхъ работъ на живыя темы, пробуждать самосознаніе учениковъ и выводить ихъ изъ умственной летаргіи. Но и тутъ я долженъ признаться, что въ моей обширной ученической практикѣ такія личности попадались рѣдко, и во всякомъ случаѣ онѣ достаточно дисгармонировали съ прочимъ педагогическимъ составомъ.

Обращаясь къ личнымъ воспоминаніямъ, не могу не вспомнить съ величайшей признательностью покойнаго Вестенрика, ученика Стоюнина, который положительно сыгралъ рѣшающую роль въ моихъ школьныхъ симпатіяхъ, направивъ мои способности на усиленные занятія письменными работами по русской словесности, какъ классными, такъ и домашними. Онъ выбиралъ, такъ сказать, вольныя, живыя темы для сочиненій, предоставлялъ полный просторъ ученикамъ въ ихъ творчествѣ и всего менѣе былъ склоненъ поощрять ремесленность занятій, суженность круга мышленія. Лучшія сочиненія имъ читались громко всему классу, съ разборомъ и указаніемъ ошибокъ и погрѣшностей. Этимъ достигались на моихъ глазахъ блестящіе результаты, и дни заданія сочиненій были для большинства изъ насъ праздничными днями. Состоя въ числѣ «болотныхъ» обитателей класса, я у Вестенрика имѣлъ за сочиненія круглое 5, представляя ему сочиненія толщиной въ 5 и 10 копеечную тетрадь. Въ дальнѣйшей своей практикѣ я уже не встрѣчался съ такимъ живымъ типомъ педагога, и предомноу прошла вереница приниженныхъ, забытыхъ и мертвыхъ лицъ, которыя менѣе всего могли пробуждать загнипностивированныя разными аористами силы учениковъ.

Достаточно будетъ сказать, что, когда я оканчивалъ курсъ, и на экзаментѣ зрѣлости изъ округа была предложена тема сравнить заграничныя письма Фонвизина и Карамзина, то классъ очутился въ безвыходномъ положеніи: преподаватель не успѣлъ еще и пройти Карамзина, такъ какъ за недостаткомъ учебныхъ часовъ онъ комкалъ курсъ новой русскаго литературы, успѣвъ еле-еле сообщить ученикамъ лишь кое-что по этой литературѣ. Какъ написали мои товарищи свои работы, Богъ ихъ вѣдаетъ, такъ какъ по части литературы у насъ по классу вѣтеръ гулялъ, и почти рѣшительно никто отъ себя ничего не читалъ.

Немного утѣшительнаго могу я вспомнить относительно преподаванія исторіи и географіи за весьма немногими исключеніями. Достаточно будетъ сказать, что всѣ наши знанія, коли у кого какія были, ограничивались учебниками Иловайскаго и Смирнова, а каковой матеріаль имѣется въ этихъ учебникахъ, извѣстно каждому. Мы выходили въ жизнь безъ знанія своего отечества, его исторіи и преданій: классическая система графа Толстого искусственно дѣлала насъ по этой части невѣждами или нигилистами, не создавъ изъ насъ при этомъ классиковъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Насъ учили любить аористы и герундіи, полкубить которые нѣтъ силъ, но любить родину, просторъ ея полей, ея заунывныя и широкія пѣсни, ея многострадальную судьбу, насъ никто не училъ. Мы не имѣли даже никакого понятія объ историческомъ складѣ русскаго государственнаго устройства—намъ что-то говорили о законахъ Ликурга и Солона, но о великой крестьянской реформѣ, о гласномъ судѣ, о земствѣ, никто не обмолвился и словомъ: по этому предмету не было указаній въ существовавшихъ программахъ и циркулярахъ!

Съ какимъ же умственнымъ и душевнымъ багажемъ переступало наше поколѣніе порогъ учебнаго заведенія?

IV.

Слово нигилистъ принято употреблять обыкновенно въ политическомъ смыслѣ, но, если отказаться отъ этой точки зрѣнія и взять слово въ его этимологическомъ значеніи, то эта кличка наиболѣе подходяща именно къ тому поколѣнію, составнымъ членомъ котораго я имѣю честь быть.

Гимназія насъ нравственно не воспитывала, она не давала намъ ни убѣжденій, ни идеаловъ, она не вселяла въ насъ любви къ отечеству, къ народу, къ государству, къ семьѣ, къ школѣ. Насъ не воспитывали, а дрессировали при помощи никуда негодныхъ орудій и средствъ, а въ видѣ Немезиды за непочтительное отношеніе къ орудіямъ пытки карали, карали и карали всяческими средствами, до удаленія изъ гимназіи включительно. Нашей психикой, нашими индивидуальными особенностями, никто не интересовался, какъ равно не давали себѣ труда справляться у нашихъ родственниковъ и близкихъ, не есть ли малоуспѣшность нѣкоторыхъ изъ насъ плодъ болѣзни, переутомленія или физическихъ недостатковъ. Какъ «вѣчнымъ жидамъ», намъ твердили: учись, учись и учись до издыханія! И одни изъ насъ слѣпо слѣдовали этому одуряющему окрику, и гибли, теряя здоровье, а другіе шли въ пассивную оппозицію, теряя свою карьеру, но сохраняя свѣжесть душевныхъ силъ. Физически мы были повально хилы, и до подъема нашихъ мускульныхъ силъ никому не было дѣла. На смотръ вышему начальству преподносили не наши впалыя груди, блѣдныя щеки и мутные

глаза, а фельдфебельскіе рапорты по латинскимъ и греческимъ грамматикамъ.

Слабые физически, съ отсутствіемъ твердыхъ убѣжденій и идеаловъ, безъ любви въ сердцахъ, съ отупѣлымъ мозгомъ, мы покидали ненавистныя намъ среднія учебныя заведенія, рѣшительно не будучи въ состояніи сознательно воспринимать выводовъ науки въ высшихъ разсадникахъ просвѣщенія. Въ началѣ столѣтія въ университетъ поступали молодые люди почти дѣтьми и тѣмъ не менѣе, воспитанные на переведенныхъ или оригинальныхъ классикахъ, на осмысленномъ пониманіи ихъ произведеній, они, эти почти дѣти, легко справлялись съ лекціями профессоровъ и свободно ориентировались въ самыхъ путанныхъ философскихъ построеніяхъ. Мы оканчивали курсъ чуть ли не мужами, въ возрастѣ 18—20 лѣтъ, и тѣмъ не менѣе приводили въ отчаяніе профессоровъ своей необразованностью и неравнѣтѣемъ! Забуренные аористы исчезали съ удивительной быстротой, и послѣ нихъ оставалось пустопорожнее мѣсто, чахлое и истощенное, на которомъ уже плохо всходили новоположенныя сѣмена высшей науки. Пожертвованное политической прихоти графа Толстого, обесиленное физически и духовно, поколѣніе семидесятыхъ годовъ не дало русской жизни ни крупныхъ талантовъ, ни сильныхъ въ общественномъ отношеніи характеровъ. Тѣ, кто сохранили душевную отзывчивость, пали въ послѣдствіи жертвами политическихъ страстей, которымъ въ свое время школа не оказалась въ состояніи выставить какого либо противовѣса, нивелированные же классической дрессировкой обратились въ тѣхъ обезличенныхъ, анемичныхъ и слабыхъ, которые не въ состояніи крѣпко и смѣло держать въ своихъ рукахъ національное знамя русскаго прогресса. Реформа графа Толстого нанесла такимъ образомъ неисчислимыи вредъ Россіи, отъ послѣдствій котораго трудно оправиться и о сю пору.

Я уже скавалъ выше, что система графа Толстого стала фактически расплзаться очень скоро по ея введеніи, и отъ окончательнаго крушенія ее спасали крутыя мѣры и чрезвычайныя средства, гдѣ не послѣднюю роль игралъ оффиціальныи обманъ. Несостоятельность системы въ педагогическомъ отношеніи была очевидна, но за нее держался упрямый государственный дѣятель, какъ за систему политическаго характера, на которую возложена была фальшивая задача противодѣйствія отрицательнымъ вѣяніямъ русской жизни. Какъ извѣстно, противодѣйствія по существу она не оказала никакого, но наполнила общество недовольными элементами, которые въ концѣ концовъ побудили правительство задуматься надъ совершающимся. Результатомъ этого была отставка графа, послѣ котораго преемники приняли на себя нелегкую задачу частичной ликвидаціи классическаго наслѣдія. Эта ликвидація на первыхъ порахъ дала очень незначительные результаты и никоимъ образомъ не содѣйствовала оздоровленію школы: послѣдняя продолжала растлѣ-

ваться и опускаться. Появление на государственной аренѣ графа Толстого вторично въ восьмидесятихъ годахъ задержало эту ликвидацію, но камень катился подъ гору, и не было силъ остановить его. Со смертью графа Толстого задержанное дѣло стало снова на очередь, и на долю графа Делянова выпала чрезвычайно отвѣтственная задача привести хоть немного среднюю школу въ надлежащій порядокъ и хоть нѣсколько успокоить взволнованныя чувства родителей. Слѣдомъ этихъ заботъ явился рядъ мѣропріятій, которыя принято именовать реформою 1890 г. по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія и которыя вышли изъ нѣдръ комиссіи князя Волконскаго. На комиссію эту возложено было: 1) сохраняя нынѣ дѣйствующую систему классическаго образованія, сократить и упростить программы съ цѣлью облегченія учениковъ при прохожденіи ими курса, безъ ущерба, однако, для основательности образованія, при чемъ главное вниманіе должно быть обращено на необходимость исключенія изъ программы подробностей, составляющихъ излишнее обремененіе для учащихся; 2) сосредоточить изученіе грамматическаго матеріала языковъ въ низшихъ классахъ (до V включительно) и посвятить большее количество времени на чтеніе древнихъ авторовъ въ старшихъ классахъ (VI, VII, VIII), чтобы ученики гимназій, окончивая курсъ, могли понимать и толково переводить тѣхъ латинскихъ и греческихъ писателей, произведенія коихъ составляли предметъ занятій въ гимназіи; 3) облегчить домашнюю подготовку уроковъ; 4) обсудить вопросъ о совершенномъ устраниніи изъ употребленія тѣхъ учебниковъ, которые, по своей обширности и обилію излишняго для средней школы матеріала, значительно затрудняютъ прохожденіе курса, и о мѣрахъ къ тому, чтобы вызвать появленіе учебныхъ руководствъ, сколь можно болѣе упрощенныхъ и сокращенныхъ, но не въ ущербъ основательности образованія, и притомъ по цѣнѣ своей возможно дешевыхъ; 5) устроить классныя занятія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ такимъ расчетомъ времени, чтобы ученики могли заниматься гимнастикой и, если возможно, музыкой и рисованіемъ, и 6) распределить болѣе правильно и равномерно занятія по днямъ недѣли, при чемъ коснуться вопроса о классныхъ наставникахъ, а равно и результатовъ, достигнутыхъ институтомъ классныхъ наставниковъ въ періодъ 17-ти-лѣтняго существованія его.

Результатомъ работъ комиссіи явились нѣкоторыя полезныя мѣропріятія, благодаря которымъ дѣйствительно въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ стало какъ будто немного посвѣтлѣе: былъ сокращенъ въ значительной степени грамматическій матеріалъ и классное время, отводившееся ранѣе на долю древнихъ языковъ. Но и эти мѣропріятія не успокоили общества, и на гимназіи попрежнему сыпались справедливыя нареканія, и особенно изъ нѣдръ университетовъ. Такъ, по свидѣтельству «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», профессора жаловались на полную неподготовлен-

ность вновь принятыхъ студентовъ къ университетскому образованію. «Филологи—на неподготовленность ихъ къ филологическимъ студіямъ; естественники—на неподготовленность ихъ къ наблюденіямъ изучаемыхъ явленій, на неумѣнье ихъ ни видѣть, ни слышать, ни обонять; историки—на неподготовленность ихъ къ историческому пониманію; иные—на неумѣнье ихъ излагать свои мысли на родномъ языкѣ, такъ что профессоръ не хуже учителя родного языка принужденъ скучать за исправленіемъ письменныхъ работъ студентовъ по наукамъ; всѣ же вообще—на ученическое отношеніе къ дѣлу, на механическое усвоеніе знаній и равнодушіе къ интересамъ науки».

Подъ давленіемъ этихъ компетентныхъ голосовъ, министерство народнаго просвѣщенія вновь принялось за пересмотръ гимназическихъ программъ, результатомъ чего явился вновь рядъ палліативныхъ мѣропріятій. Такъ, по древнимъ языкамъ главнѣйшею задачею поставлено чтеніе авторовъ и переводъ ихъ на толковый русскій языкъ; грамматикѣ же отведено второстепенное мѣсто, и она должна была впредь проходиться въ размѣрѣ, какой безусловно необходимъ для вышеуказанной задачи изученія древнихъ языковъ; по возможности уничтожены такъ называемые экстемпоралии, взамѣнъ какихъ въведены письменныя упражненія въ классѣ, выполняемыя при помощи пособій (словарей и текста съ толкованіями) и при дѣятельномъ участіи въ работѣ самого преподавателя. По русскому языку и словесности, кромѣ сокращенія (особенно въ области древней словесности), дано новое распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, болѣе соответствующее раціональной постановкѣ изученія этого предмета, и обращено особенное вниманіе на письменныя работы. Что же касается до церковно-славянскаго языка, то изученіе этого предмета поставлено въ надлежащія рамки, потребность въ которыхъ давно чувствовалась, въ виду отсутствія удовлетворительныхъ учебниковъ по этому предмету и увлеченія филологическими подробностями нѣкоторыхъ, особенно молодыхъ преподавателей. Обращено, наконецъ, вниманіе на возобновленіе литературныхъ бесѣдъ, которыя, помимо своего общеобразовательнаго значенія, много способствуютъ знакомству съ избранными произведеніями классической литературы. По географіи и исторіи признано возможнымъ сдѣлать то же весьма существенныя сокращенія, для избѣжанія обремененія памяти учениковъ совершенно излишними подробностями, а также сдѣланы значительныя измѣненія и въ постановкѣ изученія этихъ предметовъ. По математикѣ и физикѣ сдѣланы существенныя измѣненія, особенно въ теоретической сторонѣ предмета, предложеніемъ нѣкоторыхъ упрощенныхъ выводовъ. Наболѣе же симпатичнымъ явилась рекомендація преподавателямъ разучивать предметъ въ классѣ, особенно въ младшемъ возрастѣ. Всѣ мѣропріятія 1890 г. и позднѣйшія, выше перечисленныя, были тѣми палліативами, при помощи которыхъ надѣялись исподволь и понемногу залѣчить школь-

ныя язвы, покрывавшія русскій государственный и общественный организмъ со временъ пресловутой реформы графа Толстого; но, конечно, такое лѣченіе не могло обѣщать радикальнаго исцѣленія тѣмъ болѣе, что приступали къ нему очень робко и нерѣшительно, и больная школа съ ея болѣзненнымъ учебнымъ режимомъ продолжала тревожить государство и общество.

V.

По счастью, учебное дѣло перестало со временъ графа Делянова и со смерти графа Толстого быть запретнымъ плодомъ нашей прессы, и черезъ ея посредство общество все чаще и чаще стало выражать категорическое желаніе, чтобы школьной анархіи былъ положенъ конецъ, чтобы школа со всѣми ея темными и слабыми сторонами стала не только подъ государственный, но и общественный контроль, и чтобы, наконецъ, на рубежѣ новаго вѣка русскія дѣти могли возродиться къ новой здоровой жизни, согрѣтыя лучами коренной педагогической реформы. И вотъ, какъ бы отвѣчая общественнымъ желаніямъ, министерство Н. П. Боголѣпова выступило съ знаменательнымъ циркуляромъ, въ которомъ, съ большимъ тактомъ относясь къ «дѣламъ минувшимъ», оно намѣтило широкую программу своей будущей дѣятельности въ союзѣ съ лучшими общественными силами. Вотъ текстъ этого, на мой взглядъ, замѣчательнаго циркуляра, которому, я не сомнѣваюсь, суждено сыграть въ исторіи нашего просвѣщенія крупную роль.

«Среди педагоговъ и родителей учащихся въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ давно слышатся жалобы на разные недостатки этихъ учебныхъ заведеній. Указываютъ, на примѣръ, на отчужденность отъ семьи и бюрократическій характеръ средней школы, вносящей сухой формализмъ и мертвенность въ живое педагогическое дѣло и ставящей въ ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ, на невниманіе къ личнымъ особенностямъ учащихся и пренебреженіе воспитаніемъ нравственнымъ и физическимъ, на нежелательную специализацію школы съ самыхъ младшихъ классовъ, обрекающую дѣтей на извѣстный родъ занятій, прежде чѣмъ выяснились ихъ природныя способности и склонности, на чрезмерность ежедневной умственной работы, возлагаемой на учениковъ, особенно въ низшихъ классахъ, на несогласованность программъ между собою и съ учебнымъ временемъ и на значительное наполненіе ихъ требованіями второстепенными или даже излишними, недостаточное преподаваніе русскаго языка, русской исторіи и русской литературы и слабое ознакомленіе съ окружающей природой, что, взятое вмѣстѣ, лишаетъ школу жизненнаго и національнаго характера, на излишнее преобладаніе древнихъ языковъ и непра-

вильную постановку ихъ преподаванія, благодаря которой не достигается цѣль классическаго образованія, несмотря на отводимое этимъ языкамъ значительное количество часовъ, на недостаточную умственную зрѣлость оканчивающихъ курсъ гимназій, что препятствуетъ успѣшному ходу ихъ университетскихъ занятій, на удовлетворительную подготовку прошедшихъ курсъ реальныхъ училищъ для обученія въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и вообще на слабую постановку преподаванія предметовъ въ этихъ училищахъ. Указываютъ и на многія другія слабыя стороны средней школы, но перечислять ихъ было бы излишне. Хотя въ жалобахъ на наши среднія учебныя заведенія многое преувеличивается, а многое вызывается ошибочнымъ представленіемъ о всеильномъ значеніи школы и невниманіемъ къ той совокупности жизненныхъ условій, въ какія она поставлена, я тѣмъ не менѣе не могу не признать въ этихъ жалобахъ извѣстной доли справедливости. Однако, прежде принятія какихъ либо мѣръ къ устраненію существующихъ недостатковъ средней школы, я считаю необходимымъ ознакомиться съ сужденіями по возбуждаемому вопросу наиболее опытныхъ и выдающихся педагоговъ. Съ этою цѣлью предполагаю зимой текущаго года созвать въ Петербургѣ особую комиссію. Желая имѣть въ ея средѣ представителей отъ всѣхъ учебныхъ округовъ, прошу васъ заблаговременно избрать по 2—4 лица изъ числа наиболее опытныхъ, образованныхъ и даровитыхъ руководителей и преподавателей средней школы, стараясь по возможности, чтобы они явились выразителями потребностей общаго общеобразовательныхъ русскихъ школъ (гимназій и реального училища) и разныхъ направленій, господствующихъ среди педагоговъ ввѣреннаго вамъ округа. Въ руководство этимъ избраннымъ лицамъ при ихъ подготовительныхъ работахъ покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщать слѣдующія указанія, которыя будутъ, между прочимъ, даны предполагаемой комиссіи: 1) задача комиссіи должна будетъ состоять въ томъ, чтобы: а) обсудить всесторонне существующій строй средней школы съ цѣлью выяснить его недостатки и указать мѣры къ ихъ устраненію при условіи сохраненія основъ классической гимназій и реального училища, какъ главныхъ типовъ этой школы въ Россіи, и б) если бы при обсужденіи перваго вопроса возникли предположенія о видоизмѣненіи существующихъ типовъ или о созданіи какого либо новаго типа, то подвергнуть разсмотрѣнію и эти предположенія, но отдѣльно отъ перваго вопроса; 2) заключенія комиссіи не только должны быть выражены въ формѣ общаго положеній, основательно мотивированныхъ, но и соединены съ подробною разработкою этихъ положеній, которая давала бы ясное представленіе о возможномъ ихъ практическомъ осуществленіи. Необходимо при этомъ, чтобы ожидаемыя заключенія были основаны не столько на отвлеченныхъ разсужденіяхъ, сколько на на-

наблюденіяхъ образованныхъ и опытныхъ педагоговъ надъ дѣйствительною жизнью нашей средней школы; 3) обсуждая желательныя перемѣны въ существующемъ строѣ классической гимназій и реального училища, комиссія должна руководиться соображеніемъ, что къ этой цѣли нужно идти постепенно и осторожно, ибо учебное дѣло не терпитъ грубой ломки. Слѣдую этой точкѣ зрѣнія, необходимо при этомъ имѣть въ виду, что современныя условія русской жизни настоятельно требуютъ умноженія разнаго рода профессиональныхъ учебныхъ заведеній, приготовляющихъ своихъ воспитанниковъ непосредственно къ практической дѣятельности. Этотъ путь постепеннаго улучшенія классической и реальной школы и возможно большаго распространенія профессиональнаго образования въ нашемъ отечествѣ откроетъ широкую возможность свободнаго и правильнаго распредѣленія учащихся, по ихъ призванію, подготовкѣ и условіямъ жизни, между различными видами учебныхъ заведеній и дастъ естественное направленіе тѣмъ молодымъ силамъ, которыя нынѣ, за отсутствіемъ или трудностью иного выхода, искусственно привлекаются въ среднія общеобразовательныя и высшія школы, не имѣя къ тому соответственныхъ склонностей. 4) Среди другихъ вопросовъ особенное вниманіе должно быть удѣлено комиссіею вопросу о физическомъ воспитаніи учащихся. Въ виду этого комиссія предстоитъ обсудить, какія мѣры слѣдуетъ принять съ указанною цѣлью и, въ частности, какъ можно достигнуть такого распредѣленія занятій, которое давало бы возможность ученикамъ, смотря по ихъ возрасту, употреблять на отдыхъ между уроками, на физическія упражненія и игры большее время, чѣмъ это допускается теперь. Основательное выясненіе вопроса о физическомъ воспитаніи учащихся я считаю одной изъ самыхъ важныхъ задачъ комиссіи. Если бы было признано, что эту задачу нельзя разрѣшить безъ сокращенія учебныхъ программъ, то я нахожу такое сокращеніе меньшимъ зломъ, чѣмъ пренебреженіе физической стороною воспитанія, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствующихъ нынѣ программахъ найдется немало второстепенныхъ вопросовъ, которыми можно пожертвовать ради сохраненія здоровья учащихся безъ ущерба для главной цѣли — достиженія извѣстной степени умственной зрѣлости и усвоенія основныхъ свѣдѣній по преподаваемымъ наукамъ. Необходимо только, чтобы вопросъ о сокращеніяхъ рѣшался не одними специалистами, которые естественно склонны придавать первостепенное значеніе такимъ свѣдѣніямъ, которыя съ педагогической точки зрѣнія нерѣдко оказываются второстепенными. 5) Еще большаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о нравственномъ воспитаніи въ широкомъ смыслѣ. Хотя именно въ этой сторонѣ своей жизни школа больше всего находится въ зависимости отъ нравственнаго уровня семьи и общества, она тѣмъ не менѣе должна сдѣлать съ своей стороны все возможное, чтобы

развивать въ своихъ воспитанникахъ волю, направляемую религиозными и нравственными началами. Поэтому комиссія должна обсудить, какія средства могли бы содѣйствовать развитію въ воспитанникахъ искренняго религиознаго чувства, искренней привязанности и преданности своему государю и отечеству, чувства долга, чести, правдивости, уваженія къ авторитетамъ и т. д., имѣя въ виду не одну систему формальныхъ предписаній, но и мѣры, проникающія въ повседневную жизнь школы».

Таковъ текстъ циркуляра министра народнаго просвѣщенія, привѣтствованный всей печатью единодушно, какъ радостное и свѣтлое событіе нашей общественной жизни. Я прошу читателей хорошенько вникнуть въ его содержаніе, въ тѣ строчки, гдѣ суммированы «указываемые» недостатки нашей средней школы и раскрыта съ общественнаго голоса та печальная картина, которая невольно должна рисоваться всякому, кто только хоть немного знакомъ съ порядками, царящими и понынѣ въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ. Оказывается, что то невыносимо тяжкое, на что мы, поколѣніе учившихся въ семидесятыхъ годахъ, и понынѣ жалуемся, вспоминая свои юношескіе учебные годы, въ значительной степени имѣеть мѣсто и понынѣ; оказывается, что крутыя мѣры бывшихъ реформаторовъ пустили столь глубокіе корни, что они и о сию пору стягиваютъ желѣзнымъ обручемъ мягкую почву русскаго учебнаго дѣла; оказывается, что само министерство не прочь допустить необходимость радикальной реформы всего педагогическаго строя, привлекая здѣсь къ отвѣтственности не только классическую, но и реальную гимназію. И при этомъ министерство не считаетъ нужнымъ, подобно бывлымъ годамъ, держать что нибудь подъ слудомъ канцелярской тайны, а свободно выносить свое трудное дѣло на судъ общественный и ставить русскую школу во всей ея наготѣ именно передъ лицомъ общества, какъ бы приглашая: судите и рядите вы всѣ, въ комъ есть къ тому желаніе и кто чувствуетъ къ тому призывъ!

Безъ всякаго преувеличенія я нахожу, что мы переживаемъ положительно знаменательный историческій моментъ, и за нами, за представителями общественнаго сознанія, будетъ вина, если мы не сумѣемъ этимъ моментомъ надлежаще воспользоваться и обременимся на дѣлаемомъ намъ экзаменѣ умственной зрѣлости. Мы всѣ въ этомъ ужасномъ школьномъ вопросѣ такъ пострадали, столько по поводу его передумали и перечувствовали, намъ такъ мучительно-долго ничего не давали по поводу его говорить, что не можетъ же случиться, чтобы мы оказались нѣмы именно въ тотъ моментъ, когда насъ призываютъ къ отвѣту. Или мы дѣйствительно уподобились тѣмъ евангельскимъ дѣвамъ, что растерялись передъ приходомъ жениха и не успѣли засвѣтить своихъ свѣтильниковъ? Увѣренъ, что нѣтъ, и что въ русскомъ обществѣ еще найдется достаточно независимыхъ силъ, чтобы освѣтить нашему юношеству

предстоящій школьный жизненный путь ровнымъ и здоровымъ свѣтомъ.

Циркуляръ г. министра ничего, правда, не предрѣшаетъ — онъ только намѣчаетъ группу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, но эти группы такъ емки, такъ широки, что сюда могутъ быть помѣщены всѣ вопросы, которые невольно возникаютъ при ретроспективномъ взглядѣ на дѣло. Гг. попечители, нѣтъ сомнѣнія, не встрѣтятъ препятствія и къ тому, чтобы расширить группы предложенныхъ вопросовъ и ту обстановку, среди которой эти вопросы имѣютъ быть обсуждаемы. И практика, какъ намъ это уже извѣстно нынѣ, не оставляетъ въ данномъ случаѣ никакого сомнѣнія. Такъ, г. попечитель Одесскаго учебнаго округа счелъ нужнымъ отвѣтить г. министру не только при посредствѣ совѣщанія исключительно однихъ педагоговъ г. Симферополя, но пригласилъ на совѣщанія и широкой кругъ родителей. Благодаря такой постановкѣ вопроса, южная окраина имѣетъ нынѣ возможность доставить Петербургу мнѣніе, общій голосъ всей мѣстной земли, гдѣ не можетъ быть сомнѣнія, въ чемъ ея дѣйствительныя желанія и надежды. И вотъ, нынѣ мы узнаемъ, что общій голосъ Симферополя утверждаетъ: уничтожить греческій языкъ въ курсахъ классическихъ гимназій, облегчить преподаваніе латинскаго языка, установить единый типъ школы, дабы всѣмъ юношамъ былъ широко открытъ доступъ въ университеты. Это—формула, которую мы дѣйствительно должны признать за мнѣніе общественное, которое посланцы юга имѣютъ представить на зимнее совѣщаніе педагоговъ. Привезутъ ли остальные послы, изъ другихъ центровъ нашего отечества, такія же готовыя формулы, намъ неизвѣстно, и есть даже опасеніе, что именно не привезутъ. Это будетъ большимъ пробѣломъ на зимнихъ совѣщаніяхъ, и при томъ пробѣломъ, который выплываетъ на свѣтъ Божій не по винѣ министерства. Поэтому остается лишь, пока время не упущено, убѣдительно просить гг. попечителей остальныхъ округовъ Россіи, чтобы они послѣдовали примѣру своего одесскаго собрата и тѣмъ дали возможность зимою въ Петербургѣ раздаться голосу всей Русской земли. Бояться этого голоса нечего: онъ будетъ не законодательствовать, повелѣвать и распоряжаться, онъ принесетъ лишь совѣтъ и челобитье, въ родѣ тѣхъ именно, къ которымъ нѣкогда московское правительство никогда не оставалось глухо.

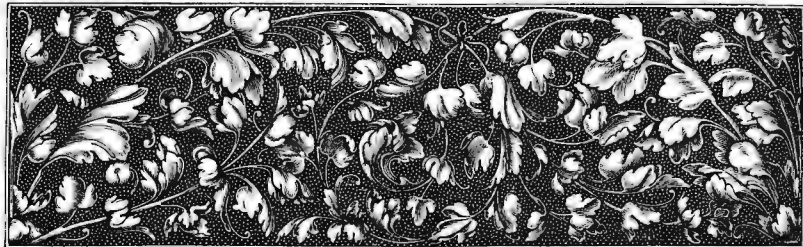
Насколько пока извѣстно, по репортерскимъ краткимъ отчетамъ, частичныя совѣщанія педагоговъ въ обѣихъ столицахъ уже успѣли объять собою широкіе круги вопросовъ, и средняя школа подвергнута самому строгому и внимательному изученію, при чемъ результаты этого изученія именно таковы, что не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ необходимости здѣсь самой радикальной реформы, и не только реформы школы классической, но и реальной, а также корпусовъ и женскихъ гимназій. Русская педагогика призвана г. ми-

нистромъ народнаго просвѣщенія сказать свое самобытное слово, приглашена указать тотъ типъ школы, который наиболѣе соотвѣтствовалъ бы духу и задачамъ жизни, историческому нашему укладу и естественнымъ природнымъ способностямъ русскаго ребенка. «Комиссія должна обсудить,—сказано въ циркулярѣ,—какія средства могли бы содѣйствовать развитію въ воспитанникахъ искренняго религіознаго чувства, искренней привязанности и преданности своему государю и отечеству, чувства долга, чести, правдивости, уваженія къ авторитетамъ и т. д., имѣя въ виду не одну систему формальныхъ предписаній, но и мѣры, проникающія въ повседневную жизнь школы». Школѣ такимъ образомъ отнынѣ возвращается отнятая у нея нѣкогда святая задача нравственнаго воспитанія, и на эту сторону дѣла несомнѣнно будетъ обращено и должно быть обращено самое серьезное вниманіе. Я уже указывалъ выше, что реформа семидесятыхъ годовъ выставяла своимъ девизомъ дрессировку ума, нынѣшняя предстоящая реформа опирается на воспитательные элементы и стремится внести въ школьный режимъ лучи тепла и свѣта, необходимые для жизни и движенія. А гдѣ жизнь, тамъ ничему мертвому нѣтъ мѣста, оно должно исчезнуть навсегда, предоставивъ свободное поле будущимъ молодымъ побѣгамъ, здоровымъ и плодотворнымъ. Дай же Богъ, чтобы эти побѣги были старательно взлѣяны любящимъ уходомъ и чтобы отъ нихъ было устранено все то мрачное и горькое, о чемъ я говорилъ въ статьѣ «Недуги средняго образованія», и что нынѣ пришлось подкрѣпить автобіографическими ссылками личнаго опыта.

Этимъ на этотъ разъ я закончу свой очеркъ, оставляя за собою право передъ читателями возвратиться современемъ вновь къ занимающей меня педагогической темѣ, когда станутъ въ подробностяхъ извѣстны частичныя и частныя совѣщанія русскихъ педагоговъ по округамъ и зимнія совѣщанія учителей при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Б. Глинскій.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

БЫХОДЯЩА за границей историческія сочиненія о Россіи приняли за послѣднее время совершенно иной характеръ, чѣмъ прежде. Въмѣсто тенденціозныхъ, пристрастныхъ и легкомысленныхъ книгъ, стали появляться добросовѣстные ученые труды, на основаніи архивныхъ изслѣдованій, а также подлинныя воспоминанія лицъ, бывавшихъ въ Россіи въ различныя историческія эпохи. Недавно напечатаны интересныя сочиненія того и другого рода. Къ первымъ принадлежатъ: «Исторія семилѣтней войны» — французскаго публициста, Ришара Вадингтона, и «Наполеоновское вторженіе въ Россію» — англійскаго писателя Джорджа, а къ послѣднимъ «Воспоминанія» о пребываніи въ Россіи плѣнныхъ офицеровъ — французскаго при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и итальянскаго послѣ войны 1812 года. Трудъ французскаго историка и разсказъ французскаго плѣнника относятся къ одной эпохѣ, хотя на разстояніи двадцати двухъ лѣтъ, именно къ эпохѣ первыхъ военныхъ столкновеній Россіи съ Франціей и Пруссіей при императрицахъ Аннѣ и Елисаветѣ; а книги англійская и итальянская имѣютъ предметомъ одно историческое событіе — походъ Наполеона на Россію.

Исторія французскаго отряда, посланнаго Людовикомъ XV на помощь своему тестю, Станиславу Лещинскому, осажденному русскими войсками въ Данцигѣ, и взятіе въ плѣнъ этого отряда русскимъ главнокомандующимъ, графомъ Минихомъ, мало извѣстна, и тѣмъ любопытнѣе воспоминанія объ этомъ событіи Агея де-Міона,

одного изъ участниковъ неудачной экспедиціи. Его рукописные мемуары хранятся въ публичной библиотекѣ города Безансона и впервые напечатаны Вильомомъ въ «Revue Hebdomadaire». Главный ихъ интересъ заключается въ описаніи придворной жизни во времена Анны Иоанновны, такъ какъ, находясь въ плѣну, французскій офицеръ посѣтилъ Петербургъ и былъ представленъ императрицѣ.

Хотя почтенный трудъ Ваддингтона о семилѣтней войнѣ касается хорошо извѣстныхъ историческихъ событій и посвященъ не исключительно Россіи, но въ немъ находятся любопытныя страницы, рельефно рисующія участіе Россіи въ борьбѣ Австріи и Франціи съ Фридрихомъ Великимъ, на основаніи новыхъ матеріаловъ, найденныхъ авторомъ въ парижскихъ, вѣнскихъ и лондонскихъ архивахъ ¹⁾.

Въ тѣхъ же архивахъ, за исключеніемъ парижскаго, почерпнулъ новые документы лекторъ Оксфордскаго университета, Герфордъ Джорджъ, для своей исторіи наполеоновскаго вторженія въ Россію, которая недавно появилась и встрѣчена очень сочувственно англійской критикой ²⁾. Находя, и вполнѣ правильно, что не существуетъ ни на одномъ языкѣ удовлетворительной во всѣхъ отношеніяхъ, общепонятной и безпристрастной исторіи величайшаго военнаго предпріятія Наполеона, англійскій авторъ, уже извѣстный своимъ обстоятельнымъ трудомъ «Битвы въ англійской исторіи», поставилъ себѣ цѣлью свести въ одно цѣлое, критически взвѣсить и ясно резюмировать всю накопившуюся массу специальныхъ объемистыхъ и плохо переваримыхъ обыкновенными читателями, матеріаловъ для исторіи 1812 года. Добросовѣстно и успѣшно исполнивъ свою задачу, онъ нарисовалъ рельефную картину политическихъ и военныхъ событій этой знаменательной эпохи и для полноты ея прибавилъ еще къ извѣстнымъ безчисленнымъ источникамъ невѣдомые архивные документы о тайныхъ интригахъ Австріи и Пруссіи, искусно лавировавшихъ между двумя соперниками, а также объ отношеніяхъ между Россіей и Англійей.

Какъ ни многочисленны и разнообразны мемуары и воспоминанія о русскомъ походѣ Наполеона, которыми пользовался англійскій историкъ, но онъ, вѣроятно, пожалѣетъ, что не раньше, а въ одно время съ его книгой напечатаны на итальянскомъ языкѣ воспоминанія Франческо Баджи, итальянскаго офицера наполеоновской арміи, который принялъ участіе въ главнѣйшихъ событіяхъ войны

¹⁾ Voyage de Moscovie, par D'Agay de Myon. «La Revue Hebdomadaire», №№ 19, 20, 22, 1899.

La guerre de sept ans. Histoire diplomatique et militaire. Les debuts, par Richard Waddington. Paris. 1899.

²⁾ Napoleon's invasion of Russia, by Hereford B. George. London. 1899.

1812 года и, взятый въ плѣнъ русскими въ Кёнигсбергѣ въ 1813 году, провелъ два года въ Ставрополѣ, уѣздномъ городѣ Самарской губерніи, до возвращенія на родину. Скромный моденецъ, случайно попавшій въ ряды враждебной Россіи арміи, очень картинно рассказываетъ о своихъ приключеніяхъ во время войны и сочувственно отзывается о жизни въ отдаленномъ маленькомъ городкѣ на Волгѣ, такъ что изданныя однимъ изъ извѣстныхъ художественныхъ критиковъ современной Италіи, Коррадомъ Риччи, записки Баджи представляютъ значительный интересъ, въ особенности для русскихъ ¹⁾).

Не лишне познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ названными четырьмя выдающимися сочиненіями иностранцевъ о Россіи, хоть бы въ краткихъ, бѣглыхъ чертахъ.

I.

Дворъ императрицы Анны Іоанновны по запискамъ французскаго офицера.

Издатель воспоминаній Агей-де-Міона, Шарль Вильомъ, въ небольшомъ предисловіи сообщаетъ свѣдѣнія о самой рукописи, найденной имъ въ Безансонѣ, и объ ея авторѣ. Въ рукописи 116 страницъ небольшого формата, и она написана лично авторомъ. Полное ея заглавіе слѣдующее: «Путешествіе въ Московію, или историческій дневникъ замѣчательныхъ событій, происшедшихъ съ полками Перигорскимъ, Ла-Маршскимъ и Блезуасскимъ, когда французскій король Людовикъ XV послалъ ихъ на помощь Станиславу, королю польскому; описаніе ихъ путешествія въ Московію, пребываніе въ этой странѣ и возвращеніе во Францію, послѣ безконечныхъ опасностей и чрезвычайныхъ усталостей, какъ на землѣ, такъ и на морѣ въ продолженіе 1734 года. Сочиненіе Агей-де-Міона, кавалера ордена св. Людовика, подполковника Блезуасскаго полка и коменданта форта Грифона въ Безансонѣ». По удостовѣренію Вильома, эта рукопись никогда прежде не была напечатана, хотя князь Лобановъ приказалъ ее переписать шесть лѣтъ тому назадъ, и она тѣмъ интереснѣе, что о французской экспедиціи въ Данцигъ и о плѣнѣ французовъ въ Россіи при Аннѣ Іоанновнѣ очень мало писано во французской литературѣ. Только Альфредъ Рамбо посвящаетъ этимъ событіямъ нѣсколько страницъ въ изданномъ имъ съ комментаріями сборникѣ инструкцій французскимъ посланникамъ въ Россіи (*Recueil des instructions, données aux ambassadeurs français depuis les traités de Westphalie jusqu' à la revolution française.*

¹⁾ Memorie di Francesco Baggi. Roma. 1899. 2 v.

Russie), и существуетъ изданный въ Амстердамѣ и Парижѣ въ 1761 году «Историческій дневникъ Данцигской кампаніи въ 1734 году». Хотя авторъ этой книги скрылъ свое имя подъ тремя звѣздочками, но извѣстно, что это былъ товарищъ Агей-де-Міона, также офицеръ Блезуасскаго полка, Мёнье-де-Керланъ. Однако, его сочиненіе составляетъ библиографическую рѣдкость.

Что касается до самого Агей-де-Міона, то, по словамъ Вильома, о немъ извѣстно очень мало. Онъ принадлежалъ къ мелкому дворянству Франшъ-Конте, и отецъ его былъ совѣтникомъ Безансонскаго парламента. Мать его была Жанна-Марія Мерсье-де-Міонъ, а поэтому авторъ путешествія въ Московію, Филиппъ-Шарль, прибавилъ къ фамиліи отца Агей и фамилію матери Міонъ. Его два младшіе брата, участвовавшіе вмѣстѣ съ нимъ въ Данцигской экспедиціи, были одинъ Жанъ-Агей-де-Монсожонъ, а другой просто Агей. Разсказъ о приключеніяхъ Агея-де-Міона въ Россіи написанъ просто, безъ всякой претензіи и не очень грамотно, такъ какъ въ то время французская аристократія не отличалась знаніемъ ороографіи. Онъ имѣетъ характеръ дневника, хотя написанъ нѣсколько лѣтъ послѣ возвращенія автора во Францію, и въ основу его положены замѣтки, набросанныя имъ изо дня въ день въ 1734 году. О послѣдующей жизни Агея-де-Міона извѣстно только, что онъ дослужился до чина подполковника и былъ комендантомъ одного изъ Безансонскихъ фортовъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о Россіи, отличаются замѣчательной правдивостью для иностранца, а встрѣчающіяся ошибки довольно мелочныя, такъ Станислава Лещинскаго онъ называетъ Станиславомъ Лекинки, Полянскаго—Паланчи, Нарву то Нарвой, то Варной, рѣку Нарову—Невой, Неву—Ладогой, Лопухина—Лапурхинымъ, графа Левенвольда—графомъ Револемъ, орденъ св. Екатерины—орденомъ св. Алексѣя и т. д. Рисуемыя же имъ картины двора Анны Іоанновны очень характерны и правдивы.

Не распространяясь о политическихъ причинахъ, заставившихъ Людовика XV послать отрядъ французскихъ солдатъ на помощь своему тестю, Станиславу Лещинскому, котораго русскія войска осаждали въ Данцигѣ, Агей-де-Міонъ прямо приступаетъ къ своему разсказу. 13-го апрѣля 1734 года, входившія въ составъ экспедиціи роты двухъ полковъ Перигорскаго и Блезуасскаго, вышли въ море изъ Дюнкирхена на двухъ военныхъ судахъ и нѣсколькихъ торговыхъ. Командовалъ отрядомъ бригадиръ Ламоть-де-ла-Перузъ, а эскадра находилась подъ начальствомъ графа Гуллэ. Послѣ благополучнаго перехода, французы достигли 4-го мая Копенгагена, гдѣ офицеровъ очень любезно принялъ французскій посланникъ въ Даніи, Де-Плало. Отдохнувъ три дня, экспедиція продолжала свой путь и 11-го бросила якорь передъ фортомъ Вексельмюндэ при устьѣ Вислы, который былъ занятъ сторонниками Станислава Лещинскаго, также какъ маленькое земляное укрѣпленіе по другую сто-

рону рѣки. Хотя командиръ этого укрѣпленія графъ Штакельбергъ увѣрилъ французовъ, что они легко достигнутъ Данцига, такъ какъ съ этой стороны находится лишь нѣсколько сотенъ казаковъ, но оказалось, что главная часть русской пѣхоты занимала всю мѣстность до Данцига и уже устроила сильные ретраншменты. Сдѣлавъ основательную рекогносцировку и собравъ всѣ необходимыя свѣденія, Ламотъ созвалъ военный совѣтъ и объявилъ, что маленькому французскому отряду нельзя было пробиться въ Данцигъ сквозь двадцатитысячную русскую армію, тѣмъ болѣе, что окрестная страна была покрыта болотами; поэтому французамъ было лучше вернуться въ Копенгагенъ и тамъ ждать подкрѣпленій. Такъ и поступили. 19-го мая снова французы бросили якорь въ виду Копенгагена.

Однако французскій посланникъ въ Даніи, графъ Плэло, чрезвычайно гордый и храбрый аристократъ, не хотѣлъ и слышать, чтобы французская армія и флотъ, впервые появившіеся въ Балтійскомъ морѣ, удалились съ позоромъ. По его просьбѣ, Ламотъ созвалъ новый военный совѣтъ; на немъ участвовали офицеры батальона Ла-Маршскаго полка, который между тѣмъ прибылъ въ Копенгагенъ, и посланникъ произнесъ такое пламенное воззваніе къ чести французовъ, что рѣшено было вернуться въ Данцигъ. Въ тотъ же день поднять якорь, и графъ Плэло отправился вмѣстѣ съ отрядомъ, даже не простившись съ своей женой и взявъ съ собою только маленькій дорожный мѣшокъ. Еще разъ французы высадились въ устьѣ Вислы и заняли Вексельмюндскій фортъ, а также сосѣдній островъ. Положеніе дѣлъ тамъ было прежнее, только русскіе подвинули свои ретраншменты до самаго моря. Графъ Плэло требовалъ, чтобы французы немедленно взяли эти ретраншменты, такъ какъ онъ не допускалъ мысли чтобы русскіе дикари могли нанести пораженіе европейскому войску, и презрительно говорилъ: «Я сожалѣю, что мы пойдемъ противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, намъ было бы достаточно палокъ, чтобы ихъ разогнать». Ламотъ, однако, изъ осторожности отсрочивалъ сколько могъ атаку, но когда онъ получилъ приказаніе отъ французскаго посланника въ Варшавѣ, маркиза Монти, находившагося въ Данцигѣ при Станиславѣ Лещинскомъ, немедленно овладѣть русскими траншеями, то онъ долженъ былъ повиноваться. Осажденные въ Данцигѣ обѣщали сдѣлать въ то же время вылазку, но они не могли пройти черезъ глубокую заводь, оказавшуюся на ихъ пути, и французамъ пришлось однимъ имѣть дѣло съ многочисленнымъ непріятелемъ, защищеннымъ сильными земляными укрѣпленіями. Конечно, произошла убійственная рѣзня, и французы вынуждены были отступить, потерявъ триста человекъ убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ тридцать офицеровъ. Графъ Плэло исчезъ безъ вѣсти, а на другой день фельдмаршалъ Минихъ прислалъ его во французскій лагерь мерт-

вымъ въ гробу. Храбрый, но неблагоразумный дипломатъ былъ унизанъ многочисленными ранами отъ штыковъ. Если вѣрить Агей-де-Міону, то въ плѣну у русскихъ оказался только одинъ раненый французскій солдатъ, такъ какъ они «безжалостно убивали всѣхъ раненыхъ».

Положеніе французовъ было отчаянное: они находились на открытомъ песчаномъ берегу, въ маленькомъ плохо защищенномъ фортѣ и на беззащитномъ островѣ, притомъ они не могли вести траншей, такъ какъ съ одной стороны у нихъ былъ песокъ, а съ другой болото. Напротивъ, русскіе находились подъ прикрытіемъ лѣса, на твердомъ грунтѣ и съ большимъ успѣхомъ распространяли свои земляныя укрѣпленія. Къ тому же къ нимъ на помощь еще подошли 10.000 саксонцевъ и русскій флотъ, состоявшій изъ 22-хъ военныхъ судовъ. Все же 1500 французовъ, если не менѣе, продержались цѣлый мѣсяцъ и дошли до того, что у нихъ осталось хлѣба и то очень дурного только на пять дней. Тогда Ламотъ послалъ двухъ офицеровъ къ маркизу Монти и Станиславу Лещинскому, чтобы объяснить, въ какомъ безвыходномъ положеніи они находились. Станиславъ со слезами выслушалъ рассказъ офицеровъ и отвѣчалъ: «Господа, Богу извѣстно, что меня привело сюда не желаніе царствовать, а сознаніе королевскаго достоинства и народной чести». Что касается до маркиза Монти, то онъ собралъ военный совѣтъ изъ офицеровъ, находившихся въ Данцигѣ, а такъ какъ эти офицеры, замѣчаетъ Міонъ, были «авантюристами», ничего не понимавшими и жаждавшими только наживы за границей, то они пришли къ самому невозможному и нелѣпому рѣшенію. Французскому отряду было предписано держаться во что бы то ни стало въ своей позиціи, пока имъ не пришлютъ лодокъ, въ которыхъ они поднимутся по Вислѣ до Данцига. Ни то ни другое не было исполнимо, а потому Ламотъ собралъ съ своей стороны военный совѣтъ, и на немъ было рѣшено войти въ переговоры о капитуляціи съ фельдмаршаломъ Минихомъ и принцемъ Саксенъ-Вейсенфельдскимъ, который командовалъ саксонцами. Оба они согласились на предложенныя французами условія капитуляціи, заключавшіяся въ томъ, чтобы ихъ отвезли со всѣми военными почестями въ одинъ изъ шведскихъ портовъ и тамъ возвратили имъ свободу. При этомъ Минихъ былъ очень любезенъ съ французами, заявилъ, что онъ давно знаетъ объ ихъ отчаянномъ положеніи, но не хотѣлъ этимъ воспользоваться, хвалилъ ихъ храбрость, такъ какъ три французскіе батальона мѣсяцъ сопротивлялись тремъ арміямъ, и послалъ Ламоту много мяса, дичи и вина.

«23 іюня,—рассказываетъ Міонъ,—меня отправили съ двумя другими офицерами къ русскому адмиралу Гордону для подписи капитуляціи и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, въ какой шведскій портъ онъ намѣренъ насъ перевезти. По нашемъ прибытіи на адмираль-

скій корабль, Гордонъ собралъ военный совѣтъ и по окончаніи его объявилъ намъ, что мы будемъ вполне имъ довольны, и что онъ высадитъ насъ въ такомъ портѣ, въ которомъ мы найдемъ все, что намъ требуется. Однако, несмотря на всѣ наши просьбы, онъ не назвалъ намъ этого порта. Холодность, съ которой онъ насъ принялъ, и упорное молчаніе насчетъ мѣста нашей высадки возбудили въ насъ подозрѣнія, которыя впослѣдствіи оправдались. Но когда мы сообщили Миниху о нашихъ опасеніяхъ, то онъ поклялся, какъ нѣмецъ и честный человѣкъ, что капитуляція будетъ свято исполнена. Онъ прибавилъ, что, вѣроятно, саксонцы произвели на насъ дурное впечатлѣніе, но русскіе докажутъ, что въ Россіи честное и благородное слово такъ же ненарушимо хранится, какъ и въ другихъ мѣстахъ свѣта. Наконецъ, и адмиралъ Гордонъ, прибывъ въ нашъ лагерь, заявилъ, что онъ высадитъ насъ въ Карльсгамбъ, или Карльсвогъ, въ Швеціи, чтобы мы были поближе къ Франціи». Повѣривъ этимъ клятвамъ и обѣщаніямъ, французы подписали капитуляцію и спокойно сѣли на русскія суда по сто и полтора человека на каждое. 27 іюня эскадра вышла въ море и послѣ двухнедѣльнаго плаванія бросила якорь, но не въ шведскомъ портѣ, а въ Ревелѣ. На вопросъ французовъ, что это значило, адмиралъ Гордонъ сначала сталъ увѣрять, что онъ пересадитъ ихъ тутъ на другія суда и отправитъ въ Швецію, но на слѣдующій день, утромъ, онъ продолжалъ свой путь по Финскому заливу и уже прямо заявилъ французамъ, что везетъ ихъ въ Россію, гдѣ ея величество, русская императрица, желала ихъ видѣть.

13 іюня, французскіе плѣнные достигли Кронштадта, и ихъ высадили на южный берегъ залива противъ порта, который, по словамъ Міона, «прекрасный, очень большой и сильно укрѣпленный». Къ нимъ приставили два батальона астраханскаго полка и, спустя нѣсколько дней, повели въ Копорье, гдѣ расположили лагеремъ вокругъ стариннаго укрѣпленія. Для выясненія ихъ положенія, Ламоть былъ вызванъ въ Петербургъ. Даже русскіе, какъ увѣряетъ Міонъ, были удивлены нарушеніемъ капитуляціи, и адмиралъ Головинъ на обѣдѣ, данномъ Ламоту въ Кронштадтѣ передъ его отъѣздомъ въ Петербургъ, сказалъ, что если бы съ нимъ случилось нѣчто подобное нарушенію капитуляціи, заключенной фельдмаршаломъ Минихомъ, то онъ на его мѣстѣ сломалъ бы свою саблю и не сталъ бы болѣе служить ея величеству императрицѣ: «Онъ повторилъ эти слова даже на русскомъ языкѣ своимъ офицерамъ,—прибавляетъ французъ:—а это тѣмъ удивительнѣе, что въ этой странѣ за малѣйшее слово противъ правительства ссылаютъ въ Сибирь, откуда никто не возвращается». Изъ Петербурга Ламоть привезъ декларацію императрицы, которую Міонъ самъ читалъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что въ ней говорилось о желаніи императрицы сохранить капитуляцію, а

задержаніе французовъ объяснялось тѣмъ, что французскіе корабли взяли русскій фрегатъ «Митава» и три почтовыхъ судна, тогда какъ не было войны между Франціей и Россіей, поэтому русская императрица удерживала въ плѣну французскихъ офицеровъ и солдатъ до тѣхъ поръ, пока ей не возвратятъ взятыхъ судовъ. Для скорѣйшаго окончанія этого дѣла императрица дозволила тремъ французскимъ офицерамъ отвезти ея декларацію во Францію, а до ихъ возвращенія назначила каждому французскому солдату по пяти су въ день, кромѣ хлѣба, соли и мяса. Что же касается до офицеровъ, то императрица обѣщала прислать имъ денегъ, если они нуждались въ нихъ. Мѣстопробываніемъ для плѣнныхъ назначалась мѣстность вблизи одного изъ портовъ Балтійскаго моря для того, чтобы ихъ легче было посадить на корабли при отправкѣ на родину.

Дѣйствительно, три офицера были посланы съ императорской деклараціей въ Версаль, а весь отрядъ оставался въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ сначала въ Копорьѣ, а потомъ въ Нарвѣ. Пребываніе въ первой мѣстности было, по свидѣтельству Міона, довольно спокойное, особенно послѣ того, какъ плѣннымъ дозволено было охотиться и гулять однимъ безъ конвоя, а также писать письма во Францію, подъ обязательствомъ взаимной поруки въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не убѣжитъ и не будетъ писать въ своихъ письмахъ о государственныхъ дѣлахъ. Только болѣзни сильно распространились во французскомъ лагерѣ, благодаря окружавшимъ болотамъ: всего умерло до 400 солдатъ и 15 офицеровъ. Астраханскій полкъ былъ скорѣ замѣненъ въ качествѣ конвоя Ингерманландскимъ, командиръ котораго, подполковникъ Лопухинъ, оказался, по словамъ Міона, молодымъ русскимъ аристократомъ, воспитаннымъ при дворѣ и чрезвычайно учтивымъ. «Онъ всегда обращался съ нами мягко и предупредительно,—говоритъ французъ,—а его молодая красивая жена, близкая родственница царицы и дочь Ягужинскаго, русскаго посланника въ Берлинѣ, говорила очень хорошо по-французски и была чрезвычайно любезна съ нами. У нихъ было много прислуги обоего пола и различныхъ экипажей. Новый начальникъ нашего конвоя всегда старался сдѣлать намъ пріятное, принималъ насъ у себя очень радушно и устраивалъ намъ иногда праздники. Онъ помѣщался такъ же, какъ мы, въ палаткахъ, но устроилъ ихъ съ помощью вѣтвей и листьевъ очень удобно, какъ для себя, такъ для прислуги, экипажей и лошадей. У него всегда былъ открытъ буфетъ съ различными винами и водкой, такъ что когда мы приходили къ нему, то, по обычаю страны, намъ подавали сначала трубки, а потомъ вина и водки».

Въ Нарвѣ французы оставались менѣе мѣсяца и жили постоемъ у горожанъ. Міонъ говоритъ, что ихъ существованіе въ этомъ городѣ было гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ копорскомъ лагерѣ; только ихъ помѣщенія были очень тѣсны, такъ какъ въ небольшой ком-

натѣ находилось до 12 офицеровъ. Зато пища была обильная: бѣлый хлѣбъ, хорошая говядина и очень дешевая дичь; лишь одно вино стоило дорого. Посвятить нѣсколько страницъ своего дневника описанію Нарвы, русскихъ солдатъ, крѣпостничества и поселянъ, какъ русскихъ, такъ и чухонъ, Міонъ переходитъ къ своей поѣздкѣ въ Петербургъ, картина котораго представляетъ наибольшій интересъ для русскихъ читателей. 4-го октября, Лопухинъ объявилъ своимъ плѣннымъ, что въ Россію прибылъ изъ Франціи Футонъ-де-Лестанъ для переговоровъ о выдачѣ плѣнныхъ, что взятый французами русской фрегатъ «Митава» отправленъ въ Россію и прибылъ уже въ Копенгагенъ, что въ Кронштадтѣ снаряжается шесть судовъ для отправки французовъ на родину, и что наконецъ императрица дозволила Ламоту съ нѣкоторыми офицерами пріѣхать въ Петербургъ проститься съ нею. Вслѣдствіе этого, въ Петербургъ отправились Ламоть, полковники и по два офицера каждого батальона; въ числѣ послѣднихъ находился и Міонъ. Проводникомъ французовъ былъ назначенъ поручикъ Черниковъ, который, по приказанію императрицы, щедро платилъ за всѣ путевыя издержки.

По прибытіи въ Петербургъ, 8 ноября французскіе офицеры были временно помѣщены въ небольшомъ домѣ въ Ямской, куда привезли имъ изъ дворца роскошный ужинъ, поданный на серебрѣ. Это серебро и дорогія вина бургундское и шампанское представляли рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что гостей императрицы положили спать на солому, набросанную на полъ. На слѣдующее утро ихъ повезли черезъ весь городъ на Васильевскій островъ, гдѣ для нихъ былъ приготовленъ домъ, или, какъ выражается Міонъ, дворецъ Лопухина. «Мы увидѣли у наружной двери,—разсказываетъ французъ:—военный караулъ, и насъ принялъ Симоновъ, состоявшій при дворѣ императрицы. Онъ проводилъ насъ въ комнаты и извинился, что не хватило времени для лучшаго ихъ украшенія. Приготовленный для насъ дворецъ выходилъ однимъ фасомъ на рѣку, а другимъ во дворъ, гдѣ находились сараи и конюшни. Большой залъ раздѣлялъ домъ на два апартамента: правый состоялъ изъ большой столовой, трехъ комнатъ и одного кабинета; лѣвый заключался почти въ такихъ же помѣщеніяхъ. Всѣ комнаты были обширныя, высокія, а стулья покрыты тканями, изображавшими эпизоды преимущественно изъ римской исторіи. Кровати были русскія, т.-е. безъ балдахиновъ, за исключеніемъ двухъ, приготовленныхъ для Ламота и полковника Бельфона. Насъ угостили обѣдомъ, сервированнымъ на 24 персоны. Обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ, и поданъ онъ былъ самымъ великолѣпнымъ образомъ на серебрѣ съ императорскими гербами. Кушанья обносились въ глубокихъ золоченыхъ блюдахъ. Вино было самое дорогое: бургундское, шампанское и венгерское. Симоновъ предсѣдательствовалъ за столомъ. Въ послѣдующіе дни, кромѣ подобныхъ же обѣдовъ, намъ подавали въ положенные часы чай,

кофе и шоколадъ. Персоналъ нашего дома былъ устроенъ по-придворному и состоялъ изъ смотрителя, повара, лакеевъ и гайдуковъ».

10 октября, была назначена аудіенція у императрицы. Въ 7 ч. утра за французами присланы были придворные экипажи съ четырьмя гвардейскими кавалерійскими солдатами у каждой въ видѣ эскорта. Въ 9 часовъ ихъ повезли въ Лѣтній дворецъ, гдѣ жила тогда императрица, и, по словамъ Міона, «хотя этотъ дворецъ былъ деревянный, но такъ хорошо выкрашенъ, что можно было принять его за каменный». Передній фасадъ его выходилъ на рѣку, а съ остальныхъ трехъ сторонъ его окружали сады съ прекрасными статуями, прелестными боскетами и фонтанами. «Прежде всего, говоритъ Міонъ, насъ провели въ Кабинетъ, т.-е. въ то помѣщеніе дворца, гдѣ принимаетъ министръ, графъ Остерманъ, нѣмецъ по происхожденію, вице-канцлеръ. Онъ занимаетъ первый постъ въ государствѣ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ канцлеръ. Онъ былъ назначенъ на этотъ постъ еще при Петрѣ I-мъ и состоитъ кавалеромъ голубой ленты св. Андрея. Онъ принялъ насъ вмѣстѣ съ княземъ Черкасскимъ очень любезно, говорилъ съ нами на прекрасномъ французскомъ языкѣ и выказалъ большой умъ. Онъ самъ проводилъ насъ въ императорскіе апартаменты, и мы были удивлены необычайнымъ блескомъ какъ придворныхъ особъ, такъ и придворной прислуги. Первый залъ, въ который мы вошли, былъ переполненъ вельможами, одѣтыми по французскому образцу и залитыми золотомъ; во второмъ залѣ намъ представилось то же зрѣлище, а въ третьемъ находилась императрица, которая только что принимала посланника герцога Саксонскаго, въ качествѣ короля польскаго. Всѣ окружавшіе ее придворные чины были въ расшитыхъ золотомъ кафтанахъ и въ голубыхъ или красныхъ лентахъ. Остерманъ представилъ насъ императрицѣ, и Лажотъ проивнесъ рѣчь, въ которой благодарилъ ее за оказанныя намъ милости во время пребыванія въ ея государствѣ. Она отвѣчала черезъ Остермана, который служилъ переводчикомъ, что всегда желала, чтобы съ нами хорошо обращались, и что подчиненныя лица только исполняли ея волю. Потомъ она дозволила намъ по очереди поцѣловать свою руку и удалилась въ сопровожденіи принцессъ Анны и Елисаветы, которыя находились при ней. Мы нашли, что императрица отличалась величественнымъ видомъ, прекрасной фигурой, смуглымъ цвѣтомъ лица, черными волосами и бровями, большими на выкатѣ глазами такого же цвѣта и многочисленными рябинами на лицѣ; она была причесана по-французски, и въ волосахъ у нея было много драгоценныхъ камней. Наней было золотое парчевое платье съ огненнымъ отгѣнкомъ и сшитое по французской модѣ. На роскошной ея груди видѣлась большая брильянтовая корона. У нея, кажется, очень мягкій и добрый нравъ. Принцессы были одѣты по-нѣмецки, а причесаны

по-французски. На императрицѣ былъ орденъ св. Андрея, а на принцессахъ орденъ св. Алексѣя (св. Екатерины). Черезъ нѣсколько минутъ царица вернулась въ шелковомъ платьѣ, которое она, вѣроятно, надѣла по той причинѣ, что было очень жарко. Эти комнаты отапливаются печками, которыя находятся подъ поломъ. Такъ какъ въ печкахъ жгутъ благоуханные ароматы, то въ комнатахъ и тепло и пріятно благоухаетъ. Императрица остановилась въ дверяхъ и долго забавлялась, смотря на насъ и заставляя разговаривать съ нами маленькаго шестилѣтняго сына Бирона. Этотъ ребенокъ, котораго императрица очень любитъ, говоритъ хорошо по-французски и вообще знаетъ шесть языковъ. Онъ задавалъ намъ вопросы о томъ, понравился ли намъ русскій дворъ, лучше ли его французскій, и желаемъ ли мы вернуться на родину; а наши отвѣты онъ передавалъ царицѣ. Эта игра продолжалась три четверти часа, а затѣмъ мы откланялись. При выходѣ изъ апартаментовъ императрицы, насъ окружили русскіе вельможи, расточая намъ тысячу комплиментовъ на хорошемъ французскомъ языкѣ».

Вечеромъ въ тотъ же день, французы осмотрѣли Петропавловскую крѣпость, а на слѣдующій посѣтили Бирона и графа Левенвольда. О первомъ Мюнъ отзывается, что этотъ «вельможа, ливонецъ по происхожденію и довольно граціозной наружности, пользуется большою силой при дворѣ, гдѣ его жена занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ». Затѣмъ они присутствовали на парадѣ Преображенскаго полка и осматривали Зимній дворецъ, «очень большой и весь каменный». Въ то время только оканчивался главный залъ этого дворца, назначенный для парадныхъ аудіенцій. Мюнъ приходитъ въ восторгъ отъ великолѣпія зала съ его законченными украшеніями и расписаннымъ итальянскими художниками потолкомъ. Всего французы оставались въ Петербургѣ десять дней, и ихъ время было посвящено смотрамъ войскъ, придворнымъ приѣмамъ, осмотру достопримѣчательностей города и посѣщеніямъ различныхъ вельможъ. На смотре Семеновскаго полка присутствовала сама императрица, которая прибыла на золоченномъ шестнадцативесельномъ катерѣ, съ великолѣпнымъ помѣщеніемъ въ видѣ комнаты, украшенной зеркалами, картинами и роскошной мебелью, крытой зеленымъ бархатомъ съ золотымъ шитьемъ. При выходѣ императрицы изъ катера графъ Левенвольдъ подвелъ къ ней французовъ, и она снова дозволила имъ поцѣловать себѣ руку. Слѣдующій смотръ Конногвардейскаго полка, шефомъ котораго состояла императрица, отличался тѣмъ, что впереди полка проходили всѣ парадные золотые экипажи императрицы, окруженные пажамъ верхомъ и придворными лакеями пѣшкомъ, а впереди эскадроновъ великихъ и выѣздныхъ лошадей эскадронныхъ командировъ. Наконецъ французамъ показали три роты кадетъ изъ дворянъ, и имъ въ особенности понравилась «граціозность движеній этого образцоваго войска».

Съ большимъ удовольствіемъ осмотрѣлъ Міонъ кунсткамеру и манежъ Бирона, гдѣ послѣдній сдѣлалъ для французовъ парадную выводку своихъ многочисленныхъ великолѣпныхъ лошадей. «Этотъ манежъ,—разсказываетъ авторъ дневника,—деревянный, съ двумя трибунами по концамъ и двумя посрединѣ. Намъ показали до сорока или пятидесяти лошадей, поразительныхъ своей красотою и покрытыхъ богатыми красными попонами, шитыми золотомъ. Во второй разъ ихъ провели передъ нами безъ попонъ съ роскошными чепраками и сѣдлами, украшенными также золотымъ шитьемъ. Всѣ эти украшения получены изъ Пруссіи. Наконецъ любезный хозяинъ приказалъ осѣдлатъ лошадей простыми манежными сѣдлами, и наѣздники, вскочивъ въ сѣдла, показали намъ все искусство этихъ благородныхъ животныхъ. Въ особенности были удивительны по красотѣ и дрессировкѣ три лошади. Одна изъ нихъ была персидская, и уздечка на ней сверкала драгоценными камнями; рѣшительно этотъ конь былъ первый въ свѣтѣ. Кромѣ Бирона, присутствовали при выводкѣ лошадей многіе русскіе аристократы и два посланника, шведскій и прусскій. Гостепріимный хозяинъ предложилъ намъ шоколадъ и закуску. Мы всего болѣе разговаривали съ княземъ Куракинымъ, который очень любезенъ и прекрасно знаетъ Францію».

Въ свою очередь графъ Левенвольдъ далъ вечеръ въ честь французовъ. Этотъ царедворецъ, по словамъ Міона, «отличался предупредительностью, элегантнымъ обращеніемъ и граціозной фигурой. Ливонецъ по происхожденію, онъ находился давно на русской службѣ, участвовалъ въ Полтавской битвѣ, не былъ женатъ и жилъ въ очень небольшомъ домѣ, такъ какъ роскошный домъ, который онъ строилъ для себя, не былъ еще готовъ. Несмотря на это, устроенный имъ праздникъ оказался великолѣпнымъ. Сначала былъ данъ концертъ, въ которомъ участвовали итальянскіе артисты, находящіеся на жалованьи у русской императрицы, въ томъ числѣ скрипачъ Гаспарето, віолончелистъ Тантонида и пѣвецъ-мимъ Пердики. Вечеръ окончился роскошнымъ ужиномъ съ прекрасными винами. Къ довершенію всего, хозяинъ показалъ французамъ своихъ «невольницъ», красивыхъ и молодыхъ черкешенокъ.

14-го октября, императрица снова пригласила своихъ французскихъ гостей во дворецъ, и они присутствовали при ея туалетѣ. «Кромѣ насъ,—разсказываетъ Міонъ,—были тамъ Биронъ, фельд-маршалъ Минихъ, только что вернувшійся изъ Польши, Левенвольдъ, князь Куракинъ и дежурный камергеръ, Черниковъ, братъ нашего проводника. Конечно, при императрицѣ находились, какъ всегда, двѣ принцессы. Всѣ туалетныя принадлежности были изъ чистаго золота, даже рамы большихъ зеркалъ, и эти предметы, очень многочисленные, разставлены и разложены на столахъ. Между прочимъ, мнѣ очень понравилась красивая и лю-

боытная фигура изъ слоновой кости и чернаго дерева; она изображала жертвоприношеніе Авраама. Нашъ визитъ продолжался очень долго, и ея величество осыпала насъ милостями. Пожелавъ узнать, что насъ всего болѣе поразило въ ея дворцахъ и арсеналахъ, она въ отвѣтъ на нашъ разсказъ приказала прислать намъ картинки того, что намъ понравилось, но признаюсь, что эти картинки оказались очень посредственными по исполненію. Оберъ-гофмаршалъ, графъ Левенвольдъ, оставилъ насъ обѣдать во дворцѣ, по приказанію императрицы, что, по его словамъ, было необыкновенною почестью, такъ какъ со времени ея восшествія на престолъ она не дѣлала этого ни для одного принца и ни для одного посланника. За обѣдомъ предсѣдательствовалъ Левенвольдъ и, кромѣ насъ, сидѣли за столомъ фельдмаршалъ Минихъ; адмиралъ, графъ Головинъ, князь Куракинъ, Биронъ и два камергера. Обѣдъ былъ великолѣпный, посуда богатая. Тосты провозглашались обычные за русскую императрицу, за французскаго короля и т. д. Прислуживали за столомъ многочисленные гайдуки, лакеи и скороходы въ зеленыхъ бархатныхъ ливреяхъ съ золотыми галунами, или шитьемъ».

Спустя три дня, начались прощальныя аудіенціи. Императрица была еще милостивѣе и любезнѣе; по обыкновенію, французы поцѣловали у ней руку, и тѣмъ окончилось ихъ послѣднее свиданіе съ Анной Иоанновною. При выходѣ ихъ изъ царскихъ апартаментовъ, русскіе вельможи осыпали французовъ пожеланіями добраго пути, просьбами ихъ не забывать и практическими совѣтами насчетъ путешествія, при чемъ обращали ихъ особое вниманіе на необходимость держать тепло ноги. Затѣмъ французы простились съ Бирономъ, Остерманомъ и Минихомъ. У послѣдняго они познакомились съ женою, сыномъ и дочерьми. «Фельдмаршалъ,—говоритъ Міонъ,—принялъ насъ очень учтиво и угостилъ насъ виномъ, при чемъ были предложены обычные тосты и пожеланія, чтобъ мы возвратились въ Петербургъ. Жена фельдмаршала собиралась ѣхать во дворецъ и вся сіяла драгоценными камнями. Ея сынъ, камеръ-юнкеръ, красивый и хорошо сложенный молодой человекъ, прожилъ въ Парижѣ пять лѣтъ и больше походилъ на отца, чѣмъ на мать, которая очень сухощавая и костлявая женщана, въ родѣ скелета. Напротивъ самъ фельдмаршалъ большого роста, держится съ достоинствомъ военнаго человека и отличается добрымъ выраженіемъ лица». Въ числѣ прощальныхъ визитовъ были и аудіенціи у двухъ принцессъ Анны Леопольдовны и Елисаветы Петровны. Первая, по словамъ Міона, «молодая, красивая женщана двадцати семи лѣтъ. Она говорила очень хорошо по-французски, но изъ скромности не пускалась въ длинныя рѣчи съ французами». Ея приѣмъ отличался обходительностью, но Елисавета Петровна выказала французамъ

самую сердечную любезность. «Эта принцесса,—говоритъ Міонъ,—дочь Петра I-го; ей около тридцати лѣтъ. Роста она довольно высокаго, но слишкомъ полна; волоса ея и глаза черные, а цвѣтъ лица розовый при необыкновенной бѣлизнѣ тѣла. Она такъ граціозна, несмотря на свою толщину, что кажется хорошо сложенной. Несомнѣнно, Елисавета одна изъ первыхъ красавицъ въ свѣтѣ. Она насъ приняла очень тепло и заявила Ламоту свое удивленіе, что мы отправляемся въ путь въ такую опасную пору года. Поэтому она полагала, что гораздо лучше было бы намъ зимовать въ Петербургѣ, гдѣ намъ не дали бы соскучиться, хотя она понимала, что насъ тянетъ на родину, въ особенности когда это родина Франція со всѣми ея удовольствіями. Потомъ она сказала каждому изъ насъ по любезности, а когда мы вышли изъ ея дворца, то увидѣли ее на балконѣ, откуда она послала намъ сердечный поклонъ. Она была одѣта по-французски, но съ нѣмецкой прической и съ большимъ количествомъ брильянтовъ въ волосахъ. На ней была лента св. Андрея. Эту принцессу очень любитъ русскій народъ, но императрица ее не жалуется и предпочитаетъ ей Анну Леопольдовну, которой она и намѣрена передать свою корону».

Наканунѣ отъѣзда изъ Петербурга, французы простились съ графомъ Левенвольдомъ, и онъ вечеромъ отдалъ имъ визитъ. Въ тотъ же вечеръ фельдмаршалъ Минихъ увѣдомилъ Ламота, что императрица отпускаетъ на свободу тридцать плѣнныхъ французовъ, взятыхъ при осадѣ Данцига и находившихся въ одной изъ петербургскихъ тюремъ. Кромѣ этой милости, императрица приказала выдать всѣмъ французскимъ солдатамъ по полушубку и по парѣ теплыхъ чулокъ и башмаковъ. 19 октября, французскіе гости выѣхали изъ Петербурга обратно въ Нарву, но, прежде чѣмъ перейти въ своемъ дневникѣ къ разсказу о дальнѣйшихъ своихъ странствованіяхъ, Міонъ рисуетъ слѣдующую картинку Петербурга: «Это большой городъ, помѣщающійся на болотѣ: часть его находится на островѣ, который составляетъ его центръ, а часть на другомъ берегу. На этомъ, лѣвомъ отъ Ладожскаго озера, берегу возвышаются дворцы императрицы Лѣтній и Зимній. Сообщается эта часть города съ островомъ длиннымъ, деревяннымъ мостомъ. Большинство домовъ въ Петербургѣ деревянные, но теперь строятъ каменные изъ кирпича и бѣлаго камня. Новые дома имѣютъ прекрасные фасады. По большей части улицъ проходятъ каналы. Зимой здѣсь ѣздятъ на саняхъ. Въ городѣ имѣется нѣсколько хорошихъ зданій, особенно обсерваторія и адмиралтейство. Немало видно красивыхъ дворцовъ и домовъ, но большія площади, служація для парадовъ, придаютъ городу пустынный видъ. Всего Петербургъ занимаетъ одну милю въ длину и столько же въ ширину. Горожане одѣваются по-французски, а народъ по-русски. Жены горожанъ очень красивы и одѣваются частью по-французски, частью по-польски».

Опредѣливъ такимъ образомъ совершенно вѣрно и рельефно главныя черты Петербурга, Міонъ наконецъ поддался общему недостатку чужестранцевъ, въ особенности французовъ, легкомысленно писать пустяки о Россіи. Онъ пресерьезно увѣряетъ, что въ Петербургѣ при дворѣ живетъ одинъ священникъ, подъ названіемъ «папа», который замѣняетъ мѣсто архіепископа, перваго въ Россіи, и что этотъ «папа» выбирается изъ монашескаго ордена св. Василія, который одинъ поставляетъ этихъ «папа». Но къ чести французскаго офицера прошедшаго столѣтія надо сказать, что этотъ вздоръ и указанныя уже нами мелочныя ошибки не могутъ ступшевать вообще правдиваго и основательнаго разсказа о его пребываніи въ Россіи.

Вернувшись въ Нарву 21 ноября, французы должны были ждать до 4 ноября прибытія русскихъ судовъ. Когда же они наконецъ вышли въ море, то поднялась буря, и то судно, на которомъ находился Міонъ со своими солдатами, едва достигло береговъ Даніи въ концѣ мѣсяца. Оттуда Міонъ частью моремъ, частью сухимъ путемъ, вернулся въ Дюнкирхенъ 24 января 1735 года, послѣ девяти-мѣсячнаго отсутствія изъ Франціи. Въ концѣ дневника онъ обѣщаетъ написать впоследствии болѣе подробный разсказъ о своемъ путешествіи въ Московію. Но, по словамъ Вильома, несмотря на всѣ его поиски, онъ не могъ отыскать этого втораго, болѣе подробнаго описанія, и даже не существуетъ свѣдѣній о томъ, было ли оно когда нибудь написано.

II.

Участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ.

Хотя книга Ришара Ваддингтона имѣетъ особое названіе: «Семилѣтняя война: первые шаги», но она составляетъ первый томъ дипломатической и военной исторіи борьбы Фридриха Великаго съ Австріей, Франціей и Россіей, которую авторъ задумалъ въ очень широкихъ рамкахъ. Предисловіемъ къ этому основательному, большому труду служить вышедшее три года тому назадъ сочиненіе Ваддингтона «Людовикъ XV и переворотъ въ союзахъ Франціи», въ которомъ подробно изложены сложные дипломатическіе переговоры, окончившіеся тѣмъ, что въ срединѣ XVIII вѣка Франція неожиданно видоизмѣнила свою внѣшнюю политику и заключила союзъ противъ Пруссіи съ своимъ всегдашнимъ врагомъ Австріей, а затѣмъ съ Россіей. Первымъ слѣдствіемъ этого необыкновеннаго переворота во внѣшнихъ отношеніяхъ версальскаго двора была Семилѣтняя война, во время которой Пруссія съ перемѣннымъ счастіемъ выдержала напоръ на нее почти всей Европы, за исключеніемъ Англіи, которая держала ея сторону, и въ концѣ концовъ упрочила свое

могущество, а Франція не только не «стерла въ порошокъ сѣвернаго Атиллу», какъ выражалась маркиза Помпадуръ, главный врагъ Фридриха Великаго и душа союза противъ него, но совершенно ослабила свое значеніе въ Европѣ. Подробно описать дипломатическую и военную сторону этого крупнаго событія — вотъ задача, которую поставилъ себѣ Ваддингтонъ, и надо отдать ему справедливость, что онъ очень успѣшно разрѣшилъ ту ея часть, которой посвящена только что выпедшая его книга. Въ ней онъ излагаетъ военныя дѣйствія между враждующими державами въ 1756—1757 гг., а также относящіяся къ этой эпохѣ дипломатическіе переговоры и придворныя интриги. Для своего обстоятельнаго и мѣстами картиннаго разказа, онъ пользовался многочисленными печатными матеріалами и рукописными документами, хранящимися въ парижскихъ, лондонскихъ и вѣнскихъ архивахъ. Наибольшій интересъ изъ вновь открытыхъ имъ источниковъ представляютъ депеши и письма герцога Нью-Кастля, перваго министра Англій, Вильямса, англійскаго посла въ Петербургѣ, Кауница, австрійскаго канцлера, Старенберга, австрійскаго посланника въ Парижѣ, маркизы Помпадуръ, которая играла роль не только фаворитки Людовика XV, но и перваго министра Франціи, Дугласа и Лопиталья, представителей Франціи въ Петербургѣ, Фуэрьера, состоявшаго при Лопиталѣ, маршала Субиза, главнокомандующаго французской арміей, Фитингофа, офицера французскаго генеральнаго штаба. Умѣло примѣнивъ къ дѣлу собранный имъ богатый матеріалъ, Ваддингтонъ относится безпристрастно къ описываемымъ событіямъ и къ ихъ героямъ, не щадя своихъ соотечественниковъ, когда они заслуживаютъ порицанія, и отдавая справедливость врагамъ Франціи, если ихъ дѣйствія вызываютъ одобреніе. Такимъ образомъ его сочиненіе является настоящимъ историческимъ трудомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Первые шаги Семилѣтней войны, которые составляютъ предметъ выпедшаго до сихъ поръ одного только тома почтенной исторической работы Ваддингтона, — заключаются въ неожиданномъ захватѣ Саксоніи Фридрихомъ и побѣдѣ его при Лаворизѣ надъ австрійцами въ 1756 году, а также въ длинномъ рядѣ его успѣховъ и неудачъ въ борьбѣ уже не съ одними австрійцами, а также съ ихъ союзниками французами и русскими въ 1757 г. Конечно, при этомъ главныя военныя дѣйствія происходили между пруссаками и австрійцами. Восемь мѣсяцевъ они упорно, безъ раздыха боролись между собою, и побѣда въ четырехъ генеральныхъ сраженіяхъ подѣлилась поровну. Австрійцы одержали верхъ при Колинѣ и Бреславлѣ, а пруссаки при Прагѣ и Лейтенѣ. Но за Фридрихомъ, доведеннымъ послѣ первыхъ успѣховъ тяжелыми неудачами до отчаянія, даже до мысли о самоубійствѣ и ходатайствѣ о мирѣ черезъ маркизу Помпадуръ, осталось послѣднее слово, благодаря его необычайной силѣ воли, поразительному хладнокровію, военнымъ талантамъ, знанію людей и быстрой находчивости въ самую критическую минуту.

Роль Франціи въ этой первой фазѣ Семилѣтней войны была далеко не блестящая. Послѣ долгихъ проволочекъ она выслала на помощь Австріи армию подѣ начальствомъ маршаловъ Естре и Рипелле, которые оба были царедворцами, но не военачальниками. Сначала французы могли похвалиться капитуляціей ганноверцовъ, но затѣмъ они подверглись одной неудачѣ за другой и наконецъ были разбиты на голову при Розбахѣ. Эта блестящая побѣда Фридриха, по словамъ Ваддингтона, имѣла для Франціи значеніе великой катастрофы. Передъ всѣмъ свѣтомъ были обнаружены неспособность ея генераловъ и отсутствіе дисциплины среди ея солдатъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ упадокъ Франціи и ея славы. Что касается до самаго ея союза съ Австріей, который былъ заключенъ при содѣйствіи маркизы Помпадуръ и ея ставленника, абата Берни, тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, то Ваддингтонъ справедливо говоритъ, что «французскіе министры не могутъ оправдывать себя, какъ Людовикъ XV и его фаворитка, незнаніемъ дѣла и неопытностію. Они сознательно вовлекли Францію въ международную распрю, до которой ей не было никакого дѣла, и на нихъ лежитъ отвѣтственность за печальные результаты ихъ злополучной политической дѣятельности. Немного потребовалось времени, чтобы доказать всю невозможность для Франціи исполнить принятыя на себя обязанности на основаніи союза съ Австріей. [Пришлось взять назадъ легкомысленно данныя обязательства, и Людовикъ XV представилъ Европѣ грустное зрѣлище правительства, которое вынуждено ссылаться на свою беспомощность и на упадокъ своей страны, чтобы оправдать нарушеніе даннаго слова».

Приведа эти взгляды и сужденія Ваддингтона для доказательства основательности и безпристрастія его замѣчательнаго труда, перейдемъ къ тѣмъ его страницамъ, которыя посвящены участію Россіи въ первой фазѣ Семилѣтней войны, какъ наиболѣе интереснымъ для русскихъ читателей.

Съ весны 1756 года вѣнскій дворъ велъ переговоры съ петербургскимъ о заключеніи оборонительнаго союза. Императрица Елисавета выражала пламенное сочувствіе къ войнѣ противъ ненавистнаго ей Фридриха Великаго и полную готовность предоставить Маріи-Терезіи помощь, обусловленную конвенціей 1746 года, но ея воинственныя слова не подтверждались практическими дѣйствіями. Благодаря ли противодѣйствію канцлера Бестужева, подкупленнаго, по словамъ Ваддингтона, Англіей и Пруссіей, или неопытности и неспособности военныхъ властей, или наконецъ недостатку финансовыхъ средствъ, хотя Марія-Терезія внесла значительную сумму на мобилизацію русской армии, заключивъ тайное соглашеніе съ Людовикомъ XV о возвратѣ этихъ денегъ, но русскія войска не были готовы, чтобы принять участіе въ войнѣ 1756 года. Стараясь всячески ускорить затянувшуюся мобилизацію рус-

ской арміи, Эстергази, посланникъ Маріи-Терезіи въ Петербургѣ, стремился вмѣстѣ съ тѣмъ къ достиженію двухъ цѣлей: заключенію новаго союзнаго трактата между Австріей и Россіей на болѣе широкихъ основахъ, чѣмъ конвенція 1746 года, и присоединенію Россіи къ версальскому трактату 1 мая 1756 года. Заключеніе этихъ двухъ дипломатическихъ актовъ, повидимому, столь простыхъ и логичныхъ въ виду соглашенія трехъ дворовъ дѣйствовать заодно противъ общаго врага и коренной перемѣны французской политики, вслѣдствіе чего были возобновлены такъ долго прерванныя дипломатическія сношенія съ Россіей, однако, возбудило значительныя, даже серьезныя, столкновенія между кабинетами Людовика XV, Маріи-Терезіи и Елисаветы. Весь спорный вопросъ заключался въ томъ, что Франція, перемѣнивъ политику и начавъ дружить съ Россіей, вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣла отказаться отъ своего традиціоннаго покровительства Польшѣ и польскимъ партіямъ въ ихъ борьбѣ противъ Россіи, а русская армія, идя на помощь Австріи, должна была перейти черезъ Польшу. Въ этомъ именно и заключалось первое затрудненіе, а второе касалось другой всегда покровительствуемой Франціей державы, именно Турціи, такъ какъ Елисавета въ переговорахъ съ Маріей-Терезіей не довольствовалась требованіемъ субсидіи, но еще настаивала на территориальныхъ приобрѣтеніяхъ насчетъ этихъ двухъ излюбленныхъ союзницъ Франціи.

Эстергази велъ въ Петербургѣ переговоры о заключеніи двойнаго трактата съ Австріей и Франціей не только отъ имени своей императрицы, но и по уполномочію Людовика XV, а повѣренный въ дѣлахъ Франціи, Дугласъ, долго не имѣвшій официальнаго характера, только содѣйствовалъ Эстергази по приказанію своего министра, тѣмъ болѣе, что онъ самъ былъ неопытный дипломатъ и не пользовался никакимъ вліяніемъ при петербургскомъ дворѣ. Все-таки тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Рулье, котораго еще не замѣнилъ аббатъ Берни, настаивалъ въ своихъ депешахъ къ Дугласу на необходимости при переговорахъ имѣть въ виду интересы Польши. Еще болѣе настаивалъ на этихъ интересахъ представитель Франціи въ Польшѣ, графъ Брольи, который никакъ не хотѣлъ отказаться отъ старинной политики Франціи насчетъ Польши и довелъ свою пламенную ревность въ этомъ дѣлѣ до того, что сказалъ русскому представителю въ Дрезденѣ, Гроссу: «Если русскія войска пройдутъ черезъ Польшу, то я не буду въ состояніи поддерживать съ вами прежнихъ добрыхъ отношеній». Конечно, петербургскій кабинетъ всполошился, и Бектѣевъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, официально предъявилъ жалобу на дѣйствія Брольи: мало того, въ этомъ же духѣ былъ написанъ рескриптъ самой Елисаветы и отправленъ въ Парижъ. Но еще прежде чѣмъ онъ достигъ своего назначенія, французское правительство, по настоянію Старемберга, австрійскаго посла въ Парижѣ, и мар-

кیزی Помпадуръ, которые были главными заправилами въ заключеніи австро-франко-русскаго союза, положило конецъ этой скандальной двойственности своей политики. Рулье былъ вынужденъ написать Дугласу и Брольи, что, «несмотря на прецеденты, король не окажетъ сопротивленія проходу русскихъ черезъ Польшу, такъ какъ императрица въ этомъ нуждается, и нѣтъ основанія мѣшать ей дѣйствіямъ»; а самъ Людовикъ написалъ своему любимцу Брольи: «я очень хорошо видѣлъ изъ вашихъ писемъ, что вамъ трудно примѣнять на дѣлѣ мою новую политику; вы не одинъ въ такомъ положеніи, но такова моя воля, и вы должны ей содѣйствовать».

Но если Франція уступила по вопросу о Польшѣ, то она не хотѣла сдѣлать того же относительно Турціи. Петербургскій кабинетъ настаивалъ, чтобы въ проектированный трактатъ между Франціей, Австріей и Россіей была включена статья, гарантирующая русскія владѣнія противъ всѣхъ враговъ императрицы. Допустить подобное условіе значило принять открыто сторону Россіи противъ стариннаго союзника Франціи, — Порты, а потому Дугласу было сообщено, чтобы онъ заявилъ о невозможности для Франціи оказать помощь Россіи противъ Турціи. Что же касается до остальныхъ условій трактата Россіи съ Австріей, то парижскій кабинетъ призналъ, что они до него не касаются, такъ какъ французскіе министры не знали о тайныхъ переговорахъ между этими двумя державами. Первая изъ нихъ требовала присоединенія въ случаѣ счастливаго окончанія войны Курляндіи и Самогитіи подъ условіемъ вознагражденія Польши за потерю этихъ провинцій пріобрѣтеніемъ бывшаго Прусскаго герцогства. Австрія же старалась отдѣлаться неопредѣленнымъ обѣщаніемъ поддерживать при заключеніи будущаго мира территоріальныя требованія Россіи, такъ какъ австрійскій канцлеръ, Кауницъ, составилъ планъ преобразованія бывшаго Прусскаго герцогства въ отдѣльное княжество для второго сына Маріи-Терезіи, эрцъ-герцога Карла, подъ сюзеренной властью польскаго короля, о чемъ онъ, однако, благоразумно не сообщалъ даже Россіи.

Хотя французское правительство не вѣдало этихъ проектовъ, направленныхъ противъ Польши, но оно недолго довольствовалось разрѣшеніемъ польскаго вопроса. Въ декабрѣ того же года появился въ Версалѣ графъ Брольи, который долженъ былъ удалиться изъ Дрездена по приглашенію Фридриха, занявшаго саксонскую столицу, и подъ вліяніемъ этого рьянаго друга Польши былъ снова поставленъ на очередь вопросъ о проходѣ русскихъ войскъ черезъ Польшу. Несмотря на всѣ усилія Старемберга, была отправлена новая депеша къ Дугласу, и австрійскому дипломату только удалось значительно смягчить ея выраженія. Все-таки въ этомъ документѣ Франція требовала отъ русскаго кабинета заявленія, что онъ не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, и подъ этимъ условіемъ она обязывалась удерживать своихъ польскихъ друзей отъ всякаго про-

тиводѣйствія проходу русскихъ войскъ черезъ ихъ страну. Но курьеръ, который везъ эту ноту, встрѣтился на дорогѣ съ Мишелемъ, французскимъ купцомъ, который уже не впервые исполнялъ должность дипломата-любителя. Теперь Дугласъ отправилъ его изъ Петербурга съ актомъ о присоединеніи Россіи къ версальскому трактату.

Этотъ трактатъ былъ подписанъ въ Петербургѣ 11 января 1757 г. Дугласъ, совершенно подчиненный Эстергази, поддался его настоянію и, несмотря на категорическое предписаніе изъ Парижа, уступилъ по вопросу о Турціи. Хотя Турція и была исключена изъ договора сторонъ о взаимной защитѣ, но въ приложенной къ трактату тайной деклараціи Франція обязывалась въ случаѣ войны Россіи съ Турціей оказать первой помощь денежной субсидіей. Сообщая этотъ трактатъ, Дугласъ объяснялъ въ своей депешѣ, что «онъ согласился на эту статью только по необходимости, чтобы исполнить желаніе самой императрицы и чтобы не поставить въ неловкое положеніе австрійскаго посла, который предложилъ по приказанію своего двора это тайное условіе и увѣрилъ его, что король вполнѣ на это согласенъ».

7 января, Мишель пріѣхалъ въ Парижъ, и какъ Людовикъ, такъ и всѣ его министры пришли въ негодованіе отъ секретной статьи подписаннаго въ Петербургѣ трактата. Рудье не только написалъ строгій выговоръ Дугласу и объявилъ ему, что король никогда не ратификуетъ секретной деклараціи, но прямо заявилъ Старембергу, что Австрія во зло употребила оказанное ей версальскимъ кабинетомъ довѣріе, такъ какъ Дугласъ никогда не согласился бы подписать секретной статьи, если бы Эстергази не увѣрилъ его, что на нее согласны оба двора. Австрійскій посолъ въ эту критическую минуту выказалъ всю свою дипломатическую ловкость и посовѣтовалъ, чтобы Людовикъ XV написалъ собственноручное письмо Елисаветѣ, объясняя ей происшедшее недоразумѣніе и прося ее во имя ихъ дружбы вывести его изъ затруднительнаго положенія. Эта уловка имѣла полный успѣхъ, и русская императрица, всегда питавшая нѣжныя чувства къ Людовику XV, была чрезвычайно тронута его личнымъ обращеніемъ къ ней, отвѣчала очень любезно и отмѣнила надѣлавшую столько шума секретную статью. Вслѣдъ за этимъ трактатъ былъ ратификованъ обѣими сторонами.

Видя уступчивость Елисаветы, Австрія потребовала обратно уже подписанную Маріей-Терезіей также секретную декларацію, по которой Австрія обязывалась поддержать требованіе Россіи на присоединеніе къ ней двухъ указанныхъ польскихъ провинцій. Этотъ документъ могъ очень скомпрометировать Марію-Терезію въ глазахъ Людовика, если бы онъ когданибудь узналъ о немъ, и потому она была чрезвычайно рада, когда Эстергази добился его возврата. Послѣ этого оставалось только заключить новый австро-русскій трактатъ, что и было сдѣлано 2 февраля 1757 года. Этимъ трак-

татомъ, извѣстнымъ въ исторіи подъ названіемъ петербургскаго, объ императрицы заключили оборонительный союзъ противъ прусскаго короля съ обязательствомъ не положить оружія, пока не будутъ возвращены Пруссіей Силезія и графство Глацъ, а также не будетъ достигнуто общее обезсиленіе этого государства. Контрактующія стороны должны были каждая выставить армію въ 80.000 человекъ, и, кромѣ того, Россія взяла на себя обязательство выслать флотъ въ 20 военныхъ кораблей и 40 галеръ, а императрица-королева согласилась уплачивать царицѣ ежегодную субсидію въ миллионъ рублей.

Такимъ образомъ Австрія и ея первый министръ Кауницъ торжествовали по всей линіи. Не только Россія приняла на себя новую роль союзницы Австріи и Франціи, но въ Петербургѣ потеряли всякое вліяніе дотолѣ всемогущая Англія и ея представитель Вильямсъ. Всѣ усилія этого ловкаго дипломата, чтобы помѣшать рѣзкой перемѣнѣ русской политики, ни къ чему не привели. Даже его попытка купить Бестужева за сто тысячъ флориновъ, предложенныхъ Фридрихомъ, не имѣла никакого результата, такъ такъ податливый на подкупы канцлеръ сказалъ Вильямсу: «я согласенъ быть другомъ прусскаго короля, но не понимаю, какъ могу быть полезенъ ему въ настоящую минуту». Дѣйствительно крутой переворотъ былъ совершенъ во внѣшнихъ отношеніяхъ Россіи, и не только Елисавета не хотѣла слышать объ увеличеніи субсидіи, получаемой ею отъ англійскаго правительства, но даже отказалась отъ наступившаго срочнаго полученія этой субсидіи, согласно англо-русскому трактату, ратификованному въ предыдущемъ году. Однако Вильямсъ не унывалъ и рассчитывалъ для своего успѣха на придворныя интриги, а главное на болѣзнь Елисаветы. «Императрица очень больна,—писалъ онъ 11 ноября 1756 года,—ея смерть поставитъ здѣшнія дѣла на желанную намъ ногу. Великій князь и великая княгиня вполне преданы интересамъ англійскаго короля, а также короля прусскаго. Великая княгиня ведетъ себя во всемъ такъ, какъ намъ желательно; она и ея друзья руководятъ канцлеромъ Бестужевымъ, который, къ сожалѣнію, не имѣетъ при дворѣ той силы, какъ прежде. Молодой фаворитъ Шуваловъ, правда, вполне преданъ Франціи и слишкомъ богатъ, чтобы возможно было его подкупить, но въ виду болѣзни императрицы, онъ и вся его семья тайно дѣлали авансы великой княгинѣ и просили ея покровительства въ будущемъ, обѣщая свое содѣйствіе въ настоящемъ». По совѣту Вильямса, Екатерина отвѣчала Шуваловымъ, что они были, какъ всѣмъ извѣстно, друзьями Франціи, а великій князь и она сочувствовали Англіи и видѣли въ друзьяхъ Франціи враговъ Россіи, а потому если Шуваловы желали доказать искренность своихъ авансовъ, то они должны были помѣшать приему въ Петербургѣ новаго французскаго посла, маркиза Лопиталья.

Однако всѣ надежды Вильямса вскорѣ разсѣялись. Союзъ съ Австріей и Франціей былъ заключенъ, маркизъ Лопиталь выѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ, а главное Елисавета выздоровѣла. Вліяніе Вильямса при русскомъ дворѣ уничтожилось, и на всѣ его предложенія относительно укрѣпленія дружбы съ Англіей ему отвѣчали отказомъ, даже въ грубой формѣ. «Я не имѣю ни малѣйшей надежды вернуть здѣшній дворъ къ прежней его политикѣ,—писалъ онъ 1 марта 1757 года,—этотъ дворъ находится теперь вполнѣ въ рукахъ Австріи, а скоро будетъ и въ рукахъ Франціи». Считая, что онъ не можетъ болѣе принести пользы своей странѣ, и не желая быть «шпіономъ прусскаго короля», какъ его стали называть въ Петербургѣ, гордый англичанинъ просилъ свое правительство отозвать его изъ Россіи. Даже Бестужевъ отвернулся отъ своего друга и приблизился къ прежнимъ врагамъ. Въ письмѣ къ Брюлю, отъ 8 марта 1757 года, которое очевидно было написано съ цѣлью, чтобы оно попало на глаза версальскому кабинету, онъ смѣло говорить, какъ бы забывъ все прошедшее: «моей системой всегда было поддерживать тѣсный союзъ между вѣнскимъ дворомъ и дворомъ моей государыни, а также положить предѣлъ чрезмѣрному могуществу прусскаго короля». Затѣмъ хитрый канцлеръ объясняетъ, что если онъ противодѣйствовалъ примиренію съ Франціей, то лишь потому, что его друзья и въ особенности ея представитель Дугласъ нападали на него, и онъ вынужденъ былъ защищаться; а въ концѣ письма онъ прибавляетъ: «повидимому, французскій дворъ хочетъ удостоить меня своимъ довѣріемъ. Я готовъ откликнуться на его желанія только въ виду пользы отъ этого для обоихъ дворовъ и нашихъ союзниковъ, а въ особенности Польши. Такъ какъ я далеко отъ всякаго личнаго расчета, то не прошу другого знака благодарности, какъ отозванія кавалера Дугласа послѣ пріѣзда посланника, маркиза Лопитала, потому что къ этому человѣку я не могу питать довѣрія, въ виду его враждебныхъ дѣйствій. вмѣстѣ съ тѣмъ я желалъ бы, чтобы г. посланнику было внушено дѣйствовать не противъ меня, а совмѣстно со мною».

Это письмо возымѣло должное дѣйствіе, и версальскій кабинетъ, въ которомъ уже игралъ главную роль ставленникъ маркизы Помпадуръ, Берни, предписалъ маркизу Лопиталю вступить въ соглашеніе съ русскимъ канцлеромъ. Но, несмотря на то, что онъ выѣхалъ изъ Парижа въ январѣ, Лопиталь прибылъ въ Петербургъ только 2 іюля, такъ какъ по дорогѣ заѣзжалъ въ Вѣну, въ Варшаву и въ лагерь русской арміи, которая послѣ долгихъ проволочекъ наконецъ появилась въ восточной Пруссіи.

Фридрихъ Великій долго не вѣрилъ въ вмѣшательство Россіи въ его борьбу съ Австріей и Франціей, а когда австро-франко-пруссскій союзъ былъ заключенъ, то онъ все-таки надѣялся, что возможность смерти Елисаветы и расположеніе къ нему великаго князя и великой

княгини, а также Бестужева, задержать главнокомандующаго, графа Апраксина, отъ начала военныхъ дѣйствій. Поэтому онъ стянулъ въ Богемію главныя свои военныя силы, а оставилъ фельдмаршалу Левальду для защиты восточной Пруссіи только 28.000 солдатъ и 64 орудія. Кромѣ малочисленности пруссаковъ, они еще не отличались единствомъ высшаго командованія, такъ какъ старый семидесятилѣтній фельдмаршалъ Левальдъ постоянно ссорился со своимъ помощникомъ генераломъ Дона, благодаря чему дѣйствія прусской арміи замедлялись, и она не могла помѣшать главнымъ русскимъ силамъ, подѣ начальствомъ Апраксина, соединиться съ отдѣльнымъ корпусомъ Фермора.

Что касается до русской арміи, то Ваддингтонъ приводитъ любопытные отзывы о ней посѣтившихъ ее въ Шадовѣ маркиза Лопиталья и состоявшаго при немъ Фужьера. Послѣдній писалъ отъ 5 іюня 1757 года: «Все, что я видѣлъ въ русской арміи, доказываетъ ея прекрасное положеніе: люди большого роста, мускулистыя и здоровые, съ усами большею частью накладными, но очень черными и густо нафабранными. Одѣты они хорошо, и у пѣхоты мундиры зеленые съ красными отворотами; штіблеты у нихъ очень хорошіе изъ бѣлаго полотна, а въ походѣ они носятъ высокіе сапоги съ каблуками, что неудобно для ходьбы. Для посланника выстроили два пѣхотныхъ полка; мнѣ показалось, что солдаты держатъ себя слишкомъ натянуто, но ружьемъ они владѣютъ хорошо, хотя въ построеніяхъ замѣтна безпорядочность. Если вся кавалерія похожа на показанный намъ кирасирскій полкъ, то она великолѣпна и прекрасно содержится, а также у нея хорошія лошади. Мы еще видѣли два великолѣпныхъ гусарскихъ полка. Казаки и калмыки представляютъ совершенно особый типъ людей; у нихъ лица и носы очень плоскіе, глаза маленькіе, а кожа оливковая. Ихъ одежда и головной уборъ походятъ на польскіе; одни изъ нихъ синіе, другіе красные, а вооружены они деревянными пиками въ 12 футъ длины, съ желѣзнымъ остриемъ. Кромѣ того, у однихъ винтовки, а у другихъ пистолеты и шашки».

Маркизь Лопиталь въ своей депешѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ отъ 7 іюня также описываетъ впервые появившіяся тогда въ Европѣ иррегулярныя войска русской арміи. «Насъ угостили въ видѣ дивертисмента, — пишетъ онъ, — ѣвдой гусарь, казаковъ и калмыковъ, которые представляютъ оригинальное зрѣлище своими упражненіями и дикимъ крикомъ. Апраксинъ убѣжденъ, что эти войска наведутъ страхъ на прусскую кавалерію и произведутъ въ ней панику. Онъ даже сказалъ мнѣ, что хотѣлъ привести съ собою отрядъ калмыковъ, которые сидѣли на верблюдахъ и стрѣляли изъ луковъ. Дѣйствительно въ русской арміи говорили по секрету, что въ Вильну уже прибыло триста или четыреста верблюдовъ». Къ этому Ваддингтонъ прибавляетъ, что такая курьезная мысль не была при-

ведена въ исполненіе. О главнокомандующемъ Апраксинѣ Лопиталь выражается не очень лестно: «Ему 55 лѣтъ; внѣшность у него красивая, благородная: онъ высокаго роста, тяжеловѣсенъ, а лицо его открытое, серьезное. Онъ прошелъ черезъ всѣ военные чины и служилъ при Петрѣ I и подъ начальствомъ генерала Миниха. Всѣ рассказы объ его пьянствѣ положительно ложны, и онъ теперь понеобходимости всегда трезвый. Онъ слыветъ большимъ поклонникомъ женщинъ, и въ Ригѣ оставилъ цѣлый дворъ молодыхъ дамъ. Я могу удостовѣрить, что онъ не отличается никакими военными талантами; онъ самъ въ этомъ откровенно сознается и, повидимому, питаетъ большое довѣріе къ старому генералу Ливену, который, къ сожалѣнію, очень дряхлый».

Армія Апраксина была вдвое больше прусской, такъ какъ онъ располагалъ 110.000 людьми и 114 орудіями. Поэтому онъ легко взялъ, послѣ семидневной бомбардировки, Мемель, перешелъ Прегель и разбилъ на голову пруссаковъ при Гроссъ-Эгерсдорфѣ. По словамъ Ваддингтона, Апраксинъ не выказалъ въ этой битвѣ ни хладнокровія, ни смѣтливости, а когда, благодаря мужеству своихъ солдатъ, онъ одержалъ побѣду, то не сумѣлъ воспользоваться ею. Два дня онъ промедлилъ на полѣ брани, а затѣмъ повернулъ обратно въ Курляндію, которой и достигъ въ концѣ октября. Это неожиданное прекращеніе военныхъ дѣйствій удивило всѣхъ не только русскихъ и ихъ союзниковъ, но и пруссаковъ, болѣе всѣхъ Фридриха, который долго не хотѣлъ этому вѣрить. Непонятное поведение Апраксина объясняется отчасти печальнымъ положеніемъ, въ которое пришла его армія, а главное новой болѣзью Елисаветы и секретной инструкціей канцлера Бестужева, который дѣйствовалъ по приказанію великаго князя и великой княгини.

Что касается печальнаго положенія русской арміи при отступленіи изъ Пруссіи, объ этомъ свидѣтельствуютъ два иностранные офицера, находившіеся при ней. Французскій офицеръ генеральнаго штаба, Фитингофъ, пишетъ между прочимъ: «Все доказываетъ въ этой арміи, что русскіе не военные люди. Всюду царитъ безпорядокъ, и очень немногіе исполняютъ свой долгъ. Это точно толпа разбойниковъ. Всѣмъ, повидимому, опротивѣла война. Солдаты дѣлаютъ, что хотятъ. Преступленія остаются ненаказанными, и повсюду видны грабежъ и разореніе. Всѣ тѣ мѣста Пруссіи, гдѣ прошла эта армія, совершенно опустошены: селенія или сожжены или ограблены дотла. Вотъ плоды побѣды русской арміи, и такъ какъ все въ Пруссіи разорено и сѣдено, то, вѣроятно, русская армія пойдетъ на зимнюю квартиру въ Курляндію, или Самогитію».

Съ своей стороны австрійскій офицеръ, имени котораго не приводитъ ни Ваддингтонъ, ни Рамбо, ссылавшійся на него въ своей книгѣ о Семилѣтней войнѣ, рисуетъ еще болѣе грустную картину. «Я никогда не видалъ,—говоритъ онъ,—войска въ такомъ жалкомъ

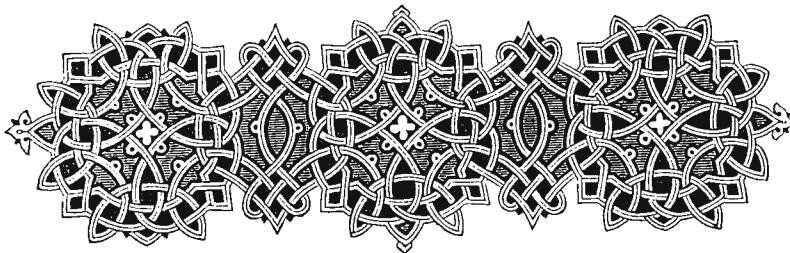
видѣ. Прежде всего я встрѣтилъ экипажи въ два ряда, а затѣмъ слѣдовали больные, которые едва двигались и падая умирали. Число мародеровъ было такъ велико, что трое или четверо солдатъ охраняли каждую корову. Самая армія стояла лагеремъ на разстояніи двухъ миль. Я съ ужасомъ увидалъ, что больные валялись на травѣ безъ одѣяла, или простыни. Все остальное въ арміи походитъ на положеніе больныхъ. Главнокомандующій не приказываетъ дѣлать рекогносцировки, и генералы слѣдуютъ его примѣру. Никто не думаетъ посылать впередъ развѣдчиковъ, а всѣ полагаются на казаковъ и калмыковъ, которые только грабятъ».

Неизвѣстно, доходили ли до Петербурга извѣстія о такомъ несчастномъ положеніи русской арміи за границей, но всѣ въ столицѣ, начиная отъ снова оправившейся отъ болѣзни императрицы и Бестужева, были сильно возбуждены противъ Апраксина: «Здѣсь царить общее недовольство тѣмъ, что происходитъ въ арміи, писалъ Лопиталь изъ Петербурга отъ 4-го октября 1757 года,—поведеніе Апраксина поражаетъ несообразностью и невѣжествомъ; благодаря ему, половина арміи въ разбродѣ, а остальная набрасываетъ только тѣнь на войска ея величества. Здѣсь сильное волненіе, и всѣ убѣждены, что императрица удалитъ отъ командованія фельдмаршала Апраксина». Дѣйствительно, спустя нѣсколько дней, Апраксинъ вернулся въ Петербургъ, былъ отданъ подъ судъ и умеръ. Этимъ оканчивается участіе Россіи въ первой фазѣ Семилѣтней войны.

В. Т.

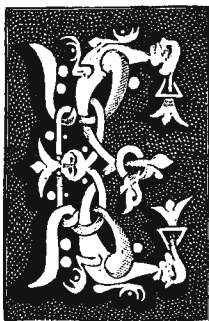
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Женщина въ странѣ свободы ¹⁾).

СЛИ МЫ, начавъ нашъ очеркъ съ непреодолимаго и непреборимаго стремленія американской женщины къ супружеству, съ нѣкоторою обстоятельностью старались выяснить, какъ пути и средства, которыми идетъ она къ осуществленію такого стремленія, такъ равно препятствія, которыя приходится ей преодолевать, то для того, конечно, главнымъ образомъ, чтобы изобразить и разъяснить съ возможною полнотой ея роль, значеніе и положеніе въ семьѣ и семейной жизни «величайшей демократіи на земномъ шарѣ». Нынѣ представляется необходимымъ дать образчики этой семейной жизни и семейныхъ отношеній, дабы сдѣлать [засимъ выводы, неизбежно изъ всѣхъ изложенныхъ фактовъ вытекающіе, и покончить съ этимъ предметомъ. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что всѣ положительно факты, нами въ семь небольшомъ трудѣ нашемъ приводимые, повидимому, наиболѣе чрезвычайныя и исключительныя, отнюдь не представляются фактами въ большей или меньшей степени единичными, а всегда положительно относятся къ той или иной категоріи фактовъ и явленій, выхваченныхъ нами совершенно безтенденціозно изъ американской общественной жизни текущихъ дней.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVIII, стр. 289.

Нѣкій Samuel Hendrickson, обыватель города Brooklyn, съ началомъ текущаго года слившася съ городомъ New-York въ одинъ колоссальный городъ Great-New-York (Большой Нью-Йоркъ), былъ когда-то портретистомъ и «живописцемъ вывѣсокъ», затѣмъ сталъ дантистомъ и наконецъ, найдя оба занятія эти для себя неподходящими, сталъ «пророкомъ». Онъ останавливался для евангельской проповѣди на углахъ улицъ (явленіе самое обыкновенное въ странѣ свободы), собиралъ вокругъ себя громадную толпу и дѣлалъ разныя болѣе или менѣе поразительныя предсказанія. Само собою разумѣется, что, какъ и пророкъ Лермонтова, онъ былъ хотя и не нагъ (за это въ странѣ свободы хватаютъ въ кутузку), но бѣденъ и совершенно не заботился о содержаніи своей жены и дитяти. Бѣдная женщина вынуждена была держать квартирантовъ, чтобы содержать не только себя и ребенка, но и своего достойнаго супруга. Около трехъ лѣтъ тому назадъ онъ возвѣстилъ своимъ немногимъ ближайшимъ друзьямъ о приближеніи кончины міра и попрощался съ женой и дочерью, объявивъ имъ, что отнынѣ онъ будетъ витать въ мірѣ духовномъ. Однако чрезъ нѣсколько дней онъ вернулся домой съ страшнымъ аппетитомъ, обнаруживая желанія чисто матеріальнаго свойства. Бѣдная женщина, выведенная изъ терпѣнія его причудами и скоморошествомъ и изнуренная непрерывнымъ трудомъ, отказалась снова принять его въ свой домъ. Онъ удалился съ негодованіемъ и площадною бранью, и вскорѣ дочь ихъ Pearl Hendrickson, 13 лѣтъ, безслѣдно исчезла. Бѣдная мать, убитая горемъ, была убѣждена, что ребенокъ похищенъ отцемъ, и обратилась за помощью къ извѣстной газетѣ «New York Journal». Чрезъ десять дней репортеры газеты обнаружили, что дѣвочка дѣйствительно находится въ квартирѣ «пророка» въ городѣ Elizabeth штата New Jersey. Тогда г-жа Hendrickson, слабая, нервная женщина, доведенная до отчаянія, выломивъ дверь въ квартирѣ «пророка», не могшаго предвидѣть и предсказать собственную судьбу, и унесла ребенка на рукахъ. Съ тѣхъ поръ «пророкъ» и проповѣдникъ слова Божія, замыслившій нечеловѣческое противъ жены своей мщеніе, употребляетъ до сего времени всѣ усилія, чтобы отобрать отъ матери дѣвочку, которой нынѣ исполнилось уже шестнадцать лѣтъ и которая всецѣло обязана своимъ воспитаніемъ этой послѣдней. Нынѣ съ этой цѣлью онъ затѣялъ бракоразводный процессъ на основаніи невѣрности жены, выставивъ трехъ ея совиновниковъ.

Цѣлыхъ двадцать лѣтъ тому назадъ нѣкій Charles Ноорег, обыватель города New-York, развелся съ своей женой, получивъ, согласно судебному рѣшенію, право обладанія единственнымъ ихъ ребенкомъ Edith Lillian Ноорег, которой было въ то время всего лишь три года. Онъ уѣхалъ затѣмъ въ San-Francisco и тамъ разбогатѣлъ; дочь его получила хорошее образованіе. Ей было воспрещено даже переписываться съ своей матерью, и она лишь частнымъ образомъ узнала,

что та вышла замужъ за нѣкогого Weston, который впоследствии умеръ. Свыше года тому назадъ, г-нъ Charles Hooper, который между тѣмъ женился на особѣ, враждебно относившейся къ его дочери отъ перваго брака, потребовалъ, чтобы эта послѣдняя вышла замужъ за человѣка, котораго она совершенно не любила. Съ тѣхъ поръ жизнь ея подъ кровлей отцовскаго дома стала невыносимой, и она, съ согласія родителя, уѣхала въ New-York, въ которомъ двадцать три года назадъ родилась. Ея надежды въ этомъ громадномъ городѣ найти себѣ подходящее занятіе, дабы жить трудами рукъ своихъ, не оправдались, и больная, нервно разбитая, она попала въ госпиталь Bellevue. Всепроникающіе и вездѣсушіе репортеры крупныхъ газетъ метрополиі Новаго Свѣта огласили грустную исторію ея молодой жизни, и мать ея, находившаяся въ это время въ Чикаго, прочитавъ въ ньюйоркскихъ газетахъ повѣствованіе о судьбѣ ея единственной дочери, тотчасъ написала въ «New-York Journal» о своемъ желаніи съ ней свидѣться и взять ее подъ свою опеку, поясняя, что она, нынѣ вдова Weston, обладаетъ большими средствами. Такимъ образомъ послѣ двадцатилѣтней разлуки обрѣла Edith Killian Hooper свою мать. Замѣчательно, что этой матери, равно какъ и предыдущей, г-жѣ Samuel Hendrickson, равно какъ и инымъ американскимъ матерямъ, помогли и помогаютъ въ этомъ отношеніи не столько полиція, не столько безчисленныя бюро частныхъ сыщиковъ, сколько крупныя газеты. А сколько такихъ Юдиѣй въ странѣ свободы и какъ мало изъ нихъ сравнительно обрѣтаютъ своихъ родителей!

Актеръ Edward J. Ratcliff является однимъ изъ тѣхъ «магнетическихъ» героевъ сцены и кулисъ, которые составляютъ непреодолимое искушеніе для женщинъ. Одна изъ многочисленныхъ его поклонницъ, Alice de Lacy, молоденькая дѣвушка, еще не сошедшая со школьной скамьи, сдѣлалась его женой. Но тотъ самый Edward J. Ratcliff, который такъ возвышенъ, нѣженъ и безподобенъ въ любовныхъ изліаніяхъ на сценѣ, оказался совершенно инымъ въ дѣйствительной жизни. Онъ былъ грубъ съ женой, нерѣдко угощалъ ее щипками и пинками и наконецъ однажды, поваливъ ее на полъ, избилъ настолько жестоко, что она убѣжала изъ дома къ отцу. Этотъ послѣдній заставилъ дочь завести дѣло о разводѣ и самолично являлся съ ней на всѣ засѣданія суда, для того единственно, чтобы преградить актеру возможность «загипнотизировать» свою жену и такимъ путемъ заставить ее отказаться отъ всѣхъ ея требованій. Замѣчательно, что по настоянію de Lacy-отца обвиняемый и обвинительница были разсаживаемы судьей такимъ образомъ, чтобы первый не только не могъ смотрѣть въ глаза этой послѣдней, но даже глядѣть на нее сбоку, ибо такимъ путемъ онъ получилъ будто бы возможность оказывать на нее магнетическо-гипнотическое вoadѣйствіе. Герой блестящихъ артистическихъ матинэ былъ разве-

день съ женой и приговоренъ сверхъ сего къ шестимѣсячному заключенію. Но этимъ не закончились еще семейныя пертурбаціи молоденькой женщины. Оказалось, что за мебель, въ 1894 году приобрѣтенную магнетическимъ актеромъ по случаю вступленія въ бракъ, цѣной въ 1.650 долларовъ, до сего времени не уплачено ни единого сента. Мебельщикъ David Lindenbaum, по заключеніи Edward'a Ratcliff'a въ тюрьму, предъявилъ въ высшемъ судѣ искъ о взысканіи означенной суммы съ причитающимися процентами къ бывшей супругѣ осужденнаго актера, до брака miss Alice de Lacy. Эта послѣдняя возражала, что мебель куплена не ею, а ея бывшимъ мужемъ Edward J. Ratcliff, почему она никоимъ образомъ не можетъ быть обязанной платить за таковую. Однако мебельщикъ «присягнулъ», что она обѣщала заплатить за покупаемую мебель, если мужъ ея не заплатитъ, для чего достанетъ денегъ у своего отца. Послѣ полуторачасоваго совѣщанія присяжные засѣдатели вынесли приговоръ, которымъ присудили г-жу Ratcliff, нынѣ извѣстную подъ именемъ дѣвицы de Lacy, къ уплатѣ мебельщику 1.849 долларовъ 99 сентовъ. Добавимъ въ заключеніе, что все дѣйствіе отъ начала и до конца происходитъ въ метрополіи Новаго Свѣта, сирѣчь Нью-Йоркѣ.

А вотъ другой образчикъ изъ области «гипнотическихъ» браковъ. Дѣйствіе происходитъ также въ Нью-Йоркѣ, ибо г. Brooklyn, въ которомъ находится родительскій домъ героини, нынѣ составляетъ лишь часть такъ называемаго Большого Нью-Йорка. Героемъ является цирковой клоунъ. Miss May Davis, дѣвочка 16 лѣтъ, съ малыхъ лѣтъ лелѣяла въ себѣ мечты объ артистической карьерѣ. Она не разъ декламировала легкіе стишки и куплеты на увеселительныхъ собраніяхъ и концертахъ г. Brooklyn, въ которомъ обитала, но это ее не удовлетворяло. Она была падка къ трагедіи, постоянно декламировала извѣстныя стихотворенія «Маньякъ» и «Сигналъ не будетъ поданъ въ эту ночь» и мечтала, ставъ настоящей актрисой, играть такія роли, какъ Юлія, лэди Макбетъ и La Tosca. Эта худенькая, стройная дѣвочка была высока не по лѣтамъ, обладала глубокими, блестящими фіолетовыми глазами и ея маленькая головка была покрыта густыми и длинными кудрями темнозолотистаго цвѣта, которые въ тѣни казались черными. Въ рѣчи и всѣхъ своихъ манерахъ она была нѣсколько театральна и въ случаѣ какихъ либо домашнихъ неприяностей угрожала покончить жизнь самоубійствомъ. Она часто бывала въ Нью-Йоркѣ у своей тетки, mrs I. Heiser, проживавшей на Bowery, центрѣ всѣхъ увеселительныхъ мѣстъ и въ то же время выставкѣ ньюіоркской голи. Постоянное лицезрѣніе театральныхъ подѣздовъ и толпы, ихъ по цѣлымъ вечерамъ окружающей, частое забѣганіе въ театральныя переднія, частое заглядываніе въ самые театры, еще болѣе разжигали въ ней страсть къ сценѣ. Гдѣ и какимъ образомъ познако-

милась она съ клоуномъ Girard Leon, который текущей весной принималъ нѣкоторое участіе въ представленіяхъ въ Kieth's Theatre, остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности, но только она объявила вдругъ своей матери, что она выходитъ замужъ за клоуна. На возраженіе матери, что она еще черезчуръ молода для замужества, Мау категорически заявила, что она любитъ клоуна, онъ обѣщаль сдѣлать изъ нея настоящую актрису, и потому она рѣшила безповоротно вступить съ нимъ въ супружество. Мать болѣе не возражала. Въ ближайшее воскресенье клоунъ Girard Leon, которому, по его словамъ, 33 года (онъ выглядываетъ много старше), гладко выбритый, изящно причесанный, отлично одѣтый, галантный, выступающій съ нѣкоторой важностью, обладающій извѣстнымъ краснорѣчіемъ, явился въ домъ родителей Мау Davis, чтобы сдѣлать ее своей женой. Дѣвочка, которой на видъ не болѣе четырнадцати лѣтъ, была наверху блаженства, но также довольны были и родители, на которыхъ развязный и остроумный клоунъ произвелъ немалое впечатлѣніе. Подъ вечеръ въ томъ же родительскомъ домѣ священникъ методистской епископальной церкви, о. W. A. Layton, соединилъ будущую знаменитую трагическую актрису и цирковаго клоуна узами супружества. Переночевавъ лишь одну ночь со своей женой въ домѣ ея родителей, Girard Leon рано утромъ отправился въ Нью-Йоркъ, объявивъ, что онъ вернется къ обѣду въ 5 часовъ. Новобрачная не позволила своей матери готовить обѣдъ, а принялась за работу самолично, объявивъ, что она желаетъ показать своему супругу, какъ она порядочно умѣетъ готовить. Она была чрезвычайно счастлива, тысячу разъ говорила матери, какъ сильно любитъ она Girard Leon, и выражала увѣренность, что онъ самый лучший супругъ на свѣтѣ, какъ вдругъ получила отъ этого послѣдняго телеграмму, приглашавшую ее немедленно прибыть въ Academy Hotel. Она тотчасъ стала собираться. Мать одѣла ее въ ея наилучшее платье изъ голубого шелка съ бѣлыми шнурами, приладила на ея головкѣ великолѣпную весеннюю шляпу съ цѣлой оранжереей изысканнѣйшихъ цвѣтовъ и наконецъ предложила ей надѣть темно-голубыя перчатки, соотвѣтствующія стилю всего ея костюма. Но Мау отказалась отъ нихъ, говоря: «я хочу, чтобы всѣ видѣли мое обручальное кольцо, чтобы всѣ знали, что я—замужняя женщина». Она поцѣловалась съ матерью на прощанье и, весело напѣвая, сбѣжала по лѣстницѣ. Мужа своего она нашла въ ресторанѣ отеля. Они обѣдали вмѣстѣ, вмѣстѣ же отправились въ театръ Кейта, гдѣ онъ участвовалъ въ вечернемъ представленіи, и вмѣстѣ вернулись въ Academy Hotel, гдѣ и переночевали вторую ночь своей супружеской жизни. На слѣдующее утро, второе утро ихъ супружества, Girard Leon объявилъ своей молодой женѣ, что онъ ангажированъ цирковладельцемъ г. Wallace на цѣлый рядъ представленій въ г. Peru штата Indiana и потому долженъ вскорѣ ее оставить.

— Зачѣмъ оставлять, къ чему оставлять?—воскликнула пораженная Мау:—возьми меня съ собой!

— Но это въ высшей степени неудобно: управляющій циркомъ будетъ весьма недоволенъ, если я явлюсь съ женой, да и суровая жизнь цирковой труппы вовсе не по тебѣ.

— Но вѣдь ты же обѣщала, что мы никогда не будемъ разставаться, ты обѣщала, что я буду выступать на сценѣ вмѣстѣ съ тобой!

Но супругъ-клоунъ ни за что не соглашался на ея просьбы и убѣжденія взять ее съ собой. Тутъ между ними произошла первая ссора, которой суждено было быть и послѣдней. Онъ вышелъ изъ номера и вернулся лишь черезъ два часа. Въ теченіе этого времени г-жа Girard Leon выходила изъ отеля лишь на нѣсколько минутъ, а именно въ ближайшую аптеку, расположенную черезъ улицу. По его возвращеніи, они отправились вмѣстѣ къ ея теткѣ, г-жѣ Heiser. Эта послѣдняя, находясь въ это время въ столовой, слышала, какъ они вошли въ пріемную, горячо о чемъ-то споря, и какъ затѣмъ произошло между ними бурное объясненіе. Какъ только Girard Leon прошелъ изъ пріемной въ столовую, она бросилась въ гостиную, чтобы переспросить племянницу, въ чемъ дѣло. Та стояла среди комнаты, высоко держа надъ головой стаканъ съ какой-то темной жидкостью, по внѣшнему виду похожей на американскую водку. Прежде чѣмъ г-жа Heiser успѣла произнести одно слово, новобрачная изаящнымъ, чисто театральнымъ движеніемъ руки поднесла стаканъ къ своимъ губамъ и залпомъ осушила его, крича: «прощайте, тетя—я отравилась карболовой кислотой!» Крикъ ужаса вырвался изъ груди г-жи Heiser; прибѣжалъ новобрачный, находившійся въ это время въ столовой, они уложили ее на диванъ и старались облегчить ея страданія домашними средствами; полуторадневный супругъ послалъ за врачомъ, и тотъ приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы спасти жизнь только что обвѣнчаннаго дитяти, но всѣ его усилія оказались тщетными: черезъ двадцать минутъ по принятіи яда Мау Davis, такъ недавно еще ставшая женой клоуна, скончалась. «Если мы разстанемся,—сказала она своему супругу за завтракомъ,—то разстанемся навсегда!» И черезъ нѣсколько часовъ исполнила свое слово. Между тѣмъ мать ея, изготавивъ изысканный свадебный обѣдъ, въ надеждѣ на прибытіе свадебныхъ гостей, удивлялась, почему эти послѣдніе такъ долго не являются, какъ вдругъ получила телеграмму, извѣщавшую о серьезной болѣзни дочери. Поспѣшно прибывъ изъ Brooklyn'a въ New-York, отдѣленный отъ перваго однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ мостовъ, она нашла тамъ холодный трупъ своей дочери. Страшное смятеніе царствовало въ домѣ г-жи Heiser; новобрачный, стоя на колѣняхъ у трупа своей полуторадневной супруги, въ присутствіи потрясенной несчастіемъ матери, ошеломленной тетки

и многочисленныхъ посѣтителей, изливалъ свою скорбь въ глубокихъ, возвышенныхъ выраженіяхъ. Ея послѣдними словами, произнесенными полупешотомъ, были: «Я люблю своего мужа». Черезъ два дня оказалось, что онъ имѣлъ полнѣйшія основанія не брать съ собой своей молоденькой жены въ г. Репи штата Indiana, ибо въ составѣ ангажированнаго его цирка находилась уже его жена съ тремя дѣтьми.

Но помимо болѣе или менѣе «гипнотическихъ» брачныхъ сопряженій съ «магнетическими» актерами, клоунами, цирковыми наѣздниками и кулачными бойцами происходитъ въ странѣ свободы еще болѣе, значительно болѣе, гораздо болѣе такихъ же сопряженій «загипнотизированныхъ» дочерей ея съ «гипнотизаторами» совершенно иного сорта. Подверженными такому гипнозу являются въ особенности богатыя вдовы. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ образчиковъ его воздѣйствія. Недавно объявился въ Нью-Йоркѣ нѣкій Guelph Norman, заявлявшій себя перломъ далекой Индіи — исцѣлителемъ, гипнотизеромъ и прорицателемъ. Онъ вызвался посредствомъ таинственныхъ и непостижимыхъ индійскихъ искусствъ излѣчить неизлѣчимуя слѣпоту извѣстнаго богача Charles Broadway Rouss, за что ему было обѣцано уплатить ни болѣе, ни менѣе, какъ 1.000.000 долларовъ. Пока, однако, таинственныя индійскія искусства возымѣли свое чудесное дѣйствіе, исцѣлитель и гипнотистъ въ счетъ своего несомнѣннаго милліона успѣлъ призванъ у разныхъ особъ женскаго пола, подпавшихъ его гипнотическому вліянію, болѣе или менѣе значительныя суммы, которыя, по полученіи означеннаго милліона, должны были быть возмѣщены вдвойнѣ. Въ то же время онъ введенъ былъ въ знаменитое теософическое общество, основанное въ нѣкоторомъ родѣ знаменитой соотечественницей нашей г-жей Блаватской, и здѣсь познакомился съ богатой вдовой изъ Бостона г-жей Harriet Hall Bedlow Morris, которую настолько успѣлъ очаровать, что черезъ шесть дней послѣ знакомства она была уже его супругой. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ арестованъ по обвиненію въ выманиваніи денегъ подъ вымышленными предлогами, и хотя его жена богачка представила за него залогъ въ размѣрѣ 1.500 долларовъ, но таковой имѣлъ значеніе лишь до суда, а этотъ послѣдній приговорилъ его къ тюремному заключенію. Тогда онъ исчезъ, а съ нимъ вмѣстѣ исчезла и «ясновидящая» г-жа Mc Intyre, которая ввела его въ теософическое общество. Залогъ кратковременной жены его пропалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ она вскорѣ узнала, что у него имѣется въ Индіи жена № 1-я, которая и выразила желаніе явиться въ Америку для обоюднаго съ первой его преслѣдованія, на счетъ сей послѣдней. Подобныя «гипнотическія» супружества въ странѣ свободы весьма нерѣдки и болѣе многочисленны и заурядны, нежели «гипнотическія» супружества перваго рода, героями которыхъ являются нерѣдко вовсе не актеры, клоуны, наѣздники, либо бойцы, а представители болѣе благородныхъ профессій.

Не так давно тому назад, одинъ врачъ, явясь въ знакомый домъ, не засталъ никого изъ домашнихъ, а лишь гостью, ожидавшую хозяевъ. Тутъ суждено было произойти таинственному случаю «любви съ перваго взгляда» (love at first sight). Не болѣе полчаса прошло во взаимномъ разговорѣ, какъ эти молодые люди, никогда ранѣе не видавшіе другъ друга, объяснились въ любви и рѣшили обвѣнчаться. Прибывшіе хозяева, состоявшіе друзьями обоихъ гостей своихъ, которые, однако, никогда еще ранѣе не встрѣчались, приняли сообщеніе о состоявшемся рѣшеніи съ восторгомъ, и чрезъ какихъ нибудь полчаса парочка была обвѣнчана приглашеннымъ для того священникомъ въ той же комнатѣ, въ которой молодые люди часъ тому назадъ впервые встрѣтились и познакомились. Подобные браки по «любви съ перваго взгляда» вовсе не рѣдкость въ странѣ свободы, но зато нерѣдко же они и заканчиваются развѣдомъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, недѣль и даже дней, сопровождаясь, конечно, нѣсколько позже бракоразводными процессами. Супружества сего рода, героями которыхъ являются иногда, какъ мы сказали уже, представители болѣе благородныхъ профессій, — врачи, адвокаты, писатели, художники, музыканты и т. д., — относятся собственно къ той же категоріи «гипнотическихъ» супружествъ, героями которыхъ являются по большей части актеры, клоуны, наѣдники и кулачные бойцы.

Говоря о супружествахъ «гипнотическихъ», мы разумѣемъ здѣсь подъ гипнозомъ ту особую и до извѣстной степени таинственную притягательную силу, въ большей или меньшей степени поглощающую чужую личность и чужую волю, какую проявляетъ, главнымъ образомъ, мужчина, какъ субъектъ сильнѣйшій, по отношенію къ женщинѣ, какъ субъекту слабѣйшему. Но бываетъ и наоборотъ, т. е., что источникомъ гипноза, гипнотизирующей субстанціей, растворяющей въ себѣ чужую личность и поглощающей чужую волю, является женщина по отношенію къ мужчинѣ. Такими «гипнотизаторшами» въ странѣ свободы являются главнѣйшимъ образомъ жрицы искусствъ: музыкантши, писательницы (романистки), поэтессы, художницы и въ особенности актрисы. Каждая почти хорошенькая американка съ нѣкоторыми артистическими задатками уже въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ мечтаетъ о сценѣ и карьерѣ актрисы, и не даромъ: независимо отъ извѣстныхъ шансовъ на профессиональный успѣхъ и болѣе или менѣе порядочный заработокъ, таковая представляетъ ей значительную возможность обрѣсти себѣ болѣе или менѣе порядочнаго супруга. Мужественная фениксвильская вдова, нами упомянутая въ началѣ настоящаго очерка, недаромъ обратилась къ директору одного изъ большихъ театровъ главнаго города штата, къ которому она принадлежала, прося его либо разыграть ее въ лотерею, либо принять ее въ свою труппу: въ сущности это вовсе не такъ далеко одно отъ другого, какъ это

можетъ извнѣ казаться, и оба предложенія эти представляются путями къ одной и той же цѣли—замужеству. Наивысшія американскія аристократки, т. е. жены американскихъ миллионеровъ, это—очень часто бывшія актрисы. Оказывается, такимъ образомъ, что гипнотизирующая сила, сокрытая въ нѣкоторыхъ представительницахъ сценическаго искусства, отличается особымъ притягательнымъ воздѣйствіемъ по отношенію къ золоту.

Какъ можно было убѣдиться изъ предыдущаго, супружества американскія въ большей или меньшей степени «гипнотическаго» свойства по преимуществу оказываются несчастливими. То же самое и при томъ въ еще болѣе степени слѣдуетъ сказать насчетъ супружествъ обвенныхъ, заурядныхъ, основанныхъ не на разнаго рода «притяженіяхъ», проистекающихъ изъ личныхъ качествъ и свойствъ, а на взаимномъ соглашеніи, которыя правильнѣе всего было бы именовать «согласительными» (conventional), какъ они нерѣдко въ странѣ свободы и именуется. Особо несчастными естественно оказываются тѣ супружества по «принужденію» или, правильнѣе говоря, подъ давленіемъ судебного террора, образцы которыхъ мы привели уже выше. Хотя со стороны внѣшней, формальной эта категорія супружествъ, представляющаяся явленіемъ чисто англосаксонскимъ, являющаяся самобытнымъ и исключительнымъ созданіемъ англосаксонскихъ грубости и цинизма, относится къ категоріи супружествъ «согласительныхъ», но въ дѣйствительности, по существу дѣла, она должна быть выдѣлена въ особую, специальную, самобытно американскую категорію, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ свободы воли, нѣтъ и соглашенія, а тамъ, гдѣ дѣйствуетъ и воздѣйствуетъ прямой судебный терроръ, не можетъ быть и рѣчи о свободѣ воли. Намъ остается, такимъ образомъ, привести лишь кое-какіе образчики такихъ обвенныхъ супружествъ и обвенныхъ семейныхъ отношеній въ странѣ свободы.

Полковникъ James Berkley, принадлежащій къ наивысшему обществу города Бостона, четыре года слишкомъ тому назадъ женился въ семь же городѣ на особѣ двадцати четырехъ лѣтъ, имѣя самъ отъ роду 60. Нѣкоторое время тому назадъ жена бросила его изъ-за возникшихъ между ними несогласій и поступила въ водевильную труппу подъ именемъ Ella Hall. Когда труппа играла въ г. Greenwich штата Connecticut, полковникъ явился въ театръ и потребовалъ свиданія со своей женой, но она отказалась отъ всякихъ съ нимъ объясненій. Когда затѣмъ на слѣдующій день труппа уѣхала въ г. Mount Vernon штата New-York, онъ послѣдовалъ за таковою и снова явился въ театръ. Подойдя къ дверямъ, предназначеннымъ исключительно для артистовъ, съ двумя другими мужчинами, они стали колотить въ нее кулаками всѣ трое разомъ. Нѣкій P. I. Ring, директоръ оперы, бывшій кулачный боецъ, пріотворивъ дверь, спросилъ, что имъ угодно. «Я—полковникъ Berkley и желаю видѣть

свою жену, которая находится здѣсь!» съ достоинствомъ произнесъ высокій, худощавый, сѣдовласый мужчина, стоявшій впереди. «Вы не можете ее видѣть!» началъ было директоръ, но полковникъ, внезапно отпихнувъ его, ворвался въ коридоръ и бросился къ уборнымъ. Два его спутника также пытались было войти, но г. Ring загородилъ имъ дорогу; они показали ему свои офицерскіе значки, но онъ на это просто захлопнулъ дверь у нихъ передъ носомъ. Между тѣмъ брань полковника и вопли его жены доносились изъ сѣней, прилегающихъ къ уборной: между ними происходила отчаянная схватка. Подоспѣвъ на помощь объятаго ужасомъ женщинѣ, директоръ театра схватилъ ея разсвирѣпѣвшаго супруга и послѣ нѣкоторой борьбы выбросилъ его за дверь. «Я явлюсь завтра и прекращу представленіе! Я разстрою все это предпріятіе, если встрѣтятся въ томъ надобность! Моя жена должна вернуться ко мнѣ!» кричалъ полковникъ, стоя у дверей на тротуарѣ, и вслѣдъ затѣмъ въ каретѣ помчался въ отель, въ которомъ проживала его непокорная супруга. Узнавъ объ этомъ, эта послѣдняя, не возвращаясь изъ театра въ отель, съ первымъ ближайшимъ поѣздомъ уѣхала въ New-York. Здѣсь она явилась въ главное городское полицейское управленіе и просила защиты отъ своего супруга въ театрѣ въ теченіе представленія, въ которомъ она участвуетъ, поясняя, что она принадлежитъ къ одной изъ лучшихъ фамилій г. Бостона, которую она назвать не хочетъ, и что она бросила мужа вслѣдствіе его буйнаго нрава. Самъ начальникъ полицейскаго управленія съ тремя подчиненными присутствовали въ театрѣ, но свирѣпый супругъ не появился.

Нынѣ въ штатѣ Kentucky разыгрывается трагикомедія, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная. Генераль Cassius Clay, воспитанникъ извѣстнаго Iale University, землевладѣлецъ, юристъ, солдатъ, биржевикъ, литераторъ, лекторъ, дѣятель эмансипаціи негровъ и наконецъ государственный человѣкъ, прославившійся своими безчисленными дуэлями, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей республики Соединенныхъ Штатовъ, едва ли даже не самый замѣчательный въ настоящее время, четыре года тому назадъ, будучи самъ 82-хъ лѣтъ отъ роду, женился на 13-тилѣтней дѣвочкѣ Dora Richardson. Генераль Clay былъ двукратно посланникомъ въ Россіи, и продажа Аляски была главнѣйшимъ образомъ дѣломъ его рукъ. Онъ предугадывалъ даже ея золотые клады, вызвавшіе столь небывалую золотую горячку въ наши дни, и предусмотрительно тогда же на новопріобрѣтенной его отечествомъ территоріи пріобрѣлъ въ личную свою собственность огромный земельный участокъ въ самой сѣверной части полуострова, котораго цѣнность въ настоящее время колоссальна. Нынѣ генералу Cassius Clay—86 лѣтъ, а его супругѣ-дочкѣ—едва 17. Подобное соединеніе узами супружества старости и дѣтства, высокаго образованія и полнѣйшаго невѣжества, богат-

ства и нищеты, разносторонняго опыта и полнѣйшей житейской неопытности являетъ собой матримоніальный экспериментъ въ высшей степени замѣчательный даже не для одной лишь Америки. Дворецъ генерала, являющійся вмѣстѣ съ тѣмъ и почти неприступной крѣпостью, расположенъ вблизи города Lexington штата Kentucky и представляется одной изъ замѣчательнѣйшихъ частныхъ резиденцій въ странѣ свободы. Dora Richardson, круглая сирота, жила при братѣ Clell Richardson, который состоялъ огородникомъ и садовникомъ генерала. Она помогала своей невѣсткѣ въ ея работахъ въ Whitehall (генеральскій дворецъ), и однажды, когда она мыла тамъ тарелки, онъ обратилъ на нее вниманіе. Его осѣнила вдругъ мысль, тогда казавшаяся ему очень счастливою: «вотъ дитя природы, такое именно, какихъ рисуетъ графъ Толстой; я женюсь на ней и прежде, нежели она достигнетъ того возраста, когда изъ дитяти образуется женщина, я дамъ ей приличное образованіе и, усовершенствовавъ ея умъ и сердце, сдѣлаю изъ нея прекрасную женщину». Однако всѣ эти благія намѣренія генерала Cassius Clay разлетѣлись въ прахъ, и его семейная жизнь съ его супругой-дитятей сдѣлалась вскорѣ лишь цѣпью непріятностей и разочарованій. Черезъ нѣкоторое время у нея объявился любовникъ въ лицѣ нѣкогого Willie Bruant, въ высшей степени невзрачный деревенскій мальчикъ, 17 лѣтъ, который и былъ неоднократно излавливаемъ въ генеральскомъ саду и оттуда выбрасываемъ генеральской прислугой. Въ концѣ концовъ семнадцатилѣтняя жена бросила своего восьмидесятишестилѣтняго супруга и ушла въ домъ своего брата Clell Richardson, въ домѣ котораго проживаетъ и означенный Bruant, братъ его жены. Она, по ея словамъ, положительно впала въ меланхолю въ генеральскомъ дворцѣ, она нуждается въ болѣе молодомъ обществѣ; она не въ состояніи переносить его эксцентричностей; она не хочетъ ни его богатствъ, ни его дворца. Изъ-за этого переселенія Mrs Dora Clay въ домъ своего брата, генеральскаго садовника, Clell Richardson, между этимъ послѣднимъ и другимъ ея братомъ, Willie Richardson, возникла страшная вражда. Clell и его жена стараются уговорить сестру-генеральшу вернуться къ мужу, между тѣмъ какъ Willie Richardson, смертельный врагъ генерала, всячески старается воспрепятствовать воссоединенію супруговъ. Дѣло дошло до вооруженныхъ другъ на друга нападеній при помощи друзей пріятелей и формальныхъ (между двумя шайками) сраженій на револьверахъ. Напуганная всѣмъ этимъ малолѣтняя генеральша снова бѣжала въ укрѣпленный дворецъ своего сѣдовласаго супруга въ то время, какъ онъ ея вовсе не ожидалъ и собирался завести дѣло о разводѣ. Находясь по этому поводу на верху блаженства, онъ былъ, однако, очень скоро снова крайне разочарованъ, ибо воссоединившаяся съ нимъ супруга вдругъ случайно захвачена была въ саду генеральскаго дворца на свиданіи со своимъ любовникомъ

Willie Bryant, который, на угрозу ему их поймавшего путем выставления кухонного ножа, съ своей стороны выхватилъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ въ этого послѣдняго. Чѣмъ и когда закончатся семейныя пертурбаціи одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей нынѣшней республики Соединенныхъ Штатовъ, предсказать невозможно. Замѣтимъ лишь, что подобныя неравныя супружества въ странѣ свободы не составляютъ рѣдкости, и пертурбаціи, изъ таковыхъ неизбежно проистекающія, нерѣдко фигурируютъ въ американскихъ судахъ.

Не такъ давно немало шума надѣлало въ странѣ свободы бѣгство жены извѣстнаго миллионера г. Los Angeles штата California, г-жи John Bradbury (снова напоминаемъ читателю, что у англичанъ жена носить не только фамилію, но и имя мужа), съ англичаниномъ Н. Russell Ward, отцомъ многочисленнаго семейства. Герой сей любовной исторіи, Russell Ward, мужчина среднихъ лѣтъ, нѣсколько соблазнительной наружности, слегка лысый, не отличается ровно ничѣмъ, кромѣ отличной игры въ такъ называемое polo. У него не имѣется ни гроша за душой, между тѣмъ жена его, дочь нѣкоего Don Juan Bandini изъ г. Santa Monica, обладаетъ значительнымъ состояніемъ, равно какъ и mrs Bradbury, будучи женой миллионера, происходитъ сама также изъ богатаго семейства. Прошлымъ лѣтомъ John Bradbury съ женой проводилъ часть лѣтняго сезона въ г. Monica, и здѣсь эта послѣдняя познакомилась съ Russell Ward. Вскорѣ послѣ этого знакомства въ городѣ стали ходить упорные слухи о близкихъ отношеніяхъ жены миллионера съ прекраснымъ игрокомъ въ polo. Объясненія какъ самого супруга, такъ и брата его жены, James Winston, съ г. Russell Ward, клонившіяся къ вызову этого послѣдняго на дуэль, ни привели ни къ чему, ибо сей послѣдній не желалъ драться, а черезъ два дня какъ mrs Bradbury, такъ и mг Ward внезапно исчезли. Вскорѣ обнаружилось, что они вмѣстѣ бѣжали въ г. San-Francisco, для чего mrs Bradbury заложила свои брильянты. Покинутый супругъ тотчасъ уѣхалъ въ Европу, объявивъ, что онъ не желаетъ ни начинать дѣла о разводѣ, ни допустить, чтобы его жена голодала, и будетъ ожидать, пока она не образумится и не возвратится къ нему. Впослѣдствіи, благодаря необычнымъ усиліямъ и воздѣйствіямъ своей матери, г-жа Bradbury воссоединилась съ своимъ супругомъ, а Russell Ward выбросился изъ окна вагона и убится на смерть. Его гибель официально объяснена была, какъ результатъ маніи преслѣдованія, какою онъ страдалъ въ послѣднее время вслѣдствіе своей нервозности и перенесенныхъ тревоженій, но въ действительности его выброшеніе изъ окна было несомнѣнно дѣломъ подосланныхъ убійцъ: въ странѣ свободы богатые люди могутъ дѣлать все, что имъ угодно, до убійства включительно, съ полной почти гарантией безнаказанности. Подобныхъ уходовъ жены одного съ мужемъ дру-

гой, либо мужа одной съ женой другого въ странѣ свободы можно насчитать по нѣскольку на каждый день въ году, и если мы остановились на всей этой исторіи, то по многимъ причинамъ. Помимо необычайной и загадочной кончины ея героя г. Russell Ward, не удостоившейся должнаго оффиціального со стороны властей разслѣдованія, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что уголовное противъ бѣглыхъ любовниковъ преслѣдованіе по обвиненію каждаго изъ нихъ въ супружеской невѣрности возбуждено было не кѣмъ либо изъ обиженныхъ ихъ супруговъ, а «обществомъ для пресѣченія пороковъ» въ Санъ-Франциско. Подобное вторженіе въ семейныя дѣла и вмѣшательство въ личную нравственность не практикуется и не допускается нигдѣ, кромѣ страны диковинной свободы, да отчасти Англии. Но что всего замѣчательнѣе, такъ это личность Mrs Bradbury: помимо своей необычайной красоты, прогремѣвшей на цѣлую Калифорнію, она отличается сверхъ того еще несомнѣнно необычайной самостоятельностью характера. Когда бѣглая парочка въ café Marchand въ Санъ-Франциско была окружена толпой всепроникающихъ и вездѣсущихъ американскихъ репортеровъ, то Mrs Bradbury на посыпавшіеся со стороны этихъ послѣднихъ вопросы просто отвѣтила: «вы можете называть нашъ поступокъ и наше поведеніе убѣгомъ, любовнымъ сочетаніемъ, бракомъ по любви или какъ вамъ угодно, но большинство называетъ это скандаломъ, а я предпочитаю называть романомъ. Это правда, что я обладаю прекраснымъ домомъ, осыпана брильянтами, занимаю почетное положеніе въ обществѣ, но все это меня не удовлетворяетъ. Правда, что полковникъ Bradbury добрый, почтительный и безукоризненный супругъ, и вы недоумѣваете, почему я покинула мой роскошный домъ. Просто потому, что я убѣждена что имѣю право по-своему устроить свою жизнь и искать счастья. Я обрѣла таковое въ сообществѣ г-на Ward, я нашла въ немъ благороднаго человѣка, я вѣрю въ его честь и увѣрена, что онъ не покинетъ меня».

Убіиство жены мужемъ, какъ развязка супружества, представляется въ странѣ свободы явленіемъ совершенно зауряднымъ и далеко нерѣдкимъ. Но что еще замѣчательнѣе, и что представляется самобытнымъ созданіемъ американской культуры и цивилизаціи, такъ это поголовное истребленіе цѣлыхъ семействъ по случаю самоубійства «главъ» ихъ. Семейныя несогласія, раздоры и схватки приводятъ нерѣдко, въ особенности, въ такъ называемыхъ, «согласительныхъ» бракахъ, къ убійству жены и иногда лишь вмѣстѣ съ ней нѣсколькихъ изъ дѣтей, но зато ужъ, если семейный американецъ по какимъ бы то ни было причинамъ рѣшитъ покончить свое земное существованіе, то онъ всенепремѣнно предварительно перерѣжетъ, либо перестрѣляетъ всю свою семью, а тогда уже пуститъ пулю въ лобъ себѣ самому, либо пересѣчетъ собственное горло отъ одного уха до другого: за семейными своими онъ, такъ ска-

затѣ, не признаетъ права на самостоятельное существованіе и не можетъ представить себѣ, чтобы они могли продолжать жить, разъ онъ «самъ» переселяется въ иной міръ. Эти потрясающія картины женоубійствъ и «семейныхъ» самоубійствъ, выполняемыхъ «главою» семьи, обыкновенно въ ночные часы, когда жена и дѣти, ничего не подозрѣвая, безмятежно спятъ въ своихъ постеляхъ, заняли бы черезчуръ много мѣста и были бы черезчуръ тяжелы для читателя, а потому мы ихъ опускаемъ. Воспроизведемъ лишь одну изъ таковыхъ, одну изъ наимпозднѣйшихъ, потому главнѣйшимъ образомъ, что «глава» семейства въ своей человѣколюбительской дѣятельности ограничился лишь собой и тремя младшими дѣтьми, оставивъ въ живыхъ жену и двухъ старшихъ дѣтей. Героемъ драмы является нѣкій Jacob Gramm, обыватель города Greater New-York, второго города на земномъ шарѣ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ, будучи самъ 35 лѣтъ отъ роду, женился на дѣвушкѣ, которой было всего лишь 17. Но, кромѣ этой разницы въ возрастѣ, была между ними также и большая разница во многихъ другихъ отношеніяхъ: она была красива, жива и весела, а онъ невзраченъ, пасмуренъ и злостенъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ браковъ «по соглашенію», какихъ въ странѣ свободы такое множество. Тѣмъ не менѣе, однако, Mrs Gramm была образцовой женой. Будучи всего лишь мостильщикомъ въ одной изъ многочисленныхъ газовыхъ компаній метрополи Нью-Йорка, Jacob Gramm зарабатывалъ сравнительно немного, и фактически въ теченіе всего ихъ пятнадцатилѣтняго супружества содержала довольно многочисленную семью, а въ томъ числѣ и самого главу ея г-жа Gramm, день и ночь работающая надъ торговлей колоніальными товарами, которую она сама же и завела и, такъ сказать, создала. Не такъ давно сосѣдній домъ заняла пожарная команда. Это было какъ нельзя болѣе на руку для лавки г-жи Gramm: она кормила завтраками и закусками всю команду. Но тутъ крылась вмѣстѣ съ тѣмъ и причина ея семейныхъ несчастій: одинъ изъ офицеровъ команды возбудилъ сильнѣйшія подозрѣнія и необузданную ревность ея злостнаго, подозрительнаго и придирчиваго супруга, хотя, собственно говоря, онъ ревновалъ къ своей хорошенькой женѣ всю положительно команду въ полномъ ея составѣ. Въ концѣ концовъ, лишившись мѣста, страдающая мускульнымъ ревматизмомъ и будучи огорченъ болѣзнью одного изъ дѣтей, онъ сталъ положительно неистовствовать: онъ обвинялъ жену въ невѣрности, оскорблялъ пожарныхъ, проходившихъ мимо его дверей, и, наконецъ, остановивъ вышепомянутаго офицера команды, капитана Guerin, разразился противъ него обвиненіемъ въ томъ, что этотъ послѣдній разстраиваетъ его семейную жизнь. Офицеръ быстро обрвалъ его, назвавъ бѣшеной собакой, совершенно нестойщей того тяжкаго труда, который несетъ ради него его жена, и во избѣженіе дальнѣйшихъ неприятностей вся команда прекратила всякія сноше-

ніа съ ихъ лавкой. Это еще болѣе взбѣсило ревматическо-невралгическаго лѣннивца, за неимѣніемъ никакой работы занимавшагося отыскиваніемъ разныхъ винъ и провинностей другихъ и въ особенности своей жены, и онъ рѣшилъ переѣхать на жительство въ иную улицу. Онъ приказалъ женѣ идти отыскивать подходящія квартиру и лавку, и она безпрекословно повиновалась. Не находя возможнымъ довѣрить торговлю на время своего отсутствія своему сумасбродному супругу, она попросила своего вѣрнаго друга, въ лицѣ своей близкой сосѣдки Mrs Cornelia Doersher, замѣнить ее на это время, какъ по лавкѣ, такъ и по дому. Послѣ обѣда, изготовленнаго великодушной сосѣдкой, ревматическій лѣнновецъ отправился наверхъ (спальни въ Америкѣ всегда расположены во второмъ этажѣ) и тамъ заперся съ тремя дѣтьми: John — 7 лѣтъ, Ellie—5 лѣтъ и Frank—1½ года. Когда затѣмъ въ 3 часа по полудни вернулись изъ школы двое старшихъ дѣтей—Fred—12 лѣтъ, Mamie—10 лѣтъ, Mrs Doersher, исполнявшая обязанности хозяйки дома, послала мальчика на верхъ разбудить отца. Черезъ минуту тотъ вернулся блѣдный, какъ полотно, и заговорилъ прерывающимся голосомъ: «отецъ весь въ крови, Ellie тоже...». Не дожидаясь конца его рѣчи, Mrs Doersher бросилась изъ лавки на улицу и закричала: «убійство, убійство!». Пожарный Smith и полицейскій Daniels, стоявшіе вблизи, бросились черезъ лавку въ квартиру Gramm'овъ, въ спальни. Здѣсь представилась имъ страшная картина: обѣ спальни представляли положительно мясной рядъ; кровь была повсюду, даже на потолокъ; дѣти оказались совершенно неузнаваемыми; самъ Gramm валялся на полу, и его горло было неособенно глубоко перерѣзано хлѣбнымъ ножомъ; старшій изъ дѣтей, John, подавалъ еще признаки жизни; они были убиты наповальъ тяжелымъ топоромъ. Прибывшая госпитальная карета увезла отца и семилѣтняго сына въ госпиталь св. Франциска. Врачи объявили, что мальчикъ не можетъ остаться въ живыхъ, вслѣдствіе осложнившагося пролома черепа, но жизнь отца можетъ быть спасена посредствомъ трахеотоміи. Едва госпитальная карета отѣхала отъ дома, Mrs Gramm возвращалась домой, торжествуя, что она нашла отличную лавку и квартиру при ней за ту же цѣну, какую платили они за старья лавку и помѣщеніе. Страшная новость до такой степени поразила ее, что она буквально остолбенѣла, и лишь около десяти минутъ спустя разразилась рыданіями. Полисменъ захлопнулъ тогда дверь предъ носомъ у громадной толпы любопытныхъ и предоставилъ ей наединѣ излить свое горе. Прибывшій судебный слѣдователь для разслѣдованія убійствъ и случаевъ сомнительной смерти (coroner), войдя съ врачомъ въ комнаты, въ которыхъ совершенно было столь страшное злодѣяніе, и, подвергая ихъ осмотру, между прочимъ нашли на столѣ большей спальни, подъ тяжелымъ топоромъ, которымъ работалъ злодѣй, кусокъ оберточной бумаги, на которой огромными, неровными буквами

начертано было нижеслѣдующее, едва поддававшееся прочтенію, безсвязное и безыменное посланіе:

«Всѣмъ, кто только знаетъ насъ, (объявляю), что капитанъ Guerin, какъ я раскрылъ, снискалъ любовь жены моей (и) сталъ (для нея) ближе, нежели я. Отправьтесь къ г-ну Simmons на Hudson улицѣ, (и онъ) дастъ вамъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Капитанъ Guerin заслуживаетъ быть повѣшеннымъ. Принимая во вниманіе, что, какъ говорилъ мнѣ г-нъ Mc Loughlin, когда онъ былъ въ пожарной командѣ № 20, онъ также разстроилъ (одно) семейство. Также много другихъ. Теперь онъ можетъ себѣ имѣть ее, но не моихъ дѣтей. Ея подруга изъ дома № 444-й въ Западной тридцать третьей улицѣ не лучше ея».

Всѣ лица, на которыхъ сдѣлана ссылка въ семь интересномъ письмѣ, отозвались, что они совершенно не знаютъ никакого Gramm'a и никогда въ своей жизни его не видали и съ нимъ не разговаривали. А бѣдная жена и мать рыдала на взрыдъ, повторяя: «лучше бы онъ меня убилъ, а не моихъ дѣтей!» между тѣмъ какъ супругъ г-жи Doersher, упоминаемой въ концѣ письма, повторялъ: «пусть только онъ, мерзавецъ, поправится, ужъ я сверну ему шею за оскорбленіе моей жены!» Подобныхъ семейныхъ трагедій, подобныхъ дѣтоистребительныхъ вакханалій въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» превеликое множество. Случается впрочемъ, хотя и не такъ часто, что не мужъ и отецъ убиваетъ жену и истребляетъ дѣтей, но что либо жена убиваетъ мужа, либо мать убиваетъ дѣтей и себя самоѣ.

Бракоразводные процессы въ странѣ свободы чрезвычайно многочисленны и по мотивамъ своимъ весьма разнообразны. За совершеннымъ отсутствіемъ какой бы то ни было по сему предмету статистики невозможно опредѣлить, какая именно изъ сторонъ, т.-е. американскій мужъ, либо американская жена, чаще является ищущей развода. Однако, на основаніи тщательныхъ наблюденій и разслѣдованій, оказывается, что, повидимому, женщина чаще ищетъ развода, нежели мужчина. Эта разница должна, однако, уравниваться, если мы примемъ во вниманіе, что въ странѣ этой мужчина гораздо чаще разрѣшаетъ свои семейныя неурядицы и невзгоды ножомъ, топоромъ, револьверомъ, либо наконецъ отвореннымъ на ночь газовымъ рожкомъ, нежели женщина. Такъ какъ въ бракоразводныхъ процессахъ отражается, какъ нельзя лучше, какъ характеръ семейныхъ отношеній, такъ и въ особенности положеніе, роль и стремленіе женщины въ данной странѣ, то мы и поставлены въ необходимость привести нѣсколько хотя образчиковъ бракоразводныхъ дѣлъ. Надняхъ нѣкая Bertha Shmidt, жена состоятельнаго торговца льдомъ въ городѣ Jersey City, главномъ городѣ штата New Jersey, искала развода на томъ основаніи, что мужъ ея, William Shmidt, возвратясь однажды вечеромъ домой, намазалъ себѣ лицо мясной

подливкой изъ рынка и въ такомъ видѣ требоваль, чтобы она его поцѣловала, когда же она отказалась исполнить это требованіе, то пустилъ въ нее тарелкой. Незадолго предъ тѣмъ нѣкая Florence May въ Филадельфій, главномъ городѣ штата Pennsylvania и третьемъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ, требовала развода съ мужемъ на томъ основаніи, что онъ запретилъ ей ѣсть пироги (спеціально американскіе пироги, приготовленные на свиномъ жирѣ и именуемые pies). Весьма характернымъ представляется процессъ о расторженіи брака, въ январѣ сего года, возбужденный нѣкимъ Charles I. Fisher въ высшемъ судѣ Нью-Йорка. Всего лишь 15-го того же января нѣкая дѣвица «арестовала» означеннаго Fisher по обвиненію въ «тяжкомъ преступленіи», и онъ былъ приведенъ на предметъ предварительнаго слушанія дѣла (въ родѣ нашего предварительнаго слѣдствія) въ такъ называемый Myrtle Avenue Police Court. Онъ «уладилъ» дѣло, женившись на обвинительницѣ: это былъ одинъ изъ «террористическихъ» браковъ «страны свободы». 24-го того же января, т. е. всего лишь на девятый день сего благословеннаго супружества, угнетенная невинность, подъ террористическимъ натискомъ полицейскаго суда превратившаяся въ г-жу Charles Fisher, отправилась въ тотъ же самый Myrtle Avenue Police Court, который столь доблестно защищаль ее отъ угнетенія, пошептала съ секретаремъ онаго Charles P. Coates, и, немного погодя, затѣмъ они сошлись въ одномъ изъ домовъ на томъ же проспектѣ Myrtle для «приятнаго препровожденія времени» (good time). Этакое препровожденіе времени, достаточно продолжительное, было до наглядности установлено свидѣтельскими показаніями, и судья высшаго суда развелъ Charles Fisher съ женой его Petrea Fisher послѣ восьми дней ихъ счастливаго супружества, къ величайшему восторгу перваго, еще не успѣвшаго оправиться отъ страха, на него напущеннаго полицейскимъ судомъ, секретарь котораго обладаетъ счастливою способностью соединять неукоснительное исполненіе служебныхъ обязанностей съ приятными развлеченіями. Процессъ этотъ достаточно иллюстрируетъ между прочимъ какъ истинную цѣнность того террористическаго покровительства, какое американскія судебныя и полицейскія власти оказываютъ угнетеннымъ невинностямъ страны свободы, такъ равно и дѣйствительный смыслъ брачныхъ стремленій и домогательствъ американской женщины. Надняхъ судья высшаго суда въ Нью-Йоркѣ г-нъ Loughlin развелъ нѣкоихъ супруговъ Alonzo и Julia Smith на томъ основаніи, что супругъ смолоду былъ сумасшедшимъ, нынѣ находится въ сумасшедшемъ домѣ и никогда не жилъ со своей женой: бракоразводный процессъ былъ возбужденъ матерью несчастнаго, уловленнаго въ хитросплетенныя сѣти американскаго супружества. Не такъ давно нѣкая Catharine Mc Lane, обывательница города West Chester штата Pennsylvania, 93 лѣтъ отъ роду, возбудила бракоразводный процессъ противъ достойнаго своего супруга

David Mc Lane, 86 лѣтъ, на томъ основаніи, что этотъ послѣдній ее бросилъ, между тѣмъ какъ тотъ съ своей стороны просилъ судъ о предоставленіи ему законнаго разлученія (legal separation) съ другой долгихъ дней. Въ концѣ концовъ восьмидесятишестилѣтній супругъ уплатилъ извѣстную сумму девяностотрехлѣтней супругѣ, и оба, прекративъ возбужденные процессы, подписали взаимное соглашеніе впредь жить раздѣльно. Такимъ образомъ престарѣлые супруги страны свободы весьма нерѣдко далеко не похожи на Филимона и Бавкиду и послѣ многихъ лѣтъ супружескаго сожителства признаютъ таковое, т.-е. супружество, ошибкой молодости. Въ февралѣ текущаго года, нѣкій Samuel I. Osmond, шестидесятилѣтній обыватель крупнаго города Pittsburg (штата Pennsylvania), извѣстный организаторъ тайныхъ обществъ и авторъ разныхъ пѣсенъ и торжественныхъ одъ, а также стихотворныхъ произведеній «Когда Mc Kinley сталъ президентомъ», «Величайшее пѣснопѣніе всего сущаго» и т. д., затѣялъ бракоразводный процессъ съ своей женой на томъ основаніи, что эта послѣдняя, тоже особа преклонныхъ лѣтъ, не одобряетъ его поэтическихъ экспериментовъ и такимъ образомъ препятствуетъ обнаруженію и развитію его поэтическаго гениа. Въ то же время небезызвѣстная романистка Frances Hodgson Burnett, обывательница города Washington, столицы республики Соединенныхъ Штатовъ, надняхъ получила разводъ съ мужемъ своимъ Dr Swan M. Burnett, извѣстнымъ окулистомъ, на основаніи оставленія, удаленія и непредоставленія ей содержанія. Само собою разумѣется, что выставленныя причины къ разводу суть чисто техническаго свойства, тѣмъ болѣе что г-жа Burnett зарабатываетъ больше своего супруга. Истинной причиной этого развода представляется разномысліе сихъ интеллигентныхъ супруговъ на счетъ «правъ» замужней женщины. Не такъ давно г-жа Richter, жена дантиста г. Новокен (вблизи Нью-Йорка), искала развода со своимъ мужемъ на основаніи «жестокаго обращенія». На судѣ было до извѣстной степени установлено, что почтенный дантистъ бросалъ перецъ въ глаза своей половинѣ, швырялъ въ нее молоткомъ, угрожалъ ее убить, замахиваясь на нее ножомъ, выливалъ на нее горячую воду, наставлялъ на нее револьверъ, швырялъ въ нее прожигающую кислоту, жегъ ей ухо зажженной спичкой и однажды поздно ночью, выбросивъ ее изъ постели, наступалъ на нее столь угрожающимъ образомъ, что она выскочила изъ окна втораго этажа, какъ стояла, и въ одномъ бѣльѣ бросилась въ ближайшій полицейскій участокъ искать защиты отъ свирѣпства супруга. Дантистъ dr Hermann Richter съ своей стороны отрицалъ всѣ эти обвиненія, поясняя, что всѣ ихъ семейныя тревоженія проистекаютъ изъ нелѣпой ревности жены его, возбуждаемой его красивыми пациентками. Они были разведены.

Но семейныя неурядицы въ странѣ свободы находятъ свое высшее выраженіе и посильное разрѣшеніе не только въ процессахъ

бракоразводныхъ, но также и въ особыхъ, специально англосаксонскихъ правовыхъ вымогательствахъ именуемыхъ отысканіемъ «убытковъ за отчужденіе расположенія» (damages for the alienation of affection). Если жена разойдется съ мужемъ несовершеннолѣтнимъ и вообще въ экономическомъ отношеніи несамостоятельнымъ и зависящимъ отъ отца или матери, а равно если она почему либо недовольна свекромъ либо свекровью, то она сейчасъ же предъявляетъ къ нимъ искъ объ уплатѣ ей убытковъ «за отчужденіе отъ нея расположенія» ихъ сына и ея мужа. То же предѣлываетъ иногда и мужъ, женатый на состоятельной женѣ, въ случаѣ, если та покинетъ семейное ихъ обиталище по настоянію своихъ родителей. Точно также мужъ, имѣющій болѣе или менѣе достаточныя основанія подозрѣвать въ невѣрности свою жену, ищетъ съ своего счастливаго или несчастливаго соперника приличную денежную сумму «за отчужденіе расположенія своей жены»: искъ этотъ можетъ быть при извѣстныхъ условіяхъ соединенъ съ требованіемъ развода. Процессы этого послѣдняго рода, т.-е. домогательства мужа сорвать извѣстный кушъ съ лица, состоящаго либо состоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ его женой, носятъ въ высшей степени циническій характеръ и могутъ быть терпимы лишь въ странѣ столь дикой, какою представляется въ сущности «страна свободы». О процессахъ этой категоріи мы упоминаемъ потому лишь, что они представляются суррогатомъ процессовъ бракоразводныхъ. Вотъ два любопытныхъ ихъ образчика. Нѣкая Cornelia Babbit, обывательница города Нью-Йорка, недавно предъявила искъ объ убыткахъ за отчужденіе расположенія своего мужа къ своей приемной матери, старухѣ 60 лѣтъ, еѣ вскормившей, взлелѣявшей и воспитавшей, обвиняя эту послѣднюю въ болѣе, нежели материнскомъ расположеніи къ своему тридцатипяти-лѣтнему супругу, который, по ея увѣреніямъ, живетъ на счетъ своей тѣщи по удочеренію. Еще любопытнѣе предъявленный также на этихъ дняхъ нѣкимъ Frank Smith, обывателемъ города Plainfield штата New Jersey, искъ объ убыткахъ за отчужденіе расположенія его жены. Отвѣтчицей по иску является нѣкая miss Susan Peck, одна изъ главныхъ членовъ мѣстнаго отдѣла извѣстной религіозной секты «Христіанское познаніе». Подъ ея вліяніемъ, по увѣренію истца, госпожа Smith не только перестала пускать его въ его собственный домъ, но даже черезъ своихъ адвокатовъ прислала ему предупрежденіе, чтобы онъ никогда болѣе въ таковой не являлся, ибо въ противномъ случаѣ будетъ преслѣдуемъ въ уголовномъ порядкѣ за самовольное вторженіе. Съ своей стороны супругъ послалъ такое же предупрежденіе представительницѣ ученій секты «Христіанское познаніе» miss Susan Peck, категорически требуя, чтобы она болѣе не являлась въ ихъ домъ. Отважившись вслѣдъ затѣмъ самолично явиться въ таковой, онъ встрѣченъ былъ въ

дверяхъ однимъ изъ мѣстныхъ полицейскихъ чиновникомъ, околоточнымъ George Rockafellon, который отпихнулъ и прогналъ его безъ всякихъ церемоній. Дальнѣйшія разслѣдованія злополучнаго супруга обнаружили, что околоточный ночуетъ въ его домѣ и спитъ въ его постели. Тогда и этому послѣднему послано было адвокатами Smith'a предупреденіе, чтобы онъ не смѣлъ болѣе являться въ его домъ, съ предвареніемъ, что, въ случаѣ неисполненія сего требованія, его служебные поручители будутъ преслѣдуемы за преступленіе служебнаго характера. Слѣдуетъ замѣтить, что жалобщикъ Smith представляется человѣкомъ болѣе или менѣе интеллигентнымъ и состоитъ дѣлопроизводителемъ уѣднаго казначейства графства Queens. Всѣ сіи семейныя злословія свои приписываетъ онъ положительно не чему иному, какъ только внушеніямъ сподобившейся духа «Христіанскаго познанія» Susan Peck, съ которой и ищетъ убытковъ за отчужденіе расположенія своей жены.

Среди бракоразводныхъ процессовъ «страны свободы» имѣется нѣкая ихъ категория, вовсе неизвѣстная Старому Свѣту, — это требованіе развода на основаніи многоженства супруга либо многоженства жены. Подобная полигамія, по ту сторону океана вовсе не составляющая особой рѣдкости, нерѣдко принимаетъ даже легальный характеръ. Дѣло въ томъ, что въ разныхъ штатахъ республики существуютъ различные законы о разводѣ, и посему разводъ, полученный и признаваемый законнымъ въ одномъ изъ нихъ, можетъ быть признанъ незаконнымъ въ другомъ. Въ особенности и главнымъ образомъ создаетъ такой порядокъ вещей законодательство штата North Dakota. Всякая супружеская чета, либо единица, откуда бы таковая ни явилась, изъ иного штата или даже иного государства, проживъ въ означенномъ штатѣ 90 дней, можетъ получить разводъ совершенно безпрепятственно. Однако, многіе суды иныхъ штатовъ Союза признаютъ такіе разводы незаконными и недѣйствительными, а слѣдовательно и новыя супружества, въ какія вступаютъ лица, ихъ получившія, также неизбѣжно оказываются недѣйствительными. Въ подобныхъ случаяхъ старый супругъ либо старая супруга можетъ искать либо развода на основаніи прелюбодѣйной связи своей жены либо своего мужа съ новымъ супругомъ либо новой супругой, либо же уплаты убытковъ за отчужденіе расположенія такового либо таковой. Но рядомъ съ такой полигаміей, носящей болѣе или менѣе легальный характеръ, существуетъ въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ полигамія нѣсколько иного рода, полигамія совершенно и завѣдомо нелегальная, которая, однако, здѣсь достаточно распространена. Если супруги, разойдясь другъ съ другомъ, затѣмъ удалятся на значительное другъ отъ друга разстояніе, то они нерѣдко вступаютъ въ новыя супружества при существованіи старыхъ. Въ этомъ случаѣ они руководятся тѣмъ простымъ и болѣе или менѣе вѣрнымъ расчетомъ, что никто

вѣдь брака не контролируетъ, никто его законности разслѣдовать не станеть, и никто, кромѣ прежняго разошедшагося супруга, вывести его на чистую воду не можетъ, а потому разъ только возвращеніе сего послѣдняго или же неожиданная съ нимъ встрѣча представляются маловѣроятными, то можно смѣло вступить въ новое брачное сопряженіе при существованіи стараго, о которомъ нечего особенно беспокоиться. Лицо постороннее лишь въ чрезвычайныхъ, совершенно исключительныхъ случаяхъ можетъ возбудить противъ двоеженца либо же двумужницы уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ полигаміи, да и самъ бывшій супругъ можетъ заварить кашу и надѣлать хлопотъ по этому поводу лишь изъ мщенія, либо ради сорванія нѣкоторой денежной суммы, а посему буде таковой либо таковая не являются особо озлобленными противъ бывшаго своего супруга и не пылаютъ по отношенію къ сему послѣднему жаждой отомщенія, или же тотъ не обладаетъ средствами, то дѣло новобрачнаго сопряженія вовсе не представляется особенно рискованнымъ. Если, однако, фактическое прекращеніе супружества и удаленіе на извѣстное другъ отъ друга разстояніе можетъ служить хотя нѣкоторымъ оправданіемъ нелегальнаго вступленія въ новыя брачныя сопряженія, то за то имѣются въ «странѣ свободы» и такіе случаи полигаміи, которые не могутъ представить даже и такого оправданія. Вотъ нѣкоторые ихъ образчики. Осенью 1893 года нѣкая миловидная блондинка miss Satie Hulburt и нѣкій молодой человѣкъ William Barhydt, сынъ богатаго домовладѣльца, оба еще вполне молодые люди, обыватели города Schenectady штата New-York, были секретно обвѣнчаны отцемъ Herbert Hins, пасторомъ одной изъ пресвитеріанскихъ церквей города Troy, того же штата. Когда бѣглая парочка вернулась въ свой родной городъ, она была прощена и водворилась на жительство въ домѣ родителей юнаго супруга. Ихъ супружеская жизнь была первоначально довольно мирной, повидимому, счастливой, но вскорѣ наступили между юными супругами разнаго рода несогласія, и они непрерывно то сходились, то снова разъѣзжались. Mrs Barhydt поэтому часто покидала домъ отца своего супруга въ Schenectady и, по сообщеніямъ мѣстныхъ газетъ, уѣзжала погостить къ родственникамъ въ одинъ изъ близъ лежащихъ городовъ. Такое періодическое сожительство молодой женщины со своимъ мужемъ, перемежающееся со систематическими разъѣздами, продолжалось около пяти лѣтъ. Недавно въ деревнѣ Sandy Hill графства Washington того же штата New-York умеръ нѣкій молодой человѣкъ Eugene Wilson, жившій при состоятельномъ дядѣ своемъ D. H. Northrup, бывшемъ уѣздномъ судѣй, пользовавшемся большой популярностью. Покойный былъ женатъ, имѣлъ одного ребенка и былъ боленъ всего лишь нѣсколько дней, такъ что его жена и ребенокъ не присутствовали при его кончинѣ: какъ сообщали газеты города Glens Falls, близъ котораго лежитъ

деревня Sandy Hill, они «въ это время гостили у родственниковъ въ г. Schenectady». Вслѣдъ за кончиной Wilson'a прибыла изъ Schenectady его супруга съ дитятей и естественно прослѣдовала въ домъ богача Northrup, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ домомъ ея мужа, въ которомъ она периодически проживала пять лѣтъ, при чемъ всѣ ея счета уплачивались г-мъ Northrup. Похороны отличались большой торжественностью, гробъ сопровождала огромная толпа народа, и жена покойнаго, г-жа Eugene Wilson, до того была подавлена горемъ, что среди трогательныхъ воззваній къ своему дорогому покойнику упала въ обморокъ, и пришлось пригласить врача для ея успокоенія, послѣ котораго ея нѣжныя обращенія къ бездыханному «мужу» все-таки не прекращались до самаго окончанія обряда погребенія. Совершенно случайно присутствовалъ при этомъ погребеніи одинъ изъ обывателей г. Schenectady и къ величайшему своему изумленію увидѣлъ, что столь тяжело убивавшаяся супруга покойнаго была не кто иная, какъ г-жа Charles Barhydt, супруга обывателя его родного города. По возвращеніи въ этотъ послѣдній, означенный обыватель поспѣшилъ сообщить о всемъ, имъ видѣнномъ, семьѣ Barhydt, и отецъ молодой супруги тотчасъ приступилъ къ хлопотамъ о разводѣ. Одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ въ г. Schenectady тотчасъ отправился въ деревню Sandy Hill, дабы получить подлежащіе документы о бракѣ покойнаго Eugene Wilson съ Satie Hulburt. Эту послѣднюю онъ засталъ на вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда, съ которымъ она собиралась отправиться, по ея словамъ, въ New-York: она была въ траурѣ, и такъ какъ положительно извѣстно, что ни одинъ изъ ея родственниковъ въ послѣднее время не умеръ, то отсюда обнаруживается, что она облеклась въ трауръ по случаю смерти Wilson'a. Нынѣ идетъ дѣло о разводѣ, но, по его окончаніи, глава семейства Barhydt намѣренъ возбудить противъ своей предприимчивой невѣстки уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ бигаміи. Такимъ образомъ двадцатилѣтняя Satie Hulburt сумѣла пристроиться одновременно при двухъ юнцахъ, принадлежащихъ къ двумъ богатымъ семействамъ, пять лѣтъ периодически жила то съ однимъ, то съ другимъ, имѣла одного ребенка, котораго каждый изъ вышеупомянутыхъ молодыхъ людей признавалъ «своимъ», пользовалась благоволеніемъ двухъ тестей и, наконецъ, въ теченіе тѣхъ же пяти лѣтъ имѣла въ своемъ распоряженіи двухъ щедрыхъ и непрекословныхъ плательщиковъ всѣхъ ея счетовъ. На этихъ дняхъ къ метрополиі Новаго Свѣта, т. е. градъ New-York, выплыла наружу преинтересная исторія. Нѣкій Robert Catherwood, по профессіи морской механикъ, представительный мужчина, въ возрастѣ около 35 лѣтъ, 11 лѣтъ тому назадъ женился въ городѣ Brooklyn, и 9 лѣтъ совершенно счастливо прожилъ съ женой, приживъ съ ней пятеро дѣтей. Около 2-хъ лѣтъ тому назадъ, онъ сталъ вдругъ небрежно выполнять обязанности супруга и отца, и его жена, послѣ

девятилѣтняго счастливаго супружества, вынуждена была работать въ прачешной, дабы содержать себя и пятерыхъ дѣтей. Подобное измѣненіе въ образѣ жизни и поведеніи приличнаго морского механика объясняется тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что около того времени онъ сочетался бракомъ съ другой женщиной, уже въ самомъ Нью-Йоркѣ. Около года они были совершенно счастливы, но по истеченіи такового, т. е. годъ тому назадъ, Catherwood объявилъ своей второй женѣ, что онъ отнынѣ будетъ работать уже въ г. Новокен (напротивъ г. New-York черезъ рѣку Hudson) и потому будетъ являться домой лишь разъ въ недѣлю (въ странѣ свободы это вовсе не рѣдкость). Mrs Catherwood № 2 продолжала попрежнему жить въ ихъ семейной квартирѣ въ Западной 37-й улицѣ со своей матерью, и супругъ регулярно являлся сюда каждую субботу, оставаясь вплоть до понедѣльника, когда наступало время отправляться на службу. Однако, вскорѣ послѣ этого г-жа Catherwood, проживающая въ тридцать седьмой улицѣ города New-York, прослышала какъ-то, что существуетъ также г-жа Catherwood № 1, проживающая въ Западной 48-й улицѣ, т. е. всего лишь 11 кварталовъ отъ нея. Она тотчасъ отправилась по указанному адресу, дабы «справиться на этотъ счетъ». Она застала дома какъ Mrs Catherwood № 1-й, такъ и своего супруга. Произошла горячая схватка, въ которой двойной супругъ принялъ сторону своей первоначальной половины. «Что же вы думаете дѣлать теперь?!» — воскликнулъ супругъ. — «Скажите лучше вы, что вы думаете дѣлать теперь?!» — воскликнула супруга № 2-й. Тогда Robert Catherwood, способный морской механикъ, былъ осѣненъ счастливой мыслью изъ области механики житейской. Онъ предложилъ второй своей женѣ, явившейся лишь «справиться на этотъ счетъ», переѣхать къ нимъ въ домъ, имъ содержимый для первоначальной его семьи, и въ мирѣ и согласіи жить всѣмъ вмѣстѣ: все это будетъ много лучше, нежели теперь, а главное, много дешевле, нежели одновременное содержаніе двухъ семейныхъ обиталищъ. Его оригинальное предложеніе, изложенное и развитое убѣдительнымъ образомъ, такъ понравилось обѣимъ его супругамъ, что онѣ на него согласились безъ всякихъ колебаній. Г-жа Catherwood № 2-й тотчасъ переѣхала въ семейное обиталище, въ теченіе 11-ти лѣтъ насиженное г-жей Catherwood № 1-й, и стала хозяйничать вмѣстѣ съ этой послѣдней. Цѣлый годъ почти эта тройственная семейная жизнь шла хорошо и даже отлично. На кухнѣ и въ прачешной обѣ онѣ были совершенно равны другъ другу, дѣятельно помогая одна другой по части изготовленія завтрака, обѣда и ужина, мытью и починкѣ бѣлья общаго ихъ супруга и шестерыхъ его дѣтей отъ первой изъ нихъ и т. п. За столомъ ихъ роль періодически мѣнялась: въ извѣстные дни недѣли одна исполняла роль хозяйки, а другая прислуживала, а въ иные дни и недѣли, наоборотъ, послѣдняя распоряжа-

лась за столomъ, а первая прислуживала. Онѣ жили въ одномъ и томъ же семейномъ домѣ, занимали обѣ одну и ту же комнату и даже спали въ одной и той же постели. Все шло превосходно, но съ ними спалъ въ той же комнатѣ маленькій ребенокъ г-жи Catherwood № 1-й, родившійся уже около года спустя послѣ женитьбы его на второй женѣ, т.-е. непосредственно предъ тѣмъ, какъ она переѣхала на совмѣстное жительство въ ихъ общій семейный домъ. Г-жа Catherwood № 1-й требовала отъ г-жи Catherwood № 2-й, чтобы та нанчилась съ ея маленькимъ ребенкомъ. Вторая жена, охотно исполнявшая всякія по дому работы и немало хлопотавшая около пятерыхъ старшихъ дѣтей, крайне неохотно бралась нянчиться съ малюткой, и въ концѣ концовъ изъ-за этого произошла серьезная ссора, перешедшая въ драку. Mrs Catherwood № 2-й покинула тройственное семейное жилище и арестовала Mrs Catherwood № 1-й по обвиненію въ нанесеніи побоевъ. Такимъ образомъ всплыло наверхъ двоеженство морского механика, и онъ находится нынѣ въ мѣстѣ предварительнаго заключенія въ ожиданіи суда присяжныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что его матримоніальный экспериментъ представляется рѣдкимъ даже въ странѣ свободы и наиболѣе интереснымъ изъ всѣхъ, нами приведенныхъ. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что многоженцевъ, не рискующихъ объединить всѣхъ своихъ женъ въ одинъ семейный союзъ подъ одной кровлей, въ Соединенныхъ Штатахъ вовсе не такъ мало, какъ это можетъ казаться, равно какъ и многоженицы, не рискующія такъ открыто плакать и такъ неосторожно падать въ обморокъ, какъ это сдѣлала вышеописанная Satie Wilson--Barhydt, также не составляютъ исключительной рѣдкости.

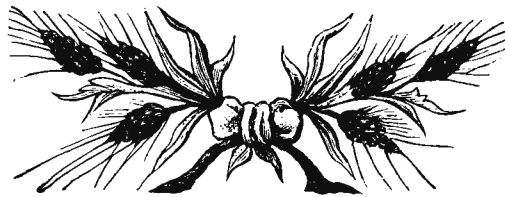
Особое мѣсто среди американскихъ супружествъ занимаютъ супружества аристократіи республики Соединенныхъ Штатовъ, т.-е. американскихъ милліонеровъ и милліонеровокъ, но таковыя и въ особенности послѣднія, какъ и вся вообще жизнь этой своеобразной сферы «избранныхъ» страны диковинной свободы, относятся гораздо болѣе къ области жизни интернаціональной, нежели собственно американской, а потому мы ни этихъ супружествъ, ни этой специфической семейной жизни здѣсь касаться вовсе не станемъ.

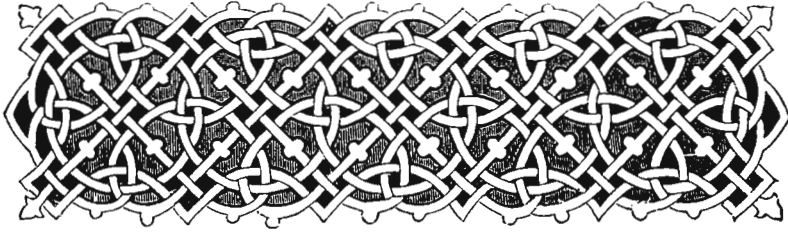
Если мы съ нѣкоторой подробностью остановились на американскомъ супружествѣ—условіяхъ и способахъ его заключенія, его характерѣ и внутренней сущности, а равно на общемъ характерѣ и разновидностяхъ супружеской жизни и супружескихъ отношеній, сопровождая изложеніе наше болѣе или менѣе численными фактическими данными и образчиками, выхваченными изъ текущей американской дѣйствительности, то по той простой причинѣ, что, какъ бы тамъ ни было, супружество до сихъ поръ еще представляется въ странѣ свободы главнымъ способомъ устройства женской судьбы, главной и основной, такъ сказать, женской профес-

сией, опредѣляющей ея положеніе, роль и значеніе въ жизни общественной. Если въ иныхъ странахъ и даже во Франціи говорятъ еще о важномъ, почти государственномъ значеніи брака, о высокомъ призваніи материнства и т. п., то въ странѣ свободы, этой классической странѣ промышленниковъ, лавочниковъ и торговцевъ всевозможныхъ родовъ и видовъ, никто уже этакихъ высокихъ матерій не разводитъ, и здѣсь говорятъ о бракѣ и супружеской жизни, какъ о родѣ женскихъ занятій (profession), какъ о специальной женской профессіи, изъ всѣхъ женскихъ профессій представляющей самую главную и самую фундаментальную. При подобномъ характерѣ американскаго брака, проистекающемъ изъ всѣхъ условій американской общественной жизни вообще, мы естественно и неизбѣжно поставлены были въ необходимость на немъ остановиться съ нѣкоторой подробностью. Выводы, изъ всего выше изложеннаго вытекающіе, мы дадимъ въ концѣ настоящаго очерка, гдѣ намъ неизбѣжно придется резюмировать все его содержаніе и роль женщины въ странѣ свободы хотя бы въ самыхъ общихъ очертаніяхъ.

Е. Правдинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія. (Изъ давнихъ временъ христіанской церкви). А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1900.

МОСКОВСКІЙ профессоръ А. П. Лебедевъ неутомимо продолжаетъ выпускать въ свѣтъ второе изданіе своихъ церковно-историческихъ сочиненій. Передъ нами теперь девятый томъ полнаго собранія его трудовъ, содержащій въ себѣ церковно-историческіе рассказы общедоступнаго содержанія и изложенія. Всѣхъ рассказовъ въ этой книгѣ — десять, и всѣ они относятся къ древне-христіанской исторіи, прекраснымъ знатокомъ коей справедливо почитается нашъ ученый авторъ. Въ ряду этихъ повѣствованій на первомъ мѣстѣ находится статья подъ заглавіемъ: «Поучительныя черты домашней и семейной жизни древнихъ христіанъ» (стр. 1—27); здѣсь авторъ рассказываетъ о томъ, какъ проводили день древніе христіане, какъ они молились, какой имѣли столъ и напитки, какъ относились къ браку и семейной жизни, а также къ безбрачному состоянію, и прочее.

Во второй статьѣ (стр. 28—49) описывается «обращеніе императора Константина Великаго въ христіанство». Въ частности, авторъ указываетъ здѣсь пути, которые привели Константина, родившагося язычникомъ, къ вѣрѣ во Христа, и приходитъ къ выводу, что религиозно-нравственное перерожденіе Константина состоялось частію подъ вліяніемъ семьи, въ которой онъ родился, окружавшей его среды и внутреннихъ влеченій его возвышеннаго сердца,

частью же по небесному призванію, выразившемуся въ видѣніи креста во время войны съ Максенціемъ. Профессоръ Лебедевъ съ нѣкоторою подробностію говоритъ объ этомъ знаменательномъ событіи въ жизни Константина, окончательно утвердившемъ его въ истинности христіанства, разсматриваетъ возраженія противъ этого сказанія и опровергаетъ ихъ. Въ концѣ статьи рѣчь идетъ о миланскомъ эдиктѣ въ пользу христіанъ, изданномъ Константиномъ въ 313 году.

Третья статья (стр. 50—82) посвящена «первому христіанскому императору на тронѣ римскихъ цезарей», т. е. тому же Константину Великому, и имѣетъ задачею показать на примѣрѣ этого христіанскаго императора, какое могущественное вліяніе оказываетъ христіанство на нравственное усовершенствованіе человѣка, какой коренной переворотъ оно производитъ въ его жизни и какія благороднѣйшія цѣли и средства для ихъ возможнаго осуществленія оно открываетъ истинному послѣдователю ученія Христа. Изображая религіозно-нравственную физіогномію Константина, проф. Лебедевъ обстоятельно говоритъ о его искреннемъ благочестіи, объ отношеніи къ духовенству и народу, о постройкѣ новыхъ храмовъ, о занятіяхъ священнымъ писаніемъ и богословскою литературою, о благотворительности и заботахъ о воспитаніи своихъ дѣтей въ духѣ православія, о благотворномъ его нравственномъ воздѣйствіи на окружающую среду и даже на послѣдующихъ византійскихъ императоровъ. За свои весьма высокія нравственныя качества и весьма плодотворную дѣятельность Константинъ получилъ наименованія—«равноапостольнаго» и «великаго», а церковный историкъ IV вѣка Евсевій назвалъ его еще «чудо-царь».

Статья четвертая (стр. 83—132) представляетъ историческій очеркъ по вопросу о вліяніи язычества и христіанства на питомцевъ греческихъ и латинскихъ школъ второго, третьяго и четвертаго вѣковъ. Здѣсь разъясняется вопросъ, какимъ образомъ дѣти христіанъ, учась въ языческихъ школахъ, выносили оттуда все полезное, отстраняясь отъ всего вреднаго, усвоили лучшее и отменяли худшее. Главная причина этого заключалась въ истинно-благочестивомъ первоначальномъ воспитаніи ихъ въ средѣ семейства, подъ руководствомъ родителей, которое и было самымъ твердымъ ограниченіемъ христіанскихъ юношей отъ соблазновъ языческой школы; кромѣ того, по вступленіи въ школу, они руководились опредѣленными правилами касательно того, какъ держаться въ языческой школѣ и какъ относиться къ языческой наукѣ; эти правила рекомендовали строгую осмотрительность и критическое отношеніе къ учителямъ и ученію. На ряду со школами языческими въ разсматриваемой статьѣ описываются и школы христіанскія первыхъ вѣковъ, съ ихъ привлекательными наставниками, полезными науками, доброю дисциплиною и высокою нравственною атмосферою.

Въ статьѣ пятой (стр. 133—151) рѣчь идетъ о «церковныхъ доходахъ въ первые вѣка христіанства и ихъ употребленіи на дѣла благотворительности». Древніе церковные доходы состояли изъ начатковъ и десятины отъ приобрѣтеній, изъ чрезвычайныхъ сборовъ и пожертвованій по случаю бѣдствій, изъ доходовъ съ недвижимыхъ имуществъ и добровольныхъ взносовъ. Эти де-

нежныя средства раздавались главнымъ образомъ бѣднымъ и неимущимъ, при чемъ въ благотвореніи наблюдалась строгая внимательность къ состоянію благотворимыхъ, а также шли на содержаніе клира и нужды богослуженія.

Въ статьѣ шестой (стр. 152—182) разсказывается о соборѣ 403 года, состоявшемся «при Дубѣ» и имѣвшемъ значеніе тяжкаго испытанія въ жизни константинопольскаго патріарха Іоанна Златоуста. Этотъ соборъ былъ составленъ врагами знаменитаго святителя, во главѣ съ императрицей Евдоксией, съ дѣлюю очернить и обезславить великаго архипастыря, блиставшаго замѣчательнымъ умомъ, необыкновеннымъ ораторскимъ талантомъ и святостью жизни. И соборъ, дѣйствительно, осудилъ Іоанна на изгнаніе, однако это наказаніе тянулось лишь самое непродолжительное время, и Іоаннъ снова вступилъ на патріаршую кафедру, по желанію царя, народа и даже его бывшихъ враговъ. Соборъ получилъ названіе «при Дубѣ» по имени мѣстечка близъ Константинополя, на азіатскомъ берегу Босфора.

Въ седьмой статьѣ (стр. 183—222) описывается «паломничество во Святую Землю во времена древней церкви». Въ частности, здѣсь сообщается, какія именно лица путешествовали въ Палестину въ древнее время (до крестовыхъ походовъ), какъ путешествовали и по какимъ побужденіямъ, какіе памятники и мѣста посѣщали въ Палестинѣ и какъ относились къ нимъ, какіе оставили мемуары касательно путешествій, при чемъ эти мемуары анализируются въ общихъ чертахъ и оцѣниваются нашимъ авторомъ, — какъ смотрѣли на эти путешествія отцы и учителя христіанской церкви и прочее.

Статья восьмая (стр. 223—251) содержитъ разсказы изъ христіанской аскетической жизни касательно постовъ и аскетическихъ лишеній въ одеждѣ и жилищѣ.

Статья девятая (стр. 252—298) говоритъ о публичныхъ зрѣлищахъ и отношеніи къ нимъ со стороны древне-христіанской церкви. Здѣсь сперва описываются различныя древнія зрѣлища, какъ-то: гладиаторскія игры, театральныя представленія и конскія ристалища, и разсказывается объ увлеченіи христіанъ этими зрѣлищами, а затѣмъ раскрывается отношеніе къ нимъ (отрицательное) со стороны отцовъ и учителей церкви, сообщаются каноническія постановленія и гражданскія распоряженія христіанскихъ императоровъ противъ зрѣлищъ.

Наконецъ, въ десятой статьѣ (стр. 299—324) описывается «борьба христіанской церкви древнихъ временъ противъ увлеченія азартными играми». И здѣсь предварительно описываются виды азартныхъ игръ въ древности (игра въ кости, въ шашки и посредствомъ монетъ), а затѣмъ разсказывается о мѣрахъ, коими древніе церковные писатели и соборы боролись противъ этихъ игръ.

Въ приложеніи (стр. 325—340), относящемся къ восьмой статьѣ, профессоръ Лебедевъ разсуждаетъ о причинахъ происхожденія монашества и уясняетъ, почему монашество первоначально явилось въ Египтѣ.

И настоящій томъ, вновь изданный проф. Лебедевымъ, какъ и другіе его труды, о которыхъ своевременно сообщалось на страницахъ нашего журнала, написанъ вполне научно, на основаніи обширной древне-христіанской и новѣй-

шей церковно-исторической литературы, которая превосходно изучена почтеннымъ московскимъ ученымъ, отличается разнообразіемъ содержанія и простою изложеніемъ, дѣлающею эту книгу вполне доступною и для читателей среднего образованія.

Σ.

**Среди приходскаго духовенства. Разказы Н. И. Соловьева.
Вязники. 1899.**

Разказы г. Соловьева отличаются, такъ сказать, своею неповоротливою композиціею и производятъ довольно безотрадное убѣжденіе относительно беллетристическаго таланта автора; но, по содержанію своему, они представляютъ нѣкоторый интересъ, такъ какъ въ нихъ есть нѣсколько цѣнныхъ крупицъ бытового матеріала. Съ этой стороны мы и коснемся этихъ разказовъ.

Ихъ въ книжкѣ четыре. Первый—«Двѣ зари»—слабѣ другихъ, тутъ описывается пятидесятилѣтній юбилей почтеннаго сельскаго пастыря. Сынъ бѣднаго дьячка, о. Зиновій Колосовъ всю жизнь бился со всякою нуждою и лишь на старости лѣтъ получилъ утѣшеніе въ лицѣ дѣтей своихъ, сдѣлавшихъ хорошую карьеру. «Старшій сынъ о. Зиновія—Алексѣй (разказываетъ г. Соловьевъ) сдѣлался извѣстнѣйшимъ столичнымъ врачомъ и профессоромъ. Обладаетъ очень большими средствами. Второй сынъ Сергѣй служитъ военнымъ докторомъ. Онъ извѣстенъ, какъ кругосвѣтныи путешественникъ и ученый. Третій сынъ Петръ—извѣстный артистъ пѣвецъ, очень богатый человѣкъ. Четвертый, прекрасно окончивъ курсъ въ духовной академіи, принялъ монашество, наименованъ Никаноромъ, служитъ ректоромъ семинаріи, и ему одинъ шагъ до святительскаго сана». Однимъ словомъ, всѣ пошли прекрасно, лучше и не надо. Всѣ эти сыновья съѣхались на юбилей отца. Случилось такъ, что архіерей епархіи, гдѣ служилъ о. Зиновій, страдалъ болѣзною, лѣченіе которой составляло специальность старшаго сына о. Зиновія, «извѣстнѣйшаго столичнаго врача и профессора». Этотъ послѣдній оказалъ медицинскую помощь больному архіерею, который въ благодарность за это рѣшилъ почтить своимъ присутствіемъ юбилей скромнаго сельскаго іерея. Весьма подробно—безъ малѣйшей, однако, художественности—описываются приготовленія къ пріѣзду архіерея, его участіе въ юбилей, торжественная архіерейская служба въ бѣдной сельской церкви, надиво украшенной третьимъ сыномъ о. Зиновія—извѣстнымъ артистомъ, и т. д. На другой день послѣ праздника юбиляръ проснулся съ зарей и предался воспоминаніямъ о своей долгой жизни. Одна за другой проносились предъ нимъ картины прежней жизни въ бѣдности и униженіяхъ: какъ онъ самъ пахалъ, косилъ, сѣялъ, вывозилъ навозъ, какъ онъ съ дѣтьми въ большіе праздники ходилъ по приходу, и «какъ мужички платили ему за молитвословія по маленькому караваю хлѣба и по горсти льна или по чашкѣ овса», какъ «дѣтки его приходили домой на каникулы голодныя, покрытыя паразитами, съ руками, не могущими разогнуться отъ чесотки», и т. д. А теперь? «Та самая усадьба, въ которой злобствовалъ помещикъ Злобинъ, перешла въ собственность его, отца Зиновія, сына. Та конюшня, въ которой стѣны обгазились брызгами человѣческой крови и гдѣ людей са-

жали на цѣнь съ приказаніемъ лаять по-собачьи, уничтожена до основанія, и на мѣстѣ ея устроена школа для крестьянскихъ дѣтокъ». Припоминая это, о. Зиновій «угодбилъ жизнь свою двумъ пережитымъ имъ зарямъ. Одну зарю онъ назвалъ вечернею, заходящею зарею, прошедшею, — другую восходящею, утреннею, и какъ восходящая заря, утренняя, въ смыслѣ обилія свѣта, надежнѣе зари вечерней, такъ и наступившее съ новыми порядками время надежнѣе для свѣта духовнаго угасающей зари вечерней». Отсюда, само собою разумѣется, и заглавіе такое дано разсказу—«Двѣ зари».

Второй разсказъ—«Желтая книжка» (старинное сказаніе)—самый лучшій въ книжкѣ. Рѣчь идетъ о борьбѣ сельскаго пастыря съ крѣпостнымъ помѣщикомъ, творившимъ всевозможныя безобразія и не знавшимъ предѣловъ своему самодурству. Разсказъ ведется въ стилѣ старинныхъ сказаній и—надо отдать справедливость автору — стилъ этотъ выдержанъ весьма умѣло. Очень живо описаны ужасы помѣщичьяго произвола, которому «приносилось въ угодіе» все: «и трудодѣйствіе народное, и честь дочерей, десницѣ его душъ христіанскихъ вѣрренныхъ, и имущество народное и самое убожество людей, посылаемыхъ, по неспособію къ труду, къ собиранію милостыни по міру, на уплату тягла, на убогихъ наложеннаго». Въ порывахъ дикаго самодурства этотъ помѣщикъ доходилъ до того, что въ Пасху «вникъ въ храмъ Господень» съ сворою собакъ, которыхъ заставлялъ «якобы подпѣвать поющимъ на клиросахъ пѣсноподобнымъ воемъ», а пришедшее къ нему въ домъ для обычнаго пѣснопѣнія пасхальнаго духовенство угостилъ слѣдующей сценой: «едва пришедшіе вступили за ворота, къ дому ведущія, изъ парадныхъ дверей дома боярскаго стремглавъ бросился на нихъ дикій звѣрь, медвѣдемъ именуемый, съ ревомъ, разъяренный, на заднихъ лапахъ движущійся. Отъ страха произошло смущеніе великое, и богоносцы, обронивъ святыя иконы, бросились отъ дверей дома боярскаго, къ великому смѣху на балконѣ находившихся». Но іерей, «воспріявъ мужество осѣнилъ звѣря святымъ Крестомъ съ возглашеніемъ: Христосъ Воскресе» и «отъ сихъ словъ медвѣдь не токмо пришелъ въ смиреніе, но облизавъ руку іерея, какъ бы лобызая такуюю, гнѣвно воззрѣлъ на балконъ, произвелъ лютый ревъ, за что тутъ же и застрѣленъ былъ изъ оружія рукою Табеллярова» (этого самаго помѣщика). Слѣдуетъ прибавить, что этотъ стойкій борець, такъ смѣло шедшій на медвѣдя, все-таки не избѣгъ печальной участи суда консисторскаго, по рѣшенію котораго былъ лишенъ священнаго сана, а затѣмъ сосланъ въ Иркутскъ на поселеніе.

Въ разсказѣ «Великосвѣтская матушка» изложена печальная судьба сельскаго священника, имѣвшаго неосторожность избрать себѣ подругой жизни дочь какого-то промотавшагося князя. Ничего, конечно, кромѣ взаимнаго разочарованія не вышло изъ этого неравнаго брака. Сюжетъ этотъ разработанъ слишкомъ наивно, въ положеніяхъ много придуманности, не совсѣмъ при томъ удачной. Одной изъ главныхъ причинъ, почему матушка-княжна не сумѣла приспособиться къ своей роли, авторъ считаетъ то обстоятельство, что она курила и имѣла привычку стричь волосы. Согласитесь, г. Соловьевъ, что этого слишкомъ мало для того, ятобы привести къ полному крушенію супружества. Разговоры княжны-попадъи съ кухаркой Дарьей съ потугами на остроуміе,

основанными на неудачно придуманных *qui pro quo*, несколько не увеселяют читателя—пожалуй, лучше, еслибъ и совсѣмъ ихъ не было. Развязка—топорнаго издѣлія: авторъ погружаетъ героя въ «сонъ вѣчный», предоставляя затѣмъ его супругу собственной участи. Такимъ образомъ эта интересная коллизія двухъ сословныхъ полюсовъ прошла незамѣтной въ рассказѣ г. Соловьева.

Очень хорошъ послѣдній рассказъ подъ заглавіемъ «Золотое сердце»: старый, убѣленный сѣдинами и умудренный опытомъ іерей утѣшаетъ своего сына—тоже іерея, прослужившаго лишь годъ и успѣвшаго не только разочароваться, но даже прійти въ какое-то озлобленіе. Сколько скорбной правды въ рассказѣ почтеннаго старца о первыхъ шагахъ его дѣятельности! Пріѣхалъ онъ къ мѣсту службы поздней осенью, «домъ оказался не тошненнымъ, дровъ при домѣ не было ни полѣна, въ амбарѣ хлѣба ни зерна, въ карманѣ денегъ три рубля». Приглашаютъ дать молитву новорожденному ребенку и окрестить его. «Иду. Курная лачужка, дымъ отъ топившейся печки, стужа отъ отворенной двери, стонъ родившей женщины, вопль рожденнаго младенца—вотъ что представилось мнѣ. Совершаю обрядъ крещенія, а у самого слезы изъ глазъ: нѣтъ чистой тряпки, нѣтъ лоскутка холста завернуть младенца, а я, откровенно сказать, думалъ было объяснить по совершеніи обряда крещенія, что значить бѣлая одежда, въ которую одѣваютъ крещаемого, что значить хожденіе вокругъ купели при совершеніи таинства крещенія, но такъ какъ вмѣсто бѣлой одежды на крещаемого младенца надѣли рунье, а вмѣсто купели крещеніе совершалось въ ушатѣ, то мнѣ оставалось разяснительныя предпріятія оставить при себѣ». Произошла затѣмъ душу раздирающая сцена, какъ дячекъ Алексѣичъ отнял у прихожанина послѣднюю ковригу хлѣба, такъ что не изъ чего осталось нажевать соску ребенку—отнял, впрочемъ, какъ разясняетъ авторъ, не по жадности, а потому, что у самого въ домѣ не было куска хлѣба... «О, другъ мой,—заключаетъ свое повѣствованіе старецъ,—совершивъ въ первый разъ въ своей жизни великое таинство святаго крещенія, я возвращался въ свой домъ съ мыслью о томъ, что лучше было бы мнѣ самому не родиться на свѣтъ Божій, чѣмъ видѣть такую жизнь, съ которой я сталъ лицомъ къ лицу!». Эти слова звучатъ правдой и искренностью.

Читатель на основаніи приведенныхъ выдержекъ могъ убѣдиться, что техническая собственно сторона рассказовъ г. Соловьева страдаетъ весьма существенными изъянами. Но налагать за это совершенно суровый приговоръ на книжку было бы несправедливо. Авторъ показалъ намъ нѣкоторыя интересные стороны жизни приходскаго духовенства; при всей своей неумѣлости, онъ довольно вѣрно уловилъ тотъ сѣренькій, однообразный колоритъ, который лежитъ на всей вышней сторонѣ жизни сельскихъ пастырей. Хоть рѣдко, но все же попадаются искреннія ноты въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ, не заглушенные риторическими прикрасами. Весьма важно и то, что въ рассказахъ г. Соловьева не чувствуется фальши: хотя іереевъ, выступающихъ въ рассказахъ, авторъ надѣлилъ преимущественно достоинствами, но нельзя сказать, чтобы это были созданія авторской фантазіи; напротивъ, получается впечатлѣніе, что это типы, взятые изъ жизни. Таковы положительныя стороны

этой книжки, и мы думаемъ, что рассказы г. Соловьева найдутъ себѣ не мало читателей въ той средѣ, откуда авторъ почерпнулъ матеріалъ для повѣствованія. Не эстетическія красоты повѣствованія привлекутъ этихъ читателей, но вѣрное въ основныхъ чертахъ изображеніе быта сельскаго духовенства и правдивое воспроизведеніе мыслей, чувствъ и всего вообще настроенія тѣхъ лицъ, которыя выведены въ разсказахъ.

К. Х.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга тринадцатая. Спб. 1899.

Подобно предшествовавшимъ томамъ, и книга тринадцатая «Жизни Погодина» полна животрепещущаго интереса, обнимая собою рядъ малыхъ и большихъ событій русской жизни, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о давно уже замолкшихъ рѣчахъ и минувшихъ дняхъ, изъ коихъ многіе навсегда вписаны въ исторію нашего отечества. Повѣствованіе г. Барсукова начинается съ описанія начала восточной войны и въ послѣдовательномъ порядкѣ доведено въ концѣ книги до предсмертной болѣзни, кончины и духовнаго завѣщанія императора Николая I. Самое описаніе военныхъ событій сдѣлано авторомъ постольку полно, поскольку это требовалось для изображенія настроенія тѣхъ общественныхъ кружковъ, которые такъ или иначе соприкасались съ Погодинымъ и были ему духовно-родственны. Аксаковы, кн. Вяземскій, Хомяковъ, П. Граббе, графиня Блудова, А. О. Смирнова, А. Горскій, И. Кирѣевскій—вотъ та галлерея лицъ, съ мнѣніями, отзывами, стихами и письмами которыхъ по поводу восточной войны насъ сводитъ г. Барсуковъ; но центральной фигурой, вокругъ которой главнымъ образомъ группируются всѣ отклики кровавыхъ событій юга остается все же знаменитый московскій профессоръ. Его политическимъ письмамъ, имѣвшимъ въ свое время широкій кругъ читателей, авторъ отводитъ немало мѣста въ своемъ трудѣ и основательно знакомитъ насъ съ развитіемъ и ходомъ мыслей политика-профессора. Когда Погодинъ написалъ свое письмо, гдѣ шла рѣчь о славянскомъ союзѣ, въ родѣ союза рейнскаго или германскаго, и о роли Польши въ этомъ союзѣ, то онъ счелъ долгомъ черезъ посредство петербургскихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ довести его до свѣдѣнія государя Николая Павловича, и вотъ любопытный отзывъ послѣдняго, изложенный въ письмѣ графа Адлерберга къ Прянишникову: «Милостивый государь Федоръ Ивановичъ,—писалъ графъ Адлербергъ,—переданное мнѣ вашимъ превосходительствомъ письмо къ вамъ г. профессора Погодина, отъ 17-го іюля сего года, съ принадлежащими къ нему приложениями, я имѣлъ счастье представить государю императору. Его величество, обремененный заботами и дѣлами, не могъ удѣлить ни минуты на прочтеніе сихъ бумагъ, и потому высочайше поручить мнѣ соизволилъ передать ихъ, какъ и прежнія по тому же предмету, какъ вамъ извѣстно, государю цесаревичу, что мною и исполнено тогда же. Нынѣ его высочество, вручивъ мнѣ ихъ обратно, объявилъ, что содержаніе ихъ имъ доведено до высочайшаго свѣдѣнія, и что государь императоръ, отдавая полную справедливость патріотическимъ чувствамъ автора, приказалъ поблагодарить его за вѣрноподданническую откровенность, съ ко-

торую онъ изложилъ свой взглядъ и свои мысли, но что не во всемъ эти взгляды и мысли основательны и удобопримѣняемы къ практическому исполненію. Взглядъ снизу, на однихъ лишь историческихъ фактахъ и результатахъ основанный, не можетъ быть такъ вѣренъ, какъ взглядъ, не случайно брошенный, а постоянно съ высшей точки обрацаемый, при полномъ знаніи всѣхъ дѣлъ, ихъ тайныхъ пружинъ и сдѣлениа обстоятельствъ, скрытыхъ для непосвященныхъ въ оныя. Отъ того сужденія, сими послѣдними изъ окончательныхъ послѣдствій выводимыя, хотя и имѣютъ видъ справедливости, всегда почти ошибочны, и результаты, которые они предполагаютъ отъ дѣйствій, ими предлагаемыхъ, проистекающихъ отъ неправильнаго въ сущности начала, естественно не могутъ послѣдовать, а должны быть совсѣмъ иныя. Возвращая вашему превосходительству письмо съ приложеніями г. Погодина, покорнѣйше прошу васъ, буде сочтете нужнымъ, сообщить ему, сверхъ монаршаго благоволенія, и мнѣніе его величества».

Рядомъ съ изложеніемъ политическихъ взглядовъ Погодина на дѣла внутреннія и внѣшнія, его мечтаніями о будущности Россіи и ея положеніи среди родственныхъ ей славянскихъ народностей, рядомъ съ этимъ въ высшей степени любопытнымъ матеріаломъ, мы находимъ въ новой книгѣ г. Барсукова немало интересныхъ страницъ, посвященныхъ судьбамъ «Москвитянина», отношеніямъ издателя къ сотрудникамъ и разнымъ мелкимъ редакціоннымъ перипетіямъ. Въ послѣдующихъ главахъ авторъ вводитъ насъ на праздникъ по случаю столѣтняго юбилея Московскаго университета, знакомитъ со всѣми приготовленіями къ этому торжеству и подробно излагаетъ всѣ рѣчи, произнесенныя тамъ, какъ равно отмѣчаетъ впечатлѣнія въ обществѣ по поводу этихъ рѣчей. Въ этой части намъ особенно часто приходится встрѣчаться съ Шевыревымъ и Погодинымъ, какъ застольными ораторами, на долю которыхъ пришлось по случаю разныхъ торжествъ произнести немало рѣчей, изъ которыхъ нѣкоторыя выдѣлялись особеннымъ одушевленіемъ и проникновеннымъ чувствомъ.

Заключительныя главы своего труда г. Барсуковъ посвящаетъ обстоятельному описанію послѣднихъ дней жизни императора Николая и его кончины, чѣмъ и заканчивается николаевскій періодъ жизни и дѣятельности Погодина. Въ дальнѣйшей своей работѣ авторъ вступаетъ такимъ образомъ въ реформаторскій періодъ русской исторіи, и намъ остается лишь пожелать, чтобы и этотъ періодъ въ общественномъ отношеніи былъ имъ также полно разработанъ, какъ и предшествовавшій. Но рядомъ съ этимъ пожеланіемъ мы позволимъ себѣ высказать и другое. Уже по первымъ двѣнадцати томамъ работы г. Барсукова мы знаемъ его нелюбовь ко всякаго рода новшествамъ и реформамъ, наполнившимъ собою вторую половину текущаго столѣтія, по адресу которыхъ авторъ неоднократно посылалъ полемическія стрѣлы, чѣмъ вносилъ въ свою прекрасную работу несимпатичное и ненаучное начало. Такъ вотъ наше пожеланіе и сводится именно къ тому, чтобы въ послѣдующихъ томахъ, гдѣ ему неоднократно представятся случаи полемическихъ набѣговъ, онъ во имя научнаго безпристрастія отказался отъ этихъ набѣговъ и велъ свое повѣствованіе какъ можно ровнѣе и спокойнѣе.

В. Г.

Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Книга VII. Спб. 1899.

Послѣ продолжительнаго, семилѣтняго перерыва, г. Барсуковъ принялся вновь за свой историко-біографическій трудъ, и недавно вышель его VII томъ исторіи рода Шереметевыхъ. Трудолюбивый и добросовѣстный авторъ разработалъ съ большимъ тщаніемъ довольно короткій періодъ времени—всего 4 года (1668—1672). Главными дѣйствующими лицами являются два Шереметева— бояринъ Петръ Васильевичъ, и его двоюродный братъ, Василій Борисовичъ. Г. Барсуковъ рассказываетъ подробно удачныя дѣйствія перваго въ Кіевѣ, въ въ смутное для Малороссіи время, наступившее послѣ Андрусовскаго перемирія. Находясь тамъ съ малочисленнымъ и далеко не отборнымъ отрядомъ, по долгу не получавшимъ ни жалованья, ни продовольствія, и въ очень трудное время всевозможныхъ интригъ и козней малороссійскихъ гетмановъ Брюховецкаго, Дорошенка и пр., Шереметевъ сумѣлъ выйти съ честью изъ своего положенія и удержалъ власть въ своихъ рукахъ въ краѣ до пріѣзда ему на смѣну князя Козловскаго (апрѣль 1669).

Пробывъ недолгое время въ Москвѣ, бояринъ Шереметевъ получилъ въ 1670 г. новое назначеніе въ Симбирскъ, на мѣсто Ивана Борисовича Милославскаго, и ему поручено было прекратить продолжавшееся послѣ Разинскаго бунта въ юго-восточной Россіи броженіе и уничтожить разбойничьи шайки есауловъ Разина. Порученіе это опытный бояринъ исполнилъ успѣшно, получивъ отъ царя замѣчаніе лишь за то, что дозволилъ себѣ войти въ переписку съ «ворами». На бракъ старшаго его сына Бориса Петровича, будущаго графа и фельдмаршала, съ Евдокією Алексѣевною Чириковою, г. Барсуковъ прерываетъ біографическій рассказъ о Петрѣ Васильевичѣ.

Что касается до другаго дѣйствующаго лица, Василія Борисовича, то въ описываемое авторомъ время онъ продолжалъ находиться въ плѣну у крымскаго хана. Хотя рассказъ объ этомъ томленіи Шереметева въ жидовскомъ городкѣ и избылуетъ излишнею, быть можетъ, пестротю именъ и довольно второстепенными подробностями, но историку-біографу поставить это въ упрекъ мы не рѣшаемся. Г. Барсуковъ, съ живымъ участіемъ къ узнику, передаетъ, какъ ханъ Аадиль Гирей совсѣмъ было рѣшилъ отпустить Шереметева домой, и онъ уже благополучно доѣхалъ до Перекопа, когда внезапная смѣна правителей и пріѣздъ новаго хана Селимъ-Гирея испортили все дѣло, и несчастный плѣнникъ былъ опять водворенъ въ Бахчисараѣ.

Историческій матеріалъ, весьма искусно сгруппированный г. Барсуковымъ вокругъ обоихъ Шереметевыхъ, не представляетъ, однако, ничего новаго или особенно важнаго для описываемой имъ эпохи. Но зато генеалогическія данныя, заключающіяся въ этомъ томѣ, составляютъ несомнѣнно весьма интересное и цѣнное приобрѣтеніе для русскаго родословія.

Кромѣ родословной росписи Шереметевыхъ, приложенной къ VII тому, доведенной до самаго послѣдняго времени и давно уже ожидавшейся всѣми любителями генеалогіи, г. Барсуковъ потрудился составить весьма сложную таблицу, для объясненія завѣщанія княгини Евдокіи Федоровны Одоевской (рожденной Шереметевой), весьма наглядно представляющую родственныя отно-

шенія, существовавшія въ то время между важнѣйшими русскими боярскими домами: Троекуровыми, Пронскими, Одоевскими, Куракиными, Воротынскими, Лобановыми Ростовскими и Шереметевыми.

Пользуясь рукописями В. В. Руммеля, авторъ посвятилъ цѣлую главу, въ которой сообщаетъ генеалогическія свѣдѣнія о родѣ Чириковыхъ и біографическія подробности о нѣкоторыхъ лицахъ этого семейства.

Роспись рода Шереметевыхъ составлена весьма тщательно и отличается отъ другихъ родословій (кн. Долгорукова, Петрова и др.), какъ большею полнотою, такъ достовѣрностью. Разсматривая эту роспись съ внѣшней стороны, мы замѣчаемъ, что г. Барсуковъ откинулъ всѣ біографическія свѣдѣнія о лицахъ рода Шереметевыхъ и ограничился только внесеніемъ ихъ именъ и годовъ рожденія и смерти. Большинство современныхъ составителей родословій впадаетъ въ другую крайность, приводя чуть не цѣликомъ формулярные списки лицъ, помѣщенныхъ въ росписи, и упоминая даже о медаляхъ, которыми эти лица были украшены. Г. Барсуковъ, думаемъ мы, хорошо сдѣлалъ, что не послѣдовалъ этому примѣру, однако полное отсутствіе свѣдѣній о государственной дѣятельности членовъ рода Шереметевыхъ лишаетъ роспись извѣстнаго интереса, и дѣлаетъ ее крайне сухою. Прибавленіе же къ каждому лицу росписи «Шереметевъ» или «Шереметева» кажется намъ совершенно излишнимъ. Хотя родословіе напечатано прекраснѣйшимъ шрифтомъ, но мы полагаемъ, что оно еще болѣе бы выиграло въ наглядности, если бы женскія имена (какъ это вообще принято въ появившихся въ послѣднее время родословныхъ книгахъ и сборникахъ) были напечатаны нѣсколько отлично отъ мужскихъ или имѣли бы свою нумерацію.

Мы не можемъ не пожелать скорѣйшаго появленія дальнѣйшихъ томовъ этого интереснаго историко-біографическаго труда, особенно повѣствованія о государственной дѣятельности наиболѣе замѣчательнаго изъ Шереметевыхъ XVIII вѣка—графа Бориса Петровича.

К. Г.—въ.

Три замѣчательные старообрядца. Тертія Филиппова. Спб. 1899.

Интересъ къ расколу какъ-то уменьшился въ послѣднее время. А вѣдь бывало этому вопросу охотно посвящали свое вниманіе даже выдающіеся публицисты, періодическая печать отводила весьма довольно количество мѣста разъясненію этого явленія, въ ученыхъ засѣданіяхъ происходили горячіе дебаты относительно раскола, и общество внимало этимъ дебатамъ съ такимъ же интересомъ, съ какимъ слѣдитъ теперь, на примѣръ, за преніями о золотой валютѣ. Причиной этого служить отчасти, быть можетъ, то обстоятельство, что расколъ постепенно сталъ терять свою острую обособленность, а вслѣдствіе того сталъ рѣже заявлять о своемъ существованіи. Брошюра Т. И. Филиппова является отголоскомъ тѣхъ временъ, когда расколу отводилось почетное мѣсто въ ряду жгучихъ, насущныхъ, не терпящихъ отлагательства вопросовъ русской жизни.

Извѣстно, какое роковое вліяніе имѣли такъ называемыя клятвы собора 1667 года на отношеніе раскольниковъ къ православной церкви. Осужденные

на этотъ соборѣ расколуучители назвали соборъ «бѣшенымъ», приравнивали его къ соборамъ, бывшимъ въ царствованіе греческихъ царей-еретиковъ Анастасія и Копронима, и открыто высказывали мысль, что на немъ «со властью не Христось сидѣлъ и не духъ истинный училъ, но лукавый сатана». Наконецъ слѣдуетъ указать, что этотъ соборъ далъ начало открытому отпаденію содержащихъ старыя обряды отъ общенія съ церковью. И въ послѣдующее время суровыя опредѣленія этого собора служили главнѣйшимъ камнемъ претыканія для многихъ старообрядцевъ, ищущихъ пути къ спасенію и не разъ останавливавшихся въ мысляхъ своихъ на вопросѣ о присоединеніи къ православнои церкви. Такое положеніе дѣла заставляло и православныхъ писателей удѣлить вниманіе вопросу объ этихъ клятвахъ, разъяснить ихъ смыслъ и значеніе. Обратила на это дѣло вниманіе и высшая церковная власть; 4 марта 1886 года святѣйшимъ синодомъ издано было «Изъясненіе», въ которомъ сказано, что соборъ произнесъ отлученіе и клятву не на старыя обряды, а на лицъ, которыя послѣ соборнаго опредѣленія будутъ считать новоисправленные книги, чины и обряды поврежденными и еретическими и «будутъ обносить церковь тяжкими хулами».

Объ этихъ-то клятвахъ и идетъ рѣчь въ настоящей брошюрѣ. Здѣсь авторъ изложилъ свои впечатлѣнія, основанныя на личномъ знакомствѣ своемъ съ нѣкоторыми выдающимися старообрядцами и обрисовывающія отношеніе этихъ послѣднихъ къ вопросу о клятвахъ. По твердому убѣжденію Т. И. Филиппова, клятвы собора 1667 года «полагаютъ претыканіе искреннимъ душамъ многихъ старообрядцевъ», составляя главнѣйшій тормазъ въ дѣлѣ обращенія ихъ къ православнои церкви. Даже извѣстный о. Павелъ Прусскій не избѣгъ весьма серьезнаго колебанія именно изъ-за клятвъ передъ своимъ обращеніемъ въ православную церковь. По этому поводу въ брошюрѣ Т. И. Филиппова разсказанъ весьма любопытный эпизодъ, который послужитъ драгоцѣннѣйшей чертой для характеристики о. Павла Прусскаго. Въ своихъ статьяхъ о болгарскомъ расколѣ Т. И. Филипповъ проводилъ мысль о необходимости созванія вселенскаго собора, который въ числѣ другихъ вопросовъ долженъ былъ бы положить рѣшеніе и о соборныхъ клятвахъ 1667 г., смущающихъ старообрядцевъ; въ примѣръ затрудненій, какія они испытываютъ, авторъ указалъ на о. Павла Прусскаго, о колебаніяхъ котораго ему было извѣстно изъ личнаго съ нимъ знакомства и бесѣдъ. Въ отвѣтъ на это указаніе послѣдовала отвѣдь о. Павла (въ «Современной Лѣтописи» 1870 г.), который заявилъ, что въ моментъ присоединенія онъ имѣлъ иной взглядъ на клятвы, не препятствовавшій ему вступить въ ограду православнои церкви. Послѣ же веденныхъ Т. И. Филипповымъ чтеній о нуждахъ единовѣрія въ С.-Петербургскомъ отдѣлѣ Общества любителей духовнаго просвѣщенія (въ 1872, 1873 и 1874 гг.) о. Павелъ Прусскій счелъ нужнымъ написать автору письмо, гдѣ «за произведенное въ церкви смущеніе» грозилъ ему даже евангельскимъ судомъ. Въ настоящей брошюрѣ г. Филипповъ подробно разъясняетъ неискренность этихъ заявленій о. Павла и доказываетъ, что «его рѣшимость вступить въ церковную ограду состоялась еще въ ту пору, когда на значеніе клятвъ онъ имѣлъ совершенно одинаковый со мною взглядъ». Кромѣ этого этюда, г. Филипповъ

рассказывает еще о встречах своих с иеромонахом Пафнутием, бывшим старообрядческим коломенским епископом, впоследствии перешедшим в православие, и с Иларіоном Егоровичем Ксеносомъ (Кабановымъ), авторомъ знаменитаго «Окружнаго посланія». Иеромонахъ Пафнуцій въ рассказѣ автора представляется человѣкомъ не вполне устойчивыхъ убѣжденій. За то съ горячей симпатіей вспоминаетъ Т. И. Филипповъ о Ксеносѣ, называя его человѣкомъ чистаго сердца и возвышеннаго ума. Вѣрность убѣжденіямъ не позволила ему мириться съ тѣмъ, по его словамъ, «неизбѣжнымъ двоедушіемъ, въ которое впадаютъ присоединенные нынѣ единовѣрцы», и онъ жилъ, «свергая себя въ пучину милосердія Божія», надеждами на то, что церковная власть когда нибудь разрѣшитъ узы клятвъ 1667 г.» и тѣмъ доставитъ старообрядству возможность съ радостною и свѣтлою совѣстью вступить въ лоно церкви.

Большую часть книжки составляютъ приложенія, въ числѣ которыхъ помѣщены: письмо къ автору о Павлѣ Пруссаго, два письма И. Е. Ксеноса и записка о Павлѣ Пруссаго «по вопросу о клятвахъ собора 1667 г.: подлежать ли онѣ упраздненію, или только разъясненію?»

Для характеристики виднѣйшихъ дѣятелей раскола послѣдняго времени брошюра Т. И. Филиппова будетъ имѣть немаловажное значеніе: она даетъ нѣсколько новыхъ и интересныхъ штриховъ, важныхъ для болѣе полной, болѣе правдивой обрисовки личныхъ качествъ и личнаго характера этихъ дѣятелей.

К—чь.

Оборона Севастополя. Подвиги защитниковъ. Краткій историческій очеркъ съ иллюстраціями. Составилъ полковникъ Заіончковскій. Спб. 1899.

Небольшая брошюра полковника Заіончковскаго, предназначенная для чтенія солдатъ и народа, представляетъ изъ себя во всѣхъ отношеніяхъ выдающееся явленіе среди дешевыхъ изданій (цѣна ея 25 коп.). На пяти печатныхъ листахъ авторъ сумѣлъ дать довольно полную и яркую картину знаменитой въ военныхъ лѣтописяхъ обороны Севастополя. Это не сухое изложеніе однихъ военныхъ дѣйствій, а живой рассказъ, гдѣ передъ глазами читателя проходятъ не только выдающіеся дѣятели, но и безвѣстные герои, которыми такъ обильна одиннадцатимѣсячная защита земляныхъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ подъ выстрѣлами соединенныхъ армій Франціи, Англіи, Сардиніи и Турціи. Рассказъ иллюстрированъ 70 портретами и рисунками, художественно воспроизведенными съ лучшихъ оригиналовъ Экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. Подобные рисунки не всегда встрѣчаются даже въ заграничныхъ изданіяхъ и показываютъ, до какой степени совершенства доведена техника въ Экспедиціи. Вообще, «Оборона Севастополя» по своей вышности походитъ скорѣе на изящный альбомъ, который можетъ служить образцомъ и для дорогихъ изданій.

О. Ш.

Н. Виноградскій. Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 года. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Смоленскъ. 1899.

Церковный соборъ 1682 г., какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, принадлежитъ къ числу наименѣ разработанныхъ учеными изслѣдователями; неизвѣстенъ даже точно годъ, въ которомъ происходили засѣданія этого собора. С. М. Соловьевъ, Н. И. Костамаровъ и митр. Макарій относятъ его къ 1682 г., а проф. Николаевскій и Доброклонскій, авторъ «Руководства по исторіи русской правды», — къ 1681 г.; наконецъ, г. Воробьевъ въ своемъ, правда, «не серьезномъ» изслѣдованіи объ этомъ соборѣ приурочиваетъ его къ концу 1681 и началу 1682 г.

Пополнить этотъ пробѣлъ въ церковно-исторической наукѣ взялся г. Виноградскій. Онъ воспользовался вполнѣ не только печатными матеріалами, но и архивными документами, находящимися въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Во-первыхъ, онъ утверждаетъ, что этотъ московскій соборъ начался 6 февраля 1682 г. и закончился въ мартъ того же года. Затѣмъ, на засѣданіяхъ его присутствовали, подъ предѣлательствомъ патріарха Іокима, восемь митрополитовъ, четыре архіепископа и одинъ епископъ—Іоаннъ Вятскій (впрочемъ это говорится болѣе предположительно). Предметомъ обсуждения участниковъ собора были царскія предложенія (числомъ 18), изъ которыхъ важнѣйшими слѣдуетъ считать: 1) объ увеличеніи количества архіереевъ, 2) о мѣрахъ борьбы съ расколомъ, 3) о призрѣніи нищихъ и обузданіи ихъ назойливаго попрошайничества, 3) о поддержаніи благочинія въ поведеніи русскаго чернаго и бѣлаго духовенства, 4) о поддержаніи православія въ пограничныхъ пунктахъ съ Польшей и Швеціей, и др.

Хотя, говоритъ г. Виноградскій, «по количеству и разнообразію разсмотрѣнныхъ на соборѣ царскихъ предложеній, онъ не представляетъ чего либо выдающагося изъ ряда подобныхъ ему», но по «смѣлости и широтѣ замысла» этихъ предложеній имѣетъ «безспорное значеніе выдающагося историческаго факта».

Наиболѣе «смѣлыми» и «важными» онъ считаетъ 1) «вопросъ о соподчиненіи митрополитамъ епископскихъ каедръ и умноженіи на Руси числа архіереевъ», который «радикально измѣнялъ положеніе русскаго архіерея въ его отношеніи къ пасомымъ и проектировалъ сразу увеличить количество епископовъ на Руси до такихъ размѣровъ, которые и гораздо позже едва были достигнуты и то въ теченіе длиннаго промежутка времени и съ немалыми затрудненіями»; 2) вопросъ о нищихъ, вносяшій и для нашихъ дней «поучительный взглядъ на дѣло организаціи общественной благотворительности», 3) вопросъ о раскольникахъ, о монашествующемъ духовенствѣ, и пр.

Далѣе, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, г. Н. Виноградскій инициативу и проекты поставленныхъ на соборѣ предложеній приписываетъ не патріарху Іоакиму и не царю Ѳедору Алексѣевичу, которому тогда было 20 лѣтъ отъ роду, а лицамъ, окружавшимъ его и болѣе вліявшимъ на него,—В. В. Голицыну, Лихачеву, Языкову и отчасти Симеону Полоцкому, и

поэтому видятъ въ нихъ тѣсную связь «съ общимъ планомъ реформъ въ государственномъ отношеніи, задуманныхъ въ царствованіе Федора Алексѣевича». Намъ кажется, что къ этимъ лицамъ можно присоединить и нѣкоторыхъ архіереевъ, обращавшихся къ царю съ «челобитною» объ увеличеніи числа епархій.

Что же касается практическаго значенія постановленій собора, то оно «далеко не стоитъ въ соответствіи съ широкими и смѣлыми планами, послужившими къ нимъ поводомъ»; тѣмъ не менѣе, какъ на итоги собора, «можно указать, во-первыхъ, на учрежденіе четырехъ новыхъ епархій» (Устюжской и Тотемской, Холмогорской, Тамбовской и Воронежской), одного новаго архіепископскаго титула и нѣсколькихъ митрополичьихъ; на болѣе энергичное противодѣйствіе злоупотребленіямъ со стороны раскольниковъ; проявленіе большаго участія архіереевъ къ порубежнымъ православнымъ жителямъ; обмежеваніе церковныхъ земель и кладбищъ, устройство новаго ковчега для Ризы Господней и, наконецъ, на раздачу частицъ св. мощей изъ Благовѣщенскаго собора приходскимъ церквамъ Москвы.

Затѣмъ, какъ письменный памятникъ своего времени, предложенія и постановленія собора 1682 г. служатъ «хорошимъ первоисточникомъ, пополняющимъ скудныя свѣдѣнія о недостаточно еще обследованномъ царствованіи Федора Алексѣевича, и довольно полной характеристикой нравовъ и быта русскаго общества конца XVII вѣка». Въ послѣднемъ случаѣ, акты собора подробно обрисовываютъ «и архипастырей того времени съ ихъ силой и значеніемъ въ государствѣ и епархіяхъ, и забытое матеріальной нуждой безправное духовенство съ обычной такому состоянію нравственною неопытною, и обезпеченное, порочное отъ праздности и невѣжества, монашество, вѣдшне-набожный, но безъ религіознаго просвѣщенія народъ съ его привязанностью къ обрядности и небреженіемъ къ святынямъ вѣры, и назойливыхъ, вскормленныхъ русскимъ добродушіемъ, нищихъ»... Кроме того, въ нихъ «можно уловить черточки бытовыхъ картинъ того времени: шумные базары у монастырей и приходскихъ храмовъ съ продажей кваса и вина; уличная обстановка городовъ съ часовнями на перекресткахъ и проповѣдниками при нихъ древяго благочестія, со встрѣчающимися нерѣдко въ нетрезвомъ видѣ монахами и вдовыми священниками; сидяція на перекресткахъ и просяція милостыню инокини; безпорядки во время богослуженія отъ нищихъ, и т. п.»...

Наконецъ, г. Виноградскій въ вопросахъ царя и соборныхъ постановленіяхъ по нимъ видитъ «историческій урокъ», сказавшійся въ «смѣломъ и открытомъ обличеніи».

Вся книга г. Виноградскаго состоитъ изъ предисловія, одиннадцати главъ и десяти приложеній.

Приложенія (архивные документы) занимаютъ 64 страницы и заключаютъ: «росписаніе всѣхъ епархій и монастырей съ показаніемъ, сколько за которымъ монастыремъ дворовъ»; «описаніе по справкамъ о разстояніи городовъ, въ коихъ учреждены епископы вновь, и о показаніи, какими монастырями имъ владѣть»; «роспись городамъ и монастырямъ» вновь учрежденныхъ епископствъ; «роспись, сколько дворовъ за монастырями въ области патріаршей и митрополичьихъ»; проектъ новыхъ кафедръ; высочайшій приказъ объ открытіи

засѣданій собора (6-е приложение); три царскихъ письма митрополитамъ: новгородскому, казанскому и тверскому; челобитная царю отъ духовенства объ «устроении вновь въ дальнихъ городахъ епархій и о бытїи имъ особыми, а не подвластными митрополитамъ»; черновой списокъ царскаго письма собору съ проектомъ отвѣтовъ на поставленные въ немъ вопросы и наконецъ черновая первоначальная редакція полного соборнаго дѣянія. Нѣкоторые изъ приложеній были уже напечатаны ранѣе.

В. Р—въ.

П. П. Суворовъ. Записки о прошломъ. Ч. I. М. 1899.

Настоящія «Записки» печатались въ теченіе 1893—1894 годовъ на страницахъ покойнаго журнала «Русское Обозрѣніе» и въ свое время, по свидѣтельству самого почтеннаго автора, обратили на себя вниманіе не только русской, но и заграничной прессы. Въ настоящее время онъ выпускаетъ ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ давленіемъ поступавшихъ къ нему многочисленныхъ требованій, справедливо полагая, что его книжка можетъ заинтересовать широкій кругъ читателей, какъ собраніе воспоминаній человѣка, которому пришлось быть свидѣтелемъ очень многихъ событій, быть ихъ участникомъ, въ качествѣ общественнаго дѣятеля, на глазахъ котораго смѣнилось нѣсколько поколѣній. Дѣйствительно, нельзя не признаться, что въ воспоминаніяхъ г. Суворова заключено немало любопытнаго матеріала, и въ книжкѣ попадаются страницы, невольно привлекающія къ себѣ напряженное вниманіе читателей. Но рядомъ съ этими страницами попадаются и многія такія, которыя имѣютъ слишкомъ личный, семейный характеръ, такъ что появленіе ихъ передъ читателями послужило бы лишь на пользу книгѣ. Авторъ вообще склоненъ слишкомъ много возиться съ самимъ собою и придавать ничтожнымъ событіямъ жизни своей и окружающихъ значеніе историческихъ моментовъ. Мимолетная картинка, случайный разговоръ, ничего незначащее стихотвореніе — все имъ старательно заносится въ записную книжку и преподносится съ самымъ серьезнымъ видомъ читателямъ подъ видомъ достойнаго лѣтописей русской исторіи. Это немножко смѣшно и напоминаетъ нѣсколько безызвѣстныхъ воспоминаній г. Мартыанова, тоже грѣшачія излишней мелочностью и детальностью. Склоненъ г. Суворовъ и къ излишней образности, которая далеко не содѣйствуетъ развитію симпатій въ читателѣ. У автора, напримѣръ, пропали на одной неудачной операціи казенныя деньги, и вотъ онъ описываетъ состояніе своей души: «Тутъ дѣло не въ сумѣ пропавшихъ денегъ, но въ вашемъ духовномъ складѣ,— повѣствуетъ онъ.— Я не могъ примириться съ тѣмъ, что люди по своему будутъ судить мой поступокъ, что я обманулъ довѣріе начальства, что легкомысленно отнесся къ интересамъ казны. Я ничѣмъ оправдать себя не могъ передъ собою. Когда темная южная ночь опустилась на землю, скорпіоны оставили свои норы, чтобы меня непрерывно жалить; вампиры бросили могильныхъ мертвецовъ, чтобы пить мою кровь; змѣи выползли изъ гнѣющихъ пней деревъ, чтобы сосать мое сердце. Потъ градомъ лился съ меня». Какъ будто немного сильно сказано. Пожалуй, еще лившійся потъ можно оставить, но змѣй, скорпіоновъ и главное вампировъ лучше было бы убрать со сцены.

За исключеніемъ этихъ небольшихъ недостатковъ, книга г. Суворова въ общемъ можетъ быть рекомендована, какъ занимательное чтеніе, гдѣ дѣйствительно на сцену выведено немало любопытныхъ типовъ, нарисованныхъ во весь ростъ съ достаточнымъ мастерствомъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ все то, что авторъ сообщаетъ о сибирской жизни, сибирской администраціи и извѣстномъ сенаторѣ Синельниковѣ, представлявшемъ собою дѣйствительно выдающійся образъ русскаго сановника. Интересны также тѣ странички въ книжкѣ, которыя посвящены литературному міру и описанію редакціоннаго быта такъ называемой мелкой прессы, гдѣ авторъ немало на своемъ вѣку поработалъ.

Гл.

Поль Гиро. Историческія чтенія (lectures historiques). Частная и общественная жизнь римлянъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей С. П. Моравскаго. Съ 107 рисунками въ текстѣ. Спб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. 1899.

Редакторъ русскаго перевода книги Гиро, г. Моравскій, оправдываетъ появленіе этого сочиненія тѣмъ, что въ нашей литературѣ до сихъ поръ нѣтъ популярной исторіи Рима, ни оригинальной, ни переводной, такъ какъ книги, подобныя трудамъ Іегера и Герцберга, представляютъ изъ себя «большіе учебники», а исторія Моммсена «во многихъ отношеніяхъ неудобна». Между тѣмъ и книга Гиро не восполняетъ этого недостатка ¹⁾, потому что, какъ показываетъ самое заглавіе ея, это не есть политическая исторія, а то, что обыкновенно разумѣется у насъ подъ именемъ государственныхъ, частныхъ и религіозныхъ римскихъ древностей. Гиро отлично повялъ, что одному человѣку весьма трудно справиться съ такою обширною задачей, какъ изложеніе древнеримской жизни во всемъ ея объемѣ и на всемъ ея протяженіи, а потому собралъ по данному предмету выдержки какъ изъ болѣе авторитетныхъ новѣйшихъ ученыхъ, такъ и непосредственно изъ древнихъ авторовъ и даже надписей; такимъ образомъ книга имѣетъ въ сущности видъ хрестоматіи. По содержанію сочиненіе раздѣляется на 17 главъ, распадающихся въ свою очередь на болѣе мелкіе отдѣлы. Изложеніе начинается съ описанія Рима; затѣмъ читатель знакомится со всѣмъ строемъ древнеримской семейной и общественной жизни, религіей, административными и судебными учрежденіями и войскомъ. Въ концѣ книги даются очеркъ древнѣйшаго христіанства и разныя справочныя свѣдѣнія (древнеримскія мѣры времени, длины, денегъ и т. п.). Вполнѣ понятно, что огромное большинство статей извлечено изъ сочиненій французскихъ ученыхъ, являющихся лучшими популяризаторами классической древности. Кое-что взято и изъ «Римской исторіи» Моммсена и столь же извѣстнаго труда Фридлэндера «Darstellungen aus der Sittengeschichte Rom's». Не могу кстаті не пожалѣть, что г. Моравскій не провѣрилъ извлеченій изъ Моммсена и Фридлэндера по оригиналамъ, такъ какъ приводимыя у Гиро французскіе переводы

¹⁾ Недостатокъ этотъ нынѣ въ значительной мѣрѣ устраненъ появленіемъ также переводной книги В. Низе: Очеркъ римской исторіи и источниковѣднія, Спб., 1899.

этих капитальных сочинений значительно устарѣли. Не рѣдко также цитуются англійскія работы Lanciani Middleton. Что касается древнихъ авторовъ, то г. Моравскій отнесся къ нимъ въ общемъ старательно и даже провѣрилъ, въ большинствѣ случаевъ, французскіе переводы по оригиналамъ. Столь же тщательны и довольно многочисленныя редакторскія примѣчанія г. Моравскаго, хотя безъ промаховъ дѣло здѣсь не обошлось, напримѣръ, въ статьѣ о Палатинѣ читаемъ про храмъ Весты (стр. 10): «предполагаютъ, что фундаментъ его существуетъ и до сихъ поръ подъ одной сосѣдней церковью». Между тѣмъ этотъ фундаментъ храма Весты открытъ уже въ 1885 г. и находится въ сторонѣ отъ той церкви, подъ которой предполагали его нахожденіе. Корректурa книги довольно исправна. Что касается рисунковъ, то они далеко не всѣ удовлетворительны; особенно плохи планы Рима и Палатина. Въ общемъ книгу Гиро смѣло можно рекомендовать всѣмъ лицамъ, интересующимся классической древностью; въ особенности пригодна она для преподавателей древнихъ языковъ.

А. М—нъ.

Т. Фауль. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Переводъ съ англійскаго А. М. Вѣлова. Спб. 1899.

Переводъ этой книги является какъ нельзя болѣе своевременнымъ въ виду оживленія интереса въ русскомъ обществѣ къ вопросамъ благотворительности и постановки ея на болѣе раціональную почву. Примѣръ Англіи, въ которой призрѣніе бѣдныхъ урегулировано государственными законами уже около трехсотъ лѣтъ (съ 1601 г.), является поучительнымъ и для другихъ странъ. Самыя ошибки и недостатки общественнаго призрѣнія бѣдныхъ представляютъ интересъ и имѣютъ значеніе при организаціи «домовъ трудолюбія» у насъ. Книга Фауля предназначена для большой публики и по своему изложенію доступна всякому, интересующемуся вопросами призрѣнія. Положенію «работныхъ домовъ», какъ и слѣдовало ожидать, посвящено авторомъ довольно много мѣста. Удѣлено должное вниманіе и призрѣнію «открытому», то-есть разнаго рода вспомошествованіямъ людямъ неспособнымъ къ труду или не имѣющимъ работы. Въ дѣлѣ открытаго призрѣнія особенно возможны злоупотребленія, когда люди болѣе ловкіе добиваются пособій въ разныхъ учрежденіяхъ, иногда даже не имѣя правъ на вспомошествованіе. Искорененіе такихъ злоупотребленийъ возможно при строгомъ обследованіи положенія просителя и правъ его на пособие и при учрежденіи справочныхъ бюро, въ которыхъ доставлялись бы свѣдѣнія обо всѣхъ выданныхъ пособіяхъ разными учрежденіями. Злоупотребленія «открытымъ» призрѣніемъ возможны даже въ Англіи; рассказы о нихъ и о борьбѣ съ ними можно найти въ книгѣ Фауля. Вообще повторяемъ, въ его книгѣ читатель найдетъ немало интереснаго по исторіи и современному положенію дѣла призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи.

Переводъ читается легко. Книга стійтъ не дорого (1 рубль за 211 страницъ на прекрасной бумагѣ). Вся сумма, вырученная отъ продажи изданія, поступитъ полностью въ пользу дѣтскаго приюта трудолюбія св. Ольги.

А. Л—нко.

Издание газеты „Уралъ“ (издатель В. Г. Чекавъ). Путеводитель по Уралу. Издание первое. Екатеринбургъ. 1899.

Неистощимыя богатства Урала, составляющія важный источникъ государственнаго дохода и играющія громадную роль въ общемъ развитіи отечественной промышленности, геологическое происхождение и геогностическое строение этого хребта, служившія и продолжающія служить неизсякаемою темою для изслѣдованій такихъ ученыхъ, какъ Купферъ, Палласъ, Германъ, Гумбольдтъ, Розе, Эверсманъ и мн. др., наконецъ, 200-лѣтнее историческое прошлое Уральскаго края, богатое самыми разнообразными фактами, — все это вполне оправдываетъ тотъ глубокій интересъ, какимъ пользуется Уралъ въ русской печати и среди промышленниковъ — не только русскихъ, но и иностранныхъ.

Черезъ «Каменный поясъ» — Уралъ протянулись желѣзныя дороги, сюда стремятся люди всѣхъ званій, несутъ свои капиталы, силы, знанія...

Но при всемъ томъ можно сказать съ полной увѣренностью, что русское общество все-таки очень мало знакомо съ неисчислимыми богатствами этого края, мало имѣетъ понятія о его значеніи въ общемъ строѣ русской промышленности и еще менѣе знаетъ о его природныхъ красотахъ, вызывающихъ восторженные отзывы туристовъ-художниковъ.

Въ виду этого, издание «Путеводителя по Уралу» слѣдуетъ признать какъ нельзя болѣе своевременнымъ и полезнымъ.

«Путеводитель» захватываетъ весь средний Уралъ, какъ самый интересный, и отчасти сѣверный, куда относятся Соликамскій, Верхотурскій и Чердынскій уѣзды Пермской губерніи. Изъ южнаго Урала «Путеводитель» описываетъ ту его часть, которая входитъ въ сферу дѣятельности Самаро-Златоустовской желѣзной дороги, начиная отъ г. Челябинска и кончая г. Уфой.

Не являясь настольной справочной книгой въ строгомъ смыслѣ этого слова и не давая подробныхъ свѣдѣній о частностяхъ административнаго устройства Урала, «Путеводитель» даетъ многочисленныя и яркія описанія наиболее живописныхъ мѣстностей, а также сгруппировываетъ, по возможности, и историческія данныя, касающіяся этого края.

Особенно интересна исторія заводовъ Невьянскаго округа (одного изъ древнѣйшихъ на Уралѣ), полная различныхъ событій, относящихся ко времени владычества надъ ними первыхъ уральскихъ заводовладѣльцевъ — Демидовыхъ и Саввы Яковлева.

Кромѣ того, заслуживаютъ вниманія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Пугачова въ южномъ Уралѣ и о развитіи уральскаго раскольниковства.

«Путеводитель», вообще, оставляетъ по себѣ очень хорошее впечатлѣніе, несмотря на нѣкоторые свои недостатки (отсутствие адресовъ, неточность редакціи и т. п.), тѣмъ болѣе извинительные, что издание это является первымъ въ своемъ родѣ.

П. В—скій.

Лѣтопись историко-филологическаго общества при императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Византійское отдѣленіе. IV. Одесса. 1899.

При Новороссійскомъ университетѣ въ Одессѣ нѣсколько лѣтъ существуетъ историко-филологическое общество, которое своею задачею имѣетъ, между прочимъ, и разработку недавно народившейся у насъ отрасли историческаго знанія, именуемой византологіей. Время отъ времени общество знакомитъ интересующихся со своими трудами въ области византологіи посредствомъ «Лѣтописи» и въ настоящемъ году выпустило въ свѣтъ уже четвертый томъ этой «Лѣтописи», содержащій въ себѣ шесть статей византологическаго содержания.

Первая статья принадлежитъ приватъ-доценту Новороссійскаго университета г. Пападимитріу и рассматриваетъ такъ называемыя Манганскія стихотворенія византійскаго поэта XII вѣка Теодора Птохопродрома (стр. 1—48). Эти стихотворенія (въ числѣ пяти) написаны Птохопродромомъ по поводу его пребыванія въ богадѣльнѣ (*ἀδελφῶτων*) при Манганскомъ дворцѣ въ Константинополѣ и касаются нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни поэта въ этой богадѣльнѣ. Г. Пападимитріу удалось найти новые списки этихъ стихотвореній въ одномъ венеціанскомъ кодексѣ, и онъ въ своей статьѣ публикуетъ ихъ во вновь открытой редакціи, сопровождаетъ краткимъ предисловіемъ и историко-филологическими замѣчаніями любопытнаго содержания.

Вторая статья (стр. 49—98) написана профессоромъ г. Истринымъ и касается греческихъ списковъ апокрифическаго сочиненія «Завѣщаніе Соломона». Этотъ апокрифъ рассказываетъ о сношеніяхъ еврейскаго царя Соломона съ демонами, одни изъ которыхъ исполняли для него различныя порученія, а другіе сообщали о своихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ. Апокрифъ «*Testamentum Solomonis*» давно напечатанъ въ греческой патрологіи аббата Миня (томъ 122), но г. Истринъ нашелъ три новыхъ, хотя и не полныхъ, его списка, два на монашеской горѣ Аеонѣ (въ Андреевскомъ скиту отъ XV вѣка и въ монастырѣ Діонисіатъ отъ XVI вѣка) и одинъ въ Парижской національной библиотекѣ отъ XVII вѣка). Это дало возможность г. Истрину заняться сравненіемъ вновь открытыхъ списковъ апокрифа между собою и съ напечатаннымъ у Миня и высказать, въ результатъ изученія ихъ, нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній относительно происхожденія и развитія апокрифа въ византійской литературѣ. Въ приложеніи напечатаны аеонскія редакціи «Завѣщанія Соломона».

На третьемъ мѣстѣ (стр. 99—206) находится обширное изслѣдованіе скончавшагося въ прошломъ году профессора Новороссійскаго университета Н. Θ. Красносельцева, подъ скромнымъ заглавіемъ: «*Addenda къ изданію А. Васильева — «Anecdota graeco-byzantina» (Москва, 1893)*». Въ богатой византійской литературѣ, рядомъ съ памятниками высокой цѣнности — произведеніями богословскими, историческими и философскими, составленными людьми высоко образованными и талантливыми — отцами церкви, учеными и философами, имѣется множество произведеній анонимныхъ и псевдонимныхъ, рассчитанныхъ на средній классъ читателей и, повидимому, состав-

вленныхъ людьми средняго образованія съ особою цѣлью популяризировать церковныя и свѣтскія знанія въ средней и малообразованной массѣ, дѣйствуя на нее занимательностью и оригинальностью формъ изложенія. Въ смыслѣ научной, богословской и философской доброкачественности они, конечно, весьма малоцѣнны, но заслуживаютъ вниманія, какъ любопытные памятники весьма сложной и вліятельной византійской культуры. Въ нихъ заключаются драгоценныя черты средневѣкового византійскаго міросозерцанія, въ которомъ на почвѣ христіанства столкнулись между собою религіозно-поэтическія представленія, наслѣдованныя Византією, съ одной стороны, отъ древнихъ восточныхъ, а съ другой, отъ западныхъ классическихъ народовъ, — содержатся указанія на смѣну и борьбу различныхъ вліяній въ области идей, вращавшихся въ среднемъ византійскомъ обществѣ, а главное — находятся характеристическія черты міросозерцанія средняго класса, полунинтеллигентной массы, всегда преобладающей. Англійскій ученый Робинсонъ (*Texte and Studies... Cambridge. 1893*) справедливо сравниваетъ изученіе этого рода произведеній литературы съ путешествіемъ по проселочнымъ дорогамъ съ цѣлью изученія жизненной обстановки, общественнаго и частнаго быта провинціи и вообще народной массы. Между тѣмъ изученіе указаннаго рода памятниковъ едва лишь начинается, въ виду чрезвычайнаго богатства богословско-философской и исторической литературы византійской, преимущественно привлекающей къ себѣ вниманіе ученыхъ. Первое серьезное вниманіе на произведенія византійской литературы указаннаго рода обратили русскіе ученые и именно историки русской литературы, которымъ эти произведенія важны были для уясненія вопроса о вліяніи византійской литературы на русскую. Упомянутая въ заглавіи анализируемой статьи книга А. Васильева и представляетъ одинъ изъ первыхъ опытовъ изученія греко-византійской анонимной и псевдонимной литературы, преимущественно апокрифическаго содержанія, съ цѣлью опредѣленія вліянія ея на соотвѣтствующую русскую литературу. Но преждевременная кончина А. Васильева воспрепятствовала благополучному выколнченію всѣхъ его намѣреній, и онъ успѣлъ издать лишь первый томъ своихъ работъ. Профессоръ Красносельцевъ, отличавшійся широкимъ образованіемъ и тонкимъ пониманіемъ потребностей русской науки, во время неоднократныхъ своихъ ученыхъ путешествій по греческому Востоку съ цѣлью изученія преимущественно литургическихъ и археологическихъ памятниковъ Византіи, не оставлялъ безъ вниманія и апокрифическихъ произведеній, встрѣчавшихся ему въ тѣхъ или иныхъ библіотекахъ Востока, списывалъ ихъ и въ настоящемъ трудѣ опубликовалъ тѣ изъ нихъ, которые остались неизвѣстными покойному Васильеву или же вообще ни разу не были изданы. Всѣхъ памятниковъ въ разсматриваемомъ трудѣ покойнаго профессора издано девятнадцать нумеровъ. Изъ нихъ двѣнадцать документовъ содержатъ греческіе тексты извѣстнаго славяно-рускаго апокрифа, такъ называемой «Бесѣды трехъ святителей», которая послужила главнѣйшимъ источникомъ нашего духовно-народнаго стиха «О голубиной книгѣ». Представивъ въ подлинникѣ греческіе списки этой «Бесѣды», профессоръ Красносельцевъ сдѣлалъ, на основаніи ихъ, нѣсколько выводовъ касательно существенныхъ вопросовъ, соединенныхъ съ изученіемъ этого апо-

крифа, какъ-то: о времени происхожденія «Бесѣды» въ греческой литературѣ, о редакціяхъ греческой «Бесѣды», объ основѣ и источникахъ ея. Далѣе, одинъ изъ опубликованныхъ профессоромъ Красносельцевымъ памятниковъ (№ 13) содержитъ вопросы о принадлежностяхъ священнаго чина и церковной утвари или *ἑρωτήσεις περὶ ἱερέων*, а другой (№ 14) заключаетъ въ себѣ такъ называемое «Преніе Панагіота съ Азимитомъ». Кромѣ того, подъ № 15 въ изданіи Красносельцова помѣщенъ апокрифъ «Ученіе апостоловъ», подъ № 16 и 17 «Толкованіе молитвы Отче нашъ», подъ № 18—«Слово Іоанна Златоуста о воскресеніи», а подъ № 19 находятся славянскія дополненія къ этимъ апокрифамъ. Издавъ тексты апокрифовъ, профессоръ Красносельцевъ сдѣлалъ къ нимъ и нѣсколько полезныхъ замѣчаній. Вообще трудъ покойнаго ученаго имѣетъ важное значеніе для исторіи русской литературы и является истиннымъ украшеніемъ разсматриваемаго изданія одесскихъ ученыхъ.

Далѣе помѣщена статья профессора г. Истрина, разсматривающая «апокрифическое мученіе Никиты» (стр. 211—304). Этотъ апокрифъ имѣетъ нѣкоторое вліяніе на русскія народныя вѣрованія, а также на иконопись. Авторъ нашелъ нѣсколько новыхъ греческихъ и славянскихъ списковъ апокрифа и въ своей статьѣ занимается сравненіемъ и оцѣнкою ихъ.

Слѣдующая статья принадлежитъ профессору Лаврову и озаглавляется такъ: «Дамаскинъ Студитъ и сборники его имени «дамаскины» въ юго-славянской письменности» (стр. 304—384). Здѣсь рѣчь идетъ о греческомъ писателѣ и проповѣдникѣ XVI вѣка—Дамаскинѣ Студитѣ и его сборникѣ проповѣдей, называвшемся *θησαυρός* и имѣвшемъ широкое распространеніе у южныхъ славянъ. Профессоръ Лавровъ въ своей статьѣ знакомитъ читателей съ новыми списками этого сочиненія Дамаскина Студита.

Наконецъ, въ разсматриваемомъ изданіи находимъ статью греческаго ученаго, нынѣ профессора С.-Петербургскаго университета, А. И. Пападопуло-Керамевса, который пытается доказать въ ней (стр. 385—402), что въ Византіи существовалъ только одинъ поэтъ съ именемъ Θεοδωρα Προδρομα, а не два, какъ думаетъ г. Пападимитріу, отличающій Θεοδωρα Προδρομα отъ Θεοδωρα Πτοχοπροδρομα, а тѣмъ болѣе—не три, какъ полагаетъ г. Хатждидакисъ. Статья г. Керамевса написана на греческомъ языкѣ.

Въ приложеніи къ разсматриваемой книгѣ помѣщены отчеты историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ и протоколы его засѣданій, знакомящіе съ внутреннею жизнью этого ученаго учрежденія.

Такимъ образомъ, вновь изданный Одесскимъ университетскимъ историко-филологическимъ обществомъ томъ содержитъ немало любопытнаго и поучительнаго матеріала для интересующихся византологіей. Σ.

Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV вѣка. Т. I. Критическое изслѣдованіе источниковъ. Проф. В. В. Качановскаго. Кіевъ. 1899.

Давно уже чувствуется потребность въ критической исторіи Сербіи. Болгарамъ посчастливилось вскорѣ послѣ освобожденія отъ турецкаго ига по-

лучить свою исторію изъ-подъ пера чешскаго ученаго К. Иречка, Сербія же, несмотря на то, что значительно раньше возвратила себѣ независимость, до сего времени не имѣетъ обстоятельной критической исторіи прошлой своей жизни. Даже такой интересный періодъ въ исторіи Сербіи, какъ ея политической ростъ и послѣдовавшее ея паденіе, до послѣдняго времени еще не разработанъ.

Между тѣмъ, исторія постепеннаго покоренія турками южныхъ славянъ не можетъ не представлять интереса общаго и научнаго въ частности. Постепенному увяданію политическаго организма Сербіи предшествовалъ расцвѣтъ ея политическаго могущества, которое не представляло прочности, необходимой для продолжительной здоровой жизни.

Этотъ пробѣлъ теперь восполняется работой проф. Качановскаго.

Представивъ въ началѣ «общій взглядъ на древнюю исторію Сербіи и ея источники», авторъ затѣмъ въ I-й и II-й главахъ очень обстоятельно изслѣдовалъ собственно сербскіе историческіе источники; здѣсь мы имѣемъ изслѣдованіе сербскихъ житій святыхъ и сербскихъ лѣтописей. Вопросъ о сербской лѣтописи впервые въ разбираемой книгѣ находитъ вполне удовлетворительное разъясненіе. Сравненіе имѣющихся на лицо списковъ сербской лѣтописи не приводитъ, однако, ни къ какому положительному выводу относительно точнаго опредѣленія времени появленія первой сербской лѣтописи (стр. 193). Для разсматриваемаго періода имѣютъ значеніе и «хронографы», которые точно также разсмотрѣны въ разбираемой книгѣ обстоятельно. При этомъ авторъ останавливается на взаимномъ отношеніи краткой и пространной сербской лѣтописи (Троношская лѣтопись) по содержанію и языку.

Въ III-й главѣ имѣемъ общее сравненіе сербскихъ лѣтописей съ боснійско-хорватскими и изслѣдованіе хорватскихъ источниковъ: хроника архидіакона Ивана, лѣтописей Климентовича, Главича, попа Андрея изъ Истріи и «записки» янычара Михаила изъ Островицы.

Четвертая глава посвящена разсмотрѣнію болгарскихъ источниковъ — болгарской лѣтописи и другихъ произведеній болгарскаго происхожденія.

Пятая глава посвящена изслѣдованію источниковъ молдовлахійскихъ, чешскихъ и русскихъ. Обращаетъ въ этой главѣ вниманіе сопоставленіе Никоновской лѣтописи съ сербскимъ житіемъ сербскаго короля Стефана Децанскаго (стр. 247—251).

Глава шестая посвящена разсмотрѣнію византійскихъ источниковъ; глава седьмая — разсмотрѣнію албанскихъ и итальянскихъ источниковъ; глава восьмая — разсмотрѣнію венгерскихъ, польскихъ и турецкихъ источниковъ. Въ главѣ девятой мы находимъ разсмотрѣніе путешествій по Балканскому полуострову. Книга снабжена подробнымъ указателемъ. О. К.

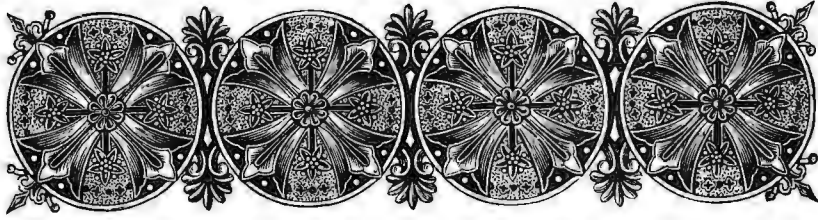
К. Голодниковъ. Декабристы въ Тобольской губерніи. Изъ моихъ воспоминаній. Тюмень. 1899.

Эта любопытная брошюрка въ 28 страницъ является отдѣльнымъ оттискомъ изъ «Сибирской Торговой Газеты» за 1899 годъ. Въ ней изложены отрывочныя и краткія воспоминанія автора о тѣхъ изъ декабристовъ, съ ко-

торыми онъ лично былъ знакомъ въ сороковыхъ годахъ во время службы въ Сибири. Въ дѣломъ эти воспоминанія не имѣютъ большого значенія; но любопытны нѣкоторые мелкіе факты и анекдоты, чуть ли не впервые здѣсь появляющіеся въ печати. За ихъ достовѣрность вполне ручается безпритязательный и скромный тонъ разсказа, а еще болѣе—нѣкоторые фактическіе промахи (напримѣръ, о стихахъ Пушкина на стр. 12), которые свидѣлствуютъ, что авторъ не компилировалъ свои «воспоминанія» по печатнымъ матеріаламъ, а дѣйствительно записывалъ, не мудрствуя лукаво, то, что удѣлало въ его памяти. Такимъ образомъ, брошюрка г. Голодникова является не бесполезнымъ матеріаломъ къ прозопографіи декабрьскаго бунта. Изъ анекдотическихъ подробностей забавна исторія съ вѣтромѣромъ Якушкина. Ялutorовскіе обыватели во время одной жестокой засухи повѣрили слуху, будто устроенная Якушкинымъ машина—колдовской снарядъ, разгоняющій тучи, а самъ Якушкинъ—фармазонъ, продалъ дьяволу душу и кровью обязался закабалить ему и всѣ христіанскія души въ городѣ. И вотъ, въ темную ночь, нѣсколько смѣльчаковъ съ топорами и заступами забрались на дворъ къ Якушкину, срубили шесть, разломали механизмъ вѣтромѣра на мелкія части и, выкопавъ за городомъ, вблизи еврейскаго кладбища, яму, закопали въ нее дьявольское наважденіе. Въ довершеніе всего, черезъ три дня блеснулъ желанный дождь, такъ что истребители нечистой силы торжествовали свой подвигъ. Интересенъ также случай съ В. К. Тизенгаузенемъ. Однажды его товарищи въ Читѣ, выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями надсмотрщиковъ, вздумали отказаться отъ заводскихъ работъ. Такое рѣшеніе составляло уже возмущеніе. Тизенгаузенъ тщетно уговаривалъ и успокаивалъ недовольныхъ; наконецъ объявилъ напрямикъ, что, хотя ихъ затѣя крайне повредитъ ихъ любимому коменданту, полковнику Лепарскому, остается съ ними, но что, когда ихъ поведутъ съчъ, онъ первый разможжитъ себѣ голову. Предостереженіе подѣйствовало, и опасное намѣреніе было оставлено. Наконецъ слѣдуетъ указать на крайне интересное письмо М. И. Муравьева-Апостола отъ 13 февраля 1872 г. къ автору воспоминаній. Особенно характерны слова, заканчивающія благоговѣйный отзывъ объ императорѣ Александрѣ II: «Безъ внутреннихъ потрясеній, которыя довели Францію до совершеннаго нравственнаго упадка и физическихъ силъ, Россія наша стала теперь твердою ногою на широкомъ пути своего преуспѣянія. Богъ услышалъ наши пламенные молитвы и осуществилъ наши завѣтныя желанія».

П. Р.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Митридатъ, какъ изобрѣтатель врачебной системы прививокъ. — Парламентская жизнь въ Римѣ во время республики. — Успѣхи португальцевъ въ Индіи. — Англійская общественная жизнь въ доброе старое время. — Трехсотлѣтній юбилей пожарныхъ во Франціи. — Дневникъ русской великой княгини. — Свадьба Людовика XVI. — Воспоминанія бібліотекаря Маріи-Антуанетты. — Столѣтіе 18 брюмера. — Изъ воспоминаній виконта де-Рейве. — О «королѣ Бернадоттѣ». — Метгернихъ въ качествѣ инквизитора. — Лордъ Байронъ и его жена. — Викторъ Гюго въ Реймсѣ. — Сэръ Робертъ Пиль. — Переписка Милля съ Контюмъ. — Сумасшедшій король. — Воспоминаніе генерала фонъ-Войена и Георга Бунзена. — Біографія Теккерея. — Отголоски дѣла Дрейфуса въ печати.

ИТРИДАТЪ, какъ изобрѣтатель врачебной системы прививокъ. Греческій докторъ Ламбадаріосъ изъ Сиріи, состоящій при Афинскомъ университетѣ, читалъ недавно въ Константинопольскомъ медицинскомъ обществѣ рефератъ объ отношеніи современныхъ медическихъ методовъ къ врачебнымъ системамъ древняго міра. По его словамъ, теорія прививки была еще извѣстна въ глубокую старину, и не только знаменитый врачъ Галіенъ практиковалъ ея принципы, но Митридатъ, царь Понта, можетъ считаться изобрѣтателемъ системы Пастѣра. Этотъ интересный рефератъ греческаго доктора кратко излагается въ статьѣ французскаго медика и публициста, Кабанесса, въ первой октябрьской книжкѣ «Revue des Revues» ¹⁾. Изъ доводовъ, приводимыхъ Ламбадаріосомъ въ подтвержденіе его тезиса, видно, что Митридатъ примѣнялъ систему прививокъ

¹⁾ Le roi Mitridate inventeur de la serumtherapie, par le docteur Cabanes. Revue des Revues. 1 octobre.

не къ болѣзнямъ, а къ отравамъ. Несмотря на свое могущество, Митридатъ Великій, царь Понта и Босфора, завоевавшій Кавказъ и Крымъ, а также борившійся съ Римомъ съ переменнымъ счастьемъ до окончательнаго пораженія Помпеемъ въ 65 году до Р. Х., чрезвычайно боялся отравы и старался найти противоядіе ко всемъ ядамъ. Такъ какъ онъ самъ занимался медициной и пользовался совѣтами лучшихъ врачей того времени, которые были его друзьями, какъ, напримѣръ, Паній и Тимофей, то онъ достигъ въ этомъ отношеніи большого успѣха. Согласно свидѣтельству Плинія и Квинта Серенія, онъ составилъ рецептъ общаго противоядія, состоявшаго изъ орѣховъ, фигъ, руты и соли. Но въ медицинѣ извѣстно еще подъ его именемъ другое противоядіе изъ 54 ингредиентовъ, но нѣтъ безспорныхъ доказательствъ, чтобъ этотъ рецептъ дѣйствительно принадлежалъ ему. Во всякомъ случаѣ Митридатъ не довольствовался приготовленіемъ противоядій, а прививалъ себѣ и преступникамъ, приговореннымъ къ смертной казни, различные яды. Онъ лично каждый день проглатывалъ такую дозу какого нибудь яда, которая не могла принести ему вреда. Эти опыты прививки отравъ по примѣру Митридата производили, насколько извѣстно, царь пергамскій Атталъ и врачъ Галіенъ. Такимъ образомъ Митридатъ приучалъ свой организмъ ко всевозможнымъ ядамъ съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ отравы не потерпѣть никакого вреда, а потому, если онъ и носилъ при себѣ ядъ, скрытый въ рукояткѣ своего меча, то для другихъ, а не для себя. Извѣстно, что онъ отравилъ нѣсколькихъ лицъ, между прочимъ, своего сына, а когда самъ былъ разбитъ Помпеемъ, то покончилъ свою жизнь другимъ способомъ, а не ядомъ.

— Парламентская жизнь въ Римѣ во времена республики. Исторія Рима разсматривалась съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, особенно въ теченіе послѣдняго столѣтія. Въ настоящее время мы уже далеки отъ легендарной и повѣствовательной исторіи въ духѣ Роллена, котораго у насъ съ такимъ усердіемъ въ прошломъ столѣтіи переводилъ В. К. Тредьяковскій. Учрежденія, финансы, армія, организація провинцій, частная жизнь, все это было объектомъ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ тщательныхъ изысканій. Ж. В. Мипуде сумѣлъ, тѣмъ не менѣе, въ своемъ очеркѣ «Парламентской жизни въ Римѣ»¹⁾ найти совершенно новую и весьма интересную точку зрѣнія, на которую его, можетъ быть, натолкнули его занятія, какъ секретаря-редактора въ палатѣ депутатовъ. Книга его посвящена римскому парламенту, главнымъ образомъ, послѣднихъ временъ республики. Авторъ старается, при помощи древнихъ текстовъ, особенно на основаніи переписки и рѣчей Цицерона, возсоздать величественныя историческія засѣданія сената, обозначающія собою разные этапы въ дѣлѣ Катилины, въ борьбѣ Клавдія съ Цицерономъ, въ распрѣ Цезаря съ сенатомъ, далѣе, засѣданія въ день мартовскихъ иды и другія, представляющія не менѣе драматическій интересъ. Въ поясненіе къ этимъ живымъ картинамъ «римскаго парламента» Мипуде излагаетъ въ краткомъ обзорѣ исторію римской конституціи, а въ частности роль и значеніе сената, его дѣло-

¹⁾ «La Vie parlementaire à Rome sous la république», par J. V. Mispoulet. Paris. 1899. Статья А. Baudrillart въ «Revue encycl.», 30 sept. 1899.

производство, способ созыва его и собраний, порядок прений, редактирования и сохранения сенатских декретовъ и т. п. Онъ описываетъ также курію и ея внутреннее устройство, которое необходимо представлять себѣ, чтобы понять нѣкоторыя изъ событій въ исторіи сената. Для возсозданія картины куріи онъ основывается на значительныхъ сохранившихся остаткахъ курій въ Тимгадѣ и Помпеяхъ. Цѣлыхъ двѣ части книги Мипуле посвящены вопросамъ государственно-правовымъ и археологическимъ. Третья часть представляется наиболѣе новою и важною. Она вызываетъ не только интересъ, какъ занимательный рассказъ о парламентскихъ событіяхъ, излагаемыхъ почти день за днемъ, въ порядкѣ послѣдовательности. Многіе факты, благодаря особому методу Мипуле, нашли себѣ объясненіе, между тѣмъ, какъ раньше они представлялись далеко не ясными. Напримѣръ, неоднократно указывалось на слабость аргументаціи въ первой рѣчи Цицерона противъ Катилины. Многіе спрашивали себя, какъ при такомъ очевидномъ признаніи собственнаго безсилія оратора, Катилина могъ испугаться угрозъ консула и оставить Римъ. Дѣло оказывается въ томъ, что Катилина уже раньше рѣшилъ отправиться къ своему войску, Цицеронъ же въ данный моментъ не имѣлъ въ распоряженіи никакихъ иныхъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыми онъ воспользовался въ своей рѣчи. Слухи и слетни, кое-какіе доносы сомнительнаго происхожденія дали ему возможность выступить съ громкимъ обвиненіемъ, но дѣйствительныхъ фактовъ онъ въ рукахъ не имѣлъ и принужденъ былъ прибѣгнуть къ открытому обращенію и къ угрозамъ въ лицо. Лишь послѣ обнаруженія переговоровъ заговорщиковъ съ галльскими депутатами, Цицеронъ получилъ возможность и сталъ дѣйствовать рѣшительно. Къ чему стремился Катилина? На этотъ вопросъ отвѣчали до сихъ поръ различно: одни говорили, что устроитель заговора желалъ лишь собственнаго обогащенія путемъ грабежей и конфискацій, другіе видѣли въ немъ соціальнаго реформатора. По мнѣнію Мипуле, и то и другое невѣрно. Катилина былъ недовольнымъ честолюбцемъ, который стремился къ консульству. Если бы его избрали консуломъ, онъ считалъ бы себя удовлетвореннымъ. Но такъ какъ народъ отказалъ ему въ избраніи, то онъ задумалъ захватить власть силою и отомстить всѣмъ тѣмъ, кто дѣйствовали противъ него во время выборовъ. Объ измѣненіи государственнаго строя или общественомъ переворотѣ онъ нисколько не думалъ. — Одновременно съ этимъ вопросомъ Мипуле разъясняетъ много другихъ, связанныхъ съ нимъ: напримѣръ, объ одинаковомъ безпристрастіи Салюстія къ Цицерону и Цезарю и о неучастіи Цезаря въ заговорѣ Катилины. Тщательнымъ анализомъ парламентскаго положенія онъ устанавливаетъ незаконность дѣйствій Цезаря съ момента окончанія его полномочій въ Галліи и абсолютное право сената на отозваніе его. Рядъ другихъ болѣе мелкихъ вопросовъ мы опускаемъ. По заявленію автора, подъ заглавіемъ «*La vie parlementaire à Rome sous l'Empire*» имѣетъ выйти продолженіе настоящаго труда. Это продолженіе, по новости затронутаго вопроса, будетъ весьма цѣннымъ вкладомъ въ науку.

— Успѣхи португальцевъ въ Индіи. Недавно вышедшая книга В. Вайтавея «Распространеніе португальскаго господства въ Индіи» ¹⁾ представляетъ

¹⁾ The rise of Portuguese power in India, by B. Whiteway. London. 1899.

основанный на португальских источниках любопытный рассказ о подвигах португальцев в Индии от путешествий Васко-де-Гама до середины XVI столетия. Видя, какие богатства извлекают магометане и венецианцы из торговли с востоком сухопутной через Суецъ и Александрию, португальцы старались в продолжение XV вѣка открыть морской путь в Индію вокругъ Африки и сосредоточить в своихъ рукахъ всю эту торговлю. Подъ руководствомъ принца Генриха, прозваннаго Мореплавателемъ, была создана цѣлая школа смѣлыхъ моряковъ, успѣхи которыхъ, наконецъ увѣнчались открытіемъ прохода в Индѣйскій океанъ вокругъ мыса Доброй Надежды Вартоломеемъ Диасомъ, и в 1497 году Васко-да-Гама отправился впервые прямо моремъ изъ Португаліи в Индію. Личность этого мореплавателя, по словамъ новаго историка его подвиговъ, имѣла болѣе вліянія на установленіе господства португальцевъ в Индіи, чѣмъ событія его перваго путешествія. Онъ былъ, повидимому, средняго роста, здоровенный, краснощекій, смѣлый, грубый, вспыльчивый, жестокосердый и мстительный. Его энергія и сила воли позволяли ему переносить всѣ физическія трудности и лишения. Его сопровождалъ братъ Паоло, представлявшій совершенный контрастъ съ нимъ, и ему в большей мѣрѣ португальцы были обязаны своимъ успѣхомъ. 17-го мая 1498 года, эскадра Васко-да-Гамы, состоявшая изъ трехъ судовъ, бросила якорь передъ Каликутомъ, небольшимъ селеніемъ в восьми миляхъ къ сѣверу отъ Каликута, который былъ открытымъ рейдомъ, но очень благоденствовалъ, благодаря тому, что составлялъ одинъ изъ главныхъ рынковъ, в которыхъ сосредоточивалась индо-европейская торговля. Повелитель Каликута мало-по-малу приобрѣлъ главенство надъ многочисленными индѣйскими владѣніями на Малабарскомъ берегу, и в этомъ ему оказали значительную помощь магометанскіе торговцы, увеличивая богатство его страны правильными торговыми сношеніями. Развитію же этихъ сношеній много содѣйствовала замѣчательная вѣротерпимость индѣйскихъ повелителей вообще, а каликутскихъ в особенности. Европеецъ Пиранъ-де-Лададь писалъ: «Нигдѣ в Индіи нѣтъ мѣстности, в которой жители были бы такъ довольны своей судьбой, какъ Каликутъ, благодаря плодородію почвы и свободѣ вѣроисповѣданія; это самый дѣятельный торговый центръ во всей Индіи, и в немъ можно встрѣтить торговцевъ всѣхъ націй и религій на свѣтѣ, потому что тамъ обезпечены всѣмъ безопасностью и свобода относительно религіи, о которой даже запрещено спорить или пререкается». Такимъ образомъ цѣлая бездна отдѣляла цивилизаціи индѣйскую и португальскую, а столь же большой контрастъ существовалъ между обращеніемъ тѣхъ и другихъ съ военноплѣнными: португальцы звѣрски пытали и убивали ихъ, а индустанцы обращались съ ними очень гуманно. Поэтому неудивительно, что, зная отъ арабскихъ купцовъ о варварскихъ жестокостяхъ португальцевъ на африканскихъ берегахъ, повелитель Каликута не оказалъ поощренія ихъ торговымъ сношеніямъ, хотя принималъ очень любезно Васко-да-Гаму и пригласилъ его в свою резиденцію. В томъ же году Гама вернулся на родину, и Вайтавей замѣчаетъ, что эта экспедиція португальскаго адмирала была знаменательной эпохой в исторіи челоѣчества, какъ первое столкновеніе цивилизаціи Запада и Востока со временъ Александра

Македонскаго за 1800 лѣтъ передъ тѣмъ. Богатая добыча, привезенная Гамой, наполнила радостью сердца короля и его подданныхъ, а потому немедленно былъ снаряженъ новый флотъ въ 13 судовъ съ 1.200 людьми экипажа подъ начальствомъ Педро Катрала. Эта экспедиція подверглась многимъ бѣдствіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ открыла Мадагаскаръ, Бразилію и Кохинъ съ его прекрасной гаванью. Это послѣднее открытіе измѣнило политику Португаліи къ Индіи, такъ какъ явилась возможность уничтожить арабскую торговлю и взять въ свои руки полное господство надъ Индійскимъ океаномъ, поддерживая владѣтеля Кохина въ его борьбѣ съ государемъ Каликута. Тогда португальскій король принялъ громкій титулъ «Повелителя мореходства, торговли и владѣній въ Еіюпіи, Аравіи, Персіи и Индіи», а Гаму отправилъ во главѣ флота изъ двадцати судовъ съ приказаніемъ оставаться постоянно въ Индіи; затѣмъ былъ туда назначенъ вице-королемъ Алмейда; ему прямо было предписано строить крѣпости, а въ случаѣ сопротивленія туземныхъ владѣтелей вести съ ними борьбу до уничтоженія ихъ владычества. Алмейда находился въ Индіи четыре года и не только положилъ конецъ господству арабовъ въ Малабарскихъ портахъ, но разбилъ соединенный мусульманскій флотъ при Диуа изъ мести за смерть сына въ бою, умертвилъ до трехъ тысячъ туземцевъ и предалъ сожженію ихъ города. Вернувшись въ Лисабонъ въ 1509 году, онъ передалъ свой высокій постъ Альбукеркъ, который въ продолженіе шестилѣтняго управленія окончателно укрѣпилъ португальское господство въ Индіи, хотя король португальскій отблагодарилъ его за это самой черной неблагодарностью, и смѣщенный изъ вице-королей, Альбукерка умеръ съ горя на кораблѣ въ виду взятаго имъ нѣкогда Гоа. Въ своемъ завѣщаніи онъ просилъ преемника не продавать съ молотка его вещей, такъ какъ онъ не желалъ, чтобы всѣ видѣли его дырявые штаны. Послѣ него среди португальскихъ правителей Индіи только Альфонсо Мехіа и Симонъ Ботельхо обнаружили значительную административную способность; первый издалъ, между прочимъ, такіа правила о сборѣ податей, что, по словамъ англійскаго автора, можно было бы ими руководствоваться и теперь. Но вскорѣ началось паденіе португальскаго господства въ Индіи, которое составитъ предметъ слѣдующей книги Вайтавейя.

— Англійская общественная жизнь въ доброе, старое время. Тизельтонъ Дайеръ попалъ на счастливую мысль собрать въ одно цѣлое отрывки изъ приходскихъ протоколовъ и книгъ старой Англій, какъ уже напечатанныхъ въ различныхъ сборникахъ, такъ и находящихся въ рукописяхъ¹⁾. Въ послѣдніе годы исчезло прежнее мнѣніе, что эти протоколы и книги годятся только на макулатуру, и значительное ихъ количество уже издано, но большею частью отрывочно, такъ какъ многіе продолжаютъ думать, что этотъ драгоценный матеріалъ для знакомства съ старинной общественной жизнью англійскихъ низшихъ классовъ можетъ имѣть лишь интересъ для исторіи поселянъ и рабочихъ. Но, по справедливому замѣчанію Дайера, эта исторія не только важна сама по себѣ, но и какъ основа исторіи лучшихъ представителей страны,

¹⁾ Old English social Life as told by Parish registers, by T. Thielton-Deyer. London. 1899.

потому что многіе изъ нихъ могутъ гордиться своимъ происхожденіемъ изъ пахарей и бѣдныхъ городскихъ труженниковъ. Приходскія книги и протоколы приходскихъ совѣтовъ составляютъ единственный источникъ изученія народныхъ нравовъ, тогда какъ о высшихъ классахъ существуютъ и другіе документы, какъ завѣщанія, купчія, вводы во владѣнія, а въ новѣйшія времена газеты. Они важны не только для историка и соціолога, но и для антрополога, такъ какъ изъ нихъ только можно собрать вѣрныя свѣдѣнія о смертности и продолжительности жизни въ народѣ. Насколько интересна книга Дайера, въ которой къ документальнымъ выпискамъ приложены подробныя коментаріи, лучше всего докажетъ нѣсколько примѣровъ. Въ книгахъ прихода св. Маріи Магдалины въ Кантербюри въ нѣкоторыхъ записяхъ, относящихся до начала царствованія Георга III, упоминается, что дѣти родились «въ передней части дома». Эта, повидимому, бессмысленная подробность имѣла большое значеніе. Нѣкоторые дома въ означенномъ приходѣ стояли на городской чертѣ, такъ что передняя ихъ часть находилась въ городѣ, а задняя внѣ города; а потому только дѣти, родившіяся въ передней части дома, были свободными горожанами и пользовались всѣми правами городскихъ общинъ. Дайеръ приводитъ другой подобный случай, но изъ исторіи помощи, оказываемой приходами бѣднымъ въ доброе, старое время. Два прихода поспорили о томъ, кому надлежитъ оказать помощь поселянину, домъ котораго стоялъ на границѣ двухъ приходоу, и споръ казался тѣмъ труднѣе рѣшить, что даже спальня и кровать поселнина стояли на самой границѣ. Дѣло перенесли въ судъ, и мировой судья рѣшилъ, что тотъ приходъ, въ которомъ покоилась ночью голова поселнина, обязанъ оказать ему помощь. Также къ лѣтписи злоупотребленій въ дѣлѣ оказанія помощи бѣднымъ со стороны приходоу относится слѣдующая записъ въ книгѣ Стаальгустскаго прихода въ Кентѣ въ 1578 г.: «Сегодня предано землѣ тѣло Жанны Лонглей, которая умерла на большой дорогѣ въ то время, какъ ее перевозили больную на лошади верхомъ изъ одного прихода въ другой до Райершкаго прихода, къ которому она принадлежала». Наконецъ, въ приходскихъ книгахъ можно найти свѣдѣніе о болѣе не существующихъ ремеслахъ и должностяхъ. Напримѣръ, изъ записей, приводимыхъ Дайеромъ, мы узнаемъ, что были въ 1629 г. до установленія почты частныя «письмоносцы», но только на большихъ дорогахъ, и что въ 1602 г. похороненъ въ Дургамѣ Джимъ Гавардъ, «селитрянникъ». Такъ назывался въ то время одинъ изъ самыхъ ненавистныхъ народу типъ чиновниковъ. Прежде чѣмъ начали привозить въ Англію изъ-за границы селитру, добываніе этого вещества, обязательно входящаго въ составъ пороха, было правительственной монополіей, и особые агенты, прозванные въ народѣ «селитрянниками», розыскивали всюду селитру, или добываніе ея. Они имѣли право входить въ хижины и на скотныя дворы, подымать полы и рыться въ помойныхъ ямахъ, а также забирать лошадей и телѣги для перевозки драгоценнаго матеріала, если онъ былъ найденъ. Эти мелкіе чиновники обращались въ настоящихъ тирановъ, и народная ненависть къ нимъ составляла одинъ изъ элементовъ того общаго недовольства, которое повело къ революціи и низверженію Стюартоу. Парламентъ уничтожилъ эту монополію въ 1656 году.

— Трехсотлѣтній юбилей пожарныхъ насосоу во Франціи. 12 ок-

тября праздновался во Франціи трехвѣковой юбилей введенія въ этой странѣ пожарныхъ насосовъ, и оказывается, что французы обязаны этимъ полезнымъ изобрѣтеніемъ очень любопытной и своеобразной личности—Франсуа Дюмурье-Дю-Перье. Хотя онъ принадлежалъ къ старой дворянской семьѣ, одного изъ представителей которой воспѣлъ Малербъ, но Перье началъ свое жизненное поприще простымъ лакеемъ, затѣмъ сдѣлался актеромъ, а наконецъ механикомъ и изобрѣтателемъ пожарнаго насоса. Интересныя свѣдѣнія о немъ собраны Жакомъ Нувьеномъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Revue des Revues» подъ заглавіемъ «Изобрѣтеніе и юбилей пожарныхъ насосовъ»¹⁾. Если Дю-Перье и былъ простымъ лакеемъ, то не у простого смертнаго, а у Мольера. Онъ отличался удивительною тупостью, и о немъ рассказываютъ забавный анекдотъ. Однажды утромъ онъ обувалъ знаменитаго писателя, и тотъ замѣтилъ, что у него надѣтъ носокъ на лѣвую сторону. Мольеръ серьезно ему замѣтилъ объ этомъ. Лакей, молча стянулъ носокъ за верхъ и потомъ, по обыкновенію вывернувъ его, надѣлъ на Мольера. Послѣдній вторично сказалъ съ прежнимъ спокойствіемъ: «Такой-сякой, мой носокъ надѣтъ навыворотъ». Дю-Перье произвелъ тотъ же маневръ и въ третій разъ, носокъ оказался на лѣвой сторонѣ. Тогда Мольеръ вышелъ изъ терѣнія: «Это ужъ слишкомъ», воскликнулъ онъ гнѣвно и ударилъ ногой лакея такъ сильно, что тотъ упалъ, «неужели всегда этотъ негодяй будетъ обувать меня на изнанку; ужъ вѣрно ему суждено быть дуракомъ, чѣмъ бы онъ ни занимался». Бѣдный Дю-Перье отвѣчалъ: «вы не философъ, а самъ діаволь». Долго онъ не могъ понять, почему носокъ всегда надѣвался наизнанку. Однако Мольеръ не хотѣлъ разстаться со своимъ тупымъ лакеемъ, и онъ служилъ у автора «Тартюфа» до его смерти, и Перье такъ привыкъ къ нему, что не хотѣлъ искать себѣ другаго господина, а придумалъ пойти въ актеры. Мало того, онъ изъ лакеевъ Мольера сдѣлался его преемникомъ и, поступивъ въ труппу, игравшую въ Версалѣ при дворѣ, исполнялъ шесть ролей, созданныхъ Мольеромъ въ его пьесахъ. По газетнымъ отчетамъ о представленіяхъ странствующей труппы, въ которой впоследствии участвовалъ Перье, онъ былъ очень плохимъ актеромъ, и даже «Mercure burlesque», издававшійся въ Гаагѣ, издѣвался надъ нимъ въ стихахъ. Однако онъ оставался актеромъ двадцать лѣтъ, и только въ послѣдніе годы сталъ заниматься различными спекуляціями, которыя ему не удавались и увлекали его въ безконечные процессы. Но у него была многочисленная семья, состоявшая изъ жены и 32 дѣтей, а потому ему необходимо было придумать какой нибудь способъ наживать деньги. Случайно онъ попалъ на мысль одинаково полезную для него и для всей Франціи. Присутствуя однажды на громадномъ пожарѣ и видя, что тщетно боролось съ огнемъ, заливая его водой изъ ведеръ, онъ вспомнилъ, что въ Голландіи употреблялись ручные насосы. Изъ этихъ первобытныхъ насосовъ вода выбрасывалась только на нѣсколько футъ, но онъ усовершенствовалъ ихъ и послѣ долгихъ мытарствъ получилъ на нихъ привилегію въ 1699 году. Когда эти пожарные насосы были введены правительствомъ въ общее употребленіе,

¹⁾ L'invention et le centenaire des pompes à l'incendie, par J. de Nouvion. «Revue des Revues». 1 octobre 1899.

то их избобрѣтатель вышелъ изъ актеровъ и былъ назначенъ начальникомъ перваго парижскаго пожарнаго депо. Сначала въ его распоряженіи было только двѣнадцать насосовъ, но потомъ ихъ число возросло до тридцати, а число пожарныхъ до шестидесяти. Самому Перье было назначено годовое содержаніе въ двадцать тысячъ ливровъ, а также выстроены особый домъ для пожарныхъ инструментовъ, гдѣ жилъ и умеръ дю-Перье. Однимъ изъ его потомковъ былъ извѣстный генералъ въ эпоху революціи, Дюмурье, побѣдитель при Жемаиѣ.

— Дневникъ русской великой княгини. Подъ заглавіемъ «Отрывки изъ ненапечатаннаго дневника русской великой княгини» помѣщены въ «Deutsche Revue» загадочнаго происхожденія документы, относящіеся къ жизни принцессы Шарлотты-Софіи, снохи Петра Великаго и супруги царевича Алексѣя Петровича ¹⁾. Издательница этихъ документовъ говоритъ о нихъ, что они представляютъ собою «замѣтки покойнаго родственника» — утвержденіе, конечно, очень неопредѣленное. Въ этомъ дневникѣ столько грубыхъ ошибокъ, такое незнаніе Россіи и вообще такъ много вздора, что мы упоминаемъ о немъ, лишь какъ о самой безцеременной фальсификаціи.

— Свадьба Людовика XVI. Въ сентябрьской книжкѣ *Cornhill Magazine* напечатанъ рассказъ очевидца о свадьбѣ Людовика XVI и Маріи-Антуанетты ²⁾. Этотъ очевидецъ былъ англичанинъ, Джонъ Мэръ, отставной офицеръ англійской арміи въ Индіи, который былъ пламеннымъ туристомъ и объѣздилъ не только всю Великобританію, но и главныя страны континента въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго. На восемьдесятъ седьмомъ году жизни онъ умеръ въ 1830 году въ Лондонѣ жертвою своей страсти къ путешествіямъ: онъ посѣтилъ Парижъ для ознакомленія съ результатами іюльской монархіи и такъ утомился, что скончался въ первый же день возвращенія на родину. Неудивительно, что, узнавъ о свадьбѣ дофина, этотъ неутомимый туристъ отправился въ Парижъ съ своимъ пріателемъ Меайерсомъ и записалъ въ свой дневникъ все, что онъ тамъ видѣлъ. «Мы прибыли въ Парижъ 12-го мая 1770 года», рассказываетъ онъ: «иностранцы наѣхали толпами сюда и переполнили весь городъ, такъ что квартиры очень вздорожали. Прежде всего мы заказали приличную одежду, чтобъ намъ разрѣшили присутствовать при церемоніи; потомъ мы посѣтили вліятельныхъ лицъ, къ которымъ у насъ были рекомендательныя письма, и возобновили старыя знакомства. Марія-Антуанетта прибыла 15-го въ сопровожденіи короля и всего двора. На слѣдующій день произошло вѣнчаніе, и службу совершалъ архіепископъ Реймскій. Марія-Антуанетта была великолѣпно одѣта съ роскошной мантией на плечахъ; ея свободное, простое и достойное обращеніе плѣнило всѣхъ. Но дофина не мѣшало бы немного встряхнуть, и французамъ было очень неприятно видѣть, что онъ такой безчувственный. Послѣ церемоніи ввели пословъ. Весь дворъ отличался богатыми костюмами; никто немогъ войти въ часовню, если на немъ не было

¹⁾ Luise Lüdemann, Fragmente aus dem ungedruckten Tagebuche einer Grossfürstin von Russland—«Deutsche Revue», Oktober, 1899.

²⁾ Wedding of Louis XVI and Marie Antoinette, by John Mair. *Cornhill Magazine*. September. 1899.

расшитой золотомъ одежды. Въ 5^{1/2} часовъ король игралъ въ карты: вечеромъ въ королевскіе апартаменты допускали всѣхъ придворныхъ зрителей. Въ 7 часовъ отворили оперную залу для ужина; она была великолѣпно освѣщена, а на сценѣ и въ ложахъ сидѣли представительницы парижскаго большого свѣта, блестяще разодѣтыя. Передъ дверьми произошла такая давка, что находившіеся тамъ сто швейцарскихъ тѣлохранителей были совершенно сдавлены, а много богатыхъ костюмовъ порвано и попорчено. Ужинъ состоялъ изъ четырехъ перемѣнъ и мнѣ показался очень скучнымъ, хотя сервированъ на золотѣ. Сидѣли за столомъ: посрединѣ король, имѣя молодыхъ по правую и лѣвую руку, а противъ нихъ графы Прованскій и Артуа. Затѣмъ помѣщались остальные члены королевской семьи и прелестная вдова, принцесса Ламбаль. Въ 11 часовъ кончился ужинъ, и королевская процессія торжественно прошла черезъ всѣ залы. Мы послѣдовали за ними до апартамента дофина. На второй и третій день состоялись въ Версалѣ оперное представленіе и балъ. Первое происходило въ большой, роскошно освѣщенной залѣ. Король и весь дворъ помѣщались въ залѣ, а остальные зрители наверху въ ложахъ. Я никогда не видѣлъ ничего великолѣпнѣе бала, который происходилъ въ той же залѣ, и мнѣ дозволили пробраться на сцену, откуда я все прекрасно видѣлъ. Роскошь туалетовъ и блескъ женской красоты просто ослѣпляли. Король и королевская семья прибыли въ 7 часовъ; Людовикъ сѣлъ въ кресло, а всѣ другіе на стулья. Дофинъ съ женою открылъ балъ минутомъ, въ которомъ послѣ того приняли участіе всѣ принцы и принцессы. Кадрили продолжались до десяти часовъ. Весь дворъ, кромѣ короля, былъ причесанъ по старинной модѣ, т. е. съ двумя косами на спинѣ, а на плечахъ красовались банты. Танцья минуетъ, всѣ старательно избѣгали повернуться спиною къ королю. Въ десять часовъ онъ пришелъ въ галерею, передъ которой сожгли фейерверкъ, великолѣпный, но однообразный. Мнѣ понравилась гораздо болѣе иллюминація сада. На большомъ бассейнѣ изображалась морская битва, освѣщенная маленькими лампочками, прикрѣпленными къ тонкой проволоцѣ, которую не было видно. Въ аллеяхъ происходили всякаго рода увеселенія: музыка, спектакли, канатные плясуны, буфоны и т. д. Казалось, весь Парижъ переселился сюда, и всѣ были очень довольны. Въ понедѣльникъ 21-го произошелъ маскарадъ, на который допускались всѣ подъ условіемъ, чтобъ одно лицо изъ каждой группы сняло маску и назвало себя по фамиліи. Большая галерея была отворена для танцоровъ. Толпа набралась громадная, но я замѣтилъ очень мало характеристичныхъ костюмовъ. Я былъ одѣтъ татаринномъ и безъ всякой злой мысли засунулъ за поясъ свой ятаганъ. Когда я входилъ въ залу, король уже прибылъ съ своей свитой, и тѣлохранители тотчасъ отняли у меня мое оружіе, и, вѣроятно, дѣло приняло бы непріятный для меня характеръ, еслибъ я не объявилъ, что я англичанинъ. Дамы, которыхъ я сопровождалъ, объяснили, въ чемъ дѣло, но произошло немалое смущеніе, и съ четверть часа мы боялись познакомиться съ Бастиліей. Во вторникъ 29-го австрійскій посланникъ далъ у себя праздникъ, состоявшій изъ маскарада и ужина; а на слѣдующій день, 30-го, городъ Парижъ устроилъ блестящій фейерверкъ. Вокругъ площади Людовика XV построили трибуны, а посрединѣ балконъ. Фейерверкъ былъ сожженъ въ особомъ храмѣ, отъ котораго шли во всѣ

стороны иллюминированныя колонны. Мы вышли из нашего экипажа на Вандомской площади и вмѣшались въ толпу, которая была несмѣтная. Въ 9^{1/2} часовъ сожженъ былъ фейерверкъ, и онъ представлялъ хотя кратковременное, но великолѣпное зрѣлище. У воротъ Тюльери намъ помѣшали пройти, и мы вернулись въ улицу, которая ведетъ на бульваръ. Но тамъ мы увидѣли сцены ужаса и невѣроятнаго смятенія. Прошелъ слухъ, что бульваръ будетъ блестяще иллюминированъ, и что король тамъ лично покажется, а потому многочисленная толпа наполнила противоположную улицу. Солдатамъ было приказано не пропускать пѣшеходовъ, пока всѣ экипажи не очистятъ улицу, и это распоряженіе, имѣвшее добрую цѣль, послужило причиной всѣхъ бѣдъ. Нѣсколько людей случайно попадало, а другіе наткнулись на нихъ, частью подавили ихъ ногами, а частью сами повалились, такъ что скорѣ образовалась гряда мертвыхъ и умирающихъ, а сзади толпа продолжала свой натискъ. Экипажи были свалены, лошади убиты, и произошло невообразимое смятеніе. Маршалъ Биронъ, командовавшій войсками, получилъ рану въ ногу и съ трудомъ спасъ свою жизнь. Онъ приказалъ солдатамъ положить себѣ путь черезъ толпу и остановить новыя массы, напиравшія съ другой стороны улицы. Въ эту самую минуту мы явились на сцену катастрофы; увидавъ валявшіеся на землѣ трупы и слыша страшные крики, мы поняли, что намъ грозитъ опасность. Моему пріятелю пришла счастливая мысль взлѣзть на лѣса, воздвигнутые для иллюминаціи, и мы такъ поступили, а покинули свое убѣжище только, когда публика, наконецъ, разошлась. Намъ казалось, что было убито около десяти человекъ, и мы съ ужасомъ узнали, что 866 человекъ были убиты и 200 или 300 серьезно ранены, не считая большого числа лицъ, которыхъ толпа столкнула въ Сену на Тюльерійской набережной. Достигнувъ съ большимъ трудомъ нашего экипажа и желая разсѣять мрачное впечатлѣніе, произведенное на насъ катастрофой на площади Людовика XV, мы поѣхали на бульвары, чтобъ посмотреть иллюминацію. Мѣстами, а въ особенности въ публичныхъ садахъ, она была блестящая, но большею частью она имѣла жалкій видъ и состояла изъ фонарей, висѣвшихъ на веревкахъ, перетянутыхъ черезъ улицу. Почти всѣ кофейни на бульварахъ были открыты, и много въ этотъ вечеръ было выпито вина». Свое описаніе празднествъ по случаю свадьбы дофина англійскій туристъ оканчиваетъ праздникомъ у испанскаго посланника и параднымъ опернымъ спектаклемъ въ Версальскомъ театрѣ. Въ числѣ его остальныхъ замѣтокъ о томъ, что онъ видѣлъ въ это время въ Парижѣ, заслуживаетъ вниманія его посѣщеніе «необыкновенной старухи, выдававшей себя за вдову сына Петра Великаго, казненнаго по приказанію отца».

— Воспоминанія бібліотекаря Маріи-Антуанетты. О той же катастрофѣ, ознаменовавшей свадьбу Людовика XVI съ Маріей-Антуанеттой, очень характерно отзывается бібліотекаръ послѣдней Жакобъ Моро въ недавно напечатанныхъ мемуарахъ¹⁾. «Неспособность людей, управляющихъ страной, говорить онъ, иногда выражается неумѣніемъ воспользоваться во время вѣр-

¹⁾ Mes souvenirs, par Jacob Moreau. Première partie. 1714—1774. Paris. 1899.

нымъ и легкимъ средствомъ привязать къ себѣ народъ, а это средство часто самое простое и зависитъ только отъ примѣненія кстатн добраго чувства. Когда на площади Людовика XV по случаю свадьбы дофина произошла ужасная катастрофа, которую впоследствии стали объяснять, какъ предзнаменованіе несчастной судьбы Людовика XVI и Маріи-Антуанетты, то они роздали много денегъ съ цѣлью осушить слезы родителей, потерявшихъ дѣтей, и дѣтей, лишившихся своихъ родителей, но имъ это поставили не въ заслугу, а напротивъ въ упрекъ. Насколько было бы лучше и достойнѣе короля, если бы онъ на другой день прекратилъ празднества и наложилъ трауръ на восемь дней, чѣмъ выразилъ бы свое сочувствіе народному горю. Подобный фактъ, единственный въ исторіи, не былъ бы никогда забытъ и сохранилъ бы для будущаго короля тѣ добрыя отношенія, которыя должны существовать между королемъ и его подданными». Эти разумныя слова, написанныя болѣе ста лѣтъ тому назадъ, рельефно характеризуютъ автора мемуаровъ, который самъ писалъ о себѣ: «Я человекъ простой, спокойный, скромный, слишкомъ лѣнивый для самолюбія, слишкомъ хладнокровный для интригъ, ставящій въ ничто мелкіе интересы высшаго общества и любящій болѣе всего спокойствіе, умственные занятія и свободу». Хотя, конечно, въ этомъ случаѣ Моро разумѣлъ свободу нравственную, но онъ былъ преданъ и свободѣ политической въ той умѣренно-либеральной формѣ, которую признавали благонамѣренные роялисты его времени. Онъ былъ преданнымъ сторонникомъ старинной системы парламентовъ, и какъ въ практической дѣятельности, такъ и въ многочисленныхъ литературныхъ трудахъ говорилъ часто горькую правду королю, какъ засвидѣтельствовалъ конвентъ 1790 года. Принадлежа къ тому, что въ древней Франціи называли «noblesse de robe», т. е. къ семьѣ, представители которой служили по судебной части и были членами провинціальныхъ парламентовъ, Жоржъ Моро родился въ 1717 году, получилъ воспитаніе въ Бовейской коллегіи и еще въ молодыхъ годахъ сталъ извѣстенъ своими историческими сочиненіями. Отецъ Людовика XVI, умершій не достигнувъ престола, поручилъ ему преподавать исторію своимъ дѣтямъ и при этомъ просилъ его: «смѣло говорить своимъ ученикамъ правду и указывать имъ, какъ слѣдовало пользоваться властью, злоупотребленіе которой могло повести къ ихъ гибели». Моро вполне держался этой программы и если ему не удалось воспитать, какъ бы онъ желалъ, Людовика XVI, то въ этомъ виновенъ былъ не онъ, а старшій наставникъ королевскихъ дѣтей, герцогъ Вогюонъ, самый пустой изъ царедворцевъ, и окружающая придворная среда. Самъ же Моро проводилъ въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ слѣдующую основную идею о воспитаніи королевскихъ дѣтей: «Пока принцевъ будутъ воспитывать, какъ принцевъ, они будутъ всегда скверно воспитаны, всё это признаютъ, но увѣряютъ, что невозможно иначе воспитывать принцевъ. Это значитъ навсегда уничтожить въ насъ надежду имѣть великихъ королей, что, признаюсь, меня воамущаетъ». Хотя онъ признавалъ, что въ основѣ королевскаго воспитанія должна лежать религія, но религія здравая, и замѣчалъ: «Чѣмъ болѣе я желаю, чтобы короли были христианами, тѣмъ болѣе считаю необходимымъ, чтобы они были христианами согласно евангельскому ученію. Я хотѣлъ бы, чтобы они не имѣли воз-

возможности своими поступками дѣлать религію ненавистной народу и набрасывать на нее незаслуженную тѣнь». Впослѣдствіи Моро занималъ многочисленныя и разнообразныя должности: былъ совѣтникомъ въ контрольной палатѣ, делегатомъ Прованской финансовой палаты при правительствѣ, начальникомъ законодательнаго отдѣленія въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, бібліотекаремъ Маріи-Антуанетты и исторіографомъ. Всѣ эти обязанности онъ исполнялъ честно и добросовѣстно, благодаря чему ему приходилось терпѣть много непріятностей отъ придворныхъ и министерскихъ интригъ. Однако онъ находилъ время заниматься литературой, и былъ однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ писателей XVIII вѣка. Послѣ него осталось напечатанными и въ рукописяхъ 102 сочиненія, по различнымъ вопросамъ историческимъ, литературнымъ, политическимъ, философскимъ, общественнымъ и т. д. Конечно, онъ не былъ первокласснымъ писателемъ, но толково и ясно излагалъ свои умѣренные взгляды по всѣмъ предметамъ. При развратномъ дворѣ Людовика XV и при легкомысленномъ дворѣ Людовика XVI его не любили и считали суровымъ Катономъ, но, благодаря его безукоризненной репутациі, онъ пережилъ благополучно эпоху террора и умеръ въ 1803 году маститымъ старикомъ, хотя нѣкоторые историки несправедливо увѣряютъ, что онъ былъ казненъ Робеспьеромъ. Наиболѣе извѣстнымъ его трудомъ было «Изложеніе и защита французской монархической конституціи», который онъ составилъ по порученію правительства Людовика XVI передъ созваніемъ генеральныхъ штатовъ, и въ которомъ онъ изложилъ историческую картину созванія этихъ парламентовъ во всѣ эпохи французской исторіи. При этомъ авторъ указывалъ на способъ извлечь пользу изъ этихъ собраній и помѣшать имъ во зло употребить свою власть. Онъ называетъ деспотизмомъ «соединеніе силы и авторитета въ одномъ лицѣ, или въ лицѣ нѣсколькихъ людей». По его словамъ, «авторитетъ безъ силы—вотъ король; сила безъ авторитета—вотъ народъ». Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ заключенію, что король не можетъ быть истинно могущественнымъ, а народъ истинно свободнымъ, если тотъ и другой не преданы законности». Что касается мемуаровъ Моро, то они составлены Камилемъ Гермеленомъ изъ многочисленныхъ рукописей въ формѣ воспоминаній, мемуаровъ, дневника и замѣтокъ, которые переданы ему потомкомъ Моро, Жакобомъ Моро-Дюфурно. До сихъ поръ еще вышелъ только первый томъ, оканчивающійся смертью Людовика XV, и хотя воспоминанія Моро переполнены мелочными подробностями и мѣстами скучны, но они проливаютъ яркій свѣтъ на подноготную царствованія Людовика XV, когда управляли Франціей болѣе короля его фаворитки и ихъ клеветы. Самъ же король, по словамъ Моро, былъ слабохарактерный добрякъ, достаточно остроумный, чтобы быть любезнымъ, но неспособный на противоудѣйствіе министерскимъ интригамъ и специально заботившійся объ увеличеніи своихъ частныхъ финансовъ, для чего онъ тайно присвоивалъ себѣ милліоны изъ государственныхъ доходовъ. Первая мысль объ этомъ образованіи себѣ частнаго состоянія, говорятъ люди компетентные, вошла въ голову Людовику еще при жизни перваго дофина, и онъ ожидалъ только его совершеннолѣтія, чтобы отказаться отъ престола въ его пользу и, передавъ ему всѣ тяготы управленія, повести счастливую жизнь частнаго че-

ловѣка на свое составленное изъ государственныхъ доходовъ громадное состояніе. По этому поводу Моро рассказываетъ курьезный анекдотъ: «Однажды министръ Монтенаръ принесъ королю проценты на его специальный капиталъ, именно 50.000 золотыхъ въ ту самую минуту, когда онъ шелъ ужинать къ графинѣ Дюбарри. Людовикъ взялъ деньги съ удовольствіемъ и поблагодарилъ министра, но отдалъ ихъ назадъ, говоря: «поберегите мнѣ деньги и завтра утромъ принесите ихъ. Если я теперь положу эти бумаги въ карманъ, и съ ними пойду ужинать, то у меня возьмутъ ихъ. Тамъ всегда шарятъ у меня въ карманахъ и берутъ все, что въ нихъ находится».

— Столѣтіе 18 брюмера. 9 ноября настоящаго года исполнится столѣтіе съ того памятнаго дня, когда Наполеонъ совершилъ свой знаменитый государственный переворотъ и насильственно положилъ конецъ революціонной эпохѣ. По этому поводу уже высказались многіе органы французской печати, но ихъ взгляды отличаются пристрастнымъ и субъективнымъ характеромъ, смотря по тому, къ какой партіи принадлежатъ авторы. Это вполне понятно, такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ во Франціи носятся слухи о близости государственнаго переворота, и естественно противники республики, подъ видомъ прославленія 18 брюмера, доказываютъ необходимость его повторенія въ наши дни, а защитники республики напротивъ клеймятъ позоромъ прототипъ 2-го декабря и предостерегаютъ современную Францію ссылкой на прошедшее отъ тѣхъ бѣдствій, которыми грозитъ странѣ диктаторство. Конечно, всѣ эти газетныя и журнальныя разглагольствованія не имѣютъ никакого историческаго значенія, и гораздо интереснѣе только что появившаяся книга Эдуарда Ноэля подъ заглавіемъ: «Брюмеръ, историческія сцены VIII года (1799)», хотя и она по своей формѣ не подходитъ къ строго-историческимъ трудамъ¹⁾. Ея авторъ глубоко изучилъ описываемую имъ эпоху въ современныхъ мемуарахъ и архивныхъ документахъ, но придалъ своему сочиненію характеръ драматической хроники. Эта форма историческаго разсказа входитъ въ моду за послѣднее время во Франціи и окрещена особымъ названіемъ «историческихъ сценъ». Самъ Ноэль уже написалъ такія историческія сцены о ста дняхъ, а романистъ Пувильонъ недавно сдѣлалъ то же самое относительно плачевной судьбы сына Наполеона. Если подобныя произведенія обязательно уклоняются отъ трезвой документальной исторіи, то они съ другой стороны при добросовѣстномъ и талантливомъ отношеніи автора рисуютъ болѣе живую и рельефную картину данной эпохи, чѣмъ многія сухія, научныя монографіи. Въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость Эдуарду Ноэлю, что онъ исполнилъ свою задачу очень усѣбно. Онъ вывелъ въ своей драматической хроникѣ выдающихся представителей всѣхъ политическихъ кружковъ Парижа въ эпоху 18 брюмера, а рядомъ выставилъ личностей всѣхъ сословій, классовъ и положеній. Онъ не забылъ ни одного общественнаго элемента и ни одной замѣчательной личности, которые играли хоть маловажную роль въ то время. Передъ нами проходятъ самыя разношерстныя группы офицеровъ и генераловъ: то сторонники Бонапарта съ Ожеро, Мюратомъ, Магдональдомъ и Леклеркомъ во главѣ;

¹⁾ Brumaire, scènes historiques de l'an VIII (1799), par Edouard Noël. Paris. 1899.

то пламенные защитники республики, въ родѣ Журдана, то наконецъ противники Бонапарта изъ зависти и личныхъ интересовъ, какъ Бернадогъ и Моро. Мы видимъ аристократовъ, составляющихъ заговоры въ пользу Людовика XVIII и воображающихъ, что Бонапартъ дѣйствуетъ въ ихъ пользу, а подлѣ нихъ членовъ директоріи, которые распались на три противоположные элемента. Съ одной стороны стоитъ Барра съ его развратной кликой, не даромъ прозванной «гнилыми», и, предаваясь всевозможнымъ хищеніямъ, ведетъ тайные переговоры съ роялистами; съ другой Гойэ и Муленъ, искренніе, но неспособные республиканцы, топчатыся на одномъ мѣстѣ, полагая, что вѣтъ спасенія Франціи безъ буквального примѣненія бессмысленной системы директоріи, а съ третьей бывший абатъ Сіесъ пишетъ теоретическіе планы новой конституціи, поддерживаетъ сношенія съ прусскимъ королемъ и, опираясь на поддержку пятаго директора Рожэ Дюко, пользуется всякимъ случаемъ, чтобы набить себѣ карманы. Рядомъ съ интригами Барра и Сіеса идетъ передъ читателями подпольная игра такихъ знатоковъ этого дѣла, какъ Фушэ и Талейранъ, а также происходитъ салонная роялистская агитація тогдашнихъ царицъ моды г-жи Тальенъ, Жозефины и многочисленнаго серала Барра. На заднемъ планѣ блестящей картины, нарисованной Ноэлемъ, виднѣются тогдашнія безмолвныя, безпомощныя законодательныя собранія, дѣлившіяся на два совѣта: Пятисотъ и Древнихъ, которые только въ минуту государственнаго переворота выказали, но уже поздно, нѣкоторую энергію для защиты республики, а подлѣ нихъ кипятъ народныя массы, хладнокровно смотрѣвшія на всѣ эти интриги, желавшія только спокойствія, послѣ столь долгихъ тревоженій апатично присутствовавшія при уничтоженіи непопулярной директоріи и не полагавшія, чтобы юный герой, освободитель Италіи, могъ поднять руку на создавшую его республику. Еще въ видѣ живыхъ бутафорскихъ предметовъ, придающихъ большую рельефность картинѣ, авторъ выводитъ на сцену группы веселыхъ студентовъ, поющихъ сатирическія пѣсни противъ директоріи и двоирамбы Бонапарту, а равно поэтовъ, ученыхъ и мыслителей, наивно полагавшихъ, что этотъ молодой генераль, математикъ, философъ и авторъ радикальныхъ сочиненій создастъ идеальную республику, о которой они до тѣхъ поръ тщетно мечтали. Среди такой-то живой, изобилующей полнотой и разнообразіемъ обстановки Наполеонъ совершаетъ государственный переворотъ 18 брюмера, извѣстный всѣмъ и каждому. Нѣкоторые французскіе критики, какъ, напримѣръ, Эмиль Фагэ, упрекаютъ Ноэля въ томъ, что центральная фигура Наполеона заслоняется чрезмѣрнымъ множествомъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, отлекающихъ вниманіе читателя отъ героя, но это совершенно неосновательные упреки, такъ какъ Ноэль не пишетъ біографіи Наполеона, а рисуетъ картину 18 брюмера, и Наполеонъ далеко не игралъ въ этомъ событіи, какъ рельефно и указываетъ Ноэль, той геройской, повелительной роли, какъ обыкновенно изображаютъ исторіи, а только ловко воспользовался обстоятельствами и даже въ самую критическую минуту едва не погубилъ себя колебаніемъ, несвязными рѣчами и недостаткомъ энергіи. Ужъ если въ чемъ можно упрекнуть Ноэля, то лишь въ напрасномъ примѣшиваніи къ своей хроникѣ исторіи фантастической любви молодой аристократки и республиканскаго офицера Наполеоновской арміи съ различными эффек-

ными на сценѣ, но очень скучными въ чтеніи эпизодами похищенія документовъ, свадьбы, дуэли, смерти и т. д. Изъ всего этого только имѣютъ хоть какое нибудь отношеніе къ 18 брюмеру слова Журдана, произнесенныя при видѣ похоронъ несчастнаго влюбленнаго офицера, горячо протестовавшаго противъ государственнаго переворота, и служація заключеніемъ историческихъ сценъ Ноэля: «Преклоните головы, хороняте свободу». Онъ пояляъ съ первой минуты, чѣмъ грозилъ Наполеонъ, и Ноэль правильно вкладываетъ ему въ уста при извѣстіи о возвращеніи Наполеона изъ Египта характеристическое восклицанье: «Пріѣхалъ могильщикъ, который выроетъ могилу директоріи». Но онъ полагалъ такъ же, какъ Барра, обойти молодого генерала, а обстоятельства и главное ихъ собственныя преступныя интриги позволили Наполеону обойти ихъ и дѣйствительно вырыть могилу не только директоріи, но и республикѣ и свободѣ, тогда какъ страна, а въ особенности Парижъ, вовсе этого не замѣтили. Самый государственный переворотъ совершился во имя республики и нарушенной директоріей свободы. Наполеонъ, назначенный консуломъ, постановленіемъ совѣта Пятисотъ, въ составѣ лишь 25 или 30 его членовъ, присягнувъ въ преданности единой, нераздѣльной республикѣ, свободѣ, равенству и представительной системѣ, а гренадеры, разогнавшіе штыками совѣтъ Пятисотъ, хотѣвшій въ полномъ составѣ признать Наполеона вѣдъ закона, вернулись въ Парижъ изъ Сенъ-Клу, гдѣ произошла эта позорная сцена, распѣвая «Ca ira» и въ полной увѣренности, что они спасли республику. Комедія была сыграна, и нація хладнокровно стала ожидать ея послѣдствій. Что дѣло именно происходило такъ, какъ картинно рисуетъ Ноэль, доказываетъ рассказъ о 18 брюмерѣ извѣстнаго авторитета по исторіи французской республики, Олара, въ VIII и IX томахъ «Всеобщій исторіи отъ IV столѣтія до нашихъ дней», издаваемой Лависомъ и Рамбо.

— Изъ воспоминаній виконта де-Рейзе. Внукъ сподвижника Наполеона, виконта Мари-Антуана де-Рейзе, издаетъ записки своего дѣда, посвященныя событіямъ военнымъ и придворнымъ на протяженіи почти полу столѣтія¹⁾. Первый томъ воспоминаній простирается съ 1775 года по 1809 г. Второй томъ долженъ представить рассказъ объ австрійской и испанской кампаніяхъ, о пребываніи генерала въ Барселонѣ въ 1822 г., о придворныхъ событіяхъ временъ Людовика XVIII и Карла X и наконецъ объ отставкѣ Рейзе послѣ июльской революціи. Мари-Антуанъ-де-Рейзе былъ эльзасцемъ и родился въ Кольмарѣ въ 1775 году седьмымъ въ числѣ семнадцати дѣтей Жанъ-Жака де-Рейзе, генеральнаго сборщика податей и члена эльзасскаго сувереннаго совѣта. Онъ предназначался къ духовному званію и носилъ уже рясу, когда событія революціи измѣнили всѣ его планы. Мари-Антуанъ часто видѣлъ у родителей своихъ знаменитаго Клебера, который былъ влюбленъ въ одну изъ сестеръ де-Рейзе. Восхищенный подвигами Клебера, Мари-Антуанъ рѣшилъ избрать военную карьеру. 15-го іюня 1793 года, Антуанъ де-Рейзе, солдатъ 4-го батальона гренадеровъ верхне-рейнскаго полка, въ первый разъ находился подъ огнемъ при взятіи Виссенбурга. Тяжело раненый въ лѣвую ногу, онъ вернулся въ Кольмаръ, откуда, черезъ четыре мѣсяца, перешелъ въ 14-й драгун-

¹⁾ «Souvenirs du lieutenant général vicomte de Reiset», publiés par son petit-fils.

скій полкъ, стоявшій въ Понъ-а-Муссонъ. Онъ отличился подъ Флёрюсомъ, у Тонгра, у Мастрихта, подъ Дюссельдорфомъ. Въ сентябрѣ 1795 года онъ былъ драгунскимъ подпоручикомъ. У Альтенкирхена онъ былъ раненъ пикою, скоро вылѣчился, дрался затѣмъ подъ Буцбахомъ, Франкфуртомъ и Нюрнбергомъ, удостоился похвалы отъ Клебера и Нея и наконецъ послѣ Вюрцбурга сталъ поручикомъ. Въ 1798 году онъ пробылъ нѣкоторое время въ Парижѣ, чтобы попрощаться съ Клеберомъ, уѣзжавшимъ въ Египетъ, и здѣсь онъ впервые могъ отдать себѣ отчетъ въ популярности Бонапарта. Онъ отмѣчаетъ, что Жозефина умѣетъ великолѣпно устраивать приемы. «Несмотря на то, что они уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ женаты, — рассказываетъ онъ, — повидимому, генераль Бонапартъ все еще влюбленъ въ нее. Говоря правду, трудно предположить о ней, что она старше своего мужа: столько прелести въ ея улыбкѣ, въ осанкѣ и въ походкѣ. Она сумѣла сохранить, несмотря на простоту въ обращеніи, манеры великосвѣтской дамы, и въ г-жѣ Бонапартъ всякій чувствуетъ прежнюю графиню Богарнэ». Рейзе отправился изъ Парижа къ своему полку въ Гюнингенъ, участвовалъ въ швейцарскомъ походѣ вмѣстѣ съ Журданомъ, былъ раненъ у Штокаха и отличился у Цюриха, гдѣ освободилъ отъ плѣна около трехъ сотъ человѣкъ. Ставъ адъютантомъ генерала Ришпанса, онъ снова былъ раненъ у Штокаха, произведенъ въ капитаны въ 1800 году, отличился подъ Гогенлинденомъ, послѣ битвы при Шванштадтѣ приведенъ былъ въ примѣръ въ приказѣ по полку и сталъ эскадроннымъ командиромъ въ 1801 году. Въ 1802 г. онъ временно взялъ отпускъ изъ арміи послѣ одиннадцати лѣтъ, проведенныхъ въ непрестанныхъ бояхъ. Въ августѣ 1801 года онъ отправился въ Булонь, чтобы получить тамъ крестъ за заслуги. Съ большимъ энтузіазмомъ описываетъ онъ военный праздникъ въ Булони. Отсюда онъ вернулся къ своему полку, а затѣмъ снова явился въ Парижъ, гдѣ присутствовалъ въ 1804 г., на торжествѣ помазанія, о которомъ сообщаетъ много интересныхъ деталей. Около этого времени де-Рейзе рѣшилъ жениться на дѣвицѣ Амели-де-Фроманъ, но бракъ его съ нею могъ состояться лишь черезъ четыре года: все это время онъ находился въ постоянной перепискѣ съ невѣстою. Письма его приложены къ воспоминаніямъ и даютъ очень много курьезныхъ и замѣчательныхъ подробностей о битвѣ при Эльхингенѣ, взятіи Ульма, пребываніи въ Австріи и Баваріи, битвѣ при Иенѣ, взятіи Шпандау, стычкѣ при Пенцлау, гдѣ Рейзе лично взялъ въ плѣнъ принца Августа Прусскаго, битвѣ при Эйлау, Тильзитскомъ и Эрфуртскомъ свиданіяхъ, королевѣ Луизѣ, событіяхъ въ Эрфуртѣ и т. д. Наконецъ, въ концѣ 1808 года Рейзе разрѣшено было вернуться во Францію и сочетаться бракомъ. Одна изъ послѣднихъ главъ рассказываетъ объ аудіенціи Рейзе у императора. Рассказъ этотъ настолько характеренъ, что изъ него не лишне будетъ привести нѣсколько строкъ: «Здѣсь находилась толпа большихъ вельможъ и высокопоставленныхъ сановниковъ, которые своими богатыми костюмами составляли поразительный контрастъ съ простою формою императора. Несмотря, однако, на вышивки, звѣзды и ленты, Наполеонъ затмевалъ ихъ всѣхъ: столько было простоты и величія во всей его персонѣ. Чувствовалось, при видѣ его, что это человѣкъ, созданный для того, чтобы повелѣвать и заставлять весь міръ покоряться своей волѣ; какъ-то, противъ своей воли, бессознательно

потупляешь передъ нимъ взоры... Подойдя ко мнѣ, онъ внимательно всмотрѣлся въ меня и отрывисто спросилъ меня: «Какъ ваша фамилія? Мнѣ кажется, я васъ видѣлъ гдѣ-то еще помимо Тюльерійскаго дворца?» У меня немного захватило духъ; въ то же время я видѣлъ, что на меня обращаются взоры всѣхъ. Я кое-какъ все-таки отвѣтилъ, что онъ самъ меня произвелъ въ майоры на берлинской площади. Когда онъ меня спросилъ, за что мнѣ оказана была эта милость, я отвѣчалъ, что мною былъ взятъ въ плѣнъ принцъ Августъ Прусскій. «А это вы!» возразилъ императоръ, «я теперь припоминаю. Генералъ де-Бомонъ составилъ мнѣ докладъ объ этомъ дѣлѣ». Поставивъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ, онъ сказалъ мнѣ нѣсколько привѣтственныхъ словъ, а затѣмъ удалился. Меня тотчасъ же окружили. Много лицъ, которыхъ я почти не зналъ, подходили ко мнѣ и цоздравляли меня. Здѣсь были и нѣкоторые изъ моихъ друзей. Они мнѣ сказали, что все шло отлично, что моего смущенія никто даже не замѣтилъ, и что, въ концѣ концовъ, никого бы оно и не удивило: есть старые генералы, у которыхъ трясутся ноги и заволакиваетъ глаза при одной мысли, что они окажутся въ присутствіи императора».

— О «королѣ Бернадоттѣ». Христіанъ Шефферъ издалъ книгу подъ заглавіемъ «Bernadotte roi», остроумное и характерное резюме которой даетъ Эмиль Фагэ въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ «Revue Bleue» ¹⁾. Личность Жана-Баттиста-Жюля Бернадотта, бывшаго сначала солдатомъ, потомъ французскимъ маршаломъ, затѣмъ княземъ Понте-Корво, наконецъ, подъ именемъ Карла XIV Иоанна, королемъ Швеціи и Норвегіи, — всегда представлялась загадочною. Каковъ былъ характеръ его? Каковы были причины, вызвавшія его удивительную судьбу? Выказалъ ли онъ себя достойнымъ ея? На всѣ эти вопросы Христіанъ Шефферъ старается дать посильный отвѣтъ. Въ судьбѣ Бернадотта, несомнѣнно, громадную роль игралъ случай. Самъ по себѣ это былъ человѣкъ, у котораго были кое-какіе шансы на удачу, но еще болѣе было шансовъ на то, что онъ вѣчно останется на третьемъ или четвертомъ планѣ. Онъ былъ красивъ, любезенъ, обворожительнъ, хорошій и даже краснорѣчивый ораторъ, имѣлъ большой талантъ къ рисовкѣ и отличался находчивостью и умомъ, довольно впрочемъ поверхностнымъ. Съ другой стороны, это была натура безпокойная и воспримчивая, какъ очень мѣтко выразился Адольфъ Тьеръ, любившій обходные пути, интриги и заговоры, человѣкъ неспособный быть чѣмъ бы то ни было послушнымъ орудіемъ, но въ то же время и безъ должной самостоятельности и инициативы, способный на быстрый порывъ, но въ то же время обыкновенно медлительный, равнодушный и безъ способности къ упорному труду или продолжительному преслѣдованію одной цѣли. Онъ могъ бы дойти до высокихъ ступеней, но вѣчно оставаться въ полутѣни. Фактъ тотъ, что онъ долго и оставался въ безвѣстности. Онъ былъ генераломъ великаго императора, но не связалъ своего имени ни съ одною блестящею побѣдою, не велъ ни одной прославленной успѣхомъ кампаніи. При его характерѣ не было ничего удивительнаго, если бы онъ вызвалъ неудовольствіе сво-

¹⁾ «Un cadet de Gascogne. Bernadotte roi», par Chr. Scheffer—«Revue Bleue», 14 octobre 1899.

его вспыльчиваго государя, подвергся бы опалѣ и навсегда сошелъ бы со сцены. Въ дѣйствительности, онъ часто бывалъ если не въ опалѣ, то во временной немилости, долженъ былъ во время величайшихъ триумфовъ оставлять армию и оставаться, въ качествѣ состоящаго подъ подозрѣніемъ, вдали отъ другихъ болѣе видныхъ, болѣе способныхъ изъ сподвижниковъ императора. Тѣмъ не менѣе, онъ сталъ маршаломъ Франціи и принцемъ имперіи. Къ этому привело особое стеченіе обстоятельствъ. Породнившись бракомъ съ Бонапартомъ, онъ сталъ принцемъ императорской семьи, а Наполеонъ не желалъ, чтобы «принцы» находились въ слишкомъ явной немилости. Вслѣдствіе этого, несмотря на непослушаніе и мелкія интриги Бернадотта, онъ никогда не доходилъ до прямого разрыва съ императоромъ. Когда возникъ вопросъ о назначеніи Бернадотта на престолъ Швеціи, Наполеонъ отнесся къ этому довольно безучастно. Онъ не ставилъ своего родственника на престолъ и нисколько не побуждалъ его согласиться. Онъ лишь не ставилъ ему препятствій. Онъ не стоялъ за то, чтобы Бернадоттъ непременно былъ гдѣ нибудь королемъ, такъ какъ у него не было довѣрія къ нему. Съ другой стороны, онъ былъ въ общемъ доволенъ, что Бернадоттъ удалялся изъ Франціи, гдѣ онъ, не будучи опаснымъ, иногда все-таки мѣшалъ. Кромѣ того, ему было пріятно, что еще однимъ «императорскимъ принцемъ» оказывалось больше среди коронованныхъ особъ. Онъ думалъ объ уходѣ Бернадотта такъ: «Если онъ можетъ отправиться туда, пусть отправляется. Я въ этомъ не вижу ничего неудобнаго. Я отъ него отдѣлываюсь, а для Франціи его уходъ почетенъ». Что касается способа, которымъ Бернадоттъ, совершенно безъ всякаго участія императора, сдѣланъ былъ королемъ, то въ немъ было много опереточнаго. Агенты десятаго разряда и притомъ безъ всякихъ порученій свѣше устроили это дѣло. Старый король шведскій былъ боленъ и нуждался въ «королевскомъ принцѣ». Вельможи въ Швеціи также чувствовали необходимость въ наслѣдникѣ престола; народъ желалъ французскаго принца, который былъ бы генераломъ. Разные темные интриганы обратили свое вниманіе на Бернадотта, который съ одной стороны былъ принцемъ, съ другой — виднымъ генераломъ. Они стали отъ его имени давать обѣщанія и распространять брошюры, безъ особаго, однако, съ его стороны участія. Въ Швеціи имя его стало популярнымъ, и одновременно и въ народѣ, и среди аристократіи, и во дворцѣ, имя его стало упоминаться, какъ возможнаго кандидата на престолъ. Наполеонъ сначала былъ увѣренъ, что Бернадоттъ не рѣшится принять корону, даже если она будетъ ему предложена. Бернадоттъ, однако, согласился. Наполеонъ ничего не имѣлъ противъ: Швеція со своими двумя милліонами жителей казалась ему столь незначительной величиною, что даже если бы король шведскій когда нибудь оказался въ числѣ его противниковъ, онъ не придавалъ бы этому большого значенія. И вотъ сынъ адвоката изъ По сталъ королевскимъ принцемъ и фактическимъ королемъ (королевскій титулъ онъ унаслѣдовалъ лишь въ 1818 г.). На первыхъ же шагахъ ему предстояло немало трудностей. Онъ долженъ былъ постараться не потерять той популярности, которую онъ приобрѣлъ еще до прибытія въ Швецію. Народъ ждалъ отъ него возвращенія утраченныхъ провинцій. Это было бы задачей непосильною для Швеціи, и новый король не могъ не сознавать этого. Но тутъ

судьба помогла присоединить Норвегію, и патриоты шведскіе вполне были удовлетворены: этимъ положеніе Бернадотта на престолѣ было упрочено на всю жизнь. Въ моментъ неудачъ Наполеона новый руководитель судебъ Швеціи заблаговременно сумѣлъ стать на сторону коалиціи, — маневръ, послужившій въ пользу какъ ему лично, такъ и всей Швеціи. Въ 1814 году возникъ фантастическій проектъ поставить Бернадотта на престолѣ Франціи; въ составленіи этого проекта участвовали г-жа де Стааль и Бенжаменъ Констанъ. За исполненіе проекта не было никакихъ шансовъ, и Бернадоттъ былъ настолько уменъ, что не вдался въ это рискованное приключеніе. Большую опасность для него представлялъ вѣнскій конгрессъ, выставившій принципъ «легитимности». Однако, по справкамъ оказалось, что Бернадоттъ вполне «легитименъ». Согласно шведской конституціи, престолонаслѣдникъ долженъ былъ быть усыновленъ королемъ при его жизни и признанъ собраніемъ народныхъ представителей. Въ дѣйствительности, Бернадоттъ былъ торжественно усыновленъ Карломъ XIII въ 1815 году и не менѣе торжественно принятъ парламентомъ: онъ былъ, такимъ образомъ, и законнымъ и конституціоннымъ государемъ Швеціи. Вѣнскому конгрессу оставалось только признать Бернадотта имѣющимъ всѣ права на престолѣ Швеціи. Къ счастью бывшаго маршала, Наполеонъ не принималъ ровно никакого участія въ «шведской карьерѣ» Бернадотта. Если бы императоръ въ 1810 году показалъ хотя видъ, что ему желательно было провозглашеніе князя Понте-Корво королевскимъ принцемъ Швеціи, то можно было бы сказать, что Наполеонъ назначилъ Бернадотта въ Швецію, какъ имъ назначенъ былъ Мюратъ въ государство Обѣихъ Сицилій. Какъ способъ избранія, такъ и полунедоброжелательство, съ которымъ Наполеонъ относился къ Бернадотту, сослужили этому послѣднему хорошую службу. Счастье не оставляло короля и въ дальнѣйшей его жизни. Онъ имѣлъ дѣло и съ оппозиціею, даже довольно сильною и ожесточенною, но никогда борьба правительства съ оппозиціею при немъ не обострялась слишкомъ: былъ всего одинъ случай за тридцать четыре года его управленія, когда ему пришлось для усмиренія небольшого бунта прибѣгать къ вооруженной силѣ. Помимо того, что онъ относился очень добросовѣстно къ обязанностямъ, налагавшимся на него его положеніемъ, онъ умѣлъ вызвать къ себѣ любовь народа простотою обращенія, любезностью ко всѣмъ и каждому; возможно, что онъ сознательно подражалъ Генриху IV. Жена его, веселая и жизнерадостная дочь марсельскаго купца, помогала ему въ этой роли. Когда иногда король, въ приступѣ гнѣва, кричалъ, что съ нимъ бывало довольно часто: «я всѣхъ велю перерѣзать, я пролью море крови», королева прибавляла къ этому: «Онъ не зарѣжетъ и цыпленка». Сцена выходила забавною, но она могла лишь содѣйствовать популярности королевской семьи, такъ какъ королева всегда оказывалась правою. Спокойно и съ достоинствомъ носилъ Карлъ XIV свою корону вплоть до восьмидесяти перваго года жизни, сохранивъ твердость духа и силу ума до послѣднихъ дней, когда болѣзнь, продолжавшаяся около шести недѣль, свела его въ могилу. Христіанъ Шефферъ называетъ его «великимъ королемъ»; во всякомъ случаѣ, онъ былъ однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ.

— Меттернихъ въ качествѣ инквизитора. Недавно Барбьери, какъ извѣстно читателямъ «Историческаго Вѣстника», нарисовалъ въ своей галлерей «Фигуръ и фигурокъ умирающаго вѣка», портретъ одного изъ мучениковъ итальянской свободы, графа Конфалоньери, а теперь этому пламенному патриоту посвятилъ отдѣльную монографію Алессандро Д'Анкона ¹⁾. Этотъ ученый профессоръ Пизанскаго университета, гдѣ онъ занимаетъ кафедру филологіи, получилъ доступъ въ секретные архивы Австро-Венгрии, чего еще никто не могъ добиться, и его другъ, графъ Нигра, досталъ ему подлинникъ донесенія князя Меттерниха императору Францу Іоличномъ допросѣ Конфалоньери. Такимъ образомъ впервые является возможность познакомиться съ Меттернихомъ въ качествѣ инквизитора, и то изъ собственныхъ устъ. Присужденный въ 1821 году за участіе въ заговорѣ противъ Австріи къ смертной казни, которая замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ въ Шпильбергѣ, графъ Конфалоньери былъ отправленъ изъ Милана въ знаменитую крѣпость черезъ Вѣну, гдѣ онъ оставался двѣ недѣли по случаю тяжелаго припадка подагры. Изъ уваженія къ его аристократическому происхожденію, узникъ былъ помѣщенъ въ великолѣпномъ домѣ полицейскаго управленія, и однажды вечеромъ слуга, войдя въ его комнату, поставилъ на каминъ два зажженныхъ канделябра, а на столъ серебряный подносъ съ чайникомъ и двумя чашками. «Кто придетъ сюда?» — спросилъ Конфалоньери съ удивленіемъ; слуга отвѣчалъ: «Очень важная особа». Спустя нѣсколько минутъ, дверь отворилась, и на порогъ показался князь Меттернихъ. Конфалоньери тотчасъ узналъ его, потому что участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ празднествахъ въ Парижѣ по случаю свадьбы Маріи-Луизы и Наполеона. Канцлеръ сѣлъ и, пригласивъ узника сдѣлать то же, спросилъ, не предпочитаетъ ли онъ лично переговорить съ императоромъ. Конфалоньери гордо отвѣчалъ, что ему не о чемъ говорить съ кѣмъ бы то ни было. Меттернихъ не обнаружилъ ни малѣйшаго негодованія и тотчасъ приступилъ къ дѣлу. Онъ посѣтилъ узника съ цѣлью подвергнуть его допросу и вывѣдать у него, если возможно, всю правду о заговорѣ, а главное, имена сообщниковъ, такъ какъ на судѣ не было представлено никакихъ доказательствъ о существованіи заговора. Видя, что силой ничего не добьешься отъ гордаго аристократа, онъ надѣялся обойти его хитростью. Поэтому онъ началъ свысока, именно поставилъ бесѣду на почву отвлеченныхъ политическихъ идей. По его словамъ, міръ послѣ долгихъ волненій и заблужденій наконецъ вернулся на истинный путь. Утописты вѣрили въ новые принципы, но на практикѣ побѣда осталась за старою системою, чему немало содѣйствовалъ императоръ. Но онъ имѣлъ цѣлью только счастье своихъ подданныхъ, а потому онъ проситъ Конфалоньери помочь ему въ этомъ добромъ дѣлѣ. Императоръ даровалъ ему жизнь и ждетъ отъ него въ замѣнъ полезныхъ свѣдѣній. Конфалоньери отвѣчалъ очень холодно: «Я ничего не знаю; императору извѣстно гораздо болѣе». Тогда канцлеръ воскликнулъ: «Мы другъ друга не понимаемъ. Мы не просимъ у васъ доносовъ; мы не полицейскіе сыщики, а политическіе дѣятели. Къ тому же, процессъ оконченъ и не можетъ быть возобновленъ. Императоръ только

¹⁾ Frederico Confalonieri, di Alessandro D'Ancona. Milano. 1899.

желалъ бы получить отъ васъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ темныхъ сторонахъ современной истории. Вы, графъ, знаете все и можете освѣтить этотъ мракъ. Не упорствуйте въ своемъ безмолвіи. Факты достаточно васъ обличаютъ. Найдены письма, въ которыхъ говорится о васъ, какъ о человѣкѣ, могущемъ лучше всего осуществить стремленія ломбардскихъ заговорщиковъ. Множество уликъ подтверждаютъ, что революціонеры всего болѣе разсчитывали на графа Конфалоньери. Когда распространился слухъ о вашей смерти, то принцъ Кариньянскій писалъ, что это невознаградимая потеря. Однимъ словомъ, графъ намъ очень хорошо извѣстно, какую вы играете важную роль. Отрицанія не имѣютъ смысла. Говорите всю правду». Конфалоньери заявилъ, что онъ дѣйствительно питаетъ либеральныя мнѣнія, но никогда не участвовалъ ни въ одномъ заговорѣ противъ австрійскаго правительства. Д'Анкона увѣряетъ, что на основаніи вновь открытыхъ документовъ можно сказать утвердительно, что его слова вполне справедливы. Дѣйствительно, онъ громко высказывалъ свою ненависть къ владычеству иносемцевъ и желаніе, чтобъ принцъ Кариньянскій, Карлъ Альбертъ, изгнавъ австрійцевъ, образовалъ конституціонное итальянское королевство, но онъ никогда не былъ ни карбонаріемъ, ни заговорщикомъ. Несмотря на всѣ утвержденія своего узника, великій инквизиторъ продолжалъ, однако, его нравственную пытку: «Вы, графъ, рѣшительно не хотите понять меня, говорилъ онъ, знайте же, что мы не смѣшиваемъ васъ и вашихъ друзей съ профессиональными демагогами и якобинцами, которыхъ мы болѣе не боимся. Дѣло другое—такъ называемые либералы, умѣренные доктринеры, филантропы, поклонники прогресса и бойцы цивилизаціи. Вотъ люди, которые въ мирныя эпохи мѣшаютъ правильной дѣятельности правительства. Вотъ партія, которую необходимо теперь уничтожить. Мнѣнія этихъ личностей соблазняютъ, прельщаютъ, убѣждаютъ. Они развращаютъ даже естественныхъ враговъ революціонныхъ идей; ими подтачиваются и колеблются государства. Благодаря имъ, націи становятся незамѣтно зрѣлыми для либеральныхъ реформъ. Къ этой партіи принадлежатъ ваши друзья, и они теперь наши единственные враги». Конфалоньери молча, спокойно слушалъ канцлера, изложившаго ему свою политическую систему, и лицо его не выражало ни малѣйшаго слѣда его собственныхъ убѣжденій. Наконецъ, Меттернихъ понялъ, что онъ ничего не добьется отъ своей жертвы и, рѣзко прервавъ свою рѣчь, произнесъ пророческимъ тономъ: «Я говорю вамъ правду, и вы увидите, что мои слова сбудутся: черезъ немного лѣтъ Европа будетъ спокойной, какъ будто никогда въ ней не царилъ волненія, спокойной, какъ она никогда не была». Наступило молчаніе. Но канцлеръ не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ и удалиться, получивъ нравственную пощечину. Онъ попытался растрогать свою жертву и повелъ рѣчь объ его семьѣ, о старомъ отцѣ, о любимой женѣ. Онъ снова предложилъ узнику переговорить лично съ императоромъ, которому, быть можетъ, онъ охотнѣе сообщилъ бы требуемыя отъ него свѣдѣнія. Но Конфалоньери отвѣчалъ прежнимъ гордымъ отказомъ. Тогда канцлеръ гнѣвно вскочилъ со стула. Три часа продолжалась эта неравная игра, и онъ рѣшительно проигралъ ее. Три часа онъ говорилъ безъ умолка, а узникъ все молчалъ. Блѣдный отъ злобы, Меттернихъ позвалъ начальника полиціи, дежурившаго за дверью, и

сказалъ: «Я ѣду на балъ, моя карета меня ждетъ». Потомъ, обернувшись къ Конфалоньери, онъ произнесъ совершенно другимъ тономъ: «Вы обдумаете все, что я вамъ сказалъ, графъ, въ Шпильбергской тюрьмѣ. Я пришлю къ вамъ въ скоромъ времени довѣренное лицо, которое, конечно, застанетъ васъ въ лучшемъ настроеніи духа». Меттернихъ ошибся; заживо погребенный въ Шпильбергѣ, Конфалоньери оставался 13 лѣтъ столь же безмолвнымъ и неподкупнымъ, а когда его, наконецъ, выпустили на свободу въ 1846 году, больнымъ, истощеннымъ старикомъ, то онъ поспѣшилъ на родину, все еще стонавшую подъ австрійскимъ игомъ, но умеръ по дорогѣ.

— Лордъ Байронъ и его жена. До настоящаго времени Байронъ считался въ Англіи какимъ-то блуднымъ сыномъ, и англійское лицезбріе, презрительно отвертываясь отъ него, отказывало ему даже въ памятникъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, гдѣ находятся гробницы или статуи всѣхъ главнѣйшихъ писателей этой страны. Только недавно стали относиться къ знаменитому поэту болѣе справедливо, и положенъ конецъ нелѣпнымъ легендамъ объ его чудовищномъ обращеніи съ женою, что служило основой всѣхъ преслѣдованій его, какъ чловѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ поэта. Естественно, что при этой перемѣнѣ общественнаго мнѣнія относительно писателя, который имѣлъ, быть можетъ, наибольшее вліяніе на литературу XIX столѣтія, возникло серьезное изученіе его сочиненій, жизни и личности. Параллельно издаются съ прошедшаго года два полныя изданія сочиненій лорда Байрона, подъ редакціей извѣстныхъ критиковъ Кольриджа и Протеро. Первый началъ свое изданіе съ поэзіи и уже выпустилъ два тома, которые оканчиваются поэмой «Странствованія Чайльда Гарольда», а послѣдній съ прозы и напечаталъ три тома писемъ, обнимающихъ эпоху до 1816 года. Оба они относятся къ своему предпріятію очень добросовѣстно, помѣщаютъ всѣ извѣстные и вновь найденные варианты сочиненій Байрона и снабжаютъ ихъ интересными комментаріями, а также свѣдѣніями о всѣхъ личностяхъ и мѣстностяхъ, упоминаемыхъ Байрономъ. Оба изданія снабжены великолѣпными иллюстраціями и вообще служатъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ издавать знаменитыхъ авторовъ. Недавно вышедшіе второй томъ изданія Кольриджа ¹⁾ и третій—изданія Протеро ²⁾ возбуждаютъ наибольшій интересъ комментаріями «Чайльда Гарольда» и свѣдѣніями о брачной жизни Байрона. Сдѣлавъ сводъ всего, что написано о знаменитой поэмѣ Байрона, въ томъ числѣ французскимъ ученымъ Дармстетеромъ и нѣмецкимъ профессоромъ Вреславскаго университета, Кельбингомъ, Кольриджъ приходитъ къ заключенію, что несомнѣнно Байронъ, сочиняя Гарольда, имѣлъ въ виду самого себя. Это вполне достовѣрный фактъ, несмотря на увѣренія самого Байрона, что онъ не отождествлялъ Гарольда съ собою. Каждому знающему жизнь Байрона тотчасъ бросается въ глаза, что біографическія подробности, сообщаемыя имъ о Гарольдѣ, составляютъ точное повтореніе фактовъ его

¹⁾ The Works of lord Byron, a new revised and enlarged edition, by E. Coleridge. Poetry. 2 vol. London. 1899.

²⁾ The Works of lord Byron: a new revised and enlarged edition, by R. Prothero. Letters and Journals. Vol III. London. 1899.

жизни. «Конечно, замѣчаетъ Кольриджъ, Байронъ не былъ Гарольдомъ, но Гарольдъ былъ идеализированнымъ Байрономъ, созданиемъ его титанической гордости, мстителемъ за него». Что касается до исторіи женитьбы творца «Донъ Жуана», его недолговременной брачной жизни и развода съ женой, то Протеро приводитъ много интересныхъ и новыхъ свѣдѣній изъ первыхъ рукъ, т. е. изъ писемъ обоимъ супругамъ, уже не говоря о томъ, что онъ собралъ и всѣ извѣстные до сихъ поръ матеріалы о брачномъ романѣ великаго поэта. Но, несмотря на обиліе представляемыхъ въ трудѣ Протеро данныхъ, загадка брачной жизни и развода Байрона остается все-таки фактически неразгаданной. По этому поводу одинъ изъ лучшихъ современныхъ англійскихъ критиковъ Генлей помѣстилъ краткій, но блестящій этюдъ въ своей ежемѣсячной литературной хроникѣ¹⁾. Быть можетъ, еще никогда загадочныя отношенія между Байрономъ и его женой, благодаря которымъ великій поэтъ сдѣлался изгнанникомъ на всю послѣдующую свою жизнь и отщепенцемъ отъ англійскаго общества, не были такъ ясно освѣщены, какъ въ этой небольшой статейкѣ, которая вмѣстѣ съ данными, собранными въ изданіи Протеро, даетъ возможность наконецъ разобраться въ спорномъ вопросѣ о томъ, кто былъ виновенъ—лордъ или леди Байронъ. Если фактически онъ еще остается загадочнымъ, то психологически врядъ ли можно сомнѣваться въ виновности лэди Байронъ, которая наполнила міръ своими безконечными жалобами на мужа, оказавшимися только ложью и клеветой. Относительно фактовъ этой исторіи, которая, по словамъ Генлея, не имѣетъ себѣ равной ни въ дѣйствительной жизни, ни въ романической литературѣ, вполне удостовѣрено, что Байронъ послѣ очень бурной и развратной жизни еще молодымъ человѣкомъ въ 23 года вздумалъ образумиться и женившись повести спокойную, семейную жизнь. Онъ сдѣлалъ предложеніе умной, привлекательной, провинціальной дѣвушкѣ, миссъ Мильбанкъ, но этотъ гордый, самоувѣренный, хотя юный синій чулокъ отказалъ ему, но, потомъ спохватившись, далъ свое согласіе, и они поженились при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ брака любви. Это ясно видно изъ переписки того и другого, а также ихъ родственниковъ. Извѣстно, что первое время они были счастливы, называли другъ друга шуточными прозвищами, часто дома маскировались, и если происходили столкновенія между страстной, пламенной, но благородной, искренней натурой и ея искусственнымъ, холоднымъ, напыщеннымъ, самодовольнымъ темпераментомъ, то они всегда кончались миромъ. Неожиданно спустя годъ и восемь мѣсяцевъ послѣ ихъ свадьбы и одинъ мѣсяцъ послѣ рожденія Ады, «единственной дочери моего дома и сердца», по словамъ поэта, лэди Байронъ бросила мужа и начала безконечную борьбу съ нимъ, клеймя его самыми гнусными, но неопредѣленными обвиненіями. Сначала она увѣряла, что онъ сумасшедшій, и требовала докторскаго освидѣтельствованія, а когда это обвиненіе оказалось вполне ложнымъ, то она стала утверждать, что онъ женился на ней только, чтобы отомстить ей за отказъ на первое его предложеніе и самымъ ужаснымъ образомъ вымѣщалъ на ней свою злобу. Напротивъ, Байронъ писалъ добродушныя письма, соглашался на при-

¹⁾ Ex Libris, by W. E. Henley. Pall-Mall Magazine. Octobre 1899.

миреніе и даже позволилъ своимъ друзьямъ начать судебное дѣло, чтобы покончить со всѣми обвиненіями жены, которыя, несмотря на свою неопредѣленность и бездоказанность, подвергли его ostracismu лицемѣрнаго англійскаго общества. Но лэди Байронъ ловко вела игру, и не только сама не явилась на судъ, но рассказала своему адвокату, извѣстному Лушингтону, нѣчто ужасное, что побудило его отказаться отъ участія въ примиреніи супруговъ, хотя онъ никогда не объяснял, въ чемъ заключалась открытая ему тайна. Тогда Байронъ вышелъ изъ терпѣнія, и согласился на всѣ ея требованія, и именно далъ ей разводъ, ребенка и 60.000 фунтовъ стерлинговъ, а самъ девять лѣтъ странствовалъ по свѣту, написалъ Манфреда, конецъ Гарольда, Сарданапала, Донъ-Жуана, Каина, и умеръ 32-хъ лѣтъ, защищая свободу грековъ, для чего жертвовалъ своимъ состояніемъ и жизнью. Что же касается до лэди Байронъ, то она дожила до глубокой старости и ни минуты не переставала преслѣдовать своего мужа самыми низкими клеветами какъ на словахъ, такъ и въ печати. Психологически разсматривая эту загадочную исторію, насколько она фактически извѣстна, Генлей приходитъ къ заключенію, что не творецъ Чайльдъ-Гарольда и защитникъ независимости грековъ былъ сумасшедшимъ, а сама лэди Байронъ была психопаткой и сама не знала, когда она лгала и когда говорила правду. «На основаніи всего, что мы знаемъ о немъ, говоритъ онъ, я представляю себѣ лэди Байронъ узкимъ, эгоистичнымъ, самодовольнымъ и капризнымъ существомъ, которое не признавало никого выше себя, всегда и во всемъ хотѣло поставить по-своему, считало всякую сказанную ею ложь за правду и дѣйствительно отличалось «холоднымъ сердцемъ и змѣиной улыбкой», о которыхъ говорится въ Манфредѣ. Но, можетъ быть, бросивъ Байрона, она оказала величайшую услугу, какъ ему, такъ и всеобщей литературѣ и человечеству».

— Викторъ Гюго въ Реймсѣ. Въ первой октябрьской книжкѣ «*Revue de Paris*» помѣщенъ отрывокъ изъ неизданныхъ воспоминаній Виктора Гюго, посвященный двукратному посѣщенію авторомъ города Реймса въ 1825 и 1838 годахъ. Отрывки эти написаны въ шутовомъ тонѣ и болѣе говорятъ о занятіяхъ автора Шекспиромъ, о реймскихъ легендахъ и древностяхъ, чѣмъ о событіяхъ, въ то время привлекавшихъ всеобщее вниманіе. Тѣмъ не менѣе, не совсѣмъ безынтересно будетъ привести выдержку изъ этихъ записокъ, замѣчательныхъ, конечно, прежде всего, по своему автору. Вотъ для примѣра отрывокъ, въ которомъ говорится о помазаніи Карла X: «Помазаніе состоялось... День былъ сіяющій. Казалось, Богъ далъ свое согласіе на торжество. Длинныя свѣтлыя окна—живописи по стеклу въ Реймсѣ уже нѣтъ — впускали въ соборъ ослѣпительный свѣтъ: все майское сіяніе дня находилось въ соборѣ. Архіепископъ былъ покрытъ позолотою, алтарь — лучами. Маршалъ Лористонъ, министръ королевскаго двора, былъ доволенъ солнцемъ. Онъ дѣловито ходилъ взадъ и впередъ, шопотомъ разговаривая съ архитекторомъ Леконтомъ и Гитторфомъ. Это прекрасное утро дало возможность говорить про «солнце помазанія», подобно тому, какъ раньше говорили про «солнце Аустерлица». Громадное количество лампочекъ и свѣчъ какъ-то умѣли искриться среди блеска дня. Былъ знаменательный моментъ, когда Карлъ X, одѣтый въ вишневаго цвѣта

балахонъ съ золотыми позументами, распростерся во весь ростъ свой на полу передъ архіепископомъ. Справа на него смотрѣли въ это время перы Франціи, вышитые золотомъ, въ перьяхъ и въ большихъ бархатныхъ, съ горностаемъ, плащахъ, слѣва—депутаты во фракахъ изъ голубого сукна съ золотыми лиліями на воротникѣ. Всѣ виды случая были представлены здѣсь понемногу: папское благословеніе въ лицѣ кардиналовъ, изъ которыхъ нѣкоторые видѣли въ свое время помазаніе Наполеона, побѣда въ лицѣ маршаловъ, преемственность въ лицѣ герцога Ангүлемскаго, дофина, счастье въ лицѣ Талейрана, повышение и пониженіе въ лицѣ Виллеля, радость въ видѣ птицъ, которыхъ выпустили на волю, карточные валеты въ видѣ четырехъ герольдовъ съ гербами. Широкій коверъ съ лиліями, нарочно для этого случая сотканный и названный «ковромъ помазанія», покрывалъ съ конца въ конецъ ветхій полъ и скрывалъ гробницы, находившіяся среди плитъ собора. Густой свѣтящейся дымъ куреній наполнялъ зданіе церкви. Выпущенныя на свободу птицы испуганно метались въ этомъ дымѣ. Король шесть или семь разъ мѣнялъ свой костюмъ. Первый принцъ крови Людовикъ-Филиппъ, герцогъ Орлеанскій, помогалъ ему. Герцогу Бордоскому было всего пять лѣтъ; онъ находился въ одной изъ ложъ. Отдѣленіе, въ которомъ находились мы съ Шарлемъ Нодье, примыкало къ скамьямъ депутатовъ. Посрединѣ церемоніи, въ моментъ, когда король легъ на землю, депутатъ Гемонанъ обратился къ Нодье и, приставивъ палець ко рту, чтобы не нарушить рѣчи архіепископа, подаль ему что-то. Это что-то представляло изъ себя книгу—разрозненный томъ Шекспира. Одна изъ вышивокъ изъ церковной сокровищницы, прикрѣпленная какъ разъ передъ нами, представляла весьма неисторическую сцену свиданія Іоанна Безземельнаго и Филиппа-Августа. Нодье посмотрѣлъ въ книгу и затѣмъ указалъ на вышивку: «Вы видите эту вышивку?»—Вижу.—«Знаете, кого она представляет!»—Нѣтъ. — «Іоанна Безземельнаго».—Что изъ этого?— «Іоаннъ Безземельный и въ этой книгѣ у меня». Дѣйствительно въ томъ Шекспира оказалась какъ разъ драма «Король Іоаннъ». Этому разговору о «безземельномъ королѣ» въ день помазанія короля, которому черезъ пять лѣтъ предстояло лишиться своихъ земель, нельзя отказать въ нѣсколько пророческомъ характерѣ.

— Сэръ Робертъ Пилъ. Недавно вышли второй и третій томъ обширной біографіи одного изъ выдающихся англійскихъ министровъ, сэра Роберта Пиля. Авторъ ея, Чарльсъ Паркеръ, пользовался громаднымъ матеріаломъ, предоставленнымъ ему душеприказчиками Пиля, и выбралъ все, что было интереснаго въ его перепискѣ и дневникѣ, и различныхъ документахъ, проливающихъ свѣтъ на общественную дѣятельность и частную жизнь его героя¹⁾. Хотя все это связано подробнымъ изложеніемъ блестящей карьеры министра, проведшаго столько благотворныхъ реформъ для своей страны, но все-таки трудъ Паркера нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ жизнеописаніемъ, а это только богатый источникъ для жизнеописанія. Впрочемъ, біографіи Пиля уже суще-

¹⁾ Sir Robert Peel from his private papers, edited by Ch. Parker. Vol. 2—3. London, 1899.

ствуется немало, а еще не было такого богатого сборника подлинных данных для знакомства не только с его замечательной личностью и оказанными имъ Англїи услугами, но и его эпохой. Начинаются эти два тома съ 1827 г. и доходятъ до смерти Пиза въ 1850 г., къ нимъ приложена апологїя его, какъ министра, написанная его внукомъ, Джорджемъ Пилемъ, который считалъ своего дѣда «лицетвореніемъ лучшихъ чертъ англїйскаго народа и англїйскихъ государственныхъ людей». Этотъ отзывъ нельзя заподозрѣть въ родственномъ пристрастїи, такъ какъ авторитетныя лица совершенно противоположныхъ мнѣній очень высоко ставили Пиза, такъ Гладстонъ говорилъ: «смотря на Пиза со всѣхъ сторонъ, я не могу не сказать, что я никогда не видывалъ такого великаго человѣка», а торїйскій талантливый ораторъ лордъ Рандольфъ Черчилъ признавалъ, что Пиль умѣлъ снискивать популяриность массъ даже болѣе лорда Виконсфильда. Въ дѣйствительности же сэръ Робертъ Пиль не былъ великимъ политическимъ дѣятелемъ и тѣмъ менѣе великимъ вожакомъ партїи, но онъ былъ очень популярнымъ министромъ и добросовѣстнымъ, неутомимымъ, благонамѣреннымъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ не отличался ни творческой силой, ни прозорливой инициативой, но всегда имѣлъ въ виду общее благо страны, благородно признавалъ свои ошибки и охотно заимствовалъ у своихъ противниковъ ихъ принципы, когда отъ этого зависѣла общая польза. Такимъ образомъ, принадлежа къ партїи торїевъ, онъ провелъ великія либеральныя реформы: эспансацию католиковъ, свободу торговли и отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ. Последняя реформа доставила ему наибольшую славу, и онъ поступилъ въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и въ отношенїи своихъ другихъ прогрессивныхъ мѣропрїятїй. Въ качествѣ главы торїйскаго министерства, онъ долго противодѣйствовалъ проповѣдуемому либералами введенію дешеваго хлѣба для народа, потомъ, когда агитація хлѣбной лиги стала усиливаться, онъ старался сдержать потокъ уступками, и когда уже вся Англїя подняла крикъ «долой хлѣбныя пошлины», то онъ смѣло перешелъ на сторону своихъ враговъ. Онъ подалъ въ отставку съ своимъ торїйскимъ кабинетомъ, а получивъ отъ королевы снова порученїе составить министерство, онъ окружилъ себя преданными сторонниками его новыхъ идей, явился въ парламентъ, по его собственнымъ словамъ, не торїйскимъ, а народнымъ премьеромъ, провелъ великую мѣру на благо Англїи съ помощью виговъ, и съ всегда отличавшимъ его благородствомъ заявилъ въ палатѣ депутатовъ въ минуту торжества, что не онъ одержалъ эту побѣду, а его прежній врагъ и глава хлѣбной агитаціи Кобденъ. Конечно, его клеймятъ прозвищемъ оппортуниста, но онъ былъ оппортунистомъ въ хорошемъ значенїи этого слова, т. е. примѣнялся къ обстоятельствамъ лишь въ томъ случаѣ, когда этого требовала общая польза, и при этомъ онъ жертвовалъ интересами своей партїи и своими личными, что составляетъ основу оппортунизма въ дурномъ его значенїи. Дѣйствительно, торїи низвергли его министерство тотчасъ послѣ проведенїя хлѣбныхъ законовъ, и онъ провелъ вдали отъ власти немногіе годы, оставшіяся до его смерти въ 1850 г., отъ несчастнаго паденїя съ лошади. По мѣткому выраженїю Гейварда, можно сравнить Пиза съ часами, которые молчатъ до той минуты, пока не ударятъ въ необходимый моментъ. Этими мо-

ментами, когда ударялъ Пиль на благо всей Англіи, однако не исчерпывается вся польза, принесенная имъ своей родиной. Въ первой книжкѣ «Англо-Саксонскаго Журнала» новаго трехмѣсячнаго обзорѣнія, выходящаго подъ редакціей лэди Рандольфъ Черчилъ и отличающагося необыкновенной вѣншей роскошью, доходящей до того, что каждый нумеръ переплетенъ по образцу знаменитыхъ историческихъ переплетовъ, лордъ Розбери помѣстилъ оригинальную и блестящую характеристику Пилля, по поводу книги Паркера. По словамъ бывшаго либеральнаго премьера ¹⁾, главная заслуга сэра Роберта Пилля заключается въ томъ, что онъ образовалъ цѣлую школу выдающихся государственныхъ людей, извѣстныхъ подъ названіемъ пилитовъ и перешедшихъ съ Гладстономъ во главѣ изъ рядовъ торійской партіи въ лагерь ея противниковъ виговъ.

— Переписка Милля съ Контомъ. Леви Брюль собралъ и напечаталъ переписку на французскомъ языкѣ знаменитаго экономиста и автора «Логикѣ» съ творцемъ позитивизма ²⁾. Она обнимаетъ эпоху отъ ноября 1841 г. до мая 1847 г. и, по мѣткому выраженію критика «Daily News», «много лѣтъ уже не появлялось такого важнаго и привлекательнаго литературнаго сокровища». Дѣйствительно эта книга замѣчательна какъ по формѣ, такъ и по содержанію, уже не говоря объ интересѣ комментариевъ издателя Леви-Брюля. Одинъ тотъ фактъ, что Милль переписывался съ Контомъ пофранцузски, возбуждаетъ любопытство, а когда прибавить къ этому, что, сравнивая стиль того и другаго, нельзя не отдать преимущества англичанину передъ французомъ, то эта черта всесторонне-талантливой натуры Милля является очень драгоценной для его общей характеристики. Конечно, Контъ не отличался блестящимъ изложеніемъ своихъ сочиненій, а Милль старательно писалъ и переправлялъ черновую своихъ писемъ, и къ тому же оба корреспондента, выражаясь не обычнымъ простымъ языкомъ, а философскимъ, вдаются въ излишнія длинноты, но выраженія Милля кратче, сильнѣе и яснѣе, а Контъ слишкомъ пересыпаетъ свои слова научными терминами и часто выражается очень темно. Въ то время, когда началась эта замѣчательная переписка, Конту было 43 года, а его пламенному ученику, Миллю, 35 лѣтъ. Послѣдній въ первомъ своемъ письмѣ очень горячо выразилъ свою философскую жажду, уваженіе къ учителю и собственную скромность. «Я не знаю,—говоритъ онъ,—дозволительно ли совершенно чужому для васъ челоуѣку отнимать ваше драгоценное время объясненіемъ того, сколько онъ обязанъ интеллектуально вашимъ трудамъ. Однако поощряемый моимъ другомъ Марратомъ и полагая, что, быть можетъ, среди вашей серьезной философской работы вы благосклонно отнесетесь къ заявленію сочувствія и уваженія изъ чужой страны, я позволяю себѣ надѣяться, что мой теперешній шагъ не будетъ признанъ вами неблаговиднымъ. Во всякомъ случаѣ прошу извинить меня, быть можетъ, за самонадѣянную попытку вступить въ интеллектуальное единеніе съ однимъ изъ ру-

¹⁾ Sir Robert Peel, by lord Rosebery.—Anglo-Saxon-Review.—June—July—August.

²⁾ Lettres inedites de J. St. Mill et Auguste Comte, editées par M. Levy-Bruhl. Paris, 1899.

ководящихъ умовъ нашего времени, къ которому я питаю глубочайшее, восторженное уваженіе, и прошу васъ вѣрить, что осуществленіе моего желанія вступить съ вами въ переписку будетъ имѣть для меня неоцѣненное значеніе». Отвѣтъ Конта чрезвычайно характеристиченъ и бросаетъ яркій свѣтъ на его послѣдующую теорію позитивистской церкви, которой не признали многіе сторонники основныхъ принциповъ позитивизма: «Мои наклонности и разумъ побудили меня изолироваться не только отъ невѣжественныхъ людей, но и отъ интеллектуальнаго міра, такъ что единственнымъ моимъ развлеченіемъ служить итальянская опера, которую я постоянно посѣщаю во время сезона. Въ послѣдніе три года я еще болѣе систематически усилилъ свое одиночество, прекративъ чтеніе газетъ и журналовъ. Эта мозговая гигиена (*hygiene cerebrale*) такъ мнѣ полезна, что я не думаю измѣнять ее, видя, какъ, благодаря одиночеству, я могу легко подняться въ область общихъ идей и возвышенныхъ безпристрастныхъ чувствъ. Но эта система, необходимая, по моему мнѣнію, для полнаго развитія моей философской карьеры, не побуждаетъ меня оставаться равнодушнымъ къ вліянію моихъ трудовъ на интеллектуальный міръ. Поэтому вы можете повѣять, какъ я дѣлю ваши благородные шаги навстрѣчу мнѣ, и какъ я буду счастливъ во всякое время разговаривать съ вами письменно, а еще лучше на словахъ, отвѣчая на ваши основательныя возраженія и разсматривая указанные мнѣ интересные вопросы». Такъ тепло и сочувственно началась эта переписка, которой, однако, суждено было кончиться обоюдной холодностью и недовѣріемъ. Конечно, главная вина въ печальномъ ея исходѣ заключалась въ несоответственности характеровъ Конта и Милля. Первый считалъ себя непогрѣшимымъ папой и смотрѣлъ на Милля, какъ на ученика, готоваго слѣпо слѣдовать за нимъ въ развитіи его системы, а Милль, ждавшій отъ Конта добраго совѣта, а не диктаторскихъ приказаній, отличался твердостью своихъ убѣжденій, которыхъ не могъ побороть весь его энтузіазмъ къ учителю. Естественно, что при такомъ положеніи вещей должны были между ними возникнуть недоразумѣнія, тѣмъ болѣе, что Милль, вполне безукоризненный въ своихъ отношеніяхъ къ Конту по существу, выражался по формѣ слишкомъ рѣзко и всегда прямо говорилъ правду, не принимая въ соображенія французскую впечатлительность. По вѣрному замѣчанію Леви Брюля, Милль не имѣлъ никакого вліянія на Конта, а Контъ, принципиально возстававшій противъ германской психологіи, поддерживалъ ее противъ психологическаго анализа XVIII столѣтія, что между прочимъ не позволяло ему справедливо относиться къ вопросу о положеніи женщины въ обществѣ. Контъ упорно доказывалъ органическое превосходство мужчинъ надъ женщинами, а Милль напротивъ столь же упорно стоялъ за равенство женщинъ съ мужчинами, утверждая, что тѣ и другіе были такими существами, какими ихъ создавали время, среда и воспитаніе. Женскій вопросъ и послужилъ причиной разрыва между друзьями. Къ тому же присоединился еще вопросъ денежный, этотъ вѣчный камень преткновенія дружбы. Въ 1844 году Контъ потерялъ мѣсто профессора въ политехнической школѣ, и не зная, чѣмъ замѣнить получаемые до тѣхъ поръ 6.000 франковъ, изъ которыхъ половину долженъ былъ отдавать

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

27

женѣ, съ которой развелся. Милль сочувственно отнесся къ его затруднительному положенію, и, благодаря его хлопотамъ, три англійскіе поклонника Конта: сэръ Вильямъ Моллэсвортъ, историкъ Гротъ и банкиръ Рэки, внесли годовое жалованье философа. Онъ вообразилъ, что эта англійская субсидія, какъ онъ называлъ щедрость англичанъ, будетъ вѣчно продолжаться и имѣть характеръ дани, платимой вѣрными подданными своему интеллектуальному повелителю, а потому на слѣдующій годъ потребовалъ второго взноса. Англичане отъ этого отказались, а Милль прямо и откровенно объяснилъ все дѣло своему другу. «Вы совершенно ошибаетесь въ этомъ отношеніи, писалъ онъ. Если бы даже эти джентльмены дѣйствительно признавали васъ своимъ интеллектуальнымъ главою и апостоломъ той нравственной системы, которую они исповѣдовали бы, то и тогда еще вопросъ, обязаны ли они продолжать свою субсидію. Впрочемъ я убѣжденъ, что въ этомъ случаѣ они непремѣнно продолжали бы посылать вамъ деньги, а если бы они поступили иначе, то я былъ бы дурного о нихъ мнѣнія». Далѣе Милль доказываетъ, что не было ничего подобнаго, и что только сочувствовавшіе Конту англичане оказали ему помощь въ затруднительную минуту, но не взяли на себя никакого обязательства продолжать эту помощь. Это письмо Милля занимаетъ три страницы, а Контъ ему отвѣчалъ на восьми, развивая ту мысль, что отказъ англичанъ можетъ только объясниться племенною враждою къ Франціи и слѣпымъ эгоизмомъ богатыхъ людей. «Быть можетъ, придетъ время, — говоритъ онъ, — когда богатые пожалѣютъ, что они дурно обходятся съ философами, призваніе которыхъ предохранить богатей отъ насилія народной мести». На это Милль отвѣчалъ двумя страницами и получилъ возраженіе на шести. Затѣмъ друзья переписывались еще три раза, и наконецъ наступаетъ перерывъ въ перепискѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ маѣ 1847 года Милль написалъ Конту письмо объ Ирландіи, но не получилъ отвѣта, и на этомъ неожиданно оканчивается переписка, начатая при такихъ счастливыхъ преданаменованіяхъ. Быть можетъ, если бы учитель и ученикъ лично увидѣлись, то покончили бы въ живой бесѣдѣ свои недоразумѣнія, но сколько разъ ни предполагалось подобное свиданіе, оно ни разу не состоялось, и только что напечатанная переписка составляетъ единственный слѣдъ дружескихъ отношеній между главою позитивизма и великимъ экономистомъ.

— Сумасшедшій король. «Сядемъ на землю и будемъ разсказывать странныя исторіи о смерти королей», говоритъ несчастный король Ричардъ II въ исторической хроникѣ Шекспира. Хотя и въ то время, конечно, не было недостатка въ матеріалѣ для подобныхъ разсказовъ, но врядъ ли была когда нибудь печальнѣе смерть какого нибудь короля, чѣмъ самоубійство Людвига II, короля баварскаго, друга Вагнера и сторонника доктора Делингера, извѣстнаго главы старо-католическаго движенія въ Германіи. Молодой, красивый, высоко-образованный и страстный поклонникъ искусства во всѣхъ его проявленіяхъ, бѣдный Людвигъ кончилъ свое существованіе въ Штурмзейскомъ озерѣ, близъ Мюнхена, спустя пять дней послѣ лишенія его королевской власти, въ виду разстройства умственныхъ способностей. Эту драматическую развязку и предшествовавшую ей романтическую жизнь сумасшедшаго короля разсказываетъ въ великолѣпно изданной книгѣ, снабженной многочисленными

иллюстраціями, миссъ Франсэсъ Джерардъ ¹⁾). Хотя англійскіе критики относятся къ этому произведенію женскаго труда довольно строго, указывая, что сумасшествіе предметъ трагедіи, а не пустой болтовни, которой преимущественно наполнена книга миссъ Джерардъ, но все-таки она собрала все, что извѣстно объ ея героѣ, и всякій желающій близко познакомиться съ любопытною личностію Людвигъ II можетъ почерпнуть богатый матеріалъ въ ея разсказѣ, несмотря на его поверхностный и несерьезный характеръ. Сумасшедшій король родился въ 1845 году и принадлежалъ къ Виттельсбахской династіи, которая извѣстна тѣмъ, что сумасшествіе въ крови ея представителей. Дѣйствительно, его дѣдъ Людвигъ I, покровитель танцовщицы Лоллы Монтесъ, прославился безумными выходками, а братъ, теперешній король, Оттонъ I, неизлѣчимый душевно-больной. Хотя въ дѣтствѣ онъ былъ очень живой мальчикъ и прекрасно учился, но выказывалъ иногда большія странности и двѣнадцати лѣтъ хотѣлъ застрѣлить изъ лука своего брата Оттона, а когда придворные этому воспротивились, то онъ воскликнулъ: «не ваше дѣло вмѣшиваться, онъ мой вассалъ и посмѣлъ не исполнить моего приказанія. Я имѣю полное право казнить его». Восемнадцати лѣтъ онъ вступилъ на престолъ, и въ первое время баварцы съ энтузіазмомъ отзывались о своемъ молодомъ, красивомъ королѣ. Но это продолжалось недолго, и первая причина разрыва между нимъ и его подданными была чрезмѣрная дружба съ Вагнеромъ. Онъ публично называлъ его своимъ великолѣпнымъ и гениальнымъ другомъ, запуская государственный дѣла для бесѣдъ съ поэтомъ-композиторомъ и задумалъ выстроить театр для исполненія Вагнеровскихъ оперъ, что стоило бы милліонъ фунтовъ стерлинговъ. Когда же возникла война въ 1866 году между Австріей и Пруссіей, то не только король сдѣлалъ ошибку, принявъ сторону Австріи, но самъ не пошелъ на войну, и пока баварцы проливали кровь на поляхъ битвы, онъ спокойно слушалъ оперы Вагнера и гулялъ съ нимъ въ великолѣпныхъ садахъ своихъ загородныхъ замковъ. Поэтому неудивительно, что послѣ пораженія Баваріи пруссаками парламентъ принялъ своего короля съ холоднымъ безмолвіемъ, а въ газетахъ открыто писали, что для Баваріи было бы величайшимъ счастіемъ, если бы Вагнеръ покинулъ Мюнхенъ. Въ виду народной ненависти, онъ дѣйствительно разстался со своимъ коронованнымъ другомъ, но не надолго; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова вернулся, и дѣло пошло по старому. Во франко-прусской войнѣ Людвигъ II, сдѣлавшійся послушнымъ вассаломъ «дяди Вильгельма», лично не принялъ никакого участія и только въ Версалѣ первый предложилъ императорскую корону прусскому королю. Между тѣмъ онъ продолжалъ вести свою странную, фантастическую жизнь. Онъ заявилъ публично, что влюбленъ въ королеву Марію-Антуанетту, и самое видное мѣсто въ его спальнѣ занималъ бюстъ этой несчастной королевы. Говорятъ, что ему очень нравилась русская великая княжна Марія Александровна, но онъ никогда не рѣшился сдѣлать ей предложеніе, а объявленный женихомъ принцессы Шарлоты, впоследствии вышедшей замужъ за герцога Аллансонскаго, онъ отказался отъ брака и выбросилъ изъ окна мраморный бюстъ своей не-

¹⁾ The Romance of Ludwig II of Bavaria. By Frances Gerard. London. 1899.

вѣсты. Вообще онъ относился къ женщинамъ очень странно и не любилъ, чтобы онѣ позволяли себѣ какія нибудь пѣжности въ отношеніи его. Такимъ образомъ на просьбу одной пѣвицы показать ей дворецъ онъ вызвался самъ быть ея проводникомъ, но когда она заявила желаніе посмотрѣть на его поэтическую спальную, то онъ приказалъ удалить ее изъ дворца и обкурить всѣ апартаменты, по которымъ она проходила. Другая пѣвица, Шевская, была приглашена сопровождать короля въ его прогулкѣ по озеру, устроенному въ зимнемъ саду его дворца, и пѣть, пока онъ самъ гребъ въ лодкѣ, имѣвшей форму лебедя. Все шло прекрасно, и король былъ очень доволенъ пѣніемъ, но пѣвица наконецъ вошла въ азартъ и стала гладить рукой его волосы. Людвигъ молча столкнулъ ее въ воду, а самъ поплылъ въ лодкѣ дальше, такъ что Вагнеру пришлось вытаскивать ее багромъ. Та же пѣвица Шевская заслужила негодованіе короля и удаленіе изъ оперной труппы за свою страсть къ наживѣ. Она взяла привычку дѣлать королю богатые подарки, говоря, что онъ потомъ, когда нибудь заплатитъ за нихъ, и дѣйствительно въ послѣдствіи получала деньги по счетамъ, которые онъ подписывалъ не читая. Однажды секретарь пришелъ въ удивленіе отъ чудовищной цифры, поставленной за какой-то коверъ, и, наведя справку, убѣдился, что всѣ подарки были оплачены королемъ вдвое и втрое противъ ихъ настоящей цѣнности. Людвигъ пришелъ въ негодованіе и не хотѣлъ болѣе слушать пѣніе столь дорогой пѣвицы. Всѣ эксцентричности короля, который присутствовалъ одинъ въ театрѣ при представленіи оперъ, одинъ сидѣлъ по часамъ въ зеркальной залѣ, освѣщенной тысячами свѣчей, строилъ безконечные дворцы и т. д., стоили слишкомъ дорого его подданнымъ, и они рѣшились положить конецъ безумнымъ королевскимъ прихотямъ, доходившимъ до того, что онъ составилъ планъ новаго замка въ Фалькенштейнѣ съ полами изъ драгоценныхъ камней. Въ началѣ іюня 1886 года, баварскій парламентъ, выступавъ докладъ министровъ о томъ, что король не хочетъ ихъ принимать и подписывать бумагу, а посылаетъ своихъ конюховъ посланниками въ иностранныя государства, назначилъ медицинское освидѣтельствованіе умственнаго состоянія короля, въ присутствіи комиссіи изъ сорока одного члена. Увидавъ эту комиссію, Людвигъ громко сказалъ: «заточить въ тюрьму этихъ измѣнниковъ, заковать въ цѣпи и предать голодной стерти!» 10-го числа объявлена была прокламація о назначеніи парламентомъ регентства въ лицѣ третьяго сына покойнаго короля Людвигъ I, принца Люитпольда, такъ какъ второй его сынъ Оттонъ уже прежде былъ признанъ сумасшедшимъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бѣдный король повялъ свое безпомощное положеніе и нанесенное ему оскорбленіе, а потому и наложилъ на себя руку. Хотя фактически извѣстно только, что онъ пошелъ съ докторомъ фонъ-Гудденомъ на берегъ озера Штурмае, а затѣмъ трупы того и другого найдены въ водѣ, но по медицинскому осмотру этихъ тѣлъ оказалось, что король и докторъ погибли въ борьбѣ между собою. Такъ какъ докторъ не имѣлъ никакого основанія потопить короля и пользовался самой лучшей репутаціей, то общественное мнѣніе въ Баваріи заключило съ полнымъ основаніемъ, что король самъ бросился въ воду, а докторъ пытался его спасти, но безуспѣшно.

— Воспоминанія генерала фонъ-Бойена и Георга Бунзена. Недавно вышли мемуары фонъ-Бойена ¹⁾, состоявшаго тридцать лѣтъ при германскомъ императорѣ Вильгельмѣ I, а американскій публицистъ Джонъ Биджело напечаталъ въ октябрьской книжкѣ «Century Magazine» рассказъ о томъ, что онъ слышалъ любопытнаго отъ своего друга Георга Бунзена о выдающихся личностяхъ нашего времени ²⁾. Тѣ и другія воспоминанія сообщаютъ немало любопытныхъ свѣдѣній о политическихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ во вторую половину истекающаго столѣтія. Генераль фонъ-Бойенъ былъ преданнымъ слугою Вильгельма и сопровождалъ его во время бѣгства принца въ 1848 году въ Лондонъ. Затѣмъ онъ присутствовалъ при заключеніи Ольмюцкой конвенціи, доставившей Австріи порвенствующую роль въ Германіи и унизившей Пруссію, а наконецъ онъ участвовалъ въ побѣдоносныхъ войнахъ Пруссіи съ Даніей, Австріей и Франціей. Во время послѣдней кампаніи ему поручено было отвезти Наполеона III послѣ Седана въ Вильгельмсгюз. Быть можетъ, наибольшій интересъ возбуждаетъ то, что пишетъ фонъ-Бойенъ объ Англіи, которую онъ, повидимому, очень не долубливалъ. Вотъ какъ онъ описываетъ объѣздъ въ Виндзорѣ, въ 1856 года. «Принцъ (будущій императоръ Вильгельмъ I) сѣлъ по правую сторону королевы, а по лѣвую она посадила меня. Викторія была въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Она безъ умолка болтала и смѣялась. Она смѣется такъ искренно и живо, что всѣ невольны слѣдуютъ ея примѣру, но смѣясь она такъ приподнимаетъ верхнюю губу, что видны ея десны, а это значительно уродуетъ ее. Зубы у нея прекрасные, глаза блестящія, а руки и плечи и бюстъ пластичны, но ужасно красны. Пальцы ея, какъ будто кровавые. Она разговариваетъ очень пріятно и вообще чрезвычайно любезна. Мы говорили съ ней о всевозможныхъ предметахъ, но болѣе всего о Крымской войнѣ и французской арміи. Признаюсь, меня немало удивило, что она прямо высказывала свое несочувствіе къ послѣдней. «Французы, — говорила она, — ужасные грабители, они берутъ все, что имъ попадаетъ подъ руку. Напротивъ, англійскій солдатъ ни до чего не касается». Приведа эти слова королевы, нѣмецкій генераль глубокомысленно замѣчаетъ: «О нѣжная иллюзія королевской особы!». Въ томъ же письмѣ Бойенъ объясняетъ, что мужъ Викторіи, принцъ Альбертъ, и всѣ знатныя особы при дворѣ очень не расположены къ Франціи, несмотря на англо-французскій союзъ, и не считаетъ возможнымъ, чтобы царствованіе Наполеона III продолжалось долго. Спустя годъ, авторъ мемуаровъ снова посѣтилъ Лондонъ съ своимъ принцемъ и его женой. На этотъ разъ онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Балъ во дворцѣ былъ великолѣпный, но королева постоянно шла впередъ нашей принцессы. Мнѣ говорили, что этого требуетъ англійскій этикетъ, но я по своему скромному сужденію нахожу такое поведеніе неприличнымъ. Я увѣренъ, что наша королева поступила бы иначе. Надняхъ Викторія продѣлала то же самое съ принцемъ на

¹⁾ Erinnerungen aus dem Leben des general-adjutanten Kaiser Wilhelm I von Boyen. Berlin. 1899.

²⁾ Some famous men of our time. Von Bunsen's recollections of his friends, by John Bigelow. The Century Magazine. October. 1899.

завтракъ, данномъ въ его честь въ Вульвичѣ. Подобныя манеры оскорбляютъ мое прусское сердце и возбуждаютъ въ немъ отвращеніе къ англичанамъ». Георгъ Бунзенъ былъ сыномъ прусскаго посланника въ Лондонѣ и началъ свою карьеру секретаремъ у отца. Съ молодости онъ очень усердно занимался филологическими трудами, но усиленная работа такъ подѣйствовала на его глаза, что онъ долженъ былъ отказаться отъ ученой и дипломатической дѣятельности. Онъ поселился на своей фермѣ въ Рейнской Пруссіи и только по временамъ ѣздилъ въ Берлинъ для присутствія въ прусскомъ парламентѣ, гдѣ сначала занималъ мѣсто на скамьѣ національ-либераловъ, а затѣмъ перешелъ въ партію свободомыслящихъ. Онъ умеръ въ 1896 году на 72-мъ году жизни и, по словамъ его друга, Джона Биджело, это былъ одинъ самыхъ образованныхъ и пріятныхъ людей, которыхъ онъ зналъ въ Берлинѣ. Часто видаясь съ Бунзеномъ, американецъ старался вывѣдать отъ него какъ можно болѣе интересныхъ свѣдѣній и теперь сообщаетъ отрывки изъ этихъ бесѣдъ, во время которыхъ Бунзенъ приводилъ много любопытныхъ анекдотовъ. Напримѣръ, по его словамъ, Меттернихъ отличался жаждой къ деньгамъ и охотно бралъ ихъ со всѣхъ и каждаго. По окончаніи вѣнскаго конгресса, Александръ I послалъ за нимъ и сказалъ: «Князь, я не хочу, чтобы наша дружба прекратилась, и потому прошу васъ писать ко мнѣ, какъ можно чаще, по крайней мѣрѣ черезъ двѣ недѣли. Конечно, я не могу ожидать, чтобы вы приняли на себя такой трудъ безъ соотвѣтственнаго вознагражденія и прикажу моему посланнику въ Вѣнѣ выдать вамъ такую-то сумму. И Александръ назвалъ такую цифру, которая соответствовала всему состоянію Меттерниха. Знаменитый дипломатъ охотно согласился, тѣмъ болѣе, что ему была не новость получать со стороны деньги, и при всѣхъ государственныхъ займахъ Австріи, чрезъ банкирскую контору Ротшильда, онъ всегда получалъ значительные подарки. Его корыстолюбіе доходило до того, что когда прусскій король, желая сдѣлать пріятное могущественному канцлеру, купилъ послѣ многихъ хлопотъ семейный домъ Меттерниха въ Кобленцѣ, гдѣ онъ родился, и подарилъ ему, то онъ немедленно приказалъ продать домъ и даже не взглянулъ на него. Бунзенъ лично зналъ поэта В. А. Жуковскаго, воспитателя Александра II, и передавалъ своему американскому другу, что онъ однажды спросилъ у Жуковскаго: доволенъ ли онъ успѣхомъ своего воспитанія державнаго ученика, на что получилъ въ отвѣтъ: «Кажется, я достигъ успѣха, потому что въ восемнадцать лѣтъ мой великій князь не презиралъ людей». Изъ безконечныхъ рассказовъ Бунзена о Вильгельмѣ I Биджело приводитъ только подробности о первой любви Вильгельма къ княгинѣ Радзивилль, на которой онъ хотѣлъ жениться, и отказался отъ такого намѣренія только, когда ему доказали, что дѣти отъ такого брака не будутъ имѣть права на престолъ. Хотя Бунзенъ не долюбивалъ Францію, но онъ признавалъ, что при третьей республикѣ сдѣланы большіе шаги впередъ по пути истиннаго прогресса, и что если еще во Франціи осталось много несочувственнаго, то это благодаря не республикѣ, а централизационной политикѣ Людовика XIV.

— Біографія Теккереея. Хотя первый юмористъ нашего времени умеръ 36 лѣтъ тому назадъ, но до сихъ поръ не существуетъ его обстоятельной под-

ной біографіи. Дочь его мистриссъ Риччи, авторъ многихъ талантливыхъ романовъ, объявила причину такого страннаго явленія въ только что законченномъ ею «Біографическомъ изданіи сочиненій Теккерея», съ приложеніемъ ея замѣчаній и комментаріевъ. «Мой отецъ не желалъ, чтобы была написана его біографія», говоритъ она прямо, «а потому ни дочь, ни его друзья или близко знавшіе его люди не нарушили его желаній. «Въ настоящее время нашелся человекъ, не знавшій Теккерея и не отличающійся критическимъ талантомъ, Люисъ-Мелвилъ, который написалъ, или, лучше сказать состриналъ «Жизнеописаніе Вильяма Мэкписа Теккерея» ¹⁾. Литературные органы англійской печати отнеслись очень строго и рѣзко къ этому труду, который, конечно, не представляетъ настоящей біографіи, психологическаго изслѣдованія и критической оцѣнки знаменитаго романиста. Но все-таки надо отдать справедливость автору, что онъ добросовѣстно собралъ или, лучше сказать, переписалъ все, что появилось объ его герояхъ въ книгахъ, журналахъ и газетахъ. Такимъ образомъ сочиненіе Мелвилля представляетъ, если не біографію, то богатый матеріалъ для біографіи, и такъ какъ врядъ ли скоро появится лучший и болѣе серьезный литературный трудъ о Теккереѣ, то и его біографическая мозаика имѣетъ значеніе для всякаго желающаго познакомиться съ жизнью и литературной дѣятельностью автора «Ярмарки тщеславія». Такъ какъ въ комментаріяхъ мистриссъ Риччи къ произведеніямъ ея отца сообщены полныя свѣдѣнія о всемъ, что касается до Теккерея, какъ писателя, то наибольшій интересъ представляютъ тѣ главы двухъ объемистыхъ томовъ труда Мелвилля, которыя посвящены Теккерею, какъ человеку. Изъ массы свѣдѣній, собранныхъ Мелвиллемъ вполне рельефно выдѣляется симпатичный образъ Теккерея во всѣ эпохи его жизни, въ которыхъ онъ является то любителемъ литературы и авторомъ уморительныхъ пародій, то собственникомъ, редакторомъ и сотрудникомъ не долго существовавшей газеты, «National Standard», то издателемъ и парижскимъ корреспондентомъ столь же недолговѣчнаго органа печати, «Constitutional and Public Ledger», то артистомъ и каррикатуристомъ, то авторомъ журнальныхъ статей и сотрудникомъ «Punch», то, наконецъ, великимъ романистомъ, популярнымъ чтецомъ своихъ сочиненій и редакторомъ «Cornhill Magazine». Теккерея былъ, хотя физически крупный человекъ, но нравственно не сильная натура и, живя въ обществѣ, онъ не принадлежалъ къ нему, такъ что скорѣе онъ былъ зрителемъ, чѣмъ дѣйствующимъ лицомъ въ жизненной траги-комедіи. Онъ любилъ домашній очагъ, семью, друзей, книги, картины и музыку, даже иногда цѣнилъ хорошій обѣдъ и веселую компанію, но все-таки проходилъ жизненный путь одинокимъ, задумчивымъ и меланхолическимъ человекомъ, который видѣлъ печаль въ каждой радости и подмѣчалъ слезу во всякой улыбкѣ. Онъ даже на собственную жизнь смотрѣлъ, какъ бы со стороны. «Я часто думаю о себѣ», говорилъ онъ, «и удивляюсь, что посторонніе не замѣчаютъ, какой я пустой человекъ». Несмотря на это признаніе, Мелвилль доказываетъ, что Теккерея не былъ снобомъ, хотя многіе приписывали ему это

¹⁾ «The Life of William Makepeace Thackeray». By Levis Melville. 2 vol. London. 1899.

качество, потому что онъ любилъ бывать на обѣдахъ въ высшемъ обществѣ. Между прочимъ, суровый философъ Карлайль упрекалъ его въ этомъ, увѣряя, что свѣтскіе обѣды мѣшаютъ серьезной литературной работѣ. Напротивъ самъ Теккерей писалъ однажды: «Живописецъ, рисующій общество, долженъ бывать въ той средѣ, которую онъ изображаетъ, а потому я не могу не посѣщать общество, которое я описываю». Дѣйствительно, какъ Диккенсъ былъ живописцемъ низшихъ классовъ, такъ Теккерей—живописцемъ высшихъ, а слѣдовательно обязанъ былъ вращаться среди тѣхъ типовъ, которыхъ потомъ клеймилъ съ такимъ блестящимъ юморомъ. Сердце у Теккерей было очень доброе, нѣжное, сострадательное. Въ этомъ отношеніи Мельвилъ приводитъ много характеристичныхъ анекдотовъ. Однажды Теккерей узналъ, что одинъ изъ друзей его молодости разорился отъ безумно-расточительной жизни; онъ тотчасъ разыскалъ его въ какой-то труппѣ и разбилъ за непростительно легкомысленное поведеніе. Но, когда взбѣшенный бѣднякъ простился съ нимъ, то нашелъ въ лежавшей на столѣ книгѣ незамѣтно засунутый Теккереемъ банковый билетъ въ сто фунтовъ. Въ другой разъ его застали въ Парижѣ за очень страннымъ занятіемъ: онъ вынималъ шиллинги изъ ящичка, замѣнялъ ихъ золотыми монетами и писалъ на рецептъ: «Употреблять по мѣрѣ надобности. Д-ръ Теккерей.» На вопросъ о томъ, что это значитъ, онъ отвѣчалъ: «Одна бѣдная старуха просила меня достать ей лѣкарства, а я подозреваю, что она болѣе нуждается въ моемъ лѣкарствѣ, чѣмъ въ томъ, которое ей прописалъ медикъ». Онъ чрезвычайно любилъ дѣтей не только своихъ, но и чужихъ, охотно игралъ съ ними и рассказывалъ имъ сказки, отъ которыхъ они были въ восторгѣ. Миссъ Генріета Кокранъ, которая ребенкомъ знала Теккерей, рассказываетъ, что однажды онъ, играя съ нею и сестрами, неожиданно сталъ прощаться, говоря, что онъ очень голоденъ и пора обѣдать. Дѣти начали просить его остаться у нихъ и обѣщали угостить хорошимъ обѣдомъ. «Нѣтъ, друзья мои», сказалъ онъ съ уморительнымъ гримасой, «вы не можете мнѣ дать того, къ чему я привыкъ. Я всегда ѣмъ за обѣдомъ котлету изъ единорога и жаркое изъ слона». Трехлѣтняя сестра миссъ Кокранъ быстро отвѣчала: «А я могу». Она побѣжала въ другую комнату и съ торжествомъ принесла оттуда деревянныя фигуры единорога и слона. Теккерей пресерьезно взявъ принесенныя игрушки, спросилъ ножикъ и вилку и сталъ какъ будто рѣзать и ѣсть игрушки къ величайшему восторгу дѣтей. Потомъ онъ громко разсмѣялся и ушелъ, совершенно довольный весело проведеннымъ временемъ. «Надо обращать Божій день въ наибольшую пользу для людей», говаривалъ онъ, и этими словами резюмируется его религіозность, такъ какъ онъ не признавалъ внѣшнихъ обрядовъ, и пока лицемѣрные англичане ходили въ церковь, онъ ухаживалъ за больной теткой или старался развлечь разговорами стараго друга, который лишился единственнаго сына. Къ своей литературной работѣ Теккерей относился очень своеобразно. Онъ не жалѣлъ времени и труда для подготовки матеріала, напримѣръ, прочитывалъ цѣлую книгу, чтобы воспользоваться ею для нѣсколькихъ строкъ, или посѣщалъ далеко отстоящую мѣстность, чтобы придать описанію точный характеръ; но за исключеніемъ «Эсмонда» онъ никогда не составлялъ канвы своихъ романовъ, а писалъ главу за главой, часто не зная,

чѣмъ все кончится. «Я не руковожу изображаемыми мною лицами», говоритъ онъ, «а они ведутъ меня, куда хотятъ. Я иногда удивляюсь ихъ словамъ. Мнѣ кажется часто, что моимъ перомъ водить невѣдомая тайная сила. Я совершенно искренно восклицаю, написавъ ту или другую страницу: «Какъ это онъ или она такъ поступили или такъ сказали?» На вопросъ одного пріятеля, зачѣмъ онъ женилъ въ «Эсмондѣ» героя на его тещѣ, — Теккерей серьезно отвѣчалъ: «Я не женилъ его, они сами поженились».

— Отголоски дѣла Дрейфуса въ печати. Никогда не существовало судебного дѣла, которое надѣлало бы столько шума и волненія во всемъ свѣтѣ, какъ процессъ Дрейфуса. Наконецъ послѣ пятилѣтнихъ перипетій оно окончено помилованіемъ и, надо надѣяться, сдастся въ архивъ, не возбуждая новыхъ осложнений, хотя въ сущности вопросъ о виновности или невинности Дрейфуса остается и, по всему вѣроятію, долго останется темнымъ. Дѣло въ томъ, что всѣ, какъ его противники, такъ и защитники, ходятъ вокругъ и около этого таинственнаго процесса, словно боясь коснуться его настоящей сущности. Не только разнообразны суды, военные и общіе, которые его разсматривали, но газеты, журналы и даже книги, начинающія теперь выходить, повсюду держатся этой странной системы. Обвинители, защитники, свидѣтели, журналисты, писатели, говорятъ по поводу дѣла Дрейфуса о всемъ, кромѣ кореннаго вопроса, о которомъ все-таки имѣются какіе-то тайные документы, предъявленные судьямъ при закрытыхъ дверяхъ, въ первомъ военномъ судѣ безъ соблюденія законныхъ проформъ, а въ послѣднемъ по всѣмъ правиламъ искусства. По этимъ-то тайнымъ документамъ и постановлены два обвинительные приговора, такъ какъ рѣшеніе кассационной палаты, также тайно познакомившейся съ пресловутыми документами, нельзя считать оправдательнымъ, въ виду того, что палата разсматривала вопросъ не по существу, а лишь относительно новыхъ обстоятельствъ, вызывавшихъ вторичное разсмотрѣніе дѣла. Но всѣмъ говорящимъ и нишущимъ о Дрейфусѣ невѣдомы эти документы, а потому естественно и нагромождено столько сумятицы, путаницы и белиберды по несчастному дѣлу. Трезво, разумно и безпристрастно смотря на него, нельзя не признать наиболее вѣроятной ту гипотезу, которая объясняетъ весь мракъ, нагнанный въ сущности на простое дѣло о шпіонствѣ, въ родѣ котораго часто происходятъ во всѣхъ странахъ процессы, разрешаемые безъ всякаго скандала или шума подлежащею судебною властью, — невозможностью для французскаго правительства открыть всю суть дѣла. А невозможно это потому, что въ дѣло замѣшано иностранное государство. Такимъ образомъ, ларчикъ просто открывался, и все становится яснымъ. Дрейфусъ является шпіономъ, котораго нельзя открыто уличить изъ совершенно постороннихъ, чисто дипломатическихъ соображеній, а отсюда вытекаетъ сама собою та невообразимая путаница, которая такъ долго волновала Францію и весь міръ, тотъ Гордіевъ узелъ, который пришлось въ концѣ концовъ разрубить помилованіемъ. Конечно, это лишь гипотеза, но съ помощью ея объясняется странное, непонятное иначе отношеніе къ дѣлу французскаго правительства, многочисленныя неправильности судебныхъ производствъ, сохраненіе въ тайнѣ самыхъ важныхъ документовъ и общее хожденіе всѣхъ и cadaго вокругъ дѣла. Послѣднее явленіе, со-

ставляющее самую характеристичную черту дѣла Дрейфуса, еще рельефнѣе выставляется въ только что вышедшихъ книгахъ объ этомъ дѣлѣ и въ журнальныхъ статьяхъ, чѣмъ въ безконечныхъ газетныхъ разглагольствованіяхъ во время агитации, когда дѣло еще не было разрѣшено. Въ числѣ первыхъ особаго вниманія заслуживаютъ «Замѣтки о дѣлѣ Дрейфуса» Корнели ¹⁾, который велъ въ «Figaro» энергичный походъ за Дрейфуса и собралъ все, что только можно сказать въ пользу того, кого онъ считаетъ жертвой неправосудія, и «Трагедія Дрейфуса» Стивенса ²⁾, присутствовавшего при Реннскомъ судѣ въ качествѣ корреспондента лондонской газеты «Daily Mail». Англичанинъ не перепечатываетъ цѣликомъ своихъ корреспонденцій, а представляетъ чрезвычайно рельефную картину всего дѣла Дрейфуса, конечно, наиболѣе подробно рассказывая о Реннскомъ процессѣ. Этотъ живой, блестящій рассказъ вполне подтверждаетъ его заявленіе: «Я поѣхалъ въ Реннъ убѣжденный въ невинности Дрейфуса, а теперь я рѣшительно ничего не знаю по этому вопросу». Изъ всего, что видѣлъ и слышалъ этотъ безпристрастный очевидецъ въ Реннѣ, дѣйствительно можно прийти втупикъ. Съ одной стороны представлялись судьями невѣдомые документы, съ другой свидѣтели обвиненія, безконечные генералы и офицеры клялись въ виновности обвиняемаго, не приводя фактовъ, и гнали немилосердно, съ третьей—свидѣтели защиты, въ томъ числѣ и знаменитый Пикарь, клялись столь же бездоказательно въ противоположномъ, съ четвертой — одинъ защитникъ Дрейфуса, Лабори, громилъ обвиненіе во время допроса свидѣтелей, и въ концѣ концовъ отказался отъ защитительной рѣчи, а другой, Деманжъ, еще увеличилъ общую сумятицу талнственнымъ намекомъ на то, что настоящимъ виновникомъ могъ быть другой богатый еврейскій офицеръ, дѣйствовавшій черезъ Эстергази; наконецъ, съ пятой, самъ Дрейфусъ производилъ на всѣхъ очень неблагоприятное впечатлѣніе своей наружностью и огульнымъ отрицаніемъ всего, при чемъ онъ очевидно не всегда держался строгой правды. Все это нагоняетъ такой туманъ на это сложное, загадочное дѣло, что не только Стивенсъ пришелъ самъ въ сомнѣніе, кто правъ, кто виноватъ, но и сообщаетъ это сомнѣніе своимъ читателямъ. Конечно, вскорѣ выйдутъ отдѣльными книгами и противоположныя впечатлѣнія о Реннской драмѣ талантливаго романиста Марселя Прево и даровитаго публициста Бареса, изъ которыхъ первый въ парижскомъ изданіи «New-York Herald» на французскомъ языкѣ, а второй въ «Journal» ежедневно и очень картинно описывали засѣданія суда, но врядъ ли онѣ прояснятъ этотъ туманъ, потому что Прево—ярый дрейфусарь, а Баресъ—столь же пламенный анти-дрейфусистъ. До сихъ поръ появилось наиболѣе журнальныхъ статей въ Англіи, и онѣ всѣ единогласно безъ различія направленій, или партій стоятъ за Дрейфуса, клеймятъ приговоръ Реннскаго суда и съ злорадствомъ доказываютъ нравственное паденіе Франціи. Въ этомъ вторитъ имъ и одинъ русскій юристъ, напечатавшій въ «Times» на французскомъ языкѣ гнѣвный протестъ противъ Реннскаго суда и вообще Франціи, которая, по его мнѣнію, доказала исторіей Дрей-

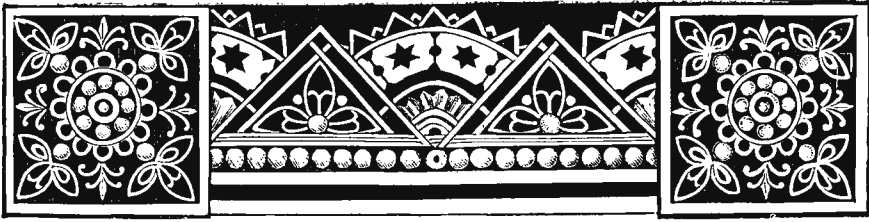
¹⁾ Notes sur l'affaire Dreyfus, par J. Cornely. Paris. 1899.

²⁾ The tragedy of Dreyfus, by G. Steevens. London. 1899.

фуса, что она окончательно потеряла принадлежавшее ей мѣсто среди передовыхъ цивилизованныхъ странъ. Нельзя не выразить удивленія, какъ легко взваливаютъ вину въ дѣлѣ Дрейфуса на всю Францію и забываютъ, что виновенъ, или не виновенъ Дрейфусъ, а врядъ ли въ какой нибудь странѣ, кромѣ современной республиканской Франціи, горсть политическихъ дѣятелей и журналистовъ добилась бы пересмотра приговора военного суда въ дѣлѣ, въ которомъ задѣта честь арміи и правительства. Конечно, главный штабъ, многіе генералы, министры, политическіе дѣятели и журналисты покрыли себя въ этомъ дѣлѣ позоромъ, но за то честные, упорные бойцы за правду, какъ Бриссонъ, Клемансо, Жоресъ, Зола, Пресензэ и т. д., которые смѣло и безбоязненно довели дѣло Дрейфуса до пересмотра, доказали, что далеко республиканская Франція не дошла до упадка, а напротивъ, по выраженію Годферно въ статьѣ «Философія дѣла Дрейфуса» въ *Fortnightly Review* ¹⁾, она идетъ, какъ всегда, по пути прогресса впереди другихъ націй, какія бы преграды ни ставили ея прогрессивнымъ идеямъ милитаризмъ, клерикализмъ и всякіе другіе измы. Всего правильнѣе отнестя къ этому пресловутому дѣлу французскій народъ, представители котораго, простые крестьяне, совершенно вѣрно охарактеризовали его. Одинъ поселянинъ сказалъ газетному корреспонденту: «Ничего нельзя понять въ этомъ дѣлѣ, а народъ платитъ!». Другой же крестьянинъ прибавилъ: «Виноватъ ли Дрейфусъ или не виноватъ, сказать трудно. Но вѣрно, что будь на мѣстѣ Дрейфуса какой нибудь бѣднякъ, простой солдатикъ, то дѣло не приняло бы такихъ размѣровъ, не вызвало бы такого шума».

¹⁾ The philosophy of the Dreifus cose, by M. Godfernaux. *Fortnightly Review*.—September. 1889.

С М Ъ С Ъ.

РИСУЖДЕНИЕ Уваровскихъ премій. 25-го сентября въ маломъ конференцъ-залѣ Императорской Академіи Наукъ въ часъ дня былъ въ публичномъ засѣданіи прочитанъ отчетъ о сорокъ-первомъ присужденіи награды графа Уварова. Въ текущемъ году на соисканіе этихъ наградъ было подано восемь сочиненій и сверхъ того одно, отложенное отъ прошлаго конкурса. Для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена коммиссія, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря академіи, изъ вице-президента академіи Л. Н. Майкова и академикъ А. Н. Веселовскаго, В. В. Латышева, А. Н. Пышина и А. А. Шахматова. Коммиссія въ свою очередь избрала рецензентовъ. По полученіи рецензій, за исключеніемъ одной, коммиссія признала вполне достойнымъ большой преміи въ 1.500 рублей сочиненіе г. Голубева — «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники». Т. II. Кіевъ. 1898. Оцѣнку этого сочиненія приняла на себя проф. П. В. Знаменскій. Первый томъ этого же сочиненія былъ увѣнчанъ еще въ 1883 году святѣйшимъ синодомъ преміей митрополита Макарія. Подобно первому тому, новая работа проф. Голубева обладаетъ богатѣйшимъ содержаніемъ, рѣдкимъ по самостоятельности изслѣдованіемъ и значительнымъ количествомъ научныхъ новостей и составляетъ поэтому для русской исторіи важное и цѣнное приобрѣтеніе. «Въ сочиненіи прежде всего поражаетъ громадная эрудиція автора, — говоритъ рецензентъ, — нѣтъ, кажется, книги и статьи по исторіи юго-западной церкви Могилинскаго времени, которыхъ бы онъ не прочиталъ съ полнымъ вниманіемъ и критической оцѣнкой. Не довольствуясь для своего изслѣдованія уже извѣстными въ печати матеріалами, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ отыскивалъ въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ му-

заяхъ, архивахъ и библіотекахъ новыя памятники и источники. Содержаніе книги г. Голубева состоитъ изъ обзорѣнія разныхъ сторонъ дѣятельности Петра Могилы за время его служенія въ санѣ митрополита. Главная и самая большая заслуга автора состоитъ въ первичномъ починѣ научной провѣрки прежнихъ изслѣдованій по исторіи юго-западной церкви и въ разработкѣ ея почти заново по множеству рѣдкихъ и критически имъ изученныхъ матеріаловъ. Не полная премія въ 500 рублей присуждена слѣдующимъ сочиненіямъ: I. М. Дьяконовъ. 1) «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI и XVII вв.)». С.-Петербургъ. 1898 и 2) «Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Выпуски I и II. Юрьевъ. 1895 и 1897. Рассмотрѣніе этихъ сочиненій было поручено проф. А. С. Лапо-Данилевскому, который между прочимъ въ своей оцѣнкѣ говоритъ: «Лишь тотъ, кто самъ нѣсколько работалъ въ нашихъ архивахъ надъ рукописями XVI—XVII вв., можетъ оцѣнить долготерпѣніе и трудъ, какіе понадобились г. Дьяконову для систематическаго просмотра множества документовъ, имѣющихъ существенное значеніе для исторіи прикрѣпленія къ тяглу сельскихъ жителей Московскаго государства. При такихъ условіяхъ работа автора можетъ служить основаніемъ для новыхъ розысканій въ той области явленій, выясненію которыхъ посвящены его очерки и, слѣдовательно, несомнѣнно будетъ способствовать дальнѣйшему научному движенію впередъ. Несмотря на богатство собранныхъ матеріаловъ, г. Дьяконовъ ограничился преимущественно ихъ анализомъ и воздержался отъ общихъ заключеній. Богатство матеріала, какъ печатнаго, такъ и рукописнаго, строгость въ приемахъ ученаго изслѣдованія и обиліе частныхъ выводовъ даютъ полное основаніе отвести въ нашей ученой литературѣ по исторіи отечественнаго права почетное мѣсто этому труду. Н. Д. Багалъй. «Опытъ исторіи Харьковскаго университета». Т. I. (1802—1815)». Харьковъ. 1893—1898. Оцѣнку этого сочиненія производилъ В. И. Срезневскій. Трудъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе широтою замысла автора и заключаетъ въ себѣ не лѣтопись только внутренней жизни Харьковскаго университета, научной и учебной, а его исторію въ связи съ исторіей мѣстнаго просвѣщенія и развитіемъ народнаго образованія, исторію вліянія университета на умственное развитіе края, на ростъ и благоустройство города. Наиболѣе удачными главами труда г. Багалъя слѣдуетъ признать двѣ начальныя главы, дающія много интересныхъ, а часто и новыхъ свѣдѣній, важныхъ не только для исторіи просвѣщенія въ Харьковскомъ краѣ, но и для исторіи русской образованности вообще. Еще большее значеніе слѣдуетъ признать за послѣдней главой «опыта», посвященной дѣятельности университета по наблюденію за среднимъ и низшимъ народнымъ образованіемъ. Сообщая чрезвычайно много новыхъ данныхъ, настоящая глава важна и тѣмъ, что даетъ университету обликъ учрежденія первостепеннаго значенія, какъ разсадника культуры вообще. Одновременно съ присужденіемъ этихъ наградъ, комиссія, за ограниченнымъ числомъ денежныхъ наградъ, присудила почетные отзывы слѣдующимъ сочиненіямъ: I. В. И. Шенрокъ. «Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя». Т. I—IV. Москва. 1892—1898. Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя членъ-корреспондентъ академіи А. И. Кирпичниковъ. По его мнѣнію,

въ книгѣ г. Шенрока разсѣяна бездна поучительныхъ и полезныхъ фактовъ и замѣчаній и имѣются два весьма тщательно составленныхъ указателя, такъ что этотъ трудъ явится безусловно необходимымъ для всякаго, кто будетъ заниматься какимъ бы то ни было историко-литературнымъ вопросомъ изъ эпохи 30-хъ—50-хъ годовъ. Важнѣйшая же заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ съ горячей сердечной любовью къ предмету своего изслѣдованія свелъ добросовѣстно все или почти все, какъ крупное, такъ и мелкое, что было сдѣлано до сихъ поръ по Гоголю, и подвергъ собранное обстоятельному пересмотру. II. П. О. Бобровскій. «Исторія лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка». Семь томовъ. С.-Петербургъ, 1892—1898. Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя проф. Николаевской академіи генеральнаго штаба полк. А. З. Мышлаевскій. «На мой взглядъ,—говоритъ рецензентъ,—въ трудѣ П. О. Бобровскаго слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе главные недостатки: 1) неполноту фактическаго матеріала за первые 150 лѣтъ существованія полка, являющуюся слѣдствіемъ недостаточнаго изученія доступнаго для пользованія архивнаго матеріала; 2) непригодный для полковой исторіи критическій методъ изложенія и 3) рискованныя характеристики. Несмотря на эти недостатки, трудъ этотъ займетъ свое мѣсто, какъ одинъ изъ источниковъ, обильный указаніями на взгляды, господствовавшіе у насъ въ послѣднія 250 лѣтъ на военное дѣло. Въ этомъ случаѣ критическія замѣчанія автора, его опыты достовѣрнаго освѣщенія и восстановленія фактовъ и даже нѣкоторая оригинальность сужденій будутъ имѣть большую цѣну. III. А. Н. Неустроевъ. «Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому разысканію о нихъ». С.-Петербургъ. 1898. Рецензія на это сочиненіе принадлежитъ академику Л. Н. Майкову. По его мнѣнію, при употребленномъ г. Неустроевымъ исключительно алфавитномъ порядкѣ, съ одной стороны, рѣдкія въ «Указателѣ» нарицательныя имена совершенно тонуть въ кучѣ именъ собственныхъ, съ другой же стороны, такъ какъ въ прошломъ вѣкѣ нашъ языкъ не отличался опредѣленностью въ употребленіи терминовъ и даже просто въ словоупотребленіи, когда дѣло касалось отвлеченныхъ предметовъ,—одно и то же понятіе нравственнаго свойства, но обозначенное разными словами, является въ «Указателѣ» въ разныхъ мѣстахъ. Это замѣчаніе—впрочемъ единственное, которое можно высказать относительно плана работы г. Неустроева, имѣющей тѣмъ не менѣе безспорно высокую научно-историческую цѣнность и способной сослужить добрую службу всѣмъ тѣмъ, кому нужно обращаться къ русскимъ періодическимъ изданіямъ прошлаго вѣка. IV. И. Е. Тymoшенко. «Литературные первоисточники и прототипы 300 русскихъ пословицъ и поговорокъ». Кіевъ. 1897. Оцѣнку этого труда произвелъ Э. Г. Курць. Авторъ поставилъ себѣ задачей дать полный сводъ тѣхъ русскихъ пословицъ и поговорокъ, которыя произошли отъ греческихъ и латинскихъ источниковъ, представляя или буквальный переводъ, или передѣлку древнихъ образцовъ. Собранный матеріалъ окажется полезнымъ для будущихъ изслѣдователей въ области русской пословицы и особенно для любителей пословичной мудрости, которымъ не достаетъ времени или случая для собственнаго ознакомленія съ оригинальными сборниками античныхъ пословицъ. По прису-

жденіи премій, Академія Наукъ положила благодарить гг. рецензентовъ: проф. А. С. Лаппо-Давилевскаго, проф. А. И. Кирпичникова, проф. А. З. Мышлаевскаго, проф. П. В. Знаменскаго, В. И. Срезневскаго и Э. Г. Курца. Всѣмъ этимъ лицамъ назначены Уваровскія золотыя медали.

Юбилей М. Н. Капустина. 21-го сентября праздновалось 50-ти-лѣтіе служебной и литературной дѣятельности почетнаго опекуна с.-петербургскаго присутствія опекунскаго совѣта вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, заслуженнаго профессора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника М. Н. Капустина. Маститый юбиляръ давно уже боленъ и даже совершенное утромъ въ квартирѣ его благодарственное молебствіе могъ выслушать, лишь сидя въ креслѣ. Былъ принятъ, и то на короткое время, одинъ только, явившійся съ привѣтствіемъ тотчасъ же послѣ молебствія, главноуправляющій собственной его императорскаго величества канцеляріей по учрежденіямъ императрицы Маріи, предсѣдатель опекунскаго совѣта, генераль-адъютантъ графъ Н. А. Пратасовъ Бахметевъ. Въ теченіе дня получено было изъ разныхъ городовъ Россіи множество адресовъ и телеграфныхъ и письменныхъ привѣтствій. Весьма сочувственный адресъ, очерчивающій плодотворную дѣятельность М. Н., полученъ былъ отъ императорскаго Училища Правовѣднія, за подписью попечителя училища принца А. П. Ольденбургскаго. Затѣмъ адреса получены были: отъ Ярославскаго юридическаго лица, первымъ директоромъ котораго въ свое время былъ М. Н., отъ Юрьевскаго университета, Нѣжинскаго института князя Безбородка, петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ и комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, отъ которыхъ въ то же время полученъ былъ изящный альбомъ съ фотографическими карточками, отъ Маріинскаго и Павловскаго женскихъ институтовъ, почетнымъ опекуномъ которыхъ состоитъ юбиляръ, отъ петербургской городской комиссіи по народному образованію, Рижскаго учебнаго округа, разныхъ средне-учебныхъ заведеній Петербурга и другихъ губерній, московскихъ—попечительнаго о бѣдныхъ комитета императорскаго человѣколюбиваго общества и состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы общества поощренія трудолюбія, русскаго благотворительнаго общества въ Юрьевѣ, затѣмъ отъ многихъ частныхъ лицъ—изъ Одессы, Митавы, Риги, Вологды, Пскова и проч. Въ квартиру юбиляра въ теченіе дня пріѣзжали и расписывались въ выставленной книгѣ почетные опекуны—баронъ А. П. Гершау, К. У. Араповъ и П. Х. Шванебахъ, статсъ-секретари государственнаго совѣта—сенаторъ В. К. фонъ-Плеве, Н. Д. Сергѣевскій, Н. Ф. Дерюжинскій, сенаторы Н. С. Таганцевъ, С. В. Пахманъ, Э. Я. Фуксъ и многіе другіе. М. Н. Капустинъ принадлежитъ къ выдающимся дѣятелямъ на научномъ и педагогическомъ поприщѣ, и заслуги его въ дѣлѣ образованія юношества весьма обширны. Служебная дѣятельность его началась въ 1849 году съ 3-й московской гимназіи, куда онъ поступилъ, по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету, преподавателемъ законовѣднія, только что въ то время вводившагося въ гимназіяхъ. Вскорѣ, однако, онъ былъ приглашенъ въ Московскій университетъ на должность профессора по международному праву, гдѣ и оставался въ теченіе 18 лѣтъ, состоя въ

то же время преподавателемъ законовъ въ первомъ кадетскомъ московскомъ корпусѣ и затѣмъ въ Александровскомъ военномъ училищѣ. Съ преобразованиемъ въ 1868 году Ярославскаго (камеральнаго) лицея въ юридическій, М. Н. былъ избранъ первымъ директоромъ лицея, и въ теченіе 13 лѣтъ своей здѣсь службы добился полнаго успѣха, сгруппировавъ около себя молодыя ученые силы и поставивъ преподаваніе въ лицей на уровень современныхъ требованій. Назначенный затѣмъ попечителемъ Дерптскаго (Юрьевскаго) учебнаго округа, онъ, занявшись преобразованиемъ прибалтійскихъ учебныхъ заведеній, въ короткое время достигъ весьма значительныхъ результатовъ въ дѣлѣ водворенія въ округѣ русскихъ началъ, проводившихся имъ твердо и рѣшительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно и съ терпѣніемъ. Такимъ же успѣхомъ отмѣчалась и дѣятельность его въ должности управляющаго Рижскимъ учебнымъ округомъ, которую онъ затѣмъ занималъ. Въ 1890 г. М. Н. былъ перемѣщенъ на должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. Здѣсь онъ особенное вниманіе посвящалъ вопросамъ средняго образованія и, между прочимъ, заботился о приведеніи въ болѣе нормальное положеніе отношеній учителей гимназій къ своимъ ученикамъ. Въ Петербургѣ ввѣрено было ему преподаваніе международнаго права наслѣднику цесаревичу, нынѣ царствующему Государю Императору Николаю Александровичу, а затѣмъ, по высочайшему повелѣнію, онъ читалъ лекціи въ Абась-Туманѣ нынѣ почившему наслѣднику Георгію Александровичу. Съ 1891 года онъ состоитъ членомъ совѣта и профессоромъ по энциклопедіи въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Почетнымъ опекуномъ состоитъ съ 1896 года. Среди принадлежащихъ ему многочисленныхъ печатныхъ трудовъ особенно выдающимися являются: 1) «Дипломатическія сношенія Россіи съ Западной Европой во 2-й половинѣ XVII вѣка»; 2) «Обозрѣніе предметовъ международнаго права»; 3) «Взглядъ на состояніе политической науки въ Европѣ»; 4) «О значеніи національности въ международномъ правѣ»; 5) «Очеркъ исторіи права въ Западной Европѣ» и 6) «Этнографія и право». Кромѣ этого, множество крупныхъ и болѣе мелкихъ статей помѣщено было имъ въ разныхъ періодическихъ журналахъ.

Археологическій институтъ. Съ нынѣшняго учебнаго года институтъ вступаетъ въ новую эру своего существованія. До сихъ поръ онъ являлся частнымъ учрежденіемъ и существовалъ, главнымъ образомъ благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ, интересующихся археологіей, пользуясь лишь только самой незначительной субсидіей отъ казны. Изъ такого довольно шаткаго положенія онъ переходитъ въ совершенно упроченное, будучи принятъ въ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія и получивъ особый уставъ о своемъ положеніи. Сообразно новому положенію и особому значенію, которое начинаетъ приобрѣтать институтъ, программа его расширена. Въ наступающемъ учебномъ году будутъ читать лекціи по слѣдующимъ предметамъ: А. И. Соболевскій — по славяно-русской палеографіи; А. П. Вороновъ — по архивовѣдѣнію; Н. И. Веселовскій — по первобытной археологіи; Н. В. Покровскій — по христіанской археологіи; В. И. Сергѣевичъ — о юридическихъ древностяхъ; С. М. Серодонинъ — по исторической географіи и этнографіи Россіи; А. К. Марковъ — по

нумизматикъ; Н. П. Лихачевъ — по дипломатикъ; С. В. Гольдштейнъ — о польско-литовскихъ древностяхъ; Г. О. Цертели — по греческой палеографіи; Н. Н. Дебольскій — о московскомъ приказномъ строѣ въ XVI—XVII столѣтіяхъ; А. Л. Погонинъ — о славяно-русскихъ древностяхъ; Н. К. Рерихъ — о художественной техникѣ въ ея примѣненіи къ археологіи. Слушаніе лекцій по пяти послѣднимъ предметамъ необязательно. По новому положенію объ институтѣ въ немъ полагается чтеніе лекцій по славяно-русской археографіи. На эту кафедру со вѣтомъ института рѣшено пригласить извѣстнаго московскаго архивиста Оглобина. На первый курсъ принято уже болѣе семидесяти человѣкъ.

Новый Кіевскій кладъ. Въ части города, называемой Липками, по Екатерининской улицѣ, домомъ и садомъ подъ № 9 многіе годы владѣлъ А. В. Гудимъ-Левковичъ. Въ 1894 году онъ продалъ домъ подъ № 9 потомственному почетному гражданину Льву Израилевичу Бродскому. Лѣтомъ текущаго года г. Бродскій, находясь за границей, приказалъ въ свое отсутствіе приступить къ сооруженію оранжереи. Во время постройки, 28 августа, одному изъ каменщиковъ-поденщиковъ, Николаю Жулидову было поручено выкопать небольшую яму для извести; погрузивъ нѣсколько разъ лопату въ землю, Жулидовъ услышалъ звонъ и, присмотрѣвшись къ кускамъ земли, замѣтилъ въ нихъ желтыя монеты; разсмотрѣвъ ихъ, онъ увидѣлъ на нихъ какія-то изображенія и поинтересовался посмотреть, нѣтъ ли еще въ землѣ подобныхъ же монетъ. Порывшись въ землѣ, каменщикъ извлекъ оттуда еще нѣсколько монетъ, затѣмъ — два металлическія кольца на подобіе браслетовъ, двѣ металлическія пластинки, похожія на сургучныя палочки, металлическій витой ободокъ, куски глинянаго горшка и желѣзный старый заржавѣвшій замокъ. За исключеніемъ двухъ послѣднихъ предметовъ, всѣ вещи были изъ желтаго металла, который оказался золотомъ. Монеты величиною въ полуимперіалъ и пять рублей. Меньшія монеты нѣсколько толще большихъ, при чемъ изъ послѣднихъ нѣкоторыя выгнуты. На большинствѣ монетъ можно отчетливо разсмотрѣть хорошо сохранившіяся изображенія византійскихъ императоровъ, на обратной сторонѣ изображеніе Иисуса Христа. Всѣхъ монетъ 16, при чемъ, вопреки газетнымъ сообщеніямъ, ни работники, ни лакей г. Бродскаго никакихъ монетъ не утаивали. Два золотыя большія гладкія кольца, на подобіе браслетовъ, не вполне соединенныя концами, весьма массивныя, литыя, вѣсятъ большой — 27 зол. 82 доли, а меньшій — 23 зол. 32 доли. Витой ободокъ, также на подобіе браслета, тонкой художественной работы, вѣситъ 10 зол. 20 долей. Центръ тяжести клада не въ монетахъ и браслетахъ, а въ двухъ массивныхъ золотыхъ, литыхъ палочкахъ. Онѣ вѣсятъ: одна, большаго размѣра, съ четырьмя зарубками, 33 зол. 56 долей, другая, меньшаго размѣра, безъ зарубокъ 22 зол. 80 долей. 31 августа хозяинъ усадьбы Л. И. Бродскій, возвратясь изъ-за границы въ Кіевъ, для выясненія историческаго значенія и цѣнности клада, отправилъ его къ профессору В. Б. Антоновичу; затѣмъ кладъ былъ предъявленъ и другому знатоку, попечителю Кіевскаго учебнаго округа Вельяминову-Зернову. Въ виду важности клада, а также компетентности названныхъ ученыхъ, приводимъ ихъ заключеніе въ подробности. Большинство монетъ византійскихъ, одна же мавровъ Испаніи: 1) одна монета Никифора II Фоки 963—969 г.

истор. вѣстн., ноябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

28

(Sabatier II, 138 № 3, 50 франковъ); 2) семь монетъ Василія II и Константина II, 976—1025 г. (Sabatier II, 147, №№ 1, 4, 5, по 45 франковъ); 3) двѣ монеты Романа III, 1028—1034 (Sab. II, 152, № 1, 30 фр.); 4) одна монета Константина XII Мономаха, 1042—1055 г. (Sab. II, 157, № 2, 40 фр.); 5) четыре монеты Исаака I Комнина, 1057—1057 (Sab. II, 168, № 1, 40 фр.); наконецъ, 5) одна монета мавровъ Испаніи, династіи Хамудидовъ Халифа Яхья, 1033 г. по христіанскому лѣтосчисленію. Громадное значеніе придаетъ проф. Антоновичъ двумъ золотымъ литымъ палочкамъ, похожимъ на палочки сургуча, не совсемъ правильной формы. Это—древнія русскія гривны, то-есть монеты, цѣною на наши деньги примѣрно каждая по полторы тысячи рублей. Профессоръ Антоновичъ никогда не видалъ золотыхъ гривенъ и полагаетъ, что это—уники. Стоимость ихъ невыразима, значеніе для русской науки неизмѣримо велико. Г. Вельяминовъ-Зерновъ отозвался, что, въ виду золотыхъ гривенъ, новый кладъ несравненно цѣннѣе клада, найденнаго въ Кіево-Печерской лаврѣ. По 430 ст. X тома Св. Зак. кладъ составляетъ собственность того, кому принадлежитъ земля, въ которой найденъ кладъ, т. е. г. Бродскому. Начальникъ кіевского губернскаго жандармскаго управленія, генералъ-майоръ В. Д. Новицкій, явился къ г. Бродскому и упросилъ его поднести кладъ Императорскому эрмитажу, съ тѣмъ, чтобы въ нашемъ древлехранилищѣ было оставлено все, что будетъ признано особенно цѣннымъ. Г. Бродскій согласился съ доводами г. Новицкаго и передалъ ему весь кладъ. В. Д. Новицкій прошнуровалъ каждую вещь, приложилъ къ шнурамъ казенную печать и 12 сентября отправилъ кладъ къ директору Императорскаго эрмитажа. Находка клада, предметы котораго относятся къ X и XI в., подтверждаетъ древность Кіева, какъ крупнаго торговаго центра, гдѣ имѣли сбытъ и распространеніе монеты отдаленныхъ странъ. Находка византійскихъ монетъ подтверждаетъ существованіе сношеній между Кіевомъ и Византіей тысячу лѣтъ тому назадъ. Кладъ найденъ въ части города, гдѣ находится Кіево-Печерская лавра. Эта часть города находилась внѣ стѣнъ древняго великокняжескаго города, гдѣ были терема великихъ князей. Въ этой части города находится церковь Спаса на Берестовѣ, построенная еще Владиміромъ Святымъ. Находка этого клада только подтверждаетъ, что въ нѣдрахъ Кіева сокрыто еще немало предметовъ, которые могли бы пролить свѣтъ на историческое прошлое матери городовъ русскихъ. Къ сожалѣнію, правильныхъ археологическихъ раскопокъ до сихъ поръ не было произведено на территоріи Кіева. Всѣ находки имѣли случайный характеръ.

Герцогскій архивъ въ Митавѣ. (Сообщеніе комиссіи по разбору герцогскаго архива). Ученые могли ознакомиться съ содержаніемъ бывшаго герцогскаго архива въ Митавѣ лишь по изданной въ трудахъ археологической комиссіи росписи¹⁾.

Высочайше учрежденная осенью 1898 года комиссія по разбору герцог-

¹⁾ Труды X Археологическаго съѣзда. Выпускъ II. М. 1896 г., стр. 224. Роспись актамъ и документамъ герцогскаго архива въ Митавѣ. Составилъ О. Шиманъ, перевелъ и дополнилъ К. Военскій. (Заключаетъ въ себѣ 1588 номеровъ, изъ нихъ 47 не найдено).

скаго архива, приступая къ обозрѣванію находящихся въ архивѣ матеріаловъ, убѣдилась, что отпечатанная въ трудахъ археологическаго съѣзда роспись не представляетъ изъ себя перевода полнаго каталога, составленнаго въ 1881 году докторомъ Шиманомъ, какъ это косвеннымъ образомъ явствуетъ, съ одной стороны изъ показанія самого Шимана, сосчитавшаго 2154 номера ¹⁾, а съ другой стороны изъ надписей, учиненныхъ рукою Шимана на пачкахъ, которыя далеко не всѣ вошли въ переводъ К. А. Военскаго. Не давая полнаго каталога Шимана, переводъ Военскаго, помимо нѣкоторыхъ погрѣшностей, нуждающихся въ исправленіи, содержитъ и такія указанія, которыя не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, т. е. приводятъ такіе акты и документы, которыхъ не удалось обнаружить въ архивѣ, между тѣмъ какъ другіе матеріалы пропущены не только въ переводной росписи Военскаго, но, вѣроятно, и въ подлинномъ каталогѣ Шимана.

Изложенное привело комиссію къ заключенію о необходимости составить новую роспись, при чемъ на первыхъ порахъ она признала удобнымъ держаться принятой Шиманомъ системы нумераціи, поскольку она могла быть установлена по подлиннымъ надписямъ; нумерованную же часть архива, лишенную впрочемъ историко-политическаго значенія, регистрировать особо, именуя ее второй частью архива.

Очеркъ исторіи герцогскаго архива, составленный членомъ комиссіи Х. Дидерихсомъ, отпечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ въ трудахъ ²⁾ Курляндскаго общества литературы и искусствъ и рисуесть исторію архива въ слѣдующихъ чертахъ.

Первый курляндскій герцогъ перевелъ въ Митаву архивъ Тевтонскаго ордена, магистромъ котораго онъ состоялъ до 1562 года, и этотъ архивъ былъ затѣмъ взятъ шведами и понынѣ хранится въ Стокгольмѣ; взятыя въ то же время бумаги герцогскихъ временъ были послѣ Стумсдорфскаго мира возвращены въ 1635 г. въ Митаву, но не надолго, такъ какъ уже въ 1658 г. онѣ были снова захвачены шведами и отвезены въ Ригу, гдѣ онѣ остались до 1738 года, хотя еще въ 1710 году Петръ Великій разрѣшилъ герцогу курляндскому Фридриху-Вильгельму взять бумаги обратно; изъ состава этого матеріала бумаги, попавшія въ Стокгольмъ, была возвращены въ Митаву при герцогѣ Эрнстѣ-Іоаннѣ Виронѣ.

Въ самой Митавѣ бумаги герцогскаго архива хранились до 1772 г. въ прежнемъ помѣщеніи суда на дворцовой улицѣ (Gerichts-Stube), откуда онѣ были перевезены въ замокъ. Однако обрушившаяся въ 1776 году надъ помѣщеніемъ архива домовая церковь разбила архивъ, и бумаги провалились вмѣстѣ съ обломками стѣнъ въ подвалъ, откуда онѣ были извлечены съ трудомъ и, вѣроятно, не безъ потерь. Во время пожара, охватившаго замокъ 22-го декабря 1788 г., бумаги архива были выброшены на площадь и съ большою поспѣшностью перевезены въ зданіе бывшей академіи; какъ во время пожара,

¹⁾ Dr. Th. Schiemann, das herzogliche Archiv in Mitau, въ трудѣ его: Historische Darstellungen und arch. Studien. Mitau. 1886.

²⁾ Sitzungsberichte d. Kurl. Gesellsch. für L. u. K. vom Jahre 1896, S. 39.

такъ и во время перевозки многое было повреждено, расхищено и даже утеряно изъ лопнувшихъ по дорогѣ ящиковъ.

Въ 1795 году герцогъ Петръ Биронъ отказался отъ герцогскаго престола и, уѣзжая за границу, взялъ съ собою большинство актовъ и документовъ, относившихся къ Бироновскому времени. Матеріаль этотъ хранится въ родовомъ имѣніи Бироновъ, въ Саганѣ, перешедшемъ по наслѣдству къ семьѣ Талейрановъ.

30-го октября 1797 года воспослѣдовалъ сенатскій указъ, согласно которому бумаги судебного характера должны были быть переданы въ оберъ-гофгерихтъ, дѣла, касавшіяся управленія бывшими герцогскими имѣніями и финансовой части, — въ казенную палату, а остальное — въ вѣдѣніе губернскаго правленія. Распредѣленіе всего матеріала между указанными тремя учрежденіями было ввѣрено тремъ представителямъ ¹⁾ оныхъ. Работа была исполнена крайне спѣшно и небрежно въ виду настоятельной необходимости очистить часть архивныхъ помѣщеній подъ казначейство. Напримѣръ, бумаги, относившіяся къ колоніямъ герцогства Курляндскаго въ Африкѣ, были приобщены къ матеріалу, доставшемуся казенной палатѣ въ числѣ дѣлъ, касавшихся казенныхъ, т. е. бывшихъ герцогскихъ имѣній. Мало того, при тогдашнемъ распредѣленіи архива между указанными выше учрежденіями, прежній порядокъ былъ нарушенъ; разновременныя и разнородныя бумаги были связаны въ однѣ пачки, и пользоваться архивнымъ матеріаломъ для научной цѣли уже не было возможности.

Самая прискорбная участь постигла ту часть, которая по распредѣленію 1797 года досталась казенной палатѣ, которая 25 ²⁾ лѣтъ тому назадъ распродала бумаги, изъ коихъ лишь незначительная часть очутилась въ рукахъ знатоковъ и цѣнителей.

Самая значительная часть архивнаго матеріала, доставшаяся губернскому правленію, вплоть до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія находилась въ крайнемъ запущеніи; чиновники сидѣли на архивныхъ тюкахъ, архивными бумагами зажигали трубки, серебряныя печати отрѣзывались отъ древнихъ грамотъ и давались дѣтямъ въ видѣ игрушекъ.

Ученые пользовались архивомъ случайно, и то не ранѣе 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, по личной любезности тогдашнихъ архиваріусовъ ³⁾, между тѣмъ какъ Крузе (Cruse) составилъ свою исторію ⁴⁾ курляндскихъ герцоговъ, не пользовавшихся вовсе архивомъ ⁵⁾.

¹⁾ Отъ оберъ-гофгерихта былъ отряженъ баронъ Людингаузенъ-Вольфъ, отъ губернскаго правленія — бар. Ад. Кошкуль, отъ казенной палаты ассессоръ бар. Гейкингъ.

²⁾ Т. е. въ 1871 году.

³⁾ Цигра и Вольдемаръ.

⁴⁾ *Kurland unter den Herzogen* (1833—1837 гг.).

⁵⁾ Часть архива, переданная въ 1797 г. бывшему оберъ-гофгерихту, хранилась въ архивѣ Митавскаго окружнаго суда, и сохранившемуся матеріалу составлена подробная опись на двухъ языкахъ, по окончаніи которой, согласно распоряженію г. министра юстиціи, весь матеріаль былъ переданъ на храненіе въ Курляндскій дворянскій комитетъ въ іюлѣ сего года.

Въ 1840 году вопросъ объ упорядоченіи архива губернскаго правленія былъ возбужденъ дворянскимъ комитетомъ, который и впоследствии неоднократно оказалъ существенную поддержку въ этомъ дѣлѣ.

Въ 1845 году по порученію комитета работалъ директоръ Брауншвейгъ, въ 1851 году дворянскій архиваріусъ бар. Фридрихъ Саккенъ, въ 1857 г. и слѣдующихъ годахъ—Альфонсъ бар. ф. Гейкинъ, по настоянію котораго дворянство приобрѣло четыре шкапа, сохранившіеся до сихъ поръ, и этимъ положило предѣлъ прежнему неустройству; въ 1865 г. мѣстное историческое общество обратилось къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, графу Валуеву, съ просьбою о передачѣ архива въ свое вѣдѣніе. Получивъ лишь разрѣшеніе принять на себя за собственный счетъ работы по регистраціи матеріала, оно въ 1872 и слѣдующихъ годахъ уполномочило Ѡ. Шимана, который въ 1875 году успѣлъ привести въ порядокъ часть архива (тогда же былъ приобретенъ пятый шкафъ); по недостатку же денежныхъ средствъ работа была приостановлена до 1881 г. Благодаря содѣйствію дворянства, лѣтомъ 1881 года, Шиманъ могъ окончить начатую работу, о результатахъ которой онъ сообщилъ въ особой появившейся въ печати статьѣ ¹⁾. Благодаря умѣнью и опытности Шимана, значительная часть архива была приведена настолько въ порядокъ, что имъ могли пользоваться историки мѣстные и иностранные ²⁾.

Содержаніе герцогскаго архива, по свидѣтельству Ѡ. Шимана ³⁾.

Ѡ. Шиманъ, который, какъ видно было изъ предыдущаго, специально занялся упорядоченіемъ архива, въ посвященной этому предмету статьѣ ⁴⁾ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія, заключающія въ себѣ весьма важныя указанія, могущія служить почвою при разборѣ герцогскаго архива.

Шиманъ задался цѣлью, возстановить прежній порядокъ архива и подвести остающійся внѣ рамокъ прежняго порядка матеріалъ подъ общія рубрики; этимъ самымъ онъ надѣялся установить, хотя бы въ общихъ чертахъ, содержаніе архива и сдѣлать его пригоднымъ для нуждъ научныхъ изслѣдователей.

Весь матеріалъ, относящійся къ первому періоду курляндской исторіи, — къ правленію рода Кетлеровъ—до 1737 года, въ архивномъ отношеніи распадается на семь нижепоименованныхъ отдѣловъ, и для характеристики архива, по мнѣнію Шимана, заслуживаютъ особаго вниманія указываемые ниже акты и документы.

I. Отдѣлъ. Орденоскія времена. Отдѣлъ этотъ состоитъ всего изъ 14 номеровъ (Сonvolute), касающихся почти исключительно Курляндіи. Замѣчательны: бумага папы Иннокентія VI 1355 г., сохранившаяся въ 4 экземплярахъ и касающаяся прусскаго разграниченія земель между орденомъ и духовен-

¹⁾ Ср. прим. 2.

²⁾ Польскій историкъ Кантецкій, шведскій историкъ Per Sonden.

³⁾ Ѡ. Шиманъ состоялъ во время занятій его въ архивѣ въ 1881 г. преподавателемъ упраздненной дворянской гимназіи въ Феллинѣ (Лифл. губ.). Нынѣ онъ занимаетъ кеедру исторіи при Берлинской военной академіи.

⁴⁾ Отпечатана въ трудѣ его, ср. прим. 2.

ствомъ; актъ избранія Готгарда Кеттлера на должность коадьютора и выданное имъ 5 апрѣля 1560 года обязательство объ обеспеченіи всѣхъ членовъ ордена на случай его вступленія въ бракъ (оба документа повреждены ¹⁾).

II. Отдѣлъ. Герцогъ Готтгардъ (1562—1587 г.). Шиманъ указываетъ на полноту данныхъ, характеризующихъ тогдашнія юридическія (феодалныя) отношенія Курляндіи къ Польшѣ; а именно: такъ называемая *Provisio ducalis* ²⁾ (1561 г.), въ коей Готтгарду Кеттлеру была пожалована кородемъ польскимъ Курляндія въ видѣ лена съ титуломъ герцога; полномочіе земства на соединеніе Курляндіи съ Литвою (12 сентября 1567 г.) и на унію съ Литвою (Гольдингенъ 10 декабря 1568 г.) *Incorporatio ducatus Curlandiae cum regno Poloniae* (Любличъ, 3 августа 1569 г.); подтвержденіе Стефаномъ Баторіемъ правъ, дарованныхъ герцогу Сигизмундомъ Августомъ (Дисна, 4 августа 1579 г.) и утвержденіе герцогскаго герба (того же дня, безъ рисунка), наконецъ разграниченіе между Литвою и Курляндіей.

Грамота 25 іюня 1570 г. о правахъ дворянства и земства (такъ назыв. *Privilegium Gotthardinum*) сохранилась лишь въ копіи, утвержденіе ея королемъ Стефаномъ 28 ноября 1581 г. имѣется въ оригиналѣ.

Остальные документы этого отдѣла касаются преимущественно Лифляндіи. Вниманія заслуживаетъ: переписка герцога съ его совѣтниками ³⁾ (польско-шведско-русская война), отчетъ Іоанна Бюринга (*Büring*) о взятіи Трейдена и инструкція (1565 года) венденскимъ посламъ. (№ 752 Росписи не обнаружень).

Для исторіи внутреннихъ отношеній важны, помимо отпечатанныхъ и имѣющихся только въ копіяхъ ландтагскихъ постановленій 1567—1616 гг., оригиналъ предбрачной дарственной записи на имя герцогини Анны, принцессы Мекленбургской; обширная переписка герцогини, представляющая чрезвычайный интересъ; приходо-расходная книга герцогини (1603? — 1614 г.), рисующая денежныя и хозяйственныя отношенія; переписка ея съ воспитателемъ наслѣдныхъ принцевъ I. Симониусомъ, бросающая яркій свѣтъ на богословскій споръ между лютеранами и криптокальвинистами, наконецъ раздѣльный актъ открывшемуся послѣ герцогини наслѣдству, составленный нота-риусомъ Шоппертомъ. (№ 109, пропущенъ въ переводѣ Военскаго).

III. Отдѣлъ. Совмѣстное правленіе герцоговъ Фридриха и Вильгельма до 1618 г. и правленіе герцога Фридриха до 1642 г. Главный матеріалъ сохранился въ переплетенной книгѣ, содержащей черновики писемъ герцоговъ и ихъ совѣтниковъ ⁴⁾. Интересны приходо-расходныя книги и списокъ долгамъ герцога Вильгельма (1590—1617?). Отношенія его къ англійскому королю Якову I выясняются изъ архивнаго матеріала. Согласіе

¹⁾ По этому случаю Шиманъ указываетъ на порчу многихъ документовъ архива. Второй документъ не обнаружень.

²⁾ До сихъ поръ въ архивѣ обнаружена лишь копія этой грамоты, между тѣмъ какъ Шиманъ указываетъ на существованіе въ архивѣ оригинала.

³⁾ Шиманъ снялъ копію съ этой переписки, которая не опубликована. (Письма съ 1571—1587 г. не найдены).

⁴⁾ № 50 Росписи Шимана (пер. Военскаго) не обнаружень.

Якова I быть воспріемникомъ новорожденнаго сына Вильгельма (оригиналь на перг. Винчестеръ 24 декабря 1610 г.). Обширный матеріаль касается такъ называемой Нольденской распри (Noldesche Haendel) и обнимаетъ 1604 по 1617 гг. ¹⁾ Распри эта разрослась до предѣловъ внутренней смуты и привела къ устраненію королевскимъ рѣшеніемъ герцога Вильгельма отъ правленія (рѣшеніе 1617 г.), однако, несмотря на это, позднѣйшія бумаги, носяція заголовокъ «сношенія герцога Фридриха съ Польшею», почти исключительно вращаются около вопроса о возстановленіи правъ Вильгельма. Изъ документовъ, характеризующихъ юридическое отношеніе Курляндіи къ Польшѣ, заслуживаетъ вниманія: инвеститура 1589 г., *Cautio religionis*, т. е. обезпеченіе свободы лютеранскому исповѣданію, того же года, документъ о ленной присягѣ герцога Вильгельма ²⁾. Положеніе Курляндіи во время польско-шведской войны освѣщается донесеніями О. Гротгуса изъ Варшавы, исчисленіемъ убытковъ, понесенныхъ за 1621 — 1624 гг., а главнымъ образомъ матеріаломъ, озаглавленнымъ: отношенія Курляндіи къ Швеціи (23 номера) ³⁾ — подробности о занятіи Митавы шведами (1621 г.) содержатся въ письмахъ и запискахъ герцога Фридриха (1620 — 1624 г.), письмахъ Сигизмунда III и начальника польскихъ войскъ, Радзивила, и въ уголовномъ дѣлѣ противъ Готгарда Шредера; о позднѣйшихъ событіяхъ говорятъ донесенія Гротгуса (1621—1630 г.), переговоры изъ-за нейтралитета Курляндіи (курляндскій канцлеръ Кристофъ Фирксъ, шведскій канцлеръ Аксель Оксенстиернъ и шведскій генералъ-губернаторъ Яковъ Делягарди); вторичное занятіе Митавы (показаніе Эрнста фонъ-Саккенъ 18 марта 1627 г.), обратная сдача Митавы герцогу (1629 г.) и предшествовавшіе этому переговоры (письма короля Густава Адольфа); признаніе нейтралитета (1628 г.) и прекращеніе военныхъ дѣйствій (донесенія О. Гротгуса о Стумсдорфскомъ договорѣ, 2-го (12) сентября 1635 г.) ⁴⁾. Донесенія курляндскихъ дипломатическихъ агентовъ часто затрогиваютъ событія тридцатилѣтней войны (7 номеровъ); изъ нихъ заслуживаютъ особаго вниманія: *Instructiones, legationes et responsa inter regem Poloniae, Param, regem Sueciae Gustavum Adolphum, ducem Curlandiae etc.*

9 нумеровъ касаются сношеній съ иностранными дворами, не представляющихъ большого интереса и затрогивающихъ исключительно германскія земли, преимущественно Бранденбургъ (письма курфирста Іоанна Георгія 1627 — 1629 г.; письма великаго курфирста 1641 г.; наследственныя дѣла, завѣщанія, брачныя договоры).

Интересна рубрика, носящая заголовокъ «Герцогиня Елисавета Магдалина» (42 номера). Переписка ея съ герцогомъ, равно какъ послылавшіяся ей донесенія изъ Варшавы, даютъ матеріаль для исторіи шведской войны; переписка ея съ заграничными дворами содержитъ много интереснаго по исторіи 30-лѣтней войны.

¹⁾ № 167.

²⁾ Пропущенъ въ переводѣ Военскаго.

³⁾ №№ 85 и 193 Росписи не обнаружены.

⁴⁾ № 85 не обнаруженъ.

Центръ тяжести этой группы лежитъ въ культурно-экономическомъ значеніи дѣловой переписки герцогини по управленію пожалованными ей вотчинами; однороднымъ свойствомъ отличается и переписка ея съ Помераніей (двѣ описи приданаго, № 199 1599 года). Для исторіи церкви въ Курляндіи интересны письма разныхъ курляндскихъ пасторовъ 1637 — 1641 гг. (суперинтендента Данила Гаффштейна, гробинскаго пастора Іоанна Берневида и латышскаго проповѣдника города Гольдингена, Георгія Данненфельда). По исторіи дворянства важно дѣло о наслѣдствѣ Людинггаузенъ-Вольфъ (1642—1644 г.). Сохранились данныя, касающіяся управленія герцогскими имѣніями, похоронъ герцога, наконецъ ко времени правленія герцога Фридриха относятся процессуальныя бумаги, которыя въ переводѣ на латинскій языкъ пересылались въ Варшаву въ высшія судебныя инстанціи, и многочисленныя земскія дѣла, о которыхъ рѣчь впереди.

IV. Отдѣлъ. Правленіе герцога Якова, племянника Фридриха, 1642 — 1682 г., было чрезвычайно богато событіями. Шимауъ указалъ въ особомъ докладѣ посвященномъ этому вопросу и отпечатанномъ въ сообщеніяхъ его *Historische Darstellungen und archival. Studien*, матеріалы, сохранившіеся въ герцогскомъ архивѣ. Изъ упомянутаго доклада заслуживаетъ особаго вниманія слѣдующее.

Герцогъ Яковъ проявилъ рѣдкія политическія способности тѣмъ, что онъ дипломатическими путями добился самостоятельности и мирнаго преуспѣванія для своихъ владѣній, и никогда, ни до, ни послѣ Якова, маленькое Курляндское герцогство не пользовалось такимъ положеніемъ среди европейскихъ державъ.

Рубрика «Общія дѣла» заключаетъ въ себѣ не менѣе 7 пачекъ, относящихся къ восшествію Якова на престолъ (дипломатическая переписка по этому вопросу началась еще въ 1618 году). Внутреннія дѣла содержатъ обильный матеріалъ прошеній на имя герцога и резолюцій, переписка его съ начальниками округовъ, наконецъ тяжёбныя дѣла, въ переводахъ на латинскій языкъ для представленія ихъ въ Варшаву, въ высшія судебныя инстанціи; жалобы городовъ, которые процвѣтали и, слѣдовательно, проявляли стремленія къ самостоятельности; земскія дѣла (*Landtagsacten*) и 32 номера, относящіяся къ присоединенію Пильтена къ Курляндіи (пропущены въ переводѣ Военскаго №№ 315—346; № 315 не найденъ).

Внѣшняя политика Якова заключалась въ стремленіи добиться правъ нейтральной державы; въ этомъ направленіи онъ велъ переговоры съ Польшою, Швеціей и Бранденбургомъ. На Любекскомъ конгрессѣ (1651—1656 гг.) Яковъ игралъ роль посредника и, по предположенію Шимана, исторію этого конгресса можно составить по митавскому матеріалу не хуже, чѣмъ по матеріаламъ, сохранившимся въ Берлинѣ и Стокгольмѣ. Къ этому конгрессу относятся три подлинныхъ письма Людовика XIV, дневники посланниковъ Якова Фелькерзама и Вильдемана и обширное дѣло *Acta pacificationis Sueco-Polonicae* (№№ 460 и 516 росписи не найдены). Къ польско-русской войнѣ 1652 г. относятся московскія дѣла; при заключеніи мира въ Вильнѣ присутствовалъ представитель герцога, Холовня Спанскій, донесенія котораго сохранились.

Къ тому же времени относится переписка ¹⁾ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Формально-признанный нейтралитетъ Курляндіи не былъ соблюденъ шведами, къ которымъ герцогъ пошалъ въ плѣнъ на два года (№№ 489, 494—496 росписи не найдены). Всѣ событія съ 1656 года подробно обрисовываются въ рубрикахъ «Шведскія и польскія дѣла», въ особенности важны донесенія дипломатическихъ агентовъ изъ Варшавы, напримѣръ, Вильдемана съ 1647—1650 гг., Адерсбаха 1648, 1649 и 1651 гг., Фишера 1645 и 1651 гг., Шурберта съ 1645 года и Путткамера до 1676 года и подробнѣйшія сообщенія Н. Хвальковского 1670—1681 годовъ. Наряду съ этимъ, интересны инструкціи герцога его посламъ, переписка съ польскими магнатами, вообще всѣ 104 номера этой рубрики, которые совершенно не обработаны. «Сношенія съ Бранденбургомъ» отражаютъ родственныя сношенія между Яковомъ и великимъ курфирстомъ, всѣ 36 номеровъ особенно интересны для исторіи Курляндіи и менѣе важны для исторіи Пруссіи ²⁾.

Сношенія Якова съ остальными европейскими державами были менѣе оживлены. Изъ сношеній съ Германскою имперіей важны донесенія Бекера и Эберлина изъ Регенсбурга; они касаются, какъ высшей общеевропейской политики, такъ равно и мелкихъ политическихъ сплетенъ. Обширная переписка Якова съ мелкими нѣмецкими владѣтелями интересна лишь для исторіи частной ихъ жизни. Переписка велась со слѣдующими дворами: англійскимъ, баденскимъ, брауншвейгскимъ, Сгоу, гессенъ-кассельскимъ, гессенъ-гомбургскимъ, гольштинскимъ, мекленбургскимъ, нассаускимъ, рейнпфальцскимъ, поммернскимъ и саксонскимъ (№ 592 росписи не найдены).

Сношенія съ прочими державами отличаются торгово-промышленнымъ характеромъ, за исключеніемъ сношеній съ Франціей, а именно въ донесеніяхъ Фиркса, Gloxin, Jean Mauffles dit Olive, въ письмахъ Nicolle Dubois герцогини Луизы-Шарлотты и въ перепискѣ Якова и принца Фридриха Казимира съ Беке ³⁾, агентомъ ганзейскихъ городовъ, и съ I. Ф. Бломбергомъ содержится много интереснаго по исторіи Франціи.

Сношенія съ Англіей (10 нумер.) начались по поводу того, что король Яковъ I былъ восприемникомъ герцога Якова, и долженъ былъ высылать ему обѣщанную годовую ренту. Послѣ смерти Якова I деньги не выдавались, и герцогъ послалъ въ Лондонъ дипломатическаго агента. Завязались дипломатическія сношенія, всѣ почти донесенія касаются курляндскихъ колоній ⁴⁾ въ Африкѣ и Америкѣ, но помимо этого тогдашнія бурныя англійскія событія, времена гражданскихъ войнъ, изображены въ донесеніяхъ курляндскихъ пословъ: въ голландскихъ письмахъ Теодора van Boreel (1645—1646 г.), въ

¹⁾ Шиманъ называетъ эту переписку «богатою» перепискою (стр. 178).

²⁾ Въ этой рубрикѣ комиссія обнаружила пробѣлы; не найдены №№ 516, 523, 525, 528.

³⁾ Sitzungsberichte курляндскаго общества литературы и искусства, рефератъ барона Гейкинга 1850—1863 гг., стр. 104, 115 и 146.

⁴⁾ Въ Африкѣ приобрѣтены были отъ туземцевъ островъ St. Andreas и владѣнія въ Гамбін, въ Америкѣ былъ купленъ отъ графа Варвика островъ Табаго.

донесеніяхъ постоянного посла Адольфа Вольфрата (1662—1664 г.), Иоанна L. Lyon'a (1668—1688 гг.), въ перепискѣ съ сэромъ John Cosheran, англійскимъ посломъ при датскомъ, польскомъ и курляндскомъ дворахъ (№ 617 росписи не найденъ).

Особенно характерны для политики Якова его сношенія съ Голландіей (15 номеровъ), во-первыхъ, въ торговомъ отношеніи (письма Генриха Мембера, N. de Vueth, Андрея Cogan, Volkershoven и другихъ изъ Амстердама), а, во-вторыхъ, въ политическомъ отношеніи (донесенія Викфорта изъ Гааги за 1641 г. по 1676 г., затрагивающія общеевропейскую политику).

Изъ Испаніи Яковъ за 1680—1683 гг. получалъ письма отъ своего посланника барона de Estroe; сохранились переговоры съ Венеціей 1647—1649 гг., — инструкция курляндскому агенту Горецкому для переговоровъ съ папою Иннокентіемъ X изъ-за судоходства на Средиземномъ морѣ, — съ Трансильваніей за 1649—1656 гг., а именно, рядъ писемъ Г. Ракочи и совѣтника Бистерфельда (№ 865 не найденъ).

Чрезвычайно интересна переписка энергичной и выдающейся супруги Якова, герцогини Луизы-Шарлотты (26 номеровъ)¹⁾, переписка родителей съ принцами и принцессами (33 номера)²⁾, отчетъ воспитателей. Курляндскія торговыя дѣла обрисовываются въ 14 содержательныхъ номерахъ.

Въ дополненіе къ изложенному Шиманъ въ передаваемомъ здѣсь позднѣйшемъ сообщеніи прибавляетъ слѣдующія свѣдѣнія, открывшіяся при дальнѣйшемъ разборѣ архива. Къ рубрикамъ «общія дѣла»³⁾ прибавился 21 номеръ, въ томъ числѣ 4 пергамента, относящіеся къ уступкѣ Курляндіи герцогу Якову⁴⁾, оригиналь его завѣщанія, многочисленныя письма, черновики и счета, и письма Мельхіора Фелькерзама 1660 и 1661 гг. Рубрика «внутреннія дѣла»⁵⁾ обогатилась 18 номерами, изъ которыхъ 10 составляютъ переплетенныя книги съ прошеніями и резолюціями, которыя заслуживаютъ вниманія; они относятся къ 1656—1682 годамъ, и ими начинается длинная серія канцелярскихъ бумагъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Къ рубрику «Сношенія съ Польшею»⁶⁾ слѣдуетъ отнести дипломы королей Михаила и Иоанна III объ инвеститурахъ герцога, *cautio religionis* Иоанна III и письма дипломатическихъ агентовъ (Хвальковскаго, Путкамера, Шуберта и Скультегуса). Польской исторіи касается «дѣло о томъ, что было до и послѣ коронаванія 1669 года» (короля Михаила). Интересныя сообщенія о сношеніяхъ съ Швеціей⁷⁾ содержатъ дѣла Любекскаго конгресса 1651 года и дневники курляндскихъ пословъ Вильдемана и Фелькерзама. Бранденбургскія бумаги обо-

1) №№ 644—646, 666, 668, 730 росписи не найдены.

2) №№ 674, 690—692 и 742 росписи не найдены.

3) №№ 227, 228, 794, 750 росписи не найдены.

4) Фридрихъ еще при жизни, съ согласія Польши, уступилъ Курляндію своему племяннику Якову, такъ какъ онъ такимъ путемъ надѣялся обезпечить преемство.

5) №№ 304 и 813 не найдены.

6) №№ 371 и 381 не найдены.

7) №№ 460, 489, 495 и 496 не найдены.

гатились тремя номерами, русскія бумаги двумя письмами 1672 года; важнѣе изъ вновь открывшихся бумагъ по сношеніямъ съ Германіей: переписка свидѣтельствующая о стараніяхъ Якова пріобрѣсти герцогство Егерндорфъ, прошеніе его на имя германскаго императора о пожалованіи ему индигената священо-римской имперіи и относящаяся къ этому вопросу переписка, пожалованіе Якову правъ имперскаго князя (16-го апрѣля 1654 года) и титула «свѣтлѣйшій» 24-го августа 1656 года (последняя грамота безъ подписи и печати, слѣдовательно, она и лишена юридической силы)¹⁾. Сношеній Курляндіи съ Франціей касается торговый договоръ 30-го декабря 1643 года (ориг.); Курляндіи съ Англіей²⁾—торговый договоръ 7-го ноября 1664 года (ориг.). Сношенія съ Голландіей и Испаніей³⁾ выясняются письмами 1667 и 1677 годовъ. Датскія дѣла обогатились 4 номерами, не лишенными интереса; на сношенія съ Турціей указываетъ лишь одинъ номеръ: *translatio salvi passus litterarum Imperatoris Ottomanici illustrissimo duci Curlandiae datarum* 1674.

Содержательная группа, касающаяся герцогони Анны⁴⁾, а равно группа «герцогскія дѣти»⁵⁾; и группа «торговля и мореплаваніе» обогатились нѣсколькими номерами. Интересны рисунки кораблей. Переписка Якова ф. Моллина (*Mollihn*) и процессъ судовладѣльца Морица Карстена содержатъ новыя данныя по торговлѣ съ Курляндской колоніей въ Африкѣ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Русское библиологическое общество. Въ субботу, 9 октября, въ помѣщеніи археологическаго института въ С.-Петербургѣ, состоялось чрезвычайное и очередное общія собранія русскаго библиологическаго общества. Общество это возникло очень недавно: въ маѣ нынѣшняго года лишь получилъ окончательное утвержденіе уставъ его. Цѣль общества—содѣйствіе теоретической выработкѣ и практическому примѣненію мѣръ для облегченія обозрѣнія всѣхъ родовъ литературныхъ произведеній, а также изученію книжнаго дѣла въ его прошломъ и настоящемъ. Собранія 9-го октября были посвящены выборамъ должностныхъ лицъ и окончательной организаціи общества. На должность предсѣдателя общества, отъ которой, по недостатку времени, отказался академикъ Л. Н. Майковъ, избранъ А. М. Ловягинъ. Далѣе избраны: вице-предсѣдателемъ общества В. Ф. Боцяновскій, секретаремъ М. А. Полиевктовъ, бібліотекаремъ А. С. Раевскій, казначеемъ К. І. Храневичъ, членами совѣта: А. И. Браудо, Н. М. Лисовскій, А. І. Лященко и П. И. Шефферъ. Постъ выборовъ приступлено было къ обсужденію разныхъ вопросовъ по текущимъ дѣламъ. Предположено, между прочимъ, выпускать ежегодно сборники, въ которыхъ будутъ помѣщаемы и рефераты, читаемые въ собраніяхъ общества и, вообще, заслуживающіе вниманія литературные труды по бібліографіи, какіе окажутся въ распоряженіи общества, а также обозрѣніе выдающихся явленій

¹⁾ № 848 не найденъ.

²⁾ № 617 не найденъ.

³⁾ № 865 не найденъ.

⁴⁾ № 196 не найденъ.

⁵⁾ №№ 674, 690, 691, 692, 742 не найдены.

изъ той области. Въ этомъ же собраніи В. Θ. Бояновскимъ было прочитано сообщеніе о работахъ лондонской международной библиографической конференціи, состоявшейся лѣтомъ 1899 года. Указавъ на разрастающійся постепенно въ послѣднее время въ образованномъ обществѣ интересъ къ библиографическому дѣлу, референтъ сослался, какъ на крупное явленіе въ этомъ отношеніи, на возникновеніе въ Брюсселѣ въ 1895 г. библиографическаго бюро и далѣе высказалъ мысль, что упомянутая лондонская конференція, по широтѣ намѣченныхъ ею задачъ, должна быть признана началомъ новой эры въ библиографическомъ дѣлѣ. На собраніи высказано было пожеланіе, чтобы о дѣятельности общества стало извѣстно возможно широкимъ кругамъ нашей образованной публики. Указывалось и на желательность пожертвованій въ столь общеплезномъ дѣлѣ, какъ библиографія, отъ плохой постановки которой у насъ терпится столь сильный ущербъ русская наука. По заявленію председателя, всякія сообщенія постороннихъ обществу лицъ, имѣющія въ виду цѣли библиологии, могутъ адресоваться совѣту русскаго библиологическаго общества (С.-Петербургъ, помѣщеніе археологическаго института).

† П. А. Лашкаревъ. 28 августа, скончался въ Кіевѣ профессоръ университета св. Владиміра и Кіевской духовной академіи Петръ Александровичъ Лашкаревъ. Уроженецъ Курской губерніи, покойный воспитывался въ мѣстной семинаріи и затѣмъ въ Кіевской духовной академіи, гдѣ, по окончаніи курса первымъ магистромъ въ 1859 году, занялъ каеэдру каноническаго права и церковной археологіи въ званіи бакалавра, а съ 29 января 1866 года—въ должности профессора; въ послѣдніе годы съ 1886 года, одновременно съ преподаваніемъ въ академіи, онъ читалъ лекціи каноническаго права въ университетѣ св. Владиміра. Покойному принадлежалъ рядъ статей по церковной археологіи, напечатанныхъ въ «Трудахъ Кіевской духовной академіи», въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» и въ «Чтеніяхъ Общества Нестора Лѣтописца». Изъ отдѣльно изданныхъ научныхъ трудовъ его особенно извѣстны слѣдующіе: «Отношеніе Римскаго государства къ религіи вообще и къ христіанству въ особенности, до Константина Великаго» (Кіевъ, 1876 года, 148 стр.), и «Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ» (Кіевъ, 1887 г., 224 стр.; второе изданіе: Кіевъ, 1889 г.). Въ нынѣшнемъ же году П. А. Лашкаревъ напечаталъ отдѣльною книгой свои археологическія изслѣдованія (Кіевъ, 1899 г.). («Моск. Вѣд.» № 247).

† Э. Ю. Петри. 28-го сентября, въ клиникѣ великой княгини Елены Павловны въ С.-Петербургѣ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался ординарный профессоръ по каеэдрѣ географіи и антропологіи Эдуардъ Юльевичъ Петри. Покойный, кромѣ лекцій въ университетѣ, былъ извѣстенъ и публикѣ по тѣмъ лекціямъ, которыя каждый годъ прочитывались имъ въ залахъ Солянаго Городка, географическаго общества, въ стѣнахъ университета. Э. Ю. извѣстенъ своими трудами и въ литературѣ, изъ которыхъ отмѣтимъ наиболѣе крупные: «Антропологию» въ двухъ томахъ (университетскій курсъ), «Методъ и принципы современной географіи», «Новый школьный атласъ», «Подробный атласъ всѣхъ частей свѣта» и т. д. Покойный, уроженецъ Петербургской губерніи, воспитывался въ императорской медико-хирургической академіи, а за-

тѣмъ слушалъ лекціи за границей въ различныхъ германскихъ и швейцарскихъ университетахъ. Удостоенный Бернскимъ университетомъ степени доктора медицины, онъ въ 1883 году былъ приглашенъ занять въ этомъ университетѣ вновь открывшуюся каѳедру географіи и антропологіи. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ занявъ, по приглашенію министра народнаго просвѣщенія, каѳедру географіи и этнографіи съ 1887 года, когда она только-что была открыта. Одновременно съ университетомъ онъ читалъ лекціи по методикѣ географіи на педагогическихъ курсахъ при институтахъ Павловскомъ и Екатерининскомъ. Въ разное время имъ совершены были научныя экскурсіи во многія мѣста Россіи, въ томъ числѣ въ Среднюю Азію и Приуралье, въ Тургайскую область, въ губерніи—Оренбургскую, Уфимскую, Екатеринославскую и другія. Отчеты объ этихъ экскурсіяхъ въ свое время были опубликованы императорской археологической комиссіей («Нов. Вр.» № 8.474).

† **А. В. Пастуховъ.** 23-го сентября, скончался въ Пятигорскѣ извѣстный кавказскій альпинистъ А. В. Пастуховъ. Служа съ 1882 г. на Кавказѣ въ качествѣ военнаго топографа кавказскаго военно-топографическаго отдѣла, А. В. составилъ себѣ за это время извѣстность одного изъ самыхъ отважныхъ и неутомимыхъ изслѣдователей высочайшихъ вершинъ Кавказскаго хребта. Изслѣдованія его начались съ 1887 года, когда онъ посѣтилъ верховья рѣки Шаро-Аргуна и вершины горъ Дитахъ-корта и Качу, въ самой высшей части Андійскаго хребта, достигающаго здѣсь болѣе 14-ти тысячъ футовъ высоты. Въ 1889 г. А. В. совершаетъ удачно опасное восхожденіе на вершину Казбека, а въ слѣдующемъ 1890 году — на высочайшую вершину всего кавказскаго хребта — Эльборусъ (18.470 фут.), при чемъ путешественникъ, достигнутый около вершины снѣжною бурей, едва не погибъ вмѣстѣ съ сопровождавшими его казаками. Въ томъ же году А. В. посѣтилъ многія горныя вершины и ледники въ Сванетіи и произвелъ топографическую съемку горы Ужбы со всѣми ея глетчерами. Въ 1891 г. А. В. производитъ съемку верховьевъ рѣкъ Ріона и Ардона и совершаетъ восхожденіе на Карагомскій ледникъ и вершину горы Халацы, гдѣ ему удалось, между прочимъ, наблюдать оригинальное явленіе атмосфернаго электричества—огни св. Эльма. Въ 1892 г. Пастуховъ предпринимаетъ поѣздку по высочайшимъ селеніямъ Кавказа и всходитъ на вершину Шагъ-дага. Въ 1893 году имъ совершается восхожденіе на вершины Большого и Малаго Арарата и Алагёза. Въ 1895 г. онъ вторично всходитъ на вершину Большого Арарата, чтобы произвести наблюденія и осмотръ оставленныхъ тамъ при первомъ восхожденіи инструментовъ, а въ 1896 г. во второй разъ достигаетъ вершины Эльборуса. Въ результатъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ восхожденій, выразившемся преимущественно въ топографическихъ съемкахъ и фотографическихъ снимкахъ, орографія Кавказа обогатилась многими новыми данными объ его высочайшихъ снѣжныхъ вершинахъ. Отчеты о своихъ изслѣдованіяхъ Пастуховъ помѣщалъ, главнымъ образомъ, въ «Запискахъ кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества». Скончался А. В. въ полномъ расцвѣтѣ силъ, всего 38-ми лѣтъ. («Русск. Вѣд.», № 269).

† **О. О. Пуцковичъ.** 5-го сентября скончался авторъ многочисленныхъ учебниковъ и популярныхъ изданій для народной школы, Теофиль Теофиловичъ Пуцковичъ. Покойный родился въ 1846 г.; воспитаніе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, по выходѣ изъ котораго всецѣло посвятилъ себя народной школѣ и ея литературѣ. Изъ его многочисленныхъ сочиненій особенной популярностью пользуются «Букварь», «Географія для народныхъ училищъ» и обширный трудъ, около 30 брошюръ, по «Народовѣдѣнію». («Нов. Вр.» № 8452).

† **Н. П. Черневъ.** 3-го октября, въ Кіевѣ скончался, послѣ продолжительной и изнурительной болѣзни, одинъ изъ видныхъ мѣстныхъ археологовъ Н. П. Черневъ. Покойный, сынъ генераль-майора, родился въ 1858 году въ Оренбургѣ. Высшее образованіе онъ получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1880 году поступилъ на службу въ главное военно-судное управленіе. Отсюда въ томъ же году онъ былъ командированъ въ военно-юридическую академію для слушанія специальныхъ курсовъ, гдѣ и оставался до 1891 года. Послѣ этого онъ былъ командированъ для практическихъ занятій въ оренбургскій военно-окружный судъ, а вскорѣ затѣмъ, 22-го августа 1881 года, назначенъ кандидатомъ на военно-судебныя должности при кіевскомъ военно-окружномъ судѣ. Но и поступивъ на службу, покойный продолжалъ свое самообразованіе и приготавлилъ магистерскую диссертацию «О преступленіяхъ противъ женской чести». Въ Кіевѣ онъ предавался наукѣ и оставилъ службу; особенное вліяніе имѣлъ на него профессоръ Кистяковскій, читавшій лекціи по обычному русскому праву. Но 13-го января 1885 года скончался профессоръ Кистяковскій, и Н. П. Черневъ, встрѣтивъ неожиданное препятствіе въ своихъ учено-юридическихъ занятіяхъ, постепенно сталъ увлекаться памятниками русской древности, которыми такъ богатъ Кіевъ, и даже составилъ свою небольшую коллекцію русскихъ монетъ. Эти археологическія стремленія его опредѣлили собою дальнѣйшіе шаги его жизни. Въ 1887 году онъ поступилъ въ С.-Петербургскій археологическій институтъ, гдѣ и окончилъ курсъ съ отличіемъ, со степенью дѣйствительнаго члена его. Въ 1890 году, 11-го мая, онъ поступилъ на службу въ канцелярію кіевского, подольскаго и волынскаго генераль-губернатора, гдѣ въ послѣдніе годы и до самой смерти занималъ должность старшаго помощника дѣлопроизводителя. Подкрываясь къ нему въ этотъ періодъ жизни его злая болѣзнь не дала ему возможности выдвинуться далѣе на служебномъ поприщѣ. Но и въ этотъ періодъ времени Н. П.—чѣ не оставялъ научныхъ стремленій своихъ, закончилъ свою магистерскую диссертацию и составилъ на свои небогатые средства не большую, но рѣдкую, тщательно и осторожно подобранную коллекцію крестиковъ и образковъ великокняжеской эпохи, изъ раскопокъ на Княжей Горѣ, близъ г. Канева. Она экспонировалась, во время минувшаго XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, въ одномъ изъ залъ новооткрытаго музея кіевского общества древностей и искусствъ. Даже и въ домашней жизни и обстановкѣ покойный любилъ окружать себя предметами, носящими печать художественной старины. Ученыя общества въ Россіи цѣнили его богатую эрудицію и избирали его въ свои члены. Такъ, онъ состоялъ дѣйствительнымъ чде-

номъ Кіевскаго юридическаго общества, С.-Петербургскаго археологическаго института, Императорскаго русскаго археологическаго общества, Московскаго нумизматическаго общества, Кіевскаго историческаго общества Нестора лѣтописца и церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи. Къ этому послѣднему обществу и особенно къ его церковно-археологическому музею покойный имѣлъ, можетъ быть, и по мѣсту своего жительства, особенно близкія отношенія: снабжалъ его дублетами изъ своихъ коллекцій и совмѣстно съ А. Ф. Новицкимъ составилъ описаніе монетныхъ коллекцій церковно-археологическаго музея, остающаеся въ рукописи. Намъ извѣстны слѣдующіе печатные труды покойнаго: 1) «Нѣсколько словъ по поводу книги его императорскаго высочества великаго князя Георгія Михайловича: «Описаніе и изображеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ монетъ моего собранія», — библиографическая статья въ «Трудахъ Кіевской духовной академіи», за іюнь, 1886 г., и отдѣльными оттисками. 2) «Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ», С.-Петербургъ, 1888 г. (напечатанныя по распоряженію с.-петербургскаго археологическаго института). 3) *Quelques monnaies Russes rares ou inédits. N. Tchernerew (Extrait d'Annuaire de la Société française de numismatique, année 1888). Moscou. 1888.* 4) «Замѣтка о загадочной фигурѣ на монетахъ великаго княжества Кіевскаго», В. (олсуновскаго) и Ч. (чернева). Кіевъ. 1889. 5) «Его императорское высочество великій князь Георгій Михайловичъ. Монета царствованія императора Николая I». Спб. 1890. F^o. XII + 281 стр., съ портретомъ и 41 таблицей, — библиографическая статья въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», октябрь, 1890 г., стр. 412 — 415, и отдѣльными оттисками. 6) «Историческія замѣтки о трехъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи» (Мазепинцахъ, Выдубицкомъ монастырѣ и Князей Горѣ) въ «Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ», издававшемся въ 1890 — 1893 гг. покойнымъ Н. А. Леонардовымъ при сотрудничествѣ Н. П. Чернева и даже предпринятомъ по его идеѣ, вып. I, 1890 г., стр. 11 и 12. 7) «Замѣтка о неизданныхъ и рѣдкихъ монетахъ», тамъ же, вып. 3—4, 1891 г., стр. 7—13. 8) «0 нѣжинскихъ серебряникахъ съ именемъ Петръ», тамъ же, стр. 21 — 28. 9) «Нѣсколько словъ по поводу вновь найденнаго экземпляра «Ярославля серебра» скандинавскаго типа», въ «Трудахъ Московскаго Нумизматическаго общества», первый полутомъ, Москва, 1893 г., стр. 97 — 102. 10) «Каменные и глиняныя иконки княжеской эпохи», съ таблицей снимковъ съ 9-ти предметовъ, въ «Кіевской Старинѣ» за августъ сего 1899 г., въ «Археологической Лѣтописи Южной Россіи», стр. 91 — 97, и въ особыхъ оттискахъ этой лѣтописи. Статья основана главнымъ образомъ на предметахъ изъ собственной коллекціи покойнаго. Кромѣ того, покойный Н. П. Черневъ негласно принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіи къ изданію К. В. Болсуновскаго «Дрогичинскія пломбы», ч. I, съ XXI таблицей». Кіевъ, 1894. Не можемъ указать другихъ печатныхъ трудовъ покойнаго ученаго, такъ какъ часто онъ по скромности или подписывался только инициалами подъ своими статьями или же и совсѣмъ не подписывался. Послѣ покойнаго Н. П. Чернева остались — вышеупомянутая коллекція крестиковъ и образковъ великокняжеской эпохи, полученныхъ изъ раскопокъ «Кня-

жей Горы», и его магистерская диссертация «О преступленіяхъ противъ женской чести», въ рукописи, но совершенно обработанная и законченная въ научно́мъ отношеніи. («Кіевское Слово», 16-го окт. 1899 г., № 4228).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Переводы Пушкина поиспански.

Прочитавъ съ интересомъ статью П. Д. Драганова «Пушкинъ въ переводахъ», позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ по поводу указанныхъ имъ переводовъ Пушкина на испанскій языкъ.

Длиннѣйшая рѣчь Кастелара, какъ члена на приѣмъ его академіею въ 1880 г., находится въ VI томѣ: «Memorias de la Academia Espanola» 1889 г. 8°.

Первый переводъ Пушкина показанъ 1879 г. «Капитанская дочка», «не считая одного S. d.». Эготъ переводъ S. d. «Novelas Rusas», о которомъ говорится на слѣдующей страницѣ, по справкамъ, наведеннымъ мною въ «Boletín de la librería, ano 5. Agosto 1877. № 2», должно быть, появился въ печати въ іюль 1877 г.; слѣдовательно двумя годами раньше «Hija del Capital» 1879 и слѣдовательно долженъ считаться первымъ переводомъ Пушкина, и изъ этого вытекаетъ то, что испано-американскій переводъ 1875 г. «Гробовщика» старше всѣхъ, и ссылка на Домейко приобрѣтаетъ еще болѣе вѣроятности.

Не удалось мнѣ въ 1870-хъ годахъ видѣть или приобрѣсти американскій журналъ, и не удалось мнѣ то же узнать, кто V. S. C.

Касательно критики сочиненій Пушкина можно тоже упомянуть о книгѣ: «Emilio Pardo Bazan. La Revolucion y la Novela en Rusia» (Исторія литературнаго движенія въ Россіи, изъ чтеній въ мадридскомъ Атенеѣ). Madrid. 1887. 16° 3 vol. (Пушкинъ, стр. 243—259); она тоже перепечатана въ «Biblioteca de la Mujer» (Женская бібліотека), tomo VII, Madrid. S. d. (1893). 3 edicion.

Когда въ 1870—1880 гг. я былъ въ Португаліи, меня поразило и удивило то обстоятельство, что нѣтъ ни одного португальскаго перевода Пушкина и, повидимому, нѣтъ и до сихъ поръ. Это единственный европейскій языкъ, на которомъ нѣтъ перевода изъ сочиненій Пушкина! Это тѣмъ болѣе удивительно, что, кромѣ самой Португаліи, во всей Бразиліи говорятъ попортугальски, и что на испанскомъ языкѣ тамъ мало или вовсе не читаютъ, и, кромѣ того, читающая просвѣщенная публика убѣждена въ томъ, что она въ литературномъ отношеніи многихъ опередила.

А. Кудрявскій.

къ королю, вдругъ поднялся съ мѣста Мирабо, чтобы весь этотъ наборъ бесполезныхъ фразъ, дѣлавшійся ему невыносимымъ, прервать силою своего неотразимаго слова.

Поспѣшно взошелъ онъ на трибуну, и могучее, гнѣвное сверканіе его глазъ впередъ какъ бы освѣщало его слова. Въ собраніи, бурномъ и возбужденномъ сегодня болѣе, чѣмъ когда либо, внезапно наступило торжественное безмолвіе. Малѣйшій пошопотъ въ самомъ отдаленномъ углу залы призывался громовыми возгласами къ молчанію.

Обведя одну минуту собраніе своимъ точно приводящимъ въ порядокъ, покоряющимъ взоромъ, Мирабо началъ свою рѣчь голосомъ, полный металлическій звукъ котораго глубоко, неотразимо прониклъ въ ухо слушателя: — Господинъ президентъ, скажемъ королю только то, что чужеземныя полчища, которыми мы окружены, принимали вчера посѣщенія принцевъ и принцессъ, фаворитовъ и фаворитокъ, вмѣстѣ съ ихъ ласками, увѣщаніями и подарками! Скажите ему, что эти чужестранцы—живодеры, налитые виномъ и золотомъ, всю ночь своими нечестивыми пѣснями провозглашали порабощеніе Франціи и съ грубыми клятвами не переставали взывать о распущеніи національнаго собранія. Скажите ему, что въ его собственномъ замкѣ придворные не постыдились присоединить свои танцы къ звукамъ этой варварской музыки, и что такимъ образомъ праздновалась прелюдія новой варооломеевской ночи. Скажите ему, что тотъ Генрихъ, память котораго весь міръ благословляетъ, тотъ его предокъ, подражать которому онъ собирался, велѣлъ подвозить съѣстные припасы въ воюющую и имъ же осажденную Парижъ, тогда какъ теперь его разъяренные совѣтники задерживаютъ подвозимые въ изголодавшуюся, вѣрную столицу запасы муки¹⁾.

Слова эти вызвали въ собраніи невѣроятное возбужденіе, которое было перебито лишь новымъ, еще болѣе удивительнымъ событіемъ. Едва Мирабо, при несмолкаемыхъ бурныхъ возгласахъ одобренія, сошелъ съ трибуны, какъ къ ней подошелъ только что вошедшій въ залу герцогъ Ліанкуръ и, вставъ на ступеньку трибуны, возвѣстилъ, что король намѣренъ явиться въ собраніе.

Всѣ были поражены. Покинувъ свои мѣста, депутаты подѣлились на группы для обсужденія и предварительнаго соглашенія между собой по поводу этого неожиданнаго извѣстія. Немногіе изъ нихъ, казалось, искренно радовались и съ благодарностью упоминали имя короля, идущаго на встрѣчу желаніямъ народа. Въ демократической же партіи видны были одни лишь озадаченныя и недовольныя лица. Герцогъ Орлеанскій стоялъ съ Сіэсомъ и Латушемъ въ отдаленномъ углу залы, и по ихъ мрачнымъ взглядамъ и сильнымъ жестамъ видно было, что ихъ досада и нерѣшитель-

¹⁾ Изъ рѣчи Мирабо въ засѣданіи національнаго собранія 15 іюля 1789.

«истор. вѣсти», ноябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

ность достигли высшей степени. Они, казалось, упрекали другъ друга, что въ то время, какъ все такъ далеко зашло, ничего не было предпринято противъ возможности примиренія короля съ народомъ. Еще смущеннѣе и печальнѣе было выраженіе лицъ у дворянства и придворной партіи. Здѣсь на предстоящее появленіе короля смотрѣли, какъ на его желаніе покинуть своихъ друзей.

Посрединѣ собранія, сегодня, какъ и всегда, было много членовъ парижскихъ и версальскихъ клубовъ, которые сильно содѣйствовали безпокойному, шумному характеру собранія, какъ, напримеръ, бретонскій клубъ, считавшійся преданнымъ герцогу Орлеанскому, какъ претенденту на тронъ Франціи.

Окруживъ герцога, они обсуждали съ нимъ вмѣстѣ, какой приемъ слѣдуетъ приготовить королю при его вступленіи въ собраніе.

Вопросъ этотъ былъ, повидимому, предметомъ всѣхъ разговоровъ и совѣщаній. Тутъ Мирабо вскочилъ опять на ораторскую трибуну и воскликнулъ все пекрывающимъ голосомъ:

— Мрачное, молчаливое почтеніе должно быть первымъ приемомъ, который мы окажемъ монарху. Въ минуту общихъ страданій молчаніе народа есть истинный урокъ королямъ ¹⁾!

Громовое bravo встрѣтило это заявленіе, произведшее самое глубокое впечатлѣніе на всѣ партіи.

При такомъ не вполнѣ еще смолкнувшемъ шумѣ, вошелъ въ залу король, въ сопровожденіи *Monsieur* и графа Артуа, безъ всякой другой свиты. Появленіе его произвело, несмотря на всѣ переговоры и расчеты, такое сильное впечатлѣніе, что какъ только увидѣли его, то подъ сводами залы раздались неоднократно повторяемые возгласы: «да здравствуетъ король!».

Король стоялъ посреди собранія въ простой, непринужденной позѣ, съ непокрытой головой. Онъ не воспользовался поставленнымъ ему на эстраду кресломъ, но продолжалъ стоять, безъ соблюденія какого либо церемоніала, и началъ говорить съ достоинствомъ и поистинѣ отеческою сердечностью.

Какъ только онъ началъ, что глава нація,—какъ онъ себя называлъ,—съ довѣріемъ пришелъ между ея представителей, чтобы выразить имъ свою печаль по поводу всего происшедшаго и поручить имъ найти средства къ возстановленію спокойствія и порядка, какъ на всѣхъ почти лицахъ выразилось удовлетвореніе.

Затѣмъ болѣе тихимъ, почти смиреннымъ голосомъ перешелъ король къ существованію подозрѣнія, будто самой личности депутатовъ угрожаетъ опасность. Тономъ честнаго гражданина указалъ онъ на свой «извѣстный характеръ», дѣлающій излишнимъ всякое опроверженіе столь преступнаго подозрѣнія.

¹⁾ Montigny, VI, 129.

— Ахъ!—воскликнулъ онъ,—я и себя довѣряю вамъ! Помогите мнѣ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ спасти государство! Жду этого отъ національнаго собранія.

Тутъ онъ съ трогательной добротой прибавилъ:

«Полагаясь на любовь и вѣрность моихъ подданныхъ, я повелѣлъ войскамъ удалиться изъ Парижа и Версаля. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручаю вамъ и уполномочиваю васъ объявить столицѣ о таковыхъ моихъ распоряженіяхъ».

Король кончилъ. Рѣчь его прерывалась безчисленными восклицаніями радости и восторга, подъ конецъ же вызвала взрывъ всеобщаго воодушевленія. Послѣ нѣсколькихъ словъ благодарности собранія, выраженныхъ архіепискомъ вьенскимъ, король собрался покинуть залъ. Въ ту же минуту поднялись всѣ присутствующіе, чтобы слѣдовать за королемъ. Молча, выстроилось все національное собраніе, въ порядкѣ свиты короля, и сопровождало его на улицу.

Король пожелалъ возвратиться во дворецъ пѣшкомъ. За нимъ оживленными радостными рядами слѣдовало національное собраніе. Величіе этой минуты покорило, казалось, самыхъ недоброжелательныхъ.

Безчисленная масса народа, стоявшая передъ дверьми залы, въ ожиданіи исхода неслыханнаго событія, и увидавшая теперь короля, шествующаго среди цѣлаго національнаго собранія, присоединилась къ кортежу въ радостномъ восторгѣ, съ безконечными ликующими восклицаніями: «да здравствуетъ король!»

На Place d'armes стояли въ боевой готовности лейбъ-гвардія, швейцарцы и французская гвардія. Но и они были охвачены всеобщимъ одушевленіемъ, увидавъ никогда еще невиданную процессію. Теперь возгласы въ честь счастливаго единенія короля съ народомъ смѣшались съ громкими торжественными звуками фанфаръ и дробью барабановъ, далеко разносившимися въ воздухѣ.

На большомъ балконѣ версальскаго дворца стояла королева, ожидая возвращенія короля.

Оглушительные клики въ честь Людовика XVI и нація вызвали погруженную въ печальныя думы Марію-Ангуанетту изъ ея покоевъ на балконъ. Она держала на рукахъ дофина, а за руку маленькую Madame. Глаза ея, съ слѣдами безконечной печали, загорѣлись счастьемъ при видѣ приближавшейся къ королевскому замку необозримой ликующей толпы народа, во главѣ которой она съ радостною нѣжностью узнала своего супруга, короля, съ лицомъ веселымъ, какого она давно уже не видѣла у него.

— Марія-Ангуанетта имѣетъ сегодня опять счастливый видъ!—сказалъ Мирабо аббату Сіезу, рядомъ съ которымъ слѣдовалъ въ кортежѣ. — Она съ балкона показываетъ народу своего дофина, а улыбка сквозь слезы на ликѣ мадонны озаряетъ прекраснѣйшій въ мірѣ образъ.

— Но народъ, сейчасъ всею душою ликовавшій, умолкъ, какъ только увидалъ прекрасную королеву, — возразилъ Сіэсъ. — Между тѣмъ идиллія на балконѣ разыгрывается все трогательнѣе. Смотрите, вотъ подошли оба молодые принца и протягиваютъ руки вверхъ къ маленькому барахтающемуся дофину, какъ бы желая обнять его. Но и на эту умильную картину народъ не ловится, и ни единая рука не поднимается для рукоплесканія. Ясно, что положеніе королевы погибло безвозвратно!

— Нѣтъ!—съ страстной горячностью произнесъ Мирабо. — Королеву слѣдуетъ удержать, во что бы то ни стало! Вижу теперь, что аббатъ Сіэсъ дѣйствительно женоненавистникъ, какимъ его всегда считали. Но взгляните же на эту королеву! Въ глазахъ ея тихо горящая капля алмаза разгорается все сильнѣе, чтобы проникнуть въ народъ и освѣтить ему путь. Камень бы съ радостью протянулся, чтобы поглотить эти лучи. А французскій народъ, изъ всѣхъ въ мірѣ самый галантный и чувствительный, остается нѣмъ къ ищущимъ его благоволенія взорамъ своей королевы!

— Вы бы предложили въ національномъ собраніи основать государство, какъ у пчель,—рѣзко сказалъ въ отвѣтъ на это Сіэсъ, но Мирабо, погруженный въ созерцаніе королевы, не слушалъ болѣе этихъ издѣвательствъ надъ его чувствами и убѣжденіями.

Толпа понемногу разсѣялась, всячески выражая свой восторгъ, предметомъ котораго была исключительно особа короля.

Къ вечеру площадь передъ дворцомъ совершенно опустѣла. Войска, окружавшія его до сихъ поръ, были удалены. Только ровные, однообразные шаги обычной стражи раздавались у главнаго входа. Казалось, Версаль опять внезапно принять свой спокойный, торжественно церемоніальный характеръ, чуждый всякаго волненія.

Съ наступленіемъ ночи, нѣсколько дорожныхъ каретъ, тяжело нагруженныхъ и плотно закрытыхъ, безшумно и быстро выѣхали изъ внутреннихъ дворовъ замка, направляясь на большую дорогу. Въ этихъ каретахъ сидѣли графъ Артуа, герцогъ Ангулэмскій и герцогъ Беррійскій, принцъ Кондэ, герцоги Бурбонскій и Энгіенскій, рѣшившіеся тайно бѣжать изъ отечества. Людовикъ XVI самъ посоветовалъ брату, графу Артуа, удалиться на нѣкоторое время изъ Франціи и выждать въ чужихъ краяхъ наступленія болѣе счастливыхъ временъ. За принцами, на другой же день, послѣдовали отставленные, по настоянію національнаго собранія, министры.

Въ этотъ же день королемъ было рѣшено призвать вновь Некера. Въ своей поспѣшности идти навстрѣчу желаніямъ народа, король, послѣ цѣлаго дня совѣщанія съ королевой, рѣшилъ отправиться въ столицу и тамъ своей честной рукой успокоить бушующее море революціи. Въ этотъ же день вечеромъ король и королева со слезами простились съ герцогиней Подиньякъ, оставившей, съ мужемъ и сестрой, Францію, по настоянію самой королевы.

Національнымъ собраніемъ, въ тотъ же день, была отправлена въ столицу депутація для объявленія ей радостныхъ постановленій короля.

Посольство это, имѣя во главѣ Лафайетта, карабкалось въ Парижъ, при восторженныхъ кликахъ народа, по баррикадамъ, преграждавшимъ улицы. Добравшись чрезъ такія необычайныя препятствія до рагуши, Лафайеттъ началъ свое сообщеніе о рѣчи короля въ національномъ собраніи. Народъ отвѣчалъ ему безконечными виватами въ честь короля и національнаго собранія.

Самъ Лафайеттъ въ эту минуту представлялся парижскому населенію достойнѣйшимъ довѣрія лицомъ, которому можно поручить руководительство вооружившагося въ защиту своихъ правъ народа. Поднялись со всѣхъ сторонъ восторженные клики, и Лафайеттъ былъ избранъ главнокомандующимъ парижской гражданской милиціи, которая должна была организоваться въ болѣе обширную національную гвардію. Обнаживъ шпагу, Лафайеттъ, выражая за такую честь свою благодарность, подтвердилъ ее присягой, что посвятитъ свою жизнь на защиту свободы ¹⁾.

Второе состоявшееся въ этотъ день, по народному избранію, важное назначеніе было назначеніе Балли мэромъ Парижа, того самого Балли, который предѣдательствовалъ на засѣданіи въ «Salle du Jeu de paume», когда депутаты третьяго сословія произнесли клятву, что не разойдутся, пока не достигнутъ цѣли. Мирабо было предложено занять это мѣсто парижскаго мэра, но онъ упустилъ случай явиться въ hôtel de ville, хотя всѣ шансы къ облеченію его этимъ почетнымъ званіемъ были на его сторонѣ.

17-го іюля король выѣхалъ въ Парижъ, предварительно приобщившись Св. Тайнъ. Нѣжно и печально было его прощаніе съ оставшейся въ Версали королевой. Небольшой отрядъ лейбъ-гвардіи конвоировалъ короля изъ Версаля. У заставы, *barrière de la Conférence*, король вдругъ замѣтилъ, что, вмѣсто лейбъ-гвардіи, его окружаютъ, для сопровожденія въ столицу, возставшіе противъ него солдаты, недавно еще бывшіе его вѣрной французской гвардіей. Впереди двигались пушки, добытыя народомъ изъ Бастиліи. Жерла пушекъ были направлены на карету короля. Подъ прикрытіемъ такихъ-то трофеевъ революціи въѣхалъ король въ Парижъ. Онъ не могъ не видѣть, что положеніе мгновенно измѣнилось, и что онъ въѣзжаетъ въ Парижъ, какъ узникъ, который долженъ предстать предъ своими судьями ²⁾.

Однако народъ восторженно встрѣтилъ короля при его появленіи въ hôtel de ville. Король не произнесъ здѣсь ни одного слова, а только съ улыбкой, снисходительно принималъ поклоненіе народа,

¹⁾ Lafayette, Mémoires, II, 259.

²⁾ Weber, I, 398.

который выражалъ свою радость какъ бы по поводу примиренія съ нимъ короля.

Только къ вечеру удалось ему освободиться отъ толпы и подумать о своемъ возвращеніи въ Версаль.

— И такъ, государь, вы стали королемъ третьяго сословія?— спросила Марія-Антуанетта съ язвительной улыбкой сквозь слезы, встрѣчая послѣ долгаго, мучительнаго ожиданія своего супруга.

— Пусть отнынѣ называютъ меня, какъ хотятъ, лишь бы Франція была счастлива при этомъ!— твердо и серьезно произнесъ король.

IX.

Аристократы.

Мирабо принялъ приглашеніе къ обѣду у графа де-ла-Маркъ, съ которымъ начиналъ съ нѣкоторыхъ поръ вступать въ дружескія отношенія, несмотря на различіе ихъ политическихъ мнѣній.

Въ сегодняшнемъ засѣданіи національнаго собранія, четвертаго августа, собирались испровергнуть всѣ феодальныя права, извѣстныя сословныя привилегіи и право собственности. Не сочувствуя этому, Мирабо не желалъ присутствовать на этомъ засѣданіи.

— Не слѣдуетъ, — говорилъ онъ, — вполне распатывать и разрушать фундаментъ, на которомъ хотятъ воздвигать новое зданіе. Оспаривать это повредило бы мнѣ въ глазахъ народа, другомъ котораго я хочу остаться, потому что еще пригожусь ему. Национальное собраніе дѣлаетъ сегодня свою первую политическую ошибку, но я еще надѣюсь сильной рукой вытащить его изъ пропасти, въ которую оно летитъ. Вотъ для чего берегу я себя сегодня. А какая же, милостивые государи, причина вашего отсутствія въ сегодняшнемъ собраніи?—обратился онъ къ присутствующимъ.

— Одно лишь желаніе имѣть удовольствіе обѣдать съ графомъ Мирабо, какъ товарищемъ по несчастію, — сказалъ графъ де-ла-Маркъ, взявъ Мирабо подъ руку и проходя съ нимъ впередъ въ столовую. — Мы сегодня не участвуемъ въ голосованіи съ правой стороны, какъ графъ Мирабо не участвуетъ съ лѣвой. Развѣ это не обоюдная печаль?

Гости стали занимать мѣста у стола, собравшаго сегодня лишь небольшой избранный кружокъ, отвѣчавшій, однако, своей репутаціи парламентскаго обѣда у графа де-ла-Маркъ. Здѣсь были герцогъ Лозэнъ, герцогъ Аренбергъ, старшій братъ графа де-ла-Маркъ, затѣмъ графъ д'Эскаръ, одинъ изъ придворныхъ кавалеровъ графа д'Артуа, генераль-лейтенантъ графъ де-Граммонъ, маркизъ Фуко-де-Лардимали, принцъ Поа и нѣкоторые другіе, такой же аристократической окраски члены національнаго собранія.

— Жду еще аббата Сіэса,—сказаль графъ де-ла-Маркъ, указывая на незанятое мѣсто.—Онъ тоже не хотѣлъ идти на сегодняшнее засѣданіе. Однако усердіе къ обязанностямъ члена третьяго сословія увлекло его туда, какъ видно. Или, быть можетъ, онъ придетъ позднѣе, чтобы промолчать намъ нѣчто весьма умное и удачное, такъ какъ у этого человѣка способъ молчанія производитъ уже, неизвѣстно почему, впечатлѣніе, оживляющее и руководящее всякимъ разговоромъ.

— Знаю кого-то, кто будетъ очень несчастливъ, что графа Мирабо не будетъ сегодня въ національномъ собраніи,—сказаль расположенный къ веселымъ поддразниваніямъ герцогъ Лозэнъ.—Эта дама въ черномъ, всегда присутствующая на трибунѣ для публики и въ то время, какъ графъ Мирабо пускаетъ громовыя стрѣлы своего краснорѣчія, чуть ли не сіяющая черезъ всю залу блескомъ своихъ глазъ. Скажите, Бога ради, графъ Мирабо, кто эта интересная дама? Вчера я встрѣтилъ ее даже въ магазинѣ архитектора Палоа, изготовившаго всѣ эти прекрасныя вещи изъ камней разрушенной Бастили ¹⁾. Она купила тамъ себѣ Мирабо, такъ превосходно высѣченнаго изъ этого почтеннаго, сѣраго бастильскаго камня.

— Эта черная дама, милостивые государи, моя жена, графиня Мирабо, разведенная со мною,—спокойно отвѣчалъ Мирабо.—Не думаю, чтобъ она изъ-за меня столь усердно посѣщала національное собраніе. Она вообще интересуется текущей политикой.

— Нѣтъ, нѣтъ,—съ оживленіемъ возразилъ герцогъ Лозэнъ.— Не покупаютъ себѣ человѣка изъ бастильскихъ камней, если о немъ любовно не мечтаютъ. Притомъ же вещи эти страшно дороги. Революція оцѣниваетъ свое разореніе весьма высоко. Хотя я старый грѣховодникъ-аристократъ, однако хотѣлось мнѣ тоже имѣть какойнибудь маленькій предметъ искусства изъ камня этой крѣпости тирановъ, какъ ее теперь называютъ, и я купилъ себѣ этого стараго проказника Вольтера, изъ славнаго ядовитаго зуба котораго вытекаетъ еще весь сегодняшний ядъ. И подумайте только, я долженъ былъ заплатить триста ливровъ за этого сочинителя. Кандида, хотя матеріалъ не стоитъ ни одного су!

— Ни одного су?—спросилъ, улыбаясь, Мирабо.—Много дороже долженъ бы онъ стѣить Франціи. Я купилъ себѣ Руссо изъ этого революціоннаго матеріала и поставилъ его передъ собою рядомъ съ чернильницей на моемъ шюпитрѣ въ залѣ засѣданій. Удивительно, что статуэтки Неккера не находятъ сбыта. Народъ хотя и приготовилъ вновь призванному министру восторженный, торжественный приѣмъ, однако, вслѣдъ за нимъ, внезапно наступило поразительное охлажденіе. Чувствуется, что революція оставила уже Неккера по-

¹⁾ Condorcet, Mémoires, II, 74.

зади себя, и что скоро онъ будетъ у народнаго движенія на пенсіонѣ, такъ какъ никакой пользы ему уже принести не можетъ. Но все-таки бюсты его изготовлены изъ бастильскаго камня.

— Сегодня, милостивые государи, берутъ другую Бастилью, а именно феодализмъ,—началь маркизъ Фуко де-Лардимали съ нѣкоторой печальной торжественностью. — Думаю, однако, что феодальныя права, служація опорой всей монархіи, не такъ легко будетъ снести и срыть до основанія, какъ это удалось съ твердыней улицы Сентъ-Антуанъ. Феодальныя права—это собственно остовъ государственнаго тѣла, ибо безъ крѣпостнаго права, безъ поземельной ренты и десятиннаго сбора, безъ правъ владѣльца и правъ охоты, безъ освобожденія отъ податей и судебныхъ сборовъ, безъ общинныхъ и провинціальныхъ привилегій, монархія не можетъ испустить ни одного здороваго вздоха. И все это, что создавалось и жило вѣками, господа въ Salle des Menus хотятъ въ одну ночь низвергнуть и вырвать съ корнемъ изъ земли? Дворянинъ, который къ такому безумному преступленію приложилъ бы руку, заслуживалъ бы быть заклеяннымъ, какъ осквернитель храма.

— А между тѣмъ двое дворянъ положили начало парламентской оргіи сегодняшней ночи,—сказалъ Мирабо.—Не лѣвая, а правая сторона впервые возбудила рѣчь объ этомъ. Виконтъ де-Ноайль и герцогъ д'Эгильонъ, первые предложившіе отмѣну феодальныхъ тягостей, сидятъ оба на правой сторонѣ, тогда какъ Сіэсъ и я, нежелающіе разрушать сразу національный организмъ, имѣемъ родное мѣстопребываніе на лѣвой.

— Главный поджигатель, слѣдовательно, виконтъ де-Ноайль,—вновь началъ съ своею тонкою улыбкой графъ де-ла-Маркъ. — Это молодой, легкомысленный лейтенантъ, ничего не имѣющій и которому поэтому и терять нечего, но жаждущій популярности еще больше, чѣмъ тонкихъ винъ у стола герцога д'Эгильонъ, богатѣйшаго феодала французской монархіи, веселымъ товарищемъ котораго онъ состоитъ.

— Ноайль — зять маркиза Лафайетта,—сказалъ принцъ Поа.—Этотъ примѣръ соблазнилъ его; ему тоже захотѣлось приобрѣсти любовь народа и имя на улицѣ. Но это не наполнить пустыхъ кармановъ бѣднаго виконта. Глупцы эти хотятъ еще вырвать изъ нашихъ рукъ драгоценное право охоты, эту истинную святыню аристократіи. Если дворянинъ не посмѣетъ болѣе застрѣлить козулю на всякомъ мѣстѣ, куда достигнетъ его хорошее ружье, то кончено со всѣмъ рыцарскими добродѣтелями дворянства. Въ благородныя страсти будетъ пробита брешь, въ которую вольется въ общество весь зараженный потокъ черни. Коза, ушедшая изъ-подъ ружья дворянина, можетъ породить всемірное бѣдствіе, тогда какъ несчастіе вовсе не такъ велико, если прекрасная охота потопчетъ зерно крестьянина. Будетъ лишь нѣсколько фунтовъ хлѣба испечено ме-

нѣе, и чернь не поѣстъ досыта, а это дѣлаетъ ее доступнѣе чувствамъ повиновенія и вѣрности. Не слѣдуетъ думать, что голодъ дѣлаетъ революцію. Сытая чернь гораздо опаснѣе голодающей. Когда народъ сытъ, онъ хочетъ плясать; когда ему позволяютъ плясать, то онъ хочетъ украшать себя вѣнками и возлагать ихъ на головы другимъ.

Поднялся смѣхъ надъ злобнымъ комизмомъ, съ которымъ капитанъ лейбъ-гвардіи и губернаторъ Версаля провозглашали эти парадоксы, усердно занимаясь въ то же время душистымъ каплуномъ.

— Надъ этимъ не слѣдовало бы смѣяться; вопросъ требуетъ серьезнаго размышленія,—сказалъ графъ д'Эскаръ.—Передъ самымъ отъѣздомъ графа Аргуа у насъ былъ по этому поводу философскій разговоръ. Мы пришли къ тому заключенію, что борьба, возгорающаяся во Франціи, а скоро, быть можетъ, и во всемъ мірѣ, не есть борьба о правахъ и принципахъ. Нѣтъ, это борьба расъ; это два различные народа, бросающіеся одинъ на другого за право господства. Развѣ мы не совѣмъ другая человѣческая раса, чѣмъ люди изъ народа? У насъ иныя лица, иныя органы обонянія, иныя руки и ноги. Все наше строеніе иное, и мы бы не смѣли имѣть особыхъ правъ и преимуществъ?

— Все дѣло въ крови,—сказалъ графъ Граммонъ тихимъ, сентиментальнымъ голосомъ.—Что у дворянства другія составныя части крови, чѣмъ у народа, что кровь маркиза и графа краснѣе, горячѣе и содержитъ больше бѣлковины, чѣмъ кровь крестьянина или поденщика, это могло бы съ точностью быть удостовѣрено химическимъ анализомъ. А потому и привилегіи должны быть предоставлены лучше организованному классу. У кого въ жилахъ рыбаья кровь, съ тѣмъ нельзя обращаться такъ же, какъ со львомъ. Отсюда ясно, что крѣпостное право есть законъ природы, который долженъ быть уважаемъ!

— Милостивые государи,—началъ Мирабо,—не слѣдуетъ намъ дѣлать слишкомъ смѣлыхъ выводовъ изъ тѣхъ преимуществъ, которыми мы обязаны рожденію. Признаюсь, мнѣ не все равно, рожденъ ли я графомъ или поденщикомъ. Дворянство—почетное званіе; имъ слѣдуетъ дорожить; но я полагаю, что мы ежеминутно должны заслуживать его у народа, какъ его естественные защитники и руководители. Дворянство наше будетъ еще болѣе блестяще, если мы поможемъ народу положить начало естественной свободѣ. Но благородными людьми мы, конечно, всегда останемся, милостивые государи!

Обѣдъ приближался къ концу, а время къ полуночи, когда дверь въ залу быстро отворилась и вошелъ, видимо сильно взволнованный, Сіэсъ. Отказываясь отъ занятія оставленнаго ему мѣста у стола, онъ просилъ позволенія опуститься на стоявшій въ залѣ угловой диванъ.

— Извините мое позднее появленіе,—сказаль аббатъ Сіэсъ, обращаясь къ графу де-ла-Маркѣ.—Я присутствовалъ на трибунѣ для зрителей въ національномъ собраніи, чтобы видѣть бой, въ которомъ не могъ и не хотѣлъ играть роли, и выхожу оттуда раненымъ, хотя и не участвовалъ въ пылу сраженія. Однимъ лишь крикомъ и ликованіемъ принимается одинъ декретъ за другимъ. Это настоящая пороховая мина, взрывающая на воздухъ столѣтіями воздвигавшееся зданіе правъ.

Общество оставило свои мѣста и окружило измученнаго аббата, закидывая его вопросами о происходившемъ въ засѣданіи.

— Нѣкоторыя вещи были положительно трогательны,—сказаль онъ голосомъ болѣе мягкимъ, чѣмъ обыкновенно.—Наперерывъ одни передъ другими приносились въ жертву несомнѣнныя права собственности. Послѣ того, какъ съ невѣроятной быстротой, какъ бы въ бурномъ вихрѣ, была декретирована отмѣна феодальныхъ правъ, отмѣна десятичнаго сбора, отмѣна всѣхъ провинціальныхъ привилегій, многіе депутаты въ радости бросались другъ другу въ объятія, и громкія рыданія раздавались на всю залу. На крыльяхъ этого поистинѣ бѣшеннаго восторга все новыя и новыя привилегіи приносятся въ жертву, и такъ, вѣроятно, продолжится до утра, если только утромъ не затопнютъ ихъ отъ всего, что они сдѣлали этою ночью!

— Понятно, что отмѣна десятичнаго сбора была особенно чувствительна господину аббату,—сказаль принцъ Поа, язвительно улыбаясь.—Но вѣдь графъ Сіэсъ—освободитель третьяго сословія, а для такого счастья можно принести нѣкоторыя жертвы своего кошелька!

— Нѣтъ, милостивые государи,—съ живостью вставая съ мѣста, произнесъ Сіэсъ.—Не денежный интересъ, а моя ненависть къ землевладѣльцамъ заставляетъ меня смотрѣть на отмѣну десятичнаго сбора, какъ на несправедливость! Это значитъ отнять собственность у духовенства, чтобы ею еще болѣе обогатить помѣщиковъ. Что тутъ общаго съ третьимъ сословіемъ? Ахъ, они хотятъ быть свободными, а не умѣютъ быть справедливыми ¹⁾!

— Вѣрите мнѣ, все это ночное засѣданіе есть ничто болѣе, какъ интрига герцога Орлеанскаго,—воскликнулъ Мирабо своимъ громкимъ голосомъ.—Господа Ноайль и Эгильонъ, какъ я доподлинно знаю, ежедневно обѣдали у герцога и, у его лакомаго стола, состряпали весь планъ. Герцогу не удалось его намѣреніе провозгласить себя наслѣдникомъ престола, потому что 17-го іюля король сумѣлъ во-время прибыть въ Парижъ и довѣрчиво отдать себя въ руки народа. И вотъ теперь герцогъ дѣйствуетъ отмѣной дворянскихъ привилегій, чтобы создать безконечный хаосъ и въ мутной водѣ вы-

¹⁾ Dumont, Souvenirs, p. 147.

ловить свою корону. Нужно будетъ пояснѣе предостеречь народъ отъ этого рыбака!

Графъ де-ла-Маркъ, нѣсколько встревоженный, тихо просилъ графа Мирабо помнить, что герцогъ, обѣщавшій зайти по окончаніи засѣданія, можетъ ежеминутно появиться, и прибавилъ, что особое желаніе герцога—застать графа Мирабо, съ которымъ ему уже давно хотѣлось бы познакомиться.

Мирабо поклонился, бросивъ удивленный вопросительный взглядъ на графа. Аббатъ Сіэзъ удалился, а за нимъ вскорѣ и всѣ остальные гости. Графъ Мирабо остался вдвоемъ съ графомъ де-ла-Маркъ. Это было пріятною для обоихъ случайностью, дававшею имъ возможность откровенно поговорить о многомъ, что лежало у нихъ на сердцѣ и съ нѣкоторыхъ поръ все болѣе и болѣе сближало ихъ.

Искренній и дѣятельный другъ королевскаго дома, графъ де-ла-Маркъ старался входить въ сношенія съ вліятельными членами противныхъ партій, не безъ намѣренія, конечно, пріобрѣсти приверженцевъ и перебѣжчиковъ въ роялистскій лагерь.

По удаленіи прислуги, графъ де-ла-Маркъ дружески подсеѣлъ къ Мирабо, съ нетерпѣніемъ ожидавшему его объясненій.

— Любезный графъ,—сказалъ де-ла-Маркъ,—поговоримъ теперь о нашемъ дѣлѣ, которое, вѣрьте мнѣ, еще ближе моему сердцу, чѣмъ вашему. Какъ я уже сообщилъ вамъ, я, черезъ графиню д'Оссуну, довелъ до свѣдѣнія королевы о моихъ сношеніяхъ съ графомъ Мирабо съ намѣреніемъ обратить этотъ величайшій талантъ національнаго собранія на пользу короля и королевской власти, что отвѣчаетъ и его собственному расположенію. Скоро и министры,—прибавилъ я,—будутъ вынуждены сообразоваться съ мнѣніями графа Мирабо, если захотятъ удержаться у власти.

— Великолѣпное вступленіе, мой дорогой другъ,—съ живостью воскликнулъ Мирабо.—Что же сказала на это королева?

— Отвѣтъ ея былъ еще пока весьма неблагоприятенъ,—мягко возразилъ де-ла-Маркъ.—Королева высказала увѣренность, что мои сношенія съ графомъ Мирабо преслѣдуютъ наилучшія цѣли; однако же, она не думаетъ, чтобы я успѣлъ чего либо достигнуть у него, а равно не думаетъ, чтобы министры короля искали когда либо поддержки графа Мирабо. «Я полагаю,—произнесла королева,—что мы никогда не будемъ столь несчастливы, чтобы имѣть эту крайнюю, тяжкую необходимость прибѣгать къ защитѣ графа Мирабо¹⁾».

Мирабо, смущенный, молчалъ минуту, а потомъ тихо сказалъ:

— Неужели королева питаетъ ко мнѣ такое непреоборимое отвращеніе? Для меня было важно, чтобы она знала, что имѣетъ въ національномъ собраніи глубоко преданнаго друга, на котораго мо-

¹⁾ Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de la Marck, I, 107.

жетъ разсчитывать. Вотъ почему я просилъ васъ, при случаѣ, шепнуть ей это. Я вѣрный другъ монархіи, какъ не разъ уже сообщалъ вамъ. Другого спасенія, однако, не вижу, какъ только въ томъ, чтобы свобода пустила глубокіе корни въ королевскую власть, и чтобы интересы народа и престола слились воедино. Я избралъ бы эту дорогу спокойно, для себя самого, не заботясь вовсе о дворѣ, еслибъ прекрасный, печальный обликъ, не получающій болѣе отъ короны ни одного радостнаго луча, день и ночь не напоминалъ мнѣ о себѣ и не стоялъ предъ моими душевными очами. Вотъ единственно, что побудило меня просить вашего посредничества къ тому, чтобы въ замкѣ смотрѣли на меня, какъ на друга, а не какъ на врага! Если же королева не обладаетъ достаточно тонкимъ слухомъ, то все останется по-старому.

Прежде всего нужно немного терпѣнія,—возразилъ де-ла-Маркъ спокойно и мягко.—Скоро, вѣрьте мнѣ, король и королева будутъ преисполнены самою горячею благодарностью къ вамъ. Одна только ваша титаническая сила, дѣйствуя осторожно, можетъ развить и утвердить современныя идеи свободы въ монархическомъ направленіи. Я никогда не позволилъ бы себѣ намекнуть вамъ даже на это, если бы не видѣлъ, что вашъ чудный талантъ клонится къ тому, чтобы быть нашимъ спасителемъ. Королева сдѣлалась недоувѣрчива и подозрительна, но она откроетъ свое сердце, какъ только ваши дѣйствія въ пользу монархіи станутъ ясны, какъ солнце. Дворъ будетъ вамъ обязанъ своимъ спасеніемъ и, конечно, выразитъ вамъ всю свою благодарность.

— Развѣ я требую благодарности?—воскликнулъ Мирабо съ горячностью.—Вы знаете, что съ трибуны я говорю только то, что у меня на сердцѣ; иначе не скажу ни слова. Дѣйствуй я изъ-за выгодъ, то мнѣ не зачѣмъ было бы дѣлать столько усилій, чтобы побороть трудности, раздѣляющія меня съ дворомъ. Я получилъ бы эти выгоды отъ герцога Орлеанскаго, который чуть не ежедневно предлагаетъ мнѣ ихъ. Стоило бы только помочь вкатить телѣжку въ ту революціонную грязь, гдѣ ничего бы другого не осталось, какъ избрать герцога Орлеанскаго регентомъ Франціи. Но векселя герцога, почти уже всунутые въ мой карманъ, не нравятся мнѣ, несмотря на всѣ мои долги и нужды. Да, семейныя дѣла мои вновь запутываются. Отецъ мой оставилъ мнѣ ренту въ 50.000 ливровъ, но на основѣ родовыхъ имѣній, что породило споры о наслѣдствѣ съ братьями и сестрами, и они начали даже процессъ противъ меня. Тѣмъ временемъ, я безъ денегъ, хотя нѣкоторые считаютъ меня обогащеннымъ щедрыми подкупами. Между тѣмъ, въ моихъ карманахъ царствуетъ добродѣтель монаха, не имѣющаго права обладать земными богатствами. Бываютъ дни, когда мнѣ нечѣмъ слугѣ заплатить, а депутатская діэта часто печальнымъ образомъ напоминаетъ о томъ, что на свѣтѣ есть вещь, которую зовутъ деньгами.

— Мнѣ кажется, что я набрелъ на умную мысль, — сказалъ графъ де-ла-Маркъ, съ улыбкой и глубокомысленно приложивъ указательный палецъ къ носу. — Но вы должны, графъ, впередъ дать мнѣ обѣщаніе, что во всѣхъ дѣлахъ, похожихъ на нужду въ деньгахъ, вы будете обращаться только ко мнѣ и больше ни къ кому. Въ такомъ случаѣ, мнѣ доставитъ величайшее удовольствіе предложить вамъ ежемѣсячно взаймы пятьдесятъ луидоровъ, которые при депутатской діэтѣ будугъ, быть можетъ, достаточны пока на текущіе расходы. Что же касается долговъ, то я посовѣтоваль бы вамъ отсрочить ихъ уплату до того времени, когда вы вступите во владѣніе имуществомъ вашего отца, что можетъ послужить вполне вѣрнымъ обезпеченіемъ для вашихъ кредиторовъ. Позволяете ли мнѣ служить вамъ такимъ образомъ ¹⁾?

— Вижу, что вы другъ, какихъ мало, — сказалъ Мирабо, быстрымъ движеніемъ крѣпко пожимая ему руку. — Принимаю ваше предложеніе и тѣмъ самымъ становлюсь крѣпостнымъ вашей дружбы.

— Между тѣмъ крѣпостничество есть то, съ отиѣной чего я всего болѣе согласенъ, — отвѣтилъ улыбаясь де-ла-Маркъ. — И такъ, что бы ни постановило сегодня ночью національное собраніе, мы съ вами будемъ защищать короля и монархію на основѣ самыхъ широкихъ вольностей. Если бы я, какъ старый воплощенный аристократъ, и не любилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, то все-таки охотно примирюсь съ ними, если, благодаря имъ, вознесется и усилится королевская власть.

— Достигнуть этой цѣли быстро и вѣрно мы можемъ лишь путемъ органической конституціи для Франціи, о чемъ я всѣми силами стараюсь, — сказалъ Мирабо. — И почему бы не англійской конституціи? Я нахожу въ ней всѣ гарантіи настоящей естественной и разумной свободы. Свободное равновѣсіе между народомъ и престоломъ, связанными сильной, между ними стоящей аристократіей, чего можно желать болѣе, чтобы сдѣлать изъ государства достойную для людей и удобобитаемую сферу? Поднятый же въ собраніи вопросъ о «правахъ человѣка» можетъ быть разрѣшенъ лишь путемъ закона. Безъ закона нѣтъ правъ человѣка! Что за нелѣпая ложь это уличное воззваніе: «Всѣ люди свободны и равны по рожденію»! Нѣтъ, они не свободны и не равны по рожденію! Зависимость и всевозможныя различія нераздѣльны съ самымъ ихъ существованіемъ. А свобода слова тоже право человѣка? Нѣтъ, она гораздо болѣе, чѣмъ право человѣка. Что у меня есть носъ, — это право человѣка, но право свободно выражать свои мысли, право молиться Богу, какъ хочу и могу, я могу пріобрѣсти лишь въ законно устроенномъ обществѣ, гдѣ оно только и имѣетъ мѣсто и значеніе. Прежде надо имѣть государство, какъ продуктъ законности и цивилизаціи, а тамъ ужъ можно наполнять его, сколько душѣ угодно, всевозможными правами человѣка.

¹⁾ Correspondance entre Mirabeau et La Marck, 1, 95.

Ла-Маркъ сердечно пожалъ ему руку и сказалъ:

— Вы восхищаете меня, любезный графъ! Еслибъ я могъ услышать васъ и съ трибуны съ этой высокой умѣренностью, съ этой пламенной законностью! Дайте мнѣ слово, что и во время преній вы будете держать эту великолѣпную рѣчь, а не позволите увлечь себя революціонному вихрю, что не разъ, признаюсь, огорчало меня. Вашъ необыкновенный талантъ будетъ оцѣненъ, вѣрите мнѣ! И тогда вы займете во Франціи положеніе могущественное и прекрасное, котораго никто еще не имѣлъ. Графъ Мирабо будетъ министромъ Франціи, какъ только мы освободимся отъ Неккера. До сихъ поръ вы еще подозрительны для двора, чему причиной все ваше прошлое. Но я не перестану обращать взоры королевы на васъ. Скоро она увидитъ, что въ бѣдѣ есть только одинъ спаситель, и это графъ Мирабо!

— Вы можете каждую минуту свободно говорить съ королевой! — горячо воскликнулъ Мирабо. — Марія-Антуанетта питаетъ къ вамъ истинную дружбу, потому что вашъ отецъ, герцогъ Аренбергъ, былъ австрійскимъ фельдмаршаломъ! Она послѣдуетъ за вашими указаціями, если только вамъ не надоѣстъ говорить ей обо мнѣ. Скажите же ей, что Мирабо на колѣняхъ ожидаетъ возможности слушать ей. Дѣло лишь въ томъ, чтобы услышать повелѣнія королевы, и тогда Мирабо будетъ камни возить, чтобы помочь воздвигнуть храмъ ея желаній!

Съ этими словами онъ быстро вскочилъ и схватилъ свою шляпу, собираясь уходить.

— Простите меня, что я не дождусь герцога Орлеанскаго, — сказалъ онъ. — Союзъ между мною и герцогомъ никогда заключенъ быть не можетъ, а потому намъ лучше не знакомиться. И безъ того уже распространяются слухи, что я принадлежу къ партіи герцога Орлеанскаго. Вы лучше всѣхъ знаете, что это ложь, и я долженъ вамъ признаться, что господина герцога я не желалъ бы имѣть даже своимъ камердинеромъ ¹⁾.

Графъ де-ла-Маркъ отъ души разсмѣялся послѣднимъ словамъ, сердечно прощаясь съ своимъ другомъ.

Х.

Г-жа Ле-Жэ и королевское «veto».

Въ прекрасный, ясный сентябрьскій день Мирабо отправился изъ Версаля въ Парижъ съ цѣлью лично уладить одно безпокойшее его съ нѣкоторыхъ поръ дѣло. Недавно, вмѣстѣ съ своими женевскими друзьями,

¹⁾ La Marck, I, 123. Подлинныя слова Мирабо.

Дюмономъ и Дюроверэ, онъ началъ издавать газету, печатавшуюся въ Парижѣ, подъ названіемъ «Courrier de Provence», и содержавшую грозныя и весьма вліятельныя статьи о текущей политикѣ и о національномъ собраніи. Но по винѣ книгопродавца Ле-Жэ, которому была поручена продажа, газета выходила такъ неаккуратно, что вызывала постоянныя нареканія подписчиковъ и со всѣхъ сторонъ обращаемыя къ Мирабо просьбы о принятіи мѣръ противъ такой неисправности. Въ особенности Дюмонъ и Дюроверэ не переставали настаивать, чтобы газета была отобрана отъ Ле-Жэ, на что, однако, Мирабо не рѣшался, несмотря на ясныя намеки на красивую супругу Ле-Жэ, изъ-за которой онъ, будто бы, готовъ былъ погубить изданіе, съ первыхъ дней уже получившее значеніе и имѣвшее болѣе трехъ тысячъ подписчиковъ.

Послѣ долгихъ уклоненій, Мирабо долженъ былъ, наконецъ, почти противъ воли, отправиться съ этими друзьями, къ которымъ присоединился и Клавьеръ, для тщательнаго изслѣдованія дѣла.

— Нашъ другъ Мирабо боится объясненій съ своей прекрасной пріятельницей Ле-Жэ,—говорилъ Клавьеръ, поддразнивая Мирабо, сидѣвшаго съ недовольнымъ видомъ въ экипажѣ напротивъ него.— И зачѣмъ было поручать продажу газеты книгопродавцу, у котораго такая соблазнительная жена? Хотя госпожа Ле-Жэ не первой молодости, однако для тридцати шести лѣтъ она весьма привлекательна. Я увѣренъ, что никакой отчетности она не ведетъ.

— Я уступилъ ей свою долю въ барышахъ по этому изданію и готовъ внести еще впередъ сумму, какую вы пожелаете,—сказалъ Мирабо.—Но заставлятъ меня погружаться въ эти дразги, право, слишкомъ. Мое согласіе на это сегодня есть большое доказательство дружбы къ вамъ. Вамъ извѣстно, какъ неохотно я оставляю теперь Версаль, хотя бы на полъ-дня. Начались пренія о системѣ двухъ палатъ и о «veto», а эти вопросы такой огромной важности, что я не хотѣлъ бы пропустить ни малѣйшаго отгѣнка при обсужденіи ихъ въ національномъ собраніи.

— Ты произнесъ уже вчера исполнскую по силѣ рѣчь въ пользу короля,—возразилъ Клавьеръ, принужденно улыбаясь.—Народный герой Мирабо направилъ философскую стрѣлу въ пользу «veto» короля; но я долженъ сказать, что нѣкоторые клубы дышатъ мщеніемъ тебѣ. Ты желаешь предоставить королю, который счастливъ теперь, что тебя имѣетъ, право однимъ своимъ словомъ «запрещаю» уничтожить всѣ постановленія законодательнаго учрежденія? Ты показалъ себя чрезъ это болѣе монархистомъ, чѣмъ самъ король и его министры, потому что Некьеръ требовалъ для монарха лишь права отлагать исполненіе постановленій и обращаться къ избираемому наново собранію, голосованіе котораго дѣлается затѣмъ для него рѣшающимъ. Ты же, мой другъ, хочешь предать конституцію на милость или гнѣвъ монарха. Послѣ громогласнаго провозглаше-

нія этого вчера, сегодня ты можешь отдохнуть, посѣтивъ прелестную госпожу Ле-Жэ.

— Знаю, что въ этихъ вещахъ я съ вами, женевцами, не сойду,—отвѣтилъ Мирабо, задумчиво глядя въ окно кареты.— Могу васъ увѣрить только, что если бы по нашей новой конституціи, король не имѣлъ права такого «veto», такого «запрещаю», я предпочиталъ бы жить въ Турціи, а не во Франціи. Не можетъ быть націи, если у нея нѣтъ одного единственнаго главы, воля и рѣшенія котораго безраздѣльны. Я гораздо менѣе страшусь нарушенія правъ королеми, чѣмъ верховной аристократіи нѣсколькихъ сотъ лицъ, соединившихся въ законодательное собраніе ¹⁾.

Молчаніе было отвѣтомъ на эти заявленія. Дюмонъ и Дюроверъ торопили только кучера, спѣша добраться до столицы.

Скоро достигли воротъ Парижа. Экипажъ быстро покатился по улицамъ, на которыхъ на встрѣчу ему двигались страшно возбужденныя толпы народа. Большія скопища образовались на площадяхъ, а среди нихъ раздавались страстныя, до невѣроятности рѣзкія рѣчи ораторовъ.

— Говорятъ объ одномъ лишь «veto»,—сказалъ съ смущеніемъ Мирабо, напрягая свой тонкій слухъ по сторонамъ.— Народъ, дѣйствительно, сдѣлалъ громадныя успѣхи. Я никогда не думалъ, что онъ такъ глубоко вникаетъ въ идею конституціи, и что тамъ, гдѣ еще недавно стояли баррикады, теперь раздаются философскіе диспуты!

— Народъ не зналъ вначалѣ, что такое «veto»,—сказалъ съ усмѣшкою Клавьеръ,—но друзья наши, исколесившіе вчера весь городъ, постарались ему объяснить это. Такъ, одинъ блузникъ въ улицѣ Сенъ-Дени, съ которымъ я долго философствовалъ, серьезно и дружески спросилъ меня, изъ какого собственно округа господинъ Вето, и отчего его лучше не повѣсятъ на первомъ попавшемся фонарномъ столбѣ?

Съ величайшимъ трудомъ пробирался экипажъ, среди все увеличивавшихся народныхъ массъ, въ маленькую уличку, примыкавшую къ бульвару Пуассоньеръ. Народъ узналъ Мирабо и скоро окружилъ карету, сопровождая ее всевозможными восклицаніями, частью выражавшими національную любовь къ знаменитому депутату, частью же звучащими странно и непріязненно.

То былъ ропотъ, гдѣ слово «veto» сливалось съ именемъ графа Мирабо, а въ глубинѣ слышалось тихое ворчаніе, что если Мирабо за короля, то онъ не можетъ уже болѣе быть за народъ. Уловивъ эти слова, Клавьеръ значительно толкнулъ Мирабо, что заставило его очнуться отъ глубокой задумчивости, въ которую повергъ его этотъ народный гласъ.

¹⁾ Изъ рѣчи Мирабо въ пользу «veto» короля.

Въ эту минуту они подъѣхали къ дому госпожи Ле-Жэ. Мирабо замѣтилъ, что народная толпа, внимательно слѣдовавшая за нимъ, наступала все ближе, и въ ту минуту, когда онъ выходилъ изъ экипажа, совсѣмъ приблизилась къ нему. Были тутъ знакомыя лица изъ народа, съ которыми Мирабо встрѣчался уже ранѣе и вліяніе которыхъ, въ клубахъ и на улицахъ признавалъ значительнымъ. Онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что многія серьезные, взволнованныя лица явно выражали желаніе заговорить съ нимъ ¹⁾.

Одинъ старикъ рабочій, взявъ руку Мирабо, крѣпко держалъ ее въ ту минуту, когда Мирабо хотѣлъ войти въ лавку г-жи Ле-Жэ.

— Господинъ графъ, — сказалъ рабочій, склоняясь почти до земли, — вы отецъ народа, и вы должны спасти насъ. Если вы не защитите насъ отъ этихъ несчастныхъ, желающихъ предать насъ въ руки деспотизма, то мы погибли. Если король получитъ право «veto», то не нужно намъ національнаго собранія; мы останемся рабами попрежнему!

Мирабо ближе посмотрѣлъ на говорившаго и увидалъ въ глазахъ его слезы. Онъ быстро исчезъ въ толпѣ послѣ того, какъ Мирабо потрясъ его руку, стараясь успокоить нѣсколькими легкими словами. Подошли еще другіе и, почти преклоняя предъ нимъ колѣни, умоляли его не допускать дарованія королю абсолютнаго «veto». И этимъ людямъ Мирабо обѣщалъ сдѣлать все, согласно ихъ желанію.

— Вы дѣлаете себѣ преувеличенныя представленія, напрасно пугающія васъ, друзья мои, — сказалъ онъ. — Вамъ слѣдуетъ положиться на меня и вѣрить, что я всегда буду имѣть въ виду ваши истинные интересы, гдѣ бы и какъ бы я ни возвышалъ голоса.

Бурный возгласъ одобренія вырвался изъ массы, и казалось, что народъ вновь хочетъ предаться своимъ восторгамъ по отношенію къ Мирабо. Но въ ту же минуту изъ глубины донесся до него рѣзкій свистъ. Съ смущеніемъ поглядѣлъ онъ туда и, казалось, узналъ нѣсколько знакомыхъ лицъ изъ клубовъ, враждебно и съ угрозой смотрѣвшихъ на него.

Тутъ раздался громкій голосъ человѣка, вскочившаго на фонарный столбъ для произнесенія рѣчи.

— «Veto» — чудовище, которое должно проглотить всѣхъ насъ! — вскричалъ онъ неистово. — У этого чудовища когти тигровой кошки, которыми оно разорветъ державную власть народа. У него ядовитый зубъ змѣи, изъ котораго оно вольетъ по каплѣ ядъ въ нашу юную свободу, и она засохнетъ прежде, чѣмъ успѣетъ вырасти въ мощное и для всѣхъ насъ питательное дерево.

— Пусть эта пышная рѣчь послужитъ намъ навѣсомъ, подъ защитою котораго мы проскользнемъ въ магазинъ! — сказалъ Мирабо.

¹⁾ Dumont, Souvenirs sur Mirabeau, 156.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1899 г., т. LXXVIII.

Госпожа Ле-Жэ, давно уже замѣтившая ихъ прибытіе, открыла дверь магазина и быстро впустила друзей. Они привѣтствовали красивую вѣтреницу съ серьезностью, къ которой она, повидимому, со стороны Мирабо въ особенности, не привыкла.

Догадываясь о цѣляхъ этого посѣщенія, она сразу встала въ положеніе, готовое къ защитѣ. Вставъ среди комнаты съ дерзко скрещенными руками, она въ вызывающей, почти величественной позѣ ожидала не совсѣмъ пріятныхъ для себя заявленій этихъ господъ.

Мирабо казался разсѣяннымъ и нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, разглядывая разставленные по стѣнамъ книги.

— Вы теперь хорошо снабжены литературными новостями, мадамъ Ле-Жэ!—сказалъ онъ, обращаясь къ ней и вытаскивая одну книгу.— Не можете ли вы показать мнѣ теперь же наши конторскія книги по газетѣ «*Courrier de Provence*», чтобы я могъ видѣть, не къ убытку ли вашему ведется дѣло. Впередъ же я хотѣлъ бы пріобрѣтать у Васъ все на наличныя, какъ, на примѣръ, это хорошенъкое изданіе «*Liaisons dangereuses*».

Госпожа Ле-Жэ, казалось, была не въ силахъ болѣе сдерживать своего возбужденія. Дрожая отъ гнѣва, выступила она впередъ и, размахивая сжатыми кулаками, воскликнула рѣзкимъ голосомъ:

— Господинъ графъ и вы, милостивые государи, которые своими злыми и порочащими короля статьями провалили весь «*Courrier de Provence*», такъ что я не считаю достойнымъ употреблять его даже для вытиранія зеркальныхъ стеколъ въ моемъ магазинѣ, вы желаете провѣрять мои книги, чтобы уличить меня въ неправильныхъ дѣйствіяхъ? Никакихъ книгъ для васъ я не веду. Я честная женщина, и если вы будете продолжать раздражать меня, то я сегодня же возьму себѣ двухъ новыхъ редакторовъ, которые уже старались о полученіи отъ меня газеты. Да, есть писатели, кромѣ васъ. Въ Парижѣ довольно людей, которые, за хорошія деньги, изложатъ на бумагѣ порядочныя мысли. На примѣръ, господинъ Гирандэ, еще весьма молодой человекъ, но замѣчательный ученый, съ которымъ вы, надутые кропатели, и въ сравненіе идти не можете. Съ сегодняшняго же дня Гирандэ будетъ редактировать мой «*Курьеръ*». А теперь прошу немедленно меня оставить, а то я, пожалуй, упаду въ обморокъ отъ злости, если дольше буду видѣть васъ передъ собою. Или же прибѣгну къ моимъ правамъ хозяйки дома, для чего ни въ охотѣ, ни въ силѣ недостатка у меня не будетъ. Убирайтесь вонъ! Рукамъ моимъ хочется летать, и я не ручаюсь, чтобы онѣ не залетѣли въ лицо одному изъ васъ!

Это возбужденіе фүріеподобной женщины произвело такое комическое впечатлѣніе на женевцевъ, что, разразившись громкимъ смѣхомъ, они съ шутовскимъ видомъ приготовились бѣжать. Негодо-

ваніе Мирабо, готовое разразиться, было почти побѣждено этою веселостію друзей.

— Пойдемъ, здѣсь дѣйствительно градъ и буря слишкомъ сильны,—сказалъ Мирабо, движеніемъ руки равнодушно прощаясь съ дрожащей еще отъ бѣшенства госпожей Ле-Жэ.—Я самъ устрою дѣло, положитесь только на меня. Всѣ жалобы будутъ удовлетворены

Дюмонъ и Дюроверэ заявили, что они покидаютъ газету и не хотятъ болѣе принимать въ ней никакого участія.

— Господинъ Гирандэ будетъ редакторомъ! — воскликнула вслѣдъ удаляющимся пріятелямъ Ле-Жэ съ сверкающими гнѣвомъ глазами.

На улицѣ, тѣмъ временемъ, возбужденная толпа разсѣялась. Все было здѣсь, по обыкновенію, тихо и пусто. Женевцы разстались теперь съ Мирабо, чтобы еще остаться по нѣкоторымъ дѣламъ въ Парижѣ, а не возвращаться съ нимъ въ Версаль.

При прощаніи, Клавьеръ, смѣясь, сказалъ Мирабо:

— Вотъ все, что намъ вмѣстѣ удалось здѣсь устроить? Жаль, что ваше собраніе, въ числѣ принятыхъ имъ семнадцати статей правъ челоуѣка, не постановило также слѣдующаго пункта: «Каждый гражданинъ имѣетъ право любить госпожу Ле-Жэ, и у ея сердца мечтать о сердцѣ королевы».

— А теперь, съ Богомъ!—сказалъ Мирабо, смѣясь, хотя шутка Клавьера видимо раздосадовала его. — Желаю вамъ болѣе удачи, чѣмъ у госпожи Ле-Жэ. Въ мое же оправданіе прибавлю, что эта женщина не такъ плоха, какъ вамъ кажется. Олимпу вѣдь требовались различныя богини, какъ представительницы всякихъ направлений.

Ночью Мирабо прибылъ вновь въ Версаль. Слуга подаль ему полученное въ его отсутствіе письмо, черная печать котораго произвела на него непріятное впечатлѣніе. Поспѣшно вскрылъ онъ незнакомою рукой надписанный конвертъ и нашелъ внутри извѣщеніе о смерти, глубоко и сильно его взволновавшее.

Это былъ смертельный привѣтъ изъ далекаго, полнаго тревоженій времени. Давно уже мысли и воспоминанія не останавливались на тѣхъ бѣдственныхъ дняхъ, когда среди его бурной молодости зацвѣла любовь Мирабо къ Софи де-Монье.

На своей виллѣ, въ маленькомъ городѣ Гинѣ, гдѣ, по выходѣ изъ монастыря, Софи жила безвыѣздно, и откуда съ тѣхъ поръ никакія о ней извѣстія не доходили къ Мирабо, добровольно, собственною властію прекратила она свою полную мученій, но все-таки прекрасную жизнь. Однажды, когда, въ обычное время, она не вышла, дверь ея комнаты взломали и нашли ее распростертою на креслѣ между двумя дымящимися жаровнями. Такъ, на тридцать шестомъ году, все еще прекрасная и цвѣтущая, покончила она дни свои, унося съ собою въ могилу возбуждавшую всеобщее восхи-

щеніе прелесть свою. Докторъ и другъ ея, Изабо, извѣстилъ Мирабо о смерти Софи, желая этимъ почтить уже потухшія, но когда-то удивительнымъ образомъ отозвавшіяся въ сердцахъ всей Франціи отношенія между ними. вмѣстѣ съ тѣмъ, Изабо сообщалъ кое-что и о причинахъ самоубійства. Нѣжное сердце Софи открылось въ послѣднее время для новой любви. Связь ея съ господиномъ де-Потера, даровавшая ея послѣднимъ днямъ невѣдомый душевный миръ, была прервана внезапною смертію ея друга. Софи рѣшилась не переживать этой потери ¹⁾.

— Софи де-Монье умерла!—произнесъ Мирабо, подходя въ глубокой грусти къ открытому окну и вперяя взоръ свой въ безмолвіе ночи.—То было прекрасное нѣжное сердце, кроткое и страстное, спокойное и вмѣстѣ пламенное! Былъ ли я счастливъ, любя ее? То былъ избытокъ цвѣтенія, въ роскоши котораго я утопалъ; то была опьяняющая юность безъ будущности, хмель любви безъ цѣли и стремленій. Потому я полюбилъ тебя, Генриетта, и это былъ радостный, осмысленный, сердечный союзъ между нами! Ты была прелестное свѣжее созданіе, моя Іеттъ-Ли, и наша страсть покоилась на разумномъ ясномъ основаніи. Ты, подобно мнѣ, любила народъ и свободу и, подобно мнѣ, бредила идеалами будущаго. Бѣдная моя Нэра, теперь ты больна, демонъ грудной болѣзни держитъ тебя прикованной уже цѣлые мѣсяцы къ твоей безотрадной постели. Я тебя едва вижу, Іеттъ-Ли. Да, я бѣгу отъ твоихъ блѣдныхъ щекъ, бѣгу отъ боли, которую причиняетъ мнѣ потухшій блескъ твоихъ глазъ. Другъ мой, я привожу въ исполненіе данный нами обоими обѣтъ. Но ты лежишь и, кажется, будто я покинулъ тебя на твоёмъ одинокомъ ложѣ, а это бурное смятеніе дня меня увлекаетъ... Софи и Генриетта—вотъ неподвижныя звѣзды воспоминаній небеснаго свода моей жизни... Однако, такъ, какъ ты мечтала, Генриетта, и какъ мы оба себѣ обѣщали, исполнено быть не можетъ! Народъ подобенъ женскому сердцу: онъ долженъ быть управляемъ, если желаетъ чувствовать себя счастливымъ. Если мы предоставимъ народъ самому себѣ, то его обиліе превратится въ пустоту, а сила исчезнетъ въ общемъ одичаніи. Но, смотри, вотъ восходитъ тамъ утренняя звѣзда въ своемъ побѣдоносномъ великолѣпнн! Въ благоговѣйной тишинѣ всѣ образы ночи соединяются въ одну торжественную минуту. Кто ты, въ твоёмъ тихомъ огненномъ безмолвіи, чудная утренняя звѣзда? Ты сіяешь, какъ око королевы, а лучи твои великолѣпны, какъ волосы Маріи-Антуанетты. Да, я слѣдую за тобой и всѣ иныя мысли должны передъ тобой поблкнуть, какъ эта ночь. Вотъ та утренняя звѣзда, передъ которою я обязался и отъ которой не отступлюсь. Къ ней буду я стремиться, и она будетъ послѣднимъ идеаломъ моей жизни! Новая, свободно, какъ эта утренняя звѣзда,

¹⁾ Montigny, Memoires de Mirabeau, III, 296.

восходящая надъ головами людей монархія освѣтитъ вершину мечтаній всей нашей жизни и приведетъ все къ желанному концу! О Марія-Антуанетта, простри твою бѣдную руку и разгони всѣ облака, нагоняющія сумракъ на звѣзду монархіи! А потомъ дай мнѣ облобызать эту бѣдную, счастьемъ надѣляющую руку!

ХІ.

Октябрьскіе дни.

5-го октября, среди національнаго собранія, открывшаго раннимъ утромъ въ этотъ день свое засѣданіе, внезапно появились мрачныя, тревожныя слухи, неизвѣстно къмъ распространяемые, которые, обѣжавъ всѣ депутатскія скамьи, подали поводъ руководившему съ недавнихъ поръ собраніемъ, президенту Мунье, отсрочить пренія. Всѣ сразу поднялись, оставляя залъ и выходя на улицу, наполненную уже самою разнообразною и крайне возбужденною толпою.

Мирабо вышелъ изъ залы засѣданій вмѣстѣ съ графомъ де-ла-Маркъ и направился, подъ-руку съ нимъ, къ воротамъ, выходящимъ на большую парижскую дорогу, куда въ беспорядкѣ стремились уже и большая народная масса.

— Мнѣ кажется, я вижу вдали громадное облако пыли, приближающееся сюда по дорогѣ!—сказалъ Мирабо своему спутнику.— Неужели вы дѣйствительно полагаете, что изъ Парижа прибудетъ въ Версаль революціонное шествіе для учиненія насилія надъ королемъ? Мои парижскіе друзья ни словомъ не увѣдомили меня объ этомъ.

— Кто всѣмъ носящимся съ утра слухамъ могу вамъ прибавить еще одно поразительное извѣстіе,—сказалъ де-ла-Маркъ шопотомъ, наклоняясь къ самому уху Мирабо.— Около десяти часовъ утра прибылъ сегодня въ замокъ вице-президентъ парижскаго магистрата, Бовилье, къ министрамъ съ донесеніемъ, которое должно было навести на нихъ настоящій ужасъ. Сегодня, якобы, собралось на Грэвской площади нѣсколько тысячъ женщинъ, которыя, подъ предлогомъ голода, испускали ругательства на короля и всѣ власти и, съ страшнымъ крикомъ требуя хлѣба и зывая о мести, ворвались въ ратушу. Онѣ даже били въ набать и тащили за собою массу неистово ревушаго сброда. Къ нимъ же присоединилась французская гвардія, зывая о мщеніи за послѣдній офицерскій банкетъ въ Версали, на которомъ офицеры королевской стражи срывали съ своихъ шляпъ трехцвѣтныя кокарды и топтали ихъ подъ ногами. Эти взбѣшенныя женщины—нищета и грязь цѣлаго Парижа—образовали затѣмъ шествіе, къ которому присоединилась большая толпа народа и даже артиллерійскій обозъ. Шествіе это

вмѣстѣ съ нѣсколькими тысячами парижскихъ національныхъ гвардейцевъ подвигается сюда. Бовилье поспѣшилъ впередъ, чтобы уведомить о требованіяхъ, которыя будутъ предъявлены женщинами королю. Онѣ не только будутъ требовать, чтобы король далъ имъ хлѣба и отмстилъ за поруганіе національной кокарды, но еще хотятъ принудить монарха отправиться въ Парижъ и утвердить тамъ среди революціи свое мѣстопробываніе ¹⁾.

— Не своимъ умомъ женщины дошли до этого,— сказалъ Мирабо, подумавъ.—Зачинщиками здѣсь могли бы быть орлеанисты; однако, насколько мнѣ извѣстно, герцогу Орлеанскому едва ли желательно имѣть короля въ Парижѣ. Онъ страшится преданности парижскаго населенія королю и предпочиталъ бы скорѣе видѣть его внѣ предѣловъ Франціи и даже этого міра, чѣмъ въ Парижѣ. Не принимаетъ ли тутъ участія благородный комендантъ національной гвардіи, маркизъ Лафайеттъ? Онъ полагаетъ, что сумѣетъ лучше обработать короля, имѣя его въ Парижѣ, и навѣрно мечтаетъ о министерствѣ Лафайетта, которое было бы все-таки лучше жалкаго, вновь подогрѣтаго министерства Неккера. Что же сказалъ король сегодня утромъ въ отвѣтъ на донесеніе Бовилье?

— Король,—отвѣчалъ де-ла-Маркъ,— уѣхалъ уже тогда на охоту въ окрестности Мёдона. Немедленно во всѣ стороны были разосланы гонцы для извѣщенія его. Король—дѣйствительно достойный удивленія характеръ. Среди самаго затруднительнаго и тревожнаго времени, онъ не оставляетъ привычекъ своей интимной жизни, и ничто не нарушаетъ правильнаго теченія его дня. При этомъ онъ спокоенъ, полонъ достоинства и твердъ. Однако, не слышится ли вамъ странный шумъ, который, точно обрушившаяся лавина, съ грохотомъ все ближе и ближе надвигается сюда?

— Мнѣ кажется, прогремѣло на самомъ дѣлѣ,— возразилъ Мирабо, пристально вглядываясь въ горизонтъ съ нависшими на немъ тучами.—Рѣдко бываетъ такой жаркій октябрьскій день, и небо несомнѣнно предвѣщаетъ грозу.

Они подвигались еще нѣсколько впередъ по большой дорогѣ.

— Сильнѣйшимъ электричествомъ насыщенный грозовой столбъ сейчасъ покажется!— сказалъ Ла-Маркъ съ своей тонкой улыбкой.— Парижскія рыбныя торговки портятъ воздухъ; изъ ихъ испареній готовится дождь и гроза. Неужели вы еще по запаху не чувствуете, что рыбныя торговки идутъ сюда, чтобы требовать утвержденія правъ человѣка? И дѣйствительно, этой медлительности короля хотятъ приписать вину возникновенія новаго мятежа. Это еще хорошій признакъ у черни, что она такъ держится за свои права человѣка. Говорятъ, что философы Пале-Ройяля составили формальный списокъ именъ тѣхъ лицъ, которыя въ собраніи подавали

¹⁾ Зибель. Исторія революціи съ 1789 по 1795, I, 66.

голоса противъ правъ человѣка. Это настоящій опальный списокъ, графъ Мирабо!

— Мы съ вами не значимся въ немъ, — возразилъ Мирабо, — такъ какъ мы воздержались отъ голосованія.

— Это былъ, дѣйствительно, хорошій совѣтъ съ вашей стороны, милый другъ, и новое доказательство вашего генія государственнаго мужа! — отвѣчалъ де-ла-Маркъ.

— Этимъ я хотѣлъ показать народу, что желаю угодить ему, — возразилъ Мирабо съ улыбкой. — На парижскихъ улицахъ они почти обнимали мои колѣни, умоляя, чтобы я не подавалъ голоса противъ правъ человѣка. Я никогда не грѣшилъ нелюбезностью и думаю, что за это народъ, въ свою очередь, сдѣлаетъ мнѣ угодное.

Въ эту минуту крикъ и ревъ стали приближаться; можно было уже различить покрытыя пылью странныя одежды первыхъ фигуръ безпорядочнаго шествія, растянувшася по большой дорогѣ на необозримое пространство и состоявшаго изъ какихъ-то необыкновенныхъ, никогда дотолѣ невиданныхъ существъ. Съ быстротою вихря катилась эта пестрая процессія, бѣшено унося предъ собою все, что только попадалось ей на пути.

Во главѣ шли двое мужчинъ исполинскаго роста, размахивая, въ качествѣ предводителей, желѣзомъ окованными палками. Мирабо узналъ въ нихъ такъ называемыхъ Forts de la halle, мужчинъ этого удивительнаго царства парижскихъ пуассардокъ. За ними слѣдовали нѣсколько барабанщиковъ, непрерывно и оглушительно бившихъ въ барабаны. Затѣмъ, въ извѣстномъ порядкѣ, двигалась колонна женщинъ, въ своихъ особенныхъ костюмахъ dames de la halle, съ блѣдными изстуженными лицами. Число этихъ дамъ, изъ устъ которыхъ раздавались всевозможныя восклицанія и проклятія, превышало тысячу. Между ними и тотчасъ вслѣдъ за ними шли странные, никогда до сихъ поръ не встрѣчавшіеся люди свирѣпаго вида, въ высокихъ остроконечныхъ шапкахъ, съ длинными, развѣнающимися волосами и бородами, съ пиками и желѣзными палками въ рукахъ или инымъ страннымъ неизвѣстнымъ оружіемъ. Люди эти легко катили среди себя пять пушекъ, какъ бы желая показать при этомъ свою невѣроятную физическую силу. Они невольно наводили всеобщій ужасъ, и всѣ спрашивали себя, изъ какой страны могли они вдругъ появиться.

Шествіе замыкалось нѣсколькими французскими и національными гвардейцами, присоединившимися къ нему по доброй волѣ.

Самымъ бѣшенымъ и зловѣщимъ былъ крикъ женщинъ о хлѣбѣ, который отъ времени до времени жалобнымъ, однозвучнымъ стономъ проносился изъ конца въ конецъ всего шествія.

— Пѣсни голода ужасны! — сказалъ Мирабо, содрогаясь и беря графа де-ла-Маркъ подъ руку, чтобы вернуться въ городъ до бытія пуассардокъ.

— Несомнѣнно, нужда царствуетъ въ Парижѣ,—сказалъ де-ла-Маркъ съ отгѣнкомъ состраданія,—а все-таки я считаю, что этотъ недостатокъ въ продовольствіи вызванъ отчасти искусственнымъ образомъ, съ цѣлю возбудить революціонную ярость народа. Урожай во Франціи былъ хорошъ, и въ послѣднее время хлѣбъ не поднимался выше трехъ су за фунтъ, т.-е. рыночной цѣны въ Парижѣ за много лѣтъ. Вдругъ является недостатокъ въ хлѣбѣ, и министерство день и ночь выслѣживаетъ причины его. Шопотомъ называютъ злого врага, скупающаго повсюду, черезъ своихъ агентовъ, хлѣбные запасы. О, я готовъ проливать слезы надъ участіемъ короля, потому что, когда въ дѣло замѣшиваются такія адскія интриги, то благороднѣйшій человѣкъ, когда либо украшавшій тронъ, долженъ погибнуть!

— Да, онъ адскій интриганъ, этотъ милѣйшій, добывающійся престола герцогъ Орлеанскій! — воскликнулъ Мирабо съ гнѣвомъ.

— Бога ради, не произносите этого имени такъ громко! — сказалъ де-ла-Маркъ, оглядываясь на всѣ стороны.—Однако, намъ время направиться къ нашимъ мѣстамъ. Открытіе вновь засѣданія было назначено на три часа, и президентъ приказалъ намъ быть точными и собраться въ полномъ числѣ. Что бы сегодня ни случилось, національное собраніе должно быть на мѣстѣ, чтобы показать всѣмъ примѣръ порядка и законности.

— Такъ сообщимъ объ этомъ дамамъ и ихъ придворному штату, — смѣясь сказалъ Мирабо.—Какъ я слышалъ, они намѣрены прежде всего посѣтить національное собраніе. И вотъ, смотрите же, они слѣдуютъ за нами. Поспѣшимъ же!

Когда Мирабо и де-ла-Маркъ вернулись въ залъ засѣданій, Мунъ только что, съ присущимъ ему достоинствомъ, занялъ президентское кресло. Пренія начались по очередному вопросу, не имѣвшему никакого отношенія къ событію дня. Читался докладъ одной коммисіи, но депутаты слушали разсѣянно и постоянно поглядывали на двери въ ожиданіи появленія необыкновенныхъ гостей.

И вотъ дверь залы отворилась. Вошелъ швейцаръ и, крайне смущенный, подошелъ къ президенту и шопотомъ доложилъ ему о чемъ-то. Мунъ всталъ, серьезный и сдержанный, какъ всегда, и сообщилъ собранію, что явились дамы парижскаго рынка и желаютъ посѣтить національное собраніе. Вставаніемъ было постановлено значительнымъ большинствомъ разрѣшить имъ входъ въ залу. Вслѣдъ за симъ, съ шумомъ вошло множество женщинъ, которыя, долго не думая, разсѣлись повсюду, гдѣ только были свободныя мѣста на скамьяхъ, между депутатами. Во главѣ дамъ и здѣсь появились двое мужчинъ, предводительствовавшіе шествіемъ на улицѣ. Одинъ изъ нихъ, спокойно и смѣло вставъ передъ самымъ кресломъ президента, началъ рѣчь. Онъ сказалъ, что они пришли въ Версаль для полученія хлѣба и денегъ, а также, чтобы потребовать наказанія лейбъ-гвардіи за поруганіе ея національной кокарды.

При этомъ женщины поднялись съ депутатскихъ скамей, и всѣ разомъ, въ одинъ голосъ, пронзительно стали кричать, чтобы имъ и городу Парижу дали хлѣба.

Президентъ замѣтилъ на это, что національное собраніе сдѣлало уже очень много для облегченія подвоза жизненныхъ припасовъ въ Парижъ, и что оно продолжаетъ обдумывать дальнѣйшія къ тому средства и мѣры; гражданки же,—какъ Мунье ихъ галантно назвалъ,—сдѣлають хорошо, если опять спокойно возвратятся въ Парижъ.

— Этого мало!—воскликнуло басомъ нѣсколько грубыхъ голо-совъ, принадлежавшихъ, однако, разсѣяннѣмъ между депутатами дамамъ.

— Говори же ты, депутатъ!—сказала огромнаго роста, величе-ственно возсѣдавшая пуассардка своему сосѣду, торжественно при-мѣняя къ настоящему положенію патриархальную привычку царства рыбныхъ торговокъ обращаться на ты.

— А ты держи свой языкъ за зубами, депутатъ!—сказала дру-гая, обращаясь къ нелюбимому народомъ депутату, вставшему для произнесенія рѣчи, и, дергая его, заставила вновь опуститься возлѣ себя на скамью.

Въ эту минуту раздалось нѣсколько дребезжащихъ пушечныхъ выстрѣловъ, повторявшихся въ короткіе промежутки времени. Это были пушки, прибывшія изъ Парижа вмѣстѣ съ пуассардками. Не-попавшія въ залъ засѣданій женщины направились съ этими пуш-ками въ аллею, ведущую къ самому дворцу, и стали палить для возвѣщенія о своихъ дѣяніяхъ.

Въ залѣ вдругъ появились блѣдныя, испуганныя лица. Тогда всталъ Мирабо и возвысилъ свой голосъ, передъ которымъ во всей залѣ наступила глубокая тишина. Принявъ свою повелительную осанку, онъ спросилъ: какимъ правомъ пришли сюда гражданки предписывать законы національному собранію и мѣшать занятіямъ депутатовъ? Какъ ни много услугъ оказали гражданки рынка отече-ству, здѣсь, въ этомъ собраніи, онѣ должны были бы молчать, оказывая свое уваженіе народомъ избраннымъ законодателямъ.

Едва произнесъ онъ эти слова, какъ всѣ женщины разразились громогласными браво и безконечными рукоплесканіями, выражая свой восторгъ оратору и его мощнымъ словамъ ¹⁾).

— Славный парень этотъ графъ Мирабо!—воскликнуло нѣсколько пуассардокъ въ одинъ голосъ.

— Bravo, сынъ мой!—сказала одна изъ нихъ, подходя къ нему и крѣпко пожимая ему руки.

Вслѣдъ за этимъ, Мирабо, обратясь къ президенту, предложилъ

1) Mémoires de Rivarol, p. 273. Ferrières, I, 323.

избрать тотчасъ же депутацію, которая отправилась бы, съ президентомъ во главѣ, къ королю, чтобы побудить его къ недвусмысленному, безотлагательному утвержденію составленныхъ уже статей конституціи. Эта же депутація должна была добиться отъ его величества немедленной помощи для Парижа по снабженію его съѣстными припасами и устраненію нужды.

Расположившіяся въ залѣ засѣданій женщины вновь предались радостному ликованію въ честь Мирабо. Депутація была выбрана; Мунье изъявилъ готовность отправиться съ нею вмѣстѣ, когда вдругъ дамы рынка бурно поднялись съ мѣсть и объявили, что онѣ также желаютъ идти вмѣстѣ съ депутаціей къ королю. Ничто не могло заставить ихъ отказаться отъ этого намѣренія; къ счастью, удалось, наконецъ, убѣдить ихъ, чтобы для этого были выбраны только шесть изъ нихъ. Между тѣмъ, все ихъ сборище поднялось съ шумомъ и хохотомъ для слѣдованія за депутаціей.

На дворѣ шелъ проливной дождь. Депутаты національнаго собранія, во избѣжаніе потери времени, отправились, со свитой ревущихъ и ликующихъ женщинъ, пѣшкомъ къ замку, у всѣхъ входовъ котораго сновали необозримыя толпы народа. Здѣсь находилась уже большая часть пуассардокъ, выстроившихся какъ бы въ боевомъ порядкѣ передъ первой рѣшеткой. Ближе къ замку не пропустила ихъ лейбъ-гвардія, занимавшая *place d'armes*, хотя, повидимому, ей было запрещено пускать въ дѣло оружіе, несмотря на ругательства и угрозы толпы.

Какъ только члены собранія были узнаны, толпа пропустила ихъ съ величайшимъ почтеніемъ и даже окружила ихъ свитой, состоявшей изъ вооруженныхъ пиками, топорами и палками оборванцевъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ пуассардками изъ Парижа.

Король поспѣшно возвратился съ охоты; онъ былъ удачнымъ образомъ отысканъ посланнымъ испуганной королевой шталмейстеромъ, маркизомъ де-Кюбьеромъ. При его прибытіи раздалось нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей между лейбъ-гвардіей и подтрунивающей надъ нею толпою, послѣдствіемъ чего было нѣсколько пуль, отскочившихъ отъ зала засѣданій національнаго собранія. Но первымъ повелѣніемъ Людовика XVI было, чтобы войска отнюдь не стрѣляли. Когда принцъ Люксембургскій, капитанъ лейбъ-гвардіи, обратился за дальнѣйшими приказаніями объ арестахъ, король сказалъ:—Какъ? приказы объ арестахъ рыбныхъ торговыхъ? Вы, вѣрно, шутите?

Тѣмъ временемъ, пріемная короля наполнилась множествомъ лицъ. Тутъ были и Неккеръ, и министръ внутреннихъ дѣлъ Сенъ-При. Шопотомъ велись интимные разговоры. Разсуждали о томъ, долженъ ли король уѣхать изъ Версаля или нѣтъ, и не было ли бы всего благоразумнѣе удалиться ему на время въ какую нибудь про-

винцію ¹⁾. Мунье съ депутатами и пуассардками долго стоялъ здѣсь, въ ожиданіи быть допущеннымъ къ королю.

Людовикъ XVI принялъ депутацію просто, съ трогательной добротою, служившей въ эту минуту скорѣе доказательствомъ силы, чѣмъ слабости. Прежде всего Мунье доложилъ о желаніяхъ національнаго собранія, а затѣмъ въ сильныхъ, краснорѣчивыхъ словахъ представилъ картину бѣдствія, посѣтившаго населеніе столицы. На это Людовикъ XVI отвѣтилъ, что онъ сдѣлаетъ все, чтобы помочь бѣдѣ, при чемъ звукъ его голоса былъ столь плѣнителенъ, что у женщинъ выступили слезы на глазахъ ²⁾. Мунье просилъ назначить часъ, въ который его величество, по просьбѣ національнаго собранія, выскажется просто и ясно о принятіи статей конституціи и правъ человѣка. Король назначилъ девять часовъ этого вечера. Теперь было около шести. Послѣ этого король, дружески и сердечно поклонившись, удалился въ свой кабинетъ и призвалъ туда министровъ для совѣщанія.

Тѣмъ временемъ, на площади и на окружающихъ замкъ дворахъ положеніе стало ухудшаться. Продолжающаяся перебранка между народною толпою и лейбъ-гвардейцами приняла плачевный оборотъ. Толпа старалась силою прорваться черезъ рѣшетку во внутренній дворъ замка, при чемъ одинъ солдатъ изъ версальской національной гвардіи, присоединившійся къ революціоннымъ парижскимъ вожакамъ, выстрѣломъ изъ ружья сбилъ наповаль съ лошади одного офицера лейбъ-гвардіи. Это послужило сигналомъ къ страшному избіенію, при чемъ лейбъ-гвардія находилась въ наилучшемъ положеніи, стараясь оставаться вѣрною повелѣнію короля не пускать въ дѣло огнестрѣльнаго оружія. Только при усилившемся огнѣ народныхъ массъ противъ солдатъ, версальская національная гвардія сдѣлала видъ, что хочетъ палить изъ пушки, находившейся передъ казармами французской старой гвардіи.

Людовикъ XVI выслалъ приказъ, чтобы солдаты очистили площадь и удалились въ свои казармы. Онъ надѣялся, что это успокоитъ народъ, но напрасно. Народъ продолжалъ стрѣлять вслѣдъ удалявшимся въ величайшемъ порядкѣ солдатамъ, изъ которыхъ многіе пали на мѣстѣ, но ни одного выстрѣла въ отвѣтъ сдѣлано не было.

Это происшествіе вызвало величайшую тревогу внутри замка. Въ совѣтѣ собравшихся вокругъ короля министровъ впервые серьезно было произнесено слово «бѣгство». Но король отклонялъ даже всякую мысль о бѣгствѣ. Тогда министры предложили, по крайней мѣрѣ, отъѣздъ королевы и дофина. Но когда экипажъ былъ поданъ, толпа

¹⁾ Madame de Staël, Mémoires et considérations sur la révolution française, I, ch. XI.

²⁾ Rivarol, 278.

сняла у лошадей построжки, изломала колеса и, бѣгая по улицамъ, бѣшено вопила, чтобы не допускали короля бѣжать въ Мецъ.

Марія-Антуанетта вошла къ королю и громкимъ смѣлымъ голосомъ заявила, что она никогда не оставитъ его, а умереть съ нимъ вмѣстѣ. Въ ея прекрасныхъ глазахъ, вмѣсто прежнихъ слезъ, блещетъ огонь, наполнившій сердце короля восхищеніемъ и силой. Было около десяти часовъ вечера. Королева, замѣтивъ у короля въ рукахъ бумагу, глазами спрашивала, что это такое. Король отвѣтилъ, что это есть данное имъ письменное заявленіе о принятіи предъявленныхъ къ нему требованій національнаго собранія. Королева невольно содрогнулась, но тотчасъ же вновь приняла свой спокойный, почти веселый видъ. Затѣмъ король позвалъ Мунье, ожидавшаго уже съ часъ въ приемной короля, и вручилъ ему свой отвѣтъ съ улыбкой и добрымъ выраженіемъ глазъ, хотя только что узналъ, что Мунье, стоя среди фландрскаго полка, вновь призваннаго вмѣстѣ съ вѣрной лейбъ-гвардіей во дворъ замка, рѣчью своей подстрекалъ солдатъ къ возмущенію противъ короля.

Послѣ десяти часовъ внезапно прибылъ изъ Парижа въ Версаль адъютантъ маркиза Лафайетта и донесъ королю, что Лафайеттъ двинулся изъ столицы во главѣ всей національной гвардіи и вскорѣ прибудетъ въ Версаль. При этомъ извѣстіи, крайнее замѣшательство совѣта министровъ еще болѣе усилилось, потому что въ то же время стало извѣстно, что выступленіе Лафайетта было постановлено депутатами парижской коммуны. Были увѣрены, что онъ везетъ изъ Парижа новыя требованія. Король выразилъ желаніе, чтобы прибытіе генерала ожидалось спокойно и съ довѣріемъ. Королевъ же онъ сказалъ, что у него все-таки остается еще кое-что для противодѣйствія арміи маркиза Лафайетта, а именно его собственная сабля!

Между тѣмъ, чѣмъ болѣе подвигалась ночь, тѣмъ болѣе король испытывалъ желаніе видѣть себя окруженнымъ неприкосновенностью народныхъ представителей. Онъ велѣлъ передать президенту, что желалъ бы сегодня ночью видѣть его у себя въ замкѣ съ наибольшимъ числомъ депутатовъ, какое только ему удастся привести съ собой. Съ нашествіемъ народныхъ массъ, засѣданіе въ Salle des Menus было прервано, а потому Мунье велѣлъ барабаннымъ боемъ сзывать по улицамъ народныхъ представителей. Наконецъ, президентъ появился во дворцѣ съ наиболѣе выдающимися членами собранія. Тутъ были Мирабо, графъ де-ла-Маркъ, Вольней, Робеспьеръ, Гильотэнъ и многіе другіе. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли при себѣ оружіе, что увеличивало еще серьезность и напряженіе данной минуты. Мирабо имѣлъ на перевязи саблю, надѣтую имъ въ первый разъ при черномъ костюмѣ третьяго сословія.

Наконецъ, около полуночи, Лафайеттъ, съ двадцатью тысячами національныхъ гвардейцевъ, прибылъ въ Версаль. Барабанный бой

перепугалъ прежде всего женское войско пуассардовъ, расположившееся въ боевомъ порядкѣ на place d'armes. Въ виду замка, Лафайеттъ остановилъ свою армію, въ торжественномъ порядкѣ выстроивъ ее на плацу, у всѣхъ входовъ въ замокъ и на всѣхъ примыкающихъ улицахъ. Послѣ этого сошелъ съ лошади и, сопровождаемый комиссарами, данными ему парижскою коммуну, отправился къ королю во дворецъ.

Въ краткой рѣчи Лафайеттъ заявилъ королю, что онъ прибылъ со всею національною гвардіей изъ Парижа для того, чтобы возстановить порядокъ и спокойствіе и окончательно примирить короля съ народомъ. О требованіяхъ парижской коммуны онъ представилъ заявить самимъ комиссарамъ. Требования эти состояли въ четырехъ пунктахъ: воинская служба въ замкѣ должна быть возложена королемъ на національную гвардію; онъ долженъ представить на усмотрѣніе коммуны всѣ дѣла по продовольствованію Парижа; онъ долженъ утвердить права человѣка; онъ долженъ избрать Парижъ своимъ постояннымъ мѣстопробываніемъ ¹⁾.

Король отвѣтилъ, что онъ охотно утверждаетъ первый пунктъ. Второй и третій уже приведены въ исполненіе. Что же касается четвертаго пункта о переведеніи его резиденціи въ Парижъ, то хотя это и не противно его желанію, однако, онъ хотѣлъ бы еще обдумать это рѣшеніе.

Послѣ этихъ переговоровъ, Лафайеттъ приступилъ къ выполненію своей задачи. Онъ отрядилъ тѣ части національной гвардіи, которыя должны были занять всѣ посты въ замкѣ. Остальные батальоны были размѣщены въ церквахъ и другихъ зданіяхъ города, или расположились на улицахъ, при весело пылавшемъ сторожевомъ огнѣ, привлекавшемъ вокругъ себя все болѣе и болѣе возбужденную толпу. Понемногу вся женская армія со всѣми своими товарищами изъ парижскихъ предмѣстій размѣстилась вблизи огней, съ шутками и смѣхомъ, но и подстрекая солдатъ къ новымъ предпріятіямъ. Шли переговоры о томъ, чтобы приступомъ взять казарму лейбъ-гвардіи и истребить совсѣмъ это ненавистное войско.

Хотя эти грозные признаки были сообщены генералу Лафайетту, онъ вскорѣ послѣ полуночи оставилъ замокъ и измученный, нуждаясь въ отдыхѣ, отправился въ отель Ноайль. Члены національнаго собранія тоже удалились. Казалось, что въ версальскомъ замкѣ вновь наступилъ часъ мира. Король и королева отправились въ свои апартаменты для отдыха. По всему замку распространилась поразительная тишина и безмолвіе.

Но на улицѣ, среди ночной тишины, поднялся новый сильный шумъ, направлявшійся къ казармамъ лейбъ-гвардіи. Казарма тотчасъ же пала подъ натискомъ яростной толпы народа, ворвавшейся

¹⁾ Зибель, Исторія революціоннаго времени, I, 69.

— Постель эта такъ сладка и прекрасна, что и умереть въ ней было бы приятно!— произнесъ болѣе мягко Барнавъ, сверкнувъ глазами въ сторону кровати королевы.

— О пріятномъ способѣ смерти пусть позаботится нашъ докторъ Гильотэнъ!— воскликнулъ Робеспьеръ съ грубымъ смѣхомъ:— онъ изобрѣлъ удивительную машину, которая будетъ благодѣяніемъ всему человѣчеству, лишь только она начнетъ работать, а это, надо надѣяться, скоро настанетъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, готова ли уже ваша машина, докторъ Гильотэнъ?—спросилъ съ любопытствомъ Барнавъ.

— Не могу еще пока хвалиться этимъ,— отвѣчалъ Гильотэнъ съ своей дѣтской, милой улыбкой.— Нашъ другъ Робеспьеръ слишкомъ съ этимъ спѣшитъ. Только въ концѣ года, вмѣстѣ съ порученнымъ мнѣ докладомъ объ уголовномъ законодательствѣ, я могу представить и мою машину, которую ежедневно совершенствую. Если она выйдетъ у меня вполне удачною, то будетъ дѣйствительно торжествомъ человѣчества.

— Ну, тѣмъ временемъ, найдутся другіе способы сразить измѣнниковъ народа!—воскликнулъ Робеспьеръ съ алорадствомъ. Глаза его враждебно встрѣтились при этихъ словахъ съ глазами Мирабо, который, пораженный странными предчувствіями, закрывшимися теперь въ его душу, вперилъ въ него вопросительный взглядъ.

Но Робеспьеръ быстро отвернулся и вышелъ изъ комнаты. За нимъ послѣдовали Петіонъ, Барнавъ и Гильотэнъ, и Мирабо увидалъ себя вновь одного въ покоѣ королевы, въ которомъ горѣвшая до сихъ поръ лампада стала потухать. Мирабо, испытывая необъяснимое чувство страха, поспѣшилъ выйти въ освѣщенный коридоръ, по которому непрестанно двигалась людская волна, а среди нея замѣчались какія-то загадочныя фигуры, казавшіяся всѣмъ знакомыми, а между тѣмъ никому неизвѣстныя. Изъ нихъ многіе, чтобы не быть узанными, были въ маскахъ или въ какихъ-то странныхъ костюмахъ. Въ одномъ изъ коридоровъ Мирабо замѣтилъ проскользнувшаго герцога Орлеанскаго, блѣдное, съ выраженіемъ дикаго фанатизма лицо котораго вновь повстрѣчалось ему въ углу главнаго коридора, гдѣ онъ таинственнымъ шопотомъ раздавалъ своимъ довѣреннымъ лицамъ, герцогу д'Эгильону и секретарю Лакло, автору «*Liaisons dangereuses*», пароли для дальнѣйшаго руководства возстаніемъ. Тутъ же Мирабо видѣлись промелькнувшими Марать и колоссальная отвратительная фигура мрачнаго Дантона съ глазами медузы, имя котораго было впервые произнесено въ числѣ передовыхъ бойцовъ при взятіи Бастиліи.

Внезапно, точно трубнымъ звукомъ, разнеслось по всему замку извѣстіе о прибытіи генерала Лафайетта. Поднятый отъ сна, которому предался съ поразительной безпечностью, онъ вскочилъ на лошадь и съ бурной поспѣшностью прискакалъ къ замку. За нимъ

въ превосходящемъ силою числѣ, разрушая и уничтожая все на своемъ пути. Немногіе находившіеся тутъ лейбъ-гвардейцы искали спасенія въ бѣгствѣ и бросились къ королевскому замку. Нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе страшнымъ образомъ изуродованы.

Теперь же, съ разсвѣтомъ, бѣшенная предприимчивость массъ, какъ бы по молчаливому соглашенію, обратилась къ замку. Одинъ входъ оказался покинутымъ часовыми. Въ него-то проникла шумная толпа, переполнившая скоро всѣ дворы и коридоры, и сперва тихо и осторожно, а потомъ съ неудержимою яростью направилась къ королевскимъ покоямъ. Внезапно изъ этой катившейся по коридору толпы раздался рѣзкій шипящій возгласъ: «голову королевы!» и страшнымъ грознымъ ревомъ, послѣдовавшимъ за этимъ возгласомъ, наполнился теперь весь королевскій замокъ. Толпа напирала дальше, убила стоявшихъ на пути нѣсколькихъ часовыхъ и встрѣтила упорное сопротивленіе лишь со стороны караула, стоявшаго передъ дверьми спальни королевы и защищавшагося до тѣхъ поръ, пока и онъ не палъ подъ остріями пикъ и ударами ружейныхъ прикладовъ.

Страшнымъ стукомъ въ дверь Марія-Антуанетта была разбужена и поднялась на постели. Въ ту же минуту вбѣжала ея камерфрау и сообщила королевѣ о происшедшихъ ужасахъ, спастись отъ коихъ едва ли возможно.

Марія-Антуанетта вскочила съ кровати и поспѣшно, не одѣваясь, въ одномъ ночномъ бѣльѣ, бросилась въ боковую дверь, которая вела изъ ея опочивальни во внутренній коридоръ, длинный и узкій проходъ, соединявшій покои королевы съ «*oeil de boeuf*» и далѣе съ покоями короля. Гонимая ужасомъ, королева бѣжала черезъ этотъ проходъ, но вдругъ была поражена, найдя дверь въ концѣ коридора запертою. Нѣсколько минутъ пришлось ей стучать въ нее, но тутъ съ крикомъ радости почувствовала она себя въ объятіяхъ короля, вышедшаго къ ней на встрѣчу и прижавшаго ее къ своей груди ¹⁾.

Тѣмъ временемъ, яростная толпа, съ мрачными намѣреніями осаждавшая опочивальню королевы, выломала дверь и, съ ревомъ требуя своей жертвы, ворвалась внутрь покоя. Добрались до самой постели королевы, и какой-то человекъ, съ рыжей бородой, личность извѣстная въ преступномъ мірѣ Парижа, съ злобнымъ смѣхомъ сорвалъ висѣвшіе надъ кроватью занавѣсы. Общій крикъ вырвался при видѣ пустой постели. Люди съ пиками бросились на нее, стащили на полъ подушки и изорвали ихъ своимъ оружіемъ.

Въ эту минуту вошелъ Мирабо. Съ неизъяснимымъ чувствомъ взиралъ онъ на это мѣсто, послужившее сценой столь отвратительному злодѣянію. Распространившимся вскорѣ по всему Версалю страшнымъ извѣстіемъ о происшедшемъ онъ, вмѣстѣ со многими дру-

¹⁾ Weber, I, 446.

гими членами національнаго собранія, былъ вновь привлеченъ въ замокъ, гдѣ, услыхавъ, что жизнь королевы въ опасности, устремился прямо въ ея покои. Страшно возбужденный, пылая желаніемъ имѣть возможность спасти ее, онъ подошелъ къ постели королевы, обнаживъ свою шпагу, чтобы прогнать безчинствующихъ. Наклонившись надъ постелью, въ которой за минуту передъ тѣмъ почивала Марія-Антуанетта, онъ одной рукой дотрогивался до пуховика, сохранившаго еще, казалось, теплоту тѣла королевы. Теплота эта пробѣжала по немъ электрическимъ токомъ и, заставивъ его забыть объ угрожавшей ему опасности, наполнила восторгомъ все существо его.

Толпа узнала графа Мирабо, но не придавала серьезнаго значенія тому, что онъ явился какъ бы противникомъ ея поступковъ. На него мало обратили вниманія, готовясь бросить бесполезное уже здѣсь занятіе и обратиться къ другимъ розыскамъ въ замкѣ.

Очнувшись отъ своего мечтательнаго очарованія передъ постелью королевы, Мирабо увидаль себя въ большомъ покоѣ почти одинокимъ. Вдали отъ него двигались какія-то фигуры, но его глаза все возвращались къ постели, отъ которой не могли оторваться.

Внезапно почувствовалъ онъ ударъ сильной руки по плечу и, оглянувшись почти съ испугомъ, увидаль суровое, холодное, насмѣшливо глядящее на него лицо депутата Петіона.

— Привлекательное зрѣлище для мужей лѣвой стороны, — сказалъ Петіонъ, злобно улыбаясь и указывая на разоренную постель королевы. — Кажется, нашъ товарищъ Мирабо ловить благоуханія атмосферы Маріи-Антуанетты. Не будетъ ли это тоже измѣной народному дѣлу, за которой мы застаемъ здѣсь графа Мирабо?

Мирабо, съ досадой возразивъ нѣсколько словъ, теперь только замѣтилъ, что былъ окруженъ депутатами, между которыми узналъ Робеспьера, Барнава и Гильотэна. Двое первыхъ глядѣли на него недовѣрчиво и злобно. Докторъ же Гильотэнъ, съ своей необыкновенно мягкой, привлекательной улыбкой, дружески протянулъ Мирабо руку, прибавивъ, однако, насмѣшливо, что графу слѣдуетъ извинить, что его изъ прекрасныхъ мечтаній возвращаютъ къ дѣйствительности.

Мирабо молча, съ скрещенными на груди руками, спокойно смотрѣлъ на этихъ господъ, съ пламеннымъ революціоннымъ рвеніемъ которыхъ онъ уже не разъ въ послѣднее время расходился въ національномъ собраніи и, какъ онъ думалъ, навлекъ на себя ихъ ненависть.

— Во всякомъ случаѣ, это было трогательное зрѣлище видѣть графа Мирабо, защищающимъ постель королевы противъ народныхъ храбрецовъ! — воскликнулъ Робеспьеръ съ дерзкимъ, презрительнымъ выраженіемъ. — Не стоитъ ли онъ, какъ бы первосвященникъ реакціи, передъ этимъ ковчегомъ завѣта королевскихъ милостей? Ахъ, графъ Мирабо, зачѣмъ вы столь запоздавший роялистъ?

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редація отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЦЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ
ДЕКАБРЬ, 1899

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАВРЬ, 1899 г.

	СТРАН.
I. Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть четвертая. XVII—XXXI. Графа Е. А. Саліаса. (Окончаніе) . . .	851
II. Записки графини В. Н. Головиной. (1766—1820). XXX. (Окончаніе). Иллюстраціи: 1) Графиня В. Н. Головина.—2) Могила графини В. Н. Головиной въ Парижѣ, на кладбищѣ St. Germain des Près.	903
III. Были и типы прошлаго. Е. Оболенскаго	923
IV. Паломница Анисья. (Изъ палестинскихъ впечатлѣній). М. Е. Ермолиной	945
V. «Послѣдніе счеты». (Изъ неизданныхъ записокъ). П. М. Невѣжина	961
VI. Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго. IV—V. (Окончаніе) . . .	977
VII. Послѣдняя дуэль Пушкина. V—VI. (Окончаніе). В. В. Никольскаго	1008
VIII. По Финляндіи. (Путевые наброски и впечатлѣнія). С. П. Уманца	1043
Иллюстраціи: 1) Берега Саймскаго канала.—2) Вильманstrandъ.—2) Развалины замка Олафсборга въ г. Нейшлотъ.—3) Куопіо.—4) Лютеранскій соборъ въ г. Абэ.	
IX. По дебрямъ Дагестана. X—XV. (Окончаніе). А. П. Андреева . .	1081
Иллюстраціи: 1) Ауль Гимры.—2) Улица и часть аула Гимры.—3) Гимрянскій спускъ.—4) Тканье паласовъ въ ауль Ходжалъ-Махи (Даргинскаго округа).	
X. Одиннадцатый археологическій съѣздъ въ Кіевѣ. А. К. Корниловича	1117
XI. Студенческія научныя общества. (Историческій очеркъ). В. Е. Рудакова	1143
XII. Иностранцы о Россіи. III—IV. (Окончаніе). В. Т.	1157
XIII. Очерки американской дѣйствительности. Женщина въ странѣ свободы. (Окончаніе). Е. Правдина	1177
XIV. Критика и библиографія.	1211

1) Профессоръ Ю. Кулаковскій. Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византийскихъ писателей. Кіевъ. 1899. 2. — 2) В. В. Глинскій. Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по общественнымъ вопросамъ и критико-біографическія. Съ 36 портретами и иллюстраціями. Сиб. 1900. А. Б.—ина.—3) В. П. Авенариусъ. Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біографическаго трилогіи «Ученіиескіе годы Гоголя». Сиб. 1899. Б. Глинскаго.—4) Comte D'Haussouville. Нищета и средства отъ нея. (Misère et remèdes). Соціальные этюды. Переводъ съ франц. М. К. Соколовскаго. Сиб. 1898. Б. Городецаго.—5) Очерки изъ церковно-исторической географіи. Области восточныхъ патриарховъ православной церкви до IX вѣка. С. Терновскаго. Казань. 1899. 2.—6) Очерки исторіи сербо-хорватской литературы. А. Степовича, директора коллегіи Павла Галагана, прив.-доцента университета св. Владимира. Съ 2 снимками. Кіевъ. 1899. К. Х.—7) Творенія Платона. Переводъ съ греческаго Владимира Соловьева. Томъ первый. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1899. А. М.—на.—8) Л. Гейгеръ. Нѣмецкій гуманизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редак. проф. Г. В. Форстена. Сиб. 1899. К.—9) П. И. Ковалевскій. Наполеонъ I и энциклопедія. Сиб. 1899. П. К.—аго.—10) Собраніе В. И. и В. П. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Каменный и бронзовый вѣкъ. Выпуски I и II. Эпоха, предшествующая великому переселенію народовъ. Кіевъ. 1899. 2. Р—ва.—11) В. Низе. Очеркъ римской исторіи и источниковѣднія. Переводъ съ нѣмецкаго слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей О. Ф. Зѣлинскаго и М. И. Рос-товцева. Сиб. 1899. Доходъ съ изданія назначается на пополненіе историческаго отдѣла бібліотеки высшихъ женскихъ курсовъ. Л. Л.

СОДЕРЖАНІЕ СЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОГО ТОМА.

(ОКТАБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1899 года).

	стр.
Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть четвертая. Графа Е. А. Салиаса. (Окончаніе)	5, 403, 851
Записки графини В. Н. Головиной (1766—1820). XXVI—XXX. (Окончаніе).	35, 438, 903
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Графиня В. Н. Головина.—2) Могила графини В. Н. Головиной въ Парижѣ, на кладбищѣ St. Germain des Près.	
Деревенскіе дѣльцы. IV. (Продолженіе). В. А. Тимашева-Беринга . . .	58
Воспоминанія стараго моряка. С. А. Гунаропуло	82
Эпизоды изъ эпохи мятежа 1863 года. (Изъ записокъ п воспоминаній). И. Н. Захарына (Якунина)	113
«Игрушечная армія». (Изъ быта южно-русскихъ кантонистовъ). Д. В. Федорова	148, 545
Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 годахъ. Н. К. Шильдера . . .	173
Старообрядческій публицистъ. А. С. Шерстобитова	194
По дебрямъ Дагестана. А. П. Андреева	207, 653, 1081
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Укрѣпленіе Хунзахъ.—2) Ауль Иголи.—3) Внутренность кунацкой богатаго горца.—4) Ауль Ашильта.—5) Ашильтинскій мостъ.—6) Лезгинъ-аварецъ.—7) Аварка.—8) Семья аварцевъ изъ Хунзаха.—9) Гора Ахульго.—10) Ахульгинское ущелье.—11) Ахульчинскій мостъ.—12) Ауль Гимры.—13) Улица и часть аула Гимры.—14) Гимринскій спускъ.—15) Тканье паласовъ въ аулѣ Ходжалъ-Махи (Даргинскаго округа).	
Памяти Т. I. Вержбицкаго. А. А. Таннова	231
Визна. (Посвящается профессору д-ру Маріану Соколовскому). Г. А. Воробьева	236
<i>Иллюстрація:</i> Древній костелъ въ Визнѣ.	
Городъ Кельцы и его окрестности. (Путевые очерки по Привислянью). Н. Павлова	243
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Городъ Кельцы.—2) Православный соборъ въ г. Кельцахъ.—3) Бывшій замокъ епископовъ, нынѣ зданіе губернскаго правленія въ г. Кельцахъ.—4) Портретный залъ въ помѣщеніи губернскаго правленія въ г. Кельцахъ.—5) Мостъ черезъ р. Трупенецъ въ Словики.	
Жертва террора. Е. М. Ш.	257
<i>Иллюстрація:</i> Княгиня Александра Любомирская.	
Переписка русскихъ аристократокъ съ иностранными знаменитостями. В. Т.	268

Очерки американской действительности. Женщина въ странѣ свободы. Е. Правдина	289, 742, 1177
Народные типы. Скоморошина нашихъ дней. (Изъ записокъ этнографа). (Посвящается В. Ѳ. Миллеру). Е. А. Ляцкаго	458
Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго	478, 977
Недавняя старина. Р. Л. Маркова	552
иллюстраціи: Старинный голубецъ у села Красная Поляна, Щигровскаго уѣзда.	
Лейбъ-казаки подъ Витебскомъ 15-го іюля 1812 года. В. М. Шаховскаго	580
Послѣдняя дуэль Пушкина. Б. В. Нинольскаго	596, 1008
Придворное войско въ Россіи. Е. С. Шумигорскаго	644
Николай Алексѣевичъ Лавровскій. Некрологъ. В. Е. Рудакова	689
иллюстраціи: Николай Алексѣевичъ Лавровскій.	
Наканунѣ гимназической реформы. Б. Б. Глинскаго	695
Иностранцы о Россіи. В. Т.	717, 1157
Были и типы прошлаго. Л. Е. Оболенскаго	923
Паломница Анисья. (Изъ палестинскихъ впечатлѣній). М. Е. Ермолиной	945
«Послѣдніе счеты». (Изъ неизданныхъ записокъ). П. М. Невѣжина	961
По Финляндіи. (Путевые наброски и впечатлѣнія). С. И. Уманца	1013
иллюстраціи: 1) Берега Саймскаго канала. — 2) Городъ Вильмапстрандъ. —	
3) Развалины замка Олафсборга въ городѣ Нейшлогъ. — 4) Городъ Куопію. —	
5) Лютеранскій соборъ въ городѣ Або.	
Одиннадцатый археологическій съѣздъ въ Кіевѣ. А. К. Корниловича	1117
Студенческія научныя общества. (Историческій очеркъ). В. Е. Рудакова	1143
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	335, 767, 1211

1) Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ. Съ подробнымъ указателемъ русской литературы, относящейся къ этому предмету, съ 1841 по 1900. А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1900. Z. — 2) М. П. Чельцовъ. Церковь королевства Сербскаго со времени приобрѣтенія ею автокефальности (1879—1896). (Историко-каноническій очеркъ). Спб. 1899. к. х. — 3) Н. Ив. Теодоровичъ. Волинь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и сель въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ. Томъ IV. Старобонстантиновскій уѣздъ. Почаевъ. 1899. **Вл. Боцяновскаго.** — 4) Магда Нейманъ. Армяне. Краткій очеркъ ихъ исторіи и современнаго положенія. Спб. 1899. Е. Еленина. — 5) А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895). Историческій очеркъ. Выпускъ II. Варшава. 1899. к. х. — 6) Иностранные университеты. Вып. II-й. Университеты Германіи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1899. А. М.—на. — 7) Извѣстія общества археологій, исторій и этнографіи при Казанскомъ университетѣ. Т. XV, вып. 3. Казань. 1899. в. р.—ва. — 8) Вернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1899. к. Лосскаго. — 9) Збірникъ фільологічної секції наукового товариства імени Шевченка. Т. II. Розвідки Михайла Драгоманова. Т. I. У Львові. 1899. А. л.—мно. — 10) Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія. (Изъ давнихъ временъ христіанской церкви). А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1900. Z. — 11) Среди приход-

скаго духовенства. Рассказы Н. И. Соловьева. Визники, 1899. к. х. — 12) Жизнь я труды М. П. Погодина. Николая Варсуква. Книга тринадцатая. Спб. 1899. Б. Г. — 13) Родъ Шереметевыхъ. Александра Варсуква. Книга VII. Спб. 1899. к. Г—ва. — 14) Три замѣчательные старообрядца. Тертія Филиппова. Спб. 1899. к—ча. — 15) Оборона Севастополя. Подвиги защитниковъ. Краткій историческій очеркъ съ иллюстраціями. Составилъ полковникъ Заіончковскій. Спб. 1899. с. ш.—16) Н. Виноградскій. Церковный борьь въ Москвѣ 1682 года. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Смоленскъ. 1899. в. Р—ва.—17) П. П. Суворовъ. Записки о прошломъ. Ч. I. М. 1899. гл.—18) Поль Гиро. Историческія чтенія (lectures historiques) Частная и общественная жизнь римлянъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей С. П. Моравскаго. Съ 107 рисунками въ текстъ. Спб. Изданіе Л. Ф. Пантелъева. 1899. А. М—на.—19) Т. Фауль. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Переводъ съ англійскаго А. М. Вѣлова. Спб. 1899. А. л—ико.—20) Изданіе газеты «Ураль» (издатель В. Г. Чеканъ). Путеводитель по Уралу. Изданіе первое. Екатеринбургъ. 1899. п. Б—скаго. — 21) Лѣтопись историко-филологическаго общества при императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Византійское отдѣленіе. IV. Одесса. 1899. з.—22) Історія Сербіи съ половины XIV до конца XV вѣка. Т. I. Критическое изслѣдованіе источниковъ. Проф. В. В. Качановскаго. Кіевъ. 1899. с. к.—23) К. Голодниковъ. Декабристы въ Тобольской губерніи. Изъ моихъ воспоминаній. Тюмень. 1899. п. Р.—24) Профессоръ Ю. Кулаковскій. Алапы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. Кіевъ. 1899. з.—25) В. В. Глинскій. Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по общественнымъ вопросамъ и критико-біографическія. Съ 36 портретами и иллюстраціями. Спб. 1900. А. Б—ина.—26) В. П. Авенариусъ. Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біографической трилогіи «Ученіческие годы Гоголя». Спб. 1899. Б. Глинскаго.—27) Comte D'Haussonville. Нищета и средство борьбы съ нею. (Misère et remèdes). Соціальныя этюды. Переводъ съ французскаго М. К. Соколовскаго. Спб. 1898. Б. Городецкаго.—28) Очерки изъ церковно-исторической географіи. Области восточныхъ патріарховъ православной церкви до IX вѣка. С. Терновскаго. Казань. 1899. з.—29) Очерки исторіи сербо-хорватской литературы. А. Степовича, директора коллегіи Павла Галагана, привагъ-доцента университета св. Владимира. Съ 2 снимками. Кіевъ. 1899. к. х.—30) Творенія Платона. Переводъ съ греческаго Владимира Соловьева. Томъ первый. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1899. А. М—на.—31) Л. Гейгеръ. Пѣмецкій гуманизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей профессора Г. В. Форстена. Спб. 1899. к.—32) П. И. Ковалевскій. Наполеонъ I и эпидемія. Спб. 1899. п. к—аго.—33) Собраніе В. Н. и В. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Каменный и бронзовый вѣка. Выпуски I и II. Эпоха, предшествующая великому переселенію народовъ. Кіевъ. 1899. в. Р—ва.—34) В. Низе. Очеркъ римской исторіи и источниковѣдѣнія. Переводъ съ нѣмецкаго слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей О. Ф. Зѣлинскаго и М. И. Ростовцева. Спб. 1899. Доходъ съ изданія назначается на пополненіе историческаго отдѣла бібліотеки высшихъ женскихъ курсовъ. Л. л.—35) Н. П. Степановъ. Народные праздники на святой Руси. Спб. 1900. д. к. Е.—36) Автобіографическія воспоминанія Валеріана Александровича Вельгарда. Спб. 1899. в. Р—ва.—37) И. Вриллантовъ, Ферапонтовъ-Вѣлозерскій нынѣ упраздненный монастырь. Мѣсто заточенія патріарха Никона. Съ приложеніемъ очерка «Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Вѣлозерь». Спб. 1899. Б. Р—ва.—38) Jozef Dunin-Karwicki. Ze starego autoramentu. Typu i obrazki Wolynskie. Segwa druga. Warszawa. 1900. к. х.—39) Византійскій Временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ, подъ редакцію В. Э. Роголя. Томъ VI, выпуски 3—4. Спб. 1899. в. Р—ва.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . 343, 790, 1235

1) Историческіе труды въ Бельги отъ іюля 1898 г. до іюля 1899 г.—2) Битва при Лепанто и участіе въ ней венеціанцевъ.—3) Трехсотлѣтній юбилей Ванъ-Дейка.—4) Новая біографія Спинозы.—5) Француженка на итальянскомъ престолѣ.—6) Свадьба Маріи Лещинской и Людовика XV.—7) Изъ записокъ Шувалева.—8) Интимная жизнь Людовика XV.—9) Воспоминаніе французскаго морскаго офицера объ американской войнѣ.—10) Испанская докторша философіи въ XVIII вѣкѣ.—11) Происхожденіе французскихъ социалистовъ.—12) Столѣтіе годовщины смерти Пиа VI и рожденія Пучини.—13) Графиня Ламотъ-Валуа въ Крыму.—14) Мюратъ въ Испаніи.—15) Англійская книга о войнѣ 1812 года.—16) Загадочная личность.—17) Отголоски юбилея Гете.—18) Къ воспоминаніямъ о Луи-Бланъ.—

19) Иностранные журналы о Тургеневѣ. — 20) Кто написалъ Сикстинскую Мадонну. — 21) Англичане о Россіи въ Азій. — 22) Литература Гаагской конференціи. — 23) Митридатъ, какъ изобрѣтательъ врачебной системы прививокъ. — 24) Парламентская жизнь въ Римѣ во время республики. — 25) Успѣхи португальцевъ въ Индіи. — 26) Англійская общественная жизнь въ доброе старое время. — 27) Трехсотлѣтній юбилей пожарныхъ во Франціи. — 28) Дневникъ русской великой княгини. — 29) Свадьба Людовика XVI. — 30) Воспоминанія бібліотекаря Маріи-Антуанетты. — 31) Столѣтіе 18 брюмера. — 32) Изъ воспоминаній виконта де-Рейзе. — 33) О «королѣ Бернадотѣ». — 34) Меттернихъ въ качествѣ инквизитора. — 35) Лордъ Байронъ и его жена. — 37) Викторъ Гюго въ Реймсѣ. — 37) Сэръ Робертъ Пилъ. — 38) Переписка Миля съ Контомъ. — 39) Сумасшедшій король. — 40) Воспоминанія генерала фонъ-Войена и Георга Бунзена. — 41) Біографія Теккеря. — 42) Отголоски дѣла Дрейфуса въ печати. — 43) Новые труды по египтологіи. — 44) Смерть Александра Македонскаго. — 45) Дворъ великаго молога въ XVIII вѣкѣ. — 46) Французскіе буры. — 47) Карлъ Лотарингскій и кардиналъ Мазарини. — 48) Отравительницы при Людовикѣ XIV. — 49) По поводу дневника русской великой княгини. — 50) Мирабо, какъ дипломатъ. — 51) Одна изъ героинь французской ренюлюціи. — 52) Защитница женскихъ правъ въ XVII столѣтіи. — 53) Незданныя сочиненія Андре Шенье. — 54) Еще о Рете. — 55) Воспоминанія о Давіалѣ О'Коннелѣ. — 56) Страсбургскій мятежь 1836 года. — 57) Тюильерскій дворець въ 1848 году. — 58) Воряба за итальянскую свободу. — 59) Мученичество императрицы. — 60) Правда о жизни и смерти принца Рудольфа Габсбургскаго. — 61) Карлисты и Донъ-Карлосъ. — 62) Вопросъ объ истинномъ калифѣ. — 63) Король Миланъ въ оцѣнкѣ французскаго историка. — 64) Статьи и лекціи о Россіи. — 65) Когда начнется ХХ вѣкъ.

СМѢСЬ 389, 828, 1280

1) Столѣтній юбилей В. И. Баженова. — 2) Торжественное засѣданіе географическаго общества. — 3) Новый кіевскій кладъ. — 4) Присужденіе Уваровскихъ премій. — 5) Юбилей М. Н. Капустина. — 6) Археологическій институтъ. — 7) Новый кіевскій кладъ. — 8) Герцогскій архивъ въ Митавѣ. — 9) Русское бібліологическое общество. — 10) Присужденіе Пушкинскихъ премій. — 11) Диспутъ С. Ѳ. Платонова. — 12) Диспутъ Н. А. Котляревскаго. — 13) С.-Петербургское археологическое общество. — 14) Московское археологическое общество. — 15) Библіологическое общество. — 16) Географическое общество. — 17) Археологическія раскопки въ Вахчисараѣ. — 18) Герцогскій архивъ въ Митавѣ. — 19) Некрологи: В. А. Легонинъ; К. П. Ковалевскій; А. А. Нильскій; Г. И. Архангельскій; В. А. Панаевъ; С. В. Шервудъ; П. А. Лашкаревъ; Э. Ю. Петри; А. В. Пастуховъ; Ѳ. Ѳ. Пуцковичъ; Н. П. Черневъ; Г. К. Властовъ; П. П. Андреевъ; А. В. Пастуховъ; Ѳ. Ю. Криндатъ; П. П. Соколовъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 397, 848, 1302

1) Къ характеристикѣ архіепископа Варлаама. А. Шерстобитова. — 2) Пушкинъ на испандскомъ языкѣ. Н. Бахтина. — 3) Переводъ Пушкина по-испански. А. Нудрявскаго. — 4) Археологическая справка. Д. И. Зварницаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты В. Н. Головиной (два) и гравюра съ изображеніемъ могилы В. Н. Головиной. — 2) Графъ Мирабо (Graf Mirabeau. Von Theodor Mundt). Историческій романъ въ четырехъ частяхъ. Т. Мундта. (Переводъ съ нѣмецкаго З. У.). Часть IV, гл. IV—XVII. (Окончаніе). — 3) Указатель именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» за 1899 годъ, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ тамъ же. — 4) Объявленія.

ГРАФИНЯ ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА ГОЛОВИНА

Съ портрета, принадлежащаго князю Александру Михайловичу Голицыну.

дозв. пенз. 20 ноября 1899 г. спв.

ВЛАДИМІРСКІЕ МОНОМАХИ¹⁾.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергѣю Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

XVII.

СЕОБЩАЯ нелюбовь, всеобщее не искреннее, а напускное презрѣніе къ Гончему вдругъ исчезли. Его поминали и объ немъ толковали изо дня въ день безъ всякой злобы.

— Сожгли!—повторяла вся Высокса отъ мала до велика и будто совѣстилась.

Гласъ народа—гласъ Божій! Безсознательное убѣжденіе въ чемъ либо массы есть непремѣнно истина. Не было положительно ни единого человѣка на заводахъ, который бы считалъ пожаръ случайностью, несчастнымъ случаемъ. Но, кромѣ того, всѣ были убѣждены въ томъ, что преступленіе было дерзко совершено съ вѣдома, если не по приказанію, барина Олимпія Дмитріевича.

А кто былъ руководитель, если не прямо совершитель преступленія? Высокса отгадала и единогласно указала на Михалиса. Нѣкоторые доходили даже до намековъ въ разговорахъ.

Михались ходилъ угрюмый, чувствовалъ, что его подозрѣваютъ, и это озлобляло его. Все, имъ совершенное, было дѣйствительно

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVIII, стр. 403.

такъ искусно подстроено, что онъ ни минуты не думалъ о возможности зародиться подозрѣніямъ по отношенію въ его личности. Михалисъ кончилъ тѣмъ, что началъ самъ говорить и сердито путить, что Высокса считаетъ его поджигателемъ и убійцей. Но помимо досады въ Михалисѣ ничего не было. Бояться онъ не могъ. Дѣло это было не такое, какъ убійство князя Никаева. Временное отдѣленіе не могло пріѣхать для слѣдствія. Какіе бы слухи ни ходили, все-таки уликъ не было никакихъ, и оставалось только сказать, что это все дѣло темное.

Впрочемъ, если Михалисъ ходилъ черезчуръ угрюмый, то на это было еще двѣ причины, помимо пожара. Олимпій Дмитріевичъ, обѣщавшій тысячь десять, а то и больше, если все кончится благополучно, теперь медлилъ съ обѣщанной уплатой. Михалисъ уже два раза напоминалъ ему объ обѣщанномъ, но Олимпій отвѣчалъ:

— На что тебѣ теперь? Обожди! До того ли теперь! Да и денегъ совсѣмъ нѣтъ. Вотъ распутаюсь немножко, кончится сдача всѣхъ дѣлъ, отпразднуемъ рожденіе брата и начнемъ управлять. Тогда деньги свои и получишь. Не долго ждать!

Но по голосу Олимпія, котораго Михалисъ такъ давно зналъ, онъ чувствовалъ, что тотъ собирается сначала оттянуть, а затѣмъ и совсѣмъ не сдержать своего обѣщанія. И это, разумѣется, возмутило его.

Кромѣ того, у него была еще другая пущая забота. Съ его сестренкой положительно что-то творилось. Что именно — онъ и ума приложить не могъ. Тонька измѣнилась лицомъ, будто похудѣла. Затѣмъ она часто задумывалась, иногда бывала даже грустна и печальна.

На вопросъ Михалиса, что съ ней, Тонька, конечно, ничего не отвѣчала, увѣряла брата, что ему все мерещится, и при этомъ Михалисъ видѣлъ, или, вѣрнѣе, чувствовалъ, что Тонька робѣетъ. Каждый разъ, что заходилъ разговоръ между ними о томъ, что въ ней есть какая-то перемѣна, молодая дѣвушка начинала глядѣть и говорить трусливо. Михалисъ ломалъ себѣ голову, и тщетно.

Однажды, вдругъ, по поводу пустяка, подозрѣніе молніей сверкнуло въ его головѣ. Но это подозрѣніе было такого рода, что самому Михалису стало страшно. Онъ испугался того, до чего додумался. Ему казалось, что если это его подозрѣніе станетъ дѣйствительностью, фактомъ, то сразу произойдетъ какое-то вокругъ него свѣтопреставленіе, разрушеніе міра.

Однако, тотчасъ же это подозрѣніе показалось ему такимъ нелѣпымъ, что, отогнавъ его мысленно отъ себя, онъ и забылъ о немъ.

Впрочемъ, вскорѣ у Михалиса явились и занятія. Окончательная сдача дѣлъ опекунства послѣ гибели Гончаго должна была прекратиться. Депутатъ отъ дворянства, двое чиновниковъ, двое страи-

чихъ вмѣстѣ съ Олимпіемъ Дмитріевичемъ распутывались кое-какъ, стараясь выяснитъ только главно, а на мелочи и подробности не обращать никакого вниманія.

Олимпій начиналъ уставать отъ этихъ занятій, отчасти они надоѣдали ему, и онъ сталъ все менѣе засѣдывать. Наконецъ онъ свалилъ все на коллежскаго правителя и присоединилъ къ нему Михалиса.

За то одновременно Олимпій сталъ приводить въ исполненіе всѣ свои и прежнія давнишнія, и новыя затѣи и прихоти. Онъ за все схватился за-разъ. Театръ заново отдѣлывался, двое человѣкъ были посланы въ Москву разыскать и нанять актеровъ и музыкантовъ. Охотный домъ, если не перестраивался, то отдѣлывался внутри заново и особенно пышно и богато, при чемъ, однако, ничего собственнo до охоты касающагося не приобретали. Даже собакъ купить не прискивали. И всѣмъ казалось, что охотный домъ отдѣлывался совсѣмъ не для охоты. А для чего? Было загадкой!

Въ то же время Олимпій рѣшилъ какъ можно скорѣе возстановить прежній гусарскій конвой, но въ двойномъ количествѣ, чтобы у него и у брата была одинаковая свита. Людей въ будущій конвой уже выбирали, при чемъ иногда пришлось брать за ростъ или статность отличныхъ мастеровъ на заводахъ. Съ проволочнаго завода взяли, чтобы завербовать въ гусары, такихъ трехъ мастеровъ, что дѣло на заводѣ могло совсѣмъ стать.

Доложить объ этомъ Олимпію Дмитріевичу, конечно, никто не смѣлъ. Цѣлый день толковали объ этомъ въ коллегіи тихонько и робко. А на другой день въ той же коллегіи случилось то же. Одинъ писарь, отличавшійся самымъ красивымъ почеркомъ и писавшій всегда бумаги, направляемая въ Петербургъ, попался на глаза Олимпію. На другой день онъ уже не явился въ должность, а ожидалъ быть гусарскимъ десятникомъ.

Но съ каждымъ днемъ у Олимпія являлись новыя затѣи, воображеніе разыгрывалось, а смѣлость усиливалась... То, что было прежде мечтой, теперь желалось осуществить немедленно во что бы то ни стало.

— Удержу нѣтъ! — тихо поговаривали всѣ, и нахлѣбники и холопы.

И наконецъ одна давнишняя мечта, скрытая отъ всѣхъ, осуществленіе которой было страшно трудно, теперь вдругъ невѣдомо почему сдѣлалась уже не мечтой, а чѣмъ-то инымъ... Это было время. Прихоть стала болѣзнью. «Вынь, да положи!» — говоритъ пословица.

Дѣло шло о красавицѣ-дѣвушкѣ, которая ему давно сильно нравилась. Это была Сусанна Змглодъ.

Прежде онъ стѣснялся... и не изъ боязни Змглода... Теперь, вступивъ въ свои права владѣльца Высоксы, Олимпій рѣшилъ, что

надо дѣйствовать и осуществить и эту самую главную прихоть, давнишнюю и близкую къ сердцу.

— Нечего откладывать!—рѣшилъ онъ.—И не робѣть! Смѣлость города беретъ!

XVIII.

Однажды, утромъ, Иванъ Змгодъ, явившись къ Аркадію Дмитріевичу, удивилъ его своимъ видомъ. На молодомъ Змгодѣ лица не было.

— Что ты?—ахнулъ Аркадій.

— Чего ждали, то теперь и хочеть будто стрястись на насъ!—отвѣтилъ Змгодъ.

— Что такое?

— Да вотъ батюшка со всѣми нами собирается уѣзжать изъ Высоковы, купить домъ въ Муромѣ и зажить тамъ.

— Зачѣмъ?! Что?!—воскрикнулъ Аркадій.

— Ради безопасности!

Аркадій пристально и пытливо глядѣлъ въ глаза своего друга и вдругъ оробѣвшимъ голосомъ произнесъ:

— Братецъ?..

— Понятное дѣло! Что же другое?

— Хорошо! Но что же онъ можетъ? Грозится только.

— Нѣтъ, Аркадій Дмитріевичъ,—потрясъ головой Змгодъ.—Онъ не изъ такихъ, что будетъ только грозиться! И прежде батюшка его опасался, какъ барина смѣлаго, о двухъ головахъ, способнаго на все. А теперь послѣ приключенія съ Онисимомъ Абрамычемъ батюшка его еще пуще опасается. Онъ сказываетъ, что Олимпій Дмитріевичъ со своими пріятелями въ родѣ Платона ни передъ чѣмъ не постоятъ.

— Да что же онъ можетъ? Вѣдь тутъ не смертоубійство ему нужно... Что же онъ можетъ?!—воскрикнулъ Аркадій.

— Все можетъ! Мало ли онъ что можетъ надумать? Можетъ выкрасть нашу Саню и силой запереть гдѣ, такъ что мы мѣсяцъ дѣлный ее не разыщемъ! Не даромъ у него домики въ лѣсахъ водятся. Нѣтъ, мы порѣшили всѣ — и батюшка и матушка, и я, уѣзжать.

— Никогда этого не будетъ! — вскрикнулъ Аркадій.—Я не допущу!

— Вы?!—грустно спросилъ Змгодъ и опять покачалъ головой.

Этотъ вопросъ и движеніе произвели странное дѣйствіе на добродушнаго молодого человѣка. Онъ вспыхнулъ. Голосомъ, какого Змгодъ никогда не слыхалъ, онъ произнесъ:

— Я не допущу! Я за нее не то что на брата, на смерть пойду! Это вѣдь не то, что ссоры разныя да драки братцевыхъ да бари-

новыхъ. Нѣтъ, это другое! Нѣтъ, никогда такого ничего не будетъ. Я тебѣ говорю! Голову тебѣ на отсѣченіе даю, что Олимпій пальцемъ Саню не тронетъ!

И голосъ Аркадія былъ такой странный, новый, глаза его такъ необычно сіяли, онъ такъ преобразился, что Иванъ Змглодь изумился, а потомъ будто сразу повѣрилъ, лицо его слегка прояснилось. Онъ почти съ восторгомъ поглядѣлъ на Аркадія.

— Давай-то Богъ! Вотъ кабы всегда вы такъ... А то ужъ очень вы...

И онъ не договорилъ.

— Я такой, говорятъ, робѣющій, молчащій. Вѣрно это, Иванъ!.. Да вѣдь это въ пустомъ, въ глухостяхъ. А если мнѣ будутъ ножомъ сердце вырѣзать? Такъ что же? Буду я плакать потвоему, жалиться и давать себя рѣзать? Ты знаешь, какъ я твою сестру люблю — и давно!

— Знаю, Аркадій Дмитріевичъ! Всѣ мы знаемъ, всѣхъ насъ вы любите, кабы не то, мы бы давно съ Высоксы уѣхали.

— Ты знаешь, да не знаешь! — вскрикнулъ Аркадій. — И никто не знаетъ! Я одинъ знаю!.. А то, что вы всѣ не знаете, а я знаю, то вотъ завтра и Олимпій узнаетъ... И всѣмъ его ухищреніямъ будетъ конецъ! Онъ не посмѣетъ!..

Отпустивъ Змглода, Аркадій тотчасъ же повзвалъ къ себѣ любимца Ильева и заставилъ его поклониться, что онъ не выдастъ его, не разболтаетъ про тайное порученіе, которое онъ ему дастъ. Затѣмъ онъ объяснилъ Ильеву, что онъ долженъ чрезъ своего пріятеля, брата Андрея Шлыкова, разузнать, что затѣваетъ Олимпій по отношенію къ Сусаннѣ Денисовнѣ. Братъ любимца Олимпія былъ въ лагерѣ бариновыхъ, но держался особнякомъ и видимо любилъ болѣе Аркадія.

Ильевъ взялся исполнить порученіе, не ручаясь за успѣхъ.

И въ тотъ же вечеръ онъ доложилъ Аркадію, что Шлыковъ не знаетъ, что именно затѣваетъ Олимпій Дмитріевичъ, но затѣваетъ навѣрное и скорѣй задуманное приведетъ въ исполненіе.

— Шлыковъ сказывалъ, — объяснилъ Ильевъ, — что ему сдается самому... Смекаетъ онъ, что Сусанну Денисовну положено при случаѣ выкрасть и укрыть такъ, чтобы и въ мѣсяцъ, два, никто ее не нашелъ.

— Ахъ, мерзавецъ! — вскрикнулъ Аркадій. — А коноводомъ Михались?

— То-то нѣтъ, Аркадій Дмитріевичъ. Даже удивительно. Шлыковъ завѣряетъ, будто Михалису ничего даже не извѣстно.

— Вздоръ это! Михались! Онъ и науськиваетъ. Ну, да чортъ съ нимъ. Вотъ увидимъ... Спасибо тебѣ. Теперь мой чередъ орудовать!

И совершенно не спавъ всю ночь, Аркадій будто въ какой-то

лихорадкѣ рѣшился дѣйствовать... Онъ самъ себя не узнавалъ. Въ немъ что-то какъ будто шевелилось, дрожало и заставляло его почти метаться по комнатѣ. Наконецъ, онъ не выдержалъ и задолго до полудня приказалъ скорѣе подать себѣ дрожки.

Черезъ полчаса онъ былъ уже на подъѣздѣ домика Змглода и входилъ въ него. Когда онъ вошелъ въ комнату Дениса Ивановича, то удивилъ его своимъ лицомъ.

Старикъ собирался сказать: «что съ вами?» но Аркадій предупредилъ его.

— По дѣлу я къ вамъ, Денисъ Ивановичъ, по самому важному дѣлу и не терпящему отлагательства... Отъ васъ зависитъ порѣшить самое важное дѣло, какое только можетъ быть въ моей жизни...

Аркадій смолкъ на минуту, будто оробѣлъ, но тотчасъ же взгляды его снова вспыхнули. Онъ какъ-то выпрямился и проговорилъ голосомъ, который удивилъ Змглода такъ же, какъ и его сына накануне.

— Вы знаете, Денисъ Ивановичъ, какъ я люблю васъ давно... Ну, вотъ и не удивляйтесь... Я, Денисъ Ивановичъ, хочу... Давно хотѣлъ. Всегда такъ думалъ... Давнымъ давно порѣшилъ, только не говорилъ никому... И вамъ не говорилъ. И вотъ теперь скажу. Я хочу жениться на Санѣ!

Змглюдъ какъ-то ахнулъ, вытаращилъ глаза, а затѣмъ опрокинулся на спинку своего кресла и глядѣлъ на Аркадія широко раскрытыми глазами.

— Вы удивились?

— Понятно... Господь съ вами!

— Тутъ ничего удивительнаго нѣтъ! Это, Денисъ Ивановичъ, давно, давно мною порѣшенное дѣло. И ваша Сусанна Денисовна должна знать это. Если я ей никогда не говорилъ прямо, то тысячи разовъ говорилъ такъ, что она теперь не удивится.

— Дорогой мой Аркадій Дмитріевичъ, — заговорилъ Змглюдъ, — спасибо вамъ за вашу любовь, но все это, извините, измышленіе саное невозможное. Вамъ нельзя, дворянину, высокскому владѣльцу, богачу, сочетаться бракомъ съ дочерью... Кого же? Вѣдь меня всегда звали полутуркой. Мать нашей Сани, конечно, по крови вамъ родственница, дворянка. Но я-то кто же такой? Какъ называютъ: проходимецъ! Что вы! Полноте! Непшто возможно этакому браку состояться!

И Денисъ Ивановичъ даже слегка улыбнулся.

Аркадій сталъ горячо доказывать Змглюду, что онъ, можетъ быть, пять уже лѣтъ какъ рѣшилъ, что никто помимо Сусанны его женой не будетъ.

— Я никому этого не сказывалъ, — горячо объяснял Аркадій — робѣлъ признаваться въ этомъ. Одно время думалъ, что и пройдетъ

это. А вышло наоборотъ. За послѣдніе два-три года я увидѣлъ, что мнѣ жить безъ Сани невозможно. Она должна быть моею женою! И никто мнѣ въ этомъ не помѣшаетъ! Одинъ вы можете помѣшать запретомъ ей вѣнчаться со мною.

— А Олимпій Дмитріевичъ?!—воскликнулъ Змглодь.

— Олимпій тутъ не причесть! Онъ не отецъ, да и въ качествѣ совершеннолѣтняго я по закону могу жениться на комъ хочу.

— По закону? Вѣрно, Аркадій Дмитріевичъ. Но дѣло не въ законѣ! Дѣло въ томъ, что Олимпій Дмитріевичъ по многимъ причинамъ сего не пожелаетъ и вамъ запретить.

— Запретить?!—вскрикнулъ Аркадій.

И Денисъ Ивановичъ опять удивился голосу, котораго никогда не слыхалъ.

— Вотъ до чего довело мое всегдашнее помалкиваніе!—вскрикнулъ Аркадій.—Ну, да теперь пора! Конецъ! Въ чемъ другомъ я буду все уступать Олимпію. Въ этомъ дѣлѣ никогда! Какъ я сказывалъ Ивану, такъ и вамъ скажу: на смерть полѣзу!

Аркадій смолкъ и послѣ паузы заговорилъ спокойнѣе, но съ чувствомъ:

— Или Саня будетъ моею женою, или пускай меня убьетъ кто. Хоть тотъ же Олимпій. Но дѣло въ томъ, что если вы не будете перечить, а станете мнѣ помогать, то, конечно, ничего худого не приключится. Мы одолѣемъ. И я не попадусь, какъ куръ во щи. Меня при вашей помощи и защитѣ какойнибудь Платонъ не сожжетъ и не зарѣжетъ. А если вы сами будете противъ меня, то тогда, понятное дѣло, и я пропаду. Да еще, помяните мое слово, и Сусанна Денисовна пропадетъ. Онъ васъ и въ Муромѣ достанетъ. Чтѣ ему?! И всегда былъ онъ о двухъ головахъ, а теперь послѣ такого ловкаго дѣла, какъ съ Гончимъ, онъ, пожалуй, еще пуще осмѣлѣлъ. Все ему теперь тринь-трава! Онъ на вашъ домъ съ новыми своими гусарами нападетъ, выкрадетъ Сусанну Денисовну и увезетъ. А вотъ вы такъ себя поведите, чтобы я могъ сдѣлаться ея защитникомъ. А прежде этого мнѣ надо сдѣлаться ея нареченнымъ съ вашего согласія.

Аркадій замолчалъ. Денисъ Ивановичъ сидѣлъ сумрачный, отчасти какъ будто даже смущенный.

Молчаніе длилось долго.

— Что же?!.. — рѣзко произнесъ Аркадій.

И снова это вырвалось у него тономъ голоса его брата. Онъ какъ будто давно гнѣвно ждалъ рѣшительнаго отвѣта.

— Скажу я одно покуда,—глухо отозвался Змглодь.—Дайте мнѣ поразмыслить, очень ужъ вы меня огорошили!..

Аркадій уѣхалъ, а старикъ созвалъ всѣхъ своихъ—жену, дочь и сына.

Объяснивъ имъ, съ чѣмъ пріѣзжалъ Аркадій, онъ спросилъ:

— Ну? Что же тутъ дѣлать?

Алла Васильевна заявила тихо и глуповатымъ голосомъ, что всегда ожидала предложеніе молодого барина.

— Это почему? — воскликнулъ старикъ.

— А вотъ Саня мнѣ всегда это сказывала. А она не лгунья.

Змглодь опѣшилъ и удивленно глянулъ на дочь.

— Правда, батюшка, — улыбнулась Сусанна. — Я надѣялась всегда... Но при такихъ обстоятельствахъ, какъ вотъ теперь, — надо сто разъ отмѣрить и одинъ отрѣзать. Правда, Ваня? — обратилась она къ брату.

Иванъ сурово кивнулъ головой, а затѣмъ сталъ объяснять, что на Аркадія, извѣстно, полагаться мудрено, и надо предоставить ему бороться съ братомъ, а самимъ выждать.

— Я ему срокъ для отвѣта моего далъ, — сказалъ Змглодь.

— Ну, минуетъ срокъ, тогда и увидимъ, что отвѣчать, — рѣшительно проговорила Сусанна. — Нашъ отвѣтъ будетъ зависѣть отъ того, какъ самъ Аркадій Дмитріевичъ себя поведетъ сегодня и завтра.

— Будь по-вашему! — тихо произнесъ старикъ.

XIX.

Разумѣется, Аркадій волновался и трусилъ при мысли, что придется объясняться съ братомъ и, конечно, выдержать натискъ.

Какая будетъ стычка и что изъ нея произойдетъ, Аркадій не могъ даже себѣ и вообразить. Ему, однако, представлялось, что чѣмъ натискъ брата будетъ грубѣе, тѣмъ лучше. Чѣмъ мягче станеть противиться братъ, тѣмъ хуже. Аркадію представлялось, что если братъ дойдетъ до остервенѣнія, станеть грозиться всячески, то онъ, Аркадій, немедленно все будетъ готовить къ свадьбѣ и въ самый день своего совершеннолѣтія обвиняется.

Денисъ Ивановичъ, между тѣмъ, ничего не сказавъ женѣ и дочери, объяснился съ сыномъ. Оба Змглода — отецъ и сынъ — были одного и того же мнѣнія, что предложеніе Аркадія Дмитріевича есть просто затѣя. Конечно, онъ искренно желаетъ этого, потому что давно любитъ Саню, но никогда не хватить у него смѣлости привести все въ исполненіе. Только всю семью подведеть.

Сусанна Юрьевна такъ же, какъ и Олимпій Дмитріевичъ, будетъ, конечно, противъ этого брака, будетъ орудовать на всѣ лады, дѣйствовать и убѣжденіями и угрозами. И, конечно, мягкій и нерѣшительный Аркадій Дмитріевичъ имъ уступить. И серьезное дѣло станеть смѣхотворнымъ дѣломъ. Надъ семьей Змглода будутъ только потѣшаться, скажутъ, что они затѣяли неподобное, зазнались, вабыли, кто они, и вообразили, что простодушнаго молодого человѣка можно легко женить на дочери.

Иванъ Змглодь, видя задумчивость и порой какою-то растерянность Аркадія, прямо говорилъ ему и убѣждалъ:

— Только смѣхъ одинъ будетъ! Гдѣ вамъ противъ братца идти!

Въ то же время Иванъ Змглодь совѣтовалъ отцу молчать и отложить отвѣтъ въ долгій ящикъ или же тотчасъ отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ. Кончилось тѣмъ, что на третій день Денисъ Ивановичъ, чувствуя себя нѣсколько лучше, при помощи костыля добрался до своей телѣжки и, явившись въ домъ, съ трудомъ поднялся по лѣстницѣ. Отсюда онъ прошелъ прямо на половину Аркадія Дмитріевича.

Денисъ Ивановичъ считалъ необходимо нужнымъ явиться лично, поблагодарить молодого барина за честь и объяснить, что все это дѣло совѣмъ невыносимое. Но едва только Аркадій узналъ, съ какимъ рѣшеньемъ явился Змглодь, какъ пришелъ въ такое состояніе, въ какомъ никто его никогда не видалъ.

— Такъ вотъ что! — воскликнулъ онъ. — Вотъ до чего дошло дѣло. Я долженъ быть несчастнымъ человѣкомъ вслѣдствіе моей трусости, моего слабодушія. Я люблю Сусанну Денисовну невѣсть съ какихъ поръ и, конечно, безъ нея совѣмъ жить мнѣ будетъ не въ моготу. А вы мнѣ отказываете! Почему? Потому что не любите меня или потому, что я ей не пара? Это бы ничего! Это бы понятно было! А вы отказываете потому, что я плакса, какъ зоветъ меня братъ, что я, затѣявъ дѣло, только осрамлю васъ, только всѣхъ мѣяться надъ вами заставлю! Такъ слушайте, Денисъ Ивановичъ! — вскрикнулъ онъ вдругъ. — Несмотря на вашъ отказъ, я сейчасъ иду къ брату и все ему объясню. Все-таки дѣло огласится. И если вы будете все-таки продолжать отказываться, то я увезу Сусанну Денисовну и тайно обвѣнчаюсь съ ней въ самый день моего совершеннолѣтія! Я знаю, что она пойдетъ на это.

Змглодь, глядя на Аркадія, невольно изумлялся. Никогда нельзя было предположить въ молодомъ человѣкѣ того пыла, который вдругъ оказывался.

— Стало быть, — думалось Змглоду, — когда дѣло-то близко сердцу, то онъ не такая плакса, какъ всѣ мы думаемъ...

Аркадій заставилъ Дениса Ивановича снова объяснить и побожиться, какія именно причины заставляютъ его отказывать ему въ рукѣ дочери. И Змглодь снова объяснилъ все то же: Аркадій Дмитріевичъ неспособенъ побороть всѣ тѣ препятствія, которыя возникнутъ. А главной причиной было нежеланіе его — Змглода — быть осмѣяннымъ всей Высокой.

— Ну, такъ вотъ вы увидите! — отвѣтилъ Аркадій тихо, почти шепотомъ.

Денисъ Ивановичъ опять удивился. Эти слова были сказаны хорошо знакомымъ ему голосомъ. Это говорилъ Аникита Ильичъ.

Объясненіе кончилось тѣмъ, что Змглодь уѣхалъ домой, сказавъ молодому человѣку:

— Дѣлайте, какъ знаете! Позвольте только намъ объяснить всѣмъ, что мы тутъ непричемъ, что мы желаемъ только одного — уѣхать поскорѣй съ Высоксы, а не то что за кого либо изъ господъ Басманъ-Басановыхъ прочить свою дочь.

И старикъ вернулся домой нѣсколько тревожный. Онъ представлялъ себѣ немедленную стычку братьевъ, послѣ которой можно было ожидать «чудеса въ рѣшетѣ». Аркадій Дмитріевичъ, конечно, тотчасъ струхнетъ, а Олимпій Дмитріевичъ невѣсть что затѣетъ.

Единственное, на что Денисъ Ивановичъ сталъ разсчитывать, было, что молодой человѣкъ, нерѣшительный, лишь съ мимолетными, мгновенными вспышками будетъ собираться объясняться съ братомъ и не соберется.

Но онъ ошибся.

Аркадій былъ возмущенъ, даже глубоко обиженъ: «Вотъ до чего я дошелъ! — говорилъ онъ себѣ. — Все уступалъ и уступалъ! И теперь хорошіе люди боятся даже со мной дѣло имѣть. Нѣтъ, такъ нельзя!»...

Аркадій собрался на другой же день поутру отправиться къ брату и объяснить, но затѣмъ вдругъ разсердился и выговорилъ вслухъ:

— Опять завтра! Нѣтъ, сейчасъ надо идти!

И въ ту же минуту онъ вышелъ изъ своихъ комнатъ, быстро, какъ бы спѣша, прошелъ домъ, поднялся по лѣстницѣ и чуть не ворвался въ комнаты брата. Казалось, что онъ приближалъ съ какимъ-то сейчасъ полученнымъ извѣстіемъ, не терпящимъ отлагательствъ. Олимпій, поглядѣвъ на брата, замѣтилъ что-то особенное въ его лицѣ и невольно вымолвилъ:

— Что такое? Случилось что? Наши бариновы да братцевы опять передрались?

И онъ разсмѣялся.

— Если какое, Аркадій, побойце, то плюнь! Послѣднее! Отвѣчаю тебѣ головой, что больше на Высоксѣ бариновыхъ да братцевыхъ не будетъ. Сейчасъ прикажу всѣхъ подравшихся выгнать изъ Высоксы вонъ, хотъ на поселеніе.

— Нѣтъ, братецъ, ничего такого нѣтъ! — выговорилъ Аркадій. — Я пришелъ вамъ сказать... Вотъ теперь скоро мое совершеннолѣтіе, а я такъ положилъ, что какъ мнѣ двадцать одинъ годъ минетъ, такъ я сейчасъ женюсь...

Олимпій широко раскрылъ глаза и глядѣлъ, ожидая, что дальше будетъ.

— Ну, такъ что же? — выговорилъ онъ въ виду молчанія брата.

— Ну, вотъ я и рѣшилъ вамъ сказать... Оно все-таки брату знать нужно. Какъ мнѣ минетъ двадцать одинъ годъ, такъ сейчасъ же я и вѣнчаюсь хочю.

— И хорошее дѣло! Да только успѣемъ ли мы невѣсту найти?— усмѣхнулся Олимпій.

— Невѣста есть, братецъ! Особа, которая ужъ сколько лѣтъ почитается мной моею нареченной. Особа, которая всѣми находима прелестной. Ты самъ часто сказывалъ, что она— писанная красавица, золотое сердце и ума несравненнаго. Я хочу жениться на Сусаннѣ Денисовнѣ.

Олимпій покачалъ головой и послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія произнесъ укоризненно:

— Какъ, братецъ, тебѣ нестыдно! И всегда-то ты былъ не особливо прытокъ, но все жъ таки дурашныхъ затѣй у тебя не бывало. И вдругъ этакую чепуху надумать! И кто это тебя науськалъ? Ванька Змглодь, что ли?

— Никто меня, братецъ, не науськивалъ? Я же вамъ говорю, что ужъ сколько лѣтъ, какъ я порѣшилъ, что Сусанна Денисовна будетъ моею женою. И только она одна можетъ быть моею женою. Ни на комъ другомъ я никогда не женюсь. А если я такъ порѣшилъ, то чего же ждать? Какъ вотъ выйдетъ мнѣ совершеннолѣтіе, такъ я съ ней и повѣнчаюсь.

— И никогда этого не будетъ!— отозвался Олимпій рѣзко.

— Какъ не будетъ?

— Да такъ... Не будетъ!

— Почему же не будетъ?... воскликнулъ Аркадій.

— А потому, что не должно быть! Потому что это срамота! И я не допущу! Хотя я не отецъ тебѣ, а братъ, но я не допущу тебя срамить ту же фамилію, которую я самъ ношу! Въ чемъ другомъ я тебѣ перечить не стану. Все, что ты пожелаешь, сдѣлаю, помогать буду. Но въ этомъ дѣлѣ не только не буду помогать, но всячески воспротивлюсь. Во всякомъ другомъ дѣлѣ честь нашей фамиліи будетъ не замарана, какія бы ты колѣна ни выкидывалъ. А этакъ срамить насъ, Басманъ-Басановыхъ...

— Какой же тутъ срамъ? И понять нельзя!..

— Да кто онъ, этотъ Змглодь? Полутурка! Тотъ же холопъ дѣдушкинъ. Не крѣпостной, а вольный, но все-таки былъ тѣмъ же холопомъ. Не будь шустрымъ, то и въ оберъ-рунты никогда бы не попалъ, а попалъ бы въ камердинеры. Вотъ если бы ты Сусанну Денисовну затѣялъ въ любовницы братъ—иное дѣло. Я бы сказалъ, давай тягаться, кто перетянетъ, ты или я, потому что этакое и мнѣ, пожалуй, пожелалось бы. А чтобы жениться, чтобы Змглодка— дочь полутурки, была здѣсь барыней, такой же, какъ была наша матушка, и называлась такъ же госпожей Басманъ-Басановой... Этакого, Аркадій, дудки, никогда не будетъ!

— Жаль мнѣ, братецъ,—выговорилъ Аркадій тихо, но опять не своимъ голосомъ.—Жаль мнѣ очень, что ты такъ это понимаешь! Стало быть, мы только что помирились, хотѣли было на всю жизнь,

а теперь пуще повздоримъ. Потому что хоть весь міръ Божій перевернется кверху тормашкой, а я на Санѣ женатъ буду!

— Скажите на милость!—отозвался Олимпій и, разведя руками, невольно разсмѣялся.

— Да! Вотъ увидите!—вскрикнулъ Аркадій.

— И откуда это вдругъ у него прыти набралось?—произнесъ Олимпій, какъ бы обращаясь не къ брату, а къ себѣ самому.—Просто фокусникъ! Слышишь—и ушамъ не вѣришь!

— Правду ты сказываешь. У меня никогда никакой прыти не бывало, потому что не хотѣлъ я ее имѣть. А вотъ теперь захотѣлъ! Какая охота вздорить съ людьми изъ-за пустяковъ? Лучше сохранять спокойствіе духа. А вотъ когда васъ зарѣзать хотятъ, такъ тутъ съ покойнымъ духомъ не будешь! Тутъ самъ полѣзешь съ ножомъ!

— Это-ты-то съ ножомъ полѣзешь?!—расхохотался Олимпій.

— Да еще какъ, братецъ! Пошибче много отважнаго!

— Ну, буде, братъ, пустомельствовать! Мнѣ не время! Сейчасъ идти засѣдать съ этими чертями и о долгахъ разсуждать. Хочешь собираться жениться, ну, и собирайся! До сборовъ твоихъ никому никакого дѣла нѣтъ. А вотъ, когда ты совсѣмъ спятишь съ ума и захочешь ѣхать въ храмъ... Ну, тебя тогда возьмутъ и запрутъ!

— Кто же это?—вскрикнулъ Аркадій.

— Да хоть бы я!..

Аркадій измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ, хотѣлъ заговорить, но голосъ его задрожалъ.

— Ну, ступай, ступай!—произнесъ Олимпій. — Нечего злиться! Отъ этой злости только раскиснешь и развоешься.

— Да какъ ты смѣешь со мной такъ говорить!—вдругъ, наступая на брата, заоралъ Аркадій на весь домъ.

Олимпій превратился въ истукана... Онъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ, отступилъ на одинъ шагъ и совершенно не вѣрилъ, во снѣ или на яву видитъ онъ и слышитъ.

— Я тебѣ сто разъ горло перерѣжу, прежде чѣмъ ты, злая собака, высокскій развратитель, злодѣй, убійца Гончаго...

Аркадій наступилъ еще два шага на брата, а Олимпій снова понявился въ томъ же состояніи оцѣпенѣнія. Но затѣмъ онъ увидѣлъ, что братъ схватилъ себя самъ за горло. Дѣйствительно, Аркадій едва переводилъ дыханіе и чувствовалъ, что сейчасъ задохнется. И онъ вдругъ махнулъ рукой на брата и пошелъ изъ комнаты нетвердыми шагами, пошатываясь, какъ слегка пьяный.

Олимпій совершенно невольно, безсознательно двинулся за братомъ и глядѣлъ, какъ тотъ шелъ по сосѣдней комнатѣ, потомъ по коридору и тоже прошелъ за нимъ, все глядя и все спрашивая себя:

— Что это? Кто это? Если это Аркадій, то не сошелъ ли онъ съ ума? Если онъ не спятилъ, то что же это? Откуда же взялся

этотъ Аркадій? И что же будетъ теперь? Съ этакимъ Аркадіемъ вмѣстѣ владѣть всѣмъ состояніемъ и управлять имъ?

И когда братъ его исчезъ, Олимпій остановился среди большого коридора. Если бы кто либо увидѣлъ его въ эту минуту, стоящаго опустивъ голову, разводя руками, то, конечно, подивился бы и ничего не понялъ.

Впрочемъ, придя въ себя черезъ нѣсколько мгновеній, Олимпій удивился, что стоитъ среди коридора, и не зналъ, зачѣмъ онъ здѣсь, почему сюда попалъ. Онъ озирался. Затѣмъ, придя окончательно въ себя, онъ вернулся въ свой кабинетъ и черезъ нѣсколько минутъ былъ снова спокоенъ.

«Стало быть, — думалось ему, — по пословицѣ «въ тихомъ омутѣ черти водятся»! Но какіе черти? Чертенята, бѣсенята, такіе, что баба клюкой десятокъ перехлопаетъ заразъ! Самъ разозлился, да самъ же и задохся. И теперь, поди, плакать учнегъ. Не этакіе страшны! Не тотъ страшень, кто съ ножомъ на тебя бросается, со стола его схвативши, а тотъ, кто при этомъ ножѣ тайкомъ ходитъ.

Но послѣ нѣсколькихъ минутъ спокойствія Олимпій въ свой чередъ почувствовалъ медленный, но сильный приливъ гнѣва. И гнѣвъ не крикливый, не озорной, а спокойный. Отъ такого гнѣва не задохнешься, а другого тихо задушишь.

Просидѣвъ въ раздумьи около часу, онъ чувствовалъ себя еще болѣе озлобленнымъ.

XX.

Много передумавъ о неожиданномъ объясненіи съ братомъ, Олимпій пришелъ къ искреннему убѣжденію, что Денисъ Ивановичъ давнымъ давно мѣтилъ на простофилю брата и искусно подготовилъ все.

— А почему, — думалъ онъ, — братъ, не дождавшись даже своего совершеннолѣтія, явился объяснить свою дурацкую затѣю? Очень просто.

Змглодь прослышалъ или почувалъ, что онъ, Олимпій, хочетъ теперь обратить свое особенное вниманіе на его дочь Сусанну. Вѣроятно, Змглоды догадались, что покуда онъ не былъ полно-властнымъ владѣльцемъ своего состоянія и былъ подъ опекой, то не рѣшался дѣйствовать открыто относительно дѣвушки, которая ему тоже давно нравилась. Теперь же все перемѣнилось. Не нынче — завтра опеки никакой не будетъ, и ему стѣсняться уже не приходится. Конечно, Змглоды — не крѣпостные, а вольные, но они живутъ въ Высокѣ, и на нихъ привыкли смотрѣть, какъ на принадлежащихъ къ заводамъ и, слѣдовательно, подвластныхъ Басановымъ.

— Да, наконецъ, это такое дѣло, что до суда не доходитъ,— усмѣхнулся Олимпій.— Это не смертоубійство.

Разумѣется, прежде всего онъ пожелалъ разсказать невѣроятное приключеніе своему любимцу Михалису и тотчасъ же послалъ за нимъ. Когда Михалисъ явился, то нашелъ Олимпія уже нѣсколько спокойнымъ. Узнавъ о приключившемся, Михалисъ удивилъ своего патрона тѣмъ, что былъ нисколько не удивленъ.

— Этого слѣдовало ожидать; Олимпій Дмитріевичъ! Я такъ давно полагаю! Аркадій Дмитріевичъ именно такой человѣкъ... Совсѣмъ не такой, какъ вы. Вы швыряетесь направо и налево, все мѣняете свои любовныя прихоти. А у него, поди, лѣтъ съ четырнадцати, съ пятнадцати застряла въ головѣ Сусанна Денисовна, да по сю пору и торчитъ. И поэтому, конечно, онъ никогда ни на комъ не женится, кромѣ нея. Теперь не допустите, онъ послѣ женится.

— Послѣ?—выговорилъ Олимпій, подсмѣиваясь.—Послѣ меня... Михалисъ не понялъ и удивленно смотрѣлъ.

— Какъ послѣ васъ?—выговорилъ онъ.

— Да такъ! Нешто онъ захочетъ на ней жиниться послѣ того, что она станетъ моей любовницей?

Михалисъ помолчалъ, потомъ потрясъ головой и произнесъ едва слышно:

— Напрасно! Есть кого можно трогать, а есть кого и нельзя...

— Какъ это?

— Такъ, Олимпій Дмитріевичъ!

— Что же это? Стало быть, Змглодовъ мнѣ не трогать? Бояться турки? Холопа?

— Дѣло не въ холопствѣ и не въ Турціи. А говорю я вамъ: есть кого можно трогать, а есть кого и нельзя! Дениса Ивановича трогать опасно. Себѣ дороже выйдетъ! Не стоитъ того изъ-за смазливой дѣвчонки свою жизнь подвергать опасности. Змглодъ за свою дочь зарѣзать можетъ.

— Ну, это, Платонъ, такъ сказывается! Рѣзать не такъ-то легко, да и не меня. Аркашку можетъ зарѣзать, какъ курицу, кто захочетъ. Ну, а меня пускай кто попробуетъ. Я и не съ такимъ, какъ этотъ полутурка, потягаюсь!

— Напрасно, Олимпій Дмитріевичъ! Если хотите мнѣ вѣрить, то бросьте эту затѣю. Мало ли у васъ тутъ этого добра было, да и будетъ опять? Вотъ только за послѣднее время вы что-то притихли, перестали гоняться за бабьемъ... Надоѣли, что ли?

— Какъ? Какъ?—почти вскрикнулъ Олимпій.—Не пойму я, что ты говоришь?

— Я говорю, что у васъ столько перебивало прихотей, что вамъ Сусанна Денисовна, какая ни на есть красавица, не на рѣдкость.

— Нѣтъ, не то, не то! Ты сказалъ, что вотъ это все время я притихъ!—разсмѣялся Олимпій.

— Да, я сказываю, что вотъ за это все время, съ зимы, вы бросили гоняться за нашими высокскими дѣвицами, и никакой новой пріятельницы у васъ не было. Надоѣло, должно быть, или отдыхъ какой себѣ положили. Или дѣла что ли смущаютъ заводскія.

— Такъ по-твоему, Платоша, я съ зимы никакой прихоти не имѣлъ?

— Такъ сдается.

— Ахъ, ты шутъ гороховый! — вскрикнулъ Олимпій. — Всѣ вы вотъ таковы, одинъ глупѣе другого... А куда же я верхомъ-то пропадалъ? Ты же самъ обижался, что я не сказываю, куда ѣзжу. Забылъ что ли?

— Не забылъ, да только догадался, куда вы отлучались.. И знаю теперь, что это дѣло было не любовное, а заводское.

— Заводское?!

— Да! И понятно... Зачѣмъ вамъ въ своей какой прихоти укрываться? Никто вамъ въ этомъ перечить не станетъ. Все, что у васъ было, всегда было на виду. Послѣ всякой новой пріятельницы на другой же день вся Высокса знала: кто она, знала даже, надолго ли. Лучше васъ знала! Помню, что про Пашку Барабанову вся Высокса сказала: «ну, эта на три дня!» Такъ и вышло, на три дня! Стало быть, если вы никогда не таились, то съ какого чорта стали бы теперь таяться? Да-съ, вотъ что! Вы думаете, я—дуракъ! Вы вдумали верхомъ уѣзжать невѣдомо куда черезъ заборъ садовый, что разбирали вамъ. И это я знаю! Да и не я одинъ, потому что вы всѣ огороды дворовыхъ потоптали конскими ногами! И ѣздили вы въ лѣсъ, по дорожкѣ, по которой дрова возятъ! Да-съ! А вы дуали, я этого ничего не знаю!

Михалисъ усмѣхнулся и замолчалъ, а Олимпій сидѣлъ, разинувъ ротъ, истуканомъ и какъ будто даже слегка смущенный. И послѣ молчанія онъ выговорилъ голосомъ, слегка доказывавшимъ волненіе.

— Ну, ну... потомъ?

— Что потомъ?

— По дорожкѣ этой куда же я ѣздить?

— Этого я, Олимпій Дмитріевичъ, не знаю, потому что понятно за вами не приглядывалъ. Но говорилъ мнѣ стряпчій изъ Владимира, что яко бы онъ къ вамъ съ какими-то бумагами пріѣзжалъ въ лѣсъ на свиданіе. И вы совѣщались съ нимъ, что предпринять и какъ быть въ виду окончанія опекунства.

— Ай-ай-ай!.. — вдругъ воскликнулъ Олимпій. — Ай, бабушки, вотъ оно что!...

Онъ разсмѣялся, потомъ смолкъ, какъ будто думалъ о чемъ-то, потомъ началъ опять смѣяться и, наконецъ, началъ хохотать.

Михалисъ вытаращилъ на него глаза, и вдругъ ему почудилось, что Олимпій издѣвается надъ нимъ...

XXI.

Однако объясненіе съ братомъ странно подѣйствовало на Олимпія. Чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ болѣе смущался и какъ-то запутывался. Онъ приходилъ поневолѣ къ такимъ выводамъ и заключеніямъ, что самъ дивился. Не только дивился всему, что приходило на умъ, но дивился себѣ самому.

Онъ какъ будто въ себѣ самомъ нашелъ нѣчто, о чемъ не подозревалъ. До сихъ поръ за послѣднія лѣты пять или шесть онъ былъ сугубо тѣмъ, что называлось «бабьимъ угодникомъ». Онъ постоянно влюблялся и былъ настолько же непостояненъ и прихотливъ, насколько быстро увлекался.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ясно сознавалъ, что всѣ его любовныя похождения не имѣютъ для него никакого значенія, и онъ собственно не можетъ любить такъ, какъ другіе. Каждый разъ, что онъ сходилъ вновь, онъ тотчасъ чувствовалъ, что это опять прихоть, что онъ просто совсѣмъ не способенъ сердечно привязываться къ женщи́нѣ.

Между тѣмъ была въ Высокѣ одна личность, которая ему давнымъ давно крайне нравилась и нравилась какъ-то иначе. Ему казалось, будто эту дѣвушку онъ могъ бы полкбить надолго. Но онъ не зналъ, почему ему такъ кажется. Потому ли, что она дѣйствительно изъ ряда вонъ привлекательна, или же потому, что именно она-то одна для него и недосягаема, среди всѣхъ женщинъ Высокы.

Личность эта была красавица дочь Змглода. Общее мнѣніе и отношенія всѣхъ къ ней оправдывали чувство Олимпія. Дѣйствительно, она была въ Высокѣ и, пожалуй, даже во всемъ округѣ, самой красивой, самой умной и, кромѣ того, отъ природы получила даръ нравиться и молодымъ и старикамъ.

И каждый разъ, что Олимпій мѣнялъ свои прихоти, переходилъ отъ одной къ другой, при каждой новой связи какой-то тайный голосъ говорилъ ему:

— А все-таки не она!..

Вмѣстѣ съ тѣмъ молодого человѣка, смѣлаго до дерзости, до олицетворенія собой того, что называется «о двухъ головахъ», не покидала надежда, что когда онъ сдѣлается самостоятельнымъ владѣльцемъ Высокы вмѣстѣ съ братомъ, онъ можетъ дѣйствовать смѣлѣе и, конечно, не побоится полутурки, смирить его и своей дерзостью, и большими деньгами. Онъ дастъ Сусаннѣ Денисовнѣ

такой кушъ, что у нея явится большое приданое, и она потомъ можетъ отлично выйти замужъ.

За это послѣднее время онъ ухаживалъ за Сусанной, былъ къ ней всегда особенно ласковъ и даже нѣженъ. Онъ видѣлъ точно также, что и братъ влюбленъ въ нее, но онъ считалъ Аркадія неспособнымъ даже и на любовь. Соперникомъ своимъ онъ не могъ его считать. Онъ побоялся бы всякаго другого молодого человѣка, который сталъ бы увиваться около красавицы, но этотъ простофія былъ, конечно, не страшнъ.

И вдругъ теперь сразу онъ узналъ, что этотъ простофія побѣдилъ его, не задумалъ то же, что и онъ — взять красавицу, какъ наложницу, а задумалъ жениться. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ будто теперь только вполнѣ ясно понялъ, какъ онъ относится къ молодой дѣвушкѣ. Теперь какъ будто оказывается, что у него къ ней какое-то новое чувство, котораго онъ никогда не испытывалъ.

— Неужели же я ее люблю такъ же, какъ и другіе люди любятъ? Такъ, какъ я считалъ себя неспособнымъ любить? — спрашивалъ онъ себя и дивился себѣ.

Оказывалось ясно, положительно, само собой, что онъ любитъ «Змглодушку», душою и сердцемъ привязанъ къ ней. И узналъ онъ это только въ ту минуту, когда явилась угроза, что запретный плодъ такъ и останется запретнымъ на всю жизнь. А представить себѣ теперь Сусанну Денисовну невѣсткой, женой брата онъ совершенно не могъ. Онъ возмущался...

И когда вдругъ онъ вообразилъ себѣ, какъ Аркадію женится, какъ явится въ домъ эта невѣстка, будетъ ежедневно у него на глазахъ, а затѣмъ появится на свѣтъ ея ребенокъ, Олимпій вдругъ треснулъ кулакомъ по столу и закричалъ дико и отчаянно:

— Никогда!.. На все пойду!..

И, подумавъ нѣсколько мгновений, онъ прибавилъ:

— На все!.. Какъ есть на все!..

И въ эти слова «какъ есть на все» онъ мысленно включилъ и убійство брата, и собственный бракъ съ Сусанной. Говоря «все», онъ дѣйствительно рѣшался на все.

Но задавъ себѣ вопросъ, что теперь дѣлать, и скорѣе, онъ пришелъ къ убѣжденію, что одному дѣйствовать нельзя. Нужно найти помощника отважнаго и умнаго.

Разумѣется, таковой былъ подъ рукой, уже доказавшій свое искусство на темныя и страшныя дѣла. Онъ былъ виноватъ передъ этимъ человѣкомъ, но вину свою не считалъ великой, ибо вполнѣ поправимой. Такой малый, какъ Платонъ Михалисъ, за деньги продалъ бы родныхъ отца и мать, а слѣдовательно, деньги и не очень большія вполнѣ утѣшатъ его въ томъ, что приключилось съ его сестрой. И хотя онъ какъ-то даже удивительно обожаетъ Тоньку, но деньги ему дороже.

Одно обстоятельство немного смущало Олимпія. Чтобы побѣдить глупенькую, но оказавшуюся довольно упрямой, Тоньку, онъ пошелъ на крайнее средство — на обманъ. Онъ обѣщался ей жениться на ней, какъ только минетъ совершеннолѣтіе брата, и онъ сдѣлается самъ независимымъ отъ опеки. Дѣвушка повѣрила и сдалась.

Изъ своего разговора съ Михалисомъ о томъ, что онъ за послѣднее время никакой женщиной не занятъ, Олимпій убѣдился, что Тонька не обмолвилась не единымъ словомъ съ братомъ объ ихъ отношеніяхъ. Почему знать, можетъ быть, она изъ боязни брата и совѣмъ промолчитъ, утѣшится и выйдетъ замужъ за кавказца Абашвили, который въ нее влюбленъ.

Во всякомъ случаѣ, Олимпій рѣшилъ тотчасъ же начать дѣйствовать, что либо предпринимать, что либо затѣвать. Ему пришло на умъ, что Аркадій, этотъ новый Аркадій, котораго онъ какъ бы вновь узналъ, способенъ, конечно, при содѣйствіи всей семьи Змлода, вдругъ тайно обвѣнчаться съ Сусанной даже до своего совершеннолѣтія. И тогда все еще болѣе запутается. Онъ, Олимпій, захочетъ все-таки добиться своей цѣли. А она будетъ уже не Змлодушка, а будетъ г-жа Басманъ-Басанова. Теперь дѣло мудреное, а тогда будетъ преступное.

Въ тотъ же вечеръ Олимпій, оставшись наединѣ со своимъ наперсникомъ, объяснилъ ему все и даже подробно, даже искренно, не скрывая и того новаго чувства, которое самъ въ себѣ нашелъ. Горячо объясняя и доказывая Михалису, что онъ серьезно любитъ Сусанну Денисовну, что самъ этого не знаетъ и только теперь почувствовалъ, Олимпій, одновременно, какъ бы себѣ самому, окончательно разъяснилъ все и увидѣлъ ясно, что онъ самъ въ себѣ не ошибается.

Кончилось тѣмъ, что онъ далъ слово Михалису, что если дѣло не удастся, то онъ положительно готовъ на то же, на что давно рѣшился братъ.

— Да, Платонъ... Пойми это! Помогай мнѣ на всѣ лады! Добьемся—я тебя озолочу, не добьемся—дѣлать нечего... Поѣду вѣнчаться въ церковь!

И молодой человѣкъ говорилъ это искренно. Рѣшеніе же это еще болѣе утвердилось въ немъ, когда онъ увидѣлъ, что Михалисъ нисколько не удивленъ, напротивъ того, понимаетъ все и оправдываетъ все.

— Что же, Олимпій Дмитріевичъ,— рѣшилъ Михалисъ,— самое простое дѣло! Я полагалъ, что вы никогда не женитесь, потому что неспособны любить одну и ту же женщину. По природѣ измѣнчивы. Но если вы можете любить, какъ всѣ другіе люди, то ужъ, конечно изъ всѣхъ, кого мы знаемъ, можно любить вамъ только одну Сусанну Денисовну. И если жениться вамъ, то опять-таки на ней.

Кто же, кромѣ нея? Никого нѣтъ! И во Владимірѣ нѣтъ! Развѣ вамъ въ Москву да въ Питерь ѣхать искать невѣсту? То—другое дѣло. Но отъ добра добра не ищутъ! А что Сусанна Денисовна будетъ барыней Басманъ-Басановой такой, какой и не бывало еще, такой, которая, извините за правду, будетъ поважнѣе, покраше и подостойнѣе даже самой вашей матушки Дарьи Аникитишны, то въ этомъ и сомнѣваться нельзя! А что она, можетъ быть, опостылѣетъ вамъ послѣ, и будете вы раскаиваться, что женились, то этого впередъ рѣшить нельзя. Можетъ, такъ и будетъ. Но не въ томъ дѣло. И на другой женитесь, то же будетъ еще скорѣй. Я полагаю, что Сусанна Денисовна дольше заставитъ васъ себя любить, чѣмъ какая иная. А потомъ, когда надоѣстъ она, и приметесь вы за старое, то барыня въ Высокѣ все-таки останется красавица и умница, которую всѣ будутъ любить и уважать. Да, вотъ мой вамъ совѣтъ, Олимпій Дмитріевичъ, ужъ коли жениться вамъ, то, конечно, на ней. Болѣе подходящей нѣтъ!

— Ладно, рѣшено!..—весело воскликнулъ Олимпій и прибавилъ:—ну, а покуда какъ? Покуда что дѣлать?

— Покуда, понятно, постараться обойтись безъ храма Божія. А какъ?—надо подумать. Я вамъ говорилъ, что со Змглодомъ, Денисомъ Ивановичемъ, шутки плохія! Надо подумать да подумать! И главное надо теперь держать ухо остро и глядѣть въ оба, что будетъ затѣвать и дѣлать Аркадій Дмитріевичъ. Я тому вѣрить не могу, чтобы онъ яко бы оказался какой-то бѣшеной собакой. А если и вель себя этакъ, то это прозывается фырканьемъ. Знаете, дворной песь, который страшно заливается, лаеетъ, рѣдко кусается, а опаснѣе тотъ песь, который, не таякнувъ, умѣетъ цапнуть.

XXII.

Въ тотъ же вечеръ Михалисъ былъ встревоженъ, а затѣмъ сталъ сумраченъ. Тонька заговорила съ братомъ по поводу слуховъ, которые стали уже бѣгать по всей Высокѣ, о новой стычкѣ между двумя недавно помирившимися братьями, но уже не изъ-за заводовъ, а изъ-за чего-то другого. Михалисъ, почти все говорившій откровенно сестрѣ, рассказалъ ей и свой разговоръ съ Олимпіемъ. И онъ былъ сильно озадаченъ, а затѣмъ и опечаленъ тѣмъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, о которомъ и не подозрѣвалъ.

Молодая дѣвушка, узнавъ, что Олимпій Дмитріевичъ давно влюбленъ въ Змглодушку, да еще настолько, что сознаетъ себя способнымъ на ней жениться, поблѣднѣла, замерла, а затѣмъ чуть не лишилась чувствъ. На опросы встревоженнаго Михалиса обожаемая имъ сестренка созналась, горько плача, что она влюблена уже съ годъ въ Олимпія.

Михались не сталъ разспрашивать ее, какъ это приключилось, и изумлялся только тому, что онъ ограничился подозрѣніемъ, когда Тонька упорно отказалась выходить замужъ за Абашвили. Конечно, онъ тотчасъ же мысленно упрекнулъ себя въ томъ, что якобы недостаточно обращалъ вниманія на сестру.

Надо было быть съ ней откровеннѣе, приучить ее, чтобы она приходила все сказывать про себя. Тогда онъ узналъ бы объ ея всыпикѣ сердечной на первыхъ же порахъ и могъ бы, конечно, такъ или иначе спасти ее отъ безцѣльной привязанности. Разумѣется, слава Богу еще, что она только влюбилась, и что онъ не воспользовался этимъ. Спасибо, что онъ первый наперсникъ Олимпія Дмитріевича, а она—его сестра. Иначе, конечно, и Тонька попала бы въ число его прихотей.

— Вотъ тогда-то каково бы было? Помилуй Богъ!—восклицалъ Михались и, представляя себѣ подобное, онъ съ испугомъ хватался за голову.

На вопросы сестры, что значить это повторяемое восклицаніе, Михались ничего не отвѣчалъ. Онъ не хотѣлъ даже мысли подать сестренкѣ о томъ, какой опасности она подвергалась бы, если бы не была его сестрой.

Разумѣется, Михались сталъ всячески усовѣщивать дѣвушку, что ея привязанность—простая дѣвическая глупость. Надо стараться скорѣе забыть и думать объ Олимпіи Дмитріевичѣ. Она ему не пара, а идти къ нему въ любовницы на нѣсколько мѣсяцевъ повело бы только къ чему нибудь страшнѣйшему.

Простившись съ сестрой, отправивъ ее спать, Михались собрался было тоже лечь, но былъ настолько смущенъ, что вышелъ на воздухъ прогуляться. Эта сестренка была настолько дорога ему, что онъ чувствовалъ ея горе точно такъ же, какъ и она. Его сердце заныло съ тѣхъ поръ, что онъ узналъ, что и ея сердечко ноетъ.

«И какъ я не видалъ ничего? Какъ я допустилъ?» — думалъ Михались.

Онъ утѣшался тѣмъ, что, конечно, мѣсяца въ три все это пройдетъ. Если Тонька будетъ черезчуръ тосковать, то онъ возьметъ ее, и они поѣдутъ во Владиміръ, а то и въ Москву. Онъ сталъ размышлять о томъ, что Тонька еще такая молоденькая, почитай, еще дѣвочка, что, конечно, живо забудетъ Олимпія Дмитріевича. И если не полюбитъ того же Абашвили, то полюбитъ иного кого, выйдетъ замужъ и будетъ счастлива.

«Только одно обидно,—думалъ Михались,— что теперь-то моя Тонюшка горюетъ. А помочь я не могу...»

На утро, проснувшись и встрѣтившись съ сестрой, Михались ахнулъ... Никогда не видалъ онъ свою Тоньку такою. Дѣвушка за одну ночь перемѣнилась, какъ люди мѣняются развѣ за недѣлю. Она очевидно не спала, главъ не смыкала и проплакала всю ночь.

Но это было еще не все... Въ лицѣ ея была не простая дѣвичья печаль, было даже не простое большое горе, а было что-то еще пуще, худшее, что-то страшное. Отчаяніе до потери разума было написано на лицѣ ея. Взглядъ ея красивыхъ глазъ, которые еще вчера утромъ блестѣли дѣвичьимъ блескомъ, сегодня былъ иной. Эти глаза сразу потухли и мгновеніями смотрѣли будто неразумно.

Михалисъ испугался. Оказывалось, что сестренка была старше своихъ лѣтъ сердцемъ, что ея чувство было не ребяческое увлеченіе, а истинное, глубокое. Не въ одинъ мѣсяць утѣшится такая, а давай Богъ въ годъ, въ два, забыть все и начать снова жизнь.

Михалисъ проходилъ цѣлый день сумрачный. Когда Олимпій снова заговорилъ съ нимъ о своей заботѣ, то онъ отвѣчалъ, что еще ничего не надумалъ, а про себя сказалъ:

«Не до того мнѣ! Не до твоихъ затѣй! Да и чувства мои къ тебѣ, дьяволу, пережѣнились. Хоть и не виноватъ ты, что Тонька изъ-за тебя горюетъ, а все-таки изъ-за тебя.»

И дѣйствительно, у Михалиса первый разъ въ жизни сразу явилось къ его покровителю непріязненное чувство. Убѣжденный, что Олимпій ни на волосъ не виноватъ въ горѣ сестренки, онъ все-таки относился къ нему враждебно.

Прошло два дня, и вечеромъ довольно поздно весь большой домъ всполошился... Въ комнатахъ, гдѣ жилъ Михалисъ съ сестрой, раздались такіе отчаянные крики, какъ если бы кого либо рѣзали. Первымъ прибѣжалъ жившій по сосѣдству князь Абашвили и, распахнувъ настежь двѣ двери, сдѣлалъ то, что отчаянные вопли разнеслись еще громче по всему дому. Но Абашвили тотчасъ же выскочилъ изъ комнатъ назадъ и сталъ звать на помощь. Дежурная дюжина бросилась на его зовъ, нѣкоторые изъ нахлѣбниковъ, собиравшіеся ложиться спать, тоже побѣжали на крикъ.

Оказалось, что Платонъ Михалисъ бьется, чуть не катается на полу комнаты и кричитъ, какъ помѣшанный, дикимъ голосомъ, съ лицомъ бѣлѣ полотна. И не только онъ бьется объ полъ, а рветъ на себѣ волосы, бьетъ себя въ голову, въ лицо и въ грудь кулаками. И бьетъ себя такъ нещадно, что самъ себя одурманилъ туманами. Тонька сидитъ въ углу, въ креслѣ, уткнувшись лицомъ въ ладони, и ничего не предпринимаетъ, къ брату не подходитъ, а сама тоже будто обезумѣла.

Собравшаяся толпа на всѣ опросы никакого отвѣта не получила ни отъ брата, ни отъ сестры. Молодую дѣвушку увели въ ея комнату, положили въ постель, такъ какъ она казалась хворой. Но ни на одинъ вопросъ, къ ней обращенный, дѣвушка не отвѣтила ни единымъ звукомъ.

Платона Михалиса тоже чуть не силкомъ подняли съ пола и усадили. Онъ постепенно успокоился, стихъ, но сидѣлъ на креслѣ, качаясь изъ стороны въ сторону, какъ если бы мучился отъ болѣй

въ тѣлѣ. Онъ тяжело дышалъ, изрѣдка стоналъ, потомъ вдругъ снова вскрикивалъ, какъ прежде, снова сжималъ кулаки, собираясь начать себя бить въ голову и въ лицо. И его надо было схватить за руки. Затѣмъ понемногу онъ успокоился совсѣмъ и сталъ просить всѣхъ уйти. На вопросы, что приключилось, онъ отвѣтилъ только одинъ разъ:

— Получили мы съ сестренкой вѣсть изъ Владиміра страшнѣющую!

Когда всѣ ушли, и остался лишь одинъ близкій другъ, Абашвили, Михалисъ вдругъ ухватилъ его за плечи, впился въ рукава его скюртука судорожнымъ движеніемъ, такъ что пальцы его захрустѣли, и потащилъ его. Рванувъ его на себя и будто не понимая, что дѣлаетъ, онъ заставилъ князя опуститься на колѣни около кресла. И въ ту же минуту Михалисъ, принавъ къ нему на грудь, повисъ головой на его плечѣ и началъ всхлипывать, какъ малый ребенокъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній Абашвили тоже вскрикнулъ. Михалисъ въ трехъ словахъ сказалъ ему то, что самъ въ немногихъ словахъ узналъ отъ сестры.

Тонька, задавленная своимъ горемъ, созналась брату въ этотъ вечеръ, что она уже мѣсяца четыре состоитъ очередной любовницей Олимпія Дмитриевича.

Поѣздки въ лѣсъ по заводскимъ дѣламъ теперь Михалисъ по-нял!

Горе усугублялось чувствомъ ненависти и омерзѣнія къ извергу, который даже его, своего ближайшаго друга, не пожалѣлъ... Единственное, что у него—Михалиса—на свѣтѣ было, и то Олимпій Дмитриевичъ вырвалъ у него изъ рукъ, какъ сытый можетъ вырвать кусокъ хлѣба изъ рта у голоднаго.

— Что теперь дѣлать? Что теперь дѣлать?—тихо, непрерывно повторялъ Михалисъ.

— Да, спустить такую обиду нельзя!—отозвался наконецъ Абашвили.—И знай, Платонъ, что я съ тобой! Что ты рѣшишь, на то и я пойду! У тебя сестру отняли, а у меня... ты знаешь кого. Я все надѣялся, что она когда нибудь полюбитъ меня. И я бы за всю мою жизнь обожалъ ее до послѣдняго издыханія... Но теперь, теперь...

Абашвили не договорилъ и махнулъ рукой.

XXIII.

Черезъ два дня вся Высокса пораженная толковала уже о другомъ, не менѣе удивительномъ приключеніи.

Барышня Сусанна Юрьевна вдругъ среди дня явилась въ переднюю и, обратясь тихо и ласково къ дежурной дюжинѣ, спросила:

— Не прїѣзжалъ еще Онисимъ Абрамовичъ?

Дежурные, остолбенѣвъ, стояли недвижно, тараща глаза, и молчали. Она повторила тотъ же вопросъ и такъ же кротко... А затѣмъ среди всеобщаго изумленнаго молчанія двинулась и сѣла около нихъ на ларь... Было видно, что она не знаетъ, гдѣ она, да и за-была, что спрашивала.

Одинъ изъ дежурныхъ бросился бѣжать съ удивительной вѣстью къ Олимпію Дмитріевичу. Молодой баринъ, нисколько не взволновавшись, съ усмѣшкой двинулся въ переднюю, но засталъ тетушку уже уходящей. Вѣрнѣе, ее уводили. Старуха Угрюмова и горничная, которымъ тоже дали знать о приключеніи, пришли за барышней и позвали ее. Сусанна Юрьевна встала и тотчасъ послушно двинулась за ними.

Олимпій, смѣясь, заставилъ себѣ снова все рассказать подробнѣе, а затѣмъ махнулъ рукой и ушелъ.

У него была впрочемъ своя забота и поважнѣе. Да къ тому же онъ былъ, какъ безъ рукъ, безъ своего главнаго наперсника.

Несмотря на всякаго рода сумятицу въ домѣ, на обострившіяся отношенія двухъ молодыхъ людей, а за ними и двухъ лагерей— «бариновыхъ» и «братцевыхъ», главный коноводъ его партіи, Платонъ, безвыходно сидѣлъ въ своей комнатѣ. Онъ сказался больнымъ и настолько, что якобы не могъ явиться къ Олимпію на его зовъ.

Впрочемъ, Михалисъ былъ дѣйствительно боленъ, и если у него не было никакой особенной болѣзни, то было страшное нравственное потрясеніе. Каждый разъ, что въ его воображеніи возставалъ обликъ молодого Басанова, какая-то дрожь пробѣгала по спинѣ, и кулаки сжимались.

Михалисъ понялъ, что надо прежде вполне овладѣть собой, а затѣмъ уже войти въ прежнюю колею жизни.

На другой день послѣ признанія сестры и припадка, который сдѣлался съ нимъ, онъ, проклинавшій ее наканунѣ, снова отнесся къ ней съ прежней нѣжностью и горячностью, ласкалъ и цѣловалъ ее болѣе, чѣмъ когда либо, прося у нея прощенія за свои бессмысленныя слова.

Онъ понялъ, что его Тоньку прощать не въ чемъ, она ни въ чемъ ни виновна. Вся вина падаетъ на негодня и изувѣра, а затѣмъ и на него самого. Какъ же было не уберечь сестру? Сумѣлъ быть для нея роднымъ отцомъ, сумѣлъ быть когда-то ея нянькой, а не сумѣлъ теперь быть ея защитникомъ отъ развратника.

Въ объясненіе всего происшедшаго Михалисъ рассказалъ всѣмъ, кто приходилъ навѣстить его, что капиталъ, который достался по наслѣдству Тонькѣ и ему, пропалъ, благодаря его неосторожности. Деньги эти были яко бы въ рукахъ у купца владимірскаго, который торговалъ лѣсомъ на Волгѣ, разорился и скрылся. И все до одинаго повѣрили этой выдумкѣ. Князь Абашвили прибавлялъ отъ

себя, что и онъ виновать косвенно, такъ какъ этого купца познакомилъ съ Михалисомъ.

Олимпій вечеромъ, когда ему донесли о чемъ-то странномъ происшедшемъ у Михалисовъ, нѣсколько смутился, догадавшись, что, быть можетъ, Тонька, которою онъ за послѣдніе дни совершенно пренебрегалъ и даже не видалъ, вдругъ призналась во всемъ брату. Но затѣмъ розсказни о пропащихъ деньгахъ успокоили вполне и его.

«Не такая она, чтобы сдуру брату все бухнуть!—рѣшилъ онъ.— Она умная... Да и онъ по сестрѣ не сталъ бы такъ выть и кувыраться. А вотъ деньги—это другое дѣло! Для этого человѣка выше денегъ ничего нѣтъ...»

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Олимпій досадовалъ, что въ эти дни обострившихся отношеній съ Аркадіемъ у него не было главнаго совѣтника. Всякій день посылалъ онъ внизъ спросить, будетъ ли у него Михалисъ, и всякій разъ получалъ отвѣтъ, что тотъ въ постели, хворать—не хвораетъ, а ноги болятъ, какъ будто отнялись. Тогда Олимпій велѣлъ сказать, что самъ побываетъ у наперсника. Михалисъ взволновался, но дѣлать было нечего.

Вечеру, ожидая молодого барина къ себѣ въ гости, Михалисъ сталъ просить и даже умолять сестру постараться овладѣть собой и разыграть ту комедію, которую онъ подготовилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позвалъ на помощь и Абашвили. Всѣ трое должны были вполне убѣдить Олимпія Дмитріевича, что все происшедшее у нихъ и вселопившее весь домъ было послѣдствіемъ потери состоянія.

— Надо, Тоня, чтобы онъ и не подоврѣвалъ, что ты мнѣ все сказала, а иначе все пропало.

Олимпій явился посоветоваться съ наперсникомъ и спросить у него, когда онъ поднимется на ноги, чтобы начать помогать ему. Явившись, онъ удивился, насколько Михалисъ измѣнился, похудѣлъ и главное удивился его странному взгляду. Михалисъ всегда смотрѣлъ далеко не ласково, а теперь взглядъ его сталъ совершенно зловѣщій, лицо сохраняло отпечатокъ крайней озлобленности, даже голось его измѣнился.

Встрѣтившись глазами съ Михалисомъ, Олимпій на минуту усомнился, въ деньгахъ ли дѣло. Не иное ли что? Но затѣмъ явившаяся молодая дѣвушка, самъ Михалисъ и даже князь Абашвили такъ краснорѣчиво разсказали Олимпію Дмитріевичу о своей бѣдѣ, о разорившемся купцѣ, что умный и далеко не простодушный молодой человѣкъ былъ совершенно обмануть.

Черезъ два дня послѣ посѣщенія Олимпія, Михалисъ, поднявшись рано утромъ, объяснилъ другу Абашвили, что онъ чувствуетъ себя отлично.

— Теперь за дѣло примусь!—сказалъ онъ.

И, глядя въ лицо друга, Михалисъ такъ улыбнулся, что Абашвили задумался, а потомъ тихо вымолвилъ:

— Помни, Платонъ. Я помощникомъ твоимъ!

— И во всякомъ дѣлѣ?—спросилъ Михалисъ, сверкая глазами.

— Во всякомъ!

— Какое бы я дѣло ни надумалъ, ты со мной? Вѣрно ли?

— Говорю тебѣ—вѣрно!

— Ну, а если я возьму топоръ да пойду крошить всѣхъ въ Высокѣ, начиная съ дежурной дюжины. Будешь ли со мной?

Абашвили долгимъ взглядомъ, пытливо и пристально всмотрѣлся въ лицо Михалиса, попрежнему сохранявшее отпечатокъ озлобленія, и затѣмъ выговорилъ:

— Буду! Что бы ты ни затѣялъ, я съ тобой! Вѣдь твоя затѣя будетъ за Топю. А она мнѣ такъ же дорога, какъ и тебѣ.

Черезъ часъ Михалисъ былъ у Олимпія и вошелъ бодрый, стараясь придать лицу веселое выраженіе.

— Ну, вотъ отлично! — встрѣтилъ его Олимпій. — Нечего убиваться! Деньги—дѣло наживное. Да я же у тебя и въ долгу за расправу съ Гончимъ.

— Да, Олимпій Дмитріевичъ, воистину вы у меня въ долгу... въ двойномъ!..

И Михалисъ разсмѣялся, но смѣхъ этотъ звучалъ фальшиво.

— Послушайте-ка, что я вамъ скажу!—произнесъ Михалисъ, тряхнувъ головой и подмигивая, какъ бы собираясь начать шутить.

Онъ присѣлъ къ столу ближе къ Олимпію и произнесъ нараспѣвъ:

— Нехорошо, Олимпій Дмитріевичъ! Пріятель, пріятель! Главный пріятель, какъ вы сказывали. А все же вы со мной поступили предательски! Хотя и не Богъ вѣсть какая бѣда, а все-таки не хорошо!

— Что такое?—удивился Олимпій, такъ какъ вся фигура Михалиса не допускала возможности догадаться, о чемъ онъ заговорить сейчасъ.

— А вотъ что, Олимпій Дмитріевичъ: стыдно вамъ было мою сестренку погублять! Вѣдь она мнѣ все сказала.

Олимпій разинулъ ротъ и сидѣлъ озадаченный. Его поразило не то, что Тонька призналась во всемъ, и что Михалисъ знаетъ все. Его поразило, какъ этотъ Михалисъ, обожающій сестру, легко относится къ тому, что должно бы было его собственно заставить горевать.

— Удивились?—заговорилъ Михалисъ.—Неужели же вы думали, что Тонька мнѣ никогда ничего не скажетъ? Понятное дѣло, рано ли, поздно ли должна была признаться. И вотъ что скажу я вамъ: вы должны теперь со мной поквитаться! За вами должокъ, какъ вы говорите, за расправу съ Безрукимъ. А теперь еще должокъ, если не мнѣ, то сестрѣ. И вотъ, если вы хотите, чтобы я продолжалъ вамъ служить вѣрой и правдой и утѣшился, простилъ вамъ вашу

стряпню, то дайте мнѣ сейчасъ же деньги! Теперь, когда все наше за купцомъ пропало, самое время намъ получить другое за наши труды... мои и Тонькины.

И Михалисъ разсмѣялся, но отъ смѣха его покорило Олимпія.

— Хорошо!—отозвался онъ.—Я не отказываюсь! Я тебѣ больше дамъ, чѣмъ ты думаешь, я тебѣ пять, шесть тысячъ дамъ.

— Маловато, Олимпій Дмитріевичъ!

— Покуда шесть тысячъ, а потомъ еще дамъ!

— Нѣтъ, ужъ какъ хотите. Или вы мнѣ дадите десять тысячъ, или я вамъ не слуга!

— Ладно! И на это согласенъ, только служи мнѣ! Теперь самыя бѣдовыя времена, самыя мудренныя. Устрой мнѣ мое дѣло съ Змглюдой, и я съ удовольствіемъ отблагодарю тебя.

— А когда я могу получить обѣщанное?—спросилъ Михаилъ.

— Вотъ какъ все устроится!

— Нѣтъ, Олимпій Дмитріевичъ! Мое послѣднее слово: теперь всѣ дѣла у васъ въ рукахъ и всѣ деньги у васъ. Денегъ въ коллегіи, я знаю, теперь набралось немало. Прикажите тотчасъ же принести себѣ, какъ бывало приказывалъ Онисимъ Абрамычъ, десять тысячъ и передайте мнѣ ихъ изъ рукъ въ руки. А нынче въ вечеру я начну работать, займусь Аркадіемъ Дмитріевичемъ и Змглюдой.

Олимпій слегка колебался.

— Не угодно—какъ угодно! Тогда завтра я соберусь и вмѣстѣ съ сестрой уѣдемъ съ Высоксы. И расправляйтесь вы тутъ одни, какъ знаете!

— Ну, все пустое! Сейчасъ прикажу принести!

И Олимпій, крикнувъ челоуѣка, написалъ два слова на имя коллежскаго правителя. Когда деньги были принесены, Михалисъ перечелъ ихъ, положилъ въ карманъ сюртука и заговорилъ добрѣе и веселѣе:

— Ну, а теперь, Олимпій Дмитріевичъ, пошлите опять въ коллегію, прикажите прислать еще десять! Онѣ есть, я знаю! На этихъ дняхъ пермскій богачъ купецъ страшный кушъ привезъ въ Высоксу. Такъ вотъ пошлите, чтобы еще принесли десять.

— Зачѣмъ?—удивился Олимпій.

— Чтобы мнѣ ихъ отдать!

— Что ты съ ума сходишь?

— Нѣтъ, съ ума не схожу! И вы сейчасъ сами согласитесь. Хотите ли вы быть единственнымъ владѣльцемъ всѣхъ Высокскихъ заводовъ?

— Какъ единственнымъ?...

— Такъ! Просто! Какъ если бы у васъ брата и не было. Хотите вы, чтобы я такъ все устроилъ, что вамъ дѣлиться ни съ кѣмъ не придется?

— Да что же ты хочешь? Похѣрить Аркадія?

— Ни больше, ни меньше.

Олимпій потрясъ головой.

— Какъ же... Родного-го брата?!—проговорилъ Олимпій едва слышно.

— Вонъ какія нѣжности на васъ нашли! Вы подумайте. Вѣдь вы-то будете въ сторонѣ. Приключится несчастный случай съ Аркадіемъ Дмитріевичемъ. Онъ на глазахъ у всѣхъ самъ помретъ. Какъ?—то мое дѣло!

— Ужъ я и не пойму. Какъ же ты это такъ сдѣлаешь?

— Да ужъ это не ваша забота! Говорю вамъ, на глазахъ у всѣхъ самъ помретъ. Никто его пальцемъ не тронетъ. А вы сдѣлаетесь единственнымъ владѣльцемъ, единственнымъ богачемъ на нѣсколько намѣстничествъ. Тогда Сусанна Денисовна, не имѣя въ виду Аркадія Дмитріевича, сама согласится на все. Даю вамъ слово! Она теперь предпочитаетъ Аркадія Дмитріевича, какъ болѣе тихаго. А тогда ей выбора нѣтъ. И вотъ если вы пошлете за деньгами и дадите мнѣ еще десять тысячъ, то вы будете единственнымъ владѣльцемъ всѣхъ заводовъ.

— Ну, нѣтъ, Михались. Такъ нельзя! Надо подумать!

— Извольте! Думайте! Но только предупреждаю—долго думать я вамъ не дамъ. Иначе все дѣло пропадетъ!

— Почему?

— У меня есть сомнѣніе, что Аркадій Дмитріевичъ хочетъ тайнымъ образомъ обвиняться. А углядѣть за нимъ мудрено. Онъ можетъ, не дожидаясь дня рожденія, махнуть въ церковь. Вѣстимо, не въ Высокскѣ. Тогда все и пропало...

XXIV.

Сусанна Юрьевна продолжала безвыходно сидѣть въ своихъ комнатахъ и проводила день въ томъ, что лежала на постели на спинѣ съ открытыми глазами или бродила по комнатамъ безъ цѣли. Лицо ея страшно измѣнилось, и помимо того, что сильно исхудало, въ немъ было нѣчто странное, бросавшееся въ глаза. Ротъ былъ какъ-то бессмысленно раскрытъ, а взглядъ блуждалъ или, останавливаясь изрѣдка на какомъ либо предметѣ, упорно приглядывался къ нему, но безъ смысла. Во взорѣ будто не было сознанія окружающаго.

Казалось, что она ни о чемъ не думаетъ, что она какъ бы спитъ наяву. Изрѣдка она шептала все тѣ же слова и фразы, которыя сорвались у нея въ первый день послѣ катастрофы. Чаще всего она произносила, еле шевеля губами и неразборчиво, иногда же громко и ясно:

— Даже могилы нѣтъ!..

Однажды, проспавъ двѣ-три noci болѣе спокойно, Сусанна Юрьевна объявила, что она будетъ говѣть, исповѣдается и причащается. Нѣсколько дней сподрядъ шла служба въ большой церкви ради нея. Затѣмъ она исповѣдалась ввечеру и, собираясь на утро причащаться Св. Тайнъ въ церковь, попросила обоихъ племянниковъ бытъ въ церкви и приказать быть всѣмъ нахлѣбникамъ и главнымъ дворовымъ.

— Пускай вся Высокса, помимо заводскихъ рабочихъ, будетъ въ храмѣ. Таково мое желаніе!—сказала она.

Дѣйствительно, на утро за обѣдней храмъ былъ полнехонекъ, и не было только однихъ крестьянъ. Канцелярія и коллегія были пусты и заперты, такъ какъ весь наличный составъ начальниковъ и писарей былъ въ церкви. Послѣ причастія и поздравленій, Сусанна Юрьевна, благодаря каждому по очереди, каждого приглашала тотчасъ же въ домъ.

По ея просьбѣ и по приказанію Олимпія, въ большомъ залѣ былъ приготовленъ завтракъ. Около полудня домъ и въ особенности залъ были переполнены высокскими жителями, отъ двухъ молодыхъ господъ и до мелкихъ писарей коллегія включительно. Отсутствовали лишь князь Абашвили, выѣхавшій въ Муромъ, и старикъ Змглодъ отъ обострившейся боли въ ногахъ.

Вниманіе всѣхъ было обращено на барышню Сусанну Юрьевну.

Она казалась всѣмъ странной, взволнованной и со взглядомъ совсѣмъ особеннымъ. Красивые большіе глаза ея горѣли необычнымъ огнемъ, и выраженіе ихъ, да и всего лица, было какое-то озлобленное, будто зловѣщее.

— Что такое?—дивились и перешептывались всѣ.—Совсѣмъ не понятно... Вотъ, вотъ, гляди, что она что нибудь непостижимое выкинетъ.

И чутье людское на этотъ разъ не ошиблось. Не прошло четверти часа, что всѣ сидѣли за столомъ, какъ Сусанна Юрьевна, обратясь къ обоимъ племянникамъ, заговорила твердымъ, почти строгимъ голосомъ:

— Я вотъ, недостойная, исповѣдавшись вчера, приобщилась сейчасъ Святыхъ Тайнъ. И потому приобщилась, что на духу не сказала, не повѣдала батюшкѣ всего, что слѣдовало... Исповѣдуюся я по-христіански, то батюшка не допустилъ бы меня до святого причастія. Но я заглажу свой великій грѣхъ. Покаюсь сейчасъ предъ вами, при всѣхъ... Мнѣ мало было сказать на духу то, что я должна сказать, чтобы облегчить свою душу и получить прощеніе у Господа Бога.

Она не договорила отъ волненія... При всеобщей мертвой тишинѣ за большимъ столомъ слышно было ея тяжелое дыханіе.

Помолчавъ нѣсколько мгновеній, Касаткина обвела весь столъ

огненнымъ взглядомъ, и снова раздался ея голосъ, въ которомъ, казалось, слышалось теперь сдержанное и заглушенное волей рыданіе...

— Непостижимая кончина Онисима Абрамыча для меня великое горе! Всѣмъ вѣдомо почему... Но это наказаніе Господне, которое я заслужила. И вотъ я и скажу за что... Олимпій, и ты, Аркадій... и вы всѣ... знайте, что я виновата въ смертоубійствѣ Аникиты Ильича. Я и еще... двое... Я, Змглодь и вашъ батюшка Дмитрій Андреевичъ,—мы виновны въ смерти вашего дѣда. Я и вашъ родитель допустили, а Змглодь, чтобы жениться на Аллѣ Васильевнѣ, его... его задушилъ ночью.

— Тегушка! Что вы сказываете?—вскрикнулъ Олимпій.—Въ умѣ ли вы?

Слова племянника странно подѣйствовали на Касаткину. Она будто озлобилась, оглядѣла всѣхъ за столомъ гнѣвными глазами, будто грозилась всѣмъ, а затѣмъ заговорила, обращаясь къ племянникамъ:

— Вашъ родитель и я дозволили Змглоду задушить Аникиту Ильича... Это такъ оставить нельзя... вамъ, внукамъ. Надо судить... насъ двоихъ. Меня Богъ уже осудилъ и наказалъ, но этого мало. Я каюсь... Надо судъ людской. Надо мнѣ въ Сибирь и каторгу идти...

— Тегушка... Въ полной ли вы памяти?—вскрикнулъ снова Олимпій.—Вы на себя можете... клеветать. Но зачѣмъ на нашего батюшку, на покойника безответнаго?..

— Вотъ! Бери! Читай!—громче и рѣзче произнесла Касаткина, доставая изъ кармана и передавая ему сложенный листикъ синей бумаги.

Олимпій схватилъ его, развернулъ и сталъ быстро читать вслухъ.

Это было письмо отъ нѣмца доктора, писавшаго Дмитрію Андреевичу, что онъ требуетъ уплаты себѣ двадцати тысячъ, иначе немедленно донесетъ, что по освидѣтельствованіи мертвѣго тѣла Аникиты Ильича Басманъ-Басанова онъ удостовѣрился, что старикъ былъ задушенъ безъ внѣшнихъ знаковъ насилія на шеѣ, а, по всей вѣроятности, подушкой...

Когда Олимпій прочелъ краткое письмо, то совершенно растерянно поглядѣлъ на тетку.

Сусанна Юрьевна выговорила:

— Деньги эти тотчасъ же были нѣмцу выплачены. Если бы онъ клеветалъ, то Дмитрій Андреевичъ, конечно, ничего не заплатилъ бы...

— Но зачѣмъ... Богъ съ вами, Сусанна Юрьевна,—заговорилъ вдругъ блѣдный Иванъ Змглодь...—Зачѣмъ было вамъ и батюшкѣ моему убивать Аникиту Ильича?

— Твоя мать была любовницей дядюшки, а Гончій изъ мести мнѣ донесъ ему, что я любовница Дмитрія Андреевича. Дядюшка приказалъ немедленно мнѣ и ему уѣзжать отсюда. Идти по міру! И вотъ... Змглодъ женился... Дмитрій Андреевичъ женился... Я осталась здѣсь... Все это давно въ Высокѣ аналось, чуялось... Не зналось только, кто задушилъ Аникиту Ильича. Ну, вотъ теперь знайте!— вскрикнула Касаткина.— Знайте! И судъ зовите!

И она, поднявшись изъ-за стола, двинулась вонъ изъ залы...

— Грѣхъ вамъ! Грѣхъ!—крикнулъ Иванъ Змглодъ ей во слѣдъ.

Она обернулась и выговорила:

— Пойди, спроси... отца и мать. Они то же скажутъ. Меньше всѣхъ виноватъ Дмитрій Андреевичъ. А истинный убійца твой отецъ... Я же виновата—дозволила... Судъ все это разберетъ.

И Сусанна Юрьевна вышла изъ залы.

Разумѣется, всѣ уже давно были на ногахъ, высночивъ изъ-за стола вслѣдъ за молодыми господами.

Братья безсознательно сошлись вмѣстѣ и молча, вопросительно глядѣли другъ на друга. Олимпій былъ гнѣвенъ, а Аркадій, казалось, перепуганъ на смерть.

— Опалѣла что ли?—шепталъ Олимпій себѣ самому.

— «Подстроено что ли?—вмѣстѣ съ Олимпіемъ думалъ робко Аркадій и подозрительно глянулъ на брата.—Подстроено, чтобы мнѣ не жениться».

Разумѣется, снова за столъ никто не садился, и завтракъ не окончился. Переполохъ за столомъ сообщился быстро и всѣмъ тѣмъ, кто не былъ въ залѣ. Дворня, служившая за столомъ, разнесла тотчасъ по дому, а затѣмъ и по всѣмъ улицамъ молву о томъ, что приключилось. И всѣ были равно поражены.

— Опалѣла, сама не знаетъ, что болтаетъ!—повторяли многіе со словъ барина Олимпія Дмитриевича и вмѣстѣ съ тѣмъ не вѣрили своимъ словамъ, а вѣрили всему тому, что барышня повѣдала.

И всѣ вѣрили тѣмъ паче, что все это какъ-то подспудно, но единодушно всегда думалось всей Высокѣ. Новаго было только одно, что барышня назвала злодѣя. И если бы Денисъ Ивановичъ былъ здоровъ, не сидѣлъ бы въ эту минуту дома, а сидѣлъ бы за столомъ, то, конечно, по немъ, по его лицу можно бы было навѣрное узнать, зря и сошла болтаетъ барышня, или истину сказываетъ.

Высказавъ все, что хотѣла, Сусанна Юрьевна одна ушла спокойная, а десятки гостей и приглашенныхъ, какъ ужаленные, повскакавъ со своихъ мѣстъ, долго толпились въ залѣ, роились и гудѣли, какъ пчелы въ ульѣ. Мнѣнія на счетъ происшедшаго и всего сказаннаго барышней раздѣлились рѣзко. Всѣ равно волновались, но всякій вѣрилъ тому, чему хотѣлъ, на свой ладъ. Только нѣсколько человекъ, пораженные правдивостью голоса Сусанны Юрьевны, ея спокойнымъ, точнымъ рассказомъ, повѣрили вполнѣ всему.

Во всякомъ случаѣ всѣ поняли, что теперь дѣло безъ суда не обойдется, и снова явится въ Высокую волокиту, которая будетъ судить Змглода. А, пожалуй, вмѣстѣ съ нимъ и барышню Сусанну Юрьевну! Она себя не отстраняетъ, сама во всемъ сознается и сама проситъ разслѣдованія и наказанія.

Понемногу, безъ всякаго приглашенія со стороны молодыхъ господъ, гости стали расходиться одинъ за другимъ, кто по своимъ комнатамъ, а кто по своимъ домамъ. Братья, будто очнувшись, вышли вдругъ, каждый къ себѣ. Люди стали убирать со стола посуду и кушанья, которыя были даже и не тронуты, и всѣ—отъ буфетчика до послѣдняго мальчугана—глядѣли, какъ помѣшанные.

То, что случилось тому назадъ безъ малаго двадцать пять лѣтъ въ этихъ барскихъ хоромахъ, вдругъ всплыло и какимъ-то страшнымъ явилось въ домъ.

— Страшное дѣло! Страшное дѣло!—повторяли всѣ, такъ, какъ если бы старый баринъ Аникита Ильичъ былъ умерщвленъ въ это самое утро.

Прошли цѣлыя сутки, а всѣ еще ходили, какъ въ чаду, и всѣ отъ мала до велика, отъ двухъ Басановыхъ до дворовыхъ людей, смутно сознавали и будто сами себѣ внутренно говорили:

— И зачѣмъ было ей?.. Какая же польза?..

Олимпій былъ глубоко возмущенъ двумя поклепами на его отца... Если былъ кто либо на свѣтѣ для молодого человѣка когда либо дорогъ, то это былъ для него отецъ. И онъ даже къ памяти отца относился съ особымъ чувствомъ, чуждымъ его натурѣ.

А тетка обвинила его отца при всѣхъ и въ томъ, что онъ яко бы былъ ея любовникомъ, состоя уже женихомъ, и вдобавокъ въ соучастіи въ гнусномъ преступленіи.

— Ахъ, дьяволь баба!—восклицалъ Олимпій.

И болѣе сутокъ просидѣлъ онъ у себя, не принимая и не видя никого.

Аркадій, не только смущенный, но совершенно пораженный, чуть не слегъ въ постель отъ потрясенія. Онъ тотчасъ сообразилъ, какія послѣдствія будетъ имѣть дикое заявленіе тетки на его личную судьбу, на его счастье.

Отца его возлюбленной, полу-невѣсты, обвиняютъ въ убійствѣ его же дѣда... А покуда все это распутается да разрѣшится благополучно—что времени утечетъ. Да и неизвѣстно, какъ все это еще кончится. Поговорятъ и бросятъ, или будетъ въ дѣйствительности судъ и разслѣдованіе.

И Аркадій былъ въ полномъ отчаяніи. Цѣлый день пролежалъ онъ у себя на диванѣ, запершись, не видя никого, какъ и братъ. Десятки разовъ собирался онъ вскочить и ѣхать къ Денису Ивановичу и заговорить съ нимъ...

— О чемъ! Спрашивать, убійца ли онъ его дѣда?

Аркадій понималъ, что это былъ бы безсмысленный поступокъ и обидный для старика. Что-жъ дѣлать?..

Между тѣмъ Иванъ Змглодъ тоже не шелъ къ нему... Онъ ушелъ домой послѣ завтрака и пропалъ.

Но не мудро было Аркадію потеряться, когда и Олимпій не зналъ, что дѣлать. Когда онъ вышелъ отъ себя, всѣ окружающіе— и свои, и гости—стали сбивать его еще болѣе съ толку своими совѣтами и увѣщаніями совершенно противорѣчивыми. Одни убѣждали немедленно начать дѣло, не оставлять преступленія, хотя и давнишняго, безнаказаннымъ. Другіе убѣждали, что поднимать дѣло ни къ чему не поведетъ, кромѣ глупой огласки.

Доказательствъ преступленія и тогда не было, а теперь, конечно, еще мудренѣе найти улику. Помимо тогдашняго крайняго смущенія и даже болѣзни Змглода, не было противъ него никакой улики.

Конечно, немало изумляло всѣхъ, что изъ дома Дениса Ивановича нѣтъ ни слуху, ни духу, онъ вовсе не хочетъ оправдываться, только отмачивается! Однако, тѣ, кто знали его поближе, любили и уважали, объясняли это молчаніе его самолюбіемъ и гордостью.

— Зачѣмъ безвинному человѣку,—говорили нѣкоторые,—себя оправдывать? Пускай судъ пріѣзжаетъ и разбираетъ!

Письмо нѣмца-доктора, которое сначала показалось очень вѣскимъ доказательствомъ преступленія, теперь разбирали и понимали совершенно иначе. Говорили, что нѣмецъ просто хотѣлъ выманить крупную сумму денегъ отъ новаго владѣльца Высоксы Дмитрія Андреевича.

А если Басманъ-Басановъ, только что женившійся, откупился, заплатилъ требуемое, то это дѣяніе совершенно простое, естественное. Молодому Басанову не хотѣлось, чтобы первые дни его брака были омрачены соблазнительными толками и пріѣздомъ суда въ Высоксу. По доносу доктора, хотя и клеветническому, конечно, немедленно сочли бы долгомъ отрядить въ Высоксу волокиту.

XXV.

Черезъ три дня дѣло сразу повернулось иначе. Высокса рѣшила: обстоятельство, что Сусанна Юрьевна, обвиняя Змглода и Дмитрія Андреевича, обвиняетъ и самое себя, требуя суда и надъ собой, собственно ничего не доказываетъ! Послѣ нечаянной гибели Гончаго Сусанна Юрьевна слишкомъ горевала, и, можетъ быть, это отразилось и на ея разумѣ.

Это предположеніе, которое явилось у кого-то изъ гостей, мнѣ чѣмъ въ сутки стало искреннимъ убѣжденіемъ всей Высоксы.

— Сусанна Юрьевна спятила. Сумаспешдая! Вотъ и все объясненіе.

Предположеніе это казалось такъ естественно, что никто ни на минуту не усомнился въ его правдивости.

Наконецъ, стоило теперь только поглядѣть пристально на барышню, которая еще недавно была красива, несмотря на свои годы, стоило только внимательно приглядѣться къ ея глазамъ, прислушаться, что она дѣлаетъ и какъ себя ведетъ по ночамъ, бродя по своимъ горницамъ и разговаривая сама съ собой... И все это явно доказываетъ, что она «не въ себѣ».

И черезъ три дня послѣ переполоха и заявленія барышни вся Высокса снова успокоилась. Разгадка всего была найдена... Барышня сошла съ ума! Пройдетъ еще мѣсяць-два, и она будетъ на стѣны лѣзть, кусаться начнетъ и не такое еще что выдумаетъ да скажетъ. Недаромъ она сказывала, что Анька никогда не сгораль, что не нынче-завтра онъ пріѣдетъ въ Высоксу. Если оно такъ, чего же она убивается, чего же она исхудала и на мертвеца стала похожа? Понятное дѣло—умалишенная!

Между тѣмъ въ то самое время, когда Высокса успокоилась, порѣшивъ, что все—выдумки сумасшедшей барышни, старики напоминали всѣмъ, что когда-то Высокса почла смерть стараго барина загадочною. Многие тогда крѣпко вѣрили, что онъ померъ не своей смертью. Признаніе Сусанны Юрьевны не есть открытіе новое и неожиданное, а есть только подтвержденіе давнишняго тайнаго убѣжденія всей Высоксы.

Если бы былъ на свѣтѣ Мосейчъ, то онъ, быть можетъ, теперь сказалъ бы свое слово, вѣское и рѣшающее. Быть можетъ, онъ и признался бы, за что послѣ смерти стараго барина и послѣ свадьбы молодого барина онъ получилъ такія большія деньги въ награду. За одну службу вѣрную Аникитѣ Ильичу Мосейчъ никогда бы не получилъ такого куша. Очевидное дѣло, что ему тоже ротъ замазывали, однако не замазали. Мосейчъ, никогда никого не называя, все-таки всегда съазывалъ, что кончина его барина странная. А кто, что и какъ?— онъ отмалчивался. Сынъ Мосейча и внукъ поневолѣ теперь подтверждали это.

Однако, Олимпій Дмитріевичъ недолго смущался. Михались успокоилъ его и надоумилъ. Заявленіе Сусанны Юрьевны было какъ нельзя болѣе кстати, въ помощь той затѣѣ, которая была теперь у нихъ. Михались въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ Олимпію, какъ они должны радоваться всему, что произошло, и какъ теперь должно дѣйствовать.

Бракъ Аркадія Дмитріевича сталъ совершенно невозможенъ, куда отецъ молодой дѣвушки находится въ подозрѣннѣ, какъ убійца ихъ дѣда. Съ другой стороны Змглодъ попалъ окончательно въ западню, находится въ ихъ рукахъ.

Михались взялся за все. Однажды, среди дня, онъ явился въ домикъ Змглода и пожелалъ видѣться съ нимъ. Денись Ивановичъ,

вылежавшій дня три или четыре въ постели, былъ снова въ своемъ креслѣ, хотя боли въ ногахъ были сильнѣе, чѣмъ когда либо.

Узнавъ о прїѣздѣ Михалиса, Змглодъ, конечно, тотчасъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло. Онъ слегка измѣнился въ лицѣ и сталъ еще сумрачнѣе, но лицо его выказывало твердую рѣшимость.

— Я къ вамъ отъ барина Олимпія Дмитріевича,—сказалъ Михалисъ, садясь,—по важному дѣлу, которое васъ нѣсколько удивить...

— Не думаю, чтобы удивило, потому что я знаю, въ чемъ дѣло,—отозвался Змглодъ сурово.— Вы насчетъ того пожаловали, чтобы спросить у меня, убійца ли я Аникиты Ильича?

— Да. Простите... Но вы сами...

— За глупое дѣло взялись вы,—прервалъ старикъ.—Если я не убійца, то чужого преступленія на себя брать не стану, выдумывать и клепать на себя не буду, какъ дѣлаетъ Сусанна Юрьевна. А если я дѣйствительно повиненъ въ смерти Аникиты Ильича, то двадцать пять лѣтъ промолчавши, не сознавшись, неужели я теперь сознаюсь? А доказательствъ никакихъ нѣтъ! Что я женился на Аллѣ, яко бы бывшей уже любовницей Аникиты Ильича—это высокскія дурацкія выдумки! А если нѣмецъ въ своемъ письмѣ правду рассказываетъ, что якобы старый баринъ былъ задушенъ въ постели, то развѣ это значить, что я его душилъ? Разсужденіе, что по винтушкѣ могли ночью пробраться къ Аникитѣ Ильичу только Моисейчъ да я, а что всякаго другого рунты бы остановили,—опять выдумки! Въ тѣ времена всякій, кто зналъ пропускное слово, входилъ къ Аникитѣ Ильичу, когда хотѣлъ. И кто бывалъ у него по ночамъ—никому неизвѣстно! Можетъ быть, его и вправду задушили. И вѣрнѣе всего, что задушила-то женщина. Какъ бы онъ бодръ ни былъ, а все же ему было много годовъ. Иная здоровая баба со зла, за насиліе могла бы и двухъ такихъ стариковъ придушить. Вотъ все, что я могу вамъ сказать! Я до сихъ поръ молчалъ, потому что незачѣмъ мнѣ было отвѣчать на всякую болтовню. А теперь, коль скоро вы приходите отъ молодого барина, который тоже будто бы хочетъ меня подозрѣвать, то я вамъ и говорю. Передайте ему все то, что я сказалъ.

— Стало быть, вы, Денисъ Ивановичъ, — спросилъ Михалисъ ехидно,—положительно можете Богомъ поклясться, поцѣловать крестъ и евангеліе, что вы въ этомъ темномъ дѣлѣ не участникъ?..

Лицо Змглода какъ-то передернуло, онъ собрался заговорить, но запнулся и затѣмъ не сразу, но отвѣтилъ вопросомъ:

— Кто же это будетъ заставлять меня клясться и цѣловать крестъ и евангеліе?

— Судьи, власти!—сказалъ Михалисъ сухо.—Олимпій Дмитріевичъ такъ дѣла этого оставить не можетъ и не хочетъ. Стало быть, въ Высоксу прїѣдетъ временное отдѣленіе, какъ было послѣ убійства князя Никаева. И, конечно, судъ займется дѣломъ, будетъ все

разслѣдовать. А виновныхъ только и есть что двое — вы да Сусанна Юрьевна. Къ тому же она сама во всемъ сознается, стало быть, съ ней и путаться суду нечего. Остаются вы одни.

— Ну, что же?—глухо отозвался старикъ.—Какъ угодно Олимпію Дмитріевичу! Воспретить себя подозрѣвать и судить я не могу. Я не знаю поэтому, зачѣмъ собственно онъ васъ ко мнѣ и послалъ. Дать знать въ губернію о томъ, что оказалось въ Высокѣ, и намѣстникъ самъ вышлетъ тучу крючковъ и ябедниковъ. Коли нравится Олимпію Дмитріевичу, чтобы въ Высокѣ опять была волокита, тѣмъ хуже для него! Мнѣ же отъ этого худа никакого не будетъ. Вотъ все. Такъ и отвѣйте! И незачѣмъ ему было васъ ко мнѣ засылать.

— Я не все сказалъ, Денисъ Ивановичъ!—началь Михалисъ бо-лѣе тихимъ голосомъ, какъ бы нѣсколько стѣсняясь и не рѣшаясь начать говорить.—Олимпій Дмитріевичъ приказалъ спросить у васъ, желательно ли бы вамъ было, чтобы это дѣло не начиналось, чтобы онъ сталъ не только вашимъ обвинителемъ, а сталъ бы порукой за васъ? Желаете ли вы, чтобы въ случаѣ чего, если власти сами сюда нагрянутъ вслѣдствіе слуховъ... желаете ли вы, чтобы Олимпій Дмитріевичъ прямо чиновниковъ одарилъ, чтобы они ничего не зачинали, а отправлялись восвояси? Желаете ли вы быть подъ судомъ или совсѣмъ не быть... спокойно жить-поживать, какъ и до сихъ поръ?

Змглюдь пристально уперся глазами въ лицо Михалиса, долго глядѣлъ на него и, наконецъ, произнесъ:

— Да, понятно, желаю. Но согласиться на условія Олимпія Дмитріевича не могу... И никогда не соглашусь! Слишкомъ оно дорого... По пословицѣ «себѣ дороже».

— Стало быть, Денисъ Ивановичъ, вы догадались?—усмѣхнулся Михалисъ.

— Какъ мудрено догадаться!—злбно усмѣхнулся и Змглюдь.— Всякій мальчуганъ въ Высокѣ, который бы тутъ сидѣлъ теперь, догадался бы, чѣмъ я долженъ приобрѣсть заступничество Олимпія Дмитріевича. Скажите ему отъ меня, что я—человѣкъ вольный, а не крѣпостной его. Если я остался жить въ Высокѣ, то въ собственномъ въ своемъ домѣ. А не уѣхалъ я Богъ вѣсть куда только потому, что моей Аллѣ сначала хотѣлось быть около своего отца, сестеръ и братьевъ, а потомъ и привычка явилась. Второе, доложите Олимпію Дмитріевичу, что вѣдь я—не россиянинъ, меня въ Высокѣ полутуркой величали, да и теперь зовутъ. Кровь во мнѣ была горячая, теперь поостыла, но когда нагрянетъ какая бѣда на меня или на моихъ, то моя туркина кровь опять можетъ заиграть. Сынъ мой, Иванъ, малый добрый, но думаю, что и онъ поможетъ отцу защитить отъ злыхъ людей родителей и сестру. И вотъ, выходитъ, что трогать насъ никому не слѣдуетъ! Есть такіе

на свѣтѣ Искаріоты, которые способны, хотя бы, къ примѣру сказать, свою сестру, еще дѣвчонку, любя и обожаючи, все-таки за деньги въ любовницы продать комунибудь! Есть такіе, сударь мой! И на Высоксѣ даже есть, но Иванъ мой не изъ такихъ. А я-то ужъ и того меньше!

Змглодъ замолчалъ, а Михалисъ былъ блѣденъ, какъ снѣгъ, и не зналъ, что сказать. Но затѣмъ, оправившись, онъ вымолвилъ глухо:

— Знаю я, про что вы сказываете, только знаю я тоже, что это высокская выдумка, еще пушая, чѣмъ поклепъ на васъ Сусанны Юрьевны. Про себя же скажу, Денисъ Ивановичъ, что вотъ Господь Богъ видитъ, что я, къ примѣру, свою Тоню никогда бы за деньги не продалъ никому. Разрази меня Господь сейчасъ, если я лгу, но не въ этомъ дѣло! Скажите мнѣ, какой отвѣтъ передать Олимпію Дмитріевичу? Сказать ему прямо, что вы предпочитаете судъ и волокиту?

— Понятное дѣло, такъ и скажите!

Михалисъ выпелъ отъ Змглода сумрачный, озабоченный. Намекъ, который онъ слышалъ, былъ новымъ ударомъ для него. До сихъ поръ онъ утѣшался только однимъ, что есть только три человѣка на свѣтѣ, помимо Олимпіа Дмитріевича, которые знаютъ его тайну, его горе. Теперь оказывается, что Змглодъ знаетъ то же. Откуда, какимъ образомъ? Михалисъ тщетно ломалъ себѣ голову.

А если Змглодъ знаетъ, то почему же не найдется другой кто? Можетъ быть, и десятокъ людей найдутся въ Высоксѣ, которые все знаютъ. А если эта ужасная тайна не есть тайна ихъ троихъ—его, сестры и князя, то тогда все погибло. То, чѣмъ онъ, Михалисъ, теперь отъ зари до зари только и живъ, погибло... И исхода нѣтъ! И горю со срамомъ исхода нѣтъ! А будущему счастью сестренки, о которомъ ему мерещилось, тоже никогда не бывать!

Михалисъ былъ настолько взволнованъ, что, прежде чѣмъ отправиться къ Олимпію, прошелъ къ себѣ. Затѣмъ, успокоившись, онъ поднялся наверхъ къ барину и объяснилъ отвѣтъ Змглода.

— Ну, что же тогда, Михалисъ? Какъ же быть? Посылать гонца въ намѣстничество?

— Вѣстимое дѣло, посылать!

Олимпій хотѣлъ было отложить писаніе письма къ намѣстнику, но Михалисъ настоялъ на томъ, чтобы дѣйствовать немедленно.

— Надо скорѣй! Времени терять нечего!—рѣзко сказалъ онъ.— Откладываніемъ вы ничего не выиграете! Надо припереть стараго Дениса къ стѣнѣ. Можетъ быть, испугается, и тогда дѣло ваше само собой сладится.

Затѣя Михалиса была хитрая: поставить семью Змглода во враждебное отношеніе къ Олимпію.

XXVI.

Черезъ три дня въ Высокѣ былъ уже чиновникъ отъ намѣстника, а за нимъ вслѣдъ явилось уже нѣчто знакомое старожиламъ да и нѣкоторымъ еще сравнительно молодымъ. Въ домѣ появилась та же волокита. Въ числѣ прочихъ былъ даже одинъ подъячій, постарѣвшій, ослѣпившійся, который когда-то дѣйствовалъ при слѣдствіи надъ Дмитріемъ Андреевичемъ.

Теперь дѣло было и проще, и мудренѣе... Тому назадъ пятнадцать лѣтъ разслѣдовали дѣло, которое только что произошло, а теперь приходилось разслѣдовать такое же смертоубійство, которое было двадцать пять лѣтъ назадъ. Но тогда виновный заперся, а теперь была на лицо пожилая барышня, сама себя обвинявшая и все ясно и толково объясняющая.

Судебное отдѣленіе, поселившись въ домѣ, тотчасъ начало свое дѣло, но тотчасъ же попало въ самое удивительное положеніе. Главный начальникъ комиссіи, пожилой человѣкъ, оказался какимъ-то совершенно рѣдкостнымъ чиновникомъ. Это былъ князь Темнишевъ, крайне богатый человѣкъ съ большими связями въ Петербургѣ, и не только просто мѣтившій въ важные чиновники, но, по молвѣ, долженъ былъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ непременно самъ занять должность владимірскаго намѣстника.

Вдобавокъ это былъ человѣкъ, если не очень умный, то крайне добрый и правдивый. Одна бѣда была, онъ былъ новичекъ по службѣ и самъ теперь начиналъ запутываться въ крючкахъ своихъ собственныхъ подчиненныхъ.

Не прошло двухъ-трехъ дней послѣ пріѣзда отдѣленія, какъ князь Темнишевъ былъ смущенъ болѣе всѣхъ... То, что происходило вокругъ него, совсѣмъ ему голову вскружило. А происходило нѣчто удивительное. Его подчиненные, человѣкъ семь, полѣзли другъ на друга, какъ злыя собаки. Разногласица была между ними полная. Что говорили одни, другіе опровергали, чего требовали эти вторые, первые считали чуть не подлогами по службѣ и т. д.

Конечно, что именно происходило въ судебной средѣ, и отчего былъ смущенъ самъ князь Темнишевъ, было никому неизвѣстно. Знали про это изъ числа всѣхъ обитавшихъ въ домѣ только два брата Басманъ-Басановы и ихъ два наперника: Михалисъ съ одной стороны и Ильевъ съ другой.

Андрей Шлыковъ, конечно, всячески помогалъ Михалису и, какъ внукъ Мосеича, могъ помочь. Что касается до Ивана Змглода, то онъ по желанію отца отстранилъ себя совершенно отъ всего и только продолжалъ видѣться съ Аркадіемъ Дмитріевичемъ.

Несмотря на толковое заявленіе Сусанны Юрьевны, въ средѣ чиновниковъ мнѣнія раздѣлились. Одни вѣрили г-жѣ Касаткиной, другіе, по примѣру Высоксы, считали ее умалишенной.

Равногласица дошла до того, что когда половина отдѣленія рѣшила немедленно заключить подъ стражу подозрѣваемаго Змглода, то другая половина подняла цѣлую бурю. Всегда слышалъ и зналъ князь Темнишевъ, что служба гражданская—дѣло нелегкое, что уголовные законы—цѣлый лѣсъ, что судъ и расправу чинить мудрено, но все-таки никогда онъ не думалъ, что попадетъ въ такое сугубо трудное положеніе.

Ему приходилось, какъ главному начальнику, бороться не съ подсудимыми или свидѣтелями, за нихъ или противъ нихъ, а приходилось воевать съ собственными своими подчиненными. И онъ вскорѣ увидѣлъ ясно, что изъ его слѣдствія не выйдетъ ничего.

Рѣшить онъ, что старый баринъ Басманъ-Басановъ былъ когда-то умерщвленъ, и что виновны—его племянница и полу-русскій человѣкъ, именовъ Змглюдъ, то въ губерніи или въ столицѣ на основаніи его слѣдствія все дѣло будетъ перевершено, потому что ужъ очень темно. Если же онъ теперь постановитъ заключеніе, что, несмотря на откровенное признаніе умалишенной барышни Касаткиной и въ силу отрицанія всего Змглюдомъ, они нисколько не виновны, что смерть Аникиты Ильича была естественной, то и это заключеніе властями принято не будетъ.

— Такъ ли, сякъ ли,—думалъ и говорилъ князь,—полная темнота, полная чепуха! И ничего подѣлать нельзя!..

Между тѣмъ, если бы честный и добрый человѣкъ зналъ правду, то все бы понялъ. А правду эту знали два брата Басановы со своими наперсниками. И вмѣстѣ съ тѣмъ оба брата, враждовавшіе теперь болѣе, чѣмъ когда либо, всячески таились другъ отъ друга.

Все дѣло заключалось въ томъ, что Олимпій сыпалъ деньгами, закупаая судей, чтобы обвинить Змглода, взять подъ стражу и отправить въ городъ, обязавъ его семейство оставаться въ Высокѣ въпредъ до рѣшенія дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ постараться припутать къ дѣлу и Ивана Змглода, хотя тотъ въ дни смерти старика Басанова и на свѣтѣ не существовалъ.

Съ другой стороны, Аркадій Дмитріевичъ при помощи своихъ двухъ наперсниковъ занялъ въ Нижнемъ огромную сумму денегъ и тоже сыпалъ тому же отдѣленію, чтобы тетка была признана сумасшедшей, а Змглюдъ былъ оправданъ.

Самый умный изъ всѣхъ, Михалисъ, долго не могъ догадаться, почему отдѣленіе медлитъ въ своихъ дѣйствіяхъ и, несмотря на огромныя деньги, которыя онъ отъ имени Олимпія Дмитріевича уже переплатилъ, ничего не предпринимаетъ противъ Змглода.

Наконецъ, и онъ догадался... Онъ раздѣлил мысленно комиссію на двѣ части, чтобы разобраться и узнать, кого закупаетъ Аркадій Дмитріевичъ. Спрашивать тѣхъ изъ чиновниковъ, которыхъ онъ одаривалъ, не вело ни къ чему, такъ какъ они, принимая благодарность, никогда бы не согласились клеветать на своихъ товари-

щей, что они тоже принимаютъ благодарность отъ младшаго брата. Если хитеръ былъ Михались, то онъ видѣлъ, что эти всѣ крючки поистинѣ хитрѣе чертей.

Однако, Михались все-таки добился своего, убѣдивъ Олимпія Дмитріевича скорѣй достать взаимы крупную сумму денегъ, такъ какъ наличныхъ въ коллегіи уже не было ни гроша. Онъ убѣдилъ его закупить и тѣхъ, кто былъ за его брата и, слѣдовательно, за Змглода.

И дѣло увѣнчалось успѣхомъ... Вскорѣ князь Темнишевъ со всѣмъ своимъ штатомъ выѣхалъ изъ Высоксы. Денись Ивановичъ Змглюдъ, взятый подъ стражу вмѣстѣ съ сыномъ, не были увезены во Владиміръ, какъ того ожидали, а остались въ Высокѣ въ полицейскомъ домѣ подъ стражей. Олимпій всячески настаивалъ, чтобы оба Змглода были увезены въ городъ, и поручилъ это Михалису. Наперсникъ обѣщался всячески стараться, а въ тайныхъ своихъ переговорахъ съ княземъ Темнишевымъ и съ его помощниками всячески сугубо и горячо настаивалъ, чтобы оба Змглода были оставлены подъ арестомъ въ Высокѣ. Кромѣ того, онъ добивался, чтобы Ивану Змгладу было дозволено отлучаться изъ-подъ ареста по разрѣшенію самого князя Темнишева. Самъ же онъ брался за то, что оба заарестованные не убѣгутъ.

Если бы переговоры Михалиса съ крючками и подьячими могли услышать или узнать Олимпій, то онъ не только бы изумился, а подумалъ бы, что Михались ума лишился. Онъ даже и не повѣрилъ бы собственнымъ ушамъ. Не даромъ князь Абашвили, которому Михались иногда передавалъ подробности о своихъ дѣйствіяхъ, тоже дивился другу, а иногда тоже таращилъ глаза и ничего не понималъ.

— Христось съ тобой! Ни чорта не пойму! Говори.

— И нечего тебѣ понимать! — говорилъ Михались, смѣясь какимъ-то зловѣщимъ смѣхомъ. — Ты обѣщался быть со мной, помогать мнѣ во всемъ. Слѣдовательно, и помогай! И придетъ день, что и на нашей — на моей и на твоей — улицѣ будетъ праздникъ! И праздникъ, другъ ты мой, не за горами! Праздникъ этотъ будетъ какъ разъ въ день празднества совершеннѣтїа Аркадія Дмитріевича. Но помни одно, что въ этотъ день я, бьющійся какъ рыба объ ледъ, буду какъ безъ рукъ, буду не причемъ... Вся сила будетъ въ тебѣ! Будетъ у тебя дѣло, прикажу я тебѣ сдѣлать кое-что, самое что ни на есть на свѣтѣ простое и самое что ни на есть на свѣтѣ важное. И вотъ тогда ты долженъ мнѣ всей душой помочь. Тонѣ помочь! Ея спасеніе, ея счастье устроить! Своего счастья добиться!

— Слышалъ я это отъ тебя много разъ! — отвѣчалъ князь.

— И все то же сказываешь, обѣщаешь?

— Да. Будь спокоенъ. Все, что прикажешь, исполню. Хотя бы

и трудное, хотя бы и опасное. А ты говоришь, что оно легкое. За Тоню я на смерть пойду.

— Ну, спасибо. Но повторять буду сто разъ все то же: будь готовъ!—съ зловѣщимъ взглядомъ, сверкая глазами, говорилъ Михались.—Пора! Пора намъ быть богатыми и счастливыми.

XXVII.

Наконецъ наступилъ этотъ давно ожидаемый день рожденія и совершеннолѣтія.

Празднованіе было давно подготовлено на всѣ лады и должно было продолжиться три дня... Изобрѣтательный Олимпій напрягъ все свое воображеніе, чтобы празднество было блестящимъ. Михались помогаль ему и придумываль то же всякое... Такъ придумаль онъ между прочимъ устроить на второй день вечеръ съ ряженными, какъ на святкахъ «машкерадъ». Олимпій дѣлаль все, конечно, не для брата, а для себя. Онъ праздноваль свое личное вступленіе во владѣніе состояніемъ, хотя покуда и вмѣстѣ съ глупымъ братомъ.

«Покуда!»

Да, эта мысль теперь уже не покидала Олимпія. Михались сумѣль давно уничтожить въ немъ всякое колебаніе и всякое смущеніе, тѣмъ паче, что бралъ все на себя, да еще клялся, что онъ такъ устроить, что тотъ скончается вдругъ, на глазахъ у всѣхъ, а виновныхъ не будетъ.

Какъ сдѣлаетъ онъ это?—думалось Олимпію.—Непонятно. Но Михалису нельзя не вѣрить. Онъ жаденъ! А документъ на обѣщанныя ему еще десять тысячъ, ваданный ему, дѣйствителенъ условно. Если онъ ничего не сдѣлаетъ, то ничего и не получить.

За два, три дня до празднества всѣ приглашенные уже съѣхались, и домъ былъ переполненъ. Самые почетные гости были размѣщены на верху и въ комнатахъ двухъ братьевъ, которые потѣснились, оставивъ себѣ по двѣ комнаты, а остальные передѣлавъ въ спальни. Нѣкоторыхъ нахлѣбниковъ внизу совсѣмъ перевели изъ дома, очистивъ ихъ помѣщенье для менѣ важныхъ гостей.

Пріѣзжихъ изъ губерніи и даже изъ Москвы было до сорока человѣкъ, а въ ихъ числѣ было немало лицъ, которыхъ братья лично почти не знали. Это были хорошіе знакомые, даже пріатели ихъ отца, съ которыми онъ подружился, будучи подъ судомъ и живя во Владимірѣ. Братья еще дѣтьми видѣли ихъ всѣхъ на похоронахъ отца.

Въ самый день рожденія Аркадія все поднялось рано и къ девяти часамъ, господа, гости, нахлѣбники, коллегія и канцелярія въ полномъ составѣ, даже вся дворня— всѣ направились въ экипажахъ и пѣшкомъ въ главный храмъ къ обѣдни. Служба была

торжественная, потому что служилъ архіерей, приглашенный заранее со своими собственными пѣвчими и съ большимъ штатомъ священниковъ и дьяконовъ...

Красивый, блестящій конвой изъ гусаровъ стоялъ фронтомъ предъ папертью, а за нимъ тѣснилась цѣлая туча народа, рабочихъ и крестьянъ, такъ какъ работа на заводахъ была приостановлена на три дня.

По окончаніи обѣдни началось молебствіе о здравіи бояръ Олимпія и Аркадія. Рослый и красивый дьяконъ, съ замѣчательнымъ голосомъ, своего рода знаменитость во всемъ округѣ, провозгласилъ многолѣтіе... И голосъ его, прогремѣвшій въ храмѣ, разнесся и кругомъ него. Въ рядахъ гусаръ и толпы услышали явственно:

— Мно-о-гая... Мно-о-о-гая лѣта!—подхваченное пѣвчимъ.

И тотчасъ вся Высокса огласилась гулкой пальбой изъ пушекъ, разставленныхъ кругомъ храма.

Возвращеніе въ домъ было тоже торжественно. Коляски съ двумя братьями, съ архіереемъ и съ тремя самыми почетными гостями двинулись шагомъ, предшествуемая и сопровождаемая гусарами въ кафтанахъ, залитыхъ золотомъ, и на великолѣпныхъ коняхъ. Кругомъ колясокъ шли скороходы въ диковинныхъ разноцвѣтныхъ нарядахъ съ серебромъ и съ киверами на головахъ, вокругъ которыхъ развѣвались красныя перья.

Ничего подобнаго Высокса еще не видала.

Одинъ изъ гостей изъ губерніи, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ узнавъ, какое готовится празднованіе, замѣтилъ:

— Ну, этотъ Олимпій Дмитріевичъ, изъ всѣхъ бывшихъ Мономаховъ Владимирскихъ, будетъ самый прыткій, «помономашистѣе» и отца и дѣда.

Послѣ храма началось принесеніе поздравленій новорожденному... Аркадій смущался и сіялъ, и только изрѣдка на лице его набѣгала тѣнь. Его пугаль въглядъ брата. Онъ видѣлъ въ глазахъ Олимпія не только ненависть къ себѣ, а какое-то зловѣщее злорадство.

«Ни дать ни взять затѣваетъ что худое,—думалось Аркадію,—и ужъ, конечно, касающееся Сани».

А красавица Сусанна Денисовна, явившаяся въ домъ съ матерью тоже поздравить молодого барина, была къ тому же блѣдна и печальна. Судьба отца и брата, конечно, поразила ее.

Послѣ поздравленія всѣ разошлись отдохнуть, но въ три часа снова гостиныя переполнились, а въ залѣ уже былъ накрытъ столъ на семьдесятъ слишкомъ человекъ. Вся Высокса была на лице. Всѣ нахлѣбники и главные служащіе коллегіи и канцеляріи были приглашены. Только и отсутствовали попрежнему больная Сусанна Юрьевна и два Змглода.

Обѣдъ длился, конечно, долго, а для виновника праздника показался вѣчностью, такъ какъ Олимпій удивилъ всѣхъ и испугалъ брата, посадивъ около себя справа архіерея, а слѣва Сусанну Денисовну... Красавица всячески отказывалась отъ этой чести, когда всѣ усаживались за столъ, но Олимпій настоялъ упрямо на своемъ... Аркадій, сѣвшій на другомъ концѣ стола съ двумя почетными гостями, лишился изъ-за ревности и безпричинной боязни и зрѣнія и слуха. Онъ никого и ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ видѣлъ только чрезъ весь столъ одну свою возлюбленную, съ которой Олимпій не переставалъ любезничать, какъ бы нарочно, будто на показъ всѣмъ, даже будто съ тайнымъ умысломъ. Красавица Сусанна, печально блѣдная и видимо смущенная теперь тѣмъ, что отъ него слышать, отвѣчала сдержанно...

За тѣмъ же столомъ въ срединѣ была другая юная красавица, которая была еще печальнѣе «Змглодушки» и не отрывала глазъ отъ нея и Олимпія. Это была Платонида Михалисъ.

А въ то же время съ нея не спускалъ глазъ ея братъ, и лице его выдавало внутреннюю бурю. Платонъ зналъ, что его дорогая Тонька страдаетъ.

Когда всѣ поднялись, наконецъ, изъ-за стола, Михалисъ тотчасъ подошелъ къ барину и выговорилъ весело:

— Олимпій Дмитріевичъ... Глядите что?

И онъ показалъ въ окно на небо.

Сизая хмурая туча надвигалась съ горизонта со стороны озера. Было очевидно, что чрезъ часъ разразится сильнѣйшая гроза.

— Эхъ! Обида! — воскликнулъ Олимпій. — Вся половина дня пропала.

— Зачѣмъ! — разсмѣялся Михалисъ. — Сейчасъ перемѣнимъ. Гулянье въ лодкахъ и иллюминацію отложимъ до завтра. А сегодня прикажите машкерадъ.

— Отлично! — воскликнулъ Олимпій. — Да у всѣхъ ли готово ряженье?

— Какъ есть у всѣхъ.

И надвигающаяся гроза, опечалившая всѣхъ вдругъ, стала причиною особой радости и ликованія. Всѣ, узнавъ, что прогулка отменяется и замѣняется ряженіемъ и танцами, только обрадовались... Всѣ, у кого костюмы были еще не въ полномъ порядкѣ, бросились по своимъ комнатамъ придумывать, какъ обойтись или состряпать недостающее что либо на скорую руку.

Сусанна Денисовна, сильно взволнованная послѣ стола, прощаясь съ Аркадіемъ, тихо молвила:

— Я не буду въ вечеру. Душегрѣйка еще не обшита галуномъ. Аркадій печально поглядѣлъ на нее.

— Да и не до того, чтобы рядиться и плясать... Я боюсь...

— Чего? — глухо и испуганно спросилъ онъ.

— Такъ! Боюсь. Онъ Богъ вѣсть что мнѣ болталъ. Понять нельзя. Загадки... А страшно... Будто затѣваетъ что не сегодня, завтра... влодѣйское!

— И я такъ-то думаю! Но помните... Помни, Саня, покуда я живъ, онъ съ тобой ничего не сдѣлаетъ.

Сусанна не отвѣтила и грустно поникла головой. Она не вѣрила.

«Не отстоялъ отца и брата,—думалось ей.—Стало быть, и меня не отстоятъ».

Въ сумерки дѣйствительно разразилась сильнѣйшая гроза и грохотала два часа. Громъ гремѣлъ и молнія, сверкая, падала, казалось, надъ самымъ огромнымъ домомъ. И Басановскія палаты трепетали будто пугливо подъ натискомъ небснаго гнѣва... Стѣны дрожали, а въ стѣнахъ, во всѣхъ комнатахъ шла гулко веселая суетня, чуть не сумятица. Всѣ наряжались, а выходя и глядя другъ на друга и въ зеркало, хохотали до упаду. Только старики охали и крестились.

— Не въ пору — это скоморошество!.. Грѣхъ! Молитву читать надо. И свѣчу зажечь противъ грома небснаго. И такъ-то не святки или масленица. А тутъ еще эта непогода, которая будто гнѣвъ Божій показываетъ.

Однако, около семи часовъ все стихло. Небо прояснилось, и послѣ душнаго дня повѣяло благодатною прохладой.

Въ восемь часовъ залъ и всѣ гостинныя были переполнены ряженными въ диковинныхъ маскахъ и образинахъ. Всѣ другъ на дружку дивились. По предложенію и по приказу, гостямъ и своимъ, заранѣ придуманному затѣйникомъ Михалисомъ и объявленному Олимпіемъ, всѣ заранѣ тщательно скрывали и никому не показывали своихъ костюмовъ и масокъ. Никто не зналъ, въ чемъ будутъ даже оба барина и главные гости.

И теперь въ шумной, гульливой толпѣ ряженныхъ нельзя было узнать, кого видишь, съ кѣмъ говоришь. Было только одно обстоятельство, руководящее догадками. Были костюмы обыкновенные и недорогіе, были совсѣмъ простые, и было съ десятокъ диковинныхъ, богатыхъ одѣяній, очевидно выписанныхъ изъ столицы. А въ числѣ прочихъ и двое нищихъ въ рубищахъ и съ мѣшками за спиной.

Пуще всѣхъ поражалъ великолѣпнѣе своего костюма изъ атласа и бархата турокъ въ чалмѣ, усѣянной брилліантами, и съ поясомъ, украшеннымъ тоже самоцвѣтными камнями. Всѣ догадывались, что это «самъ» баринъ Олимпій Дмитріевичъ.

Гдѣ и въ чемъ найти и узнать другого младшаго барина, всѣ затруднялись и наконецъ стали говорить, что будто Аркадій Дмитріевичъ, въ виду непогоды и грома небснаго, не захотѣлъ рядиться и отсутствовать.

Затѣмъ прошелъ также удивительный слухъ, яко бы Платона

Михалиса видѣли сейчасъ еще не одѣтаго у него въ комнатахъ около захворавшей вдругъ сестренки... Но за то было другое совсѣмъ удивительное... Кто-то среди массы народа привналъ по голосу Ивана Змглода, яко бы сидящаго подъ арестомъ съ отцомъ въ рунтовомъ домѣ.

Гуль, шумъ и хохоть, едва заглушаемый оркестромъ полусотни музыкантовъ, все усиливался. Гости, постоянно очередно осаждавшіе два буфета со всякими заморскими винами, становились все веселѣе. Даже самъ турокъ, котораго уже окрестили «господиномъ салтаномъ», былъ будто слегка навеселѣн и, переставъ картавить, далъ возможность узнать себя по голосу. Онъ бродилъ по всѣмъ комнатамъ между ряженными и, не стѣсняясь, говорилъ, что тщетно ищеть двоихъ...

— Нѣтъ нигдѣ Сусанны Денисовны и Платона. Я ихъ ряженье знаю. Не могли же они вдругъ замѣнить свои костюмы другими какими. Ну, Змглодушка, еще, пожалуй, надумалась, догадавшись, что я про ея ряженье пронюхалъ. А Платонъ былъ и сгинулъ.

Подойдя снова къ буфету, «господинъ салтанъ» очутился въ кучкѣ веселыхъ ряженныхъ, а вплотную съ нимъ оказался вдругъ такой ряженный, что онъ ахнулъ. Это былъ пѣтухъ... Какъ есть пѣтухъ, весь въ перьяхъ съ головы до ногъ, съ гребешкомъ и съ диковиннымъ хвостомъ.

— Ку-ку-рику! — пѣлъ онъ визгливо всякому надъ самымъ ухомъ и сдѣлалъ то же и съ «господиномъ салтаномъ». Турокъ разсмѣялся и спросилъ.

— Откуда ты, пѣтухъ, взялся? Тебя не было.

— Куку. Сейчасъ изъ Москвы прибѣжалъ. Рикну-у!—отозвался пѣтухъ однимъ визгомъ.

И всѣ кругомъ расхохотались.

Пѣтухъ нагнулся надъ ухомъ турка и что-то шепнулъ ему.

— Вздорь!—отозвался этотъ вдругъ гнѣвно, но слегка пьянымъ голосомъ, такъ какъ сейчасъ еще осушилъ до дна залпомъ уже четвертый стаканъ столѣтняго венгерскаго изъ запаса винъ Аникиты Ильича.

— Вѣрно говорю!—провизжалъ пѣтухъ.

— Я сейчасъ прикажу и Михалиса съ Тонькой и Абашвили силкомъ привести... Какъ смѣютъ не праздновать! — вскрикнулъ гнѣвно турокъ, и всякій призналъ, конечно, голосъ Олимпія Дмитріевича.

Пѣтухъ снова наклонился надъ нимъ и снова шепнулъ что-то...

— Ладно... Пойдемъ... Въ маленькой желтой гостиной. А коли кто есть, прикажу выйти... Вѣдь недолго расписывать будешь.

— Въ двухъ десяткахъ словахъ все дѣло... И что ни слово—алмазъ!—отозвался пѣтухъ гнусливо.

И салтанъ съ пѣтухомъ двинулись черезъ три гостиной въ

угольную маленькую. Тамъ оказалось трое ряженныхъ, весело болтавшихъ, а на полу въ углѣ сидѣлъ четвертый. Это былъ нищій съ мѣшкомъ.

— Господа, уходите. У насъ дѣло важное. Бесѣда по секрету,—сказалъ султанъ.

Гости, или подозрѣвавшіе, или уже знавшіе, кто въ костюмѣ турка, тотчасъ пошли изъ комнаты. Только нищій остался.

— Ну, а ты... Эй, попрошайка... Пошелъ вонъ!—крикнули ему.

Нищій хотѣлъ встать на ноги, но не могъ. Онъ былъ совершенно пьянъ. Онъ всталъ начетвереньки, доползъ до порога и ткнулся снова.

— Ну, чортъ съ нимъ. Пускай лежитъ,—выговорилъ пѣтухъ.— Спяна ничего не пойметъ. Ну, слушай, господинъ салтанъ, и двадцати словъ не будетъ. Слушай въ оба... слушай. Когда какой изувѣръ, развратникъ отнимаетъ у брата сестру и у жениха невѣсту, да обманомъ ее губить, то за такое вотъ что съ нимъ приключ...

Пѣтухъ не договорилъ и взмахнулъ рукой надъ султаномъ. Этотъ тихо вскрикнулъ и схватился за грудь. Еще два раза взмахнулъ пѣтухъ рукой, въ которой блестѣлъ длинный ножъ, и два раза съ силой всадилъ его снова.

Турокъ, хрипя, зашатался и грохнулся навзничъ на полъ, обливаясь кровью, хлынувшей изъ трехъ ранъ. Въ отверстіяхъ маски тоже показалась кровь.

Пѣтухъ оглянулся на двери и шопотомъ крикнулъ:

— Давай!

Нищій вскочилъ, подбѣжалъ и набросилъ на голову упавшаго платокъ. Затѣмъ онъ открылъ и разставилъ мѣшокъ.

Пѣтухъ будто встряхнулся, и костюмъ его изъ перьевъ сразу упалъ на землю, а на ряженомъ оказался другой—голубой, изображающій астролога. Онъ выхватилъ изъ мѣшка нищаго красную мантию и набросилъ на себя. Въ то же мгновеніе нищій всунулъ ножъ въ пѣтушиное одѣяніе, тоже слегка окровавленное, а все вмѣстѣ въ мѣшокъ.

И оба бросились вонъ изъ комнаты.

Черезъ десять минутъ домъ ходуномъ ходилъ. Толпа перепуганныхъ ряженныхъ, снимавъ и побросавъ маски и образины, тѣснилась въ маленькой гостиной. Передніе, и въ числѣ прочихъ Аркадій и Михались, стояли на колѣняхъ, надъ зарѣзаннымъ Олимпіемъ и всячески старались привести его въ чувство, не зная или не вѣря, что онъ мертвъ.

Но старшій Басманъ-Басановъ былъ уже трупомъ.

XXVIII.

На зарѣ въ Высокѣ было столпотвореніе Вавилонское.

Не только заводскіе рабочіе, но и крестьяне, приписные къ деревнямъ, все поднялось на ноги и забушевало. Толпы народа повалили отовсюду къ барскому дому и осадили его. Казалось, что бурное сѣрое море разлилось и заливааетъ палаты.

Два враждебныхъ лагеря сказались тотчасъ. «Бариновы» обвиняли «братцевыхъ» въ убійствѣ и грозились, не дожидаясь суда, расправиться съ ними сами.

Начались драки между самыми отчаянными. Предъ полуднемъ случилось уже нѣсколько страшныхъ дракъ, стѣнка на стѣнку, въ разныхъ мѣстахъ Высокы. Вечеру все стихло, но едва занялась заря, какъ начались уже пѣлыя побоища. Разумѣется, нападающими были «бариновы», а «братцевы» только защищались.

Однако дальнзоркіе люди поняли, что дѣло вовсе не въ любви къ покойному и не въ мести за него, а просто отчаянный заводскій людъ придрался къ случаю побушевать безнаказанно.

На второй день, когда тѣло Олимпія Дмитріевича было уже положено въ гробъ и стояло въ углу зала, и надо было готовиться на утро къ похоронамъ,—по всѣмъ заводамъ былъ настоящій бунтъ. Уже не «бариновы» дрались съ «братцевыми», а пьяныя орды разбивали кабаки, а затѣмъ бросились разбивать и лавки съ краснымъ товаромъ на базарной площади.

Въ домѣ всѣ были перепуганы... Гостей, конечно, уже не оставалось давно ни единого человѣка, такъ какъ они всѣ еще въ ночь и на зарѣ послѣ злодѣянія умчались въ разныя стороны. Но нахлѣбники, служащіе въ коллегіи и въ канцеляріи, и вся дворня— всѣ струхнули, ибо не на кого было положиться...

— Будь зарѣзанъ Аркадій Дмитріевичъ, а живъ Олимпій Дмитріевичъ,—говорили всѣ,—тогда иное дѣло! И бунта бы не было!

Аркадій дѣйствительно сидѣлъ, какъ потерянный, въ своихъ комнатахъ, не спалъ отъ волненія двѣ ночи и не зналъ совершенно, что предпринять. Посовѣтоваться было не съ кѣмъ. Единственный человѣкъ въ эти минуты неоцѣненный, на котораго можно было положиться, былъ Платонъ Михалисъ, первый другъ покойнаго брата и, конечно, всегда относившійся къ Аркадію враждебно, хуже, чѣмъ кто либо другой изъ лагеря бариновыхъ.

Однако теперь самъ Михалисъ уже раза два, три являлся къ Аркадію, умоляя его принять какія либо мѣры. Онъ опасался, что пьяныя толпы кончатъ тѣмъ, что ворвутся и въ барскій домъ. Наконецъ, изъ-за пьяныхъ буяновъ даже похороны могли бы ознаменоваться какимъ-нибудь прискорбнымъ обстоятельствомъ, какойнибудь дикой выходкой.

Наступилъ день, въ который по-настоящему слѣдовало хоронить покойника, но сдѣлать этого было невозможно. Побища усилились повсюду, даже бливъ дома, даже въ саду. Было уже нѣсколько десятковъ тяжело раненыхъ и около десятка убитыхъ.

Отъ пролитой крови заводская чернь какъ будто разсвирѣпла еще пуще. Толпы народа, окружавшія домъ, бушевали и кричали, что не дозволяютъ хоронить Олимпія Дмитріевича, прежде чѣмъ не пріѣдетъ судъ изъ губерніи и не разыщеть, кто смертоубійца.

— Довольно злодѣйствъ на Высокѣ!—ревѣли голоса.

— Буде! Буде вамъ смертоубійствовать!

— Что за разбойное мѣсто!

— Больше не допустимъ!

— Пуцай судять самого Аркадія Дмитріевича!

— Пуцай насъ въ казну берутъ!

— Хотимъ быть государственными!

— Царскими будемъ! Царскими! А не злодѣевскими Басановскими!

И покуда Аркадій метался въ своихъ комнатахъ, не зная, что дѣлать, Михались по собственному почину, какъ лукавый человѣкъ, сталъ совѣщаться съ Сусанной Денисовной, единственной личностью, которая въ эти минуты сохранила полное присутствіе духа и рѣшимость. И совершенно незамѣтно, какъ бы само собой, Змглодушка стала распорядительницей... такъ какъ Михались, не добившіяся ничего отъ Аркадія, на второй же день легко убѣдилъ Сусанну послать самовольно гонцевъ къ намѣстнику отъ имени Басанова. Михались хлопоталъ, опасаясь отчасти и за себя. Лагерь «бариновыхъ», который страшно увеличился «братцевыми», иначе говоря, просто-напросто бунтующіе заводскіе требовали, чтобы Михались, какъ первый и главный наперсникъ убитаго барина, сталъ ихъ коноводомъ.

— Коноводомъ чего?!—восклицалъ Михались внѣ себя.—Разграбленія коллегіи и барскаго дома?!

На четвертый день, однако, все приняло нѣсколько иной видъ. Слухъ ли добѣжалъ до губернскаго города о волненіяхъ, или Змглодушка дослала къ намѣстнику гонца отъ себя, но по распоряженію властей на заводахъ появилась команда солдатъ. За нею черезъ нѣсколько часовъ явился цѣлый напольный полкъ съ пушкой. Командиръ полка имѣлъ приказаніе усмирить все въ двадцать четыре часа, хотя бы пришлось дѣйствовать оружіемъ и пользоваться пушкой.

Дѣйствительно, въ однѣ сутки все стихло и отрезвилось поневолѣ, такъ какъ кабаки были заперты, и къ каждому приставленъ караулъ съ приказомъ стрѣлять въ тѣхъ, кто явится за виномъ. И, наконецъ, вслѣдъ за солдатами явился и судъ, уже въ третій разъ!..

Но на этотъ разъ во главѣ чиновниковъ приказныхъ и подьячихъ былъ самъ губернаторскій товарищъ. Пріѣхавшая комиссія

имѣла грозный видъ. Пошелъ слухъ по всѣмъ заводамъ, что якобы намѣстникъ послалъ уже донесеніе въ Петербургъ, и будетъ доложено самому царю, что есть такое разбойное гнѣздо, которое надо или разорить или взять въ казенное управленіе. Иначе, молъ, конца не предвидится смертоубійствамъ.

На пятый день, позже чѣмъ повелѣвалъ обычай, произошли похороны четвертаго Басанова за какихъ нибудь не полныхъ двадцать пять лѣтъ. Похороны эти имѣли странный видъ, потому что при выносѣ изъ дома и шествіи во храмъ повсюду были команды солдатъ. Даже вокругъ церкви расположилась цѣлая рота, такъ какъ ходилъ слухъ, что послѣ отпѣванія «бариновъ» бросятся на «братцевыхъ», и что самому Аркадію Дмитріевичу грозитъ бѣда. Однако, отпѣваніе и погребеніе въ склепѣ подъ большимъ храмомъ прошло обычно, порядливо и безъ какой либо бѣды. Затѣмъ ввечеру все было тихо.

И въ Высокѣ толковали уже о строжайшемъ приказѣ губернского товарища, чтобы всѣ заводы были немедленно пущены въ ходъ, и чтобы тотчасъ всякъ былъ на своемъ мѣстѣ. Непослушнымъ грозили огуломъ, заковавъ въ кандалы, на канатѣ гнать въ городъ на расправу.

Разумѣется, на слѣдующій же день Высокскіе заводы пришли въ такое положеніе, какъ если бы никогда ничего не случилось. Всѣ заводы запыхтѣли и встучали...

XXIX.

Между тѣмъ въ домѣ было спокойно. Судъ засѣдалъ въ большомъ залѣ и чинилъ спросъ. Всѣ обитатели, однако, настолько уже привыкли къ появленію волокиты въ домъ, что не казались вовсе испуганными.

Что касается убійства молодого барина, то изъ всѣхъ такихъ злодѣяній, совершенныхъ въ Высокѣ, оно было самое темное и самое диковинное. Былъ убитъ баринъ среди кучи пировавшихъ и танцовавшихъ гостей. Кто убилъ—было совершенно невозможно не только доказать, но даже и предположить.

Пущенный слухъ, что якобы Иванъ Змглодь, отлучившійся изъ-подъ ареста, явился тоже ряженный въ домъ и зарѣзалъ Олимпія Дмитріевича, казался всѣмъ безсмыслицей. Еще если бы явился Денисъ Ивановичъ, то можно бы было заподозрѣть, что это дѣло его мести, но старикъ послѣ своего ареста отъ волненія лишился окончательно способности ходить и не могъ двинуться изъ полицейскаго дома. А Иванъ Змглодь, припутанный къ дѣлу отца, къ такому дѣлу, которое совершилось, когда его—Ивана—и на свѣтѣ еще не было, не имѣлъ никакого повода мстить, зная, что этимъ отцу не поможешь.

Сначала судъ почти уже склонялся было къ мнѣнію, что виноваты Змглоды, но когда предсѣдательствующій товарищъ намѣстника узналъ, въ какихъ отношеніяхъ состоитъ къ семьѣ Змглода высокскій владѣлецъ, то совершенно переимѣнилъ мнѣніе. Вдобавокъ, едва только совершились похороны Олимпія Дмитріевича, какъ Аркадій приказалъ объявить по всѣмъ заводамъ важную новость: какъ пройдетъ сорокъ дней со смерти брата, онъ будетъ вѣнчаться съ Сусанной Денисовной Змгloedъ.

Однако, покуда судъ засѣдалъ и тщетно старался раскрыть преступленіе и уличить преступника, въ коллегіи происходило нѣчто, пожалуй, худшее. Въ ней появились повѣренные и ходатаи, а главное появился пріѣзжій изъ Москвы чиновникъ, не имѣющій ничего общаго съ владимірскимъ отдѣленіемъ.

Дѣло было въ томъ, что казна, а равно и кредиторы заводовъ сразу появились, каждый по своему дѣлу. Если бы теперь посторонній умный человѣкъ заглянулъ въ Высоксу, то понялъ бы, что тутъ началось столпотвореніе, и начиналось разрушеніе. То, что создалъ старикъ Аникита Ильичъ Басманъ-Басановъ, теперь приходитъ къ своему концу.

Волокита въ домѣ, команды солдатъ около заводовъ и по заводскимъ улицамъ и цѣлая стая воронья въ коллегіи, не большая, но роковая. Солдаты уйдутъ восвояси, приказные врючки, не добившись ничего, не добившись даже и взятки, тоже уйдутъ, но тѣ, что орудуютъ въ коллегіи, останутся.

Молодой Басманъ-Басановъ, высокскій баринъ, владѣтель всего по закону, въ дѣйствительности смутно всѣмъ представлялся какъ бы послѣдней спицей въ колесницѣ. Кто будетъ завтра на его мѣстѣ бариномъ-помѣщикомъ,—было совершенно неизвѣстно. Перейдетъ ли вся Высокса съ заводами въ однѣ руки? Или распадется на куски, будетъ разорвана на клочья? Или наконецъ будетъ все отобрано въ казну?

Давно ли былъ долгъ въ девятьсотъ тысячъ, а теперь прибавилось еще по недавнимъ документамъ двухъ братьевъ, и вся сумма перевалила за милліонъ. И вдобавокъ изъ-за чего? Чтобы якобы узнать, своей ли смертью умеръ Аникита Ильичъ!..

Ко всѣмъ бѣдамъ прибавилась еще одна, которая случилась прежде, всѣхъ бы переполошила, но теперь эту новую бѣду всѣ встрѣтили безучастно, даже безъ особаго любопытства.

Барышня Сусанна Юрьевна, давно становившаяся все страннѣе, окончательно сошла съ ума. Теперь въ этомъ уже не было никакого сомнѣнія.

Равнодушіе, съ которымъ она встрѣтила извѣстіе объ убійствѣ племянника, ея послѣдовавшій затѣмъ смѣхъ, а затѣмъ даже радость, ясно свидѣтельствовали, что она почти умалишенная. Но затѣмъ, вскорѣ же послѣ похоронъ убитаго, Сусанна Юрьевна начала

вести себя, какъ совершенно помѣшанная. Она стала ходить по ночамъ по всему дому, врывалась ко всѣмъ, пугая дикими, безсмысленными рѣчами спящихъ, или уходила и бродила по улицѣ, по саду, заходя Богъ вѣсть куда.

Горничная и двое рунтовъ, приставленные къ барышнѣ, ничего не могли сдѣлать. Когда ее останавливали силой, она начинала бороться, драться и страшно кричать на весь домъ, какъ если бъ ее рѣзали.

И Аркадій Дмитріевичъ по совѣту многихъ убѣдился, что оставлять въ домѣ тетушку опасно и для всѣхъ, да и для нея самой.

И однажды утромъ Касаткину посадили силой въ карету и увезли въ Москву, чтобы сдать въ домъ умалишенныхъ.

XXX.

Несмотря на всеобщее смущеніе и удрученное состояніе, въ которомъ находились всѣ обитатели Высокы, все-таки черезъ десять дней послѣ похоронъ покойнаго Олимпія Дмитріевича въ домѣ въ нижнемъ этажѣ пировали гости. Было маленькое празднество въ комнатахъ Платона Михалиса.

Бывшій первый другъ и напереникъ покойнаго, не считаясь съ родствомъ, а только дружбой, счелъ возможнымъ отпраздновать свадьбу своей сестры съ ея давнишнимъ нареченнымъ, княземъ Абашвили.

Въ Высокѣ всѣ давно догадывались, что князь женихъ Платониды Михалисъ, что онъ, ничего не имѣющій, не прочь жениться на ней, имѣющей свое состояніе. Когда прошелъ слухъ, что Михалисы потеряли всѣ деньги на какомъ-то купцѣ, то всѣ рѣшили, что князь не женится на Тонькѣ. Но затѣмъ почти одновременно и за нѣсколько дней до страшнаго злодѣянія Михалисъ повѣдалъ всѣмъ, что его должникъ снова появился и ликвидируетъ свои дѣла, и что, благодаря Бога, ни единого гроша у нихъ не пропадетъ на немъ.

Поэтому теперь не удивлялись и свадьбѣ Абашвили. Удивлялись только тому, что невѣста, которая должна бы была ликовать, что выходитъ за давнишняго своего жениха, напротивъ того, какая-то диковинная, похудѣвшая, печальная.

Впрочемъ, всѣ знали, что Платонида Михалисъ за послѣднее время сильно хворала и отъ какихъ-то болѣе внутреннихъ плакала по цѣлымъ днямъ и ночамъ. Немудрено похудѣть и печально глядѣть.

Послѣ брака, князь и княгиня Абашвили вмѣстѣ съ Михалисомъ простились съ бариномъ Аркадіемъ Дмитріевичемъ и выѣхали съ Высокы, чтобы никогда не возвращаться.

Но предъ выѣздомъ своимъ Михалисъ передалъ предсѣдательствующему губернаторскому товарищу письмо въ нѣсколько страницъ, которое онъ, укладывая свои вещи, случайно нашелъ у себя.

Письмо это было адресовано къ Олимпію Дмитріевичу, но никѣмъ не подписано.

Михались объяснилъ, что это письмо пришло не изъ другого какого города, а было писано въ высокскомъ домѣ однимъ изъ гостей, которые были приглашены на праздникъ совершеннолѣтія. Назвать писавшаго Михались не могъ за полнымъ незнаніемъ. Олимпій Дмитріевичъ не захотѣлъ ни за что ему назвать человѣка, отъ котораго это письмо получилъ.

А между тѣмъ письмо это имѣло огромное значеніе. Писавшій объяснялъ Олимпію Дмитріевичу, что онъ пріѣхалъ на праздникъ, но денегъ съ собой не привезъ и уплатить свой прошлогодній долгъ Олимпію Дмитріевичу не можетъ, не только теперь, но даже и черезъ года два-три. И онъ проситъ его обождать уплату. А если Олимпій Дмитріевичъ будетъ, въ виду собственныхъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, требовать эти деньги, то пишущій предупреждалъ, что онъ отомститъ... и самымъ лихимъ образомъ. Олимпій въ отвѣтъ потребовалъ, по словамъ Михалиса, немедленной уплаты. И вотъ этотъ гость и могъ совершить и преступленіе, будучи въ маскѣ на балѣ, какъ и всѣ прочіе. Временное отдѣленіе приняло это письмо, какъ важный документъ. И оно только еще болѣе затемнило все дѣло.

Прошелъ сороковой день поминокъ Олимпія Дмитріевича, и черезъ три дня въ большомъ храмѣ было торжественное вѣнчаніе молодого барина Аркадія Дмитріевича съ Сусанной Денисовной.

Этого всѣ ждали и не удивлялись. Удивлялись только несказанно всѣ отъ мала до велика, что наканунѣ бракосочетанія Денисъ Ивановичъ и его сынъ Иванъ были освобождены изъ-подъ стражи по приказанію изъ губерніи, куда ѣздилъ гонецъ съ письмомъ отъ имени Аркадія Дмитріевича къ самому намѣстнику. Ихъ обязали только не отлучаться изъ Высоксы.

Черезъ мѣсяцъ уголовное дѣло о таинственной смерти старика Аникиты Ильича, тому назадъ безъ малаго двадцать пять лѣтъ, было постановлено предать волѣ Божіей. Одновременно было рѣшено и дѣло объ убійствѣ молодого Басанова. Злодѣй не былъ открытъ, а первоначальное подозрѣніе, что Иванъ Змглодь виновенъ въ этомъ злодѣяніи, уничтожилось само собой. Было нежданно вполне доказано нахлѣбниками, что въ ту минуту, когда раздались крики о помощи, а Олимпій Дмитріевичъ, пораженный на смерть, лежалъ въ крови на полу, Иванъ Змглодь, дѣйствительно отлучившійся изъ-подъ ареста въ машкерадъ, стоялъ около буфета и, снявъ маску, пилъ прохладительное. Его видѣли въ это мгновенье человѣкъ пять, и всѣ единодушно показали это... На вопросъ, зачѣмъ они прежде молчали, всѣ отвѣтили, что боялись вцутываться въ страшное дѣло.

Конечно, вся родня молодой барыни Сусанны Денисовны Басманъ-Басановой тотчасъ переѣхала на жительство въ домъ.

Но медовый мѣсяцъ прошелъ почти печально, потому что было очевидно и молодымъ новобрачнымъ и всей семьѣ Змглода, что Высокса въ дѣйствительности уже не принадлежитъ Аркадію Дмитриевичу. Распутать дѣло было нельзя, а надо было спасти хоть что нибудь и удалиться.

XXXI.

Прошелъ годъ, и въ красивой усадьбѣ на берегу Оки жила совершенно счастливая семья Басманъ-Басанова съ родственниками. Аркадій Дмитриевичъ былъ все-таки богатый тульскій помѣщикъ, владѣя двумя тысячами крестьянъ. Разумѣется, это были крохи отъ прежняго состоянія дѣда.

Высокса была продана для удовлетворенія главныхъ кредиторовъ, но казна согласилась ждать свой долгъ, такъ какъ покупателемъ явился важный сановникъ, намѣстникъ и покровительствуемый въ Петербургѣ... князь Темнишевъ...

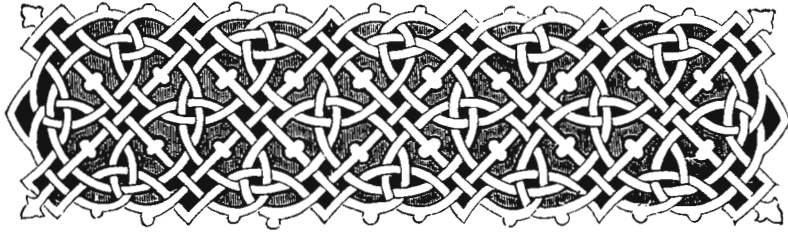
Однако, черезъ десять лѣтъ, князь, запутавшись въ мудреныхъ заводскихъ дѣлахъ, чуть не потерявъ свое прежнее большое состояніе, самъ попросилъ спасти его покупкой всего въ казну.

И Высокса стала процвѣтающимъ государственнымъ имуществомъ, понемногу достигнувъ цѣнности въ два милліона слишкомъ. Отъ прежняго не осталось и слѣда...

Но слава злодѣйскаго барскаго гнѣзда, гдѣ грозно царили и страшно погибали Владимірскіе Мономахи, далеко прошла и до сихъ поръ жива!

Графъ Е. А. Салиасъ.

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ¹⁾.

XXX.

Жизнь на Каменномъ островѣ.—Письмо императрицы Елисаветы.—Вѣнскій конгрессъ.—Возвращеніе императрицы въ Петербургъ.—Госпожа де-Бомонъ.—«Записки» Головиной.—Г-жа Ржевусская.—Изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи.—Холодность къ Головиной императора.—Болезнь графа Толстого.—Благоволеніе къ Головиной императрицы Елисаветы.—Заключеніе.

ОМЪ, въ которомъ я жила на Каменномъ островѣ, находился у дороги, по которой безпрестанно проходили гуляющіе; у меня были такія маленькія и низенькія комнаты, что, не желая этого, я ни на минуту не теряла изъ виду этотъ калейдоскопъ. Подобное развлеченіе представляло большой контрастъ съ моими страданіями, и я испытывала разнообразное огорченіе. Видъ изъ оконъ и съ балкона былъ прекрасенъ; по вечерамъ я слышала доносившійся издали звукъ рожковъ. Хотя эта музыка не имѣла никакого отношенія къ моимъ воспоминаніямъ, она навѣвала на меня грусть. Тихая гармонія имѣетъ могущество вызывать въ насъ какое-то неопредѣленное чувство, которое связываетъ насъ со всѣмъ, что насъ касается и что мы любимъ. Я принуждена была принимать много докучныхъ визитовъ. Мой мужъ потребовалъ, чтобъ я представила ко двору мою младшую дочь. Императоръ вернулся на нѣкоторое

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVII, стр. 438.

время въ Петербургъ, а вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ состояться петергофскій праздникъ,—надо было повезти на него мою дочь. Это было какъ разъ черезъ мѣсяць послѣ смерти m-me де-Тарантъ. Я покори-лась, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, и отправилась ко двору съ растерзаннымъ сердцемъ. Императрица-мать была отъѣнно милостива ко мнѣ; она мнѣ выказала много участія во время моего несчастія и каждый день посылала узнавать, какъ я себя чувствую. Толпа, которою я была окружена, была почти невидимой для моихъ взоровъ; въ глубокой скорби у насъ остается только чувство внутренняго зрѣнія. Императоръ высказалъ мнѣ въ обычныхъ выраженіяхъ свое сожалѣніе о моей утратѣ; всѣ тѣ, съ которыми я снова встрѣчалась въ первый разъ, торопились высказать мнѣ свое участіе общими мѣстами, такъ мало годными для утѣшенія. То, что я потеряла, невозвратимо; для меня будетъ большимъ счастьемъ, если я встрѣчу хотя что либо похожее на то, что могло бы хотя отчасти удовлетво-рять моимъ сердечнымъ влеченіямъ.

Герцогиня Виртембергская также жила на Каменномъ островѣ. Я ее часто видѣла, и это было моимъ единственнымъ утѣшеніемъ въ этомъ грустномъ мѣстопребываніи. Каждое утро я гуляла въ теченіе часа въ лѣсу, погруженная въ мои печальныя мысли; мнѣ казалось, что земля ускользаетъ изъ-подъ моихъ ногъ, и я ходила рыдая. Въ это время я получила слѣдующее письмо отъ ея величества императрицы.

Брукзаль, 14-го (26-го) іюля 1814 года.

«Зачѣмъ я не могу придать моимъ словамъ всю силу моихъ чувствъ, бѣдный другъ! Вы найдете здѣсь самое глубокое участіе, какое только могъ кто бы то ни было принять въ вашемъ горѣ. Только сегодня я была извѣщена о той незнаградимой потерѣ, которую вы потерпѣли, которую потерпѣли всѣ тѣ, которые умѣютъ распознать и оцѣнить заслуги. Я лично не должна ли сожалѣть о ней въ виду тѣхъ чувствъ, которыя она ко мнѣ питала? Я прилагаю къ этому перстень, который я выбрала для нея и ожидала случая ей переслать. Въ виду этого вы будете его носить, обѣщайте мнѣ это. Сколько вы должны были перестрадать, какую пустоту вы должны испытывать теперь! Мнѣ очень тяжело, что я далеко отъ васъ въ эту минуту, и если бы я позволила себѣ размышлять о томъ, на что есть воля Божія, я роптала бы на то, что Богъ посылаетъ тѣмъ, кто мнѣ дорогъ, самую мучительную печаль именно въ то время, когда я далеко отъ нихъ и не могу предложить имъ моихъ заботъ. Кажется, что Богъ давно судилъ ее достойной быть приближенной къ Нему, но Онъ хотѣлъ дать ей насладиться еще въ сестрѣ императора самымъ большимъ счастьемъ, и я чувствую, что она могла имъ насладиться. Она счастлива: она исполнила свою тяжелую задачу. Вотъ она теперь, быть можетъ, со всѣми тѣми, кого здѣсь оплаки-

вала; но вы, вы, бѣдный другъ, какъ вы достойны сожалѣнія! Берегите свое здоровье. Мнѣ не нужно вамъ это говорить: вы никогда не забудете тѣхъ обязанностей, которыя привязываютъ васъ къ этой жизни. Богъ одинъ знаетъ, когда и какъ я васъ снова увижу: три недѣли тому назадъ я рассчитывала быть въ Петербургѣ въ будущемъ мѣсяцѣ, но императоръ, прибывъ сюда, рѣшилъ иначе. Онъ считаетъ за лучшее, чтобы я его здѣсь ожи-

Графиня В. Н. Головина.

Съ миниатюры, рисованной карандашомъ и принадлежащей княгинѣ Баратовой.

дала, чтобы черезъ 6 недѣль съѣхаться съ нимъ въ Вѣнѣ и провести тамъ съ нимъ время конгресса. Это соображеніе и его желаніе должны были заставить меня рѣшиться на это, хотя не безъ труда. Я испытываю несказанное безпокойство и нетерпѣніе вернуться въ Россію, и я чувствую, что буду спокойна только тогда, когда тамъ буду. Это испытаніе новаго рода для меня. Богъ создаетъ иногда изъ положенія, повидимому, самаго желательнаго

самое тяжелое испытаніе. Ахъ, я больше, чѣмъ когда либо, увѣрена, что счастье и отдыхъ существуютъ только въ другой жизни! Я вамъ говорю только о себѣ, но я не прошу у васъ въ этомъ извиненія. Я слишкомъ увѣрена въ вашей дружбѣ ко мнѣ, чтобы не думать, что даже среди вашего горя вы принимаете участіе во всемъ томъ, что меня касается. Нѣтъ такихъ друзей, какъ вы, и сладостно отдохнуть, останавливаясь въ мысляхъ на подобномъ сердцѣ. Я знаю, какъ страдалъ вашъ мужъ, я знаю, что сдѣлала Паша. Пусть Богъ хранить эти дорогія существа, и вы еще будете счастливы въ этой жизни. Скажите имъ всѣмъ, что я чувствую къ нимъ и къ вамъ. Напишите мнѣ, надѣюсь, не будетъ нескромностью попросить васъ объ этомъ. Раздѣлите со мной вашу горе, и мое сердце сумѣетъ его оцѣнить. Говорите мнѣ больше о той, которую вы только что потеряли, сообщите мнѣ всѣ подробности ея послѣднихъ минутъ. Мнѣ настоятельно нужно ихъ знать. Прощайте, бѣдный, бѣдный другъ, да поддержитъ васъ Богъ».

Это письмо наполнило меня благодарностью и чувствомъ покорности. Одна лишь глубокая привязанность къ императрицѣ могла въ это время облегчить тяжесть моего сердца.

Моя жизнь измѣнила свой характеръ. Вѣрный и надежный другъ не существовалъ больше, мнѣ нужно было всецѣло бы открыть свое сердце друзьямъ, а у меня не было больше этой дружбы, которая не переставала бы меня поддерживать. Сердечныя привязанности, которыя мнѣ остаются, требуютъ съ моей стороны полного самопожертвованія. Я безропотно этому покоряюсь: когда Богъ отнимаетъ у насъ дорогой предметъ нашей привязанности, онъ насъ привязываетъ къ себѣ съ бѣльшей силой. Нѣкоторые разсудительные люди мнѣ говорятъ, что когда имѣешь такихъ дѣтей, какъ мои, можно утѣшиться. Но дѣтей, которыхъ я люблю и обожаю, я имѣла также и при жизни моего друга. Какъ будто у меня было ожерелье изъ драгоценныхъ камней, которое составляетъ основаніе богатства, лучшій камень потерянъ и не можетъ быть замѣненъ, ожерелье разрушено. Надо чувствовать, чтобы судить, и нельзя прикладывать свою точку зрѣнія къ чувствамъ другихъ. Каждый посвоему принимаетъ удары судьбы.

Вернувшись въ свой городской домъ, я испытала массу ощущеній, которыя мнѣ трудно будетъ выразить. Комната, въ которой скончалась м-ме де-Тарантъ, дороже мнѣ всѣхъ сокровищъ. Я спала въ комнатѣ рядомъ, и мнѣ часто казалось, что я слышу ея стоны. Мои друзья посѣщали меня, герцогиня продолжала высказывать мнѣ свое участіе и привязала меня къ себѣ на всю жизнь.

Почти въ это же самое время пріѣхала въ Петербургъ Аглая Давыдова, урожденная де-Грамонъ. М-ме де-Тарантъ чувствовала въ этой молодой женщинѣ истинную любовь. Ея несчастія, ея молодость, опасности, окружавшія ее, требовали для нея опоры. Мой уважаемый другъ взялъ это на себя. Благодарность и привязан-

ность къ ней Аглаи возбудили мое участіе. Довѣріе, которое она мнѣ высказала, заставило меня попытаться быть ей полезной. Осмѣливаюсь думать, что я имѣла счастье предохранить ее отъ нѣкоторыхъ опасностей. Но пустота, которую я испытывала и до сихъ поръ испытываю, останется навсегда тою же самою.

Политическія событія (1815 года), столь великія и рѣшительныя, интересовали меня только на половину. Все потеряло свою цѣну въ моихъ глазахъ, разъ я не имѣла возможности ни съ кѣмъ подѣлиться своими впечатлѣніями. Я была счастлива только тогда, когда одна передъ Богомъ призывала душу м-ше де-Тарантъ, прося ее молиться за меня. Вѣнскій конгрессъ, который долженъ былъ продолжаться только шесть недѣль, продолжался девять мѣсяцевъ. Продолжительность политическихъ переговоровъ приводила въ уныніе умы, и слава императора, столь прекрасная, нѣсколько потускнѣла въ глазахъ многихъ. Зрѣлище свѣта, когда онъ возбужденъ великими событіями, можетъ быть сравниваемо съ ходомъ театральнаго представленія. Если выдающіеся моменты дѣйствія не связаны такимъ образомъ, чтобы привести къ простой, естественной развязкѣ, пьеса кажется неудачной. Стремленіе пытливыхъ умовъ проникнуть въ будущее приводитъ ихъ къ заблужденію, а въ политикѣ таинственное затишье ведетъ только къ возбужденію подозрѣнія. Императрица все время празднествъ оставалась въ Вѣнѣ; затѣмъ она вернулась къ принцессѣ, своей матери. Появленіе Бонапарта во Франціи вызвало уныніе: видѣли, какъ снова появилась эта воинствующая шайка, которую событія придавили на время; но императоръ Александръ, предназначенный Провидѣніемъ покровительствовать законному дѣлу, восторжествовалъ, съ помощью Англіи, надъ этой попыткой и добился второго возвращенія французскаго короля въ его государство. Людовикъ XVIII не былъ больше принятъ съ энтузіазмомъ, его королевскій вѣнецъ сталъ болѣе, чѣмъ когда либо терновымъ вѣнцомъ, союзники предлагали уже раздѣлить его государство, но императоръ Александръ все еще былъ покровителемъ законнаго дѣла. Минута возвращенія въ Петербургъ императора и императрицы приближалась. Они прибыли въ декабрѣ мѣсяцѣ. Дворъ сталъ очень блестящимъ ¹⁾, а свадьбы двухъ сестеръ императора повели за собой большое число праздниковъ. Послѣ того письма, которое я получила отъ императрицы Елисаветы и которое я привела выше, мнѣ было позволено питать нѣкоторую надежду. Я ее видѣла въ свѣтѣ, во дворцѣ; ея смущеніе, холодный видъ императора, меня очень разочаровали, доказавъ мнѣ, что мнѣ предстоятъ новыя испытанія. Я имъ покорилась съ тѣмъ большимъ мужествомъ, что я испытывала уже раньше подобное несчас-

¹⁾ Принцъ Оранскій прибылъ въ Петербургъ немного позже ихъ величествъ. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

тѣ. Глубокая печаль способна разрушить иллюзіи. Мои неослабныя чувства къ императрицѣ восторжествовали надъ всѣмъ. Мое сердце страдало, но я не испытывала никакого ущерба моему самолюбію.

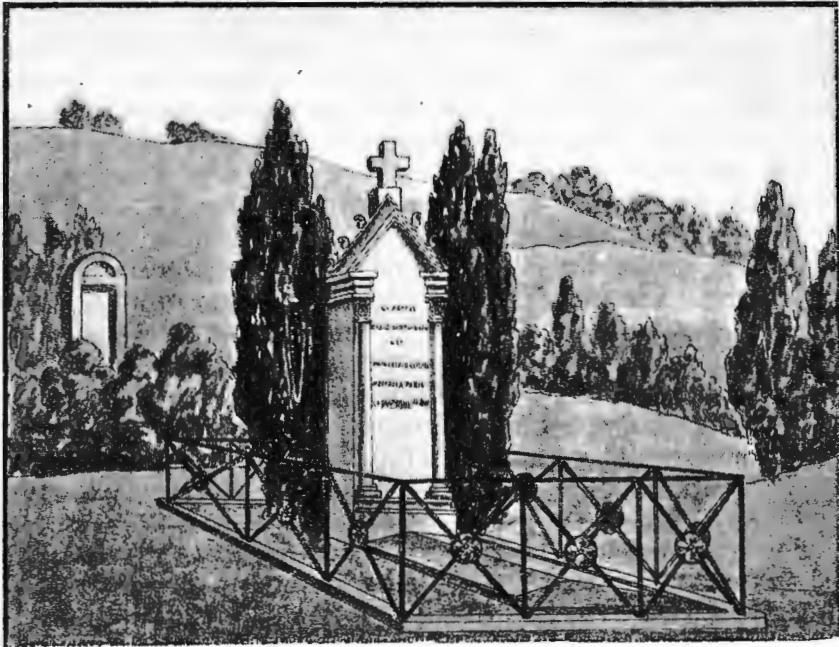
Я часто получала письма отъ своихъ парижскихъ друзей: ихъ любовь ко мнѣ увеличилась со смертью м-ше де-Тарантъ. Баронесса де-Бомонъ, ея старый другъ, бѣдная и добродѣтельная, жила въ это время только на ту пенсію, которую ей посылала м-ше де-Тарантъ; между тѣмъ, она думала, что получала ее по милости императрицы. Деликатность, пытавшаяся скрыть свои благодѣянія, тѣмъ болѣе предпочитала скрыться за это имя, что безъ щедрости императрицы м-ше де-Тарантъ не была бы въ состояніи помочь своей подругѣ: она секретно получала отъ императрицы пенсію въ 5.000 рублей. Когда м-ше де-Тарантъ умерла, я рѣшила добиться для баронессы продолженія назначенной ей пенсіи. Я рѣшилась поговорить объ этомъ съ императрицею и, не имѣя возможности видѣть ее глазъ на глазъ, осмѣлилась на балу у императрицы матери обратиться къ ней. Я думала, что не нужно размышлять о себѣ, когда дѣло идетъ объ оказаніи услуги другому, въ особенности же не нужно дать себя обезкуражить препятствіями, надъ которыми должны взять верхъ рвеніе и настойчивость. Я рассчитывала также много на желаніе императрицы дѣлать добро и на воспоминаніе, которое она сохранила о м-ше де-Тарантъ. Моя попытка удалась. Она приказала мнѣ послать ей съ моимъ мужемъ записку по этому поводу. Я повиновалась безотлагательно и на слѣдующій день получила деньги и записку, составленную въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Я посылаю графу Головину годовую пенсію, которую я съ удовольствіемъ буду продолжать давать госпожѣ де-Бомонъ. Я ей посылаю эту сумму, потому что я въ это же время имѣю ей послать другую. Я недовольна тѣмъ, что не имѣю возможности съ вами говорить, мнѣ нужно задать вамъ тысячу вопросовъ, но въ настоящее время это невозможно, нужно ждать. Сколько перемѣнъ влечетъ за собой время! Могу ли я пока спросить васъ о вашей исторической работѣ? Со времени несчастія, постигшаго васъ, я думаю, вы ею не занимались. Но я увѣрена также, что вы ее не забыли, и я очень желала бы снова увидѣть ее, если это возможно. Въ моемъ уединеніи всѣ виды умственныхъ занятій мнѣ полезны, а это будетъ отдыхомъ для меня. Въ день, когда вы сможете безъ того, чтобы это много вамъ стоило, собрать всѣ бумаги, пошлите ихъ мнѣ, если это возможно, а если это невозможно, скажите мнѣ это, я откажусь отъ этого безъ труда».

Вотъ мой отвѣтъ на записку ея величества:

«Благодѣяніе, только что оказанное вашимъ императорскимъ величествомъ баронессѣ де-Бомонъ, проникаетъ меня благодарностью. Все, что имѣетъ отношеніе къ памяти м-ше де-Тарантъ, имѣетъ

особенную власть надъ моею душею. Вы улаждаете горечь наиболѣе страдающаго существа, вы возвращаете жизнь той, которая потеряла надежду жить; благодареніе это мнѣ такъ же дорого, какъ и ей, въ особенности, потому что мы будемъ столь счастливы быть обязанными этимъ вашему величеству. Что же касается до историческихъ воспоминаній, то мнѣ невозможно отослать мое марапіе вашему величеству. Крайне необходимо ихъ переписать, у меня нѣтъ больше глазъ для этого, мое зрѣніе потеряно на три четверти

Могила графини В. Н. Головиной въ Парижѣ, на кладбищѣ St. Germain des Près.

(На памятникѣ слѣдующая надпись: «Comtesse Golovine, née Galitzine, morte à Paris en 1825. Enterrée à st. Germain des Près»).

Съ рисунка, сообщеннаго графомъ Мнишкомъ.

послѣ страшнаго несчастія: я пишу только въ очкахъ, а по утрамъ и по вечерамъ даже они не приносятъ мнѣ облегченія. Если вы достаточно довѣряете моей дочери, за которую я вамъ отвѣчаю, какъ за самое себя, то я ей поручу заботу о нихъ. М-ме де-Тарантъ переписала нашу работу до смерти императора Павла. На этомъ мѣстѣ ваше величество изволили остановиться. Я продолжала съ этого времени описаніе только тѣхъ событій, которыя касались меня лично, прибавивъ, что такъ какъ я была разлучена съ вашимъ

величествомъ, то моя исторія не можетъ сопровождать вашу, и что я возстановлю всё подробности до момента, когда, возвратившись изъ своего путешествія и снова приближенная къ вамъ, могла узнать истинную правду. Я подробно описала мои путешествія и остановилась на смерти моей матери во время моего пребыванія въ Дрезденѣ. Дальше я не продолжала. Болѣзнь и страданія моей уважаемой подруги поглощали меня всецѣло. Смѣю увѣрить ваше величество, что эта потеря, эта смерть и эта печаль еще такъ же живы, какъ и въ первую минуту. Я снова примусь за эту работу, если ваше величество желаетъ ею заняться, и вы сами увидите, въ какомъ мѣстѣ моихъ мемуаровъ они будутъ нуждаться въ вашихъ дополненіяхъ. Я вамъ доставлю черезъ моего мужа, если вы прикажете, отрывки, которые вы были добры мнѣ довѣрить. Повѣрьте, ваше величество, что я всегда съ уваженіемъ покорюсь условіямъ, исходящимъ отъ васъ. Моя судьба — быть неизвѣстной, моя совѣсть слишкомъ чиста, чтобы я пыталась оправдываться. Благоволите повѣрить, что, несмотря на все то, что можетъ случиться, моя почтительная преданность и вѣрность останутся всегда одинаковыми. Я счастлива, я возсылаю благодарность Богу за то, что я привязана къ вамъ изъ-за васъ, не такъ, какъ любятъ въ этомъ печальномъ свѣтѣ. Соблаговолите милостиво принять мое глубочайшее почтеніе».

Я увидѣла императрицу на одномъ большомъ балу послѣ того, какъ написала ей эту записку. Она сказала мнѣ, чтобы я оставила записки такими, какъ они есть, но я ихъ продолжала для самой себя.

Немного времени спустя послѣ прибытія ихъ величествъ изъ Петербурга, выслали іезуитовъ. Этотъ энергичный правительственный актъ былъ вызванъ боязнью совращеній въ католическую религію. Іезуитовъ подозрѣвали въ попыткахъ совратить большое число лицъ, особенно свѣтскихъ женщинъ въ католичество, и императоръ былъ принужденъ дѣйствовать такимъ образомъ. Это событіе повело за собою много тяжелыхъ послѣдствій для нѣкоторыхъ семействъ, и этому обстоятельству, я думаю, я должна приписать то болѣе замѣтное охлажденіе, которое выказывалъ мнѣ императоръ. Я могу отнести только къ его милостямъ къ моему мужу то нѣкоторое вниманіе, которое онъ изволилъ оказать моимъ дѣтямъ и мнѣ.

Весною 1816 года, Катя Любомирская объявила мнѣ о прибытіи графини Ржевусской, двоюродной сестры ея мужа. Я ее уже давно знала по наслышкѣ и питала къ ней особенное уваженіе. Заря ея жизни прошла въ тюрьмѣ. Она родилась во Франціи и оставалась тамъ со своею матерью, которая была одной изъ жертвъ революціонныхъ варварствъ и погибла послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія. Ея семилѣтняя дочь осталась одна во власти тюремнаго сторожа. Онъ плохо обращался съ нею и почти отказывалъ ей въ

сухомъ хлѣбѣ, служившемъ ей единственною пищею. Князь Любомирскій, отецъ Розаліи (имя графини), былъ на французской службѣ, но въ это время онъ тамъ не находился и не зналъ о судьбѣ своей дочери. Онъ наконецъ узналъ объ этомъ и потребовалъ ея выдачи. Особа, на которую возложено было это порученіе, прибыла за три дня до того момента, который былъ назначенъ для помѣщенія Розаліи въ воспитательный домъ. Тамъ бы она погибла безвозвратно. Такое необыкновенное начало, кажется, послужило школой всѣмъ ея добродѣтелямъ, ея уму и ея душѣ. Я познакомилась съ г-жею Ржевусской. Катя привезла ее ко мнѣ 15-го мая, черезъ два дня послѣ ея пріѣзда въ Петербургъ. Моя дружба съ m-me де-Тарантъ ее давно интересовала, рассказъ о ея смерти растрогалъ ее необычнымъ сродствомъ ихъ душъ и отношеніями, существовавшими между ихъ душами и ихъ принципами. Это сходство меня поразило, оно вырвало мое сердце изъ могилы, въ которую оно часто погружалось. Это знакомство будетъ имѣть вліяніе на мою жизнь, и, говоря о себѣ, я должна говорить о ней.

Императоръ не взялъ съ собой въ путешествіе графа Толстого, здоровье котораго стало плохо и который не имѣлъ силъ переносить быстроту поѣздокъ его величества. Его болѣзнь нужно приписать большею частью этимъ путешествіямъ и волненіямъ, сопряженнымъ съ его мѣстомъ. Болѣзнь была продолжительна и тягостна, у него были только короткіе промежутки отдыха и улучшенія. Онъ былъ очень огорченъ, видя себя въ разлукѣ съ императоромъ; онъ видѣлъ, какъ вмѣстѣ съ его вліяніемъ уменьшилось большое количество его случайныхъ друзей. Но, снова сходясь съ нами, онъ нашелъ, что ихъ еще имѣеть. Ничего нѣтъ болѣе сладостнаго для сердца, какъ забыть зло, которое ему причинили. Эта истина примѣнима къ графу Толстому, который, будучи искренно привязанъ къ императору, не имѣлъ чувства мѣры въ томъ обожаніи, которое ему выказывалъ, и обезчестилъ благородную роль вѣрноподданнаго низкими услугами. Это значило нанести ущербъ своему государю и самому себѣ. Возвращеніе императора не принесло никакого облегченія его положенію: оно было уже слишкомъ плохо, чтобы поправиться. Его величество навѣстилъ его и всѣми средствами старался его утѣшить; созвали всѣхъ докторовъ, но они только увеличили его опасенія и его страданія.

Я проводила лѣто снова на моей дачѣ на Петергофской дорогѣ. Я отправлялась аккуратно разъ въ недѣлю къ графу Толстому на Каменный островъ. Я уѣзжала спозаранку съ моими дѣтьми, мы вмѣстѣ остававались у m-me Ржевусской, которая отправлялась затѣмъ съ нами. Я всегда старалась избѣжать встрѣчи съ ихъ величествами, которые почти ежедневно являлись къ графу Толстому. Я считала особенно неудобнымъ встрѣтить императрицу, что имѣло бы видъ, что я заставляю ее себя видѣть. Катя жила съ сво-

имъ отцомъ. Въ августѣ мѣсяцѣ она имѣла несчастье потерять свою дочь, которая была прелестнымъ ребенкомъ. Это тяжелое обстоятельство заставило меня оставаться дольше у нея. Однажды вечеромъ мы сидѣли на балконѣ: графиня Ржевуская, княгиня Барятинская—невѣстка графа, мои дочери и я, когда объявили о пріѣздѣ императрицы. Мы остались на своихъ мѣстахъ. Ея величество прямо прошла въ комнату графа и увидѣла тамъ Катю. Когда ея визитъ окончился, она велѣла позвать меня въ гостиную, примыкавшую къ балкону. Несчастье Кати живо ее тронуло, она мнѣ много говорила объ этомъ: кто могъ лучше ея раздѣлить материнскую печаль! Она мнѣ сказала, что, пріѣхавъ, меня замѣтила черезъ окно, но что она не хотѣла показаться на балконѣ съ красными опухшими отъ слезъ глазами. Взявъ меня за руки, она заговорила о вечерахъ, проведенныхъ нами въ этомъ домѣ, о страшной потерѣ, понесенной мной, и о печали, испытываемой ею изъ-за того, что она ничего не сдѣлала для меня. Этотъ проблескъ дружбы принесъ мнѣ больше зла, чѣмъ добра; мое шаткое и неувѣренное положеніе относительно императрицы слишкомъ тяжело противопоставалось строгости моей привязанности къ ней. Я ее потеряла изъ виду на нѣкоторое время. Мое пребываніе на дачѣ возбуждало во мнѣ раздрающія душу воспоминанія; каждый шагъ наталкивалъ меня на слѣды т-ше де-Тарантъ. Ея островъ, кусты, посаженные ею, пережившіе ее, придавали моимъ мыслямъ грустный и мрачный оттѣнокъ. Графиня Ржевуская нѣсколько разъ пріѣзжала побыть у насъ нѣсколько дней. Присутствіе ея и прелесть ея общества доставили мнѣ много хорошихъ минутъ. Она со мной была нѣсколько разъ въ Павловскѣ, гдѣ императрица-мать меня принимала всегда милостиво.

На костюмированномъ балу въ Петергофѣ императоръ оказалъ мнѣ честь, танцуя со мной польскій. Онъ много говорилъ со мной о моемъ мужѣ, который былъ тогда въ отсутствіи; возвращенія или встрѣчи съ нимъ въ Москвѣ, куда его величество долженъ былъ немедленно отправиться, онъ, кажется, желалъ. Я должна прибавить здѣсь, что когда мой мужъ откланивался императору, у него былъ съ его величествомъ разговоръ, и государь заставилъ его дать честное слово, что онъ исполнитъ ту просьбу, которую онъ выскажетъ. Императоръ тогда потребовалъ, чтобы послѣ своего возвращенія мой мужъ вступилъ на дѣйствительную службу. «Я вамъ клянусь,—прибавилъ онъ,—что я никогда не мѣнялся по отношенію къ вамъ. Я это говорю передъ Богомъ и передъ людьми; довѣріе, которое я имѣю къ вамъ, равняется столь заслуживаемому вами уваженію. Повѣрьте, что я умѣю оцѣнить то, что васъ интересуетъ». Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по возвращеніи моего мужа, императоръ напомнилъ ему его обѣщаніе, особенно милостиво разговаривалъ съ нимъ и назначилъ его членомъ госу-

дарственного совѣта, давъ ему возможность стать дѣйствительно полезнымъ. Императоръ совершилъ путешествіе по Россіи и Польшѣ и вернулся къ началу октября.

Такъ какъ графъ Толстой страдалъ все больше и больше, то врачи рѣшили, что онъ долженъ отправиться за границу. Онъ уѣхалъ со своей дочерью и сыномъ въ концѣ августа. Они совершили тяжелое путешествіе, которое оказалось, однако, бесполезнымъ, такъ какъ предпринято было слишкомъ поздно. Они завтракали у насъ, проѣзжая мимо, и я съ нимъ простилась, какъ съ умирающимъ, на котораго онъ былъ такъ похожъ. Дѣйствительно, онъ окончилъ свои дни въ Дрезденѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Зима не принесла ничего особенно замѣчательнаго для меня. Около января 1817 г. я осмѣлилась напомнить императрицѣ о пенсіи, которую она давала баронессѣ де-Бомонъ. Я попросила графиню Строгонову, которая имѣетъ честь быть близкой къ императрицѣ, взять на себя это дѣло, но, видя, что черезъ нѣсколько недѣль я не получаю никакого отвѣта, я рѣшилась сама заговорить объ этомъ и сдѣлала это на одномъ балу. Немного дней спустя, я получила деньги и нѣсколько очень любезныхъ словъ.

Ея высочество герцогиня Виртембергская была въ Витебскѣ въ теченіе 1½ лѣтъ, я имѣла честь быть въ перепискѣ съ нею, и очень жаждала ея возвращенія, столько же ради императрицы, столько и ради себя. Она пріѣхала къ новому году, я встрѣтилась съ нею съ искреннею радостью; ея милости ко мнѣ привязали меня къ ней на всю жизнь. Я имѣла честь видѣть ее нѣсколько разъ у нея дома, и посредствомъ ея я имѣла случай вести нѣкоторыя сношенія съ императрицей. Я осмѣлилась попросить ея величество одолжить мнѣ бронзовое изображеніе Христа, которое она соблаговолила принять отъ меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Она снизошла къ моей просьбѣ, и эта посылка сопровождалась очень любезной запиской, которую она удостоила мнѣ написать. Я велѣла снять слѣпокъ съ этого изображенія Христа и вернула его ея величеству. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, ея высочество герцогиня Виртембергская призвала меня къ себѣ и черезъ четверть часа, къ моему глубокому удивленію, я увидѣла входившую императрицу. Она мнѣ сказала, что узнавъ, что я у герцогини, хотѣла лично мнѣ передать письмо отъ графини Толстой. Мы усѣлись. Я принесла герцогинѣ изложеніе нѣкоторыхъ моихъ мыслей и воспоминаній. Императрица хотѣла ихъ прочесть, а это повело за собой бесѣду о прошломъ. Она изволила мнѣ сказать, что сохранила мою небольшую записку, въ которой я ей совѣтовала быть снисходительной къ другимъ и строгой къ себѣ самой. Она прибавила, что часто пыталась приложить этотъ совѣтъ къ дѣлу. Послѣ часоваго разговора императрица простилась со мной, пожавъ мнѣ руку; я поцѣловала ея руку отъ всего сердца. Вскорѣ затѣмъ

встрѣтилась съ нею во второй разъ. Ея величество была огорчена преждевременною смертью одной молодой нашей знакомой. Нашъ разговоръ былъ чувствителенъ и важенъ: я находила въ немъ нѣкоторыя проблески прошедшаго. Это прошедшее становится столь могущественнымъ, когда я снова имѣю передъ глазами то, что наиболѣе украшало его. Когда воспоминаніе пробуждается неодушевленными предметами, оно ищетъ того, что могло бы сдѣлать его болѣе осязательнымъ. Оно страдаетъ отъ отсутствія и дѣлаетъ насъ разсѣянными ко всему окружающему. Но если оно его снова находитъ, то сила чувства заставляетъ насъ все чувствовать, даже воздухъ, которымъ дышали.

Однажды утромъ я отправилась къ герцогинѣ; черезъ минуту послѣ моего прихода дверь гостиной тихо отворилась, и появилась императрица. Она мнѣ сказала, входя: «Мое сердце угадало, что вы здѣсь находитесь, и я поспѣшила прійти». Она сѣла, спросила меня о моемъ здоровьѣ, упомянула о необходимости ѣхать на воды. Мы смѣялись надъ новой медицинской системой, увѣрявшей, что сердце находится на правой сторонѣ. Затѣмъ рѣчь зашла о воспоминаніяхъ, которыя я пишу, и тонъ разговора перемѣнился. Императрица соблаговолила сказать мнѣ, что она поздравляла себя съ тѣмъ, что предложила мнѣ предпринять эту работу; мы бесѣдовали о томъ, что въ ней заключалось, и послѣ минуты размышленія она милостиво прибавила: «Боже, когда я смогу васъ свободно видѣть? Надѣюсь, скоро». На этотъ вопросъ я смолчала: почтительное молчаніе было единственнымъ отвѣтомъ, который я могла дать. Сдѣлавъ нѣсколько указаній, касавшихся нашихъ «Записокъ», ея величество ушла скорѣе, чѣмъ она, казалось, сама этого желала, такъ какъ ей необходимо было перемѣнить туалетъ для параднаго обѣда. Герцогиня высказала мнѣ удовольствіе, которое она испытывала, видя участіе, которое, казалось, императрица выражала ко мнѣ. Я осмѣлилась попросить у ея величества книгу рисунковъ, которые я сдѣлала для нея 4 года назадъ. Она милостиво отослала мнѣ ее и написала мнѣ очень милостивую записку, на которую я имѣла честь отвѣчать, отсылая назадъ книгу, въ которую я помѣстила кое-что новое.

Въ день Пасхи императоръ пожаловалъ шифръ моей младшей дочери.

Я рассказала массу маленькихъ событій, которыя не могутъ всѣхъ интересовать, но нельзя забывать, что я пишу не мемуары, а воспоминанія, изъ которыхъ тѣ, которыя касаются императрицы, имѣютъ для меня громадную цѣну.

Нельзя равнодушно слѣдовать по тѣмъ тропинкамъ, по которымъ проходили на зарѣ жизни. Сердце также имѣетъ тропинки, по которымъ любятъ ходить; тропинками этими являются честныя и чистыя чувства, а предѣлами ихъ является наша могила.

Графиня Варвара Головина.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

«Записки» графини В. Н. Головиной, которыя, вѣроятно, не накучили читателямъ «Историческаго Вѣстника», окончены печатаніемъ. Читатели могли прослѣдить за ними въ полномъ ихъ видѣ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, выброшенныхъ по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, и сами могутъ рѣшить теперь вопросъ о ихъ значеніи и нравственной личности ихъ автора. Для меня, какъ издателя «Записокъ» графини Варвары Николаевны, пріятно отмѣтить, что появленіе ихъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» пробудило интересъ къ памяти нашей симпатично-скромной соотечественницы и вызвало на свѣтъ Божій новые матеріалы о ея жизни, сообщенные мнѣ разными лицами. Особенно долженъ я поблагодарить за доставленные мнѣ свѣдѣнія князя А. М. Голицына, внука родного брата Головиной, владѣющаго нынѣ селомъ Петровскимъ, гдѣ она провела свое дѣтство,—графа Бреверна, графа Льва Мнишка, родного правнука Головиной, и княгиню В. И. Баратову. Собранными свѣдѣніями считаю себя обязаннымъ подѣлиться и съ читателями, въ дополненіе къ тому, что было уже сказано мною о графинѣ В. Н. Головиной и ея «Запискахъ» въ предисловіи къ нимъ. Въ біографіи Головиной намѣчаются новыя «тропинки», которыми, и на этотъ разъ, «являются честныя и чистыя чувства». По тропинкамъ этимъ мнѣ пріятно провести и читателя.

Прежде всего, однако, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о подлинной рукописи «Записокъ» В. Н. Головиной. Отцы іезуиты молчатъ о фактѣ находенія у нихъ оригинала «Записокъ», и лишь одинъ достопочтенный членъ ихъ ордена устно самымъ положительнымъ образомъ заявилъ, что оригинала «Записокъ» нѣтъ въ іезуитскихъ архивахъ; въ то же время есть свѣдѣнія, что экземпляръ «Записокъ» хранился въ Австріи, у внучки Головиной, графини Ланскоронской, во второмъ бракѣ графини Фицтумъ, и что у сына ея, графа Ланскоронскаго, хранится и портретъ Головиной, писанный Виже-Лебрень. Возникаетъ, однако, вопросъ: не хранится ли у графа Ланскоронскаго лишь копія съ подлинныхъ «Запи-

сокъ», подобная той, которая была въ Россіи у внука Головиной, графа Фредро, и поднесена была имъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ? Пока вопросъ этотъ не будетъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, мы не можемъ, какъ желали бы, извиниться предъ отцами іезуитами въ напрасномъ поклепѣ на нихъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ, несомнѣнно достовѣрно, хранится много бумагъ дочери Головиной, Прасковьи Николаевны Фредро, которыми пользовался біографъ Свѣчиной, іезуитъ Falloux, а также бумаги самой Свѣчиной, «Записки» ея мужа, бывшаго петербургскимъ военнымъ губернаторомъ при Павлѣ, и другіе важные матеріалы. Отцы іезуиты снискали бы себѣ благодарность русскаго общества, если бы хотя отчасти подѣлились съ нимъ своими историческими сокровищами, относящимися къ столь давнему времени.

О молодыхъ годахъ графини Варвары Николаевны мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось узнать ничего существенно новаго. По приглашенію князя А. М. Голицына, владѣльца села Петровскаго, я провелъ два дня нынѣшнимъ лѣтомъ въ этомъ красивомъ, поэтическомъ имѣніи, гдѣ дѣвочка-Голицына, впослѣдствіи Головина, провела беззаботно свое дѣтство. Увы, отъ стараго каменнаго ея дома съ башенками не осталось и слѣдовъ: на его мѣстѣ возвышается красивый, въ итальянскомъ стилѣ, большой домъ-палаццо, воздвигнутый въ началѣ нынѣшняго столѣтія братомъ Головиной, княземъ Ѳедоромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Измѣнился отчасти и наружный видъ старинной церкви, стоящей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома и выстроенной въ концѣ XVII вѣка: куполь — итальянскаго стиля и, вѣроятно, сооруженъ одновременно съ новыхъ домомъ. Даже природа Петровскаго уже не совсѣмъ та, что было 130 лѣтъ тому назадъ: рѣка Москва и впадающая въ нее Истра очень обмелѣли, а дубовый лѣсъ, окружавшій старый домъ, смѣнился хвойнымъ. Остался неизмѣннымъ лишь характеръ мѣстности, гористый, съ треугольникомъ двурѣчія, да сохранилась въ неприкосновенности внутренность церкви, гдѣ много слезъ пролито было Головиной въ религиозномъ экстазѣ: во внутренности большого столба, находящагося посрединѣ церкви, находится небольшая келейка-моленная, съ окошечкомъ, обращеннымъ къ иконостасу, и въ ней-то, въ полномъ уединеніи, и молились Богу боярыни и боярышни; въ ней, конечно, молилась и плакала и Головина¹⁾.

Зато въ самомъ домѣ неожиданно глянула на меня своими глубокими, блестящими глазами сама Варвара Николаевна Головина съ чуднаго портрета пастелью, висящаго на стѣнѣ. Свѣжесть красокъ — изумительная, и молодая, нѣжная красавица, вѣроятно, но-

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія о селѣ Петровскомъ сообщены въ «Матеріалахъ для исторіи рода князей Прозоровскихъ» кн. М. М. Голицына (Приложеніе къ «Русскому Архиву» 1899 г., № 7, 48—53).

воображая, изображена как бы вчера. Читателямъ нѣсколько знакомъ этотъ портретъ по снимку въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», и они могутъ понять, съ какимъ удовольствіемъ я увидѣлъ его, зная уже изъ предисловія къ «Запискамъ», что до сихъ поръ не было извѣстно ни одного портрета Головиной. Вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ я доброе лицо 12-лѣтней дѣвочки, съ наивнымъ взглядомъ и веселой улыбкой: это та же Варвара Николаевна, въ дѣтствѣ, на портретѣ масляными красками; возлѣ нея и вокругъ нея такіе же портреты ея мужа, отца, матери, дяди—знаменитаго Ивана Ивановича Шувалова, брата—князя Ѳедора Николаевича и другихъ лицъ; далѣе показались портреты Головиной, уже старушки, а также двухъ ея дочерей: Фредро и Потоцкой. Любезный хозяинъ Петровскаго сдѣлалъ мнѣ новый сюрпризъ, дозволивъ воспользоваться изъ своего домашняго архива уцѣлѣвшею перепиской брата Головиной, князя Ѳедора Николаевича, и нѣкоторыми другими документами, въ копіяхъ, святыхъ кн. Н. В. Голицынымъ и А. В. Голицынымъ.

Матеріалы эти, въ связи съ другими данными, объясняютъ нѣсколько пробѣлы «Записокъ» Головиной въ томъ, что касается ея самой, а также брата ея князя Ѳедора Николаевича Голицына. Уже извѣстно, что, послѣ смерти И. И. Шувалова, Головина, вмѣстѣ съ матерью, попала въ руки іезуитовъ и французскихъ эмигрантовъ; извѣстно также, что супругъ ея, графъ Н. Н. Головинъ, блиставшій своими познаніями и вкусомъ въ свѣтскомъ обиходѣ, былъ типичнымъ образцомъ вельможнаго фата конца XVIII вѣка и вель легкомысленный и расточительный образъ жизни: есть прямое извѣстіе, что у него, въ началѣ царствованія Павла, оказался незаконный сынъ, которому пожаловано было дворянское достоинство и фамилія Ловинъ. Князь Ѳедоръ Голицынъ не могъ сочувствовать семейной и общественной обстановкѣ сестры: онъ не терпѣлъ ни эмигрантовъ, ни іезуитовъ, и съ неудовольствіемъ видѣлъ, что къ нимъ можетъ перейти постепенно все состояніе, какъ самой Головиной, такъ и его матери, княгини Прасковьи Ивановны Голицыной, не разлучавшейся съ дочерью. Этимъ настроеніемъ брата и сестры воспользовался какой-то выходецъ, нѣкто Вилькесъ, довѣренное лицо слабохарактернаго князя Ѳедора, чтобы въ началѣ царствованія императора Александра возбудить тяжёлое дѣло противъ графа Головина по поводу недоразумѣній, возникшихъ при дѣлѣжѣ Шуваловскаго наслѣдства. Дѣло это передано было императоромъ Александромъ на разсмотрѣніе Державину, бывшему въ то время министромъ юстиціи, но окончилось ничѣмъ, такъ какъ выставленные Вилькесомъ свидѣтели отказались подтвердить его обвиненія. Предлагаемая переписка между дѣйствующими лицами вполне характеризуетъ обострившіяся между братомъ и сестрою отношенія и истинныхъ, прямыхъ и косвенныхъ, виновниковъ этого тяжёлаго дѣла.

Письмо отъ 15 апрѣля 1803 года Гавріила Романовича Державина князю Ѡ. Н. Голицыну изъ Петербурга.

«Милостивый государь мой, князь Ѡедоръ Николаевичъ. По содержанию письма вашего сіятельства, въ коихъ изволили изъяснить, что оставленное покойнымъ оберъ-камергеромъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ завѣщаніе, о которомъ начато вами дѣло съ зятемъ вашимъ, графомъ Головинымъ, было читано въ присутствіи князя Петра Алексѣевича Голицына¹⁾ и его супруги, и что потомъ графиня Головина письмомъ убѣждала его умолчать о той духовной, что относилъ я къ князю Петру Алексѣевичу и какой получилъ отъ него отвѣтъ, съ онаго включая здѣсь копію, покорнѣйше прошу, буде вы имѣете какія либо доказательства о существованіи того завѣщанія, доставить ихъ ко мнѣ. Я такъ же писалъ и къ уполномоченному отъ васъ господину Вилькесу, чтобы онъ, если есть у него что либо въ подкрѣпленіе вашего исканія, все то представилъ бы ко мнѣ. Честь имѣю и т. д.»

Копія съ письма князя Петра Алексѣевича Голицына къ Г. Р. Державину отъ 9 апрѣля 1803 г.

«Милостивый государь, Гавріиль Романовичъ. Письмо вашего высокопревосходительства, писанное отъ прошлаго марта 28-го числа, имѣлъ честь получить, въ которомъ изволите означивать, что его императорское величество всемилостивѣйшій государь императоръ препоручилъ вашему высокопревосходительству рассмотреть дѣло племянника моего князя Ѡ. Н. съ графомъ Н. Н. Головинымъ о необъявленіи и невыполненіи завѣщанія покойнаго оберъ-камергера, Ивана Ивановича Шувалова, и якобы о томъ увѣдомляетъ васъ князь Ѡ. Н., что упомянутое завѣщаніе было читано въ присутствіи моемъ, равномѣрно и жены моей.

«Въ отвѣтъ вашему высокопревосходительству имѣю честь донести... что я никакого завѣщанія не видалъ, то и читать было нечего... Сожалительно, милостивый государь, что князь Ѡ. Н. былъ къ тому приведенъ не самъ собой, но совѣтами и наставленіями иностранца Вилькеса, офицера какой-то службы, который у него править всѣмъ его имѣніемъ и который причиной сему процессу, вооружа мать противъ сына, а сына противъ матери... Духовную покойнаго оберъ-камергера графъ Головинъ при мнѣ отыскивалъ и при служителяхъ покойнаго, которыхъ при томъ было человѣка

¹⁾ Князь Петръ Александровичъ Голицынъ (1731—1810), оберъ-егермейстеръ, былъ двоюроднымъ братомъ отца В. Н. Головиной, кн. Николая Ѡеодоровича; женою онъ былъ въ это время вторымъ бракомъ на Дарьѣ Канниншнѣ Горемыкиной (1760—1836).

три, приказалъ принести ларчикъ, въ которомъ хранились нѣкоторыя вещицы, равно бумаги разныя и письма, и отыскивалъ духовную, которой въ томъ ларчикѣ не нашель, окромя одного лоскутка бумаги, рукой покойнаго писаннаго и во многихъ мѣстахъ замазаннаго; содержаніе писанія было о нѣкоторыхъ людяхъ его, о раздачѣ имъ денегъ, о чемъ мнѣ слышно было, что по той запискѣ люди были удовлетворены обще съ княгинею и сыномъ ея, но за вѣрное знать не могу. Потомъ графъ Головинъ заперъ тотъ ларчикъ и велѣлъ отнестъ на то же мѣсто, откуда и взять.

«Послѣ жъ сего времени вскорѣ я уже 6 недѣль въ домъ не ѣздилъ, по причинѣ, приключившейся графа Головина на дочери его, оспы, а что тогда происходило, то мнѣ неизвѣстно; да и въ то время уже и кн. Ѡ. Н. выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и жилъ въ домѣ у матери своей кн. Прасковіи Ивановны... Касающееся жъ до письма графини Головиной, то оное письмо по сему дѣлу ни малѣйшей важности не заключаетъ, а извѣщаетъ насъ о матери своей, что она ѣдетъ въ чужіе съ ними края, а сверхъ того пишетъ, что до нея дошло, что многіе клеветуютъ и бранятъ графа Головина по тому дѣлу, а такъ какъ я при томъ былъ, когда графъ Головинъ духовную отыскивалъ и оной не явилось, то чтобъ я тѣмъ людямъ заткнулъ ротъ, а притомъ приписываетъ, если что женѣ моей изъ Парижа понадобится, разумѣя изъ дамскихъ уборовъ, то чтобъ о томъ къ ней писала. Вотъ все содержаніе того письма, которое бѣ я охотно желалъ въ оригиналѣ вамъ доставить по требованію вашему оное, но боюсь Богомъ, что вездѣ отыскивалъ и не знаю, куда оное и какъ утрачено было, ибо оно было не важное, да и другой годъ мною полученное, то отъ того небреженіемъ утрачено, мнѣ сего очень самому жаль... Имѣю честь и т. д.».

Копія съ письма князя Петра Алексѣевича Голицына
Г. Р. Державину отъ 15 апрѣля 1803 г.

«Милостивый государь, Гавріиль Романовичъ, на прошедшей почтѣ сего текущаго мѣсяца апрѣля 9 дня имѣлъ честь отправить къ вашему высокопревосходительству письмо мое, писанное въ отвѣтъ вашего ко мнѣ письма; надѣюсь, что оное получить изволили. А при семъ другомъ моемъ письмѣ препровождаю и то письмо въ оригиналѣ, которое вы отъ меня требовали, писанное графиней Головиной. По счастью моему, оное отыскалось... Находка сего письма такъ важна, будто я бы нашель кладъ: оное можетъ вывести изъ сомнѣнія тѣхъ людей, которые считали, что я оное скрываю, и ваше высокопревосходительство усмотрите, что оное въ себѣ ни малѣйшей важности не заключаетъ въ разсужденіи дѣла, да и духовной не упоминаетъ... Цѣль же Вилькеса, такъ

какъ я думаю, единственно произошла отъ того, сдѣлавъ просьбу, еслибъ удалось ему выиграть процессъ, въ разсужденіи отсутствія графа Головина и княгини Прасковіи Ивановны, то онъ въ накладѣ бѣ не оставался, а еслибъ притомъ графъ Головинъ находился бѣ на службѣ или бы онъ и княгиня Прасковія Ивановна въ отсутствіи не были, то, я увѣренъ, Вилькесъ сего процессу не началъ бы»...

При этомъ приложена копія съ письма графини В. Н. Головиной князю Петру Алексѣевичу Голицыну отъ 18 мая 1802 года изъ Петербурга.

«Милостивый государь, дядюшка, получили мы отъ Вилькеса письмо, гдѣ онъ насъ увѣдомляетъ, что ему присланы отъ неизвѣстнаго записки, чтобы его предупредить для интересовъ брата моего, что матушка безумная и продаетъ все свое имѣніе. Даютъ намъ чувствовать, что это по совѣтамъ графа моего, и что будто есть духовная, которая лишаетъ матушку, а все отдаетъ брату. Вы можете вспомнить, милостивый государь, дядюшка, что всѣ бумаги были раскрыты при васъ и что ничего не нашли, oprчъ записки касательно до пенсіона людямъ. Прошу васъ заткнуть пакостные рты, которые изъ моей матери дѣлаютъ сумасшедшую женщину, для того, что она продала деревню, чтобы заплатить долгъ и очистить совѣмъ сувдальскую деревню для брата. Что жъ касается до займа, сдѣланнаго на ярославскую деревню въ вспомогательномъ банкѣ, то онъ (былъ) употребленъ на заплату матушкиныхъ долговъ, въ чемъ имѣемъ всѣ подписные счета и прочіе документы. Надѣюсь на дружбу вашу къ ней; я съ двойнымъ удовольствіемъ вижу ея согласіе ѣхать съ нами, чтобы вытащить изъ всѣхъ пакостныхъ рукъ и употребить все возможное для спокойствія ея. Прошу, милостивый государь, дядюшка, мнѣ продолжать вашу дружбу и быть увѣреннымъ въ моей къ вамъ привязанности.

«Покорная къ услугамъ Г. В. Головина.

«Княгинѣ мое искреннее увѣреніе, сколь я ее почитаю и люблю, и прошу ее меня не забывать. Мужъ мой свидѣтельствуетъ какъ вамъ, такъ и княгинѣ почтеніе свое. Если что вамъ угодно и княгинѣ вашей изъ Парижа, за удовольствіе сочту прислать; прошу только записку доставить».

Жизнь Головиной во Франціи, подробно, но односторонне, описанная въ ея «Запискахъ», дорого обошлась ей не только въ матеріальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Изъ скромности она не упоминаетъ о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ ею въ это время въ пользу роялистовъ, и, щадя мужа, не говоритъ о легкомыслен-

ной жизни его въ Новомъ Вавилонѣ, Парижѣ. Дама, съ которой графъ Н. Н. Головинъ вступилъ на этотъ разъ въ связь, была сестра знаменитой Theroigne de Méricourt, такъ называемой «l'amazone de la révolution». В. Н. Головина приняла въ послѣдствіи большое участіе въ воспитаніи сына, родившагося отъ этой связи; выросши, этотъ сынъ графа Головина поселился во Франціи, женился тамъ, и дѣти его отъ этого брака до сихъ поръ живы.

По возвращеніи въ Россію, графиня В. Н. Головина примирилась съ братомъ, княземъ Ѳедоромъ Николаевичемъ, сыновья котораго, живя въ Петербургѣ, приняты были теткой, какъ родныя дѣти. Въ концѣ жизни графини Головиной, когда мужъ ея страдалъ опасною болѣзнію, а обѣ дочери вышли замужъ за поляковъ-католиковъ: графа Фредро и графа Потоцкаго, — дѣти князя Ѳедора окружали ее своими попеченіями. Въ 1820 году князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ, съ согласія отца, даже сопровождалъ одинокую больную тетку въ ея послѣднемъ путешествіи за границу, завершившемся сначала тоскливою жизнію въ Монпелье, а потомъ могилой въ Парижѣ. «Опасное положеніе нашей тетушки», — писалъ князь Иванъ Ѳедоровичъ брату Михаилу 10-го октября 1820 года, — «по случаю котораго она отправилась въ чужіе края, меня огорчило; братъ Ѳедоръ, провожая ее, заступилъ мѣсто ея зятей, которые по всѣмъ правамъ должны были ѣхать съ нею, а особливо сытый Фредро. Что дѣлаеть дядюшка, Лиза (Потоцкая) и Паша (Фредро)?» «Сожалѣю очень», — писалъ самъ князь Ѳедоръ Николаевичъ сыну Михаилу 24-го марта 1821 года, — «что графъ (Головинъ) такъ слабѣетъ. Онъ очень нуженъ для своего семейства: безъ него этотъ домъ пропадетъ. По этому случаю кстати тебѣ скажу, какъ люди разно думаютъ: если бъ у меня были дочери, я никогда бы не согласился выдать ихъ за чужеземцевъ, а напротивъ — за русскихъ». По тому письму видно, что князь Ѳ. Н. Голицынъ до конца жизни своей не могъ примириться съ католическими симпатіями своей сестры, но видимо любилъ ее. «Жаль нашего князя Ѳедора (по случаю его отъѣзда за границу), — писалъ онъ одному изъ своихъ сыновей, — но надобно было ему показать, сколь онъ благодаренъ теткѣ и графу за всѣ ихъ ласки. Мнѣ же совѣстно было ему не позволить. Дай Боже, чтобы она, бѣдная, перенесла дорогу, а дорога дальняя, и я дивлюсь, какъ ее отпускаютъ».

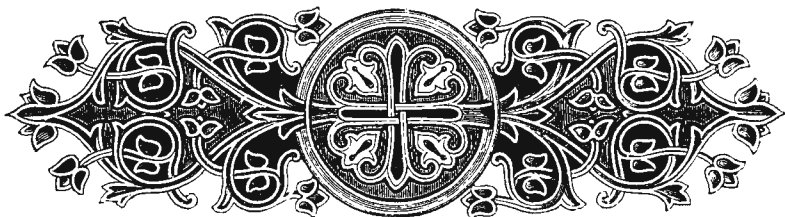
Жизнь графини Варвары Николаевны Головиной угадала въ Парижѣ 11-го сентября 1821 года. Князь А. М. Голицынъ, владѣлецъ Петровскаго, показывалъ намъ золотой перстень съ надписью: «11 Septembre 1821 г.»; въ перстнѣ этомъ, очевидно траурномъ, присланномъ князю Ѳ. Н. Голицыну на память о его сестрѣ, хранится пучокъ ея волосъ. У графа Льва Мнишка, правнука Головиной отъ старшей ея дочери, Прасковьи Николаевны Фредро, находится рисунокъ акварелью, изображающій могилу В. Н. Головиной, съ надписью:

«Comtesse Golowine, née Galitzine, morte à Paris en 182 (5?), enterrée à St.-Germaine des Prés». Надпись эту можно было разобрать лишь съ помощію увеличительнаго стекла, такъ какъ она очень мелка и неразборчива, и обозначенный въ ней неясно годомъ смерти Головиной 1825 г. показался лицамъ, прочитавшимъ надпись, болѣе вѣроятнымъ по начертанію цифръ. Годъ этотъ, однако, никакъ не можетъ быть принятъ за годъ смерти Головиной: изъ семейныхъ бумагъ князя А. М. Голицына видно, что уже въ 1824 г. о «тегушкѣ Головиной» говорили, какъ о покойной.

Графиня В. Н. Головина и ея мужъ немного оставили своимъ дѣтямъ. Въ бумагахъ архива Собственной Ея Величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи сохранилось письмо графини П. Н. Фредро 1826 года къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ письмѣ этомъ, изъ Львова въ австрійской Галиціи, Прасковья Николаевна ходатайствовала о принятіи вновь на русскую службу мужа ея, навлекшаго на себя неудовольствіе правительства, и жалуется на свое стѣсненное положеніе на чужбинѣ, гдѣ ей приходилось жить круглый годъ въ деревнѣ при 6.000 тысячахъ годового дохода: для дочери Головиныхъ, имѣвшихъ миллионное состояніе,— это было, конечно, немного. Неизвѣстно, удовлетворено ли было ходатайство П. И. Фредро въ этомъ случаѣ, но сынъ ея служилъ при русскомъ дворѣ и скончался сравнительно недавно.

Евгеній Шумигорскій.

БЫЛИ И ТИПЫ ПРОШЛАГО.

I.

Холопская кровь.

ИАСОВЪ въ пять вечера мы отправились на всю ночь ловить форелей и хариусовъ по лѣсной рѣчкѣ, Оредежи, въ Царскосельскомъ уѣздѣ.

Кто не пережилъ удовольствія этого рода спорта, тому довольно трудно дать о немъ понятіе. Значить, лучше о самой ловлѣ и не рассказывать. Но о прелестяхъ лѣсной рѣчонки не могу умолчать. Она течетъ въ низменныхъ, болотистыхъ берегахъ, заросшихъ сплошь лѣсомъ, который начинается почти вездѣ отъ самой воды. Вся рѣка

заросла водяной травой, поднимающейся со дна и покрывающей своими листьями всю рѣчную поверхность.

По такой рѣкѣ очень трудно передвигаться на лодкѣ, которая постоянно путается въ травѣ. Обыкновенно, рыболовы спортсмены ѣздятъ на длинныхъ плотахъ, сколоченныхъ изъ четырехъ бревенъ въ рядъ, съ сидѣньемъ на одномъ концѣ плота. Мы же ѣхали на лодкѣ, втроемъ, взявъ съ собой гребца-крестьянина.

Съ вечера рыбы наловили довольно много, а когда совсѣмъ стемнѣло, и ловлю пришлось прекратить до разсвѣта, рѣшили устроить привалъ на берегу, въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ берегъ поднимался, былъ сухъ и образовывалъ лужайку, а лѣсъ отступалъ отъ воды на нѣсколько сажень.

Причалили, вытащили изъ лодки самоваръ, запасы провизіи, котелокъ и неизбѣжныя бутылки; развели костеръ и стали варить уху.

Ночь была тихая, звѣздная. Тишина въ лѣсу мертвая, какъ въ могилѣ. Надъ водой курился туманъ. Воздухъ пропитанъ запахомъ сосны...

Когда утолили голодъ и жажду, до разсвѣта осталось еще часовъ пять. Спать никому не хотѣлось, и мы всѣ пристали къ одному изъ нашихъ товарищей, Петру Петровичу Ходынцеву, человѣку лѣтъ пятидесяти, прося его рассказать намъ что нибудь изъ прошлаго. Мы всѣ знали, что жизнь его была богата событіями, встрѣчами, наблюденіями; да и рассказчикъ онъ былъ недюжинный.

Прихлебывая чай съ ромомъ, Петръ Петровичъ началъ рассказывать.

Городокъ, въ которомъ судьба назначила мнѣ провести нѣсколько лѣтъ не по своей волѣ, былъ совсѣмъ крохотный. Даже деревни бывають больше. Двѣ коротенькія, немощенныя улицы, которыя лѣтомъ заростали веселенькой травкой съ путешествующими курами и свиньями; площадь съ церковью и единственнымъ въ городѣ каменнымъ домомъ—полиціей, вотъ и все.

Говорять, что теперь городокъ украсился двумя—тремя каменными домами, пожарной коланчей и снабженъ телеграфомъ, а въ 60-хъ годахъ, когда я попалъ туда, ничего этого не было.

Но великая вещь молодость! Первое время я умиралъ тамъ отъ тоски, а потомъ привыкъ, и теперь вспоминаю съ любовью объ этой мертвой тишинѣ и спокойствіи городка, о его лѣсномъ воздухѣ, о нѣкоторыхъ моихъ знакомствахъ тамъ. Да, тамъ не все было плохо: были и добрыя простыя сердца, и милыя дѣвушки, было пять-шесть «товарищей по судьбѣ», впрочемъ, не особенно симпатичныхъ, былъ пріятель старичекъ—чиновникъ казначейства, съ которымъ насъ сдружила страсть къ рыболовству... Но лучше всего было въ городѣ его мѣстоположеніе, да еще моя квартирная хозяйка, старушка-мѣщанка Анна Матвѣевна. Фамиліи ея не помню, да, кажется, и въ то время не зналъ. Тамъ еще не было моды называть другъ друга по фамиліямъ; даже и именъ-то не всегда употребляли, а говорили просто: «Матвѣевна, Харлампіевна, Митричъ»... Удивительная это была старушка моя хозяйка! Я сразу заинтересовался ею. Впрочемъ, покаюсь, сперва заинтересовался ея дочерью, дѣвушкой лѣтъ двадцати трехъ. Ужъ очень она была красива: немного выше средняго роста, стройная, съ граціозными, совсѣмъ не мѣщанскими движеніями, въ которыхъ мнѣ чуялась какая-то гордость, какое-то особенное благородство. Свѣтлые, какъ ленъ, волосы, тонкія брови, идущія правильной черной дугой надъ голубыми, серьезными глазами, замѣчательный

цвѣтъ лица, худоцаваго и правильнаго, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ... Ну, какъ было не заглядываться на эту дѣвушку, когда человѣку было только двадцать лѣтъ отъ роду! А мнѣ съ ней каждый день приходилось оставаться наединѣ по нѣскольку разъ: я нанималъ въ домикѣ старушки переднюю половину въ двѣ комнаты со столомъ, самоваромъ, водой и услугами... Сама она съ дочерью жила черезъ сѣни въ кухнѣ, и дочь постоянно прислуживала мнѣ.

Но, кажется, больше всего заинтересовало меня въ этой дѣвушкѣ то, что она не обращала на меня ни малѣйшаго вниманія. Всякую попытку завести съ нею какой нибудь разговоръ, выходящій изъ круга ея прямыхъ обязанностей, она уничтожала односложными, сухими отвѣтами, а иногда и молчаніемъ. Конечно, это скоро отбило у меня охоту повторять подобные опыты.

Я недоумѣвалъ о причинахъ ея сдержанности и холодности. Вѣдь большинство дѣвушекъ въ этомъ городкѣ отличалось совсѣмъ иными свойствами. Повидимому, лѣсной, сосновый воздухъ предполагалъ ихъ къ экспансивности, иногда даже излишней.

Въ глубинѣ души я не терялъ надежды и утѣшалъ себя мыслью, что Лиза боится матери. Да я и самъ побаивался старухи первое время: такой у нея былъ гордый, важный, неприступный и суровый видъ. Впрочемъ, съ этой суровостью иногда какъ-то совмѣщалась кроткая привѣтливость со мной, когда мнѣ приходилось обмѣняться съ ней двумя-тремя словами. Суровость же была во всей ея фигурѣ—высокой, прямой,—въ ея лицѣ—всегда строгомъ, почти гордомъ. Въ противоположность дочери, мать была сильная брюнетка съ черными глазами, глубоко впавшими въ орбиты. Отъ этого ея густыя, черныя брови казались нависшими, а глаза, окаймленные мелкими морщинками, казались суровыми, почти сердитыми. Но я зналъ, что эти глаза способны загораться ласковостью необыкновенной, проникающей до вашего сердца, и, повторяю, зналъ я это изъ короткихъ и рѣдкихъ встрѣчъ и разговоровъ ея со мной. Она рѣдко заходила на мою половину; развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда дочери не было дома, и нужно было подать мнѣ что нибудь. Сама старуха ходила только на базаръ да въ церковь. Одѣвалась она во все черное: черное ситцевое платье, съ бѣлыми мушками, черный шерстяной платокъ на головѣ. Походка у нея была почти величественная, важная, медленная.

Когда интересъ къ дочери сталъ ослабѣвать, вслѣдствіе ея совершенной неприступности, меня начала интересовать старуха.

— Какое странное существо! — думалъ я, — откуда это величіе, эта печать скорби — гордой, таящейся отъ людей? И все это въ простой мѣщанкѣ! Что нибудь есть въ ея прошломъ, непохожее на прошлое обыкновенныхъ женщинъ.

И у нея было, дѣйствительно, необыкновенное прошлое: мужъ ея былъ, — какъ я узналъ впоследствии, — приговоренъ въ концѣ сороковыхъ годовъ къ наказанію плетью до смерти за убійство своего барина.

Объ этомъ происшествіи мнѣ рассказали мой пріятель, старый чиновникъ, когда мы съ нимъ, — вотъ такъ же, какъ теперь, — сидѣли около костра, ночью, на берегу рѣки, ожидая разсвѣта.

Старичекъ былъ страстный любитель природы и поэтъ въ душѣ. Каждый всплескъ рыбы въ темнотѣ надъ рѣкой, каждый отдаленный крикъ въ лѣсахъ какого нибудь животнаго вызывали въ немъ лирическіе порывы.

— И отчего я люблю эти рыбныя ловли! — говорилъ старичокъ, заряжая свой носъ табакомъ. — А оттого люблю, милостивый государь мой, что тутъ чувствуешь себя ближе ко всякой твари, а, слѣдовательно, и къ Создателю ея всемогущему. Вотъ рыба плеснулась... Ну, что же такое, что плеснулась? Иной пройдетъ, услышитъ и не замѣтитъ. А какая въ этомъ премудрость! Надо понять. Мы здѣсь въ воздухѣ живемъ, суегимся, хлопочемъ, на службу ходимъ, добываемъ дѣтискама на молочишко... А она тамъ въ водѣ заботится, суется, хлопочетъ и день, и ночь... И надо себѣ только представить, какъ она тамъ живетъ... то-есть, въ своей стихіи! А вотъ звѣзда скатилась... Какой долгій, серебряный слѣдъ!.. Тамъ третья стихія... И тоже — жизнь! Тоже — заботы... Къ лѣсу прислушайтесь, — тамъ опять своя жизнь! Волки, лоси, зайцы... Кто прячется отъ другихъ, а кто ищетъ себѣ добычи... Велика ты, премудрость Господня, и не человѣческому уму постигнуть тебя!..

Послѣ такихъ тирадъ онъ обыкновенно долго молчалъ, какъ бы выпустивъ всѣ пары своего лиризма, начиналъ подкладывать сучьевъ въ костеръ или собирать въ кучу угли, и все о чемъ-то думалъ да вдыхалъ.

Въ одну-то изъ такихъ минутъ я и предложилъ ему вопросъ о своей хозяйкѣ: «отчего молъ она такая — не похожа на другихъ?».

— А, милостивѣйшій государь мой (онъ дѣлалъ удареніе на ять), судьба этой женщины необыкновенна, и горе ея воображеніемъ невозможно себѣ представить.

И онъ сперва рассказалъ мнѣ кратко, какъ умеръ ея мужъ.

— Я молокососъ тогда былъ, какихъ нибудь двадцати пяти лѣтъ, а теперь мнѣ ужъ пятьдесятъ, а я и до сихъ поръ помню эту экзекуцію, — слышу эти крики! Наказывали его за городомъ, а крики были слышны въ каждомъ домѣ, даже сквозь закрытыя окна!

Старикъ снялъ шапку и перекрестился.

Я сталъ его спрашивать о подробностяхъ преступленія.

— Удивительное это было дѣло! — заговорилъ онъ, — можно сказать, почти непостижимое для ума! Весь уѣздъ зналъ и уважалъ мужа вашей хозяйки, Николая Ивановича: онъ былъ любимѣйшимъ

слугою богатѣйшаго изъ здѣшнихъ помѣщиковъ Занина, котораго и убилъ потомъ. Увидительно это было, потому что Занинъ въ немъ души не чаялъ, какъ говорится, осыпалъ его подарками, деньгами, купилъ ему въ городѣ тотъ домикъ, въ которомъ вы живете. Однимъ словомъ, жить бы и наслаждаться Николаю Ивановичу... А онъ вотъ что сдѣлалъ. И мало того, милостивѣйшій государь мой, что Занинъ все дѣлалъ для него, а если и другому кому что нибудь нужно было, скажи только Николаю Ивановичу, и Занинъ по его просьбѣ все сдѣлаетъ! А любилъ баринъ Николая Ивановича за то, что тотъ не разъ ему жизнь спасалъ... Крестьяне все хотѣли его убить, потому что былъ онъ жестокой съ ними человекъ, прости его Царь Небесный!

— Что же онъ съ ними дѣлалъ? Сѣкъ или пыталъ какъ нибудь?—спросилъ я.

— Ужъ не могу этого теперь доподлинно припомнить, — давно это было. А вотъ что ясно вижу, какъ сейчасъ: очень ужъ часто ссылалъ онъ своихъ людей на поселенье—за всякій пустякъ. Я тогда писцомъ былъ въ земскомъ судѣ, такъ припоминаю, что много ссылалъ... Бывало, толпа цѣлая идетъ въ кандалахъ: слезы, прощанья; вѣдь, онъ бабъ и дѣтей оставлялъ... Такъ это надо было видѣть! Со стороны сердце кровью обливалось!.. Эхъ, страшныя это были времена...

— Ну, такъ за что же этотъ Николай Ивановичъ убилъ барина-то? Вѣдь, вы говорите, онъ былъ любимцемъ его?..

— А вотъ подите же! Любимецъ, любимецъ, а сдѣлалъ такое злодѣяніе! Видно, холопская кровь сказалась: своихъ стало жаль, холоповъ... И, вѣдь, до какой степени этотъ Занинъ его любилъ, такъ это даже и повѣрить трудно. Надо вамъ сказать, что Николай Ивановичъ, лѣтъ этакъ, примѣрно, за десять до убійства, убѣжалъ. И Богъ его знаетъ, отчего онъ убѣжалъ: вѣрно, ему ужъ въ то время стало не втерпеть смотрѣть на чужія муки, а, можетъ, ужъ и въ то время эта мысль,—убить барина,—стала ему приходиться, и сбѣжалъ онъ, чтобы удержаться отъ нея... Богъ его знаетъ! Чужая душа — потемки! Только пропадалъ онъ почти семь лѣтъ. Да, видно, жену стало жаль; онъ только что женился тогда. Ну, вотъ и вернулся... Ну, конечно, прямо къ барину... Бухъ ему въ ноги... Что-жъ вы думаете: наказалъ его какъ нибудь Занинъ?..

Чиновникъ помолчалъ, а потомъ торжественно, съ разстановкой проговорилъ:

— Пальцемъ не тронулъ! Поднялъ съ земли, поцѣловалъ три раза, снялъ съ себя золотые часы съ цѣпью золотой и надѣлъ ихъ ему... А потомъ еще разъ поцѣловалъ и сказалъ: — Спасибо, что вернулся! Служи. А чтобы ты отнынѣ не бѣгалъ, даю тебѣ вольную...

Старичекъ опять помолчалъ для усиленія эффекта, и затѣмъ добавилъ:

— Такъ вотъ какъ награждалъ Занинъ своего любимца! А не прошло и двухъ лѣтъ съ небольшимъ, какъ этотъ любимецъ застрѣлилъ своего благодѣтеля!..

— Вѣрно, ужь сердце было очень жалостливое у этого лакея?— сказалъ я.

Старичекъ долго и испытывающе смотрѣлъ мнѣ въ глаза, точно хотѣлъ прочесть въ моей душѣ, можно ли быть со мной вполне откровеннымъ, и затѣмъ воскликнулъ:

— А вотъ какое было жалостливое сердце: баринъ былъ застрѣленъ черезъ балконную дверь, вечеромъ, когда онъ пилъ чай въ столовой. Никому тогда и въ голову не могло прійти, что это—Николай Ивановичъ сдѣлалъ. Наслѣдники Занина назначили его даже управляющимъ; жалованье большое дали. Да тутъ началось слѣдствіе, хватали людей не десятками, а сотнями. Въ острогъ до полутора ста человѣкъ сидѣло! И вдругъ является въ городъ Николай Ивановичъ и прямо къ слѣдователямъ: «выпустите,—говорить этихъ людей, — они ни въ чемъ неповинны: я убилъ барина...». Ему не повѣрили сначала. Думали, что онъ помѣшался. Да онъ все подробно разсказалъ, и когда провѣрили,—все подтвердилось. Ну, тогда его и посадили...

— Ну, что же онъ разсказалъ? Какъ онъ на это рѣшился!

— А тоже отъ жалости! «Я, говоритъ, не разъ и просилъ, и уговаривалъ барина,—ничего не могъ сдѣлать!.. Ну, сердце мое не вынесло: надумалъ, что лучше погибну одинъ, а сотни спасу отъ мукъ!».

— А какъ же онъ разсказывалъ о подробностяхъ убійства?— спросилъ я.

— А вотъ какъ: «Заранѣе, говоритъ, приготовилъ я въ сѣняхъ заряженное ружье, а самъ прислуживалъ барину. Онъ чай кушалъ... Когда выдались минутки три свободныхъ, я взялъ въ сѣняхъ ружье, прошелъ черезъ садъ на балконъ, глядь, а нянька подходитъ къ барину съ маленькой барышней—внучкой (дочерью старшаго сына, Александра Петровича). Очень любилъ онъ эту внучку. Ей всего четыре мѣсяца было, а такая понятливая, ласковая, веселая!.. Взялъ ее баринъ на руки и сталъ нянчить, тетѣшкать. Я такъ и замеръ,—говорить,—думаю: «видно, Богъ не хочетъ того, что я задумалъ». А самъ даже похолодѣлъ весь: ну, вдругъ баринъ меня крикнетъ... А выстрѣлить боюсь: промахнешься, да вдругъ въ дитѣ неповинное попадешь! Однако баринъ скоро отдалъ дѣвочку нянькѣ. Тутъ я и выстрѣлилъ въ него, и первый же приближалъ помогать». И тутъ черта его жалости сказывается,—добавилъ старикъ:—боялся попасть въ ребенка!

На рѣкѣ опять плеснула рыба.

Мой старичекъ поглядѣлъ въ темноту и проговорилъ съ удовольствіемъ:

— Большущая! Это — стерлядка! Иди къ намъ на переметь, милая!

Понятно, какъ послѣ этого разговора усилился мой интересъ къ хозяйкѣ и ея дочери. Мнѣ казалось, что теперь я все понялъ: вѣдь, старуха, конечно, не могла забыть, что окружающіе могутъ и должны смотрѣть на нее, какъ на вдову убійцы, преступника, наказаннаго лютой казнью.

Не отъ этого ли ея отчужденіе отъ людей, ея холодная неприступность?

Пусть люди давно забыли объ этомъ преступленіи, пусть даже они давно простили убійцу, какъ народъ прощаетъ всѣхъ «несчастненькихъ», искупившихъ свой грѣхъ тяжкимъ наказаніемъ, но, очевидно, въ глубинѣ души, старуха считала себя отрѣзанной отъ окружающихъ: развѣ не могло у кого нибудь сорваться въ ссорѣ или досадѣ досужее слово обвиненія, злой намекъ на прошлое: «ты де вдова убійцы, засѣченнаго до смерти!»

И вотъ откуда, вѣроятно, эта неприступная, суровая осанка, эта гордая походка и безстрастно-черствое выраженіе лица. Ими она говоритъ каждому: «не подходите! Я ушла отъ васъ и отъ вашего міра».

И дочь прониклась, быть можетъ, тѣмъ же настроеніемъ. Она была нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ то время, какъ умеръ отецъ. Она не могла слышать ни его предсмертныхъ стонувъ, ни его прощанья съ женой, она не могла знать его исторіи. Но, быть можетъ, мать рассказала ей все, когда дѣвочка подросла,—рассказала для того, чтобы дѣтское сердце не было случайно поражено браннымъ словомъ, сорвавшимся у подругъ или какого нибудь уличнаго мальчика. Быть можетъ, она сказала дочери: «держись дальше отъ людей: они могутъ обидѣть тебя худымъ словомъ объ отцѣ!»

И это вошло у дѣвушки въ привычку.

И мать, и дочь стали монахинями «въ міру», не уходя въ монастырь...

Такъ думалось мнѣ, когда я смотрѣлъ на нихъ, и само собою понятно, что обѣ онѣ безпредѣльно выросли въ моихъ глазахъ, стали необыкновенно близки моему сердцу, стали мнѣ не чужими, а родными. Мнѣ теперь ужъ и въ голову не могли прійти заигрыванія съ дѣвушкой. Я глубоко уважалъ ея неприступность, ея суровость, но въ то же время я чувствовалъ къ ней невыразимую жалость.

«Неужели она такъ и останется навсегда отрѣзанной отъ жизни, отъ живаго чувства, отъ радостей жены, матери? А какъ она еще красива, несмотря на свои 24 года! И какъ еще молода она на видъ, со своей нѣжной, прозрачной, бѣлой кожей, со своимъ вспыхивающимъ румянцемъ! Сколько чувства, какая потребность любви таятся,

быть можетъ, въ этомъ сердцѣ, добровольно отрѣзанномъ отъ радостей жизни!»

Я такъ много думалъ о нихъ и особенно о дѣвушкѣ, что меня можно было принять за безумно влюбленнаго. Да и самъ я считалъ себя такимъ. Сердце мое замирало, когда дѣвушка входила ко мнѣ, шурша своимъ чистенькимъ ситцевымъ платьемъ. Мнѣ казалось, что послѣ ея ухода въ комнатѣ оставался какой-то весенній ароматъ чистоты и свѣжести. Каждое ея движеніе, каждый звукъ ея голоса приводили меня въ восторгъ, я видѣлъ въ нихъ скрытый, глубокій смыслъ и значеніе.

Иногда я цѣлые часы просиживалъ на берегу рѣки, который со стороны города былъ очень высокъ и спускался крутымъ обрывомъ внизъ. А на той сторонѣ рѣки, на низменномъ берегу, тянулись лѣса до самаго горизонта, и кое-гдѣ мелькали бѣлыми точками церкви далекихъ селъ, верстъ за тридцать и даже за сорокъ отъ города.

Я сидѣлъ, смотрѣлъ въ эту безграничную даль и мечталъ о Лизѣ. «Я долженъ жениться на ней»,—говорилъ я себѣ.—«Если бы даже она не была такъ прекрасна и не обѣщала огромнаго счастья, я долженъ бы былъ жениться на ней, чтобы принести себя въ жертву! Ея горе, ея отчужденіе отъ міра должны быть искуплены и вознаграждены!»

Я раздумывалъ и о томъ, какъ бы разспросить подробнѣе старушку о ея мужѣ. Какой это былъ бы драгоценнѣйшій психологическій и историческій матеріалъ!

Но я понималъ, что прямо обратиться къ ней съ подобнымъ вопросомъ было бы почти преступленіемъ, вторженіемъ въ самыя сокровенныя тайны ея души, которыя она такъ заботливо скрывала отъ чужихъ глазъ въ теченіе всей своей жизни.

Я обдумывалъ способы, какъ бы вызвать ее на разговоръ косвенно, напримѣръ, начавъ, говорить съ нею о моей собственной судьбѣ, о тѣхъ причинахъ, которыя бросили меня въ ихъ глушь, помимо моей воли.

У меня даже явилась мысль, что она иногда такъ ласково, такъ матерински участливо смотритъ на меня именно потому, что знаетъ, конечно, причины моего пребыванія здѣсь.

Это давало мнѣ нѣкоторыя надежды.

Помогъ, однако, случай: я захворалъ ангиной и долженъ былъ, по совѣту врача, лежать въ постели. У меня былъ довольно сильный жаръ, и пришлось просить старушку почаще навѣдываться ко мнѣ.

Вѣроятно, она приняла мою болѣзнь за что-то очень серіозное и даже опасное, потому что стала не только часто заходить ко мнѣ, но и присаживаться съ работой въ комнатѣ, сосѣдней съ моей спальней.

Дочь почти не заходила во время болѣзни, вѣроятно, по скромности, и я чувствовалъ серіозную тоску, не видя ея дня три.

Разъ хозяйка сказала мнѣ:

— Ты бы, миленькій мой, написать о своей болѣзни къ роднымъ. У тебя, чай, родители живы еще?

— Никого нѣтъ, Анна Матвѣевна, — отвѣтилъ я. — Не къ кому написать. Есть сестра, но она замужемъ, у нея куча дѣтей. Ей не до меня...

— Экій ты горькій! Тяжело такъ-то жить, безъ души близкой! Да еще на чужой сторонѣ! И такой ты еще молоденькій!

— А я знаю, Анна Матвѣевна, о чемъ бы вы хотѣли спросить меня, да не рѣшаются по деликатности вашей...

— О чемъ же это? — спросила она тихимъ голосомъ.

Лица ея я не видалъ, такъ какъ мы разговаривали черезъ дверь.

— Вамъ хотѣлось бы знать, почему я, такой молоденькій, — какъ вы говорите, — а вотъ живу на чужой сторонѣ? Неправда ли, это васъ интересуеть?

— Мало ли что человѣка интересуеть! Да не обо всемъ можно спрашивать! Инымъ вопросомъ можно обидѣть человѣка и всю его боль разбередить.

— Нѣтъ, я вамъ съ удовольствіемъ расскажу. Мнѣ кажется, что вы-то поймете меня лучше, чѣмъ кто нибудь другой здѣсь.

— Это же отчего вы такъ думаете? — спросила она, переходя вдругъ на «вы», а въ ея голосѣ я почувствовалъ холодность и тутъ только понялъ, что сдѣлалъ безтактность своимъ намекомъ.

Я попробовалъ изгладить въ ней это впечатлѣніе.

— Думаю это потому, — сказалъ я, — что замѣчалъ вашу жалостливость ко мнѣ. Вы иногда смотрѣли на меня такъ, какъ смотрѣла на меня только мать! Не знаю, быть можетъ, это мнѣ только казалось, потому что ужъ очень хотѣлось, чтобы около меня была душа, похожая на мать... Вѣдь вамъ бывало очень жаль меня? Скажите? Я такъ былъ бы счастливъ, если бы это было правдой. Вѣдь такъ тяжело, когда никого нѣтъ близкаго.

Я слышалъ, что она встала со стула. Вотъ она появилась въ дверяхъ, высокая, строгая, но только мнѣ показалось, что на нижнихъ вѣкахъ ея глазъ что-то блеститъ. Неужели слезы? Какъ тепло мнѣ стало!

Она подошла ко мнѣ своей медленной походкой, положила руку на мою горячую голову и тихо проговорила:

— Да, мнѣ всегда было жаль тебя, какъ родного сына... Только ты будь покойнѣе. Не тревожься... Докторъ не велѣлъ говорить много.

Не знаю — какъ, но я схватилъ ея руку и быстро поцѣловалъ. Она не сопротивлялась этому, не отдернула руки. А когда я выпустилъ эту старческую, сморщенную руку, она нѣсколько разъ погладила меня по волосамъ, перекрестила и проговорила:

— Ну, не тревожься же!

Затѣмъ вернулась на свое мѣсто.

Когда я немножко успокоился, я вновь предложилъ ей рассказать мою исторію и, хотя она протестовала, увѣряя, что мнѣ вредно говорить, но въ ея тонѣ я подмѣтилъ оттѣнокъ любопытства.

По окончаніи моего разказа, она продолжала молчать. «Неужели онъ не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія?»—думалъ я и спросилъ ее:

— Что же вы думаете обо мнѣ и обо всемъ, что я рассказалъ?

— Молодо-зелено! — былъ ея отвѣтъ, и въ немъ я услышалъ только снисходительное сожалѣніе, но не сочувствіе.

Мнѣ стало немножко досадно.

— Развѣ только это?! — спросилъ я. — А мои намѣренія, желанія—были ли они хороши или дурны?

Старуха вздохнула.

— Можно и добра желать, — вдумчиво проговорила она, — да только идти-то къ добру не Божьими путями. А надо Божьими путями идти... Божьи пути — правыя, а не Божьи... вотъ самъ видишь по себѣ: ни другимъ добра, ни себѣ — счастья... А бываетъ и такъ: и другимъ горе, и себѣ несчастье...

На послѣднихъ словахъ ея голосъ дрогнулъ безконечной печалью. Я услышалъ тихій шелестъ: быть можетъ, она вытирала слезы на своихъ старческихъ глазахъ.

Какъ мнѣ хотѣлось возразить ей, что ея мужъ избавилъ отъ страданій сотни людей! Какъ хотѣлось заступиться за него! Но я не рѣшился высказаться прямо, а замѣтилъ только:

— А развѣ Христосъ не изгонялъ торговцевъ изъ храма? Иногда, значитъ, можно и силой добро сдѣлать: если люди страдаютъ отъ одного человѣка, такъ можно и силой прогнать его изъ храма...

— Христосъ былъ—Богъ, а мы—грѣшные люди. Для Бога не нужно закона: онъ самъ дастъ законъ. А что было бы съ людьми безъ закона? Всякій бы и выводилъ изъ храма того, кто ему не нравится: ты — меня, а я — тебя... Эхъ! молодозелено!.. Ну, заболталась я! А пора и обѣдъ подавать. Пойду-ка, я посмотрю, что тамъ Лиза безъ меня настряпала.

Слова старухи поразили меня. Какъ просто и какъ глубоко она рѣшила одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ этики—о необходимости нравственнаго закона! Сколько должна была перестрадать и передумать о своемъ страданіи и о причинахъ его эта простая, крестьянская душа, чтобы прійти къ такому выводу!

Я, столько читавшій, столько учившійся, не могъ бы такъ просто понять и выразить эту идею. Да страшно просто: «вы будете выводить меня, я буду выводить васъ...». Если нѣтъ нравственнаго закона, то всякій вправѣ выводить другого, всякій — и хорошій, и дурной, и добрый и злой! Долго я думалъ о словахъ старухи и хотѣлъ ска-

зять ей, когда она принесетъ обѣдъ, что она поразила меня своими рѣчами, и что я до сихъ поръ все думаю о нихъ. Но, къ удивленію моему, обѣдъ принесла не она, а дочь.

— А! Сегодня вы мнѣ подаете! — сорвалось у меня, — а что же мама?

— А ей что-то занездоровилось. Прилегла. Вѣдь ужъ очень она слабѣть стала.

Лиза говорила ласковѣе, чѣмъ всегда. Быть можетъ, старуха вѣтла ей быть добрѣе со мной? Мнѣ стало такъ хорошо! Закопошились смутныя надежды. Любовь къ дѣвушкамъ прилила къ сердцу новой волной. Хотѣлось и пѣть, и плакать отъ счастья.

Вечеромъ Анна Матвѣевна опять пришла и сѣла въ другой комнатѣ, со своимъ безконечнымъ чулкомъ.

— Знаете ли, о чемъ я все время думалъ? — спросилъ я: — если бы вы знали, сколько ума въ томъ, что вы мнѣ сегодня сказали! Куда намъ, книжнымъ людямъ, до васъ, выстрадавшихъ жизнью каждую свою мысль! Хотѣлось бы отъ васъ услышать, — продолжалъ я, — какъ же считать этихъ людей, которые ради желанія добра пошли не по Божьему пуги? Нужно ли ихъ осуждать, или только пожалѣть? Простится ли имъ?

— Охъ, миленькій, много ты мнѣ ума приписалъ! Простой мой умокъ, маленькій, бабій! Не своимъ умомъ говорю, а по Божьему завѣту, изъ Его же книгъ научилась. Сама-то я не грамотная, а дочку заставляю себѣ читать... Евангеліе... И отвѣчу тебѣ на твой вопросъ: «не судите, да не судимы будете», «прощайте даже врагамъ вашимъ». А почему? Эхъ, миленькій, если бы человѣкъ всегда могъ помнить законъ, да съ сердцемъ своимъ совладать! Вѣдь я вижу, около чего ты ходишь: ты о мужѣ моемъ покойномъ, — царство ему небесное, — намекалъ... Слыхалъ, значить, о немъ? Ну, это хорошо, что ты самъ о немъ не спросилъ. У тебя добрая душа. Боялся, что мнѣ тяжело вспоминать. Только скажу тебѣ, что теперь не тяжело. Отлегло. Да и думъ было много положено въ это горюшко мое, и помогъ мнѣ Всевышній разсмотрѣть его все, какъ на ладони: и какъ, и отчего? Все передумано... А когда все передумано, ужъ горюшка и нѣтъ. Одна ясность остается! Такъ вотъ, слушай, родимый, о томъ, какъ человѣку трудно бываетъ со своимъ сердцемъ бороться. — Она помолчала, собираясь съ мыслями, и потомъ начала тихимъ голосомъ:

— Ты слыхалъ, что мужъ мой бѣгалъ отъ барина... Это всѣ знаютъ. Ну, значить, въ тотъ разъ сердце свое онъ смирилъ. А вотъ чего люди не знаютъ: вѣдь и въ другой разъ онъ сердце свое смирилъ. Это только я знаю, хотя ничего онъ со мной о своихъ дѣлахъ не говорилъ. А это ужъ я сама своими глазами видѣла. И было это всего за два мѣсяца передъ тѣмъ, какъ грѣхъ его попуталъ. Дѣло было такъ: вся дворня и вся деревня сговори-

лись поджечь молотильный сарай, чтобы, когда баринъ прибѣжить на пожаръ,—бросить его въ огонь. «Сгорѣлъ молъ потому, что упалъ въ огонь...». Всѣ свидѣтели, весь народъ стали бы показывать, что самъ упалъ. Зналъ объ этомъ и мой Николай Иванычъ. Я ничего не знала, потому намъ бабамъ, объ этихъ дѣлахъ не говорили тогда. Только видѣла я, что ходитъ онъ хмурый, разговаривать пересталъ, обрывалъ. А онъ со мной всегда ласковъ былъ...

Голосъ ея дрогнулъ, но она оправилась и продолжала:

— Ужъ послѣ поняла я, что жаль было ему барина, сильно жаль, да жаль и крестьянъ, и сердце его, стало быть, колебалось... Вѣдь, любилъ онъ и барина! Одинъ разъ жизнь ему спасъ! Да развѣ одинъ разъ! Можетъ, десять разъ... Ну, вотъ, миленькій, была ночь—темная, осенняя. Вѣтеръ, буря... Проснулась я, слышу—набать бьютъ въ колоколь на церкви. Глянула въ окно, а тамъ ровно днемъ свѣтло. Даже въ комнатѣ свѣтло... Мужъ сидитъ на кровати совсѣмъ одѣтый... Значитъ, онъ и не раздѣвался въ эту ночь. Я, когда заснула, его еще не было... И не ложился онъ: я чутко спала, услышала бы...

— Что же, говорю, ты сидишь, Николай Иванычъ? Бѣги, буди барина. Бѣда тебѣ отъ него будетъ, что не разбудилъ.

— Молчи,—говоритъ,—не твое дѣло!—А на самомъ лица нѣтъ и слова съ трудомъ выговариваетъ.

Анна Матвѣевна перевела духъ: теперь, черезъ много лѣтъ,, она волновалась!

— Тутъ-то, миленькій мой, я и поняла, для чего этотъ пожаръ сдѣланъ. Сердце у меня такъ и покатилося... Вдругъ изъ кабинета звонокъ! Это баринъ проснулся, зоветъ, значитъ, Николая Иваныча одѣваться. А тотъ все сидитъ... Словно приросъ къ кровати... И опять звонокъ, и еще опять, и еще... А онъ все сидитъ!..

— Голубчикъ, да иди ты!—говорю:—вѣдь сильно прогнѣвается, со свѣту сживетъ!

Только я это сказала, а онъ меня, какъ хлеснетъ по лицу. У меня даже искры изъ глазъ посыпались и кровь носомъ пошла... Вѣришь ли, миленькій, въ первый и послѣдній разъ въ жизни онъ такъ со мной грубо поступилъ. Слова отъ него неласковаго не слыхала... — Она опять помолчала. — Тутъ я поняла своимъ глупымъ, бабьимъ умомъ,—продолжала старуха,—что у него въ умѣ было: баринъ безъ него не одѣнется, а неодѣтый не побѣжить въ бурю! Такъ вотъ молъ, не пойду его одѣвать! Пусть послѣ хоть убьетъ, а тѣмъ временемъ сарай догоритъ...

— Значитъ, онъ опять спасти его задумалъ? — спросилъ я: — такъ отчего же онъ просто ему не объяснилъ?

— Эхъ, не зналъ ты нашего барина! Ты думаешь, это остановило бы его? Онъ, если бы захотѣлъ, такъ дьяволу бы въ пасть влѣзъ! Прости меня, Господи, за такія слова! А другое вотъ что:

не хотѣлъ выдавать Николай Иванычъ и крестьянъ. Знать, что имъ будетъ за это! Знали и то, что не по охотѣ они это дѣло задумали, а отъ того, что послѣдняго терпѣнія лишились,—жить не стало мочи.

— Ну, что же дальше было, Анна Матвѣевна?

— Баринъ звонилъ, звонилъ, и звонокъ оборвалъ! А Николай Иванычъ все сидитъ. Вдругъ, миленькій ты мой, гляжу я, дверь въ нашу комнату распахнулась, и на порогѣ баринъ, въ туфляхъ и халатѣ... Какъ гаркнетъ, а голосъ у него былъ, что труба иерихонская:—«Да ты ошалѣлъ что ли? Да я тебя»...

И пошелъ, и пошелъ!

— «Подавай сапоги! Одѣваться! Живо! А раздѣляюсь я съ тобой послѣ».

— «Не дамъ сапогъ! И одѣваться не дамъ!»—говоритъ Николай Ивановичъ.

Я стою ни жива, ни мертва.

— «Да ты съ ума сошелъ, каналья?»

— «Нѣтъ, не сошелъ. А не дамъ одѣваться и на пожаръ не пущу».

— «Ахъ, ты, такой-сякой, холопъ! Ты еще смѣешь разговаривать!»

Бросился къ мужу бить. А тотъ былъ силы страшной; схватилъ барина поперекъ тѣла, поднялъ на руки и положилъ на кровать. Баринъ его бьетъ, лицо ему уродуетъ, а Николай Иванычъ стоитъ надъ нимъ и держитъ его поперекъ тѣла... И держалъ онъ его такъ, пока зарево отъ пожара не пропало. Тогда пустилъ... А баринъ ужъ остыть успѣлъ. Пошелъ въ свой кабинетъ, а самъ даже шатается. А утромъ сто рублей ему подарилъ. Только лицо у Николая Ивановича двѣ недѣли было какъ чугуунъ: ни глазъ, ни носа. А все стерпѣлъ! Совладалъ со своимъ сердцемъ. А черезъ три мѣсяца не совладалъ...

Старуха тяжело вздохнула и послѣ долгаго молчанія проговорила задумчиво:

— Такъ вотъ, миленькій, ты и подумай: ужъ каковъ былъ мастеръ Николай Ивановичъ своимъ сердцемъ владать, а и то, видишь, не всегда и такой человекъ въ своемъ сердцѣ воленъ!.. Вотъ отчего и сказано у Христа-батюшки: «не осуждай!». Конечно, есть иные, что и сами свое сердце распускаютъ, а иные и распалютъ... Объ этихъ не знаю—какъ думать. А вотъ что видѣла, то тебѣ и рассказала...

Послѣ этого разговора у меня со старушкой начались чисто сыновнія отношенія. Она стала заботиться обо всѣхъ мелочахъ моей жизни, о моихъ расходахъ, о бѣльѣ. Иногда ласково журила меня, что много трачу, долго читаю, курю много. Лиза тоже стала гораздо ласковѣе. Теперь она уже не обрывала моихъ попытокъ заговаривать съ ней о чемъ нибудь, кромѣ ея услугъ, отвѣчала на мои вопросы о ея знакомствахъ, подругахъ, о томъ, читала ли она

чтонибудь и т. д. Даже взяла у меня прочесть «Записки охотника» Тургенева, а когда прочла, попросила сама новую «какуюнибудь книжку».

— И мама слушала,—сказала она:—очень ей понравилось.

Каждый день моя привычка и любовь къ этой семьѣ возростали. Я начиналъ обдумывать, какъ бы можно было устроиться здѣсь навсегда, не отрывая дочь отъ матери и обѣихъ отъ родного гнѣзда. Но вотъ однажды, ужъ мѣсяца черезъ два послѣ нашего разговора, приходитъ ко мнѣ старуха и говорить:

— Ну, просватала я свою Лизу... Ужъ не знаю, хорошо ли будетъ, или плохо. Боюсь, однако, любить ли онъ ее,—не зарится ли на домикъ мой да на деньги. Вѣдь, тутъ всѣ думаютъ, что у меня деньги остались.

— А кто женихъ-то?—спросилъ я, и сердце у меня похолодѣло.

— Да тутъ писарекъ одинъ изъ полиціи. Хвалятъ его; говорятъ: хотя иногда и выпьетъ въ компаніи, да рѣдко... А кто-жъ теперь не пьетъ? Ужъ не знаю,—хорошо ли, худо ли... А брезговать такимъ женихомъ намъ не приходится. Лизѣ ужъ двадцать пятый годъ пошелъ. Можетъ и совсѣмъ въ дѣвкахъ остаться...

Мнѣ стало больно и обидно, хотѣлось сказать о своихъ намѣреніяхъ, но я промолчалъ, а старуха, видимо удивленная моимъ растеряннымъ видомъ, вопросительно посмотрѣла на меня, покачала головой и, сурово сжавъ губы, вышла изъ комнаты. Но она тотчасъ же вернулась.

— Вѣдь я, миленькій, шла къ тебѣ сказать на счетъ квартиры. Въ твоей половинѣ будутъ жить молодые. И для свадьбы она нужна. Такъ ты ужъ поищи себѣ квартирочку. Жаль мнѣ тебя, родимый. Привыкъ ты къ намъ, а въ другомъ мѣстѣ опять среди чужихъ будешь... А что же дѣлать! Надо разстаться. Будешь заходить ко мнѣ, когда соскучишься. Я, вѣдь, въ своей кухонкѣ остаюсь. Ну, а Лизѣ тамъ теперь нельзя жить: вѣдь чиновницей станетъ. Нужно и гостей принять, товарищей мужа и женъ ихъ... Ахъ, только не знаю, хорошо ли все это будетъ... Не знаю, не знаю! Да теперь ужъ думать поздно. Дѣло рѣшенное.

— Ну, а Лиза, Лиза? Она согласилась?—спросилъ я у старушки.

— Она-то меня и уговорила. Они, вишь ты, давно условились! Сама-то я не хотѣла. Боюсь я, что не ровня она ему будетъ! Чиновницы на нее фыркатъ будутъ. И будетъ она, бѣдная, ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ! А что сдѣлаешь? Плачетъ, просить! Ну, будь, что будетъ. Какъ Богу угодно. А я стара становлюсь. Каково умирать будетъ, не пристроивши ее?!

Дня черезъ два, такъ какъ я еще не нашелъ квартиры, у меня попросили позволенія устроить формальный сговоръ въ моихъ комнатахъ.

Чтобы не видѣть этого торжества, я ушелъ къ старичку-чиновнику тотчасъ послѣ обѣда и пробылъ тамъ весь вечеръ, почти ничего не говоря и не слыша, что рассказывалъ мой пріятель. Замѣтивъ мое состояніе, онъ предложилъ послать за вышивкой, и я согласился... Но водка не развеселила меня, только всѣ предметы заходили кругомъ, да голова заболѣла. А въ сердцѣ еще мучительнѣе, какъ острая зубная боль, была холодная, подавляющая тоска. Часовъ въ десять вечера я ушелъ отъ пріятеля и сталъ безцѣльно бродить по темнымъ улицамъ, по кручѣ обрыва надъ рѣчкой. Какъ мнѣ хотѣлось броситься съ этой кручи въ холодную, быструю рѣчку... Но осенній, рѣзкій вѣтеръ охватывалъ мою голову, и я понималъ, что это будетъ глупо и пошло.

У меня явилось страстное желаніе пройти мимо своей квартиры и взглянуть черезъ окна на веселье. И я пошелъ.

Почти нигдѣ не было огней. Развѣ кое-гдѣ мелькалъ свѣтъ лампы поды потолокомъ, у иконы. Но изъ моей квартиры лился свѣтъ на улицу. Даже сквозь закрытыя окна слышался веселый гулъ голосовъ, смѣхъ. Я успѣлъ мелькомъ взглянуть въ одно окно, и увидѣлъ молодя, раскраснѣвшія лица. Мнѣ мелькнуло розовое, полное, женственное лицо жениха, безусое и безбородое, съ рыбьими глазами и широкой улыбкой. Съ непонятной гадливостью я обратилъ вниманіе на его красный галстукъ и лоснящійся потный лобъ... Мелькомъ я увидѣлъ и Лизу, и мнѣ вспомнилось, какъ мать говорила, что она вылитый Николай Ивановичъ.

Я бросился почти бѣгомъ отъ окна и въ темнотѣ все старался вообразить себѣ этого Николая Ивановича. Вдругъ я замѣтилъ, что подхожу къ тому самому полю за городомъ, гдѣ онъ умеръ поды ударами палача. Мнѣ показалось, что я вижу въ темнотѣ толпу людей, что-то черное, возвышающееся надъ толпой... И вдругъ дикій визгъ зазвенѣлъ и замеръ въ моихъ ушахъ... еще и еще... И я бросился бѣжать отъ этого поля и опомнился только на другомъ концѣ города, около церкви.

На ея паперти я просидѣлъ до утра, плача, какъ ребенокъ, у котораго умерла мать.

II.

Бѣлая кость.

— Вы сказали, Петръ Петровичъ,—обратился я къ нашему рассказчику,—что среди вашихъ товарищей по судьбѣ не было особенно симпатичныхъ людей: отчего же это происходило?

— Да какъ вамъ сказать? Дѣло-то въ томъ, что въ такія захолустья въ то время попадали часто и люди, не имѣющие ничего общаго съ интеллигенціей. Оправдаютъ, бывало, присяжные какого

нибудь завѣдомаго, но не уличеннаго плута, глядь,—онъ очутился у насъ. А то какойнибудь «саврасъ безъ узды», широкая натура изъ «благородныхъ», дебоширить и не унимается ни отъ какихъ внушеній, ну, и его сплавляютъ съ рукъ въ захолустье. Да вотъ ради наглядности расскажу про одного изъ такихъ «героевъ». Это былъ отставной офицеръ, помѣщикъ, владѣвшій когда-то крупнымъ имѣніемъ, которое, однако, обратилось въ очень маленькое стараніями этого героя, а еще больше—его отца. Явился онъ къ намъ за цѣлый рядъ «сногшибательныхъ» походовъ въ матушкѣ-Москвѣ. Цѣлыя легенды ходили въ городкѣ о его московскихъ походахъ, приводя нашихъ обывателей въ умиленіе, смѣшанное съ ужасомъ и благоговѣніемъ. Не помню теперь всѣхъ этихъ легендъ, но одна врѣзалась мнѣ въ память: г. Муркевичъ (такъ звали героя) проѣхался однажды на коровѣ по всѣмъ московскимъ бульварамъ, въ полной военной формѣ... Одного этого факта, надѣюсь, достаточно, чтобы вы поняли, каковъ былъ этотъ «товарищъ по судьбѣ». Еще до моего приѣзда въ городокъ, онъ успѣлъ избить тамъ двухъ купцовъ и одного чиновника «за дерзкіе вопросы и отвѣты», какъ онъ заявилъ на судѣ. Его приговорили къ тюрьмѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Такъ какъ средства у него еще оставались, то онъ устроился въ острогѣ довольно весело. У тюремнаго зрителя была молодящаяся жена и двѣ дочки—подростки: одна лѣтъ пятнадцати, другая—шестнадцати. Значитъ, почти ужъ невѣсты. Ну, супруга зрителя представила своему старому мужу,—выслужившемуся изъ гарнизонныхъ солдатъ,—всякія дипломатическія соображенія относительно новаго «пассажира» (отъ глагола «посадить»), и г. Муркевичъ получилъ разрѣшеніе обѣдать вмѣстѣ съ семействомъ зрителя. Мало-помалу, онъ сдѣлался тамъ постояннымъ гостемъ, читалъ вслухъ маменькѣ и дочкамъ переводные романы Дюма-отца и Поль-де-Кока, очаровывалъ разсказами о московскихъ подвигахъ и достигъ того, чего достигъ Отелло, когда

Она его за муки полюбила,
А онъ ее за состраданье къ нимъ.

Только Дездемоной Муркевича была сперва супруга зрителя. Эта супруга жила когда-то въ Нижнемъ Новгородѣ, а потому считала себя очень просвѣщенной и свѣтской; взирала свысока на мѣстныхъ дамъ, называя ихъ «смѣшными провинціалками», и увѣряла, что не можетъ выносить никакихъ другихъ башмаковъ, «окромѣ плюнеревыхъ». Послѣ маменьки, герой очаровалъ и старшую дочку, бойкую, худенькую, маленькую брюнеточку. Дѣло дошло до того, что маменька, послѣ нѣсколькихъ «истерикъ», сообщила мужу о необходимости потребовать отъ Муркевича, чтобы онъ «покрылъ грѣхъ» женитьбой на Капитолинѣ, т. е. старшей дочери. Родитель высѣкъ дочь, поколотилъ жену, но съ Муркевичемъ дѣло

уладилъ. Когда того выпустили изъ тюрьмы, въ городѣ было объявлено о помолвкѣ его съ Капитолиной. Такимъ образомъ случилось, что Муркевичъ изъ временныхъ жителей городка В. сталъ жителемъ постояннымъ. Онъ нанялъ одинъ изъ самыхъ большихъ домовъ въ городкѣ, въ пять комнатъ. Дешевизна тамъ въ то время была невѣроятная: такой домъ ходилъ въ наймы за шесть или за семь рублей въ мѣсяцъ; сажень сосновыхъ дровъ стоила восемь гривенъ, а когда дошла до полутора рублей, то жители приходили въ ужасъ отъ такой дороговизны. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ Муркевичъ казался «богачемъ». Онъ завелъ себѣ тройку лошадей, хомуты съ блестящими, посеребренными бляхами, брелчанье которыхъ, когда онъ катался, слышалось изъ одного конца городка въ другомъ. На этой тройкѣ, съ пристяжными на отлетѣ, онъ каталъ ежедневно по городу свою невѣсту, ея сестру и будущую тещу. Правилъ онъ всегда самъ, съ длиннымъ арапникомъ въ рукѣ, стоя во весь ростъ въ передкѣ саней (дѣло было зимой). Но скажу два слова о его наружности: небольшого роста, широкоплечій, съ длинными жилистыми руками, онъ напоминалъ лицомъ цыганскій типъ: огромный носъ на маленькомъ лицѣ бронзоваго цвѣта; маленькіе черные, бѣгающіе глаза, подъ нависшими густыми бровями, небольшая растительность на бородѣ, но за то цѣлая копна густыхъ, вьющихся черныхъ волосъ на головѣ... Одѣвался онъ всегда въ «русскій» костюмъ, т. е. въ красную шелковую рубаху, поддевку, широкіе шаровары и высокіе сапоги. Одно время,—подъ предлогомъ верховой ѣзды,—онъ украшалъ эти сапоги огромными шпорами, но полиція попросила снять ихъ.

Жилъ онъ почти исключительно въ кругу своей новой семьи, такъ какъ знакомство съ нимъ было не безопасно: хотя онъ былъ очень гостепріименъ, зазывалъ къ себѣ молодыхъ чиновниковъ, накачивалъ ихъ водкой, но кончалось это знакомство почти всегда свороченной на сторону чиновничьей скулой: для этого достаточно было гостю любезно взглянуть на Капитолину, ея мать или молоденькую сестру, достаточно было въ бесѣдѣ съ Муркевичемъ противорѣчить ему, и скула оказывалась не на своемъ мѣстѣ. Муркевичъ былъ такъ же ревнивъ, какъ и силенъ физически: онъ разгибалъ подковы.

Было не всегда безопасно встрѣчаться съ нимъ и на улицѣ. Помню, дѣло было на масляницѣ. Весь городокъ катался въ саняхъ по своимъ маленькимъ улицамъ. По обычаю, наѣхали десятки саней и изъ подгородныхъ деревень. Всѣ эти участники сѣвернаго карнавала, разряженные какъ можно пестрѣе, съ яркими цвѣтными платками на головахъ (а «дамы» съ не менѣе яркими цвѣтами на шляпахъ) ѣздили шагомъ другъ за другомъ, изъ одной улицы въ другую, образуя почти замкнутую цѣпь,—такъ былъ не великъ городокъ. Одинъ только Муркевичъ не въ силахъ былъ подчиняться

обычаю: онъ съ гикомъ, присвистомъ, съ зычными возгласами: «пади! берегись!» носился, какъ угорѣлый, то обгоняя «поѣздъ», то мчалъ ему на встрѣчу. Пѣшеходы бросались въ глубокіе сугробы снѣга, а онъ ихъ какъ будто бы и не замѣчалъ. Я какъ разъ попалъ въ подобное же положеніе, т.-е. въ сугробъ, бросившись въ сторону отъ налетѣвшей тройки Муркевича. Но тутъ произошло нѣчто, выходящее изъ ряда вонъ. Передъ тѣмъ, какъ броситься въ сугробъ, я шелъ рядомъ съ санками одного довольно интеллигентнаго (сравнительно) мѣстнаго купчика, Сѣрягина, который катался со своей сестрой красавицей, правя самъ маленькой кругленькой лошадкой. Этотъ Сѣрягинъ выдѣлялся изъ остальной среды не только купцовъ, но и чиновниковъ тѣмъ, что выписывалъ газету и одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ журналовъ, любилъ почитать и скромно побесѣдовать о прочитанномъ; худенькій, съ болѣзненнымъ румянцемъ маленькой бородкой и впалой грудью, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ очень красивъ. Отецъ его, простой крестьянинъ, нажилъ крупныя деньги лѣсными сплавами; сынъ, когда подростъ, сталъ ему помогать въ этомъ дѣлѣ, спускался на баркахъ отца въ далекіе, большіе города и, такимъ образомъ, нѣсколько цивилизовался. Я шелъ, повторяю, рядомъ съ его санками, о чемъ-то разговаривалъ съ нимъ, а самъ невольно засматривался на его сестру. Когда сани Муркевича поровнялись съ санками Сѣрягина, этотъ послѣдній вѣжливо раскланялся съ дамами, сидѣвшими въ саняхъ, какъ съ старыми знакомыми. И вдругъ нѣчто невѣроятное произошло съ Муркевичемъ: лицо его налилось кровью и стало багровымъ, онъ задыхался и на всемъ сваку сдержалъ свою тройку.

— Какъ ты смѣлъ, каналья, хамское отродье, кланяться моему семейству!—крикнулъ онъ на Сѣрягина.

Юноша растерялся и сталъ было возражать:

— Долгъ приличія... Онѣ—мои знакомыя... Какъ вы смѣете ругаться?..

— Ахъ, ты, хамъ! Ты еще разговаривать! Онѣ—твои знакомыя! Были твоими знакомыми, когда не были родней мнѣ!

Съ этими словами, арапникъ Муркевича свистнулъ въ воздухъ и нѣсколько разъ впился въ лицо молодого купчика, а «герой» приговаривалъ: «вотъ тебѣ знакомство, вотъ тебѣ знакомство! Знай, что такое бѣлая кость! Знай, знай!»

Лицо Сѣрягина было въ крови; сестра его рыдала, закрывшись муфтой. Я бросился къ юношѣ, сталъ прикладывать ему снѣгъ къ лицу и совѣтовалъ сейчасъ же заявить полиціи, взявъ меня въ свидѣтели.

Свидѣтелемъ мнѣ быть не пришлось: когда Муркевича вызвали къ исправнику, тотъ пригрозилъ ему, что больше не въ состояніи выносить его подвиговъ, что, кромѣ разбора у судьи, онъ будетъ просить губернатора о выселеніи буяна куда нибудь подальше.

Муркевичъ сперва кричалъ, что скорѣе пустить себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ извинится передъ «хамомъ», но кончилъ, однако, тѣмъ, что извинился, а Сѣрягинъ, по своей мягкости и добродушію, простилъ ему.

Не все, однако, было дурно въ этомъ человѣкѣ. Онъ былъ не лишенъ состраданія, помогая въ нуждѣ тамъ, гдѣ узнавалъ о ней. Въ трезвомъ состояніи и, если не возбуждали его ревности, онъ былъ любезнымъ собесѣдникомъ и недурно рассказывалъ. Мнѣ только одинъ разъ пришлось разговаривать съ нимъ, и объ этомъ разговорѣ я долженъ рассказать, такъ какъ онъ характеризуетъ и хорошую сторону Муркевича.

Какъ-то онъ совершенно неожиданно ворвался ко мнѣ. Я раньше даже и не кланялся съ нимъ.

— Что вамъ угодно? — спросилъ я съ нѣкоторымъ испугомъ. Такое появленіе не предвѣщало ничего добраго. До свѣдѣнія Муркевича могли дойти мои неодобрительныя рѣчи о немъ и, чего добраго, онъ явился, чтобы учинить со мной кулачную расправу. Но вышло не то.

— Извините, пожалуйста, — началъ онъ довольно рѣзко, — что я врываюсь къ вамъ, не будучи знакомымъ. Но я очень взволнованъ, а дѣло важное и не допускаетъ промедленія... Позвольте мнѣ сѣсть.

— Пожалуйста, — сказалъ я, придвигая ему стулъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ-съ: секретарь здѣшной полиціи оклеветалъ мою прислугу, честную старуху, живущую у моей тещи уже десять лѣтъ безупречно. Секретарь заявилъ мировому судѣ, что эта старушка украла у его кухарки платокъ. И этотъ каналья, Вѣролыкинъ, приговорилъ несчастную женщину на мѣсяць подъ арестъ!! Я этого потерпѣть не могу! Я самъ ее защищалъ у судьи. Но вы понимаете, что такое я въ глазахъ Вѣролыкина, и что такое секретарь полиціи, съ которымъ онъ каждый день играетъ въ карты. Я не могу этого потерпѣть! Вы, какъ человѣкъ образованный, конечно, тоже — врагъ несправедливости...

— Но, позвольте, что же я могу?

— Многое можете, — сказалъ онъ безапелляціонно и продолжалъ, рѣзко выпаливая каждую фразу и съ перерывами отъ волненія: — прежде всего, нужно составить этой опозоренной женщинѣ аппеляцію. Я же, — долженъ сознаться, — говорю хорошо, но излагать письменно своихъ мыслей не имѣю дара... Еще римляне говорили: «ораторы бывають, а поэты рождаются!» Ну, что дѣлать! Не рожденъ съ этимъ даромъ. Перо у меня вялое, тяжелое! Такъ вотъ, во-первыхъ, не напишите ли вы жалобу? Не бойтесь: я перепишу самъ, и никто не будетъ знать, что вы писали. Вѣдь, я понимаю, что секретарь можетъ вамъ нагадить... А моему слову, — слову благороднаго человѣка, повѣрить можете, какъ могилѣ... За-

коны всё я вамъ сообщу. Я съ этимъ дѣломъ сталъ юристомъ. Изучилъ всю процедуру и весь уставъ о наказаніяхъ... Ну-съ, вы согласны?

— Извольте, я напишу,—отвѣтилъ я.

— Я такъ и зналъ. Позвольте крѣпко пожалъ вашу руку.—И онъ пожалъ такъ крѣпко, что у меня хрустнули кости.

— Однако, и сила у васъ!—сказалъ я:—если вы еще разъ такъ сожмете мои пальцы, то я уже не въ состояніи буду писать.

Онъ расхохотался.

— Ахъ, простите! Проклятая привычка! Ну, а потомъ... моя горячность... во всемъ—и въ злѣ, и въ добрѣ, и въ карѣ, и въ благодарности... но есть у меня и еще просьба. Вѣдь этого мало, что женщину оправдаютъ! А неужели оставить безнаказаннымъ, что этотъ выходецъ изъ казанскихъ татаръ, отецъ котораго мыло продавалъ на улицахъ,—приговорилъ невинную душу въ острогъ. Вѣдь, она бы ужъ и сидѣла, если бы я не внесъ залога. Развѣ это можно простить? А какъ же его наказать? Избить нагайкой? Такъ изъ-за такой гадины я не желаю сгнить въ Сибири! Рукъ марать не стоитъ. А вотъ въ газетахъ его пропечь, на печатную сковороду разложить, да пороть его словами, словами на цѣлую Россію, на весь міръ... Вотъ это наказаніе! А вы, я слышалъ, пописываете... Я читалъ одну корреспонденцію. Говорятъ, вапа. Очень мнѣ понравилась! Давно нужно было пробрать исправника за раскольниковъ. Вѣдь, это—денной грабежъ! Я отъ его письмоводителя знаю. Явится въ деревню, опечатаетъ молельню, иконы. Дадутъ ему триста-четыре-ста рублей, сниметъ печати. А отъѣхалъ верстъ пять отъ села, и опять назадъ! Мало ему показалось! Опять печатать! И еще пять сотъ или тысячу въ карманъ... Э! Да я вамъ еще и не то расскажу! Я здѣсь всю подноготную знаю!.. Такъ вы согласны написать въ газеты?

— Въ принципѣ согласенъ, но сперва мнѣ хотѣлось бы узнать обстоятельства дѣла...

— А, вы мнѣ не вѣрите?!—заревѣлъ онъ и вскочилъ съ мѣста, а лицо его сразу стало багровымъ и свирѣпымъ.

— Этакая вы горячка!—сказалъ я:—совсѣмъ я не хотѣлъ васъ обидѣть, и вѣрю вамъ вполне: такіе люди, какъ вы, никогда не лгутъ... Но они могутъ ошибаться именно по своей горячности.

Лицо его просвѣтлѣло.

— Вотъ за это спасибо! Вы меня поняли! Я именно такъ! Пожалъ бы вамъ руку, да лучше воздержусь... А не послать ли намъ въ погребокъ къ Спиридонову? Спрыснуть нашъ тайный разговоръ! А?!

— Нѣтъ, ужъ извините! Я, во-первыхъ, ничего, не пью, а, во-вторыхъ, я васъ немножко боюсь, когда вы выпьете. Вѣдь о васъ тутъ цѣлыя легенды ходятъ.

— Ха-ха-ха! Задалъ я имъ всѣмъ адѣсь страху! Оно справедливо: я, особенно во хмелю, чистый дьяволъ. Помните у Грибоѣдова такой же типъ:

Въ Камчатку сосланъ былъ,
Вернулся алеутомъ...

— Это у меня, знаете ли, наследственное—эта необузданность права. Но передъ своимъ отцомъ я въ этомъ отношеніи—мальчишка и щенокъ, какъ говорить Расплюевъ! О, если бы вамъ рассказать, что творилъ отецъ у себя въ О—ской губерніи! Онъ разъ дьякона высѣкъ. Да за что? Любилъ онъ, знаете ли, всякія потѣхи: заставить, на примѣръ, мужиковъ черезъ костеръ прыгать,—если перепрыгнуть,—получай двугривенный и стаканъ водки, не перепрыгнуть,—тутъ же пороть! Вотъ разъ и пришелъ нашъ отецъ дьяконъ. Стоитъ и любуется. А отецъ и говоритъ ему: «Не хочешь ли,—говоритъ,—отецъ дьяконъ, и ты попрыгать? Только на обычномъ условіи: перепрыгнешь—пять рублей получишь, а не перепрыгнешь—высѣку. Согласенъ? Подумалъ отецъ дьяконъ, и жаль ему пять рублей потерять! А росту онъ былъ огромнаго; думаетъ: «отчего бы не перепрыгнуть? Не такія канавы перескакивалъ! Да если и не перескочу, не посмѣетъ онъ меня выпороть». Ну, и согласился. Отецъ передъ всей толпой заставилъ его повторить уговоръ. Дьяконъ хочеть; толпа хочеть, а кончилось дѣло плохо: за это отца въ то время и подъ домашнимъ арестомъ цѣлый годъ держали, и чуть подъ опеку не отдали! А сколько денегъ съѣла эта потѣха! Чуть не половину имѣнія пришлось раздать чиновникамъ!.. Да, были люди въ прежнее время. Богатыри, не—вы! Да то ли онъ дѣлалъ? У него на дому была башня, а въ башнѣ всегда часовой. Чуть кто вѣдетъ въ отцовскія владѣнія, часовой звонокъ давалъ. Ёдетъ, на примѣръ, обозъ. Сейчасъ всѣхъ охотниковъ на коней и самъ впереди. А охота была огромная, полтораста человекъ верховыхъ и всѣ одѣты, какъ одинъ... Ну, вотъ и мчится вся эта армія къ обозу. «Руби гужи!» командуетъ отецъ. И рубятъ! Такъ отучилъ ѣздить по своей землѣ, что по пятидесяти верстъ крюку давали, лишь бы ему на глаза не попадаться!

Онъ помолчалъ, а затѣмъ прибавилъ:

— Да, вотъ это былъ человекъ! Только и онъ не всегда хорошо поступалъ... Съ матерью моею нехорошо поступалъ...

Голосъ Муркевича дрогнулъ.

— И чего только онъ съ ней, бѣдняжкой, не творилъ! Вотъ истинная мученица была. Разъ задумалъ ее хоронить живую. Велѣлъ сдѣлать гробъ, конечно, съ дырками въ крышкѣ, чтобы не задохнулась¹⁾. Положилъ ее сперва на столъ, подъ образа, какъ

¹⁾ Все это факты, которые можно подтвердить документами. Героемъ этихъ подвиговъ былъ помѣщикъ Ор-ской губ. М-скаго уѣзда М. М. М-евъ. Я его видѣлъ лично.

покойниковъ, а потомъ въ гробъ, накрыли крышкой, заколотили гвоздями и торжественно понесли на кладбище. Впереди отецъ, въ видѣ священника, сзади всѣ охотники. Поютъ «со святыми упокой». Принесли на кладбище, отпѣли и оставили тамъ на всю ночь!..

Вдругъ Муркевичъ всхлипнулъ и быстро отеръ глаза платкомъ, который торопливо выхватилъ изъ кармана...

— Вотъ видите, — сказалъ онъ, какъ бы оправдываясь, — этого и я не въ состояніи вспоминать. А онъ съ ней и не то дѣлалъ, да мнѣ, какъ сыну, нельзя даже и говорить объ этомъ. Я въ то время еще маленькимъ былъ. Самъ этого не видѣлъ, а ужъ потомъ люди рассказывали!

Послѣ этого знакомства мнѣ уже не удалось видѣть Муркевича. Подошелъ праздникъ пасхи, и на первый же день городокъ былъ потрясенъ извѣстіемъ, что Муркевичъ убитъ въ дракѣ молодого земскаго врача, недавно къ намъ пріѣхавшаго.

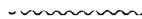
По рассказамъ, дѣло происходило такъ: врачъ явился въ первый день праздника съ обычнымъ визитомъ къ Муркевичу. Стали угощаться. За столомъ предсѣдательствовала теща; присутствовала и молодая жена Муркевича, и свояченица, которая къ тому времени развилась въ красивую, увлекательную дѣвушку—невѣсту. Земскій врачъ съ первыхъ же дней пріѣзда сталъ за ней ухаживать и, какъ говорили, имѣлъ «серьезное намѣреніе», то есть, собирался сдѣлать предложеніе. Но это было не по вкусу Муркевичу, который самъ увлекся свояченицей, однако, до поры до времени, терпѣлъ конкурента, чтобы не обнаружить передъ женой и тещей своей страсти, о которой знала только молодая дѣвушка, да ея женихъ, которому она рассказала о «приставаніяхъ» Муркевича. И вотъ молодые люди сговорились объявить въ первый же день праздника, неожиданно для Муркевича, о своей помолвкѣ, — авось онъ при родителяхъ и гостяхъ ничего не сдѣлаетъ.

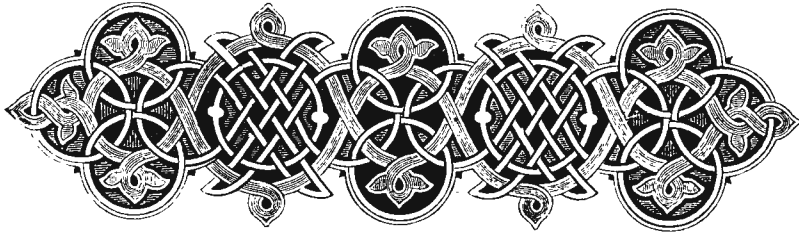
Однако, вышло иначе. Муркевичъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сдержался въ первый моментъ и даже самъ поздравилъ жениха и невѣсту. Но затѣмъ придрался къ какой-то фразѣ молодого врача и бросился на него съ бутылкой. При изслѣдованіи, черепъ несчастнаго жениха оказался не только проломленнымъ, но одна половинка его была вдавлена въ другую.

Муркевича посадили въ тюрьму, судили и приговорили къ каторжнымъ работамъ.

Жена послѣдовала за нимъ.

Л. Е. Оболенскій.

ПАЛОМНИЦА АНИСЯ.

(Изъ палестинскихъ впечатлѣній).

ВЪ БЫТНОСТЬ мою въ Иерусалимѣ я любила бывать въ храмѣ Гроба Господня и наблюдать молящихся; особенно хорошо тамъ въ полуденный зной: народу мало, въ храмѣ прохладно, покойно и тихо; свѣтъ льется сверху изъ оконъ, находящихся у основанія купола, увѣнчивающаго большую ротонду, посреди которой стоитъ Кувукля—часовня Гроба Господня.

Я простаивала здѣсь часами, слѣдя за посѣтителями: вотъ пробѣгаетъ мимо католическiй монахъ и, торопливо преклонивъ колѣно предъ дверями часовни, спѣшитъ дальше; вотъ арабская женщина, съ ногъ до головы закутанная въ бѣлое покрывало, спокойной, ровной поступью проходитъ въ Кувуклю, а вотъ паломникъ изъ мѣщанъ истоиво крестится, кладетъ земной поклонъ и идетъ туда же; неподалеку стоитъ фигура греческаго монаха; зоркіе, хитрые глаза его внимательно вглядываются въ молодое скромное лицо сестры милосердія, слушающей католическую службу; лукавая улыбка пробѣгаетъ по лицу монаха, онъ оглядывается и осторожно, крадучись, подходитъ къ дѣвущкѣ и на ломаномъ русскомъ языкѣ обращается къ ней со словами: «здѣсь нельзя стоять, здѣсь католики! Иди туда, здѣсь не молись!..»

Дѣвушка вспыхиваетъ, изумленно смотритъ на улыбающееся лицо монаха и торопливо уходитъ... Тамъ, у колонны стоитъ темная фигура абиссинца въ бѣлой чалмѣ и смиренно высматриваетъ, нѣтъ ли тутъ какогонибудь знатнаго «москоби», чтобы во имя покровительства русскаго царя къ Менелику попросить «бакшишъ».

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1899 г., т. LXXVIII.

7

Фигуры знакомы, давно примелькавшіяся. Глядя на ихъ озабоченныя, занятыя своими дѣлами, лица, совсѣмъ забываешь, что стоишь у гробницы Того, къ Кому прибѣгаютъ всѣ обездоленные и нуждающіеся въ помощи. Но вотъ вниманіе мое привлекаетъ фигура русской паломницы не то изъ мѣщанъ, не то изъ крестьянъ; ситцевое старенькое платье виситъ на ней какъ-то уныло, руки безпомощно болтаются; она идетъ робко, опустивъ голову, по временамъ поднимая благоговѣйный, съ примѣсю страха, взоръ на Кувуклію; губы ея движутся; очевидно, онѣ шепчутъ молитву; глядя на ея походку можно подумать, что она несетъ на своихъ плечахъ непосильное бремя, что это бремя заставляетъ ее часто останавливаться и съ усиленіемъ переводить духъ. Трудно опредѣлить ея возрастъ—такое изможденное и сѣрое у нея лицо, только темные съ застывшимъ испугомъ глаза горятъ лихорадочнымъ блескомъ. Дойдя до дверей Кувукліи, она остановилась и какъ-то сразу, точно подкошенная, упала на колѣни; ужасъ и мольба смѣшались на ея лицѣ; глубоко вздохнувъ, она прижалась лбомъ къ полу, и что-то до такой степени скорбное и придавленное было во всей ея фигурѣ, согнутой, вздрагивающей, и въ то же время что-то такое родное и близкое, отчего сердце во мнѣ защемило знакомой тоской, и я не могла отвести отъ нея взгляда. Пробывъ нѣкоторое время въ такомъ положеніи, она подняла голову и взглянула внутрь часовни; на лицѣ ея явственно отражалась внутренняя борьба противоположныхъ чувствъ, точно что-то болѣе сильное и властное, чѣмъ ея воля и вѣра, не пускали ее войти туда, куда, можетъ быть, давно рвалась, ея отягченная грѣхомъ, душа, что это «что-то» встало передъ нею и отдѣляетъ ее отъ гробницы Утѣшителя, по лицу ея пробѣжала судорога, руки, нервно прижатыя къ груди, снова опустились, фигура наклонилась впередъ, и эта маленькая колѣнопреклоненная женщина показалась мнѣ въ этотъ моментъ воплощеніемъ безпомощнаго страданія и безысходной скорби; но вотъ въ глазахъ ея мелькнулъ лучъ надежды, губы снова зашептали молитву, она медленно двинулась въ часовню и скрылась изъ моихъ глазъ.

Я прошла вслѣдъ за ней въ придѣлъ Ангела. Она лежала тамъ, точно изваяніе, и ни одна часть ея тѣла не двигалась, словно жизнь отлетѣла отъ нея. Наконецъ, она подняла голову, подавляя вздохъ, встала, приложилась къ мраморному столбу и согнувшись прошла въ узкій проходъ, къ гробницѣ Христа.

Я видѣла расprostертую, вздрагивающую фигуру кающейся, слышала глухой надорванный стонъ, стонъ, отъ котораго морозъ пробѣгалъ у меня по кожѣ и волосы подымались на головѣ; въ этомъ стонѣ было все—и мольба, и отчаяніе, и надежда, и ужасъ; не знаю, долго ли продолжалось это—мнѣ показалось, цѣлая вѣчность, въ продолженіе которой я переживала такъ много, что за-

была, гдѣ я нахожусь. Шорохъ, раздавшійся у гробницы, вернулъ меня къ дѣйствительности. Женщина встала, отвѣшивая низкіе поклоны, и, пятась задомъ, вышла въ придѣлъ Ангела.

Помолившись здѣсь, она вышла изъ часовни и прошла на Голгофу, но я не послѣдовала за ней. Я стояла и думала: какое горе и какой тяжкій грѣхъ принесла съ собой эта маленькая женщина, а что это было не малое горе и не малый грѣхъ, свидѣтельствовала вся ея фигура.

Стоя на площадкѣ передъ храмомъ въ ожиданіи паломницы, я глядѣла на подвижныя беззаботныя лица туземцевъ,—и вспоминалась мнѣ далекая родина, вспоминалась сѣренькая будничная жизнь, среди которой происходятъ хватающія за душу драмы, вспоминалось наше блѣдное, подернутое туманомъ небо, мрачная дождливая осень.

Мои воспоминанія были прерваны появленіемъ женщины, которую я наблюдала въ храмѣ. Лицо ея показалось мнѣ спокойнѣе; блѣдное и худое, оно носило печать всеисцѣляющей надежды и покорности судьбѣ; прежняго остраго ужаса и испуга на немъ не было. Она шла все той же робкой, неувѣренной походкой, ежеминутно останавливалась и крестилась; восточная узкая улица съ ея своеобразною жизнью, пестрою толпою туземцевъ, туристовъ, монаховъ и пр. не привлекала ея вниманія; она шла медленно, осторожно, уступая всѣмъ дорогу, и такой жалкой, затерянной, робкой и покорной среди крикливой довольной толпы арабовъ выглядѣла она, что, казалось, будто она чувствуетъ себя передъ всѣми виноватой. Я шла неподалеку втѣ нея, чрезвычайно взволнованная неудержимымъ желаніемъ подойти къ ней, заговорить, вызвать на откровенность, но меня что-то удерживало. У лотка съ апельсинами она остановилась и, набравъ нѣсколько штукъ, спросила продавца о цѣнѣ; арабъ отвѣчалъ ей на своемъ языкѣ, а она конфузливо и виновато смотрѣла на него; я подошла и вывела ее изъ замѣшательства, объяснивъ, сколько онъ проситъ; она заторопилась, достала платокъ, развязала узелокъ, гдѣ были мелкія турецкія монеты, расплатилась.

— Спасибо, барынька, что выручила!—обратилась она ко мнѣ, низко кланяясь:—потому я не понимаю по-ихнему!

Мы шли рядомъ; я спросила, изъ какой она губерніи.

— Изъ Ставропольской, барыня, изъ Ставропольской! Можетъ, знаете, село Ивановское, оттуда я!

— Давно пріѣхала?

— Съ пароходомъ, третій день, барыня, третій, какъ пріѣхала!

— Ну, что же, нравится тебѣ здѣсь?

— Одно слово, святая земля, барынька!—оживилась она:—какъ подумаю, что вотъ и я, грѣшная, удостоилась ходить по этой землѣ, такъ сердце во мнѣ и трепещетъ! Вѣдь, барыня, самъ Господь нашъ

Иисусъ Христосъ ходилъ по этой землѣ, можетъ, самые эти камешки ногами своими святыми попиралъ!—восторженно сказала она, благоговѣнно ступая по «этимъ самымъ камешкамъ», и что-то похожее на улыбку мелькнуло на ея лицѣ. Дойдя до русскаго подворья, она зашла въ лавочку и купила пятикопеечную булку.

— Ты семейная?—спросила я, когда мы снова поровнялись. Она съежилась, бросила на меня испуганный взглядъ, глубоко вздохнула, точно набирала силы, и скороговоркой отвѣтила:

— Вдовая я, барынька, вдовая.. Сынишка одинъ есть,—у барыни, у докторши, остался. На службѣ я была у барыни, хорошая она, добрая, дай ей Господи здоровья!.. Мальченка мой у нея остался, съ барчукомъ играетъ!

Нѣжныя материнскія ноты прозвучали въ голосѣ женщины и оборвались.

— Какъ тебя зовутъ?—спросила я, когда мы поровнялись съ зданіемъ гостиницы.

— Анисья.

— Такъ вотъ что, Анисья, пойдѣмъ ко мнѣ, чаю попьѣмъ. Я здѣсь одна, въ номерахъ стою. Пойдѣмъ, и мнѣ веселѣе будетъ!—подавляя поднявшееся чувство неловкости и смущенія, проговорила я.

— Премного благодарна, милая барынька!—вспыхнувъ отвѣтила Анисья.—Коли ваша милость оказываете мнѣ ласку, отчего не пойти!.. Я рада, я всякой ласкѣ рада, барынька!

II.

Спустя полчаса, самоваръ кипѣлъ у меня на столѣ, и мы съ Анисьей пили чай, обмѣниваясь мыслями. Чай она пила методично, изъ блюдечка, какъ пьютъ крестьяне, держа его въ одной рукѣ; потъ градомъ катился по ея раскраснѣвшемуся лицу, которое она вытирала концомъ платка. Окончивъ чаепитіе, она поднялась, помолилась на образа, поблагодарила меня и снова сѣла на кончикъ стула, устремивъ задумчивый взглядъ въ открытое окно, откуда виднѣлась голубая синева неба, фасадъ гостиницы, садъ, залитый лучами солнца.

— Ночевала уже у Гроба?..

— Какъ же, какъ же, ночевала! Вчера ночку провела и сегодня пойду!.. Какъ бы не опоздать, барынька!—озабоченно прибавила она.

— Успѣешь, еще рано! Я бы тебѣ посовѣтовала отдохнуть хорошенько съ дороги, а то у тебя очень усталый видъ!

— Зачѣмъ отдыхать, барынька? Не затѣмъ ѣхала я сюда; молиться ѣхала, у Господа заступника отпущенія грѣховъ испросить!—высокими визгливыми нотами протянула она и потупилась, тяжело вздыхая.

— Сынъ твой совсѣмъ у барыни остался или на время?

— Пока вернусь, Пропка у нея будетъ. Барыня хорошая, жена доктора, въ Ставрополѣ живетъ, больница тамъ. Въ больницѣ той и я лежала, какъ изъ дому убѣгла!

— Убѣжала? Почему же ты убѣжала?

— Грѣхъ на немъ, на этомъ домѣ, кровью онъ омытъ, кровью, барынька! Пролилась тамъ кровь человѣческая!—вскрикнула Анисья, и снова уже знакомое мнѣ выраженіе скорби и ужаса заволокло ея лицо. Я невольно вдрогнула, не смѣя ни о чемъ больше спрашивать, не отрывая взгляда отъ темныхъ потускнѣвшихъ глазъ Анисьи, и, должно быть, что нибудь особенное было въ моемъ лицѣ, потому что она вдругъ заволновалась и, то блѣднѣя, то краснѣя, порывисто начала.

— Грѣхъ, барынька, по міру ходитъ, лукавый одолѣлъ человѣка, зло пошло. Забыли люди Бога, во тьмѣ живутъ, и нѣтъ у нихъ свѣта, нѣтъ праведности. Живутъ люди, точно звѣри лютые, о мірскомъ только и думаютъ, о плоти своей, а дьяволъ тутъ и сторожить! Что песку въ морѣ, барынька, то грѣха людского на землѣ, и гнететъ этотъ грѣхъ человѣка, охъ, какъ гнететъ!—сдавленнымъ голосомъ произнесла Анисья, смотря въ пространство своими лихорадочно блеснувшими глазами, и жгучее страданіе пробѣжало по ея лицу.

— Грѣхъ, барынька, на мнѣ лежитъ, большой грѣхъ, и не измытъ мнѣ этого грѣха!.. Жжетъ онъ меня, барынька, охъ, какъ жжетъ, и днемъ и ночью покою нѣтъ! Смируется ли Господь, проститъ ли меня, окаянную, тяжело мнѣ жить такъ-то!..

Послѣднія слова, какъ жалобный стонъ подстрѣленной птички, вырвались изъ груди Анисьи и заставили поникнуть ея голову.

— Нѣтъ грѣха, Анисья, котораго бы Господь не простилъ.

— Знаю я, милостивъ Господь, многотерпѣливъ и милостивъ!.. А все же страшно мнѣ... И страшно мнѣ, барынька, потому давитъ меня грѣхъ мой тяжкій, и свѣту Божьяго не видно мнѣ!..

Она подняла голову, мелькомъ взглянула въ окно, но ни ясное небо, ни стройные кипарисы, ни яркіе цвѣты, ни разлитый вокругъ покой жаркаго дня не коснулись ея погруженной въ воспоминаніе души...

— Я, значитъ, по порядку расскажу вамъ, барынька, коли милость ваша,—робко и просительно обернулась она ко мнѣ, и въ выраженіи ея лица, въ блескѣ глазъ, я прочла такую, вдругъ вспыхнувшую, жажду излить свою душу, исповѣдаться, которая внезапно съ неудержимой силою охватываетъ человѣка и заставляетъ его высказаться до конца.

— Говори, говори, голубушка!

— Жила я въ Ивановской, у маменьки, и дѣвушка изъ себя я была видная; не ростомъ брала, а здоровьемъ, силой, значитъ.

Жила я, какъ всѣ дѣвушки, работала, гуляла, пѣла, съ маменькой сварилась... Отца у меня не было, отецъ умеръ, какъ я маленькой была, а маменька вышла замужъ за другого мужика, онъ и былъ у насъ хозяиномъ, пришлый мужикъ, изъ другой губерніи.

Былъ онъ моложе маменьки и любилъ съ дѣвками шутить и водку пить, маменька тоже пила, и ссорились, и дрались они часто—скверно жили, что говорить... А я росла, какъ травка, и никто меня закону не училъ, какъ, значить, жить надо... Что есть добро, что есть зло, какъ по-праведному жить,—ничего этого мы не знаемъ. Главное у насъ, чтобы дѣвка была здоровая да рабочая, о душѣ не думаютъ. Если есть которая дѣвушка, что хочетъ побожьему жить, то тую на смѣхъ поднимаютъ и парни и дѣвушки, такъ оно ужъ и ведется. Я хоть гулять любила и съ парнями шутила, одначе себя блюла, не то, что другія, и озорникамъ спуску не давала, потому на языкъ была вострая. Посватался за меня Никита; сирота онъ былъ, у дяди жилъ, а земля у него своя была. Маменька рада радешенька, что женихъ хорошій нашелся, потому земли у насъ мало было. Поженили насъ; Никита отдѣлился отъ дяди; перебрались мы въ свою хату и стали хозяевами жить. Добрый былъ Никита, жалѣлъ меня, пилъ мало, только по праздникамъ, а въ будни ни-ни! Черезъ годъ ребенокъ у меня родился, Прошка этотъ самый, а потомъ Никиту въ солдаты взяли, порѣшили тогда мы съ Никитой, чтобы, значить, я съ маменькой жила, и землю нашу вотчимъ въ аренду взялъ. Сговорились съ Никитой насчетъ земли, сколько имъ, сколько намъ, дѣло сладили, Никита уѣхалъ, а я стала съ маменькой жить. Сначала ничего, мирно жили, а потомъ вотчимъ сталъ приставать ко мнѣ, на грѣхъ склонять, а я его боялась, и сама не знаю отчего, а только, бывало, какъ увижу его, такъ и задрожу...

Ахъ, барынька, тяжелое дѣло солдатское—ни вдова ты, ни жена ты, и всякъ норовить смутить тебя. Какъ былъ со мной Никита, то меня не трогали, а какъ ушелъ, то парни проходу мнѣ не даютъ, рѣчи нечистыя говорятъ. Я, барыня, разумомъ не сильная была, грѣхомъ тѣ слова не считала, слушаю, смѣюсь, огрызаюсь; а который посмѣлѣй да позадористѣй, тотъ щипнетъ, либо обвинитъ меня—такъ у насъ завсегда съ дѣвками шутятъ.

Увидалъ разъ вотчимъ, какъ меня парень обнималъ да на грѣхъ склонялъ, и говорить: «вотъ ты какая! Ты только со мной тихоня, съ другими гуляешь!» И сталъ онъ съ тѣхъ поръ слѣдить за мною и пугать меня: напишу, говорить, Никитѣ, какая ты ему жена есть! Пугаетъ меня всячески, а я боюсь, не виновата ни въ чемъ, а боюсь.

Анисья вопросительно посмотрѣла на меня и послѣ короткой паузы продолжала.

— Ужъ не знаю и сама, какъ это вышло, а только замутиль меня лукавый!.. Надо вамъ сказать, барыня, что вотчимъ былъ изъ себя мужикъ видный, сильный, а какъ заговорить, бывало, со мной ласково, то не найти другихъ такихъ словъ, такъ, значить, за сердце и берутъ, и хватаютъ; какъ подойдетъ это онъ ко мнѣ, посмотреть, обниметь, и не вѣдаю я тогда, что со мной дѣлается, — и Никиту, и Прошку, и маменьку забуду!.. Помутилось все у меня въ головѣ, стала я сама не своя — мнѣ бы уйти надо тогда подальше отъ грѣха, о душѣ подумать, да, видно, лукавый силенъ; духу не было, о законѣ Божьемъ не думала, плоть возговорила во мнѣ!.. Сошлась я съ вотчимомъ.

Анисья съ трудомъ переводила духъ, безнадежно смотря передъ собой, и продолжала монотоннымъ убитымъ голосомъ:

— Маменька скоро узнала объ этомъ, потому такое дѣло нельзя скрыть, и я скоро забеременѣла. А Никита письма все такія хорошія пишетъ, просить маменьку, вотчима, беречь меня, сынишку жалѣть, пишетъ, что лѣтомъ, какъ солдатъ на работу отпустить, пріѣдетъ домой. Вотъ тутъ-то и запала тоска лютая мнѣ въ сердце, страшно мнѣ про Никиту подумать. Какъ покажусь ему, какъ посмотрю на него теперь? А маменька меня грызетъ, со свѣту сживаетъ, я тоже не молчу, потому изболѣлось все во мнѣ!..

Въ воскресенье пришелъ Никита; я одна дома съ Прошкой была, ни маменьки, ни вотчима — поѣхали они къ куму въ гости. Вошелъ это Никита въ хату, да какъ увидалъ меня, загрясся весь — прослышалъ, должно, про меня!..

— Что это? — спросилъ Никита, да сквернымъ словомъ обозвалъ меня!.. Бухнулась я въ ноги ему, да все и повѣдала!..

— Прости, — говорю, — Никита, прости окаянную! Лежу это я и подняться не смѣю, взглянуть на мужа боюсь, — упавшимъ, обезсиленнымъ голосомъ продолжала Анисья и смотрѣла такъ, какъ будто видѣла все происшедшее!..

— Прочь, тварь! — крикнулъ Никита, да ногой меня ударилъ, да такъ ударилъ, что я свѣту не взвидѣла. Поползла я въ уголь, потому отъ боли подняться не могла, лежу тамъ, молчу, а онъ по хатѣ ходить да кричить:

— Не могла, такая-сякая, мужа дожидаться, не могла стерпѣть!.. Обругалъ да выбѣгъ на улицу!.. А у меня боли поднялись, долго мучилась и мертваго родила!.. А Никита сталъ пить, всѣхъ ругать, все изъ дома таскать.

— Не къ чему, — говорить, — копить добро, пусть все пропадомъ пропадаетъ!

Я лежу на лавкѣ, потому ходить не могу — поясицу отняло, а маменька меня что день изводитъ. — Все, говорить, ты надѣлала, грѣхъ въ домъ ввела. Кабы, говорить, знала, что ты такая будешь, своими бы руками задушила тебя! А я въ отвѣтъ: не я ма-

менька, виновата! Не мой это грѣхъ, потому на разумъ меня никто не наставилъ!..

— Молчи, Анисья! — кричитъ маменька: — не вороти ты сердца моего, все во мнѣ кипитъ... Грѣха не побоюсь, а тебя убью... Сама породила, сама и порѣшу!

— Убейте, говорю: ужъ лучше смерть, чѣмъ такую муку принимать!

Сваримся мы такъ разъ съ маменькой, а Никита съ вотчимомъ пьяно-препьяно домой пришли, водку съ собой принесли, маменьку угощаютъ, меня заставляютъ пить... Пили это они, пили, скверно-словили да всякія ядовитости другъ дружкѣ говорили.

— Я, — говоритъ Никита вотчиму: — премного тебѣ благодаренъ, что ты мою жену сберегъ да себѣ въ полюбовницы взялъ, очень я тебѣ благодаренъ!..

— Не я, — кричитъ вотчимъ, — такъ другой, потому твоя баба гулящая!..

— Врешь! — взревѣлъ Никита, вскочилъ да ударилъ вотчима по лицу...

— Вотъ тебѣ, подлець, вотъ разбойникъ, вотъ душегубъ!..

Страшный сталъ Никита, разсвирѣпѣлъ въ конецъ, глаза кровью налились, слюна изо рта брызжетъ...

Встчимъ на него, — и пошла тутъ у нихъ свалка... Я въ уголь отъ страху забила, а маменька бросилась разнимать ихъ, а Никита звѣрь звѣремъ, матушку побилъ, да ножъ большой схватилъ, машетъ и кричитъ: убью!.. Вотчимъ изловчился, выхватилъ у Никиты ножъ и тутъ... Анисья вздрогнула, не отводя страдальчески испуганнаго взгляда отъ одной точки...

— Порѣшилъ, значить, онъ Никиту, въ животъ пырнулъ... Вскрикнула я, вскочила, да повалилась опять, потому млосно стало... Какъ открыла глаза, полный домъ народу, урядникъ стоитъ, а Никита лежитъ на полу, кровью обливается... Бросилась я къ нему, а онъ похолодалъ уже, насилу меня мужики оттащили...

Голосъ рассказчицы оборвался, и тяжелое прерывистое дыханіе смѣнило скорбную рѣчь.

— Ну, а потомъ, какъ осталась я одна съ Прошкой и маменькой, опостылѣла мнѣ хата, все кажется, кровью въ ней пахнетъ, и вижу я, будто Никита стоитъ и мнѣ гровитъ. Ночь придетъ, не сплю, дрожу, на маменькины слова молчу. Силъ моихъ не стало такъ жить, — забрала я Прошку, да въ чемъ была, въ томъ и ушла, куда глаза глядятъ... Иду это я полемъ, степью, ни сна ни покоя мнѣ нѣтъ... «Мой грѣхъ, мой грѣхъ!» говорю да Прошку за рученку тащу. А поясицу все больше да больше ломило, тяжко мнѣ стало, свалилась я подъ копномъ, тутъ мужики меня подобрали да въ больницу въ городъ отвезли... Барыня, докторша, какъ узнала про дѣло мое, мальченку къ себѣ взяла: пусть, гово-

рить, у меня побудетъ, пока ты поправишься. И тебя, говорить, Анисья, я не оставлю! Какъ выздоровѣешь, служить у меня будешь... Навѣщали меня иной разъ мужики, говорили, что ту землю дядя Никитинъ взялъ, а земля, говорятъ, Прошкина, и по закону такъ слѣдуетъ, «а ты хлопочи, у дяди ту землю возьми». Ну ее, землю эту, говорю, грѣшная эта земля, кровью смоченная!

Какъ поправилась я, стала служить у барыни. Жалѣла меня барыня, ласково говорила со мной; по вечерамъ, какъ доктора нѣтъ дома, она, бывало, позоветъ меня въ комнату; я пью, а она книжки читаетъ, разныя книжки, какъ, значить, люди на свѣтѣ живутъ... Слушаю я книжки, а все не легче на душѣ у меня, все гнететъ меня грѣхъ мой... — Что-жъ, Анисья,—говоритъ разъ барыня,—ты, я вижу, меня не слушаешь?

— Слушаю я, милая барыня, какъ не слушать, а только душѣ моей мало пользы отъ этого! Вы бы, коли ваша милость, почитали мнѣ что божественное, чтобы души спасеніе принять!.. А эти книжки, говорю, забава одна, а мнѣ, барыня, забавы не нужно, потому изныло все во мнѣ!

— Ну, что-жъ,—говоритъ барыня,—можно и другое почитать.

И стала она мнѣ евангеліе читать и библию, какъ міръ пошелъ и грѣхъ на землѣ зачался; чего не понимаю, объяснить... И озарилъ меня тутъ Господь Богъ свѣтомъ и увидала я, въ какой тьмѣ мы блуждаемъ, и стала думать я, отчего же мы во тьмѣ. Отчего никто не учитъ насъ правильной жизни, какъ по закону надо грѣха убѣгать... Распалилось мое сердце, рвеніе къ Богу взялось, молюсь, плачу, каюсь. «Ты, говорю, Господи Иисусе, который смерть и страданіе пріялъ ради спасенія людей, услышь молитву рабы твоея, не оставь душу мою во тьмѣ блуждать, укажи мнѣ путь ко спасенію! И день и ночь молюсь, слезами обливаюсь, панихиды по Никитѣ служу... — Охъ, говорю барынѣ, тяжкій грѣхъ мой, и нѣтъ ему прощенія!..

— Не ты виновата,—отвѣчаетъ барыня: — въ темнотѣ ты жила, никто тебя на путь не наставилъ; вотъ, говоритъ, который человекъ законъ знаетъ и законъ тотъ преступаетъ, на немъ больше грѣха!..

— Можетъ, оно и такъ, барынька,—отвѣчаю я,—а только чувствую, что великъ мой грѣхъ, потому горитъ во мнѣ сердце, горитъ!.. Вѣдь, барынька, и мы, хоть и въ темнотѣ живемъ, а знаемъ, что не подобаетъ женѣ отъ мужа гулять, не подобаетъ матери и дочкѣ съ однимъ человекомъ жить. Нужно мнѣ было, барынька, какъ лукавый сталъ мутить меня, рѣчи нечистыя нашептывать, уйти отъ грѣха, а я сама на него шла, потому палило меня, не въ моготу, значить, вдовство мое было... А отчего? потому плотью жила, о плотскомъ помышляла, о душѣ не подумала... И нѣтъ мнѣ за то покоя, нѣтъ спасенія!

— Не гнѣви ты Бога, Анисья,—говорить барыня,—потому Богъ милостивъ. Богъ—любовь, и всѣ, кто прибѣгаетъ къ нему, найдутъ спасеніе! А ты живи честно, исполняй заповѣди Бога, а самая наибольшая есть заповѣдь, чтобы любить Бога всѣмъ сердцемъ своимъ и ближняго, какъ самого себя! Вотъ, говорить, тяжкимъ путемъ узнала ты, въ чемъ грѣхъ, въ чемъ зло, просвѣтлай ближнихъ твоихъ, твори добро, живи такъ, какъ повелѣлъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ... И много она говорила такого, хорошо говорила, и весело мнѣ на сердцѣ дѣлалось, какъ слушала я ее — ахъ, какъ хорошо она говорила!—съ упоеніемъ протянула Анисья, полузакрывая глаза, блеснувшіе живымъ лучемъ высокаго наслажденія.

Очень хорошо говорила барыня, по правдѣ говорила, и отлежала у меня скорбь отъ сердца, какъ слушала я ее; а какъ осталась одна, такъ опять начинается мутить меня. Вотъ, думаю, барыня говорить: учи людей, въ чемъ зло, въ чемъ грѣхъ; а какъ же я пойду къ людямъ, какъ скажу имъ, что во тьмѣ они, когда каждый мнѣ можетъ сказать: а бревна въ своемъ глазѣ не видишь? И стыдно мнѣ станетъ тогда, потому не измытъ мой грѣхъ, и замолкнетъ мой языкъ, и не смогу я смотрѣть на людей... Стала чаще ходить я въ церковь, молить Бога, чтобы указалъ мнѣ путь праведный, и потянуло меня отъ людей въ пустыню, чтобы, значить, подвигъ принять, сердце отъ грѣха очистить. А куда я пойду? Думала я такъ-то зимнимъ вечеркомъ, лежа на кровати, и надумалась... Вскочила, смотрю вокругъ, а сердце во мнѣ трепещетъ, ровно выскочить хочетъ отъ радости, и казалось мнѣ, что не я это надумала, а кто-то другой сказалъ мнѣ: иди въ Святую землю, поклонись гробу Христа Спасителя, и тамъ будетъ измытъ твой грѣхъ! И такъ это весело мнѣ стало, что и сказать нельзя! Да только вспомнила я о Прошкѣ, что тутъ на кровати спалъ, и опять скука обуяла меня. Куда пойду я съ малымъ дитемъ, на кого оставлю его? Добрая барыня, спору нѣтъ, да у нея свой ребенокъ, захочетъ ли она возжаться съ чужимъ? Одначе, запала мнѣ эта самая мысль, работаю ли, отдыхаю ли, а все о святомъ Іерусалимѣ думаю. И Никиту во снѣ видѣла: просить, чтобы я о его душѣ помолилась, свѣчку у Гроба Христа Спасителя возжгла... А Прошка?.. И такъ мнѣ жалко Прошку моего дѣлалось, глазъ бы отъ него не отвела — и мука пуце меня забирала. Не выдержала я этой муки, пришла къ барынѣ, поклонилась ей. Силь моихъ, говорю, барыня, нѣтъ, терпѣть больше не могу! тяжело мнѣ жить такъ-то! Сдѣлайте, говорю, барынька, милость, пригрѣйте сироту, доколѣ я вернусь! По гробъ жизни служить вамъ буду!

— Да что съ тобой, Анисья, куда ты хочешь идти, что дѣлать?

— Гробу Христа Спасителя поклониться, — отвѣтила я и повѣдала барынѣ свою муку лютую. — Такая, говорю, барыня, скорбь во мнѣ, что конца края ей нѣтъ! Знаю, что не уйти мнѣ этой скорби, доколѣ Святому Гробу не поклонюсь!

Задумалась барыня, головой покачала, жалостливо посмотрѣла на меня и сказала:—что жъ, дѣлай, какъ тебѣ лучше, а за Прошку не бойся—не оставляю я его!.. Вижу, говорить, что нѣтъ тебѣ жизни безъ этого!

Повалилась я барынѣ въ ноги, ровно ангелу, а она подымаетъ меня да говоритъ: что ты, что ты, Анисья! Грѣхъ людямъ кланяться!

Подняла тутъ меня барыня, а у самой слезинки на глазахъ блестять, голосъ дрожить. Дай Богъ, говорить, чтобы полегчало тебѣ, а за Прошку не бойся!

Черезъ двѣ недѣли и выправили меня, и вотъ теперь я тутъ!— съ слабой улыбкой произнесла Анисья, поворачивая лицо къ окну, точно удивляясь, что она тутъ, подъ другимъ, болѣе синимъ и глубокимъ небомъ, вдали отъ всѣхъ ужасовъ и воспоминаній своей деревенской жизни.

— Ну, что жъ, легче стало тебѣ здѣсь?

— Легче, оно, конечно, легче, да грѣхъ-то еще не измытъ!— съ глубокимъ вздохомъ протянула она:— буду молиться, поститься, доколѣ не упрошу Господа нашего Иисуса Христа!— страдальчески вскрикнула она, осѣняя себя крестомъ.

— Не обезсудьте, барынька, что наговорила вамъ много такого!— смиренно обратилась она ко мнѣ, нивко кланяясь!—грѣхомъ своимъ смутила васъ!..

— Всѣ грѣшны, Анисья! У каждаго есть свое, праведныхъ мало! Вы по темнотѣ своей грѣшите, а мы, Анисья, можетъ, и тѣмъ еще грѣшны, что темно у васъ!—вырвалось у меня подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ только что выслушанной скорбной повѣсти. Не знаю, поняла ли мою мысль Анисья; она покачала головой не то отрицательно, не то утвердительно, и стала собираться..

— Не опоздать бы ко Гробу!—озабоченно сказала она.

— Приходи, Анисья: я буду рада!—говорила я, провожая свою гостью.

Воздухъ сталъ свѣжѣе; подулъ легкій горный вѣтерокъ и закачалъ верхушками кипарисовъ; солнце садилось, и лучи его окрашивали всѣ предметы въ оранжевый цвѣтъ, вокругъ тихо и спокойно, торжественно спокойно.

— Приходи же!—крикнула я, слѣдя за сгорбленной, торопливо идущей фигурой женщины, такъ плохо гармонировавшей съ окружающимъ.

III.

Увидала я снова Анисью только черезъ мѣсяцъ. Этотъ мѣсяцъ я провела въ развѣздахъ по Палестинѣ. Новая, не похожая на нашу природа, своеобразный бытъ туземцевъ, остатки старины, предавій,

масса новых впечатлѣній оттѣснили на задній планъ Анисью, и не только Анисью, а всѣ скорби и боли русской жизни. Этотъ мѣсяцъ я жила настоящимъ, т. е. тѣми виѣшними впечатлѣніями, которыя встрѣчались на пути и возвращали мысль въ давно прошедшія времена... Я чувствовала себя бодрой, сильной, доступной всѣмъ радостямъ бытія, — и жизнерадостныя лица туземцевъ, ихъ веселыя улыбки, любопытные взгляды, лѣнивыя позы, широкій просторъ горъ, вѣчно ликующее небо — все поддерживало это настроеніе.

Передъ отъѣздомъ я отправилась провести ночь на гору Элеонскую, чтобы въ послѣдній разъ упиться дивной панорамой пустынной Іудеи и отдаться тому безотчетному созерцательному настроенію, которое вызываетъ одиночество среди природы.

На самой вершинѣ горы, на восточной окраинѣ ея, за магометанской деревней, находятся русскія, миссіонерскія владѣнія; здѣсь есть страннопріимный домъ, гдѣ можно достать самоваръ и переночевать...

У калитки я отдала лошадь арабу проводнику и пошла пѣшкомъ къ мѣсту назначенія, любуясь широкой перспективой каменистыхъ горъ, залитыхъ солнечными лучами.

Постучавшись въ низенькую дверь къ ключницѣ, я терпѣливо ждала, и каково же было мое удивленіе, когда ко мнѣ вышла Анисья; она видимо обрадовалась встрѣчѣ со мной. Мы поздоровались, какъ близкія знакомыя.

— А гдѣ Авдотья?.. — спросила я, оглядывая Анисью, бодрый спокойный видъ которой пріятно поразилъ меня. — Мнѣ бы номерокъ да самоваръ!

— Я мигомъ все сдѣлаю, барынька! — оживилась она: — Авдотья пошла въ городъ и попросила побыть вмѣсто нея... Я сейчасъ, барыня, мигомъ оборудую!..

Съ этими словами она суетливо скрылась въ дверь и вышла съ ключами въ рукахъ.

— Чай, Анисья, ты мнѣ здѣсь приготовь въ саду... Здѣсь хорошо, только коверъ принеси!..

Я прошла въ кипарисовый садъ, защищенный съ надвѣтренной стороны зданіемъ страннопріимнаго дома, сѣла на камень, глядя на синеватую полосу заіорданскихъ горъ. По склону горы террасообразно спускались масличныя сады, вправо, внизу, вилась змѣйкой іорданская дорога, а вокругъ, куда ни бросишь взглядъ, волнообразная ширь пустынныхъ горъ, оживляемая на востокъ голубой полосой Мертваго моря, — и нигдѣ ни одного признака человѣческаго жилья.

— Вотъ коврикъ, барыня... Здѣсь подъ кипарисами и постелимъ его, хорошо здѣсь!.. — раздался снова голосъ Анисьи, оторвавшей меня отъ созерцанія величаваго спокойствія пустыни, которой еще не смѣла коснуться шумная европейская культура.

Анисья живо разостлала коверъ, принесла подушку; я замѣтила, что костюмъ не висѣлъ на ней такъ небрежно, какъ прежде, руки не опускались безпомощно, а выраженіе ея покрытаго здоровымъ загаромъ лица напоминало человѣка, выздоравливающаго отъ тяжелой болѣзни: слѣды ея еще видны на немъ, но въ глазахъ уже горитъ живой лучъ жизни. Лицо ея еще носило отпечатокъ тяжелой внутренней борьбы, но внѣшній міръ уже началъ привлекать ея вниманіе, заставилъ работать мысль, которая свѣтилась въ вдумчивыхъ глазахъ Анисьи, и тонъ голоса у нея измѣнился — онъ сталъ мягче и звончѣе.

— Самоварчикъ уже поставила, скоро закипитъ, можетъ, чай нуженъ, чай у меня есть и сахаръ есть!

— У меня все есть съ собой... Спасибо!.. какъ готовъ будетъ самоваръ, приходи чай пить!—крикнула я въ догонку, переводя взглядъ на востокъ, гдѣ уже начали появляться вѣжные радужные цвѣта, придающіе необыкновенную прелесть южнымъ сумеркамъ.

— Что жъ ты не зашла ко мнѣ? — спросила я Анисью, когда она, приготовивъ все, что нужно, присѣла на край ковра.

— Ахъ, барынька, да вѣдь я все по святымъ мѣстамъ ходила — была у дуба Мамврійскаго, на Иорданѣ... Скоро въ Назаретъ пойдемъ!

— Съ караваномъ ходила?

— Сначала съ караваномъ, а ужъ потомъ, по монастырямъ, одни ходили... Соберется насъ нѣсколько человѣкъ, и пойдемъ... Вольготнѣ такъ-то однимъ!..

— Но опасно!.. Здѣсь не Россія, все можетъ случиться!

— И, что вы, барынька! Никакой здѣсь опаски нѣтъ. Сколько мы ни ходили, а ничего. Арабы эти самые народъ ласковый, любятъ насъ, русскихъ... Говорятъ они что-то по-своему — не разберешь, а видишь, что въ человѣкѣ зла нѣтъ; смѣются они, «матушками» насъ называютъ, въ кумбари зовутъ, это чтобъ крестить у нихъ. Много мы ходили, много арабовъ встрѣчали, и чтобы кто насъ обидѣлъ, или слово дурное сказалъ — этого нѣтъ. И монахи въ монастыряхъ какъ хорошо насъ принимаютъ, все показываютъ, угощаютъ — все тебѣ привѣтъ, вездѣ тебѣ почетъ!.. Очень хорошо здѣсь, барынька, истинно святая земля! Идемъ это мы по дорогамъ, по горушкамъ, акаѣисты читаемъ, каноны поемъ — и никто не запрещаетъ! Вольно здѣсь, барынька, душѣ вольно!

— Лучше, чѣмъ дома? — спросила я, глядя на горѣвшее воодушевленіемъ лицо Анисьи.

— Куды дома!.. — содрогнулась Анисья. — Тамъ свѣту мало, душа во тьмѣ живетъ... Кто тамъ о насъ думаетъ, кто заботится?.. Дѣлай, что хошь, въ своей берлогѣ деревенской, и никому-то до твоей души заботушки нѣтъ!..

— А здѣсь развѣ заботятся?

— А то какъ же!.. Здѣсь, на подворьѣ, каждый день отецъ Павелъ намъ читаетъ да картинки съ фонаремъ показываетъ, которые пѣтъ хотятъ, для тѣхъ хоръ есть, смотритель надъ хоромъ орудуетъ!.. Что говорить, вольготнѣ народу здѣсь!.. А какъ я посмотрѣла, барынька, то думаю, что не только намъ, русскимъ, а и здѣшнему, феллахскому народу, вольготнѣ здѣсь!..

— Почему жъ ты такъ думаешь?

— А по виду... Взгляните вы на феллаха,—кто онъ?.. Мужикъ, самый что ни на есть настоящій мужикъ, а глядитко, какой важный!.. Идетъ ли онъ, ѣдетъ ли, ровно князь какой... Я такъ думаю, барынька, это оттого, что начальства здѣсь нѣтъ!..

— Какъ нѣтъ!—удивилась я:— не можетъ быть, чтобы безъ начальства: у нихъ турки начальники, шейхами называются, а въ городахъ паши!..

— А, можетъ, и есть, кто его знаетъ, только здѣсь въ деревнѣ не такъ, какъ у насъ... Они, и то сказать, народъ непьющій, оттого и безобразіевъ у нихъ мало... И этого, барыня, у нихъ нѣтъ, чтобы дѣвка гуляла, у нихъ все по закону, строго, значить, блюдутъ себя! А услужливый арабъ этотъ самый: заблудились мы въ горахъ, какъ къ Георгію шли, и не знаемъ, какъ быть... Идемъ дальше, видимъ—арабъ на сошкѣ на своей садъ пашетъ, чтобы его росой взяло, потому дождей нѣтъ. Ну, и сешка жъ у него, барыня,—улыбнулась Анисья,—смѣхъ одинъ!.. Подошли мы къ нему, объясняемъ, что съ пути сбились, къ Георгію идемъ; понялъ, на дорогу вывелъ; мы ему по поричкѣ дали, потому нельзя, челоуѣкъ потрудился... И живеть-то феллахъ какъ—дивились мы; лепешки да маслинки ѣсть, травку какую-то. Оно точно, нашъ мужикъ не проживетъ на этомъ, отоцаетъ. Истинно земля здѣсь Божья, оттого и народу легче живется!

— Ну, не совсѣмъ легко. Турки его тоже тѣснятъ, подати большія берутъ!

— Можетъ, оно и такъ!—усомнились Анисья,—а только на мой взглядъ куда вольготнѣ!.. Горюшка на арабѣ не видно, всегда онъ весель, все-то онъ смѣется!.. Конечно, и здѣсь голытьба есть; вотъ тамъ, внизу, много ихъ есть, прокаженныхъ, оборванныхъ, да я не про нихъ, я про феллаха, мужика, значить, говорю!

Анисья говорила торопливо, точно боялась, что не успѣетъ излить всѣ свои впечатлѣнія, навѣянные чужеземною жизнью.

— Благословилъ Господь Богъ эту землю,—вдумчиво продолжала Анисья:—потому и радость здѣсь въ душѣ челоуѣка. Да что челоуѣкъ! камешки здѣсь радуются,—вдохновлялась она все больше и больше.—Какъ смотрю я на горушки, кажется мнѣ, что онѣ славу Богу поютъ! Гляди, глядитко, барыня, какъ мѣсяцъ выходитъ, а небо-то, небо какое!—восторженно вскрикнула она, поднимая къ темнѣющему небу свои глаза:— ужъ истинно, небо здѣсь—престоль Божій!

Анисья умолкла. Мнѣ тоже не хотѣлось говорить Тишина стояла необычайная, только верхушки кипарисовъ слегка шевелились; луна подымалась все выше да выше на темно-синемъ небѣ, розовая полоса, окаймлявшая горизонтъ, блѣднѣла, тухла и пропала совсѣмъ; прошло мгновение, и блѣдный серебристый свѣтъ луны заливалъ фантастически рисовавшіяся горы; горизонтъ сплошь задернулся легкими прозрачными облачками, Мертвое море зажглось фосфорическимъ блескомъ, въ воздухѣ чувствовалась сырость.

Я взглянула на Анисью; она не двигалась и, подперевъ лицо рукою, задумчиво смотрѣла вдаль.

— Хорошо здѣсь, Анисья!..

Мой голосъ странно прозвучалъ въ тишинѣ.

— Ужъ такъ хорошо, барыня, что и сказать нельзя! Вѣкъ бы тутъ сидѣла, и то мало. А какъ вы думаете, барыня, можетъ, Господь Спаситель сидѣлъ здѣсь и на все это смотрѣлъ?.. съ затаеннымъ восторгомъ спросила Анисья.—Можетъ, оттого и легко такъ на душѣ?..

— Совсѣмъ легко, Анисья?—осторожно спросила я...

— Смилоствивился, барыня, Господь Богъ надо мною, камень съ души спалъ!.. И знаете, барынька,—пониживъ голосъ, прибавила она:—намеднись я и Никиту во снѣ видѣла. Будто пришелъ онъ ко мнѣ, свѣтлый такой и говорить: спасибо тебѣ, свѣтъ моя Анисья, что спасла ты душу мою, въ упоминовеніе подавала!.. Много, говоритъ, ты мнѣ облегчила... Какъ проснулась я отъ сна этого, весело мнѣ такъ стало... Простилъ Господь, душу не загубилъ!..

— Долго ты думаешь здѣсь пробыть?

— До Пасхи останусь, а тамъ погляжу! Никогда бы, барынька моя милая, не ушла я отсюда, кабы не Пропка. Пропку вотъ жалко, одна-то у него я! А иной разъ я и такъ, барыня, думаю—поѣхать мнѣ домой да взять Пропку сюда, отъ грѣха мірскаго подальше!

— Что жъ ты будешь здѣсь дѣлать?.. Деньги надо, чтобъ прожить!

— А я въ службу пойду!.. Авдотья говорила, что можно здѣсь службу найти, много нашихъ паломницъ здѣсь живетъ! Наша прислуга здѣсь всегда проживетъ, вотъ и иностранцы берутъ, потому некому здѣсь служить, чтобы, значить, умѣючи!..

— Заскучаешь, потянетъ на родину! Знаешь поговорку: въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!

— Э, барынька, да вѣдь я тутъ ровно дома, какъ будто родилась тутъ! Потому дома, что тамъ покою душѣ нѣтъ, да и гдѣ мой домъ!.. Нѣтъ у насъ съ Пропкой дома, не хочу я туда, тамъ кровь!—вскрикнула Анисья, содрогаясь:—страшно мнѣ, барынька, и подумать страшно о жизни той! Какъ тамъ народъ живетъ-пьянствуетъ, сквернословитъ—страшно!..

Голосъ Анисьи задрожалъ и умолкъ.

А дискъ луны поднимался все выше и выше, облака слегка двигались, измѣняя свои очертанія, далекая полоса Мертваго моря фантастически свѣтилась, а горы, окутанныя легкимъ флеромъ луннаго свѣта, утопали въ таинственномъ безмолвіи; надъ головой шелестѣли верхушки кипарисовъ, точно передавали другъ другу свои сокровенныя тайны...

— Одначе сыро, какъ бы лихорадку не схватить! — заботливо произнесла Анисья вадыхая...

— И то правда!.. Пора въ комнату!—мы убрали съ Анисьей нашъ импровизированный столъ и простились...

Скоро на родину!—подумала я, оглядывая еще разъ горизонтъ, и знакомая, родная грусть вновь сжала мое сердце...

Марія Ермолина.

„ПОСЛѢДНІЕ СЧЕТЫ“.

(Изъ неизданныхъ записокъ).

I.

ОСЛѢ долгаго ожиданія, Россія дожила наконецъ до 19-го февраля 1861 года. Народная радость была такъ велика, что охватила собой всѣ слои общества. Грандіозность событія подавляла умъ, но сердца лихорадочно бились отъ восторга, что рухнули вѣковыя оковы рабства, и мы входили въ семью культурныхъ государствъ.

Въ то время, о которомъ ведется разсказъ, я былъ очень юнымъ офицеромъ и служилъ въ 17-мъ стрѣлковомъ батальонѣ, стоявшемъ на постуѣ въ нѣсколькихъ уѣздахъ Тамбовской губерніи. Въ селѣ Лѣвыхъ Ламкахъ, Моршанскаго уѣзда, гдѣ помѣщался нашъ ротный дворъ, значилось восемьсотъ дворовъ, изъ которыхъ добрая треть была молоканскими. Населеніе состояло изъ государственныхъ крестьянъ, т. е. людей, которымъ ожидаемая свобода не могла непосредственно чѣмъ нибудь измѣнить положенія. Поэтому большинство очень спокойно относилось къ предстоящему событію. Но когда наступилъ достопамятный день, и церковный звонъ сталъ сзывать къ обѣднѣ, громадныя толпы крестьянъ двинулись къ храму. Собравшіеся молиться были въ праздничныхъ

костюмахъ; на ихъ лицахъ смѣшивалось удивленіе съ безотчетной радостью. Очевидно, они инстинктивно сознавали величіе переживаемой минуты.

Когда священникъ громкимъ голосомъ прочелъ первую фразу манифеста: «осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ», то всѣ молящіеся стали на колѣни, и многіе попадали ницъ. Дальнѣйшее чтеніе манифеста гипнотизировало всѣхъ, и въ церкви стояла такая тишина, что, казалось, слышно было дыханіе. Едва кончилось чтеніе, какъ послышался сдержанный говоръ, и многіе стали обнимать другъ друга.

Я стоялъ, какъ въ чадѣ. Мнѣ, экзальтированному юношѣ, представлялась безпредѣльная Русь, въ которой съ этого дивнаго момента исчезнетъ безправіе и затихнутъ стоны рабовъ. Только конфузясь проявить свою чувствительность, я сдерживалъ слезы, подступавшія къ моимъ глазамъ.

По окончаніи молебна, рота выстроилась у главнаго входа. Командиръ поздравилъ солдатъ съ высочайшей милостью, пропустилъ свою часть повзводно церемоніальнымъ маршемъ и отпустилъ солдатъ по домамъ, а насъ зазвалъ къ себѣ на квартиру, гдѣ мы пропировали до глубокой ночи.

Когда прошли первые дни всеобщаго энтузіазма, мы невольно стали интересоваться, какъ простились бывшіе владѣльцы съ своими слугами, и какія возникли между ними отношенія. Но провѣрить этого мы не могли, такъ какъ вблизи отъ насъ были только два громадныхъ помѣщичьихъ имѣнья, гдѣ крестьяне издавна платили оброкъ, и не знали барщины. Доносились до насъ слухи о небольшихъ волненіяхъ, но эти слухи затихали, и мы надѣялись благополучно уйти на лагерный сборъ въ Тамбовъ.

Какъ вдругъ, въ среду на страстной недѣлѣ, прибылъ на ротный дворъ конный фурштатъ съ бумагой, въ которой предписывалось ротѣ захватить боевые патроны и на подводахъ двинуться въ село Пичаево, гдѣ и поступить въ распоряженіе генерала Винценгероде, присланнаго изъ Петербурга наблюдать за правильнымъ ходомъ дѣлъ по освобожденію крестьянъ въ Тамбовской губерніи. Такое извѣстіе показалось намъ очень непріятнымъ. Пасха была въ тотъ годъ поздняя, 23 апрѣля, стало быть, весна стояла въ полномъ разгарѣ. Солнце сильно грѣло, березки одѣвались зеленью, жаворонки на поляхъ пѣли... Мы благодумствовали въ ожиданіи лѣтнихъ трудовъ и предвкушали удовольствіе мирно встрѣтить свѣтлый праздникъ, а тутъ приходилось тащиться за семьдесятъ верстъ, испытывать всякія неудобства и въ заключеніе всего попасть, можетъ быть, въ жестокую передерягу. Однако, нужно было не охать, а дѣйствовать, и мы, разсадивъ по три и по четыре солдата на подводу, тронулись въ путь.

Въ страстную субботу прибыли мы въ указанное мѣсто и застали уже тамъ нашего командира, полковника Плечкова. Разговѣвшись на слѣдующій день у него «чѣмъ Богъ послалъ», мы въ тотъ же день выступили въ деревню Гагариново, принадлежащую господамъ Протасовымъ.

Никогда я не забуду того тягостнаго впечатлѣнія, которое испыталъ, входя въ опустѣлую деревню. На улицѣ не было никакого движенія, только у воротъ стояли дряхлые старики, подростки, и голосили женщины, державшія на рукахъ маленькихъ дѣтей. Видя это, я почувствовалъ нестерпимую тоску и старался не смотрѣть на несчастныхъ, своимъ плачемъ надрывавшихъ намъ душу.

Насъ встрѣтили: мировой посредникъ, исправникъ, становой приставъ и засѣдатель земскаго суда. Такъ какъ намъ не приказано было взять съ собой ни котловъ, ни провизіи, и люди должны были продовольствоваться отъ жителей, то засѣдатель, развязно прохаживаясь передъ фронтомъ, съ цинизмомъ обратился къ солдатамъ:

— Вы, ребятишки, того... не зѣвай! захотите поросятинки—тащи поросенка, потребуется курица—пѣтуху голову долой. Пусть эти мерзавцы знаютъ, что такое бунтовать и выказывать неповиновеніе.

Мы, офицеры, старавшіеся внушить подчиненнымъ гуманность и дисциплину, видѣли, что подбадриванья чиновника производили на солдатъ дурное впечатлѣніе.

Офицерамъ, собравшимся наскоро и захватившимъ съ собой только самыя необходимыя вещи, представлялось рѣшительно невозможнымъ поселиться въ деревнѣ, гдѣ не имѣлось никакихъ удобствъ, и каждый изъ насъ рисковалъ попасть въ лапы раздраженныхъ хозяевъ. По этимъ-то соображеніямъ мы и очутились въ хоромахъ господъ Протасовыхъ, гдѣ и устроились съ комфортомъ. Къ нашимъ услугамъ былъ великолѣпный столъ съ тонкими винами и обширная библіотека, какъ съ русскими, такъ и съ иностранными книгами.

Въ этомъ же домѣ, въ бельэтажѣ, помѣстился генераль Винценгероде, къ которому въ теченіе цѣлаго дня являлись съ донесеніями разныя лица. Только вечеромъ мы видѣли, какъ онъ спустился по лѣстницѣ и прогуливался по парку.

Нижніе чины размѣстились по хатамъ.

Помѣщикъ находился въ отсутствіи, а имѣнемъ управлялъ обрусѣлый нѣмецъ. Дознаваясь, что довело управляющаго и крестьянъ до раздора, обострившагося настолько, что понадобилось привести войска, мы услышали исторію, повторяющуюся во всѣхъ темныхъ углахъ матушки Руси, а Гагариново было именно однимъ изъ такихъ темныхъ угловъ. Степная деревня, отстоявшая отъ уѣзднаго

города на нѣсколько десятковъ верстѣ, отброшенная въ сторону не только отъ какой нибудь магистральной дороги, но и отъ почтоваго тракта, стало быть, отрѣзанная отъ всего свѣта,—что она могла знать, и какіе слухи могли доходить до нея? Во всей округѣ почти не существовало отхожаго промысла, а все время поглощалось полевыми и домашними работами на себя, работами на барина—и такъ безконечные годы. Вдругъ проносится вѣсть о волѣ. Конечно, неразвитымъ головамъ это слово должно было показаться совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ оно оказывалось на самомъ дѣлѣ. Личная свобода съ четырехъ-десятинымъ надѣломъ на душу, да еще съ обязательствомъ оставаться временно - обязанными и попрежнему выѣзжать на господскія десятины, не могла удовлетворить людей, ожидавшихъ, что господство помѣщиковъ окончилось, и наступило ихъ время. Естественно, что такое положеніе о крестьянахъ должно было показаться не болѣе, какъ продѣлкой помѣщиковъ, и стоило пустить нелѣпую молву о томъ, что существуетъ «настоящее положеніе», скрываемое помѣщиками, чтобъ окончательно сбить съ толку даже благонамѣренныхъ хозяевъ. Кому нужно было тогда мутить мѣстное населеніе,—осталось необнаруженнымъ, но намъ самимъ пришлось видѣть «грамоту», написанную шрифтомъ, подходящимъ къ славянскому. Отобрали эту грамоту у дряхлаго старика Архипа, которому односельчане довѣрили хранить ее. Все говорило о томъ, что происходившія волненія были не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ крайняго невѣжества и полнаго недоувѣрія къ лицамъ, въ чьемъ вѣдѣніи такъ долго находилась деревня.

Заботой генерала Винценгероде было разъяснить бунтовавшимъ, что люди, смущавшіе ихъ, лжецы, и что никакой другой грамоты, кромѣ читанной въ церкви, нѣтъ, но кому же онъ могъ объяснять, когда хозяева, несмотря на принятыя мѣры, не возвращались къ своимъ домамъ. Мы видѣли, какъ на горизонтѣ двигалась вереница конныхъ и пѣшихъ людей, направлявшихся въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ, какъ говорили, и скрывались бѣжавшіе.

Генералъ Винценгероде поступалъ съ удивительнымъ спокойствіемъ. Онъ не посылалъ ловить кого нибудь, не дѣлалъ облавъ, а предоставилъ все времени. Захваченныхъ онъ не арестовывалъ, а объяснялъ неблагоразуміе поведенія ушедшихъ и приказывалъ передать отсутствующимъ, чтобъ они добромъ возвратились въ свои хаты. Однако, слова гуманнаго генерала не дѣйствовали. День шель за днемъ, а мы сидѣли и ждали у моря погоды.

Чтобы сократить томительные дни, мы брали изъ помѣщичьяго арсенала ружья и отправлялись охотиться на вальдшнеповъ, которыхъ было множество въ паркѣ. Такъ прошло съ недѣлю. На деревнѣ стали появляться молодые парни, но «старики» упорствовали и не шли съ повинной. Вдругъ, въ одинъ день послѣ заката солнца, къ Гагарину стали приближаться группы конныхъ и пѣшихъ

крестьянъ, и тутъ же пронесся слухъ, что въ сосѣднемъ Чембарскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи, гдѣ по высочайшему повелѣнію наблюдалъ за введеніемъ положенія генераль Дренякинъ, произошло что-то ужасное, но что именн, мы до утра не могли узнать. Только часовъ въ девять вернулся, находившійся при генераль Винценгероде, чиновникъ особыхъ порученій и разсказалъ слѣдующее:

— Видывалъ я, господа, на своемъ вѣку многое, но того, что было вчера, представить себѣ не могъ. Крестьяне въ Чембарскомъ уѣздѣ волновались такъ же, какъ и здѣсь. Чего, чего только не принималъ Дренякинъ, чтобы вразумить бунтовавшихъ? Этотъ по истинѣ гуманнѣйшій человѣкъ болѣлъ душой, что всѣ его усилія оказывались тщетными, но все-таки не рѣшался прибѣгнуть къ жестокости. Только вчера, когда крестьяне стали швырять камнями въ проходившую роту и раскрыли черепъ одному солдату, Дренякинъ увидѣлъ, что медлить далѣе опасно, и приказалъ согнать на площадь всѣхъ, кого находили въ деревняхъ. Но и тутъ, подойдя къ толпѣ, спокойно убѣждалъ покориться, не огорчать царя-батюшку неповиновеніемъ и выдать зачинщиковъ.

На такое отношеніе крестьяне отвѣтили крикомъ и насмѣшками. Послѣ этого генераль отошелъ отъ нихъ и, обратившись къ стоявшимъ войскамъ, велѣлъ зарядить ружья.

Такое грозное приготовленіе, однако, не смутило, толпу, и она стала гикать, ожидая, что это не что иное, какъ пустая угроза. Тогда Дренякинъ приказалъ сдѣлать по толпѣ залпъ холостыми патронами. Это какъ бы развеселило массу. Она еще болѣе стала неистовствовать.

— Пугаетъ, пугаетъ, холостушками палить! Небось, царь-батюшка не дозволитъ убивать своихъ вѣрныхъ рабовъ.

Это вывело Дренякина изъ послѣдняго терпѣнія. И вотъ... говорившій умолкъ и, прежде чѣмъ продолжать, вытеръ платкомъ потъ, выступившій у него на лбу... раздался другой залпъ, и нечеловѣческіе крики огласили воздухъ. Увидя убитыхъ и раненыхъ, толпа осатанѣла и подалась впередъ, но, встрѣченная другимъ залпомъ, смѣшалась и бросилась въ разсыпную. Солдаты, высланные ловить бѣжавшихъ, хватили каждого попавшагося и тащили къ генералу, неподвижно стоявшему на мѣстѣ. Блѣдный, какъ полотно, съ широко открытыми глазами, онъ смотрѣлъ на то, что происходило передъ нимъ, и не обмолвился ни однимъ словомъ. Когда наконецъ нахватавшихся образовалась огромная группа, Дренякинъ обратился къ батальонному командиру:

— Майоръ, окружите взятыхъ и держите подъ строгимъ карауломъ впредь до моего распоряженія.

Тотчасъ густой цѣпью поставленъ былъ конвой, а генераль подождалъ къ себѣ исправника, сказалъ что-то въ полъ-голоса и въ сопровожденіи состоявшихъ при немъ отправился въ ближайшую

хату. Тамъ онъ потребовалъ списки виновныхъ и сталъ отмѣчать, кого подвергнуть какому наказанію.

Такъ прошло часа два. На площадь привезены были три воза розогъ и шпиритеновъ, и генераль прибылъ къ мѣсту экзекуціи. Непреклонный, угрюмый, онъ спокойно назначалъ наказанія. Начался такой ужасъ, что отъ одного воспоминанія меня обдастъ холодомъ.

Но нужно было видѣть въ эти минуты Дренякина. Онъ стоялъ, опустивши голову въ землю, и мучительная душевная боль отражалась на его миломъ, симпатичномъ лицѣ. Но для спокойствія мѣстности такая мѣра была необходима, и онъ не остановился ни передъ чѣмъ. Послѣдствія, какъ видите, оправдали его суровость. Едва слухъ о Чембарскомъ погромѣ дошелъ до гагариновскихъ крестьянъ, и они смирились.

Дѣйствительно, вскорѣ явилась къ Винценгероде депутація отъ крестьянъ, просившихъ помилованія. Генераль вышелъ и долго кричалъ на стоявшихъ на колѣняхъ.

На другой день приказано было всѣмъ взрослымъ мужчинамъ собраться на лужайку, неподалеку отъ барскаго дома. Заслышался опять женскій вой, и рано утромъ унылые, подавленные гагариновцы шли къ назначенному мѣсту. Они знали, что ожидаетъ ихъ, такъ какъ на зарѣ еще привезены были два воза розогъ.

Къ шести часамъ утра роты, прибывшія для усмиренія, стояли подъ ружьемъ, окружая со всѣхъ сторонъ собравшуюся толпу бунтовавшихъ, а за фронтомъ лежали ссыпанныя съ телѣгъ орудія наказанія. Утро было сначала сѣренькое, но потомъ тучи разсѣялись, и на небѣ показалось яркое, весеннее солнце. Какимъ диссонансомъ это было съ тѣмъ, къ чему мы готовились!

Въ началѣ седьмого, Винценгероде, въ полной парадной формѣ, въ сопровожденіи состоявшихъ при немъ, подошелъ къ злополучному мѣсту и громко поздоровался съ солдатами. Молодецкія роты лихо гаркнули:

— Здравія желаемъ вашему превосходительству!

При этомъ возгласѣ толпа крестьянъ опустилась на колѣни. Генераль подошелъ къ нимъ и, стараясь быть покойнымъ, началъ, не возвышая голоса, но потомъ не выдержалъ и говорилъ горячо:

— Вы одумались и вернулись. Но почему вы не слушали, когда васъ убѣждалъ мировой посредникъ? Безсовѣстные, неблагодарные! Царь-батюшка далъ вамъ волю и думалъ, что вы будете молиться за него и исполнять то, что его именемъ станутъ объяснять вѣрные слуги престола. Чѣмъ же вы отплатили за добро, которое вамъ сдѣлали? Не только всѣ отказались исполнять обязательную работу на помѣщиковъ, но нѣкоторые ворвались въ усадьбу и угрожали жизни управляющаго. Что почувствуетъ нашъ добрый монархъ, когда узнаетъ, что вы забыли стыдъ, совѣсть и стали бунтовать?

На это изъ толпы слышались сначала отдѣльные голоса, а потомъ загудѣла цѣлая толпа.

— Виноваты... врагъ попуталь... каемся...

— Теперь вы каетесь, когда увидѣли, что ваши злые умыслы не удались? Нѣтъ, голубчики, вамъ нуженъ урокъ, чтобы вы навсегда запомнили, что бываетъ за неповиновеніе.

Толпа опять загудѣла.

— Батюшка, помилосердуй! Никогда не будемъ!

Но генераль отвернулся и, обратившись къ командиру батальона, твердо сказалъ:

— Приступите.

Изъ толпы стали выводить вызываемыхъ по списку, и экзекуція началась.

Попавъ въ первый разъ въ жизни въ подобную передрагу, я до того смутился, что при первыхъ ударахъ чуть не потерялъ сознанія и, чтобы оправиться, ушелъ за фронтъ. Увидя это, ротный командиръ подошелъ ко мнѣ и строго замѣтилъ:

— Вы поступаете безтактно. Не малодушничайте и идите къ своему мѣсту.

Экзекуція продолжалась; а жгучія, неотвязныя мысли, отъ которыхъ мнѣ становилось жутко на душѣ, копошились въ моей головѣ. При насъ разыгрывалась народная драма, а мы наканунѣ еще, выбравъ изъ помѣщичьей коллекціи дорогія ружья, пострѣливали вальдшнеповъ и упитывались лакомыми блюдами. Я старался разогнать, давившія меня, думы, но свистъ розогъ и ужасные крики наказываемыхъ не давали забытья.

Винценгероде, стоявшій въ сторонѣ и очевидно истомленный тѣмъ, что происходило, неожиданно окончилъ эту тяжелую сцену.

— Довольно!—проговорилъ онъ.

Затѣмъ подошелъ къ толпѣ и, поднявъ угрожающе руку, закричалъ:

— Смотрите же, чтобы у меня было все покойно! Не то... я съ вами и не такъ расправлюсь. Можете расходиться по домамъ, а вы, голубчики, далеко прогуляетесь.

Съ послѣдними словами онъ обратился къ пятерымъ, стоявшимъ подъ конвоемъ и осужденнымъ генераломъ къ ссылкѣ на поселеніе. Это были зачинщики бунта и люди, признанные вредными для общества.

Толпа поплелась въ деревню, а арестованныхъ отвели въ одну изъ помѣщичьихъ избъ.

Въ десять часовъ я вышелъ на дежурство. Въ обязанность мою входило смотрѣть за порядкомъ въ деревнѣ, распредѣлять по ротамъ подводы, на которыхъ на слѣдующій день мы должны были тронуться въ обратный путь, и повѣрять караулъ, приставленный къ арестованнымъ. Войдя въ хату, гдѣ помѣщались осужденные, я

засталъ очень грустную картину. Одинъ лежалъ на полу, уткнувши голову въ руки, другіе, съ осунувшимися лицами, сидѣли молча. Девяностолѣтній Архипъ, у котораго найдена была грамота, стоялъ на колѣняхъ передъ образомъ и молился. Красноватые лучи заходящаго солнца освѣщали этого многострадальнаго патріарха крѣпостной деревни, придавая его лицу выраженіе святости. При моемъ появленіи старшій унтеръ-офицеръ скомандовалъ обычное «смирно». Всѣ караульные встали, за ними поднялись арестованные, въ томъ числѣ и молившійся Архипъ. Тяжело было смотрѣть на старика, и я не могъ удержаться, чтобъ не заговорить съ нимъ.

— Эхъ, дѣдушка! Въ твои годы и попалъ ты въ такую бѣду. Жаль мнѣ тебя!

Старикъ низко поклонился и, выпрямившись, съ грустью заговорилъ:

— Милый баринъ, спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ. Въ такой часъ, какъ теперешній, очень ты меня наградишь имъ, но не тебѣ судить насъ. Такіе, какъ ты, у меня внуки. Да и гдѣ тебѣ знать наше крестьянское дѣло? Міръ великъ, супротивъ его не пойдешь. Опять же, ежели и муку принимать, то кому же, какъ не мнѣ? Много ли осталось всей моей жизни? Не стану грѣшнить, тягостно идти на чужбину и тамъ сложить свои кости, но, видно, Богъ такъ судилъ. На все Его воля, Онъ все разсудитъ. А тебѣ за ласку низко кланяюсь и буду поминать въ своихъ молитвахъ; скажи мнѣ, какъ тебя знать?

Я назвалъ свое имя, Архипъ нѣсколько разъ повторилъ его и, подойдя ко мнѣ, поцѣловалъ въ плечо.

Неожиданный исходъ сцены потрясъ не только меня, но я видѣлъ, какъ волненіе охватило солдатъ, находившихся съ караулѣ. Чтобъ не выказать того, что у меня было на сердцѣ, я заговорилъ съ унтеръ-офицеромъ.

— Прокофьевъ, озайбота же, чтобъ арестованнымъ доставлена была пища и на ночь солома, особенно похлопочи, чтобъ старику было покойно.

Наскоро проговоривъ это, я кивнулъ Архипу и поспѣшно вышелъ изъ хаты...

На утро еще до восхода солнца подводы были запряжены, солдатъ разсадили на телѣги, и транспортъ тронулся. Арестованныхъ же отправили въ уѣздный городъ подъ конвоемъ.

Трясаясь на подводѣ, мы думали, что наша роль усмирителей окончилась, и мы благополучно прибудемъ въ Ламки, гдѣ, захвативъ имущество, отправимся въ Тамбовъ въ лагери. Оказалось, что на пути насъ ожидалъ маленькій сюрпризъ.

Проѣхавъ верстъ тридцать, мы увидѣли на дорогѣ сотскаго, стоявшаго съ пакетомъ въ рукѣ, а отъ ближайшей усадьбы дви-

гался экипажъ, подлѣ котораго шли какіе-то люди. Ротный командиръ взялъ у сотскаго конвертъ, вскрылъ его и прочелъ слѣдующее:

«Моршанскій уѣздный предводитель дворянства Ш. покорнѣйше проситъ наказать двумястами ударами розогъ временно обязаннаго крестьянина повара «такого-то» за явное неповиновеніе».

Едва ротный командиръ окончилъ чтеніе бумаги, какъ подъѣхала пролетка, изъ которой вышелъ становой приставъ. Подойдя къ намъ, онъ отрекомендовался и объявилъ, что привелъ лицо, надъ которымъ должна быть произведена экзекуція. При этихъ словахъ изъ-за экипажа вышелъ другой сотскій съ большой охапкой розогъ подъ мышкой.

Намъ оставалось исполнить требуемое. Солдатамъ приказано было слѣзть съ телѣгъ и выстроиться. Наряженные люди подошли и взяли дрожащаго отъ страха повара.

— Ваше превосходительство... миленькій... за что?.. Богъ видитъ, ни въ чемъ не повиненъ... завсегда старался... и, окромя одобренія, ничего не получалъ... лихіе люди оговорили...

Но несчастному не пришлось продолжать свои причитанія...

Двинувшись въ путь, мы невольно спрашивали одинъ другого, почему намъ поручено было сдѣлать то, что всегда исправно совершалось на барскихъ конюшняхъ. Справиться съ сотнями душъ, оказывавшими неповиновеніе, могла, конечно, только воинская часть, но высылать одного человѣка и останавливать для наказанія его триста пятьдесятъ солдатъ и восемь офицеровъ намъ казалось прямо непростительнымъ. Мы боялись, какъ бы весь нашъ путь не сопровождался подобными случаями. Однако все обошлось благополучно, мы безъ дальнѣйшихъ приключеній прибыли на свои зимнія квартиры и, забравъ ротное имущество, отправились въ Тамбовъ, гдѣ ежегодно стояли лагеремъ.

II.

Занятые службой, мы далеки были отъ того, что происходило лѣтомъ въ селахъ и деревняхъ. Изрѣдка долетали до насъ слухи о волненіяхъ, но эти слухи скоро затихали, и намъ въ перспективѣ опять виднѣлись Ламки. Но, въ концѣ іюля, совершенно неожиданно получилось распоряженіе, что нашъ батальонъ переводится въ Новохоперскъ, уѣздный городъ Воронежской губерніи. Мы недоумѣвали, зачѣмъ понадобилось забросить насъ въ такую глушь, но скоро все разъяснилось. Оказалось, что въ мѣстности, куда насъ направляли, поблизости, не стояло войска, а въ селахъ Красненькомъ, Пыховкѣ и Алферовкѣ, съ многотысячнымъ населеніемъ, начались между крестьянами волненія, угрожавшія перейти въ открытое сопротивленіе. Въ виду этого, мы должны были тотчасъ же

послѣ лагернаго сбора, т. е. въ началѣ сентября, двинуться въ походъ, но насъ задержали до ноября въ Тамбовѣ, куда долженъ былъ прибыть съ Кавказа 18-й стрѣлковый батальонъ, и размѣстили въ селахъ по тракту къ Новохоперску. Такимъ образомъ, только въ половинѣ ноября, когда завернули хорошіе морозы и выпалъ глубокой снѣгъ, мы отправились къ мѣсту назначенія.

На четырнадцатый день батальонъ вступилъ въ Новохоперскъ. Городъ, расположенный на крутомъ берегу Хопра, имѣлъ всего двѣ церкви и постройки напоминалъ уѣздные города средней руки. Черезъ нѣсколько дней роты разошлись на широкія квартиры, и это движеніе произвело въ уѣздѣ свое дѣйствіе. Видъ солдатъ, идущихъ въ строю, всегда дѣйствуетъ внушительно, а слухи о недавнихъ погромахъ наводили на всѣхъ страхъ.

Упомянутыя нами Красненькое и Пыховка населены были малороссами, какъ извѣстно, народомъ упрямымъ и несговорчивымъ, поэтому въ каждое изъ этихъ селъ было поставлено по ротѣ. Жители перваго оказались благоразумнѣе, Пыховка же выказала большое упрямство, и тамъ произведена была жестокая экзекуція. Я находился въ другой ротѣ и зналъ о происшедшемъ только по рассказамъ товарищей. Усмиреніе Пыховки такъ повліяло на всю мѣстность, что мы простояли зиму совершенно покойно. Обострившіяся отношенія между крестьянами и помѣщиками разрѣшались мирнымъ путемъ, и мы, переведенные въ Новохоперскъ для поддержанія порядка, бездѣйствовали всю зиму и вели скучную жизнь захолустья.

Наступило лѣто, мы отбыли лагерный сборъ подъ городомъ и опять разошлись по селамъ. Стоянка солдатъ по хатамъ считалась тогда нисколько не мѣшавшей учить войска и поддерживать въ нихъ воинскій духъ и дисциплину. Поэтому роты стояли бы и стояли на широкихъ квартирахъ, но батальонный штабъ очень терпѣлъ, не имѣя подходящихъ помѣщеній. Начальству пришлось уступить просьбамъ нашего командира, и насъ перевели въ сосѣдній городъ Тамбовской губерніи, Борисоглѣбскъ. Это былъ уголокъ другого сорта. Въ немъ начинало ясно проявляться вѣянье новой жизни. Оживляющимъ лицомъ являлся Дмитрій Васильевичъ Садомцевъ, бывшій уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Мировые посредники, избранные имъ, отличались большой энергіей и умѣло относились къ своимъ обязанностямъ, поэтому столкновеній не было съ самаго начала эмансипаціи. Всюду, гдѣ возникали недоразумѣнія, Садомцевъ являлся самъ на мѣсто, и все умиротворялось. При такомъ положеніи дѣлъ мы были вполне увѣрены, что тишина нигдѣ не будетъ нарушена, и насъ не потребуютъ, какъ военную силу.

Однако, наша увѣренность оказалась заблужденіемъ. Въ концѣ мая, когда Садомцевъ уѣхалъ въ землю войска Донского, гдѣ у

него въ степи было заарендовано двѣнадцать тысячъ десятинъ общественной земли, въ имѣніи князя Г. возникли безпорядки. Ни увѣщанія мирового посредника, ни угрозы исправника, не могли возстановить согласія между княжескимъ управляющимъ г. Вериго и временно-обязанными крестьянами, обязавшимися отработывать помѣщичью землю. Тогда полетѣло донесеніе тамбовскому губернатору. Тотъ снесся съ корпуснымъ командиромъ, а отъ него пришло распоряженіе двинуть двѣ роты нашего батальона для усмиренія бунтовавшихъ.

Опять вереница подводъ, на которыхъ усажены были солдаты, опять степная дорога и на этотъ разъ палящіе лучи солнца.

Въ имѣніи, куда мы пріѣхали, не было барскихъ хоромъ. Въмѣсто помѣщичьяго дома, нѣсколько лѣтъ назадъ сгорѣвшаго, построень былъ флигель, гдѣ и жилъ управляющій имѣніемъ. Такъ какъ, кромѣ офицеровъ, прибывшихъ при ротахъ, собрались въ имѣніе: мировой посредникъ, исправникъ, становой приставъ, жандармскій офицеръ, командовавшій присланными ротами майоръ Власевскій и докторъ, помѣстить всѣхъ въ господскомъ домѣ оказалось невозможнымъ, и намъ отведены были крестьянскія хаты, чему мы отчасти были рады, такъ какъ не забыли неловкости, которую ощущали, пользуясь гостепріимствомъ управляющаго господъ Протасовыхъ.

Полагая, что непокорные крестьяне такъ же, какъ и гагариновскіе, покинуть свои избы и разбредутся, куда кто можетъ, мы были очень удивлены, увидя нѣсколько группъ домохозяевъ, стоявшихъ въ разныхъ мѣстахъ деревенской улицы. Пропуская насъ мимо себя, они снимали шапки и почтительно кланялись, но по ихъ блѣднымъ, вытянутымъ лицамъ можно было понять, съ какимъ чувствомъ они встрѣчали незваныхъ гостей. Нехорошо было и у насъ на душѣ. Отвѣчая на ихъ поклоны, никто изъ насъ не рѣшался заговорить съ кѣмънибудь. Зная уже по опыту, какими отвратительными подробностями сопровождается «усмиреніе», я заранѣе представлялъ себѣ эти лица въ томъ униженномъ положеніи, въ какомъ были передъ нами жители Гагаринова. Особенно тягостно было сознаніе, что никто не въ силахъ вернуть того, что случилось, и кара явится неизбѣжнымъ эпилогомъ деревенской драмы. Еще тяжелѣе намъ стало, когда, войдя въ хату, увидѣли плачущихъ женщинъ и дѣтей. Мы пробовали утѣшать ихъ и говорили, что «Богъ милостивъ, и все обойдется благополучно», но никто не хотѣлъ этому вѣрить. Одна древняя старуха, помнившая хорошо старину, съ отчаяніемъ отвѣтила намъ:

— И-и, батюшка! Годковъ сорокъ тому назадъ тоже къ намъ солдатъ присылали, такъ теперь вспомнить страшно. Окромѣ того, что не осталось во дворахъ ни теленка, ни поросенка, ни курицы, что хворосту обломали объ мужицкія спины—ужасти!

На наши увѣренія, что теперешніе солдаты не таковы и не по-смѣютъ безобразничать, а будутъ довольствоваться тѣмъ, что дадутъ хозяйева, старуха грустно покачала головой и, махнувши рукой, вышла изъ избы.

Отдохнувъ послѣ утомительной дороги, мы пошли въ усадьбу узнать, въ какомъ положеніи находится дѣло, ради котораго мы пріѣхали, и долго ли намъ придется пробить въ душевнѣйшій избѣ и валяться на соломѣ.

Когда мы вошли въ домъ, тамъ въ большой комнатѣ, вокругъ стола, сидѣли перечисленные выше начальствующія лица, и тутъ же стоялъ управляющій г. Вериго. Это былъ плотный мужчина среднихъ лѣтъ, съ лысиной на темени, бритой бородой и большими усами. Споръ шелъ очень горячій, но не приводилъ ни къ чему, такъ какъ поведеніе крестьянъ приносило экономіи громадныя убытки. Несогласія возникли отъ слѣдующаго: до эмансипаціи въ имѣніи существовала барщина; когда же наступила воля, крестьяне, получившіе свободу, желали отдѣлаться отъ сношенія съ ненавистнымъ управляющимъ, но г. Вериго настаивалъ на томъ, чтобы поля убрались прежнимъ порядкомъ. Долго шли препирательства, но мировой посредникъ, не имѣя возможности отказать князю Г., склонилъ крестьянъ къ уступчивости, и они подписали соглашеніе. Вотъ тутъ-то и пошла кутерьма. Г. Вериго сталъ привязываться ко всякой малости. Проѣзжая по полю, онъ придирался ко всему и безпощадно заставлялъ перепахивать десятину, если нападаль на огрѣхи; на покосахъ требовалъ, чтобы трава срѣзалась, какъ бритвой. Бабамъ тоже не было спуска, и онѣ должны были дѣйствовать серпами такъ, какъ требовалъ управляющій. Долго мучились мужички, наконецъ, не выдержали и гдѣ-то, на покосѣ, такъ распорядились съ ненавистнымъ человѣкомъ, что онъ едва живой вырвался изъ ихъ рукъ, а въ заключеніе всего объявили, что на барскія поля больше не выйдутъ, а хотятъ перейти на оброкъ. Но такъ какъ стоялъ май мѣсяцъ, когда рабочихъ рукъ въ той мѣстности въ горячую пору добыть почти невозможно, а засѣяны были тысячи десятинъ, то уступить бунтовавшимъ значило оставить необранными громадныя пространства и этимъ причинить помѣщику вредъ. Еще если бы крестьяне вели себя съ тактомъ и обязались, при переходѣ въ оброкъ, убрать поля за плату, но они поклялись не входить ни въ какія соглашенія, пока имѣннѣемъ будетъ управлять Вериго. Это-то и понудило его обратиться къ властямъ и требовать защиты. Мировой посредникъ опять хотѣлъ убѣжденіемъ добиться соглашенія, но озлобленные крестьяне не хотѣли ни о чемъ и слышать, чѣмъ и вызвали присылку къ нимъ войскъ.

Высказывая свою претензію, г. Вериго, вѣроятно, вспоминалъ расправу, которая была надъ нимъ учинена, и не сдавался. Упираясь на полную довѣренность, полученную имъ отъ князя, онъ

требовалъ, чтобъ крестьянамъ ихъ неповиновеніе не прошло даромъ. Особенно гнѣвъ его обращался на бывшаго бурмистра Ивана Евдокимова, который будто бы и былъ главнымъ зачинщикомъ. Провѣривъ, что крестьяне дѣйствительно позволили себѣ насилія, угрожая даже поджечь флигель, и видя, что переговоры ни къ чему не ведутъ, коммиссія сдѣлала распоряженіе о созывѣ на утро въ усадьбу всѣхъ домохозяевъ деревень, принадлежащихъ князю Г.

Узнавъ о такомъ постановленіи, мы поняли, что наступаетъ экзекуція, и съ неприятнымъ чувствомъ отправились ночевать въ деревню. Поздно вечеромъ намъ принесли приказъ къ шести часамъ утра привести роты къ усадьбѣ.

Въ назначенное время мы выстроились въ карре, посреди котораго стояла толпа крестьянъ, числомъ болѣе двухсотъ. За фронтомъ появились неизмѣнные спутники усмиренія—громадные вороха розогъ. Но прежде чѣмъ приступить къ наказанію, мировой посредникъ подошелъ къ крестьянамъ, стоявшимъ съ обнаженными головами, и обратился къ нимъ съ прочувствованнымъ словомъ:

— Ребята, еще разъ по-божески совѣтую вамъ, покоритесь и выходите на работу, которую обязались производить. Не то ваше упрямство не доведетъ васъ до добра. Вы видите, пришли войска, это не шутка. Вамъ не позволятъ безчинствовать. Если вы смиритесь, то наказанію будутъ подвергнуты немногіе изъ васъ, какъ зачинщики, а станете упорствовать—пеняйте на себя.

Толпа загудѣла, и отъ нея выдѣлился высокій крестьянинъ лѣтъ сорока-пяти. Это былъ мужчина атлетическаго сложенія, съ сильнымъ выразительнымъ лицомъ и большой свѣтло-русой бородой.

— Ваше высокоблагородіе,—началь Иванъ Евдокимовъ, бывшій до освобожденія вотчиннымъ бурмистромъ,—нешто мы лиходѣи и желаемъ себѣ лиха? Но ежели терпѣть далѣе невозможно? До воли Иванъ Михайловичъ кровь изъ насъ пилъ и не токмо, что нашего брата мужика обижалъ, а бабъ позорилъ. Неужели жъ и теперь намъ терпѣть отъ него? Мы всѣ передъ вами, дѣлайте съ нами, что указано, а мы отъ своего слова не уйдемъ и покоряться ему не станемъ.

Мировой посредникъ пытался заставить замолчать Ивана Евдокимова, но его могучій голосъ гремѣлъ, какъ труба. Наконецъ, исправникъ не выдержалъ и, выдвинувшись впередъ, закричалъ:

— Молчать, скотина! Передъ кѣмъ ты стоишь? Какъ смѣешь возвышать голосъ? Вотъ я тебѣ! Господинъ майоръ, прикажите-ка разложить его.

Ивана Евдокимова схватили и повалили на землю.

Я не могъ себѣ представить ничего подобнаго, что происходило передъ моими глазами, да и теперь, когда прошло тридцать шесть лѣтъ, при воспоминаніи на меня находить ужасъ. Выдержавъ четыреста розогъ, этотъ спартаецъ ни разу не крикнулъ, а только

едва слышно стоналъ. Какую надо было имѣть желѣзную натуру, чтобы такъ стончески выносить жесточайшее наказаніе?

При первыхъ ударахъ исправникъ сказалъ ему:

— Тебя будутъ сѣчь до тѣхъ поръ, пока ты не покорисья и не выразишь желанія идти на барскую работу.

Но Иванъ Евдокимовъ оставался непоколебимымъ. Сколько бы всыпалъ ему исправникъ, отличавшійся жестокостью, неизвѣстно, если бы докторъ не подошелъ къ нему и негромко не сказалъ:

— Это не смертная казнь. Онъ можетъ умереть...

Заявленіе врача подѣйствовало, и несчастнаго отпустили. Онъ всталъ, застегнулся, перекрестился большимъ крестомъ и, поднявъ руки къ небу, громко проговорилъ:

— Господи, Ты видишь правду!

Эти слова, вырваншіяся съ усиленіемъ, произвели на всѣхъ потрясающее дѣйствіе.

— Отвести его подъ арестъ,—закричалъ исправникъ.

Послѣ увода Ивана Евдокимова экзекуція продолжалась, и наказано было человѣкъ сорокъ.

Большинство не выдерживало физической боли и скоро выкрикивало согласіе идти на работу, но добрый десятокъ слѣдоваль примѣру своего вожака, и имъ также «всыпано» было по двѣсти ударовъ.

Остумѣлая отъ страха и злобы толпа стояла молча, но по выраженію лицъ можно было понять, какая тяжесть лежала у всѣхъ на душѣ.

Когда крестьяне были отпущены по домамъ и солдатъ повели по квартирамъ, во дворъ на взмыленной тройкѣ въѣхалъ тарантасъ, а въ немъ со своимъ письмоводителемъ сидѣлъ уѣздный предводитель дворянства Садопцевъ. Увидя, что сотскіе подбираютъ разбросанныя по лужку розги, Дмитрій Васильевичъ приподнялся съ сидѣнія и, обращаясь къ неудалившимся еще мировому посреднику, исправнику и другимъ лицамъ, распорядившимся «усмиреніемъ», громко кричалъ:

— Натѣшились? Воспользовались моимъ отсутствіемъ и учинили расправу? Какой стыдъ, какой позоръ! Клянусь, что съ этого дня въ нашемъ уѣздѣ не повторится того, что разыгралось сегодня, или я отойду отъ того дѣла, которому служу.

Проговоря это, онъ выпрыгнулъ изъ тарантаса и поспѣшно вошелъ въ домъ. Сбросивъ накидку, Дмитрій Васильевичъ въ волненіи прошелся нѣсколько разъ по комнатамъ и, остановясь, въ порывѣ негодованія заговорилъ:

— Что мы дѣлаемъ... что мы дѣлаемъ? Какими выставляемъ себя въ глазахъ всего свѣта? Извергами, безбожными истязателями. Что подумаетъ о насъ нашъ добрый обожаемый монархъ? Въ его душѣ можетъ зародиться сожалѣніе, что онъ поторопился даровать

свободу и права человека людямъ, считавшимся до сихъ поръ въючнымъ скотомъ. При одномъ сомнѣнн, что это можетъ случиться, я желаю умереть, чтобъ не дожить до той минуты, когда почувствую, что я вмѣстѣ съ другими жалкое, ничтожное существо, а не сотрудникъ и помощникъ въ дѣлѣ величайшей реформы. Царямъ рѣдко говорить правду, и въ этомъ наше несчастье. Кто ему скажетъ, что въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ есть благородныя сердца, которыя бьются любовью къ родинѣ и преклоняются передъ волей великаго государя? Сегодняшнее событіе могутъ представить, какъ проявленіе злобы, съ которой обрушился владѣлецъ на своихъ бывшихъ рабовъ, а мы, кому ввѣрено руководить дѣломъ, оказались неспособными быть достойными и вѣрными слугами своего государя. Отчего меня не было?! Отчего меня не было?!.. Задохнуться можно отъ отчаянія!..

Въ эти минуты Садомцевъ былъ дивно хорошъ. На его простомъ, красивомъ русскомъ лицѣ, съ черными усами и небольшой бородкой, выразился порывъ вдохновеннаго общественнаго дѣятеля. Всѣ стояли, какъ окаменѣлые, и ни у кого не нашлось смѣлости произнести хоть одно слово. Зная, какой любовью пользовался Дмитрій Васильевичъ у губернатора, и какъ велика была его популярность въ обществѣ, даже исправникъ, обыкновенно рѣзкій, молча стоялъ отвернувшись.

Садомцевъ выпилъ полъ стакана воды изъ графина, стоявшаго на столѣ, и немного успокоился.

— Есть арестованные?—спросилъ онъ отрывисто.

При этомъ вопросѣ г. Вериго выступилъ и почтительно доложилъ:

— Шесть человекъ намѣчены къ удаленію изъ общества, какъ вредные люди.

— Въ ссылку?!..—побагровѣвъ, закричалъ Садомцевъ и близко подошелъ къ управляющему.

Тотъ понятился. Предводитель продолжалъ:

— Вотъ они, вершителѣ судебъ! Какой-то проходимецъ, темный субъектъ и распоряжается не только имуществомъ, а даже жизнью людей. Вы доносили, что васъ хотѣли убить и въ ключья разорвали платье,—это ложь и клевета! А что вы безбожно притѣснили крестьянъ, всѣ знаютъ. Сосланъ никто не будетъ — порукой въ томъ моя честь. Я немедленно ѣду въ Тамбовъ и доложу губернатору, чтобъ сослали не этихъ несчастныхъ, а выслали васъ, какъ лицо, вносящее смуту и нарушающее общественное снокоиствіе. Вашему князю представлено будетъ дѣло не такъ, какъ доносили вы, а какъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Проговоривъ это, Садомцевъ взялъ шапку и объявилъ:

— Арестованныхъ освободить. Это я беру на свой страхъ, а то, что здѣсь произошло, будетъ мною тщательно рассмотрѣно и сдѣлано надлежащее представленіе.

Онъ крикнулъ, чтобъ подавали лошадей, и вышелъ на крыльцо. Мы послѣдовали за нимъ.

Если бъ не боязнь показаться безтактными и слащавыми, мы бросились бы всѣ обнимать Дмитрія Васильевича, такъ геройски вступившагося за тѣхъ, кого некому было защитить.

Предсказанія старухи не сбылись. Не только поросенокъ или теленокъ, но даже курица не была тронута ни въ одномъ дворѣ. Удивленные крестьяне никакъ не ожидали во время экзекуціи такого отношенія къ себѣ и всей деревней высыпали провожать насъ, когда мы сажались на подводы, чтобъ тронуться въ обратный путь.

Послѣ этого случая я никогда уже не являлся въ составѣ отряда усмирять «бунтовавшихъ», и тяжелый случай съ крестьянами князя Г., гдѣ представитель помѣщика сводилъ съ освобожденными послѣдніе счеты, былъ и для насъ послѣдними тяжелыми днями, когда оканчивалось человѣческое безправіе.

Какъ мы слышали потомъ, представленіе Садомцева было уважено, никто изъ крестьянъ не былъ сосланъ, а г. Вериго княземъ Г., по желанію губернатора, удаленъ отъ управленія имѣніемъ.

П. М. Невѣжинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

IV.

Актеры Московскаго театра: П. Г. Степановъ, Н. М. Никифоровъ, В. А. Дмитревскій.—Режиссеръ московскаго театра С. П. Соловьевъ.—Его пьесы.—Петербургскій актеръ М. А. Ст—въ.—Его антрепризы и приключенія.—Театральная контора.—Театральные чиновники.—Актеръ Трофимовъ.—Прежняя Петербургская театральная контора.—Ея обстановка.—Чиновники.—Спальня театральныхъ чиновниковъ.—Трагическое пробужденіе отъ сна лысаго чиновника.—Чиновникъ Антоновъ.—Скандалъ съ извозчикомъ передъ окномъ кабинета управляющаго конторой.—Столоначальникъ И. А. Федоровъ.—Его щедрость на даровыя мѣста въ театрѣ.—Его жестокость при одолженіи имъ денежныхъ ссудъ подъ проценты.—Письмо, полученное Федоровымъ съ того свѣта.—Чиновникъ Ивановъ, впоследствии актеръ Трофимовъ.—Трофимовъ, какъ даровитый авторъ.—Наружность Трофимова.—Его острота по поводу насмѣшки надъ его огромнымъ носомъ.—Пари въ клубѣ по поводу носа Трофимова.—Мой сожитель, чиновникъ театральной конторы, М. А. Кондыревъ.—Наша дружба съ нимъ.— Письмо къ М. А. Кондыреву отъ его лучшаго пріятеля И. Ѳ. Горбунова.

ВРЕЧИСЛЯЯ въ моихъ воспоминаніяхъ знаменитыхъ артистовъ московскаго Малаго театра и высоко чтя ихъ память, я не сказалъ еще о нѣкоторыхъ изъ нихъ, тоже, если не знаменитыхъ, то самыхъ талантливыхъ, которыхъ мнѣ доводилось видѣть въ моей жизни, а именно о Петрѣ Гавриловичѣ Степановѣ, Николаѣ Матвѣевичѣ Никифоровѣ и Владимірѣ Александровичѣ Дмитревскомъ.

Хотя означенные артисты, прослужившіе очень долгіе годы на императорской московской сценѣ, и не занимали по своему амплуа первенствующихъ ролей, но всѣ роли, исполненныя ими, даже изъ самыхъ незначительныхъ, всегда выступали на первый планъ и нерѣдко имѣли тотъ же успѣхъ, что и самыя главныя.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVIII, стр. 478.

Начну со Степанова. Это былъ серьезный комическій актеръ и замѣчательный гримъ. Всѣ роли, видѣнныя мною въ исполненіи этого превосходнаго артиста, во времена еще моей юности, навсегда останутся въ моей памяти и, по глубокому убѣжденію надо сказать, не идутъ ни въ какое сравненіе съ исполненіемъ другихъ артистовъ, которыхъ мнѣ удалось видѣть впоследствии въ нихъ же. Напримѣръ, роль Маломальскаго въ комедіи Островскаго «Не въ свои сани не садись». Какъ игралъ ее П. Г. Степановъ, нельзя сравнить по исполненію даже съ игрою гениальнаго изъ актеровъ А. Е. Мартынова: до того П. Г. Степановъ былъ художественно типиченъ и прекрасенъ въ ней. Не говоря о множествѣ ролей репертуара А. Н. Островскаго, въ которыхъ былъ неподробенъ П. Г. Степановъ, какъ-то: въ роляхъ Еремки кузнеца въ «Не такъ живи, какъ хочется», Гордѣя Карпыча Торцова въ «Бѣдность не порокъ» и мн. др., самая замѣчательная изъ его ролей была роль князя Тугоуховскаго въ «Горе отъ ума». Несмотря на то, что эта роль безъ словъ, Степанову, по высочайшему повелѣнію императора Николая Павловича, было приказано однажды ѣхать играть ее въ Петербургъ, чтобы показать петербургской публикѣ это выходящее изъ ряда исполненіе талантливаго актера. Въ пьесахъ Гоголя «Женитьба» роль Яичницы и «Ревизоръ» роль судьи Ляпкина-Тяпкина были играны П. Г. Степановымъ до того превосходно, что до сихъ поръ нѣтъ ничего ему подобнаго. Служа актеромъ драматической труппы, П. Г. Степановъ участвовалъ не только въ операхъ, но даже и въ балетѣ. Онъ былъ неподробенъ въ роли старухи-матери въ балетѣ «Тщетная предосторожность» (*La fille mal gardée*) и даже участвовалъ въ немъ вмѣстѣ съ знаменитой балериной Фанни Эльслеръ во время ея гастролей на Московской сценѣ. Въ оперѣ Верстовскаго «Аскольдова могила» онъ всегда исполнялъ роль колдуньи; какъ замѣчательный гримъ, играя роли съ переодѣваніемъ, онъ былъ необыкновенно типиченъ и смѣшенъ въ пьесѣ «Артистъ», гдѣ изображалъ нѣсколько разныхъ лицъ. Въ одномъ изъ старинныхъ водевилей Э. Кони «Принцъ съ хохломъ, горбомъ и бѣльмомъ», П. Г. Степановъ, играя колдунью, задумалъ играть ее особеннымъ образомъ, изобразить ее карлицей; для этого онъ рѣшилъ всю пьесу ходить по сценѣ не на ногахъ, а на своихъ колѣняхъ. Надѣвъ на себя длинное со шлейфомъ платье, онъ, стоя на колѣняхъ, скрылъ свой довольно высокій ростъ, а его крупная большая голова и широкое лицо въ соединеніи съ маленькимъ ростомъ карлицы дѣлали необыкновенно забавную и страшную фигуру этой колдуньи. Онъ свободно двигался и, въ такомъ видѣ распѣвая куплеты, которыми полна эта пьеса, производилъ большой эффектъ. Во время своей службы онъ, долгіе годы, получая весьма ограниченное содержаніе отъ дирекціи, содержалъ костюмерную, изъ которой отдавалъ на прокатъ костюмы, и она считалась лучшею во всей Москвѣ.

П. Г. Степановъ, какъ актеръ, долженъ быть причисленъ къ талантливѣйшимъ и замѣчательнымъ артистамъ русской сцены. Какъ человѣкъ и товарищъ, насколько мнѣ извѣстно, П. Г. пользовался общей любовью и уваженіемъ.

Н. М. Никифоровъ былъ также талантливый комикъ и замѣчательно игралъ приказныхъ и подъячихъ. Особенностью его натуры было то, что обыкновенно ставится въ упрекъ и недостатокъ каждому актеру, а у Н. М. Никофорова надо было считать достоинствомъ. Онъ былъ скороговорка. Онъ сыпалъ слова, какъ бисеръ, и каждое слово, сказанное имъ на сценѣ, никогда не пропадало въ ухахъ у зрителей, начиная съ партера до райка. Онъ былъ неподражаемъ въ такихъ роляхъ, какъ Бобчинскій въ «Ревизорѣ» и г. N. въ «Горе отъ ума»; исполненіе этихъ ролей, въ особенности же въ «Горе отъ ума» г. N., было исключительное, собственное и подходящее только къ одному Н. М. Никифорову. Въ водевиляхъ онъ былъ также неподражаемъ, а роль «стряпчаго Захара Захарыча» въ комедіи Островскаго «Въ чужомъ пиру похмелье» была его триумфомъ.

Онъ владѣлъ необыкновенною способностью какъ-то особенно заразительно хохотать на сценѣ, и трудно забыть этотъ смѣхъ тому, кто видѣлъ Н. М., напримѣръ, въ роли Жевакина, въ Гоголевской—Женитьбѣ, или водевилѣ «Дядюшкинъ фракъ и тетушкинъ капотъ», гдѣ Никифоровъ игралъ роль Кочерыжкина.

За кулисами это былъ самый веселый и остроумный человѣкъ и собесѣдникъ. Его остроты со всѣми и въ особенности съ его пріятелемъ, также покойнымъ актеромъ Малаго театра Колосовымъ (Фризановскимъ), вѣроятно, и до сихъ поръ еще не забыты на сценѣ Московскаго театра.

У Колосова была страсть шутить, острить и подсмѣиваться надъ Никифоровымъ, а послѣдній всегда мастерски умѣлъ отпарировать эти шутки. Однажды Колосовъ, являсь на репетицію и желая подсмѣяться надъ Н. М., говоритъ ему во всеуслышаніе.

— Многоуважаемый Николай Матвѣевичъ... честь имѣю васъ поздравить... Я сію минуту былъ въ нашей театральной конторѣ... и мнѣ извѣстно, что вамъ вышла прибавка...

— Какая это... прибавка-съ?—понявъ, въ чемъ дѣло, отвѣтилъ Никифоровъ.—Ужъ не получу ли я тотъ двугривенный, что вы, наипочтеннѣйшій, у меня взяли, да скоро мѣсяца полтора не отдаете-съ? а?

Н. М. Никифоровъ весьма часто одно время игралъ комическихъ лакеевъ и слугъ; по этому поводу, желая надъ нимъ посмѣяться, тотъ же Колосовъ написалъ на дверяхъ его уборной одно слово «лакейская». Никифоровъ, войдя въ уборную и наткнувшись глазами на эту надпись, недолго думая, приписалъ къ слову «лакейская» тоже одно только слово «шутка».

Дмитрій Васильевичъ Живокини, сынъ знаменитаго комика В. И. Живокини, былъ также актеръ Малаго театра, и не въ осужденіе ему будь сказано, былъ человѣкъ простоватый и большой чудакъ. Будучи страстнымъ охотникомъ и получивъ однажды отъ общества охоты какой-то значекъ съ изображеніемъ на немъ медвѣдя, держащаго въ лапахъ огромную дубину, онъ этотъ значекъ прицѣпилъ себѣ на фуражку, въ которой началъ являться въ театрѣ. Послѣ какой-то репетиціи или спектакля выходятъ всѣ на подъѣздъ разсаживаться въ казенныя кареты, чтобы ѣхать по домамъ. Кто-то изъ присутствующихъ, при Никифоровѣ обращается съ вопросомъ къ Д. В. Живокини, что это у него за значекъ на фуражкѣ, и что онъ обозначаетъ.

Никифоровъ, не давъ отвѣтить Живокини, сказалъ вопросившему:

— Неужто-съ батюшка... не догадались?! Это ихъ семейный гербъ-съ... Медвѣдь—это папенька... уважаемый Василій Игнатьевичъ... ну, а дубина-то—онъ самъ!

Не менѣе Никифорова былъ талантливъ артистъ Московскаго Малаго театра Владиміръ Александровичъ Дмитревскій (Деметръ), прослужившій на императорской сценѣ двадцать лѣтъ. Прежде своего поступленія на Московскую сцену Дмитревскій служилъ въ провинціи, и я въ моемъ дѣтствѣ въ 40-хъ годахъ зналъ и видѣлъ его на сценѣ Калужскаго театра; моя семья жила въ то время въ Калугѣ, а онъ служилъ на тамошней сценѣ вмѣстѣ съ извѣстнѣйшимъ актеромъ Н. К. Милославскимъ. В. А. Дмитревскій, сколько мнѣ помнится, кромѣ того, что былъ талантливый актеръ, былъ и прекраснымъ декораторомъ. Служа въ Калугѣ и играя первыя роли, онъ нерѣдко тамъ писалъ очень хорошія декорации.

Поступивъ на императорскую сцену, Дмитревскій, хотя нерѣдко игралъ первыя роли, но его талантъ и способности всего ярче выступали при исполненіи имъ второстепенныхъ и часто самыхъ незначительныхъ ролей, которыя онъ выдвигалъ на первый планъ. Явясъ въ Москву, для своего дебюта онъ просилъ дирекцію дозволить ему дебютировать въ одноактной драмѣ «Матрость», главную роль въ которой всегда блестяще игралъ покойный М. С. Щепкинъ. Изъ желанія добра Дмитревскому ему отвѣтили:

— Напрасно вы выбираете для вашего дебюта эту пьесу. Роль матроса считается коронною ролью Щепкина, онъ въ ней слишкомъ извѣстенъ и любимъ; какъ бы хорошо вы ее ни сыграли, вы все-таки можете много потерять въ глазахъ московской публики.

— Я это очень хорошо понимаю и знаю,—возразилъ Дмитревскій,—и никакой претензіи не имѣю дебютировать ролью матроса, которую такъ неподражаемо играетъ Щепкинъ... я прошу позволенія сыграть роль Рено, другую роль въ этой же пьесѣ.

Роль Рено совершенно второстепенная и невыигрышная для дебютанта; всѣ были крайне удивлены выборомъ Дмитревскаго, но

онъ сыгралъ ее съ такимъ успѣхомъ, что немедленно былъ принятъ на императорскій театръ. Лучшія и замѣчательныя въ его исполненіи роли были Федора камердинера въ комедіи «Свадьба Кречинскаго», каменщика, полунѣмого Готье въ комедіи «Записки Демона», роль, гдѣ актеру, за исключеніемъ послѣдней, очень драматической сцены, приходится говорить всего два слова: да и нѣтъ. Комедія «Записки Демона» была однажды возобновлена въ мой бенефисъ на Александринскомъ театрѣ, при чемъ роль Готье игралъ В. В. Самойловъ и, надо отдать справедливость, несмотря на свой блестящій талантъ и любовь къ нему публики, далеко уступалъ Дмитревскому въ исполненіи этой роли. Трудно теперь припомнить подробно всѣ выдающіяся роли В. А. Дмитревскаго, но, уважая его память, можно безъ ошибки причислить его къ лучшимъ и замѣчательнымъ артистамъ русскаго театра.

Сколько мнѣ извѣстно, выслуживъ себѣ пенсію, В. А. Дмитревскій не пожелалъ больше оставаться на сценѣ Малаго театра и, невзирая на то, что дирекція предлагала ему самый высокій окладъ жалованья и перспективной платы съ бенефисомъ, покинулъ навсегда Москву и умеръ гдѣ-то въ далекой провинціи.

Говоря здѣсь объ артистахъ московскаго театра, не могу съ чувствомъ благодарности къ его памяти не сказать нѣсколькихъ словъ объ одномъ изъ заслуженныхъ дѣятелей театра, бывшемъ нѣкогда режиссерѣ Малаго театра, талантливымъ переводчикѣ и авторѣ многихъ пьесъ, имѣвшихъ долгій и хорошій успѣхъ, о Сергѣѣ Петровичѣ Соловьевѣ.

Съ самаго дѣтства моего я зналъ этого прекраснаго человѣка и, пользуясь его дружбой и участіемъ, находилъ въ немъ добраго совѣтника и даже наставника на поприщѣ моей сценической карьеры. Еще будучи мальчикомъ гимназистомъ, я читалъ передъ С. П. Соловьевымъ различныя роли и стихотворенія, и онъ всегда поощрялъ мою страсть сдѣлаться актеромъ. Черезъ него я очень часто пользовался даровымъ входомъ въ театръ, чтобы наслаждаться игрой тогдашнихъ славныхъ московскихъ актеровъ; обыкновенно онъ сажалъ меня въ оркестръ или суфлерской будкѣ, гдѣ я считалъ себя болѣе счастливымъ, чѣмъ если бы меня посадили въ первый рядъ креселъ или литерную ложу бель-этажа. Благодаря С. П. Соловьеву, я впервые ступилъ за кулисы театра, который съ дѣтства былъ моею мечтой и отрадой. Приходя къ нему въ режиссерскую Малаго театра, я въ первый разъ удостоился увидѣть близко отъ себя всѣхъ могикановъ сцены, какъ Щепкина, Садовскаго, Самарина и др., которыхъ я считалъ выше обыкновенныхъ смертныхъ.

С. П. Соловьевъ поступилъ на службу въ императорскій театръ очень еще молодымъ человѣкомъ, сначала былъ помощникомъ, а потомъ водевильнымъ режиссеромъ драматической труппы. Будучи

очень начитаннымъ и способнымъ человѣкомъ, онъ написалъ и еще болѣе передѣлалъ и перевелъ съ французскаго множество комедій и водевилей. Самыя извѣстныя изъ нихъ и долго державшіяся на сценѣ—это водевиль «Что имѣемъ, не хранимъ—потерявши плачемъ», комедія «Невѣстѣ 40 лѣтъ—приданого 100 тысячъ» и переведенный водевиль «Что и деньги—безъ ума», который онъ мастерски перевелъ, въ самый короткій срокъ, чуть ли не въ одну недѣлю, для любительскаго спектакля у московскаго генералъ-губернатора, всемогущаго въ свое время графа А. А. Закревскаго. С. П. Соловьевъ былъ очень любимъ гр. Завревскимъ и всегда, даже лѣтомъ въ деревню, бывалъ къ нему приглашаемъ въ качествѣ режиссера, такъ какъ у графа часто устраивались домашніе спектакли. Одно время С. П. Соловьевъ былъ преподавателемъ драматическаго искусства въ московскомъ театральномъ училищѣ, и множество его ученицъ сдѣлались впоследствии прекрасными артистками, какъ, напримѣръ, сестры Бороздины, Колосова и др.

Въ концѣ службы императорскому театру С. П. Соловьева такъ же, какъ и сослуживца его, знаменитаго и талантливаго артиста Московской сцены Сергѣя Васильевича Васильева, постигло страшное несчастіе. За годъ до своей отставки онъ началъ терять зрѣніе и окончательно ослѣпъ, выйдя на ничтожную пенсію въ 50 руб. въ мѣсяць.

Пріѣзжая часто въ Москву, я постоянно посѣщалъ С. П. и проводилъ съ нимъ иногда цѣлые дни и вечера, говоря о театрѣ и обо всемъ, что касалось прошлаго и будущаго артистовъ. Зная его стѣсненное положеніе, я всячески помогалъ ему въ хлопотахъ о пропускѣ и постановкѣ его пьесъ на сцену. Многія пьесы имъ были сочинены и переведены, когда уже онъ былъ совершенно слѣпъ и только диктовалъ ихъ, не имѣя возможности писать. При моемъ посредничествѣ появилась на сцену его драма «Таня», имѣвшая и въ Москвѣ и въ Петербургѣ хорошій успѣхъ, также водевиль «Лучше никогда, чѣмъ поздно», поставленный на Александринскомъ театрѣ въ бенефисъ покойнаго П. А. Каратыгина. По моей просьбѣ онъ написалъ мнѣ однажды къ бенефису интермедію «Спасенъ на краю пропасти», и она была у насъ играна съ прибавленнымъ къ ней дивертисментомъ, въ которомъ съ драматическими участвовали и балетные артисты, какъ Л. П. Радина и другіе. С. П. Соловьевъ скончался въ неизвѣстности и похороненъ на одномъ изъ московскихъ кладбищъ.

Въ давно прошедшіе года, 30—40 лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ не было помину не только о частныхъ театрахъ, но не существовало даже публичныхъ спектаклей ни въ какихъ залахъ и клубахъ. Провинціальнымъ актерамъ и любителямъ въ Петербургѣ дѣлать было нечего, казенные же актеры только лѣтомъ уѣзжали гастролировать въ провинцію, а немногіе изъ нихъ, въ крайности

необходимаго заработка, получая слишкомъ малое содержаніе, рѣшались на поѣздки въ ближайшія мѣстности отъ столицы, какъ, напримеръ, Кронштадтъ или Выборгъ, и тамъ съ грѣхомъ пополамъ, всѣми неправдами, въ маломъ составѣ и убогой обстановкѣ устраивали въ свою пользу спектакли. Къ энергичнымъ предпринимателямъ таковыхъ представленій надо причислить нашего сослуживца, до сихъ поръ еще здравствующаго, бывшаго воспитанника императорскаго театральнаго училища, а потомъ актера Александринской сцены М. А. Ст—ва. Своей энергіей и умѣніемъ вести дѣла антрепризы едва ли не онъ первый положилъ основаніе и клубнымъ спектаклямъ въ Петербургѣ. Ловкій, талантливый актеръ на роли простаковъ и комическихъ повѣсь, М. А. Ст—въ, учась въ Театральной школѣ, прежде всего готовился въ наѣздки для бывшаго въ его время казеннаго императорскаго цирка, бралъ уроки у знаменитаго клоуна Віоля и еще воспитанникомъ съ успѣхомъ уже скакалъ, стоя на лошади, по аренѣ цирка, продѣлывая всевозможныя эволюціи. Судьба Ст—ва однако измѣнилась. Чувствуя любовь къ драматической сценѣ, онъ сдѣлался актеромъ Александринскаго театра. Во время своей службы при дирекціи, онъ неоднократно уѣзжалъ въ провинцію и снова возвращался на казенную сцену, и вотъ въ эти-то времена, получая въ Петербургѣ мизерное содержаніе, пускался на рискъ и устраивалъ зимнія поѣздки для спектаклей въ Кронштадтъ или въ другихъ мѣстахъ, гдѣ давались имъ представленія на тамошнихъ театрахъ. Не всегда, разумѣется, эти спектакли бывали удачны и нерѣдко сопровождались большими курьезами.

Я припоминаю одинъ изъ нихъ, рассказанный при мнѣ самимъ М. А. Ст—вымъ. Надо предупредить, что М. А. Ст—въ большой юмористъ и комикъ по природѣ; наружности очень моложавой и пріятной, съ однимъ недостаткомъ, сроднымъ всѣмъ петербуржцамъ: онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ былъ всегда лысъ, что, однако, не мѣшало ему быть большимъ ловеласомъ и нравиться женщинамъ. Вотъ что рассказывалъ Ст—въ. «Задумалъ я составить легонькое сосіете и поѣхать въ Кронштадтъ сыграть мелодраму «30 лѣтъ или жизнь игрока»; пьеса трескучая, забористая,—думаю, можно взять порядочную толику деньженокъ. Разумѣется, все это домашними средствами, ни костюмовъ порядочныхъ, ни париковъ не имѣлось; актеревъ мало, такъ что пришлось самому играть двѣ роли въ пьесѣ. Хоть для меня эти роли и не подходящія, да что же прикажете дѣлать? Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ! Взялъ я себѣ разъ больнаго старика Жермани, отца игрока, который проклинаетъ сына и умираетъ въ 1-мъ дѣйствіи, да еще, за неимѣніемъ актера, другую—молодого внука этого старика, офицера Альберта, который дѣйствуетъ въ третьемъ актѣ. Сборъ съ утра обѣщаль быть хорошимъ; билетовъ было продано довольно, и я зара-

нѣ веселился. Что жъ бы вы думали, передъ началомъ спектакля прихожу въ кассу и вижу совсѣмъ не то; мерзавецъ кассиръ просто, вижу, меня обокралъ; начинаю съ нимъ спорить, хочу его провѣрить, зовутъ на сцену начинать пьесу, бѣгу въ уборную, кой-какъ облачаюсь въ умирающаго старика, Жермани, не помня себя, начинаю играть первую сцену и только что вынесли меня въ креслахъ за кулисы, какъ я въ волненіи бросаюсь, какъ былъ въ костюмѣ, въ кассу, начинаю опять съ кассиромъ мои споры и убѣждаюсь, что меня окончательно ограбили; что я съ нимъ говорилъ, какъ кричалъ, выходилъ изъ себя, не помню; знаю только одно, что когда за мной прибѣжали въ кассу звать скорѣе на сцену, чтобы кончить актъ, при чемъ я долженъ, умирая, проклинать сына за его страсть къ игрѣ и, прочтя самый трагическій монологъ, упасть и умереть, я, какъ помѣшанный, бросился за кулисы, что есть духу отворилъ дверь на сцену и, вбѣжавъ туда, во все горло, не говоря ничего лишняго, закричалъ на стоявшихъ на сценѣ актеровъ: «Будьте вы всѣ прокляты!»—грохнулся на полъ и такимъ образомъ кончилъ актъ. Эффектъ былъ поразительный. Но самое курьезное было дальше въ 3-мъ дѣйствіи, гдѣ я сыгралъ молодого внука Жермани, офицера Альберта. Какъ будто нарочно для скандала, мнѣ забыли привезти парикъ, а съ моей лысой головою играть юношу было не совсѣмъ удобно. Какъ быть?! Взялъ, нашель пробку и густо вымазалъ всю голову въ черный цвѣтъ. Выхожу на сцену, а актриса, игравшая со мной мать, Амалію, была женщина неопытная, нервная, волновалась очень и забывала все на сценѣ. При свиданіи съ сыномъ, котораго она много лѣтъ не видала, такъ вошла въ роль, что, ничего не помня, бросилась ко мнѣ въ объятія и начала горячо цѣловать меня въ голову, обхватила ее руками и ими же утирала свои слезы и лицо. Когда эта патетическая сцена кончилась, и она повернулась къ публикѣ, раздался гомерическій смѣхъ; передъ зрителями стояла счастливая мать, прелестная Амалія, съ лицомъ трубочиста, а я былъ готовъ провалиться на мѣстѣ. Эта сцена больше всего тогда понравилась кронштадтской публикѣ». Такъ вотъ-съ какіе у насъ во время оно бывали спектакли!

Раньше я упомянулъ, что С-въ очень нравился женщинамъ, и развѣ только иногда и то изрѣдка его безволосая голова мѣшала ему въ окончательныхъ успѣхахъ по этой части. Играя на сценѣ молодыхъ людей въ красивомъ бѣлокурномъ парикѣ, онъ всегда былъ очень интересенъ; но вотъ какого рода случился съ нимъ однажды анекдотъ.

Получаетъ онъ за кулисами Александринскаго театра во время спектакля самое страстное любовное письмо отъ какой-то неизвѣстной поклонницы, гдѣ она умоляетъ его обратить на нее вниманіе и познакомиться съ ней въ тотъ же вечеръ, на актерскомъ подъездѣ, гдѣ она будетъ съ нетерпѣніемъ его ждать. Польщенный та-

кимъ успѣхомъ, Ст—въ, едва кончился спектакль, бѣжитъ на подъѣздъ и, замѣтивъ тамъ стоящую скромно одѣтую дѣвицу или даму подъ вуалью, бросается къ ней съ нѣжной улыбкой, почтительно снимаетъ шляпу, при чемъ, разумѣется, обнажаетъ свою лысую голову, и самымъ сладкимъ голосомъ спрашиваетъ незнакомку.

— Не вы ли... сударыня... та особа, отъ которой я имѣлъ счастье получить эту записку? Я въ восторгѣ съ вами познакомиться?!

— Ахъ, Боже мой!!—съ испугомъ вскрикнула влюбленная незнакомка, увидя его лысину.—Извините... вы вѣрно ошиблись... я не васъ хотѣла... видѣть!..

— Какъ ошиблись?.. Развѣ не вы... изволили написать ко мнѣ эту... милую записочку?..

— О! увѣряю васъ... не къ вамъ!.. Я писала... къ m-eug Стр—ву... Я его желала видѣть!..

— Да... я же и есть... самъ С—въ... клянусь вамъ!..

— Неужели?!—взволнованнымъ голосомъ, робко сказала дама.— Въ такомъ случаѣ... pardon... тутъ вышла ошибка... Я написала, вѣроятно, къ вашему... сыну!.. Я его желала видѣть!..

— О!.. Женщины!!!—подумалъ С—въ, разинувъ ротъ отъ удивленія, такъ какъ у него никакого сына, а въ особенности въ театрѣ, никогда не бывало.

М. А. С—въ не удовольствовался артистическими поѣздками въ окрестности Петербурга и при первой возможности занялся театральной антрепризой въ одномъ изъ клубовъ въ самомъ Петербургѣ. По рассказамъ, первые его спектакли, положившіе начало теперешнимъ постояннымъ представленіямъ во всевозможныхъ собраніяхъ и залахъ, были не особенно роскошны и художественны; онъ для экономіи обходился тремя или четырьмя актерами, которые занимали весь вечеръ публику. Публика же по новизнѣ этого дѣла, не имѣя другихъ развлеченій, усердно посѣщала и наполняла залу во время спектаклей. Начавъ выгодно зарабатывать деньги, Ст—въ получилъ антрепризу и въ другомъ клубѣ, а впоследствии во всѣхъ почти собраніяхъ онъ былъ единственнымъ антрепренеромъ. Съ его легкой руки, эти спектакли процвѣтаютъ до сего времени въ столицѣ.

Признавая въ М. А. Ст—вѣ даровитаго актера и находясь съ нимъ всегда въ пріятельскихъ отношеніяхъ, я при моей гельсингфорсской антрепризѣ тамошняго Александровскаго русскаго театра пригласилъ его въ труппу, и онъ игралъ у меня съ большимъ успѣхомъ и очень нравился гельсингфорсской публикѣ.

Вспоминая давно прошедшія времена о бывшихъ сослуживцахъ актерамъ, надо вспомнить теперь и о тогдашнихъ театральныхъ чиновникахъ, достойныхъ нѣкотораго вниманія.

Какъ чиновники эти, такъ и сама театральная контора, хотя и помѣщалась въ томъ же самомъ мѣстѣ, что и теперь, но какъ по

наружности, такъ и по характеру своихъ служащихъ была совсѣмъ иная. Не было и намека на ту роскошь, обстановку и торжественный видъ, которыми отличается нынѣшнее помѣщеніе и въ немъ сидящіе и бѣгающіе чиновничьи служители. Теперь у каждаго маломальски занимающаго какую либо спеціальную должность чиновника особый кабинетъ съ двумя или тремя помощниками, а входъ въ кабинетъ къ самому управляющему, несмотря на стоящаго всегда у двери параднаго капельдинера, не иначе допускается, какъ по докладу его п—ву спеціальнаго чиновника, отряженнаго на сей предметъ. Обо всѣхъ распоряженіяхъ и происшествіяхъ въ дирекціи печатаются ежедневно приказы, какъ это только водится въ полкахъ, и такимъ образомъ въ настоящее время все служащее театру находится на строгомъ военномъ и парадномъ положеніи.

Въ прежнее время было совсѣмъ иное; обстановка была самая заурядная, какъ вообще во всѣхъ канцеляріяхъ. Не только къ управляющему конторой, но даже въ кабинетъ самого директора А. М. Гедеонова, каждый служащій при дирекціи, начиная съ первыхъ артистовъ до послѣдняго плотника, имѣлъ право входить безъ доклада по своимъ нуждамъ и дѣламъ. Количествомъ служащихъ чиновниковъ, хотя и не въ такомъ числѣ, какъ теперь, и прежняя контора никогда не была обижена, и ихъ всегда было довольно, какъ бобовъ на тарелкѣ. Содержаніе ихъ было до того ничтожно, что многіе изъ мелкихъ не имѣли даже постоянныхъ квартиръ, а сплошь и рядомъ ходили ночевать въ контору, гдѣ размѣщались на жесткихъ диванахъ, которые тамъ находились. Подчасъ этихъ дивановъ даже не хватало для ночлежниковъ, такъ какъ число ихъ превышало количество мебели. Рассказывали, что однажды по этому поводу произошелъ довольно траги-комическій случай. Въ одну изъ ночей чиновники заняли всѣ диваны, такъ что дежурный по конторѣ, который имѣлъ болѣе другихъ право на диванъ, придя спать, увидалъ свою постель занятой однимъ изъ товарищей. Надо замѣтить, что этотъ товарищъ былъ совершенно лысый человѣкъ. Обозлясь за такую безцеремонность, дежурный, не желая терять времени, будить и выговариваетъ спящему, схватилъ зажженную салную свѣчку, которыми тогда освѣщалась контора, и съ злорадствомъ началъ капать горячимъ саломъ на его лысину. Проснувшись отъ такого сюрприза, чиновникъ до того испугался, что, какъ бѣшеный, сталъ кричать отъ боли и немедленно бросился ночью со слезной жалобой къ управляющему.

Что воспослѣдовало дальше, мнѣ неизвѣстно.

Былъ также еще забавный случай, характеризующій прежніе нравы и распоряженія въ конторѣ, съ однимъ чиновникомъ, нѣкимъ Антоновымъ. Этотъ Антоновъ по рассказамъ былъ очень оригинальный господинъ, любилъ солидно выпить и не носилъ другого костюма, кромѣ вицмундирнаго фрака, въ которомъ лѣтомъ

всегда ходилъ даже безъ пальто, украшая голову фуражкой съ кокардой. Однажды, управляющій конторой, придя на службу, слышитъ подъ самымъ окномъ своего кабинета страшный шумъ и крикъ. Взглянувъ на улицу, видитъ Антонова въ виць-мундирѣ и фуражкѣ спорящимъ съ извозчикомъ, который тоже кричитъ и что-то требуетъ. Посылаетъ узнать, въ чемъ дѣло, и ему доносятъ, что Антоновъ навеселѣ, пріѣхалъ изъ Новой Деревни, не отдаетъ денегъ извозчику по очень уважительной причинѣ, которой извозчикъ, однако, не признаетъ. Антоновъ утверждаетъ, что не извозчикъ привезъ его въ контору, а онъ самъ извозчика, ибо извозчикъ сидѣлъ на мѣстѣ сѣдока, а онъ, помѣстившись на козлы, везъ его въ виць-мундирѣ и въ фуражкѣ съ кокардой и правилъ лошадыю, слѣдовательно онъ скорѣе можетъ требовать деньги съ извозчика за сдѣланную мужику честь. Дабы покончить этотъ споръ и крики, управляющій приказалъ убрать Антонова, а извозчику немедленно выдать 40 копеекъ изъ разъѣздныхъ суммъ конторы.

Эти два рассказанные мнѣ случая были задолго до моего поступленія на службу дирекціи. Я же самъ изъ числа бывшихъ тогда оригиналовъ-чиновниковъ засталъ въ конторѣ очень курьезнаго старика-столоначальника И. А. Ѳедорова; онъ служилъ въ конторѣ съ незапамятныхъ временъ и до сихъ поръ вспоминается многими, кто его зналъ.

Столоначальникъ И. А. Ѳедоровъ, котораго я въ первый разъ увидѣлъ въ концѣ 50-хъ годовъ, былъ небольшого роста, со сгорбленной спиной и убѣленной головой, чиновникъ съ орденомъ на шеѣ и вѣчно въ виць-мундирѣ, всегда суетился, со всѣми спорилъ и расхаживалъ съ бумагами изъ одного отдѣленія конторы въ другое, постоянно ворчалъ и читалъ наставленія своимъ молодымъ подчиненнымъ; тѣ его не особенно жаловали, сколько мнѣ помнится. Любилъ онъ веселую компанію и очень часто былъ не прочь выпить черезъ край. Въ прежнее время чиновники дежурили каждый вечеръ при спектакляхъ во всѣхъ театрахъ, и на ихъ обязанности лежало смотрѣть за порядкомъ въ кассѣ, на сценѣ и въ зрительномъ залѣ, куда они при свободныхъ мѣстахъ имѣли право пропускать даровую публику, состоявшую изъ артистовъ и всѣхъ служившихъ при дирекціи лицъ. И. А. Ѳедоровъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, также дежурилъ въ театрахъ и получалъ свои полтора рубля разовыхъ, какъ и другіе. При своихъ дежурствахъ онъ часто поступалъ съ просящими у него даровыхъ мѣстъ гораздо великодушнѣе и щедрѣе своихъ товарищей. Многіе дежурящіе чиновники, чуя свою власть, любили помучить и заставить себѣ поклониться жаждущихъ зрѣлицъ и нерѣдко отказывали въ просьбахъ; не таковъ былъ И. А. Ѳедоровъ: придуть къ нему бывало въ театръ три-четыре человѣка съ просьбами пропустить ихъ, а онъ имъ отвѣчаетъ:

— Господа... Да что жъ это васъ такъ мало?.. Лучше подождите! Вотъ... соберетесь человѣкъ двадцать или больше, я васъ тогда всѣхъ разомъ пропущу!..

Желаніе его исполнялось скоро: черезъ пять или десять минутъ собиралась толпа; онъ приказывалъ капельдинеру отворять настежъ входъ въ кресла и, добродушно махнувъ рукой цѣлой аравѣ желающихъ, говорилъ: «съ Богомъ». Толпа вваливала въ партеръ и занимала цѣлые ряды. У него было огромное семейство, и для поддержанія его онъ занимался часто одолженіемъ деньженокъ подъ хорошіе проценты; обыкновенно ссужалъ свою братію чиновниковъ и бѣдныхъ хористовъ и балетныхъ фигурантовъ; такъ въ прежнее время назывались кордебалетные танцоры и танцорки. При ссудѣ денегъ подъ большіе проценты, И. А. Ѳедоровъ былъ далеко не такъ великодушенъ къ просителю, какъ при дежурствѣ въ театрахъ, давая свободныя мѣста; онъ былъ строгъ и пунктуаленъ съ должниками. Напримѣръ, однажды приходитъ въ контору какой-то хористъ, въ надеждѣ, что въ этотъ день можно получить жалованье, такъ какъ ему сказали, что назначена выдача. Деньги ему нужны до зарѣза. Приходитъ и, увы! узнаетъ, что кассира нѣтъ, и что сегодня выдачи не будетъ. Что дѣлать? Хористъ въ отчаяніи, хватается, какъ утопающій за бриту, идетъ къ И. А. Ѳедорову и проситъ ссудить ему жалованье. Ѳедоровъ исполняетъ просьбу, беретъ съ него расписку и даетъ деньги. Не успѣла окончиться эта финансовая операція, и хористъ только что дошелъ до передней конторы, какъ неожиданно является казначей съ деньгами для выдачи жалованья. Обрадованный хористъ бросается назадъ къ Ѳедорову и, благодаря за оказанное одолженіе, проситъ возвратить его расписку и принять обратно деньги. И. А. Ѳедоровъ ему отвѣчаетъ:

— Расписку я вамъ могу возвратить не иначе, какъ если вы отдадите мнѣ слѣдующіе проценты... идите... получите ваше жалованье и отдайте деньги... тогда и дѣло покончимъ.

— Помилосердуйте... Иванъ Алексѣевичъ... за что же вы хотите получить проценты?— говоритъ хористъ. — Вѣдь ваши деньги я едва успѣлъ положить въ карманъ... да дойти до слѣдующей комнаты! За что же... вамъ проценты?!

— За что?.. А за мое... одолженіе! Развѣ я виноватъ, что чортъ принесъ къ вамъ казначей съ вашимъ жалованіемъ? Довольно, что вы взяли у меня ссуду и вышли въ другую комнату. У меня, батюшка, такое правило... Я своихъ денегъ безъ процентовъ не даю никому ни на одну секунду.

Нечего дѣлать, хористъ покорился этому мудрому правилу и отдалъ проценты.

У И. А. Ѳедорова существовалъ въ конторѣ врагъ, въ лицѣ одного молодого чиновника Мах—на, который вѣчно съ нимъ ссорился. Одинъ разъ, разсердившись за что-то на старика Ѳедорова,

Мах—нѣ вздумалъ съ нимъ сыграть довольно злую шутку. Въ данное время только что умеръ директоръ театра, и Мах—инъ досталъ въ конторѣ одинъ изъ большихъ конвертовъ съ печатнымъ бланкомъ «отъ директора императорскихъ театровъ», въ которыхъ обыкновенно присылались дѣловыя бумаги отъ покойнаго директора въ контору, сдѣлалъ форменную надпись: «Г-ну столоначальнику, такому-то совѣтнику И. А. Оедорову»—и, вложивъ туда записку, запечаталъ казенной печатью конвертъ и велѣлъ вручить старику. Тотъ развертываетъ конвертъ и съ удивленіемъ читаетъ посланіе отъ умершаго директора; въ запискѣ было написано немного: «Приходи ко мнѣ скорѣе!.. Я тебя жду!»...

Нужно сказать, что между театральными чиновниками того времени были также люди и талантливые и остроумные, въ особенности изъ тогдашней молодежи. Въ конторѣ служили три брата Ивановы, изъ которыхъ одинъ, Александръ, сдѣлался очень талантливымъ писателемъ небольшихъ бытовыхъ пьесъ, а впоследствии актеромъ и умеръ, состоя въ труппѣ Александринскаго театра; его псевдонимъ, какъ автора драматическихъ пьесъ и какъ актера, былъ Трофимовъ. Его пьесы «На пескахъ», «Одного поля ягода», «Первый чинъ» и многія другія до сихъ поръ играютъ съ успѣхомъ на всѣхъ сценахъ. Онъ прекрасно зналъ быть бѣднаго чиновничества и съ большимъ юморомъ и правдой умѣлъ выразить его въ своихъ произведеніяхъ. Трофимовъ, хотя и игралъ большею частью недурныя роли, но никогда не выдавался, какъ актеръ, несмотря на то, что на сценѣ ему очень способствовала его тощая фигура и необыкновенно огромный носъ, который служилъ всегда темой забавныхъ шутокъ съ нимъ, а на шутки и на острое словцо онъ самъ былъ большой мастеръ и за словомъ въ карманъ лазать не любилъ. Напримѣръ, кто-то изъ его пріятелей-актеровъ, желая надъ нимъ пошутить, на репетиціи въ большомъ обществѣ на сценѣ говоритъ ему:

— Саша... знаешь ли, что я тебѣ скажу? Для тебя Крыловъ специально сдѣлалъ пьесу изъ повѣсти Гоголя «Носъ»—чудная тебѣ роль будетъ!!

— Вотъ какъ?! — отвѣчаетъ Трофимовъ.— Очень радъ!! Только не ошибаешься ли ты? Онъ, говорятъ, готовитъ для тебя пьесу изъ романа Достоевскаго «Идіотъ», роль для тебя специально пишется.

Носъ у Трофимова былъ до того великъ, что однажды въ какомъ-то клубѣ случилась съ нимъ вотъ какая исторія. Передаю ее словами самого А. Т. Трофимова.

— Какъ-то въ клубѣ стою я у буфета, выпилъ водки, закусываю... Вдругъ какой-то господинъ тащитъ за руку другого, вѣрно, своего пріятеля; останавливается невдалекѣ отъ меня и, показывая прямо на мое лицо, сердито говоритъ пріятелю: «Ну, что, не вѣ-

ришь? Видишь самъ!! убѣдился!!! То-то!! а говоришь, не бываетъ! Нѣтъ! бываетъ!! Изволь полюбоваться!!» и еще нѣсколько разъ показавъ на меня. Я, немного смутясь, спрашиваю этого господина: «Что это значитъ, милостивый государь? Вы, кажется, что-то говорите на счетъ меня?»—Тогда онъ очень вѣжливо и ласково возразилъ мнѣ: «Нѣтъ-съ, не насчетъ васъ... а на счетъ вашего носа... онъ увѣрялъ... вотъ... мой пріятель... вотъ онъ... что такого размазана носы не бываютъ; а я давно замѣтилъ васъ... и хотѣлъ ему доказать... что бываютъ... Онъ проигралъ мнѣ пари... бутылку лафиту... надо будетъ сейчасъ ее распить на его счетъ, за ваше здоровье... Извините... Пойдемъ-ка, любезный другъ... ставь бутылку!!»

Потащилъ своего пріятеля въ столовую, а я такъ и остался у буфета... съ носомъ!!!

Въ 1860 году, вскорѣ послѣ моего перваго дебюта на Александринской сценѣ, когда я еще состоялъ пансіонеромъ театральнаго училища и проживалъ въ немъ, я случайно познакомился и очень подружился со служившимъ въ то время чиновникомъ нашей театральной конторы, Матвѣемъ Александровичемъ Кондыревымъ. Мы съ нимъ настолько сошлись и понравились другъ другу, что онъ пригласилъ меня перебраться изъ моей комнаты при школѣ на житье съ нимъ вмѣстѣ, въ его казенную, просторную квартиру, которой онъ пользовался въ домѣ дирекціи. Онъ до сихъ поръ остался холостякомъ и сохранилъ со мной самыя близкія, дружескія отношенія. Его приглашенію я несказанно обрадовался. И съ разрѣшенія управляющаго въ то время театральнымъ училищемъ П. С. Ѳедорова переселился на житье къ Матвѣю Александровичу. Поселясь у него, я, разумѣется, имѣлъ случай очень часто быть въ обществѣ его товарищей—чиновниковъ тогдашней конторы, и такъ какъ большинство ихъ въ то время состояло изъ людей очень хорошихъ и веселыхъ, со многими я былъ въ самыхъ лучшихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ; но, кромѣ меня, въ такихъ же отношеніяхъ къ чиновникамъ находился Ив. Ѳед. Горбуновъ, принадлежа къ самымъ близкимъ пріятелямъ Матвѣя Александровича Кондырева и его товарищей. Во время поѣздки своей за границу, Горбуновъ присылалъ Кондыреву юмористическія описанія своего путешествія. Для курьеза приведу одно изъ его писемъ:

«Флоренція, 7-го (19-го) мая 1862 года.

«Въ контрольное отдѣленіе, въ бухгалтерію, въ казначейскую и всѣмъ господамъ чиновникамъ, управляющимъ отдѣльными столами и помощникамъ ихъ племъ нашъ привѣтъ изъ города Флоренціи.

«Послѣднее письмо наше было вамъ пущено изъ Венеціи. Послѣ того, мы были въ Миланѣ, въ Римѣ, а вчера вечеромъ прибыли во Флоренцію.

«Подробное описаніе всего видѣннаго нами сдѣлать невозможно, какъ по недостатку времени, такъ и потому, что мы сами скоро въ резиденцію нашу прибудемъ и все вамъ устно передадимъ.

«Когда мы пошли на пароходѣ изъ Ливорно въ Римъ, насъ застигла буря, и мы испытали качку. Объ этомъ происшествіи прилагается здѣсь выписка изъ житія нашего:

мѣца апріліа въ кѣ днь.

«Грѣхъ нашихъ ради и за преумноженіе грѣховъ всего міра, приде на ны вѣтръ отъ страны полуденная, инако рещи отъ предѣловъ Египетскихъ, намъ же на морѣ сущимъ. И убояхуся корабельщица зело, да не въ море пойдуть. Бѣста же на кораблѣ многое множество отъ иноплеменникъ, и ти біяху въ перси своя и стѣняху, зане блеваніемъ веліимъ одержими быша. Мы же, здрави пребывающе, осклабляхуся зряще на люди, ихъ же дыханіе бурно возмути. На утріе приста корабль нашъ ко Фряжскому граду Чивита-Векіи; мы же снадохомъ на берегъ, благая сотворише, зане освирипѣ вѣтръ и зіяше бездна морская, искій кого поглотити. И приидомъ здрави въ пречудный градъ Римъ, славяще и хваляще Бога. Аминь.

«Ожидаемъ вашего письма въ Парижѣ. Всея конторѣ крѣпко жму руку и остаюсь любящій и принадлежащій ей всѣмъ сердцемъ сынъ ея

«И. Горбуновъ».

V.

Актеръ С. М. Сосновскій.—Рѣчь Самойлова при поднесеніи подарка Сосновскому.—Протестъ Е. И. Воронова.—Антреприза Сосновской.—Генеральша въ роли кухарки.—Первое появленіе въ Петербургѣ М. Г. Савиной.—Мое первое съ ней знакомство.—Мои хлопоты о ней у Федорова.—Дебютъ въ Александринскомъ театрѣ М. Г. Савиной.—Наплывъ провинціальныхъ артистовъ на казенную сцену.—Антреприза въ нѣмецкомъ клубѣ актера Алексѣева.—Мое участіе въ его бенефисѣ въ клубѣ.—Поѣздка съ П. И. Вейнбергомъ по Волгѣ.—Разговоръ Вейнберга съ танцовщикомъ Т. А. Стуколкинымъ.—Встрѣча съ Андреевымъ-Бурлакомъ.—Приглашеніе на сезонъ въ Харьковъ.—Харьковская публика.—Мой дебютъ на харьковской сценѣ.—Постановка комедіи «Лѣсъ».—Импровизированная сцена Несчастливцева со Счастливымъ.—Мой отъездъ изъ Харькова.—Театральный крахъ.—Открытіе частнаго театра въ Петербургѣ актеромъ Казанцевымъ.—Антрепренеръ Казанцевъ.—Единственное средство получить деньги въ названіе за дерзости.

Въ 70-хъ годахъ мнѣ нерѣдко доводилось участвовать на клубныхъ спектакляхъ съ благотворительною цѣлью, а еще чаще изъ дружбы или любезности къ ихъ учредителямъ. Сцена клуба Благороднаго Собранія въ особенности отличалась тѣмъ, что большин-

ство императорскихъ артистовъ, а также болѣе или менѣе извѣстныхъ въ провинціи и даже иностранныхъ актеровъ и актрисъ часто появлялось на ея подмосткахъ. Уважительной причиною такого преимущества Благороднаго Собранія было то, что спектаклями въ немъ завѣдывалъ общій любимецъ, а мой старый товарищъ и пріятель, актеръ Сергѣй Михайловичъ Сосновскій.

Кто хоть немного зналъ его, не могъ не любить и не уважать этого превосходнаго человѣка. С. М. Сосновскій былъ исключительная свѣтлая личность, рѣдко встрѣчающаяся не только за кулисами театра, но даже и на житейской сценѣ. Я его зналъ съ самой юности, когда обоимъ намъ было не болѣе, какъ по 15 лѣтъ отъ роду, и мы бывали неразлучны. Карьера С. М. Сосновскаго началась съ того, что онъ, окончивъ свое образованіе въ Почтамскомъ училищѣ, готовился поступить (и даже числился нѣкоторое время на этой службѣ) на мѣсто станціоннаго зрителя въ какомъ-то захолустѣ. Родившись въ актерскомъ семействѣ (его отецъ былъ старинный актеръ Александръ театра Мих. Франц. Сосновскій, а мать, урожденная Степанова, сестра актрисы Брянской и пѣвицы Степановой,—служила также актрисой въ итальянской оперѣ). С. М. Сосновскій съ самаго дѣтства было одержимъ страстью къ театру. Поступить же въ то время въ актеры было не такъ легко, какъ нынѣ; послѣ страшныхъ усилій и просьбъ, благодаря нѣей-то протекціи, онъ былъ принятъ на службу, но не актеромъ, а суфлеромъ.

Надо отдать ему справедливость, онъ съ честью поддержалъ это званіе. Лучшаго суфлера, какимъ былъ С. М. Сосновскій, трудно себѣ и представить. Всѣ артисты его страшно любили и въ доказательство своего расположенія однажды устроили подписку на подарокъ, который ему и поднесли на торжественномъ обѣдѣ въ честь А. Н. Островскаго. Подарокъ состоялъ изъ дорогихъ (съ надписью) часовъ и золотой цѣпи, который взялся поднести ему публично самъ В. В. Самойловъ, при чемъ говорилъ весьма нескладно свою рѣчь и, часто путаясь въ словахъ, произнесъ весьма оригинальную фразу, которая до сихъ поръ сохранилась въ моей памяти. Сравнивая въ своей рѣчи Сосновскаго съ бывшими до него суфлерами, которые не отличались ни трезвостью, ни приличнымъ внѣшнимъ видомъ и костюмомъ, В. В. Самойловъ произнесъ ему съ благодарностью такія слова:

— Сосновскій! Ты облагородилъ... дыру... суфлерскую!!!

По поводу этой рѣчи въ одной изъ юмористическихъ тогдашнихъ газетъ, былъ даже напечатанъ такого рода анекдотъ. Кто-то спрашиваетъ другого, услыша этотъ спичъ:—Скажите, пожалуйста... почему этотъ актеръ, который такъ бойко и смѣло говоритъ на сценѣ... такъ несвязно и робко говорилъ сейчасъ рѣчь суфлеру?!

— Очень просто!— отвѣтилъ другой.—На сценѣ онъ самъ всегда слушаетъ суфлера... а тутъ суфлеръ долженъ былъ слушать его!

Не могу не вспомнить, что по поводу подношенія подарка С. М. Сосновскому нашелся въ труппѣ протестантъ, который сдѣлалъ въ моемъ лицѣ выговоръ всей труппѣ; этотъ протестантъ былъ нашъ строгій режиссеръ Е. И. Вороновъ. На слѣдующій же день послѣ чествованія Сосновскаго онъ, во время спектакля, сидя по обыкновенію въ моей уборной, сказалъ:

— А вы, гг. артисты, отличились... нечего сказать!

— Чѣмъ же?!—спросилъ я.

— А какъ же? Вчера-то... на обѣдѣ Островскому... Не нашли ничего лучшаго... какъ поднести подарожекъ суфлеру? Срамъ!!

— Да въ чемъ же тутъ срамъ... Евгеній Ивановичъ? Сосновскаго всѣ любятъ и уважаютъ!

— Да тутъ... не въ Сосновскомъ дѣло!! Тутъ... главная суть... что онъ суфлеръ. Теперь всѣ скажутъ... что вы плохо роли свои учите... и задабриваете суфлера, чтобы онъ васъ выручалъ!! Эхъ, вы!!!

Пробывъ два или три года на суфлерской должности, С. М. Сосновскій съ большимъ трудомъ умилостивилъ начальство позволить ему дебютировать и потомъ перевестись въ актеры. Со всевозможными препятствіями ему былъ разрѣшенъ дебютъ, но не иначе, какъ въ роли старика, несмотря на то, что ему было не болѣе 20 лѣтъ отъ рожденія, и онъ, несмотря на свою мѣшковатость и излишнюю полноту, былъ очень красивымъ брюнетомъ, со всегда пунцовыми щеками. Онъ сыгралъ для перваго дебюта роль отца Золотникова въ извѣстномъ водевилѣ графа Соллогуба «Бѣда отъ нѣжнаго сердца!». Разумеетсяъ, по этому дебюту невозможно было и судить 20-лѣтняго юношу и предсказать ему что либо въ будущемъ. Перейдя въ актеры, Сергѣй Михайловичъ постепенно сталъ играть небольшія роли и, совершенствуясь, достигъ того, что ему стали поручать роли и за первыхъ артистовъ и преимущественно ампуа молодыхъ и драматическихъ любовниковъ.

Во время оно, при совместномъ профессорствѣ драматическаго искусства въ Театральномъ училищѣ, покойныхъ актера П. В. Васильева и учителя русскаго языка или исторіи Н. И. Свѣдѣнцова, начали происходить между ними разныя распри и неудовольствія. Тогда для водворенія согласія и мира въ школѣ П. С. Оедоровъ, управлявшій училищемъ и репертуаромъ, выбралъ С. М. Сосновскаго въ помощники къ Свѣдѣнцову и опредѣлилъ въ качествѣ миротворца. Съ этихъ поръ началась педагогическая дѣятельность Сосновскаго. У него образовалось очень много учениковъ и ученицъ, чему, конечно, помогло и то, что онъ сдѣлался учителемъ на курсахъ Раппгофъ, гдѣ продолжалъ службу до самой своей кончины. Онъ скончался совершенно неожиданно и быстро въ декабрѣ 1896 года, чѣмъ много опечалилъ друзей своихъ, которыхъ у него было множество.

С. М. Сосновскій долгое время занимался и антрепризой. Въ прежніе годы онъ завѣдывалъ сценой Благороднаго Собранія, гдѣ были постоянные спектакли по субботамъ съ участіемъ лучшихъ и первѣйшихъ артистовъ того времени. Въ позднѣйшее же время онъ имѣлъ антрепризу въ лѣтнемъ театрѣ города Ораніенбаума. При своихъ антрепризахъ онъ былъ наичестнѣйшимъ и аккуратнѣйшимъ антрепренеромъ, не говоря о томъ, что считался истиннымъ другомъ и покровителемъ бѣднѣйшихъ артистовъ. Самъ человѣкъ съ очень ограниченными доходами, С. М. Сосновскій послѣдній грошъ готовъ былъ раздѣлить съ бѣднякомъ-актеромъ. Готовъ былъ занимать его въ спектаклѣ, часто безъ всякой надобности для себя, единственно съ цѣлью дать ему помощь въ видѣ 5—6 рублей разовой платы.

Кто не переигралъ у него на сценѣ въ Благородномъ Собраніи?

И Жюдикъ, и Делапортъ, пѣвали и итальянскіе пѣвцы, игралъ В. В. Самойловъ, участвовали балетныя танцовщицы и любители изъ литераторовъ, адвокатовъ и др. профессій. Много довелось видѣть достойнаго вниманія и смѣха изъ нравовъ появившихся къ нему съ просьбами сыграть любителей, а въ особенности любительницъ. Надо замѣтить, что самъ Сосновскій, несмотря на свою кротость и добрый характеръ, былъ человѣкъ необыкновенно вспыльчивый и при случаѣ очень горячій. Какъ-то, въ его бенефисъ мнѣ пришлось играть у него одну изъ любимыхъ моихъ ролей «Чечоткина» въ водевилѣ «Харьковскій женихъ или домъ на двѣ улицы»; въ этой пьесѣ онъ самъ игралъ со мной, другихъ же персонажей теперь вспомнить не могу, кромѣ одной любительницы, взявшейся играть роль кухарки. При появленіи моемъ на репетицію, С. М. меня тотчасъ съ ней познакомилъ, и я узрѣлъ очень тучную, высокаго роста, старую генеральшу, весьма строгаго и тонкаго обращенія. Познакомься и заговоривъ съ ней, я спросилъ, что ее заставляетъ играть на любительскихъ сценахъ, на что она мнѣ отвѣтила:

— Ахъ, вы не можете себѣ представить... до чего я обожаю сцену!!! Я родилась быть актрисой... Но что дѣлать? Судьба и родные не допустили до этого!!! Я давно замужемъ... мой мужъ генералъ... и теперь уже поздно поступать на императорскую сцену. А такъ... иногда сыграть... мнѣ доставляетъ большое удовольствіе. Хотя роль этой кухарки и не совсѣмъ подходитъ къ моимъ манерамъ и наружности, но я все-таки благодарна m-eur Сосновскому, что онъ допустилъ меня играть съ вами!!! Мнѣ это очень пріятно!! Вы знаете... я до того люблю театръ, что каждый день, когда ложусь въ постель, приказываю горничной ставить мнѣ на мой ночной столикъ, вмѣстѣ съ вареньемъ или конфетами, которые всегда я ѣмъ по ночамъ, пять-шесть ролей, которыя я постоянно перечитываю, засыпая... безъ этого я не могу заснуть!..

Всѣ участвующіе, во главѣ съ антрепренеромъ, оказывали ей всевозможныя любезности и, несмотря на то, что она изображала кухарку, не иначе величали, какъ ваше превосходительство, прощая на репетиціи всѣ погрѣшности и недостатки. Она была на седьмомъ небѣ, и такъ какъ эта роль кухарки очень выигрышная въ пьесѣ, то она надѣялась на огромный успѣхъ вечеромъ. Судьба перевернула по-своему. Вечеромъ, при представленіи, она до того волновалась и все забывала, что въ одномъ явленіи, при разговорѣ Сосновскаго со мной, не уходила долго со сцены и вертѣлась передъ нами, какъ воздушный шаръ, вмѣсто того, чтобы уйти, какъ требовалось по ходу пьесы. Сосновскій началъ волноваться, нѣсколько разъ шепталъ ей: «уходите же! уходите отсюда!». Она ничего не слышала и продолжала присутствовать на авансценѣ. Тогда взбѣсившійся окончательно, чуть не съ пѣной у рта, Сосновскій подбѣжалъ къ ней и сдавленнымъ отъ гнѣва голосомъ прошипѣлъ «убирайтесь же вы... ваше превосходительство... ко всѣмъ чертямъ!!! я за себя не ручаюсь!!!»... Генеральша поняла, наконецъ, эту «энергичную» фразу и моментально исчезла за кулисами.

Сосновскій ознаменовалъ свою клубную антрепризу тѣмъ, что ему первому удалось показать Петербургу нынѣ всюду прославленную и извѣстную М. Г. Савину. Въ ея бенефисъ, данный года два тому назадъ въ Александринскомъ театрѣ за 20-ти-лѣтнюю службу, въ числѣ поднесенныхъ подарковъ была подана ей за кулисами С. М. Сосновскимъ программа съ анонсомъ ея перваго появленія въ клубѣ Благороднаго Собранія, скопированная на серебрѣ въ видѣ бювара.

Явясь въ началѣ 70-хъ годовъ изъ провинціи въ Петербургъ, М. Г. Савина обратилась къ Сосновскому съ предложеніемъ сыграть у него въ клубѣ, передъ столичной публикой; онъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и показалъ ее сначала въ драмѣ «Блуждающіе огни», въ бенефисъ актера и чтеца А. С. Полонскаго, а послѣ въ одноактной пьескѣ «Она его ждетъ». Въ обѣихъ пьесахъ она очень понравилась публикѣ и имѣла огромный успѣхъ, благодаря же при этомъ случайной встрѣчѣ и знакомству со мной и навязчивому съ моей стороны предложенію ей услугъ въ дирекціи, вскорѣ получила дебютъ въ Александринскомъ театрѣ и поступила на службу императорскаго театра, заключивъ съ дирекціей контрактъ на три года. Все это произошло совершенно неожиданно, какъ для самой М. Г. Савиной, такъ и для всѣхъ ее окружающихъ, тѣмъ болѣе, что она вовсе и не думала и не имѣла намѣренія опредѣляться на казенную сцену. Случилось это такъ.

Въ одну изъ субботъ, мы съ покойнымъ И. Ѡ. Горбуновымъ условились встрѣтиться въ Благородномъ Собраніи, чтобы оттуда вмѣстѣ ѣхать на одинъ званый вечеръ. Пріѣзжаю часу въ девятомъ въ клубъ; Горбунова, по его обыкновенію всюду опаздывать,

еще тамъ нѣтъ. Что дѣлать? Велю прислугѣ меня вызвать, когда онъ явится, а самъ направляюсь въ залу, гдѣ идетъ спектакль. На сценѣ молоденькая, миловидная актриса играетъ комедію «Она его ждетъ» и играетъ съ рѣдкимъ талантомъ и успѣхомъ. Публика приходила въ восторгъ, которому я вполне сочувствовалъ. Такая артистка была рѣдкостью не только на клубной сценѣ, но даже бы и у насъ на Александринскомъ театрѣ. Спрашиваю: кто она? мнѣ отвѣчаютъ: «г-жа Савина, откуда-то изъ провинціи». По окончаніи пьесы начались вызовы, оваціи, даже букеты. Подъ влияніемъ всего видѣннаго я отправился на сцену и прошелъ въ комнату, смежную съ дамской театральной уборной. Въ этой комнатѣ было множество народа, который спѣшилъ выразить свой восторгъ и поздравить съ успѣхомъ М. Г. Савину. Приблизясь къ ней, я попросилъ кого-то меня ей представить и познакомься сказалъ:

— Какъ жаль, что наше театральное начальство не слѣдитъ и не посѣщаетъ частныхъ театровъ, иначе оно бы убѣдилось, какія есть въ провинціи прекрасныя дарованія, какъ, напримѣръ, ваше! Неужели у васъ нѣтъ желанія поступить къ намъ на императорскую сцену?

— О! ни малѣйшаго! — отвѣчала Марья Гавриловна, упоенная своимъ успѣхомъ и похвалами окружающихъ.

— Почему же такъ? — спросилъ я.

— Да просто, потому что... въ императорскомъ театрѣ мнѣ дадутъ гривенникъ жалованья... (подлинныя ея слова), а въ провинціи я вполне обеспечена и любима публикой!

— Что вы также будете любимы и въ Петербургѣ, я вамъ ручаюсь головой... Что же касается жалованья, испытайте и попросите себѣ дебюта.

— Нѣтъ-съ... нѣтъ-съ! Я ни за что не рѣшусь просить дебюта въ которомъ мнѣ легко могутъ отказать. Я очень самолюбива.

— Вы имѣете на это полнѣйшее право. Но... только очень жаль, что вы, съ такимъ дарованіемъ и талантомъ, отказываетесь отъ желанія служить на императорскомъ театрѣ. Если васъ удерживаютъ хлопоты въ дирекціи и сомнѣніе, что вамъ могутъ отказать, поручите это дѣло мнѣ; я безъ вашего личнаго участія постараюсь все разузнать и похлопотать, гдѣ слѣдуетъ, о васъ и вашемъ дебютѣ. Въ случаѣ успѣха, позвольте васъ увѣдомить... одолжите только вашъ адресъ.

И на все это М. Г. Савина сначала отвѣчала мнѣ отказомъ и только послѣ того, какъ присутствовавшая при этомъ разговорѣ родственница ея уговорила ее не пренебрегать моимъ предложеніемъ, она сообщила мнѣ свой адресъ и позволила хлопотать за нее.

На другой же день я пошелъ утромъ къ П. С. Оедорову. Застаю его въ самомъ лучшемъ, веселомъ расположеніи духа и говорю:

— Павелъ Степановичъ... я пришелъ къ вамъ съ необыкновеннымъ извѣстіемъ!

— Съ какимъ же это? — спрашиваетъ онъ.

— До сихъ поръ еще не могу опомниться. Вчера мнѣ довелось видѣть просто чудо, замѣчательный, рѣдкій талантъ... молоденькую актрису, какой давно у насъ не было на Александринской сценѣ.

— Вотъ какъ?! Гдѣ же это вы сподобились?! Откуда этакое чудо явилось? — смѣясь спрашиваетъ онъ.

— Павелъ Степановичъ, не смѣйтесь! Я говорю серьезно... Вчера въ Благородномъ Собраніи, у Сосновскаго, играла молоденькая актриса изъ Саратова или изъ какого-то другого города... удивительно рѣдкое дарованіе... Играла она самую вадорную пьеску, но просто всѣхъ насъ очаровала! Успѣхъ былъ громадный. Современемъ это, быть можетъ, знаменитость!

— Знаемъ мы, батюшка, этихъ знаменитостей! Немало видѣли ихъ на своемъ вѣку! Вѣрно, хорошенькая?! А? Вотъ вамъ и понравилась! Что вы это... за нее такъ хлопочете?!

— Вы угадали, Павелъ Степановичъ! Я точно за нее хлопочу, потому что самъ навязался ей пересказать вамъ все о ея вчерашнемъ успѣхѣ и просить васъ взглянуть на нее самимъ, позвольте ей явиться къ вамъ и, въ случаѣ если она и вамъ понравится, разрѣшите продебютировать у насъ.

— Вы столько о ней тутъ насаказали, что и меня заинтересовали взглянуть на это чудо! Передайте, пусть явится ко мнѣ... Я посмотрю.

Онъ назначилъ для этого день, и я, обрадованный успѣхомъ, тотчасъ же письменно извѣстилъ обо всемъ М. Г. Савину. Она не замедлила явиться къ Федорову и послѣ своего визита сообщила мнѣ, что онъ принялъ ее очень любезно и ласково. Когда же вопросъ зашелъ о томъ, въ какой роли она желала бы дебютировать, и она навала одну изъ пьесъ текущаго тогда репертуара, Федоровъ съ сожалѣніемъ ей возразилъ:

— Извините... въ этой пьесѣ роль эту играетъ у насъ Струйская, актриса заслуженная и очень любимая публикой... мы ее обижать не имѣемъ права. Лучше всего я посовѣтую вамъ выбрать для перваго дебюта одну изъ ролей репертуара Яблочкиной 2-й. Она только что со своимъ отцомъ покинула у насъ службу, и всѣ ея роли къ вашимъ услугамъ; мы же нуждаемся въ актрисѣ на ея амплуа. Возьмите лучше ея роль въ комедіи Крылова «По духовному завѣщанію», это и для насъ было бы удобнѣе.

М. Г. Савина послушалась Федорова и вскорѣ дебютировала въ комедіи «По духовному завѣщанію».

Дальнѣйшая сценическая карьера М. Г. Савиной болѣе или менѣе извѣстна всѣмъ и каждому. Вотъ уже 23-й годъ она первенствуетъ на Александринской сценѣ и не находитъ себѣ преемницы.

Случайно ли, или нѣтъ, но М. Г. Савина своимъ поступленіемъ на императорскій театръ широко открыла двери всѣмъ провинціальнымъ артистамъ, которые, по ея примѣру, стали водворяться на казенную сцену. До этого времени, какъ и въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, императорскія труппы состояли преимущественно изъ артистовъ, воспитывавшихся въ театральномъ училищѣ и, какъ ни странно, при жалкомъ состояніи тогдашнихъ училищъ, выходили изъ нихъ самыя лучшія и знаменитѣйшія таланты, какъ Сосницкій, Мартыновъ, Максимовъ, Дюръ, Рязанцевъ, Линская, Самаринъ, Живокини, П. Г. Степановъ, Шумскій, Сергій и Павелъ Васильевы, Жулева, Колосова и мн. др., изъ провинціи же рѣдко кто поступалъ на казенную сцену и то только самыя выдающіеся таланты, какъ, напримѣръ, П. М. Садовскій и Щепкинъ. Молодыхъ же, неопытныхъ актеровъ изъ воспитанниковъ, нуждавшихся въ практикѣ, откомандировывали въ провинціальныя театры и уже по прошествіи извѣстнаго времени допускали на первыя роли въ столицѣ; такъ было съ С. В. Шумскимъ. Съ поступленіемъ же М. Г. Савиной на Александринскую сцену, по настоящую минуту, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, почти всѣ артисты съ провинціальныхъ сценъ. Не только артисты, но даже правящіе въ настоящее время репертуаромъ главные режиссеры, какъ г. Карповъ,—люди совершенно чуждые императорскому театру и его прежнимъ традиціямъ и порядкамъ.

Вслѣдъ за М. Г. Савиной были приняты ея покойная сестра Е. Г. Стремлянова и понынѣ служащій родитель ея Г. Н. Стремляновъ; актеры: Никифоръ Новиковъ, Давыдовъ, Варламовъ, Петипа, Горевъ, Чарскій, П. Медвѣдевъ, Писаревъ, Черновъ, Ленскій, да почти вся нынѣшняя труппа. Въ Москву же поступили: Правдинъ, А. Ленскій, Южинъ, Рыбаковъ и мн. др. При реформѣ 1881 года большинство прежнихъ артистовъ было уволено со службы, и нѣкоторые изъ нихъ, прослужа долгіе годы на казенной сценѣ, кончили свои дни, играя изъ крайности на частныхъ театрахъ въ Москвѣ, какъ, напримѣръ, покойные А. А. Алексѣевъ и Зубовъ.

Помянувъ имя А. А. Алексѣева, я вспомнилъ этого милаго чудака и оригинала. Много на своемъ вѣку испыталъ этотъ старѣйшій изъ актеровъ. Это легко можно видѣть изъ его воспоминаній, напечатанныхъ отдѣльной книгой въ Москвѣ. Мнѣ же теперь пришло на память его антрепренерство, которымъ онъ занимался нѣкоторое время въ Петербургѣ зимой въ Нѣмецкомъ клубѣ, а лѣтомъ въ Рыбинскѣ. И то, и другое мнѣ было отчасти знакомо, и подчасъ казалось до того забавнымъ, что можно рассказать нѣчто о моемъ участіи въ его бенефисѣ, бывшемъ очень давно на сценѣ Нѣмецкаго клуба. Случай весьма обыкновенный, но довольно забавный.

Прежде всего надо сказать, что Алексѣевъ называлъ себя всегда неудачникомъ и любилъ о себѣ жаловаться каждому, сопровождая

свою рѣчь частымъ поплевываніемъ въ сторону (его всегдашняя привычка). Онъ увѣрялъ, что его всѣ обижаютъ и въ театрѣ, и за зеленымъ столомъ, за которымъ онъ очень любилъ играть въ карты; кромѣ того, что у него огромное семейство, неоплатные долги, и онъ въ рукахъ злодѣевъ ростовщиковъ.

При такихъ условіяхъ нечего и говорить, что будешь хвататься за все, даже за антрепризу тогдашняго Нѣмецкаго клуба. Вотъ однажды просить онъ меня сыграть у него въ бенефисѣ водевилъ Д. Т. Ленскаго «У страха глаза велики», который мы очень часто вмѣстѣ съ нимъ играли на Александринской сценѣ. Не особенно сочувствуя Нѣмецкому клубу, въ которомъ я и бывалъ не болѣе двухъ-трехъ разъ до того, я подъ разными предлогами сталъ отказываться; но Алексѣевъ до того присталъ, что я вынужденъ былъ согласиться, при условіи, если я въ этотъ вечеръ буду свободенъ отъ службы и не буду занятъ на казенной сценѣ.

Прошло довольно времени, и на мое счастье въ день, назначенный для бенефиса въ клубѣ, я оказался занятымъ въ спектаклѣ на Александринскомъ театрѣ. Думаю: слава Богу, отдѣлался! Не тутъ-то было. Наканунѣ этого дня Алексѣевъ объявляетъ мнѣ въ театрѣ, что у него въ клубѣ всѣ уже билеты на бенефисъ проданы, и все это, благодаря моему участію, такъ какъ меня еще никогда на сценѣ Нѣмецкаго клуба никто не видалъ.

— Милѣйшій Александръ Алексѣевичъ, — сказалъ я, — при всемъ желаніи, завтра въ клубѣ у васъ я участвовать не могу... вы сами знаете, я занятъ... здѣсь въ Александринскомъ театрѣ! Вы помните... Я васъ предупреждалъ!

— Какъ не будете участвовать? — чуть не со слезами закричалъ Алексѣевъ, — Да что же... вы... зарѣзать меня хотите... что ли? Тьфу... тьфу! Вѣдь я могу изъ-за васъ... потерять антрепризу! Тьфу!.. я всѣмъ кричалъ, что вы будете играть! Повсюду афиши налѣпили... а вы... вдругъ... тьфу!.. тьфу!.. не будете?! Да вѣдь меня старшины со свѣта сживутъ! Какъ хотите... а играйте... жду! жду! иначе мнѣ бѣда!

— Но посудите сами... я здѣсь могу кончить не раньше одиннадцатаго часа! Кромѣ того, когда же мы будемъ репетировать пьесу... у меня здѣсь репетиція завтра до трехъ часовъ! — возвращаю я.

— Ни о чемъ не беспокойтесь! Когда бы вы ни пріѣхали въ клубъ... поздно не будетъ! Сначала у меня идетъ большая драма... А репетицію мы сдѣлаемъ безъ васъ... Я ихъ такъ подтяну! Не забудьте, я самъ вѣдь играю въ водевилѣ... одна изъ моихъ дочерей... да еще... чудная... провинціальная *grande dame* изъ Царыцына... Мы такъ срепетируемъ, что пьеса пройдетъ безъ сучка и задоринки. Не беспокойтесь... извольте только играть!

Нечего дѣлать, пришлось покориться. На другой день, сыгравъ роль въ большой пьесѣ, какъ ни тяжело, ѣду въ Нѣмецкій клубъ. Приѣзжаю, тамъ только что кончили драму, народу масса, а въ уборной такая толкотня, что не только мнѣ одѣться, но даже пройти негдѣ. Алексѣевъ, упоенный полнымъ сборомъ и поднесенными ему подарками, совсѣмъ не вспомнилъ о моемъ помѣщеніи. Пришлось кое-какъ одѣться и загримироваться для водевиля; думаю, какъ-то онъ пройдетъ! На репетиціи я вѣдь отсутствовалъ. Но... оказалось, что не только я, но и всѣ прочія дѣйствующія лица, повидимому, также не присутствовали на пробѣ, когда Алексѣевъ собирался приготовить пьесу такъ, чтобы она прошла безъ сучка и задоринки. Едва подняли занавѣсъ, я убѣдился, что актеры не только не знали своихъ ролей, но даже забывали, когда и въ какую дверь надо было выходить или уходить со сцены. Меня все это страшно раздосадовало; взволнованный и разбѣшенный, я высказалъ за кулисами мое неудовольствіе Алексѣеву, который, отплеываясь во всѣ стороны, чуть не плакалъ передо мною, увѣряя, что онъ ни въ чемъ не виноватъ и даже не можетъ понять, что съ ними такое сдѣлалось.

Курьезное же было въ концѣ пьесы. Въ этомъ водевилѣ племянникъ, котораго игралъ я, боясь лишиться наслѣдства отъ старика дяди, женатаго на молодой особѣ, ревнуетъ эту особу ко всѣмъ и каждому. Подозрѣвая тетку въ любовной интригѣ съ молодымъ человѣкомъ, онъ думаетъ поймать ихъ на свиданіи и насыпаетъ въ темной комнатѣ на полъ хлопושекъ, а самъ прячется въ ожиданіи любовника, чтобы переломать ему за это ребра. На бѣду же, вмѣсто молодого человѣка, является впотьмахъ самъ дядя и, наступая на хлопושки, вызываетъ шумомъ ревнивца, который при совершенной темнотѣ начинаетъ что есть силы колотить дядю. По пьесѣ, на крикъ дяди вбѣгаетъ горничная со свѣчкой, дѣло объясняется, и водевилю конецъ. У насъ же въ этотъ разъ конецъ насталъ не такъ скоро.

Когда я, выбѣжавъ изъ-за кулисъ, началъ тузить Алексѣева, игравшаго дядю, актриса, изображавшая горничную, несмотря на крики и стоны бенефицианта, не думала выходить со свѣчей къ намъ на сцену. Пауза эта продолжалась очень долго, сцена поневолѣ не могла освѣтиться, а я принужденъ былъ душить и колотить Алексѣева, при чемъ вся переполненная публикой зала покатывалась со смѣху. Изнемогая отъ волненія и испытанныхъ неудовольствій, Алексѣевъ, видя, что никто не хочетъ выходить со свѣчей на сцену, жалобнымъ голосомъ шепчетъ мнѣ:

— Что же это такое? Проклятые!!! Никто не выходитъ?! А? Что же вы будете дѣлать теперь?

— Какъ что? — отвѣчаю я ему тѣмъ же тономъ. — Буду васъ бить... душить!! терзать!! Пока не дадутъ свѣта! Не зовите въ дру-

гой разъ играть... на этакое позорище!! Вотъ вамъ!!—и дѣлать видъ, что больно его бью.

Судьба наконецъ сжалилась; выскочила горничная со свѣчей, сцена освѣтилась, и мы кончили злополучный водевилъ.

Нелишнимъ будетъ разсказать о небольшихъ эпизодахъ съ нѣкоторыми гастролями, о которыхъ я никогда самъ не мечталъ и только по настоятельнымъ просьбамъ всевозможныхъ антрепенеровъ и актеровъ рѣшался играть на частныхъ сценахъ и почти всегда былъ обманутъ моими гостеприимными хозяевами.

Въ 1883 году, послѣ моего 25-ти-лѣтняго юбилея службы императорскому театру, отпразднованнаго въ мой бенефисъ въ февралѣ, на александринской сценѣ, я долженъ былъ совершенно покинуть казенную службу и остаться безъ всякихъ занятій и дѣлъ, сдѣлавшись при этомъ совершенно одинокимъ, такъ какъ въ маѣ этого же года я овдовѣлъ.

При такихъ условіяхъ мнѣ была тяжела жизнь въ Петербургѣ, и меня сильно тянуло куда бы то ни было изъ него. Въ то же время, въ іюнѣ, уѣзжалъ въ разные города давать свои вечера нашъ бывший актеръ, извѣстный разсказчикъ еврейскихъ сценъ, Павелъ Исаевичъ Вейнбергъ. Онъ всегда былъ самымъ веселымъ, приятнымъ собесѣдникомъ и компаніономъ, а его остроумные и уморительные разсказы и анекдоты могли каждого смѣшить до упаду. Будучи съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, я отправился сопутствовать ему въ путешествіяхъ по Волгѣ. Пріѣхавъ вмѣстѣ въ Рыбинскъ, мы сѣли на пароходъ и доѣхали до Царицына, останавливаясь въ разныхъ городахъ, проживая довольно долго и въ Казани, и въ Саратовѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Въ этомъ путешествіи много встрѣчалось и забавнаго и интереснаго, а въ особенности въ обществѣ Вейнберга, гдѣ всякое достойное вниманія происшествіе пріобрѣтало характеръ интереснаго анекдота или разсказа, мастерски передаваемого этимъ талантливымъ разсказчикомъ. Трудно, конечно, въ настоящую минуту, когда прошло 15 лѣтъ съ того времени вспомнить все, что встрѣчалось и слышалось, но меня крайне тогда занимало все мною видѣнное и заставляло забывать мое грустное одиночество.

П. И. Вейнбергъ и посейчасъ, когда его постигла несчастная болѣзнь, и онъ лишился ногъ отъ происшедшаго съ нимъ паралича, почему и принужденъ былъ отказаться отъ артистической дѣятельности, сохранилъ веселость духа и всегда неподражаемъ въ своихъ юмористическихъ и мѣткихъ выраженіяхъ и разсказахъ.

Мнѣ вспомнилось, какъ онъ, еще служа въ Александринскомъ театрѣ, однажды отвѣтилъ на привѣтствіе покойнаго балетнаго танцовщика П. А. Стуколкина 1-го, пришедшаго за кулисы во время представленія какой-то трагедіи изъ римской жизни, гдѣ Вейнбергъ, какъ и прочіе актеры, изображалъ одного изъ благородныхъ рим-

лянъ. Давно не бывшій въ Александринскомъ театрѣ П. А. Стуколкинъ, придя въ антрактъ на сцену, началъ дружески здороваться съ актерами и въ томъ числѣ, увидя Вейнберга въ римской повѣ съ вѣнкомъ изъ ровъ на головѣ, пріятельски протягивая руку, сказалъ:

— Боже! сколько лѣтъ, сколько зимъ! Здравствуйте, дорогой Павелъ Исаевичъ! Какъ поживаете, какъ служите? Что подѣлываете хорошенькаго?

Вейнбергъ на это, принявъ печальный видъ, отвѣтилъ:

— Что подѣлываю! Лучше не спрашивайте! Служу весьма грустно... жалованья не прибавляютъ, и вотъ полюбуйте... какъ видите... вчера отдалъ сына въ гимназію, и самъ сегодня безъ штановъ хожу!—при этомъ очень граціозно приподнялъ римскую рубашку и показалъ ноги въ тѣльномъ трико, чѣмъ вызвалъ общій смѣхъ.

Я доѣхалъ съ Вейнбергомъ до Царицына, и здѣсь мы расстались; онъ поѣхалъ въ Астрахань, а я въ Москву, гдѣ рѣшилъ провести зиму.

Расскажу теперь про мою весьма недолгую службѣ на сценѣ харьковскаго театра.

Живя въ Москвѣ, я случайно встрѣтился съ извѣстнымъ провинціальнымъ актеромъ и рассказчикомъ Андреевымъ-Бурлакомъ, который въ то время арендовалъ на слѣдующій зимній сезонъ цѣлыхъ два театра въ Харьковѣ въ сообществѣ тоже извѣстнаго гѣвца Б—ва; они затѣяли большое дѣло—держать и оперную и драматическую труппы. Встрѣтись со мной, Бурлакъ рассказывалъ просто чудеса про будущую ихъ антрепризу и пригласилъ меня на весь сезонъ за весьма выгодную по контракту плату.

Я слышалъ много хорошаго о харьковскомъ театрѣ, а въ особенности о его оригинальной и своеобразной публикѣ, большую половину которой всегда составляла университетская молодежь. Все слышанное мною оказалось истиной, въ которой я убѣдился, пріѣхавъ на службу къ Бурлаку въ Харьковъ.

Главная опѣнка актеру принадлежала и при мнѣ корпораціи студентовъ. Успѣхъ на сценѣ зависѣлъ отъ учащейся молодежи, которая, занимая верхніе ярусы театра, ничѣмъ и никогда не стѣснялась; очень часто мнѣ доводилось слышать возгласы сверху, обращенные къ публикѣ, сидящей въ креслахъ, которая аплодировала кому нибудь изъ актеровъ, не угодившихъ студентамъ; эти возгласы бывали очень внушительны и строги, а именно: «Партеръ... молчать!!».

Если же актеръ понравится студентамъ, его положеніе обезпечено, ему многое простятъ и всегда во всемъ поддержать; въ противномъ случаѣ онъ можетъ услышать изъ залы такія восклицанія: «Вонъ со сцены!! Убирайся!!» и тогда, дѣйствительно, самое благоразумное для него—бери свои пожитки и удаляйся восвояси.

Счастіе меня не оставляло, какъ на сценѣ московскаго, такъ и на сценѣ харьковскаго театра, въ томъ же «Ревизорѣ», которымъ 30 августа открылся сезонъ въ театрѣ Дюкова; я игралъ городничаго, и меня публика удостоила необыкновеннымъ поощреніемъ и успѣхомъ; съ гордостью приходится вспомнить, что по окончаніи пьесы я былъ вызванъ счетомъ около семидесяти разъ. Выходя раскланиваться такое количество разъ, я сначала вообразилъ, что это какая-то шутка, и, помнится, сказалъ кому-то за кулисами, что у насъ въ Петербургѣ такъ вызываютъ только балетныхъ танцовщицъ да оперныхъ любимыхъ примадоннъ, а онъ мнѣ на это отвѣтилъ: «Такъ вы не знаете еще нашу харьковскую молодежь! У насъ, если кто понравится, такъ такъ вызываютъ, что на другой день у него шею ломить отъ поклоновъ».

Я въ этомъ съ благодарностью убѣдился. Большой оперный деревянный старый театръ не былъ оконченъ поправкой къ открытію сезона, а потому мы весь сентябрь играли поочередно съ оперой въ театрѣ Дюкова; и сборы до того были хороши, что въ одинъ мѣсяць было собрано до 45.000. Какъ оперная, такъ и драматическая труппа были составлены очень недурно и, разумѣется, въ оперной первенствовалъ Б—въ, а въ драматической Андреевъ-Бурлакъ.

Несмотря на то, что послѣдній очень халатно относился къ своимъ артистическимъ обязанностямъ, то-есть никогда не зналъ твердо роли, очень часто бывалъ въ восторженномъ настроеніи отъ крѣпкихъ напитковъ, къ которымъ былъ очень пристрастенъ, никогда не являлся во время на репетиціи и позволялъ себѣ на сценѣ всевозможные фарсы и вольности, онъ былъ очень любимъ публикой и, что бы ни игралъ, всегда встрѣчалъ самый лучшій приемъ.

Одной изъ коронныхъ ролей Андреева-Бурлака считалась роль Счастливецъ въ комедіи А. Н. Островскаго «Лѣсъ». Онъ прогрѣмѣлъ въ этой роли еще въ Москвѣ, въ Пушкинскомъ театрѣ, и слава о немъ пронеслась по всей Руси великой, несмотря на не разъ высказанный самимъ Островскимъ отзывъ объ его игрѣ; авторъ неоднократно говорилъ: «Можетъ быть, Бурлакъ и хорошо играетъ Аркашку, только это все не моего сочиненія; это онъ все придумалъ самъ, и я, какъ авторъ, здѣсь умываю руки».

Въ справедливости этихъ словъ А. Н. Островскаго я убѣдился, когда мнѣ пришлось самому играть на харьковской сценѣ въ этой пьесѣ вмѣстѣ съ Бурлакомъ. Я въ первый разъ игралъ Несчастливецъ передъ переполненнымъ публикой театромъ, и въ этотъ же разъ у насъ вышла очень оригинальная сцена моего сочиненія, благодаря особенной игрѣ Андреева-Бурлака.

Репетиціи у насъ шли правильно, какъ подобаетъ такой пьесѣ, а потому все случившееся на спектаклѣ было для меня неожиданнымъ сюрпризомъ. Въ первой картинѣ 2-го дѣйствія одновременно съ Бурлакомъ мы вышли на сцену; я благополучно усѣлся подъ де-

рево, на пень, посрединѣ сценѣ, а онъ помѣстился на полу, у моихъ ногъ, и начались совершенно правильные разговоры Несчастливцева со Счастливымъ. Вдругъ, по какимъ-то невѣдомымъ причинамъ, вѣроятно, для фарса, мой Бурлакъ вскакиваетъ съ пола и убѣгаетъ отъ меня къ послѣдней кулисѣ съ правой стороны отъ актеровъ. Я же, играя въ первый разъ въ пьесѣ и продолжая мой монологъ къ Бурлаку, невольно смутился его выходкой и остался въ неудомѣни, съ кѣмъ же мнѣ вести разговоръ и къ кому продолжать рѣчь, развѣ къ суфлеру или капельмейстеру? Одну секунду мнѣ представилось все это до того неудобнымъ, что я хотѣлъ моментально встать и уйти со сцены; но вдругъ... меня озарила счастливая мысль: проимпровизировать новый монологъ, подходящий къ этой сценѣ, и, послѣ небольшой паузы, я строгимъ голосомъ трагика Несчастливцева закричалъ Бурлаку, находившемуся въ глубинѣ сцены и продѣлывавшему какіе-то кунштюки у кулисы:

— Аркашка!! Куда же ты... ушелъ отъ меня... оглашенный ты человекъ?!

Бурлакъ, не ожидавшій себѣ такой реплики, опрометью бѣжить ко мнѣ и, не теряясь, отвѣчаетъ: «Я здѣсь... Геннадій Демьяновичъ... что прикажете-съ?»

— Что я прикажу?...— строго продолжаю...— Ахъ, ты... негодяй! Я прикажу тебѣ сѣсть... вотъ здѣсь!! гдѣ ты сидѣлъ и не смѣлъ пошевелиться!! Ты долженъ чувствовать... кто съ тобой говоритъ! Съ тобой говоритъ трагикъ Геннадій Несчастливцевъ... какъ же ты смѣешь уходить отъ него?! Садись и ни съ мѣста! А то... разнесу!

По окончаніи акта у насъ по этому поводу произошло объясненіе съ Бурлакомъ, но все кончилось благополучно и безъ ссоры. Послѣ конца перваго мѣсяца мнѣ необходимо было уѣхать по домашнимъ дѣламъ въ Петербургъ, по крайней мѣрѣ, недѣли на двѣ, что и было выговорено заранѣе въ моемъ контрактѣ съ харьковской антрепривой. Когда наступила пора мнѣ уѣзжать, то слѣдующая мнѣ за мѣсяцъ по контракту деньги, хотя съ большими церемоніями и проволочками, мнѣ были все-таки отданы Бурлакомъ въ ту минуту, когда мнѣ надо было садиться на извозчика и ѣхать на станцію желѣзной дороги. Съ этой стороны я оказался единственнымъ счастливымъ человекомъ изъ всѣхъ приглашенныхъ въ Харьковъ артистовъ, которому заплатили хоть за одинъ мѣсяцъ слѣдующее жалованье. Не прошло недѣли послѣ моего отъѣзда, у Бурлака съ Б—вымъ оказался полнѣйшій крахъ съ театромъ; толпа хористовъ и хористокъ, музыкантовъ и всѣхъ служащихъ, собранныхъ изъ разныхъ дальнихъ городовъ, остались буквально безъ хлѣба, не получа ни одной копейки отъ антрепренеровъ. Куда они дѣвали такую крупную сумму денегъ, собранныхъ въ первый мѣсяцъ съ публики, остается до сихъ поръ во мракѣ неизвѣстности.

Я вернулся въ Харьковъ за моими оставшимися тамъ вещами и засталъ полнѣйшій Содомъ и Гоморру. Бурлакъ сидѣлъ въ своемъ № гостиницы больной, въ халатѣ; многіе говорили, что онъ немного рехнулся. Но... все оказалось вадоромъ; рехнулись тѣ, кто повѣрилъ харьковской антрепризѣ и допустилъ себя надуть самымъ простымъ способомъ. Не помню, что случилось съ харьковскимъ театромъ, но я возвратился въ Петербургъ.

На слѣдующую зиму со мной было новое и послѣднее искушеніе, послѣ котораго мнѣ, однако, удалось хоть немного наказать лукаваго антрепренера. Въ Петербургъ явился провинціальный актеръ, довольно извѣстный Казанцевъ. Онъ снялъ въ аренду театръ, нынѣ принадлежащій В. А. Неметти, и мечталъ надѣлать чудесъ со своей новой для Петербурга антрепризой.

Труппа была составлена изъ довольно извѣстныхъ и хорошихъ артистовъ, въ числѣ которыхъ была Е. Н. Горева и В. А. Линская-Неметти, главной же приманкой для публики Казанцевъ считалъ нѣкую провинціальную актрису г-жу Лешаръ; онъ утверждалъ, что такого таланта и изящества на сценѣ въ Петербургѣ еще не бывало, и никто не видалъ.

Явяся ко мнѣ, онъ сталъ приглашать и меня въ труппу, предлагая баснословно большое жалованье для его антрепризы. Я самъ началъ убѣждать его, что онъ не въ силахъ будетъ выплачивать такую сумму, но онъ ничего не хотѣлъ слушать и упросилъ меня подписать съ нимъ условіе на весь сезонъ. Предположенія Казанцева не сбылись, г-жа Лешаръ не привлекала петербургскую публику, и сборы были далеко не блестящи. Видя его затруднительное положеніе, я самъ просилъ Казанцева или освободить меня отъ контракта, или платить мнѣ вдвое меньше жалованья. Благодаря меня за одолженіе, онъ согласился на послѣднее и при всемъ этомъ не доплатилъ мнѣ въ два мѣсяца рублей пятисотъ. Видя всю бесполезность службы у него, я просилъ его окончательно меня уволить изъ труппы.

— Какже я васъ уволю? Вѣдь я вамъ остаюсь долженъ? Развѣ... не возьмете ли вы отъ меня вексель въ этихъ деньгахъ? — спросилъ онъ меня.

— Мнѣ не надо отъ васъ никакого векселя, — отвѣчалъ я. — Если вы честный человекъ, то при возможности отдадите мнѣ эти деньги, если же нѣтъ, то и по векселю я ничего не получу!

Казанцевъ былъ тронутъ такимъ отвѣтомъ и поклялся мнѣ, что никогда не забудетъ моего поступка, что такіе люди, какъ я, рѣдки, и что онъ всегда съ благодарностью будетъ помнить обо мнѣ. Все кончилось благополучно, къ общему удовольствію; но надо же случиться, что одинъ мой хорошій пріятель, придя ко мнѣ, началъ подсмѣиваться надо мной за то, что я позволилъ Казанцеву такъ ловко поддѣть меня.

— Въ чемъ же? Если онъ остался мнѣ долженъ... то онъ предлагалъ мнѣ въ этихъ деньгахъ вексель на него; не его вина, что я отказался отъ этого векселя,—возразилъ я.

— А, ты думаешь, онъ тебѣ такъ и написалъ этотъ вексель, какъ предлагалъ? Какой ты неопытный человѣкъ! — сказалъ мнѣ пріятель.

— Разумѣется! Я нисколько не сомнѣваюсь.

— Вотъ какъ? А вотъ... лучше всего, попробуй у него теперь попросить этотъ вексель или простую расписку, что онъ тебѣ скажетъ? Любопытно.

— Я убѣжденъ, что онъ тотчасъ ее выдастъ. Если хочешь, я тебѣ сдѣлаю удовольствіе и докажу, что твои предположенія невѣрны,—сказалъ я.

Немедленно я написалъ Казанцеву любезную записку, въ которой просилъ его прислать мнѣ на память короткую расписку, безъ обозначенія срока платежа въ должныхъ мнѣ деньгахъ, объясняя тѣмъ, что она мнѣ нужна, потому что я уѣзжаю на неопредѣленное время изъ Петербурга.

Вмѣсто ожидаемой расписки я получилъ самое грубое и дерзкое письмо. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что никакой расписки мнѣ не выдастъ, тѣмъ болѣе, что я ранѣе отказался отъ полученія съ него предложеннаго имъ векселя. «Къ чему вамъ расписка отъ меня? — писалъ онъ.— Развѣ вы вашъ трудъ и способности отдавали мнѣ подъ проценты? Если же вы сомнѣваетесь во мнѣ, то я успокою васъ тѣмъ, что готовъ всѣмъ и каждому сказать, что я вамъ остался долженъ 500 рублей, которые возвращу, когда найду для себя удобнымъ, расписки же никакой выдавать не намѣренъ». Прочтя подобный отвѣтъ, я согласился, что пріятель мой правъ; и какъ-то случайно, рассказывая этотъ пассажъ при одномъ извѣстномъ присяжномъ повѣренномъ, я спросилъ его, нельзя ли чѣмъ нибудь наказать подобнаго антрепренера.

— Весьма возможно... — отвѣчалъ мнѣ адвокатъ, — если вамъ угодно, я по его письму, безъ всякой расписки взыщу съ него ваши деньги.

— Сдѣлайте одолженіе!—сказалъ я и вскорѣ поручилъ ему по довѣренности это взысканіе.

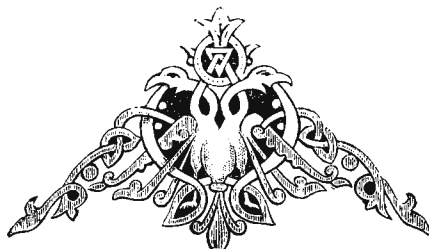
Какъ онъ все обдѣлалъ, мнѣ неизвѣстно, но въ одинъ изъ спектаклей онъ съ исполнительнымъ листомъ въ компаніи судебного пристава въ цѣпи явился въ театръ Казанцева и предложилъ опечатать кассу.

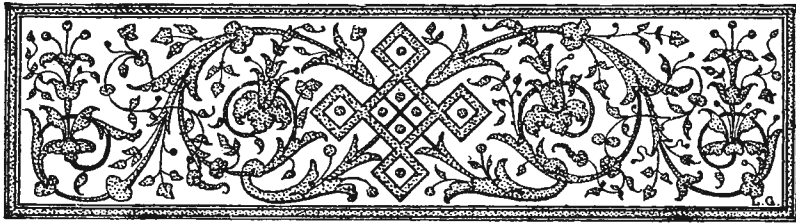
Казанцевъ до того взволновался этимъ визитомъ, что умолялъ подождать только одинъ часъ, пока онъ напишетъ мнѣ такую записку, послѣ которой навѣрное я откажусь отъ всякаго взысканія. Моментально онъ написалъ и отправилъ ко мнѣ грозное посланіе, которое къ его несчастію не застало меня во время. Онъ приказывалъ мнѣ

немедленно отказаться отъ иска, грозя въ противномъ случаѣ надѣлать мнѣ непріятностей. Въ своемъ письмѣ онъ дошелъ до того, что извѣщалъ меня, что, въ случаѣ моего отказа исполнить его желаніе, онъ не остановится ни передъ чѣмъ. Онъ побѣжитъ во всѣ редакціи газетъ и на колѣняхъ будетъ просить печатать обо мнѣ все гнусное и скверное для моей репутаціи. «Подумайте хорошенько,—предупреждалъ меня Казанцевъ,— что для васъ важнѣе, мои 500 рублей или ваше доброе имя?»

Вотъ какого рода былъ описываемый директоръ. Письмо его осталось безъ отвѣта, кассу же опечатали, и адвокатъ получилъ сполна слѣдующія мнѣ деньги.

А. Нильскій.

ПОСЛѢДНЯЯ ДУЭЛЬ ПУШКИНА ¹⁾.

V.

ГЛЯДЫВАЯСЬ на изложенныя событія, мы видимъ, что мстительная затѣя Гекерена совершенно не удалась и закончилась полнымъ торжествомъ Пушкина, который, притомъ, имѣлъ случай вполне удовлетвориться въ презрѣнной трусости своихъ обоихъ противниковъ. Пугнувъ ихъ дуэлью и скандаломъ, онъ убѣдился, что того и другого эти господа боятса, какъ огня, и готовы на какія угодно сдѣлки, лишь бы избѣжать крайности. Въ то же время, однако, онъ имѣлъ достаточно данныхъ думать, что они не остановятся ни передъ какою дальнѣйшею гнусностью при возможности ему отомстить и насолить, и что, слѣдовательно, ему и послѣ побѣды столь же необходимо «камень за пазухой», какъ и до нея. Острастка всегда была въ его волѣ, но онъ долженъ былъ постоянно быть на чеку, чтобы не попасться въ новую ловушку. Добывать униженныхъ противниковъ было не въ его духѣ; но и входить съ ними въ какія бы то ни было сношенія должны были ему мѣшать и естественное презрѣніе къ нимъ и столь же естественное житейское благоразуміе. Потому онъ удовлетворился достигнутыми результатами, но потребовалъ, подъ угрозою дальнѣйшихъ скандаловъ, чтобы никакихъ сношеній не существовало между его семьей и домомъ Гекерена. Однако эта полумѣра, какъ и всякій компромиссъ, только осложняла дѣло

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVIII, стр. 596.

и запутывала отношенія. Оказываясь въ свойствѣ съ Гекеренами и не желая имѣть съ ними никакихъ сношеній, Пушкинъ и ихъ, и себя ставилъ въ совершенно ложное положеніе, ибо встрѣчи у родныхъ и множества общихъ знакомыхъ были неизбѣжны, и новое столкновеніе лишь отсрочивалось, но не устранялось. Правда, Пушкинъ думалъ объ отъѣздѣ въ деревню, и дѣйствительно этотъ отъѣздъ, если бы могъ состояться, спасъ бы его; но уѣхать не было въ то время для него никакой возможности; въ свою очередь ни Гекеренъ, ни Дантесъ, не могли очистить поле столкновенія даже на время и уѣхать изъ Россіи, или хотя бы удалиться на время въ отпускъ. Конечно, трагической развязки это никоимъ образомъ не предвѣщало; но скандалъ былъ неизбѣженъ.

Всего этого не могли не понимать и Гекеренъ, и Дантесъ. Они сами оказались въ томъ крайне затруднительномъ положеніи, въ которое мечтали поставить Пушкина. Зная его смѣлый и пылкій характеръ, они постоянно были подъ страхомъ какой нибудь рѣзкой выходки съ его стороны, а это имъ было всего невыносимѣе. Съ другой стороны и въ глазахъ свѣта ихъ положеніе выглядѣло крайне незавиднымъ, такъ какъ щепетильность въ дѣлахъ чести была крайне утончена по нравамъ того времени и каждый выѣздъ въ свѣтъ грозилъ Дантесу необходимостью сдѣлать вызовъ Пушкину. А сносить публично его пренебреженіе тоже возможно было лишь до извѣстныхъ предѣловъ, которыми пылкій поэтъ привыкъ вовсе не стѣсняться. Приходилось добиться хоть какого нибудь *modus vivendi*, такъ или иначе умилостивить Пушкина, жертвуя даже для этого негласно всякимъ достоинствомъ, лишь бы сохранить показную благопристойность въ глазахъ постороннихъ. Нужно было достигнуть хоть внѣшняго возобновленія сношеній, хоть обмѣновъ поклонами и нѣсколькими словами при встрѣчѣ. И добиться этого внѣшняго примиренія становится цѣлью Гекерена и Дантеса. Они въ ея достиженіи доходятъ до назойливости и проглатываютъ самыя жестокія оскорбленія. Издавна принято считать этотъ ихъ образъ дѣйствій продолженіемъ интриги, адскими кознями, уловкою, чтобы безнаказанно «мучить и оскорблять» поэта. Мнѣ кажется, что все это однѣ фантазіи, столь же невѣроятныя, какъ и мнимая ненависть и вражда Пушкина къ Гекерену и Дантесу. Никакихъ слѣдовъ этой вражды и ненависти невозможно допытаться даже при самомъ тщательномъ наученіи фактовъ и документовъ, если не говорить о минутныхъ вспышкахъ гнѣва при отдѣльныхъ столкновеніяхъ. Пушкинъ глубоко презиралъ обоихъ, а въ то же время и остерегался ихъ. Ему органически была непонятна способность къ униженіямъ ради спасенія внѣшнихъ приличій, и чѣмъ настойчивѣе становились Гекеренъ и Дантесъ въ своихъ заискиваніяхъ, тѣмъ подозрительнѣе должно было ему казаться ихъ поведеніе. Тѣ же въ свою очередь съ наивностью своего цинизма, вѣроятно, просто не могли понять упор-

ства Пушкина и шли все на большія униженія, думая тѣмъ его задобрить и удовлетворить, а на самомъ дѣлѣ все усиливая въ немъ гадливость и подозрительность. Чѣмъ старательнѣй они добивались сглаженія отношеній, устраненія скандала, тѣмъ нетерпѣливѣе становился Пушкинъ и тѣмъ неизбѣжнѣе казался ему скандалъ. Необходимо при этомъ подчеркнуть, что именно противъ Дантеса Пушкинъ не питалъ ни злобы, ни подозрѣній; онъ видимо до конца считалъ его лишь орудіемъ въ рукахъ Гекерена; какъ показано выше, всѣ данныя заставляютъ думать, что въ этомъ онъ былъ всецѣло правъ въ началѣ; если же ошибался подъ конецъ, то ужъ тутъ нельзя не признать руку судьбы и власть случайности. Гекерена же онъ въ свою очередь остерегался, какъ ядовитой гадины, которая упорно увивается у порога его дома, несмотря на грозящій ей поминутно скандалъ,—а скандалъ, какъ онъ зналъ, былъ Гекерену всего страшнѣе. Вотъ обоюдное недоразумѣніе, трагическій узелъ, которому суждена была кровавая развязка. Его необходимо было выяснить читателямъ, чтобы имѣть возможность воспользоваться односторонними и ошибочно освѣщенными показаніями современниковъ.

«Сухое и почти презрительное обращеніе въ послѣднее время Пушкина съ барономъ Гекереномъ, котораго Пушкинъ не любилъ и не уважалъ», говоритъ Данзасъ, «не могло не озлобить противъ него такого человѣка, каковъ былъ Гекеренъ. Онъ сдѣлался отъявленнымъ врагомъ Пушкина и, скрывая это, началъ вредить тайно поэту. Будучи совершенно убѣжденъ въ невозможности помирить Пушкина съ Дантесомъ, чего онъ даже едва ли и желалъ, но относя негодование перваго единственно къ чрезмѣрному его самолюбію и ревности, мстительный голландецъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ показывать видъ, что хлопочетъ объ этомъ ненавистномъ Пушкину примиреніи, понимая очень хорошо, что это даетъ ему поводъ безнаказанно и безпрестанно мучить и оскорблять своего врага. Съ этою цѣлью, съ помощью другихъ, подобно ему, враговъ Пушкина, а иногда и недוגадливыхъ друзей поэта, онъ постоянно заботился о встрѣчахъ его съ Дантесомъ, заставлялъ сына своего писать къ нему письма, въ которыхъ Дантесъ убѣждалъ его забыть прошлое и помириться» ¹⁾. Пушкинъ, съ своей стороны, «не принималъ поздравленій, язвительно отзывался о свадьбѣ встрѣчнымъ и поперечнымъ и рѣшительно объявилъ, что ни онъ, ни жена его не будутъ въ домѣ Гекерена, ни они у него въ домѣ, что и было въ точности соблюдено» ²⁾. Однако это поведеніе не устраняло, какъ уже сказано, постоянныхъ встрѣчъ Пушкиновыхъ въ свѣтѣ съ Гекереномъ и Дан-

¹⁾ Амосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. Стр. 13—14.

²⁾ Письмо князя Вяземскаго къ Булгакову. «Русскій Архивъ» 1879 г., II, 248.

тесомъ. Правда, напримѣръ, княгиня Вяземская, по разсказу г. Павлицева, «распорядилась не принимать Дантеса, когда у подъѣзда будетъ стоять извѣстная швейцару дома пушкинская карета» ¹⁾; но такія мѣры не могли помочь дѣлу. Притомъ фальшь отношеній все равно сказывалась въ самомъ семейномъ кругу. Такъ, не желая знать Дантеса, Пушкинъ «со свояченицей своей (т.-е. Е. Н. Гончаровой) во все это время былъ милъ и любезенъ попрежнему и даже весело подшучивалъ надъ нею по случаю свадьбы ея съ Дантесомъ. Разъ, выходя изъ театра, Данзасъ встрѣтилъ Пушкиныхъ и поздравлялъ Е. Н. Гончарову, какъ невѣсту Дантеса; при этомъ Пушкинъ шутя сказалъ Данзасу: «*Ma belle soeur ne sait pas maintenant de quelle nation elle sera—russe, française ou hollandaise* (моя свояченица теперь не знаетъ, какой она будетъ націи—русской, французской или голландской)» ²⁾. Не говоримъ ужь о томъ, что постоянныя неловкости при встрѣчахъ должны были давать неисчерпаемую пищу свѣтскому любопытству и злословію, вообще забавлять общество и вовлекать его во вмѣшательства въ отношенія самаго интимнаго свойства. Наконецъ, если такъ дѣло могло еще идти до свадьбы, то послѣ нея какой нибудь исходъ сталъ положительно необходимъ. Этимъ надо объяснить усилившуюся настойчивость Гекерена и Дантеса. Послѣдній, вѣроятно, въ этихъ видахъ и написалъ Пушкину примирительное письмо, повидимому, передъ самую свадьбу. Пушкинъ, какъ можно думать, оставилъ это посланіе безъ отвѣта ³⁾. Во всякомъ случаѣ на свадьбу онъ, какъ говорятъ, поѣхалъ ⁴⁾, а женѣ своей позволилъ даже поздравить молодыхъ на дому ⁵⁾: опять образъ дѣйствій, осложнявшій отношенія. «На свадебномъ обѣдѣ, данномъ графомъ Строгановымъ въ честь новобрачныхъ, Пушкинъ присутствовалъ, не зная настоящей цѣли этого обѣда, заключавшейся въ условленномъ заранѣе нѣкоторыми лицами примиренія его съ Дантесомъ. Примиреніе это, однако же, не состоялось» ⁶⁾, даже болѣе того, Дантесъ еще усилилъ неудовольствіе Пушкина, чокнувшись бокаломъ черезъ столъ съ Н. Н. Пушкиной, которая сидѣла противъ него, и отпустивъ нѣсколько неумѣстныхъ каламбуровъ ⁷⁾. «Послѣ обѣда баронъ Гекеренъ, подойдя къ Пушкину, сказалъ ему, что теперь, когда поведеніе его сына

¹⁾ Л. Павлицевъ. Кончина А. С. Пушкина. Спб. 1899. Стр. 79.

²⁾ Амосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. Стр. 12—13.

³⁾ Амосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. Стр. 14.

⁴⁾ Л. Павлицевъ. Кончина А. С. Пушкина. Спб. 1899. Стр. 76.

⁵⁾ Дантесъ въ своемъ показаніи выразился: «мужъ прислать ее ко мнѣ въ домъ на мою свадьбу». Ср. В. В. Никольскій «Идеалы Пушкина». 4 изд. Спб. 1899, стр. 134 и прим. 2.

⁶⁾ Амосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. Стр. 12.

⁷⁾ Л. Павлицевъ. Кончина А. С. Пушкина. Спб. 1899. Стр. 80.

совершенно объяснилось, онъ, вѣроятно, забудетъ все прошлое и измѣнитъ настоящія отношенія свои къ нему на болѣе родственныя. Пушкинъ отвѣчалъ сухо (давая тѣмъ самымъ отвѣтъ и на письмо Дантеса), что, невзирая на родство, не желаетъ имѣть никакихъ отношеній между его домомъ и г. Дантесомъ»¹⁾. «Несмотря на этотъ отвѣтъ, Дантесъ пріѣзжалъ къ Пушкину со свадебнымъ визитомъ, но Пушкинъ его не принялъ. Вслѣдъ за этимъ визитомъ, который Дантесъ сдѣлалъ Пушкину, вѣроятно, по совѣту Гекерена, Пушкинъ получилъ второе письмо отъ Дантеса. Это письмо Пушкинъ, не распечатывая, положилъ въ карманъ и поѣхалъ къ бывшей тогда фрейлинѣ г-жѣ Загряжской, съ которою былъ въ родствѣ. Пушкинъ черезъ нее хотѣлъ возвратить письмо Дантесу; но, встрѣтаясь у нея съ барономъ Гекереномъ, онъ подошелъ къ нему и, вынувъ письмо изъ кармана, просилъ барона возвратить его тому, кто писалъ его, прибавивъ, что не только читать писемъ Дантеса, но даже и имени его онъ слышать не хочетъ. Вѣрный принятому имъ намѣренію,—постоянно раздражать Пушкина,—Гекеренъ отвѣчалъ, что такъ какъ письмо это писано было къ Пушкину, а не къ нему, то онъ и не можетъ принять его. Этотъ отвѣтъ взорвалъ Пушкина, и онъ бросилъ письмо въ лицо Гекерену со словами: «Tu la geseugas, grédin!» (Ты его примешь, негодяй!). Послѣ этой исторіи Гекеренъ рѣшительно ополчился противъ Пушкина, и въ петербургскомъ обществѣ образовалось двѣ партіи, одна за Пушкина, другая—за Дантеса и Гекерена. Партіи эти, дѣйствуя враждебно другъ противъ друга, одинаково преслѣдовали поэта, не давая ему покоя»²⁾. «Борьба этихъ партій заключалась въ томъ, что въ то время, какъ друзья Пушкина и все общество, бывшее на его сторонѣ, старались всячески опровергать и отклонять отъ него всѣ распускаемые врагами поэта оскорбительныя для него слухи, отводить его отъ встрѣчъ съ Гекереномъ и Дантесомъ, противная сторона, наоборотъ, усиливалась ихъ сводить вмѣстѣ, для чего нарочно устраивали балы и вечера, гдѣ жена Пушкина вдругъ неожиданно встрѣчала Дантеса»³⁾.

Такъ обострялись постепенно установившіяся между Пушкинымъ и Гекеренами отношенія. Дѣло пришло къ тому, что малѣйшая неосторожность, безтактность, просто случайность наконецъ могла привести къ рѣшительному столкновенію. Будучи постоянно на чеку, постоянно ожидая какой нибудь гадости со стороны вновь оскорбленнаго имъ Гекерена, Пушкинъ, естественно, съ особенною подозрительностью слѣдилъ за поведеніемъ какъ своего врага, такъ и его орудія—Дантеса. Во всемъ онъ склоненъ былъ видѣть злой умы-

¹⁾ Амосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. Стр. 12 и 14.

²⁾ Амосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. Стр. 14—15.

³⁾ Тамъ же, стр. 16—17.

сель и подвохъ, вездѣ подозрѣвать интригу и подкопъ, а въ поведеніи Дантеса непремѣнно доискивался гекереновскихъ внушеній. Дантеса онъ считалъ ничтожнымъ до полной безобидности и совершенно невмѣняемымъ; напротивъ, Гекерена представлялъ себѣ даже озлобленнѣй, умнѣй, и хитрѣе, чѣмъ тотъ былъ на самомъ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ, изъ послѣднихъ событій его жизни несомнѣнно вытекаетъ, что таковъ былъ его взглядъ на дѣло, выработавшійся, конечно, на эпизодѣ съ первою дуэлью и тогда вполне соответствовавшій дѣйствительности. По крайней мѣрѣ, иначе было бы совершенно необъяснимо, почему онъ привлекалъ Гекерена къ отвѣтственности за поведеніе Дантеса. Послѣдній очевидно самъ не понималъ образа дѣйствій Пушкина и объяснилъ его на судѣ со своей точки зрѣнія такъ, что будто бы письмо Пушкинъ адресовалъ на имя Гекерена «единственно потому», «что считалъ его т. е. (Дантеса) подлецомъ и слишкомъ низкимъ». На самомъ дѣлѣ изъ письма ясно совершенно другое: Пушкинъ писалъ Гекерену именно потому, что его считалъ гораздо подлѣе. Во всякомъ случаѣ недоумѣніе Дантеса побуждаетъ насъ считать его поведеніе совершенно независимымъ отъ руководства Гекерена и искать ему болѣе простыхъ и невинныхъ объясненій. Въ чемъ же, въ сущности, состояло это поведеніе? Послушаемъ обвиненія Пушкина: «Я не беспокоюсь, чтобы моя жена продолжала слушать ваши отеческія увѣщанія», писалъ онъ Гекерену: «я не могу дозволить, чтобы г. вашъ сынъ послѣ отвратительнаго поведенія, котораго онъ держался, осмѣливался еще обращаться къ ней съ разговорами, тѣмъ менѣе, чтобы онъ ухаживалъ за ней и отпускалъ казарменные каламбуры, все это разыгрывая преданность и несчастную страсть, тогда какъ онъ не что иное, какъ подлецъ и шелопай» (VII, 417). По поводу этихъ обвиненій Дантесъ на судѣ показалъ: «Что же касается до моего обращенія съ г-жею Пушкиною, не имѣя никакихъ условій для семейныхъ нашихъ отношеній, я думалъ, что былъ въ обязанности кланяться и говорить съ нею при встрѣчѣ въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что мужъ прислалъ ее ко мнѣ въ домъ на мою свадьбу, что, по мнѣнію моему, вовсе не означало, что всѣ наши сношенія должны были прекратиться. Къ тому еще присовокупляю, что обращеніе мое съ нею заключалось въ однѣхъ только учтивостяхъ, точно такъ, какъ выше сказано, и не могло дать повода къ усилению поносительныхъ для чести обоихъ слуховъ и написать 26 генваря письмо къ нидерландскому посланнику». Показаніе очень категоричное, но не вполне убѣдительное. Дантесъ утверждаетъ, что его поведеніе не давало повода ни къ какимъ оскорбительнымъ для Пушкиныхъ слухамъ, однако онъ не отрицаетъ ни того, что продолжалъ свои ухаживанія; ни того, что отпускалъ неумѣстные каламбуры; между тѣмъ самыя достовѣрныя показанія по обоимъ этимъ пунктамъ вполне подтверждаютъ обвиненія Пушкина. «Женитьба Гекерена (Дантеса) мало что

измѣнила въ общемъ ихъ положеніи», писалъ кн. Вяземскій Булгакову. «Страсть, которую онъ афишировалъ къ Пушкиной, продолжалъ онъ афишировать и послѣ женитьбы. Городскіе толки не умолкли, напротивъ, общее вниманіе недоброжелательнаго, убійственнаго свѣта впилося еще болѣе въ дѣйствующія лица этой необыкновенной драмы, которой готовилась столь ужасная и кровавая развязка. Пушкинъ все это видѣлъ, чувствовалъ. Ему стало не въ терпѣжъ»¹⁾. Весьма существенную поправку къ этому мнѣнію своего отца даетъ кн. П. П. Вяземскій: «Отецъ мой въ письмахъ своихъ употребляетъ неточное выраженіе, говоря, что Дантесъ афишировалъ страсть: Дантесъ постоянно балагурилъ и изъ этой роли не выходилъ до послѣдняго вечера въ жизни, проведеннаго съ Н. Н. Пушкиной»²⁾. Мы увидимъ ниже, до какой степени важно это замѣчаніе. Съ другой стороны графъ Сологубъ пишетъ про Дантеса: «какъ человѣкъ вѣтранный, онъ и послѣ свадьбы, встрѣчаясь на балахъ съ Н. Н. Пушкиной, подходилъ къ ней и балагурилъ съ нѣскольکو казарменною непринужденностью. Взрывъ былъ неминуемъ и произошелъ несомнѣнно отъ площаднаго каламбура. На балѣ у гр. Воронцова, женатый уже, Дантесъ спросилъ Н. Н. Пушкину, довольна ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ ей его женою. «*Le pédicure prétend*», прибавилъ онъ, «*que votre cor est plus beau, que celui de ma femme*». (Операторъ увѣряетъ, что ваша мозоль красивѣе, чѣмъ мозоль моей жены: игра словами cor — мозоль и corne — тѣло; можно понять: операторъ увѣряетъ, что ваше тѣло красивѣе, чѣмъ тѣло моей жены). Пушкинъ объ этомъ узналъ. Въ письмѣ его къ посланнику Гекерену есть намеки на этотъ каламбуръ»³⁾. Нынче весною сынъ Дантеса опровергалъ этотъ рассказъ: по его словамъ, самъ отецъ его «съ негодованіемъ отрицалъ приписываемыя ему казарменные остроты, въ родѣ, на примѣръ: «*Madame X.* (француженка, мозольный операторъ) утверждаетъ, что ваша мозоль красивѣе, чѣмъ мозоль моей жены», утверждая, что такую игру словъ могъ придумать иностранецъ, но не французъ»⁴⁾. Опять напрасное негодованіе: обвиненія Пушкина больше значатъ, чѣмъ запоздалыя опроверженія; притомъ эти опроверженія стоятъ любого подтвержденія, такъ какъ сохраняютъ драгоцѣнную и весьма правдоподобную подробность, — а именно, что поводомъ къ каламбуру послужилъ не операторъ, а француженка-операторша.

Для того, чтобы уяснить себѣ поведеніе Дантеса, припомнимъ исторію его несостоявшейся дуэли и неожиданной женитьбы. Онъ не

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1879 г., II, 248.

²⁾ «А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива» въ «Русскомъ Архивѣ» 1884 г., II, 436.

³⁾ Воспоминанія графа В. А. Сологуба. Спб. 1887. Стр. 187.

⁴⁾ «Новое Время» № 8364, 12 іюня 1898 г., парижская корреспонденція И. Яковлева.

могъ не понимать, до какой степени должна была уничтожить его въ глазахъ Пушкиной его трусость передъ дуэлью, и въ какомъ жалкомъ видѣ должна была предстать передъ ней его прежняя мнимая страсть, тѣмъ болѣе, что Пушкина прежде могла ей вѣрить. Единственное, что ему оставалось дѣлать, это было шутовство на старую тему. Зная болѣе чѣмъ простодушную смѣшливость Пушкиной, онъ, вѣроятно, старался обратить все въ шутку и съ этою цѣлью продолжать уже явно на смѣхъ свои прежнія ухаживанія и разыгрыванія влюбленнаго. Едва ли онъ «афишировалъ» это шутовство; но и скрыть его было бы довольно мудрено. Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы онъ, испытавъ опасность столкновения съ Пушкинымъ и ради избѣжанія дуэли пойдя на невѣроятныя униженія, посмѣлъ или пожелалъ вновь его поддразнивать и вызывать на крайности. Будь Пушкина хоть на волосокъ умнѣй, она выразила бы ему свои чувства съ достаточной ясностью, чтобы отбить у него охоту къ продолженію; а вмѣсто того, она, вѣроятно, принимала его балаганныя выходки за чистую монету и попрежнему сообщала ихъ своему мужу. Этого, конечно, самъ Дантесъ едва ли могъ ожидать отъ нея, какого бы ни былъ мнѣнія о ея умственныхъ способностяхъ; а отсутствіе должнаго такта съ ея стороны вполне естественно могъ принять за поощреніе своему шутовству. Что послѣднее было вообще въ характерѣ Дантеса, подтверждаетъ одинъ, хотя и дошедшій до г. Павлищева изъ пятыхъ рукъ, анекдотъ: оставшись однажды въ чужомъ домѣ наединѣ съ Пушкиной, Дантесъ вынулъ изъ кармана пистолетъ и, приставивъ его себѣ ко лбу, воскликнулъ, что разозжитъ себѣ голову, если ему суждено остаться несчастнымъ; когда же Пушкина со страху закричала, и на ея крикъ явилась хозяйка и посторонніе, то Дантесъ заявилъ, что это была шутка, и продолжалъ фарсъ въ томъ же духѣ ко всеобщему удовольствію ¹⁾. Но то, что удавалось съ женою поэта, не могло рассчитывать на поощреніе со стороны Пушкина. И вотъ, когда до него дошли вѣсти о продѣлкахъ Дантеса, онъ совершенно вышелъ изъ себя. Не допуская, вѣроятно, мысли, чтобы Дантесъ на свой страхъ смѣлъ его поддразнивать, и органически не будучи въ состояніи войти въ логику такого мѣднаго лба, какой нуженъ былъ для дантесовскаго шутовства, онъ увидѣлъ въ поведеніи свояка выполнение новой интриги Гекерена. Желая въ послѣдній разъ пугнуть его, онъ и написалъ ему знаменитое письмо отъ 26-го января, чтобы разъ навсегда отбить охоту къ дальнѣйшимъ продѣлкамъ. «Съ самаго начала этого дѣла», говорилъ онъ за часъ до поединка д'Аршіаку, «я вздохнулъ свободно только въ ту минуту, когда написалъ это письмо» ²⁾. Вполнѣ естественно: онъ окончательно рѣшилъ

¹⁾ Л. Павлищевъ. Кончина А. С. Пушкина. Спб. 1899. Стр. 35—36.

²⁾ Письмо кн. Вяземскаго Булгакову, «Русскій Архивъ» 1879 г., II, 248—249.

исчерпать вопросъ и не давать болѣе потачки тому, кого считалъ своимъ неусыпнымъ врагомъ. Но ожидать, чтобы дѣло кончилось не только смертельною раною, но даже просто дуэлью, онъ не имѣлъ никакого основанія: какъ могъ вломиться изъ-за письма, о которомъ никто, кромѣ него и Пушкина, не зналъ, человѣкъ, благополучно проглотившій гораздо худшее и притомъ публичное оскорбленіе, когда Пушкинъ съ ругательствомъ швырнулъ ему въ лицо письмо Дантеса? Этотъ типъ глотателей оплеухъ былъ хорошо знакомъ Пушкину даже среди тогдашнихъ гвардейцевъ: «По мнѣ драка Кирѣева гораздо простительнѣе», писалъ онъ женѣ 18 мая 1836 года, «нежели славный обѣдъ вашихъ кавалергардовъ и благоразуміе молодыхъ людей, которымъ плюютъ въ глаза, а они утираются батистовымъ платкомъ, смекая, что если выйдетъ исторія, такъ ихъ въ Аничковъ не позовутъ» (VII, 404). И дѣйствительно, вызовъ Пушкину со стороны Дантеса явился бы совершенно необъяснимымъ, когда бы не подробность несчастнаго дѣла, сообщаемая Данзасомъ: «Говорятъ, что, получивъ это письмо, Гекеренъ бросился за совѣтомъ къ графу Строганову, и что графъ, прочитавъ письмо, далъ совѣтъ Гекерену, чтобы сынъ его, баронъ Дантесъ, вызвалъ Пушкина на дуэль, такъ какъ послѣ подобной обиды, по мнѣнію графа, дуэль была единственнымъ исходомъ» ¹⁾. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что дѣло было именно такъ. Мы имѣемъ всѣ данныя думать, что и Гекеренъ, и Дантесъ попрежнему трусили дуэли: они дѣлали самыя унижительныя выходки, чтобы обезпечить невинный исходъ дуэли, караулили каждый предлогъ, чтобы ее разстроить, и до конца не ожидали, что дѣло приметъ такой трагическій оборотъ. Все это будетъ ясно въ дальнѣйшемъ изложеніи; здѣсь же только отмѣтимъ, что, если оба они не хотѣли дуэли и боялись ея, а все-таки шли на нее, то очевидно именно вслѣдствіе совѣта графа Строганова, котораго никакъ не ожидали. Вѣроятно, Гекеренъ поскакалъ къ нему, какъ къ вліятельному вельможѣ и своему общему съ Пушкинымъ родственнику, въ надеждѣ, что тотъ уладитъ дѣло и замнетъ скандалъ; но тотъ, воспитанный въ строгихъ правилахъ чести, не могъ понять его шкурныхъ инстинктовъ и далъ согласный со своими понятіями совѣтъ. Это отрѣзало пути къ отступленію, тѣмъ болѣе, что графъ Строгановъ прямо указалъ на возможность сдѣлать вызовъ чрезъ Дантеса,—очевидно, по поводу ссылки Гекерена на то, что его положеніе не дозволяетъ ему самому выходить на поединокъ. Старый интриганъ попалъ изъ огня да въ полымя. Думая замаять начинавшійся скандалъ, онъ самъ раздулъ его до крайнихъ размѣровъ. Но, спросить, можетъ быть, какъ же Пушкинъ принялъ вызовъ отъ людей, къ которымъ не

¹⁾ Амосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. стр. 17.

могъ испытывать ничего, кромѣ глубочайшаго презрѣнія? На это мы имѣемъ прямой отвѣтъ въ его произведеніяхъ. «Посудите сами», говорится въ одномъ изъ набросковъ къ «Египетскимъ ночамъ»: «первый шалунъ, котораго я презираю, скажетъ обо мнѣ слово, которое не можетъ мнѣ повредить никакимъ образомъ,—и я подставляю лобъ подъ его пулю. Я не имѣю права отказать въ этомъ удовольствіи первому забіякѣ, которому вздумается испытать мое хладнокровіе» (IV, 403). Пушкинъ считалъ этотъ взглядъ дикимъ, но признавалъ его власть по нравамъ времени и подчинялся этой власти. Отказаться отъ дуэли онъ считалъ бы тѣмъ болѣе позорнымъ, что Дантесъ не отказался, получивъ его вызовъ, во всякомъ случаѣ гораздо менѣе мотивированный.

Здѣсь нельзя не остановиться нѣсколько подробнѣе на этомъ письмѣ. Оно имѣло несчастіе случайно послужить внѣшнимъ поводомъ къ дуэли, окончившейся смертью Пушкина, и потому заднимъ числомъ приобрѣло въ глазахъ біографовъ характеръ и значеніе, котораго въ сущности вовсе не имѣло. Установилось мнѣніе, будто это письмо было крайнею мѣрою, будто въ немъ воплотилась высшая степень запальчивости со стороны Пушкина, будто въ немъ онъ превзошелъ всѣ свои прежнія крайности и рѣзкости по адресу Гекереновъ. Мудрено понять, какъ могъ не только укрѣпиться, но и вообще быть высказанъ подобный взглядъ. Несомнѣнно, Пушкинъ воспользовался случаемъ, чтобы безъ церемоній «отвести душу» и съ полной откровенностью «резюмировать происшествія»; но цѣлью письма вовсе не могло быть оскорбленіе Гекереновъ: Пушкинъ слишкомъ хорошо зналъ «своихъ шутниковъ», чтобы предполагать, будто негласная пощечина можетъ показаться имъ предлогомъ къ открытому неудовольствію. Цѣлью письма была остратка. Письмо должно было, по мнѣнію Пушкина, не приблизить катастрофу, а устранить ее. Пушкинъ не ждалъ и не могъ ожидать вызова, не могъ даже и представить себѣ, чтобы этому письму дана была огласка. Вѣдь если бы Гекеренъ не чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ, развѣ не ограничился бы онъ простой отсылкою письма въ наше министерство иностранныхъ дѣлъ для соотвѣтствующихъ распоряженій? Онъ, видимо, вполне готовъ былъ удовлетвориться полученнымъ плевкомъ, и только мнѣніе графа Строганова лишило его возможности вновь отличиться благоразуміемъ. Безъ этого мнѣнія письмо вполне достигло бы своей цѣли; еще, пожалуй, Гекеренъ порадовался бы, что дѣло кончилось такъ благополучно — вмѣсто скандала только плевкомъ въ лицо съ глазу на глазъ. Чего добраго, онъ еще, пожалуй, и къ графу Строганову-то повезъ письмо съ примирительными цѣлями, желая выяснить Пушкину его недоразумѣніе черезъ вліятельнаго родственника? Въ цѣломъ, я рѣшительно утверждаю, что письмо къ Гекерену было сравнительно въ высшей степени миролюбивою мѣрою со стороны Пушкина, далеко уступающею по рѣзкости предшествующимъ выходкамъ.

Отвѣтъ Гекерена не заставилъ себя долго ждать при этихъ условіяхъ. Этотъ отвѣтъ отправленъ былъ съ д'Аршіакомъ, секундантомъ Дантеса. Роль, игранная въ дуэли д'Аршіакомъ, возбуждаетъ по первому взгляду кое-какія сомнѣнія: всѣ знавшіе его отзываются о немъ съ величайшими похвалами, всѣ подтверждаютъ, что онъ глубоко уважалъ и цѣнилъ Пушкина; и однако онъ такъ настойчивъ въ своихъ требованіяхъ къ послѣднему, что невольно удивляетъ читателя его записокъ. Наконецъ, какъ могъ онъ согласиться быть секундантомъ Дантеса? Но эти сомнѣнія устраняются при нѣкоторомъ вниманіи. Забудьте, что д'Аршіакъ былъ секундантомъ Дантеса при его первой дуэли, то-есть тогда, когда вызовъ былъ сдѣланъ Пушкинымъ: при этихъ условіяхъ и при французскихъ взглядахъ на дуэль ему трудно было отвѣтить Дантесу отказомъ. А согласившись въ первый разъ, онъ уже не могъ отказаться во второй, особенно, когда ознакомился съ письмомъ Пушкина къ Гекерену. При томъ онъ, быть можетъ, по связи дѣлъ, былъ и шаферомъ Дантеса на свадьбѣ¹⁾. Настойчивость же его при переговорахъ объяснится нѣсколько ниже. Здѣсь мы только еще остановимся на одной подробности отвезеннаго имъ отвѣта Гекерена, не подвергая этотъ отвѣтъ подробному разбору въ цѣломъ; дѣлая вызовъ, Гекеренъ имѣлъ безстыдство унизиться до выходки, вполне изобличающей его собственный и его пріемыша страхъ передъ дуэлью. Именно, сдѣлавъ самымъ рѣшительнымъ тономъ вызовъ, онъ прибавляетъ, что «потомъ» сумѣетъ заставить Пушкина «оцѣнить уваженіе, коего требуетъ званіе, которымъ онъ облеченъ и котораго никакая выходка съ его стороны не въ состояніи задѣть». Иными словами, онъ къ вызову присовокупляетъ намекъ на то, что даже не предполагаетъ возможности серьезнаго исхода дуэли: большаго малодушія нельзя ожидать даже отъ самаго отъявленнаго труса. Можно себѣ представить, съ какимъ новымъ приливомъ презрѣнія читаль Пушкинъ это жалкое предупрежденіе! Самый вызовъ показывалъ ему, что его ждетъ не дуэль, а жалкій фарсъ, который послужитъ только предлюдіей къ настоящему столкновенію. Что онъ именно такъ смотрѣлъ на дѣло, это доказываетъ весь его образъ дѣйствій.

Судя по первой запискѣ д'Аршіака, онъ не засталъ Пушкина дома и увѣдомилъ его, что будетъ ожидать его секунданта до 11 часовъ вечера у себя на дому, а затѣмъ на балу у графини Раумовской, чтобы завтра же покончить дѣло. Тотъ, по свидѣтельству князя Вяземскаго, чтобы «не компрометировать русскаго», «обратился къ Мэгеннису, совѣтнику англійскаго посольства, который требовалъ предварительно, до изъявленія согласія, подробнаго изложенія причинъ и обстоятельствъ, вынудившихъ дуэль»²⁾. Это обращеніе,

¹⁾ В. В. Никольскій. Идеалы Пушкина, 4 изд., Спб., 1899, стр. 131.

²⁾ Письмо къ Булгакову, «Русскій Архивъ» 1879 г., т. II, 249.

согласно показанію Данзаса на судѣ, произошло на балу у графини Разумовской. Въ результатѣ Мэгеннисъ отказался (стр. 19). Въ «Русской Старинѣ» приводится, какъ мотивъ этого отказа, ссылка Мэгенниса на свое общественное положеніе ¹⁾; но гораздо вѣроятнѣе, что отказъ основывался именно на отказѣ Пушкина излагать постороннему лицу обстоятельства своихъ семейныхъ дѣлъ, на чтѣ имѣется косвенное указаніе въ его запискѣ д'Аршіаку: «Я вовсе не забочусь дѣлать петербургскихъ праздношатающихся повѣренными моихъ семейныхъ дѣлъ» (VII, 419). Мнѣ кажется, эти слова являются намекомъ Пушкина на предшествующія устныя его объясненія съ д'Аршіакомъ. Вѣроятно, Пушкинъ, глядя на предстоящую дуэль, какъ на балаганъ, не хотѣлъ даже и передъ секундантомъ придавать ей какое либо значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что нельзя привлекать къ участию въ ней серьезнаго человѣка. Изъ его словъ: «я не желаю посвящать въ мои семейныя дѣла петербургскихъ праздношатающихся», достаточно ясно, что никого, кромѣ праздношатающихся, и не желалъ онъ приглашать въ секунданты на шутовскую дуэль. Порядочныхъ людей ему пришлось привлекать къ дѣлу только въ виду настоящей необходимости. Въ свою очередь и Данзасъ въ своемъ показаніи на судѣ высказываетъ мнѣніе, тождественное съ мнѣніемъ князя Вяземскаго: «Соображая нынѣ предложеніе Пушкина г-ну Мэгеннису, письмо его къ д'Аршіаку и нѣкоторыя темныя выраженія въ его разговорѣ со мною, когда мы ѣхали на мѣсто поединка, я не иначе могу пояснить намѣренія покойнаго, какъ тѣмъ, что по извѣстному мнѣ и всѣмъ знавшимъ его коротко высокому благородству души его онъ не хотѣлъ вовлечь въ отвѣтственность по своему собственному дѣлу никого изъ соотечественниковъ, и только тогда, когда вынужденъ былъ къ тому противниками, онъ рѣшился наконецъ искать меня, какъ товарища и друга съ дѣтства, на самоотверженіе котораго онъ имѣлъ болѣе права считать». Ниже мы увидимъ, насколько вѣрны эти соображенія; здѣсь же вернемся къ разсказу о балѣ у графини Разумовской. На томъ же балу, повидимому, Пушкинъ отказался прислать своего секунданта, какъ намекаетъ вторая записка записка д'Аршіака, ибо въ ней онъ «попрежнему настаиваетъ» на предварительныхъ объясненіяхъ свидѣтелей. Этотъ педантизмъ былъ тѣмъ несноснѣе Пушкину, что онъ долженъ былъ смотрѣть на предстоящую дуэль, какъ на нелѣпный балаганъ, и чѣмъ торжественнѣе затѣвалась для нея обстановка, тѣмъ больше должна была возмущаться его брезгливость. Въ настойчивости д'Аршіака, котораго онъ, судя по всему, считалъ за вполне порядочнаго человѣка, онъ, вѣроятно, просто видѣлъ отлыниванье Дантеса и выискиваніе придирокъ, чтобы уклониться отъ дуэли. Съ своей стороны, считая предстоящій поединокъ только глупымъ фарсомъ, онъ

¹⁾ «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 511, прим. 2.

не забывалъ ни своихъ текущихъ дѣлъ, ни свѣтскихъ отношеній: объ этомъ свидѣтельствуесть его записка къ Ишимовой, отправленная во время переписки и переговоровъ о дуэли (VII, 420). Въ свою очередь д'Аршіакъ, не предполагая даже со стороны Дантеса такого желанія, могъ быть тѣмъ настойчивѣе, что, быть можетъ, надѣялся какънибудь оттянуть дѣло формальностями. Какъ бы то ни было, Пушкинъ отвѣтилъ отказомъ пріискивать секунданта, предоставляя Дантесу выбрать ему послѣдняго, если онъ видитъ въ томъ надобность, и заранѣе соглашаясь на всѣ дальнѣйшія условія. «Прошу васъ вѣрить, г. виконтъ»,—заключилъ онъ,—«что это мое послѣднее слово, и что мнѣ нечего больше отвѣчать на что бы то ни было, касающееся этого дѣла, и что я больше не тронусь съ мѣста, кромѣ какъ для того, чтобы попасть на мѣсто поединка» (VII, 420). За этотъ отказъ Дантесъ ухватился, какъ за желанный исходъ, думая не только отдѣлаться отъ дуэли, но и еще отдѣлаться насчетъ достоинства Пушкина. Объ этомъ свидѣтельствуесть третья записка д'Аршіака¹⁾, въ которой онъ настаиваетъ на предварительномъ свиданіи секундантовъ, ставя его непремѣннымъ условіемъ со стороны Дантеса, который де, «готовый съ своей стороны явиться къ мѣсту, торопитъ Пушкина соблюсти формальности. Всякое замедленіе было бы имъ сочтено за отказъ въ должномъ ему удовлетвореніи и, подвергая это дѣло огласкѣ, помѣшало бы ему окончиться». Послѣ этого Пушкинъ, конечно, не могъ долѣе медлить ни минуты. И вотъ, согласно показанію Данзаса на судѣ²⁾, «27-го января въ 1-мъ часу по полудни встрѣтилъ его Пушкинъ на Цѣпномъ мосту, что близъ Лѣтнаго сада, остановилъ и предложилъ ему быть свидѣтелемъ разговора, который онъ долженъ былъ имѣть съ виконтомъ д'Аршіакомъ. Не предугадывая никакихъ важныхъ послѣдствій, а тѣмъ менѣе дуэли, онъ сѣлъ въ его сани и отправился съ нимъ. Во время пути онъ съ нимъ разговаривалъ о предметахъ постороннихъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ. Прибывъ къ г. д'Аршіаку, жившему въ домѣ французскаго посольства, г. Пушкинъ началъ объясненіе свое у г. д'Аршіака слѣдующимъ: получивъ письма отъ неизвѣстнаго, въ коихъ виновникомъ почиталъ нидерландскаго посланника, и узнавъ о распространившихся въ свѣтѣ нелѣпныхъ слухахъ, касающихся до чести жены его, онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ вызывалъ на дуэль г. поручика Гекерена, на котораго публика указывала; но, когда Гекеренъ предложилъ жениться на свояченицѣ Пушкина, тогда, отступивъ отъ поединка, онъ, однакожъ, непремѣннымъ условіемъ требовалъ отъ Гекерена, чтобы не было никакихъ сношеній

¹⁾ Въ дѣлѣ опубликована еще и визитная карточка д'Аршіака съ небольшою надписью; но, повидимому, эта карточка къ переговорамъ о послѣдней дуэли Пушкина не имѣетъ никакого рѣшительнаго отношенія.

²⁾ Подлинное показаніе въ дѣлѣ не сохранилось, и потому приходится пользоваться аудиторскою выпиской изъ него.

между двумя семействами. Невзирая на сіе, гг. Гекерены даже послѣ свадьбы не переставали дерзкимъ обхожденіемъ съ женой его, съ которою встрѣчались только въ свѣтѣ, давать поводъ къ усиленію мнѣнія, поносительнаго какъ для его чести, такъ и для чести его жены. Дабы положить сему конецъ, онъ написалъ 26-го генваря письмо къ нидерландскому посланнику, бывшее причиною вызова г. Гекерена. Засимъ Пушкинъ, собственно для его (Данзаса) свѣдѣнія, прочелъ собственноручную копію съ помянутаго письма, которое, вѣроятно, было уже извѣстно секунданту г. Гекерена. Болѣе же онъ (Данзасъ) ничего ни прежде, ни послѣ отъ Пушкина не слыхалъ. Другихъ же доказательствъ къ подтвержденію онъ отъ него не требовалъ потому, что, зная его всегда за человѣка справедливаго, онъ словамъ его повѣрилъ. Тутъ онъ только узналъ, что дѣло шло о дуэли, и что вызовъ былъ со стороны Гекерена. Объяснивъ всѣ причины неудовольствія, Пушкинъ всталъ и сказалъ г. д'Аршіаку, что онъ предоставляетъ ему, какъ секунданту своему, сговориться съ нимъ, д'Аршіакомъ, изъявивъ твердую волю, чтобы дѣло непременно было кончено того же дня. Г. д'Аршіакъ спросилъ его при Пушкинѣ, согласенъ ли онъ принять на себя обязанность секунданта. Послѣ такого неожиданнаго предложенія со стороны Пушкина, сдѣланнаго при секундантѣ съ противной стороны, онъ не могъ отказать отъ соучастія, тѣмъ болѣе, что г. Пушкинъ былъ съ дѣтства его товарищемъ и пріятелемъ; къ тому же онъ имѣлъ намѣреніе и надежду, хотя весьма слабую, къ примиренію. Послѣ ухода Пушкина первый вопросъ его былъ г. д'Аршіаку, нѣтъ ли средствъ окончить дѣло миролюбиво. Г. д'Аршіакъ, представитель почитавшаго себя обиженнымъ г. Гекерена, вызвавшаго Пушкина на дуэль, рѣшительно отвѣчалъ, что никакихъ средствъ нѣтъ къ примиренію, и засимъ предложилъ ему постановить слѣдующія условія: пріѣхать соперникамъ въ началѣ 5-го часа по полудни за комендантскую дачу и стрѣляться тамъ на пистолетахъ; разстояніе между соперниками назначить 20 шаговъ съ тѣмъ, чтобы каждый могъ дѣлать 5 шаговъ и подойти къ барьеру; никому не давать преимущества перваго выстрѣла, но чтобы каждый далъ по одному выстрѣлу, когда угодно, на означенныхъ 5 шагахъ до барьера, наблюдая, чтобы каждый стрѣлялъ другъ въ друга въ одинаковомъ разстояніи, а въ случаѣ промаховъ съ обѣихъ сторонъ начинать на тѣхъ же условіяхъ. Къ симъ условіямъ г. д'Аршіакъ присовокупилъ: «не допускать никакихъ объясненій между противниками»; но онъ возразилъ, что согласенъ, что, во избѣжаніе новыхъ какихъ либо распрей, не дозволить имъ самимъ объясняться, но, имѣя еще въ виду не упускать случая къ примиренію, онъ предложилъ съ своей стороны, чтобы въ случаѣ малѣйшей возможности секунданты могли объясняться за нихъ. По окончаніи разговора его съ г. д'Аршіакомъ, онъ отправился къ Пушкину, который тотчасъ послалъ

за пистолетами, по словамъ его, на сей предметъ уже купленными. Въ исходѣ 4-го часа они отправились на мѣсто дуэли, куда и прибыли почти въ одно время съ противниками. Г. д'Аршіакъ тотчасъ приступилъ къ измѣренію разстоянія. Засимъ ему ничего не оставалось дѣлать, какъ слѣдовать его примѣру. Барьеръ означенъ былъ шинелями секундантовъ. Потомъ г. д'Аршіакъ и онъ зарядили каждый свою пару пистолетовъ и вручили по одному противникамъ. Они по его знаку тотчасъ начали сходитьсь. Г. Гекеренъ, не доходя шага до барьера, выстрѣлилъ и ранилъ Пушкина, который упалъ у своего барьера. Они бросились къ нему на помощь, но Гекеренъ остановленъ былъ словами Пушкина, который сказалъ по-французски: «Подождите, я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобъ сдѣлать свой выстрѣлъ». Г. Гекеренъ послѣ сего сталъ на свое мѣсто правымъ бокомъ впередъ и прикрывъ рукою грудь. Такъ какъ пистолетъ Пушкина при паденіи его забился снѣгомъ, онъ подаль ему другой. Пушкинъ, опершись лѣвою рукою на снѣгъ, выстрѣлилъ. Когда, раненый въ руку, Гекеренъ упалъ, тогда Пушкинъ бросилъ свой пистолетъ въ сторону, сказавъ «браво!» Видя опасность раны Пушкина, онъ и д'Аршіакъ обратили на него все вниманіе, усадили его въ сани, въ коихъ довели до комендантской дачи разстояніемъ съ полверсты отъ мѣста дуэли, а оттуда въ каретѣ довезъ онъ его къ нему на квартиру, откуда немедленно отправился искать медиковъ».

Это показаніе даетъ нѣсколько новыхъ подробностей и поправокъ къ позднѣйшимъ воспоминаніямъ самого Данзаса и въ свою очередь можетъ быть дополнено изъ этихъ воспоминаній. Такъ, Пушкинъ, какъ полагалъ Данзасъ, заѣзжалъ сначала къ Россету (который жилъ на Пантелеймоновской улицѣ) и, не заставъ послѣдняго дома, поѣхалъ уже къ Данзасу¹⁾. Это, конечно, весьма вѣроятно, хотя не болѣе, какъ предположеніе. Далѣе, согласно воспоминаніямъ, Пушкинъ окончилъ свое объясненіе у д'Аршіака словами: «Maintenant la seule chose que j'ai à vous dire, c'est que si l'affaire ne se termine pas aujourd'hui même, la première fois que je rencontre Heeckeren, père ou fils, je leur cracherai à la figure» (Теперь единственное, что я имѣю вамъ сказать, это—что, если дѣло не кончится сегодня же, въ первый же разъ, какъ я встрѣчу Гекерена, отца или сына, я плюну имъ въ лицо²⁾). Эта фраза уже знакома намъ изъ другого источника — изъ черновыхъ набросковъ окончательнаго письма къ Гекерену, хотя и нѣсколько въ иной редакціи. Потомъ въ воспоминаніяхъ сказано, что по желанію д'Аршіака условія поединка были сдѣланы на бумагѣ. «Съ этою роко-

¹⁾ Амосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Спб. 1863. Стр. 18.

²⁾ Тамъ же, стр. 19.

вою бумагою Данзасъ возвратился къ Пушкину. Онъ засталъ его дома, одного. Не прочитавъ даже условій, Пушкинъ согласился на все. Въ разговорѣ о предстоящей дуэли Данзасъ замѣтилъ ему, что, по его мнѣнію, онъ бы долженъ былъ стрѣляться съ барономъ Гекереномъ-отцомъ, а не съ сыномъ, такъ какъ оскорбительное письмо онъ написалъ Гекерену, а не Дантесу. На это Пушкинъ ему отвѣчалъ, что Гекеренъ по официальному своему положенію драться не можетъ. Условясь съ Пушкинымъ сойтись въ кондитерской Вольфа, Данзасъ отправился сдѣлать нужныя приготовленія. Нанявъ парныя сани, онъ заѣхалъ въ оружейный магазинъ Куракина за пистолетами, которые были уже выбраны Пушкинымъ заранее; пистолеты эти были совершенно схожи съ пистолетами д'Аршіака. Уложивъ ихъ въ сани, Данзасъ пріѣхалъ къ Вольфу, гдѣ Пушкинъ уже ожидалъ его. Было около 4-хъ часовъ. Выпивъ стаканъ лимонаду или воды, Данзасъ не помнитъ, Пушкинъ вышелъ съ нимъ изъ кондитерской. Сѣли въ сани и отправились по направлению къ Троицкому мосту». «На Невѣ Пушкинъ спросилъ Данзаса шутя:—«Не въ крѣпость ли ты везешь меня?»—«Нѣтъ,—отвѣчалъ Данзасъ,— черезъ крѣпость на Черную рѣчку самая близкая дорога».—«Данзасъ не знаетъ, по какой дорогѣ ѣхали Дантесъ съ д'Аршіакомъ; но къ комендантской дачѣ они съ ними подѣхали въ одно время. Данзасъ вышелъ изъ саней и, сговорясь съ д'Аршіакомъ, отправился съ нимъ отыскивать удобное для дуэли мѣсто. Они нашли такое саженьхъ въ полтора отъ комендантской дачи. Болѣе крупный и густой кустарникъ окружалъ здѣсь площадку и могъ скрывать отъ глазъ оставленныхъ на дорогѣ извозчиковъ то, что на ней происходило. Избравъ это мѣсто, они утоптали ногами снѣгъ на томъ пространствѣ, которое нужно было для поединка, и потомъ позвали противниковъ. Несмотря на ясную погоду, дулъ довольно сильный вѣтеръ. Морозу было градусовъ пятнадцать. Закутанный въ медвѣжью шубу, Пушкинъ молчалъ, повидимому, былъ столько же покоенъ, какъ и во все время пути, но въ немъ выражалось сильное нетерпѣніе приступить скорѣе къ дѣлу. Когда Данзасъ спросилъ его, находятъ ли онъ удобнымъ выбранное имъ и д'Аршіакомъ мѣсто, Пушкинъ отвѣчалъ: «*Ca m'est fort égal, seulement tachez de faire tout cela plus vite*» («Это мнѣ совершенно все равно, только постарайтесь все это сдѣлать поскорѣе»). Отмѣривъ шаги, Данзасъ и д'Аршіакъ отмѣтили барьеръ своими шинелями и начали заряжать пистолеты. Во время этихъ приготовленій нетерпѣніе Пушкина обнаружилось словами къ своему секунданту:—«*Eh bien, est-ce fini?*» («Ну, что же, кончено это?»). Все было кончено. Противниковъ поставили, подали имъ пистолеты — и по сигналу, который сдѣлалъ Данзасъ, махнувъ шляпой, они начали сходиться. Пушкинъ первый подошелъ къ барьеру и, остановясь, началъ наводить пистолетъ. Но въ это время Дантесъ, не доходя до

барьера одного шага, выстрѣлилъ, и Пушкинъ, падая, сказалъ:— «Je crois, que j'ai la cuisse fracassée» («Мнѣ кажется, что у меня раздроблено бедро»). Произнеся эти слова, Пушкинъ упалъ на шинель, означавшую барьеръ, лицомъ къ землѣ и остался недвижимъ». «Секунданты бросились къ нему. Когда Дантесъ намѣревался сдѣлать то же, Пушкинъ удержалъ его словами:—«Attendez! Je me sens assez de force pour tirer mon coup» («Постойте! Я чувствую въ себѣ достаточно силы, чтобы сдѣлать мой выстрѣлъ!»). Дантесъ возвратился на свое мѣсто, сталъ бокомъ и прикрылъ грудь свою правою рукою. При паденіи Пушкина пистолеть его попалъ въ снѣгъ, и потому Данзасъ подаль ему другой. Пушкинъ, опираясь лѣвою рукою о землю, сталъ цѣлить твердою рукою. Раздался выстрѣлъ. Дантесъ упалъ. Сдѣлавъ выстрѣлъ, Пушкинъ также упалъ и два раза терялъ сознание. Послѣ нѣсколькихъ минутъ забытья онъ, наконецъ, пришелъ въ себя и уже болѣе не лишился чувствъ. На вопросъ Пушкина, куда онъ раненъ, Дантесъ отвѣчалъ:—«Je crois, que j'ai la balle dans la poitrine» («Кажется, пуля мнѣ попала въ грудь»). «Браво!»—воскликнулъ Пушкинъ и бросилъ пистолеть въ сторону. Но Дантесъ ошибся: пуля только контузила ему грудь. Пушкинъ же былъ раненъ въ правое бедро. Пуля, раздробивъ кость верхней части ноги у соединенія съ тазомъ, глубоко вошла въ животъ и тамъ остановилась». «Послѣ, когда оба противника лежали каждый на своемъ мѣстѣ, Пушкинъ спросилъ д'Аршіака: «Est-il tué?»—Non, mais il est blessé au bras et à la poitrine.—«C'est singulier: j'avais crû que cela m'aurait fait plaisir de le tuer, mais je sens que non». («Онъ убитъ?»—Нѣтъ, но онъ раненъ въ руку и въ грудь.—«Это странно: я думалъ, что мнѣ доставитъ удовольствіе убить его, но я чувствую, что нѣтъ»). Д'Аршіакъ хотѣлъ сказать нѣсколько примирительныхъ словъ, но Пушкинъ не далъ ему времени продолжать: «Au reste, c'est égal: si nous nous rétablissons tous les deux, ce sera à recommencer» («Впрочемъ, это все равно: если мы оба поправимся, придется начинать сызнова»)»¹⁾. Данзасъ съ д'Аршіакомъ подозвали извозчиковъ и съ ихъ помощью разобрали находившійся тамъ заборъ изъ тонкихъ жердей, который мѣшалъ санямъ подъѣхать къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ раненый Пушкинъ. Общими силами усадивъ его бережно въ сани, Данзасъ приказалъ извозчику ѣхать шагомъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ подлѣ саней вмѣстѣ съ д'Аршіакомъ. Раненый Дантесъ ѣхалъ въ своихъ саняхъ за ними. У комендантской дачи они нашли карету, присланную на всякій случай барономъ Гекереномъ-отцомъ. Дантесъ и д'Аршіакъ предложили Данзасу отвезти въ ней въ городъ раненаго поэта. Данзасъ принялъ это предложеніе, но отказался отъ другого, сдѣланнаго ему въ это же время Дантесомъ, предложенія, — скрыть участіе его въ

¹⁾ Письмо князя Вяземскаго къ Булгакову, «Русскій Архивъ» 1879, II, 249—250.

дуэли. Не сказавъ, что карета была барона Гекерена, Данзасъ посадилъ въ нее Пушкина и, сѣвъ съ нимъ рядомъ, поѣхалъ въ городъ»¹⁾.

Вотъ фактическая сторона дѣла. Мы напомнили ее читателямъ, въ подлинныхъ выраженіяхъ источниковъ, чтобы разомъ устранить то фальшивое освѣщеніе, которое біографы придавали событіямъ. Эти событія такъ понятны и просты, что трудно повѣрить, какъ могли имѣть какойнибудь успѣхъ тѣ извращенія, которымъ они подвергались. Говорить о «жаждѣ мести», о «неизбѣжности кроваваго исхода» и т. п. ввдоръ о Пушкинѣ могли бы, казалось, только явные глупцы и клеветники; и однако же мы видимъ, что послѣдніе опирались въ своихъ продѣлкахъ на мнѣнія друзей и почитателей! Искаженій самыхъ благонамѣренныхъ тутъ такъ много, что именно только воспроизведеніемъ фактовъ и поясненіями къ нимъ и надо ограничиться. Всякая полемика была бы только праздною тратою словъ и времени.

Остановимся прежде всего на подробности, впервые выдвинутой впередъ г. Бартеневымъ со словъ князя Вяземскаго и уже приведенной выше, а именно на томъ, что послѣ несостоявшейся первой дуэли Пушкинъ далъ слово императору Николаю увѣдомить его заранѣе, если вновь окажется въ такомъ же положеніи. Этотъ рассказъ, какъ мы видѣли, самымъ нелѣпымъ образомъ приуроченъ къ неотправленному письму къ графу Бенкендорфу; но отсюда было бы ошибочно заключать о его недостоверности. Князь Вяземскій не заслуживаетъ довѣрія только тогда, когда начинаетъ толковать, объяснять и освѣщать факты; самые же факты онъ всегда передаетъ съ полною добросовѣстностью и даже критической осмотрительностью. Мы не имѣемъ причины не вѣрить ему и въ данномъ случаѣ. Но мы должны самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуть тотъ выводъ, на который намекнулъ князь Вяземскій своимъ рассказомъ, — именно, будто Пушкинъ въ исторіи со второю дуэлью нарушилъ слово, данное императору. Нелѣпость этого вывода не подлежитъ сомнѣнію. Дѣло въ томъ, что ни самъ императоръ не могъ ни ожидать, ни требовать, ни Пушкинъ не могъ обѣщать, что онъ предупредитъ, если его вызовутъ на дуэль: рѣчь у нихъ шла о такихъ обстоятельствахъ, когда онъ самъ почувствуетъ себя въ необходимости сдѣлать вызовъ. Это совершенно разные случаи. Между тѣмъ второй дуэли Пушкинъ не только не желалъ, но даже и не ожидалъ; а получивъ вызовъ, не могъ себя ни въ какомъ смыслѣ считать связаннымъ обѣщаніемъ

¹⁾ Весь отрывокъ на послѣднихъ страницахъ, заключенный въ кавычки, составляетъ сводный текстъ воспоминаній Данзаса и писемъ къ князю Вяземскому д'Аршіака и Данзаса. См. Амосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина», Спб., 1863, стр. 20.—25.

въ случаѣ необходимости прибѣгнуть не къ дуэли, а къ посредничеству государя. Тутъ ужъ онъ былъ въ буквальномъ смыслѣ слова «невольникомъ чести». Замѣтимъ, что, если бы Пушкинъ думалъ, что нарушилъ слово государю, или если бы государь это думалъ, то такъ или иначе это обстоятельство выразилось бы во время предсмертныхъ страданій Пушкина: однако ни одного намека на то не было сдѣлано ни съ той, ни съ другой стороны. Поскольку же дѣло зависѣло отъ Пушкина, онъ бесспорно своимъ образомъ дѣйствій шелъ на встрѣчу исполненію царской воли. И на самомъ дѣлѣ, новыя «дерзости» Дантеса Пушкинъ не могъ оставить безнаказанными. Если бы тотъ ихъ не прекратилъ, Пушкину пришлось бы вновь его вызвать. Но тутъ-то и былъ онъ связанъ словомъ: онъ долженъ бы былъ прибѣгнуть къ содѣйствію государя. Конечно, его жалоба имѣла бы самыя гибельныя для Гекереновъ послѣдствія. Пушкинъ не могъ этого не понимать. Но онъ не могъ не сознавать и огромности предстоящаго въ такомъ случаѣ скандала. Бояться ему было нечего, но и удовольствія въ новой исторіи никакого не было. И вотъ, желая испытать въ послѣдній разъ дѣйствительность мѣръ частнаго внушенія, онъ и написалъ Гекерену свое рѣшительное предупрежденіе, имѣвшее такія неожиданныя для всѣхъ послѣдствія. Быть можетъ, даже именно на высочайшее участіе къ нему и намекаетъ онъ словами, что имѣлъ намѣреніе и возможность (*le pouvoir et l'intention*) опозорить Гекерена въ глазахъ русскаго и нидерландскаго дворовъ.

Въ немногихъ словахъ можно раздѣлаться съ вопросомъ о секундантахъ. Выше даны уже матеріалы къ его рѣшенію. Поведеніе Пушкина въ данномъ отношеніи только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ смотрѣлъ на дуэль, какъ на шутовство со стороны своихъ противниковъ, лицемѣрный фарсъ, ими разыгрываемый передъ публикой, и не могъ относиться къ ней серьезно. Потому и не желалъ онъ привлекать къ участію въ ней никого, кромѣ «праздношатающихся», а излагать таковымъ свои семейныя дѣла не видѣлъ никакой возможности, признаная вмѣстѣ съ тѣмъ справедливость требованія, чтобы секунданты были предварительно освѣдомлены о причинахъ дуэли. Съ своей стороны ни Дантесъ, ни д'Аршіакъ не могли примириться съ этимъ отказомъ прежде всего потому, что не могли не чувствовать его оскорбительнаго для нихъ характера, а, во-вторыхъ, быть можетъ, и не безъ задней мысли со стороны Дантеса проволочками затянуть дѣло и отказаться отъ дуэли, сваливая потомъ вину на Пушкина, со стороны же д'Аршіака вообще разстроить дуэль, участіе въ которой все-таки мѣшало и его собственной карьерѣ. Секундантъ имъ совершенно не былъ нуженъ; имъ невозможно было примириться съ пренебрежительнымъ отношеніемъ Пушкина къ ихъ требованіямъ. Далѣе, тотъ же взглядъ Пушкина на предстоящую дуэль, какъ на балаганъ, одинъ только

и можетъ объяснить его странный способъ приглашенія Данзаса въ секунданты. Князь Вяземскій и подѣ влияніемъ его Данзасъ говорятъ, что Пушкинъ не желалъ подводить подѣ отвѣтственность соотечественника. Это справедливо. Но, спрашивается, если таковы были намѣренія Пушкина, то какъ же онъ врасплохъ захватываетъ на улицѣ и даже безъ предупрежденія подводитъ подѣ эту отвѣтственность какъ разѣ «друга и товарища съ дѣтства, на самоотверженіе котораго имѣлъ болѣе права считать»? Этотъ образъ дѣйствій не только нельзя было бы считать благороднымъ, а напротивъ, это былъ бы возмутительный образъ дѣйствій, если бы Пушкинъ не былъ твердо убѣжденъ, что дуэль кончится ничѣмъ, что онъ зоветъ товарища не въ секунданты, а въ участники навязаннаго ему фарса. Тотъ же взглядъ до очевидности ясно сказывается и въ его заключительныхъ словахъ при объясненіи у д'Аршіака: онъ сперва заявилъ послѣднему, что наплюетъ въ глаза Гекеренамъ при первой же встрѣчѣ, если дѣло не кончится въ тотъ же день, а потомъ уже предоставилъ Данзасу изъявить его согласіе или несогласіе быть секундантомъ. Если принять во вниманіе, что это сказалъ не вызывающій, а вызванный, то всѣ сомнѣнія отпадаютъ: Пушкинъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что его противники отлыниваютъ, что они только играютъ комедію, и что Данзасу ничего не угрожаетъ, кромѣ напрасной поѣздки за городъ въ пятнадцати-градусный морозъ. Быть можетъ, именно намеками въ этомъ смыслѣ, только не понятными Данзасомъ, и были тѣ «темныя выраженія» Пушкина въ разговорѣ во время пути на дуэль, на которыя Данзасъ ссылаясь передъ судомъ.

Интересны условія дуэли. Суровость ихъ прямо поразительна и была бы совершенно необъяснима, если бы не цитированныя уже выше воспоминанія графа Сологуба. Какъ помнятъ читатели, Пушкинъ воспользовался его содѣйствіемъ для того, чтобы окончателно пугнуть Дантеса дуэлью, а потому и поручилъ ставить самыя «кровавыя» условія. Въ памяти графа Сологуба сохранилась подробность о 10 шагахъ барьера. Это то же разстояніе, чтѣ и въ окончателной дуэли: крайне характерное и важное совпаденіе, которое все намъ объясняетъ. Гекеренъ и Дантесъ всячески дѣлали видъ, что новая дуэль является въ сущности лишь осуществленіемъ несостоявшейся первоначальной. Въ этомъ смыслѣ и Гекеренъ, отвѣчая на письмо Пушкина, писалъ ему: «Вы, кажется, забыли, милостивый государь, что это вы отказались отъ вызова, который вы поручили сдѣлать барону Жоржу де-Гекеренъ и который былъ имъ принятъ. Доказательство того, чтѣ я здѣсь утверждаю, существуетъ, писанное вашей рукой, и осталось въ рукахъ секундантовъ. Мнѣ остается только предупредить васъ, что г. виконтъ д'Аршіакъ отправляется къ вамъ, чтобы согласиться съ вами о мѣстѣ, гдѣ вы встрѣтитесь съ барономъ Жоржемъ де-Гекеренъ, и предупредить

вась, что эта встрѣча не терпитъ никакого отлагательства». Цѣль этихъ напоминачій ясна: Гекеренъ намекаетъ Пушкину, что онъ позволяетъ себѣ оскорблять его и Дантеса, взявъ обратно свой вызовъ, который былъ принятъ,—очевидно, взявъ съ согласія Дантеса; но послѣ новыхъ оскорбленій это согласіе перестаетъ быть возможнымъ. Нельзя не сказать, что это очень искусная постановка дѣла, которая, конечно, была придана съ тѣмъ преимущественно расчетомъ, чтобы дуэль состоялась съ Дантесомъ, а не съ Гекереномъ, и, чтобы Пушкинъ не имѣлъ нравственно возможности что либо измѣнить въ этомъ отношеніи, хотя оскорбительное письмо и было адресовано не къ Дантесу. Итакъ, глядя на новую дуэль, какъ на осуществленіе первой, Дантесъ и д'Аршіакъ необходимо должны были сохранить и всѣ первоначальныя условія, хотя, быть можетъ, и не видѣли въ нихъ ничего желательнаго. Пушкину, конечно, было все это совершенно все равно, и на всѣ эти условія онъ соглашался, даже не читая ихъ.

Обратимся къ подробностямъ самой дуэли. Полное хладнокровіе Пушкина достаточно удостовѣрено со всѣхъ сторонъ. Это было бы неудивительно, и при другихъ условіяхъ, ибо смѣлость и гордость Пушкина достаточно извѣстны. Но характерно подмѣченное Данзасомъ нетерпѣніе поэта: Пушкинъ брезгливо торопился продѣлать предстоящую комедію, и безъ того ему надоѣвшую. О внутреннемъ безпокойствѣ въ немъ не было и помину. По данному сигналу, онъ грудью пошелъ на Дантеса, первый сталъ у барьера и только тогда началъ наводить, не стрѣляя. Послѣднее было его правиломъ. Ни на одной изъ своихъ дуэлей Пушкинъ не стрѣлялъ первымъ. Замѣтимъ, что онъ былъ хорошимъ стрѣлкомъ и любителемъ «пострѣлять изъ пистолета» (VII, 85), что достаточно доказываетъ и его послѣдній выстрѣлъ: стало быть, если бы онъ хотѣлъ отомстить Дантесу, какъ полагаютъ до сихъ поръ, то онъ могъ бы уложить его съ перваго шага. Но ни о какой мести рѣчи не могло быть: Пушкинъ только хотѣлъ «поскорѣе все это кончить». Онъ видимо ждалъ выстрѣла Дантеса въ сторону или мимо, чтобы поступить точно также...

Выстрѣлъ былъ сдѣланъ не въ сторону. Роковой выстрѣлъ! Сколько было о немъ говорено, писано, думано,—и однако до сихъ поръ никто не далъ себѣ труда серьезно вникнуть въ то душевное состояніе, которое онъ выразилъ. Припомните то, что подробно изложено выше. Дантесъ дуэли не хотѣлъ, боялся дуэли, готовъ былъ идти на какія угодно низости, лишь бы ее разстроить; Гекеренъ унижался до презрѣннѣйшихъ предупрежденій въ письмахъ, только бы увѣрить Пушкина, что дуэль будетъ одна пустая формальность; пославъ «на всякій случай» карету къ комендантской дачѣ, онъ такъ былъ увѣренъ въ благополучномъ исходѣ дуэли, что даже не позаботился приготовить доктора для подачи помощи

на мѣстѣ. Болѣе того, какъ намекаетъ Дантесъ, и какъ прямо говорятъ другіе, Гекеренъ, узнавъ часъ и мѣсто дуэли, прямо отправился къ Бенкендорфу, прося его какъ бы отъ себя послать полицію на мѣсто поединка и арестовать противниковъ заблаговременно. Но тотъ, съ своей стороны очень довольный, что дуэль состоится, и что такимъ образомъ Пушкинъ можетъ окончательно подпасть подъ немилость государя, послалъ жандармовъ, будто бы по ошибкѣ, не на Черную рѣчку, а въ Екатерингофъ. Словомъ, все показываетъ, что и Гекеренъ, и Дантесъ боялись дуэли и отъ всей души хотѣли, чтобы она кончилась ничѣмъ. Спрашивается, чѣмъ же объяснить смертельный выстрѣлъ? Отвѣтъ напрашивается самъ собою: новымъ припадкомъ трусости Дантеса. Придись пуля хоть немного ниже, немного правѣй, и смертельный исходъ былъ бы обратенъ. Описаніе раны Пушкина приведено выше со словъ Дантеса: пуля ударила въ правую ляжку, раздробила кость ноги у соединенія съ тазомъ и глубоко проникла въ животъ. Очевидно, подойдя къ барьеру, Пушкинъ сталъ правымъ бокомъ къ противнику, наводя пистолетъ. Дантесъ шелъ медленнѣе. Пушкинъ не стрѣлялъ. Не нужно много думать, чтобы понять состояніе Дантеса. Каждый шагъ впередъ былъ «смертною ступенью». Онъ хорошо зналъ, какъ заслуживаетъ онъ выстрѣла своего противника. Трусость его должна была дойти до крайности. Правда, онъ крѣпился и сдѣлалъ четыре шага, не стрѣляя; по дальше у него духу не хватило, онъ, видимо, рѣшилъ, что Пушкинъ «ему готовить честный гробъ»,— тогда какъ на самомъ дѣлѣ тотъ ему только предоставлялъ первый выстрѣлъ,—и спустил курокъ. По мѣсту раны можно заключить, что Дантесъ цѣлилъ не въ високъ, а въ ноги, но, чтобы рана вышла порѣзительнѣе, немного черезъ край повысилъ прицѣлъ. Не только смертельной, но даже и особенно серьезной раны нанести онъ безспорно не хотѣлъ; онъ просто хотѣлъ спасти свою шкуру, ложно понявъ ожиданіе Пушкина. Съ изложенной точки зрѣнія я считаю весьма правдоподобнымъ рассказъ, дошедшій до г. Павлицева якобы изъ устъ самого Дантеса. По этому рассказу Дантесъ и въ помыслѣхъ не имѣлъ погубить Пушкина, искренно старался примириться съ нимъ, а на поединокъ вышелъ только по настоящему требованію Гекерена; но, когда на дуэли Пушкинъ сталъ наводить на него пистолетъ, онъ оробѣлъ и уже по чувству самосохраненія выстрѣлилъ первымъ, не подумавъ, что, цѣлясь въ ногу, рискуетъ попасть выше ¹⁾. Рассказывалъ это Дантесъ или нѣтъ, но несомнѣнно такъ и было. Ни въ високъ, ни въ грудь онъ не цѣлилъ, а могъ бы, какъ искусный стрѣлокъ, если бы хотѣлъ смерти противника.

Для Пушкина этотъ роковой выстрѣлъ былъ еще неожиданнѣе,

¹⁾ Л. Павлицевъ. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, Москва. 1890. Стр. 430—431.

чѣмъ для Дантеса. Прежде чѣмъ упасть, онъ уже почувствовалъ, какъ серьезна его рана. Нетрудно представить себѣ то негодованіе и гнѣвъ, которые должны были наполнить его душу при этомъ сознаніи. При его взглядѣ на событія, шкурная трусость Дантеса не могла не показаться ему гнуснѣйшимъ предательствомъ, а все поведеніе его и Гекерена—омерзительнымъ коварствомъ. Конечно, одинъ Богъ знаетъ, что онъ думалъ и чувствовалъ; но трудно сомнѣваться, что и указанныя мысли его наполняли. По крайней мѣрѣ, ихъ мы читаемъ во всемъ дальнѣйшемъ его образѣ дѣйствій. Выстрѣливъ, Дантесъ сдѣлалъ движеніе подойти къ Пушкину; но въ томъ вспыхнула мгновенная жажда мести. Онъ долженъ былъ чувствовать себя пойманнымъ въ ловушку и еще подставившимся подъ выстрѣлъ противника: неожиданная рана была для него такою гнусностью, на которую онъ даже отъ Дантеса не рассчитывалъ. И вотъ, приподнявшись на шинели, опираясь лѣвою рукою въ снѣгъ, онъ сдѣлалъ свой выстрѣлъ. Ясно, что это могло ему удасться только вслѣдствіе внезапнаго сильнѣйшаго аффекта. Но вспышка была мгновенна. Послѣ двухъ обмороковъ, лежа еще на землѣ, Пушкинъ обрадовался, узнавъ, что Дантесъ живъ,—и самъ удивился этому чувству въ себѣ: только такъ и можно понять его слова, что, какъ онъ видитъ, ему, сверхъ его ожиданія, не доставило бы удовольствія убить Дантеса. И по естественной связи мыслей онъ тутъ же пережилъ новый приливъ гнѣва и негодованія,—вѣроятно, послѣдній,—прибавивъ, что все равно дѣло начнется сызнова, если они оба поправятся. Если нужны еще какія нибудь доказательства, то можно сослаться на позднѣйшія слова Пушкина Данзасу, что онъ не хочетъ, чтобы кто нибудь мстилъ за него, и желаетъ умереть христіаниномъ. Съ формальной точки зрѣнія ни о какой мести не могло быть и рѣчи: рана была нанесена по всѣмъ правиламъ поединковъ, поединокъ произошелъ вслѣдствіе оскорбленія, самимъ Пушкинымъ нанесеннаго,—кто же могъ бы тутъ мстить? Очевидно, этими словами Пушкинъ отвѣчалъ на свои собственныя мысли, въ которыхъ выстрѣлъ Дантеса представлялся гнусностью, заслуживающею мести.

VI.

Въ предшествующемъ мы воспользовались всѣмъ матеріаломъ, который даетъ подлинное дѣло къ изученію самой дуэли, т. е. ея обстоятельствъ и событій, ей предшествовавшихъ. Какъ сами читатели могутъ судить, это матеріалъ не особенно обильный, и притомъ разбросанный по мелочамъ, но чрезвычайно цѣнный. Однако, дѣло о дуэли интересно не только для біографіи Пушкина, но любопытно и само по себѣ, какъ чрезвычайно богатый историко-бытовой и юридическій документъ. Съ этой точки зрѣнія невозможно

сразу исчерпать въ срочной журнальной статьѣ его обильнаго содержанія. Необходимо множество предварительныхъ работъ, архивныхъ и другихъ справокъ, необходимъ спеціальныи юридическій комментарий самаго процесса съ точки зрѣнія законовъ военного судопроизводства и т. д. Здѣсь мы дадимъ только краткій обзоръ дѣла, не вдаваясь въ подробности и лишь отмѣчая нѣкоторыя характерныя особенности; за подробностями отсылаемъ всѣхъ интересующихся къ подлиннику.

Несмотря на открытіе подлиннаго дѣла, самое начало его нѣсколько неясно. Согласно архивнымъ даннымъ, собраннымъ еще ранѣе, дѣло о дуэли возникло по рапорту командира Кавалергардскаго полка, генерала Гринвальда ¹⁾; въ военно-судномъ дѣлѣ объ этомъ рапортѣ вовсе нигдѣ не упоминается; однако изъ производства аудиторіатскаго департамента видно, что дѣло дошло до высочайшаго свѣдѣнія въ двойномъ порядкѣ, какъ по докладу военнаго министра, такъ и по командѣ, т.-е. что оно дѣйствительно началось съ рапорта полковаго командира. Именно, отъ 29-го января 1837 командиръ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ Бистромъ, рапортуя о происшедшей 27-го января дуэли, «при которой поручикъ Гекеренъ раненъ, всеподданнѣйше доноситъ о томъ, что онъ за этотъ противозаконный поступокъ сего офицера предписалъ судить его военнымъ судомъ, при лейбъ-гвардіи Конномъ полку арестованнаго». Однако этотъ рапортъ былъ полученъ уже послѣ того, какъ императоръ Николай Павловичъ по всеподданнѣйшему докладу военнаго министра, состоявшемуся вслѣдствіе донесенія послѣднему генерала Бистрома о дуэли, повелѣлъ 29-го января, еще до кончины Пушкина, судить военнымъ судомъ какъ Пушкина и Дантеса (Пушкинъ въ дѣлѣ все время называется камергеромъ, и только по справкѣ генераль-аудиторіата было выяснено, что онъ не камергеръ, а камеръ-юнкеръ), такъ равно и всѣхъ прикосновенныхъ къ сему дѣлу, съ тѣмъ, что, ежели между ними окажутся лица иностранныя, то, не дѣлая имъ допросовъ и не включая въ сентенцію суда, представить о нихъ особую записку съ означеніемъ токмо мѣры ихъ прикосновенности. Во исполненіе этой высочайшей воли, командиромъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, генераль-адъютантомъ Бистромомъ, черезъ командира гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса, генераль-лейтенанта Кнорринга и командира лейбъ-гвардіи Коннаго полка, генераль-майора барона Мейендорфа, было сдѣлано распоряженіе, чтобы «предварительно военнаго суда произведено было чрезъ особаго штабъ-офицера слѣдствіе, кто именно прикосновенъ къ означенному дѣлу, которыхъ, кромѣ иностранцевъ, судить военнымъ судомъ въ учрежденный при лейбъ-гвардіи Конномъ полку комиссіи, а относительно иностран-

¹⁾ В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», 4-е изд., 1890, стр. 113.

цевъ поступить, какъ высочайше повелѣно; поелику же извѣстно, что камергеръ Пушкинъ умеръ, то самое слѣдуетъ объяснить только въ приговорѣ суда, какому бы онъ за поступки его наказанію по законамъ подлежалъ». Такимъ образомъ оказывается ошибочнымъ доннынѣ принятое свѣдѣніе, будто судъ по высочайшей волѣ опредѣлялъ мѣру наказанія Пушкина, которому бы онъ подлежалъ, если бы онъ остался живъ ¹⁾: высочайшее повелѣніе коснулось Пушкина только потому, что было издано еще при жизни его. Дантеса велѣно было въ приказѣ по отдѣльному гвардейскому корпусу судить арестованнымъ; вообще же подъ арестомъ онъ находился, по свидѣтельству формулярнаго списка, съ 27 января. Изъ соображенія всего изложеннаго можно и при отсутствіи документальныхъ данныхъ догадываться, что Дантесъ немедленно послѣ дуэли рапортовалъ о ней по командѣ, предвидя неизбѣжную разгласку дѣла, т.-е. поступилъ вполне исправно съ служебной точки зрѣнія.

Генераль Кноррингъ отъ себя предложилъ полковому командиру, учредивъ комиссію, назначить ея презумомъ (предсѣдателемъ) флигель-адъютанта полковника Бреверна 1-го, а ассессорами офицеровъ по его усмотрѣнію, вмѣнить комиссіи въ обязанность открыть, «кто именно были посредниками (секундантами) при означенной дуэли и вообще кто зналъ и какое принималъ участіе въ совершеніи или отвращеніи оной», и «дѣло сіе окончить сколь возможно поспѣшнѣ». Полковой командиръ баронъ Мейендорфъ назначилъ слѣдователемъ полковника Галахова, ассессорами ротмистра Столыпина, штабъ-ротмистра Балабина, поручиковъ Анненкова и Шигорина, корнетовъ Чичерина и Осоргина, а для производства дѣла аудитора Маслова. Вся переписка происходила между 29-мъ января и 2 февраля 1837 года. 3-го февраля было первое засѣданіе комиссіи, на которомъ сдѣланы предварительныя распоряженія. Засѣданія, какъ видно изъ дѣла, происходили по утрамъ, съ 9 и съ 11 часовъ, на квартирѣ презуса, полковника Бреверна, въ казармахъ Коннаго полка. На второмъ засѣданіи, 5-го февраля, корнеты Чичеринъ и Осоргинъ были приведены къ присягѣ, а прочимъ, какъ уже участвовавшимъ въ судебныхъ дѣлахъ, присяга была прочтена для напоминанія, и судъ начался. Изъ рапорта слѣдователя и подлинныхъ ему показаній выяснилось, что о дуэли знали только Данзасъ, д'Аршіакъ и Гекеренъ (отецъ), «а больше никто», причемъ Данзасъ отозвался полнымъ незнаніемъ о мѣрѣ прикосновенности д'Аршіака и Гекерена, а изъ отзыва командира Кавалергардскаго полка, генерала Гринвальда—что Дантесъ считается арестованнымъ и по случаю раны, имъ полученной на дуэли, живетъ у себя на квартирѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Влодека, подъ № 51. Комиссія предписала проинформировать медицинское освидѣтельство Дантеса и вступила въ

¹⁾ В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», 4 изд. Спб. 1899. Стр. 131.

переписку о подсудности ей Данзаса, не принадлежавшаго, как инженеръ-полковника, къ гвардейскому корпусу. Немедленно же, по предписанію старшаго доктора гвардейскаго кавалерійскаго корпуса Енохина, освидѣтельствованіе было произведено 5-го февраля штабъ-лѣкаремъ Стефановичемъ, причемъ оказалось: «Поручикъ баронъ Гекеренъ имѣетъ пулевую проникающую рану на правой рукѣ ниже локтевого сустава на четыре поперечныхъ перста. Входъ и выходъ пули въ небольшомъ одинъ отъ другого разстояніи. Обѣ раны находятся въ сгибающихъ персты мышцахъ, окружающихъ лучевую кость, болѣе къ наружной сторонѣ. Раны простыя, чистыя, безъ поврежденія костей и большихъ кровеносныхъ сосудовъ. Больной можетъ ходить по комнатѣ, разговариваетъ свободно, ясно и удовлетворительно, руку носить на повязкѣ и, кромѣ боли въ раненомъ мѣстѣ, жалуется также на боль въ правой верхней части брюха, гдѣ вылетѣвшая пуля причинила контузію, каковая боль обнаруживается при глубокомъ вдыханіи, хотя наружныхъ знаковъ контузіи незамѣтно. Отъ раненія больной имѣетъ обыкновенную небольшую лихорадку (*ferbis vulnegraria*); вообще же онъ кажется въ хорошемъ и надежномъ къ выздоровленію состояніи, но точнаго срока къ выздоровленію совершенному опредѣлить нельзя». Въ засѣданіи 6-го февраля коммиссія, выслушавъ входящія бумаги, въ томъ числѣ рапортъ Стефановича и формулярный и кондуктный списки Дантеса, и усмотрѣвъ изъ рапорта, что подсудимый можетъ ходить по комнатѣ и разговариваетъ свободно и удовлетворительно, опредѣлила «для стобранія отъ него объясненія отправиться на квартиру его двумъ старшимъ ассессорамъ (т.-е. Столыпину и Балабину) и аудиторю, что же имъ онъ объявитъ, доложить коммиссіи». Показанія Дантеса уже приведены выше по частямъ. Здѣсь же отмѣтимъ только двѣ подробности. Къ шестому пункту показанія Дантесъ прибавилъ, «что реляція всего учиненнаго нами дуэля вручена вышеупомянутымъ секундантомъ моимъ (т.-е. д'Аршіакомъ) при отъѣздѣ его изъ С.-Петербурга камергеру князю Вяземскому, который до полученія оной о имѣющей быть между нами дуэли ничего не зналъ», а къ 5-му пункту, гдѣ изложилъ вкратцѣ исторію первой и второй своей дуэли, присовокупилъ, что «все сіе можетъ подтвердиться письмами, находящимися у его императорскаго величества». Объ этихъ письмахъ было много разговоровъ, и на ихъ открытіе возлагались обильныя надежды ¹⁾. Благодаря подлинному дѣлу, оказывается, что эти надежды были напрасны. Письма эти, представленныя въ коммиссію, были 1) письмо Пушкина къ Гекерену отъ 26 января и 2) письмо Пушкина къ графу Соллогубу (какъ показано выше; въ дѣлѣ оно значится письмомъ къ д'Аршіаку). По выслушаніи этого показанія, коммиссія въ засѣданіи 7-го февраля опредѣлила представить

¹⁾ В. В. Никольскій. Идеалы Пушкина, 4-е изд., Спб. 1899., стр. 132, прим. 2.

по командѣ объ испрошеніи этихъ писемъ, составить и предъявить черезъ начальство князю Вяземскому вопросные пункты, затребовавъ съ него «реляцію о дуэли», и сдѣлать распоряженіе объ освидѣтельствованіи подсудимаго черезъ каждые два дня съ донесеніемъ комиссіи о состояніи его здоровья. Засѣданіе 8-го февраля было посвящено ускоренію переписки о представленіи комиссіи Данзаса и его формулярнаго и кондуктнаго списка. Между тѣмъ въ тотъ же день князь Вяземскій представилъ свои объясненія, а именно, что «реляціи» о дуэли у него нѣтъ, а есть письмо д'Аршіака: «не зная предварительно ничего о дуэли, про которую въ первый разъ услышалъ я вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что Пушкинъ смертельно раненъ, я при первой встрѣчѣ моей съ д'Аршіакомъ просилъ его рассказать о томъ, что было. На сіе г. д'Аршіакъ вызвался изложить въ письмѣ все случившееся, прося меня притомъ показать письмо г. Данзасу для взаимной повѣрки и засвидѣльствованія подробностей помянутой дуэли. Между тѣмъ письмо его доставлено мнѣ было уже по отъѣздѣ г. д'Аршіака за границу и слѣдовательно не могло быть прочтено и повѣрено вмѣстѣ обоими свидѣтелями и получить въ глазахъ моихъ ту достовѣрность, которую я желалъ имѣть въ свѣдѣніяхъ о несчастномъ происшествіи, лишившемъ меня человѣка, столь близкаго сердцу моему. Вслѣдствіе того я отдалъ письмо сіе г. Данзасу, который возвратилъ мнѣ оное съ письмомъ отъ себя (прилагаю у сего и то, и другое). Изъ вышеуказанныхъ словъ уже положительно усматривается, что я ничего не зналъ о дуэли до совершеннаго окончанія ея, что подтверждаю и теперь, равномѣрно не слыхалъ я никогда ни отъ Александра Сергѣевича Пушкина, ни отъ барона Гекерена о причинахъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ сіе несчастное происшествіе. При семъ покорнѣйше прошу возвратить мнѣ по минованіи надобности письма сіи, совершенно частныя и къ дѣлу не принадлежащія». Не можемъ здѣсь не замѣтить, что и это показаніе, какъ и всѣ другія, въ высшей степени неискренно и представляется лишь софистической уверткой отъ прямого и должнаго отвѣта. Такъ, на примѣръ, когда князь Вяземскій показываетъ, что ничего не зналъ о дуэли до совершеннаго окончанія ея, то это правда только въ томъ смыслѣ, что раньше окончанія дуэли онъ ничего не зналъ о томъ, что на ней случилось: и мудрено было бы знать! Далѣе, говоря, что ни отъ Пушкина, ни отъ Гекерена ничего не слыхалъ о причинахъ дуэли, князь Вяземскій умалчиваетъ о томъ, что очень много слыхалъ объ этихъ причинахъ отъ другихъ лицъ, а также и о томъ, котораго Гекерена онъ разумѣетъ, Гекерена или Дантеса. Нельзя не отмѣтить этого благоразумнаго увилыванія, которое, кстати сказать, совершенно согласно съ видами графа Бенкендорфа, много способствовало обленію Дантеса, въ показаніяхъ друзей Пушкина, столь рѣшительно осуждавшихъ въ послѣдствіи письменно и устно нравственный характеръ поэта, хотя

и съ оговорками о смягчающихъ его вины обстоятельствахъ. 8-го же февраля штабъ-лѣкаръ Стефановичъ рапортовалъ комиссиі: освидѣтельствовавъ Дантеса, онъ, «кромѣ припухлости и чувствительности при дотрогиваніи къ раненому мѣсту, другихъ болѣзненныхъ припадковъ не замѣтилъ», а потому полагаетъ, что подсудимый «и можетъ содержаться на гауптвахтѣ въ особой сухой и теплой комнатѣ, которая бы, слѣдовательно, ничѣмъ не отличалась существенно въ отношеніи къ его здоровью отъ занимаемой имъ теперь квартиры». Этотъ рапортъ, показаніе князя Вяземскаго съ приложеніями, увѣдомленіе о явкѣ къ суду Данзаса и письма Пушкина, полученныя отъ государя черезъ графа Нессельроде, были выслушаны въ засѣданіи 9 февраля комиссіею, которая и опредѣлила, между прочимъ, перевести французскія письма въ присутствіи комиссиі на русскій діалектъ и доложить комиссиі вновь, а также увѣдомить полкового командира о результатахъ освидѣтельствованія Дантеса. Затѣмъ въ засѣданіяхъ 10-го и 11-го февраля были вновь допрошены и передопрошены Дантесъ и Данзасъ (ихъ показанія по частямъ приведены выше), а въ засѣданіи 12-го февраля, выслушавъ ихъ объясненія и формулярный и кондуитный списки Данзаса, комиссіа опредѣлила еще разъ допросить Дантеса. По полученіи его объясненій, комиссіа въ засѣданіи 13-го февраля опредѣлила «вышеупомянутое объясненіе приобщить къ дѣлу и привести оное немедленно къ окончательному рѣшенію, сочинить изъ него выписку, прибрать приличные къ преступленію подсудимыхъ законы, на основаніи оныхъ заключить сентенцію, съ подсудимыхъ въ томъ, что имъ при производствѣ суда сего никакихъ пристрастныхъ допросовъ чинено не было, взять на основаніи указа 6 ноября 1804 года подписку, о прикосновенныхъ иностранныхъ лицахъ и о мѣрѣ прикосновенности ихъ составить особую записку и потомъ дѣло представить на благоусмотрѣніе по командѣ». На это опредѣленіе аудиторъ Масловъ на слѣдующій же день представилъ рапортомъ весьма характерный протестъ: «По лежащей на мнѣ обязанности, изложенной воинскихъ процессовъ I-й главы въ пунктахъ 7-мъ и 8-мъ, и соображаясь съ указомъ 1802 года августа 18 съ пунктомъ 15-мъ, я по обстоятельствамъ означеннаго дѣла считалъ бы излишнимъ потребовать чрезъ С.-Петербургскаго оберъ-полицеймейстера установленнымъ порядкомъ отъ жены камергера Пушкина объясненіе въ томъ именно: 1) не извѣстно ли ей, какія именно безыменные письма получилъ покойный мужъ ея, которыя вынудили его написать 26 числа минувшаго генваря къ нидерландскому посланнику барону Гекерену оскорбительное письмо, послужившее, какъ по дѣлу видно, причиною къ вызову подсудимымъ Гекереномъ его, Пушкина, на дуэль; 2) какія подсудимый Гекеренъ, какъ онъ самъ сознается, писалъ къ ней, Пушкиной, письма или записки, кои покойный мужъ ея въ письмѣ къ барону Гекерену отъ 26 генваря называетъ дурачествомъ,

гдѣ всѣ сіи бумаги нынѣ находятся, равно и то письмо, полученное Пушкинымъ отъ неизвѣстнаго еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ которомъ виновникомъ распри между подсудимымъ Гекереномъ и Пушкинымъ названъ нидерландскій посланникъ баронъ Гекеренъ, и вслѣдствіе чего Пушкинъ еще прежде сего вызывалъ подсудимаго Гекерена на дуэль, но оная не состоялась потому, что подсудимый Гекеренъ предложилъ жениться на его свояченицѣ, а ея сестрѣ; и 3) изъ письма умершаго подсудимаго Пушкина видно, что посланникъ, баронъ Гекеренъ, когда сынъ его, подсудимый Гекеренъ, по болѣзни былъ одержанъ дома, говорилъ женѣ Пушкиной, что сынъ его умираетъ отъ любви къ ней, и шепталъ возвратитъ ему его, а послѣ уже свадьбы Гекерена, какъ Пушкинъ 27 числа генваря у графа д'Аршіака въ присутствіи секунданта своего Данзаса объяснилъ, что они, Гекерены, дерзкимъ обхожденіемъ съ женой его при встрѣчахъ въ публикѣ давали поводъ къ усилению поносительнаго для чести ихъ, Пушкиныхъ, мнѣнія: посему я считалъ бы нужнымъ о поведеніи гг. Гекереновъ въ отношеніи обращенія ихъ съ Пушкиною взять отъ нея также объясненіе. Если же комиссіи военнаго суда неблагоугодно будетъ истребовать отъ вдовы Пушкиной по вышеизложеннымъ предметамъ объясненія, то я всепокорнѣйше прошу, дабы за ущущеніе своей обязанности не подвергнуться мнѣ отвѣтственности, рапортъ сей приобщить къ дѣлу для видимости высшаго начальства». Однако этотъ протестъ въ засѣданіи 14-го февраля былъ комиссіей оставленъ безъ послѣдствій, «дабы безъ причины не оскорбить г-жу Пушкину требованіемъ изложенныхъ въ рапортѣ аудитора Маслова объясненій», такъ какъ комиссія, имѣвъ въ виду обстоятельства дѣла, нашла таковое «довольно яснымъ». Однако на слѣдующій день въ комиссію поступилъ дополнительный рапортъ Данзаса, также приведенный выше по частямъ, а 16-го были получены чрезъ дивизионнаго командира графа Апраксина доставленные къ нему по высочайшему повелѣнію шефомъ жандармовъ найденныя между бумагами Пушкина письма, записки и визитная карточка д'Аршіака съ его собственноручною надписью. Это были записки д'Аршіака по поводу дуэли и письмо Гекереновъ съ вызовомъ. Въ тотъ же день въ двухъ засѣданіяхъ комиссія слушала эти документы въ подлинникѣ и сдѣланномъ между тѣмъ переводѣ и рапортъ Данзаса и затѣмъ постановила привести дѣло къ окончанію по опредѣленію своему 13-го февраля. Затѣмъ 19-го февраля состоялось послѣднее засѣданіе комиссіи, на которомъ отъ подсудимыхъ была отобрана подписка въ томъ, что имъ не было чинимо при-страстныхъ допросовъ, и прочитана имъ выписка изъ дѣла, правильность которой они собственноручно засвидѣтельствовали. Законы были приведены слѣдующіе:

Указомъ 1702 года генваря 14-го повелѣно: «Всѣмъ обрѣтающимся въ Россіи и въѣзжающимъ иностраннымъ поединковъ ни съ

какимъ оружіемъ не имѣть и для того никого не вызывать и не выходить; а кто, вызвавъ на поединокъ, ранить, тому учинена будетъ смертная казнь; ежели-жъ кто, и не бывъ на поединкѣ, поссорясь, вынетъ какое оружіе, на другого замахнется, у того по розыску отсѣчена будетъ рука».

Воинскаго сухопутнаго устава артикулами:

139-мъ. «Всѣ вызовы, драки и поединки чрезъ сіе наижесточайше запрещаются такимъ образомъ, чтобъ никто, хотя-бъ кто онъ ни былъ, высокаго или низкаго чина, прирожденный здѣшній или иноземецъ, хотя другой кто, словами, дѣломъ, знаками или инымъ чѣмъ къ тому побужденъ и раззадоренъ быть, отнюдь не дерзаль соперника своего вызывать, ниже на поединокъ съ нимъ на пистолетахъ или на шпагахъ биться. Кто противъ сего учинить, оный всеконечно, какъ вызыватель, такъ кто и выйдетъ, имѣеть быть казненъ, а именно повѣшенъ, хотя изъ нихъ кто будетъ раненъ или умерщвленъ, или хотя оба не ранены отъ того отойдутъ. И ежели случится, что оба или одинъ изъ нихъ въ такомъ поединкѣ останется, то ихъ и по смерти за ноги повѣсить».

140-мъ. «Ежели кто съ кѣмъ поссорится и упроситъ секунданта (или посредственника), онаго купно съ секундантомъ, ежели пойдутъ и захотятъ на поединкѣ биться, такимъ же образомъ, какъ и въ прежнемъ артикулѣ упомянуто, наказать надлежитъ».

142-мъ. «Для остереганія всякаго случая, надлежитъ при зачатіи такихъ дракъ постороннимъ ссорящихся пріятельски помирить искать и, ежели того не могутъ учинить, то немедленно по карауламъ послать или самимъ сходить и о такомъ дѣлѣ объявить, дабы карауль ихъ развести или при нужномъ случаѣ за арестъ взять могъ; кто сего не учинить, оный такожь, яко и виноватый, накажется».

Манифеста о поединкахъ 1787 года апрѣля 21-го, пункты:

3. «Подтверждается запрещеніе словами или письмомъ или пересылкою вызывать кого на драку, или такъ прозванный поединокъ».

4. «Подтверждается запрещеніе вызванному словами, письмомъ или пересылкою выходить на драку или поединокъ».

Въ сентенціи, то-есть приговорѣ, комиссія, кратко изложивъ обстоятельства дѣла въ чрезвычайно неблагожелательномъ къ Пушкину тонѣ и напротивъ крайне снисходительно въ отношеніи Дантеса, найдя, въ заключеніе, «какъ его, такъ и камергера Пушкина виновными въ произведеніи строжайше запрещеннаго законами поединка, а Гекерена и въ причиненіи пистолетнымъ выстрѣломъ Пушкину раны, отъ коей онъ умеръ, приговорила: подсудимаго поручика Гекерена за таковое преступное дѣйствіе по силѣ 139 артикула воинскаго сухопутнаго устава и другихъ подъ выпискою подведенныхъ законовъ повѣсить, каковому наказанію подлежалъ бы и подсудимый камергеръ Пушкинъ, но какъ онъ уже умеръ, то сужденіе его за смертію прекратить; а подсудимаго подполковника

Данзаса, хотя онъ и объясняетъ комиссіи, что при изъявленіи согласія быть посредникомъ при вышеобъясненномъ происшествіи спрашивалъ секунданта съ противной стороны графа д'Арпіака, не имѣеть ли средствъ къ примиренію ссорящихся, который отозвался, что нѣтъ никакихъ, но, какъ не поступилъ по всей силѣ 142 воинскаго артикула, не донесъ заблаговременно начальству о предпринимаемомъ ими зломъ умыслѣ и тѣмъ допустилъ совершиться дуэли и самому убійству, которое отклонить еще были способы, то его, Данзаса, по долгу вѣрноподданнаго не исполнившаго своей обязанности, по силѣ 140 воинскаго артикула повѣситъ; каковой приговоръ подсудимымъ поручику барону Гекерену и инженеръ-подполковнику Данзасу объявить (и объявленъ), а до восполнѣнія надъ ними конфирмаціи, на основаніи доклада генераль-аудитора князя Салагова отъ 18 іюля 1802 года, содержать подъ строгимъ карауломъ».

По заключеніи военно-судное дѣло поступило на отзывъ по командѣ. Не имѣя здѣсь возможности подвергать мнѣнія начальниковъ, какъ они заслуживаютъ, подробному разбору, мы ограничимся краткой ихъ передачею. Командиръ Кавалергардскаго полка генераль Гринвальдъ въ общемъ призналъ Дантеса кругомъ виноватымъ, но въ снисхожденіе къ его «молодымъ лѣтамъ» и къ тому, что онъ былъ «движимъ чувствами сына защищать честь оскорбленнаго отца своего (хотя сему, быть можетъ, самъ былъ причиною)», полагалъ, вмѣсто повѣшенія, лишивъ его всѣхъ правъ и преимуществъ, разжаловать въ рядовые съ опредѣленіемъ въ дальніе гарнизоны на службу; Данзаса же, хотя и виновнаго въ недонесеніи о дуэли и потому подлежащаго равному наказанію, не лишая дворянства, а только знаковъ отличія, разжаловать въ рядовые до отличной выслуги съ опредѣленіемъ въ армейскіе полки, во вниманіе къ его долговременной безпорочной службѣ, бытности въ походахъ и полученной равнѣ. Бригадный командиръ, баронъ Мейендорфъ, не входя въ разсмотрѣніе вины Дантеса, но считая приговоръ комиссіи правильнымъ, полагалъ однако же, хотя и безъ всякой мотивировки, кромѣ ссылки на монаршее милосердіе, достаточнымъ подвергнуть его тому же наказанію, какъ и генераль Гринвальдъ, прибавляя только, что разжаловать слѣдуетъ безъ выслуги и опредѣлить въ кавказскій отдѣльный корпусъ; къ Данзасу же отнесся еще снисходительнѣе, полагая его только выдержать въ крѣпости въ казематѣ 6 мѣсяцевъ со строгимъ послѣ того подтвержденіемъ, чтобы при подобныхъ случаяхъ ссору старался прекратить миролюбно и прибавляя къ мотивировкѣ генерала Гринвальда то соображеніе, что Данзасъ вовлеченъ былъ въ преступленіе «изъ уваженія къ Пушкину, съ коимъ, по собственному его чистосердечному предъ судомъ объясненію видно имѣлъ товарищество и дружбу съ дѣтства». Еще мягче отнесся къ подсудимымъ дивизионный коман-

диръ, графъ Апраксинъ, хотя и отмѣтилъ въ мотивировкѣ нѣсколько подробностей, едва ли оправдывающихъ такую снисходительность. Упомянувъ, на примѣръ, что Дантесъ назвалъ первый вызовъ Пушкина «безпричиннымъ» (выше мы указали, что эти слова вѣрнѣе было бы понимать въ смыслѣ «немотивированный»), графъ Апраксинъ указываетъ его признаніе о запискахъ къ Пушкиной, которое, «слѣдовательно, не отклоняетъ ничѣмъ подозрѣній» противника. Далѣе, сопоставляя показаніе Дантеса, будто всѣ его сношенія съ Пушкиною состояли только «въ учтивостяхъ», съ упреками Пушкина «въ дерзкомъ обращеніи съ женой его», находитъ, что «для приведенія сего въ ясность» слѣдовало бы допросить Пушкину, предоставляя это впрочемъ на усмотрѣніе начальства. За всѣмъ тѣмъ графъ Апраксинъ полагалъ Дантеса разжаловать въ рядовые впредь до отличной выслуги (безъ мотивировки, съ одною ссылкою на монаршее милосердіе), Данзаса же, «который введенъ былъ въ сіе дѣло внезапно и который имѣлъ надеждой и первымъ желаніемъ помирить противниковъ» и во вниманіе къ его служебнымъ заслугамъ, «не лишая кровью его заслуженныхъ почестей, продержатъ въ крѣпости 4 мѣсяца и потомъ обратитъ попрежнему на службу». Корпусный командиръ, генералъ Кноррингъ, относительно Данзаса въ мотивировкѣ и выводѣ всецѣло присоединился къ мнѣнію графа Апраксина; къ Дантесу же отнесся немного строже, прибавивъ къ разжалованію въ рядовые впредь до отличной выслуги еще «преданіе церковному покаянію, выдержавъ притомъ въ крѣпости шесть мѣсяцевъ въ казематѣ», мотивируя смягченіе законнаго наказанія тѣмъ, что Дантесъ былъ «движимъ чувствованіями сына въ защитенію чести оскорбленнаго отца». Изложеніе имъ дѣла вполнѣ безпристрастно по тону и оттого благопріятно Пушкину, а, кромѣ того, имъ дважды отмѣчена невыясненность дѣла. Командиръ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, генералъ Бистромъ, относительно Данзаса присоединился къ графу Апраксину и генералу Кноррингу, полагая, въ виду служебныхъ заслугъ, достаточнымъ, вмѣнивъ ему въ наказаніе бытность подъ судомъ, выдержать на гауптвахтѣ въ крѣпости четыре мѣсяца и затѣмъ обратитъ попрежнему на службу, относительно же Дантеса нѣсколько видоизмѣнилъ наказаніе, умолчавъ о церковномъ покаяніи, но найдя справедливымъ, лишивъ чиновъ и правъ состоянія, опредѣлить его рядовымъ впредь до отличной выслуги въ войска отдѣльнаго кавказскаго корпуса и выдержать въ крѣпости въ казематѣ шесть мѣсяцевъ, «такъ какъ относительно его нѣтъ въ виду никакихъ заслуживающихъ снисхожденія обстоятельствъ, ибо письмо камеръ-юнкера Пушкина къ посланику барону Гекерену съ выраженіями, весьма оскорбительными для чести обоихъ Гекереновъ, при строгомъ воспрещеніи дуэли, не могло давать права на таковое противозаконное самоуправіе; впрочемъ, всякое разсужденіе о семъ письмѣ безъ объясненія Пуш-

кина было бы односторонне—и въ особенности, если взять въ соображеніе, что заключающаяся въ томъ письмѣ чрезвычайная дерзость не могла быть написана безъ чрезвычайной же причины, которая токмо слабо объясняется показаніемъ подполковника Данзаса и сознаниемъ самого поручика Гекерена, что выраженія его въ запискахъ къ женѣ Пушкина могли возродить въ семь послѣднемъ щекотливость, какъ мужа». Относительно Пушкина генералы Гринвальдъ и графъ Апраксинъ совершенно умолчали, генераль Кюрингъ высказался, что онъ подлежалъ бы равному съ Дантесомъ наказанію, если бы остался живъ, баронъ Мейендорфъ полагалъ «относительно подсудимаго Пушкина, подлежавшаго наказанію въ равной степени съ поручикомъ Гекереномъ, сужденіе за смертію его оставить», а генераль Бистромъ— «о поступкѣ камергера Пушкина за смертію его оставить безъ дальнѣйшаго заключенія».

Съ этими мнѣніями, заключенными 27 и 28 февраля и 3, 6 и 11 марта, генераль Бистромъ въ тотъ же день препроводилъ дѣло въ аудиторіатскій департаментъ, увѣдомляя, что при «ревизіи этого дѣла въ штабѣ гвардейскаго корпуса замѣчены упущенія: 1) не спрошена по обстоятельствамъ, въ дѣлѣ значащимся, жена умершаго камергера Пушкина; 2) не истребованы къ дѣлу записки къ ней поручика барона Гекерена, которыя, между прочимъ, были начальною причиною раздраженія Пушкина; 3) не взято надлежащаго засвидѣтельствованія о причинѣ смерти камергера Пушкина, и 4) что не истребованъ былъ въ судъ особый переводчикъ для перевода писемъ и записокъ съ французскаго языка, а сдѣланы тѣ переводы самими членами суда, со многими ошибками, почему, хотя бы и слѣдовало возвратить означенное дѣло для изясненныхъ пополненій, но какъ главныя преступленія подсудимыхъ достаточно объясняются, то, дабы не замедлить въ дальнѣйшемъ его представленіи, генераль Бистромъ рѣшился препроводить оное въ такомъ видѣ, въ какомъ есть».

По предварительномъ разсмотрѣніи дѣла въ департаментѣ, оно 16-го марта было слушано генераль-аудиторіатомъ въ составѣ генерала-отъ-инфантеріи князя Шаховскаго, генерала-отъ-кавалеріи Игнатъева, генераль-лейтенантовъ Крыжановскаго, Полуехтова, Княжнина, Козена, Бѣлоградскаго, Берхмана и генераль-аудитора Ноинскаго. Послѣ пространнаго изложенія дѣла и привлеченія къ нему, кромѣ ст. 139 и 140 воинскаго сухопутнаго устава, еще ст. 168, т. IX и ст. 173, 174, 332, 334 и 349 — 357, т. XV Св. Зак. изд. 1832 года, генераль-аудиторіатъ постановилъ подробно мотивированную сентенцію, въ которой, между прочимъ, первымъ поводомъ къ дуэли призналъ «легкомысленное поведеніе барона Егора Гекерена, который оскорблялъ жену Пушкина своими преслѣдованіями, клонившимися къ нарушенію семейственнаго спокойствія и святости правъ супружескихъ». Въ мотивировкѣ приговора отмѣчено,

что, хотя Дантесъ по этой части и не сдѣлалъ точнаго признанія, однако «такое отрицательство не заслуживаетъ уваженія», ибо доказано, что онъ посылалъ Пушкиной неумѣстныя записки, что онъ еще въ ноябрѣ былъ вызванъ Пушкинымъ, и что выраженія Пушкина въ письмѣ къ Гекерену необъяснимы безъ важныхъ причинъ, отчасти поясняемыхъ самымъ содержаніемъ письма и объясненіями Пушкина въ присутствіи секундантовъ. Приговоръ опредѣлялъ: Дантеса, на основаніи воинскаго 139 артикула и ст. 352 т. XV Св. Зак. изд. 1832 года, «лишивъ чиновъ и пріобрѣтеннаго имъ російскаго дворянскаго достоинства, написать въ рядовые съ опредѣленіемъ на службу по назначенію инспекторскаго департамента», а Данзаса, хотя онъ на основаніи ст. 354 т. XV Св. Зак. изд. 1832 года и подлежалъ бы лишенію чиновъ, «вмѣнивъ ему въ наказаніе бытность подъ судомъ и арестомъ, выдержать сверхъ того подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ два мѣсяца и послѣ того обратитъ попрежнему на службу», «преступный же поступокъ самого камеръ-юнкера Пушкина, подлежавшаго равному съ подсудимымъ Гекереномъ наказанію за написаніе дерзкаго письма къ министру нидерландскаго двора и за согласіе принять предложенный ему противозаконный вызовъ на дуэль, по случаю его смерти предать забвенію». На подлинномъ опредѣленіи императоръ Николай Павловичъ 18-го марта собственноручно положилъ конфирмацію: «Быть по сему, но рядового Гекерена, какъ не-русскаго подданнаго, выслать съ жандармомъ за границу, отобразъ офицерскіе патенты».

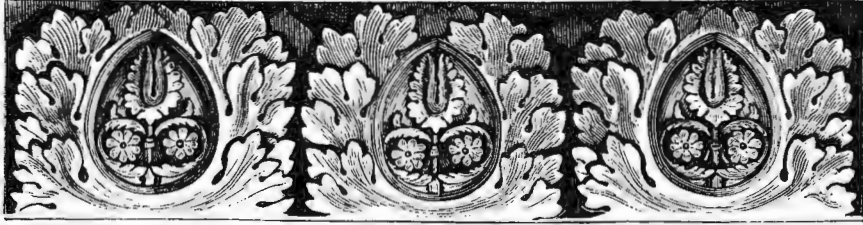
Въ тотъ же день высочайшая конфирмація была приведена въ исполненіе и подсудимые, по объявленіи имъ конфирмаціи, отправлены: Дантесъ—къ дежурному генералу главнаго штаба для дальнѣйшаго распоряженія о высылкѣ его за границу, а Данзасъ къ коменданту С.-Петербургской крѣпости. Приговоръ Дантесу былъ объявленъ въ высочайшемъ приказѣ 20 марта 1837 года. На этомъ кончается военно-судное дѣло, опубликованное П. М. Кауфманомъ. Однако существуютъ и другія архивныя свѣдѣнія, которыми всего умѣстнѣе заключить настоящую статью—о высылкѣ Дантеса¹⁾. 19-го марта въ 9 ч. утра къ нему явился жандармскаго дивизиона унтеръ-офицеръ Яковъ Новиковъ, долженствовавшій сопровождать его до границы. Въ 11 ч. ему было дозволено свиданіе съ отцомъ и женой. Объ этомъ свиданіи есть слѣдующее донесеніе (безъ титула): «По приказанію вашего превосходительства дозволено было рядовому Гекерену свиданіе съ женою его въ квартирѣ посланника барона Гекерена; при семъ свиданіи находились: жена рядового Гекерена, отецъ его—посланникъ и нѣкто графиня Строганова. При свиданіи я, вмѣстѣ съ адъютантомъ вашего превосходительства, гвардіи ротмистромъ Арцыбушевымъ, былъ безотлучно.

¹⁾ В. В. Никольскій. Идеалы Пушкина. 4-е изд. Спб. 1899. Стр. 135 слл.
«истор. вѣстн.», декабрь, 1899 г., т. LXXVIII.

Свиданіе продолжалось всего одинъ часъ. Разговоровъ, заслуживающихъ особаго вниманія, не было. Вообще въ разжалованномъ Гекеренѣ не замѣтно никакого неудовольствія; напротивъ, онъ изъяслялъ благодарность къ государю императору за милости къ нему и за дозволеніе, данное его женѣ, бывать у него ежедневно во время его содержанія подѣ арестомъ. Между прочимъ, говорилъ онъ, что по пріѣздѣ его въ Баденъ онъ тотчасъ явится къ его высочеству великому князю Михаилу Павловичу. Во все время свиданія рядовой Гекеренъ, жена его и посланникъ Гекеренъ были совершенно покойны; при прощаніи ихъ не замѣчено никакихъ особыхъ чувствъ. Рядовой Гекеренъ отправленъ мною въ путь съ наряженнымъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ въ 1^{3/4} по полудни». 23-го марта Дантесъ былъ уже въ Таурогенѣ. Унтеръ-офицеръ Новиковъ по возвращеніи донесъ, «что Гекеренъ во все время пути велъ себя смирно и весьма мало съ нимъ говорилъ, а при отъѣздѣ за границу далъ ему 25 рублей». Дантесъ просидѣлъ подѣ арестомъ на гауптвахтѣ въ крѣпости съ 19-го марта по 19-ое мая 1837 г.

Б. В. Никольскій.

ПО ФИНЛЯНДИИ.

(Путевые наброски и впечатлѣнія).

1.

РѢШИЛЪ воспользоваться выпавшимъ мнѣ на долю, въ половинѣ августа этого года, свободнымъ отъ занятій временемъ, чтобы сдѣлать поѣздку по Финляндіи, которую зналъ доселѣ очень мало, какъ и большинство моихъ соотечественниковъ.

Я началъ мою поѣздку съ Иматры, выбравъ путь къ водопаду наименѣе практикуемый, но наиболѣе, по моему мнѣнію, живописный, а именно черезъ Саймскій каналъ до Ретти-ярви и затѣмъ на лошадяхъ до самой Иматры.

Отваливъ отъ пристани въ Выборгѣ ровно въ 2 часа теплаго и яснаго дня, нашъ пароходъ быстро побѣжалъ по заливу Салаклаахти по направленію къ желѣзнодорожному мосту, и, слѣдуя вдоль живописныхъ береговъ залива Суоменведенъ-Похья, усѣяннаго островками, вошелъ въ узкій проходъ, на правомъ берегу котораго виднѣется загородный садъ Хуеніэми, оставляя за собой влѣво группы красивыхъ острововъ и типичныхъ сѣрыхъ камней. Миновавъ известное дачное мѣстечко Марковилла, гдѣ нѣкогда, много годовъ подрядъ, проводилъ лѣто, на своей роскошной дачѣ, нашъ знаменитый художникъ-медальеръ, бывший вице-президентомъ академіи художествъ, графъ Фѣдоръ Петровичъ Толстой, и принадлежащій баронамъ Николаи чудный паркъ Монрепо, пароходъ повернулъ на

востокъ, въ шлюзъ Лавола, возлѣ котораго всякое лѣто проживаетъ масса дачниковъ.

Затѣмъ мы вошли въ небольшое озеро Юстила-ярви съ чрезвычайно красивымъ островомъ Тингамосари, покрытымъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ, за которымъ возвышается высокая гора съ обнаженнымъ гранитнымъ склономъ, придающая мѣстности декоративный оттѣнокъ.

У шлюза Юстила нашъ пароходъ остановился: мы должны были пересѣсть на другой, такой же маленькій, быстрый пароходикъ, напоминающій собою лѣтніе петербургскіе пароходы, на которыхъ ѣздятъ «на острова».

Чрезвычайно красивый видъ на весь каналъ и озеро открывается съ моста надъ шлюзомъ, вблизи котораго возвышается сдѣланный изъ сѣраго полированного гранита памятникъ графу Розенкампфу, его строителю.

Слѣдуя по узкому каналу съ чудными живописными берегами, просящимися на полотно живописца, мы чрезъ озерко Парвилайненъ входимъ въ новый каналъ и подходимъ къ шлюзу Парвила.

По берегу канала разбросаны тонущія въ зелени хорошенькія дачки, виднѣясь издали бѣлыми маркизами на окнахъ и балконахъ.

Пройдя двойной шлюзъ, мы входимъ въ довольно значительное, продолговатое озеро Серки-ярви, окруженное дикими скалами, поросшими хвоей, что придаетъ мѣстности меланхолическій колоритъ.

Минуя изящныя виллы у начала озера, пароходъ круто сворачиваетъ на западъ и сейчасъ же снова мѣняетъ направленіе къ сѣверу; быстро промчавшись около двухъ километровъ, вдоль безлюдныхъ береговъ, мы вдругъ входимъ въ чрезвычайно эффектное ущелье канала Тайпала: надъ нами высятся почти отвѣсныя гранитныя скалы, озаренныя багрянцемъ заката, словно готовясь раздавить насъ въ своихъ холодныхъ объятіяхъ...

Это—красивѣйшая часть Саймскаго канала и достойна кисти художника.

Конецъ канала, выходящій въ озеро Ретти-ярви, проложенъ въ скалѣ, часть которой пришлось взорвать, чтобы проложить дальнѣйшій путь.

По берегамъ высятся богатые виллы и дачи... Озеро славится своими живописными видами. Его берега изрѣзаны многочисленными заливами и покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ; кое-гдѣ зеленѣютъ поля. По всему озеру разбросаны островки.

Мы быстро несемся по озеру и пристаемъ къ берегу.

Вотъ и конецъ пути... Здѣсь нужно ждать и пересаживаться въ дилижансъ, который уже ожидаетъ путниковъ у маленькаго рестораника «Иматра», виднющагося на крутомъ берегу передъ нами.

До 1856 года бассейнъ Саймы не былъ соединенъ съ моремъ, и до этого времени торговля восточной Финляндіи была весьма незна-

чительна. Попытки прорыть каналъ были еще въ XVII столѣтіи, но изъ нихъ ничего не вышло, частью въ виду отсутствія необходимаго для такого грандіознаго предпріятія капитала, частью же по недостатку въ ту эпоху техники для борьбы съ гранитомъ, въ которомъ предполагалось проложить каналъ.

Лишь въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія снова возобновились энергичныя хлопоты о прорытіи Саймскаго канала, но къ работамъ приступлено было лишь въ 1843 году, по высочайше утвержденному плану. Работы были закончены только черезъ тридцать лѣтъ. Главнымъ руководителемъ работъ былъ шведскій инженеръ К. Эриксонъ. Стоимость этого сооруженія обошлась Финляндіи всего въ 12.381.000 съ небольшимъ марокъ, т. е. золотомъ немного болѣе 3.000.000 рублей. Эта цифра невольно поражаетъ своей сравнительной незначительностью, если принять въ соображеніе солидность сооружения и тѣ громадныя препятствія, съ которыми приходилось бороться строителямъ. Весь каналъ тянется на разстояніи 59 километровъ, изъ которыхъ 32 километра были высѣчены въ гранитныхъ скалахъ. Разница въ уровнѣ воды Саймскаго канала и Финскаго залива, послужившая причиной устройства многочисленныхъ шлюзовъ по всему протяженію канала, равняется 76 метрамъ. Ширина канала, въ наиболѣе узкомъ мѣстѣ, составляетъ 11 съ небольшимъ метровъ, а глубина его 2 метра. Всѣхъ шлюзовъ на Саймскомъ каналѣ 28.

Начинало замѣтно темнѣть... Мы ѣхали по мѣстности, не отличавшейся ни красотой, ни разнообразіемъ ландшафта. Иногда, впрочемъ, открывались красивыя перспективы на озера.

За почтовой станціей, гдѣ мы перемѣнили лошадей, путь становится шире и не такъ часто, какъ прежде, приходится ѣхать въ гору, что очень скучно, такъ какъ въ такихъ случаяхъ финскія лошади идутъ обыкновенно совсѣмъ шагомъ.

Мѣстность нѣсколько оживилась, когда мы проѣхали большую деревню Бентола съ выселкомъ Санака, расположеннымъ на берегу озера Сокума-ярви: дорога идетъ здѣсь густымъ лѣсомъ...

Взошла луна и своимъ мягкимъ серебристымъ свѣтомъ освѣтила ели и сосны, въ перемѣшку съ березами, заглядывавшія въ окна дилижанса... Ночь была холодноватая и влажная...

Но вотъ мы проѣхали небольшую деревеньку Нетримяки и, спустя немного, слышали вдали сначала невнятный, а потомъ все болѣе и болѣе сердитый шумъ,—то бурлила съ немолчнымъ гуломъ и ревомъ Иматра.

Еще немного—и сквозь деревья лѣса заблестали огни сверкавшей электрическимъ освѣщеніемъ гостиницы, носящей названіе водопада, къ которой и подкатилъ нашъ дилижансъ, проѣхавъ разстояніе въ 36 километровъ, отдѣляющее Ретти-ярви отъ Иматры, въ четыре съ половиною часа.

II.

Полюбовавшись лишній разъ своеобразною и дикою красотой Иматы, хорошо известной петербуржцамъ и знакомой мнѣ раньше, и побывавъ на «Малой Иматрѣ»,—красивомъ водопадѣ Валинкоски, въ 6-ти километрахъ отъ Иматы, также охотно посѣщаемомъ туристами, я поѣхалъ дальше.

Я сѣлъ на финляндскую телѣжку и выѣхалъ, въ 11 часовъ утра слѣдующаго дня, въ Якосенранту, прибрежное мѣстечко у озера Саймы, откуда пересѣлъ на пароходъ, идущій въ Вильманстрандъ.

Пароходъ отошелъ отъ пристани въ 12 часовъ, а въ половинѣ третьяго подходилъ уже къ Вильманстранду.

Хотя мы плыли по озеру, но насъ, по пути, особенно вначалѣ, довольно сильно покачивало...

По прибытіи, я, по совѣту капитана, велѣлъ отвезти себя въ гостиницу «Сocietэ» (Societetshuset), но не рѣшился тамъ остановиться: она показалась мнѣ грязноватой, къ тому же въ общей залѣ, смежной съ номерами, галдѣла, за пивомъ и закуской, компанія квартирующихъ здѣсь финскихъ драгуновъ, и я испугался, что мнѣ, пожалуй, часто придется слушать этотъ концертъ...

Я взялъ комнату въ тихой и скромной «гостиницѣ Эриксона», близъ финской народной школы, на улицѣ Ленротсгатанъ, и пошелъ смотрѣть городъ.

Къ великой моей радости и немалому удивленію, я совершенно неожиданно встрѣтилъ на одномъ изъ перекрестковъ стараго моего знакомаго, русскаго нѣмца изъ Балтійскаго края, который недавно женился и завелъ свое ремесло въ Вильманстрандѣ.

Послѣ обычныхъ возгласовъ и привѣтствій, я съ любопытствомъ сталъ спрашивать моего знакомаго о его житьѣ-бытьѣ въ Финляндіи.

— Ну, довольны ли вы вашей здѣшней жизнью?
 — Откровенно говоря, не доволенъ...
 — А что?
 — Да общества тутъ совѣмъ никакого нѣтъ... Приходится жить особнякомъ.

— Но, вѣдь, вы знаете немного по-финляндски, вѣдь вы здѣсь уже второй годъ!

— Но что же въ этомъ толку? Съ финляндцами сойтись трудно... Они несвоихъ чуждаются, упорно отъ нихъ сторонятся... Если бы я и завелъ даже знакомства съ мѣстными ремесленниками и купцами изъ финляндцевъ, то врядъ ли отъ этого выигралъ бы. О чемъ мы станемъ говорить? У насъ совершенно различные интересы! Здѣсь всѣ заняты внутренней политикой, а участвовать въ такихъ разговорахъ мнѣ, какъ русскому (несмотря на мое происхо-

Берега Саймского канала.

ждение), по образу мыслей и воспитанію, было бы крайне тяжело, почти невыносимо: соглашаться съ моими собесѣдниками въ ихъ воззрѣніяхъ на финляндскій вопросъ я не сталъ бы, а спорить съ ними... къ чему бы это привело?

— Значить, такъ и сидите все у себя?

— Такъ и сидимъ съ женой въ своемъ углу.

— Ну, а здѣшніе русскіе?

— Ихъ, вѣдь, всего горсточка... Конечно, видимся изрѣдка, а много-то и некогда: свое дѣло поглощаетъ массу времени...

Вильманстрандъ (по-фински Лаперранта) красиво расположился на южномъ берегу Саймы и славится своей живописной мѣстностью и сухимъ, здоровымъ воздухомъ.

Въ прежніе годы сюда всякое лѣто пріѣзжало много дачниковъ и больныхъ, чтобы пользоваться водолѣчебнымъ заведеніемъ и морскими купаньями. Сюда стекались, главнымъ образомъ, слабогрудые, страдающіе нервными недугами и переутомленные. Но вотъ уже два года, какъ Вильманстрандъ замѣтно пустуетъ, что объясняется, какъ я слышалъ, неумѣлымъ веденіемъ дѣла въ водолѣчебницѣ и скукой, царящей въ курзалѣ, гдѣ прежде устраивались танцевальныя вечера и всякій день играла музыка.

— Теперь этого уже давно нѣтъ, — объяснилъ мнѣ мой балтійскій пріятель: — въ это лѣто мы и музыки-то въ курзалѣ почти-что вовсе не слышали... Въ прошлое лѣто здѣсь было семействъ тридцать пріѣзжихъ, а въ этотъ сезонъ и пятнадцати, пожалуй, не набралось бы... Это малолюдство объясняется, впрочемъ, и еще однимъ обстоятельствомъ...

— Чѣмъ же именно?

— Да ужъ очень прокричали въ вашихъ газетахъ, что теперь въ Финляндіи жить русскимъ нельзя, что имъ, будто, чухны причиняютъ всякія непріятности... Но, увѣряю васъ, это все ложные страхи и преувеличенія!

— Но, вѣдь, согласитесь, мой другъ, — возразилъ я, — что нѣтъ дыма безъ огня...

— Конечно, послѣ послѣднихъ правительственныхъ мѣръ въ чисто русскомъ духѣ въ отношеніи Финляндіи — чему можно только порадоваться — здѣсь существуетъ нѣкоторое раздраженіе, но оно, повѣрьте, сводится къ газетнымъ разглагольствованіямъ и не принимаетъ тѣхъ размѣровъ, о которыхъ такъ краснорѣчиво писалъ финляндскій корреспондентъ одной большой московской газеты.

На главной улицѣ города (*Stora handelsgatan*) — очень красивый домъ мѣстной ратуши съ изящнымъ предъ нимъ маленькимъ скверомъ. Тутъ же высокая каланча пожарной команды вольной дружины. Вблизи, на Родгусской улицѣ, большой помѣстительный домъ, съ тѣнистымъ садомъ, помѣщичьяго типа: онъ предназначенъ для пріѣзда высочайшихъ особъ. Въ послѣдній разъ, лѣтомъ этого года,

въ немъ останавливался его императорское высочество великій князь Владиміръ Александровичъ. На главной же улицѣ города высится лютеранская кирка ординарной архитектуры, окруженная густыми деревьями. Главная улица упирается въ городской садъ, который примыкаетъ къ бастионамъ прежнихъ укрѣпленій.

Въ районѣ, занимаемомъ крѣпостью, справа пріютилась небольшая православная церковка, построенная въ 1786 г. По другую сторону русскія казармы; далѣе, влѣво, на высокомъ холмѣ длинное, низкое, кирпичное зданіе тюрьмы.

Когда мы проходили мимо казармъ, изъ воротъ вышелъ взводъ солдатиковъ въ походной амуниціи и, весело маршируя по направлению къ городу, молодецки затынуль:

Внизъ по матушѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью!..

Какъ-то дико было слышать эту чисто русскую народную пѣсню здѣсь, въ глубинѣ Финляндіи... И странно было слышать ее и вмѣстѣ отрадно...

— Это куда же они теперь пошли?—спросили мы попавшагося намъ навстрѣчу стараго браваго солдата.

— А, значитъ, на родину, въ Расею, ваше выскородье, — отвѣчалъ солдатъ. — Отбыли свой срокъ воинской службы и къ себѣ возвращаются!..

Это «въ Расею» невольню кольнуло ухо...

Въ западной противоположной части города, за рельсами желѣзной дороги, большую площадь занимаютъ казармы стоящаго здѣсь Финскаго драгунскаго полка.

Отъ крѣпости влѣво, по берегу Саймы, тянется форштадтъ, гдѣ обыкновенно и живутъ дачники въ лѣтнее время.

Послѣ обѣда мы поднимались на устроенную городомъ на крутомъ холмѣ, вблизи желѣзнодорожнаго пути, высокую башню, откуда открывается дивный видъ на Вильманстрандъ и озеро, а вечеръ закончили въ ресторанѣ «Patria», противъ городского сада, лучшимъ изъ остальныхъ.

Всюду на столахъ были разложены всевозможныя мѣстныя газеты.

— Ну, а какъ держитъ себя ваша печать?—полюбопытствовалъ я спросить у моего спутника.

— Здѣсь газетъ видимо-невидимо, и большихъ, и маленькихъ, и шведоманскаго, и финноманскаго направленія, и всѣ онѣ разсуждаютъ о политикѣ и такъ или иначе стоятъ за финскую независимость и финскія привилегіи... Онѣ теперь частенько несутъ кары. Не такъ давно, кажется, весной этого года, была на три мѣсяца пріостановлена здѣшняя газетка,—и, представьте, горожане устроили сочувственную редактору демонстрацію предъ редакціей газеты, пѣли національныя пѣсни и говорили рѣчи... Конечно, ихъ попросили разойтись.

Городъ Вильманстрандъ присоединенъ къ Россіи въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, въ 1743 году. Въ теченіе всего своего существованія городъ не игралъ никакой роли ни въ торговомъ, ни въ политическомъ отношеніи.

Въ 1781 г. фельдмаршалъ Ласси нанесъ, въ окрестностяхъ города, пораженіе шведамъ и взялъ въ плѣнъ начальника отряда, барона Врангеля. Въ 1790 г. шведы одержали здѣсь побѣду надъ русскими войсками, при чемъ въ кровополитномъ сраженіи былъ убитъ принцъ Ангальтъ-Шаумбургскій.

Вслѣдствіе плохого географическаго положенія, а также отсутствія удобныхъ путей сообщенія, торговая дѣятельность Вильманстранда заключалась лишь въ мелкихъ операціяхъ мѣстныхъ торговцевъ, по преимуществу изъ русскихъ огородниковъ. Товаръ шелъ съ сѣвера прямо въ Выборгъ, помимо Вильманстранда, стоящаго въ сторонѣ отъ водяного пути. Все это дѣлало Вильманстрандъ долгое время захолустьемъ самаго типичнаго свойства, но за послѣднее время городокъ сильно оживился, чему способствовалъ рельсовый путь, соединившій его, въ 1885 г., съ остальными пунктами Финляндіи.

III.

На слѣдующее утро со мной стали уже приключаться разныя маленькія затрудненія, происходящія отъ моего незнанія мѣстныхъ нарѣчій т. е. финскаго и шведскаго языковъ, на которыхъ говоритъ населеніе Финляндіи. Правда, во время моей продолжительной поѣздки по финляндскому краю мнѣ очень часто помогалъ нѣмецкій языкъ, который здѣсь нерѣдко понимаютъ финляндцы, шведы же знаютъ довольно изрядно, но въ данномъ случаѣ, въ злополучномъ «отелѣ» г. Эриксона, прислуга употребляла только свой родной финскій языкъ и не отличалась понятливостью.

Только при помощи знаковъ удалось мнѣ дать понятъ рыжеволосой и низкорослой прислужницѣ съ тупымъ выраженіемъ лица, что мнѣ хотѣлось бы видѣть мои щиблеты вычищенными...

Подали кофе, но при немъ не оказалось ни хлѣба, ни масла... Опять начались непроезжительныя объясненія, кончившіяся тѣмъ, что я пошелъ самъ въ буфетъ и, по счастью, нашелъ тамъ, что мнѣ было нужно.

Я прогулялся еще разъ по городу и хотѣлъ зайти въ садъ курзала, но объ этомъ и думать было нечего! Въ этомъ году замѣчались сильное поднятіе воды въ Саймскомъ бассейнѣ, и всюду въ Финляндіи низины оказались затопленными. Садъ курзала былъ подъ водой уже болѣе двухъ недѣль, и лѣчебный лѣтній сезонъ въ Вильманстрандѣ закончился въ этомъ году необычайно рано. Точно также оказался окруженнымъ водою и пивной заводъ, на берегу залива.

Кое-какъ любители финляндскаго пива, очень невкуснаго и жидкаго, пробирались туда по мосткамъ, рискуя провалиться въ воду...

Въ 6 ч. 30 м. по полудни я выѣхаль, на большомъ пароходѣ «Конкордія», въ Нейшлотъ.

IV.

Ровно чрезъ двѣнадцать часовъ, въ половинѣ седьмого утра слѣдующаго дня, я былъ въ Нейшлотѣ.

Ночью, послѣ 12 ч., пароходъ долго стоялъ въ Пуумалѣ, большомъ селеніи на берегу залива того же имени, игравшемъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ значительную стратегическую роль солиднаго укрѣпленія.

Городъ Нейшлотъ лежитъ на островахъ, омываемыхъ съ двухъ сторонъ небольшими проливами, соединяющими озера Хабавеси (ольховое озеро) и Шюхляевеси, и называется по-фински Саволинна (замокъ Саво), будучи центромъ Саволакса или Саво, огромнаго района Финляндіи,—включающаго въ себѣ большую часть бассейна Саймы (Сайманъ-весистё) и территорію съ городами Вильманстрандомъ, С-тъ Михелемъ, Куопіо и Иденсальми.

Съ присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи область Саволаксъ была раздѣлена и вошла въ составъ Куопіоской, С-тъ Михельской и Выборгской губерній.

Будучи совершенно незначительнымъ уѣзднымъ городкомъ въ глуши Финляндіи, Нейшлотъ невольно привлекаетъ къ себѣ массу туристовъ своей замѣчательной красотой и прелестью мѣстоположенія. Онъ, какъ сказано, расположенъ на островкахъ, утопающихъ въ яркой зелени и соединенныхъ между собою мостами, граціозно перекинутыми надъ синими водами тихихъ озеръ. Маленькіе домики красиво уются въ садахъ, высокій шпиль кирки готически тянется въ поднебесье, а на городской площади живописныя группы продавцевъ и покупателей оживляютъ озаренный яркимъ солнцемъ ландшафтъ, напоминающій собою эффектную декорацію какой нибудь старинной нѣмецкой оперы или балета...

На улицѣ Олафа (Olafsgatan) высится зданіе реального училища, красивѣйшій домъ въ цѣломъ городѣ. На той же улицѣ помѣщается и православная церковь, во имя св. Захарія и Елисаветы, очень красивой внѣшности и грекрасно отдѣланная внутри, благодаря матеріальной поддержкѣ жертвователей, главнымъ образомъ купцовъ изъ Петербурга. Очень жаль, однако, что при нашей церкви въ Нейшлотѣ нѣтъ дома для причта. Рядомъ съ церковью было обширное, принадлежавшее казнѣ пустое мѣсто, которое какъ разъ подходило бы подъ устройство причтоваго дома, и объ уступкѣ этого именно мѣста православной церкви уже давно были начаты хлопоты. Къ величайшему прискорбію, онѣ не увѣнчались успѣхомъ, такъ

какъ, въ то время, какъ готовились сдѣлать рѣшительный шагъ для выясненія вопроса о возможности уступки церкви вышесказанной казенной земли, она оказалась уже подаренной казною городу Нейшлоту, и теперь церкви предстоитъ уже покупать у города нужное для устройства причтового дома мѣсто, если бы снова возникла мысль объ его постройкѣ.

Городъ дѣлится на старый и новый; между обѣими частями тянется мостъ, носящій названіе «длиннаго моста» (питка сильда). Тутъ же слѣва перекинутъ мостъ на живописный полуостровъ Вэрэсари, гдѣ на холмѣ расположено водолѣбное заведеніе съ крытой верандой, откуда открывается прелестный видъ. Вокругъ лечѣбницы разбитъ прекрасный паркъ (Брунспаркъ), въ срединѣ котораго возвышается гора съ башней на вершинѣ. Отсюда видны весь городъ и его дивныя окрестности съ восхитительной перспективой на сѣверъ. Отъ водолѣбницы изящный мостикъ ведетъ на хорошенькій островокъ Веркосари съ высокою гранитной скалою, откуда разстилается видъ на востокъ.

Въ «новомъ городѣ» помѣщаются народная школа, духовное управленіе, таможня и на небольшой возвышенности финская церковь.

V.

Лучшее украшеніе маленькаго Нейшлота—это живописныя развалины стараго замка Олафсборга, красиво и въ то же время угрюмо выступающаго на темномъ гранитѣ скалы небольшого острова, отдѣленнаго отъ города бурнымъ проливомъ Кюренсальми.

Вы подходите къ маленькой пристани, какъ разъ противъ замка, и звоните въ колоколъ, привязанный къ толстому столбу. Медленно и гулко разносятся по поверхности воды его звуки и еще не успѣютъ замолкнуть, какъ со стороны замка показывается лодка со старикомъ сторожемъ, который перевозитъ васъ на островъ и водить по замку.

Въ замкѣ уцѣлѣли еще три толстыя башни, съ необъятными стѣнами и узенькими бойницами, изъ которыхъ «Колокольная» и «Церковная», какъ наиболѣе древнія, представляютъ немало интереса.

«Колокольная башня» (Klocktornet) получила свое названіе по висѣвшимъ въ былые годы (замокъ выстроенъ въ 1475 году), на ея верхней галлерей, церковнымъ колоколамъ и замковымъ часамъ. Во второмъ этажѣ еще доселѣ сохранилась круглая комната, служившая казематомъ, окруженная галлереей съ бойницами. Этажемъ ниже было жилое помѣщеніе, гдѣ, какъ предполагаютъ, были сосредоточены ратники и стража замка.

Въ нижнемъ этажѣ «Церковной башни» помѣщался самъ хозяинъ и основатель замка—славный рыцарь Эрикъ Тоттъ, принад-

Городъ Вильманstrandъ.

лежавшій къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ шведской аристократіи, представители котораго покоятся въ особомъ семейномъ склепѣ, подъ плитами стариннаго собора въ Або, о достопримѣчательностяхъ котораго я скажу въ своемъ мѣстѣ. Въ третьемъ этажѣ этой башни находилась нѣкогда часовня, стѣны которой трудно разсмотрѣть за отсутствіемъ свѣта, слабо проникающаго въ узкія окна. Въ верхнемъ, пятомъ, этажѣ башни была женская половина.

Въ стѣнахъ прежнихъ укрѣпленій, окружающихъ небольшой дворъ, помѣщалась, между описанными башнями, замковая церковь, которая была одно время православной церковью, передѣланной изъ лютеранской кирки, съ переходомъ замка во власть Россіи. Теперь въ этомъ помѣщеніи, свѣтломъ и просторномъ, висятъ старинныя доспѣхи и гербы владѣтелей замка и сохраняются перенесенныя сюда, какъ мнѣ передавали, изъ разрушенной, во время войны Россіи съ Швеціей, финской церкви, подъ Нейшлотомъ, древнія изображенія красками Адама и Евы, лицъ Библии и апостоловъ, на деревянныхъ доскахъ. Такъ я видѣлъ здѣсь поблекшія отъ времени изображенія 4 евангелистовъ, Іуды Искаріота (съ громаднымъ мѣшкомъ въ рукѣ), Саула, Соломона, Давида, Авраама, Іакова, Іоанна Крестителя, апостоловъ Іакова, Петра и Андрея и др. Въ смежной, небольшой комнатѣ на стѣнѣ старинное, красками на полотнѣ, выцвѣтшее отъ древности изображеніе Распятія съ мечущими кости волнами внизу, очень грубой работы.

Въ небольшомъ отдѣльномъ помѣщеніи, рядомъ, была въ свое время тюрьма, совсѣмъ лишенная свѣта, входъ въ которую назывался прежде «чортовой дырой».

Третья башня носитъ названіе «башня Кіиля», по имени владѣтеля замка.

Въ одномъ изъ угловъ большого двора замка былъ воздвигнутъ русскими массивный бастіонъ «Дикъ». Теперь на его вершинѣ построена вышка съ флагштокомъ, откуда я долго любовался окрестнымъ ландшафтомъ.

Замокъ былъ основанъ, какъ я уже упомянулъ, въ 1475 году. Сначала онъ былъ деревянный, но, спустя 2 года, по приказанію владѣльца, Эрика Мотта, его взорвали, и на его мѣстѣ былъ сооруженъ замокъ изъ камня, развалинами котораго мы теперь любуемся. Насколько трудны, почти невыносимы, были условія, при которыхъ сооружался замокъ, видно изъ того, что, по свидѣтельству мѣстныхъ хроникъ, всѣ матеріалы для постройки доставлялись на островъ подъ сильнымъ вооруженнымъ конвоемъ ратниковъ: населеніе края было до того враждебно настроено противъ ненавистныхъ ему пришельцевъ — шведовъ, что пользовалось малѣйшей оплошностью кордона, чтобы помѣшать строителямъ, переходя нерѣдко въ открытое нападеніе. Только превосходное вооруженіе шведовъ, ихъ военное искусство и упорство въ борьбѣ помогли

укрѣпить неприступную твердыню Олафсборга, долгое время имѣвшаго выдающееся стратегическое значеніе въ Саволакскѣ, отъ глубоко затаенной вражды и жестокой мстительности финновъ, неоднократно пытавшихся сбросить съ себя тяжелое ярмо побѣдителя.

Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій замокъ отражалъ всѣ приступы русскаго оружія, и только въ 1714 г. сдался русскимъ, не выдержавъ правильной осады. Возвращенный Швеціи, въ 1721 году, по Ништадтскому миру, онъ въ войну 1741—1743 г. снова перешелъ къ русскимъ, которые очень измѣнили его внѣшность, уничтоживъ нѣсколько башенъ и возведя много новыхъ бастіоновъ. Въ текущемъ столѣтіи Олафсборгъ былъ обращенъ въ тюрьму. Съ 1859 г. по 1870 г. древній замокъ стоялъ въ полномъ запустѣніи; въ 1870 г. онъ былъ реставрированъ на средства города.

Въ настоящее время замокъ постоянно поддерживается, являясь живописнѣйшей руиной и интереснѣйшимъ памятникомъ дальней старины, съ которой связана отлетѣвшая въ вѣчность исторія Саволакса въ теченіе послѣднихъ четырехъ столѣтій.

VI.

Одна изъ красивѣйшихъ мѣстностей въ цѣлой Финляндіи—это островокъ Пунка-Харью, въ двухъ съ половиною часахъ пути на пароходѣ отъ Нейшлота.

Представьте себѣ узкую, длинную полосу земли, ширина которой доходитъ мѣстами всего лишь до 30 сажень, съ высокимъ острымъ гребнемъ по срединѣ («Пунка-Харью» по-фински значить свиной хребетъ), при страшной крутизнѣ съ боковъ, къ озеру Пурувеси. По гребню острова тянется дорога, а склоны его покрыты густымъ сосновымъ лѣсомъ, сквозь который виднѣются красивыя отмели, также поросшія хвоей, въ перемѣшку съ листовенной растительностью, маня взоры путника живописными перспективами, отраженными въ кристальной поверхности воды.

Я пріѣхалъ на островъ въ семьмъ часу вечера чуднаго яснаго дня и долго гулялъ по его гребню, наслаждаясь тишиной и прелестью мѣстоположенія. Не вдалекѣ отъ маленькаго ресторана, напротивъ пристани, гдѣ можно имѣть прекрасные и недорогіе номера для ночлега, расположенъ холмъ, съ котораго открываются самые лучшіе виды на окрестные ландшафты. Это—«холмъ Рунеберга», гдѣ національный поэтъ Финляндіи, памятникъ которому возвышается на эспланадѣ Гельсингфорса, любилъ мечтать, обдумывая свои произведенія.

Гуляя, я встрѣтилъ нѣсколько русскихъ семействъ, а проходя, въ десятомъ часу вечера, мимо ресторана, гдѣ уже мелькали огоньки, опять услышалъ русскую рѣчь съ балкона, гдѣ сидѣло цѣлое об-

щество... Гдѣ-то внутри раздавались тихіе аккорды рояля, и женскій голосъ напѣвалъ какой-то романсъ, кажется, тоже русскій, словъ котораго я не могъ слышать...

Вечеръ былъ теплый и тихій — высокія сосны стояли неподвижно, словно нарисованныя на темной синевѣ вечерняго августовскаго неба, а озеро будто погрузилось въ глубокой безмятежный сонъ...

VII.

На слѣдующій день, въ половинѣ третьяго, на пароходѣ «Ап-тола», я отплылъ въ Варкаусъ, направляя свой путь къ Куопіо.

На маленькой палубѣ крохотнаго и грязноватаго парохода было немного пассажировъ, и слышался исключительно финскій языкъ.

Засвѣжѣло, стало пасмурно, заморосилъ дождь.

Я спустился въ каюту, гдѣ засталъ также нѣсколько человѣкъ за чтеніемъ газетъ.

Я разговорился съ моимъ сосѣдомъ, знавшимъ съ грѣхомъ пополамъ по-нѣмецки и оказавшимся торговцемъ изъ Нейшлота, сдающимъ, между прочимъ, дачи на лѣто пріѣзжимъ.

— Этотъ сезонъ оказался плохимъ, — жаловался онъ мнѣ. — Обѣ мои дачки пропустовали...

— Да отчего же это?

— А ужъ, право, сударь, не знаю... Говорили мнѣ, что въ вашихъ газетахъ много нехорошаго про насъ пропечатано, а вѣдь это не такъ все, — что-жъ мы дурного кому дѣлаемъ? Вѣдь мы, сударь, пріѣзжими живемъ, вѣдь — они нашъ доходъ, зачѣмъ же мы имъ вредить будемъ?

Тутъ я вспомнилъ слышанный мною въ Нейшлотѣ рассказъ, что, будто, изъ одной тамошней гостиницы выбросили на улицу чемоданъ какого-то пріѣзжаго русскаго, который хотѣлъ занять тамъ себѣ комнату...

Я сказалъ объ этомъ моему собесѣднику.

— Не слыхалъ ничего объ этомъ, сударь, но увѣряю васъ, что часто разныя непріятности съ господами туристами происходятъ здѣсь отъ непониманія нашего языка. Отъ этого пріѣзжіе господа изъ себя выходятъ и въ сердцахъ представляютъ себѣ Богъ знаетъ что...

— Но, позвольте, вѣдь не зря же, въ самомъ дѣлѣ, пошли у насъ слухи, что въ Финляндіи теперь русскимъ житья нѣтъ? Почему же, скажите, раньше-то объ этомъ никто не говорилъ?

— А это, господинъ, все ваши разносчики, значитъ, виноваты!

— Какіе разносчики?

— А вотъ, что по деревнямъ нашимъ съ разными товарами ходятъ, въ телѣжкахъ возятъ.

Развалины замка Олафборга въ г. Нейшлотѣ.

— Что же они такое сдѣлали?

— А многіе изъ нихъ, значить, въ контрабандѣ попались, ихъ попросили уйти, а они и стали вездѣ говорить, что русскихъ, значить, у насъ гонять... Отсюда, сударь, и всѣ слухи пошли!

Погода стала разгуливаться, и я выпелъ на палубу.

Мы плыли по озеру Хауки-ярви съ живописными извилистыми берегами и шли теперь среди цѣлаго архипелага островковъ, одинъ другого красивѣе.

Въ девятомъ часу вечера, когда уже порядочно стемнѣло, подошли мы къ каналу Тайпала, съ двумя шлюзами, который соединяетъ озеро Хауки-ярви съ озеромъ Уннукавеси.

Спустя немного, мы причалили къ Варкаусу. Было совсѣмъ уже темно. Погода была теплая.

Мѣстечко Варкаусъ носить исключительно заводскій характеръ. Тутъ сосредоточены большіе лѣсопильные заводы и механическія мастерскія съ докомъ, въ которомъ строятся большіе пароходы, для рейсовъ по Саймскому озеру. На нѣкоторыхъ заводахъ дѣятельность здѣсь такъ развита, что работа производится даже и ночью.

Не было не видно ни зги, а намъ надо было совершить путешествіе въ крошечной тѣмѣ до другого парохода, уже ожидавшаго насъ не вдалекѣ, который долженъ былъ сняться съ якоря въ 3 часа ночи, чтобы идти въ Куопіо.

Все обошлось, однако, прекрасно—матросы взяли насъ за руки, подхватили наши узлы и чемоданы, и потянули куда-то вдаль, среди непроницаемой темноты, шагая вполне спокойно и увѣренно, словно по ярко освѣщенной залѣ. Около насъ, въ ночной мглѣ, тихо шуршали деревья, пахло влагой, ноги неуверенно скользили по мягкому мокрому песку, а проводники все тащили насъ куда-то, въ невѣдомую даль, пока, наконецъ, не втащили на палубу ждавшаго насъ на ночлегъ пароходика «Такко», гдѣ для насъ уже были приготовлены въ каютахъ постели.

Я проснулся на другой день въ восьмомъ часу. Погода была тихая, проглядывало солнышко.

Мы уже давно миновали красивое мѣстечко Лепиэвирта, каналъ Коннусъ, извѣстный своей рыбной ловлей, и озеро Койрусвеси и плыли по обширному озеру Каллавеси.

Черезъ два часа на горизонтѣ показались маленькіе домики небольшого городка, скромно пріютившагося у подножія высокихъ горъ.

Мы подходили къ Куопіо.

VIII.

Куопіо лежитъ въ долинѣ, красиво окруженной съ трехъ сторонъ довольно значительными возвышенностями, и омывается съ юга и востока водами озера Каллавеси.

Въ половинѣ XVII столѣтія, знаменитый отвагой и популярностью, шведскій рыцарь Перъ Браге получилъ отъ королевы Кристины баронію Каянаборгъ, заключающую въ себѣ непроходимые лѣса, обширные степи и озера сѣвернаго Саволакса, но не имѣющую ни одного города, и задался мыслью основать городъ у озера Каллавеси. Мысль его не получила, однако, осуществленія въ свое время, такъ какъ переменна политическихъ событій лишила предприимчиваго рыцаря дарованныхъ ему земель. Когда король шведскій Густавъ III, спустя 125 лѣтъ, пожелалъ имѣть губернатора въ Саволакскѣ, онъ построилъ городъ Куопіо, въ 1776 г., на одномъ изъ полуострововъ, вдающихся въ Каллавеси, по уцѣлѣвшему плану Пера Браге, поднесенному королю географомъ Тунельдомъ.

Прошлое Куопіо не лишено и военныхъ событій. Куопіо и лежащее вблизи ущелье Тойвола были ареной отважныхъ подвиговъ Сандельса, Кронстедта, Мальма, Дункера и Фаландера во время русско-шведской войны 1808 г.

Съ проведеніемъ, въ 1888 г., саволакской желѣзной дороги, соединившей Куопіо съ остальными городами Финляндіи, Куопіо значительно оживился, сталъ богатымъ, завелъ болѣе обширную торговлю и сталъ обстраиваться. Однако, несмотря на то, что Куопіо губернскій городъ и насчитываетъ 10.000 жителей, онъ все-таки, въ общемъ, производитъ впечатлѣніе провинціальной глуши, гдѣ жизнь сосредоточивается лишь на главной базарной площади, предъ ратушей, которая до сихъ поръ еще остается почему-то невымощенной, съ свободно растущею на ней травою...

Вблизи главной площади—лютеранскій соборъ, массивное зданіе, выстроенное изъ неотесаннаго камня, за тяжелой каменной оградой. Постройка собора была закончена въ 1817 г. Внутри собора обращаетъ на себя вниманіе полотно финляндскаго художника Годенъельма.

Передъ соборомъ, не могущимъ похвастаться архитектурой, разбитъ большой скверъ, обсаженный березами, среди котораго поставленъ бронзовый, прекрасной работы скульптора Таканена, бюстъ Снелъмана, представителя финской народной партіи, издававшего нѣкогда газету «Сайма», вполсѣдствіи сенатора, скончавшагося въ 1884 г., на 78 году жизни.

Не вдалекѣ отъ сквера, вправо, домъ губернатора, гдѣ помѣщается и губернское правленіе, а влѣво—крошечный, самой скром-

ной, почти бѣдной внѣшности, деревянный домикъ, съ небольшимъ крестомъ на верху.

Боже мой, что это такое?!

Неужели это—наша православная церковь?

Да, это именно наша русская церковь...

Однако, въ Вильманstrandѣ, въ Нейшлотѣ, маленькихъ уѣздныхъ городкахъ, православные храмы не представляютъ такого, по истинѣ, убожества...

Неужели не старались озаботиться постройкой болѣе помѣстительнаго православнаго храма для Куоюю?

Хлопотали прихожане, но изъ этихъ хлопотъ ничего не вышло... Весьма было бы желательно выяснитъ причины этого прискорбнаго обстоятельства... То, что я слышалъ объ этомъ въ Куоюю отъ лицъ, казалось бы прекрасно знающихъ все, что касается мѣстной русской церкви, было однако передано мнѣ потомъ въ нѣсколько иномъ видѣ не менѣе компетентными людьми, въ искренности которыхъ я не имѣю права сомнѣваться. Кто изъ моихъ собесѣдниковъ былъ ближе къ истинѣ—не берусь судить...

Я воспользовался моимъ пребываніемъ въ Куоюю, чтобы посѣтить тамъ весьма оригинальное учрежденіе, посвященное благотворительности и носящее названіе «Харилла».

Тутъ все, что угодно: и богадѣльня, и больница, и домъ трудолюбія, и, наконецъ, сумасшедшій домъ!

Въ двухъ километрахъ отъ города, въ низкой и некрасивой мѣстности, за деревянной оградой, пріютились, на довольно обширномъ дворѣ, шесть желтенькихъ домиковъ, одноэтажныхъ и самой ординарной, топорной архитектуры.

Это и есть «Харилла», — названіе, которое, какъ я слышалъ, присвоено въ Финляндіи всѣмъ вообще учрежденіямъ вышеуказаннаго типа, встрѣчающимся въ равныхъ городахъ этого края.

Въ одномъ изъ зданій помѣщается контора учрежденія и квартира смотрительницы, блистающая безукоризненной чистотой, съ хорошенькой обстановкой. Тутъ же, въ другой половинѣ, большая, свѣтлая и хорошо содержимая кухня, гдѣ я видѣлъ много разложеннаго по столамъ ржаного и ячменнаго хлѣба для призрѣваемыхъ.

Въ мастерскихъ мужской и женской, соответствующихъ дому трудолюбія въ томъ смыслѣ, въ какомъ это учрежденіе понимается у насъ, въ остальной Россіи, помѣщающихся въ особыхъ корпусахъ,—вы не встрѣтите разнообразія и обилія работы. Мужчины, все больше пришибленные жизнью старика, плетутъ неуклюжія сѣти для ловли рыбы; женщины, также все старухи, дѣлаютъ то же и, кромѣ того, занимаются пряжей. Въ мастерскихъ никакого оживленія и поражающее малолѣдство...

Отсюда я заглянулъ въ больницу. Тяжелый, удушливый воздухъ,

пропитанный лѣкарствами и міазмами, пахнулъ мнѣ въ лицо и заставилъ приостановиться... Та же ужасная атмосфера, но въдобавокъ съ примѣсью табачнаго дыма и сквернаго запаха чего-то съѣстнаго, царила и въ богадѣльнѣ, содержимой весьма нечистоюплотно...

Когда мой спутникъ, русскій, хорошо говорящій по-фински, невольно замѣтилъ смотрительницѣ насчетъ ужаснаго воздуха, въ которомъ содержатся больные и призрѣваемые, та отвѣчала:

— Какъ чисто ни держи,—все равно мигомъ испортятъ воздухъ! Своеобразная логика!

Въ отдѣленіи для сумасшедшихъ, предназначенномъ, какъ мнѣ объяснили, для такихъ больныхъ, родственники которыхъ лишены возможности помѣстить ихъ въ спеціальныя психіатрическія заведенія, я засталъ троихъ субъектовъ: въ одной комнатѣ, безъ всякаго признака мебели и постелей, помѣщались двое больныхъ, — одинъ былъ только въ одной сорочкѣ, другой—въ нижнемъ бѣльѣ. Въ комнатѣ напротивъ сидѣлъ на койкѣ третій больной. Въ этомъ помѣщеніи, кажется, всего шесть комнатъ, по три съ каждой стороны коридора.

Въ отдѣленіи для психически разстроенныхъ, не проявляющихъ расположенія къ буйству, я нашелъ нѣсколько человекъ, уныло бродившихъ по комнатѣ или неподвижно сидѣвшихъ на своихъ койкахъ.

Мнѣ передавали, что въ «Хариллѣ» есть еще и отдѣленіе для исправленія порочныхъ малолѣтнихъ, но смотрительница дала по этому поводу уклончивый отвѣтъ, сказавъ, что малолѣтніе живутъ въ учрежденіи при родителяхъ.

Въ Куопіо имѣются—духовная семинарія, техническое училище, училище для слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, женская гимназія, пять народныхъ школъ и девятиклассная гимназія для совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола. Школы этого типа можно встрѣтить и въ другихъ городахъ Финляндіи. Онѣ имѣютъ много сторонниковъ, но и не мало враговъ, отрицающихъ идеальныя возрѣнія на пользу совмѣстнаго обученія дѣвицъ и юношей, особенно въ старшихъ классахъ.

Наканунѣ отъѣзда изъ Куопіо я побывалъ на вершинѣ горы Пуйо, у подножія которой расположенъ городъ.

Дорога туда ведетъ мимо кладбища и пастората. Широкая тропа подымается по очень крутому склону. Вершина горы отстоитъ отъ уровня моря на 240 метровъ. Поднявшись на вышку стоящей на вершинѣ башни, долго нельзя оторваться отъ открывающагося предъ вами ландшафта на безконечныя заливы и безчисленныя острова, покрытые яркой зеленью! Поверхность озера Каллавеси сверкаетъ, какъ серебро, по которому чуть замѣтно движутся вдали паруса лодокъ...

Когда я любовался этой прелестной, своеобразной панорамой,

мнѣ невольнo пришли въ голову стихи финскаго поэта Оксанена, посвященные поэтическому и задумчивому Саволаксу:

Люблю я Саво вспоминать,
 Мой милый край родной,
 Гдѣ всѣмъ бѣду случалось знать,
 Но гдѣ за грѣхъ сочли бѣ роптать
 На свой удѣлъ земной!
 Какъ хороша моя страна
 И рядъ ея холмовъ!
 Какая въ полѣ тишина,
 Какую прелестью полна
 Въ ней сѣнь густыхъ лѣсовъ!
 Какъ очаровываютъ взоръ
 Тамъ горные хребты!
 Какой прохладой вѣетъ съ горъ
 И сколько дальній синій боръ
 Скрываетъ красоты!

.....

IX.

Раннимъ утромъ, въ половинѣ седьмого, выѣхалъ я, на пароходѣ «Аксель», изъ Куопио въ Иденсальми. Денькъ былъ ясный.

Сначала мы плыли по Каллавеси, потомъ, чрезъ каналъ Руоковирта, по шлюзу вошли въ другое озеро и остановились ненадолго у деревни Мааника, чтобы спустить и принять пассажировъ.

Пройдя мимо мрачнаго утеса подъ названіемъ «Чортова гнѣздо» (Пирунъ-песѣ), мы вступили въ узкій заливъ Туовиланлахти,—одинъ изъ красивѣйшихъ въ Финляндіи.

Поднявшись опять по шлюзамъ, пароходъ выбрался на просторъ и побѣжалъ по поверхности большого озера Онкивеси...

На палубѣ раздалось пѣніе—это ѣхавшіе съ нами крестьяне и крестьянки, человекъ около десяти, затаили свою родную пѣсню. Финская пѣсня, чаще всего грустная и заунывная, отражающая въ себѣ прежнюю неволю и невзгоды народа, не лишена прелести и мелодіи.

Мы окружили пѣвцовъ и пѣвицъ и попросили спѣть еще нѣсколько пѣсенъ. Веселыя пѣсни финляндцевъ мнѣ понравились гораздо менѣе, чѣмъ заунывныя, полныя своеобразной гармоніи.

Опять шлюзы, и мы входимъ въ озеро Нерко-ярви... Немного спустя, пароходъ подходитъ къ пристани.

Я пробылъ въ Иденсальми всего лишь какой нибудь часъ: пароходъ пришелъ туда въ 5 часовъ по полудни, а въ началѣ седьмого я уже сидѣлъ въ дилижансѣ, чтобы ѣхать въ Каяну.

Но и этого времени мнѣ было вполне достаточно, чтобы ознакомиться съ этимъ крошечнымъ мѣстечкомъ, напоминающимъ село и получившимъ права города только съ 1891 года.

Городъ Куопіо.

Иденсальми (по-фински Исальми) сплошь застроенъ деревянными домиками и имѣеть всего двѣ-три улицы. Къ услугамъ туристовъ вмѣсто гостиницы почтовая станція съ комнатами для ночлега. Въ городкѣ имѣется, однако, телеграфъ, почтовая контора, отдѣленіе банка, книжная лавка, столовая общества трезвости съ читальней и нѣсколько школъ. Въ настоящее время изъ Куопіо прокладывается въ Иденсальми желѣзная дорога, такъ что въ недалекомъ будущемъ городокъ ждетъ лучшая доля.

X.

Итакъ, я въ удобномъ, крытомъ дилижансѣ, отправляющемся два раза въ недѣлю изъ Иденсальми въ Кааяну. Если бы я не сдѣлалъ этого тотчасъ же по прибытіи въ Иденсальми, я долженъ былъ бы цѣлыхъ трое сутокъ дожидаться слѣдующаго дилижанса въ Кааяну.

Дилижансъ рассчитанъ на четыре персоны.

Рядомъ со мной на первой скамейкѣ — очень полный, румяный блондинъ, лѣтъ сорока, съ добродушнымъ румянымъ лицомъ съ небольшими усами, въ золотыхъ очкахъ. На второй скамейкѣ, сзади, помѣстилась буфетчица изъ Гельсингфорса, въ сопровожденіи родственника съ мальчикомъ, одѣтыхъ въ платье финляндскихъ поселянъ.

Мой сосѣдь — разговорчивый и въ высшей степени любезный человекъ. — Это докторъ по профессіи, по происхожденію шведъ.

— У насъ тутъ тишь да гладь — Божья благодать, — говоритъ онъ мнѣ на хорошемъ нѣмецкомъ языкѣ. — Не то, что у васъ, въ Петербургѣ!..

— А вы думаете тамъ не такъ тихо?

— Еще бы, — тамъ постоянно все разные вопросы выдумываютъ!

— Вопросы являются сами собой...

— Ну, ужъ финляндскій-то вопросъ ваши газеты сами выдумали... У насъ все, какъ было прежде, а вы все что-то новое видите...

— Неужели рѣшительно все, какъ прежде?

— Ну, конечно, есть черточки, такъ сказать, микробы, которыхъ прежде не замѣчалось, — хитро улыбулся докторъ, подчеркивая слово «микробы».

— Ну, какіе же, напримѣръ?

— Да вотъ хоть бы этотъ злополучный вопросъ о воинской повинности (*diese unangenehme Militärfrage*)... Конечно, новый законъ нѣсколько раздражаетъ нашихъ финновъ: вы сами видите, какіе они плохіе лингвисты, вотъ они и предвидятъ разные затрудненія при отбываніи воинской повинности среди русскихъ.

— И очень раздражены?
 — Теперь нѣсколько горячатся, но стерпятся-слюбятсяся...
 Лошади бѣжали дружно. Мы ѣхали то лѣсомъ, то мимо деревенекъ и полей, на которыхъ уже стояли желтыя копны ржи, не очень высокія. Говорятъ, въ этомъ году урожай въ Финляндіи будетъ ниже средняго.

Стало темнѣть. Зажгли фонари.

Разговоръ опять возобновился.

— Вы здѣшній уроженецъ?—спросилъ я доктора.

— Мои предки изъ Швеціи (докторъ назвалъ свою фамилію), а я родился здѣсь, въ Амла-Карлебю.

— Вамъ приходится говорить здѣсь на двухъ языкахъ?

— Да, поневолѣ, когда финны нашего не понимаютъ... Это удивительно ушедшій въ самого себя народъ! Кромѣ Финляндіи, для нихъ ничего не существуетъ на свѣтѣ, и внѣ финляндскихъ у нихъ нѣтъ другихъ интересовъ... Но ужъ зато любовью къ своей родинѣ они могутъ похвалиться, — это какая-то даже болѣзненная любовь, словно у поляковъ къ своей «ойчизнѣ» (Heimat)... Знаете это трогательное стихотвореніе Рунеберга?

Нашъ край, нашъ край, родимый край!
 Греми, о елинь святой!
 Какихъ намъ горь, долинь ни дай,
 Какихъ волна бреговъ ни знай,
 Гдѣ любятъ такъ свой край родной,
 Какъ любимъ сѣверъ свой?
 Убогъ нашъ край! И будь такимъ
 Холодному душой!
 Чужой, кичась, пройдетъ предъ нимъ,
 Но миль онъ, миль сынамъ своимъ...
 Намъ милы шхеры, боръ густой —
 Тамъ край нашъ золотой!
 Мы любимъ говоръ рѣкъ своихъ,
 Своихъ ручьевъ полеть,
 Унылый шумъ лѣсовъ густыхъ,
 Сіянье лѣта, звѣздъ ночныхъ, —
 Все, все, что взглядъ иль пѣснь даетъ,
 Что сердце веселить!

— И увѣряю васъ,—прибавилъ мой интересный собесѣдникъ,—каждый финляндецъ именно все это чувствуетъ не менѣе поэта, написавшаго эти строки!

Вечеръ былъ холодный и влажный; мы съ нетерпѣніемъ ожидали ночлега и очень обрадовались, когда наша линейка, на которой было, кстати сказать, совсѣмъ не утомительно ѣхать, подкатила, въ одиннадцатомъ часу, къ освѣщенной почтовой станціи, въ деревнѣ Ирвиарви, сдѣлавши 33 километра.

Мы съ докторомъ помѣстились вмѣстѣ въ отведенной намъ чистой и уютной комнаткѣ съ прекрасными постелями и бѣлоснѣж-

ными гардинами на окнахъ. Вообще, въ Финляндіи, всюду, гдѣ я ни бывалъ, чистота въ гостиницахъ и на станціяхъ, по почтовымъ трактамъ, — безукоризненная. Смѣю, безъ всякаго преувеличенія, увѣрить читателя, что любая комната для проѣзжающихъ на какой угодно почтовой станціи въ Финляндіи можетъ чистотой, опрятностью и комфортомъ вполне перецеголять номеръ въ любой русской гостиницѣ, гдѣ зачастую диваны и кресла оказываются набитыми кирпичами, а кровати служатъ рассадниками всякихъ насѣкомыхъ. Этой культурной стороной жизни финляндцы далеко превосшли насъ грѣшныхъ!

Намъ подали закусить — молока, масла (эти продукты служатъ любимой пищей въ Финляндіи и всегда подаются при всякой ѣдѣ), яицъ въ сметку, сыру и салаки, мѣстной рыбы, которую здѣсь употребляютъ въ большомъ количествѣ. Я напелъ ее слишкомъ соленой, твердой и безвкусной, но докторъ кушалъ ее съ удовольствіемъ.

Въ 7 часовъ утра, мы уже ѣхали дальше, такъ какъ намъ предстояло сдѣлать еще 62 километра. День обѣщалъ быть чудный... Мой товарищъ по пути былъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Онъ прекрасно вымылся, чисто выбрился (для чего поднялся раньше всѣхъ) и съ наслажденіемъ курилъ толстую сигару.

XI.

Въ пятомъ часу по полудни мы вѣзжали въ Каяну.

Что меньше — Иденсальми или Каяна, — трудно сказать. На мой взглядъ, Каяна еще меньше Иденсальми. Она такъ мала, что, куда ни ступишь, — сейчасъ же очутишься за городомъ!

Основанный въ 1651 году намѣстникомъ края Перомъ Браге, городъ расположился вдоль южнаго берега притока Эммэкоски съ двумя водпадами — Эммэ и Койвукоски. На городской площади — небольшая ратуша, невдалекѣ почтовая контора и телеграфъ. Въ городѣ есть кирка ординарной архитектуры, маленькая и деревянная, трехклассное училище и четырехклассная женская гимназія.

Развалины замка Каяноборга, основаннаго въ 1607 году Карломъ IX, королемъ шведскимъ, и взорваннаго въ 1716 году русскими войсками, въ которомъ жилъ нѣкогда правитель Саволакса — Перъ Браге, чрезвычайно живописны. Онѣ находятся на небольшомъ островкѣ, соединенномъ съ городомъ деревяннымъ мостомъ. Съ обѣихъ сторонъ замка — шумные водопады, покрытые вѣчной пѣной бурнаго протока, лѣвый берегъ котораго, противоположный городу, поросъ густымъ лѣсомъ.

За обѣдомъ, въ маленькой гостиницѣ, близъ ратушной площади, гдѣ мы остановились съ докторомъ, кромѣ моего спутника и меня, сидѣли — молодой человекъ въ клѣтчатомъ пиджакѣ верблюжьяго

цвѣта и бѣлокурый господинъ среднихъ лѣтъ съ красивой дамой. Это были мужъ съ женой, шведы изъ Або, пріѣхавшіе въ Каяну, чтобы проѣхать отсюда въ Улеаборгъ чрезъ пороги рѣки Улео, на «смоляныхъ» лодкахъ. Молодой человѣкъ оказался офицеромъ генеральнаго штаба англійской арміи въ Калькутѣ, проживающимъ въ настоящее время въ Россіи съ единственной, по его словамъ, цѣлью изученія русскаго языка. А въ Финляндіи онъ занимался, будто бы, рыбной ловлей...

Бѣшеная скачка чрезъ пороги бурливой рѣки Улео въ длинныхъ и узкихъ лодкахъ, нагруженныхъ бочками съ финляндской смолою, направляемою изъ Каяны ежегодно, въ большомъ количествѣ, чрезъ Улеаборгъ, за границу, представляетъ немало сильныхъ ощущеній, но, разумѣется, какъ и всѣ подобныя «удовольствія», не лишена серіозной опасности. Стоитъ только смолевщику, или «смолянному молодцу» (ласкуміэсъ), по мѣстному выраженію, неправильно повернуть ладью, или вамъ самимъ сдѣлать лишнее движеніе въ лодкѣ—и вы вмѣстѣ съ вашимъ «молодцемъ» можете до смерти разбиться объ острые камни, среди которыхъ вы несетесь съ головокружительной быстротою...

Въ теченіе обѣда, за которымъ намъ подавали замѣчательно вкусную финляндскую форель, мы толковали за и противъ этой поѣздки. Пріѣзжіе изъ Або рѣшились окончательно испытать всѣ прелести этого пути и подговаривали и меня ѣхать съ ними, но погода хмурилась, стало холодѣть, мнѣ не совсѣмъ здоровилось, и скачка по пѣнѣ пороговъ бѣшеной рѣки меня не манила.

На утро мы (кромя доктора, оставшагося въ Каянѣ) поднялись рано, чтобы уже въ 8 часовъ выѣхать на пароходѣ въ Ваала, маленькое мѣстечко, откуда начинается рѣка Улео (пофински Оулу).

Весь пятичасовой путь отъ Каяны до Ваала мы провели въ каютѣ, такъ какъ дулъ довольно сильный, холодный вѣтеръ. Когда пароходъ вошелъ въ обширное и безпокойное озеро Улео (Оулу-трэскъ), насъ стало довольно сильно покачивать. Берега видѣлись вдаль чуть замѣтной полоской. Мы разсуждали о факирахъ Индіи, гдѣ нашъ англичанинъ видѣлъ ихъ «чудеса», о русской литературѣ, съ образцами которой были знакомы мои собесѣдники, объ англійскомъ театрѣ... Разговоръ шелъ то поанглійски, то понѣмецки, то порусски, при чемъ я переводилъ на нѣмецкій путешественникамъ изъ Або то, что офицеръ индійской арміи говорилъ мнѣ медленно и съ трудомъ порусски, чтобы воспользоваться возможностью «практиковаться».

Я много путешествовалъ, но мнѣ еще ни разу не случалось испытать на себѣ, во время дороги, отъ моихъ соотечественниковъ такой утонченной любезности и трогательнаго вниманія, какія я встрѣтилъ здѣсь отъ людей чуждой мнѣ національности и, вѣроятно, противоположныхъ политическихъ убѣжденій.

Въ Ваала мы разстались, можетъ быть, навсегда.. Мои симпатичные спутники изъ Або отправились искать своихъ знакомыхъ, съ которыми условились здѣсь встрѣтиться, чтобы сдѣлать путешествіе на лодкахъ вмѣстѣ, а я переплылъ на лодкѣ отъ пристани прямо къ почтовой станціи, чтобы нанять лошадь и тотчасъ же ѣхать въ Мухосъ.

Англичанинъ остался въ Ваала «ловить лососей»... Офицеръ изъ Калькуты оказался страстнымъ рыболовомъ. Неужели только для ловли лососей скитается этотъ сынъ Альбіона по Финляндіи?..

XII.

Поѣздка на лошадяхъ въ Финляндіи представляетъ много прелести! Я, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ поклонниковъ такого способа передвиженія. Дороги по всей Финляндіи превосходныя, и люди, привыкшіе трястись и вязнуть на нашихъ проселочныхъ дорогахъ и «трактахъ», внутри Россіи, не могутъ имѣть о финляндскихъ дорогахъ ни малѣйшаго представленія. Это — прекрасно содержимыя, гладкія и ровныя, какъ паркетъ, шоссе, по которому сдѣлать десятки верстъ не представляется ни малѣйшаго затрудненія.

Вы быстро мчитесь по отличному шоссе, кое-гдѣ останавливаетесь, чтобы перемѣнить лошадь, и ѣдете дальше, ночуя въ чистыхъ комнатахъ почтовыхъ станцій.

Я выѣхалъ изъ Ваала въ часъ по полудни. Дорога тянулась то вдоль полей, гдѣ иногда желтѣли копны ржи, то шла перелѣскомъ, съ хвоей и листвою, то среди довольно густого лѣса; частенько встрѣчались деревушки съ огородами.

Если при словѣ «деревушка» читателю представится наша русская деревня съ цѣлымъ рядомъ избъ, вытянутыхъ въ линію, то онъ очень ошибется. Финляндское селеніе не заключаетъ въ себѣ, какъ и поселокъ въ прибалтійскомъ краѣ, болѣе четырехъ-пяти домиковъ вмѣстѣ. Финляндскій крестьянинъ не любитъ большого соседства и предпочитаетъ жить почти особнякомъ. Онъ устраивается на своей землѣ одинъ, а безземельные ютятся гдѣ кому удобнѣе. Финляндскихъ деревень изъ болѣе, чѣмъ шесть избъ, я не видывалъ, но мнѣ очень часто приходилось проѣзжать мимо одной избы съ домашними постройками и огородами, которые носили названіе такой-то деревни. Въ прошломъ вѣкѣ въ Финляндіи еще встрѣчались селенія, въ нашемъ смыслѣ слова, но послѣ генеральнаго размежеванія 1750 года крестьяне расселились такъ, какъ живутъ теперь, и вотъ почему вы можете частенько услышать имя деревни, присвоенное, по старой памяти, такому-то мѣсту, и не увидите тамъ ничего, кромѣ плетней и огородовъ. Встрѣчающіяся въ Финляндіи большія и многолюдныя селенія уже носятъ всегда характеръ мѣ-

Лютеранскій соборъ въ г. Або.

стечекъ, переставая быть деревнями въ обыкновенномъ значеніи слова. Въ такихъ селеніяхъ бываютъ школа, аптека, часто почтовая контора...

До первой перемѣны лошади меня везъ мальчишка лѣтъ 10, уже умѣвшій, однако, недурно править и изрядно исполнять обязанности кучера.

Затѣмъ его замѣнилъ мальчикъ постарше, лѣтъ четырнадцати.

Послѣдній, самый продолжительный, переѣздъ, я сдѣлалъ съ солиднымъ, пожилымъ финномъ, чинно усѣвшимся возлѣ меня, въ черныхъ кожаныхъ перчаткахъ и съ кривой трубочкой въ зубахъ.

Эта трубочка немилосердно портила чудный воздухъ сосноваго лѣса, которымъ мы проѣзжали. Я молча (мой кучеръ ни слова, конечно, не зналъ порусски) подставилъ чинному финляндцу мой портсигаръ. Его серьезное лицо озарилось улыбкой, онъ охотно взялъ папиросу и вѣжливо поблагодарилъ:

— Китоксъ, ерра!

Этимъ мы завязали доброе знакомство, хотя и безъ излишнихъ словъ. Трубочка уже не портила мнѣ больше воздуха, — я съ радостью потчевалъ моего возницу папиросой, едва замѣчалъ его жестъ по направленію къ карману пиджака, гдѣ лежала кривая трубочка.

Когда лошадь, звякая жидко дребезжавшимъ колокольчикомъ, бѣжала лѣнивѣе, я показывалъ жестомъ, что ее слѣдуетъ немножко погегать, и мой возница, улыбаясь, кивалъ головой и брался за кнутъ.

— Твоя лошадь лѣнива, — не разъ говорилъ я невольно финляндцу, хотъ и зналъ, что онъ меня не понимаетъ.

Онъ запомнилъ это слово и, берясь за кнутъ, часто повторялъ, съ улыбкой смотря на меня:

— Лѣнива, лѣнива!

«Угрюмый финнъ» сдѣлалось стереотипной фразой. Право, я сомнѣваюсь въ ея справедливости. Если финляндець васъ не понимаетъ и поэтому молчитъ, то это еще не угрюмость. Правда, по характеру онъ сдержанъ, самоуглубленъ и мыслить медленно, но сумѣйте расположить его въ свою пользу, и его «угрюмость» отойдетъ на задній планъ.

Было совсѣмъ темно, когда мы пріѣхали, наконецъ, въ Мухось. Въ этотъ день я сдѣлалъ 60 километровъ на лошадяхъ.

На прощаніе я далъ моему проводнику 50 пенни и нѣсколько папиросъ, и мы разстались друзьями.

Мухось — большое селеніе съ сельско-хозяйственной школой и прекрасной почтовой станціей. На столѣ, въ комнатѣ для проѣзжающихъ, я нашель «Uusi Suometar» («Новая Финляндія»), сильно распространенную въ Финляндіи газету, а на стѣнѣ — увидѣлъ портретъ Спельмана въ красивой рамѣ..

На утро я поднялся на зарѣ, чтобы проѣхать еще 10 километровъ до урочища Валкола, откуда отходилъ въ 7 часовъ утра пароходъ въ Улеаборгъ.

Вблизи Валкола,—на первой пристани по направленію къ Улеаборгу,—производится ловля лососей въ обширныхъ размѣрахъ. Въ это и прошлое лѣто тамъ проживалъ агентъ извѣстнаго въ Петербургѣ рыборотговца Баракова (въ Мучномъ переулкѣ), наблюдая за ловлей и солкой рыбы для упсмянутаго торговаго дома. Этотъ годъ уловъ былъ меньше прошлогодняго. Мнѣ подробно рассказывали о способахъ ловли лосося,—это цѣлая махинація, требующая специальныхъ приспособленій.

ХІІІ.

Улеаборгъ (пофински Оулу)—чистый, большой, довольно красивый городъ въ верхнемъ углу западной Финляндіи, въ 150 верстахъ отъ Торнео, недалеко отъ шведской границы.

Населеніе здѣсь уже замѣтно болѣе шведское, чѣмъ финское. Всю восточную Финляндію и Карелію занимаютъ исключительно финны, и финскій языкъ тамъ преобладающій; прибрежные же города Финляндіи изобилуютъ шведскимъ элементомъ, расселившимся, главнымъ образомъ, узкой полоской отъ Улеаборга до Або и отъ Або до Хангö.

На главной улицѣ — неуклюжее зданіе финской кирпичи. Неподалеку—красивый домъ губернатора и ратуша. Въ небольшомъ скверѣ, въ центрѣ города, бюстъ пастора Франсена, много потрудившагося на пользу народнаго образованія.

Городъ лежитъ на берегу Ботническаго залива, при рѣкѣ Улео, шумно бѣгущей изъ большого озера того же названія. Она образуетъ здѣсь нѣсколько красивыхъ водопадовъ вблизи города, у парка Хубисари (ольховый островъ), и вливается въ заливъ.

Только-что упомянутый паркъ—очень красивое мѣсто для гулянья горожанъ, но близость кожевеннаго завода г. Эстрема, которому принадлежить и большая часть парка (другая собственность города), даетъ себя чувствовать весьма неприятнымъ и острымъ запахомъ сырой кожи и сала.

На особомъ островѣ Ратисари (островъ ратуши), на который нужно идти чрезъ очень красивый висячій мостъ, — большой ресторанъ, эстрада для музыки и открытая сцена. Здѣсь все лѣто даются представленія, и по праздникамъ здѣсь всегда масса народа.

Русская церковь здѣсь «походная»: православный священникъ въ Улеаборгѣ считается походнымъ и часто находится въ разъѣздахъ по своему округу, для совершенія требъ. Церковь помѣщается въ квартирѣ священника, который живетъ почему-то не въ самомъ городѣ, а на островѣ Мустасальми (черный протокъ), что

въ зимнее время представляетъ много неудобствъ для прихожанъ. Я старался уяснить себѣ причину этого страннаго отдаленія церкви отъ города, но мнѣ никто не могъ помочь въ этомъ.

Здѣшніе русскіе и вообще постоянно живущіе въ Финляндіи русскіе принадлежатъ главнымъ образомъ къ торговцамъ, издавна здѣсь осѣвшимъ и завязавшимъ прочныя связи съ краемъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли, къ сожалѣнію, очухониться, женившись на финляндкахъ и заведши въ домѣ финляндскій обиходъ. Дѣти, напримѣръ, русскаго купца С—ва въ Каянѣ ни слова не понимаютъ порусски, какъ самые заправскіе финны... Есть, однако же, среди нихъ и такіе, которые охраняютъ себя отъ ассимиляціи и берегутъ свою національность.

Улеаборгъ освѣщается электричествомъ, но тротуары не соотвѣтствуютъ такой роскоши: они сплошь всѣ мощены острымъ булыжникомъ, и гулять по Улеаборгу довольно утомительно безъ привычки.

XIV.

По дорогѣ изъ Улеаборга въ Таммерфорсъ (семнадцать часовъ ѣзды), куда мнѣ непременно хотѣлось заглянуть, чтобы посмотреть на почти уже совсѣмъ тогда готовый, вновь выстроенный тамъ православный храмъ (освященный осенью этого года), я разговорился въ вагонѣ съ сосѣдомъ—финляндскимъ купцомъ, долгое время жившимъ въ Петербургѣ и изрядно говорящимъ по-русски.

— Теперь всѣ наши газеты,—говорилъ онъ между прочимъ,—переполнены финляндскими дѣлами,—все боятся, что у насъ худо будетъ...

— Никто на васъ не посягаетъ,—сказалъ я,—жили бы себѣ спокойно и, право, лучше было бы.

— Это точно, а, вѣдь, и то возьмите, что насъ подбиваютъ, и это многимъ придаетъ азарту...

— Кто же—шведы что ли?

— Разные люди, вотъ хоть бы, примѣрно, англичане... Объ этомъ я слышалъ и доподлинно знаю!

Я насторожился.

— И депутація эта въ Питеръ не спроста ѣздила, а ее, значить, поощряли... Я всегда говорилъ, что ничего изъ этого не выйдетъ! Вздоръ одинъ!

— Кто же поощрялъ-то?

— А эти самые англичане! Въ Выборгѣ ихній консулъ, напѣ братъ финляндецъ, Вольфъ, знаете, говорятъ, всѣмъ орудовалъ, да и много ихъ стало у насъ теперь шататься...

Въ Таммерфорсѣ (по-фински Таммере) я пробылъ всего нѣсколько часовъ.

Городъ расположенъ между двухъ озеръ—Насиярви и Пюхьярви (священное озеро), соединяемыхъ быстрой рѣчкой, шумно бѣгущей по скалистому ложу и образующей не большой, но очень красивый водопадъ Таммерекоски.

Широкая улица отъ вокзала приводитъ васъ на рыночную площадь съ ратушей и старой финской киркой. Если пойдете по той же улицѣ далѣе, то упретесь въ широкій, обсаженный вязами и ольхой бульваръ, расположенный какъ разъ противъ новой кирки.

Самъ по себѣ Таммерфорсъ не великъ, но онъ раскинулся довольно широко, благодаря множеству фабрикъ. Здѣсь главнымъ образомъ процвѣтаетъ ткацкое производство, и Таммерфорсъ называютъ маленькимъ Манчестеромъ Финляндіи.

Новая православная церковь, во имя св. Александра Невского, издали видна изъ вагона, когда подъѣзжаешь къ Таммерфорсу.

Это каменный, высокій, кирпичнаго цвѣта храмъ, четырехглавый, съ соединенной съ нимъ колокольней. Къ нему ведетъ широкая, немного крутая, лѣстница изъ гладко тесаннаго камня. При мнѣ внутренняя отдѣлка церкви была еще далеко не готова. Не было еще самага главнаго—иконостаса. Храмъ просторный, помѣстительный, свѣтлый и производитъ отрадное впечатлѣніе.

Онъ помѣщается на улицѣ Vinikakatu, вблизи желѣзнодорожной станціи.

Рядомъ съ церковью строится домъ для русской школы, которая пока помѣщается по той же улицѣ, въ наемной квартирѣ.

Предполагается также возвести тутъ же и особый домъ для причта, котораго теперь нѣтъ въ Таммерфорсѣ. Церковь выстроена на деньги, собранныя пожертвованіями при помощи правительственной субсидіи.

За городомъ—на горѣ—лѣсъ подъ названіемъ «Пюники», гдѣ стоитъ башня съ прекраснымъ видомъ на Таммерфорсъ и его окрестности.

XV.

Въ Або (пять съ половиною часовъ пути по желѣзной дорогѣ отъ Таммерфорса), или по шведскому произношенію Обо (по-фински Турку), начались первые шаги шведской колонизаціи въ Финляндіи. Это исключительно шведскій городъ съ множествомъ подгородныхъ барскихъ помѣстій. Здѣсь же въ старинномъ соборѣ, въ центрѣ города, издали видномъ отовсюду, благодаря безконечному шпилью, покоятся могилы знаменитѣйшихъ родовъ Швеціи.

Архитектура собора св. Генрика самая примитивная: это массивное, тяжелое, неуклюжее зданіе, незатѣйливо сложенное изъ простаго краснаго кирпича, напоминающее всей своей неприхотливой вѣщностью сѣдую старину средневѣковаго рыцарства. Зданіе къ тому же значительно попорчено отъ пожара 1827 г.

Соборъ, самъ по себѣ очень высокій, кажется еще выше, такъ какъ стоитъ на холмѣ Уникангари.

Черезъ небольшой портикъ вы проникаете въ соборъ — темный, узкій и длинный.

Въ алтарѣ обращаютъ на себя вниманіе запрестольный образъ Преображенія превосходной работы шведскаго художника Вестина и предестныя фрески Экмана: направо отъ входа въ алтарь — крещеніе финновъ въ источникѣ «Купиись» (понынѣ свято оберегаемомъ за чертою города, о чемъ я подробно упомяну ниже), а налѣво — епископъ Агрикола, ученикъ Лютера, подносящій королю Густаву Вазѣ евангеліе, переведенное на финскій языкъ. Тутъ же другія фрески изображаютъ нѣкоторые моменты изъ земной жизни Христа Спасителя.

Прямо отъ алтаря идутъ надгробныя капеллы знатныхъ шведскихъ родовъ. Слева капеллы — одного изъ стариннѣйшихъ и благороднѣйшихъ родовъ Швеціи — Тоттовъ. Славный Эрикъ Тоттъ былъ основателемъ, какъ помнятъ читатели, замка Олафсборгъ, подъ Нейшлотомъ. Мраморная фигура рыцаря въ dospѣхахъ на мраморномъ же саркофагѣ, поддерживаемомъ черными колоннами, изображаетъ погребеннаго подъ плитами собора могущественнаго Оке Тотта, внука короля Эрика XIV. Около него — могила его жены, рожденной Браге. Подъ плитами алтаря покоится цѣлый рядъ представителей фамилій Тоттъ, Браге и Крейць.

Далѣе надгробныя памятники фамиліи Стольхандске.

Отъ алтаря направо — капеллы фамилій Горнъ и Куркъ.

Затѣмъ — саркофагъ королевы Екатерины, рожденной Монсдоттеръ, супруги Эрика XIV, бывшей дочерью простаго солдата. Ей посвящено слѣдующее прекрасное, полное глубокаго чувства стихотвореніе шведскаго поэта Ф. Францена:

Бѣда тому, кто миръ убогой хаты
Мѣняетъ здѣсь на пышныя палаты
И вверхъ идетъ по камнямъ скаль крутыхъ
Ко храму счастья въ тучахъ громовыхъ!
Какъ веселилась я во дни былые!
Но вотъ вошла въ чертоги золотые,
И нѣтъ со мной подругъ весеннихъ дней
Невинности и радости моей...
Взамѣнь Господь послалъ мнѣ даръ безцѣнный —
Быть королю подругой неимѣнной,
Любовью сердце мужа умѣрять
И чуткій сонъ его оберегать.
Когда-жь, смѣнивъ на цѣпи багряницу,
Съ престола предковъ онъ сошелъ въ темницу,
И тамъ дѣлила я его судьбу...
О, если-бъ быть со мною онъ въ гробу!
Но нѣтъ! Угасъ онъ скорбный, одинокій!
«Томись одинъ», — такъ хочеть братъ жестокій.
Скитальцемъ-нищимъ жилъ нашъ сынъ родной —

Въ чужомъ краю сложили онъ посохъ свой.
 Теперь легко! Въ землѣ я бѣды не знаю,
 Въ ея объятыхъ вѣрныхъ почиваю..
 Мой жребій помнить въ этой сторонѣ
 И часто, часто плачутъ обо мнѣ.

Далѣе слѣдуютъ капеллы архіепископовъ Гезеліусовъ, отца и сына (1638 г.), Виттенберговъ и др. Въ «капеллѣ гѣла Христова» стоитъ надгробный памятникъ архіепископу Магнусу Тавасту. Въ той же капеллѣ покоится прахъ шотландскаго полковника Кокбурна, товарища по оружію Карла XII и членовъ фамилій Горнъ и Функе.

Еще далѣе, по направленію къ главному входу, — надгробные памятники родовъ Мункъ, Кійкъ, Гюлленброокъ, Боркхольцъ и др.

Органъ собора замѣчательнъ по силѣ экспрессіи и мелодичности тона. Онъ помѣщается на высокихъ хорахъ, противъ алтаря.

Въ небольшомъ, густолиственномъ скверѣ, прилегающемъ къ собору, возвышается прекрасный памятникъ во весь ростъ много разъ упоминаемому здѣсь Перу Браге, бывшему намѣстнику Финляндіи (1638—1640 гг. и съ 1648—1654 гг.), въ эпоху шведскаго владычества.

Въ скверѣ рядомъ, но по другую сторону Нюландской улицы, поставленъ памятникъ финляндскому историку Генриху Портану. Историкъ изображенъ въ креслѣ съ перомъ въ одной и манускриптами въ другой рукѣ.

Въ первый же день по приѣздѣ въ Або я сдѣлалъ вечеромъ большую прогулку ко городу, который, когда стемнѣло, освѣтился электричествомъ.

Я побывалъ въ русской церкви (во имя св. царицы Александры), на рыночной, большой, площади, вблизи шведскаго театра.

Это прекрасный храмъ съ низкимъ, широкимъ куполомъ и высокою колокольною. Онъ совершенно круглый, съ колоннами, и очень помѣстителенъ. Въ Або имѣется и русская школа.

Гуляя, я зашелъ въ «пассажъ», — длинное кирпичное зданіе крытаго рынка, гдѣ продаются всевозможные овощи, плоды, растенія, цвѣты, колбасы и разныхъ сортовъ мясо, сырое и жареное. Въ этомъ крытомъ рынкѣ васъ пріятно поражаетъ замѣчательная чистота, порядокъ, опрятность и свѣжій воздухъ. Очевидно—здѣсь всегда все самое свѣжее, и порченой провизіи здѣсь нѣтъ мѣста.

По улицамъ слышался главнымъ образомъ шведскій языкъ, хотя теперь, съ возникновеніемъ въ Финляндіи такъ называемаго финноманскаго движенія, — въ пользу финляндской народности, — финляндскій языкъ началъ входить въ моду и въ шведскомъ обществѣ.

Прежде финляндцы (слѣдуетъ кстати замѣтить, что финнами, финляндцами называютъ жителей Финляндіи другіе народы, сами же финны зовутъ себя *Suomalaisen*, а Финляндію—*Suomi*) старались говорить по-шведски, усваивать шведскія манеры, шведскіе вкусы и

постоянно передѣлывали свои фамилии на шведскій ладъ. Такъ, напримѣръ, Lippanen (lipna по-фински—замокъ) дѣлался Castrén, а Kařhunen (kařhi—медвѣдь по-фински) становился Bjornson...

Теперь этого уже больше не замѣчается, и скорѣе можно въ настоящее время уловить, напротивъ, среди самихъ шведовъ стремленье офинляндивать свои фамилии.

По послѣднимъ статистическимъ даннымъ до 1898 г. финновъ считалось въ Финляндіи 2.170.000, шведовъ—341.500, русскихъ—7.000, нѣмцевъ—1.700 и лапландцевъ—1.500.

Во время прогулки мнѣ то и дѣло попадались навстрѣчу мужчины и дамы, на шляпахъ у которыхъ красовалась красными буквами надпись «Peigastos Armia».

— Это что же такое?—спросилъ я съ удивленіемъ у своего спутника.

— Это члены «арміи спасенія».

— Она и здѣсь существуетъ?

— Какъ же, существуетъ,—главнѣйшее средоточіе братства это именно Або и Гельсингфорсъ. «Армія» издаетъ и свой специальный органъ въ Гельсингфорсѣ «Sota Huuto», т.-е. кликъ войны...

— Что же она у васъ дѣлаетъ?

— Я здѣсь временно,—отвѣчалъ мой собесѣдникъ,—и мнѣ, по разнымъ обстоятельствамъ, не удавалось присутствовать на собраніяхъ «арміи», которыя происходятъ по вечерамъ, гдѣ-то на частной квартирѣ, и ужъ обязательно каждое воскресенье, вечеромъ, но то, что до меня вообще доходитъ объ этой сектѣ, она представляется мнѣ мало симпатичной...

— Отчего?

— Съ одной стороны ужъ очень много здѣсь, какъ и въ «арміи спасенія» въ Англии, смѣшного: тутъ есть свои генералы, полковники, ротмистры, прапорщики и т. д. до рядовыхъ — и всѣ эти воинскіе чины сражаются... съ дьяволомъ!.. Для меня это все отзывается какимъ-то шутовствомъ, водевилемъ, а водевилъ и серьезная секта несомнѣстимы. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, въ «арміи» слишкомъ много дамскаго элемента, играющаго тамъ большую роль. Эти дамы, видите ли—«сестры»,—конечно, «духовныя»,—мужскимъ представителямъ секты, «братьямъ»...

— А что происходитъ у нихъ на собраніяхъ?

— Чтеніе священнаго писанія, пѣніе подъ музыку разныхъ псалмовъ и специальныхъ пѣсенъ и пляска.

Я пробылъ въ Або, въ ожиданіи парохода въ Гельсингфорсъ, довольно долго и пытался попасть на собраніе членовъ «арміи спасенія», но, къ сожалѣнію, не могъ этого сдѣлать: постороннихъ безъ рекомендацій туда не пускаютъ, а у меня такой рекомендаціи не случилось. Но я надѣюсь, тѣмъ не менѣе, найти возможность поближе ознакомиться съ этой сектой въ Финляндіи по докумен-

тамъ, матеріаламъ и личнымъ впечатлѣніямъ, если будетъ можно, и въ свое время охотно подѣлюсь съ читателями добытыми свѣдѣніями.

Я зашелъ, часовъ въ 8 вечера, въ ресторанъ, расположенный на высококомъ холмѣ, на берегу рѣки Ауры противъ пароходной пристани. Або стоитъ довольно далеко отъ моря, и пароходы подходятъ къ городу по этой рѣкѣ. Пароходы помельче свободно приближаются къ самому городу. На рѣчкѣ весь день царитъ непрерывное оживленье, а у моста, вблизи собора, происходитъ на лодкахъ оживленный торгъ рыбой, фруктами и овощами.

Я спросилъ кружку пива и усѣлся на верандѣ... Гдѣ-то вдали играла музыка.

Вблизи моего столика сидѣли двое— одинъ молча курилъ сигару, другой читалъ «Stockholms Tidningen». Предъ ними стояло по бокалу пива. Оба были еще не старые люди.

У курившаго потухла сигара, онъ хотѣлъ раскурить, но у него не оказалось спичекъ.

Я подаль ему коробочку, и мы разговорились по-нѣмецки.

Оба были финляндцы, одинъ здѣшній, служащій въ банкѣ, другой, его родственникъ,—пріѣзжій изъ Выборга, адвокатъ.

Мы стали говорить объ Або. Потомъ я имъ рассказалъ, гдѣ я былъ. Адвокатъ ѣздилъ этимъ лѣтомъ на Валаамъ и въ свою очередь передалъ мнѣ о своихъ впечатлѣніяхъ.

— Очень тамъ интересна, на общемъ кладбищѣ, могила шведскаго короля Магнуса. Онъ высадился на главный островъ, въ XIV вѣкѣ, и осаждалъ монастырь, но тутъ поднялась буря и потопила шведскія суда. Король, по преданію, цѣлый день носился въ волнахъ на обломкѣ мачты и былъ выброшенъ на берегъ, гдѣ его подняли безъ чувствъ монахи. Спустя нѣсколько часовъ, онъ умеръ, но предъ кончиной принялъ православіе. Вся эта исторія выбита на его надгробномъ камнѣ... Уставъ въ монастырѣ очень строгій... А монахи тамошніе поражаютъ своимъ невѣжествомъ,—я никакъ этого не ожидалъ, но мнѣ сказали, что большинство ихъ изъ простыхъ крестьянъ, не только не получившихъ никакого образованія, но почти сплошь безграмотныхъ... Представьте себѣ, одинъ изъ нихъ, какъ мнѣ передавали, серьезно утверждалъ, что, будто, апостоль Андрей жилъ на Валаамѣ! Ему стали возражать, но онъ ничего и слушать не хотѣлъ и назвалъ спорившихъ съ нимъ еретиками!

— Нельзя требовать здравыхъ понятій отъ людей непросвѣщенныхъ,—сказалъ служащій въ банкѣ,—и развѣ не видимъ мы того же рѣшительно вездѣ? Попробуйте-ка потолковать съ нашими политиками—они вамъ Богъ знаетъ чего наговорять!..

— Если бы вообще у васъ, въ Финляндіи, меньше занимались политикой, было бы гораздо лучше,—замѣтилъ я и улынулся.

Адвокатъ какъ будто слегка рассердился.

— Право, мы не такъ виноваты во всей этой путаницѣ (im alle diese «соq à l'âne»). Съ одной стороны ваши же корреспонденты изъ мухи дѣлаютъ слона, все утрируютъ и раздуваютъ, совершенно не такъ передавая слова и факты, какъ было на самомъ дѣлѣ, что раздражаетъ и, конечно, не способствуетъ миру и тишинѣ, съ другой здѣсь творится что-то совсѣмъ странное...

— Что же именно странное?

— Идетъ какая-то агитація извнѣ...

— Вы говорите, можетъ быть, объ англійскомъ вліяніи?—спросить я подъ впечатлѣніемъ недавняго разговора по дорогѣ въ Таммерфорсъ.

— Именно... Это дѣлается скрытно, и трудно это уловить, но что подстрекательство со стороны англійскихъ агентовъ у насъ существуетъ,—въ этомъ для меня нѣтъ ни малѣйшаго, къ сожалѣнію, сомнѣнья!

— Надо этому противодѣйствовать,—замѣтилъ чиновникъ банка.

— А ты вотъ сначала этихъ англійскихъ молодчиковъ прогони, которые у насъ шляются,—возразилъ ему адвокатъ съ досадой.

Вотъ уже второй разъ я слышалъ одно и то же!

XVI.

На другой день я отправился въ «Купписъ». Днемъ Або довольно оживленъ и производитъ впечатлѣніе большого города. Улицы широкія, большія площади, множество прекрасныхъ магазиновъ. Всюду масса зелени. Климатъ Або очень теплый, и здѣсь свободно растутъ вязъ, ольха, букъ, кленъ, чего не встрѣтить въ другихъ мѣстахъ Финляндіи.

«Купписъ»—источникъ, гдѣ нѣкогда епископъ упсальскій Генрикъ крестилъ финновъ. Онъ давно засыпанъ, но сохранился колодець, въ отдаленной части города. Надъ нимъ устроенъ деревянный навѣсъ, куда пускаютъ за маленькую плату. Колодезь окруженъ каменной оградой. Вода въ немъ прекрасная, чистая. Вокругъ домика разбитъ садъ съ эстрадой для музыки, которая и играетъ здѣсь каждый вечеръ. Это любимое мѣсто гулянья для простого народа. Сцена крещенья въ «Купписѣ» изображена, какъ я уже упомянулъ, въ алтарѣ собора.

Потомъ я поднимался на такъ называемую «гору обсерваторіи», гдѣ нѣкогда помѣщалась обсерваторія прежней академіи въ Або, и отсюда любовался прекраснымъ видомъ на городъ. Надъ общимъ ландшафтомъ высились: соборъ, въ центрѣ картины, и на самомъ крайнемъ концѣ праваго берега Ауры, у входа въ городъ, массивная бѣлая громада Обоскаго замка, гдѣ теперь мирно пріютился мѣстный историческій музей...

На огромномъ, роскошно отдѣланномъ пароходѣ «Oihonna», совершающемъ всю зиму рейсы между Стокгольмомъ и Або, я выѣхалъ изъ Або въ Гельсингфорсъ, чтобы полюбоваться шхерами.

Пассажировъ было мало, и всѣ они были прескучные... Русское семейство съ гимназистками чопорно сидѣло въ каютъ-кампаніи перваго класса и потомъ, когда насъ стало покачивать килевой качкой, беспомощно разлеглось на диванахъ; новобрачные шведы, румяные и счастливые, то куда-то исчезали, то снова появлялись, спотыкались о канаты и ѣли за четверыхъ; какая-то нервная дама бродила, какъ маятникъ, по палубѣ, и нѣсколько молчаливыхъ и незначительныхъ фигуръ довершали картину.

Судьба, однако, наградила меня здѣсь очень интересной встрѣчей. За нѣсколько часовъ до нашего прибытія въ Гельсингфорсъ, рано утромъ, вдругъ появились на палубѣ, откуда-то изъ глубины парохода, два самыхъ закорузлыхъ русскихъ мужичка въ засаленныхъ чуйкахъ, грязныхъ высокихъ сапогахъ и порыжѣлыхъ картузахъ, неуклюже надвинутыхъ по самыя уши. Одинъ былъ помоложе, безбородый, другой постарше, болѣе на видъ толковый, съ рыженькой бородкой клинышкомъ и маленькими глазками.

— Позвольте васъ спросить, сударь,—обратилась ко мнѣ чуйка съ бородкой,—который таперича часъ будетъ?

Я удовлетворилъ любопытство чуйки и спросилъ, откуда путники ѣдутъ.

— Изъ самага города Стокгольма; значить, по дѣламъ туда ѣздили...

— По какимъ?

— Насчетъ косъ переговоры вели... Мы съ завода П—ля, подъ Вильной, хотѣли, значить, сбытъ нашихъ косъ въ Швецію устроить, да не сварганилось дѣло... А таперича вотъ въ Гельсингфорсъ путь держимъ—жаловаться генералу Бобрикову хотимъ.

— На что же именно?

— А вотъ весной, знаете ли, сударь, въ апрѣлѣ, поѣхали мы въ Вильманстрандъ, все съ тѣмъ же дѣломъ: хотѣли торговлю нашими русскими косами въ Финляндіи завести,—вѣстимо, чухонскія-то косы никуда не годны... Ну, вотъ хорошо, приѣхали это вотъ мы съ нимъ (рассказчикъ мотнулъ головой въ сторону спутника),—да переводчика чухонца съ собой захватили,—въ Вильманстрандъ и вошли въ одну лавку какую-то, чтобы насчетъ того разспросить, гдѣ и куда намъ идти по нашему дѣлу, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, господчикъ какой-то къ намъ и подскочи.—Вы, говорить, русскіе будете?—Русскіе, говоримъ.—А что тутъ дѣлаете?—А вотъ про наше дѣло толкуемъ.—А что у васъ за дѣла? А мы ему все и рассказали и бумаги наши всѣ въ порядкѣ показали—не какіенибудь мы, дескать, и все при насъ какъ слѣдуетъ быть! А господчикъ этотъ самый и говорить: нельзя вамъ у насъ здѣсь, русскимъ,

торговлю затѣвать! И потащили насъ въ ихнюю, значить, кутузку, сняли одежду, сапоги и сутки въ арестѣ продержали, а переводчика нашего чухонца по этапу, значить, подѣ Выборгъ послали. Разливался—плакалъ бѣдный, а нечего дѣлать—ушелъ... Вотъ про это самое и хотимъ мы генераль-губернатору рассказать и просить дать намъ позволеніе въ Финляндіи торговлю косами завести. Коли позволить—хорошо, тогда ужъ никто не тронетъ, ну, а не позволить—къ себѣ на фабрику вернемся и все тамъ передадимъ.

Въ первомъ часу по полудни пароходъ пришелъ въ Гельсингфорсъ (по-фински Гельсинки), и вечеромъ того же дня я выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ.

Все видѣнное и слышанное мною во время моей поѣздки по Финляндіи я передалъ здѣсь съ полнѣйшею объективностью, не дѣлая никакихъ выводовъ и заключеній. Я съ умысломъ воздержался отъ этого, чтобы не погрѣшить въ безпристрастіи.

С. Уманецъ.

ПО ДЕБРЯМЪ ДАГЕСТАНА ¹⁾.

Х.

Отъ Ахульго къ Гимрамъ.

Горная тропинка.—Туннель.—Водопадъ.—Сліяніе койсу и мость.—Вѣда ночью.—
Прибытіе въ Гимры.

ОЛНЦЕ уже близилось къ горамъ, когда я съ своими извѣстными уже читателю спутниками—офицеромъ А*, однимъ изъ членовъ администраціи Аварскаго округа, его переводчикомъ Мамедомъ и нѣсколькими нукерами ²⁾, оставивъ сзади себя знаменитый Ахульго, тронулся далѣе по дорогѣ изъ сел. Ашилты къ знаменитымъ Гимрамъ, родинѣ грознаго имама Шамиля.

Но, Боже мой, что это была за дорога! Человѣкъ, не знакомый съ Дагестаномъ, не можетъ представить себѣ ничего подобнаго...

Узкая, вся изрытая и загроможденная камнями тропинка лѣпилась по берегу страшной пропасти, то круто поднимаясь вверхъ, то стремительно обрываясь внизъ по отвѣсному склону. Одинъ неловкій шагъ лошади, цѣплявшейся, какъ кошка, могъ стоить жизни. А внизу, въ глубинѣ зіявшей бездны, кипѣлъ и рвался бѣшеный койсу, какъ бы негодуя на нашу дерзость и поджидая свои законныя жертвы...

Но вотъ тропинка еще сузилась и заскользила внизъ по крутой скалѣ. Двигаться дальше на лошади становилось опасно: мелкій

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVIII, стр. 653.

²⁾ Всадники мѣстной милиціи.

щепень и камни, уфѣявшіе путь, приходили въ движеніе отъ малѣйшаго прикосновенія, и лошади стали спотыкаться. Мы спѣшились и повели ихъ въ поводу. Однако черезъ нѣсколько же минутъ оказалось, что для меня, непривычнаго къ горнымъ тропинкамъ, идти пѣшкомъ было еще опаснѣе и труднѣе: того и гляди сорвешься и полетишь въ пропасть вслѣдъ за камнемъ, на который становишься съ полной надеждой и который самымъ вѣроломнымъ образомъ вырывается изъ-подъ ногъ и летитъ въ бездну, дѣлая огромные прыжки по крутому склону. Поэтому, какъ только тропинка стала немного лучше, я опять сѣлъ въ сѣдло, но тутъ же, ввѣрившись лошади, чуть-чуть не ударился головой объ огромную скалу, сползшую съ горы и нависшую надъ тропинкой и обрывомъ койсу. Лошадь пугливо прижала уши, а я совсѣмъ съезжился въ сѣдлѣ, невольно творя молитву, чтобы проѣхать благополучно и не оставить вмѣсто себя одно мокрое мѣсто.

Проѣхавъ этотъ неожиданный природный туннель, я обернулся назадъ и съ содроганіемъ увидѣлъ, что грозная скала еле-еле держится на скатѣ и, быть можетъ, близко то время, когда она сорвется и рухнетъ въ койсу!.. И что это будетъ за паденіе! Какой грохотъ и гулъ пойдетъ по узкому и высокому ущелью!

— Да, много ужасныхъ мѣстъ въ Дагестанѣ, особенно при теперешнемъ неустройствѣ дорогъ,—сказалъ А*, когда мы миновали скалу:—намъ еще не встрѣчались искусственныя дороги, которыя будутъ еще получше этой тропинки! Здѣсь еще какъ нибудь можно разѣхаться встрѣчнымъ. А представьте себѣ встрѣчу двухъ всадниковъ надъ бездонною пропастью на искусственной тропинкѣ въ полъ-аршина шириной, когда не возможно сдѣлать шага ни впередъ, ни назадъ!..

— Избави насъ Богъ отъ такихъ ужасовъ, — замѣтилъ я съ содроганіемъ.

— Не даромъ же Марлинскій съ большимъ остроуміемъ замѣтилъ гдѣ-то, что въ Дагестанѣ одинъ лишь Аллахъ завѣдываетъ путями сообщенія,—добавилъ съ улыбкой А*.

Солнце между тѣмъ спустилось къ самымъ горамъ и послѣдними лучами озолотило горныя вершины. Мало-помалу пропалъ и этотъ золотистый отблескъ, цвѣта стали сѣрѣть и чернѣть, горы все мрачнѣли и какъ будто надвигались на насъ, готовясь поглотить въ свои бездны.

Дорожка была все также плоха и узка, и лошади стали чаще спотыкаться и чутко насторожили уши. Даже нукеры, привычныя къ горамъ, и тѣ начали обнаруживать какое-то безпокойство.

И, право, было отъ чего! Если ужъ днемъ опасно путешествовать по этимъ крутизнамъ, то ночью опасность увеличивается во много разъ и, безъ преувеличенія говоря, смерть ежеминутно осѣняетъ васъ своимъ чернымъ крыломъ...

Въ одномъ мѣстѣ на насъ напали собаки, сторожившія вмѣстѣ съ худенькимъ мальчуганомъ стадо козъ, ползавшихъ по крутымъ скаламъ. Гдѣ онѣ находили для себя кормъ въ этомъ каменномъ адѣ, въ которомъ все говорило о смерти и ужасѣ, и ничто не напоминало о жизни,—это одному Аллаху извѣстно.

А койсу все мрачнѣль и ревѣль все глуше и глуше. Въ одномъ мѣстѣ какъ бы шумъ дождя заглушилъ его ревъ—это сотня небольшихъ водопадовъ изъ смежныхъ горныхъ ручьевъ падала въ рѣку и ударяла звонкой струей о поверхность воды. А немного поодаль, гдѣ отвѣсныя береговья скалы сошлись на нѣсколько сажень и вершинами своими подперли небо,—одна изъ нихъ дала трещину до самаго верха, и оттуда билъ внизъ огромный каскадъ, разлетавшійся въ брызги и пѣну.

— Какъ грозны и ужасны горныя картины,—сказалъ я вслухъ:—но и какъ же дивны и величественны онѣ!

— Погодите,—сказалъ Мамедъ:—сейчасъ будетъ сліяніе Андійскаго и Аварскаго койсу ¹⁾. Тамъ видъ еще грознѣе и величественнѣе.

И, дѣйствительно, никакихъ красокъ не хватить, чтобы описать это нагроможденіе отвѣсныхъ и огромныхъ скалъ и камней, лѣзшихъ одинъ на другой, какъ будто въ какомъ-то водоворотѣ, громоздившихся все выше и выше, туда, гдѣ больше свѣта, гдѣ больше простора и гдѣ можно согрѣться на золотыхъ лучахъ солнца!..

И какъ разъ въ этомъ ужасномъ мѣстѣ черезъ Аварское койсу перекинуть мостъ... то-есть, это горцы зовутъ его мостомъ, а на нашемъ языкѣ это какое-то шаткое нагроможденіе одного ряда бревенъ на другой, пока обѣ груди, идущія съ противоположныхъ береговъ, не сошлись своими вершинами надъ бѣшеной рѣкой. Искать тутъ какихъ нибудь скрѣпленій, а тѣмъ болѣе периль — было бы, конечно, напраснымъ трудомъ.

— Настоящій Чортовъ мостъ,—сказалъ я, когда мы подъѣхали къ нему.

— Да,—согласился со мною Мамедъ:—тутъ на лошади не проѣдешь. Нужно слѣзать.

И онъ, дѣйствительно, слѣзъ и осторожно, шагъ за шагомъ, повелъ свою лошадь черезъ мостъ. А онъ ужъ, конечно, много видовъ видалъ на своемъ вѣку и не разъ проѣзжалъ по этой самой дорогѣ.

Я отдалъ лошадь нукеру и самъ бѣгомъ послѣдовалъ за Мамедомъ, пригнувшись поближе къ мосту, чтобы не смотрѣть по сторонамъ и не видѣть зіяющей и тянущей къ себѣ пропасти.

Но вотъ я на другомъ берегу, а за мной благополучно пере-

¹⁾ Оба эти койсу (т. е. рѣки), сливаясь вмѣстѣ, образуютъ такъ называемый Сулакъ, впадающій въ Каспійское море.

ѣхали и всѣ остальные путешественники. Лишь у одного нукера лошадь почему-то заупрямилась на серединѣ моста, и, веди её неопытный всадникъ, она очутилась бы въ бурномъ койсу вмѣстѣ съ своимъ проводникомъ.

Совершивъ этотъ переходъ, мы приостановились на другомъ берегу закусить и выпить по стакану чобы¹⁾.

— Этотъ мостъ,—сказалъ А*:*—игралъ большую роль во время нашихъ войнъ. Впервые, кажется, устроилъ его генераль Грабо, когда шелъ разорять Ахульго въ 1839 году. Тогда же были устроены на этомъ берегу предмостныя укрѣпленія, остатки которыхъ сохранились и до сихъ поръ.

Я заинтересовался этими остатками далекой старины и хотѣлъ для осмотра ихъ подняться на гору. Но спутники удержали меня отъ этого: ночь уже почти наступила, и тьма затянула окрестности, а намъ предстояло еще пять верстъ ужаснаго пути по берегу Аварскаго койсу.

Вначалѣ еще можно было двигаться: тропинка слабо вырисовывалась сѣрватою ленточкой... Но вотъ она и совсѣмъ пропала изъ вида, и я не зналъ, куда мнѣ ѣхать.

— Пропустите меня впередъ,—сказалъ А*, ѣхавшій сзади меня:—подо мною бѣлая лошадь, и вамъ легче будетъ держаться по ней.

Дѣйствительно, такъ было легче двигаться, по временамъ и бѣлая лошадь пропадала за какимъ нибудь поворотомъ, и тогда я бросалъ поводья и отдавался на произволъ судьбы и инстинктъ своего коня.

Но вотъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ берегъ нѣсколько расширился, тропинка ушла изъ-подъ нашихъ ногъ, и какъ мы ни искали её,—найти не могли.

— Что дѣлать?—сказалъ я:—не лучше ли будетъ остановиться здѣсь переночевать? Ночь теплая, у насъ бурки, сѣдла подъ головы — отлично будетъ.

— Да,—отозвался и Мамедъ:—тутъ какъ разъ вѣдешь въ пасть шайтану.

— Нѣтъ,—возразилъ А*:*—мнѣ непремѣнно нужно быть сегодня же въ Гимрахъ.

И онъ велѣлъ нукерамъ обшарить все кругомъ и найти тропинку... Черезъ нѣкоторое время одинъ изъ нихъ крикнулъ что-то на своемъ языкѣ: дорога нашлась, и мы двинулись далѣе.

Но какъ затѣмъ мы добрались до Гимръ цѣлы и невредимы,—я ужъ не могу дать себѣ отчета. Наши лошади прыгали черезъ какія-то разсѣлины, обрывались, скользили, садились на заднія ноги при спускахъ и, какъ кошки, царапались вверхъ по подье-

¹⁾ Напитокъ, весьма употребительный въ горахъ Дагестана. Приготавливается изъ винограднаго сока и весьма вкусенъ.

мамъ... И все это въ такой темнотѣ, что временами я терялъ изъ вида даже уши своего собственного коня...

Но вотъ послѣдній спускъ, и мы въѣхали въ сухое и каменистое ложе Гимринки. Это уже была торная и прекрасная дорога. Однако, въ темнотѣ я чуть было не разбилъ себѣ голову о деревянную водопроводную трубу, перекинутую, на высотѣ сажени, съ одного берега на другой¹⁾.

Еще одинъ подъѣмъ, и мы очутились въ предѣлахъ знаменитыхъ Гимръ—мѣстѣ рожденія двухъ имамовъ: Кази-Муллы и Шамиля.

Какой-то правовѣрный попался намъ на встрѣчу, и сейчасъ же вѣсть о нашемъ прибытіи разнеслась по всему аулу. Впереди замелькали огни: это старшина съ сельскими должностными лицами шелъ встрѣчать насъ съ факелами въ рукахъ.

Черезъ пять минутъ мы слѣзли съ лошадей и вошли во дворъ одного изъ лучшихъ домовъ, принадлежавшаго казію аварскаго окружнаго суда²⁾.

XI.

Въ Гимрахъ.

Встрѣча.—Любопытство горцевъ.—Значеніе Гимръ.—Кунацкая и ея убранство.—
Мошеникъ-старшина.—Его продѣлка.

— Буюрунъ, эфендиляръ (добро пожаловать, господа),—низко кланяясь и прижимая правую руку къ груди, привѣтствовалъ насъ почтенный сѣдобородый старикъ съ выкрашенной красной краской бородою.

— Это нашъ хозяинъ-казій окружнаго суда, — отрекомендовалъ мнѣ его А*: — почтенный человекъ, состоящій на русской службѣ уже болѣе 30 лѣтъ.

Я обмѣнялся съ нимъ рукопожатіемъ и поднялся на широкій и длинный балконъ, на который выходило нѣсколько оконъ. Ближайшія принадлежали жилымъ покоямъ хозяевъ. За ними свѣтился огонекъ, и оттуда выглядывало нѣсколько любопытныхъ женскихъ лицъ. Я подошелъ поближе, чтобы разглядѣть ихъ, но они со смѣхомъ отшатнулись назадъ. Это не помѣшало имъ, впрочемъ, вновь очутиться у окна, когда я сдѣлалъ видъ, что не смотрю на нихъ. Мелькомъ мнѣ удалось разсмотрѣть среди нихъ одно очень

¹⁾ Такими трубами горцы проводятъ воду на свои поля иногда изъ-за нѣсколькихъ верстъ.

²⁾ Въ каждомъ изъ округовъ (уѣздовъ) Дагестана имѣется свой мѣстный судъ, разбирающій дѣла, возникающія между горцами. Въ немъ засѣдаетъ нѣсколько судей-туземцевъ, подъ предсѣдательствомъ начальника округа или его помощника, и духовное лицо—казій, разбирающій извѣстную категорію дѣлъ по писанному закону—шаріату.

миловидное, молодое личико, на которомъ горѣли, какъ два бриллианта, черные, крупные глаза.

Не успѣли мы еще пройти въ отведенную намъ кунацкую, а ужъ передъ воротами нашего дома собралась огромная толпа. Самыя же почетныя лица — старшина, судья и мулла, — взошли на балконъ, низко кланаясь и поздравляя съ благополучнымъ приѣздомъ.

— Вѣроятно, всѣ Гимры собрались тутъ, — сказалъ я А*, указывая на толпу въ воротахъ.

— Конечно, — отвѣтилъ онъ: — любопытство вообще очень развито въ горахъ, а Гимры особенно славятся этимъ качествомъ. Это — лавочка для всего Дагестана. Отсюда идутъ всѣ слухи, отсюда же шла главная смута во времена Шамиля. И теперь, насколько я знаю, въ здѣшней мечетской школѣ подъ сурдинкой проповѣдуютъ Богъ знаетъ что, пользуясь отдаленностью Хунзаха¹⁾.

— А велико ли это селеніе?

— Большое и одно изъ самыхъ промышленныхъ въ Дагестанѣ. Народъ здѣсь очень развитой, благодаря близости Темиръ-Ханъ-Шуры²⁾, и очень трудолюбивый. Своей земли имъ не хватаетъ, и они арендуютъ у сосѣдей, особенно у лѣнливыхъ ашильтинцевъ. Въ промышленномъ отношеніи этотъ аулъ уступаетъ развѣ Унцукую, лежащему недалеко отсюда, — въ какомъ нибудь десяткѣ верстъ. Однако, простите, мнѣ нужно переговорить съ старшиной.

И онъ отозвалъ въ сторону высокаго, статнаго и красиваго горца съ большой черной бородой и сверкавшими, какъ угли, глазами. Я же вошелъ въ приготовленную для насъ комнату, чтобы освободиться отъ верхней одежды.

Намъ отведено было, конечно, лучшее помѣщеніе въ домѣ — кунацкая. То была продолговатая комната съ глинянымъ поломъ и деревяннымъ потолкомъ. Входная дверь была прорѣзана въ одной изъ длинныхъ стѣнъ и, войдя, я прежде всего замѣтилъ нѣсколько большихъ связокъ съ тюфяками и ярко-цвѣтными шелковыми одѣялами, затянутыхъ парчевыми лентами. Сверхъ каждой связки лежало по подушкѣ въ бѣлой наволочкѣ.

— Навѣрно, приданое какой нибудь изъ женъ? — спросилъ я Мамеда, указывая на эти связки.

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ тотъ, улыбаясь, — это принесла младшая, молоденькая жена. Старикъ только-что женился на ней и выбросилъ вонъ приданое умершей передъ тѣмъ жены, замѣнивъ его тѣмъ, которое вы видите.

— Старикъ, значитъ, не промахъ!

Мамедъ только улыбнулся въ отвѣтъ.

Это была какъ разъ та молоденькая женщина, которая выгля-

¹⁾ Центръ Аварскаго округа, на окраинѣ котораго лежатъ Гимры.

²⁾ Центръ Дагестанской области.

дывала изъ окна хозяйской комнаты и сверкающіе глаза которой обратили на себя мое вниманіе.

Одна изъ поперечныхъ стѣнъ кунацкой, по обычаю, вся была замѣщена самой разнообразной мѣдной и оловянной посудой, въ родѣ кувшиновъ, тазовъ для умыванья и купанья, котловъ для варки пищи и пр. Часть же другой стѣны скрывалась подъ большимъ кускомъ золотой московской парчи, годной хоть сейчасъ на парадную ризу священнику. Надъ нею висѣли два плохонькихъ зеркала и стояла на полкахъ разнообразная фаянсовая посуда. Небольшой столъ, закрытый цвѣтной скатертью, двѣ двуспальные кровати, совершенно готовые для отдыха, и нѣсколько вѣнскихъ стульевъ завершали убранство комнаты. Впрочемъ, нельзя еще не отмѣтить изреченій изъ корана, вырѣзанныхъ по дереву на арабскомъ языкѣ и прикрѣпленныхъ къ потолку и карниву.

— Иногда на потолкѣ выжигаютъ цѣлыя сказки,—сказалъ Мамедъ, замѣтивъ мое любопытство.

Снявъ верхнее платье, я вышелъ обратно на балконъ, гдѣ набралось между тѣмъ еще больше народу. Балконъ выходилъ на дворъ, въ глубинѣ котораго стояли различныя службы. Все кругомъ было очень чисто и опрятно. Вообще, горцы очень заботятся о чистотѣ своихъ жилищъ, но за то не обращаютъ никакого вниманія на одежду, которую носятъ до тѣхъ поръ, пока она сама не развалится на плечахъ отъ ветхости и грязи.

Отойдя въ задній конецъ балкона, я сѣлъ на перила, наслаждаясь дивной и теплой ночью, вглядываясь въ начавшія слабо вырисовываться передъ восходомъ луны окружающія горы и прислушиваясь къ койсу, бѣгущему близъ самаго аула.

— Завтра вамъ, вѣроятно, придется увидеть горскую скачку,—сказалъ А*, подойдя ко мнѣ.

— А*, это будетъ очень интересно. Почему же ее устраиваютъ?

— По поводу Байрама ¹⁾. Горцы очень любятъ собачьи травли и конскія скачки и никогда не упускаютъ случая насладиться ими.

— А вы долго здѣсь останетесь?—спросилъ я А*.

— Нѣтъ, день, два,—отвѣтилъ онъ:—здѣсь, видите ли, идетъ постоянная борьба партій изъ-за должности старшины. Въ горахъ власть очень любятъ и умѣютъ ею пользоваться. Здѣшній старшина, котораго вы видѣли, большой мошенникъ, но такой тонкій и ловкій, что официально никогда и ни въ чемъ нельзя его поймать. Вотъ уже болѣе года его противники, которыхъ здѣсь масса, осаждаютъ насъ жалобами на него и требуютъ замѣны кѣмъ нибудь другимъ.

— Какія же онъ можетъ дѣлать злоупотребленія?

— Нужно вамъ сказать, что должность старшины собственно

¹⁾ Мусульманская пасха.

почетная, такъ какъ жалованья онъ не получаетъ. Но за эти мѣста всегда дерутся, такъ какъ они даютъ очень важныя привилегія и ставятъ очень близко къ сельской казнѣ.

— Къ сельской казнѣ?

— Да. Видите ли, здѣсь каждый аулъ имѣетъ свою кассу, составляющуюся главнымъ образомъ изъ штрафныхъ денегъ, уплачиваемыхъ сельчанами за разныя провинности, напримѣръ, за неявку на общественныя работы и т. д. Самъ старшина имѣетъ право штрафовать, до одного рубля, сельскій судъ до трехъ, а окружное управленіе до 50 рублей.

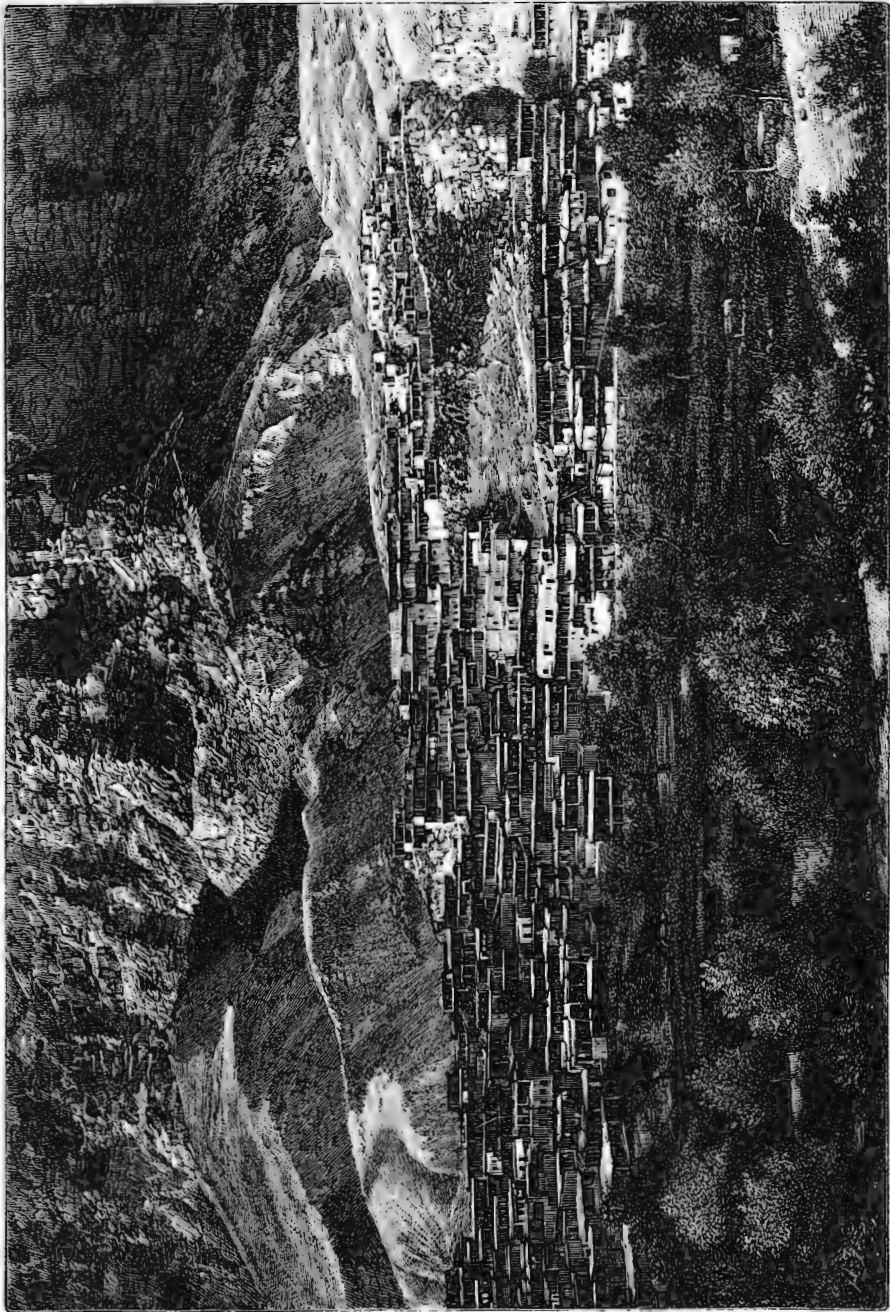
— Куда же идутъ эти деньги?

— На школы, аптеки и прочія нужды селеній и округовъ. Въ Унцукулѣ и Гимрахъ этихъ суммъ набирается иногда до 1¹/₂ тысячи, а въ округѣ до 15—20 тысячъ. И въ аулахъ иногда бываютъ большія злоупотребленія съ ними. Вотъ и здѣшній старшина, видимо, не прочь запустить руку въ общественный сундукъ. Да, кромѣ того, онъ совершенно безконтрольно пользуется общественными землями и самыми разнообразными способами притѣсняетъ своихъ враговъ. Я уже не въ первый разъ пріѣзжаю сюда и каждый разъ слышу жалобы на него.

— Въ первый разъ,—продолжалъ А* послѣ короткой паузы:—я былъ здѣсь около года назадъ для разбора коллективной жалобы на старшину чуть не отъ всего селенія. Два дня выслушивалъ тогда жалобщиковъ. Нужно замѣтить, что грамотность въ горахъ развита очень слабо, и на жалобѣ, поступившей въ округъ, вмѣсто подписей, стояли печати, а то и просто отпечатки пальцевъ просителей. Я, конечно, не могъ самъ опредѣлить, чьи это были отпечатки, а когда сталъ допытываться отъ сельчанъ, то, къ удивленію моему, никто не привналъ ихъ за свои. Выходило, что или кто нибудь одинъ потрудился за всѣхъ, или дѣйствительно всѣ приложили, но потомъ испугались и отказались отъ своихъ знаковъ.

— Такъ ничего я не добился?

— Такъ и не добился,—отвѣтилъ А*:—и не могъ вывести старшину на свѣжую воду: обвиненія-то были тяжелы, да доказательства не оказалось. Помню, что на той сходкѣ особенно кричалъ одинъ коренастый лезгинъ съ георгіевскимъ крестомъ на рубахѣ. Я долго не обращалъ вниманія на его крикъ, хотя онъ надсаживался до одурѣнія. Наконецъ, спросилъ, чего онъ кричитъ. «Не хотимъ этого старшину,—отвѣтилъ онъ мнѣ:—съ нимъ жить нельзя; дай намъ другого—хоть четверть старшины, да новаго». Но мнѣ такъ и не удалось удовлетворить крикуна, хотя я инстинктивно чувствовалъ, что старшина большой мошенникъ. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время пріѣхалъ сюда самъ начальникъ округа разбирать, кто правъ, кто виноватъ, но тоже ничего важнаго не нашель. Но вотъ теперъ, кажется, уже есть основанія думать, что онъ запу-

Ауль Гимры.

тался въ одномъ очень некрасивомъ дѣлѣ, для разбора котораго собственно я сюда и прѣхалъ. Для провѣрки нужно допросить нѣсколько человекъ, которыхъ я уже велѣлъ вызывать.

Въ это время къ намъ подошелъ Мамедъ и сказалъ, что старшина рассказывалъ ему свою претензію на то, что А* не остановился у него, своего кунака, и что въ виду такого нарушенія горскаго обычая онъ, старшина, долженъ зарѣзать козла.

— Хорошъ кунакъ, — отвѣтилъ, улыбаясь, А*:—чуетъ копка, чье мясо съѣла! Скажите ему, Мамедъ, что я прошу извинить меня: остановиться у него не могу, такъ какъ заранѣе общалъ казію. А если обычай, дѣйствительно, предписываетъ зарѣзать козла, то я ничего не имѣю противъ,—пусть рѣжетъ.

— Только вамъ, начальникъ, придется заплатить за него три рубля,—сказалъ Мамедъ:—въ этомъ и состоитъ вся суть обычая.

— А, а,—произнесъ тотъ:—ну, что же, я готовъ и штрафъ внести. Пускай рѣжетъ. Противъ адатовъ ¹⁾ ничего не имѣю.

Тутъ Мамедъ подошелъ поближе къ А* и сказалъ ему что-то на ухо.

— Почему вы знаете?—громко спросилъ А*.

— Да въ народѣ такъ говорятъ, и нашъ хозяинъ то же мнѣ передавалъ. Только четверыхъ, вызванныхъ вами, вы можете допросить, а остальные всѣ попрятались, такъ какъ старшинѣ удалось ихъ запугать.

— Ну, хорошо, посмотримъ, можетъ, мнѣ и четверыхъ будетъ достаточно, — отвѣтилъ А*, отойдя въ другой конецъ коридора, гдѣ возвышалась среди другихъ крупная и статная фигура старшины.

— Въ чемъ дѣло, Мамедъ?—спросилъ я.

— Видите ли, начальникъ приказалъ собрать семь человекъ для допроса, а, какъ мнѣ сейчасъ передали, трехъ изъ нихъ старшина запугалъ и велѣлъ имъ спрятаться въ сакляхъ, а самъ хочетъ сказать, будто они ушли въ горы разыскивать эшакровъ ²⁾ и до сихъ поръ не возвратились.

Слова Мамеда оправдались. А* удалось допросить только четверыхъ, а остальные трое «ушли въ горы за эшаками». Но и показанія этихъ четверыхъ оказались очень цѣнными, такъ какъ они прямо уличали старшину въ очень нехорошихъ и противозаконныхъ поступкахъ.

¹⁾ Обычаевъ.

²⁾ Мѣстный мелкій оселъ.

XII.

Въ Гимрахъ.

Промышленность въ горахъ. — Кустарное производство. — Коммуна. — Шамиль и Иоаннъ IV Грозный. — Нетерпимость Шамиля и ненависть къ нему.

Когда всѣ свидѣтели были спрошены, мы вновь вышли на балконъ, а въ кунацкой стали готовить для насъ ужинъ.

Несмотря на позднее время, народъ и не думалъ расходиться, а старшина попрежнему стоялъ впереди другихъ. Но тутъ А* сказалъ ему, что сегодня онъ уже не нуженъ, и что всѣ могутъ идти по домамъ. Дворъ постепенно опустѣлъ.

Около получаса просидѣли мы еще на балконѣ, наслаждаясь дивною ночью, при чемъ я вспомнилъ начатый раньше разговоръ о промышленномъ значеніи Гимрѣ и Унцукуля и перевелъ опять рѣчь на этотъ предметъ.

— Пахатной земли, какъ вы уже знаете,—говорилъ между прочимъ А*,—въ Дагестанѣ очень мало, и собственного хлѣба не хватаетъ и на полъ-года, даже при лучшихъ урожаяхъ. Другіе виды добывающей промышленности развиты слабо,—главнымъ образомъ за невозможностью развивать ихъ дальше; обрабатывающей же и совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ нѣтъ надлежащаго развитія. Все это вынуждаетъ дагестанцевъ искать средствъ къ существованію на сторонѣ. Какъ только кончится уборка хлѣбовъ, чуть не половина способнаго къ труду мужского населенія области расходится въ разныя стороны — кто въ Россію, кто въ Закавказье, кто въ Закаспійскій край. Нѣкоторые нанимаются чернорабочими, другіе садовниками, сторожами и т. д. Знающіе ремесла открываютъ временныя мастерскія,—однимъ словомъ, кто во что гораздъ. Къ веснѣ же почти всѣ возвращаются назадъ.

— Но, кромѣ отхожихъ промысловъ,—продолжалъ А*,—однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ существованія нашихъ горцевъ служатъ кустарные промыслы, хотя въ Аварскомъ округѣ они развиты слабѣе, чѣмъ въ другихъ округахъ. Вообще же каждый округъ славится какимъ нибудь производствомъ, и нѣкоторыя селенія исключительно живутъ этими заработками. Въ нѣкоторыхъ видахъ производствъ наши кустари достигли замѣчательнаго совершенства, дальше котораго, кажется, уже некуда и идти. Тутъ они обнаруживаютъ поразительную усидчивость и терпѣніе, и только такимъ упорнымъ трудомъ добиваются желательныхъ результатовъ; орудія же производства крайне грубы и несовершенны. Представьте себѣ, напримѣръ, что одинъ оружейникъ въ Араканахъ дошелъ до такого совершенства въ выдѣлкѣ ружей-берданокъ, что ихъ трудно отличить отъ казенныхъ!

— Затѣмъ, нужно замѣтить, что мужчины никогда не смѣшиваются въ своихъ работахъ съ женщинами: у мужчинъ—одни производства, у женщинъ—другія. Мужчины обрабатываютъ, главнымъ образомъ, дерево, кожу, глину, кость и металлы,—жельзо, серебро и золото,—а женщины занимаются пряжей и тканьемъ, валяніемъ войлоковъ, выдѣлкой бурокъ, паласовъ, ковровъ, сукна, вышиваніемъ по бархату, шелку, сукну, кожѣ и т. д.

— Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ есть селеніе Кубачи, жители котораго почему-то считаютъ себя потомками генуэзцевъ. Они занимаются выдѣлкой золотыхъ и серебряныхъ вещей, огнестрѣльнаго и холоднаго оружія. Но особеннаго совершенства они достигли въ дѣлѣ украшенія мелкихъ вещей изъ стали, слоновой кости, рога и перламутра золотою узорчатой насѣчкой. Жаль, что вы не видали у меня прелестныхъ запонокъ тамошней работы. Золотая насѣчка, выведенная удивительно тонкимъ узоромъ, блеститъ на слоновой кости, какъ рядъ мелкихъ брилліантовъ. Поразительныя иногда попадаются работы. Для одной знакомой дамы сдѣлали золотую насѣчку на вѣерѣ изъ слоновой кости—вышла такая прелесть, за которую любитель далъ бы баснословныя деньги...

— Вотъ у меня газыри ¹⁾ тамошней работы,—сказалъ Мамедъ и показалъ одну изъ гильзъ.

Это была, дѣйствительно, прелестная вещица изъ слоновой кости съ красивымъ узоромъ по верхнему краю изъ врѣзанныхъ въ кость золотыхъ крапинокъ.

— Да, чудная работа,—сказалъ я,—но это вы говорите о Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ; а чѣмъ же занимаются въ вашемъ Аварскомъ округѣ?

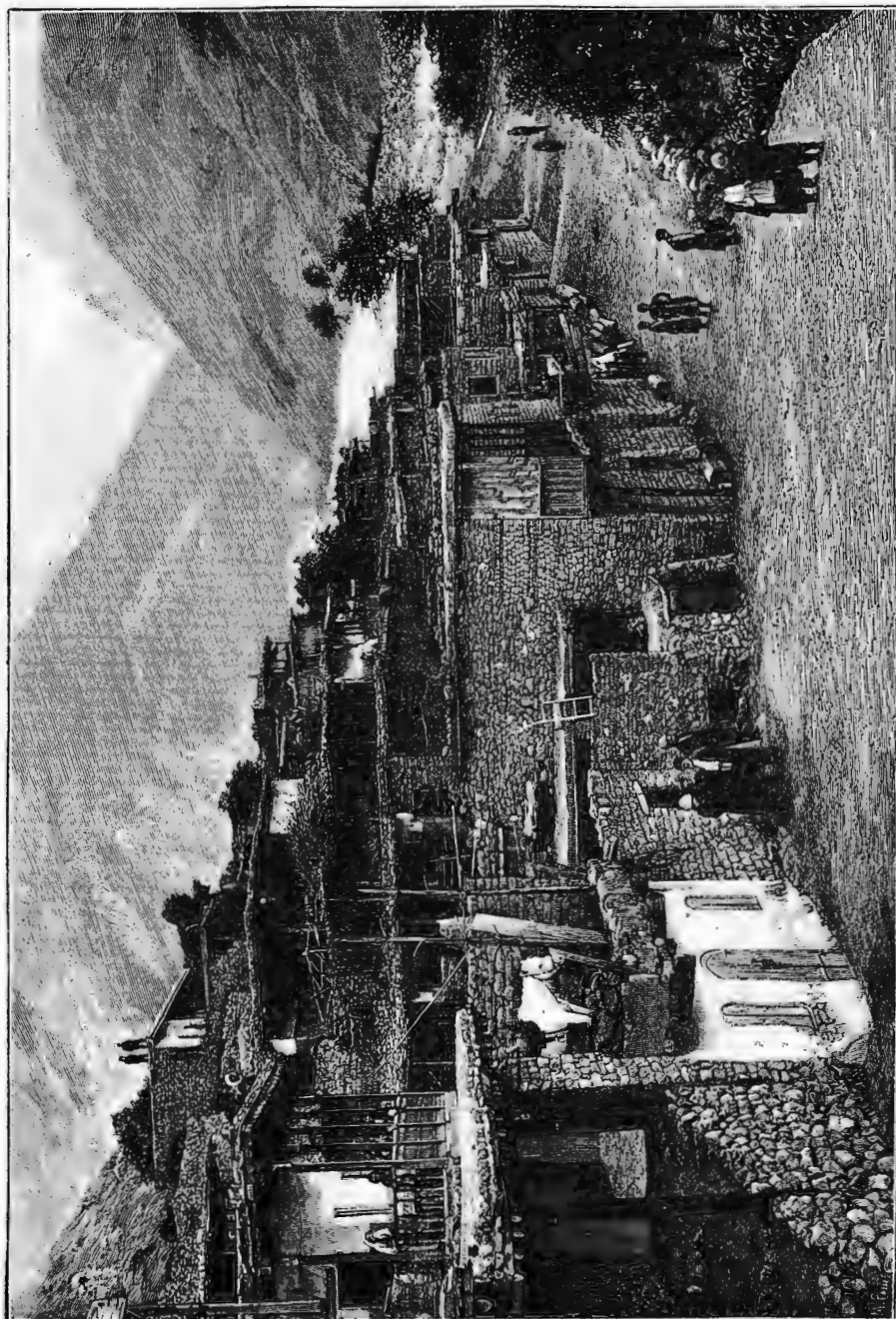
— У насъ въ этомъ отношеніи выдѣляется ауль Унцукуль, гдѣ выдѣлываются очень изящныя вещи изъ желѣза, дерева и рога съ серебряной насѣчкой. Много готовится также красивыхъ деревянныхъ вещей, въ родѣ хлыстовъ, палокъ, подсвѣчниковъ, чернильныхъ приборовъ. Вещи эти имѣютъ хорошій сбытъ въ Россіи и на Кавказѣ. Масса ихъ расходуется въ Пятигорскѣ во время лѣтнебаго сезона.

— Ну, а Гимры?

— Гимры больше занимаются садоводствомъ. Здѣшній виноградъ считается однимъ изъ лучшихъ во всемъ Дагестанѣ и круглый годъ продается въ Шурѣ—благо, доставка не дорога. Выдѣлываютъ изъ него и вино, но въ немъ замѣчается высокій процентъ спирта.

Въ это время къ намъ подошелъ нашъ хозяинъ, почтенный казій, и пригласилъ закусить. Мы, конечно, охотно приняли его

¹⁾ Украшеніе на черкескѣ, въ видѣ двухъ рядовъ патроновъ-гильзъ (охотничьяго ружья) на груди.

Улица и часть аула Гимры.

предложеніе, такъ какъ дорогой проголодались, а супъ изъ курицы и пловъ съ кипмишемъ и толстымъ слоемъ яицъ сверху оказались очень вкусно приготовленными. Ужинали мы втроемъ, такъ какъ хозяинъ ни за что не хотѣлъ присоединиться къ намъ.

За ужиномъ А* передалъ мнѣ очень любопытную подробность.

Оказалось, что въ Дагестанѣ осуществилось нѣчто подобное мечтаніямъ Фурье, Прудона и другихъ ученыхъ. Обитатели селенія Сулевъ-Кентъ, Кайтаго-Табасаранскаго округа, занимаются гончарнымъ производствомъ на артельныхъ началахъ. Цѣлыми товариществами ходятъ они на заработки въ сосѣдніе округа и, вернувшись домой, дѣлятъ барыши на всѣхъ поровну,— даже и на тѣхъ, кто оставался дома. Тѣ же продукты, которые были приготовлены дома, опять-таки поступаютъ въ артель, которая посылаетъ когонибудь для продажи ихъ, и вырученная сумма поступаетъ опять-таки въ пользу «коммуны».

— По истинѣ, Дагестанъ—«гора народовъ и языковъ»,—сказалъ я:—много еще будетъ здѣсь работы для ученыхъ, и не одного Услара и Ковалевскаго должна прислать сюда Россія для изученія языка, нравовъ и обычаевъ кавказскихъ народовъ.

— Одного нужно желать,—добавилъ А*—чтобы эти изслѣдователи пришли, какъ можно скорѣе, такъ какъ по нынѣшнимъ временамъ старыя различія постепенно сглаживаются и забываются и, быть можетъ, не такъ далеко то время, когда все придетъ къ одному общему уровню.

Отъ обще-дагестанскихъ, такъ сказать, вопросовъ мы перешли къ вопросу, особенно близкому Гимрамъ,—къ муридизму и двумъ его имамамъ—Кази-Мухамеду (или Кази-Муллѣ, какъ его чаще называютъ у насъ) и Шамилю.

Гимры всегда были однимъ изъ главныхъ гвѣздъ муридизма и не разъ подвергались разгрому отъ русскихъ войскъ; оба же названные имама были ихъ уроженцы, а Кази-Мухамедъ и погибъ въ Гирахъ въ 1832 году.

Мы долго говорили объ этихъ до сихъ поръ сильно интересующихъ Дагестанъ вопросахъ, хотя я немного узналъ новаго, чего не было бы еще въ печатныхъ источникахъ, изданныхъ на Кавказѣ. Были два-три новыхъ еще неизвѣстныхъ мнѣ эпизода, но новъ былъ для меня до извѣстной степени и тотъ взглядъ, котораго держались въ Аваріи на послѣдняго имама Шамиля.

— Шамиля не любили въ Аваріи, да и вообще въ Дагестанѣ,—говорилъ между прочимъ А*—но за то его очень боялись. Я едва ли отступлю отъ истины, если сравню его съ нашимъ Іоанномъ IV Грознымъ. Между этими двумя историческими дѣятелями есть много сходныхъ чертъ и, кажется, самыя характерныя изъ нихъ—настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли и крайняя жестокость. Благодаря первой изъ нихъ, Шамилю удалось слить воедино все

разноплеменное население Дагестана, подчинить его одинаковой для всѣхъ строгой организаціи и на 25 лѣтъ затянуть борьбу горцевъ съ могущественной Россіей; благодаря же второй чертѣ, Шамиль заслужилъ общую ненависть «въ странѣ горъ», и только страхъ передъ его грознымъ именемъ сдерживалъ население въ повиновеніи.

— Для продленія своего сравненія, — продолжать А*, — я долженъ замѣтить, что Шамиль, на подобіе нашего Іоанна Грознаго, создалъ при себѣ свою опричнину изъ 600 преданнѣйшихъ ему людей, именовавшихся муртазигетами, отрекавшимися при поступленіи въ эту дружину отъ всѣхъ личныхъ и имущественныхъ связей и отдававшими всѣ свои силы и самую жизнь въ полное распоряженіе муршида (учителя). Смерть на полѣ битвы была для нихъ лучшей наградой, и не было опасности, которой они испугались бы. Изъ среды этихъ преданнѣйшихъ людей Шамиль выбиралъ наибовъ для управленія провинціями и округами. Конечно, такіе ставленники имама дѣйствовали вполнѣ въ его духѣ и проводили тѣ принципы, которые онъ имъ указывалъ, особенно зная, что суровый муршидъ слѣдитъ черезъ доносчиковъ за ихъ дѣйствіями, за каждое отступленіе отъ предначертаннаго плана готовить самыя суровыя взысканія. А планъ Шамиля былъ построенъ на ученіи шаріата и, проникнутый безпощадной нетерпимостью, изгналъ все то, чѣмъ жило до тѣхъ поръ население Дагестана...

— Нужно замѣтить, что до появленія муридизма горы жили не шаріатомъ, а адатами (обычаями), значительно измѣнившими и ослабившими суровость и нетерпимость писаннаго закона. Имамы же объявили самую безпощадную войну всѣмъ отступленіямъ отъ шаріата и требовали замѣны самыхъ разнообразныхъ обычаевъ, отличныхъ зачастую у двухъ сосѣднихъ ауловъ, общими для всѣхъ суровыми нормами писаннаго закона. Только желѣзная рука Шамиля была въ силахъ справиться съ этой задачей; но, перевернувъ вверхъ дномъ всю жизнь горца и подчинивши ее жестокой дисциплинѣ военнаго стана, онъ возбудилъ мало-помалу въ горцахъ общую ненависть къ себѣ.

— Онъ написалъ кодексъ законовъ, въ которыхъ установилъ строгія наказанія и за маловажные проступки; смертная казнь стала обычнымъ явленіемъ, и при самомъ Шамилѣ всегда находился палачъ съ сѣкирой для немедленнаго исполненія его приговоровъ. Проводя въ жизнь дагестанцевъ строгую дисциплину, Шамиль изгналъ все, что только могло оживлять ее. Пляска, музыка, пѣніе, куреніе табаку—все это было запрещено подъ страхомъ жестокихъ взысканій. На свадьбахъ не было музыки; въ собраніяхъ мужчинъ можно было пѣть одну лишь зикру, состоящую въ непрерывномъ повтореніи словъ извѣстнаго стиха: Ла-иль-ляге-иль-алла (нѣтъ Бога, кромѣ Бога); если кого нибудь ловили съ трубкой, то на первый разъ онъ подвергался штрафу, а во второй—ему продѣвали

сквозь ноздрю чубукъ отъ трубки; женщина, вышедшая на улицу безъ покрывала, подвергалась палочнымъ ударамъ; исполненіе религиозныхъ обрядовъ было возведено въ строгую систему...

— Уже по этимъ отдѣльнымъ черточкамъ вы можете судить, какъ тяжело было правленіе Шамиля даже въ одномъ нравственномъ отношеніи. А если прибавить къ этому всѣ ужасы и бѣдствія непрерывной 30-лѣтней войны, то легко понять, до какого матеріальнаго истощенія и упадка нравственнаго быль доведенъ свободный искони народъ къ концу 50-хъ годовъ. И ближайшую причину всего этого видѣли въ самомъ Шамилѣ, гордомъ и недоступномъ имамѣ, показывавшемся народу лишь въ исключительныхъ случаяхъ, при возможно торжественной обстановкѣ, и мечтавшемъ подъ конецъ объ основаніи особаго государства съ «династіей Шамиля» во главѣ. Въ послѣдніе годы войны весь Дагестанъ дошелъ до послѣдней степени изнеможенія и жаждалъ окончанія войны и вмѣстѣ съ нею тиранія Шамиля. Наша же свободная и гордая Аварія, перешедшая на сторону муридизма, только когда Россія оттолкнула отъ себя ея любимца Хаджи Мурада, наша Аварія ненавидѣла Шамиля всѣми силами души и торжествовала, какъ праздникъ, свое освобожденіе отъ него...

ХІІІ.

Родина двухъ имамовъ.

Сюрпризы.—Собраніе почетныхъ гимринцевъ и диеирамбъ старшинъ.—Прогулка по Гимрабъ.—Мечеть и купальня Шампля.

Когда ужинъ кончился, Мамедъ простился съ нами, такъ какъ не хотѣлъ платить штрафа, и ушелъ ночевать къ одному изъ своихъ кунаковъ, а чтобы не обидѣть остальныхъ,—послалъ кому—лошадь, кому—сѣдло, а одному—даже бурку.

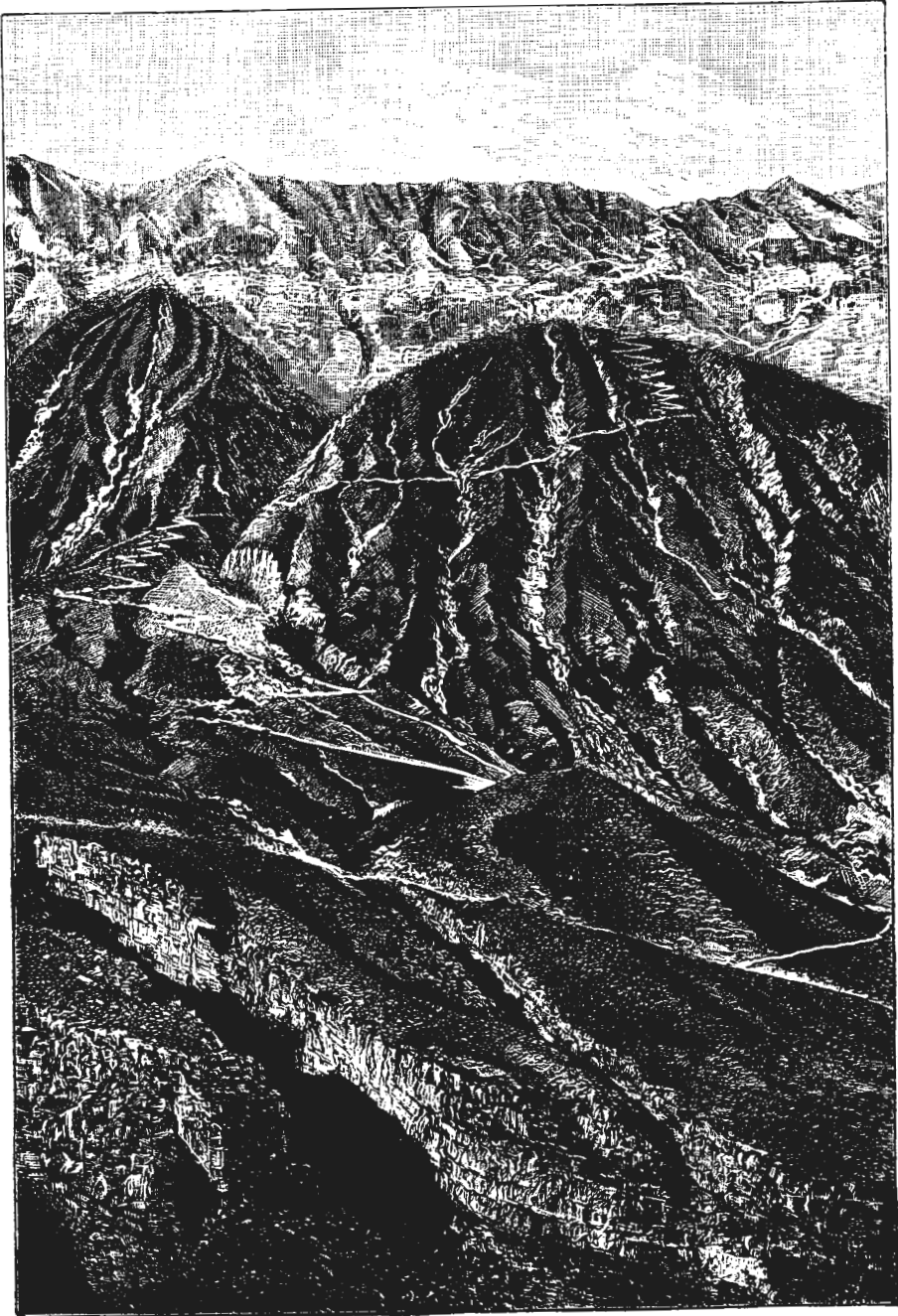
— Однимъ словомъ, если много кунаковъ, то приходится снимать съ себя послѣднюю рубашку,—смѣясь, замѣтилъ я.

Ночь мы провели прекрасно на приготовленныхъ намъ двухъ спальныхъ кроватяхъ. Къ удивленію даже насѣкомыя, которыхъ такъ много въ Дагестанѣ, не беспокоили насъ...

На утро я проснулся около 6 часовъ. Сквозь прямую трубу бухары¹⁾ свѣтъ пробивался довольно сильной струей. Я началъ одѣваться и разбудилъ А*.

Только что мы одѣлись, къ намъ явился совсѣмъ готовый Мамедъ.

¹⁾ Мѣстные каминны, сдѣланные въ толщѣ стѣны и совсѣмъ не грѣющіе.

Гимринскій спускъ.

— Сегодня ночью,—сказалъ онъ:— прискакалъ изъ Хунзаха нукеръ отъ начальника округа и привезъ письмо вамъ.

А* взялъ конвертъ, вскрылъ его и сказалъ съ досадою:

— Вызываетъ обратно въ Хунзахъ. Самъ уѣзжаетъ экстренно въ Темиръ-Ханъ-Шуру по вызову губернатора. Досадно. Не придется окончить дѣло.

— Я еще кое-что хочу сообщить вамъ,—сказалъ съ таинственнымъ видомъ Мамедъ.

— Что такое? Говорите.

— Скачекъ, начальникъ, не будетъ. Старшина на васъ въ большой претензіи за то, что вы опрашивали неприятныхъ ему людей. Въ виду этого онъ не пускаетъ на скачки свою лошадь, а она — лучшая здѣсь, и безъ нея скачки не могутъ состояться.

— Ну, что-жъ подѣлаешь,—засмѣялся А*—приходится покориться нашей горькой участи! Впали въ немилость у господина старшины!.. Ну, а еще что?

— Еще мнѣ передавали, что старшина цѣлую ночь ходилъ по саклямъ и упрасивалъ стариковъ не выдавать его и заявить вамъ, что они всѣ очень имъ довольны, и что тѣ свидѣтели, которые были допрошены вчера,—всѣ подкуплены его врагами и показали сплошную ложь.

— Спасибо за предувѣдомленіе. Это не безынтересная подробность,—сказалъ А*.

И, дѣйствительно, пока мы пили чай, на дворѣ стали собираться одинъ за другимъ самые почетные старики со всего аула. Немалотутъ было біюкъ-сакаловъ (длиннобородыхъ), нѣсколько тюкли (полу-бородыхъ), а передній рядъ заняли почтенные чалмоносные хаджи, побывавшіе въ Меккѣ и потому имѣющіе право на ношеніе этого головного убора бѣлаго или зеленого цвѣта¹⁾.

Тутъ же вошелъ къ намъ старшина и съ невиннымъ видомъ сообщилъ, что на дворѣ собрались старики и о чемъ-то желаютъ говорить съ начальникомъ—А* вышелъ на балконъ въ сопровожденіи Мамеда и меня. Всѣ старики встали съ корточекъ, и одинъ, самый почтенный съ длинной сѣдой бородой, выступилъ впередъ и заговорилъ по-аварски.

— Онъ говоритъ,—перевелъ Мамедъ, когда старикъ остановился,— по порученію всѣхъ собравшихся здѣсь стариковъ-представителей населенія Гимръ. Всѣ они чрезвычайно довольны нынѣшнимъ стар-

¹⁾ Мусульмане, побывавшіе въ Меккѣ, называются хаджи и носятъ чалму—сунниты бѣлую, а шииты зеленую. Затѣмъ, кто изъ шиитовъ побываетъ въ другихъ святыхъ городахъ—Мешедѣ или Кербеллѣ, тѣ носятъ почетные титулы «мешеди» и «кербеллаи» и очень гордятся ими. Такое, напримѣръ, имя, какъ Хаджи-Омаръ Мешеди-Кербеллаи-Гуссейинъ-оглы, означаетъ, что носитель его Омаръ, сынъ Гуссейна, бывшаго на поклоненіи въ Мешедѣ и Кербеллѣ, самъ въ свою очередь побывалъ въ Меккѣ.

шиной и ничего противъ него не имѣютъ. Тѣ же свидѣтели, которые были вчера допрошены, подкуплены его врагами, и показанія ихъ ложны отъ начала до конца. Никакими худыми дѣлами старшина не занимался и если его оговариваютъ, то лишь потому, что хотятъ замѣнить другимъ близкимъ себѣ человѣкомъ и такимъ образомъ получить въ свое распоряженіе общественныя деньги и земли.

— Все, какъ по нотамъ, разыграно,—замѣтилъ А*, обращаясь ко мнѣ:—передайте этимъ почтеннымъ старикамъ,—продолжалъ онъ, повернувшись къ Мамеду:—что если они собрались только для этого заявленія, то напрасно беспокоились. Я допросилъ тѣхъ людей, которыхъ нужно было допросить. Что же касается той аттестации, которая выдана ими старшинѣ, какъ наипримѣрнѣйшему главѣ селенія, то мнѣ остается только радоваться такому трогательному единодушію и удивляться, почему раньше старшина не удостоивался такого лестнаго отзыва, а наоборотъ аулъ выражалъ чуть не общее неудовольствіе на него.

Мамедъ перевелъ, и почтенный хаджи опять что-то заговорилъ.

— Опять то же говорить: свидѣтели подкуплены, и старшиной всѣ довольны.

— Ну, тогда пусть замолчатъ,—проговорилъ съ досадою А*:—спросите ихъ теперь, дѣйствительно ли все селеніе довольно старшиной?

Въ отвѣтъ послышался общій говоръ:

— Довольны, всѣ довольны!

— Такъ зачѣмъ же они жаловались раньше на незаконныя дѣйствія старшины и просили смѣнить его?

— Мы не жаловались,—кричали изъ толпы:—это тѣ же враги старшины подавали жалобы и за насъ прикладывали свои пальцы. Мы же всѣ имъ довольны и лучшаго не желаемъ.

— Такъ-съ,—проговорилъ съ ироніей А*:—теперь мы такъ и запишемъ, что старшина вашъ наидобродѣтельнѣйшій человѣкъ, и вы имъ очень довольны, лучшаго не желаете. Въ виду этого если отъ васъ послѣдуетъ новая жалоба на него въ управленіе, то мы ее и разсматривать не будемъ. Такъ и знайте. А теперь можете идти.

Старики стали медленно расходиться: видимо, они ожидали лучшаго исхода отъ своего ходатайства. Старшина же стоялъ на балконѣ, какъ приговоренный къ смерти. Тѣмъ не менѣе, когда я попросилъ А* показать мнѣ аулъ, старшина съ величайшей предупредительностью полетѣлъ впередъ и сталъ водить насъ по самымъ любопытнымъ закоулкамъ. За нами слѣдовала большая толпа, такъ какъ день былъ праздничный, и даже трудолюбивые гимринцы проводили его въ бездѣйствіи. Солнце грѣло очень сильно, несмотря на утренній часъ, и все населеніе, какъ мужское, такъ и женское,

выползло погрѣться на его благодѣтельныхъ лучахъ. Женщины здѣсь не закрывали своихъ лицъ и только при встрѣчахъ становились спиной къ намъ; нѣкоторыя же не дѣлали этого.

— Сохранились ли дома Шамиля и Кази-Муллы?—спросилъ я.

— Нѣтъ, только развалины остались,—отвѣтилъ Мамедъ.

Дѣйствительно, когда мы добрались туда, то увидали одинъ лишь фундаментъ и груду камней.

— Очень жаль, что такія воспоминанія славнаго прошлаго падаютъ и разрушаются,—сказалъ я:—ихъ слѣдовало бы поддерживать.

— За то мечеть, въ которой Шамиль проповѣдывалъ газаватъ, сохранилась хорошо,—замѣтили сзади.

Мечеть эта оказалась стоящей тутъ же близъ развалинъ.

Это было большое сараеподобное зданіе съ закопченнымъ потолкомъ, подпертымъ четырьмя рядами столбовъ. Въ стѣнѣ, обращенной къ Меккѣ, была сдѣлана большая ниша (микрабъ), въ которой стояла высокая переносная каеэдра для проповѣдника (мамбаръ). Полъ былъ устланъ циновками и коврами. Съ потолка висѣла плохонькая люстра, а на стѣнахъ—нѣсколько подсвѣчниковъ. Наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ лежали экземпляры корана и четки для общаго употребленія молящихся.

Прежде, чѣмъ войти внутрь, я снялъ во дворѣ, огороженномъ каменной стѣною, галоши и вошелъ въ мечеть въ однихъ чувякахъ¹⁾. То же сдѣлали и мои спутники.

— У насъ,—сказалъ Мамедъ:—существуютъ два рода молитвенныхъ зданій: одно—мечеть, для ежедневныхъ молитвъ, и другое, джаами, для молитвы разъ въ недѣлю. Мечеть можетъ быть устроена въ любой саклѣ, джаама же встрѣчается значительно рѣже.

— А это же что?—спросилъ я.

— Это джаами. Оно вообще должно отличаться роскошью убранства и имѣть ниши въ стѣнахъ, каеэдры, люстры, ковры на полу, минареть, дворъ съ бассейномъ воды и помѣщеніе для школы. Здѣсь, какъ вы видите, все это имѣется, хотя бассейнъ съ водою и устроенъ отдѣльно отъ мечети.

— Такъ вотъ въ этой-то невзрачной мечети,—думалъ я, внимательно оглядывая ее:—Кази-Мулла и знаменитый Шамиль проповѣдывали газаватъ противъ гяуровъ-москововъ... Здѣсь раздавались ихъ рѣчи, полныя фанатизма и ненависти къ русскимъ, и отсюда шли толпы изувѣровъ, съ которыми Россія, несмотря на всю свою мощь, должна была бороться въ теченіе 30 лѣтъ.

И, конечно, бывшее значеніе этой мечети не утратилось еще въ глазахъ горцевъ, и они относятся къ ней съ бѣльшимъ почтеніемъ, чѣмъ къ другимъ...

¹⁾ Мягкая туземная обувь, безъ подошвы.

Выйдя изъ джаами, я взобрался на крышу его, а затѣмъ на небольшое возвышеніе—минаретъ, надъ которымъ было прикрѣплено изображеніе полумѣсяца. Затѣмъ мы прошли на окраину селенія, гдѣ раскинулось большое кладбище, заставленное безобразными надгробными памятниками безъ всякихъ надписей.

Тканье паласовъ въ аулѣ Ходжалъ-Махи (Даргинскаго округа).

— Коранъ запрещаетъ,—пояснилъ Мамедъ:—обозначать на памятникахъ имена и достоинства умершихъ. Иногда только помѣщаютъ какой нибудь стихъ изъ корана и слова: молитесь за душу раба Божія Омара, Сулеймана и т. д.

Пониже кладбища раскинулись удивительные гимринскіе сады, бывшіе уже всѣ въ цвѣту, а тамъ, за Аварскимъ койсу, выступали огромныя горы, которыя мы проѣзжали вчера. Съ другой, восточной стороны возвышалась другая линія высочайшихъ отвѣсныхъ скалъ,

по которымъ видяся вверхъ, въ видѣ узенькой ленточки, ужасный подъемъ на селеніе Карапай, по которому мнѣ предстояло подняться сегодня въ Шуру.

— Отъ одного созерцанія этой дорожки у меня морозъ подираетъ по кожѣ,—сказалъ я А*.

— Не беспокойтесь,—отвѣтилъ онъ:—тутъ совершается постоянное движеніе. Въ прошломъ году спускалась артиллерія, и спускъ хорошо былъ разработанъ. Да и теперь, еще будучи въ Ашильтѣ, я велѣлъ осмотрѣть его и поправить для васъ. Спросите, Мамедъ, старшину, исправленъ ли спускъ.

— Исправленъ, — отозвался старшина:—можно ѣхать съ закрытыми глазами...

Съ этого конца Гимръ мы перешли на другой, гдѣ мнѣ показали обширную купальню съ мечетью при ней. Здѣсь правовѣрные молятся каждый день и совершаютъ омовеніе передъ молитвой.

— Здѣсь молился и совершалъ омовеніе самъ Шамиль, — сказалъ Мамедъ.

Это было большое и старое зданіе съ закопченными и затянутыми паутиной потолкомъ и стѣнами. Оно дѣлилось на четыре части—главную, собственно мечеть, и три боковыя съ бассейнами чистой, какъ хрусталь, и сравнительно, по времени года, теплой воды. Та же вода протекала по желобу вдоль главной стѣны въ мечети.

— У насъ, — пояснялъ Мамедъ:—омовеніе совершается передъ каждой молитвой, то-есть не менѣе пяти разъ въ день. При этомъ различаютъ большія и малыя омовенія. Первые совершаются въ исключительныхъ случаяхъ, на примѣръ, послѣ сношенія съ женщиной для мужчинъ, или послѣ родовъ и регулъ для женщнъ; оно состоитъ въ полномъ омовеніи всего тѣла. При маломъ же омовеніи нужно обмыть семь членовъ тѣла, произнося при этомъ извѣстныя молитвы; такое омовеніе употребляется также послѣ прикосновенія къ кожѣ чужой женщины и послѣ удовлетворенія естественной надобности. Вообще чистота одна изъ главнѣйшихъ обязанностей мусульманина передъ Богомъ...

— Поэтому-то, конечно, обитатели горскихъ ауловъ такъ грязны и нечистоплотны?—замѣтилъ я, улыбаясь.

Мамедъ, кажется, немного обидѣлся, и я поспѣшилъ отвлечь его вниманіе, спросивъ, какъ же поступаютъ мусульмане, когда подъ рукою нѣтъ воды для омовенія.

— Тогда употребляютъ песокъ или вообще чтонибудь чистое.

Тутъ старшина что-то сказалъ, а Мамедъ передалъ мнѣ.

— Онъ говоритъ, что эта вода всегда одинаково тепла. И даже болѣе: чѣмъ холоднѣе на дворѣ, тѣмъ она теплѣе.

— А, можетъ быть, это просто дѣло ощущенія: температура ея навѣрное колеблется, но менѣе, чѣмъ въ воздухѣ.

Мамедъ передалъ мой отвѣтъ старшинѣ, и тотъ произнесъ что-то про себя, съ видомъ сомнѣнія покачивая головой.

Далѣе осматривать въ Гимрахъ было уже нечего, и мы съ А* рѣшили продолжать нашъ путь.

— Я уже приказалъ приготовить для васъ лошадь, привычную къ подъему на гору,—сказалъ А*.—Затѣмъ васъ будутъ сопровождать одинъ всадникъ губернатора, бывший здѣсь въ отпуску и теперь возвращающійся домой, два сельскихъ всадника и, наконецъ, проводникъ, который повезетъ ваши вещи.

Дѣйствительно, когда мы вернулись къ дому казія, то меня уже ждали три всадника и проводникъ съ катеромъ подъ вещи и осѣдланной лошадыю для меня.

Мы наскоро закусили пашлыкомъ, выпили по стакану прекрасной чобы и разстались, при чемъ я выразилъ А* и Мамеду мою глубочайшую благодарность за ихъ любезность и вниманіе. Простившись затѣмъ съ хозяиномъ, я влѣзъ на своего коня и, раскланявшись еще разъ съ своими любезными спутниками, тронулся въ путь.

XIV.

Подъемъ къ Эрпели.

Мои спутники.—Саратовецъ.—Выборъ Эрпелійскаго подъема.—Кази-Мулла и его послѣднія дѣйствія. — Осада и взятіе Гимръ въ 1832 г. — Спасеніе Шамяля.—
Подъемъ и ужасы тропинки.

Къ большому моему удовольствію, изъ трехъ нукеровъ, сопровождавшихъ меня въ Шуру, двое говорили по-русски: губернаторскій всадникъ, по имени Гуссейнъ, — вслѣдствіе довольно долгой службы въ Шурѣ, и одинъ изъ сельскихъ всадниковъ, Гасанъ,— по причинѣ 16-ти-лѣтняго пребыванія въ Саратовской губерніи.

— Въ Саратовской губерніи?—изумился я:—но какимъ же образомъ очутились вы тамъ и почему такъ долго пробыли?

— Да, нашу семью, въ числѣ другихъ, выслали отсюда въ Россію въ 1866 году за бунтъ. Насъ поселили въ деревняхъ Саратовской губерніи. Земляки мои стали заниматься земледѣліемъ и подъ конецъ хорошо жили. Ну, а я, когда подросъ, попалъ на службу къ богатому купцу и сталъ первымъ у него приказчикомъ. И свои-то русскіе приказчики были хорошіе,—скромно добавилъ Гасанъ,—да только денегъ имъ нельзя было довѣрять,—пропивали, а нашъ законъ пить не дозволяетъ.

— И долго вы прослужили у этого купца?

— Да около десяти лѣтъ. Онъ даже дочь свою хотѣлъ за меня выдать, только вотъ вѣра не позволяла... И она тоже хотѣла,—добавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы и грустно вздохнулъ: видно, дотронулся до незажившей еще раны.

— Почему же вы вернулись? Не понравилось въ концѣ концовъ?

— Какъ можно,—живо заговорилъ Гасанъ:—тамъ все хорошо, куда лучше, чѣмъ у насъ. У насъ вотъ какая грязь да бѣдность, а тамъ мужики зажиточные, живутъ совсѣмъ хорошо. Правда, и они не богаты, но это уже ихъ вина: поработали бы надъ своими полями, какъ мы трудимся надъ нашими горами,—совсѣмъ были бы богачами... Нѣтъ, тамъ хорошо, и мнѣ жилось отлично. А города какіе—Москва, Нижній Новгородъ, Саратовъ!.. Противно было возвращаться въ свой аулъ...

— Такъ зачѣмъ же вернулись?—повторилъ я свой вопросъ.

— Да у насъ ужъ обычай таковъ: гдѣ бы ни жилъ, а умереть долженъ дома,—отвѣтилъ онъ грустнымъ тономъ.

И, немного помолчавъ, продолжалъ:

— За эти 16 лѣтъ я научился русской грамотѣ, много книгъ прочиталъ и сюда съ собой привезъ кое-какія. Даже свой языкъ позабылъ было, хотя теперь ужъ опять привыкъ къ нему; за то русскій начинаю забывать, такъ какъ у насъ мало кто знаетъ его. И что еще хорошо въ Россіи—кинжаловъ не носятъ: поссорятся, подерутся кулаками, да и дѣлу конецъ. А здѣсь чуть разсердится кто,—сейчасъ за кинжалъ хватается. Оттого-то такъ часты у насъ пораненія и убійства...

Тѣмъ временемъ мы выѣхали изъ аула и потянулись высохшимъ русломъ Гимринки. Тутъ губернаторскій всадникъ спросилъ, нельзя ли везти меня не тѣмъ торнымъ спускомъ, о которомъ говорилъ А*, а другимъ болѣе короткимъ, которымъ всегда горцы ѣздятъ въ Шуру.

— Что вы, что вы!—отвѣтилъ я съ испугомъ:—меня и Карапайскій спускъ пугаетъ, а вы предлагаете мнѣ еще худшій. Вѣдь я не горецъ и въ первый разъ въ жизни попалъ въ такія дебри.

— Да этотъ подъемъ вовсе не такъ плохъ, — отозвался и Гасанъ:—всѣ по немъ ѣздятъ, а по Карапайскому очень рѣдко.

— Да зачѣмъ же онъ вамъ нуженъ? Или онъ много короче, чѣмъ другой?

— Если поѣдемъ по Карапайскому подъему, то будемъ въ Шурѣ часовъ въ десять вечера; а если по Эрпелійскому, то гораздо скорѣе, еще засвѣтло доберемся.

— Да поднимусь ли я тамъ? Опять скажу, что я впервые ѣзжу по горамъ и притомъ страдаю головокруженіями.

— О, подниметесь, — отвѣтили мнѣ:—за это ужъ мы ручаемся. Если что, мы васъ на рукахъ вынесемъ.

— Ну, Богъ съ вами,—сказалъ я послѣ нѣкотораго колебанія:—поѣдемте по Эрпелійскому подъему. Только если я расшибусь, это ужъ вашъ грѣхъ будетъ.

— Будьте покойны, доставимъ въ лучшемъ видѣ,—довольнымъ тономъ отвѣтилъ Гуссейнъ и передалъ наше рѣшеніе остальнымъ

спутникамъ. Тѣ, видимо, тоже остались довольны и стали еще предупредительнѣе относиться ко мнѣ.

— Подниматься по этому спуску не трудно, — заговорилъ, минуто спустя, Гуссейнъ:— вотъ спускаться дѣйствительно опасно для того, кто боится головокруженій. Когда я ѣхалъ сюда въ отпускъ, ко мнѣ присоединился одинъ чиновникъ изъ Шуры. Какъ доѣхали мы съ нимъ до начала спуска, онъ прямо сказалъ, что ни за что не поѣдетъ внизъ, что непременно свалится въ пропасть. А между тѣмъ возвращаться въ Шуру или перебираться на Карапайскій спускъ—далеко. Тогда сѣли мы съ нимъ на верху горы и выпили по бутылкѣ вина... То-есть, онъ пилъ вино, а я чобу,—поправился Гуссейнъ:—ну, какъ захмелѣлъ онъ, и море ему стало по колѣно, тогда онъ сказалъ, что теперь можетъ спускаться и безъ всякой дороги. Я его все время поддерживалъ, и мы благополучно съѣхали сюда. А по правдѣ сказать, я очень боялся за него. Ну, а вы не бойтесь: подниматься вовсе не страшно. Только смотрите прямо передъ собой.

— Хорошо, увидимъ, каково это будетъ,—отозвался я.

Когда мы проѣхали версты полторы по руслу Гимринки, Гасанъ остановилъ меня и указалъ на груды камней на правомъ берегу и на грубо сложенную изъ булыжника пирамиду.

— Здѣсь Кази-Мулла защищался отъ русскихъ, послѣ того какъ Гимры были взяты ими.

Но тутъ я долженъ приостановиться и сказать нѣсколько словъ для тѣхъ изъ читателей, которые недостаточно знакомы съ кавказской исторіей.

Какъ извѣстно, Кази-Мулла (или Кази-Мухамедъ, какъ его называютъ горцы) первый началъ священную войну (газавать) противъ русскихъ и успѣлъ поднять сѣверо-восточный Дагестанъ. Но послѣ ряда удачныхъ и неудачныхъ дѣйствій онъ былъ, наконецъ, въ 1832 году осажденъ въ Гимрахъ самимъ корпуснымъ командиромъ (главнымъ начальникомъ на Кавказѣ), барономъ Розеномъ. Къ тому моменту многія дагестанскія племена, утомившись набѣгами на русскіе предѣлы и не видя никакихъ для себя отъ нихъ выгодъ, а главное, охладѣвъ, послѣ неудачи подъ Дербентомъ, который Кази-Мулла тщетно пытался взять, отвернулись уже отъ перваго имама мюридизма. Когда же полковникъ Клюки-фонъ-Клугенау взялъ 22-го іюня 1832 года лагерь имама, недал о отъ Шуры, то этотъ послѣдній удалился въ Гимры, гдѣ и получилъ отъ нѣкоторыхъ Койсубулинскихъ ¹⁾ ауловъ посланіе съ укоризнами за неуспѣхъ возстанія и съ просьбой объ окончаніи войны. Но Кази-Мулла упорствовалъ и тѣмъ предрѣшилъ свою участь.

11-го октября 1832 года, наши войска двинулись къ Гимрамъ,

¹⁾ Койсубу—сѣверо-восточная часть Аваріи.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1899 г., т. LXXVIII.

двумя колоннами: по Карапайскому спуску, нѣсколько подготовленному къ движенію войскъ, направились главныя силы ($5\frac{1}{2}$ батальоновъ и 11 разныхъ орудій) подъ начальствомъ ген.-лейт. Вельяминава, а по Эрпелійской тропинкѣ, которую и горцы считали едва проходимою, баталіонъ Апшеронскаго полка съ 2-мя орудіями, подъ начальствомъ Клюки-фонъ-Клугенау. Густой туманъ покровительствовалъ движенію Вельяминава, но артиллерію пришлось нести на рукахъ. О трудности спуска къ Гимрамъ баронъ Розенъ доносилъ слѣдующее:

«Дабы съ вершины скалистаго хребта, составляющаго правый берегъ рѣки Сулака, приблизиться къ Гимрамъ отъ Карапая, нужно на пространствѣ 4 верстѣ спускаться по узкой скалистой тропинкѣ вдоль косогоровъ и обрывовъ. Тропинка эта большею частью такъ крута, что даже пѣшіе люди спускаются съ опасностью. Далѣе спускъ продолжается на пространствѣ также 4 верстѣ многими скалистыми уступами, изъ коихъ одинъ переходитъ на другой, по тропинкамъ, высѣченнымъ на камнѣ и возможнымъ только для пѣшихъ. Съ одного изъ этихъ уступовъ даже нельзя сойти иначе, какъ по деревянной лѣстницѣ. Вправо отъ сей дороги отдѣляется одна едва замѣтная тропинка, спускающаяся къ койсу, между скалистыми обрывами нѣсколько ниже Гимръ; но по оной съ послѣдней скалы нужно на пространствѣ 30 сажень перескакивать съ камня на камень по одному человѣку, на что отваживаются только самые отважные горцы. Налѣво же отъ сказанной дороги тянется надъ обрывами узкая тропинка, протяженіемъ около 10 верстѣ, выходящая на Эрпелійскій спускъ, который, до соединенія съ сею тропинкою, несравненно труднѣе Карапайскаго»...

Недаромъ же Кази-Мулла и собравшіеся кругомъ него преданные муриды считали себя въ полной безопасности, полагая, что русскіе могутъ сойти къ Гимрамъ только вмѣстѣ съ дождемъ.

Но они не знали еще русскаго солдата, для котораго нѣтъ невозможнаго, и который на Кавказѣ проходитъ вездѣ, гдѣ ступала нога отважнѣйшихъ горцевъ, и гдѣ проскакивалъ горный козелъ.

Съ 14-го по 17-е октября совершался спускъ нашихъ войскъ, а затѣмъ аулъ былъ взятъ штурмомъ.

По ущелью Гимринки горцы выстроили три каменныя стѣнки, а скалы по бокамъ были снабжены каменными же завалами, расположенными въ нѣсколько ярусовъ. Съ этой стороны первая наша атака, направленная противъ стѣнокъ съ фронта, оказалась неудачна, но когда часть нашихъ силъ была направлена въ обходъ на утесы, гдѣ стоялъ съ другою частью мюридовъ второй имамъ, Гамзатъ-бекъ, то горцы отступили. Только Кази-Мулла съ Шамилемъ (третій и послѣдній имамъ) и 60-ю преданнѣйшими мюридами засѣлъ въ одной изъ башенъ около вышеупомянутыхъ оборонительныхъ стѣнокъ и погибъ, оказавъ намъ жестокое сопротивленіе.

Однако, пора вернуться назадъ.

Читатель помнитъ, что одинъ изъ моихъ нукеровъ, Гасанъ, остановилъ меня около груды камней и сложенной около нея пирамиды и сказалъ, что здѣсь былъ убитъ Кази-Мулла.

— Гдѣ эта груда камней, — говорилъ онъ далѣе: — тамъ была башня, въ которой и засѣлъ имамъ съ Шамилемъ и 60 мюридами. Русскія войска со всѣхъ сторонъ охватили башню и стали кругомъ ея двойнымъ кольцомъ; затѣмъ подошла артиллерія. Тогда Кази-Мулла, видя безвыходность своего положенія, рѣшилъ выйти изъ башни. Но предварительно онъ велѣлъ Шамилю спастись, во что бы то ни стало, и передать горцамъ его благословеніе на дальнѣйшую борьбу съ русскими. Затѣмъ съ пашкою въ рукѣ онъ бросился на русскихъ, сопровождаемый Шамилемъ и всѣми мюридами, изрубилъ нѣсколько человѣкъ, но и самъ былъ убитъ. Его трупъ и трупы почти всѣхъ мюридовъ остались на полѣ битвы. Спасся только Шамиль да одинъ мюридъ съ нимъ.

— Какъ же ему удалось спастись? — спросилъ я: — это очень таинственная исторія, и мнѣ не приходилось ни читать, ни слышать объ этомъ.

— Старики говорятъ, — отозвался Гасанъ: — что и имъ самимъ долго было неизвѣстно объ этомъ. Самъ Шамиль хранилъ въ тайнѣ способъ, которымъ онъ спасся, и только, появившись черезъ нѣкоторое время среди мюридовъ, раскрылъ свою грудь и показалъ множество ранъ. Видя это, мюриды, считавшіе уже Шамиля погибшимъ, воскликнули:

«Аллахъ поднялъ Шамиля изъ мертвыхъ, чтобы онъ побѣждалъ живыхъ». Но теперь уже извѣстно, какъ онъ спасся.

— Но какъ же? Расскажите, пожалуйста.

— Выйдя изъ башни вслѣдъ за Кази-Муллою, онъ сильнымъ прыжкомъ перескочилъ черезъ первый рядъ русскихъ войскъ, а когда очутился между первымъ и вторымъ кольцомъ, то русскіе не рѣшались стрѣлять, чтобы не убить кого либо изъ своихъ. Шамиль же съ поднятой пашкою бросился бѣжать вдоль фронта, ища возможности выбраться черезъ второе кольцо. Но тутъ навстрѣчу ему выскочилъ армянинъ огромнаго роста...

— Казакъ, а не армянинъ, — прервалъ его другой всадникъ.

— Ну, все равно, — отозвался рассказчикъ: — я слышалъ, что армянинъ. Онъ замахнулся пашкою на Шамиля, но Шамиль отразилъ ударъ и самъ замахнулся, армянинъ прикрылся буркой, и Шамиль только перерубилъ ее. Такъ они сражались нѣкоторое время, пока, наконецъ, Шамилю не удалось раскрыть противнику голову. Тогда онъ бросился дальше, но тутъ выскочилъ навстрѣчу ему одинъ солдатъ и штыкомъ проткнулъ его насквозь. Но имамъ съ страшной силой вырвалъ ружье изъ рукъ солдата и, вынувъ штыкъ изъ живота, прикладомъ уложилъ врага на мѣстѣ и бросился къ

пещерѣ—вонъ видите четырехугольникъ въ скалѣ?— и спрятался въ ней. На него тогда не обратили особеннаго вниманія, такъ какъ онъ еще былъ совершенно неизвѣстенъ; Кази-Мулла же былъ убитъ, и этимъ, думали, дѣло покончено. Забравшись въ пещеру, Шамиль заткнулъ свои раны ватой, вынутой изъ чохи, но тутъ же отъ истощенія силъ упалъ запертво. Однако, прокравшійся слѣдомъ за нимъ одинъ изъ мюридовъ, тоже спасшійся какимъ-то родомъ, помогъ ему подняться и прекратилъ кровотеченіе изъ ранъ. А затѣмъ, когда все утихло, они вышли изъ пещеры.

Когда Гасанъ разсказъ свой кончилъ, я спросилъ его, что означаетъ пирамида, поставленная около развалины башни.

— На томъ мѣстѣ убили Кази-Муллу. А вонъ на той скалѣ наверху,—онъ указалъ на уступъ въ лѣвой береговой скалѣ,—засѣло четыре лезгина, которые причинили много вреда русскимъ войскамъ...

Вслѣдъ за развалинами башни начался непрерывный и труднѣйшій подъемъ по почти отвѣсной скалѣ, поднимавшейся надъ дномъ ущелья по вертикальной линіи не менѣе, какъ 1½ версты.

Не безъ сердечнаго содроганія вѣхалъ я на первый зигзагъ, хотя, конечно, не показавъ своимъ спутникамъ и вида безпокойства. Вначалѣ, впрочемъ, «дорога» была еще довольно сносна, не особенно крута и нѣсколько расчищена. Но чѣмъ выше мы поднимались, и чѣмъ глубже уходило внизъ дно бездны, тѣмъ хуже становилась тропинка, и тѣмъ большія усилія должны были употреблять наши лошади для движенія вверхъ.

Впереди нашего небольшого каравана двигался катеръ ¹⁾ съ моими вещами, а рядомъ съ нимъ шелъ, подгоняя его хворостиной, проводникъ. Наблюдая за этимъ послѣднимъ, я положительно поражался силѣ его легкихъ. Онъ всю дорогу (версть 30-ть, не менѣе) сдѣлалъ пѣшкомъ около своего животнаго и тѣмъ же шагомъ шелъ въ гору, какимъ потомъ двигался по ровному мѣсту къ Шурѣ. Но этого еще мало: временами мы ѣхали вскачь, катеръ тоже бѣжалъ во всю мочь своихъ ногъ, и мой погонщикъ не отставалъ отъ него ни на одинъ шагъ!

Не поднялись мы и до половины скалы, какъ спутники мои соскочили съ коней, чтобы облегчить ихъ, но меня настойчиво просили не слѣзать. Да я и самъ не сдѣлалъ бы этого, такъ какъ гораздо болѣе надѣялся на привычную горскую лошадь, чѣмъ на свои «городскія» ноги...

— Ну, вотъ полъ-дороги уже и сдѣлали, — сказалъ одинъ изъ всадниковъ, когда мы поровнялись съ большимъ деревомъ, какимъ-то чудомъ, на подобіе нѣсколькихъ своихъ товарищей, уцѣпившимся и разросшимся на этой ужасной скалѣ.

¹⁾ Помѣсь лошади съ осломъ. Очень распространенъ на Кавказѣ и играетъ роль мула.

Тутъ мы пріостановились на минуту, и я въ первый разъ рѣшилъ взглянуть, какъ слѣдуетъ, внизъ. И почти буквально у меня подъ ногами разверзлась ужасная пропасть, въ глубинѣ которой деревья казались совсѣмъ крохотными пятнышками.

— Господи,—подумалъ я:—а у меня впереди еще такая же высота!

При этой мысли, при сознаніи полной своей безпомощности, холодный ознобъ пробѣжалъ у меня по тѣлу, и я, боясь головокруженія, постѣшилъ отвернуться отъ страшной и вмѣстѣ тянущей къ себѣ пасти и тронулъ свою лошадь впередъ, стараясь развлечь себя другими мыслями и глядѣть или на уши лошади, или подъ ноги ей.

Минутъ десять спустя, мы нагнали транспортъ унцукульцевъ съ десяткомъ эшаконъ, у которыхъ по бокамъ висѣли сапетки¹⁾ съ яблоками. Они везли ихъ продавать въ Шуру. Я досталъ 15 копеекъ и велѣлъ купить яблоковъ — намъ дали три десятка. При этомъ двѣ штуки упали на землю и полетѣли внизъ, то катаясь по голой скалѣ, то подскакивая вверхъ при ударахъ о встрѣчные камни. Черезъ $\frac{1}{4}$ минуты они исчезли изъ вида.

Лезгины смѣялись, слѣдя за ними.

— Въ Гимры ушли!—сказалъ Гасанъ.

А я почувствовалъ приступъ головокруженія и быстро отвернулся къ горѣ.

Что если и мнѣ суждено такимъ же образомъ вернуться въ Гимры?!—неволью подумалъ я и, содрогаясь отъ ужаса и посылая мысленно проклятія своимъ спутникамъ, подбившимъ избрать эту «дорогу», съ отчаяніемъ ударилъ своего коня и двинулъ его далѣе вслѣдъ за значительно ушедшимъ впередъ проводникомъ.

Минуты двѣ поднимался я одинъ, потомъ всадники догнали меня, весело между собой пересмѣиваясь.

— Хорошо, очень хорошо ѣдете, — отнесся ко мнѣ одинъ изъ нихъ, не подозрѣвавшій, конечно, что дѣлалось у меня на душѣ:—совсѣмъ, какъ нашъ братъ горецъ! Теперь мы уже не отстанемъ отъ васъ: мы ваши тѣлохранители. Вотъ и хорошо, что мы поѣхали тутъ: скоро и въ Шурѣ будемъ. Теперь и подъѣмъ скоро кончится.

И, дѣйствительно, намъ осталось подниматься сравнительно немного — всего лишь на полъ-часа пути, тогда какъ двигались мы уже около двухъ часовъ. Но тутъ мы находились уже на цѣлую версту отъ дна пропасти, а тропинка, какъ на зло, стала ужъ совершенно невозможной. Тутъ были гладкія каменные плиты, на которыхъ лошади не за что было зацѣпиться, а въ перемежку съ ними лежали огромные острые камни, нагроможденные одинъ на

¹⁾ Глубокія и узкія корзины, въ которыхъ горцы возятъ разные продукты.

другой, какъ въ какомъ нибудь каменномъ адѣ. Я положился на волю Божию и на инстинктъ своей лошади и, чтобы отвлечь свое вниманіе, выразилъ свое удивленіе по поводу поразительной, просто кошачьей цѣпкости горскихъ коней, добавивъ, что русскую лошадь здѣсь и подъ уздцы трудно было бы провести.

— Да, — отозвался Гасанъ, непосредственно слѣдовавшій за мною:— русская лошадь тутъ ни за что бы не прошла. Въ прошломъ году по гораздо лучшему Карапайскому спуску, разработанному къ тому же, спускали изъ Шуры артиллерію. Такъ ваши лошади не могли идти и все поднимались на дыбы. Пришлось отпрячь ихъ и спускать пушки на рукахъ; лошадей же вели въ поводу. Но вы не безпокойтесь: дальше будетъ лучше; самое скверное мѣсто мы уже проѣхали.

Я радъ былъ слышать эти успокоительныя слова, но имъ, какъ оказалось, нельзя было вѣрить: чѣмъ дальше, тѣмъ ужаснѣе становилась тропинка. Я съ отчаяніемъ ѣхалъ впередъ и, чувствуя, что, несмотря на всѣ мѣры, головокруженіе начинаетъ овладѣвать мною, клялъ и свою рѣшимость, и своихъ спутниковъ за ихъ предложеніе ѣхать по этой излюбленной горцами «сорной» дорогѣ.

Но вотъ съади кто-то сказалъ.

— Ну, еще девять поворотовъ, и мы наверху!

И это была уже правда.

Я собралъ послѣднія свои силы, чтобы одолѣть эти ужасные, послѣдніе зигзаги, которые, казалось мнѣ, стояли половины дороги, и чуть не вскрикнулъ отъ восторга, когда передъ глазами моими открылась огромная равнина, за которой свѣтилось на солнцѣ Каспійское море.

XV.

Къ Шурѣ.

Отдыхъ и картина горъ.—Молитва мусульманъ.—Сказка Омара.—Аулъ Эрпели.—Той и лезгинка.—Красавица Шейда.

Отѣхавъ немного отъ гребня, мы соскочили съ лошадей, чтобы дать имъ отдохнуть и отдохнуть самимъ.

— Слава Богу, одолѣли этотъ ужасный подъемъ!—сказалъ я.

— Да, слава Богу, — отозвался губернаторскій всадникъ:— по правдѣ сказать, мы сначала боялись за васъ, потомъ успокоились, когда увидѣли, что вы такъ увѣренно ѣдете. Не всякій горецъ рѣшается подниматься здѣсь на лошади!

Эта похвала, высказанная, видимо, безъ всякой задней мысли, была очень пріятна для меня, и я, конечно, не объяснялъ своимъ спутникамъ, что творилось въ дѣйствительности въ моей душѣ во время этого подвига.

Отдыхая наверху, я залюбовался чуднымъ видомъ, открывавшимся отсюда на горы и, чтобы присоединить къ нему и ту пропасть, изъ которой мы только что поднялись, я подошелъ къ самому гребню скалы.

Но это оказалось выше силъ моихъ.

Завиѣвшая вновь подъ ногами бездонная пропасть съ неизъяснимой силой потянула меня въ свою глубину, все завертѣлось кругомъ, и я еле успѣлъ отскочить назадъ и въ изнеможеніи опуститься на землю.

Неужели же я только-что поднялся отсюда, изъ этой страшной бездны?—подумалъ я, когда прошло первое впечатлѣніе ужаса.

Да, такъ! Вонъ и спутники мои снимаютъ сѣдла съ своихъ лошадей. А вотъ и гребень этой скалы, которую я столь блистательно одолѣлъ сейчасъ.

Но не рѣшаясь испытывать долѣе своихъ доблестей, я для вѣрности отступилъ еще назадъ на нѣсколько сажень и, усѣвшись на пригоркѣ, залюбовался неизъяснимо чудной картиной горъ, этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ кругозоромъ, которымъ, говорятъ, восторгался Айвазовскій, и который привлекаетъ изъ Шуры массу публики ¹⁾.

Цѣлый Дагестанъ развѣртывался тутъ передъ мною.

Одинъ хребетъ поднимался за другимъ — все выше и грознѣе, пока, наконецъ, вся эта панорама не замыкалась совсѣмъ вдали зубчатой снѣжной цѣпью, рѣзко отдѣлявшейся на голубомъ небосклонѣ. Всѣ эти хребты смыкались между собою множествомъ вѣтвей и образовали огромное каменное море, застывшее въ моментъ неслыханно-грозной бури.

Дика и мрачна была эта картина! Одинъ лишь камень, одни только безжизненные сѣрые или черные утесы захватывали въ свою власть весь видимый горизонтъ, и рѣдко-рѣдко, въ глубокихъ пропастяхъ, уходящихъ въ самое сердце земли, гдѣ серебристыми нитями неслышно вились грозные горные потоки, виднѣлись, какъ оазисы, фруктовые сады и темными небольшими пятнышками обозначались горскіе аулы.

Да, это было застывшее каменное море, на которомъ вьдыма-

¹⁾ Дюшаз-рѣге въ своемъ *Le Caucase* (t. I, p. 264) рассказываетъ, что когда онъ подѣхалъ къ гребню Гимринской скалы, то ему показалось, что земля ушла у него изъ-подъ ногъ, и онъ спрыгнулъ съ лошади, легъ на землю и закрылъ руками глаза. «Нужно самому испытать эту необъяснимую силу головокруженія, — говоритъ онъ, — чтобы понять меня. Мнѣ казалось, что моя нервная дрожь перedalась землѣ, и она, какъ живая, заколебалась и заходила подо мною. Но это былъ обманъ: это стучало и билось мое бѣдное сердце!» — Въ заключеніе знаменитый романистъ признается, что ни съ вершины Фальгорна, ни съ Этны, ни съ Гаварнѣйскаго пика онъ не видалъ ничего подобнаго тому зрѣлищу, которое открылось передъ нимъ съ высоты Карапайскаго спуска.

лись къ самому небу островерхіе, убѣленные снѣгомъ валы, раздѣленные между собой уходящими въ самую глубь земли ужасными бездонными пропастями.

Вонъ Салатавскій хребетъ; вонъ снѣговой Араканъ-тау, охватывающій огромный горизонтъ; вонъ извиваются внизу, какъ двѣ узенькія серебряныя ниточки, Аварское и Андійское койсу, а вонъ и слияніе ихъ въ Сулакъ. Вонъ вправо крохотные Гимры, а тамъ влѣво—знаменитый Унцукуль. Впереди же виденъ Ахульго, съ лежащей поблизости Ашильтой, и Гунибъ,—последняя страница славной и героической борьбы. Еще же далѣе видна Аварія, виденъ Андійскій округъ съ Ботлихомъ, можно замѣтить и далекую Тупетію и Хевсурію—страну средневѣковыхъ рыцарей-крестоносцевъ.

Но взгляните назадъ, и вы увидите новую картину, увидите громадную равнину, постепенно понижающуюся къ востоку, съ многочисленными аулами, съ еле виднѣющейся вдали Темиръ-Ханъ-Шурой и съ сверкающимъ сзади ея дивнымъ Каспійскимъ моремъ...

Тутъ, въ виду этой громадной картины, мы закусили кое-какими запасами, взятыми изъ Гимръ, и выпили по стакану чобы. Затѣмъ мои спутники отошли въ сторону, скинули свои бурки, чохи, а также и чуты съ ногъ и затѣмъ, ставъ на колѣни, начали быстро-быстро шептать про себя какія-то молитвы, кладя по временамъ земные поклоны.

Тутъ кстати будетъ сказать, что мусульманская молитва, по существу, нисколько не похожа на христіанскую: это одно голое исполненіе обрядности, предписанной шаріатомъ каждому право-вѣрному, одна формальность безъ всякаго участія въ ней души. Коранъ предписываетъ пятикратную молитву каждый день: утромъ, въ полдень, послѣ полудня, вечеромъ и ночью. Эти молитвы совершаются тамъ, гдѣ засталъ право-вѣрнаго привывъ молитвы (азанъ); при этомъ нужно быть чистымъ и если нельзя вытереть руки и всѣ 7 членовъ тѣла водою или пескомъ, то нужно произнести про себя намѣреніе вымыться. Затѣмъ нужно повернуться въ Меккѣ (къблетъ) и во избѣжаніе разсѣянія не имѣть передъ собою никакого живаго существа. Также до тонкости опредѣлена вся остальная процедура молитвы и установлено, что гдѣ сказать, какъ гдѣ поднимать руки, когда опускать ихъ, когда стать на колѣни и когда на лѣвую лодыжку. Въ пятницу, въ день сотворенія Богомъ Адама и предстоящаго страшнаго суда, необходимо собираться въ мечети для общей молитвы. И чтобы эта молитва была принята Аллахомъ, на ней должно присутствовать, по ученію шафіитовъ¹⁾, не менѣе

¹⁾ Суннитская секта, которой держатся въ горахъ.

39 человекъ. Богослуженіе состоитъ изъ молитвъ и проповѣди мушлы...

Когда мои спутники кончили молиться, мы тронулись въ дальнѣйшій путь. Гасанъ и Гуссейнъ ѣхали большею частью рядомъ со мною, и мы вели бесѣду о дагестанской старинѣ и временахъ юридиказма, о чемъ такъ любятъ говорить горцы. Но мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось узнать отъ нихъ ничего значительнаго, что не попадало бы уже въ печать. Пока же мы вели эти бесѣды, мой проводникъ, бѣжавшій рысцою рядомъ съ своимъ катеромъ, далеко ушелъ впередъ, а третій всадникъ Омаръ нѣсколько отсталъ, заговорившись съ встрѣтившимися гимринцами. Но вотъ онъ кончилъ разговоръ и въ карьеръ помчался за нами. Догнавъ же насъ, пролетѣлъ впередъ, смѣясь, крича и махая уздечкой, снятой съ морды лошади.

— Вотъ молодець,—сказалъ я:—показываетъ свое умѣнье справляться съ лошадыю даже безъ уздечки.

Мои спутники, однако, ничего не отвѣтили мнѣ, и оба стали внимательно слѣдить за движеніями своего товарища. А черезъ минуту Гуссейнъ вытянулъ нагайкой своего прекраснаго коня и стрѣлой полетѣлъ въ догонку за Омаромъ.

Я съ любопытствомъ слѣдилъ за этой бѣшеною скачкой, не придавая ей, впрочемъ, никакого особаго значенія. Но вотъ Гуссейнъ заскакалъ впередъ Омара и перерѣзалъ путь его лошади. Та остановилась, а когда мы подѣхали къ нимъ, Гуссейнъ сказалъ, что это вовсе не было удалство со стороны Омара, а большая неосторожность, вслѣдствіе которой онъ очень рисковалъ своей жизнью. Уздечка, плохо застегнутая, соскочила съ головы коня, и онъ помчалъ своего всадника, сначала смѣявшагося, а потомъ начавшаго не на шутку дрожать за свою жизнь.

— Онъ только что женился,—сказалъ съ улыбкою Гасанъ:—и въ Гимрахъ осталась его молодая жена, съ которой онъ еще не провелъ ни одной ночи. Во время скачки онъ, оказывается, уже думалъ, кому достанется его вдова-дѣвушка. Но Аллахъ сжалился надъ нимъ.

Всю остальную дорогу Омаръ былъ очень веселъ и все время распѣвалъ какія-то нестройныя, мало гармоничныя пѣсни. Я попросилъ Гуссейна перевести мнѣ хоть одну изъ нихъ.

Около четырехъ часовъ вечера мы вѣхали въ большой и богатый аулъ Эрпели ¹⁾, всегда скептически относившійся къ ученію юридиказма и предпочитавшій реальныя блага земной жизни проблематическимъ блаженствамъ Магометова рая.

Каменные дома-сакли возвышались по обѣ стороны дороги, а впереди видѣлась каменная же мечеть, подъ красной желѣзной

¹⁾ Въ немъ около 2.000 дымовъ; жители аварцы.

крышей. Нѣсколько лавокъ съ продажей разныхъ галантерейныхъ и бакалейныхъ товаровъ также свидѣтельствовали о достаткѣ жителей.

Немного въ сторонѣ отъ главной улицы, по которой мы ѣхали, слышались звуки зурны, этого обычнаго кавказскаго оркестра, мало привлекательнаго для европейскихъ ушей. Я рѣшилъ посмотреть, что тамъ дѣлается, и мы втроемъ свернули въ сторону по грязнымъ и кривымъ закоулкамъ.

Оказалось, что молодежь затѣяла той (пляску) по поводу праздника и ходила съ музыкой съ одного двора въ другой.

Мы застали пляску среди большого двора, на которомъ собралась большая толпа народу обоюга пола. Посреди двора, посыпаннаго саманомъ¹⁾, стоялъ шесть и кругомъ его молодой и ловкій горецъ съ молоденькой, но не красивой дѣвушкой танцевали лезгинку.

При нашемъ появленіи музыка смолкла и танцы прекратились. Всѣ взоры обратились на нашъ скромный поѣздъ. Тотчасъ же подлетѣло нѣсколько человѣкъ и чуть не насильно ссадили насъ съ лошадей.

— Нужно слѣзть и присоединиться къ нимъ хоть на минуту,— сказала Гуссейнъ,— а то хозяева обидятся.

Я слѣзъ съ лошади и, пережавъ съ полсотни рукъ, усѣлся, по предложенію хозяевъ, на самомъ почетномъ мѣстѣ, у входа въ саклю. Съ одной стороны отъ меня оказался какой-то почтенный бородачъ, а съ другой посадили Гуссейна. Лишь нѣсколько самыхъ солидныхъ мужей сѣло на бревнахъ около насъ, а всѣ остальные, а равно и хозяева остались стоять. Зурна заиграла вновь, и молодежь завела свою традиціонную лезгинку.

Мужская молодежь стояла отдѣльно и не смѣшивалась съ дѣвушками-подростками, которыя жалась къ стѣнѣ сакли и конфузились, когда замѣтили на себѣ мой взглядъ. Всѣ онѣ были въ обыкновенныхъ костюмахъ, довольно грязныхъ и небогатыхъ: видно, танцы затѣялись безъ всякаго приготовленія. Лица у дѣвушекъ были открыты, но ни одной сколько нибудь милостивой фізіономіи я между ними не замѣтилъ; на нѣкоторыхъ же оспа оставила слишкомъ замѣтные слѣды.

Наблюдая за танцами, я остался недоволенъ. Хотя нѣкоторыя пары плясали и хорошо, но вообще не замѣчалось граціозности и изящества, и почти совершенно отсутствовали огонь и страсть. А какая же это лезгинка, когда въ ней нѣтъ указанныхъ качествъ?

Я не удержался и высказалъ замѣчаніе Гуссейну.

— Да, это правда,—отвѣтилъ онъ,—эрпелійцы пляшутъ плохо, тяжело. Вотъ вы посмотрѣли бы въ глубинѣ Дагестана, хотя бы даже въ Гимрахъ и Унцукулѣ!

¹⁾ Рѣзанная солома.

Конечно, нашъ разговоръ не остался незамѣченнымъ, и Гуссейна попросили передать его.

— А, вамъ не нравится,—заговорили кругомъ,—хорошо же. Мы вамъ покажемъ, какъ танцуютъ у насъ. Здѣсь что: только одни подростки!

И тотчасъ же нѣсколько человѣкъ бросились бѣгомъ въ селеніе.

— Они хотятъ показать вамъ свою лучшую пару,—сказалъ Гуссейнъ,—только нашли бы ихъ дома.

Пока же розыскивали эту пару, хозяева съ поклонами и извиненіями, что ничего хорошаго у нихъ нѣтъ, стали угощать насъ.

На большомъ деревянномъ блюдѣ, которое поставили передо мною, лежало съ десятокъ крашенныхъ яицъ, нѣсколько кусковъ чурека¹⁾, а затѣмъ на чайныхъ блюдечкахъ и безъ нихъ—разное угощеніе — халва, возинаки²⁾, финики, яблоки и... папиросы. Въ заключеніе принесли... супъ.

— Хозяинъ извиняется, что нѣтъ вина, — сказалъ мнѣ Гуссейнъ,— но если вы пробудете здѣсь съ полчаса, онъ пошлетъ въ Шуру.

— Нѣтъ, поблагодарите его, — отвѣтилъ я, — я не особенный охотникъ до вина; да и летать 20 верстъ изъ-за этого не стоитъ.

Пока насъ угощали, посланные успѣли отыскать двухъ своихъ лучшихъ танцоровъ.

И дѣйствительно это была чудная пара! И лучшаго исполненія лезгинки я никогда не видалъ.

Онъ — стройный и высокій горецъ, въ черной черкескѣ, перехваченной въ рюмочку серебрянымъ поясомъ. Она — прелестная, граціозная брюнетка съ черными огненными глазами. Шелковая рубашка, наглухо зашитая спереди, и архалукъ изъ тонкаго сукна, обшитый золотымъ позументомъ, обрисовывали ея красивыя формы, молодую волнующуюся грудь, — не испорченную отвратительнымъ горскимъ обычаемъ сдавливанія, — и гибкій стройный станъ, которому могла бы позавидовать любая наша красавица. Голова ея была закрыта дорогимъ платкомъ, одинъ конецъ котораго спускался на грудь, а другой былъ кокетливо закинутъ назадъ.

Я невольно выразилъ свое удивленіе передъ этой красавицей. А когда она со своимъ кавалеромъ начала танцовать, я не могъ оторвать глазъ отъ этой чудной пары и пришелъ въ восторгъ отъ изящества, граціи и вмѣстѣ страстности ихъ движеній. Она двигалась медленно и плавно, поводя руками около головы и лишь изрѣдка сверкая своими чудными глазами, а онъ, какъ ураганъ, подлеталъ къ ней, какъ бы желая схватить и задушить ее въ своихъ объ-

¹⁾ Особымъ способомъ выпекаемый и имѣющій своеобразную плоскую форму хлѣбъ.

²⁾ Орѣхи или миндаль, запеченный на меду.

тіяхъ. Но скромность дѣвушки брала верхъ надъ страстью мужчины, и онъ начиналъ описывать новые круги, будто прельщая ее своей ловкостью и граціей... Новый налетъ и новый отказъ, пока, наконецъ, страсть не заразила обоихъ, и они въ истомѣ закружились другъ около друга.

Танецъ кончился, и красавица моментально исчезла изъ круга.

Я былъ въ восторгѣ и просилъ повторенія. Но хозяинъ передалъ черезъ Гуссейна, что Шейда (такъ было имя красавицы; оно значитъ: влюбленная, безумная отъ любви) никогда не соглашается повторять, и что онъ боялся отказа съ ея стороны, когда посылалъ за нею.

Я поблагодарилъ отъ души за доставленное удовольствіе и, несмотря на всѣ упрашиванія посидѣть еще, двинулся дальше. Когда же проѣзжалъ мимо одной сакли, на меня сверкнули изъ окна два чудныхъ черныхъ глаза: это была Шейда, безумная отъ любви. Я поклонился ей. Она вспыхнула и скрылась въ глубинѣ дома.

— Въ кого же влюблена безумно эта красавица? — спросилъ я Гуссейна.

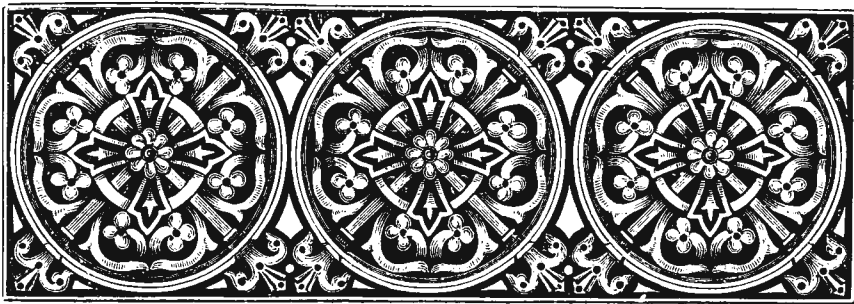
— Въ Кярима, который танцовалъ съ нею, — былъ отвѣтъ, — скоро ихъ свадьба.

Десятиверстное разстояніе отдѣляетъ Эрпели отъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Мы сдѣлали его въ два часа и въѣхали въ столицу Дагестана, когда солнце скрылось за горами, и тихія улицы освѣтились тусклыми и рѣдкими фонарями.

Чудный образъ Шейды не переставалъ носиться передъ мною во все время пути...

А. П. Андреевъ.

ОДИННАДЦАТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ.

АКАНЧИВАЯ свои занятія, представители русской археологической науки, съѣхавшіеся въ 1896 году въ Ригѣ, выбрали мѣстомъ для слѣдующаго своего съѣзда Кіевъ. Главными причинами такого выбора были съ одной стороны систематическое за послѣдніе годы пріуроченіе нашихъ археологическихъ съѣздовъ къ западнымъ окраинамъ, какъ указала гр. П. С. Уварова, «съ цѣлью болѣе систематическаго изслѣдованія и изученія собственно славяно-русскихъ погребеній и памятниковъ и ихъ взаимодѣйствія на соприкасающіяся съ нами народности»,—а съ другой стороны несомнѣнная важность «матери нашихъ городовъ» для историко-филологическихъ розысканій. Эта сторона дѣла была особенно отмѣчена въ рѣчи М. И. Драгомірова при открытіи кіевского съѣзда. «Въ Кіевѣ, — говорилъ маститый генералъ, — впервые на Руси возсіялъ свѣтъ христіанства, и подъ его вліяніемъ развились первыя школы и древнѣйшая наша письменность. Въ Кіевѣ христіанство положило прочную основу будущему просвѣщенію Руси и ввело ее въ общій кругъ европейской цивилизаціи. Впослѣдствіи, въ XVII столѣтіи, въ Кіевѣ возникло древнѣйшее на Руси высшее учебное учрежденіе — кіево-могилянская академія, дѣятельность которой оказала немаловажныя услуги для просвѣщенія всей Россіи и которая и понынѣ продолжаетъ культурныя традиціи своего трехвѣковаго существованія. Наконецъ, въ первой половинѣ истекающаго столѣтія въ Кіевѣ осно-

ванъ былъ университетъ св. Владиміра, который, несмотря на короткое относительно свое существованіе, принесъ значительную пользу русской наукѣ». Въ приведенныхъ словахъ хорошо указано значеніе Кіева въ историческую эпоху русской жизни, но и Кіевъ и весь примыкающій къ нему юго-западный край заключаютъ въ нѣдрахъ своей территоріи (какъ это весьма обстоятельно было выяснено на настоящемъ Кіевскомъ съѣздѣ) множество памятниковъ гораздо болѣе древнихъ, доисторическихъ временъ, такихъ памятниковъ, правильное научное изслѣдованіе которыхъ, начавшееся сравнительно весьма недавно, можетъ пролить свѣтъ на многія темныя стороны изъ древнѣйшей исторіи Европы и уяснить весьма существенные вопросы первобытной культуры человѣчества.

Въ 1898 г. покойнымъ министромъ народнаго просвѣщенія, гр. И. Д. Деляновымъ, были утверждены правила предполагаемаго XI кіевскаго съѣзда, и тогда же начали свои работы предварительные комитеты въ Москвѣ, при Императорскомъ Археологическомъ обществѣ, подъ предѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, и въ Кіевѣ, подъ предѣдательствомъ извѣстнаго археолога, профессора В. Б. Антоновича. Кромѣ чисто административныхъ дѣлъ, сношеній съ властями, разсылки приглашеній разнымъ ученымъ обществамъ и отдѣльнымъ представителямъ русской археологической науки, на долю комитетовъ (главнымъ образомъ кіевскаго) выпало много работы научнаго характера: нужно было изслѣдовать нѣкоторыя мѣстности юго-западнаго края въ археологическомъ отношеніи, нужно было подготовить матеріалы для возможно полнаго ознакомленія членовъ будущаго съѣзда съ древностями Кіева и прилегающихъ къ нему районовъ. Съ этими дѣлами, по почину кіевскаго предварительнаго комитета, были нѣкоторыми лицами предприняты экскурсіи и произведены раскопки въ разныхъ частяхъ края, а предметы, добытые этими экскурсіями и раскопками, послужили вмѣстѣ съ составленными уже ранѣе коллекціями ученыхъ учреждений и отдѣльных лицъ для образованія выставокъ, представившихъ членамъ съѣзда образцы разнаго вида древностей южной Россіи.

Выставка была распределена въ нѣсколькихъ помѣщеніяхъ: въ университетѣ, въ городскомъ музеѣ, въ церковно-археологическомъ музеѣ при духовной академіи, въ помѣщеніяхъ гг. Ханенко и Хайновскаго, которые открыли доступъ членамъ съѣзда для осмотра и изученія своихъ коллекцій. Выставка въ университетѣ представляла слѣдующіе отдѣлы: древности первобытныя, древности историческія, классическія, церковныя, выставка картографическая и отдѣлъ старопечатныхъ книгъ и рукописей.

Особенный интересъ по богатству содержанія и систематичности подбора представлялъ отдѣлъ картографическій, составленный профессоромъ Кордтомъ, который и давалъ объясненія, характеризовавшія значеніе выставленныхъ предметовъ. Исторія русской карто-

графіи, какъ одной изъ вспомогательныхъ наукъ отечественной исторіи, уже давно стала служить предметомъ изслѣдованія многихъ ученыхъ. Такъ еще въ прошломъ вѣкѣ Миллеръ составилъ списокъ древне-русскихъ картъ, не утратившій своего научнаго значенія и теперь. Послѣ него послѣдоваль цѣлый рядъ другихъ трудовъ по исторіи русской картографіи, среди которыхъ крупнѣйшимъ является описаніе древне-русскихъ картъ, сдѣланное Аделунгомъ. Но ни одинъ изъ имѣющихся до сихъ поръ трудовъ не даетъ намъ болѣе или менѣе полнаго обзорѣнія послѣдовательнаго развитія въ Европѣ картографическихъ представленій о Русской землѣ. Этотъ пробѣлъ и задумаль восполнить В. А. Кордтъ. Задавшись такою цѣлью, онъ прежде всего счелъ нужнымъ распредѣлить всѣ собранныя до сихъ поръ карты Россіи по типамъ и разобраться въ вопросѣ о томъ, какія изъ нихъ являются оригинальными, т. е. самостоятельно составленными, и какія представляютъ изъ себя лишь плодъ позаимствованій изъ готовыхъ уже картъ. Результатъ такой сортировки получился приблизительно слѣдующій: если считать, что мы до первой половины XVII столѣтія имѣемъ около 50 картъ Московскаго государства и южной и западной Россіи, то изъ нихъ не болѣе 15 можетъ быть признано оригинальными. Картографическая выставка наглядно показывала на основаніи, главнымъ образомъ, этихъ оригинальныхъ картъ, какимъ измѣненіямъ подвергались эти типы. Въ виду этого вся выставка распадалась на слѣдующіе отдѣлы: Московское государство, западная и южная Россія и, наконецъ, азиатская Россія. Древнѣйшимъ изъ выставленныхъ экземпляровъ являлась карта Московіи, составленная около 1460 г. Николаемъ Кузаномъ. Основаніемъ выставки послужила коллекція университета св. Владиміра, пополненная коллекціями многихъ другихъ учреждений и частныхъ лицъ. Самые интересные экспонаты были присланы Императорской Публичной бібліотекой и московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. При устройствѣ выставки В. А. Кордтъ воспользовался опытомъ первой русской географической выставки, устроенной въ 1892 г. въ Москвѣ профессоромъ Д. Н. Анучинымъ.

Чрезвычайнымъ обиліемъ матеріала отличались также отдѣлы древностей церковныхъ (иконъ, крестовъ, утвари), которыя объяснялись профессоромъ М. П. Истоминымъ, много положившимъ труда на ихъ собраніе, и отдѣлы старопечатныхъ книгъ и рукописей, подготовленный бібліотекаремъ университета св. Владиміра, И. М. Каманинымъ. Всѣхъ рукописей на выставкѣ было 190, относились онѣ къ XV—XVII вѣкамъ и были расположены по мѣстности написанія и по датамъ временнымъ. Особенное вниманіе изъ рукописей обращаетъ на себя Евангеліе кіевской Десятинной церкви, съ датой 1429 г., писанное красивымъ кіевскимъ уставомъ, а также драгоценный, единственный экземпляръ Новаго Завѣта въ переводѣ на

языкъ южно-русского образованнаго общества конца XVI вѣка, сдѣланномъ на Вольты; авторъ перевода былъ аріаниномъ, и его вѣрованія должны были оградиться и въ выборѣ словъ для выраженія нѣкоторыхъ понятій, отличающихъ православіе отъ арианства. Что касается старопечатныхъ книгъ, то среди нихъ наиболѣе видное мѣсто занимали произведенія Львовской и Почаевской типографій, и на первомъ мѣстѣ стоялъ «Апостоль», напечатанный основателемъ русскихъ типографій, Иваномъ Федоровымъ. Дѣятельность старыхъ типографій на выставкѣ была такимъ образомъ представлена во всей возможной (иногда исчерпывающей) полнотѣ.

Что касается другихъ отдѣловъ выставки, то главное мѣсто по числу экспонатовъ занималъ отдѣлъ первобытныхъ древностей, основой для котораго послужила также довольно богатая коллекція университета св. Владиміра, пополненная многочисленными предметами, присланными на съѣздъ разными изслѣдователями и коллекціонерами. Сверхъ того, на выставку были доставлены предметы, добытые изъ раскопокъ, произведенныхъ непосредственно передъ съѣздомъ. Коллекціи эти послужили матеріаломъ для многихъ рефератовъ, доложенныхъ на съѣздѣ; таковы были предметы, добытые раскопками г-жи Мельникъ, проф. Веселовскаго, Кнауэра, Лилѣва, Антоновича и г. Бѣляшевскаго.

Отдѣлы древностей классическихъ и историческихъ были относительно слабо представлены на выставкѣ: классическія потому, что въ поступившихъ коллекціяхъ было весьма мало экспонатовъ классическаго искусства, такъ какъ предметы эти весьма рѣдко встрѣчаются въ кievскомъ районѣ, вслѣдствіе чего на выставкѣ пришлось ограничиться экспонированіемъ лишь предметовъ, хранящихся въ музеяхъ древностей и изящныхъ искусствъ и въ университетѣ св. Владиміра; древности же историческаго времени сосредоточились по преимуществу въ городскомъ музеѣ, такъ что на выставкѣ въ университетѣ пришлось ограничиться лишь небольшимъ университетскимъ собраніемъ и нѣкоторыми коллекціями частныхъ лицъ.

Кромѣ организациі выставокъ, къ подготовительной стадіи съѣзда относится изданіе нѣсколькихъ книгъ, касающихся древностей южной Россіи, каковы «Карта европейской Сарматіи по Птоломею» профессора Ю. А. Кулаковскаго, «Матеріалы по исторіи русской картографіи» В. А. Кордта, «Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вѣкахъ» И. М. Каманина, «Церковно-археологическіе очерки» профессора Лашкарева, каталоги собраній г. Ханенко и др. Изъ этихъ изданій труды гг. Кордта и Каманина являются положительно цѣннѣйшимъ приобрѣтеніемъ науки: безъ нихъ нельзя будетъ обходиться при всѣхъ дальнѣйшихъ разысканіяхъ по палеографіи или картографіи. Несомнѣнно также важны и каталоги г. Ханенко, дающіе обильный матеріалъ для изученія древностей южной Россіи, при чемъ осо-

бенную цѣнность этимъ каталогамъ придаетъ художественное исполненіе снимковъ съ выставленныхъ предметовъ.

За лѣто всѣ эти предварительныя работы были окончены, и 31 іюля гр. П. С. Уваровой было открыто первое засѣданіе совѣта съѣзда; этотъ совѣтъ по уставу составляется изъ депутатовъ отъ правительственныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ и долженъ выбрать изъ своей среды лицъ, которымъ поручается завѣдываніе, какъ ученою, такъ и административною стороною съѣзда, т.-е. предсѣдателей и секретарей отдѣльныхъ секцій. Предсѣдателемъ съѣзда была избрана графиня П. С. Уварова, предсѣдателемъ ученаго комитета — В. Б. Антоновичъ, а распорядительнаго — представитель города Кіева, замѣститель городского головы, И. А. Снѣжко. Всѣхъ секцій образовалось 10: древностей первобытныхъ (предсѣдатель — профессоръ Д. Н. Анучинъ), историко-географическихъ и этнографическихъ (профессоръ Д. И. Багалъй), памятниковъ искусствъ и художествъ (профессоръ А. И. Кирпичниковъ), быта домашняго, юридическаго, общественнаго и военнаго (профессоръ Ѳ. Я. Фортинскій), древностей церковныхъ (профессоръ Н. В. Покровскій), памятниковъ языка и письма (профессоръ Н. И. Петровъ), древностей византійскихъ, классическихъ и западно-европейскихъ (профессоръ Ю. А. Кулаковскій), древностей южныхъ и западныхъ славянъ (профессоръ В. И. Ламанскій), древностей восточныхъ (В. В. Вельяминовъ-Зерновъ) и памятниковъ археологическихъ (профессоръ П. В. Голубовскій).

На другой день послѣ выборовъ состоялось торжественное открытіе съѣзда въ актовомъ залѣ университета. Многочисленныхъ представителей русской и славянской археологической науки привѣтствовали въ своихъ рѣчахъ генераль-адъютантъ М. И. Драгомировъ, ректоръ университета, Ѳ. Я. Фортинскій, и депутатъ Казанскаго университета, профессоръ Ѳ. Г. Мищенко, а попечитель учебнаго округа, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, по порученію министра народнаго просвѣщенія, объявилъ съездъ открытымъ. Затѣмъ взошла на кафедру графиня П. С. Уварова и представила обстоятельный отчетъ о дѣятельности предварительнаго комитета. Этому отчету предсѣдательница предпослала общую характеристику прежнихъ археологическихъ съѣздовъ; выясняя ихъ значеніе для развитія русской науки, она высказала слѣдующее:

«Графъ А. С. Уваровъ, задумавъ написать исторію русской археологической науки, избралъ эпиграфомъ перваго своего тома окликъ древняго русскаго богатыря: «Кто въ полѣ живъ человекъ, отзовися!» Думается, что эпиграфъ этотъ не случайно попался подъ перо основателя археологическихъ изслѣдованій въ Россіи, и что онъ остановился на немъ, какъ на фразѣ, лучше всего выражающей его мысли, намѣренія и надежды касательно развитія и распространенія археологическихъ занятій въ Россіи. Графъ, какъ из-

вѣстно, былъ серьезнымъ кабинетнымъ ученымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ болѣе кого другого уважалъ познанія другихъ, въ какомъ бы слабомъ видѣ они ни представлялись, и пришелъ къ убѣжденію, что въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, одно правительство, одни ученые учрежденія ничего не могутъ сдѣлать для науки, безъ содѣйствія и дружной, постоянной работы всего общества, всѣхъ мыслящихъ и работающихъ въ разныхъ углахъ нашего обширнаго отечества людей. Воплощеніемъ этихъ мыслей, этихъ надеждъ и являются наши археологическіе съѣзды, созываемые черезъ каждые три года».

До сихъ поръ было десять съѣздовъ, которые вполне оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды, давая отвѣтъ на сдѣланный графомъ А. С. Уваровымъ окликъ, пробудивъ интересъ въ обществѣ къ вопросамъ древности и сблизивъ тружениковъ, работавшихъ ранѣе враздробъ на обширнѣйшемъ полѣ археологическихъ изслѣдованій. Настоящій съѣздъ, какъ отмѣтила предсѣдательница, привлекъ представителей науки изъ южно-и западно-славянскихъ земель, чѣмъ еще значительнѣе расширяется кругъ задачъ, входящихъ въ область коллективной работы. Упомянувъ о результатахъ предшествующаго рижскаго съѣзда, предсѣдательница охарактеризовала труды предварительнаго комитета, осложнявшіеся холоднымъ, а подчасъ и недоброжелательнымъ отношеніемъ нѣкоторыхъ учреждений, которыя, владѣя богатыми археологическими коллекціями, отказывались удовлетворять обращенныя къ нимъ ходатайства комитета. Столь странное отношеніе къ дѣлу, касающемуся развитія и процвѣтанія русской историко-археологической науки, особенно замѣтно повліяло на иконографическій отдѣлъ выставки, который и явился поэтому самымъ незначительнымъ. Честь и слава поэтому энергіи предварительнаго комитета, который, несмотря на всякія препятствія, сумѣлъ подготовить для съѣзда такой обильный матеріалъ для изученія южно-русскихъ древностей.

Такъ состоялось торжественное открытіе съѣзда, а на другой день началась его будничная работа, выражавшаяся въ чтеніи рефератовъ и въ экскурсіяхъ для изученія древностей, какъ самого Кіева, такъ и нѣкоторыхъ близъ лежащихъ, интересныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстностей. Экскурсіи по Кіеву было двѣ: первая состоялась 6-го августа и была посвящена обзору Кіево-Печерской лавры и Выдубецкаго монастыря, при чемъ историческія объясненія давались профессоромъ В. З. Завитневичемъ; а вторая, подъ руководствомъ профессора В. Б. Антоновича, состояла въ осмотрѣ достопримѣчательностей такъ называемаго Стараго Города.

15-го августа группа изъ 100 членовъ съѣзда собралась къ 11 часамъ у Золотыхъ Воротъ, и отсюда начался обзоръ. Были осмотрѣны Золотыя и Софійскія ворота, Георгіевская церковь, Иринскій памятникъ, Софійскій соборъ, Десятинная, Андреевская и

Трехсвятительская церкви и Михайловскій монастырь. Осмотръ продолжался въ теченіе трехъ часовъ, и объясненія профессора Антоновича представляли собою интереснѣйшую, содержательную и живую лекцію, воскрешавшую множество бытовыхъ подробностей исторіи стараго Кіева, при чемъ обнаружилось, что не всегда поиски въ глубокой старинѣ представляются возможными, и являются совсѣмъ неожиданныя препятствія чисто внѣшняго свойства. Въ этомъ отношеніи любопытно слѣдующее обстоятельство, сообщенное почтеннымъ профессоромъ.

На углу Большой Владимірской и Десятинной улицъ находится усадьба князя Трубецкого. Крайняя угольная ея часть, довольно значительно возвышающаяся надъ уровнемъ мостовой, пока не застроена. Эта незастроенная часть усадьбы, занятая садомъ, и представляетъ собою мѣсто, гдѣ возвышался великокняжескій теремъ. Доказывается это съ большею или меньшею вѣроятностью, какъ историческими, такъ и археологическими данными. Такъ, въ одномъ изъ лѣтописныхъ сообщеній говорится, что между княжескимъ теремомъ и Десятинною церковью лежала небольшая площадь, а за теремомъ находилась Трехсвятительская церковь. Это мѣсто лѣтописи дало основаніе предполагать, что мѣсто терема какъ разъ совпадаетъ съ площадью усадьбы князя Трубецкого. Предположеніе это впоследствии подтвердилось. Во время работъ по возведенію постройки въ концѣ этой усадьбы были обнаружены, при рытьѣ канавъ для фундаментовъ, остатки какой-то древней кладки. Последняя, по очисткѣ ея, оказалась имѣющей форму трехъ сторонъ многоугольника, сходящихся подъ очень тупыми углами. Кирпичъ этой кладки дѣйствительно оказался кирпичемъ великокняжеской эпохи. Тамъ же было найдено много предметовъ, относящихся къ той же эпохѣ. Большинство этихъ находокъ въ настоящее время помѣщается въ музеѣ г. Хайновскаго. Къ сожалѣнію, однако, владѣлецъ усадьбы не позволяетъ археологамъ произвести на его землѣ систематическія раскопки, которыя, быть можетъ, обогатили бы науку многими важными находками. Въ заключеніе своего сообщенія о мѣстѣ великокняжескаго терема, профессоръ Антоновичъ замѣтилъ, что въ настоящее время на крайнихъ частяхъ фундаментовъ терема со стороны Большой Владимірской и со стороны Трехсвятительской улицъ уже возведены постройки.

Одновременно съ экскурсіей профессора Антоновича по Старому Городу былъ произведенъ осмотръ Подола группой членовъ, подъ руководствомъ профессора Н. И. Петрова, давшего также много любопытныхъ историко-бытовыхъ объясненій. Въ ряду экскурсіей слѣдуетъ, наконецъ, упомянуть о поѣздкѣ 36 членовъ съезда для раскопокъ въ мѣстность, расположенную въ 70-ти верстахъ отъ Кіева внизъ по Днѣпру, по приглашенію извѣстнаго любителя и знатока кіевскихъ древностей, Б. И. Ханенко. При этихъ раскопкахъ были

обнаружены чрезвычайно интересные остатки посуды и орудій чело­вѣка, если не каменнаго, то начала бронзоваго вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ были найдены значительныя скопленія рѣчныхъ раковинъ изъ рода *Ипю*, служившихъ первобытному чело­вѣку пищей или, быть можетъ, вѣроятнѣе для примѣси къ глинѣ гончарныхъ издѣ­лій, въ которой онѣ и были найдены въ измельченномъ видѣ. Кромѣ этого, въ курганахъ былъ найденъ глиняный сосудъ, содержащій жженыя кости жертвенныхъ животныхъ, а также двѣ большихъ вазы съ оригинальнымъ орнаментомъ, которыя были извлечены изъ земли графиней П. С. Уваровой и профессоромъ В. Б. Антонови­чемъ.

Что касается рефератовъ, то по ихъ количеству (около 135) съѣздъ не уступаетъ своимъ предшественникамъ, по содержанію же эти ре­фераты иногда представлялись чрезвычайно важными и отличались большимъ разнообразіемъ, такъ что на долю всѣхъ безъ исклю­ченія отдѣленій съѣзда выпало немало работы. Конечно, большин­ство докладовъ должно было быть посвящено мѣстнымъ древностямъ, и только незначительная часть касалась предметовъ постороннихъ (міра классическаго, востока, славянства, обще-русскихъ древностей), и, наконецъ, нѣкоторыя сообщенія, особенно привлекшія къ себѣ вниманіе, какъ членовъ съѣзда, такъ и публики, затрогивали общія большыя мѣста археологической практики. Не имѣя возможности излагать содержаніе всѣхъ рефератовъ, мы постараемся сгруппиро­вать важнѣйшіе изъ нихъ въ двѣ категоріи, какъ отвѣтъ на два существенныхъ вопроса: 1) что дано работой Кіевскаго съѣзда по части археологіи южной Руси, и 2) какія намѣчены съѣздомъ практическія задачи?

При отвѣтѣ на первый изъ намѣченныхъ вопросовъ намъ при­дется болѣе всего остановиться на дѣятельности секціи первобыт­ныхъ древностей, представившей рядъ въ высшей степени важныхъ сообщеній, и здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить труды профессора Антоновича, являющагося у насъ послѣ покойнаго графа А. С. Уварова наиболѣе виднымъ представителемъ археоло­гическихъ изслѣдованій, создателемъ южно-русской археологіи. Ему принадлежали два реферата, касавшіеся древностей Волыни.

Въ первомъ докладѣ г. Антоновичъ сообщилъ о раскопкахъ кур­гановъ на Волыни. Въ Кременецкомъ уѣздѣ было встрѣчено очень мало кургановъ и только два значительныхъ могильника, у Суража и Брыкова; болѣе ихъ оказалось въ Луцкомъ и Дубенскомъ уѣздахъ. Курганы эти, какъ и вообще славянскіе, отличаются бѣдностью въ бытовыхъ предметахъ. Формы болѣе или менѣе куполообразной, часто съ канавкой кругомъ, высотой около 2-хъ метровъ, они пред­ставляютъ на извѣстномъ уровнѣ въ насыпи, а иногда и на нѣ­сколькихъ уровняхъ, остатки углей, горшковъ, костей животныхъ, — свидѣтельствующіе о тризнѣ и о досыпаніи кургановъ въ нѣсколько

пріемовъ. При костякахъ встрѣчаются остатки дерева, бревенъ по бокамъ, досокъ внизу, а въ двухъ случаяхъ были найдены надстройки, какъ бы двускатная крыша; попадаются также и гвозди около скелета. Костякъ лежитъ ниже горизонта, въ среднемъ на 73 сантиметра, головой къ западу, обыкновенно одинъ, въ рѣдкихъ случаяхъ съ 1—2 дѣтскими, на спинѣ, съ руками въ разныхъ положеніяхъ. Средній ростъ мужскихъ костяковъ—1,71 метра, женскихъ—1,55 метра; черепа въ среднемъ субдолихоцефалы. Изъ предметовъ оружіе встрѣчается очень рѣдко, такъ же, какъ и сосуды (горшки) и остатки тканей и кожи; чаще—ножики и бронзовыя (или серебряныя) украшенія: кольца (загнутыя спирально)—надѣтыя на косы, на воротъ, или служившія серьгами и перстнями; пуговицы или запонки; бусы (рѣдко), въ томъ числѣ бронзовыя, шиповатыя; на рукахъ—перстни, изъ указанныхъ колець, или рубчатые; серьги изъ кольца съ надѣтою на шею бронзовою или серебряною бусиною и т. п. Въ одной могилѣ встрѣтились остатки костяного колчана, три наконечника желѣзныхъ стрѣлъ и два стремени. Это описаніе курганныхъ находокъ, сопровождавшееся ихъ демонстраціей, дало возможность указать нѣкоторыя аналогіи въ другихъ мѣстностяхъ и прійти къ болѣе опредѣленнымъ заключеніямъ о характерѣ первоначальнаго населенія Волынской земли.

Другое сообщеніе профессора Антоновича касалось каменнаго вѣка въ Волынской губерніи. Памятники неолитической эпохи, какъ указалъ докладчикъ, въ Волынской губерніи найдены, преимущественно, въ двухъ пунктахъ. По рѣкѣ Ушѣ, Жеревѣ и Норинѣ найдены, преимущественно, отдѣльныя орудія, а также пряслицы во всѣхъ стадіяхъ производства. Въ Дубенскомъ, Кременецкомъ и Острожскомъ уѣздахъ, по рѣкѣ Горыни и ея притокамъ, Збитенкѣ и Виліи, найдено до 40 мастерскихъ и стоянокъ каменнаго вѣка, но здѣсь попадались преимущественно полированные вещи. Въ указанныхъ районахъ расположены городища круглой или овальной формы, окруженныя валомъ. То обстоятельство, что на нѣкоторыхъ изъ этихъ городищъ найдены стоянки каменнаго вѣка, позволяетъ думать, что эти городища наиболѣе древнія; они отличаются отъ княжескихъ городищъ. Въ могилахъ каменнаго вѣка замѣчаемъ два типа погребальныхъ обрядовъ: чистый и курганный. Первый представляетъ изъ себя прямоугольную яму, вырытую въ почвѣ, обложенную каменными плитами и прикрытую также плитой. Въ такомъ ящикѣ обыкновенно находятъ нѣсколько сосудовъ, наполненныхъ углемъ, жжеными костями и полированными орудіями. Найти эти могилы, не имѣющія наружнаго признака, очень трудно, и потому топографія не опредѣлена. Кургановъ раскопано болѣе 30. Скелеты, найденные въ нихъ, лежатъ большею частью на боку, въ скорченномъ положеніи, при нихъ полированныя и отбитыя орудія. Встрѣчаются также переходные типы погребеній. Если предположить, что

тотъ и другой типъ погребенія практиковался въ разное время, то болѣе позднимъ надо признать погребеніе сожженного праха въ ящикѣ. Эти точныя данныя привели профессора Самоковасова къ предположенію, что въ періодъ каменнаго вѣка жители Волынскаго края жили городскими обществами и, такимъ образомъ, соединяли свои слабыя силы. Мѣста стоянокъ служили лѣтнимъ обиталищемъ.

Кромѣ Волыни, интереснымъ разслѣдованіямъ подвергся и Кіевъ съ прилегающей мѣстностью, и здѣсь прежде всего останавливало на себѣ вниманіе сообщеніе генерала Н. Е. Бранденбурга объ аборигенахъ Кіевскаго края. За аборигеновъ этого края почтенный археологъ принимаетъ первоначальное коренное населеніе, оставившее здѣсь наиболѣе древнія курганныя могилы, въ которыхъ скелеты погребены въ характерномъ скорченномъ положеніи, обыкновенно на боку, съ согнутыми и поджатыми ногами. Этотъ типъ погребенія оказывается весьма широко распространеннымъ въ Кіевской губерніи, въ средней полосѣ которой, на примѣръ, онъ достигалъ до 35% довольно большого числа (около 200) разрытыхъ здѣсь референтомъ кургановъ. Указавъ, что тотъ же типъ погребеній извѣстенъ не только на всемъ югѣ Россіи, но и въ Западной Европѣ, Н. Е. Бранденбургъ перешелъ къ оцѣнкѣ культуры тѣхъ же могилъ, не указывающей, по его мнѣнію, на особенную древность послѣднихъ; уже довольно многочисленныя въ нихъ находки бронзовыхъ предметовъ украшенія и вооруженія, сдѣланныя въ послѣднее время, не согласуются съ существующимъ положеніемъ о принадлежности скорченныхъ скелетовъ къ концу поздняго каменнаго вѣка, какъ это принималось еще недавно; но референтъ, имѣвъ случай констатировать въ одной изъ подобныхъ же могилъ присутствіе издѣлій даже изъ желѣза, идетъ далѣе и утверждаетъ, что могилы эти должны относиться къ временамъ значительно новѣйшимъ, т. е. къ вѣку желѣзному. Въ упоминаемыхъ погребеніяхъ референтъ допускаетъ возможность видѣть архаическіе остатки древнихъ киммерійцевъ, владѣвшихъ когда-то надпонтійскими странами и вытѣсненныхъ отсюда скиеами, о чемъ сохранились указанія у Страбона и другихъ писателей древности, почему, на основаніи извѣстій, переданныхъ послѣдними, онъ сдѣлалъ попытку болѣе точнаго хронологическаго опредѣленія эпохи разбираемыхъ могилъ. Устанавливая, что культура желѣза, принесенная греческими колонистами на югъ Россіи въ періодъ господства здѣсь скиеовъ, могла проникнуть къ вытѣсненнымъ отсюда киммерійцамъ лишь значительно позднѣе времени основанія греческихъ колоній на югѣ Россіи, референтъ выводитъ заключеніе, что степень древности могилъ упомянутыхъ аборигеновъ Кіевскаго края (т. е. могилъ со скелетами въ скорченномъ положеніи) должна приближаться къ началу христіанской эры, и слѣдовательно коренному населенію края можетъ насчитываться приблизительно лишь около двухъ тысячелѣтій.

Выдающійся интересъ для характеристики первоначальнаго населенія той же области представляло сообщеніе профессора П. Я. Армашевскаго «о стоянкѣ человѣка палеолитической эпохи по Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ». Открытіемъ этой стоянки мы обязаны В. В. Хвойко, который осенью 1893 г. въ усадьбѣ г. Зиваля нашелъ нѣсколько костей мамонта совмѣстно съ кремневыми орудіями и сообщилъ объ этомъ профессору Антоновичу, а послѣдній — референту. При первомъ же посѣщеніи мѣстности, гдѣ была сдѣлана находка, референтъ увидѣлъ, что найденные предметы представляли исключительный интересъ, залегая подъ огромною толщею горныхъ породъ послѣднетичнаго возраста.

Мѣстность, гдѣ была сдѣлана находка, представляетъ собою часть береговой возвышенности, окаймляющей долину Днѣпра. Эта возвышенность прорѣзана здѣсь глубокими оврагами, между которыми тянется продолговатый холмъ, постепенно понижающійся отъ Лукьяновки къ Кирилловской улицѣ; одинъ изъ склоновъ этого холма обращенъ къ усадьбѣ бывшей Зиваля, а противоположный — къ усадьбѣ бывшей Багрѣва. При раскопкахъ и изслѣдованіи склона въ усадьбѣ Зиваля обнаружено было слѣдующее напластованіе, считая сверху внизъ: 1) лесъ мощностью около 5 сажень, 2) желтобуроватый слоистый суглинокъ до 1 саж., 3) сѣрые и зеленоватосѣрые, мѣстами глинистые пески до 3 саж., 4) въ самомъ низу синяя спондиловая глина. Въ сѣрыхъ пескахъ, на глубинѣ около 8 сажень отъ поверхности, и были найдены кости мамонта, кремневыя отбивныя орудія, древесный уголь, куски дерева и кости, отчасти обожженныя, а также валуны, гранитъ, подвергавшіеся дѣйствию огня. Первоначально названные предметы попадались отдѣльно, но по мѣрѣ того, какъ раскопки подвигались внутрь холма, число предметовъ увеличивалось, и обнаруженъ былъ культурный слой, представлявшій собой непрерывный пропластъ изъ смѣси угля, обломковъ костей, кремневыхъ орудій и проч.

Изслѣдуя противоположный склонъ холма, въ усадьбѣ г. Багрѣва референтъ встрѣтилъ совершенно такое же напластованіе, какъ и въ усадьбѣ г. Зиваля, при чемъ и здѣсь въ сѣрыхъ пескахъ найденъ былъ культурный слой, на глубинѣ около $6\frac{1}{2}$ саж., слѣдовательно около 2 саж. выше культурнаго слоя въ усадьбѣ г. Зиваля. Здѣсь также были произведены раскопки, указавшія, что культурный слой въ усадьбѣ г. Багрѣва содержалъ огромное количество кремневыхъ орудій, но кости мамонта здѣсь попадались только изрѣдка. Кромѣ того, замѣчено было, что онъ пролегалъ прерывистыми участками. Такимъ образомъ, работами какъ со стороны усадьбы г. Зиваля, такъ и г. Багрѣва, холмъ былъ значительно раскопанъ, но во всякомъ случаѣ главная его масса, гдѣ можно было предполагать еще большее нахожденіе предметовъ стоянки человѣка, оставалась нетронутою до нынѣшняго года. Въ нынѣшнемъ году г. Зайцевъ, купившій

усадыбы Зиваля и Багрѣва, пожелалъ устроить кирпичный заводъ, для чего ему нужно было сръзать переднюю часть холма, чтобы получить залегающую внизу глину. Предприняты были обширныя земляныя работы, за которыми въ лицѣ В. В. Хвойко былъ установленъ самый тщательный надзоръ. Благодаря этимъ работамъ, постепенно была обнажена почти вся площадь бывшей стоянки, достигавшая, какъ оказалось, около 700 квадратныхъ сажень. Мощность культурнаго слоя, имѣвшаго при раскопкахъ въ усадьбѣ г. Зиваля не болѣе 2—5 сантиметр., постепенно увеличиваясь, возрастала въ иныхъ мѣстахъ до 40 сантиметровъ.

Такимъ образомъ, произведенныя раскопки дали возможность собрать почти всѣ предметы стоянки человѣка, при чемъ въ настоящее время не можетъ существовать никакихъ сомнѣній, что эти предметы попали сюда не случайно, а снесены рукою человѣка. Это доказывается, какъ свойствами культурнаго слоя, представляющаго собою не сортированное водою скопленіе веществъ, весьма различныхъ по удѣльному вѣсу, такъ и свойствами самыхъ предметовъ, не подвергавшихся ни малѣйшему обтачивающему дѣйствию воды. Кромѣ того, самое количество костей мамонта, здѣсь найденныхъ, исключаетъ предположеніе о томъ, чтобы эти кости были занесены водой. Эти кости, въ видѣ челюстей, бивней, коренныхъ зубовъ, переднихъ и заднихъ конечностей и друг., принадлежатъ, по крайней мѣрѣ, 50 индивидуумамъ весьма различнаго возраста. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на себѣ ясныя слѣды разлома рукою человѣка. Кремневыхъ орудій въ нижнемъ культурномъ слоѣ найдено около 200 штукъ. Орудія эти довольно грубой работы и иногда приготовлены изъ кремнистаго известняка. Кромѣ того, здѣсь найдены обдѣланные бивни мамонта, служившіе человѣку орудіемъ, представляющіе исключительную рѣдкость. Бивни эти съ одного конца закруглялись, а съ другого подчищались для образованія удобной рукоятки.

Раскопки 1899 г. показали также, что верхній культурный слой, открытый въ усадьбѣ г. Багрѣва, представляетъ собою болѣе поздній, независимый отъ нижняго. Кремневыя орудія, найденныя въ немъ въ количествѣ болѣе 3.000, являлись болѣе совершенными. Въ одномъ мѣстѣ здѣсь встрѣчена куча изъ нѣсколькихъ сотъ кусковъ кремня, очевидно собранная для выдѣлки орудій. Нуклеусы попадались также весьма нерѣдко. Въ верхнемъ культурномъ слоѣ, кромѣ костей мамонта, найдены зубы ископаемаго медвѣдя и челюсти ископаемыхъ кошки и гіены.

Перейдя затѣмъ къ рассмотрѣнію геологическаго возраста описанной стоянки, проф. Армашевскій привелъ данныя, указывающія, что описанные предметы несомнѣнно находились въ отложеніяхъ послѣднеледниковой эпохи, и что человѣкъ на территоріи нынѣшняго Кіева появился въ началѣ этой эпохи, вскорѣ послѣ отступленія ледника, когда здѣсь господствовалъ холодный климатъ, благопріят-

ный для жизни мамонта. Принимая во вниманіе необыкновенную глубину залеганія предметовъ описанной стоянки, нужно думать, что она является самою древнею въ Россіи изъ всѣхъ извѣстныхъ до сего времени, и по самымъ минимальнымъ исчисленіямъ, вѣроятно, прошло не менѣе 20.000 лѣтъ со времени существованія этой стоянки.

По окончаніи доклада проф. Д. Н. Анучинъ указалъ на то, что здѣсь невольно возникаетъ рядъ вопросовъ и сомнѣній. Прежде всего, кажется очень страннымъ, что рядомъ съ костями мамонта не найдено никакихъ орудій, которыми человѣкъ могъ бы убить этого гиганта-звѣря. Проф. Анучинъ высказалъ даже мысль о томъ, не вымеръ ли мамонтъ еще раньше человѣческой жизни на открытой В. В. Хвойко стоянкѣ, какъ говоритъ Спенсеръ, и не явились ли эти кости для первобытнаго человѣка предметами ископаемыми, которые онъ, находя въ землѣ, сносилъ для разныхъ цѣлей къ мѣсту своего жилища. Какъ бы то ни было, принять ли это возраженіе проф. Анучина, или нѣтъ, несомнѣнно одно, что даже геологическія данныя указываютъ на крайнюю отдаленность эпохи перваго появленія человѣка на мѣстѣ нынѣшняго Кіева.

Въ тѣсной связи съ рефератомъ проф. Армашевскаго стоитъ сообщеніе гг. Покровскаго и Хвойко, относящееся къ тѣмъ же раскопкамъ, только произведеннымъ на вершинѣ того холма, гдѣ была найдена палеолитическая стоянка, а при новыхъ раскопкахъ на этой вершинѣ открыта стоянка уже неолитическая. Дальнѣйшія изслѣдованія привели къ открытію ямъ, въ которыхъ жилъ человѣкъ. Диаметръ этихъ ямъ составляетъ около пяти аршинъ. На днѣ ямъ находилось много разныхъ предметовъ. Между прочимъ, здѣсь было найдено много черепковъ, иные изъ которыхъ были расписаны. Вскорѣ послѣ этого В. В. Хвойко были доставлены такіе же точно черепки, найденные близъ мѣстечка Триполья, и онъ отправился къ этому мѣстечку для раскопокъ. Во время послѣднихъ имъ и была открыта совершенно новая для Россіи культура, экспонированная въ помѣщеніи музея древностей и искусствъ. Характерной особенностью этой культуры являются горизонтальныя площадки; сдѣланныя изъ обожженной глины. Площадки эти залегаютъ обыкновенно на глубинѣ 20—30 сантиметровъ отъ поверхности земли. Состоятъ онѣ изъ нѣсколькихъ слоевъ глины, число которыхъ иногда доходитъ до шести. Площадки эти невелики, но одинъ разъ была найдена площадка значительныхъ размѣровъ: 22 аршина въ ширину, при 40 арш. въ длину. Иногда куски этой обожженной глины сохраняютъ вдавленные слѣды прутьевъ, палокъ и т. д. Многія площадки сохранили слѣды окраски. Послѣдняя была различныхъ цвѣтовъ: красная, желтая, сѣровато-бѣлая и проч. Окраска эта составляетъ довольно значительный слой: очевидно, это была не окраска, а обмазка. На площадкахъ и подлѣ нихъ было находимо

много глиняныхъ сосудовъ, разныхъ орудій и другихъ предметовъ. Иногда орудія лежатъ какъ бы въ нишахъ. Попадались также при раскопкахъ пирамидально-сложенныя кучи камней, съ ямой внизу, доходящей до твердаго грунта.

Главная масса предметовъ—глиняные сосуды, которые по формѣ и по характеру орнаментовъ В. В. Хвойко дѣлилъ на два типа, подобно съ тѣмъ онъ и всю открытую у Триполья культуру дѣлитъ на два рода: А и В. Культура А характеризуется множествомъ странныхъ, орнаментированныхъ преимущественно параллельными волнистыми вдавленными линиями сосудовъ, имѣющихъ самую различную форму: круглую, колоколообразную, грушевидную, биноклеобразную и т. д. Наиболѣе загадочны эти послѣдніе сосуды. Они почти всегда бывають соединены два вмѣстѣ и не имѣють два. На сосудахъ культуры В попадаются украшения въ видѣ прилѣпленныхъ къ нимъ грубо сдѣланныхъ головъ животныхъ, среди которыхъ можно ясно различить голову быка. Характерной особенностью культуры В являются небольшія, очень грубо сдѣланныя глиняныя фигурки человѣка, по преимуществу женскія. Орудій при раскопкахъ въ окрестностяхъ Триполья было найдено немного. Орудія сдѣланы изъ кремня, камня и кости. Кромѣ того, въ культурѣ А изрѣдка попадаются мѣдные топорики. Наибольшій интересъ изъ кремневыхъ орудій представляютъ длинные изогнутые осколки, которые В. В. Хвойко считаетъ серпами. Такихъ ножей въ одномъ сосудѣ найдено одновременно нѣсколько.

По поводу этихъ сообщеній проф. П. Н. Милуковъ замѣтилъ, что такая же точно культура находилась въ Галиціи, на Балканскомъ полуостровѣ и въ другихъ мѣстахъ, и шла она, надо полагать, съ юга на сѣверъ и на сѣверо-востокъ. Однако проф. Анучинъ съ большей вѣроятностью высказался въ томъ смыслѣ, что направленія, по которымъ распространялась эта культура, установить невозможно, а можно только говорить объ охватываемомъ ею географическомъ районѣ.

Такого рода находки позволяютъ надѣяться, что съ теченіемъ времени мы будемъ, можетъ быть, въ состояніи возстановить извѣстную послѣдовательность культуръ этой области, культуръ входящихъ къ чрезвычайно далекимъ временамъ. Да и теперь уже представляется нѣкоторая возможность заключать съ большей или меньшей достовѣрностью о культурныхъ сношеніяхъ Приднѣпровья задолго до того времени, о которомъ намъ говорятъ лѣтописи и другіе чисто историческіе источники. Такъ, сообщеніе В. Г. Ляскоронскаго о находкахъ римскихъ монетъ въ бассейнѣ Приднѣпровья много пролило свѣта именно на эти культурныя сношенія. Описавъ многочисленныя нумизматическія находки, г. Ляскоронскій пришелъ къ весьма опредѣленнымъ въ этомъ смыслѣ заключеніямъ. Большинство всѣхъ монетъ, находимыхъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра,

относится ко II и III вѣкамъ послѣ Рождества Христова. Особенно много попадаетъ монеты Антонина Пія, Марка Аврелія, Адриана, Септимія Севера, а также Траяна, Коммода, Фаустины и другихъ императоровъ. Иногда, впрочемъ, встрѣчались и болѣе древнія монеты. Такъ, въ Пирятинѣ однажды была найдена монета Цезаря, а въ составѣ нѣжинскаго клада были, между прочимъ, монеты I вѣка по Р. Х. Описавъ затѣмъ наружный видъ всѣхъ найденныхъ въ Среднемъ Приднѣпровьѣ римскихъ монетъ, В. Г. Ляскоронскій высказался въ томъ смыслѣ, что эти находки служатъ доказательствомъ глубокой давности заселенія осѣдлымъ народомъ береговъ Средняго Приднѣпровья. И если ученые, основываясь на находкахъ древнихъ монетъ и другихъ предметовъ, полагаютъ, что существованіе Києва продолжается около 2.000 лѣтъ, то докладчикъ, имѣя въ виду перечисленные имъ находки въ бассейнѣ всего Средняго Приднѣпровья, приходитъ къ убѣжденію, что и начало многихъ поселеній этого края восходить къ тому же или нѣсколько болѣе позднему времени.

Кромѣ указанныхъ рефератовъ, весьма существеннымъ вкладомъ въ доисторическую археологію южной Россіи явились также сообщенія г. Ляскоронскаго «О городищахъ, длинныхъ валахъ и курганахъ въ бассейнѣ р. Сулы», г-жи Мельникъ «Раскопки въ Ровенскомъ, Луцкомъ и Дубенскомъ уѣздахъ Волынской губ.», г. Бѣляшевскаго «Результаты археологической экскурсіи на р. Западный Бугъ» и многія другія, которыхъ мы не имѣемъ возможности излагать за недостаткомъ мѣста. Приведемъ лишь тѣ любопытныя культурно-историческія данныя, которыя представилъ профессоръ Э. Р. фонъ-Штернъ въ своемъ докладѣ «О значеніи керамическихъ находокъ для культурной исторіи черноморской колонизаціи». Указавъ на случайность нашихъ литературныхъ источниковъ относительно колонизаціи древними греками сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, докладчикъ подчеркнул особенную важность другого рода источниковъ для исторіи этой колонизаціи: надписей и монетъ. Но въ виду того, что исторія черноморской колонизаціи до сихъ поръ все же еще неясна, всякое обогащеніе матеріала должно быть принято съ крайнимъ вниманіемъ. Такой новый матеріалъ, которымъ до сихъ поръ еще не пользовались историки, докладчикъ видитъ въ керамическихъ издѣліяхъ и ихъ фрагментахъ, которые открываются въ почвѣ нѣкогда бывшихъ греческихъ колоній. До сихъ поръ этотъ матеріалъ, если и обрабатывался, то лишь съ художественной точки зрѣнія (работы академика Стефани). Вотъ выводы для исторіи культуры черноморскихъ колоній, къ которымъ приходитъ докладчикъ на основаніи керамическаго матеріала. Послѣдній подтверждаетъ и дополняетъ наши свѣдѣнія, которыя намъ даютъ источники литературные. Въ Ольвіи находимы были сосуды (примѣръ есть въ Одесскомъ музеѣ общества исторіи и древностей), ко-

торые, какъ показали изслѣдованія Белау, должны быть милетскаго происхожденія. Мнѣніе Летке, что нигдѣ еще не докопались до милетскаго слоя, послѣ находенія этихъ сосудовъ падаетъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что Милеть въ VIII—VI вв. основалъ до 80 колоній. Въ самое цвѣтущее время Милеть могъ имѣть maximum 100 тысячъ жителей. Вѣроятно, среди колоній, упоминаемыхъ въ древнемъ свидѣтельствѣ, немало было простыхъ факторій со складами милетскихъ товаровъ. Въ V вѣкѣ Милеть падаетъ, и на первое мѣсто въ Элладѣ выступаютъ Аѣины. Это краснорѣчиво слѣдуетъ и изъ керамическихъ находокъ. Среди античной посуды въ Ольвіи и Пантикапѣ видное мѣсто занимаютъ черно-фигурныя вазы (періодъ, когда Аѣины начинаютъ соперничать съ Милетомъ).

Дальновидный аѣинскій тиранъ Пизистратъ вступаетъ въ сношенія съ черноморскими колоніями. Разъ завязанныя, эти сношенія продолжаютъ. Къ періоду послѣ Пизистрата и до греко-персидскихъ войнъ относятся красно-фигурныя вазы древнѣйшаго строгаго стиля, которыя лишь иногда находимы были въ Ольвіи, Пантикапѣ и на островѣ Левкѣ (Фидониси). Перерывъ, наступившій въ сношеніяхъ Аѣинъ съ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря, сказывается почти въ полномъ отсутствіи вазъ строгаго красно-фигурнаго стиля періода высшаго его процвѣтанія. Мало встрѣчается на югѣ Россіи и вазъ переходнаго и прекраснаго стилей. Аѣины экспортируютъ въ это время въ Сицилію. Какъ скоро послѣдній рынокъ въ концѣ V вѣка былъ утерянъ, опять начинается ввозъ въ черноморскія колоніи; вотъ почему здѣсь очень много вазъ роскошнаго стиля (конецъ V и IV в.). Вскорѣ послѣ паденія Аѣинъ прекращается и выдѣлка красно-фигурныхъ вазъ. Въ III в. въ могилахъ греческихъ колоній (гдѣ по традиціи привыкли класть вазы) видимъ «наленскую» и «мегарскую» посуду: вазы этихъ типовъ дѣлались, вѣроятно, и въ самыхъ колоніяхъ, и можетъ быть, дольше, чѣмъ въ Малой Азіи и Греціи. Когда фабрики въ Аѣинахъ закрылись, то колоніи, нуждавшіяся въ вазахъ для культа умершихъ, сами стали выдѣлывать вазы. Такихъ мѣстныхъ вазъ (Стефани ихъ неправильно назвалъ «полуварварскими») извѣстно теперь до ста (лишь одна такая ваза найдена въ Ольвіи, остальные — въ Керчи). Эти вазы чисто греческія по общему характеру, но отличаются отъ послѣднихъ лишь худшею техникою. Онѣ ясно говорятъ, что въ III вѣкѣ въ колоніяхъ господствовала греческая культура, и что онѣ состояли въ сношеніяхъ съ Италіей и Римомъ (ручки амфоръ и посуда апулійская (Гнатія), образцы которой есть въ Одесскомъ музеѣ, изъ коллекціи Л. Ф. Бруна). Эти сношенія, впрочемъ, едва ли были непосредственныя. На интенсивность сношеній съ Римомъ, которыя продолжались до конца римскаго господства, указываютъ многочисленныя красно-лаковыя вазы («арретійскія»). Вопреки Драгендорфу, надó признать, что эти вазы не

могутъ быть датированы въ III вѣкѣ до Р. Хр., и вывозъ ихъ изъ Италіи вполнѣ возможенъ. Разумѣется, такія вазы могли дѣлаться и въ самыхъ колоніяхъ (особенно болѣе простыхъ), глазированныхъ вазы съ рельефами, найденныя на югѣ Россіи, говорятъ о сношеніяхъ черноморскихъ колоній съ Александріей.

Далѣе, докладчикъ указалъ на керамическій матеріалъ, который относится уже къ среднимъ вѣкамъ. На югѣ были находимы керамическія издѣлія византійскія, арабскія, итальянскія. Изученіе этого матеріала значительно труднѣе, чѣмъ изученіе античнаго, но оно даетъ важные результаты для юга Россіи.

Кромѣ этой археологіи, касающейся самыхъ отдаленныхъ временъ жизни южной Россіи, съездъ далъ немало матеріала и для эпохъ болѣе къ намъ близкихъ, особенно по исторіи древне-русскаго искусства. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытнымъ по обилію изслѣдованныхъ фактовъ является докладъ М. П. Истомина о фрескахъ XVII—XVIII вв. въ храмахъ и костелахъ юго-западной Россіи. Рефератъ является продолженіемъ занятой почтеннаго ученаго, предпринятыхъ съ цѣлью изученія особенностей въ иконографіи юго-западной Россіи съ XVI по XVIII вв.—періодъ столь замѣтнаго вліянія Запада. Вопросъ этотъ представляетъ большой интересъ, если разсматривать иконографію, какъ отраженіе народнаго міросозерцанія въ періодъ, когда религіозныя впечатлѣнія, продолжая служить сильнымъ двигателемъ, варьировались подъ вліяніемъ новыхъ наслоеній, проникавшихъ въ южную Русь черезъ посредство Польши съ запада Европы. Главные выводы, къ которымъ пришелъ референтъ при своихъ работахъ, слѣдующіе: 1) на стѣнописи отражается весьма сильное вліяніе лицевой библии Пискагора, Вейгеля и вообще западной гравюры, которая давала въ этомъ отношеніи незамѣнимый по богатству матеріалъ для художника. Гравюра въ однихъ случаяхъ во всей неприкосновенности переносится на плафонъ или стѣны храма, въ другихъ — нѣсколько варьируется. По мѣрѣ приближенія къ тому пограничью Волыни, гдѣ западное вліяніе укрѣпилось значительно раньше XVI—XVII вв., какъ, напримѣръ, Люблинъ, значеніе гравюры лицевой библии становится слабѣе и, наконецъ, въ самомъ Люблинѣ почти прекращается. Здѣсь стѣнопись костеловъ получаетъ характеръ, весьма близкій къ самостоятельному творчеству. 2) Къ числу композицій съ намеками на болѣе оригинальное творчество нужно отнести такія, въ которыхъ воспроизводится богословская тенденція по адресу ереси Арія, ученій Лютера и Кальвина — словомъ, протестантскихъ вѣроученій, столь распространенныхъ въ юго-западной Россіи въ XVI—XVIII вв. 3) Одною изъ характерныхъ чертъ разсматриваемой стѣнописи является подробная иллюстрація чудесъ, происшедшихъ отъ чтимой въ данномъ храмѣ иконы или святыни. Компаювка этихъ сюжетовъ, если отбросить нерѣдкое

однообразіе, можетъ дать довольно богатый матеріаль для историка въ смыслѣ бытовомъ и умонастроенія обществъ въ періодъ XVII—XVIII вв. 4) Сравнительно одиноко стоятъ православныя храмы, фрески коихъ въ общемъ или по частямъ сохранили еще византійскій отпечатокъ болѣе поздняго пошиба. Изъ нихъ на первомъ планѣ нужно отмѣтить церковь Спаса на Берестовѣ въ Кіевѣ, фрески которой представляютъ немалый интересъ въ научномъ отношеніи, какъ противопоставленіе образцамъ непосредственно западнаго вліянія. Въ общемъ нужно сказать, что фрески православныхъ и католическихъ храмовъ въ юго-западной Россіи XVII—XVIII вв., составляя своего рода роскошь, могутъ служить мѣриломъ художественнаго развитія высшихъ и болѣе культурныхъ слоевъ мѣстнаго общества, но въ нихъ сравнительно мало отголосковъ собственно народнаго міросозерцанія. Гораздо болѣе богатый матеріаль въ этомъ отношеніи даютъ иконы мѣстностей, изслѣдованныхъ референтомъ на Волыни.

Кромѣ вопросовъ искусства, обращали на себя вниманіе членовъ съѣзда и другія стороны прежняго быта южной Россіи: сословныя, экономическія отношенія, военный бытъ (особенно вопросъ о казачествѣ, которому посвящено было нѣсколько рефератовъ), правовыя нормы, историческая географія и т. д., но на всѣхъ этихъ сообщеніяхъ мы не можемъ останавливаться и, отмѣтивъ нѣсколько докладовъ обще-археологическаго свойства, перейдемъ ко второй сторонѣ дѣятельности съѣзда, направленной на удовлетвореніе практическихъ потребностей археологической науки.

Изъ докладовъ общаго свойства остановимся на сообщеніи авторитетнѣйшаго знатока славянской археологіи, профессора Пражскаго университета, Л. Нидерле «О времени переселенія славянъ съ сѣвера горъ Карпатскихъ въ Венгрію». Оставляя въ сторонѣ мнѣніе профессора Самоквасова и другихъ о мѣстонахожденіи родины славянъ на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ, референтъ помѣщаетъ ее къ сѣверу отъ Карпатъ, по теченію Вислы. Отсюда уже славяне начали распространяться на западъ и на югъ черезъ Карпаты. Въ области нынѣшней сѣверной Венгріи появились они въ болѣе древнюю эпоху, чѣмъ это можно предположить на основаніи литературныхъ показаній. Доказательства своего взгляда референтъ приводитъ двоякаго рода: историческія и археологическія.

Историческіе доводы, въ большинствѣ случаевъ, общеизвѣстны. Хотя они и подвергаются сомнѣнію со стороны многихъ ученыхъ, тѣмъ не менѣе референтъ считаетъ наиболѣе убѣдительными изъ нихъ тѣ, которые основаны на топографической номенклатурѣ. Во-первыхъ, названія Tscerna, Pelső, Bustricius, Bersovia, Ulcus—можно объяснить легче всего отъ славянскаго; во-вторыхъ, они сохранились въ исторической славянской номенклатурѣ края,

и, въ-третьихъ, масса топографическихъ названій въ нынѣшней Венгріи можетъ скрывать въ себѣ славянское происхожденіе. При этомъ референтъ не отрицаетъ, что рядомъ съ славянами жили другіе народы неславянскаго происхожденія, и что большинство мѣстныхъ названій взято изъ языка этихъ неславянскихъ народовъ. Вторымъ, самымъ убѣдительнымъ доводомъ профессоръ Нидерле считаетъ существованіе сплошнаго славянскаго населенія въ области первоначальной родины славянъ, населенія, которое образовало два большихъ государства, польское и русское, что было бы невозможно, если бы славяне переселились оттуда на Балканскій полуостровъ въ болѣе позднюю эпоху.

Переходя къ археологическимъ доказательствамъ, референтъ придаетъ наибольшее значеніе идентичности могильниковъ сѣверной Венгріи съ могильниками лужицко-силезскаго типа, распространеннаго почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Принимая во вниманіе, что такіе же могильники встрѣчаются въ Силезіи, Моравіи и западной Галиціи, есть основаніе думать, что славяне шли изъ Закарпатя въ Сѣверную Венгрію по долинамъ Вага, Прона, и по теперешнему направленію мѣсть находокъ мы можемъ представить себѣ ихъ область, тянущуюся клиномъ отъ Силезскихъ границъ до Гопскаго комитата. Совокупность всѣхъ этихъ историческихъ и археологическихъ данныхъ, взаимно другъ друга подтверждающихъ, привела автора къ слѣдующему заключенію: славяне изъ своей закарпатской родины не распространялись на югъ черезъ Карпаты только послѣ Рождества Христова, и они не проникли къ среднему Дунаю только послѣ ухода германскихъ племенъ, какъ до сихъ поръ полагаютъ многіе историки, но пришли сюда гораздо раньше и, по всему вѣроятію, уже въ эпоху до Рождества Христова.

Рефератъ профессора Нидерле вызвалъ замѣчанія методологическаго свойства со стороны А. Л. Погодина, Д. И. Иловайскаго, И. П. Филевича, находившихъ, что референтъ не воспользовался тѣми или иными данными; но на эти замѣчанія былъ данъ весьма основательный отвѣтъ П. Н. Милюковымъ, заявившимъ, что тѣ данныя, на которыя указываютъ оппоненты, совсѣмъ не относятся къ той эпохѣ, о которой шла рѣчь у профессора Нидерле, и что по методу рефератъ чешскаго археолога является образцомъ точности, а потому надо желать продолженія изслѣдованій профессора Нидерле въ томъ же направленіи. Здѣсь произошелъ казусъ, за который иныя газеты сильно упрекали г. Милюкова: когда всталъ съ мѣста г. Иловайскій, чтобы отвѣтить г. Милюкову, послѣдній быстро вышелъ изъ зала засѣданія и этимъ какъ бы выразилъ свое пренебреженіе къ противнику въ научномъ спорѣ. Не знаемъ, дѣйствительно ли г. Милюковъ желалъ выразить такое пренебреженіе, но для людей, постороннихъ наукѣ, г. Иловайскій, предложившій послѣ этого вопросъ, въ какихъ изслѣдованіяхъ опровергнуты его взгляды

на то, что сарматы—славяне, и не получившій на этотъ вопросъ разъясненія, оказался побѣдителемъ. Однако винить особенно въ этомъ случаѣ г. Милюкова не приходится, такъ какъ онъ, отказавшись отъ препирательства съ г. Иловайскимъ, послѣдовалъ примѣру огромнаго большинства нашихъ ученыхъ, спокойно оставляющихъ безъ вниманія путанную, допотопную филологію г. Иловайскаго, чѣмъ и объясняется отсутствіе изслѣдованій, опровергающихъ выводы автора «Разысканій о началѣ Руси».

Изъ другихъ рефератовъ общаго свойства упомянемъ сообщеніе профессора Милюкова о его раскопкахъ въ Македоніи, профессора Ю. А. Кулаковскаго объ окрашенныхъ скелетахъ, славянскихъ ученыхъ профессоровъ: Златарскаго, Милетича, г. Трухельки, Хормана, Коперы и другихъ по разнымъ вопросамъ славянской археологіи. Вообще присутствіе этихъ славянскихъ гостей на кievскомъ съѣздѣ должно быть признано весьма отраднымъ фактомъ международнаго научнаго общенія, и нельзя не пожалѣть, что совершенно неумѣстныя съ научной точки зрѣнія политическія соображенія и весьма малодоказательныя для сколько нибудь знакомыхъ съ филологіей теоретическія замѣчанія относительно малорусскаго языка, выдвинутыя нѣкоторыми кievскими учеными, помѣшали прибыть на съѣздъ представителямъ галицко-русской археологіи, заявившимъ желаніе сдѣлать рядъ (23) сообщеній.

Обращаясь къ практическимъ вопросамъ, затронутымъ нынѣшнимъ съѣздомъ, прежде всего укажемъ на предложеніе принять какія либо дѣйствительныя мѣры къ охраненію памятниковъ старины, внесенное профессоромъ А. И. Маркевичемъ.

«Нѣсколько лѣтъ назадъ,—сказалъ докладчикъ,—я былъ въ городѣ Луцкѣ и зашелъ посмотреть развалины его замка. Къ величайшему моему удивленію, я увидѣлъ, что этотъ замокъ обновляется, при чемъ совершенно сбиваются поврежденные, хотя бы и немного, зубцы его стѣнъ и замѣняются другими, новыми; кое-гдѣ такая новая кладка сдѣлана была и въ стѣнахъ. На мой вопросъ: «подъ чьимъ руководствомъ происходятъ работы?»—я узналъ, что завѣдуетъ ими мѣстный становой приставъ, а поправка замка совершается въ виду предстоящаго пріѣзда высокопоставленныхъ лицъ. Я не могъ еще придумать, что можно было бы сдѣлать для прекращенія такой варварской работы, когда на улицѣ случайно увидѣлъ шествующаго со свитою волынскаго губернатора, осматривавшаго городъ Луцкъ въ виду того же посѣщенія. Я подошелъ къ губернатору, назвалъ себя и довольно легко уговорилъ его распорядиться о прекращеніи разрушенія замка; но, разумѣется, что было сдѣлано раньше, того уже исправить было нельзя. Защита мною Луцкаго замка, разумѣется, была случайностью, и я даже не убѣжденъ, что его потомъ не продолжали исправлять; не говорю уже о томъ, что въ будущихъ случаяхъ такія исправленія могли

безпрепятственно совершаться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, на что имѣется достаточно примѣровъ, заявленныхъ и на настоящемъ съездѣ.

«Приведу и другой эпизодъ: въ Одессѣ находятся развалины крѣпости, правда, неособенно старинной — Суворовской; возлѣ нея разбитъ теперь прекрасный паркъ, къ которому приспособлены были и эти развалины, сдѣлавшіяся очень красивою его декорацией. Я противъ этого ничего не имѣлъ бы, но, къ сожалѣнію, такое приспособленіе развалинъ сдѣлано было безъ всякаго участія одесскаго общества исторіи и древностей или профессоровъ-историковъ Новороссійскаго университета, обратиться къ которымъ въ этомъ случаѣ не составило бы городу ни малѣйшаго затрудненія. Живя на югѣ, гдѣ сохранилось особенно много монументальныхъ памятниковъ старины, постоянно приходится слышать: тамъ упала башня, тамъ обвалилась подмытая рѣкою крѣпостная стѣна и т. д. Является вопросъ: можно ли было предупредить такіа поврежденія? Иногда— нѣтъ, иногда и можно и даже очень можно. Напримѣръ, Аккерманская крѣпость передана была въ распоряженіе одесскаго общества исторіи и древностей въ то время, когда городомъ Аккерманомъ уже были приняты всѣ мѣры къ ея разрушенію; общество отчасти спасло руины, но чтобы предупредить дальнѣйшее разрушеніе отъ подмытія стѣнъ крѣпости рѣкою Днѣстромъ, требуется, по исчисленію вполне компетентнаго лица, А. В. Бертье де-ла-Гарда, около 40.000 р., каковыми средствами общество далеко не располагаетъ».

Въ виду такихъ и многочисленныхъ подобныхъ имъ фактовъ, профессоръ Маркевичъ полагалъ, что охраненіе старинныхъ памятниковъ должно быть первою заботою нашего ученаго міра, и практическое осуществленіе этого дѣла представляется референту въ слѣдующихъ подробностяхъ: «одно изъ нашихъ важнѣйшихъ ученыхъ археологическихъ обществъ, и предпочтительнѣе всего московское, уже взявшее на себя организацію археологическихъ съѣздовъ, обратится къ другимъ археологическимъ обществамъ или такимъ, которыя могли бы заняться охраною древностей, ученымъ учрежденіямъ, съ запросомъ: охрану какихъ памятниковъ (кургановъ, развалинъ и проч.) они могли бы взять на себя, въ зависимости отъ удобства надзора и достаточныхъ матеріальныхъ средствъ? Очень возможно, что на этотъ запросъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ и болѣе всего изъ-за нашей русской лѣни, отвѣтовъ получится и немного. Затѣмъ состоится обычное предварительное совѣщаніе представителей отъ различныхъ учреждений для обсужденія слѣдующаго археологическаго съѣзда; вотъ пріѣхавшія-то на это предварительное совѣщаніе лица, какъ заранѣе уже освѣдомленные, и могутъ доставить, безъ сомнѣнія, съ собою матеріалъ, необходимый для предварительнаго обсужденія предлагаемой мною мѣры. Въ это же

время могутъ быть рассмотрѣны и различныя важныя ея подробности, напримѣръ, относительно того, какіе памятники должны стать предметомъ ученой ихъ охраны, какъ можетъ быть таковая осуществлена и проч., чтобы къ предстоящему археологическому съѣзду вопросъ могъ быть разработанъ и представленъ уже во всей полнотѣ и опредѣленности, и явилась бы возможность для съѣзда ходатайствовать объ измѣненіи существующихъ или изданіи новыхъ законоположеній о сохраненіи памятниковъ древности». Послѣ продолжительнаго обсуждения предложеніе профессора Маркевича передано было въ совѣтъ съѣзда, который и постановилъ просить московское археологическое общество принять на себя трудъ осуществления проектируемыхъ профессоромъ Маркевичемъ мѣръ.

Слѣдующимъ практическимъ вопросомъ, выдвинутымъ на съѣздѣ, было учрежденіе при нашихъ университетахъ каѳедры археологіи. Вопросъ этотъ поднятъ былъ гр. П. С. Уваровой, которая въ своей запискѣ указала, что о необходимости преподаванія въ университетахъ археологіи говорилось не разъ на предыдущихъ съѣздахъ, что эта мысль поддерживалась Погодинымъ, Буслаевымъ, Срезневскимъ, И. Е. Забѣлинымъ, а также инициаторомъ съѣздовъ, гр. А. С. Уваровымъ. «Настаивая на своемъ завѣтномъ желаніи двинуть, наконецъ, дорогое для него дѣло, графъ на третьемъ съѣздѣ подробно излагаетъ программу русской археологіи, опредѣляетъ ея задачи, какъ науки, занимающейся изслѣдованіемъ древняго русскаго быта по памятникамъ, оставшимся отъ народовъ, изъ которыхъ сперва составила Русь, а потомъ Русское государство, и раздвигая рамки желательнаго университетскаго преподаванія археологіи, перечисляетъ тѣ науки, которыя считаются необходимыми для научнаго изслѣдованія памятниковъ и которыя такимъ образомъ должны стать въ число предметовъ университетскаго преподаванія. Науки эти—антропологія, палеографія, съ подраздѣленіемъ на эпиграфику и дипломатику, сфрагистика съ геральдикой, нумизматика, художества, состоящія изъ живописи, зодчества, ваянія и музыки, географіи съ топографіей и хронологіи. Развивая далѣе свою программу, графъ указываетъ на невозможность уясненія древняго быта Россіи безъ изученія исторіи тѣхъ народовъ, съ которыми она была въ прикосновеніи, и потому предлагаетъ одновременно съ изученіемъ русской археологіи изучать археологію Византіи, славянскихъ народовъ и Скандинавіи.

«Программу эту излагалъ графъ на первомъ кievскомъ съѣздѣ 1874 г., но мнѣ думается, говорила предсѣдательница, что если бы онъ дожилъ до съѣзда, собравшагося нынѣ, то онъ легко бы согласился, что къ предлагаемымъ каѳедрамъ, вспомогательнымъ при изученіи русской археологіи, прежде всего слѣдуетъ добавить изученіе Востока со всѣми тѣми народами и народностями, искусство и вѣрованіе которыхъ имѣли такое громадное вліяніе на рус-

скій бытъ, развитіе государственнаго строя, на нашу исторію и искусство. Итакъ, чтобы не случилось, по мѣткому выраженію М. П. Погодина, что наша отечественная археологія только тогда начнетъ разрабатывать свои памятники, когда большая часть изъ нихъ будетъ истреблена, и въ виду благого примѣра, который подають намъ западныя государства и западные ученые, посвящающіе огромныя средства, какъ на разработку мѣстныхъ древностей, такъ и на изученіе Востока и Византіи, позвольте мнѣ просить нынѣшній съѣздъ сдѣлать слѣдующія два постановленія: 1) ходатайствовать предъ правительствомъ о введеніи въ университетахъ кафедръ по археологіи, не только русской, но и всѣхъ тѣхъ народностей, которыя могли имѣть вліяніе на развитіе русскаго искусства; 2) ходатайствовать вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы немедленно была составлена коммиссія для обсужденія и выработки необходимыхъ для преподаванія археологіи программъ и изданія руководствъ по разнымъ отраслямъ археологіи, съ привлеченіемъ къ этому дѣлу ученыхъ обществъ, имѣющихся въ Россіи». Это предложеніе гр. П. С. Уваровой было также принято совѣтомъ съѣзда.

Третьимъ важнѣйшимъ дѣломъ, поднятымъ на съѣздѣ, было упорядоченіе архивнаго дѣла въ Россіи. Въ особую спеціальную коммисію археографической секціи былъ представленъ директоромъ Московскаго архива министерства юстиціи, проф. Д. Я. Самоквасовымъ, проектъ основаній реформы архивнаго дѣла въ Россіи, при чемъ авторъ исходилъ изъ весьма обстоятельнаго изученія тѣхъ реформъ, которымъ подверглись архивы во всѣхъ государствахъ Западной Европы, гдѣ охрана старыхъ документовъ признается дѣломъ государственной важности и составляетъ предметъ вѣдѣнія особаго учрежденія, независимаго отъ министерствъ.

Этотъ проектъ проф. Самоквасова состоялъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) Учредить центральный органъ архивнаго управленія въ Россіи, подобный существующимъ въ государствахъ Германіи, Скандинавіи, Англіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи и Италіи, долженствующій объединить управленіе государственными архивами разныхъ вѣдомствъ и подчинить ихъ общимъ правиламъ храненія и публичнаго пользованія. 2) Сосредоточить въ центральномъ публичномъ государственномъ архивѣ, подобномъ столичнымъ центральнымъ архивамъ западно-европейскихъ государствъ, дѣлопроизводства по 1825 годъ упраздненныхъ и дѣйствующихъ высшихъ и центральныхъ государственныхъ учреждений, за исключеніемъ уже обладающихъ благоустроенными центральными архивами, открытыми для публичнаго пользованія. 3) Дѣлопроизводства мѣстныхъ правительственныхъ учреждений по 1775 годъ сосредоточить въ двѣнадцати центральныхъ публичныхъ областныхъ государственныхъ архивахъ древнихъ актовъ, подобныхъ провинціальнымъ архивамъ западно-европейскихъ государствъ. 4) Областные государственные архивы

древнихъ актовъ снабдить штатами служащихъ, проектированными высочайше учрежденною комиссіей 1892 года и архивными зданиями германскаго типа, такъ называемой «магазинной системы».

5) Дѣлопроизводства губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ учреждений 25-лѣтней давности сосредоточить въ губернскихъ центральныхъ публичныхъ государственныхъ архивахъ. 6) Центральное архивное управление: а) проектируетъ штаты, соответствующіе потребностямъ губернскихъ центральныхъ государственныхъ архивовъ; б) озаботится снабженіемъ центральныхъ губернскихъ архивовъ помѣщеніями, специально приспособленными для храненія рукописей и соответствующими требованіямъ рациональнаго архивоведенія; в) проектируетъ правила централизаціи и условія публичности государственныхъ архивныхъ матеріаловъ; г) проектируетъ порядокъ архивной службы, направленный къ храненію въ цѣлости, классификаціи, описанію, изданію и научной разработкѣ государственныхъ архивныхъ матеріаловъ; д) проектируетъ общія правила храненія и публичности древнихъ и новыхъ актовъ дѣлопроизводства общественныхъ учреждений. 7) Нынѣ существующія и вновь открываемыя губернскія ученые архивныя комиссіи сохраняютъ самостоятельное значеніе мѣстныхъ ученыхъ обществъ по храненію и научной разработкѣ мѣстныхъ древностей, приглашаются центральнымъ архивнымъ управленіемъ къ содѣйствію въ централизаціи, изданіи и научной разработкѣ государственныхъ архивныхъ матеріаловъ, вѣдаютъ дѣло храненія, описанія, изданія и научной разработки архивовъ общественныхъ учреждений, а также и частныхъ, въ случаяхъ согласія владѣльцевъ этихъ послѣднихъ. 8) Издать немедленно циркулярное распоряженіе по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія какихъ бы то ни было бумагъ, относящихся къ дѣлопроизводствамъ государственныхъ и общественныхъ учреждений, пока не будетъ учреждено центральное архивное управленіе въ Россіи, и не будутъ выработаны и изданы общія правила уничтоженія ненужныхъ актовъ дѣлопроизводства государственныхъ учреждений.

При обсужденіи этого проекта, комиссія сочла нужнымъ добавить еще такой весьма важный пунктъ.

Губернскія ученые архивныя комиссіи, для храненія своихъ историческихъ архивовъ, пользуются особымъ помѣщеніемъ въ зданіи губернскаго центральнаго архива, а для научныхъ своихъ работъ и изданія историческихъ документовъ получаютъ отъ правительства особую необходимую субсидію.

Ходатайствовать предъ правительствомъ объ оказаніи существующимъ губернскимъ архивнымъ комиссіямъ пособія въ размѣрѣ до 1500 р. ежегодно, въ виду того, что губернскія архивныя комиссіи являются пока единственными учреждениями, на которыя возложена правительствомъ обязанность охраны и собраніе древ-

ностей, какъ письменныхъ, такъ и предметныхъ, и на которыя въ будущемъ будетъ возложена важная задача при организаціи архивнаго дѣла въ Россіи.

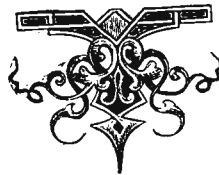
Кромѣ того, выражено депутатами Рижскаго общества исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній, професс. Р. Ф. Гаусманомъ и А. К. Геденштремомъ мнѣніе, чтобы общественные архивы Прибалтійскаго края, доступные для научныхъ разысканій и уже приведенные въ надлежащій порядокъ, сохранили этотъ порядокъ неизмѣненнымъ и на будущее время.

Приведенный проектъ комиссіи возбудилъ на съѣздѣ горячія пренія, особенно обострившіяся въ виду той страстности, которую вносилъ въ обсужденіе самъ почтенный авторъ проекта, почти не допускавшій никакихъ возраженій. Особенную гласность получилъ инцидентъ съ проф. П. Н. Милюковымъ, заявленіе котораго, что проектъ страдаетъ отъ отсутствія детальной разработки данныхъ о нашихъ архивахъ, благодаря употребленному оппонентомъ выраженію «безъ достаточнаго изученія», показалось крайне обиднымъ проф. Самоквасову, такъ что онъ даже отказался отвѣчать проф. Милюкову и вышелъ изъ зала засѣданія. Однако этотъ инцидентъ, которому было придано газетами слишкомъ большое значеніе, при чемъ, къ сожалѣнію, вся вина взваливалась совсѣмъ неправильно на проф. Милюкова, уже раньше обвиненнаго тѣми же газетами въ неуваженіи къ г. Иловайскому,—не помѣшалъ довести обсужденіе до конца, и результатомъ явились слѣдующія постановленія совѣта съезда: а) Принимая въ принципѣ проектъ проф. Д. Я. Самоквасова о реорганизаціи архивнаго дѣла въ Россіи по образцу западно-европейскихъ государствъ, совѣтъ постановилъ повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора всеподданнѣйшую просьбу о реформѣ архивнаго дѣла въ Россіи въ ближайшемъ будущемъ и о дозволеніи, чтобы къ участию въ разработкѣ соотвѣтственно проекта были допущены тѣ лица, которымъ дѣло правильнаго устройства архивовъ наиболѣе знакомо; б) въ виду того, что на реорганизацію архивнаго дѣла потребуется немало времени, рѣшено ходатайствовать о томъ, чтобы, не ожидая разрѣшенія общаго архивнаго вопроса, было немедленно приступлено къ преобразованію Харьковскаго историческаго архива при университетѣ въ центральный историческій архивъ (предложеніе проф. Д. И. Багалѣя, бывшее предметомъ спеціальнаго обсужденія), в) рѣшено ходатайствовать объ изданіи правительственнаго распоряженія, указаннаго въ 8-мъ пунктѣ проекта проф. Самоквасова, и о назначеніи пособія архивнымъ комиссіямъ.

Вотъ тѣ важнѣйшіе практическіе запросы, которые были выдвинуты на очередь XI археологическимъ съѣздомъ, и кажется, свойство какъ этихъ вопросовъ, такъ и научной работы съезда таково, что трудно согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ газетъ, будто

съѣздъ не далъ никакихъ серьезныхъ результатовъ; подобное отрицательное сужденіе о дѣятельности съѣзда объясняется причинами, можетъ быть, и очень существенными, но мѣшающими взглянуть на съѣздъ безпристрастно. Дѣйствительно, рядомъ съ отмѣченными нами свѣтлыми и весьма значительными послѣдствіями работы съѣзда, можно указать въ его исторіи и нѣкоторыя тѣневые стороны: случайность многихъ рефератовъ, совсѣмъ не свидѣтельствовавшая о систематической подготовкѣ ученаго міра къ съѣзду, отсутствіе отвѣтовъ на многіе весьма любопытные запросы, поставленные предыдущимъ съѣздомъ (хотя слѣдуетъ замѣтить, что это является слабою стороною почти всѣхъ нашихъ археологическихъ съѣздовъ и свидѣтельствуеетъ о неподвижности нашего ученаго міра), ученое самомнѣніе нѣкоторыхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ археологовъ, стремившихся, во что бы то ни стало, выдвигать свою личность и частенько проваливавшихся со своими мало-обдуманными возраженіями, равнодушіе города Кіева и мѣстнаго общества къ дѣятельности съѣзда, слѣдствіемъ чего приемъ ученымъ гостямъ въ Кіевѣ былъ оказанъ значительно худшій, чѣмъ въ Ригѣ, вопросъ о малороссійскомъ языкѣ, получившій слишкомъ страстную постановку. Однако всѣ эти указанія не могутъ умалить значенія съѣзда, которое мы старались представить на основаніи вполне объективныхъ данныхъ, рельефно характеризующихъ съ одной стороны обширныя приобрѣтенія въ чисто научной сферѣ, а съ другой стороны важнѣйшія практическія мѣропріятія къ охраненію памятниковъ старины и къ дальнѣйшему развитію археологіи въ Россіи.

А. Корниловичъ.

СТУДЕНЧЕСКІЯ НАУЧНЫЯ ОБЩЕСТВА ¹⁾.

(Историческій очеркъ).

В ІЮЛѢ текущего года, былъ опубликованъ знаменательный циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ. Указывая въ немъ на разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ, содѣйствующихъ возникновенію и распространенію студенческихъ беспорядковъ, министръ, ради «установленія желательнаго общенія между студентами и педагогическимъ составомъ высшихъ учебныхъ заведеній», рекомендуетъ, между прочимъ, «учрежденіе, подъ непрерывнымъ отвѣтственнымъ руководствомъ профессоровъ, научныхъ

¹⁾ Источниками и пособиями для настоящей статьи послужили: 1) «Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія», т. I; 2) И. Давыдовъ, «Воспоминанія о С. Г. Салареевѣ» (М., 1821 г.); 3) Шевыревъ, «Исторія императорскаго Московскаго университета» (М., 1855 г.); 4) Сумковъ, «Московский университетскій благородный пансіонъ и воспитанники Московскихъ университетскихъ гимназій, университетскаго благороднаго пансіона и Дружескаго Общества» (М., 1858 г.); 5) Григорьевъ, «С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ существованія» (Спб., 1870 г.); 6) Я. К. Гротъ, «Старина царскосельскаго лицея» (въ «Русскомъ Архивѣ», за 1876 г., № 4); 7) А. Н. Неустровъ, «Историческое разсказаніе о повременныхъ русскихъ изданіяхъ и сборникахъ съ 1703 по 1802 г.» (Спб., 1875 г.); 8) М. И. Сухомлиновъ, «Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію». т. I (Спб., 1889 г.); 9) Буличъ, «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета», ч. I и II, (Казань, 1887—1891 гг.); 10) Д. А. Кропотковъ, «Жизнь графа М. Н. Муравьева» (Спб., 1874 г.); 11) «Историческое Обзорніе. Сборникъ, издаваемый историческимъ обществомъ при С.-Петербургскомъ университетѣ», т. IV (Спб., 1890 г.); 12) Чириковъ, «Хронологическій указатель книгъ и брошюръ, отпечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по 1879 г.» (въ «Харьковскомъ календарѣ на 1890 г.»); 13) Сигма (Сыромятниковъ), «Пробужденіе студенческой жизни» (въ «Новомъ Времени», 1899 г., 7 іюля).

и литературныхъ студенческихъ кружковъ или обществъ, въ засѣданіяхъ которыхъ могли бы читаться и обсуждаться студенческіе рефераты по научнымъ и литературнымъ вопросамъ». Но чтобы эти общества, говорится далѣе въ циркулярѣ, «не могли вырождаться въ организаціи, не терпимыя въ учебныхъ заведеніяхъ, численный составъ ихъ долженъ быть строго соображенъ съ возможностью каждаго члена принимать активное и серьезное участіе въ дѣятельности своего общества». Въ заключеніе министр, «въ виду ожидаемой пользы отъ устройства этихъ обществъ» разрѣшаетъ удѣлять на ихъ поддержаніе «нѣкоторую часть спеціальныхъ средствъ учебнаго заведенія».

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени, какъ намъ извѣстно, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія идетъ усиленная работа по выработкѣ правилъ для этихъ новыхъ студенческихъ обществъ или кружковъ.

Наши газеты и журналы съ особымъ вниманіемъ отнеслись къ этому циркуляру, комментировали его на разные лады, и почти всѣ единодушно признали за вновь учреждаемыми студенческими обществами не только средство къ «общенію» и «спокойствію», но и высокое культурное значеніе. Они справедливо указывали на то, что эти общества, при удачныхъ руководителяхъ, могутъ благотворно вліять на расширеніе кругозора молодежи, способствовать развитію въ ней критическаго анализа и находчивости, умѣнью выражаться и т. п., и въ противовѣсъ этому приводили, какъ многіе наши дѣятели, техники, преподаватели и др., воспитанные на принципѣ одиночества и разединенія, съ запасомъ однѣхъ лишь затверженныхъ лекцій, чужды общественнымъ интересамъ, сплошь и рядомъ едва могутъ сказать безъ подготовки двѣ, три связанныхъ фразы, не терпимы къ мнѣніямъ другихъ и теряются передъ мало-мальски серьезнымъ возраженіемъ.

Признавая съ своей стороны высокое значеніе за правильно дѣйствующими студенческими обществами, мы настоящимъ краткимъ историческимъ очеркомъ этихъ обществъ желаемъ еще болѣе укрѣпить за ними ихъ заслуги въ культурномъ и общественномъ отношеніяхъ. Ниже мы увидимъ, что наиболѣе дѣятельные члены студенческихъ обществъ были вполнѣ сплосшь и рядомъ выдающимися научными, литературными и общественными дѣятелями.

Мысль объ учрежденіи студенческихъ обществъ, конечно, не новая, она зародилась почти съ первыхъ же годовъ существованія нашего старѣйшаго университета. Успѣхъ публичныхъ «студенческихъ диспутовъ», начало которыхъ относится къ 1757 г., и удачныя работы студентовъ, печатавшіяся въ періодическомъ изданіи «Полезное увеселеніе» (съ 1759 г.), еще въ 1761 г. возбудили мысль въ профессорахъ Московскаго университета о правильной организа-

ціи «упражненій студентовъ по разнымъ отраслямъ наукъ и переводовъ, которыми могли бы они снабжать періодическое университетское изданіе». Но въ то время, при наличности въ университетѣ одного русскаго профессора Барсова, осуществить эту мысль было невозможно; и только въ 1781 г. извѣстному сотруднику Н. И. Новикова, проф. Шварцу, удалось основать «Собраніе университетскихъ питомцевъ» (воспитанниковъ университетскаго пансіона) «для упражненія въ сочиненіяхъ и переводахъ».

Тотъ же Шварцъ въ слѣдующемъ году учредилъ «Дружеское учебное общество», которое взяло подъ свое покровительство молодое «Собраніе», и дѣятельность послѣдняго, благодаря этому, особенно оживилась. Новиковскія изданія: «Утренній Свѣтъ» (окончаніе), «Московское ежемѣсячное изданіе» и особенно «Вечерняя Заря» и «Покоящійся Трудолюбецъ» были трудами питомцевъ - членовъ «Собранія».

«Издатели» «Вечерней Зари»—студенты: М. И. Антоновскій, Л. М. Максимовичъ, Л. Я. Давыдовскій, П. П. Брауншвейгъ, А. В. Могиланскій, И. А. Фабіанъ, Ѡ. Л. Тимоновичъ, А. Ѡ. Лабзинъ и П. А. Пельскій—въ предисловіи къ первой книжкѣ своего журнала такъ опредѣляли его содержаніе: въ него войдутъ, писали они, «лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, открывающія человѣку путь къ познанію Бога, самого себя и своихъ должностей, которыя представлены какъ въ правоученіяхъ, такъ и въ примѣрахъ оныхъ, т.-е. небольшихъ исторіяхъ, повѣстьяхъ, анекдотахъ и другихъ сочиненіяхъ стихами и прозою».

Кромѣ этихъ писателей-членовъ «Собранія», въ третьемъ томѣ «Вечерней Зари» находимъ новыя имена: М. И. Багрянскаго, М. Г. Гаврилова, П. А. Неѣлова, П. П. Тургенева, А. Е. Оболенскаго, С. И. Спѣшницкаго, П. Д. Антоновича, В. Ѡ. Трипольскаго и А. Ѡ. Малиновскаго.

Хотя въ замѣнлившемъ «Вечернюю Зарю»—«Покоящемся Трудолюбцѣ» программа была значительно опредѣленнѣе, но статьи его точно такъ же, какъ и въ предыдущемъ изданіи, отличались по преимуществу мистическо-богословскимъ характеромъ; особенностью же его было лишь нѣкоторое преобладаніе статей, «посвященныхъ дѣтямъ и для дѣтей написанныхъ».

Здѣсь подъ статьями чаще всего видимъ имена: братьевъ А. А. и М. А. Антонскихъ, В. С. Подшивалова, П. А. Сохацкаго, К. В. Масловскаго, И. Ѡ. Софоновича, М. А. Петровскаго, А. М. Росинскаго, Я. И. Благодарова и Л. В. Голубовскаго, отъ лица которыхъ было написано и самое предисловіе, и которые всѣ почти стали впоследствии извѣстными профессорами и писателями.

Первымъ предѣдателемъ и въ то же время наиболѣе дѣятельнымъ членомъ «Собранія питомцевъ» былъ М. Антонскій; членами, кромѣ «питомцевъ», были магистры и бакалавры словесныхъ наукъ

и старшіе студенты, которыхъ «принимали по выбору». О порядкѣ и характерѣ засѣданій «Собранія» у Тимковскаго ¹⁾ читаемъ слѣдующее: «Засѣданія открывались краткою рѣчью или разсужденіями череднаго оратора изъ членовъ съ вѣдома предсѣдателя. Рѣчь произносилась съ каедры. Затѣмъ другіе читали стихи, прозу, изящные переводы, рецензіи. Все читаемое обсуживалось подробно и искренно. Входили сужденія о новыхъ книгахъ; мнѣнія о языкѣ и словесности. Случались споры, сыпались остроты, но все благородно и прилично». Здѣсь Мерзляковъ читалъ первыя свои стихотворенія. Здѣсь же впоследствии раскрылись блестящія дарованія и знаменитаго «пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ».

Послѣ Антонскаго предсѣдателями были не менѣе извѣстные писатели: П. Сохацкій, В. Подшиваловъ, С. Г. Саларевъ и др.

Мерзляковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о Ѳ. Ѳ. Ивановѣ съ восторгомъ говоритъ о засѣданіяхъ этого «Собранія»; несомнѣнно, они нравились и многимъ другимъ, насколько, по крайней мѣрѣ, можно судить по выраженію той «благоговѣйной благодарности», какою почтили въ 1784 г. тогдашніе члены память своего наставника и основателя общества, проф. Шварца; они устроили особое засѣданіе, на которомъ былъ кураторъ университета Мелиссино; послѣдній, по сохранившемуся преданію, вообще недовольный дѣйствіями Шварца, былъ недоволенъ вначалѣ и этимъ засѣданіемъ, но послѣ того какъ выслушалъ рѣчи и стихи изъ устъ студентовъ, «самъ прослезился и распѣловалъ ихъ».

Къ сожалѣнію, свѣдѣній о дѣятельности «Собранія университетскихъ питомцевъ» сохранилось немного, особенно за поздніе годы; несомнѣнно, что въ это время она была и менѣе оживленною, переживъ свой блестящій періодъ въ то десятилѣтіе, когда серьезнымъ двигателемъ собранія былъ незабвенный просвѣтитель русскаго народа, Н. И. Новиковъ. Тѣмъ не менѣе свѣдѣнія объ «упражненіяхъ въ переводахъ и сочиненіяхъ» питомцевъ и студентовъ продолжаютъ до конца царствованія Александра I. Изъ этихъ «упражненій» болѣе всего печатали Сохацкій и Подшиваловъ въ своихъ изданіяхъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени», «Иппокрена или успѣхи любословія» и др.

По примѣру «собранія питомцевъ» Московскаго университета возникаетъ подобнаго же рода кружокъ и въ Петербургѣ изъ воспитанниковъ главнаго народнаго училища. Кружокъ этотъ, организованный, очевидно, при содѣйствіи проф. Сырейщикова, задумалъ немедленно же издавать свое періодическое изданіе, что и было ему разрѣшено въ 1785 году. Руководствуемые тѣмъ же профессоромъ

¹⁾ Воспоминанія о Московскомъ университетѣ въ «Москвитяинѣ», 1851 г., № 9—10.

Сырейщиковымъ, воспитанники главнаго народнаго училища въ теченіе 1785—1787 гг. выпустили въ свѣтъ 24 книжки своего изданія, подъ названіемъ: «Растущій Виноградъ», который былъ посвященъ Екатеринѣ II и былъ редактированъ В. Ѡ. Зуевымъ. Въ него вошли разныя мелкія стихотворенія: оды, сонеты, эпиграммы, басни и проч. — Прохора Соловьева, Ив. Виноградова, Ал. Фіалковскаго, А. Яхонтова и др., статьи историческаго, историко-литературнаго и философскаго характера, оригинальныя и переводныя, — все произведенія воспитанниковъ главнаго народнаго училища. Какъ бы въ видѣ исключенія сюда вошли также и двѣ статьи «пажей» А. Балашова—«О табакѣ» и Ив. Новосельцева—«О плавленіи рудъ».

Въ началѣ текущаго столѣтія во Франціи особенно поднялся интересъ къ математическимъ наукамъ; послѣднія въ короткое время успѣли достигнуть наибольшаго развитія. Труды математиковъ: Лагранжа, Лапласа, Лакруа и др., значительно измѣнили даже систему и характеръ самаго преподаванія математическихъ наукъ; во главѣ предметовъ школьнаго обученія была поставлена математика, и политехническія училища во Франціи стали открываться почти повсюду. Это движеніе не могло, конечно, хотя бы въ слабой степени, не отразиться и въ Россіи; но замѣчательно, что такое отраженіе началось не съ профессоровъ, а съ юныхъ студентовъ Московскаго университета.

Въ 1810 году, студентъ университета Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (впослѣдствіи знаменитый государственный дѣятель) задумалъ образовать при университетѣ изъ студентовъ и кандидатовъ общество математиковъ, съ цѣлію распространенія математическихъ знаній посредствомъ сочиненій, переводовъ и преподаванія. Юному организатору въ то время было всего только 14 лѣтъ отъ роду. Но его дѣлу вполне сочувствовалъ его отецъ, полковникъ Н. Н. Муравьевъ. Онъ, при помощи попечителя округа, Голенищева-Кутузова, добился высочайшаго утвержденія (7-го апрѣля 1811 года) устава общества математиковъ, который, впрочемъ, противъ первоначальной редакціи подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ и сообщилъ обществу преимущественно учебное направленіе. Студенты Терюхинъ (впослѣдствіи ординарный профессоръ), Щепкинъ, самъ основатель общества и Андреевъ взялись за преподаваніе чистой математики и нѣкоторыхъ частей прикладной, — между прочимъ М. Н. Муравьевъ знакомилъ съ аналитической геометрией, которая тогда не входила даже въ курсъ университетскаго преподаванія, — и Н. Н. Муравьевъ преподавалъ военныя науки, въ примѣненіи къ познаніямъ, какія требовались для квартирмейстерской части.

Такъ какъ университетъ отказалъ въ своемъ помѣщеніи, то своего рода новый математическій факультетъ обосновался въ квартирѣ Муравьева, который открылъ доступъ къ слушанію лекцій

всѣмъ желающимъ бесплатно, но обязывалъ ихъ, согласно уставу общества, къ «исправному посѣщенію избранныхъ лекцій, къ сохраненію въ классѣ молчанія, уваженію къ лектору и рачительному отношенію къ дѣлу», а въ противномъ случаѣ угрожалъ исключеніемъ. Число слушателей за все время существованія общества колебалось между 20—50.

Вмѣстѣ съ преподаваніемъ, лекторы находили возможнымъ заниматься переводами и издавать ихъ; такъ М. Н. Муравьевъ перевелъ ариметику и геометрію Лакруа, аналитическую геометрію Гарнье, братъ его — «Elements de Geometrie» Лежандра, Щепкинъ и Андреевъ — «Architecture hidravlique de Prony» и др.

Плодотворная дѣятельность членовъ этого юнаго общества вскорѣ же обратила на себя вниманіе публики и вызвала полное сочувствіе. Въ него не замедлили вступить почетными членами послѣ перваго же года — генераль-адъютантъ князь П. М. Волконскій, генераль-майоръ А. А. Саблуковъ, и ординарными — извѣстный основатель и редакторъ «Военнаго Журнала» П. А. Рахмановъ, Г. И. Шефлеръ, П. А. Сулима, А. Н. Муравьевъ и докторъ физико-математическихъ наукъ Д. А. Облеуховъ. Въ то же время выражалъ свое благоволеніе обществу и государь императоръ, награждая его президента Н. Н. Муравьева брильянтовымъ перстнемъ съ вензелемъ его императорскаго величества и орденомъ св. Анны 2-й степени.

Въ 1815 году, князь П. М. Волконскій, озабоченный подготовленіемъ образованныхъ офицеровъ, предложилъ слушателямъ лекцій общества математиковъ вступить въ службу колонновожатыхъ. Предложеніе это было принято, и около 45 слушателей, по выдержаніи предварительнаго экзамена, образовали въ 1816 году новое учебное заведеніе колонновожатыхъ, въ которое вошли лекторами прежніе же бывшіе студенты. Образованіемъ училища колонновожатыхъ, названнаго Муравьевскимъ по имени основателя его первообраза — общества математиковъ, еще болѣе поднимается значеніе послѣдняго.

Въ этомъ училищѣ, существовавшемъ до 1826 года преимущественно на частныя средства, получили образованіе 180 молодыхъ людей, изъ которыхъ и составилось офицерство гвардейскаго штаба. Здѣсь учились Николай Муравьевъ, Бурцевъ, князь В. С. Голицынъ, Басаргинъ, П. И. Колошинъ, Мухановы и др.

Безпрепятственной и успѣшной дѣятельности общества математиковъ безусловно помогало то благоприятное время, въ которое оно возникло. Образоваться во вторую половину александровскаго царствованія, да еще въ видѣ протеста противъ университетскаго преподаванія, оно не могло бы. Это наглядно доказываетъ судьба другого общества воспитанниковъ, возникшаго въ 1821 г. въ Пе-

тербургѣ при Александровскомъ лицѣѣ, подъ именемъ «Лицейскаго Собранія». Основателемъ его былъ самъ директоръ лицея, высокопросвѣщенный Е. А. Энгельгардъ. При посредствѣ этого «Собранія» онъ хотѣлъ—«домашнимъ способомъ занимая пріятно и полезно молодыхъ людей»—сообщить имъ литературное образованіе.

Выработанный имъ же уставъ, сохранившій отчасти слѣды устава Московскаго общества математиковъ, гласилъ, что дѣйствительными членами «Собранія» могутъ быть только лицейскіе воспитанники старшаго возраста, что президентомъ его состоитъ директоръ лицея, и что предметомъ засѣданій служатъ чтеніе и разборъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій членовъ.

Не ожидая официальнаго утвержденія «Собранія» и, можетъ быть, даже увѣренный въ немъ, благодаря тому, что до сего онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ самого императора, Е. А. Энгельгардъ открылъ засѣданія собранія въ ноябрѣ 1821 года. На этихъ засѣданіяхъ реферировались и обсуждались слѣдующія темы: «Мысли о бытіи Высшаго Существа и о безсмертіи души составляютъ основу добродѣтелей и счастья человѣка», «Отчего просвѣщеніе народныхъ обществъ сопровождается испорченностью нравовъ», «Сатирическая похвала клеветѣ», «Взглядъ на главные перевороты въ русской исторіи», «О мизантропѣ Мольера» и «Взглядъ на законодательство Екатерины II»¹⁾.

Но недолго могли продолжаться эти засѣданія, и увѣренность директора вскорѣ же должна была потерпѣть серьезное поражение; 22-го января 1822 года, князь Голицынъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, сообщилъ ему, что его императорское величество образованіе «Лицейскаго Собранія» находитъ «неприличнымъ и ненужнымъ» на томъ основаніи, что занятія въ собраніи «только развлекаютъ и отнимаютъ время», что «лицейстамъ болѣе прилично слушать много знающихъ и опытныхъ, нежели проявлять мысли свои въ томъ, чему еще обучаются», и, наконецъ, что они «могутъ потерять уваженіе къ начальству».

Закрывая въ силу этого извѣщенія послѣднее засѣданіе «Собранія» «съ чувствомъ сердечнаго прискорбія», Энгельгардъ въ концѣ слѣдующаго года долженъ былъ покинуть и самый лицей.

Кромѣ Петербурга и Москвы, до 20-хъ годовъ царствованія Александра I находимъ еще три студенческихъ общества. Первымъ изъ нихъ возникло въ 1806 году «Общество вольныхъ упражненій въ російской словесности» при Казанскомъ университетѣ. Первоначально основателями его были учителя Казанской первой гимназіи, и въ число ихъ вошли только два студента—Вас. Пере-

¹⁾ Единственная тема, читанная Замятнинимъ, вполнѣдствіи министромъ юстиціи, на русскомъ языкѣ, остальные же всѣ на французскомъ языкѣ.

вощиковъ и П. Кондыревъ, пожелавшіе также «усовершенствовать себя въ литературѣ». Но послѣ перваго же засѣданія въ него вошелъ студентъ Порфирій Безобразовъ, а затѣмъ и другіе: И. и А. Панаевы, Д. Княжинъ и Сергѣй Аксаковъ, принятый въ число членовъ лишь въ 1807 году, по представленіи стихотворенія «Зима». Держалось это общество, главнымъ образомъ, благодаря безсмѣнному секретарю его, П. Кондыреву, всегда находившему матеріалъ для сообщенія въ видѣ стихотвореній, риторическихъ статей и т. п. Несмотря на то, что оно не оставило послѣ себя видныхъ слѣдовъ своей дѣятельности, тѣмъ не менѣе оно важно, какъ прообразъ или первоначальный видъ будущаго и дѣятельнаго казанскаго общества любителей отечественной словесности.

Въ 1819 году, при Харьковскомъ университетѣ образовалось «Общество студентовъ любителей отечественной словесности», еженедѣльные засѣданія котораго происходили подъ предѣтельствомъ студента А. Склабовскаго, одного изъ основателей общества, и подъ руководствомъ профессоровъ: Г. Успенскаго, А. Дубровича и др. Въ томъ же году это общество выпустило въ свѣтъ на свои средства, при наличности всего восьми членовъ, и первый томъ своихъ «Трудовъ», въ который вошли въ отдѣлѣ прозы: а) статьи «нравственно-назидательныя»—«О познаніи Бога изъ природы», «О причинахъ упадка краснорѣчія», «Окрестности Рейна», «Четыре возраста человѣка» и др., и б) «картинныя» описанія кладбища, шума вѣтра, розы, временъ года и проч.—всѣ или переводныя или заимствованныя изъ Сень-Пьера и Гердера. Второй отдѣлъ—«стихотворенія»—наполненъ цѣлымъ рядомъ гимновъ, посланій, элегій, идиллій и другихъ мелкихъ стихотвореній. Въ томъ и другомъ отдѣлѣ самымъ плодовитымъ писателемъ былъ А. Склабовскій, которому принадлежатъ и лучшія стихотворенія среди другихъ поэтовъ-студентовъ: Н. Петровскаго, И. Золотарева, И. Гонорскаго и А. Карасева, а за нимъ слѣдуетъ Н. Левицкій, наполнившій своими переводами и передѣлками едва ли не половину всей прозы.

Но учено-литературная дѣятельность студентовъ Харьковскаго университета началась значительно раньше, а именно въ 1811 году, по почину «воспитанниковъ войска Донскаго въ Харьковскомъ университетѣ», Греченовскаго и Кондратьева, представившихъ въ своемъ «Сочиненіи» описаніе «мѣстопробыванія и свойствъ казаковъ войска Донскаго» и нѣсколько стихотвореній, подъ заглавіями: «Донской осетръ», «Вечеръ», «Виноградъ», «Осень» и «Во снѣ и наяву», о характерѣ и достоинствахъ которыхъ можно судить до нѣкоторой степени уже по самому началу перваго изъ нихъ:

«Князь рыбій водъ тихаго Дона,
«Красавецъ осетръ молодой,
«Прелестный средь мокраго лона
«Кусокъ на столѣ дорогой»...

Въ 1817 году, появились въ свѣтъ «Сочиненія студентовъ и вольнослушателей Императорскаго Харьковского университета», которыя были читаны съ одобренія словеснаго отдѣленія и представляли какъ бы продолженіе экзаменовъ. Въ составъ ихъ вошли по преимуществу статьи и рассужденія на отвлеченныя темы, въ родѣ статей: «Объ испорченности природы человѣческой и о помощи, какую доставляетъ намъ истинная философія», «Воображеніе», «Объ истинномъ счастіи», «О любви къ отечеству» и др. Единственною содержательною статьею изъ всего сборника является «Сравненіе Русской Правды съ Судебникомъ» Николая Нестеровскаго.

«Сочиненія» эти въ соединеніи съ «переводами» продолжали выходить и въ 1818—1821 годахъ; въ нихъ также господствуютъ статьи отвлеченно-философскаго содержанія, но встрѣчаются и разнаго рода мелкія стихотворенія студентовъ: А Склабовскаго (впослѣдствіи профессора того же университета), Шкляревича, Дыдарева, Карасева, Петрова, Бѣлозерскаго и одна довольно содержательная статья: «Историческій взглядъ на Россію отъ основанія монархіи до порабоженія ея татарами, отъ 862 г. до 1240 г.», А. Склабовскаго.

Въ томъ же Харьковскомъ университетѣ въ 1821 г. образовалось «Студенческое библейское сотоварищество», поставившее себѣ задачею изученіе «Слова Божія» и распространеніе его между «неимущими сей небесной манны, сего божественнаго хлѣба», но о дальнѣйшей его дѣятельности ничего неизвѣстно.

По примѣру харьковскихъ студентовъ и воспитанники Рижельскаго лицея открыли свое «Общество сореоовнателей отечественной словесности» и лучшія изъ своихъ «сочиненій и переводовъ» вносили въ особую книгу, называвшуюся «Эвксинскою Музою».

Въ наступившее послѣ декабрьскихъ дней новое царствованіе подобнаго рода общества и сотоварищества должны были прекратить свою дѣятельность, а открытіе новыхъ «съ дозволенія начальства» было невсозможно.

Слѣдуя хронологическому порядку, мы должны были бы остановиться далѣе на кружкѣ Станкевича, который образовался въ Москвѣ, главнымъ образомъ, изъ университетской молодежи и подъ вліяніемъ идей, господствовавшихъ въ то время въ Германіи, но объ немъ говорилось такъ уже много въ разныхъ историко-литературныхъ трудахъ, что мы можемъ его вовсе и не касаться, и, минуя также подобный же кружокъ, одновременно основанный въ Харьковѣ братомъ Станкевича, студентомъ втораго курса, перейдемъ прямо къ кружку студентовъ С.-Петербургскаго университета, возникшему въ 1856 году.

Какъ извѣстно, съ воцареніемъ императора Александра Николаевича началось у насъ сильнѣйшее броженіе особенно среди интеллигентнаго класса въ пользу обновленія жизненныхъ устоевъ, въ пользу участія во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни и дѣятельности. Не отстала отъ этого броженія и университетская молодежь. Студенты Петербургскаго университета «живо прониклись убѣжденіемъ, что пришло время и имъ сказать свое слово». Убѣжденіе это прежде всего выразилось въ томъ, что они предприняли изданіе «Студентскаго сборника», включивъ въ его программу: 1) оригинальныя сочиненія ученаго содержания, 2) подобнаго же рода переводы и 3) мелкія историко-литературныя замѣтки. До выпуска въ свѣтъ перваго его тома, редакторы обратились съ вопросными письмами къ разнымъ писателямъ и дѣятелямъ, прося ихъ откровенно изложить свое мнѣніе по поводу задуманнаго ими предпріятія. Въ отвѣтъ на это откликнулись только нѣкоторые. Профессоръ Плетневъ необыкновенно сочувственно отозвался о мысли студентовъ издавать «Сборникъ» и видѣлъ въ этомъ, между прочимъ, немалое средство къ «единенію между студентами». С. Т. Аксаковъ писалъ, что намѣреніе студентовъ издавать «Сборникъ» онъ считаетъ «достойнымъ всякаго уваженія, краснорѣчиво говорящимъ о благородномъ направленіи къ общепользнымъ и основательнымъ трудамъ и просвѣщенной дѣятельности университетскаго юношества», и въ заключеніе прибавилъ, что это намѣреніе «встрѣтитъ живое участіе и содѣйствіе отъ всѣхъ образованныхъ людей всей пространной Руси». Наконецъ, Н. И. Пироговъ, отнесшійся значительно холоднѣе предшествующихъ писателей, также видѣлъ большую пользу въ этомъ предпріятіи и считалъ его «признакомъ жизни», но лишь при соблюденіи того условія, чтобы главные дѣятели были объективны и «строго убѣждены въ необходимости своего дѣла».

Обращаясь къ содержанію всѣхъ трехъ выпусковъ «Студентскаго Сборника», мы должны сказать, что ожиданія по поводу его какъ самихъ студентовъ, такъ и Плетнева и С. Т. Аксакова, не были особенно преувеличены. Многія изъ его статей сохранили свое научное значеніе и до сихъ поръ. Замѣчательно, что всѣ имена авторовъ ихъ принадлежатъ выдающимся современнымъ намъ писателямъ и ученымъ.

Въ первый выпускъ, изданный въ 1857 году, подъ главною редакцію адъюкта М. И. Сухомлинова, вошли выдержки изъ кандидатскихъ сочиненій о баронѣ Сигизмундѣ Герберштейнѣ—Корелкина, Григоровича и Новикова, переводъ «Commentarii» Герберштейна—Анонимова (продолжался и во второмъ выпускѣ) и изслѣдованіе Панова: «О новгородской судной грамотѣ 1471 г.». Объ этомъ послѣднемъ изслѣдованіи И. Е. Андреевскій въ свое время далъ восторженный отзывъ.

Во второмъ выпускѣ (1860 г. ¹⁾) находимъ, кромѣ упомянутаго перевода Анонимова, лучшаго и до сихъ поръ, статьи: «Организмы на границѣ животнаго и растительнаго царства»—А. С. Фаминцына (нынѣ ординарнаго академика); «Вильгельмъ Гумбольдтъ»—Д. И. Писарева (обширная и обнаруживавшая его начитанность и бойкое перо); «Филологическій разборъ числительныхъ именъ», переводъ сочиненія Шафарика—В. Макушева; «О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова»—А. П. Пятковского (нынѣ редактора-издателя журнала «Наблюдатель»); «Замѣтки о Грибоѣдовѣ»—Л. Н. Майкова (нынѣ вице-президента Академіи Наукъ) и публичныя лекціи: М. М. Стасюлевича—«О провинціальномъ бытѣ Франціи въ эпоху Людовика XIV» и Благовѣщенскаго «Ювеналь».

Наконецъ, въ третьемъ выпускѣ, напечатанномъ въ 1866 г., но не поступавшемъ въ продажу и едва ли не въ единственномъ экземплярѣ сохранившемся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, помѣщены: продолженіе перевода Анонимова; «Ахарняне», переводъ комедіи Аристофана—Новоселова; «Восьмая сатира» Ювенала, стихотворный переводъ В. И. Модестова; «О происхожденіи дворянства и гербовъ въ Польшѣ», историческое изслѣдованіе Шайнохи, переводъ съ польскаго О. Перскевича, и «Уставныя и судныя грамоты»—неизвѣстнаго автора.

Кромѣ того, въ этихъ выпускахъ немало имѣется и мелкихъ замѣтокъ біографическаго и бібліографическаго содержанія и довольно интересныхъ статейъ изъ внутренней жизни С.-Петербургскаго университета.

Вліянію попытки издавать «Студентскій сборникъ» слѣдуетъ отнести и появленіе слѣдующихъ интересныхъ и замѣчательныхъ работъ гг. студентовъ: И. Лазаревскаго и Я. Утина—«Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права» (Спб., 1859 г.); Бенардаки и Богусевича—«Указатель статей серьезнаго содержанія, помѣщенныхъ въ русскіяхъ періодическихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ» (Спб., 1858 г.); Бенардаки—переводъ на англійскій языкъ «Горе отъ ума» А. Грибоѣдова, и Аверкіева и П. Алексѣева—переводъ на русскій языкъ «Введенія къ изученію химіи по системѣ Шарля Жерара».

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что изданіе того же «Сборника» повлекло за собою устройство «кассы бѣдныхъ студентовъ» и въ связи съ послѣдней—устройство самими же студентами концертовъ и публичныхъ чтеній, къ участию въ которыхъ съ большою готовностью откликнулись многіе тогдашніе артисты и профессора.

¹⁾ Первый и второй выпуски изданы по ходатайству графа Блудова на счетъ суммъ II Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Послѣ 1865 года до 1882 года ничего не извѣстно ни о какихъ обществахъ студентовъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ; въ этомъ же (1882) году, 16 августа, съ разрѣшенія университетскаго совѣта былъ отпечатанъ «Уставъ студенческаго научно-литературнаго общества». Въ уставѣ этомъ читаемъ: «Научно-литературное общество состоитъ въ вѣдѣніи университетскаго начальства и подъ почетнымъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа. Ректоръ университета есть непремѣнный членъ общества и въ отсутствіе попечителя или по соглашенію съ нимъ имѣетъ право принять на себя предсѣдательство въ томъ или другомъ засѣданіи. Общество имѣетъ цѣлю содѣйствовать научнымъ и литературнымъ занятіямъ студентовъ, устраивая научные рефераты и литературныя чтенія, предпринимая переводы иностранныхъ научныхъ сочиненій и изданія въ видѣ сборниковъ или отдѣльныхъ брошюръ лучшихъ студенческихъ диссертаций и научно-литературныхъ статей, прискивая научно-литературныя занятія студентамъ, принимающимъ участіе въ дѣятельности общества, и выписывая научные и литературные журналы и наиболѣе необходимыя для университетскихъ занятій сочиненія для пользованія своихъ членовъ».

Авторъ статьи «Пробужденіе студенческой жизни», изъ которой мы заимствовали вышеизложенное о «научно-литературномъ обществѣ», г. Сыромятниковъ (Сигма), сообщаетъ и нѣсколько заглавій рефератовъ, читанныхъ на засѣданіяхъ этого общества. Такъ, Ф. А. Браунъ читалъ о Беовульфѣ, А. М. Ону — о школѣ въ Константинополѣ, Е. В. Пѣтуховъ — о народныхъ пересказахъ Тараса Бульбы; проф. О. Э. Миллеръ сказалъ нѣсколько словъ о поэтѣ Подолинскомъ, умершемъ въ 1886 году; Н. Д. Чечулинъ — о Московскомъ университетѣ и собраніи воспитанниковъ благороднаго пансіона въ XVIII вѣкѣ за первое пятилѣтіе его существованія; Муромцевъ — о студенческихъ кружкахъ въ Вѣнѣ; Сыромятниковъ — по поводу 500-лѣтняго юбилея Гейдельбергскаго университета и др.

Съ уходомъ въ 1887 году изъ университета ректора И. Е. Андреевскаго и съ переменой обстоятельствъ, научно-литературное общество прекратило свое существованіе, оставивъ по себѣ въ очень многихъ участникахъ прекрасную память.

Возникновеніе петербургскаго научно-литературнаго общества, намъ кажется, стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о студенческихъ обществахъ, возбужденнымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія еще при А. А. Сабуровѣ въ 1880 году. Мы знаемъ, что тогда былъ сдѣланъ запросъ министерствомъ объ этихъ обществахъ въ университетскіе совѣты, которые и не замедлили своимъ отвѣтомъ, представивъ обширные доклады, какъ, напримѣръ, докладъ совѣта Харьковскаго университета, составленный при наи-

большемъ участіи профессора Потебни; но, къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть этихъ докладовъ: они находятся въ настоящее время въ дѣлопроизводствѣ.

Въ заключеніе объ обществахъ коснемся еще тѣхъ изъ нихъ, какія существовали въ Дерптскомъ (Юрьевскомъ) университетѣ. Тамъ до послѣднихъ годовъ почти постоянно и почти на всѣхъ факультетахъ устраивались студенческіе кружки, преслѣдующіе, главнымъ образомъ, научныя цѣли и руководимые кѣмъ либо изъ профессоровъ. Объ одномъ изъ такихъ кружковъ извѣстіе проникло и въ нашу печать, и такъ какъ программа его довольно небезынтересна и поучительна, то мы и скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

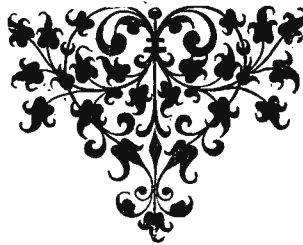
Въ 1889 году, по иниціативѣ студентовъ Н. Буша, А. фонъ-Гернета и П. Рорбаха и при дѣятельномъ участіи профессоровъ Гаусмана и Брикнера, возникъ историческій кружокъ студентовъ. Главныя положенія его устава, утвержденнаго университетскимъ начальствомъ, заключались въ слѣдующемъ. Кружокъ ставитъ свою задачу «объединеніе студентовъ на почвѣ серьезнаго научнаго общенія, преслѣдуя общее образованіе и включая всѣ развѣтвленія исторической науки». Для достиженія этой цѣли должны служить: литературныя рефераты (преимущественно о новыхъ историческихъ сочиненіяхъ), чтенія источниковъ, доклады (на темы, одобренныя кружкомъ) и бесѣды, подъ которыми понимаются пренія о тезисахъ докладовъ, разъясненія предложенныхъ вопросовъ и «вообще всякій устный обмѣнъ мыслей о вопросахъ и предметахъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ исторіей».

Во главѣ кружка стоитъ научная комиссія изъ четырехъ членовъ. На засѣданіяхъ его, происходившихъ разъ въ двѣ недѣли въ періодъ учебныхъ мѣсяцевъ, были прочитаны за три года существованія цѣлый рядъ рефератовъ, докладовъ и т. п., которые, впрочемъ, нигдѣ не печатались. Для характеристики ихъ достаточно привести нѣсколько заглавій: «Развитіе папства», «Норманнскій вопросъ», «Литература балтійской исторіи за послѣднія 25 лѣтъ», «Генрихъ Латышъ и чтеніе избранныхъ мѣстъ изъ его хроники», «Архивъ князя Воронцова», «Баронъ фонъ-Штейнъ и чтеніе изъ его автобіографіи», «О могильныхъ находкахъ въ приходѣ Тирсенъ, Лифляндской губерніи», «Висби и его развалины», «Картографія Балтійскаго края», «Мемуары г-жи Роланъ», «Сборникъ русскаго историческаго общества», «Взглядъ Нитча на развитіе Германіи», «Мнѣніе Ранке объ исторіи Лифляндіи», «С. М. Соловьевъ», «Возстаніе ливовъ и латышей въ 1212 году», и др.

Мы, конечно, далеко не исчерпали всего матеріала о студенческихъ научныхъ обществахъ, но и сказаннаго, намъ кажется, достаточно, чтобы судить, насколько плодотворна была дѣятельность

этихъ обществъ, все болѣе и болѣе возвышавшаяся въ моменты наиболѣе свободнаго отъ излишняго контроля и наиболѣе дружнаго труда и общенія руководителей со студентами. Вышеприведенныя имена студентовъ-членовъ обществъ наглядно доказываютъ, какую услугу оказали эти студенческія общества нашей литературѣ и наукѣ, и какую подготовительной школой они послужили для будущихъ общественныхъ дѣятелей.

В. Рудаковъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ ¹⁾

III.

Англійская исторія войны 1812 года.

ОТЯ, повидимому, между Семилѣтней войной и кампаніей 1812 года нѣтъ ничего общаго, но въ сущности причина, побудившая Людовика XV и Наполеона предпринять эти пагубныя для нихъ войны, была одна и та же—желаніе погубить Англію, этого вѣчнаго врага Франціи. Для перваго, по словамъ Ваддингтона, настоящій врагъ былъ не Фридрихъ, а Англія, которую онъ хотѣлъ смертельно поразить чрезъ гибель ея континентальныхъ союзниковъ: Пруссіи и Ганновера. Точно также новый историкъ 1812 года, Герефордъ Джорджъ, доказываетъ, что только желаніе Наполеона погубить Англію повело его въ Москву. Кромѣ того, Англія въ обѣихъ войнахъ принимала секретное участіе субсидіями, и наконецъ результаты той и другой, если не прямой, то косвенной борьбы Франціи съ Англіей былъ одинаковый—ослабленіе первой и усиленіе послѣдней. Это совпаденіе причинъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ и послѣдствій двухъ величайшихъ кровавыхъ распрій въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, является очень знаменательнымъ историческимъ фактомъ, на который до сихъ поръ мало обращено вниманія. Если же Ваддингтонъ и Джорджъ указываютъ на этотъ общій элементъ двухъ европейскихъ войнъ, удаленныхъ другъ отъ друга болѣе чѣмъ на

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVIII, стр. 717.

поль-вѣрка, то они дѣлаютъ это каждый относительно лишь разсма-
ваемой ими войны, не выводя никакихъ общихъ заключеній или
сравненій. Притомъ первый только вскользь, мимоходомъ, указы-
ваетъ на означенный фактъ, а послѣдній подробно и основательно
говоритъ о немъ въ различныхъ главахъ своей книги, посвящен-
ной въ началѣ изслѣдованію причинъ Наполеоновскаго вторженія
въ Россію, затѣмъ ясному, понятному для всякаго читателя опи-
санію военныхъ дѣйствій и наконецъ уясненію того обстоятельства,
что неудача этого чудовищнаго предпріятія была неизбѣжна.

Указывая на то, какъ исполнилъ англійскій историкъ свою трой-
ную задачу, мы, конечно, остановимся, главнымъ образомъ, на при-
водимыхъ имъ новыхъ документахъ и на его характерныхъ взгля-
дахъ на общеизвѣстныя событія.

Прежде всего Джорджъ въ предисловіи подвергаетъ критикѣ своихъ
предшественниковъ. По его словамъ, изъ французскихъ историковъ
кампаніи 1812 года лучшій и наиболѣе безпристрастный, наиболѣе
правдивый—Шамбрэ, служившій въ артиллеріи во время похода, чер-
павшій свои свѣдѣнія изъ архива военнаго министерства и пользо-
вавшійся русскимъ официальнымъ описаніемъ войны; Воданкуръ
представляетъ болѣе свѣдѣній относительно русскихъ, но отзывается
о нихъ слишкомъ презрительно, а Сегюръ далеко не заслуживаетъ
того вниманія, которое обращено на его книгу, такъ какъ приво-
димые имъ факты недостоверны, а его взгляды отличаются слѣпой
ненавистью къ Наполеону. Ту же ненависть питалъ и Лабомъ, но
она не мѣшаетъ ему здраво судить о событіяхъ войны и сообщать
интересныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ того корпуса, къ которому онъ
принадлежалъ. Что касается до безчисленныхъ французскихъ мему-
аровъ, то Джорджъ считаетъ наиболѣе полезными для исторіи
1812 года воспоминанія полковника Фезензакъ и барона Фэна,
одного изъ секретарей Наполеона, а къ Марбо онъ не питаетъ
никакого довѣрія въ виду его хвастливой болтливости. То же
недовѣріе возбуждаетъ въ немъ своей преднамѣренной лживостью
переписка Наполеона. Въ числѣ русскихъ источниковъ авторъ
упоминаетъ о Бутурлинѣ, какъ объ официальном историкѣ и
по необходимости апологетѣ Кутузова, но который приводитъ
факты вполне достоверные, и о Данилевскомъ, мало добавляющемъ
новаго къ разсказу Бутурлина. Кромѣ того, Джорджъ отзывается
одобрительно о сочиненіяхъ генераловъ Жюмини и Клаузевица, ко-
торые участвовали въ кампаніи и оцѣнили ее со стратегической
точки зрѣнія, о мемуарахъ принца Вюртембергскаго и англійскаго
генерала Вильсона, а также о книгѣ нѣмецкаго историка Онкена,
въ которой подробно описаны отношенія Пруссіи и Австріи къ вра-
ждовавшимъ странамъ.

Расчистивъ такимъ образомъ себѣ почву и указавъ на свои
собственныя работы въ архивахъ англійскаго министерства ино-

странныхъ дѣлъ и вѣнскихъ (придворномъ и государственномъ), которыя, по его скромному замѣчанію, скорѣе подтверждаютъ уже извѣстные взгляды, чѣмъ порождаютъ новые, Джорджъ приступаетъ къ разсмотрѣнію причинъ Наполеоновскаго вторженія въ Россію, послужившаго первымъ шагомъ къ его паденію.

Какъ уже сказано, единственную причину похода Наполеона въ Россію англійскій историкъ видитъ въ его желаніи погубить Англію. Поэтому онъ считаетъ, что начало Наполеоновскаго вторженія въ Россію надо искать въ Тильзитскомъ мирѣ, основой котораго было требованіе Наполеона, чтобы Александръ присоединился къ нему противъ Англіи. Еще въ началѣ кампаніи, окончившейся сраженіемъ подъ Прейсишъ-Эллау, Наполеонъ прямо говорилъ, что онъ побѣдитъ Англію на Вислѣ. Эту побѣду онъ видѣлъ въ пресловутой континентальной системѣ, благодаря которой онъ стремился совершенно уничтожить англійскую торговлю въ континентальной Европѣ, но для полнаго успѣха этого бойкотированія Англіи необходимо было участіе въ немъ всей Европы. Поэтому Наполеонъ прямо говорилъ, что если какая либо изъ европейскихъ державъ нарушитъ изданный имъ для всей Европы законъ, то онъ немедленно объявитъ ей войну. Во Франціи, въ присоединенныхъ къ ней странахъ и въ вассальныхъ государствахъ по необходимости исполнялась эта система, хотя она приносила большой вредъ для торговли, въ особенности Италіи и Германіи. Австрія, лишившись своего морского берега, не имѣла въ этомъ дѣлѣ никакого интереса; Швеція, потерявшая въ Англіи свой лучшій рынокъ, вынуждена была подчиниться силѣ и даже объявила войну Англіи, поджидая удобный случай соединиться съ нею противъ общаго врага. Такимъ образомъ одна Россія, страдавшая наравнѣ съ другими европейскими странами отъ континентальной системы, была въ состояніи отказаться отъ насильно навязанной ей разорительной политики. «Александръ, стремленія котораго отличались всегда благородствомъ,— говоритъ Джорджъ,— былъ сначала ослѣпленъ тильзитскими обѣщаніями подѣлить Европу между Франціей и Россіей, но потомъ онъ понялъ, что новый союзникъ хотѣлъ сдѣлать его сообщникомъ въ огульномъ грабежѣ, и когда къ этому присоединилось убѣжденіе, что участіе въ континентальной системѣ въ концѣ концовъ совершенно разоритъ Россію, то онъ рѣшилъ, что лучше подвергнуться риску войны, чѣмъ лишить свою страну внѣшней торговли. Такимъ образомъ Россія отказалась попрежнему строго придерживаться континентальной системы, и Наполеону пришлось выбирать одно изъ двухъ, или отказаться отъ уничтоженія Англіи прекращеніемъ ея торговли съ континентомъ, что дѣйствительно вело ее быстрыми шагами къ экономическому кризису, или объявить войну Россіи съ цѣлью насильственно принудить ее не прерывать той сѣти, которою онъ окружилъ своего заклятаго врага. Всякій, знавшій харак-

теръ Наполеона, не могъ сомнѣваться насчетъ его выбора, и континентальная система привела его, какъ всегда надѣялись враги, къ гигантской войнѣ. Дѣйствительно, сознавалъ ли онъ, какъ увѣрялъ въ официальныхъ документахъ и въ разговорахъ съ иностранными дипломатами, что его система была справедлива и политична, или онъ не желалъ признаться въ ея неудачѣ, или, наконецъ, онъ хотѣлъ только поставить на своемъ, но въ результатѣ получилась военная экспедиція, задуманная на такой колоссальной ногѣ, что она не могла увѣнчаться успѣхомъ».

Относительно другихъ допускаемыхъ многими историками причинъ войны 1812 года, именно присоединенія къ Франціи Ольденбурга, герцогомъ котораго былъ зять Александра, и внезапный бракъ Наполеона съ австрійской эрцъ-герцогиней, когда еще продолжались переговоры о сватовствѣ его съ русской великой княжной, Джорджъ полагаетъ, что эти обстоятельства были не причинами войны, а только предлогами къ ней. Такимъ образомъ Александръ, воспользовавшись этимъ двойнымъ оскорбленіемъ и ровно черезъ мѣсяць послѣ присоединенія Ольденбурга къ Франціи, подвергъ нѣкоторые французскіе товары платежу таможенныхъ пошлинъ. «Хотя, замѣчаетъ Джорджъ, во Франціи существовали такія же пошлины на русскіе товары, и это распоряженіе русскаго императора нисколько не касалось континентальной системы, такъ какъ запрещеніе ввоза англійскихъ товаровъ сохранялось во всей силѣ, но Наполеонъ понялъ, что Александръ не хочетъ болѣе подчиняться слѣпо его волѣ, и сказалъ вюртембергскому королю: «Я чувствую, что въ этомъ поступкѣ Александра скрывается нѣчто враждебное Франціи и дружественное Англій». Еще нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе, т. е. въ сентябрѣ 1810 года, онъ сказалъ Меттерниху: «война съ Россіей въ порядкѣ вещей».

При такомъ положеніи дѣлъ неудивительно, что съ половины 1810 года начинаются тайныя приготовленія къ войнѣ, какъ во Франціи, такъ и въ Россіи. Сначала ихъ усердно скрываютъ, а затѣмъ они продолжаютъ открыто, что не мѣшаетъ бывшимъ союзникамъ и будущимъ врагамъ вести дипломатическіе переговоры до послѣдней минуты, увѣряя другъ друга въ своемъ миролюбіи. Но не только между Франціей и Россіей происходили переговоры передъ войной, которая все болѣе и болѣе становилась неизбѣжной, а усердно дѣйствовали перомъ и языкомъ дипломаты Австріи и Пруссіи, Англій и Швеціи. Всѣ эти четыре страны въ сущности тяготѣли къ Россіи и жаждали составить коалицію противъ общаго врага, Наполеона, но первыя двѣ настолько еще находились подъ его игомъ, что не смѣли прямо пойти противъ него, и въ концѣ концовъ, когда грянула война, то эти четыре естественные союзника Россіи оказались въ разныхъ лагеряхъ. Австрія и Пруссія шли открыто противъ Россіи, и ихъ войска входили въ составъ

великой арміи Наполеона, а Швеція и Англія были на сторонѣ Россіи, хотя только Англія оказывала ей помощь, именно субсидіями, доставкой оружія и продолженіемъ войны въ Испаніи, чѣмъ отвлекались въ сторону значительныя французскія силы. Однако, играя открыто роль союзниковъ Франціи, Пруссія и Австрія продолжали поддерживать тайныя сношенія съ Россіей, чтобъ въ случаѣ неуспѣха Наполеона соединиться съ нею противъ него. Такимъ образомъ всѣ сложныя дипломатическіе переговоры, которые велись передъ войной 1812 года, имѣли неискренній, двоедушный характеръ, что болѣе или менѣе сознавала каждая изъ переговаривающихся сторонъ, а потому общей чертой этихъ переговоровъ было недоверіе и сомнѣніе относительно другъ друга.

О безчисленныхъ попыткахъ Наполеона и Александра предотвратить войну, даже когда первый находился въ предѣлахъ Россіи, англійскій историкъ не говоритъ ничего новаго, и хорошо извѣстно, что во всемъ этомъ не было ничего искренняго ни съ одной, ни съ другой стороны. Оба соперника только нарочно тянули дѣло: Наполеонъ съ цѣлью выиграть время и окончить свои громадныя приготовленія, а Александръ для того, чтобы придать Наполеону роль зачинщика въ глазахъ всей Европы. Но книга Джорджа проливаетъ новый, яркій свѣтъ, благодаря его архивнымъ находкамъ, на тогдашнюю лицемѣрную и двуличную политику Пруссіи и Австріи, которыя даже между собою дѣйствовали неискренно, хотя ихъ интересы и положенія были одинаковы. Первая изъ нихъ лежала у ногъ Наполеона со времени Иены и Тильзита. Слабохарактерный король, Фридрихъ-Вильгельмъ III, и его министръ Гарденбергъ, назначенный по приказанію Наполеона, чувствовали, что Пруссія не могла освободиться изъ когтей чужестраннаго повелителя безъ помощи Австріи и Россіи, а потому Гарденбергъ говорилъ англійскому дипломатическому агенту Миллю въ началѣ 1811 года: «Если Австрія и Россія соединятся противъ Наполеона, то Пруссія радостно примкнетъ къ нимъ, но если Австрія воздержится, то Пруссія номинально станетъ на сторону Франціи, хотя не причинитъ дѣйствительнаго вреда Россіи». вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду вѣроятнаго успѣха наполеоновскаго вторженія въ Россію, Пруссія, могла извлечь только пользу отъ содѣйствія Франціи въ войнѣ, такъ какъ послѣ побѣды Наполеонъ имѣлъ бы основаніе смягчить тяжесть своего ига для союзника, тогда какъ если бы Пруссія поддерживала Россію, и послѣдняя потерпѣла бы пораженіе, то ея гибель была бы неизбѣжна, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ прямо говорилъ Меттерниху, о чемъ было извѣстно Гарденбергу: «При первомъ враждебномъ дѣйствіи Пруссіи я уничтожу ее».

Руководствуясь этими мотивами, Пруссія вела переговоры заодно съ Франціей и съ Россіей. Съ одной стороны прусскій король умолялъ Наполеона слѣдвать Пруссію совершеннымъ вассаломъ

Франціи, какъ были Баварія и Саксонія, въ силу чего включить прусскій корпусъ въ великую армію для похода на Россію, а съ другой, не получая рѣшительнаго отвѣта отъ Наполеона, Фридрихъ-Вильгельмъ предлагалъ Александру своихъ солдатъ на пополненіе русской арміи, если бы императоръ согласился оказать ему помощь противъ общаго врага. Однако недѣли шли за недѣлями, и Александръ, такъ же какъ Наполеонъ, не давалъ никакого отвѣта. Гнейзенау писалъ англійскому агенту въ Вѣнѣ, Гаркорту Кингу, отъ 25 сентября: «Мы ждемъ отвѣта отъ петербургскаго кабинета съ тревожнымъ безпокойствомъ, которое понятно всякому, знакомому съ нерѣшительной и колеблющейся политикой этого кабинета». Наконецъ Александръ, не желая дѣлать первый никакого наступательнаго шага, чѣмъ, конечно, былъ бы союзъ съ Пруссіей, и, вѣроятно, убѣдившись, что Австрія не расположена вступить въ новую коалицію противъ Франціи, отвѣчалъ въ странной иронической формѣ, именно предложеніемъ занять Кенигсбергъ русскимъ отрядомъ въ 12.000 человекъ, если Пруссія возьмется за оружіе. Прусское правительство приняло такой отвѣтъ за оскорбленіе и уже рѣшительно бросилось въ объятія Франціи. «Въ сущности же,—замѣчаетъ Джорджъ,—рѣшеніе, принятое русскимъ царемъ, было самое счастливое для него и для Пруссіи. Вся система защиты Александра состояла въ ожиданіи вторженія и въ заманиваніи врага дальше въ свои громадныя владѣнія, а потому для него было безразлично, оказываетъ ли Пруссія содѣйствіе могучему врагу, или нѣтъ. Въ результатѣ Россія достигла болѣе блестящаго успѣха, чѣмъ тотъ, который могъ бы выпасть на ея долю, если бы война происходила на Одерѣ, а Пруссія получила возможность возстать на Наполеона въ 1813 году съ нетронутыми и не обезсиленными военными средствами».

Однако Наполеонъ медлилъ, и Пруссіи пришлось испить до послѣдней капли чашу униженія, прежде чѣмъ достичь національной свободы послѣ столькихъ лѣтъ позорной, эгоистичной, нерѣшительной и слабохарактерной политики ея правителей. Гарденбергъ предлагалъ Наполеону вспомогательный корпусъ въ 100.000 человекъ, подъ условіемъ, чтобы была уменьшена цифра платимой Пруссіей контрибуціи, и чтобы возвращены были ей крѣпости, занятія французскими гарнизонами. Наполеону вовсе не было съ руки такое значительное вооруженіе Пруссіи, такъ какъ онъ не нуждался въ увеличеніи своей арміи, а прусскія войска могли обратиться противъ него, какъ только побѣда отвернулась бы отъ своего баловня, и нуждаясь лишь въ прусской территоріи, какъ въ базисѣ своей кампаніи, онъ потребовалъ только 20.000 человекъ, но свободный проходъ черезъ Пруссію и право реквизиціи всего, что было необходимо, конечно, съ подобающимъ платежемъ. Гарденбергъ пришелъ въ ужасъ отъ такихъ условій, но французская армія въ 200.000 человекъ, съ маршаломъ Даву во главѣ, была въ двухъ шагахъ отъ

Берлина, и пришлось подчиниться. Король ратификовалъ позорный трактатъ, который привелъ въ негодованіе прусскій народъ, но въ сущности, по справедливому замѣчанію Джорджа, этотъ трактатъ обусловливалъ два выгодные для Пруссіи результата. Во-первыхъ, она могла продолжать свои военныя реформы подъ видомъ комплектованія вспомогательнаго корпуса для наполеоновской арміи; во-вторыхъ, прусскій конгингентъ былъ цѣликомъ включенъ въ корпусъ Макдональда, кромѣ небольшого количества кавалеріи, послѣдовавшей за Наполеономъ въ Москву, а потому пруссаки играли въ войнѣ неважную роль, подверглись небольшимъ потерямъ, нанесли еще менѣе потерь русскимъ и при первомъ удобномъ случаѣ, послѣ Березины, измѣнили Наполеону, перейдя на русскую сторону.

Отношенія Франціи къ Австріи не были такъ просты, какъ къ Пруссіи. Несмотря на понесенныя Австріей пораженія и на тяжелыя территоріальныя потери, она все-таки оставалась великой державой и была, повидимому, въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціей, послѣ женитьбы Наполеона на дочери Франца II. Впрочемъ, она сохраняла свою давнюю ненависть къ Наполеону и только ждала случая отомстить ему за свое униженіе. Такимъ образомъ, благодаря обстоятельствамъ, Австрія находилась въ очень выгодномъ положеніи, и какъ Франція, такъ и Россія считали необходимымъ привлечь ее на свою сторону. Еще въ октябрѣ 1810 г. Россія начала заискивать союза съ ней, но на всѣ ея предложенія Меттернихъ не давалъ опредѣленнаго отвѣта и въ письмахъ къ своему другу, графу Штакельбергу, русскому послу, онъ прямо горюилъ, что нельзя было надѣяться на Россію, пока канцлеромъ состоитъ Румянцевъ, явно дружившій съ Франціей. Когда Наполеонъ сталъ требовать, чтобы Австрія выставила вспомогательный корпусъ въ 60.000 человекъ, обѣщая вознаградить ее на счетъ Турціи и Пруссіи, то Меттернихъ точно также сталъ дѣйствовать уклончиво, а тайному англійскому агенту Нудженту высказалъ при императорѣ, что въ виду отказа Россіи вступить въ союзъ съ Пруссіей нельзя было рассчитывать на нее, но, что все-таки, считая необходимымъ заключить наступательный союзъ съ Франціей, Австрія не причинитъ никакого вреда Россіи и при первой возможности обратитъ свое оружіе противъ Наполеона. Однако, если Меттернихъ высказалъ англійскому агенту такъ откровенно свою политику, то онъ продолжалъ хитрить съ Наполеономъ и даже съ Гарденбергомъ. Въ концѣ концовъ его хитрости увѣнчались успѣхомъ, и Наполеонъ согласился на условія Меттерниха, такъ какъ онъ не могъ вторгнуться въ Россію, не обезпечивъ дружескаго содѣйствія Австріи, которая могла иначе грозить ему съ фланга.

Только 14-го марта 1812 года былъ заключенъ наступательный трактатъ между Австріей и Франціей, по которому обѣ стороны обя-

зались, въ случаѣ надобности, поставить вспомогательную армію въ 30.000 человекъ. Въ секретныхъ статьяхъ трактата было условлено: 1) что союзъ касается только Россіи; 2) что австрійскій контингентъ останется подъ начальствомъ австрійскаго генерала и будетъ составлять отдѣльный корпусъ, хотя подъ высшимъ распоряженіемъ Наполеона; 3) что если Польша будетъ восстановлена, и Австрія добровольно откажется въ пользу Польши отъ всей, или части Галиціи, то она будетъ вознаграждена за то уступкой территоріи въ Иллирійскихъ провинціяхъ. Это послѣднее условіе доказываетъ всю громадность дипломатической побѣды Меттерниха, такъ какъ Наполеонъ никогда не отдавалъ однажды приобрѣтенной территоріи, и это былъ единственный примѣръ, что онъ даже обѣщаль подобную уступку. Какъ только трактатъ былъ ратификованъ, то австрійское правительство послало копію его въ Петербургъ, и лично императоръ сказалъ Штакельбергу, что, хотя движеніе войскъ уже началось, но онъ не считалъ, что дѣйствительно ведетъ войну съ Россіей. Объясняясь по этому поводу съ австрійскимъ посломъ, Лебцельтерномъ, Александръ естественно сказалъ: «А если я съ самаго начала одержу верхъ и прогоню врага, то неужели вы думаете, что я буду обязанъ считать вашу территорію нейтральной. Вполнѣ несправедливо предоставить право Наполеону атаковать меня съ вашей границы, а меня заставлять уважать ее». Кромѣ того, онъ потребовалъ, чтобы австрійскія войска въ Галиціи и Трансильваніи не дѣйствовали противъ него. Въ отвѣтъ на это Меттернихъ призналъ право Александра предстѣдовать Наполеону на австрійской территоріи и показалъ графу Штакельбергу тайныя инструкціи, данныя военному начальству въ Галиціи и Трансильваніи.

Такимъ образомъ, вступая въ борьбу съ Россіей, Франція пользовалась помощью двухъ союзниковъ, которые ненавидѣли ее и находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ ея врагомъ. Былъ у нея еще третій союзникъ, Польша, но такъ какъ Наполеонъ не рѣшался восстановить Польское королевство, то и не могъ рассчитывать на подъемъ польскаго патріотическаго духа, какъ въ созданномъ имъ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, такъ и въ Литвѣ. Все-таки польскія войска вошли въ составъ великой арміи и, по словамъ Джорджа: «Наполеонъ съ внѣшней точки зрѣнія располагалъ всѣми военными силами европейскаго континента, при началѣ войны чисто завоевательной и которую онъ самъ никогда не пытался оправдать справедливыми причинами». «Соединить въ одно цѣлое, — прибавляетъ англійскій историкъ, — столько противоположныхъ элементовъ для цѣли, которая никого не интересовала, кромѣ самого Наполеона, было апогеемъ деспотизма. Неужели Наполеонъ не подозрѣвалъ, что его союзники и большинство его подданныхъ не питали къ нему ни малѣйшей преданности, а только боялись его, пока онъ всемогущъ, и были готовы возстать противъ него при малѣй-

шей возможности? Въ такомъ случаѣ онъ не обладалъ политической проницательностью, а предположить, что онъ сознавалъ свое положеніе ненадежнымъ и сознательно ставилъ все на карту, не соответствуетъ тому настроенію, въ которомъ онъ находился, согласно свидѣтельству очевидцевъ. Напримѣръ, австрійскій дипломатическій агентъ, Флорэ, доносилъ Меттерниху отъ 7 іюня 1812 года: «Императоръ находится въ прекрасномъ расположеніи духа; никогда его не видали такимъ спокойнымъ и довольнымъ; онъ походитъ на человѣка, исполнившаго свою задачу и отдыхающаго на лаврахъ». Всѣ приготовленія къ войнѣ, стоявшія ему столько заботъ и труда, были окончены, а врагъ, упорно остававшійся пассивнымъ, предоставлялъ ему всѣ выгоды инициативы. «Онъ не сомнѣвался, — замѣчаетъ Джорджъ, — что наступающая война будетъ вѣнцомъ всѣхъ его прежнихъ войнъ и сдѣлаетъ его неограниченнымъ властителемъ Европы. *Quem deus vult perdere, prius dementat*».

На сторонѣ Россіи были только двѣ европейскія страны: Швеція и Англія. Первой управлялъ тогда наслѣдный принцъ, прежній французскій маршалъ, Бернадотъ, который изъ ненависти къ Наполеону и эгоистичныхъ видовъ отказался отъ всѣхъ предложеній своего бывшаго сотоварища по оружію, но долго не смѣлъ открыто пойти противъ него. Въ маѣ 1812 года онъ говорилъ англійскому дипломатическому агенту, Торнтону, что Наполеонъ обѣщаль ему значительную долю въ предполагаемомъ имъ новомъ раздѣлѣ сѣверной и восточной Европы, если онъ подыметъ оружіе противъ Россіи, и хотя онъ отказался отъ союза съ Наполеономъ, но не рѣшался порвать всѣ связи съ Франціей, пока Швеціи не будетъ обезпечено приобрѣтеніе лакомаго кусочка, напримѣръ, Норвегіи. Сначала англійское и русское правительства, противились этому требованію, но въ концѣ августа былъ заключенъ при содѣйствіи англійскаго посланника, лорда Каткарта, въ Або, русско-шведскій союзъ. Въ силу подписаннаго трактата, Россія обязалась помочь Швеціи въ приобрѣтеніи Норвегіи займомъ и вспомогательнымъ корпусомъ въ 30.000 человѣкъ, а Швеція должна была поддержать Россію въ расширеніи ея границъ до Вислы. Каткартъ, въ своей депешѣ отъ 30 августа пишетъ: «царь вполне убѣдился въ искренности Бернадота и выразилъ согласіе на посылку русскихъ войскъ въ Данію, что вовсе не въ интересахъ Россіи». Въ послѣдствіи, однако, это предпріятіе было отложено въ виду наступившей осени и недостатка у Швеціи денегъ. Такимъ образомъ отъ союза со Швеціей Россія не приобрѣла никакой прямой помощи для веденія войны съ Наполеономъ, кромѣ возможности отозвать изъ Финляндіи 14.000 русскихъ солдатъ, которые высадились въ Ревелѣ въ началѣ сентября.

Не желая подавать Наполеону предлога къ войнѣ, Александръ откладывалъ заключеніе союза съ Англіей, съ которой онъ офи-

ціально находился въ разрывѣ, и когда лѣтомъ 1811 года онъ получилъ черезъ испанскаго посланника въ Петербургѣ, Зеа-Бермудеза, предложеніе англійскаго правительства заключить союзъ, то на словахъ отвѣчалъ испанцу, что не можетъ еще вступить съ Англіей ни въ какіе переговоры. Только въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ приказалъ барону Николаи, русскому посланнику въ Стокгольмѣ, сказать Торнтону, что Россія согласна вступить въ предложенный союзъ съ Англіей подъ условіемъ, чтобы послѣдняя приняла на себя только что заключенный въ Голландіи русскій заемъ въ 4.000.000. Въ то же время русскій канцлеръ сообщилъ Торнтону о желаніи императора видѣть въ Петербургѣ посломъ высокопоставленное лицо, если возможно, лорда Веллеслэя. Англійское правительство отказалось отъ такой значительной денежной субсидіи и заявило, что оно достаточно поддерживаетъ общее дѣло войною въ Испаніи. Въ виду этого отказа переговоры о заключеніи союза между Англіей и Россіей затянулись и увѣнчались успѣхомъ лишь послѣ вступленія французскихъ войскъ въ предѣлы Россіи. Тогда въ Петербургъ былъ посланъ представителемъ Англійи лордъ Каткартъ, и ему было дано съ собою полъ-милліона для врученія русскому правительству въ случаѣ надобности. Такимъ образомъ Россія получила отъ Англійи въ видѣ помощи только субсидію и оружіе. Относительно доставки послѣдняго прямо говорить Александръ въ инструкціи графу Ливену, назначенному посломъ въ Лондонъ, уже послѣ занятія Москвы Наполеономъ: «Пока я буду защищать русскую территорію отъ враговъ, то я не требую отъ Англійи ничего, кромѣ оружія и снарядовъ, но, когда съ помощью Провидѣнія я прогоню врага изъ своихъ предѣловъ, то я этимъ не удовольствуюсь и тогда войду въ соглашеніе съ Англіей насчетъ болѣе дѣйствительной помощи, которую я потребую отъ нея для освобожденія Европы отъ французскаго ига».

Вся кампанія 1812 года можетъ резюмироваться шестью словами: Нѣманъ, Смоленскъ, Бородино, Москва, Малоярославецъ и Березина. Событія, связанныя съ означенными мѣстностями, были поворотными столбами въ чудовищномъ наполеоновскомъ вторженіи въ Россію, а потому укажемъ взглядъ на нихъ англійскаго историка, такъ какъ о самыхъ событіяхъ, хорошо извѣстныхъ всѣмъ, онъ не представляетъ никакихъ новыхъ подробностей.

Вся громадная армія Наполеона состояла изъ 533.000 человекъ, и 40.000 изъ нихъ перешли Нѣманъ въ концѣ іюня мѣсяца. Первой цѣлью Наполеона было помѣшать соединенію двухъ русскихъ армій, Барклая-де-Толли и Багратіона, а потомъ отдѣльно разбить ихъ и открыть себѣ свободный входъ въ Россію, а, быть можетъ, сразу побудить Александра къ миру. По мнѣнію Джорджа, этотъ планъ былъ прекрасный и вполне исполнимый для Наполеона, а если онъ не удался, то не потому, чтобы самый планъ былъ оши-

бочень, но благодаря тому, что Наполеонъ не могъ быть вездѣ самъ, а его помощники не оказались на высотѣ своего призванія, въ особенности его братъ Иеронимъ, который не сумѣлъ поймать въ ловушку Багратиона, и, кромѣ того, онъ самъ не былъ въ состояніи быстро преслѣдовать Барклая въ виду необходимости поджидать въ Вильнѣ и Витебскѣ свои отставшія войска, а также привести въ порядокъ комиссаріатскую часть. Поэтому въ первыя шесть недѣль войны Наполеонъ не достигъ никакихъ блестящихъ результатовъ, кромѣ занятія Литвы, и его гигантское предпріятіе уже обнаружило свои слабыя стороны: трудность командованія такимъ громаднымъ числомъ войскъ и недостатокъ въ провіантѣ для лошадей, которыя падали въ большомъ количествѣ, а также въ пищѣ для людей, несмотря на великолѣпное устройство комиссаріатской части на бумагѣ. Напротивъ, русскіе, по словамъ Джорджа, находились въ болѣе выгодномъ положеніи послѣ этихъ шести недѣль, чѣмъ въ первую минуту войны, такъ какъ ихъ ошибочно раздѣленные арміи соединились, не понеся большихъ потерь, и отступали въ порядкѣ на своей собственной землѣ, имѣя обильныя средства продовольствія.

Сравнивая не только первые шаги обѣихъ сторонъ, но и прокламаціи о войнѣ обоихъ императоровъ, Джорджъ отдаетъ преимущество Россіи. Болѣе неудачнаго документа, чѣмъ прокламація Наполеона, трудно себѣ представить. Уже не говоря о томъ, что факты были извращены, и что вся отвѣтственность войны несправедливо взвалена на Россію, но и цѣль войны была такъ неудачно опредѣлена, что не могла возбудить энтузіазма солдатъ. Во-первыхъ, эта война называлась второй польской, а, во-вторыхъ, обѣщались побѣды, подобныя Фридриху, и въ концѣ концовъ уничтоженіе вліянія Россіи на европейскія дѣла. «Къ побѣдамъ,—справедливо замѣчаетъ Джорджъ,—французскіе солдаты такъ привыкли, что онѣ не соблазняли ихъ, а до политическихъ соображеній имъ рѣшительно не было никакого дѣла. Напротивъ, ихъ военный пылъ былъ бы вполне возбужденъ, если бы имъ было указано завоеваніе новой страны, или занятіе блестящей столицы. По мнѣнію англійскаго историка, Наполеонъ не могъ этого сдѣлать, потому что не рассчитывалъ въ началѣ войны на походъ внутрь страны, на Петербургъ или Москву. Дѣйствительно, онъ въ Дрезденѣ говорилъ Меттерниху, что русская кампанія продлится два года: во время перваго онъ завоюетъ древнія польскія провинціи, организуетъ ихъ по-своему и не пойдетъ далѣе Смоленска, а послѣ спокойной зимовки, если Александръ не заключитъ мира, онъ уже двинется въ сердце Россіи.

Совершенно инымъ характеромъ, по словамъ Джорджа, дышала прокламація русскаго царя къ арміи. Въ ней справедливо говорилось, что онъ не имѣлъ никакого желанія воевать, и что французскій императоръ возбудилъ войну безъ всякой причины. «Въ тотъ

же день,—прибавляетъ англійскій историкъ,—Александръ написалъ письмо къ петербургскому губернатору въ видѣ манифеста ко всей русской націи, и послѣднія слова его были: «Я не положу оружія до тѣхъ поръ, пока на Русской землѣ останется хоть одинъ непріятельскій солдатъ». Что это не было пустою фразой, а служило отголоскомъ твердой рѣшимости царя, доказывается всѣми его словами и дѣйствіями во время войны. Какимъ образомъ мягкосердечный и мечтательный Александръ, бывшій столь податливымъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, пришелъ къ такой рѣшимости, которую не могъ бы превзойти Вильгельмъ Молчаливый, и почему онъ упорно держался ея, несмотря на сопротивленіе близкихъ, дорогихъ ему лицъ, составляетъ психологическую тайну. Быть можетъ, сознание, что онъ стоитъ во главѣ патріотическаго народа, готоваго жертвовать всѣмъ для него, возвысило его душу до мужества, достойнаго его призванія. Историки на основаніи послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра выводятъ заключеніе, что онъ по своей натурѣ не могъ твердо держаться какойнибудь рѣшимости, а потому его рѣшимость продолжать войну, несмотря на взятіе Москвы, должна быть объяснена, по ихъ мнѣнію, вліяніемъ болѣе сильныхъ натуръ. Безъ сомнѣнія, Александра окружали люди, какъ Штейнъ, которыхъ не могли поколебать никакія бѣдствія и которые упорно вѣрили въ побѣду Россіи, если только она не уступитъ, но нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы ихъ мнѣнія пересилили слабую натуру царя. Александръ не былъ великимъ воначальникомъ, и нѣкоторыя его инструкціи къ главнокомандующимъ арміи обнаруживаютъ невѣдѣніе основного принципа, что можно предписывать главнокомандующему цѣль его дѣйствій, но нельзя входить въ указаніе средствъ достиженія этой цѣли. Онъ не имѣлъ проницательности, необходимой для того, чтобы отгадать тайныя интриги, царившія при его дворѣ, ни гражданскаго мужества, чтобы пресѣчь ихъ въ корнѣ. Но всѣ факты и всѣ свидѣтельства современниковъ доказываютъ, что съ самаго начала до самаго конца войны 1812 года онъ упорно и не колеблясь стоялъ за свою первоначальную рѣшимость не заключать мира, пока останется на Русской землѣ хоть одинъ непріятельскій солдатъ».

Взявъ Смоленскъ послѣ кроваваго боя, Наполеонъ достигъ той цѣли, которую онъ поставилъ себѣ, начиная войну, но обстоятельства приняли совершенно другой характеръ, чѣмъ онъ ожидалъ. Русскіе, по словамъ Джорджа, не дозволили вовлечь себя въ генеральное сраженіе и были теперь болѣе грозными врагами, чѣмъ на границѣ. Поэтому планъ кампаніи долженъ былъ видоизмѣниться, и не могло быть сомнѣнія насчетъ того, что слѣдовало предпринять Наполеону. Литовцы не осуществили возложенныхъ на нихъ французами надеждъ, а казаки постоянно мѣшали средствамъ ихъ сообщенія съ базисомъ военныхъ дѣйствій, такъ

что оставаться въ Смоленскѣ при такихъ обстоятельствахъ было опаснѣе, чѣмъ идти впередъ. Пойти же назадъ значило сознаться въ своей неудачѣ, что могло повести къ уничтоженію Наполеонскаго господства надъ Европой. Идти впередъ было не только смѣлѣе, но и благоразумнѣе. Въ сущности это было единственнымъ средствомъ спасенія. Наполеонъ долженъ былъ слѣдовать за русской арміей, пока онъ не заставитъ ее вступить въ генеральное сраженіе, или покинуть Москву, послѣ чего Александръ, конечно, заключилъ бы миръ. Оба замѣчательные стратеги, бывшіе свидѣтелями войны, съ французской стороны—Жюмини, а съ русской—Клаузевицъ, вполне одобряютъ эту рѣшимость Наполеона, и ихъ мнѣніе поддерживаетъ Джорджъ, хотя многіе историки и наполеоновскіе генералы считали ее слишкомъ смѣлой и неблагоразумной. «Но,—прибавляетъ Джорджъ,—если такой отчаянный шагъ сдѣлался необходимою послѣ удачнаго наступленія, которое непріятель въ сущности только сдерживалъ, но которому не противодействовалъ, то это служить лучшимъ доказательствомъ, что весь планъ наполеоновскаго вторженія былъ слишкомъ громаденъ и сложенъ, чтобы удался».

21 августа Наполеонъ рѣшилъ болѣе изъ политическихъ видовъ, чѣмъ изъ военныхъ, идти на Москву, а, спустя пять дней, произошла Бородинская битва, самая кровавая со времени изобрѣтенія пороха. Передъ этимъ рѣшительнымъ сраженіемъ начальство надъ русской арміей принялъ князь Кутузовъ, котораго Александръ назначилъ въ виду непопулярности Барклая, обвиняемаго въ постоянномъ отступленіи передъ Наполеономъ изъ трусости, даже, быть можетъ, по измѣнѣ, такъ какъ онъ былъ не русскій, а иностранецъ. Находя подобное обвиненіе вполне невѣрнымъ и отдавая полную справедливость мужеству Барклая, Джорджъ находитъ, что нѣтъ никакого основанія считать Кутузова болѣе способнымъ полководцемъ, чѣмъ Барклая. Онъ былъ семидесятилѣтнимъ старикомъ и слишкомъ толстъ, чтобы сидѣть на лошади, а его умъ, повидимому, не былъ дѣятельнѣе его тѣла. «Хотя онъ командовалъ союзниками подъ Аустерлицемъ, замѣчаетъ англійскій историкъ, но распоряженія, благодаря которымъ проиграно это знаменитое сраженіе, были сдѣланы не имъ, а потому его репутація отъ этого не пострадала. Онъ считался хранителемъ военныхъ традицій Суворова и съ успѣхомъ командовалъ арміей въ недавней войнѣ съ Турціей. Но главнымъ его достоинствомъ было то, что онъ пользовался довѣріемъ всей Россіи и потому могъ продолжать отступленіе, не возбуждая противъ себя такихъ нареканій, какъ Барклая. Если бы Барклая остался главнокомандующимъ, то генеральное сраженіе все-таки произошло бы, можетъ быть, на нѣсколько дней раньше Бородина и почти съ тѣми же результатами. Но врядъ ли Россія и даже Александръ такъ легко подчинились бы

потерѣ Москвы. Видя Кутузова во главѣ своей арміи, русскіе были убѣждены, что онъ поступилъ такъ, какъ только можно было при данныхъ обстоятельствахъ».

Въ Бородинскомъ боѣ, несправедливо называемомъ французами битвой подъ Москвой, такъ какъ рѣка Москва отстоитъ на нѣсколько миль, обѣ стороны, по словамъ Джорджа, сражались съ удивительной храбростью и рѣдкимъ упорствомъ, а въ результатѣ та и другая сторона достигли своей цѣли, хотя тяжелой цѣной. Французы одержали побѣду, которая спасла ихъ отъ немедленной гибели, а русскіе, хотя не зная этого, приблизили день неизбежнаго уничтоженія непріятеля. Но во всякомъ случаѣ Джорджъ считаетъ, что русскіе не имѣютъ никакого права приписывать себѣ побѣду. По его мнѣнію, планъ сраженія былъ прекрасно составленъ Наполеономъ, и если онъ не вполне удался, и русскіе не были совершенно уничтожены, а отступили въ порядкѣ, то этимъ они были обязаны не ошибкамъ Наполеона, а своей необыкновенной стойкости. Что же касается до поддерживаемой нѣкоторыми историками теоріи, что Наполеонъ былъ боленъ, и тяжелые припадки помѣшали ему выказать весь свой геній, то Джорджъ относитъ это объясненіе Бородинской битвы къ области легенды. Правда, Наполеонъ страдалъ простудой и на другой день не могъ продиктовать отъ охриплости своего побѣдоноснаго бюллетеня, а написалъ его собственноручно, но эта простуда нимало не подѣйствовала на исходъ битвы. При этомъ Джорджъ доказываетъ, что не было надобности въ Бородинскомъ сраженіи измѣнять планъ, а если дѣйствительно Наполеонъ два раза отдалъ первенство благоразумію надъ смѣлостью, именно приостановилъ нападеніе на русскій центръ, узнавъ о русской кавалерійской атакѣ на его лѣвый флангъ, и не двинулъ подъ конецъ битвы своихъ резервовъ, что эти оба шага оправдываются всѣми военными авторитетами. «Во всякомъ случаѣ побѣда Наполеона несомнѣнна,—говоритъ Джорджъ,—но она была бесполезна для него. Онъ заставилъ русскихъ покинуть свою позицію и открылъ себѣ путь въ Москву, но онъ могъ это сдѣлать, ловко маневрируя и безъ такой рѣзни. Потерявъ 30.000 человекъ при Бородинѣ, онъ уже не могъ продолжать наступленія и послѣ пребыванія въ Москвѣ оказался слабѣе своихъ враговъ. Такимъ образомъ русскіе благодарственные молебны по случаю несправедливо приписываемой себѣ Кутузовымъ побѣды были только преждевременными».

Съ пребываніемъ Наполеона въ Москвѣ связаны два вопроса, которые возбуждали безконечные споры, именно кто виновенъ въ московскихъ пожарахъ, и зачѣмъ Наполеонъ такъ долго оставался въ Москвѣ, что было причиной окончательной гибели французской арміи. Въ первомъ отношеніи Джорджъ находитъ, что нѣтъ прямыхъ доказательствъ въ соженіи Москвы графомъ Ростопчинымъ, какъ это обыкновенно предполагаютъ, но съ другой стороны

нѣтъ и доказательствъ противнаго, хотя вѣроятнѣе, что Москву сожгли не русскіе, какъ увѣряли французы, и не французы, какъ утверждали русскіе во время катастрофы, а что просто московскіе пожары произошли случайно во время отступленія русскихъ и грабежа домовъ французами. Во всякомъ случаѣ онъ полагаетъ, что послѣдствія пожаровъ были сильно приувеличены, а если бы дѣйствительно весь городъ сгорѣлъ, то Наполеонъ не оставался бы въ немъ такъ долго и тѣмъ спасъ бы свою армію. Что же касается до причины непонятнаго пребыванія Наполеона въ Москвѣ въ виду наступившей осени и очевиднаго разстройства арміи, то эта ошибка, по справедливому замѣчанію англійскаго историка, была ни военная, ни даже политическая, а чисто нравственная. Наполеонъ былъ такъ увѣренъ въ заключеніи Александромъ мира послѣ вступленія его въ Москву, что не хотѣлъ ее покидать и все ждалъ отвѣта отъ Александра на посланныя имъ предложенія вступить въ переговоры. Въ этомъ убѣжденіи его поддержалъ еще Кутузовъ, который, нарушивъ прямой приказъ Александра о томъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не переговариваться съ непріятелемъ, принялъ въ своемъ лагерѣ посланнаго Наполеономъ генерала Лористона и, взявъ отъ него письмо Наполеона, послалъ его къ Александру. Послѣдній не далъ никакого отвѣта Наполеону, а Кутузову сдѣлалъ строгій выговоръ. Наполеонъ же все ждалъ въ Москвѣ и безъ всякаго основанія терялъ золотое время.

Наконецъ, онъ убѣдился, что русскіе не заключать мира, а потому ему было необходимо или зимовать въ Москвѣ, или вернуться въ Литву, гдѣ у него были громадныя запасы продовольствія, снарядовъ и т. д. Остаться въ Москвѣ было немислимо, такъ какъ это значило отрѣзать себя на шесть мѣсяцевъ отъ Европы, гдѣ въ это время безъ него могло измѣниться все положеніе дѣлъ. Вслѣдствіе этого, отступление на Смоленскъ было неизбѣжнымъ, и Наполеонъ вполне правильно, какъ замѣчаетъ Джорджъ, избралъ туда не старую дорогу по опустошенной странѣ, а новый путь черезъ Калугу, гдѣ находились большіе продовольственные магазины. Но, въ своемъ постоянномъ пренебреженіи къ русской арміи, онъ не предвидѣлъ, что встрѣтитъ на этомъ пути сильный отпоръ. Этотъ отпоръ былъ данъ въ сраженіи подъ Малымъ Ярославцемъ, которое составляетъ поворотный столбъ въ Наполеоновской карьерѣ. Послѣ кроваваго боя обѣ стороны отступили, но Наполеонъ, не зная, что Кутузовъ отступаетъ къ Калугѣ, открывая ему путь туда и не рѣшаясь на новую битву съ своими ослабѣвшими силами, повернулъ черезъ Можайскъ на старую Смоленскую дорогу. Съ этой минуты судьба его была рѣшена, и, по словамъ Джорджа, «неудачная экспедиція обратилась въ катастрофу, за которой неизбѣжно слѣдовало паденіе Наполеона».

Хотя англійскій историкъ рассказываетъ подробно обо всѣхъ ужасахъ отступленія французской арміи и о конечномъ ея истребленіи при переходѣ черезъ Березину, но онъ не сообщаетъ ничего новаго, а всѣ его разсужденія сводятся къ тому, что не морозъ погубилъ французовъ, а невозможность успѣха военной экспедиціи въ чуждой странѣ на такой громадной ногѣ. Отъ недостатка продовольствія, а не отъ холода, по его словамъ, отступление французовъ превратилось въ безпорядочное бѣгство. Что же касается до преслѣдованія французовъ русскими, то Джорджъ прямо обвиняетъ Кутузова въ нежеланіи по неизвѣстнымъ причинамъ уничтожить врага, что онъ могъ сдѣлать сто разъ до Березины. Англійскій генераль Вильсонъ, состоявшій при Кутузовѣ, увѣряетъ даже, что онъ однажды прямо сказалъ ему: «Я не желаю окончательной гибели Наполеона, потому что она принесетъ пользу не Россіи, а Англій». «Во всякомъ случаѣ послѣ Березины уже болѣе не существовало великой арміи». «Наполеону, говоритъ Джорджъ, въ ней нечего было дѣлать. Клеймить его позоромъ за то, что онъ покинулъ свою армію и уѣхалъ въ Парижъ, нѣтъ никакого основанія. Если онъ хотѣлъ продолжать войну, а въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, то ему нельзя было терять ни минуты времени, а слѣдовало поспѣшить во Францію для образованія новой арміи, въ особенности кавалеріи и артиллеріи».

Рядомъ съ картинными описаніями всего, что перенесли несчастные французы послѣ Березины, когда они уже въ разбродъ, безъ куска хлѣба и безъ теплой одежды, при сильномъ морозѣ брели сами не зная куда, Джорджъ описываетъ спокойное, благополучное отступление австрійскаго и прусскаго контингентовъ. Конечно, онъ признаетъ, что Шварценбергъ, а тѣмъ болѣе Йоркъ, измѣнили своему военному долгу, не оказавъ помощи гибнущимъ французамъ, при чемъ первый благополучно достигъ Австріи, а послѣдній сдался на капитуляцію русскимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что, вернувъ свои войска въ цвѣтущемъ видѣ въ свои отечества, они оказали этимъ громадную услугу послѣднимъ.

Въ послѣдней главѣ своего почтеннаго труда Джорджъ подвелъ итоги 1812 года, и снова повторяетъ, что единственная причина неуспѣха Наполеона заключалась въ чрезмѣрной громадности предпріятія. «Наполеонъ принялъ заблаговременно всевозможныя мѣры, чтобы обезпечить успѣхъ своей экспедиціи,—говоритъ онъ,—но было невозможно снабдить войска всѣмъ необходимымъ иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы армія двигалась тихо, а при такомъ движеніи нельзя было одержать побѣды. Вторженіе Наполеона въ Россію могло имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если бы оно не состоялось на дѣлѣ, т. е., если бы Россія испугалась военныхъ приготовленій Наполеона и до начала войны стала бы просить отступленія и мира. Но Александръ былъ твердъ, а русскій народъ стойко поддержалъ его; при такихъ условіяхъ Наполеонъ долженъ былъ потерпѣть неудачу. Во

время войны онъ дѣлалъ ошибки, но русскихъ можно обвинить въ еще бѣльшихъ ошибкахъ. Онъ не обратилъ вниманія на наступленіе зимы и за то дорого заплатилъ, лишившись многихъ десятковъ тысячъ людей безо всякой причины, но онъ былъ побѣжденъ, прежде чѣмъ упалъ на землю первый хлопокъ снѣга. Онъ одержалъ значительный успѣхъ, и никто на его мѣстѣ не сдѣлалъ бы больше, но онъ не могъ восторжествовать надъ временемъ и пространствомъ».

IV.

Воспоминанія плѣннаго итальянца въ Россіи.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Моденѣ, каждый вечеръ посѣщали театры и часто появлялся на общественныхъ гуляніяхъ сѣдой старикъ, высокаго роста, съ открытымъ, добродушнымъ лицомъ. Всѣ въ городѣ его знали и слушали съ удовольствіемъ его безконечные рассказы о Наполеонѣ, «великой арміи», о походѣ въ Россію и его пребываніи тамъ въ качествѣ плѣннаго. Этотъ интересный старикъ былъ Франческо Баджи, отставной офицеръ второго линейнаго итальянскаго полка, входившаго въ составъ наполеоновской арміи, во время кампаніи 1812 года. Подъ конецъ своей жизни онъ вадумалъ изложить на бумагѣ всѣ свои рассказы, и такимъ образомъ возникла рукопись въ тысячу страницъ, которую его наслѣдники передали итальянскому публицисту Коррадо Риччи. Послѣдній привелъ эту рукопись въ порядокъ, исключилъ изъ нея ненужныя, скучныя длинноты и напечаталъ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ «Воспоминанія Франческо Баджи». Рассказы и впечатлѣнія скромнаго боевого товарища Наполеона въ кровавой катастрофѣ, съ которой началось паденіе всемогущаго императора, тѣмъ болѣе интересны, что они написаны для родственниксъ и друзей автора, а не для печати. Впрочемъ, они не только отличаются правдивымъ, безпристрастнымъ характеромъ, но изобилуютъ картинными описаніями, драматическими сценами и даже жанровыми этюдами.

Франческо Баджи принадлежалъ къ достаточной, дворянской семьѣ Модены и, по всей вѣроятности, провелъ бы свою жизнь въ праздныхъ удовольствіяхъ, если бы французская революція не произвела кореннаго переворота на его родинѣ и не возбудила военнаго духа въ его соотечественникахъ. Его старшій братъ, Луиджи, ушелъ изъ родительскаго дома, поступилъ волонтеромъ во французскую армію въ 1797 году, и вернулся только послѣ Маренго. Что же касается до Франческо, то онъ совершенно случайно попалъ въ военную службу. Когда Наполеонъ послѣ своего коронованія въ Миланѣ королемъ Италіи посѣтилъ Модену, то въ этомъ городѣ насоро образовали для него почетный караулъ изъ мѣстныхъ дво-

рянъ. Въ числѣ импровизованныхъ тѣлохранителей новаго короля находился Франческо Баджи, въ блестящемъ мундирѣ и съ капитанскими эполетами. Наполеонъ обратилъ вниманіе на эти эполеты и рѣзко спросилъ: «А кто васъ сдѣлалъ капитаномъ?» За офицера отвѣчалъ начальникъ почетнаго отряда: «Муниципалитетъ, ваше величество». Наполеонъ не удовлетворился этимъ объясненіемъ и произнесъ сурово: «Знайте, надо долго служить на войнѣ, чтобы получить этотъ чинъ». Молодой Франческо рѣшилъ доказать на дѣлѣ, что онъ не псевдо-офицеръ, а дѣйствительно заслужить въ бою надѣтныя эполеты. Онъ поступилъ тотчасъ въ королевскую гвардію простымъ солдатомъ, а послѣ кампаніи 1809 года онъ былъ произведенъ въ офицеры.

Благодаря серьезной болѣзни, онъ вернулся домой и едва не остался въ Моденѣ, когда его полкъ отправился въ Россію. «Вамъ слѣдуетъ приписаться къ резерву, совѣтовалъ ему батальонный командиръ: кампанія, по всей вѣроятности, будетъ кровавая». Но Баджи не согласился ни на совѣты начальника, ни на просьбы матери и отправился въ походъ.

20 іюля, дивизія Пино, въ которой находился полкъ Баджи, перешла черезъ Нѣманъ по понтонному мосту и, спустя четыре дня, она впервые имѣла столкновение съ непріателемъ въ Островнѣ. Въ сраженіи подъ Смоленскомъ и въ Бородинскомъ боѣ она не принимала большого участія, такъ какъ находилась въ резервѣ, но все-таки Баджи замѣчаетъ: «Подъ Бородинымъ я видѣлъ Наполеона такъ же хорошо, какъ подъ Ваграмомъ. Онъ былъ верхомъ, въ полковничьемъ мундирѣ и съ зрительной трубкой въ рукахъ. Отъ времени до времени онъ давалъ приказанія своимъ адъютантамъ, которые отправлялись вскачь по всѣмъ направленіямъ».

Дивизія Пино не сразу вступила въ Москву, и Баджи только издали видѣлъ пожаръ Кремля. Однако, на третій день онъ получилъ отъ полкового командира разрѣшеніе посѣтить горѣвшую столицу. «Движеніе въ городѣ было громадное, рассказываетъ онъ; со всѣхъ сторонъ поднимались къ небу столбы огня. Дворцы съ мѣдными крышами обвалились, и на улицахъ, на каждомъ шагу, приходилось переступать черезъ тлѣвшіе обломки. Магазины всѣ были открыты и разграблены. Солдаты захватывали все, что имъ только попадалось подъ руку. Увидавъ, что одинъ солдатъ тащить по грязи нѣсколько прекрасныхъ мѣховыхъ шкуръ, я остановилъ его и купилъ одну изъ нихъ за серебряную монету. Многіе солдаты проходили мимо съ бутылками шампанскаго. Мой другъ Севери купилъ за нѣсколько сантимовъ двѣ бутылки, которыя мы роспили въ сохранившемся отъ огня кіоскѣ среди англійскаго сада. Мы невольно при этомъ вспоминали о своихъ семействахъ и родинѣ, недоумѣвая, что будетъ съ нами зимою, приближеніе которой мы уже предчувствовали, но съ нами былъ Наполеонъ, и мы ничего не боялись».

Вскорѣ итальянцы вступили въ Москву и весело зажили. Днемъ они дѣлали рекогносцировки за городомъ, а вечера проводили въ оргіяхъ и въ картежной игрѣ.

21 октября, дивизія Пино покинула Москву и ускореннымъ шагомъ двинулась на Малоярославецъ, гдѣ корпусъ итальянскаго вице-короля сражался съ русскими. «Мой полкъ, говоритъ Баджи, сталъ подыматься въ гору къ Малоярославцу. Дорога была очень крутая, но мы такъ жаждали отличиться передъ Наполеономъ и вице-королемъ, что никакая сила не могла насъ остановить. Несмотря на страшный огонь русской артиллеріи, мы овладѣли непріятельской позиціей. Русскіе стали ретироваться въ безпорядкѣ, но неожиданно на ихъ помощь явилась свѣжая колонна и заставила насъ отступить, при чемъ земля усѣялась мертвыми и ранеными. Многіе изъ моихъ лучшихъ друзей пали на моихъ глазахъ. Вмѣстительство нашей артиллеріи остановило отступление. Мы собрались съ силами и снова отбили русскихъ. Я получилъ ударъ штыкомъ въ лѣвое плечо, но серебряный эполетъ спасъ меня. Несмотря на сильную контузію, я не оставилъ своего поста и продолжалъ идти во главѣ своихъ гренадеръ».

О Духовщинѣ и Смоленскѣ Баджи сохранилъ самые грустныя воспоминанія. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней его полкъ потерялъ большую часть своихъ солдатъ и офицеровъ. Онъ долженъ былъ то командовать сотнями солдатъ, несмотря на свой чинъ поручика, то застрѣлить свою лошадь для прокорма нѣсколькихъ солдатъ, оставшихся вокругъ его. Большимъ счастьемъ было для него, что онъ взялъ изъ Москвы маленькую походную кухоньку, которую несъ спрятанной подъ шубой. Благодаря этому обстоятельству, онъ выручалъ товарищей, которые доставали мясо или муку, но не знали, какъ приготовить кушанье. Баджи тотчасъ предъявлялъ свою кухню, но позволялъ ею пользоваться только подъ условіемъ раздѣлить съ нимъ пищу. Такимъ образомъ онъ достигъ до Березины, черезъ которую перешелъ ночью по мосту, среди невообразимой давки. Нѣкоторые изъ его товарищей остались ночевать на лѣвомъ берегу и пропали безъ вѣсти. Баджи одинъ продолжалъ свой путь безъ солдатъ, безъ друзей, безъ денегъ. Въ Вильнѣ царилъ самый ужасный безпорядокъ, но итальянецъ все-таки нашелъ часть своихъ вещей, оставленныхъ имъ въ одномъ монастырѣ, при проходѣ черезъ этотъ городъ по дорогѣ въ Москву, и могъ хоть прилично одѣться. Изъ Вильны онъ вышелъ 11 декабря и вотъ какъ описываетъ представившееся ему зрѣлище: «По всей дорогѣ тянулись въ безпорядкѣ французскіе, итальянскіе, испанскіе, баварскіе и саксонскіе солдаты. На одномъ виднѣлась прекрасная медвѣжья шуба, на другомъ—шелковый, дамскій салонъ, на третьемъ—одѣяло. Можно было подумать, что находишься въ маскарадѣ. Не видно было ни одного кавалериста, и 80.000 кавалерійскихъ офицеровъ и солдатъ шли пѣшкомъ. Нѣ-

которые изъ кирасиръ сохранили свои латы и едва переступали подъ ихъ тяжестью. Смотрѣть на нихъ было всего печальвѣе, хотя никто не чувствовалъ ни къ кому сожалѣнія, и самый грубый эгоизмъ царилъ въ нашихъ сердцахъ».

Положеніе было такое ужасное, что Баджи задумалъ вернуться въ Вильну и, дождавшись тамъ русскихъ, отдаться имъ добровольно въ плѣнъ. Но мысль о военномъ долгѣ взяла верхъ надъ чувствомъ самосохраненія, и онъ продолжалъ свой печальный путь до Кенигсберга. Однако ему не суждено было избѣгнуть русскаго плѣна, если не добровольнаго, то насильственнаго. Въ этомъ прусскомъ городѣ онъ попался въ руки казаковъ и весной 1813 года былъ отправленъ въ Россію. Въ Минскѣ онъ занемогъ и пролежалъ въ больницѣ нѣсколько недѣль. Эта больница, по его словамъ, была такая грязная и плохо устроенная, что онъ остался живъ, только благодаря чуду. «Лѣкарства,—говоритъ онъ,—были никуда негодныя, пища самая отчаянная, а грязь доходила до того, что въ бульонѣ мы находили клоповъ, и простыни, повидимому, никогда не мылись. Каждый день къ намъ приходилъ офицеръ, но онъ не слушалъ нашихъ жалобъ и только плевалъ въ лицо служащихъ или угощалъ ихъ пинками». Поэтому, когда мимо Минска прошелъ отрядъ плѣнныхъ итальянскихъ офицеровъ, взятыхъ въ Бауценскомъ сраженіи, то Баджи, хотя еще не оправившійся отъ болѣзни, упротилъ, чтобы его отправили вмѣстѣ съ его соотечественниками внутрь Россіи.

Черезъ Черниговъ и Тамбовъ онъ достигъ своего мѣста назначенія, Ставрополя, и тамъ потекла для него веселая, пріятная, беззаботная жизнь. Обладая хорошимъ голосомъ, онъ распѣвалъ дуэты съ своимъ товарищемъ, Пачіони, также моденцемъ, и молодые пѣвцовъ на расхватъ приглашали во всѣ лучшія семейства, жившія, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестныхъ деревняхъ. Въ особенности Баджи носили на рукахъ въ семьѣ Милковичей, гдѣ устраивались не только концерты, но и спектакли, въ которыхъ участвовали французскіе, итальянскіе и голландскіе плѣнные офицеры. На одномъ изъ такихъ спектаклей, который подробно описанъ въ мемуарахъ Баджи, давали «Les fourberie de Scapin» Мольера, а въ антрактахъ пѣли авторъ и Пачіони.

Два съ половиной года провелъ Баджи въ Россіи, а когда вернулся на родину, то нашелъ ее въ австрійскихъ когтяхъ. Хотя онъ не былъ революціонеромъ, но ненавидѣлъ австрійскую династію въ Моденѣ и на старости лѣтъ радостно привѣтствовалъ освобожденіе Италіи Викторомъ-Эммануиломъ, Кавуромъ и Гарибальди.

В. Т.

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ДѢЙТЕЛЬНОСТИ.

Женщина въ странѣ свободы ¹⁾).

БРАЩАЯСЬ теперь къ инымъ женскимъ профессіямъ въ этой во всякомъ случаѣ достопримѣчательной странѣ, мы видимъ, что американская женщина, получая вообще образованіе, приблизительно равное и нерѣдко и совмѣстное съ мужчиной, дѣятельно выступаетъ на всѣхъ поприщахъ специализованнаго и профессиональнаго труда и въ томъ числѣ даже на такихъ, какія считались всегда исключительною и почти монопольною принадлежностью пола прекраснаго. По послѣдней статистикѣ занятій въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, произведенной въ 1890 году, изъ всего ея тогдашняго населенія въ 62.622.250 душъ принадлежащими къ опредѣленнымъ специальнымъ профессіямъ оказались 18.820.950 мужчинъ и 3.914.711 женщинъ. Несмотря на столь значительный численный перевѣсъ мужчинъ въ области специализованнаго труда вообще, въ нѣкоторыхъ его областяхъ онъ падаетъ, однако, до совершеннаго минимума и даже превращается въ перевѣсъ пола прекраснаго. Такъ въ области сценическаго искусства на 5.799 актеровъ приходится 3.949 актрисъ, въ области артистической вообще (артисты и преподаватели искусствъ) на 11.676 мужчинъ приходится 10.810 женщинъ, въ области музыки специально (музыканты разнаго рода и учителя музыки) на 27.636 мужчинъ приходится 34.519 женщинъ (значительный перевѣсъ этихъ послѣднихъ), въ средѣ авторовъ и ученыхъ,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVIII, стр. 742.

на 3.989 мужчинъ приходится 2.725 женщинъ и, наконецъ, въ области учительской (преподаватели низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній) на 96.581 мужчину приходится 245.230 женщинъ (перевѣсъ этихъ послѣднихъ болѣе, чѣмъ въ 2½ раза), между тѣмъ какъ въ средѣ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній на 4.697 мужчинъ приходится все-таки 735 женщинъ. Не станемъ уже говорить о томъ, что въ занятіяхъ такого рода, какъ содержаніе прачешныхъ и работа въ таковыхъ, шитье женскихъ платьевъ, содержаніе шляпныхъ мастерскихъ и т. п., американская женщина имѣетъ подавляющій численный перевѣсъ надъ мужчиной. Между прочимъ въ области журналистики (редакторы и сотрудники газетъ и журналовъ, специально работающіе на этомъ поприщѣ и не принадлежащіе въ то же время къ числу авторовъ и ученыхъ, литераторы въ собственномъ смыслѣ слова) на 20.961 мужчину приходится 888 женщинъ, среди врачей на 100.248 мужчинъ оказывается 4.655 женщинъ, въ корпораціи адвокатской на 89.422 мужчинъ оказывается 208 женщинъ и, наконецъ, среди духовенства (одна изъ наиприбыльвѣйшихъ профессій въ странѣ свободы), на 87.060 мужчинъ приходится 1.235 женщинъ-священниковъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что со времени производства этой статистики, т. е. въ теченіе послѣднихъ 7 слишкомъ лѣтъ, процентное отношеніе прекраснаго пола къ полу непрекрасному въ разныхъ областяхъ труда, какъ профессиональнаго въ собственномъ смыслѣ слова (такъ называемыя либеральныя профессіи), такъ и требующаго извѣстной спеціализаціи вообще, значительно измѣнилось въ пользу перваго, т. е. пола прекраснаго, въ особенности въ области труда собственно профессиональнаго.

Во всякомъ случаѣ, въ ряду женскихъ профессій мануфактурная промышленность и разнаго рода механическія производства являются главною областью специализованнаго женскаго труда въ странѣ свободы. Въ то время, какъ по послѣдней статистикѣ занятій въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, произведенной, какъ мы упоминали уже выше, въ 1890 г., въ области добывающей промышленности (земледѣліе, рыболовство и горная промышленность) трудится всего 679.509 женщинъ (на 8.333.692 мужчинъ), въ области торговли и перевозки (торговые агенты, бухгалтеры, банкиры, купцы, посыльные, матросы, желѣзнодорожная служба, разсыльные, розничные продавцы газетъ, торговцы всевозможныхъ родовъ и видовъ, стенографы, телеграфисты, телефонисты, машинисты, кочегары, и т. д.) подвизается всего лишь 228.302 женщины (на 3.097.653 мужчинъ) и, наконецъ, въ области собственно профессиональныхъ занятій (такъ называемыя либеральныя профессіи) работает всего вообще 311.682 женщины (на 632.641 мужчину), въ области мануфактурной промышленности и механическихъ производствъ обрѣтаютъ себѣ трудъ 1.027.525 американскихъ женщинъ. Хотя въ этой по-

слѣдней области труда процентное отношеніе женщинъ къ мужчинамъ (4.064.144) и ниже, нежели въ области труда собственно профессиональнаго (либеральныя профессіи), тѣмъ не менѣе, однако, абсолютная цифра американскихъ женщинъ, находящихъ примѣненіе своимъ силамъ и способностямъ и кусокъ хлѣба въ этой области, несравненно больше числа таковыхъ, обрѣтающихъ себѣ трудъ въ каждой изъ вышепоименованныхъ трехъ областей производства и почти равняется общему числу ихъ, подвизающихся на всѣхъ трехъ вышепоименованныхъ производственныхъ поприщахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Хотя затѣмъ общее число американокъ, работающихъ въ мануфактурныхъ и механическихъ производствахъ, нѣсколько ниже общаго числа служанокъ въ странѣ свободы (1.205,876), тѣмъ не менѣе, однако, состояніе въ услуженіи не можетъ быть отнесено къ занятіямъ специализованнымъ въ собственномъ смыслѣ слова, а потому этотъ численный перевѣсъ не измѣняетъ существа дѣла, оставляя все-таки мануфактурную промышленность и механическія производства главною и первостепенною областью специализованнаго женскаго труда въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ. Поэтому, говоря объ американской работницѣ, мы главнымъ образомъ должны разумѣть подъ таковою труженицу фабрикъ, мануфактуръ и мастерскихъ всевозможныхъ родовъ и видовъ.

Положеніе американской работницы въ общемъ весьма прискорбно. Если еще въ старыя годы, когда американская промышленность и торговля находились въ цвѣтущемъ состояніи, заработная плата американской работницы была относительно низкою, то нынѣ, при томъ общемъ остромъ экономическомъ кризисѣ, какой переживаетъ эта страна уже около 15 лѣтъ, эта самая заработная плата понизилась до такого минимума, который представляется положительно маловѣроятнымъ. Такая плата работницѣ, какъ 1 долларъ 25 центовъ въ недѣлю, т.-е. 6 долларовъ въ мѣсяцъ (4 недѣли), представляется явленіемъ довольно заураднымъ. Постепенно поднимаясь отъ подобнаго поразительнаго минимума, она рѣдко достигаетъ 16 долларовъ въ мѣсяцъ (4 доллара въ недѣлю) и никогда почти не переваливаетъ за этотъ предѣлъ. Чтобы составить себѣ должное понятіе о подобномъ уровнѣ заработной платы современной американской работницы, необходимо имѣть въ виду, что самая дрянная квартира въ самомъ захолустномъ и ничтожнѣйшемъ городишкѣ страны свободы (того, что у насъ именуется селами, деревнями и поселками, здѣсь почти не существуетъ) стоитъ не менѣе 6 долларовъ въ мѣсяцъ, а въ крупныхъ городахъ, каковы New-York, New-Jersey, Philadelphia и т. д., не бываетъ дешевле 10 долларовъ въ мѣсяцъ. И за подобную плату, даже не хватающую на наемъ квартиры, женщины, дѣвушки и дѣти обоюго пола вынуждаются работать по 10, 12 и даже 15 часовъ въ сутки, причемъ иногда имъ дается въ теченіе всего этого времени лишь 15

минуть на объѣдъ. Хотя въ большинствѣ штатовъ и существуютъ фабричныя законы и фабричная инспекція, но первые совершенно не исполняются, а послѣдняя совершенно бездѣйствуетъ. Злоупотребленія фабрикантовъ, въ послѣднее время достигли положительно чудовищныхъ размѣровъ, въ особенности въ штатахъ New-York, New-Jersey и Pennsylvania, являющихъ собой цвѣтъ американской цивилизаціи и янкизма (yankeedom). Въ штатѣ New-Jersey дѣло дошло до того, что различныя мѣстныя общества для предупрежденія и пресѣченія жестокости въ отношеніи дѣтей нынѣ отряжаютъ на разныя фабрики своихъ должностныхъ лицъ для негласнаго разслѣдованія подобныхъ злоупотребленій. Не обладая той властью для разслѣдованія этихъ послѣднихъ, какая предоставлена закономъ фабричнымъ инспекторамъ, лица эти успѣваютъ, однако, путемъ опроса сосѣдей и нѣкоторыхъ изъ самихъ работниковъ и въ особенности работницъ раскрыть весьма многое. Если вообще въ странѣ свободы для людей богатыхъ законъ не писанъ и туго набитая кошелекъ гарантуеетъ ея обладателю полную бевнаказанность за всякое злодѣяніе, то это относится въ особенности къ фабрикантамъ. Подробное описаніе всѣхъ ихъ злоупотребленій въ отношеніи рабочихъ не входитъ въ задачи настоящаго очерка, и мы касаемся таковыхъ лишь постольку, поскольку они касаются американской женщины, положеніе которой мы взялись изобразить. Если работница, нерѣдко всего лишь подростокъ, вынуждена работать на фабрикѣ, въ душной и смрадной атмосферѣ, отъ 6 ч. 30 м. или же 7 часовъ утра до 9 и даже 10 часовъ по полудни, если при этомъ работа идетъ непрерывно, и на объѣдъ предоставляется всего лишь какихъ нибудь 15—20 минутъ, если она является домой для того лишь, чтобы, поспавъ короткое время, снова отправляться на фабрику, если она за этотъ каторжный трудъ получаетъ въ наилучшемъ случаѣ 16 долларовъ въ мѣсяцъ, то ея положеніе не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій. Неудивительно, что эти бѣлыя рабыни «страны свободы» живутъ по двадцати въ одной комнатѣ, мечтаютъ о замужествѣ, какъ о наивысшемъ благѣ на землѣ, и легко поддаются соблазнамъ проституціи.

Если мы, отмѣтивъ немного выше, что общее число служанокъ въ странѣ свободы превышаетъ общее число работницъ, замѣтили вмѣстѣ съ тѣмъ, что занятіе первыхъ мы не относимъ къ числу занятій специализованныхъ, то понимать это надобно, конечно, лишь относительно. Современныя условія жизни требуютъ даже и отъ домашнихъ служанокъ извѣстныхъ познаній, а слѣдовательно и извѣстной специальной подготовки. Нынѣ учреждается въ Нью-Йоркѣ школа и клубъ служанокъ. Въ первой предполагается обучать кухарокъ, прачекъ, горничныхъ и нянекъ варенью, жаренью и печенью, мытью и глаженью, уборкѣ комнатъ, уходу за

дѣтми и приготовленію спеціальной пищи для этихъ послѣднихъ. Важное значеніе и большая польза подобной школы не требуютъ доказательствъ. Что касается клуба, то таковой, предоставляя широкую возможность общенія между женщинами, невольно связуемыми единствомъ профессіи и общностью интересовъ, будетъ заключать въ себѣ соотвѣтственную спеціальную бібліотеку, надлежащее хранилище для писемъ, адресованныхъ на клубъ разнымъ его членамъ, каковыхъ, замѣтимъ кстати, служанки нынѣ при перемѣнѣ мѣста часто вовсе не получаютъ, бюро для справокъ о дѣвушкахъ, принадлежащихъ къ составу клуба, и рекомендацій ихъ на мѣста согласно предъявляемымъ требованіямъ, а равно защиты ихъ противъ безосновательныхъ и несправедливыхъ осужденій со стороны господъ и т. п. Вышеозначенная школа должна явиться вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣжищемъ для служанокъ, когда таковыя находятся безъ мѣста, гдѣ онѣ обрѣтаютъ себѣ пріютъ и столъ за работы, построенныя по извѣстной системѣ и дающія имъ возможность усовершенствоваться въ своемъ родѣ службы. По окончаніи курса въ школѣ, дѣвушки получаютъ соотвѣтственные дипломы. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что положеніе служанки, знающей свое дѣло, въ странѣ свободы и въ особенности въ крупныхъ ея городахъ много лучше положенія многихъ и очень многихъ американскихъ работницъ.

Въ области дѣятельности собственно профессиональной, или такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, американская женщина давно уже вступила на путь рѣшительнаго соревнованія съ мужчиной, и въ настоящее время конкуренція эта находится въ самомъ разгарѣ. Если по послѣдней статистикѣ занятій, произведенной въ 1890 году, на которую мы неоднократно ссылались уже выше, общее количество профессиональныхъ женщинъ составляетъ почти половину, то-есть около 50%, профессиональныхъ мужчинъ (311.682 на 632.641), то нынѣ, 7 лѣтъ спустя, это процентное отношеніе поднялось въ пользу прекраснаго пола, и можно безошибочно опредѣлить, что въ общемъ на каждыхъ двухъ профессионалистокъ-мужчинъ во всякомъ случаѣ приходится одна профессионалистка-женщина. Въ отдѣльныхъ видахъ либеральныхъ профессій это общее процентное отношеніе женщинъ къ мужчинамъ чрезвычайно колеблется. Если въ области адвокатуры женщины составляютъ всего лишь 0,23%, въ области архитекторства—0,27% и въ средѣ священничества—1,4%, то зато онѣ представляютъ значительное большинство въ профессіи музыкальной—124% и подавляющее большинство въ профессіи учительской—253%. Слѣдуетъ замѣтить, что подъ профессіей учительской разумѣется здѣсь преподавательская дѣятельность въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, что же касается собственно профессуры, т. е. преподавательской дѣятельности въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (американскаго

типа), то въ ея средѣ женщины-профессора составляютъ 15,6%⁰ общаго числа. Даже въ средѣ чиновниковъ или должностныхъ лицъ страны свободы женщины составляютъ 6,3%⁰ общаго числа такихъ (4.875 на 74.789). Къ сожалѣнію, статистическія данныя по сему предмету, нами въ совершенно необработанномъ видѣ позаимствованныя изъ разныхъ изданій, не восходятъ далѣе 1890 года и посему, насколько видоизмѣнились вышеприведенныя процентныя отношенія женщинъ къ мужчинамъ въ отдѣльныхъ видахъ либеральныхъ профессій въ теченіе текущаго десятилѣтія, опредѣлить невозможно, хотя на основаніи самыхъ точныхъ наблюденій и можно утверждать съ положительностью, что общее количество профессионалистокъ-женщинъ возрастаетъ быстрѣе общаго числа профессионалистовъ-мужчинъ, и процентное отношеніе первыхъ къ послѣднимъ, въ 1890 г. составлявшее 49,2%⁰, нынѣ равняется во всякомъ случаѣ 50%⁰.

Профессія актрисы представляется наиболѣе привлекательною для огромнаго большинства американскихъ интеллигентныхъ и полунинтеллигентныхъ женщинъ. Не требуя продолжительной и обременительной подготовки, таковая открываетъ широкое поле дѣйствія природнымъ дарованіямъ, даетъ наиболѣе подходящую возможность развернуться и показать себя, удовлетворяетъ наилучше этому сокровенному стремленію къ выставкѣ формъ и красоты, могущихъ весьма нерѣдко замѣнить талантъ, соответствуетъ наиболѣе тому искательству приключеній, которое въ большей или меньшей степени присуще всякой почти американкѣ, и наконецъ весьма нерѣдко приводитъ къ составленію себѣ «хорошей партіи», то-есть къ выгодному замужеству. Слѣдуетъ непремѣнно имѣть въ виду, что сценическое искусство стоитъ въ странѣ свободы нѣсколько иначе, нежели въ Старомъ Свѣтѣ вообще. Актерская техника не имѣетъ здѣсь того громаднаго значенія, какъ на сценахъ западно-европейскихъ, предоставляется больше простора и самодѣятельности таланту и сценическому инстинкту исполнителя, и несомнѣнное дарованіе можетъ снискать себѣ громадный успѣхъ даже при полномъ почти отсутствіи техники. Въ этомъ отношеніи американская сцена ближе подходитъ къ русской, нежели къ западно-европейской. Затѣмъ обыкновенно каждая труппа разучиваетъ до тонкости одну-двѣ-три пьесы, и съ симъ скромнымъ репертуаромъ объѣзжаетъ всю территорію Соединенныхъ Штатовъ, въ каждомъ городѣ и городишкѣ играя одно и то же. При подобной постановкѣ дѣла недостатокъ актерской техники и должной подготовки вообще не такъ легко обнаруживается.

Вотъ вамъ свѣжій, такъ сказать, образчикъ одной женской актерской карьеры въ странѣ свободы, только что закончившейся. John Finlayson, родомъ шотландецъ, обыватель крупнаго города Detroit штата Michigan, простой рабочій, невѣжественный и суевѣрный, никогда не выходившій изъ нужды, обладаетъ многочисленнымъ се-

мействомъ. Когда старшая дочь его Margaret, въ концѣ семидесятихъ годовъ, вступила во второе десятилѣтіе своего земного существованія, онъ сталъ высылать ее распродавать на улицахъ ежедневныя газеты. Въ зной и холодъ, въ дождь и ненастье шмыгала маленькая дѣвочка по улицамъ большого города, выкрикивая наименованія газетъ, выдающихся статей и сенсаціонныхъ извѣстій и уловляя покупателей. Въ нѣсколько мѣсяцевъ она стала уже опытной газетчицей и вносила замѣтную толику въ доходы бѣдной семьи. Несмотря на плохое питаніе, плохенькую одеженку и собачью жизнь вообще, она выглядывала здоровой дѣвочкой и тогда уже обнаруживала признаки той страстной красоты, какою отличалась впослѣдствіи. При подобномъ родѣ своихъ занятій она все-таки умудрилась ежедневно урвать нѣсколько часовъ на посѣщеніе школы. Это была натура чрезвычайно нервозная, живая, подвижная, чувствительная, нетерпѣливая, легко возбудимая и весьма горячая. Будучи въ умственномъ отношеніи развита не по лѣтамъ, она начала все болѣе и болѣе тяготиться тяжелыми условіями своего нищенскаго существованія. Въ одинъ дождливый и пасмурный ноябрьскій день она не продала ни единого нумера изъ своей пачки газетъ и, явясъ домой, получила изрядную головомойку. Это такъ повліяло на умненскую и чувствительную дѣвочку, что она, недолго думая, изъ дома направилась прямо къ рѣкѣ и, не колеблясь ни минуты, бросилась въ воду. Одинъ изъ прибрежныхъ обитателей, слыша, какъ кто-то вблизи его хижины бултыхнулся въ воду, и живо смекнувъ, въ чемъ дѣло, бросился въ рѣку въ томъ мѣстѣ, гдѣ расходились большіе круги, и вытащилъ утопавшую дѣвочку. Въ это время проходилъ мимо какой-то неизвѣстный, принявшій теплое участіе въ подаваніи помощи полуутопленницѣ. Онъ оказался однимъ изъ состоятельнѣйшихъ гражданъ города и, по ея приведеніи въ чувство, видя предъ собой красивую, интеллигентную и подавленную горемъ дѣвочку, проникся такимъ къ ней участіемъ, что пригласилъ ее въ собственный домъ, осушилъ, накормилъ ужиномъ, уложилъ въ постель и на слѣдующее утро подарилъ ей цѣлый гардеробъ, составленный изъ нѣкоторой части многочисленныхъ одѣяній его младшей дочери. Затѣмъ онъ снабдилъ ее книгами и сталъ регулярно посылать ее въ школу. Это былъ поворотный пунктъ въ ея жизни, которымъ опредѣлялась ея будущая карьера. Въ это время ей было четырнадцать лѣтъ. Она жадно предалась ученію, оказывала блестящіе успѣхи и въ особенности увлекалась произведеніями Шекспира. Она перечитывала безсмертныя творенія великаго драматурга безконечное число разъ, изучала ихъ до мелочей и наконецъ, подавленная ихъ глубиной и величіемъ, рѣшила стать актрисой, дабы воспроизводить эти дивныя женскіе характеры на сценѣ. Ея красота быстро расцвѣтала наравнѣ съ ея быстрымъ умственнымъ развитіемъ. Принявъ рѣшеніе стать актрисой, или,

точнѣе говоря, исполнительницей шекспировскихъ ролей, она стала стараться осуществить такое съ изумительной искренностью и настоятельностью. Видя эти усилія, ея богатый покровитель пригласилъ ей въ учителя чтенія и дикціи нѣкоего George Edgard, наилучшаго изъ учителей этихъ предметовъ въ городѣ. Внутренняя сила и страсть, какія всегда отличали ея исключительную натуру, быстро развивались, находя себѣ въ то же время наилучшее выраженіе въ декламации подъ руководствомъ означеннаго Edgard, между тѣмъ какъ техническую сторону и разныя усовершенствованія сценическаго искусства усваивала она весьма медленно. Наконецъ насталъ день, въ который довелось осуществиться ея наивысшимъ желаніямъ, ея завѣтнѣйшимъ мечтамъ. Она выступила въ заглавной роли въ знаменитой шекспировской трагедіи «Ромео и Джульета». Случилось это около четырехъ лѣтъ спустя послѣ ея неудачной попытки утопиться, и ей было въ то время 18 лѣтъ отъ роду. Успѣхъ ея былъ полный. Весь городъ присутствовалъ на этомъ представленіи, и ея благодѣтель со своей семьей занималъ одну изъ ложъ. Здѣсь произошло полное превращеніе маленькой газетчицы въ настоящую актрису, исполненную самыхъ серьезныхъ намѣреній. George Edgard, ея первый учитель, отправился вмѣстѣ съ ней въ Нью-Йоркъ и убѣдилъ тогдашняго первѣйшаго антрепренера I. M. Hill, что у него находится въ обученіи вторая Рашель, которую онъ привезъ съ собой. Антрепренеръ, объяснившись съ восемнадцатилѣтней Margaret Finlayson, пришелъ къ убѣжденію, что онъ обрѣлъ великій талантъ, и предложилъ ей дебютъ по ея собственному выбору. Она избрала роль Корделии въ «Королѣ Лирѣ». Ея успѣхъ въ этой роли былъ настолько серьезенъ, что г-нъ Hill заключилъ съ ней контрактъ на шесть лѣтъ. Въ это время она восприняла сценическое наименованіе Margaret Mather. Ея появленія въ шекспировскихъ роляхъ, которыя она непрерывно изучала самымъ тщательнымъ образомъ, были рядомъ непрерывныхъ торжествъ. Здѣсь, на сценѣ Union Square Theatre ея успѣхъ былъ настолько же блестящъ, насколько были темны и безотрадны ея дѣтство и отрочество. Здѣсь же, на этой самой сценѣ суждено было ей испытать и настоящій, истинный жаръ первой серьезной любви. Ея предметомъ явился длиннокудрый юноша, управлявшій оркестромъ, по имени Emil Haberhorn. Они секретно обвѣнчались въ г. Buffalo въ 1887 году. Когда антрепренеръ Hill узналъ объ этомъ бракѣ, онъ удалилъ г-на Haberhorn отъ мѣста управляющаго оркестромъ на томъ основаніи, что этотъ послѣдній уменьшилъ значеніе его сценической звѣзды. Возникъ процессъ, результатомъ котораго было освобожденіе Margaret Mather отъ контракта съ г-мъ Hill. Между тѣмъ она успѣла уже объѣхать съ этимъ послѣднимъ многіе главнѣйшіе города Соединенныхъ Штатовъ и повсюду завоевать себѣ серьезный успѣхъ и большія симпатіи публики.

Однако, скромный музыкантъ оказался для нея другомъ жизни совершенно неподходящимъ: они разошлись, а въ 1892 году она получила разводъ. Это время было вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ ея наивысшаго успѣха. Она дебютировала на сценѣ Mc Vicker's Theatre въ Чикаго въ ея любимой роли Джульетты и произвела положительный фуроръ. На этой сценѣ среди отборной публики неоднократно лицеизрѣлъ двадцатичетырехлѣтнюю артистку полковникъ Gustav Pabst, младшій сынъ извѣстнаго пивовара—милліонера въ г. Milwaukee штата Wisconsin. Черезъ четыре мѣсяца, несмотря на рѣшительную оппозицію всей семьи, молодой милліонеръ женился на актрисѣ, съ которою ни одна сценическая артистка ея страны и ея поколѣнія не могла сравниться въ исполненіи роли Джульетты. Но супружество это было весьма непродолжительно. Margaret Mather, безпрестанно раздражаемая въ семьѣ милліонера и всегда отличавшаяся горячностью и невоздержностью нрава, однажды во время катанья по улицамъ города сильнѣйшимъ образомъ отхлестала своего супруга хлыстомъ, предназначеннымъ для его кровныхъ лошадей, въ присутствіи огромной толпы зрителей. Предѣлъ былъ преиденъ, и семья милліонера заставила его исключотать себѣ разводъ, заплативъ ей крупную сумму. Послѣ этого она составляетъ театральную компанію, принимаетъ на себя роль антрепренерши и объѣзжаетъ съ ней Америку, избравъ для представленій пьесу «Cymbeline». Хотя представленія эти давали порядочные сборы, тѣмъ не менѣе однако по слухамъ антрепренерша понесла на нихъ значительные убытки. 6-го апрѣля сего года, труппа давала свое обычное представленіе въ Barlow Opera House въ городѣ Charleston штата West Virginia. Сама Margaret Mather выступала въ роли Imogen, исполняя въ то же время сравнительно небольшую роль мальчика въ сценѣ въ подземельѣ. Во время исполненія этой послѣдней она внезапно заболѣла и была унесена со сцены: съ ней начались страшныя конвульсіи, и она впала въ совершенно безсознательное состояніе. На слѣдующій день къ ней вернулось сознаніе, но наступилъ вмѣстѣ съ тѣмъ страшный упадокъ силъ, и вскорѣ послѣ полудня она скончалась, окруженная всей своей компаніей. Несмотря на то, что театральные критики нерѣдко обвиняли ее въ незрѣлости и невыработанности, публика чувствовала на себѣ ея сокровенную силу, и она всегда собирала огромную толпу зрителей. Въ нѣкоторыхъ городахъ она вызывала необычайный энтузіазмъ. Въ особенности поразительной экспрессіей отличалась она въ роли Джульетты: ея воспроизведеніе любовной страсти было настолько пламенно, что публика неистовствовала, а иные критики просто были поставляемы втупикъ. Это была ея излюбленная роль, и ни одна актриса страны свободы не играла ее столько разъ, сколько бывшая газетная разносчица. Равнымъ образомъ ни одна американская актриса современнаго поколѣнія

не могла къ ней приблизиться въ воспроизведеніи любовнаго экстаза. Насколько отважно шла она къ успѣху и возвышенію, настолько неспособною оказалась она цѣпко держаться за достигнутое благополучіе. Она обладала теплымъ и благороднымъ сердцемъ, но отличалась вмѣстѣ съ тѣмъ горячимъ и неводержимымъ нравомъ, въ чемъ, быть можетъ, и кроется причина трагизма ея жизни. Замѣчательно, что судьба Margaret Mather, тѣми или иными чертами своими напоминая судьбу иныхъ американскихъ актрисъ, достигшихъ успѣха, исключительно благодаря своему таланту, во многомъ напоминаетъ въ то же время судьбу талантливой русской актрисы Евлаліи Кадминой, послужившей, какъ извѣстно, прототипомъ для извѣстной пьесы г. Суворина «Татьяна Рѣпина».

Въ послѣднее время замѣчается приливъ на американскую сцену молодыхъ женщинъ изъ такъ называемаго «общества» (society), т. е. изъ высшихъ, наиболѣе зажиточныхъ классовъ населенія республики, проводящихъ или, правильнѣе говоря, убивающихъ время въ балахъ, маскарадахъ, охотѣ, наѣздничествѣ и многоразличныхъ видахъ спорта вообще. Эти молодыя женщины или, правильнѣе говоря, молоденькія дѣвушки, обладающія обыкновенно, какъ средствами къ существованію, такъ и болѣе или менѣе порядочнымъ образованіемъ, заявляютъ, что онѣ предпочитаютъ и признаютъ гораздо лучшимъ избрать артистическую карьеру, нежели «идти въ продажу» (go into trade), т. е. выйти замужъ.

Въ областяхъ врачебной практики, адвокатуры, профессуры, литературы (главнѣйшимъ образомъ беллетристики) и даже священничества, американская женщина подвизается съ значительнымъ успѣхомъ и является для американскаго мужчины-профессіоналиста все болѣе и болѣе опаснымъ конкурентомъ. Если бы мы вздумали лишь вкратцѣ начертать карьеру нѣкоторыхъ только американокъ, нынѣ выдающихся на вышепоименованныхъ поприщахъ профессиональной дѣятельности, то нашъ скромный очеркъ увеличился бы вдвое, т. е. потерялъ бы шансы быть напечатаннымъ. Посему мы ограничиваемся здѣсь однимъ лишь образчикомъ изъ области адвокатуры. Нѣкая г-жа Clara Foltz является одною изъ самыхъ выдающихся женщинъ-адвокатовъ въ странѣ свободы. Ея карьера можетъ служить примѣромъ любой женщинѣ, жаждущей профессиональной дѣятельности, стремящейся къ профессиональному труду и ищущей независимаго положенія. Она вышла замужъ всего лишь 15 лѣтъ отъ роду и, будучи еще совершенно молодою женщиной, внезапно стала вдовой съ пятью малолѣтними дѣтьми на рукахъ. Чувствуя въ себѣ извѣстное призваніе къ адвокатской дѣятельности, она порѣшила пройти тотъ теоретическій и практический курсъ права, какой требуется во всѣхъ почти штатахъ союзной республики для допущенія къ адвокатской практикѣ. Но новая конституція ея роднаго штата California, тогда (22 года тому назадъ)

недавно лишь опубликованная, воспрещала допущеніе женщинъ въ адвокатское званіе, и потому главная юридическая коллегія (юридическій факультетъ, какъ самостоятельное учебное заведеніе) этого штата (Hastings) ей отказала въ приѣмъ въ число студентовъ. Однако молодая вдова не смутилась такимъ отказомъ и стала пропагандировать дополненіе къ означенной конституціи, дозволяющее женщинамъ вести адвокатскую практику, и въ то же время предъявила къ попечителямъ коллегіи искъ за такой отказъ. Въ обоихъ предпріятіяхъ своихъ она добилась полнаго успѣха и вскорѣ была зачислена въ адвокатское сословіе. Ей повезло. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ, ей порученныхъ, былъ гражданскій искъ одной бѣдной женщины о взысканіи 75.000 долл. убытковъ, который она выиграла. Въ нѣсколько лѣтъ mrs Clara Foltz, все еще молодая вдова, составила себѣ солидную практику въ своемъ родномъ штатѣ или, правильнѣе говоря, въ г. Santiago этого штата. Составивъ себѣ такую, она, идя по стопамъ многихъ адвокатовъ страны свободы, основала въ означенномъ городѣ небольшую ежедневную газету подъ наименованіемъ «The Santiago Daily Bee», съ которой рѣшительно выступила на путь политической дѣятельности. Первоначально она принадлежала къ республиканской партіи, но затѣмъ перешла въ лагерь партіи демократической, хотя иногда дѣйствуетъ заодно съ партіей популистовъ, или народниковъ. Она слыла Порціей штата California и основала нѣсколько позже въ его предѣлахъ особый клубъ юристовъ-практиковъ, подъ этимъ именемъ существующій до сего времени. Пропрактиковавъ съ успѣхомъ шестнадцать лѣтъ въ предѣлахъ своего родного штата California, женщина-адвокатъ mrs. Clara Foltz два года тому назадъ переселилась въ Нью-Йоркъ и въ теченіе этого времени успѣла уже съ большимъ успѣхомъ выступить въ цѣломъ рядѣ выдающихся процессовъ въ особенности уголовныхъ. Имѣя свидѣтельства на веденіе дѣлъ въ штатахъ California и New-York и высшемъ судѣ Соединенныхъ Штатовъ въ Вашингтонѣ, г-жа Clara Foltz имѣетъ обширную практику и зарабатываетъ весьма изрядно, между тѣмъ какъ многія другія американскія женщины-адвокаты едва-едва лишь сводятъ концы съ концами. Она замышляетъ нынѣ основать юридическую коллегію для женщинъ въ своемъ родномъ штатѣ California и, какъ поговариваютъ, даже намѣрена попытаться пройти въ судьи. Въ своей адвокатской канцеляріи (office) въ людной улицѣ Nassau, гдѣ расположена большая часть адвокатскихъ канцелярій метрополи Нью-Йорка, mrs Clara Foltz работаетъ непрерывно съ 10 час. утра до 7¹/₂ час. вечера и, несмотря на это, не neglectуетъ ни общественными, ни материнскими обязанностями. О себѣ она выражается слѣдующимъ образомъ: «я доказала, что женщина обладаетъ тѣмъ качествомъ, какое мужчины приписывали лишь себѣ однимъ, а именно—логикой, но я успѣла доказать это

вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ образомъ, чтобы не оскорбить ихъ самолюбія».

Къ сожалѣнію, размѣры, predeterminedенные для настоящаго скромнаго очерка, не позволяютъ намъ распространяться болѣе объ американскихъ женщинахъ-профессіоналисткахъ. Замѣтимъ лишь мимоходомъ, что есть одна сфера, сфера, публикой вообще не замѣчаемая и ей совершенно малоизвѣстная, въ которой мужчина нерѣдко совершенно незаслуженно пожинаетъ лавры, по праву и справедливости принадлежащія женщинамъ. Сфера эта—дѣятельность миссіонерская. На материкѣ Новаго Свѣта и въ особенности въ предѣлахъ территоріи Соединенныхъ Штатовъ, на которой собрались представители чуть ли не всѣхъ религій и вѣроисповѣданій земного шара, идетъ глухая, но непрерывная борьба между различными христіанскими исповѣданіями и сектами. Можно, пожалуй, поставить вопросъ, цѣлесообразна ли и нужна ли эта борьба, и не лучше ли было бы, какъ для отдѣльныхъ христіанскихъ церквей, такъ и для всего христіанскаго міра вообще, силы и средства, на нее тратимыя, направить въ среду языческую, еще такъ многочисленную. Разъ, однако, борьба эта существуетъ и поддерживается и всякій успѣхъ на ея поприщѣ признается заслугой, поощряется и вознаграждается, то во всякомъ случаѣ награда должна доставаться тому, кто ее заслужилъ, а не тому, кто лишь пожинаетъ плоды чужихъ трудовъ и усилій. Между тѣмъ въ странѣ свободы священники, въ особенности протестантскіе, нерѣдко стяжаютъ себѣ признательности и награды, какъ невещественныя, такъ и вещественныя, за расширеніе численности своихъ приходоу путемъ совращенія въ свое исповѣданіе адептовъ иныхъ христіанскихъ исповѣданій, достигнутое исключительно пронырствами и усиліями своихъ миссіонероу.

Хотя на поприщахъ добывающей промышленности и торговли американская женщина занимаетъ далеко не такое мѣсто, какъ въ области либеральныхъ профессій, обрабатывающей промышленности (собственно мануфактуры и механическихъ производствъ) и наконецъ личнаго услуженія, тѣмъ не менѣе, однако, по послѣдней статистикѣ занятій (1890 г.) было въ странѣ свободы 219 женщинъ-углекоповъ, несущихъ тяжелый и опасный трудъ въ подземныхъ каменно-угледомяхъ, 504 женщины-банкаира, 27.772 женщины въ качествѣ бухгалтершъ и счетчицъ, 64.048 женщинъ-секретарей и переписчицъ, 4 женщины-машиниста при паровозахъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, 2.909 женщинъ-посыльныхъ, 21.185 женщинъ-стенографовъ (на 12.148 мужчинъ), 237 женщинъ должностныхъ лицъ въ разныхъ промышленныхъ компаніяхъ и наконецъ 72 разносчицы и продавщицы газетъ. Въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, протекшихъ со времени производства сообщаемой статистики занятій, количество женщинъ и въ вышеозначенныхъ профессіяхъ значительно

увеличилось въ процентномъ отношеніи къ мужчинамъ. Нерѣдко американка, даже замужняя, сама на собственный страхъ и рискъ и подъ собственной своей отвѣтственностью, ведетъ серіозное и сложное торговое либо промышленное предпріятіе, либо завѣдуетъ таковымъ, и въ этомъ отношеніи ни въ чемъ не уступаетъ мужчинамъ.

Общее количество женщинъ-чиновниковъ въ странѣ свободы по статистикѣ занятій 1890 г., какъ мы упомянули уже выше, равнялось 4.875, что составляло тогда 6,5% общаго числа всѣхъ должностныхъ лицъ въ предѣлахъ соювной республики. Такъ какъ эти послѣднія раздѣляются на чиновниковъ союзныхъ, т. е. Соединенныхъ Штатовъ, государственныхъ, т. е. отдѣльныхъ штатовъ, городскихъ или муниципальных и уѣздныхъ, то интересно прослѣдить хотя бы съ нѣкоторою приблизительностью, какъ именно распредѣляется означенная общая цифра женщинъ-чиновниковъ между вышеозначенными отдѣльными категоріями таковыхъ. Оказывается, что свыше 1000 женщинъ служатъ въ бюро гравированія и печатанія (The Bureau of Engraving and Printing) въ Вашингтонѣ. Бюро это тождественно съ нашей экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ и такъ же, какъ и эта послѣдняя, составляетъ специальный отдѣлъ министерства финансовъ, помѣщаясь, само собою разумѣется, въ особомъ, специально отстроенномъ и приспособленномъ зданіи, весьма напоминающемъ нашу экспедицію. Составляя болѣе $\frac{2}{3}$ личнаго состава этого важнаго союзногосударственнаго учрежденія (1500 душъ), американская женщина занимаетъ въ немъ немало должностей наиболѣе важныхъ и отвѣтственныхъ, а отдѣленіе специальныхъ счетчиковъ выпускаемыхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ, процентныхъ бумагъ и т. д. состоитъ исключительно изъ женщинъ. Затѣмъ около 1.800 женщинъ служатъ въ разныхъ департаментахъ и иныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ въ общей массѣ чиновниковъ союзногосударственныхъ (federal officers), государственныхъ (state officers), городскихъ (borough officers) и уѣздныхъ (county officers) число женщинъ-чиновниковъ первой, главнѣйшей категоріи простирается за 2800, а затѣмъ на долю трехъ остальныхъ категорій упадетъ лишь 2.000 съ небольшимъ. Среди чиновничества этихъ послѣднихъ категорій, носящихъ болѣе или менѣе мѣстный характеръ (штатъ, городъ, уѣздъ), наибольшее число должностныхъ лицъ прекраснаго пола, сравнительно съ таковыми же пола непрекраснаго, оказывается въ категоріи чиновниковъ городскихъ. Здѣсь занимаютъ онѣ тамъ и сямъ должности (выборныя) членовъ городскихъ думъ (counsilmen), членовъ городскихъ управъ (aldermen), иногда полицейскихъ чиновниковъ (constable) и иногда даже городскихъ головъ второстепенныхъ городовъ (chief burgess), между тѣмъ какъ среди должностей государственныхъ (state officers) и уѣзд-

ныхъ (county officers) достаются имъ преимущественно должности секретарей и канцелярскихъ чиновниковъ (clerks). Конечно, въ общей массѣ американскаго чиновничества внѣ Вапінгтона, этой искусственно созданной столицы Штатовъ, во многомъ напоминающей нашъ Петербургъ, эта женская разновидность официальнаго міра попадаетъ еще лишь спорадическими единицами, но во всякомъ случаѣ уже не составляетъ рѣдкости.

Не подлежитъ сомнѣнію, что расширеніе предоставляемыхъ нынѣ американской женщинѣ правъ голосованія неминуемо повлечетъ за собой значительное увеличеніе количества женщинъ-чиновниковъ въ странѣ свободы. Въ настоящее время такія права голосованія представляются довольно ограниченными. Въ нѣкоторыхъ изъ 45 штатовъ и 6 территорій, входящихъ въ составъ союзной республики, женщины пользуются лишь извѣстными правами голосованія при избраніи учебныхъ начальствъ и школьныхъ чиновниковъ разнаго рода и при установленіи налоговъ. Таковыми являются изъ 51-й составной части республики Соединенныхъ Штатовъ дѣльныхъ 23: Arizona, Delaroare, Idaho, Illinois, Indiana, Iowa, Kentucky, Massachusetts, Michigan, Minnesota, Montana, Nebraska, New Hampshire, New Jersey, North Dakota, Ohio, Oklahouua, Oregon, South Dakota, Texas, Vermont, Washington и Wisconsin. Изъ прочихъ 28 штатовъ и территорій, входящихъ въ составъ республики, штатъ Utah, знаменитая территорія мормоновъ, лишь 4-го января 1896 г. признанная штатомъ и принятая въ составъ союза, въ самой конституціи своей заключаетъ признаніе за женщиной права голосованія во всей его полнотѣ, не исключая и президентскихъ выборовъ. Такія же точно полныя права голосованія признаны за американской женщиной еще лишь двумя другими штатами: Wyoming — въ 1870 г. и Colorado — въ 1893 г. Въ штатѣ Kansas женщина пользуется широкими правами голосованія въ муниципальныхъ выборахъ. Въ остальныхъ 24 штатахъ и территоріяхъ американская женщина до сихъ поръ еще не получила какихъ бы то ни было правъ голосованія: ни полныхъ, какъ въ штатахъ Utah, Wyoming и Colorado, ни ограниченныхъ, какъ въ вышеисчисленныхъ 24 штатахъ и территоріяхъ. Предложенныя въ истекшемъ году дополненія къ конституціямъ разныхъ штатовъ, предоставляющія женщинамъ избирательныя права, повсюду въ законодательныхъ собраніяхъ подлежащихъ штатовъ провалились. Внесеніе въ актъ учрежденія города Великаго Нью-Йорка (Greater New-York), прошедшій въ истекшемъ году въ законодательномъ порядкѣ и получившій силу закона съ 1-го января текущаго года, особой статьи, предоставлявшей право голосованія женщинамъ въ предѣлахъ новосоздаваемаго города, было послѣдней попыткой расширенія избирательныхъ правъ американской женщины, которая оказалась столь же неудачной. Хотя мы коснулись здѣсь вопроса о правахъ голосованія, присвоенныхъ

американской женщинѣ, лишь мимоходомъ, единственно лишь въ связи этого вопроса съ численностью чиновниковъ прекраснаго пола въ странѣ свободы, тѣмъ не менѣе однако предметъ этотъ заслуживаетъ вниманія и независимо отъ такой связи, тѣмъ болѣе, что намъ почти не придется уже коснуться его снова.

Если мы выразили предположеніе, что расширеніе женскихъ правъ голосованія въ странѣ свободы должно увеличить количество должностныхъ лицъ прекраснаго пола, то предположеніе такое должно быть понимаемо лишь относительно. Какъ извѣстно, наихудшимъ врагомъ женщины является женщина же. Положеніе это, какъ ни кажется оно парадоксальнымъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ фактахъ извѣстной категоріи изъ области такъ называемыхъ свободныхъ профессій. Вотъ вамъ маленькій образчикъ. Въ городѣ Fitchburg штата Massachusetts (колыбель англо-американской цивилизаціи) интеллигентная дѣвушка Addie Frances Gillette выдержала экзамень, установленный для допущенія въ адвокатское сословіе, предъ подлежащей экзаменаціонной комиссіей, но не получила свидѣтельства на право адвокатской практики, благодаря противодѣйствію разныхъ мѣстныхъ кумушекъ, основанному на ихъ заявленіяхъ объ ея «личныхъ свойствахъ» и «поведеніи». Захолустныя салоппницы и сплетницы, которыя въ «странѣ свободы» отличаются необычайной дерзостью и поразительной наглостью, собирали даже подписи подъ петиціями о невыдачѣ ей вышеозначеннаго свидѣтельства, подлежавшія, по ихъ заявленіямъ, представленію въ уѣздную экзаменаціонную комиссію и уѣздный судъ, но въ дѣла почему-то не попавшія. Около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ по прошенію miss Addie Frances Gillette о допущеніи ея въ адвокатское сословіе означенный судъ, находящійся въ значительномъ городѣ Worcester помянутаго штата, выставилъ объявленіе, что лица, имѣющія представить какія либо возраженія противъ такого допущенія, должны явиться въ засѣданіе въ такой-то день и заявить таковыя, подтвердивъ ихъ по возможности свидѣтельскими показаніями. Въ назначенный день присяжный повѣренный г. Fitchburg нѣкій Charles Wage явился отъ имени противодѣйствующихъ допущенію дѣвушки въ адвокатскую корпорацію уѣзда (county), а представителями просительницы оказались Charles Hayden, также присяжный повѣренный г. Fitchburg, и должностное лицо, болѣе или менѣе соотвѣтствующее нашему товарищу прокурора (assistant district attorney), г. Rugg. Цѣлая армія захопустныхъ сплетницъ была выслушана въ этомъ засѣданіи, и хотя всѣ онѣ весьма недоброжелательно и совершенно неодобрительно распространялись насчетъ личныхъ «качествъ» и «поведеньевъ» просительницы, уѣздный, или, по американской терминологіи, предсѣдательствующій судья (единолично завѣдующій всѣмъ отправленіемъ правосудія въ предѣлахъ уѣзда, составляющаго судебный округъ) всѣ эти возраженія и заявленія,

по выслушаніи представителей просительницы, не призналъ уважительными и постановилъ рѣшеніе о выдачѣ ей надлежащаго адвокатскаго свидѣтельства.

Разсматривая роды занятій и профессіи американской женщины, мы не можемъ обойти молчаніемъ одно многозначительное и весьма интересное явленіе современной американской общественности, тѣмъ болѣе, что явленія, съ нимъ аналогичныя, замѣчаются во всѣхъ почти европейскихъ обществахъ. Мы разумѣемъ здѣсь появленіе въ странѣ свободы не со вчерашняго лишь дня такъ называемой «новой женщины». Она отличается отъ «старой» женщины образомъ мыслей, манерами, а иногда даже и костюмомъ; она хватается за всѣ виды труда и смѣло вступаетъ въ тѣ его области, которыя съ незапамятныхъ временъ признавались исключительной и почти монопольной принадлежностью мужчины. Всевозможныя обвиненія сыплются на «новую» женщину по обѣ стороны океана. Одни признаютъ ея стремленія къ самостоятельному труду во всѣхъ его разновидностяхъ лишь ненормальнымъ плодомъ больного, полудѣтскаго воображенія; другіе видятъ въ нихъ скоропреходящую прихоть, которая заранѣе обречена на быстрое исчезновеніе; третьи, наконецъ, заподозрѣваютъ ея искренность и чистоту ея намѣреній. Хотя обвиненія и подозрѣнія эти въ Новомъ Свѣтѣ далеко не такъ часты и вовсе не такъ остры, какъ въ Старомъ Свѣтѣ, тѣмъ не менѣе, однако и здѣсь, гдѣ женщина—брадобрѣй, женщина—станціонный агентъ, женщина—дровосѣкъ, женщина—каменотесъ, женщина—почтовый чиновникъ, женщина—священникъ, женщина—банкиръ, не говоря уже о женщинѣ-врачѣ, женщинѣ-адвокатѣ, женщинѣ-телеграфистѣ и т. д., вовсе не составляютъ рѣдкости, все-таки еще общее настроеніе клонится противъ «новой женщины», и немало «гражданъ» и «гражданокъ» критикуютъ и осуждаютъ такую самую рѣшительнымъ образомъ. Такъ какъ размѣры нашего очерка не позволяютъ намъ коснуться этого немаловажнаго и небезынтереснаго общественнаго вопроса сколько нибудь обстоятельно, и мы по необходимости затронули его лишь попутно, то посему и ограничимся лишь немногими, наисущественнѣйшими замѣчаніями. Съ незапамятныхъ временъ и шитье приготовленіе кушаньевъ признаются спеціально и исключительно женскими занятіями, а между тѣмъ признаніе такое, пережившее тысячелѣтія и глубоко укоренившееся, вовсе не исключаетъ, однако, существованія поваровъ, портныхъ и даже бѣлошвеекъ прекраснаго пола. Почему же, спрашивается, наоборотъ, признаніе извѣстныхъ родовъ занятій исключительно мужскими должно исключать существованіе женщинъ, спеціализирующихся въ тѣхъ же занятіяхъ, тѣмъ болѣе, что кругъ такъ называемыхъ мужскихъ занятій обнимаетъ собой всѣ почти роды и разновидности человѣческаго труда, а въ томъ числѣ даже и такіе, въ которыхъ женщина доказала уже положительное свое превосход-

ство надъ мужчиной? Говорятъ далѣе, что усвоеніе такъ называемыхъ мужскихъ занятій дѣлаетъ женщину грубой и мужчиноподобной, лишаетъ ее такъ называемой женственности. Но если поварство, портняжество, бѣлошвейничанье и даже помощь женѣ по части нянченья дѣтей не дѣлаютъ мужчину женственнымъ и женоподобнымъ, то почему же, спрашивается, докторство, адвокатство, либо брадобрѣйство или даже, наконецъ, дровосѣченье должно дѣлать женщину грубой и мужеподобной? Но, что самое главное, при осужденіи «новой женщины» непонятнымъ образомъ совершенно упускаются современные экономическія условія. Условія эти настолько осложнились, что нынѣ весьма нерѣдко отецъ семейства, при всемъ своемъ желаніи и несмотря на всѣ свои усилія, содержать семью самолично положительно не въ состояніи, и такимъ образомъ суровая житейская необходимость выталкиваетъ на рынокъ труда и обширное поле борьбы за существованіе не только недозрѣлыхъ сыновей, но также жену и дочерей. Еще болѣе непонятнымъ образомъ упускается изъ виду, что мужчина сталъ нынѣ гораздо болѣе «новымъ», нежели «новая женщина», и во всякомъ случаѣ является совсѣмъ не такимъ, какимъ былъ мужчина «старый» въ «доброе, старое время», когда старыя, патріархальныя основы общественности совершенно не походили на современные общественныя начала и условія. Въ то время какъ этотъ «старый мужчина», разъ обзаведшись семьей за рѣдчайшими исключеніями до конца дней своихъ несъ такъ называемыя семейныя обязанности, нынѣшній, «новый» мужчина къ этимъ послѣднимъ сплошь и рядомъ относится уже совершенно иначе. Оставленіе семьи безъ матеріальной поддержки (non support) и даже совершенное ея оставленіе (desertion) въ современной странѣ свободы представляются явленіями самыми заурядными, и нынѣшніе американскіе суды завалены дѣлами по жалобамъ женъ на такія оставленія. При подобныхъ обстоятельствахъ американская женщина должна быть готовою содержать не только самое себя, но нерѣдко также и своихъ дѣтей. Неудивительно и вполнѣ естественно, что она все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе вступаетъ въ разныя области труда, въ какія ранѣе и не заглядывала, и стремится завоевать себѣ на полѣ житейской битвы и рынкѣ общечеловѣческаго труда прочное и независимое положеніе. Независимо отъ сего, современные общественныя условія требуютъ отъ американской женщины, какъ воспитательницы своихъ дѣтей, знаній столь разностороннихъ и опыта житейскаго столь серьезнаго, что она не можетъ не отличаться рѣзко отъ американки «добраго стараго времени». Такимъ образомъ типъ американской женщины, носящій ходячее наименованіе «новой женщины», народившійся, повторяемъ, не со вчерашняго дня, является простымъ актомъ приспособленія прекрасной половины рода человѣческаго въ странѣ свободы къ новымъ, рѣзко измѣнившимся общественнымъ условіямъ и ихъ прямымъ и неизбѣжнымъ резуль-

татомъ. Въ этомъ отношеніи такъ называемая «новая женщина» также «стара», какъ и всѣ ея предшественницы, начиная съ пра-матери Евы, въ раю вовсе не нуждавшейся въ платьяхъ, которыя нынѣ стоятъ дорого, и не рисковавшей поэтому получить упрекъ въ расточительности, и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько же «нова», никакъ не болѣе того, какъ ея прабабушка была по отношенію къ женщинѣ средневѣковой, а эта послѣдняя въ свою очередь по отношенію къ женщинѣ времянъ великаго переселенія народовъ. Всѣ приведенныя замѣчанія наши, конечно, болѣе чѣмъ далеки отъ того, чтобы очертить всѣ существеннѣйшія данныя къ разъясненію этого важнаго предмета, но мы имѣли въ виду единственно лишь показать, что такъ называемая «новая женщина», какъ и все въ природѣ вещественной и социальной, имѣетъ свой *raison d'être*.

По бѣглому обзорѣннн женскихъ занятій и профессій въ странѣ свободы, намъ приходится упомянуть здѣсь еще о двухъ видахъ женской дѣятельности, носящихъ болѣе или менѣе профессиональный или, правильнѣе говоря, специальный характеръ. Видами такими представляются: проституція и авантюризмъ. По размѣрамъ настоящаго нашего очерка мы не можемъ посвятить имъ болѣе нѣсколькихъ самыхъ общихъ замѣчаній. Если американская проституція немногимъ отличается отъ проституціи европейской, то зато американскій женскій авантюризмъ, въ странѣ свободы получившій самое широкое развитіе и распространеніе, заключаетъ въ себѣ немало чертъ вполне самобытныхъ и въ высшей степени любопытныхъ.

Американское законодательство въ его цѣлокупности или, точнѣе говоря, американская законопримѣнительная практика, которая въ этой диковинной странѣ своеобразной свободы имѣетъ гораздо больше значенія, нежели самый законъ въ его внутренней сущности и дѣйствительномъ смыслѣ (въ родѣ знаменитыхъ «мудрыхъ старыхъ примѣровъ» Поднебесной имперіи, которая въ опереткѣ «Чайный Цвѣтокъ» также именуется «страной свободы»), вовсе не допускаютъ существованія проституціи, а вслѣдствіе такого недопущенія не подвергаютъ таковой ни регистраціи, ни какому бы то ни было контролю. Само собою разумѣется, что разъ таковая не допускается, то она и преслѣдуется, но преслѣдуется не прямымъ, а косвеннымъ образомъ: не прямыя виновники, то-есть проститутки и пользующіеся ихъ услугами, подвергаются наказанію, а содержатели либо содержательницы домовъ терпимости, то-есть, въ сущности лишь пособники и укрыватели запрещаемаго американскимъ закономъ дѣянія. А такъ какъ, несмотря на всѣ эти формальныя воспрещенія и преслѣдованія косвеннаго свойства, проституція въ странѣ свободы, конечно, все-таки существуетъ и даже въ большей или меньшей степени процвѣтаетъ, то отсутствіе регистраціи и какого бы то ни было контроля влечетъ за собой послѣдствія самаго прискорбнаго свойства. Прежде всего въ «странѣ свободы» существуетъ полная

«свобода» зараженія. Затѣмъ американская проститутка, въ своемъ промыслѣ не чувствуя надъ собой никакого контроля, отличается необычайною наглостью. Она втирается положительно всюду: она открыто издѣвается надъ мужчиной, почему либо не желающимъ пользоваться ея продажными прелестями; она вступаетъ въ естественный союзъ съ первой и наивысшей проституткой «страны свободы», то-есть, чудовищной и продажной американской кустипіей, и заводитъ эти безконечные и поразительные процессы о «нарушеніи обѣщанія жениться», о «прижитіи ребенка» (если таковой родится, а иногда даже и вовсе не родится) и наконецъ о «покушеніи на изнасилованіе» либо «изнасилованіи». Всѣ тѣ чудовищныя трагикомедіи правосудія, о которыхъ мы достаточно говорили уже выше, какъ о средствахъ и путяхъ къ принужденію намѣченного мужчины на себѣ жениться, неизмѣнно являются вмѣстѣ съ тѣмъ также отличными и наиболѣе дѣлсообразными средствами заставить намѣченного мужчину заплатить изрядную денежную сумму, а потому значительная ихъ часть заводится болѣе или менѣе завѣдомыми проститутками. Метрополія Новаго Свѣта, то-есть Нью-Йоркъ, съ 1 января текущаго года являющійся уже не просто Нью-Йоркомъ, а Великимъ Нью-Йоркомъ, представляется великимъ прежде всего и наиболѣе всего по части процвѣтанія проституціи. Нью-йоркскія проститутки чрезвычайно падки на малоопытныхъ провинціаловъ и въ особенности малосвѣдущихъ иностранцевъ, незнакомыхъ съ нравами, обычаями, законами, судами и даже языкомъ «страны свободы» и ея «метрополіи» и именуемыхъ вообще «зелеными» (greengorn). Изобрѣтенія и ухищренія сихъ достойныхъ дочерей «страны свободы», въ «равенствѣ» и «правосудіи» таковой обрѣтающихся неизсякаемый источникъ вдохновенія, по части облапошиванья, обирания и ограбленія «зеленыхъ» по истинѣ геніальны и вполне достойны «великой страны» и «великаго народа». Между прочимъ не ускользнули отъ ихъ хитро-сплетенныхъ сѣтей и русскіе офицеры, въ 1893 году прибывшіе на знаменитую чикагскую всемірную выставку. Дѣло было лѣтомъ, въ іюлѣ мѣсяца, когда во всей почти Америкѣ царствуетъ столь страшная жара, что люди сплошь и рядомъ гибнутъ отъ солнечнаго удара, и днемъ положительно невозможно показаться на улицѣ. Въ особенности невыносимъ въ это время года Нью-Йоркъ, въ портѣ котораго и довелось стоять въ это время русскимъ крейсерамъ «Рында» и «Дамитрій Донской». Два молоденькихъ русскихъ мичмана поздно вечеромъ благодушно гуляли по Broadway, главной улицѣ Нью-Йорка, и разсматривали огромныя зданія и блестящіе магазины метрополіи Новаго Свѣта. Немало попадалось имъ на встрѣчу хорошенькихъ женщинъ, подмигивавшихъ весьма многозначительно и недвусмысленно, но одна парочка таковыхъ оказалась въ своей мимикѣ необычайно выразительною и настоятельною. Нимало не подозревая

никакой «стратегической» опасности, бравые русскіе моряки, совершенно не владѣвшіе иностранными языками, пустили въ ходъ весь запасъ французскихъ фразъ, какими только располагали, а равно также и всѣ свои мимическія дарованія и познанія. Все шло, повидимому, отлично, и бравые моряки успѣли уже пройти бокъ о бокъ съ «прелестными незнакомками» значительное пространство, какъ вдругъ эти послѣднія, немного пошептавшись другъ съ другомъ, совершенно неожиданно закричали: «police, police!» Ошеломленные подобною неожиданностью, бравые офицеры въ первый моментъ остолбенѣли, а вслѣдъ засимъ порѣшили во избѣжаніе скандала улепетнуть. Однако «прелестныя незнакомки» гнались за ними по пятамъ, и потому одинъ изъ постовыхъ полисманомъ остановилъ ихъ. Положеніе бравыхъ моряковъ, при совершенномъ непониманіи, чего именно хотятъ эти женщины, и совершенномъ невладевніи англійскимъ языкомъ, было самое непріятное и критическое. Къ ихъ счастью имѣется въ метрополиі Соединенныхъ Штатовъ свыше двухъ сотъ тысячъ русскихъ евреевъ, отлично владеющихъ русскимъ языкомъ, и нѣсколько изъ таковыхъ оказалось въ толпѣ, сбѣжавшейся на уличный скандалъ. Они разъяснили сущность дѣла, какъ полисману, задержавшему офицеровъ, такъ и подоспѣвшему тѣмъ временемъ участковому полицейскому капитану, и благородные офицеры были отпущены съ миромъ и легкимъ выраженіемъ сожалѣнія о случившемся со стороны означеннаго капитана, между тѣмъ какъ «прелестныя незнакомки», бывшія, само собою разумѣется, завѣдомыми уличными проститутками и ожидавшія сорвать съ бравыхъ моряковъ, по крайней мѣрѣ, по 10 долларовъ за оскорбленіе ихъ «женской чести» и угнетеніе ихъ «дѣвичей невинности», получили вмѣсто того лишь добрый нагоняй отъ того же полицейскаго капитана. Конечно, приведенная исторія сравнительно еще совершенно невиннаго свойства и стоитъ почти внѣ той сферы гениальной изобрѣтательности американскихъ проститутокъ и авантюристокъ по части обирания и обдиранія, о которой мы только что упомянули. Однако распространяться по этому предмету мы здѣсь не станемъ. Описаніе и разсмотрѣніе проститупціи, по крайней мѣрѣ, въ двухъ крупнѣйшихъ городахъ страны свободы, каковы New-York и Chicago, составило бы цѣлый томъ, а вѣдь, кромѣ этихъ двухъ первостепенныхъ городовъ союзной республики, имѣются еще здѣсь такіе крупные города и такіе типичные центры американской цивилизаціи, какъ Boston, Philadelphia, Washington, New Orleans и San Francisco, изъ которыхъ три послѣднихъ и въ особенности Washington, столица Штатовъ, отличаются изумительной распущенностью нравовъ. Замѣтимъ лишь, что въ то время, какъ американская законопримѣнительная практика съ одной стороны воспрещаетъ и слегка преслѣдуетъ проститупцію путемъ спорадическаго и болѣе или менѣе случайнаго наказанія содержателей и

содержательницъ домовъ терпимости, извѣстная категорія американскихъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ и судебная практика, основанная на примѣненіи этихъ послѣднихъ и глубоко укоренившемся злоупотребленіи ими, открывая американской женщинѣ широкую легальную возможность обирать и ограблять мужчину на основаніи состоянія съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, укореняетъ, поддерживаеъ и питаетъ въ ней инстинкты, стремленія, чувства, представленія и понятія, естественнымъ, прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ которыхъ является сплошь и рядомъ сложеніе въ ея натурѣ нравственнаго облика проститутки еще въ самомъ раннемъ возрастѣ.

Что касается сферы женскаго авантюризма въ странѣ свободы, то это цѣлая шехеразада. Не только длинный рядъ страницъ, много разъ превосходящій размѣры настоящаго скромнаго очерка нашего, но также и соединеніе талантовъ Тэккерея, Диккенса, Бальзака и Гоголя необходимы для должнаго ея воспроизведенія. Не дерзаемъ посему и думать о такомъ и отдѣлаея лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями. Первостепенное по своему значенію мѣсто между американскими авантюристками занимаютъ несомнѣнно такъ называемыя преддверницы (lobbyists), наполняющія преддверія либо коридоры величественнаго вашингтонскаго Капитолія (Capitol), въ которомъ засѣдаетъ законодательное собраніе республики Соединенныхъ Штатовъ, именуемое вообще конгрессомъ (Congress). Каждый членъ этого послѣдняго (congressman) при исполненіи своихъ обязанностей, на него возлагаемыхъ довѣріемъ избирателей, окруженъ многообразными и могущественными вліяніями и воздѣйствіями. Положительно цѣлая армія расторопныхъ мужчинъ и женщинъ содержится въ Вашингтонѣ разными обществами, корпораціями, промышленными товариществами и богатыми предпринимателями въ видахъ направленія текущаго законодательства въ ихъ интересахъ. Деньги льются рѣкой, но тамъ, гдѣ онѣ безсильны и не могутъ помочь дѣлу, къ нимъ присоединяются либо самостоятельно пускаются въ ходъ очарованія и прелести хорошенькихъ женщинъ. Онѣ-то и наполняютъ коридоры либо галереи Капитолія; онѣ являются наиболѣе успѣшными «преддверниками»; чрезъ нихъ и при ихъ посредствѣ осуществляются мошенничества наиболѣе колоссальныя. Конечно, чтобы попасть въ число «преддверницъ» и въ семъ званіи получать крупное жалованье и кругленькое содержаніе отъ корпорацій и лицъ, заинтересованныхъ въ ходѣ текущаго законодательства и должномъ на такое воздѣйствіи, недостаточно лишь обладать восхитительнымъ лицомъ и великолѣпными формами; необходимы, сверхъ сего, даръ рѣчи, способность убѣждать, умѣнье во время настоять и кстати польстить, наконецъ болѣе или менѣе глубокое психологическое чутье: нерѣдко «преддверница» должна распознать и распознаетъ продажнаго «законодателя» по манерѣ завязывать

галстукъ, либо по его перчаткамъ. Подробное описаніе стратегіи и тактики вашингтонскихъ «преддверницъ» положительно не можетъ умѣститься въ предѣлы, предназначенные для настоящаго очерка, и потому мы его совершенно опускаемъ. Скажемъ лишь, что многія изъ нихъ занимаютъ роскошнѣйшія квартиры столицы республики и въ нихъ задаютъ ея законодателямъ пирушки, могущія посоперничать съ лукулловскими обѣдами временъ наивысшаго процвѣтанія республики грѣховнаго Рима. Въ той части вашингтонскаго Капитолія, въ которой помѣщается сенатъ союзной республики, имѣется специальное помѣщеніе, официально именуемое «комнатой для выслушанія дамъ» (the ladies'audience chamber). Хотя помѣщеніе это, роскошно отдѣланное и изящно разукрашенное, изобилующее восхитительнѣйшими и укротнѣйшими vis-a-vis и изолированное, какъ боковая ложа театра, предназначено для женъ законодателей и избраннѣйшихъ изъ провинціальнахъ посѣтителей столицы, тѣмъ не менѣе оно является въ дѣйствительности ложей «преддверницъ». Отсюда, съ этихъ заманчивыхъ высотъ блещутъ онѣ своими формами и своими нарядами и мечутъ молніеносные взоры въ почтенныхъ сенаторовъ, которые раньше или позже должны стать ихъ жертвами либо за карточнымъ столомъ, выигравъ отъ нихъ болѣе и менѣе кругленькую сумму въ такъ называемый рокег (одна изъ азартнѣйшихъ игръ на земномъ шарѣ) въ замѣтъ за свой голосъ въ пользу опредѣленнаго закона, либо въ тиши ихъ будуаровъ, гдѣ среди восхитительнѣйшихъ tête-à-tête и атмосферы, насыщенной чуднымъ ароматомъ, они отдають свои голоса въ пользу законодательныхъ мѣръ, какихъ домогаются ихъ прелестныя обладательницы. Можно ли послѣ этого удивляться тому, что въ то время, какъ американскія провинціалки всѣми силами и средствами домогаются расширенія голосовательныхъ правъ женщинъ, прекрасныя обывательницы столицы республики Соединенныхъ Штатовъ къ такому расширенію относятся довольно равнодушно, заявляя, что онѣ и безъ того пользуются достаточнымъ вліяніемъ на ея законодательство, и что къ числу подобныхъ заявительницъ относятся не только жены министровъ и выдающихся сенаторовъ и депутатовъ, но также и прелестныя авантюристки, наполняющія коридоры конгресса и желающія видѣть «по дѣлу» разныхъ болѣе или менѣе вліятельныхъ его членовъ? А между тѣмъ авантюристки эти, имѣющія «достаточное» вліяніе на ходъ федеральнаго законодательства, являются по преимуществу не чѣмъ инымъ, какъ замаскированными камеліями либо своднями.

Другой излюбленной сферой дѣйствія американской авантюристки является благотворительность. Пользуясь отсутствіемъ всякихъ особыхъ на сей счетъ формальностей, эти «прелестныя незнакомки» объявляютъ къ открытію разные «пріюты», «дома», «убѣжища», «пристанища» и т. п. и производятъ денежныя на нихъ

сборы. Являясь къ людямъ богатымъ, въ особенности извѣстнымъ своей благотворительностью, онѣ получаютъ сплошь и рядомъ даянія весьма значительныя и сколачиваютъ суммы, которыя далеко превосходятъ затраты, необходимыя для открытія проектированнаго «убѣжища», если только таковое открывается. Авантюристкі страны свободы, не отваживающіяся заняться учрежденіемъ и устройствомъ разныхъ «убѣжищъ» и «пріютовъ», нерѣдко работаютъ для благотворительныхъ учреждений, уже существующихъ, которыя въ этой странѣ чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Въ отношеніи возможности возбужденія уголовного преслѣдованія за выманиваніе денегъ подъ вымышленными предлогами (collection of the money under false pretences), утайки нѣкоторой части сборовъ, сдѣланныхъ въ пользу учреждений, уже существующихъ, гораздо безопаснѣе и надежнѣе, нежели неоткрытіе заявленныхъ «пріютовъ» либо открытіе таковыхъ лишь для близиру. За невозможностью вдаваться въ разсмотрѣніе этой разновидности дѣятельности американскихъ авантюристокъ ограничимся здѣсь приведеніемъ одного образчика. Нѣкая дѣвица May Kellard, обывательница города New-York, издавна состояла членомъ благотворительной организаци Door of Hope (Дверь Надежды) и была энергичнѣйшей изъ всѣхъ ея дѣятельницъ съ самаго ея основанія (1890 г.). Цѣлью этой организаци является содержаніе ряда убѣжищъ для падшихъ и несчастныхъ женщинъ. May Kellard разыскивала таковыхъ и помѣщала ихъ въ главномъ, ньюіоркскомъ пріютѣ. Она умѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздобывать значительныя суммы на содержаніе вышеупомянутыхъ учреждений и для достиженія цѣлей организаци вообще. Между прочимъ она, какъ мы упоминали уже выше, выступила въ необычайной роли въ громкомъ процессѣ по обвиненію нѣкоего Walter Langerman нѣкою Barbara Aub въ изнасилованіи. По осужденіи обвиняемаго, May Kellard приняла дѣятельнѣйшее участіе въ потерпѣвшей Barbara Aub, увела эту послѣднюю въ свое убѣжище, вошла съ ней въ дружбу, водила ее съ собой по воскресеньямъ въ извѣстную тюрьму парственнаго града New-York, извѣстную подъ именемъ Sing Sing, дабы вмѣстѣ пѣть для заключенныхъ, и довела ее до сознанія, что обвиненіе, взведенное ею на Langerman, было ложно. Не подлежитъ сомнѣнію, что заслуга May Kellard по части обнаруженія предъ свѣтомъ ужасовъ американскаго правосудія заслуживаетъ признательности всѣхъ друзей человечества, хотя обнаруженіе такое и не измѣнило и не измѣнитъ террора и цинизма этого правосудія. Несомнѣнно также, что эта странная дѣвушка принесла спасительную помощь сотнямъ обиженныхъ судьбой женщинъ, изъ которыхъ вышеупомянутая Barbara Aub была, безъ сомнѣнія, обиженной наименѣе, ибо вся ея обида заключалась лишь въ томъ, что Walter Langerman, чувствительно ранившій ея сердце, не пожелалъ на ней жениться. Однако, дѣлая немало добра, экзальтированная и пред-

примчивая May Kellard и себя не забывала. Нѣкій William Wood, старикъ, одинъ изъ ньюіоркскихъ богачей, въ сравнительно короткое время передавалъ ей 150.000 долларовъ. Его нѣжныя чувства къ этой странной дѣвушкѣ были столь чрезмѣрны, что онъ ухлопалъ на нее почти все свое состояніе и въ концѣ концовъ попалъ въ сумасшедшій домъ. На деньги, полученныя отъ William Wood, May Kellard задавала роскошные балы, между тѣмъ какъ онъ самъ не смѣлъ въ эти пріемные вечера появиться къ ней ранѣе, чѣмъ уѣхалъ послѣдній гость. Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же суммы довольно щедро тратила она на оказаніе помощи бѣднымъ и несчастнымъ женщинамъ. Обѣды tête-a-tête съ богатымъ старикомъ поздней ночью въ строго изолированныхъ кабинетахъ перворазрядныхъ ресторановъ блестящаго Нью-Йорка чередовались съ посѣщеніемъ этихъ ужасающихъ притоновъ потрясающей нищеты метрополіи Новаго Свѣта. Куртизанка легкаго поведенія, безпощадно обирающая втюрившася въ нее богатаго старикашку, мгновенно превращалась въ ангела-хранителя погибающей съ голоду семьи, тяжело больной матери, либо брошенныхъ на произволъ судьбы дѣтей. Въ концѣ концовъ May Kellard была скомпрометирована обвиненіемъ въ подлогѣ вмѣстѣ съ вышеозначеннымъ богачемъ Wood имени жены послѣдняго Virginia Wood на двухъ векселяхъ въ 1.000 долларовъ каждый. Судъ присяжныхъ, ее судившій, не пришелъ къ единогласному рѣшенію, и вслѣдъ затѣмъ обвинительная власть освободила ее изъ тюрьмы, признавая, что она субъектъ—свихнувшійся съ ума, и что невозможно составить новый судъ присяжныхъ, который осудилъ бы ее единогласно. Изъ подобныхъ противорѣчій и загадочностей соткано множество американскихъ авантюристокъ этой категоріи, и мы крайне сожалѣемъ, что не можемъ распространиться о нихъ болѣе.

Еще одну важную категорію американскихъ авантюристокъ составляютъ шантажистки (blackmailers), эксплуатирующія въ свою пользу ужасы американскаго правосудія. Если подобная, такъ сказать, судебная авантюристка молода, она, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, изъ города въ городъ, возбуждаетъ дѣла объ изнасилованіяхъ ея либо покушеніяхъ на таковыя, при чемъ виновными въ таковыхъ являются неизмѣнно люди состоятельные безъ различія возраста, если же она уже стара, и обвиненія сего рода были бы черезчуръ неправдоподобны, то она обнаруживаетъ вдругъ «первоначальную» жену какого либо покойнаго милліонера, который оказывается, такимъ образомъ, двоеженцемъ, и ставитъ такимъ путемъ дѣтей умершаго въ необходимость «смыть пятно» съ его памяти, либо же накануне свадьбы какого либо изъ крестовъ страны свободы упорно распускаетъ слухи, что таковой долженъ ей 100.000 долларовъ, и ставитъ, такимъ образомъ, этого послѣдняго въ необходимость прекратить эти слухи и отъ нихъ «очиститься». Всѣ подобныя предпріятія основаны на томъ простомъ и нерѣдко оправдывающемся

расчетъ, что многіе граждане страны свободы предпочитаютъ «уладить» (settle) дѣло безъ огласки въ камерѣ мирового судьи, отдѣлавшись той или иной денежной подачкой возбудителю такового, нежели отдать его на публичное и циничское издѣвательство американской юстиціи въ открытомъ судебномъ засѣданіи. Если, однако, расчетъ этотъ не оправдается, то авантюристка судебной категоріи имѣетъ шансы выиграть затѣянное ею дѣло, а если она его и проигрываетъ, то вѣдь она ровно ничего отъ этого не теряетъ. Изъ американскихъ авантюристокъ этой категоріи въ послѣднее время прославились: вышепомянутая Barbara Aub, обвинявшая Walter Langerman въ изнасилованіи, и нѣкая Mrs Cody, шестидесятидвухлѣтняя старуха, съ ногъ до головы облеченная въ черный цвѣтъ, которая заставила наслѣдниковъ извѣстнаго американскаго миллионера Jay Gould два года тягаться по ньюіорскимъ судамъ, пока они успѣли доказать, что открытая означенной старухой другая старуха Mrs Sarah Angell никогда не была женой ихъ покойнаго отца.

III.

Въ предшествующихъ двухъ главахъ труда нашего, являющагося всего лишь бѣглымъ очеркомъ, мы рассмотрѣли американскую женщину въ ея стремленіяхъ къ браку, въ супружествѣ и разныхъ профессіяхъ. Намъ остается лишь коснуться ея общихъ качествъ и свойствъ, дабы сдѣлать затѣмъ выводы изъ всего вышеизложеннаго.

Прежде всего, несмотря на нѣкоторую грубость, шероховатость и меркантильность англо-саксонской натуры вообще, американки отличаются въ общемъ сердцемъ чувствительнымъ и влюбчивымъ. Это—не отвлеченный и, такъ сказать, метафизическій сентиментализмъ нѣмки, не жгучая страстность французенки, испанки либо даже итальянки, не мечтательная чувствительность женщины расы славянской: это—соединеніе того естественнаго и нормальнаго сентиментализма, какимъ отличаются голландка и фламандка, съ той нормальной и здоровой чувственностью, какая создается естественностью роста и физическаго развитія съ самаго ранняго дѣтства. Это безконечное множество браковъ «уходомъ» (elopement), какіе мы описали уже выше, достаточно характеризуютъ американскую женщину въ этомъ отношеніи. Хотя затѣмъ средняя продолжительность американскихъ супружествъ сравнительно невелика, но это объясняется прежде всего непрерывнымъ передвиженіемъ населенія и вступленіемъ въ бракъ въ весьма раннемъ возрастѣ, независимо отъ относительной легкости полученія развода и вступленія въ новый бракъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что республика Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки вслѣдъ за Франціей является страной, въ которой процентъ браковъ, заключаемыхъ исключи-

тельно по взаимному влеченію или, какъ принято выражаться, «по любви», представляется наивысшимъ. И если величайшій изъ поэтовъ русскихъ лишь призывалъ «младую жизнь» играть у «гробового входа», то въ той далекой заморской странѣ, которой онъ совершенно не зналъ и о которой онъ никогда не думалъ, эта самая младая жизнь въ ея наивысшемъ проявленіи играетъ нерѣдко у входа на ступени висѣлицы, въ преддверіи позорнѣйшей смерти. Среди великаго множества убійствъ, общей численностью которыхъ страна свободы превосходитъ всякую иную страну на земномъ шарѣ, нерѣдки убійства романческаго свойства, совершаемыя по преимуществу представителями пола прекраснаго. И вотъ когда этакій романческій убійца сидитъ въ тюрьмѣ и по произнесеніи надъ нимъ приговора лишь ожидаетъ, пока глухая петля, обвившись вокругъ его шеи, прекратитъ его земное существованіе, среди посѣтительницъ мѣста заключенія, сюда приводимыхъ родственниками и друзьями обвиняемыхъ и осужденныхъ, да гаветными статьями о сихъ послѣднихъ, объявляется вдругъ любвеобильное существо, которое, воспылавъ страстью нѣжной, бывающей вмѣстѣ съ тѣмъ и мятежной, къ злодѣю изъ-за страсти, убійцѣ изъ-за любви, надъ которымъ виситъ смертный приговоръ или которому уже даже назначенъ день казни, употребляетъ сверхчеловѣческія усилія, чтобы спасти осужденнаго. Если принять во вниманіе, что по американскимъ процессуальнымъ порядкамъ вопросъ о нормальности умственныхъ способностей обвиняемаго можетъ быть возбуждаемъ во всякомъ положеніи дѣла, что признаніе ненормальности зависитъ гораздо болѣе отъ внутренняго убѣжденія присяжныхъ, нежели отъ заключенія экспертовъ, что убѣжденіе это въ свою очередь зависитъ отъ краснорѣчія и искусства адвокатовъ, а эти послѣднія отъ размѣровъ полученнаго гонорара, что засимъ эти любвеобильныя существа, которыхъ любовь расцвѣтаетъ вдругъ совершенно неожиданно и вопреки всякимъ расчетамъ въ сыромъ сумракѣ тюремнаго коридора и въ тѣни, бросаемой висѣлицей, нерѣдко обладаютъ средствами и притомъ весьма порядочными, что, наконецъ, приговоръ присяжныхъ засѣдателей по всякому дѣлу въ значительной степени зависитъ фактически отъ общественнаго мнѣнія, о немъ сложившагося, а это послѣднее въ свою очередь можетъ быть создаваемо и направляемо въ извѣстную сторону усиліями отдѣльныхъ личностей и въ особенности подобныхъ экзальтированныхъ существъ, то отсюда нельзя не видѣть, что этотъ нѣжный розовый цвѣтокъ возвышенной женской души, неожиданно расцвѣтшій вдругъ «у гробоваго входа», нерѣдко, дѣйствительно, спасаетъ обвиняемаго или даже уже осужденнаго за убійство. Вслѣдъ за такимъ спасеніемъ обыкновенно происходитъ соединеніе спасеннаго и спасительницы узами супружества, если только ни первый, ни вторая не были связаны таковыми ранѣе, что, впрочемъ, не-

рѣдко, какъ мы видѣли уже выше, не препятствуетъ вступленію въ новыя супружества.

Кромѣ такой широкой способности къ искреннему и честному чувству по отношенію къ мужчинѣ, хотя и подкрашенному въ значительной степени влеченіемъ чисто физическимъ, американская женщина отличается еще тѣмъ важнымъ качествомъ, чтобы не сказать—достоинствомъ, что она не стѣсняется и не стыдится никакого положительно труда. Въ то время какъ самая заурядная купчиха, немножечко разжирѣвшая мѣщанка, самая мизерная чиновница европейскаго континента нуждаются въ домашней прислугѣ для варки кушанья и вообще такъ называемой черной работы, въ странѣ свободы жены, дочери и сестры мужей, отцовъ и братьевъ, получающихъ по нѣскольку тысячъ годового дохода, нисколько не стѣсняются мыть окна, двери и лѣстницы, стряпать на кухнѣ, чистить, выметать и убирать домъ, какъ ежедневно, такъ и спеціально по субботамъ, когда происходитъ генеральная чистка каждаго семейнаго обиталища. Хотя нѣкоторыя зажиточныя семейства и имѣютъ прислугу, но она собственно лишь помогаетъ хозяйкѣ, и на неѣ во всякомъ случаѣ не сваливается вся домашняя работа, ибо въ такомъ случаѣ всё не было бы сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Вслѣдствіе этого американка, если даже она и не обладаетъ никакой профессіей и не несетъ никакихъ спеціальныхъ занятій, вноситъ въ семью личнымъ трудомъ своимъ, умѣньемъ и искусствомъ болѣе, нежели какая бы то ни было изъ женщинъ иныхъ цивилизованныхъ націй, за исключеніемъ, пожалуй, французенки.

Во внѣшнемъ обращеніи своемъ американка проста, общительна, сердечна, привѣтлива, искренна, жива, остроумна, непринужденна и развязна, развязна настолько, что для европейца, за исключеніемъ француза да, пожалуй, отчасти еще англичанина, она сразу можетъ показаться нахальною. По крайней мѣрѣ, *Senor don Dupuy de Lome*, бывшій испанскій посланникъ въ Вашингтонѣ, недавно покинувшій свой постъ изъ-за опубликованія частнаго письма его къ одному изъ испанскихъ редакторовъ, его личному другу, въ которомъ онъ рѣзко осудилъ поведеніе нынѣшняго президента республики Соединенныхъ Штатовъ, въ книгѣ своей «Отъ Мадрида до Мадрида—вокругъ свѣта», въ 1878 году изданной въ столицѣ Испаніи, высказываетъ крайне нелестное сужденіе объ американскихъ женщинахъ, будучи сбитъ съ толку ихъ внѣшнимъ обращеніемъ, совершенно непохожимъ, конечно, на таковое же испанскихъ доннъ и для него непривычнымъ. Въ этомъ промахѣ своемъ и грубой съ своей стороны ошибкѣ *Senor Dupuy de Lome* самолично сознался впоследствии, будучи уже не начинающимъ *attaché*, а посланникомъ, и ближе ознакомившись со страной, ея нравами и обычаями.

Однако, вслѣдъ за этими крупными и несомнѣнными достоинствами американской женщины представляется необходимымъ отмѣтить цѣлый рядъ ея болѣе или менѣе серіозныхъ недостатковъ. Прежде всего, та всеобщая жестокость нравовъ, какою отличается страна свободы, не остается, конечно, безъ вліянія на складъ характера американки: она также относительно жестока и безчеловѣчна. Такъ, напримѣръ, вовсе не въ диковинку услышать отъ американской фермерки нижеслѣдующее заявленіе: «я всегда стрѣляю по ногамъ въ воровъ, приближающихся къ моему курятнику, съ намѣреніемъ убить ихъ, если только ихъ не преслѣдуетъ наша собака, въ послѣднемъ случаѣ я стрѣляю въ воздухъ, дабы не убить собаку». Заявленіе такое не требуетъ комментаріевъ. Нерѣдкость также встрѣтить въ странѣ свободы женщину и притомъ женщину вполне интеллигентную, которая утверждаетъ, что дѣтей, рождающихся слѣпыми, либо глухими, либо нѣмыми, либо недужными, либо наконецъ одержимыми серьезными физическими недостатками, слѣдуетъ отправлять на тотъ свѣтъ при самомъ ихъ рожденіи, а равно поступать также точно съ дряхлыми стариками и недужными всѣхъ возрастовъ. Врядъ ли и такое утвержденіе нуждается въ какихъ бы то ни было съ нашей стороны поясненіяхъ. Замѣтимъ лишь, что даже въ древней Спартѣ извѣстная система умерщвленія калѣчныхъ и слабыхъ дѣтей вслѣдъ за ихъ рожденіемъ была установлена верховнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ такъ называемыхъ «стариковъ», безъ всякаго участія въ семъ рѣшеніи спартанскихъ женщинъ.

Другимъ недостаткомъ американской женщины, едва ли не самымъ серіознымъ, представляется ея несомнѣнная и очевидная расточительность. На свои платья и уборы, равно какъ на обстановку дома, убранство и костюмы дѣтей, экипажи въ зажиточныхъ семействахъ и т. п. американская женщина тратитъ несомнѣнно гораздо болѣе, чѣмъ какая бы то ни была иная женщина на земномъ шарѣ. Въ особенности относится это къ платьямъ и всякимъ женскимъ уборамъ. Фасоны радикально измѣняются въ странѣ свободы положительно каждый годъ, и посему каждый годъ положительно обновленіе гардероба вызываетъ значительные расходы въ каждой семьѣ, ибо никто положительно не смѣетъ и не можетъ игнорировать моды, даже самый почтенный и зрѣлыхъ лѣтъ мужчина, не говоря уже о женщинѣ какого бы то ни было возраста. Эта расточительность американской женщины сказывается съ особой рельефностью при сопоставленіи страны свободы съ Англійей, страной также англо-саксонской культуры и цивилизаціи. Мы не говоримъ уже объ этихъ балахъ стоимостью въ 250.000 долларовъ (нашихъ полъ-милліона); объ этихъ французскихъ ложахъ цѣной въ 10.000 долларовъ, годовое содержаніе которыхъ равняется годовому бюджету нѣсколькихъ семействъ средняго круга; объ этихъ

гардеробах новорожденному дитяти стоимостью въ 5.000 долларовъ; объ этомъ морѣ цвѣтовъ стоимостью въ 25.000 долларовъ, которыми осыпается при возвращеніи домой американская аристократка, свихнувшая себѣ шею въ бѣшеной скачкѣ на охотѣ; объ этихъ брильянтахъ стоимостью въ 650 тысячъ долларовъ, какими нынѣ mrs William Dгарег, жена американскаго посланника при итальянскомъ дворѣ, совершенно заурядная американка, родомъ изъ штата Kentucky, побиваетъ и повергаетъ въ истерику итальянскую королеву Маргариту; объ этихъ бѣшенныхъ трагахъ, какія американки производятъ за границей, въ крупныхъ европейскихъ центрахъ и извѣстныхъ европейскихъ курортахъ. Все это—дѣянія американскихъ аристократокъ, т. е. миллионерокъ, и не ихъ имѣемъ мы въ виду, говоря о расточительности американской женщины. Мы говоримъ объ обыкновенной, заурядной американской «гражданкѣ», женѣ и дочери купца, врача, адвоката, механика фермера, мелкаго капиталиста и наконецъ простаго рабочаго.

Еще однимъ недостаткомъ американской женщины, имѣющимъ не послѣднее личное и общественное значеніе, представляется крайняя ея поверхностность и пустота, характеризующія, впрочемъ, американскую націю вообще. Хотя существуетъ въ странѣ свободы великое и даже чрезвычайное множество всевозможнѣйшихъ женскихъ обществъ, организацій и клубовъ, всѣ неизмѣнно съ громкими именами и большими претензіями, тѣмъ не менѣе однако всѣ они безъ всякихъ почти исключеній занимаются лишь праздною болтовней, выставкой костюмовъ и нарядовъ да переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Что, кажется, можетъ быть громче по своему имени и серіознѣе по своему назначенію и значенію, какъ «Конгрессъ матерей» (Congress of mothers)? Организациа эта представляется совершенно новой, существуя всего лишь второй годъ, и цѣлью ея является изученіе и установленіе методовъ воспитанія дѣтей. Между тѣмъ на обоихъ національныхъ собраніяхъ «Конгресса матерей», происходившихъ въ Вашингтонѣ 17—21 февраля истекшаго года и 2—5 мая текущаго года, ничего, кромѣ произнесенія пышныхъ фразъ и пусканія риторическихъ ракетъ, сдѣлано не было, а послѣдній изъ выше упомянутыхъ «конгрессовъ» отличился сверхъ сего еще и въ иномъ отношеніи. На официальномъ приемѣ представительницъ «конгресса» супругой президента республики 4-го сего мая одна изъ «матерей», по установленному порядку произнеся свое имя и пожавъ руку «первой дамѣ въ странѣ» (first lady of the country), вмѣсто того, чтобы пройти далѣе и пропустить слѣдующую за ней представительницу для исполненія той же обрядности, приостановилась и совершенно неожиданно спросила: «я надѣюсь, вы не допускаете употребленія вина за вашимъ столомъ, mrs Mc Kinley?» Президентша сначала не поняла вопрошавшую, но, когда та повторила свой вопросъ, отвѣтила спокойно: «я до

пускаю, если я желаю», а затѣмъ, обращиваясь къ своей невѣсткѣ, присутствовавшей при приѣмѣ, и улыбаясь произнесла: «я всегда держалась того мнѣнія, что всякая хозяйка дома сдѣлаетъ наилучшее, если будетъ вести свой домъ по собственной своей системѣ и такъ, чтобы ея семья была довольна». Хотя этотъ маленькій эпизодъ прошелъ совершенно незамѣченнымъ американской печатью, быть можетъ, вслѣдствіе усиленныхъ толковъ о войнѣ, тѣмъ не менѣе онъ весьма характеренъ. «Матерь», явившаяся на національный конгрессъ, а слѣдовательно для сей цѣли избранная отдѣленіемъ этого учрежденія въ предѣлахъ отдѣльнаго штата, вмѣсто того, чтобы заняться вопросами воспитанія дѣтей, для чего учрежденіе это и существуетъ, занимается сованіемъ своего носа въ частную жизнь или, правильнѣе говоря, столовый обиходъ семьи главы государства. Не правда ли какъ это похоже на нашихъ провинціальныхъ кумушекъ, домогающихся знать, какъ кушаетъ губернаторъ либо предводитель? Если даже эта «матерь» и была, какъ можно предполагать, вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ извѣстнаго общества воздержанія отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, то во всякомъ случаѣ употребленіе вина за столомъ президента, въ особенности въ виду завѣдомой крайней слабости здоровья «первой дамы въ странѣ», отнюдь не относится къ области «невоздержанія» и кругу вѣдѣнія означеннаго общества. Какъ бы то ни было, мысли одной изъ «матерей», явившихся отъ имени какого-то штата на «конгрессъ», для обсужденія вопросовъ воспитательныхъ, были, очевидно, совершенно далеки отъ этого предмета, а кто же поручится, что такая «матерь» была лишь одна.

Дабы покончить съ недостатками американской женщины, приведемъ здѣсь существующія въ странѣ свободы саркастическія пословицы и поговорки, опредѣляющія, какія именно женщины не должны вовсе вступать въ бракъ:

1) женщина, которая съ гордостью объявляетъ, что она не въ состояніи подрубить носового платка, никогда въ жизни не стлала постели и вращалась въ обществѣ съ пятнадцати лѣтъ;

2) женщина, которая готова скорѣе нянчиться съ москвой, нежели съ ребенкомъ;

3) женщина, которая полагаетъ, что она можетъ закупить нарядовъ на 5.000 долларовъ при жалованьи въ 1.000 долларовъ;

4) женщина, которая желаетъ мѣнять меблировку дома каждую весну;

5) женщина, которая покупаетъ единственно изъ удовольствія производить покупки;

6) женщина, которая не знаетъ, сколько именно половинъ, четвертей, десятицентовиковъ, пятицентовиковъ и центовъ заключается въ одномъ долларѣ;

7) женщина, которая полагаетъ, что мужчины — это ангелы и полубоги;

8) женщина, которая готова скорѣе умереть, нежели носить прошлогоднюю шляпку;

9) женщина, которая полагаетъ, что кухарка и нянька могутъ вести все хозяйство;

10) женщина, которая зачитывается дешевыми романами и воображаетъ себя герцогиней либо графиней;

11) женщина, которая думаетъ, что дешевле покупать хлѣбъ, нежели печь его дома;

12) женщина, которая выходитъ замужъ для того лишь, чтобы было кому платить по ея счетамъ;

13) женщина, которая ожидаетъ объясненія въ любви по три раза въ сутки;

14) женщина, которая ожидаетъ отъ супружества веселаго и пріятнаго времяпрепровожденія;

15) женщина, которая болѣе заботится о модности своего зимняго пальто, нежели о здоровьѣ и удобствахъ своихъ дѣтей;

18) женщина, которая бываетъ дома лишь, когда некуда пойти въ гости;

17) женщина, которая считаетъ, что расшивныя подстилочки и салфеточки болѣе необходимы, нежели простыни, наволочки и одѣяла;

18) женщина, которая покупаетъ *bric-à-brac* для гостиной и занимаетъ посуду у сосѣдей;

19) женщина, у которой чистота и порядокъ не стираются далѣе гостиной;

20) женщина, которая потому лишь желаетъ имѣть извѣстныя вещи, что другія женщины имѣютъ ихъ.

Сарказмы эти, вошедшіе въ пословицы, такъ или иначе служатъ къ характеристикѣ американской женщины, почему мы и привели ихъ.

IV.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ американскую женщину въ разныхъ областяхъ ея дѣятельности и въ ея личныхъ качествахъ, ея достоинствахъ и недостаткахъ, сдѣлаемъ теперь выводы изъ всего вышеизложеннаго, дадимъ читателю небольшое и неизбежное заключеніе.

Въ натурѣ американской женщины самой по себѣ заключается множество здоровыхъ задатковъ, возвышенныхъ чувствъ, благородныхъ стремленій и честныхъ наклонностей, но торгашескій, подлый и циническій духъ американскихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ ее систематически развращаетъ. Если по законамъ этимъ всяческія отношенія между мужчиной и женщиной сводятся единственно къ уплатѣ первымъ послѣдней извѣстной денежной суммы; если самое намѣреніе или даже предположеніе вступить въ супру-

жество это подлое и грязное законодательство еще на рубежѣ XX вѣка дѣлаетъ предметомъ неустойчиваго контракта; если вся разница между зарожденіемъ нѣжной и возвышенной любви между двумя существами, принадлежащими къ двумъ разнымъ поламъ, и употребленіемъ дѣйствительнаго насилія сильнѣйшимъ изъ нихъ надъ слабѣйшимъ сводится единственно къ тому, что за первое мужчина долженъ уплатить сравнительно меньше, а за второе сравнительно больше, то отсюда представляется очевиднымъ, въ какомъ именно направленіи должно неизбежно и неуклонно идти развитіе чувствъ, стремленій и наклонностей женщины въ странѣ, дерзающей именовать себя страной свободы. Прибавимъ къ этому, что изъ тѣхъ старыхъ привилегій болѣе или менѣе фактическаго свойства, какими пользовалась американская женщина въ старыя времена, когда мужчинъ было такъ много, а женщинъ такъ мало, нынѣ сохранилась собственно одна лишь. Она заключается въ томъ, что американская женщина пользуется особымъ довѣріемъ при заявленіи въ судахъ жалобъ противъ мужчины и въ особенности жалобы на изнасилованіе. Подобное допущеніе довѣрія тамъ, гдѣ обязательно должны требоваться доказательства, особымъ, специфическимъ факторомъ вплетаясь въ общую систему грязнаго, продажнаго и чудовищнаго американскаго правосудія, факторомъ, направленнымъ къ сорванію съ обвиняемаго извѣстной денежной суммы либо обвинительницей, либо мировымъ судьей (скваэромъ), либо, наконецъ, обоими вмѣстѣ, дѣйствуетъ въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ воздѣйствуетъ на женщину страны свободы вышеизъясненный общій духъ американскаго законодательства, т. е. содѣйствуетъ въ самой серьезной степени ея развращенію. Невозможно упускать изъ вида, что хотя духъ этотъ самъ по себѣ, уже самымъ фактомъ своего существованія, влияетъ на сложеніе и развитіе стремленій, представленій и понятій американской женщины, тѣмъ не менѣе, однако, прямое и сильнѣйшее его воздѣйствіе, какъ на сложеніе ея характера, такъ и на жизнь общественную въ общемъ ея теченіи осуществляется путемъ судебныхъ постановленій, рѣшеній и даже злоупотребленій. Если мы только что назвали духъ этотъ, общій духъ американскаго законодательства, регулирующаго отношенія между двумя полами, торгашескимъ, то названіе это, собственно говоря, черезчуръ мягко: онъ долженъ быть наименованъ и точнѣйшимъ образомъ опредѣленъ, какъ проституціонный. Если такимъ образомъ соціальныя факторы столь могущественныя, какъ законъ и судъ, всей силой своего авторитета и воздѣйствія на укладъ и ходъ жизни общественной систематически развращаютъ американскую женщину и неизбежно направлены къ привитію ей представленій, чертъ и стремленій свойства чисто проституціоннаго, то спрашивается, чего же возможно требовать отъ американки, и чего отъ нея ожидать? Слѣдуетъ немало удивляться еще тому, что

въ странѣ свободы имѣется еще столько женскихъ характеровъ столь возвышенныхъ, столько женскихъ натуръ столь благородныхъ, столько женскихъ душъ, столь преисполненныхъ тепла и свѣта. Очевидно, здоровые природные задатки американской женщины, поддерживаемые широкой доступностью первоначальнаго образованія и общимъ ходомъ и тяготѣніемъ современной цивилизаціи, оказываютъ серьезный и достойный отпоръ цинизму американскаго законодательства и проституціи американскаго правосудія, созданнымъ еще въ средніе вѣка и доселѣ еще въ общемъ укладѣ англосаксонской общественности почти не измѣнившимся.

Какъ сами американцы, такъ и весьма многіе иностранные посѣтители и писатели говорятъ безпрестанно о томъ уваженіи къ женщинѣ (*respect of the ladies*), которое существуетъ въ странѣ свободы. Но спрашивается, останавливались ли и задумывались ли сколько нибудь всѣ эти господа надъ категоріями фактовъ въ родѣ нижеслѣдующихъ? Въ городѣ Lagrange штата Georgia имѣются двѣ женскихъ коллегіи (закрытыя учебныя заведенія, представляющія высшіе классы гимназій съ добавленіемъ нѣкоторыхъ осколковъ курсовъ университетскихъ). Ихъ воспитанницы принадлежатъ, какъ и вообще воспитанники и воспитанницы такъ называемыхъ коллегій (*colleges*), къ высшему классу американскаго общества и, какъ принято выражаться, вращаются «въ высшихъ общественныхъ сферахъ» (*in the highest social cercles*). Когда недавно понадобились фонды на устройство въ городѣ женской библіотеки, то мѣстные городскіе дѣльцы и заправилы не нашли лучшаго способа раздобыть таковыя, какъ назначить продажу съ публичнаго торга красивѣйшихъ изъ воспитанницъ вышепомянутыхъ коллегій. Въ назначенный и объявленный путемъ газетныхъ публикацій вечеръ въ зданіи городской думы собралась несмѣтная толпа народа. Четырнадцать красивѣйшихъ студентокъ, избранныхъ изъ учащихся обѣихъ коллегій, поочередно восходили на эстраду, и два аукціонера, всячески расписывая ихъ прелести, завлекательности и соблазнительности, старались нагнать цѣну на каждую продаваемую красавицу до огромныхъ размѣровъ, что имъ болѣе или менѣе удалось. Такимъ образомъ четырнадцать красавицъ были раскуплены, и составился фондъ для женской библіотеки богоспасаемаго или, правильнѣе говоря, боготерпимаго града Lagrange, находящагося въ такъ называемой странѣ свободы. Что именно случилось съ купленными съ публичнаго торга красавицами, неизвѣстно, но газетныя корреспонденціи, сообщавшія о сей распродажѣ, упоминали между прочимъ, что ея результатомъ должно явиться нѣсколько браковъ. Текущей весной нѣкій Elmer Graham купилъ у нѣкоего Floyd Carpenter жену его Flora Carpenter за ружье и пять дней полевой работы, что произошло въ штатѣ New-York, между тѣмъ какъ обыватель города North Tonawand того же штата, Frank Mc Pherson,

сей же весной продалъ свою жену нѣкому James E. White всего лишь за 75 центовъ (наши 75 копеекъ). Недавно на Mrs Kate G. Warner, редакторшу-издательницу газеты Sunday Herald въ городѣ Willimantic штата Connecticut, ночью возвращавшуюся изъ гостей, напало двое мѣстныхъ политикановъ, недовольныхъ отзывами о нихъ означенной газеты, и жестоко избивъ редакторшу, свернули ей скулу. Текущей же весной въ городѣ East Hampton того же штата Connecticut одна изъ мѣстныхъ обывательницъ, замужняя женщина, подозрѣвавшаяся въ неглижированіи своими семейными обязанностями, прогуливалась съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ въ паркѣ, расположенномъ на окраинѣ города. Вдругъ нападаетъ на гуляющихъ компанія мѣстныхъ обывателей, принадлежащихъ къ числу такъ называемыхъ уважаемыхъ гражданъ (respectable citizens): они привязываютъ къ дереву прогуливавшагося кавалера, а съ дамы его срываютъ ея одѣяніе, ее обнажаютъ, обмазываютъ ее смолой, осыпаютъ пухомъ и въ подобномъ видѣ отпускаютъ ее домой. Въ то время какъ привязанный къ дереву съ негодованіемъ и безсильнымъ бѣшенствомъ глядѣлъ на потрясающую варварскую операцію, на его глазахъ чинимую надъ беззащитной женщиной сообществомъ «почтенныхъ гражданъ» «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», эти достойные сыны «страны свободы», закончивъ издѣвательства и истязанія надъ своей жертвой, принудили ее бѣшено мчаться въ подобномъ видѣ по улицамъ и переулкамъ по направленію къ своему дому, отстоящему на цѣлую милю отъ мѣста истязанія, и, глядя ей въ слѣдъ, хохотали до упаду. Приведенные факты взяты, или, правильнѣе говоря, выхвачены нами изъ общественной жизни двухъ лишь самыхъ восточныхъ и самыхъ цивилизованныхъ штатовъ и притомъ на протяженіи всего лишь одной текущей весны. Факты эти ни исключительны, ни единичны и относятся къ определеннымъ категоріямъ общественныхъ фактовъ, имѣющимъ свое постоянное мѣсто въ странѣ, именуемой страной свободы. Можно ли послѣ этого говорить сколько нибудь серіозно объ уваженіи къ женщинѣ въ этой странѣ? Никакого такого уваженія въ этой «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» вовсе не существуетъ, а существуетъ лишь половое подобоострастіе мужчины по отношенію къ женщинѣ, лomanье самца предъ предметомъ его возжелѣній, точно также далекое отъ дѣйствительнаго уваженія къ женщинѣ, какъ американскіе законы далеки отъ законовъ цивилизованной страны и американское правосудіе далеко отъ правосудія дѣйствительнаго.

Евгеній Правдинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Профессоръ Ю. Кулаковскій. Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. Кіевъ. 1899.

Въ предисловіи къ своему труду г. профессоръ Кулаковскій пишетъ, что аланы, т. е. предки нынѣшнихъ осетинъ (стр. I—II), принимали участіе въ событіяхъ эпохи переселенія народовъ и также имѣли свою исторію въ жизни южнорусскихъ степей. Въ специальныхъ изслѣдованіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ по исторіи переселенія народовъ аланамъ удѣляется вообще очень мало вниманія. Русскимъ ученымъ слѣдуетъ отнестись къ нимъ иначе, такъ какъ судьбы аланъ составляютъ часть до-русской, если можно такъ выразиться, исторіи нашей родины. Занимаясь разработкою частныхъ вопросовъ по исторіи Крыма, г. Кулаковскій натолкнулся и на вопросъ объ аланахъ и поставилъ себѣ цѣлью собрать данныя о судьбахъ этого племени на основаніи свидѣтельства классическихъ и византійскихъ писателей. Эти данныя расположены въ его очеркѣ по слѣдующему плану.

Въ главѣ первой (стр. 1—8) рѣчь идетъ о населеніи южнорусскихъ степей по свидѣтельству Геродота и Страбона. По свѣдѣніямъ Геродота, крайній сѣверовостокъ европейскаго материка въ его время населяли савроматы (*Σαυρομάται*), или сарматы, какъ называетъ ихъ Полибій, — кочевой народъ, обитавшій на востокъ отъ теченія рѣки Танаиса (Донъ) и по близости отъ Меотидскаго озера (Азовское море), принадлежавшій къ иранской вѣтви арійской расы, какъ теперь прочно установлено въ наукѣ, и, вѣроятно, отдѣльный отъ скивовъ. Впрочемъ, въ свѣдѣніяхъ Геродота относительно территоріи савро-

матовъ замѣчаются трудно-примиримыя противорѣчія, а въ свидѣтельствахъ объ историческихъ событіяхъ конца II вѣка до Рождества Христова савроматы являются туземнымъ населеніемъ той территоріи, которую Геродотъ отводилъ скивамъ. Что касается Страбона, то онъ локализируетъ сарматовъ на широкомъ пространствѣ отъ западнаго берега Мэотиды и Танаиса до Кавказскихъ горъ и сообщаетъ также, что они кочуютъ въ степяхъ между Танаисомъ и Двѣстромъ и проникаютъ даже до нижняго теченія Дуная. Объ этихъ отдаленныхъ передвиженіяхъ сарматовъ послѣ Страбона сообщаютъ Тацитъ и Плиній Младшій, изъ свидѣтельствъ которыхъ видно также, что распространеніе сарматовъ на широкое пространство къ западу отъ ихъ исконной территоріи (теченіе Дона) отразилось даже на судьбѣ терминивъ—Скиеіа и скиевъ, которые стали терять постепенно свой національный смыслъ.

Имя аланъ, сообщается во второй главѣ разсматриваемаго очерка (страницы 9—15), впервые появляется во время императора Нерона, въ извѣстіяхъ Сенеки Младшаго и Лукана, которые считаютъ ихъ народомъ прикавказскимъ. Яснѣе говоритъ о нихъ Юсифъ Флавій, который въ описаніи событій іудейской войны сообщаетъ о страшномъ нашествіи съ сѣвера, которому подверглись въ 72 году нашей эры Армения и Мидія; варваровъ, совершившихъ это нашествіе, онъ называетъ аланами, прибавляя въ поясненіе, что это «скивы, обитающіе около Танаиса и Мэотидскаго озера». Въ 133 году аланы, по сообщенію Діона Кассія, сдѣлали опустошительное нашествіе на Армению и Мидію и дошли до Каппадокіи. Ихъ призвалъ на помощь царь Иверіи, Фарасманъ II, въ своихъ столкновеніяхъ съ парянами; царь послѣднихъ откупился отъ нихъ, а римляне предприняли противъ нихъ военныя дѣйствія. На основаніи изысканій въ этой главѣ г. Кулаковскій сообщаетъ, что аланы принадлежали къ той части сарматскаго племени, которая занимала въ первые вѣка нашей эры сѣверныя предгорья Средняго Кавказа и степныя пространства къ сѣверу до береговъ Мэотиды и теченія рѣки Танаиса.

Въ концѣ II вѣка готы, занявъ южнорусскія степи, потѣснили аланъ къ западу; они придвинулись къ границамъ греко-римской имперіи и, сохраняя свою національную особенность, находились во враждебныхъ къ ней отношеніяхъ, какъ и другіе сосѣдніе варвары. Подъ вліяніемъ того же событія, т. е. нашествія готовъ, аланы проникли и на территорію Крыма. Въ концѣ IV вѣка южно-русскія степи подверглись новому завоеванію—со стороны гунновъ. Объ этомъ рассказываетъ писатель Амміанъ Марцелинъ, сообщающій нѣкоторыя свѣдѣнія о нравахъ и жизни аланъ. Эти свѣдѣнія приводятся въ третьей главѣ очерка г. Кулаковскаго (стр. 15—24).

Въ главѣ четвертой (стр. 24—29) рассказывается, что въ 371 году аланы были покорены гуннами и вмѣстѣ съ ними разрушили державы остготовъ и вестготовъ и дѣлали набѣги на имперію Римскую при императорахъ Валентѣ и Граціанѣ. Вскорѣ послѣ того они поступили на службу къ императору Граціану, который сформировалъ изъ аланъ гвардейскій отрядъ и включилъ его въ списки полковъ Римской имперіи. Этотъ отрядъ служилъ имперіи и при императорѣ Θεодосіи.

Въ главахъ пятой (стр. 29—34) и шестой (стр. 34—45) рассказы-

вается о выселеніи аланъ изъ степей средняго теченія Дуная въ Галлію и о судьбѣ ихъ въ этой странѣ. Событіе это произошло въ 406 году. Аланы, вмѣстѣ съ вандалами и свевами, были, вѣроятно, приглашены въ Галлію Стилихономъ, который при ихъ помощи хотѣлъ низвергнуть императора Гонорія. Но это предпріятіе не удалось, и Стилихонъ былъ казненъ. Аланы, увлеченные вандалами на дальній западъ, исчезли въ водоворотѣ событий V и VI вѣковъ; вѣроятно, они скоро смѣшались съ германцами или романскимъ населеніемъ, утратили свою національность и были позабыты исторіей. Отъ седьмого и дальнѣйшихъ вѣковъ нѣтъ никакихъ упоминаній объ аланахъ ни въ Испаніи, ни въ Галліи, ни въ придунайскихъ областяхъ.

Въ седьмой главѣ (стр. 45—56) сообщается объ отношеніяхъ аланъ къ Византійской имперіи, на основаніи извѣстій византійскихъ писателей. О нихъ, прежде всего, упоминаетъ историкъ Прокопій, который въ описаніи войны императора Юстиніана указываетъ ихъ территорію и сообщаетъ о нѣкоторыхъ эпизодахъ ихъ столкновеній съ Византією, а равно объ ихъ союзѣ съ византійцами въ борьбѣ противъ персовъ. Въ 576 году аланы были разгромлены турками, о чемъ сообщаетъ Менандръ. За цѣлое столѣтіе отъ конца VI и до конца VII вѣка у византійскихъ писателей нѣтъ никакихъ упоминаній объ аланахъ, вѣроятно, потому, что въ это время они находились въ зависимости отъ хазаръ. Въ началѣ VIII вѣка аланы, какъ можно заключать изъ одного разсказа въ хроникѣ Теофана, жили подъ управленіемъ національныхъ царей и принимали участіе въ международныхъ отношеніяхъ вполнѣ независимо отъ хазарскаго хагана. Они хранили память о своихъ исконныхъ дружескихъ связяхъ съ Византією. Въ теченіе VIII вѣка опять нѣтъ никакихъ упоминаній объ аланахъ въ византійскихъ источникахъ. Но, очевидно, сношенія съ Византією не прерывались въ это время, такъ какъ началу X вѣка принадлежатъ событіе, свидѣтельствующее объ усиленіи вліянія Византіи на этотъ народъ, а именно, обращеніе аланъ въ христіанство, происшедшее во времена константинопольскаго патріарха Николая Мистика (901—907 и 911—925 гг.). Съ ослабленіемъ хазаръ, аланы приобрѣли большое значеніе въ кругозорѣ византійской политики. Они были дружественнымъ христіанскимъ народомъ въ дальнихъ сѣверныхъ странахъ, на который съ довѣріемъ могла опереться Византія въ своихъ международныхъ отношеніяхъ. Такую именно роль и значеніе даетъ имъ византійскій императоръ Константинъ Порфирородный (912—959 гг.) въ сочиненіи «De administrando imperio», представляющемъ наставленіе его сыну Роману. Изъ того же сочиненія видно, что въ X вѣкѣ Византія находилась въ постоянныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Аланією, представлявшей тогда значительную политическую силу. Сношенія Византіи съ Аланією не прекращались въ послѣдующее время. Въ XI вѣкѣ было нѣсколько брачныхъ союзовъ между членами византійскихъ царственныхъ фамилій и аланскими принцессами, а также въ войскѣ византійскомъ служилъ аланскій отрядъ, упоминанія о которомъ встрѣчаются и въ византійскихъ источникахъ XII вѣка.

Въ главѣ восьмой (стр. 56—61) излагаются дальнѣйшія свѣдѣнія объ аланахъ. Въ началѣ XIII вѣка аланы подверглись опустошенію со стороны татаръ, но въ это нашествіе (1221—1223 г.г.) еще не потеряли своей самостоятельности; они занимали прикавказскія степи и еще не были оттѣснены

въ горы, гдѣ живутъ тамъ остатки ихъ племени. Отъ XIII вѣка объ аланахъ оставили свѣдѣнія венгерскій монахъ, доминиканецъ Юліанъ, посѣтившій Аланію въ 1235 году, и аланскій епископъ Теодоръ, въ своемъ посланіи къ патріарху константинопольскому. Къ нимъ примыкають свидѣтельства двухъ западныхъ путешественниковъ по востоку—Плано Карпини и Рубруквисъ. Последній сообщаетъ, что аланы жили уже только въ горахъ, равнина же, прежде заселенная ими, была во власти татаръ. Новый погромъ испытали аланы въ концѣ XIV вѣка отъ Тамерлана. Итальянскій путешественникъ первой половины XV вѣка, Иосафатъ Барбаро, выдѣляетъ Аланію, какъ особую страну, которая вмѣстѣ съ Куманіей и Хозаріей является нашей границей «Татарской равнины».

Таковы свѣдѣнія объ аланахъ на ихъ родинѣ до второй половины XV вѣка. Свою національность и языкъ они сохранили и доселѣ, удержали и память о своемъ христіанствѣ, о возстановленіи котораго стало заботиться русское правительство съ конца прошлаго вѣка.

Въ главѣ девятой и послѣдней (стр. 61 — 72) рѣчь идетъ объ аланахъ въ Крыму, близъ Херсона, гдѣ они поселились здѣсь еще до татарскаго нашествія, а въ послѣдствіи исчезли, смѣшавшись въ народной массѣ другихъ племенъ. Свѣдѣнія о крымскихъ поселеніяхъ алачъ сохранились у епископа Теодора (XIII вѣка), византійскихъ писателей Георгія Пахимера (XIV вѣка), Дуки (XV вѣка) и другихъ.

Исслѣдованіе г. профессора Кулаковскаго не велико по объему, но богато содержаніемъ цѣннымъ и любопытнымъ. Оно касается предмета, у насъ мало изслѣдованнаго, исполнено очень тщательно и документально, производитъ впечатлѣніе работы вполне зрѣлой и, при небольшомъ объемѣ, повидимому, стоило автору большого труда. Оно любопытно, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что написано, главнымъ образомъ, на основаніи византійскихъ писателей, и еще разъ доказываетъ богатство и разносторонность мало извѣстной у насъ византійской литературы. Правда, византійскіе матеріалы г. Кулаковскому можно было бы дополнить источниками грузинскими, армянскими, арабскими и даже китайскими, гдѣ имѣются свѣдѣнія объ аланахъ, но и въ настоящемъ своемъ видѣ его трудъ имѣетъ важное значеніе для русскихъ ученыхъ и можетъ привести ихъ къ выводамъ, повидимому, неожиданнымъ, напримѣръ, связать вопросъ объ аланахъ въ южно-русскихъ степяхъ съ вопросами о возникновеніи казачества: быть можетъ, присутствіе среди степняковъ тюркской расы этого христіанскаго кавказскаго народа, коннаго и дикаго, сохранявшаго, однако, свои связи съ культурнымъ міромъ, есть не лишнее звено въ цѣпи тѣхъ фактовъ, которые создали «Черкасъ» на среднемъ Днѣпрѣ. Σ.

В. В. Глинскій. Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по общественнымъ вопросамъ и критико-біографическія. Съ 36 портретами и иллюстраціями. Спб. 1900.

Рядъ статей, вошедшихъ въ составъ объемистой (578 страницъ большого in 4°) книги В. В. Глинскаго, помѣщался въ «Историческомъ Вѣстникѣ» съ 1888 по 1898 годъ, и собраніе ихъ является какъ бы итогомъ историко-публицистической дѣятельности автора, хотя слѣдуетъ оговориться, что итогъ этотъ

далеко не совсѣмъ полонъ, такъ какъ г. Глинскимъ печатались въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и другихъ журналахъ и были издавы отдѣльно и нѣкоторые другіе труды, имѣвшіе успѣхъ и несомнѣнно принесшіе извѣстную пользу, каковы, напр., «Русское судебное краснорѣчіе», «Царскія дѣти и ихъ наставники», «Виссаріонъ Григорьевичъ Вѣлинскій» и проч. Постояннымъ читателямъ «Историческаго Вѣстника» знакомы статьи г. Глинскаго, и это избавляетъ насъ отъ обязанности разбирать каждую изъ нихъ въ отдѣльности: мы можемъ ограничиться общей характеристикой его книги. Огромное большинство статей сборника касается исторіи и современнаго состоянія русскаго просвѣщенія: исторія затронута въ очеркѣ семидесятипятилѣтія С.-Петербургскаго университета, въ характеристикахъ В. Я. Стоюнина, О. Э. Миллера, А. Д. Градовскаго, Ф. И. Буслаева и Я. К. Грота и въ обстоятельной біографіи Лагарпа, личность котораго, въ качествѣ воспитателя императора Александра I, представляетъ немалый интересъ въ ходѣ нашего умственнаго развитія; современнымъ вопросамъ посвящены статьи «Народная грамотность», «Русскій читатель и его книга», «Просвѣтители народа» и три очерка о женскомъ образованіи и о правахъ женщинъ; ярко охарактеризованы въ четырехъ полемическихъ по характеру статьяхъ и болѣзненные проявленія современнаго состоянія умовъ, русскій марксизмъ и русское декадентство. Вторая меньшая группа статей сборника посвящена экономическому состоянію Россіи, но если припомнить тѣсную связь между хозяйственною жизнью и народнымъ образованіемъ и обратить вниманіе на то мѣсто, которое отводитъ г. Глинскій въ этихъ своихъ статьяхъ вопросу о распространеніи профессиональныхъ знаній, какъ въ земледѣльческой, такъ и въ фабрично-заводской средѣ, то присоединеніе этихъ экономическихъ очерковъ къ первому ряду статей не представится намъ случайнымъ, а напротивъ, мы должны будемъ согласиться, что они необходимы въ общей картинѣ русскаго прогресса и придаютъ книгѣ г. Глинскаго извѣстную стройность и цѣльность. То, что появлялось въ журналѣ въ разное время, съ большими перерывами, теперь приведено въ систему и, благодаря этому, получается весьма рельефная картина, изображающая культурное состояніе нашего отечества въ концѣ XIX столѣтія. Общій фонъ этой картины далеко не отрадный, и ею подтверждается еще разъ давній афоризмъ Писарева: «мы глупы, потому что мы бѣдны; и мы бѣдны потому, что глупы». Въ особенности сильно чувствуется правдивость второй части этого афоризма, такъ какъ наша «глупость», т. е. невѣжество, выступающее въ самыхъ элементарныхъ жизненныхъ запросахъ, является самымъ сильнымъ, ужасающимъ тормазомъ всего нашего экономическаго развитія, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ статей настоящаго сборника. Потребность неотложной, энергичной борьбы съ этимъ врагомъ сознается теперь, пожалуй, больше, чѣмъ когда бы то ни было въ прежнія времена. Петръ Великій, слѣдуя стремленіямъ лучшихъ русскихъ людей, двинулъ общество на новый путь; оно отвѣтило на его призывъ уже въ XVIII вѣкѣ дѣятельностью Новикова и его кружка, но независяція обстоятельства преградили возможность свободнаго движенія въ томъ же просвѣтительномъ направленіи, и съ того времени крайне медленно, въ постоянной борьбѣ съ внѣшними препятствіями, идея необходимости просвѣщенія начинаетъ овладѣвать

сознаніемъ русскаго общества. Борьба крайне тяжела, сторонники просвѣщенія часто, если не гибнутъ, то замолкаютъ, складываютъ поневолю оружіе, какъ это показываютъ намъ историческіе очерки, вошедшіе въ книгу г. Глинскаго. Бой идетъ и теперь, и теперь много есть гадовъ, шипящихъ, алчущихъ пожрать всякое просвѣдательное начинаніе, много есть доблестныхъ витязей, охраняющихъ мракъ невѣжества подъ благовидными предлогами поддержанія устоевъ; однако растутъ и противоположная армія, и со всѣхъ сторонъ слышится единодушный призывъ къ ученію. Этого ученья жаждутъ и землевладѣльцы, сознающіе невозможность держаться старыхъ рутинныхъ пріемовъ въ своемъ хозяйствѣ, и представители финансово-промышленнаго міра, и земство, и администрація, и пока темная, но просыпающаяся народная масса. Идетъ на встрѣчу этому стремленію и правительство, усиленно работаетъ и земство, несмотря на всевозможныя стѣсненія; пробуждается и частная инициатива, хотя только въ единичныхъ случаяхъ,—и вотъ тутъ-то сказывается дѣйствіе второго тормоза, бѣдности... Однако есть беззавѣтные труженики, которыхъ этотъ тормазъ не останавливаетъ и не останавливаетъ! Это дѣятели нашей школы, начиная отъ высшихъ ея ступеней до низшихъ, отъ университетовъ до школъ грамоты. Трудна ихъ работа, для многихъ, какъ для огромнаго большинства сельскихъ учителей, она соединяется съ матеріальными условіями, граничащими съ нищетою, для иныхъ она оказывается невозможной въ силу независимыхъ обстоятельствъ, иные пропадаютъ въ безвѣстности, порой опускаютъ въ безсиліи руки, но всеже дѣло дѣлается, и это есть отрадное явленіе въ той мрачной обстановкѣ, которая рисуется въ книгѣ г. Глинскаго. Намъ кажется, мы не разойдемся съ авторомъ, если резюмируемъ сущность его статей, какъ призывъ къ просвѣщенію. Нельзя не сочувствовать такому призыву, а потому нельзя не сочувствовать и самой книгѣ, хотя бы въ ней и нашлись какіе нибудь мелкіе недочеты.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить, что съ внѣшней стороны «Очерки русскаго прогресса» изданы «товариществомъ художественной печати» превосходно. Прекрасная бумага, четкій шрифтъ и многочисленныя иллюстраціи придаютъ книгѣ г. Глинскаго особенно привлекательный видъ и дѣлаютъ цѣннымъ вкладомъ въ наше книгоиздательское дѣло. Особеннаго вниманія заслуживаютъ собранныя въ книгѣ портреты—ректоровъ Петербургскаго университета, представительницъ женскаго просвѣдательнаго движенія, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также тѣхъ служителей науки, коимъ авторъ посвятилъ отмѣченные выше біографическіе очерки и характеристики.

А. Б—инъ.

В. П. Авенаріусъ. Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біографической трилогіи „Ученическіе годы Гоголя“.
Спб. 1899.

Неутомимый и талантливый популяризаторъ русской біографической литературы для юношества, В. П. Авенаріусъ, закончилъ въ текущемъ году свою трилогію «Ученическіе годы Гоголя», изобразивъ въ послѣднемъ, третьемъ, томѣ жизнь великаго сатирика за порогомъ учебнаго заведенія. Нарисовавъ

въ высшей степени рельефно и исторически правдиво, на основаніи достовѣрныхъ документовъ, образъ автора «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора» сначала въ качествѣ гимназиста, затѣмъ студента, г. Авенаріусъ детально ознакомилъ своихъ читателей, подъ какими первоначальными воздѣйствіями и въ какихъ именно проявленіяхъ этого воздѣйствія подготавлился оригинальный и замѣчательный талантъ нашего писателя къ предстоявшей ему жизненной задачѣ — служенію Русской землѣ печатнымъ словомъ. Этотъ подготовительный процессъ обнимаетъ собою первые два тома, при чемъ здѣсь нарисована замѣчательно правдиво бытовая сторона жизни провинціального общества и сдѣланъ мастерской психологической анализъ всѣхъ сторонъ сложнаго характера Гоголя-ученика. Беллетристическая форма, въ которую авторъ облекъ свое изложеніе, никоимъ образомъ не заслонила собою здѣсь дѣйствительныхъ фактовъ, а послужила лишь вѣрнымъ средствомъ держать вниманіе аудиторіи въ напряженномъ состояніи и не давать заглухнуть заинтересованности читателей.

Нововышедшій томъ начинается съ пріѣзда Гоголя въ Петербургъ, гдѣ именно ему пришлось пройти ту «школу жизни», изображенію которой и посвящены всѣ остальные 21 главы. Со свойственнымъ ему мастерствомъ, правдивостью и глубокимъ психологическимъ чутьемъ, заставляетъ г. Авенаріусъ слѣдить аудиторію за развитіемъ литературнаго дарованія своего героя, знакомиться съ влияніями, пережитыми этимъ дарованіемъ, и образовавшимися на немъ напластованіями. Тутъ уже мы цѣликомъ окунаемся въ литературную стихію, гдѣ передъ нами мелькаютъ живыя лица, картинки журнальной жизни начала нынѣшняго столѣтія и рядъ горестныхъ и счастливыхъ дней въ жизни пробивающаго себѣ дорогу молодого писателя. Какъ и въ первыхъ двухъ томахъ, здѣсь что ни страница, что ни эпизодъ, что ни сценка, то все основано на достовѣрныхъ свидѣтельствахъ и почернуто изъ громадной исторической и критической литературы, которою пользовался талантливый авторъ.

Несмотря на то, что онъ имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду читающее юношество, книга его представляетъ тѣмъ не менѣе несомнѣнный интересъ и для болѣе требовательнаго круга, знакомаго уже съ специальными монографіями о Гоголѣ и о другихъ отечественныхъ писателяхъ. Если первые два тома являются замѣчательными образцами трудолюбиваго изученія бытовой стороны жизни нашего общества, то настоящій по всей справедливости долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи русской литературы, какъ образецъ психологической критики и собранія цѣлаго ряда литературныхъ характеристикъ, среди которыхъ мы встрѣчаемся съ характеристиками Пушкина, Жуковского, Плетнева и другихъ корифеевъ нашей словесности. При этомъ одно изъ главныхъ достоинствъ труда г. Авенаріуса то, что онъ нигдѣ не впадаетъ ни въ тонъ шаржа, ни въ тонъ напыщеннаго диѳирамба, ни въ тонъ поучительнаго резонерства, съ его несносными вравоученіями и «жалкими словами». Все у него просто, естественно и жизненно. Самъ молодой Гоголь показанъ во весь ростъ съ его хорошими и дурными сторонами характера, а его литературная дѣятельность описана въ той именно должной полнотѣ и въ томъ освѣщеніи, гдѣ нѣтъ мѣста недосказанности и пустымъ, ничего не говорящимъ громкимъ фразамъ. Можно отъ души пожелать, чтобъ вполне цѣльная и симметрически законченная три-

логія г. Авенаріуса нашла себѣ широкое право гражданства на нашемъ книжномъ рынкѣ, была бы по достоинству оцѣнена критикой и проникла въ бібліотеки нашихъ учебныхъ заведеній, гдѣ, безъ сомнѣнія, она окажется одною изъ лучшихъ воспитательныхъ книгъ въ школьномъ обиходѣ русскаго учащагося юношества.

В. Глинскій.

Comte D'Haussonville. Нищета и средства борьбы съ нею. (Misère et remèdes). Соціальные этюды. Переводъ съ франц. М. К. Соколовскаго. Спб. 1898.

На Западѣ уже давнымъ давно существуетъ обширная литература по вопросамъ благотворительности, въ Россіи же она находится лишь въ зачаткѣ. О неимущихъ и несчастныхъ у насъ больше говорилось въ газетахъ, да изрѣдка въ журналахъ. Но большинство такихъ фельетоновъ и статей не имѣло особеннаго значенія и носило одинъ и тотъ же характеръ—это были, просто-напросто, воззванія о помощи разнымъ филантропическимъ обществамъ. Болѣе же обстоятельныхъ сочиненій почти не было.

Литература интересующаго насъ предмета расширяется только съ девяностыхъ годовъ—времени развитія новой системы благотворительности, основанной на принципѣ трудовой помощи. Въ это время нарождаются два спеціальныя органа: «Вѣстникъ Благотворительности» и «Трудовая Помощь», и появляются труды нѣкоторыхъ ученыхъ.

Затѣмъ не такъ давно комитетъ Попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, желая ознакомить русское общество болѣе детально съ исторіей и современнымъ состояніемъ благотворительнаго дѣла въ Россіи и въ чужестранныхъ государствахъ, положилъ починъ изданія цѣлаго ряда сочиненій по этому вопросу и съ этою цѣлю объявилъ нѣсколько темъ для оригинальныхъ сочиненій и указалъ на нѣкоторыя иностранныя произведенія, появленіе которыхъ было бы не лишне и въ русскомъ переводѣ.

Къ числу рекомендованныхъ этимъ комитетомъ сочиненій принадлежатъ и «Misère et remèdes» графа д'Оссонвилля, одного изъ выдающихся французскихъ общественныхъ дѣятелей. На родинѣ его книжка эта успѣла разойтись уже въ нѣсколькихъ изданіяхъ, на русскомъ же языкѣ является впервые.

Въ первой части своихъ этюдовъ д'Оссонвилль разсматриваетъ вопросы о матеріальномъ и духовномъ состояніи простонародныхъ классовъ, живущихъ заработкомъ и легко впадающихъ въ нищету при всякомъ неблагоприятномъ обстоятельствѣ. Здѣсь авторъ знакомитъ читателя съ дѣятельностью благотворительныхъ бюро; описываетъ самые бѣднѣйшіе парижскіе кварталы, гдѣ, по преимуществу, и ютятся нищета со всегдашнимъ своимъ спутникомъ—прокомъ; посвящаетъ цѣлую главу квартирному вопросу; даетъ нѣсколько страницъ съ описаніемъ гарни, этихъ неопытныхъ обиталищъ, гдѣ селятся обыкновенно бѣдняки, выгоняемые съ своихъ квартиръ за неплатежъ денегъ, и попутно рисуетъ невеселыя картины изъ жизни безпріютнаго парижскаго населенія, вынуждаемаго вслѣдствіе безработицы пресмыкаться въ различныхъ трущобахъ и промышлять грабежомъ. Болѣе подробно останавливается д'Оссон-

вилль на ночлежныхъ домахъ. Не оспаривая пользы, приносимой этими учрежденіями, онъ повторяетъ высказываемое въ печати довольно часто опасеніе въ томъ, что чрезмѣрное увеличеніе такихъ домовъ можетъ принести вредъ, развитіе большое число бродягъ, которые обратятъ ихъ въ постоянныя свои пристанища. Заканчиваетъ авторъ эту часть довольно обширнымъ очеркомъ «Жизнь бѣдняка», гдѣ въ яркихъ краскахъ даетъ описаніе существованія низшихъ парижскихъ классовъ.

Вторая часть «Misère et remèdes», рассматривающая самыя причины нищеты, очень богата статистическими свѣдѣніями, и потому мы намѣрены остановиться на ней подольше. Начинается она съ вопроса о дѣторождаемости. Изложивъ содержаніе интересныхъ статей Шарля Рише и Мориса Блокка (изъ «Revue des Deux Mondes») о вліяніи на благосостояніе страны быстрого и медленнаго роста населенія и приведя нѣсколько выписокъ изъ статистическаго ежегодника Парижа, д'Оссонвилль высказываетъ избитыя, но вѣрныя положенія, что довольство безплодно, а нищета плодovitа, что въ непропорціональности числа дѣтей къ размѣру ежедневнаго заработка заключается неоспоримая причина нищеты. Далѣе авторъ касается вопроса о стоимости жизни. На основаніи различныхъ цифровыхъ данныхъ онъ стремится опредѣлить ежегодную сумму, необходимую одному рабочему человѣку для безбѣднаго существованія. Сумма эта представляется такой: на квартиру—отъ 100 до 150 фр., расходъ на пищу—отъ 550 до 750 фр., на одежду—отъ 100 до 150 фр., на освѣщеніе, отопленіе, стирку и др. расходы—отъ 100 до 150 фр. Въ итогѣ 850—1200 фр. Считая въ году 300 рабочихъ дней, нужно, чтобы рабочая плата составляла отъ 2 фр. 75 сант. приблизительно до 4 фр. въ день. Человѣкъ, зарабатывающій менѣе 2 фр. 75 сант., будетъ находиться уже въ нуждѣ. При семьѣ расходъ долженъ быть увеличенъ на половину на содержаніе жены и еще на треть на каждаго ребенка. Покончивъ съ этимъ вопросомъ, авторъ переходитъ къ изслѣдованію о томъ, въ какой степени причиной нищеты является недостаточность ежедневнаго заработка.

Сначала рѣчь идетъ о заработной платѣ мужчинъ. Не перечисляя всѣхъ парижскихъ профессій, д'Оссонвилль отмѣчаетъ между различными мужскими ремеслами профессіи трехъ родовъ. Въ профессіяхъ первой категоріи, въ которыхъ оплачивается преимущественно природное дарованіе и развитіе (мастерства золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, типографское и граверное), размѣръ обыкновенной заработной платы колеблется между 7 и 10 фр., возвышенной—между 10 и 15 фр. и исключительной—между 15 и 30 фр. Въ профессіяхъ второй категоріи, гдѣ вознаграждается одновременно и профессиональная способность и физическое усиліе (штукатуры, каменщики, плотники, столяры и др.), наименьшій размѣръ заработной платы—5 фр. и наивысшій—12 фр. Въ профессіяхъ третьей категоріи, оплачивающихъ лишь физическое усиліе (чернорабочіе), заработная плата равняется 3 фр. 50 сант. или 3 фр. 37 сант.

Кромѣ этихъ рабочихъ, въ Парижѣ существуетъ цѣлый классъ людей, промысляющихъ мелкой торговлей—это такъ называемые *des quatre saisons*—газетчики, раздаватели объявленій и др. Ежедневный заработокъ ихъ, трудно поддающійся исчисленію, едва достигаетъ 3 фр. Не малый интересъ предста-

вляеть также профессія тряпичниковъ. Силошь и рядомъ это ремесло обезпечиваетъ заработокъ отъ 3 до 7 фр., и потому въ Парижѣ имъ занимаются очень многіе.

Далѣе д'Оссонвилль прилагаетъ стараніе опредѣлить съ точностью, какъ трудящееся населеніе распредѣляется между этими тремя категоріями. Картина получается такая. Число рабочихъ на заводахъ, мануфактурахъ и ремесленниковъ до 250.000 чел., чернорабочихъ, поденщиковъ и пр. 75.000 чел., нищихъ, бродягъ и неимѣющихъ занятій—15.000 чел. Слѣдовательно, число лицъ, зарабатывающихъ 4 фр. ежедневно, относится къ общему числу живущихъ ежедневнымъ заработкомъ въ Парижѣ, какъ 74 къ 100, зарабатывающихъ отъ 3 до 4 фр.,—какъ 22 къ 100 и зарабатывающихъ менѣе 3 фр.—какъ 4 къ 100. Это отношеніе даетъ право утверждать, что въ Парижѣ недостаточность заработной платы не можетъ считаться обстоятельствомъ, представляющимъ главную причину нищеты. Но не слѣдуетъ забывать, что на заработокъ одного человѣка не всегда можетъ безбѣдно просуществовать цѣлая семья; иногда для поддержки ея необходимъ и трудъ другихъ членовъ семейства, главнымъ образомъ, жены.

Заработной платѣ женщинъ д'Оссонвилль отводитъ также цѣлую главу. Болѣе выгодными ремеслами для нихъ являются: росписываніе фарфора для Севрской мануфактуры, заготовленіе рисунковъ для шалей и матерій, цвѣточное издѣліе (8 фр., въ день) и типографское (6 фр. въ день). Въ этихъ профессіяхъ оплачивается заразъ и природная способность и умственное развитіе, (первая категорія). Но женщины занимаются болѣе ремеслами, гдѣ вознаграждается только профессиональное образованіе и продолжительность работы (вторая категорія). Сюда причисляются ремесла цвѣточное (5—6 фр., въ день), вышивальное и плюмажное (5 фр.), обтягиваніе зонтиковъ (4 фр.), а также профессія портняжная. Заработокъ модистокъ и портнихъ очень измѣнчивъ— между 2 фр. 50 сант. и 5 фр. Далѣе слѣдуютъ: переплетчицы, красильщицы, картонщицы, полировщицы драгоценныхъ вещей и гладильщицы, зарабатывающія до 3 фр. Мыльщицы, корсетницы, починщицы кружевъ, позументщицы и табачницы имѣютъ не болѣе 2 фр. 75 сант. Ремесла сапожное, перчаточное, раскрашиваніе географическихъ картъ и чуть ли не самое распространенное бѣлошвейное обезпечиваютъ заработокъ до 2 фр. Скуднѣе всего оплачивается шиваніе мѣшковъ. Это занятіе при 16-ти часовою работѣ едва-едва даетъ 90 сант. Занятія на сичечныхъ, свѣчныхъ, резиновыхъ и др. фабрикахъ и трудъ наемной прислуги и поденщицъ (третья категорія) доставляютъ отъ 1 фр. до 1 фр. 50 сант. Распредѣляется трудящееся населеніе между этими 3 группами слѣдующимъ образомъ: поденщицъ 4.887 чел., портнихъ 1.318 чел., служанокъ 2.470 чел. и бѣлошвейекъ 1.041 чел.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что заработокъ женщинъ гораздо ниже мужского, что въ женскихъ профессіяхъ высокіе заработки составляютъ исключеніе, а низкіе—общее правило, и что большинство женщинъ едва зарабатываетъ на самыя необходимыя нужды.

Третья и послѣдняя часть цитируемой нами книжки разсматриваетъ различные способы организаціи благотворительности предупредительнаго харак-

тера. Первые главы дают довольно подробный очеркъ экономического и промышленнаго состоянія Франціи, а дальнѣйшія—обзоръ главнѣйшихъ средствъ борьбы съ нищетой. Авторъ здѣсь говоритъ о синдикатахъ, о сбереженіяхъ (сберегательныхъ кассахъ), о взаимопомощи (*mutualité*), о кооперации, о участиіи въ прибыли (*participation*) и, наконецъ, о благотворительности.

Останавливаться долго на этой части мы не будемъ, ибо д'Оссонвилль ничего новаго здѣсь не сообщаетъ, онъ просто-напросто компилируетъ сочиненія нѣкоторыхъ экономистовъ и такимъ образомъ знакомитъ читателя, мало свѣдущаго въ политической экономіи, со всѣми указанными организаціями.

Насъ болѣе интересуетъ резюме, къ которому приходитъ авторъ, а оно такое: «средства (отъ нищеты), если не абсолютнаго, то по крайней мѣрѣ единственнаго, всеобщаго и дѣйствительнаго нѣтъ нигдѣ. Нѣтъ его потому, что нищета—долговѣчное зло, которому подвержено человѣчество, и которое не падаетъ ни варварскія общества, ни цивилизованныя. Для однихъ это—нормальное условіе жизни, для другихъ это—въ своемъ родѣ выкупъ за процвѣтаніе, тѣнь на картинѣ величія, и надежду избавиться отъ этого зла не даетъ никакая раціональная предусмотрительность». Но если нѣтъ ни одного вседѣлебнаго средства, то существуетъ, во всякомъ случаѣ, масса паліативныхъ, къ которымъ можно отнести всѣ учрежденія предупредительнаго характера. Но всѣ они не будутъ дѣйствительными при отсутствіи благотворительности, и благотворительности не необдуманной или слѣпой, но раціональной и разумной, благотворительности въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Таково содержаніе д'Оссонвиллевскихъ этюдовъ. Главная заслуга ихъ автора, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ собралъ воедино массу статистическихъ свѣдѣній, разбросанныхъ въ Парижскихъ ежегодникахъ и другихъ изданіяхъ. Д'Оссонвилль не написалъ ученаго, философскаго трактата, не сдѣлалъ научныхъ выводовъ, онъ далъ правдивый и безпристрастный рассказъ о жизни сырого и голоднаго люда и, на основаніи чужихъ трудовъ, добросовѣстно разсмотрѣлъ вопросы о паушеризмѣ и соотношенія капитала и труда.

Несмотря на изобиліе цифръ, книжка читается съ большимъ интересомъ, безъ всякаго утомленія. Переводъ сдѣланъ г. Соколовскимъ хорошо, и намъ думается, что онъ не залежится на полкахъ книжныхъ лавокъ.

В. Городецкій.

Очерки изъ церковно-исторической географіи. Области восточныхъ патріарховъ православной церкви до IX вѣка. С. Терновскаго. Казань. 1899.

Извѣстно, что географическія познанія совершенно необходимы для пониманія историческихъ событій. Это приложимо какъ къ исторіи гражданской, такъ и церковной. Но тогда какъ для занятій исторіей гражданской можно указать не мало географическихъ пособій и въ русской литературѣ, такихъ пособій для изучающихъ исторію церковную у насъ нѣтъ. Последнее тѣмъ болѣе печально, что тѣ географическія свѣдѣнія, какія содержатся въ суще-

ствующихъ учебникахъ географіи и въ атласахъ, совершенно недостаточны для изучающихъ исторію христіанской церкви, такъ какъ для нихъ необходимы особыя спеціально географическія познанія. Изучающимъ церковную исторію не такъ важно знать о столицахъ государствъ, ихъ промышленныхъ центрахъ, внѣшнемъ благосостояніи ихъ жителей и т. п., а имъ нужно знать о пустыняхъ и монастыряхъ, о храмахъ и благочестіи жителей, о мѣстностяхъ, часто весьма незначительныхъ, но прославленныхъ тѣми или иными церковно-историческими событіями, и прочее. Но ни въ одномъ, даже самомъ обстоятельномъ, учебникѣ географіи такихъ свѣдѣній нѣтъ. Между тѣмъ знаніе библейской географіи еще въ древности считалось совершенно необходимымъ для надлежащаго пониманія священной исторіи и священнаго писанія. Еще первый церковный историкъ Евсевій Кессарійскій, современникъ и другъ императора Константина Великаго, и знаменитый толкователь священнаго писанія, блаженный Иеронимъ (IV в.), оставили намъ сочиненія по библейской географіи. Съ того времени прошло много вѣковъ, въ теченіе коихъ было не мало важнѣйшихъ событій въ исторіи христіанской церкви. Необходимо для пониманія ихъ имѣть подъ руками трудъ по церковной географіи. Но, тогда какъ церковно-историческая литература, какъ иностранная, такъ и русская, ежегодно умножается и растетъ въ различныхъ спеціальныхъ направленіяхъ, церковная географія почти совсѣмъ не разрабатывается не только у насъ, но и за границей. Въ виду этого, нельзя не привѣтствовать появленія въ свѣтъ «Очерковъ изъ церковно-исторической географіи», принадлежащихъ г. профессору Казанской духовной академіи С. А. Терновскому, извѣстному своимъ трудомъ о христіанской церкви эпохи вселенскихъ соборовъ, составленнымъ имъ совмѣстно съ братомъ, кіевскимъ профессоромъ Ф. Терновскимъ, теперь покойнымъ.

Настоящая книга профессора Терновскаго представляетъ собою рядъ очерковъ изъ церковно-исторической географіи, касающихся восточныхъ патріархатовъ, въ періодъ существованія ихъ до IX вѣка, и обнимающихъ, по замѣчанію самого автора, только важнѣйшія церковно-историческія событія въ жизни церковей Іерусалимской, Александрійской, Антиохійской, Кипрской, Персидской и Константинопольской.

Въ частности, въ очеркѣ первомъ (стр. 5—114) описывается патріархатъ іерусалимскій. Здѣсь сначала разсказывается объ образованіи іерусалимскаго патріархата (въ V вѣкѣ), а затѣмъ опредѣляется его общій составъ; по римскому дѣленію, въ составъ этого патріархата входили три провинціи: 1) Палестина первая, заключающая въ себѣ часть Галилеи, всю Самарію, всю Іудею и Идумею. 2) Палестина вторая, заключающая въ себѣ большую часть Галилеи и почти всю Заіорданскую страну, и 3) Палестина третья, въ которую входило пространство къ югу отъ Мертваго моря до Синайскаго полуострова. На этомъ сравнительно небольшомъ, пространствѣ были, въ періодъ благоденствія Іерусалимскаго патріархата, въ V и VI вѣкахъ до 50 епископій, изъ нихъ 25 митрополій; населеніе Палестины въ древнее время было несоизмѣримо плотнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Послѣ общихъ свѣдѣній авторъ переходитъ къ описанію каждой провинціи въ отдѣльности,

при чемъ обозрѣваетъ всѣ замѣчательные церковно-историческіе пункты, ознаменованное тѣмъ или другимъ событіемъ въ жизни христіанской церкви. Такъ, онъ сообщаетъ церковно-географическія свѣдѣнія о Назаретѣ, Канѣ, горѣ Ѡаворѣ, Капернаумѣ, Тиверіадѣ, Кесаріи Филипповой, Склеополѣ, Неаполиѣ, Кесаріи Палестинской, Яффѣ (Юппіи), Маюмѣ Газской, Іерусалимѣ, Вилеємѣ, монастыряхъ св. Саввы и св. Ѡеодосія, горѣ Синаѣ и многихъ другихъ городахъ и мѣстностяхъ святой земли. Описанія этихъ пунктовъ исполнены профессоромъ Терновскимъ весьма живо и интересно, читаются легко и съ удовольствіемъ. Нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ здѣсь описаній (напримѣръ, объ Іерусалимѣ) довольно обширны.

Въ очеркѣ второмъ (стр. 115—148) описывается патриархатъ Александрійскій, состоявшій изъ Египта, Ливіи и Пентаполя. Описаніе сдѣлано по тому же плану: сначала помѣщены общія историко-географическія свѣдѣнія о христіанской церкви въ Египтѣ, а затѣмъ слѣдуютъ свѣдѣнія частныя, касающіяся тѣхъ или иныхъ историко-географическихъ пунктовъ. Читатель найдетъ здѣсь любопытныя свѣдѣнія объ Александріи съ ея храмами, Тмуитѣ, Пелузіумѣ, Арсеноѣ, Нитрійской пустынѣ, Скитской пустынѣ, Ѡивайдѣ, Та-веннѣ, Ливіи и т. д.

Въ очеркѣ третьемъ (стр. 149—220) рѣчь идетъ о патриархатѣ антиохійскомъ, въ составъ котораго въ древнее время входили слѣдующія провинціи: Аравія, граничившая съ Дамаскомъ и Палестиною, Финикія и Сирія, при Средиземномъ морѣ и на Ливанѣ, Киликія и Исаврія, находившіяся уже въ Малой Азіи и также при Средиземномъ морѣ, провинція Евфратская и Месопотамія, въ области рѣкъ Тигра и Евфрата. И здѣсь, сначала находятся общія свѣдѣнія о патриархатѣ и каждой провинціи въ отдѣльности, а затѣмъ описываются: Тиръ, Сидонъ, Бейрутъ, Дамаскъ, Пальмира, Емесса, Антиохія, Дафна, Лаодикія, Тарсъ, Селевкія, Самосаты, Киръ, Едесса, Низибія и другіе города, прославленные тѣми или другими церковно-историческими событіями.

Въ небольшомъ четвертомъ очеркѣ (стр. 221—224) описывается церковь на островѣ Кипрѣ, находящемся въ сѣверо-восточной части Средиземнаго моря, противъ Сиріи и Киликіи. Здѣсь въ древнее время было до 15 епископскихъ кафедръ; нѣкоторыя изъ нихъ (въ городахъ Тримифунтѣ и Саламинѣ-Констанціи) достаточно извѣстны въ церковной исторіи, поэтому профессоръ Терновскій нашелъ необходимымъ предложить въ своей книгѣ описаніе церковно-географическихъ достопримѣчательностей Кипра.

Въ очеркѣ пятомъ (стр. 225—228) описывается церковь персидская, занимавшая громадную территорію, на которой въ древности существовали царства: Ассирійское, Вавилонское, Мидійское и Персидское. Въ церковно-историческомъ отношеніи здѣсь примѣчательные города—Вавилонъ, Ниневія, Персеполь, Экбатана и Селевкія при Тигрѣ, которые и описаны въ указанномъ очеркѣ.

Наконецъ, въ очеркѣ шестомъ (стр. 229—334) описывается патриархатъ константинопольскій. Здѣсь предварительно ведется рѣчь объ основаніи города Константинополя и объ устройствѣ въ немъ церквей и особенно монастырей, объ учрежденіи константинопольскаго патриархата и о правахъ все-

ленскаго патріарха, а затѣмъ идетъ церковно-географическое описаніе патріархата. Въ составъ Константинопольскаго патріархата входили діоцезіи: Понтійская, Азіійская и Фракісійская, т. е. вся Малая Азія, за исключеніемъ Киликіи и Исавріи, и часть земель на Балканскомъ полуостровѣ. Каждая изъ діоцезій дѣлилась на провинціи. Изъ нихъ въ книгѣ профессора Терновскаго описаны слѣдующія провинціи: 1) Понтійскія: Каппадокія, Малая Арменія, Понтъ Полемаикусъ, Геленопонтъ, Пафлагонія, Галатія, Вивонія; 2) Азіійскія: Геллеспонтъ, Асія, Фригія, Карія, Ликія, Цикладскіе острова, Памфілія, Ликаонія, Писидія; 3) Фракісійскія: Европа, Фракія, Гемимонтъ, Родопъ, Скоію и Мизія нижняя. Въ каждой изъ этихъ провинцій существовали города и мѣста, замѣчательныя въ церковно-историческомъ отношеніи, и о каждомъ изъ нихъ въ рассматриваемой книгѣ читатель найдетъ нужныя свѣдѣнія.

Въ концѣ книги профессора Терновскаго помѣщенъ очень полезный указатель мѣстностей, о коихъ въ книгѣ сообщаются историко-географическія свѣдѣнія.

Къ книгѣ приложена и литографированная карта для изученія древней церковной исторіи, съ патріархатами Іерусалимскимъ, Александрійскимъ, Антиохійскимъ, Константинопольскимъ и Римскимъ.

«Очерки изъ церковно-исторической географіи» профессора С. А. Терновскаго весьма полезны для изученія исторіи христіанской церкви до IX в. Здѣсь, на основаніи лучшихъ пособій иностранныхъ и русскихъ, почтенный ученый сообщилъ нужныя свѣдѣнія о всѣхъ наиболѣе важныхъ пунктахъ древней церковно-исторической жизни. Изучающій исторію не окажется болѣе въ безпомощномъ положеніи въ отношеніи церковно-исторической географіи и при руководствѣ настоящей книги и приложенной къ ней карты можетъ прекрасно ориентироваться въ области знанія прежде смутной и неясной. Нѣтъ нужды говорить о научной компетенціи автора, достаточно извѣстной. Скажемъ лишь въ заключеніе, что книга написана прекраснѣйшимъ литературнымъ языкомъ, весьма просто и живо и можетъ служить полезнымъ популярнымъ чтеніемъ для всѣхъ тѣхъ, кто интересуется исторіей греческо-византійскаго Востока. Σ.

Очерки исторіи сербо-хорватской литературы. А. Степовича, директора коллегіи Павла Галагана, прив.-доцента университета св. Владимира. Съ 2 снимками. Кіевъ. 1899.

Какихъ либо особенно крупныхъ переломовъ въ своемъ историческомъ развитіи сербская литература не имѣла; поэтому принятое г. Степовичемъ при обзорѣ ея дѣленіе на періоды, вполне оправдываемое извѣстными удобствами и для автора, и для читателя, имѣетъ своимъ основаніемъ не смѣну литературныхъ направленій, а приурочивается къ важнѣйшимъ событіямъ политической жизни, оставшимся не безъ вліянія, конечно, и на литературу. Особенно это слѣдуетъ замѣтить относительно перваго и втораго (средняго)

періода развитія сербской литературы; между ними не наблюдается особенно рѣзкой грани литературнаго собственно характера, такъ какъ старинная письменность, замершая было въ XV в. вслѣдствіе окончательнаго поработенія сербовъ турками, къ концу второго періода (XV—XVIII в.) значительно ожилилась и вылилась въ форму особаго направленія такъ называемой славяно-сербской школы, «пытавшейся удержать прежнее книжное единство православныхъ славянъ». Таковъ, повидимому, взглядъ на это дѣленіе и самого автора, который заявляетъ относительно второго (средняго) періода, что «въ теченіе этихъ трехъ вѣковъ, въ противоположность предыдущему времени литература почти замираетъ въ собственной Сербіи, что, конечно, произошло по винѣ крайне неблагоприятныхъ политическихъ обстоятельствъ», взамятъ же того «поэтический гений сербства возрождается на крайней западной границѣ его по сосѣдству съ Италіей, и возрожденіе это, конечно, произошло, какъ вслѣдствіе благопріятнаго уклада народной жизни западныхъ сербовъ — разумѣемъ самостоятельныя республики сербско-адриатическаго приморья, особенно знаменитый Дубровникъ — такъ и благодаря близкому сосѣдству и тѣснымъ литературнымъ связямъ съ Италіею» (стр. 35—36). Что касается новаго періода сербской литературы, то признаки внутренняго различія ея отъ литературы прежняго періода также не имѣютъ той яркой и опредѣленной выразительности, благодаря которой можно было бы провести смѣлую черту между періодами и точно указать, что лежитъ по ту и другую сторону ея. Нѣкоторое подспорье въ данномъ случаѣ оказываетъ внѣшній признакъ — звуковое правописаніе Вука Караджича («вуковица»), благодаря которому сербская литература, взявши при этомъ для своего выраженія живой народный языкъ (штокавщину), рѣшительно порвала почти всѣ связи не только съ русскою и болгарскою, но даже и съ древнесербскою (не дубровницкою, однако же) литературой.

Первый періодъ, какъ менѣе характеристичный и своеобразный, изложенъ въ изслѣдованіи г. Степовича въ общихъ чертахъ: послѣ краткихъ свѣдѣній о памятникахъ церковно-славянской письменности, заимствованной сербами отъ болгаръ, приведенъ перечень важнѣйшихъ лѣтописей, житій и юридическихъ памятниковъ, бывшихъ первыми плодами самобытнаго сербскаго творчества. Главное вниманіе авторъ сосредоточилъ на писателяхъ средняго и новаго періода сербской литературы. О каждомъ изъ писателей даны довольно подробныя біографическія свѣдѣнія, затѣмъ идетъ пересказъ и оцѣнка его главнѣйшихъ произведеній и, наконецъ, дѣлается общая характеристика; тутъ же указываются важнѣйшія библиографическія данныя о его трудахъ и приводятся наиболѣе яркія выдержки изъ нихъ. Въ общемъ книга г. Степовича даетъ весьма богатый и разнообразный матеріалъ для ознакомленія съ сербской литературой. Нельзя только не пожалѣть, что авторъ нѣсколько скупъ на обобщающія характеристики писателей по группамъ или по эпохамъ, это помогало бы читателю вынести болѣе цѣлостное впечатлѣніе о характерѣ и развитіи сербской литературы, не ослабленное дробленіемъ по отдѣльнымъ лицамъ.

Авторъ доводитъ обзоръ сербской словесности до самаго послѣдняго вре-

мени, сообщая при этомъ нѣсколько весьма любопытныхъ свѣдѣній о современной сербской періодической печати. Последняя, какъ оказывается, стоитъ довольно прочно и общаеетъ развиваться. Изъ ежемѣсячныхъ журналовъ лучший—«Отачбина» (отчина), издающійся съ 1875 г., онъ отличается разнообразіемъ содержанія, ведется очень литературно. Съ 1887 г. началъ выходить прогрессистскій ежемѣсячникъ «Омладина», гдѣ помѣщены между прочимъ, переводы изъ Щедрина, «Прогрессъ въ природѣ» Бюхнера и др. Любопытенъ издающійся съ 1878 г. журналъ «Доматица» (хозяйка), органъ женскаго друштва (т.-е. женскаго общества). Въ последнее время начала развиваться и провинціальная печать, даже маленькіе города обзаводятся самостоятельными изданиями: такъ, въ Нишѣ выходила «Слобода, листъ за политику, привреду и книжевностъ», въ Шабацѣ выходитъ «Шабачки Гласник, листъ за народне интересе, новости и книжевности». Дробленіе на партіи вполне отчетливо отражается и на періодическихъ изданіяхъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ политической борьбѣ. Изъ новѣйшихъ сербскихъ писателей-беллетристовъ наиболѣе интереснымъ является Лазаревичъ (1851—1890)—сербскій Тургеневъ, какъ не совсѣмъ правильно назвали его сербскіе критики, произведенія котораго переводились на языки французскій, нѣмецкій и англійскій.

Немалую цѣнность изслѣдованію г. Степовича придаютъ щедрой рукой разсыпанныя научныя ссылки и примѣчанія; благодаря имъ, книга, не теряя своего непосредственнаго интереса, пріобрѣтаетъ сверхъ того значеніе справочнаго научнаго пособія. Въ концѣ приложенъ указатель личныхъ именъ. Нисколько не сомнѣваемся, что изслѣдованіе г. Степовича будетъ настольной книгой для занимающихся славяновѣдѣніемъ; остается пожелать, чтобы она встрѣтила радушный пріемъ и со стороны общей публики, какого вполне заслуживаетъ.

К. Х.

**Творенія Платона. Переводъ съ греческаго Владиміра Соловьева.
Томъ первый. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1899.**

Если появленіе переводовъ древне-классическихъ авторовъ и не составляетъ особой рѣдкости въ нашей литературѣ, то у насъ весьма мало переводовъ образцовыхъ, а потому трудъ В. С. Соловьева имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы занять выдающееся мѣсто въ русской литературѣ по классической филологіи. Его переводъ Платона, если онъ будетъ оконченъ, оставитъ далеко за собою трудъ В. Н. Карнова, весьма почтенный, но, къ сожалѣнію, несмотря на всю добросовѣстность исполненія, не свободный отъ промаховъ и совсѣмъ не передающій поэтически-философскаго стиля подлинника. Изъ предисловія къ труду В. С. Соловьева узнаемъ, что первую мысль о переводѣ подалъ ему еще 17 лѣтъ тому назадъ А. А. Фетъ. Но тогда г. Соловьевъ не считалъ себя призваннымъ къ такому огромному предпріятію и не могъ разсчитывать на успѣхъ его среди русской публики; почтенный переводчикъ приступилъ къ своему труду только въ 1897 г., подъ влияніемъ своихъ занятій нравственной филологіей, а между тѣмъ и въ нашемъ обществѣ успѣлъ за это время, по словамъ г. Соловьева,

«народиться, внѣ профессиональной ученой среды, хотя не очень обширный, но все-таки замѣтный кругъ людей съ дѣйствительною и постоянною любовью къ философскимъ трудамъ». Если трудъ г. Соловьева и внушенъ Фетомъ, то къ счастью выполненъ онъ совсѣмъ не въ стилѣ переводовъ Фета. Г. Соловьевъ совершенно вѣрно указываетъ основной недостатокъ почти всѣхъ многочисленныхъ трудовъ почтеннаго переводчика римскихъ поэтовъ — излишнее стремленіе къ буквальной точности въ передачѣ древнихъ текстовъ. По вполнѣ правильному взгляду В. С. Соловьева, переводчикъ, стремящійся передать древняго автора, а не предать его, долженъ, усвоивъ съ полной ясностью и точностью мысль подлинника, поставить себѣ слѣдующій вопросъ: «какъ данный авторъ — скажемъ, Платонъ — съ особенностями своего духа, характера, стиля, образа мыслей, насколько все это намъ исторически извѣстно — если бы онъ зналъ по-русски, и ему пришлось бы писать на этомъ языкѣ, какъ выразилъ бы онъ на немъ эту свою мысль съ этими ея отгѣнками?» Замѣчу кстати, что подобныя же требованія къ хорошему переводу предъявляетъ и одинъ изъ наиболѣе блестящихъ современныхъ филологовъ Германіи, У. фонъ Виллямовицъ-Меллендорфъ (въ предисловіи къ изданной имъ трагедіи Еврипида — Ипполитъ, Берлинъ, 1891), который говоритъ на своемъ образномъ языкѣ, что истинный переводъ долженъ изображать душу подлинника, облеченную въ платье того языка, на который переводятъ. Но при передачѣ Платонова текста, помимо указанныхъ выше затрудненій, общихъ для всѣхъ работъ подобнаго рода, переводчику предстоитъ еще особая весьма нелегкая задача, именно разобраться въ такъ называемомъ Платоновомъ вопросѣ, т. е. опредѣлить подлинность діалоговъ и ихъ хронологію, такъ какъ рѣшеніе этого вопроса необходимо для составленія себѣ понятія о послѣдовательномъ развитіи Платоновой философіи. Г. Соловьевъ справедливо отлагаетъ произнесеніе своего рѣшительнаго мнѣнія по поводу этихъ затрудненій до конца своей работы, когда при переводѣ каждаго діалога въ отдѣльности онъ познакомится со всей относящейся сюда спеціальной литературой. Покамѣстъ же онъ даетъ въ предисловіи списокъ только самыхъ главныхъ пособій по данному вопросу, гдѣ, однако, новѣйшіе труды указаны далеко не всѣ, и намѣчаетъ въ краткихъ чертахъ нѣкоторыя сложившіяся уже у него убѣжденія относительно развитія философско-литературной дѣятельности Платона. Понятно, что убѣжденія эти, въ которыхъ немало оригинальнаго и субъективнаго, читатель долженъ пока принимать только на вѣру и будетъ ждать болѣе точныхъ и твердыхъ доказательствъ. Кромѣ того, предисловіе содержитъ краткій очеркъ біографіи Платона. Покамѣстъ изданы г. Соловьевымъ шесть діалоговъ: Феагъ, Первый и Второй Алкивиадъ, Ионъ, Лахесъ, Хармидъ и Лизисъ (три изъ нихъ переведены М. С. Соловьевымъ). Переводъ сдѣланъ на основаніи лучшихъ критическихъ изданій оригинала и снабженъ объяснительными примѣчаніями. Кромѣ того, къ каждому діалогу приложенъ его анализъ. Остается пожелать прекрасному труду не успѣха, который обезпеченъ ему именемъ переводчика, а скорѣйшаго окончанія.

А. М.—яъ.

Л. Гейгеръ. Нѣмецкій гуманизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакц. проф. Г. В. Форстена. Спб. 1899.

Можно привѣтствовать появленіе въ русскомъ переводѣ второй части извѣстнаго изслѣдованія Гейгера «Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland» (Берлинъ, 1882 г.). По исторіи итальянскаго гуманизма мы имѣемъ превосходное сочиненіе Корелина и два переводныхъ труда — Буркхардта и Фойгта. По исторіи нѣмецкаго гуманизма соч. Гейгера есть единственное на русскомъ языкѣ. Основная мысль Гейгера сводится къ тому, что гуманизмъ въ Германіи нельзя разсматривать, какъ явленіе заносное и несамостоятельное. Нѣмецкій гуманизмъ есть самостоятельное движеніе, національные элементы котораго проявились еще до вліянія Италиі. Предвѣстниками новаго движенія были «братья общей жизни», благочестиво занимавшіеся книгопечатаніемъ, обученіемъ юношей. Гейгеръ насчитываетъ рядъ именъ скромныхъ труженниковъ, предшественниковъ гуманизма, какъ явленія самобытнаго. Въ исторіи нѣмецкаго гуманизма Гейгеръ различаетъ три періода. Первый періодъ, близко связанный еще съ средневѣковыми традиціями, онъ называетъ теологическимъ. Второй періодъ — научный, заявившій смѣло, что и «свѣтскій чловѣкъ можетъ постичь теологическія тонкости». Этотъ періодъ далъ Германіи широкое развитіе науки и университетовъ. На смѣну ему явился третій, самый короткий, періодъ — полемическій, когда идея національности достигла высшаго своего развитія. Вдохновителемъ полемическаго направленія былъ Гуттенъ. Почти $\frac{3}{4}$ книги Гейгера посвящено общему взгляду на состояніе Германіи, характеристикѣ нѣмецкихъ городовъ, школъ, университетовъ и ученыхъ обществъ. Особенное значеніе книги Гейгера заключается въ томъ, что онъ освѣтилъ малоизвѣстныхъ дѣятелей ранняго нѣмецкаго гуманизма XV столѣтія — Вимфелинга, Бранта, Пейтингера съ его кружкомъ въ Аугсбургѣ, Пиркгеймера, образцоваго писателя, одареннаго Лукіановскимъ остроуміемъ, Шотта, Гегія, Лорити, Муціана Руфа, Цельтеса, знаменитаго Юганна Авентина и др. Отдѣльныя главы посвящены Рейхлину, Эразму и Гуттену, смертью котораго заканчивается исторія нѣмецкаго гуманизма, разрѣшившагося реформаціей. Гейгеръ пишетъ сжато, объективно и довольно сухо. Удачно представлена у него характеристика Эразма, хотя вообще литературныя произведенія трехъ послѣднихъ гуманистовъ въ книгѣ Гейгера изложены слишкомъ сжато, а потому не вполне удовлетворяютъ читателя. К.

П. И. Ковалевскій. Наполеонъ I и эпилепсія. Спб. 1899.

Изящно изданный томикъ, по счету четвертый, представляетъ собою, тонко написанный проф. Ковалевскимъ, психіатрическій эскизъ. Еще не установленъ вопросъ о геніальности, которую Ламброзо относитъ къ области психопатологіи. Нѣкоторые великіе историческіе дѣятели страдали эпилепсіей, напримѣръ, Юлій Цезарь, Петръ Великій, Наполеонъ I. Важнымъ, поэтому, является вопросъ: въ какомъ отношеніи находятся геніальность и эпилепсія? Изложеніе

жизни, характера и дѣятельности Наполеона I, представленное въ небольшой книжкѣ почтеннаго психіатра, служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Очеркъ жизни Наполеона составленъ не по источникамъ, а по лучшимъ пособиямъ—Слоана и Пеэра. Охарактеризовавъ Наполеона и нарисовавъ его въ разныя минуты жизни, авторъ приходитъ къ отрицательному выводу относительно связи гениальности и эпилепсіи. Эпилепсіей Наполеонъ страдалъ, но это была случайность, на которой нельзя строить, какъ это дѣлаетъ Ламброзо, его гениальность. Если великіе люди страдали эпилепсіей, то они могли страдать и лихорадкой, которая также не имѣетъ ничего общаго съ гениальностью, тѣмъ болѣе, что гениальность—явленіе прирожденное, а эпилепсія бываетъ приобретенной, что вовсе не дѣлаетъ человека гениальнымъ. Напротивъ, въ книгѣ приведено нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ видно, что приступы падучей болѣзни ослабляли политическую и умственную дѣятельность Наполеона. Заключение автора таково, что Наполеонъ—выспій, первоклассный гений, страдавшій эпилепсіей, которая усилилась подъ конецъ его политической жизни и ослабила его мировую дѣятельность. Гениальность Наполеона не имѣла ничего общаго съ его болѣзвью. Задача автора—спеціальная, теоретическое обоснованіе ея рѣшенія дано имъ въ другомъ сочиненіи (П. И. Ковалевскій: Вырожденіе и возрожденіе), и личность Наполеона служитъ лишь яркимъ примѣромъ подтвержденія его взглядовъ. Нельзя сказать, что характеристика Наполеона вполне удалась автору. Хотя онъ бѣгло (234 стр.) и не соглашается съ блестящей характеристикой Наполеона, сдѣланной Тэномъ, но въ его компилятивной работѣ мало отгѣнены черствый эгоизмъ Наполеона, его самомнѣніе, цинизмъ въ отношеніи къ людямъ и государству и другія отталкивающія черты характера Наполеона.

П. К—ій.

Собраніе В. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Каменный и бронзовый вѣка. Выпускъ I и II. Эпоха, предшествующая великому переселенію народовъ. Кіевъ. 1899.

Подъ выписаннымъ выше заглавіемъ предлагается краткое описаніе предметовъ трехъ эпохъ изъ доисторической жизни Приднѣпровья, принадлежащихъ гг. Ханенко, и таблицы изображеній этихъ предметовъ. Каменные орудія (по преимуществу молоты или топорики), орудія изъ кости и рога, глиняныя издѣлія и орудія мѣдныя и бронзовыя, относящіяся къ каменному и бронзовому вѣкамъ, вошли въ первый выпускъ «Собранія» и образцовые ихъ экземпляры изображены на 12 таблицахъ. Большинство предметовъ изъ неолитической (а не «неолитической!»¹⁾ эпохи каменнаго вѣка и затѣмъ бронзоваго вѣка и представляетъ собою результатъ раскопокъ г. Хвойко въ Кіевской губерніи. Изъ нихъ болѣе характерными слѣдуетъ, кажется, считать глиняные сосуды, принадлежащіе «частью къ каменному вѣку, частью къ концу каменнаго и началу бронзоваго (наибольшее число) и, наконецъ, частью собственно бронзовому вѣку». Древнѣйшіе сосуды, «обыкновенно съ

¹⁾ Невѣрно также правописаніе «палеолитическая» эпоха вмѣсто палеолитическая.

толстыми стѣнками, грубо обожжены, безъ ушекъ или съ очень небольшими ушками, а нѣкоторые съ шарообразнымъ или закругленнымъ дномъ». Позднѣйшіе же «сдѣланы гораздо искуснѣе, имѣютъ гладкую гляцовитую поверхность и болѣе разнообразны по формамъ, — орнаментация ихъ состоитъ изъ вдавленныхъ черточекъ и преимущественно спиральныхъ линій, или изъ живописнаго и весьма характернаго декора» (обыкновенно — узоры темной краски по красному фону).

Во второмъ выпускѣ, послѣ краткаго предисловія о скиѣхъ и сарматахъ и скиѣскихъ могилахъ въ области средняго Днѣпра, описаны предметы, относящіеся къ эпохѣ отъ VII в. до Р. Х. и по III в. по Р. Х. и представляющіе, главнымъ образомъ, результатъ раскопокъ г. С. А. Мазараки въ 1897—1898 гг. по теченію р. Сулы въ Роменскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. и раскопокъ г. В. В. Хвойко въ разныхъ уѣздахъ Киевской губ. Среди предметовъ скиѣской культуры въ курганахъ были находимы хотя и рѣдко издѣлія греческаго производства, «отличающіяся иногда особенно художественнымъ выполненіемъ»; къ таковымъ принадлежатъ: бронзовые шлемы и панцыри, украшенія для туалета изъ золота, серебра и бронзы — діадемы, кольца, зеркала и проч. — и вазы и сосуды. Эти греческія издѣлія, съ ихъ художественными украшеніями, служили для скиѣскихъ мастеровъ обыкновенно предметомъ подражанія.

Описаніе предметовъ изложено отдѣльно въ главахъ: I — предметы изъ желѣза (наконечники копій, ножи, мечи и др.), II — изъ бронзы, III — изъ золота, серебра и электрона, IV — изъ кости (бусы, ушки удилъ, пряжки, гребенки и проч.), V — изъ камня, явтаря и стекла и VI — изъ глины. Среди бронзовыхъ предметовъ болѣе всего ланцетовидныхъ, копіеобразныхъ, конусообразныхъ и четырехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ, а среди золотыхъ и серебряныхъ вещей — тонкихъ пластинокъ разныхъ величинъ и формъ, служившихъ украшеніемъ одеждъ, головныхъ уборовъ и наиболѣе цѣнныхъ предметовъ вооруженія. По мнѣнію автора описанія, изъ предметовъ этого отдѣла всего интереснѣе въ археологическомъ отношеніи — золотая массивная гривна, въ видѣ обруча, съ головами птицы по концамъ, золотая бляшка, служившая украшеніемъ колчана, съ изображеніемъ льва, золотой наборъ конской узды, съ изображеніемъ въ орнаментальномъ стилѣ на налобникѣ фантастической головы и крылатыхъ грифоновъ, и электроновыя ажурныя литыя бляхи, съ изображеніемъ фантастическаго крылатаго звѣря, съ человѣческой головой, пожирающаго другого звѣря.

Наконецъ, наиболѣе еще любопытны глиняныя вазы и сосуды мѣстной работы и привозныя (греческія), изъ которыхъ первыя слѣдующихъ типовъ: 1) горшки прямые, 2) горшки съ сильно выпуклыми боками и отверстіемъ, суженымъ сверху, 3) горшки круглые, 4) маленькіе низкіе, плоскіе сосуды, въ родѣ блюдецъ или плошекъ, и 5) чаши, имѣющія видъ черпака, съ круглымъ дномъ и высоко поднятою ручкой.

Ко второму выпуску приложено 37 таблицъ изображеній разныхъ образцовыхъ предметовъ.

В. Р — въ,

В. Низе. Очеркъ римской исторіи и источниковѣдѣнія. Переводъ съ нѣмецкаго слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей Ѳ. Ф. Зѣлинскаго и М. И. Ростовцева. Спб. 1899. Доходъ съ изданія назначается на пополненіе историческаго отдѣла бібліотеки высшихъ женскихъ курсовъ.

Книга Низе представляет собою сжатый и вполне отвѣчающій современнымъ научнымъ требованіямъ очеркъ римской исторіи, отсутствіе котораго давно уже ощущалось въ русской литературѣ. Авторъ обратилъ главное вниманіе на политическую исторію, почти не удѣляя мѣста исторіи культуры. Этотъ недостатокъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что оригиналъ книги Низе появился въ извѣстной серіи руководствъ, выходящихъ подъ редакціей мюнхенскаго профессора Ив. Ф. Мюллера и обвиняющихъ всю науку классической древности (*Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft*), такъ что исторіи древне-римской культуры отведены въ этой серіи особые отдѣлы. По своимъ взглядамъ на историческую науку, Низе принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые на первомъ планѣ ставятъ строго методическое и критическое отношеніе къ источникамъ. Поэтому изложеніе каждой эпохи авторъ начинаетъ съ обзора всѣхъ какъ сохранившихся, такъ и утраченныхъ источниковъ и пытается опредѣлить ихъ взаимное отношеніе и значеніе. Наибольше самостоятельно обработана первая половина, т. е. республиканскій періодъ; обзоръ событій, слѣдуя обычной хронологіи, доведенъ до 476 г. по Р. Х. Нечего и говорить, что русскій переводъ, исполненный 16 слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей такихъ знатковъ дѣла, какъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій и М. И. Ростовцевъ, сдѣланъ вполне аккуратно и добросовѣстно. Многочисленность переводчицъ вызвала неизбежную и почти неустранимую пестроту текста, что сознаетъ и сама редакція. Особенно замѣтна эта пестрота въ транскрипціи именъ собственныхъ и въ частности такихъ, въ написаніи которыхъ редакція отступала отъ общепринятаго; напримѣръ, извѣстный римскій императоръ именуется на одной и той же страницѣ и Домиціаномъ и Домитіаномъ. Богатыхъ библиографическихъ указаній Низе редакція не пополняла на томъ основаніи, что достигнуть абсолютной полноты въ этомъ отношеніи представлялось ей дѣломъ невозможнымъ. Конечно не признавать вѣрности этого замѣчанія нельзя, хотя, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ слѣдовало бы нѣсколько освѣжить библиографію Низе, напримѣръ, отчего бы не указать при изложеніи правленія того же Домиціана на прекрасную монографію Гзеля (*Essai sur le régime de l'empereur Domitien, par Stéphane Gsell. Paris. 1894*)? Наконецъ, особенностью русскаго изданія книги Низе является составленный г. Маленинымъ библиографическій указатель нашей какъ оригинальной, такъ и переводной литературы по римской исторіи. Указатель этотъ очень не обширенъ (всего 10 съ половиною страничекъ, напечатанныхъ въ 2 столбца); краткость его составитель объясняетъ тѣмъ, что имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, литературу новѣйшую и имѣющую значеніе. Такимъ образомъ, смѣло можно надѣяться, что въ настоящемъ своемъ видѣ книга Низе явится вполне удобнымъ и надежнымъ справочнымъ пособіемъ для всѣхъ тѣхъ лицъ, кому приходится имѣть дѣло съ древнеримской исторіей. Л. Л.

**Н. П. Степановъ. Народные праздники на святой Руси.
Спб. 1900.**

Эта небольшая книжка содержитъ сжатое и краткое описаніе важнѣйшихъ народныхъ праздниковъ и приуроченныхъ къ нимъ обычаевъ и обрядовъ. При нѣкоторыхъ описаніяхъ помѣщены небезъинтересныя историческія ссылки, такъ, напримѣръ, упоминается объ измѣненіи Петромъ Великимъ нашего лѣтосчисленія и рассказъ о первой встрѣчѣ Нового года въ Москвѣ 1-го января 1700 года («Новый годъ»). Въ статьѣ: «Честная масляница — широкая боярыня», говорится о празднованіи масляницы въ 1722 г. въ Москвѣ, когда, послѣ Ништадтскаго мира, Петръ Великій вздумалъ устроить нѣчто въ родѣ карнавала, а также рассказъ о народномъ маскарадѣ, устроенномъ Екатериною II въ 1763 г., имѣвшемъ аллегорическій и сатирический характеръ. Умѣстно и весьма интересно описаніе торжественной церемоніи муроваренія, совершаемой ежегодно въ Кіево-Печерской лаврѣ («Великій четвергъ»).

Читатель-юноша, который главнымъ образомъ имѣется въ виду составителемъ, прочтетъ эту книжку не безъ пользы для себя, такъ какъ она заставитъ его лишній разъ заглянуть въ міръ народной фантазіи и познакомитъ съ бытовою стороною жизни нашей родной старины, обряды и обычаи которой мало-помалу утрачиваютъ, къ сожалѣнію, свой первобытный характеръ, измѣняясь подъ вліяніемъ чужеземныхъ новшествъ.

Д. К. Е.

**Автобиографическія воспоминанія Валеріана Александровича
Вельгарда. Спб. 1899.**

«Воспоминанія» извѣстнаго кавказскаго героя В. А. Вельгарда, печатавшіяся первоначально на страницахъ «Русской Старины», представляютъ, несмотря на свой незначительный объемъ и краткость, любопытный матеріалъ для исторіи покоренія Кавказа и кавказскихъ войнъ за время съ 1835 г. по 1845 г. Въ нихъ авторъ сообщаетъ немало правдивыхъ свѣдѣній о томъ, какъ велись эти войны малоопытными генералами, силою и рядомъ наѣзжавшими изъ Петербурга на Кавказъ ради полученія отличій, при помощи «кремневыхъ палокъ», тогда какъ горцы были вооружены болѣе дальнобойными винтовками, и при крайне плохомъ состояніи комендантской части, высказывая при этомъ не разъ, что при другихъ условіяхъ покореніе Кавказа могло бы совершиться въ болѣе короткое время. Разсѣяныя тамъ и сямъ краткія характеристики кавказскихъ дѣятелей того времени по своей мѣткости и точности послужатъ необходимымъ биографическимъ матеріаломъ. Цѣня многихъ за ихъ храбрость и опытность, В. А. Вельгардъ не падаетъ развѣхъ честолюбцевъ и трусовъ и въ то же время, по свойственной ему прямотѣ и честности, всюду отдаетъ справедливость храбрости и сметливости нашихъ солдатъ, для которыхъ онъ былъ справедливымъ и добрымъ начальникомъ. Въ началѣ «Воспоминаній» находятся краткія свѣдѣнія о состояніи Пажескаго корпуса въ 1824—1830-хъ гг.

В. Р.—въ,

И. Бриллиантовъ. Ферапонтовъ-Вѣлзозерскій нынѣ упраздненный монастырь, мѣсто заточенія патріарха Никона. Съ приложеніемъ очерка: „Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Вѣлзозерѣ“. Спб. 1899.

Оба очерка изданы г. И. Бриллиантовымъ по случаю исполнившагося въ прошломъ году 900-лѣтія со времени основанія нынѣ упраздненнаго Ферапонтова-Вѣлзозерскаго монастыря и печатались первоначально въ журналѣ «Странникъ». Первый очеркъ состоитъ изъ 6 главъ: 1) преподобный Ферапонтъ, 2) преподобный Мартиніанъ (обѣ главы составлены на основаніи рукописныхъ «житій»), 3) времена процвѣтанія обители при св. Мартиніанѣ и его ближайшихъ преемникахъ, 4) внѣшній ростъ монастыря и состояніе его до конца XVII в., 5) послѣдній вѣкъ существованія обители и ея закрытіе и 6) прогулка по Ферапонтовой обители и ея окрестностямъ, и двухъ приложений: списка настоятелей монастыря и его плана съ картою окрестностей.

Ферапонтовъ Богородице-Рождественскій Мартиніановъ монастырь, говоритъ авторъ, «тѣсно связанный по своему происхожденію съ знаменитою «Лаврою» преп. Кирилла и небызвѣстный также въ исторіи отечественной церкви, основанъ въ 15 верстахъ отъ Кириллова монастыря преп. Ферапонтомъ, сподвижникомъ и спутникомъ преп. Кирилла, и устроенъ потомъ преп. Мартиніаномъ, ближайшимъ ученикомъ Кирилловымъ». Несмотря на то, что онъ уже болѣе ста лѣтъ какъ закрытъ и обращенъ въ приходскую церковь, продолжаетъ и до сихъ поръ привлекать съ собою богомольцевъ «почивающими въ немъ мощами св. Мартиніана» и интересуется любителей родной старины, какъ мѣсто заточенія знаменитаго іерарха русской церкви патр. Никона.

Въ XV и XVI в. Ферапонтовъ монастырь славился наряду съ Кирилловымъ, какъ духовнопросвѣтительный центръ; многочисленныя его рукописи и старопечатныя книги теперь хранятся въ разныхъ мѣстахъ: въ императорской публичной библиотекѣ, спб. духовной академіи и др. Изъ «просвѣтителей» и «доброисцевъ» его наиболѣе извѣстны: старецъ Варлаамъ, Спирidonъ, митрополитъ кievскій, жившій въ монастырѣ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, инокъ Паисій и др. Съ началомъ XVII в. начинается экономическій упадокъ монастыря, доведеннаго къ концу этого столѣтія до «печальнаго состоянія», вслѣдствіе чего онъ въ теченіе всего XVIII в. велъ «сѣрую будничную жизнь небольшого захолустнаго монастыря».

Что касается второго «очерка»: «Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Вѣлзозерѣ», то онъ состоитъ изъ 6 главъ и, хотя не даетъ ничего новаго и неизвѣстнаго, но, тѣмъ не менѣе, читается съ большимъ интересомъ, благодаря изложенію и искренне теплому отношенію автора къ опальному патріарху. Къ тому же, въ той и другой книжкѣ читатель найдетъ нѣсколько портретовъ и рисунковъ церквей, мѣстныхъ видовъ и проч.

В. Р—въ.

Jozef Dunin-Karwicki. Ze starego autoramentu. Typy i obrazki Wolyńskie. Serya druga. Warszawa. 1900.

Второй выпускъ очерковъ г. Дуинь-Карвицкаго ничѣмъ существеннымъ не разнится отъ перваго, о которомъ мы въ свое время дали отзывъ на страницахъ нашего журнала ¹⁾. Въ простодушномъ и безпритязательномъ разсказѣ г. Дуинь-Карвицкаго предъ читателемъ продолжаетъ развертываться галлея старо-шляхетскихъ типовъ, мелькаютъ забытыя лица, проносятся картины шумной и веселой жизни польской шляхты. Въ разсказѣ автора звучитъ все та же грустная нотка сожалѣнія о минувшихъ временахъ, когда жилось такъ весело, беззаботно и привольно, впрочемъ, лирическихъ отступленій на эту тему во второмъ выпускѣ встрѣчается меньше, чѣмъ въ первомъ. Зато сплошная идеализація прошлаго сохранена неизменно и густой краской проходитъ чрезъ весь разсказъ. Нужно сказать, что на этотъ разъ указанная черта въ повѣствованіи г. Дуинь-Карвицкаго вызываетъ меньше досады, чѣмъ при чтеніи первой книжки, можетъ быть, потому, что въ данномъ случаѣ дефилируютъ предъ читателемъ фигуры, болѣе симпатичныя, чѣмъ въ первой серіи.

Въ настоящемъ выпускѣ помѣщено всего десять очерковъ (въ первомъ выпускѣ—одиннадцать). Конечно, этимъ далеко не исчерпывается разнообразіе типовъ, создавшихся подъ вліяніемъ шляхетскаго строя жизни, и мы думаемъ, что настоящій выпускъ не есть послѣдній. Кромѣ отдѣльныхъ фигуръ, весьма желательно было бы имѣть общую характеристику домашняго быта старо-польской шляхты, описаніе ея обычнаго, повседнежнаго склада, а потомъ тѣхъ шумныхъ пировъ, устраивать которые польскіе помѣщики были такіе мастера, и т. д. Одно только необходимо имѣть въ этомъ случаѣ. Чтобы описаніе вышло правдивымъ, надо, чтобы оно было безпристрастнымъ. Въ русской литературѣ (въ особую честь ей нужно поставить это) мы нигдѣ не встрѣчаемъ восхваленія и подкрашиванія тѣхъ сторонъ прошлой жизни, въ которыхъ блескъ и привлекательность были лишь наружнымъ прикрытіемъ жестокости и страданія. Напротивъ—прошлое изображается иногда даже въ болѣе мрачныхъ краскахъ, чѣмъ то требуется по существу дѣла. Поляки почему-то лишаютъ себя мужества трезво и безпристрастно взглянуть на свое прошлое и отдѣлить тамъ хорошее отъ дурного. Они довольствуются тѣмъ, что это—«польское»; значить—водружай на алтарь и кури оміамъ. Непонятный самообманъ! Это пристрастіе къ «своему двору», доходящее до ослѣпленія, составляетъ общій недостатокъ польскихъ историческихъ изслѣдованій и этюдовъ, и мы упомянули о немъ при разборѣ книжки г. Дуинь-Карвицкаго потому, что этотъ авторъ заявляетъ себя особенно-восторженнымъ поклоненіемъ тамъ, гдѣ пора бы услышать правдивое слово.

К. Х.

¹⁾ См. «Ист. Вѣстн.» 1898 г., окт., стр. 379.

Византійскій Временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ, подъ редакцію В. Э. Роголя. Т. VI, вып. 3 — 4. Спб. 1899.

Настоящій выпускъ «Византійскаго Временника», основаннаго пять лѣтъ тому назадъ недавно скончавшимся академикомъ В. Г. Васильевскимъ, открывается статьею акад. В. В. Латышева — «Этюдъ по византійской эпиграфикѣ». «Этюдъ» эти началъ печатать В. В. Латышевъ еще въ прошломъ году и въ этомъ «продолженіи» сообщаетъ «нѣсколько памятниковъ съ надписямъ византійской эпохи изъ Херсониса Таврическаго», найденныхъ сотрудникомъ Археологической комиссіи К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ во время раскопокъ, производимыхъ имъ въ мѣстности Херсониса Таврическаго съ 1888 года. Памятники эти изъ христіанскихъ катакомбъ и заключаются въ нѣсколькихъ плиткахъ и кружкахъ съ изображеніями, служившихъ, по объясненію В. В. Латышева, образами или амулетами и относящихся къ эпохѣ не позднѣе VII вѣка по Р. Х., — въ мѣдномъ, обтянутомъ золотою пластинкою, образкѣ Богоматери, надгробномъ крестѣ и нѣсколькихъ монетахъ.

Вторая статья: «Мозаика купола св. Софіи Солунской (къ вопросу о времени ея)», принадлежитъ г. Е. Рѣдину, который склоненъ отнести ее къ XII вѣку вмѣсто до сихъ поръ принимаемаго VI вѣка. Вслѣдъ за этою статьею находимъ наиболѣе обширную и наиболѣе интересную статью г. А. Васильева: «Византія и арабы при императорѣ Теофилѣ», въ которой авторъ живо передаетъ всѣ подробности несчастной для Византіи борьбы съ сицилійскими и критскими арабами, а также съ Мамуномъ, халифомъ восточныхъ арабовъ, длившейся въ теченіе всего царствованія Теофила (829—842 гг.).

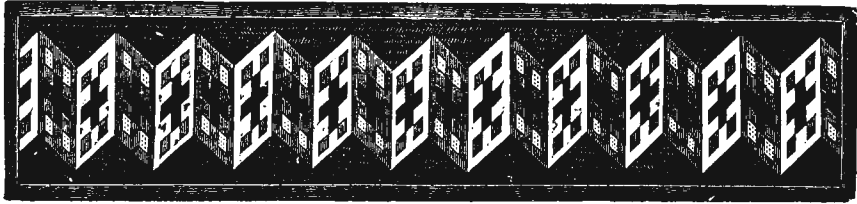
Въ заключеніе этого перваго отдѣла напечатаны сообщенныя г. А. Лаврскимъ «Аѳонскія грамоты» на греческомъ языкѣ.

Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ значительное количество критическихъ и библиографическихъ отзывы о новыхъ книгахъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ по византинистикѣ, принадлежащихъ перу академика В. Г. Васильевскаго, А. Васильева, Айдалова, Н. Суворова и др.

Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ находятся свѣдѣнія о двѣнадцатомъ конгрессѣ ориенталистовъ и некрологи: А. А. Куника (написанъ акад. В. Г. Васильевскимъ) и В. Г. Васильевскаго (написанъ П. Безобразовымъ).

В. Р — въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Новые труды по египтологіи.—Смерть Александра Македонскаго.—Дворъ великаго могола въ XVII вѣкѣ.—Французскіе буры.—Карль Лотарингскій и кардиналь Мазарини.—Отравительницы при Людовикѣ XIV.—По поводу дневника русской великой княгини.—Мирабо, какъ дипломатъ.—Одна изъ героинь французской революціи.—Защитница женскихъ правъ въ XVIII столѣтіи.—Неизданныя сочиненія Андре Шенье.—Еще о Гете.—Воспоминанія о Даніелѣ О'Коннелъ.—Страсбургскій мятежь 1836 года.—Тюильерійскій дворець въ 1848 году.—Борьба за итальянскую свободу.—Мученичество императрицы.—Правда о жизни и смерти принца Рудольфа Габсбургскаго.—Карлисты и Донъ-Карлосъ.—Вопросъ объ истинномъ калифѣ.—Король Миланъ въ оцѣнкѣ французскаго историка.—Статьи и лекціи о Россіи.—Когда начнется XX вѣкъ.

ОВЫЕ труды по египтологіи. Въ послѣднее время египтологія обогатилась интересными трудами, благодаря которымъ между прочимъ обнаружены самыя древнія египетскія письмена, что составляетъ эпоху въ изслѣдованіи старины, такъ какъ древнѣйшія египетскія письмена представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшій памятникъ письменности во всемъ свѣтѣ. Это открытіе сдѣлано профессоромъ Петри въ Фаюмѣ, на западномъ берегу Нила, въ пятидесяти миляхъ отъ Каира, въ 1888—1890 году, но только недавно Л. Гриффитъ напечаталъ найденные профессоромъ Петри Кахунскіе папирусы¹⁾. Раскопки въ Фаюмѣ обнаружили остатки большого города, отъ котораго сохранились слѣды болѣе сотни домовъ, гдѣ жили рабочіе, строившіе находящуюся близъ города пирамиду, съ гробницей египетскаго царя, Усертесена II, принадлежавшаго къ двѣнадцатой династіи и жившаго около 2700 года до Р. Х. Поэтому и самый городъ назывался городомъ «усыпальницы Усертесена». Въ остаткахъ домовъ найдены рабочія орудія, корзинки, въ которыхъ носилась пища на работы, дѣтскія игрушки и т. д.; а въ верхней части города, помѣщеніи управляющаго работами, оказа-

¹⁾ The Kahun Papyri, published by Z. Griffith. London, 1899.

лись теперь напечатанные драгоценные папирусы. Большинство этих папирусов—официальные документы, относящиеся до взимания податей, сбора доходов и производства общественных работ, но среди них находятся частные письма и литературные произведения. Замѣчательнѣйшая изъ послѣднихъ поэма въ шесть пѣсень, каждая изъ десяти строфъ. Это нѣчто въ родѣ прѣвѣтственной оды отъ имени жителей Фаюмы по случаю прѣзда великаго завоевателя, Усергесена II, присоединенія Судана и одержанныхъ имъ побѣдъ надъ вубійцами. Не менѣе интересны два ученыхъ сочиненія. Одно изъ нихъ отрывокъ изъ труда по математикѣ, въ которомъ, однако, задачи не имѣютъ большого значенія, а другое также отрывокъ по медицинѣ. Въ послѣднемъ преимущественно дѣло идетъ о женскихъ болѣзняхъ, и оно обнаруживаетъ, какъ всѣ египетскіе папирусы, незнаніе хирургіи, а приводимые рецепты отличаются шарлатанскимъ характеромъ; такъ въ составъ нѣкоторыхъ изъ нихъ входятъ крокодилій пометъ и сырая ослиная печенка. Но указываемыя средства противъ простуды напоминаютъ наши современные средства, а для глазныхъ примочекъ совѣтуется огуречная вода. Для кровопусканія же указывается на ноздри, какъ наиболее удобное мѣсто. Въ числѣ другихъ документовъ очень любопытны древнѣйшіе въ свѣтѣ акты продажи и наслѣдственнаго перехода недвижимостей. Не менѣе замѣчательны частныя письма, написанныя на папирусахъ, сложенныхъ втрое, а потомъ запечатанныхъ или завязанныхъ. Эти также древнѣйшія въ мірѣ письма наполнены, какъ всѣ восточныя посланія, цвѣтистыми пожеланіями жизни, здоровья и благоденствія. Впрочемъ попадаются и гнѣвные посланія, въ которыхъ высказаны пожеланія, чтобы тѣ, которымъ они адресованы, сдѣлались жертвами заразы и были преданы гибели Себекомъ (крокодилымъ божествомъ). Большую важность для историка имѣютъ тѣ изъ папирусовъ, которые представляютъ счета по работѣ пирамиды. Изъ нихъ можно вывести всю систему барщинной работы, существовавшей тогда и сохранившейся въ Египтѣ по настоящее время, послѣ сорока пяти вѣковъ. Туземцы вызывались изъ селеній для работъ на два мѣсяца и обыкновенно разбивались на мелкіе отряды родственныхъ между собою людей, человѣкъ по десяти каждый, подъ завѣдываніемъ особаго мастера, при которомъ состоялъ писарь. Они помѣщались въ отдѣльныхъ частяхъ города, но имъ доставлялась пища изъ общаго склада. Насколько велико было число рабочихъ, можно судить по ежедневнымъ счетамъ о томъ, что пеклось около 1990 хлѣбовъ. Хотя издаваемые британскимъ музеемъ тексты и переводы находящихся въ немъ драгоценныхъ египетскихъ папирусовъ переносятъ насъ въ менѣе отдаленную эпоху египетской исторіи, но они представляютъ неменьшій интересъ. Надняхъ вышелъ новый томъ этихъ важныхъ изданій для египтологіи, и въ немъ помѣщены папирусы, относящіеся къ такъ называемымъ «книгамъ мертвецовъ»¹⁾. Они обнимаютъ эпоху между 1600 годомъ до Р. X. и послѣднимъ столѣтіемъ передъ нашей эрой. Ихъ ученый издатель, хра-

¹⁾ The Book of the Dead: «The papyri of Hunefer Netchemet, Anhai, Niu and the Book of Breathings». Facsimiles, with transcriptions and translations, by E. A. Wallis Budge, London. 1899.

нитель папирусовъ въ Британскомъ музеѣ, Э. Валлисъ Буджъ, роскошно напечаталъ текстъ и переводъ папирусовъ съ пмѣющимися въ нихъ раскрашенными иллюстраціями. По содержанію они всѣ относятся къ обширной египетской литературѣ, трактующей о будущей жизни. Тутъ приведены подробныя описанія похоронъ въ Египтѣ, гимны въ честь боговъ и умершихъ, а также обстоятельное изложеніе понятій древнихъ египтянъ о будущей жизни и о томъ, что происходитъ въ подземномъ мірѣ. Быть можетъ, наибольшій интересъ представляетъ папирусъ подъ названіемъ «Книга дыханій». Она была написана по вдохновенію бога Тота и предназначалась для чтенія надъ тѣломъ умершаго. Въ ней преимущественно приведены нравственныя истины, и развивается теорія о воскресеніи не только души, но и тѣла. «Твоя душа, говорится въ ней, будетъ вѣчно дышать, и твое тѣло вновь преобразится на землѣ; если ты не дѣлалъ грѣха, не производилъ насилія, не грабилъ мертвыхъ, не возбуждалъ возстаній, а кормилъ голодныхъ, поилъ жаждущихъ и одѣвалъ нагихъ, то ты послѣ смерти оправдаешься своими дѣлами. Твоя душа будетъ вѣчно жить и твое тѣло преобразится по слову Ра, и ты будешь входить на Ра изъ вѣка въ вѣкъ». Совершенно особый отдѣлъ египетской литературы составляли пѣсни любви, и сохранившіеся въ папирусахъ остатки этой поэзіи были переведены англичаниномъ Гудвиномъ и французомъ Масперо, а теперь появился третій переводъ съ комментаріями нѣмецкаго ученаго, живущаго въ Америкѣ, Вильгельма Макса Мюллера ¹⁾. Эти пѣсни любви распѣвались подъ звуки лютней и свирѣлей. Въ нихъ обыкновенно влюбленные рассказываютъ о своемъ счастіи или горестяхъ; при этомъ влюбленная всегда называется сестрой, а влюбленный братомъ. Но главная роль въ этомъ изліяніи сентиментальныхъ чувствъ предоставляется женщинѣ, которая пользовалась въ Египтѣ такой свободой, что греки считали ее всемогущей въ семьѣ, а мужчину ея рабомъ. Дѣйствительно, въ этихъ пѣсняхъ женщина какъ бы служитъ запѣвалой любви, и она заманиваетъ любимаго человѣка въ поля и рощи, обѣщая ему все, что онъ захочетъ, а потомъ она громко жалуется, что ея любимый братъ бросилъ ее и ушелъ къ другой женщинѣ. По формѣ нѣкоторыя изъ египетскихъ пѣсенъ любви походятъ на итальянскіе «stornelli», но, по словамъ Масперо, который посвятилъ книгѣ Макса Мюллера блестящій этюдъ ²⁾ въ «Journal des Debats», ихъ содержаніе нельзя подвергать тонкому анализу, при которомъ вся ихъ прелесть улетучивается. «Я часто открывалъ сосудъ съ духами, найденный въ египетскихъ гробницахъ—замѣчаетъ онъ:—и изъ него распространялось неопредѣленное смутное благоуханіе, которое тотчасъ исчезало, какъ только я хотѣлъ подвергнуть его анализу. Точно также египетской поэзіей любви надо быстро наслаждаться, не подвергая критикѣ».

— Смерть Александра Македонскаго. Въ октябрьской книжкѣ «Century Magazine» окончена обширная біографія Александра Великаго, продолжавшаяся цѣлый годъ и составленная профессоромъ Калифорнскаго универ-

¹⁾ Die Liebespoesie der Alten Aegypter, von W. Max Müller. Leipzig. 1899.

²⁾ La poesie amoureuse des egyptiens, par G. Maspero. Journal des Debats, 27 septembre.

ситета, Бенжаминомъ Виллеромъ ¹⁾). Въ его заключительной главѣ онъ рассказываетъ послѣднія событія въ жизни своего героя и его смерть, а также высказываетъ свой взглядъ, очень новый и оригинальный, на великаго македонца. По словамъ американскаго историка, въ мартѣ 324 года до Р. Х. во время соединенія арміи Александра и Гефестіона въ Сузѣ наступилъ конецъ великимъ завоеваніямъ. Ровно десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Александръ, юноша 21-го года, перешелъ Гелеспонтъ и вступилъ въ Азію. Онъ получилъ отъ отца завѣтъ соединить всѣхъ грековъ и подчинить ихъ Македоніи, обѣщавъ повести ихъ противъ персовъ. Этотъ планъ онъ идеализировалъ и придалъ ему характеръ завоеванія востока западомъ. Но, осуществляя свою цѣль, онъ мало-помалу сталъ считать ее слишкомъ узкой и пришелъ къ убѣжденію, что слѣдуетъ не весь міръ подчинить Македоніи, а весь міръ, то-есть западъ и востокъ, какъ выражается Виллеръ, «соединить въ одну мирную кооперативную имперію». «Десять лѣтъ завоеваній,—говоритъ американскій историкъ,—привели такимъ образомъ къ колоссальному соединенію въ одно цѣлое идей, религій, законовъ и общественныхъ условій всего центра извѣстнаго тогда міра. Эта организація должна была, по мысли Александра, руководствоваться не внѣшней насильно навязанной побѣдителями системой правленія и жизни, а внутри выработанной всѣми элементами имперіи общей конституціей. Формулировка этой идеи болѣе, чѣмъ военные подвиги, даетъ Александру право на славу великаго человѣка. Его побѣды исчезли какъ дымъ; основанная имъ имперія уничтожилась послѣ его смерти, но эта идея жила и принесла плодъ. Римъ заимствовалъ оболочку этой идеи, а Византія и востокъ сохранили ея сущность. Тамъ она развилась въ космополитизмъ и въ теорію внутренняго свѣта, эти сѣмена эпохъ возрожденія и реформаціи». Чтобы придать ощутительную форму задуманнаго имъ брака Европы съ Азіей, Александръ устроилъ въ Сузѣ такой же невиданный никогда празникъ, какъ и не виданы были его побѣды. Онъ предложилъ всѣмъ своимъ генераламъ, офицерамъ и солдатамъ жениться на персіянкахъ и другихъ представительницахъ азіатскихъ народовъ, при чемъ всѣмъ далъ или приданое, или свадебный подарокъ. Онъ самъ подалъ первый примѣръ и избралъ себѣ женою Статиру, дочь Дарія. Вѣнчальный пиръ по случаю свадьбы, какъ самого Александра, такъ и 92 его товарищей по оружію, стоявшихъ во главѣ войска, былъ устроенъ въ громадной, роскошной залѣ, украшенной серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями. Пиръ продолжался пять дней, а въ то же время 10.000 македонскихъ солдатъ были обвинены по персидскому обычаю съ азіатками. Послѣ этого эмблематическаго торжества, Александръ приступилъ къ дальнѣйшему осуществленію своей идеи соединенія запада съ востокомъ и объявилъ, что онъ отпуститъ на родину съ большими дарами значительное число македонянъ и грековъ, а свою армію пополнитъ персами и другими азіатами. Македоняне и греки не поняли его плана и возстали противъ него, упрекая Александра въ неблагодарности за ихъ подвиги и грозя удалиться въ полномъ составѣ. Онъ бросился

¹⁾ Alexander's Death (Alexander the great), by Benjamin Ide Wheeler. The Century Magazine. October. 1899.

въ среду бунтовщиковъ, схватилъ собственноручно зачинщиковъ и приказалъ ихъ арестовать, а потомъ произнесъ рѣчь, въ которой выяснилъ, что онъ всегда дѣлилъ ихъ труды и опасности, что онъ всячески вознаградилъ ихъ за ихъ подвиги и хотѣлъ со славою отправить нѣкоторыхъ изъ нихъ на родину, но такъ какъ они хотятъ всѣ идти, то онъ не станетъ ихъ задерживать и предоставитъ богамъ и людямъ рѣшить, правы ли они, оставивъ его на попеченіе побѣжденныхъ народовъ. Затѣмъ онъ удалился въ свой дворецъ и въ теченіе трехъ дней не показывался войскамъ, а сдѣлалъ распоряженіе о замѣнѣ въ арміи всѣхъ грековъ и македонянъ персами. Тогда возставшее войско стало просить пощады, и Александръ помирился съ нимъ, въ честь чего устроилъ пиръ любви, на которомъ македоняне и персы сидѣли рядомъ. Послѣ этого пира 10.000 грековъ и македонянъ были отосланы на родину, а ихъ мѣста были заняты азіатами. Еще болѣе года провелъ Александръ на востокѣ, усмиряя непокорныя племена и подготавливая двѣ экспедиціи въ Аравію и въ Скинію съ цѣлью окончательно округлить свою имперію. Но въ маѣ 323 года онъ схватилъ болотную лихорадку и умеръ въ Вавилонѣ 13 іюня на 33 году жизни. Хотя древніе и даже новѣйшіе писатели повторяли легенду объ его отравѣ, но новѣйшіе медицинскіе авторитеты, провѣривъ подробные симптомы его болѣзни, какъ они записаны въ придворномъ дневникѣ, отрывки котораго приведены Плутархомъ и Аріаномъ, пришли къ заключенію, что не было слѣдовъ отравы, а что смерть произошла отъ мѣстной болотной лихорадки. Передъ его смертью старые воины, дѣлившіе съ нимъ славу и лишенія, потребовали взглянуть еще разъ на своего предводителя. Ничто не могло ихъ удержать, и они безмолвно со слезами на глазахъ прошли поочередно мимо ложа умирающаго, который протягивалъ каждому руку и печальнымъ взглядомъ говорилъ послѣднее прости. Смерть Александра была тѣмъ трагичнѣе, что онъ умеръ, не завѣщавъ никому своего престола, и сказалъ только: «достойнѣйшему». Какъ извѣстно, этого достойнѣйшаго не оказалось, и его имперія распалась. «Если,—говоритъ Виллеръ въ концѣ своего блестящаго историческаго труда,—совершенное великимъ человѣкомъ дѣло всей его жизни должно цѣниться по внѣшности того, что осталось отъ этого дѣла, то надо признать, что Александръ не совершилъ ничего великаго, а напротивъ разрушилъ старое и ничего не создалъ новаго. Неудивительно, что историки, имѣвшіе въ виду только Грецію, какъ Нибуръ и Гротъ, смотрятъ на Александра, какъ на безумнаго, ненасытнаго завоевателя, который нарушилъ существовавшій порядокъ въ мірѣ, доставилъ господство милитаризму и уничтожилъ свободу въ Греціи». Но новый историкъ Александра доказываетъ, что только слѣпой можетъ не признать въ немъ идеалиста, стремившагося замѣнить космополитизмомъ узкій мѣстный эгоизмъ греческихъ общинъ. По его словамъ, до появленія Александра существовало только понятіе о гражданахъ мелкой мѣстной общины, а послѣ него развилась идея о гражданахъ всего свѣта. Римъ пытался достигнуть этого желаннаго Александромъ единенія всего свѣта внѣшними узами всесвѣтной имперіи, а христіанство достигло его внутреннею идеей всеобщаго братства. «Поле, на которомъ обѣменилась европейская цивилизація,—говоритъ Виллеръ въ послѣднихъ строкахъ своей любопытной и

оригинальной монографіи, — была не Греція и не востокъ, а міръ, соединившій ихъ обоихъ. Въ этомъ мірѣ народившійся инстинктъ космополитизма впервые объединилъ провинціальныя и мѣстныя условія жизни на общую пользу. Исторія Александра — вѣчная исторія смерти и жизни. Своей жизнью онъ довель древнюю Грецію до ея конца, а своей смертью онъ покончилъ созданную имъ имперію, но всѣ эти три элемента: Александръ, Греція и всесвѣтная имперія, каждый по-своему служатъ олицетвореніемъ того принципа, что всякое сѣмя можетъ дать плодъ, только упавъ въ землю и разложившись».

— Дворъ великаго могола въ началѣ XVII вѣка. Одно изъ ученыхъ обществъ Англіи, извѣстное подъ названіемъ Гаклютскаго, предприняло цѣлый рядъ историческихъ изданій съ цѣлью собрать свѣдѣнія о первоначальныхъ попыткахъ англичанъ утвердиться въ Индіи. Такимъ образомъ оно уже издало два тома, а теперь появились еще два. Въ первыхъ напечатаны съ комментаріями К. Маркгама дневники путешествій Гогенса и сэра Джемса Ланкастера въ Индію въ началѣ XVII столѣтія, когда были открыты первыя сношенія Англіи съ Суратомъ и великимъ моголомъ. Но первоначальнымъ дѣйствіямъ Остъ-Индской компаніи сильно мѣшали португальцы и голландцы, которые ранѣе утвердились въ Индіи, а потому въ 1619 году было рѣшено учредить постоянное англійское посольство при дворѣ великаго могола. Для занятія этого отвѣтственнаго поста былъ избранъ компаніей и утвержденъ королемъ Яковомъ I сэръ Томасъ Ро, дневникъ и переписка котораго во время его посольства теперь впервые изданы Вильямомъ Фостеромъ съ любопытными замѣчаніями въ двухъ обширныхъ томахъ¹⁾. Хотя сэру Томасу Ро было тогда только 35 лѣтъ, но онъ уже пользовался извѣстностью, какъ адвокатъ, членъ парламента и путешественникъ, посѣтившій Гвіану и неизвѣстную въ то время рѣку Амазонку, а также какъ умный и блестящій свѣтскій человѣкъ, бывавшій не разъ во Франціи и находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ принцемъ Уэльскимъ и его сестрой, королевой Богемской, называвшей его всегда «честнымъ Томомъ». Поэтому Фостеръ справедливо замѣчаетъ, что Остъ-Индская компанія не могла сдѣлать лучшаго выбора, и 2-го февраля 1615 года, Ро отправился въ путь съ экспедиціей, состоящей изъ трехъ кораблей. Хотя онъ являлся въ Индію представителемъ не только торговой компаніи, но и англійскаго короля, послѣдній далъ ему лишь полномочную грамоту къ великому моголу, а жалованье въ 600 фунтовъ въ годъ и на расходы еще 500 фунтовъ выдавались ему компаніей. Поль-года заняло одно путешествие до Сурата, а затѣмъ потребовалось почти столько же время на устраненіе различныхъ затрудненій, возбужденныхъ губернаторомъ этого города и дворомъ великаго могола, такъ что англійскій посланникъ былъ принятъ въ торжественной аудіенціи великимъ моголомъ, Іехангиромъ, въ Аймерѣ, только 10 января слѣдующаго года. Пріемъ былъ самый дружественный, и затѣмъ Ро часто видѣлся съ великимъ моголомъ, который, отличаясь страстью къ крѣ-

¹⁾ The Embassy of Sir Thomas Roe to the Court of the Great Mogul, 1615—1619, as narrated in his Journal and Correspondence. Edited from contemporary records by William Foster. 2 vol. London. 1899.

кимъ напиткамъ, предлагалъ ему различные вопросы о томъ, что онъ нилъ въ Англии, сколько разъ въ день и какъ приготовлялись его любимыя напитки. Добродушный Іехангиръ всю жизнь проводилъ въ удовольствіяхъ, а управленіе имперіей предоставлялъ своей женѣ, Нуръ Махаръ, болѣе извѣстной подъ именемъ Нуръ-Яханъ (т.-е. свѣтъ міра), ея брату Ассафу-Хану и своему любимому сыну султану Курхаму. Въ числѣ его излюбленныхъ препровожденій времени было зрѣлище ученыхъ слоновъ, которые, по словамъ сэра Томаса Ро, дѣйствительно очень граціозно кланялись и присѣдали въ ихъ роскошныхъ поносахъ, усыянныхъ драгоцѣнными камнями. Самъ великій моголь питалъ большую слабость къ драгоцѣннымъ камнямъ и, осыпанный ими, любилъ вѣсить себя на вѣсахъ. Англичанинъ рассказываетъ одну изъ такихъ церемоній. Въ придворномъ саду на большей зеленой полянѣ красовались на эстрадѣ громадныя вѣсы, чашки которыхъ были изъ чистаго золота, и висѣли на золотыхъ цѣпяхъ, прикрѣпленныхъ къ такимъ же золотымъ столбамъ. Все это было покрыто инкрустаціей изъ драгоцѣнныхъ камней. Въ положенный часъ явился великій моголь въ сопровожденіи блестящаго двора и въ такой роскошной, лучезарной одеждѣ, какой англичанинъ никогда не видѣлъ. Онъ, положительно, весь былъ залитъ брильянтами, рубинами, топазами, сафирами и жемчугами, которые до того сверкали и блестѣли, что придавали его фигурѣ волшебный видъ. Эти драгоцѣнные камни висѣли у него даже въ ушахъ, а всѣ пальцы его были усыяны кольцами, по крайней мѣрѣ, по три на каждомъ и съ длинными золотыми цѣпочками. Въ такомъ видѣ, онъ усѣлся, поджавъ подъ себя ноги, на одну изъ чашекъ вѣсовъ, а на другую слуги насыпали груды драгоцѣнныхъ камней, золота и серебра. Оказалось, что онъ вѣсилъ девять тысячъ рупій или тысячу фунтовъ стерлинговъ. Кромѣ драгоцѣнныхъ камней, Іехангиръ очень любилъ европейскія бездѣлушки, музыкальныя ящики, будильники и т. д., но сэръ Томасъ Ро не запасся ими, и, желая хоть нѣсколько утѣшить разочарованнаго могола, онъ подарилъ ему хорошенькую миниатюру, изображавшую одну изъ лондонскихъ красавицъ. Эта художественная вещица очень понравилась Іехангиру, но, поговоривъ со своими придворными живописцами, онъ сказалъ: «Что вы дадите моему живописцу, если онъ сдѣлаетъ такую копию съ вашей миниатюры, что вы не отличите ее отъ оригинала?». — «Я дамъ ему 50 рупій», отвѣчалъ посланникъ, но великій моголь нашелъ, что эта сумма мала, такъ какъ его живописецъ былъ благороднаго происхожденія. Тогда англичанинъ прибѣгнувъ къ хитрости и возразилъ: «Если вашъ живописецъ не возьметъ моихъ денегъ, то ваше величество, конечно, сами вознаградите его достойнымъ образомъ за торжество національнаго искусства». Дѣйствительно черезъ нѣсколько дней Іехангиръ показалъ сэру Томасу Ро пять совершенно одинаковыхъ миниатюръ, и послѣдній съ минуту колебался, чтобы указать на оригиналъ, хотя въ концѣ концовъ онъ его нашелъ. Іехангиръ пришелъ въ такой восторгъ, что долго хохоталъ, громко хлопалъ въ ладоши и кричалъ, что у него при дворѣ четыре живописца работали такъ же хорошо, какъ европейскіе художники. Но подъ внѣшнимъ блескомъ, богатствомъ и роскошью имперія великаго могола представляла, по выраженію англичанина, «мерзость запустѣнія». Земля была безплодна; го-

рода и села поражали такими грязными, отчаянными жилищами, что въ нихъ нельзя было жить человѣку: бѣдность и недовольство народа выходили изъ всякихъ границъ; администрація отличалась неспособностью и корыстью, а торьмы и вообще судебная часть представляли вѣчто ужасное. Три года пробылъ Ро при дворѣ великаго могола и сопровождалъ его въ путешествіяхъ по разнымъ провинціямъ его имперіи, а также въ военныхъ экспедиціяхъ на сосѣдей. Наконецъ, въ 1619 году, онъ вернулся въ Англію и хотя не добился большихъ привилегій для англійской компаніи, но все-таки поставилъ на твердую ногу, какъ ея торговья дѣла, такъ и престижъ Англии. Король Іаковъ и Остъ-Индская компанія были очень довольны результатомъ его посольства, и послѣдняя выдала ему значительную денежную награду, а первый назначилъ его посломъ въ Константинополь, гдѣ онъ убѣдилъ Порту заключить трактатъ съ Польшей и получилъ въ подарокъ отъ своего друга греческаго патріарха знаменитый «Codex Alexandrinus», который составляетъ одну изъ жемчужинъ британскаго музея. Затѣмъ онъ исполнялъ еще дипломатическія порученія въ Германіи и содѣйствовалъ въ 1629 году заключенію перемирія между Швеціей и Польшей. Хотя онъ былъ членомъ палаты депутатовъ и считался либераломъ, но во время борьбы парламента съ Карломъ I онъ отказался идти противъ короля, вышелъ въ отставку и умеръ въ 1644 году.

— Французскіе «буры». Самюэль Корню сообщаетъ въ «Revue bleue», на основаніи свѣдѣній, собранныхъ въ архивахъ Капштадта и Гааги, о французскихъ гугенотахъ, которые, послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, бѣжали на югъ Африки и поселились въ предѣлахъ голландскихъ владѣній¹⁾. Начиная съ 1687 года стали отходить изъ Нидерландовъ суда, перевозившія многочисленныя французскія семьи, стариковъ, людей въ цвѣтѣ лѣтъ, дѣтей и даже грудныхъ младенцевъ въ Капскую землю. За одни лишь 1687 и 1688 года переселилось, такимъ образомъ, не менѣе трехсотъ душъ. Голландцы въ Африкѣ и сами были не очень богаты. Они однако собрали между собою небольшую сумму, которая была передана пастору Пьеру Симону для раздачи нуждающимся переселенцамъ. Остъ-Индская компанія снабдила французскихъ эмигрантовъ хлѣбомъ, горохомъ и солониною, мѣсяца на два, и дала имъ матеріалъ для первыхъ построекъ. Стелленбосъ, Дракенштейнъ и Франссе Гукъ (Французскій уголь) были первыми поселеніями французовъ на югѣ Африки. Не желая дать возникнуть французской колоніи въ Африкѣ, Остъ-Индская компанія постановила сначала расселить всѣхъ эмигрантовъ въ далеко разбросанныхъ другъ отъ друга фермахъ. Новые поселенцы однако сумѣли избѣжать этого и устроиться близко другъ къ другу. Присутствіе значительнаго числа французовъ, среди флегматичныхъ голландцевъ Капландіи, скоро стало замѣтно. Прежде всего, они содѣйствовали преусиженію колоніи, введя здѣсь болѣе совершенные методы земледѣлія и обучивъ другихъ колонистовъ разведенію винограда и маслины. Затѣмъ, они содѣйствовали поднятію сознанія свободы среди другихъ колонистовъ, сдѣлавъ попытку освободиться отъ тяжелаго ярма директоровъ Остъ-Индской компаніи, державшихъ колонію въ полной зависимости. Они за-

¹⁾ Samuel Cornut. Les huguenots français au Cap.—Revue bleue, 15 nov. 1899.

вели себѣ общую школу, избрали изъ своей среды проповѣдника и стали хлопотать объ автономной французской церкви. Ими послана была по этому поводу депутація къ губернатору Капландіи. Изъ опасенія, какъ бы гугеноты не образовали государства въ государствѣ, — губернаторъ отказалъ наотрѣзъ. Тогда ихъ пасторъ Симонъ обратился къ директорамъ компаніи въ Амстердамъ, которые въ 1690 году разрѣшили устроить французскую церковь, съ тѣмъ, чтобы она находилась подъ контролемъ голландской консисторіи въ Капштадтѣ. Эта льгота, однако, не спасла французской національности поселенцевъ на югѣ Африки. Въ 1707 г. голландское правительство отмѣнило французскій языкъ въ школахъ и для официальныхъ сношеній, и мало-по-малу гугенотамъ, заброшеннымъ судьбою въ Капландію, пришлось научиться говорить по-голландски. Перемѣна произошла очень быстро. Когда въ 1752 г. астрономъ Ла-Кайль посѣтилъ колонію, то оказалось, что тѣ изъ фермеровъ, которымъ было меньше сорока лѣтъ, уже не говорили и не понимали по-французски, а старики говорили на языкѣ испорченномъ и трудно понятномъ. Эти гугеноты, ставшіе по языку голландцами, являются родоначальниками многихъ изъ нынѣшнихъ бурскихъ семействъ въ Трансваалѣ. Въ числѣ прибывшихъ въ 1691 г. гугенотовъ были, между прочимъ, Жуберъ и Кронье, предки нынѣшнихъ трансваальскихъ военачальниковъ.

— Карлъ Лотарингскій и кардиналъ Мазарини. Фердинандъ де-Роберъ издалъ въ нынѣшнемъ году дополненіе ¹⁾ къ предыдущей своей работѣ, въ которой онъ рассказывалъ о томъ, какъ Ришелье изгналъ герцога Карла IV Лотарингскаго, считавшагося худшимъ врагомъ Франціи, изъ его герцогства и заставилъ безземельнаго государя и его значительную армію перейти на сторону его враговъ, императора и баварцевъ. Новый трудъ де-Робера посвященъ описанію той неустанной борьбы, которую преемнику великаго кардинала, Мазарини, пришлось вести съ герцогомъ. Этотъ государь безъ владѣній, опиравшійся исключительно на свое войско, представляетъ собою типичную фигуру семнадцатаго столѣтія. Жертва французской завоевательной политики, онъ всю свою жизнь находился во власти чувствъ мести и оскорбленнаго достоинства государя. Чтобы отнять свою унаслѣдованную отъ предковъ прекрасную Лотарингію у бурбоновъ, кровь которыхъ текла и въ его жилахъ, онъ не чуждался никакихъ средствъ, ни насилія, ни измѣны. Эти побужденія любви къ родинѣ и являются единственнымъ свѣтлымъ чувствомъ, которое насъ примиряетъ съ несчастнымъ, безхарактернымъ герцогомъ. А темныхъ сторонъ у него было много: и вѣроломство, и жестокость, и донжуанство самаго низшаго пошиба, и недостойнѣйшее отношеніе къ благородной супругѣ. Къ императору Австріи Карлъ чувствовалъ вражду, такъ какъ онъ заключилъ вестфальскій миръ съ Франціей, не вернувъ ему его наслѣдственныхъ земель; поэтому онъ предоставилъ свое оружіе и свои богатства въ распоряженіе испанскихъ наемниковъ въ Брюсселѣ и сталъ ихъ поддерживать противъ войскъ Мазарини. Однако испанцы стали относиться къ герцогу, по мѣрѣ того

¹⁾ Ferdinand de Robert. Charles IV et Mazarin (1643 — 1661), d'après des documents inédits. 1899.

какъ передъ нимъ открывалась та роль, которую онъ игралъ въ войскѣ фронды. Оба принца-фрондеры, Гастонъ Орлеанскій и Конде, объединенные съ испанцами одинаковымъ интересомъ погубить Мазарини, узнали скоро опасности союза съ лотарингцемъ. Въ то время какъ вся Франція, роялисты и фрондеры одинаково слѣдили за каждымъ движеніемъ его страшнаго для страны войска, въ то время какъ опустошенная войною Лотарингія ожидала отъ его сильной руки спасенія, онъ кидался отъ одного любовнаго приключенія къ другому, ожесточая противъ себя своихъ союзниковъ, и, забывъ о собственныхъ вѣроломствахъ, думалъ положиться на дружбу, которую сулилъ ему отовсюду тѣснымъ Мазарини. Де-Роберъ подробно останавливается на этой грустной эпохѣ въ исторіи Франціи. Онъ признаетъ, что Карлъ IV, волею обстоятельствъ, являлся вершителемъ судебъ Франціи, но что лишь отсутствіе у него хладнокровія, дипломатическаго такта и силы воли помѣшали ему примирить Мазарини съ фрондою, побудить Испанію къ миру и вернуть себѣ свою наслѣдственную землю. Эти отрицательныя стороны привели его къ гибели. Вѣроломнымъ способомъ захваченный испанцами, онъ только послѣ шестилѣтняго узничества въ Толедо, получилъ обратно свое герцогство, но оказался въ положеніи вассала, живущаго лишь милостью Людовика XIV, пока король, въ началѣ войны съ Нидерландами, не выгналъ его окончательно. Трудъ де-Робера, основанный на многихъ неизданныхъ документахъ, выясняетъ намъ фигуру лотарингскаго герцога, который, несомнѣнно, на ряду съ Конде и Тюреннемъ, былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ полководцевъ XVII вѣка.

— Отравительницы при Людовикѣ XIV. Выдающійся французскій историкъ, Функъ Брентаво, рылся пятнадцать лѣтъ въ пыли Бастильскаго архива, хранящагося въ Арсенальной библіотекѣ въ Парижѣ. Онъ едва не ослѣпъ отъ своего усидчиваго труда, и шесть мѣсяцевъ не могъ ни читать, ни писать; зато въ настоящее время выходятъ одинъ за другимъ литературныя плоды его почтенныхъ трудовъ. Недавно появилась его книга о Бастиліи, а на дняхъ вышло въ свѣтъ новое его сочиненіе подъ заглавіемъ: «Драма отравъ»¹⁾. Хоть большая часть этой книги уже напечатана отдѣльными статьями въ различныхъ парижскихъ журналахъ и своевременно былъ данъ о нихъ отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», но теперь онѣ пополнены новыми документами, и потому не лишне сказать нѣсколько словъ о рисуемой французскимъ историкомъ любопытной картинѣ судебныхъ дѣлъ объ отравительницахъ при Людовикѣ XIV. Прологомъ «драмы отравъ» былъ процессъ маркизы Бренвилле. Молодая, красивая, живая аристократка съ большими выразительными глазами, она имѣла странную привычку отравлять всѣхъ окружавшихъ ее, такъ что въ настоящее время присяжные освободили бы ее отъ отвѣтственности, какъ невмѣняемую психопатку. Подружившись съ отставнымъ кавалерійскимъ капитаномъ Годеномъ, по прозвищу Сентъ-Круа, который имѣлъ нѣкоторыя алтекарскія познанія, эта стран-

¹⁾ «Le drame des poisons» Etudes sur la société du dix septième siècle et plus particulièrement sur la cour de Louis XIV. D'après les archives de la Bastille», par Franz Funck-Brentano. Paris. 1899.

ная дама начала съ того, что отравила отца, чтобы воспользоваться его наслѣдствомъ, а затѣмъ стала подсыпать мышьяку, который называла наслѣдственнымъ порошкомъ, всѣмъ своимъ родственникамъ: двумъ братьямъ, невѣсткѣ, мужу, другу сердца и даже своей маленькой дочери, которую она находила слишкомъ глупой. Наконецъ, ее отдали подъ судъ и казнили. Но ея роковой конецъ не вселилъ ужаса среди ея послѣдовательницъ, а напротивъ развилъ до чудовищныхъ размѣровъ моду на отравленіе, которая въ половинѣ царствованія Людовика XIV свирѣствовала въ Парижѣ, какъ страшная зараза. Женщины: Вуазенъ, Боссъ и Вигуре; мужчины: Ванё, кудесникъ Ле-сажъ, аббатъ Гибуръ и другіе, развили въ тогдашнемъ растлѣнномъ обществѣ болѣзвенную страсть къ сношеніямъ съ діаволомъ и всякаго рода преступленіямъ. Одна семейная драма быстро слѣдовала за другой. Г-жа Дрѣ, жена совѣтника парижскаго парламента, влюбилась въ красавца, герцога Рипелье, и безцеремонно отравляла всѣхъ своихъ соперницъ. Жена судьи Леферонъ отравила мужа для того, чтобы выйти замужъ за своего любовника Ле-Прада. Г-жа Фулальенъ, жена чиновника лѣснаго департамента, заставляла мужа носить рубашки, вымытыя въ мышьякѣ, а когда это не подѣйствовало, то она въ одно и то же время купила сильный ядъ и наняла убійцъ, которые взяли его зарѣзать. Такія драмы происходили въ пятистахъ или шестистахъ парижскихъ семействахъ. Наконецъ эта преступная манія такъ распространилась, что начальникъ полиціи, Ла-Рени, возбудилъ передъ парламентомъ знаменитое дѣло объ отравкахъ и добился отъ короля открытія чрезвычайнаго суда, извѣстнаго подъ названіемъ «*La chambre ardente*» (Огненная палата). Сначала было арестовано около пятисотъ лицъ, но въ концѣ концовъ привлечены къ отвѣтственности сто тринадцать, по обвиненію въ отравкахъ, убійствахъ, кудесничествѣ, въ сношеніяхъ съ діаволомъ, порчѣ, черныхъ мессахъ и др. Обвиняемые были подвергнуты пыткамъ и стали обличать въ соучастіи въ своихъ преступленіяхъ такихъ высокопоставленныхъ особъ, что судьи и король пришли въ ужась. Оказалось, что одной изъ обычныхъ кліентокъ главной отравительницы, Вуазенъ, была могущественная фаворитка короля, маркиза Монтеспанъ. Первые ея сношенія съ колдуньей происходили въ то время, когда она еще была дѣвицей Атеналсой де-Рошуръ и фрейлиной королевы. Тогда она съ помощью Вуазенъ, колдуна Лессажа и какого-то неизвѣстнаго патера, обратилась къ содѣйствію діавола, чтобы добиться «дружбы» короля, опалы тогдашней фаворитки Ла-Вальеръ и развода Людовика съ королевой. Повидимому, адекія чары подѣйствовали, и Ла-Вальеръ удалилась отъ двора, а красавица Монтеспанъ заняла ея мѣсто. Но, спустя десять лѣтъ, господство фаворитки пошатнулось, и на версальскомъ горизонтѣ взошла новая звѣзда: юная, прелестная Фонтанжъ. Тогда маркиза Монтеспанъ вернулась къ Лавуазенъ, и съ помощью аббата Гибура совершены были отвратительныя черныя мессы на обнаженномъ тѣлѣ маркизы, при чемъ пролита кровь новорожденнаго ребенка. Все это дѣлалось съ цѣлью добиться опалы Фонтанжъ и возвращенія любви Людовика. Вуазенъ создалась въ этомъ среди ужасныхъ пытокъ, но сгорѣла на кострѣ, не обнаруживъ еще болѣе опасной для Монтеспанъ тайны. Эту тайну открыла ея сообщница Филастръ, и такимъ образомъ было узнано, что фаворитка покупала

ядъ для отравы не только Фонтанжъ, но и самого Людовика XIV. Попытки отравы первой не удались, а дальнѣйшія стали излишними, такъ какъ Фонтанжъ умерла послѣ родовъ. Что касается до отравы короля, которую задумала Монтеспанъ въ порывѣ безумной ревности, то она также не имѣла успѣха, но по той причинѣ, что сама Вуазенъ должна была представить королю отравленное прошеніе, а ее уже тогда подозрѣвали и не допустили до короля, а спустя нѣсколько дней арестовали. Когда было все узвано, то Ла-Рени требовалъ во имя сираведливости и правосудія преданія суду могущественной фаворитки, но Людовикъ пришелъ въ ужасъ. Онъ понялъ, что такой скандалъ очернить на вѣки все величіе его царствованія и омрачить лучезарный блескъ «короля-солнца». Къ тому же вмѣстѣ съ Монтеспанъ должны были погибнуть ея дѣти, которыхъ онъ признавалъ своими и очень любилъ. Наконецъ, если подвергнуть суду фаворитку, то не было причины жалѣть аристократокъ столь же преступныхъ, какъ она, но которыхъ не привлекали до тѣхъ поръ къ отвѣтственности, а ихъ осужденіе и казнь набросили бы одинаково мрачную тѣнь на его славное царствованіе. По всѣмъ этимъ причинамъ Людовикъ приказалъ закрыть «Огненную палату» и прекратить роковое дѣло. Отравительница осталась при дворѣ, но была помѣщена далеко отъ королевскихъ апартаментовъ, и король сталъ обращаться съ ней съ самымъ обиднымъ презрѣніемъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, она сама удалилась отъ двора и, получивъ громадную пенсію, жила въ замкѣ Ойронъ въ Пуату, гдѣ прославилась своей набожностью и добрыми дѣлами. Хотя Функъ-Брентано и увѣряетъ, что она искренно раскаялась въ своихъ преступленіяхъ, но это ничѣмъ не доказано. Что же касается до Людовика XIV то, по рассказамъ современниковъ, его часто впоследствии мучила совѣсть, и онъ сказалъ со слезами на глазахъ матери одной изъ аристократокъ, которыхъ онъ освободилъ отъ законной отвѣтственности изъ страха скандала: «Я боюсь, что мнѣ придется отвѣтить передъ Богомъ и передъ моимъ народомъ за оказанное мною снисхожденіе».

— По поводу дневника русской великой княгини. Мы уже отмѣтили въ предыдущей книгѣ «Историческаго Вѣстника» странную фальсификацію, появившуюся въ «Deutsche Revue» ¹⁾. Теперь нѣмецкій журналъ, печатая продолженіе этого дневника, счелъ нужнымъ прибавить отъ себя нѣкоторое разъясненіе для читателей. Редакція «Deutsche Revue» заявляетъ, что она «не можетъ поручиться за подлинность дневника, такъ какъ для этого не имѣется документальныхъ данныхъ». Отъ г-жи Людеманъ, предоставившей рукопись въ распоряженіе редакціи, послѣдняя получила такого рода указанія: «Работа эта, — пишетъ г-жа Людеманъ, — изготовлена (!) мною по готовой рукописи моего покойнаго отца, книгопродавца Иоганна Людемана. Отецъ мой до 1866 года былъ секретаремъ посольства при ганноверскомъ дворѣ, и одна изъ вѣтвей его семьи была дворянскою. Отъ нѣкогого Вильгельма фонъ-Людемана онъ получилъ замѣтки о дневникѣ княгини, хранившіяся у дипломата Нотомба. Великая княгиня, какъ рассказываютъ, передала свой дневникъ книгопродавцу

¹⁾ Fragmente ans dem ungedruckten Tagebuche einer Grossfürstin von Russland. Deutsche Revue. 1899, Nov.

Нотомбу (предку дипломата) въ запечатанномъ конвертѣ, взявъ съ него общаніе, что дневникъ будетъ вскрытъ черезъ 50 лѣтъ послѣ ея смерти». Весь этотъ рассказъ, конечно, — вымыселъ и реклама довольно странные въ серіозномъ журналѣ.

— Мирабо, какъ дипломатъ. Людовикъ XVI питалъ, подобно своему предшественнику, большую слабость къ тайной политикѣ и часто посылалъ къ европейскимъ дворамъ своихъ секретныхъ представителей въ лицѣ родовитыхъ аристократовъ, или замѣчательныхъ личностей, отличавшихся блестящимъ умомъ, которые любезно принимались при иностранныхъ дворахъ и увѣдомляли своего короля подробнѣе и нерѣдко основательнѣе, чѣмъ официальные посланники, о подноготной политикѣ того или другого кабинета. Подобнымъ тайнымъ дипломатомъ въ Пруссіи былъ Мирабо въ 1786 — 1787 году, и написанныя имъ изъ Берлина секретныя депеши до сихъ поръ были извѣстны только въ сокращенномъ и мѣстами въ извращенномъ видѣ. Теперь извѣстный французскій историкъ, Генри Вельшингеръ, котораго французы называютъ Аври Вельсенже, напечаталъ эту вполнѣ любопытную переписку, согласно подлинникамъ, хранящимся въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ ¹⁾. Каждую изъ депешъ издатель сопровождаетъ критическимъ очеркомъ, въ которомъ онъ обсуждаетъ взгляды Мирабо, оцѣниваетъ сужденія вѣмецкаго барона Тренка о фактахъ, сообщаемыхъ французскимъ дипломатомъ, и прибавляетъ біографическія данныя о всѣхъ упомянутыхъ политическихъ дѣятеляхъ. Наконецъ въ видѣ предисловія Вельшингеръ представляетъ блестящій этюдъ о характерѣ и жизни Мирабо, о которомъ онъ отзывался очень сочувственно. Отправляясь на свой постъ, Мирабо не имѣлъ при себѣ никакихъ полномочій, а только письмо министра иностранныхъ дѣлъ Верженна къ французскому посланнику въ Берлинѣ графу Эстерно. Этотъ послѣдній принялъ его очень дурно, вѣроятно, отгадавъ въ немъ тайнаго дипломатическаго агента, которому было поручено слѣдить не только за политикой, но и за нимъ самимъ. Мирабо не былъ, однако, человѣкомъ, котораго могли сдержать подобные пустяки, а потому спустя нѣсколько недѣль онъ уже былъ своимъ человѣкомъ при дворѣ у королевскаго брата и министровъ. По счастью для читателя его переписки, Мирабо былъ далеко не дипломатъ, и его письма нисколько не походятъ на сухія официальныя дипломатическія депеши. Напротивъ они дышатъ жизнью, страстью, ненавистью. Ихъ пылъ въ особенности рельефно выступаетъ въ сравненіи съ холодными, осторожными, вполнѣ дипломатическими отвѣтами того лица, съ которымъ онъ переписывался въ Парижѣ. Это былъ не кто иной, какъ одинъ изъ свѣтилъ европейской дипломатіи, Талейранъ, тогда еще аббатъ Перигоръ. Естественно, что въ Версалѣ эти любопытныя письма возбуждали большой интересъ. «Ваши письма здѣсь очень довольны, — писалъ ему Талейранъ, — и объ этомъ мнѣ повторяютъ каждый день. Король ихъ читаетъ съ большимъ любопытствомъ, а Колоннъ васъ благодаритъ за точность и заботливость,

¹⁾ La mission secrète de Mirabeau à Berlin (1786—1787) d'après les documents originaux des affaires étrangères, avec introduction et notes, par Henri Welschinger. Paris. 1900.

съ которыми вы составляете ваши депеши». Хотя Мирабо на основаніи этого общаго одобренія ждалъ, что ему дадутъ мѣсто посланника при какомъ нибудь европейскомъ дворѣ, и удивлялся, что его ожиданія не осуществляются, но, по справедливому выраженію Функъ-Брентано въ его исторической хроникѣ «*Revue hebdomadaire*», «нельзя раздѣлять этого удивленія, такъ какъ каждое его письмо, каждая его строчка, каждое его слово доказываютъ, что онъ былъ бы самымъ страннымъ и необыкновеннымъ дипломатомъ». Вотъ, напримѣръ, какую характеристику Фридриха II онъ сообщаетъ своему двору послѣ смерти великаго короля: «Природа, повидимому, предоставила Фридриху необыкновенную славу, родиться на престолѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть первымъ человѣкомъ своей націи и своего вѣка¹⁾. Одинаково замѣчательный смѣлостью мыслей, проникательностью ума, энергіей, благоразуміемъ и твердостью характера, онъ возбуждаетъ въ насъ восторгъ разнообразными талантами, вѣрностью своихъ сужденій и величіемъ души. Блестя всѣми физическими и нравственными качествами, сильный волей, прекрасный геніемъ и дѣятельный до невѣроятнаго, онъ дополнилъ и усовершенствовалъ свои врожденныя способности, такъ что былъ столько же плодомъ собственнаго ума, какъ и природы. Онъ родился небрежнымъ, а сдѣлалъ себя строгимъ; онъ родился властолюбивымъ, авторитетнымъ до безумія, а довелъ себя до замѣчательной терпимости; онъ родился пламеннымъ, повелительнымъ, пылкимъ, и придалъ себѣ хладнокровіе, осторожность, благоразуміе. Благодаря судьбѣ, всѣ обстоятельства обращались въ его пользу, хотя онъ не всегда дѣйствовалъ искусно и часто дѣлалъ ошибки, но все въ немъ, даже его слабости, безъ которыхъ не обходится ни одна человѣческая натура, отличалось величіемъ. Никогда, ни одинъ смертный не былъ такъ созданъ, какъ Фридрихъ, чтобы повелѣвать. Онъ это зналъ и, повидимому, считалъ себя душою всего свѣта. Фридрихъ пересталъ жить 17 августа 1786 года. Наканунѣ онъ еще царствовалъ. Его смерть произвела потрясающее впечатлѣніе на меня, который видѣлъ его, лично слышалъ его рѣчь и можетъ гордиться тѣмъ, что онъ интересовался мною. Поэтому моя душа содрогнулась при зрѣлищѣ, которое представлялъ Берлинъ моимъ изумленнымъ глазамъ въ день смерти героя, заставлявшаго весь свѣтъ или молчать отъ удивленія, или громко выражать свой восторгъ: все здѣсь спокойно, никто не печаленъ, никто не горюетъ, никто не сожалеетъ; всѣ заняты своимъ личнымъ дѣломъ, не выражая своего сочувствія къ умершему ни безмолвнымъ вздохомъ, ни краснорѣчивой рѣчью». Но если Мирабо умѣлъ высказывать похвалы людямъ, ему сочувственнымъ, то онъ столь же пламенно осуждалъ лицъ, которыя были ему не по вкусу. Такъ онъ очень рѣзко отзывался о королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ II. «Три черты образуютъ характеръ короля, говоритъ онъ: фальшь, которую онъ считаетъ искусствомъ, самолюбіе, не терпящее возраженія, и культъ золота, имѣющій въ немъ болѣе характеръ страсти приобрѣтагъ, чѣмъ скуности. Первый изъ этихъ недостатковъ внушаетъ ему недовѣріе ко всѣмъ, такъ какъ тотъ, кто систематически обманываетъ

¹⁾ A travers l'histoire: Mirabeau diplomate, par F. Funck-Brentano. «Revue hebdomadaire». 21 octobre. 1899.

другихъ, всегда боится быть обманутымъ. Благодаря второму, онъ предпочитаетъ людей посредственныхъ, или даже низкихъ, а третій заставляетъ его вести жизнь одинокую, темную, что усиливаетъ первые два недостатка. Свирѣпый во внутренней жизни и не проницаемый въ публикѣ, онъ мало цѣнитъ славу и видитъ ее только въ томъ, чтобы никто не подозрѣвалъ его подчиненіе чуждому вліянію; военный по разсудку, а не по вкусу, онъ склоняется въ пользу мистиковъ не по убѣжденію, а потому, что думаетъ съ ихъ помощью читать въ сердцахъ другихъ. Я часто наблюдалъ за нимъ въ театрѣ и пришелъ къ убѣжденію, что его можно соблазнить только кубкомъ Цирцеи, но наполненнымъ пивомъ, а не токайскимъ виномъ». Точно также рѣзко и безмилосердно Мирабо отзывался о всѣхъ представителяхъ и представительницахъ берлинскаго двора. Что касается до европейскихъ государствъ, то Мирабо считалъ Пруссію «достигшей разложенія прежде зрѣлости», а Россію «гигантомъ, который спитъ, но пробужденіе котораго можетъ измѣнить поверхность земного шара». Только Англію онъ глубоко уважалъ и полагалъ, что «союзъ Франціи съ Англіей можетъ спасти весь свѣтъ».

— Одна изъ героинь французской революціи. Ревностный изслѣдователь французской революціи, Леопольдъ Лакуръ, докончилъ свою трилогію героинь этой бурной эпохи очеркомъ жизни и политической дѣятельности Розы Лакомбъ¹⁾. Ранѣе онъ написалъ подробныя монографіи Олимпіи де Гужъ и Терони де Мерикуръ, а въ настоящее время готовитъ изданіе отдѣльной книгой этихъ трехъ этюдовъ, напечатанныхъ въ различныхъ журналахъ. О предметѣ послѣдней статьи существуетъ очень мало свѣдѣній, и то самыхъ разнорѣчныхъ, доходящихъ до того, что историки, какъ Ламартинъ, Мишлэ и Луи Бланъ, уже не говоря о менѣе извѣстныхъ, называютъ эту революціонную героиню Розой Лакомбъ, между тѣмъ какъ она никогда не была Розой, а Кларой или Клэрой, какъ говорится въ ея метрическомъ свидѣтельствѣ, которое нашелъ Лакуръ. Дальнѣйшія свѣдѣнія о ней одинаково невѣрны, и она вовсе не была плодомъ незаконной любви, не знавшимъ даже своей матери, и развратной проституткой съ дѣтства, какъ ее старается представить Ламартинъ, а также она не участвовала въ Версальскихъ событіяхъ 1789 года, какъ рассказываетъ Луи Бланъ. По достовѣрнымъ документальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ различныхъ архивахъ, Лакуромъ, она была законной дочерью Бертрана Лакомба и его жены Гоше; если не извѣстно, чѣмъ занимались ея родители, то достовѣрно, что они жили въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ Памье въ Арьежѣ, гдѣ родилась будущая революционерка въ 1765 году. Въ молодости она была провинціальной актрисой и только 27 лѣтъ отъ роду впервые явилась въ Парижъ въ 1792 году. Въ «Путешествіи по Франціи» Галема упоминается, что въ сентябрѣ 1790 года марсельская актриса, г-жа Лакомбъ, хотѣла играть въ Ліонѣ въ «Семипамидѣ», но директоръ не согласился дать ей дебюта и только ангажировалъ ее, когда публика въ его театрѣ подняла такой шумъ, требуя появленія г-жи Лакомбъ на сценѣ, что онъ былъ вынужденъ публично дать обѣщаніе, что онъ исполнитъ желаніе зрителей. По свидѣтельству

¹⁾ Rose Lacombe. Leopold Lacour. Revue hebdomadaire, 7—10 octobre 1899.

другихъ современниковъ, Лакомбъ пользовалась въ провинціи значительнымъ успѣхомъ, и причиной сцены въ Ліонѣ и того факта, что она долго оставалась безъ ангажемента, были ссоры ея съ провинціальными директорами и актерами изъ-за политическихъ убѣжденій. Съ самаго начала революціи, она выказала пламенное сочувствіе республиканскимъ стремленіямъ. Конечно, на этомъ же основаніи она покинула провинцію, явилась въ Парижъ и сама прочла въ законодательномъ собраніи 25 іюля 1792 года свое патріотическое прошеніе. Въ этомъ любопытномъ документѣ, напечатанномъ впервые въ статьѣ Лакура, Лакомбъ заявляетъ, что она артистка безъ мѣста, но очень рада этому, такъ какъ имѣетъ возможность, если не деньгами, то личнымъ участіемъ въ борьбѣ съ чужестранцами послужить родинѣ, которая объявлена въ опасности. Кромѣ просьбы принять ее солдатомъ, пламенная патріотка выражаетъ въ своемъ прошеніи крайнія политическія мнѣнія и требуетъ, чтобы законодательное собраніе не оставляло во главѣ арміи Катиллину (Лафайета), чего за нѣсколько дней передъ нею требовали не только якобинцы съ Робеспьеромъ во главѣ, но даже жирондисты. На слѣдующій день предсѣдатель законодательнаго собранія, Виено, объявилъ просительницѣ отвѣтъ, въ которомъ любезно заявлялась благодарность за ея патріотизмъ, но ея просьба оставлена безъ послѣдствій. Ни законодательное собраніе, ни послѣ него конвентъ, не постановляли ни одного рѣшенія о принятіи женщинъ на военную службу, хотя вознаграждали подвиги тѣхъ изъ нихъ, которыя помимо нихъ поступали въ солдаты, какъ, на примѣръ, сестры Фермигъ и канониры Катерина Помло и гражданка Дюльеръ. Не принятая въ армію, Клэра Лакомбъ вступила въ число вооруженныхъ гражданъ Парижа и приняла участіе во взятіи Тюльери 10 августа. Она при этомъ была ранена въ руку, и федералисты поднесли ей вѣнецъ гражданской доблести, который она повергла къ стопамъ національнаго собранія, при восторженныхъ рукоплесканіяхъ представителей народа. Многіе историки увѣряютъ, что она участвовала въ сентябрьской рѣзнь, но это ничѣмъ не доказано; напротивъ она публично въ клубѣ Революціонныхъ Республиканокъ клеймила эту рѣзню. Она не только посѣщала этотъ клубъ, въ которомъ играла значительную роль, но и провозносила пламенные рѣчи въ клубѣ якобинцевъ, требуя, чтобы арестовали въ Парижѣ всѣхъ аристократовъ съ ихъ семьями въ качествѣ заложниковъ. Въ это время она отличалась такой яростью противъ жирондистовъ, что даже Робеспьеръ казался блѣднымъ передъ ея краснотой. Она дѣйствовала за одно съ самыми крайними революціонерами, которые извѣстны подъ названіемъ «безумцевъ», и съ однимъ изъ нихъ, уроженцемъ Ліона, Леклеромъ, она находилась въ интимной связи. Хотя ее неправильно называютъ основательницей главнаго клуба женщинъ, именно клуба Революціонныхъ Республиканокъ, но она находилась во главѣ его въ послѣднее время его существованія. Дѣйствуя за одно съ «безумцами», этотъ клубъ составлялъ первую социальную партію въ эпоху революціи, и бывшая актриса громила въ своихъ пламенныхъ рѣчахъ коммерческую аристократію, а также эксплоататоровъ народа, требуя, чтобы въ республикѣ не было ни одного несчастнаго бѣдняка. Пока дѣло шло объ уничиженіи жирондистовъ, Робеспьеръ, Маратъ, Геберъ и другіе якобинцы пользо-

вались помощью этого революціоннаго авангарда, но, добившись своей цѣли, они стали дѣйствовать противъ «безумцевъ» и революціонныхъ республиканокъ, какъ сторонниковъ социализма и коммунизма. 26 августа Клэра Лакомбъ представила отъ имени обоихъ клубовъ петицію въ конвентъ, который она упрекала въ издѣвательствѣ надъ народомъ и въ томъ, что онъ не создаетъ правительства согласно конституціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она требовала увольненія отъ должностей всѣхъ бывшихъ аристократовъ, открытія многочисленныхъ, чрезвычайныхъ судовъ и поголовнаго вооруженія всего народа для спасенія родины. Робеспьеръ, председательствовавшій въ этомъ засѣданіи, такъ враждебно и презрительно отнесся къ патріотической энтузіасткѣ, что не отвѣчалъ ни слова на ея петицію, а спустя нѣсколько дней въ яacobинскомъ клубѣ Шабо и Базиръ съ такою яростію изобличали Лакомбъ, что въ Парижѣ распространился слухъ объ ея арестѣ. Это, однако, оказалось несправедливымъ, но когда 28 октября враждебныя Лакомбъ товарки по клубу Революціонныхъ Республиканокъ возмутили противъ нея нѣсколько тысячъ женщинъ, то конвентъ воспользовался этимъ случаемъ и закрылъ всѣ женскіе клубы. Что затѣмъ случилось съ нею, неизвѣстно, и только въ концѣ слѣдующаго года она оказывается уже подъ судомъ. Въ теченіе семнадцати мѣсяцевъ она сидѣла то въ одной, то въ другой тюрьмѣ, и главными обвиненіями противъ нея были оскорбительныя выраженія противъ Робеспьера и предложеніе возстановить конвентъ. Нѣсколько разъ она писала убѣдительныя прошенія въ комитетъ общественной безопасности, доказывая свою невинность. Въ этихъ прошеніяхъ она называетъ себя актрисой Лакомбъ, и въ одномъ изъ нихъ говоритъ: «Я пожертвовала тремя годами своей жизни родинѣ и, не имѣя ни мужа ни дѣтей, которыхъ я могла бы отдать на служеніе ей, я съ великимъ счастьемъ сама служила родинѣ, сколько могла; только исчерпавъ всѣ свои финансовыя средства, я была вынуждена принять ангажементъ!» Изъ этихъ словъ видно, что Лакомбъ играла на театрѣ въ промежутки своей бурной революціонной дѣятельности, но гдѣ и когда—остается неизвѣстно. Наконецъ, благодаря содѣйствію Коло Дербуа, она была выпущена на свободу. Ей тогда было тридцать лѣтъ, и несмотря на всѣ розыски Лакура, онъ не могъ отыскать свѣдѣній объ ея дальнѣйшей жизни. По его словамъ, всего вѣроятнѣе, что она продолжала играть на провинціальныхъ театрахъ. Въ одномъ изъ біографическихъ словарей современниковъ, изданномъ въ 1823 году, «*La Biographie nouvelle des contemporains*», говорится, что будто бы Клэра Лакомбъ служила въ тайной полиціи и умерла нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, но ни одинъ изъ этихъ фактовъ ничѣмъ не подтвержденъ.

— Защитница женскихъ правъ въ XVIII столѣтіи. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ умерла первая женщина, которая печатно защищала свободу и равенство женщинъ, а только недавно вышло на ея родинѣ въ Англіи подробное изслѣдованіе ея жизни и дѣятельности. Эмма Раушенбушъ-Кло собрала всѣ свѣдѣнія, которыя она только могла найти о замѣчательной, но мало извѣстной личности Мэри Вольфстонкрафтъ, и ея любопытная книга¹⁾ даетъ возможность

¹⁾ A study of Mary Wolfstonecraft and the Rights of Woman. by Emma Rauschenbusch-Clough. London. 1889.

познакомиться съ симпатичной фигурой перваго апостола женской эмансипаціи. Мэри Вольфстонкрафтъ родилась въ 1759 году въ окрестностяхъ Лондона. Она принадлежала къ ирландской семьѣ. Отець, жестокій тиранъ, постоянно билъ свою жену и дѣтей, а мать любила только сыновей и не обращала никакого вниманія на маленькую Мэри, хотя она съ дѣтства завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ и заботилась о своихъ сестрахъ. Чѣмъ она становилась старше, тѣмъ больше тяготила ее одинокая, несчастная жизнь, и единственнымъ ея утѣшеніемъ было чтеніе. Она жадно читала все, что попадалось ей подъ руки: религіозныя книги, научныя труды и романы. Однажды она прочитала «Эмиля» Руссо, и онъ такъ сильно подѣйствовалъ на нее, что дѣвочка не только выучила его наизусть, но онъ сдѣлался руководителемъ всѣхъ ея мыслей. Вѣроятно, подѣ влияніемъ Руссо въ ней развилось стремленіе къ независимости, и 18 лѣтъ она поступила чтицей къ богатой старухѣ. Несмотря на то, что ея жизнь тамъ была очень тяжелая и непріятная, но она не покинула бы этого мѣста, если бы умирающая мать не вызвала ее для завѣдыванія хозяйствомъ въ родительскомъ домѣ. Вскорѣ мать умерла, и отецъ женился на другой, а дочь грубо прогналъ. Тогда она поселилась у своей подруги, Фанни Блодъ, которая, несмотря на свое хорошее образованіе, открыла швейную мастерскую, чтобы содержать свою мать. Помогая подругѣ въ швейныхъ работахъ, Мэри Вольфстонкрафтъ продолжала чтеніемъ развивать свои замѣчательныя умственныя способности, но ей не суждено было долго пользоваться тихой, спокойной жизнью. Одна изъ ея сестеръ Элиза вызвала ее къ себѣ на помощь противъ мужа, который не только тиранилъ ее, но измѣнялъ ей на каждомъ шагѣ. Мэри посѣщила къ ней на выручку и убѣдила наивную сестру, что ея мужъ своимъ незаконнымъ поведеніемъ самъ расторгъ всѣ брачныя узы, а слѣдовательно она была вправѣ бросить его. Мэри тайно увезла ее изъ дома, нѣсколько времени скрывала отъ мужа и наконецъ добилась его согласія на окончательный разрывъ. Вмѣстѣ съ сестрой и Фанни Блодъ она тогда открыла въ одномъ изъ лондонскихъ предмѣстій женскую школу. Сначала дѣла пошли хорошо, и у нея уже было двадцать ученицъ, какъ неожиданно Фанни Блодъ вышла замужъ, а затѣмъ вскорѣ занемогла и по совѣту докторовъ переехала съ мужемъ въ Лиссабонъ. Тамъ болѣзнь ея развилась, и Мэри Вольфстонкрафтъ, бросивъ свою школу, посѣщила къ подругѣ, которая умерла у нея на рукахъ. Вернувшись въ Лондонъ, она съ сожалѣніемъ увидѣла, что ея школа припла въ совершенный упадокъ, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ почти нищенскаго существованія она была вынуждена поступить гувернанткой къ дочери лорда Кинсборо. Тутъ ей пришлось вынести всевозможныя униженія отъ презрительнаго обращенія аристократокъ и еще болѣе оскорбительныхъ предложеній аристократовъ. Она все терпѣливо переносила, пока ее не выгнали за то, что старшая дочь лорда Кинсборо стала выказывать къ ней такую дружбу, которая найдена была неприличной для аристократки. По счастью для Мэри Вольфстонкрафтъ, она въ это время случайно познакомилась съ книгопродавцемъ и издателемъ, Джонсономъ, который составлялъ центръ небольшого кружка передовыхъ, радикальныхъ, политическихъ дѣятелей, писателей и артистовъ. Въ этой средѣ

она не только получила возможность жить переводами, но и окончательно усвоила себѣ принципы свободомыслія, представителями котораго были ея новые друзья, философъ Годвинъ, швейцарскій живописецъ Фузели, поклонникъ Руссо и будущій членъ конвента, Томасъ Пэнъ. Неудивительно, что, находясь подъ вліяніемъ такихъ людей, горячо сочувствовавшихъ французской революціи, она отвѣчала на знаменитый памфлетъ англійскаго политическаго дѣятеля Борка противъ революціи еще болѣе пламенной брошюрой подъ заглавіемъ «Защита правъ человѣка». Спустя два года, т. е. въ 1792 году, она выпустила въ свѣтъ свое главное сочиненіе «Защита правъ женщины». Эта книга была тотчасъ переведена на французскій языкъ, а потомъ и на многіе другіе; она возбудила жаркую полемику и считается всѣми историками феминизма за основу женскаго движенія, за источникъ, которымъ руководились Сень-Симонъ, Фурье и Джонъ Стюартъ Миль для развитія нѣкоторыхъ своихъ теорій. Къ сожалѣнію, этотъ замѣчательный трудъ написанъ такъ спѣшно, именно въ шесть недѣль, что изложеніе его страдаетъ неопредѣленностью и туманностью, а мѣстами просто нельзя понять, что хочетъ сказать авторъ. Поэтому мистриссъ Рошенбушъ-Клю оказала большую услугу, прибавивъ къ біографіи своей героини ясное, блестящее изложеніе феменистской теоріи Мэри Вольфстонкрафтъ. Въ сущности эта теорія очень проста и несложна. Авторъ доказываетъ полное нравственное и политическое равенство женщинъ съ мужчинами, а если признаетъ, что физически и умственно женщины стоятъ ниже мужчинъ, то объясняетъ это тѣмъ, что ихъ воспитываютъ и держатъ всю жизнь въ клѣткѣ. Замѣчательно, что Мэри Вольфстонкрафтъ возстаетъ не только противъ мужчинъ, но и противъ женщинъ за рабство послѣднихъ, находя, что «женщины никогда не были бы порабощены, если бы сами не предпочитали жить въ клѣткѣ, перепрыгивая съ жердочки на жердочку и пользуясь даровымъ кормомъ, за что отдаютъ здоровье, свободу и нравственное достоинство». Для образованія новой женщины она считаетъ необходимымъ, чтобы женщины воспитывались вмѣстѣ съ мужчинами, и чтобы имъ открыты были всѣ карьеры. Все это кажется теперь общеизвѣстной тривиальной истиной, но если вспомнить, что Мэри Вольфстонкрафтъ писала свою книгу болѣе чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, когда даже такіе умы, какъ Руссо, считали необходимымъ подчиненность женщины мужчинамъ, то нельзя не признать, что она оказала не только женщинамъ, но и свободной мысли великую услугу. Однако судьбѣ было угодно, чтобы она не успокоилась на лаврахъ, а исчерпала до дна всю чашу женскихъ горестей. Прежде всего живописецъ Фузели влюбился въ нее, такъ какъ она отличалась замѣчательной красотой, и ей пришлось уѣхать въ Парижъ, подъ предлогомъ изученія французской революціи, а въ сущности для того, чтобы не нарушить спокойствія его большой семьи. Затѣмъ въ Парижѣ не только въ нее влюбился американскій офицеръ Джильбертъ Имлей, но и она сама горячо его полюбила. Они боялись обвиняться въ Парижѣ, такъ какъ этимъ путемъ могло обнаружиться, что Вольфстонкрафтъ англичанка, и вслѣдствіе этого комитетъ общественной безопасности могъ ввергнуть ее въ тюрьму, даже казнить. Но они жили счастливо три года, и у нихъ родилась дочь. Хотя Имлей поѣхалъ съ Мэри въ Лондонъ въ 1795 году, но она уже надоѣла ему,

и онъ отправилъ ее въ Швецію подъ предлогомъ устройства тамъ его дѣлъ. Она съ удовольствіемъ взяла на себя это порученіе и исполнила его съ блестящимъ успѣхомъ, но когда она радостно вернулась въ Лондонъ, то нашла свое мѣсто занятымъ другою женщиной. Выскочивъ въ отчаяніи изъ дома, она побѣжала къ Темзѣ и бросилась въ воду, откуда ее выгашилъ какой-то лодочникъ. Послѣ этого для нея наступили черные дни, пока не розыскалъ ее старый пріятель философъ Годвинъ, за котораго она и вышла замужъ. Родивъ вторую дочь, Мэри Годвинъ, которой впоследствии суждено было сдѣлаться подругой жизни знаменитаго поэта Шелли, первая защитница женскихъ правъ умерла въ 1797 году. Послѣ нея остался неоконченный романъ «Марія или несчастье быть женщиной», въ которомъ она изложила въ романической формѣ свои феминистскія идеи.

— Неизданныя сочиненія Андре Шенье. Въ послѣднихъ книжкахъ «Revue de Paris» ¹⁾ напечатаны неизданныя до сихъ поръ прозаическія сочиненія знаменитаго поэта, который такъ рано погибъ для французской литературы, казненный террористами всего тридцати одного года отъ роду. Рукописи Шенье имѣли судьбу довольно странную. Начиная съ 7-го термидора II-го года республики, вплоть до нынѣшняго года, родственники погибшаго поэта хранили ихъ какъ бы въ секретѣ, никому не разрѣшая ими воспользоваться. Цѣлый рядъ изданій, начиная съ начала нынѣшняго вѣка, долженъ былъ обходиться безъ справокъ въ подлинныхъ рукописяхъ. Въ 1874 году Габріель-де-Шенье, законный наслѣдникъ большей части рукописей, издалъ въ свѣтъ собраніе сочиненій своего дяди, доказавшее, что литературное наслѣдіе Андре Шенье гораздо больше, чѣмъ предполагали. Это изданіе вызвало со стороны критики сильныя нападки. Указывали на то, что Габріэль-де-Шенье не достаточно тщательно передалъ содержаніе рукописей, что отрывки, повидимому, расположены неправильно, что текстъ очень неисправенъ. Особенно много подобныхъ погрѣшностей указано было восторженнымъ поклонникомъ Шенье Бекъ-де-Фукиеромъ. Габріэль-де-Шенье на эти нападки ровно ничего не отвѣчалъ и ни одному изъ критиковъ не оказалъ чести предъявленія имъ хотя бы нѣкоторыхъ рукописей поэта. Въ 1880 году Габріэль-де-Шенье умеръ, а въ 1887 году за нимъ въ могилу послѣдовалъ и Бекъ-де-Фукиеръ, который такъ и не увидѣлъ подлинниковъ издававшихся имъ неоднократно сочиненій. Лишь въ 1892 году вдова Габріэля-де-Шенье пожертвовала въ парижскую Національную Библіотеку картонъ рукописей поэта, съ обязательствомъ для библіотеки не вскрывать этихъ рукописей и не составлять имъ инвентаря ранѣе, какъ черезъ семь лѣтъ. Такимъ образомъ, лишь въ нынѣшнемъ году подлинныя рукописи Шенье стали доступны изслѣдователямъ. Въ настоящее время администрація рукописнаго отдѣленія библіотеки разобрала рукописи и обнаружила, что большая часть ихъ соотвѣтствуетъ тому, что издано было въ трехтомномъ изданіи Габріэля-де-Шенье, но что въ картонѣ имѣется и связка рукописей, совершенно неизвѣстныхъ до сихъ поръ. Изъ этой послѣдней издателямъ «Revue de Paris» удалось напечатать нѣкоторые прозаическіе отрывки, повидимому, составлявшіе начало предполагаемой Андре Шенье всеобщей исторіи лите-

¹⁾ André Chénier, «Oeuvres inédites». Revue de Paris, 1 et 15 nov. 1899.

ратуры. Общее заглавіе этой незаконченной поэтомъ работы было «Объ усовершенствованіи искусствъ». Въ одномъ давно уже изданномъ отрывкѣ Шенье говоритъ объ этой работѣ: «И въ пылу страстей и въ мгновенія, когда желѣзная необходимость лишала меня независимости, я всегда носился съ этими дорогими мнѣ мыслями, и дома ли, въ пути ли, во время прогулокъ и хожденія по улицамъ, всегда размышлялъ, въ надеждѣ пробудить къ жизни эти благія науки, о причинахъ и слѣдствіяхъ усовершенствованія и упадка литературы: мнѣ казалось необходимымъ собрать въ одну, просто и убѣдительно изложенную книгу все то, что въ теченіе лѣтъ назрѣло въ моихъ мысляхъ по этому предмету». Въ рукописяхъ, нынѣ доступныхъ для пользованія изслѣдователей, мы имѣемъ передъ собою все то, что Шенье удалось написать для выполненія этого плана. Сочиненіе его можетъ быть раздѣлено на три части: общія соображенія, оцѣнка древней литературы и оцѣнка литературы новѣйшей и современной самому автору. По мнѣнію Абеля Лефранка, сочиненіе Шенье, увлеченнаго изученіемъ Монтескье, представляетъ собою попытку оригинальнаго приложенія политическихъ и соціально-философскихъ теорій «Духа законовъ» къ исторіи искусства и литературы. Какъ во многихъ другихъ случаяхъ, и въ этомъ своемъ произведеніи Андре Шенье съ поэтическимъ проникновеніемъ въ будущее предвосхищаетъ мысли нѣкоторыхъ наиболѣе оригинальныхъ мыслителей XIX вѣка, особенно Шатобріана и Тэна, которые оба, подобно Шенье, были проникнуты вкусомъ и пониманіемъ эллинской культуры. Сочиненіе «объ усовершенствованіи наукъ» болѣе, чѣмъ всякое другое, даетъ возможность судить о міросозерцаніи самого Андре Шенье: «это былъ, — говоритъ Абель Лефранкъ, — человекъ XVIII вѣка и въ то же время питомецъ древней Греціи; какъ ни глубока разница между его возрѣніями и духомъ вольтеріанства, тѣмъ не мѣнѣе, онъ не любитъ богословія ни еврейскаго, ни христіанскаго, относится съ пренебреженіемъ къ королямъ и ихъ двору (Вольтеръ въ этомъ отношеніи былъ гораздо болѣе терпимъ) и не выноситъ, наконецъ, ни готскаго варварства, ни Шекспира». Опубликованные въ «*Revue de Paris*» отрывки, безъ всякаго сомнѣнія, много содѣйствуютъ уясненію личности молодого, безвременно погибшаго писателя, наиболѣе виднаго изъ всѣхъ поэтовъ временъ великой революціи.

— Еще о Гете. Послѣ безконечнаго наплыва всякаго рода книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей, въ которыхъ великій поэтъ разсматривался, какъ дипломатъ, ботаникъ, предшественникъ Бисмарка и т. д., наконецъ, нѣмцы догадались, что Гете былъ писателемъ, и начали теперь появляться труды о его литературной дѣятельности. Наиболѣе интересна по оригинальности взглядовъ и основательности аргументовъ, вышедшая надняхъ новая серія изслѣдованій о Гете одного изъ извѣстнѣйшихъ и старѣйшихъ комментаторовъ «Фауста», барона Вольдемара фонъ-Бидермана ¹⁾. Почтенный авторъ доказываетъ путемъ длиннаго ряда примѣровъ и сравненій, что Гете былъ не только поэтомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, критикомъ, и что главнѣйшія его произведенія служили отголоскомъ того, что Бидерманъ называетъ его «производительной кри-

¹⁾ Goethe-Forschungen, anderweite Folge, von baron Woldemar von Biedermann. Leipzig. 1899.

тикой». Другіе поэты черпали свои вдохновенія въ собственныхъ чувствахъ, или въ собственной фантази, а для Гете источникомъ вдохновенія были критическія размышленія. Онъ не только придавалъ поэтическую форму сочувственнымъ ему философскимъ теоріямъ, но, замѣтивъ серьезные недостатки въ произведеніяхъ какого нибудь поэта, онъ передѣлывалъ ихъ, доводя до художественнаго совершенства. Такимъ образомъ, величайшій нѣмецкій поэтъ провелъ всю жизнь въ передѣлкѣ чужихъ произведеній, и лучшія его сочиненія отъ первыхъ одъ до «Фауста» были только «поправками» или примѣрами, какъ должно писать о предметахъ, которыми уже вдохновлялись другіе авторы. Онъ самъ говорилъ Эккерману въ 1827 году, что «противорѣчіе возбуждало его къ работѣ». Еще знаменательнѣе въ этомъ отношеніи его слова въ концѣ сочиненія «Исторія цвѣтовой теоріи»: «Мои отношенія къ поэзи всегда отличались практическимъ характеромъ. Когда мнѣ правилось, или соблазняло меня какое либо произведеніе моихъ предшественниковъ, то я годами обдумывалъ его и носился съ нимъ, пока оно не создавало въ моей головѣ нѣчто такое, что я признавалъ своимъ. Тогда я инстинктивно излагалъ на бумагѣ этотъ плодъ моихъ мыслей, который послѣ долгаго созрѣванія пріобрѣталъ жизненность». Въ доказательство своего тезиса, Вилерманъ перебираетъ всѣ сочиненія Гете, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ критикѣ, лежавшей въ основѣ его поэзи. Напримѣръ, чтобы выказать всѣ недостатки «Альцесты» Виланда, онъ написалъ свои стихотворенія: «Боги», «Герои и Виландъ». Съ цѣлью явиться продолжателемъ Шекспира, онъ создаетъ «Гецца-фонъ-Берлингенена». Его «Вертеръ» не что иное, какъ *repentant* къ «Новой Элоизѣ», Руссо. Въ «Ахилаидѣ» онъ прямо вдохновляется Гомеромъ, а въ «Восточномъ Диванѣ» персидскими поэтами. «Я составилъ планъ новаго Ромео, — пишетъ онъ Берешу 17-го октября 1767 года, — такъ какъ пьеса Вейса того же имени мнѣ не понравилась». Одинаково замѣтивъ, что въ «Юліи Цезарѣ» Шекспира фигура Брута затмеваетъ самого Цезаря, Гете тотчасъ беретъ писать своего Цезаря, чтобъ исправить эту ошибку. Въ драмѣ «Сталла» онъ выводитъ въ измѣненномъ видѣ одну изъ героинь Лессинга, Сару Симсонъ, и придаетъ ей болѣе естественный характеръ. Знаменитая «Ифигенія» была написана имъ подъ вліяніемъ классическихъ поэтовъ и съ цѣлью протестовать противъ суевѣрія греческой трагедіи и безнравственности римскихъ драматурговъ. Либретто «Волшебной Флейты» показалось Гете неудовлетворительнымъ, и онъ задумалъ написать новое, въ болѣе символистическомъ духѣ. Прочитавъ двѣ поэмы Гакдорна «Любовники» и «Ночь», онъ пришелъ къ заключенію, что въ нихъ недостаточно сильно выражены тѣ чувства, которыми вдохновился поэтъ, и онъ написалъ свои двѣ поэмы, даже по формѣ напоминающія Гакдорна, «Пѣснь Новаго года» и «Чудная ночь». Въ 1792 году Гете много занимался вопросомъ, насколько современная поэзія можетъ пользоваться средневѣковыми легендами, и, по его собственнымъ словамъ, онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы написать нѣсколько тысячъ гекзаметровъ, которые подъ названіемъ «Reinecke-Fucks» составили одно изъ оригинальнѣйшихъ его произведеній. Въ 1796 году, Фоссъ своей «Луизой» возбуждаетъ вопросъ о возможности буржуазной эпопеи, и Гете, принимаясь за «Германа и Доротею»,

писалъ своему другу, живописцу Мейеру: «Я много размышлялъ о всемъ, что говорилось по поводу Фосса, и предпринялъ написать новое сочиненіе, въ которомъ постараюсь разрѣшить многіе сомнительные пункты и практически выразить мои теоретическія идеи». Наконецъ, самъ «Фаустъ» составляетъ также плодъ его «производительной критики», и онъ въ своихъ мемуарахъ признается, что «Фаустъ» марионетнаго театра во Франкфуртѣ засѣлъ съ дѣтства въ его голову и побуждалъ его составлять отъ времени до времени планы новаго произведенія въ этомъ родѣ». Кромѣ того, по замѣчанію Роберта Геринга, автора статьи о «Фаустѣ» въ юбилейномъ сборникѣ, изданномъ во Франкфуртѣ ¹⁾, многія отдѣльныя сцены этой величайшей философско-драматической поэмы навѣяны чужими идеями, подъ вліяніемъ которыхъ находился Гете. Такимъ образомъ слова духа земли о его залачѣ прямо взяты изъ «Системы природы» барона Гольбаха; монологъ Фауста, въ которомъ онъ благодаритъ верховнаго духа, давшаго ему господство надъ великолѣпной природой, заимствованъ у Спинозы, а гимны архангеловъ въ прологѣ прямо взяты изъ «Книги Іова». Впрочемъ, все это нисколько не уменьшаетъ гения Гете, а только служитъ пособіемъ къ тому, чтобы лучше понять, какъ его гений, такъ и его философско-поэтическія произведенія.

— Воспоминанія о Даніэлѣ О'Коннелѣ. Въ октябрьской книжкѣ «Temple Bar» помѣщены любопытныя воспоминанія о знаменитѣйшемъ ирландскомъ патріотѣ и агитаторѣ настоящаго столѣтія, Даніэлѣ О'Коннелѣ ²⁾. Автору этихъ воспоминаній, младшему сыну О'Коннеля, теперь 83 года, но онъ рисуетъ чрезвычайно живой портретъ своего отца и рельефно рассказываетъ любопытныя анекдоты изъ бурной жизни освободителя Ирландіи, какъ его называли благодарные соотечественники за энергичную защиту родины въ палатѣ общинъ и на публичныхъ митингахъ пламенными, краснорѣчивыми, патріотическими рѣчами. Наиболее интересенъ рассказъ сына О'Коннеля о необыкновенномъ вліяніи великаго оратора на своихъ слушателей. «Магическимъ чарамъ моего отца, — говоритъ онъ, — подвергались одинаково блестящіе, свѣтскіе члены палаты общинъ и народныя толпы грубыхъ ирландскихъ поселянъ. Всѣ и каждый съ какимъ-то неопытнымъ смиреніемъ подчинялись его могучей волѣ, его краснорѣчивому слову. Я приведу одинъ примѣръ этого вліянія, который, мнѣ кажется, никогда не упоминался въ печати. Однажды онъ созвалъ публичный митингъ въ Кингстаунѣ, и большая комната второго этажа, въ которой онъ долженъ былъ говорить, переполнилась слушателями еще до его появленія на эстрадѣ. Онъ только что хотѣлъ начать свою рѣчь, какъ неожиданно къ нему пробрался какой-то джентльменъ, дрожавшій отъ страха. «Освободитель, — сказалъ онъ, — полъ подался въ нѣсколькихъ мѣстахъ отъ чрезмерной толпы, наполняющей комнату, и сейчасъ будетъ катастрофа». Мой отецъ хладнокровно отвѣчалъ: «Молчите, никому ни слова». Потомъ онъ всталъ и громко сказалъ: «Я вижу, что эта комната слишкомъ мала для такой обширной публики, а потому мы всѣ уйдемъ отсюда, и митингъ состоится

¹⁾ Festschrift zur Goethes 150 Geburtstagfeier. Frankfurt. 1899.

²⁾ My father, as I remember Him, by M. O'Connell. «Temple Bar». October. 1899.

на чистомъ воздухѣ». Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ въ заднихъ рядахъ вышли, но громадное большинство осталось на своихъ мѣстахъ. Тогда отецъ воскликнулъ: «Нечего дѣлать, надо сказать вамъ всю правду. Вы—ирландцы, а слѣдовательно люди мужественные, храбрые. Полъ въ этой комнатѣ подается, и если мы разомъ бросимся къ двери, то полъ провалится, и мы перепадаемъ въ нижній этажъ. Если вы меня послушаете, то мы всѣ спасемся. Пусть выйдутъ первыми двѣнадцать человекъ, стоящіе всего ближе къ двери, затѣмъ слѣдующіе двѣнадцать и такъ далѣе. Я выйду послѣднимъ». Всѣ буквально повнвались его словамъ, а онъ спокойно, терпѣливо ждалъ своей очереди. Когда всѣ вышли, то онъ тихими, мѣрными шагами прошелъ черезъ скрипѣвшій и колебавшійся полъ, а едва онъ переступилъ черезъ порогъ, какъ стропила подались, и полъ рухнулъ».

— Страсбургскій мятежъ 1836 года. Въ настоящее время, когда во Франціи такъ много разговоровъ о различныхъ заговорахъ и военныхъ пронунаціамента, А. Матье счелъ весьма не лишнимъ напомнить о первой попыткѣ Людовика-Наполеона захватить въ свои руки власть во Франціи, — именно о страсбургскомъ мятежѣ 1836 года¹⁾. Мятежъ этотъ былъ построенъ по плану, довольно обычному въ то время: предполагалось увлечь часть войскъ, и во главѣ полка или двухъ выступить къ Парижу, въ надеждѣ, что армія на пути будетъ увеличиваться подобно лавинѣ, какъ это, дѣйствительно, и было съ наполеоновскою арміею въ 1815 году. Подобныя попытки предпринимались уже неоднократно со временъ реставраціи. Въ маѣ 1816 года адвокатъ Дидье, при помощи полковника Ле-Брена, предполагалъ поднять Гренобльскій гарнизонъ. Въ августѣ 1820 года капитанъ императорскаго штаба Нантиль, эскадронный командиръ Біаръ и полковникъ Мезьо пробовали увлечь солдатъ въ Венсеннѣ. Въ 1823 году было цѣлыхъ три вспышки военнаго мятежа: въ Бельфорѣ, въ Эльзасѣ и въ Сомюрѣ. Наконецъ, въ тотъ же день, когда произошелъ страсбургскій мятежъ, въ вандомскомъ гарнизонѣ простой унтеръ-офицеръ Брюйанъ устроилъ заговоръ съ цѣлью возстановленія республики. У Людовика-Наполеона мысль о заговорѣ явилась не ранѣе, какъ въ 1835 году, вѣроятное всего, подъ вліяніемъ испанскихъ и португальскихъ военныхъ революцій. Его интимнымъ другомъ въ это время былъ нѣкій Фіолэнъ, бывшій кавалеристъ, называвшій себя виконтомъ де-Персиньи, который и взялся привести заговоръ въ исполненіе: онъ надѣялся на чудеса отъ обаянія имени Наполеона. Одними изъ первыхъ примкнули къ заговору графъ Фредерикъ де-Брюкъ, и Рафаэль де-Грикуръ. Пѣхотный поручикъ виконтъ де-Керелль, принявшій также участіе въ заговорѣ, сумѣлъ добыть «орла», принадлежавшаго 7-му пѣхотному полку, который первымъ перешелъ къ Наполеону I, по его возвращеніи съ Эльбы: это должно было служить добрымъ предзнаменованіемъ. Особенно важнымъ приобрутеніемъ для заговорщиковъ было привлеченіе на ихъ сторону артиллерійскаго полковника Водрѣ, полкъ котораго стоялъ въ Страсбургѣ. Какъ видно изъ писемъ, приводимыхъ А. Матье, Водрѣ перешелъ на сторону претендента,

¹⁾ А. Mathiez, Le prince Louis-Napoléon à Strasbourg. Revue de Paris, 15 nov. 1899.

увлеченный ярою сторонницею Наполеона, молодою вдовою Элеонорою Гордонъ-Арше. Возстаніе рѣшено было начать въ Страсбургѣ, куда въ октябрѣ 1836 г. съѣхались всѣ заговорщики, съ претендентомъ во главѣ. 30(18) октября, въ пять часовъ утра, полковникъ Водре явился къ своему полку, находившемуся въ Аустерлицкой казармѣ въ Страсбургѣ. Онъ немедленно же велѣлъ заготовить оружіемъ и амуницией и роздалъ солдатамъ по шестидесяти франковъ на батарею. Солдаты съѣли на коней, и онъ сталъ во главѣ ихъ. Почти въ тотъ же моментъ во дворъ казармы явилась группа лицъ въ формѣ генераловъ и офицеровъ генеральнаго штаба. Впереди шелъ Людовикъ Наполеонъ въ костюмѣ, напоминавшемъ Наполеона I, въ плащѣ и исторической треуголкѣ. Возлѣ него несли императорскаго орла. Полковникъ Водре вышелъ къ нему навстрѣчу, представилъ его войскамъ и сказалъ: «Солдаты 4-го артиллерійскаго полка! Во Франціи произошла великая революція. Племянникъ императора сталъ вашимъ вождемъ. Онъ вернулся на почву Франціи, чтобъ вернуть отечеству его славу и свободу. Солдаты 4-го артиллерійскаго полка, кричите: Да здравствуетъ императоръ!» Солдаты съ восторгомъ прокричали отвѣтъ императору. Тогда новый императоръ произнесъ краткую рѣчь, въ которой говорилъ о необходимости сбросить «гнусное ярмо посредственности». Онъ обѣщаль на слѣдующій день всѣхъ унтеръ-офицеровъ произвести въ офицеры, а офицеровъ повысить чиномъ. Крики «Vive Napoleon! Vive l'Empereur!» послѣ этой рѣчи участились. Императорскій орелъ былъ переданъ охранѣ солдатъ, самъ принцъ принялъ полкъ подъ свое начальство, а четыре отряда артиллеристовъ далъ своимъ помощникамъ, поручивъ имъ завладѣть общественными зданіями. Персиньи, стоявшій во главѣ перваго отряда, захватилъ въ постели городского префекта Шопень д'Арнувиля и отвелъ его въ артиллерійскую тюрьму. Второй отрядъ, подъ начальствомъ поручика Шаллера, помѣстился передъ домомъ полковника 3-го артиллерійскаго полка и никого не впускалъ въ домъ и не выпускалъ изъ него. Третій отрядъ захватилъ выходы изъ дома генерала Лаланда, начальника Нижнерейнскаго департамента. Четвертый отрядъ, подъ начальствомъ военнаго врача Ломбара, занялъ типографію нѣкоего Зильберманна и распорядился здѣсь напечатать три прокламаціи: къ эльзасцамъ, къ Франціи и къ солдатамъ. Въ первой говорилось, что эльзасцамъ, особенно угнетаемымъ Людовикомъ-Филиппомъ, принадлежитъ честь быть первыми виновниками сверженія власти, рабски слѣдовавшей священному союзу. Вторая прокламація извѣщала Фринцію, что низвергается правительство, не имѣвшее законныхъ правъ на существованіе, и восстанавливается свобода, подъ защитою императорскаго орла. Въ воззваніи къ солдатамъ, подписанномъ Napoléon, претендентъ пригласилъ «изгнать варваровъ изъ Капитолія». Въ то время какъ Ломбаръ печаталъ эти прокламаціи и какъ другой заговорщикъ распоряжался уже въ управленіи почты, поручикъ Лэти явился въ казарму понтонной команды, велѣлъ трубить сборъ батальона, обратился съ рѣчью къ солдатамъ, сообщилъ имъ про восшествіе на престолъ Наполеона II (sic), указалъ на примѣръ артиллеристовъ и привелъ къ тому, что всѣ шесть ротъ выступили къ Финкматтской казармѣ, гдѣ находился 46-ой линейный полкъ. Лэти предполагалъ, что пѣхотинцы уже успѣли примкнуть къ претенденту. Онъ находился еще въ пути,

какъ пронесся слухъ, что попытка потерѣла неудачу. Четыре изъ его ротъ немедленно же оставили его, двѣ послѣднія поступили такъ же, и вскорѣ ему не оставалось ничего, какъ обратиться въ бѣгство. Объясняется такая быстрая перемена слѣдующими обстоятельствами. Людовикъ-Наполеонъ, въ сопровожденіи своего генеральнаго штаба и 4-го артиллерійскаго полка, предшествуемый полковою музыкою, выступилъ изъ Аустерлицкой казармы. Было около шести часовъ утра, большая часть ставень была еще закрыта, и рѣдкіе рабочіе, шедшіе на работу, не обратили никакого вниманія на шествіе отряда. Передъ штабною квартирою полкъ остановился. Солдаты, стоявшіе на посту, быстро приняли сторону претендента и закричали: «Vive l'Empereur!» Претендентъ и полковникъ Водре поднялись въ квартиру генераль-лейтенанта Вуароля, разбуженнаго шумомъ... «Идите, генераль, я васъ обниму. Признайте во мнѣ Наполеона II-го»,—съ этими словами обратился претендентъ къ Вуаролю. Однако всѣ увѣщанія были бесполезны. Генераль оказался неуступчивымъ. Его оставили подъ охраною майора Перкэна. Отрядъ снова двинулся въ путь и вскорѣ подошелъ къ Финкматтской казармѣ, расположенной вдоль крѣпостнаго вала. Моментъ былъ рѣшительный. Если бы 46-ой линейный полкъ примкнулъ къ артиллеристамъ,—заговоръ могъ удался. На валахъ уже появился народъ, кричавшій: «Vive Napoléon!» Авангардъ отряда безъ затрудненій вошелъ во дворъ казармы. Крики и барабанный бой заставили солдатъ собраться и стать во дворѣ лицомъ къ лицу съ артиллеристами. Многіе изъ пѣхотинцевъ повторяли уже крики: «Vive l'Empereur!», какъ вдругъ произошелъ случай, въ сущности пустяшный, однако погубившій все дѣло. Замѣтивъ стараго сержанта Делабарра, съ грудью, обвѣшанной знаками отличія, принцъ подошелъ къ нему, привѣтствовалъ его и, ударивъ по плечу, сказалъ: «Вы доблестный старый служака!» «Я прослужилъ,—отвѣчалъ сержантъ,—двадцать пять лѣтъ и всегда служилъ честно». — «Вы служили моему отцу: я сынъ императора». Это неловкое обращеніе вызвало недовѣріе со стороны сержанта. Онъ замѣтилъ, что сынъ императора умеръ. Претендентъ тщетно сталъ поправляться и заявлять, что онъ только племянникъ императора. Въ необразованной массѣ солдатъ зародилось сомнѣніе. Стали раздаваться крики: «Товарищи! насъ обманываютъ; тотъ, кто выдаетъ себя за сына императора, на самомъ дѣлѣ лишь переодѣтая кукла!» Многіе прибавляли еще свою догадку: «Это племянникъ полковника Водре». Прибѣжали офицеры 46-го линейнаго батальона. Изъ нихъ особую лояльность выказалъ поручикъ Пленье. Онъ приказалъ своимъ людямъ арестовать заговорщиковъ и первый показалъ примѣръ, бросившись къ группѣ, гдѣ находился претендентъ. Полковникъ Водре велѣлъ его схватить, но солдаты 46-го линейнаго прибѣжали къ нему на помощь и освободили его. Моментъ былъ критическій. Артиллеристы выхватили сабли, и могло начаться кровопролитіе. Напрасно Керель показывалъ пѣхотинцамъ на императорскаго орла и кричалъ: «Вотъ наша родина и вотъ нашъ спаситель!» Пѣхоту нельзя было сдвинуть съ мѣста, и настроеніе ея становилось все болѣе и болѣе враждебное. Прибытіе полковника Тальандрье положило конецъ колебаніямъ. Увлеченные его словами солдаты 46-го линейнаго бросились на артиллеристовъ. Началась общая свалка. Народъ на стѣнахъ поощрялъ артиллеристовъ и бросалъ ка-

мнями въ пѣхотинцевъ. Однако, достаточно было нѣсколькихъ выстрѣловъ въ воздухъ, чтобы разогнать народъ. Претендентъ и его свита скоро были приперты къ стѣнѣ въ одномъ изъ угловъ двора. Артиллеристы требовали боя, и эскадроны, прибывшіе снаружи, готовились къ атакѣ. Но принцъ не захотѣлъ дольше сопротивляться: онъ сдался вмѣстѣ со всѣми своими сотоварищами. Онъ узналъ отъ Пакье, что генераль Вуароль, освобожденный своими офицерами, спѣшилъ къ Финкматтской казармѣ во главѣ 16-го линейнаго полка, при крикахъ: «Да здравствуетъ король». Такъ кончилась попытка Людовика-Наполеона, послѣдствія которой были не особенно тяжки для заговорщиковъ. Самъ претендентъ былъ отвезенъ въ Парижъ, гдѣ полицейскій префектъ Делессеръ сообщилъ ему, что король согласенъ помиловать его съ тѣмъ, однако, чтобы онъ на фрегатѣ «Andromède» отправился въ Америку. На путевые расходы ему дали нѣкоторую сумму денегъ. Помощниковъ его судили, но, въ виду состоявшагося уже освобожденія главнаго виновника, они всѣ были оправданы. На другой день по объявленіи этого приговора, либералы Страсбурга устроили великолѣпный банкетъ въ честь оправданныхъ.

— Тюильерійскій дворецъ въ 1848 году. Жоржъ Адольфъ Сторей рассказываетъ въ своихъ недавно изданныхъ воспоминаніяхъ о томъ, какъ онъ на другой день послѣ взрыва революціи 1848 года посѣтилъ Тюильерійскій дворецъ ¹⁾. «Зрѣлище, представившееся мнѣ, говоритъ онъ, было одно изъ самыхъ странныхъ, какія я когда либо видѣлъ: оно осталось въ моей памяти, несмотря на 50 лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ. Великолѣпныя комнаты дворца были полны разнаго сброда такого отчаяннаго вида, какой только можно гдѣ либо встрѣтить. Всѣ они казались или пьяными или сумасшедшими. Они, казалось, упивались разрушеніемъ; они гоготали отъ радости, разбивая и разрывая все, что ни встрѣчалось на пути. Едва ли сохранилась картина, которая не была бы изрѣзана въ куски, или украшеніе, будь оно какой угодно цѣны, которое не было бы сбито и превращено въ дребезги. Когда я проходилъ по одной изъ большихъ залъ, изумленно поглядывая вокругъ себя, вдругъ маленькій человекъ съ саблей столь же длинною, какъ онъ самъ, остановился передъ великолѣпнымъ зеркаломъ, шедшимъ съ полу до потолка. Онъ посмотрѣлъ на него съ мгновеніе, и затѣмъ бросился, съ занесенною саблею впередъ, точно собирался штурмовать городъ, и однимъ взмахомъ своего оружія разбилъ зеркало въ дребезги. Въ то время какъ осколки падали на полъ, онъ съ величественнымъ видомъ произнесъ: «Вотъ!» и побѣждалъ далѣе продолжать дѣло разрушенія. Мы переходили изъ залы въ залъ, и вездѣ видѣли тотъ же свирѣпый духъ разрушенія. Въ окнахъ не сохранилось ни одного стекла. Прекрасную мебель съ богатыми вышивками и позолотою выбрасывали во дворъ, чтобы тамъ сжечь ее въ видѣ фейерверка. Когда мы пришли въ спальни, то увидѣли тамъ какихъ-то бородачей, одѣтыхъ въ кружевные чепцы и дамскіе капоты. Нѣкоторые изъ нихъ валялись въ кроватяхъ, крича и смѣясь, и выдѣлывая разныя грубыя шутки. Другіе, завернувшись въ одѣяла, гуляли по комнатамъ. Иные, разбивъ двери часовни, завладѣли ра-

¹⁾ G. A. Storey, «Sketches from memory», 1899.

скошными одеждами священниковъ и танцовали въ этомъ костюмѣ канканъ. Коротко говоря, не было такого неистовства, которое бы они не продѣляли въ своемъ бѣшенствѣ. Письменные столы дамъ были взломаны такъ же, какъ и ихъ гардеробы, и насмѣшливые голоса читали, среди громкихъ взрывовъ смѣха, ихъ любовную переписку и другія конфиденціальныя бумаги.

— Борьба за итальянскую свободу. Хотя много появилось въ послѣдніе годы книгъ и воспоминаній современниковъ о томъ, какъ Италія достигла своего единства, но представляются нелишними обширная монографія Болтона Кинга ¹⁾ объ этомъ крупномъ историческомъ фактѣ нашего времени и напечатанный въ «Temple Bar» биографическій очеркъ одного изъ патриотическихъ дѣятелей той эпохи Сигизмунда Кастромедіано, герцога Морчіано²⁾. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по словамъ Кинга, не было замѣтно никакихъ слѣдовъ въ Италіи патриотическихъ стремленій къ единству, что вполнѣ объясняется вѣковой разрозненностью этой страны, гдѣ рядомъ существовали самыя враждебныя и разнообразныя формы правленія: монархія, олигархія и демократическія республики. Правда, реакціонной политикѣ Меттерниха, которой подчинены были не только австрійскія владѣнія въ Италіи и всѣ самостоятельныя ея государства, удалось пробудить въ итальянцахъ духъ свободы, но долго одиночныя, революціонныя вспышки заливались кровью, и даже патриотическое движеніе, создавшее въ 1848 году цѣлый рядъ итальянскихъ республикъ, было уничтожено торжествомъ политической реакціи во всей Европѣ. Только франко-австрійская война 1859 года придала борьбѣ итальянцевъ за свободу твердый, рѣшительный характеръ борьбы за единство всей Италіи. Одиннадцать лѣтъ продолжались патриотическія усилія итальянскихъ героевъ, и наконецъ вступленіе итальянскихъ войскъ въ Римъ въ 1870 году завершило великое дѣло объединенія Апеннинскаго полуострова, ради котораго было пролито столько крови, совершено столько подвиговъ и выказано столько мужественной доблести Викторомъ Эмануиломъ, Кавуромъ, Гарибальди, Мадзини и цѣлымъ сонмомъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, а также совершенно невѣдомыхъ итальянскихъ патриотовъ. Къ числу этихъ невѣдомыхъ патриотовъ принадлежали не только сыны народа, но и гордые аристократы, въ томъ числѣ Сигизмундо Кастромедіано, носившій титулы герцога Морчіано, маркиза Каболино и барона семи различныхъ баронствъ. Онъ умеръ маститымъ старикомъ въ 1895 году въ маленькой комнатѣ своего полуразвалившагося замка близъ Бриндизи. По словамъ его біографа, Чезареско, онъ не оставилъ послѣ себя наслѣдниковъ, и съ нимъ прекратился древній аристократическій итальянскій родъ, представитель котораго сражался рядомъ съ Манфредомъ при Беневенто. На гробѣ этой жертвы неаполитанскаго короля Бомбы было положено то, что онъ самъ называлъ своими орденами: красная куртка, носимая неаполитанскими каторжниками, и цѣпь, которою онъ былъ прикованъ къ стѣнѣ тюрьмы, гдѣ Кастромедіано провелъ одиннадцать лѣтъ. Пламенный патриотъ

¹⁾ The history of Italian Unity. By Bolton King. 2 vol. London. 1899.

²⁾ Sigismondo Castromediano, by Martinetto Chesaresco. Temple Bars Magazine. Sept. 1899.

былъ заточенъ въ Монтефуско, гдѣ содержался въ темномъ поземельѣ, съ мокрыми отъ сырости стѣнами и безконечнымъ количествомъ мышей, крысъ и всякаго рода вредныхъ насѣкомыхъ. Онъ терпѣливо сносилъ всѣ ужасы своего положенія и боялся только одного, чтобы король Бомба его не помиловалъ и тѣмъ не опозорилъ его добраго имени. Многие изъ товарищей не могли вынести своей ужасной доли и не только приняли помилованіе, но даже ходатайствовали о немъ. Гордый, мужественный Кастромедіано все претерпѣлъ, и когда паденіе Неаполитанскаго королевства его освободило, то на вопросъ Гарибальди, какъ звали тѣхъ судей, которые приговорили его къ тюремному заключенію, онъ просто лаконически отвѣчалъ: «Забылъ». Воскреснувъ къ жизни, онъ не воспользовался новымъ положеніемъ дѣлъ, не просилъ никакихъ милостей, не принялъ ни малѣйшей должности и тридцать семь лѣтъ спокойно, гордо жилъ въ своемъ полуразвалившемся замкѣ, почти безъ всякихъ финансовыхъ средствъ. Единственнымъ занятіемъ его было писать воспоминанія о своей тюремной жизни, такъ какъ онъ далъ слово тѣмъ изъ его товарищей, которые погибли въ подземельяхъ Монтефуско, что онъ въ случаѣ своего освобожденія повѣдаетъ міру всѣ ихъ страданія. Онъ сдержалъ свое слово, но, несмотря на всѣ просьбы такихъ выдающихся людей, какъ, напримѣръ, Гладстонъ, упоминавшій о немъ въ своихъ знаменитыхъ письмахъ съ лорду Абердину о звѣрствахъ короля Бомбы, онъ не могъ напечатать ихъ, потому что самъ не имѣлъ на это средствъ, а не хотѣлъ издать ихъ на чужой счетъ. Впрочемъ сосѣдній съ его замкомъ городъ Лечче добился наконецъ позволенія гордаго аристократа выпустить въ свѣтъ эти драгоценные мемуары, и онъ передъ смертью имѣлъ удовольствіе прочитать корректуру ихъ перваго тома. Итальянскій авторъ статьи англійскаго журнала пользовался этими мемуарами, и по его свидѣтельству они достойны занять мѣсто рядомъ съ знаменитой книжкой Сильвіо Пеллико.

— Мученичество императрицы. Подъ этимъ заглавіемъ вышла недавно въ Лондонѣ ¹⁾ книга объ императрицѣ Елисаветѣ, которая годъ тому назадъ окончила трагическимъ образомъ свою несчастную жизнь. Хотя ея авторъ и скрылъ свое имя, но книга посвящена памяти императрицы, и изъ собственныхъ словъ автора видно, что это — высокопоставленная женщина, близко знавшая императрицу и ея дѣтей, такъ что она называетъ принца Рудольфа его дѣтскимъ прозвищемъ Рудди. Но, несмотря на близость авторши къ австрійскому двору, она далеко не отличается придворной, дипломатической деликатностью и ея книга хотя представляется хвалебной апологіей императрицы, но вмѣстѣ съ тѣмъ переполнена скандальными сплетнями, ходившими за послѣдніе годы въ Вѣнѣ объ императорѣ Францѣ-Иосифѣ, его матери, женѣ наслѣднаго принца Рудольфа, принцессѣ Стефани, графинѣ Лариншъ, игравшей значительную роль въ Меерлингской трагедіи и т. д. Такимъ образомъ, писана ли эта книга анонимной, высокопоставленной особой австрійскаго двора, или она мистификація, составленная литературнымъ эксплуататоромъ, но она не внушаетъ большого довѣрія и не можетъ

¹⁾ The Martyrdom of an Empress. London. 1899.

служить надежнымъ матеріаломъ для характеристики несчастной женщины, которой она посвящена. Поэтому неудивительно, что англійская критика встрѣтила ее неодобрительно, и между прочимъ Стэдъ въ посвященной ей статьѣ, въ «Review of Reviews», не только называетъ это сочиненіе «оханкой сплетень», но заявляетъ, что въ Вѣнѣ смѣются надъ англичанами, придающими ей значеніе, а австрійское посольство въ Лондонѣ приняло мѣры, чтобы убѣдить содержателей двухъ обширныхъ библиотекъ не включать въ число своихъ книгъ такое скандальное произведеніе. Если послѣднее свѣдѣніе, сообщаемое Стэдомъ, справедливо, то, конечно, подобныя мѣры только усилили успѣхъ книги, бьющей на скандалъ. Во всякомъ случаѣ, она надѣлала много шума и послужила поводомъ къ цѣлому ряду статей объ императрицѣ Елисаветѣ, изъ которыхъ можно указать на двѣ: на статью Стэда и на критическій очеркъ французской публицистки, скрывающейся подъ псевдонимомъ Арведъ Баринъ въ «Journal des Debats»¹⁾. Англійскій критикъ старается доказать, что хотя жизнь императрицы Елисаветы была несчастна, но ее нельзя назвать мученицей, такъ какъ она сама много виновата въ своихъ несчастіяхъ. По его словамъ, она была просто психопаткой, такъ какъ въ Виттельсбахскомъ Баварскомъ домѣ, къ которому она принадлежала, расстройство умственныхъ способностей обычная черта. Свой взглядъ онъ подтверждаетъ тѣмъ, что она была слишкомъ идеальна и эгоистична. Вся ея жизнь, по его мнѣнію, состояла въ томъ, что она вышла замужъ ребенкомъ съ идеальными, поэтическими, розовыми взглядами, и при первомъ столкновеніи съ мрачной прозой жизни, именно съ измѣной мужа, она бросила его и свои обязанности къ дѣтямъ и къ государству, во главѣ котораго она стояла, предалась меланхолии и старалась утѣшить себя безконечными путешествіями, постройкой роскошнаго дворца на островѣ Корфу, охотами въ различныхъ странахъ, постановкой памятника Гейне и филологическихъ занятіями. При этомъ Стэдъ ехидно замѣчаетъ, «что народы, подвластные Габсбургской имперіи, ни въ чемъ не были виноваты передъ австрійской императрицей, а имъ пришлось платить за разбитые горшки». Конечно, послѣднее заключеніе не лишено остроумія и справедливости, но нельзя не прибавить, что тѣ же народы одинаково платили и за веселую жизнь Франца-Иосифа, безъ которой не пришлось бы имъ платить и за путешествія его оскорбленной жены. Такимъ образомъ, даже въ этомъ отношеніи вина падаетъ не на нее. Одинаково нельзя признать ее и виновной въ томъ, что она дѣйствительно представляется ненормальной натурой. Трудно себѣ представить человеческое существо, которое было бы окружено такой безконечной цѣпью несчастій, какъ императрица Елисавета. Поэтически, идеально настроенная, она выросла на лонѣ природы среди сельской обстановки, хотя и принадлежала къ королевской семьѣ; потомъ она, неожиданно, еще ребенкомъ, выходитъ замужъ за чловѣка гораздо старше ея и попадаетъ въ омутъ шумной, развратной жизни австрійской столицы и Габсбургскаго двора; наконецъ измѣнами ея мужа

¹⁾ L'impératrice d'Autriche d'après une biographie récente, par Arvede Barine. Journal des Debats. 8 novembre 1899.

начинается длинный рядъ мрачныхъ катастрофъ, окружающихъ ее со всѣхъ сторонъ. Ея сынъ, наслѣдный принцъ Рудольфъ, убилъ себя или убитъ въ Меерлингѣ; ея сестра, герцогиня Алансонская, сгорѣла на благотворительномъ базарѣ въ Парижѣ; ея двоюродный братъ, баварскій король Людовикъ II, утонулъ сумасшедшимъ въ озерѣ Старнбергѣ; ея шуринъ, графъ Трани, застрѣлился въ Цюрихѣ, ея племянница эрцъ-герцогиня Матильда погибла на пожарѣ; братъ ея мужа, мексиканскій императоръ Максимилианъ, растрѣлявъ въ Кверетаро, а его жена сошла съ ума; эрцъ-герцогъ Иоаннъ пропалъ безъ вѣсти; эрцъ-герцогъ Вильгельмъ убитъ при паденіи съ лошади; наконецъ, эрцъ-герцогъ Владиславъ убитъ на охотѣ. Все это не могло не дѣйствовать на ея впечатлительную, утонченную натуру, отравленную кровью Вительсбаховъ, а потому болѣе чѣмъ странно упрекать ее въ психопатствѣ. Болѣе права французская публицистика, которая объясняетъ несчастную судьбу Елисаветы ея воспитаніемъ, не внушавшимъ ей никакого практическаго взгляда на жизнь, и винить во всемъ мать Елисаветы, которая хватилась учить ее свѣтскому уму-разуму и необходимости «быть эластичной», когда уже было поздно. Также не далеко отъ истины, хотя въ оригинальной формѣ, французскій критикъ Баресъ, говоря въ предисловіи къ переводу воспоминаній объ Елисаветѣ д-ра Христоманоса, о которыхъ уже было говорено въ «Историческомъ Вѣстникѣ»¹⁾: «Нельзя не подмѣтить въ печальной меланхоліи баварской принцессы, въ ея отвращеніи ко всему на свѣтѣ, въ смѣломъ отрицаніи практической живни, въ идеальныхъ, эстетическихъ стремленіяхъ и вѣчной мысли о смерти что-то, напоминающее мечтательную созерцательность восточныхъ мистиковъ». Насколько императрица Елисавета была не отъ міра сего, доказывается всего лучше ея смертью. Когда ее поразилъ ударъ кивжала, то она ничего не почувствовала, прошла еще нѣсколько шаговъ, взошла на пароходъ и уже падая спросила: «Что такое?» Она умерла, не сознавая приближенія смерти, о которой постоянно думала. Въ самомъ ея убійствѣ нельзя не видѣть той ироніи судьбы, которая постоянно ее преслѣдовала. Лукени хотѣлъ поразить императрицу, а поразилъ женщину, которая была всѣмъ, чѣмъ угодно, только не императрицей. Желая отомстить ей за то, въ чемъ она не была повинна, Лукени въ сущности освободилъ ее отъ оболочки, давно тяготившей ея душу. Въ отношеніи къ ея убійцѣ эта катастрофа дышитъ такой же ироніей судьбы. Онъ совершилъ свое преступленіе хладнокровно и на судъ имъ кичился, но теперь, по словамъ американскаго консула въ Женевѣ, Риджлея, недавно посѣтившаго Лукени въ его тюрьмѣ²⁾, онъ раскаялся въ своемъ убійствѣ и, подавленный одиночнымъ заключеніемъ, поетъ со слезами на глазахъ церковные гимны.

— Правда о жизни и смерти принца Рудольфа Габсбургскаго. По поводу предстоящей свадьбы вдовы австрійскаго наслѣднаго принца Рудольфа,

¹⁾ Elisabeth de Bavière, impératrice d'Autriche; par le docteur Christomanos, avec préface de M. Barres. Paris. 1899.

²⁾ Lucheni, the assassin of the Empress, by B. Ridgley. Strand Magazin.—September.

принцессы Стефаніи, съ графомъ Лонэй снова общее вниманіе сосредоточено на ужасной трагедіи, разыгравшейся десять лѣтъ тому назадъ въ Меерлингѣ и оставшейся до сихъ поръ не разгаданной тайной. Принцесса Одескалки, урожденная княжна Зичи, помѣстила теперь въ «*Revue des Revues*» ¹⁾, по ея словамъ, правдивый разсказъ о томъ, что совершилось въ этомъ уединенномъ охотничьемъ домикѣ. Она не указываетъ на источникъ своего разсказа, но говорить только, что пора поднять завѣсу съ печальной драмы, эпилогъ которой извѣстенъ лишь нѣсколькимъ лицамъ изъ интимнаго кружка эрцъ-герцога. Такимъ образомъ она одна является ответственной за сенсационныя и скандальныя подробности о жизни и смерти принца Рудольфа, которыя впервые появляются въ печати. По словамъ принцессы Одескалки, Рудольфъ былъ самый очаровательный изъ людей, но въ то же время самый несчастный. Хорошо воспитанный и прекрасно учившійся въ юности, онъ отличался среди всѣхъ членовъ своей семьи полнымъ отсутствіемъ Габсбургской гордости, либеральными идеями и склонностью къ литераторамъ и ученымъ болѣе, чѣмъ къ родовитымъ аристократамъ. По примѣру отца, онъ былъ яркимъ охотникомъ, но любилъ охотиться главнымъ образомъ за орлами въ Альпахъ, переноса всякаго рода опасности. До восемнадцати лѣтъ онъ сохранилъ полную сердечную невинность, но съ этого времени предался самой буйной веселой жизни подъ руководствомъ своего гофмейстера, графа Бомбеля, человѣка легкомысленнаго и преданнаго удовольствіямъ. Своей красотѣ и положенію онъ былъ обязанъ многочисленными побѣдами надъ женскими сердцами во всѣхъ слояхъ вѣнскаго общества. Сначала отецъ смотрѣлъ на все это сквозь пальцы, но потомъ рѣшилъ сына женить тѣмъ болѣе, что распутная жизнь подтачивала слабое здоровье принца. Однако всѣ представляемыя невѣсты не нравились Рудольфу, но наконецъ, видя необходимость сдѣлать выборъ, онъ остановился на семнадцатилѣтней принцессѣ Стефаніи Бельгійской, которая ему менѣе не нравилась, чѣмъ другія. Въ это время онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ красивой брюнеткой г-жей Ф., и, отправляясь сдѣлать предложеніе невѣстѣ, Рудольфъ захватилъ ее съ собою въ Брюссель, гдѣ оставилъ ее въ своемъ вагонѣ, во время пребыванія во дворцѣ. Никто не зналъ объ этомъ скандалѣ, и онъ такъ бы и остался тайной, если бы невѣста не упростила мать поѣхать съ нею на желѣзнодорожный вокзалъ, гдѣ къ ужасу увидѣла черезъ зеркальныя стекла вагона своего жениха, чуть не въ объятіяхъ красивой женщины. Узнавъ объ этомъ, бельгійскій король, любившій свою дочь и не отличавшійся честолюбіемъ, хотѣлъ разстроить свадьбу, но императоръ этому воспротивился, и послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ ему удалось устранить всѣ преграды. Принцесса Стефанія была обвинена со своимъ, по выраженію Одескалки, «неосторожнымъ женихомъ», и въ первые мѣсяцы все обстояло благополучно, но потомъ даже передъ рожденіемъ перваго ребенка онъ вернулся къ своей веселой жизни. Принцесса Стефанія, побуждаемая ревностью, стала не только осыпать его упреками, но и устраивала ему скандальныя исторіи. На

¹⁾ La vérité sur la vie et la mort du prince Rodolphe de Habsbourg, par la princesse Odeschalchi. «*Revue des Revues*», 5 octobre 1899.

примѣръ, узнавъ отъ своей сестры, принцессы Кобургской, гдѣ долженъ былъ провести ночь ея невѣрный мужъ, она отправлялась туда въ придворной каретѣ, приказавъ кучеру ждать принца, а сама возвращалась домой въ скромномъ экипажѣ мужа. Вокругъ придворной кареты собиралась толпа, которая дежурила всю ночь въ ожиданіи принца. Эти семейныя непріятности побудили принца искать утѣшенія въ крѣпкихъ напиткахъ. Къ его несчастью, около этого времени онъ познакомился съ молодой красавицей, наполнявшей всю Вѣну своей славой, баронессой Маріей Вечера. Она была дочерью ловкой интриганки, которая въ свое время блистала въ вѣнскомъ обществѣ и одерживала безконечныя побѣды, даже среди Габсбурговъ. Семнадцатилѣтняя Марія, обладая замѣчательной красотой, наслѣдовала отъ матери талантъ къ интригѣ и рѣшила поженить на себѣ принца Рудольфа. Съ помощью своей пріятельницы, графини Ларишъ, племянницы императрицы Елисаветы и друга дѣтства Рудольфа, которому она помогала въ его любовныхъ похожденияхъ, Вечера устроила въ фантастической обстановкѣ первое свое свиданіе съ принцемъ. На балу въ своемъ домѣ графиня Ларишъ отвела Рудольфа въ отдаленную комнату, украшенную цвѣтами и освѣщенную нѣжнымъ розовымъ свѣтомъ, гдѣ подъ роскошной пальмой молча сидѣла чудная красавица. По словамъ принцессы Одескальки, Рудольфъ былъ такъ пораженъ красотой Маріи, что молча открылъ свои объятія, и она бросилась въ нихъ. Они немедленно и тайнымъ образомъ уѣхали съ бала въ домъ баронессы Вечера, гдѣ Рудольфъ остался до утра. Онъ такъ влюбился въ эту красавицу, что забылъ все на свѣтѣ, и семью и ожидавшій его престолъ, и цѣлыя сутки проводилъ съ Маріей въ своемъ Мерлингскомъ «охотничьемъ домикѣ» близъ Вѣны. Ни укору отца, ни мольбы матери не могли убѣдить его перемѣнить свою жизнь. Повидимому, Марія любила его страстно и вполне искренно, но ея мать воспользовалась случаемъ, чтобы поправить свои дѣла, и объявила Рудольфу, что уѣдетъ изъ Вѣны со своей дочерью, которая уже находилась въ интересномъ положеніи, если онъ не разведется съ принцессой Стефаніей и не женится на ней. Въ отчаяніи принцъ бросился къ отцу, съ которымъ онъ уже давно не видался, и объявилъ ему, что твердо рѣшился отказаться отъ престола, развестись съ женою и жениться на женщинѣ, безъ которой онъ не могъ жить. Императоръ пришелъ въ ярость и заявилъ сыну, что этому никогда не бывать. Тогда Рудольфъ написалъ слезное письмо къ папѣ, прося разрѣшить ему разводъ и тѣмъ дать возможность жениться на любимой женщинѣ. Но это письмо не тронуло папы, и онъ отвѣчалъ не молодому принцу, а его отцу, указывая послѣднему на необходимость вернуть сына на христіанскій путь. Императоръ очень встревожился воззваніемъ папы, но, прежде чѣмъ объясниться съ Рудольфомъ, посоветовался съ придворнымъ докторомъ, который сообщилъ ему, что здоровье принца совершенно разстроено, и онъ вскорѣ умретъ, если будетъ предаваться попрежнему крайнимъ излишествахъ. Подъ вліяніемъ религіозныхъ идей, возбужденныхъ папой, и опасеніемъ за жизнь сына, Францъ-Іосифъ призвалъ Рудольфа, со слезами на глазахъ бросился на шею къ сыну и умолялъ его пожалѣть отца, мать и всю страну, которые видѣли въ немъ свою единственную надежду. Рудольфъ не ожидалъ такой сцены и, тронутый нѣжной любовью отца, забылъ на

время Марію. Онъ поклялся, что никогда болѣе не увидитъ Вечеры и помнитъся съ женою. Обрадованный отецъ взялъ съ него слово, что онъ въ этотъ день будетъ обѣдать дома средп своей семьи. Между тѣмъ и Вечера поклялась передъ своимъ другомъ графиней Ларишъ, въ виду безпокойства, замѣченнаго ею въ принцѣ и его охлажденія къ ней, что если онъ броситъ ее, то она жестоко отомститъ ему, лишивъ его возможности обладать другою женщиною. Этотъ разговоръ происходилъ наканунѣ сцены между отцемъ и сыномъ, и графиня Ларишъ, которая искренно любила своего двоюроднаго брата, написала тотчасъ ему не оставаться болѣе съ Маріей Вечера наединѣ, если онъ намѣренъ порвать свою связь съ нею, такъ какъ она была въ состояніи отомстить ему самымъ ужаснымъ образомъ. Вернувшись отъ отца, Рудольфъ былъ такъ разстроенъ, что приказалъ никого не пускать къ себѣ, но Вечера насильно вошла въ его комнату и, бросившись передъ нимъ на колѣни, умоляла его сказать ей всю правду, такъ какъ она видѣла по его разстроенному лицу, что имъ грозилъ большое горе. Среди слезъ и пламенныхъ поцѣлуевъ онъ высказалъ ей, что имъ необходимо разстаться. Она приняла это извѣстіе спокойно и, по видимому, покорилась неизбежной судьбѣ, но потребовала, чтобы Рудольфъ простился съ нею въ Меерлингъ, обѣщая затѣмъ скрыться навсегда. Разстроенный нравственно и физически, Рудольфъ забылъ клятву, данную отцу, и предостереженіе графини Ларишъ; онъ согласился на просьбу любимой женщины и сказалъ, чтобы она тотчасъ ѣхала въ Меерлинга, обѣщая послѣдовать за нею, но предупредилъ, что онъ не можетъ долго оставаться, такъ какъ долженъ обѣдать у отца. 29 января 1889 г., въ 2 часа дня, принцъ Рудольфъ выѣхалъ изъ Вѣны въ маленькихъ санкахъ и по дорогѣ встрѣтилъ своего зятя, принца Кобургскаго, который, получивъ извѣстіе о семейномъ обѣдѣ, торопился въ Вѣну изъ Меерлинга, гдѣ онъ утромъ охотился. Узнавъ, въ чемъ дѣло, принцъ Кобургскій умолялъ Рудольфа вернуться во дворецъ, увѣряя, что онъ иначе не поспѣетъ къ обѣду. Рудольфъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, но, недалеко отѣхавъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что принцъ Кобургскій правъ, и, вспомнивъ о любви къ нему отца, приказалъ кучеру вернуться. Однако послѣдній не успѣлъ исполнить этого приказа, какъ Рудольфа догнала Вечера, которая, не дождавшись принца въ Меерлингѣ, поскакала къ нему на встрѣчу. При видѣ ея Рудольфъ забылъ обо всемъ и отправился съ нею въ Меерлингъ. Они прибыли туда, когда уже стемнѣло. Марія прошла незамѣтно въ свою комнату, такъ что никто не зналъ въ охотничьемъ домикѣ объ ея возвращеніи, а Рудольфъ появился на минуту въ столовую, гдѣ весело обѣдали его друзья послѣ охоты, и заявивъ, что у него болитъ голова, потребовалъ обѣдъ въ свои покои. «Ничто не нарушило послѣдняго прощанія принца Рудольфа съ Маріей Вечера, — рассказываетъ Одескалки: — наконецъ утомленный всѣми событіями этого дня, а, быть можетъ, подъ вліяніемъ крѣпкихъ напитковъ, которыхъ Вечера заставила его выпить болѣе обыкновеннаго, онъ заснулъ тяжелымъ сномъ... Его разбудила самая отвратительная месть, которую только можетъ придумать женщина. Увидавъ, что его жизнь на вѣки погублена, онъ схватилъ револьверъ и убилъ ту, которая нанесла ему позорное униженіе, а затѣмъ покончилъ и съ собою. Преступленіе и двойная смерть не обратили на себя ничего

вниманія въ охотничьемъ домикѣ». На другое утро одинъ изъ ближайшихъ друзей принца, графъ Гойосъ, видя, что Рудольфъ долго не выходитъ изъ своей комнаты, постучалъ въ дверь и, не получивъ отвѣта, вошелъ въ комнату. Его глазамъ представилось ужасное зрѣлище: на кровати лежала Марія, спокойная и прекрасная въ смерти. Рядомъ съ нею виднѣлся принцъ Рудольфъ съ искаженнымъ лицомъ и съ большой раной на головѣ, изъ которой обильно текла кровь. На полу валялся револьверъ, который объяснялъ происшедшую катастрофу. Повторяемъ, что отвѣтственность за этотъ рассказъ лежитъ вполнѣ на ея авторѣ, принцессѣ Одескальки.

— Карлисты и Донъ-Карлосъ. Слухи и толки о предстоящемъ возстаніи въ Испаніи карлистовъ съ Дономъ-Карлосомъ во главѣ побудили графа Ремакля напечатать въ первой ноябрьской книжкѣ «Revue des deux mondes» свои воспоминанія о дѣйствіяхъ карлистовъ въ 1872—1876 годахъ ¹⁾. Авторъ этихъ воспоминаній былъ въ то время подирефектомъ въ Байонѣ, а затѣмъ префектомъ въ Нижне-Пиринейскомъ департаментѣ, а потому естественно онъ всего болѣе рассказываетъ о томъ, что самъ видѣлъ и слышалъ относительно дѣйствій карлистовъ на французской границѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рисуетъ и общую картину всего движенія карлистовъ, что, конечно, представляетъ наибольшій интересъ. Какъ извѣстно, въ Испаніи старинные законы дозволяли женщинамъ вступать на престолъ, и только Бурбоны принесли съ собою салическій законъ, исключаящій женщинъ изъ лицъ, имѣющихъ права на престолъ. Этотъ законъ сохранялъ свою силу въ продолженіе ста тридцати лѣтъ; лишь король Фердинандъ VII отмѣнилъ его въ 1830 году и возобновилъ старинное испанское законодательство, допускавшее женщинъ до престола. Поэтому послѣ его смерти въ 1833 году его единственная дочь Изабелла была провозглашена королевой. Но братъ Фердинанда VII, инфантъ Донъ-Карлосъ, отказался признать свою племянницу королевой и поднялъ оружіе въ защиту своихъ правъ на престолъ. Въ продолженіе шести лѣтъ онъ держался въ горахъ, но въ 1839 году былъ принужденъ бѣжать во Францію, а его сторонники, впервые носившіе названіе карлистовъ, разсѣялись. Теперешній Донъ-Карлосъ—внукъ перваго претендента, точно такъ же, какъ теперешній малолѣтній король—внукъ Изабеллы. По смерти Дона-Карлоса, называвшаго себя Карломъ V, его права перешли къ его сыну, графу Монтемолену, который подъ именемъ Карла VI произвелъ возстаніе, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ войсками королевы Изабеллы, которую онъ долженъ былъ признать, чтобы спасти свою жизнь и свободу. По примѣру отца онъ жилъ и умеръ въ Австріи. Такъ какъ онъ былъ бездѣтнымъ, а его братъ Донъ-Жуанъ, благодаря своей скандальной частной жизни, не могъ публично предъявить своихъ правъ, то когда въ 1868 году испанскій престолъ оказался вакантнымъ, въ виду изгнанія королевы Изабеллы, онъ уступилъ свои права старшему сыну, двадцатилѣтнему юношѣ, Донъ-Карлосу. Хотя этотъ новый претендентъ и обратился съ прокламаціей къ испанскому народу, увѣдомляя о своемъ

¹⁾ Les Carlistes, souvenir de la frontière, par M. le comte Remacle. Revue des deux mondes. 15 novembre 1890.

вступленіи на престоль подь именемъ Карла VII, но онъ, только четыре года спустя, перешелъ отъ словъ къ дѣйствіямъ. Въ этотъ промежутокъ времени испанскимъ королемъ сдѣлался Амедей Савойскій, братъ Виктора-Эмануила, и полагаясь на ненависть испанцевъ къ чужестранцамъ, карлисты возбудили возстаніе въ сѣверныхъ провинціяхъ въ апрѣлѣ 1872 года. Самъ Донъ-Карлосъ явился въ Наварру 2 мая и сталъ во главѣ своихъ приверженцевъ, но, спустя нѣсколько дней, главнокомандующій испанской арміи, генераль Моріонесъ, разбилъ его на голову при Оркіэто, и онъ былъ вынужденъ спастись во Францію, гдѣ, благодаря сочувствію легитимистовъ, которые видѣли въ немъ племянника графа Шамбора, онъ скрывался нѣсколько мѣсяцевъ въ окрестностяхъ Байоны и По. Какъ только, въ началѣ слѣдующаго года, король Амедей отказался отъ престола, и въ Испаніи была объявлена республика, Донъ-Карлосъ вернулся въ лагерь карлистовъ, которые подь начальствомъ Дорегарэ, Олло и Тристани удерживались до тѣхъ поръ въ горахъ. Онъ прямо направился со своими генералами Вольдеспиной и Лисарагвой на Эстелду, которую и взялъ. Это былъ самый блестящій періодъ карлистскаго движенія. Съ одной стороны карлисты заняли часть Каталоніи, Арагоніи и Валенсіи, а съ другой быстро овладѣли большею частью Навары и тремя провинціями, населенными басками. Эти послѣднія провинціи были главнымъ ядромъ возстанія. Ихъ жители были самыми преданными карлистами, потому что Донъ-Карлосъ въ своемъ манифестѣ отъ 16 іюля 1872 года обѣщалъ возвратить имъ ихъ древнія вольности, извѣстныя подь названіемъ fueros. Они ставили ему прекрасныхъ солдатъ и оказывали ему помощь деньгами и провіантомъ. Кромѣ того, армія карлистовъ увеличивалась перебѣжчиками изъ испанскаго войска, среди котораго было много монархистовъ и враговъ республики. Наконецъ въ виду своихъ правъ на наслѣдство герцога Моденскаго, Донъ-Карлосъ занялъ въ Англии нѣсколько милліоновъ, на что и купилъ витвортскія орудія, перевезенныя англичанами на занятый имъ берегъ Бискаи. Вообще дѣла Донъ-Карлоса шли такъ хорошо, что, по словамъ графа Ремакля, онъ могъ, если бы прямо пошелъ на Мадридъ, достигъ престола и, пожалуй, царствовать до сихъ поръ. Впослѣдствіи графу Ремаклю свидѣтельствовалъ объ этомъ первый министръ короля Альфонса и его малолѣтняго сына, Кановасъ-дель-Кастилло. «Я никогда не имѣлъ ни малѣйшаго пристрастія къ карлистамъ,—сказалъ этотъ глава испанскихъ консерваторовъ въ 1877 году:—но я благословилъ бы Дона-Карлоса и всячески оказалъ бы ему помощь, если бы онъ насъ освободилъ въ 1873 году отъ опасенія увидѣть въ Испаніи вторую коммуну». Но Донъ-Карлосъ, оставаясь на сѣверѣ Испаніи, упустилъ случай пріобрѣсть корону, и его ошибку объясняютъ различно; одни нежеланіемъ его солдатъ удалиться изъ своихъ родныхъ горъ, а другіе его собственнымъ нежеланіемъ разстаться съ дешевыми провинціальными лаврами. Однако республика недолго продержалась въ Испаніи, и послѣ пропінсіаменто генерала Павіи ее замѣнила диктатура маршала Серрано. Новое правительство неудачно дѣйствовало въ отношеніи карлистовъ, и Моріонесъ не могъ освободить Бильбао, осажденнаго карлистами, и потерялъ кровавое пораженіе при Соморостро. Если же маршалу Кончѣ удалось снять блокаду этого города, то онъ самъ заплатилъ за это

жизнью въ битвѣ при Муро. Но съ воцареніемъ въ Испаніи Альфонса XII, сына Изабеллы, дѣла Дона-Карлоса пошли все хуже и хуже. Упорно оставаясь на сѣверѣ, онъ даже упустилъ удобный случай, чтобы сдѣлаться общепризнаннымъ королемъ этой части Испаніи. Дѣло было въ томъ, что въ виду прекращенія желѣзнодорожныхъ сообщеній между Испаніей и Франціей компанія сѣверно-испанскихъ желѣзныхъ дорогъ терпѣла громадныя убытки, и она стала ходатайствовать, чтобы воюющія стороны учредили между собой какой нибудь «modus vivendi», который позволилъ бы ей эксплоатировать свою линію. Такъ какъ въ этой компаніи находились большіе французскіе капиталы, то охрану ея интересовъ принялъ на себя французскій посланникъ въ Мадридѣ, графъ Шодорди. Онъ добился отъ испанскаго перваго министра, Кановаса дель-Кастилло согласія признать нейтральной желѣзнодорожную линію и тогда вступилъ въ переговоры съ Дономъ-Карлосомъ. Но послѣдній не понялъ, какую громадную выгоду онъ могъ извлечь изъ этого дѣла. Заключение желѣзнодорожной конвенціи означало признаніе его воюющей стороной, и если бы онъ отказался распространять свои владѣнія за Эбро, то могъ добиться признанія себя королемъ Сѣверной Испаніи. Но онъ сталъ тянуть дѣло, и Кановасъ догадавшись, что сдѣлалъ большую ошибку, взялъ свое слово назадъ. Такимъ образомъ послѣдніе шансы карлистовъ исчезли, и власть Дона-Карлоса стала ежедневно уменьшаться. Сначала были отняты у него Арагонія и Каталонія, а потомъ мало-помалу его владѣнія ограничились Гвипускаей и частью Навары. Ряды карлистовъ стали быстро рѣдѣть. Ихъ главный генералъ Кабрера перешелъ на сторону короля Альфонса, и его примѣру послѣдовали многіе карлисты. Заграничныя субсидіи прекратились. Даже баски объявили, что Донъ-Карлосу нельзя болѣе рассчитывать на ихъ обѣдѣвшую страну. Наконецъ, въ февралѣ 1876 года испанская армія подъ начальствомъ Мартиненса-Кампосса прижала карлистовъ къ французской границѣ, и они, перейдя ее, положили оружіе. вмѣстѣ съ ней сдался французамъ и Донъ-Карлосъ, который тотчасъ былъ отправленъ въ Парижъ. Такъ кончилось послѣднее карлистское возстаніе, и врядъ ли новая попытка Дона-Карлоса, если онъ, наконецъ, рѣшится поднять оружіе въ защиту своихъ правъ, не признаваемыхъ большинствомъ испанскаго народа, окажется болѣе успѣшною.

— Вопросъ объ истинномъ калифѣ. Въ большой статьѣ, посвященной въ «Revue de Paris» панславизму и пропагандѣ ислама, О. Депонъ и Талэйракъ д'Эракъ даютъ, между прочимъ, исторію понятія о калифѣ правовѣрныхъ ¹⁾. Калифатъ, безъ сомнѣнія, основа ислама. По богословскому ученію мусульманъ, калифъ имѣетъ власть и духовную и свѣтскую. Раздѣленіе обѣихъ властей невозможно: какъ говорилъ самъ Магометъ, «въ государствѣ пророка не можетъ быть двухъ царей, какъ нѣтъ и двухъ сабель въ однихъ ножнахъ». Однако, въ дѣйствительности, законныхъ калифовъ было всего четыре, изъ коихъ послѣдній Али былъ убитъ въ 661 году. Съ тѣхъ поръ законныхъ калифовъ уже не было, и ихъ не будетъ до той поры, пока не будетъ избранъ, согласно закону

¹⁾ O. Depont et I. Talayrak-d'Eckardt, «Le Panislamisme» — Rev. de Paris, 15 nov. 1899.

ислама, главою надъ всѣми правовѣрными потомокъ пророка. Въ VII вѣкѣ омаяды незаконно захватили власть калифовъ, въ VIII вѣкѣ — аббасиды, а въ XVI вѣкѣ султанъ Селимъ явился первымъ изъ турецкихъ султановъ узурпаторомъ-калифомъ. Послѣ него власть эта перешла къ турецкимъ падишамъ, имѣя уже характеръ чисто свѣтскій. Чтобы имѣть право на титулъ «вождя правовѣрныхъ» — «эмиръ-аль-муменинъ», вышній султанъ Абдуль-Гамидъ, подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ, долженъ былъ истребовать себѣ утверженіе въ этомъ званіи отъ великаго шерифа въ Меккѣ, который является истиннымъ представителемъ калифата и одинъ имѣетъ право раздавать это званіе. Дѣло въ томъ, что великіе шерифы меккскіе, подобно шерифамъ мароккскимъ, являются въ настоящее время единственными несомнѣнными членами семьи пророка и одни лишь могутъ быть истинными калифами. Когда событія 1878 года успѣли нанести сильный ущербъ моральному престижу Абдуль-Гамида, въ мусульманствѣ возникло сильное движеніе въ пользу того, чтобы всѣ права калифа были перенесены на шерифа меккскаго; съ этой цѣлью возникла цѣлая «панарабистская лига», поставившая себѣ цѣлью освобожденіе Аравіи отъ власти Турціи. Одновременно съ этимъ, халифату турецкаго султана стала угрожать другая опасность. Младотурецкая партія въ Константинополѣ, убѣжденная въ гибельности для Турціи теократическаго режима, стала пропагандировать необходимость отдѣленія свѣтской власти отъ духовной. Думая предоставить султану лишь религіозный престижъ калифата, Мидхатъ-паша и его сторонники рѣшили передать свѣтское управленіе въ руки министерства, отвѣтственнаго передъ парламентомъ, гдѣ бы христіане и мусульмане имѣли одинаковыя права. Однако, Абдуль-Гамидъ сумѣлъ освободиться отъ этихъ реформаторовъ, и турецкій парламентъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ призрачнаго существованія, прекратилъ свои дѣйствія. Берлинскій конгрессъ снова вызвалъ сильную агитацію противъ султана. Среди паломниковъ въ Мекку и Медину стала распространяться вѣсть, что владычеству султана наступаютъ конецъ, и эмиромъ правовѣрныхъ должно сдѣлаться другое лицо. Тогда же образовался особый комитетъ для защиты правъ арабской расы. Абдуль-Гамидъ защищался всѣми средствами, какія лишь были возможны. Брошюра Хайредина-пашы, доказывавшая необходимость отдѣленія свѣтской власти отъ духовной, была сожжена рукою палача. Выдающемуся богослову Мунифу-эффенди приказано было написать брошюру о правахъ султанскаго дома на калифатъ. Весьма также кстати погибъ въ это время жертвою загадочнаго убійства Гюзни, великій шерифъ и глава противотурецкой партіи. Въ Мекку и Медину посланы были сотни такъ называемыхъ «шіуховъ» для убѣжденія паломниковъ въ томъ, что для блага ислама необходимо всѣмъ правовѣрнымъ соединиться и стоять за турецкаго султана. Какъ извѣстно, въ началѣ 80-хъ годовъ, возстаніе Махди въ Африкѣ, принявшаго титулъ калифа, было однимъ изъ наиболее сильныхъ проявленій все еще проповѣдуемой общей войны мусульманъ съ «невѣрными»; неудача этой борьбы заставила взоры мусульманъ снова обратиться съ надеждою на султана, какъ единственнаго дѣйствительно могущественнаго калифа, престижъ котораго, какъ видно изъ мусульманской литературы всѣхъ странъ, чрезвычайно поднялся послѣ послѣднихъ побѣдъ надъ греками въ Фессаліи.

— Король Миланъ въ одѣянкѣ французскаго историка. Альбертъ Малё посвятилъ въ одной изъ ноябрскихъ книжекъ «Revue de Paris» особую статью сербскому эксъ-королю. Статья начинается съ краткой біографіи бывшаго короля, жизнь котораго представляетъ такое обиліе неожиданныхъ перемѣнъ ¹⁾. День 10 іюня 1868 года, говоритъ А. Малё, для Сербіи былъ двойнѣ несчастливъ: въ этотъ день палъ Михаилъ Обреновичъ, государь великаго политическаго ума и искренней любви къ родинѣ, и въ этотъ же день Сербія получила Милана. Такъ какъ у Михаила не было дѣтей, то, по закону 1854 года о престолонаслѣдіи, его наслѣдникомъ явился Миланъ. Этого послѣдняго розыскали въ Парижѣ, въ лицѣ Louis-le Grand, гдѣ онъ учился въ IV-омъ класѣ. Одинъ изъ служителей полицейской префектуры сообщилъ ему о восшествіи на престолъ. Ему шелъ всего пятнадцатый годъ; пришлось поэтому временно установить регентство. 22-го августа 1872 года регенты передали власть въ руки Милана. Тремя годами позже, 17-го октября 1875 года, состоялся бракъ Милана съ Наталіей Петровной Кешко. 6-го марта 1882 года онъ перемѣнилъ княжескую корону на королевскую. Въ октябрѣ 1888 года онъ самъ официальнымъ открытымъ письмомъ объявилъ свой бракъ расторгнутымъ. 6-го марта 1889 года онъ отказался отъ престола въ пользу своего сына Александра I, а самъ предпринялъ, подъ фамиліей графа Таково, путешествіе по Азіи и Западной Европѣ. Въ 1891 году, когда его ресурсы истощились, онъ вернулся въ Бѣлградъ. Получивъ полмилліона, онъ отправился снова въ путь, обѣщавшись не возвращаться болѣе въ Сербію до совершеннолѣтія сына. Годомъ позже, 12-го февраля 1892 года, за полученные имъ снова 2 милліона, онъ торжественно отказался отъ правъ члена королевской семьи, даже отъ правъ сербскаго гражданства, и далъ слово никогда болѣе не возвращаться въ свое королевство; для большаго обезпеченія дѣла, изданъ былъ скупщиною особый законъ, запрещающій ему съ 14-го марта 1892 года доступъ на сербскую территорію. Въ январѣ 1893 года онъ примирился съ суругою. 21-го января 1894 года, нарушивъ слово и законъ, онъ вернулся въ Бѣлградъ. Декретъ, изданный 17-го апрѣля, возстановилъ его «во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ». Съ тѣхъ поръ онъ «король-отецъ» и съ 25-го декабря 1897 г., несмотря на то, что до сихъ поръ успѣлъ приобрести репутацію скорѣе на скачкахъ, чѣмъ на полѣ битвы, еще генералисимусъ сербской арміи. Пробывъ княземъ и королемъ 20 лѣтъ, Миланъ лично правилъ семнадцать лѣтъ. Балансъ этихъ семнадцати лѣтъ можетъ быть приведенъ въ немногихъ строкахъ. Въ активѣ: 500 километровъ желѣзныхъ дорогъ и присоединеніе Нишкаго округа— всего 1.100 квадратныхъ километровъ пространства съ 38 тысячами жителей. Въ пассивѣ—три войны: двѣ съ Турціею, одна съ Болгаріею, приведшія всѣ къ пораженіямъ, и 255 милліоновъ государственнаго долга. Пассивъ, впрочемъ, гораздо тяжелѣе, чѣмъ можно предполагать по однѣмъ лишь цифрамъ. Слѣдуетъ замѣтить, что до 1876 года Сербія была совершенно свободна отъ долговъ, и что изъ 255 милліоновъ на войну съ турками было взято лишь 7 милліоновъ. Притомъ же, за отсутствіемъ въ Сербіи капиталовъ, весь этотъ

¹⁾ A. Malet, «Le roi Milan», «Revue de Paris», 1 nov. 1899.

долгъ сдѣланъ за границею: черезъ вѣнскій Лендербанкъ и берлинское торговое общество. Къ пассиву же слѣдуетъ отнести и громадныя нравственныя потери. На Сербію до 1868 года смотрѣли, какъ на восточный Пьемонтъ. Многіе считали возможнымъ возрожденіе стараго сербскаго царства; въдъ Болгаріи въ это время не было, а Австрія кончалась Савою. Теперь все измѣнилось. Сербія заключена между мирно преусиѣвающею Болгаріей и оккупированными Австро-Венгріею провинціями. Съ одной стороны ея Болгарія простираетъ свои руки на Македонію, съ другой Австрія собирается захватить Салоники: для Сербіи уже нѣтъ никакой возможности расширить свою территорію. Случилось ли все это несчастіе потому, что Миланъ лишенъ ума? Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ рѣшительнымъ отрицаніемъ. Миланъ, несомнѣнно, уменъ, но умъ его сводится на нѣтъ его характеромъ: его совѣсть совершенно не воспитана, сознаніе достоинства и чести у него отсутствуетъ, всякія низкія страсти всегда вполнѣ управляютъ имъ. Увлеченіе игрою, изъ-за которой онъ спустилъ въ короткое время подаренные ему два милліона и еще надѣлалъ долгу почти въ триста съ половиною тысячъ франковъ, было причиною, что онъ, махнувъ на все рукою, въ январѣ 1894 года нарушилъ торжественное слово и вернулся въ Бѣлградъ. Прибытіе его обозначало лишь желаніе снова поживиться государственными деньгами; дѣйствительно, въ 1896 г. ему назначенъ былъ удѣлъ въ 360.000 франковъ. Какимъ образомъ Миланъ достигъ вліянія на сына? По мнѣнію А. Мале, единственнымъ средствомъ Милана при этомъ служилъ—страхъ. Онъ сумѣлъ убѣдить короля Александра, что его корона въ опасности, что Карагеоргіевичи интригуютъ противъ него, и что лишь самъ онъ, Миланъ, въ состояніи справиться со всѣми этими врагами. При поддержкѣ короля ни одна изъ сербскихъ партій не страшна для Милана, особенно вслѣдствіе возобновленной кородемъ Александромъ конституціи 1869 года, дающей достаточно простора произволу. Единственная партія въ Сербіи, которая могла бы оказать противодѣйствіе Милану, это радикалы. Однако эта партія слаба вслѣдствіе слишкомъ сильной централизаціи и отсутствія достаточно энергичныхъ вождей. Пашичъ сильно палъ въ глазахъ народа вслѣдствіе своего поведенія въ послѣдніе годы, а Савва Груичъ человекъ не достаточно энергичный. А. Мале напоминаетъ, въ заключеніе своей статьи, ту ошибку Груича, безъ которой въ настоящее время не было бы Милановскаго вопроса. Когда въ январѣ 1894 г. Миланъ вернулся, его нужно было немедленно схватить, отдать, какъ безпаспортнаго бродягу, подъ арестъ и затѣмъ выслать. Миланъ оказался бы въ смѣшномъ положеніи, и на то, чтобы вновь начать попытку возвращенія себѣ власти, уже едва ли скоро рѣшился бы.

— Статьи и лекціи о Россіи. Недавно вышелъ ²⁾ обычный трехмѣсячный отчетъ о дѣятельности Англо-Русскаго Литературнаго общества въ Лондонѣ. Этотъ отчетъ обнимаетъ май, іюнь, іюль настоящаго года, такъ какъ въ августѣ и сентябрѣ не было никакихъ публичныхъ засѣданій общества, и

¹⁾ Proceedings of the Anglo-Russian Literary Society.—May, June, July 1899. London.

только они вновь открылись въ октябрѣ чтеніемъ реферата миссъ Куртуа о русскихъ женщинахъ во время Петра Великаго. Настоящій выпускъ блеститъ разнообразіемъ. Онъ начинается описаніемъ пушкинскихъ праздниковъ въ Святыхъ Горахъ, гдѣ А. Кремлевъ былъ представителемъ общества, и возложилъ отъ его имени на могилу Пушкина металлическій и фарфоровый вѣнокъ, фотографическій снимокъ котораго приложенъ къ статьѣ. Затѣмъ идутъ рефераты, прочитанные въ засѣданіи общества и отчетъ о возбужденныхъ ими преніяхъ. Наконецъ, помѣщены полученныя изъ Россіи воззванія о помощи голодающимъ со стороны русскихъ резидентовъ Англіи; переводы нѣсколькихъ стихотвореній Алексѣя Толстаго, Некрасова и Лермонтова, некрологъ адмирала Посыета и отзывы о нѣсколькихъ русскихъ книгахъ. Что касается до рефератовъ, то большая часть изъ нихъ касается торговли, именно изъ Томска преподаватель Геблеръ прислалъ статью о новомъ торговомъ пути между Сибирью и Англіей, мистеръ Скрайвъ представилъ планъ соединенія русскаго Туркестана съ Индіей, посредствомъ проведенія желѣзной дороги чрезъ Афганистанъ, а сэръ Сидней Шиппардъ прочелъ лекцію объ англо-русской торговлѣ. По словамъ Геблера, русскій инженеръ Гетте организуетъ съ помощью извѣстныхъ капиталистовъ Игнатова, Щербакова и другихъ, акціонерную компанію для открытія прямыхъ сообщеній между Англіей и Сибирью морскимъ путемъ. Для этой цѣли онъ предлагаетъ завести пароходы, которые спускались бы по Оби отъ Барнаула до Обдорска, откуда была бы проведена желѣзная дорога на протяженіи пятидесяти верстъ до Бельковской бухты, гдѣ морскіе пароходы принимали бы пассажировъ и грузы. Что касается до проведенія желѣзной дороги чрезъ Афганистанъ, планъ которой составленъ Скрайномъ, то она, повидимому, не встрѣтила сочувствія въ членахъ общества, и ораторы одинъ за другимъ отвергали ея практическую и выгоду для Англіи, а напротивъ всѣ они отстаивали старый проектъ соединенія Индіи съ Англіей желѣзной дорогой чрезъ долину Евфрата. Свой рефератъ объ англо-русской торговлѣ сэръ Сидней Шиппардъ началъ съ краткаго, но интереснаго очерка торговыхъ сношеній Англіи съ Россіей съ самыхъ древнихъ временъ до нашихъ дней, а затѣмъ онъ предложилъ заключеніе новаго коммерческаго трактата между обѣими странами съ цѣлью развитія въ будущемъ этой торговли, которая съ нѣкоторыхъ поръ встрѣчаетъ много преградъ въ особенности отъ русскаго тарифа и германской, а также шведской конкуренціи. Вообще лекторъ отзывался о Россіи очень сочувственно, оплакиваетъ непростительную ошибку Англіи, которая, нарушивъ всѣ дружественныя традиціи, предпріяла крымскую войну, и выражаетъ пламенное желаніе, которое, по его убѣжденію, раздѣляется всѣми образованными англичанами, чтобы выработалось какъ можно скорѣе полное соглашеніе между Англіей и Россіей во всѣхъ отношеніяхъ. Взгляды Шиппарда были поддержаны Скрайномъ и предсѣдателемъ общества, Казалетомъ, который полагаетъ, что «честная, справедливая и правильная съ обѣихъ сторонъ торговля принесла бы дружескому единенію Россіи и Англіи болѣе пользы, чѣмъ самая хитрая дипломатія или политика, которыя часто не достигаютъ своей цѣли». Только Годжетъ ехидно замѣтилъ, что голодовки и эпидеміи, свирѣпствующія въ Россіи, по несчастію разоряютъ эту страну и дѣлаютъ

ненадежными торговыми сношения съ нею. Самое многолюдное зазданіе англо-русскаго общества, на которое собралось болѣе 500 человекъ, было посвящено Рубинштейну и состояло изъ прочитаннаго миссъ Китонъ очерка жизни и музыкальной дѣятельности знаменитаго артиста, который говорилъ про себя: «Dieu ne puis, roi ne daigne, artiste je suis», а также изъ исполненія нѣкоторыхъ его музыкальныхъ произведеній. Наконецъ въ послѣднемъ своемъ зазданіи въ іюль мѣсяцѣ англо-русское общество вспомнило, что оно литературное, и назначило предметомъ для реферата миссъ Тульминъ-Смитъ и послѣдующихъ преній невѣрное представленіе русской жизни въ англійскихъ романахъ. Надо отдать справедливость, какъ лекторшѣ, такъ и всѣмъ членамъ общества, высказавшимъ свое мнѣніе по этому вопросу, что они одинаково строго и безпристрастно отнеслись къ той безшабашной белибердѣ, которою наполняются такъ называемые русскіе романы въ англійской литературѣ. Они преимущественно изображаютъ необыкновенные ужасы, необыкновенныя похиженія нигилистовъ и тому подобную необыкновенную чухъ. Нельзя не замѣтить, что Годжетъ, заявившій о своемъ воспитаніи въ Россіи и объ основательномъ знакомствѣ со всей страной, говорилъ такія нелѣпости, какъ неимѣніе англичанами права владѣть землей въ Россіи. Не менѣе странно увѣреніе, что земскіе начальники—защитники крестьянъ. Гораздо литературнѣе всѣхъ лекцій, статей и преній этого литературнаго общества краткій, но блестящій этюдъ о Тургеневѣ ¹⁾, помѣщенный въ «Academy» по случаю изданія въ Англіи перевода всѣхъ сочиненій Тургенева. Эти немногія строки глубокаго сочувствія къ Тургеневу и вполне правильнаго критическаго отношенія къ нему могутъ содѣйствовать главной цѣли англо-русскаго общества, изученія въ Англіи русскаго языка и литературы, гораздо болѣе, чѣмъ всѣ торгово-музыкальныя занятія означеннаго общества. Эта замѣчательная статья подписана буквами Е. А. В., и такъ какъ ея авторъ заявляетъ, что онъ не знаетъ русскаго языка, то нельзя не удивляться, что онъ такъ тонко, вѣрно и глубоко понимаетъ значеніе Тургенева для Россіи и всего свѣта. Прежде всего неизвѣстный авторъ радуется, что Англія, наконецъ, получитъ въ хорошемъ переводѣ мистриссъ Гарнетъ всѣ сочиненія Тургенева, который до сихъ поръ былъ оцѣненъ въ Англіи, по его словамъ, только литераторами, но не читающей публикой. «Значеніе Тургенева,—замѣчаетъ англійскій критикъ,—заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ оказалъ не только русской, но и европейской изящной литературѣ такую же услугу, какую оказалъ драматургіи Ибсенъ. Онъ сказалъ послѣднее слово литературнаго искусства. Какъ художникъ, онъ выше Толстого. То, что онъ можетъ сказать въ двухъ тысячахъ словахъ, того не скажетъ въ миллионѣ Толстой или какой либо другой романистъ. Его умѣнье говорить только то, что надо, и выбрасывать все излишнее не имѣетъ себѣ равнаго. Какъ художникъ, онъ просто непогрѣшимъ, и никогда онъ не выказываетъ ни малѣйшей наклонности къ погонѣ за эффектами. Онъ всегда сдержанъ, простъ и утонченъ. Нельзя того же сказать о Толстомъ и Достоевскомъ; они, какъ многіе художники, удовлетворяли вкусъ публики къ эффек-

¹⁾ Ivan Turgenev. An Enquiry, by E. A. V. «The Academy». 4 november. 1899.

тамъ. Но Тургеневъ никогда этого не дѣлалъ; просмотрите всѣ его сочиненія, и вы не найдете ни одной сцены, которую можно было назвать «сильной» въ театральномъ смыслѣ. Онъ не овладѣваетъ насильственно вашей душой, онъ не прибѣгаетъ ни къ искусственности, ни къ цвѣтистымъ фразамъ, а побѣждаетъ васъ блестящей чистотой вполне совершеннаго искусства. Его лучшіе романы и рассказы походятъ на античныя статуи; ихъ красота не бьетъ вамъ въ лицо, а тихо, вѣжно, мягко овладѣваетъ всѣмъ вашимъ существомъ. Поэтому надо быть культурнымъ человѣкомъ, чтобы вполне понимать его. Нельзя ожидать, чтобы невѣжественная публика приходила въ восторгъ отъ «Венеры Милосской» и отъ «Наканунъ» Тургенева. Но если меня спросятъ, которое изъ сочиненій Тургенева лучшее, то я не могу согласиться ни съ Эдуардомъ Гарнетомъ, въ его предисловіи къ переводу Тургенева, что его *chef-d'oeuvre* «Наканунъ», ни съ виконтомъ Вогюе, который ставитъ выше всего «Дворянское гнѣздо». Оба эти романа превосходны, но если я закрою глаза и стану припоминать всѣ произведенія Тургенева, то среди нихъ засверкаетъ лучезарной звѣздой— «Вѣжинъ лугъ». Картина маленькихъ пастуховъ, говорящихъ при свѣтѣ костра о привидѣніяхъ, картина таинственной ночи, картина восхода солнца,— да что тутъ говорить? Когда что нибудь достигаетъ такого совершенства, то не подберешь и словъ, чтобы выразить производимое впечатлѣніе. Несмотря на всю утонченность художественнаго генія Тургенева, онъ популяренъ въ Россіи, какъ никогда не будетъ популяренъ въ Европѣ, по той простой причинѣ, что всѣ произведенія Тургенева дышатъ нравственной основой и выражаютъ тайныя стремленія русскаго народа, а Европѣ до этого нѣтъ никакого дѣла. Европа, напримѣръ, не чувствуетъ и не понимаетъ всей чарующей прелести образа Елены, которая въ «Наканунъ» выражаетъ всѣ стремленія молодой Россіи шестидесятыхъ годовъ. Напротивъ русскій слышитъ въ Еленѣ эхо своихъ тайныхъ, даже шепотомъ не выражаемыхъ стремленій. Какъ художника, Тургенева мало понимаетъ масса русскихъ читателей такъ же, какъ европейскихъ, но всякій грамотный на востокѣ отъ Балтійскаго моря чувствуетъ его нравственное значеніе. Въ этомъ опять высказывается различіе между Толстымъ и Тургеневымъ. Первый силится говорить человѣчеству, а послѣдній говоритъ русскому сердцу. И тутъ Тургеневъ выше Толстого, Тургеневъ не проповѣдывалъ безусловной борьбы или безусловной покорности судьбѣ, какъ Толстой, а смутную мечтательную надежду на лучшія времена. Вотъ также причина, почему Тургеневъ мало понятенъ на Западѣ, гдѣ при видѣ зла является тотчасъ мысль о борьбѣ».

— Когда начнется XX вѣкъ? Въ виду наступающаго двадцатаго столѣтія возбужденъ вопросъ: когда дѣйствительно окончится XIX вѣкъ, и начнется XX? Обыкновенно полагаютъ, что этотъ переходъ изъ одного столѣтія въ другое совершится въ наступающій день 1-го января 1900 года. Но ученые съ этимъ не соглашаются, и Фламмаріонъ помѣстилъ по этому вопросу любопытную статью въ «Revue des Revues» ¹⁾. По словамъ извѣстнаго попу-

¹⁾ En quelle année commencera le vingtième siècle? Par Camille Flammarion. «Revue des Revues», 15 octobre 1899.

ляризатора науки, въ концѣ каждаго столѣтія возбуждался тотъ же вопросъ. Существуютъ безспорные документы, доказывающіе, что въ 1799, 1699 и 1599 г. безконечно разсуждали о томъ, когда начнется новый вѣкъ. Даже сто лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ парижскихъ театровъ давался водевиль «Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ, Боже мой!» Астрономія и ариметика разрѣшали каждый разъ одинаково этотъ вопросъ, именно что столѣтіе начинается 1-го января не нулеваго, а перваго года каждаго столѣтія, такъ какъ предыдущее столѣтіе окончилось съ окончаніемъ не девяносто-девяти, а ста лѣтъ. Но вопросъ постоянно возобновлялся, и въ настоящее время снова всюду говорятъ, что 1-го января 1900 года начнется новый вѣкъ, и что парижская всемірная выставка совпадетъ съ зарей XX вѣка. «Однако, говоритъ Фламмаріонъ, какъ легко разрѣшить этотъ вопросъ. Десятокъ состоитъ изъ десяти единицъ, при чемъ десятая входитъ въ составъ десятка. Сотня состоитъ изъ ста единицъ и сотая входитъ въ составъ сотни. Въ христіанской эрѣ не было нулеваго года, а счетъ начался прямо съ 1-го года, поэтому послѣдній день тысячи девяти сотъ лѣтъ, т. е. послѣдній день XIX столѣтія, придется 31-го декабря 1900 года, а слѣдовательно 1-го января 1901 года начнется первый день двадцатаго столѣтія». Все это такъ просто и ясно, что даже странно, какъ это ученые теряютъ время на доказательство столь безспорной истины. Но если несомнѣнно, что старый вѣкъ кончится и новый начнется въ 12 часовъ ночи съ 31 декабря 1900 года на 1 января 1901 г., то еще вопросъ, въ какой странѣ совершится всѣхъ ранѣе это событіе. По расчету Фламмаріона, благодаря разницѣ въ часахъ, первые начнутъ двадцатый вѣкъ жители острова Чагама, близъ Новой Зеландіи, который находится подъ $180^{\circ}58'$ градусомъ долготы. «Но, — юмористично замѣчаетъ Фламмаріонъ, — парижане могутъ успокоиться; если дикари этого отдаленнаго острова опередятъ ихъ на 12 часовъ 4 минуты относительно встрѣчи новаго вѣка, то это будетъ, по всей вѣроятности, въ послѣдній разъ. Сто лѣтъ тому назадъ ихъ было около двухъ тысячъ человѣкъ, въ 1870 году ихъ осталось не болѣе двухсотъ, а въ настоящее время ихъ не болѣе пятидесяти». Конечно, нельзя сожалѣть объ исчезновеніи этой расы, такъ какъ ея представители еще недавно были людододами.

С М Ъ С Ъ.

РИСУЖДЕНИЕ пушкинскихъ премій. 19 октября, въ маломъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ состоялось тринадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина. Въ настоящемъ году на соисканіе пушкинскихъ премій поступило двадцать пять сочиненій. Изъ нихъ пять трудовъ были сняты съ конкурса и возвращены авторамъ, семь устранены, какъ не удовлетворяющіе требованіямъ конкурса, пять отложены до будущаго конкурса. Такимъ образомъ принятыми на соисканіе премій оказалось восемь трудовъ. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій была организована коммиссія, въ составъ которой, кромѣ членовъ отдѣленія, вошли и посторонніе ученые и литераторы: Д. В. Аверкіевъ, К. К. Арсеньевъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, П. И. Вейнбергъ, А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Н. А. Котляревскій, Н. Р. Овсяннй и П. А. Ровинскій. Право на полученіе премій признано за пятью сочиненіями. Сочиненія эти слѣдующія: «Русскій романъ и русское общество»—К. Головина (Сиб., 1897 г.). Критическое разсмотрѣніе этого труда принялъ на себя К. К. Арсеньевъ. По его словамъ, трудъ г. Головина принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ явленій современной литературы и по выбору предмета и по мѣткости и независимости сужденій. Какъ содержаніе, такъ и изложеніе книги доказываютъ, что авторъ обладаетъ полнымъ знаніемъ дѣла и несомнѣннымъ талантомъ. Отзывъ г. Головина о русскихъ писателяхъ отличаются и серьезностью мысли, и своеобразностью и умѣлымъ выборомъ чертъ для яркой характеристики направленій и ихъ представителей. Въ заключеніе своей оцѣнки рецензентъ говоритъ, что автору удалось написать живую картину одной изъ самыхъ интересныхъ сто-

ронъ русской жизни — картину тѣмъ болѣе цѣнную, что до сихъ поръ въ такихъ предѣлахъ ея не рисовалъ никто. Это его безспорная и не малая заслуга. Комиссія признала трудъ г. Головина заслуживающимъ половинной премии имени А. С. Пушкина. «Сочиненія К. К. Случевского» (въ 6 томахъ, изд. Маркса, Сиб., 1898 г.). По замѣчанію рецензента, Н. А. Котляревскаго, сочиненія К. К. Случевского—итогъ поэтическаго творчества за многіе годы. Имя нашего поэта появилось впервые въ печати въ 50-хъ годахъ, въ литературную эпоху, которая теперь отошла уже въ область воспоминаній, но это не мѣшаетъ, однако, г. Случевскому оставаться до нашихъ дней въ ряду писателей современныхъ, т. е. такихъ, которые живутъ не на проценты нѣкогда приобрѣтеннаго богатства впечатлѣній, образовъ, чувствъ и мыслей, а стремятся включить въ свое поэтическое міросозерцаніе то новое, что имъ даетъ переживаемая ими минута. Поэзія г. Случевского прежде всего поражаетъ разнообразіемъ своего содержанія. Въ ней нѣтъ ни повторяющейся переработки нѣкогда сложившихся взглядовъ, ни подновленія старыхъ красокъ и образовъ. Поэтъ даетъ полную, безграничную свободу своей мысли и фантазіи и требуетъ отъ нихъ только, чтобы онѣ въ своемъ полетѣ коснулись возможно большаго количества вопросовъ и сторонъ жизни. Въ итогѣ получаются необыкновенно пестрыя картины, необычайно разнообразныя отзвуки на всѣ впечатлѣнія бытія: и прошлаго и настоящаго и даже предполагаемаго. Г. Случевскій остается живымъ среди живыхъ людей. У него есть чему поучиться въ наше время миниатюрныхъ фотографій и туманныхъ пятенъ въ литературѣ. Комиссія признала сочиненія К. К. Случевского заслуживающими почетнаго отзыва. «Стихотворенія» О. Чуминой. 1892—1897. (Спб., 1897). Обширный критическій разборъ этого труда составленъ Ѳ. Д. Батюшковымъ. Выводы его основаны на самомъ тщательномъ сравненіи переводовъ г-жи Чуминой съ ихъ оригиналами, число которыхъ весьма велико. Придерживаясь строго границъ своего таланта, она несомнѣнно можетъ сдѣлать еще много полезныхъ вкладовъ въ нашу художественную переводную литературу, но и многое изъ даннаго ею въ настоящемъ сборникѣ заслуживаетъ одобренія. Плавный стихъ, нѣсколько деталей, изящно переданныхъ, и общее настроеніе мечтательно-грустное — вотъ главныя свойства поэзіи г-жи Чуминой. Комиссія признала стихотворенія г-жи Чуминой заслуживающими почетнаго отзыва. П. Я. «Стихотворенія» (Спб., 1898 г.). Рецензія на эту книгу принадлежитъ П. И. Вейнбергу. Рецензентъ находитъ, что общій колоритъ книги двоякій: скорбный, пессимистическій и свѣтлый, съ красками оптимизма. Первый преобладаетъ. То, о чемъ поетъ авторъ, пѣлось уже многими и на многіе лады, и нѣкоторыя стихотворенія его явно отзываются подражаніемъ, — можетъ быть, и неумышленнымъ,—Некрасову, или, по крайней мѣрѣ, носятъ на себѣ замѣтные слѣды вліянія этого поэта. Указавъ на нѣкоторые недостатки, рецензентъ заключаетъ мнѣніемъ, что въ авторѣ никто не найдетъ напускной, искусственной гражданской скорби, никто не станетъ отрицать поэтической искренности его чувствъ. Комиссія признала стихотворенія г. П. Я. заслуживающими почетнаго отзыва. «У синя моря, путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья» (Спб., 1898 г.) кн. Д. Голицына (Муравлиня).

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1899 г., т. LXXVIII.

28

Разборъ этого труда принялъ на себя Н. Р. Овсяный и далъ слѣдующій отзывъ. Книга отличается живымъ и яркимъ изложеніемъ; картины природы и характеристики написаны сочною кистью и даже, мѣстами, производятъ сильное впечатлѣніе. Въ литературномъ отношеніи трудъ г. Голицына представляетъ собою талантливое и оригинальное произведеніе, способное пробудить хорошія и желательныя, съ русской точки зрѣнія, чувства въ читателѣ, особенно же въ подростающемъ поколѣніи. Комиссія признала трудъ г. Голицына заслуживающимъ почетнаго отзыва. Отдѣленіе русскаго языка и словесности, желая выразить свою признательность за содѣйствіе при разсмотрѣніи конкурсныхъ сочиненій, постановило выдать по золотой Пушкинской медали гг. рецензентамъ: Д. В. Аверкіеву, К. К. Арсеньеву, Ѳ. Д. Батюшкову, П. И. Вейнбергу, профессору Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ А. Н. Веселовскому и Н. А. Котляревскому. Во избѣжаніе недоразумѣній, возникающихъ по поводу срока для представленія сочиненій на Пушкинскія преміи, отдѣленіе считаетъ долгомъ заявить, что слѣдующій конкурсъ имѣетъ быть въ 1901 году, и что срокомъ для пріятія сочиненій на этотъ конкурсъ, на основаніи п. 12 правилъ, назначено 29-е января 1900 года.

Диспутъ С. Ѳ. Платонова. 3-го октября, въ большомъ залѣ торжественныхъ собраній университета св. Владиміра, происходилъ ученый диспутъ, привлекшій многочисленную публику. Профессоръ С.-Петербургскаго университета С. Ѳ. Платоновъ защищалъ представленный имъ въ историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра обширный трудъ: «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ въ XVI—XVII вв.» (опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ смутное время), для полученія ученой степени доктора русской исторіи. Официальными оппонентами назначены были историко-филологическимъ факультетомъ заслуженный профессоръ по кафедрѣ русской исторіи В. С. Иконниковъ и проф. по кафедрѣ русской исторіи П. В. Голубовскій. Въ качествѣ неофициальнаго оппонента возражалъ проф. Кіевскій дух. ак. З. Н. Завитневичъ. Диспутантъ еще молодой человекъ. С. Ѳ. Платоновъ родился въ 1860 г. въ Черниговѣ. По окончаніи въ 1882 г. курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, онъ оставленъ былъ при факультетѣ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. Въ 1888 г. удостоенъ Петербургскимъ университетомъ степени магистра русской исторіи за сочиненіе: «Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII в., какъ историческій источникъ». Кромѣ того, С. Ѳ. Платоновъ написалъ цѣлый рядъ ученыхъ работъ и изслѣдованій, создавшихъ ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Помимо чтенія лекцій въ университетѣ, проф. С. Ѳ. Платоновъ читалъ курсы въ Александровскомъ лицей, на Высшихъ женскихъ курсахъ, въ Археологическомъ институтѣ, Историко-филологическомъ институтѣ, а также состоялъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и помощникомъ редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Въ 1895 году проф. С. Ѳ. Платоновъ удостоенъ былъ приглашенія преподавать политическую исторію ихъ императорскимъ высочествамъ государю наслѣднику и великому князю Михаилу Александровичу и великой княжнѣ Ольгѣ Александровнѣ. Большая часть изслѣдованій проф. С. Ѳ. Плато-

нова касается одной изъ самыхъ интересныхъ эпохъ русской исторіи— смутнаго времени. Эпоху эту онъ изслѣдуетъ съ соціальной и экономической стороны. Этой сторонѣ вопроса посвященъ послѣдній трудъ проф. С. Θ. Платонова, представленный для полученія степени доктора русской исторіи. Оба официальные оппонента высказались съ большой похвалой о трудѣ диспутанта. По словамъ проф. В. С. Иконникова, также много занимавшагося и писавшаго по исторіи смутнаго времени, трудъ проф. Платонова является одной изъ капитальнѣйшихъ монографій по данному вопросу. Проф. В. С. Иконниковъ указалъ на обширную эрудицію диспутанта, на выясненіе имъ многихъ интересныхъ вопросовъ, способныхъ пролить свѣтъ на смутное время и причины, подготовившія броженіе умовъ во время Бориса Годунова. Проф. П. В. Голубовскій также отнесся съ большимъ почтеніемъ къ труду проф. Платонова. Неофициальный оппонентъ проф. З. Н. Завитневичъ ограничился нѣсколькими замѣчаніями. Историко-филологической факультетъ единогласно призналъ проф. С. Θ. Платонова достойнымъ искомой степени.

Диспутъ Н. А. Котляревскаго. 17-го октября, въ актовомъ залѣ Московскаго университета, Н. А. Котляревскій защищалъ на степень магистра исторіи всеобщей литературы диссертацию подъ заглавіемъ: «Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка. Ея основные этические и соціальные мотивы и ихъ отраженія въ художественномъ творствѣ». Во вступительной рѣчи Н. А. Котляревскій вкратцѣ познакомилъ публику, наполнившую актовую залу, съ основными положеніями своей книги. Міровая скорбь вырастаетъ на почвѣ несоотвѣтствія идеаловъ съ дѣйствительностью, но въ конечномъ подсчетѣ вырабатывается не столько страданіемъ, связаннымъ со всякимъ жизненнымъ процессомъ, сколько изъ нравственной неудовлетворенности челоука, и въ нѣкоторыя эпохи, въ ряду которыхъ наиболее видное мѣсто занимаетъ время, разсматриваемое диссертантомъ, достигала высшей точки напряженія. Поэтому книга г. Котляревскаго представляетъ не исторію міровой скорби на всемъ ея протяженіи, а лишь разсмотрѣніе ея въ предѣлахъ извѣстной эпохи. Процессъ развитія міровой скорби въ этихъ рамкахъ можно разбить на четыре періода: 1) сентиментализмъ съ его разладомъ идеала съ жизнью, когда міровая скорбь не знала ни отчаянія, ни ненависти къ людямъ; 2) Sturm-und Drangperiode съ расцвѣтомъ индивидуализма, съ вѣрой въ близкое нравственное перерожденіе міра, въ этотъ періодъ уже проявляются болѣе рѣзкія антигуманныя ноты, но онѣ не проводятся послѣдовательно; 3) позднѣйшая эпоха, когда развиваются стороны, придающія міровой скорби не только антигуманный, но и антисоціальный, эгоистическій колоритъ. Высшее выраженіе ея—поэмы: «Чайльдъ-Гарольдъ» и «Манфредъ» Байрона; 4) въ 10-хъ и 20-хъ годахъ XIX в. антигуманныя тенденціи понижаются, возрождается вѣра въ себя и въ ближняго, оживаетъ оптимизмъ и съ нимъ вмѣстѣ религиозное, философское и эстетическое міросозерцаніе. Первымъ официальнымъ оппонентомъ выступилъ проф. Н. И. Стороженко, который, признавая достоинства изслѣдованія, указалъ на недочеты книги; Леопарди, напримѣръ, такой яркій представитель міровой скорби, не разобранъ авторомъ достаточно обстоятельно; возрожденіе оптимизма въ началѣ XIX в. не можетъ быть при-

знано безусловнымъ, потому что въ эту эпоху писали такіе люди, какъ Бональдъ и Жозефъ де-Местръ; краткій очеркъ развитія идеи міровой скорби въ древности не полонъ, источники сентиментальнаго направленія указаны не всѣ (пропущенъ Шекспиръ съ его Дженомъ изъ комедіи «Какъ вамъ будетъ угодно»), не указано, что идея «Заговора Фіеско» была внушена Шиллеру Руссо, недостаточно подробно проанализированы «Коварство и любовь» и «Донъ Карлосъ». Второй официальный оппонентъ проф. А. Н. Веселовскій остановился на языкѣ автора, поставивъ ему въ упрекъ архаичность нѣкоторыхъ его терминовъ, указавъ на несовершенство архитектоники его книги, въ которой недостаточно разграничены понятія: пессимизмъ, міровая скорбь, индивидуализмъ, поклоненіе идеалу, возражалъ противъ приписаннаго французскому XVIII вѣку характера разсудочности, отсутствія въ немъ страсти, находя, что надо было обозначить эпоху точнѣе, не соглашался съ тѣмъ, что политическія ученія Руссо—силшная утопія; особенно подробно говорилъ оппонентъ о Байронѣ, находя свѣдѣнія автора нѣсколько устарѣлыми и не соглашаясь съ нимъ въ томъ, что «Островъ» явился лебединой пѣсней міровой скорби, потому что за «Островомъ» слѣдовалъ «Бронзовый вѣкъ». Скорбники не исчезли послѣ конца разсмотрѣннаго авторомъ періода, потому что жилъ еще Ленау и Мюссе. Затѣмъ В. И. Герье указавъ на достоинства книги съ чисто исторической точки зрѣнія. Проф. Р. Ф. Брандтъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно перевода различныхъ мѣстъ изъ поэтовъ. Два послѣдніе оппонента, г. Фриче и Шулятиковъ, выставляли на видъ то обстоятельство, что авторъ совершенно упустилъ изъ виду социальныя условія, при которыхъ возникало то или другое изъ разобранныхъ имъ произведеній. Пренія закончились въ пятомъ часу, послѣ чего деканъ историко-филологическаго факультета, проф. А. И. Кирпичниковъ, прочитавъ отзывъ о диссертациі, объявилъ г. Котляревскаго магистромъ исторіи всеобщей литературы.

С.-Петербургское археологическое общество. I. 16-го октября, подъ предсѣдательствомъ С. Ф. Платонова, состоялось засѣданіе Русскаго отдѣленія общества. Послѣ доклада секретаремъ текущихъ дѣлъ, А. К. Марковъ сдѣлалъ сообщеніе о кладѣ, найденномъ въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Л. И. Бродскаго. Кладъ былъ обнаруженъ каменщикомъ при кладкѣ фундамента; въ немъ заключалось до 20 золотыхъ монетъ, два золотыхъ кольца, одинъ золотой браслетъ и двѣ золотыхъ гривны, а также двѣ ручки отъ глиняной амфоры и желѣзный замокъ. Шестнадцать монетъ и обѣ гривны поступили въ настоящее время въ Императорскій Эрмитажъ. Всѣ монеты, за исключеніемъ одной арабской, принадлежатъ византійскимъ императорамъ времени 973—1059 гг. и никакой рѣдкости изъ себя не представляютъ. Но весьма интересна находка золотыхъ гривенъ, такъ какъ до сихъ поръ еще онѣ не попадались, хотя, впрочемъ, существованіе ихъ засвидѣтельствовано однимъ мѣстомъ лѣтописи, и о нихъ упоминалъ А. А. Куникъ въ своемъ изслѣдованіи: «О русскихъ и византійскихъ монетахъ». Въ преніяхъ принялъ участіе: А. А. Спицынъ, Н. И. Веселовскій, В. В. Бартольдъ и С. Ф. Платоновъ, указавшій, что золотыя гривны были найдены на Волини. Затѣмъ А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе «О майданахъ

въ южной Россіи». Майданомъ называется небольшой круглый валъ съ однимъ или нѣсколькими входами, окруженными двумя или болѣе симметрично расположенными боковыми валами. Майданы находятся въ Россіи въ бассейнѣ Днѣпра по его среднему и нижнему теченію, и, насколько извѣстно, кромѣ Россіи, нигдѣ не встрѣчаются. Въ преніяхъ приняли участіе: кн. П. А. Путятинъ, Н. И. Веселовскій, В. В. Бартольдъ и А. В. Комаровъ, высказавшій интересное предположеніе, не представляютъ ли эти южно-русскіе майданы остатки рудниковъ для добыванія какихъ либо минеральныхъ солей; на это, кромѣ ихъ устройства, указываетъ до нѣкоторой степени ихъ названіе, представляющее, быть можетъ, искаженное персидское «мадана», что значитъ заводъ для добычи минераловъ. Послѣ этого А. А. Спицынъ сдѣлалъ два краткихъ сообщенія: одно о находкахъ въ курганѣ, раскопанномъ студ. Грековымъ въ Царицынскомъ уѣздѣ, близъ сл. Гусевки; другое—о хранящемся въ Московской Оружейной палатѣ шлемѣ Ярослава Всеволодовича, найденномъ въ 1808 году во Владимірской губ., въ селѣ Лыковѣ. II. 18-го октября, подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія общества. Секретарь отдѣленія С. А. Жебелевъ прочелъ составленный имъ крайне сочувственный некрологъ покойнаго члена общества и хранителя его музея В. Г. Бока. Память покойнаго была почтена вставаніемъ. Затѣмъ М. И. Ростовцевъ сдѣлалъ докладъ о новыхъ надписяхъ изъ Македоніи. III. 21-го октября, подъ предсѣдательствомъ бар. В. Р. Розена, состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія общества. П. Н. Коковцевъ далъ весьма интересный отчетъ о занятіяхъ семитической секціи XII съѣзда ориенталистовъ въ Римѣ. Почти всѣ доклады, сдѣланные въ семитической секціи, были посвящены вопросамъ семитской филологіи и критикѣ неясныхъ мѣстъ библіи, но одинъ изъ докладовъ имѣлъ болѣе общій интересъ, а именно — одинъ изъ итальянскихъ ученыхъ показалъ, что въ «Божественной Комедіи» Данта тѣ два мѣста, относительно которыхъ ученые не могли дать никакого объясненія, написаны по-еврейски, и докладчикъ далъ весьма удовлетворительный переводъ этихъ темныхъ мѣстъ. С. Θ. Ольденбургъ представилъ отчетъ о занятіяхъ индійской и иранской секціи XII съѣзда ориенталистовъ въ Римѣ. Своему изложенію сущности наиболѣе выдающихся рефератовъ секціи докладчикъ предпослалъ общій очеркъ дѣятельности съѣзда и высказалъ, что, по его мнѣнію, съѣздъ нельзя назвать особенно удачнымъ. Какъ на недостатки съѣзда, С. Θ. Ольденбургъ указалъ на чересчуръ мелкое дробленіе его на секціи, благодаря чему дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ была ничтожна; кромѣ того, къ недостаткамъ съѣзда слѣдуетъ, по мнѣнію докладчика, отнести привнесеніе политики дня въ нѣкоторые доклады, а также не всегда строго научный характеръ докладовъ и не совсѣмъ аккуратное веденіе протоколовъ засѣданій. Какъ на крупныя предпріятія, намѣченныя секціей, С. Θ. Ольденбургъ указалъ на три, а именно: было предположено создать три международныхъ общества: одно—для изслѣдованія Индіи въ археологическомъ отношеніи, другое—для такого же изслѣдованія русской Центральной Азіи и третье—для изданія эпическихъ текстовъ Индіи. Въ заключеніе Н. И. Барсовъ, въ дополненіе къ сообщенію П. Н. Коковцева, который предъявилъ собравшимся

роскошное критическое изданіе, сдѣланное въ Англии, книги пророка Исаи, указаль, что въ библиотекѣ С.-Петербургской духовной академіи имѣются рукописные труды по критикѣ текста пророка Исаи Сабинина и прот. Павскаго. Труды эти, конечно, въ настоящее время устарѣли, но имѣютъ несомнѣнный историческій интересъ, и Н. И. Барсовъ полагаетъ, что они заслуживаютъ вниманія русскихъ семитологовъ.

Московское археологическое общество. 19-го октября, въ засѣданіи археографической комиссіи общества, Г. Н. Шмелевымъ былъ прочитанъ докладъ объ источникахъ соборнаго уложенія 1649 года, составленію котораго скоро истекаетъ 250-лѣтіе. Докладчикъ прежде всего остановился на земскомъ соборѣ, созванномъ 1-го сентября 1649 года по поводу уложенія. По вопросу о томъ, какое значеніе имѣлъ земскій соборъ, какъ источникъ уложенія, одни изслѣдователи, какъ извѣстно, полагаютъ, что участіе созданныхъ въ Москвѣ выборныхъ людей было только пассивнымъ; другіе признаютъ за ними активную роль. Докладчикъ допускалъ основательность только второго мнѣнія, аргументируя свое положеніе тѣмъ, что самое составленіе уложенія было предпринято Алексѣемъ Михайловичемъ въ большой степени вслѣдствіе многочисленныхъ челобитій, приходившихъ изъ разныхъ городовъ, а также и имѣющимися въ самомъ уложеніи данными, подтверждающими правильность указаннаго мнѣнія: это — статьи объ учрежденіи монастырскаго приказа и о воспрещеніи духовенству покупать и принимать въ залогъ вотчины. Докладчикъ полагалъ при этомъ, что число статей, составленныхъ при участіи выборныхъ, значительно болѣе того, какое допускается профессоромъ Сергѣевичемъ (19), но въ то же время менѣе, нежели то, какое указывается профессоромъ Загоскимъ (82). Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію докладчика, участіе выборныхъ не ограничилось однѣми статьями, долженствовавшими отвѣтить потребностямъ русской жизни, не находившимъ разрѣшенія въ предшествовавшей уложенію законодательной дѣятельности; участіе это отразилось, напримѣръ, на главѣ о выкупѣ плѣнныхъ. Докладчикъ присоединился также къ мнѣнію профессора Владимірскаго-Буданова относительно пользованія при составленіи уложенія литовскимъ статутомъ, но выразилъ сомнѣніе, что источникомъ уложенія служило также и обычное право (какъ думаетъ профессоръ Латкинъ). Заключая въ себѣ много чуждыхъ элементовъ, большое количество иноземнаго законодательнаго матеріала, уложеніе царя Алексѣя Михайловича, по мнѣнію докладчика, едва ли можетъ претендовать на значеніе строго-національнаго русскаго законодательнаго памятника. Второй докладъ, прочитанный въ томъ же засѣданіи секретаремъ комиссіи М. В. Довнаръ-Запольскимъ, былъ посвященъ выясненію значенія кадастра, произведеннаго въ литовско-русскомъ государствѣ въ половинѣ XVI вѣка. Къ этому времени въ Литовской Руси произошелъ крупный соціально-экономическій переломъ. Онъ заключался въ томъ, что общественный строй уложился въ сословія — шляхетское, мѣщанское и крестьянское. Въ экономическомъ отношеніи переломъ выразился въ томъ, что подъ вліяніемъ западно-европейскаго рынка въ торговлѣ на первый планъ выступили продукты сельскаго хозяйства, а охотничьи промыслы стали терять свое значеніе. Эти измѣненія вызвали паденіе древне-русскаго строя во-

обще и отразились на государственномъ хозяйствѣ. Правительство ввело въ государственныхъ доменахъ новую систему хозяйства и обложенія крестьянъ; это такъ называемая волочная система, заимствованная изъ Германіи. Основной единицей обложенія принята была волока, т. е. участокъ земли въ $19\frac{1}{2}$ десятинъ. Установленіе однообразной единицы обложенія значительно упрощало податную систему и облегчало крестьянство. вмѣстѣ съ тѣмъ была введена трехпольная система среди крестьянъ, а въ доменальное хозяйство введена фольварочная система. Для производства этой сложной реформы правительству понадобилось произвести кадастръ. Памятники этого кадастра, такъ называемыя ревизіи, представляютъ собою историко-статистическій матеріалъ первостепенной важности.

Библиологическое общество. 9-го октября, состоялось въ помѣщеніи Археологическаго института второе собраніе общества, которое было посвящено выборамъ должностныхъ лицъ и окончательной организаціи общества. На должность предсѣдателя общества, отъ которой, по недостатку времени, отказался академикъ Л. Н. Майковъ, избранъ А. М. Ловягинъ. Затѣмъ избраны вице-предсѣдателемъ общества В. Ѳ. Боцяновскій, секретаремъ М. А. Полиевктовъ, библиотекаремъ А. С. Раевскій, казначеемъ К. І. Храневичъ, членами совѣта: А. И. Браудо, Н. М. Лисовскій, А. І. Лященко и П. Н. Шефферъ. Собраніе единогласно постановило выразить глубокую благодарность директору Археологическаго института В. Н. Покровскому за разрѣшеніе пользоваться для собраній помѣщеніемъ института. По предложенію совѣта общества, утвержденному собраніемъ, постановлено приступить при первой возможности къ изданію «Сборника», въ который войдетъ, между прочимъ, очень цѣнный трудъ г. Яновскаго, представляющій собой полный обзоръ и перечень всѣхъ существующихъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ библиографическихъ пособій. Въ заключеніе В. Ѳ. Боцяновскій сдѣлалъ докладъ о послѣдней международной библиографической конференціи, состоявшейся въ октябрѣ 1898 года. Отмѣтивъ замѣчаемое въ послѣднее время несомнѣнное развитіе интереса къ библиографіи, объясняемое невозможностью далѣе, безъ помощи библиографовъ, разбираться въ морѣ книгъ, статей и брошюръ, докладчикъ подробно остановился на дѣйствующемъ съ 1895 г. въ Брюсселѣ постоянномъ международномъ библиографическомъ бюро. Затѣмъ онъ указалъ на постановленіе лондонской конференціи приступить къ изданію огромнаго международного каталога точныхъ наукъ. Вопросы, связанные съ этимъ изданіемъ, настолько обширны, что для ихъ окончательнаго рѣшенія на Пасху 1900 г. будетъ создана новая конференція. По предложенію проекта, предполагаемый каталогъ (въ 16 томовъ) ежегодно будетъ стоить 5.600 фунт. стерл., и потому для покрытія расходовъ всѣмъ участвующимъ въ предпріятіи государствамъ придется приобрѣтать по 350 экз. на каждую страну. Делегаты, которые отправляются на предстоящую конференцію, должны будутъ имѣть полномочія и финансовыя, и всякія иныя. Делегатомъ Россіи на конференціи 1898 г. состоялъ по назначенію Академіи Наукъ Ѳ. П. Келпевъ.

Географическое общество. I. 13-го октября, состоялось общее засѣданіе членовъ общества подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова. Въ началѣ засѣ-

данія былъ прочитанъ докладъ ревизіонной комиссіи, образованной для разсмотрѣнія отчета географическаго общества 1898 года. Ревизіонная комиссія пришла къ заключенію, что результаты годовой дѣятельности общества соотвѣтствуютъ вполнѣ его задачамъ, что изъ бюджета 41 тыс. 31 тысяча пошла на научныя изслѣдованія и преимущественно окраинъ нашей имперіи; при этомъ комиссія не могла не выразить нѣкоторыхъ пожеланій, именно, чтобы вниманіе общества было обращено также на центръ Россіи, фізіономія котораго за послѣдній періодъ времени такъ сильно измѣнилась въ этнографическомъ отношеніи, а также на нашъ Сѣверъ, лишенный точнаго матеріала; желательна была бы болѣе оживленная связь между обществомъ и его отдѣлами; впрочемъ, въ первый разъ въ данномъ отчетѣ является дѣятельность всѣхъ отдѣловъ. Относительно этихъ пожеланій совѣтъ общества представилъ свои соображенія касательно центра. Кромѣ изслѣдованія курской магнитной аномаліи, стараніями общества вся Россія покрыта сѣтью метеорологическихъ станцій; помимо того, общество принимаетъ дѣятельное участіе въ трудахъ правительства, ведущихся по изслѣдованію центра, въ послѣднее время, въ широкихъ размѣрахъ. Наконецъ, общество имѣетъ цѣлью заняться изученіемъ списковъ послѣдней переписи, дающихъ богатый матеріалъ для выясненія этнографическихъ измѣненій, и совѣтъ намѣренъ возбудить ходатайство о передачѣ ему матеріала по переписи. Затѣмъ были доложены краткія свѣдѣнія о предпринятыхъ обществомъ въ нынѣшнемъ году крупныхъ экспедиціяхъ, изъ которыхъ самая значительная въ Центральную Азію, подъ начальствомъ П. К. Козлова, проникла къ концу августа къ южнымъ окраинамъ Алтая за Кобдоръ; предпринята экспедиція въ сѣверо-восточный уголъ Монголіи Потанинымъ и западно-сибирскимъ отдѣломъ — изученіе озеръ Акмолинской области, и по самому большому изъ нихъ, Тенгизъ, изслѣдовано около 200 верстъ. Послѣ того д-ръ П. В. Щусевъ сдѣлалъ интересный докладъ о своемъ путешествіи въ Абиссинію и къ истокамъ Голубого Нила, демонстрировавъ фотографію на экранѣ и огромную вывезенную имъ коллекцію оружія, одежду, украшеній, чучель животныхъ и т. п. Описаніе Абиссиніи, Менелика, его столицы и окружающей обстановки болѣе или менѣе уже извѣстно, поэтому остановимся только на обратномъ пути д-ра Щусева, который представляетъ интересъ, какъ мало извѣстный. Докладчикъ, несмотря на опасность пути, пожелалъ вернуться черезъ городъ Фитше, провинцію Годжамъ, озеро Цану, Массову, а главное посѣтить истоки Голубого Нила. Послѣ большихъ трудностей, экспедиція достигла горъ Гольдже и Голубого Нила; у Гольдже Голубой Ниль лежитъ въ ущельи, на глубинѣ 3 тыс. футовъ, спускъ къ нему продолжался 2 дня, подъ уклономъ 35°, переправляться пришлось въ бродѣ, въ присутствіи крокодиловъ и гинопотамовъ; переправившись, путешественники очутились въ Годжамѣ, и д-ръ Щусевъ отправился окружнымъ путемъ къ озеру Цана, чтобы посѣтить истоки Голубого Нила, который беретъ начало въ Сѣверномъ Годжамѣ — въ своемъ началѣ онъ представляетъ узенькую рѣчку, которую легко перескочить, истоковъ у него 7, изъ коихъ важнѣйшій Гюнъ. Къ озеру Цана Голубой Ниль течетъ подъ уклонъ, достигающій высоты 6.150 фут., и съ силой врывается въ озеро. Озеро Цана покрыто островами, на которыхъ находятся церкви и мона-

стыри, въ одной изъ которыхъ докладчикъ встрѣтилъ очень интересныя рисунки, изображающіе преслѣдованіе евреевъ египтянами, при чемъ египтяне уже поглощены моремъ, и у нихъ торчатъ только дула ружей, а евреи стрѣляютъ въ нихъ съ берега изъ пушекъ. Здѣсь же доктору были показаны священникомъ русскіе крестъ и икона суздальскаго образца. Двигаясь съ юга на сѣверъ, г. Щусевъ посѣтилъ древнюю столицу Эѳіопіи, Годранъ, разрушенную дервишами, съ остатками огромныхъ португальскихъ дворцовъ и замковъ. На засѣданіи присутствовалъ иностранный почетный гость—американецъ Вауеръ, привезшій очень интересныя карты и давшій по нимъ нѣкоторыя объясненія.

II. 26-го октября, въ засѣданіи отдѣленій физической и математической географіи А. Н. Красновъ сдѣлалъ сообщеніе: «Географическій очеркъ округа Сочи на Черноморскомъ побережьѣ». Г. Красновъ въ сжатомъ красивомъ очеркѣ далъ наглядную картину въ отношеніи геологіи, флоры и фауны этого благодатнаго края, представлявшаго еще такъ недавно малоизвѣстныя дебри, но теперь быстро оживающаго и обращающаго на себя вниманіе и администраціи, и частныхъ колонизаторовъ. Свѣдѣнія докладчика тѣмъ болѣе цѣнны для насъ, что они почерпнуты на мѣстѣ, а также потому, что имѣющаяся у насъ литература о Сочи очень бѣдна и, что еще хуже, большею частью невѣрна. Сочи—это узкая береговая полоса, верстъ въ 40, граничащая на югѣ съ Кутаисской губерніей и на сѣверѣ рѣкою Шахе. Сочи принято изображать въ видѣ гигантскихъ трехъ лѣстницъ, спускающихся отъ главнаго хребта къ морю; это совершенно неправильно,—говоритъ докладчикъ,— всѣ эти три хребта почти одинаковы по своей вышинѣ (вершины до 10 тыс. фут.) и являются какъ бы зубьями одной пилы. Прибрежные хребты достигаютъ высоты болѣе 1.000 фут., хотя ихъ исчисляють обыкновенно менѣе 300 фут. Эти три хребта отступаютъ отъ берега верстъ на 15, но во время сильныхъ бурь море доходитъ до нихъ и продолжаетъ свою работу размыванія. Главнѣйшія рѣки промываютъ продольныя долины, заворачиваютъ къ морю, впадаютъ въ него и прорываютъ хребты. При своемъ выходѣ онѣ весьма суживаются, что ведетъ часто къ быстрымъ наводненіямъ. Климатъ Черноморскаго побережья крайне разнообразенъ. Воейковъ въ своей брошюрѣ сравниваетъ Сочи съ Ривьерой; по его мнѣнію, климатъ Сухума ниже климата Ниццы въ средней температурѣ на 0,7°. Октябрь, напримѣръ, въ Сухумѣ теплѣе, чѣмъ въ Ниццѣ. Докладчикъ указываетъ на огромную разницу количества падающей годовой влаги Ниццы, гдѣ выпадаетъ ея не болѣе 830 миллиметровъ, и Сухума, гдѣ много болѣе 1.000; еще большая разница въ этомъ отношеніи между Сочи и Ривьерой. Докладчикъ находитъ болѣе аналогіи въ климатѣ даннаго края и Японіи. Въ Сочи, наприм., 17° средней температуры и теплѣе, чѣмъ въ Токио, гдѣ 15°. Вся растительность Японіи можетъ быть перенесена въ Батумскій округъ, гдѣ теперь воздѣлывается болѣе 100 десят. чая, который обрабатываютъ наши тамбовскіе мужички, при чемъ урожай получается не менѣе, чѣмъ въ Китаѣ; здѣсь же свободно растутъ мандарины, бумажное дерево и цѣлыя бамбуковыя роци. Сочи, хотя не находится въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ Батумъ, но свободно можетъ дать пріютъ растеніямъ Иокогамы, Калифорніи, Австраліи, Новой Зеландіи и т. п. Но есть черты, весьма отлича-

юція Черноморскій край отъ тропическихъ странъ, — это присутствіе холоднаго Чернаго моря и господство бризъ, благодаря чему происходитъ крайняя разниця температуръ на незначительныхъ промежуткахъ, что рѣзко влияетъ и на растительность. По первому впечатлѣнію вся береговая полоса кажется покрытой лиственнымъ лѣсомъ Западной Европы, но на самомъ дѣлѣ онъ далеко не однороденъ, — за первымъ береговымъ контрафорсомъ исчезаетъ букъ, каштанъ и появляется сосна (*pinus maritima*). Флора вообще раздѣляется на продукты влаги и сухости. Въ нѣкоторыхъ лѣсахъ мы, какъ подъ тропиками, видимъ гигантовъ, обвитыхъ лианами, виноградомъ и плющемъ, стволы которыхъ толщиной въ руку; трава почти отсутствуетъ; лѣсъ на мѣстахъ, когда-то обрабатываемыхъ черкесами, совсѣмъ другой, состоящей изъ черной ольхи; если мы завернемъ за берегъ, за хребты въ ущелья, гдѣ отсутствуетъ вліяніе бризъ, то тамъ увидимъ вѣчно зеленый лѣсъ, съ породами деревьевъ, растущихъ на 8 и 10 тысячъ высоты Гималаевъ. Основательное знакомство съ такимъ климатическимъ разнообразіемъ необходимо для будущаго колонизатора и эксплуататора края. По мнѣнію докладчика, климатъ Сочи скорѣе всего совпадаетъ съ климатомъ юго-западной Франціи (склоны Пиренеевъ). Январь мѣсяцъ въ Сочи имѣетъ въ среднемъ температуру 4,4, — въ Тулузѣ 4°, лѣто и осень теплѣе, чѣмъ въ Тулузѣ, распределеніе осадковъ почти одинаково; поэтому въ Сочи прекрасно можетъ приниматься французскій черносливъ, персики, виноградъ. Почва Сочи также ошибочно считается за черноземъ, ей можно дать діаметрально противоположное названіе — бѣлоземъ, она бѣла, какъ бумага; черноземъ содержитъ массу солей, почва же Сочи представляетъ полное выщелачиванье; теперь плодородна она, благодаря солнцу и влагѣ, но въ будущемъ потребуетъ обильнаго удобренія; овощи, родящіеся на этой почвѣ, водянисты, а фрукты не выносятся перевозкой. То, что считается въ Сочи за черноземъ, есть перегной листвы и болота, образующійся въ дѣвственныхъ лѣсахъ. Что касается животнаго царства, то Сочи — Эльдorado для охоты: тутъ и медвѣди, и шакалы, стада дикихъ козъ, кабановъ и т. п. Такое разнообразіе населенія, какъ въ Сочи, едва ли можно встрѣтить гдѣ либо на Кавказѣ: персіяне, армяне, греки, турки, черкесы живутъ рядомъ въ перемежку съ грузинами, мингрельцами, эстами, нѣмцами, великороссами, малороссами; самыми полезными элементами въ смыслѣ культивировки края являются русскіе и нѣмцы. Въ заключеніе А. Н. Красновъ указалъ на несправедливыя жалобы на неудачи съ опытами плантаторской дѣятельности на сочинской почвѣ; неудачи эти зависятъ исключительно отъ неумѣлаго выбора мѣстности по незнанію климата.

Археологическія раскопки въ Бахчисараѣ. Случайно открытый два года назадъ древній мусульманскій мавзолей въ окрестностяхъ Бахчисарая въ урочищѣ Канлы, или Ханлы-Дере (т. е. ханская долина), заставилъ обратить вниманіе на эту мѣстность, и приступлено было къ правильнымъ археологическимъ раскопкамъ, начавшимся въ октябрѣ. Прежде всего приступлено было къ снятію верхушки небольшого кургана. Снявъ насыпь аршина на два, наткнулись на куполь подземнаго мавзолея и открыли надкупольное отверстіе (тишикъ); отверстіе это было довольно широкое. Наблюдающій за работами

спустился въ склепъ (кашане). Въ склепѣ—полный хаосъ скелетовъ и разбросаны камни; внутри склепа къ южной стѣнкѣ задѣланъ выступъ шириною въ 1 аршинъ и длиною въ 3¹/₂ аршина и замазанъ известковымъ цементомъ, которымъ заштукатурена вся внутренность склепа. Съ восточной стороны склепъ имѣетъ погребальный входъ «бабъ», который забить булыжникомъ. Между человѣческими костями находятся бараньи челюсти, лошадиные зубы и ср. костяки нечеловѣческаго скелета, а на выступѣ лежитъ превратившаяся въ труху деревянная лопатка. Глубина склепа 5¹/₂ аршинъ. Несмотря на герметичность склепа, внутри была масса сверчковъ и три чернаго цвѣта паука, а также коконъ паука величиною съ голубиное яйцо. Но не прошло и недѣли, какъ 13 октября сдѣлано было болѣе важное археологическое открытіе. Недалеко отъ перваго мавзолея открытъ другой, значительно большій. Когда главный руководитель археологическихъ изысканій вошелъ въ этотъ склепъ и освѣтилъ его свѣчами, то оказалось, что въ этомъ высококомъ подземномъ зданіи находится 13 деревянныхъ гробовъ, покрытыхъ, повидимому, нѣкогда богатою парчею. Собственно, это не гробы, а ящико-подобныя покрывки, подъ которыми на цементированномъ полу лежатъ костяки. Подъ влияніемъ свѣжаго воздуха, ворвавшася въ это жилище смерти, парча стала быстро разсыпаться; тѣмъ не менѣе, на одномъ изъ покрововъ можно было съ ясностью прочесть и съ точностью скопировать надпись на арабскомъ языкѣ, гласящую: «Керымъ Гир...». Здѣсь предполагаютъ, что это, быть можетъ, гробница извѣстнаго хана Керымъ, или, какъ у насъ принято говорить, Крымъ-Гирея. Посреди склепа стоитъ массивный желѣзный четырехножникъ, вѣроятно, служившій жаровней для воскуренія ароматныхъ травъ при погребеніи. По распоряженію г. Иваненко, входъ въ этотъ мавзолей опять задѣланъ до пріѣзда компетентныхъ лицъ, въ цѣляхъ опредѣленія историческаго значенія открытаго мавзолея. Нельзя еще не отмѣтить, что на одной изъ скалъ урочища Ханлы-Дере замѣчено грубо высѣченное изображеніе руки съ указательнымъ пальцемъ, обращеннымъ въ сторону открытыхъ мавзолеевъ и съ татарской надписью: «скуда». Однако, полагаютъ, что указаніе это относится не къ мавзолеямъ, но имѣетъ какое нибудь другое значеніе.

Герцогскій архивъ въ Митавѣ. (Сообщеніе комиссіи по разбору герцогскаго архива). V отдѣлъ. Герцогъ Фридрихъ-Казимиръ (1682—1698 г.), всего 229 ¹⁾ номеровъ.

Общая дѣла (34 номера). Относительно пребыванія герцога за границею въ германскихъ учебныхъ заведеніяхъ и нидерландской арміи имѣются подробныя свѣдѣнія: письма и донесенія его воспитателя Флемминга и переписка принца съ родными. Фридрихъ-Казимиръ занялъ родительскій престолъ, не встрѣтивъ препятствій со стороны Польши, о чемъ свидѣтельствуютъ инструкція посольству, отправленному въ Варшаву, и выданныя, вскорѣ послѣ, инвентарныя грамоты Іоанна III, сохранившіяся въ подлинникахъ. Интересны: подробная опись наслѣдства, оставшагося послѣ герцога Якова, и бумаги, относящіяся къ удовлетворенію претензій сонаслѣдниковъ. Вопросъ о субсидіяхъ

¹⁾ Слѣдуетъ читать 224, что составляетъ итогъ по рубрикамъ.

Польшѣ для войны съ Турціей затрогивается, какъ въ рубрикахъ «польскія дѣла», такъ и въ рубрикѣ «земскія дѣла». Результатомъ поѣздки герцога въ 1689 году въ Германію является грамота 14 января 1690 года (Вѣна) о пожалованіи ему титула «свѣтлѣйшій». Сохранилось небольшое количество черновиковъ писемъ герцога, инструкцій дипломатическимъ агентамъ, проектъ завѣщанія и неоконченное повѣствованіе о послѣднихъ часахъ жизни герцога (январь 1698 г.).

58 номеровъ рубрики «Внутреннія дѣла» даютъ живую картину тогдашняго быта (многочисленныя письма частныхъ лицъ на имя герцога, прошенія съ резолюціями, судебныя дѣла, въ томъ числѣ бракоразводное дѣло противъ шастора Доергега, паспорта, квитанціи и много бумагъ, относящихся къ экономической жизни Курляндіи, напримѣръ, о дровяномъ спускѣ, о раздачѣ сѣна и соломы оберъ-ратамъ, о ловлѣ осетра, о доходахъ приморскихъ фохтовъ и т. д.).

По вѣшной политикѣ наряду съ донесеніями Николая Хвальковскаго, Путкаммера и Шуберта, служившихъ уже при Яковѣ, съ интересомъ читаются донесенія изъ Варшавы, Кракова и Данцига, Кодровскаго, шталмейстера Цэге (Zoegel) и надворнаго совѣтника Лау (Lau); они особенно замѣчательны во времени смерти короля Іоанна Собіескаго (1696) и избранія Августа II Саксонскаго. Матеріаль, относящійся къ этой эпохѣ, особенно богатъ: *diarium comitale* 1697 года, начинающееся съ избирательнаго сейма, особенно цѣнно. Сношенія съ Швеціей (11 номеровъ). Сообщенія Р. Амелунга (1687 и 1688 гг.) и болѣе замѣчательныя донесенія Зибранда фонъ-Зехелена (1693—1698 гг.). Протоколъ шведско-польской комиссіи 1694 года, засѣдавшей въ Ригѣ, сохранился въ кожаномъ переплетѣ. Переговоры, касающіеся почтовой части, переписка герцога съ Гастферомъ (Hastfer) 1690 г.

Сношенія съ Германіей (11 номеровъ). Сообщенія Эберлина до 1689 года, Зибрандъ 1688 и 1689 годовъ, изъ Регенсбурга; остальное мало интересно.

Сношенія съ нидерландскими генеральными штатами (4 номера) изображаются въ письмахъ адвоката Van der Brucht съ 1691 года и въ голландскихъ письмахъ съ 1696—1697 гг. Изъ сношеній съ Россіей сохранилось только 3 письма, изъ нихъ одно письмо Лефорта. Герцогъ въ 1682 и 1688 годахъ поставилъ Христіану V, королю датскому, рекрутъ. Замѣчается, что бывшее при герцогѣ Яковѣ оживленіе въ международныхъ сношеніяхъ при его преемникѣ притихло; рубрика «торговья сношенія» очень скудна. Переговоры съ Англіей на счетъ острова Табаго предвѣщаютъ исчезновеніе курляндской колоніи; купеческая книга 1698 г. содержитъ еще данныя о выбывшихъ во Францію и Голландію курляндскихъ судахъ; патетическій договоръ герцога съ персіяниномъ Phil. de Zagely (16 сент. 1696 г.) имѣетъ третьестепенное значеніе.

Содержательнѣе матеріаль, касающійся имущественныхъ отношеній первой и второй супруги герцога (34 номера)¹⁾: Софіи-Амалии Нассау-Зигенской и Елисаветы-Софіи Бранденбургской. Послѣдняя была щедро одарена мужемъ, и претензіи свои она черезъ барона Вертерна предъявляла вплоть до 1735 года.

¹⁾ №№ 1072, 1079, 1082 и 1083 не найдены. Всего должно быть 35 номеровъ.

16 номеровъ, касающихся герцогскихъ дѣтей ¹⁾, также представляютъ исключительно культурно-историческій интересъ.

VI отдѣлъ. Герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ ²⁾ (1698—1711 гг.) 16 номеровъ. Переписка съ матерью и съ сестрами даетъ матеріалъ для исторіи его молодости (1700—1710 г.). Заключительная часть переговоровъ относительно бракосочетанія съ Анною Іоанновною сохранилась полностью, брачный договоръ имѣется въ подлинникѣ и въ засвидѣтельствованной копіи (№ 1117 Росписи не найденъ).

VII отдѣлъ. Герцогъ Фердинандъ ³⁾ (1711—1735 г.). Этотъ отдѣлъ обнимаетъ собою 315⁴⁾ номеровъ, если сюда отнести рубрику «сѣверная война» (170⁵⁾ номеровъ). За исключеніемъ послѣдней рубрики весь этотъ матеріалъ лишень общаго интереса. «Общія дѣла» и «внутреннія дѣла» (25 и 46⁶⁾ номеровъ) касаются: пререканій относительно попечительства 1698—1701 г. (періодъ пребыванія герцога внѣ края, преимущественно въ Данцигѣ, гдѣ Фердинандъ былъ пассивнымъ зрителемъ всѣхъ политическихъ интригъ различныхъ претендентовъ на герцогскій престолъ), наконецъ постоянныхъ разногласій съ оберъ-ратами, управлявшими герцогствомъ. Важнѣе рубрика «польскія дѣла» (29 номеровъ): журналъ, постановленія и актъ избранія и соглашенія Варшавскаго сейма 1699 г. и первыя извѣстія о роли Курляндіи въ началѣ сѣверной войны; затѣмъ до 1711 года замѣчается весьма понятный ⁷⁾ пробѣлъ. Полное донесеніе о сеймѣ 1712 года, на нѣмецкомъ языкѣ; дѣла польской комиссіи 1717 года, учрежденной для разрѣшенія разногласій между герцогомъ и земствомъ, резолюціи которой получали силу законовъ; часть дѣлъ комиссіи 1727 года; интересныя донесенія Гофмана изъ Варшавы (1730 г.) и менѣе замѣчательныя Рыбжинскаго и Рафаила Бухгольца; ленная грамота Августа II на имя Фердинанда (февраля 1731 г.), согласно которой по смерти Фердинанда, послѣдняго потомка Кеттлера, герцогство должно было войти въ составъ царства Польскаго.

При герцогѣ Фердинандѣ впервые встрѣчается рубрика «русскія дѣла» (16 номеровъ). Уже въ 1699 г. герцогъ Фердинандъ, будучи правителемъ, вступаетъ въ переговоры съ русскимъ дворомъ изъ-за пропуска черезъ Курляндію русскихъ войскъ; сохранилось нѣсколько писемъ Петра Великаго, затѣмъ замѣчается тотъ же пробѣлъ до 1711 года, года вступленія въ Курляндію герцогини Анны. Сохранились данныя, касающіяся вмѣшательства Бестужева-Рюмина во внутреннія курляндскія дѣла. Пребываніе русскихъ

¹⁾ № 1098 не найденъ.

²⁾ Скончался восемнадцати лѣтъ; опекуномъ и администраторомъ былъ его дядя Фердинандъ до 1710 года.

³⁾ Дядя Фридриха-Вильгельма проживалъ преимущественно внѣ Курляндіи и фактически не управлялъ краемъ.

⁴⁾ Слѣдуетъ читать 316, хотя №№ 2146 и 2154 обозначаютъ одинъ документъ.

⁵⁾ Слѣдуетъ читать 147, совпадаетъ съ Росписью и съ общимъ итогомъ 316.

⁶⁾ № 1160 не найденъ, № 2130 пропущенъ въ Росписи.

⁷⁾ Подлинныя слова Шимава, который, повидимому, намекаетъ на время занятія Митавы иноземными войсками.

войскъ, претензіи герцогини Анны и князя Меншикова давали поводъ къ жалобамъ и переговорамъ.

«Шведскія дѣла» (4 номера); изъ нихъ наиболѣе замѣчательное относится къ 1697—1702 гг. «Лифляндскія дѣла», всего 4¹⁾ номера, въ томъ числѣ нѣсколько бумагъ, касающихся договоровъ и привилегій. Изъ «германскихъ дѣлъ» (4 номера) заслуживаетъ вниманія лишь переписка Фердинанда съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ I (1701—1703 г.). По дѣлу о восстановленіи правъ герцога Фердинанда, былъ отпущенъ во Францію графъ Лотаръ фонъ-Кэнигсеггъ (1717 г.).

Торговья сношенія почти прекратились. 5 относящихся сюда номеровъ частью древнѣе 1701 года, частью изображаютъ претензіи, предъявлявшіяся кредиторами къ разоренному роду Кеттлеровъ. Несчастное положеніе края живо рисуютъ 14 номеровъ «экономическія дѣла» (жалобы и прошенія). Последняя рубрика «судебныя дѣла» (20 номеровъ) заслуживаетъ вниманія; сохранились дѣла, которыя велъ самъ герцогъ, затѣмъ процессъ между суперинтендентомъ Грэвеномъ (Graeven) и діакономъ Бруннегрэберомъ (Brunnengraeber), въ которомъ затронутъ споръ о формулѣ, произносимой при благословеніи (споръ о примѣненіи двухчленного или трехчленного стиха), огромное дѣло противъ совѣтника Христіана Лау изъ-за задержаннаго, въ 1701 г. въ Мемелѣ, курляндскаго архива, наконецъ дѣло между названнымъ лицомъ и его братомъ Филиппомъ ф. Лауницемъ.

Весь остальной матеріалъ, относящійся къ правленію Фердинанда, подведенъ подъ рубрики «сѣверная война» (147 номеровъ)²⁾ и Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ.

Номера, относящіеся къ сѣверной войнѣ, довольно объемисты, они составляютъ архивъ шведскаго ген.-майора графа Адама-Людвика Левенгаупта, поскольку онъ былъ найденъ при взятіи города Риги и переданъ совмѣстно съ герцогскимъ архивомъ въ Митаву³⁾. Однако, повидимому, позднѣе были выдѣлены дѣла, не относившіеся къ Курляндіи. Сохранившееся составляетъ наиболѣе цѣнную часть архива, и значеніе этого матеріала далеко выходитъ за предѣлы Курляндіи⁴⁾. Шиманъ сохранилъ шведскіе заголовки на дѣлахъ. Большинство дѣлъ относится ко времени отъ 1702 года до мая или до іюня 1708 г., немногія доходятъ до 1709 года. Нельзя обойти молчаніемъ прекрасные снимки и рисунки, приложенные къ донесеніямъ. Такъ какъ во время шведской оккупации всѣ курляндскія внутреннія дѣла разсматривались и разрѣшались въ шведскихъ военныхъ канцеляріяхъ, то за 1702—1708 гг. шведскія дѣла рисуютъ и внутреннее состояніе Курляндіи. Курляндскія дѣла вѣдалъ комендантъ города Митавы, Кноррингъ, а впоследствии подполковникъ ф. Саккенъ. Вѣсьма многочисленны подлинныя письма Карла XII: 54—на имя Кнорринга и Стюарта и 78, 1701 года,—на имя Мэрнера и Стюарта; въ позднѣйшіе годы

¹⁾ Слѣдуетъ читать 5 номеровъ.

²⁾ № 1340 не найденъ.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ Подлинныя слова Шимана.

ихъ меньше, и послѣ 1706 года ихъ вовсе уже нѣтъ. Русскихъ дѣлъ не сохранилось; по предположенію Шимана, они должны быть въ Москвѣ.

Матеріалъ, относящійся къ слѣдующему періоду курляндской исторіи (1737—1795 г.), несмотря на объемъ свой, не отличается полнотою, и эта часть архива болѣе всего пострадала отъ неустройства, царившаго до разбѣженія матеріала въ шкапахъ¹⁾, старый порядокъ нарушенъ, и многое, повидимому, было самовольно изъято.

VIII отдѣлъ. Сравнительно многое сохранилось по исторіи первыхъ трехъ лѣтъ правленія Эрнста-Іоанна Бирона (1737—1740 г.), всего 105 номеровъ, между тѣмъ какъ предшествовавшія многочисленныя претензіи на курляндскій престолъ, въ томъ числѣ и попытка знаменитаго графа Морица Саксонскаго, не оставили слѣдовъ въ архивѣ, но, судя по остаткамъ, именно архивъ Эрнста-Іоанна долженъ былъ быть особенно богатъ. Сохранившееся не лишено интереса, напримѣръ, документальная исторія рода Бирововъ²⁾. До 1731 года нѣтъ извѣстій, касающихся личности Бирона, за послѣдующее время замѣчательна переписка временщика, въ особенности его черновики, которые, къ сожалѣнію, не снабжены числомъ и мѣсяцемъ; наряду съ этимъ интересны сообщенія русскому двору, касающіяся больше русской, нежели курляндской политики (1732—1738), и многочисленныя письма иностранцевъ, искавшихъ покровительства Бирона. Вниманія заслуживаютъ письма герцога Лирія (Liria) изъ Вѣны, донесенія генерала Ласси о турецкой войнѣ (1735—1740 г.), письма Остермана, Бестужева, Мюнixa и Бисмарка; въ числѣ послѣднихъ сохранилось письмо 4/15 іюля 1737 г., въ которомъ онъ обѣщаетъ 20.000 талеровъ награды тому, кто доставитъ сбѣжавшаго изъ Данцига въ русское мундиръ короля Станислава.

Гораздо важнѣе донесенія Германа-Карла Кейзерлинга, который состоялъ агентомъ Бирона въ Варшавѣ³⁾, Берлинѣ, Дрезденѣ, Кенигсбергѣ, Данцигѣ и другихъ мѣстахъ. Онъ также игралъ дѣятельную роль при избраніи Бирона на герцогскій престолъ, и его донесенія имѣли значеніе для Фридрихштадтскаго договора (1737 г.), хотя спеціальнымъ повѣреннымъ по этому дѣлу состоялъ курляндскій канцлеръ Финкъ ф. Фивкенштейнъ; донесенія послѣдняго тоже сохранились. Сюда же относятся бумаги, оставленные адвокатомъ Гартманомъ. Вообще на счетъ конвенціи въ Данцигѣ (октября 1737 г.), Фрауштадтскаго договора и акта избранія сохранились подробныя данныя. Документы все сохранились въ подлинникахъ. Точно также и въ отношеніи послѣдующихъ 3 лѣтъ сохранился рядъ важныхъ документовъ, въ томъ числѣ черновики Бирона. Отношенія Бирона къ Польшѣ выясняются изъ писемъ Августа II, многочисленныхъ писемъ разныхъ польскихъ магнатовъ, дѣлъ варшавской генеральной конфедераціи 1735 года, донесеній Людовика Шендалеса изъ Данцига и, главнымъ образомъ, изъ переписки герцога съ Понятовскимъ. Послѣднее воспользовался

¹⁾ См. выше.

²⁾ № 1435 Росписки не найденъ.

³⁾ № 1451 Росписки не найденъ.

польскій историкъ Кантецкій ¹⁾). Что касается управленія внутренними дѣлами, то оно находилось въ рукахъ оберъ-ратовъ, такъ какъ Биронъ проживалъ въ Петербургѣ; письма и донесенія оберъ-ратовъ сохранились лишь отчасти. Замѣчательна, повидимому, переписка Бирона съ ратомъ І. Г. Гартманомъ. Постройка Руэнтальскаго дворца и Митавскаго замка подробно описываются въ донесеніяхъ Э. І. Ф. Бутлара и архитектора Барникеля. Нѣтъ матеріала по исторіи выкупа герцогомъ заложенныхъ, пріобрѣтенія новыхъ и меліорации старыхъ имѣній. Сохранились указанія относительно вывоза изъ Силезіи ткачей и устройства ткацкой фабрики. Дополненіемъ къ этому матеріалу, относящемуся къ экономическимъ вопросамъ, можетъ служить переписка императрицы Анны съ камергеромъ Бутларомъ, управлявшимъ императорскими вотчинами; въ остальномъ слѣды дѣятельности императрицы вполнѣ исчезли. Обильнѣе историческій матеріалъ въ перепискѣ Бирона съ Германіей. Сохранились 3 письма императора Карла VI на имя Бирона, въ томъ числѣ грамота, которою онъ приглашается къ участию въ общемъ княжескомъ съѣздѣ въ Силезіи; онъ объѣзжался письмами съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ I, которому онъ угождалъ высылкою рекрутъ; сохранилось также одно письмо Фридриха I, 1740 г. Отъ тайнаго совѣтника фонъ-Бракеля герцогъ получалъ политическія донесенія изъ Берлина. Къ Бирону обращались также иностранные князья, дорожившіе благоволеніемъ императрицы Анны (письма семьи Брауншвейгъ-Бевернской, Вольфенбютельской и несчастнаго Антона Ульриха 1738 г.). Остальные письма изъ Германіи происходятъ преимущественно отъ женскихъ потомковъ Кеттлерскаго дома и касаются ихъ наследственныхъ претензій. Имѣется еще копія извѣстнаго разсказа Бирона о его паденіи и ссылкѣ.

IX отдѣлъ. Курляндія безъ герцога (1741—1758 г. и 1758—1763 годъ, время правленія герцога Карла, принца саксонскаго, сына польскаго короля Августа), всего 33 ²⁾ номера. До 1749 года документы отражаютъ эпоху преобладанія русскаго вліянія и мѣстной неурядицы. Къ важнѣйшимъ документамъ можно отнести: рескрипты короля Августа II, бумаги, относящіяся къ вторичной кандидатурѣ графа Морица Саксонскаго, резолюціи оберъ-ратовъ, матеріалы и переписки съ русскимъ генераль-губернаторомъ Лифляндіи Петромъ де Ласи, манифестъ о вступленіи въ Курляндію 12.000 человекъ русскаго войска. Въ 1744 году дошло до разрыва между оберъ-ратами и дворянствомъ, который продолжался до избранія Карла, принца Саксонскаго, и подробно изложенъ въ сборникѣ курляндскихъ документовъ, составленномъ, вѣроятно, по порученію оберъ-ратовъ; вообще по исторіи этой распри имѣются весьма детальныя данныя.

Правленіе герцога Карла Саксонскаго въ архивѣ почти не оставило слѣдовъ, за исключеніемъ ленной грамоты и признанія его герцогомъ императрицею Елисаветою. Послѣсловіемъ къ его правленію служатъ дѣла Варшавскаго сейма 1764 года и относящіяся сюда донесенія. Къ этому времени отно-

¹⁾ Stanislaw Poniatowsky, Kastellan Krakowski, ojciec Stanislawu Augusta Posen. 1880.

²⁾ №№ 1540 и 1545 неточно обозначены.

сится также бывшее въ 1750 году наводненіе у Ангернскаго озера; за объясненіемъ этого явленія обратились къ математикамъ Moreau de Maupertuis и Леонарду Эйлеру; заключенія ихъ вмѣстѣ съ рисунками сохранились.

X отдѣлъ. Вторичное правленіе герцога Эрнста-Іоанна Бирона (1763—1769 г.); всего только 7 номеровъ, въ томъ числѣ послѣдняя ленная грамота (января 176 г.), касающаяся Курляндіи, завѣщаніе герцога въ копіи и подлинникъ утвержденія завѣщанія королемъ польскимъ (13 февр. 1769 г.). Остальное мало интересно.

XI отдѣлъ. Герцогъ Петръ (1769—1795 г.), 30 ¹⁾ номеровъ, даю щихъ небольшой и второстепенный матеріалъ. По предположенію Шимана, болѣе важныя бумаги должны находиться въ архивахъ Петербургскомъ, Дрезденскомъ, Берлинскомъ и въ частномъ архивѣ Бирановъ въ имѣніи Саганѣ, въ Силезіи.

Къ числу наиболѣе важныхъ изъ сохранившихся государственныхъ грамотъ можно отнести актъ уступки правленія Эрнстомъ-Іоанномъ сыну, польское утвержденіе наслѣдственного соглашения между герцогомъ Петромъ и принцемъ Карломъ Бирономъ (1771 г.), актъ обезпеченія соглашения между герцогомъ Петромъ и курляндскимъ дворянствомъ, данный Екатериною II (Петербургъ 18 февр. 1793 г.), наконецъ манифестъ курляндскаго дворянства (18 марта 1795 г.) объ отпаденіи отъ польскаго верховенства и леннаго отношенія съ упраздненною Польшею и актъ принятія русскаго владычества курляндскимъ правительствомъ и гауптманами (Митава 24 іюня 1795 г.). Остальное касается частью личныхъ дѣлъ герцога, преимущественно мало отрадной супружеской жизни его, и ожесточенныхъ споровъ съ дворянствомъ; но и здѣсь поражаетъ отсутствіе деталей. Изъ переговоровъ Nowen'a съ петербургскимъ кабинетомъ мало что сохранилось, развѣ, на примѣръ, нота графа Остермана на имя Nowen'a, въ которой объщается обезпеченіе акта соглашения между дворянствомъ и герцогомъ (18 февр. 1793 г.). Въ заключеніе можно упомянуть о письмахъ и рескриптахъ короля Станислава-Августа (1781—1787 гг.).

Къ счастью, къ перечисленнымъ актамъ слѣдуетъ прибавить богатый культурно-историческій матеріалъ. Прежде всего 38 ²⁾ номеровъ ландтагскихъ постановленій, поясняемыхъ 92 ³⁾ номерами земскихъ дѣлъ, содержащихъ всю переписку, жалобы, донесенія и инструкціи, касающіяся дѣятельности ландтаговъ. Матеріалъ герцогскаго архива гораздо полнѣе матеріала дворянскаго архива и заслуживаетъ подробнаго изученія. Рубрика «судебныя дѣла» (34 ⁴⁾ номера) менѣе интересна, она содержитъ дѣла, касающіяся положенія собственно адвокатовъ, нѣкоторыя исковыя дѣла, вызовы и правительственныя распоря-

¹⁾ № 1606 не найденъ.

²⁾ Обнаружено лишь 37 номеровъ, а именно, №№ 1694—1729 и № 1793; они въ переводѣ К. А. Военскаго не вошли.

³⁾ Обнаружено 85 номеровъ, а именно №№ 94—98, 194, 971, 1017, 1614, 1615, 1620—992. Эти номера въ переводѣ К. А. Военскаго не вошли.

⁴⁾ А именно №№ 2014—2048, не вошедшіе въ переводѣ Военскаго.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1899 г. LXXVIII.

женія. Гораздо важнѣе 221¹⁾ номеръ канцелярскихъ экспедиціонныхъ бумагъ, составляющихъ самый обширный отдѣлъ архива. Онѣ обнимаютъ всѣ годы, начиная съ 1711 и кончая 1796 годомъ, немногія относятся ко времени герцога Якова. Расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, прошенія, поступавшія на имя герцога вмѣстѣ съ резолюціями, представляютъ чрезвычайно важный матеріаль, и въ подробностяхъ отражаютъ матеріальныя и соціальныя условія тогдашней эпохи. Полная неурядица въ десятилѣтіе, предшествовавшее присоединенію Курляндіи къ Россіи, исторія уни бургероувъ, какъ равно и промышленная, правовая и бытовая подкладка частной жизни, ярко освѣщается этими «канцелярскими бумагами», которыя, если прибавить еще 35²⁾ номеровъ, касающихся исторіи городовъ, представляютъ изъ себя неоцѣнимый историческій матеріаль. Древнѣйшіе изъ городскихъ документовъ относятся къ 1361 г. (Гольдингенъ, конія привилегіи Арнольда фонъ Фитингофа), 1569 г. (Виндава), 1605 г. (Митава), 1614 г. (Либава и Гробинь), 1635 г. (Баускъ), 1637 г. (Фридрихштадтъ), 1689 г. (Якобштадтъ). Новѣе, временъ Фердинанда, документы, относящіеся къ мѣстечкамъ: Туккумъ, Кандава, Цабельнь, Дурбень, Гейлингенахъ, Шлокъ. По содержанію своему эти дѣла даютъ полный матеріаль по исторіи цехоувъ и ремесленныхъ статутовъ (Schragen), многочисленныя указанія на положеніе торговли и промышленности, на важнѣйшіе судебные споры и наконецъ на разногласія въ средѣ городовъ и на пререканія городовъ съ рыцарствомъ.

XII отдѣлъ. Пильтенскія дѣла³⁾. Кромѣ всего указаннаго матеріала, архивъ содержитъ цѣнное дополненіе къ Пильтенскому архиву⁴⁾. Прежде всего важное дѣло, относящееся къ 1570—1612 г., въ которомъ заслуживаютъ вниманія письма герцога Магнуса и маркграфа Георгія-Фридриха Бранденбургскаго. Договоръ 1597 года, коимъ Пильтенъ былъ уступленъ окончательно герцогу Фридриху, сохранился въ засвидѣтельствованной копіи. Данныя по исторіи уступки закладнаго права на Пильтенъ Оттономъ-Эрнестомъ фонъ Майдель герцогу Якову въ 1656 г. сохранились также въ герцогскомъ архивѣ. Нападеніе шведоувъ въ 1657 и 1658 году также выясняется новыми данными; чрезвычайно обилень матеріаль, относящійся ко времени послѣ Оливскаго трактата (1660 г.). Переписка герцога Якова съ пильтенскими ландратами, ка-

1) Вѣроятно, №№ 1735—1956, не вошедшіе въ переводъ Военскаго. Номерація Шимана изъ 321 дѣлъ сохранилась на 163, но въ матеріалѣ, приведенномъ въ порядокъ сотрудникомъ комиссіи, г. Лихтенштейномъ, и архивариусомъ Бернадкимъ (около 45.000 сосчитанныхъ единицъ), значительныхъ пробѣловъ при составленіи хронологическаго каталога не замѣчено. Первое дѣло относится къ 1711 г. а не къ 1771, какъ сообщилъ Шиманъ.

2) Обнаружено лишь 92 номера (не вошедшіе въ переводъ Военскаго), а именно: №№ 118, 120—138, 2049, 2054—2093, 2095—2122, 2150 и 5151, такъ какъ №№ 2050—2053 по ошибкѣ отнесены Шиманомъ къ городскимъ дѣламъ.

3) Обнаружено 65 номеровъ (не вошедшихъ въ переводъ Военскаго), а именно: №№ 316—346, 752, 825, 1132, 1957—1986 и 2124. Кромѣ этого, обнаружено еще 27 номеровъ «описей и смѣси», а именно №№ 1987—2013.

4) Хранится въ дворянскомъ комитетѣ и разобранъ тѣмъ же Шиманомъ въ его книгѣ «Historische Darstellungen und arch. Studien».

жется, всецѣло сохранилась. Многочисленныя официальныя печатныя произведенія по вопросу о присоединеніи Пильтена сохранились въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

Извѣстный процессъ противъ Бандеміра, или Бандоміра, выясняется изъ писемъ оберъ-гауптмана фонъ-дербъ Саккена (1664—1678 г.). За время правленія герцога Фридриха-Казимира (1682—1698 г.) также сохранилась переписка съ Пильтенемъ. Претензіи епископа Поплавскаго изложены въ печатныхъ актахъ Пильтенской комиссіи 1686 года и разныхъ объяснительныхъ запискахъ. *Tutoria Piltensis* (о верховенствѣ надъ Пильтенемъ) сохранилась въ оригиналѣ 1699 года. За XVIII вѣкъ сохранилось немного Пильтенскихъ бумагъ: 1703—1717 г. письма герцога Фердинанда, разные матеріалы относительно рѣчи лифляндскаго епископа Пуцына и меморіалы 1768 и 1774 годовъ.

На этомъ Шиманъ заканчиваетъ свой бѣглый, переданный здѣсь, обзоръ содержанія герцогскаго архива, выражая надежду, что для облегченія дальнѣйшаго изученія архивъ будетъ перенесенъ въ соотвѣтствующее помѣщеніе. Нынѣ, благодаря заботамъ курляндскаго губернатора тайнаго совѣтника Свербеева, архивъ перемѣщенъ въ обособленную часть губернаторской квартиры, и учрежденная для разбора архива комиссія могла произвести провѣрку росписи Шимана, поскольку она извѣстна изъ перевода К. А. Военскаго, и приступить къ изданію исправленнаго каталога, который появится въ печати въ продолжительномъ будущемъ.

† Г. К. Властовъ. 24-го октября, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончался, на 73 году отъ роду, попечитель с.-петербургскаго коммерческаго училища, почетный опекунъ, тайный совѣтникъ Георгій Константиновичъ Властовъ. По окончаніи курса наукъ во 2-мъ кадетскомъ конпусѣ, онъ съ 1845 г. по 1849 г. служилъ въ л.-гв. Измайловскомъ полку; послѣ того почти 9 лѣтъ состоялъ въ рядахъ кавказской арміи, постоянно участвуя въ сраженіяхъ съ горцами, и съ 1857 года посвятилъ свою дѣятельность Кавказскому краю, послѣдовательно занимая до 1882 года должности по мѣстной администраціи, а именно: чиновника особыхъ порученій при намѣстникѣ кавказскомъ, ставропольскаго и тифлискаго вице-губернатора, управляющаго Мингрелією, ставропольскаго и кутаисскаго губернатора, состоящаго при намѣстникѣ кавказскомъ и члена совѣта намѣстника. Во время службы на Кавказѣ Г. К. былъ предѣвателемъ крестьянскаго комитета и дворянской комиссіи, учрежденныхъ для обсужденія вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Мингреліи, и ввелъ въ Мингреліи положеніе о крестьяннхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Онъ принималъ также участіе въ трудахъ крестьянскаго комитета при главномъ управленіи намѣстника кавказскаго. Въ 1882 г. Г. К. былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ опекунскаго совѣта учрежденій императрицы Маріи и въ 1888 г.—попечителемъ с.-петербургскаго коммерческаго училища. 7 декабря 1896 г. праздновалось 50-ти-лѣтіе государственной службы Г. К., и онъ по этому случаю былъ всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго съ брильянтовыми украшеніями. Періодъ 12-ти-лѣтняго управленія Г. К. с.-петербургскимъ коммерческимъ училищемъ можетъ считаться выдающимся въ исторіи этого учебнаго заведенія

по кореннымъ преобразованіямъ и улучшеніямъ, произведеннымъ въ училищѣ въ теченіе этого времени. Купеческое сословіе, повидимому, отнеслось сочувственно къ этимъ реформамъ, такъ какъ число воспитанниковъ въ с.-петербургскомъ комерческомъ училищѣ съ 1888 г. увеличилось съ 430 до 605, несмотря на учрежденіе въ этотъ періодъ различныхъ коммерческихъ училищъ и курсовъ. Георгій Константиновичъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей нашего времени. Онъ зналъ въ совершенствѣ французскій, нѣмецкій, англійскій, греческій и латинскій языки и издалъ много сочиненій на русскомъ и французскомъ языкахъ. Назовемъ главнѣйшія изъ нихъ: «Библія и наука»; «Священная лѣтопись» въ 5-ти томахъ и 6-ти книгахъ; «Опытъ изученія евангелія св. Іоанна Богослова», въ 2-хъ томахъ; «О нетлѣнности святыхъ мощей»; «Гезіодъ», подстрочный переводъ поэмъ съ греческаго; «Лѣтописи и памятники древнихъ народовъ. Египетъ. Історія фараоновъ» Вругша (переводъ); «Prométhée, Pandore et la légende des siècles»; «Mémoires d'un officier du Caucase». По поводу своихъ научныхъ трудовъ онъ находился въ перепискѣ съ Гладстономъ, Исаакомъ Тайлоромъ, Кукомъ, Сейсомъ, Максомъ, Мюллеромъ, Мори, маркизомъ Надалякомъ, Монье Вилліамсомъ, Катрфажемъ, Полемъ Пьере; съ русскими учеными: А. Ф. Бычковымъ, Л. Н. Майковымъ и многими другими. Отличительными чертами характера Г. К. было благородство душевныхъ движеній, великодушіе, гуманность и справедливость. И онъ оставилъ по себѣ лучшіе памятники симпатій къ нему со стороны всѣхъ знавшихъ его. Въ бытность его ставропольскимъ губернаторомъ мѣстное городское общество собрало въ 1871 г. капиталъ, проценты съ котораго приносятъ 1.000 рублей въ годъ, для учрежденія стипендій его имени въ пансіонѣ ставропольской гимназіи и въ технологическомъ институтѣ. Въ с.-петербургскомъ комерческомъ училищѣ тоже учреждена въ 1896 г. стипендія имени Г. К. на капиталъ въ 6.000 рублей, пожертвованный почетными членами совѣта училища. («Новое Время», № 8499).

† П. П. Андреевъ. 17-го октября, въ С.-Петербургѣ, въ Обуховской больницѣ скончался инженеръ-технологъ Петръ Петровичъ Андреевъ, чиновникъ особыхъ порученій главнаго интендантскаго управленія. Покойный прибрѣлъ себѣ довольно извѣстное имя, какъ составитель многихъ техническихъ справочныхъ изданій. Первою его работою было составленіе «Справочной книжки для чиновъ интендантскихъ пріемныхъ комиссій». Затѣмъ слѣдовали: «Техническій французско-руско-нѣмецко-англійскій словарь», «Домашняя техника», «Русскій товарный словарь», «Сборникъ техническихъ описаній матеріаловъ», употребляемыхъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, «Домовѣдѣніе», «Краткая энциклопедія знаній въ примѣненіи къ семьѣ и школь». Послѣднею законченною и изданною работою покойнаго былъ «Русскій техническій словарь» съ переводомъ на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Смерть застала П. П. за новою капитальною работою—за составленіемъ одностолбцоваго французско-нѣмецко-англійско-русскаго технического словаря. П. П. родился въ Америкѣ, отецъ его былъ русскій, а мать американка. По окончаніи С.-Петербургскаго технологическаго института онъ былъ посланъ нашимъ правительствомъ въ бывшія русско-американскія владѣнія для розысканія зо-

лота, которое имъ и было найдено, но имъ воспользовались не мы русскіе, а американцы, купившіе у насъ эту колонію. Послѣдующая служба П. П. протекала въ интендантскомъ вѣдомствѣ, гдѣ онъ занималъ должность техника при приемныхъ комиссіяхъ, а послѣднее время состоялъ чиновникомъ при главномъ интендантскомъ управленіи. вмѣстѣ съ занятіемъ этихъ должностей П. П. одно время былъ секретаремъ Императорскаго технического общества, а также состоялъ техникомъ въ пограничной стражѣ и на Николаевской и Варшавской желѣзныхъ дорогахъ. Покойный былъ извѣстенъ такъ же, какъ устроитель выставокъ. На этомъ поприщѣ онъ работалъ, какъ представитель технического общества, министерства финансовъ и интендантскаго вѣдомства. Ему были поручаемы весьма отвѣтственныя работы этого рода, изъ которыхъ назовемъ выставки: всемірную чикагскую, всероссійскую нижегородскую. («Новое Время», № 8493).

† А. В. Пастуховъ. 23-го сентября, въ Пятигорскѣ, послѣ тяжелой болѣзни, 38 лѣтъ, скончался Андрей Васильевичъ Пастуховъ, одинъ изъ отважныхъ и неутомимыхъ изслѣдователей горныхъ высотъ Сѣвернаго Кавказа и Закавказья. По окончаніи курса наукъ военно-топографическаго училища, А. В. съ первыхъ же шаговъ самостоятельной дѣятельности заявилъ себя неутомимымъ и энергичнымъ изслѣдователемъ. При содѣйствіи Императорскаго русскаго географическаго общества и военнаго министерства, покойный началъ свои изслѣдованія въ 1887 г., когда посѣтилъ верховья рѣки Шаро-Аргуна и вершины горъ Дитахъ-корта и Качу, въ самой высшей части Андійскаго хребта, достигающаго здѣсь высоты свыше 14-ти-тысячъ футовъ, дважды всходилъ на Эльбурсъ, Казбекъ и Араратъ. Отчеты о своихъ изслѣдованіяхъ и восхожденіяхъ А. В. помѣщалъ въ «Запискахъ» кавказскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества и въ газетѣ «Кавказъ». («Новое Время», № 8476).

† Ф. Ю. Криндачъ. 22-го октября, въ С.-Петербургѣ, скоростижно скончался управляющій бюро при совѣтѣ Русскаго театральнаго общества Федоръ Юрьевичъ Криндачъ. Покойный принадлежалъ къ числу неутомимыхъ труженниковъ театральнаго общества въ послѣднее время. Онъ являлся посредникомъ между дѣльнымъ рядомъ сценическихъ дѣятелей, изъ которыхъ многіе нуждались въ помощи, и совѣтомъ общества. Въ послѣдніе годы Ф. Ю. работалъ надъ составленіемъ списка пьесъ, разрѣшенныхъ къ постановкѣ. Имъ переведено нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ «Во имя нравственности» и «Старая дрожжи» одобрены къ постановкѣ на казенной сценѣ. Умеръ онъ, имѣя около 30 лѣтъ отъ роду. («Новое Время», № 8500).

† П. П. Соколовъ. 2-го октября, въ С.-Петербургѣ, скончался извѣстный русскій художникъ академикъ живописи Петръ Петровичъ Соколовъ. Объ этомъ даровитомъ и оригинальномъ художникѣ говорилось и писалось мало, хотя, несмотря на сильно отнимающую силы старость, онъ все-таки продолжалъ работать. П. П. умеръ на семьдесятъ девятомъ году жизни (родился онъ въ 1821 г.), но сравнительно еще очень недавно онъ экспонировалъ на нашихъ выставкахъ такія произведенія, которыя обращали на себя вниманіе всѣхъ истинныхъ знатоковъ искусства. Такова, напримѣръ, была его «Старая

усадебѣ» — полуразрушившійся домъ съ заколоченными дверями и окнами, таковъ великолѣпный портретъ С. Н. Терпигорева (Атава) съ собакой, находящійся нынѣ въ коллекціи княгини Тенишевой (Музей императора Александра III). Несмотря на свои преклонныя лѣта, П. П. почти до послѣднихъ дней интересовался искусствомъ, слѣдилъ за нимъ и, еще зимой прошлаго сезона на акварельныхъ пятницахъ, посѣщаемыхъ имъ довольно часто, онъ любилъ говорить и вникать во все, что творилось въ артистической средѣ. П. П. Соколовъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ и славныхъ художниковъ, которые, не подражая и не слѣдуя никому, создавали свой собственный жанръ и черпали темы для своихъ картинъ изъ русской народной жизни. Какъ П. Сверчковъ сталъ изучать русскую крестьянскую лошаденку и написалъ массу интересныхъ поэтичныхъ картинъ, гдѣ такъ часто фигурируютъ знаменитыя «тройки», «обратныя» и т. п., такъ точно и П. П., прекрасно зная жизнь помѣщиковъ, охотниковъ и крестьянъ, далъ массу такихъ сценъ, которыя очень скоро прославили его имя и, будучи изданы хромолитографскимъ способомъ, разошлись въ огромномъ количествѣ экземпляровъ по всей Россіи и даже за границей. «Травля волка съ борзыми», «Струниваніе волка», «Охота на медвѣдя съ рогатиной», «Столкновеніе между мужиками, вооруженными дубинами, и забравшимися въ хлѣбъ охотниками верхами» — все произведенія маститаго художника, надолго оставшіяся въ памяти каждаго, кто только ихъ видѣлъ хоть разъ. Въ противоположность большинству своихъ современниковъ этотъ оригинальный художникъ до конца дней своихъ писалъ свои сочныя акварели удивительно смѣло и типично. Онъ хорошо изучилъ формы и рисунокъ борзыхъ собакъ и лошадей и широкими, увѣренными штрихами прекрасно передавалъ ихъ движенія. Какъ страстный охотникъ, какъ художникъ очень наблюдательный, очень часто и подолгу живавшій въ провинціи, въ кругу такихъ же охотниковъ и знатоковъ лошадей, какъ и онъ самъ, П. П. неподобно звалъ провинціальную будничную жизнь и, благодаря этому, его иллюстраціи къ «Мертвымъ душамъ» Гоголя полны тѣми подробностями, которыя такъ необходимы при изображеніи различныхъ эпизодовъ этого бессмертнаго творенія. («Нов. Вр.» № 8478).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Археологическая справка.

Въ 1898 году вышелъ въ свѣтъ каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго, составленный, какъ значитса въ предисловіи, гг. Бѣлешевскимъ и Лазаревскимъ. Не говоря о достоинствахъ этого каталога, я укажу только на замѣченную мной въ одномъ мѣстѣ его невѣрность. На страницѣ 41-ой, при описаніи казацкихъ древностей, читаемъ слѣдующее: «Каменный крестъ, стоявшій на запорожскомъ кладбищѣ Чертомлыцкой сѣчи, поставленный въ память кошевого атамана Гордѣнка (самъ же атаманъ по-

хороненъ въ запорожской черни)». Въ этомъ указаніи двѣ невѣрности. Во-первыхъ, крестъ, о которомъ идетъ рѣчь, стоялъ не въ Чертомлыцкой сѣчи, гдѣ теперь деревня Капуливка, Екатеринославскаго уѣзда, а въ сѣчи Подпиленской, гдѣ теперь село Покровское, того же уѣзда. Во-вторыхъ, этотъ крестъ не Гордіенка, а кошевого «пана Стефана». Намогильный крестъ надъ прахомъ кошевого атамана Константина Гордіенка какъ стоялъ, такъ и теперь нарушимо стоитъ на мѣстѣ бывшей Каменской сѣчи, при впаденіи р. Каменки въ р. Днѣпръ Херсонскаго уѣзда. Если кто желаетъ видѣть Каменскую сѣчь и возлѣ нея намогильный крестъ Гордіенка, тотъ пусть на пароходѣ доѣдетъ по Днѣпру до пристани Качкаровка (выше Херсона), отсюда на лошадяхъ доѣдетъ, чрезъ село Мѣловое, въ хуторъ Консуловку или Разоровку, бывшее имѣніе М. Ф. Агаркова; тутъ онъ увидитъ у праваго берега Днѣпра высокую могилу, а возлѣ могилы высокій каменный крестъ; на крестѣ же прочтеть слѣдующую надпись: «Во имя отца и сына и святаго духа. Зде опочиваетъ рабъ божій Константинъ Гордѣевичъ атаманъ кошевой славнаго войска запорожскаго и низоваго, а куреня платнѣровскаго: преставился року 1733 мая 4 числа». Собиратель казацкихъ древностей В. В. Тарновскій въ Каменской сѣчи никогда не былъ и креста съ могилы Гордіенка отсюда не вывозилъ. Въ послѣдней же сѣчи на рѣкѣ Подпиленной г. Тарновскій, вмѣстѣ съ пишущимъ настоящія строки, въ 1883 году былъ, крестъ намогильный кошевого «пана Стефана» снялъ и въ своей имѣніи Каченовку, Черниговской губерніи, увезъ. Снялъ же этотъ крестъ г. Тарновскій потому, что онъ стоялъ не надъ прахомъ кошевого «пана Стефана», а «для его памяти», на общемъ кладбищѣ, самъ же кошевой положенъ былъ подъ сѣчевой церковью пр. Богородицы. Вотъ что на этомъ самомъ крестѣ написано: «Зде поставленні крестъ благородія его пана Стефана атамана бывшаго кошевого куренного уманскаго, но онъ положенъ ест по церковю пресвятія Богородицы преставился vro (т. е. въ року) 1747 г. мая дня 13».

Если бы гг. составители каталога потрудились прочесть эту самую надпись на крестѣ, то они не сказали бы, что крестъ принадлежалъ кошевому Константину Гордіенку; но они, не прочесть надписи, выдали крестъ «пана Стефана» за крестъ Гордіенка и создали ошибку, которая можетъ потомъ повториться въ другихъ изданіяхъ казацкихъ древностей.

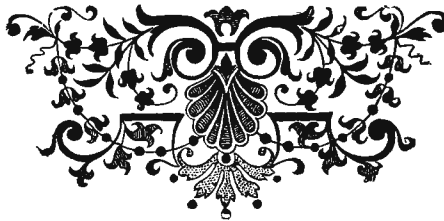
Но кто же этотъ «панъ Стефанъ, бывший кошевой атаманъ»?

Въ Подпиленской или Новой сѣчи, существовавшей съ 1734 по 1775 годъ, всѣ кошевые атаманы извѣстны намъ на перечесть, по именамъ и фамиліямъ, отъ перваго, Ивана Малашевича, и до послѣдняго, Петра Калнишевскаго. Съ именемъ Стефана былъ только одинъ кошевой атаманъ Гладкій, въ 1741 году. Очевидно, означенный крестъ и былъ поставленъ въ память кошевого атамана Стефана Гладкаго, а не Константина Гордіенка.

Отмѣтивъ эту неточность, не могу не отмѣтить и другой. Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины», 1899 года, г. Лазаревскій напечаталъ статью изъ «семейной хроники Берловъ». Рассказывая о семействѣ Ивана Берла, г. Лазаревскій на страницѣ 117-ой замѣчаетъ, что племянница Ивана Берла,

Анна, достигнувъ возраста, влюбилась въ какого-то Антона Тарловскаго, который, выкрывъ ее изъ Воронкова, женился на ней... «Антонъ Тарловскій, можетъ быть, былъ отцомъ извѣстнаго дикаго пана, который, по преданію, игралъ такую роль въ колонизаціи екатеринославщины». На это замѣчаніе г. Лазаревскаго могу сказать лишь одно: извѣстный дикій панъ назывался Кирилль Николаевичъ Тарловскій и, очевидно, не могъ быть сыномъ Антона Тарловскаго, что давнымъ давно извѣстно изъ сочиненія екатеринославскаго епископа Θεодосія Макаревскаго «Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь» (1873 г.) и изъ «Матеріаловъ для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи» его же.

Дм. Ив. Эварницкій.

слѣдовали сильныя отряды національной гвардіи, распредѣлившіяся, по его приказу, въ замкѣ и занявшіе всѣ коридоры; скопившіяся здѣсь толпы народа были мгновенно вытѣснены, продолжая, однако, шумно волноваться по дворамъ замка.

Въ эту минуту на горизонтѣ взошло яркое осеннее солнце и, казалось, возвѣщало разсѣивающимся уже теперь картинамъ этой страшной ночи начало умиротворенія.

Стоя передъ королемъ, Лафайеттъ старался найти слова успокоенія и надежды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ понять, что отъѣздъ въ Парижъ неизбеженъ. Людовикъ XVI имѣлъ измученный и озабоченный видъ. Со всѣхъ сторонъ теперь обращались къ нему съ просьбами изъявить согласіе на перенесеніе королевской резиденціи въ Парижъ. Королева стояла въ сторонѣ, избѣгая встрѣчаться глазами съ королемъ. Наконецъ, рѣшительнымъ голосомъ король произнесъ, что около полудня онъ выѣдетъ въ Парижъ. Извѣстіе это быстро переходило изъ устъ въ уста. Внизу, по дворамъ, въ толпахъ народа началось громкое ликованіе.

Король вышелъ рядомъ съ Лафайеттомъ на балконъ для подтвержденія этого извѣстія, которое было принято съ невѣроятными радостными кликами, безчисленными возгласами въ честь короля и ружейной пальбой. Въ минуту же перерыва этихъ изъясненій восторга слышались сильнѣйшая брань и проклятія противъ королевы.

Лафайеттъ вывелъ на балконъ и королеву. Величественно, твердой поступью, появилась она, держа одной рукой дофина, а другой *Madame Royale*. На это снизу раздался громкій голосъ: «прочь дѣтей!». Марія-Антуанетта едва замѣтнымъ движеніемъ руки втокнула дѣтей обратно въ залу и одна рядомъ съ Лафайеттомъ встала на балконѣ, съ невыразимымъ спокойствіемъ и достоинствомъ скрестивъ на груди руки, и, казалось, съ гордостью ждала своей смерти. Тутъ Лафайеттъ, взявъ руку королевы, поцѣловалъ ее. Тогда воздухъ потрясся всеобщимъ радостнымъ крикомъ народа, и раздался со всѣхъ сторонъ давно неслышанный возгласъ: да здравствуетъ королева!

Нѣсколько часовъ спустя, экипажъ съ ихъ величествами направился по большой дорогѣ въ столицу.

Двѣ недѣли послѣ этого прослѣдовало въ Парижъ и національное собраніе для продолженія тамъ своихъ засѣданій.

Это было предложено графомъ Мирабо, который при этомъ заявилъ, что національное собраніе должно быть неразлучно съ особой монарха.

XII.

Поѣздка къ королевѣ.

Третьяго іюля 1790 года Мирабо, въ обществѣ графа де-ла-Маркъ, сѣлъ въ экипажъ для поѣздки въ Сень-Клу, куда давно уже влекли его неустанныя, пламенные желанія.

Съ начала лѣта дворъ пребывалъ въ замкѣ Сень-Клу, гдѣ среди тихаго, бездѣятельнаго уединенія хотѣлъ переждать событія. Положеніе его не ухудшилось, но и не стало лучше. Каждый день начинался для короля и королевы новою опасностью и кончался сомнительнымъ успокоеніемъ. Мирабо находилъ, что король долженъ предпринять что нибудь рѣшительное, чтобы прервать это продолжительное болѣзненное состояніе монархіи. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ ежедневно молилъ графа де-ла-Маркъ устроить ему свиданіе съ королевой Маріей-Антуанеттой, возлагая на личные переговоры съ нею большія надежды. Онъ думалъ, что, обмѣнявшись съ нею двумя словами, онъ сумѣетъ внушить ей совсѣмъ новыя убѣжденія насчетъ того, что слѣдуетъ дѣлать.

До сихъ поръ графъ де-ла-Маркъ противился этимъ настояніямъ, зная страхъ и отвращеніе королевы къ Мирабо, недавно еще, въ разговорѣ вновь ему подтвержденные. Уничтожить предубѣжденіе королевы принялъ на себя, послѣ неоднократныхъ совѣщаній съ Мирабо о планѣ спасенія монархіи, австрійскій посланникъ въ Парижѣ, графъ де-Мерси, занявшій съ нѣкоторыхъ поръ первое мѣсто въ довѣрїи королевы. Взрывомъ восторга встрѣтилъ Мирабо наканунѣ сообщеніе графа Мерси о томъ, что королева изъявила согласіе принять его сегодня въ Сень-Клу. Волненіе Мирабо въ ожиданіи того, о чемъ онъ такъ долго мечталъ, было такъ сильно, что онъ сидѣлъ нѣкоторое время въ экипажѣ молча, ведя съ де-ла-Маркомъ, пожелавшимъ сопровождать его на этомъ пути, лишь самый необходимый разговоръ.

Однако, разговорчивый де-ла-Маркъ не могъ дольше выдержать этого молчанія, считая къ тому же своею обязанностью высказать нѣсколько совѣтовъ, чтобы предостеречь Мирабо отъ всякой опрометчивости по отношенію къ королевѣ.

— Впрочемъ, — прибавилъ онъ съ присущею ему любезностью, — для этого графъ Мирабо истинный аристократъ отъ головы до ногъ, чтобы въ самомъ затруднительномъ положеніи, по меньшей мѣрѣ, не потерять такта и знать, до чего онъ можетъ дойти, гдѣ начать и гдѣ остановиться.

— Весьма великодушно съ вашей стороны, милый другъ, — отвѣтилъ Мирабо, — что вы еще полагаетесь на мой аристократизмъ послѣ того, какъ національное собраніе уничтожило все дворянство, и что я отправляюсь сегодня къ королевѣ въ Сень-Клу, лишь какъ

господинъ Рикетти; а мой другъ, господинъ Маркъ, любезно пожелалъ проводить меня до Отѣйля!

Де-ла-Маркъ засмѣялся веселому расположенію духа Мирабо. Однако, казалось, еще что-то лежало у него на сердцѣ.

— Знаю, что ваши планы, любезный Мирабо, велики и благотѣльны для Франціи,—сказалъ онъ, помолчавъ.—Но не ставьте королеву въ затруднительное положеніе проектами, слишкомъ затрогивающими финансовый вопросъ. Для чего либо великаго и обширнаго дворъ совсѣмъ безъ денегъ. Заемъ Неккера, какъ вы знаете, не удался, и въ настоящую минуту средства двора крайне стѣснены.

— То, что я намѣренъ предложить, потребуетъ мало денегъ, но принесетъ ихъ очень много,—сказалъ Мирабо съ улыбкой.— Я намѣренъ спасти короля моими собственными средствами, если онъ дастъ обѣщаніе, что громадное увеличеніе доходовъ, которое непременно наступитъ, онъ раздѣлитъ со мною, или, по крайней мѣрѣ, уплатитъ мои долги.

— Онъ сдѣлаетъ больше этого,—возразилъ значительно де-ла-Маркъ.— Вы знаете, что въ этомъ отношеніи я принялъ на себя веденіе вашихъ дѣлъ и не успокоюсь, пока не обезпечу вполнѣ вашихъ интересовъ.

— Конечно,—небрежно отвѣтилъ Мирабо.— Человѣкъ долженъ имѣть деньги. Если монархія ихъ не имѣетъ, то у спасителя монархіи онѣ должны быть! Не дѣлайте себѣ, однако, большого труда съ этимъ, мой добрый графъ де-ла-Маркъ. Вы знаете, что, въ сущности, я очень мало придаю значенія деньгамъ. Столько ихъ прошло у меня въ жизни сквозь пальцы, что мнѣ все равно, откуда и куда онѣ идутъ. Я замѣтилъ, что онѣ всегда какимъ-то образомъ вновь появляются въ карманѣ. Самыя лучшія деньги тѣ, о которыхъ ты не знаешь, откуда онѣ взялись. Всегда въ точности знать, откуда получишь деньги,—это несчастіе. Я вамъ, кажется, не рассказывалъ, какъ въ концѣ прошлаго года Лафайеттъ пришелъ ко мнѣ, и хотя мы давно не видались, вдругъ, точно выстрѣломъ изъ пистолета, предложилъ мнѣ сумму въ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Мои денежные затрудненія были какъ разъ ужаснаго свойства, что, конечно, могло быть извѣстнымъ. Но эти деньги должны были быть ассигнованы изъ штатныхъ королевскихъ суммъ, которыми Лафайеттъ, въ качествѣ національно-гвардейскаго владыки Франціи, распорядился, кажется, по своему усмотрѣнію. Дѣло это было мнѣ неприятно, и я его принялъ такъ, что о немъ никогда болѣе не было рѣчи ¹⁾.

— Весьма важно, однако, графъ Мирабо, привести, наконецъ, ваши дѣла въ порядокъ,—серьезно замѣтилъ де-ла-Маркъ.— Вы обѣ-

¹⁾ La Marck, I, 130.

щали мнѣ составить списокъ всѣхъ вашихъ долговъ, и я вновь прошу васъ объ этомъ.

— По вашему настоянію, я началъ это скучное занятіе, — смѣясь отвѣтилъ Мирабо. — Не путаясь въ безконечныхъ подробностяхъ, я высчиталъ, что общая сумма моихъ долговъ доходитъ до 208.000 франковъ. Представьте, что въ числѣ моихъ неоплаченныхъ счетовъ есть еще счетъ за свадебное платье моей жены ¹⁾. Если бы гордая Эмилія де-Мариньянъ знала это, то навѣрно оставила бы всякую мысль о примиреніи со мною. Однако, давно уже не видѣлъ я ее въ національномъ собраніи.

— Потому что вы сами стали тамъ рѣдкимъ гостемъ, — засмѣялся де-ла-Маркъ.

— Я тамъ говорю лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, что достаточно для этого все болѣе гнѣющаго собранія, — возразилъ Мирабо, сдѣлавъ гордое движеніе рукою.

— Однако, вернемся къ нашему предмету, — началъ вновь де-ла-Маркъ. — Недавно я имѣлъ случай бесѣдовать съ королемъ. Онъ призналъ, что графъ Мирабо, по силѣ и таланту, можетъ служить органомъ возстановленія разстроенной монархіи. Повидимому, онъ былъ готовъ на всякую жертву, чтобы такого человѣка приковать къ своему престолу.

— Дѣлайте со мною, что хотите, любезный графъ, — отвѣтилъ Мирабо. — Если вы этого непремѣнно требуете, то позволяю даже подкупить себя, но лишь съ тѣмъ условіемъ, что буду защищать монархію не иначе, какъ дѣлалъ уже это съ трибуны національнаго собранія всякими, въ высшей степени неподкупными способами. То, что я дѣлалъ до сихъ поръ, было, вѣрьте мнѣ, единственно вѣрное для удержанія и возстановленія монархіи.

Въ эту минуту путники достигли Отейля, гдѣ на время должны были разстаться. Ранѣе было условлено, что де-ла-Маркъ, въ экипажѣ, отправится впередъ въ Сень-Клу для извѣщенія о предстоящемъ прибытіи Мирабо. Послѣдній долженъ былъ быть приведенъ къ королевѣ съ такою таинственностью, что даже самыя довѣренныя, приближенныя къ Маріи-Антуанеттѣ лица не должны были имѣть ни малѣйшаго о томъ подозрѣнія. А потому Мирабо долженъ былъ прибыть одинъ, съ соблюденіемъ величайшей тишины, къ указаннымъ ему воротамъ парка Сень-Клу.

Въ Отейлѣ жила съ нѣкоторыхъ поръ прелестная маркиза д'Арагонъ, племянница Мирабо, которую со времени смерти своего отца онъ мало видѣлъ и въ домѣ которой долженъ былъ теперь остановиться, чтобы уже отсюда верхомъ, на приготовленной для него лошади, отправиться къ назначенному часу въ Сень-Клу.

¹⁾ La Marck, I, 159.

Вскорѣ всадникъ сѣлъ на лошадь, бросивъ взглядъ на свѣжесть своего костюма, въ которомъ долженъ былъ предстать передъ королевой. И сегодня на немъ былъ костюмъ третьяго сословія съ нѣкоторыми лишь болѣе элегантными принадлежностями, галстукомъ и жилетомъ.

Былъ прекрасный солнечный іюльскій день. Блѣдныя и желтыя въ послѣднее время отъ разныхъ потрясеній и нездоровья щеки Мирабо вновь оживились сегодня свѣжимъ румянцемъ. Вся фигура его на сѣдлѣ дышала почти юношескою отвагой. Образъ королевы, казалось, манилъ его издали, и онъ мчался впередъ по большой дорогѣ.

ХІІІ.

Спаситель монархіи.

У назначенныхъ ему воротъ дворцоваго парка въ Сенъ-Клу Мирабо остановилъ свою лошадь. Довѣренный камердинеръ королевы уже ожидалъ его и, едва Мирабо всталъ съ сѣдла, принялъ лошадь, чтобы отвести ее въ одну изъ находившихся по близости конюшенъ. Затѣмъ вновь подошелъ къ нему и, выраженіемъ лица рекомендуя молчаніе и осторожность, открылъ входъ въ садъ, указывая на одну изъ самыхъ темныхъ, густо заросшихъ аллей, по которой имъ слѣдовало идти. Пройдя ее молча, избѣгая малѣйшаго шума, они направились къ частному саду королевы. Здѣсь, на возвышеніи, живописно окруженный акаціями и платанами, находился павильонъ, въ который, указавъ на него молчаливымъ и почтительнымъ знакомъ, проводникъ вошелъ и сейчасъ же вновь выпелтъ, прошептавъ едва слышно, что ея величество королева ожидаетъ графа Мирабо.

Быстрыми и смѣлыми, полными надежды шагами вошелъ Мирабо въ павильонъ ¹⁾.

При входѣ его, Марія-Антуанетта встала съ кресла, стоявшаго въ углу салона, и медленно, видимо колеблясь, пошла къ нему навстрѣчу. Она была совершенно одна. Глубокая тишина и уединеніе царствовали въ покоѣ, въ которомъ уже начинали надвигаться сумрачныя тѣни приближающагося вечера.

На глубокой поклонъ Мирабо королева отвѣтила съ очаровательною прелестью и достоинствомъ, не покинувшими ее даже теперь, въ сильной, какъ видно, борьбѣ противоположныхъ чувствъ. А Мирабо, вмѣстѣ съ восторгомъ, съ которымъ взиралъ на коро-

¹⁾ Утвержденіе де-ла-Марка (I, 189), что Мирабо былъ принятъ королевой въ одномъ изъ ея покоевъ въ замкѣ, есть, повидимому, запятованіе съ его стороны. Всѣ единогласно указываютъ на павильонъ дворцоваго сада. См. также m-me Самран, II, 125.

леву, понялъ различныя чувства, ее волновавшія. Онъ ясно видѣлъ, что въ ней происходило. Видѣлъ ужасъ, покрывавшій блѣдностью ея щеки, пробѣгавшій легкой дрожью по ея чудной, слегка къ нему наклоненной фигурѣ, а глазамъ ея придававшій боязливое, неуверенное выраженіе.

Мирабо вспомнилъ, что королева не переставала соединять съ его личностью всѣ ужасы, вынесенные ею въ ночь пятого октября въ Версали. Девять мѣсяцевъ едва прошло съ тѣхъ поръ, какъ ей представляли страшнаго члена національнаго собранія ужаснымъ чудовищемъ, сказавъ, что это Мирабо ворвался тогда, во главѣ шайки разбойниковъ, въ опочивальню королевы, съ цѣлью убить ее! Національное собраніе сняло съ него всякое въ этомъ подозрѣніе, но онъ видѣлъ, что королева затаила его глубоко въ своемъ сердцѣ ¹⁾.

Съ такими мыслями и въ гордомъ сознаніи, что теперь королева должна быть увѣрена въ немъ и въ его преданности, по лицу его пробѣжала улыбка, невольно смутившая королеву. Легкой, плавной поступью, съ неизъяснимою прелестью подвинулась она, однако, къ нему на шагъ ближе, и теперь рѣшеніе ея сказать ему любезное, пріятное слово показалось ей болѣе легкимъ.

Она еще разъ медленно и пристально остановила свой взглядъ на немъ, затѣмъ голосомъ, сначала какъ бы принужденно любезнымъ, но скоро принявшимъ свое свободное, естественное выраженіе, сказала: «По отношенію къ обыкновенному врагу, къ человѣку, который поклялся уничтожить монархію, не считая ее достойной для великой націи, дѣлаемый мною въ настоящую минуту шагъ былъ бы, конечно, строго осужденъ; но когда говоришь съ такимъ Мирабо, то всѣ робкія сомнѣнія исчезаютъ, уступая мѣсто надеждѣ прійти съ нимъ къ соглашенію во всемъ, что нынѣ осталось еще хорошаго» ²⁾.

— Дѣйствительно, господинъ графъ, вы не всегда были нашимъ другомъ!—произнесла тихо и серьезно королева.—Правда ли, что, наконецъ, теперь мы можемъ причислить васъ къ тѣмъ немногимъ вѣрнымъ, которые хотятъ поддержать престолъ Франціи? Въ добрый часъ, графъ! Разсчитывайте на насъ, какъ мы будемъ на васъ разсчитывать. Но развѣ еще не поздно спасти монархію?

— Нѣтъ, ваше величество,—воскликнулъ Мирабо восторженно и выпрямляясь во весь ростъ.—Именно теперь найденъ для монархіи источникъ жизни—свобода.

— Свобода?—повторила королева съ испугомъ, но, успѣвъ тотчасъ побороть вырвавшееся наружу впечатлѣніе, она спокойно смотрѣла на него, ожидая отвѣта.

¹⁾ La Marck, I, 190.

²⁾ Собственныя слова королевы при этой бесѣдѣ. Campan, II, 125.

— Монархія, ваше величество, можетъ быть сохранена только свободой; свобода же можетъ существовать только монархией! — воскликнулъ Мирабо.—Прежде я хотѣлъ лишь народной свободы и забывалъ о тронѣ. Не знаю, моя ли была въ томъ вина... О, да, я былъ виновентъ, очень виновентъ! Я содѣйствовалъ страданіямъ, вызвавшимъ слезы на глазахъ, всѣхъ осчастливливающій блескъ которыхъ никогда не долженъ былъ бы омрачаться слезами. Однако, лицезрѣніе этихъ страданій укрѣпило мое сознаніе и силы. Теперь я чувствую въ себѣ исполинскія силы Атласа, могущаго нести на своихъ плечахъ монархію, если только въ грудь ея вдунуть дыханіе свободы.

— Вы говорите о нашихъ страданіяхъ,—тихо сказала королева,—но и вы уже страдали изъ-за насъ! Съ большимъ удовольствіемъ король и я замѣтили ваши усилія при оспариваніи въ національномъ собраніи права короля объявлять войну или миръ. Прекрасныя, великія слова ваши, въ концѣ концовъ, побороли противодѣйствіе вашихъ и нашихъ противниковъ. Да, у насъ теперь общіе противники, графъ Мирабо, и это должно бы внушить намъ довѣріе къ вамъ. Однако, якобинцы злые люди. Вы уже вызвали противъ себя уличныя сцены, и даже, какъ я слышала, угрожаютъ вашей жизни. Между тѣмъ вы все-таки принадлежите къ нимъ, состоя членомъ собранія этихъ господъ въ старой церкви монаховъ-якобинцевъ, въ улицѣ S-t Honoré! Не будете ли вы добры объяснить мнѣ это?

— Не долго еще, ваше величество, якобинцы захотятъ имѣть меня среди своихъ членовъ, — спокойно отвѣчалъ Мирабо.—Но, до тѣхъ поръ, пока они силой не изгонятъ меня, я останусь между ними. Я, конечно, рѣдко посѣщаю клубъ, однако, необходимо изучать морскія бури, если хочешь имѣть счастливое плаванье. Чтобы вырвать монархію изъ этихъ урагановъ, необходимо ослабить якобинцевъ, потому что они-то рвутъ и терзаютъ монархію всѣми силами. Кто же захочетъ бороться съ бурей, тотъ несомнѣнно погибъ. Съ бурей не борются, а только изучаютъ то направленіе, въ которомъ можно направить свой корабль во время бури. И тогда путь будетъ тѣмъ прекраснѣе, а плаванье тѣмъ легче, потому что ураганъ прочиститъ воздухъ и вновь откроетъ небесную лазурь. Вотъ каковы мои отношенія къ якобинцамъ, ваше величество!

При этомъ объясненіи королева не могла удержаться отъ легкаго выраженія ужаса. Она крѣпче скрестила руки на груди и молчала, какъ бы ожидая продолженія рѣчи Мирабо.

— Говорятъ, что якобинцы посягаютъ на мою жизнь,—началъ вновь Мирабо послѣ минуты робкаго молчанія.—Они выпускаютъ на улицахъ листки противъ меня, въ которыхъ клеймятъ меня именемъ измѣнника народу. Когда, съ ораторской трибуны, я говорилъ объ исключительномъ правѣ короля рѣшать войну или миръ съ дру-

гими государствами, народъ уже искалъ на Елисейскихъ поляхъ дерева, на которомъ бы могъ увидѣть развѣввающуюся мою брѣнную оболочку. Но я не впалъ въ заблужденіе и побѣдилъ. Я обрѣлъ право, безъ котораго всякая конституція лишь пустой призракъ. Во главѣ свободной монархіи долженъ быть свободный монархъ, монархъ—живой человѣкъ, а не математическая формула. Король, теряя право рѣшать войну или миръ, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальность свою и всего государственнаго строя. Конституціонная монархія та, въ которой король и народъ свободны одинъ свободой другого! Да, ваше величество, искренно позвольте намъ учредить конституціонную монархію, и престолъ спасенъ!

Онъ бросилъ пристальный, пронизывающій взглядъ на королеву, стараясь прочесть ея сокровенныя мысли, при чемъ не могъ, конечно, не замѣтить чрезвычайнаго волненія Маріи-Антуанетты. Усиленное дыханіе вздымало ея грудь. Задумчиво поникла она своей прекрасной головой; но, вдругъ поднявъ ее, сказала:

— Вы правы, господинъ графъ; чтобы помочь намъ, необходима конституція. Будьте увѣрены, что король и я, если только при этомъ достоинство наше не подвергнется оскорбленію, искренно примемъ такую конституцію и никогда не отнимемъ того, что будетъ съ нею пріобрѣтено для блага народа. Но какъ намъ легче и скорѣе достигнуть этой цѣли, графъ? Много ли еще бурь и опасностей будетъ носиться надъ головой лучшаго изъ монарховъ?

Мирабо увидѣлъ заблестѣвшія въ глазахъ ея слезы. Всѣ страсти забушевали въ его сердцѣ. На минуту прижалъ онъ руку ко лбу, чтобы опомниться, затѣмъ, овладѣвъ собою, сказалъ серьезно и настойчиво:

— Думаю, что короля слѣдуетъ удалить какъ можно скорѣе отъ всякой грозящей ему лично опасности! Я не раздѣляю мнѣнія, чтобы его величество удалился изъ Франціи, отдѣлился отъ революціи и своего народа и обратилъ противъ Франціи оружіе, въ особенности иностранное. Это было бы ужаснымъ средствомъ, которое подорвало бы вѣру въ отеческія и великодушныя намѣренія короля. Мое мнѣніе, что король долженъ на время удалиться въ Нормандію, вѣрную и преданную ему провинцію, примыкающую къ Бретани и Анжу, съ населеніемъ, сердце котораго еще бьется для престола. Тамъ король могъ бы, успокоительными прокламаціями, привлечь къ себѣ націю, напомнить ей, что онъ былъ всегда врагомъ деспотизма, что онъ всевозможными средствами намѣренъ стремиться къ улучшенію участи своихъ народовъ и всегда пойдетъ впереди при увеличеніи и установленіи политическихъ правъ, чего еще не дѣлалъ ни одинъ король его династіи! Тогда-то возникнетъ новая монархія, которой мы хотимъ, вмѣсто старой, которую никто уже болѣе защищать не можетъ, не могу и я!

Королева слушала спокойно, даже, казалось, съ нѣкоторою покорностью. Но тотчасъ же вновь вся ея твердость и величіе взяли верхъ, она выпрямилась и съ гордой улыбкой произнесла:

— Благодарю васъ, господинъ графъ! Въ сердцѣ моемъ, признаюсь вамъ, еще живетъ надежда. Думаю, что все еще поправится, и что будущее вознаградитъ насъ за настоящее. Я никогда не рѣшалась вѣрить исключительно злымъ намѣреніямъ моихъ враговъ. Васъ же позволю себѣ просить сообщать намъ ваши мысли, какъ вы это начали сегодня. Записывайте ежедневно все, что вы считаете для насъ заслуживающимъ вниманія и полезнымъ, присоединяя сюда и ваши совѣты, которые мы, конечно, примемъ съ сердечною благодарностью, и присылайте такія записки и замѣтки прямо его величеству королю, чѣмъ вы премного его обяжете.

Мирабо понялъ, что его отпускаютъ. Онъ еще разъ устремилъ на королеву пламенный взоръ и, подойдя къ ней еще ближе, сказалъ дрожащимъ отъ волненія, но въ то же время смѣлымъ голосомъ:

— Ваше величество, когда ваша высочайшая родительница, королева Марія-Терезія, удостоивала лично принять одного изъ своихъ подданныхъ, то она никогда не отпускала его, не давъ ему облобызывать свою руку ¹⁾.

Съ свѣтлымъ взглядомъ и неизвѣстною граціей королева протянула ему руку.

— Поцѣлуй этотъ спасаетъ монархію!—воскликнулъ Мирабо воодушевленно и съ восторгомъ, голосомъ гордымъ и торжествующимъ, прикладывая на мгновение уста свои къ бѣлой рукѣ королевы.

Послѣ этого онъ стремительно бросился въ садъ, гдѣ, среди благоуханія и пѣнія птицъ, надвигался уже прелестный весенній вечеръ.

Когда Мирабо сошелъ съ возвышенія, на которомъ стоялъ павильонъ, ему показалось, что онъ замѣтилъ человѣка, быстро скрывшагося передъ нимъ въ кусты. Мирабо поспѣшилъ ему вслѣдъ, чтобы убѣдиться, не могъ ли разговоръ его съ королевой быть услышанъ какимъ нибудь предателемъ, и узналъ на убѣгающемъ формѣ національнаго гвардейца, но достигнуть человѣка, быстро исчезнувшаго между деревьевъ, не могъ.

Подъ неприятнымъ впечатлѣніемъ, нарушившимъ только что испытанный имъ восторгъ, Мирабо приблизился къ выходу, у котораго ранѣе провожавшій его камердинеръ, держа верховую лошадь, уже ожидалъ его. Мирабо ѣхалъ по большой дорогѣ медленно, опустивъ поводья. Вдругъ онъ услыхалъ за собою звукъ катящагося экипажа и голосъ графа де-ла-Маркь, нагнавшаго его и обращавшагося къ нему съ привѣтствіями и разспросами.

— Королева заболѣла отъ бесѣды съ вами,—сказалъ де-ла-Маркь.— Разговоръ такъ взволновалъ и утомилъ ее, что она должна была

¹⁾ Weber, II, 38.

немедленно лечь въ постель, какъ мнѣ только что сообщила госпожа Кампанъ ¹⁾). Развѣ эта бесѣда была столь потрясающа?

— Должно быть, мой видъ встревожилъ королеву, — сказалъ Мирабо, ѣдучи верхомъ возлѣ экипажа и передавая своему другу полное содержаніе разговора съ Маріей-Антуанеттой.

XIV.

Мирабо у якобинцевъ.

Въ старой церкви монаховъ-якобинцевъ, въ улицѣ S-t Nonogé, состоялось сегодня, около шести часовъ вечера, многолюдное собраніе, едва вмѣстившееся въ тѣсномъ помѣщеніи. Съ недавнихъ поръ церковь была обращена въ настоящій залъ засѣданій, продолговатый четырехугольникъ, по всѣмъ сторонамъ котораго возвышались амфитеатромъ сидѣнія для членовъ якобинскаго клуба, какъ называлось со времени переселенія въ этотъ залъ общество друзей конституціи. По двумъ концамъ зала, амфитеатромъ же, возвышались трибуны для публики, съ написанными на перилахъ большими красными буквами словами: «Vivre libre ou mourir!» ²⁾). Позади находившагося въ одномъ концѣ зала, на возвышеніи, президентскаго кресла видѣлся алтарь, служившій, вѣроятно, ранѣе для церковныхъ службъ монаховъ-якобинцевъ. Теперь же на его средней и нижней части, на большой доскѣ, изукрашенной всевозможными арабесками и символическими знаками, читались «права человѣка». На самомъ алтарѣ стояли бюсты Жанъ-Жака Руссо и Гельвеціуса, съ развѣвающимися надъ ними знаменами свободы, посреди которыхъ находилась связка пикъ, украшенная гражданской короной, а на одной, выше выдвигавшейся пикѣ, была надѣта красная шапка. По стѣнамъ висѣло нѣсколько картинъ, на которыхъ творческая кисть вдохновеннаго революціей художника старалась прославить взятіе Бастилии и шествіе парижскихъ рыбныхъ торговъ въ Версаль. Съ другаго конца зала, напротивъ алтаря, возвышалась ораторская трибуна.

Сегодняшнее засѣданіе, привлекшее такой громадный наплывъ, было вызвано не только предстоящимъ избраніемъ новаго президента клуба, но и чрезвычайнымъ совѣщаніемъ, которое было потребовано Мирабо отъ председательства. Онъ хотѣлъ открыто выступить противъ обнаруживающагося съ нѣкоторыхъ поръ тайнаго недоброжелательства къ нему членовъ якобинскаго клуба, и на вызванномъ имъ собраніи выслушать взводимыя противъ него жа-

¹⁾ La Marck, I, 190.

²⁾ Жить свободными или умереть.

лобы, выступивъ немедленно съ своей защитой и оправданіемъ. Онъ называлъ трусостью тайкомъ подкрадывающуюся противъ него инвизицію и требовалъ рыцарскаго суда, какъ приличествуетъ мѹ-жамъ народа и свободы.

Такое открытое и мужественное рѣшеніе Мирабо считалъ дѣломъ личной чести, тѣмъ болѣе, что республиканцы стали уже въ своихъ нападкахъ на него примѣшивать имя королевы, направляя противъ нея особы самыя грубыя и низкія подозрѣнія по поводу свиданія Мирабо съ Маріей-Антуанеттой въ Сень-Клу. Уже на слѣдующій день послѣ его поѣздки въ Сень-Клу, въ «*Orateur du peuple*», издаваемомъ свирѣпымъ Фрерономъ, появилась крайне дерзкая статья, въ которой бесѣда Мирабо съ королевой приводилась, какъ измѣна народу, при чемъ нѣкоторыя подробности этой бесѣды, хотя извращенныя ненавистью, были вѣрны. Изъ этого Мирабо убѣдился, что его разговоръ съ королевой былъ подслушанъ, но тѣмъ сильнѣе испытывалъ потребность вызвать враговъ своихъ въ открытый бой, отъ котораго ожидалъ для себя полнаго торжества.

Мирабо, по обыкновенію, явился поздно въ открытое уже президентомъ собраніе. Съ ораторской трибуны, Дюпоръ, одинъ изъ самыхъ яростныхъ якобинцевъ, говорилъ о наступавшемъ для Франціи и свободы положеніи вещей послѣ принятаго національнымъ собраніемъ рѣшенія о правѣ короля объявлять миръ или войну. Этимъ естественно создавался переходъ къ новому, враждебному для народа положенію Мирабо, парламентскому всемогуществу котораго приписывалось то, что, несмотря на геройскія усилія Барнава, Робеспьера и Петіона, такое рѣшеніе національнаго собранія было брошено въ лицо свободѣ и народу.

Въ ту минуту, когда имя Мирабо, еще не произнесенное, но, готовое сорваться съ устъ оратора, навязывалось каждому на мысль, въ залу вошелъ Мирабо. Появленіе его, съ нѣкоторыхъ поръ весьма рѣдкое, вызвало страшное волненіе. Со всѣхъ сторонъ вырывались знаки неудовольствія, враждебныя восклицанія, даже угрозы. Но его необыкновенное спокойствіе не было этимъ нарушено ни на минуту. Гордо выпрямившись, какъ всегда, съ яснымъ, даже приятнымъ выраженіемъ на лицѣ, онъ направился къ оставшемуся свободному мѣсту, на которое сѣлъ, внимательно глядя на оратора. Все опять смолкло, и Дюпоръ, растерявшійся при появленіи Мирабо, вновь схватилъ нить рѣчи съ удвоенною горячностью.

Теперь, говоря о человѣкѣ, захватившемъ парламентскую диктатуру въ національномъ собраніи и тѣмъ проявившимъ деспотизмъ, крайне опасный для свободы, Дюпоръ произнесъ имя Мирабо. Съ грустью выполняетъ онъ данную всѣми членами клуба присягу указывать на враговъ свободы. Если же Мирабо можетъ доказать, что онъ достойный уваженія мужъ, то онъ, Дюпоръ, первый бросится къ нему на шею.

Едва, при мертвой тишинѣ, Дюпоръ окончилъ, какъ Мирабо медленно и спокойно взошелъ на трибуну, прося разрѣшенія возразить нѣсколько словъ противъ такого обвиненія. Затѣмъ сказалъ, что онъ сожалѣеть о томъ раздраженіи, съ которымъ преслѣдуютъ его лично здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, между тѣмъ, въ національномъ собраніи,—настоящемъ мѣстѣ подобной борьбы,—на него никогда не нападали. Какъ всевозможныя фразы, такъ и тайныя насильственныя дѣйствія противъ его имени и личности ничего не доказываютъ. Онъ требуетъ опредѣленнаго обвиненія по пунктамъ, и тогда онъ убѣжденъ, что сумѣетъ высказаться и удовлетворить своихъ согражданъ.

Эта простая и въ то же время презрительно холодная рѣчь произвела видимое впечатлѣніе на присутствующихъ, возбудивъ, однако, тѣмъ сильнѣе ожесточеніе его противниковъ, рассчитывавшихъ выступить противъ него сегодня въ рѣшительномъ бою. Съ бурной поспѣшностью направился теперь къ трибунѣ Александръ де-Ламеттъ, чуть не враждебно столкнувшійся со сходящимъ съ трибуны Мирабо. Глаза Ламетта пылали ненавистью, безграничная ярость выражалась въ его отвратительно искаженныхъ чертахъ лица.

Ламеттъ началъ горячимъ восхваленіемъ заслугъ клуба якобинцевъ, выражая, рядомъ съ этимъ, сожалѣніе, что клубъ далъ мѣсто тѣмъ, кто, желая дѣйствовать противъ народа, надѣлъ маску патриотизма на свое лицо реакціонера. Только находясь среди этого общества, можетъ Мирабо, подъ лицемѣрною личиною друга народа, прибѣгать еще къ общественному мнѣнію. Мирабо все еще остается членомъ клуба якобинцевъ потому, что слишкомъ хорошо знаетъ, что ему необходимо общественное мнѣніе, какъ для своего оправданія, такъ и для того, чтобы оказать наивыгоднѣйшія услуги своимъ тайнымъ руководителямъ. Если бы онъ вышелъ изъ этого общества, многое было бы яснѣе во всемъ положеніи Франціи. Но онъ скажетъ вамъ вновь съ этой трибуны, что никогда свобода не имѣла лучшаго, чѣмъ онъ, друга, что онъ никогда не шелъ противъ интересовъ народа, что онъ не говорилъ въ пользу абсолютнаго veto короля и не отвоевывалъ королю право мира и войны. Онъ опять сегодня скажетъ вамъ, что всѣ его дѣйствія происходили изъ воодушевленія въ пользу народа, въ вашу пользу, но не изъ нашептываній, вознагражденій и ласкательствъ его друзей и подругъ, воссѣдающихъ въ своихъ гордыхъ замкахъ надъ головами народа!

Рѣчь эта произвела по всей залѣ дѣйствіе необычайное. Раздались рукоплесканія и бурные возгласы одобренія, а между ними слышались и угрозы, не возбуждавшія, впрочемъ, у Мирабо ни малѣйшаго страха. Безъ признака волненія, съ присущей ему непринужденностью и безстрашіемъ, онъ оборачивалъ голову на всѣ стороны, спокойно выжидая и какъ бы изучая лица собранія. Въ

выраженіи лицъ нѣсколькихъ блузниковъ и рабочихъ, сидѣвшихъ близь него, онъ, казалось, находилъ уже поддержку. Обаяніе, всегда производимое его личностью на подобнаго рода людей, оправдалось и теперь. Въ ту минуту, когда его злѣйшіе противники мечтали уже о наступленіи суда надъ Мирабо, сидѣвшіе передъ нимъ рабочіе повернулись къ нему лицомъ, почтительно вынувъ изо рта дымившіяся у нихъ трубочки, и, въ доказательство своего довѣрія, наклоняясь къ нему, нѣсколько разъ встряхнули его руку. Одинъ изъ нихъ, странная уличная парижская фигура, съ перевязанной окровавленными тряпками головой и черными, хитро-улыбавшимися глазами, доброжелательно хлопалъ его по плечу и громко сказалъ: «Теперь говорить, Мирабо, говорить, и все опять пойдетъ хорошо!».

— Говорить, Мирабо! — раздалось и съ другихъ сторонъ ободряющими его голосами.

Мирабо поднялся и, не всходя на трибуну, съ своего мѣста, мягкимъ, почти смиреннымъ голосомъ сказалъ: — Граждане! я еще не смѣю говорить, потому что триумvirатъ нашего общества не вполне высказался противъ меня. Триумvirатъ великихъ друзей народа состоитъ, какъ вамъ извѣстно, изъ господъ Дюпора, Александра Ламетта и Барнава. Мы слышали лишь господъ Дюпора и Ламетта, позвольте же еще высказаться моему благородному врагу Барнаву. Онъ, конечно, тоже знаетъ обо мнѣ кое-что худое, и тогда я уже сразу скажу вамъ, что думаю объ этихъ врагахъ и о томъ, дѣйствительно ли они мои благородные и правдивые враги!

— Bravo, Мирабо! — раздалось со многихъ сторонъ. — Пусть еще говоритъ Барнавъ, но затѣмъ никто болѣе не смѣетъ предъявлять обвиненій! — воскликнуло нѣсколько другихъ, уже почти враждебныхъ голосовъ.

Барнавъ всталъ съ мѣста и сказалъ съ своей торжественной, полусантиментальной манерой: — Я отказываюсь отъ слова, но присоединяюсь вполне и самымъ рѣшительнымъ образомъ къ основательнымъ обвиненіямъ, выраженнымъ моими друзьями Дюпоромъ и Ламеттомъ!

— А я обвиняю Мирабо въ презрѣнномъ стряпаніи конституціи, составляющемъ настоящую государственную измѣну противъ народа! — воскликнулъ злобный, пронзительный голосъ, принадлежавшій Робеспьеру. — Тѣмъ, что онъ въ національномъ собраніи завелъ рѣчь о кропаніи конституціи, тѣмъ, что онъ кричитъ только о конституціи и ни о чемъ больше, и что въ мертвую конституціонную схему онъ хочетъ, какъ въ мышеловку, изловить всѣ народныя права и пользованія, онъ оказалъ содѣйствіе реакціи и вступилъ въ союзъ съ измѣнниками свободы!

Тутъ вошелъ Мирабо на ораторскую трибуну. Водворилось глубокое, полнѣйшее молчаніе самаго напряженнаго ожиданія.

— Граждане!—сказаль онъ, встряхнувъ головой съ пріятнымъ, довольнымъ выраженіемъ, какъ если бы теперь только, когда онъ всталъ передъ лицомъ собранія, ему стало хорошо и легко.— Позвольте мнѣ прежде всего возразить моему сотоварищу Робеспьеру, несомнѣнно, другу народа. Такимъ полезнымъ людямъ, которые, конечно, окажутъ однажды народному дѣлу и Франціи большія услуги, возражать нелегко. Если національное собраніе сдѣлалось собраніемъ для стряпанья конституціи, то не моя же вина въ этомъ; я вѣдь пользуюсь въ собраніи лишь однимъ голосомъ. Вы мнѣ позволите не возражать болѣе почтенному Робеспьеру. Но долженъ ли я послѣ этого возражать господамъ Дюпору и Ламетту? Позвольте мнѣ лучше прочесть два слова изъ случайно попавшаго въ мой карманъ листка.

Мирабо раскрыль свой портфель и, вынувъ изъ него листъ бумаги, прочель тихимъ, почти робкимъ голосомъ: «Слушано передъ судомъ исправительной полиціи по жалобѣ гражданина Рикетти по поводу появившагося памфлета, подъ заглавіемъ: «Большая, вполнѣ раскрытая измѣна графа Мирабо». Исправительная полиція, подъ предсѣдательствомъ комиссара Дефрена, призвала слѣдующее: 1. Сочинителемъ этого памфлета оказался нѣкій Лакруа, сынъ королевскаго прокуратора въ Шалонѣ на Марнѣ, въ чемъ онъ и сознался. 2. Дознано, что этотъ экзальтированный, еще несовершеннолѣтній юноша былъ побужденъ къ написанію памфлета Александромъ Ламеттомъ, Дюпоромъ и Барнавомъ, обѣщавшими ему свое покровительство. 3. Пасквиль этотъ, отпечатанный въ шести тысячахъ экземпляровъ, раздавался даромъ по улицамъ Парижа. 4. Гражданину Рикетти предоставляется право привлечь къ суду господъ Ламетта, Дюпора и Барнава»¹⁾. Прочитавъ, Мирабо передалъ бумагу съ приложенной къ ней судебной печатью ближайшему члену собранія для передачи ея дальше по скамьямъ. Невѣроятное возбужденіе овладѣло всей залой.

— Но я отказался отъ всякаго преслѣдованія!— прибавиль Мирабо быстро и громко.—Я состою вмѣстѣ съ господами Ламеттомъ, Дюпоромъ и Барнавомъ членомъ этого клуба, а это священный народный союзъ, котораго я никогда не разорву. Никогда не стану я обвинять члена якобинскаго клуба, потому что мы все собраны здѣсь во имя народа, какъ братья, и обвинять братьевъ значитъ оскорблять народъ. Я прощаю господамъ Ламетту, Дюпору и Барнаву и прошу васъ, друзья мои, сдѣлать это вмѣстѣ со мной!

Громовые возгласы одобренія и рукоплесканія послѣдовали за этими словами. Со всехъ сторонъ поднялись и стали тѣсниться къ Мирабо съ восторженными привѣтствіями и восклицаніями, но онъ, улыбаясь, плѣнительнымъ жестомъ руки заставиль вернуться всехъ

¹⁾ Montigny, VII, 256.

по мѣстамъ. Ламеттъ и Дюпоръ сидѣли съ блѣдными лицами и горящими злобой глазами. На мягкомъ лицѣ Барнава отразилось добродушное сожалѣніе. Ламеттъ хотѣлъ было устремиться на трибуну для произнесенія рѣчи, но кругомъ раздался единодушный ревъ, чтобы онъ оставался на мѣстѣ.—Одинъ графъ Мирабо имѣетъ право говорить!—Несмотря на отмѣну всѣхъ дворянскихъ титуловъ, народъ продолжалъ называть Мирабо своимъ графомъ.

— У меня, безъ сомнѣнія, много недостатковъ,—вновь началъ Мирабо,—но я обладаю одною добродѣтелью—вѣрностью моимъ друзьямъ. Я другъ этому поистинѣ патріотическому обществу, за сѣдающему въ церкви якобинцевъ. Я люблю якобинцевъ и, скажу вамъ больше, хочу, чтобы они вошли въ составъ министерства и управляли государствомъ. Я набросалъ такой проектъ, предварительно обсудивъ его съ Monsieur, графомъ Прованскимъ. Васъ это не пугаетъ, надѣюсь? Графъ Прованскій—просвѣщенная голова, и король охотно выслушиваетъ его. Мы должны обновить министерство, потому что теперешнее не даетъ намъ свободно дышать. Я предложилъ образовать часть новаго министерства изъ членовъ якобинскаго клуба, изъ васъ, мои дорогіе друзья патріоты! Только этимъ будущность Франціи будетъ обезпечена. Да здравствуетъ министерство якобинцевъ!

Громовому возгласу Мирабо, потрясшему залу, тотчасъ же сочувственно отвѣтили безчисленные ликующіе, шумные, грозные и воодушевленные голоса.

— Это значить и якобинцевъ продать двору! — воскликнулъ среди шума рѣзкимъ пронзительнымъ голосомъ Робеспьеръ.—Лучше сегодня же всеобщій пожаръ и убійство, чѣмъ это лицемѣрное примиреніе съ нашими врагами!

Значительная часть клуба присоединилась, казалось, теперь къ такому взгляду на вещи и рукоплесканіями и стукомъ выражала свое согласіе со словами Робеспьера. Большинство же собранія было опять охвачено ликованіемъ при видѣ Мирабо, гордо выпрямившагося на трибунѣ, съ которой онъ не сходилъ, выжидая минуты, когда вновь можно будетъ заставить слушать себя.

— И свобода должна имѣть форму, порядокъ и управленіе!—началъ опять Мирабо.—Право же, не радость сидѣть въ министерствѣ, и, что касается меня, то я благодарю Бога, что рѣшеніемъ національнаго собранія запрещено депутатамъ принимать министерскія мѣста. Знаменитые тридцать голосовъ крайней лѣвой, проведшіе это постановленіе, думали сыграть этимъ именно со мною необыкновенную штуку. Но они ошиблись! Я буду продолжать мою дѣятельность, но эта дѣятельность не связана съ обладаніемъ портфелемъ, а съ одобреніемъ и счастьемъ народа, къ чему я всегда и повсюду буду стремиться. Я желалъ бы, чтобы и находящіеся въ этомъ собраніи депутаты также не дѣлались министрами. Но здѣсь есть чест-

ные и славные рабочіе и ремесленники; кое-кого изъ нихъ хотѣлъ бы я видѣть въ министерствѣ и во главѣ правительства, ибо все, что для народа, должно совершаться настоящимъ разумомъ народа. Народъ выше всего!

Быстро, при неумолкаемыхъ кликахъ одобренія и сочувствія, сошелъ Мирабо съ трибуны. Его окружили и поздравляли со всѣхъ сторонъ, хватали его руки, платье, вѣшались ему на плечи въ доказательство того, какъ его высоко ставятъ, почитаютъ и благоговѣютъ передъ нимъ! Съ большимъ трудомъ удалось ему освободиться изъ рукъ своихъ поклонниковъ. Чувствуя необходимость оставить на минуту жаркую залу, онъ вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ; оставленное же имъ собраніе, по стуку молотка президента, вновь пришло въ порядокъ и приступило къ слѣдующему очередному вопросу, а именно къ избранію новаго президента клуба якобинцевъ.

Выйдя черезъ коридоръ на монастырскій дворикъ, сообщавшійся съ маленькой улочкой, Мирабо сталъ здѣсь, повидимому, кого-то ожидать со всѣми признаками усиливающегося нетерпѣнія. На монастырскомъ дворѣ начинало уже смеркаться, когда къ Мирабо быстрыми шагами подошелъ человекъ, въ которомъ онъ, радостно вздохнувъ, узналъ своего друга, графа де-ла-Маркъ.

— Прихожу съ наилучшими вѣстями,—шепнулъ де-ла-Маркъ, обнимая Мирабо.—Король изъявилъ согласіе на все, мною предложенное. Онъ ожидаетъ большой помощи отъ вашихъ услугъ. Ежедневно, обо всемъ, важномъ и достойномъ замѣчанія, вы должны ему составлять записки, мемуары, всевозможныя донесенія и должны быть увѣрены, что въ рѣшеніяхъ его величества ваши сужденія и взгляды будутъ всегда имѣть перевѣсъ надъ другими. Онъ рассчитываетъ также на дальнѣйшую вашу дѣятельность въ національномъ собраніи въ интересахъ монархіи. Король просилъ васъ принять ежемѣсячно сумму въ 6.000 франковъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вполне утвердилъ сумму, предложенную ему мною согласно нашимъ переговорамъ. Долги ваши, въ суммѣ 208.000 франковъ, будутъ уплочены изъ королевской шкатулки. На архіепископа тулузскаго, господина де-Фонтанжа, испытанная преданность котораго королю и въ особенности королевѣ вамъ извѣстна, возложено исполненіе финансовой и политической части этого дѣла. А потому ваши доклады королю вы будете, черезъ довѣренное лицо, доставлять архіепискому. Вашему писцу, господину де-Кампу (de Camps), будетъ также уплачиваемо 300 франковъ въ мѣсяцъ, такъ какъ, переписывая ваши записки для двора, онъ участвуетъ въ тайнѣ, а потому молчаніе его должно быть обезпечено. Сверхъ того, его величество передалъ мнѣ четыре собственноручныхъ векселя, каждый въ 250.000 франковъ, которые я долженъ хранить въ моемъ портфелѣ. «Если»,—сказалъ король, — «господинъ де Мирабо, согласно своему обѣщанію, будетъ

миѣ служить хорошо и вѣрно, то при окончаніи сессіи національнаго собранія вы передадите ему эти векселя, по которымъ ему будетъ выплачена сумма въ миллионъ франковъ»¹⁾).

— Вотъ эти векселя, смотрите!—прибавилъ де-ла-Маркъ еще тише, раскрывая свой портфель и держа документы передъ глазами Мирабо.

— Пусть такъ!—сказалъ Мирабо, съ улыбкой разглядывая подпись Людовика XVI.—Дворъ уплатилъ столько денегъ своимъ измѣнникамъ, что можетъ хоть разъ раскошелиться въ пользу истиннаго друга монархіи! Да,—прибавилъ онъ весело,—можно кое-что создавать, когда не надо больше разчитывать гроши. Король поступилъ со мною прилично, а вмѣстѣ съ тѣмъ умно и предусмотрительно. Я же никакой лучшей услуги оказать ему не могу, какъ говоря, устно и письменно, съ полною откровенностью. Лгать не могу даже за многіе миллионы, и ложь моя убила бы короля, а я надѣюсь охранить его жизнь, какъ надѣются на это всѣ честные люди Франціи. Времена плохи, де-ла-Маркъ, и если мы будемъ плохо работать, то трупы короля и королевы устелятъ камни мостовой²⁾. Но будемъ яснѣе взирать на будущее въ ожиданіи свадебнаго пира монархіи и свободы!

— Будьте здоровы, другъ мой!—сказалъ де-ла-Маркъ, пожимая ему руку.—Не слѣдуетъ намъ оставаться здѣсь слишкомъ долго. Завтра вы вѣдь придете къ обѣду? Тогда хорошенько переговоримъ обо всемъ.

Съ этими словами де-ла-Маркъ поспѣшно удалился. Мирабо же, веселый и съ давно уже неиспытанной имъ подвижностью, направился обратно въ залъ засѣданія. Услыхавъ, что секретаріатъ продолжаетъ свое скучное занятіе счета избирательныхъ голосовъ, онъ остался еще въ аванзалѣ. Въ одной изъ смежныхъ съ нею комнатъ былъ устроенъ для депутатовъ буфетъ. Мирабо, замѣтивъ тамъ своего писца Кампа, котораго онъ взялъ сегодня съ собою въ собраніе, подозвалъ его и велѣлъ ему принести стаканъ лимонаду. Когда Кампъ возвращался съ лимонадомъ, Мирабо съ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ опять вошелъ въ боковую дверь, которая, какъ ему было извѣстно, вела въ маленькій кабинетъ. Тамъ, въ пріотворенную дверь, онъ увидѣлъ непріятное, даже въ эту минуту съ какимъ-то особеннымъ страшнымъ выраженіемъ, лицо Александра Ламетта, съ которымъ Кампъ обмѣнялся нѣсколькими словами.

Въ ту же минуту изъ залы засѣданія донесся громовой, ликующій крикъ, гдѣ слышалось, впрочемъ, и шиканье. Президентъ клуба объявилъ результатъ новыхъ президентскихъ выборовъ. Имя Ми-

¹⁾ La Marck, I, 163.

²⁾ Часто повторяемое въ послѣднее время жизни выраженіе Мирабо. La Marck, I

рабо выпало изъ урны. Со всѣхъ сторонъ теперь вызывали Мирабо, всѣ тѣснились цѣлой толпой, чтобы ввести его въ залу.

Мирабо, быстро опорожнивъ поднесенный ему въ эту минуту Кампомъ стаканъ лимонаду, направился въ церковь-залу для пріятія выпавшей на его долю чести и поздравленія друзей. «Мирабо—президентъ клуба якобинцевъ!»—раздавалось кругомъ него.

— Кто бы подумалъ, что сегодня еще они выберутъ меня королемъ якобинцевъ!—сказалъ про себя Мирабо, улыбаясь и всходя на ораторскую трибуну, чтобы нѣсколькими словами выразить свою благодарность.

XV.

Мирабо и Генриетта.

Съ недавняго времени Мирабо занялъ на Chaussée d'Antin, самой красивой части Парижа, великолѣпный отель, купленный имъ за довольно значительную сумму. Съ прежней кочующей жизнью въ *chambres garnies* было покончено. У Мирабо развился вдругъ талантъ и вкусъ къ роскоши, какихъ раньше у него и не подозревали. Не только рядъ блестящихъ покоевъ, гдѣ богатство и искусство соперничали между собою, но и роскошь стола, собиравшаго кругомъ себя ежедневно многочисленное общество, свидѣтельствовали о томъ положеніи, которое Мирабо стремился занять въ Парижѣ. Вѣрный, однако, своимъ старымъ привычкамъ, онъ озаботился и о своихъ духовныхъ наслажденіяхъ. Онъ купилъ обширную бібліотеку графа Бюффона и наполнилъ этими сокровищами, заняться которыми мечталъ въ болѣе спокойное время, множество дорогихъ шкафовъ.

Однако, въ этой новой блестящей обстановкѣ, кое-что было утратно Мирабо, безъ чего, казалось ему, онъ обойтись не могъ. А именно, была утеряна совмѣстная жизнь съ его подругой Леттъ-Ли и маленькимъ прелестнымъ Коко, составлявшими до сихъ поръ нераздѣльную «орду» Мирабо.

Они переѣхали въ отдаленную, тихую улицу Люксембургскаго квартала, гдѣ Мирабо устроилъ для этихъ, все еще дорогихъ его сердцу друзей хорошенькое помѣщеніе. При этомъ, главнымъ образомъ, имѣлись въ виду, какъ тишина, такъ и прекрасный чистый воздухъ этой части города, а также полезныя для здоровья прогулки въ Jardin du Luxembourg. Съ нѣкоторыхъ поръ болѣзненное состояніе госпожи Нѣра усилилось; капель ея не только не смягчился, но, казалось, разбивалъ нѣжное созданіе вырывающимися изъ груди звуками. Весь ея прелестный, нѣжный образъ съ каждымъ днемъ какъ бы таялъ, едва касаясь земли невѣрной, колеблющейся походкой. Одни только прекрасные глаза Генриетты сіяли возвы-

шеннымъ, кроткимъ блескомъ, преклоняясь и пламенѣя тайною, благоговѣйною любовью къ великому другу.

Презмѣрныя волненія продолжительной жизни съ Мирабо надломили нѣжную природу Генриетты. Страданія ея выразились въ ужасающемъ кашлѣ, раздававшемся по цѣлому дому съ утра до поздней ночи, несмотря на то, что бѣдная Генриетта скрывалась въ самой отдаленной части жилища. Это было для нея тѣмъ больнѣе, что Мирабо былъ крайне чувствителенъ къ малѣйшему нарушенію сна и съ нѣкоторыхъ поръ самъ началъ какъ-то странно прихварывать и страдать неизвѣстною ему до сихъ поръ слабостью нервовъ.

Однажды утромъ, послѣ очень плохо проведенной Генриеттою ночи, онъ былъ крайне удивленъ при видѣ ея, вошедшей къ нему съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ. Генриетта, съ улыбкой и не покинувшей ее и во время болѣзни прелестью, поспѣшила его успокоить и сказала:

— У меня къ тебѣ необыкновенная просьба, Мирабо. Выгони меня изъ дому, умоляю тебя. Я тебѣ здѣсь только въ тягость, и ты ни днемъ, ни ночью не имѣешь отъ меня покоя.

— Что за глупости, Нэра! — возразилъ Мирабо съ раздраженіемъ. — Я не изъ тѣхъ людей, которые отрекаются отъ своихъ друзей изъ-за ихъ страданій. И что же будетъ со мною, когда ты меня покинешь? Какъ могла прійти тебѣ столь ужасная и нелѣпая мысль въ голову?

— Слушай, Мирабо, — начала она вновь спокойно и дружески, — я не въ силахъ избавиться отъ моего кашля, раздающагося по всему дому и нарушающаго покой, который ты долженъ имѣть хоть у себя! Страшное волненіе въ государствѣ, гдѣ ты господинъ и повелитель, и такъ уже исчерпываетъ всѣ твои силы. Не оберегая тебя, мой великій герой, мы можемъ потерять прежде времени твою незамѣнимую жизнь, безъ которой во Франціи никто, если онъ только полагаетъ спасеніе дѣла въ свободѣ, обойтись не можетъ. И я, несчастная, должна быть причиной, что Мирабо лишень подкрѣпляющаго сна и спокойствія въ собственномъ домѣ? Прошу тебя, отпусти меня. Мысленно я всегда буду съ тобою. И развѣ я не могу выздоровѣть? Тишина и уединеніе будутъ для меня благотворны; яростный врагъ въ моей груди замолкнетъ опять, и тогда я вновь предстану предъ тобой, мой другъ, и съ прежнимъ сердцемъ и вѣчною любовью спрошу тебя, позволишь ли ты мнѣ опять быть у ногъ твоихъ?

Онъ нѣжно обнялъ ее и, долго и пристально глядя на нее, задумался. Какія-то темныя тѣни, казалось, пробѣжали по его лицу.

— Куда же ты думаешь удалиться, покинувъ Мирабо? — спросилъ онъ послѣ долгаго, полнаго сомнѣній, молчанія.

— Я хотѣла бы больше всего и тогда остаться въ твоихъ владѣнiяхъ, — отвѣтила Генриетта съ нѣжностью. — Мнѣ понравилась прекрасная, солнечная квартирка противъ Люксембургскаго сада, нанятая тобою недавно, въ которую, однако, ты не переѣхалъ, найдя это великолѣпное помѣщенiе на Chaussée d'Antin, но за которую все-таки долженъ платить. Туда позволь мнѣ переѣхать и взять съ собой мою старую служанку.

Мирабо, молча, твердыми шагами прошелся раза два по комнатѣ. Онъ былъ мраченъ и блѣденъ. Съ нѣкоторыхъ поръ съ нимъ произошла какая-то странная, большая перемена.

Остановясь передъ Генриеттой и взявъ ея руку, онъ сказалъ ей съ выраженiемъ глубокой грусти: — Отъ твоихъ словъ, дорогая Геттъ-Ли, какъ они, по обыкновенiю, ни искренни, я въ глубинѣ души испытываю необъяснимую горечь. Однако, я думаю, дитя мое, что и ты не сомнѣваешься въ моей любви, хотя я какъ будто и забывалъ о тебѣ послѣднее время. Меня несетъ волна этой минуты, а куда занесетъ, кто знаетъ? Вѣрно одно, что скоро я не буду въ состоянiи поручиться за себя, за то, гдѣ буду жить, вернусь ли домой или нѣтъ, буду ли въ силахъ любить и ненавидѣть, кого слѣдуетъ. Мы сдѣлали и продолжаемъ дѣлать революцію. Революція— это новая трагическая судьба народовъ. Кто, среди нея, остается господиномъ самого себя, тотъ можетъ быть только измѣнникомъ. Мы же, честно думающiе о свободѣ, должны слѣпо повиноваться окружающей насъ неизбѣжности. Такой человѣкъ столь же пригоденъ, какъ Везувiй, чтобы опереться на него и ему довѣрить мирное счастье своей жизни. Ты больна, бѣдная Геттъ-Ли, и Мирабо не могъ даже поухаживать за тобой, напротивъ того, сердился, когда ты кашлемъ мѣшала ему спать. Печаль овладѣваетъ мною при мысли, что ни одинъ человѣкъ, нуждающiйся въ попеченiи, не можетъ жить при мнѣ. Разныя партii обратили мои комнаты въ толчею и грызутъ меня такъ, что скоро, быть можетъ, ничего отъ меня не останется. Меня гоняютъ съ порученiями, совѣщаются у меня, завтракаютъ и обѣдаютъ у меня, или таскаютъ меня по ресторанамъ, гдѣ я долженъ кутить по цѣлымъ ночамъ, чтобы разрѣшить при этомъ вопросъ между республикой и монархiей. И вотъ давно ужезираю я на тебя и Коко съ большою грустью. Не разъ уже и я думалъ, что было бы лучше, если бы орда Мирабо на время разлучилась съ своимъ главою и руководителемъ и въ тишинѣ оберегала и хранила свою прелесть, пока она вновь не станетъ истиннымъ вѣнцомъ его жизни!

Съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, Генриетта прижалась къ нему и поднесла къ своимъ губамъ его руку, на которую упала крупная, тяжелая слеза.

— Ахъ,—произнесла она съ грустною улыбкой,—мысли наши, значитъ, вновь сошлись, мой дорогой, дорогой другъ!

— Да,—отвѣтилъ онъ, смущенно глядя на нее,—мысли наши сдѣланы вмѣстѣ, и мы сами всегда будемъ существовать одинъ для другого... Я устрою тебѣ съ Коко жилище въ Люксембургѣ, какъ можно удобнѣе и пріятнѣе, и озабочусь обо всемъ. Ни въ чемъ недостатка не должно быть у васъ. Нужно, чтобы вамъ было лучше, чѣмъ Мирабо, въ эти суровыя, тяжкія времена. Коко ты должна взять у меня, моя добрая Геттъ-Ли, потому что никто не можетъ его воспитать лучше тебя. Онъ тебя любитъ; ты же всегда оказывала ему материнскую нѣжность и заботы. Здѣсь, при моей теперѣшней жизни, дитя пропадетъ. Да и кто знаетъ, что будетъ со мною самимъ, куда завлечетъ меня все болѣе запутывающаяся борьба. Вы же будете оберегать идиллію счастья Мирабо. Вотъ почему я съ спокойнымъ сердцемъ соглашаюсь на эту разлуку; она будетъ тяжела для меня, но всѣмъ намъ принесетъ спасеніе и благословеніе. Мы будемъ, конечно, видѣться ежедневно. Каждый день буду я пріѣзжать и посылать докладывать о себѣ графинѣ Геттъ-Ли.

При послѣднихъ словахъ Генріетта просіяла, но сквозь ея улыбку проглядывала печаль. Пришелъ Коко и предался громкому радостному ликованію, узнавъ, что будетъ жить съ госпожей Нэра въ Люксембургѣ и ежедневно гулять въ прекрасномъ саду. Въ эту минуту вошло нѣсколько депутатовъ, и Мирабо тотчасъ же съ огненною горячностью вступилъ съ ними въ дебаты, забывъ все остальное.

На слѣдующее утро Генріетта замѣтила, что Мирабо не забылъ о ея переѣздѣ въ другую часть города. Безъ всякаго напоминанія съ ея стороны, онъ поручилъ своему секретарю, Кампу, озаботиться устройствомъ жилища для Генріетты и Коко, не забывая ни малѣйшей мелочи для ихъ удобства. Серьезно переговорилъ онъ съ Кабанисомъ, поручая ему надзоръ за состояніемъ здоровья дорогихъ друзей, разлучающихся съ нимъ. Съ нѣкоторыхъ поръ Кабанисъ сталъ вновь чаще навѣщать Мирабо, будучи озабоченъ странными, нерѣдко угрожающими явленіями здоровья своего друга, которыхъ онъ себѣ объяснить не умѣлъ. Хотя республиканецъ Кабанисъ, подобно Шамфору, въ политическихъ принципахъ, совсѣмъ разошелся съ Мирабо, однако теперь дружба и безпокойство о внезапно и таинственно пошатнувшемся здоровьѣ его влекли Кабаниса къ нему болѣе, чѣмъ когда либо.

Насталъ часъ прощанья Генріетты съ Мирабо. Мирабо не хотѣлъ называть это прощаньемъ и, шутя и лаская, шелъ проводить ее и Коко внизъ до кареты.

Генріетта же не могла отдѣлаться отъ мысли, что она прощается съ нимъ. Она остановилась еще разъ на лѣстницѣ и, громко выражая свои чувства, бросилась ему на шею; потомъ еще и еще глядѣла на него съ величайшею нѣжностью и озабоченностью.

— Лишь бы съ тобою ничего не случилось, другъ мой,—шеп-

тала она, прижимаясь къ нему. — Страшныя предчувствія овладѣваютъ мною въ эту минуту разлуки, и я съ тяжелымъ сердцемъ оставляю тебя. О, мой дорогой другъ, что они сдѣлаютъ съ тобой, какой ударъ нанесутъ тебѣ, куда его намѣтятъ?

Мирабо, цѣлуя ея лобъ и чудные волосы, хотѣлъ отвѣтить шуткой, но въ эту минуту невольный ужасъ охватилъ его, онъ поблѣднѣлъ и зашатался, едва удерживаясь на ступеняхъ лѣстницы.

— Боюсь, что то, что они хотятъ со мною сдѣлать, они уже сдѣлали, моя добрая Генриетта, — сказалъ онъ, судорожно сжимая себѣ руками лобъ и сердце. Генриетта горько заплакала, тихо выражая свою жалобу. Такъ довель онъ ее и Коко до кареты, покотившей съ ними въ Люксембургъ.

Здѣсь Генриетта мало слышала о своемъ другѣ Мирабо. Въ первые дни онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ навѣстить ее и Коко, но скоро прекратилъ свои посѣщенія, и Генриетта, здоровье которой все ухудшалось, истомилась бы отсутствіемъ извѣстій о Мирабо, если бы ежедневно навѣщавшій ее Кабанисъ, къ которому изрѣдка присоединялся вѣрный Шамфоръ, не сообщалъ ей достовѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній о ея другѣ.

XVI.

Я д ъ.

Однако извѣстія о Мирабо становились съ каждымъ днемъ тревожнѣе и рѣже. Титанической силѣ его организма былъ, видимо, нанесенъ тайный ударъ, обнаруживавшійся все замѣтнѣе своими гибельными дѣйствіями. Болѣзнь его началась сильными лихорадочными приступами и воспаленіемъ глазъ, постоянно повторявшимися и причинявшими ему жестокия страданія. Въ особенности же тревожила его, по временамъ, опухоль ногъ, соединенная съ мучительнѣйшимъ болѣзненнымъ раздраженіемъ въ груди и рукахъ. Тутъ же появились странныя боли въ верхней полости живота, иногда столь сильныя, что вызывали его громкое отчаяніе. Его геркулесовскіе мускулы и нервы сдѣлались такъ слабы и чувствительны, что онъ часто съ грустною улыбкой спрашивалъ, кто могъ обратить его вдругъ въ слабонервную, истеричную женщину? Удивительны были измѣненія, происшедшія у него съ волосами. Его густые, отъ природы красивыми локонами вьющіеся волосы не порѣдѣли, но ниспадали безжизненно и вяло; на оцупь же были такъ мягки и тонки, почти прозрачны, что могли, казалось, улетучиться, какъ сухой растертый листъ въ осеннемъ воздухѣ ¹⁾.

¹⁾ Cabanis. Journal de la maladie et de la mort de H. G. Riquetti Mirabeau. p. 238. (Въ концѣ сочиненія: Du degré de certitude de la médecine. Par. an. XI).

Часто онъ не могъ рѣшиться принять Генриетту и Коко. Слабость его была такъ велика, что при одной мысли увидать передъ собой эти дорогія, а теперь уже далекія лица, сердце его начинало сильно биться, а на лбу выступали капли холоднаго пота. Но добрая Генриетта, сама все болѣе слабая, приходила съ Коко каждое утро, въ одинъ и тотъ же часъ, въ великолѣпный отель въ *Chaussée d'Antin*, и печальная, съ поникшей головой, не выдавъ своего друга и господина, возвращалась домой.

При такихъ загадочныхъ явленіяхъ здоровья Мирабо, при этихъ мученіяхъ и страданіяхъ, тяготѣвшихъ надъ нимъ какой-то мрачной тайной, поглощавшей всѣ его мысли, измѣнились и всѣ его обыденныя привычки. Онъ отказался отъ всякаго физическаго движенія, которому предавался съ такою охотой. Фехтованіе—его любимое занятіе въ свободное время—было имъ совсѣмъ оставлено. Не ѣздилъ онъ больше и верхомъ. Изъ дома въ національное собраніе ѣздилъ не иначе, какъ въ каретѣ, каждый разъ сопрсвождаемый ликующими народными массами, у которыхъ имя Мирабо звучало прекраснѣе, чѣмъ когда либо. Народъ чествовалъ въ немъ теперь президента національнаго собранія, каковымъ онъ былъ избранъ на послѣднихъ выборахъ почти единогласно всѣми партіями, съ протестомъ лишь тридцати республиканскихъ голосовъ.

Сегодня утромъ Мирабо всталъ, чувствуя себя лучше обыкновеннаго, и сѣлъ къ письменному столу, чтобы закончить новую записку, предназначенную для короля и королевы. Быстрое перо его было вдругъ остановлено какъ бы сильнымъ ударомъ, почувствованнымъ имъ въ самой груди. Вслѣдъ за этимъ стало обнаруживаться тревожное воспаленіе глазъ. Съ глубокимъ, болѣзненнымъ вздохомъ онъ наложилъ повязку на глаза для предохраненія ихъ отъ дневнаго свѣта, надѣясь, что послѣ короткаго отдыха будетъ еще въ состояніи работать. Рука его играла съ стоявшимъ передъ нимъ художественнымъ письменнымъ приборомъ, украшеннымъ античною фигурой и унизаннымъ драгоценными камнями, но скоро онъ съ гнѣвомъ отбросилъ и эту игрушку. Боли и тревожное состояніе дѣлались невыносимыми. Онъ сорвалъ съ глазъ повязку и сталъ ходить по комнатѣ быстрыми шагами, какъ бы кѣмъ-то преслѣдуемый.

Камердинеръ доложилъ о приходѣ графа де-ла-Марка. Тихо вошелъ де-ла-Маркъ въ комнату и, подойдя къ Мирабо, сердечно освѣдомился о его здоровьи. Мирабо со вздохомъ опустился въ кресло, указывая своему другу на мѣсто подлѣ себя. Де-ла-Маркъ началъ, какъ всегда, утѣшать больного, представляя его состояніе послѣдствіемъ самыхъ обыкновенныхъ вліяній.

— Я продолжаю быть того мнѣнія, — сказалъ онъ, — что вы такъ пошатнули свое здоровье чрезмѣрнымъ напряженіемъ на президентскомъ креслѣ. Вы, несомнѣнно, самый образцовый президентъ, когда

либо бывший въ такомъ собраніи. Никогда, ни во Франціи, ни въ Англіи, мѣсто это не было занято столь выдающимся образомъ, что прибавило новый блескъ къ вашей безсмертной славѣ. Съ вашимъ достоинствомъ, изящствомъ и справедливостью, вы удовлетворяете всѣ партіи; вы водворяете порядокъ и проливаете свѣтъ на каждый вопросъ; по одному вашему слову прекращается всякій шумъ, при чемъ вы еще сами удивительнѣйшимъ образомъ принимаете участіе въ преніяхъ. Вчера, несмотря на страшное утомленіе, вы говорили пять разъ по вопросу о копяяхъ. Нѣтъ, дорогой другъ, такъ нельзя, вы переутомляете себя, и я прихожу съ предложеньемъ, чтобы вы взяли въ національномъ собраніи отпускъ на нѣсколько недѣль. Для насъ важнѣе всего васъ сохранить! У насъ нѣтъ другого человѣка, на котораго мы могли бы возложить спасеніе Франціи и монархіи!

— Это не такъ, дорогой де-ла-Маркъ,—возразилъ Мирабо съ горечью.— Всякая работа была для меня забавой, всегда только увеличивавшей мои силы, а не ослаблявшей ихъ. Но то, что у меня теперь, то непостижимымъ образомъ точитъ мнѣ грудь и всѣ внутренности. Если бы я могъ вѣрить въ медленный, по плану дѣйствующій ядъ, то я бы не сомнѣвался болѣе въ томъ, что меня отравили. Я чувствую постепенно увеличивающуюся слабость, истощеніе, какъ если бы я лежалъ надъ пламенемъ небольшого очага, все сильнѣе и сильнѣе разгорающагося подо мною ¹⁾.

— О Боже! какъ могли вы дойти до такой ужасной мысли! — воскликнулъ де-ла-Маркъ, хватая его обѣ руки и прижимая ихъ къ своей груди.— Я увѣренъ такъ, какъ въ томъ, что я живу, что во всей Франціи не найдется никого, кто бы отважился или былъ заинтересованъ въ покушеніи на жизнь лучшаго мужа Франціи!

— Не знаю этого!—возразилъ Мирабо.— Знаю только, что злой врагъ тайно перепилилъ мнѣ всѣ жилы и мускулы!

— Сегодня такой прекрасный мартовскій день, — началъ вновь де-ла-Маркъ своимъ мягкимъ, задушевымъ голосомъ.— Рѣдко кто помнитъ такіе ясные и теплые дни ранней весны. Мой экипажъ внизу. Поѣдемъ со мною въ *Magais*, это прелестное, купленное вами, близъ Аржантейля, имѣніе, куда я такъ люблю съ вами ѣздить. Нѣсколько часовъ на свѣжемъ воздухѣ, въ вашемъ новомъ прекрасномъ паркѣ, укрѣпятъ васъ. Вѣрьте мнѣ, что и пребываніе въ новомъ залѣ засѣданій національнаго собранія вредитъ вамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы засѣдаемъ въ Парижѣ, въ залѣ манежа, въ этомъ сыромъ, тѣсномъ помѣщеніи, мы почти всѣ больны. Самые здоровые члены собранія страдаютъ воспаленіемъ глазъ и лихорадкой, какъ и вы.

— Вы любезны, графъ де-ла-Маркъ!— отвѣтилъ Мирабо съ грустною улыбкой,—однако сегодня я ничего предпринять не могу. При

¹⁾ Собственные слова Мирабо. *Dumont, Souvenirs*, p. 226.

мысли же о моемъ маленькомъ Magais испытываю настоящій ужасъ, потому что нѣсколько дней тому назадъ я думалъ, что долженъ буду испустить тамъ послѣдній вздохъ. Если буду имѣть силы, то хочу сегодня докончить эти записки для короля. Вѣроятно, это будетъ послѣднее, что онъ получитъ отъ меня. Признаюсь вамъ, что съ каждымъ днемъ я все болѣе недоволенъ поведеніемъ короля. Буду радъ, когда уже, тѣмъ или инымъ путемъ, снимется съ меня обязанность давать ему совѣты. До сихъ поръ не исполнено ничего изъ всего, что я, на такихъ неопровержимыхъ основаніяхъ, представлялъ ему, какъ необходимое. Удаленіемъ Неккера мы обязаны не ему, а національному собранію! Но что будетъ съ королемъ и монархіей, если Людовикъ XVI будетъ продолжать дѣйствовать съ медленностью и нерѣшительностью, недостойными мужчины? Съ досады я уже нѣсколько дней не представлялъ ему доклада; но если только мнѣ будетъ немного лучше, я скажу ему мое послѣднее слово! Пора, наконецъ, королю храбро выступить противъ этого собранія, надѣвшаго уже на одно ухо красную шапку. Если оно не можетъ обуздать своихъ пустыхъ, чрезмѣрныхъ прихотей, то должно быть распущено; избирателямъ же слѣдуетъ внушить, что новое собраніе должно обладать здоровымъ сердцебіеніемъ въ пользу монархіи и разумнымъ пониманіемъ государственныхъ учрежденій. Если это не наступитъ скоро, то все пропало. Повторяю то, что говорилъ: король и королева устелятъ тогда тѣлами своими камни мостовой! А впрочемъ, не я ли одинъ изъ первыхъ буду скошенъ ударомъ рока?..¹⁾

Послѣ этихъ словъ, Мирабо почувствовалъ себя такимъ утомленнымъ, что долженъ былъ просить де-ла-Марка оставить его. Затѣмъ, съ смертельною блѣдностью опустился въ креслѣ; на минуту дремота, казалось, смежила его воспаленныя вѣки.

Но дверь вновь поспѣшно отворилась, и маркиза де-Сальянъ, нѣжно любимая сестра Мирабо, извѣщенная о его болѣзни и прибывшая нѣсколько дней тому назадъ въ Парижъ, вошла съ своими двумя дочерьми, молодыми дѣвушками.

Г-жа Сальянъ, быстро подойдя къ нему, съ величайшею озабоченностью сказала:

— Другъ мой, приходится намъ строго наблюдать за окружающими тебя и за всѣмъ вообще въ твоемъ домѣ. Здѣсь опять получена для тебя отъ неизвѣстнаго посылка винъ и ликеровъ и, несмотря на мое приказаніе выбрасывать все подобное тотчасъ за окно, твой дворецкій удержалъ вино. Недавно была тебѣ прислана чашка кофе, будто бы, по сосѣдству, отъ одной блѣдной, простой женщины, пожелавшей выразить свое участіе великому Мирабо. Какъ только одинъ изъ домашнихъ попробовалъ это кофе, съ нимъ сдѣ-

¹⁾ De La Marck, I, 218, 224.

лалась страшная рвота. Намъ приходится бороться съ цѣлымъ легиономъ злѣйшихъ враговъ и оберегать тебя, дорогой, великій другъ, чтобы твоя драгоценная, незамѣнимая жизнь не подверглась удару!

— Знаю, какъ ты тревожишься обо мнѣ,— возразилъ Мирабо съ улыбкой.— Но будь спокойна, прошу тебя. Я или уже сраженъ, или неуязвимъ. Я слышалъ тоже, что ты велишь твоему сыну спать вооруженнымъ рядомъ съ моимъ кабинетомъ, для защиты меня отъ возможной руки убійцы. О, моя дорогая, успокойся. Правда, что у меня много злыхъ и опасныхъ враговъ. Крайняя партія, теперь еще безъ значенія, но надѣющаяся сдѣлаться всѣмъ послѣ моей смерти, заинтересована въ сокращеніи моей жизни. На улицѣ я подвергался нападенію убійцъ. Но вѣдь не всѣ пули бьютъ. Все еще можетъ поправиться...¹⁾

— А теперь уйдите, мои дѣти!— прибавилъ онъ тихо.— Только прежде я долженъ на прощанье поцѣловать свѣжія, душистыя щечки моихъ племянницъ.

Молодые дѣвушки быстро и радостно подскочили къ нему. Цѣлуя младшую и самую красивую, онъ произнесъ, внутренне содрогаясь: «Такъ смерть обнимаетъ весну!»

Въ эту минуту ему доложили о приходѣ Дюмона и Клавьера. Г-жа Сальянъ разрѣшила этотъ визитъ съ условіемъ, что онъ будетъ коротокъ, и что эти господа войдутъ, чтобы видѣть Мирабо, но не будутъ говорить съ нимъ.

Условившись съ ними объ этомъ въ передней, она пропустила друзей въ кабинетъ, вошедшихъ съ выраженіемъ глубокаго и серьезнаго участія. Дюмонъ желалъ проститься передъ своимъ отъѣздомъ на нѣкоторое время въ Женеву. Мирабо поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ, добродушно улыбаясь:

— Для твоей родины я еще ничего не могъ сдѣлать, Дюмонъ. Мало времени было мнѣ дано! А теперь и я долженъ уѣхать для отысканія новаго отечества, конституціонныхъ формъ котораго я еще сообразить не могу.

Въ глазахъ Дюмона были слезы.

— А ты, мой сильный, изъ желѣза и стали сложенный Клавьеръ,— продолжалъ Мирабо, обращаясь ко второму другу:— все ли ты еще того мнѣнія, что ассигнаціи, выпущенныя нами подъ конфискованныя церковныя имѣнія, служатъ превосходно къ тому, чтобы приковать каждого къ дѣлу революціи?

— Дорогой другъ мой,— отвѣтилъ Клавьеръ съ несвойственною ему мягкостью и неувѣренностью въ голосъ,— теперь я хочу только знать, какъ ты себя чувствуешь, потому что безъ тебя дѣло революціи становится для меня безразличнымъ. Нерѣдко, и тайно, и явно, бывалъ я твоимъ противникомъ, но твоя великая, божественная сила, сумѣвшая одновременно властвовать надъ дворомъ и

¹⁾ Montigny, VIII, 425.

надъ якобинцами, сдѣлалась необходимою всей эпохи! Ты та звѣзда, съ угасаніемъ которой и мы скоро исчезнемъ. Сохрани намъ жизнь твою, Мирабо!

Мирабо махнулъ ему рукой, не будучи въ силахъ выдержать вида трогательной мягкости у этого всегда столь рѣзкаго друга.

Дюмонъ и Клавьеръ вышли молча изъ комнаты Мирабо, провожавшаго ихъ глазами. Вслѣдъ за ними доложили о новыхъ посѣтителяхъ. Услыхавъ имя своего стараго друга Кабаниса, Мирабо обрадовался и, казалось, ожилъ. Онъ всталъ какъ бы съ новыми силами на встрѣчу своему другу, бывшему въ то же время и его врачомъ. Одному только умному, милому, всегда нѣжно имъ любимому Кабанису довѣрилъ Мирабо свои тяжкія загадочныя страданія. Хотя онъ въ политическомъ движеніи никогда не соприкасался съ Кабанисомъ, державшимся, повидимому, въ сторонѣ отъ современныхъ бурь, однако Мирабо такъ искренно любилъ его, что теперь чуть ли не съ крикомъ радости протянулъ къ нему руки.

Но Кабанисъ вошелъ не одинъ. Съ нимъ вмѣстѣ вошли еще двое старыхъ друзей, видъ которыхъ чрезвычайно взволновалъ Мирабо. Одинъ изъ нихъ былъ Шамфоръ, другой Кондорсэ. Обоихъ давно уже не видѣлъ Мирабо и думалъ, что чуждыя и враждебныя мнѣнія удалили ихъ совсѣмъ отъ него. Но они такъ сердечно подошли къ нему, какъ, если бы онъ только вчера, послѣ дружескаго, интереснаго разговора, разстался съ ними.

Кабанисъ освѣдомился прежде всего о состояніи больнаго и о дѣйствіи прописанныхъ ему лѣкарствъ. Неудовлетворенный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, онъ, молча, погрузился въ мрачную думу. Мирабо, желая отвлечься отъ страшныхъ мыслей, началъ разговоръ.

— Неужели, старые друзья мои, мы дѣйствительно привѣствуемъ другъ друга изъ разныхъ лагерей!—спросилъ онъ, дружески глядя то на того, то на другого.—Знаю, вы хотите республику. Даже мой кроткій Кабанисъ, ломающій тамъ свою прекрасную голову надъ моею болѣзнию, съ нѣкоторыхъ поръ тоже склоняется въ пользу республики, а послѣ моей смерти возгорится, конечно, этою страстью еще сильнѣе. Но вѣдь вы всѣ не принадлежите къ тѣмъ республиканцамъ, которые считаютъ нужнымъ меня ненавидѣть? Вы можете опять любить меня, какъ любили прежде. Я хочу монархію, но не ту, которая была бы противна такимъ мужамъ чести и свободы, какъ вы. Я хочу монархію чести и свободы! Не далѣе, какъ вчера, заявилъ я одному вліятельному другу, что если бы король далъ себя увлечь къ тайному бѣгству, на чемъ настаиваютъ нѣкоторые придворные совѣтчики, я немедленно вошелъ бы на трибуну, чтобы объявить упраздненіе трона и установленіе республики ¹⁾.

¹⁾ De-la-Marek, I, L, 52.

— Останься только съ нами, Мирабо!— сказалъ тихимъ, мягкимъ голосомъ Шамфоръ.—Твоею жизнью мы наилучшимъ и самымъ достойнымъ образомъ разрѣшимъ вопросы о монархіи и республикѣ. Ты не имѣешь права умирать, потому что послѣ твоей смерти люди, отъ которыхъ и мы отворачиваемся съ ужасомъ, начнутъ представлять изъ себя героевъ и великихъ людей, и тогда мы погибли!

— Да,—воскликнулъ Мирабо, невольно содрогаясь отъ ужаса,— скажу тебѣ что-то, Шамфоръ. Умирая, я уношу въ своею сердце скорбь о погибшей монархіи, останки которой сдѣлаются добычей крамолы ¹⁾.

Послѣ этихъ словъ, въ комнатѣ водворилось торжественное молчаніе. Глубокое, неотразимое волненіе овладѣло всѣми присутствующими.

— Дѣти мои,—вновь началъ Мирабо болѣе яснымъ, почти веселымъ голосомъ,— мнѣ кажется, будто мы опять прежніе, полные привязанности другъ къ другу, друзья, собиравшіеся для обмѣна мыслей въ салонѣ госпожи Гельвеціусъ, въ Отейлѣ. А что подѣлываетъ наша прекрасная, сердечная старая пріятельница? Почему не вышлетъ она мнѣ почтового голубя изъ своей клѣтки съ привѣтомъ благословеннаго мира?

— Она сама навѣститъ тебя,—сказалъ Шамфоръ, любезно кивнувъ ему головой.

Въ эту минуту было доложено о депутаціи отъ національной гвардіи. Когда госпожа Сальянъ объявила о невозможности впустить ее, то было передано извѣстіе, что Мирабо избранъ батальоннымъ командиромъ національной гвардіи. Мирабо съ улыбкой разсматривалъ врученный ему шарфъ и приложилъ его къ лежавшимъ на столѣ другимъ знакамъ отличія, которыми такъ щедро надѣляли его въ эти дни.

На улицѣ раздавался пушечный выстрѣлъ.

— Развѣ уже начинаются похороны Ахиллеса?— воскликнулъ Мирабо съ глубокимъ вздохомъ и торжественнымъ трепетомъ.

Друзья посѣбно простились съ нимъ. Мирабо нуждался въ одиночествѣ и покоѣ.

XVII.

Кончина Мирабо.

Утро перваго апрѣля 1791 года было ясно и солнечно, какъ утро настоящаго весенняго дня. Мирабо провелъ ночь подъ надзоромъ своего вѣрнаго друга Кабаниса, спавшаго на креслѣ, рядомъ

¹⁾ Собственныя слова Мирабо.

съ его кроватью. Утѣшеніемъ было для него имѣть этого друга возлѣ себя, но его боли и тревожное состояніе, страшно усилившіяся въ послѣднее время, дѣлали сонъ невозможнымъ. То страшно мучительныя судорожныя схватки въ груди и желудкѣ, то пріостановка дыханія повергали его въ отчаяніе и ужасъ. Или же пугаль его громкій, страшный шумъ въ дыхательныхъ органахъ, пробуждая его отъ минутной дремоты на страдальческомъ ложѣ. Наканунѣ онъ впервые согласился, чтобы Кабанисъ привелъ для консультаціи другаго испытаннаго врача, Ле-Пети. Генриетта Нэра, сама прикованная болѣзнію къ постели, постоянно посылала Мирабо убѣдительныя письма, умоляя его призвать еще доктора Ле-Пети, лѣчившаго ее съ нѣкоторыхъ поръ вмѣстѣ съ Кабанисомъ. Маленькій Коко, въ сопровожденіи слуги, приносилъ эти письма и смѣло поддерживалъ ихъ своими просьбами и слезами.

Наконецъ, Мирабо снизошелъ къ этому желанію, которое Кабанисъ не переставалъ заявлять съ самаго начала. Оба врача, однако, сошлись въ томъ убѣжденіи, что никакого яда Мирабо не принималъ; но отъ этого ихъ лѣченіе не стало ни яснѣе, ни успѣшнѣе. Наконецъ, на серіозный вопросъ Мирабо, Ле-Пети не могъ утаить болѣе, что никакой надежды на его выздоровленіе онъ не питаетъ. Вчера же, въ присутствіи графа де-ла-Маркъ, Мирабо сдѣлалъ завѣщаніе. Де-ла-Маркъ просилъ его дѣлать свои распоряженія безусловно и не стѣсняясь; тамъ же, гдѣ суммы были бы недостаточны, позволить ему добавить ихъ. Мирабо принялъ это съ яснымъ, благодарнымъ взглядомъ. Наибольшую часть завѣщалъ онъ госпожѣ Нэра и Коко, изъ которыхъ первая едва ли могла надѣяться пережить Мирабо нѣсколькими днями.

Сегодня, однако, Мирабо всталъ съ постели съ поразительнымъ подъемомъ силъ. Кабанисъ съ удивленіемъ и страхомъ слѣдовалъ за нимъ до окна, куда онъ направлялся быстрыми и твердыми шагами. Мирабо открылъ окно, въ которое ворвались первые лучи весенняго солнца, и съ жадностью вливалъ въ себя свѣжій воздухъ. Всѣ его движенія обнаруживали новую энергію, вернувшуюся, казалось, въ этотъ столь сильный организмъ. На лицѣ же его было все то же безнадежное, пугающее выраженіе послѣднихъ дней, дающее поводъ ожидать наихудшаго.

— Другъ мой, — сказалъ Мирабо, стоя у открытаго окна, твердымъ и спокойнымъ голосомъ, — сегодня я умру! Кто такъ далеко зашелъ, тому уже ничего болѣе не остается, какъ натереть себя благоуханіями, увѣнчать цвѣтами и окружить себя музыкой, чтобы пріятно перейти ко сну, отъ котораго, къ счастью, болѣе не пробуждаются ¹⁾!

Кабанисъ хотѣлъ отвлечь его отъ окна, боясь дѣйствія свѣжаго утренняго воздуха.

¹⁾ Cabanis. Journal de la maladie de Mirabeau, p. 306.

— О мой милый другъ, Кабанисъ, — возразилъ Мирабо, — ты великій докторъ, но есть докторъ, еще гораздо большій, чѣмъ ты. Онъ создалъ все прогоняющій вѣтеръ, воду, всюду проникающую и оплодотворяющую, огонь, все оживляющій или разрушающій! Этого Великаго Доктора и Создателя, — называй его, какъ хочешь, — я знаю. Онъ рѣшилъ сегодня мою судьбу, и я радуюсь этому!

Мирабо велѣлъ подкатить себѣ кресло къ открытому окну и смотрѣлъ внизъ на деревья своего маленькаго сада, облаквшіяся уже первою весеннею листвою. Въ эту минуту взопло на небѣ большое лучезарное солнце.

— Смотри, Кабанисъ, — сказалъ Мирабо, указывая на взопедшее свѣтило, — если это не само божество, то, конечно, его ближайшій родственникъ.

Затѣмъ, подзвавъ камердинера, Мирабо велѣлъ одѣть себя въ полный костюмъ, чего давно уже не дѣлалъ. Когда это было исполнено, лицо его приняло еще болѣе явное выраженіе смерти. Но это была смерть, полная жизни; ея улыбающееся, ясное выраженіе побѣдило, казалось, всякую борьбу и сомнѣнія. Мирабо выразилъ желаніе говорить съ людьми и просилъ своего друга, отказывавшаго вчера всѣмъ посѣтителямъ, позволить ему видѣть сегодня лица всѣхъ друзей, которые еще любятъ его.

Первымъ, по обыкновенію, былъ посланный отъ короля, каждый день присылавшаго освѣдомляться самымъ подробнымъ образомъ о здоровьи Мирабо и не забывшаго сдѣлать это и сегодня.

Оставшійся вновь наединѣ съ Кабанисомъ, Мирабо сказалъ печальнымъ голосомъ:

— Мнѣ отъ всего сердца жаль этого добраго короля. Думая о немъ, я страдаю, какъ отъ раны. Всѣ его покидаютъ и измѣняютъ ему. Изъ всѣхъ, его окружающихъ, есть лишь одинъ человѣкъ — и это его жена ¹⁾).

Послѣ этого доложили о депутаціи, высланной къ Мирабо клубомъ якобинцевъ, для выраженія ему участія общества къ его болѣзни. На минуту Мирабо смутился, но тотчасъ же велѣлъ ввести къ себѣ этихъ господъ, во главѣ которыхъ увидалъ Барнава. Барнавъ былъ такъ взволнованъ, что разразился громкимъ рыданіемъ, подходя къ Мирабо, а онъ, тронутый такимъ проявленіемъ чувствъ благороднаго противника въ страстныхъ преніяхъ партій, протянулъ къ нему руки.

Барнавъ могъ произнести лишь нѣсколько словъ, не будучи въ силахъ совладать съ слезами.

— Ахъ, — сказалъ Мирабо, сердечно прижимая къ себѣ прекраснаго человѣка, — приходится въ самомъ дѣлѣ пожалѣть о жизни, обрѣтая такого друга въ ту минуку, когда долженъ ее оставить ²⁾! —

¹⁾ «Le roi n'a qu'un homme, c'est sa femme», — слова Мирабо.

²⁾ Сообщение Фиссо, II, 284.

Мирабо смотрѣлъ на многочисленную депутацію, выстроившуюся передъ нимъ рядами.

— Вы, конечно, всѣ охотно пришли ко мнѣ, друзья мои,—сказалъ онъ, сердечно привѣтствуя ихъ.

Въ эту минуту какимъ-то страннымъ, почти страшнымъ теченіемъ мысли онъ былъ наведенъ на то, что бывший между якобинцами его злѣйшимъ и непримиримѣйшимъ противникомъ Александръ Ламеттъ не пришелъ.

— Не знаю почему, именно сегодня мнѣ бы хотѣлось видѣть здѣсь также моего достойнаго противника Александра Ламетта,—сказалъ Мирабо, оглядываясь кругомъ почти съ боязнью. — Александръ Ламеттъ, вѣрно, отказался прійти?

— На него напалъ страхъ, котораго мы не могли побороть,—отвѣчалъ Петіонъ, тоже находившійся среди депутаціи.—Клубъ избралъ его, но онъ уклонился.

— Я, конечно, зналъ,—сказалъ Мирабо съ охватившимъ его вдругъ негодованіемъ,—что онъ сильный человекъ партіи, но мнѣ еще не было извѣстно, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ глупецъ.

Овладевшее при этомъ Мирабо чувство легло, казалось, мрачною, необъяснимою тѣнью на его душу.

Слѣдующее посѣщеніе, о которомъ ему доложили послѣ ухода якобинцевъ, вновь отвлекло его отъ этого чувства, въ которомъ онъ не умѣлъ дать себѣ отчета. Вошелъ Талейранъ, епископъ Отѣнскій, въ настоящее время президентъ національнаго собранія. Онъ явился къ больному Мирабо какъ по порученію собранія, такъ и по собственному побужденію.

— Три дня подрядъ старался я попасть къ вамъ, мой дорогой, любезный, старый другъ!—сказалъ Талейранъ, подходя къ Мирабо и красивымъ жестомъ протягивая ему руку,—но было невозможно подѣхать изъ-за массы народа, запрудившей вашу улицу. Приходилось довольствоваться передаваемыми на улицѣ свѣдѣніями о вашемъ здоровьѣ. Народъ выпускаетъ теперь о васъ печатные бюллетени, расклеенные по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ Парижа¹⁾. Какъ ужасно, графъ Мирабо, что вы такъ страдаете. Но если можете служить утѣшеніемъ то, что дѣлаешья событіемъ, то вы имѣете такое утѣшеніе. Дѣйствительно, для всей Франціи—событіе, что столь драгоценная жизнь, какъ ваша, находится въ опасности. Какъ я видѣлъ, народъ забаррикадировалъ близъ вашего дома улицу, чтобы шумъ экипажей не мѣшалъ вамъ.

— Сожалѣю, что вамъ пришлось поэтому изъ-за меня пройти немного пѣшкомъ,—сказалъ Мирабо, улыбаясь.—Но благодарю васъ, что вы пришли. Для меня очень важно разстаться съ вами въ согласіи, потому что я однажды невольно оскорбилъ васъ. Вы ви-

¹⁾ Montigny, VIII, 485.

дите, какъ я счастливъ, что народъ окружаетъ мой домъ до моего послѣдняго вздоха. О Талейранъ, народъ, который вы видѣли тамъ,— добрый и сердечный народъ. Онъ стоитъ того, чтобы посвятить себя служенію ему и сдѣлать все, чтобы воздвигнуть и утвердить его свободу. Славою моею было то, что я посвятилъ народу всю мою жизнь, и теперь чувствую, какъ пріятно умирать среди него ¹⁾).

— Не время еще умирать вамъ,—сказалъ епископъ Отѣнскій.— Спасеніе Франціи зависитъ отъ васъ, графъ Мирабо!

— Вы проживете дольше меня, Талейранъ,—сказалъ Мирабо спокойно и глубокомысленно.—Много еще придется вамъ свершить въ мірѣ. Если же вы захотите когда либо вспомнить о Мирабо, то постарайтесь помочь установленію самой тѣсной и искренней дружбы между Англіей и Франціей. Въ такомъ союзѣ—единственное ручательство свободы и цивилизации современныхъ націй. Вотъ мое политическое завѣщаніе, исполнителемъ котораго я хотѣлъ бы назначить васъ, какъ уже позволилъ себѣ назначить васъ моимъ гражданскимъ душеприказчикомъ ²⁾).

Талейранъ троекратно облобызалъ его, прибавивъ, что испытываемое имъ волненіе не позволяетъ ему оставаться долѣе. Обѣщая прійти на слѣдующій день, онъ послѣшно вышелъ изъ комнаты.

Вскорѣ затѣмъ вошелъ графъ де-ла-Маркъ, желавшій поговорить съ Мирабо наединѣ. Кабанисъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, а де-ла-Маркъ началъ разговоръ по затронутому уже ими однажды вопросу. Мирабо сразу заявилъ ему:

— Другъ мой, ваша забота основательна. У меня, конечно, есть много тайныхъ бумагъ, могущихъ сильнѣйшимъ образомъ скомпрометировать многихъ лицъ, въ особенности же тѣхъ, которыхъ мнѣ такъ хотѣлось бы спасти отъ угрожающихъ имъ опасностей. Всего умнѣе было бы, быть можетъ, сегодня же, въ день предстоящей мнѣ смерти, уничтожить ихъ; однако, признаюсь, я не могу на это рѣшиться. Я долженъ надѣяться, что придетъ время, когда въ этихъ бумагахъ потомство найдетъ наилучшее оправданіе моихъ поступковъ послѣдняго времени и единственную честь моей памяти. Передаю вамъ эти бумаги, чтобы онѣ не попали въ руки нашихъ враговъ, ожидающихъ уже тамъ внизу на улицѣ, точно вѣроны, этой добычи. Но вы должны обѣщать мнѣ, де-ла-Маркъ, что вы опубликуете когда нибудь эти бумаги; вашей дружбѣ и вѣрности предоставляю я такимъ путемъ оградить мою память и честь ³⁾).

Де-ла-Маркъ торжественно подаль другу своему руку, а изъ рукъ Мирабо получилъ ключъ съ указаніемъ открыть имъ потайной ящикъ

¹⁾ Cabanis, p. 297.

²⁾ Montigny, VIII, 459.

³⁾ De-la-Marcq, I, 956.

въ стѣнномъ шкафу. Оказавшіяся здѣсь въ полномъ порядкѣ свернутыя бумаги де-ла-Маркъ бережно спрятали въ карманъ.

Въ то время, какъ де-ла-Маркъ и Мирабо, сидя близко одинъ возлѣ другого, продолжали свою интимную бесѣду, Мирабо не замѣчалъ, что въ глубинѣ комнаты его начала наполняться различными фигурами, мужчинами и женщинами. Образовалась молчаливая, полная ожиданія группа, не осмѣливавшаяся подойти ближе, но печально и торжественно ожидавшая минуты, когда Мирабо ее увидитъ. Отъ времени до времени дверь вновь растворялась, и входили новыя лица, имѣвшія, повидимому, право на вниманіе Мирабо.

И Мирабо ихъ замѣтилъ. Удивленный и взволнованный, онъ поднялся съ кресла и всматривался въ эти фигуры, изъ которыхъ однѣ стали къ нему приближаться, другія же оставались въ глубинѣ комнаты.

— Кто вы?—сказалъ онъ голосомъ, звучавшимъ радостно и вмѣстѣ боязливо.—О Боже, я знаю васъ! Вы всѣ—образы моей жизни, которые я когда-то любилъ и почиталъ. И ты здѣсь, Генріетта, моя кроткая подруга? Ты блѣдна, Іеттъ-Ли, какъ смерть. Ты поднялась, не правда ли, съ твоего болѣзненнаго ложа, чтобы еще разъ подарить мнѣ привѣтъ своихъ чудныхъ глазъ? А объ руку съ тобой мой другъ Коко, котораго ты привела ко мнѣ еще разъ. Вотъ она, вѣрная орда Мирабо! Прощайте, прощайте оба...

Генріетта съ горестнымъ крикомъ простерла къ нему руки, но онъ знакомъ показалъ ей, чтобы она не подходила къ нему.

— А вотъ Шамфоръ! Вотъ Кондорсэ! А вотъ прекраснѣйшее сердце и краснорѣчивѣйшія уста, аббатъ Черутти!—восклицалъ Мирабо съ блестящими глазами и съ удивленіемъ указывая пальцемъ на называемыхъ лицъ.—Ты долженъ сказать мнѣ надгробное слово, Черутти. Хорошо?

Черутти поклонился ему съ серіознымъ, полнымъ скорби выраженіемъ.

— Ахъ, вотъ мой вѣрный, старый другъ, госпожа Гельвеціусъ!—продолжалъ Мирабо, кланяясь почтенной женщинѣ, которая, вся въ слезахъ, стояла въ углу комнаты, опираясь на руку своего друга Кабаниса.

— А что это за хорошенькій пажъ стоитъ тамъ?—спрашивалъ Мирабо далѣе.

Де-ла-Маркъ шепнулъ ему, что этого пажа прислала королева узнать о состояніи Мирабо и выразить больному ея участіе.

— О королева!—воскликнулъ растроганный Мирабо:—охотно отдалъ бы я свою жизнь, чтобы сохранить ея, столь драгоценную и прекрасную!

Теперь глаза его остановились на его сестрѣ, стоявшей позади, у дверей, рядомъ съ другой дамой въ черномъ платьѣ.

— Вот сестра моя! Вѣрно и нѣжно любили мы другъ друга!— говорилъ Мирабо, рукою посылая госпожѣ Сальянъ подѣлуй.— Но кого ты привела еще съ собою, кого привела ты?..

Мирабо вдругъ узналъ свою жену, Эмилию де-Мариньянъ, кланявшуюся ему издали почти съ благоговѣйною любовью. Онъ протянулъ къ ней руку, улыбаясь, съ выраженіемъ полного примиренія, но въ эту минуту покачнулся и зашатался. Кабанисъ и Шамфоръ поддержали и отвели его на кресло.

— Вы пришли всѣ, всѣ, которыхъ я любилъ, чтобы окружить меня предсмертнымъ хороводомъ!— сказала онъ, помолчавъ, внезапно страшно измѣнившимся голосомъ.— Вставъ сегодня утромъ, я желалъ музыки, цвѣтовъ и вѣнковъ! Вы же пришли и еще разъ украсили меня вѣнками любви. Вашъ прощальный привѣтъ тихо звучитъ въ моихъ ужасныхъ страданіяхъ! Благодарю васъ!

Въ эту минуту съ нимъ сдѣлались страшныя судороги, которыхъ онъ не могъ выдержать. Тутъ же сталъ онъ жаловаться на сильный стукъ въ головѣ и просилъ докторовъ дать ему опиуму, чтобы заснуть и избавиться отъ мукъ. Но вдругъ дыханіе прекратилось. Мирабо умеръ...

Изъ его дома, передъ которымъ густыя, торжественно молчаливыя толпы народа узнали о кончинѣ Мирабо, вѣсть эта разнеслась, подобно прибывающему шумному потоку, по всему Парижу и отозвалась во всѣхъ сердцахъ...

Въ самый день смерти Мирабо, подозрительное событіе, происшедшее въ его домѣ, подтвердило мрачныя слухи, носившіяся во всѣхъ парижскихъ сферахъ о его смерти и предшествовавшей ей болѣзни.

Писецъ Мирабо, молодой Кампъ, былъ найденъ на чердакѣ дома, гдѣ онъ пытался повѣситься. Передъ тѣмъ уже видѣли, какъ онъ, подозрительно возбужденный, въ замѣшательствѣ, всходилъ на лѣстницу, не переставая кричать: «Ядъ! ядъ! Какое позорное дѣяніе!»¹⁾ Удалось вернуть его къ жизни, но онъ оказался помѣшаннымъ и не могъ уже разсѣять этой загадочной неизвѣстности. Лично по отношенію къ нему подозрительными могли быть его тайныя сношенія съ якобинцами, въ особенности съ Александромъ Ламеттомъ.

Все болѣе и болѣе распространявшіеся слухи, соединенные съ громкими жалобами народа, заставили государственныя власти настоять на вскрытіи тѣла Мирабо. Четыре врача съ величайшею увѣренностью высказали мнѣніе, что Мирабо былъ отравленъ. Четверо же другихъ, съ такою же увѣренностью, отрицали присутствіе яда въ тѣлѣ. Послѣдніе были отчасти извѣстны за людей, считавшихъ своею обязанностью примирять партіи, а не возбуждать ихъ

¹⁾ Montigny, Mémoires sur Mirabeau, VIII, 471.

къ еще болѣе ожесточенной борьбѣ. Родственники Мирабо сохранили убѣжденіе, что онъ умеръ отъ яда.

Похороны Мирабо были національнымъ торжествомъ, въ которомъ всѣ сословія и партіи, весь народъ, всѣ власти, министры и національное собраніе, королевскія войска и національная гвардія соединились въ одно, никогда невиданное шествіе, одушевленное одною скорбью. Впереди шло духовенство съ цѣлымъ отрядомъ музыкантовъ, которые на странныхъ, недавно появившихся въ Парижѣ инструментахъ, тамтамъ и громкомъ тромбонѣ, играли душу надрывающія жалобныя мелодіи.

Народъ, въ поразительной, глубоко-молчаливой скорби, весь въ слезахъ, не спускалъ глазъ съ гроба Мирабо, увѣнчаннаго гражданской короной и всѣми воинскими атрибутами и несомато двѣнадцатью національными гвардейцами и четырьмя членами національнаго собранія.

Позади тѣла несли сердце Мирабо, украшенное вѣнкомъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

Клубъ якобинцевъ, присоединившійся, за малыми исключеніями, весь къ печальному шествію, шелъ вслѣдъ за національнымъ собраніемъ.

Въ церкви св. Женевьевы, куда былъ поставленъ прахъ Мирабо, аббатъ Черутти произнесъ надгробное слово.

Вскорѣ послѣ того департаментъ Парижа потребовалъ, чтобы Пантеонъ былъ назначенъ усыпальницей великихъ людей Франціи, и чтобы прахъ Мирабо былъ поставленъ въ немъ первымъ.

Клубъ якобинцевъ постановилъ, на алтарѣ, въ своемъ залѣ за сѣданій, рядомъ съ бюстами Жанъ-Жака Руссо и Гельвеціуса, поставить третій бюстъ — Мирабо.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1899 г. ¹⁾.

А.

- Аадиль Гирей**, ханъ, т. LXXVIII, 775.
- Абда-паша**, т. LXXVII, 578.
- Абдрахманъ - Казначи**, т. LXXVII, 487, 490, 492.
- Абдуль-Азизъ**, султанъ, т. LXXV, 265.
- Абдуль-Гамидъ**, султанъ, т. LXXV, 266; т. LXXVIII, 1273.
- Абдурахманъ-ханъ**, эмиръ, т. LXXVI, 956.
- Абд-эль-Бадеръ**, африкан. полководецъ, т. LXXV, 1060—1061.
- Абекенъ**, Генрихъ, биографъ Бисмарка, т. LXXV, 976—977, 1057—1058; т. LXXVI, 294.
- Абиль-Оглы**, кульджин. султанъ, т. LXXVII, 485—486, 493.
- Абрамовичъ**, г-жа, т. LXXVII, 979.
- Абрамовичъ**, Д. И., т. LXXVI, 376.
- Абрамовъ**, ген., т. LXXVI, 117—120, 914, 915, 919, 921—924; т. LXXVII, 81—84, 96, 99, 477—484.
- Абрамовъ (Аграмовъ)**, актеръ, мужъ Ю. Н. Линской, т. LXXVIII, 490—491.
- Абуль-Фараджа**, т. LXXVII, 307.
- Д'Аваръ**, герцогъ, т. LXXVIII, 55.
- Августа**, императрица герман. и королева прусская, т. LXXVI, 336—337, 998, 1000—1003; т. LXXVII, 285.
- Августъ II**, саксон. курфюрстъ и король польскій, т. LXXVIII, 246.
- III, саксон. курфюрстъ и король польскій, т. 369; LXXVI, т. LXXVIII, 381.
- Авенариусъ**, Василій Петровичъ, писатель. *Упомян.* т. LXXV, 761; т. LXXVII, 204, 279. *Библ. замѣтка Б. Глинскаго о книгѣ его*: Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біографической трилогіи «Ученическіе годы Гоголя». Спб. 1899., т. LXXVIII, 1216—1218.
- Авенель**, франц. экономистъ, т. LXXVII, 693—694.
- Аверкиевъ**, Дмитрій Васильевичъ, писатель, т. XXXVII, 595; т. LXXVIII, 1153, 1281, 1282.
- Авнеръ** (псевдонимъ), переводчикъ Пушкина на евр. яз., т. LXXVI, 670.
- Авраамій**, игумень, настоятель Оптиной пустыни, т. LXXV, 918—919, 921.
- Агаянцъ**, переводчикъ Пушкина на армян. яз., т. LXXVI, 662.
- Агей-де-Мюнь**, Филиппъ Шарль, фр. офицеръ, писатель, т. LXXVIII, 717—720, 722—731.
- Ададуrows:**
— Алексій Петровичъ, сенаторъ, т. LXXV, 413; т. LXXVII, 50.
— Василій Евдокимовичъ, кураторъ Моск. унив., т. LXXV, 413; т. LXXVII, 799.

¹⁾ Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложенияхъ къ «Ист. Вѣст.».

- Аданъ**, г-жа, т. LXXVII, 362; т. LXXVIII, 382—383.
- Адашевъ**, т. LXXVII, 240.
- Аделунгъ**, картографъ, т. LXXVIII, 1119.
- Адельгеймъ**, А., т. LXXVI, 759.
- Адеркасъ**, Эммануилъ Богдановичъ, псков. губернаторъ, т. LXXVII, 165.
- Адерсбахъ**, т. LXXVIII, 841.
- Адлербергъ**:
— графъ, А. В., пензен. губернаторъ, т. LXXV, 752; т. LXXVI, 765.
— графъ Александръ Владиміровичъ, министр имп. двора, т. LXXVIII, 514, 515.
— графъ Владиміръ Ѳеодоровичъ, министр имп. двора, т. LXXVII, 286; т. LXXVIII, 510, 773—774.
- Адорацкій**, прапорщикъ, т. LXXVII, 89.
- Адриановъ**, Сергій Александровичъ, писатель. *Статья его*: Графиня Софія Потоцкая, т. LXXV, 426—439. *Замѣтка И. III. по поводу этой статьи*: Къ биографіи графини Софіи Потоцкой, т. LXXVI, 799.
- Адрианъ II**, папа римскій, т. LXXVIII, 327.
- Айбулатовъ**, Асай, пособникъ Стеньки Разина, т. LXXVI, 317.
- Айвазовскій**, Иванъ Константиновичъ, профессоръ живописи, маринистъ, т. LXXVI, 761; т. LXXVIII, 1111.
- Акакій**, епископъ, т. LXXVII, 624.
- Акинфовъ**, В. Н., симбирскій губернаторъ, т. LXXVII, 720.
- Акинѣевъ**, Григорій, т. LXXVI, 940.
- Аксаковы**:
— А., т. LXXVI, 709.
— Иванъ Сергѣевичъ, писатель, т. LXXV, 161, 321, 509, 532; т. LXXVI, 207, 210, 217, 482.
— Константинъ Сергѣевичъ, писатель, т. LXXV, 506.
— Сергій Тимоосевичъ, писатель, т. LXXVI, 205, 500, 589; т. LXXVIII, 1150, 1152.
— Ѳ., археологъ, т. LXXVI, 947.
- Аксель**, скандинав. поэтъ, т. LXXVI, 643.
- Аксеновъ**, М. С., харьков. преподаватель, т. LXXVI, 381.
- Д'Аламберъ**, Жанъ де Ронъ, франц. энциклопедистъ, т. LXXV, 412, 230.
- Александра**, княгиня-старича, жена князя московскаго Юрія Васильевича, т. LXXVI, 182.
- Александра Павловна**, великая княгиня, супруга палатина венгерскаго Юсифа, т. LXXVI, 38, 40—46, 854, 862; т. LXXVII, 42, 45, 57—59, 61, 66, 434.
- Александра Ѳеодоровна**, императрица всероссійская, супруга имп. Николая I, т. LXXV, 435; т. LXXVI, 1057—1058; 846; т. LXXVII, 287, 309; т. LXXVIII, 174.
- Александренко**, Василій Никифоровичъ, профессоръ Варш. унив. *Замѣтка о немъ*: Диспутъ В. Н. Александренко, LXXVI, 786—787. *Упомян.*: т. LXXVII, 319.
- Александровскій**, профессоръ, т. LXXXV, 652.
- Александровы**:
— А., профессоръ, т. LXXVII, 1012.
— А. А., прив.-доцентъ Моск. унив. т. LXXVII, 276, 683.
— В. В., т. LXXV, 1042—1043.
— Н., художникъ - литераторъ, т. LXXVI, 709.
— Н., т. LXXVII, 152.
- Александръ I Павловичъ**, императоръ всероссійскій. *О немъ*: въ «Запискахъ графини В. Н. Головиной»: т. LXXV, 42, 44, 45, 49, 53, 55, 58, 60—61, 401—402, 404, 409—411, 413—416, 419, 421—423, 801—802, 805—808, 812—816, 818—822, 825—828; т. LXXVI, 33—36, 38, 46, 407—410, 414, 416,—418, 423—426, 849, 851, 855—857, 860; т. LXXVII, 39—40, 42—44, 48—53, 57, 59—60, 63, 67, 428—429, 434—437, 440—441, 446, 452; т. LXXVIII, 47, 56, 441—442, 444—445, 449—451, 903—905, 907, 909—914, 917. Въ статьѣ *Е. Альбовскаго*: Честолюбіе погубило, т. LXXV, 855—865. *Замѣтки*: Къ характеристикѣ императора Александра I. Сообщ. *Г. А. Яценко*, т. LXXV, 1069—1070. *Упомян.*: т. LXXV, 350, 843, 845, 1029; т. LXXVI, 374, 510, 541, 639, 654, 669, 726, 786, 945, 964. 982—984, 989, 1012, 1014, 1018, 1062, 1118, 1135—1136; т. LXXVII, 133,—140, 142, 205, 239, 241, 268, 286, 310, 337, 351—352, 798, 832, 1001, 1041—1042; т. LXXVIII, 335, 338, 368, 371, 373, 645, 822, 1146, 1149, 1159—1162, 1164—1169, 1171—1172.
- Александръ II Николаевичъ**, императоръ всероссійскій. *Статья о немъ И. Суворова*: Сенаторъ Синельниковъ и имп. Александръ II, т. LXXV, 137—146. *Замѣтка о немъ*: Изъ переписки двухъ государей, т. LXXV, 1062—1064. *Упомян.*, т. LXXV, 708, 730—731, 847—849, 853, 1070; т. LXXVI, 96, 97, 112, 206, 211, 213, 222, 657, 699, 747—748, 886, 916, 954; т. LXXVII, 145, 220, 239, 246—247, 283, 285, 287—289, 291—298, 832, 1001, 1048; т. LXXVIII, 105—108, 173—175, 181—182, 186—187, 189, 483, 564—566, 773, 789, 822, 1152.
- Александръ III Александровичъ**, императоръ всероссійскій, т. LXXV, 146,

849; т. LXXVI, 96, 219, 377, 748, т. LXXVII, 145, 299—300, 683; т. LXXVIII, 380.

Александръ:

— король сербскій, т. LXXVII, 315; т. LXXVIII, 1274—1275.

— VI (Борджиа), папа римскій, т. LXXVII, 1029,

— (Виртембергскій), принцъ, т. LXXV, 824; т. LXXVII, 42; т. LXXVIII, 446.

— (Андрей Георгіевичъ Завкисъ), епископъ полоцкій и витебскій, писатель. *Некрологъ* его: т. LXXVII, 1051—1052.

— принцъ Гессенскій, т. LXXVIII, 174.

Александръ Македонскій. *Замѣтки о немъ:* Величайшая побѣда Александра Македонскаго, т. LXXVII, 688—689.— Смерть Александра Македонскаго, т. LXXVIII, 1238—1241.

Алексѣева:

— камеръ-юнгфера имп. Екатерины II, т. LXXV, 106; т. LXXVI, 409.

— Марья, т. LXXV, 111.

Алексѣевы:

— А. А., писатель, т. LXXV, 241.

— А. С., профессоръ Варш. унив., т. LXXVI, 787.

— Александръ Алексѣевичъ, артистъ, т. LXXVIII, 998—1001.

— П., т. LXXVIII, 1153.

Алексѣй, епископъ екатеринославскій, т. LXXV, 532.

Алексѣй Александровичъ, великій князь, т. LXXV, 145.

Алексѣй Михайловичъ, царь московскій, т. LXXV, 304, 355, 503, 683—685, 690—692, 708, 764, 766; т. LXXVI, 98, 373, 378, 379, 954, 1118; т. LXXVII, 240, 246, 724, 944, 950; т. LXXVIII, 392, 841, 1286.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, сынъ Петра I и Евдокии Лопухиной, т. LXXVI, 785; т. LXXVII, 1054; т. LXXVIII, 797.

Аленичъ, подпоручикъ, т. LXXVI, 913.

Алимъ - Буль, мулла, регентъ Кокандск. ханства, т. LXXVI, 114—115.

Алса, герцогиня гессенская, т. LXXVII, 316.

Алихановъ-Аварскій, М. *Библ. замѣтка о книгѣ* его: Походъ въ Хиву 1873. Степь и оазисъ. Спб. 1899, т. LXXV, 715.

Д'Алионъ, т. LXXVI, 368, 370.

Алларъ, т. LXXV, 1085.

Алмазеновъ, Иванъ, т. LXXVI, 301.

Алмейда (Донъ Франциско), вице-король Остъ-Индіи, т. LXXVIII, 794.

Алферьевъ, П. С., т. LXXV, 751.

Альбедиль, майоръ, т. LXXVII, 87, 91.

Альбединскій, Петръ Павловичъ, ген.-губернаторъ прибалт. г. и сѣв.-зап. края, т. LXXVI, 215—216.

Альбертини, т. LXXV, 609—610.

Альбертъ, (Францъ-Августъ-Карль-Эммануиль), герцогъ саксонскій, т. LXXV, 821.

Альбиттъ т. LXXVI, 332.

Альбовскій Евгеній. *Статья* его: Честолюбіе погубило, т. LXXV, 855—865. *Замѣтка* Вл. Апушкина по поводу этой статьи: Къ дѣлу поручика Шубина, т. LXXVII, 350—353.

Альбрехтъ, австр. эрцгерцогъ. *Замѣтка о немъ:* Австрійскій фельдмаршалъ эрцгерцогъ Альбрехтъ, т. LXXVI, 1098—1099. *Упомин.:* т. LXXVII, 299.

Альбукеркъ, вице-король португ. владѣній въ Индіи, т. LXXVIII, 794.

Альвенслебенъ:

— урожд. Лоз, г-жа, т. LXXV, 340—341.

— Густавъ, прусскій генераль, т. LXXVII, 289.

Альвенслебенъ-Ексслебенъ, графъ, прусскій министр, т. LXXV, 340.

Альдобраднини, т. LXXVII, 375.

Алькье, переводчикъ Пушкина на франц. яз., т. LXXVI, 640.

Альмарцо, Антонио, испан. ученый, т. LXXVIII, 361—362.

Альтамира, Рафаэль, испан. писатель, т. LXXVII, 1024, 1025.

Альфонсъ XII (Францискъ д'Ассизи), король испанскій, т. LXXVII, 342.

Альфредъ Великій, англ. король, *Замѣтка о немъ:* Тысячелѣтній юбилей Альфреда Великаго, т. LXXVII, 1026—1027.

Алякритскій, т. LXXVI, 1068.

Амазасповъ, И., переводчикъ русск. поэтовъ на армян. яз., т. LXXVI, 662.

Амалия:

— греч. королева, т. LXXVI, 995.

— принцесса, т. LXXVII, 437, 441; т. LXXVIII, 441, 448.

Амвросій:

— боснійскій митрополитъ, т. LXXVIII, 198—199.

— (Александръ Михайловичъ Гренковъ), иеросхимонахъ, т. LXXV, 914, 919—922, 926—927, 931—933.

— (Андрей Степановичъ Зертисъ-Каменскій), архіепископъ московскій, т. LXXV, 532.

— (Алексѣй Ивановичъ Моревъ), епископъ пензенскій, т. LXXVII, 102,

— (Алексій Іосиф. Ключаревъ), архієпископъ харьковскій, т. LXXVIII, 200, 203, 205.

Ами, профессоръ, т. LXXV, 757.

Аминовы:

— т. LXXVII, 478, 481, 483.

— переводчикъ Пушкина на швед. яз., т. LXXVI, 644.

Амшель, т. LXXVII, 715.

Амосовъ, авторъ книги «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина» (Спб. 1863), т. LXXVIII, 1010—1012, 1016, 1022, 1025.

Амфитеатровъ, Александръ Валентиновичъ, журналистъ, т. LXXV, 351.

Анатолій (Зердаловъ), начальникъ Оптинск. скита, т. LXXV, 924.

Ангальтъ-Шаумбургскій, принцъ, т. LXXVIII, 1050.

Ангулемская, герцогиня, т. LXXVIII, 54—55.

Ангулемскій, герцогъ, т. LXLVIII, 55.

Андерсенъ, Вильгельмъ, датск. писатель, т. LXXVII, 1023.

Андраша, графъ Гуалай, австр. имперскій канцлеръ, т. LXXV, 1064; т. LXXVI, 290; т. LXXVII, 295, 299.

Андреевскіе:

— Е. К., чернигов. губернаторъ, т. LXXV, 320; т. LXXVI, 716.

— Иванъ Ефимовичъ, профессоръ Спб. унив. т. LXXV, 313—314; т. LXXVI, 937—938; т. LXXVIII, 1152, 1154.

— С. А., поэтъ, т. LXXV, 741.

Андреевы:

— А. П. *Статья его:* По дѣбрямъ Дагестана, т. LXXVIII, 207—230, 653—688, 1081—1116.

— М. С., преподаватель ташкент. реальн. учил., т. LXXV, 1097.

— Петръ Петровичъ, инж.-технологъ, писатель. *Некрологъ его:* т. LXXVIII, 1300—1301.

— математикъ, т., LXXVIII, 1147—1148.

Андреевъ-Вурлакъ, Василій Николаевичъ, актеръ, т. LXXV, 167—169, 180; т. LXXVIII, 1002—1005.

Андрей, сербскій лѣтописецъ, т. LXXVIII, 788.

Андрей Ольгердовичъ, князь псковскій, т. LXXVIII, 254.

Андрианъ, франц. писатель, т. LXXVII, 707.

Андрусовъ, И., т. LXXV, 739.

Анжераль. Фернанъ, франц. писатель, т. LXXVII, 700.

Аничковъ, прапорщикъ, т. LXXVII, 91.

Д'Ангона, Александръ, профессоръ Пизан. унив., т. LXXVIII, 809—810.

Анна, герцогиня, принцесса Мекленбургская, т. LXXVIII, 838.

Анна Иоанновна, императрица все-россійская, т. LXXVI, 369—371, 727; т. LXXVII, 129, 239—241, 799; т. LXXVIII, 647—648, 717—720, 722—730.

Анна Леопольдовна, правительница Россіи, т. LXXVI, 379; т. LXXVII, 239; т. LXXVIII, 649, 726, 729, 730.

Анна Павловна, королева нидерландская, т. LXXVIII, 598.

Анна Осодоровна, великая княгиня, супруга (разведенная) в. кн. Константина Павловича, т. LXXV, 113, 824—828; т. LXXVI, 35, 38, 408—410, 425—426, 854, 860—862; т. LXXVII, 43, 47—48, 53, 62, 67.

Анненковы:

— поручикъ, т. LXXVIII, 1032.

— Г. П. *Библиографическая замѣтка его:* А. П. Новичкій. История русскаго искусства. Изданіе мал. «Книжное Дѣло». Вып. I. М. 1899, т. LXXV, 700—701.

— Павелъ Васильевичъ, критикъ и историкъ литературы, т. LXXV, 1038—1039; т. LXXVI, 627, 641, 680; т. LXXVII, 210, 216—218, 276, 572, 595, 601, 604.

Анненскій, И. Ѡ., директоръ царско-сельск. мужск. гимн., т. LXXVI, 773.

Анофриевъ, сотрудникъ «Русск. Вѣд.», т. LXXVII, 725.

Анрепъ, членъ комиссіи по дѣламъ лифл. крестьянъ, т. LXXVII, 136, 137.

Фонъ-Анрепъ, Василій Константиновичъ, директоръ женск. медиц. инст., т. LXXVI, 362.

Ансагеръ, Е. С., переводчикъ Пушкина на хорват. яз., т. LXXVI, 666.

Ансильонъ, прусскій министръ иностр. дѣлъ, т. LXXV, 981.

Анто Маркъ, авторъ «Записокъ», т. LXXVI, 973.

Антонинъ, архимандритъ, т. LXXV, 268.

Антоніи:

— архієпископъ варшавскій, т. LXXVIII, 335.

— игуменъ, настоятель малоюрославецк. черноострожек. мон., т. LXXV, 922, 924.

— (Александръ Васильевичъ Вадковскій), митрополитъ с.-петерб., т. LXXVII, 370.

Антоновичи:

— Владиміръ Бонифатьевичъ, историкъ, профессоръ Кіев. унив., т. LXXV, 361—362, 1092, 1093; т. LXXVIII, 833—834, 1118, 1120, 1121, 1125, 1127.

— М. А., т. LXXVI, 709.

— П. Д., т. LXXVIII, 1145.

Автоновскій, Михаилъ Ивановичъ, писатель, т. LXXVII, 242; т. LXXVIII, 1145.

Автоновы:

— чиновникъ конторы спб. имп. театровъ, т. LXXVIII, 986—987.

— А. В., археологъ, т. LXXVI, 939.

Автоновскіе, А. А. и М. А., т. LXXVIII, 1145—1146.

Антуанетта, герцогиня виртембергская, т. LXXVIII, 446, 447, 453—454.

Анучины:

— Дмитрій Гавриловичъ, ген.-губернаторъ вост. Сибири, т. LXXV, 376.

— Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив. *Библ. замѣтка объ изданн. подъ его ред. книгъ: Дръ Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго* О. К. Волкова, подъ ред. Д. Н. Анучина. Съ 459-ю рисунками и картою. Спб. 1898, т. LXXVI, 724—725. *Упомин.*: т. LXXV, 508, 749—750; т. LXXVI, 777; т. LXXVII, 275, 356; т. LXXVIII, 1119, 1121, 1129, 1130.

Анчевъ, Д. К., переводчикъ Пушкина на болгарск. яз., т. LXXVI, 678.

Апостоль, малоросс. гетманъ, LXXVII, 632.

Апраксинны:

— графъ, т. LXXVIII, 1036, 1039, 1040.

— графъ Петръ Ивановичъ, ген.-майоръ, т. LXXVI, 609.

— графъ Семень Степановичъ, ген.-отъ-кав., смоленскій губернаторъ, т. LXXVII, 1017.

— Степанъ Федоровичъ, ген.-фельд-маршалъ, т. LXXVIII, 739—741.

Апухтинъ, Алексѣй Николаевичъ, поэтъ, т. LXXV, 926, 931, 933.

Апушкинъ, Вл. *Замѣтка его*: Къ дѣлу поручика Шубина. (По поводу статьи г. Е. Альбовскаго «Честолюбіе погубило». — «Историч. Вѣстн.», мартъ, 1899 г.), т. LXXVII, 350—353.

Арабакинъ, Константинъ Ивановичъ, писатель, т. LXXVII, 154, 156, 164, 165.

Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ, ген.-отъ-инф., членъ госуд. сов., т. LXXV, 142; т. LXXVI, 413—414, 487, 540, 592, 673, 945.

Аралова, составительница сборника «Русскіе поэты о Пушкинѣ», т. LXXVII, 594—595.

Араповъ, К. У., почетный опекунъ, т. LXXVIII, 831.

Арбековъ, секундъ-майоръ, т. LXXVII, 553, 558.

д'Арблей, урожд. Борней, франц. романистка, т. LXXVII, 786.

Ардашевъ, Н. Н., археологъ, т. LXXVI, 950; т. LXXVII, 320.

д'Аржансонъ, Маркъ Рене, франц. государств. дѣятель, т. LXXVIII, 355—356.

Арина Родіоновна, няня Пушкина, т. LXXVII, 160, 612.

Аристовъ, профессоръ, т. LXXV, 512, 520, 526.

Аристофанъ, греч. писатель, т. LXXVI, 666; т. LXXVIII, 1153.

Аркинто, кардиналь, т. LXXVII, 696—697.

Аркудій, Петръ, т. LXXV, 303.

Аршаповскій, П. Я., профессоръ, т. LXXVIII, 1127, 1128, 1129.

Арнигъ, Гарри, графъ, герман. посланникъ въ Парижѣ, т. LXXVI, 996.

Арно (Жакъ Леруа де-Сентъ), франц. маршалъ, т. LXXV, 1061.

Арнольдъ, Томасъ, англ. педагогъ, т. LXXVII, 1047.

Арсеній:

— архіепископъ варшавскій, т. LXXVIII, 335.

— архіепископъ суздальскій и та-русскій, т. LXXVII, 666—671.

— епископъ кириллов., викарій новгородскій, т. LXXVI, 381.

— (Черноевичъ), сербскій патриархъ, т. LXXVI, 655.

Арсеньевы:

— А. В., писатель, т. LXXVI, 301.

— И. А., авторъ «Записокъ», т. LXXV, 456.

— Илья Ал., издатель «Петерб. Газетъ», т. LXXVI, 264.

— К. К., писатель, т. LXXV, 1109, 1112; т. LXXVIII, 1280, 1282.

— дѣятель по устройству дѣляндр. крестьянъ при Александрѣ I, т. LXXVII, 137, 140.

Артемовскій, Семень Степановичъ, оперный пѣвецъ т. LXXVIII, 497.

Артемьевъ, Александръ Ивановичъ, археологъ и статистикъ, т. LXXVI, 588, 604.

Артлебенъ:

— М. Н. *Замѣтка его*: По поводу «Халдейской печи», т. LXXVII, 1056.

— Николай Андреевичъ, архитекторъ-археологъ, т. LXXVII, 1056.

д'Артуа:

— графиня, т. LXXVIII, 54.

— графъ, т. LXXV, 722.

Архангельскіе:

— А. С. *Библ. замѣтка В. Р—ва о кнѣзѣ ево*: Къ исторіи южно-славянской и древне-русской апокрифической литературы. Спб. 1899, т. LXXVII, 685.

— Григорій Ивановичъ, д-ръ медицины. *Некрологъ ево*: т. LXXVIII, 395—396.

— духовн. композиторъ, т. LXXVII, 150, 152, 176.

Арцимовичъ, А. А., т. LXXVI, 137, 138, 139.

Арцруни:

— А. Е., профессоръ, т. LXXV, 736.

— Григорій Иереміевичъ, армян. публицистъ, т. LXXVIII, 334—335.

Арцыбашевъ, т. LXXVI, 690, 692.

Арцыбушевъ, ротмистръ. т. LXXVIII, 1041.

д'Аршіакъ, графъ, секунданта Дантеса, т. LXXVIII, 629, 632—638, 640, 1015, 1018—1023, 1032, — 1036, 1038.

Аръ-Ров, псевдонимъ франц. писателя, т. LXXVII, 333—335.

Асланъ-бекъ - Агаевъ, юнкеръ, т. LXXVIII, 660.

Аспизъ, Богуславъ, переводчикъ Пушкина на польск. яз., т. LXXVI, 648.

Ассеза:

— Жюль, т. LXXVII, 219.

— Эмиль, т. LXXVII, 223.

Асташевъ, Веніаминъ Ивановичъ, ген.-лейт., т. LXXV, 971—972.

Асхиенти, Молтъ - Сейфъ - Эддинъ, персид. писатель, т. LXXVI, 774.

Аутратъ, т. LXXVII, 679.

Аузрбахъ, Бертранъ, профессоръ унив. въ Нанси, т. LXXVI, 784—785.

Ахметъ-Магометь-Мирза, т. LXXVIII, 212.

Ахметъ - ханъ - Мехтулинскій, т. LXXVIII, 212, 214, 215.

Ахундовъ, Мирза Фетхъ Али (Сабухій), персид. поэтъ, переводчикъ Пушкина, т. LXXVI, 660.

Аццолино, кардиналь. Замѣтка о немъ: Шведская королева Христина и кардиналь Аццолино, т. LXXVII, 1031—1033.

Ашаринъ, переводчикъ Пушкина на нѣм. яз., т. LXXVI, 642.

Ашботъ, Оскаръ, профессоръ русск. яз. Буда-Пештск. унив., т. LXXVI, 672.

Ашкерцъ, Автонъ, хорутан. священникъ, поэтъ, т. LXXVI, 675.

Афанасій, митрополитъ ливійскій, т. LXXVII, 308.

Афанасьевы:

— преподаватель 2-го кадет. корп., т. LXXVII, 819, 830, 831.

— художникъ, т. LXXVII, 362.

Афанасьевъ-Чужбинскій, Александръ Степановичъ, писатель, т. LXXVII, 817.

Б.

Бабакъ, Эд., чешскій медикъ, т. LXXVII, 678.

Вабстъ, Жермонъ, франц. писатель, т. LXXVII, 1023.

Вагалъй:

— Дмитрій Ивановичъ, профессоръ, Харьк. унив., т. LXXVI, 1115; т. LXXVIII, 693, 1121, 1141.

— Н. Д., т. LXXVIII, 829.

Ваграціонъ:

— княгиня Дарья Христофоровна, т. LXXVIII, 269, 272—273.

— князь Петръ Ивановичъ, ген.-отъ-инф., сподвижникъ Суворова, т. LXXV, 196, 205, 221, 223; т. LXXVI, 982; т. LXXVII, 704; т. LXXVIII, 576—577, 584, 592, 595, 1166, 1167.

Вагреевы:

— Семень, казначей Вѣлозерскаго полка, т. LXXVII, 512.

— Флоръ, отстав. капитанъ, т. LXXVII, 512—513.

Вагрянскій, М. И., т. LXXVIII, 1145.

Ваденская, маркграфиня, мать имп. Елисаветы Алексѣевны, т. LXXV, 992; т. LXXVI, 36, 861—862, т. LXXVII, 437, 449; т. LXXVIII, 450, 907.

Ваджи:

— Луиджи, итальян. офицеръ, т. LXXVIII, 1173.

— Франческо, итальян. офицеръ, авторъ «Воспоминаній», т. LXXVIII, 718—719, 1173—1176.

Вадмаевъ, П. А., д-ръ медицины, т. LXXVI, 687.

Важановъ, И. А., т. LXXV, 936—937, 940.

Важеновы:

— Василій Ивановичъ, архитекторъ, вице-президентъ акад. худож. *Замѣтка о немъ*: Столѣтній юбилей В. И. Важенова, т. LXXVIII, 389—390. *Упомин.*: т. LXXVI, 325.

— Семень Григорьевъ, разбойникъ, т. LXXVII, 565, 566.

Вазень, франц. маршалъ, т. LXXV, 372—373; т. LXXVII, 333, 712.

Вазилл, Алекс. Константиновичъ, директоръ азиатск. деп., т. LXXVI, 1016; т. LXXVIII, 332, 385.

Валлюсъ, берлин. медикъ, т. LXXVII, 913, 929.

де-Вай, баронъ, археологъ, т. LXXV, 354.

- Вайеръ:**
— Кр., чешскій зоологъ, т. LXXVII, 678.
— Эдв., чешскій ботаникъ, т. LXXVII, 678.
- Вайронъ,** Джорджъ Моэль Гордонъ, англ. поэтъ. *Замѣтка о немъ:* Лордъ Вайронъ и его жена, т. LXXVIII, 811—813. *Упомянутъ:* т. LXXV, 342, 727—728, 964—965; т. LXXVI, 476, 492, 494, 525—528, 542, 544, 558, 576, 641, 647; т. LXXVII, 319, 1045.
- Ваклундъ,** Оскаръ Андреевичъ, астрономъ, академикъ, т. LXXV, 737, 738.
- Вакулина,** т. LXXVI, 668.
- Вакунины:**
— А. П., т. LXXVI, 1108.
— Е. П., т. LXXVI, 1108.
— К. П., т. LXXV, 1039.
— Михаилъ, эмигрантъ-соціалистъ, т. LXXVI, 1091; т. LXXVIII, 383.
— Т. А., т. LXXVI, 1108.
- Валабинны:**
— шт.-ротмистръ, т. LXXVIII, 1032, 1033.
— Филиппъ Степановичъ, т. LXXVIII, 590.
- Валакиревы:**
— Иванъ Алексѣевичъ, придворный шутъ, т. LXXV, 881.
— М. А., композиторъ, т. LXXV, 1025—1026.
- Валашевы:**
— А., т. LXXVIII, 1147.
— Александръ Дмитріевичъ, министр юстиціи, т. LXXVIII, 444.
— И. П., т. LXXV, 745.
- Валицкій,** майоръ, т. LXXVII, 489.
- Валкъ,** Наталія Федоровна. См. *Лопухина*.
- Валлари,** профессоръ Барселон. унив., т. LXXVII, 1024.
- Валласъ,** т. LXXVII, 234.
- Валлодь,** К., врачъ, писатель, т. LXXV, 739.
- Валтромайтисъ,** Сильвестръ Осиповичъ, бібліотекаръ имп. публ. библ., т. LXXVI, 688.
- Валугъянскій,** Михаилъ Андреевичъ, сенаторъ, ректоръ Спб. унив., т. LXXVI, 310.
- Вальшъ,** Екатерина, т. LXXV, 97.
- Вальдакъ,** англ. полковникъ, т. LXXVII, 327.
- Вальзакъ,** Оноре, франц. романистъ. *О немъ съ статьёю В. Т.:* Переписка русскихъ аристократовъ съ иностранными знаменитостями, т. LXXVIII, 268—288.
- Замѣтка о немъ:** Юбилей Бальзака, т. LXXVII, 716—719.
- Валькамъ,** Бетси, авторъ «Записокъ», т. LXXVI, 973.
- Вальмонтъ,** Константинъ Дмитріевичъ, т. LXXVII, 1022, 1025—1026.
- Вальмонъ,** русс. комиссаръ на о. св. Елены, авторъ «Записокъ», т. LXXVI, 973, 976.
- Вамбергерь,** Людвигъ, нѣмецк. публицистъ. *Замѣтка о немъ:* Смерть Эрмана и Вамбергера, т. LXXVI, 345—347. *Упомянутъ:* т. LXVI, 994—995.
- Вангъ,** датск. генералъ, авторъ мемуаровъ, т. LXXVII, 1023.
- Вандини,** флорент. бібліотекаръ, т. LXXVII, 1024.
- Вандури,** франц. археологъ, т. LXXVII, 327.
- Вантышевъ,** Александръ Олимпіевичъ, оперный пѣвецъ, т. LXXV, 937.
- Вантышь-Каменскіе:**
— Дмитрій Николаевичъ, историкъ-писатель, т. LXXV, 97—99, 103; т. LXXVII, 311, 312.
— Николай Николаевичъ, историч. писатель, т. LXXV, 308.
- Варановъ,** т. LXXVI, 897, 898, 900—903, 922; т. LXXVII, 83, 96, 97.
- Варанцевичъ,** Казимиръ Станиславовичъ, писатель, т. LXXVI, 269.
- Варатова,** княгиня В. И., т. LXXVIII, 915.
- Варатынскіе:**
— *Статья ея:* Что говорилъ Наполеонъ на островѣ св. Елены, т. LXXVI, 973—990.
— Александра Евгениевна, дочь поэта, т. LXXV, 1108.
— Анна Давыдовна (урожд. вн. Абамеликъ), переводчица Пушкина на англ. яз., т. LXXVI, 657.
— Евгенийъ Абрамовичъ, поэтъ. *Замѣтка о немъ:* Рѣдкіе портреты. Е. А. Баратынскій, т. LXXV, 1108. *Упомянутъ:* т. LXXVI, 475, 595—599, 605—606, 662, 674; т. LXXVII, 572, 596.
— Л. Е., сынъ поэта, т. LXXV, 1108.
- Варбѣра,** Рафаэль, итал. писатель, т. LXXVI, 707.
- Варентсъ,** Виллемъ, нидерланд. мореплаватель, т. LXXVII, 1030—1031.
- Варестъ,** французскій публицистъ, т. LXXVIII, 826.
- Варклай-де-Толли,** князь Михаилъ Богдановичъ, фельдмаршалъ, т. LXXVI, 982; т. LXXVIII, 576—577, 584, 589, 595, 1166, 1167, 1169.
- Варковъ,** Иванъ Семеновичъ, переводчикъ, поэтъ, т. LXXVII, 204.

- Варлецій**, Маринъ, латин. писатель, т. LXXVII, 940, 941, 942.
- Варра**, т. LXXVI, 331—331, 986; т. LXXVII, 1039—1041; т. LXXVIII, 803—804.
- Варрасъ**, франц. революціонеръ, т. LXXV, 1054.
- Варръ**, Амелія, сотрудница «*Harper's Monthly*», т. LXXVI, 735—737.
- Варскій - Плаки - Альбовъ**, Василій Григорьевичъ, антиох. монахъ, путешественникъ, т. LXXV, 237.
- Варсовы:**
— Антонъ Алексѣевичъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXVIII, 1145.
— Еллидифоръ Васильевичъ, этнографъ и археологъ, т. LXXVI, 298, 501.
— Николай Ивановичъ, профессоръ Спб. дух. акад. *Библ. замѣтка Н. С. о книгѣ его*: Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій. Спб. 1899, т. LXXVI, 713—715. *Упомин.*: т. LXXVII, 800; т. LXXVIII, 1286.
- Варсуковы:**
— Александръ Платоновичъ, историкъ. *Библ. замѣтка К. Г-ва о книгѣ его*: Родъ Шереметевыхъ. Книга VII. Спб. 1899, т. LXXVIII, 775—776. *Упомин.*: т. LXXV, 1090; т. LXXVI, 1118; т. LXXVII, 903—904, 907.
— Николай Платоновичъ, писатель. *Библ. замѣтка Б. Г. о книгѣ его*: Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга тринадцатая. Спб. 1899, т. LXXVIII, 773—774. *Упомин.*: т. LXXVI, 690, 1118.
- Варсъ**, т. LXXVIII, 262.
- Вартелонъ**, французскій офицеръ, т. LXXVIII, 109, 110.
- Вартоневъ**, Петръ Ивановичъ историкъ, библиографъ, т. LXXV, 53, 163; т. LXXVI, 358, 651, 667; т. LXXVIII, 1025.
- Вартольдъ**, Вильгельмъ Владимировичъ, прив.-доцентъ Спб. унив., т. LXXVI, 774; LXXVIII, 1284—1285.
- Вартошевичъ**, переводчикъ Пушкина на польскій языкъ, т. LXXVI, 648.
- Варшевъ**, Сергій Ивановичъ, криминалистъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXV, 1071.
- Варшъ**, Екатерина Владиміровна, урожд. кн. Долгорукая, жена послѣдующаго, т. LXXVII, 798.
- Варшъ**, Иванъ Яковлевичъ, адмиралъ, т. LXXVII, 798.
- Варятинскіе:**
— княгиня, т. LXXVIII, 912.
— княжна Анна Ивановна. См. гр. Толстая.
— княгиня Екатерина Петровна, урожд. принцесса Голштейнъ-Бекская, супруга кн. Ив. Серг. Б., т. LXXV, 421; т. LXXVI, 857.
— Александръ Ивановичъ, ген.-фельд-маршалъ, главнокомандующій и намѣстникъ Кавказа, т. LXXV, 421; т. LXXVII, 60; т. LXXVIII, 656, 663.
— князь Владиміръ Владиміровичъ (баронъ Ondit), издатель «Сѣв. Курьера», т. LXXVI, 640.
— князь Иванъ Ивановичъ, посолъ въ Мюнхенъ, агрономъ, т. LXXV, 818; т. LXXVII, 60.
— князь Иванъ Сергѣевичъ, т. LXXV, 44, 421.
— князь Федоръ Сергѣевичъ, оберъ-гофмаршалъ, т. LXXV, 98, 408, 810; т. LXXVI, 412, 417.
Васанинъ, Маркъ (псевдонимъ Л. А. Лашевой), т. LXXV, 248.
Васаргинъ, т. LXXVIII, 1148.
Вассано, Гюго Бернаръ Маре, герцогъ, франц. министръ внутр. дѣлъ, т. LXXVI, 982.
Васта, франц. писатель, т. LXXVI, 1018.
Ватенбергскій, принцъ, т. LXXVI, 1002, 1005.
Ватифоль, аббатъ, т. LXXVI, 328.
де-Ватцъ, баронъ, т. LXXVIII, 358.
- Ватюшковы:**
— Константинъ Николаевичъ, поэтъ, т. LXXVI, 248, 466, 468, 470, 514, 517, 532, 720, 1108; т. LXXVII, 209, 213, 217, 592, 684.
— Помпей Николаевичъ, д. тайн. сов., почетный членъ писателя, т. LXXV, 532, 738; т. LXXVI, 1040.
— Софія Николаовна, урожд. Кривцова, супруга предыдущаго, т. LXXVI, 1108.
— О. Д., прив.-доцентъ Спб. унив., т. LXXVIII, 1280, 1282.
- Вахметевы:**
— Владиміръ Петровичъ, т. LXXVI, 433.
— Марія Семеновна, урожд. кн. Львова, супруга П. А. Б., т. LXXVI, 433.
— Петръ Алексѣевичъ, т. LXXVI, 433, 435.
- Вахмутовъ**, капитанъ, т. LXXVIII, 148.
- Вахрушина**, В. О., т. LXXVI, 785.
- Вахтинъ**, Н. *Замѣтка его*: Пушкинъ на исландскомъ языкѣ, т. LXXVIII, 399—400.
- Вахтирейка**, башкирецъ, т. LXXVII, 557.
- Вачковскій**, т. LXXVII, 679.
- Вашелень**, О., т. LXXVIII, 284.
- де-Ваши**, графиня, т. LXXVII, 451, 455, 456, 770.

Ваязитовъ, Атаулла, спб. магомет. ахунъ-мударрисъ, писатель, т. LXXVI, 676.

Ваярдъ, париж. врачъ, т. LXXVIII, 265—266.

де-Веарнъ:

— г-жа, т. LXXVII, 451—452, 454, 788, 789, 792,—795; т. LXXVIII, 41, 44.

— Полина, т. LXXVII, 768; т. LXXVIII, 45.

Веатриса, принцесса, т. LXXVI, 1002.

Вебель, Фердинандъ Августъ, нѣмец. экономистъ, т. LXXVI, 994, 1029.

Везантъ, Вальтеръ, англ. писатель, т. LXXVII, 1026.

Везбородко, свѣтл. князь Александръ Андреевичъ, госуд. канцлеръ, т. LXXV, 44, 111, 401, 415, 816; т. LXXVI, 423—425, 786, 849, 852; т. LXXVII, 42, 49.

Везобразовы:

— Анна, по мужу гр. А. де-Губернатисъ, переводчица Пушкина на итал. яз., т. LXXVI, 649, 680.

— Порфирій, т. LXXVIII, 1150.

Вействъ, саксон. министръ, т. LXXV, 992; т. LXXVI, 290.

Векаровичъ, Н. М., археологъ, т. LXXVI, 777.

Векетовы:

— Никита Аванасевичъ, ген.-лейт., астрахан. губернаторъ, т. LXXVII, 560, 566.

— Петръ, т. LXXV, 376.

Веккеръ, авторъ «Руководства къ судебн. медицингѣ», т. LXXVIII, 393.

Веккъ, Генрихъ, франц. драматургъ. *Замѣтка о немъ*: Смерть Зеллера, Сарса, Пальерона и Бекка, т. LXXVI, 1099—1102.

Веклемишева, т. LXXVI, 1108.

Веклешовъ, Александръ Андреевичъ, ген.-отъ-инф., ген.-прокуроръ, т. LXXVII, 436.

Векновичъ-Черкасскій, князь Александръ, капитанъ л.-гв. Преобр. полка, т. LXXVI, 98—99.

Вексичъ, венгер. писатель, т. LXXVII, 1025.

Вектѣвъ, т. LXXVIII, 734.

Векъ:

— Иванъ Филипповичъ, лейбъ-медикъ, т. LXXV, 424.

— тайн. сов., т. LXXVI, 338.

Велау, археологъ, т. LXXVIII, 1182.

Веллокъ, лекторъ Оксфорд. унив., т. LXXVI, 330—331; т. LXXVII, 327.

Велларминовъ, Леонидъ Георгиевичъ, окулистъ, профессоръ Спб. медич. акад., т. LXXVII, 849.

Вельгардъ, Вадерианъ Александровичъ, генералъ. *Библ. замѣтка В. Р.—ва о книгѣ его*: Автобиографическія воспоминанія. Спб. 1899, т. LXXVIII, 1232.

Вельтовъ (псевдонимъ), т. LXXVI, 233.

Вельфонъ, франц. полководецъ, т. LXXVIII, 725.

Вельштейнъ, О. О., т. LXXV, 738.

Вемъ, Елисавета Меркурьевна, художница, т. LXXVII, 362.

Вендель, Вячеславъ (псевд. Страницкій), чешск. писатель, т. LXXVI, 652.

Веневскій, Флоріо, т. LXXVI, 99.

Венедегги, Винченціо, графъ, франц. дипломатъ, т. LXXV, 1057.—1058; т. LXXVI, 293—294.

Венедиктовъ, А., поэтъ, т. LXXVII, 816, 827, 828, 829.

Венедиктъ XIV (Просперъ Ламбертини), папа римскій, т. LXXVII, 689, 696—698.

Венеце, переводчикъ Пушкина на англ. яз., т. LXXVI, 56—657.

Венжамень-Бонстанъ, франц. политическій дѣятель, писатель, т. LXXVII, 1045; т. LXXVIII, 272, 808.

Венингсепъ, графъ Леонтій Леонтьевичъ, ген. отъ кав., писатель, т. LXXVI, 995; т. LXXVII, 432.

Венкендорфъ:

— графъ Александръ Христофоровичъ, ген.-адъют., шефъ жандармовъ, т. LXXV, 64, 936, 1083; т. LXXVI, 1108; т. LXXVII, 271—274, 684; т. LXXVIII, 608, 628—629, 631, 638, 639, 642—643, 1025, 1029, 1034.

— Христофоръ Ивановичъ, ген.-отъ-инф., т. LXXV, 64.

— Юліана, урожд. Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, супруга предыдущаго, т. LXXV, 64—65, 67; т. LXXVI, 419—420, 424.

Вендорфъ, Фридрихъ Августъ Оттонъ, вѣнскій профессоръ, т. LXXVII, 372.

Венъ-Сіонъ, Эммануэль (псевдонимъ), писатель, т. LXXV, 248.

Вергольмъ, штабсъ-капитанъ, т. LXXVI, 898—899.

Вергольцъ, Р. А., т. LXXVI, 364.

Вергъ:

— Алексѣй, переводчикъ Пушкина на финск. яз., т. LXXVI, 682.

— Николай Васильевичъ, поэтъ-переводчикъ, т. LXXVI, 384; т. LXXVIII, 335.

— Ѳеодоръ Николаевичъ, писатель, т. LXXVI, 878.

— Графъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, ген.-

фельдм., намѣстникъ царства Польскаго, т. LXXV, 909—910.

— нѣмец. юмористъ, т. LXXVIII, 375.

— переводчикъ Пушкина на голланд. яз., т. LXXVI, 659.

— полковникъ, т. LXXVI, 796—797.

Вередниковъ, Яковъ Ивановичъ, археографъ, академикъ, т. LXXVI, 692.

Верезковъ, Михаилъ Николаевичъ, историкъ, профессоръ нѣжин. лицея кн. Безбородко, т. LXXVI, 949.

Верезинъ, Илья Николаевичъ, ориенталистъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXVI, 594, 604.

Верезинъ-Ширяевъ, Я. О., библиографъ, т. LXXVI, 303.

Верезкинъ, П. К., д-ръ медицины, т. LXXV, 974.

Верейтсъ, Эдуардъ Николаевичъ, профессоръ Ярослав. юрид. лицея, т. LXXV, 763.

Верещамъ, О. Г., архитекторъ, т. LXXV, 737.

Фонъ-Верестинъ, баронъ, корреспондентъ газеты «*Algemeen Handelsblad*», т. LXXVIII, 382.

Верже, Адольфъ Петровичъ, т. с., ориенталистъ, т. LXXVI, 660.

Веринъ, Софія Егоровна, во 2-мъ бракѣ за кн. Н. Г. Вяземскимъ, т. LXXV, 841.

Веркъ, англ. писатель, т. LXXVI, 318.

Верло, Иванъ, переяслав. полковой судья, т. LXXVII, 311.

Вернадотъ, Жанъ - Батистъ-Жюль, франц. маршалъ, впол. король Швеціи и Норвегіи (подъ именемъ Карла XIV Иоанна). *Замѣтка о немъ*: О королѣ Вернадотъ, т. LXXVIII, 806 — 808. *Упомян.*: т. LXXVII, 1041; т. LXXVIII, 1165.

Вернардаки, т. LXXVIII, 1153.

Вернардэвъ, Н. М., сотрудникъ «*Revue de Paris*», т. LXXVI, 1073.

Вернардъ, миссисъ, англ. писательница, т. LXXV, 1068.

Вернацкий, юнкеръ, т. LXXVIII, 103.

Верягардъ, А., переводчикъ Пушкина на нѣм. яз., т. LXXVI, 642.

Верне, Людвигъ, нѣмец. поэтъ, т. LXXV, 706.

Верневицъ, Иоаннъ, гробин. пасторъ, т. LXXVIII, 840.

Верни:

— Франсуа Иоакимъ Пьеръ, кардиналъ и министръ Людовика XV, т. LXXVIII, 356, 733, 734, 738.

— г-жа, т. LXXVIII, 280.

Вернини, т. LXXVII, 1024.

Вернштамъ, Леопольдъ Адольфовичъ, скульпторъ, т. LXXVI, 380.

Вершттейнъ, нѣмец. писатель. *Библ. замѣтка К. Лоссаго о книгѣ его*: Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1899, т. LXXVIII, 339—342.

Вертексонъ, Л. Б., д-ръ медицины, т. LXXV, 972, 974.

Вертранъ:

— Анри Граціенъ, графъ, генералъ, приверженецъ Наполеона I, т. LXXVI, 973—974, 976.

— Луи, франц. писатель. *Библ. замѣтка Е. Ш. о переводѣ книги его*: Общество взаимной помощи въ Бельгіи. Перев. съ франц. Спб. 1898, т. LXXV, 714—715. **де-Верте**, А., сотрудникъ «*Journal des Debats*», т. LXXVII, 1046.

Вертье, Александръ, князь Ваграмскій, герцогъ Невшатальскій, франц. маршалъ, т. LXXVI, 1087; т. LXXVII, 769—770, 1043; т. LXXVIII, 366.

Вертье-де-ла-Гардъ, А. В., т. LXXVIII, 1137.

Верхманъ, ген.-лейт., т. LXXVIII, 1040.

Верчи, переводчикъ Пушкина на мадьяр. яз., т. LXXVIII, 672.

Веръ, Поль, т. LXXVIII, 380.

Верье, префектъ париж. полиціи, т. LXXVII, 353.

Вирковъ, И. А., т. LXXV, 1042—1044.

Вессеръ, Л. В., д-ръ медицины, писатель, т. LXXV, 739.

Вессеръ, Жанъ Батистъ, франц. маршалъ, т. LXXVI, 983.

Вестужевъ (Марлинскій), Александръ Александровичъ, писатель, т. LXXVI, 660; т. LXXVIII, 1082.

Вестужевы-Рюминны:

— графъ Алексѣй Петровичъ, госуд. канцлеръ, т. LXXV, 319; т. LXXVI, 370—371; т. LXXVIII, 733, 737—741.

— Константинъ Николаевичъ, историкъ, академикъ, т. LXXV, 501; т. LXXVI, 372—373.

Весуаръ, контръ-адмиралъ, т. LXXV, 346.

Веттелхеймъ, нѣмец. критикъ, т. LXXVII, 348.

Ветпольдъ, берлин. профессоръ, т. LXXVIII, 390, 391.

де-Ветюнь, герцогиня, т. LXXVII, 452.

Ведкій, Иванъ Ивановичъ, д. т. сов., президентъ акад. худ., т. LXXVI, 412; т. LXXVII, 231, 232, 430.

Вжостовская, графиня, т. LXXVII, 913, 929—930.

- Вибиковы:**
 — ген.-майоръ, т. LXXV, 762.
 — директоръ 2-го спб. вадет. корп., т. LXXVII, 824, 830.
 — Иванъ Петровичъ, т. LXXVII, 832, 845—846.
 фонъ-Видерманъ, баронъ Вольдемаръ, нѣмец. писатель, т. LXXVIII, 1256—1258.
Виджело, Джонъ, американ. публицистъ, т. LXXVIII, 821—822.
Визли, А., англ. историкъ, т. LXXVII, 327—328.
Визентъ, Джемсъ, англ. писатель, т. LXXV, 1068.
Виконсфильдъ, лордъ, англ. госуд. дѣятель, т. LXXVII, 710—711.
Вилибина, т. LXXVII, 156.
Виллевиллеръ, директоръ метеорол. обсерваториі въ Швейцаріи, т. LXXVIII, 390.
Вильбасовъ, Василій Алексѣевичъ, историкъ, проф. Кіев. унив., т. LXXV, 52, 163; т. LXXVI, 43, 265; т. LXXVII, 220, 235; т. LXXVIII, 646.
Вильдерлингъ, ген.-лейт., т. LXXV, 344, 346—347; т. LXXVII, 361.
Вильдтъ, баронъ, шведскій дипломатъ, т. LXXVI, 1029; т. LXXVII, 1031—1032; т. LXXVIII, 382.
Виларскій, Петръ Спиридоновичъ, профессоръ Новоросс. унив., т. LXXVI, 698; т. LXXVII, 994.
Виндеръ, первый секретарь австр. посольства, т. LXXVIII, 271.
Виркингъ, Иванъ, воевода, т. LXXVI, 946.
Виркъ, археологъ, т. LXXVI, 950.
Вирнбаумъ, д-ръ, т. LXXV, 248.
Вироны:
 — франц. маршалъ, т. LXXVIII, 360.
 — Петръ, герцогъ курлянд. т. LXXVIII, 836.
 — Эрнстъ-Иоганнъ, графъ, герцогъ курлянд. и семигальскій, регентъ російскій, т. LXXVII, 129; т. LXXVIII, 648—649, 727—729, 835, 1294—1297.
Вируля-Вальницкій, А. С., т. LXXV, 1096.
Висмаркъ, Оттонъ-Леопольдъ-Эдуардъ, князь, герман. госуд. канцлеръ. *Статьи о немъ В. Т.*: Висмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ, т. LXXV, 976—993; т. LXXVI, 281—297, 991—1010; т. LXXVII, 283—303. *Замѣтки о немъ*: Отънка «Воспоминаній» Висмарка, т. LXXV, 731—732.—Загадка объ эмской депешѣ, 1057—1059. *Упоми.*: т. LXXV, 264, 266, 283, 1062—1064; т. LXXVI, 337, 346—347, 748—749, 1014, 1026; т. LXXVII, 713, 1023.
Вистерфельдъ, т. LXXVIII, 842.
Вистромъ, ген.-адъютантъ, т. LXXVIII, 1031, 1039, 1040.
Вичеръ, Вардъ, американ. проповѣдникъ, т. LXXVII, 711.
Вишоупъ, т. LXXV, 888.
Віаджи, Гвидо, итальян. библиографъ, т. LXXV, 727—728; т. LXXVII, 1024.
Влагово:
 — Борисъ, посланникъ царя Ѳедора Іоанновича, т. LXXVII, 667.
 — Дмитрій, въ монашествѣ **Пименъ**, архимандритъ, т. LXXVI, 433.
Влаговидовъ, Ѳедоръ Василевичъ, доцентъ Казан. дух. акад. *Библ. замѣтка о книгѣ его*: Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. (Развитіе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ). Опытъ историческаго изслѣдованія. Казань. 1899, т. LXXVII, 680—681.
Влаговѣщенскій, Николай Михайловичъ, филологъ, профессоръ Варш. унив., т. LXXVI, 1039.
Влагодаровъ, Я. И., т. LXXVIII, 1145.
Вланкеннагель, майоръ, т. LXXVI, 100.
Вланъ, архитекторъ, т. LXXV, 532.
Вланъ, Луи, франц. социалистъ и историкъ. *Замѣтка о немъ*: Къ воспоминаніямъ о Луи Вланѣ, т. LXXVIII, 378—379.
Вларамбергъ, полковникъ, т. LXXVI, 101—102.
Влау, Андрей Андреевичъ, политико-экономъ, т. LXXV, 621—623.
Влейсъ, англиканскій епископъ въ Іерусалимѣ, т. LXXV, 260.
Влещинскій, Ипполитъ, т. LXXVIII, 262, 265, 266.
Влиндъ, Карлъ, сотрудникъ «Berliner Tageblatt», т. LXXVIII, 378—379.
Влюкъ, И., писатель, т. LXXVI, 1016, 1018, 1028, 1030; т. LXXVIII, 383.
Вло, Сильвень, французск. писатель, т. LXXVII, 1023.
Вловиць, парижск. корреспондентъ «Times», т. LXXVI, 1015.
Вломбергъ, І. Ф., т. LXXVIII, 841.
Вломъ, баронъ, датск. посланникъ, т. LXXVII, 43, 60.
Влокингъ, археологъ, т. LXXVI, 947.
Влокъ, А. Г., т. LXXVII, 357.
Влудовы:
 — графиня Анна Андреевна, урожд. кн. Щербатова, супруга Д. Н. В., т. LXXVI, 851.
 — графиня Антонина Дмитріевна, дочь Д. Н. В., писательница, т. LXXVI, 1091; т. LXXVIII, 190—191, 773.

— графъ Дмитрій Николаевичъ, предсѣдатель госуд. сов. и комитета мин., писатель, т. LXXVI, 624, 626, 698—699, 851; т. LXXVII, 286, 606—607; т. LXXVIII, 1153.

Влужь, прусскій генералъ, т. LXXVII, 712—713.

Воборыкинъ, Петръ Дмитриевичъ, писатель, т. LXXV, 318, 741; т. LXXVI, 269, 363, 709.

Вобриковъ 2-й, ген.-лейт., т. LXXV, 762.

Вобринская, графиня Александра Алексѣевна, урожд. Писарева, т. LXXVII, 834.

Вобринскіе:

— графъ, флиг.-адъютантъ, т. LXXVI, 206.

— графъ, А. А., т. LXXV, 351—352; т. LXXVI, 378.

Вобровский, П. О., авторъ «Исторія л.-грена. Эриван полка» (Сиб., 1892—98), т. LXXVIII, 830.

Вобровниковъ, Николай Алексѣевичъ, директоръ Казан. учит. семин. *Библ. замѣтка о книгѣ его*: Что такое хорошій урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями. Казань. 1898, т. LXXVI, 722—723.

Вобровъ, Семень Сергѣевичъ, поэтъ, т. LXXVI, 638.

Вогаевскій, шт.-капитанъ, т. LXXVII, 85, 93, 480.

Вогариз:

— Александръ, виконтъ, первый супругъ франц. имп. Юзефины, т. LXXV, 1053—1054.

— Евгеній, вице-король итальянскій, т. LXXVI, 974, 981, 1082; т. LXXVII, 707.

Вогдановичи:

— археологъ, т. LXXVI, 774.

— Евгеній Васильевичъ, тайн. сов., писатель, т. LXXV, 347—348, т. LXXVII, 865, 867.

— Ипполитъ Федоровичъ, поэтъ, т. LXXVII, 211—213; т. LXXVIII, 233—234.

— Л. А. *Библ. замѣтка А. М.—на обзѣ издавн. подъ его ред. книгъ*: Иностранн. университеты. Вып. I. Университеты Англій и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ ред. Л. А. Вогдановича. Изд. общества распространения полезныхъ книгъ. М. 1899, т. LXXVII, 318—319. То же. Вып. II-й, т. LXXVIII, 337—338.

— Петръ, переводчикъ, т. LXXVI, 802.

Вогдановы:

— скульпторъ, т. LXXV, 926.

— И. О., мецранпажъ «Ист. Вѣстн.», т. LXXVI, 259.

Вогеръ-Ваше, сотрудникъ «Independence Belge», т. LXXVIII, 346.

Воголюбовъ, профессоръ, т. LXXVI, 377.

Воголѣповъ, Николай Павловичъ, министръ нар. проsv., т. LXXV, 349, 737; т. LXXVIII, 695, 698, 711, 714—716.

Вогоразъ, В. Г., этнографъ, т. LXXVI, 781; т. LXXVII, 373.

Вогушевичъ, т. LXXVIII, 1153.

Водаревскій, Николай Корниловичъ, т. LXXVII, 630.

Воде:

— Вильгельмъ, нѣмец. журналистъ, т. LXXVII, 1045.

— Марія, баронесса, сотрудница «Огонька», т. LXXVIII, 367.

Воденгеймеръ, д-ръ, т. LXXV, 248.

Воденштедтъ, Фридрихъ, нѣмец. поэтъ, т. LXXVI, 245, 642—643.

Водицкій, Само, переводчикъ Пушкина на словен. яз., т. LXXVI, 668.

Водровъ, купецъ, т. LXXVII, 555, 556, 560, 563, 564, 566.

Водянский, Осипъ Максимовичъ, славистъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXVI, 140, 141, 650.

Вожеряновъ, т. LXXVII, 594—596.

Вожидаровичъ, т. LXXV, 534.

Войе, Л. Г., т. LXXVI, 756.

фонъ-Войенъ, Германъ Леонъ Людвигъ, прусскій генералъ. *Замѣтка о немъ*: Воспоминанія генерала фонъ-Бойена и Георга Бунзена, т. LXXVIII, 821—822.

Воккаччио, Джіованни, итал. писатель, т. LXXVI, 714—715; т. LXXVII, 1024.

Воккъ, остзейск. публицистъ, т. LXXVI, 211—212, 219.

Вогъ:

— Владиміръ Георгіевичъ, хранитель отдѣла средн. вѣк. и эпохи возрожд. Спб. армитажа, т. LXXVI, 1129; т. LXXVIII, 1285.

— И. И., статистикъ, т. LXXV, 755—756.

Волеславъ, князь, т. LXXVIII, 238.

Волеславъ Храбрый, король, т. LXXVIII, 254—255.

Воль, Джонъ, т. LXXV, 717—718.

Волотовъ, Андрей Тимофеевичъ, агрономъ, писатель, т. LXXVI, 437.

Волсуновскій, К. В., археологъ, т. LXXVIII, 847.

Вожарше, Пьеръ Огюстенъ Каронъ, франц. писатель. *Замѣтка о немъ*: Столѣтняя годовщина дня смерти Вожарше,

т. LXXVII, 347—349. *Упомин.*: т. LXXVI, 990; т. LXXVII, 219.

ла-**Вомель**, франц. писатель, т. LXXVII, 1037—1038.

де-**Вомонъ**, баронесса, т. LXXVII, 771; т. LXXVIII, 908, 913.

Вонапартъ:

— Иосифъ, братъ Наполеона, т. LXXV, 723; т. LXXVII, 330, 988; т. LXXVIII, 371.

— Люсьенъ, дядя Наполеона, т. LXXV, 723; т. LXXVII, 338.

Вонги-Бриспи, итальян. писатель, LXXVII, 1024.

Вонне, преподаватель 2-го спб. кадет. корп., т. LXXVII, 820, 830.

Воннеръ, Роза, франц. художница-анималистка. *Замѣтка о ней*: Смерть Кастелара и Розы Воннеръ, т. LXXVII, 341—345.

Вонфаръ, англ. писатель, т. LXXVII, 328.

Вонъ-Мау, нѣмец. писатель, т. LXXV, 767.

Вонье, А., сотрудникъ «Revue Bleue», т. LXXV, 336—337.

Вопезель, Хьяльмаръ Хьортъ, профессоръ Нью-Йоркс. унив., т. LXXV, 888, 891.

Воргезе, князь, т. LXXVII, 374—375. де-**Воргъ**, А., англ. ученый, т. LXXV, 1064—1065.

Ворзаковский, П., авторъ брош. «Великій поэтъ А. С. Пушкинъ», т. LXXVII, 599.

Ворцова (Нагель), актриса, т. LXXVIII, 492.

Ворсовскій, Н. Ф. *Статья его*: Въ дореформенной Сибири. (Изъ дневника мѣстнаго старожила), т. LXXV, 538—563.

Ворисовы:

— В. Л. *Статья его*: Эпизодъ изъ исторіи воеводскаго управления. (По архивнымъ документамъ), т. LXXVI, 925—936. *Замѣтка его*: Къ біографіи Н. И. Костомарова, т. LXXVII, 1048—1049. *Библ. замѣтки его*: Фельдмаршалъ графъ Б. П. Шереметевъ. «Военно-походный журналъ» 1711 и 1712 гг. Изданіе военно-ученаго комитета главнаго штаба. Подъ редакціей полковника А. З. Мышлаевскаго. Спб. 1898. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Выпускъ XII. Война съ Турціей 1711 г. (Прутская операція). Генеральнаго штаба полковникъ А. З. Мышлаевскій, экстраординарный профессоръ Николаевской академіи генер. штаба. Спб. 1898. Т. LXXV, 308—309.—Древности. Труды ар-

хеографической комиссіи императорскаго московскаго археологическаго общества. Томъ I, выпускъ 1 и 2. М. 1898. 713—714.—А. Н. Микль. Историко-географическій словарь Саратовской губерніи. Томъ I, выпускъ I. Саратовъ, 1898. (Приложеніе къ V т. Трудовъ Саратовской ученой архивной комиссіи). Т. LXXVI, 298—300. В. И. Сергеевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Изданіе второе. Спб. 1899. 1045—1048.—Дворъ императрицы Екатерины II. Ея сотрудники и приближенные. Сто восемьдесятъ девять силуэтовъ. Два тома. Спб. 1899, 1062—1063.—Сборникъ археологическаго института. Книга VI. Спб. 1898. Въстникъ археологии и исторіи, издаваемый археологическимъ институтомъ. Выпускъ XI. Спб. 1899, т. LXXVII, 317—318.—Тульская старина. Изд. тульского историко-археологическаго товарищества, подъ ред. старшины товарищества Н. И. Троичкаго. Вып. 1—2. Тула. 1899. 323. *Упомин.*: т. LXXVIII, 339.

— Владиміръ Александровичъ, археологъ, т. LXXVII, 314.

Ворисъ Федоровичъ (Годуновъ), царь, т. LXXV, 319, 764, 916; т. LXXVI, 300—301, 373, 501; т. LXXVII, 376, 667—669.

Воровниковскій, художникъ, т. LXXVII, 634, 995.

Воровниковскій, Левъ, поэтъ, т. LXXVI, 650.

Воровко, Н., переводчикъ Пушкина на языкъ асперанто, т. LXXVI, 687.

Вородаевскій, поручикъ, т. LXXVII, 93.

Вородинъ, земск. исправникъ Островск. уѣзда, т. LXXVI, 626.

Вороздины:

— Александръ Корниловичъ, прив.-доцентъ Спб. унив. *Статья его*: Тридцатипятилѣтніе литературной дѣятельности графа Е. А. Салиаса, т. LXXV, 608—616.—Ученое фразерство, 951—965.—Русскіе поэты въ нѣмецкомъ переводѣ, т. LXXVI, 244—250.—А. С. Пушкинъ и поэзія дѣятельности, 482—505.—Одиннадцатый археологическій съѣздъ въ Кіевѣ, т. LXXVIII, 1117—1142. *Библ. замѣтки его*: Вл. Череванскій. Дѣвъ воды. Историческая хроника. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1898, т. LXXV, 310.—Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки Б. Б. Глинскаго. М. 1899 г., т. LXXVII, 1000—1002.—Замѣтки старой смолянки. В. П. Б.—вой. 1833—1878 гг. Часть первая. Примѣчанія и изданіе свѣш. К. Зи—скаго. Спб. 1899 г., 1010—1011.—Ъ. Б. Глинскій. Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по обще-

ственнымъ вопросамъ и критико-біографическія. Спб. 1900 г., т. LXXVIII, 1214—1216. Упомин.: т. LXXVII, 598, 1026.

— Н. Н., юристъ, т. LXXV, 621, 627—628.

Вороховичъ, полковникъ, т. LXXVII, 632.

Ворхгравъ, Даниэль, первый госуд. секретарь Нидерландской провинціи, т. LXXVIII, 344.

Ворхъ, графъ Александръ Михайловичъ, директоръ императорск. театровъ, т. LXXVIII, 481, 499.

Ворцовъ, т. LXXV, 453—455.

Вотельхо, Симонъ, правитель Индіи, т. LXXVIII, 794.

Вофоръ, нидерландск. министръ иностранныхъ дѣлъ, т. LXXV, 652—653; т. LXXVI, 1012, 1018.

Воцяновскій, Владиміръ Теофиловичъ, писатель. *Библ. заметки его*: Семидесятипятилѣтіе гимназій императорскаго человеколюбиваго общества. 1829—1895 г. Спб. 1898, т. LXXV, 706—708.—*М. Александръ-Аварскій*. Походъ въ Хиву: 1873. Степь и оазисъ. Спб. 1899. 716:—*А. Ляшенко*. Къ исторіи русскаго романа. Публицистическій элементъ въ романахъ Ѳ. А. Эмина. Спб. 1898, т. LXXVI, 325.—Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, т. I. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. 1812—1819. Изд. графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Сaitова. Спб. 1899, 719—720. Жоржъ-Зандъ. Сочиненіе *Е. Каро*. Переводъ О. Н. Масловой. М. 1899. 1069—1070.—*Н. Из. Теодоровичъ*. Волны въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и сель въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и друг. отношеніяхъ. Томъ IV. Староконстантиновскій уѣздъ. Почаевъ. 1899, т. LXXVIII, 332—333. Упомин.: т. LXXVIII, 843—844, 1287.

Вочелли, Чез., переводчикъ Пушкина на итал. яз., т. LXXVI, 649.

Вощковичъ, Стоянъ, т. LXXV, 533.

Враге, Петръ, швед. рыцарь, намѣстникъ Финляндіи, т. LXXVIII, 1059, 1066, 1075.

Врайтъ, англ. политич. дѣятель, т. LXXVII, 710—711.

Вранденбургъ:

— директоръ театра въ Филадельфіи, т. LXXVIII, 291.

— графъ, прусскій госуд. дѣятель, т. LXXV, 983.

— Н. Е., ген., археологъ, т. LXXVIII, 1126.

Врандесъ, Георгъ Морисъ Когенъ датскій писатель, т. LXXV, 954, 964 т. LXXVI, 245; т. LXXVII, 1023.

Врандесъ, нѣмец. писатель, т. LXXVI, 642.

Врандтъ:

— англ. мореплаватель, т. LXXVII, 1030.

— Романъ Ѳеодоровичъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXVII, 854; т. LXXVIII, 1284.

Вранницкая, графиня Александра Васильевна, урожд. Энгельгардтъ, супруга К. П. Б., оберъ-гофмейстерина, т. LXXV, 65, 403—404, 409, 420; т. LXXVI, 198, 199, 200, 274—275.

Вранницкій, графъ Ксаверій Петровичъ, польскій гетманъ, т. LXXV, 403—405; т. LXXVI, 198.

де-Вранка, г-жа, т. LXXVIII, 37, 44.

Вранковичъ, Юрій, правитель Сербіи, т. LXXVII, 941.

Враудо, А. И., бібліотекаръ имп. публ. библ., т. LXXVIII, 843, 1287.

Врауншвейгъ, П. П., т. LXXVIII, 1145.

Враунъ:

— Ф. А., т. LXXVIII, 1154.

— Ѳ. А., археологъ, т. LXXV, 352.

Врафъ, А., чешск. профессоръ, т. LXXVII, 678.

Врашманъ, Н., педагогъ, т. LXXVII, 322.

Вревертъ, графъ, т. LXXVIII, 915.

Вревертъ 1-й, полковникъ, т. LXXVIII, 1032.

Вреггеръ, Вольдемаръ, профессоръ унив. въ Христиани, т. LXXV, 739.

Вредихинъ, Ѳеодоръ Александровичъ, астрономъ академикъ, т. LXXV, 349, 737—738.

Врентано, Францъ-Функъ, франц. историкъ, т. LXXV, 337, 339; т. LXXVII, 693, 695, 705; т. LXXVIII, 345, 1245, 1247, 1249.

Вриллиантовъ, П. *Библ. заметка В. Р—ва о книгѣ его*: Оеропонтовъ-Бѣлозерскій нынѣ упраздненный монастырь, мѣсто заточенія патріарха Никона. Съ приложеніемъ очерка: «Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Бѣлозерѣ». Спб. 1899, т. LXXVIII, 1233.

Врикманъ, Христианъ, норвежскій писатель, т. LXXVII, 1023.

Врикнеръ, А. Г., профессоръ Юрьевск. унив., т. LXXVIII, 1155.

Вріоски, Франческо, членъ-корр. имп. акад. наукъ, т. LXXV, 736.

Вродовскій, М. И., д. ст. сов., писатель, т. LXXVI, 96.

- Вродскій, Л. И.,** т. LXXVIII, 833—834.
- Врокъ:**
— А. А., профессоръ, т. LXXVII, 1018.
— Федоръ Петровичъ, министръ финансовъ, т. LXXVI, 1089.
- Вроль, графъ,** франц. дипломатъ, т. LXXVIII, 734—735.
- Вроневскій, капитанъ,** т. LXXVII, 481.
- Вроннеръ,** профессоръ физики Казан. унив., т. LXXVI, 592.
- Вроуновъ, П. И.,** метеорологъ, профессоръ Киев. унив., т. LXXV, 739.
- Вроунъ,** рижск. ген.-губернаторъ, т. LXXVII, 129—130.
- Врошель, Александра Карловна,** актриса, т. LXXVIII, 497.
- Врукъ, д-ръ,** т. LXXVIII, 342.
- Вруно, Джордано,** итал. философъ, т. LXXVII, 378, 868.
- Врунсъ,** археологъ, т. LXXVI, 941.
- Врунь, Л. Ф.,** археологъ, т. LXXVIII, 1132.
- Врунь, Филиппъ Карловичъ,** историкъ, профессоръ Новоросс. унив., т. LXXVI, 1041.
- Врѣловъ, К. П.,** художникъ, т. LXXV, 1108; т. LXXVI, 1108.
- Врюнетъеръ,** Фердинандъ, франц. критикъ, т. LXXVII, 714.
- Врюссъ,** англ. офицеръ, т. LXXVII, 339.
- Врюсъ, Яковъ Виллимовичъ,** ген.-фельдцейхмейстеръ, президентъ бергъ и мануфактуръ коллегій, т. LXXVI, 951.
- Врюховецкій, малоросс. гетманъ,** т. LXXVIII, 775.
- Врязга, Богданъ,** волжск. атаманъ, т. LXXV, 375.
- Врянскіе:**
— актриса, т. LXXVIII, 992.
— (Леоновъ), актеръ, т. LXXVIII, 479.
- В-скій, П. Библ. замѣтка его:** Изданіе газеты «Ураль» (издатель В. Г. Чекавъ). Путеводитель по Уралу. Изданіе первое. Екатеринбургъ, 1899, т. LXXVIII, 784.
- де-Вуажеленъ, аббатъ,** т. LXXVII, 358.
- Вуало, франц. поэтъ,** т. LXXV, 956.
- Вубна, австр. фельдмаршалъ,** т. LXXVII, 707.
- Вудбергъ:**
— баронъ русскій посланникъ въ Швеціи, т. LXXV, 319; т. LXXVI, 43.
— баронъ, Андрей Федоровичъ, дипломатъ, т. LXXV, 986; т. LXXVII, 284—285, 287.
- Вудде, Евгеній Федоровичъ,** профессоръ Каванск. унив., т. LXXVI, 758.
- Вуденброкъ, Густавъ,** членъ комисіи по дѣламъ ливонск. крестьянъ, т. LXXVII, 136, 137, 142.
- Вуджъ, Э. Валисъ,** хранитель папирусовъ Британ. музея, т. LXXVIII, 1237—1238.
- Вудиловичъ, Антонъ Семеновичъ,** профессоръ Юрьев. унив., т. LXXVI, 652, 666, 667.
- Вудри, профессоръ Алекс. лицей,** т. LXXVII, 345.
- Вузескулъ, Владиславъ Петровичъ,** историкъ, профессоръ Харьк. унив., т. LXXVII, 375.
- Вуксгевденъ:**
— графиня Наталія Александровна, супруга послѣдующаго, т. LXXVII, 42.
— графъ Федоръ Федоровичъ, ген.-отъ-инф., прибалт. губернаторъ, т. LXXVII, 42, 138, 140.
- Вудатовъ, А. В.,** т. LXXV, 753.
- Вудлаковы:**
— т. LXXVIII, 1010, 1014, 1015, 1018, 1024.
— А. Я., моск. почтъ-директоръ, т. LXXVI, 797.
— К., т. LXXVIII, 639.
- Вулгаринъ, Фаддей Венедиктовичъ,** писатель, т. LXXVI, 647, 677; т. LXXVII, 190, 684, 827.
- Вулячъ, С. К.,** прив.-доцентъ Спб. унив., т. LXXV, 741.
- Вудлокъ, Д.,** англ. журналистъ, т. LXXVII, 706.
- Вульверъ - Литтонъ, Эдвардъ,** англ. писатель. *Библ. замѣтка П. К—аго о романъ его:* Ріенци, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Спб. 1898, т. LXXVI, 1067—1068.
- Вунге, Николай Христіановичъ,** профессоръ Киев. унив., предсѣдатель комит. министровъ, т. LXXVII, 382.
- Вундасъ,** археологъ, т. LXXVI, 948.
- Вунзенъ, Георгъ,** прусскій госуд. дѣятель. *Замѣтка о немъ:* Воспоминанія генерала фонъ-Бойена и Георга Вунзена, т. LXXVIII, 821—822.
- Вунаковский, Викторъ Яковлевичъ,** математикъ, академикъ, т. LXXVI, 1090, 1093.
- Вунята, К.,** чешскій геологъ, т. LXXVII, 678.
- де-Вурбонъ, аббатъ,** т. LXXVII, 357—358.
- Вургонъ, франц. актриса,** т. LXXVI, 989.
- Вурдетъ, Франсисъ,** англ. обществ. дѣятель, т. LXXVII, 340.
- Вуренинъ, Викторъ Петровичъ,** писатель, т. LXXV, 898—899.
- Вурже, Поль,** франц. писатель, т. LXXVII, 717.

Буржуа, представитель Франціи на Гааг. конференціи, т. LXXVI, 1024; т. LXXVIII, 385.

Буринскій, Е. О., химикъ, писатель, т. LXXV, 739.

Бурлуцкій, І. П., инспекторъ пензен. дух. семинаріи, т. LXXVII, 101.

Бурмейстеръ, ген.-лейт., т. LXXV, 902, 907—909.

Бурнонъ, Фернандъ, франц. историкъ, т. LXXVII, 705.

Бурхановскій, капитанъ-лейтенантъ, т. LXXVIII, 82, 92, 100.

Вуслаевъ, Федоръ Ивановичъ, академикъ, т. LXXV, 313, 746—747; т. LXXVI, 776, 1068; т. LXXVII, 371; т. LXXVIII, 1138, 1215.

Вустоза, испанск. писатель, т. LXXVII, 1025.

Вутаковъ, т. LXXVI, 111, 112.

Вутковъ, П. Г., историкъ, т. LXXV, 306.

Вутлеръ, Артуръ, англ. писатель, т. LXXVII, 341.

Вутовскій, Н. Д., полковникъ, писатель. *Библ. замѣтка И. Н. З. о книжкѣ его*: Очерки современнаго офицерскаго быта. Спб. 1899, т. LXXVI, 311—313.

Вутсъ, ген., т. LXXV, 272—273, 275—279, 281—287, 289, 294.

Вутсъ-Блиборнъ, Катерина, т. LXXV, 275, 294, 297.

Вутурлинь, Дмитрій Петровичъ, писатель, директоръ имп. публ. библ., т. LXXVI, 696, 1090; т. LXXVIII, 187—191, 1158.

Вутъ, Морисъ, виконтъ, т. LXXV, 655.

Вухаринъ, сенаторъ, т. LXXVI, 614.

Вухгольцъ, подполковникъ, т. LXXVI, 98.

Вухчанъ-Тельферъ, Е. А. (урожд. Муравьева), переводчица Пушкина на англ. яз., т. LXXVI, 657.

Вуцкій, Герасимъ, засѣдатель Сѣлопольск. верхн. земск. суда, т. LXXVII, 520—522, 524.

Вушъ, Моридъ, нѣмец. писатель, т. LXXV, 976—981, 984—988, 992, 1057, 1059; т. LXXVI, 281—284, 286, 287, 290—293, 295—296, 337, 748—749, 992, 994—1003, 1005—1009; т. LXXVII, 283—284, 288, 290, 296—299, 302, 1023.

Выкова, В. П. *Библ. замѣтка А. В.—на о книжкѣ ея*: Записки старой смолянъ: В. П. В.—овой, 1833—1878 гг. Часть первая. Примѣчанія и изданіе святи. К. Зи—скаго. Спб. 1899, т. LXXVII, 1010—1011.

Выковскій, К. М., профессоръ архитектуры, т. LXXVI, 775; т. LXXVIII, 389.

Выговъ, Петръ Васильевичъ, поэтъ-библиографъ, т. LXXVII, 596.

Выловъ, М. Н., воронежск. статистикъ, т. LXXVI, 789.

Выстрый, Петръ Спиридоновичъ, т. LXXVI, 140.

Вычковы:

— Аванасій Федоровичъ, академикъ, библиографъ. *Некрологъ его Г. Л. И.*: Аванасій Федоровичъ Бычковъ, т. LXXVI, 689—701. *Упомян.*: т. LXXV, 349—350, 352, 738, 1086; т. LXXVI, 374, 666, 767, 1039; т. LXXVII, 370—372.

— Федоръ Николаевичъ, ген.-лейт., т. LXXVI, 690.

Вьерсонъ-Вьеристьерне, норвежск. писатель и политич. дѣятель, т. LXXVI, 1029.

Вѣленковъ, Ю. Ю., д. ст. сов., т. LXXV, 761.

Вѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ, критикъ. *Замѣтка о немъ*: Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелѣева за лучшее сочиненіе о Вѣлинскомъ, учрежденной при литературномъ фондѣ, т. LXXVI, 790—791. *Упомян.*: т. LXXV, 1045; т. LXXVI, 478, 642; т. LXXVII, 154, 204, 214—216, 268, 280, 370, 726.

Вѣловъ, А. М. *Библ. замѣтка А. Л.—ни о переведенной имъ книжкѣ: Т. Фауль. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Переводъ съ англ. Спб. 1899, т. LXXVIII, 783.*

Вѣлоголовый, Н. А., врачъ, авторъ «Воспоминаній», т. LXXV, 1046.

Вѣлоградскій, ген.-лейт., т. LXXVIII, 1040.

Вѣлозерская, Н. А., писательница. *Статья ея*: Одинъ изъ предковъ Пушкина. (Матеріалы для характеристики нравовъ русскаго общества XVIII в.), т. LXXVI, 427—463.

Вѣлозерскій, т. LXXVIII, 1151.

Вѣлокуровъ, Сергій Алексѣевичъ, прив.-доц. Моск. унив. *Библ. замѣтки о книжкѣ его: (А. Л.—на):* О бібліотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. М. 1899, т. LXXV, 301—303. — (*В. Р.—ва*): Древне-русская картографія. Выпускъ І. Планы г. Москвы XVII вѣка. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. М. 1898. 708—709. — Русскія лѣтописи. I—III. 1) Лѣтописецъ патр. Никифора. — 2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. — 3) Хроника русская (Лѣтописецъ вкратцѣ) проф. И. Даниловича, съ предисловіемъ С. Вѣлокурова. М. 1898, 1033—1035. *Упомян.*: т. LXXV, 364; т. LXXVI, 1118, 1128.

Влопольскій, А., астрономъ, т. LXXV, 738.

Влосельская-Влозерская, княгиня, т. LXXVIII, 623.

Влоусовъ, И. А., т. LXXVII, 279.

Влчый, Франт., чешскій писатель, т. LXXVII, 678.

Вльчековскій, Адамъ, польск. писатель, т. LXXVII, 1025.

Вльавскій, Н. I., т. LXXVII, 320.

Вльавы:

— археологъ, т. LXXV, 313.

— прапорщикъ, т. LXXVI, 898.

— ученый, т. LXXVI, 689—690.

— *И. С. Статья его:* Попытка закрѣпить еврея въ 1783 году (историческій очеркъ), т. LXXVII, 511—526.

Вльавскій, археологъ, т. LXXVIII, 1120, 1131.

Влье, Ш., т. LXXVI, 328.

Влье, докторъ, т. LXXV, 655.

Вльмъ, венгерск. генераль, т. LXXVII, 1046.

Вльенваль, баронъ, т. LXXVII, 696, 698.

Вьолеры:

— Георгъ, членъ-корр. имп. акад. наукъ, т. LXXV, 736.

— баронъ Фьодоръ Андреевичъ, д. тайн. сов., т. LXXVI, 372—373.

Вьоловъ, т. LXXVI, 284.

Вьюрингъ, Иоаннъ, т. LXXVIII, 838.

Вьохерь, Лотаръ, секретарь Бисмарка. *Замѣтка о немъ:* Донесеніе Лотара Бухера о Лассаль, т. LXXVI, 337—340; *Упомян.*: т. LXXV, 976—978, 980; т. LXXVI, 290—291, 293, 749, 997, 1001; т. LXXVII, 290.

Вьохерь, Людвигъ. *Замѣтка о немъ:* Смерть Людвигъ Бухера, т. LXXVII, 335—336.

В.

Ваганы:

— В. И., писатель, т. LXXV, 523—524.

— С., писатель, т. LXXVI, 951.

Вагнеры:

— Николай Петровичъ, профессоръ Сиб. унив., т. LXXV, 739.

— Рихардъ, композиторъ, т. LXXVII, 1023; т. LXXVIII, 818—820.

— польскій мятежникъ, т. LXXV, 903, 911.

Вадаръ, преподаватель 2-го сиб. кадетск. корп., т. LXXVII, 820.

Вадянгонъ, Ринарь, франц. писатель, т. LXXVIII, 717—718, 731—733, 739—740, 1157.

Важенинъ, граверъ, т. LXXVII, 367.

Вазовъ, И. М., болгарскій поэтъ, т. LXXVI, 677—678.

Вайтавей, В., англ. писатель, т. LXXVIII, 792—794.

Валевская, Марія. *Статья о ней:* Марія Валевская. Историческій очеркъ, т. LXXVII, 973—992.

Валевскіе:

— (Флоріанъ-Іосифъ Колонна), графъ Александръ, франц. государств. дѣятель, т. LXXVII, 989—992.

— (Колонна-Валевичъ), Анастасій, т. LXXVII, 975—980, 984, 986.

Валегра, Іосифъ, т. LXXV, 256—258.

Валенти, кардиналь, т. LXXVI, 1123, 1125; т. LXXVII, 696, 697.

Валентинъ, нѣмецк. профессоръ, т. LXXVIII, 375.

Валечекъ, чешскій писатель, т. LXXVI, 652.

Валшевскій, К., польскій историкъ, т. LXXV, 655.

Валдасъ, М. К., т. LXXVI, 1119.

Валуевы:

— Д., т. LXXVI, 667.

— графъ Петръ Александровичъ, министръ внутр. дѣлъ, т. LXXVI, 1095; т. LXXVIII, 837.

Вальдекъ, переводчикъ Пушкина на нѣмецк. языкъ, т. LXXVI, 642.

Вальтеръ. *Библ. замѣтка его:* Pamätnik na oslavu padesätiletného Panovníckého Jubilea Jeho Veličenstva Císaře a Krále Františka Josefa J. Vědecký a umělecký rozvoj v narodě českém 1848—1898: Vydala česká Akademie Císaře Františka Josefa pro Vědy, Slovesnost a Umění. V Praze. 1898. Nakladem C. Akad. 4 (quarto). (VII, 66, 33, 65, 86, 48, 40, 119, 144, 88, 96, 102, 55, 84; XXXVI стр. указателей, VII стр. Errata, III стр. содержания, I стр. списокъ портретовъ) всего 1050 стр. и 49 портретовъ-фототипій, т. LXXVII, 677—680.

Вальць, д-ръ, т. LXXVII, 287—288.

Вамбери, авторъ «Исторіи Бухары», т. LXXVIII, 387.

Вандамъ, Доминикъ Жозефъ, графъ Гьонсбургскій, франц. маршалъ. т. LXXVII, 1042.

Вандеркиндере, профессоръ Брюссельскаго унив., т. LXXVIII, 344—345.

Вандеръ-Нуть, Янъ, брабант. поэтъ, т. LXXVIII, 347.

Ванъ-Віема, Эдуардъ, голланд. писатель, т. LXXVII, 902—904, 907—910, 912, 913, 922, 926, 928, 930, 931, 932, 934—940, 1030.

Ванъ-Виквортъ-Крамелинъ, голланд. историкъ, т. LXXVII, 1023.

Ванъ-Геескеркъ, Яковъ, англійск. мореплаватель, т. LXXVII, 1030—1031.

Ванъ-Дейкъ, Антонъ, живописецъ. *Замѣтка о немъ*: Трехсотлѣтній юбилей Ванъ-Дейка, т. LXXVIII, 347—349.

Ванъ-деръ-Верффъ, Адрианъ, живописецъ, т. LXXVIII, 380.

Ванъ-Мюйденъ. *Библ. замѣтка П. К. о книгѣ его*: Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. подъ редакціей Э. Л. Радлова. Выпускъ I съ 35-ю политипажаями. Выпускъ II съ 6-ю политипажаями. Спб. 1898, т. LXXVI, 319—320.

Ванъеръ. *Библ. замѣтка К. о книгѣ его*: Вольтеръ. По *Коллини*, *Вангеру*, *Штраусу* и др. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1899, т. LXXVII, 315—316.

Варлаамъ, архіепископъ тобольскій и сибирскій. *О немъ*: въ ст. *М. И. Сацердотова*: Архіерейская ревизія. (Изъ моихъ воспоминаній), т. LXXVII, 100—126. *Замѣтка* по поводу этой статьи *А. Шерстобитова*: Къ характеристикѣ архіепископа Варлаама, т. LXXVIII, 397—399.

Варлаамовы:

— Александръ Егоровичъ, пѣвецъ и композиторъ, т. LXXVII, 825.

— К. А., артистъ, т. LXXVIII, 998.

Вартегенбегъ-Каровъ, генералъ, т. LXXVII, 713.

Фонъ-Вартманъ, полковникъ, т. LXXXVII, 488.

Васалло, итальянск. журналистъ, т. LXXVI, 649.

Василевскіе:

— А. П., эстляндск. вице-губернаторъ, т. LXXV, 1031.

— (Буква), Ипполитъ Оедоровичъ, писатель, т. LXXV, 741; т. LXXVI, 269, 1033—1034.

Василевъ, Иванъ Ивановичъ, псковскій археологъ, т. LXXV, 313, 758, 1082; т. LXXVII, 165, 166, 366—367, 605—607.

Василій II Васильевичъ I Темный, вел. князь московскій, т. LXXV, 355; т. LXXVI, 182.

Василій Дмитриевичъ, моск. князь, т. LXXVI, 182.

Василій III Иоанновичъ (Шуйскій), царь московскій, т. LXXV, 319, 353, 355, 375; т. LXXVI, 184, 186, 301, 949; т. LXXVII, 669.

Василій Македонянинъ, визант. императоръ, т. LXXVIII, 327.

Васильевичъ, Алимпій, т. LXXV, 533.

Васильевскій, Василій Григорьевичъ, византинистъ, профессоръ Спб. унив.,

академикъ. *Некрологъ его В. Е. Рудакова*: т. LXXVI, 1039—1044. *Упомят.*: т. LXXVII, 305, 368; т. LXXVIII, 1235.

Васильевы:

— А., византинистъ, т. LXXVIII, 785—786, 1235.

— А. В., т. LXXVI, 1105.

— А. И., сенаторъ, LXXV, 111—112.

— Василій Павловичъ, академикъ, т. LXXV, 738.

— Н. М. *Статья его*: Карты. (Эпизодъ изъ польскаго восстанія 1863 года), т. LXXVII, 71—80.

— Павелъ Васильевичъ, артистъ, т. LXXVIII, 521, 993, 998.

— Сергій Васильевичъ, артистъ, т. LXXVIII, 982, 998.

Василько-Петровъ, В. П., учитель театр. учил., т. LXXVIII, 492—493.

Васильчикова, Вѣра Петровна, урожд. Протасова, супруга Илл. Вас. В., т. LXXV, 409.

Васильчиковы:

— князь, Александръ Иларіоновичъ, писатель, т. LXXVI, 217; т. LXXVII, 862.

— князь Иларіонъ Васильевичъ, предсѣдатель госуд. сов., т. LXXV, 409.

Васко-де-Гама, португальскій мореплаватель, т. LXXV, 359; т. LXXVI, 223; т. LXXVIII, 793—794.

Васнецовъ, Викторъ Михайловичъ, профессоръ живописи, т. LXXV, 318, 684, 1077; т. LXXVI, 779, 789—790; т. LXXVII, 365, 961—962, 1050.

Ваянскій-Гурбанъ, славян. поэтъ, т. LXXVI, 668.

Введенскій, Александръ Ивановичъ, философъ, профессоръ Спб. универ., т. LXXVII, 994.

Везелевъ, правитель дербетовск. калмыкъ, т. LXXVII, 559.

Вейде, Адамъ Адамовичъ, ген.-аншефъ, сподвижникъ Петра, т. LXXV, 309.

Веймаръ, полковникъ, т. LXXVI, 1092.

Вейнбергъ:

— Павелъ Исаевичъ, актеръ-разсказчикъ, т. LXXV, 167; т. LXXVIII, 1001—1002.

— Петръ Исаевичъ, прив.-доц. Спб. унив., поэтъ-переводчикъ. *Библ. замѣтка объ изд. подъ его редакціей*: Собраніе сочиненій Генриха Гейне, т. LXXV, 705—706. *Упомят.*: т. LXXVIII, 1280—1282.

Велизаріевъ, священникъ, т. LXXVII, 112—113.

Великовъ, К., болгарскій писатель, т. LXXVI, 678.

Велинготъ, англ. полководец и госуд. дѣятель, т. LXXVI, 980; т. LXXVII, 711.

Велихъ, Алоиз., чешскій медикъ, т. LXXVII, 678.

Велишекъ, К., чешскій писатель, т. LXXVII, 679.

Веллеслэй, лордъ, т. LXXVIII, 1166.

Вельтманъ Александръ Омичъ, д. с. с., писатель, т. LXXVII, 217, 270.

Вельшингеръ, Генри, франц. историкъ, т. LXXVIII, 1248.

Вельяминовъ - Зерновъ, Владиміръ Владиміровичъ, попечитель Кіев. учебн. обр., т. LXXVIII, 833—834, 1121.

Венгеровы:

— Зинаида Аванасьевна, писательница. *Библ. замѣтка о переводѣ ея: Г. Лансонъ*. Исторія французской литературы XVII в., т. LXXV, 711—712.

— Семень Аванасевичъ, историкъ русс. литературы, т. LXXVI, 302; т. LXXVII, 595.

Веневетиновы:

— Д. В., поэтъ, т. LXXVIII, 1153.

— Михаилъ Алексѣевичъ, директоръ московск. публ. и румянц. музеевъ, т. LXXV, 653, 655; т. LXXVI, 378.

Венедиктовъ, П. В., педагогъ, т. LXXV, 1083.

Веньеро, Себастьяно, венеціан. полководецъ, т. LXXVIII, 347.

Вергопуло, Екатерина Ивановна, вдова вице-адмирала, т. LXXVIII, 99.

Вергъ, итальян. писатель, т. LXXVII, 717, 995.

Вердеръ, прусскій генераль, т. LXXVII, 288.

Верди, Джузеппе, итальян. композиторъ, т. LXXVII, 708, 995.

Веревкинъ, Н. А., ген.-майоръ, т. LXXVI, 112.

Веренскіольдъ, норвежск. художникъ, т. LXXV, 317—318.

Верещагины:

— Василій Васильевичъ, профессоръ живописи, писатель, т. LXXV, 950; т. LXXVII, 85.

— Василій Петровичъ, профессоръ живописи, т. LXXVI, 790.

Верещинскій, повстанецъ, т. LXXVI, 891.

Верженъ, франц. министръ иностр. дѣлъ, т. LXXV, 339, 721.

фонъ-Верзенъ, прусскій офицеръ, т. LXXVI, 293.

Вересай, сотрудникъ «Нов. Вр.», т. LXXVII, 815.

Вересмартъ, венгер. поэтъ, т. LXXVII, 1046.

Вержицкій, Титъ Іоильевичъ, археологъ. *Статья о немъ А. А. Тажкова*: Памяти Т. І. Вержицкаго, т. LXXVIII, 231—235.

Вериго, т. LXXVIII, 971—976.

Вермейленъ, бельг. историкъ, т. LXXVIII, 347.

Вернадская, Н. Е., т. LXXVIII, 337.

Вернеръ-Роухъ, плоцкій епископъ, т. LXXVIII, 238.

Вернь, Жюль, франц. писатель, т. LXXVII, 362.

де-Верракъ, Оливье, т. LXXVII, 768, 778.

Верстовскій, Алексій Николаевичъ, композиторъ, т. LXXV, 940, 941; т. LXXVI, 669, 670; т. LXXVIII, 978.

Верхлицкій, Яр., чешскій поэтъ, т. LXXVI, 652.

Вершиницъ, Иванъ, учитель духовн. учил., т. LXXVII, 968—969.

Веселаго, Θεодосій Θεодоровичъ, ген.-лейт., писатель, т. LXXVII, 1049.

Веселая, Божена, чешская писательница, т. LXXVI, 652.

Веселовскіе:

— Александръ Николаевичъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXV, 349—350; т. LXXVII, 358, 855, 996; т. LXXVIII, 828.

— Алексій Николаевичъ, профессоръ Лазарев. инст., т. LXXVI, 356; т. LXXVII, 354, 379, 1056; т. LXXVIII, 1282, 1284.

— Константинъ, протоіерей, т. LXXVII, 951.

— Константинъ Степановичъ, академикъ, политико-экономъ, т. LXXV, 349, 738; т. LXXVII, 368—369.

— Николай Ивановичъ, ориенталистъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXV, 352, 364, 743—744, 1087, 1104—1105; т. LXXVI, 377; т. LXXVII, 371; т. LXXVIII, 832, 1284—1285.

— Ю. А., т. LXXV, 753.

Веселый, чешск. писатель, т. LXXVI, 652.

Весель-Косескій, Іованъ, переводчикъ Пушкина на хорват. языкъ, т. LXXVI, 674—675.

Весичъ, Н., переводчикъ Пушкина на серб. яз., т. LXXVI, 646.

Весничъ, бѣлград. профессоръ, т. LXXV, 654.

Веслуччи, Америго, мореплаватель, т. LXXVII, 1024.

Вестенрикъ, педагогъ, т. LXXVIII, 706.

Вестеркамшъ, магдебург. профессоръ, т. LXXVI, 1028.

Вестияъ, шведск. художникъ, т. LXXVIII, 1074.

Вестфаль, Рудольфъ Георгъ, филологъ, профессоръ Катковск. лицея, т. LXXVI, 685.

Веттерманъ, Иоаннъ, нѣмец. ученый, т. LXXV, 301—303.

Вечера, Марія, баронесса, т. LXXVIII, 1268—1270.

Вишняковъ, Александръ, т. LXXVI, 317.

Вигель, Филиппъ Филипповичъ, т. с., писатель, т. LXXVIII, 612—613.

Виже-Лебрень, франц. художница, т. LXXV, 40, 50—51, 428; т. LXXVIII, 915.

Викторія, англ. королева, т. LXXVI, 1002, 1005—1006; т. LXXVII, 710; т. LXXVIII, 821—822.

Викторовъ, Алексѣй Егоровичъ, писатель, т. LXXV, 748; т. LXXVII, 868.

Викторъ-Эммануилъ, итальянск. король, т. LXXVI, 291—292; т. LXXVII, 342, 1025; т. LXXVIII, 1176.

Виллеръ, Бенжаминъ, профессоръ Калифорн. унив., т. LXXVII, 688—689; т. LXXVIII, 1238—1241.

Виллари, профессоръ, т. LXXVII, 1024.

Вилуанъ, композиторъ, т. LXXVI, 762.

Вилъе, Михаилъ Яковлевичъ, академикъ живописи, т. LXXV, 349—350; т. LXXVI, 363.

Вильгельмина, королева голланд., т. LXXV, 652.

Вильгельмъ I, императоръ германскій и король прусскій. *Замѣтка о немъ*: Изъ переписки двухъ государей, т. LXXV, 1062—1064. *Упомин.*: т. LXXV, 732, 979, 1057—1058; т. LXXVI, 282—284, 286, 288—290, 293—296, 335—337, 992—994, 996, 998—1004; т. LXXVII, 283—284, 287, 289—291, 293, 295—296, 298, 300—302, 1023; т. LXXVIII, 821—822.

Вильгельмъ II, императоръ герман. и король прусскій, т. LXXV, 261—267, 646—647, 978; т. LXXVI, 996—998, 1007—1010, 1015, 1026—1027; т. LXXVII, 299, 301; т. LXXVIII, 382—383.

Вильгельмъ III, принцъ оранскій и король англійскій, т. LXXVI, 223; т. LXXVII, 1034—1035.

Вильгельмъ:

— виртембергскій король, т. LXXVIII, 445.

— герцогъ курлянд., т. LXXVIII, 838—839.

Вильгельмъ Телль, т. LXXV, 219, 221; т. LXXVI, 379.

Вильдеманъ, т. LXXVIII, 840—842.

Вилькесъ, офицеръ, т. LXXVIII, 917—920.

Вильсонъ, англ. генералъ, т. LXXVIII, 1158, 1172.

Вильямсъ, англ. посолъ въ Спб., т. LXXVIII, 732, 737—738.

Вильомъ, Шарль, франц. издатель, т. LXXVIII, 718—720, 731.

Вильюби, Гюкъ, англ. мореплаватель, т. LXXVII, 1030.

фонъ - **Вильмовицъ - Меллендорфъ**, нѣмец. филологъ, т. LXXVIII, 1227.

Виндингрецъ, австр. фельдмаршалъ, т. LXXVI, 668.

Виноградовы:

— актеръ, т. LXXVIII, 503.

— И. А., археологъ, т. LXXVI, 947.

— Павелъ Гавриловичъ, историкъ, профессоръ Моск. унив. *Библ. замѣтка объ изданн. подъ его ред.*: Книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составл. кружкомъ преподавателей. Выпускъ III-й. Москва. 1899, т. LXXVI, 323—324.—*Упомин.*: т. LXXV, 1081; т. LXXVI, 721, 761—762.

Виноградскіе:

— В. Н., т. LXXV, 1042.

— Н. *Библ. замѣтка В. Р.—ва о книгѣ его*: Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 года. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Смоленскъ. 1899, т. LXXVIII, 779—781.

Винценгероде, ген., т. LXXVIII, 962—967.

Витбергъ, Ф. А., педагогъ. *Библ. замѣтка Пещ. о рѣчахъ его*: «Ревнители русскаго слова прежняго времени» и «Я. П. Полонскій» (Чтенія и бесѣды въ союзѣ ревнителей русскаго слова. Вып. I и II). Спб. 1899, т. LXXVII, 1008—1010.

Витвортъ, англ. посланникъ, т. LXXVII, 40—41, 55, 60, 63, 65, 431, 440.

Витгенштейнъ:

— графиня, т. LXXVIII, 447.

— свѣтл. князь Петръ Христіановичъ, фельдмаршалъ, т. LXXVI, 983.

Витевскій, В. Н., писатель, т. LXXVI, 961, 964.

Витсенъ, Николай, амстердам. бургомистръ, географъ. *Статья о немъ А. М. Ловягина*: Николай Витсенъ изъ Амстердама у патриарха Никона. (Изъ неизданной голландской рукописи XVII вѣка), т. LXXVII, 874—879.

Витте, Сергѣй Юліевичъ, министръ финансовъ, т. LXXV, 640, 642, 1077—1078.

Виттъ:

— см. графиня Софія Потоцкая.

— ген., комендантъ Каменецъ-Подол. крѣпости, т. LXXV, 426—428.

— Иванъ, т. LXXV, 428.
— графъ Иосифъ, т. LXXV, 73, 426—431, 433—434, 436.
— Фридрихъ, голланд. географъ, т. LXXV, 748.

Вишневецкій, князь Адамъ, т. LXXVI, 1124; т. LXXVII, 669.

Вишнеградскій, И. А., министръ финансовъ, т. LXXV, 156.

Вiarдо, Люи, франц. писатель, т. LXXVI, 639—640, 681.

Вiельгорская, графиня Софія Дмитриевна, урожд. гр. Матюшкина, супруга гр. Юр. Мих. В., т. LXXVI, 417.

Вiельгорскій, графъ Юрій Михайловичъ, сенаторъ, писатель, т. LXXVI, 417.

Владимірова (Рулъс), Е. В., по мужу Полибина, актриса, т. LXXVIII, 494—495.

Владиміровъ, профессоръ Кіев. унив., т. LXXV, 567; т. LXXVI, 490.

Владимірскій-Вудановъ, Михаилъ Флегонтовичъ, профессоръ Кіев. унив., т. LXXVII, 994; т. LXXVIII, 1286.

Владиміръ, монахъ Опти. скита, т. LXXV, 927—928.

Владиміръ Александровичъ, великій князь, т. LXXVI, 96, 367, 373; т. LXXVII, 167—168; т. LXXVIII, 1049.

Владиміръ Рюриковичъ, князь, т. LXXVII, 999.

Владиміръ Ярославичъ, князь, т. LXXVII, 999.

Владиславлевы:

— Михаилъ Ивановичъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXVII, 856.

— переводчикъ Пушкина на серб. яз., т. LXXVI, 646.

Владиславы:

— польскій король, т. LXXV, 373; т. LXXVI, 779.

— венгер. король, т. LXXVII, 941.

Владыкина, А. П., т. LXXVI, 690.

Владычекъ, майоръ, т. LXXV, 910.

Власовы:

— В. В., педагогъ, т. LXXV, 1083.

— сержантъ, т. LXXVI, 948; т. LXXVII, 324.

Властовъ, Георгій Константиновичъ, тайн. сов., почетный опекунъ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXVIII, 1299—1300.

Власъевъ, Аванасій, т. LXXVII, 376.

Влитникъ, бельг. историкъ, т. LXXVIII, 347.

Вобанъ, г-жа, т. LXXVII, 979, 980.

Воборникъ, Янъ, чешскій писатель, т. LXXVII, 679.

Вовчокъ, Марко, псевдонимъ писательницы *Марковичъ*, т. LXXVII, 630.

де-Вогюэ, М., франц. академикъ, писатель, т. LXXVI, 640; т. LXXVII, 845—346, 362, 595.

Водаккуръ, франц. историкъ, т. LXXVIII, 1158.

Водемонъ, княгиня, т. LXXVII, 338—339.

Водникъ, Валентинъ, сербскій писатель, т. LXXVI, 655, 676.

Водовозовъ, Н. В., т. LXXVII, 1014.

Водошняновъ, В., археологъ, т. LXXVI, 950.

де-Водрейль, виконтесса, т. LXXVII, 451, 455, 456; т. LXXVIII, 37.

Воейковы:

— А. М., т. LXXVI, 430.

— Александръ Ѳеодоровичъ, писатель, т. LXXVI, 638.

Воевскій, К. А., писатель, т. LXXVIII, 834—835, 838—840, 1299.

Вожинъ, корреспондентъ «Нов. Вр.», т. LXXV, 238, 261, 264—267.

Войдона, Янъ, т. LXXV, 910.

Войславскій, Янъ-Войславъ, каноникъ плочкій и варшавскій, т. LXXVIII, 240.

Войццикскій, К. В., польскій писатель, т. LXXVII, 252.

Волковы:

— актеръ, т. LXXV, 941.

— жандармскій полковникъ, т. LXXV, 936.

— Л., т. LXXVI, 651.

— *Ө. К. Библ. замѣтка Л. о перевод. имъ соч. д-ра Л. Нидерле*: Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго *Ө. К. Волкова*, подъ ред. Д. Н. Анучина. Съ 459-ю рисунками и картою. Спб. 1898, т. LXXVI, 724—725.

— Ѳеодоръ Григорьевичъ, основатель русс. театра. *Замѣтки о немъ*: Къ юбилею *Ө. Г. Волкова*, т. LXXV, 763; т. LXXVI, 788.

Волконскія:

— княжна Варвара, фрейлина имп. Елисаветы Алексѣевны, т. LXXVII, 48, 434.

— княгиня М., т. LXXVII, 684.

Волконскіе:

— князь, декабристъ, т. LXXVII, 832.

— князь Г. С., т. LXXVII, 950.

— князь Михаилъ Сергѣевичъ, товарищъ мин. нар. просв., т. LXXVIII, 709.

— князь Н., археологъ, т. LXXV, 945.

— свѣтл. князь Петръ Михайловичъ, ген.-фельдмаршалъ, министръ имп. двора, т. LXXVIII, 177—178, 183, 1148.

Волынский, Артемій Петрович, обер-егермейстеръ и кабинетъ-министръ, т. LXXV, 319; т. LXXVI, 99.

Вольстонкрафтъ, Мэри. *Замѣтка о ней*: Защитница женскихъ правъ въ XVIII столѣтіи, т. LXXVIII, 1252—1255.

Вольтеръ:

— Франсуа-Мари-Аруз, франц. энциклопедистъ, т. LXXV, 338, 412, 456; т. LXXVI, 328, 373, 525, 532, 639, 714—715, 1085; т. LXXVII, 68, 207—208, 221, 233, 315—316, 349, 934, 938.

— Э. А., библиотекарь имп. акад. наукъ, т. LXXV, 739.

Вольфратъ, Адольфъ, т. LXXVIII, 842.

Вольфъ:

— издатель газ. «Лучъ», т. LXXVI, 708—709.

— (**Дупусъ**, Алексисъ), переводчикъ Пушкина на фр. и нѣм. яз., т. LXXVI, 640, 642.

Волянский, т. LXXV, 362.

Воробьевъ, Григорій Александровичъ, писатель. *Статьи его*: Домъ Марины Мнишекъ въ Калугѣ, т. LXXVI, 968—972. — Шопка, польскій вертень. Историко-этнографическій этюдъ, т. LXXVII, 248—263. — Скемпе — польскій Лурдъ, 514—591. — Визна, т. LXXVIII, 236—242. — *Библ. замѣтки его*: *Kraushar Alexander*. Bourboni na wygnaniu w Mitawie i Warszawie. Skic historyczny (1798—1805). Съ иллюстраціями. Варшава. 1899, т. LXXV, 318—319. *Упомян.*: т. LXXVIII, 779.

Воронецъ, Евстаѳій, писатель, т. LXXV, 312.

Воронинъ, М. С., т. LXXV, 738.

Вороновы:

— А. П., археологъ. т. LXXV, 313—314; т. LXXVIII, 832.

— Е. И., режиссеръ Александр. театра, т. LXXVIII, 497, 993.

Воронцовы:

— графиня Е. К., супруга новороссійскаго ген.-губернатора, т. LXXVI, 1108; т. LXXVII, 684,

— графиня Екатерина Артемьевна, т. LXXVII, 48.

— графиня Елисавета, т. LXXVI, 200.

Воронцовы:

— графъ Александръ Романовичъ, г.-суд. канцлеръ, писатель, т. LXXVII, 790.

— Михаилъ Иларіон., т. LXXV, 1043.

— графъ Михаилъ Семеновичъ, новороссійскій ген.-губернаторъ, т. LXXVII, 165, 286, 581, 583, 1052; т. LXXVIII, 214, 656.

— графъ Романъ Ларіон., т. LXXVI, 435.

— графъ Семенъ Романовичъ, д. т. с., посолъ въ Англіи, т. LXXV, 99, 113, 193; т. LXXVII, 453, 581—583.

Воронцова - Далкова, графиня, т. LXXVI, 1108.

Воронцовъ - Далковъ, графъ Иларіонъ Ивановичъ, министр имп. двора, т. LXXVI, 900, 902, 904, 909, 910.

Воротынский, князь И. М., бояринъ, т. LXXV, 1088.

Воскресенскіе:

— Василій Алексѣевичъ, педагогъ. *Некрологъ его*: т. LXXV, 366.

— Е. И., т. LXXV, 753; т. LXXVII, 676.

— Э. Э., т. LXXV, 1080—1081.

Востокъ, Александръ Христофоровичъ, филологъ, членъ акад. наукъ, т. LXXVI, 689, 692, 694—695.

Воцель, Эразмъ, т. LXXVII, 677, 678.

Вошу, подполковникъ, т. LXXVIII, 352—353.

Воцининъ, подполковникъ, т. LXXV, 907.

Вражинскій, переводчикъ Пушкина на языкъ эсперанто, т. LXXVI, 687.

Вразъ, Станко, хорватск. поэтъ, т. LXXVI, 655, 674, 675.

Врангель:

— генераль, т. LXXVIII, 656.

— баронъ, шведскій полководецъ, т. LXXVIII, 1050.

Вревская, баронесса Евпраксія Николаевна, урожд. Вульфъ, т. LXXVI, 752.

Вревскій, баронъ Борисъ Александровичъ, т. LXXVI, 752.

Вреде, австрійскій консулъ, т. LXXV, 534.

де-ла-Врильеръ, герцогъ, т. LXXVIII, 356.

Вроченскій, поручикъ, т. LXXVI, 110.

Врублевскій, Адольфъ, переводчикъ Пушкина на польск. яз., т. LXXVI, 648.

Врхлицкій, Яросл., чешск. поэтъ, LXXVII, 679.

Вршачскій, переводчикъ Пушкина на словен. яз., т. LXXVI, 668.

Всеволодъ - Гавриилъ, князь, св. чудотворецъ, т. LXXVII, 366—367.

Всеволодъ Юрьевичъ (Большое Гнѣздо), князь суздальскій, т. LXXVII, 998.

Всеволожскіе:

— Всеволодъ Алексѣевичъ, сенаторъ, дѣйствительный камергеръ, т. LXXV, 111—112,

— И. А., директоръ имп. театровъ, т. LXXV, 349—350; т. LXXVIII, 505.

— Н. В., т. LXXVI, 488—489.

В—скій. *Библ. замѣтка его:* Рукописная повѣсть о видѣннн Космы игумена. 1688 года. Составилъ и издалъ *И. Голышевъ*. Съ 20 таблицами раскрашенныхъ рисунковъ. Голышева, близъ с. Мстеры, Влад. губ., Вязников. уѣзда. 1898, т. LXXVI, 322.

Всполюховъ, Григорій, дьякъ, т. LXXVII, 243.

Второвы:

— И. А., поволжскій дѣятель, т. LXXVI, 593.

— Н. И., т. LXXVI, 381, 597, 603—604, 606.

Вунчъ, т. LXXVII, 596.

Вулодемъ, Харалампій, профессоръ русс. литер. въ Аѳин. унив., т. LXXVI, 663—665.

Вульпюсъ, Христина, жена Гете, т. LXXVIII, 377.

Вульффертъ:

— ротмистръ, т. LXXVI, 117—118.

— переводчикъ «Кавк. плѣнника» Пушкина на нѣм. яз., т. LXXVI, 640.

Вульфъ:

— Алексѣй Николаевичъ, другъ Пушкина, писатель, т. LXXVI, 751; т. LXXVII, 572, 574, 606; т. LXXVII, 217, 270—272; т. LXXVIII, 608.

— О. Ф., археологъ, т. LXXV, 1035.

фонъ-Вустровъ, секретарь прусск. посольства, т. LXXVIII, 270.

Вымазаль, чешск. писатель, т. LXXVI, 652.

Вурубовъ, Г. Н., профессоръ, т. LXXVI, 704.

Высокій, чешскій писатель, т. LXXVII, 679.

Высоцкая, А., переводчица Пушкина на итал. яз., т. LXXVI, 649.

Вяземскіе:

— князь А. И., т. LXXV, 44, 50.

— князь Александръ Алексѣевичъ, ген.-прокуроръ, т. LXXV, 110; т. LXXVII, 547.

— княжна Анна Николаевна, т. LXXV, 841.

— князь Григорій Николаевичъ, т. LXXV, 841, 847.

— князь Левъ Николаевичъ, т. LXXV, 841.

— князь Николай Григорьевичъ, сенаторъ, LXXV, 841, 843, 847.

— князь Павелъ Петровичъ, т. LXXVIII, 1014.

— князь Петръ Андреевичъ, членъ гос. сов., писатель. *О немъ въ библ. замѣткѣ Вл. Боцяновскаго:* Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, т. I. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. 1812—1819. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Подъ ред. и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Спб. 1899, т. LXXVI, 719, 720. *Упомян.*: т. LXXV, 44, 52, 1078; т. LXXVI, 471, 530, 532; т. LXXVII, 185, 217, 267, 570, 575, 592, 603, 684, 828; т. LXXVIII, 597, 600, 603, 613, 631, 643, 773, 1010, 1014, 1015, 1018—1019, 1024, 1025, 1027, 1033—1034.

Г.

фонъ-Габленцъ, Антонъ, австрійскій губернаторъ, т. LXXVI, 286—287.

Гавердовскій, поручикъ, т. LXXVI, 950.

Гавриловъ, М. Г., т. LXXVIII, 1145.

Гавриилъ, митрополитъ новгор. и спб., т. LXXVI, 164.

Гагарины:

— княгиня Анна Петровна, урожд. Лопухина, супруга кн. П. Г. Г., т. LXXVI, 851; т. LXXVII, 39—40, 43—47, 54, 62.

— княгиня Варвара Михайловна, урожд. Пушкина, жена С. И. Г., т. LXXVII, 801.

— князь Иванъ Сергѣевичъ, т. LXXVIII, 640.

— князь Павелъ Гавриловичъ, ген.-адъютантъ. т. LXXVI, 851; т. LXXVII, 54, 62.

— князь Павелъ Павловичъ, т. LXXV, 848.

— князь Сергѣй Ивановичъ, д. т. сов., т. LXXVII, 801.

фонъ-Гагенъ, А., переводчикъ Пушкина на англ. яз., т. LXXVI, 657.

Гаденъ, Кутбертъ, сотрудникъ «Century Magazine», т. LXXVII, 1035—1037.

Гаевскій, Викторъ Павловичъ, д. ст. с., писатель, т. LXXVII, 214, 601.

Газенкамифъ, супруга астрах. губернатора, т. LXXVI, 755.

Гай, Людевитъ, австр. политич. дѣятель и писатель. т. LXXVI, 655, 666.

Гакстгаузенъ, баронъ, нѣмец. путешественникъ, т. LXXVI, 587.

Галаганы, т. LXXVII, 632.

Галаховы:

— полковникъ, т. LXXVIII, 1032.

— педагогъ писатель, т. LXXV, 707.

Галекъ, чешскій поэтъ, т. LXXVII, 679.

Галичъ, Александръ Ивановичъ, философъ, писатель, т. LXXVI, 535; т. LXXVII, 192—193, 202, 205.

- Галлеэ**, Андра, франц. журналистъ, т. LXXVII, 346, 347, 348.
- Гальперинъ-Каминскій**, т. LXXVI, 640.
- Галъевъ**, А. М., т. LXXVI, 1105.
- Гамазовъ**, М. А., т. LXXVI, 376.
- Гамбаръ**, испанск. консулъ, т. LXXVII, 345.
- Гамбетта**, Леонъ, франц. госуд. дѣятель, т. LXXVI, 1014; т. LXXVII, 342—343.
- Гамбургевъ**, В. А., т. LXXV, 750.
- Гамзатъ-бекъ**, второй имамъ, глава горцевъ въ войнѣ съ русскими, т. LXVIII, 212, 1106.
- Ганзенъ**, П. Г., переводчикъ, писатель. *Библ. замѣтка С. У-а о книгѣ его*: Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Печатано по распоряженію канцелярии ея величества государыни императрицы Александры Ѳеодоровны. Спб. 1899, т. LXXVI, 1057—1058.
- Ганнибалъ**:
— Абрамъ Петровичъ, прадѣдъ А. С. Пушкина, ген.-аншефъ, т. LXXVI, 351, 427—428, 430—431, 438, 439, 448, 618; т. LXXVII, 271, 600.
— Анна, супруга Исаака Абр. Г., т. LXXVI, 460, 463.
— Евдокія Андреевна, т. LXXVI, 427—428.
— Елисавета Абрамовна, въ замужествѣ Пушкина, т. LXXVI, 439.
— Иванъ Абрамовичъ, ген.-поручикъ, т. LXXVI, 431, 438—440, 442, 453, 458.
— Исаакъ Абрамовичъ, т. LXXVI, 438, 439, 458—460, 463.
— Марія Алексѣевна, урожд. Пушкина, супруга О. А. Г., т. LXXVI, 618—619, 627; т. LXXVII, 600.
— Ольга Григорьевна, урожд. фонъ-Данненстернъ, супруга П. А. Г., LXXVI, 431—432, 440—457, 461—462.
— Осипъ Абрамовичъ, т. LXXVI, 427—431, 438, 439, 457—459, 618—619, 627.
— Павелъ Исааковичъ, т. LXXVI, 460.
— Петръ Абрамовичъ, ген.-лейт., т. LXXVI, 431—432, 435—442, 444—458, 460—462.
— Петръ Исааковичъ, т. LXXVI, 460.
— Устинья Ермолаевна по первому мужу Толстая, во второмъ бракѣ за О. А. Г., т. LXXVI, 427—429, 457—460.
- Ганото**, франц. министръ иностранн. дѣлъ, т. LXXVII, 700.
- Ганская**, графиня Эва, урожд. гр. Ржевуская. жена Бальзака, т. LXXVII, 719; т. LXXVIII, 268, 279, 281—288.
- Ганскій**, графъ Вячеславъ, т. LXXVIII, 283—286.
- Ганушъ**, Юс., чешскій писатель, т. LXXVII, 678.
- Ганъ**, ген., т. LXXVII, 332.
- Гарденбергъ**, прусск. министръ, т. LXXVIII, 1161—1163.
- Гарденъ**, Максимилианъ, нѣм. писат., т. LXXV, 978.
- Гардинеръ**, англ. историкъ, т. LXXVII, 1033—1034.
- Гарибальди**, Джузеппе, итальянскій патриотъ, т. LXXVI, 704; т. LX XVIII, 1176.
- Гариссонъ**, Фредерикъ, англ. публицистъ, т. LXXV, 654; т. LXXVII, 1026, 1047.
- Гаркави**, А. Я., гебраистъ, т. LXXVII, 1006.
- Гарнакъ**, О., историкъ нѣм. литературы, т. LXXVI, 641.
- Гарнье**, франц. математ., т. LXXVIII, 1148.
- Гаррингтонъ**, лордъ, т. LXXVI, 368—369.
- Гарро**, Луи, франц. писатель, т. LXXVII, 1027—1029.
- Гартлибъ**, Герм., англ. социальный реформаторъ, т. LXXVIII, 342.
- Гартманъ**, Карлъ-Робертъ-Эдуардъ, нѣмец. философъ, т. LXXVIII, 376.
- Гаршинъ**, Всеволодъ Михайловичъ, писатель, т. LXXV, 1068.
- Гаспарето**, итальян. скрип., т. LXXVIII, 728.
- Гаспаренъ**, т. LXXVI, 333—334.
- Гассаль**, англ. писатель, т. LXXVI, 318.
- Гаусманъ**, Р. Ф., профессоръ Юрьевск. унив., т. LXXVIII, 1141, 1155.
- Гаффштейнъ**, Даниилъ, курлянд. писатель, т. LXXVIII, 840.
- Гацфельдтъ**:
— графиня, т. LXXVI, 338—339.
— графъ, прусск. посланникъ, т. LXXV, 986.
- Гашковецъ**, чешскій мод., т. LXXVII, 678.
- Газтано Кого**, сотрудникъ «Nuova Antologia», т. LXXVIII, 347.
- Ге**, Н. Н., художникъ, т. LXXV, 933; т. LXXVII, 362.
- Юрій, т. LXXVI, 683.
- Геблеръ**:
— преподават. въ Томскѣ, т. LXXVIII, 1276.
— нѣмец. профессоръ, т. LXXVII, 686.
- Гевличъ**, Иванъ, засѣдатель бѣлопольск. уѣздн. суда, т. LXXVII, 517—520, 524.
- Гегель**, Георгъ-Вильгельмъ-Фридрихъ, философъ, т. LXXVII, 335, 995; т. LXXVIII, 337—338.

Геддесъ, Михаилъ, т. LXXVII, 307.
Геденштремъ, А. К., профессоръ, т. LXXVIII, 1141.

Гедеоновы:

— Александръ Михайловичъ, директоръ имп. театровъ, т. LXXVIII, 394, 505, 986.

— С., послѣдователь варяжск. періода русск. исторіи, т. LXXV, 500, 508.

— Степанъ Александровичъ, директ. имп. театровъ, т. LXXVIII, 501, 510, 514—515, 518—519.

Гедеоуъ, епископъ краковскій, т. LXXVIII, 244.

Гейгеръ, Л., нѣмец. писатель. *Библ. замѣтка К. о переведенной подъ ред. Г. В. Форстена книгѣ его: Нѣмецкій гуманизмъ.* Спб. 1899, т. LXXVIII, 1228; *Упомян.*: т. LXXVIII, 377.

Гейденрейхъ (Крукъ), польскій мятежникъ, т. LXXV, 903, 911.

Гейденъ, графъ, т. LXXVII, 150.

Гейкинъ, баронъ Альфонсъ, т. LXXVIII, 836—837, 841.

Гейльборнъ, Эрнестъ, нѣмец. писатель, т. LXXVII, 1023.

Гейшъ, профессоръ, т. LXXV, 1045.

Гейне, Генрихъ, нѣмец. поэтъ. *Библ. замѣтка В. Г. объ изданн. подъ ред. Петра Вейнберга «Собранія сочиненій» его.* Спб. 1898, т. LXXV, 705—706; *Упомян.*: т. LXXVIII, 337.

Гейнце, Н. Э., писатель, т. LXXVII, 357.

Гекеренъ де-Вевервардъ, голланд. посланникъ и полномоч. министръ при австр. дворѣ. *О немъ въ статьѣ В. В. Никольскаго: Послѣдняя дуэль Пушкина,* т. LXXVIII, 596—643, 1008—1042.

Гельвальдъ, Фридрихъ, нѣмецк. ученый. *Библ. замѣтка А. Л-на о соч. его: Земля и ея народы. Переводъ подъ редакцію Ф. Грудева,* т. I. Живописная Америка. Т. II. Живописная Азія. Спб. 1899. Т. LXXVI, 730—731.

Гельмерсенъ, Г. П., т. LXXV, 739.

Гельмольтъ, Гансъ, нѣмецк. историкъ, т. LXXVII, 686.

Гембицкій, епископъ, т. LXXV, 713.

Гемпель, полковникъ, т. LXXVIII, 485—486.

Генлей, англ. критикъ, т. LXXVIII, 812—813.

Геннади, Григорій Николаевичъ, библиографъ, т. LXXVII, 604.

Геннадій, архимандритъ. настоятель Свято-Горскаго мон., т. LXXVI, 623—624, 626.

Геннадій, архіепископъ, т. LXXVI, 778.

фонъ-Геннекенъ, прусскій лейтенантъ, т. LXXVI, 342.

Геннинъ, ген.-поручикъ отъ артил., т. LXXVI, 436.

Генрихъ, упсальскій епископъ, т. LXXVIII, 1078.

Генрихъ II (Гиза), герцогъ. *Замѣтка о немъ: Прелать семнадцатаго вѣка,* т. LXXVI, 1073—1075.

Генрихъ IV, французск. король, т. LXXVI, 981, 1013—1014.

Генрихъ VIII, англійск. король, т. LXXVI, 223, 979; т. LXXVII, 705.

Генрихъ-Мореплаватель, принцъ, т. LXXVIII, 793.

Генриетта, принцесса Нассау-Вейльбургская, супруга эрцг. австр. Карла, т. LXXVI, 1098.

Георгиевскіе:

— В. Т., т. LXXVI, 322.

— Левъ Александровичъ, директоръ лицея цесаревича Николая въ Москвѣ, т. LXXVII, 681—683.

— Петръ Егоровичъ, профессоръ латинск. и русск. словесности Александр. лицея, т. LXXVII, 203.

Георгій, грузинск. принцъ, т. LXXV, 306.

Георгій Александровичъ, вел. князь наслѣдникъ цесаревичъ. *Библ. замѣтка П. К. объ изданн. его: Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію. Т. II. Изслѣдованіе капитана Мэхэна.* Спб. 1898, т. LXXVI, 303—304. *Упомян.*: т. LXXVIII, 832.

Георгій Георгиевичъ, Мекленбургъ-Стрелицкій герцогъ, т. LXXVI, 1062.

Георгій Михайловичъ, велик. князь, т. LXXV, 505, 739; т. LXXVIII, 847.

Георгъ I, англ. король, т. LXXVI, 317, 368.

Георгъ III, англ. король, т. LXXVII, 705—706.

Георгъ, королевичъ о. Крита, т. LXXV, 339.

Гепитецъ, директоръ метеорол. обсерваторіи въ Бухарестѣ, т. LXXVIII, 390.

Гераклій, патриархъ, т. LXXV, 256.

Герарди, А., итальянск. писатель, т. LXXVII, 1024.

Герасимовъ, т. LXXV, 1096.

Герасимъ, епископъ смоленскій, впослѣд. митрополитъ, т. LXXV, 1035.

Герасимъ I, патриархъ александрійскій, т. LXXVII, 307.

Герасимъ II, патриархъ александрійскій, т. LXXVII, 307.

Герасимъ (въ мірѣ Дмитрій Папазафиropуло), архимандритъ, настоятель греческ. иверск. мон. въ Москвѣ, т. LXXVI, 665.

Гербертъ, лордъ, т. LXXVII, 1035.

- Герберштейнъ**, т. LXXV, 298, 686; т. LXXVI, 692.
- Герберштейнъ-Анонимовъ**, т. LXXVIII, 1152, 1153.
- Герберштейнъ-Борелкинъ**, т. LXXVIII, 1152.
- Гервегъ**, нѣмецк. писатель, т. LXXVI, 339.
- Гервиусъ**, нѣмецк. истор., т. LXXV, 955.
- Гергенрѣтеръ**, кардиналъ, историкъ, т. LXXVIII, 327—328.
- Гередеро**, Николай, лекторъ Алькальскаго унив., т. LXXVIII, 362.
- Герингъ**, Робертъ, нѣмецк. писатель, т. LXXVIII, 1258.
- Герлахъ**, прусск. генераль, т. LXXV, 984, 987.
- Герше**, франц. историкъ, т. LXXVII, 698.
- Гермеленъ**, Камиль, т. LXXVIII, 801.
- Гермогенъ**, епископъ псковскій, т. LXXVII, 366.
- Гермогенъ**, патриархъ всероссійскій, т. LXXV, 353.
- фонъ-Гернетъ**, А., т. LXXVIII, 1155.
- Геродотъ**, греч. историкъ, т. LXXVII, 636—637; т. LXXVIII, 1211—1212.
- Герстфельдъ**, т. LXXV, 1042.
- Герценъ**:
— Александръ Ивановичъ, писатель, т. LXXV, 609, 702; т. LXXVI, 704, 953, 1091; т. LXXVII, 676; т. LXXVIII, 379.
— Наталья Александровна, т. LXXV, 897.
- Герцль**, вѣнскій журналистъ, т. LXXV, 248—249, 251.
- Герцъ**, К. К., профессоръ Моск. унив., т. LXXV, 737.
- Гершау**, баронъ А. П., почетный опекунъ, т. LXXVIII, 831.
- Гершгенцвейгъ**, ген., т. LXXV, 446, 448—449, 452—456.
- Герье**, Владимиръ Ивановичъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXV, 679, 748, 1044—1045; т. LXXVIII, 338—337, 1284.
- Герю-Доброджану**, Іоаннъ, румын. критикъ, т. LXXVI, 670.
- Геслеръ**, камерфрау имп. Елисаветы Алексевны, т. LXXV, 808, 816; т. LXXVII, 433.
- Гете**, Іоганнъ Вольфгангъ, нѣмец. писатель. *Замѣтки о немъ*: Полусторолѣтній юбилей Гете, т. LXXVII, 1043—1045.—Огдоски юбилей Гете, т. LXXVIII, 375—377.—Еще о Гете, 1256—1258.—*О немъ въ библ. замѣткѣ В. К. о книгѣ*: Фаустъ, трагедія Гете. Переводъ А. Фета, съ рисунками Э. Зейбертца. Изд. А. Ф. Маркса. Иллюстрированная библиотека «Нивы». Спб. 1899, т. LXXV, 693—695. *Упомят.*: т. LXXV, 342, 892, 964—965, 978; т. LXXVI, 476, 640—641; т. LXXVIII, 337—338.
- Гетте**, русс. инженеръ, т. LXXVIII, 1276.
- Гейкенъ**, нѣмец. писатель, т. LXXVI, 1006.
- Гейбинсъ**, англ. экономистъ, т. LXXVI, 223.
- Гейбонъ**, англ. историкъ, т. LXXVI, 740.
- Гизо**, Франсуа Пьеръ Гильомъ, франц. госуд. дѣятель и историкъ, т. LXXVII, 570; т. LXXVIII, 272, 277, 340.
- Гиза**, графиня, Елена, урожд. Кольцова-Мосальская (псевд. Дора д'Истрия), писательница, т. LXXVI, 649.
- Гильбуа**, Антуанъ, франц. историкъ, т. LXXV, 723; т. LXXVI, 974—975, 977.
- Гильвегъ**, Бетманъ, т. LXXVII, 285.
- Гильдебрандъ - Гильдебрандсенъ**, профессоръ, директоръ метеорол. обсерваторіи въ Швеціи, т. LXXVIII, 390.
- Гильфердингъ**, Александръ Фёдоровичъ, писатель, т. LXXV, 869, 873, 880.
- Гиляровъ**, А. А., т. LXXVII, 681.
- Гиляровъ-Платоновъ**, Никита Петровичъ, писатель, т. LXXV, 532.
- фонъ-Гиммельстернъ**, Самсоновъ, дѣятель по освобожденію лифлянд. крестьянъ, т. LXXVII, 131.
- Гиндели**, Авт., т. LXXVII, 677.
- Гиндфордъ**, англ. посланникъ при русс. дворѣ, т. LXXVI, 368—369.
- Гинкуловъ**, Яковъ, преподаватель кншинев. семина., т. LXXVI, 654.
- Гинзбургъ**, С. М., юристъ, библиографъ, т. LXXVI, 670.
- Гиретъ**, англ. писатель, т. LXXVII, 341.
- Гиро**, Поль, франц. писатель. *Библ. замѣтка А. М.—на о книгѣ его*: Историческія чтенія (lectures historiques). Частная и общественная жизнь римлянъ. Переводъ съ франц. подъ редакціей С. П. Моравскаго. Съ 107 рисунками въ текстѣ. Спб. 1899, т. LXXVIII, 782—783.
- Гирсъ**, Николай Карловичъ, ст.-секретарь, министръ иностр. дѣлъ, т. LXXVII, 300.
- Гирцбергъ**, польск. историкъ, т. LXXVII, 1025.
- Гиршбергъ**, А., профессоръ. *Библ. замѣтка В. Р. С. о книгѣ его*: Dumitř Samozwaniec. We Lwowie. 1898, т. LXXV, 712—713.
- Гиршъ**, баронъ, т. LXXV, 240, 248, 250; т. LXXVI, 996.
- Гиттерманъ**, д-ръ, авторъ «Воспомнаній», т. LXXVI, 997.
- Главичъ**, сербскій лѣтописецъ, т. LXXVIII, 788.

- Главка**, Иос., чешскій архитекторъ, т. LXXVII, 677.
- Гладстонъ**, Вилліамъ-Эвартъ, англ. государственный дѣятель.—*Замѣтка о немъ*: Кооперативная біографія Гладстона, т. LXXVII, 340—341.—*Упомин.*: т. LXXVI, 750, 995, 1002, 1015; т. LXXVII, 319, 710—711; т. LXXVIII, 815, 816.
- Глазенапъ**, т. LXXVIII, 827.
- Глазковы:**
- В. В., т. LXXVII, 681.
 - В. Г., т. LXXVI, 377.
- Глазуновъ**, А. К., композиторъ, т. LXXVI, 767, 1110; т. LXXVII, 359.
- Глинка:**
- Григорій Андреевичъ, профессоръ Юрьевск. унив., цензоръ, т. LXXVII, 242.
 - Михаилъ Ивановичъ, композиторъ, т. LXXV, 1025; т. LXXVI, 93, 610—612, 615—615, 652; т. LXXVII, 629—630.
 - Н. И., т. LXXVIII, 336.
 - Сергій Николаевичъ, историкъ, т. LXXVII, 593, 596.
 - Федоръ Николаевичъ, писатель, т. LXXVII, 311.
- Глинка-Янчевскій**, С.—*О книгѣ его*: Пагубныя заблужденія. Критическій обзоръ юридическихъ новшествъ. Спб. 1899, въ статьѣ *В. Е. Рудакова*: Монаршее милосердіе, т. LXXVII, 236—247.
- Глинскій**, Борисъ Борисовичъ, писатель: *Статьи его*: Палестина и тяготѣніе къ ней разныхъ народовъ, т. LXXV, 231—271.—Памяти В. О. Михневича, 260—280.—Энциклопедія русской жизни, 617—642.—Типографское дѣло, т. LXXVI, 251—259.—Аванасій Федоровичъ Бычковъ. (Некрологъ), 689—701.—Послѣдняя воля В. О. Михневича, 1032—1038.—*Библ. замѣтка его*: Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе *В. И. Семейскаго*, т. I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 года. т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 года. Изданіе И. М. Сибирякова. Спб. 1898, т. LXXV, 697—699.—*Герцль Гейне*. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Томы 1—3. Спб. 1898, 705—706. *В. Фаресовъ*. Народники и марксисты. Спб. 1899. 324—315. *С. И. Уманецъ*. Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ и балтійскіе очерки. Спб. 1899, 1030—1032. *И. М. Коркуновъ*. Сборникъ статей 1877—1897 гг. Спб. 1898, т. LXXVI, 309—311. Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова*. Книга тринадцатая. Спб. 1899, т. LXXVIII, 773—774.—*П. П. Суворовъ*. Записки о прошломъ. Школа жизни великаго юмориста. Третья по-
вѣсть изъ біографической трилогіи «Ученическіе годы Гоголя», Спб. 1899, 1216—1218. *Замѣтка Маріи Ермолиной*. Поправка къ статьѣ г. Глинскаго о Палестинѣ, т. LXXVI, 800.—*Библ. замѣтка о книгѣ его*: (А. Б.): Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки. М. 1899, т. LXXVII, 1000—1002.—*В. Б—на*: «Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по общественнымъ вопросамъ и критико-біографическія. Съ 36 портр. и иллюстраціями. Спб. 1900, т. LXXVIII, 1214—1216. *Объ его брош.* Кратчайшій желѣзно-дорожный путь изъ центральной Россіи въ Среднюю Азію, въ статьѣ *Б. И. Фаресова*: Наша оборона на Востокахъ, т. LXXVI, 954—960. *Упомин.*: т. LXXVII, 279, 357.¹
- Глогеръ**, польск. писатель, т. LXXVII, 259.
- Глуховскій**, штабсъ-ротмистръ, т. LXXVI, 121, 902—904.
- Глушевичъ**, Н., переводчица Пушкина на серб. яз., т. LXXVI, 646.
- де-Глз**, Андре, сотрудникъ «Revue encyclopedique», т. LXXVI, 732.
- Глюкъ**, нѣмецкій композиторъ, т. LXXVII, 934, 937.
- Гнейзенау**, т. LXXVIII, 1162.
- Гнѣдичи:**
- Николай Ивановичъ, писатель, т. LXXVI, 475, 638, 662, 664, 686; т. LXXVII, 185.
 - Петръ Петровичъ, писатель, т. LXXV, 351; т. LXXVI, 363.
- Говоруха-Отрокъ**, Ю. Н., писатель. *Замѣтка о немъ*: Памятникъ на могилѣ Ю. Н. Говорухи-Отрова, т. LXXVII, 1050. *Упомин.*: т. LXXVII, 872.
- Гогенцоллернъ:**
- княгиня Амелія, т. LXXVIII, 266—267.
 - Леопольдъ, принцъ, т. LXXV, 1057—1058; т. LXXVI, 292—294.
- фонъ-Гогенъ**, т. LXXVI, 363.
- Гоголь**, Николай Васильевичъ, писатель. *О немъ въ библ. замѣткѣ В. Глинскаго* о книгѣ: *В. П. Авенариуса*, Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біографической трилогіи «Ученическіе годы Гоголя». Спб. 1899. т. LXXVIII, 1216—1218. *Упомин.*: т. LXXV, 322, 875, 890, 926, 932; т. LXXVI, 246, 248, 644, 664, 1110; т. LXXVII, 154, 280, 345, 347, 356, 595, 630, 634, 684, 819; т. LXXVIII, 693, 829—830, 978, 979.
- Годаръ**, Жюль, т. LXXVII, 219.
- Годвинъ**, англ. философъ, т. LXXVIII, 1254—1255.

Годобский, скульпторъ, т. LXXV, 740—741.

Годжеть, англ. писатель, т. LXXVIII, 1276—1277.

Годуновъ, Петръ Ивановичъ, стольникъ и воевода, т. LXXVI, 779; т. LXXVII, 1007.

Годферно, сотрудникъ «Fortn. Review», т. LXXVIII, 827.

Годфрей, Стюартъ Г., переводчикъ Пушкина на англ. яз., т. LXXVI, 658.

Гоэйръ, подполковникъ, т. LXXVII, 489.

Гоздаво-Голомбевскій, А. А., археологъ, т. LXXVI, 946; т. LXXVII, 320.

Гоёв, т. LXXVII, 1039, 1041; т. LXXVIII, 803.

Гоклеръ, Поль, директоръ тунисскаго археолог. музея, т. LXXVII, 325.

Голенищевы-Еутузовы:

— попечитель Спб. учебнаго округа, т. LXXVIII, 1147.

А. А., поэтъ, т. LXXV, 349, 738; т. LXXVI, 377; т. LXXVIII, 1280.

Голицыны:

— княгиня, невѣстка гр. В. Н. Голониной, т. LXXVIII, 438, 444.

— княгиня Александра Петровна, урожд. Протасова, супруга кн. Алекс. Андр., т. LXXV, 409.

— княгиня Анна Егоровна, урожд. кн. Грузинская, супруга кн. Алексѣя Бор., т. LXXV, 418.

— княгиня Варвара Ивановна, урожд. Шипова, жена кн. О. Н., т. LXXVIII, 438.

— княгиня Дарья Алексѣевна, рожд. кн. Гагарина, жена фельдмаршала, т. LXXV, 60.

— княгиня Дарья Канинишна, урожд. Горемыкина, супруга кн. П. А., т. LXXVIII, 918.

— княжна Елисавета Алексѣевна. См. гр. *Остермакъ-Толстая*.

— княжна Марія Алексѣевна. См. гр. *Толстая*.

— княгиня Марія Григорьевна. См. гр. *Разумовская*.

— княгиня Наталія Петровна, урожд. Чернышева, т. LXXV, 418; т. LXXVII, 69.

— княгиня Наталія Ѳedorовна, урожд. кн. Шаховская, фрейлина имп. Елисаветы Алексѣевны, супруга гофмейстера А. М., т. LXXVI, 861.

— княгиня Пасковья Андреевна, урожд. Шувалова, супруга кн. М. А., т. LXXV, 804—805.

— княгиня Пасковья Ивановна, урожд. Шувалова, супруга кн. Н. О., т. LXXV, 42—44, 46—47, 49, 56—60,

63, 67, 400—401; т. LXXVI, 36—37, 48, 863; т. LXXVII, 439, 442—445, 447, 454, 768, 769, 785; т. LXXVIII, 45, 48, 50—51, 55, 439, 917—920.

— княгиня Пасковья Николаевна, урожд. Репнина, супруга кн. О. Н., т. LXXV, 58.

— княжна Софья Алексѣевна. См. гр. *Сенъ-При*.

Голицыны:

— князь А. В., т. LXXV, 1088; т. LXXVI, 373, 435, 861; т. LXXVIII, 917.

— князь Александръ Михайловичъ, ген.-фельдмаршалъ, т. LXXV, 62; т. LXXVIII, 915—917, 921—922.

— князь Александръ Николаевичъ, д. тайн. сов., оберъ-прокуроръ синода, министръ просв. и духовн. дѣлъ, т. LXXV, 842—844; т. LXXVI, 487, 540, 851; т. LXXVII, 49—50, 241, 681, 684; т. LXXVIII, 1149.

— князь Алексѣй Андреевичъ, т. LXXV, 409.

— князь Алексѣй Борисовичъ, ген.-майоръ, т. LXXV, 418.

— князь Б., переводчикъ Пушкина на франц. яз., т. LXXVI, 640.

— князь Б. Б., академикъ, т. LXXVIII, 390.

— князь В., моск. город. голова, т. LXXVII, 356.

— В. В., т. LXXVIII, 779.

— князь В. М., т. LXXV, 351, 757.

— князь В. С., т. LXXVIII, 1148.

— князь Василий, бояринъ, т. LXXV, 1088.

— князь Владиміръ Борисовичъ, т. LXXVII, 69.

— Д. (Муравинъ), писатель, т. LXXVIII, 1281—1282.

— князь Д. А., т. LXXVI, 373.

— князь Иванъ Николаевичъ, гвардіи капралъ, т. LXXV, 42—43, 57.

— князь Иванъ Ѳedorовичъ, т. LXXVIII, 921.

— князь М. М., составитель «Материаловъ для исторіи рода кн. Прозоровскихъ» (1899), т. LXXVIII, 916.

— князь Михаилъ Андреевичъ, т. с., камергеръ, т. LXXV, 804—805, 817.

— князь Михаилъ Михайловичъ, фельдмаршалъ, т. LXXV, 842—843.

— князь Михаилъ Ѳedorовичъ, т. LXXVIII, 921.

— князь Н. В. *Библ. замѣтка С. о книгѣ его*: Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII вѣка. Москва. 1898, т. LXXVI, 300—302.

— князь Николай Алексѣевичъ, тайн. сов., сенаторъ, т. LXXVI, 420.

- князь Николай Михайловичъ, оберъ-гофмаршалъ Екатерины II, т. LXXV, 843.
- князь Николай Ѳedorовичъ, ген-поручикъ, т. LXXV, 42, 56—57, 59; т. LXXVIII, 917, 918.
- князь Петръ Алексѣевичъ, оберъ-егермейстеръ, т. LXXVIII, 918—920.
- князь Сергій Михайловичъ, т. LXXVI, 373.
- князь Ѳedorъ Николаевичъ, тайн. сов., кураторъ Моск. унив., т. LXXV, 42—43, 46, 48—49, 58, 74; т. LXXVIII, 438, 916—919, 921.
- князь Ѳedorъ Ѳedorовичъ, т. LXXVIII, 921.
- князь, адъюнктъ императ. акад. наукъ, т. LXXV, 737.
- князь, лифлянд. ген.-губернаторъ, т. LXXVII, 135, 136.
- князь, секретарь московскаго комитета историко-дипломатическаго конгресса, т. LXXV, 653, 655.
- Голландтъ**, нѣмецкій писатель, т. LXXVII, 347.
- Гольдъ**, Джемсъ, америк. геологъ, т. LXXV, 736.
- Головатый**, т. LXXVII, 312.
- Головачевъ**, Николай Никитичъ, ген.-лейт., воен. губернаторъ Сыръ-Дарьин. обл., т. LXXVI, 919, 922, 924; т. LXXVII, 83.
- Головины:**
- графиня Анастасія Степановна, урожд. Лопухина, супруга гр. Н. А., т. LXXV, 400—401, 416—417.
- графиня Варвара Николаевна урожд. кн. Голицына. *Записки ея*: т. LXXV, 39—76, 400—425, 801—828; т. LXXVI, 33—48, 407—426, 848—866; т. LXXVII, 39—70, 427—457, 766—795; т. LXXVIII, 35—57, 438—457, 903—922. *Замѣтка по поводу этихъ записокъ Вас. Доброуравова*, т. LXXVI, 384.
- графиня Елисавета Николаевна. См. граф. *Потоцкая*.
- графиня Прасковья Николаевна. См. граф. *Фредро*.
- Головины:**
- Е. А., т. LXXVI 203; т. LXXVIII, 336.
- Иванъ, т. LXXVI, 1091.
- К., писатель, т. LXXVIII, 1280—1281.
- графъ Николай Александровичъ, тайн. сов., т. LXXV, 400, 416.
- графъ Николай Николаевичъ, членъ госуд. сов. *О немъ* въ «Запискахъ графини В. Н. Головиной»: т. LXXV, 40, 43—46, 49—51, 59—60, 62—64, 66—67, 72—73, 75—76, 401—402, 405, 413, 421—422, 805, 808, 811, 814, 817—819, 822—823; т. LXXVI, 33—36, 48, 416, 851, 857, 863; т. LXXVII, 40, 48, 50—53, 56—57, 62, 65, 432—433, 438—441, 447—448, 788; т. LXXVIII, 42—43, 46, 49, 50—51, 438—439, 441, 444, 445, 449—451, 454—455, 457, 903, 906, 908, 910, 912—913, 917—922. *Упомян.*: т. LXXVI, 384.
- графъ Ѳedorъ Алексѣевичъ, ген.-адмиралъ, т. LXXV, 59.
- Головкинъ**, графъ Ѳedorъ, посланникъ въ Неаполь, т. LXXV, 418, 424, 803—804.
- Голодниковъ**, К. *Библ. замѣтка П. Р. о книгѣ его*: Декабристы въ Тобольской губернии. Изъ моихъ воспоминаній. Тюмень. 1899, т. LXXVIII, 788—789.
- Голодолобовъ**, Я. Г., т. LXXVI, 353.
- Голосовъ**, Лука, писатель XVIII в., т. LXXV, 1047.
- Голстунскій**, Константинъ Ѳedorовичъ, профессоръ Спб. унив. *Некрологъ его*: т. LXXVII, 726.
- Голубевы:**
- И. К., т. LXXV, 753.
- С. Т., профессоръ Киев. унив., т. LXXVI, 1127—1128; т. LXXVIII, 828—829.
- поэтъ, т. LXXVII, 596.
- Голубинскій**, Е. Е., профессоръ Моск. дух. акад., т. LXXVI, 1128.
- Голубовскіе:**
- Д. В., т. LXXVIII, 1145.
- П. В., профессоръ Киев. унив., т. LXXV, 1093; т. LXXVIII, 1121, 1282—1283.
- Голубовъ**, Н. Ѳ., т. LXXVII, 681.
- Голубъ**, майоръ, т. LXXVII, 557, 563.
- Гольшевъ**, И. А. *Библ. замѣтка В—скаго о книгѣ его*: Рукописная повесть о видѣннй Косьмы игумена 1688 года. Составилъ и издалъ И. Гольшевъ. Съ 20 таблицами раскрашенныхъ рисунковъ. Гольшевка, близъ с. Мстеры, Влад. губ., Вязниковскаго уѣзда. 1898. т. LXXVI, 322.
- Гольдинъ**, Э., переводчикъ Пушкина на евр. яз., т. LXXVI, 670.
- Гольдштейнъ**, С. В., т. LXXVIII, 833.
- Гольжстремъ**, Владиміръ, писатель, т. LXXV, 267; т. LXXVII, 246—247.
- Гольжсъ**, америк. профессоръ, поэтъ, т. LXXV, 1068.
- Гольтенъ**, датск. генералъ, т. LXXVI, 1088.
- Гольцъ**, Робертъ, прусс. дипломатъ, т. LXXVI, 282, 996; т. LXXVIII, 270.
- Гомзинъ**, Н. А., поручикъ, т. LXXVII, 479.

- Гондатти**, начальникъ Анадырск. окр., т. LXXV, 365, 1096; т. LXXVI, 781; т. LXXVII, 315.
- Гондіусъ**, граверь, т. LXXVII, 362.
- Гонорскій**, И., т. LXXVIII, 1150.
- Гонто-Виронъ**, франц. дипломат, т. LXXVII, 291.
- Гончаровы:**
— Александра Николаевна, т. LXXVII, 346; т. LXXVIII, 624—627.
— Екатерина Николаевна, жена Дантеса, свояченица А. С. Пушкина, т. LXXVIII, 614, 619—622, 624,—626, 630—639, 1011, 1020, 1036.
— Д. Д., т. LXXVI, 354.
— Иванъ Александровичъ, писат., т. LXXV, 688; т. LXXVI, 246; т. LXXVII, 347.
— Николай Аванасьевичъ, отецъ жены Пушкина, т. LXXVII, 277.
- Горачекъ**, Ц., чешскій писатель, т. LXXVII, 678.
- Горбунова**, Амалія Ивановна, жена И. О. Г., т. LXXVIII, 517.
- Горбуновы:**
— предсѣдатель псков. губ. упр., т. LXXVII, 150.
— Иванъ Оеодоровичъ. *Статья о немъ Вл. Тихонова*: Воспоминанія объ И. О. Горбуновѣ, т. LXXV, 167—186. *Упомин.*: т. LXXV, 967; т. LXXVIII, 516—518, 990—991, 995, 996.
— Н. П., т. LXXV, 760.
- Гордонъ:**
— прусск. адмир., т. LXXVIII, 722—723.
— Л. О., переводчикъ Пушкина на евр. яз., т. LXXVI, 670.
- Горева**, Е. Н., актриса, т. LXXVIII, 1005.
- Горевъ**, актеръ, т. LXXVIII, 998.
- Горемыкинъ**, Николай Дмитріевичъ. *Статья* его: Варшава въ 1861 году. (Изъ записокъ очевидца), т. LXXV, 440—456.
- Горенская**, урожд. Мицкевичъ; т. LXXV, 740.
- Горленко:**
— т. LXXVII, 632.
— В. П. *Статья* его: Памяти В. В. Тарновскаго, т. LXXVII, 628—634.— *Сообщ.* его: Одинъ изъ освободительныхъ опытовъ дореформенной эпохи, т. LXXV, 1070—1075.
- Горникъ**, Михаилъ, каноникъ, предсѣдатель матицы сербо-лужицкой, т. LXXVI, 669.
- Городецкій**, Б. М. *Библ. замѣтки* его: П. А. Картавовъ. Библиографическія извѣстія о рѣдкихъ книгахъ, №№ 1 и 2. Спб. 1898. т. LXXVI, 302—303.— *Comte D'Haussonville*. Нищета и средства борьбы съ нею. (Misère et remèdes). Соціальныя этюды. Переводъ съ франц. М. К. Соколовскаго. Спб. 1898, т. LXXVIII, 1218—1221.
- Городковъ**, преподаватель 2-го спб. кадет. корп., т. LXXVII, 819.
- Городцовъ**, археологъ, т. LXXVI, 942.
- Городчаниновъ**, Григорій Николаевичъ, профессоръ Казан. унив., т. LXXVI, 602.
- Горскій**, А., т. LXXVIII, 773.
- Горсть-Коль**, нѣмецк. профессоръ, т. LXXV, 978, 1062, 1064.
- Гортензія**, дочь Жозефины Богарнз, супруга Людовика Бонапарта, т. LXXVI, 1082—1083, 1086.
- Горчаковы:**
— княгиня, т. LXXVII, 837.
— князь Александръ Михайловичъ, госуд. канцлеръ, т. LXXV, 730—731; т. LXXVI, 213, 488, 514, 748, 865; т. LXXVII, 284, 286—287, 289—298, 300.
— князь Михаилъ Дмитріевичъ, наместникъ царства Польскаго, т. LXXV, 441; т. LXXVI, 1089, 1092, 1094—1095; т. LXXVII, 676.
— Мих. Иван., протоіерей, профессоръ Спб. унив., т. LXXV, 1028; т. LXXVI, 217.
- Горъ**, А. Г., англиканскій священникъ, т. LXXV, 1051—1052.
- Готбергъ**, Я. М., т. LXXVII, 357.
- Готтгардъ (Кеттлеръ)**, герцогъ, курлянд., т. LXXVIII, 838.
- Готшалъ**, Рудольфъ, латышск. писатель, т. LXXVI, 682.
- Готье:**
— Теофиль, франц. поэтъ, т. LXXVII, 717; т. LXXVIII, 278.
— Ю. В., т. LXXV, 1091.
- Готье-Вилларъ**, Генри, сотрудникъ, «*Revue Hebdomadaire*», т. LXXVIII, 352, 354.
- Гоушецкій**, чешск. писатель, т. LXXVI, 652.
- Гофманъ**, пианистъ, т. LXXVI, 85.
- Гофштеттеръ**, И. *Библ. замѣтка* его: П. И. Ковалевскій. Вырожденіе и возрожденіе. Геній и сумасшествіе. Соціально-біологическія очерки. Изданіе «Русскаго Медицинскаго Вѣстника». Спб. 1899. Т. LXXV, 695—696.
- Готшъ**, франц. генераль, т. LXXVI, 986; т. LXXVII, 1039.
- Граббе:**
— ген.-адъютантъ, т. LXXVIII, 684, 686, 1084.
— П., т. LXXVIII, 773.
- Грабинскій**, польск. историкъ, т. LXXVII, 1025.
- Грабовскій**, А., переводчикъ Пушкина на языкъ эсперанто, т. LXXVI, 687.

Градовскіе:

— Александръ Дмитріевичъ, профессоръ Спб. унив. *Библ. замѣтка Д. Е. о «Собраніи сочиненій» его.* Томъ I. Спб. 1899. Т. LXXV, 1028—1030. *Упомят.*: т. LXXVI, 217, 309, 310, 926; т. LXXVIII, 1215.

— Григорій Констан., писатель, т. LXXVI, 217, 269, 276.

Де-Грамонъ, герцогъ, франц. полководецъ, т. LXXV, 730—731, 987; т. LXXVI, 293.

Гранмезонъ, Жоффрау, сотрудникъ «Correspondant», т. LXXVIII, 369—370.

Грановскій, Тимофей Николаевичъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXVI, 690, 694.

Гребенка, Евгеній Павловичъ, писатель. *Статья о немъ А. С-го:* Воспоминаніе объ Е. П. Гребенкѣ, т. LXXVII, 815—831. *Упомят.*: т. LXXVI, 650.

Гребенкинъ, капитанъ, т. LXXVII, 480—481, 483.

Греве, капитанъ - лейтенантъ, т. LXXVIII, 107.

Грейтъ, адмиралъ, т. LXXV, 729.

Грейфештау, князь, т. LXXVIII, 250.

Грекова, М. Г., переводчица Пушкина на болгар. яз., т. LXXVI, 678.

Грекъ, Юрій, т. LXXVII, 566.

Гренвальдъ, норвеж. писатель, т. LXXVII, 1024.

Грененбрухъ, т. LXXVI, 1124.

Грессеровъ, инспекторъ сарапульск. духовн. учил., т. LXXVII, 970.

Греченовскій, т. LXXVIII, 1150.

Гречь, Николай Ивановичъ, писатель, т. LXXVI, 642; т. LXXVII, 684, 827.

Грибовскіе:

— Вячеславъ Михайловичъ, прив.-доц. Спб. унив., т. LXXV, 351.

— статсъ-секретарь имп. Екатерины II, т. LXXV, 106, 111—112.

Грибоѣдова, Н. О., мать автора «Горя отъ ума», т. LXXV, 763.

Грибоѣдовы:

— Александръ Сергѣевичъ, писатель. *Замѣтка о немъ:* Семейный архивъ А. С. Грибоѣдова, т. LXXV, 763—764. *Упомят.*: т. LXXVI, 466, 475, 500, 664; т. LXXVII, 593; т. LXXXIII, 979, 1153.

— С. Д., т. LXXVII, 372.

Григорашъ, юнкеръ, т. LXXVIII, 103.

Григорій IX, папа римскій, т. LXXVIII, 46.

Григорій XIII, папа римскій, т. LXXVII, 370, 376.

Григоровичи:

— Викторъ Ивановичъ, профессоръ Новоросс. унив. *Статья о немъ П. Н. Полевого:* Три типа русскихъ ученыхъ (Куникъ, Срезневскій и Григоровичъ), т. LXXVI, 137—143. *Упомят.*: т. LXXVI, 692; т. LXXVII, 1019; т. LXXVIII, 1152.

— Дмитрій Васильевичъ, писатель, т. LXXV, 349, 688; т. LXXVI, 500, 709.

Григорьевы:

— Аполлонъ Александровичъ, писатель, т. LXXVII, 154, 601.

— Василій Васильевичъ, ориенталистъ, начальникъ главн. упр. по дѣламъ печати, т. LXXVI, 676; т. LXXVIII, 387.

— Иванъ, разбойникъ, т. LXXVII, 565—566.

— 1-й, Петръ Ивановичъ, актеръ-писатель, т. LXXVIII, 481—482.

— подполковникъ, т. LXXVI, 907, 910, 913.

— д. ст. сов., т. LXXV, 1096.

Гриньмъ:

— Августъ Ѳеодоровичъ, д. ст. с., биографъ имп. Александры Ѳеодоровны, т. LXXVII, 220; т. LXXVIII, 174.

— Германъ, нѣмец. писатель, т. LXXVII, 1043—1044.

— баронъ Фридрихъ Мельхиоръ, посланникъ Екатерины II, т. LXXVII, 219—220, 222, 228, 230, 232, 233, 235.

— Яковъ, т. LXXVII, 337.

Гринвальдъ, ген. командиръ кавалерг. полка, т. LXXVIII, 1031, 1032, 1038, 1040.

Грингмутъ, В. А., писатель, т. LXXVII, 682—683.

Гринъ. *Библ. замѣтка К. о книгѣ его:* Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. I и II. М. 1898, т. LXXVI, 1071—1072.

Грипенбергъ, т. LXXVI, 902, 911; т. LXXVII, 83.

Гриффитъ, Л., т. LXXVIII, 1236.

Гриффонъ, французск. инженеръ, т. LXXVI, 342—344.

Гродековъ, авторъ соч. «Война въ Туркменіи» (1883), т. LXXVII, 493.

Громовъ, Илья Ѳеодуловичъ, т. LXXXIII, 491.

Гротъ:

— Константинъ Карловичъ, статсъ-секретарь, т. LXXVII, 856, 863, 872.

— Константинъ Яковлевичъ, профессоръ Варш. унив. *Библ. замѣтка Щ. объ изд. подъ его ред. книгъ:* Я. К. Гротъ. Труды. I. Изъ скандинавскаго и финскаго міра (1839—1881).—Очерки и переводы. Спб. 1898, т. LXXV, 1048—1049. *Упомят.*: т. LXXVI, 766; т. LXXVII, 380, 861.

- Наталія Николаевна, урожд. Лавровская, жена Н. Я. Г., т. LXXVII, 865.
- Наталія Петровна, жена Я. К. Г., т. LXXVII, 861.
- Николай Яковлевичъ, профессоръ философіи Моск. унив. *Некрологъ его*: т. LXXVII, 377—381. *Статья о немъ В. И. Шенрока*: Воспоминанія о Н. Я. Грота, 853—873.
- Яковъ Карловичъ, академикъ. *Библ. замѣтка Ш. о книгѣ его*: Труды. I. Изъ скандинавскаго и финскаго міра (1839—1881). Очерки и переводы. Изд. подъ ред. проф. К. Я. Грота. Спб. 1898, т. LXXV, 1048—1049. *Упомин.*: т. LXXVI, 697, 698, 700; т. LXXVII, 203, 215, 216, 235, 371, 377, 611, 855, 860—861, 872; т. LXXVIII, 609, 640, 1215.
- Грубый, Я.**, чешск. писатель, т. LXXVI, 652.
- Груевъ, I.**, болгар. писатель, т. LXXVI, 679.
- Груздевы**:
- А. М., директоръ I-й Спб. гимн., т. LXXV, 759.
- Ф. *Библ. замѣтка объ издаши. подъ его ред. переводъ соч. Фридриха фонъ-Гельвальда*: Земля и ея народы, т. I. Живописная Америка. Т. II. Живописная Азія. Спб. 1899, т. LXXVI, 730—731.
- Грузинская**, княжна Анна Егоровна. См. кн. *Голыцина*.
- Груичъ**, Савва, т. LXXVIII, 1275.
- Грумъ-Гржимайло**, К. И., путешественникъ, т. LXXVI, 774; т. LXXVIII, 390.
- Грунау, А. А.**, т. LXXV, 753.
- Груши**, франц. историкъ, т. LXXV, 723; т. LXXVI, 974—975, 977, 984, 1087.
- Грязевъ**, капитанъ моск. гренадер. полка, т. LXXV, 197, 214.
- Грэмъ**, Вильямъ, бельфастскій профессоръ, т. LXXVI, 230.
- Грэхэмъ**, Ф. Р., переводчикъ Пушкина на англ. яз., т. LXXVI, 657.
- Губасовъ**, К. А. *Библ. замѣтка его*: Родъ Шереметевыхъ. *Александра Барсукова*. Книга VII. Спб. 1899, т. LXXVIII, 775—776.
- де-Губернатисъ**, Анджемо, профессоръ русс. яз. и литер. Римск. унив., т. LXXVI, 649, 680.
- Губеръ, Ж.**, профессоръ Мюнхен. унив. *Библ. замѣтка П. К-го о книгѣ его*: Иезуиты, ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность, въ средѣ общественной жизни, политики и религіи. Спб. 1899, т. LXXVI, 326.
- Губинъ**, офицеръ, т. LXXVI, 920.
- Гулль**, графъ, франц. полководецъ, т. LXXVIII, 720.
- Гумбертъ**, юнкеръ, т. LXXVIII, 103, 106.
- Гумбольдтъ**, Александръ, естествоиспытатель, т. LXXV, 307; т. LXXVI 587; т. LXXVIII, 391.
- Гунаропуло**, С. А. *Статья его*: Воспоминанія стараго моряка, т. LXXVIII, 82—112.
- Гунинъ**, Робертъ, англ. повѣренный въ дѣлахъ въ Спб., т. LXXVII, 228, 229.
- Гурго**, Гаспаръ, баронъ, франц. ген., авторъ «Дневника», т. LXXV, 723—725; т. LXXVI, 973—978, 980, 982, 983, 985, 987—990; т. LXXVII, 992, 1039, 1043; т. LXXVIII, 368.
- Гуревичъ**:
- Любовь Яковлевна, писательница, т. LXXV, 155.
- Яковъ Григорьевичъ, историкъ-педагогъ, т. LXXV, 759; т. LXXVII, 357.
- Гурко**, Иосифъ Владиміровичъ, ген.-фельдм., бывш. варш. ген.-губернаторъ, т. LXXV, 912; т. LXXVII, 579.
- Гуро**, преподаватель 2-го Спб. кадет. корп., т. LXXVI, 820—822.
- Гурскій**, графъ, т. LXXV, 740.
- Гурьева**, Прасковья Николаевна, урожденн. Салтыкова, жена министра, т. LXXVI, 417.
- Гурьевъ**, графъ Дмитрій Александровичъ, министръ финансовъ, т. LXXVI, 417.
- Гусаковъ**, лейтенантъ, градоначальникъ въ Евпаторіи, т. LXXVIII, 97—98.
- Гусевъ**, т. LXXV, 314, 1094.
- Гуссейнъ-бекъ**, т. LXXVI, 922.
- Гуссъ**:
- Анри, франц. историкъ, т. LXXVI, 1086—1087.
- Генри, франц. писатель, т. LXXVII, 1023.
- Густавъ III**, шведскій король, т. LXXVIII, 1017, 1059.
- Густавъ IV Адольфъ**, шведскій король, т. LXXV, 414; т. LXXVI, 38—47, 407, 861—862, 980; т. LXXVII, 128, 427—428, 1032; т. LXXVIII, 839.
- Гутьяръ**, П., т. LXXVI, 953.
- Гуфеландъ**, берлинск. медикъ, т. LXXV, 438; т. LXXVII, 444—446.
- Гюберъ**, профессоръ Литтхиск. унив., т. LXXVIII, 345.
- Гюго**, Викторъ-Мари, франц. писатель. *Замѣтка о немъ*: Викторъ Гюго въ Реймсъ, т. LXXVIII, 813—814. *Упомин.*: т. LXXV, 342, 888, 890—892, 894, 938; т. LXXVI, 680, 704, 1014; т. LXXVIII, 287—288.
- Гюйгенсъ**, нидерландск. математикъ, т. LXXVI, 237.
- Гюрятъ**, М., переводчикъ Пушкина на сербск. яз., т. LXXVI, 646.

Д.

Дабеловъ, Х. Х., профессоръ Юрьев. унив., т. LXXV, 302—303.

Давидова, М. А. *Статья ея*: Воспоминанія объ А. Г. Рубинштейнѣ, т. LXXVI, 76—95.

Давидъ Ростиславичъ, витеб. и смолен. князь, т. LXXVII, 998.

Даву, франц. генераль, т. LXXVI, 982, 1087; т. LXXVIII, 372, 1162.

Давыдовы:

— Аглая, урожд. де-Г'рамонъ, т. LXXVIII, 906—907.

— актеръ, т. LXXVIII, 998.

— А. Л., т. LXXVII, 278.

— Денисъ Васильевичъ, партизанъ-поэтъ, т. LXXVI, 475, 514, 515, 638; т. LXXVII, 824—825.

Давыдовскій, Л. Я., т. LXXVIII, 1145.

Дайеръ, Тизельтонъ, англ. писатель, т. LXXVIII, 794—795.

Даль, Владиміръ Ивановичъ, писатель, т. LXXV, 502, 504—506, 871, 877, 1106; т. LXXVI, 317, 953; т. LXXVII, 218, 827.

Дамаскинъ Студитъ, греч. писатель и проповѣдникъ, т. LXXVIII, 787.

Дамьентъ, Робертъ Франсуа, политич. фанатикъ, т. LXXVIII, 354—355.

Данзасъ, Константинъ Карл., другъ Пушкина и его секундантъ. *О немъ въ статьѣ Б. В. Никольскаго*: Последняя дуэль Пушкина, т. LXXVIII, 596—643, 1009—1042.

Данилевскій, Григорій Петровичъ, писатель, т. LXXV, 614.

Даниловичъ, И., профессоръ. *Библ. замѣтка В. Р.—ва о книгѣ его*: Хроника русская (лѣтописецъ вкратцѣ) проф. *И. Даниловича*. Съ предисловіемъ Сергѣя Бѣлокурова. М. 1898, т. LXXV, 1033—1035. *Упомин.*: т. LXXVI, 378.

Даниловъ, Кирша, казакъ-поэтъ, т. LXXV, 870.

Даніилъ, игуменъ, настоятель Оптиной пустыни, а впоследствии Лихвин. Добраго мон., т. LXXV, 919.

Даніилъ II, сербскій архіепископъ, т. LXXVII, 1019.

Даніилъ Заточникъ, т. LXXVII, 995.

Даніилъ Паломникъ, т. LXXVII, 995.

Даніаль-бекъ Элисувскій, т. LXXVIII, 214.

Даніэльсъ, сотрудникъ «Preussische Jahrbücher», т. LXXVII, 1032.

Дандевиль, М. В. *Статья его*: Курбанъ-Байрамъ. (Изъ записокъ маленькаго администратора), т. LXXVII, 527—545. **фонъ-Данненстернъ**, Григорій Гри-

горьевичъ, колл. сов., т. LXXVI, 440—441.

Данненфельдъ, Георгій, латыш. проповѣдникъ, т. LXXVIII, 840.

Данте, Алигьери, итал. поэтъ, т. LXXVI, 704; т. LXXVII, 1024.

Дантесъ. *О немъ въ статьѣ Б. В. Никольскаго*: Последняя дуэль Пушкина, т. LXXVIII, 596—643, 1009—1042. *Упомин.*: т. LXXVII, 346—347, 598, 600, 604, 684.

Дантонъ, Жоржъ, дѣятель франц. революціи. *Замѣтки о немъ*: Титанъ французской революціи, т. LXXVI, 330—332.—Еще англійская біографія Дантона, т. LXXVII, 327—328. *Упомин.*: т. LXXVI, 332, 986, 1078.

Даргомыжскій, Александръ Сергѣевичъ, композиторъ, т. LXXV, 1025; т. LXXVI, 652.

Дармстетеръ, франц. ученый, т. LXXVIII, 811.

Даунеръ, графиня, супруга датск. короля Фридриха VII, т. LXXVI, 1088.

Дашкевичъ, профессоръ Киев. унив., т. LXXV, 757.

Дашкова, княгиня, т. LXXV, 53, 111. **Дашковскій**, Е. Ф., переводчикъ Пушкина на польск. яз., т. LXXVI, 648.

Дашковы:

— Павелъ Яковлевичъ, т. LXXV, 55, 971; т. LXXVIII, 646.

— Яковъ Андреевичъ, т. LXXVI, 433.

Дворжакъ:

— Ант., т. LXXVII, 677.

— Р., чешскій филологъ, т. LXXVII, 679.

Дебердтъ, сотрудникъ «Revue des Revues», т. LXXVII, 717, 718.

Дебольскій, Н. Н., т. LXXVII, 370; т. LXXVIII, 833.

Деволантъ, инж.-генераль, т. LXXVI, 163.

Десятинъ, В., переводчикъ Пушкина на языкъ эсперанто, т. LXXVI, 687.

Дегай, ст.-секретарь, т. LXXVIII, 188, 189.

Дегенъ, С. В., членъ саратов. архив. комиссіи, т. LXXVI, 952; т. LXXVII, 324.

Дедюхинъ, В. Н., моск. купецъ, т. LXXVII, 951.

Дежарденъ, Артуръ, членъ франц. акад., т. LXXVIII, 384.

Дель, Ян., чешскій медикъ, т. LXXVII, 678.

Деказъ, франц. министр., т. LXXVII, 339; т. LXXVIII, 269, 271.

Декартъ, Рене, франц. мыслитель, т. LXXVII, 995.

- Деккеръ**, вѣнскій доктор богословія, т. LXXVII, 692.
- Деколонгъ**, Иванъ Александровичъ, ген.-майоръ, командиръ сибир. корпуса, т. LXXV, 704.
- Деллагарди**, графъ Яковъ, швед. ген.-губернаторъ, т. LXXVI, 159, 301; т. LXXVIII, 839.
- Делакуръ**, Альберъ, франц. писатель, т. LXXVII, 1034.
- Деллапортъ**, артистъ, т. LXXVIII, 994.
- Деларио**, А. Д., т. LXXVIII, 694.
- Делатгръ**, патеръ, археологъ, т. LXXVII, 325—326.
- Делинъ** (Ашкенази), переводчикъ Пушкина на франц. яз., т. LXXVI, 639—640.
- Делиянисъ**, греческ. писатель, т. LXXV, 862.
- Делла-Роккъ**, итальян. генераль, т. LXXVII, 1024.
- Дельбрюкъ**, нѣмец. профессоръ, т. LXXVI, 1028.
- Дельвигъ**, баронъ Антонъ Антоновичъ, поэтъ, т. LXXVI, 475, 519—521, 560, 574, 612, 615, 684; т. LXXVII, 196—200, 572, 593, 596, 603, 612.
- Дель-Луинго**, итальян. писатель, т. LXXVII, 1024.
- Делияновъ**, графъ Иванъ Давидовичъ, министр нар. просв., т. LXXV, 736; т. LXXVI, 397, 696, 700, 1044; т. LXXVII, 315; т. LXXVIII, 334, 709, 711, 1118.
- Демедемъ**, ген.-поручикъ, т. LXXVII, 559.
- Дементьевъ**, Д. П., археологъ, т. LXXVII, 940.
- Демидовы:**
- уральскіе заводовладѣльцы, т. LXXVIII, 784.
 - Григорій Петровичъ, гофмаршалъ, т. LXXVI, 851.
 - Никита Акиноев., т. LXXVI, 951.
 - Екатерина Петровна, урожд. Лопухина, супруга Гр. П. Д., т. LXXVI, 851.
 - П. Н., курск. губернаторъ, т. LXXVIII, 233.
- Демолень**, франц. журналистъ, т. LXXV, 644., 647—648, 651.
- Дешьянъ**, дьяконъ, сербскій лѣтописецъ, т. LXXVII, 1019.
- Дельзонъ**, т. LXXVIII, 584.
- Деманжъ**, франц. адвокатъ, т. LXXVIII, 826.
- Дендасть**, адмиралъ, начальнигъ средиземной англ. эскадры, т. LXXV, 729.
- Денисовы:**
- ординарецъ гр. Орлова-Денисова, т. LXXVIII, 580—583, 586, 593, 594.
 - Я. А., профессоръ Харьк. унив., т. LXXVII, 683.
- Деннетъ**, подполковникъ, т. LXXVII, 477—478.
- Денъ**, ген.-инж., LXXVII, 494; т. LXXVIII, 335.
- Де-Пуле**, Михаилъ Федоровичъ, писатель, т. LXXVI, 381, 946.
- Деревницкій**, профессоръ, т. LXXVI, 1110.
- Деренгеймъ**, Борухъ, фабрикантъ археолог. древностей, *Замѣтки о немъ*: Поддѣльные древности, т. LXXVI, 379.
- Державина**, Екатерина Яковлевна, первая жена поэта, т. LXXVI, 1062.
- Державинъ**, Гавриилъ Романовичъ, министр юстиціи, поэтъ. *Письма его къ князю Ѡ. Н. Голицыну*: т. LXXVIII, 18—920; *Упомин.*: т. LXXV, 97, 106—107, 109, 110—112, 1078; т. LXXVI, 248, 310, 432, 443—446, 49—4456, 461, 465, 467, 482, 510, 516, 571, 638, 642, 648, 658, 664, 669, 952; т. LXXVII, 204—205, 211, 592, 684, 818; т. LXXVIII, 917.
- Дерюжинскій**, Н. Ф., т. LXXVIII, 831.
- Деспотовичъ**, П., переводчикъ Пушкина на серб. яз., т. LXXVI, 646.
- Дефо**, Даниэль, англ. писатель, т. LXXVII, 1035—1037.
- Дехановъ**, Петръ, засѣдатель бѣлопольск. верхн. земск. суда, т. LXXVII, 520—521, 525.
- Дешанъ**, Гастонъ, франц. писатель, т. LXXVI, 1019; т. LXXVII, 1037.
- Джангиръ**, киргизск. ханъ, т. LXXVI, 588.
- Джемаль-Эддинъ**, сынъ Шамиля, т. LXXVIII, 686.
- Джибсонъ**, Мильнеръ, англ. министр, т. LXXVII, 710.
- Джиакоза**, итальян. писатель, т. LXXVII, 1024.
- Джорджъ:**
- англ. экономистъ, т. LXXV, 710.
 - Гирфордъ, англ. историкъ, т. LXXVIII, 371—373, 717—718, 1157—1162, 1164—1172.
- Джулиани**, итальянскій критикъ, т. LXXVII, 1024.
- Джура-бій**, бекъ, т. LXXVII, 478, 484.
- Дибичъ**, графъ Иванъ Ивановичъ, ген.-фельдмаршалъ, т. XXVIII, 335.
- Диваевъ**, А., археол., т. LXXVIII, 339.
- Дивова**, т. LXXVII, 453—454, 769, 770.
- Дидерихсъ**, Х., т. LXXVIII, 835.
- Дидеро**, Дени, франц. энциклопедистъ. *Статья о немъ В. Тимирязева*: Дидеро и Екатерина II, т. LXXVII, 219—235. *Упомин.*: т. LXXVIII, 240.
- Дизраэли**, англ. министр и писатель, т. LXXVII, 710.

- Диканскій, И. А.**, д-ръ, т. LXXV, 974.
Диковъ, юнкеръ, т. LXXVIII, 103, 106.
Диль, Шарль, франц. византологъ, т. LXXVI, 327—328.
Дмитрій, царевичъ, т. LXXV, 712—713.
 — сынъ визант. имп. Мануила II, т. LXXV, 312.
 — переводчикъ у швед. полководца Делагарди, т. LXXVI, 301.
Лже-Дмитрій I, мнимый сынъ Иоанна IV, монахъ Григорій Отрепьевъ. *Замѣтки о немъ*: Въ поискахъ о Дмитріи Самозванцѣ, т. LXXVI, 1123—1126.— Еще о Лжедмитріи, т. LXXVII, 374—377. *О немъ въ библ. замѣткѣ В. Р. С.: Aleksander Hirschberg. Dumitr Samozwaniec. We Lwowie. 1898, т. LXXV, 712—713. Упомин.:* т. LXXVI, 968; т. LXXVII, 667—669.
 — II, мнимый сынъ Иоанна IV, Тушинскій воръ, т. LXXVI, 968—969.
Дингельштедтъ, Николай Александровичъ, д. ст. сов., писатель. *Статья его*: Салютисты въ Германіи, т. LXXV, 272—300. *Некрологъ его*: т. LXXV, 1103.
Дискаль, бельг. академикъ, т. LXXVIII, 345.
Дитрихштейнъ, графиня Александра Андреевна, урожд. гр. Шувалова, супруга австр. посланника, т. LXXV, 409.
 — графъ, чрезвычайный посолъ въ нѣм. двора, т. LXXVI, 419, 424.
Дницъ, Генрихъ, скрипачъ, учитель имп. Александра I, т. LXXV, 801—802, 807, 820.
Діонисій, архидіаконъ александрійскаго патриарха Героея, т. LXXVII, 306.
Діонисій Ивановичъ, секретарь патр. Никона, т. LXXVI, 876.
Длугошъ, польск. историкъ, т. LXXVIII, 254.
Дмитревскіе: (Деметръ), Владиміръ Александровичъ, артистъ, LXXVIII, 977, 980—981.
 — Дмитрій Ивановичъ, директоръ владим. учил., писатель, т. LXXVII, 314.
Дмитренко, И. И., писатель, т. LXXVII, 312.
Дмитріевскій, А. А., профессоръ Киев. духовн. акад. *Библ. замѣтка о книгѣ его*: Архіепископъ елассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской истории по рукописи трапезунтскаго Сумелійскаго монастыря, Киевъ, 1899, т. LXXVII, 666—671. *Упомин.:* т. LXXV, 738, 1093.
Дмитріевы:
 — Иванъ Ивановичъ, поэтъ, т. LXXV, 111; т. LXXVI, 571, 638, 658, 1108; т. LXXVII, 210—211, 569, 570, 575—576.
 — М. А., т. LXXVI, 1108.
 — П. М., т. LXXVI, 739.
Дмитріевъ - Мамоновъ, А. И. *Библ. замѣтка А. Фаресова о книгѣ его*: Пугачевщина въ Сибири. Москва. 1899, т. LXXV, 704—705.
Дмитрій (въ мірѣ Дмитрій Михайловичъ Болотовъ), монахъ Опти. скита, т. LXXV, 928.
Дмитровичъ, Спири, переводчикъ Пушкина на хорват. яз., т. LXXVI, 666.
Дмоховскій, Франц., каноникъ, т. LXXVIII, 242.
Дняпровскій, актеръ, т. LXXVIII, 479.
Добжанскій, М., переводчикъ Пушкина на польскій яз., т. LXXVI, 648.
Добровольскіе: преподаватель 2-го спб. кадет. корп., т. LXXVII, 819, 830.
 — К. К., т. LXXVII, 681.
Доброгаевъ, археологъ, т. LXXV, 321; т. LXXVI, 952.
Доброклонскій, т. LXXVIII, 779.
Добролюбовы:
 — археологъ т. LXXVI, 943, 952.
 — Николай Александровичъ, критикъ, т. LXXVII, 601.
Доброправовъ, Вас. *Замѣтка его*: Къ запискамъ графини Головиной, т. LXXVI, 384.
Доброхотовъ, Василій Ивановичъ, редакторъ «Влад. губ. вѣд.», т. LXXVII, 314.
Довмонгъ, князь псковскій. *Замѣтка о немъ*: Чествованіе памяти князя Довмонта Псковскаго, т. LXXVII, 364—368.
Довнаръ - Запольскій, М. В., археологъ, т. LXXV, 751; т. LXXVI, 949; т. LXXVII, 320; т. LXXVIII, 1286.
Доде, Эрнестъ, франц. историкъ и романистъ, т. LXXVIII, 269—274, 276.
Докудовскій, Василій Абрамовичъ, ген.-майоръ, авторъ воспоминаній, т. LXXVI, 944—945; т. LXXVII, 676.
Долгановъ, окулистъ, т. LXXVII, 849—851.
Долговъ, С. О. *Библ. замѣтка А. Д-ико объ издан. съ его пред.* «Вѣдомости о Китайской землѣ по глубокой Индіи». (Памятники древней письменности и искусства. СXXXIII). Спб. 1899, т. LXXVII, 1006—1007. *Упомин.:* т. LXXV, 748; т. LXXVI, 377, 378, 779.
Долгорукиѣ:—княгиня Варвара Александровна, урожд. гр. Бутурлина, жена Вас. Вл. Д., т. LXXVII, 798.
 — княгиня Екатерина Алексѣевна, урожд. гр. Бутурлина, жена Юр. Вл. Д. т. LXXVII, 798.

— княгиня Екатерина Оедоровна, статсъ-дама, супруга кн. В. В. Д., урожд. Барятинская, т. LXXV, 70, 73—74, 76, 400; т. LXXVI, 417, 863.

— княгиня Елена Васильевна, урожд. кн. Хилкова, жена Вл. Петр. Д., т. LXXVII, 797—798, 802—803, 806, 808, 809.

— Наталья, т. LXXV, 53.

— князь Василій Владиміровичъ, ген.-поручикъ, т. LXXVII, 798.

— князь Владиміръ Петровичъ, ген.-лейт., рижскій губернаторъ, т. LXXVII, 797—798, 802—809.

— князь Иванъ Михайловичъ, т. с., писатель, т. LXXVII, 242.

— князь Михаилъ Юрьевичъ, начальникъ стрѣлец. приказа, т. LXXVII, 797.

— князь Юрій Алексѣевичъ, начальникъ сыскн. и пушкар. приказа, т. LXXVII, 797.

— князь Юрій Владиміровичъ, ген.-отъ-инф., т. LXXVII, 797—798, 814.

— князь В. А., т. LXXVIII, 683.

— князь Василій Васильевичъ, т. LXXV, 70.

— князь Михаилъ Петровичъ, ген.-лейт. *Замѣтка о немъ*: Рѣдкіе портреты, князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ, т. LXXVI, 1135—1136.

— князь Петръ Петровичъ, ген.-адъютантъ, т. LXXVI, 1135.

Доманскій, т. LXXVII, 608—611.

Домбровская, польск. королева, жена Мечислава I, т. LXXVIII, 254.

Домейко, Игнатій, польскій эмигрантъ, профессоръ Чилийск. унив., т. LXXVI, 682.

Домжартенъ, франц. майоръ, т. LXXVI, 332—333.

Домонтовичъ, т. LXXVII, 632.

Донауровъ, Михаилъ Ивановичъ, д. тайн. сов., сенаторъ, т. LXXVI, 419.

Донашевскій, т. LXXVI, 1110.

Дондуковъ, князь, полковникъ, т. LXXVII, 559.

Дондуковъ - Борсаковъ, князь Ал. Мих., главноначальствующій на Кавказѣ, т. LXXVII, 535.

Доничъ, Александръ, молдав. писатель, т. LXXVI, 654.

Донтонвилль, профессоръ Лион. лицея, т. LXXVII, 1039—1040, 1042.

Донъ - Карлосъ. *Замѣтка о немъ*: Карлисты и Донъ-Карлосъ, т. LXXVIII, 1270—1272.

Доппé, франц. генераль, т. LXXVI, 332, 334.

Доротея, герцогиня курляндская, т. LXXVI, 949; т. LXXVII, 324.

Дорошенко, малоросс. гетманъ, т. LXXVIII, 775.

Дорсетъ, герцогиня, во 2-мъ бракѣ за лордомъ Витвортъ, т. LXXVII, 440.

Доснеей:

— архимандритъ, настоятель Оптиной пустыни, т. LXXV, 919.

— авторъ «Исторіи іерусалим. патриарховъ», т. LXXVII, 306.

Достоевская, Анна Григорьевна, супруга писателя, т. LXXV, 1097; т. LXXVI, 379—380.

Достоевскій, Федоръ Михайловичъ, писатель. *Замѣтка о немъ*: Коллекція памяти Ф. М. Достоевскаго, т. LXXV, 1097. — Музеи Ф. М. Достоевскаго, т. LXXVI, 379—380. *Упомян.*: т. LXXV, 930, 933; т. LXXVI, 221, 246, 492—493, 499, 501, 680—681; т. LXXVII, 154, 345, 347, 599.

Достъ-Магометь-ханъ, т. LXXVI, 915.

Доухъ, К., чешскій писатель, т. LXXVII, 679.

Драганова - Бованжи, С. Д., переводчица, т. LXXVI, 679.

Драгановъ, П. *Статья его*: Кто впервые принялся переводить А. С. Пушкина и прототипы переводовъ его на 50 языковъ и нарѣчій міра, т. LXXVI, 634—688. *Поправки къ этой статьѣ*: А. Малеева: Къ статьямъ о Пушкинѣ, 1132—1133; Вл. Шенрока. Къ статьѣ г. Драганова о Пушкинѣ. 1134; Н. Н.: Еще къ статьѣ г. Драганова, 1134; Н. Багтина: Пушкинъ на исландскомъ языкѣ, т. LXXVIII, 399—400; А. Кудрявскаго: Переводы Пушкина по-испански, 848.

Драгомановы:

— М. П., кiev. профессоръ. *Библ. замѣтка А. Лико о книгѣ его*: Збірникъ філльологічної секціи наукового товариства імени Шевченка. Т. II. Розвідки Михайла Драгоманова. Т. I. У Львові. 1899. Т. LXXVIII, 342. *Упомян.*: т. LXXV, 891—893, 895—898.

Драгомировъ, Михаилъ Ивановичъ, кiev. ген.-губернаторъ. *Замѣтка о немъ*: Генераль Драгомировъ чрезъ французскія очки, т. LXXVII, 333—335. *Упомян.*: т. LXXV, 188; т. LXXVII, 701—702; т. LXXVIII, 1117—1118, 1121.

Дрейфусъ, франц. офицеръ. *Замѣтка о немъ*: Отголоски дѣла Дрейфуса въ печати, т. LXXVIII, 825—827. *Упомян.*: т. LXXV, 336; т. LXXVI, 1024; т. LXXVII, 716.

Дремковъ, В. В., т. LXXV, 1042.

Дренякинъ, ген., т. LXXVIII, 965—967.

Дризень, баронъ Н. В., т. LXXV, 753; т. LXXVII, 676.

Дриновъ, М., профессоръ Харьк. унив., т. LXXV, 738, 739.

Дройзень, берлин. профессоръ, т. LXXVI, 1039.

Дружинины:

— дѣлопроизводитель комитета по дѣламъ лифлянд. крестьянъ, т. LXXVII, 138.

— Александръ Васильевичъ, писатель, т. LXXV, 688; т. LXXVII, 601.

— Вас. Григ., секретарь спб. археол. общ., т. LXXVII, 372.

— Н. П. *Библ. замѣтки о книгахъ его:* Русское государственное гражданское и уголовное право въ популярномъ изложеніи. Спб. 1899. Т. LXXVI, 715—716. — *Д. Е.:* Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Изданіе второе. О. Н. Поповой. Спб. 1899. 1072.

Дубасовъ, И. И., археологъ, т. LXXVI, 947.

Дубельтъ, т. LXXVII, 684; т. LXXVIII, 188.

Дубенскій, Николай Яковлевичъ, писатель, т. LXXVII, 314.

Дубовъ, т. LXXV, 239—241.

Дубовицкій, офицеръ, т. LXXV, 861—862.

Дубровинъ, Николай Федоровичъ, ген.-лейт., т. LXXV, 188, 349—350, 736, 738; т. LXXVI, 367—368, 374, 767.

Дубровичъ, А., профессоръ Харьк. унив., т. LXXVIII, 1150.

Дубровскіе:

— П., переводчикъ Пушкина на польск. яз., т. LXXVI, 648.

— П. П., академикъ, т. LXXVIII, 336.

Дугласъ, повѣренный въ дѣлахъ Франціи. т. LXXVIII, 732, 734—736, 738.

Дудовиль:

— герцогиня, т. LXXVII, 782—784.

— т. LXXVII, 783.

Думиэкъ, сотрудникъ «Revue des Deux Mondes», т. LXXVII, 716, 718, 719.

Думиэкъ - Ворковскій, полковникъ, т. LXXVII, 632.

Думиэкъ-Барвицкій, I. Библ. замѣтка К. Х. о книгѣ его: Ze starego autogamentu. Typu i obrazki Wolyńskie. Serwa druga. Warszawa. 1900, т. LXXVIII, 1234.

Дурдые:

— А., чешск. писатель, т. LXXVI, 652.

— I., чешск. писатель. *Библ. замѣтка Е. В. объ изданіи подъ его ред. книгъ:* Památnik na oslavu padesátiletného Paupnického Jubilea Jého Veličenstva Cf-

saře a Krále Františka Josefa I. Vědecky a uměleský rozvoj v narodě českém 1848—1898; Vydala česká Akademie Cfsaře Františka Josefa pro Vědy, Slovesnost a Umění. V Praze. 1898, т. LXXVII, 677—680.

— Павелъ, чешск. писатель, т. LXXVI, 652.

Дурново:

— урожд. кн. Волконская, т. LXXVIII, 599, 602, 609, 611.

— Н. Д., т. LXXV, 115—116.

— Николай Николаевичъ. *Статья его:* Къ исторіи сербско-турецкой войны 1876 года. т. LXXX, 531—537.

— П. П., т. LXXVI, 362.

Дуро, Фернандезо, испанск. писатель, т. LXXVII, 1025.

Дурова, Надежда Андреевна, въ мужествѣ Чернова, кавалеристъ-дѣвица, писательница, т. LXXVII, 970—971; т. LXXVIII, 590.

Дуровъ, Василій Андреевичъ, сарапульск. городничій, т. LXXVII, 970—971.

Духовниковъ, Ф., археологъ, т. LXXVI, 940; т. LXXVII, 324.

Душекъ, В. I., чешскій филологъ, т. LXXVII, 678.

Дьелафуа, Жанна, французская писательница, т. LXXVIII, 361.

Дьякова, биографъ Пушкина, т. LXXVII, 599.

Дьяковъ, т. LXXV, 939.

Дьяконовы:

— I. М., историкъ, т. LXXVII, 994; т. LXXVIII, 829.

— М. Я., т. LXXV, 1087.

Дьяченко, Викторъ Антоновичъ, драматическ. писатель, т. LXXVIII, 495, 506.

Дюбарри, графиня, фаворитка Людовика XV, т. LXXVII, 233; т. LXXVIII, 258—260, 262, 264.

Дю-Барри, герцогъ д'Эгильонъ, т. LXXV, 721.

Дю-Вуръ, графъ, губернаторъ Страсбурга, т. LXXVIII, 352—353.

Дюканжъ, франц. писатель, т. LXXVI, 327.

Дюкудрэ, франц. историкъ. Библ. замѣтка К. о переводѣ его книги: Исторія цивилизации отъ древнѣйшаго до настоящаго времени. Томъ первый. М. 1898, т. LXXVI, 1061—1062.

Дюма, Александръ, франц. писатель, т. LXXV, 338; т. LXXVI, 640; т. LXXVII, 352—353, 700.

Дюма, графъ Матье, франц. генералъ, т. LXXVIII, 272.

Дюмурье, французскій генералъ, т. LXXVII, 913; т. LXXVIII, 797.

Дюмурье-Дю-Перье, Франсуа, франц. механикъ-изобрѣтатель, т. LXXVIII, 796—797.

Дюпонъ, франц. писатель, т. LXXVI, 639—640.

Дюпре де-Сенъ-Моръ, Эмиль, франц. юристъ и литераторъ, т. LXXVI, 638—639.

Дюра, герцогиня, статсъ-дама Маріи-Антуанетты, т. LXXVII, 452, 455, 767, 768.

Дюранъ, франц. посланникъ, т. LXXVII, 228, 230.

Дюрингъ, нѣмецкій писатель, т. LXXV, 706.

Дюрокъ, франц. маршалъ, т. LXXV, 725; т. LXXVI, 985; т. LXXVII, 344, 973—974, 976—977, 981—982, 985, 990.

Дюръ, актеръ, т. LXXVIII, 998.

Дявгало, Д. И., т. LXXV, 751.

Дягилевъ, редакторъ «Мира Искусства». *Библ. замѣтка Г. Эрстова о редакц. имъ журн.: «Миръ Искусства».* № 1 и 2. М. 1899, т. LXXV, 316—318.

Дядковъ, Михаилъ, майоръ, т. LXXVII, 512.

Е.

Евгеній (Е. А. Болховитиновъ), митрополитъ кievскій и галицкій, писатель, т. LXXVII, 607, 996.

Евгеній (Данкосъ), архимандритъ, т. LXXVII, 307—308.

Евгенія, франц. императрица, супруга Наполеона III, т. LXXV, 731; т. LXXVI, 995.

Евгенія Максимилиановна, Ольденбургская, герцогиня Лейхтенбергская, т. LXXV, 849.

Евдокимовъ, графъ Н. И., ген.-отъ-инф., т. LXXVIII, 656.

Евдокія Петровна, царица, т. LXXV, 416.

Евдокія, императрица, т. LXXVIII, 769.

Евпсикій, архимандритъ, ректоръ пензенской семинари, т. LXXVII, 101, 109.

Евренновы:

— Н. Д., т. LXXVI, 772.

— Николай Михайлов. *О немъ въ статьѣ И. С. Бяляева: Попытка закрѣпить еврея въ 1783 году.* (Историческій очеркъ). Т. LXXVII, 511—526.

Евфросинія, жена псковскаго князя Ярославъ, т. LXXVII, 366.

Евсимій (Терновскій), патриархъ, т. LXXVII, 1002—1003.

Егоровы, С. А. и П. А., т. LXXVI, 775.

Ежовъ, Д. К., *Библ. замѣтки его: Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго.* Томъ I. Спб. 1899, т. LXXV, 1028—1030.—*Н. П. Дружининъ.* Русское государственное гражданское и уголовное право въ популярномъ изложеніи. Спб. 1899, т. LXXVI, 715—716.—Что такое хорошій урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями. *Н. А. Бобровникова.* Казань, 1898, 722—723. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. *Н. П. Дружинина.* Изданіе второе, О. Н. Поповой. Спб. 1899, 1072.—*Шарль Ле-турне.* Эволюція торговли (Экономическая бібліотека). Переводъ *Ө. Капелюша.* Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899, т. LXXVII, 321—322.—*М. М. Захарченко.* Историческій очеркъ Педагогическихъ классовъ С.-Петербургскаго Александровскаго института. 1848—1898 г. Спб. 1899, 322.—*С. С. Орлицкій (Окрейиз).* Далекіе годы. Автобіографическая хроника. Спб. 1899, 1015—1016.—*Н. П. Степановъ.* Народные праздники на святой Руси. Спб. 1900, т. LXXVIII, 1232.

Екатерина I Алексѣевна, императрица всероссійская, т. LXXV, 615, 916; т. LXXVIII, 646.

Екатерина II Алексѣевна, императрица всероссійская. *Статья о ней: В. Тимирязева: Дидеро и Екатерина II,* т. LXXVII, 219—235. *О ней въ «Запискахъ графини В. Н. Головиной»:* т. LXXV, 39, 43—45, 53, 55, 58—66, 69, 400—419, 422—424, 801—806, 808—814, 816—822, 824—827; т. LXXVI, 33—48, 407—417, 419—423, 425, 850, 853—854, 855, 858, 863, 864; т. LXXVII, 42, 46, 49, 432, 436, 449, 452, 771; т. LXXVIII, 56, 444. *Въ библ. замѣткѣ В. Борисова: Дворъ императрицы Екатерины II.* Ея сотрудники и приближенные.—Сто семьдесятъ девять силуэтовъ. Два тома. Спб. 1899, т. LXXVI, 1062—1063. *Упомин.:* т. LXXV, 97—116, 319, 423, 532, 615, 752, 1029, 1043; т. LXXVI, 159, 163, 198, 369, 373, 432—435, 440—445, 449—454, 456—457, 500, 510, 782, 786—787, 949, 951, 954, 979, 984, 1062, 1118; т. LXXVII, 129—130, 132, 205, 239, 241, 287, 324, 515, 559, 703, 778, 799, 809, 833, 904—906, 910, 937, 1001, 1052; т. LXXVIII, 558, 645, 652, 692—693, 1147, 1197, 1232.

Екатерина, рожд. Монсдоттеръ, супруга шведскаго короля Эрика XIV, т. LXXVIII, 1074.

Екатерина Ивановна, царица, т. LXXVI, 618.

Екатерина Ивановна, камеръ-медхенъ имп. Екатерины II, т. LXXV, 102.

- Екатерина Михайловна**, великая княгиня, т. LXXV, 854.
- Екатерина Павловна**, великая княгиня, во 2-мъ бракѣ за королемъ Виртембергскимъ Вильгельмомъ, т. LVXVIII, 446.
- Елачичъ**, Наталиа Яковлевна, урож. Полонская, т. LXXV, 155, 162.
- Елена Павловна**, великая княгиня, т. LXXV, 847, 854; т. LXXVII, 45, 50, 53, 57, 58, 61; т. LXXVIII, 916.
- Еленинъ**, Е. *Статья его*: Юбилейная литература о Пушкинѣ, т. LXXVII, 264—282, 592—613. *Библ. замѣтка его*: *Магда Нейманъ*. Армяне. Краткій очеркъ ихъ исторіи и современнаго положенія. Спб. 1899, т. LXXVIII, 333—335.
- Елеонскій**, Н. А., протоіерей, профессоръ богословія Моск. унив., т. LXXVI, 380.
- Елецъ**, Ю. Л., т. LXXVI, 756.
- Елисавета Александровна**, великая княжна, т. LXXVIII, 440—443.
- Елисавета Алексѣевна**, императрица всероссійская, супруга имп. Александра I. *О ней въ «Запискахъ графини В. Н. Головиной»*: т. LXXV, 39, 42, 44—46, 49, 53—54, 56, 402—405, 409, 411, 413—415, 418—425, 801—808, 810—828; т. LXXVI, 33—37, 39, 407—410, 414, 418, 421—422, 424—426, 849, 851, 852, 854—858, 860—862; т. LXXVII, 40, 43—45, 47—63, 66—67, 69—70, 493—495, 497—498, 441—442, 446, 449, 454, 767—768, 775, 790; т. LXXVIII, 56, 440—444, 446—450, 452, 904, 906—914.
- Елисавета Мавриціевна**, великая княгиня, т. LXXV, 736.
- Елисавета Магдаліна**, герцогиня, т. LXXVIII, 839—840.
- Елисавета Петровна**, императрица всероссійская, т. LXXV, 42, 58, 406, 409, 416, 1043; т. LXXVI, 45, 163, 368—371, 419, 439, 618, 962; т. LXXVII, 129, 237; т. LXXVIII, 649—650, 717, 726, 729, 730, 733—738, 740—741, 1050.
- Елисавета**, австрійская императрица. *Замѣтки о ней*: Объ австрійской императрицѣ Елисаветѣ, т. LXXV, 1064—1067.—Мученичество императрицы, т. LXXVIII, 1264—1266.
- Елисавета**, принцесса венгерская, т. LXXVIII, 46.
- Елисавета**, королева румынская, т. LXXV, 739.
- Елисавета**, принцесса франц., сестра Людовика XVI, т. LXXVII, 772, 773; т. LXXVIII, 258.
- Елисеѣвы**:
— А. В., врачъ-путешественникъ, т. LXXV, 238, 269.
- Григорій Захаровичъ, писатель, т. LXXVI, 217.
- Енохинъ**, врачъ гвард. кавал. корп., т. LXXVIII, 1033.
- Еремѣевъ**, Павелъ Владиміровичъ, профессоръ горн. инст., т. LXXV, 738, 972.
- Ермакъ** (Василій Тимоѣевичъ Аленинъ), завоеватель Сибири. *О немъ замѣтка В. Шевича*: Историческое недоумѣніе относительно числа 26-го октября, т. LXXV, 374—376.
- Ермиловъ**, В. Е., т. LXXV, 760.
- Ермолина**, М. Е. *Разказы ея*: Сумерки. (Очеркъ изъ нравовъ 70-хъ годовъ). Т. LXXV, 117—136.—Паломница Анисья. (Изъ палестинскихъ впечатлѣній). Т. LXXVIII, 945—960. *Замѣтка ея*: Поправка къ статьѣ г. Глинскаго о Палестинѣ, т. LXXVI, 800.
- Ермолова**, М. Н., т. LXXVI, 356.
- Ермоловъ**:
— А. С., министръ землед. и госуд. имущ., т. LXXV, 761; т. LXXVI, 150, 768; т. LXXVII, 360.
— Алексѣй Петровичъ, ген.-отъ-инф., т. LXXVI, 203, 205; т. LXXVII, 310; т. LXXVIII, 595.
- Ериштедтъ**, В. К., профессоръ Спб. унив., т. LXXVII, 305.
- Еруслановъ**, П., т. LXXVI, 688.
- Ершовъ**, писатель, т. LXXVII, 827.
- Есиповъ**:
— казанскій комендантъ, т. LXXVI, 591.
— Григорій Васильевичъ, завѣдующ. архивомъ мин. имп. двора, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXVI, 1129—1130.
- Естифѣевъ**, П., *Статья его*: Жирзинскій бой 1863 г., т. LXXV, 901—913. *Замѣтка объ этой статьѣ И. Любарскаго*, т. LXXVI, 382—384.
- Ефремовы**:
— Иванъ Ефремовичъ, партизанъ, т. LXXVIII, 581—582, 585—588, 593.
— Петръ Александровичъ, писатель, т. LXXV, 1080; т. LXXVI, 761, 1108; т. LXXVII, 604.

Ж.

- Жансонъ**, Форбенъ, марсельск. епископъ, т. LXXVIII, 350—351.
- Жарни**, содержатель пансіона въ Москвѣ, т. LXXV, 939.
- Ждановъ**, Иванъ Николаевичъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXV, 1089; т. LXXVI, 501; т. LXXVII, 371.
- Жобелевъ**, С. А., магистръ греческ. словесности. *Замѣтка о немъ*: Диспутъ

- С. А. Жебелева, т. LXXV, 731 — 742. *Упомян.*: т. LXXV, 352; т. LXXVIII, 1285.
- Жебжидовскій**, Николай, сенаторъ, краковскій воевода, т. LXXVI, 1125; т. LXXVII, 376.
- де-**Жевръ**, герцогиня, т. LXXVII, 452, 767, 768.
- Желѣзнякаръ**, Ив., хорутанскій журналистъ, т. LXXVI, 675.
- Жемчужниковы**:
— подполковникъ, т. LXXVI, 115, 117—118, 120.
— Николай Михайловичъ, т. LXXV, 1071—1075.
- Жераръ**:
— франц. портретистъ, т. LXXVI, 1083—1084.
— Шарль, франц. химикъ, т. LXXVIII, 1153.
- Жерве**, В. В., т. LXXV, 1104.
- Жеромъ**, аббатъ, т. LXXVII, 698—699.
- Живокниги**:
— Василий Игнатьевичъ, артистъ, т. LXXV, 941; т. LXXVIII, 980, 998.
— Дмитрій Васильевичъ, артистъ, т. LXXVIII, 980.
- Жизневскій**, А. К., археологъ, т. LXXVI, 947.
- Жинзифовъ**, Ксенофонтъ, профессоръ Лицея Цесарев. Николая въ Москвѣ, т. LXXVI, 671.
- Жираръ**, аббатъ, т. LXXVII, 786.
- Житецкій**, П. И., магистръ Кіев. унив., т. LXXV, 739.
- Житинскій**, т. LXXV, 362.
- Житловскій**, т. LXXV, 248.
- Жихаревъ**, т. LXXV, 113.
- Жмуринъ**, штабсъ-ротмистръ, т. LXXVIII, 577, 583, 585, 590.
- Жозефина**, по первому мужу де-Богарне, императрица франц. супруга Наполеона I. *Замѣтки о ней*: Легенда о Жозефинѣ, т. LXXV, 1052—1057.—Первый бракъ Наполеона Бонапарта, т. LXXVI, 1081—1083. *Упомян.*: т. LXXVI, 988—989; т. LXXVII, 337—338, 989, 990, 1023, 1041, 1043; т. LXXVIII, 803, 805.
- Жолѣвскій**, Станиславъ, гетманъ, т. LXXV, 1088.
- Жомини**:
— генералъ, т. LXXVIII, 1158, 1169.
— баронъ Александръ Генрихъ, ст.-секретарь, т. LXXVII, 292, 297.
- де-**Жонкуръ**, г-жа, т. LXXVIII, 53.
- Жорессъ**, адмиралъ, франц. посланникъ, т. LXXVII, 220.
- Жоржель**, аббатъ, т. LXXVIII, 367.
- Жоржъ**, франц. актриса, т. LXXVI, 989.
- Жуберъ**, франц. генералъ, т. LXXVII, 704, 1040.
- Жуковичъ**, П. Н., профессоръ Спб. дух. акад., т. LXXV, 742.
- Жуковскіе**:
— В. А., профессоръ Спб. унив., т. LXXVII, 995.
— В. И., т. LXXVI, 709.
- Василій Андреевичъ, поэтъ, т. LXXV, 322, 1068, 1078; т. LXXVI, 248, 466, 468, 475, 486, 491, 531, 535, 539, 571, 574, 590, 622, 638, 641, 648, 662, 664, 673, 699, 720, 797, 1110; т. LXXVII, 211, 216, 269, 281, 570, 592, 604—605, 611, 684, 828, 1001; т. LXXVIII, 335—336, 631, 634, 822.
- Жулева**, Е. Н., актриса, т. LXXVIII, 498—501, 998.
- Жулевъ**, Г. Н., т. LXXV, 967.
- Журавлевъ**, А., т. LXXVI, 657.
- Журданъ**, французскій генералъ, т. LXXVII, 1040.

3.

Заба, чешскій философъ, т. LXXVII, 677—678.

Заболоцкій - Бражникъ, князь, т. LXXV, 375.

Забѣла, писатель, т. LXXVII, 629.

Забѣлякъ, Иванъ Егоровичъ, тайн. сов., писатель, т. LXXV, 301, 506, 700; т. LXXVI, 374; т. LXXVIII, 1138.

Завадскій, Н. Я., переводчикъ, Пушкина на польск. яз., т. LXXVI, 648.

Завитневичъ, В. З., профессоръ Кіев. дух. акад., т. LXXV, 1093; т. LXXVII, 372; т. LXXVIII, 1122, 1282—1283.

Загвозкинъ, Николай, майоръ, т. LXXVII, 512.

Загоскинны:

— М. Н., писатель, т. LXXV, 613.

— Н. П., профес. Казан.-унив. *Статья его*: А. С. Пушкинъ въ Казани. (Изъ исторіи казанской общественности 30-хъ и 40-хъ годовъ). LXXVI, 586—609. *Библ. замѣтка Р. о книгѣ его*: Исторія права русскаго народа. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго народа. Томъ первый. Введеніе. I. Наука исторіи русскаго права. II. Форманія народа и государства. Казань. 1899. т. LXXVI, 1055—1057. *Упомян.*: т. LXXVIII, 1286.

— П. П., редакторъ «Сибири», т. LXXV, 527—530.

Загряжскія: фрейлина, т. LXXVIII, 1012.

— Наталія ирилловна, т. LXXVII, 217—218.

Загряжскій, симбирск. губернаторъ, т. LXXVII, 568—569.

Задзикъ, епископъ краковскій, т. LXXVIII, 246, 248.

Заіончковскій, полковникъ. *Библ. замѣтка С. III. о книгѣ его*: Оборона Севастополя. Подвиги защитниковъ. Краткій историческій очеркъ съ иллюстраціями. Спб. 1899, т. LXXVIII, 778.

Зайцевъ, Л. Я. *Статья его*: Родина князя Потемкина, т. LXXVI, 196—200.

Закревскіе: графъ А. А., моск. ген.-губернаторъ, т. LXXVI, 1091; т. LXXVIII, 982.

— Н., составитель сборн. «Старосвѣтскій Бандуристъ» (1860), т. LXXV, 877.

Закржевскій, т. LXXVIII, 266.

Залушскій, Андрей, епископъ, т. LXXVIII, 248, 250.

Заметайловъ (Заметаевъ), Игнатъ Петровъ, мятежникъ. *О немъ въ статьѣ П. Л. Юдина*: Послѣ Пугачевщины въ Каспін, т. LXXVII, 546—567.

Замойскій, Янъ, польск. полководецъ, т. LXXVI, 1124, 1125.

Замысловскій, Егоръ Егоровичъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXV, 313, 707; т. LXXVI, 130, 298.

Замятиницъ, Дмитрій Николаевичъ, д. т. с., министръ юстиціи, т. LXXVIII, 1149.

Занцъ, Жоржъ, франц. писательница, т. LXXV, 341—342, 938; т. LXXVI, 1069—1070; т. LXXVII, 718.

Зановичи: графъ Аннибалъ, авантюристъ. *О немъ въ статьѣ П. А. Ровинскаго*: Степанъ-Аннибалъ Зановичъ, авантюристъ XVIII столѣтія, т. LXXVII, 902—942.

— Антоній, т. LXXVII, 909, 923, 926, 982.

— графъ Маркъ, авантюристъ. *О немъ въ статьѣ П. А. Ровинскаго*: Степанъ-Аннибалъ Зановичъ, авантюристъ XVIII столѣтія, т. LXXVII, 902—942.

— Примиславъ, авантюристъ. *О немъ въ статьѣ П. А. Ровинскаго*: Степанъ-Аннибалъ Зановичъ, авантюристъ XVIII столѣтія, т. LXXVII, 902—942.

— Степанъ, авантюристъ. *О немъ въ статьѣ П. А. Ровинскаго*: Степанъ-Аннибалъ Зановичъ, авантюристъ XVIII столѣтія, т. LXXVII, 902—942.

— Степанъ-Аннибалъ, авантюристъ XVIII столѣтія. *Статья о немъ П. А. Ровинскаго*: Степанъ-Аннибалъ Зановичъ, авантюристъ XVIII столѣтія, т. LXXVII, 902—942.

— Франка, жена Антонія З., урож. Марковичъ, т. LXXVII, 909, 923.

Запольская-Довнаръ, Елена Степановна, урожд. Шапова, жена подполковника, т. LXXV, 528—530.

Зарудные: В. И., лейтенантъ, т. LXXVIII, 105, 106.

— Н. А., т. LXXV, 1096.

— Сергѣй, писатель, т. LXXVI, 649.

Заруцкій, Иванъ, т. LXXVII, 670.

Захарченко, М. М. *Библ. замѣтка Д. Е. о книгѣ его*: Историческій очеркъ педагогическихъ классовъ С.-Петербургскаго Александровскаго института. 1848—1898 гг. Спб. 1899, т. LXXVII, 322.

Захарыны:

— Григорій Антоновичъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXV, 736.

— (Якунинъ), Ив. Н., писатель.

Статьи его: Новая школа въ Англии, т. LXXV, 643—651.—Памяти В. В. Чуйко, т. LXXVI, 702—710.—Эпизоды изъ эпохи мятежа 1863 г. (Изъ записокъ и воспоминаній), т. LXXVIII, 113—147.

Замѣтка его: Тенденціозная критика. (Письмо въ редакцію), т. LXXVI, 796—799.

Библ. замѣтки его: Сельская школа. Сборникъ статей С. А. Рачинскаго. Изд. третье, дополненное. Спб. 1898, т. LXXV, 321—323.—Очерки современнаго офицерскаго быта. Соч. Н. Бутовскаго. Спб. 1899, т. LXXVI, 311—313.

Збоинскій, Игнатій — Антоній, т. LXXVIII, 589.

Званцовъ, И. Н. *Замѣтка его*: Садъ въ селѣ Болдинѣ, т. LXXVI, 1133—1134.

Звѣревъ:

— сестры, камеръ-юнгферы имп. Екатерины II, т. LXXV, 106.

— Н. А., товарищъ министра нар. просв., т. LXXV, 349—350.

— С. Е., священникъ, т. LXXVI, 381, 789.

Здоренко, майоръ, т. LXXVII, 486.

Зеа-Вермудезъ, испан. посланникъ въ Спб., т. LXXVIII, 1166.

Зедергольмъ, пасторъ, т. LXXVI, 690.

Зейбертъ, А., переводчикъ Пушкина на нѣм. яз., т. LXXVI, 642.

Зейбертъ, Э., нѣмец. художникъ, т. LXXV, 693—694.

Зейдлеръ, Авг., т. LXXVII, 677.

Зеленны:

— Г. Н., подполковникъ, т. LXXVI, 797—798.

— Д. К. *Статья его*: Изъ Сарапульской хроники, т. LXXVII, 966—972.

Зелинскіе:

— В., т. LXXVII, 601.

— Густавъ, польск. поэтъ, т. LXXVII, 587.

Зеллеръ, Вертольдъ, историкъ, профессоръ Париж. унив. *Замѣтка о немъ*: Смерть Зеллера, Сарсз, Пальерона и Бекка, т. LXXVI, 1099—1102.

Зельманъ, унтеръ-офицеръ, т. LXXVIII, 162—163.

Земовитъ II, князь мазовецкій, т. LXXVIII, 238.

Зернинъ, А. П., т. LXXVIII, 694.

Зерновъ, Николай Ефимовичъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXVI, 771; т. LXXVII, 354.

Зерцаловъ, Александръ Николаевичъ, ученый, т. LXXV, 370.

Зигвартъ, тьюбинг. профессоръ, т. LXXVII, 867—868.

Зиновьевъ, штабсъ-капитанъ, т. LXXVI, 901, 906, 908.

Зичи, М. А., художникъ, т. LXXVII, 362.

Златарскій, профессоръ, т. LXXVIII, 1136.

Златковский, М. Л., т. LXXV, 151.

Злотницкій, приближенный Потюкаго, т. LXXV, 434, 436.

Златовратскій, Н., писатель, т. LXXVII, 355.

Знаменскіе:

— протоіерей, т. LXXVI, 775.

— К., священникъ. *Библ. замѣтка А. Б—ина обзиданн. имъ книгъ*: Записки старой смолянки. *В. II. Б—вой*. 1833—1878 г. Часть первая. Примѣчанія и изданіе свящ. К. Зи—скаго. Спб. 1899, т. LXXVII, 1010—1011.

— П. *Статья его*: Къ биографіи А. П. Шапова, т. LXXV, 511—527.

— П. В., профессоръ, т. LXXVIII, 828, 831.

Золотаревъ, И., т. LXXVIII, 1150.

Золя, Эмиль, франц. писатель, т. LXXV, 336, 890, 953; т. LXXVI, 226; т. LXXVII, 359, 362, 716.

Зоричъ, Семень Гавриловичъ, ген.-адъют. Екатерины II, т. LXXV, 68—69; т. LXXVII, 904—905.

Зорко, поручикъ, т. LXXV, 910, 911.

Зотовы:

— Захаръ Константиновичъ, камердинеръ имп. Екатерины II, т. LXXV, 98, 107, 111.

— Никита Моисѣевичъ, учитель Петра I, т. LXXV, 748.

— Рафаилъ Михайловичъ, писатель, т. LXXV, 613.

Зубатый, Юс., лингвистъ, т. LXXVII, 678.

Зубовы:

— графъ Валеріанъ Александровичъ, ген.-аншефъ, т. LXXV, 111; т. LXXVI, 1135.

— графиня Наталія Александровна, урожд. Суворова, жена Н. А. З., т. LXXVII, 432.

— графъ Николай Александровичъ, оберъ-штабмейстеръ, т. LXXVI, 408; т. LXXVII, 432.

— князь Платовъ Александровичъ, ген.-отъ-инф., членъ госуд. сов., т. LXXV, 45, 106—107, 110—111, 114, 401, 403, 405, 408, 412, 418, 423—425, 801—803, 806—807, 816, 821; т. LXXVI, 34, 409, 949; т. LXXVII, 432, 436—437.

Зубовъ (Поповъ), Н. Н., актеръ, т. LXXVIII, 518—521, 998.

Зубровъ, П. И., актеръ, т. LXXVIII, 505.

Зуевъ:

— Н. И., писатель, т. LXXVI, 707.

— В. Ф., т. LXXVIII, 1147.

Зузинъ, С. О., т. LXXV, 1091.

Зутнеръ, баронесса, т. LXXVI, 1025, 1026, 1030; т. LXXVIII, 383.

Зѣлинскій, Ф. Ф., профессоръ Спб. унив. — *Библ. замѣтка Л. Л. обзиданн. подъ его редакціей переводъ соч. Низе*: Очеркъ римской исторіи и источниковѣднія. Спб. 1899, т. LXXVIII, 1231.— *Упомян.*, т. LXXV, 742.

И.

Ибсенъ, Альфредъ, т. LXXVII, 1023.

Иваницкій, т. LXXVII, 596.

Ивановскій, В. Н., секретарь психолог. общ. въ Москвѣ, т. LXXVII, 380—381.

Ивановы:

— археологъ, т. LXXVI, 940.

— А. А., астрономъ, т. LXXV, 738.

— Александръ Андреевичъ, художникъ, т. LXXV, 767, 926; т. LXXVII, 314.

— Г. А., профессоръ Моск. унив., т. LXXVI, 685.

— З. И., архитекторъ, т. LXXVI, 775.

— И., художникъ, т. LXXVII, 728.

— Ив. *Библ. замѣтки его: М. Ф. Суверанскій*. Симбирскъ и его прошлое. (1648—1898 гг.). Историческій очеркъ. Изданіе симбирской губернской ученой архивной комиссіи. Симбирскъ. 1898, т. LXXV, 303—305.— *Т. Рибо*. Философія Шопенгауера. Переводъ съ пятого французскаго изданія *М. Суверанскаго*. Спб. 1898, 314—315.

— Иванъ Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив. *О книгъ его*: Исторія русской кри-

тики, въ ст. *А. К. Бороздина*: Ученое фразерство, т. LXXV, 952—957, 964. *Библ. замѣтка А. М-на* объ изд. его: *Ж. (Sic) Уссинъ*, проф. въ Копенгагенѣ. Воспитаніе у грековъ и римлянъ. (Erziehung und Jugendunterricht bei den Griechen und Römern). Переводъ *Н. М. Федоровой*. Спб. 1899, т. LXXVI, 1070—1071. *Упомин.*: т. LXXVII, 595, 599—601.

— П. И., т. LXXV, 751.

— П. М., т. LXXVI, 756.

— С. А., архитекторъ-археологъ. *Замѣтка о немъ*: Завѣщаніе русскаго археолога, т. LXXV, 767.

— О. О., т. LXXVIII, 1146.

— (Классикъ), поэтъ, т. LXXVII, 596.

Ивановъ-Шитцъ, И. А., архитекторъ, т. LXXVI, 356.

Ивансъ, Наананлъ, американскій поэтъ, т. LXXV, 1067.

Ивань, архидіаконъ, сербскій лѣтописецъ, т. LXXVIII, 788.

Ивичъ, I., переводчикъ Пушкина на сербск. яз., т. LXXVI, 646.

Игельстромъ:

— баронъ, оренбург. и уфимск. ген.-губернаторъ, т. LXXVI, 196.

— переводчица Пушкина на англ. яз., т. LXXVI, 657.

Игнатій:

— патриархъ константинопольскій, т. LXXVIII, 325—327.

— патриархъ московскій, т. LXXVII, 669.

— тихвин. архимандритъ, т. LXXVI, 164.

Игнатовичъ, В. С., т. LXXVII, 319.

Игнатовъ, П. Г., т. LXXV, 754—755.

Игнатъевы:

— ген.-отъ-кав., т. LXXVIII, 1040.

— М. А., ветерин. врачъ, т. LXXV, 621, 628—629.

Изабелла II, эскъ-королева Испаніи, т. LXXVII, 341, 342, 708—709.

Изенбергъ, художникъ, т. LXXVII, 151.

Изеть-паша, турецкій генералъ, т. LXXVII, 331—333.

Измайловъ, Петръ Ивановичъ, д. тайн. сов., т. LXXVI, 419.

Изяславъ Мстиславичъ, вел. князь кievскій, т. LXXVII, 999.

Иконниковъ, В. З., проф. Кіев. унив., т. LXXVI, 988, 1126; LXXVII, 996; т. LXXVIII, 1282—1283.

Икуль-фонъ-Гильденбрандтъ, баронъ, товарищъ мин. внутр. дѣлъ, т. LXXVII, 150.

Иларіонъ:

— іеросхимонахъ, т. LXXV, 921, 923.

— митрополитъ, т. LXXV, 532.

— отшельникъ, т. LXXVII, 834, 835.

Иларіонъ (Руварцъ), сербскій архимандритъ, историкъ и библиографъ, т. LXXVII, 1012.

Илляшенко, Максимъ, полковникъ, т. LXXVII, 632.

Иловайскій, Д. И., историкъ. *Замѣтка о немъ Н. Оглоблина*: Къ вопросу о бояринѣ М. Б. Шейнѣ. (Отвѣтъ г. Иловайскому), т. LXXV, 369—374.

Упомин.: т. LXXV, 364; т. LXXVI, 1041, 1126, 1128; т. LXXVII, 1001; т. LXXVIII, 1135—1136, 1141.

Ильминскій, т. LXXV, 1095.

Ильинъ, экономистъ, т. LXXVII, 994.

Имеретинскіе:

— свѣтл. князь, ген.-губернаторъ Варшавы, т. LXXVI, 756.

— Константинъ, царевичъ, т. LXXVIII, 585.

Изовъ, Иванъ Никитичъ, ген.-отъ-инф., намѣстникъ Бессарабской обл., т. LXXVI, 674, 1110—1111; т. LXXVII, 278.

Инелано, Суарезъ, испанск. писатель, т. LXXVII, 1025.

Иннокентій:

— митрополитъ сербскій, т. LXXV, 538.

— (Веніаминовъ), митрополитъ московскій, т. LXXVIII, 191.

— IV, папа римскій, т. LXXVII, 643—644.

— VI, папа римскій, т. LXXVIII, 837.

— X, папа римскій, т. LXXVIII, 842.

Иностранцевъ, В. В., т. LXXVI, 709.

Ипполитовъ - Ивановъ, сочинитель кантаты въ честь Пушкина, т. LXXVI, 1107.

Иречекъ:

— Герменгильдъ, чешск. жористъ, т. LXXVI, 652.

— Иосифъ, министръ нар. проsv. Австро-Венгрии, т. LXXVI 652; т. LXXVII, 677.

— К., чешск. ученый, т. LXXVIII, 788.

Исаакій (Антимоновъ), настоятель Оптиной пустыни, т. LXXV, 919, 922.

Исаевичъ, Петръ Петровичъ, членъ сов. гл. упр. по дѣламъ печати, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXVII, 383.

Исаевъ, А. А., экономистъ, прив.-доцентъ Спб. унив., т. LXXVII, 994.

- Исаковы:**
— капитанъ-лейтенантъ, т. LXXVIII, 108.
— П. Н., т. LXXV, 349—350; т. LXXVI, 363.
Исетъ-Бутебаровъ, разбойникъ оренбург. степи, т. LXXVI, 106.
Искандеръ - ханъ, полковникъ, т. LXXVI, 915, 919.
- Истомины:**
— контръ-адмиралъ, т. LXXVIII, 97.
— Каріонъ, іеромонахъ, т. LXXVI, 785.
— М. П., профессоръ, т. LXXVIII, 1119, 1133—1134.
Истрикъ, В. М., профессоръ Новоросс. унив., т. LXXV, 753—754; т. LXXVIII, 785, 787.
Ишимова, т. LXXVIII, 1020.

I.

- Іаковъ:**
— патриархъ александрійскій, т. LXXVII, 307.
— курлянд. герцогъ, т. LXXVIII, 840—843.
— I, англ. король, т. LXXV, 308; т. LXXVIII, 838—839, 841, 1241—1243.
— II, англ. король, т. LXXVII, 1035.
Іелинекъ, Людвигъ, нѣмец. ученый, т. LXXVIII, 380—381.
- Іеремія:**
— константин. патриархъ, т. LXXVII, 666, 667, 669.
— II, констант. патриархъ, т. LXXVIII, 202.
- Іеронимъ**, братъ Наполеона I, т. LXXVIII, 1167.
- Іеросей:**
— I, патриархъ александрійскій, т. LXXVII, 307.
— II, патриархъ александрійскій, т. LXXVII, 306—307.
Іехангиръ. *Замѣтка о немъ*: Дворъ великаго могола въ началѣ XVII вѣка, т. LXXVIII, 1241—1243.
- Іоакимъ:**
— патриархъ александрійскій, т. LXXVII, 307.
— патриархъ всероссійскій, т. LXXVIII, 779.
Іоакимъ (Сарыдапорскій), т. LXXVII, 1019.
- Іоанникій:**
— патриархъ александрійскій, т. LXXVII, 307.

— схимонахъ Оптиной пустыни, т. LXXV, 924.

Іоаннъ Алексѣевичъ, царь и вел. князь московскій, т. LXXV, 766, 916; т. LXXVI, 1119; т. LXXVII, 367.

Іоаннъ Антоновичъ, императоръ всероссійскій, т. LXXVI, 302; т. LXXVIII, 648.

Іоаннъ III Васильевичъ, царь и вел. князь москов. и всея Руси, т. LXXV, 375, 503, 867; т. LXXVI, 182, 949.

Іоаннъ IV Васильевичъ (Грозный), царь и вел. князь всея Руси, т. LXXV, 303, 355, 375, 504; т. LXXVI, 98, 161, 182, 186, 191, 300, 954; т. LXXVII, 148, 240, 367, 370, 376, 666—669; т. LXXVIII, 338, 1094—1095.

Іоаннъ III, король польскій, т. LXXVIII, 842.

Іоаннъ III, римск. папа, т. LXXVIII, 327—328.

Іоаннъ VIII, визант. императоръ, т. LXXV, 312.

Іоаннъ Вильгельмъ, пфальцскій курфюрстъ, т. LXXV, 306.

Іоаннъ (Вятскій), епископъ, т. LXXVIII, 779.

Іоаннъ (Дамаскинъ), святой, т. LXXV, 1037; т. LXXVIII, 204.

Іоаннъ (Златоустъ), константинопольск. патриархъ, LXXVIII, 269.

Іоаннъ (Калита), т. LXXV, 507.

Іоаннъ (Рыльскій), т. LXXVII, 1019.

Іоаннъ (Транійскій), епископъ, т. т. LXXVIII, 328.

Іоасафъ:

— епископъ стагонскій, т. LXXVII, 666.

— 4-й русскій патриархъ, т. LXXVII, 724.

Іоановичъ, Змай, переводчикъ Пушкина на серб. яз., т. LXXVI, 646.

Іовъ, моск. патриархъ, т. LXXVII, 667—669.

Іокай, Мавръ, венгер. писатель, т. LXXVI, 672; т. LXXVII, 1046.

Іона, настоятель Свято-горскаго мон., т. LXXVI, 619.

Іонковъ - Владыкинъ, переводчикъ Пушкина на болгар. яз., т. LXXVI, 678.

Іоновъ, В. Е., ген.-майоръ, т. LXXVI, 773.

Іорданскій, Н. Н., инспекторъ народн. учил. Нижегород. губ., т. LXXVI, 358—359.

Іосафъ (В. С. Гапоновъ), іеромонахъ, писатель, т. LXXVII, 314.

Іосифъ:

— начальникъ Оптинок. скита, т. LXXV, 924, 926, 932.

— епископъ зетскій, т. LXXVII, 1019.
 — епископъ смоленскій, т. LXXVI, 197, 199.
 — (**Сѣмашко**), митрополитъ литовскій, т. LXXV, 702.
 — арцъ-герцогъ, венгер. Палатинъ, т. LXXVII, 42, 45—46, 57—58.
Иосифъ II, императоръ австрійскій, т. LXXV, 66, 721; т. LXXVI, 1062; т. LXXVII, 913, 914, 918—922, 927, 930, 931, 937, 938; т. LXXVIII, 345, 558.
Юхельсонъ, В. И., т. LXXV, 1097.

К.

К. А. *Библ. замѣтка его: Т. Циллеръ* (профессоръ Страсбургскаго университета). Нѣмецкій студентъ конца XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. и съ предисловіемъ проф. *Н. И. Карьева*. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898, т. LXXVI, 729—730.

Кабанесь, франц. медикъ и публицистъ, т. LXXVII, 717, 718; т. LXXVIII, 790.

Каблуковъ, т. LXXVI, 234.

Кавалли, Симонъ, венеціан. резидентъ, т. LXXVII, 916—918.

Кавелинъ, К. Д., профессоръ Спб. унив., т. LXXVI, 217, 689; т. LXXVII, 856—858; т. LXXVIII, 338.

Кавеньякъ, франц. генераль, т. LXXV, 1062.

Кавуръ, т. LXXVII, 709; т. LXXVIII, 1176.

Кадацкій, офицеръ, т. LXXVII, 818.

Кадлубовскій, А. П., преподаватель Нѣжин. ист.-филол. инст., т. LXXVII, 380.

Кадудаль, Жоржъ, предводитель роялист. партіи, т. LXXV, 1057; т. LXXVII, 1039, 1041; т. LXXVIII, 36, 38, 42, 45.

Казалеть, предсѣдатель англо-русс. литер. общ. въ Лондонѣ, т. LXXVIII, 1276.

Казанова, авантюристъ, т. LXXVII, 903—904, 909, 1005.

Казанцевъ, артистъ, т. LXXVIII, 1005—1007.

Казариновъ, капитанъ, т. LXXV, 861—862.

Казасъ, Ил. Ил., директоръ евпатор. карант. учит. семин., т. LXXVI, 679.

Казембекъ, Александръ Касимовичъ, ориенталистъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXVI, 676, 1093.

Казимиръ Великій, король польскій, т. LXXVIII, 238.

Казимухамедъ (Казим-Мулла), имамъ, т. LXXVIII, 1085, 1094, 1100, 1105—1108.

фонъ-**Кайзенбергъ**, Морицъ, т. LXXV, 340—341.

Кайсарова, Варвара, урожд. гр. Ланская, т. LXXVI, 649.

Кайтуки-Тюленевъ, хорунжій, т. LXXVIII, 662.

Калачовъ, Николай Васильевичъ, академикъ, основатель и директоръ археолог. инст., т. LXXV, 314, 876, 878; т. LXXVI, 689—691, 937, 1127; т. LXXVII, 320.

Калитинъ, подпоручикъ, т. LXXVI, 902.

Калиostro, авантюристъ, т. LXXVII, 903, 934, 1005.

Каллауръ, полковникъ, археологъ, т. LXXV, 1092; т. LXXVI, 774.

Каллашъ, В., составитель брош. «Русскіе посты о Пушкинѣ», т. LXXVII, 592—595.

Каллиникъ, патриархъ александрійскій, т. LXXVII, 807.

Калмыкова, т. LXXV, 741.

Калоусекъ, Вл., чешскій писатель, т. LXXVII, 679.

Калужскій, М. *Библ. замѣтка его: А. Синайскій*, свящ. Отношеніе древнерусской церкви и общества къ латинскому западу (католичеству). (X—XV вв.). Спб., 1899, т. LXXVI, 1048—1052.

Кальдеронъ, Ш., франц. публицистъ, т. LXXVI, 1013, 1025.

Каланджи, П. С., болгарск. педагогъ, писатель, т. LXXVI, 677.

Каманинъ, И. М., библиотечаръ Кіев. унив., т. LXXV, 362, 1093; т. LXXVIII, 1119, 1120.

Камаровскій, графъ Л. А., профессоръ Варшавск. унив., т. LXXVI, 787.

Камбасерестъ, т. LXXVI, 986; т. LXXVII, 773, 774.

Камеиновъ, Гаврилъ Петровичъ, поэтъ, т. LXXVI, 590, 599.

Камеиновъ, корнетъ, т. LXXVIII, 583, 585, 590—592.

Каменскіе:

— графиня, урожд. Щербатова, т. LXXVI, 432—433.

— графъ Михаилъ Федотовичъ, фельд-маршалъ, т. LXXV, 862—863; т. LXXVI, 432—433, 435.

Канаатъ-ша, правитель Ташкента, т. LXXVI, 107, 111.

Кандауровъ, лейтенантъ, т. LXXVIII, 92.

Каннини, Маркъ, переводчикъ Пушкина на итал. яз., т. LXXVI, 649.

Канроберъ, франц. маршалъ. *Замѣтка о немъ*: Изъ бумагъ маршала Канробера, т. LXXV, 1059—1062

Кантемиръ, князь Антиохъ Дмитріевичъ, писатель, т. LXXVI, 638, 654, 669.

- Кантецкий**, польскій историкъ, т. LXXVIII, 837.
- Кантъ**, Эммануиль, философъ, т. LXXVI, 1014; т. LXXVII, 995.
- Капелюшъ**, *Ф. Библ. замѣтка Д. Ежова о переводѣ его соч. Шарля Летурино*: Эволюція торговли. (Экономическая библиотека). Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899, т. LXXVII, 321—322.
- Каподистрия**, графъ Иванъ Антоновичъ, министръ иностр. дѣлъ, т. LXXVI, 673—674; т. LXXVIII, 277.
- Капраловъ**, сельскій учитель, т. LXXV, 1084.
- Каптеревъ**, профессоръ, т. LXXVIII, 202.
- Капустинъ**, М. Н., профессоръ, почетный опекунъ. *Замѣтка о немъ*: Юбилей М. Н. Капустина, т. LXXVIII, 831—832. *Упомян.*: т. LXXVIII, 691.
- Карабановъ**, т. LXXV, 42, 50, 98, 103, 108, 115.
- Каравеловъ**, Любень, т. LXXVI, 678.
- Карагеоргій**, князь сербскій, т. LXXVI, 644—645.
- Караджичъ**, Вукъ, т. LXXVI, 641, 655; т. LXXVIII, 1225.
- Каразины**:
— В. Н., основатель Харьк. унив., т. LXXVIII, 693.
— Николай Николаевичъ, писатель, художникъ, т. LXXV, 310, 351; т. LXXVI, 363; т. LXXVII, 362.
де-**Караманъ**, графъ, т. LXXVII, 431, 451—452, 456, 775, 790, 791.
- Каразины**:
— Андрей, т. LXXVIII, 604, 629.
— Николай Михайловичъ, исторіографъ, т. LXXV, 180, 304, 374—375, 501, 707, 748; т. LXXVI, 300, 373, 466, 474, 483, 494, 533, 540, 556—558, 561, 571, 635, 664, 720, 776, 969; т. LXXVII, 211, 370—371, 526, 569—570, 575—576, 600, 610, 684; т. LXXVIII, 693.
- Карасевъ**, А., т. LXXVIII, 1150, 1151.
- Каратыгины**:
— Василій Андреевичъ, драматическ. артистъ, т. LXXVIII, 479, 493.
— Петръ Андреевичъ, драматическ. артистъ, т. LXXVIII, 478—488, 505—506, 982.
- Караеодори**, Стефанъ К., греческій ученый, т. LXXVI, 662—663.
- Карвосѣдскій**, т. LXXVII, 589.
- Каринскій**, М. И., т. LXXVI, 217.
- Карлайль**:
— Ричардъ. *Замѣтка о немъ*: Боецъ за свободу печати въ Англіи, т. LXXVII, 339—340.
— Томасъ, т. LXXV, 710, 955; т. LXXVI, 330, 641; т. LXXVII, 319, 1033.
- Карлайль-Вамбель**, мистриссъ, англ. писательница, т. LXXVII, 339.
- Карловичъ**, баронъ, т. LXXVII, 921, 922.
- Карль I**, англ. король, т. LXXV, 990; т. LXXVII, 1033—1034; т. LXXVIII, 340, 348—349.
- Карль III**, испан. король, т. LXXVII, 348; т. LXXVIII, 362.
- Карль IV**, король, т. LXXVIII, 369—370.
- Карль VI**, король, т. LXXVI, 655.
- Карль IX**, король шведскій, т. LXXVIII, 1066.
- Карль X**, король шведскій, т. LXXVIII, 374, 602, 606, 632, 813—814.
- Карль XI**, король шведскій, т. LXXVII, 128—129.
- Карль XII**, король шведскій, т. LXXV, 308; т. LXXVI, 45; т. LXXVIII, 246, 248, 250, 572.
- Карль XIII**, король шведскій, т. LXXVIII, 808.
- Карль-Альбертъ**, принцъ кариньян., т. LXXVII, 707; т. LXXVIII, 810.
- Карль-Антонъ**, принцъ, т. LXXV, 1058; т. LXXVI, 293.
- Карль-Виртембергскій**, принцъ, т. LXXV, 74.
- Карль IV Лотарингскій**. *Замѣтка о немъ*: Карль Лотарингскій и кардиналь Мазарини, т. LXXVIII, 1244—1245. *Упомян.*: т. LXXVIII, 350—351.
- Карль Смѣлый**, т. LXXVII, 692.
- Карль-Фридрихъ**, герцогъ Голштинскій, т. LXXVI, 45.
- Карнебекъ**, вице-предсѣдатель гаагск. конференціи, т. LXXVI, 1018.
- Карновичъ**, Евгеній Петровичъ, писатель, т. LXXVI, 272, 672.
- Каро**, Е. *Библ. замѣтка*. В. Боцановскаго о соч. его: Жоржъ-Зандъ. Переводъ О. Н. Масловой. М. 1899, т. LXXVI, 1069—1070.
- Каролина**, жена Мюрата. *Замѣтка о ней*: Жена Мюрата, т. LXXV, 725—727.
- Карпини**, Пьяно, италіан. посолъ, т. LXXVII, 643.
- Карпинскій**, академикъ, т. LXXV, 737.
- Карповы**:
— Марія Гавриловна, урожд. бар. Вревская, супруга Гр. Фед. К., т. LXXVI, 754.
— псковскій земскій начальникъ, т. LXXVII, 156.
— В. Н., филологъ, т. LXXVIII, 1226.
— Г. О. *Замѣтки о немъ*: Премія

имени Г. О. Карпова, т. LXXV, 364.—
Присужденіе преміи Г. О. Карпова, т.
LXXVI, 1127—1128.

— Григорій Федоровичъ, опочецкій
уѣздный предводитель дворянства, т.
LXXVI, 754.

— Е. П., драматическій писатель, т.
LXXVIII, 487, 998.

— Н. А., педагогъ, т. LXXV, 759.

Карскіе:

— Е. О., профессоръ Варш. унив., т.
LXXV, 739, 1083; т. LXXVI, 756.

— М. Б., авторъ брош. «Пушкинъ
въ Тавридѣ» (Симферополь, 1899), т.
LXXVII, 607.

Картавовъ, П. А. *Библ. замѣтка
Б. М. Городецкаго о книжъ его:* Библио-
графическія извѣстія о рѣдкихъ кни-
гахъ, №№ 1 и 2. Спб. 1898, т. LXXVI,
302—303.

Карцевы:

— И. О., инспекторъ угличск. городск.
учил., т. LXXVI, 772.

— Семеновъ, дьячекъ, учитель кн. Г.
А. Потемкина, т. LXXVI, 197.

Карчъ-Карчевскій, Д. А., редакторъ-
издатель «Жив. Обзор.», т. LXXVI,
707—709.

Карѣвъ, Николай Ивановичъ, исто-
рикъ, профессоръ Спб. унив. *Библ. замѣт-
ки (А. К.): объ изданн. подъ его редакціей
и съ его предисловіемъ переводъ соч. Ц.
Циллера:* Нѣмецкій студентъ конца
XIX вѣка, т. LXXVI, 729—730.—*(В.
Р.—ва):* объ издан. подъ его редакціей
X-омъ томъ Историческаго Обзоренія,
сборника Историческаго общества при
С.-Петербургскомъ университетѣ, т.
LXXVII, 1014—1015. *Упомян.:* т. LXXVII,
595, 870, 996; т. LXXVIII, 388.

ди-Касанова, испан. поэтесса, т.
LXXVIII, 237.

Касаткинъ, сотрудникъ «Вѣстника
археологій и исторій» 1899 г., т. LXXVII,
318.

Каспійскій, М. И. *Статья его:* По-
хороны А. С. Пушкина и его могилы,
т. LXXVI, 618—633.

Кастеларъ-и-Ризоль, Донъ-Эмиліо,
профессоръ Мадрид. унив. *Замѣтка о
немъ:* Смерть Кастелара и Розы Воннеръ,
т. LXXVII, 341—345. *Упомян.:* т. LXXVI,
680.

Кастнеръ, Эдв., чешскій писатель, т.
LXXVII, 679.

Катановъ, Н. О., археологъ, т. LXXVI,
314, 604; т. LXXVIII, 338—339.

Катенинъ, П. А., писатель, т. LXXVII,
592.

Катиба, Гомаръ, переводчикъ Пуш-
кина на грузин. яз., т. LXXVI, 653.

Каткартъ, лордъ, англ. посланникъ,
т. LXXVIII, 1165, 1166.

Катковы:

— С. П., т. LXXVI, 1108.

— М. М., прив.-доцентъ Демидов.
юрід. лицея, т. LXXVII, 683.

— Михаилъ Никифоровичъ, писатель,
т. LXXV, 1068, 1073; т. LXXVI, 642;
т. LXXVII, 601, 682.

Катюль Мендесъ, переводчикъ Пуш-
кина на франц. яз., т. LXXVI, 640.

Каульбарсъ, баронъ, т. LXXVII, 487,
489.

Кауницъ, австр. канцлеръ, т. LXXV,
721; т. LXXVIII, 732, 737.

Кауцскій, т. LXXVI, 239.

Фонъ-Кауфманъ:

— Константинъ Петровичъ, турке-
станскій ген.-губернаторъ, т. LXXVI,
96, 97, 101, 913—916, 918—919, 921,
924; т. LXXVII, 82—85, 95, 96—97, 484,
493, 535, 1015.

— Петръ Мих., гофмейстеръ, *Статья
его:* Русское знамя въ Средней Азии, т.
LXXVI, 96—122, 895—924; т. LXXVIII,
81—99, 477—493. *Упомян.:* т. LXXV,
761; т. LXXVIII, 596—597, 636, 1041.

Качановскіе:

— В. В., профессоръ. *Библ. замѣтка
С. К. о книжъ его:* Исторія Сербіи съ
половины XIV до конца XV вѣка, т. I.
Критическое изслѣдованіе источниковъ.
Кіевъ. 1899, т. LXXVIII, 787—788.
Упомян.: т. LXXVI, 656—657; т. LXXVII,
1018—1019.

— М. Т., т. LXXVI, 650.

Качанскій, В., переводчикъ Пушкина
на сербскій яз., т. LXXVI, 646.

Каунеръ, Леопольдъ, венгер. писа-
тель, т. LXXVII, 1025.

Кашкаровъ, В. М., археологъ, т.
LXXVI, 942, 950—951.

Кашпаръ, археологъ, т. LXXVI, 941,
949.

Казанъ, польск. писатель, т. LXXVI,
646.

Квасковъ, Я. Г., т. LXXV, 753.

Квиналь, чешск. писатель, т. LXXVI,
652.

Квятка-Основьяненко, Н. О., ук-
раино-русс. писатель, т. LXXVI, 650.

Квичала, I., чешскій писатель,
т. LXXVII, 679.

Квѣтка, Федоръ, засѣдатель бѣло-
польск. верховн. земск. суда, т. LXXVII,
521—522.

Келлеръ, Иванъ Петровичъ, про-
фессоръ историч. и портр. живописи.
Некрологъ его: т. LXXVI, 1131—1132.

- Кельбингъ**, профессоръ Бреславскаго унив., т. LXXVIII, 811.
- Кейнгъ**, Гееренъ, нѣмецк. литераторъ, т. LXXVI, 642, 659.
- Кейпентъ**:
— П. И., академикъ, т. LXXVI, 651.
— О. П., т. LXXVIII, 1287.
- Керзонъ**, Георгъ, вице-король Индіи, т. LXXVI, 956, 958.
- Кергъ**, Анна Петровна, урожд. Полторацкая, во 2-мъ замужествѣ Маркова-Виноградская. *О ней ст. В. А. Тихонова*: Анна Петровна Кергъ и романсъ: «Я помню чудное мгновенье», т. LXXVI, 610—617. *Поправка къ этой статьѣ А. Малеева*: Къ статьяжъ о Пушкинѣ. 1132—1133. *Упомин.*: т. LXXVII, 217, 606.
- Кибардинъ**, Григорій, учитель духовн. учил., т. LXXVII, 967.
- Кившенко**, А., художникъ, т. LXXV, 231—234.
- Кизветтеръ**, А. А., т. LXXV, 752.
- Кимберлей**, англ. министръ иностр. дѣлъ, т. LXXVI, 1015.
- Кингстонъ**, графиня, т. LXXVII, 906, 914, 925, 930.
- Кингъ**:
— Болтонъ, англ. историкъ, т. LXXVIII, 1263.
— Гаркортъ, англ. дипломат. агентъ въ Вѣнѣ, т. LXXVIII, 1162.
- Кинъ**, Т., переводчикъ Пушкина на англ. языкъ, т. LXXVI, 657.
- Кипарисовъ**, Василій Федоровичъ, профессоръ Моск. духовн. акад. *Некрологъ его*: т. LXXVI, 792—793.
- Киренскій**, О. А., художникъ, т. LXXVI, 1108; т. LXXVII, 361.
- Кирилловичъ**, т. LXXV, 912.
- Кирилловъ**, А. *Библ. замѣтка В. Р.—ва о книгѣ его*: 1797—1897. Матеріалы для исторіи Владимірской губернской типографіи къ столѣтнему юбилею. Владиміръ на Клязьмѣ. 1898, т. LXXVI, 320.
- Кириллы**:
— патриархъ александрійскій, т. LXXV, 254, 268; т. LXXVII, 307.
— (Лукарисъ), т. LXXVII, 306.
— **Кировъ**, Х. С., преподаватель словесности кишин. женск. гимн., т. LXXVI, 669.
- Киричниковъ**, А. И., профессоръ Московск. унив., т. LXXV, 751—752; т. LXXVI, 355—357, 662—663, 761, 763, 1107; т. LXXVII, 280, 354; т. LXXVIII, 829—831, 1121, 1284.
- Кирхгофъ**, скульпторъ, т. LXXVI, 92.
- Киръевскіе**:
— И. В., славянофилъ, писатель, т. LXXV, 932—933; т. LXXVIII, 773.
- П. В., писатель, т. LXXV, 933; т. LXXVI, 494; т. LXXVIII, 692.
- Киселева**, графиня, урожд. Потоцкая, т. LXXV, 438.
- Киселевъ**, графъ Павелъ Дмитріевичъ, ген.-отъ-инф., министръ госуд. имуществъ, т. LXXV, 73; т. LXXVI, 205, 587; т. LXXVIII, 178—179.
- Кистеръ**, баронъ Карлъ Карловичъ, д. т. сов., статсъ-секретарь, т. LXXVIII, 510—516.
- Кистаковский**, профессоръ Кіевскаго унив., т. LXXVIII, 846.
- Китовичъ**, Х. А., польскій писатель. т. LXXVII, 250.
- Китонъ**, миссъ, англ. писательница, т. LXXVIII, 1277.
- Клартъ**, Жюль, сотрудникъ «Journal», т. LXXVII, 717, 718.
- Клаузевицъ**, прусскій генералъ, т. LXXVIII, 1158, 1169.
- Клейберъ**, В. Р., т. LXXV, 1096.
- Клейверъ**, А., лейден. ученый, т. LXXVII, 874—875.
- Клейнмихель**, т. LXXVI, 1090, 1092.
- Клементьевъ**, Ив. Ив., т. LXXVI, 660.
- Клеменць**, Д. А., хранитель музея по антропологии и этнографіи въ акад. наукъ, т. LXXV, 737, 1096—1097; т. LXXVI, 774; т. LXXVII, 372.
- Клеменць**, Е. Н., жена Д. А. К., т. LXXV, 1097.
- Клермонъ**, г-жа, LXXVII, 452, 457.
- Климентовичъ**, сербскій лѣтописецъ, т. LXXVIII, 788.
- Климентъ VIII**, папа римскій, т. LXXV, 713; т. LXXVI, 1123—1124; т. LXXVII, 375—376.
- Климовъ**, т. LXXVI, 1110.
- Клингспоръ**, шведскій посланникъ въ Спб., т. LXXVI, 419.
- Клиръ**, чешскій писатель, т. LXXVII, 678.
- Клодтъ**, М. П., баронъ, академикъ акад. худ., т. LXXV, 349.
- Клюки-фонъ-Влугенау**, Францъ Карловичъ, ген.-лейт., герой кавказскій, т. LXXVIII, 212, 1105—1106.
- Ключаревъ**, протоіерей, т. LXXVI, 217.
- Ключевскій**, В. О., профессоръ, т. LXXV, 364; т. LXXVI, 945, 1128; т. LXXVII, 153, 280, 354, 595—596.
- Кнауэръ**, археологъ, т. LXXVIII, 1120.
- Кноррингъ**, ген.-лейт., т. LXXVIII, 1031, 1039, 1040.
- Княжичъ**, Д., т. LXXVIII, 1150.
- Княжичны**:
— т. LXXV, 65.
— ген.-лейт., т. LXXVIII, 1040.

— Я. Б., писатель, т. LXXV, 1078.
Вязевъ, А. Т., т. LXXVI, 1118.
Еобекъ, Д. О., тайн. сов., писатель, т. LXXV, 747, 1089; т. LXXVII, 371.
 де-**Кобенцель**, графъ, австр. посолъ, т. LXXV, 65—67; т. LXXVI, 42, 984; т. LXXVII, 773.
Ковалевскіе:
 — Прасковья Ивановна, крѣпостная гр. Ник. Пет. Шереметева, вполс. его супруга, т. LXXVI, 38.
 — А. О., академикъ, т. LXXVII, 369.
 — Евграфъ Петровичъ, министр нар. проsv., т. LXXV, 1071, 1074—1075.
 — З. М., профессоръ, т. LXXVII, 995.
 — М. М., профессоръ. *Библ. замѣтка П. К.—аго о книгѣ его:* Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго производства. Томъ I-й. М. 1898, т. LXXVI, 720—722. *Упомян.*: т. LXXV, 716; т. LXXVIII, 222.
 — П. И. *Библ. замѣтка П. К.—аго о книгѣ его:* Наполеонъ I и эпилепсія. Спб. 1899, т. LXXVIII, 1228—1229.
Ковальковскій, Константинъ Петровичъ, профессоръ гигиены Варш. унив. *Некрологъ его:* т. LXXVIII, 393.
Ковальскій, Францискъ, польскій писатель, т. LXXVI, 646—647.
Кованько, А. М., начальникъ воен. воздухоплав. парка, т. LXXVIII, 390.
Ковшенковъ, Иванъ Федоровичъ, академикъ скульптуры. *Некрологъ его:* т. LXXV, 369.
Когей, Г., переводчикъ Пушкина на хорутан. яз., т. LXXVI, 675.
Кодлецъ, Карлъ, чешскій писатель, т. LXXVII, 678.
Кожевниковы:
 — В. А., т. LXXVI, 789.
 — П. А., т. LXXV, 751.
Козадавлевъ, Осипъ Петровичъ, министръ вн. дѣлъ, сенаторъ, т. LXXVII, 135.
Козаковскій, предводитель тушинцевъ, т. LXXVI, 184, 186.
Козенъ, ген.-лейт., т. LXXVIII, 681, 1040.
Козинскій, П. Ю., балахнин. стольникъ и воевода, т. LXXVI, 317.
Козловскіе:
 — Александра Владиміровна, урожд. кн. Долгорукая, жена Я. А. К., т. LXXVII, 798.
 — прапорщикъ, т. LXXVII, 481.
 — князь Яковъ Алексѣевичъ, т. LXXVII, 798.
Козловы:
 — профессоръ, т. LXXVII, 378, 864, 865, 866, 870.

— И. И., поэтъ, т. LXXV, 938, 939; т. LXXVI, 578, 664.
 — П. К., т. LXXVIII, 1288.
Козьма III (Медичи), герцогъ тосканскій, т. LXXVIII, 350—352.
Коконцевъ, П. Н., археологъ, т. LXXVIII, 1285.
Колабановскій, К. Т., директоръ народн. училищъ Екатериносл. губ., т. LXXV, 1084.
Коленкуръ, герцогъ Виенскій, французскій посланникъ, т. LXXVIII, 35, 36.
Колесниковъ, т. LXXVI, 121.
Колзаковъ, т. LXXVII, 310.
Колларъ, Янъ, чешск. писатель, т. LXXVI, 656; т. LXXVII, 677, 679.
Коллини. Библ. замѣтка К. о книгѣ его: Вольтеръ. По *Коллини, Ваньеру, Штраусу* и др. Изд. товарищества «Знаніе». Спб. 1899, т. LXXVII, 315—316.
Коломнинъ, П. П., *Статья Л. Г. И.:* Типографское дѣло, о книгѣ его: Краткія свѣдѣнія по типографскому дѣлу, т. LXXVI, 251—259.
Колосовскій-Мартыновъ, А., авторъ оч. «Гдѣ же родился Пушкинъ» (1899), т. LXXVII, 278.
Колосовъ, археологъ, т. LXXVI, 940, 947.
Колосовъ (Фризановскій), артистъ, т. LXXVIII, 979, 998.
Колошанъ, П. И., т. LXXVII, 269; т. LXXVIII, 1148.
Колпаковскій, ген., т. LXXVI, 107—112; т. LXXVII, 486—492.
Колумбъ, Христофоръ. *Замѣтка о немъ:* Прахъ Колумба, т. LXXV, 718—719. *Упомян.*: т. LXXVI, 223, 237.
Колычевы:
 — т. LXXVII, 433.
 — Степанъ Степановичъ, камергеръ, вице-президентъ придворной конторы, т. LXXV, 424, 803.
Кольберъ, т. LXXVII, 694—695.
Кольевъ, т. LXXV, 806.
Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ, поэтъ, т. LXXVI, 247—248, 644, 664.
Кольриджъ, англ. британск., т. LXXVIII, 811—812.
Кольцо, Иванъ, волж. атаманъ, т. LXXV, 375.
Комаровскій, графъ, т. LXXVI, 1018.
Комаровы:
 — поручикъ, т. LXXVI, 903.
 — ген.-лейт., т. LXXV, 912.
 — ген., т. LXXVIII, 388.
 — преподаватель 2-го слб. кадетск. корп., т. LXXVII, 819, 826, 828, 829, 830.

- А. В., археологъ, т. LXXVIII, 1285.
 — В. Л., т. LXXVI, 782.
 — Виссаріонъ Виссаріоновичъ, издатель «Свѣта», т. LXXVII, 357.
 — К. В., т. LXXVI, 756.
Бомисаровъ-Костромской, т. LXXVIII, 483.
Коммисаржевскій, т. LXXVI, 615.
Конгрэвъ, Ричардъ, англ. соціологъ и публицистъ. *Замѣтка о немъ*: Смерть Ричарда Конгрэва, т. LXXVII, 1047.
Кондаковъ, Н. П., академикъ, т. LXXV, 352—354, 700, 737, 741—742, 747, 1084—1085; т. LXXVI, 1116—1117; т. LXXVII, 368, 372.
Конде, принцъ, т. LXXV, 816; т. LXXVI, 779, 865—866; т. LXXVII, 786.
Кондратенко, т. LXXVI, 363.
Кондратовичъ, Л., переводчикъ Пушкина на польск. яз., т. LXXVI, 648.
Кондратьевъ, т. LXXVIII, 1150.
Кондыревы:
 — Матвѣй Александровичъ, чиновникъ конторы сиб. имп. театровъ, т. LXXVIII, 990.
 — П., т. LXXVIII, 1150.
Кони:
 — А. О., сенаторъ, писатель, т. LXXV, 349—350; т. LXXVI, 767; т. LXXVII, 359.
 — О. А., драмат. писатель, т. LXXVIII, 978.
О'Коннелъ, Давидъ, ирланд. патриотъ. *Замѣтка о немъ*: Воспоминанія о Давидѣ О'Коннелъ, т. LXXVIII, 1258—1259.
Конопельскій, штабсъ-капитанъ, т. LXXVI, 902, 903.
Конопничкая, польская поэтесса, т. LXXVII, 1025.
Кояскій, П. А. *Статья его*: Михаилъ Сергѣевичъ Корелинъ (некр.), т. LXXV, 679—682. *Библ. замѣтки его*: *Жанъ Ревилль*. Религія въ Римѣ при Северахъ. М. 1898, т. LXXV, 327—328.—*А. Метель*. Соціализмъ въ Англіи. Спб. 1898, 709—711.—*Г. Лансонъ*. Исторія французской литературы XVII в. Переводъ *Э. Венеровой*.—XVIII вѣкъ. Переводъ *П. О. Морозова*.—XIX вѣкъ. Переводъ *П. О. Морозова*. Спб. 1899.—*Гюставъ Лансонъ*. Исторія французской литературы, томъ II. Изданіе Солдатенкова. М. 1898, 711—712.—Вліяніе морской силы на французскую революцію и Имперію. Томъ II. Изслѣдованіе капитана *Мэхэна*. Изданіе Его Имп. Высоч. Настѣдника Цесаревича Великаго Князя Георгія Александровича. Спб. 1898, т. LXXVI, 303—304.—Общественная жизнь Англіи. Изданіе *Г. Д. Трайля*. Томъ IV. Отъ воцаренія Іакова до смерти Анны. Т. V, отъ воцаренія Георга I до битвы при Ватерлоо. М. 1898, 317—318.—*Ванъ Мюйденъ*. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. подъ ред. *Э. Л. Радлова*. Выпускъ I съ 35 политипажами. Выпускъ II съ 6 политипажами. Спб. 1898, 319—320.—Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателейъ подъ ред. проф. *П. Г. Виноградова*. Выпускъ III. М. 1899, 323—324.—Иезуиты, ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность, въ средѣ общественной жизни, политики и религіи. Составилъ *Ж. Губеръ*. Спб. 1899, 326.—*М. Ковалевскій*. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго производства. Т. I-й. М. 1898, 720—722.—*Рамбо*. Исторія французской революціи. Кіевъ. 1899, 727—728.—*Г. Докюдэ*. Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до настоящаго времени. Томъ первый. Пер. съ франц. М. 1898, 1061—1062.—*Э. Лависсъ* и *А. Рамбо*. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ V. М. 1899, 1065—1066.—*А. М. Петрункевичъ*. Маргарита Ангилемская и ея время. Спб. 1899, 1066—1067.—Ріенци, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Романъ *Эдварда Бульвера-Литтона*. Спб. 1898, 1067—1068.—Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. I и II. М. 1898, 1071—1072.—Вольтеръ. По *Коллини*, *Вангеру*, *Штраусу* и др. Изд. товарищества «Знаніе». Спб. 1899, т. LXXVII, 315—316.—*Л. Гейнеръ*. Нѣмецкій гуманизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. *Г. В. Форстена*. Спб. 1899, т. LXXVIII, 1228.—*П. И. Ковалевскій*. Наполеонъ I и эпиплесія. Спб. 1899, 1228—1229.
Константиновичъ, прапорщикъ, т. LXXV, 905, 906.
Константиновъ, Алеко, болгар. юристъ, писатель, т. LXXVI, 679.
Константинъ Великій, императоръ, т. LXXVIII, 767—768.
Константинъ Константиновичъ, великій князь, президентъ акад. наукъ, т. LXXV, 155, 736, 933, 1076; т. LXXVI, 367; т. LXXVII, 357—359, 368—369, 371.
Константинъ Николаевичъ, великій князь, т. LXXVI, 264; т. LXXVII, 366—367; т. LXXVIII, 105, 106—107, 187.
Константинъ Павловичъ, великій князь, т. LXXV, 60, 113, 194—198, 223, 411—412, 422—423, 823—827; т. LXXVI, 38, 302, 408—410, 414, 424—425, 849,

860; т. LXXVII, 39, 47, 59, 61—62, 288, 310; т. LXXVIII, 335.

Констанцій, императоръ, т. LXXVII, 1051; т. LXXVIII, 392.

Контъ, Огюстъ, франц. философъ. *Замѣтка о немъ*: Переписка Милля съ Контюмъ, т. LXXVIII, 816—818. *Упомянутъ*: т. LXXVII, 678, 866, 1047.

Контъ-Флери, франц. писатель, т. LXXVIII, 357—358.

Конфалоньеръ, графъ Фредерикъ, итальян. патриотъ, т. LXXVII, 707—708; т. LXXVIII, 809—811.

Кончицъ, подпоручикъ, т. LXXVI, 903—904.

Коньковы:

— Венедиктъ, т. LXXVIII, 581—585, 589—592.

— Емельянь, т. LXXVIII, 581, 583.

Копецъ, I, бригадиръ, сподвижникъ Костюшки, т. LXXV, 369.

Копыловъ, В. О., протоиерей, преподаватель иркут. дух. семина., т. LXXVI, 687.

Корвизаръ, врачъ Наполеона, т. LXXVI, 989; т. LXXVII, 990.

Кордовскій, Георгій, карликъ, актеръ театра царевны Наталіи Алексѣевны, т. LXXV, 1046.

Кордтъ, В. А., профессоръ, т. LXXVII, 874; т. LXXVIII, 1118—1119.

Корелинъ, Михаилъ Сергѣевичъ, историкъ, профессоръ Моск. унив. *Некрологъ его Л. К—аго*: т. LXXV, 679—682. *Упомянутъ*: т. LXXVI, 1070; т. LXXVII, 873.

Корелли, Марія, англ. писательница, т. LXXV, 643—644.

Корецъ, Янъ, чешскій писатель, т. LXXVII, 679.

Коржинскій, С. И., академикъ, т. LXXV, 738; т. LXXVI, 783—784.

Корзонъ, польскій историкъ, т. LXXVII, 1025.

Корниекъ, чешск. писатель, т. LXXVI, 652.

Коркуновъ, Н. М., профессоръ Спб. унив. *Библ. замѣтка Б. Г. о книгѣ его*: Сборникъ статей 1877—1897 г. Спб. 1898, т. LXXVI, 309—311. *Упомянутъ*: т. LXXV, 741.

Корневъ, преподаватель 2-го спб. кадет. корп., т. LXXVII, 819—820.

Корниловъ, адмиралъ, т. LXXVIII, 82—83, 93—98, 100—101.

Корововъ, Иванъ Ивановичъ, т. LXXVI, 970.

Коровинъ, К., художникъ, т. LXXV, 318.

Короленко, Владиміръ Галактионовичъ, писатель, т. LXXVI, 316—317, 950.

Корсаковы:

— генералъ, т. LXXVII, 46.

-- Д. А., профессоръ, т. LXXVI, 1105; т. LXXVII, 1048.

Корте, т. LXXVIII, 38, 42, 45.

Корфъ, баронъ Модестъ Андреевичъ, ст.-секретарь, директоръ имп. публ. библ., т. LXXVI, 367, 696, 699; т. LXXVII, 204; т. LXXVIII, 175, 179—182, 187—191.

Коршъ, О. Е., профессоръ Моск. унив., т. LXXV, 738; т. LXXVI, 684—685, 1133.

Косса, Пьетро, переводчикъ Пушкина итал. яз., т. LXXVI, 649.

Костенковъ, К. И., ген.-майоръ, т. LXXVI, 679.

Костомаровъ, Николай Ивановичъ, историкъ. *Замѣтка о немъ В. Борисова*: Къ биографіи Н. И. Костомарова, т. LXXVII, 1048—1049; *Упомянутъ*: т. LXXV, 712—713; т. LXXVI, 186, 698, 969, 1124; т. LXXVII, 548, 566, 630; т. LXXVIII, 779.

Костровъ, Ермилъ Ивановичъ, поэтъ, т. LXXVII, 202.

Костюшко, послѣдній полководецъ польск. республики, т. LXXV, 908; т. LXXVIII, 266.

Косцѣлецкій, епископъ хелминскій, т. LXXVII, 585—586, 589.

Косцюшко-Валюжиничъ, К. К., археологъ, т. LXXVIII, 1235.

Косьма, патриархъ alexandrijskij, т. LXXVII, 307.

Котельниковъ, прапорщикъ харьк. уланск. полка, т. LXXV, 902.

Котляревскій, Н. А., магистръ исторіи. *Замѣтка о немъ*: Диспутъ Н. А. Котляревскаго, т. LXXVIII, 1283—1284.—*О книгѣ его*: Мировая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка, въ ст. А. К. Бороздина: Ученое фразерство т. LXXV, 952, 957—965.—*Упомянутъ*: т. LXXVII, 1026; т. LXXVIII, 1280—1282.

Котошкнинъ, Григорій Карповичъ, моск. подьячій посольск. приказа, писатель, т. LXXV, 685.

Кохановская, писательница, т. LXXVII, 601.

Кочетковъ, Сергій, унт.-офицеръ. т. LXXVIII, 659—660, 662.

Кочубей, В. П., графъ, министръ внутр. дѣлъ, т. LXXVII, 133, 135, 137—140, 142.

Кочубей, В. Л., малоросс. генер. судья, т. LXXVII, 632.

Кощанскій, т. LXXV, 707; т. LXXVII, 202.

Коселева, т. LXXVII, 449, 456—457, 769, 770.

Коселевъ, т. LXXVI, 1095.

Коскуль, Ад., баронъ, т. LXXVIII, 836.

- Копуть**, венгер. патриотъ, т. LXXVII, 1025, 1046.
- Краббе**, ген.-адъютантъ, т. LXXV, 144.
- Краевскіе:**
— полковникъ, т. LXXVI, 116—120, 896, 899.
— А. А., журналистъ, т. LXXV, 140, 610; т. LXXVI, 265; т. LXXVIII, 190.
- Кракау**, архитекторъ, т. LXXVI, 1116.
- Красковский**, Ипполитъ Теофиловичъ, переводчикъ, журналистъ. *Некрологъ его*: т. LXXV, 1101—1102.
- Красницкій**, Иванъ Яковлевичъ, художникъ, т. LXXV, 353.
- Красновъ**, А. Н., т. LXXVIII, 1289—1290.
- Красногорская**, Элиза, чешск. писательница, т. LXXVI, 652.
- Красноглазовъ**, Иванъ, казакъ, т. LXXV, 910.
- Краснодубровский**, археологъ, т. LXXVI, 942.
- Красносельцевъ**, Н. О., профессоръ Новоросс. унив., т. LXXVIII, 785—787.
- Красовскіе:**
— археологъ, т. LXXVI, 952.
— А. И., тайн. сов., начальникъ цензурн. комит., т. LXXVI, 640.
- Краусгаръ**, Александръ, польскій историкъ. *Библ. замѣтка Г. Воробьева о книгѣ его*: Bourboni na wygnaniu w Mitawie i Warszawie. Szkic historyczny (1798—1805). Съ иллюстраціями. Варшава. 1899, т. LXXV, 318—319.
- Крауссе**, Алексисъ, англ. писатель, т. LXXVIII, 387.
- Краушаръ**, польск. историкъ, т. LXXVII, 1025.
- Крашенинниковы:**
— археологъ, т. LXXV, 365.
— И. С., т. LXXVI, 756.
- Кремеръ**, ген.-адъют., т. LXXV, 346—347.
- Кремлевъ**, А., писатель, т. LXXVII, 155; т. LXXVIII, 1276.
- Крестовская**, М., писательница, т. LXXV, 741.
- Кретчеръ**, М. А., т. LXXVIII, 157.
- Кречетниковъ**, М. Н., астрах. губернаторъ, т. LXXVI, 951; т. LXXVII, 547—548, 564, 565.
- Кривенко**, С. Н., писатель, т. LXXV, 1109—1110, 1112; т. LXXVI, 363.
- Кривцовъ**, Н. И., т. LXXVI, 1108.
- Криднеръ**, баронесса, урожд. Фитингофъ, изв. пѣтистка, т. LXXVII, 446.
- Кридачъ**, Федоръ Юрьевичъ, управляющій бюро при совѣтѣ русск. театр. общ., переводчикъ. *Некрологъ его*: т. LXXVIII, 1301.
- Криспи**, итальянскій госуд. дѣятель, т. LXXVI, 1014, 1025—1026.
- Кристина**, швед. королева, т. LXXVIII, 1059.
- Криштафовичъ**, Евменій Юсифовичъ, капитанъ, т. LXXVI, 199.
- де-ла-Кроа**, майоръ, т. LXXVI, 117—118.
- Кромвель:**
— Оливеръ, протекторъ соедин. республикъ: Англій, Шотландіи и Ирландіи. *Замѣтки о немъ*: Къ трехсотлѣтню рожденія Оливера Кромвеля, т. LXXVI, 735—737.—Кромвель, какъ воинъ, т. LXXVII, 326—327.—Отголоски юбилея Кромвеля, 1033—1034.—*Упомин.*: т. LXXVI, 223, 227; т. LXXVIII, 341.
— Ричардъ, т. LXXVII, 1033.
- Бруглый**, литераторъ, т. LXXVI, 1062.
- Бруценниковъ**, Я. Ф., казанскій купецъ, т. LXXV, 1083; т. LXXVI, 597—598.
- Брыгеръ**, поручикъ, т. LXXVI, 459.
- Брыжановскій:**
— ген.-лейт., т. LXXVI, 899—901, 905, 913; т. LXXVIII, 1040.
— Дмитрій Андреевичъ, оренбург. ген.-губернаторъ, т. LXXVI, 121, 964.
- Брыловы:**
— В. А., писатель. *Библ. замѣтка его*: Фаустъ, трагедія *Гете*. Переводъ А. Фета съ рисунками Э. Зейбертца. Изданіе А. Ф. Маркса. Иллюстрированная бібліотека «Нивы». Спб. 1899, т. LXXV, 693—695.—*Упомин.*: т. LXXVIII, 997.
— Иванъ Андреевичъ, баснописецъ. *Замѣтка о немъ*: Иванъ Андреевичъ Крыловъ, т. LXXVII, 728.—*Упомин.*: т. LXXVI, 247—248, 475, 635, 638—639, 650, 654, 664, 669, 685, 687, 1091; т. LXXVII, 211, 570, 827; т. LXXVIII, 693.
- Брысианскій**, польскій мятежникъ, т. LXXV, 903, 911.
- Брюковъ**, Дмитрій Львовичъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXVI, 690, 694.
- Брючковъ**, штабсъ-капитанъ, т. LXXVIII, 553.
- де-Брюссоль**, графъ, т. LXXVII, 65, 433.
- Б. С.** *Библ. замѣтка его*: Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV вѣка. Т. I. Критическое изслѣдованіе источниковъ. Проф. В. В. Качановскаго. Киевъ. 1899, т. LXXVIII, 787—788.
- Бсеносъ (Жабановъ)**, Иларіонъ Егоровичъ, т. LXXVIII, 778.

Буайе, авторъ соч. «Торгующее дворянство», т. LXXVIII, 693.

Буалень, маркиза, фаворитка Людовика XV, т. LXXVIII, 357.

Бублицкий, М. Е., т. LXXV, 148, 151.

Будравскій, А. *Замѣтка* его: Переводы Пушкина по-испански, т. LXXVIII, 848.

Будравцевъ, П., т. LXXVII, 611.

Бузанъ, Николай, картографъ XV в., т. LXXVIII, 1119.

Бузманн, К., чешск. писатель, т. LXXVI, 652.

Бузнецовы:

— М. Н., т. LXXVI, 1108.

— Н. И., т. LXXV, 1096.

Бузьминскій, поручикъ, т. LXXVI, 902, 909, 911, 913.

Букольниковы:

— Несторъ Васильевичъ, писатель, т. LXXVII, 817, 827; т. LXXVIII, 483.

— П., педагогъ, т. LXXV, 707.

Булагинъ, мятежникъ, т. LXXVII, 549, 553, 555, 560, 561.

Булаковскіе:

— П. А., славистъ, профессоръ Варш. унив., т. LXXVI, 756.

— Ю. А., профессоръ Киев. унив.

Библ. замѣтки о книгахъ его (Л.): Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ. Киевъ. 1899, т. LXXVI, 1063—1064.—(Е.): Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. Киевъ. 1899, т. LXXVIII, 1211—1214.—*Упомян.*: т. LXXV, 738, 744, 1093; т. LXXVII, 683; т. LXXVIII, 1120, 1121, 1136.

Булаковъ, П. Е., т. LXXV, 357—358, 1096.

Булибины:

— Н. А., предсѣдатель горн. учен. комит., т. LXXVII, 1055.

— Сергѣй Николаевичъ, горный инженеръ, писатель. *Некрологъ* его: т. LXXVII, 1055.

Булищъ, П. А., историкъ, т. LXXVI, 650; т. LXXVII, 311, 630.

Булъшенко:

— Андрей Ивановичъ, казакъ, т. LXXVII, 311.

— Демьянъ Михайловичъ, воронеж. куренный атаманъ, т. LXXVII, 311.

— Иванъ Михайловичъ, воронеж. куренный атаманъ, т. LXXVII, 311.

— Михайло, т. LXXVII, 311.

— Яковъ Ивановичъ, сотенный атаманъ, т. LXXVII, 311.

Буляко-Борецкій. *Замѣтка* его: Императоръ Николай Павловичъ въ

Бобруйскѣ. (Воспоминанія очевидца), т. LXXV, 734—735.

Буникъ:

— Аристъ Аристовичъ, академикъ-историкъ. *Статья о немъ П. Н. Полевого*: Три типа русскихъ ученыхъ. (Куникъ, Срезневскій и Григоровичъ), т. LXXVI, 123—127.—*Некрологъ* его: т. LXXV, 1097—1099. *Упомян.*: т. LXXV, 1086; т. LXXVI, 689, 698, 1039, 1044; т. LXXVII, 370, 1056; т. LXXVIII, 1235, 1284.

— Н. В., академикъ, т. LXXVII, 999.

Буницынъ, Александръ Петровичъ, профессоръ царскосельск. лицей, т. LXXVI, 550; т. LXXVII, 202, 268—269.

Буницевичъ, Г. З., т. LXXV, 747—748.

Бунъ, преподаватель 2-го спб. кадет. корпус., т. LXXVII, 820, 821.

Буперусъ, Людвигъ, голланд. писатель, т. LXXVI, 1013, 1019.

Буприановичъ, Г. Я. *Библ. замѣтка И. Любарскаго о книгѣ* его: Историческій очеркъ православія, католичества и униі, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ съ древнѣйшаго до настоящаго времени. Второе значительно дополненное изданіе. Вильна. 1899, т. LXXV, 701—703.

Буракины:

— князь Александръ Борисовичъ, вице-канцлеръ, т. LXXV, 47; т. LXXVI, 34, 422, 459—460, 860, 982; т. LXXVII, 436, 1016—1017; т. LXXVIII, 728—729.

— князь Алексѣй Борисовичъ, канцлеръ, т. LXXVI, 34, 422, 863; т. LXXVII, 44, 1017.

— князь Борисъ Иван., т. LXXVII, 1016—1017.

— князь Иванъ Семеновичъ, бояринъ, т. LXXV, 1088.

— княгиня Наталія Ивановна, урожд. Головина, супруга кн. Алексѣя Бор. К., т. LXXVI, 863.

— князь Николай Васильевичъ, т. LXXV, 58.

— Ѳ. А. *Библ. замѣтка III. о книгѣ* его: Архивъ князя Ѳ. А. Буракина. Книга 8-я, изданная кн. Ѳ. А. Буракинымъ, подъ ред. В. Н. Смольянинова, Саратовъ. 1899, т. LXXVII, 1016—1017.

Бурбатовъ, археологъ, т. LXXVI, 945—946.

Бурбскіе:

— князь Андрей Михайловичъ, бояринъ, писатель, т. LXXV, 1089.

— князь Семень Ѳедотовичъ, бояринъ, т. LXXV, 375.

Буріаръ, Пелагея Петровна, урожд. Вохина, художница. *Некрологъ* ея: т. LXXV, 775—776.

- Еуропаткинъ**, ген., т. LXXVI, 1120.
- Еуроченины:**
— Василій Степановичъ, писатель, т. LXXV, 967; т. LXXVI, 263, 266.
— Николай Степановичъ, писатель, т. LXXV, 967—968.
- Еурго-Сесиль**, баронесса, франц. эмигрантка, т. LXXV, 339—341.
- Еуртъ**, профессоръ въ Литвихѣ, т. LXXVIII, 343—344.
- Еурць**, Э. Г., т. LXXVIII, 830—831.
- Еуссонскій**, подпоручикъ, т. LXXVI, 898.
- Еутайсовы:** графъ А. П., т. LXXV, 761.
— графъ Иванъ Павловичъ, оберъ-штальмейстеръ, т. LXXVI, 850, 866; т. LXXVII, 40, 50—51, 65, 430—431, 433, 437.
- Еутеповъ**, Ник. Ив. *Библ. замѣтка о книгѣ его:* Царскія охоты на Руси царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича. XVII вѣкъ. Историческій очеркъ Николая Еутепова. Спб. 1898, т. LXXV, 683—687.
- Еуторга**, Михаилъ Семеновичъ, историкъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXVI, 689, 692, 694, 1090, 1093.
- Еутровъ**, капитанъ, т. LXXVIII, 84, 86, 92, 93.
- Еутозовъ**, т. LXXVI, 786, 980, 983; т. LXXVIII, 1169—1172.
- Еушелевъ**, графъ Григорій Григорьевичъ, адмиралъ, вице-президентъ адмирал-коллегіи, т. LXXVI, 419; т. LXXVII, 430.
- Еюи**, Ц. А., композиторъ, т. LXXV, 1025.
- Еюхельбекеръ**, Вильгельмъ Карловичъ, поэтъ, товарищъ по лицію Пушкина, т. LXXVI, 512; т. LXXVII, 187, 270, 593, 603.
- Л.**
- Лабзинъ**, А. О., писатель, т. LXXVIII, 1146.
- Лаваллетъ**, графъ, сподвижникъ Наполеона, т. LXXVI, 988; т. LXXVII, 337—339.
- Лаваллетъ**, графиня Эмилія, жена Наполеоновскаго сподвижника. *Замѣтка о ней:* Европейская героиня, т. LXXVII, 337—339.
- де-Лавальеръ-Франсуаза**, герцогиня, фаворитка Людовика XIV, т. LXVII, 995; т. LXXVIII, 456, 1246.
- Лаверецкій**, скульпторъ, т. LXXVI, 380.
- Лависсъ**, Э. *Библ. замѣтка П. К.—аго о составл. подъ его руководствомъ:* Всеобщей исторіи съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ V. М. 1899, т. LXXVI, 1065—1066.
- Лавицкій**, Андрей, іезуитъ, т. LXXVI, 1124; т. LXXVII, 375.
- Лавровскіе:**
— Николай Алексѣевичъ, академикъ, попечитель Рижск. учебн. окр. *Статья о немъ В. Е. Рудаковъ:* Николай Алексѣевичъ Лавровскій. *Некрологъ*, т. LXXVIII, 689—694. *Упомян.*: т. LXXVII, 862, 865, 869, 872.
— Петръ Алексѣевичъ, т. LXXVIII, 689.
- Лавровы:**
— профессоръ, т. LXXVIII, 787.
— Кронидъ Васильевичъ, надр. сов., т. LXXV, 520—526, 528—530.
— П. А., т. LXXV, 754.
- Лаврскій**, А., археологъ, т. LXXVIII, 1235.
- Лагарпъ**, Фридрихъ-Цезарь, воспитатель имп. Александра I, т. LXXV, 808; т. LXXVII, 202, 349, 570, 1001; т. LXXVIII, 363, 1215.
- Ладюрнеръ**, франц. художникъ, т. LXXVIII, 604—605.
- Лажечниковъ**, Иванъ Ивановичъ, писатель. *Замѣтки о немъ:* Библиотека имени И. И. Лажечникова, т. LXXVI, 1128.—Могила И. И. Лажечникова, т. LXXVII, 725—726. *Упомян.*: т. LXXV, 613.
- Лазаревичъ**, сербск. писатель, т. LXXVIII, 1226.
- Лазаревскіе:**
— *Библ. замѣтка В. Р.—ва о книгѣ его:* Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Вып. V. Кіевъ. 1899, т. LXXVII, 311—312. *Упомян.*: т. LXXVIII, 1302—1304.
— И., т. LXXVIII, 1153.
— М. А., т. LXXV, 1093.
- Лазаревы:**
— юнкеръ, т. LXXVIII, 107.
— Михаилъ Петровичъ, адмиралъ, т. LXXV, 243, 347.
- Лазаревъ-Станицевъ**, С. Н., академикъ архитектуры, т. LXXVI, 790.
- Лакомбъ**, Роза. *Замѣтка о ней:* Одна изъ героинь французской революціи, т. LXXVIII, 1250—1252.
- Лакруа:**
— маркиза, франц. фаворитка, т. LXXVII, 348.
— Жюль, франц. писатель, т. LXXVIII, 283.
— Каролина, урожд. гр. Ржевуская, по перв. браку Сабанская, т. LXXVIII, 283.

— Сильвестръ Франсуа, франц. математикъ, т. LXXVIII, 1148.

Лакуръ, Леопольдъ, франц. историкъ, т. LXXVIII, 1250—1252.

Ламакинъ, Г. Я., композиторъ, т. LXXV, 1025; т. LXXVII, 823—827.

Ламаинокіе:

— В. Н., профессоръ Спб. унив., т. LXXV, 708, 1096; т. LXXVI, 217, 784; т. LXXVII, 856; т. LXXVIII, 1121.

— Е. И., тайн. сов., т. LXXV, 761.

Ламбертъ, графъ К. К., ген.-отъ-кав., намѣстникъ царства Польскаго, т. LXXV, 442, 444, 446—447, 552—456; т. LXXVII, 676.

Ламздорфъ, графъ Владиміръ Николаевичъ, товарищъ министра иностр. дѣлъ, т. LXXVI, 1016.

де-Ламоттъ-Валуа, графиня. *Замѣтка о ней:* Графиня Ламоттъ-Валуа въ Крыму, т. LXXVIII, 367—368.

Ламоттъ-де-ла-Перузъ, франц. полководецъ, т. LXXVIII, 720—723, 725, 726, 730.

Ланжеронъ, графъ Александръ Оедровичъ, ген.-отъ-инф., т. LXXV, 67—70.

Ланская, Варвара Матвѣевна, урожд. Пашкова, супруга В. С. Л., т. LXXV, 74.

Ланскіе:

— А. Д., т. LXXVI, 1062.

— Василій Сергѣевичъ, д. тайн. сов., членъ госуд. сов., т. LXXV, 74.

Лансонъ, Гюставъ. *Библ. замѣтка К. о переводѣ соч. его:* *Исторія французской литературы XVII в.* Переводъ З. Венеровой—XVIII и XIX вѣкъ. Переводъ П. О. Морозова. Спб. 1899.—*Исторія французской литературы.* Томъ II. Изданіе Солдатенкова. Москва. 1898, т. LXXV, 711—712.

Ланскоронская, графиня, во второмъ бракѣ гр. *Фитумъ*, т. LXXVIII, 915.

Ланскоронскій, графъ, т. LXXVIII, 915.

Ланцъ, ген.-майоръ, т. LXXVI, 369.

Ланцъ, поручикъ, т. LXXVI, 117.

Лаппенрентъ, А. И., переводчикъ Пушкина на финск. яз., т. LXXVI, 682.

Лаппо-Данилевскій, А. С., прив.-доцентъ спб. унив., т. LXXVII, 994; т. LXXVIII, 829, 831.

Ларошъ, Г. А. *Библ. замѣтка Г. Т. объ изданн. съ его предисловіемъ книгъ:* *Музыкальные фельетоны и замѣтки Петра Ильича Чайковскаго* (1868—1876 гг.), съ приложеніемъ портрета, автобіографическаго описанія путешествія за границу въ 1888 и предисло-

вія Г. А. Лароша. М. 1898, т. LXXV, 1024—1028.

Ласкинъ, Гавриилъ. *Библ. замѣтка объ изд. съ его предисловіемъ:* *Сочиненіяхъ Константина Багрянороднаго: «О оемахъ» (De thematibus) и «О народахъ» (De administrando imperio).* М. 1899, т. LXXVI, 1052—1055

Ласкій, поручикъ, т. LXXVIII, 109.

Лассаль, политико-экономъ - социалистъ. *Замѣтка о немъ:* *Донесеніе Ломара Бухера о Лассалѣ*, LXXVI, 337—340;

Ласси, фельдмаршалъ, т. LXXVIII, 1050.

Ласъ-Казасъ, авторъ «Записокъ», т. LXXVI, 973—974, 976, 977.

Латкинъ, Василій Николаевичъ, профессоръ Спб. унив. *Библ. замѣтка Б. В. Н. о книгѣ его:* *Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.).* Спб. 1899, т. LXXV, 1032—1033. *Упомин.:* т. LXXVII, 994; т. LXXVIII, 1286.

Латышевъ, В. В., академикъ, т. LXXV, 737, 744, 1087; т. LXXVI, 774; т. LXXVIII, 828, 1235.

Латюдь, т. LXXVII, 352—353.

Лаува, переводчикъ Пушкина на латышск. яз., т. LXXVI, 683.

Лафицкій, поручикъ, LXXVI, 908.

Лашкаревъ, Петръ Александровичъ, профессоръ Кіев. унив. *Некрологъ его:* т. LXXVIII, 844. *Упомин.:* т. LXXV, 319, 362, 700, 766, 1093; т. LXXVIII 1120.

Лашковъ, Ѳ. Ѳ., археологъ, т. LXXVI, 949.

Лашенко, М. А., т. LXXVI, 306.

Лашинская, мать Маріи Валевской, т. LXXVII, 974—975.

Лебедева, О. С., ориенталистка, т. LXXVI, 676.

Лебедевы:

— А. П., профессоръ Моск. унив. *Библ. замѣтка Σ. о книгахъ его:* *Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ.* Съ подробнымъ указателемъ русской литературы, относящейся къ этому предмету, съ 1841 года по 1900. М. 1900, т. LXXVIII, 325—329.—*Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія.* (Изъ давнихъ временъ христіанской церкви). М. 1900, т. LXXVIII, 767—770. *Упомин.:* т. LXXVII, 995.

— Андрей Николаевичъ, врачъ-археологъ. *Некрологъ его:* т. LXXV, 773.

— И. А., т. LXXV, 1081.

— К. В., художникъ, т. LXXV, 683—684.

Лебединскій, майоръ, т. LXXV, 906.
Лебрентъ, Елисавета-Луиза, урожд.

Вижо, франц. портретистка, т. LXXV, 824—825; т. LXXVI, 408.

Либельтернъ, австр. посолъ, т. LXXVIII, 1164.

Леванда, духовн. писатель, т. LXXV, 246—247.

Леве, Ф., переводчикъ Пушкина на нѣм. яз., т. LXXVI, 642.

Левенвольдъ, графъ, оберъ-гофмаршалъ, т. LXXVIII, 727—730.

фонъ-Левенштергъ, т. LXXVII, 134—135.

де-Левы, аббать, т. LXXVII, 783—784.

Левин-Врюль, франц. журналистъ, т. LXXVIII, 816, 817.

Левины:

— ген.-майоръ, LXXVII, 553.

— Е. М., т. LXXVI, 355.

Левитанъ, художникъ, т. LXXV, 318.

Левницкій, Н., т. LXXVIII, 1150.

Левитскій, Н. В., организаторъ крестьянскихъ артелей въ Херсон. губ., т. LXXVI, 324.

Левшины:

— Прасковья Ивановна. См. *Лопухина*.

— варшав. оберъ-полицеймейстеръ, т. LXXV, 453—454.

Левъ:

— архіепископъ ахридскій, т. LXXVIII, 328.

— (**Исавръ**), императоръ, т. LXXV, 1037—1038.

— **VI Мудрый**, т. LXXVIII, 328.

— IX, папа римскій, т. LXXVIII, 328.

— XI, папа римскій, т. LXXVI, 1123.

— XIII, папа римскій, т. LXXV, 257; т. LXXVI, 1017, 1026; т. LXXVII, 374.

Легонинъ, Викторъ Алесѣевичъ, профессоръ Моск. унив. *Некрологъ его*: т. LXXVIII, 392—393.

Леже, Луи, франц. профессоръ, т. LXXV, 341—342, 1067; т. LXXVI, 328; т. LXXVII, 345.

Лейвентманъ, авторъ бр. «Честъ Пушкину» (1899), т. LXXVII, 608, 610—611.

Лейкниъ, Н. А., писатель, т. LXXV, 968.

Леманъ, К. Ф., нѣмецкій ориенталистъ, т. LXXV, 1050—1051.

Лемэтръ, т. LXXV, 953, 954, 955.

Ленотръ, франц. журналистъ, т. LXXVI, 1077, 1081—1082.

Ленскій, Д. Т., драмат. писатель, т. LXXV, 937, 939; т. LXXVIII, 479, 998, 999.

Ленцъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXVI, 1093.

Леонидовъ, Леонидъ Львовичъ, актеръ, т. LXXV, 938 — 939; т. LXXVIII, 479.

Леонидъ:

— архимандритъ, т. LXXV, 268.

— архіепископъ сарскій и т. LXXV, 916.

— оптинскій старецъ (въ скимѣ *Левъ*), т. LXXV, 920, 930—931, 933.

— (Кавелинъ), архимандритъ, археологъ, т. LXXVI, 969.

Леонтьевы:

— К. Н., писатель, въ монашествѣ *Климентъ*, т. LXXV, 933.

— Павелъ Михайловичъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXVII, 682.

Леопардовъ, Н. А., археологъ, т. LXXVIII, 847.

Леопольдовъ, А. Ф., писатель, т. LXXVI, 952; т. LXXVII, 324.

Лепарскій, полковникъ, т. LXXVIII, 789.

Лепехинъ, подпоручикъ, т. LXXVII, 89.

Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ, поэтъ, т. LXXV, 322, 1068; т. LXXVI, 246—248, 635, 644, 662, 664, 765, 676; т. LXXVII, 596.

Лерхе, т. LXXVI, 114, 902.

Лессаръ, русс. повѣренный въ дѣлахъ въ Лондонѣ, т. LXXVI, 1031.

Лестокъ, придворный врачъ, т. LXXVI, 371.

Летке, археологъ, т. LXXVIII, 1132.

Легурно, Шарль. *Библ. замѣтка Д. Ежова о книжъ его*: Эволюція торговли (Экономическая библиотека). Переводъ *О. Капелюша*. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899, т. LXXVII, 321—322.

Лефорть:

— баронесса, т. LXXVII, 446.

— франц. выходецъ, т. LXXVII, 1005—1006.

Лещинскіе:

— Марія, жена Людовика XV. *Замѣтка о ней*: Свадьба Маріи Лещинской и Людовика XV, т. LXXVIII, 352—354.

— Станиславъ, польскій король, т. LXXVIII, 352—353, 717, 719—722.

Ливенъ:

— княгиня Дарья Христофоровна, урожд. Бенкендорфъ, т. LXXV, 64; т. LXXVIII, 269, 271—277.

— свѣтл. княгиня Шарлотта Карловна, воспитательница вел. княженъ, дочерей имп. Павла и имп. Маріи Феодоровны, т. LXXV, 826; т. LXXVI, 38, 41.

— князь Карлъ Андреевичъ, ген.-адъют., министр нар. проsv, т. LXXVI, 651.

— генералъ, т. LXXVIII, 740.

— графъ Христофоръ Андреевичъ, ген.-адъют., русс. посолъ въ Лондонѣ, т. LXXVIII, 276, 277, 1166.

— ген.-квартирмейстеръ, т. LXXVI, 1092, 1094.

Ливчакъ, I, Н., переводчикъ Пушкина на червонорус. яз., т. LXXVI, 673.

Лигищъ, В. Н., попечитель Варш. учебн. окр., т. LXXV, 1083; т. LXXVI, 756.

Лильборнъ, Джонъ, т. LXXVIII, 340—342.

Лилъевъ, археологъ, т. LXXVIII, 1120.

Линская, Юлія Николаевна, по 1-му браку Громова, по 2-му Абрамова, актриса, т. LXXVIII, 488—491, 493.

Линская-Неметти, В. А., актриса, т. LXXVIII, 998, 1005.

де-Линъ, князь, т. LXXVII, 906, 914, 919, 925.

Лисовскіе:

— адмиралъ, т. LXXVI, 748.

— Н. М., библиографъ, т. LXXVIII, 843, 1287.

Листъ, Францъ, композиторъ, т. LXXVI, 83; т. LXXVII, 1023.

Литке, Ф. П., ген.-адъютантъ и адмиралъ, т. LXXV, 1096.

Литта: графъ Юлій Помпеевичъ, т. LXXVII, 44.

— графиня, статсъ-дама, т. LXXVIII, 442.

Литтровъ, профессоръ Казан. унив., т. LXXVI, 592.

Лихаревъ, т. LXXVI, 99.

Лихачевы:

— Анна Антоновна, т. LXXVI, 441.

— Надежда Гавриловна, т. LXXVI, 440—442.

— Н. П., профессоръ спб. археолог. инст., т. LXXV, 301, 745, 1090—1091; т. LXXVI, 1061; т. LXXVII, 317, 370; т. LXXVIII, 833.

— Ф. Ф., думный дьякъ, т. LXXVI, 1118.

— варшав. оберъ-полицеймейстеръ, т. LXXV, 740.

Л. Л. Библ. замѣтка его: Б. Низе. Очеркъ римской исторіи и источниковъ вѣдѣнія. Переводъ съ нѣмецкаго слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ подъ ред. Ф. Ф. Злинскаго и М. И. Ростовцева. Спб. 1899. Доходъ съ изданія назначается на пополненіе историческаго отдѣла библиотеки высшихъ женскихъ курсовъ, т. LXXVIII, 1231.

Л—въ, С. Библ. замѣтка его: Лирика Я. П. Полонскаго. Критическій этюдъ Н. М. Соколова. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1899, т. LXXVI, 304—305.

Лобановъ, Д. И., авторъ оч. «О мѣстѣ дуэли А. С. Пушкина» (1899), т. LXXVII, 278.

Лобановы Ростовскіе:

— князь Александръ Борисовичъ, министръ иностр. дѣлъ, т. LXXVIII, 719.

— князь Алексѣй Борисовичъ, т. LXXVI, 372—373.

Лобачевскій, Николай Ивановичъ, профессоръ Казан. унив., т. LXXVI, 592.

Лобода, А. М., прив.-доц. Кіев. унив., т. LXXV, 757; т. LXXVI, 355; т. LXXVII, 611.

Лобысевичъ, авторъ «Описанія хивин. похода» (1898), т. LXXVI, 100; т. LXXVII, 493.

Ловины:

— т. LXXVIII, 917.

— Федоръ, т. LXXV, 60.

Ловичъ, княгиня Іоганна, тайная супруга Константина Павловича, т. LXXVIII, 335.

Ловягинъ, А. М., писатель. *Статья его:* Николай Витсенъ изъ Амстердама у патриарха Никона. (Изъ неизданной голландской рукописи XVII вѣка), т. LXXVII, 874—879. *Библ. замѣтки его:* С. Блокурговъ. О библиотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. М. 1899, т. LXXV, 301—303.—А. М. Петрункевичъ, Маргарита Ангудемская и ея время. Историческій очеркъ изъ эпохи Возрожденія во Франціи. Изд. въ пользу общества вспоможенія окончившихъ курсъ наукъ на спб. высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 1899, т. LXXVI, 728—729.—Фридрихъ-фонъ-Гельвальдъ. Земля и ея народы. Переводы подъ ред. Ф. Груздева, т. I. Живописная Америка, т. II. Живописная Азія. Спб. 1899, 730—731.—Юліанъ Кулаковскій. Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ. Кіевъ. 1899, 1063—1064; *Упомин.*: т. LXXVIII, 843, 1287.

Ломоносовъ, Михайлъ Васильевичъ, первый русс. ученый, т. LXXV, 739, 1067; т. LXXVI, 243, 370, 465, 561; т. LXXVII, 211, 800, 1009; т. LXXVIII, 692—693.

Лонгеновъ, М. Н., начальникъ главн. управленія по дѣламъ печати, т. LXXVI, 428, 704.

Лонгфелло, америк. поэтъ, т. LXXV, 888, 1067—1068.

Лопаревъ, Хрис. Мее., ученый. *Библ. замѣтка объ изд. подъ его ред. кни-*

м: Востокъ христіанскій. Александрійская патріархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и записокъ, относящихся до исторіи Александрійской патріархія. Томъ I. Составленъ еписк. *Порфиріемъ Успенскимъ*. Изд. имп. акад. наукъ. Спб. 1898, т. LXXVII, 304—309. *Упомян.*: т. LXXVI, 376—378, 1044.

Лопатины:

— Александръ Григорьевичъ, смолен. губернаторъ, т. LXXVI, 349.

— Григорій Михайловичъ, т. LXXVI, 348—349.

— Капитолина Александровна, урожд. Челищева, жена Григ. Мих. Л., т. LXXVII, 348—349.

— Л. М., профессоръ, т. LXXVII, 380.

— Михаилъ, виленскій воевода, т. LXXVI, 348.

Лопиталь, франц. посолъ въ Спб., т. LXXVIII, 732, 737—741.

Лопухины:

— урожд. Ягужинская, т. LXXVIII, 724.

— Анастасія Степановна. См. Головина.

— княжна Анна Петровна, см. Гагарина.

— Екатерина Николаевна, урожд. Шетнева, 2-ая супруга Петра Вас., статсъ-дама, т. LXXVII, 44.

— княжна Екатерина Петровна, см. Демидова.

— Наталія Ѳедоровна, урожд. Балкъ, супруга Степ. Вас., LXXV, 416.

— Прасковья Ивановна, урожд. Левшина, супруга П. В. Л., т. LXXVI, 851.

— Дмитрій Ардаліоновичъ, калуж. губернаторъ, т. LXXVI, 952.

— Петръ Васильевичъ, д. тайн. сов., т. LXXVI, 851; т. LXXVII, 44.

— Степанъ Васильевичъ, вице-адмиралъ, т. LXXV, 416.

— подполковникъ, т. LXXVIII, 724—725.

Лосскій, К. *Библ. замѣтка его: Бернштейнъ*. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1899, т. LXXVIII, 339—342.

Лось, И. Л., прив.-доцентъ Спб. унив., т. LXXV, 1087; т. LXXVI, 377—378.

Лужницкій, Квинтиліанъ, редакторъ «Библ. русс. писателей для чернооруссовъ», т. LXXVI, 673.

Луиза, принцесса баденская, вполс. имп. **Елисавета Алексѣевна**. См.

Луиза, герцогиня баденская, т. LXXVI, 336—337.

Луиза, королева, т. LXXVII, 298.

Луиза, принцесса прусская, т. LXXVIII, 50.

Луиза (Савойская), т. LXXVI, 732.

Луиза - Фредерика, королева, т. LXXVII, 234.

Луиза - Шарлотта, герцогиня, т. LXXVIII, 841—842.

Лукасъ, Гербертъ, англ. іезуитъ, т. LXXVII, 1029—1030.

Лукашевичъ, Пл. Ак., т. LXXVII, 634.

Луцкинь, засѣдатель бѣлопольск. уѣздн. суда, т. LXXVII, 516—518, 524.

Лупновъ, Стефанъ, учитель духовн. учил., т. LXXVII, 967—968.

Лухманова, писательница, т. LXXVII, 154, 158.

Лыковъ, Б. М., бояринъ, т. LXXV, 1088.

Лыткинь, Георгій Степановичъ, этнографъ, преподаватель 6 спб. гимн., т. LXXVI, 668.

Львовъ, князь А. Е., т. LXXV, 351; т. LXXVI, 356.

Льдовъ, поэтъ, т. LXXVII, 154—156, 176.

Лѣсковы:

— А. С., врачъ, т. LXXV, 758.

— Николай Семеновичъ, писатель, т. LXXVII, 1056; т. LXXVIII, 518—519.

Любавскій, М. А., прив.-доц. Моск. унив., т. LXXV, 364; т. LXXVI, 323, 1128.

Любарскій, И. В. *Статья его*: Изъ польскаго возстанія 1863 г. (Разсказъ крестьянина-очевидца), т. LXXVI, 886—894.—*Замѣтка его*: Еще о Жиржинскомъ дѣлѣ 27 іюля 1863 года, т. LXXVI, 382—384. *Библ. замѣтка его*: *Г. Я. Куріановичъ*. Историческій очеркъ православія, католичества и униі въ Бѣлоруссіи и Литвѣ съ древнѣйшаго до настоящаго времени. Второе значительно дополненное изданіе. Вильна. 1899, т. LXXV, 701—703.—*Упомян.*: т. LXXV, 901, 902, 912, 913.

Любимовъ, П., переводчикъ Пушкина на церк.-славян. яз., т. LXXVI, 688.

Любомирскіе:

— княгиня. *Статья о ней Е. М. III*: Жертва террора, княгиня Любомирская, т. LXXVIII, 257—267.—*Упомян.*: т. LXXVII, 976.

— Екатерина, т. LXXVIII, 910—912.

— князь, т. LXXV, 740; т. LXXVIII, 911—912.

— князь Александръ, т. LXXVIII, 260, 264.

— князь В. В., т. LXXV, 893.

Любомудровъ, С. И., т. LXXVII, 681, 683.

- Любощицкий, А.**, переводчикъ Пушкина на евр. яз., т. LXXVI, 670—671, 688.
- Людвигъ**, принцъ Виртембергскій, т. LXXVIII, 56.
- Людвигъ I**, король баварскій, т. LXXVIII, 819—820.
- Людвигъ II**, король баварскій.—*Замѣтка о немъ*: Сумасшедшій король, т. LXXVIII, 818—820.
- Людвигъ - Вильгельмъ**, ген.-фельдцейхмейстеръ, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, т. LXXVI, 436.
- Людерсъ**, генераль, т. LXXVII, 1046.
- Людигаузенъ - Вольфъ**, баронъ, т. LXXVIII, 836, 840.
- Людвигъ XIII**, франц. король, т. LXXVI, 1100; т. LXXVII, 792.
- Людвигъ XIV**, франц. король.—*Замѣтка о немъ*: Отравительницы при Людвигъ XIV, т. LXXVIII, 1245—1247.—*Упом.*: т. LXXV, 338; т. LXXVI, 981, 985; т. LXXVII, 788, 995, 1023, 1034, 1037, 1039; т. LXXVIII, 350—352, 357, 375, 840, 1153.
- Людвигъ XV**, франц. король.—*Замѣтки о немъ*: Свадьба Маріи Лещинской и Людовика XV, т. LXXVIII, 352—354.—*Интимная жизнь Людовика XV*, 357—358.—*Упом.*: т. LXXV, 338; т. LXXVI, 371, 981, 1078—1081; т. LXXVII, 233, 348; т. LXXVIII, 259, 354—357, 717, 719—720, 731—736, 801—802, 1157.
- Людвигъ XVI**, франц. король.—*Замѣтка о немъ*: Свадьба Людовика XVI, т. LXXVIII, 797—799.—*О немъ въ замѣткѣ*: Воспоминанія бібліотекаря Маріи-Антуанетты, т. LXXVIII, 799—802.—*Упомин.*: т. LXXV, 724, 990; т. LXXVI, 242, 985, 986; т. LXXVII, 772—773, 794; т. LXXVIII, 38, 258, 363.
- Людвигъ XVII**, франц. король, т. LXXVII, 338—339; т. LXXVIII, 602.
- Людвигъ XVIII**, франц. король, т. LXXV, 319, 428, 824; т. LXXVI, 974, 981, 987, 1083, 1085; т. LXXVII, 339, 431, 785; т. LXXVIII, 269, 271, 374, 450—452, 803, 907.
- Людвигъ Тюрингскій**, ландграфъ, т. LXXVIII, 46—47.
- Людвигъ-Филиппъ**, франц. король, т. LXXV, 727; т. LXXVI, 975; т. LXXVII, 600; т. LXXVIII, 173, 175, 176, 178, 599, 605, 606.
- де-Люксембургъ**, г-жа, т. LXXVII, 451—452, 455, 769, 788, 790.
- Люперольскій, П. А.**, преподаватель нѣжин. инст., т. LXXVII, 865.
- Лютеръ**, Мартинъ, религіозн. реформаторъ.—*Замѣтка о немъ*: Лютеръ и Тетцель, т. LXXVII, 692—693.
- Лявданскій**, поручикъ, т. LXXV, 902—906, 908—909.
- Лядова**, Вѣра, балетн. танцовщица, т. LXXVIII, 501.
- Ляпуновъ**, Прокопій Петровичъ, думный дворянинъ, герой смутнаго времени, т. LXXVII, 669.
- Ляскоронскій**, В. Г., историкъ.—*Библ. замѣтка о книгѣ его*: Иностраннныя карты и атласы XVI и XVII вѣковъ, относящіяся къ Южной Россіи. Кіевъ. 1898, т. LXXV, 334.—*Упомин.* т. LXXVIII, 1130—1131.
- Лясопольскій**, Боскампъ, польскій посолъ при Оттоман. Портѣ, т. LXXV, 426.
- Лятикъ**, сибир. князь, т. LXXV, 375.
- Ляцкій, Е. А.** *Статья его*: Народныя типы. Скоморошина нашихъ дней. (Изъ записокъ этнографа), т. LXXVIII, 458—477.—*Библ. замѣтки его*: Г. Н. Потанинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. Съ 10 рисунками въ текстѣ. Изданіе географическаго отдѣленія имп. общества естествознанія, антропологіи и этнографіи. М. 1898, т. LXXVI, 711—713.—*Д-ръ Лоборъ Нидерле*. Человѣчество въ доисторическая времена. Доисторическія археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго *Ө. К. Волковой*, подъ ред. *Д. Н. Амучина*. Съ 459-ю рисунками и картою. Спб. 1898, т. LXXVI, 724—725.—*Упомин.* т. LXXVI, 779.
- Ляценко, А. I.** *Библ. замѣтки его*: Памятники древней письменности и искусства. СXXXIII. Отчетъ о засѣданіи 5-го марта 1899 г. съ прилож.: *И. А. И. Соболевскій*: «Логика жидовствующихъ» и «Тайная тайныхъ». *С. О. Домовъ*: «Вѣдомость о Китайской землѣ и о глубокой Индѣи», Спб, 1899, т. LXXVII, 1006—1007.—*Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской имперіи за 1896 годъ*. Спб. 1899. 1012—1013.—*П. К. Симои*. Русскій языкъ въ его нарѣчіяхъ и говорахъ. Опытъ бібліографическаго указателя трудовъ, касающихся русской діалектологіи и исторіи языка. Выпускъ I, ч. I. Великорусское нарѣчіе. Спб. 1899, т. LXXVII, 1017—1018.—*Черниговскіе старцы*. Псалки и криктоглоссоны. Черниговъ. 1899, 1020—1021.—*Збірникъ фільбологічної секціи наукового товариства імени Шевченка*. Т. II, Розвідки *Михаила Драгоманова*. Т. I. У Львова, 1899, т. LXXVIII, 342.—*Т. Фумъ*. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Переводъ съ англійскаго *А. Н. Бюлова*. Спб. 1899, 783.—*Библ. замѣтка о книгѣ его*: Къ

исторіи русскаго романа. Публицистическій элементъ въ романахъ Ѳ. А. Эмина. Спб. 1898, т. LXXVI, 325. *Упомян.*: т. LXXVIII, 843, 1287.

М.

Магарашевичъ, Юрій, сербскій профессоръ, т. LXXVI, 644—645.

Магаффи, англ. историкъ, т. LXXVII, 687—688.

Магдональдъ, французскій маршалъ, т. LXXVII, 704, 1040.

Магницкіе:

— В. К., т. LXXVI, 315.

— Михаилъ Леонтьевичъ, попечитель Казан. учебн. окр., т. LXXVI, 587, 589, 592—593.

Магнусъ:

— король шведскій, т. LXXVIII, 1077.

— (Таваста), архіепископъ, т. LXXVIII, 1075.

Магометъ II, султанъ турецкій, т. LXXV, 311; т. LXXVII, 941—942.

Мадзини, итальян. политич. дѣятель, т. LXXVI, 1014; т. LXXVII, 1023.

Мадль, В., чешскій писатель, т. LXXVII, 679.

Мазараки, С. А., археологъ, т. LXXVIII, 1230.

Мазарини, франц. министръ. *Упомян.*: т. LXXV, 338; т. LXXVI, 779. *Замѣтка о немъ*: Карлъ Лотарингскій и кардиналъ Мазарини, т. LXXVIII, 1244—1245.

Мазепа, малоросс. гетманъ, т. LXXVII, 311—312.

Мазингъ, подпоручикъ, т. LXXVI, 898.

Мазуренко, штабъ-ротмистръ, т. LXXVIII, 579, 585, 590—592.

Мазуринъ, Ѳ. Ѳ., собиратель древнихъ книгъ и рукописей, т. LXXVI, 785—786, 1118.

Мазуркевичъ, поэтъ, т. LXXVII, 154.

Майковы:

— Аполлонъ Николаевичъ, поэтъ, т. LXXV, 149—151, 707; т. LXXVI, 248, 664; т. LXXVII, 207, 594, 596; т. LXXVIII, 505, 506. *Замѣтка о немъ*: Памятникъ на могилѣ А. Н. Майкова, т. LXXVI, 791—792.

— Леонидъ Николаевичъ, вице-президентъ акад. наукъ. *Объ издан. подъ его редакціей 1-омъ томѣ «Сочиненій Пушкина» статья В. В. Никольскаго*: Академическій Пушкинъ, т. LXXVII, 178—218. *О книгѣ его*: Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-ли-

тературные очерки. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1899, въ статьѣ *Е. Еленина*: Юбилейная литература о Пушкинѣ. 265—272. *Библ. замѣтка А. Фарецова объ издан. подъ его ред.*: Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки въ Имп. академіи наукъ въ С.-Петербургѣ, май 1899 г. М. 1899. 683—685. *Упомян.*: т. LXXV, 53, 349—350, 707, 737, 738, 762, 1078—1079; т. LXXVI, 130, 630, 767; т. LXXVII, 154, 358, 601; т. LXXVIII, 828, 830, 843, 1153, 1287.

Маймонидъ, Моисей, еврейск. ученый, т. LXXVI, 778—779.

Макарій:

— настоятель Пѣсношск. мон., т. LXXV, 918.

— іеромонахъ, начальникъ Оптина скита, т. LXXV, 920—922, 924, 931—933.

— архіепископъ новгород., влосл. митрополитъ московскій, т. LXXVII, 725.

— архимандритъ, т. LXXVI, 947.

— антиохійск. патриархъ. *О немъ въ Библ. замѣткѣ о книгѣ*: Путешествіе антиохійскаго патриарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго г. *Муркоса*. По рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ четвертый. М. 1898. Т. LXXV, 690—693.

— (М. П. Булгаковъ), митрополитъ московскій, т. LXXVII, 277.

— (Глухаревъ), архимандритъ. *О немъ въ библ. замѣткѣ К. Х. о книгѣ П. В. Птахова*: Архимандритъ Макарій (Глухаревъ), основатель алтайской миссіи. М. 1899. Т. LXXV, 1039—1042.

Макаровы:

— инж.-поручикъ, т. LXXVI, 116, 118.

— тайн. сов., сенаторъ, т. LXXV, 862.

— А. Н., ген.-майоръ, т. LXXV, 349.

Макинъ, преподаватель 2-го спб. кад. корп., т. LXXVII, 827, 828, 830.

Маккарти, Джустенъ, англ. публицистъ и романистъ. *Замѣтка о немъ*: Воспоминанія Маккарти, т. LXXVII, 709—711.

Маковскіе:

— В. Е., художникъ, т. LXXVII, 630.

— К. Е., профессоръ живописи, т. LXXVII, 630.

— С., сотрудникъ «Мира Бож.», т. LXXVII, 961.

— Янъ, помѣщикъ, т. LXXV, 910, 911.

Максимовичи:

— Л. М., т. LXXVIII, 1145.

— М. А., т. LXXVIII, 342.

- Максимовы:**
 — Алексѣй Михайловичъ, актеръ, т. LXXVIII, 479—480, 998.
 — М., актеръ, т. LXXVIII, 479.
Максимъ-Грекъ, ученый монахъ, т. LXXV, 301—303.
Максимъ, протопопъ нѣжинскій, т. LXXV, 709.
- Макушевы:**
 — В., т. LXXVIII, 1153.
Макъ-Гаханъ, американ. корреспондентъ русс. газетъ. *О ней* въ замѣткѣ: Судь чести при союзѣ взаимопомощи русскихъ писателей, т. LXXV, 1109—1112.
- Макъ-Кей**, т. LXXV, 281—282, 284.
Мале, Альбертъ, франц. историкъ, т. LXXVIII, 1274—1275.
- Маленъ**, А. *Замѣтка его*: Къ статьямъ о Пушкинѣ, т. LXXVI, 1132—1133. *Библ. замѣтки его*: Э. Тома, проф. Лилльскаго унив. Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Перевелъ съ франц. Я. И. Рудневъ. Спб. 1899. Т. LXXVI, 1058—1060. — Ж. (sic) Усиль, профессоръ въ Копенгагенѣ. Воспитаніе у грековъ и римлянъ. (Erziehung und Jugendunterricht bei den Griechen und Römern). Переводъ Н. М. Оедоровой. Спб. Изданіе Ив. Ив. Иванова. 1899. 1070—1071. — Иностранные университеты. Вып. I. Университеты Англии и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. Изд. общества распространенія полезныхъ книгъ. М. 1899. Т. LXXVII, 318—319. То же, вып. II. Т. LXXVIII, 337—338. *Полю Гиро*. Историческія чтенія (lectures historiques). Частная и общественная жизнь римлянъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей С. П. Моравскаго. Съ 107 рисунками въ текстъ. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1899. Т. LXXVIII, 782—783. — Творенія Платона. Переводъ съ греческаго Владиміра Соловьева. Томъ первый. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1899. 1226—1227. *Упомян.*: т. LXXVIII, 1231.
- Малнинъ**, А. А., т. LXXV, 748—749.
- Малиновскіе:**
 — А. О., т. LXXVIII, 1145.
 — Василій Оедоровичъ, директоръ царскосельск. лицей, писатель, т. LXXVII, 268.
 — М. А., помощникъ попечителя Казан. учебн. окр., т. LXXVI, 722.
Маловъ, священникъ, т. LXXVI, 117—119, 898.
- Мальшинскій**, Аркадій Павловичъ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXVII, 727.
Малютинъ, художникъ, т. LXXV, 318.
Маларъ, преподаватель 2-го спб. кадет. корпус., т. LXXVII, 820.
Мамедъ-Исмаиль-Оглы, *о немъ въ статьѣ А. П. Андреева*: По дѣбрямъ Дагестана, т. LXXVIII, 207—230, 653—688, 1081—1116.
Маминъ, прапорщикъ, т. LXXVII, 90, 92.
Мамоновъ, графъ, т. LXXV, 72, 110.
Мамонтовъ, С., издатель «Міра Искусства», *Библ. замѣтка Г. Эрнстова объ изд. имъ журн.*: «Міръ Искусства». № 1 и 2. М. 1899. Т. LXXV, 316—318.
Манасенъ, В. А., профессоръ воен.-медіц. акад., т. LXXV, 1109—1112.
 — Н. А., министръ юстиціи, т. LXXVI, 218.
Мангуханъ, монгольск. царь, т. LXXVII, 643.
Мандельштамъ, профессоръ, т. LXXV, 249.
Мандрыка, Елена Николаевна, въ монашествѣ Эсфирь, т. LXXVI, 595, 602—605.
Мандрыка, Н. Я., начальникъ казан. окр. внутр. страж., т. LXXVI, 595.
Маня, И. А., писатель Пушкина на евр. яз., т. LXXVIII, 505—506.
- Мансуровы:**
 — ген.-маіоръ, т. LXXVII, 557.
 — А., археологъ, т. LXXVI, 939.
 — П. Д., сенаторъ, т. LXXVII, 242.
Мантейфель:
 — полковникъ, т. LXXVI, 900, 902, 913.
 — прусскій фельдмаршалъ, т. LXXVI, 286—287.
Мануиловъ, т. LXXVII, 332.
Мануиль II, визант. императоръ, т. LXXV, 312.
Маразли, Григорій Григорьевичъ, тайн. сов., бывш. город. голова въ Одессѣ, т. LXXVI, 664—665.
Марать, демагогъ временъ 1-й франц. революціи, т. LXXVI, 986, 1078; т. LXXVII, 345; т. LXXVIII, 363.
Марбо, франц. генералъ, т. LXXV, 1060—1061; т. LXXVII, 1042; т. LXXVIII, 1158.
Маргарита Ангулешская. *Оней въ библ. замѣткѣ Л.: А. М. Петрункевичъ*. Маргарита Ангулешская и ея время. Историческій очеркъ изъ эпохи возрожденія во Франціи. Изд. въ пользу общества вспоможенія окончившихъ курсъ наукъ на спб. высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 1899, т. LXXVI, 728—729.

Маргарита Луиза, принцесса Орлеанская. *Замѣтка о ней*: Француженка на итальянскомъ престолѣ, т. LXXVIII, 350—352.

Мариновъ, секретарь бѣлопольск. верхн. земск. суда, т. LXXVII, 525.

Марія:

— англ. королева, т. LXXVII, 1034—1035.

— принцесса, супруга герцога брауншвейгскаго, т. LXXVII, 437.

— **Александровна**, великая княжна, дочь имп. Александра I, т. LXXVII, 50—51, 69—70.

— великая княгиня, дочь имп. Александра II, въ супружествѣ съ герц. Эдинбург. Альфредомъ, т. LXXVIII, 819.

— **Антуанетта**, французск. королева. *Замѣтки о ней*: Новая книга о Маріи-Антуанеттѣ, т. LXXV, 720—722. — Свадьба Людовика XVI, т. LXXVIII, 797—799. — Воспоминанія бібліотекаря Маріи-Антуанетты, 799—802. *Упомян.*: т. LXXV, 47, 340—341; т. LXXVI, 858; т. LXXVII, 328, 455, 701, 779—782, 794—795; т. LXXVIII, 264, 819.

— **Луиза**, франц. императрица, супруга Наполеона, т. LXXVI, 974, 982, 984, 985, 989; т. LXXVIII, 809.

— **Магдаліна**, игуменья кіево-печерск. женск. мон., т. LXXVII, 632.

— **Николаевна**, великая княгиня, супруга герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, т. LXXV, 846—847, 849.

— **Павловна**, великая княгиня, супруга вел. герцога саксонъ-веймар. Карла-Фридриха, т. LXXVI, 1000; т. LXXVIII, 47.

— **Терезія**, герман. императрица, австр. эрцгерцогиня и королева Венгріи и Богеміи, т. LXXV, 426, 721; т. LXXVI, 655; т. LXXVII, 221; т. LXXVIII, 733—736.

— **Феодоровна**, императрица всероссійская, супруга императора Павла I; т. LXXV, 45, 51, 55, 62—63, 64—65, 67, 74, 400, 408, 415—416, 424, 812—813, 826; т. LXXVI, 38, 373, 410—411, 413, 416, 417—424, 426, 848—852, 854—862, 864—866, 1062; т. LXXVII, 41—47, 51, 54—55, 57, 62—63, 66, 68, 322, 433—435, 440, 728; т. LXXVIII, 443, 445, 452, 456, 904.

— императрица всероссійская, супруга имп. Александра III, т. LXXV, 738.

Маркагги, Д., корсиканскій ученый, LXXVII, 328—329, 331.

Маркгемиъ, Клементъ, англ. историкъ, т. LXXVII, 1027; т. LXXVIII, 1241.

Маркевичи:

— Ал. И., историкъ, профессоръ Новоросс. унив., т. LXXV, 351; т. LXXVI, 949; т. LXXVIII, 1136—1138.

— Арс., т. LXXVI, 952.

— Н. А., писатель, т. LXXVII, 629.

Марковичъ, Н., писатель, т. LXXVII, 599.

Марковскій, врачъ париж. тюремъ, т. LXXVIII, 266.

Марковы:

— А. К., хранитель нумизм. отд. имп. Эрмитажа, т. LXXVII, 318, 372, 1051; т. LXXVIII, 392, 832—933, 1284.

— Р. Л. *Статья его*: Недавняя старина, т. LXXVIII, 522—545.

Марковъ-Виноградскій, А. В., т. LXXVI, 1132.

Марксъ:

— А. Ф., издатель «Нивы». *Библ. замѣтка В. К. объ изданіи его*: Фаустъ, трагедія Гете. Переводъ А. Фета, съ рисунками Э. Зейбертца. Иллюстрированная бібліотека «Нивы». Спб. 1899, т. LXXV, 693—695.

— Карлъ, нѣмец. экономистъ. *О немъ въ статьѣ Л. Е. Оболенскаго*: Народники и марксисты. (Критическая замѣтка). т. LXXVI, 221—243. *Упомян.*: т. LXXVIII, 378.

— Эрихъ, нѣмец. историкъ, т. LXXV, 1058; т. LXXVI, 749.

Маркъ, св., первый александрійскій епископъ, т. LXXVII, 305.

Маро, Я., переводчикъ Пушкина на словен. яз., т. LXXVI, 668.

Марръ, Н. Я., прив.-доц., т. LXXV, 737.

Мартеиъ, Федоръ Феодоровичъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXV, 652; т. LXXVI, 374; т. LXXVIII, 385.

Мартеиъ, Жерменъ, т. LXXVII, 693—695.

Мартиніанъ, селенгинскій епископъ, т. LXXV, 143.

Мартыновы:

— А. Е., актеръ, т. 493, 978, 998.

— Д. Н., т. LXXVI, 756.

— И. И., педагогъ-писатель, т. LXXVII, 268.

— И. М., іезуитъ. *Замѣтка о немъ Г. И. Студенкина*: О смерти іезуита Мартынова, т. LXXV, 1106. *Упомян.*: т. LXXVI, 704.

— П. А., писатель, т. LXXV, 304; т. LXXVI, 952.

Мартьяновъ, Петръ Кузьмичъ, поэтъ. *Некрологъ его*: т. LXXVII, 1054—1055. *Упомян.*: т. LXXVIII, 781.

Маршандъ, Ф., переводчикъ Пушкина на англ. яз., т. LXXVI, 657.

Маскаръ, профессоръ, директоръ париж. центр. метеорол. обсерватори, т. LXXVIII, 390, 391.

Маслова, О. Н. *Бibl. замѣтка В. Боилловскаго о переводѣ ея соч. Е. Каро: Жоржъ-Зандъ.* М. 1899, т. LXXVI, 1069—1070.

Масловскій, К. В., т. LXXVIII, 1145.

Масловъ, аудиторъ, т. LXXVIII, 1032, 1035, 1036.

Масперо, франц. египтологъ, т. LXXV, 335—336; т. LXXVII, 687; т. LXXVIII, 1238.

Масса, Исаакъ, т. LXXV, 708.

Массена, Андре, франц. маршалъ, т. LXXV, 193—195, 197, 227—228; 230; т. LXXVI, 1087; т. LXXVII, 704.

Массонъ, Фредерикъ, франц. историкъ, т. LXXV, 1053—1056; т. LXXVII, 973—974, 979, 990, 1023, 1043.

Матвѣевы:

— А. А., посоль въ Англии, т. LXXVI, 787, 1119.

— С., священникъ, археологъ, т. LXXVIII, 338.

Матвѣй, старецъ, основатель Шацкаго никол. Черніева мон., т. LXXVI, 947.

Матерлинкъ, Морисъ, т. LXXV, 153, 157.

Матерсъ (Mathers), профессоръ колладжа Сентъ-Андрью, т. LXXV, 889—891.

Матросовъ, Е. Н. *О немъ въ замѣткѣ:* Судъ чести при союзѣ взаимопомощи русскихъ писателей, т. LXXV, 1109—1112.

Маттеи, Христианъ Фридрихъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXV, 303.

Маттеоли, Геркулесъ, графъ, министръ герцога Мантуанскаго, т. LXXV, 338—339.

Матъ, Василій Васильевичъ, граверъ, профессоръ акад. худож., т. LXXVII, 361.

Матюшкины:

— графиня Анна Алексѣевна, оберъ-гофмейстерина и статсъ-дама, т. LXXVI, 417.

— графъ Дмитрій Михайловичъ, т. сов., т. LXXVI, 417.

— адмиралъ, товарищъ по лицу Пушкина, т. LXXVIII, 340.

Матей, патриархъ александрійскій, т. LXXVI, 307.

Мацинни, Луиджи, переводчикъ Пушкина на итал. яз., т. LXXVI, 649.

Мацоккинъ, П. Г., т. LXXV, 739.

Медвѣдевы: Л. М., т. LXXVII, 279.

— П., актеръ, т. LXXVIII, 998.

Медвѣдь, О. А., священникъ, переводчикъ, т. LXXVI, 675.

Медемъ, графъ, русс. посланникъ въ Вѣнѣ, т. LXXVIII, 175, 598—599, 641.

Медичъ, Д., переводчикъ Пушкина на серб. яз., т. LXXVI, 646.

Межеверъ, латышск. писатель, т. LXXVI, 683.

Межецкій, М. П. *Статья его:* Контрабандистъ. Сцены изъ жизни на западной границѣ, т. LXXVII, 494—510.

Межовъ, В. И., библиографъ, т. LXXVI, 634, 646, 653, 656—657, 662, 681—682, 685.

Мей, Левъ Александровичъ, поэтъ, т. LXXV, 684.

Мейендорфъ, баронъ, ген.-майоръ, т. LXXVIII, 1031—1032, 1038, 1040.

— баронъ П. К., русс. дипломатъ, т. LXXVII, 284—286; т. LXXVIII, 174.

Мейеръ:

— переводчикъ Пушкина на нѣм. яз., т. LXXVI, 642.

— капитанъ генер. штаба, т. LXXVI, 112—113.

— нѣмец. живописецъ, т. LXXVIII, 377.

— Жоржъ, сотрудникъ «Temps»'а, т. LXXVII, 347.

— Эд., т. LXXV, 1051.

Мейнгъ, Александръ Даниловичъ, писатель и переводчикъ. *Некрологъ его:* т. LXXVII, 1053—1054.

Мекленбургъ-Шверинскій, принцъ, т. LXXVII, 45, 50, 58, 61.

Мелетій: патриархъ александрійскій, т. LXXVII, 307.

— митрополитъ аѳинскій, т. LXXVII, 306.

— митрополитъ евангелскій, т. LXXVII, 307—308.

Мелингъ, графъ, т. LXXVI, 217; т. LXXVII, 140.

Мелиссино:— Иванъ Аванасъевичъ, вице-президентъ коммерцъ-коллегии, т. LXXVII, 799.

— Иванъ Ивановичъ, кураторъ Моск. унив., т. LXXVII, 681, 797—800, 803—809; т. LXXVIII, 1146.

— Прасковья Владимировна, урожд. кн. Долгорукая, жена И. И. М., т. LXXVII, 796—798, 802—814.

Мельгуновъ, Н., т. LXXVI, 642, 659.

Мельниковъ (Андрей Печерскій), П. И., писатель, т. LXXVI, 501.

Мельникъ, Г.-жа, археологъ, т. LXXVIII, 1120, 1131.

Меморскій, Николай Максимовичъ, священникъ, писатель, т. LXXVII, 314.

Менделѣевъ, Д. И., химикъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXVI, 232; т. LXXVII, 858.

- Менендесъ**, Педро, испан. адмиралъ, т. LXXVI, 734—735.
- Меньковъ**, Петръ Кононовичъ, ген.-лейт., авторъ записокъ, т. LXXVI, 944; т. LXXVIII, 335.
- Меньшиковы**: Александръ Даниловичъ, свѣтл. князь, генералиссимусъ, т. LXXVII, 243.
— князь Александръ Сергѣевичъ, ген.-адъютантъ, т. LXXVI, 1090; т. LXXVII, 286; т. LXXVIII, 93, 103, 175, 186, 187—188, 190, 584, 592, 594, 595.
- Мережковскій**, Д. С., поэтъ, т. LXXV, 318; т. LXXVI, 248, 1059; т. LXXVII, 154, 856.
- Мерзляковъ**, А. Ѳ., поэтъ, т. LXXVI, 658; т. LXXVII, 209; т. LXXVIII, 1146.
- Мерикъ**, Джонъ, главн. агентъ англ. политики и торговли въ Россіи, т. LXXVI, 301.
- Мериме**, Просперъ, франц. писатель, т. LXXVI, 639—640, 641, 655; т. LXXVII, 345.
- Мерманъ**, О. А., переводчикъ Пушкина на швед. яз., т. LXXVI, 644.
- Мертваго**, К. П., севастопол. город. голова, т. LXXVI, 770.
- Мерсье**, франц. повѣренный въ дѣлахъ, т. LXXVIII, 176.
- Метень**, А. *Библ. замѣтка о книгѣ его*: Соціализмъ въ Англіи. Спб. 1898, т. LXXV, 709—711.
- Меттернихъ**, австрійскій дипломатъ. *Замѣтка о немъ*: Меттернихъ въ качествѣ инвизитора, LXXVIII, 809—811. *О немъ въ статьѣ В. Т.*: Переписка русскихъ аристократокъ съ иностранными знаменитостями, т. LXXVIII, 268—288. *Упомин.*: т. LXXV, 726, 986; т. LXXVI, 304, 985, 1018; т. LXXVII, 707; т. LXXVIII, 177, 599, 822, 1160—1161, 1163—1165, 1167.
- Метцель**, т. LXXV, 434—435.
- Мещерскіе**: княгиня, супруга бывш. попечителя Моск. учебн. окр., т. LXXV, 923.
— княгиня, урожд. Карамзина, т. LXXVIII, 609, 624.
— князь, В. П., писатель, т. LXXV, 618; т. LXXVIII, 334.
— князь, Эд., переводчикъ Пушкина на франц. яз., т. LXXVI, 639.
- Мещерякъ**, Матвѣй, волжск. атаманъ, т. LXXV, 375.
- Меѳодій**, патриархъ, т. LXXVIII, 326.
— **Филімоновичъ**, епископъ мстислав. и оршан., т. LXXV, 709.
- Миквицъ**, А., т. LXXV, 739.
- Миланъ-Обреновичъ**, король сербскій. *Замѣтка о немъ*: Король Миланъ въ оцѣнкѣ французскаго историка, т. LXXVIII, 1274—1275. *Упомин.*: т. LXXV, 535; т. LXXVI, 656; т. LXXVIII, 332.
- Миллеръ**: картографъ XVIII в., т. LXXVIII, 1119.
— В. Ѳ., профессоръ Моск. унив., т. LXXV, 739; т. LXXVII, 356, 995.
— Г. Ф., историографъ, т. LXXV, 308; т. LXXVII, 800.
— Гер., авторъ «Описанія Сибир. царства» (1787), LXXV, 375.
— Орестъ Ѳеодоровичъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXVI, 218; т. LXXVII, 855, 862; т. LXXVIII, 693, 1154, 1215.
- Милль**, англ. политико-экономъ. *Замѣтка о немъ*: Переписка Милля съ Контонъ, т. LXXVIII, 816—818. *Упомин.*: т. LXXVII, 1014.
- Миловидовъ**, —И. А., археологъ, т. LXXVI, 947.
- Милорадовичъ**: графъ, предсѣдатель чернигов. губ. архивн. комиссіи, т. LXXV, 320.
— этнографъ, т. LXXV, 1096.
- Милославскіе**: —Иванъ Борисовичъ, т. LXXVIII, 775.
— Н. К., артистъ, т. LXXVIII, 980.
- Милюковы**:
— А. П., писатель, т. LXXVIII, 505, 506.
— Павелъ Николаевичъ, историкъ, т. LXXVI, 943, 945, 953; т. LXXVII, 319, 996, 1022; т. LXXVIII, 1130, 1135—1136, 1141.
- Милютинъ**:
— графъ Дмитрій Алексѣевичъ, воен. министр, писатель, т. LXXV, 183, 215, 221.
— Николай Алексѣевичъ, ст.-секр., членъ гесуд. сов., т. LXXVI, 206.
- Минаевы**:
— Дмитрій Дмитриевичъ, поэтъ. *Замѣтка о немъ*: Освященіе памятника Д. Д. Минаеву, т. LXXVII, 720.
— И. П., профессоръ Спб. унив., т. LXXVII, 996.
- Минихъ**:
— Бурхардъ Христофоръ ген.-фельд-маршалъ, т. LXXV, 615; т. LXXVI, 370, 681; т. LXXVII, 365; т. LXXVIII, 648—649, 717, 721—723, 728, 729, 730, 740.
— Іоганнъ Эрнстъ, президентъ коммерцъ-коллегии, т. LXXV, 406.
- Минихъ**, А. Н. *Библ. замѣтка В. Б-ва о книгѣ его*: Историко-географическ. словарь Саратовской губерніи. Томъ I, выпускъ, 1. Саратовъ 1898. (Приложеніе къ V т. Трудовъ Саратовской ученой архивной комиссіи). Т. LXXVI, 298—300. *Упомин.*: т. LXXVI, 940; т. LXXVII, 324; т. LXXVIII, 339.

Мирабо, *Упомин.*: т. LXXV, 1054; т. LXXVI, 738; т. LXXVII, 698—700. *Замѣтка о немъ*: Мирабо, какъ дипломатъ. Т. LXXVIII, 1248—1250.

Мисаилъ, архіепископъ рязанскій, т. LXXVI, 947.

Митридатъ, понтійск. царь. *Замѣтка о немъ*: Митридатъ, какъ изобрѣтатель врачебной системы прививокъ, т. LXXVIII, 790—791.

Михаилъ:

— архимандритъ, настоятель Свято-Горскаго мон., т. LXXVI, 628.

— III, императоръ визант., т. LXXV, 1037; т. LXXVIII, 326—327.

— лѣтописецъ сербскій. т. LXXVIII, 788.

— митрополитъ сербскій, т. LXXV, 532, 533—537.

— монахъ, бібліотекаръ Оптиной пустыни, т. LXXV, 923.

Михаилъ Александровичъ, великій князь, наследникъ цесаревичъ, т. LXXVI, 779; т. LXXVIII, 1282.

Михаилъ Всеволодовичъ, князь черниговскій, т. LXXVII, 999.

Михаилъ (Жеруларій), патриархъ константинопольскій, т. LXXVIII, 328.

Михаилъ (Жорыбуць), король, т. LXXVIII, 242.

Михаилъ Николаевичъ, великій князь, т. LXXV, 347, 348; т. LXXVIII, 107.

Михаилъ Обреновичъ, король сербскій, т. LXXVIII, 1274.

Михаилъ Павловичъ, великій князь, т. LXXVI, 865; т. LXXVII, 66; т. LXXVIII, 174, 336, 1042.

Михаилъ Федоровичъ, царь московскій, т. LXXV, 308, 355, 373, 685; т. LXXVI, 186, 948; т. LXXVII, 666, 668, 670, 676; т. LXXVIII, 392, 692.

Михайловскіе: В. М., т. LXXV, 359.

— Николай Константиновичъ, критикъ, т. LXXV, 741; т. LXXVI, 231; т. LXXVII, 1022.

Михайловскій - Данилевскій, Александръ Ивановичъ, ген.-лейт., писатель. т. LXXVII, 827.

Михайловы:

— А. В., лекторъ Варш. унив., т. LXXV, 1083.

— Антонъ Родіоновичъ, воронеж. купецъ, издатель стих. Никитина т. LXXVI, 381.

— В. В., т. LXXVI, 307.

— М., т. LXXVI, 146,

— Яковъ, волж. атаманъ. т. LXXV, 375.

Михаловскій, полковникъ, т. LXXVI, 896—898, 907, 910; т. LXXVII, 83, 479—484, 486, 488—489.

Михельсонъ:

— ген. отъ кавал., т. LXXV, 704, 864; т. LXXVI, 597; т. LXXVII, 546.

— М. И. *Замѣтка о немъ*: Премія М. И. Михельсона, т. LXXV, 364—365. *Упомин.* Т. LXXV, 738.

Михневичи:

— капитанъ, т. LXXVII, 85, 93.

— Владиміръ Осиповичъ, писатель. *Статьи его*: Замѣчательныя русскія женщины. М. С. Перекусихина, т. LXXV, 96—116. — Кто и когда выдумалъ Россію? 499—510. — Русскій народъ въ своихъ воззрѣніяхъ на себя и на свое прошлое. 866—886. *Статьи о немъ* И. В. Глинскаго: Памяти В. О. Михневича, т. LXVI, 260—280. Г. Д.: Последняя воля В. О. Михневича, 1032—1038. *Замѣтка Д. Соколова къ статьямъ его*: «Као и когда выдумалъ Россію?» т. LXXV, 1106—1107. *Упомин.*: т. LXXI, 428—429.

— Елисавета Николаевна, жена В. О. М., т. LXXVI, 280, 1032—1038.

Мицкевичъ, Адамъ, польскій поэтъ. *Упомин.* Т. LXXV, 341—342, 1067; т. LXXVI, 534, 640, 646—648, 651, 679, 681; т. LXXVII, 254, 345, 684, 1025. *Замѣтка о немъ*: Памятгичи Мицкевичу въ Варшавѣ, т. LXXV, 740—741.

Мищенко, Федоръ Герасимовичъ, профессоръ казан. унив., т. LXXV, 1085; т. LXXVIII, 1121.

Мнишекъ:

— графиня Анна, урожд. Ганская, т. LXXVIII, 283—384, 286—287.

— графъ Левъ, т. LXXVIII, 915, 921.

— Марина Юрьевна, жена двухъ Лже-Димитріевъ. *Статья о ней* Г. А. Воробьева: Домъ Марины Мнишекъ въ Калугѣ, т. LXXVI, 968—972. *Упомин.* т. LXXV, 712—713; т. LXXVI, 942; т. LXXVII, 375, 669—670

— Юрій (Георгій), сандомирскій воевода, отецъ Марины, т. LXXVII, 375, 669.

Могиланскій, А. В., т. LXXVIII, 1145.

Модестовъ, Василій Ивановичъ, профессоръ, т. LXXVI, 137; т. LXXVIII, 1153.

Модзалевскій, Б. Л. *Библ. замѣтка А. Фаресова объ издан. подъ его ред.*: Альбомъ пушкинской юбилейной выставки - въ имп. академіи наукъ въ С.-Петербургѣ, май 1899 г. Составленъ подъ ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго. Исполненъ и изданъ худо-

жественною фотогиппией К. А. Фишера М. 1899. т. LXXVII, 683—685.

Модзалевскій, Л. Н., т. LXXVIII, 338.

Можаровскій, А., т. LXXVI, 315.

Моисей:

— архіепископъ рязанскій, т. LXXVII, 676.

— архимандритъ, настоятель Оптиной пустыни, т. LXXV, 919, 922, 924,

Молчановъ, писатель, т. LXXVI, 363; т. LXXVII, 278.

Мольдъ-де-ла-Блавиеръ, франц. историкъ, LXXV, 652—653; т. LXXVI, 732—733.

Мольтке, графъ, прусс. ген.-фельд-маршалъ, т. LXXV, 188, 989; т. LXXVI, 287, 288, 294, 1027; т. LXXVII, 711, 713.

Момзентъ, нѣмец. историкъ, т. LXXVI, 1028, 1039; т. LXXVII, 1025; т. LXXVIII, 782.

Мональдески, маркизъ, фаворитъ королевы швед. Христины, т. LXXVII, 1031, 1032.

Монаховъ, И. И., актеръ, т. LXXVIII, 498—501, 503—504.

Де-Монморанси:

— франц. дипломатъ, т. LXXVII, 768.

— графиня, т. LXXV, 725, 1056; т. LXXVII, 452.

— Евгенія, т. LXXVII, 452.

Де-Монтагю, г-жа, т. LXXVII, 766—768, 781, 782, 784.

Монталамберъ, франц. писатель, т. LXXV, 341—342.

Монтелло, герцогиня, т. LXXV, 725; т. LXXVI, 989.

Де-Монтегю, Генри, мичманъ франц. флота. *Замѣтка о немъ*: Воспоминанія французскаго морскаго офицера объ американской войнѣ, т. LXXVIII, 358—361.

Ментенонъ, маркиза, фаворитка Людовика XIV. *Замѣтка о ней*: Говяла ли утокъ маркиза Ментенонъ? Т. LXXVII, 1037—1039.

Монтескье, Шарль, франц. писатель, т. LXXVI, 328; т. LXXVII, 221; т. LXXVIII, 1256.

Монтеспанъ, фаворитка Людовика XIV, т. LXXVII, 995, 1039; т. LXXVIII, 1246—1247.

Де-Монтессонъ:

— маркизъ, т. LXXVI, 866.

— г-жа, т. LXXVII, 457, 766; т. LXXVIII, 44.

Монти, франц. посланникъ въ Варшавѣ, т. LXXVII, 721—722.

Монтолонъ, франц. генералъ, авторъ *Записокъ*, т. LXXVI, 973—977.

Монферранъ, архитекторъ, т. LXXVIII, 605.

Монюшко:

— Александрина, урожд. гр. Ржевусская, т. LXXVIII, 283.

— Станиславъ, композиторъ, т. LXXVIII, 283.

Моравскій, С. П. *Библ. замѣтка А. М-на о переведенной имъ съ франц. книгѣ: Поль Гиро. Историческая чтенія (lectures historiques)*. Частная и общественная жизнь римлянъ. Спб. 1899. Т. LXXVIII, 782—883.

Морганъ, путешественникъ-англичанинъ, т. LXXVI, 1122.

Мординовъ, д. ст. сов., т. LXXVI, 626.

Мордовцевъ, Даниль Лукичъ, писатель, т. LXXV, 98, 351, 741; т. LXXVI, 269; т. LXXVII, 548—549, 563, 564, 565, 566.

Морепа, франц. госуд. дѣятель, т. LXXV, 338; т. LXXVI, 1076—1077.

Морицъ, П. А., т. LXXV, 746.

Морковъ, графъ Аркадій Ивановичъ, дипломатъ, членъ госуд. сов., т. LXXV, 401; т. LXXVI, 35, 43, 46; т. LXXVII, 452—453, 789—790; т. LXXVIII 39, 44.

Морлей, Джонъ, англ. историкъ литературы и политич. дѣятель, т. LXXVII, 1029, 1047.

Моро:

— г-жа, т. LXXX, 724; т. LXXVII, 774, 1042; т. LXXVIII, 42.

— Жакобъ, бібліотекаръ Маріи Антуанетты. *О немъ въ замѣткѣ*: Воспоминанія бібліотекаря Маріи-Антуанетты, т. LXXVIII, 799—802.

— Жанъ-Викторъ, франц. генералъ. *Замѣтка о немъ*: Генералъ Моро, т. LXXVII, 1039—1042; *Упоми.*: т. LXXV, 724—725; т. LXXVII, 704, 774; т. LXXVIII, 38, 40, 45.

Морозовы:

— Глѣбъ, т. LXXVI, 944.

— Петръ Осиповичъ, магистръ словесности. *Библ. замѣтка о переводѣ его: Г. Лансонъ. Исторія французской литературы. XVIII вѣкъ. — XIX вѣкъ.* Спб. 1899. Т. LXXV, 711—712. *Упоми.*: т. LXXV, 761; т. LXXVI, 767—768; т. LXXVII, 856.

Морфилль, В., профессоръ оксфорд. унив., т. LXXV, 341, 342, т. LXXVI, 657.

Морьеръ, Робертъ, англ. посолъ въ Спб., т. LXXV, 981, т. LXXVI, 996.

Мочалова-Францева, Марія Степановна, артистка, т. LXXV, 935, 941—943.

Мочаловы:

— жена артиста, т. LXXV, 934—937, 939.

— Василий Степановичъ, т. LXXV, 935.

— Павелъ Степановичъ, артистъ. *Статья* о немъ *Е. П. Шумиловой-Мочаловой*: Къ біографіи П. С. Мочалова, т. LXXV, 934—944.

— Платонъ Степановичъ, т. LXXV, 935.

— С. О., отецъ артиста, т. LXXV, 935—936, 942.

Мрочекъ-Дроздовскій, Петръ Николаевичъ, профессоръ моск. унив., т. LXXVII, 994.

Мсеріанецъ, Займайръ Мсеровичъ, ст. инспекторъ по дѣл. печати, писатель. *Некрологъ* его: т. LXXVII, 383—384.

Мстиславскій, князь Федоръ Ивановичъ, князь и бояринъ, т. LXXV, 1088.

Музыкъ, А., переводчикъ Пушкина на чешк. яз., т. LXXVI, 652.

Музафаръ, Эмиръ бухарскій, о немъ въ *статьѣ* П. М. К.: Русское знамя въ Средней Азии, т. LXXVI, 895—924.

Мулень, т. LXXVII, 1041; т. LXXVIII, 803.

Муравьевы:

— А. Н., оберъ-прокуроръ св. синода, т. LXXVII, 308.

— Александръ Николаевичъ, нижегород. губернаторъ, т. LXXVI, 316, 944, 950; т. LXXVII, 269.

— Андрей Николаевичъ, путешественникъ и писатель, т. LXXV, 237; т. LXXVIII, 1148.

— графъ Михаилъ Николаевичъ, ген.-губернаторъ сѣв.-зап. края, т. LXXV, 146; т. LXXVI, 787—788; т. LXXVII, 269; т. LXXVIII, 483, 1147—1148.

— графъ Михаилъ Николаевичъ, министр иностр. дѣлъ, т. LXXV, 736, 1090; т. LXXVI, 374, 1011, 1017, 1023, 1024, 1028.

— Н. Н., т. LXXVII, 682.

— Н. Н., полковникъ, т. LXXVIII, 1147, 1148.

— Николай, т. LXXVIII, 1148.

— Апостоль, Матвѣй Ивановичъ, полковникъ, т. LXXVIII, 789.

— Апостоль, С., т. LXXVI, 944.

Муравевъ, Никита, моск. издатель, т. LXXVI, 662.

Муркосъ. *Библ. замѣтка* С. о переводѣ его: Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ

XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алепскимъ. Переводъ съ арабскаго г. Муркоса. По рукописи московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ четвертый, М. 1898, т. LXXV, 690—693.

Муромцевъ, Сергѣй Андреевичъ, юристъ, профессоръ моск. унив., т. LXXV, 1081; т. LXXVII, 354.

Мусины-Пушечны:

— графъ, т. LXXV, 346—347.

— Алексѣй Васильевичъ, вице-адмиралъ, т. LXXV, 815; т. LXXVI, 435.

— Михаилъ Николаевичъ, сенаторъ, попечитель спб. учебн. окр., т. LXXVI, 1089.

Мухановы:

— т. LXXVIII, 1148.

— П. А., попечитель варш. учебн. окр., т. LXXVII, 676; т. LXXVIII, 336.

Мухинъ, Петръ Ивановичъ, разбойникъ, т. LXXVII, 565, 566.

Мышецкій, князь, писатель половины XVIII в., т. LXXVII, 644.

Мышлаевскій, А. З., полковникъ, проф. николаев. акад. генер. штаба, *Библ. замѣтка* В. Б. о книгѣ его: Фельдмаршалъ, графъ В. П. Шереметевъ. Военно-походный журналъ 1711—1712 гг. Изд. военно-ученаго комитета главн. штаба. Подъ редакціей полковника А. З. Мышлаевскаго. Спб. 1898.—Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Вып. XII. Война съ Турціей 1711. (Прутская операція). Спб. 1898, т. LXXV, 308—309; *Упомин.*: т. LXXV, 762; т. LXXVII, 364; т. LXXVIII, 830—831.

Мэнбуръ, т. LXXVI, 327.

Мэхэнъ, капитанъ. *Библ. замѣтка* П. К. о книгѣ его: Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію. Т II. Изслѣдованіе капитана Мэхэна. Изданію его императорскаго высочества наследника цесаревича великаго князя Георгія Александровича, Спб. 1898, т. LXXVI, 303—304.

Мюратъ:

— сестра перваго ковсула, т. LXXVII, 774.

— Іоакимъ, король неаполитанскій. *Замѣтки о немъ*: Жена Мюрата, т. LXXV, 725—727. Мюратъ въ Испаніи, т. LXXVIII, 368—371.

Упомин.: [т. LXXVI, 981, 983, 1087; т. LXXVII, 990.

Мюрфи, фаворитка Людовика XV, по мужу *де-Вобранше*, т. LXXVIII, 357.

Мякотинъ, т. LXXV, 741.

Мятловы:

- **Прасковья Иван.**, урожд гр. Салтыкова, супруга П. В. М., т. LXXV, 809.
— **Петръ Васильевичъ**, сенаторъ, т. LXXV, 809.

Н.

Навозовъ, В. И., художникъ, т. LXXV, 231—234.

Навроцкій, В. В., писатель, т. LXXVI, 359—360, 763.

Надсонъ, Семенъ Яковлевичъ, поэтъ, т. LXXV, 1068; т. LXXVI, 248.

Назмутдинъ-Ходжа, Сардаръ, бухарскій посолъ, т. LXXVI, 916—919.

Назаровы:

— археологъ, т. LXXVI, 950.

— полковникъ, т. LXXVI, 897 — 899, 902, 903; т. LXXVII, 85, [90—92, 95, 96, 97.

Назимова, Марія Григорьевна, урожд. кн. Вяземская. *Статья ея:* Бабushка графини М. Г. Разумовская. (Страничка изъ воспоминаній), т. LXXV, 841—854.

Наполеонъ I, франц. императоръ. *Статья о немъ Е. И. Б.:* Что говорилъ Наполеонъ на островѣ св. Еленѣ, т. LXXVI, 973—990. *Замѣтки о немъ:* Молодость Наполеона, т. LXXV, 722—723.

— Изъ разговоровъ Наполеона I. 723—725.

— Наполеонъ I подъ Тулономъ, т. LXXVI, 331—334.

— Армянская легенда о Наполеонѣ Бонапартѣ. 334—335.

— Изъ молодости Наполеона I, 737—738.

— Первый бракъ Наполеона Бонапарта. 1081—1083.

— Корсиканецъ о Наполеонѣ, т. LXXVII, 328—331.

— Смотры Фридриха и парады Наполеона, т. LXXVII, 701—702.

— Наполеоновскіи историческіи конгрессы въ Италіи. 1042—1043.

— Англійская книга о войнѣ 1812 года, т. LXXVIII, 371—373. *Упомин.:* т. LXXV, 49, 188, 725—725, 956, 1052—1057, 1059, 1061—1062; т. LXXVI, 310 — 304, 379, 655, 866, 1083—1087, 1135; т. LXXVII, 40, 310, 327, 337 — 338, 344, 452 — 453, 455—457, 494, 707, 712, 769, 774, 784—785, 789 — 790, 820 — 822, 825, 1023, 1039—1042; т. LXXVIII, 35—36, 38—40, 43, 45, 56, 273, 276, 365—366, 368—371, 442, 576, 582, 584—585, 589, 595, 717—718, 804—809, 907, 1157—1175.

— Въ *статьѣ:* Марія Валевская. Историческій очеркъ, т. LXXVII, 973—992.

— Въ *замѣткѣ:* Столѣтіе 18 брюмера, т. LXXVIII, 802—804. Въ *Библ. замѣткѣ П. К.—аго:* П. И. Ковалевскій. Наполеонъ I и эпилепсія. Спб. 1899, т. LXXVIII, 1228—1229.

— **Наполеонъ III**, франц. императоръ. *амѣтка о немъ:* Страсбургскій метежъ.

— 1836 года, т. LXXVII, 1259—1262. *Упомин.:* т. LXXV, 730, 985—989, 1053; т. LXXVI, 240, 288, 292, 1014, 1018; т. LXXVII, 709; т. LXXVIII, 821.

Направникъ, Эдуардъ Францовичъ, композиторъ, т. LXXVI, 652; т. LXXVII, 181.

Нарбутъ, Фѳодоръ, польск. историкъ, т. LXXVI, 1040.

— Фѳодоръ Фѳодоровичъ, лейтенантъ, т. LXXIII, 86, 87, 92.

Нарышкины:

— Анна Никитична, ст.-дама, гофмейстерина, т. LXXV, 110; т. LXXVIII, 442.

— Зинаида Дмитріевна, т. LXXVII, 428.

— Марія Антоновна, урожд. кн. Четвертинская, супруга Дм. Льв. Н., во 2-мъ бракѣ за Брозинымъ, т. LXXVII, 428—429.

— Ольга, урожд. Потоцкая, т. LXXV, 438.

— Софья Дмитріевна, т. LXXVII, 428.

— Александръ Львовичъ, оберъ-гофмейстеръ, т. LXXVII, 429, 431—432.

— Алексѣй Васильевичъ, сенаторъ, писатель, т. LXXVII, 223, 233.

— Дмитрій Львовичъ, оберъ-егермейстеръ, т. LXXVII, 428.

— Левъ Александровичъ, писатель, оберъ-штабмейстеръ, т. LXXV, 813.

Наталія Алексѣевна, царевна. *О ней въ Библ. замѣткѣ Лещ—ва о книгѣ И. А. Шляпкина:* Царевна Наталья Алексѣевна и театр ея времени. (Памятникидревней письменности СХХVIII), Спб. 1898, т. LXXV, 1046—1047.

Наталія Николаевна, принцесса Голштейнъ-Бекская, (урожд. гр. Головина), т. LXXV, 44.

Нахиновы:

— Ак. Ник., поэтъ, т. LXXVI, 302.

— Павелъ Степановичъ, адмиралъ. *Замѣтка* объ открытіи памятника ему въ Севастополѣ, т. LXXV, 343—348. *Упомин.:* т. LXXVIII, 84—87.

Нащокинъ, т. LXXVIII, 612.

Наванайтъ, архіепископъ псковскій, т. LXXVI, 626.

Невзоровъ, Н. К., директоръ 7-й спб. гимн., т. LXXV, 759; т. LXXVII, 276—277.

Неводннъ, Константинъ Алексѣевичъ, профессоръ спб. унив., т. LXXV, 745, 1033.

Невъжины:

— печатникъ «Апостола», т. LXXV, 504.

— П. М. *Статья его: Последние счета. (Изъ неизданныхъ записокъ).* Т. LXXVIII, 961—976.

Невѣровъ, попечитель кавк. учебн. окр., т. LXXVII, 382.

Негруци:

— Константинъ, молдавскій писатель, эмигрантъ, т. LXXVI, 654, 669.

— Яковъ Константиновичъ, профессоръ бухаретск. унив., т. LXXVI, 669.

Недошивицъ, археологъ, т. LXXVI, 943.

Незеленовъ, Александръ Ильичъ, профессоръ спб. универ., т. LXXVII, 280.

Незлобинъ, т. LXXVI, 351.

Нейманъ:

— Магда. *ибл. замѣтка Е. Еленина о книгѣ ея: Армяне. Краткій очеркъ ихъ исторіи и современнаго положенія.* Спб. 1899, т. LXXVIII, 333—335.

— первый секретарь австр. посольства въ Лондонѣ, т. LXXVIII, 271, 275.

Некрасовы:

— А., т. LXXVI, 306—307.

— Иванъ Степановичъ, попечитель моск. учебн. окр., т. LXXVII, 354.

— Николай Алексѣвичъ, поэтъ, т. LXXV, 322, 688, 972; LXXVI, 644, 664, 1134; т. LXXVIII, 482—483.

Нелединская, супруга тайнаго содѣтника Юрія Александровича, т. LXXVII, 433.

Нелединскій, Юрій Александровичъ, тайн. сов., поэтъ, т. LXXVI, 423, 658; т. LXXVII, 208—209.

Нелединская-Мелецкая, Анастасія Николаевна, урожд. Головина, супруга А. Ю. Нелединскаго-Мелецкаго, т. LXXV, 60.

Нелединскій-Мелецкій, Александръ Юрьевичъ, д. тайн. сов., т. LXXV, 60.

Нелидовы:

— А. И., д. тайн. сов., т. LXXV, 739, 1035.

— Екатерина Ивановна, камеръ-фрейлина, другъ имп. Павла, т. LXXVI, 417, 419—422, 851—852, 860—862, 866, 1092, т. LXXVII, 41—42, 833, 838—840.

Немировичъ-Данченко, В. И., писатель, т. LXXVI, 259, 356, 709.

Неплюевъ, Иванъ Ивановичъ, оренбург. губернаторъ. *Статья о немъ П. Л. Юдина: Памятники И. И. Неплюеву*, т. LXXVI, 961—967. *Упомянутъ:* т. LXXVI, 950.

Нероковъ, астрахан. губернаторъ, т. LXXV, 1043.

Нессельроде:

— графиня, т. LXXVIII, 610.

— графъ Вильгельмъ, русск. посолъ при Португ. и Берлин. дворѣ при Екатеринѣ II, т. LXXVI, 786, 948—949; т. LXXVII, 324, 449.

— графъ, Карлъ Васильевичъ, канцлеръ, т. LXXV, 268; т. LXXVI, 796; т. LXXVII, 286, 449; т. LXXVIII, 175, 180, 182, 184, 186, 276—277, 602, 1035.

Нестеровскій, Николай, т. LXXVIII, 1151.

Неустроевъ, А. Н., писатель, т. LXXVIII, 830.

Нефедовъ, Филиппъ Діомидовичъ, писатель, т. LXXVI, 777—778.

Нефедьевъ, т. LXXV, 1042.

Неѣловы:

— Анна Абрамовна, урожд. Ганнибалъ, т. LXXVI, 439.

— П. А., т. LXXVIII, 1145.

Нидерле, Люборъ, чешск. профессоръ. *Библ. замѣтка Л. о книгѣ его: Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель.* Переводъ съ чешскаго О. К. Волкова, подъ ред. Д. Н. Анучина. Съ 459-ю рисунками и картою. Спб. 1898, т. LXXVI, 724—725. *Упомянутъ:* т. LXXVII, 677; т. LXXVIII, 1134—1136.

Низе, В., нѣмец. писатель. *Библ. замѣтка Л. Л. о переведенной книгѣ его: Очеркъ римской исторіи и источнико-вѣдѣнія.* Переводъ съ нѣмецкаго слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ подъ ред. О. Ф. Зелинскаго и М. И. Ростовцева. Спб. 1899, т. LXXVIII, 1231.

Никандръ, архіепископъ варшавскій, т. LXXVIII, 335.

Никаноры:

— епископъ орлов. и сѣвскій, т. LXXVI, 360—361, 1111.

— патриархъ александрійск., т. LXXVII, 307—308.

— (Александръ Бровковичъ), архіепископъ херсон. и одесскій, т. LXXVII, 214—216, 277, 282.

Никитины:

— графъ Алексѣй Петровичъ, ген.-отъ-кав., инспекторъ военныхъ поселеній, т. LXXVIII, 154—156, 546.

— Иванъ Савичъ, поэтъ. *Замѣтка о немъ: Завѣщаніе И. С. Никитина*, т. LXXVI, 380—381. *Упомянутъ:* т. LXXVI, 248, 687.

— П. В., т. LXXV, 349; т. LXXVII, 305.

Никифоровы:

- Н. К., т. LXXV, 761.
- Н. П., археологъ, т. LXXV, 1033—1035.
- Николай Матвѣевичъ, артистъ, т. LXXVIII, 977—979.

Никифоры:

- патриархъ александрійскій, т. LXXVII, 307.
- патриархъ константинопольскій. *Библ. замѣтка В. Р.—ва о книгѣ его:* Лѣтописецъ патр. *Никифора*. М. 1898, т. LXXV, 1033—1035. *Упомин.:* т. LXXVIII, 326.
- (Дучичъ), серб. архимандритъ, т. LXXV, 533.
- Николаевскій, П. О.**, протоіерей, профессоръ спб. дух. акад., т. LXXV, 742; т. LXXVIII, 779.
- Николаевъ, Н. Г.**, полковникъ, т. LXXV, 354—355.

Николаи:

- баронъ, Александръ Павловичъ, д. т. сов., членъ госуд. сов., писатель. *Некрологъ его:* т. LXXVII, 1052—1053.
- Андрей Львовичъ (Людвигъ-Генрихъ), бібліотекаръ и секретарь Павла I. т. LXXVII, 1052.
- баронъ, Павелъ Андреевичъ, т. LXXVII, 1052.
- Николай I Павловичъ**, императоръ. *Статья о немъ Н. К. Шильдера:* Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 годахъ, т. LXXVIII, 173—193. *Замѣтки о немъ: Кулябко-Корецкаго:* Императоръ Николай Павловичъ въ Бобруйскѣ. (Воспоминанія очевидца). Т. LXXV, 734—735.—Къ характеристикѣ императора Николая I, т. LXXVI, 348—349. *Упомин.:* т. LXXV, 350, 846, 848, 890; т. LXXVI, 38, 101, 202, 205, 206, 207, 367, 373, 414, 699, 944—945, 954, 1094; т. LXXVII, 145, 271—274, 284, 285, 296, 307, 309, 494, 579, 580, 581, 600, 606, 681, 824, 848, 1000; т. LXXVIII, 148—150, 336, 338, 546—547, 569, 598, 599, 603—609, 611, 643, 773—774, 978, 1025, 1026, 1031, 1035, 1041.

Николай II Александровичъ, императоръ, т. LXXV, 346, 347—348, 738; т. LXXVI, 1012, 1017, 1025, 1026; т. LXXVII, 357—358, 683; т. LXXVIII, 832.

Николай Александровичъ, наслѣдникъ-цесаревичъ, сынъ императ. Александра II, т. LXXVII, 683.

Николай I, римскій папа, т. LXXVIII, 326—327.

Николай V, римскій папа, т. LXXV, 337.

Николай Мистикъ, патриархъ константинопольскій, т. LXXVIII, 828.

Николай Михайловичъ, великій князь, т. LXXV, 739; т. LXXVI, 374, 1136.

Николай Николаевичъ, великій князь, т. LXXV, 849; т. LXXVIII, 107.

Никольскіе:

- прапорщикъ, т. LXXV, 902, 904—906.
- этнографъ, т. LXXV, 1094.
- А., археологъ, т. LXXV, 314.
- А. Т., протоіерей, т. LXXVI, 218.
- Борисъ Владиміровичъ. *Статьи его:* Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина, т. LXXVI, 506—585.—Академическій Пушкинъ. Т. LXXVII, 178—218.—Послѣдняя дуэль Пушкина, т. LXXVIII, 596—643, 1008—1042. *Библ. замѣтки его:* В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.). Спб. 1899. Т. LXXV, 1032—1033.—К. Голодниковъ. Декабристы въ Тобольской губерніи. Изъ моихъ воспоминаній. Тюмень, 1899, LXXVIII, 788—789. *Упомин.:* т. LXXVII, 266.
- Владиміръ Васильевичъ, профессоръ и инспекторъ Алекс. лицея, т. LXXVI, 544; т. LXXVII, 280, 596—598; т. LXXVIII, 1011, 1018, 1031—1033, 1041.
- П. П., т. LXXV, 751.

Никоны:

- епископъ, т. LXXV, 346.
- патриархъ московскій. *О немъ въ статьѣ А. М. Ловягина:* Николай Витсевъ изъ Амстердама у патриарха Никона. (Изъ неизданной голландской рукописи XVII вѣка), т. LXXVII, 874—879. *Упомин.:* т. LXXV, 690—692, 1089; т. LXXVIII, 202, 1233.

Ниль, епископъ, т. LXXVII, 726.

Нильскій, Александръ Александров., артистъ. *Воспоминанія его:* т. LXXVIII, 478—521, 977—1007. *Некрологъ его:* т. LXXVIII, 393—394.

Новиковы:

- А. М., студентъ-медикъ, т. LXXVII, 850—852.
- Никифоръ, актеръ, т. LXXVIII, 998.
- Николай Ивановичъ, издатель журналовъ Екатерины. время, LXXVIII, 1145, 1146, 1215.
- Яковъ, унт.-офицеръ, т. LXXVIII, 1041, 1042.
- А. П. *Библ. замѣтка Г. П. А. о книгѣ его:* Исторія русскаго искусства. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Вып. I. Москва. 1899, т. LXXV, 700—701.

Новицкіе:

- А. Ф., археологъ, т. LXXVIII, 847.
- В. Д., ген.-маіоръ, т. LXXVIII, 834.
- В. Ф., капитанъ, т. LXXVI, 1121.
- Новодворскій**, Михаилъ, епископъ, т. LXXVII, 585.
- Новопашенный**, т. LXXVI, 1071.
- Новоселовъ**, т. LXXVIII, 1153.
- Новосельцевъ**, Ив., т. LXXV. II, 1147.
- Новосильскій**, адмиралъ, т. LXXV, 344; т. LXXVIII, 84, 92, 93.

Новосильцевы:

- актеръ, т. LXXVIII, 507—508.
- Н. И., псковск. губ. предводитель дворянства, т. LXXVII, 148, 150—151, 157—158, 161, 163.
- Николай Николаевичъ, д. т. сов., председатель госуд. сов., т. LXXVII, 310, 437; т. LXXVIII, 445.
- Новотный**, В., чешск. ученый, т. LXXVI, 323.
- Нодье**, Шарль, франц. писатель, т. LXXV, 964; т. LXXVIII, 814.
- Ноинскій**, ген.-аудиторъ, т. LXXVIII, 1040.
- Нольконтъ**, шведск. посланникъ въ Спб., т. LXXVII, 234.
- Нопча**, баронъ, австр. гофмаршалъ, т. LXXV, 1066.
- Нордау**, Максъ Симонъ, нѣмецк. писатель, т. LXXV, 248—249; т. LXXVI, 1028; т. LXXVIII, 383.
- Норденшельдъ**, путешественникъ, т. LXXVII, 1030.
- Норовъ**, Авраамъ Сергѣевичъ, министр нар. проsv., писатель, т. LXXV, 928, 932; т. LXXVI, 1089; т. LXXVII, 220, 868.
- Носковъ**, А. А., т. LXXV, 1093, 1096.
- Носовичъ**, С. И., ген.-лейт., авторъ записокъ, т. LXXVII, 1015.
- Носъ**, А. Е., т. LXXVI, 356, 761.
- Нотовичъ**, Осипъ Константиновичъ, писатель, т. LXXVI, 265, 708.
- Ноэль**, Эдуардъ, франц. писатель, т. LXXVIII, 802—804.
- Нувьенъ**, Жакъ, франц. журналистъ, т. LXXVIII, 796.
- Нѣмцевичъ**, польск. писатель, т. LXXV, 430.
- Нѣмцова**, Божена, чешск. писательница, т. LXXVII, 677, 679.
- Нѣмцовъ**, т. LXXVII, 801—802.
- Нуренъ**, Магнусъ, астрономъ, т. LXXV, 739.

О.

- Обвертининъ**, Степанъ Федоровъ, разбойникъ, т. LXXVII, 565, 566.

Оберъ:

- переводчикъ Пушкина на франц. яз., т. LXXVI, 640.
- А. Л., архитекторъ, т. LXXVII, 722.
- д'Обинья**, Агриппа, дѣятель протестант. движенія во Франціи, поэтъ, т. LXXVII, 1038.
- Облеуховъ**, Д. А., физикъ, т. LXXVIII, 1148.

Оболенскіе:

- князь, авторъ сочиненія объ идеѣ всеобщаго мира и разоруженія, т. LXXVI, 1018.
- князь, А. Д., т. LXXVI, 756.
- А. Е., т. LXXVIII, 1145.
- Леонидъ Егоровичъ, писатель.
- Статьи его:** Народники и марксисты. (Критическая замѣтка), т. LXXVI, 221—243. — Были и типы прошлаго, т. LXXVIII, 923—944. *Упомян.*: т. LXXVI, 324.
- князь М. А., т. LXXV, 319, 1034.
- Обольяниновъ**, Петръ Хрисановичъ, ген.-отъ-инф., ген.-прокуроръ, т. LXXVII, 436.
- Образцовъ**, т. LXXVI, 1105.

Обручевы:

- т. LXXV, 756.
- В. А., ген.-отъ-инф., ген.-губернаторъ оренбург., т. LXXVI, 101.
- Обухъ**, подполковникъ, т. LXXVI, 109—110, 112, 114.
- Овари**, венг. ученый, т. LXXV, 654.
- Овертонъ**, Ричардъ, т. LXXVIII, 342.
- Овсяннико-Будиковскій**, профессоръ харьк. унив., т. LXXVI, 352.

Овсянниковы:

- т. LXXVI, 363.
- Ф. В., т. LXXV, 738.
- Овсяный**, Н. Р., т. LXXVIII, 1280, 1282.
- Огарева**, Е. С., LXXVII, 213.
- Огаревъ**, Николай Платоновичъ, поэтъ, т. LXXV, 609.
- д'Огарь**, дѣятель по іезуитской пропагандѣ въ Спб., т. LXXV, 46—47; т. LXXVII, 56, 60.
- Огинскій**, графъ Михаилъ Казимиръ, т. LXXVII, 910, 913, 920, 925, 929, 938.

Оглоблины:

- архивистъ, т. LXXVIII, 833.
- Н. Н. **Статья его:** Въ Мордовскомъ краѣ. (Изъ замѣтокъ туриста), т. LXXVII, 880—901. **Замѣтка его:** Къ вопросу о бояринѣ М. Б. Шеняѣ: (Отвѣтъ г. Иловайскому), т. LXXV, 369—374. *Упомян.*: т. LXXV, 739.

Одавичъ, Р., переводчикъ Пушкина на серб. яз., т. LXXVI, 646.

Одескальки, принцесса, урожд. кн. Зичи, сотрудница «Revue de Revues», т. LXXVIII, 1267—1270.

Одинцовъ, уѣздн. стряпчий, т. LXXVII, 515, 517—518, 522, 525.

Одоевская, княгиня Евдокія Оедорова, урожд. Шереметева, т. LXXVIII, 775.

Одоевскій, князь Никита Ивановичъ, бояринъ, т. LXXV, 1090.

Одо-Россель, англ. уполномоченный, т. LXXVIII 290, 293.

Одынецъ, Эдуардъ Антонъ, польскій поэтъ, т. LXXVI, 648.

Озеровы:

— лейтенантъ, т. LXXVIII, 98.

— Владиміръ Александровичъ, поэтъ т. LXXVI, 638, 664; т. LXXVII, 217.

Озеръ:

— профессоръ клермонъ - ферранск. унив., т. LXXVII, 693, 695.

— нѣмец. скульпторъ и живописецъ, т. LXXVIII, 377.

Ознобишинъ, т. LXXVI, 598.

Окольскій, профессоръ, т. LXXVII, 319.

Окрейцъ (Орляцкій), С. С. *Библ. замѣтка Д. Е. о книгѣ его*: Далекіе годы. Автобіографическая хроника. Спб. 1899, т. LXXVII, 1015—1016.

Оксаменъ, финск. поэтъ, т. LXXVIII, 1062.

Оксенстиернъ, Аксель, шведск. канцлеръ, т. LXXV, 1091; т. LXXVIII, 839.

Окунькова-Гольдингеръ, женщина-врачъ, т. LXXV, 1044.

Олеарій, т. LXXV, 371—372, 686.

Оленны:

— ст. сов., т. LXXV, 856—858, 862, 864.

— Алексѣй Николаевичъ, д. т. сов., писатель, т. LXXVI, 695.

Оленичъ - Гененко, юнкеръ, т. LXXVIII, 103.

Оленшлегеръ, Адамъ, датск. писатель, т. LXXVI, 1023.

Олифантъ, Маргаретъ, англ. писательница, т. LXXVIII, 379.

Олицъ, Петръ Ивановичъ, ген.-аншефъ, т. LXXVII, 578—579.

Олларъ, А., франц. писатель, т. LXXVII, 328; т. LXXVIII, 362—365, 804.

Ольбергъ, Е. Ф., переводчикъ Пушкина нѣм. яз., т. LXXVI, 642.

Ольга Александровна, великая княжна, т. LXXVIII, 1282.

Ольга Константиновна, греческая королева, т. LXXVII, 367.

Ольга Теодоровна, великая княгиня, т. LXXVI, 341.

Ольгинъ, Федоръ, переводчикъ, Пушкина на слов. яз. т. LXXVI, 668.

Ольденбургскіе:

— Принцъ Александръ Петровичъ, т. LXXV, 349; т. LXXVIII, 831.

— Георгъ, принцъ, тверск. ген.-губернаторъ, т. LXXVIII. 445.

Ольденбургъ:

— Фед. Федор., профессоръ спб. унив. *Библ. замѣтка П. Ш. объ изданн. подъ его ред. переводъ соч. Рису-Давида*: Будизмъ. Изд. О. Н. Поповой. («Образоват. библиот.» Серія 2-я. (1898), № 8). Спб. 1899, т. LXXVII, 1020.— *Упомин.* т. LXXV, 742, 1086; т. LXXVIII, 1285.

— О. О., сотрудникъ «Русс нач. учителя», т. LXXVII, 1012.

Оманъ, переводчикъ Пушкина на швед. яз., т. LXXVI, 644.

Омаръ, ученый мусульманинъ, т. LXXV, 1096.

Ошеара, авторъ «Записокъ», т. LXXVI, 973.

Ожулевскій, поэтъ, т. LXXVI, 709.

Онате, Марія, докторъ философіи алькальск. унив.—*Замѣтка о ней*: Испанская докторша философіи въ XVIII вѣкѣ, т. LXXVIII, 361—362.

Онадевичъ, профессоръ, т. LXXVI, 1040.

Онисимовъ, Петръ, священникъ, т. LXXVII, 969—971.

Онсенъ, Вильгельмъ, нѣмец. историкъ, т. LXXVI, 1040; т. LXXVIII, 1158.

Ону, А. М., т. LXXVIII, 1154.

Опатовичъ, С. И., т. LXXVI, 428.

Оперманъ, ген.-майоръ, т. LXXV, 907.

Опицъ, Т., переводчикъ Пушкина на нѣм. яз., т. LXXVI, 642.

Орбеліани:

— князь, т. LXXVIII, 215—216.

— князь Гр. Д., переводчикъ Пушкина на грузин. яз., т. LXXVI, 653.

Ординъ, Ф. Ф., т. LXXVI, 131.

Оржевскій, В. В., т. сов., директоръ деп. полиціи, т. LXXVI, 624.

Ориолла, графиня, т. LXXVI, 336—337.

Орловскій, членъ воен. сов. т. LXXVI, 105.

Орловы:

— колейникъ арх. Макарія, авторъ «Дневника», т. LXXVI, 947.

— любитель археологъ, т. LXXV, 362.

— графъ А. Ф., шефъ жандармовъ, т. LXXVIII, 176, 180, 187—188, 193.

— графъ Алексѣй Григорьевичъ, т. LXXV, 60, 407; т. LXXVI, 412—413.

— графиня Анна Ивановна, урожд. Салтыкова, супруга гр. Гр. Вл. О., т. LXXV, 809; т. LXXVI, 639.

— графъ Григорій Владиміровичъ, сенаторъ, LXXV, 809.

— князь Григорій Григорьевичъ, ген.-адъют., генераль-аншефъ, т. LXXV, 100, 407, 413; т. LXXVII, 42, 647.

— Иванъ Алексѣевичъ, корнетъ, т. LXXVIII, 583, 585, 589.

— Михаилъ Федоровичъ, ген.-маіоръ, т. LXXVI, 514—515; т. LXXVII, 832.

— Николай Александровичъ полковникъ, проф. Никол. акад. генерал. штаба, т. LXXV, 191, 194, 214, 762.

— Прасковья Ивановна, (по мужу Савина), артистка, т. LXXV, 939; т. LXXVIII, 491—492.

Орловъ-Денисовъ, графъ, ген.-адъютантъ, т. LXXVIII, 577—582, 585—592, 594—595.

Орнано, графъ, франц. генераль, т. LXXVII, 992.

Ортенбергъ, инспекторъ 2-го Спб. кадет. корп., т. LXXVII, 830.

Орфано:

— Герасимъ Дмитриевичъ, греч. полковникъ, т. LXXVII, 802.

— Ольга Александровна, урожд. Пушкина, жена Гер. Дм. О., т. LXXVII, 802.

Осиновы:

— Прасковья Александровна, т. LXXVI, 610, 623 — 624; т. LXXVII, 606.

— Н. О. *Статья ея*: Какъ я ходилъ въ народъ, т. LXXV, 457—498. *Библ. замѣтка А. Фаресова о книгѣ ея*: Винная монополія. Спб. 1899, ст. LXXVII, 671—675.

Оскаръ II, шведск. и норвеж. король, т. LXXV, 739.

Османъ-паша, т. LXXVII, 332—333.

Оснатовскій, Янъ, т. LXXVII, 589.

Осоргинъ, корнетъ, т. LXXVIII, 1082.

д'Оссонвилль, графъ, членъ париж.—академіи. *Библ. замѣтка Б. Городескаго о переведенной М. К. Соколовскимъ книгѣ ея*: Нищета и средства борьбы съ нею. (Misère et remèdes). Соціальныя взгляды. Спб. 1898, т. LXXVIII, 1218 — 1221. *Упомин.*: т. LXXVII, 1023.

Остенъ-Дризенъ, фонъ-дербъ, баронъ, Н. В., LXXV, 154, 158, 160, 164.

Остерманъ:

— графъ Иванъ Андреевичъ, вице-канцлеръ, т. LXXV, 62, 319; т. LXXVI, 35, 40, 42; т. LXXVIII, 649, с726, 729.

— графъ Федоръ Андреевичъ, д. т. сов., сенаторъ, т. LXXVI, 951.

Остерманъ-Толстая, графиня Елисавета Алексѣевна, урожд. кн. Голицына, супруга ген.-отъ-инф. гр. Алекс. Ив. Остермана, т. LXXV, 418.

Остерманъ-Толстой, графъ Александръ Ивановичъ, ген.-отъ-инф., т. LXXV, 418.

Островскіе:

— Александръ Николаевичъ, писатель, т. LXXV, 169—170, 688; т. LXXVI, 664; т. LXXVIII, 488—489, 493, 497—501, 516—517, 978, 979, 992, 993, 1003.

— П. Е., т. LXXVI, 1122.

Острогорскіе:

— А. Ѳ., писатель, т. LXXVII, 1012.

— Викторъ Петровичъ, педагогъ, писатель, т. LXXV, 349—350; т. LXXVI, 620, 624, 627; т. LXXVII, 354.

Острожскіе:

— князь Константинъ Константиновичъ, воевода кievскій, т. LXXV, 764, 766; т. LXXVII, 1051; т. LXXVIII, 392.

— Янушъ, т. LXXVI, 1125.

Остроумовъ, Н. П., редакторъ «Туркест. туземн. газеты», LXXVI, 686.

Отпуль, ген., т. LXXVII, 702.

Оттонъ I, король баварскій, т. LXXVIII, 819.

Отрешевъ, Солмей, т. LXXVI, 184.

Охоровичъ, польскій писатель, т. LXXVII, 1025.

П.

Пабсъ, Жерменъ, т. LXXV, 1059, 1062.

Павель I Петровичъ, императоръ всероссійскій, т. LXXV, 39, 45—46, 50, 53—55, 59—64, 67, 97, 115—116, 191—192, 194, 230, 350, 359, 402, 407—413, 415—417, 436, 816—818, 826; т. LXXVI, 34, 38, 43, 46, 100, 372, 408 — 426, 848 — 862, 864 — 866, 949, 954, 1062; т. LXXVII, 39 — 47, 49 — 55, 57 — 63, 65—69, 133, 324, 427—437, 440, 452, 703, 704, 771, 793, 832, 833, 838—840, 938, 1017, 1052; т. LXXVIII, 445, 447, 644—646, 652, 909, 916, 917.

— V, папа римскій, т. LXXVI, 1123, 1125—1126; т. LXXVII, 375, 376.

— (**Алеппскій**), архидіаконъ. *О немъ смъ библ. замѣтки С. о книгѣ*: Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго г. *Муркоса*. По рукописи московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ четвертый. М. 1898. Т. LXXV, 690—693.

Павленковъ, Флорентій Фёдоровичъ, книгоиздатель. *Библ. замѣтка Пещ.* объ его: Энциклопедическомъ словарѣ. Съ 2224 политипажами, въ томъ числѣ 813 портретовъ и 37 географическихъ картъ, гравированныхъ въ Парижѣ. Спб. 1899. Т. LXXVII, 993—997.

Павликъ, М. *Библ. замѣтка А. Д.*—ико объ изд. подъ его ред. книгъ: Збірник фільологічної секції наукового товариства імени Шевченка. Т. II. Розвідки *Михайла Драгоманова*. Т. I. У Львові. 1899. Т. LXXVIII, 342.

Павлицевы:

— Л. Н., племянникъ Пушкина, писатель, т. LXXVI, 429; т. LXXVII, 150; т. LXXVIII, 598, 603, 610, 611, 615, 1011, 1015, 1029.

— Николай Ивановичъ, тайн. сов., писатель, т. LXXVI, 886; т. LXXVIII, 336.

— Ольга Серг., т. LXXVII, 189—191.

Павловы:

— Алексій Степановичъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXV, 738; т. LXXVII, 370.

— Евг. Вас., профессоръ медиц. акад., т. LXXV, 974.

— Михаилъ Григорьевичъ, профессоръ Московск. унив., т. LXXVI, 475.

— Н., *Статья его:* Городъ Кельцы и его окрестности. (Путевые очерки по Привислянью), т. LXXVIII, 243—256.

— (Вицныъ), Н. М., писатель. *Библ. замѣтка В. Рудакова о книгѣ его:* Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362). Т. II. М. 1899, т. LXXVII, 997—1000.

— Каролина, урожд. ф. Янишь, переводчица Пушкина на нѣм. яз., т. LXXVI, 642.

Павловъ-Сильванскій, Н. П., *Библ. замѣтка Пещ. о книгѣ его:* Государевы служилые люди. Происхождение русскаго дворянства. Спб. 1898, т. LXXVI, 321. *Упомян.*: т. LXXV, 355.

Павскій, Герасимъ Петровичъ, проготорей, гебранствъ, т. LXXV, 1041.

Паисіа:

— епископъ диррахійскій, т. LXXVII, 667.

— патриархъ александрійскій, т. LXXVII, 307.

— (Величковскій), архимандритъ молд. мон., т. LXXV, 928.

Пайковъ, А. А., т. LXXV, 745.

Пайкъ, Гальденъ, англ. писатель, т. LXXVII, 1033.

Палакучи, камеръ-юнгфера имп. Екатерины II, т. LXXV, 106.

Паламидовъ, болгар. писатель, т. LXXVI, 679.

Палацкій, Францъ, чешск. историкъ и политич. дѣятель, т. LXXV, 754; т. LXXVII, 677.

Палены:

— А. В., т. LXXV, 761.

— графъ, Павелъ Петровичъ, ген.-отъ-кав., т. LXXVIII, 577, 581—582, 584, 595.

— графъ Петръ Алексѣевичъ, ген.-отъ-кав., спб. воен. губернаторъ, т. LXXVI, 463; т. LXXVII, 60, 429—434, 436.

— графиня Юліана Ивановна, урожд. фонъ-Шепингъ, жена гр. П. А. П., т. LXXVII, 60—61, 66.

Палеологъ, Софія, т. LXXV, 503.

Палермертъсъ, бельг. историкъ, т. LXXVIII, 347.

Пали, Фредерикъ, франц. академикъ, т. LXXVIII, 384.

Палладій, (Раевъ), митрополитъ спб., т. LXXV, 736; LXXVII, 370.

Пальеронъ, Эдуардъ, франц. академикъ. *Замѣтка о немъ:* Смерть Зеллера, Сарса, Пальерона и Бекка, т. LXXVI, 1099—1102.

Пальмерстонъ, англ. госуд. дѣятель, т. LXXVII, 710.

Пальмквистъ, шведскій посланникъ, т. LXXV, 1091; т. LXXVI, 378.

Пальмъ, водевилецъ, т. LXXVIII, 519.

Панаевы:

— И. и А., LXXVIII, 1150.

— Валеріанъ Александровичъ, инженеръ путей сообщ., писатель. *Некрологъ его:* т. LXXVIII, 396.

— Владиміръ Ивановичъ, поэтъ, т. LXXVIII, 177, 183.

— Иванъ Ивановичъ, писатель, т. LXXV, 688; т. LXXVII, 827.

Панины:

— графъ Никита Ивановичъ, канцлеръ, воспитатель Павла I, т. LXXV, 62, 407; т. LXXVI, 34, 853; т. LXXVII, 228, 430—431.

— графъ Никита Петровичъ, вице-канцлеръ, т. LXXVI, 44, 423, 853, 854.

— графъ Петръ Ивановичъ, ген.-аншефъ, сенаторъ, т. LXXV, 810—811; т. т. LXXVI, 423, 853; т. LXXVII, 557, 559.

— графиня Софія Петровна. См. **Тутолмина**.

Пановъ, т. LXXVIII, 1152.

Панта Сречковичъ, серб. историкъ, т. LXXV, 533.

Пантелѣевъ, Л. О., т. LXXV, 1109, 1112.

Пантуочекъ, Ферд., чешскій писатель, т. LXXVII, 678.

Панфиловы:

— адмиралъ, т. LXXVIII, 86.

— жена адмирала, т. LXXVIII, 86.

Панчулидзевъ, С. *Статья Е. С. Шумиорскаго*: «Придворное войско въ Росіи»: о книгѣ его: «Исторія кавалергардовъ». (Спб. 1899), т. LXXIII, 644—652.

Пападимитріу, византологъ, прив.-доцентъ Новорос. унив., т. LXXVIII, 785, 787.

Пападопуло-Керамевъ, А. И., профессоръ Спб. унив., т. LXXVIII, 787.

Паренсовъ, П. Д., т. XXXVI, 756.

Паризо, Робертъ, франц. офицеръ, историкъ, т. LXXVII, 691.

Паркеръ, Чарльзъ, англ. писатель, т. LXXVIII, 814, 816.

Паркманъ, Фрэнсисъ, англ. писатель, т. LXXVI, 733, 735.

Парландъ, А. А., т. LXXV, 745.

Парнелль, Чарльзъ Стюартъ, ирланд. дѣятель, т. LXXVII, 709, 710.

Парни, Эваристъ Деаире Дефоржъ, франц. поэтъ, т. LXXVI, 575; т. LXXVII, 206—207.

Пароевн:

— архіепископъ иркутскій, т. LXXV, 143.

— епископъ смоленскій, т. LXXVI, 198.

— патриархъ alexandрійскій, т. LXXVII, 307.

Паскаль:

— Блезъ, франц. философъ, т. LXXVII, 221.

— Фелисьенъ, франц. журналистъ, т. LXXVII, 717.

Пасковичъ, Иванъ Федоровичъ, князь Варшавскій, графъ Эриванскій, ген.-фельдмаршалъ, наместникъ царства польскаго, т. LXXV, 442; т. LXXVI, 944—945; т. LXXVII, 310; т. LXXVIII, 168, 172, 179, 335—336, 546, 557—559, 562—564.

Паскъе, герцогъ, т. LXXVII, 338.

Пассекъ:

— Е. В., профессоръ юрьев. унив., т. LXXVII, 683.

— Петръ Богдановичъ, ген.-анш., моголев. ген.-губернаторъ, т. LXXV, 69—70, 821; т. LXXVII, 907.

Пастернакъ, художникъ, т. LXXV, 688.

Пастуховъ, Андрей Васильевичъ, топографъ. *Некрологъ его*: т. LXXVIII, 845, 1301; *Упомят.*: т. LXXVI, 780.

Патеръ, фаворитка Людовика XV, впол. маркиза де-Шансене, т. LXXVIII, 357.

Паткановъ, К. П., профессоръ, т. LXXVIII, 334.

Паткуль, Юганнъ Рейнгольдъ, лфлянд. дипломатъ, т. LXXVI, 209.

Паулусъ, докторъ богословія, т. LXXVII, 693.

Паулуччи, маркизъ, т. LXXVII, 144, 676.

Паульсенъ, Фридрихъ, философъ, профессоръ берлин. унив., т. LXXVI, 1023; т. LXXVII, 1044; т. LXXVIII, 337—338.

Паунтсфордъ, Джулианъ, англ. делегатъ на гааг. конференціи, т. LXXVIII, 385.

Пафнуцій, іеромонахъ, т. LXXVIII, 778.

Пахманъ, Семень Викентьевичъ, сенаторъ, профессоръ спб. унив., т. LXXVIII, 831.

Пашино, Петръ Ивановичъ, ориенталистъ, путешественникъ, т. LXXVI, 709.

Пашичъ, т. LXXV, 533; т. LXXVIII, 1275.

Пашковы:

— Варвара Матвѣевна. См. **Ланская**.
— полковникъ, сектантъ, т. LXXVIII, 203.

Пашутинъ, А. Н., т. LXXVI, 307.

Пащенко, псков. губернаторъ, т. LXXVII, 150.

Пейвертъ, прусс. генераль, т. LXXV, 984.

Пекаржъ, I., чешскій писатель, т. LXXVII, 678.

Пекарскій, П. П., историкъ, т. LXXV, 504.

Пелиши, баронъ, франц. историкъ, т. LXXVIII, 344.

Пеллико, Сильвіо, итальян. поэтъ, т. LXXVII, 707.

Пельскій, П. А., т. LXXVIII, 1145.

Пенго, Альберъ, франц. историкъ, т. LXXVII, 336.

Перевощиковъ, т. LXXVI, 592; т. LXXVIII, 1149—1150.

Передольскій, И. В., т. LXXV, 361.

Перекусихины:

— Марья Савишна, камеръ-юнгфера имп. Екатерины II, *Статья о ней В. О. Милневича*: Замѣчательныя русскія женщины. М. С. Перекусихина, т. LXXV,

96—116. Упомянуты: т. LXXVI, 48; т. LXXVIII, 444.

— Василий Савичъ, тайн. сов., сенаторъ, т. LXXV, 112—113.

Перелешинъ, ген.-адъют., т. LXXV, 347.

Перепечинъ, секундъ - майоръ, т. LXXVII, 546.

Переплетчиковъ, т. LXXVII, 618.

Перетерскій, С., т. LXXV, 312—313.

Перетцъ, Владиміръ Николаевичъ, прив.-доцентъ спб. унив., т. LXXV, 1089; т. LXXVI, 376—377.

Перовскіе:

— графъ Василій Алексѣевичъ, ген.-отъ-кав., членъ госуд. сов., т. LXXVI, 101—103, 796—797.

— графъ Левъ Алексѣевичъ, министръ внутр. дѣлъ и удѣловъ, т. LXXVI, 205.

Перри, Джонъ, англ. инженеръ, т. LXXVI, 162.

Пермскій, Богданъ, т. LXXVI, 184.

Персковичъ, О., т. LXXVIII, 1153.

Перфильевъ, Сергій Степановичъ, т. LXXVIII, 494.

Перцевъ, археологъ, т. LXXVI, 943.

Перцовы:

— П. П., т. LXXVI, 594.

— Эрастъ Петровичъ, писатель, т. LXXVI, 594, 596, 599, 605—606, 608.

Першинъ, В. И., т. LXXVI, 1104.

Песковскій, Матвѣй Леонтьевичъ, писатель, т. LXXVI, 270.

Петефи, Александръ, венгер. поэтъ. *Замѣтка о немъ:* Полулѣтняя годовщина смерти Петефи, т. LXXVII, 1045—1046; Упомянуты: т. LXXVI, 672.

Петина, актеръ, т. LXXVIII, 998.

Петрановичъ, сербск. писатель, т. LXXVI, 646.

Петри, Эдуардъ Юльевичъ, антропологъ, профессоръ спб. унив. *Некрологъ его:* т. LXXVIII, 844—845. Упомянуты: т. LXXV, 361; т. LXXVII, 687; т. LXXVIII, 1236.

Петрицкій, предводитель тушинцевъ, т. LXXVI, 184.

Петричейску-Гляздеу, Богданъ, филологъ, профессоръ бухарестск. унив., т. LXXVI, 670.

Петрликъ, Кр., чешскій технологъ, т. LXXVII, 678.

Петровичъ, С., переводчикъ Пушкина на серб. яз., т. LXXVI, 646.

Петровскіе:

— археологъ, т. LXXVI, 940.

— М. А., т. LXXVIII, 1145.

— Н., LXXVIII, 1150.

Петровы:

— прапорщикъ, т. LXXV, 905—906.

— авторъ бр. «Памяти Пушкина». т. LXXVII, 599.

— Андрей Николаевичъ, ген.-майоръ, военный писатель, т. LXXV, 188; т. LXXVII, 143.

— И. А., педагогъ, писатель, т. LXXV, 707.

— И. П., товарищъ председателя моск. сов. дѣтск. приютовъ, т. LXXVII, 357.

— Николай Ивановичъ, профессоръ кiev. дух. акад., т. LXXV, 765, 1092; т. LXXVI, 650, 1106; т. LXXVII, 611; т. LXXVIII, 1121, 1123.

— П. И., т. LXXV, 934—936.

Петропавловскій, д-ръ, т. LXXV, 902, 906, 907.

Петрулинь, комендантъ Бнотаев. крѣпости, т. LXXVII, 546.

Петрункевичъ, А. М., *Библ. замѣтки Л. и П. Като: о жизни ее:* Маргарита Ангулемская и ея время. Историческій очеркъ изъ эпохи Возрожденія во Франціи. Изданіе въ пользу общества вспомоществованія окончившихъ курсъ наукъ въ спб. женскихъ курсахъ. Спб. 1899, т. LXXVI, 728—729, 1066—1067.

Петрушевскіе:

— полковникъ, т. LXXVI, 916.

— Александръ Фомичъ, ген.-лейтен., воен. писатель, т. LXXV, 188.

— Д. М., т. LXXV, 716; т. LXXVI, 323.

— Ф. И., т. LXXV, 707.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ всероссійскій, т. LXXV, '305—307, 309, 505, 748, 764, 766, 812, 881, 1028—1029; т. LXXVI, 45, 98—99, 162—163, 205, 215, 218, 221, 300, 321, 351, 370, 379, 726, 436, 439, 500—501, 538, 786—787, 852, 927, 937, 954, 1118; т. LXXVII, 129, 152—153, 238—240, 243—245, 271, 317—318, 365, 366, 553, 681, 721, 722, 799, 874, 1001, 1017, 1051; т. LXXVIII, 190, 201—202, 392, 646, 649, 885, 1215, 1232, 1293.

Петръ III Теодоровичъ, императоръ всероссійскій, т. LXXV, 406—407, 615, 1043; т. LXXVI, 163, 412—413, 415, 416, 417, 419, 431, 439, 979; т. LXXVII, 903, 909, 910, 924, 928, 938.

Петръ, герцогъ курлянд., т. LXXVIII, 1297.

Петръ (Могила), митрополитъ кievскій, т. LXXVIII, 828—829.

Петръ Петровичъ, православно. епископъ въ Черногоріи, т. LXXVII, 919, 925.

Петръ, В. И., директоръ кievо-печер. гимн., т. LXXVI, 759.

Пешина, доцентъ чешск. академ., т. LXXVII, 678.

Пешэ, франц. писатель, т. LXXVII, 221.

Пещуровъ, Алексѣй Никитичъ, т. с., сенаторъ, псковскій губернаторъ, т. LXXVI, 624, 626; т. LXXVII, 606—607.

Пидаль, Рамонъ Менендэзъ, испанск. писатель, т. LXXVII, 1025.

Пикарь:

— корреспондентъ князя А. Б. Куракина, т. LXXV, 47.

— франц. генераль, т. LXXV, 336; т. LXXVIII, 826.

Пико, т. LXXVIII, 42.

Пилсудскій, оберъ-полицеймейстеръ Варшавы, т. LXXV, 453—454.

Пиль:

— Джорджъ, англійскій писатель, т. LXXVIII, 815.

— Робертъ, англійск. госуд. дѣятель. *Замѣтка о немъ:* Сэръ Робертъ Пиль, т. LXXVIII, 814—816.

Пильцъ, редакторъ «Края»; т. LXXV, 741.

Пименъ, митрополитъ, т. LXXVII, 1019.

Пино, т. LXXVIII, 1174—1175.

Пиренъ, профессоръ Гентск. унив., т. LXXVIII, 345—346.

Пирлингъ, историкъ, т. LXXV, 712—713.

Пироговъ, Н. И., хирургъ и педагогъ, т. LXXVIII, 1152.

Писаревы:

— артистъ, т. LXXVIII, 998.

— Дмитрій Ивановичъ, писател.: т. LXXVI, 131; т. LXXVIII, 1153, 1216.

— Рафаэль Алексѣевичъ, помѣщикъ, т. LXXVII, 849.

— С. П., *Библ. замѣтка В. Р—ва о книгѣ его:* Памятная книга г. Смоленска. Историко-современный очеркъ, указатель и путеводитель. Смоленскъ. 1898, т. LXXV, 331—332.

Писемскіе:

— А. А., т. LXXVI, 364.

— Алексѣй Ософилактовичъ, писатель, т. LXXV, 169, 610; т. LXXVI, 501; т. LXXVII, 347.

Пискаревъ, П. И., археологъ, т. LXXVI, 946.

Пистолькорскъ, генераль, т. LXXVI, 896, 899, 901, 902, 910, 911, 912; т. LXXVII, 81—82.

Питтъ, англ. госуд. дѣятель, т. LXXVI, 304; т. LXXVII, 819.

Пичугинъ, капитанъ, т. LXXVII, 489.

Пичъ:

— Л., чешскій археологъ, т. LXXVII, 678.

— О., т. LXXVI, 667.

Пинегрю, франц. генераль, т. LXXVII, 1039—1041; т. LXXVIII, 36.

Пій VI, папа римскій. *Замѣтка о немъ:* Столѣтіе годовщины смерти Пія VI и рожденія Пуччини, т. LXXVIII, 365—367.

Пій VII, папа римскій, т. LXXVIII, 365—366.

Плавильщиковъ, Н. М., т. LXXVII, 315.

Плантадисъ, франц. писатель, т. LXXVII, 699.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Спб. унив. *Замѣтка о немъ:* Диспутъ С. Ѳ. Платонова, т. LXXVIII, 1282—1283; *Упомян.:* т. 353, 363, 743, 1087, 1088; т. LXXVI, 1117—1118; т. LXXVII, 994; т. LXXVIII, 1284.

Платоны:

— епископъ, т. LXXVI, 214.

— митрополитъ московскій, т. LXXV, 918.

— греч. философъ. *О немъ въ библ. замѣткѣ А. М—на о книгѣ:* Творенія Платона. Переводъ съ греческаго *Владимира Соловьева*. Томъ первый. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1899, т. LXXVIII, 1226—1227.

фонъ-Плеве, В. К., сенаторъ, т. LXXVIII, 831.

Племянниковъ, Петръ Григорьевичъ, ген.-лейт., т. LXXVII, 578—579.

Плеске, Э. Д., тайн. сов., т. LXXV, 761.

Плетневъ, Петръ Александровичъ, писатель, т. LXXVI, 697, 698, 1089; т. LXXVII, 186; т. LXXVIII, 1152.

Плецъ, капитанъ, т. LXXVI, 903—904.

Плечковъ, полковникъ, т. LXXVIII, 963.

Плещевы:

— А. А. *Статья его:* Памяти М. И. Пяляева, т. LXXV, 966—976.

— Алексѣй Николаевичъ, поэтъ, т. LXXVII, 154.

— Сергій Ивановичъ, вице-адмираль и почетный опекунъ, т. LXXVI, 419, 860; т. LXXVII, 40.

Плонсковскій, Фабіанъ, католическ. хелмин. епископъ, т. LXXVII, 589.

Плохинскій, М. М., т. LXXV, 751, 752.

Плѣшковъ, поручикъ, т. LXXVI, 903—904.

Плюшарь:

- портретистъ 30-хъ гг., т. LXXV, 948.
- писатель, т. LXXVIII, 483—484.
- де-Плало, графъ, франц. посланникъ въ Давіи, т. LXXVIII, 720—722.

Поѣдоносцевы:

— Екатерина Александровна, супруга оберъ-прокурора св. синода, т. LXXVI, 198.

— Константинъ Петровичъ, оберъ-прокуроръ св. синода. *Статья И. Н. З. о книгѣ его:* Новая школа, т. LXXV, 643—651. *Упомин.*: т. LXXV, 349; т. LXXVI, 1070.

Повалишинъ, А. Д., т. LXXV, 763.

Повало - Швейковскій, декабристъ, т. LXXVI, 944.

Погренполь, Н. В., д. членъ имп. геогр. общ., т. LXXV, 1096; т. LXXVI, 780.

Погодины:

— Александръ Львовичъ, прив.-доц. Спб. унив., т. LXXV, 314; т. LXXVIII, 833, 1135.

— Михаилъ Петровичъ, историкъ. *О немъ въ библ. замѣткѣ Б. Г. о книгѣ Николая Барсукова:* Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга тринадцатая. Спб. 1899, т. LXXVIII, 773—774. *Упомин.*: т. LXXV, 600; т. LXXVI, 203, 209, 211—212, 648, 667, 689—695, 761; т. LXXVII, 862; т. LXXVIII, 1138, 1139.

Погожевъ, т. LXXV, 1044.

Подгорникъ, Фр., докторъ, издатель журн. «Slovanski Svet», т. LXXVI, 675.

Подлага, чешскій археологъ, т. LXXVII, 678.

Подобѣдова, актриса, т. LXXVIII, 492.

Подозеровъ, Иванъ Ивановичъ, профессоръ скульптуры имп. акад. худож. *Некрологъ его:* т. LXXVI, 795—796.

Подолнискій, Александръ Ивановичъ, поэтъ, т. LXXVIII, 1154.

Подшиваловъ, В. С., LXXVIII, 1146, 1146.

Подшипавевъ, Оома, т. LXXVI, 184.

Пожарскій, моск. бояринъ, т. LXXVII, 668.

Поздѣевъ, А. М., профессоръ Спб. унив., т. LXXV, 1087.

Поздѣевъ, т. LXXV, 844.

Покорный, А., чешск. писатель, т. LXXVI, 652.

Покровскіе:

— Н. И., т. LXXV, 1087.

— Николай Васильевичъ, директоръ Спб. археол. инст., т. LXXV, 318, 352—353, 1088; т. LXXVI, 776, 1126; т. LXXVII, 369, 371—372; т. LXXVIII, 832, 1121, 1129.

— О. В., археологъ, т. LXXVII, 872.

Полевые:

— Николай Алексѣевичъ, писатель, т. LXXV, 948; т. LXXVI, 128, 138, 501; т. LXXVII, 826, 827.

— Петръ Николаевичъ, писатель. *Статья его:* Памяти П. М. Третьякова, т. LXXV, 945—950.—Три типа русскихъ ученыхъ. (Куникъ, Срезневскій и Григоревичъ), т. LXXVI, 123—143.—Нашъ великій поэтъ, 464—479. *Библ. замѣтка его:* Царскія охоты на Руси царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. XVII вѣкъ. Историческій очеркъ Николая Кутецова. Спб. 1898, т. LXXV, 683—687. *Упомин.*: т. LXXVI, 627.

Полетики:

— Андрей, ромен. войтъ, т. LXXVII, 632.

— Идалія, т. LXXVIII, 623—626.

— П. И., т. LXXVIII, 610.

Поливановы:

— археологъ, т. LXXVI, 942, 952.

— В. Н. *Статья его:* А. С. Пушкинъ въ Симбирскѣ, т. LXXVII, 568—576.

— Левъ Ивановичъ, педагогъ. *Некрологъ его:* т. LXXVI, 381—382. *Упомин.*: т. LXXV, 161.

Полявка, Юр., чешскій филологъ, т. LXXVII, 678.

де-Пелиньяки:

— г-жа, LXXVII 772; т. LXXVIII, 37—38, 41—44.

— Арманъ, т. LXXVIII, 36—38, 41, 42, 43, 45.

— Жоржъ, т. LXXVIII, 42—43.

— Жюль, т. LXXVIII, 36—38, 41, 42, 43, 45.

Полиевтовъ, М. А., секретарь спб. библиол. общ., т. LXXVIII, 843, 1287.

Поллеиъ, Джонъ, переводчикъ русск. авторовъ на англ. яз., т. LXXV, 1067—1068; т. LXXVI, 657.

Поло, Марко, итальян. писатель, т. LXXVII, 644.

Половцевы:

— А. В., т. LXXVI, 779—780.

— Александръ Александровичъ, предсѣдатель русс. ист. общ., т. LXXVI, 367, 374.

Полонскіе:

— А. С., актеръ, т. LXXVIII, 995.

— Александръ Яковлевичъ, т. LXXV, 150, 157, 163, 164.

— Борисъ Яковлевичъ, т. LXXV, 157, 163.

— Жозефина Антоновна, урожд. Рюльманъ, т. LXXV, 149.

- Леонидъ, т. LXXV, 741.
 — Наталья Яковлевна. См. Елачичъ.
 — Яковъ Петровичъ, поэтъ. *Статья о немъ С. И. Уманца*: Памяти Я. П. Полонскаго, т. LXXV, 147—166.—*Въ библ. замѣткѣ С. Л.—на о книгѣ Н. М. Соколова*: Лирика Я. П. Полонскаго. Критическій вступл. Спб. 1899, т. LXXVI, 304—305. *Упомин.*: т. LXXV, 318, 353, 738; т. LXXVI, 248; т. LXXVII, 152, 154, 676, 1010.
Полоцковъ, А. В., т. LXXV, 753.
Полтавникъ, авторъ бр. «Къ свѣту, къ свѣту!» (Вильна, 1899). т. LXXVI, 608—609, 611.
Полторацкіе:
 — поручикъ л.-гв. семенов. полка, *О немъ въ ст. Е. Альбовскаго*: Честолюбіе погубило, т. LXXV, 855—865.
 — маіоръ, т. LXXVII, 481, 482, 483.
Полуботковы: Леонтія, Павелъ и Евфимій, т. LXXVIII, 632.
Полухтовъ, ген.-лейт., т. LXXVIII, 1040.
Полѣнова, Елена Дмитріевна, художница. *Некроль ея*: т. LXXV, 366—367.
Померанцевы:
 — священникъ, т. LXXVI, 350.
 — Ил. Ив., т. LXXV, 1096.
Поморцевъ, М. М., полковникъ, т. LXXVIII, 390.
 де-Помпадуръ, маркиза Жанна-Антуанетта, фаворитка Людовика XV. *Замѣтка о ней*: Герцогъ Шуазель и маркиза де-Помпадуръ, т. LXXVI, 1078—1081. *Упомин.*: т. LXXVII, 348, 352—353; т. LXXVIII, 354—358, 732—735, 738.
Помяловскій, Иванъ Васильевичъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXV, 351, 788, 744; т. LXXVI, 774; т. LXXVIII, 1285.
Пономаревы:
 — А. И., профессоръ. *Библ. замѣтка С. объ изданной подъ его редакціей книгѣ*: Памятники древне-русской пѣрковно-учительной литературы. Выпускъ четвертый: славяно-русскій прологъ. Часть вторая. Январь—апрѣль. 1898, т. LXXV, 333—334.
 — Матвѣй Петровичъ, прапорщикъ, основатель владим. губ. типографіи, т. LXXVI, 320.
 — С., т. LXXV, 238.
Понятовскіе:
 — Иосифъ, князь и маршалъ Франціи, т. LXXVII, 975—979.
 — Станиславъ-Августъ, польскій король, т. LXXV, 426; т. LXXVI, 379, 423, 864, 865; т. LXXVII, 929, 1005.

- Попель**, варшав. католич. архіепископъ, т. LXXV, 740.
Поповицкій, Александръ Ивановичъ, д. ст. сов., редакторъ «Русс. Паломн.», т. LXXVI, 1033—1034.
Поповы:
 — А. В., археологъ, т. LXXVI, 941, 950.
 — Андрей Александровичъ, адмиралъ, т. LXXVIII, 90—91.
 — Андрей Николаевичъ, профессоръ москов. унив., т. LXXVI, 217, 373, 651.
 — Г. С., переводчикъ Пушкина на болгар. яз., т. LXXVI, 678.
 — Іоаннъ, священникъ. *Библ. замѣтка Х-ча о книгѣ ея*: Ламаизмъ въ Тибетѣ, его исторія, ученіе и учрежденія. Опытъ историко-миссіонерскаго изслѣдованія священника Іоанна Попова. Казань. 1893, т. LXXV, 1047—1048.
 — К. С., т. LXXVI, 776.
 — Ниль Александровичъ, историкъ, т. LXXV, 532; т. LXXVII, 320, 1019.
Порошинъ, Семенъ Андреевичъ, воспитатель имп. Павла, писатель, т. LXXVI, 434.
Порри, переводчикъ Пушкина на франц. яз., т. LXXVI, 639.
Портанъ, Генрихъ, финляндскій историкъ, т. LXXVIII, 1075.
Португаловъ, т. LXXV, 248.
Порфирій, архимандритъ, т. LXXV, 268.
Порфирій (Успенскій), епископъ, ученый и путешественникъ. *Библ. замѣтка Э о книгѣ ея*: Востокъ христіанскій. Александрійская патриархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и записокъ, относящихся до исторіи Александрійской патриархіи. Томъ I. Составленъ еписк. Порфиріемъ Успенскимъ. Изд. имп. акад. наукъ подъ ред. Хр. М. Лопарева. Спб. 1898, т. LXXVII, 304—309. *Упомин.*, т. LXXVIII, 1004.
Порфирьевъ, поэтъ, т. LXXVII, 154.
Посохинъ, т. LXXVI, 355.
Поспичиль, Я., филологъ, т. LXXVIII, 652.
Постояновъ, Ив., переводчикъ Пушкина на словен. яз., т. LXXVI, 668.
Потанинъ, Григорій Николаевичъ, путешественникъ, этнографъ. *Библ. замѣтка о книгѣ ея*: Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. Съ 10 рисунками въ текстѣ. Изд. географическаго отдѣленія имп. общества естествознанія, антропологіи и этнографіи. М. 1898, т. LXXVI, 711—713.—*Упомин.*: т. LXXV, 1109, 1112.
Потапенко, Игнатій Николаевичъ, писатель. *Разказы ея*: Пытливый умъ, т.

LXXV, 77—95.—Заштатный геній, 829—840. *Упомин.*, т. LXXV, 741.

Потаповы:

— А. А., архитекторъ, т. LXXVI, 775.
— Александръ Львовичъ, т. LXXV, 442—444, 447, 454—456.

Потобня, профессоръ, т. LXXVIII, 1155.

Потемкина, Татьяна Васильевна. См. *Юсупова*.

Потемкины:

— Александръ Васильевичъ, отставной подполковникъ, т. LXXVI, 196—197.

— Михаилъ Сергѣевичъ, т. LXXV, 401.

Потемкинъ-Таврическій, князь Григорій Александровичъ ген.-фельдмарш., фаворитъ Екатерины II. *Статья о немъ Л. Я. Зайцева*: Родина князя Потемкина, т. LXXVI, 196—200. *Упомин.*: т. LXXV, 66, 69, 71, 73—76, 105, 287, 400—401, 403, 429—430, 432; т. LXXVI, 438, 443, 786; т. LXXVII, 800, 907; т. LXXVIII, 558.

Потерь, Павелъ, художникъ, т. LXXVIII, 47.

Потоцкія:

— графиня, авторъ мемуаровъ, т. LXXVII, 974.

— графиня Елена, урожд. княжна Массальская, въ первомъ бракѣ принц. де-Лишь, г. LXXVI, 799.

— графиня Елисавета Николаевна, урожд. Головина, т. XXXV, 49—50; т. LXXVI, 384; т. LXXVIII, 917, 921.

— графиня Маріанна, т. LXXVI, 799.

— графиня Софія, по первому браку гр. Виттъ. *Статья о ней С. Адрианова*: Графиня Софія Потоцкая. Т. LXXV, 426—439. *Замѣтка И. Ш. по поводу этой статьи*: Къ биографіи графини Софьи Потоцкой, т. LXXVI, 799. *Упомин.*: т. LXXV, 73—76.

— графиня Юзефина, т. LXXV, 431—434.

Потоцкіе:

— графъ Александръ Станиславовичъ, оберъ-штальмейстеръ, т. LXXV, 438—439.

— графъ Винцентій, т. LXXVI, 799.

— графъ Левъ Севериновичъ, д. т. сов., членъ госуд. сов., т. LXXV, 50; т. LXXVIII, 921.

— Станиславъ-Феликсъ, польск. политич. дѣятель, т. LXXV, 73, 405, 430—436; т. LXXVIII, 272.

— графъ Феликсъ Осиповичъ, ген.-майоръ, т. LXXV, 413.

— графъ Феликсъ Францовичъ, ген.-отъ-инф., т. LXXVI, 856.

— графъ Юрій Станиславовичъ, т. LXXV, 436—438.

Потѣхинъ, Алексѣй Антиповичъ, писатель, т. LXXV, 170, 741; т. LXXVIII, 489, 491.

Поццо-ди-Ворго, графъ Карлъ Осиповичъ, дипломатъ, т. LXXVIII, 272, 273.

Почека-Тарновскій, Григорій Степановичъ, т. LXXVII, 629—630.

Пошнигеръ, биографъ Бисмарка, т. LXXV, 977; т. LXXVI, 281, 282.

Поэ, Эдгаръ Алленъ, америк. поэтъ, т. LXXV, 1068.

Правда, Фр., чешскій поэтъ, т. LXXVII, 679.

Правдины:

— Евгений. *Статья его*: Очерки Американской дѣятельности, т. LXXV, 656—678, 994—1023; т. LXXVII, 646—665; т. LXXVIII, 289—324, 742—766, 1177—1210.

— Осипъ Андреевичъ, актеръ, т. LXXV, 167; т. LXXVIII, 998.

Правье, Жюль, франц. писатель, т. LXXVII, 1022—1023.

Пражакъ, Юр., чешскій писатель, т. LXXVII, 678, 679.

Прахъ, Адрианъ Викторовичъ, историкъ искусства, т. LXXV, 363—364, 743.

Прево, Марсель, франц. писатель, т. LXXVII, 362; т. LXXVIII, 826.

Преображенскій, И. Д., археологъ, т. LXXVI, 940.

Пржевальскій, Николай Михайловичъ, путешественникъ, т. LXXV, 1096; т. LXXVI, 774, 1122.

Пржеремскій, Викентій, епископъ плоцкій, т. LXXVIII, 240.

Пржиборовскій, Валерій. *Библ. з-мѣтка К. Х. о книгѣ его: Z przeszlosci Warszawy. Szkice historyczne. Warszawa. 1899*, т. LXXVII, 1004—1006.

Придикъ, Е. М., т. LXXVII, 372.

Прямъ, испан. генераль, т. LXXVI, 293; т. LXXVII, 341.

Принцъ, Александръ, есаулъ, т. LXXVII, 479, 482, 483.

Приоровъ, поручикъ, т. LXXVI, 907, 911.

Провенцаль, А., переводчикъ Пушкина на итальянск. яз., т. LXXVI, 649.

Прозоровскіе:

— князь, т. LXXVI, 191.

— профессоръ, т. LXXV, 354.

— А. А., археологъ, т. LXXVI, 951.

Прокоповичъ, Василій Яковлевичъ, преподаватель 2-го Спб. кадет. корпуса, т. LXXVII, 819, 828, 830.

Прокопъ, епископъ краковскій, т. LXXVIII, 248.

Прокофьевъ, сотрудникъ «Нов. Вр.», т. LXXVI, 364; т. LXXVII, 357.

Проперь, С., издатель «Бирж. Вѣд.», т. LXXVII, 357.

Протасовы:]

— Александръ Яковлевичъ, ген.-поручикъ, т. LXXV, 45.

— Александра Петровна, см. *Голыцина.*

— Анна Петровна, см. *Толстая.*

— графиня Анна Степановна, камеръ-фрейлина имп. Екатерины II, т. LXXV, 65, 110, 409, 413, 821; т. LXXVI, 409, 419, 860; т. LXXVII, 792; т. LXXVIII, 56.

— Варвара Петровна, т. LXXV, 409.

— Вѣра Петровна, см. *Васильчикова.*

— Екатерина Петровна, см. *Распачина.*

— Николай Александровичъ, обер-прокуроръ Св. Синода, т. LXXVI, 626; т. LXXVII, 681.

— графъ Петръ Степановичъ, дѣйств. тайн. сов., т. LXXV, 409.

Протасовъ-Вахметавъ, графъ А. Н., главноуправляющій учрежд. императр. Маріи, т. LXXV, 761; т. LXXVII, 359—360; т. LXXVIII, 831.

Протеро, англ. критикъ, т. LXXVIII, 811—812.

Протичъ, сербскій посланникъ въ Россіи, т. LXXV, 536—537.

Протопоповы:

— Ив., т. LXXVI, 949.

— Іоаннъ, священникъ, т. LXXVII, 822, 823, 830.

— Яковъ Егоровичъ, писатель, т. LXXVII, 314.

Проходцевъ, Ив., археологъ, т. LXXVI, 939, 943.

Прохоровъ, генераль, т. LXXVII, 331—332.

Пршекъ, Юст., чешскій писатель, т. LXXVII, 679.

Пругавикъ, Александръ Степановичъ, писатель, т. LXXV, 1109, 1112.

Прудонъ, Пьеръ Жозефъ, франц. экономистъ, т. LXXVI, 240.

Пряншинковъ, Федоръ Ивановичъ, т. LXXVIII, 773—774.

Пташицкій, С. Л., профессоръ Спб. унив., т. LXXVI, 779; т. LXXVII, 372.

Птоховъ, П. В. *Библ. замѣтка К. Х. о книгѣ его:* Архимандритъ Макарій (Глухаревъ), основатель Алтайской мисси. М. 1899, т. LXXV, 1039—1042.

Пугачевъ, Емельянъ Ивановъ, самозванецъ, донской казакъ. *О немъ въ статьѣ П. Л. Юдина:* Послѣ Пугачевщины на Каспій, т. LXXVII, 546—567. *Упомян.:* т. LXXV, 304, 614, 704—705, 1083; т. LXXVI, 500, 595 — 597, 603, 607 — 608, 951; т. LXXVII, 568; т. LXXVIII, 784.

Пуговиникинъ, Иванъ Осиповичъ, т. сов., членъ коллегіи иностран. дѣлъ, т. LXXVI, 368.

Пузыревскій, А. К., т. LXXVI, 756.

Путаты:

— А. Д., т. LXXVI, 254.

— Н. В., т. LXXVI, 651.

— Софія Львовна, урожд. Энгельгардъ, т. LXXV, 1108.

Путатины:

— княгиня, т. LXXVIII, 48.

— князь М. С., т. LXXV, 1090; т. LXXVI, 1118.

— князь П. А., археологъ, т. LXXVIII, 1285.

Пуцковичъ, Теофилъ Теофиловичъ, писатель. *Некрологъ его:* т. LXXVIII, 846.

Пучини, Никола. *Замѣтка о немъ:* Столѣтіе годовщины смерти Пія VI и рожденія Пучини, LXXVIII, 365—367.

Пушкины:

— урожд. Воейкова, первая супруга Л. А. П., т. LXXVI, 429, 430.

— урожд. Головина, супруга А. П. П., т. LXXVI, 429.

— урожд. Чичерина, вторая супруга Л. А. П., т. LXXVI, 429, 430.

— Екатерина Михайловна, т. LXXVII, 801.

— Елена Григорьевна, урожд. Воейкова по I-му браку Нѣмцова, жена Алексѣя Мих. П., т. LXXVII, 801—802, 812, 814.

— Надежда Осиповна, урожд. Ганнибалъ, мать поэта, т. LXXVI, 430, 457—458, 619, 622, 627.

— Наталія Абрамовна, урожд. кн. Волконская, жена Мих. Алекс. П., т. LXXVII, 801, 809—810.

— Наталія Николаевна, урожд. Гончарова, жена поэта. *О ней въ статьѣ Б. В. Никольскаго:* Послѣдняя дуэль Пушкина, т. LXXVIII, 596—643, 1009—1042. *Упомян.:* т. LXXVI, 429, 596, 606, 624, 626; т. LXXVII, 270, 274, 277, 346—347, 568—600, 604, 684.

— Прасковья Алексѣевна, т. LXXVII, 802.

— Софья Владиміровна, урожд. гр. Васильева, вторая жена Ив. Алексѣев. П., т. LXXVII, 802.

- Татьяна Ефимовна, урожд. Ренкевичъ, первая жена Ив. Алексѣев. П., т. LXXVII, 802.
- А. А., внучъ поэта, бронниц. уѣздный предводитель дворянства, т. LXXVI, 762, 1107.
- А. Л., т. LXXV, 1084; т. LXXVI, 1133.
- Александръ Александровичъ, сынъ поэта, ген.-лейт., т. LXXVI, 761, 1107—1108; т. LXXVII, 150, 154, 159.
- Александръ Петровичъ, прадѣдъ поэта, т. LXXVI, 429, 681.
- Александръ Сергѣевичъ, поэтъ. *Статьи о немъ: Н. А. Бюлозерской*: Одинъ изъ предковъ Пушкина. (Материалы для характеристики нравовъ русскаго общества XVIII в.), т. LXXVI, 427—463.—*Н. П. Полевого*: Нашъ великій поэтъ. 464—479.—*И. Тюменева*: Памяти А. С. Пушкина. (26 мая 1799 г.). (Стнх.), 480—481.—*А. К. Бороздина*: А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности. 482—506.—*Б. В. Никольскаго*: Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина. 506—585.—*П. П. Загоскина*: А. С. Пушкинъ въ Казани. (Изъ исторіи казанской общественности 30-хъ и 40-хъ годовъ). 586—609.—*В. А. Тихонова*: Анна Петровна Керцъ и романсъ: «Я помню чудное мгновенье». 610—617.—*М. И. Каспійскаго*: Похороны А. С. Пушкина и его могила. 618—633.—*П. Д. Драганова*: Кто впервые принялъ переводить А. С. Пушкина и прототипы переводовъ его на 50 языковъ и нарѣчій міра. 634—688.—*А. И. Фаресова*: Въ святыхъ горахъ и Псковѣ 26—29 мая, т. LXXVII, 147—177.—*Б. В. Никольскаго*: Академическій Пушкинъ. 178—218.—*Е. Еленина*: Юбилейная литература о Пушкинѣ. 264—282, 592—613.—*В. Н. Поливанова*: А. С. Пушкинъ въ Симбирскѣ. 268—576.—*Б. В. Никольскаго*: Послѣдняя дуэль Пушкина, т. LXXVIII, 596—643, 1008—1042. *Замѣтки о немъ*: Къ юбилею Пушкина, т. LXXV, 348—351, 767—762, 1076—1085; т. LXXVI, 350—367, 776—774, 1103—1116.—Одесское литературно-артистическое общество, т. LXXV, 363.—Могила Пушкина въ 1856 году, т. LXXVI, 751—754.—*А. Маленина*: Къ статьямъ о Пушкинѣ, 1132—1133.—*И. Н. Званцова*: Садъ въ селѣ Болдинѣ. 1133—1134.—*В. Л. Шенрокъ*: Къ статьѣ г. Драганова о Пушкинѣ. 1134.—*Н. Н.*: Еще къ статьѣ г. Драганова. 1134.—Отголоски Пушкинскаго юбилея на западѣ, т. LXXVII, 345—347.—Пушкинскія празднества и ихъ итоги. 354—364.—*Н. Бахтина*: Пушкинъ на исландскомъ языкѣ. т. LXXVIII, 399—400.—*А. Кудрявска-*
- го*: Переводы Пушкина по-испански. 848.—Присужденіе Пушкинскихъ премій, 1280—1282. *Упомян.*: т. LXXV, 322, 341—342, 614, 741, 878, 890, 938, 974, 1067—1068; т. LXXVI, 245—250, 380, 1089; т. LXXVII, 314—315, 381, 549, 726, 800, 825, 971, 1010—1011; т. LXXVIII, 335, 494—495, 789. *Въ библ. замѣткахъ М. С.: Д. И. Сапожниковъ*. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина: М. 1899, т. LXXV, 1038—1039.—*А. Фаресова*: Альбомъ пушкинской юбилейной выставки въ имп. академіи наукъ въ С.-Петербургѣ, май 1899 г. Составленъ подъ ред. А. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго. Исполненъ и изданъ художественною фототипіею К. А. Фишеръ, т. LXXVII, 683—685.
- Алексѣй Михайловичъ, писатель, переводчикъ, т. LXXVII, 801—902, 807, 810—814.
- Василій Львовичъ, дядя поэта, т. LXXVI, 514, 532, 638, 720; т. LXXVII, 210, 575, 596.
- Григорій Александровичъ, сынъ поэта, т. LXXVII, 150, 154, 158, 159, 173.
- Иванъ Алексѣевичъ, т. LXXVII, 802.
- Левъ Александровичъ, дѣдъ поэта, т. LXXVI, 429—431.
- Левъ Сергѣевичъ, братъ поэта, т. LXXVII, 217, 266—268, 603; т. LXXVIII, 610.
- Михаилъ Алексѣевичъ, т. LXXVII, 801, 809, 810.
- Сергѣй Львовичъ, отецъ поэта, т. LXXVI, 430—431, 619, 622, 627; т. LXXVIII, 336.
- Пуццыны:**
- Иванъ Ивановичъ, писатель, другъ Пушкина, т. LXXVI, 546; т. LXXVII, 217, 268—270, 612.
- М. И., т. LXXVII, 217.
- Пфлегеръ-Моравскій**, чешскій поэтъ, т. LXXVII, 679.
- Пчельниковъ**, С., переводчикъ Пушкина на церк.-славян. яз., т. LXXVI, 688.
- Пыляевъ**, Михаилъ Ивановичъ писатель. *Статья о немъ А. А. Плещеева*: Памяти А. А. Плещеева, т. LXXV, 966—975. *Упомян.*: т. LXXVI, 267.
- Пыпинъ**, Александръ Николаевичъ, академикъ, т. LXXV, 349—350, 738, т. LXXVI, 649, 651, 656, 668, 674, 767, 1052; т. LXXVII, 266, 595, 579, 963; т. LXXVIII, 828.
- Пьеръ**, Викторъ, сотрудникъ журн. «Correspondent», т. LXXVIII, 865.

Пятуховъ, Е. В., т. LXXVIII, 1154.
Пявъ, Томасъ, англ. писатель, т. LXXVII, 340.

Пюклеръ, виртемберг. посланникъ, т. LXXVI, 861.

Пятковский, А. П., редакторъ-издатель, «Наблюдателя», т. LXXVIII, 1153.

Пятницкій, сотрудникъ «Вѣстника археологій и исторіи», 1899, т. LXXVII, 318.

Р.

Работковъ, Н. Г., т. LXXV, 763; т. LXXVI, 788.

Рагузинскій, Савва, т. LXXVII, 629.

Рагузская, герцогиня, т. LXXVIII, 272.

Радне, Густавъ Ивановичъ, путешественникъ и естествоиспытатель, т. LXXV, 1086.

Радецкий, Федоръ Федоровичъ, ген.-майоръ, т. LXXVIII, 663.

Радзивиллы:

— княгиня, т. LXXVI, 37, 41.

— Варвара, жена короля Сигизмунда-Августа, т. LXXVIII, 238.

— Антонъ, принцъ, т. LXXV, 1057.

— Луиза, принцесса, т. LXXVII, 446.

— княжна Христина, т. LXXVI, 37.

Радищевы:

— мещовскій воевода, т. LXXVI, 951.

— Александръ Николаевичъ, писатель, т. LXXVI, 786; т. LXXVII, 202, 602—603, 801.

Радловы:

— Василій Васильевичъ, ориенталистъ, академикъ, т. LXXV, 738.

— Эрнестъ Львовичъ, преподаватель учил. правовѣднія. *Библ. замѣтка П. К. объ изданн. подъ его редакціей соч. Ванъ-Мюйдена*: Исторія швейц. народа. Выпускъ I съ 35 политип. Выпускъ II съ 6 политип. Спб. 1898, т. LXXVI, 319—320.

Радовицъ, прусск. генераль, дипломатъ, т. LXXVI, 995.

Радовичъ, Душанъ М., переводчикъ Пушкина на серб. яз., т. LXXVI, 646.

Радонежскій, А. А. биографъ Пушкина, т. LXXVII, 599.

Раевскіе:

— А. С., т. LXXV, 748; т. LXXVI, 939; т. LXXVIII, 843, 1287.

— Артемій Ивановичъ, ген.-майоръ, т. LXXVII, 832—833.

— Владиміръ Артемьевичъ, т. LXXVII, 834, 836, 844.

— Ек. И., уродж. Бибикова. *Статья* о: Отрывки изъ воспоминаній, т. LXXVII, 832—852.

— подполковникъ, т. LXXVII, 482, 483.

— Дмитрій Ивановичъ, т. LXXVII, 835.

— Иванъ Артемьевичъ, т. LXXVII, 832—833, 835, 836, 842, 844, 847—349.

— Иванъ Ивановичъ. *О немъ въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» Е. И. Раевской*, т. LXXVII, 832—844.

— Михаилъ Ивановичъ, т. LXXVII, 833.

— Николай Ивановичъ, педагогъ. *Некрологъ* его: т. LXXV, 365—366.

— Николай Николаевичъ, ген.-отъ-кав., т. LXXVI, 1111; т. LXXVII, 217, 832.

— П. И., студентъ-медикъ, т. LXXVII, 850—852.

Разгоновъ, ген., т. LXXVI, 955.

Разняъ, Степанъ, атаманъ волжск. разбойниковъ, т. LXXV, 304.

Разумовскіе:

— графъ Алексѣй Кирилловичъ, министр нар. просв., членъ госуд. сов., т. LXXV, 846; т. LXXVII, 67.

— графъ Кирилль Григорьевичъ, ген.-фельдмаршалъ, т. LXXV, 62, 615, 842—844.

— графъ Левъ Кирилловичъ, ген.-майоръ, т. LXXV, 843—846.

— графиня Марія Григорьевна, уродж. кн. Вяземская, по первому мужу кн. Голицына, супруга гр. Льва Кир. Р. *Статья о ней М. Г. Наумовой*: Бабушка графиня М. Г. Разумовскія. (Страничка изъ воспоминаній), т. LXXV, 841—854.

— графъ Петръ Кирилловичъ, д. с. сов., т. LXXVI, 1062.

Райчъ, С. Е., поэтъ, т. LXXVI, 475.

Райнскъ, переводчикъ Пушкина на латышск. яз., т. LXXVII, 683.

Ражбо, Альфредъ, франц. историкъ. *Библ. замѣтка П. К.—го*: Исторія французской революціи. Кіевъ. 1899, т. LXXVI, 727—628 и *о составл. подъ его руководствомъ*: Всеобщей исторіи съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ V. М. 1899, т. LXXVI, 1065—1066. *Упомин.*: т. LXXVI, 242, 328; т. LXXVII, 702—704; т. LXXVIII, 719, 740.

Рангони, Клавдій, краков. нунцій, т. LXXVI, 1123—1125; т. LXXVII, 375—377.

Ранке, Леопольдъ, нѣмец. профессоръ, т. LXXVII, 686.

Расинъ, Жанъ, франц. писатель, т. LXXV, 956; т. LXXVI, 990.

Растиньякъ, г-жа, т. LXXVII, 782—784.

Растопчины:

— графиня Евдокія Петровна, уродж. Сушкова, писательница, т. LXXV, 344; т. LXXVII, 844.

- графиня Екатерина Петровна, урожд. Протасова, супруга гр. Фед. Вас. Р., т. LXXV, 509, 818.
- граф Андрей Федоровичъ, тайн. сов., библиографъ, т. LXXV, 50.
- графъ Федоръ Васильевичъ, ген.-отъ-инф., сенаторъ, т. LXXV, 44—45, 47, 60, 110, 111, 113—114, 230, 402, 409, 415, 423, 818; т. LXXVI, 423, 853, 933—984; т. LXXVII, 48—53, 60, 65, 429—432, 438; т. LXXVIII, 438, 445, 447, 1170.
- Ратцель**, пѣмец. профессоръ, т. LXXVII, 686.
- Ратчъ**, Василій Федоровичъ, ген.-майоръ, писатель, т. LXXVI, 436.
- Раушенбушъ-Ело**, Эмма, англ., писательница, т. LXXVIII, 1252, 1254.
- Рафаэль** (Санці), живописецъ. *Замѣтки о немъ*: Кто написалъ Сикстинскую Мадонну? т. LXXVIII, 380—381.
- Рахманинова**, Х. Д. *Статья ея*: Любовь и сила воли, т. LXXVII, 796—814.
- Рахмаковы**:
— Гаврилъ Михайловичъ, ген.-майоръ, т. LXXV, 76.
— П. А., редакторъ «Военн. Журн.», т. LXXVIII, 1148.
- Рачинскій**, Сергѣй Александровичъ, профессоръ Моск. унив. *Библ. замѣтка И. Н. З. о книгѣ его*: Сельская школа. Сборн. статей С. А. Рачинскаго. Изданіе третье, дополненное. Спб. 1898, т. LXXV, 321—323. *Упомян.*: т. LXXV, 142.
- Реадъ**, Николай Андреевичъ, ген.-отъ-кав., т. LXXVI, 1092.
- Ревиллы**:
— Альбертъ, профессоръ париж. коллегіи, т. LXXVI, 844.
— Андре, т. LXXV, 716—718.
— Жанъ. *Библ. замѣтка о книгѣ его*: Религія въ Римѣ при Северахъ. М. 1898, т. LXXV, 327—328. *Упомян.*: т. LXXVI, 344.
- Регель**:
— В. Э., магистръ всеобщ. исторіи. *Библ. замѣтка В. Р.—аа объ изданіи погъ его ред.*: «Византійскомъ Временникѣ», издаваемомъ при имп. академіи наукъ, т. VI, вып. 3—4. Спб. 1899, т. LXXVIII, 1235. *Упомян.*: т. LXXV, 639; т. LXXVI, 1040.
— Іоганнъ Альбертъ, путешественникъ, т. LXXVI, 774.
- Редереръ**, графъ, т. LXXVI, 975; т. LXXVIII, 368.
- Резанова**, А., т. LXXVI, 806—807.
- де-Рейзе**, Мари-Антуанъ, виконтъ. *Замѣтка о немъ*: Изъ воспоминаній виконта де-Рейзе, т. LXXVIII, 804—806.
- Рейманъ**, Ф. П., художникъ, т. LXXVI, 776—777.
- Рейналь**, аббатъ, т. LXXV, 723; т. LXXVII, 219.
- Рейнгольдтъ**, А. Ф., т. LXXVI, 643.
- Рейнсбергъ**, профессоръ чешской ак., т. LXXVII, 678.
- Рейсдоригъ**, Иванъ Андреевичъ, оренбург. губернаторъ, т. LXXV, 804.
- фонъ-Рейтеригъ**, Александръ Герардовичъ, ген.-адъют., т. LXXV, 1062.
- Рейтеригъ**, Михаилъ Христофоровичъ, министръ финансовъ, т. LXXV, 134.
- Рейхардъ**, поручикъ, т. LXXVI, 114.
- Режакль**, графъ, сотрудникъ «Revue des deux mondes», т. LXXVII, 1039; т. LXXVIII, 1270.
- Ремезовъ**, Митрофанъ Ниловичъ, писатель. *Библ. замѣтка о книгѣ его*: Византия и византійцы конца X-го вѣка. По Г. Шлюмберже. М. 1898, т. LXXV, 325—327.
- Ремяниковъ**, Симеонъ, священникъ, т. LXXVII, 970.
- Ренавъ**, Эрнестъ, франц. ученый, т. LXXV, 341; т. LXXVI, 676; т. LXXVII, 715.
- Ренне**, фрейлина вел. кн. Анны Феодоровны, т. LXXVI, 861; т. LXLVII, 48.
фонъ-Ренне, Карлъ Ивановичъ, ген.-поручикъ, т. LXXVI, 861.
фонъ-Ренне, Марія Андреевна, гофмейстерина вел. кн. Анны Феодоровны, т. LXXVI, 861.
- Рененкампфъ**, Николай Карловичъ, профессоръ энциклопедіи права Кіев. унив. *Некрологъ его*: т. LXXVII, 381—383.
- Реннертъ**, профессоръ Казан. унив., т. LXXVI, 592.
- Рендотъ**, т. LXXVII, 306.
- Решнины**:
— княгиня Наталья Ивановна, урожд. Куракина, супруга кн. Н. В. Р., т. LXXV, 58—59.
— князь Николай Васильевичъ, ген.-фельдмаршалъ, т. LXXV, 74, 827; т. LXXVI, 852, 853; т. LXXVII, 132, 579, 913.
- Рерихъ**, Н. К., т. LXXV, 354; т. LXXVII, 370; т. LXXVIII, 833.
- Рескинъ**, Джонъ, англ. мыслитель, т. LXXV, 710.
- Ретовскій**, Г. О., нумизматъ, т. LXXVI, 941.
- Рехбергъ**, графъ, австр. министръ иностр. дѣлъ, т. LXXV, 984—985; т. LXXVI, 281—285.
- Ржевскіе**:
— енисейск. воевода, т. LXXV, 876.
— А. А., сенаторъ, т. LXXV, 112; т. LXXVII, 906.

- Ржевускіе:**
— графиня Розалія, т. LXXVIII, 910—912.
— графъ, польскій депутатъ, т. LXXV, 405; т. LXXVIII, 266.
— графъ Адамъ, ген.-адъютантъ, т. LXXVIII, 283.
— графъ Генрихъ, польскій писатель, т. LXXVIII, 283.
- Ржепецкій,** подпоручикъ, т. LXXVI, 913.
- Ржицкій,** Кс., польскій писатель, т. LXXVII, 250.
- Рибасъ,** Осипъ Михайловичъ, адмиралъ, т. LXXVII, 430.
- Рибенъ,** Отто, членъ-корр. имп. акад. наукъ, т. LXXV, 736.
- Рибо:**
— Жааъ, т. LXXVI, 734—735.
— Теодуль, франц. философъ. *Библ. замѣтка И. И. о книгѣ его:* Философія Шопенгауера. Переводъ съ пятого франц. изд. М. Суперанскаго. Спб. 1898, т. LXXV, 314—315.
- Рибопьеры:**
— полковникъ, т. LXXV, 72.
— графиня, т. LXXV, 842; т. LXXVIII, 604—605.
— графъ, т. LXXV, 842.
де-Ривьеръ, маркизъ, т. LXXVIII, 37, 38, 42, 43, 45.
ла-Ривьеръ, франц. экономистъ, т. LXXVII, 233.
- Ридъ,** Вамись, англ. писатель, т. LXXVII, 341.
- Ризничъ,** баронесса Полина, урожд. гр. Ржевуская, т. LXXVIII, 283.
- Римскіе-Корсаковы:**
— т. LXXV, 193—196.
— Николай Андреевичъ, композиторъ, т. LXXV, 349—350, 1025—1026; т. LXXVI, 767.
- Рипнасъ,** П. В., т. LXXV, 1093, 1096.
- Ристичъ,** Іованъ, сербскій госуд. дѣятель, т. LXXV, 533—535.
- Рисъ,** бельг. историкъ, т. LXXVIII, 347.
- Рисъ-Дэвидъ.** *Библ. замѣтка П. Ш. о книгѣ его:* Буддизмъ. Переводъ подъ ред. С. Ѳ. Ольденбургя. Изд. О. Н. Поповой. («Образоват. библиот.» Серія 2-я. (1898), № 8). Спб. 1899, т. LXXVII, 1020.
- Рихтеры:**
— Д. И., статистикъ, т. LXXV, 637—638.
— Христофоръ Адамовичъ, лифлянд. губернаторъ, т. LXXVII, 140.
- Ричардъ II,** англ. король, т. LXXV, 718.
- Риччи,** Коррадо, итал. писатель, т. LXXVI, 648—649; т. LXXVIII, 719, 1173.
- Ришелье,** французск. маршалъ, т. LXXVIII, 733.
- Рипъ,** Янъ Корнелисъ, англ. мореплаватель, т. LXXVII, 1030—1031.
- Ро:**
— Джонъ, англ. священникъ XIV в., т. LXXV, 717.
— Томасъ, англ. посланникъ XVII в., т. LXXVIII, 1241.
- Роберто,** итальян. романистъ, т. LXXVII, 717, 1024; т. LXXVIII, 278—279.
- Робертъ,** Киприанъ, франц. писатель, т. LXXVI, 640.
де-Робертъ, Фердинандъ, т. LXXVIII, 1244—1245.
- Робеспьеръ,** дѣятель франц. революціи. *Замѣтка о немъ:* Истинный Робеспьеръ, т. LXXVI, 738—740. *Упомян.:* т. LXXV, 1054; т. LXXVI, 331, 985, 986; т. LXXVII, 771, 779, 782; т. LXXVIII, 258, 262, 363, 364, 801.
- Робине,** франц. историкъ, т. LXXVII, 328.
- Робинсоны:**
— англ. ученые, т. LXXVIII, 786.
— Генри, англ. адвокатъ, корреспондентъ «Times», т. LXXVII, 1044—1045.
- Робинсъ,** англ. писатель, т. LXXVII, 341.
- Роборовскій,** Всеволодъ Ивановичъ, путешественникъ, т. LXXV, 737, 756; т. LXXVI, 774; т. LXXVIII, 390.
- Ровинскіе:**
— Дмитрій Александровичъ, сенаторъ, т. LXXV, 55; т. LXXVI, 325; т. LXXVII, 684, 961.
— П. А. *Статья его:* Степанъ-Аннибалъ Зановичъ, авантюристъ XVIII столѣтія, т. LXXVII, 902—942. *Библ. замѣтка его:* Г. П. Роговичъ. Черногорскій теократизмъ. 1496—1851. Казань. 1899, т. LXXVII, 1011—1012. *Упомян.:* т. LXXVIII, 1280.
- Рогальскій,** А. В., переводчикъ Пушкина на польск. яз., т. LXXVI, 647—648.
- Роговичъ,** Г. П. *Библ. замѣтка о книгѣ его:* Черногорскій теократизмъ, 1496—1851. Казань. 1899, т. LXXVII, 1011—1012.
- Рогозинскій,** шт.-капитанъ, т. LXXV, 910.
- Родзевичъ,** Г. I., т. LXXVI, 315.
- Родиславскій,** драматургъ, т. LXXVIII, 492, 506.

- Рождественскіе:**
— Иванъ Васильевичъ, протоіерей, т. LXXVII, 952.
— С. В., археологъ, т. LXXVI, 1117—1118; т. LXXVII, 372.
- Рождествовичъ, А.**, авторъ бр. «А. С. Пушкинъ, перв. русс. народный поэтъ», т. LXXVII, 599.
- Рождерсонъ, лейбъ-медикъ**, т. LXXV, 114.
- Рождественскій, С. В.** *Библ. замѣтки* *em: Aleksander Hirschberg. Dumitr Sazonwanies. We Lwowie. 1898*, т. LXXV, 712—713.—*Н. П. Заюскинъ. Исторія права русскаго народа. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго народа. Томъ первый. Введеніе. I. Наука исторіи русскаго права. II. Формація народа и государства. Казань. 1899*, т. LXXVI, 1055—1057.
- Розаванъ, іезуитъ**, т. LXXVIII, 455, 456.
- Розбергъ, Михаилъ Петровичъ**, академикъ. *Письмо его съ описаніемъ могилы Пушкина*, т. LXXVI, 751.
- Розбергъ, графъ**, англ. госуд. дѣятель, т. LXXVI, 1015; т. LXXVIII, 816.
- Розенбергъ, Андрей Григорьевичъ**, генералъ-отъ-инфантеріи, т. LXXV, 195, 197, 227; т. LXXVII, 46.
- Розенгеймъ, Михаилъ Павловичъ**, поэтъ, т. LXXVII, 350.
- Розенкампфъ, графъ**, т. LXXVIII, 1044.
- Розенфельдъ, А.**, переводчикъ Пушкина на евр. яз., т. LXXVI, 671.
- Розенъ:**
— баронъ Викторъ Романовичъ, ориенталистъ, профессоръ Спб. универ., т. LXXV, 352, 742, 1085—1086, 1092; т. LXXVI, 774; т. LXXVII, 1049; т. LXXVIII, 1285.
— баронъ Григорій Владиміровичъ, главнокомандующій на Кавказѣ, т. LXXVI, 660; т. LXXVIII, 212, 1105—1106.
- Розинъ, Д. И.**, учитель угличск. город. учил., т. LXXVI, 772.
- Роккиджіани, Антонио**, переводчикъ Пушкина на итальян. яз., т. LXXVI, 649.
- Романовскій, ген.-майоръ**, т. LXXVI, 122, 895, 901, 909, 910, 913.
- Романовы:**
— В. А., т. LXXVII, 370.
— Е., этнографъ, т. LXXVII, 1021.
— Н. Я., почетн. попечитель спб. 7-ой гимн., т. LXXVII, 279—282.
де-**Романъ**, фаворитка Людовика XV, т. LXXVIII, 357—358.
- Романъ (Копя)**, архимандритъ Кіево-Печерской лавры, т. LXXV, 765.
- Романъ Мстиславичъ**, князь волынской и галицкій, т. LXXVII, 999.
- Романъ Ростиславичъ**, князь смоленскій, т. LXXVII, 998.
- Ромодановскій, князь В. Г.**, окольный, т. LXXVIII, 339.
- Романюкъ, археологъ**, т. LXXVI, 949.
- Ромеръ, Ф. Э.**, агрономъ, писатель, т. LXXV, 621, 628—629.
- Ромитъ**, республиканецъ, т. LXXVII, 63.
- Ронгальеръ, Э. А.**, инспекторъ одесс. 2-ой гимн., т. LXXVI, 685.
- Рорбахъ, П.**, т. LXXVIII, 1155.
- Рослянский, А. М.**, т. LXXVIII, 1145.
- Рославскій-Петровскій, Александръ Петровичъ**, профессоръ Харьк. унив., т. LXXVIII, 694.
- Россетъ:**
— Аркадій Осиповичъ, сенаторъ, т. LXXVI, 667, 1108; т. LXXVIII, 598—599, 630, 636, 637.
— Клементій Осиповичъ, офицеръ, т. LXXVI, 1108; т. LXXVIII, 630, 631.
- Россъ, Э.**, англ. филологъ, т. LXXVIII, 387.
- Ростковскій, А. А.**, т. LXXV, 1096.
- Ростовцевы:**
— И. А., т. LXXVI, 772—773.
— М. И. *Библ. замѣтка Л. Л. объ изданн. подъ его редакціей переводъ соч. Нисе: Очеркъ римской исторіи и источниковѣднія. Спб. 1899*, т. LXXVIII, 1231. *Упомян.: т. LXXV, 744; т. LXXVIII, 1285.*
— Яковъ Ивановичъ, т. LXXVII, 827.
- Роткирхъ:**
— Адамъ Карловичъ, надв. сов., т. LXXVI, 439, 441, 446.
— Софія Абрамовна, урожд. Ганнибалъ, супруга А. К. Р., т. LXXVI, 439, 441.
- Ротшильдъ, баронъ Э.**, т. LXXV, 240, 245—246.
- Ротшъ (Rotche)**, америк. изобрѣтатель, т. LXXVII, 372—373.
фонъ - **Роховъ**, подполковникъ, т. LXXVI, 948; т. LXXVII, 324.
де-**Рошфоръ**, графъ, архитекторъ, т. LXXVI, 970.
де-ла-**Рошфуко**, г-жа, т. LXXVIII, 38—39.
- Ртищевы:**
— т. LXXV, 919, 922.
— Андрей Петровичъ, т. LXXVI, 184.
- Рубанъ**, авторъ описанія Петербурга, т. LXXVII, 721.
- Рубенсъ**, нидерл. живописецъ, т. LXXVIII, 348.

Рубинштейнъ:

— Антонъ Григорьевичъ, композиторъ. *Статья о немъ М. А. Давидовой:* Воспоминанія объ А. Г. Рубинштейнѣ, т. LXXVI, 76—95. *Упомят.* т. LXXV, 151, 165, 1025; т. LXXVIII, 1277.

— Николай Григорьевичъ, композиторъ, т. LXXV, 1025.

Рубо, художникъ, т. LXXV, 684.

Рубруквисъ, Вильгельмъ, голландск. монахъ, т. LXXVII, 642, 643.

Рудаковъ, Василій Егоровичъ. *Статьи его:* Археологія и исторія въ трудахъ губерскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, т. LXXVI, 937—953.—Василій Григорьевичъ Василевскій. (Некрологъ), т. LXXVI, 1039—1044.—Монаршее милосердіе, т. LXXVII, 236—247.—Николай Алексѣевичъ Лавровскій. (Некрологъ), т. LXXVIII, 689—694.—Студенческія научныя общества. (Историческій очеркъ). 1143—1156.—*Библ. замѣтки его:* Г. А. Эзовъ. Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ. Документы, извлеченные изъ Московскаго главнаго и С.-Петербургскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, австрійскаго придворнаго и государственнаго архива, королевско-болгарскаго тайнаго государственнаго архива и другихъ учрежденій. Спб. 1898, т. LXXV, 305—307.—Труды черниговской губернской архивной комиссіи. 1897—1898 г.—Ришельевскій лицей и императорскій Новороссійскій университетъ. Сборникъ, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета. Часть I. Одесса, 1898, 329—330.—С. П. *Писаревъ.* Памятная книга Г. Смоленска. Историко-современный очеркъ, указатель и путеводитель. Смоленскъ, 1898, 331—332.—Древнерусская картографія. Выпускъ I. Планы г. Москвы XVII вѣка. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. М. 1898, 708—709.—Русскія лѣтописи. I—III. 1) Лѣтописецъ патр. *Никифора.*—2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго.—3) Хроника русская (Лѣтописецъ вкратцѣ) проф. *И. Даниловича.* Съ предисловіемъ *Сергія Блукурова.* М. 1889, 1033—1035.—Отчетъ петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1896 годъ, съ приложеніями рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ общества. Астрахань, 1898, 1042—1044.—Дѣявія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Т. III. Нижній-Новгородъ, 1898, т. LXXVI, 315—

317.—*А. Кирилловъ.* 1797—1897. Матеріалы для исторіи Владимирской губернской типографіи къ столѣтнему юбилею. Влад. на Клязьмѣ, 1898, 320.—*П. Филевскій.* Исторія города Таганрога. М. 1899, 725—727.—Акты XIII—XVII вв., представленные въ разрядный приказъ представителями служивыхъ фамилій послѣ отмѣны мѣстничества. Собралъ и издалъ *А. Юшковъ.* Ч. I. 1257—1613 гг. М. 1899, 1060—1061.—Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. XI. Харьковъ, 1899, 1068—1069.—*А. Лазаревскій.* Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Вып. V. Кіевъ. 1899, т. LXXVII, 311—312.—Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга XI. М. 1899, 319—321.—Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Подъ ред. *С. Д. Ягонова.* Вып. 3-й XIII тома. Рязань. 1899, 675—676.—*Ө. В. Благовидовъ.* Оберъ-прокуроры Святышаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтій. (Развитіе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ). Опытъ историческаго изслѣдованія. Казань. 1899, 680—681.—Историческая записка императорскаго лицей въ память Цесаревича Николая за XXX лѣтъ. М. 1899, 681—683.—*А. С. Арзамелскій.* Къ исторіи кожно-славянскій и древне-русской литературы. Спб. 1899, 685.—*Н. М. Павловъ.* Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362). Т. II. М. 1899, 997—1000.—Историческое обозрѣніе. Сборникъ историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей *Н. И. Карпова.* Томъ X. Спб. 1899, 1014—1015.—Извѣстія историко-филологическаго института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. XVII. Нѣжинъ. 1899, 1018—1019.—Извѣстія общества археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, т. XV, вып. 3. Казань. 1899, т. LXXVIII, 338—339.—*Н. Виноградскій.* Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 года. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Смоленскъ. 1889, 779—781.—Собраніе В. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Каменный и бронзовый вѣкъ. Вып. I и II. Эпоха, предшествующая великому переселенію народовъ. Кіевъ. 1899, 1229—1230.—Автобиографическія воспоминанія Валеріана Александровича Бельгарда. Спб. 1899, 1232.—*И. Бриллиантовъ.* Ферапонтовъ-Възозерскій нынѣ упраздненный монастырь, мѣсто заточе-

нія патріарха Никона. Съ приложеніемъ очерка: «Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Бѣлт-озерѣ». Спб. 1899, 1233.— Византійскій Временникъ, издаваемый при императорской академіи наукъ подъ ред. В. Э. Ревеля. Т. XI, вып. 3—4. Спб. 1899, 1235. Упомян.: т. LXXVIII, 235.

Рудневъ, Я. И. *Библ. замѣтка А. Маленина о переводѣ его соч. Э. Тома: Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры.* Спб. 1899, т. LXXVI, 1058—1060.

Рудольфовъ, экономъ Казан. дух. акад., т. LXXV, 511—512.

Рудольфъ Габсбургскій, австр. наслѣдный принцъ. *Замѣтка о немъ:* Правда о жизни и смерти принца Рудольфа Габсбургскаго, т. LXXVIII, 1266—1270.

Руле, франц. министр иностр. дѣлъ, т. LXXVII, 696; т. LXXVIII, 356, 734—736.

Руммель, В. В., писатель, т. LXXV, 1091; т. LXXVI, 1119; т. LXXVIII, 776.

Румянцевы:

— графиня Екатерина Михайловна, урожд. Голицына, супруга фельдмаршала, т. LXXVI, 433.

— графъ Михаилъ Петровичъ, д. тайн. сов., т. LXXVI, 853.

— графъ Николай Петровичъ, канцлеръ, т. LXXV, 748; т. LXXVII, 42—43; т. LXXVIII, 442, 1163.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александровичъ, ген.-фельдмаршалъ, т. LXXVI, 432—433; т. LXXVII, 578—579, 629; т. LXXVIII, 572—573.

Руничъ, Д. П., д. с. с., писатель, т. LXXV, 707.

фонъ-Руицъ, прусс. генералъ, т. LXXV, 985, 989; т. LXXVII, 713.

Русановъ, Алексѣй, священникъ тобол. епархіи, т. LXXVIII, 397—398.

Руссо, Жанъ-Жакъ, франц. философъ, т. LXXV, 963—965; т. LXXVI, 493, 549—550; т. LXXVII, 68, 937; т. LXXVIII, 341.

де-ла-Руэри, маркизъ. *Замѣтка о немъ:* Бретонскій заговоръ временъ великой революціи, т. LXXVI, 1077—1078.

Рыбаковы:

— актеръ, т. LXXVIII, 998.

— С. Г., т. LXXV, 1094—10956.

Рыбинскій, В. С., т. LXXVI, 35.

Рыбушкинъ, М., т. LXXVI, 608.

Рыкачевъ, А. А., академикъ, т. LXXV, 737, 738.

Рыкачовъ, М. А., директоръ никол. главн. физич. обсерваторіи, т. LXXV, 1096; т. LXXVIII, 390, 392.

Рылѣевъ, Кондратій Федоровичъ, поэтъ, т. LXXVI, 486, 530.

Рымкевичъ, генералъ, т. LXXV, 1104—1105.

Рѣдинъ, Е. К., прив. доц., т. LXXV, 737; т. LXXVI, 1068.

Рѣдкинъ, Петръ Григорьевичъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXVI, 309—310.

Рѣдкинъ, подпоручикъ, т. LXXVI, 913.

Рѣнины:

— Илья Ефимовичъ, профессоръ живописи, т. LXXV, 684, 688, 741; т. LXXVII, 628, 630.

— Н. В., искусства, т. LXXV, 940.

Рѣмзей, Р. У., сотрудникъ «Gentleman's Magazine», т. LXXVI, 735.

Рюрикъ Ростиславичъ, князь перемышльскій, т. LXXVII, 998, 999.

Рюссовъ, Балтазаръ, т. LXXVII, 127.

Рябовъ, П. З. *Библ. замѣтка А. Фаресова о книгѣ его:* Краткій историческій очеркъ Елисаветградскаго общества распространенія грамотности и ремеслъ. 1873—1898 г. Елисаветградъ. 1899, т. LXXVI, 306—309.

Рябушкинъ, художникъ, т. LXXV, 684.

Ряжскій, Г. А., т. LXXVII, 320, 676.

Рязановъ, ген.-поручикъ, т. LXXVI, 163.

Рязанцевъ, актеръ, т. LXXVIII, 998.

С.

Саблуковъ, А. А., ген.-майоръ, т. LXXVIII, 1148.

Сабо, Эндре, профессоръ русск. яз. Буда-Пештск. унив., т. LXXVI, 672.

Сабуровы:

— А. А., т. LXXVIII, 1154.

— П. *Библ. замѣтка К. Х.—ча о книгѣ его:* Матеріалы для исторіи русскихъ финансовъ. 1866—1897. Спб. 1899, т. LXXVI, 717—719.

Савалеттъ-де-Ланжъ. Замѣтка Юней: Загадочная личность, т. LXXVIII, 373—376.

Савари, т. LXXVIII, 36, 370—371.

Савва:

— архимандритъ сербскаго подворья, т. LXXV, 531.

— епископъ, т. LXXVI, 778.

— митрополитъ черногорскій, т. LXXVII, 910.

Савельевы:

— археологъ, т. LXXVI, 950.

— лейтенантъ, т. LXXVIII, 86—87, 92.

- Савина, Марія Гавриловна**, актриса, т. LXXVIII, 493, 497, 503, 995—998.
- Савиновъ, С. И.**, т. LXXV, 1096.
- Савонарола, Иеронимъ**, итальян. реформаторъ. *Замѣтка о немъ*: Савонарола, т. LXXVII, 1029—1030. *Упомянутъ*: т. LXXVII, 1024.
- Сагаста**, испан. госуд. дѣятель, т. LXXVII, 341, 342.
- Садовскій, Провъ Михайловичъ**, драматич. артистъ, т. LXXV, 939; т. LXXVIII, 981, 998.
- Садошцевъ, Дмитрій Васильевичъ**, борисогл. уѣздн. предводитель дворянства, т. LXXVIII, 970—971, 974—976.
- Сазоновы:**
— А. Н., т. LXXVI, 355.
— Н. Ѳ., драматич. актеръ, т. LXXVIII, 502.
- Сантовъ, В. И.**, писатель. *Библ. замѣтка Вл. Боцяновскаго объ изданн. подъ его ред. книгъ: Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Т. I. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ 1812—1819.* Изд. графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Сантова. Спб. 1899, т. LXXVI, 719—720.
- Саксень:**
— баронъ Фридрихъ, т. LXXVIII, 837.
— Эрнстъ, т. LXXVIII, 839.
- Саксень-Вейзенфельдскій**, принцъ, т. LXXVIII, 722.
- Сакулннъ, П. Н.**, т. LXXVI, 762.
- Салаговъ, князь Семенъ Ивановичъ**, ген.-лейт., ген.-аудиторъ, т. LXXV, 864—865; т. LXXVII, 350; т. LXXVIII, 1038.
- Саларевъ, С. Г.**, т. LXXVIII, 1146.
- Салиасъ:**
— графъ Евгенийъ Андреевичъ. *Романъ его: Владимірскіе монахи*, т. LXXV, 7—38, 377—399, 777—800; т. LXXVI, 5—32, 385—406, 801—847; т. LXXVII, 5—38, 385—426, 729—865; т. LXXVIII, 5—34, 403—437, 851—902. *Статья о немъ А. К. Бороздина: Тридцатилѣтіе литературной дѣятельности графа Е. А. Салиаса.* Т. LXXV, 608—616. *Упомянутъ*: т. LXXVI, 501.
— графиня Елисавета Васильевна, писательница (Евгенія Туръ), т. LXXV, 609.
- Саломонъ, П. И.**, членъ госуд. сов., т. LXXVI, 763.
- Салтыковы:**
— учредительница женской народной школы имени Пушкина, т. LXXV, 1082—1083.
— графиня Анна Ивановна. См. Орлова.
- графиня Дарья Петровна, урожд. Чернышева, статсъ-дама, супруга Ив. Петр. С., т. LXXV, 809—810.
— графини Екатерина Ивановна, т. LXXV, 809.
— Екатерина Петровна. См. Шувалова.
- княгиня Наталія Владиміровна, урожд. кн. Долгорукая, жена Н. И. С., т. LXXVII, 798.
- графиня Прасковья Ивановна. См. Мятлева.
- князь Александръ Николаевичъ, камергеръ, т. LXXV, 403.
— графъ Иванъ Петровичъ, фельд-маршалъ, т. LXXV, 429, 432, 809.
— Михаилъ, т. LXXVII, 376.
— князь Николай Ивановичъ, ген.-фельдмаршалъ, т. LXXVII, 798.
— свѣтлѣйшій князь Николай Ивановичъ, фельдмаршалъ, т. LXXV, 105—106, 110, 410—411, 424, 614, 812—814, 816, 825; т. LXXVI, 408—409.
— С. В., т. LXXVIII, 634.
— графъ Семенъ Андреевичъ, генераль-аншефъ, т. LXXV, 306.
— Тимошей, т. LXXVI, 1119.
- **(Щедринъ)**, Михаилъ Евграфовичъ, писатель, т. LXXV, 881—882, 1045; т. LXXVI, 231, 644, 680, 1119, 1134; т. LXXVIII, 1226.
- Сальво-ди-Петроганцци**, итальян. историкъ, т. LXXVI, 329—330.
- Самарины:**
— Иванъ Васильевичъ, артистъ, т. LXXV, 938, 941, 943; т. LXXVIII, 981, 998.
— Юрій Ѳедоровичъ, писатель. *О немъ въ статьѣ М. Н. С.: Исторія одной замѣчательной книги*, т. LXXVI, 201—220. *Упомянутъ*: т. LXXVII, 132, 135—136, 140, 142.
- Самойловы:**
— графъ, ген.-прокуроръ, т. LXXVI, 41.
— Василій Васильевичъ, артистъ, т. LXXVIII, 487—488, 496, 518—519, 981, 992, 994.
— **(Мичурина)**, Вѣра Васильевна, актриса, т. LXXVII, 827; т. LXXVIII, 493.
— **(Макшеева)**, Надежда Васильевна, актриса, т. LXXVIII, 491—492.
- Самоквасовъ, Дмитрій Яковлевичъ**, профессоръ Моск. унив., т. LXXVI, 1126; т. LXXVII, 320, 994; т. LXXVIII, 1126, 1124, 1136—1141.
- Самояншъ, художница**, т. LXXV, 684.
- Самуилъ, патриархъ александрійскій**, т. LXXVII, 307.

- де-Сангленъ**, т. LXXV, 105.
Сангушко, князь, т. LXXV, 362.
Сантти, итальянецъ - музыкантъ, т. LXXV, 424.
Санъ Джорджо, кардиналъ, т. LXXV, 303.
Саньякъ, Филиппъ, франц. ученый, т. LXXVII, 698.
Сапожниковъ, Д. И., членъ симбир. архивн. комиссіи. *Библ. замѣтка М. С. о книгѣ его*: Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина, М. 1899, т. LXXV, 1038—1039. *Упомят.*: т. LXXVII, 276.
Сапуновъ, А. И., археологъ, т. LXXV, 751.
Сапѣги:
 — Левъ, литов. гетманъ, т. LXXV, 713; т. LXXVII, 376.
 — Янъ, авантюристъ, т. LXXVI, 969; т. LXXVII, 669.
Сарду, Викторіенъ, франц. писатель, т. LXXVI, 738.
Сарса, Францискъ, франц. драматич. критикъ. *Замѣтка о немъ*: Смерть Зеллера, Сарса, Пальерона и Бекка, т. LXXVI, 1099—1102. *Упомят.*: т. LXXV, 954, 955.
Сарти, Юсифъ, итальян. композиторъ, т. LXXV, 76, 806.
Сартинъ, франц. морской министръ, т. LXXVII, 221—222.
Сарычевъ, войск. атаманъ, т. LXXVII, 564.
Сафоновъ, Василій Ильичъ, директоръ моск. консерваторіи, т. LXXV, 1080; т. LXXVI, 356; т. LXXVII, 356.
Сахаровъ, Иванъ Петровичъ, этнографъ, т. LXXV, 874—875, 883; т. LXXVI, 948.
Сацердотовы:
 — Иванъ Ивановичъ, священникъ. *О немъ въ ст. М. И. Сацердотова*: Архіерейская ревизія. (Изъ моихъ воспоминаній), т. LXXVII, 100—126.
 — М. И. *Статья его*: Архіерейская ревизія. (Изъ моихъ воспоминаній). Т. LXXVII, 100—126. *Замѣтка по поводу этой статьи А. Шерстобитова*: Къ характеристикѣ архіепископа Варлаама, т. LXXVIII, 397—399.
Свартъ, Викторъ, сотрудникъ «Nouvelle Revue», т. LXXVIII, 348.
Сверчковъ, штабсъ-капитанъ, т. LXXVI, 911.
Свинънъ, т. LXXVII, 1042.
Свифтъ, итальян. поэтъ и политич. дѣятель, т. LXXVI, 704.
Свищовскій, штабсъ-капитанъ, т. LXXVI, 907, 911.
Свѣдѣнцовъ, Н. И., преподаватель слѣд. театр. учил., т. LXXVIII, 993.

- Свѣчина**, Софья Петровна, урожд. Соймонова, жена Н. С. С., писательница, т. LXXV, 42, 47; т. LXXVII, 68; т. LXXVIII, 440, 916.
Свѣчинъ, Николай Сергѣевичъ, ген.-отъ-инф., т. LXXVII, 68; т. LXXVIII, 916.

Свѣшниковы:

- сотрудникъ «Вѣстн. моск. политехнич. выставки», 1872 г. т. LXXVI, 726.
 — Митрофанъ Ивановичъ, прив.-доц. Спб. унив., т. LXXV, 741.
 — Николай Ивановичъ, букинистъ-библиографъ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXVII, 1055—1056.
Святославъ Всеволодовичъ, великій князь кievскій, т. LXXVI, 776; т. LXXVII, 998, 999.
Севастьяновъ, археологъ, т. LXXVI, 941, 950, 1116.
Сеვენаръ, содержатель пансіона въ Москвѣ, т. LXXV, 937.

де-Сегуръ:

- графъ, франц. посолъ, т. LXXV, 65—66; т. LXXVII, 771.
 — графъ, франц. историкъ, т. LXXVI, 975; т. LXXVIII, 1158.
Селерогъ (Селькиркъ), Александръ. *Замѣтка о немъ*: Настоящій Робинсонъ, т. LXXVII, 1035—1037.

- Селифонтовъ**, Николай Николаевичъ, ст.-секретарь, т. LXXV, 1088; т. LXXVI, 374, 777, 948, 1118.

Семевскіе:

- Василій Ивановичъ, историкъ. *Библ. замѣтка о книгѣ его*: Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе В. И. Семевскаго, т. I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 года. Т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 года. Изданіе И. М. Сибирякова. Спб. 1898, т. LXXV, 697—699. *Упомят.*: т. LXXVII, 136, 1014—1015.

- Михаилъ Ивановичъ, историкъ, т. LXXVI, 272.

- Семеновичъ**, Семень, переводчикъ Пушкина на хорустан. яз., т. LXXVI, 675.

Семеновы:

- авторъ «Руков. къ управленію имѣніемъ». (1848), т. LXXVI, 945.

- астрономъ-самоучка, т. LXXVIII, 284.

- майоръ, т. LXXV, 902, 905, 906.

- Петръ Петровичъ, сенаторъ, вице-президентъ географ. общ., т. LXXV, 355, 619, 756, 1096; т. LXXVIII, 1287.

Сементковскій, Р. И., писатель, т. LXXVI, 269.

Семирадскій, Г. И., художникъ, т. LXXVI, 647.

де-Сеижерментъ, графъ, авантюристъ, т. LXXVII, 903.

Сенкевичъ, Генрихъ, польск. писатель, т. LXXV, 740.

Сенковскій (баронъ Брамбеусъ), Осипъ Ивановичъ, писатель, т. LXXVII, 826.

Сентъ-Вевъ, Франц. писатель, т. LXXV, 954, 955; т. LXXVII, 219, 715.

де-Сентъ-Альдегондъ, графиня, т. т. LXXVII, 461, 464; т. LXXVIII, 43.

Сентъ-При:

— графъ Карлъ, перъ Франціи, д. ст. сов., т. LXXV, 418.

— графиня Софья Алексѣевна, урожд. кн. Голицына, супруга пара Франціи гр. Карла Сентъ-При, т. LXXV, 418, 815—816.

де-Сентъ-Пьеръ, профессоръ въ Ecole Normale, т. LXXVI, 990.

Сентъ-Сиръ, графъ Гувіонъ, франц. маршалъ, т. LXXVI, 1087; т. LXXVII, 1039.

Сюдзи, Сергѣй, японецъ, студентъ Спб. дух. акад., т. LXXVI, 687.

де-Серансъ, графиня, т. LXXV, 452.

Серафимъ (Стефанъ Васильевичъ Глаголевскій), митрополитъ спб., т. LXXVII, 277.

Сергіевъ, Іоаннь, Кронштадтскій протоіерей, т. LXXVI, 192, 632.

Сергѣевичъ, Василій Ивановичъ, профессоръ Спб. унив. *Библ. замѣтка В. Б-ва о книгѣ его:* Лезціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Изданіе второе. Спб. 1899, т. LXXVI, 1045—1048; *Уломин.:* т. LXXV, 349, 1028; т. LXXVI, 373; т. LXXVII, 994; LXXVIII, 832, 1286.

Сергѣевскій, Николай Дмитриевичъ, ст.-секретарь, профессоръ Спб. унив., т. LXXVIII, 831.

Сергѣевъ, Х. Н., т. LXXV, 1042.

Сергѣенко, П. *Библ. замѣтка Г. Л. И. о книгѣ его:* Какъ живетъ и работаетъ графъ Толстой. М. 1898, т. LXXV, 687—689.

Сергѣй Александровичъ, великій князь, моск. ген.-губернаторъ, т. LXXV, 268; т. LXXVI, 776; т. LXXVII, 683.

Сердобинъ, баронъ, т. LXXVI, 751—752.

Середонинъ, С. М., прив.-доцентъ Спб. унив., т. LXXVIII, 832.

Серрано-и-Домингесъ, испан. госуд. дѣятель, т. LXXVII, 341, 342.

Сибиряковы:

— А. М., т. LXXV, 739.

— И. М., золотопромышленникъ. *Библ. замѣтка Б. Глинскаго объ изданіи его:* Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое наслѣдованіе В. И. Семевского. Т. I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г. Т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 г. Спб. 1898, т. LXXV, 697—699; *Уломин.:* т. LXXV, 1097; LXXVII, 616, 620.

Сиверсъ:

— Фридрихъ. *Статья о немъ М. Н. С.:* Фридрихъ Сиверсъ. (Изъ исторіи крестьянской исторіи въ Лифляндіи), т. LXXVII, 127—146; *Уломин.:* т. LXXVI, 216—217.

— графъ Яковъ Ефимовичъ, д. тайн. сов., посоль въ Польшѣ, т. LXXVII, 132, 134, 137.

Сигизмундъ:

— II, Августъ, король польскій, т. LXXVII, 128, 586; т. LXXVIII, 237—238, 838.

— III, король польскій и шведскій, т. LXXV, 713, 1088; т. LXXVI, 908, 1124; т. LXXVII, 375 — 376, 586; т. LXXVIII, 839.

Сигизмундъ Кастромедіано, герцогъ Морціано, итальян. патріотъ. *О немъ въ замѣткѣ:* Борьба за итальянскую свободу, т. LXXVIII, 1263—1264.

Сидней-Ло, англ. журналистъ, т. LXXVI, 1023.

Сидоровы:

— прапорщикъ, т. LXXVII, 90, 91.

— А. А. *Библ. замѣтка о книгѣ его:* Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895). Историческій очеркъ. (Со снимками картинъ, портретовъ и медалей). Вып. I. 1899, т. LXXVII, 309—311.—То же, вып. II, т. LXXVIII, 335—336.

Сизовъ, юнкеръ, т. LXXVIII, 97.

Сиворскій, Ад., переводчикъ Пушкина на польск. яз., т. LXXVI, 648.

Силины:

— бѣлопольскій городничій, т. LXXVII, 515—518, 525—526.

— Иванъ Лукичъ, моск. антикваръ. *Некрологъ его:* т. LXXV, 1103—1104.

Сильвестеръ, членъ-корр. имп. акад. наукъ, т. LXXV, 736.

Сильвестровъ, шт.-капит., т. LXXV, 907.

Сильвестръ, патріархъ александрійскій, т. LXXVII, 307.

Симаковъ, подпоручикъ, т. LXXVII, 92.

Симеонъ (Полоцкій), іеромонахъ, проповѣдникъ, т. LXXVII, 162; т. LXXVIII, 779.

Симоицъ, П. К. *Библ. замѣтка А. Д-нки о книгѣ его: Русскій языкъ въ его нарѣчїяхъ и говорахъ. Опытъ библиографическаго указателя трудовъ, касающихся русской диалектологїи и исторїи языка.* Выпускъ I, ч. I. Великоорусское нарѣчїе. Спб. 1899, т. LXXVII, 1017—1018.

Симоновъ, Иванъ Михайловичъ, профессоръ Казанск. унив., т. LXXVI, 592.

Симонъ:

— Жюль, франц. политич. дѣятель, т. LXXV, 891.

— Пьеръ, голланд. пасторъ, т. LXXVIII, 1243—1244.

— Шарль, т. LXXV, 1057.

Симсоуъ, Э., т. LXXV, 653—654.

Синайскій, А., священникъ. *Библ. замѣтка М. Калужскаго о книгѣ его: Отношенїе древне-русской церкви и общества къ латинскому западу (католичеству).* (X—XV в.). Спб. 1899, т. LXXVI, 1048—1052.

Синельниковъ, Николай Петровичъ, санаторъ, ген.-губернаторъ вост. сибирѣ. *Статья о немъ П. Суворова:* Сенаторъ Синельниковъ и имп. Александръ II, т. LXXV, 137—146. *Упомянутъ:* т. LXXVIII, 782.

Синицкіе:

— Николай, сельск. учитель, вполс. священникъ, т. LXXVIII, 553—557.

— Симоиъ, священникъ, т. LXXVIII, 553—557.

Сиповскій, В. В., магистръ русс. словесности. *Замѣтка о немъ:* Диспутъ В. В. Сиповскаго, т. LXXVII, 370—371; *Упомянутъ:* т. LXXVI, 492.

Сїахъ, Эммануиль-Іосифъ, дѣятель эпохи первой франц. революціи, т. LXXV, 725; т. LXXVIII, 803.

Скабичевскій, Александръ Михайловичъ, критикъ, т. LXXV, 707; т. LXXVI, 131, 269, 276, 314, 1033—1034; т. LXXVIII, 609—610.

Скавронская, графиня, супруга графа Ю. П. Лытца, т. LXXVII, 44.

Скальковский, Аполлонъ Александровичъ, историкъ. *Некрологъ его:* т. LXXV, 773—775.

Скаронъ, Поль, франц. поэтъ, т. LXXVII, 1038.

Скарятинъ, офицеръ, т. LXXVII, 436.

Складовскій, Александръ Васильевичъ, поэтъ, т. LXXVIII, 1150, 1151.

Скобелевъ, Михаилъ Дмитриевичъ, ген.-отъ-инф., т. LXXVII, 493.

Скоттъ, Вальтеръ, англ. романистъ, т. LXXVI, 975; т. LXXVII, 570.

Скоттъ-Кей, Франсисъ, американ. поэтъ, т. LXXV, 1068.

Скрайнтъ, англ. писатель, т. LXXVIII, 387—388, 1276.

Скудновъ, М. А., художникъ, т. LXXVII, 361.

Скупинскій, Степанъ, ксендзь-монахъ, т. LXXVI, 886—891.

Скуратовы:

— Дмитрій Петровичъ, т. LXXVII, 802.

— Дарья Васильевна, рожд. Кондырева, во 2-мъ бракѣ за А. В. Потемкинымъ, т. LXXVI, 197.

— Фанни Алексѣевна, урожд. Пушкина, жена Д. П. С., т. LXXVII, 796, 797, 800, 802.

Скурковский, Карлъ, епископъ пеллецкій, т. LXXVIII, 248.

Славейковъ, П. Р., болгарскій поэтъ, т. LXXVI, 678.

Славенко-Славинскій, Александръ, польскій писатель, т. LXXVII, 591.

Славинъ, актеръ, т. LXXVIII, 479.

Славянскій, пѣвецъ, т. LXXV, 1026.

Сладковичъ, Андрей (Бракаторисъ), славян. поэтъ, т. LXXVI, 652, 667.

Слезкинский, А. Г. *Статья:* по Поморью. (Путевыя замѣтки), т. LXXV, 564—607.

Слоновъ, М. А., т. LXXVII, 279.

Служенко, подпоручикъ, т. LXXVI, 914; т. LXXVII, 94.

Случевскій, Константинъ Константиновичъ, поэтъ, т. LXXV, 349—351; т. LXXVII, 152—153, 156—158, 1026; т. LXXVIII, 1281.

Слѣпцовы:

— Василій Алексѣевичъ, писатель, т. LXXV, 609.

— П. А., воронежск. губернаторъ, т. LXXVI, 788.

С., М., *Библ. замѣтка его: Д. И. Сапожниковъ.* Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина. М. 1899, т. LXXV, 1038—1039.

Смирновы:

— Александра Осиповна, авторъ «Записокъ», т. LXXI, 1108; т. LXXVII, 280, 684; т. LXXVIII, 599—600, 608—609, 614, 623—624, 629, 639, 641, 773.

— Софія, т. LXXV, 741.

— А. В. *Библ. замѣтка П. Е. Ш-ва о книгѣ его: Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе известность на различныхъ поприщахъ общественной пользы.* (Матеріалы для библиографическаго словаря). Вып. 2-й. Владимір. 1899, т. LXXVII, 312—314. *Упомянутъ:* т. LXXVI, 316.

— А. И., профессоръ Варш. унив., т. LXXV, 1083; т. LXXVI, 766.

— В., профессоръ, т. LXXVI, 677.
— Н. М., т. LXXVI, 1108; т. LXXVIII, 599—600, 611, 641.

— Н. П., сенаторъ. *Библ. замѣтка П. Ш-ва о книгѣ его*: Библиографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библиотеки сенатора Н. П. Смирнова. Палеографія. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и печати. Библиографія. Библиотеки, музеи и архивы. Книжная торговля. Спб. 1898, т. LXXVI, 313—316.

— П. С., магистръ богословія. *Замѣтка о немъ*: Диспутъ П. С. Смирнова, т. LXXV, 742.

— С. Г., т. LXXV, 760; т. LXXVI, 761—762, 1107.

— Сергѣй. *Библ. замѣтка Ш. о книгѣ его*: Древне-русскій духовникъ. Очеркъ. Сергѣевъ Посадъ. 1899, т. LXXVII, 1007—1008.

— Я. И., археологъ, т. LXXVI, 775, 780, 1118.

Смолникъ, Юс., чешскій нумизматъ, т. LXXVII, 678.

Смольяниковы:

— археологъ, т. LXXVI, 941.

— В. Н., *Библ. замѣтка Ш. объ изданн. подъ его ред.* 8-ой книгѣ «Архива князя Ѳ. А. Куракина». Саратовъ. 1899, т. LXXVII, 1016—1017.

Смолдъръ, І. Е., венгерскій журналистъ, т. LXXVI, 672.

Снегиревъ, И. М., археологъ, т. LXXV, 508.

Снееленъ, директрисса метеорологич. инст. въ Утрехтѣ, т. LXXVIII, 390.

Снелъманъ, представитель финской народной партіи, т. LXXVIII, 1059.

Снѣжко, И. А., т. LXXVIII, 1121.

Снѣжневскій, В. И., т. LXXVI, 316.

Снѣткова, 3-я, Фанни Александровна, по мужу Перфилова, актриса, т. LXXVIII, 492—495.

Соболевскіе:

— Алексѣй Ивановичъ, профессоръ Спб. унив. *Библ. замѣтка А. Л.—нко о рефератъего*: «Логика жидовствующихъ» и «Тайная тайныхъ». (Памятники древней письменности и искусства. СХХХШ). Спб. 1899, т. LXXVII, 1006—1007. *Упомин.*: т. LXXV, 301, 313, 352; т. LXXVI, 377, 778; т. LXXVII, 317, 371, 994, 1017; т. LXXVIII, 832.

— С. А., библиографъ, т. LXXVII, 604; т. LXXVIII, 336, 608, 609, 614, 624, 639.

Собольщиковъ-Самаринъ, т. LXXVI, 359.

Собѣвскій, Янъ, король польскій, т. LXXVI, 379.

Созоковичъ, Ив., профессоръ Варш. унив., т. LXXVI, 666.

Соконникъ, подполковникъ, т. LXXVII, 479, 480, 481, 482, 484.

Соколовскіе:

— А. Л., т. LXXVI, 769.

— М. К. *Библ. замѣтка Б. Городецкого о переводѣ его книги д'Оссонвилля*: Нищета и средства борьбы съ нею. (Misère et remèdes). Соціальные этюды. Переводъ съ франц. Спб. 1898, т. LXXVIII, 1218—1221.

— Маріанъ, профессоръ Ягеллонск. унив., т. LXXVIII, 236.

Соколовы:

— А. А., т. LXXVI, 756.

— Андрей, предсѣдатель бѣло-польск. верхн. земск. суда, т. LXXVII, 520—522, 525.

— Д. *Замѣтка его*: Къ статьѣ: «Кто и когда выдумалъ «Росцію?», т. LXXV, 1106—1107.

— Д. Д., археологъ, т. LXXVI, 952.

— Д. Н., археологъ, т. LXXVI, 950.

— Е. И., т. LXXV, 364.

— И. Д., профессоръ Новоросс. унив., т. LXXVI, 138—139.

— И. И. *Библ. замѣтки его*: Ѳ. Шеляговскій. Паденіе Константинополя. Историческій очеркъ. Спб. 1898, т. LXXV, 311—312.—М. Н. Ремезовъ. Византія и византіяцы конца X-го вѣка. По Г. Шлюмберже. М. 1893, 325—327. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ четвертый: Славяно-русскій прологъ. Часть вторая. Январь—апрѣль. Изданіе подъ редакціей проф. А. И. Пономарева. Спб. 1898, 332—334.—Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго *Муркоса*. По рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ четвертый. М. 1898, 690—693. Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Томъ третій. Софія. 1889, 1035—1038. Князь Н. В. Голицынъ. Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII вѣка. М. 1898, 300—302. Востокъ христіанскій. Александрійская патріархія. Сборникъ матеріаловъ, исследованій и записокъ, относящихся до исторіи Александрійской патріархіи. Томъ I. Составленъ епископомъ *Порфиріемъ Успенскимъ*. Изд. имп. акад.

- наукъ подъ ред. *Хр. М. Лопарева*. Спб. 1898, т. LXXVII, 304—309. *А. Дмитриевскій*. Архіепископъ елассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи трапезундскаго Сумелійскаго монастыря. Кіевъ. 1899, 666—671. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Изслѣдованіе *П. А. Сырку*. Томъ I. Выпускъ I. Время и жизнь патріарха *Евѣмія Терновскаго*. Спб. 1899, 1002—1004. Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ. Съ подробнымъ указателемъ русской литературы, относящейся къ этому предмету, съ 1841 по 1900 годъ. *А. П. Лебедева*, заслуженнаго профессора Моск. унив. М. 1900, т. LXXVIII, 325—329. Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія. (Изъ давнихъ временъ христіанской церкви). *А. П. Лебедева*, заслуженнаго профессора Моск. унив. М. 1900, 767—770.—Лѣтопись историко-филологическаго общества при императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Византійское отдѣленіе. IV. Одесса. 1899, 785—787. Профессоръ *Ю. Кулаковскій*. Аламы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. Кіевъ. 1899, 1211—1214. Очерки изъ церковно-исторической географіи. Область восточныхъ патріарховъ православной церкви до IX вѣка. *С. Терновскаго*. Казань. 1899, 1221—1224.
- М. Х., педагогъ, т. LXXVI, 351.
- Н. М. *Библ. замѣтка С. Л—ина о книгѣ его*: Лирика А. П. Полонскаго. Критическій этюдъ Н. М. Соколова. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1899, т. LXXVI, 304—305. *Библ. замѣтка его*: Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Профессора *Н. И. Барсова*. Спб. 1899, т. LXXVI, 713—715.
- Петръ Петровичъ, академикъ живописи. *Некрологъ его*: т. LXXVIII, 1301—1302.
- С. П., т. LXXVII, 320.
- Ф. Ф., профессоръ Сиб. унив., т. LXXV, 742; т. LXXVI, 1040.
- Содлогубъ**, графъ Владиміръ Александровичъ, писатель, т. LXXVI, 1093—1094; т. LXXVIII, 613, 628—630, 632—633, 640, 993, 1014, 1027, 1033.
- Солнцева**, магистръ Дерпт. унив., т. LXXVI, 752.
- Соловьевы**:
- археологъ, т. LXXVII, 344.
- майоръ, т. LXXVII, 557, 558, 565.
- Владиміръ Сергѣевичъ, философъ. *Библ. замѣтка А. Н—ина о переводѣ его*: «Твореній Платона». Томъ первый. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1899, т. LXXVIII, 1226—1227. *Упомян.*: т. LXXV, 741; т. LXXVII, 280, 859, 872.
- Евгений Андреевичъ, писатель, т. LXXVI, 685; т. LXXVIII, 338.
- М. С., переводчикъ, т. LXXVIII, 1227.
- Н. А., археологъ, т. LXXVI, 948.
- М. П., начальникъ главн. упр. по дѣламъ печати, т. LXXV, 155, 236.
- Н. И. *Статья его*: Городъ Вязники и его уѣздъ, т. LXXVII, 942—960. *Библ. замѣтка К. Х. о книгѣ его*: Среди приходскаго духовенства. Разказы *Н. И. Соловьева*. Вязники. 1899, т. LXXVIII, 770—773.
- Ник. Ивановичъ, музыкальный критикъ, т. LXXV, 937, 939.
- Николай Феокентовичъ, композиторъ, т. LXXV, 164—165.
- Николай Яковлевичъ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXV, 772—773.
- Прохоръ, т. LXXVIII, 1147.
- Сергѣй Михайловичъ, историкъ, т. LXXV, 305—306, 308—309, 370, 374, 501—502, 504—505, 748, 1071; т. LXXVI, 184, 186, 368, 689—690, 925, 948, 951, 1117; т. LXXVIII, 779.
- Сергѣй Петровичъ, драмат. писатель, т. LXXVIII, 981—982.
- Соловьевъ-Несмѣловъ**, Н. А., писатель, т. LXXVII, 279.
- Салтыкъ-Романскій**, Ю. О., польск. 648.
- Сольсбергъ**, лордъ, англ. госуд. дѣлатель, т. LXXVI, 1014, 1015, 1019.
- Сольскій**, Д. М., т. LXXV, 340.
- Сонинъ**, Н. Я., академикъ, попечитель Спб. учебн. окр., т. LXXV, 738.
- Соррель**, Альбертъ, франц. историкъ, т. LXXV, 337—339; т. LXXVI, 1008; т. LXXVII, 328.
- Соренъ**, Н. Н., т. LXXVI, 1108.
- Сосновскіе**:
- Иванъ Ивановичъ, актеръ, т. LXXVII, 827; т. LXXVIII, 518, 998.
- Михаилъ Францевичъ, драмат. артистъ, т. LXXVIII, 992.
- Сергѣй Михайловичъ, драмат. артистъ, т. LXXVIII, 992—995, 997.
- Сотенскій**, П. И., т. LXXVI, 946.
- Суотъ**, Робертъ, англ. поэтъ, т. LXXVI, 227.
- Софія**, принцесса Кобургская, т. LXXV, 824.
- Софія Алексѣевна**, царевна-правительница, т. LXXV, 766, 892, 916; т. LXXVI, 1119; т. LXXVII, 367.
- Софоновичъ**, И. Ф., т. LXXVIII, 1145.
- Софроній IV**, александрійскій патріархъ, т. LXXVII, 305.

Сохацкій, И. А., т. LXXVIII, 1145, 1146.

Спасовичъ, Владиміръ Даниловичъ, юристъ, писатель, т. LXXV, 741, 964; т. LXXVI, 548, 651; т. LXXVII, 154, 679.

Спельбергъ-де-Ловенжуль, виконтъ, сотрудникъ «Фигаро», т. LXXVII, 717; т. LXXVIII, 268, 279, 280—284, 287.

Спелдинъ, переводчикъ Пушкина на англ. яз., т. LXXVI, 657.

Спенсеръ, Гербертъ, философъ, т. LXXVI, 240, 1015; т. LXXVIII, 1129.

Сперанскіе:

— **Михаиль Михайловичъ, графъ**, государств. дѣятель, т. LXXV, 436; т. LXXVI, 587—588, 786; т. LXXVII, 1014.

— **М. Н.**, т. LXXVI, 376.

Спиноза, Бенедиктъ (Борухъ), философъ. *Замѣтка о немъ*: Новая біографія Спинозы, т. LXXVIII, 349—350.

Спицынъ, А. А., археологъ, т. LXXV, 1087; т. LXXVI, 378, 1118; т. LXXVIII, 1284—1285

Способинъ, Иванъ Ивановичъ, редакторъ «Влад. губ. вѣд.», т. LXXVII, 313—134.

Спренгпортенъ, баронъ Георгъ-Магнусъ, генераль-лейт., т. LXXVI, 1135.

Спѣшневъ, Михаилъ, воевода, т. LXXVI, 940.

Спѣшницкій, С. И., т. LXXVIII, 1145.

Срезневскіе:

— **В. И.**, т. LXXVIII, 829, 831.

— **Измаиль Ивановичъ, академикъ**. *Статья о немъ П. Н. Полевою*: Три типа русскихъ ученыхъ. (Куницъ, Срезневскій и Григоровичъ). Т. LXXVI, 127—138, 140. *Упомин.*: т. LXXVI, 314, 689, 698, 1039; т. LXXVII, 856, 1019; т. LXXVIII, 1138.

Сталь:

— **г-жа**, т. LXXVI, 304, 988; т. LXXVIII, 808.

— **баронъ, русс. посоль въ Лондонъ**, т. LXXVI, 1015, 1018—1019, 1026, 1030.

— **предсѣдатель гааг. конференціи**, т. LXXVIII, 382, 385.

Стабровскій, шт.-капитанъ. *Замѣтка его*: Къ вопросу объ ископаемыхъ стеклянныхъ шарахъ, т. LXXV, 1104—1105.

Станиславъ:

— **епископъ краковскій**, т. LXXVIII, 241.

— **князь мазовецкій**, т. LXXVIII, 240.

Станковичи:

— **А. И.**, т. LXXVI, 761.

— **Николай Владиміровичъ, писатель**, т. LXXVII, 601; т. LXXVIII, 1151.

Станко, Мл., переводчикъ Пушкина на серб. яз., т. LXXVI, 646.

Старенбергъ, австр. посланникъ въ Парижъ, т. LXXVIII, 732, 734—736.

Старковы:

— **авторъ «Разказовъ стараго воина»**, (1847), т. LXXV, 188.

— **А. М.**, этнографъ, т. LXXV, 358.

Стасовъ, Владиміръ Васильевичъ, писатель, т. LXXV, 354, 746—747, 1025; т. LXXVI, 96.

Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ, издатель «Вѣстн. Европы», т. LXXV, 350, 741, 896; т. LXXVI, 704, 1039; т. LXXVIII, 1153.

Стаховичи:

— **драматич. писатель**, т. LXXVIII, 516.

— **М. А.**, орлов. губ. предводитель дворянства, т. LXXVI, 360—361.

Стединъ, баронъ, шведскій посоль, т. LXXVI, 39.

Стейнъ, Генри, т. LXXV, 339.

Стедьмаховичъ, А. П., преподаватель гимн. въ Коломиѣ, т. LXXVI, 1128.

Стейнгопъ Аспинваль, англ. представитель въ Константинополь, т. LXXVI, 368.

Степановы:

— **по мужу Сосновская, актриса итальян. оперы**, т. LXXVIII, 992.

— **Н. А.**, карикатуристъ, т. LXXV, 688; т. LXXVI, 265.

— **Н. П. Библ. замѣтка Д. К. Е. о книгѣ его**: Народные праздники на Святой Руси. Спб. 1900. Т. LXXVIII, 1232.

— **П. С.**, актеръ, т. LXXVIII, 479, 493.

— **Петръ Гавриловичъ, актеръ**, т. LXXVIII, 977—979, 998.

Степанъ Малый, о немъ въ статьѣ П. А. Ровинскаго: Степанъ-Аннибалъ Зановичъ, авантюристъ, XVIII стол., т. LXXVII, 902—942.

Степовичъ, А., прив.-доцентъ Киев. унив., директоръ коллегіи Павла Галагана. *Библ. замѣтка К. Х. о книгѣ его*: Очерки исторіи сербо-хорватской литературы. Съ 2 снимками. Киевъ. 1899. Т. LXXVIII, 1224—1226.

Стескій, К., чешскій писатель, т. LXXVII, 679.

Стефани, академикъ, т. LXXVIII, 1131, 1132.

Стефанія, австр. принцесса, вдова принца Рудольфа Габсбургскаго. *О ней въ замѣткѣ*: Правда о жизни и смерти принца Рудольфа Габсбургскаго, т. LXXVIII, 1266—1270.

- Стефановичъ**, штабъ - лѣкаръ, т. LXXIV, 1033, 1035.
- Стефанъ (Ваторій)**, король польскій, т. LXXV, 713; т. LXXVII, 128, 376, 1051; т. LXXVIII, 233, 838.
- Стефанъ (Дечанскій)**, сербскій король, т. LXXVIII, 788.
- Стеценко**, адмиралъ, т. LXXVIII, 103.
- Стечкинъ**, редакторъ газеты «Народъ», т. LXXVII, 357.
- Стажичковскій**, помѣщикъ - повстанецъ, т. LXXVI, 886—889.
- Стоговъ**, поручикъ, т. LXXV, 903, 905, 906.
- Стокиѣ**, М., переводчикъ Пушкина на серб. яз., т. LXXVI, 646.
- Столыпинъ**, ротмистръ, т. LXXVIII, 1032, 1033.
- Столытовъ**, ген.-лейт., т. LXXVI, 955.
- Сторей**, Жоржъ Адольфъ, англ. писатель, т. LXXVIII, 1262.
- Сторль**, профессоръ Казан. унив., т. LXXVI, 591.
- Сторожевъ**, Василій Николаевичъ, историкъ, т. LXXVI, 944, 953.
- Стороженко:**
- писатель, т. LXXV, 1093.
 - Андрей Яковлевичъ, тайн. сов., сенаторъ, т. LXXVIII, 335.
 - Николай Ильичъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXVI, 356, 658, 1107; т. LXXVII, 354, т. LXXVIII, 1283.
- Стошнинъ**, В. Я., педагогъ, т. LXXVIII, 1215.
- Стояновскій**, Н. И., т. LXXVI, 325.
- Столяровъ**, М. Н. *Статья его: История одной замѣчательной книги*, т. LXXVI, 201—220.—Фридрихъ Сиверсъ. (Изъ исторіи крестьянской реформы въ Лифляндіи), т. XXXVII, 127—146.
- Страбонъ**, греческ. географъ, т. LXXVII, 639, 640; т. LXXVIII, 1126, 1211—1212.
- Страховы:**
- Г. А., старообрядческій публицистъ. *Статья о немъ С. Шерстобитова: Старообрядческій публицистъ*, т. LXXVIII, 194—206.
 - И. С., т. LXXVII, 682.
 - Николай Николаевичъ, писатель, т. LXXV, 151; т. LXXVII, 185.
- Стрекаловъ**, Степанъ Федоровичъ, тайн. сов., сенаторъ, т. LXXV, 402—403.
- Стремляновы:**
- Г. Н., актеръ, т. LXXVIII, 998.
 - Е. Г., актриса, т. LXXVIII, 998.
- Стремоуховъ**, М. Б. *Статья его: По пути Суворова въ Швейцаріи*, т. LXXV, 187—230.
- Стрепетова**, П. А., драматич. актриса, т. LXXVI, 788.
- Строгоновы:**
- графъ Александръ Григорьевичъ, министръ внутр. дѣлъ, т. LXXVI, 1111; т. LXXVIII, 187—188, 1011, 1016—1017.
 - графъ Александръ Сергѣевичъ, членъ госуд. сов., президентъ акад. худож., т. LXXV, 64, 408, 412, 818; т. LXXVI, 41—42, 434—435.
 - графиня Анна Михайловна, урожд. Воронцова, супруга гр. А. С. С., т. LXXVI, 434—435.
 - графъ Григорій Александровичъ, посланникъ въ Мадридъ, впоследствии оберъ-камергеръ, т. LXXV, 847; т. LXXVIII, 370.
 - Григорій Аникѣевичъ, т. LXXV, 375.
 - Графиня Елена Григорьевна, т. LXXV, 849.
 - графъ Павелъ Александровичъ, сенаторъ, генер.-адъютантъ, т. LXXV, 828; т. LXXVII, 63, 135, 437.
 - графъ Сергѣй Григорьевичъ, попечитель Моск. учебн. окр., т. LXXVI, 205, 691.
- Стронскій**, лейтенантъ, т. LXXVIII, 92.
- Струве**, П., экономистъ, т. LXXVI, 233, 240.
- Струйская**, 1-я, Елена Павловна, актриса, т. LXXVIII, 493, 495—497, 997.
- Стрѣльниковъ**, А. К., т. LXXV, 753.
- Стрѣльская**, В. В., актриса, т. LXXVIII, 492.
- Стуартъ**, баронъ, Д. Ф., тайн. сов., т. LXXV, 761.
- Студенкинъ**, Г. И. *Замѣтка его: О смерти іезуита Мартынова*, т. LXXV, 1106.
- Студничекъ**, Ф. І., чешскій математикъ, т. LXXVII, 678.
- Стуковенковъ**, Н. И., т. LXXV, 1080.
- Стуколенкинъ**, 1-й, П. А., балетный артистъ, т. LXXVIII, 1001—1002.
- Стэдъ**, англ. публицистъ, т. LXXVI, 1012—1013, 1015—1016, 1022—1023, 1024, 1027, 1028, 1030—1031; т. LXXVIII, 882, 385—386, 1265.
- Стюартъ**, Чарльсъ, англ. посолъ, т. LXXVIII, 271.
- Субизъ**, франц. маршалъ, т. LXXVIII, 732.
- Суворины:**
- Алексѣй Алексѣевичъ, писатель. *Статья Б. Б. Глинскаго о соч. его: Палестина*, т. LXXV, 231—271.

— Алексѣй Сергѣевичъ, издатель «Нов. Вр.». *Статья* Б. Глинскаго *объ изд. имъ книгъ*: Вся Россія, т. LXXV, 617—642. *Упомин.*: т. LXXV, 350, 741; т. LXXVI, 253, 1036; т. LXXVII, 278—279, 996; т. LXXVIII, 173.

Суворовы:

— свѣтл. князь, прибалтійск. ген.-губернаторъ, т. LXXVI, 203, 205, 206, 212.

— князь Александръ Аркадьевичъ, генераль-адъютантъ, петербург. генер.-губернаторъ, т. LXXVII, 286.

— Алексѣй, т. LXXVI, 184.

— П. П. *Статья* его: Сенаторъ Синельниковъ и императоръ Александръ II, т. LXXV, 137—146. *Библ. замѣтка* Гл. о книгѣ его: Записки о прошломъ. Ч. I. М. 1899. Т. LXXVIII, 781—782.

Суворовъ-Рымникскій, графъ Александръ Васильевичъ, князь Италійскій, генералиссимусъ, фельдмаршалъ. *Статья* о немъ М. Стрелюхова: По пути Суворова въ Швейцаріи. Т. LXXV, 187—230. *Замѣтки* о немъ: Музей Суворова, 762—763. — Взглядъ французскаго историка на Суворова, т. LXXVII, 702—704. *Упомин.*: т. LXXV, 430, 614, 818; т. LXXVI, 203, 415, 432, 853, 866, 980; т. LXXVII, 42, 46, 50, 54, 59, 61—62, 432, 548, 557, 558, 565, 566, 833, 1040.

Судерландъ, англ. журналистъ, т. LXXVI, 1023.

Сулима, П. А., т. LXXVIII, 1148.

Султановъ, Николай Владиміровичъ, архитекторъ, т. LXXVI, 378.

Султъ, франц. маршалъ, т. LXXVI, 1087; т. LXXVII, 704.

Сумароковы:

— П.; повтъ-переводчикъ, т. LXXVII, 208.

— Павелъ Ивановичъ, д. тайн. сов., сенаторъ, писатель, т. LXXV, 98, 103, 105, 108.

— Панкратій Петровичъ, гвард. офицеръ, т. LXXVII, 801.

Сумбатовъ, князь Александръ Ивановичъ, артистъ и драматургъ (Южинъ), т. LXXVI, 366; т. LXXVIII, 998.

Сумцовъ, Николой Феодровичъ, профессоръ Харьк. унив., т. LXXVI, 1068—1069, 1115; т. LXXVII, 274—276, 1021.

Суперанскіе:

— *Библ. замѣтка* И. И. о переводѣ его: Т. Рѣбо. Философія Шопенгауера. Спб. 1898. Т. LXXV, 314—315.

— М. Ф. *Библ. замѣтка* И. И. о книгѣ его: Симбирскъ и его прошлое. (1848—1898 гг.). Историческій очеркъ. Изд. Симбир-

ской губернской ученой архивной комиссіи. Симб. 1898. Т. LXXV, 303—305. *Упомин.*: т. LXXVI, 952.

Суриковы:

— В. И., художникъ, т. LXXV, 684.

— Иванъ Захаровичъ, поэтъ, т. LXXVI, 952.

Суворцовъ, В. Д., лифляндскій губернаторъ, т. LXXVI, 365—366.

Сурожевскій, А. П. *Статья* его: Воспоминаніе объ Е. П. Гребенкѣ, т. LXXVII, 815—831.

Де-Суришъ, виконтесса, т. LXXVII, 451, 456, 766—767; т. LXXVIII, 37.

Суслевъ, В. В., т. LXXV, 700.

Сутерландъ-Эдвардсъ, М. (урожд. Ватсонъ), переводчица Пушкина на англ. яз., т. LXXVI, 657.

Сухановъ, Арсеній, келарь моск. Троице-Сергіева мон., т. LXXV, 690.

Сухозанетъ:

— И. О., супруга военн. министра, т. LXXVI, 970.

— Николай Ануфриевичъ, ген.-адъют., военный министръ, т. LXXV, 441; т. LXXVII, 676.

Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ, академикъ, т. LXXV, 349—350, 362—363, 738, 1078; т. LXXVI, 698, 767; т. LXXVII, 855; т. LXXVIII, 1152.

Сухонинъ, драматич. писатель, т. LXXVIII, 496.

Сухорко, подпоручикъ, т. LXXVI, 115.

Сухотины:

— переводчица, т. LXXV, 705.

— Г. Л., начальникъ акад. генер. штаба, т. LXXVII, 364.

Сухтеленъ, графъ Павелъ Петровичъ, ген.-лейт., ген.-губернаторъ оренбург., писатель, т. LXXVI, 946.

Сушковъ, Н. М., сенаторъ, т. LXXV, 112.

Сырку, Полихроній Агапіевичъ, прив.-доцентъ Спб. унив. *Упомин.*: т. LXXV, 747, 748. *Библ. замѣтка* Ш. о книгѣ его: Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Исслѣдованіе. Томъ I. Выпускъ I. Время и жизнь патріарха Евеміа Терновскаго. Спб. 1899. Т. LXXVI, 1002—1004.

Сырейщиковъ, профессоръ, т. LXXVIII, 1146—1147.

Сыромятниковъ (Сигма), писатель, т. LXXVIII, 1154.

Сысоевъ, Павелъ Платоновичъ, подесауль 1-го верхнеудин. забайкал. казач. полка, *Письмо* его: т. LXXV, 527.

Фроры:

— есаулъ, т. LXXVI, 115; т. LXXVII, 85.
— А. Н., композиторъ, т. LXXV, 164, 1025.

Фъченевъ, Иванъ Михайловичъ, филологъ, т. LXXVII, 856, 857, 858.

Фотерландъ, Александръ, сотрудникъ «Nineteenth Century», т. LXXVI, 740—741.

Фюлли, франц. госуд. дѣятель, т. LXXVI, 1014.

Сарковскій, капитанъ, т. LXXVI, 109, 110, 902.

Т.

Таганцевъ, Н. С., сенаторъ, т. LXXVI, 716; т. LXXVIII, 831.

Тазабекъ, прапорщикъ, т. LXXVII, 486, 493.

Талебранъ, франц. министръ иностр. дѣлъ, т. LXXV, 724—725, 726; т. LXXVI, 372, 986—988; т. LXXVII, 336—337, 570, 772, 992; т. LXXVIII, 40—41, 803, 1248.

Тальмонъ, принцесса, т. LXXVII, 778; т. LXXVIII, 41, 44.

Тамерланъ, т. LXXVIII, 339.

Танджи, Ричардъ, англ. писатель, т. LXXVII, 1033.

Танковы:

— А. А., *Статья его*: Памяти Т. I. Вержбидцаго, т. LXXVIII, 231—235.

— А. Т., археологъ, т. LXXVI, 940—941; т. LXXVII, 324.

Танте, Викторъ, сотрудникъ «Revue Bleue», т. LXXV, 718—719.

де-Тарантъ, принцесса Луиза Эммануиловна, эмигрантка, статсъ-дама кор. Маріи-Антуанетты, урожд. герцогиня де-Тремуйль, т. LXXV, 47—49, 53; т. LXXVI, 858—860, 863; т. LXXVII, 40, 48, 55—56, 64—65, 69, 432—433, 437, 438—440, 450—456, 768, 770—771, 775, 777, 778, 779—782, 786—789, 791, 794—796; т. LXXVIII, 36—37, 40—41, 44, 45, 46, 49—57, 439—457, 904, 906—909, 911—912.

Тарасовы:

— Д. К., авторъ «Воспоминаній», т. LXXVI, 726.

— Иванъ Тарасовичъ, казакъ, т. LXXVIII, 578—570, 583, 587—589.

Таренецкій, А. И., профессоръ, т. т. LXXV, 1092.

Тарнавскій, польск. писатель, т. LXXVI, 648.

Тарновскіе:

— Василій Васильевичъ, археологъ. *Статья о немъ В. Г.*—ко: Памяти В. В.

Тарновскаго, т. LXXVII, 628—634. *Некрологъ его*: т. LXXVII, 726—727. *О немъ въ замѣткѣ Дм. Ив. Эварницкаго*: Археологическая справка, т. LXXVIII, 1302—1304.

— К. А., драматургъ, т. LXXVIII, 506.

Тарнскій (Тернскій), Ив., хорв. поэтъ, т. LXXVI, 656, 666, 675.

Тархановъ, князь, начальникъ Нухи, т. LXXVIII, 214.

Татищевъ, т. LXXV, 1090; т. LXXVI, 964.

Татишевъ, Д. Л., учитель город. учил. въ Закавказьѣ, т. LXXVI, 757.

Тачаловъ, Н. А., т. LXXV, 1096.

Тегнеръ, Исая, скандинав. поэтъ, т. LXXVI, 643.

Теккерей, англ. писатель. *Замѣтка о немъ*: Биографія Теккерей, т. LXXVIII, 822—825. *Упомин.* т. LXXV, 888.

Тельгава, А. С., переводчикъ Пушкина на латинск. яз., т. LXXVI, 683.

Телишева, княгиня М. *Библ. замѣтка Г. Эрнстова объ изд. ея журн.*: Миръ Искусства. № 1 и 2. М. 1899, т. LXXV, 316—318.

Тениссонъ, англ. поэтъ, т. LXXVI, 680; т. LXXVII, 706.

Теодоровичъ, Николаѣ Ивановичъ, протоіерей. *Библ. замѣтка Вл. Боуляновскаго о книгѣ его*: Волны въ описаніяхъ городовъ, местечекъ и сель, въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ. Томъ IV. Староконстантиновскій уѣздъ. Почаевъ. 1899, т. LXXVIII, 332—333.

Теодоровъ, А., болг. профессоръ, т. LXXVI, 679.

Терентьевы:

— ротмистръ, т. LXXVII, 97.

— М. А., т. LXXVI, 97.

Терликовъ, содержатель пансіона въ Москвѣ, т. LXXV, 939, 943.

Тернеръ, Чарльзъ Эдв., профессоръ англ. литер. Спб. унив., т. LXXVI, 657.

Терновскій, С. А., профессоръ Казан. дух. акад. *Библ. замѣтка Ш о книгѣ его*: Очерки изъ церковно-исторической географіи. Области восточныхъ патриарховъ православной церкви до IX вѣка. Казань. 1899, т. LXXVIII, 1221—1224.

Терновецъ-Ламурскій, Матвѣй Андреевичъ, членъ триест. судебн. палаты, переводчикъ Пушкина на хорват. яз., т. LXXVI, 675.

Терпиловскій, Иванъ Васильевичъ, чиновникъ воен. вѣд., т. LXXV, 522, 525.

Терюхинъ, профессоръ, т. LXXVIII, 1147.

Тетцель, Иоганнъ. *Замѣтка о немъ:* Лютеръ и Тетцель, т. LXXVII, 692—693.

Тизенгаузенъ:

— баронъ В. Г., археологъ, т. LXXVI, 941; т. LXXVII, 324, 372.

— В. К., декабристъ, т. LXXVI, 944; т. LXXVIII, 789.

Тилло, А. А., ген., помощникъ предсѣдателя геогр. общ., т. LXXV, 756, 1096; т. LXXVIII, 390—392.

Тимаевъ, М., педагогъ, т. LXXVII, 322.

Тимаковский, А. Т., редакторъ «Варш. Дневника», т. LXXVI, 756.

Тимашевъ, ген.-адъютантъ, министръ внутр. дѣлъ, т. LXXV, 143; т. LXXVII, 676.

Тимашевъ-Верингъ, В. А., *Разказы его:* Сидорухинъ грѣхъ, т. LXXVI, 867—885.—Деревенскіе дѣльцы. IV. Разорители, т. LXXVIII, 58—81.

Тимирязевъ, В. А., писатель. *Статьи его:* Первый конгрессъ по исторіи дипломатіи, т. LXXV, 652—655.—Висмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ, 976—993; т. LXXVI, 281—297; т. LXXVII, 283—303.—Парламентъ мира, т. LXXVI, 1011—1031.—Дидеро и Екатерина II, т. LXXVII, 219—235.—Переписка русскихъ аристократовъ съ иностранными знаменитостями, т. LXXVIII, 268—288.—Иностранцы о Россіи, 717—741, 1157—1176.

Тимковскіе:

— т. LXXV, 40, 46; т. LXXVI, 1108.

— сотрудникъ «Москвитянина» 1850-хъ гг., т. LXXVIII, 1146.

Тимоновичъ, Ф. Л., т. LXXVIII, 1145.

Тимофѣевъ, Г. *Библ. замѣтка его:* Музыкальные фельетоны и замѣтки Петра Ильича Чайковскаго (1868—1876 гг.), съ приложеніемъ портрета, автобиографическаго описанія путешествія за границу въ 1888 г. и предисловія *Е. А. Лароша.* М. 1898, т. LXXV, 1024—1028.

Тимошенко, И. Е., писатель, т. LXXVIII, 830.

Тимошевъ, К., сотрудникъ «Журн. мин. нар. просв.», т. LXXVII, 159.

Тироули, англ. посланникъ при русс. дворѣ, т. LXXVI, 368, 369.

Тятовъ:

— бѣлопольск. уѣздн. судья, т. LXXVII, 516—518.

— А. А., писатель, т. LXXVII, 242.

Тихановы:

— В. А., писатель. *Статьи его:* Воспоминанія объ Н. Ф. Горбуновѣ, т. LXXV,

167—186.—Былое. (Изъ семейной хроники), т. LXXVI, 49—75.—Анна Петровна Кернъ и романсъ: «Я помню чудное мгновеніе», 610—617. *Поправка къ этой статьѣ А. Маленина:* Къ статьямъ о Пушкинѣ, т. LXXVI, 1132—1133.

— П. Н., археологъ. *Библ. замѣтки:* В. Рудакова о редакц. имъ: Труды черниговской губернской архивной комиссіи. 1897—1898 гг. Выпускъ первый. Черн. 1898, т. LXXV, 320—321. А. Д—ка о книгѣ его: Черниговскіе старцы. Псалки и криптоглоссоны. Черниговъ. 1899, т. LXXVII, 1020—1021. *Упомн.*, т. LXXVI, 952.

Тихменевъ, майоръ, т. LXXVII, 81, 84.

Тихомировы:

— И., археологъ, т. LXXVI, 942, 950, 952.

— Д. И. *Библ. замѣтка Пещ—а о книгѣ его:* Педагогическіе курсы 1897 г. въ г. Полтавѣ. Полтава. 1898, т. LXXVI, 1063.

— Л., т. LXXVII, 243—244.

— профессоръ Кіев. унив., т. LXXVIII, 203.

Тихонравовы:

— К. Л., статистикъ, т. LXXVII, 956.

— Константинъ Никитичъ, редакторъ «Влад. губ. вѣд.», т. LXXVII, 314.

— Николай Савичъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXVII, 371, 595, 601, 870, 1026.

Тихонъ, архимандритъ Бѣлевск. мон., т. LXXV, 916.

Токаревичъ, переводчикъ Пушкина на польск. яз., т. LXXVI, 648.

Токиаковы:

— И., т. LXXVI, 952.

— Юр., псковск. намѣстникъ, т. LXXVII, 148.

Толмачевъ, оберъ-штеръ-крюгсъ-комиссаръ, т. LXXVII, 549.

Толстыя:

— графиня А. А., т. LXXVI, 797.

— графиня Анна Ивановна, урожд. кн. Бяратинская, супруга гр. Н. А. Т., т. LXXV, 44, 421, 807, 809, 814, 816, 818, 823—824; т. LXXVI, 35, 36, 47—48, 415, 852, 857, 863; т. LXXVII, 40—41, 48, 51, 54—56, 60, 63—65; 67, 437—441, 443, 446, 767—768, 790; т. LXXVIII, 443—448, 450, 913.

— графиня Анна Петровна, урожд. Протасова, супруга гр. Варв. Вас. Т., т. LXXV, 409.

— графиня Марія Алексѣевна, урожд. Голицына, супруга П. А. Т., т. LXXV, 418.

— графиня Софья Андреевна, супруга Льва Ник. Т., т. LXXV, 688.

Толстые:

— А. В., нумизматъ, т. LXXV, 1088.

— графъ Алексѣй Крнстантиновичъ, поэтъ, т. LXXVI, 248, 644; т. LXXVIII, 482.

— графъ В. П., т. LXXV, 926.

— графъ Варо. Васильевичъ, т. LXXV, 409.

— графъ Дмитрій Андреевичъ, министръ внутр. дѣлъ, т. LXXV, 55, 143, 618, 645, 739, 897; т. LXXVI, 135, 207, 700; т. LXXVII, 1056; т. LXXVIII, 696—697, 702, 707—709, 711.

— (Знаменскій), графъ Дмитрій Николаевичъ, тайн. сов., писатель, т. LXXVI, 381.

— графъ И. И., вице-предсѣдатель археол. общ., т. LXXV, 349—350; т. LXXVII, 372.

— графъ Илья Андреевичъ, казанск. губернаторъ, дѣдъ Л. Н. Т., т. LXXVI, 591.

— графъ Левъ Николаевичъ, писатель. *О немъ въ Библ. замѣткѣ Г. Л. И. о книгѣ П. Сергѣенко: Какъ живетъ и работаетъ графъ Л. Н. Толстой*, т. LXXV, 687—689. *Упомян.*: т. LXXV, 166, 317, 322, 613—614, 889, 899—900, 933, 1068; т. LXXVI, 222, 245—246, 501, 591, 635, 644, 663, 676, 681, 685, 686, 687; т. LXXVII, 217, 345, 348, 599, 871, 1025; т. LXXVIII, 383, 1277—1278.

— графъ Николай Александровичъ, оберъ-гофмаршалъ, д. тайн. сов., т. LXXV, 44—45, 413, 421; т. LXXVI, 48, 416, 857, 863; т. LXXVII, 50—52, 55, 63, 64, 65, 66—67, 70, 437—439, 441, 446; т. LXXVIII, 56, 445—446, 911, 913.

— графъ Петръ Александровичъ, ген.-отъ-инф., Слб. военн. губернаторъ, т. LXXV, 418; т. LXXVI, 786.

— Ю. В., т. LXXVI, 373.

— Я. Н., поэтъ, т. LXXVII, 596.

— графъ Ѡ. И., т. LXXVI, 1108.

-- графъ Ѡедоръ Петровичъ, вице-президентъ Академ. Худож., т. LXXVIII, 1043.

фонъ-Толь, баронъ, прапорщикъ, т. LXXV, 902, 904, 906.

Тома, Э., професс. Лилльскаго унив. *Библ. замѣтка А. Малюина о его книгѣ, перевод. Я. И. Рудневымъ. Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры.* Спб. 1899. Т. LXXVI, 1058—1060.

Томичекъ, Янъ Славомиръ, чешск. писатель, т. LXXVI, 650, 652.

Томичъ, И. Е., переводчикъ Пушкина на хорват. яз., т. LXXVI, 666.

Топчевскій, прапорщикъ, т. LXXVII, 91.

Торесъ, Педро, испан. писатель, т. LXXVIII, 361.

Торнтонъ, англ. дипломатич. агентъ, т. LXXVIII, 1165, 1166.

Торретто, А., итальян. композиторъ, т. LXXVI, 365.

Торри, франц. ученый, т. LXXVII, 302.

Торсонъ, Ф. М., переводчикъ русск. авторовъ на датск. яз., т. LXXVI, 661.

Торсуковы:

— Екатерина Васильевна, урожд. Пересухина, т. LXXV, 111—113.

— А. А., майоръ семеновск. полка, т. LXXV, 112—113.

— т. LXXVI, 48; т. LXXVIII, 442, 444.

Тотлебенъ, Эдуардъ Ивановичъ, ген.-инж., т. LXXVI, 1095.

Трайль, I. Д., *Библ. замѣтки К. объ изданіи его: Общественная жизнь Англии. Томъ IV. Отъ воцаренія Якова до смерти Анны. Т. V. Отъ воцаренія Георга I до битвы при Ватерлоо.* М. 1898. т. LXXVI, 317—318.

Трахтенбергъ, В. О., т. LXXV, 753.

Требстъ, переводчикъ Пушкина на нем. яз., т. LXXVI, 642.

Тревогинъ, майоръ, т. LXXV, 215.

Тредьяковскій, Василій Кирилловичъ, профессоръ элоквенціи, т. LXXVI, 681; т. LXXVIII, 791.

Тремеръ, Эд., прив.-доцентъ Страсбургск. унив., т. LXXV, 802.

Трескины:

— генераль, т. LXXVIII, 547—556, 564—565.

— Н. А., т. LXXVI, 131.

Третьяковы:

— Алексѣй Антоновичъ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXVI, 1131.

— Павелъ Михайловичъ, коммерсантъ, основатель худож. галлерей въ Москвѣ.

Статья о немъ П. Полевого: Памяти П. М. Третьякова, т. LXXV, 945—950.

Некрологъ его: т. LXXV, 767—772.

Третьякъ, Я., польск. писатель, т. LXXVI, 648.

Трефоловъ, Л. Н., т. LXXVI, 788.

Трипольскій, В. Ѡ., т. LXXVIII, 1145.

Трифоновъ, Т., переводч. Пушкина на болгар. яз., т. LXXVI, 678.

Троицкіе:

— Матвѣй Михайловичъ, профессоръ философіи Моск. унив. *Некрологъ его*: т. LXXVI, 792. — *Упомян.*: т. LXXVII, 881, 859, 866—867.

- Н. И., археологъ. *Библ. замѣтка В. Б.—ва* обз. изд. *подъ его ред. книгъ*: Тульская старина. Изд. Тульского историко-археологическ. товарищества. Вып. 1—2. Тула. 1899. т. LXXVII, 323.
- Тропининъ**, художникъ, т. LXXVI, 1108—1109; т. LXXVII, 361.
- Трощинскій**, т. LXXV, 111—112, 805.
- Трубачевъ**, С., т. LXXVI, 700.
- Трубецкіе**:
- князь Александръ Васильевичъ, ген.-майоръ, т. LXXVIII, 597, 601, 604, 606—608, 611, 614, 618, 620—621, 623, 625—627, 641.
 - князь Андрей Васильевичъ, бояринъ, 4-й членъ семигласной боярской Думы 1610 г., т. LXXV, 1088.
 - князь Николай, т. LXXVII, 242.
 - князь, моск. бояринъ, т. LXXVII, 668.
 - князь, скульпторъ, т. LXXV, 688.
- Трубииковъ**, полковникъ, т. LXXV, 215.
- Труворовъ**, А. Н., директоръ спб. археол. инст., т. LXXV, 312—313.
- Трутовскіе**:
- К., художникъ, т. LXXVI, 380.
 - т. LXXV, 653, 655.
- Трухляръ**, Іос., чешскій писатель, т. LXXVII, 678.
- Тугагъ-Варановскій**, Михаилъ Ивановичъ, прив.-доцентъ Спб. универ., т. LXXV, 697; т. LXXVI, 234; т. LXXVII, 994.
- Тугутъ**, баронъ, австр. министръ, т. LXXV, 192—194, 196.
- Тужимскій**, чешскій писатель, т. LXXVI, 652.
- Тудуповъ**, Н. В., т. LXXV, 760.
- Тулманъ-Смитъ**, миссъ, англ. писательница, т. LXXVIII, 1277.
- Туманскій**, поэтъ, т. LXXVII, 596.
- Тумановъ**, князь М., издатель «Грузинск. Альманаха», т. LXXVI, 653.
- Тумпакъ**, Іос., чешскій писатель, т. LXXVII, 678.
- Тураевъ**, Борисъ Александровичъ, прив.-доцентъ Спб. унив., т. LXXV, 354; т. LXXVI, 375—376.
- Турвиль**, франц. адмиралъ, т. LXXVII, 1034—1035.
- Тургеневы**:
- Александръ Ивановичъ, тайн. сов., писатель. О немъ въ библ. замѣткѣ *Вл. Бояцковскаго*: Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Т. I. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. 1812—1819. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Подъ ред. и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Спб. 1899. Т. LXXVI, 719—720. — Упомят.: т. LXXVI, 468, 622—624; т. LXXVII, 166, 569, 570, 572, 575, 576.
 - Иванъ Петровичъ, тайн. совѣтъ, т. LXXVII, 570.
 - Иванъ Сергѣевичъ, писатель. *Статья о немъ В. Батуриискаго*: Черты изъ жизни И. С. Тургенева. Т. LXXV, 887—900. *Замѣтка о немъ*: Иностранн. журналы о Тургеневѣ. Т. LXXVIII, 379—380. Упомят.: т. LXXV, 151, 322, 688, 952; т. LXXVI, 245—246, 500, 639—640, 664, 381, 687, 704, 953; т. LXXVII, 335, 347, 595, 599; т. LXXVIII, 1277—1278.
 - Н. И., авторъ «La Russie et les Russes», т. LXXVII, 1014.
 - П. П., т. LXXVIII, 1145.
- Туркестановъ**, прапорщ., т. LXXVIII, 662.
- Турна**, Морисъ, франц. писатель, т. LXXVII, 219—223, 229—230, 232—235, 1023.
- Турсель**:
- г-жа (мать), т. LXXVII, 775—776, 788, 789; т. LXXVIII, 55.
 - Августина, т. LXXVII, 451 — 452, 456, 767, 768, 774, 789, 793; т. LXXVIII, 39.
- Турцевичъ**, И. Г., профессоръ, т. LXXVII, 1018.
- Турчаниновъ**, Петръ Ивановичъ, ген.-поручикъ, т. LXXV, 107; т. LXXVI, 412.
- Турьгина**, авторъ бр. «А. С. Пушкинъ въ области музыки», т. LXXVII, 599.
- Тутолмины**:
- Иванъ Васильевичъ, почтн. опекунъ и шталмейстеръ, д. тайн. сов., т. LXXV, 810, 814; т. LXXVII, 48, 58.
 - Софія Петровна, урожд. гр. Панина, супруга Ив. Вас. Т., т. LXXV, 810, 814; т. LXXVIII, 46.
 - Тимофей Аваасъевичъ, ген.-отъ-инфантеріи, арханг. ген.-губ., т. LXXVII, 905.
- Тучковъ**, ген., т. LXXVI, 1136.
- Тучабскій**, лейтенантъ, т. LXXVIII, 92.
- Тѣтъ**, т. LXXV, 954, 955, 964.
- Тѣрнеръ**, англ. ученый, т. LXXVII, 362.
- Тыртовы**:
- 1-й управляющій морск. министерствомъ, т. LXXV, 345—347.
 - 2-й вице-адмиралъ, т. LXXV, 345—346.
- Тьеръ**, т. LXXVI, 295, 303; т. LXXVII, 336.

Тюменевъ, И. Ф., писатель. *Статья его*: Отъ Тихвина до Весьегонска. (Путевые очерки). Т. LXXVI, 158—195. — *Стихотвореніе его*: Памяти А. С. Пушкина, (26 мая 1799 г.) 480—481.

Турень, франц. маршалъ, т. LXXVI, 980—981.

Тютчевы:

— Ольга Николаевна, урожд. Путята, т. LXXV, 1108.

— Федоръ Ивановичъ, тайн. сов. поэтъ, т. LXXVI, 206; т. LXXVII, 153.

У.

Уатъ, Джемъ, англ. механикъ, т. LXXVI, 224, 237.

Урби, т. LXXVII, 287.

Уваровы:

— графъ Алексѣй Сергѣевичъ, помощникъ попечителя Моск. учебн. окр., археологъ, т. LXXV, 1071, 1074—1075, 1091; т. LXXVIII, 1121—1122, 1124, 1138.

— графъ Сергѣй Семеновичъ, министр нар. проsv., т. LXXVI, 207, 640, 641, 691, 1090; т. LXXVIII, 188, 189, 190, 623.

— графиня П. С., археологъ, т. LXXV, 1091; т. LXXVI, 972, 1126; т. LXXVIII, 1117—1118, 1121—1122, 1124, 1138—1139.

Ульбахъ, Луи, венгер. писатель, т. LXXVI, 672.

Ульяницкіе:

— В. А., прив.-доцентъ Варш. унив., т. LXXV, 364; т. LXXVI, 787, 1128.

— Д. В., т. LXXV, 753.

Уманецъ:

— отецъ послѣдующаго, т. LXXV, 147—149, 151, 161—162.

— Сергѣй Игнатьевичъ, писатель. *Статьи его*: Памяти Я. П. Полонскаго, т. LXXV, 147—166. — Общественныя заботы о народномъ образованіи въ Сибири, т. LXXVII, 614—627. — По Финляндіи. (Путевые наброски и впечатлѣнія), т. LXXVIII, 1043—1080. — *Библ. замѣтки его*: Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Составилъ П. Ганзенъ. Печатано по распоряженію канцеляріи Ея Величества государыни императрицы Александры Феодоровны. Спб. 1899, т. LXXVI, 1057—1058. — *Библ. замѣтка Г. о книгѣ его*: Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ и балтійскіе очерки. Спб. 1899, т. LXXV, 1030—1032. — *Упомин.*: т. LXXVII, 311, 683.

Умовъ, Николай Александровичъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXVI, 761.

Ундольскій, Вуколь Михайловичъ, библиографъ, т. LXXV, 748.

Урусовы:

— князь, оренбург. губернаторъ, т. LXXVI, 964.

— князь А. И., юристъ, т. LXXV, 761—762.

— князь Василій Алексѣевичъ, посоль Петра I на Востокъ, т. LXXVI, 99.

— князь Сергѣй Николаевичъ, статсъ-секретарь, т. LXXVI, 367.

— князь Юлія, т. LXXV, 850.

Успенскіе:

— А. И., археологъ, т. LXXVI, 778.

— Гаврилъ Петровичъ, профессоръ Харьк. унив., т. LXXVIII, 1150.

— М. И., воронежск. статистикъ, т. LXXVI, 789.

— О. И., профессоръ и директоръ константиноп. археол. инст. т. LXXV, 738, 1035—1038; т. LXXVI, 377.

Уссингъ, Ж., профессоръ. *Библ. замѣтка А. М.—на о перевод. Н. М. Феодоровой книгѣ его*: Воспитаніе у грековъ и римлянъ. (Erziehung und Jugendunterricht bei den Griechen und Römern). Спб. Изданіе Ив. Ив. Иванова. 1899, т. LXXVI, 1070—1071.

Устимовичъ, Прокофій Адриановичъ, членъ вѣдн. суд. палаты, издатель «Братской помощи». *Некрологъ его*: т. LXXVII, 1054.

Устряловъ, Николай Герасимовичъ, профессоръ Спб. унив., т. LXXVI, 698, 1089; т. LXXVII, 1048, 1054.

Устюговъ, священникъ, т. LXXVII, 971—972.

Утьшеновичъ, Огнеславъ, хорват. юристъ и поэтъ, т. LXXVI, 665—666.

Ухтомскій, Э. Э., писатель, т. LXXV, 741.

Ушаковъ, Петръ, князь, т. LXXV, 376.

Ушинскій, Константинъ Дмитриевичъ, педагогъ. *Замѣтка о немъ*: Учрежденіе преміи, т. LXXVI, 789. — *Упомин.*: т. LXXV, 322; т. LXXVII, 322.

Уэллестъ, Дональдъ Мэкензи, редакторъ «Times»а, т. LXXVI, 657.

Ф.

Фабриціусъ, М. П., ген.-майоръ, т. LXXV, 355—356.

Фавицкій, подполковникъ, т. LXXVI, 897.

Фавръ:

— франц. анархистъ, т. LXXVIII, 358.

— Жюль, франц. госуд. дѣятель, т. LXXVI, 295, 749.

- Фаггацаро**, италіян. писатель, т. LXXVII, 362, 1024.
- Фагаз**, Эмиль, франц. критикъ, т. LXXVI, 1087; т. LXXVIII, 803, 806.
- Фазлы**, Николай и Иванъ, переводчики Пушкина на гагаузско-турецк. яз., т. LXXVI, 688.
- Фалевичъ**, инж.-подполковникъ, т. LXXV, 762.
- Фальконетъ**, франц. скульпторъ, т. LXXVII, 233.
- Фаминцынъ**, Андрей Сергѣевичъ, физиологъ, академикъ, т. LXXV, 738, 1109, 1112; т. LXXVIII, 1153.
- Фанъ-деръ-Флитъ**, П. П., т. LXXV, 1109, 1112.
- Фаресовъ**, А. И., писатель. *Статьи его*: Мерзлый русскій, т. LXXVI, 144—157.—Наша оборона на Востоку, 954—960.—Въ Святыхъ Горахъ и Псковѣ 26—29 мая мая, т. LXXVII, 147—177. *Библ. замѣтки его*: А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. Пугачевщина на Сибири. Москва. 1899, т. LXXV, 704—705.—Краткій историческій очеркъ Елисаветградскаго общества распространенія грамотности и ремесль. 1873—1898 г. П. З. Рябовъ. Елисаветградъ. 1899, т. LXXVI, 306—307.—Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1898 г. М. 1899, т. LXXVII, 314—315.—Н. О. Осиповъ. Винная монополія. Спб. 1899, 671—675.—Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки въ имп. академіи наукъ въ С.-Петербургу, май 1899 г. Составленъ подъ редакціей Л. Н. Майкова и Б. А. Модзалевскаго. Исполненъ и изданъ художественною фототипіей К. А. Фишера. М. 1899, 683—685. *Библ. замѣтка Гл. о книгѣ его*: Народники и марксисты. Спб. 1899, т. LXXVI, 324—325.— *Упомин.*: т. LXXV, 617, 631, 636—637, 640; т. LXXVII, 364.
- Фарина**, Сальвагоре, переводч. Пушкина на итал. яз., т. LXXVI, 649.
- Фаригагенъ-фонъ-Энзе**, нѣмецк. литераторъ, т. LXXVI, 245, 642.
- Фауль**, Т., англ. писатель. *Библ. замѣтка А. Л.—ико о книгѣ его*: Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Переводъ съ англійскаго А. М. Бьлова. Спб. 1899, т. LXXVIII, 783.
- Федорова**, Н. М. *Библ. замѣтка А. М.—на о переводѣ ея книги Ж. Уссина*: Воспитаніе у грековъ и римлянъ. (Erziehung und Jugendunterricht bei den Griechen und Römern). Спб. Изданіе Ив. Ив. Иванова. 1899, т. LXXVI, 1070—1071.
- Федоровскій**, Н. Ф., т. LXXVI, 306—307.
- Фейербахъ**, нѣмец. философъ, т. LXXVII, 335.
- Фейхтнеръ**, Анна Ѳедоровна, жена врача, т. LXXV, 841—842, 846, 852, 854.
- Фельдманъ**, Ѳ. А., ген.-лейт., т. LXXVI, 350.
- Фердинандъ**:
— герцогъ курлянд., т. LXXVIII, 1293—1294.
— король испан., т. LXXVIII, 370.
— принцесса, т. LXXVII, 446.
- Фердинандъ Виртебергскій**, принцъ, т. LXXVII, 42, 46.
- Фердинандъ-Вильгельмъ**, наслѣдн. принцъ герман., т. LXXV, 265.
- Ферзенъ**, графиня Софія, въ замужествѣ гр. Пиперъ, т. LXXVII, 1017.
- Феридунъ-бей**, переводчикъ Пушкина на татар. яз., т. LXXVI, 687.
- Феттерлейнъ**, К. Ѳ., бібліотекаръ имп. публ. библ., т. LXXVI, 656.
- Фетъ (Шеншичъ)**, Аванасій Аванасевичъ, поэтъ *Библ. замѣтка В. К.* о переводѣ его: Фаустъ, трагедія Гете. Переводъ А. Фета съ рисунками Э. Зейбертца. Изданіе А. Ф. Маркса. Иллюстрированная бібліотека «Нивы». Спб. 1899, т. LXXV, 693—695.— *Упомин.*: т. LXXV, 149—151, 155, 1068; т. LXXVI, 684; т. LXXVII, 594, 596; т. LXXVIII, 1226—1227.
- Фидлеръ**:
— Викторъ Александровичъ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXV, 1102—1103.
— Ѳ. Ѳ., переводчикъ. *О немъ въ статьѣ А. К. Бороздина*: Русскіе поэты въ нѣмецкомъ переводѣ, т. LXXVI, 244—250.— *Упомин.*: т. LXXVI, 642.
- Фикельмонъ**:
— графъ, австр. посланникъ, т. LXXVIII, 632, 641.
— графиня, жена австр. посланника, т. LXXVIII, 604—605, 613.
- Филареты**:
— (Амфитеатровъ), митрополитъ кіевскій, т. LXXV, 919, 924.
— (Дроздовъ), митрополитъ московскій, т. LXXVI, 205; т. LXXVII, 684.
- Филаретъ (Ѳедоръ Никитичъ Романовъ)**, патриархъ московскій и всея Руси, т. LXXV, 353, 684.
- Филевичъ**, И. П., т. LXXVIII, 1135.
- Филевскій**, П. *Библ. замѣтка В. Р.—ва о книгѣ его*: Исторія города Таганрога. М. 1899, т. LXXVI, 725—727.
- Филимоновы**:
— Георгій Дмитріевичъ, хранитель отд. до-историч., христіан. и русск. древностей Моск. публич. и Румянц. музеевъ,

- т. LXXV, 353, 365; т. LXXVI, 375; т. LXXVII, 315.
 — Н. О., т. LXXV, 365; т. LXXVI, 375; т. LXXVII, 315.
Филиппеусъ, переводчикъ Пушкина на нѣм. яз., т. LXXVI, 642.
Филипповичъ, поручикъ, т. LXXVI, 626.
Филипповы:
 — Александръ Никитичъ, профессоръ Юрьев. унив., т. LXXVI, 369, 371, 374.
 — М. М., т. LXXVI, 235.
 — Тертій Ивановичъ, государствен- ный контролеръ. *Библ. замѣтка К—ча о книгѣ его*: Три замѣчательные старо- рообрядца. Спб. 1899. Т. LXXVIII, 776—778. *Упомят.*: т. LXXV, 349; т. LXXVI, 630.
Филипсонъ, М., профессоръ, т. LXXV, 731—732.
Филиппъ II, испанск. король, т. LXXVI, 734—735, 1065; т. LXXVIII, 347.
Филиппъ Эгалите, герцогъ Орлеан- скій, т. LXXVII, 766.
Философовы:
 — Алексѣй, т. LXXV, 850.
 — Иларіонъ Алексѣевичъ, т. LXXV, 848.
Филовей, протоспазарій и артикликъ, т. LXXV, 1036—1037.
Фирксъ, Кристофъ, курлянд. канц- леръ, т. LXXVIII, 839, 841.
Фирсовъ, А. И. *Статья его*: Козель- ская Оптина пустынь, т. LXXV, 914—933.
Фитингофъ:
 — графиня, т. LXXV, 810.
 — франц. офицеръ, т. LXXVIII, 732, 740.
Фитцгумъ-фонъ-Экштедтъ:
 — графъ, авторъ воспоминаній, т. LXXV, 52, 53, 983.
 — Александръ Ивановичъ, инспек- торъ Спб. унив., т. LXXVI, 1089.
Фитцъ-Гербертъ, англійскій посоль, впол. лордъ Сентъ-Эленъ, т. LXXV, 65—66.
Фихте, нѣмецк. философъ, т. LXXVII, 335.
Фишеръ:
 — авторъ «Сибирск. исторіи», т. LXXV, 375—376.
 — шведск. дипломат. агентъ, т. LXXVIII, 841.
 — Гербертъ, тutorъ Оксфорд. унив., т. LXXVII, 689—690.
 — Куно, нѣмецк. философъ, т. LXXVI, 1028.
Фіалковскіе:
 — варшавск. католич. архіепископъ, т. LXXV, 442, 445.
 — Ал., т. LXXVIII, 1147.
Флайшгансъ, В., чешскій филологъ, т. LXXVII, 678, 679.
Фламмарионъ, Камилль, астрономъ. *О немъ съ замѣткѣ*: Когда начнется XX вѣкъ? т. LXXVIII, 1278—1279.
Фламмермонъ, Жюль, т. LXXVI, 1079; т. LXXVII, 696.
Флери:
 — франц. посланникъ въ Спб., т. LXXV, 730—731, 1062.
 — графъ, сотрудникъ «Revue hebdo- madaire», т. LXXVII, 337, 339.
Флеровъ, А. О., т. LXXV, 359—360.
Флоринскіе:
 — Василій Марковичъ, попечитель Зап.-Сибир. учебн. окр. *Некрологъ его*: т. LXXV, 1099—1101.
 — Т. Д., профессоръ Кіевск. унив., т. LXXV, 739; т. LXXVII, 994.
Флоръ, австр. дипломат. агентъ, т. LXXVIII, 1165.
Фогтъ (Vaught), нѣмецк. профессоръ, т. LXXVIII, 294—296.
Фогель:
 — баронъ, голланд. посланникъ, т. LXXVIII, 270.
 — Ю., нѣмецк. литераторъ, т. LXXVIII, 376—377.
Фойгтъ, чешск. писатель, т. LXXVI, 652.
Фоккенсъ, т. LXXVII, 919, 920, 922, 934.
Фокъ, Екатерина Ивановна, т. LXXVI, 623.
Фомичевъ, юнкеръ, т. LXXVIII, 103.
Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ, пи- сатель, т. LXXV, 1078; т. LXXVI, 248, 465, 500, 664; т. LXXVIII, 693.
Форманкъ, чешскій медикъ, т. LXXVII, 678.
Форстенъ, Г. В., профессоръ Спб. унив. *Библ. замѣтка К. о переводѣ подъ его редакціей: Л. Гейгеръ*. Нѣмецкій гу- манизмъ. Спб. 1899, т. LXXVIII, 1228.
Фортинскій, О. Я., профессоръ, т. LXXVIII, 1121.
Фортуатовъ, Ф. О., академикъ, т. LXXV, 738.
Фортуото, профессоръ въ Александ- ринѣ, т. LXXVII, 1043.
Фостеръ, Вильямъ, англ. историкъ, т. LXXVIII, 1241.
Фотин:
 — архимандритъ, писатель, т. LXXVI, 487, 540.

— митрополитъ кievскій и всероссійскій, т. LXXV, 1035.

— патріархъ константинопольскій, т. LXXVIII, 325—329.

Фофановъ, К. М., поэтъ, т. LXXVI, 248; т. LXXVII, 355.

Фонъ-Фохтъ, Н. А. *Статья его*: Памятники на Кагульскомъ полѣ сраженія, т. LXXVII, 577—583.

Франдзій, Георгій, визант. писатель, т. LXXV, 312.

Франкенбергеръ, От., чешскій медикъ, т. LXXVII, 678.

Франкенштейнъ, баронъ, т. LXXVI, 286.

Франкъ, придв. врачъ, т. LXXVIII, 441.

Франта, Яросл., чешскій медикъ, т. LXXVII, 678.

Францевъ, В. А., т. LXXVI, 650—651.

Франценъ, Ф., швед. поэтъ, т. LXXVIII, 1074.

Францисци, Янъ, словацк. профессоръ и писатель (псевд. Янко Римавскій), т. LXXVI, 668.

Франціевъ, Измаилъ Алферьевичъ, полковникъ, мужъ артистки М. С. Мочаловой, т. LXXV, 942—943.

Францовъ, П., т. LXXVI, 679.

Франць I, германскій императоръ, т. LXXVI, 655.

Франць II, герман. и австр. императоръ, т. LXXV, 403; т. LXXVIII, 809, 1163.

Франць-Иосифъ I, австр. императоръ, т. LXXVI, 285, 286, 290, 1098; т. LXXVII, 677, 680, 1046; т. LXXVIII, 1264—1269.

Фредерика, шведская королева вполс. принцесса Ваденская, т. LXXV, 402—403, 409, 414.

т. LXXVIII, 343—344, 347.

Фредерикъ, сотрудникъ «Athenum»'а

Фредро:

— графиня Прасковья Николаевна, урожд. граф. Головина, т. LXXV, 49—50; т. LXXVI, 384; т. LXXVIII, 916, 917, 921—922.

— графъ Максимилианъ, т. LXXV, 50; т. LXXVI, 384; т. LXXVIII, 916, 921.

Фреронъ, т. LXXV, 956; т. LXXVI, 332, 532.

Фридлендъ, нѣмец. историкъ, т. LXXVIII, 782.

Фридрихъ:

— *Замѣтка о немъ*: Смотры Фридриха и парады Наполеона, т. LXXVII, 701—702.

— герцогъ курлянд., т. LXXVIII, 835, 839, 840, 842.

Фридрихъ II, король прусскій, т. LXXVI, 329, 369—370, 1062; т. LXXVII, 221, 234, 316; т. LXXVIII, 1249.

Фридрихъ III:

— императоръ германскій, т. LXXV, 978—979; т. LXXVI, 336—337, 996, 998, 1001—1007.

— король датскій, т. LXXV, 993.

Фридрихъ VII, король датскій, т. LXXVI, 1088.

Фридрихъ Великій, т. LXXVI, 948, 980—981; т. LXXVII, 324; т. LXXVIII, 718, 731—733, 735, 737, 738, 740.

Фридрихъ-Вильгельмъ, кронпринцъ прусскій, т. LXXV, 732.

Фридрихъ-Вильгельмъ, король прусскій, т. LXXVII, 922, 931, 932—933, 937, 938, 942.

Фридрихъ-Вильгельмъ I, король прусскій, т. LXXVI, 948; т. LXXVII, 244, 324.

Фридрихъ-Вильгельмъ II, король прусскій, т. LXXVI, 949, 1005; т. LXXVII, 324; т. LXXVIII, 1249.

Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій, т. LXXVIII, 1161—1162.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV, король прусскій, т. LXXV, 982—983, 985, 990; т. LXXVII, 286.

Фридрихъ-Казимиръ, герцог. курлянд., т. LXXVIII, 1291—1293.

Фридрихъ-Карль, принцъ прусскій, т. LXXVI, 341—342; т. LXXVII, 345, 713.

Фриксенъ, В., археологъ, т. LXXVI, 940, 947.

Фриманъ, И., переводчикъ Пушкина на франц. яз., т. LXXVI, 682.

Фругъ, Семенъ Григорьевичъ, поэтъ, т. LXXVI, 248.

Фуксъ:

— Александра Андреевна, урожд. Апехтина, поэтесса, супруга К. Ф. Ф. *О ней въ ст. Н. П. Затоскина*: А. С. Пушкинъ въ Казани, т. LXXVI, 586—609.

— Е., т. LXXV, 207, 214.

— Карль Федоровичъ, профессоръ Казан. унив. *О немъ въ ст. Н. П. Затоскина*: А. С. Пушкинъ въ Казани, т. LXXVI, 586—609.

— Э. Я., сенаторъ, т. LXXVIII, 831.

Фулькесъ, Е., переводчикъ Пушкина на итал. яз., т. LXXVI, 649.

Фурнье, Эдуардъ, т. LXXVII, 347—348.

Фурье, Шарль, франц. писатель, т. LXXVII, 1014.

Фуше, франц. госуд. дѣятель, т. LXXV, 725—726, 1055; т. LXXVI, 1085—1086; т. LXXVIII, 36, 269, 803.

Фостонъ, Мэри Анна, переводчица Пушкина на англ. яз., т. LXXVI, 657.
Фюстель де Буланжъ, франц. историкъ, т. LXXV, 711—712.

X.

Хаджи-Муратъ, т. LXXVIII, 211—216, 1096.

Хайновскій, археологъ, т. LXXVIII, 1118, 1123.

Халанскій, М. Г., профессоръ Харьк. ун-в., т. LXXVI, 1068, 1115.

Халуца, чешск. писатель, т. LXXVI, 652.

Ханенко, Б. И. и В. И., археологи. *О кнѣ въ Библ. замѣткѣ В. Р.—ва о кнѣ*: Собрание В. И. и В. И. Ханенко. Древности придиѣровья. Каменный и бронзовый вѣка. Выпускъ I и II. Эпоха, предшествующая великому переселенію народовъ. Кіевъ, 1899, т. LXXVIII, 1229—1230. *Упомин.*: т. LXXVIII, 1118, 1120, 1123.

Ханьковъ, Петръ Ивановичъ, адмиралъ, т. LXXV, 815.

Карламповичъ, К. В., т. LXXV, 1089.

Хартулари, К. Ф. *О кнѣ его*: Право суда и помилованія, какъ прерогативы российской державности. (Спб. 1899), въ статьѣ В. Е. Рудакова: Монаршее милосердіе, т. LXXVII, 236—247.

Харузинъ, Н. Н., LXXVII, 320.

Хвала, Эм., чешскій писатель, т. LXXVII, 679.

Хвальковскій, Н., LXXVIII, 841, 842.

Хвойко, В. В., археологъ, т. LXXV, 1087; т. LXXVIII, 1127—1130, 1229—1230.

Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ, поэтъ, т. LXXVI, 638; т. LXXVII, 188, 204, 592—593.

Хвоцинская (Заюнчковская), Надежда Дмитриевна, писательница, т. LXXVI, 953.

Хейровскій, чешскій писатель, т. LXXVII, 678.

Хемницеръ, Иванъ Ивановичъ, баснописецъ, т. LXXVI, 638.

Херасковы:

— Михаилъ Матвѣевичъ, кураторъ Моск. ун-в., поэтъ, т. LXXV, 501; т. LXXVII, 800.

— С., т. LXXVI, 465, 638.

Хиджеу:

— Александръ, молдав. писатель, т. LXXVI, 654.

— В. П., бухарест. академикъ, т. LXXVI, 654.

Хилкова, княгиня А. М., членъ моск. общ. любит. художествъ, т. LXXVI, 1108—1109.

Химотченко, прапорщикъ, т. LXXV, 904, 906.

Хитрова, Е. М., т. LXXVII, 596; т. LXXVIII, 629, 641.

Хитрово, В. Н., т. LXXV, 238.

Хмелевскій, Антоній, ксендзъ, т. LXXV, 427.

Хмѣловскій, польск. писатель, т. LXXVII, 1025.

Хмѣльницкій, Зиновій-Богданъ, мадоросс. гетманъ, т. LXXVII, 311, 632.

Хованскіе:

— князь, переводчикъ, т. LXXVII, 208.

— Алексій Андреевичъ, филологъ, издатель «Филол. записокъ». *Некрологъ его*: т. LXXV, 1101.

— князь Андрей, прапорщикъ семен. полка, т. LXXV, 413.

Ходкевичъ:

— Карлъ, т. LXXVII, 670; т. LXXVIII, 265.

— графиня, т. LXXVIII, 264.

Ходоунскій, профессоръ чешск. акад., т. LXXVII, 678.

Холмогоровъ, В. И., археол., т. LXXV, 1091; т. LXXVI, 952, 1126.

Хомяковъ, Алексій Степановичъ, поэтъ, т. LXXVI, 202, 651, 673; т. LXXVIII, 773.

Хорманъ, профессоръ, т. LXXVIII, 1136.

Хостникъ, М. М., русско-хорутан. лексикографъ, педагогъ, т. LXXVI, 675.

Храчевичъ, Константинъ Герофеевичъ, писатель. *Библ. замѣтки его*: Архимандритъ Макарій (Глухаревъ), основатель Алтайской миссиі. П. В. Птахова. М. 1899. Т. LXXV, 1039—1042. — Ламанизмъ въ Тибетѣ, его исторія, ученіе и учрежденія. Опытъ историко-миссіонерскаго изслѣдованія священника *Іоанна Попова*. Казань. 1898. 1047—1048. — П. Сабуровъ. Матеріалы для исторіи русскихъ финансовъ. 1866—1897. Спб. 1899. Т. LXXVI, 717—719. — А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895). Историческій очеркъ. (Со снимками картинъ, портретовъ и медалей). Вып. I. Варшава. 1899. Т. LXXVII, 809—811. — *Walery Przyborowski*. Z przeszlosci Warszawy. Szkice historyczne. Warszawa. 1899. 1004—1006. — М. П. *Цельмогъ*. Церковь королевства Сербскаго со времени приобрѣтенія ею автокефальности (1879—1896). (Историко-каноническій очеркъ),

Спб. 1899. Т. LXXVIII, 329—332. — **А. А. Сидоровъ**. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895). Историческій очеркъ. Вып. II. Варшава. 1899. 335—336. — Среди приходскаго духовенства. Разказы **Н. И. Соловьева**. Вязники. 1899. 770—773. — Три замѣчательныхъ старообрядца. **Тертія Филиппова**. Спб. 1899. 776—778. — Очерки исторіи сербо-хорватской литературы. **А. Степовича**, директора коллегіи Павла Гадагана, прив.-доцента университета св. Владимира. Съ 2 снимками. Кіевъ. 1899. 1224—1226. — **Josef Dupin-Karwicki**. Ze starego autogramentu. Туру і образки. Wolynskie. Serya druga. Warszawa. 1900, 1234. Упомян.: т. LXXVIII, 843, 1287.

Храповицкій, Александръ Васильевичъ, статсъ-секретарь Екатерины II, т. LXXV, 102, 107—108, 112; т. LXXVI, 443—444; т. LXXVII, 905.

Хрещатицкій, Павелъ Степановичъ, ген.-лейт., т. LXXVIII, 577, 580, 581—583, 586.

Хризандеръ, врачъ и секретарь Бисмарка, т. LXXV, 978; т. LXXVI, 1010.

Христина, королева шведская. *Замѣтка о ней*: Шведская королева Христина и кардиналъ Аццолино, т. LXXVII, 1031—1033. Упомян.: т. LXXVII, 995.

Христоманосъ:

— греч. медикъ, т. LXXV, 1066; т. LXXVIII, 1266.

— Константинъ, греческ. филологъ, т. LXXV, 1065—1067.

Христофоровъ, лейтенантъ, т. LXXVIII, 102, 106,

Христофоры:

— архимандритъ, т. LXXVII, 668, 671.

— священникъ, т. LXXVII, 666.

Хронцевскій, т. LXXV, 438.

Хрулевъ, Степанъ Александровичъ, ген.-лейт., т. LXXV, 451—452, 454—455; т. LXXVI, 103.

Хруцовы:

— ген.-лейт., т. LXXV, 903, 907—910.

— поручикъ, т. LXXVII, 90, 92, 93.

— И. И., попечитель Харьк. учебн. окр., т. LXXVI, 630.

Ц.

Цвѣтаевы:

— Д. В., профессоръ Варш. унив., т. LXXV, 1083; т. LXXVI, 1126.

— И. В., археологъ, т. LXXVI, 776.

Цвѣтчинскій, полковникъ, т. LXXV, 902, 906.

Цейдлеръ, П. М., педагогъ, т. LXXV, 707.

Цеплякъ, профессоръ Казан. унив., т. LXXVI, 691.

Цертелевъ, князь, т. LXXVII, 356.

Цертели, Г. О., т. LXXVIII, 833.

Цетлякъ, переводчикъ Пушкина на франц. яз., т. LXXVI, 640

Циглеръ, Т., профессоръ Страсбург. унив. *Библ. замѣтка А. К. о книгѣ его*: Нѣмецкій студентъ конца XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898, т. LXXVI, 729—730. — Упомян.: т. LXXVIII, 338.

Цизендорфъ, австр. посолъ, т. LXXVIII, 248.

Циммерманъ:

— Яковъ, фабрикантъ археолог. древностей, т. LXXVI, 379.

— генералъ, т. LXXVI, 106—107, 112.

Циплетевъ, полковникъ, т. LXXVII, 565.

Цюлковскій, генералъ, т. LXXVI, 796, 798.

Цорнъ, нѣмец. профессоръ, т. LXXVI, 1026—1028.

Цукато, графъ Евгений Гавриловичъ, ген.-майоръ, т. LXXV, 68—69.

Цумфе, чешскій писатель, т. LXXVII, 679,

Цуриковъ, переводчикъ, т. LXXVI, 640.

Цуриновъ, Ег., т. LXXVI, 771.

Цыцуринъ, т. LXXVII, 676.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ, писатель, т. LXXVI, 487, 523, 536, 539—540, 545, 546, 555; т. LXXVII, 684.

Чавчавадзе, князь А. Г., переводчикъ Пушкина на грузин. яз., т. LXXVI, 653.

Чайковскіе:

— Модестъ Ильичъ, писатель, т. LXXVI, 652.

— Петръ Ильичъ, композиторъ. Упомян.: т. LXXV, 164, 890; т. LXXVI, 652. *Библ. замѣтка Г. Т. о книгѣ его*: Музыкальные фельетоны и замѣтки Петра Ильича Чайковскаго (1868—1876 гг.), съ приложеніемъ портрета, автобіографическаго описанія путешествія за границу въ 1888 г. и предисловія Г. А. Лароша. М. 1898. Т. LXXV, 1024—1028.

Чанселоръ, Ричардъ, англ. мореплаватель, т. LXXVII, 1030.

- Чернецкій, Стефанъ**, польскій воевода, т. LXXVIII, 242.
- Чернолуцкий, В.**, т. LXXVII, 1012.
- Чернышъ, Иванъ**, полковникъ, т. LXXVII, 632.
- Чарскій, аптеръ**, LXXVIII, 998.
- Чарторижскіе:**
— князь Адамъ Казиміръ (отець), т. LXXV, 827.
— князь Адамъ Адамовичъ, тайн. сов., т. LXXV, 45, 827, 828; т. LXXVI, 35—36, 849; т. LXXVII, 53, 310, 437, 790; т. LXXVIII, 445, 447.
— князь Константинъ, тайн. сов., т. LXXV, 827—828; т. LXXVI, 35, 849.
- Чарторыйскій, князь Теодоръ**, епископъ познанскій, т. LXXVII, 252.
- Чеботаревъ, ротмистръ**, т. LXXVIII, 592, 594.
- Чебышевъ, Петръ Петровичъ**, обер-прокуроръ св. синода., т. LXXVII, 681.
- Челаги, венгер. писатель**, т. LXXVII, 1026.
- Челищевы:**
— Александръ Александровичъ, помѣщикъ, т. LXXVII, 802.
— Александръ Алексѣевичъ, т. LXXVI, 348—349.
- Челпановъ, профессоръ**, т. LXXVII, 994.
- Чельцовъ, М. П.** *Библ. замѣтка К. Х. о книгѣ его: Церковь королевства Сербскаго со времени приобрѣтенія ею автокефальности (1879—1896). (Историко-каноническій очеркъ).* Спб. 1899, т. LXXVIII, 329—332. *Упомян.*: т. LXXVI, 951.
- Челяковский, Франтишка-Ладиславъ**, профессоръ Берлин. унив., чешск. поэтъ, т. LXXVI, 651—652; т. LXXVII, 677.
- Чермберленъ, П.**, врачъ, т. LXXVIII, 342.
- Черазъ, Мина**, редакторъ журн. «*Arménie*», т. LXXVI, 334—335.
- Червинкова-Ригерова, Марія**, чешск. поэтесса, т. LXXVI, 652.
- Череванскій, Вл.** *Библ. замѣтка о книгѣ его: Двѣ войны. Историческая хроника. Въ двухъ частяхъ.* Спб. 1898, т. LXXV, 310.
- Череватовъ, прапорщикъ**, т. LXXV, 906.
- Черени, Имре**, переводчикъ Пушкина на мадьяр. яз., т. LXXVI, 672.
- Черешнинъ, А. И.**, археологъ, т. LXXV, 753, 1088; т. LXXVI, 939.
- Черкасозъ, поручикъ**, т. LXXVII, 92.
- Черкасскіе:**
— князь, т. LXXVIII, 726.
— князь И. В., бояринъ, т. LXXV, 353.
- Чермакъ, Яр.**, т. LXXVII, 677.
- Черневъ, Н. П.**, археологъ. *Некрологъ его:* т. LXXVIII, 846—848.
- Черновы:**
— актеръ, т. LXXVIII, 998.
— Иванъ Прокофьевичъ, т. LXXVII, 726.
- Чернышевы:**
— В. Ѳ., т. LXXVI, 785.
— Дарья Петровна. См. гр. **Салтыкова.**
— Наталія Петровна. См. **Голицына.**
— адъюнктъ имп. акад. наукъ, т. LXXV, 737.
— Иванъ Егоровичъ, актеръ и драматич. писатель, т. LXXV, 967; т. LXXVIII, 494.
— графъ Петръ Григорьевичъ, д. тайн. сов., сенаторъ, т. LXXVII, 69.
- Чернышевскій, Николай Гавриловичъ**, писатель, т. LXXV, 317; т. LXXVII, 601.
- Черняевы:**
— Г. П., авторъ брош. «А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ др.-класс. поэтовъ», т. LXXVII, 598.
— Махаилъ Григорьевичъ, ген.-лейт., т. LXXV, 531—536; т. LXXVI, 112—116, 121—122, 895, 904—905.
- Чертковы:**
— археологъ, т. LXXVI, 377.
— В. А., воронежск. ген.-губернаторъ, т. LXXVII, 520.
- Чертковъ, Евграфъ Александровичъ**, д. тайн. сов., камергеръ, т. LXXV, 408—409, 413.
- Чесменскій, Александръ Алексѣевичъ**, ген.-майоръ, т. LXXV, 60.
- Четвертинскіе:**
— княжна, т. LXXVII, 51.
— князь, т. LXXV, 740.
- Четыркинъ, И. Д.**, археологъ, т. LXXV, 1089; т. LXXVI, 942, 951.
- Чеховъ, Антонъ Петровичъ**, писатель, т. LXXV, 1084—1085.
- Чехъ, Святоплукъ**, чешскій поэтъ, т. LXXVII, 679.
- Чечулянь, Н. Д.**, историкъ, т. LXXVI, 1042, 1044; т. LXXVIII, 1154.
- Чешининъ, Всеволодъ**, писатель, т. LXXVII, 611—613.
- Чижовскій, Николай**, іезуитъ, т. LXXVI, 1124; т. LXXVII, 375.
- Чирковъ, казакъ**, т. LXXVIII, 582—583, 586, 593.
- Чичаговы:**
— поручикъ 1-го астрах. батал., т. LXXVII, 566.

— **Василій Яковлевичъ**, адмиралъ, герой шведской войны при Екат. II, т. LXXVI, 782; т. LXXVII, 436.

Чичеринъ, Денисъ Ивановичъ, тобольск. и сибирск. губернаторъ, т. LXXV, 704.

Чіамполи:

— Доменикъ, переводчикъ Пушкина на итальянскій яз., т. LXXVI, 649.

— Игн., переводчикъ Пушкина на итальянскій яз., т. LXXVI, 649.

Чокичъ, I., переводчикъ Пушкина на сербскій яз., т. LXXVI, 646.

Чугуновъ, Андрей Кирилловичъ, профессоръ Казанск. унив. *Некрологъ* его: т. LXXV, 775.

Чуйко:

— Владиміръ Викторовичъ, писатель. *Статья о немъ* *Ив. Н. Захарьина*: Памяти В. В. Чуйко, т. LXXVI, 702—710.

— Наталія Павловна, супруга В. В. Ч., т. LXXVI, 706, 709.

Чулковы:

— Михаилъ Дмитриевичъ, писатель, т. LXXVI, 490—491.

— Н. П., археологъ, т. LXXVII, 320.

Чумина, О., поэтесса, т. LXXVIII, 1281.

Чупровъ, Александръ Ивановичъ, профес. Московскаго унив., т. LXXVII, 354.

III.

Шавловскій, И. Э., т. LXXV, 360.

Шаровъ, Николай Александровичъ, писатель. *Некрологъ* его: т. LXXVI, 793—795.

Шагановъ, Николай Ильичъ, т. LXXVII, 313—314.

Шайтановъ, подполковникъ, т. LXXVI, 111.

Шакловитый, О., т. LXXV, 313.

Шаликовъ: князь Петръ Ивановичъ, писатель, т. LXXVI, 1108; т. LXXVII, 583, 596.

Шамбръ, франц. историкъ, т. LXXVIII, 1158.

Шамиль, предводитель кавк. горцевъ въ борьбѣ съ русскими. *О немъ въ статьѣ* *А. П. Андреева*: По дебрямъ Дагестана, т. LXXIII, 207—230, 653—688, 1081—1116.

Шампаньи, франц. министръ, т. LXXVI, 982.

Шамшинъ, И. И., сенаторъ, т. LXXV, 761.

Шапиръ, Ольга, писательница, т. LXXV, 741.

Шапкинъ, переводчикъ, т. LXXVIII, 393.

Шарлотта-Христина, Софія, принцесса, жена царевича Алексѣя Петровича. *Замѣтка о ней*: Дневникъ русской великой княгини, т. LXXVIII, 797.

де-Шаро, герцогиня, т. LXXVII, 451—452, 453, 455, 788—789, 793; т. LXXVIII, 36.

де-Шатильонъ:

— герцогиня, т. LXXVII, 451—452, 454, 787; т. LXXVIII, 40, 456.

— герцогъ, парь Франціи, т. LXXVI, 85.

Шатобрианъ, Франсуа, франц. писатель, т. LXXV, 964; т. LXXVI, 492, 549, 1077; т. LXXVIII, 269—270, 272.

Шатоневъ, франц. писатель, т. LXXVII, 1039.

Шатрианъ, Алекс., франц. писатель, т. LXXVI, 345—346.

Шатровъ, поэтъ, т. LXXVI, 658.

Шау, Т. В., профессоръ англ. литературы Александр. лиція, т. LXXVI, 657.

Шауфусъ, штабсъ-ротм., т. LXXVI, 902—904.

Шафарикъ, Павелъ-Иосифъ, славистъ, т. LXXVI, 666 — 667; т. LXXVII, 677; т. LXXVIII, 1153.

Шафрановъ, С. Н., управляющій прибалт. палатою госуд. имущ., т. LXXVI, 214.

Шахматовъ, А. А., академикъ, т. LXXV, 349—350, 363, 738, 747; т. LXXVI, 767; т. LXXVII, 1017; т. LXXVIII, 828.

Шаховскіе:

— князь, капитанъ - лейтенантъ, т. LXXVIII, 95, 100.

— князь Александръ Александровичъ, драмат. писатель, т. LXXV, 1039; т. LXXVI, 946; т. LXXVII, 314; т. LXXVIII, 488.

— В. М. *Статья* его: Лейбъ-казаки подъ Витебскомъ 15-го іюля 1812 года, т. LXXVIII, 576—595.

— княжна Наталія Федоровна. См. *Голицына*.

— князь С. В., эстлянд. губернаторъ. *О немъ въ библиогр. замѣткѣ* *Г. о книгѣ* *С. И. Уманца*: Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ и балтійскіе очерки. Спб. 1899, т. LXXV, 1030—1032.

— князь Яковъ Петровичъ, оберъ-прокуроръ свят. синода, т. LXXVII, 681.

Шашковъ, Серафимъ Серафимовичъ, писатель, т. LXXV, 523, 526.

Швансбахъ, П. Х., почетный опекунь, т. LXXVIII, 831.

Шварценбергъ, т. LXXVIII, 1172.

- Шварцъ**, Иванъ Григорьевичъ, проф. Моск. унив., т. LXXVIII, 1145, 1146.
- Шварчъ**, венгер. проф., т. LXXVII, 1025.
- Шведднеръ**, А. А., т. LXXVI, 360, 768.
- Швенигеръ**, нѣм. докторъ, авторъ воспоминаній, т. LXXVI, 997.
- Шевалье**, актриса, т. LXXVII, 41, 50, 65, 431.
- Шевалье-де-Саксъ**, т. LXXV, 808—809; т. LXXVII, 449.
- Шевелевы:**
— А. А., т. LXXV, 753.
— Иванъ Кузьмичъ, экономъ 2-го Спб. кадет. корп., т. LXXVII, 830—831.
- Шевель**, бретан. врачъ, т. LXXVI, 1077—1078.
- Шевичъ**, Василій. *Замѣтка* его: Историческое недоумѣніе относительно числа 26-го октября, т. LXXV, 374—376.
- Шевченко**, Тарасъ Григорьевичъ, украинно-русскій поэтъ, т. LXXVI, 650; т. LXXVII, 312, 629—630, 633, 634, 727.
- Шевыревъ**, Степанъ Петровичъ, профессоръ Моск. унив., т. LXXV, 179; т. LXXVI, 641, 648, 651; т. LXXVII, 217, 601; т. LXXVIII, 774.
- Шейнъ**, Михаилъ Борисовичъ, бояринъ. *Замѣтка о немъ Н. Оглоблина*: Къ вопросу о бояринѣ М. В. Шейнѣ. (Отвѣтъ г. Иловайскому), т. LXXV, 369—374.
- Шейнъ**, П. В., т. LXXV, 738.
- Шекспиръ**, Вильямъ, англ. писатель, т. LXXVI, 704.
- Шелховъ**, Григорій Ивановичъ, основатель рос.-американск. компании, т. LXXVIII, 234.
- Шеллеръ (Михайловъ)**, Александръ Константиновичъ, писатель, т. LXXVI, 709.
- Шелли:**
— Перси Бишъ, англ. поэтъ. *Замѣтка о немъ*: О смерти Шелли, т. LXXV, 727—728.
— Мэри, т. LXXV, 728.
- Шеллингъ**, нѣмецкій философъ, т. LXXVII, 335.
- Шеляговскій**, Ѳ. *Библ. замѣтка* Ѳ. о книгѣ его: Паденіе Константинополя. Историческій очеркъ. Спб. 1898, т. LXXV, 311—312.
- Шеметилло**, капитанъ, т. LXXVII, 90, 92, 93, 95, 97.
- Шенбургъ**, графиня, т. LXXV, 823; т. LXXVIII, 48.
- Шенингъ**, Николай Игнатьевичъ, т. LXXVI, 751—754.
- Шенрокъ**, Вл. И., писатель. *Статья* его: Воспоминанія о Н. Я. Гротѣ, т. LXXVII, 853—873. *Замѣтка* его: Къ статьѣ г. Драганова о Пушкинѣ, т. LXXVI, 1134. *Упомян.*: т. LXXVII, 356; т. LXXVIII, 829—830.
- Шенье**, Марія-Андре, франц. поэтъ. *Замѣтка о немъ*: Неизданныя сочиненія Андре Шенье, т. LXXVIII, 1255—1256. *Упомян.*: т. LXXVI, 542—544, 548.
- Шербюлье**, Викторъ, франц. писатель. *Замѣтка о немъ*: Смерть Шербюлье, т. LXXVII, 714—716.
- Шервудъ**, Сергѣй Владиміровичъ, архитекторъ. *Некрологъ* его: т. LXXVIII, 397.
- Шереметевскій**, В. В., т. LXXVII, 320.
- Шереметевы:**
— графъ А. Д., т. LXXVI, 377.
— графъ Борисъ Петровичъ, фельд-маршалъ. *Библ. замѣтка В. Б. объ* его: Военно-походномъ журн. 1711 и 1712 гг. Изд. подъ редакц. полковника А. З. Мышлаевского. Спб. 1898, т. LXXV, 308—309. *Упомян.*: т. LXXVIII, 775—776.
— В. В., т. LXXV, 319.
— Василій Борисовичъ, бояринъ, т. LXXVIII, 775.
— Евдокія Алексѣевна, урожд. *Чурикова*, жена В. П. Ш., т. LXXVIII, 775.
— графъ Николай Петровичъ, д. тайн. сов., шефъ пажеск. корп., т. LXXVI, 38.
— П. Н., бояринъ, т. LXXV, 353.
— Петръ Васильевичъ, бояринъ, т. LXXVIII, 775.
— графъ П. С., т. LXXV, 748.
— графъ С. Д. *Библ. замѣтка Вл. Боцяновскаго объ* изд. его: Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Т. I. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. 1812—1819. Изд. графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Сантова. Спб. 1899, т. LXXVI, 719—720. *Упомян.*: т. LXXV, 52, 153, 158, 353, 746, 1090; т. LXXVI, 375—377, 778—779, 1118; т. LXXVII, 370.
— Ѳедоръ Ивановичъ, бояринъ, т. LXXV, 1088.
- Шереръ**, Фр., чешскій медикъ, т. LXXVII, 678.
- Шерманъ**, У. Т., американ. генералъ. *Замѣтка о немъ*: Изъ записокъ американскаго генерала. т. LXXVI, 340—342. Американскій генералъ въ Россіи, 744—748. *Упомян.*: т. LXXVII, 711, 712.
- Шерреръ**, франц. генералъ, т. LXXVII, 1040.
- Шерстобитовъ**, А. С. *Статьи* его. Сирия и алконостъ, т. LXXVII, 961—965.—Старообрядческій публицистъ, т.

- LXXVIII, 194—206. *Замѣтка* его: Къ характеристикѣ архіепископа Варлаама, т. LXXVIII, 397—399.
- Шестре-де-Генефъфъ**, франц. историкъ, т. LXXVIII, 344.
- Шершевская**, Евг. Мих. *Статья* ея: Жертва террора. Княгиня Любомирская, т. LXXVIII, 257—267.
- де-ла-Шетарди**, франц. посланникъ въ Россіи, т. LXXVI, 368, 370—371.
- Шеферъ**, Шарль, членъ-корр. имп. акад. наукъ, т. LXXV, 736.
- Шефферъ**, П. Н., т. LXXV, 1090; т. LXXVIII, 1287.
- Шигоринъ**, поручикъ, т. LXXVIII, 1032.
- Шиллеръ**, Іоганнъ-Кристофъ-Фридрихъ, нѣмец. поэтъ, т. LXXV, 892, 964—965, 978; т. LXXVI, 476, 666; т. LXXVIII, 376, 377.
- Шиллингъ**, баронъ, т. LXXVI, 1110—1111; т. LXXVII, 278.
- Шильдеръ**, Николай Карловичъ, историкъ, директоръ имп. публ. библ. *Статья* его: Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 годахъ, т. LXXVIII, 173—193. *Упомянутъ*: т. LXXV, 53; т. LXXVI, 373; т. LXXVII, 1014, 1026.
- Шимаковский**, М., переводчикъ Пушкина на польск. яз., т. LXXVI, 648.
- Шимагъ**, Ѳ., профессоръ исторіи Берлин. воен. акад. *О немъ въ замѣткѣ*: Герцогскій архивъ въ Митавѣ, т. LXXVIII, 834—844, 1291—1299.
- Шимачека**, чешск. писатель, т. LXXVI, 652.
- Шиме**, княгиня, статсъ-дама Маріи-Антуанетты, т. LXXVII, 452, 455, 768, 779—780.
- Шимкевичъ**, П. П., этнографъ, т. LXXV, 365; т. LXXII, 315.
- Шимко**, И. И., т. LXXVII, 320.
- Шипардъ**, Сидней, англ. писатель, т. LXXVIII, 1276.
- Ширреяъ**, профессоръ Дерпт. унив., т. LXXVI, 211—212, 219.
- Шираевъ**, Петръ Григорьевичъ, провинц. журналистъ. *Некрологъ* его: т. LXXVI, 1130—1131.
- Шюффиеръ**, Антонъ Антоновичъ, академикъ-лингвистъ, т. LXXVI, 123—124, 129—130.
- Шинковский**, епископъ, т. LXXVIII, 248, 252.
- Шинковъ**, А. А., т. LXXVII, 211.
- Шинковъ**, Александръ Семеновичъ, адмиралъ, писатель, т. LXXVI, 483, 486, 651.
- Шиларевичъ**, т. LXXVIII, 1151.
- Шлегель**, нѣмецк. писатель, т. LXXVII, 1045.
- Шлегольскій**, Альбертъ-Казимиръ, визнен. настоятель, т. LXXVIII, 240.
- Шлецеръ**, Августъ-Людвиговъ, нѣмец. историкъ, т. LXXV, 500.
- Шлюмберже**, Густавъ, *Библ. замѣтка* о книгѣ его: М. Н. Ремезовъ. Византія и византіяцы конца X-го вѣва. По Г. Шлюмберже. М. 1898., т. LXXV, 325—327.
- Шляпкинъ**, И. А. *Библ. замѣтка* о книгѣ его: Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени. (Памятники древней письменности СХХVIII). Спб. 1898, т. LXXV, 1064—1047. *Упомянутъ*: т. LXXVII, 1026.
- Шмаковъ**, лейтенантъ, т. LXXVIII, 86, 92.
- Шмелевъ**, Г. Н., археологъ, т. LXXVI, 844; т. LXXVII, 320; т. LXXVIII, 1286.
- Шмидтъ**:
— нѣмецк. профессоръ, т. LXXVIII, 375.
— Адольфъ, іенск. профессоръ, т. LXXVI, 1039.
— Г., переводчикъ Пушкина на нѣм. яз., т. LXXVI, 642.
— Степанъ Андреевичъ, провинц. журналистъ. *Некрологъ* его: т. LXXVI, 1131.
— Ѳ. В., академикъ, т. LXXV, 737, 738.
— Лютеръ, патеръ, т. LXXV, 264, 266.
- Шнейдеръ**, А. и В., художники, т. LXXVII, 362.
- Шнеллеръ**, пасторъ, т. LXXV, 264—265.
- Шокальскій**, Ю. М., т. LXXV, 756.
- Шонбургъ**, графиня, т. LXXVII, 55, 447.
- Шопенгауеръ**, Артуръ, нѣмецк. философъ. *О немъ въ библ. замѣткѣ* И. П. о книгѣ: Т. Рибо. Философія Шопенгауера. Переводъ съ пятого франц. изд. М. Сперанскаго. Спб. 1893, т. LXXV, 414—315.
- Шопень**, переводчикъ Пушкина на франц. яз., т. LXXVI, 639.
- Шороховъ**, т. LXXVI, 110, 117, 897—898, 902, 903; т. LXXVII, 478.
- Шпейеръ**, Николай, конкеръ, т. LXXVIII, 660, 662.
- Шпигельбергъ**, нѣмец. египтологъ, т. LXXVII, 687.
- Шпигоцкій**, А. Г., переводчикъ Пушкина на малоросс. яз., т. LXXVI, 660.
- Шпильгагенъ**, Фридрихъ, нѣмецкій писатель, т. LXXVII, 858.
- Шпицбергъ**, поручикъ, т. LXXVI, 910, 913.
- Шредеръ**, академикъ, т. LXXV, 344.
- Штакельбергъ**:
— графъ, Оттонъ Магнусъ, посоль въ Варшавѣ, т. LXXV, 418, 424—425, 821.

— графъ, русск. посоль въ Вѣнѣ, т. LXXVIII, 721, 1163—1164.

Штакелшнейдеръ, Елена Андреевна, т. LXXV, 151.

Штаренбергеръ, графъ, австр. посоль, т. LXXVIII, 356.

Штейнъ, Лоренцъ, нѣмец. ученый, т. LXXVII, 1014.

Штемпель:

— майоръ, т. LXXVII, 85, 88, 91, 94, 97.

— полковникъ, т. LXXVI, 922.

Штенгель, нѣмецкій профессоръ, т. LXXVI, 1013, 1026—1028.

Штендеръ, полковникъ, т. LXXVII, 554—555.

Штендманъ, Георгій Ѳеодоровичъ, секретарь имп. русск. общ., т. LXXV, 762; т. LXXVI, 374.

Штерибергеръ:

— живописецъ, т. LXXVII, т. 629—630.

— майоръ, т. LXXV, 910,

фонъ-Штернъ, Э. Р., профессоръ, т. LXXVIII, 1131.

Штоль, Г. В., т. LXXVI, 1040.

Штрадманъ, полковникъ, т. LXXVI, 917.

Штраусъ, Д. *Библ. замѣтка К. о книгѣ его:* Вольтеръ. По *Коллинъ, Вангеру, Штраусу* и др. Изд. товарищества «Знамя». Спб. 1899, т. LXXVII, 315—316.

Штульцъ, Вац., чешск. писатель, т. LXXVI, 652.

Штуръ, славян. политич. и литер. дѣятель, т. LXXVI, 688.

Штыкъ, А., переводчикъ Пушкина на словен. яз., т. LXXVI, 668.

Штюрмеръ, баронъ, австр. комиссаръ на остр. св. Елены, авторъ записокъ, т. LXXVI, 973, 976.

де-Шуазель:

— Ипполитъ, графиня, т. LXXVII, 452.

— герцогъ, министръ Людовика XV. *Замѣтки о немъ:* Герцогъ Шуазель и маркиза де-Помпадуръ, т. LXXVI, 1078—1081.—Герцогъ Шуазель въ Римѣ, т. LXXVII, 696—698.—Изъ записокъ Шуазеля, т. LXXVIII, 354—357. *Упомян.:* т. LXXV, 338, 721; т. LXXVII, 348.

Шуазель-Гуфье:

— г-жа, т. LXXVIII, 40.

— графъ Огюстъ-Лоранъ (Гавриилъ Августовичъ), франц. эмигрантъ, вполс. паръ Франціи, т. LXXVI, 47, 816—817; т. LXXVI, 424; т. LXXVII, 60; т. LXXVIII, 40—41.

Шубергъ:

— Александра Ивановна, актриса, т. LXXVIII, 491—492.

— Э. К., т. LXXVII, 361.

Шубина, т. LXXV, 859.

Шубинскій, Сергій Николаевичъ, редакторъ «Ист. Вѣстн.». *Библ. замѣтки его:* Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Виды архива и снимки хранящихся въ немъ документовъ, рукописей и печатей. Съ 23-мя фототипическими таблицами. М. 1898, т. LXXV, 307—308.—Portraits et tableaux appartenant aux Archives principales de Moscou du ministere des affaires etrangeres. Avec 18 plan ches phototypiques. Moscou. 1898. 319.—Малый энциклопедическій словарь. Съ приложеніемъ краткихъ руководствъ по различнымъ отраслямъ знанія и словарей иностранныхъ языковъ. Выпускъ первый. А—Аеонъ. Изданіе Брокгауза и Ефрона. Спб., 1898, 323—325. Оборона Севастополя. Подвиги защитниковъ. Краткій историческій очеркъ съ иллюстраціями. Составилъ полковникъ *Заючковскій*. Спб. 1899, т. LXXVIII, 778. *О немъ въ замѣткѣ:* Судъ чести при союзѣ взаимопомощи русскихъ писателей, т. LXXV, 1109—1112. *Упомян.:* т. LXXVI, 274—275, 280

Шубинъ, Алексѣй Петровичъ, поручикъ л.-гв. семѣн. пол. *Статья о немъ Е. Альбовскаго:* Честолюбіе погубило, т. LXXV, 855—865. *Замѣтка Вл. Апушкина* по поводу предыдущ. статьи: Къ дѣлу поручика Шубина, т. LXXVII, 350—353.

Шуваловы:

— графиня, Александра Александровна, камеръ-фрейлина, т. LXXV, 420—421.

— графиня Александра Андреевна. См. *Дитрихштейнъ*.

— графиня Екатерина Петровна, урож. граф. Салтыкова, супруга А. П. Шувалова, статсъ-дама, т. LXXV, 45, 402—404, 409, 412, 414, 418, 424—425, 802—804, 805, 809, 813, 825; т. LXXVI, 34—35, 410, 424, 860; т. LXXVII, 50, 60, 66.

— Прасковья Ивановна. См. княгиня *Голицына*.

— графъ, ген.-майоръ, т. LXXV, 762.

— графъ Александръ Ивановичъ, т. LXXV, 65.

— графъ Андрей Петровичъ, д. тайн. сов., писатель, т. LXXV, 402, 409, 412.

— Иванъ Ивановичъ, д. тайн. сов., оборъ-камергеръ, основатель Моск. унив., т. LXXV, 42—43, 46—47, 49, 56, 58—59, 61, 63, 65—66, 406, 408, 412, 415,

802; т. LXXVI, 48, 370, 859, 863, 865; т. LXXVII, 450—451, 769, 799; т. LXXVIII, 737, 917, 918.

— графъ Павелъ Андреевичъ, ген.-адъютантъ, т. LXXV, 817.

— графъ Петръ Андреевичъ, генер.-адъютантъ, т. LXXV, 531, т. LXXVII, 286, 295.

— графъ Петръ Ивановичъ, генер.-фельдмаршалъ, т. LXXV, 65; т. LXXVI, 163, 436—437.

Шуйскій, князь Василій Иоанновичъ. См. *Василій*, царь.

Шукшинецъ, археологъ, т. LXXVI, 950.

Шульгинны:

— А. Н., археологъ, т. LXXVI, 940.

— Василій Яковлевичъ, историкъ, т. LXXVI, 692.

— Николай Ивановичъ, писатель, т. LXXVI, 709.

Шульце-Деличъ, Францъ Германъ, основатель кооперативн. товариществъ въ Германіи, т. LXXVI, 240.

Шульцъ:

— баронъ, т. LXXVII, 130.

— переводчикъ Пушкина на англ. яз., т. LXXVI, 656—657,

— подполковникъ, топографъ, т. LXXVI, 782.

— сенаторъ, т. LXXV, 761.

Шулатиковъ, т. LXXVIII, 1284.

Шумаковъ, С. А., археологъ, т. LXXVI, 943; т. LXXVIII, 320.

Шумигорскій, Е. С. *Предисловіе его къ «Запискамъ гр. В. Н. Головиной»*, т. LXXV, 39—55. *Послѣсловіе его къ тѣмъ же запискамъ*, т. LXXVIII, 915—922. *Статья его*: Придворное войско въ Россіи, т. LXXVIII, 644—652. *Упомин.*: т. LXXV, 52.

Шумилова-Мочалова, Е. П. *Статья ея*: Къ біографіи П. С. Мочалова, т. LXXV, 934—944.

Шумскій, С. В., артистъ, т. LXXVIII, 998.

Шюке, Артуръ, т. LXXV, 722—723; т. LXXVI, 331, 334.

Ш.

Щаповы:

— Ольга Ивановна, жена историка, т. LXXV, 521—523, 525, 530.

— Аванасій Прокофьевичъ, историкъ, бакалавръ Казан. дух. акад. *Статья о немъ П. Знаменскаго*: Къ біографіи А. П. Щапова, т. LXXV, 511—527. *Замѣтка о немъ*: Отъ редакціи.—I. Письмо П. П. Сысоева:—II. Рѣшеніе Иркутскаго

окружнаго суда.—III. Письмо г. Загоскина къ Е. С. Запольской-Довнаръ, т. т. LXXV, 527—530. *Упомин.*: т. LXXVIII, 201.

— Григорій Прокофьевичъ, священникъ, т. LXXV, 512—520, 528—530.

— Прокофій, пономарь, отецъ историка, т. LXXV, 512—519.

— Степанъ Прокофьевичъ, т. LXXV, 513, 517—518, 528.

Щегловы:

— В. П., т. LXXVI, 953.

— археологъ, т. LXXVI, 941, 948.

Щеголевъ, П. Е. *Библи. замѣтки его: В. Ляскогорскій*. Иностранныя карты и атласы XVI и XVII вѣковъ, относящіяся къ южной Россіи. Кіевъ. 1898, т. LXXV, 334. *Луи Бертрамъ*. Общество взаимной помощи въ Бельгіи. Перев. съ франц. Спб. 1898, 714—715. «Дѣло». Сборникъ литературно-научный, изданный московскимъ отдѣломъ общества для усиленія средствъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института. М. 1899, 1044—1045. *И. А. Шляпкинь*. Царевна Наталья Алексѣевна и театр ея времени. (Памятники древней письменности. СХХVIII). Спб. 1899, 1046—1047. *Я. К. Гротъ*. Труды. I. Изъ скандинавскаго и финскаго міра (1839—1881). Очерки и переводы. Изд. подъ ред. проф. К. Я. Грота. Спб. 1898, 1048—1049. Библиографическія матеріалы. Опись кнѣжн, брошюръ и статей бібліотеки сенатора *Н. П. Смирнова*. Палеографія, книгопечатаніе и законы о цензурѣ и печати. Библиографія. Библиотеки, музеи и архивы. Книжная торговля. Спб. 1898, т. LXXVI, 313—315. *Н. Павловъ-Сильванскій*. Государевы служилые люди. Происхождение русскаго дворянства. Спб. 1898, 321. Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1897 г. М. 1898. 325—326. *Д. И. Тихомировъ*. Педагогическія курсы 1897 года въ г. Полтавѣ. Полтава. 1898, 1063. *В. А. Смирновъ*. Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Матеріалы для біо-библиографическаго словаря). Вып. 3-й. Владиміръ. 1899, т. LXXXII, 312—314. Энциклопедическій словарь издателя *Ф. Павленкова*. Съ 2224 политипажами, въ томъ числѣ 813 портретовъ и 37 географическихъ картъ, гравированныхъ въ Парижѣ. Спб. 1899, 993—997. *Смирновъ Сергій*. Древне-русскій духовникъ. Очеркъ. Сергіевъ посадъ. 1899. 1007—1008. Чтенія и бесѣды въ союзѣ ревнителѣй русскаго слова. Вып. I. Ревните-

ли русскаго слова прежняго времени. Рѣчь Ф. А. Витберга. Вып. II. Я. П. Полонскій. Рѣчь Ф. А. Витберга. Спб. 1899. 1008—1010, *А. И. Яцимирскій*. Изъ славянскихъ рукописей Тексты и замѣтки. М. 1899. 1013. Архивъ князе Ѳ. А. Куракина. Книга 8-я, изданная кн. Ѳ. А. Куракинымъ подъ ред. *В. Н. Смольянинова*. Саратовъ. 1899, 1016—1017. *Рисъ-Дэвидсъ*. Буддизмъ. Переводъ подъ редакціей проф. С. Ѳ. Ольденбурга. Изд. О. Н. Поповой. («Образоват. библиот.» Серія 2-я 1898. № 8). Спб., 1899. 1020.

Щедринъ, См. Салтыковъ, М. Е.

Щекинъ-Кротовъ, Иванъ, засѣдатель бѣлопольск. верх. земск. суда, т. LXXVII, 520—521, 525.

Щепетковскій, Н. А., предсѣдатель краснояр. общ. попеченія о начал. образованіи, т. LXXVII, 618.

Щепкина-Куперникъ, поэтесса, т. LXXVII, 154, 279.

Щепкины:

— студентъ Моск. унив., т. LXXVIII, 1147—1148.

— Е. Н., профессоръ, т. LXXVII, 1018.

— Михаилъ Семеновичъ, артистъ, т. LXXV, 941, 943; т. LXXVI, 953; т. LXXVIII, 980—981, 998.

Щербатовы:

— княжна, т. LXXV, 72.

— княжна Марія Андреевна, т. LXXVI, 851.

— княгиня, урожд. Яворская, супруга кн. Андрея Ник. Щ. Т. LXXVI, 851.

— князь, т. LXXV, 808—809; т. LXXVI, 561; т. LXXVII, 449.

— князь Андрей Николаевичъ, д. тайн. сов., сенаторъ, т. LXXVI, 851.

Щеткинъ, Д. С., т. LXXV, 753.

Щ. И. Замѣтка ею: Къ биографіи графини Софьи Потопкой. Т. LXXVI, 799.

Щукинъ, т. LXXVI, 378—379.

Щусевъ, П. В., д-ръ — путешественникъ, т. LXXVIII, 1288—1289.

Э.

Эбертъ, полковникъ, т. LXXV, 371.

Эварницкій, Д. И. Статья его: Способы погребенія у древнихъ народовъ, населявшихъ югъ Россіи, т. LXXVII, 635—645. *Замѣтка ею:* Археологическая справка, т. LXXVIII, 1302—1304. *Упомин.*: т. LXXVII, 633.

Эвартъ, Фелиція, нѣмец. писательница, т. LXXVIII, 376.

Эгвильонъ, герцогъ, франц. министръ при Людовикѣ XV, т. LXXVII, 233.

Эджевортъ, аббать, т. LXXVIII, 55.

Эдлингъ, графиня, т. LXXV, 40, 45—46, 48.

Эдуарды:

— III, англ. король, т. LXXV, 717.

— VI, англ. король, т. LXXV, 375.

Эзовъ, Г. А. Библи. замѣтка о книгѣ ею: Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ. Документы, извлеченные изъ Московскаго главнаго и С.-Петербургскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, австрійскаго придворнаго и государственнаго архива, королевско-баварскаго тайнаго государственнаго архива и другихъ учрежденій. Спб. 1898, т. LXXV, 305—307.

Эйзенъ-фонъ-Шварценбергъ, пасторъ, т. LXXVII, 130.

Эйленбургъ, графъ, германск. министръ внутр. дѣлъ, т. LXXV, 1058; т. LXXVI, 995.

Эйнгоръ, В. О., т. LXXV, 751.

Эйсымонтъ, Ф. С., правитель канцеляріи эстлянд. губернатора, т. LXXV, 1031.

Эйхельманъ, О. О., т. LXXVI, 854.

Экебладъ, майоръ, Кастекскій воинскій начальникъ, т. LXXVI, 108.

Эккардтъ, Юліусъ, остзейск. публицистъ, т. LXXVI, 211; т. LXXVII, 128.

Эллиотъ, Джорджъ, англ. писательница, т. LXXVII, 1029, 1047.

Эльстремъ, нѣмец. профессоръ, т. LXXV, 705.

Эльтонъ, Джонъ, англ. торг. агентъ въ Персіи, т. LXXVI, 369.

Эманъ, поручикъ, т. LXXVII, 489.

Эмериъ (Святой), король венгерск., т. LXXVIII, 254—255.

Эминъ, Ѳедоръ Александровичъ, писатель XVIII в. *О немъ въ библи. замѣткѣ В. Б. о книгѣ А. Лашенко:* Къ исторіи русскаго романа. Публицистическій элементъ въ романахъ Ѳ. Л. Эмина. Спб. 1898, т. LXXVI, 325. *Упомин.*: т. LXXV, 1090.

Энгель, Ѳедоръ Ивановичъ, членъ государ. сов., т. LXXV, 858, 860, 862, 864; т. LXXVII, 429.

Энгельгардты:

— г-жа, жена В. В. Э., т. LXXV, 69.

— Андрей Васильевичъ, т. LXXVI, 199.

— Василій Андреевичъ, т. LXXVI, 198.

— Василій Васильевичъ, д. тайн. сов., т. LXXV, 69; т. LXXVI, 198—199.

— баронъ Василій Яковлевичъ, ген.-лейт., т. LXXV, 763.

— Егоръ Ивановичъ, директоръ Александр. лицея, писатель, т. LXXVII, 269, 684; т. LXXVIII, 1149.

— Капитолина Александровна, урожд. Лопатина. *Замѣтка ея:* Къ характеристикѣ императора Николая I, т. LXXVI, 348—349.

— Левъ Николаевичъ, ген.-майоръ, т. LXXV, 429; т. LXXVII, 903.

— Марѳа Александровна, жена В. А. Э., т. LXXVI, 198.

— Николай Богдановичъ, смолен. губернаторъ, т. LXXV, 69.

— С., урожд. Новосильцева, переводчица Пушкина на франц. яз., т. LXXVI, 639.

— Татьяна Васильевна. См. *Юсупова*.

Энгельсъ, Фридрихъ, нѣмц. политико-экономъ-соціалистъ, т. LXXVII, 995.

Энгеленскій, герцогъ, т. LXXVI, 865—866, 986—987; т. LXXVIII, 35—36, 39.

фонъ-Энзе, т. LXXVI, 245.

д'Эракъ, Талейранъ, сотрудникъ «*Revue de Paris*», т. LXXVIII, 1272.

Эрастовъ, Г. П. *Статья его:* Облава на людей. (Ись недавняго прошлаго), т. LXXVII, 458—476. *Библ. замѣтка его:* Миръ искусствъ. Художественный журналъ. Изд. кн. М. Тенишевой и С. Мамонтова. № 1 и 2. М. 1899, т. LXXV, 316—318.

Эрбенъ, Карлъ Яромиръ, чешск. ученый, т. LXXVI, 677; т. LXXVIII, 694.

Эрдмансдорферъ, герман. профессоръ, т. LXXV, 653—655.

Эрдманъ, профессоръ казан. унив., т. LXXVI, 592.

Эрикъ XIV, король шведскій, т. LXXVIII, 1074.

Эрисманъ, О., профессоръ моск. унив., т. LXXV, 1045.

Эршманъ, Эмиль, франц. писатель. *Замѣтка о немъ:* Смерть Эрмана и Вамбергера, т. LXXVI, 345—347.

Эркрайтъ, т. LXXVI, 223.

Эрнштедтъ, В. К., профессоръ спб. унив., т. LXXV, 742.

Эртель, М. Е., т. LXXVI, 756.

Эрякъ, Иосифъ, переводчикъ Пушкина на турецко-осман. яз., т. LXXVI, 675—676.

Эсмаркъ, Фридрихъ, сотрудникъ «*Deutsche Revue*», т. LXXVI, 741, 743, 744.

д'Эспарбесъ, фаворитка Людовика XV, т. LXXVIII, 357.

Эстергази, посланникъ Марин-Терези въ Спб., т. LXXVIII, 734, 736.

Эстергази:
— графъ, агентъ франц. принцевъ, т. LXXV, 417—418.

— князь, австр. посланникъ въ Лондонъ, т. LXXVIII, 271.

— графъ, Владиславъ, т. LXXV, 417.

Эстландеръ, переводчикъ Пушкина на швед. яз., т. LXXVI, 644.

д'Эстрэ, Поль, сотрудникъ «*Revue des Revues*», т. LXXVI, 1075—1076.

Ю.

Юдины:

— М., археологъ, т. LXXVI, 941.

— П. П. *Статьи его:* Памятники И. И. Неплюеву, т. LXXVI, 961—967.— Послѣ Пугачевщины на Каспій, т. LXXVII, 546—567. *Упомин.:* т. LXXV, 511, 520, 527.

Юзаконъ, Сергій Николаевичъ, писатель, т. LXXV, 250—251; т. LXXVI, 954.

Юзовъ, псевдонимъ писателя О. И. Каблица, т. LXXVI, 222, 223.

Юмъ, Мильянь, переводчикъ Пушкина на англ. яз., т. LXXVI, 657.

Юнгманъ, Иосифъ, чешскій ученый, т. LXXVII, 677.

Юнгъ - Штиллингъ, Ф., секретарь лифляндск. статист. комит., т. LXXVI, 206.

Фонъ-Юнкъ, издатель «Киев. Телеграфа», т. LXXVI, 262.

Юрговичъ, Владиславъ Норбертовичъ, филологъ-профессоръ. *Некрологъ его:* т. LXXV, 367—369. *Упомин.:* т. LXXVI, 774, 775.

Юргенсъ, А. О., т. LXXVIII, 514.

Юркевичъ, Петръ Ильичъ, тайн. сов., председатель театр.-литер. комит., т. LXXVIII, 505—510.

Юсуповы:

— княгиня Татьяна Васильевна, урожд. Энгельгардъ, въ первомъ бракѣ за Мих. Серг. Петемкинымъ, т. LXXV, 401.

— князь, т. LXXVII, 208.

— князь Ф. Ф., т. LXXVI, 776.

Юферовъ, цензоръ, т. LXXVI, 705.

Юцевичъ, Л., польскій поэтъ, т. LXXVI, 648.

Юхариятъ, контръ - адмиралъ, т. LXXVIII, 83, 105.

Юшинъ, М., диаконъ, т. LXXVII, 969.

Юшковъ, А. И. *Библ. замѣтка В. Р-ва объ изд. его:* Акты XIII—XVII вв., представленные въ разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отмены мѣстничества. Ч. I. 1257—1613 гг. М. 1899. Т. LXXVI, 1060—1061. *Упомин.:* т. LXXVI, 1119; т. LXXVII, 317.

Я.

Яблоновская, княгиня, т. LXXVII, 987, 989.

Яблонскіе:

— инж.-капитанъ, т. LXXVI, 116, 911.

— сотрудникъ «Сына Отеч.» 1890 г., т. LXXVI, 624.

Яблочины:

— 1-я, актриса, жена А. А., т. LXXVIII, 502—503.

— 2-я, актриса, дочь А. А., т. LXXVIII, 502—503, 997.

— Александръ Александровичъ, актеръ, т. LXXVIII, 497—503.

Явленскій, Степанъ, т. LXXV, 60.

Яворскіе:

— (Барятинская), артистка, т. LXXVII, 164, 166, 164, 165, 176.

— И. Л., д-ръ, писатель, т. LXXVI, 955.

Ягайло, литовскій князь, т. LXXV, 703.

Ягичъ, И. В., академикъ, т. LXXV, 738; т. LXXVI, 661, 666; т. LXXVII, 678.

Ядвига, польская королева, т. LXXV, 703.

Ягужинскій, русскій посланникъ въ Берлинъ, т. LXXVIII, 724.

Языковы:

— Александръ Михайловичъ, т. LXXVII, 574.

— Дмитрій Дмитриевичъ, писатель, т. LXXV, 763, 763.

— Петръ Михайловичъ, геологъ, т. LXXVII, 572, 574.

— Николай Михайловичъ, поэтъ, т. LXXVI, 476, 558, 598, 606, 664, 752; т. LXXVII, 569, 570, 572, 574, 575, 576, 596.

Якоби, д-ръ, нѣмецкій журналистъ, т. LXXV, 978.

Яковлевы:

— актеръ, т. LXXVIII, 479.

— директоръ типографіи II отд. собств. Е. И. В. канц., т. LXXVIII, 640.

— И., корреспондентъ «Нов. Вр.», т. LXXVIII, 1014.

— Савва, уральск. заводовладѣлецъ, т. LXXVIII, 784.

Якушкины:

— Вячеславъ Евгениевичъ, историкъ, т. LXXVII, 183, 186, 356, 602, 603—605.

— Ив. Дмитр., декабристъ, т. LXXVIII, 789.

— Павелъ Ивановичъ, этнографъ, писатель, т. LXXVI, 276; т. LXXVIII, 485.

Яницкій, археологъ, т. LXXVI, 947.

Янишевскій, Л., переводчикъ Пушкина на польск. яз., т. LXXVI, 648.

Яновскіе:

— библиографъ, т. LXXVIII, 1287.

— Семень Ивановичъ, путешественникъ, авторъ Записокъ, т. LXXVI, 951.

Янсенъ, Альфредъ, профессоръ, Готтенбург. унив., т. LXXVI, 644.

Янчукъ, Н. А., т. LXXV, 359.

Янышевъ, протопресвитеръ, т. LXXVI, 217.

Я. П., поэтъ, т. LXXVIII, 1281.

Яринъ, Янъ, чешскій филологъ, т. LXXVII, 678—679.

Ярославъ, князь поковскій, т. LXXVII, 366.

Ярославъ Всеволодовичъ, великій князь владимірскій, т. LXXVII, 998—999.

Ярославъ Вяславичъ, князь новгородскій, т. LXXVII, 998.

Ярославъ Ярославовичъ, великій князь владимірскій, т. LXXV, 308.

Ярошевичъ, польскій историкъ, т. LXXV, 702.

Ярошенко, художникъ, т. LXXV, 688.

Ярцевъ, А. А., т. LXXV, 764, 937.

Ясинскій, Иеронимъ Иеронимовичъ, писатель, (Максимъ Бѣлинскій), т. LXXVII, 857.

Яхонтовъ, С. Д., археологъ. Библиографическая заметка В. Рудакова объ издан. подъ его ред. 3 вып., XIII тома «Трудовъ Рязанской ученой архивной комисіи». Рязань. 1899, т. LXXVII, 675—676. Упомин.: т. LXXVI, 939, 943.

Яцимирскій, А. И. Библиографическая заметка о книгѣ его: Изъ славянскихъ рукописей. Тексты и замѣтки. М. 1899, т. LXXVII, 1018.

Ячевскій, А. А., горн. инж., т. LXXV, 356, 1096.

Яшвелова, Павла, грузин. княжна, т. LXXV, 97.

Яценко, Г. А. Сообщ. его: Къ характеристикѣ императора Александра I, т. LXXV, 1069—1070.

Ө.

Өадѣвъ, Ростиславъ Андреевичъ, генераль, писатель, т. LXXV, 533—534.

Өедровы:

— бессарабск. военн. губернаторъ, т. LXXVII, 581.

— прапорщикъ, т. LXXVI, 902.

— Б., т. LXXVII, 190.

— Д. В. *Статья его: Игрушечная армія. (Изъ быта южно-русскихъ кантонистовъ), т. LXXVIII, 148—172, 546—575.*

— Е. Ө., актриса, т. LXXVIII, 494—495.

— И. А., чиновникъ конторы Спб. имп. театровъ, т. LXXVIII, 987—989.

— Иванъ, основатель русск. типографій, т. LXXVIII, 1120.

— Павелъ Степановичъ, управляющ. театральн. учил., т. LXXVIII, 394, 493, 497, 499—500, 505—506, 509, 515, 521, 990, 993, 996—997.

Федоровъ-Давыдовъ, А. А., т. LXXVII, 279.

Федоръ Алексѣевичъ, царь московскій, т. LXXVI, 379, 1119; т. LXXVIII, 779—780.

Федоръ Борисовичъ, царь московскій, сынъ Бориса Годунова, т. LXXV, 708; т. LXXVII, 376.

Федоръ Иоанновичъ, царь московскій, т. LXXV, 508, 916; т. LXXVI, 786; т. LXXVII, 666—669.

Феминъ, А., арханг. купецъ, сотрудникъ «Нов. ежем. соч.», 1787 г., т. LXXVII, 1018.

Федотовы:

— Василиса, крѣпостная дѣвка, вышедшая замужъ за крещ. еврея Н. М. Евреннова. *О ней смъ статья И. С. Бѣллова: Попытка закрѣпостить еврея въ 1783 году. (Историческій очеркъ)*, т. LXXVII, 511—526.

— Гликерія Николаевна, драматическая артистка, т. LXXVI, 356.

Феодоридъ, Ник. Т., переводчикъ Пушкина на греческій яз., т. LXXVI, 665.

Феодоръ, схимонахъ, Чолнск. Спасск. мон., т. LXXV, 928, 930.

Феодосій (Макаревскій), епископъ екатеринославск., т. LXXVIII, 1304.

Феодосій (Мравичъ), сербскій митрополитъ, т. LXXVIII, 332.

Феодосій (Терновскій), т. LXXVII, 1002—1003, 1019.

Феоктистовъ, Евгеній Михайловичъ, сенаторъ, т. LXXVI, 372—373.

Феофантъ II, патріархъ константинопольск., т. LXXVII, 767.

Феофанъ:

— митрополитъ триполійскій, т. LXXVII, 308.

— патріархъ іерусалимск., т. LXXVII, 668.

Феофилактъ (Русановъ), архіеписк. калужск., вполн. митрополитъ карталинскій, т. LXXVI, 952.

УКАЗАТЕЛЬ
ГРАВИЮРЪ,
ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“
1899 г.

—
Портреты:

- Амвросій**, старецъ, іеросхимонахъ, т. LXXV, 921.
Варатынский, Евгений Абрамовичъ, т. LXXV, мартъ *(на отдельномъ листѣ)*.
Вогдановъ, Иларіонъ Ѳеодоровичъ (метранпажъ «Историческаго Вѣстника»), т. LXXVI, 257.
Вычковъ, Аванасій Ѳеодоровичъ, т. LXXVI, 693.
Варлаамъ, архіепископъ пензенскій и саранскій, вполнѣдствіи тобольскій и сибирскій, т. LXXVII, июль *(на отдельномъ листѣ)*.
Васильевскій, Василій Григорьевичъ, т. LXXVI, 1041.
Головина, Варвара Николаевна, графиня
— Съ портрета, принадлежащаго князю Александру Михайловичу Голицыну, т. LXXVIII, октябрь *(на отдельномъ листѣ)*.
— Съ портрета, принадлежащаго ея правнуку графу Льву Мишкеку, т. LXXVIII, ноябрь и декабрь *(на отдельномъ листѣ)*.
— Съ миниатюры, рисованной карандашомъ и принадлежащей княгинѣ Баратовой, т. LXXVIII, 905.
Гротъ, Николай Яковлевичъ, т. LXXVII, 857.
Дидеро, т. LXXVII, 229.
Долгоруковъ, Михаилъ Петровичъ, князь, т. LXXVI, июнь *(на отдельномъ листѣ)*.
Екатерина II, императрица, т. LXXVII, 225.
Зановичъ, Степанъ-Аннибалъ, т. LXXVII, сентябрь *(на отдельномъ листѣ)*.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ, т. LXXVII, августъ *(на отдельномъ листѣ)*.
Лавровскій, Николай Алексѣевичъ, т. LXXVIII, 691.
Любомирская, Александра, княгиня, т. LXXVIII, 261.
Михевичъ, Владиміръ Осиповичъ, т. LXXVI, 265.
Перекусихина, Марья Савишна, т. LXXV, январь *(на отдельномъ листѣ)*.
Потоцкая, Софія, графиня; т., LXXV, февраль, *(на отдельномъ листѣ)*.
Рубинштейнъ, Антонъ Григорьевичъ. Съ фотографіи 1889 года, Ясвоина въ Спб., т. LXXVI, апрѣль, *(на отдельномъ листѣ)*.
— Съ фотографіи В. Граффа въ Карлсруэ, т. LXXVI, стр. 81.
Саліасъ, Евгений Андреевичъ, графъ, т. LXXV, 611.
Чуйко, Владиміръ Викторовичъ, т. LXXVI, 703.

Виды городовъ, мѣстностей и зданій.

Або, т. LXXVIII:

— Лютеранскій соборъ св. Генриха, 1069.

Ахульго, Гора, т. LXXVIII, 677.

— Ахульгинское ущелье, 681.

— Ахульгинскій мостъ, 685.

Амильта, Ауль, т. LXXVIII, 657.

Амильтинскій мостъ, т. LXXVIII, 661.

Вюрглень, село въ Шехенской долинь, т. LXXV, 221.

Варшавско-Люблинское шоссе и дефиле Жиржинскаго лѣса, т. LXXV, 905.

Весегонскъ, т. LXXXVI:

— Видъ съ Устьюжскаго тракта, 181.

— Плоть и паромъ на Мологѣ, 185.

— Соборъ, 189.

Визна, т. XXVIII:

— Древній костель, 239.

Вильманстрандъ, т. LXXVIII, 1053.

Вязники, т. LXXVII:

— Благовѣщенская улица, 949.

— Большая Московская улица, 945.

— Кладбище, 957.

— Ярополь, 953.

Гимры Ауль, т. LXXVIII, 1089.

— Гимринскій спускъ, 1097.

— Улица и часть аула Гимры, 1093.

С. Готардъ, т. LXXV:

— Бронированная пушка—митральеза, поставленная около шоссе, 203.

— Высшая точка перевала (2114 метровъ), 209.

— Госписъ на С. Готардѣ (бывшій страннопримный домъ), 207.

— Камень на С. Готардѣ, съ остатками надписи, 206.

— Общій видъ перевала на половинѣ подъема, 205.

— Общій видъ на перевалъ, 208.

— Развалины часовни на русской могилѣ, 206.

— Рѣка Соречія, 204.

Жиржинскій памятникъ, т. LXXV, 909.

Иголи, ауль, т. LXXVIII, 217.

Кагульское поле, т. LXXVII:

— Памятникъ графу Воронцову на полѣ Кагульской битвы, 582.

— Памятникъ графу Румянцеву на полѣ Кагульской битвы, 580

Калуга, т. LXXVI.

— Домъ Марины Мнишекъ, 971.

Кандавакша, село, т. LXXV, 581.

Кельцы, городъ, т. LXXVIII:

— Видъ его, 245.

— Бывшій замокъ епископовъ, нынѣ зданіе губернскаго правленія, 249.

— Мостъ черезъ р. Трупенець въ Словикѣ, 253.

— Портретный залъ въ помѣщеніи губернскаго правленія, 251.

— Православный соборъ, 247.

Кемь, городъ, т. LXXV, 575.

Княжегубье, деревня, т. LXXV, 577.

Козельская Оптиная пустынь, т. LXXV, 917.

— Памятники надъ могилами старцевъ о. Макарія и о. Амвросія, 929.

— Флигель, въ которомъ жилъ въ скиту старецъ о. Амвросій, 925.

Коупю, т. LXXVIII, 1063.

Красная Поляна, село Щигровскаго уѣзда, т. LXXVIII:

— Старинный голубецъ, 525.

Люцернское озеро. Видъ на озеро съ юга, т. LXXV, 219.

Михайловское, село:

— Домъ Пушкина, т. LXXVI, 625.

- Боковая сторона флигеля, въ которомъ жилъ Пушкинъ, т. LXXVII, 157.
- Наружная сторона флигеля, гдѣ жилъ Пушкинъ, 153.
- Мутенская долина**, т. LXXV:
- Видъ на переваль Прагель, 227.
- Видъ на тропинку черезъ Рощтокъ, по которой прошла армія Суворова, 223.
- Женскій монастырь, гдѣ была главная квартира Суворова, 225.
- Комната въ монастырѣ, которую занималъ Суворовъ, и гдѣ происходила военный совѣтъ, 226.
- Мость Суворова (видъ спереди), 229.
- Нейшлотъ**: Развалины замка Олафборга, т. LXXVIII, 1057.
- Оренбургъ**, т. LXXVI:
- Памятникъ И. И. Неплюеву, въ прежнемъ видѣ, 963.
- Въ настоящемъ видѣ, 965.
- Парижъ**, т. LXXVIII:
- Могила графини В. Н. Головиной, на кладбищѣ St. Germain de Près.
- Съ рисунка**, сообщеннаго графомъ Мнишкомъ, 909.
- Рейсъ**, долина рѣки, т. LXXV:
- Андерматъ (Урзель), 211.
- Госпиталь, 210.
- Старый мостъ на рѣкѣ, 218.
- Урнерская долина (Urnerloch), 213.
- Рощтокъ**, хребетъ у Люцернскаго озера, т. LXXV, 220.
- Саймнскій каналъ**, берега, т. LXXVIII, 1047.
- Святая горы**, т. LXXVII, 149.
- Памятникъ Пушкину на могилѣ въ Святогорскомъ монастырѣ, т. LXXVI, 629.
- Скемпе**, т. LXXVII:
- Костель, 586.
- Внутренній видъ костела, 588.
- Фигура Скемпской Божіей Матери, 590.
- Тичино**, долина рѣки, т. LXXV:
- Белинцова. Castello Grande, 201.
- Горный потокъ въ Біаско, 200.
- Деревня Айрого, гдѣ начинается подъемъ на С.-Готардъ, 202.
- Селеніе Таверно, 199.
- Хижина, приютившаяся подъ Каменной глыбой, 199.
- Тригорское село**, т. LXXVI, 621.
- Устюжна**, т. LXXVI:
- Видъ на Устюжну изъ-за Мологи (Преображенская, Срѣтенская и Воздвиженская церкви), 165.
- Ворота соборной ограды, 161.
- Казанское кладбище, 177.
- Соборъ, 169.
- Церковь Благовѣщенія надъ р. Ворожея, 173.
- Хузахъ**, укрѣпленіе, т. LXXVIII, 209.
- Чортовъ мостъ**:
- Памятникъ сподвижникамъ Суворова, открытый 14 сентября 1898 года, т. LXXV, 190.
- Видъ на Чортовъ мостъ, Урнерскую дыру и памятникъ Суворову (нижняго моста нынѣ не существуетъ), т. LXXV, 216.
- Языково**, село; т. LXXVII, 571.
- Домъ въ селѣ Языковѣ, 573.

Разные рисунки:

- Аварка**, т. LXXVIII, 669.
- Алконостъ птица**, т. LXXVII, 963.
- Внутренность кунацкой богатаго горца**, т. LXXVIII, 223.
- Комната Анны Петровны Бернъ**, въ домѣ ея на Петербургской сторонѣ, въ Петербургѣ. Съ рисунка тушью, находящагося въ ея альбомѣ. Подлинникъ

принадлежить П. Я. Дашкову. У задней стѣны, въ глубинѣ, кресло, на которомъ обыкновенно сидѣлъ Пушкинъ во время посѣщеній своихъ А. Кернъ, т. LXXVI, 613.

Лезгинъ-аварецъ, т. LXXVIII, 666.

Ловля семги заборомъ, т. LXXV, 583.

Перегрузка мурманской трески въ Архангельскѣ, т. LXXV, 569.

Польская шопка, т. LXXVII:

— Смерть жида, 255.

— Сцена и персонажи, 251.

Семья аварцевъ (изъ Хунзаха), т. LXXVIII, 673.

Сиринъ птнца, т. LXXVII, 963.

Схема похода Суворова въ Швейцаріи 1799 г., т. LXXV, 189.

Типы рыбаковъ-поморовъ, т. LXXV, 573.

Тканье полосовъ въ аулѣ Ходжалъ - Махи (Дарлинскаго округа), т. LXXVIII, 1101.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазиновъ, Новаго Времени'

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ НОЯБРЬ 1899 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 10-й.

І. Богословіе.

Артоболевскій, Иванъ. Первое путешествіе Святаго Апостола Павла съ проповѣдью Евангелія. Опытъ историко-экзегетическаго изслѣдованія. М. 1900 Ц. 1 р. 50 к.

Іоанниинъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій. Юбилейный сборникъ. Рѣчи, слова, бесѣды и назидательныя статьи. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Кондратьевъ, И. К. Спутникъ православнаго богомольца по Святой Землѣ, гдѣ родился, жилъ, страдалъ и воскресъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. М. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Константинопольское монашество, отъ основанія города до кончины патріарха Фотія (330—898 гг.). Извлечено изъ сочиненія аббата Марена. Спб. 1899 г. Ц. 50.

Нинифоръ, архимандр. Посobie при чтеніи и изученіи Вибліи въ семьѣ и школѣ. Вып. I. Политическое состояніе Іудей въ I в. по Р. Х., Іудейскія секты, партіи общества и учрежденія. Вып. II. Виблейская географія и топографія. Геологія и минералогія біблейскихъ странъ. Вып. III. Растенія и жи-

вотныя, упоминаемыя въ Вибліи. М. 1894. Ц. кажд. вып. 25 к.

Общедоступная богословская бібліотека. Собраніе лучшихъ сочиненій извѣстѣйшихъ писателей-богослововъ въ русской и иностранной богословской литературѣ по всемъ отраслямъ богословскаго знанія. Вып. IV. Собесѣдовательное богословіе. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Пономаревъ, Павелъ, Догматическія основанія христіанскаго аскетизма по твореніямъ восточныхъ писателей—аскетовъ IV вѣка. (Съ введеніемъ исторіи подвижничества вообще и христіанскаго въ частности до III вѣка включительно. Казань, 1899. Ц. 1 р. 25 к. **Четыркинъ, Федоръ.** Курская святыня. Содержаніе: Курско-Коренная Чудотворная икона Богоматери и жѣста пребыванія св. иконы. Знаменскій монастырь и Коренная пустынь Спб. 1899. Ц. 20 к.

Фома Немпійскій. Размышленія жизни, страданій и восресенія Иисуса Христа. Спб. 1899. Ц. 50 к.

II. Философія, психологія, логика.

Асановъ, А. Н. Матеріалы для сужденія объ автоматическомъ письмѣ (изъ личнаго опыта) и для сужденія о материализаціи. Съ двумя фототипіями. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Астафьевъ, П. Е. Психическій міръ женщины, ея особенности, превосходствъ и недостатковъ. Съ прилож. статьи: Понятіе психическаго ритма. М. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Бобровъ, Евгений, проф. Философія въ Россіи, Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки.

Вып. II и III. Казань. 1889. Ц. кажд. вып. 65 к.

— Краткій отчетъ о занятіяхъ во время ученой командировки лѣтомъ 1898 г. Съ приложеніемъ двухъ разсужденій: 1) О координальномъ бытіи и 2) Искусство и христіанство. Казань. 1900. Ц. 20 к.

— Рецензія на «Свое Слово», изд. проф. А. А. Козловымъ (№ 5-й, 1898 г.). Казань, 1899. Ц. 10 к.

Бокль, Г. Т. Вліяніе женщины на успѣхи

знания. Перев. съ англійск. Изд. IV. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Вагнеръ, С. Вопросы жизни. Вып. III. Перев. съ франц. М. 1899. Ц. 25 к.

Гассель (фонъ), Ульрихъ. Христіанская вѣра и войско. Перев. съ нѣм. М. 1900. Ц. 30 к.

Голль, Болтонъ. Истинная жизнь. Перев. съ англійск. М. 1899. Ц. 20 к.

Дарвинъ, Чарльзъ. Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Томъ III. Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія. Часть II. Спб. 1900. Подп. цѣна на все изд. 6 р.

Зубаревъ, Ѳ. Человѣчество на пути къ истинѣ. (Психологическій этюдъ изъ исторіи народовъ). Варшава. 1899. Ц. 40 к.

Красильниковъ, Н. Какіе изъ бидетовъ и серій государственныхъ выигрышныхъ займовъ I, II и III самые счастливые. Популярнонаучное изслѣдованіе. Спб. 1900. Ц. 1 руб.

Лемманъ, д-ръ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. Перев. съ нѣмецкаго. Вып. 6-й. М. 1899. Цѣна по подпискѣ за все сочиненіе 3 р.

Охоровичъ, Ю. Обманъ въ области мѣдицины. Перев. съ французскаго, Спб. 1899. Ц. 50 к.

Патрикъ, С., проф. Психологія женщины при свѣтѣ новыхъ фактовъ и теорій. Перев. съ польск. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Риманесъ, Г. Д. Теорія Ч. Дарвина и важнѣйшія изъ ея примѣненій. Перев. съ англ. М. 1899. Ц. 70 к.

Ришэ, Л., д-ръ. Секретъ молодости (A secret de la jeunesse). Перев. съ франц. Спб. 1900. Ц. 50 к.

Торо, П. Д. Опытъ упрощенія жизни (у Вальденскаго озера въ Америкѣ). Перев. съ англ. М. 1900. Ц. 1 р.

Флери, М., д-ръ. Опытъ душевной гигиен. Перев. съ франц. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Флурансъ, П. Объ истинкѣ и объ умѣ животныхъ. Перев. съ французск. Спб. 1900. Ц. 60 к.

Фулье, Альфредъ. Психологія французскаго народа. Съ прилож. статьи Вугле: «Философія антисемитизма» (идея расы). Перев. съ франц. М. 1900. Ц. 1 р.

Шарбоннель в. Идеаль и характеръ. Философскіе этюды. Перев. Спб. 1900. Ц. 15 к.

Шопенгауеръ, Артуръ. Афоризмы и максимы. Мысли: О физиономикѣ, О женщинахъ, О страданіяхъ міра, Въ дополненіе къ этикѣ, О критикѣ, сужденіи, одобреніи и славѣ, Объ учености и ученыхъ, О самостоятельномъ мышленіи (изъ «Parerga und Paralipomena»). Переводъ Ф. В. Черняговца. Изд. 5-е. Томъ I. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Эмерсонъ, Ральфъ. О доврѣніи къ себѣ. [Съ англійск. М. 1900. Ц. 10 к.

III. Ботаника, зоологія, минералогія и геологія.

Генсли, Г. Т. Ракъ. Введеніе въ изученіе зоологіи. Съ 82 рис. Перев. Г. Ярцева. М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Зографъ, Николай. Курсъ зоологіи для студентовъ-естественниковъ, медиковъ и сельскихъ хозяевъ. Съ 1146 рис. въ текстѣ. М. 1900. Ц. 7 р.

Криштофовичъ, Н. Ежегодникъ по геологіи и минерологіи Россіи. Томъ III, вып. 9. Новая Александрія. 1899. Ц. 1 р. 26 к.

Лампертъ, М. Жизнь прѣсныхъ водъ. Животныя и растенія прѣсныхъ водъ, ихъ жизнь, распространеніе и значеніе для человѣка. Перев. съ нѣмецка. Спб. 1899. Подп. ц. не все сочиненіе въ 10 вып. 6 р.

Томсонъ, I. A. Жизнь животныхъ (The study of animal life). Перев. съ англ. Вып. II. Съ 17 рис. въ текстѣ. М. 1900 г. Ц. 30 к.

IV. Физика, химія, математика, астрономія и метеорологія.

Винклеръ, Клеменсъ, проф. Практическій курсъ объемнаго анализа. Руководство къ изученію титримнаго метода. Перев. съ нѣмец. Изд. 2-е. Съ рисунками въ текстѣ. М. 1900. Ц. 1 р.

Городецкий, Всев. Теорія сопротивленія матеріаловъ въ ея практическихъ приложеніяхъ. Съ 143 черт. въ текстѣ. Спб. 1900. Ц. 3 р.

Грузанцевъ, А. П. Электромагнитная теорія проводниковъ. Харьковъ. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Демьяновъ, М. И. Курсъ сопротивленія строительныхъ матеріаловъ. Пособіе для студентовъ технологическихъ институтовъ и

для самообразованія. Съ 186 рис. Спб. 1900. Ц. 4 р.

Львовъ, Л. Повторительный курсъ по органической химіи. Харьковъ. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Хвольсонъ, О. Д. Краткій курсъ физики для медиковъ, естественниковъ и техниковъ. Часть I. Введеніе. Механика. Нѣкоторые измѣрительные приборы и способы измѣренія. Ученіе о газахъ, жидкостяхъ и твердыхъ тѣлахъ. 242 рис. Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

Цингеръ, Н. Курсъ астрономіи (часть теоретическая). Спб. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

V. Словесность.

Авсентно, В. Петербургскіе очерки. Рассказы. 2 т. Спб. 1900. Ц. каждого тома. 1 р.

Анекдоты изъ жизни Пушкина. М. 1899. Ц. 10 к.

Билибинъ, В. В. (Дюгенъ—И. Гракъ). Юмористическіе узоры. (Науки. Литература. Искусства. Судь и право. Коммерція. Спортъ. Винтъ). Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

- Бѣлинскій В. Г.** Первое собраніе писемъ. Изд. 2-е. Спб. 1900. Ц. 1 р.
- Бѣлоконскій, М. П.** Деревенскія впечатлѣнія. (Изъ записокъ земскаго статистика). Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.
- Вербичная, А.** Первые ласточки. Повѣсть. М. 1900. Ц. 80 к.
- Верта, Джіовани, Ева.** Разсказъ. Перев. съ итальянскаго. М. 1900. Ц. 50 к.
- Вернеръ, Э.** Горная фея. Романъ. Перев. съ нѣмецк. М. 1899. Ц. 1 р. 25 к.
- Вернь, Жюль.** Пятнадцатилѣтній капитанъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М. 1900. Ц. 40 к.
- «Ченслеръ». Романъ. Дневникъ пассажира Ж. Р. Казалона. М. 1900. Ц. 25 к.
- Гекторъ Сервадакъ. Ром. въ 2-хъ час. М. 1900. Ц. 40 к.
- Гаршинъ, Всеволодъ.** Вторая книжка разсказовъ. Содержаніе: Денщикъ и офицеръ. Изъ воспоминаній рядового. Красный цвѣтокъ. Медвѣди. Сказка о жабѣ и розѣ. Надежда Николаевна. Изд. 7-е Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Герцифельдъ, Марія.** Скандинавская литература и ея современныя тенденціи. Перев. слушательницъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ подъ редакціею Н. А. Шляпкина. Спб. 1899. Ц. 80 к.
- Гнѣдичъ, Н. Н.** Туманы. Романъ. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.
- Горькій, М.** Очерки и разсказы. Изд. 2-е. Два тома. Спб. 1899. Ц. каждаго тома 1 р.
- Очерки и разсказы. Томъ третій. Содержаніе: 1. Варенка Олесова. 2. Каинъ и Арменъ. 3. Дружки. 4. Однажды осенью. 5. Китилка. 6. О чортѣ. 7. Еще о чортѣ. 8. Мой спутникъ. 9. Проходимецъ. 10. Читатель. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Гребенна, Е. П.** Докторъ. Романъ. М. 1900. Ц. 55 к.
- Дамскія моды XIX вѣка.** Историко-художественная монографія о женскихъ нравахъ и вкусахъ. Съ рисунками. Спб. 1899. Ц. 75 к.
- Днеромъ, И. Днеромъ.** О женщинахъ и мужчинахъ. Перев. съ англ. Спб. 1900. Ц. 20 к.
- Женская логика. Перев. съ англ. Спб. 1900. Ц. 20 к.
- Живая струна.** Сборникъ стихотвореній и куплетовъ. Изд. 8-е испр. и дополн. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.
- Загоскинъ, М. Н.** Полное собраніе сочиненій. Томъ X. Спб. 1899. Ц. за все сочиненіе 15 р.
- Эмиль, Золя, Семья.** (Fèscondité). Романъ. Перев. съ французскаго. Спб. 1900. Ц. 1 р.
- Плодовитость. Романъ. Перев. съ франц. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Плодовитость. (Fèscondité). Перев. съ франц. Романъ въ 6-ти книгахъ. Кіевъ. 1900. Ц. 1 р. 50 к.
- Ивановъ, Ив.** Исторія русской критики. Ч. III. IV. Спб. 1900. Ц. 2 р.
- Позиція и правда міровой любви (В. Г. Короленко). Спб. 1900. Ц. 85 к.
- Истоминъ, В. А.** А. С. Пушкинъ. Холмъ. 1899. Ц. 20 к.
- Наррера, В.** Александръ Пушкинъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ Мосса,
- П. Пушкинъ.** Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ итальянск. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Нарскій, М. Б.** Пушкинъ въ Тавридѣ. Симферополь. 1899. Ц. 25 к.
- Миллингъ, Р.** Чудо Пуранъ Багата. Разсказъ. Лагерлевъ. Легенда объ отшельникѣ. М. 1899. Ц. 15 к.
- Книга раздумія.** К. Д. Вальмонтъ. Валерій Брюсовъ. Модестъ Дурновъ и Ив. Коневской. Спб. 1899. Ц. 50 к.
- Кончиловичъ, С.** Конецъ Гуды. Историческая повѣсть. Спб. 1899. Ц. 25 к.
- Крандіевская, А. Р.** «То было раннею весною» и другіе разсказы. М. 1900. Ц. 1 р.
- Крымановская, В. И.** (Рочестеръ). Желѣзный кандлеръ Древняго Египта. Спб. 1900. Ц. 2 р. 25 к.
- Лась Надежда.** (Вакуловская). Изъ жизни женщинъ или волны жизни. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1900. Ц. 1 р.
- Линевъ, Д. А.** (Далинъ). Не сказки. Изд. 3-е. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.
- Луговой, А.** Сочиненія. Томъ IV. Романы, повѣсти и разсказы. Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.
- Лѣтнова, Ен.** Мертвая зыбь. Повѣсти и разсказы. Спб. 1900. Ц. 1 р.
- Отдыхъ. Повѣсти и разсказы. Спб. 1900. Ц. 1 р.
- Максимовъ, А. Я.** На далекомъ востокѣ. Полное иллюстрированное собраніе сочиненій. Книга V. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** По Уралу. Разсказы и очерки. М. 1900. Ц. 50 к.
- Магаловъ, С. Д.** Фантазія на трагедію «Гамлетъ» Шекспира. (Культурно-историческіе очерки). М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.
- Меньшиновъ, М. О.** Критическіе очерки. Содержаніе: Работа совѣсти.—Два правды.—Литературная хворь.—Вольная воля.—Нравственное вдохновеніе.—Старые и молодые таланты.—Оскорбленный геній.—Поэтъ-богатырь.—Художественная проповѣдь.—Сбидись съ дороги.—Великое дѣтство.—Добрый юморъ. Спб. 1899. Ц. 1 р. 59 к.
- Дѣти (изъ сочиненія «Начала жизни»). М. 1899. Ц. 20 к.
- Мопсанъ, Дядя Милонъ** (Le père Milon) и другіе неизданные разсказы. Перев. съ франц. М. Ц. 60 к.
- Жизнь женщины. Романъ. Переводъ съ франц. М. 1899. Ц. 80 к.
- Мундтъ, Эддоръ.** Царь Павелъ I. Историческій романъ въ 4 томъ. Спб. 1899. Ц. 2 р.
- Мясницкій, И. И.** Отъ скуки. Сборникъ юмористическихъ разсказовъ. М. 1899. Ц. 1 р.
- Навроцкій, А. А.** (Н. А. Вроцкій). Драматическія произведенія. Томъ I. «Государь-даръ Іоаннъ III Васильевичъ», трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ въ стихахъ. «Наслѣдство» комедія въ 4-хъ дѣйств. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Надсонъ, С. Я.** Стихотворенія. Съ портретомъ. Факсимиле и биографическія очеркомъ. Изд. 17-е. Спб. 1899. Ц. 2 р.
- Невѣстинъ, М. П.** Мызые шалуны. Содержаніе. Миничка, — Пострѣленокъ. — Естествоиспытатель. — Строгая сестренка. М. 1900. Ц. 60 к.

Недумовъ, А. Н. На сѣверъ. Отъ Москвы до Соловковъ. Путевыя замѣтки. Вып. I. Варшава, 1899. Ц. 60 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. Новые рассказы. Содержаніе: 1) Ключъ врача милосерднаго. 2) Засыпанный колодезь. 3) Шансонетная консерваторія. 4) Женскій монастырь. Эпизодъ М. 1899. Ц. 75 к.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. Синтаксическія наблюденія. Вып. I. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Островъ. Сборникъ отрывковъ изъ сочиненій греческихъ прозаиковъ. М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Отдыхъ. — художественно-литературный ежемѣсячный журналъ, № 1. Ноябрь 1899. Ц. 35 к.

Перетцъ, В. М. Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. I. Къ исторіи громника. Введеніе, славянскіе и еврейскіе тексты. Спб. 1899. Ц. 1 р.

— Малорусскіе вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв. (I—XIV). Спб. 1899. Ц. 80 к.

Петерсонъ, О. Пѣсни моря. Рассказы и преданія. Спб. 1900. Ц. 75 к.

Пироговъ, Н. М. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб. 1899. Ц. каждаго тома 3 руб. за оба тома 5 р.

Помпеевъ, С. Блестки души. Сборникъ стихотвореній. Спб. 1899. Ц. 35 к.

Пти-де-Жюльвилль, Л. Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы (1800—1900 гг.). Перев. съ франц. Вып. II. М. 1899. Ц. по подл. 7 р.

Рышковъ, Викторъ. Собраніе сочиненій. Томъ I. Женихи. Томъ II. Рассказы. Спб. 1900. Ц. I тома 1 р. 25 к., II—1 р.

Саловъ, И. А. Три разсказа. 1. Витушкинъ 2. Мужичья калгота и 3. Медоловы. М. 1900. Ц. 75 к.

Свѣтловъ, В. Недостроенный храмъ. Флорентійскій романъ. 1692-1695. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Сластинъ, М. Ф. Погибель. Драма въ 3-хъ дѣяхъ и 4-хъ одинахъ. Харьковъ. 1899. Ц. 10 к. съ прилож. нотъ 15 к.

Смирновъ, Д. Ф. (Полишинель). Рѣзны невиннаго свойства. М. 1900. Ц. 1 р.

Срезневскій, И. И. Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ русскаго языка. Спб. 1899. Ц. 30 к.

Суворовъ, П. П. Рассказы изъ далекаго. М. 1899. Ц. 1 р.

Тепловъ, К. Случайная жертва. Романъ. М. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

— Тучки. Сборникъ рассказовъ. М. 1900. Ц. 60 к.

Толстой, Л. Н., гр. Воскресеніе. Части I и II. Спб. 1900. Ц. 75 к.

Тютчевъ, Ф. И. Сочиненія. Стихотворенія и политическія статьи. Съ портретомъ и снимкомъ съ рукописи автора. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

Филевскій, І. І. Новое «званіе» гр. Л. Толстого. М. 1899. Ц. 10 к.

Филипповъ, М. А. Патриархъ Никонъ. Историческій романъ. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Фогтъ, Фридрихъ и Нохъ, Мансъ. Исторія нѣмецкой литературы отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Вып. I. Спб. 1899. Ц. 50 к.; по подл. на все сочин. въ 15 вып. Ц. 7 р. 50 к.

Шпильгагенъ, Ф. Фаустулъ. фаустъ нашихъ дней. Романъ. Перев. съ нѣмецк. М. 1900. Ц. 1 р.

Щепкинъ, В. Н. Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги. Съ прилож. двухъ снимковъ. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Эберсъ, Г. «Человѣкъ бо есмь». (Нотозум). М. 1899 г. Ц. 1 р.

Эмаръ, Густавъ. Чистое сердце. Романъ. М. 1899. Ц. 50 к.

— Сакраменты. Романъ. М. 1899. Ц. 40 к.

Юрьинъ, Н. Чужая жизнь. Рассказы. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Яворскій, Ю. А. Къ исторіи Пушкинскихъ сказокъ. Львовъ. 1899. Ц. 50 к.

VI. Исторія.

Браунъ, Ф. Разысканія въ области готославянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ союзи до V вѣка. Первый періодъ: Готы на Вистлѣ. Съ двумя картами. Спб. 1899. Ц. 3 р.

Виноградовъ, П. Г. (подъ редакціей). Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей. Вып. IV и послѣдній. М. 1899. Ц. 1 р. 75 к.

Виллеръ, Р., проф. Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Гаусратъ, Адольфъ. Средневѣковые реформаторы. Перев. съ нѣмецк. Томъ I. Абельяръ. Арнольдъ Врешанскій. Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 коп.

Жизнь замѣчательныхъ людей. А. Н. Островскій, его жизнь и литературная дѣятельность. Биографическій очеркъ Н. И. Иванова. Съ портретомъ Островскаго. Спб. 1900. Ц. 25 к.

— Р. Вирховъ. Его жизнь и научно-общественная дѣятельность. Биографическій очеркъ. Ю. Г. Малиса. Съ портретомъ Вирхова. Спб. 1899. Ц. 25 к.

Императоръ Николай I и краткій обзоръ событій его царствованія. Спб. 1899. Ц. 7 к.

Карновичъ, Е. П. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Биографическій очеркъ, проредактированный Н. Шильдеромъ и съ его предисловіемъ. Съ 13-ю портретами и иллюстраціями и 2 автографами. Спб. 1899. Ц. 3 р. въ перепл. 4 р.

Качановскій, В. В. Славянская коричая. Съ приложен. Спб. 1897. Ц. 40 к.

Лависсъ, Эрнестъ и Рамбо, Альфредъ. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ VI. Людовикъ XIV. 1643—1715. М. 1899. Ц. 3 р.

Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Въ трехъ отдѣлахъ. Съ 83 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1899. Ц. 1 р. 60 к.

Материалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII вѣка. Кіевъ. 1899. Ц. 5 р.

Момсенъ (по). Исторія Римской республики. Переводъ Н. Н. Шамонова. Вып. I. М. 1900. Ц. въ пер. 2 р.

Мончаловскій, О. А. Житіе и дѣятельность Ивана Наумовича. Львовъ. 1899. Ц. 50 к. Пократѣева, Елизавета. С.-Петербургское училище ордена св. Екатерины (Екатериносвѣтскій институтъ). 1798 — 1898. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Рожновъ, Н. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ. М. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

Савва, архіепископъ тверской и кашинскій. Автобиографическія записки «Хроника моей жизни». Томъ второй. (1851—1862 гг.). Свято-Троицкая Сергіева лавра. 1899. Ц. 2 р. 50 коп.

Сборникъ Московскаго Главнаго архива Министерства Иностраннхъ дѣлъ. Вып. 6-й. М. 1899. Ц. 3 р.

Шумахеръ, Ал. Историческій очеркъ жизни и царствованія Императора Александра II-го. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Эндрьюсъ, М. Историческое развитіе современной Европы отъ вѣнскаго конгресса до нашего времени. 2 тома. М. 1899. Ц. 3 р.

VII Географія.

Андреевъ, Ив. Трансвааль (Зафалье) и его сосѣди. М. 1899. Ц. 10 к.

Зупанъ, Ал., проф. Основы физической географіи. Перев. съ нѣмецк., подъ ред. проф. Д. А. Анучина. М. 1900. Ц. 6 р.

Ильинскій, Александръ. Конспектъ географіи всеобщей, русской и элементарной математической, составленный по новѣйшимъ учебнымъ географическимъ издані-

ямъ. Посobie при изученіи и повтореніи учебнаго курса географіи. Изд. IV, испр. и доп. Воронежъ. 1900. Ц. 75 к.

Подробная карта Трансваала и Оранжевой республики. Спб. 1899. Ц. 30 к.

Яриловъ, А. А. Вылое и настоящее сибирскихъ инородцевъ. Материалы для ихъ изученія. Вып. II. Мелечецкіе инородцы. Юньевъ. 1899. Ц. 2 р.

VIII. Сельское хозяйство.

Базаровъ, А., и Монтеверде, Н. Душистыя растенія и Эфирныя масла. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Гоше (по). Руководство къ плодоводству для практиковъ (плодоводство промышленное и любительское). Перев. съ нѣмецк. Вып. 6-й. Спб. 1899. Ц. по подпискѣ на все сочиненіе 9 р.

Исановъ, М. А. Объ умѣ животныхъ и обращеніи съ ними. Казань. 1899. Ц. 8 к.

— О санѣ. Изд. IV, испр. и доп. Казань. 1899. Ц. 6 к.

— О чумѣ, повальномъ воспаленіи легкихъ рогатаго скота, оспѣ, сибирской язвѣ, ящуру и бѣшенствѣ; какъ оберегать себя и скотъ отъ этихъ болѣзней, и что дѣлать до пріѣзда ветеринара. Казань. 1899. Ц. 10 к.

Кирхнеръ, В., д-ръ. Молочное хозяйство. (Научно-практическое руководство). Съ 162 рисунк. и чертежами. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1899. Ц. 3 р.

Перельсъ, Э., проф. Руководство къ выбору и употребленію сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Перев. съ нѣм. Изд. 2-е. Кіевъ. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Ризникова, А. П. Собраніе образцовъ для вязанія кружевъ. Спб. 1899. Ц. 3 р.

Соловьевъ. Пріятныя стороны пчеловодства. Вильна. 1899. Ц. 15 к.

Урусовъ С. П., князь. Русскія туземныя породы лошадей (клепперъ и жмудка). Спб. 1899. Ц. 1 р.

— Свиноводство. Практическое руководство къ разведенію свиней. Со многими рисунками. Спб. 1899. Ц. 30 к.

— Механизмъ движенія лошади. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Шаврова, Елизавета. Настольная поваренная книга для хозяекъ. Кіевъ. 1889. Ц. 3 р. 50 коп.

Эристовъ, А. М., князь. Сельско-хозяйственныя замѣтки (Посвящается кавказскимъ чаеводамъ). Спб. 1898. Ц. 15 к.

IX. Технологія.

Войнаровскій, П. Д. Общеупотребительный курсъ динамо-машинъ и электродвигателей постоянного и переменнаго тока. Вып. I. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Нове. Аппараты, относящіеся къ Бессемеровскому процессу (металлургія стали — глава XVIII). Съ французскаго перевода перевелъ П. Вавиловъ. Съ 5 таблицами и 60 рисунками въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Графинь, Г., инженеръ. Наставленіе монтерамъ электротехникамъ. Переводъ съ французскаго. М. 1900 г. Ц. 1 р. 60 к.

Ледебуръ, А. Механическая технологія металловъ. Ч. I. Отдѣлъ IV: ковка, прессова-

ніе, прокатка и водоченіе. Перев. съ нѣмецк. Съ 173 рисунками. Ц. по подл. 10 р.

Marshall, Percival. Маленькіе аккумуляторы. Какъ ихъ сдѣлать и какъ ими пользоваться. Популярное изложеніе для любителей и изучающихъ. Перев. съ англ. Со многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Мерчингъ, Г. К. Матерія по гипотезамъ гидродинамики. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Польгаузенъ, А. Паровыя машины, ихъ дѣйствіе, расчетъ, конструкція, сборка и установка. Перев. съ нѣм. Съ 169 черт. въ текстѣ и 50 отдѣльн. таблицами. Вып. II.

Спб. 1899 г. Подп. цѣна на все изд. въ 20 вып. 12 р.

Рытель, М. Приспособленія для подъема воды. Съ 114 чертежами въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Совинскій, С. О никкелѣ. Изслѣдованіе. Спб. 1899. Ц. 70 к.

— О мѣди. Изслѣдованіе. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

— О бессемеровскомъ процессѣ. Спб. 1899 г. Ц. 45 к.

Ульянинъ, Н. А., инж. Руководство по желѣзнодорожному дѣлу. Курсъ строительнаго класса желѣзнодорожной школы желѣзнодорожнаго баталіона. Съ 381 чертежами въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Федотовъ, П. П., инж.-технол. Заводское приготовленіе минеральныхъ солей. Съ 19 рис. въ текстѣ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Эдвинсонъ, Д. Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М. 1900 г. Ц. 50 к.

Х. Правовѣдѣніе.

Базаровъ, В. Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Блондель, Жоржъ. Торгово-промышленный подъемъ Германіи. Перев. съ нѣмецк. Съ приложеніемъ статьи Г. А. Чарнявскаго «Результаты промышленной переписи Германской имперіи». Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бюхеръ, Марль, проф. Экономическій строй первобытныхъ народовъ. Перев. съ нѣмецк. Одесса. 1899 г. Ц. 25 к.

Гумловичъ, А. Соціологическіе очерки. Перев. съ нѣмецк. Одесса. 1899 г. Ц. 40 к.

Гурьевъ, А. Промышленные синдикаты. Экономическое и общественное значеніе предпринимательскихъ союзовъ. Вып. II. Значеніе синдикатовъ для интересовъ производительныхъ классовъ населенія. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Демкинъ, И. Общедоступное законовѣдѣніе, относящееся до крестьянскаго быта. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло. 1837 г. Спб. 1900 г. Ц. 1 р., на веленев. бум. 3 р.

Дювернуа, Н. л. Чтенія по гражданскому праву. Томъ I. Введеніе и часть общая. (Вып. III). Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Еленевъ, Ф. Наше молодое поколѣніе. Въ разъясненіе причинъ студенческихъ волненій. 1899 года. М. 1900. Ц. 20 к.

Юлли, л., проф. Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Кирѣевъ, А. Письма о поединкахъ. Спб. Ц. 50 к.

Кнаппъ, І. Ф. Освобожденіе крестьянъ и происхожденіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ Прусской монархіи. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кочневъ, Д. А. Очерки юридическаго быта якутовъ. (Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Импер. Казанскомъ университетѣ. Томъ XV, вып. 5—6). Казань. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кривцовъ, А. С. Абстрактныя и матеріальныя обязательства въ римскомъ и въ современномъ гражданскомъ правѣ. Юрьевъ. 1899 г. Ц. 2 р.

Кривдачъ, Ф. Очеркъ промышленности и торговли Абиссиніи. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Левенстимъ, А. Профессиональное нищенство, его причины и формы. Бытовые очерки. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Ляненковъ, М. С. Сборникъ правилъ и циркуляровъ о назначеніи пособій служа-

щимъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ и ихъ семьямъ. Съ приложеніемъ «Инструкціи мѣстнымъ управленіямъ казенныхъ жел. дорогъ». Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Марисъ, Марль. Капиталь. Критика политической экономіи. Томъ I. Процессъ производства капитала. Вып. 2-й. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1899 г. Ц. за оба вып. 3 р.

Онопrienko, П. А. Изслѣдованіе по вопросу объ отвѣственности врачей. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Осадчій, т. и. Земля и земледѣльцы въ Юго-Западномъ краѣ (на Украйнѣ, Подоліи и Волыни). Опытъ статистико-экономическаго изслѣдованія. Кіевъ. 1899 г. Ц. 60 к.

Полетаевъ, н. О дареніи. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Процессъ А. Л. Тальма по дѣлу объ убійствѣ вдовы ген.-лейт. П. Г. Волдыревой и горничной ея Александры Савиновой. М. 1899. Ц. 50 к.

Райхесбергъ, н., проф. Рабочій вопросъ въ прошлое и настоящее время. Популярный очеркъ. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

Ралопортъ, С. и. Народъ-богатырь. Очерки политической и общественной жизни Англій. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рейтлингеръ, н. А. Обзоръ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи по даннымъ 1897 года. Спб. 1899 г. Ц. 4 р.

Ринкертъ (де), Раймонъ. Женщина передъ смертью. Криминологическій этюдъ. Перев. съ франц. М. 1900 г. Ц. 25 к.

Рошеръ, Вильгельмъ. Система призрѣнія бѣдныхъ и мѣрпріятія противъ бѣдности. Перев. съ нѣмецкаго. Черкасы. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Русское экономическое обозрѣніе. Ежемѣс. эконом. журн. № 10. Октябрь. 1899. Ц. 1 р. Салонниковъ, А., преп. гимн. О царской власти съ библейской точки зрѣнія. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Танаевскій, с., свѣц. С. А. Рачинскій, какъ борецъ за трезвость народную на церковно-народной почвѣ. Вятка. 1899. Ц. 15 к.

Тиграновъ, Г. Ф. Касса взаимопомощи рабочихъ частныхъ горныхъ заводовъ и промысловъ въ Царствѣ Польскомъ. Очеркъ организаціи и дѣятельности этихъ кассъ съ ихъ основанія до настоящаго времени. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Трудовая Помощь. Журналъ № 9. Ноябрь. 1899 г. Ц. 50 к.

Ферреро, Г. Милитаризмъ. Перев. съ итальянскаго. М. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фойниций, И. Я. Курсъ уголовного права. Часть особенная, посягательства личная и имуществовенныя. Изд. 3-е. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

Шиповъ, Д. М. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ. М. 1899 г. Ц. 35 к.

Янжуль, М. И. Сосѣдскія гильдіи. Новый путь къ социальной реформѣ. М. 1899 г. Ц. 20 к.

ХІ. Медицина.

Бенъ, Н., д-ръ. Вліяніе венерическихъ болѣзней и сифилиса на человеческое тѣло. Одесса. 1900. Ц. 15 к.

Буркартъ, Р., проф. Морфинизмъ и его лѣченіе. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1900. Ц. 35 коп.

Гертвигъ, Оснаръ, проф. Клетка и ткань. Основы общей анатоміи и физиологіи. Перев. съ нѣмецкаго. Томъ второй. Общая анатомія и физиологія тканей. Съ 89 рис. въ текстѣ. Спб. 1899. Ц. 3 р.

Гигіена куренія. Исторія употребленія табака, психологическія основы этой привычки, безвредность ея и важнѣйшія правила куренія. Изд. 2-е. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Gausner, E., проф. Лѣченіе сифилиса. Перев. съ французск. Харьковъ. 1900. Ц. 40 к.

Гуринъ, Евгений. Утоленіе и лѣченіе болей и мукъ, соответствено ихъ происхожденію и причинамъ. Кіевъ. 1899. Ц. 35 к.

Добъ, А., докторъ. Бракъ и безбрачіе. Перев. съ франц. М. 1900 Ц. 50 к.

Дедюлинъ, Я. А. Беременная женщина. Разборная модель въ краскахъ. Съ календаремъ беременности и правилами и совѣтами для беременныхъ. Спб. 1900. Ц. въ папкѣ 1 р.

Dufossé, P. Лекція о патогенныхъ бактеріяхъ. Пер. съ французск. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

Заблудовскій, И. В., проф. Лѣченіе массажемъ въ хирургіи, на основаніи наблюденій въ Берлинской хирургической клиникѣ. Изд. 2-е, исправл. Спб. 1899. Ц. 50 коп.

Игнатьевъ, В. Е. Гигіеническіе совѣты учащимся, М. 1900. Ц. 20 к.

Кабановъ, Н. Роль наследственности въ этиологіи болѣзней внутреннихъ органовъ. М. 1899. Ц. 2 р.

Краевскій, В. Ф., д-ръ. Развѣтвіе физической силы безъ гирь и при помощи гирь. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1900. Ц. 25 коп.

Кулябно, А. А., и Овсянниковъ, ф. В. О физиологическомъ дѣйствіи нефти и ея продуктовъ на организмъ животныхъ. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Массень, В. Н. Акушерскіе вопросы дня. По матеріалу Гаваньскаго бесплатнаго родильнаго пріюта въ С.-Петербургѣ. Съ рис. и табл. въ текстѣ. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Мерсье, Жюль, д-ръ. Везилие (совѣты страдающимъ этимъ недугомъ). Спб. 1900. Ц. 40 к.

«Неврологическій Вѣстникъ», журналъ. Томъ VII, вып. 3. Казань. 1899. Ц. 2 р.

Остриинъ, Г. Я., докт. О дезинфекціи формальдегидомъ и о примѣненіи съ этою цѣлью аппарата Л. Эренбурга. Кременчугъ. 1899. Ц. 20 к.

Петруланъ, М. X. Какъ мы живемъ и какъ должны жить. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Покровский, А. Н., д-ръ. Лѣченіе горячими глиняными ваннами. Клиническое изслѣдованіе. Спб. 1899. Ц. 25 к.

Смирновъ, А., д-ръ. Зубы учащихся и уходъ за ними. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Смирновъ, С. А. Микробы въ природѣ и медицинѣ. Практическія замѣтки. М. 1899. Ц. 50 к.

Соловцовъ, Н. Н. О врожденныхъ уродствахъ центральной нервной системы. М. 1899. Ц. 3 р.

Хавнинъ, В. М. Предохранительныя прививки (холера-чума). Перев. съ англ. Харьковъ. 1899. Ц. 20 к.

Шмуклеръ, И. К., д-ръ. Онанизмъ у дѣтей. Его причины, симптомы, послѣдствія и лѣченіе. Изд. 2-е. Кіевъ. 1897. Ц. 30 к.

Шоттъ, Т., д-ръ. Къ вопросу объ остромъ переутомленіи сердца и его лѣченіи съ приложеніемъ о наблюденіяхъ съ помощью рентгеновскихъ лучей. Перев. съ нѣмецк. Харьковъ. 1899. Ц. 1 р.

Эйдоль. Лѣченіе безъ лѣкарствъ при помощи воды, воздуха, свѣта, пищи, покоя и движенія. Общіе принципы естественнаго метода лѣченія и частныя указанія къ его примѣненію въ острыхъ и хроническихъ болѣзняхъ. Перев. съ англ. М. 1899. Ц. 1 руб.

Эйнисъ, Л., д-ръ. Спутникъ семьи. Общедоступное изложеніе новѣйшихъ способовъ предупрежденія и лѣченія сифилитической болѣзни. Харьковъ. 1900. Ц. 60 к.

ХІІ. Военное и морское дѣло.

Васильевъ, Евгений. Суворовъ. Очеркъ его военной дѣятельности (въ общедоступномъ изложеніи). Съ портретомъ, планами и картами. Вильно. 1899 г. Ц. 2 р.

Виттъ (де), Л. Конница. Вооруженіе и владѣніе оружіемъ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Въ помощь бурямъ! Причины войны и ея теченіе. Возможныя послѣдствія англо-бур-

ской войны. Историческій очеркъ. 1900 г. Ц. 15 к.

Театръ войны Англіи съ бурями (Трансвааль). 3-я карта. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

Театръ войны Англіи съ бурями (Трансвааль). 6-я и 7-я карты. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Новицій, в. ѳ. Военные очерки Индіи. Спб. 1899 г. Ц. 40.

XIII. Искусство.

Архитектурные мотивы (изданіе параллельное), Современная, классическая и русская. Тетрадь I. М. 1899. Ц. 1 р. 75 к.

Буяновичъ, Г. Н. Руководство къ практической фотографіи. Практика фотографіи. Съ 41 рисунк. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Мутеръ, Р. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Вып. 2-й. Спб. 1899. Ц. по подл. 10 руб.

Новосельскій, Василій. Задачи искусства. XXVII передвижная выставка картинъ. М. 1899. Ц. 10 к.

Сборникъ классныхъ работъ учениковъ Центрального Училища технического рисованія барона Штиглица за 1897 годъ. Спб. 1899. Ц. 1 р. 90 к.

Сусловъ, В. В. Памятники древняго русскаго зодчества. Вып. 5-й. Спб. 1899. Ц. 12 руб.

XIV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги.

Ай Ду—Ду! Русскія народныя сказки, пѣсенки, прибаутки, побасенки. Рисунки С. В. Малютина. М. 1899. Ц. 20 к.

Александровъ, Н. А. Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ занимается? 1) Вогулы. 2) Черемисы и Чуваши. (Лѣсная окраина). 3) Прибалтійскій или Остзейскій край. Эсты, Хивы и латыши. 4) Якуты. М. 1900. Ц. кажд. брош. 10 к.

Алтаевъ, А. Юноша-поэтъ (жизнь С. Я. Надсона). Спб. 1899. Ц. 50 к.

Амичисъ (дѣ), Эдмондъ. Новеллы. I. Альберто. Камилла. II. Фурио. Стойкость. Школьные товарищи. Перев. съ итальянскаго. М. 1900. Ц. кажд. части 50 к.

Анри, Винторъ. Современное состояніе экспериментальной педагогикы, ея методы и задачи. М. 1900 Ц. 50 к.

Балобановъ, Э. Разсказы старой бабушки. Спб. 1898. Ц. 25 к.

Водовозова, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Французы. Спб. 1899. Ц. 40 к.

Гранстремъ, Э. Любочины Отчеты? и Оттого. Съ 80 рисунк. Составл. по Дебо, Уле и др. Спб. 1899. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.

Демэни, Жюрьнъ. Программа высшаго курса физическаго воспитанія. Перев. съ франц. Спб. 1899. Ц. 25 к.

Додэ, А. Тартаренъ изъ Тараскони. Перев. съ франц. Спб. 1899. Ц. 25 к.

Иллюстрированная сказочная библіотечка Ф. Павленкова. Польскія сказки. Цвѣтокъ папоротника. Чудесный грошникъ. Волшебная скрипка. Съ 15 рисунками. Спб. 1899. Ц. 15 к. Японскія сказки. Добрыя сыновья. Женихи Готару-Гиліе, принцессы свѣтляковъ. Храбрый рыцарь. Съ 9 рисунками. Ц. 10 к.

— Долгъ платажомъ красенъ. Рыбажь Урашима. Лиса и барсукъ. Неприступный замокъ. Не убивай. Корабль счастья. Съ 13 рис. Ц. 15 к.

— Путешествіе двухъ лягушекъ. Два созда. Сказка изъ жизни морскаго дна. Съ 11 рис. Ц. 10 к.

— Арабскія сказки. Исторія Али-бабы и сорока разбойниковъ. Маленькій кади. Съ 7 рис. Ц. 15 к.

— Путешествія Синдбада-Мореплавателя. Съ 9 рис. Ц. 20 к.

— Калифъ на день. Съ 8 рис. Ц. 15 к.

— Алладинъ и волшебная лампа. Съ 14 рис. Ц. 20 коп.

Наперевъ, П. Ф. О природѣ дѣтей. (Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. XVII). Спб. 1899. Ц. 30 к.

Карасовичъ, С. Какъ солнце, луна и звѣзды поспорили между собою, и что изъ этого вышло. Спб. 1899. Ц. 10 к.

Луниневичъ, В. Вичи земли и чудеса природы. Съ 23 рис. Спб. 1899. Ц. 16 к.

— Землетрясенія и огнедышащія горы. Изд. 2-е. Съ 12 рис. Спб. 1899. Ц. 16 к.

— Жилища и постройки животныхъ. Съ 25 рис. Спб. 1899. Ц. 16 к.

— Семейная жизнь животныхъ. Съ 28 рис. Спб. 1899. Ц. 15 к.

— Общественная жизнь животныхъ. Съ 20 рис. Спб. 1899. Ц. 12 р.

— Обезьяны. Изд. 2-е дополн. Съ 16 рис. Спб. 1899. Ц. 15 к.

— Пчелы, осы и термиты. Съ 16 рис. Спб. 1899. Ц. 18 к.

— Вода. Съ 52 рис. Спб. 1900. Ц. 28 к.

— Подводное царство. Съ 63 рис. Спб. 1900. Ц. 20 к.

— Воздухъ. Съ 27 рис. Спб. 1899. Ц. 15 коп.

— Стенъ и пустыня. Съ 38 рис. Спб. 1900. Ц. 18 к.

— Тайга и тундра. Съ 23 рис. Спб. 1900. Ц. 14 к.

Малыревскій, А. И. Религіозное воспитаніе въ семьѣ. (Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. XVIII). Спб. 1899. Ц. 30 к.

Народныя изданія «Досугъ и Дѣло». Фультонъ и Стефенсонъ. Изобрѣтатели парохода и паровоза. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 10 коп.

Подвиги воинскихъ чиновъ въ мирное время. Изд. 2-е. Ц. 20 к., Русское царство отъ смерти Ивана Грознаго до прекращенія Рюрикова дома. Изд. 2-е. Ц. 25 к., Татарскій погромъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., Русская земля отъ Ярославля до Татарскаго погрома. Изд. 2-е. Ц. 25 к., Телло и холодь. Ц. 25 к., Воздухъ, насъ окружающій. Изд. 2-е. Ц. 20 к., Свѣтъ и что отъ него происходитъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., Луговья и песчанья степи. Ц. 25 к., Равнины и пустыни. Изд. 2-е. Ц. 15 к., Источники и рѣки. Изд. 2-е. Ц. 20 к., Вой полъ Плевной азъ Зеленыя Горы. Изд. 2-е. Ц. 20 к., Двѣ люди жаркой страны. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. На міру безъ мира (Военныя воспоминанія). I. Зелено-

древо. II. Охота на людей. III. Болгарские ратники. М. 1900. Ц. 15 к.

— Походное дѣло. Изъ военныхъ воспоминаній. М. 1900. Ц. 15 к.

— Редуть взять. М. 1900. Ц. 15 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Что было и что есть. Очерки и рассказы. М. 1900. Ц. 25 коп.

Немолодышевъ, С. А. Педагогическія воззрѣнія московскаго митрополита Платона. Харьковъ. 1899. Ц. 20 к.

Поповъ, И. Котъ въ сапогахъ. Сказка въ 5-ти картинахъ. (По сказкѣ Перро передѣлана для сцены). Спб. 1899. Ц. 20 к.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. 1. (Съ 4 портретами и 31 чертежомъ). Изд. 2-е, переработанное. М. 1899. Ц. 1 р. 20 к.

Трачевскій, Александръ, проф. Учебникъ русской исторіи. Част. I. Древняя Россія. Изд. 2-е, испр. и дополн. Съ 25 рисунками. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Чудновская, Л. Англійская грамматика, письма, прозаическія статьи и стихотворенія для русскихъ учебныхъ заведеній. Одесса. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

XV. Справочный отдѣлъ.

Алфавитные указатели драматическихъ сочиненій, на русскомъ языкѣ, дозволенныхъ къ представленію а) безусловно и б) съ исключеніями съ 1-го января 1897 года по 1-е января 1899 года, съ указаніемъ на соответствующіе годъ, №, число и мѣсяць газеты «Правительственный Вѣстникъ». Спб. 1899. Ц. 30 к.

Безишъ, И. Г. Нормальный карточный каталогъ всѣхъ русскихъ книгъ и повременныхъ изданій. Отдѣлъ I. За 1890—1899 годы. Три сотни карточекъ. Спб. 1899. Ц. Каждой сотни 1 р. 50 к.

Бетцъ, Ф. Ф. Химическій календарь и Ежегодникъ россійскихъ химической и горной промышленности. Карманная, записная и справочная книжка на 1900 г. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1900. Ц. 1 75 к.

Большая энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, переработанный и дополн. для Россіи по послѣднему изданію *Konversations-Lexikon'a* Мейера, подъ ред. С. Н. Южакова. Томъ I, вып. 1—2. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Военный календарь на 1900 годъ со свѣдѣніями, полезными для военно-служащихъ всѣхъ родовъ оружія. Киевъ. 1899. Ц. 1 р.

Ганъ, И. К. Толкователь газетъ и журналовъ съ прибавленіемъ «Словаря иностранныхъ словъ». Справочная книжка для читателей періодическихъ изданій. Вильно. 1900. Ц. 50 к.

Грассъ, В. Справочная книга для бухгалтеровъ земскихъ управъ. Черниговъ. 1899. Ц. 1 р. 40 к.

Записная книга 1900 г. Риккера. Съ приложеніемъ 6 картъ: Европейской Россіи, Европы, Азіи, Африки, Сѣверной и Южной Америки и Австраліи. Спб. 1899. Ц. 60 к., 75 к., 80 к., 1 р. 5 к., 1 р. 10 к., 1 р. 20 к., 1 р. 30 к., 1 р. 50 к., 1 р. 70 к., 2 р., 2 р. 20 к., 2 р. 40 к.

Каталогъ плановъ и чертежей бывшаго депо картъ, состоящаго при Управленіи шоссейными и водными путями сообщеній. Спб. 1899. Ц. 25 к.

Королевъ, А. Руководство къ практической бухгалтеріи (съ примѣненіемъ къ заводской и сельско-хозяйственной промышленности). Казань. 1899. Ц. 50 к.

Ландцвергъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Вып. 49-й. Зимнее движеніе 1899—1900 гг. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Мансфельдъ, Алексѣй. Курсъ коммерческой ариметики и торговыхъ операцій. Руководство для коммерческихъ учебныхъ заведеній и для лицъ, желающихъ заниматься коммерческими дѣлами. М. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

Миткевичъ, В. Ф., и Шведеръ, Г. Н. Электротехническій словарь русско-Французско-нѣмецко-англійскій. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Мусселіусъ, В. Русско-латинскій словарь. Изд. 2-е исправл. и дополн. Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

Новый всеобщій путеводитель по жел. дор. и пароходнымъ путямъ Россіи. Зимнее движеніе 1899—1900 гг. Спб. 1899. Ц. 40 к.

Очій тарифный съѣздъ «представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ». Матеріалы къ пересмотру общаго тарифа желѣзныхъ дорогъ I и II группъ. Отдѣлъ IV. Продукты земледѣлія, предметы ихъ обработки и отбросы. Часть III. Табакъ, травы, Фрукты, плоды и ягоды, хлѣбъ печеный и хмель. Составлено подъ руководствомъ I. П. Зайцева. Спб. 1899. Ц. 5 р.

Отчетъ постоянной комиссіи по дѣламъ потребительныхъ обществъ за 1897 годъ. Первый отчетный годъ. (Императорское Московское Общество Сельскаго Хозяйства). Спб. 1898. Ц. 50 к.

Полный карманный путеводитель по Россіи для желѣзнодорожн., пароходн. и почтов. прилѣжныхъ сообщеній. Зима и весна 1899—1900 г. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Ротшильдъ, М. Коммерческая энциклопедія. Настольная справочная книга по всѣмъ отраслямъ коммерческихъ знаній. Вып. VI и XVI. Спб. 1899. Подп. цѣна за 2 тома 10 р., за 4 т. 15 р.

Ручъ, С. Г. Самоучитель русскаго языка для русскихъ. Подъ редакціей Д. Н. Сеславина. Вып. 1-й, Спб. 1899. Ц. по подп. на всѣ сочин. 3 р.

Сементовскій, Николай. Киевъ, его святыни, древности, достопамятности и свѣдѣнія необходимыя для его почитателей и путешественниковъ. Изд. 7-е, испр. и дополн. Киевъ 1900. Ц. въ перепл. 2 р.

Сеславинъ, Н. Д. Самоучитель французскаго языка для взрослыхъ по методѣ Туссена и Лангеншейдта. Курсъ II. Вып. 22-й. Ц. по подп. 3 р.

— Самоучитель нѣмецкаго языка для взрослых по методу Туссона и Лангеншейдта. Вып. 14-й. Ц. по подл. 8 р.

— Самоучитель польскаго языка по методу Туссона и Лангеншейдта. Вып. 2-й. Ц. по подл. 3 р.

— Самоучитель англійскаго языка по методу Туссона и Лангеншейдта. Вып. 16-й. Ц. по подл. 3 р.

S.-Petersburger Deutscher Familien-Kalender für das Jahr 1900. Спб. 1900. Ц. 15 к.

Табель на 1900 годъ. (Годъ високосный). Спб. 1899. Ц. 10 к., на папкѣ 30 к.

Чудиновъ, А. н. Справочный словарь орфографическій, этимологическій и толковый русскаго литературнаго языка. Вып. II. Ц. по подл. за 6 выпуск. 6 р.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Подл. 54-й. (Рѣпина—Рясское и Россія). Спб. 1889. Ц. въ пер. 3 р.

*) Изданіе А. С. Суворина.

Томики „Дешевой Библиотѣки“ А. С. Суворина,

внесенные въ «Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Народн. Просвѣщенія, изд. 2-е 1896 г., и въ первое къ нему дополненіе 1897 г.».

45 и 46. Карамзинъ, Н. М. Письма русскаго путешественника. Со статьею Ѳ. И. Буслаява, съ портретомъ автора и рисунками. 2 т. Изд. 3-е. Ц. 1 р., на велен. бум. 2 руб.

15. — Великій князь Дмитрій Иоанновичъ, прозваніемъ Донской. Изд. 2-е. Цѣна 10 к., въ пап. 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

17. — Царствованіе Феодора Иоанновича.—Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Дмитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI в. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

20. — Царствованіе Бориса Феодоровича и Лжедмитрія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.

24. — Царствованіе Василія Иоанновича Шуйскаго и междоусобице. Изд. 2-е. Цѣна 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

72а. — Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к. 72б. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

77а. — То же. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

77б. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

89. — То же. Т. V. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

91. — То же. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

239. Мольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ биографіей, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящномъ переплетѣ 25 к.

— То же. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей). 100 экз. на слоновой бумагѣ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к. и 300 экз. на веленовой бумагѣ. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.

149. Корнель, П. Горацій. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ М. Чайковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ переплетѣ 27 к.

222. — Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.

28. Мохановская. Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.

318. Крыловъ. Васни. Полное собраніе. Съ биографіей и примѣч. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пер. 30 к.

7. Ксавье-де-Местръ. Параша-Сибирячка. Разсказъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

9. Кунольникъ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. I-я (Авдотья Лихончика.—Купецъ Капустинъ.—Прокуроръ). Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленев. бум. 30 к.

10. — То же. Кн. 2-я (I. Сказаніе о сняемъ изеленомъ сукнѣ.—II. Часовой). Съ портретомъ князя И. Ѳ. Долгорукова. Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

11. — То же. Кн. 3-я (Позументы.—Новый годъ). Съ гравюрой: солдаты Петровскаго времени. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., на вел. бум. 30 к.

14. — То же. Кн. 4-я (Чернышевскій миръ.—Остапъ и Ульяна.—Старый хламъ). Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленовой бумагѣ 30 коп.
18. — То же. Кн. 5-я (Запорожцы. Историческая быль времён Екатерины Великой). Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
33. — То же. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ вли всѣ заодно. — Вольный гетманъ панъ Савва. — Староста Меланья). Изданіе 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.
100. Ламартинъ, А. Иоанна д'Арвь (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
6. Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ прозѣ. Съ портр. и биограф. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.
183. Маркъ Аврелій Антоничъ. Къ самому себѣ. Размышленія. Перев. съ греческ. Пл. Краснова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.
19. Марлинскій, А. (А. А. Вестужевъ). Ама-латъ-бекъ. Кавказская быль. Съ портрет. автора. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
21. — Страшное гаданье. — Два вечера на бивуагѣ. — Вечеръ на Кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 3-е. Ц. 5 2к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
22. — Мулла-Нуръ. Быль. Изд. 3-е. Цѣна 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
23. — Разказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ. — Красное покрывало. — Ночь на кораблѣ. — Осада. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
25. — Фрегатъ Надежда. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
26. — Мореходъ Никитинъ. — Романъ и Ольга. — Замокъ Эйзенъ. — Шахъ Гуссейнъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.
32. — Натѣды. Повѣсть 1613 г. — Измѣнникъ. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
74. — Лейтенантъ Вѣлзоръ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.
75. — Латникъ. Разск. партизанскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.
4. Мерзляковъ и Цыгановъ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ЮЪ ПРАЗДНИКАМЪ

ПРИГОТОВЛЕНЪ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ

РУССКІЕ И ИНОСТРАННЫЕ

НА 1900 Г.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редація отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЦЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

